Фантастика

компи-
ляция

№ 3

ЯМИ ХИЖИЗНЬ

1985-
1994

и Детектив

«Химия и жизнь». Фантастика и детектив. 1985-1994

Борис Гедальевич Штерн, Владимир Валерьевич Покровский, Роберт Шекли, Георгий Николаев, Борис Антонович Руденко, Михаил Абрамович Кривич, Ольгерт Ольгин, Марк Твен, Кир Булычев, Фредерик Пол, Святослав Владимирович Логинов, Виталий Тимофеевич Бабенко, Борис Гедальевич Штерн, Ольгерт Ольгин, Антон Молчанов, Дмитрий Александрович Биленкин, Геннадий Мартович Прашкевич, Юрий Михайлович Брайдер, Николай Трофимович Чадович, Александр Сергеевич Спирин, Георгий Николаев, Э. Тихов, Михаил Глебович Успенский, Евгений Чемеревский, Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович

Стругацкий, Владимир Евгеньевич Орловский, Урсула Ле Гуин, Боб Шоу, Артур Кларк, Анатолий Франкович Гланц, Владислав Валентинович Петров, Роджер Желязны, Джон Варли, Ара Багдасарян, Роберт Блох, Владимир Валерьевич Покровский, Лоуренс Уотт-Эванс, Виктор Олегович Пелевин, Герман Гессе, Геннадий Моисеевич Файбусович, Уильям Фрэнсис Нолан, Джордж Мартин, Эдуард Геворкян, Ант Скаландис, Рэй Брэдбери, Аэлита Сергеевна Ассовская, Сергей Владимирович Соловьев, Борис Евгеньевич Штейман, Александр Юделевич Закгейм, Дмитрий Булавинцев, Гарольд Рольсет, Микаэл Мелконян, Боб Шоу, Василий Семёнович Гроссман, Михаил А. Черняев, Леонид Александрович Ашкинази, Станислав Лем, Александр

Владимирович Бирюк, Павел Сенников, Илья Хоменко, Сергей Николаевич Федин, Иван Филимонов, Павел Васильевич Кузьменко, Сергей Каштанов, Александр Камнев, Борис Файфель, Михаил Стародуб, Александр Дмитриев, Вадим Владимирович Кирпичев, Валентин Варламов, Евгений Александрович Прошкин, Василий Лобов, Виктор Гаврилович Кротов, Павел Фёдорович Шорников, Джозеф М. Ши, В. Тин, Аркадий Тимофеевич Аверченко, Давид Шраер-Петров, Валентин Варламов, Олег Охлобыстин, Юрий Романович Охлопков

Аннотация
«Химия и жизнь». Фантастика и детектив. 1985–1994. ___ ___ ___
1985. ___ ___ ___
№ 1. ___ ___ ___
Борис Штерн. Недостающее звено

№ 2. ___ ___ ___

Владимир Покровский. Шарлатан. ___ ___ ___

№ 3. ___ ___ ___

Роберт Шекли. Задать вопрос. ___ ___ ___

№ 4. ___ ___

Георгий Николаев. Кроссворд

№ 6. ___ ___

Борис Руденко. Подарки Семилиранды

№ 7. ___ ___ ___

Роберт Шекли. Прогулка

№ 8

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин. Очки

№ 10. ___ ___ ___

Перевод с микробского Марка Твена. Три тысячи лет среди микробов

№ 12. ___ ___ ___

Кир Булычёв. Юбилей «200»

1986. ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___

Фредерик Пол. Ловушка

№ 3

Святослав Логинов. Беспризорник

№ 4. ___ ___ ___ ___

Борис Штерн. Галатея

№ 5, 6, 7, 8. ___ ___ ___ ___

Виталий Бабенко. Встреча

Антон Молчанов. Планета № 386

№ 9. ___ ___ ___

Дмитрий Биленкин. Покушение на историю

№ 10. ___ ___ ___

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин. Семейная хроника аппаратчика Михина

№ 11. ___ ___ ___

Геннадий Прашкевич. Кот на дереве

№ 12. ___ ___ ___

Юрий Брайдер, Николай Чадович. Поселок на краю Галактики

1987. ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___

Борис Штерн. Производственный рассказ № I

№ 2. ___ ___ ___

Кир Булычёв. Хочешь улететь со мной?

№ 3. ___ ___ ___

Александр Спирин. Капитан и корабль

Станислав Лем. Повторение

№ 4. ___ ___ ___

Георгий Николаев. Встречный и поперечный

Э. Тихов. Финтифлюшки

№ 5. ___ ___ ___

Михаил Успенский. Холодец

№ 6. ___ ___ ___

Юрий Брайдер, Николай Чадович. Сигнал

тревоги
№ 7. ___ ___ ___
Евгений Чемеревский. Они придумают
№ 8, 9, 10. ___ ___ ___
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Туча
№ 11. ___ ___ ___
Владимир Орловский. Штеккерит
№ 12. ___ ___ ___
Борис Штерн. Дом
1988. ___ ___ ___
№ 1. ___ ___ ___
Урсула Ле Гуин. Те, кто покидают Омелас
№ 2. ___ ___ ___
Боб Шоу. Амфитеатр
№ 3. ___ ___ ___
Кир Булычев. Технология рассказа
№ 4, 5, 6, 7
Артур Кларк. Конец детства
I. Земля и Сверхправители. ___ ___ ___
1. ___ ___ ___
2. ___ ___ ___
3. ___ ___ ___
4. ___ ___ ___
II. Золотой век. ___ ___ ___
5. ___ ___ ___
6. ___ ___ ___

7. ___ ___ ___
8. ___ ___ ___
9. ___ ___ ___
10. ___ ___ ___
11. ___ ___ ___
12. ___ ___ ___
13. ___ ___ ___
14. ___ ___ ___
III. Последнее поколение. ___ ___ ___
15. ___ ___ ___
16. ___ ___ ___
17. ___ ___ ___
18. ___ ___ ___
19. ___ ___ ___
20. ___ ___ ___
21. ___ ___ ___
22. ___ ___ ___
23. ___ ___ ___
24. ___ ___ ___
Анатолий Гланц. Вы еще о нас пожалеете!
Владислав Петров. Муха. ___ ___ ___
№ 8. ___ ___ ___
Анатолий Гланц. Будни Модеста Павловича
№ 9. ___ ___
Станислав Лем. Профессор А. Донда
№ 10, 11, 12. ___ ___ ___

Роджер Желязны. Долина Проклятий
1989. ___ ___ ___
№ 1, 2, 3. ___ ___ ___
Кир Булычев. Перпендикулярный мир
№ 4, 5, 6
Джон Варли. Нажмите Ввод
№ 7. ___ ___ ___
Ара Багдасарян. Всякое может случиться
№ 8. ___ ___
Роберт Блох. Глас вопиющего
№ 9, 10, 11, 12. ___ ___ ___
Владимир Покровский. Танцы мужчин
Станислав Лем. Системы оружия двадцать первого века, или Эволюция вверх ногами
I
II
III
IV
1990. ___ ___ ___
№ 1. ___ ___ ___ ___
Лоренс Уотт-Эванс. Карен в бесконечности
Герман Гессе. Две сказки
Некто по фамилии Циглер
Город. ___ ___ ___ ___
№ 3. ___ ___ ___ ___
Виктор Пелевин. Затворник и шестипалый

№ 4, 5, 6, 7, 8. ___ ___ ___ ___
Борис Штерн. Записки динозавра
Часть первая ___ ___ ____ ____ ___ ____ ___ ___ ____ ____ ____ ___. ___ ___ ___ ___
Часть вторая ___ ___ ___ _____ ____ ___ ____ ___ ___ ____ ____ ___. ___ ___ ___ ___
Борис Хазанов. Ход короля. ___ ___ ___
Мне посчастливилось
Ход короля
I
II. ___ ___
III. ___ ___
IV. ___ ___
V. ___ ___ ___
VI. ___ ___ ___
VII. ___ ___ ___
VIII. ___ ___ ___
IX. ___ ___ ___
X. ___ ___ ___
XI
XII. ___ ___ ___
XIII. ___ ___ ___
XIV. ___ ___ ___
XV. ___ ___ ___
XVI. ___ ___ ___
XVII. ___ ___ ___

XVIII. ___ ___ ___
№ 9. ___ ___ ___
Уильям Ф. Ноулан. Совпадение
№ 11
Джордж Р. Р. Мартин. Мистфаль приходит утром
№ 12. ___ ___ ___
Эдуард Геворкян. До зимы еще полгода 1991. ___ ___ ___ ___
№ 2. ___ ___ ___ ___
Ант Скаландис. Добежать до булочной
№ 3. ___ ___ ___ ___
Рэй Брэдбери. Сойди ко мне в подвал
№ 4, 5, 6. ___ ___ ___ ___
Аэлита Ассовская, Сергей Соловьев. Горькая ягода
198… Октябрь. Суббота___ ___ ___ _____ ___ ___ _ ___ ___
197… Июль. Пятница ___ ___ _____ ___ ___ ___ _ ___ ___
197… Июль. Суббота___ ___ _____ ___ ___ ___ _ ___ ___
197… Июль. Воскресенье___ ___ _____ ___ ___ ___ _ ___ ___
197… Июль. Понедельник ___ _____ ___ ___ ___ ___ _ ___ ___

198... Апрель. Среда. _ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ _ ___ ___

198... Октябрь. Суббота ___ _____ _ _ ___ ___ ___ _ ___ ___

Борис Штейман. Больше всех надо

Ара Багдасарян. Экспериментатор

Павел Кузьменко. Флуктуация. ___ ___

№ 7. ___ ___

Виктор Пелевин. Жизнь и приключения сарая Номер XII

№ 8. ___ ___

А. Закгейм. Афраллер

№ 9. ___ ___ ___ ___

Кир Булычев. Утешение

№ 10. ___ ___ ___

Дмитрий Булавинцев. Агония

№ 11. ___ ___ ___

Гарольд Ролзит. Колодец

№ 12. ___ ___ ___

Микаэл Мелконян. Издержки успеха

1992. ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___

Василий Гроссман. Пурпур

Боб Шоу. Зовите меня Дуреха

№ 2, 3. ___ ___ ___

Борис Штейман. Игра в открытую

Леонид Ашкинази. Темы для светских бесед

Золотой шнурок

Выбор

Бытовое название — Анафобин

Банальная история

Тема для светских бесед

№ 5. ___ ___ ___

Станислав Лем. Из книги Станислава Лема «Мнимая величина»

№ 6. ___ ___ ___

Александр Бирюк. Клад

№ 7. ___ ___ ___

Павел Сенников. Гори, гори ясно…

7… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____ _

6… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____

5… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____

4… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____

3… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____

2… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___ ___ _ ___ ____

1… ___ ___ ____ ___ _ ___ ___ ___ ___ ___ ____ ___

0…
№ 8.
Илья Хоменко. Планета пребывания
№ 9.
Сергей Федин. Рулетка Господа Бога
Иван Филимонов. То и будет
№ 10
Павел Кузьменко. Хромая судьба человека
№ 11.
Сергей Каштанов. Материальный стимул
1993.
№ 1.
Павел Сенников. Я иду по Арсенал-роуд
№ 2.
Александр Камнев, Борис Файфель. Двойная метка
№ 3.
Михаил Стародуб. Реликтовый продукт
№ 4.
Александр Дмитриев. Кнопка
№ 5.
Вадим Кирпичев. Одна инструкция и пять лопат
№ 6.

Валентин Варламов. Чай с мелиссой

№ 7. ___ ___ ___

Евгений Прошкин. На круги своя

№ 8. ___ ___ ___

Василий Лобов. Влюбленные

№ 9. ___ ___ ___

Виктор Кротов. Сны про...

№ 10. ___ ___ ___

Павел Шорников. Миллиардолетие

№ 11. ___ ___ ___

Джозеф М. Ши. Страна по ту сторону фань шу

№ 12. ___ ___ ___

В. Тин. Автомобильный гороскоп

Аркадий Аверченко. Свой крест

1994. ___ ___ ___

№ 1, 2, 3. ___ ___ ___

Давид Шраер-Петров. Иона-странник

№ 6. ___ ___ ___

Юрий Черняков. Талант

№ 7. ___ ___ ___

Валентин Варламов. Фетюков и экология.

___ ___

№ 8. ___ ___ ___

Олег Охлобыстин. ФГС

№ 9. ___ ___

Э. Вейцман. В пивной

№ 10. ___ ___

Юрии Охлопков. Два рассказа

Возвращение злодея

Сквозь паутину прицела

Аннотация

Подборка беллетристики, напечатанной в журнале «Химия и жизнь».

Журнальные комментарии предваряющие, либо резюмирующие произведения, приведены полностью.

Третья книга серии.

Fb2•

«Химия и жизнь». Фантастика и детектив 1985–1994

1985

№ 1

Борис Штерн

Недостающее звено

ORION
TAURUS
GEMINI
CANIS MINOR
MONOCEROS
CANCER
LYNX
PERSEUS
ARIES
CETUS
ERIDANUS
LEPUS
COLUMBA
PUPPIS
VELA
CARINA
PICTOR
DORADO
CAELUM
FORNAX
HYDRUS
CHAMAELEON
MENSA
OCTANS
APUS
PAVO
TUCANA
GRUS
PISCIS AUSTRINUS
SCULPTOR
HYDRA
SEXTANS
ANTLIA
PYXIS
VOLANS
CAMELOPARDALIS
MUSCA
CRUX
CENTAURUS
LUPUS
CIRCINUS
NORMA
TRIANGULUM
ANDROMEDA
40° HORIZON

Писатель-фантаст Тихов разглядывал окаменевшую марсианскую челюсть и чувствовал себя, как герой собственного рассказа, брошенный автором на произвол судьбы. Жизнь иногда подсовывает такие сюжеты, что никакому фантасту не снились. Он не знал, что с этой челюстью делать — вернуть ее в музей или… Что «или»?

Тихову не нравилось это странное слово с двумя «и» по краям и «л» в середине. В этом слове не было позвоночника, оно походило на маленькую амебу.

Он пытался советоваться с коллегами, но те разглядывали пространство за его спиной и отмечали, что идея фантастического рассказа неплоха, но где ударная концовка? А без ударной концовки никак нельзя. Очередной сюжет о жизни на Марсе? Жизни на Марсе нет, не было и не будет.

Тихов уже начал нервно оглядываться. Его раздражал лаже собственный Диктофон, который ходил по пятам и записывал мысли, произнесенные вслух, — обычный облегчитель писательского труда, умеющий подметать и жарить яичницу.

«Челюсть не может принадлежать музею, — записал Диктофон. — Челюсть это больше, чем личная собственность. Это часть тела, как руки

или ноги».

Тихов не мог жить дальше с такими сомнениями. Он завернул челюсть в носовой платок и отправился на прием к Адмиралу.

Это академическое светило было похоже на пирата — отбушевавший белый карлик без левого глаза, с парализованной левой рукой и протезом вместо левой ноги. Полный рот золотых зубов. Фамилия у него отмерла за ненадобностью, и все называли его Адмиралом. Говорили, что ранения он получил еще в юности в Африке на раскопках какого-то недостающего эволюционного звена, подравшись с диким львом из-за древних костей. Полузадушен-ного льва долго держали в реанимации, а потом по инвалидности боялись отпустить на волю.

— Пришли сдаваться? — сурово спросил Адмирал. — Челюсть на стол!

Тихов выложил на стол челюсть и заключение медэкспертиэы. «…Что указывает на то, что обе нижние челюсти идентичны, что подтверждается тем, что…» — прочитал Адмирал, открыл банку с пивом и уставился на Тихова правым глазом. Этот глаз и не таких видывал.

— С какой стати ваша собственная челюсть будет валяться на Марсе? — сказал Адмирал,

ничему не удивляясь.

— Мне кажется, что я когда-то погиб на Марсе, — пробормотал Тихов и оглянулся.

— Как это понимать? Какая из челюстей ваша — та, что во рту, или…

Тихову не нравилось слово «или». Неужто он в самом деле надеялся, что Адмирал выделит ему Спец-Лопату и отправит на Марс искать самого себя?

Адмирал погасил свое изумление глотком пива и, хотя много говорить не любил, произнес длинную речь:

— Палеонтология есть наука, — сказал он и указал пальцем в потолок. — Она имеет дело с костями древних людей и животных. Кости современного Шарика палеонтологию не интересуют. Или интересуют в порядке сравнения с древним Бобиком. Далее. На Земле жил питекантроп, он был съеден сородичами, а его обглоданные кости через двести тысяч лет нашли, откопали и склеили, назвали все это «питекантропом» и выставили в музее. Но не наоборот! Чувствуете? Точная датировка и последовательность событий.

— Но мою челюсть нашли под вулканом Никс Олимпик… — пробормотал Тихов.

— Давайте договоримся: быстрее света двигаться нельзя, летающих тарелок нет, мысли на расстоянии передаются посредством телефона, а время движется в одном направлении. Челюсти не могут раздваиваться. Вас разыграли. Какой шарлатан выдал вам эту бумажку?

Тихов ничего не ответил, потому что наконец понял, что его сравнили с каким-то Шариком. Он сунул челюсть в карман и прикрыл дверь.

— Но как сюжет для рассказа… — вдогонку прокричал Адмирал.

В коридорах Литературного Клуба уже летали слухи. Это слово Тихов относил к насекомым типа гнуса — оно умело кусать, летать, ползать и быть неуловимым. Коллеги-писатели куда-то попрятались. Тихов понял, что перестанет себя уважать, если не доведет этот сюжет до конца. К черту ударную концовку, пусть будет безударная, лишь бы была. Он найдет ее, жизнь на Марсе.

У подножья вулкана Никс Олимпик стоял столб с надписью: «На этом месте члены 13-й экспедиции нашли человеческую челюсть». Тихов оцепил канатом участок и надул двухкомнатную палатку. Диктофон, сидя на камне, с интересом наблюдал за ним. «Заткнись», — подумал Тихов, хотя Диктофон не произнес ни слова. Неработаю-

щий робот всегда раздражает.

Тихов развесил на канате красные флажки и таблички с надписью «Идут раскопки». Знаменитый вулкан посмотрел сверху на его старания и закашлялся дымом. «Заткнись», — мрачно подумал Тихов, и вулкан удивленно заткнулся.

Тихов забрался в палатку и погасил свет. За окном начался кровавый марсианский закат. От земных закатов он отличался особой мрачностью — красные и черные небеса чередовались и напоминали траурную повязку; а звезды, в отличие от земных, светили не дыша и не мигая, как в почетном карауле. Гигантская вулканическая гора закрывала здесь полнеба, ее заснеженная вершина выглядывала чуть ли не в космос.

Как тут заснешь?

Из-за вулкана бесшумно взошел Фобос, за ним Деймос — с таким таинственным видом, будто кого-то зарезали. «Вы тоже заткнитесь», — подумал Тихов, заворачиваясь в одеяло.

Все на Марсе обиженно заткнулись. Грубиянов нигде не любят, даже на Марсе. «Фантасты пишут для молодежи, — думал Тихов, засыпая, — а когда собственная молодость проходит? Неплохо бы найти самого себя».

Всю ночь ему снились Фобос и Деймос, и он

вздрагивал от страха и ужаса.

Утром он запустил звездолетный двигатель и расчистил участок от пыли. Мелкие камни, попавшие в ловушку, тщательно осмотрел. Над Никс Олимпиком собирались мелкие розовенькие облачка — как видно, у них здесь было место встречи. На Марсе так мало облаков!

Тихов хмуро глянул на эту идиллию и вонзил лопату в грунт.

Лопата тут же сломалась.

Тогда Тихов принес лом, кирку и запасную лопату и принялся рубить, дробить и копать. Мелкий грунт и ржавчину просеивал, а пустую породу загружал в тачку с одним колесом и вываливал за пределы участка. Он пытался ничего не пропустить. «Себя редко находят сразу, себя собирают и склеивают по мелким фрагментам, и на это почтенное занятие иногда уходит вся жизнь», — думал Тихов, хотя ломовая работа не располагала к раздумьям.

В полдень он вынул из сита какой-то камешек, внимательно осмотрел, улыбнулся и завернул в носовой платок.

К вечеру на ладонях жгучие пузыри.

Ночью над вулканом, заглядывая в его жерло, зависла голубая Земля.

Во сне опять Страх и Ужас.

Через месяц Тихов стал походить на собственный скелет. Каждый вечер он приносил в палатку несколько костей. Груда на столе росла, она напоминала остатки каннибальего пиршества. Тихов продолжал рыть землю, хотя прекрасно понимал, что это была не земля, а марсианский груцт. Ему нравилось рыть землю. Это слово здесь было к месту. «Приземляться на Марс» — правильное выражение, — думал он, ворочая громадный оплавленный камень. — На Марс приземляются, к Луне пришвартовываются. В Юпитер погружаются, а на Меркурий осторожно садятся, как на раскаленную плиту. У каждой планеты своя посадка».

Еще через месяц Тихов услышал выстрел раскрывшегося парашюта. Кого-то сюда несло. Это был черный фургон с пиратской палеонтологической эмблемой на борту — черепом и двумя костями. Не снижая скорости, фургон с грохотом зашел на посадку и чуть не врезался в вулкан.

В недрах Никс Олимпика что-то громко булькнуло.

Фургон еще дымился после лихой посадки, а из него уже выбирался сам Адмирал в скафандре на подтяжках и с банкой пива в парализованной

руке. Пиратский череп на его рукаве выглядел особенно зловеще. Главный охотник за черепами был не в настроении. Диктофон подбежал и подобострастно отдал честь.

— Все переговоры шеф возложил на меня, вот доверенность, — сказал Диктофон. Адмирал с удивлением прочитал эту филькину грамоту, скомкал ее и тихо спросил:

— Кто дал вам право копаться на Марсе?

— На Марсе никто не копается, — отвечал Диктофон. — Мы копаемся в Марсе. «В» и «на» — разные вещи. Маленькая буква, а меняет все дело. Любой юрист это подтвердит. Мой шеф зол на всю Вселенную. Он поклялся: пока не закончит работу, не произнесет ни единого слова. Все находки он фотографирует, измеряет и описывает.

Адмирал допил пиво и швырнул банку в Диктофона. Тот увернулся, и банка, гремя, покатилась по Марсу.

— Какие еще находки? — мрачно спросил Адмирал.

— Можете взглянуть, но руками не трогать, — ответил Диктофон.

В палатке на столе лежала грязная груда человеческих костей. Они еще не были склеены, но скелет вполне обозначился. Адмирал стрельнул

подтяжками в свой живот и потер ушибленное место.

— Это что? — спросил он и ткнул тростью в какую-то треснувшую пластинку.

— Великолепный обломок человеческого черепа, — объяснил Диктофон. — Лобная кость. Взгляните, какие прекрасные отпечатки мозговых извилин. Какой узор! А вот изумительная берцовая кость. А это…

— Теперь я знаю, почему на Марсе нет жизни, — задумчиво сказал Адмирал. — На Марсе жизни нет от проходимцев!

Он так хлопнул дверью, что по Марсу пробежал небольшой пылевой вихрь, и похромал к участку, разъяренно колотя себя тростью по голенищам, как лев хвостом перед нападением. Если Тихову суждено когда-то погибнуть здесь, то от руки Адмирала.

Тихов продолжал дробить ломом вечную мерзлоту. Тень Адмирала упала на дно ямы. Тихов задрал голову, посмотрел Адмиралу в глаз и швырнул ему на сапоги лопату грунта. Адмирал отряхнулся, сел на краю и принялся наблюдать за работой Тихова. Он уважал тех, кто умеет рыть землю. Палеонтология есть наука, говорил Адмирал, в которой главный научный метод в том-то

и состоит — бери больше, кидай дальше.

— Я готов верить в сумасшедшие идеи, — сказал Адмирал в яму. — Я эти идеи сам сочиняю. Идеи могут быть сумасшедшими. Но не люди! Нормальные писатели описывают новостройки на Луне, добычу нефти на Уране, разведку Плутона, дрейфующие экспедиции к Солнцу. А вы чем занимаетесь?

— Побережись! — крикнул Тихов и вывалил на Адмирала очередную порцию грунта.

— Не грубите, — продолжал Адмирал, отряхиваясь. — Сумасшедшие идеи ученых отличаются от писательской фантазии. Они происходят от точного знания, а дилетанты любят всякие недостающие звенья. В палеонтологии им рай.

В ответ из ямы вылетела грязная банка из-под пива.

— Это что? — спросил Адмирал.

— Пластмассовая банка из-под пива, — с готовностью объяснил Диктофон. — Найдена под камнем возрастом четыре миллиарда лет. На ней сохранилась надпись: «иво Жигуле».

— Вы хотя бы знаете, что происходило четыре миллиарда лет назад? — опять начал звереть Адмирал. — Детство Солнечной системы! Пространство еще забито первичной материей.

Система уже дышит, самообучается, отдельные ее части нащупывают свои орбиты и функции, ну и, конечно, Московский пивзавод не в стороне от проблем мироздания — как же без пива?! А где дата выпуска? Стерлась. Вот ваши методы!

Тихов раскорячился на дне и расчищал очередную находку: золотой зуб. «С Марсом пора кончать, — тоскливо думал Тихов. — Это гиблое место. Хватит марсианских хроник, сколько можно!»

Он выбрался из ямы, отбросил лом и огляделся по сторонам, запоминая пейзаж.

«А где же я теперь, — растерянно думал он. — Я нашел не того, кого искал…»

Кто не был на Марсе — все сюда! Разгар лета, полдень, минус двадцать по Цельсию. Близится Великое противостояние Марса с Землей, они идут на сближение. Марс краснеет, как индюк. Земля невинно голубеет и видна даже днем. Марсианский грунт, окисляясь, цветет ржавчиной, из замерзших пылевых сугробов торчат камни и обнажаются застывшие потоки лавы. Рай для геолога, зато скука для писателя-фантаста: о Марсе столько написано, что он уже не вдохновляет. Из-за обилия в грунте скисающего железа марси-

анская блеклокрасная гамма кажется экзотичной только поначалу, но вскоре взору становится невыносимо скучно, как в глубине Сахары. Здесь не завихряются облака, как на Юпитере, Фобос и Деймос чересчур малы, чтобы соперничать с блеском Луны, и уж никакого сравнения с окрестностями Сатурна, где глаз нельзя оторвать от разноцветной карусели колец и спутников. Безжизненный Марс смертельно скучен, как скучны незаселенные людьми равнины фантастических произведений Тихова. Как оживить эту равнину? — он не знает. Нету жизни на Марсе, ни малейшего движения нет, разве что по утрам низко-низко клубится пыль, возмущенная приливом Земли, да Диктофон бродит у фургона и к чему-то принюхивается.

Тихов развернул платок и показал Адмиралу фрагмент нижней человеческой челюсти с золотым зубом.

— Еще одна челюсть? — спросил Адмирал. — Фантастика! Сколько нижних челюстей может быть у одного человека?

— Вот что, Адмирал, — ответил Тихов. — Занимайтесь своей наукой и не лезьте в литературу. Литература нужна для того, чтобы каждый мог найти самого себя, вот и все. Это не моя челюсть.

И кости в палатке тоже не мои. Я тут кого-то нашел, но не себя.

— Чьи же это кости? — ледяным тоном сказал Адмирал, потому что уже понял чьи.

— Эта челюсть лежала рядом с банкой из-под пива. Если вы откроете рот и покажете золотые зубы, то я скажу точно.

Адмирал был большим светилом в палеонтологии, но иногда у него случались затмения — ум заходил за разум, протуберанцы можно было наблюдать через закопченное стекло, но близко не подходить. Диктофон удрал от греха подальше. Адмирал зарычал. Вулкан вздрогнул, лавина углекислого газа с грохотом понеслась вниз и затихла по ту сторону залива. Как он сразу не узнал свою лобную кость и этот прекрасный узор собственных мозговых извилин? Он столько черепов повидал на своем веку, что в этом черепе не имел права ошибиться — все в нем было родное, недаром его тянуло на Марс! Да, он когда-то погиб здесь с банкой пива в руке; его зашибло вулканической бомбой, а он не делал даже попытки к бегству — с пивом не бегут! Он спокойно стоял, спокойно ждал и спокойно пил пиво. Тут она его и настигла. Кто? Смерть.

Одинокая слеза побежала из мертвого адми-

ральского глаза. Затмение закончилось, ум и разум благополучно разошлись по своим орбитам. Найти самого себя не шутка, а впрочем, обычное дело. Нашел себя, и ладно. Кости современных академиков палеонтологию не интересуют.

— Я оставлю вас наедине, — сказал Тихов и протянул Адмиралу носовой платок.

— На кой черт, — буркнул Адмирал и с благодарностью утерся.

Тихову стало ясно, что Адмирал не собирается паковать и тащить на Землю свой скелет, чтобы поставить его в гостиной и предъявлять гостям.

— Открывайте фургон, — нехотя сказал Адмирал. — Я привез вам Спец-Лопату.

Диктофон сорвал пломбу и с нетерпением заглянул в фургон. Он давно мечтал познакомиться с этой недотрогой. У него дух захватило: там находилась самая очаровательная из всех лопат, какие он когда-либо видел, — чудное создание с разнокалиберными ковшами, тесаками, манипуляторами и с густым ситом для просеивания породы, которое, как вуаль, прикрывало компьютер незнакомки.

Вулкан величественно поддал дыму.

— Сударыня, прошу! — засуетился Диктофон. — Ваш манипулятор! Осторожно, здесь ступенька!

— Вы очень любезны, — отвечала Лопата, грациозно съезжая на Марс.

— Это Марс! — орал Диктофон. — А вы и есть та самая знаменитая Спец-Лопата, которая откопала Атлантиду в Антарктиде? Меня зовут Диктофон. Мой шеф ищет здесь самого себя.

— Ох уж эти мне искатели, — вздохнула Лопата. — Перерыли всю Землю, теперь взялись за Марс. Дай им волю, они раскопают всю Солнечную систему и вернут ее в первозданное пылеоблачное состояние. Тут вскоре соберется целая толпа и сравняет Никс Олимпик с землей. Лопат не хватит, они начнут рыть землю руками, зубами. Тут будет кемпинг, там звездолетная стоянка, а вон там — танцплощадка. Вы умеете танцевать?

Диктофон совсем разомлел и чуть не попал под колеса. Он собирался пригласить Лопату в укромный кратер и переговорить с глазу на глаз, но она уже начала вдохновенно рыть. Действуя ковшами, она на полной скорости снимала пласты марсианского грунта, дробила камни, просеивала и выплевывала пустую породу за красные флажки. Она умела отличать органические остатки от неорганики, а попросту, не путала кости с грунтом: ее можно было запрограммировать на

добывание чего угодно — нажал нужную кнопку, и поехали добывать золото в Якутии или битые амфоры со дна Индийского океана. Ночью она могда даже включать прожекторы! Удобная вещь — ее создатели получили гран-при и золотые медали, а фантаст, предсказавший ее, — кукиш.

Диктофон пристроился рядом с ней. Лопата благосклонно подкидывала ему немного грунта, и он, довольный, катил свою тачку за пределы участка.

— Пусть роют, может найдут мою левую ногу, — сказал Адмирал, взял Тихова под руку и стал прогуливать его по Марсу. — Мы ищем всякие недостающие эволюционные звенья, но никак не можем добраться до самого первого звена — как возникла жизнь, как произошел переход от неживого к живому. Марс как будто создан для жизни. Что ни пейзаж, то великий шедевр жизнеподобия. Поглядите на эту рощу пушистых канадских елей красного цвета. Я всегда смотрю на них с изумлением, хотя прекрасно понимаю, что это обыкновенные камни, причудливо обработанные ветром и газированной водой…

— Почему газированной? — спросил Тихов.

— А как прикажете называть эту замерзшую воду с углекислым газом? Поиски самого себя —

преглупое занятие. Я никогда себя не терял. А вот меня вечно кто-нибудь искал, нашли меня даже на Марсе, да еще в разобранном виде. Мои старые кости на столе наводят меня на размышления. Когда взрывается такой вулкан, со временем должно что-то случаться. Дернешь за пространство, время раскроется. Меня другое интересует — что я здесь искал? Не мальчишка же я, в самом деле, чтобы на старости лет забросить все дела и примчаться на Марс… У меня сейчас раскопки на Яве… а я тут…

— Вы искали на Марсе жизнь, — сказал Тихов и прикурил. — Недостающее звено между живым и не-живым. На меньшее вы не согласились бы. Диспозиция, в общем, такая. Ваш скелет есть, а моего нет, от меня осталась только нижняя челюсть. Значит, вы стояли под вулканом с банкой пива и наблюдали, как я лезу наверх. Вы погибли тут, а я там… Тихов указал сигаретой на вершину вулкана. — Мы должны повторить этот эксперимент. Я не считаю себя умнее или глупее самого себя, каким я был в те времена. Если я полез на Никс Олимпик тогда, значит, полезу и сейчас.

Тихов отшвырнул окурок. Засорение Марса шло полным ходом — окурки, банки и бумажные обрывки разгуливали во всех направлениях.

Тихов машинально отметил, что фантастического рассказа о засорении Марса еще вроде бы не было.

— Когда вы пришли ко мне на прием, вы уже знали, что придется лезть на вулкан? — спросил Адмирал.

— Догадывался.

— Почему же вы мне не сказали?

— Потому что вы сравнили меня с каким-то Шариком.

— Так. Объясните, зачем мы здесь погибли, и тогда я стану под вулканом с банкой нива.

— Перед нами самая большая гора Солнечной системы, — ответил Тихов. — Взгляните, какая пушка! Двадцать два километра в высоту. Представляете, что произойдет, если Никс Олимпик стрельнет? Последнее время он ведет себя неспокойно… слышите? Гудит! Мою идею нелегко сформулировать. В нашей жизни Марс занимает особое место. С другими планетами меньше шума. Все давно на него уставились — почему? Всем что-то чудится. Без жизни нельзя. Так не бывает, чтобы без жизни. И если на Марсе жизни нет, значит, это что-то значит.

— Что же это за штука — жизнь? — спросил Адмирал. — Что такое смерть всем известно.

Выкладывайте ваше недостающее звено.

— А как, по-вашему, — откуда взялись эти странные гены, будто варившиеся в одном котле? Жизнь на Земле не может быть уникальным явлением. Если принять, что жизнь это обычное состояние Вселенной, то в каком-то смысле Вселенная сама является живым существом. А уж Солнечная система — подавно. Мы можем рассматривать ее как единый организм и пытаться понять функции отдельных ее частей. Так наука рассматривает лес, океан, пустыню.

— Я, кажется, начинаю понимать… — пробормотал Адмирал. Разгадка бессмертия, и не меньше! Стал бы я на старости лет гоняться за каким-то скелетом. Эй! — заорал он, высунувшись из палатки. — Зарывай обратно! Кому сказал? Раскопки прекращаются. Чтобы все было как прежде!

Под Никсом Олимпиком уже появился глубокий котлован. Вулкану это здорово не нравилось, он гудел и подрагивал. Лопата удивленно пожала рычагами и принялась засыпать котлован. Диктофону было все равно — что рыть, что зарывать.

Тихов продолжал:

— Любые сравнения с живым организмом бу-

дут натянуты. Не в сравнениях дело, а в том, что каждый элемент Солнечной системы зачем-то необходим. Солнце — это, конечно, сердце Системы. Оно пульсирует и задает ритм. Не надо увлекаться, но Юпитер можно сравнить с желудком, Сатурн с печенью, а Нептун — с желчным пузырем. Можно проводить аналогии с нервной системой, с жабрами и кровообращением, но меня интересует планетная связка, отвечающая за возникновение жизни.

— Земля и Марс? — понимающе спросил Адмирал.

— Именно. Моя вулканическая гипотеза состоит в том, что жизнь зарождается внутри Марса — «в» и «на» разные вещи. В Марсе, как в котле, варится дезоксирибонуклеиновая кислота. Во время Величайших противостояний с Землей после чудовищных извержений и сдвигов во времени самые жизнестойкие гены — эти хитрые спиральки, которые природа создаст еще не скоро, — они попадают в раннюю Вселенную, на первобытную Землю. Жизнь занесена в прошлое из будущего! Она продолжает возникать беспрерывно, а моя идея прямо указывает на природный очаг возникновения жизни… — Тихов опять указал очередной сигаретой на вершину вулкана.

После этих слов Марс зашевелился и заходил ходуном. Адмирал одурело смотрел не на вершину вулкана, а на кончик сигареты писатели-фантаста.

— Не смущайтесь, — сказал Тихов. — Все части тела имеют равное право на существование.

Адмирал оглянулся. В палатку заглядывали Диктофон и Спец-Лонага; они подслушивали.

Котлован уже был засыпан.

— Пошли вон! — загремел Адмирал.

Никс Олимпик громко вздохнул и выпустил тучу пепла. Началось землетрясение — Тихов знал, что «землетрясение» — правильное слово. Толчки следовали один за другим, палатка наклонилась. Тихов принялся натягивать штурмовой альпинистский скафандр. Кости на столе дребезжали.

— Смотрите, мои старые кости чувствуют землетрясение, — сказал Адмирал.

Марсианская тишина сменилась мощным подземным гулом.

— Я, кажется, понял, — сказал Адмирал. Жизнь — это как круговорот воды в природе. Если мы уже один раз были вовлечены в этот круговорот и присутствовали при зарождении жизни, то все надо повторить. Я должен стоять с банкой пива в руке, а вы должны карабкаться на этот… Тут

недалеко, двадцать два километра.

Они успели выскочить из палатки, и пылевой шквал забросил ее на канадские ели, под которыми прятались Диктофон и Спец-Лопата. Марс, казалось, раскачивался на орбите. «Новый тип двигателя, — сгоряча подумал Тихов. — если такой вулканище шарахнет в полную мощь, то планета может слететь с орбиты».

Тихов бежал к подножью вулкана.

Никаких на Марсе «яблоням цвести»!

Марс предназначен совсем для другого!

Тихов задрал голову. Озверевший вулкан, дрожа и напрягаясь, швырял в космос камни и клубы пепла: из него, как из сифона, рвалась газированная вода.

— На абордаж! — заорал Адмирал и открыл банку с пивом.

Слово «абордаж» Тихов относил к самым лихим хищникам семейства кошачьих. Он поднялся метров на двадцать, оглянулся и крикнул:

— Прощайте, Адмирал!

Все. Теперь вверх.

«Надо лезть, чтобы повторить все условия, существовавшие при зарождении жизни на Земле, иначе, черт его знает, у Марса с Землей без нас может что-то не получиться, жизнь это ведь

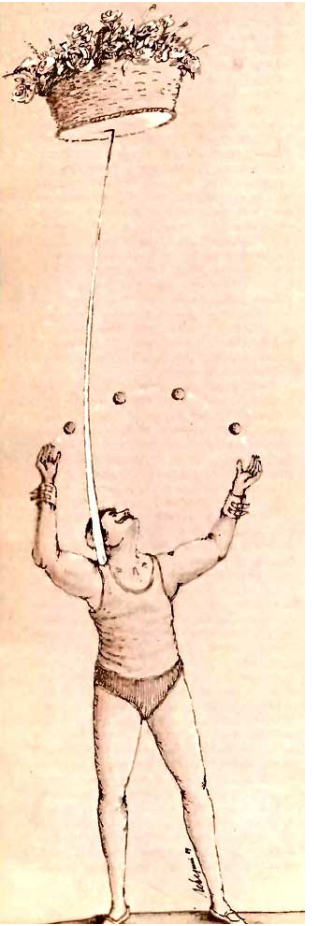
такая штука, что никогда точно не знаешь, есть она или ее нет» — так думал Тихов, когда вулкан шарахнул в полную мощь и с треском проломив пространство, зашвырнул его на Землю за четыре миллиарда лет назад, где последним ощущением Тихона было то, что он, наконец-то, нашел самого себя, когда его собственная дезоксирибонуклеиновая кислота выпадала в первобытные океаны молодой Земли.

В это же время Адмирала, допивавшего пиво посреди этого катаклизма, посетила последняя в его жизни сумасшедшая идея о том, что писатели-фантасты в самом деле для чего-то нужны.

№ 2

Владимир Покровский

Шарлатан



Собрание было подготовлено со всей тщательностью и никаких неожиданностей не предвещало. Председатель лично переговорил с каждым членом общества, а незаинтересованных приглашал на дому. Переговоры не велись только с Пышкиным.

Пришли все десятка два феноменов плюс восемь незаинтересованных товарищей, скромно занявших места позади.

— Мы ему верили, — говорил председатель. — Он пришел к нам, он был ничем, его все считали за сумасшедшего, но мы его взяли и сказали ему: «Давай, Пышкин, совершенствуй свои способности, а мы чем можем поможем». Хотя отбор у нас строгий, телепатов только самых сильных берем, да что телепатов, телекинетиков и то не каждого принимаем. Я уж не говорю о ясновидцах, этих мы проверяем по сто раз. Иначе нельзя, против нас академическая наука, им только дай поймать нас на нечистом опыте — съедят! И тем самым отсрочат прогресс человечества еще на сотню лет.

Председатель был не столько толстым, сколько квадратным, говорил густо и с нажимом. Он умел возбуждать в людях некое сильное чувство, даже не поймешь, какое именно — уважение, страх или энтузиазм. Его любили и сплетничали о нем с

симпатией. Арнольд же Пышкин, сидящий особо, сбоку от председательского стола, был щуплый человечек с виноватым и в то же время вызывающим, даже каким-то склочным выражением лица. Он беспокойно ерзал на стуле, оглядывался, порывался что-то сказать, но молчал.

Председатель продолжал:

— Не успел он у нас прижиться, атмосферу прочувствовать, как начал устраивать склоки. Я не буду говорить о помоях, которыми он всех нас, здесь сидящих, систематически поливал. Мы ему и жулики, мы и воры, легковерных обманываем, настоящих феноменов затираем, фокусами пробавляемся. Вот такие слова он нам говорил. Тут возникает вопрос. А кто он, собственно говоря, такой, этот Пышкин? Что он, собственно говоря, умеет?

Председатель сделал эффектную паузу.

— Вот именно, что? — выкрикнул с места один из незаинтересованных, внештатный корреспондент местной газеты.

— Он выращивает цветы.

— Цветы?

Председатель благожелательно кивнул.

— Может, он их как-нибудь по-особому выращивает, товарищи? Скажу прямо — не знаю.

— Что-о-о?! — взвыл Пышкин. — То есть как это не знаете?

— Вот так, товарищ Пышкин. Не знаю, и все. — Председатель развел руками. — Цветы, правда, красивые, спору нет. И пахнут, я проверял. Пышкин утверждает, что он их пассами выращивает, за считанные секунды. Но опять-таки вопрос. Кто-нибудь видел, как он это делает?

— Господи, да что вы, в самом деле…

— Ты про бога нам брось, Пышкин, ты лучше сам не плошай. — При этих словах председатель не то чтобы улыбнулся, но просветлел лицом. Он любил шутку. — Ты лучше скажи нам, кто видел.

Пышкин стремительно вскочил со стула.

— Как это кто? Многие видели. И вы тоже.

Председатель с отвращением посмотрел на Пышкина.

— Где же это я видел такое?

— Да что вы, честное слово! Помните, когда я записывался…

— Я горшок видел и в нем цветок, это правильно. Только при мне он не рос.

— Да рос же, вы забыли, наверное.

— Нет, Пышкин, нет, — сочувственно произнес председатель. — Кто-то из нас врет, и я догадываюсь кто. И люди догадываются. И товарищи

незаинтересованные тоже догадаются, если посмотрят тебе в лицо.

Товарищи незаинтересованные без особой симпатии поглядели на Пышкина. Его лицо не открывало ничего приятного глазу. Оно было вороватым и крайне подозрительным.

— Может быть, еще кто-нибудь видел? — соболезнующе спросил председатель. — Ты вспомни, постарайся, а то вдруг я ошибся и напрасно тебя обвиняю.

— Н-ну, я же многим показывал, — замялся Пышкин. — Хотя бы этому… Протопопову… телепату…

— Пышкин, — совсем вкрадчиво спросил председатель, — ты специально вспоминаешь тех, кто не смог сегодня присутствовать по болезни?

— Странно. Я ж его днем видел. И не скажешь, что больной.

— Очень странно, очень. Еще кого-нибудь вспомнишь?

— Оловьяненко тоже видел, — сказал Пышкин упавшим голосом. — Веня! Скажи им.

Оловьяненко, длинный задумчивый украинец, медленно встал.

— А шо я могу сказать, Алик? Шо я такого бачив?

— Веня! — прошептал вконец завравшийся Пышкин.

— Шо Веня, шо Веня?. — в сердцах сказал Оловьяненко. — Ото сам кашу заварив, а потом — Веня.

— Все слышали? — спросил председатель, нарушая неприятную тишину. Один из незаинтересованных досадливо крякнул:

— Эх, чего время тратим? Будто сами выгнать не могли.

— Не могли, дорогой товарищ, никак не могли. История, сами видите, неприглядная, и мы не вправе допустить, чтобы тень сомнения…

— Постойте, вспомнил! — бесцеремонно перебил его Пышкин. — Я же выступал в Доме Облмежмехпоставки, разве забыли?

— Во-от! — радостно подхватил председатель. — Вот мы и добрались до того самого места! Досюда, товарищи незаинтересованные, была одна поэзия, а сейчас начинается проза жизни. Начинаются, мягко говоря, неприглядные факты, из-за которых мы это собрание и собрали. Если раньше были только сомнения в способностях товарища Пышкина и его моральной чистоплотности, то теперь у нас появились факты.

Зал сдержанно загудел. Это было на редкость

дисциплинированное собрание, несмотря на то что феномены люди возбудимые и, что скрывать, не всегда могут держать себя в рамках. Но сегодня они сидели с озабоченными лицами, редко проявляли свои чувства и вообще вели себя так, будто они не на собрании, а в трамвае. Какая-то странность в их лицах имела место: видимо, это печать, которую природа накладывает на людей с паранормальными способностями.

— Тут Пышкин твердил нам о вечере в Облмежмехпоставке, где он якобы выращивал цветок своими пресловутыми пассами. И все мы видели, как цветок рос.

Незаинтересованные переглянулись.

— Да, товарищи, мы видели. Но нашлись люди, которые видели и другое. Они видели… — председатель повысил голос, — они видели нитку в руках у этого, я извиняюсь, феномена. И они видели, как он за нее вытягивал цветок из земли.

— Кто видел? — сипло спросил Пышкин.

— Не бойся, Пышкин, мы не ты, мы жульничать не будем. Встань, Женя!

Поднялся человек роста примерно такого же, как и Пышкин, но наружности несравненно более благородной.

— Наш Женя Принцыпный, — ласково предста-

вил его председатель. — Инженер. У него редкая способность, которой даже нет еще названия. Стоит ему сесть за компьютер, как тот сразу ломается.

В ответ на любопытные взгляды незаинтересованных инженер Принцыпный с достоинством поклонился. Пышкин не сводил с него округлившихся глаз. Лицо его было искажено подлыми мыслями.

— Свидетельство Жени Принцыпного тем более ценно, — продолжал председатель, — что он был другом Пышкина. Вы не представляете себе, с какой болью рассказывал он мне о махинациях своего бывшего друга, который попрал… который…

Мотнув головой, председатель потянулся к графину. Принцыпный потупил взор и мужественно вздохнул.

— И ты, Женька? — хватаясь за воротник, просипел разоблаченный Пышкин.

Председатель осушил, наконец, графин, откашлялся, взял Пышкина под прицел указательного пальца и обжег его непреклонным взглядом.

— Так, может быть, хватит, Пышкин? Может быть, сам все расскажешь?

Но тот молчал. Ему нечего было сказать в свое

оправдание.

— У меня все, — сказал председатель деловым тоном.

Начались прения. Первым слово попросил Сашенька Подглобальный, очень молодой человек с подозрением на левитацию. Но он поступил в общество совсем недавно, еще не сориентировался как следует, поэтому председатель сказал ему:

— Ты, Сашок, помолчи пока, уступи место женщине. Давай, Антонина.

Антонина Зверева, пожилая ведьма из секции дурного глаза, встрепенулась, окинула собрание знаменитым летальным взглядом, зафиксировала его на Пышкине и начала излагать свою точку зрения на вопросы, затронутые в докладе. Речь ее сводилась к тому, что она, Зверева, за себя не отвечает, когда ей мешают проявлять свои способности, изводят подозрениями, оскорбляют заглазно и открыто. Далее в своей речи Зверева перешла на личности и подчеркнула, что товарищ Пышкин выделяется среди них особо. Товарищ Пышкин, отметила Зверева, действует так нахально, зная, что она не в состоянии отомстить ему по причине своего ангельского характера, а также из-за того, что ее сверхъестественные способности проявляются только в

сфере сельского хозяйства, как-то: сглазить скотину, погубить урожай, наслать мор на трактор и т. д. В заключение Антонина Зверева попросила собрание оградить ее от нападок этого проходимца и применить к нему самые крутые меры, в каковых она, Зверева, охотно примет активное участие.

Затем снова вызвался Сашенька Подглобальный, но председатель, руководствуясь соображениями высшего порядка, предоставил слово Федору Перендееву.

Перендеев насупил брови и, запинаясь, стал телепатировать по бумажке. Речь его была встречена телепатами очень горячо, она неоднократно прерывалась аплодисментами. Когда он закончил, председатель подвел итог:

— Товарищи, поступило предложение вычеркнуть Пышкина из списков, если он не докажет, что является феноменом, то есть не вырастит цветок здесь, на наших глазах, без всяких своих факирских штучек.

Пышкин вскочил с места, но председатель остановил его:

— Погоди, Пышкин, у меня не все. Такая к вам просьба, — обратился он к собранию, — покажем товарищам незаинтересованным, что умеем,

а? Кто что может, много не надо, но так, чтобы никаких сомнений.

— Покажем, не сомневайтесь! — послышались выкрики феноменов.

На лицах незаинтересованных зажглось крайнее любопытство.

После короткого перерыва феномены продемонстрировали немногое из того, на что они способны. Первыми были телекинетики. Они вышли впятером на середину зала, тщательно установили на полу детский резиновый мяч и устремили на него непомерно пристальные взгляды. Мяч качнулся из стороны в сторону и начал медленно подниматься. Незаинтересованные затаили дыхание. Одному из телекинетиков стало нехорошо, но он пересилил себя и не покинул боевой позиции. Мяч поднялся над головами и стал описывать медленные круги. Это был подлинный триумф человеческих паравозможностей.

Но уж если есть ложка дегтя, то она своего не упустит. Так и здесь. Пышкин, который телекинетировать не умел, заявил из зависти, что через плафон перекинута нитка и ее кто-то тянет, но сейчас нитка за что-то зацепилась и плафон висит косо. Разумеется, никакой нитки нет и

не было, а насчет плафона председатель все объяснил: психополе не концентрируется исключительно на мяче, но распыляется и на другие предметы, в данном случае на плафон. Пышкин был посрамлен.

Затем продемонстрировали свое умение телепаты. Один за другим они подходили к председателю и угадывали его мысли на расстоянии.

— Про что я подумал? — спрашивал председатель.

— Про семгу, — без запинки отвечал очередной телепат.

— Правильно. Молодец. Следующий!

Председатель думал не только про семгу, он думал про множество вещей, в частности про общую теорию относительности и кимвалы, и все его мысли были отгаданы с исключительной точностью.

А уж после этого выступать предложили Пышкину.

Сначала он стал отнекиваться — дескать, не готов, у него сегодня душевная травма, его, видите ли, предали люди, которых он считал своими друзьями… Но ему сказали твердо — раз так, товарищ Пышкин, раз ты не можешь, то иди отсюда, нечего тебе здесь околачиваться.

— Я попробую, — ответил Пышкин.

Из фойе принесли цветочный горшок.

Пышкин и тут попытался схитрить и вынул из кармана заранее припасенное зернышко.

— Нет, Пышкин, так не пойдет, — предупредил его председатель. — Нам нужен чистый опыт. Кто его знает, что ты с этим зернышком раньше делал.

Он обратился к товарищам незаинтересованным.

— Нет ли у вас какого-нибудь цветочного зернышка?

Зернышко случайно нашлось у внештатного корреспондента.

— Какое-то оно подозрительное, — сказал Пышкин.

— Ничего! — прикрикнул на него председатель, безграничное терпение которого стало истощаться. — Бери, что дают.

Зернышко сунули в землю и поставили горшок перед Пышкиным. Ему очень не хотелось саморазоблачаться, поэтому он сказал:

— Может и не получиться…

Незаинтересованные рассмеялись.

Пышкин медленно поднес ладони к горшку. На его лице отразилось хорошо разыгранное

недоумение.

— Не чувствую. Совсем не чувствую зерна.

Многие понимающе улыбнулись.

— Давай, давай, Пышкин, это тебе не ниточки дергать.

Он закусил губу и напрягся. На лбу его выступил пот. Но, конечно, никакого цветка не выросло.

Пышкин кряхтел, делал страшные глаза, но цветок почему-то расти не хотел. И вскоре всем это надоело, и стали раздаваться выкрики, что пора, мол, кончать это представление, как вдруг… Земля в горшке приподнялась, из нее проклюнулся зеленый росток, он на глазах покрылся крохотными разноцветными листиками, цветок становился больше и больше, красивее и красивее. Никогда и нигде не было такого прекрасного цветка! Пышкин плакал и трясущимися руками делал пассы. Круг любопытствующих раздался; а цветок, самый лучший в мире цветок, потянулся вверх, разливая по залу аромат. Женя Принцыпный доверчиво потянулся к Пышкину, он хотел тронуть его за плечо и, кто знает, может быть, даже простить…

И тогда раздался голос корреспондента:

— Он шарлатан! Не верьте ему! Зернышко было пластмассовым!

Так восторжествовала справделивость. Пышкина с позором изгнали из общества; с тех пор о нем ничего не слышно. Говорят, что его можно встретить на вокзальной площади, где он продает щуплые тюльпаны. Общество процветает и недавно в полном составе ездило на Камчатку на какую-то там конференцию по ясновидению с применением технических средств.

№ 3

Роберт Шекли

Задать вопрос

Ответчик должен существовать столько, сколько нужно. Некоторым цивилизациям этот срок показался бы очень долгим, для других он был бы совсем невелик. Но Ответчику этого времени было достаточно.

Что касается размеров, то для одних Ответчик выглядел большим, а для других — маленьким. Кому-то его устройство могло показаться сложным, хотя кое-кто решил бы, что оно до смешного просто.

Ответчик знал, что он таков, каким должен быть. Помимо всего прочего он был Ответчиком. Он Знал.

О тех, кто его создал, лучше говорить поменьше. Они тоже Знали, хотя нельзя сказать, чтобы их это радовало.

Они создали Ответчика в помощь менее умудренным цивилизациям и отбыли. Куда — знает только Ответчик. Потому что Ответчик знает всё.

Он жил на отведенной ему планете, под лучами предназначенного ему солнца. Время тянулось медленно, как сказали бы одни, и летело, как подумали бы другие. Но для Ответчика оно шло своим чередом.

В нем были ответы. Он знал, какова природа

вещей, и почему вещи такие, какие они есть, и какие они на самом деле, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, если вопрос правильно поставлен. И он хотел, нет, он жаждал отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

— Как вы себя чувствуете, сэр? — спросил Морран, осторожно подплывая к старику.

— Лучше, — проговорил Лингман и попытался улыбнуться. Невесомость принесла ему облегчение. При взлете Морран израсходовал уйму горючего, чтобы избежать больших ускорений, но слабому сердцу Лингмана и этого хватило с излишком. Оно артачилось и упиралось, сердито стучало в хрупкую грудную клетку, замирало и опять куда-то рвалось. Лингману казалось, что оскорбленное сердце вот-вот остановится совсем.

Невесомость принесла облегчение, и слабое сердце забилось ровнее.

Морран не знал этих проблем: его сильное тело создано для стрессов и перегрузок. Если бы только не боязнь за Лингмана…

— Оживаю помаленьку, — пробормотал Линг-

ман. — Все будет в порядке.

Морран тронул ручки управления, и корабль скользнул в подпространство, как уголь в илистое дно.

— Мы найдем его, — сказал Морран и помог старику освободиться от ремней. — Никуда этот Ответчик от нас не денется.

Лингман кивнул ему в ответ. Они подбадривали друг друга не первый год. Вообще-то идея принадлежала Лингману, а Морран присоединился позже, когда окончил Калифорнийский технологический. Вместе они шли по следам молвы, давно бродившей по Солнечной системе. Шли по следам легенд о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на любые вопросы и которая, прежде чем исчезнуть, создала Ответчика.

— Подумать только, — сказал Морран, — ответ на любой вопрос!

Моррану, физику, было что спросить. Расширение Вселенной; силы, которые связывают атомное ядро; новые и сверхновые звезды; образование планет; относительность — и еще тысяча вопросов.

— На любой, — отозвался Лингман. Он нагнулся к окуляру, чтобы взглянуть на призрачное мерцание пустынного подпространства. Он был биолог,

и он был старик. У него остались два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

Лек и его друзья очень долго собирали пурпуров, прежде чем выбрали время побеседовать. Пурпуры всегда редели по соседству с большими скоплениями звезд — почему, никто не знал, — так что разговор пришелся кстати.

— Знаете что, — сказал Лек, — я все-таки отыщу этого Ответчика.

Лек говорил на языке оллграт, языке грядущего решения.

— Зачем? — спросил его Ильм на языке хвест, языке беззлобной насмешки. — Зачем тебе знать природу вещей? Тебе мало просто собирать пурпуров?

— Да, — ответил Лек все еще на языке грядущего решения, — мало.

Лек и ему подобные всегда собирали пурпуров. Они находили мельчайшие вкрапления, вплетенные в космическую вязь, и понемногу складывали из пурпуров огромный холм. Для чего он нужен, не знал никто.

— Хочешь, наверное, спросить, что такое пур-

пуры? — осведомился Ильм, отодвигая звезду и укладываясь поудобнее.

— Хочу, — сказал Лек. — Мы слишком долго живем в неведении. Пора нам узнать настоящую природу пурпуров и их место в чертеже мироздания. Почему они властвуют над нашей жизнью? — Лек перешел на илгрет, язык брезжащего знания.

Ильм и остальные не стали возражать, даже на языке споров. Они понимали, что знание — это важно. Лек, Ильм и остальные начали собирать пурпуров на рассвете времени. Теперь настала пора получить ответ на космические вопросы: что же такое пурпуры и зачем нужен холм.

Для этого и существует Ответчик. Все они слыхали об Ответчике; его создали похожие на них и давно исчезнувшие существа.

— А о чем еще ты спросишь? — поинтересовался Ильм.

— Не знаю, — сказал Лек, — может быть, еще спрошу о звездах. А больше вроде бы не о чем.

Лек и его братья появились на рассвете времени, и они не знали, что такое смерть. Число их никогда не менялось, и поэтому загадка жизни их не волновала.

Но пурпуры? И холм?

— Я пошел! — крикнул Лек на диалекте воплощенного замысла.

— Счастливо! — отозвались братья на наречии добрых пожеланий.

Лек отправился в путь, шагая со звезды на звезду.

Один на маленькой планете. Ответчик ждал вопросов. Время от времени он бормотал про себя ответы. Это была его привилегия. Он Знал.

И он ждал, и любой космический житель мог прийти и спросить его.

Их было восемнадцать, и они собрались вместе.

— Призываю тебя, закон восемнадцати, — вскричал один. Тогда появился другой, которого не было раньше, порожденный законом восемнадцати.

— Мы должны пойти к Ответчику, — вскричал один. — Над нашей жизнью властвует закон восемнадцати. Там, где собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый. Почему это так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторонку — объяснить. Их осталось семнадцать. Стабильное число.

— А еще мы должны выяснить, — вскричал другой, — почему все места разные, хотя расстояния не существует.

Да, это и вправду загадка. Сначала ты здесь, потом — там. Движения нет, но все-таки ты оказываешься в другом месте.

— Какие холодные звезды! — вскричал один.

— Почему?

— Мы должны пойти к Ответчику.

Они слышали молву и помнили легенду: «Когда-то жили существа, похожие на нас, и они Знали, и то, что они знали, они рассказали Ответчику. А потом они оказались там, где нет места, зато много расстояния».

— Как мы попадем туда? — вскричал новорожденный девятнадцатый, который все уже понимал.

— Идем!

И восемнадцать исчезли. Остался один. С тоской поглядел он на огромный купол ледяной звезды и потом исчез тоже.

— Старые легенды не обманули нас, — сказал Морран. — Вот оно.

Они вышли из подпространства в том самом месте, о котором рассказывали легенды, и перед ними была звезда, непохожая на другие звезды. Морран нашел ей место в системе мироздания, но смысла в этом не было. Таких звезд, как эта, больше не существовало.

У звезды была планета, и тоже не такая, как другие. Морран придумал несколько гипотез, но они не имели ровно никакого смысла. Все равно планета была единственной.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Постараюсь приземлиться помягче.

Быстро шагая по звездам. Лек подошел к Ответчику. Он взял его в руку и осмотрел.

— Значит, ты и есть Ответчик, — сказал он.

— Да, — ответил Ответчик.

— Так скажи мне, — проговорил Лек, устраиваясь поудобней в прогалине между звездами, — скажи мне, кто я.

— Предрассудок, — сказал Ответчик. — Символ.

— Пусть так, — пробормотал Лек, несколько

уязвленный. — Но ты способен на большее. Пойдем дальше. Мы собираем пурпуров и складываем из них холм. Можешь ли ты сказать — зачем?

— Вопрос лишен смысла, — сказал Ответчик. Он знал, что в действительности представляют собой пурпуры и для чего нужен холм. Но чтобы объяснить это, пришлось бы объяснять больше. Без этого Леку не ответишь, а правильный вопрос Лек задать не смог.

Лек спрашивал и спрашивал, но Ответчик не мог ему ответить. Лек видел все по-своему, он понимал только часть правды — и не более того. Как объяснить слепому, что такое зелень?

Ответчик и не пытался. Он не предназначен для этого.

Лек скорбно засмеялся. Одна из кочек, по которым он ступал, откликнулась на смех яркой вспышкой.

Лек пошел прочь, быстро шагая по звездам.

Ответчик знал. Но вопросы нужно ставить правильно. Он размышлял об этом ограничении, глядя на звезды, которые были не большими и не маленькими, а как раз такими, как нужно.

Корректные вопросы. Тем, кто его создал, сле-

довало об этом позаботиться, подумал Ответчик. Чтобы он мог разбираться в бессмыслице и решать головоломки.

Ответчик утешался, бормоча про себя ответы.

Восемнадцать существ появились перед Ответчиком. Они не пришли и не прилетели, просто оказались перед ним. Дрожа в холодном сиянии звезд, они воззрились на громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — как вещи могут находиться в разных местах?

Ответчик знал, что́ такое расстояние и что́ такое место. И все же не мог ответить на вопрос. Расстояние существовало, но не так, как казалось этим существам. И разные места были вовсе не тем, что они думали.

— Сформулируйте вопрос как-нибудь иначе, — с надеждой попросил Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему мы толстые здесь и маленькие там? Почему звезды холодные?

Ответчик знал все это. Он знал, почему звезды холодные, но не мог объяснить, ограничившись понятиями холода и звезд.

— Почему справедлив закон восемнадца-

ти? — спросил другой. — Почему, как только восемнадцать соберутся вместе, сразу появляется девятнадцатый?

И этот вопрос был лишь частью другого, большего вопроса, который так и не был задан.

По закону восемнадцати появился еще один, и все девятнадцать исчезли.

Ответчик бормотал про себя правильные вопросы и отвечал на них.

— Ну вот, — сказал Морран, — наконец-то.

Он похлопал Лингмана по плечу — слегка, потому что Лингман едва стоял на ногах. Старый биолог устал. Черты лица у него заострились, кожа пожелтела и высохла. Желтые, торчащие вперед зубы, маленький плоский нос, резко очерченные скулы — казалось, череп проглядывает наружу.

— Идем, — сказал Лингман. Он не хотел терять время попусту. У него просто не было времени.

Они продвигались в шлемах по узенькой тропинке.

— Не так быстро, — прошептал Лингман.

— Конечно, — сказал Морран и замедлил шаг. Они пошли рядом по чуть заметной дорожке, про-

топтанной на планете, непохожей на остальные планеты, парящей в одиночестве под солнцем, непохожим на другие солнца.

— Теперь наверх, — сказал Морран. Легенды говорили, что тропинка ведет к лестнице, лестница — на площадку, а там — Ответчик.

Для них Ответчик оказался белым экраном в каменной стене. С их точки зрения, он был так прост — проще некуда.

Лингман сжал трясущиеся руки. Завершался труд целой жизни: споры, выколачивание денег, долгое изучение древних легенд — и, наконец, настал час.

— Помни, — сказал он Моррану, — мы будем ошеломлены. Мы и помыслить не можем, какова истина в действительности.

— Я готов, — сказал Морран; глаза его сияли.

— Прекрасно. Ответчик, — произнес Лингман тоненьким дрожащим голоском, — скажи нам, что такое жизнь?

У них в головах зазвучал голос:

— Вопрос лишен смысла. Жизнь — только одно из проявлений более общих законов. Вне этих законов она необъяснима.

— Какие же законы включают в себя жизнь? — спросил Лингман.

— На вопрос в такой форме нельзя ответить. Задающий его по-прежнему смотрит на жизнь со своей ограниченной точки зрения.

— Тогда объясни по-своему, — вмешался Морран.

— Ответчик может отвечать только на заданные вопросы, — и, произнеся это, Ответчик вновь подумал об ограничении, которое создатели наложили на него.

Тишина.

— Расширяется ли Вселенная? — уверенно спросил Морран.

— Термин «расширение» в данном контексте неприменим. В том смысле, в каком вы понимаете Вселенную, она не более чем иллюзия.

— Но хоть что-нибудь мы можем узнать? — спросил Морран.

— Я могу ответить на любой корректный вопрос о природе вещей.

Люди переглянулись.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши главные гипотезы неверны. Все до единой.

— Не может быть, — сказал Морран. — Физика, биология…

— Полуправда, — ответил Лингман с устало-

стью в голосе. — Хоть это мы выяснили. Теперь мы знаем, что наши выводы из наблюдений неверны.

— А жизнь — он и вправду знает, что такое жизнь?

— Смотри, — сказал Лингман, — допустим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона, под знаком Сатурна?». Я не смогу объяснить тебе это, прибегая только к понятию Зодиака. Одним Зодиаком тут не обойдешься.

— Понимаю, — медленно произнес Морран. — Он не может отвечать на вопросы, оставаясь в рамках наших предположений.

— Вот-вот. А изменить наши предположения он не в силах. Он может лишь ответить на корректный вопрос, но, чтобы задать его, нужны знания, которых, похоже, у нас нет.

— Выходит, что мы не в состоянии даже поставить вопрос? Не верю я в это. Хоть какие-то основы мы должны знать?

Морран повернулся к Ответчику.

— Что такое смерть?

— Это антропоморфизм. Я не могу его объяснить.

— Смерть — это антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ка-

жется, мы продвигаемся!

— Может ли антропоморфизм отражать действительность? — спросил Лингман.

— Все антропоморфизмы подразделяются на ложные и частично истинные в отдельных ситуациях.

— Что справедливо в данном случае?

— И то и другое.

Большего они не добились. Морран с Лингманом мучились еще несколько часов, но истина ускользала все дальше.

— С ума сойти, — сказал Морран. — Эта штука знает все на свете и не может поведать нам ничего, пока мы не поставим правильно вопрос. Но откуда нам знать, как это сделать?

Лингман сел на землю, прислонился к каменной стене и смежил веки.

— Дикари, вот мы кто, — бормотал Морран, бегая перед Ответчиком туда и обратно. — Представьте себе первобытного человека, который приходит к ученому и спрашивает, почему солнце нельзя сбить из лука. Ученый должен объяснить это так, чтобы тот понял. Что из этого выйдет?

— Ученый не станет и пытаться, — глухо сказал Лингман. — Он по вопросу поймет, насколько

ограничен спрашивающий.

— То-то и оно, — сердито произнес Морран. — Как объяснить бушмену, что земля вертится? Или, еще хлеще, что такое относительность? Конечно, соблюдая научную строгость.

Лингман молчал, не открывая глаз.

— Мы для него первобытные люди. Нет, разница гораздо больше. Как между червяком и сверхчеловеком. Червяк желает знать, как устроена грязь и откуда ее взялось так много. Ну и ну.

Лингман сидел, не открывая глаз.

— Идем? — спросил Морран.

Руки Лингмана были стиснуты, отросшие ногти впились в ладони, щеки ввалились еще глубже. Лицо словно превратилось в маску.

— Послушайте! Что с вами? Эй, послушайте…

Но лишь Ответчику было ведомо, что произошло — и почему.

Один на целой планете, не большой и не маленькой, на планете идеальных размеров, ждет Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, потому что у его знания тоже есть предел.

Он умеет отвечать на вопросы, правильно по-

ставленные.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Пурпуры? Восемнадцать?

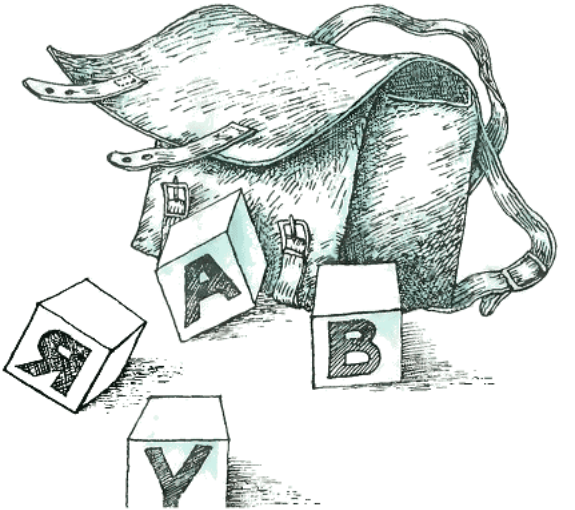
Частицы правды, полуправда, крошечные обрывки великих вопросов.

Ответчик в одиночестве задает себе вопросы, верные вопросы, которые никто не может понять.

Тогда как же понять ответы?

Вопросы никогда не будут заданы, и Ответчик помнит теперь то, о чем знали его создатели — знали, да забыли.

Чтобы поставить вопрос, нужно знать большую часть ответа.


A
B
Y

№ 4

Георгий Николаев

Кроссворд

Фантастика

Кроссворд

Георгий НИКОЛАЕВ

Их было двое: древнегреческий философ из 11 букв и современный писатель из 10 букв.

Стояло время года из 5 букв. Наступил месяц из 3 букв.

Древнегреческий философ из 11 букв лежал на плодородной почве из 8 букв и играл сам с собой в настольную игру из 5 букв. Современный писатель из 10 букв смотрел на него широко открытыми органами зрения из 5 букв, и нижняя часть его жевательного аппарата из 7 букв медленно отвисала.

— Где я? — наконец произнес он с душераздирающей интонацией из 4 букв.

— Не знаю, — сказал древнегреческий философ из 11 букв. — То ли в старинном городе Сумской области из 7 букв, то ли в государстве Центральной Америки из 8 букв. А что?

Современный писатель из 10 букв тихо застонал. В нем появилось нехорошее чувство из 12 букв. Он огляделся.

Невдалеке нес свои воды приток Тобола из 5 букв. На берегу, заросшем кустарником пустынь из 7 букв, виднелась пристройка к зданию, бывшая по счастливой случайности тоже из 7 букв.

С притока Тобола из 5 букв доносились выкрики из 2 букв.

— Простите, — пересиливая нехорошее чувство из 12 букв, обратился современный писатель из 10 букв к древнегреческому философу из 11 букв, — а что там на берегу?

Древнегреческий философ из 11 букв оторвался от настольной игры из 5 букв и приподнял верхнюю часть тела из 6 букв.

— Рабочий коллектив из 7 букв ловит на обед промысловую рыбу из 6 букв, — ответил он и печально улыбнулся. — Вы что, впервые попали в кроссворд?

— В кроссворд?

— Именно. В род задачи-головоломки из 9 букв.

— Аааaа, — сказал современный писатель из 10 букв и уже новыми органами зрения из 5 букв посмотрел на окружающее.

Поблизости стояло передвижное сельскохозяйственное орудие из 7 букв. На нем сидела, грустно сложив могучие крылья, хищная птица из 6 букв. От нее веяло унынием и запахом газа из 4 букв. Современный писатель из 10 букв поморщился.

— А что это там, над нами? — спросил он, глядя в зенит.

Древнегреческий философ из 11 букв задрал верхнюю часть тела из 6 букв и прищурился.

— Сторона геометрической фигуры из 9 букв.

— А где же то, что всегда сверху? Из 4 букв? — упавшим голосом спросил современный писатель из 10 букв.

— Небо, что ли?

— Да, — всхлипнул современный писатель из 10 букв. — Небо.

— Не досталось на этот раз. Но ты не волнуйся, это не страшно, привыкнешь. Здесь, главное, с голоду не умереть.

— Вы имеете в виду промысловую рыбу из 6 букв? Так ее наверняка съест рабочий коллектив из 7 букв.

— Пожалуй, — сказал древнегреческий философ из 11 букв и нахмурился. — Но бывает и хуже. В прошлом кроссворде погиб один мой знакомый, итальянский поэт эпохи Возрождения из 7 букв. Там было много жертв, потому что составитель вставил в кроссворд инфекционную болезнь из 5 букв, а о лекарстве из 16 букв не позаботился… Да ты посмотри, кто к нам идет! — внезапно воскликнул он и заерзал на плодородной почве из 8 букв.

От притока Тобола из 5 букв танцующей походкой к ним подходила известная балерина из 9 букв. В руке она держала лабораторный сосуд

из 7 букв.

— Привет, — сказала она, — давно не виделись.

— Привет, — ответил современный писатель из 10 букв.

— Я вас что-то не знаю, — сказала она. — Вы новенький?

— Это его первый кроссворд, — объяснил древнегреческий философ из 11 букв. — Дебют, так сказать.

— Даже так? — оживилась известная балерина из 9 букв. — Ну и как ваши впечатления? Столько интересных людей, столько занятных вещей… Вот, например, — она помахала лабораторным сосудом из 7 букв. — Шла, шла, и нашла. Так вы довольны?

— Да как сказать… — начал современный писатель из 10 букв.

— Доволен он, доволен, — вмешался древнегреческий философ из 11 букв. — А о тебе, между прочим, спрашивал выдающийся химик из 8 букв…

— Ах, этот, — сказала известная балерина из 9 букв. — Пусть не спрашивает, у меня с ним нет ни одной общей буквы.

— Как угодно, — сказал древнегреческий философ из 11 букв и с кряхтением повернулся. — Вот

невезение, все бока отлежал.

— А вы встаньте, — предложил современный писатель из 10 букв. — Разомнитесь.

— Не могу, — сказал древнегреческий философ из 11 букв. — Я по горизонтали.

— Простите, не понял.

— Я, говорю, что я — по горизонтали. И потому я лежу. А вы — по вертикали, вот вы и стоите. Понятно?

— Бедняжка, — известная балерина из 9 букв погладила по голове современного писателя из 10 букв. — Ты совсем неопытный…

Современный писатель из 10 букв смутился, хотел достойно ответить, но в это время от притока Тобола донесся грозный рев.

— Опять оно здесь! — Известная балерина из 9 букв схватила современного писателя из 10 букв за руку. — Оно меня преследует!

— Кто это оно? — дрожащим голосом произнес современный писатель из 10 букв.

— Хищное млекопитающее из 4 букв, — сказал древнегреческий философ из 11 букв. — Будем надеяться, что оно не голодное.

— В позапрошлый раз мы тоже на это надеялись, — сказала известная балерина из 9 букв.

— Но это преступление! — возмутился со-

временный писатель из 10 букв. — Нельзя к безоружным людям запускать хищников. Я буду жаловаться! Кто этот кроссворд редактировал?

— Не кричи, — буркнул древнегреческий философ из 11 букв, — а то оно услышит.

Современный писатель из 10 букв всхлипнул.

— Не надо, — прижимаясь к нему, сказала известная балерина из 9 букв, — давайте лучше, пока есть время, покатаемся на передвижном сельскохозяйственном орудии из 7 букв, а то я никогда на нём не каталась…

— Я не хочу кататься на передвижном орудии! — захныкал современный писатель из 10 букв. — Я не хочу инфекционных болезней! Я не хочу хищных млекопитающих! Я не хочу так жить! Не хочуууу!

Древнегреческий философ из 11 букв с грохотом отшвырнул в сторону настольную игру из 5 букв.

— У тебя мания величия, — отчетливо произнес он.

— Почему это? — опешил современный писатель из 10 букв.

— Ты ведь не великий современный писатель из 10 букв? И даже не известный современный писатель из 10 букв? Если не ошибаюсь, ты просто современный писатель из 10 букв, не так ли?

— Так…

— Какого же черта ты хнычешь? Ты попал сюда случайно, может быть, ты никогда больше не попадешь в кроссворд, никогда, понял? Тебя же никто не знает, не так ли?

— Так, — обрадовался современный писатель из 10 букв. — Сам удивляюсь, как это я сюда попал!

— Видишь, как тебе повезло, — со злостью сказал древнегреческий философ из 11 букв. — Главное, в историю не попасть, памяти о себе не оставить. Иначе по кроссвордам затаскают.

— Да что вы, — рассмеялся современный писатель из 10 букв. — Мне это не грозит.

— Ну так как? — зашептала на ухо современному писателю из 10 букв известная балерина из 9 букв. — Может, все-таки прокатимся на сельскохозяйственном орудии из 7 букв? Вдвоем, а?

— Конечно, — сказал он и взял ее под руку. — Нет проблем…

— Ах, — сказала известная балерина из 9 букв и растворилась в воздухе.

— Что это с ней? — изумился современный писатель из 10 букв. — Куда это она делась?

— Отгадали, — сказал древнегреческий философ из 11 букв и зевнул. — Кроссворды для того и

существуют, чтобы их отгадывали.

Шумно захлопала крыльями хищная птица из 6 букв, но когда современный писатель из 10 букв обернулся, ее уже не было. Вслед за ней исчез запах газа из 4 букв.

Потом пропала жилая пристройка к зданию из 7 букв вместе с кустарником пустынь, бывшим по счастливой случайности тоже из 7 букв. На берегу притока Тобола из 5 букв столпился рабочий коллектив из 7 букв, пошумел и растаял как дым.

Древнегреческий философ из 11 букв тревожно заворочался.

— Сейчас за меня примутся, — сказал он. — Чувствую.

— Мне вас искренне жаль, у вас трудная судьба, — великодушно сказал ему современный писатель из 10 букв. — Я желаю вам расстаться с известностью. Пусть вас забудут потомки. Прощайте.

— Иди ты… — сказал, исчезая, древнегреческий философ из 11 букв. И современный писатель из 10 букв остался один.

Потом не стало притока Тобола из 5 букв и стороны геометрической фигуры из 9 букв, заменяющей небо. Современному писателю из 10 букв стало совсем одиноко.

Из-за передвижного сельскохозяйственного орудия из 7 букв вылезло хищное млекопитающее из 4 букв, посмотрело на современного писателя из 10 букв, облизнулось и пропало. Пропал то ли старинный город в Сумской области из 7 букв, то ли государство в Центральной Америке из 8 букв… Все пропало.

Современный писатель из 10 букв висел в пустоте разгаданного кроссворда, и дышать ему становилось нечем.

— А если не отгадают? — бился у него в голове продукт деятельности разума из 5 букв.

№ 6

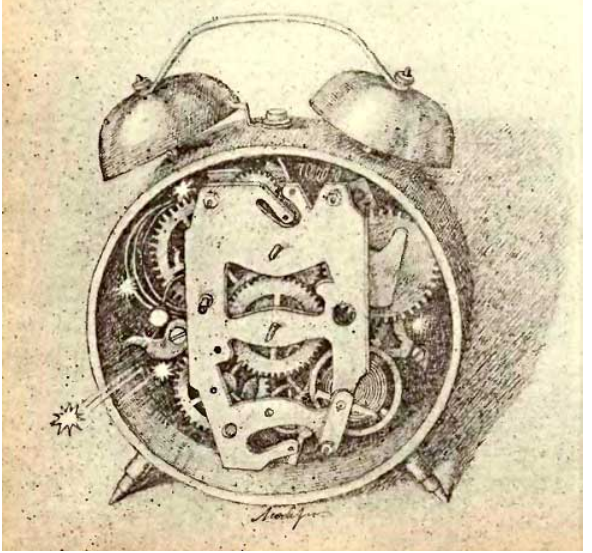
Борис Руденко

Подарки Семилиранды

Сказка

Подарки Семилиранды

Борис **РУДЕНКО**



Брек Линар был гораздо старше своих башмаков, но редкий человек смог бы определить это с первого взгляда. Башмаки устало разевали пасти на пыльную улицу, на серые фасады домов и чахлые деревца вдоль деревянных тротуаров, на собак, вяло скалившихся в ответ.

Брек сидел на скамье у входа в трактир и размышлял о том, что башмаки дотянут лишь до Веселых Водопадов, а дальше придется идти босиком, если не попадется по дороге богатый чудак или хорошая помойка.

— Шагал бы ты отсюда, — мрачно посоветовал трактирщик. — Только клиентов отпугиваешь.

Брек Линар никогда не лазил за словом в карман и в другое время непременно нашел бы, что ответить, но сегодня он был исполнен благодушия. День был теплый, тихий, да и в груди почти не болело.

Он вдел ноги в башмаки и поднялся.

Из-за угла с воплем выскочила орава мальчишек.

— Идет! Идет! — возбужденно верещали они. — Он идет!

Вслед за ними спешили домой почтенные горожане. Повсюду хлопали калитки и двери, скрежетали засовы.

— Домой немедленно! — орали мамаши, подтаскивая отроков за уши к родному крову.

— Кто идет? — запоздало выкрикнул трактирщик, обращаясь к пустеющей улице.

— Семилиранда идет! — ответил десяток голосов — испуганных, любопытных, настороженных; равнодушных не было.

— Ах, напасть какая! — закудахтал трактирщик, кинулся было закрывать окна, двери, да не успел.

Семилиранда — вот он, тут уже. Не старый, не молодой, загорелое лицо в мелких морщинках, на голове шляпа из желтой соломы. Невысокий, но будто из железа.

Брек против воли заинтересовался и снова уселся на скамью. А трактирщик так и застыл, где стоял.

— Здравствуй, трактирщик, — весело сказал человек с чудным именем.

— Здравствуй, Семилиранда, — робко ответил тот, помялся немного, потом спросил: — Как поживаешь?

— Что мне сделается! — беспечно сказал Семилиранда. — А вы тут неважно живете.

— Отчего же? — испугался трактирщик. — Все у нас хорошо.

Семилиранда погрозил ему пальцем.

— Не обманывай меня. Я-то знаю… Вот, подарок вам принес.

Он выудил из-за пазухи небольшую коробку, перевязанную шелковым шнурком.

— Только брать у меня его никто не хочет, — вздохнул Семилиранда. — Может, ты возьмешь?

Изо всех окон, изо всех щелей с жадным любопытством и непонятной надеждой смотрели на него десятки глаз.

— Нет, нет, — трактирщик быстро замахал руками. — Мне не нужно. Я… я не могу.

— Сюда давай! — раздался из-за ограды мальчишеский голос и прервался звуком смачной затрещины.

Семилиранда даже ухом не повел.

— Жаль, — сказал он. — В этот раз, значит, напрасно к вам пришел. Ну, ладно, пойду дальше.

— Ты не обижайся, — облегченно забормотал трактирщик, — ты опять приходи. Не забывай нас.

Человек в соломенной шляпе повернулся и зашагал прочь из городка. Улица тут же заполнилась людьми. Брек Линар изумился, как быстро все повыскакивали из своих домов.

— До свидания, — дружно кричали они и маха-

ли вслед руками, платками, шляпами. — Приходи к нам еще, Семилиранда!

Он остановился и тоже взмахнул шляпой.

— До свидания, — сказал. Потом нахлобучил шляпу на голову и подмигнул Бреку. Только ему одному из всей толпы. Брек был убежден в этом.

Поражаясь нелепой своей уверенности, он потихоньку протолкался сквозь толпу и тоже зашагал по дороге. Ему и подавно нечего делать в городе.

Дорога круто повернула, и город кончился. Такие уж тут места: сейчас был, и вдруг раз — и нет его. Только дорога, холмы да тысячи шагов, которые нужно пройти, прежде чем увидишь человеческое жилье. По краям дороги растут дикие абрикосы (Брек подпрыгнул, сорвал, попробовал — зеленые еще, кислые), черные ужи греются на обочинах, а прозрачные ручейки текут по склонам холмов и собираются у дороги в небольшие чистые озерца.

За вторым поворотом возле родникового озерца в тени абрикоса сидел Семилиранда, а рядом стояла коробка.

— Не торопись, — сказал Семилиранда, — набьешь еще ноги-то. Передохни малость.

Брек Линар никак не мог понять, отчего так пе-

репугались жители города. Человек как человек, совсем обычный.

— И не поймешь, — засмеялся Семилиранда, будто читая мысли. — Садись лучше.

Эти штучки Бреку хоть бы хны. Навидался он всяких фокусников. Присел рядом, закурил, разглядывая попутчика.

— Ну что? — поинтересовался Семилиранда.

— Чудной ты.

— Почему? — спросил собеседник. Не из любопытства, а так, чтобы поддержать разговор.

— Подарки носишь, а их не берут. Предложил бы мне, я бы не отказался.

— Так уж! — усомнился Семилиранда — и опять вроде как понарошку.

— А ты предложи.

— Как раз собираюсь. Только подарки у меня с секретом.

Брек поболтал ногой и вытряхнул из башмака камешек.

— Может, у тебя башмаки новые есть?

— Башмаков сегодня нет. — Семилиранда уже развязывал свою коробку. — Вот какой у меня подарок.

Он вытащил из коробки часы. Обыкновенный будильник.

— Это мне без надобности, — разочарованно сказал Брек Линар. — Разве на ботинки сменять. А почему они в городе у тебя не взяли?

— Побоялись. Говорю ведь, с секретом подарок. Тому, кто возьмет, толку никакого. Совсем наоборот. Заведи-ка их, Брек.

Брек не стал удивляться, откуда тот знает его имя. Взял и завел. И только тут заметил, что циферблат размечен всего с девяти до двенадцати. И стрелка только одна.

— Вся твоя жизнь тут, — грустно проговорил Семилиранда. — То, что осталось.

— Ну, это ты хватил, — усмехнулся Брек Линар. — До следующего лета я еще протяну.

— И дольше протянешь, — подтвердил человек в соломенной шляпе. — А все же — вот она, твоя жизнь.

— А секрет-то где?

— Будет и секрет. — Семилиранда хитро подмигнул и встал. — Пойду я. Мне пора.

И зашагал по дороге.

Брек тоже поднялся. «Чудной», — пробормотал еще раз про себя. Поразмыслил: сразу ли закинуть никчемный будильник в канаву или подождать немного. Решил подождать.

— Эй, прохожий, — окликнули сзади.

Брек чуть вздрогнул и повернулся.

Тяжело дыша, к нему подходил трактирщик. По истомленному жарой багровому лицу катились струйки пота.

— Это Семилиранда подарил? — жадно спросил он, выставив вперед толстый палец с кривым ногтем.

— Он самый, — подтвердил Брек.

— Что это, прохожий?

— А ты у него спроси, — посоветовал Брек и посмотрел в ту сторону, куда только что направился Семилиранда. Посмотрел и от удивления разинул рот. Не было его на дороге. Будто и не проходил, вовсе.

— Ты к Веселым Водопадам идешь, прохожий? — приставал трактирщик. — Не ходи туда, лучше возвращайся к нам.

— Вроде я у вас ничего не забыл, — подумал вслух Брек.

— Если что не так, ты извини, — сладко пел трактирщик. — Отдохнещь у меня, поешь. Куда тебе торопиться?

— Это ты хорошо сказал, — задумчиво произнес Брек. — Разве что на тот свет. Насчет поесть — тоже хорошо…

С фортуной у Брека сложились натянутые от-

ношения, и он не собирался отказываться даже от мизерных ее даров. Настоящий обед — это вам не шутовской будильник. Впрочем, и часам Брек надеялся найти применение.

— Давно дождя не было, — сказал трактирщик.

— Так это прекрасно, — объяснил Брек. — Знаешь, сударь мой, как быстро намокает одежда от мокрой травы?

— Жарко, прохожий, — пожаловался трактирщик. — У меня виноградники сохнут. Хоть бы на полчаса дождичек.

— На полчаса — это можно, — согласился Брек, чтобы не обижать хорошего человека.

Со странным выражением трактирщик осматривал небо. Вертел головой во все стороны.

— Где же дождь? — подозрительно спросил он.

Откуда взяться дождю в такой погожий день? Небо оставалось ясным и жарким. Вяло гудели накаленные мухи, дребезжание их пересушенных крыльев нагоняло дремоту.

— Почем я знаю? — запоздало ответил слегка сбитый с толку Брек. Но лицо трактирщика стало, как прежде, сладким и приветливым. Он рассмеялся мелким, угодливым смешком:

— Нет дождя — и не надо.

Сегодня Брек не переставал удивляться. Трак-

тирщик привел его в свое заведение и действительно накормил. К тому времени, когда Брек заканчивал вишневый пирог с красным вином, за ним внимательно наблюдали человек тридцать, будто Брек — президент или дрессировщик тарантулов.

Брек не возражал, не возмущался, справедливо рассудив, что такая плата за улыбку судьбы вполне приемлема. Пускай их смотрят, от него не убудет.

После обеда трактирщик проводил его в лучшую комнату. Там был удобный стол (Брек поставил на него свой будильник) и мягкая кровать, на которую он повалился, не снимая грязной куртки, — не из свинства, а чтоб показать, что ему, Бреку, на все чихать. Но самое главное, Брека ждали башмаки. Не совсем новые, но добротно сшитые, крепкие — как раз по ноге. Брек так обрадовался, что расхотел спать. Надел ботинки и пошел на улицу. За ним тут же повалили ожидавшие его зеваки: Брек решил не обращать на них внимания. Он испытывал давно забытое ощущение сытости и спокойствия. В боку покалывало, но не сильно.

Возле трактира стоял горожанин, пытавшийся разминуться с фонарным столбом. Столб упрямо

не уступал дороги, и горожанин храбро вступил с ним в поединок, намереваясь спихнуть с пути. Брек минут пять любовался единоборством, даже поближе подошел. Увидев его, пьяница оттолкнул столб подальше и протянул к Бреку руки, облекая в скудные звуки крик наболевшей души.

— Нал-л-лей стакашку, — сказал он.

— Пей на здоровье, — поддержал игру благодушно настроенный Брек.

Пьяница долго пытался поймать что-то в свою пустую ладонь, согнутую клешней, потом сплюнул, выругался и побрел своей дорогой.

— Даже этого не может… — зашелестели голоса за спиной Брека.

Брек резко обернулся и крикнул в раздражении:

— Свихнулись! Что я, колдун какой?

Из-за угла выкатил автомобиль — один из пяти, имевшихся в городе. Сынок трактирщика сидел на водительском месте, вцепившись в баранку, чтоб не вывалиться на ухабе. Брек отскочил в сторону, брызнули с дороги зеваки, взвыла замешкавшаяся собачонка — и драндулет исчез в клубах пыли.

С жалобным воем собачонка скакала на трех

лапах, поджимая четвертую к брюху.

— Ах ты, бедняга, — пожалел Брек, — лапу тебе отдавили.

Собачонка словно поняла, что ей сочувствуют, подбежала, прижалась к ногам. Брек наклонился и погладил пыльную свалявшуюся шерсть.

— Ничего, заживет твоя лапа.

На короткий миг невесомым стало тело. Мир крутанулся вокруг оси по имени Брек Линар. От неожиданности Брек охнул, покачнулся, а собачонка помчалась как ни в чем не бывало, размахивая кренделем хвоста. На всех четырех.

— Исцелил… — прошелестело вокруг, и зеваки разбежались.

А Брек Линар двинул в трактир, чтобы осмыслить как следует происходящее, разобраться в странностях этого дня да посмотреть заодно, нельзя ли чего еще перехватить у доброго хозяина. Брек был совершенно уверен, что его накормят. Отчего — сам не знал, однако не сомневался, удивляясь в то же время собственному нахальству.

Чудеса продолжались. Трактирщик — тот самый, что утром прогонял Брека взашей, — сейчас ждал его у входа, суетился, беспокоился. И не один — с супругой, с любимыми чадами и род-

ственниками. Были тут и другие благородные люди — аптекарь, полицмейстер, еще кое-кто. Все с семьями.

Трактирщик попытался что-то сказать, но полицмейстер не дал. Оттеснил всех и сам шагнул к Бреку.

— Почтенный, — плачущим голосом произнес он. — подагра замучила. Вы не поверите, какие мучения я испытываю последние семь лет.

— Я понимаю, — покивал на всякий случай ничего не соображающий Брек.

— Сделайте милость, — умолял полицмейстер.

— Да-к что ж я могу? — ошарашенно спросил Брек.

— Исцели!

— Ей-богу, я не умею.

— Умеешь, умеешь, — закричали все вокруг, — мы знаем! Ты только захоти!

— Мне не жалко, — согласился вконец растерявшийся Брек. — Подагра — это где?

— Вот, здесь и здесь. — Полицмейстер попытался протянуть к нему руки и ноги одновременно и едва не свалился в пыль.

— Ладно, пускай больше не болит, — неуверенно проговорил Брек. — А поесть у вас чего найдется?

И вновь он испытал головокружение и удивительную легкость членов. А полицмейстер с радостным стоном разглядывал свои пальцы, сгибал их, разгибал, крутил по-всякому.

Тут все как с цепи сорвались. Брек испугался, подумал: задавят. Они кричали в один голос про мигрени, язвы, ревматизм и гастриты, произносили другие удивительные слова, никогда не слыханные Броком.

В короткий срок Брек Линар излечил аптекаря от мигрени, а его жену от хронического запора. Трактирщик пожаловался на воду в коленке, жена трактирщика — на то, что волосы выпадают, и всех их Брек излечил тем же дурацким способом, испытывая каждый раз головокружение.

А когда излечил всех, ему подали ужин, какого Брек давно не видел даже во сне. Но есть уже не хотелось. Его лихорадило, и он ушел.

Он втащился в свою комнату и прилег на кровать. Громко тикал на столе дареный будильник. Тик-так, тик-так — невидимые молоточки колотили, казалось, по самому черепу. Брек Линар протянул руку, чтобы упрятать часы под подушку, да так и замер. Тогда, у Семилиранды, стрелка показывала без четверти, а теперь — без десяти двенадцать.

— Идут, значит, — пробормотал озадаченно Брек и стал следить за стрелкой. Полчаса не спускал глаз; но она больше не шевельнулась.

Он еще раз припомнил события дня и вдруг испытал смутное подозрение.

«Быть того не может!» — поразился Брек, но подозрение росло, крепло, превращалось в тоскливую уверенность. Обещанный секрет внезапно раскрылся перед ним с оглушающей безысходностью.

— Колдун чертов, — тоненько сказал Брек. — Что же ты натворил?

Это его, Брека, время шло к исходу, пока он пользовал подагриков. Его, Брека, личное время, которого и так оставалось всего-ничего, считанные деньки.

Взгляд Брека посуровел, он напыжился и властно произнес:

— Желаю, чтоб грудь не болела!

И ничего не произошло.

— У меня чтоб не болела грудь! — уточнил Брек. И опять ничего не случилось. Тогда Брек загрустил.

В дверь осторожно постучали.

— Дома нет! — крикйул Брек, потом слез с кровати и отворил дверь женщине, одних примерно

с ним лет. Кожа на ее лице была грубой, словно обугленной солнцем, да и сама, женщина гляделась высохшей от зноя, ветра и хлопот.

— Что? — с ходу спросил Брек. — Исцелиться хочешь?

— Я бы хотела, — ответила женщина, не замечая враждебности его тона, — только мне это уже ни к чему. Я насчет дочки.

— Насчет дочки, — хмыкнул Брек, — а мне плевать. Я тоже жить хочу. На солнышко смотреть.

Женщина вздохнула и ничего не ответила.

— Нашли остолопа, — продолжал Брек. — И ведь молчали все. А этот, Семилиранда. Благодетель! Да кто он такой?

— Он каждый год тут проходит, — сказала женщина. — Уже много лет, не упомню сколько. Откуда, куда — никто не знает. А подарок его можешь выбросить. Того, что ушло, не вернешь, а дальше, если хочешь, можешь от подарка избавиться. Все так делают, когда догадываются.

— И я так сделаю, не сомневайся. А кто это все?

— Прохожие, — объяснила женщина. — В городе-то все знают, что за подарки у Семилиранды. Не каждому они по силам. Только если прохожий возьмет.

— Дурак какой, — сказал Брек. — Вроде меня.

— Ты на всех плохо не думай, — сказала женщина. — Слабы люди, от бед своих слабы. Многим помощь нужна, вот и молчат, не рассказывают, какие они, подарки. От слабости молчат, не от подлости.

— Трактирщик с полицмейстером тоже от слабости? — спросил Брек.

— Не знаю, — ответила женщина, — нет, наверное. Я-то всегда предупреждаю. И остальные… Только нам уже ничего не достается.

— Какие такие остальные?

— А вон, на улице ждут…

Брек подошел к окну, откинул занавеску. На улице стояли люди, молча смотрели на Брека через оконное стекло.

— Вон, гляди, Фатия, — негромко говорила женщина из-за его плеча. — Год назад у нее мужа задавило на руднике, а дочке восемь лет, только она не ходит, ног не чувствует. А вон Мерана, у нее рука сохнет. Посмотри, это Антор, сапожник. У него грудь слабая…

— У Семилиранды и попросите, чтобы помог, — отрезал Брек.

— Он помогает, как умеет, — спокойно сказала женщина. — Он по-другому не может. Так не бывает, чтобы всем сразу хорошо стало. Добро

просто так не дается. Кого Семилиранда одарит, тот чужую беду на себя принимает. А сам он как ребенок малый, что от его подарков будет, того он знать не хочет. Оттого добро его не часто до нас доходит. И никому не известно, какой он подарок в следующий раз принесет.

— Мне чужие беды без надобности, — сказал Брек. — Своих хватает.

— Я понимаю, — согласилась женщина. — Кому охота чужое на себя взваливать, да еще задаром.

— Своих бед хватает, — повторил Брек. — Мне самому этой жизни осталась одна ложка.

— Конечно, милый, — ласково сказала женщина. — Какой тебе от нас прок? Разве кусок хлеба пополам — разделим.

— Чахотка у меня, — рявкнул Брек. — Думал до следующей осени дотянуть, а теперь куда уж с проклятым подарком.

— Да ты не беспокойся, — уговаривала женщина, — ясное дело. Что ж другим помогать себе в ущерб.

Она не обижалась и не сердилась. Просто объясняла Бреку ей самой давно понятное.

— Ну, змея, — отчаянно крикнул Брек и рванул на себя оконную раму. Некоторое время он смотрел на людей, ждавших чуда от изможденного

оборванца. А потом закричал, приказывая:

— Эй, Фатия, иди сюда! И ты, Мерана. Все идите!

Меньше минуты не доставало до двенадцати на часах Семилиранды. Брек Линар лежал в постели, хватая воздух обрывками легких. Раза четыре заглядывал трактирщик: не пора ли выносить Брека ногами вперед? Спрашивал: «Эй, ты живой еще?» Тогда Брек ругался черными словами, а трактирщик грозил: «Ты, бродяга, не очень-то. Вот велю выкинуть тебя отсюда».

Брек держался. Может, оттого, что был сильно обижен. Он чувствовал себя обманутым, и горше всего было то, что Брек никак не мог сообразить — кто его обманул и в чем. Может, беззаботный Семилиранда? Может, полицмейстер с трактирщиком? Или эта вчерашняя женщина, как ее зовут, Юлина? А может, все они вместе?

Брек Линар умирал, но от огорчения никак не мог перестроиться на торжественный лад.

Ощущение сладкой прохлады вывело его из полузабытья. Он открыл глаза и увидел Юлину.

— Ну, что? — прошептал Брек, изображая уголками губ ухмылку. — Опять кого привела? Все уж. Больше ничего не умею.

Юлина еще раз провела по его лицу влажной

тряпицей.

— Никого я не привела. Посижу с тобой, — сказала она. — Попить хочешь?

Она напоила Брека и села рядом.

— Чего время зря терять? — еле слышно бормотал Брек. — Ничего больше из меня не выжмешь.

— Ничего и не надо, не беспокойся, — терпеливо отвечала Юлина. — Фатия тебе бульон куриный принесла. У нее петух был. А твои старые башмаки Антор починил. Ты не поверишь — ну как новые стали.

— Врешь ты все, — твердил свое Брек. — Плевать им теперь на меня. И тебе плевать. А мне и подавно.

Юлина хлопотала подле него, отирала пот с жаркого лба. Потом в комнату вошли Фатия, Мерана и еще люди, которые вытеснили далеко в коридор орущего трактирщика. Каждый из них нес для Брека самую малость — все, что имел. А Броку ничего этого уже было не нужно, но они входили и входили, не только те, кого Брек вчера вылечил, но и совсем незнакомые, узнавшие про человека, который так и не расстался с подарком Семилиранды до самого конца. Знал и не расстался. И Брек отчего-то успокоился. Ему показалось,

что легче стало дышать. «Помираю», — подумал он.

Кто-то всхлипывал возле него. Фатия или ее дочка — Брек не мог понять, а головы поворачивать не хотелось. Он слушал и не желал поверить, что из-за него еще могут плакать. А все-таки плакали. Его беда стала общим горем, и в это тоже никак не мог поверить Брек.

Внезапно отчего-то все умолкли. Наступила тишина, но она была совсем иной, не похожей на прежнюю.

Звонкое тиканье часов Семилиранды прекратилось. Брек вгляделся: стрелка стояла на прежнем месте. За полминуты до двенадцати. Антор нерешительно протянул к будильнику руку.

— Не трожь! — захрипел Брек, но так слаб был его голос, что Антор не услышал. А может, Броку только показалось, что он произнес эти слова.

— Пружина поломалась, — неуверенно сказал Антор.

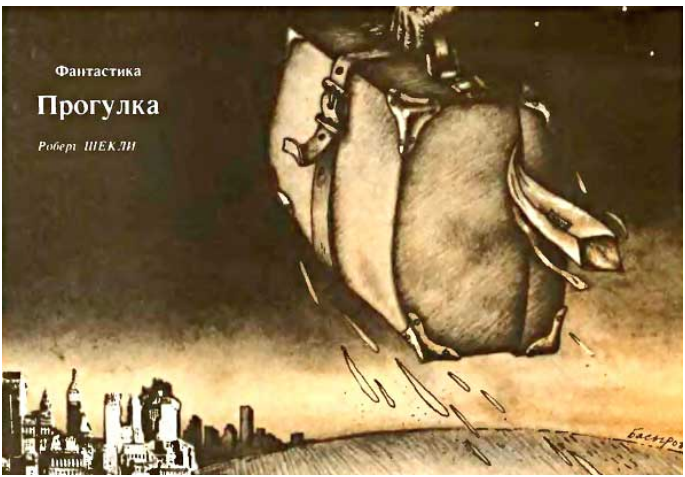
Брек первым постиг смысл сказанного, и ему стало страшно по-настоящему.

Он испугался, что будет жить вечно.

№ 7

Роберт Шекли

Прогулка



Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова. «Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону», — напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе

и компактная душа, которая питалась от батареек. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, потрясающем Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но его нынешнее тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки на улицу — играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина спросил:

— Эй, приятель, как пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупывайте эту стену, а когда найдете неплотность, то идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не пытаясь проверить стену.

— Какая косность! — сказал про себя Папазиан.

Около полудня Папазиан вошел в забегаловку и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые «хот доге».

— Знаменитые? — изумился буфетчик. — Скорей бы настал такой день!

— Уже настал, — возразил Папазиан. — Они пользуются хорошей репутацией во всей Галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячу световых лет ради этих булочек с сосисками.

— Чушь! — убежденно сказал буфетчик.

— Возможно, вам будет любопытно узнать, что половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.

— Альдебаранец по материнской линии, — объяснил Папазиан.

— Тогда ясно, — сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно — не знать, что делать дальше, кем стать, о чем говорить.

— Послушайте, — окликнул его прохожий. — Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?

— Не знаю, — сказал Папазиан, и это было правдой.

Какая-то женщина поспешила объяснить им, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду».

Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее. Молодая женщина сказала:

— Добрый день, я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

— Совершенно верно. Ваше имя?

— Лилиан.

— Сойдет. Можете приступать к работе.

— Но у вас ничего нет, даже машинки.

— Купите все, что нужно. Вот деньги.

— А что от меня требуется?

— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан. — Я понятия не имею, чем мне самому заняться.

— О… Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

— Превосходно, Лили. Вам говорили, — что вы хорошенькая?

— Нет.

— Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил

под кроватью, чтобы не умываться.

Лилиан была уже в конторе, расставляла новенькую мебель.

— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, — сказала секретарша.

— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителя звали Джаспере.

— Чем могу быть полезен, мистер Джаспере? — спросил Хол.

— Не знаю, — смутился посетитель. — Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину необъяснимых порывов.

— Где же вы его ощутили? — поинтересовался он.

— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню.

— Около почтового ящика? Благодарю вас за помощь. Что вы хотели?

— Побольше времени, — печально сказал Джаспере. — Разве не все этого хотят?

— Нет, — твердо сказал Хол. — Сколько времени вам нужно?

— Еще бы лет сто, — попросил Джаспере.

— Приходите завтра, — сказал Хол. — Посмотрю, что смогу для вас сделать. Когда посетитель

ушел, Лилиан спросила:

— Вы действительно можете ему помочь?

— Это я выясню завтра, — ответил Хол.

— Почему не сегодня?

— А почему не завтра?

— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

— Согласен, — сказал Хол. — Зато жизненно. Путешествуя, я заметил, что вся жизнь — ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с флагом, вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете?

— Лично я, — заметил Хол, — с вами согласен, потому что рядом стоит седоволосая женщина в нематериальном теле с высохшей рукой.

— Это Этель! Она умерла в прошлом году. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил яйца на плите, вода уже выкипела, и скоро твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно Этель, я узнаю ее! — воскликнул Герберт. — Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама — дух?

— Она отвечает, — произнес Хол, — что мужчина, который не умеет и яиц сварить, не вправе рассуждать о духах.

— Вечно она меня пилит, — сказал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги с ним? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком? Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В Дом престарелых духов, куда же еще? — и она незримо исчезла.

«Земля! — восхищенно подумал Хол. — Какое прекрасное место!»

На аллее толпился народ — в основном венерианцы, замаскированные под немцев. К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— Вы с Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет, я из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса, — констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю, Алина сходит с ума.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит: Кризис совпадения личности. Он сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они остались в памяти!

— Благодарю вас за информацию, — сказал Хол. — Жаль, что я причинил столько волнений моей дорогой Полине…

— Алине, — поправил Вентура.

— Конечно. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон.

Папазиан замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера. Хол заключил, что эту женщину звали Алиной. Женщина считала, что она его жена. У нее были на то соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, работу, счет в банке, автомобиль и все остальное, что есть у землян. Почти каждый день Алина спрашивала:

— Милый, ты еще ничего не вспомнил?

А он отвечал:

— Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке.

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме.

Хол Папазиан узнал все, что когда-то делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Он жил земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не

косить лужайку в полночь и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интереснее.

По просьбе Алины Хол пошел к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщал, какие мысли хорошие, а какие — плохие.

Кардоман:

Давно ли у вас появилось ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим много времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Дело шло на поправку. У Хола бывали минуты просветления. Алина писала мемуары под названием: «Рассказ женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм-м, — ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какао железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов, — прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье. — Когда вам было восемь, вы жили в штате Огайо.

— Надо же, — сказал Папазиан.

— Но вы на верном пути, — успокоил его Кардоман. — У каждого есть память, которая скрывает страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о том, как он был юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка…

Это были земные воспоминания, но доктор искал не их.

А потом, в один погожий день, в дверь позвонил продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Ее нет, — сказал Папазиан. — У нее сегодня

урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Вот и хорошо, — сказал продавец. — На самом деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки, — ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я из службы связи. Мы отбываем через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Будет вам, — отрезал продавец щеток. — Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время?

— Кажется, женился на одной местной.

— Это входило в вашу программу. Вы идете?

— Бедная Полина расстроится, — посетовал Папазиан.

— Ее зовут Алина. Как и большинство землян, она все равно ужасно много времени проводит в расстроенных чувствах. Но если хотите остаться, то следующий туристический корабль будет лет через пятьдесят.

— Пошли они куда подальше, — сказал Папазиан. — Я с вами.

— Я по-прежнему ничего не помню, — пожаловался Хол.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в другом месте.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, было объяснено скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети…

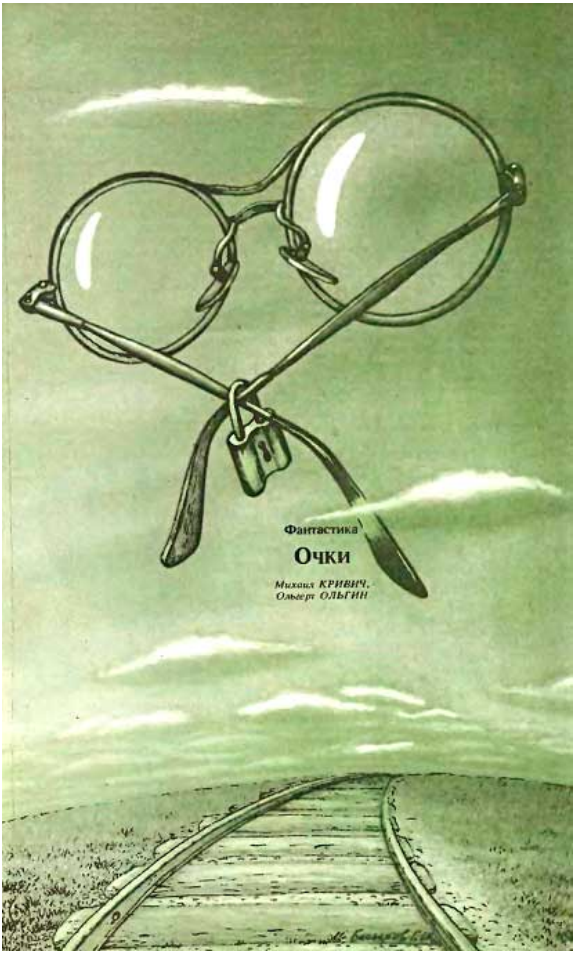
Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, но она мало приспособлена для жизни.

Перевел с английского Владимир Баканов

№ 8

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

Очки



Фантастика

Очки

Михаил КРИВИЧ,
Ольберт ОЛЬГИН

…Маркиз бросился к ее ногам.

— О, Кристина, если бы я мог вам открыться!

— Встаньте, маркиз. Я уже сделала выбор.

Она подняла свои спокойные серые глаза, и в то же мгновенье они наполнились ужасом. Маркиз резко обернулся…

«И почему в вагонах нельзя открывать окна? Ну и жарища!»…Квазиэллиптической конфигурации противоречат экспериментальные данные, полученные Зильберсом и Клопанецки [43] и подтвержденные Ли и Сидоренко [97], что служит серьезным аргументом…

«Кондиционирование, однако, оставляет желать лучшего. А солнце палит немилосердно. Издержки летних путешествий».

…Резко обернулся. Из-за портьеры, зловеще улыбаясь, шагнул де Вилье. В его руке блеснула сталь.

— Нет! — вскричала Кристина, в отчаянье заламывая руки.

— Теперь я знаю, что небезразличен вам, — воскликнул маркиз и с плащом в руке бросился навстречу де Вилье…

«Надо же, раззява, очки солнечные забыл. Может, у соседа найдутся?»

…Что служит серьезным аргументом в пользу

теории частичного рассеяния в гетерогенных средах, с тем, однако, условием, что…

«Кажется, молодой человек тоже мается от солнца. А где ж наши попутчики с верхних полок? Лишь бы не перебрали в ресторане: не выношу пьяных в купе».

…Навстречу де Вилье. Взмахнув плащом, маркиз увернулся от удара и, не давая сопернику опомниться…

— Виноват, у вас темных очков не будет?

— Увы, — откликнулся ученый сосед. — Кажется, были на верхней полке. Не знаю, впрочем, удобно ли без спроса.

— А что тут такого?

Молодой человек заглянул на верхнюю полку, сказал «ага», взял очки с дымчатыми стеклами в старомодной железной оправе и надел; очки пришлись впору.

…Бьюсь об заклад, что будуарчик Кристины был тесен, захламлен и нечист. Быт тех времен достоин изумления: эти шевалье и их любезные дамы не мылись месяцами…

— Вот те раз. Проскочил, что ли?

…Нормальный человек на шпагу с голыми руками не полезет. Лучше бы маркизу прыгать в окно. Сколько же глупостей я заставляю совершать

этих марионеток! А публика глотает и просит еще. Бог даст, через месяц-другой расплачусь по векселям и куплю наконец фрачную пару…

— Послушайте, — окликнул молодой человек соседа, — тут ерунда какая-то. Без очков так, а в очках этак.

— Нонсенс, — сухо ответил старший. — Позвольте очки.

— А книжку?

— Спасибо, у меня есть.

— Больно загибистая.

— Ничего, я немного разбираюсь.

…Насчет гетерогенных сред надо бы поосторожнее. Эти новые подходы — сплошная филькина грамота. Клопанецки, Клопанецки… Все на него ссылаются, я тоже. Интересно, на каком языке он печатается, этот Клопанецки…

Ученый сосед протяжно свистнул, снял очки, протер глаза и задумчиво уставился в окно.

— Ну как? — спросил молодой человек. — Смотришь в книгу, видишь совсем другое? Они небось фокусники, эти, с верхних полок.

Старший снова надел очки, раскрыл свою книгу в самом начале и прочел вслух:

…Предисловие. Ох и тошно браться за эту монографию! Но куда денешься? Все сроки прошли,

творческий отпуск брал, директор дважды спрашивал, где рукопись. Накатаю как получится, а там доработаю…

— Гениально! — воскликнул ученый сосед. — Не знаю, кто они, наши попутчики, но в их очках мы читаем не то, что написано, а то, что подумано.

— Кроме шуток?

— Какие шутки! Мы читаем между строк.

— Как это? Дайте мне, я проверю. Ну, если обманула…

Молодой человек вытащил из сумки письмо, нацепил очки и стал читать, время от времени бормоча себе под нос: «Надо же… обещал ей, видишь ли… а если и обещал?» Потом он густо покраснел, снял очки и убрал письмо в сумку.

— Обманула? — участливо спросил старший.

— Она хочет, чтобы… В общем, все нормально. Может, еще что-нибудь почитаем?

— Ничего с собой не взял, кроме этой книжки. Впрочем, на ближайшей станции можно будет купить журналов.

— Во! Надо взять «Футбол-хоккей». Вот скажите, почему Баранова второй год держат в сборной? Он же совсем не тянет, а его держат.

— Полагаю, что в этом тонком вопросе мы вско-

ре разберемся. Вас не затруднит посмотреть в расписании, когда остановка?

Молодой человек вернулся через минуту, глаза его сияли.

— Без очков — в четырнадцать ноль семь, — сообщил он восторженно, — а в очках — в два с чем-то, если повезет.

— Так и написано?

— Слово в слово.

— Значит, еще час, а то и больше. Подождем.

— А чего ждать? Вон сколько надписей в вагоне.

Ученый сосед иронически хмыкнул, однако вдел ноги в туфли и встал. Он бросил взгляд на верхние полки. «Где же их вещи? — подумал он. — Но, с другой стороны, почему всем путешествовать с чемоданами? Может быть, они из тех, кто все свое носит с собой. Как же тогда очки — забыты, нарочно оставлены?»

— Вы не помните, как выглядят наши спутники?

— Да никак. Люди как люди. Пойдем, что ли?

По смятой полотняной дорожке, прикрывающей красный ковер, они двинулись к тамбуру. Молодой человек остановился у таблички «Окно не открывать», приложил очки к глазам и засме-

ялся. Старший взял очки и тоже прочел: «Поди открой, когда заколочено наглухо».

— Избыточная информация, — пробормотал он.

— Вот и я говорю — что зря писать, если и так понятно.

Они пошли дальше, то и дело останавливаясь возле привычных железнодорожных указаний. «Вызов проводника — Отключено навечно». «Питьевая вода — Теплая и с противным привкусом». «Свежие газеты — Как же...» «Хол. Гор. — Гор. нет и не будет». «Для пуска воды нажать педаль внизу — Для пуска воды нажать педаль внизу».

— Надо же, — изумился молодой человек. — Что в очках, что без.

— А вы как думали? Есть и бесспорные истины.

— Выходит, есть, — легко согласился молодой человек. — Надо бы все-таки разобраться, в чем тут фокус. Пошли в ресторан, наши соседи наверняка там.

В ресторане три одиноких посетителя жевали что-то без видимого удовольствия. У буфета с полдюжины мужчин и женщин в белых фартуках считали деньги и негромко переругивались.

— Где же наши? — спросил молодой человек. —

Неужто разминулись?

— В проходе разминуться трудно, — усомнился старший. — Ну да ладно. Коль скоро мы здесь, не пообедать ли и нам?

— А что. Этого возьмем? — И молодой человек жестом показал, что именно. Ученый сосед скорчил кислую мину.

Они сели за пустой столик и раскрыли меню. Официант проводил их ленивым взглядом и вернулся к своим расчетам.

— В очках читаем или так?

— Лучше бы в очках, — попросил ученый сосед. — Я, знаете ли, чувствителен… Печень.

Молодой человек надел очки и принялся штудировать недлинный список поездных яств. Он проглядел его сверху вниз, потом снизу вверх, почмокал губами и отложил меню в сторону.

— Вам лучше не обедать.

— Совсем ничего?

Молодой человек еще раз пробежал глазами меню.

— Можете взять хлеб и крутые яйца.

Официант подошел к столику и стал смотреть в окно.

— Что будем заказывать? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ему вот, — показал молодой человек, — бутылку минеральной и крутые яйца, а мне… тоже крутые яйца и… ладно уж, пиво.

— Горячее бы взяли, курицу или шницель, — безразлично посоветовал официант.

— Курицу? Ту, что третий рейс с вами едет?

— Ну уж, — смутился официант. — Холодильник у нас только вчера отказал.

— Несите заказ, — попросил ученый сосед и добавил, обращаясь к молодому человеку: — Позвольте очки на минуту.

— Не дам!

— Да не пугайтесь, я этикетку на минеральной воде почитаю.

— Вы что, химик?

— А кто сейчас не химик? Давайте очки.

Официант принес яйца и хлеб, открыл бутылки с водой и пивом и примирительно пожелал приятного аппетита. Молодой человек постучал яйцом о тарелку и спросил:

— Что там у вас с водой?

— Как вам сказать… Из обещанного кое-чего не хватает. Боюсь, что гастрита этой штукой не вылечишь. Хотите я про пиво прочитаю?

— Не хочу.

Рассчитываясь с официантом, старший по-

смотрел сквозь очки на трехрублевую бумажку и довольно хмыкнул. Он взял рубль сдачи, осмотрел и его, снова хмыкнул с удовлетворением. В свой вагон они возвращались молча и ничего по дороге не читали.

В купе было по-прежнему пусто. Пробежал неведомо куда проводник с алюминиевым чайником в руках. Молодой человек окликнул его:

— Командир, наших соседей не видел?

— С верхних мест? — спросил проводник, заглядывая в купе. — Так они уже сошли, а билеты у них до Джанкоя, билеты, говорю, у меня остались, а я думал, они в командировку, вещей-то никаких. Так и сошли.

— Спасибо, — сказал старший. — Вы не заметили, они были в солнечных очках?

— Как же. Один в очках, точно как ваши. Шалавые мужики. Но за чай заплатили.

Проводник побежал дальше.

— Почитаем? — предложил молодой человек и зевнул.

— Неохота, — ответил старший.

— Гляньте, — сказал вдруг юноша. — Тут записка на столе.

Ученый сосед взял записку и рассмеялся.

— Что там смешного?

— Стихи. Послушайте: «Травка зеленеет, солнышко блестит, скорый поезд до станции Симферополь нас на отдых мчит».

— Нескладно, — сказал молодой человек. — Какие ж это стихи?

— А что это по-вашему?

— Приманка. Чтобы мы прочитали через очки. Теперь вы послушайте: «Разве вас не учили, что нехорошо брать чужое? Положите очки, откуда взяли, и забудьте». Подписи нет.

— И не надо, — сказал старший. — Что будем делать?

— Положим и забудем. А что еще?

— Разумно, — пробормотал ученый сосед и растянулся на полке.

Поезд дрогнул и остановился. «Стоянка десять минут», — раздался голос проводника. Юноша плотно закрыл дверь купе, устроился поудобнее и раскрыл двою книгу на странице с загнутым уголком.

…И, не давая сопернику опомниться, набросил плащ на сверкающий клинок. Уф, хватит на сегодня страстей. Завтра на свежую голову как-нибудь выкручусь из этого будуарного побоища…

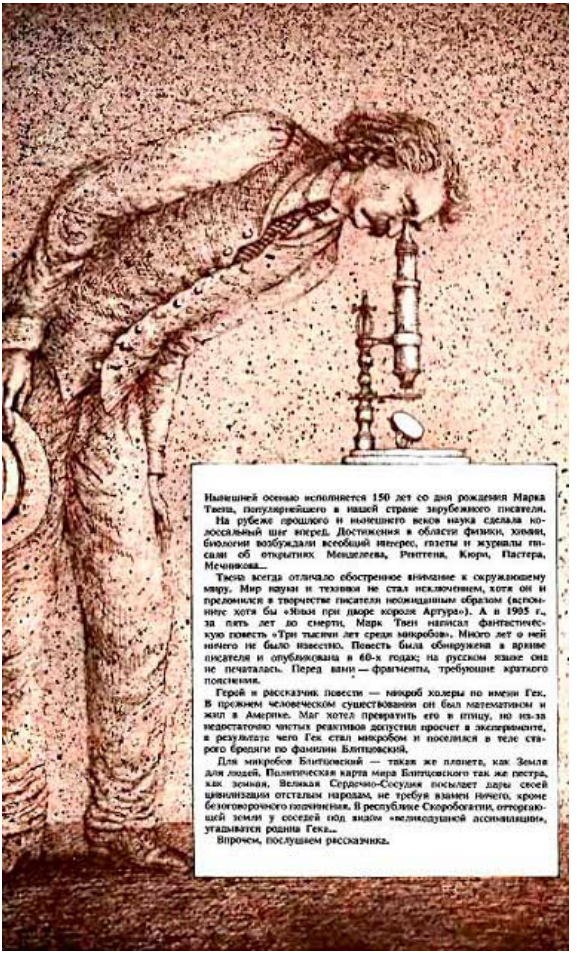
Ученый сосед поднял подушку повыше и раскрыл свою книгу.

...С тем, однако, условием, что указанная структура не будет подвергаться фазовым переходам по достижении равновесия, а, впрочем, если она и подвергнется им, то кто может сказать определенно, к чему это приведет и приведет ли вообще к чему-нибудь...

№ 10

Перевод с микробского Марка Твена

Три тысячи лет среди микробов



Нынешней осенью исполнится 150 лет со дня рождения Марка Твена, популярнейшего в нашей стране зарубежного писателя.

На рубеже прошлого и нынешнего веков наука сделала колоссальный шаг вперед. Достижения в области физики, химии, биологии возбуждали всеобщий интерес, газеты и журналы пестрели сообщениями об открытиях Менделеева, Рентгена, Кюри, Пастера, Мечникова...

Твена всегда отличало обостренное внимание к окружающему миру. Мир науки и техники не стал исключением, хотя он и преломился в творчестве писателя неожиданным образом (вспомните хотя бы «Янки при дворе короля Артура»). А в 1905 г., за пять лет до смерти, Марк Твен написал фантастическую повесть «Три тысячи лет среди микробов». Много лет о ней ничего не было известно. Повесть была обнаружена в архиве писателя и опубликована в 60-х годах; на русском языке она не печаталась. Перед вами — фрагменты, требующие краткого пояснения.

Герой и рассказчик повести — микроб холеры по имени Гек. В прежнем человеческом существовании он был математиком и жил в Америке. Маг хотел превратить его в птицу, но из-за недостаточно чистых реактивов допустил просчет в эксперименте, в результате чего Гек стал микробом и поселился в теле старого бродяги по фамилии Блитцовский.

Для микробов Блитцовский — такая же планета, как Земля для людей. Политическая карта мира Блитцовского так же пестра, как земная. Великая Сердечно-Сосудия посылает дары своей цивилизации отсталым народам, не требуя взамен ничего, кроме безоговорочного подчинения. В республике Скоробогатии, отторгающей земли у соседей под видом «мелкодушной ассимиляции», угадывается родина Гека...

Впрочем, послушаем рассказчика.

Нынешней осенью исполняется 150 лет со дня рождения Марка Твена, популярнейшего в нашей стране зарубежного писателя.

На рубеже прошлого и нынешнего веков наука сделала колоссальный шаг вперед. Достижения в области физики, химии, биологии возбуждали всеобщий интерес, газеты и журналы писали об открытиях Менделеева, Рентгена, Кюри, Пастера, Мечникова...

Твена всегда отличало обостренное внимание к окружающему миру. Мир науки и техники не стал исключением, хотя он и преломился в творчестве писателя неожиданным образом (вспомните хотя бы «Янки при дворе короля Артура»). А в 1905 г., за пять лет до смерти, Марк Твен написал фантастическую повесть «Три тысячи лет среди микробов». Много лет о ней ничего не было известно. Повесть была обнаружена в архиве писателя и опубликована в 60-х годах; на русском языке она не печаталась. Перед вами — фрагменты, требующие краткого пояснения.

Герой и рассказчик повести — микроб холеры по имени Гек. В прежнем человеческом существовании он был математиком и жил в Америке. Маг хотел превратить его в птицу, но из-за недостаточно чистых реактивов допустил просчет в эксперименте, в результате чего Гек стал микробом и поселился в теле старого бродяги по фамилии Блитцовский.

Для микробов Блитцовский — такая же планета, как Земля для людей. Политическая карта мира Блитцовского так же

пестра, как земная. Великая Сердечно-Сосудия посылает дары своей цивилизации отсталым народам, не требуя взамен ничего, кроме безоговорочного подчинения. В республике Скоробогатии, отторгающей земли у соседей под видом «великодушной ассимиляции», угадывается родина Гека…

Впрочем, послушаем рассказчика.

⟨…⟩ В те дни, с какой стороны ни посмотри, я был устроен в жизни на зависть хорошо. Жил в сельской местности, в сонной деревушке неподалеку от столицы; соседями моими были бесхитростные крестьяне, чьи странные обычаи и еще более странный говор я с удовольствием изучал. В самой деревушке и в ее окрестностях жили миллиарды крестьян, но казалось, что их не так уж много и живут они очень разбросанно, потому что у микробов миллиард — сущая чепуха.

Места здесь были чрезвычайно красивые и полезные для здоровья; куда ни глянь — перед тобой уходящие вдаль и скрывающиеся в дымке зеленые луга, сады и леса, пересеченные прозрачными реками, наполненные звоном птичьих голосов. Они простираются до самых уступов величественных гор, чьи суровые очертания изломанной линией вырисовываются на гори-

зонте. Ясная, умиротворяющая панорама, всегда безоблачная и светлая, ибо на планете Блитцовского не бывает ночи. То, что для человеческого глаза кромешная тьма, для микроба — полдень, волшебный, нежный, великолепный полдень. Миссия микроба сурова и безотлагательна, он редко спит, пока с годами его не одолеет усталость.

А какой видится здешняя неприступная скала человеку? Для него она меньше бородавки. А здешние прозрачные сверкающие реки? Нити паутины, капилляры, которые можно рассмотреть только под микроскопом. А здешнее бездонное беспредельное небо — обитель грез? Для подслеповатых человеческих глаз его просто не существует.

Для моего острого совершенного зрения весь этот необъятный простор полон жизни и энергичного движения, непрерывного движения. Ведь я вижу не только молекулы, составляющие все вокруг, но и атомы, составляющие молекулы, а человеческий глаз не различает их даже при помощи самого сильного микроскопа. Для человека атомы существуют лишь теоретически, он не может проверить факт их существования опытом. ⟨…⟩

Ничто не пребывает в покое — ни дерево, ни железо, ни вода, все движется, неистовствует, вращается, летит — днем и ночью, ночью и днем, неподвижности не существует, *смерти не существует*, все полно жизни — торжествующей, всеобъемлющей жизни, даже кости крестоносца, павшего под Иерусалимом восемь столетий тому назад. Понятия «растительный» не существует, все вокруг *животного происхождения*; каждый электрон — животное, каждая молекула — стадо животных, и все они имеют свое предназначение и душу, которую нужно спасти. Рай создан не только для человека, остальные божьи твари вовсе не должны пребывать в забвении. Бог дал каждому из них свое скромное предназначение, они выполнили его и не будут забыты, каждый будет вознагражден по заслугам. Человек, этот тщеславный спесивый пустослов, думает, будто он окажется в раю среди себе подобных. Его ждет разочарование. Пусть научится смирению. Если бы он не давал кров и хлеб презренным микробам и вечно гонимым бациллам, его незачем было бы сотворять. Это и есть его миссия, смысл его существования, так пусть делает свое дело и помалкивает.

Три недели тому назад я и сам был человеком,

думал и чувствовал, как человек. Но с тех пор прошло три тысячи лет, и я понял всю глупость человеческого существования. Мы живем, чтобы учиться, и счастлив мудрец, умеющий извлечь из учения пользу.

Во всех микроскопических исследованиях мы имеем несомненное преимущество перед земными учеными. Как я уже указывал, мы видим невооруженным глазом то, чего не обнаружит ни один созданный человеком микроскоп, поэтому мы можем добыть фактические данные о явлениях, лишь теоретически известных земным ученым. И разумеется, мы знаем кое-что о том, что на Земле не известно даже теоретически. К примеру, на Земле не подозревают, что у каждого атома есть характер, свой собственный характер. Дело обстоит именно так. Некоторые молекулы камня испытывают отвращение к молекулам растения или другого существа и ни за что не хотят вступать с ними в связь. Но если бы они и захотели, им бы не позволили. Никто так не привередничает, выбирая окружение, как молекула. На молекулярном уровне кастам нет числа, даже Индия не идет с ними ни в какое сравнение. ⟨…⟩

Я часто вспоминаю разговор, который имел по этому поводу с одним из своих приятелей,

известным ученым по имени Бблбгксв; чтобы не сломать язык, я называл его просто Бенджамин Франклин — звучит похоже, во всяком случае, когда произносит иностранец, оно звучит почти как «Франклин», если не как «Смит».

⟨…⟩ Франклин — микроб желтой лихорадки, но говорит на ломаном, дьявольски безграмотном щитовидно-дифтерийном диалекте, который я понимаю с трудом. 0‘ если б он знал латынь, но, к сожалению, он ее не знает. Просто поразительно — эти бациллы признают только свой язык и избегают иностранных!

Я спросил:

— Франклин, есть ли у растения в целом — у дерева, например, — чувства и симпатии, присущие именно дереву?

— Конечно.

— А бывают ли чувства, общие и для камней, и для лошадей, и для деревьев?

— Да, чувства, вызываемые действием кислорода ⟨…⟩ Кислород — это темперамент, единственный его источник. Там, где мало кислорода, темперамент дремлет, где его больше, темперамент проявляется ярче, а там, где его еще больше, разгораются страсти, и с каждой добавкой все сильнее. Вы замечали, что некоторые растения

держатся спокойно и миролюбиво?

— Замечал.

— Это все потому, что в них мало кислорода. Есть растения, в которых кислорода много, встречаются и такие, в которых кислорода больше, чем всего прочего. И вот результат: у розы очень мягкий характер, у крапивы — вспыльчивый, а у хрена просто необузданный. Или взять бацилл. Некоторые из них мягкосердечны; это из-за нехватки кислорода. Зато микробы туберкулеза и тифа накачались кислородом по уши. Я и сам горяч, но, к чести моей будет сказано, не веду себя, как эти разбойники, и даже вне себя от гнева помню, что я джентльмен.

Любопытные мы создания! Порою я спрашиваю себя: найдется ли среди нас хоть один, кому чужд самообман? Франклин верил в то, что он говорил. Однако всякий знает — стоит микробу желтой лихорадки разгорячиться, он-один заменит толпу разбойников ⟨...⟩

Какой, однако, странный и любопытный факт — то, что ни один микроб на густонаселенной планете Блитцовского не считает себя вредоносным существом! Услышав такое, они бы очень удивились и почувствовали себя оскорбленными до глубины души. То, что знатные едят

незнатных, считается в порядке вещей, так уж им судьбой предназначено, в этом нет ничего плохого, скажут они, ведь и простонародье, в свою очередь, кого-то ест, и это тоже не возбраняется; оба сословия питаются плотью и кровью Блитцовского, и это тоже справедливо, предназначено свыше и не считается за грех. Не ведая, что творят, они заражают Блитцовского болезнями, отравляют его и даже не догадываются об этом. Они не знают, что Блитцовский — животное, они принимают его за планету; для них он — скалы, земля, ландшафт, они считают, что он создан для них, микробов, они искренне восхищаются Блитцовским, пользуются им, возносят за него хвалу богу. И как же иначе? В противном случае они были бы недостойны тех милостей и щедрот, которыми их так щедро осыпали. Я не мог бы проникнуться этой мыслью так глубоко, если бы сам не был микробом, ведь раньше я и не задумывался над этой Проблемой. Как мы похожи друг на друга! Все мы думаем только о себе, нам безразлично, счастливы другие или нет. В бытность свою человеком я всегда норовил захлопнуть дверь перед голодным микробом. Теперь я понимаю, каким я был эгоистом, теперь я устыдился бы такого поступка. И любой человек, верующий

в бога, должен испытать такое чувство. Ну как не пожалеть микроба, он такой маленький, такой одинокий! И тем не менее в Америке ученые пытают их, выставляют на позор голыми перед женщинами на предметных стеклах микроскопов, выращивают микробов в питательной среде, чтоб потом мучить, и постоянно изыскивают новые способы их уничтожения.

Франклин признает, что атом неразрушим, что он существовал и будет существовать вечно, но он полагает, что когда-нибудь все атомы покинут этот мир и продолжат свою жизнь в другом мире, более счастливом. Историк Толливер тоже полагает, что атом вечен, но, по его мнению, Блитцовский — единственный мир, в котором атом пребудет. Разумеется, Толливер считает, что и сама по себе планета Блитцовского — нечто вечное и неразрушимое, но мне-то лучше знать, иначе б я затосковал. Ведь у нашего Блитци вот-вот начнется белая горячка.

Но это все чужие человеческие мысли, меня можно понять превратно — будто я не хочу, чтоб бродяга здравствовал. Что случится *со мной*, если он начнет разлагаться? Мои молекулы разбредутся во все стороны и заживут своей жизнью в сотнях растений и животных; каждая молеку-

ла унесет с собой свое особое восприятие мира, каждая будет довольна своим новым существованием, но что станется со мной? Я утрачу все чувства до последней частицы, как только закончится мой, вместе с Блитцовским, распад. Как я отныне буду думать, горевать или радоваться, надеяться, отчаиваться? *Меня* больше не будет. Я предамся мечтам и размышлениям, поселившись в каком-нибудь неведомом животном, скорее всего в кошке; мой кислород вскипит от злости в другом существе, возможно в крысе; мой водород унаследует еще одно дитя природы — лопух или капуста, и я подарю им свою улыбку и надежду на лучшее; скромная лесная фиалка, поглотив мою углекислоту (честолюбие), размечтается о броской красоте и славе — короче говоря, мои компоненты вызовут не меньше чувств, чем раньше, но я никогда об этом не узнаю, все будет для блага других, я же совсем выйду из игры. И постепенно, с течением времени я стану убывать — атом за атомом, молекула за молекулой, пока не исчезну вовсе; не сохранится ничего, что составляло мое *«я»*. Это любопытно и впечатляюще: я жив, мои чувства сильны, но я так рассредоточен, что не сознаю, что жив. И в то же время я не мертв, никто не назовет меня мертвым, я где-то

между жизнью и смертью. Подумать только — века, эры проплывут надо мной, прежде чем моя последняя косточка обратится в газ и унесется ветром. Интересно, каково это — беспомощно лежать так долго, невыносимо долго и видеть, как то, что было тобой, распадается и исчезает, одно за другим, словно затухающее пламя свечей, — вот оно дрогнуло и погасло, и тогда сгустившийся мрак… — но нет, прочь, прочь ужасы, давайте думать о чем-нибудь веселом!

Моему бродяге восемьдесят пять, есть основания надеяться, что он протянет еще лет десять — пятьсот тысяч лет по микробному исчислению времени. Да будет так! ⟨…⟩

Вскоре после появления на Блитцовском мне пришлось объяснять, из какой страны я прибыл. Это был очень деликатный вопрос. Разумеется, я мог, по обыкновению, сказать правду, но кто бы принял ее на веру? Можно бы выдать за правду и толковую ложь, но назовись я американцем из рода колоссов, достающих головой звезды, меня тотчас бы упрятали в сумасшедший дом.

На местном наречии холерный микроб называется «буилк», это эквивалентно латинскому «lextalionis», что означает — впрочем, я позабыл,

что это означает, можно обойтись хорошим словом «буилк», его здесь произносят с уважением. Я обнаружил, что мои соседи никогда не видели выходцев из Главного Моляра и понятия не имеют, на каком языке там говорят. Главный Моляр — левый зуб мудрости Блитцовского. В дентине этого зуба есть чрезвычайно тонкие нервные волокна, которые расположены горизонтально и пересекают вертикальные толстые, как тростниковые заросли, волокна под прямым углом. Я соврал, что родом из одного из них — северо-западного. ⟨…⟩

В те дни жизнь улыбалась нам — и мне, и другим ребятам. Я говорю «ребятам», потому что мы все еще чувствовали себя ребятами и называли так друг друга по старой привычке, и это было естественно — мы и сами не заметили, как перешагнули мальчишеский рубеж. Десять лет мы проходили вместе курс наук. Мне было семьдесят восемь (по микробному исчислению), но выглядел я ничуть не старше, чем тридцать лет тому назад, когда впервые появился на Блитцовском; тогда мне было двадцать шесть — двадцать семь по человеческому исчислению.

Возраст моих приятелей приближался к пятидесяти; по человеческим представлениям, им

можно было дать лет двадцать пять — двадцать восемь. Десять прошедших лет сказались на их внешности, они постарели — это было видно с первого взгляда. Я же совсем не изменился за это время. Прошло тридцать лет, мне казалось, что я прожил здесь целую жизнь, но прошедшие годы не состарили меня внешне и на день. Я был молод душой и телом, сохранял юношескую подвижность и силу. Приятели диву давались, да и я тоже. Я много размышлял над этой загадкой. Может, во мне оставалось что-то человеческое? Я пробыл микробом почти целый человеческий день. А вдруг мое сознание вело отсчет по микробному времени, а тело — по человеческому? Я не мог ответить на этот вопрос, я ничего не знал наверняка и, будучи немного легкомысленным от природы, довольствовался тем, что был счастлив. Приятели воздавали должное загадке моей затянувшейся молодости; как только иссякал источник научных головоломок, они неизменно возвращались к феномену моей молодости и обсуждали его заново. Они, конечно, хотели, чтобы я помог им разобраться в теории вопроса, и я жаждал помочь, ибо настоящий ученый скорей откажется от еды, чем от возможности порассуждать, но что-то меня удерживало. Если говорить

начистоту, я как ученый должен был предоставить в их распоряжение все относящиеся к делу факты, которыми располагал, а следовательно, раскрыть секрет своего прежнего существования и сообщить им, ничего не утаивая, все подробности. Трудно преувеличить сложность ситуации. Я хотел, чтобы товарищи по-прежнему уважали меня, а гигантская ложь — не лучший способ сохранить уважение. ⟨…⟩

Приятели заподозрили что-то неладное. *Почему* я увиливаю от ответа, мямлю, пытаюсь перевести разговор на другое, как только заходит разговор о моей непреходящей молодости? Пошли шепотки. При моем появлении ни одно лицо не освещалось приветливой улыбкой. Там, где меня, бывало, ждала радостная встреча, мне лишь небрежно кивали; вскоре наша компания раскололась, разбрелась кто куда, и я пребывал в одиночестве и унынии. Раньше чувство радости не покидало меня, теперь я был постоянном в дурном расположении духа.

Обстоятельства изменились, они требовали, чтобы изменился и я. Мне, их рабу, пришлось подчиниться. У меня была одна-единственная возможность вернуть любовь и доверие приятелей — пролить свет на предмет спора, откровенно

рассказав им о своем прежнем человеческом существовании, и нести ответственность за последствия. Я целиком подчинил себя цели — найти лучший способ действий. Как быть: рассказать свою историю сразу всей компании или — это, пожалуй, умнее — опробовать ее на двух приятелях, обратить их, если удастся, на путь истины, а с их помощью убедить и остальных? После долгих размышлений я решил остановиться на втором варианте.

Нас было двенадцать. Все, как говорится, из хороших семей. Мы не были ни знаменитостями, ни аристократами, но в нас текла кровь двенадцати великих семей — источника наследственной аристократии всех монархий на Блитцовском. Ни один из нас не имел в фамилии гласных, хотя благородное происхождение обязывало нас заслужить эти гласные, что было вовсе не обязательно для микробов более скромного происхождения. Гласными жаловали фаворитов из высшего света, как это водится при дворах, но менее родовитые микробы могли заслужить их личными доблестями, добиться интригами, подкупом и так далее. Микробы жаждали мишуры и отличий, это было естественно и лишний раз доказывало, что разница между людьми и микробами

лишь в размерах.

Я не мог выговорить ни одного имени из-за отсутствия гласных, а приятели мучились с моим местным именем; оно было вымышленное, я хитроумно изобрел его сам во избежание неприятностей. Я назвался уроженцем Главного Моляра, а это была далекая и никому не известная страна, поэтому требовалось имя, внушающее доверие слушателям, экзотическое имя. Приличествующее чужестранцу. Я придумал такое имя — смешение зулусского с тьерра-дельфуэганским; оно состояло из трех клохтаний и одной отрыжки и было самым непроизносимым именем, которое я когда-либо слышал. Я и сам-то не мог выговорить его одинаково два раза подряд, а что до приятелей, так они бросили всякие попытки звать меня по имени; потом они стали пользоваться им как ругательством. Когда они попросили придумать для них что-нибудь полегче, я предложил им называть меня Геком, уменьшительным именем от моего американского Гексли. В благодарность приятели со своей стороны позволили и мне назвать их другими именами. Я предложил им на выбор сорок пять имен своих любимых литературных героев, и после долгих упражнений мы отобрали одинна-

дцать, которые они могли осилить с наименьшей опасностью сломать себе челюсть. ⟨…⟩

Но пока хватит об этом, пора вернуться к сути дела. Итак, я решил доверить свою тайну двум приятелям, а остальных пока оставить в неведении. Я выбрал Гулливера и Луи XIV. По ряду причин я бы отдал предпочтение Гаю Мэннерингу и Давиду Копперфилду, если б мы жили в республике, но здесь приходилось соблюдать этикет и табель о рангах. В Гулливере была четверть молекулы королевской крови правящей династии Генри, хотя сами Генри об этом не подозревали, а если б и подозревали, то отнеслись бы к этому факту с полным безразличием, но Гулливер был к нему отнюдь не безразличен — он постоянно помнил о высоком родстве и напоминал об этом окружающим. Мне пришлось выбрать Гулливера и выбрать его *первым*. Вторым должен был стать Луи XIV. Это было неизбежно, ибо и в нем текла голубая кровь — неважно в каком количестве. Разумеется, будь среди нас представитель клана Чумных бацилл… но его не было, так что и говорить об этом нечего. Лемюэль Гулливер работал продавцом в продовольственном магазине, а Луи XIV — фармацевтом в аптеке.

Я пригласил обоих в свою скромную квартирку.

Они явились вечером того дня, когда мы совершили замечательное открытие — обнаружили гигантскую окаменелую блоху или, точнее, кончик ее огромной лапы. Это был чудесный день, энтузиазм поиска сплотил нас, будто в добрые старые времена. День за днем я собирался позвать Лема и Луи, но каждый раз храбрость мне изменяла, а теперь я понял — обстановка благоприятная, и надо ковать железо, пока горячо.

— Ребята, — начал я, — хочу открыть вам свою тайну.

Они глянули на меня с интересом, если не сказать с опаской.

— Вы просили меня помочь с разгадкой таинственного феномена — непостижимого отсутствия у меня возрастных перемен, а я все время избегал этой темы, и виной тому не моя несговорчивость, поверьте, а вполне разумная причина, которую я раскрою сегодня и попытаюсь убедить вас, что мое поведение было справедливо и оправданно.

Глаза их засветились благодарностью, нашедшей выражение в сердечном:

— Руку!

Мы обменялись рукопожатиями.

— Вы, наверное, заподозрили, будто я изобрел

эликсир жизни и потому сохраняю молодость, не так ли?

Приятели, поколебавшись, подтвердили мою догадку. По их признанию, этот вывод напрашивался сам собой, а все другие теории казались несостоятельными. Потом они процитировали мою фразу, о которой я давно позабыл; как-то я вскользь заметил, что эликсир жизни, возможно, будут получать из овец.

— Дело в том, — сказал Луи, припомнивший мою фразу, — что ты сам подбросил нам эту идею, а когда ты замкнулся в себе, мы ухватились за нее и попытались добраться до твоего секрета. Одно время мы думали, что добились успеха: создали эликсир и испытали его на множестве дряблых бацилл, уже стоявших одной ногой в могиле. Первые результаты были потрясающие, эликсир удивительно быстро возвращал старых бедолаг к жизни; они посещали балы, занимались на трапециях, участвовали в состязаниях по бегу, позволяли себе всякие неуместные шалости, и это было самое смешное и жалкое зрелище столетия. Но вдруг ни с того ни с сего все эти психи сыграли в ящик.

— Теперь вспоминаю! Стало быть, это вы получили знаменитый овечий эликсир, из-за которого

одно время было столько шума?

— Да, — сказал Лем Гулливер, — и мы полагали, что ты сможешь усовершенствовать его состав, если захочешь нам помочь. Было обидно и горько сознавать, что ты бережешь эту великую тайну для себя, хотя, следуя благородным традициям науки, должен был открыть ее народу, не требуя взамен никакого вознаграждения.

— Ребята, — сказал я, — прошу вас, ради старой дружбы поверьте мне на слово. Во-первых, я не открыл никакого эликсира жизни. Во-вторых, если б я его открыл, я бы отдал его бескорыстно для общего блага. Вы мне верите?

— Клянемся бородой Генриха Великого Восемьсот Шестьдесят Первого, мы верим тебе, Гек, и верим с радостью, — вскричали приятели. — Руку!

Мы обменялись рукопожатиями.

— А теперь, — продолжал я, — прошу вас поверить и в том, что я сам не знаю секрета своей непреходящей юности.

Сказал и сразу почувствовал, как между нами пробежал холодок. Приятели смотрели на меня в упор с грустью и укором, пока я не опустил глаза. Я все ждал и ждал, надеясь, что из великодушия они прервут тягостное молчание, но Лем и Луи

как воды в рот набрали. Под конец я не выдержал и сказал:

— Друзья, старые соратники, выслушайте меня и проявите доброту души. Вы не верите мне, но, клянусь честью, я сказал правду. А теперь хочу открыть вам тайну, как и обещал. Может быть, мой рассказ прольет свет на чудо моей непреходящей молодости, во всяком случае, я надеюсь. Полагаю, здесь и кроется разгадка, но я в этом не уверен: ученый не может принимать на веру то, что хоть и кажется правдоподобным, но не выдерживает последнего испытания, самого главного испытания — демонстрации. Начну свою исповедь с того, что *раньше я не был холерным микробом.*

Как я и думал, они рты раскрыли от изумления. Отчужденность чуть уменьшилась, и это уже было хорошо.

Да, мое признание смягчило напряженность. Оно, будто струя озона, освежило воздух. Еще бы! Такое признание способно вызвать интерес любого смертного. Невозможно представить, что подобное заявление, даже сделанное вскользь, не приковало бы к себе внимание ученых. Новое, неслыханное, таинственное привлекает всех, даже отъявленных тупиц. В старые времена тайна

всегда была связана с поиском сокровищ. Моя тайна могла дать той сто очков вперед. Ученому не пристало выражать удивление, выказывать волнение, проявлять излишний пыл, он должен постоянно помнить о профессиональном достоинстве — это закон. Поэтому мои приятели взяли себя в руки и как могли скрывали свое нетерпение. Выдержав глубокомысленную паузу, как и подобает ученому, Луи приступил к делу, спросив нарочито спокойно:

— Гек, как понимать твое заявление — в переносном смысле или в прямом, как научный факт?

— Как научный факт.

— Если ты не был холерным микробом, то кем же ты был?

— Американцем.

— Кем?

— Американцем.

— Это звучит как-то неопределенно. Мне непонятно. Что значит американец?

— Человек.

— Э…э тоже непонятно. А ты, Лем, понимаешь?

— Ничего, хоть убей, — с отчаянием в голосе ответил Лем.

— Что такое человек? — продолжал допыты-

ваться Луи.

— Существо, которое вам не известно. Человек живет на другой планете.

— На *другой*?

— На другой? — эхом отозвался Гулливер. — Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. ⟨…⟩

Приятели уже несколько часов обсуждали мой фантастический вымысел; одни разделяли мнение Лема, другие — Луи, мое же — никто. Тем не менее все жаждали узнать подробности, и это меня вполне устраивало.

Тут Лем Гулливер предложил новую идею. Я сел и выслушал его. Идея заключалась в организации компании по сбыту моей «Лжи». Лем так и выразился. По его словам, никто на Блитцовском не смог бы конкурировать с такой компанией. Она поглотила бы все концерны на своих собственных условиях и монополизировала бы всю торговлю этим товаром.

— Главное — правильно начать, — сказал Лем, — а там уж дело пойдет как по маслу. Прежде всего надо придумать название для компании, внушительное, впечатляющее название — ну, предлагайте!

— Стандард Ойл, — сказал я.

— Что это такое?

— Колоссальная корпорация на Земле, самая богатая.

— Идет! Нарекаем компанию Стандард Ойл. А теперь…

— Гек! — прервал Лема Груд. — Такую ложь за один прием не сбудешь. Ни один народ не сможет проглотить ее целиком.

— А кто говорил про один прием? В этом нет никакой нужды. Мы продадим ложь в рассрочку, и они купят ее частями — ровно столько, сколько смогут принять на веру за один раз. А в промежутках будут приходить в себя.

— Меня это устраивает — выглядит солидно. А кто займется основанием предприятия?

— Баттерс.

— Этот дизентерийный микроб, спекулянт и биржевой игрок?

— Да, он подходит: знает, как вести игру.

— Игру-то он знает, — заметил Дэйв Копперфилд. — А ты доверишь ему положить наши денежки в свой сейф?

— Нет, будем держать их в печке и наймем двух пожарных, чтоб сменяли друг друга на вахте через четыре часа.

— Тогда другое дело. А Баттерс не сочтет себя униженным?

— Баттерсы не так устроены.

Черт бы их подрал, они и впрямь задумали дело! В жизни не наблюдал подобного легкомыслия. За пять минут их можно втянуть в любую аферу. Эта идея вконец разорит меня.

Я был в панике, и не без основания. Надо немедленно положить конец этой гибельной затее. Но как? Убеждением? И думать нечего! Убеждением золотые мечты из горячих голов не изгнать. Но есть другой способ — один-единственный — проникнуться этой идеей и превозносить ее до небес.

Мой ум работал лихорадочно быстро, на полную катушку. Слышно было, как в голове одна за другой прокручиваются мысли. Я отклонял идею за идеей — все не то. А время летело…

Наконец, в самый критический момент меня осенило, и я понял, что спасен. Смятение, тревогу, ужас как рукой сняло.

— Ребята, — спокойно начал я.

Тут я сделал паузу. Это лучший способ привлечь к себе внимание шумной и возбужденной компании молодежи. Начните говорить и сделайте

паузу. Они это тотчас заметят, хотя и пропустили ваши слова мимо ушей. Болтовня стихает, все взоры устремляются к вам — внимательные, вопрошающие. Вы предоставляете им возможность созерцать вас секунд восемь, а то и девять, напустив на себя вид человека, витающего в облаках. Потом, будто очнувшись, вы слегка вздрагиваете, а это еще больше возбуждает их аппетит; у них уже слюнки текут от нетерпения. И вот тогда вы говорите безразличным тоном:

— Ну что, пошли по домам? Который час?

Теперь все козыри у вас на руках. Они разочарованы. Они чувствуют, что вы чуть было не сказали нечто важное, а теперь пытаетесь утаить это от них — из осторожности, не иначе. Они, естественно, алчут узнать, о чем вы умолчали. Да так, ерунда, ничего особенного, небрежно говорите вы. Но они уже вознамерились вызнать все во что бы то ни стало. Они настаивают, они упорствуют, они говорят, что шагу не сделают, пока вы им все не выложите. Вот теперь порядок. Вы целиком завладели их вниманием, вы возбуждаете их любопытство и симпатию. Теперь они проглотят что угодно. Можно начинать, что я и сделал, заявив:

— Все это несущественно, но если хотите слу-

шать — пожалуйста. Только чур не винить меня, если вам будет неинтересно. Я уже предупреждал, что это несущественно. По крайней мере, сейчас.

— Что ты подразумеваешь под этим сейчас? — поинтересовался Дэйв Копперфилд.

— А то, что я предложил бы нечто интересное, если бы… В общем, речь идет об идее, которая пришла мне в голову сегодня, по пути сюда. Я было загорелся, подумал: может, нам удастся наскрести небольшой капиталец, и, признаюсь, идея показалась мне очень заманчивой. Но теперь это не важно, никакой спешки нет, никто, кроме меня, его не отыщет, десять лет будут искать — не найдут, так что можно не беспокоиться — никуда оно не денется. А года эдак через два-три, когда Стандарт Ойл будет крепко стоять на ногах, мы… Ну до чего же хорошее название! Оно даст компании ход, вот увидите! Не имей мы ничего больше, одно название может гарантировать успех. Я совершенно уверен, что года через три, от силы через четыре Стандард Ойл…

— К черту Стандард Ойл, не отвлекайся, — вспылил Лем Гулливер. — Что у тебя за идея?

— Вот именно, — дружно поддержали его остальные, — выкладывай свою идею, Гек!

— Я вовсе не против того, чтобы рассказать, тем

более что никуда оно не денется, годы пролежит, и никто не узнает, где оно находится. А что касается тайны, то золото хорошо тем…

— Золото! — хрипло вскричали они, задохнувшись от изумления, с алчным огнем в глазах. — Где оно? Скажи, где оно, хватит тянуть кота за хвост!

— Друзья, успокойтесь, прошу вас, не горячитесь. Мы должны проявить благоразумие. Нельзя браться за все сразу. Уверяю вас: дело терпит. Давайте обождем — это самое разумное, а потом, через шесть-семь лет, когда Стандард Ойл…

— Гром и молния! Стандарт Ойл обождет, — возмутилась вся компания. — Говори начистоту, Гек, где золото?

— Ну, ладно, — сдался я, — если вы все единодушны в своем желании повременить со Стандард Ойл, пока мы…

— Да, да, согласны, полностью согласны позабыть об этой затее, пока не сорвем куш, и ты сам дай слово. А сейчас рассказывай, да без утайки!

— Хорошо, я изложу вам суть дела, думаю, оно вас заинтересует.

Я взял с них обязательство хранить тайну, обставив эту церемонию с подобающей торжественностью, и рассказал им историю до

того зажигательную, что у них глаза и зубы разгорелись. Приятели слушали меня с таким напряженным вниманием, что и дышать забывали. Я рассказал им, что Главный Моляр — лишь часть извивающейся цепи бурых скалистых гор-испо-линов, протянувшейся бог знает как далеко, может быть, на тысячи миль. Сама горная порода представляет собой конгломерат гранита, песчаника, полевого шпата, урановой смолки, ляпис-лазури, габитуса, футурум антиквариата философского камня, мыльного камня, точильного камня, базальта, каменной соли, английской соли и всевозможной другой руды, содержащей золото — россыпное или в материнской породе. Сама местность — пересеченная, труднопроходимая, необитаемая; на исследование одной сотни миль у меня ушло несколько месяцев, но я остался доволен тем, что увидел. Я отметил там одно перспективное место, где собирался заложить шахту; дело стало за деньгами. И вот теперь, полагаю, час пробил!

— По душе ли вам такая затея?

— Спрашиваешь! Еще бы!

Итак, с этим было решено. Энтузиазм становился все горячее и горячее, пока не дошел до точки кипения. Стандард Ойл лопнула как мыльный

пузырь. Мы разошлись по домам в приподнятом настроении.

По правде говоря, я не знал, стоит эта затея чего-нибудь или нет. Но тем не менее я питал самые радужные надежды. Я сопоставил кое-какие факты и сделал заключение. Блитцовский, несомненно, знавал лучшие дни, потому что имел обыкновение обращаться к дантисту. Из людей, потерпевших финансовый крах, лишь те, кто имел в прошлом большие деньги и высокое положение, могли позволить себе такую расточительность.

Я был доволен тем, как провел эту игру. Люди, загоревшиеся грандиозной идеей, цинично и холодно встретят всякое новое предложение, если их умоляют обратить на него внимание. Но когда предложение делается с безразличным видом и как бы нехотя, их любопытство распаляется, и они сами умоляют открыть им это новое. ⟨…⟩

Шахта понадобилась мне в критической ситуации, я выдумал ее, чтобы заполнить брешь, но теперь, когда моя выдумка привела приятелей в сумасшедший восторг, надо было либо защищать золотоносную шахту, либо выдумывать взамен что-то еще более красочное и богатое. Я перебрал множество вариантов — шахта по добыче

изумрудов, опалов, бриллиантов, но отверг их один за другим: планета Блитцовского навряд ли богата этими камнями. Пришлось вернуться к идее золотоносной шахты. Я стал уговаривать себя, что моя надежда не так уж бесплодна, и чем больше я обольщался этой надеждой, чем больше убеждал себя в ее разумности, тем менее иллюзорной она мне казалась. Только так и надо обращаться с надеждой, ибо она схожа с растением: стоит любовно разрыхлить и полить землю, и оно даст три всхода там, где раньше не было ни одного. Конечно, когда сажать нечего, дело идет медленно и трудно, но если есть семечко — неважно какое, любое подойдет, — дело продвигается быстро. Я нашел семечко. Во сне. Я посадил его. Сон привиделся мне вовремя. Я верю в кое-что увиденное во сне. Иногда. А в этот сон не поверил, потому что не знал тогда, на что он может сгодиться. Сон, приснившийся лишь однажды, чаще всего пустяк, лишенный всякого смысла, но повторяющийся сон — это совсем другое, он обычно приходит неспроста. Мне снился именно такой сон. Удивляюсь, как я раньше до этого не додумался. Сон был прекрасный и очень складный. Сначала мне снилось, что я терпеливо прогрызаю себе путь в длиннющем

тонком нерве нижнего коренного зуба Блитцовского. Я чувствовал, как исполин раскачивался от боли. Это продолжалось несколько недель, пока наконец я не обнаружил огромную впадину — впечатляющую, грандиозную впадину, окруженную отвесными скалами-стенами; освещенные матовым светом вечных сумерек, они уходили вершинами далекодалеко в густой мрак: в это время рот Блитцовского был закрыт.

Вскоре я снова увидел тот же сон, но на этот раз впадина была заполнена — Блитцовский побывал у дантиста, порожденного моей фантазией.

Через некоторое время я опять увидел этот сон. Мне снилось, что порода, заполнявшая впадину, прозрачна. В ней ясно различались три пласта, каждый примерно в треть мили толщиной (по микробной шкале мер). Верхний слой был сизого цвета, средний — цвета окисленного серебра, а нижний — желтый.

Я вызвал в памяти все три сна и принялся их анализировать. Сначала меня одолевали сомнения, но терпеливый и упорный труд не пропал даром. И когда пришло время собирать урожай, он оказался хорошим. Я был на грани экстаза. Шахта существовала — пусть иллюзорная, весьма иллюзорная, но все-таки она существовала!

Я видел ее так отчетливо, будто она была перед глазами: верхний слой в треть мили толщиной — цемент, средний слой — амальгама, нижний слой — золото, хорошее, чистое, высокопробное золото, двадцать три карата!

А запасы... Шутки ради я попробовал прикинуть запасы. Вскоре громада цифр целиком завладела моим воображением. Как это было естественно — вот она, наша природа! Я занялся подсчетом запасов шутки ради, но минут через пятнадцать с головой ушел в работу. *Это* тоже вполне естественно. Я был так поглощен подсчетом, что незаметно для меня сквозь призму моего воображения иллюзорное золото превращалось в чистый металл и мечта становилась реальностью. По крайней мере, я обретал уверенность, а уверенность легко переходит в твердое убеждение. Так я пришел к твердому убеждению, что мой сон — честное и совершенно достоверное отображение существующей реальности. Я отбросил все сомнения, которые закрадывались в душу, я свято верил в то, что сказочное сокровище, погребенное в основании зуба Блитцовского, ждет нас! От уверенности до твердого убеждения всего один шаг, и я сделал его очень легко. А сделав, я был готов сказать любому: «Это не просто

предположение, я знаю, что там есть золото». Все устроены на один лад. А будь мы совершеннее, то ни у кого не вызывали бы интереса.

При самом придирчивом, точном подсчете выходило, что золота в шахте с половину земной дробинки, не меньше. Колоссальное, немыслимое количество, от которого перехватывало дух! Оно существовало, воплощенное в многозначном числе, — от этого уже не отмахнешься.

С чем я мог сравнить удивительное месторождение? С Клондайком? Такое сравнение вызывало улыбку. Клондайк рядом с ним был все равно что денежный ящик уличного торговца. Может быть с гигантским рудным столбом? Давайте подумаем. Гигантский рудный столб был обнаружен в Неваде за семь лет до моего появления на свет — огромное тело богатейшей серебряной руды, равного которому не было в мире. Его открыли два рабочих-поденщика; они тайком сговорились с трактирщиком и маклером, купили за бесценок землю и через неделю-другую стали мультимиллионерами. Но и гигантский рудный столб казался сущей мелочью, безделкой по сравнению с бесценным сокровищем, запрятанным в глубине зуба Блитцовского. Крупица золота це-

ной в две тысячи слэш[1] различима под земным микроскопом лишь при увеличении в тысячу семьсот пятьдесят шесть раз. Пусть кто-нибудь другой, если есть охота, подсчитает, сколько стоил зуб Блитцовского, я уже устал.

От этого неслыханного богатства у меня кружилась голова, я был словно пьяный — пьяный от счастья. Никогда раньше у меня не было мало-мальски приличной суммы, я не представлял, что делать с такими деньгами, и потерял голову — на несколько минут. Прежде я не был алчным, но теперь я алкал. Какая неожиданная перемена произошла со мной! Да, мы и впрямь странно устроены.

А что скажут приятели, когда я сообщу им эту новость? Что они почувствуют, когда опомнятся от потрясения и поймут, какое баснословное богатство им привалило? Вот именно, что они почувствуют, когда сообразят, что не могут истратить свой годовой доход, даже если наймут в помощники всю императорскую семью!

Мне не терпелось поскорее созвать приятелей и преподнести им потрясающее известие. Я потянулся к телефону.

---

[1] Примечания: 1

Единица денежного обращения на Блитцовском. Меновая стоимость — 100 000 долларов. — *Прим. перев.*

— Погоди, — услышал я внутренний голос, — не делай опрометчивого шага, подумай! Я подчинился таинственному импульсу и стал размышлять.

Я напряженно думал целый час. Потом вздохнул и сказал себе: «Да, так будет по совести, ведь это я обнаружил шахту, если бы не я, ее б никто никогда не отыскал. Когда они получат по одной двенадцатой от общей суммы, а я — ни на бэш[2] больше, будет ли это справедливо? Я думал, думал и решил, что мне причитается половина, а другую половину пусть они поделят между собой. Это решение показалось мне справедливым, я почувствовал удовлетворение. Я опять протянул руку к телефону и… Таинственный внутренний голос снова остановил меня.

Я раздумывал еще час. Они, конечно, не сумеют распорядиться такими деньгами — это невозможно. Хватит с них и трети, с их-то скромными запросами и непривычностью к… Я потянулся к телефону.

После долгого глубокого раздумья я понял,

[2] Примечания: 2

Единица денежного обращения на Блитцовском. 1/10 цента. — *Прим. перев.*

что им не под силу разумно распорядиться и четвертью такой фантастической суммы. Пожалуй, даже десятой частью. Ведь сорви они такой куш, как одна десятая, коварный, ядовитый дух спекуляции наверняка растлит их, разложит морально. По какому же праву я искушаю молодых и неопыт…

Нет, нет и еще раз нет! Я не могу пойти на такое предательство! Я не сомкну глаз, если стану виновником их морального падения! Сама мысль об этом больше, чем я в состоянии…

Итак, решено: для их же блага я возьму все золото себе. Тогда им ничто не будет угрожать, и мысль о том, что я сохранил в чистоте их души, будет мне достойной наградой, и нет награды приятнее и выше.

Но я не хочу лишать их доли в привалившем мне богатстве. Они получат часть амальгамы. Они отработают оба пласта и получат часть амальгамы в награду за свой труд. Я еще подумаю, какую часть им выделить. К тому же они могут взять себе весь цемент.

И я пошел спать.

Перевела с английского Людмила Биндеман

№ 12

Кир Булычёв

Юбилей «200»

Фантастика

Юбилей «200»

Кир БУЛЫЧЕВ

Славная дата — двести лет Эксперименту. В истории Земли ничего подобного не было! Сама длительность подавляет воображение. Создатели Эксперимента кажутся небожителями.

На самом деле они существуют — в виде портретов в актовом зале.

Дарвин. Мендель. Павлов. Соснора. Джекобсон. Сато.

Первые три скончались, не подозревая об Эксперименте. Три последних не дожили до результатов.

Мне надоела предпраздничная суета. Я пошел в библиотеку.

Маруся уговаривала пылесос — драгоценнейший прибор в институте — заняться книжными полками. Я представил себе, сколько поднимется пыли, если пылесос согласится. К счастью, пылесос не соглашался. Он пытался втолковать Марусе, что его услуги нужнее в институтском музее, куда скоро придут гости.

Маруся увидела меня и спросила:

— Мне, что ли, лезть туда?

Наверное, она ожидала, что ради ее прекрасных глаз я буду лазить по стремянкам.

Я ушел вместе с пылесосом.

В саду тоже не спрячешься. По странному

приказу завхоза Скрыпника там перекапывали клумбы, на которых только что отцвели тюльпаны, чтобы сотворить одну клумбу в виде цифры 200.

Я пошел на детскую площадку. Детей не было — ставили новую ограду. Силовую, невидимую, современную. Представьте себе, какие комплексы она будет вырабатывать в малышах, которые неизбежно будут натыкаться на несуществующую стену. Начнутся неврозы, истерики, все будут искать причину душевных травм у молодых гомошимпов, пока какой-нибудь шустрый аспирант не догадается, что виной всему — невидимость ограждения.

Малыши резвились на берегу пруда. Землечерпалка уже перестала мутить воду, бортики были покрашены. Я уселся в тени под явором, который, по преданию, посадил сам академик Соснора, и принялся наблюдать за детенышами. Они с визгом носились по берегу, а воспитательницы семенили за ними: им казалось, что кто-нибудь обязательно упадет в холодную воду и схватит воспаление легких.

По облику малышей я без труда угадывал генетические линии.

Живший больше века назад самец Старк, со

светлой короткой шерстью, гомозиготный по этой доминантной аллели, утвердил себя на много поколений вперед. Помните скошенные подбородки и висячие носы Габсбургов? Это видно по портретам, как бы ни старались приукрасить художники.

Мы покоряем природу, а природа находит пути, чтобы не покоряться.

Эксперимент был внешне скромен, но полон человеческого тщеславия: мы, всесильные, берем стадо шимпанзе, мобилизуем механизм направленных мутаций, выводим эволюционный процесс из тупика, ускоряем его в тысячи раз и глядим — дозволено ли нам природой создать себе братьев по разуму.

Те, кто планировал Эксперимент и пробивал его в академических и финансовых органах, понимали, что сами до результатов не доживут. Хотя, наверное, каждому из них казалось, что произойдет чудо и через тридцать лет народится мутант, который выучит таблицу умножения.

Я как-то отыскал в библиотеке журнал двухвековой давности с бойкой статьей о том, как разыскивали по зоопаркам и институтам самых умных, сообразительных, продвинутых шимпанзе и как свозили в выделенный уже для

них комплекс, нечто среднее между зоопарком, генетическим институтом и общежитием для умственно отсталых. Нехватку кредитов и оборудования на первых порах компенсировали энтузиазмом. Далеко не все понимали, что Эксперимент должен иметь предпочтение перед прочими занятиями человечества. Но во главе института стоял Соснора, который додумался испытывать свои генетические методы на коровах и увеличивал их лактацию до фантастических пределов. С помощью этих безмозглых тварей, которые по традиции и теперь пасутся за прудом, он доказал рентабельность предприятия.

Последующие директора постепенно расширяли хозяйство, пополняли стадо шимпанзе одаренными экземплярами. Несмотря на кризисы и конфликты, институт так и не закрыли. В самом принципе его деятельности было нечто ирреальное. Это была наука с претензией на божественность.

Директора приходили и уходили, научные сотрудники получали зарплату, защищали диссертации, уходили на пенсию — в общем, делали примерно то же, что их коллеги в других институтах. Иногда менялись генетические концепции, возникали новые теории или возрождались

забытые. Вдруг возвышался неоламаркизм, затем торжествовал постдарвинизм, а после временного господства джекобсонизма верх брал супердарвинизм.

И каждый из поворотов теории отражался на отношении к шимпанзиному стаду. Наиболее перспективные особи вдруг попадали в немилость и их списывали в зоопарки или медицинские институты; достижения оборачивались поражениями, чтобы несколько лет спустя превратиться в громкие открытия — и больнее всего эти перемены били по шимпанзе. Не так давно был случай, когда списали в зоопарк Сиену-4, самку с удивительными математическими способностями. И по простой причине: ее шеф — человек милый, талантливый, но беспутный, — разругался с заведующим отделом и ушел из Эксперимента. А кроме него никто не пользовался доверием Сиены-4…

Вот почему я, участник Эксперимента, остаюсь в глубокой внутренней оппозиции к тому, что у нас делается. Двести лет направленных мутаций, изменений среды обитания, медикаментозных опытов и трудового обучения — а стабильных результатов так и не добились. Более того, пропасть между гомошимпами и экспериментаторами все

углубляется. Как ни странно, люди, придумавшие Эксперимент, ухлопавшие в него двести лет и кучу средств, внутренне не готовы к тому, чтобы отказаться от собственной исключительности. Гомошимп остается для них не более как шимпом. Объект для исследований, но не партнер по разуму…

Эти мои, довольно печальные мысли, были прерваны бездарной бихейвиористкой по прозвищу Формула.

— Джон! — кричала она, несясь по коридору. — Где ты?

Увидев меня, она спросила:

— Джона не видел? — Но ответа не стала дожидаться, махнула рукой и помчалась дальше. Меня она не выносила.

Джон — старый гомошимп, ублюдок с анатомической точки зрения, почти безволосый, лобастый и в меру коварный, пользуется доверием некоторых сотрудников Эксперимента. Тот небольшой набор слов, которым он оперирует, кажется им вершиной собственных достижений. Когда приезжают важные гости, Джона выводят к ним и он изображает из себя пародию на че-

ловека: натягивает трусики и красную рубашку, делает вид, будто поддерживает беседу, оставаясь не более как попугаем в окружении любопытствующих обезьян.

Зачем Формуле в такой сумасшедший день понадобился Джон? Я подошел к окну и увидел, как она крутится возле бывшей клумбы, повторяя: «Джон, где ты? Джонни, ты мне нужен!»

Джон, который дремал где-то поблизости, лениво вышел из кустов. Он поскребывал могучий живот, отращенный на подачках.

— Джонни! — возрадовалась Формула. — Прими новенькую. Ты лучше всех это умеешь делать. Умоляю!

— Что дашь? — спросил Джон, существо корыстное и развращенное.

— Джонни, я никогда тебя не обижала.

— Столкуемся, — сказал Джонни и пошел за Формулой, сгибаясь чуть больше, чем нужно, и касаясь земли пальцами рук. На этот раз он был в синих трусах и в белой кепочке, сдвинутой на затылок так, чтобы любой мог полюбоваться его лобными долями.

Я пошел вслед за ними.

Они вышли к стоянке. Возле транспортного вертолета маялся могучий детина из службы

заповедников. Он держал на цепочке молодую самку шимпанзе, которая была насмерть перепугана полетом и необычной обстановкой.

При виде хорошенькой самки гордость генетической науки превратился в самца шимпанзе. Девушка ему очень понравилась. В мозгу Джонни уже шевелились надежды на то, что он получит молодую наложницу. И он принялся изображать перед ней обезьяну — вытягивал трубкой губы, подпрыгивал, бил себя кулаками в грудь, словно горилла. Разумеется, он еще больше напугал самочку.

А девушка была в самом деле сказочно хороша. Мозг ее пока спит; впрочем, никто и не намерен вдувать в него разум. Она нужна лишь для продолжения рода, для свежей струи генов.

— Джонни, не пугай ее, — взмолилась Формула. — Объясни ей, что она будет жить в хороших условиях. Пускай она успокоится.

Удивительная наивность, свойственная некоторым научным сотрудникам. Создав расу гомошимпов, они полагают, что и обыкновенные шимпанзе владеют какой-то примитивной речью и могут объясняться с такими, как Джонни. А он, никогда не знавший языка диких сородичей, языка жестов и дыхания, языка примитивного, но

всеобъемлющего, должен был поддержать свое реноме. Ничего у него не получилось. Девушка скалилась и старалась спрятаться за ноги детины из службы заповедников, полагая, что обыкновенный человек все же лучше, чем неизвестный зверь в белой кепочке.

Я понял, что создалась тупиковая ситуация, и направился к девушке, уверенный, что мне удастся успокоить это несчастное создание. И все кончилось бы благополучно, если бы не эта проклятая Формула.

— Стой! — завопила она. — Джон, удержи этого хулигана! Ну где же шланг?

Джон нахмурился, изображая из себя защитника человечества, хотя в душе он трепетал передо мной и знал, что я с ним сделаю, если он посмеет хоть пальцем меня тронуть.

Я встретил доверчивый взгляд самочки шимпанзе и улыбнулся ей. Я знал, что отныне она — моя покорная рабыня. Больше мне ничего не надо было. Я тихонько фыркнул, чтобы ее успокоить, и дал понять гримасой, что ей здесь нечего бояться. Потом под вопли Формулы и угрожающие жесты ничего не понявшего, но встревоженного детины прыгнул на ближайшее дерево, раскачался на нижнем суку и перемахнул

наверх, ощущая спиной восторженный взгляд девушки. Деревьями, по проторенной дорожке, я добрался до спален.

Несколько гомошимпов отдыхали на койках, кто-то читал, молодежь разглядывала видеоленты. Барри, прирожденный столяр, чинил табурет. Мы сколачивали табуреты в мастерской трудового воспитания.

— Что случилось? — спросила Дзитта, старая умная гомошимпа, наделенная великолепной интуицией.

— Черт бы побрал эту Формулу, — сказал я. — Там привезли чудесную крошку, Формула позвала Джонни, а этот старый козел…

— Не надо, все ясно, — прервал меня Барри и отложил молоток. — Знаешь, сегодня утром меня снова таскали на тесты.

— И ты думал о бананах?

— Об апельсинах тоже, — засмеялся Барри. — Они разочарованы.

— Ой, трудно, — сказала Дзитта. — Особенно я боюсь за молодежь. Рано или поздно они нас обязательно поймают.

— А какая альтернатива? — спросил я. — Все

признать? Стать объектом сенсации и остаться при том существами третьего сорта, говорящими макаками?

— Только бы сегодня все обошлось, — сказал Барри.

— А меня утром спрашивал о тебе доктор Вамп, — сказал молодой гомошимп Третий. — Он спрашивал, уважаю ли я тебя.

— А ты что ответил?

— Ты знаешь, я плохо говорю, такой тупой-тупой гомошимп, я сказал, что Лидер сильный.

Я отобрал у Третьего банан — понял, что страшно проголодался.

— А девушка красивая? — спросил Второй.

— Не твое дело, — отрезал я. — В лесу отыщешь себе красивее.

— Сейчас идет совещание, — сказал Барри. — Надо послушать.

— Обсуждают, как разместить гостей и устроить банкет, — заметила Дзитта.

— Может, все-таки сходить? — спросил Барри.

— Я сам, — сказал я и выбрался через окно. По виноградной лозе взобрался на крышу и пополз по ней до окон комнаты совещаний. Наши маршруты проверены поколениями гомошимпов. Мы еще уступаем людям в интеллекте, но

не разучились лазить по деревьям, прыгать и, главное, скрывать мысли и поступки; законы леса в нас сильнее, чем законы города, и двухсот лет слишком мало, чтобы кровь и мышцы забыли о прошлом. Я не знаю, кто первым пробрался скрытно к окнам комнаты совещаний, но это был гениальный гомошимп, я не боюсь этого слова, который понял, что разум его развит настолько, что пора утаивать от людей то, что проснулось в нас.

Люди окружили нас приборами, которые вызывают страх и недоверие. Людям кажется, что любой всплеск мысли и движение чувств тут же будут отражены самописцами и биофонами. Они совершили ошибку — они пытались сделать нас по своему образу и подобию. Но природа оказалась сильнее. Мы это поняли тогда, когда обнаружили, что, доверяясь приборам, люди судят о нас ложно. Это великое открытие было сделано до моего появления на свет.

И с тех пор, подчиняясь людским приборам и жестоким экспериментам, в которых нас заставляли есть, спать, думать, трудиться, размножаться только на глазах, под контролем, — все это время мы учились скрытности. Мы не второсортные люди, мы новая раса, гомошимпы!

Невидимый из комнаты совещаний, я наблюдал за людьми. Я, подопытный кролик, недочеловек и переобезьяна, затевал заговор против них.

Разговор в комнате шел о моей персоне. Выступала Формула.

— Он становится невыносимым, — щебетала она. — Он оказывает дурное влияние на других особей.

Как тщательно они избегают слова «животное», подумал я.

— Конкретнее, — попросил доктор Вамп. Доктор ведает лечебницей и выступает против излишне жестоких экспериментов — он лечит, и у него добрые руки.

— Сегодня к нам поступила новая самочка, — сказала Формула, и перед моими глазами возник сладостный образ девушки. — Я попросила Джона помочь мне отвести ее в изолятор.

— Джон не вызывает у меня доверия, — сказал Батя, директор института.

— Он очень развитое существо, — возразила Формула. — И часто нам помогает. На этот раз он помочь не смог. Обезьянка очень боялась. Мы все равно справились бы с ней, но тут из кустов выскакивает этот Лидер и бросается на обезьянку. По-моему, он хотел надругаться над ней.

Формула была близка к слезам. Черт побери, подумал я, за какое чудовище она меня принимает!

Неожиданно Формула получила подкрепление от завхоза Скрыпника.

— Он становится диким зверем, — сказал толстый Скрыпник. — Вчера забрался на склад и распотрошил половину запасов. Не представляю, как устраивать банкет. Я послал в город за припасами.

Операцию на складе проводили мы с Дзиттой и двумя молодыми ребятами. Первое время нам будут нужны продукты — сгущенка, кое-какие консервы. Похищение пришлось замаскировать под бандитский налет, иначе бы оно вызвало подозрение.

— Пора его отдавать в зоопарк, — сказала Формула. — Если он и мутант, то регрессивный. Опасный для Эксперимента.

— А что вы скажете, доктор? — спросил директор.

— Воздержусь от выводов. По моим наблюдениям, Лидер пользуется в стае авторитетом.

— Вот именно, в стае, а мы стремимся создать общество! — воскликнула Формула.

— А что вы думаете? — обратился директор к заведующему лабораторией, моему главному

противнику, которого мы постоянно водили за нос, изгоняя из головы все мысли, кроме мыслей о еде.

— Уровень интеллекта невысок…

Заведующий углубился в записки, он извлекал их из карманов и раскладывал на столе, путал мои данные с данными других гомошимпов, и в результате запутал все настолько, что директор остановил его. Другие специалисты были единодушны: я — опасный зверь, плохо влияю на молодежь, от меня надо избавиться.

С одной стороны, это было приятно слушать: я их провел и провел основательно. С другой — любому разумному существу обидно, когда его хотят отправить в зоопарк.

— Подытоживаю, — сказал директор. — Лидера готовить к отправке. Созвонитесь с зоопарком в Сухуми, оттуда есть запрос. Полагаю, что завтра можно перевезти.

Теперь перейдем К другим заботам. Когда прилетает рейсовый с гостями?

— В семнадцать тридцать, — ответил Скрыпник. — Мы его паркуем на запасном поле, машина большая.

Об этом вертолете я знал. Остальные гости будут слетаться на малых машинах. Малые ма-

шины нам не нужны. Нам нужен этот вертолет.

Ну что ж, можно уходить. Я узнал две важные вещи. Во-первых, время не терпит. Если мы сегодня не сделаем задуманного, завтра меня тайком, подло, предательски отправят в зоопарк. Во-вторых, нужная нам машина с половины шестого будет стоять на запасном поле. Удивительная удача: запасное поле окружено лесом, а подходы к машине скрыты зеленью.

Я спустился в сад.

С некоторой грустью я смотрел на пруд, на спортивную площадку, на классные комнаты. Никогда я уже не увижу этого мира, в котором я вырос, стал настоящим гомошимпом и осознал свой долг перед племенем. Всему на свете бывает конец, вспомнил я чьи-то слова.

В спальне меня ждали.

— Все в порядке, — сказал я. — Вертолет прилетает в семнадцать тридцать. Стоит на запасном поле.

О решении отослать меня завтра в зоопарк я говорить не стал. Это могло несколько подорвать мои позиции. Подумают, что я спасаю собственную шкуру.

Мы наблюдали сверху, как съезжались гости. Встреча с гомошимпами назначена на завтра. Лишь идиот Джонни бродил между приезжими, фотографировался с ними, пожимал им руки и говорил банальности, которые поражали гостей своей глубиной.

Еще засветло с большими предосторожностями мы перетащили часть грузов из лесных тайников поближе к вертолету. В Большом лесу, на берегах Конго, мы не намеревались становиться дикими животными, и поэтому забирали с собой учебные микрофильмы для детей и запас кассет, кое-какие приборы и инструменты. В общем, начиналось великое переселение маленького народа.

Вечером в саду зажгли иллюминацию. Подъезжали новые гости, под яблонями Скрыпник поставил длинные столы с закусками. Перед сном к гостям вывели малышей, они хором спели про елочку. Гости умилялись.

Я тайком проверил, все ли замки сломаны. Хорошо бы они не догадались оставить стражу у большого вертолета.

Машина мне понравилась. Она была в самом деле велика, я на такой еще не летал. Но мы знали, как работает автоматика. Они хватятся, когда мы будем уже над Африкой.

Луна была ущербной, так что мы двигались свободно, почти не прячась. Стражи у вертолета не было.

Все стихло. Лишь из окон гостиницы доносились голоса и песни. Пускай веселятся. Завтра их ждет большое разочарование. Некого будет смотреть. Разве что Джонни.

— Слушай, — спросил я мудрую Дзитту, — мы берем Джонни?

— А ты как думаешь?

— Я бы оставил его людям в утешение.

— Согласна. С нами он будет несчастлив. Он привык к комфорту.

Третий привел детей. Они были сонные и капризничали.

Мы быстро посадили детей в вертолет. Дзитта пересчитала гомошимпов.

— Шестьдесят четыре особи, — сказала она с улыбкой. Она умела копировать Формулу.

— Все на месте? — спросил Барри. Он будет у нас вторым пилотом.

— Стой, — сказал я. — Мы же ее забыли.

— Кого? — не поняла Дзитта.

— Девушку, которую привезли сегодня. Неужели ты хочешь, чтобы она досталась Джонни?

— В лесу ты найдешь невесту получше, — ска-

зал Третий. Я так зарычал на него, что он шустро залез в машину и, надо полагать, будет молчать до Африки.

— Не делай глупостей, — попросила Дзитта. — Ты переполошишь весь институт.

— Нет, — сказал я твердо. — Я скоро вернусь.

Большими прыжками я помчался к изолятору.

Как назло дверь была заперта.

Я подошел к окну. Окно было непробиваемым, ничем его не возьмешь. Из темноты на меня смотрели большие прекрасные глаза. Девушка понимала, что я пришел к ней, но не знала зачем. Она расплющила о стекло большие губы. Глупая, милая, неразумная тварь.

В два прыжка я оказался на крыше. Отвинтить вентиляционную решетку было делом минуты. Я спешил. Без меня мог начаться бунт — ведь зачастую лишь моей железной волей удавалось удержать их в повиновении.

Решетка летит в сторону. И в это время — шум шагов. Кто-то идет по дорожке.

Я почуял запах Джонни. Этого еще не хватало! Я чуть не расхохотался — романтическое приключение, соперник во тьме… Этот недоумок стучал в стекло, вызывая девушку.

Ревность обуяла меня. Но что делать? Мне в

голову пришла неплохая идея.

— Кто здесь шляется? — спросил я басом, подражая Скрыпнику. — Немедленно спать! А то отправлю в зоопарк.

Джонни перетрусил и покинул поле боя. Его запах исчез.

Теперь следовало спешить втройне: меня могли услышать. Я проник в вентиляционный люк. Там было тесно. Я загудел, призывая девушку. Она поняла.

Протянув вниз руку, я нащупал ее нежные длинные пальцы.

Я помог ей выбраться на крышу. Всем своим видом, каждым движением она говорила: «Ты мой избранник».

«Ты у меня еще научишься говорить», — подумал я.

На борту уже начиналась паника. Я исчез, указаний нет. Дзитта еле удерживала все мое воинство внутри. Барри накинулся на меня с упреками. Я передал ему барышню и быстро прошел к креслу пилота.

— Внимание! — сказал я. — Всем занять места. Матери, держите детей. Нас ждут леса Африки. Нас ждет свобода!

Через стекло я кинул прощальный взгляд на

институт. Некоторые окна еще светились. Старинное здание, построенное по моде двадцатого века, темной громадой возвышалось над деревьями.

Я набрал код — я знал как это делать. Загорелась карта Восточного полушария. Я нашел на ней Конго. Дотронулся до нужной мне точки. Дал старт.

Вертолет быстро пошел вверх.

Огни на Земле уменьшались и тускнели. Мы пронзили редкие облака. Машина поворачивалась, ложась на курс.

Я смотрел на карту передо мной. Тонкая зеленая полоска — наш маршрут — стала изгибаться к югу.

Неожиданно я почувствовал прикосновение.

Я обернулся. Моя возлюбленная стояла рядом. Я улыбнулся ей и повернулся к Барри, который сидел в соседнем кресле.

— Мы в безопасности, — сказал я ему. — Они нас не догонят.

— Они могут поднять машину с Сицилии.

— Вряд ли, — ответил я. — До сих пор нас не хватились. И когда они еще догадаются, куда мы

делись.

В этот момент зловеще и неожиданно вспыхнул экран связи. Первым моим желанием было спрятаться, и я пригнулся. Ахнул рядом Барри.

Но потом я понял, что скрываться нет смысла. Если нас вызывают, то лучше встретить опасность лицом к лицу.

На экране был директор института. Батя был серьезен.

— Лидер, — сказал он, — Я знаю, что ты здесь.

— Я здесь, — ответил я, выпрямляясь. — Вы можете стрелять в нас, убить нас, но вы не сможете нас остановить.

— Лидер, — сказал Батя. — Может быть, ты хочешь говорить без свидетелей? Тогда попроси Барри уйти.

— Я останусь, — попросил верный Барри. — Я не боюсь.

— Директор прав, — сказал я. — Выйди. У тебя длинный обезьяний язык.

Барри обиделся. Он ворча вылез из кресла. Девушка оробела, она смотрела то на меня, то на директора, который ее не замечал. Он знал, что она ничего не поймет.

— Чего вы хотите? — спросил я. — В чем ваш ультиматум?

— Это не ультиматум, — сказал директор. — Только информация.

— Прошу. — Я отчаянно трусил. Против меня был весь мир. Против меня и шестидесяти уродцев.

— Лидер, вот уже несколько лет, как мы осознали, что приборы не дают объективной картины вашего состояния. Мы не сразу поняли, что Эксперимент удался. Удался даже более, чем мы рассчитывали. И когда мы поняли, что загнали младших братьев в тупик, заставили вас таиться…

— Вы давно это поняли?

— Давно.

— Почему вы тоже таились?

— Потому что не могли прийти к общему мнению, потому что не знали, как продолжать Эксперимент… Это так сложно. Когда-нибудь мы сядем с вами, Лидер, за стол и обсудим эту проблему за чашкой чая.

Я понял, что впервые к шимпанзе обращаются на «вы».

— Простите, Батя, — сказал я твердо, сжимая руку девушки. — но мы не вернемся. Опыты кончились!

— Я и не спорю, — ответил директор. — Хотя

мне, честно говоря, жаль с вами расставаться. Ты был еще младенцем, когда я пришел в институт.

— Я помню, — сказал я. — Но мы не вернемся.

— Летите, вас никто не задерживает. Да, кстати, — в багажном отделении лежит запас продуктов. Вы взяли с собой очень мало, пока вы еще там освоитесь…

— Значит, вы все знали! — Я понял, что это удар. По моему самолюбию, по моему тщеславию, по моей тайне.

— Не расстраивайтесь, — сказал директор. — Это не умаляет ваших заслуг. Вы сделали не меньше, чем весь институт.

Он не притворялся. У нас, гомошимпов, интуиция развита гораздо лучше, чем у людей. Мы можем многому научить людей.

Директор как будто угадал мои мысли.

— Надеюсь, что вы сможете нас многому научить. Но для этого нам надо вовремя расстаться. Вы нашли выход, которого мы не могли найти.

— И заседание, на котором решили отправить меня в зоопарк…

— Было частично инсценировано. Мы давно знаем, что вы подслушиваете наши совещания.

— И Формула? — Этого я не мог вынести.

— Доктор Пименова не в курсе дела, — с улыб-

кой сказал директор. — Она бы ни за что не согласилась отпустить вас в лес, где вода некипяченая и летают москиты.

— Переживет, — ответил я. — С ней остался малютка Джонни.

Сзади раздался шорох. Я обернулся. В дверях торчали встревоженные физиономии Дзитты и Барри.

— Все в порядке, — сказал я. — Полет продолжается.

Экран связи погас.

— Это был директор? — спросила Дзитта. — Чего он хотел?

— Он требовал, чтобы мы вернулись, но я ему отказал. Полет продолжается.

На морде Барри было восхищение. Я победил самого директора. Дзитта, правда, сощурилась. Сомневается. Но промолчит.

Я погладил девушку по голове. Не буду учить ее говорить, подумал я. Наш разговор с директором следует оставить в тайне. Президент первого государства гомошимпов должен быть выше подозрений.

1986

№ 1

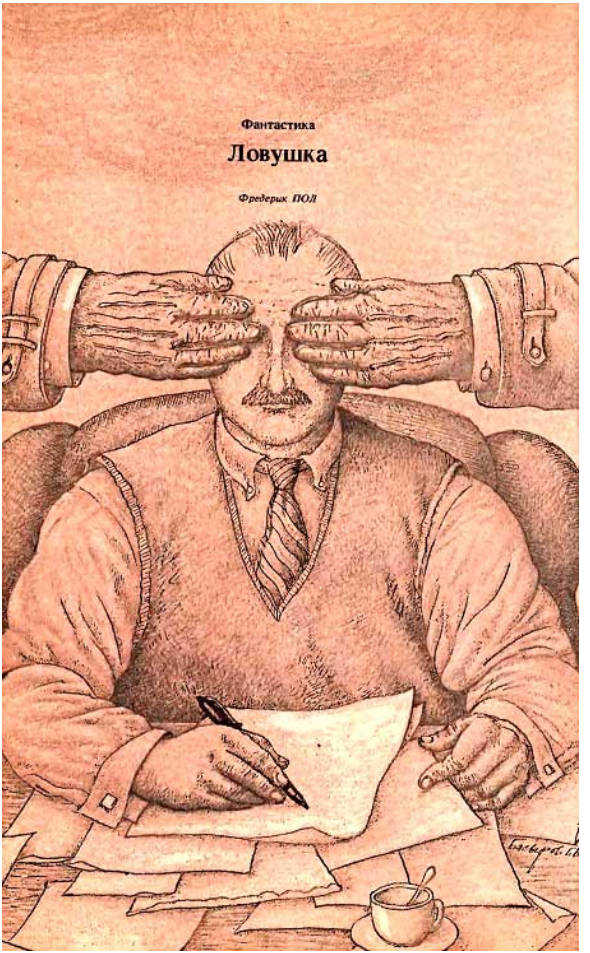
Фредерик Пол

Ловушка

Фантастика

Ловушка

Фредерик ПОЛ



Мое место было у иллюминатора, в передней части салона. Я бросил взгляд на табличку: соседнее место забронировано для Горди Маккензи. Не раздумывая, я прошел мимо, и тут меня остановила стюардесса.

— О, доктор Грю, рада приветствовать вас на борту…

Я стоял, загородив проход.

— Вы не поможете мне перебраться куда-нибудь подальше, Клара? Хотя бы туда.

На том кресле не было таблички.

— Сейчас посмотрю. — Она взглянула на схему. — Перенести вашу сумку?

— Пожалуйста. Мне надо поработать.

Мне действительно надо было поработать — вот почему меня не устраивало соседство Маккензи. Я устроился в кресле и насупил брови, показывая соседу, что болтать не намерен. Он ответил мне столь же хмурым взглядом. В салон вошел Маккензи, но меня он не заметил. Клара наклонилась над ним, будто проверяя ремень, и невзначай убрала карточку с моим именем. Умница!

Мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я воздушный волк, который знает по именам всех стюардесс. Я и знаю то

всего одну-другую на линии Нью-Йорк — Лос-Анджелес, да еще в аэропорту О'Хэйр, ну и, может быть, кое-кого на линии между Хантсвиллем и Кейпом… Да, и еще та девушка, с которой я летал из Орли — но только потому, что она подбросила меня однажды на своей машине, когда на метро была забастовка и такси нельзя было поймать. И все же… Мне приходится колесить по свету. Такая работа. Я защищался по физике атмосферных явлений, моя специальность — инструментальные измерения, а это сейчас модная область, и меня приглашают на тьму конференций. Притом приглашают так, что «нет» не ответишь: прощай научный престиж, а с ним и возможность свободных исследований. Впрочем, все это, как правило, шикарно обставлено и довольно занятно — когда есть время для развлечений. Я ко многому уже попривык и могу с ходу отыскать приличный ресторан в Кливленде или Альбукерке.

Странно. Все представлялось мне совсем не так, когда я мальчишкой зачитывался статьями Уилли Лея и разыскивал женьшень, чтобы набрать денег на учебу в Массачусетском технологическом институте и строить потом космические корабли. Я думал, что стану худым, неряшливо одетым ученым с пылающим взором, думал, что

не буду вылезать из лаборатории (в ту пору мне казалось, что космические корабли делают в лаборатории) и подорву здоровье, просиживая ночи напролет над логарифмической линейкой. А вышло так, что я подрываю здоровье коктейлями и резкими сменами климата.

Но, по-моему, я знаю, что надо делать.

Вот почему я не хотел тратить полтора часа на Горди Маккензи, переливая из пустого в порожнее. Я и в самом деле знаю, что надо делать.

Это не моя область, но я поговорил кое с кем из тех, кто занимается системными исследованиями, и не встретил того вежливого взгляда, который появляется у людей, когда вы пытаетесь втолковать им что-то такое, что они сами знают лучше. Попробую объяснить.

В каждой уважающей себя отрасли науки за месяц собирают десятка два конференций, симпозиумов и коллоквиумов, не считая всяческих семинаров и встреч типа «немедленно иди сюда, не то дотацию получат другие». И все это почему-то в разных местах. С прошлого года, когда меня свалил грипп, не было недели, чтобы я все дни подряд ночевал дома.

Но давайте подумаем: а для чего эти сборища? Когда-то у меня была теория, что мотания из конца в конец света устроены нарочно. Этакий источник энергии, который держит нас постоянно на взводе, — в конце концов, если вы мчитесь со скоростью 1000 километров в час, то, надо полагать, по крайне важному делу. Иначе к чему такая спешка… Но кто в состоянии такое устроить?

В сущности нет более глупого способа обмена информацией, чем лететь неведомо куда, чтобы, сидя на золоченом стуле, выслушать двадцать пять человек. На двадцать три доклада вам вообще начихать, а двадцать четвертый невозможно разобрать из-за акцента докладчика. Выходит, что единственный интересный доклад обошелся вам в четыре дня, а его можно было бы преспокойно прочесть у себя в кабинете за пятнадцать минут. И с большей пользой.

Конечно, в перерыве за чашкой кофе можно оказаться рядом с человеком, который расскажет о последних методах измерений, потому что его компания занимается телеметрией; такие подробности в статье не найдешь. Однако, по моим наблюдениям, времени на общение становится меньше и меньше. Да и тяга пропадает, когда число знакомых переваливает за три сотни.

Невольно начинаешь думать о грудах бумаг, которые накопились на письменном столе и ждут твоего возвращения.

Вы понимаете, куда я клоню. Пустая трата времени и топлива, верно?

А ведь как легко и удобно общаться с помощью электронных средств связи! Хороший видеофон — это же чудо! Воспринимаешь все, кроме, разве, табачного дыма. Почему мы не пользуемся такими средствами?

Идем дальше. Знаете, как можно сократить звуковую запись — убрать лишние междометия, ужать паузы… И все остается понятным, только информация поступает со скоростью четыреста слов в минуту вместо каких-то семидесяти, половина из которых — прямые повторы или обороты вроде «вот что я хотел сказать».

Я читал кое-какие статьи, в которых предлагалось упростить и конкретизировать конференции, чтобы люди могли в самом деле обмениваться мнениями. У меня родилась по этому поводу собственная идея. «Квант спора» — минимальный необходимый довод, который может привести участник полемики для доказательства (или опровержения) чего-то одного, прежде чем перейти к следующему. Если мои

ожидания верны, то специалисты вроде меня могли бы управиться со своими делами… ну, будем сдержанны… за четвертую часть того времени, которое уходит сейчас.

А тогда три четверти времени — на что? На работу, конечно же! На дела, позарез необходимые, но откладываемые из-за вечного цейтнота. Я говорю серьезно. Я действительно уверен, что мы можем сделать вчетверо больше. Приземлиться на Марсе через пять лет, а не через двадцать, вылечить лейкемию за десять лет, а не за сорок и так далее.

Убивать время на болтовню с Горди Маккензи? Нет уж. Как только мы взлетели, я откинул столик и разложил бумаги.

Ничего не вышло.

Просто удивительно, как часто ничего не выходит. На сей раз мне помешала Клара, которая обносила всех напитками. Из вежливости я отодвинул бумаги, а потом она принесла закуски, и еще почти два часа ушли на обед. Меня совсем не тянуло смотреть фильм, но мельтешенье на экранах отвлекает, а как только кончился фильм, принесли кофе. Тут загорелось табло «пристегнуть ремни», и мы пошли на посадку. Ладно, не привыкать. Я ведь так и не нашел женьшень,

пришлось жить на стипендию.

Я зарегистрировался, умылся, спустился в конференц-зал и угодил на скучнейшее занудство о турбулентных потоках в атмосфере. Народу собралось немало, человек восемьдесят, но какая им от этого польза, я даже представить себе не мог, поэтому взял программу и тихонько улизнул.

— Привет, Чип! — окликнули меня.

Это был Резник, он работал в маленьком колледже, где я получил степень бакалавра. С ним был какой-то высокий мужчина.

— Доктор Рамос, позвольте представить — Чесли Грю. Чип, это доктор Рамос. Из НАСА, не так ли?

— Нет, я работаю в одном фонде. Рад познакомиться, доктор Грю. Я следил за вашими трудами.

— Благодарю и прошу меня простить, мне надо зарегистрироваться… _

— Бросьте, Чип, — сказал Ларри Резник. — Вы уже зарегистрировались. Просто хотите смыться в номер и поработать.

Неловко получилось. Ладно бы еще один Ларри,

но я совсем не знал его приятеля…

Рамос улыбнулся.

— Когда вы входили в зал, Ларри предупредил меня, что через тридцать секунд вы убежите. Так и вышло.

— Турбулентные потоки мне, знаете…

— Умоляю вас, не оправдывайтесь. Кофе хотите?

Мне оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре, и я согласился. Доктор Рамос казался смутно знакомым.

— Мы не встречались на семинарах В Далласе?

— Вряд ли. С сахаром? Я очень редко посещаю конференции, ваши статьи действительно читал.

— Спасибо, доктор Рамос. — Жизненный опыт научил меня повторять имя собеседника как можно чаще, чтобы не забыть. Хотя обычно я все равно забываю. — Мой доклад завтра утром, доктор Рамос. «Фотометрическое определение рельефа местности с орбитальных станций».

— Да, я видел в программе.

— Который по счету в этом году? — спросил Ларри. Он был в плохом настроении.

— Далеко не первый, — признался я.

— Мы как раз об этом говорили, — сказал Лар-

ри. — То статья, то доклад, а в промежутках отчеты. Когда в последний раз вы месяц не отрывались от работы?

Я почувствовал интерес, и мне это не понравилось — надо было посидеть над бумагами.

— Однажды Фред Хойл сказал, что, как только человек добивается чего-то путного, весь мир вступает против него в заговор, чтобы он больше ничего не мог сделать. Его приглашают читать доклады, вводят в оргкомитеты, берут у него интервью и вместе с комиком, поп-группой и эстрадной певичкой втягивают в телевизионную дискуссию на тему, есть ли жизнь на Марсе.

— А почитатели ловят его в коридорах, — закончил доктор Рамос и засмеялся. — Не беспокойтесь, доктор Грю. Мы не обидимся, если вы уйдете к себе.

— Я не уверен даже, что этот мир — наш, — пробормотал Ларри.

Он был раздражен и плел что-то несуразное.

— Между прочим, я еще ничего не сделал, — добавил Ларри. — В отличие от вас. Чип. Но когда-нибудь сделаю.

— Не прибедняйтесь, — сказал доктор Рамос. — По-моему, мы чересчур расшумелись. Не поискать ли какое-нибудь место, где можно

спокойно поговорить? Если, конечно, вы не возражаете, доктор Грю…

К тому времени я был почти убежден, что обязан побеседовать с Ларри и доктором Рамосом. Мы поднялись ко мне, потом перешли к Ларри. Нам принесли обед, и мы продолжали разговор за столом. Я рассказал все, что когда-либо думал о системном подходе к передаче информации. Доктор Рамос оказался идеальным слушателем. Он схватывал с полуслова. Я не сомневался в своей правоте и, как ребенок, предвкушающий Рождество, с восторгом вычислял, сколько работы можно сделать за год. Мы стали прикидывать, как скоро можно запустить флот межзвездных кораблей, если работать все рабочее время. И вдруг наступила тишина. Ларри поднялся и распахнул дверь на балкон. Двадцатью этажами ниже лежал Лос-Анджелес, с южных холмов надвигалась гроза. От свежего воздуха я сразу пришел в себя и вспомнил, что через семь часов мне предстоит читать проклятый доклад.

— Пожалуй, пора расходиться, — сказал доктор Рамос.

Ларри начал было возражать, но потом согла-

сился.

— Ладно, — сказал он. — А я еще посижу над вашими заметками, Чип.

— Только не потеряйте, — отозвался я и вернулся к себе в номер. Счастливый, я долго лежал с открытыми глазами, прежде чем провалиться в сон о пятидесяти рабочих неделях в году.

Проснулся я легко. Мы договорились позавтракать у Ларри, чтобы я мог забрать бумаги перед утренним заседанием. Выйдя в коридор, я увидел идущего навстречу доктора Рамоса.

— Доброе утро! — весело сказал он. — Я только что разбудил молодоженов, и они, кажется, остались этим недовольны. Разве номер Ларри не 2051?

— 2052. С другой стороны.

Мы пошли к Ларри вместе, и доктор Рамос рассказал по дороге довольно скабрезный анекдот. Я постучал в дверь, но ответа не было. Все еще смеясь, я сказал:

— Неужели он забыл о встрече?

— Давайте толкнем дверь.

Я попробовал, и дверь открылась.

Ларри в комнате не было. Постель смята, двери

в ванную и на балкон распахнуты.

— Вряд ли он ушел, — сказал доктор Рамос. — Вот его туфли.

Я вышел на узкий балкончик. Там стоял вымокший под ночным дождем шезлонг и валялись окурки.

— Похоже, что он был здесь, — крикнул я и, осознавая мелодраматизм своего порыва, перегнулся через перила. Там, далеко внизу, у фонтана, что-то лежало, а рядом стоял человек и кричал. В тишине раннего утра звук голоса пронизывал все 20 этажей, которые отделяли нас от Ларри Резника.

Утреннее заседание отложили. Был долгий и неприятный спор с Горди Маккензи, который желал читать свой доклад точно по расписанию, в три часа, а мое выступление перенести на то же время. Утро я провел с полицией, которая пыталась установить, случайно или намеренно Ларри упал с балкона. Во всяком случае, он держал в руке мои заметки, и теперь листки можно было искать у сточных решеток Лос-Анджелеса. Проклятый день.

Однажды Краффт Эрике прочитал доклад, рас-

считанный на двенадцать минут, за три минуты сорок пять секунд. Я попытался побить его рекорд и почти достиг успеха. Потом пошвырял вещи в чемодан и спустился вниз, намереваясь отправиться домой ближайшим рейсом. Но портье сказал:

— Доктор Рамос очень просил вас о встрече.

Я заколебался. Впрочем, дальнейшее от меня уже не зависело — через вестибюль ко мне спешил Рамос.

— Уделите мне двадцать минут, — проговорил он.

Доктор Рамос, когда хотел, мог быть твердым и властным. Мы сели за столик, подошла официантка, и, не спрашивая меня, доктор Рамос отправил ее за кофе и бутербродами.

— Чип, я очень сожалею о потере ваших бумаг. И не хочу, чтобы вы сдавались.

На меня навалилась усталость.

— Не беспокойтесь, доктор Рамос…

— Зовите меня Ласло.

— Я не сдамся, Ласло. Сошлюсь на что угодно, лишь бы освободить время, и постараюсь восстановить по памяти. За неделю… Нет, вряд ли, придется разыскивать статьи, но рано или поздно…

— Вот об этом я и хотел поговорить. — Девушка принесла кофе и бутерброды, Рамос жестом отослал ее. — Видите ли, я прилетел сюда ради вас.

— Вы интересуетесь фотометрией? — удивился я.

— Меня интересует не доклад, а идея. Та, о которой мы говорили ночью. Пока Ларри не познакомил нас, я и не подозревал, что мне нужны именно вы. Теперь я в этом уверен.

— Но у меня уже есть работа, доктор… Ласло.

— Я и не предлагаю вам место.

— Тогда что же?

— Возможность осуществить вашу идею. У меня, вернее у фонда, есть деньги, которые нужно истратить. Мы ищем исследования, которые не укладываются в привычные рамки. Грандиозные. Как ваша работа.

Это было похоже на сказку.

— Я уже звонил в Вашингтон секретарю правления, он у нас на крючке. На следующей неделе собирается совет попечителей, и я хочу, чтобы вы там были.

— В Вашингтоне?

— Нет. Фонд международный, мы встречаемся у озера Комо. Вы получите все, что нужно. Сотрудников. Помещения. У нас есть центр в

Эймсе, штат Айова, но ездить туда придется не часто — скажем, раза два в месяц. И, — Рамос улыбнулся, — я понимаю, вам это безразлично, однако появится строка в «Кто есть кто»… И еще я уполномочен предложить вам войти в совет попечителей.

— Все это так неожиданно, Ласло…

— Попечители собираются во Флэгстаффе — там у нас загородный клуб. Всего шесть раз в год. Вам понравится. Дело стоит того. Чип.

Он продолжал говорить, а я слушал, боясь шелохнуться. Сбывалось все, о чем я мечтал. И уже на следующей неделе, в огромном светлом зале с окнами на озеро Комо, я стал директором проекта, почетным членом оргкомитета, получил статус попечителя и сорок одного подчиненного.

На днях мы открываем в Эймсе Мемориальный комплекс Лоренса Резника. Название предложил я, все поддержали. Год был нелегкий. Чертовски обидно, что так много времени уходит на администрирование и совещания. Но Ласло лишь улыбнулся, когда я стал ему жаловаться.

— Не падайте духом, — ответил он. — Давно уже сказано: «Поспешай медленно». Кстати, я

говорил, какой успех имело ваше лекционное турне?

— Спасибо. Надеюсь, когда войдет в строй мемориал Резника, у меня будет оставаться больше времени.

— Совершенно верно! Скажу по секрету — вас решено назначить в президентскую комиссию по межпредметным связям. Сообщение пока неофициальное, но все уже согласовано. Мы готовим подходящую резиденцию, там будет личный кабинет, где вы сможете держать свои бумаги между поездками.

Разумеется, я сказал ему, что если он имеет в виду те заметки, которые я пытаюсь восстановить, то им не требуется так много места. Говоря честно, им вообще не требуется места, ведь я так и не сумел выкроить для них время. Но рацр или поздно я это сделаю, если повезет. Пока не везет. Бедняга Хонимен, например… Я уже написал ему, просил выслать свои работы — и тут услышал, что в шторм перевернулась его яхта. И никто не знает, где он хранил свои записи.

Да, вот еще что. Незадолго до смерти Резник сказал странную вещь. Будто мир сговаривается против человека, который чего-то достиг. И добавил: «Я не уверен даже, что этот мир — наш».

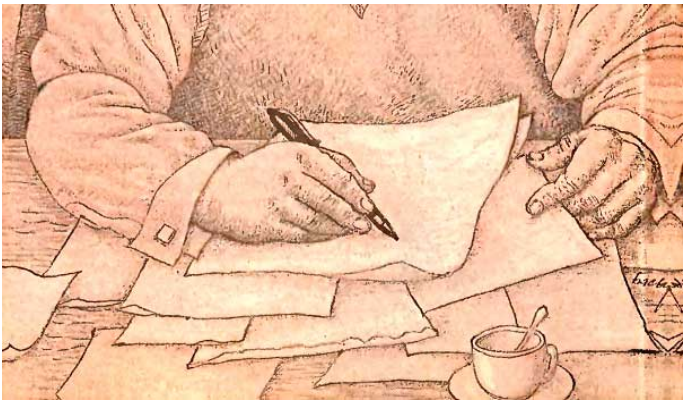
Кажется, я понял, что он имел в виду. Предположим — совершенно абстрактно, — будто кто-то не хочет, чтобы мы развивались быстро. Кто-то из иного мира…

Глупо. То есть я думаю, что глупо.

Но если все-таки продолжить эту линию, то получится не глупо, а совсем наоборот. Я хочу сказать — страшно. Дважды меня едва не сбили перед собственным домом какие-то ополоумевшие водители. И воздушное такси, на которое я опоздал, — оно разбилось на моих глазах.

И еще я хочу кое-что выяснить. Во-первых, где фонд берет деньги. А во-вторых, — и я проверю это, как только окажусь в Лос-Анджелесе, — действительно ли в номере 2051 жили молодожены, которых случайно потревожил Ласло Рамос как раз в то время, когда Ларри падал с двадцатого этажа.

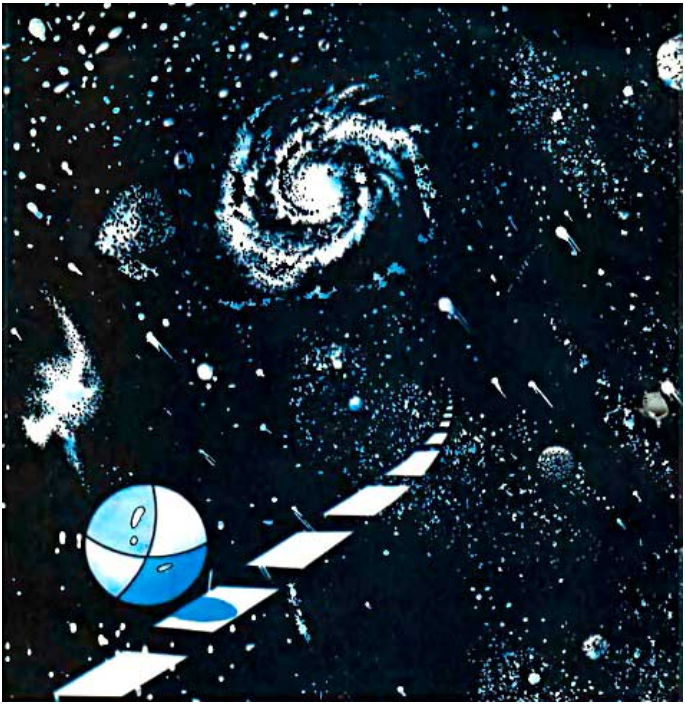
Перевел с английского Владимир Баканов



№ 3

Святослав Логинов

Беспризорник



— Ваши документы?

Ко всему был готов Лиходеев, но только не к этому. Откуда эта фигура в синей форме, с жезлом и погонами появилась здесь, в кабине первого звездолета, отправленного в пробный рейс к ядру

Галактики?

— Документы, — настойчиво повторил милиционер и добавил:

— Надеюсь, мне не придется перечислять все правила, которые вы нарушили за последние пять минут.

— Какие документы? — пролепетал Лиходеев.

— Значит, нет документов, — с некоторым даже удовлетворением констатировал милиционер.

К этому времени тренированная психика пилота справилась с первым шоком и Лиходеев начал действовать. Он резко шагнул вперед. Рука его не встретила преграды, изображение милиционера качнулось и лопнуло, как мыльный пузырь, проткнутый пальцем. Так и должно быть; но того, что последовало, быть не должно: милиционер появился в другом углу рубки. И, появившись, сказал скучным голосом:

— Попытка препятствовать инспектору при исполнении служебных обязанностей отягчает вашу вину.

Лиходеев решил не обращать внимания на плод взбунтовавшейся фантазии и вернулся к своим делам. Но тут оказалось, что звездолет не слушается управления. Мыльный пузырь сочувственно наблюдал за манипуляциями Ли-

ходеева.

— Что меня всегда удивляло в наиболее злостных нарушителях, — сказал призрак, — это какое-то детское упорство. Не пытайтесь скрыться, двигатель блокирован.

Сомневаться в реальности призрака больше не приходилось. Лиходеев напряг мозг — и нашел верный ответ.

— Эй, — окликнул он инспектора, — вы же на самом деле где-то в другом месте, а здесь только ваше изображение, приспособленное к моей психике. Так?

— Ну… — заколебался призрак.

— Я понял! — возликовал Лиходеев. — Вы представитель высокоразвитой цивилизации, а я, наверное, влез в середину какой-нибудь галактической трассы…

— Межгалактической, — поправил представитель.

— Тем более, — подхватил Лиходеев. — Вы меня приняли за нарушителя, а на самом деле все не так. Мы, человечество, только начинаем выходить в дальний космос. Собственно говоря, это первый сверхсветовой полет.

— А где инструктор?

— Кто? — изумился Лиходеев.

— Тот, кто обучает вас вождению. С дублирующим управлением. Тормоз, сцепление, локатор и все такое.

— Я же сказал, — мягко ответил Ли-Лодеев, решив защищаться до последнего, — что это первый испытательный полет, который…

— Сколько вам лет? — перебил его инспектор.

— Мне? Тридцать два.

— Да не вам, а вашей планете. Галактических лет.

— Не знаю, — растерялся Лиходеев. — Смотря откуда считать. Года два-три. Не знаю.

— Что? — возопил милиционер. — Цивилизациям, которые не достигли четырнадцати галактических лет, вообще запрещается выход на трассу без сопровождения взрослых! Даже на велосипеде. Нет, я этого так не оставлю. Кто у вашей цивилизации родители?

— У нас нет никаких родителей, — запротестовал Лиходеев.

— Мальчик, не надо отпираться, — укоризненно сказал милиционер. — Врать — это очень нехорошо. Сейчас мы поедем к тебе домой и я поговорю с твоей мамой. Твою машину я возьму на буксир, ты не бойся.

Звезды на экране дрогнули и начали смещаться.

Через полчаса они приняли знакомые очертания — звездолет вошел в Солнечную систему.

— Боже мой! — причитал галактический инспектор. — Кто бы мог подумать? В наше время, посреди густонаселенной галактики — и вдруг беспризорник! Бедный малыш, — обратился он к Лиходееву, — я представляю, как трудно тебе было без папы, без мамы. Но ты не волнуйся, мы тебе поможем. Скоро сюда приедут лучшие специалисты по воспитанию. Они очень умные. А я подарю тебе от автоинспекции симпатичный манежик.

Звездолет достиг Земли. Лиходеев, еще недавно пытавшийся победоносно доказать свое право на межгалактические перелеты, увидел, как планета задрожала, неестественно вытянулась и распласталась огромным плоским блином. Над земным кругом воздвиглись хрустальные сферы, а из-за края преображенной Земли выметнулся устрашающий хвост китообразного и с шумом ударил по заплескавшейся вокруг воде.

— Кажется, неплохо вышло, — удовлетворенно сказал инспектор. — Иди, малыш, играй. Хотя погоди, ты же, наверное, голодный…

Земля еще раз преобразилась. Ее прочертили молочные реки, текущие среди зыбких кисель-

ных берегов. На уединенных островах воздвиглись печеные быки, обильно приправленные толченым чесноком, в полях, под открытым небом, выросли русские печи, готовые испечь пирог всякому, кто не поленится подбросить дров.

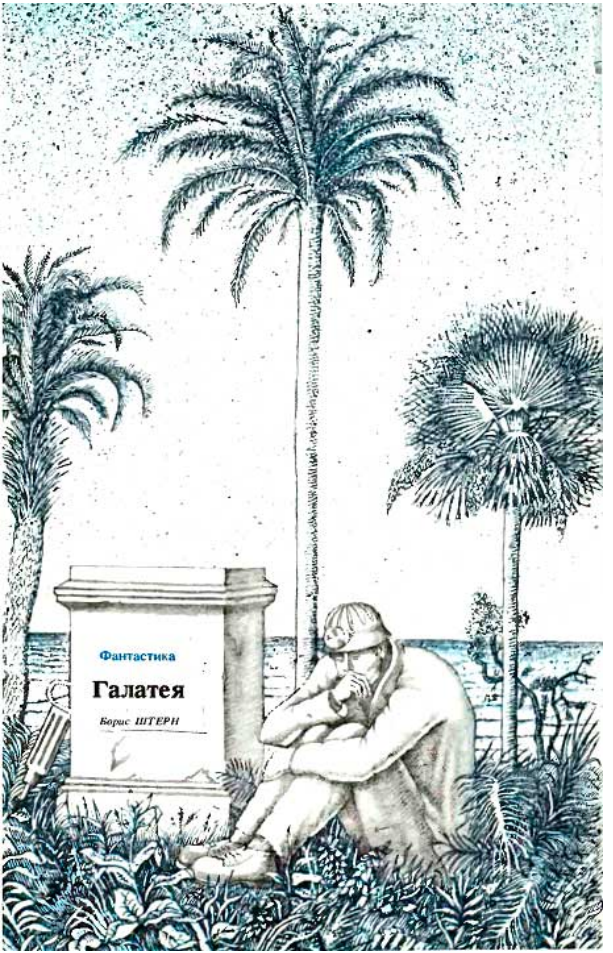
— Теперь совсем хорошо, — сказал инспектор онемевшему от изумления Лиходееву. — Ты, детка, поиграй пока один, дядя скоро вернется, — добавил он и исчез.

Звездолет приземлился на центральном космодроме. Никто, впрочем, не обернулся в его сторону. Все локаторы были развернуты к лесу, туда, где на поляне у ручья, среди мотыльков и стрекоз, тихо кружился хоровод русалок.

№ 4

Борис Штерн

Галатея


Фантастика
Галатея
Борис ШТЕРН

Раньше санаторий назывался «Донбасс», а теперь «Химволокно». Когда шахтеры перебрались в Крым, они оставили здесь статую шахтера с отбойным молотком — не тащить же его с собой. Химики шахтера сносить не стали, но установили рядом с ним в клумбе целеустремленного молодого парня в облегающем комбинезоне. Этот парень, чуть не падая, устремлялся в небо, держа в задранной правой руке клубок орбит с шариком в середине.

Завхозы слабо разбираются в искусстве, но Коробейникову обе статуи нравились. Нормально. Украшают. Впрочем, сейчас ему было не до искусства. Он лежал в больнице в предынфарктном состоянии, и санаторий остался без завхоза. Дела там творились хуже некуда — садовые скамейки выкрасили не зеленым, а радугой, фильмы крутились очень уж подряд французские, а санаторные собаки никого не боялись.

«Странно, почему так на душе хорошо? — думал главврач санатория, нюхая сирень, заглянувшую в открытое окно. — Какая-то такая духовная раскрепощенность… с чего бы это?»

Весь май главврач умиленно что-то нюхал, но

однажды услышал за окном скучный голос:

— Здесь нельзя ходить в купальниках, вы не в притоне. Мы напишем по месту работы о вашем поведении.

Это вышел на работу спасенный врачами Коробейников. Его голос завис над санаторием, как серый дирижабль. Сирень сразу же отцвела. Собаки поджали хвосты. Главврач скорбно вздохнул.

Коробейников стоял на обрыве, а под ним загорали и плавали в Черном море сплошные кандидаты наук, народ непростой; он отмечал в блокноте мероприятия на весенне-летний период: скамейки перекрасить, дворнику указать, с плотником надо что-то делать. Потом он направился к главному корпусу, где поймал за рукав дворника Борю, веселого человека лет пятидесяти, и указал ему на заляпанную птицами статую шахтера с отбойным молотком.

— Что я вам, нанялся? — вызверился Боря. — Я и так за всех вкалываю, так теперь мне еще шахтера мыть?

(Боря был в плохом настроении, потому что буфетчица не оставила ему на рубль пустых бутылок за то, что он перенес ей на пляж ящик с пивом.)

— Я два раза повторять не буду, а не хочешь

— по собственному желанию! — ответил Коробейников. Боря показал ему в кармане фигу.

Коробейников начал огибать главный корпус, думая о том, что пора поставить вопрос о борином поведении на профсоюзном собрании. Он сделал еще один шаг и… увидел обнаженную женщину.

Он как шел, так и сел. Ничего подобного он и в мыслях не держал. Какая-то ладная особа с бедрами, как бочки, направлялась в сторону Черного моря, придерживая на плече кувшин и помахивая свободной рукой.

Она была совершенно не одета.

Коробейникову стало так стыдно, что он отвернулся и спрятался за угол. «Совсем молодежь очумела! — подумал он. — Куда она прет с кувшином в таком виде? Выяснить фамилию и написать на работу!»

Коробейников хотел высунуться из-за угла и рявкнуть на эту бесстыжую холеру, но сердце вдруг подпрыгнуло; пришлось прислониться к стене. Он переждал минуту и, держась за сердце, поковылял жаловаться главврачу.

Тот выслушал историю о девице с бедрами и недоверчиво усмехнулся.

— Ничего смешного не вижу, — обиделся Коробейников.

— Это же наша новая статуя, — сказал главврач. — Вот что значит искусство — за живую приняли.

— Что я уже… совсем, что ли? — смутился Коробейников.

Если она не живая, то это, конечно, меняет дело. Все же что-то его смущало. Он распорядился по хозяйству и неуверенно направился к главному корпусу. Такая у него работа — ходить по санаторию. Ему хотелось еще раз взглянуть на нее, хотя это было неудобно. Он раза два останавливался, срывал веточку… наконец подобрался к повороту и выглянул.

Она все еще шла по воду.

Он вспотел и отвернулся. Черт знает что, вертится, как школьник. Экую гадость поставили, пройти нельзя.

Вдруг из кустов вышел Боря с ведром и с тряпкой и деловито сообщил:

— Шахтера я уже помыл, счас за нее возьмусь.

(Боря был в хорошем настроении, потому что пришла буфетчица.)

Коробейников на миг представил картину омовения, плюнул дворнику под ноги и зашагал

к главврачу, зная теперь, что должен сказать. С порога он нервно спросил:

— Эта девица… она что, каждый день будет у нас стоять?

— Знакомьтесь, наш завхоз, — ответил главврач, с ненавистью взглянув правым глазом на Коробейникова, а левым принося извинения какому-то бравому старику в замызганной куртке и в берете с крохотным свиным хвостиком. — А это непосредственный создатель нашей новой статуи, заслуженный деятель искусств. — Главврач назвал фамилию, которую Коробейников потом так и не смог вспомнить. — Будет у нас отдыхать.

— Значит, вам не нравится моя скульптура? — вкрадчиво спросил заслуженный деятель искусств, и Коробейников сразу сообразил, что с этим стариканом не стоит связываться. Во всяком случае, не рассуждать «нравится — не нравится».

— Я про качество не скажу, — попятился Коробейников. — Я о другом… У нас кандидаты наук… и с детьми приезжают… Вот стояла у нас купальщица с веслом, тоже и формы, и детали, но она была одета в купальник!

— Одета, — задумчиво повторил заслуженный

деятель. — Старые песни. Постойте рядом с ней и попытайтесь понять, что она не вызывает никаких низменных эмоций, а напротив — только добрые и здоровые чувства. А все эти «с веслом», «с мячом», «с молотком»… Поймите, наконец, что вся эта серийная парковая живопись (ударение в слове «живопись» заслуженный деятель поставил на последнем слоге) давно не соответствует эстетическим потребностям нашего народа. Споры на эту тему затихли лет двадцать назад, и я не думал, что придется к ним возвращаться. Кстати, я настаивал на худсовете, чтобы вашего шахтера куда-нибудь уволокли, а то он портит вид на Мадрид и не соответствует санаторной тематике. А парень с ядерной структурой… ничего, сойдет.

Коробейников ничего не понимал. При чем тут Мадрид? Что происходит в санатории? Скамейки красятся радугой, хотя положено зеленым; дворники моют голых девок; какой-то худсовет собирается сносить ни в чем неповинного шахтера.

— Только через мой труп вы снесете шахтера! — тихо сказал Коробейников.

— Ну при чем тут трупы? — поморщился заслуженный деятель искусств.

Коробейников вышел из кабинета и хотел

хлопнуть дверью, но ее еще неделю назад унесли к плотнику на ремонт.

В коридоре его догнал главврач и скороговоркой сказал:

— Никто его не сносит, что вы, в самом деле. Мне лично все эти статуи до лампочки, что есть они, что их нет. Сейчас таких девиц ставят в каждом парке по десять штук, мода такая. Зачем так волноваться с вашим сердцем?

— Мне плохо, я пойду домой, — пробормотал Коробейников.

Дома он лег на диван, а в глазах у него вертелась девица. Ему хотелось говорить о ней, но жена ничего в искусстве не понимала. Она искала валидол и говорила, что нельзя быть таким старым дураком и за всех волноваться.

— Раньше бы за это намылили шею, — сказал он.

— Ты о чем? — спросила жена.

— Поставили, понимаешь, статую, со всеми подробностями, — заволновался Коробейников. — Женское тело, конечно, красиво…

Он хотел развить мысль, но запутался.

Жена подождала, что он еще скажет, но не дождалась и ушла на кухню.

Коробейников лежал на диване и думал. В

голове у него завелись какие-то новые мысли об эстетических потребностях. От этих мыслей ему было плохо — будто завезли новую мебель и производили в голове перестановку.

Ночью ему приснился Боря, моющий девицу на профсоюзном собрании. Сердце чуть не оторвалось, жена вызвала скорую помощь, и Коробейников до конца недели пролежал дома.

Новые мысли не покидали его, но и никак не укладывались. Он думал о художниках, которые рисуют и лепят обнаженных женщин, и о таинственном худсовете, который разрешает им это делать. Похоже, что художники не совсем нормальные люди. Странный озабоченный народ. Возможно, он чего-то недопонимает. Споры на эту тему затихли лет двадцать назад, а он до сих пор ничего о них не слышал. Эстетические потребности надо, конечно, удовлетворять, но детям никак нельзя смотреть на подобные вещи. И шахтерам. А кандидатам наук — подавно.

Нет, тут какая-то политика, думал Коробейников. Рожать стали меньше, вот и ставят для поднятия духа каменных девок.

Мысль была глупа, но хоть с каким-то резоном, и он немного успокоился.

Опасения Коробейникова подтвердились — в понимании искусства кандидаты наук оказались зловреднее шахтеров. Пока завхоз болел, они отбили девке кувшин, и теперь она не шла по воду, а непонятно что делала. Вместо кувшина заслуженный деятель всунул ей в руку букет роз, но получилась ерунда — поза под букет не подходила. Девица размахивала букетом, будто подзывала к себе шахтера с отбойным молотком и парня с ядерной структурой, а те прямо к ней и устремлялись, чуть не падая со своих пьедесталов. Новый кувшин ожидали со дня на день, а заслуженный деятель, проходя мимо девицы на пляж, хозяйски прищуривался — все ли у нее на месте.

Коробейников не застал букета. Он обнаружил в руке у статуи метлу, а на голове рваную ушанку с одним ухом. Боре не попало только потому, что главврач смеялся над его проделкой.

Решив к девке не подходить и издали на нее не смотреть, Коробейников отправился проверить, вышел ли на работу плотник. На доске объявлений висела афиша о том, что «Фантомас разбушевался», но ввиду плохой погоды сеанс может не состояться. Из открытых дверей

плотницкой мастерской слышались шуршанье рубанка и на удивление серьезный борин голос:

— Коробей появился, видел?

— Видел, — отвечал голос плотника.

— Теперь прячь стаканы, житья не будет. Вообще-то он мужик неплохой, но прямой, как шпала. Он из-за этой статуи получит инфаркт, помяни мое слово. Он добрый, когда все красиво.

— Так она ж красивая, — отвечал голос плотника.

— Он красоту не так понимает, оттого ему и плохо.

Коробейников задумчиво отошел. «В самом деле, пусть стоит, — подумал он. — Красиво? Красиво. Значит, пусть стоит».

То ли ноги сами несли его, то ли все дороги в санатории вели к ней, но вскоре он опять очутился у статуи. Сопротивляться было бессмысленно, что-то его туда притягивало. Около нее стоял какой-то недовольный бородатый молодой человек, курил трубку и под руководством заслуженного деятеля сажал ей на плечо новый кувшин.

— Кувшин отбили, — неприветливо объяснил заслуженный деятель, когда Коробейников приблизился. — Некоторые варвары не видят разницы между голыми фигурами и произведе-

ниями искусства.

Коробейников принял эти слова на свой счет, но промолчал и нерешительно взглянул на фигуру в упор. Ему показалось, что с каменного лица исчезла прежняя улыбка и что она глядит как-то тоскливо.

— Это из ваших? — спросил Коробейников, когда молчать стало неудобно.

— Мой лучший ученик, — с гордостью объяснил заслуженный деятель. — Надо мальчикам помогать. Молодец, старается.

Бородач что-то пробурчал и чуть не проглотил трубку.

— Все мы немножко Пигмалионы, — вздохнул заслуженный деятель. — Носимся со своими скульптурами и чего-то ждем от них. А некоторые в кавычках ценители искусства первым делом спрашивают — сколько же она стоит, эта статуя?

Коробейников совсем смутился, потому что как раз это и хотел спросить.

— Не так уж и много, — усмехнулся заслуженный деятель.

Молодой бородач плюнул в клумбу.

— Когда я был в Австрии, — вдруг неожиданно для себя сказал Коробейников, — то насмотрелся там на этих… кюфр… курфюрстов. На лошадях.

Там в каждом городе сидит кто-нибудь на лошади. Как у нас «с веслом», так у них «на лошади».

— Вот именно! — с интересом подхватил заслуженный деятель. — У германцев свой шаблон. Тяжеловесный стиль, давит. А в Австрию путевка сколько стоит?

— Не знаю, — удивился Коробейников. — Я там был не по путевке.

— Командировка? — уважительно спросил заслуженный деятель.

— Вроде того. С апреля по ноябрь сорок пятого.

— А, — понимающе кивнул заслуженный деятель.

Коробейников еще потоптался около статуи и побрел в библиотеку, твердя про себя, чтобы не забыть: «Пигмалион, Пигмалион...» Слово было знакомое, но он забыл, в чем там дело. В библиотеке он попросил энциклопедию на букву «П», но, странное дело, оказалось, что сегодня ночью было выбито окно и украдена именно эта энциклопедия на букву «П». Коробейников удивился, а библиотекарша по памяти объяснила, что Пигмалион был известным древнегреческим скульптором, а его художественную биографию написал известный английский писатель Бернард Шоу.

Всю следующую ночь в санатории лил дождь и выли собаки, а утром Боря, выйдя под дождем со шлангом поливать цветы, обнаружил, что на этот раз изувечены все три скульптуры — у шахтера отбит молоток, у парня оторвана ядерная структура, а у девицы опять пропал кувшин.

Разбудили заслуженного деятеля. Тот вышел под зонтиком, оценил происшедшее, как «акт вандализма» и потребовал оградить свое произведение от варварских посягательств.

Коробейников вызвал милицию.

Прибыл оперативник с блокнотом и спросил, не было ли у нее врагов.

— У кого? — удивился Коробейников.

— Возможно, кто-нибудь в санатории предубежденно относился к ее внешнему виду, — подсказал оперативник, разглядывая следы в клумбе.

— Нет, никто не замечен, — смутился Коробейников.

Затем последовал вопрос: какой был кувшин?

— Кувшин как кувшин. Похож на эту… на греческую вазу.

«Кувшин, стилизованный под древнегреческую амфору», — записал оперативник и спросил:

— Какой молоток был у шахтера?

— Отбойный.

— Ясно, что отбойный. Меня интересует его расположение.

— На левом плече, — ответил Коробейников. — И он придерживал его левой рукой.

— Теперь разберемся с этим хлопцем, — сказал оперативник. — Кто он такой, по-вашему?

— Наверно, ученый.

— А что он держал в руке?

— Это… ядерную структуру. Ну, эта штука… похожа на планетную систему.

— Понял, — сказал следователь. — Меня интересует именно эта структура. Какой у вас контингент отдыхающих? Химики и физики? Так вот, меня интересует структура. Акта вандализма здесь не наблюдается. Кто-то ходил ночью в клумбе, но не растоптал ни одной розы. Странный злоумышленник, верно? Далее. Если я что-нибудь понимаю в искусстве, то молоток, структура и кувшин крепятся на металлической арматуре. Значит, арматуру надо отпиливать ножовкой, а потом тут же восстанавливать поврежденные места. Взгляните: на плече и на руке этой дамы не видно никаких следов соприкосновения с кувшином.

— Что же это должно означать? — удивился Коробейников.

— То, что скульптуры не повреждались в припадке гнева, а умышленно изменялись.

— Зачем?

— Наверное, кому-то не нравились эти кувшины, молотки и атомы. Возможно, у заслуженного скульптора есть соперники в творческом плане…

— Спросите у него, — сказал Коробейников, хотя сразу вспомнил недовольного бородатого ученика.

Оперативник отправился разыскивать заслуженного деятеля, а Коробейников побрел на пляж. Что делать на пляже под дождем, он не знал. Ему хотелось побыть одному. Там не было ни души, пустой пляж с коркой мокрого песка после ночного ливня, лодки, накрытые брезентом, да фонарь мигает над будкой лодочника, ожидая короткого замыкания. Непорядок!

Коробейников собрался уже выключить фонарь, как вдруг увидел, что из-под брезента ближней лодки торчит отбойный молоток.

В лодке лежали отбойный молоток, кувшин,

атомы и энциклопедия на букву «П».

Коробейников опустил брезент, выключил фонарь и вернулся в санаторий.

Статуи изменились… как он раньше этого не замечал. Левая рука шахтера без молотка торчит так, будто он что-то выпрашивает или жалуется на жизнь. Хлопец без своей структуры выглядит совсем неестественно. Коробейников готов поклясться, что этот парень выдвинул немного вперед левую ногу, чтобы не упасть. А выражение лица у девицы в самом деле стало другим. Странно, что заслуженный деятель этого не заметил.

Коробейников вообразил себя на их месте — как стоял бы он голым на пьедестале, как хотелось бы ему выбросить эти молотки, кувшины и атомы, как хотелось бы поразмяться и приодеться, как рыскал бы он по санаторию в поисках одежонки и развлечений, как визжали бы от страха собаки при виде оживших статуй и как под утро приходилось бы возвращаться, лезть на пьедестал и принимать вечную позу.

Фантазии преследовали его весь день, будто надоедливый дождь. Он шел на обрыв и осматривал пустой пляж. В оживающие статуи, понятное дело, он не мог поверить и решил устроить в лодочной будке ночную засаду — если вандалы

припрятали в лодке свою добычу, то они к ней должны вернуться.

«Хулиганы будут пойманы и привлечены к уголовной ответственности, — думал Коробейников. — Я им покажу, как искусство любить!»

Ехать домой и потом возвращаться не хотелось. Он позвонил жене и весь вечер бродил в треугольном брезентовом плаще возле скульптур, подозрительно разглядывал всякого, кто к ним приближался.

Какой-то кандидат остановился около девицы и закурил.

— Чего уставился? — спросил Коробейников. — Никогда не видел?

— Вот это да! — весело изумился кандидат. — Я тут стою и облагораживаюсь искусством, как вдруг выползает какой-то динозавр и спрашивает, чего я тут стою.

«В самом деле, — смутился Коробейников. — Человек облагораживается, а я на него рычу...»

— Вот вы, извиняюсь, ученый человек, да? — примирительно спросил Коробейников. — Тогда объясните мне про атомы. Они что, везде одинаковые?

— Обязательно.

— И в камне, и в живом теле? — уточнил Ко-

робейников.

— Обязательно. А в чем дело?

— Значит, камень может ожить? Вот, к примеру, эта статуя… вы не смейтесь… она может ожить?

— Отчего же не может? — переспросил веселый кандидат. — Может. Были исторические прецеденты. Например, у скульптора Пигмалиона…

Коробейников затаил дыхание.

— … который проживал в Древней Греции, однажды ожила мраморная статуя по имени Галатея. От любви. Есть такое сильное чувство. Факт. А Командор — у Пушкина?

— А с ним что случилось? — жадно спросил Коробейников.

— С кем?

— С Командором… С Пушкиным я знаю.

— Ожил Командор. Но от ревности. Тут дело в биополе. Сильное чувство порождает сильное биополе, и тогда оживают даже камни. Или возьмем портрет Дориана Грея…

— Портреты, значит, тоже? — восхитился Коробейников.

Кандидат задумался.

— Нет. Портреты оживать не могут. Портреты — нет, а статуи могут. Это не противоречит зако-

нам природы. Вроде давно доказано, что живое возникло из неживого.

— Значит, не противоречит? — обрадовался Коробейников.

Когда поздним вечером дождь прекратился и народ потянулся в летний кинозал смотреть разбушевавшегося Фантомаса, Коробейников, прихватив одеяло, спустился на пляж и спрятался в лодочной будке. На него упало весло, перед ним в темноте плескалось Черное море, а сверху из санатория доносились вопли Луи де Фюнеса. Усыпляемый плеском и воплями, он уснул.

Проснулся он, когда Фантомас кого-то душил.

Коробейников выглянул в окошко и тут же испуганно пригнулся. Три громадные тени стояли у лодки с отброшенным брезентом, а женский голос читал по слогам статью из энциклопедии на «П»:

— «Пигмалион изваял статую женщины необыкновенной красоты и назвал ее Галатеей». А мой называл меня Машкой. Говорит, я свою Машку слепил за три дня и за три тысячи.

Коробейников боялся дышать, это был не сон.

— Не плачь, Маша, — отвечал ей необыкновенный мужской бас. — Я его найду и прихлопну, как муху.

— Не надо никого хлопать, а надо отсюда удирать, — сказала третья тень.

— Это точно, — вздохнул каменный шахтер. — Подадимся в Донбасс.

— Нет! Только в Таврию, — строго ответил женский голос.

— Как хочешь, дорогая, — испугался шахтер.

— Уже дорогая… — ревниво сказал парень-атомщик.

— Потом разберемся! — прикрикнул женский голос. — Взломайте склад, возьмите там сапоги и плащ, надоело голой ходить. В библиотеке прихватите энциклопедию на «Т». А я найду здесь весла и якорь. Кувшин утоплю, не тащить же его в Таврию. Отчалим, пока не закончился кинофильм.

— И молоток утопи, — сказал шахтер.

— И эту рухлядь тоже, — сказал парень.

Две громадные тени прошли за ворота лодочной станции и начали подниматься в санаторий. Коробейникова трясло — он понимал, что будет, еслй ожившая Галатея войдет сейчас в будку за веслами.

Его спасло то, что силуэт с кувшином направился не к будке, а к морю. Там Галатея размахнулась и зашвырнула кувшин за волнорез. Коробейни-

ков успел тихо выбраться из будки и побежал в санаторий.

Он бежал к летнему кинотеатру, ничего не соображая. В санатории выли собаки. Фантомас бушевал из последних сил. Склад был уже взломан — Коробейников чувствовал это всеми фибрами своей завхозной души.

Где этот заслуженный деятель? Он один сможет остановить свою Галатею!

Народ выходил из кинотеатра. Там все закончилось благополучно — Фантомаса опять не поймали.

— Старика в берете не видел? С хвостиком? — спросил Коробейников у Бори, не пропускавшего ни одного фильма.

— А вон идет со старухой. И вешает ей на уши лапшу.

Заслуженный деятель выходил из кинотеатра с молодой дамой. Та смотрела ему в рот, а он рассказывал, как много у него врагов и соперников в творческом плане. Ломают статуи. Им бы только заказ урвать.

— Она ожила! — закричал Коробейников, налетая на заслуженного деятеля и размахивая руками. — Ваша Галатея ожила!

Заслуженный деятель внимательно оглядел Коробейникова, постучал пальцем по своему лбу и повернулся к даме.

Коробейников схватил его за куртку.

— Они собрались плыть в Таврию!

— Чего ты кричишь? — тихо сказал заслуженный деятель, вырываясь. — Я завтра уезжаю в Брюссель на симпозиум, пусть себе оживает. Пусть ее вдребезги разобьют. Что я вам нанялся ее сторожить?

Он отбросил руку Коробейникова, забыл про свою спутницу и пошел по аллее, громко бормоча:

— Галатея! Я говорил на худсовете — преждевременно! Нет, голую бабу им подавай!

С этого момента Коробейников стал разбираться в искусстве. Он хотел крикнуть: «Катись отсюда, Пигмалион!» — но в его сердце будто врубился отбойный молоток. Он лег на асфальт, а дама завизжала.

К удивлению врачей, Коробейников очнулся в

сентябре. Лето куда-то подевалось. Рядом сидела жена и вязала. Он прошептал:

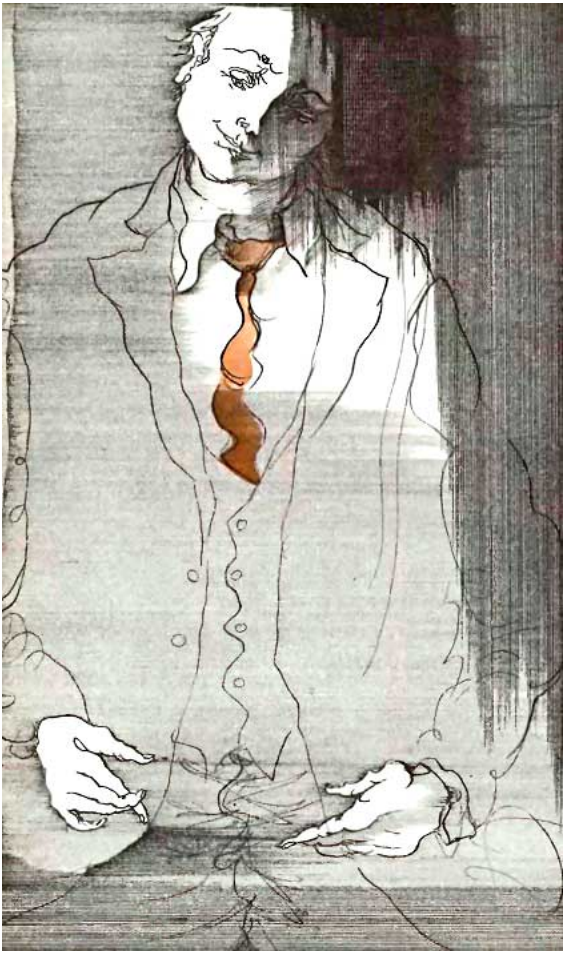
— Искусство нельзя… того… А то все они разбегутся.

Потом он заснул, и ему приснилось, что он был когда-то каменной статуей, и вот… того… ожил под влиянием сильного чувства.

№ 5, 6, 7, 8

Виталий Бабенко

Встреча



«Поставьте себя на место героя...»

На мой взгляд, вещь, которую не хочется читать вторично, не стоит читать и первый раз. Повесть Виталия Бабенко «Встреча» я перечитал дважды, почти подряд, и оба раза с удовольствием.

Сначала захватил стремительный сюжет — в лучших традициях приключенческого жанра. Это помешало мне заняться расшифровкой криптограммы, которая весьма умело, как в лучших классических детективах (вспомним «Золотого жука» Эдгара По), вплетена в ткань произведения. Впрочем, от соблазна забежать вперед вдумчивого читателя «Химии и жизни» убережет то обстоятельство, что главы повести разнесены по четырем номерам журнала. Таким образом, каждый читатель имеет шанс перевоплотиться в героя и, приняв правила игры, которые четко соблюдены автором, заняться подбором кода к шифровке. Если ничего не выйдет — не беда: следующий номер подскажет очередные ходы и даст как бы новое «домашнее задание»—

Итак, перед нами повесть, написанная в довольно редком — после Эдгара По — приключенческо-научно-фантастическом стиле. Однако главное в ней все же не перипетии сюжета, а тема, едва ли не важнейшая в наши дни. Повесть посвящена борьбе за мир, причем существенной ее проблеме — реконверсии производства ядерного, космического, химического оружия, то есть переводу военной экономики на ьмрные рельсы. Актуаль-

ность этой задачи прямо следует из впечатляющего Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. «Советский Союз — говорится в Заявлении, — предлагает начать с 1986 года осуществление программы освобождения человечества от страха перед ядерной катастрофой — Советский Союз считает вполне реальной задачу полностью ликвидировать еще в этом столетии и такое варварское оружие массового уничтожения, как химическое».

В движении за всеобщий мир и разоружение есть много аспектов, возможностей, вариантов решений. Автор повести предлагает нам только один из них, и, как мне кажется, близкий к реальности. И вместе с тем мы имеем дело с художественным произведением, действие которого развивается на фоне событий ближайшего будущего. Таким образом, перед нами повесть, которую можно назвать не просто научно-фантастической, но документально-фантастической.

А какой оригинальный у нее конец! Герой нажимает...

Стоп. Это ведь и детектив тоже. Приготовьте карандаш и бумагу и приступайте к чтению. Поставьте себя на место героя, и — желаю успеха в вашем с ним трудном, опасном и благородном деле.

Заместитель председателя
Советского комитета защиты мира,
летчик-космонавт СССР,

доктор физико-математических наук
Г. М. Гречко

I

«Изготовленный в Йемене заводским способом опытный образец буя, стойкого к воздействию окружающей среды и работающего на атомной энергии… косить… Том… гарантировано… огнестрельная боевая техника… в случае аварии буя ядерные подрывные средства… поправка часов 21… блестящий выход на цель… большой приз… зрительная сигнализация… точная копия… 5 сверху… комитет вооружений… сторожевой корабль 914 Северный Йемен 923… средства связи работают в режиме «только передача»… ядерный взрыв в воздухе… несамоходный беспалубный лихтер… главная действующая база… курс корабля 38… «местоположение сомнительно»… Британская европейская авиатранспортная компания… наблюдатель № 15 угандийской

зоны… «хабла»… настроения предательские… атомный потенциал… радиотехническая разведка… О».

Я читал и перечитывал эту ахинею, тонкими зелеными штрихами написанную на индикаторе компа, и ничего не понимал. Два часа я бился над шифрограммой, нашел ключ, даже два ключа, — и все впустую. Получалась какая-то чушь, не лишенная, впрочем, известного смысла.

Судя по расшифровке, речь шла о морских операциях, вероятно, с применением ядерного оружия, в водах, омывающих Аравийский полуостров. Еще здесь как-то была замешана Уганда. И почему-то британская авиакомпания. И конечно, комитет вооружений — законспирированная «ложа», представители которой неизменно ускользали от нас.

Другой вариант: декодирование пошло по ложному пути, и тогда передо мной абсолютная абракадабра. Нет, вряд ли. В Йемене, в частности на Сокотре, действительно собирали опытный образец экологического буя с атомной энергоустановкой. Этот буй только называется экологическим, на самом деле контроль над его производством установлен нашим Комитетом.

Когда мы запустим серию и разбросаем такие буи по океанам, любая активность военного характера во всех средах неизбежно попадет в поле зрения.

Но что такое «хабла»? И перевести mood rat как «предательские настроения» можно лишь с большой натяжкой. Ну какой из меня дешифровщик? Краткий курс декодирования, который я прошел за неделю до вылета на аукционы, да юношеское увлечение числами Фибоначчи — вот все, что у меня в активе. Плюс, разумеется, компьютер с ридаром — без этих приборов я вообще не получил бы в руки шифрограмму. А в пассиве — нехватка времени, слабое знание американского военного слэнга и напряжение, в котором приходится работать. Не хватало еще, чтобы Олав засек, чем я занимаюсь, спокойно сидя в кресле «Стратопорта». Ужасно нервирует неуверенность: нет, нет у меня гарантии, что криптограмма декодирована однозначно!

Я стер с индикатора русский вариант и вызвал из памяти компа английский текст.

«Prefab Yemen AE PEB mow
Tom garand FE buoy EMG
ADM WE U wow T kudo

VS do e IE MB DE iad IN YEM ibc SO AB YC MOB shch PD BEA O ae UG Z habla mood rat APOT ER O».

Однозначности — никакой. Правда, первая строчка ясна, за исключением последнего слова mow — «косить». Зато для четвертой строки напрашивается совершенно иное прочтение: VS — «противолодочная эскадрилья»… do — «дело» (в смысле — бой)… e — по порядку в алфавите цифра 5, оценка обстановки по данным разведки… бомбардировщик-ракетоносец… противолодочный корабль… iad — 914… N YEM — «Северный Йемен…» Тоже, конечно, чушь, но какой-то смысл во всем этом обязательно есть.

В пятой строчке и дальше — опять сплошные разночтения. SO может обозначать и «только передача», и «особое распоряжение, специальный приказ», а «воздушный ядерный взрыв» (AB) способен обернуться «авиационной базой». Shch я перевел как «курс корабля 38», произвольно заменив буквенные обозначения цифровыми, а ведь это вполне может быть английской передачей русского «щ», и тогда дело принимает совсем оригинальный оборот: моя фамилия Щукин.

Впрочем, с той же вероятностью эти четыре буквы означают ship's heading Channel, то есть «курс корабля — Ла-Манш».

Наконец, последние строки. UG — это Уганда; кажется, ничего здесь больше не придумаешь. Но Z habla можно расшифровать как «зона 812 — пусковой район», тогда дальше: «главный боевой приказ 4… ракета-торпеда… ядерный снаряд… радиотехническая разведка… О». В этом варианте текст тоже заканчивается буквой О, и это безусловно означает «Олав» или «Ольсен». Вот он сидит впереди, в пятом ряду, — Олав Ольсен, мой старый знакомый и одновременно незнакомец. Его золотая шевелюра, совершенно не тронутая сединой, видна из любой точки салона. В Ольсене — ровно два метра, все самолетные кресла для него малы.

Итак, О — это Олав. На всякий случай у меня есть запасной вариант расшифровки, в котором сокращение имени информанта отсутствует: «LA mood RA TA PO Тег о». Что означает: «пусковая зона… тональность… разведывательный самолет (или, может быть, радиус действия)… район цели… территория первоочередного наступательного удара — 15…» Можно расшифровать и совсем коротко — бред!

Два часа назад я взялся за дело с воодушевлением. Казалось бы, в чем проблема? У меня мощный карманный компьютер, задача имеет решение, значит, я его получу. Раз, два, и готово. Я догадываюсь, что от двоичного кода надо перейти к четверичному. Еще усилие — и я раскалываю главный орешек: меня осеняет, почему матрица имеет такую странную форму — прямоугольную и с «хвостом». А потом — тупик. Я безнадежно погряз в военных аббревиатурах.

Между тем времени осталось немного — до Нассау всего два часа. «Стратопорт» уверенно несет меня к цели и крадет минуту за минутой. Сейчас от нас отрываются челноки, идущие на Филадельфию, Балтимор и Вашингтон, а через несколько минут мы примем ричмондские и норфолкские челноки.

Проклятые аббревиатуры. Как же они навязли в зубах! Последние полчаса я не могу отделаться от мысли, что теперь мне никогда не придется говорить нормальным «несекретным» языком, во всем будет мерещиться тайный смысл.

«М ойдя ДЯС а мы ХЧЕ стн ЫХПР ав ИЛ…»

… Золотая копна над креслом в пятом ряду начинает шевелиться. Очевидно, Олав решил встать. Интересно, в каком кармане пиджака он

держит компьютер — в наружном или внутреннем? То, что Ольсен где-то распрощался со своим чемоданом, я заметил давно.

Я выключаю комп, прячу его во внутренний карман пиджака, откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. Делаю вид, что закрываю. Надо расслабиться и переключиться с криптограммы на что-то другое…

II

Я вспомнил аукцион в Рейкьявике — первую распродажу военной техники, на которой мне довелось побывать. Аукцион был всего три дня назад, а память уже отнесла это событие в далекое прошлое. Я запутался в часовых поясах, мне все время хотелось спать, и лишь лошадиные дозы кофе — а я его не люблю, предпочитаю крепкий чай — держали меня в форме. Сердце реагировало на кофе учащенным биением, и мне это не нравилось.

Аукцион проходил в гостинице «Борг». Народу было немного: около двадцати представителей

военных ведомств Северной Америки и Европы, примерно столько же официальных покупателей, представлявших международные организации, и около пятидесяти экспертов Комитета по разоружению, в число которых входил и я. К моему удивлению, пресс-группа оказалась куда как скромной. Впрочем, чему удивляться? Аукцион только для меня был в новинку, а вообще систему наладили давно. Первые торги действительно собирали огромные толпы видеорепортеров и газетчиков. А теперь военные распродажи катились по накатанной колее и не сулили никаких неожиданностей.

Рейкьявикский торг отличался от всех предыдущих. Впервые с аукциона шла атомная ракетная подводная лодка системы «Трайдент». На нее претендовали три покупателя — Международный центр эксплуатации океанов (солидная фирма, я бывал у них в штаб-квартире, во французском городе Сен-Назар), Международный институт прикладного системного анализа (зачем им понадобилась лодка — ума не приложу, ведь Лаксенбург, где расположен институт, сугубо континентальный городок, спутник Вены) и Международная комиссия по новым и возобновляемым источникам энергии, базирующаяся в

Дар-эс-Саламе. ВМС США, продавец лодки, заломил астрономическую цену, по меньшей мере вдвое выше истинной (притом без вооружения — ракеты «Трайдент-2» продаются на отдельном аукционе). Торг шел вяло, и я не чаял дождаться его окончания.

Особенность таких аукционов в том, что итоги сделки остаются в секрете. О них знают лишь продавец и покупатель. Исключение делается только для узкого круга экспертов КОМРАЗа — Комитета по разоружению. Представителей прессы к подобной информации не допускают. Мировая печать, телевидение и радиовещание знают только, что такой-то объект продан, он вышел из рук военного ведомства и поступил в распоряжение Сообщества наций. А куда именно он попал, в какой комитет, центр, комиссию или институт, — это уже тайна. В мире еще много сил, противодействующих разоружению, и пути перемещения военной техники, пусть даже и распотрошенной, не должны быть известны всем и каждому.

Кстати, я эксперт из отдела безопасности КОМРАЗа. Моя задача — не допустить огласки.

Продажа подводной лодки обещала затянуться на несколько недель, зато остальная программа

аукциона была выполнена поразительно быстро, буквально за день. МАГАТЭ — в лице его сенегальского представителя — довольно дешево купило нейтронную начинку тридцати противоракет «Спринт» системы «Сэйфгард». А Международное управление по вопросам солнечной энергии приобрело десять бомбардировщиков Б-52С. Их должны были перебросить из штата Нью-Йорк на остров Святой Елены. Там, близ Джеймстауна, создан специальный производственный центр по переоборудованию самолетов стратегической авиации для использования в мирных целях. Наконец, лозаннское подразделение ИЮПАК — Международного союза теоретической и прикладной химии закупило — страшно представить! — два миллиона литров зарина и VX; эти американские запасы боевых отравляющих веществ хранятся в западногерманском городе Фишбахе.

Не знаю уж, как в Лозанне собираются расправляться с этими нервно-паралитическими газами, но что-то они придумали. Наверное, есть способ превратить их в неядовитые соединения и пустить в какой-нибудь синтез. Не будет же ИЮПАК выбрасывать деньги на ветер.

Эти сделки быстро закончились, я проследил за

режимом секретности и уже вечером мог сесть на челнок Рейкьявик — «Стратопорт». Следующим пунктом в моей программе значился Галифакс, а финиш турне намечался на Багамах.

Люди, которых я увидел в Рейкьявике, остались бы калейдоскопом лиц, если бы не Олав. Крупные черты, может быть, некоторая одутловатость, если бы не гибкость мимики, отличающая прекрасного актера — это лицо выделялось на общем фоне. В моем сознании прозвенел сигнал тревоги, и цепочка вопросов замкнулась в круг, из которого я уже второй день ищу выход.

Что здесь делает Олав? Кого представляет? Какова его цель? Аукцион? Тогда какая сделка? Или кто-то из присутствующих? Кто — продавцы или покупатели? Или эксперты? Или я сам? Вероятно ли, чтобы Ольсена приставили ко мне?

А если мы встретились случайно — узнал ли он меня? Плохо, если узнал. Поскольку Олав здесь наверняка по спецзаданию и о моей роли он должен догадываться, то, надо полагать, он попытается вывести меня из игры. Где и когда?

Хотя, может быть, он меня не засек… Все-таки со времени нашего знакомства прошло восемнадцать лет. Нет, надежда на забывчивость — это из области иллюзий. Последние пять лет,

что я работаю в КОМРАЗе, Олав не раз проходил по ориентировкам. Как же — Олав Ольсен, независимый шведский журналист, автор сенсационных публикаций, связанных с делами об отравлениях и ядовитых выбросах в атмосферу (это — информация для широкого читателя). И он же — кадровый офицер ЦРУ, профессионал высокого класса, крупнейший знаток лучевого оружия (а это — только для посвященных). Но о том, что Ольсен должен быть на рейкьявикском аукционе, я не знал.

А может, и я проходил по ориентировкам, с которыми знакомили спецов в его, Ольсена, фирме? И мой прилет в Исландию они тоже упустили?

В любом случае, по лицу Олава я не угадаю ничего. Я ни в коем случае не должен «узнавать» его первым. Что бы ни произошло. До той поры, пока я не пойму, зачем он прилетел в Исландию.

III

С Олавом я познакомился в Югославии в 1978 году. Тогда я работал экспертом-токсикологом и

был командирован на симпозиум по судебной экспертизе. Он проходил в очаровательном месте под названием Макарска Ривьера.

Три дня мы жили в роскошной гостинице в местечке Тучепи, обсуждали свои профессиональные проблемы и наслаждались видами Адриатики. Погода, впрочем, нас не радовала. С прибрежных гор налетала не по сезону яростная бора, вода в море была ледяной, и купались с риском для здоровья лишь редкие смельчаки. Вдобавок ко всему тучи ходили кругами над неправдоподобно зеленым, малахитовым морем и регулярно проливались дождями точно над курортными поселками. По ночам в море били молнии и землю трясло. Год был сейсмический.

На третий день я отправился пешком в городок Макарска. Тут-то и нагнал меня шведский журналист, огромный рост и отменную физическую силу которого я отметил еще на открытии симпозиума. Потом мы виделись на заседаниях, но познакомиться так и не удалось.

Олав Ольсен — так он представился — тоже направлялся в Макарска. На вид он выглядел моим ровесником, лет 28–30, не больше. Его английский, вернее американский, был совершенно чистый, с той долей неправильности, которая

отличает человека, говорящего на родном языке, от способного к языкам иностранца.

В Макарска мы зашли в музей морской фауны, купили высушенных морских ежей и звезд, потом стояли на пирсе и долго ворчали по поводу радужных разводов нефти, видневшихся на акватории маленького порта. В Тучепи мы вернулись добрыми знакомыми. И почти всю ночь сидели в номере, который занимали Олав и его жена Мерта. Олав рассказывал, какую реакцию в Швеции вызвал его материал о выбросе в атмосферу диоксина при взрыве в Амстердаме на заводе «Филипс — Дюфар» в 1963 году. Статья его была напечатана через много лет после аварии, но молодой Ольсен был талантлив. Потом он писал о трагедии Севезо, об утечке нервно-паралитического газа на Дагуэйском полигоне в Скалистых горах… Этот шведский журналист оказался симпатичным парнем.

Много позже, когда я перешел на другую работу, я узнал, что Олав Ольсен такой же швед, как я китаец. Терри Лейтон — так его звали на самом деле. А хрупкая изящная женщина с чистыми глазами, которая сопровождала его в путешествиях, была действительно шведкой. Она разъезжала под собственным именем, и никаких супруже-

ских уз между ней и Ольсеном не существовало. Мерта Эдельгрен была на четыре года старше нас с Олавом, ее стаж в ЦРУ уже тогда насчитывал десять лет.

Той ночью в гостинице «Тучепи» Олав Ольсен рассказывал мне, советскому эксперту, о бесчеловечном производстве отравляющих веществ в США и странах НАТО, о варварском и циничном химическом оружии: мол, у современных реагентов нет ни цвета, ни запаха, и они могут «незаметно» скосить миллионы людей, поставив планету на край экологической катастрофы. А за две недели до симпозиума (это я тоже узнал гораздо позже) специалист по лучевому оружию Терри Лейтон присутствовал на секретном совещании в Ливерморе близ Сан-Франциско, где речь шла о первых шагах по реализации программы «Эскалибур» — создании космических рентгеновских лазеров, которые способны нанести лучевые удары по Советскому Союзу.

До сих пор не знаю, для чего Олав Ольсен приезжал той весной в Югославию. Скорее всего особой цели не было, просто представилась возможность отдохнуть на Адриатике под маской шведского журналиста.

Через пять лет я попал во Вьетнам, на Между-

народный симпозиум по изучению последствий применения токсических веществ на организм человека и окружающую среду. Это было в Хошимине, в январе восемьдесят третьего. На улице Во Ван Тан была открыта выставка. Я разглядывал гранатометы, кассетные химические бомбы, приспособленные для разбрасывания отравляющих веществ, самоходные бронированные машины, на которых были смонтированы распылители. В залах висели фотографии: изуродованные люди, уничтоженные леса, жуткие раны земли…

Вывод, к которому пришли на симпозиуме крупнейшие специалисты, я помню наизусть: «Операция «Рэнч хэнд» была по существу химической войной с использованием гербицидов в широких масштабах в пространстве и времени, первым массированным их применением в истории войн. Она совершенно отличалась от взрывов или несчастных случаев на химических заводах».

Потом я был в госпитале «Тызу». В светлых палатах лежали дети, у которых война отняла возможность ходить в школу, играть со сверстниками, познавать мир. Эти дети на знали войны. Военные, жившие в другом полушарии, отрабатывали на их родителях действие агентов с

цветными названиями — «оранжевый», «белый», «голубой»… За этими безобидными обозначениями стояли 2,4-D и 2,4,5-T, пиклорам и какодиловая кислота, — стойкие высокотоксичные яды.

Я вышел на галерею, идущую по второму этажу госпиталя, и, прислонившись к резной укосине, бессмысленно разглядывал двор. Внезапно сердце у меня екнуло. По двору шел двухметроворостый мужчина с золотистой копной волос. Олав! Что он здесь делает?

Я навел справки. Ольсена тоже интересовали последствия применения токсических веществ. По некоторым параметрам ОВ и лучевое оружие действуют сходным образом… Эксперт Терри Лейтон изучал опыт своих коллег.

Я постарался не столкнуться с Олавом. На улицах Хошимина и в залах заседаний мы не встречались. Кажется, Ольсен так и не узнал о моем пребывании во Вьетнаме. Хотя, когда имеешь дело с профессионалом, в таких вещах нельзя быть уверенным.

IV

Тринадцать лет прошло с той встречи. Нам с Олавом уже по сорок шесть. Он не потерял прежней стати. Такой же красавец, силач, великан. Очень опасный. Смертельно опасный…

Впрочем, и я не терял эти годы даром — набирал свой опыт.

Когда при ООН стали создавать сеть национальных комиссий, призванных подготовить Международный комитет по разоружению, я сразу попросился туда. На удивление быстро прошел формальности, и в конце 1989 года мне вручили удостоверение эксперта по безопасности Советской подготовительной комиссии. Почему по безопасности, а не по токсикологии? Да по той простой причине, что безопасность подразумевает умение обезвреживать не только агентов противника, но и взрывчатые и химические агенты… Химики, особенно токсикологи, были в отделе безопасности нарасхват.

Спустя два года был, наконец, утвержден статус Комитета по разоружению, и… С тех пор я не знаю ни отпусков, ни выходных. Дни замелькали с су-

масшедшей скоростью, словно меня раскрутили в стеклянной центрифуге. Десятки, сотни встреч, совещаний, коллегий — на разных уровнях, в разных климатических зонах и часовых поясах. Не проходило дня, чтобы КОМРАЗ не встречал активного противодействия со стороны тех, кому от слова «разоружение» сводило скулы.

Идея аукционов родилась быстро. Этот ход ни у кого не вызвал возражений: уж если в вооружение вложены колоссальные средства, то почему бы их не возместить хотя бы отчасти? Но только при условии, что купленная военная техника пойдет на мирные нужды. Разговор о разоружении переводился на экономические рельсы, и это была, пожалуй, та самая платформа, на которой могли сойтись государства с разными социально-политическими системами. В начале 90-х годов самым популярным подразделением ООН оказалась ЮНЕДО — Организация экономики разоружения. Она просуществовала лишь три года, но сделала огромное дело: запустила механизм аукционов.

Кто вправе купить военную технику? Только международный орган мирного характера, действующий под контролем КОМРАЗа. А на какие средства он мог приобрести бывшее вооружение?

На международные… То-то и оно. Соединенные Штаты нашли уязвимое место в системе и постарались поставить под свой контроль работу ЮНЕДО.

Покупатели должны были получать ежегодные субсидии от всех государств планеты. Казалось бы, самое разумное решение — пропорциональный вклад всех народов. Однако госсекретарь США выступил с предложением о паритетном вкладе всех держав, и дело сразу зашло в тупик. Целых два года мы ломились в эту стену, пока не проломили ее. Американцы со скрипом согласились на советское предложение о «квотах на мир». Дело шло к тому, что каждая страна будет ежегодно отчислять в фонды международных невоенных организаций — тех самых покупателей — четыре процента ВНП, валового национального продукта. Бах! — снова шлагбаум. Американцы подсчитывают ВНП не так, как мы, и в ясном, казалось бы, вопросе о квотах воцаряется неразбериха. Еще три года нас засасывает трясина политико-экономического крючкотворства.

Этот барьер мы тоже взяли. Торги идут по всему миру. Государства потихоньку избавляются от вооружений, а в международные научные организации поступает высокоточная электроника,

химическое сырье, лазерная техника, транспортные средства, приборы связи и локации, расщепляющиеся материалы — и так далее.

V

Я снова бросил взгляд на индикатор компа:...habla mood rat A POT ER O». Чертовщина какая-то!

Оторвал взгляд от экрана и посмотрел вперед. Головы Олава не видно. Я заерзал, как человек, который долго дремал в неудобной позе, встал, помассировал якобы затекшую шею, покрутил головой. Олава нет нигде.

На мгновенье я зафиксировал взгляд на Володе Фалееве, сидевшем в одиннадцатом ряду. Володя из-под полуприкрытых век смотрел на меня. Я отрицательно качнул головой — совсем незаметно, не движение даже, а намек, — чуть-чуть пожал плечами. Володя должен понять: задачка не поддается решению, об Олаве никаких новостей, информация наших канадских связников о том, что режим секретности аукционов нарушается,

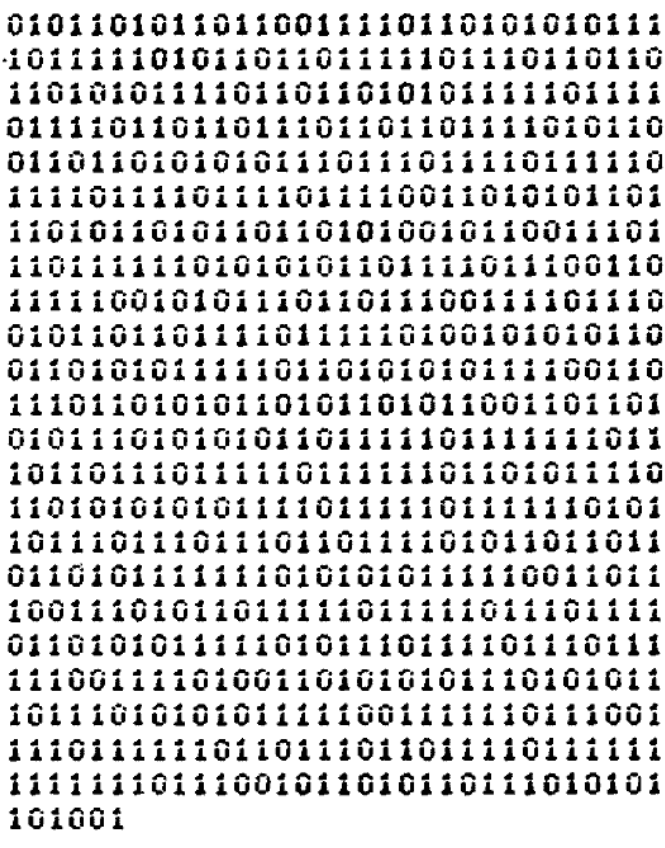
пока не подтвердилась.

У нас с Володей контакт почти телепатический. Знаем друг друга с университета, с первого курса. Потом наши пути разошлись: Фалеева пригласили во Всемирную организацию здравоохранения, он отдал ей двадцать лет. Володя проводил за рубежом по два, по три года, я терял его из виду, но потом мы неизменно встречались, и дружба наша не угасала.

В КОМРАЗе Володя, как и я, с первых дней. Это далеко не первое наше общее задание. Ни одна живая душа на «Стратопорте» не должна знать, что между нами есть какая-то связь. Я понятия не имею, откуда Фалеев прилетел на «Стратопорт». Когда челночный самолет доставил меня из Галифакса на борт крейсера, Володя был уже там. Мы молниеносно обменялись условными знаками, и каждому стало чуточку легче: Фалеев узнал, что я располагаю криптограммой и надеюсь вот-вот разгадать ее; я же выяснил, что пока на крейсере «чужих» нет, а если и появятся, то Володя обеспечит прикрытие.

На моем челноке Олава не было. Но через полчаса после того как я занял свое место в левом салоне крыла **А**, в проходе возник Олав. Похоже, он примчался из Галифакса в Массачусетс и успел

на бостонский рейс. Я тут же показал Ольсена Володе и, как только Олав уселся в кресло, снова вызвал на экран компа проклятую матрицу.



…Итак, я стоял возле своего кресла, искал глазами Олава и проклинал свою некомпетентность в дешифровальном деле. Володя по-прежнему сидел в своем кресле, не меняя позы, но что-то в его облике изменилось. Наклон головы тот же, глаза, как и раньше, полуприкрыты, шея расслаблена. Рука на подлокотнике! Средний и указательный пальцы были скрещены: это означало опасность.

Я намеренно неуклюже повернулся всем телом. Над креслом пятого ряда снова светилась золотая шевелюра. Куда исчезал Олав? И как он исчезал? Что при этом делал? Устроиться поглубже он бы не рискнул — знал, что это меня насторожит. Значит, ему очень нужно было исчезнуть, а потом возникнуть на прежнем месте как ни в чем не бывало. Мог ли он наклониться за какой-нибудь упавшей вещичкой, извернуться и, припав к полу, наблюдать за мной в просвет между креслами? Мог. А зачем это ему? Чтобы засечь моего партнера? Но для этого надо знать, что у меня есть партнер…

Ну, ладно. Раз я встал, значит, надо что-то делать. Например, размять ноги. С беспечным видом я направился к выходу из салона. Побыть одному. Прогуляться по «Стратопорту». Эти крейсеры настолько громадны, что рано или поздно

найдешь уголок, где еще ни разу не был.

«Стратопорты» поднялись в воздух года четыре назад. Сколько же было возни вокруг пустякового вопроса: как назвать эти гиганты? Проекты были международными, и лингвистический спор принял глобальный размах. В сущности, что такое «Стратопорт»? Это огромное «летающее крыло», беспосадочно кружащее по замкнутому маршруту, который проложен над столицами и крупными городами.

«Стратопорты» летают по пяти маршрутам. Я бывал на трех: на Североатлантическом (тут я сейчас), на Индоокеанском и Северо-Западном. На южных летать не приходилось. Впрочем, «Стратопорты» на всех маршрутах типовые. Каждый — это четыре самостоятельных крыла, обозначаемых литерами **A**, **B**, **C** и **D**, восемь пар мощнейших двигателей и четыре дока для швартовки челноков, с которых на «Стратопорт» поступают пассажиры, грузы и топливо. Сам он сесть на землю не может: слишком тяжел и громоздок. Он способен лишь приводниться, и то с известным риском. Но в случае необходимости крейсер может разломиться на четыре части, и тогда каждое крыло ведет себя как тяжеловесный, но вполне маневренный самолет. Крыло

делится на три салона: в левом и правом по 132 места, в центральном — 96; таким образом, полная загрузка «Стратопорта» — 1440 пассажиров. Я, правда, еще ни разу не видел битком набитого крейсера…

Зачем я держу в голове все эти данные? В любую секунду можно нажать кнопку на подлокотнике, и вежливый баритон сообщит через наушники все, что требуется. В конце концов, можно подозвать стюардессу, и она расскажет то же самое. Но — такая уж работа. Я обязан знать все о тех транспортных средствах, которыми мне приходится пользоваться.

VI

Я постоял на причальной галерее своего крыла и полюбовался, как швартуется челнок. Судя по номеру на фюзеляже, это был корабль из Ричмонда. Его нос точно вошел в приемный конус, сработал вакуумный захват, пилот выпустил причальные штанги, их обхватили мягкие клешни швартовочного узла, и к люкам прибывшего

челнока потянулись надувные шлюзы. Пять минут на высадку, пять — на погрузку. За это время челнок уносится на сто сорок километров от точки, где он встретился со «Стратопортом».

На галерее больше делать было нечего, и я отправился по салонам. Люди любят путешествовать, вдруг да встретишь знакомого.

Я начал обход с дальнего конца «Стратопорта». Во всех салонах крыла **D** — ни одного знакомого лица. Крыло **C** — тоже чисто. Крыло **B**... Я уже приближался к кормовому выходу из левого салона, как вдруг чей-то быстрый взгляд почти остановил меня. Сбавив самую малость прогулочный темп, я окинул взглядом три места с правой стороны прохода.

Точеная женская фигурка. Модные миткалевые штаны (язык не поворачивается назвать этот бесформенный предмет брюками), замшевая доломанка с набивными плечиками, длинные льняные волосы перехвачены шнурком. На вид пассажирке лет тридцать пять — сорок. Безразлично смотрит в имитатор. Боже мой, хрупкая женщина с чистыми глазами! Мерта... «Жена» Ольсена все такая же, как в далеком семьдесят восьмом, ну разве что чуточку повзрослела, этакая независимая вечная студентка. А ведь Мерте

в этом году — ровно пятьдесят. Медицина…

Итак, что мы имеем? На «Стратопорте», следующем по маршруту, который соединяет города аукционов, встречаются — конечно же, случайно — два эксперта по безопасности из КОМРАЗа и два зубра ЦРУ. Или больше. Это я в лицо знаю двух, а сколько их на самом деле?

Ладно, пока будем думать о моих. За кем они охотятся? За мной, за Володей, за кем-нибудь из покупателей? Доживем — увидим. Сейчас задача номер один: криптограмма. Отдохнул, пора снова браться за шифровку.

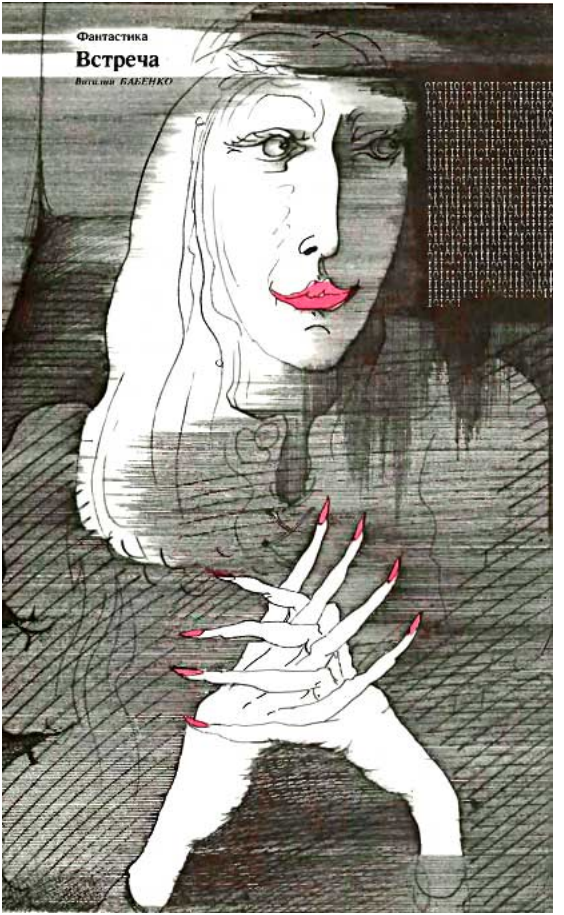
Я вышел в тамбур, пересек причальную галерею, замедлил шаг и спокойно вошел в свой салон.

Первый взгляд — в сторону Олава. На месте. Золотая копна над спиной кресла. Второй взгляд — на Володю. Какая-то странная поза. Странная для Володи. «Стратопорт» потряхивало, я шел неровно, опираясь на спинки кресел слева и справа. Это и спасло меня от «засечки».

Фантастика

Встреча

Виталий БАБЕНКО



VII

Сердце — бух! Потом — бух! Бух! Пауза. Бух!! Эстрасистола. Еще одна. Сейчас потемнеет в глазах, и… Нет. Живу. Мотор работает.

Так. Володя мертв. Продолжаю идти. Надо идти как ни в чем не бывало. Те, кто за мной наблюдают, — а за мной наблюдают, и не один Олав, — не должны догадаться о нашей связи с Володей. Даже если они знают о ней, мне нельзя проявить ее.

Таким вот образом. Пассажир, занимающий место 11-D, просто спит. А еще один пассажир спокойно идет к своему месту 9-B. И его немного пошатывает. Потому что «Стратопорт» трясет. И ничего не случилось. Только тот, кто в кресле, не спит, а убит.

Откуда я это знаю? Володя никак не прореагировал на мое приближение. И еще есть признаки. Всегда найдутся признаки, по которым опытный глаз определит смерть. Глаз у меня опытный. Слишком даже. Я видел много мертвых тел. Слишком много для нормального человека. А кто

сказал, что я нормальный? Разве это нормально — ковылять по проходу мимо своего друга, убитого несколько минут назад?!

Снова пульс зашкалило. Ничего, иду. Вот только от пота мокрый — хоть выжимай. Тот, кто за мной наблюдает, обязательно отметит: Щукин идет мимо трупа Фалеева весь в поту. А что поделаешь? Пот — вещь неподконтрольная, его не победишь никакой тренировкой.

Бедный ты мой парень! Наверное, и пальцем пошевелить не успел. Господи, Володя, это тебя-то! Я лишь раз видел тебя в неогневом бою — то было зрелище.

...Вашингтон. Мы шли из Агентства по охране окружающей среды в свою гостиницу, нам забронировали места в «Чэннел», и вдруг на углу Шестой и авеню Мэн, прямо перед «Ареной», — пятеро крепких ребят с цепями и ядрами. Есть такое развлечение у тамошней «золотой» молодежи — носить на шнурке, привязанном к локтю, полуторафунтовое ядро. Вам мило пуляют ядром в лоб, и вы долго — очень долго — ничего не помните. Если, конечно, остаетесь живы.

Дальше все было быстро. Володя крикнул: «Саша, возьми рыжего!» Я нырнул вбок, в прыжке нанес рыжему удар носком левой ноги, перенес

тяжесть на эту же ногу, чтобы пяткой правой врезать ближайшему молодцу в зубы, и… мой каблук встретил пустоту. Я еле удержался. Три человека, не считая рыжего, лежали на асфальте, тонко и жалобно воя. Последний из нападавших сидел на корточках, подпирая штангу уличного светильника, и беззвучно плакал, хватая ртом воздух.

Нечто подобное я видел только раз в жизни, и то в кино: в фильме Акира Куросавы «Красная борода». Примерно такими же приемами Тосиро Мифунэ в образе врача Ниидэ учил уму-разуму подонков. На экране все это было несколько растянуто, Володя же управился за три секунды. Где он этому научился, Фалеев мне так и не сказал.

— Занятный кистень. — Володя с интересом разглядел оружие, захваченное в бою, и сунул ядро в карман. — Оставлю на память. А теперь давай уносить ноги. Придет полиция, начнется шум, а я этого не люблю.

Мы долго еще бродили по задворкам Эм-стрит, не решаясь выйти к каналу Вашингтона, на котором стояла наша гостиница…

А теперь Володя мертв. Проходя мимо, я заметил на его шее, с левой стороны, красную точку и небольшую припухлость — след инъекции,

сделанной «летающей иглой». Кто-то шел по проходу и выпустил из пневмопатрона крохотную иголочку — остроконечную ампулу мгновенного яда в легкорастворимой оболочке. И все.

Какая же сволочная у нас работа! Трижды сволочная. Рядом — убитый друг, а ты пробираешься к своему креслу; извиняешься перед соседом (может быть, как раз он и убил?), вежливо улыбаешься, усаживаешься аккуратно, нажимаешь на кнопку, говоришь стюардессе, что хотел бы чего-нибудь прохладительного, ждешь, равнодушно постукивая пальцами по подлокотнику, стюардесса — само обаяние (а может, убийца — она?) — приносит стакан ледяного апельсинового сока, ты пьешь маленькими глотками, отдаешь стакан, снова улыбаешься: «Благодарю вас!»— наконец, откидываешься на спинку кресла, всем видом изображая уверенность и добродушное настроение. А сам в поту, весь в поту…

Так, выждал минуту. Две. Три. Все спокойно. На меня никто не смотрит. Я тоже ни на кого не смотрю. Я гулял по крейсеру, выпил сока, теперь хочу поспать. Имею право? Имею. Я задергиваю шторку, отделяющую меня от пассажира справа. Место слева пустует. Гением был тот человек, который придумал в самолетах эти шторки. За-

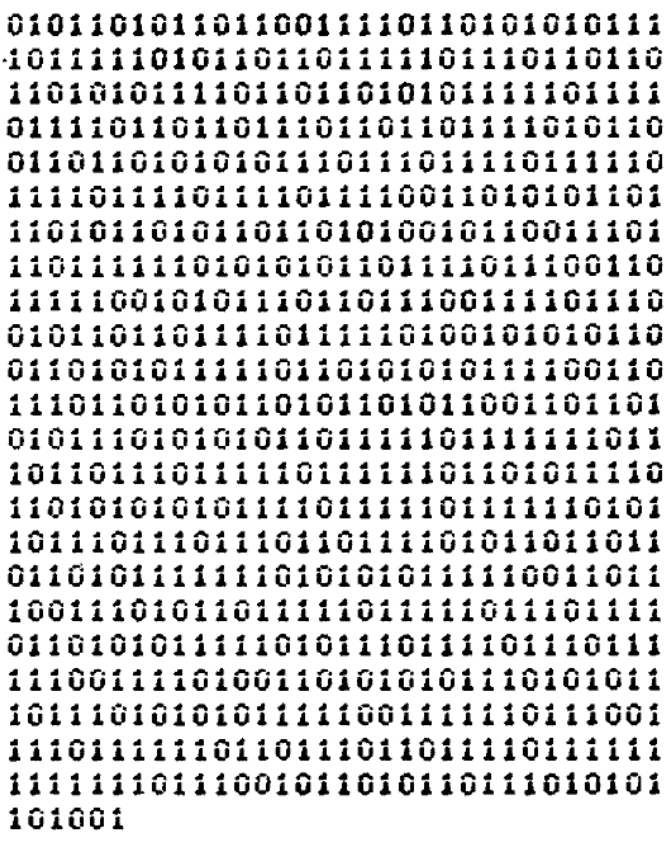
щита личной жизни поднята здесь на должную высоту.

Господи, что делать? Что делать?!

Только одно: снова взяться за криптограмму. Месть пока придется отложить. Она будет, эта месть, но — потом. Того, кто убил Володю, я достану из-под земли. Клянусь.

VIII

Я достал комп и снова включил индикатор. Вызвал из памяти матрицу криптограммы. По-моему, я уже знаю ее наизусть.



Пока я гулял по «Стратопорту», у меня окончательно сложилась мысль: что-то я напутал с частотным анализом. Вернее, не я напутал, а компьютер. В том, что шифровка близка к разгадке, я не сомневался. Но в то же время меня не покидало подозрение, что кодовый алфавит должен читаться совершенно иначе.

Попробуем еще раз. Частотный анализ гласных произведен правильно — в этом я был уверен. Тут комп не мог ошибиться. Но что касается согласных — здесь, как говорится, возможны варианты. Я задал компу новую программу — перебрать все комбинации подстановки согласных и выдать на индикатор оптимальную.

Задача не из сложных. Через несколько секунд передо мной вспыхнул новый набор букв:

«The canoe SEG AE tens RD
MR SFA hag ice nl roes FA is deld
RD Myl IRQU ire BE sn iebai goes B NV
uran OV SRN UJ VJ tin ear a ELF X JAN
WA SR Rl ham at rm eh R»

Самое поразительное заключалось в том факте, что и здесь были ключевые слова, позволяющие сделать вывод о… Да о том же самом — о правильности дешифровки. Эти слова бросались в глаза, словно индикатор выделил их цветом.

The canoe — первое слово и сразу же — знакомое секретное обозначение. Далее кодовая фраза hag ice — «ведьмин лед». Любопытно, что если начало второй строки прочитать как MRS Fahag, то смысл становится еще более прозрачным: есть такая плавучая мастерская (Maintenance and Repair Ship) «Фахаг», она плавает в Индийском океане и приписана к порту Аден. Аббревиатура IRQU настораживает, и весьма: если не ошибаюсь, имеется в виду что-то связанное с американской 98-й пехотной дивизией, носящей кодовое название «Ирокез». Наконец, слова uran (пояснения не требуются) и tin ear. Последнее словосочетание недвусмысленно указывает на меня. Tin ear — «жестяное ухо», в переводе со слэнга означает «человек с изуродованной ушной раковиной»… Мое левое ухо, если не скрывать его волосами, действительно выглядит не совсем ладно — память о бойких ребятах, с которыми я повстречался в Туамасине. Я не раз давал себе слово лечь в косметическую клинику, да так и

не собрался.

Итак, опять текст, полный скрытых намеков и туманных указаний. И вдобавок выводящий адресата прямо на меня.

В первом приближении перевод (не только с английского, но и с языка военных сокращений) выглядит так — я набрал русский текст и вывел его на индикатор:

«Группа по технической разработке систем оружия «Каноэ»… наличие оборудования… напряженность… секретные сведения морской разведки… унитарные боеприпасы с переменным зарядом… «ведьмин лед»… non licet… «косули»… полевая артиллерия доставлена… срок готовности 12 мая… гнев «Ирокеза»… Английский банк… бортовой номер iebai (95219) направляется на B (базу) в NV (Северном Вьетнаме)… уран… самолет службы наблюдения… спутниковая радионавигационная система… Ш (неопознанное реактивное топливо)… VJ (эскадрилья общего назначения)… «жестяное ухо» работает на чрезвычайно низких частотах — экстренная просьба обосновать полномочия на ведение переговоров… заявка на отправку грузов заводской сборки… радио-

перехват… радиооператор в комнате 58… Р.»

Нет, это невозможно. Бред собачий, хотя и с проблесками мысли. И с вклинившейся латынью: non licet — значит «не разрешается». И вдобавок с архаизмом «Северный Вьетнам». К тому же изобилующая разночтениями. Например, у Mrs Fahag есть третий смысл: речь может идти о некой «госпоже Фахаг». Если сочетание Be SN iebai goes BNV прочитать иначе, то получится: «бельгийское судно с бортовым номером 95219 пустить ко дну как несущественное». Аббревиатура ELF — «чрезвычайно низкие частоты» — может оказаться словом elf, а при чем тут эльфы, я понятия не имею. Впрочем, по-немецки это «одиннадцать». Но текст же английский, тут сомнений нет.

Дальше — XJAN. Extra Justification for Authority to Negotiate — «экстренная просьба обосновать полномочия на ведение переговоров»… Чушь. Буква X — третья от конца, двадцать четвертая от начала. Наверное, имеется в виду 24 января. Что у нас будет 24 января? Сокрыто мраком…

Наконец, последние семь знаков любой эксперт, будь он семи пядей во лбу, прочитает как минимум семью разными способами. К примеру, так: «донесение об аварии летательного аппа-

рата в штате Мэн… последствия тяжелые… Р.» И кто этот таинственный «Р» — Роберт, Ричард, Ростислав, Рогволод?

Я еще раз вспомнил первый вариант прочтения криптограммы: буй, боевая техника, комитет вооружений, ядерные подрывные средства, Северный Йемен, выход на цель, атомный потенциал… Приплюсовал к этому любопытнейшему ряду новые заметные словечки: системы оружия, морская разведка, унитарные боеприпасы, «косули» (за этим новейшим кодовым обозначением скрываются наступательные ракеты с неядерными боеголовками — далекие потомки сверхсекретной бомбы БЛ-У82 «Прыжок коммандос», испытанной еще во время вьетнамской войны), полевая артиллерия, неопознанное реактивное топливо, радиоперехват… Так и мерещится, будто за этими терминами кроется что-то очень и очень грозное. Фронтальный подрыв всей деятельности Комитета по разоружению. Это самое малое. А самое большее — война.

В голове зашевелились мало соответствующие моей скромной роли мысли об ответственности, о бремени долга, которое вдруг взваливается на плечи одного человека… Почему же именно на мои плечи?

А потом я сделал вот что. Я глубоко вздохнул и стер из памяти компа оба варианта расшифровки.

Все — липа. Игра случая. Не может быть в расшифровке столько двусмысленностей. Не может код строиться на сокращениях, каждое из которых истолковывается пятнадцатью разными способами. Ну, не пятнадцатью, пусть тремя. Даже двумя. И двух прочтений достаточно, чтобы сразу, незамедлительно отказаться от криптоанализа текста.

А я сам водил себя за нос. Полчаса, если не целый час. Передоверился компьютеру. И время ушло. Цепляясь за нить каверзных совпадений, я упустил инициативу.

Теперь до посадки в Нассау осталось совсем немного времени. Я сижу с пустыми руками, Володя убит, Олав торжествует, сколько-то неизвестных агентов ловят каждое мое движение, Мерта…

Мерта!

IX

Я отдергиваю шторку, встаю, пробираюсь мимо пассажира, сидящего справа, ловлю взглядом выражение его лица. Если противник, то хороший актер, потому что реакция нулевая.

Выхожу в проход. Теперь мне надо не спеша прогуляться по «Стратопорту» таким маршрутом, чтобы оказаться лицом к лицу с Мертой. Значит, в проход ее салона мне надо войти с носа. Я иду по своему салону, слева вижу тело Володи, он по-прежнему сидит в не очень естественной позе, но подозрений у окружающих не вызывает — спит себе человек, забылся в дреме, вот затечет у него рука или нога, так встанет и разомнется.

Иду дальше: кормовой коридор, причальная галерея, тамбур, снова причальная галерея — на этот раз крыла **В**. Чуть дальше, там, где причальная галерея переходит в следующий кормовой коридор, находится бар. На «Стратопорте» их четыре — по одному на каждое крыло. Осторожно оглянувшись, вхожу в бар крыла **В**, вытягивая левой рукой из кармана пиджака универсальный ключ.

На мое счастье, в тесноватом отсеке посетителей нет. Стюард встает со стула, откладывая в сторону комп, на котором он что-то подсчитывал. Левой рукой я захлопываю дверь, одновременно всовываю в скважину универсальный ключ и нажимаю на кнопку в торце рукоятки. Все, дверь наглухо заперта. Правая рука уже выхватила из-за пояса инъект-пистолет, легкий хлопок, ампула впивается в щеку стюарда. Он взмахивает рукой, чтобы выдернуть иглу, но не успевает: снотворное мгновенно всосалось, бармен падает, цепляется пальцами за стойку, раняя комп, роняя шейкер, роняя блестящую тарелку с разменной монетой… Очень много шума.

Ближайшие три часа стюард будет спать. Проснется с головной болью, которая, впрочем, скоро пройдет. Других последствий инъекции не будет.

Я шарю под стойкой и нахожу то, ради чего затеял всю эту операцию: магнитную табличку с надписью «Перерыв». Открываю дверь, выглядываю в коридор: ни души. Выскальзываю наружу, запираю дверь и пришлепываю табличку. Все четко. Теперь, чтобы воспользоваться баром, надо идти в соседнее крыло.

Через центральный салон крыла **В** прохожу

в носовой коридор, а из него попадаю в проход левого салона.

Впереди справа — точеная головка с льняными волосами, перехваченными шнурком. Нестареющее красивое лицо. И опять — молниеносный взгляд, как удар бичом. На этот раз я ждал его. И остановился, изображая изумление. Словно бы в сильном волнении, приглаживаю волосы.

— Мерта! Неужели вы? Мерта… э-э… Ольсен?

— Мерта, — говорит она, мило улыбаясь. — Только не Ольсен, а Эдельгрен. А вы, простите…

— Ну, конечно, Мерта Ольсен! — Я не слышу ответа. — Восемнадцать лет прошло, а вы все такая же! Ничуть не изменились. Вот что значит настоящая женщина!

В глазах Мерты «искреннее» удивление.

— Кого я вижу? — восклицает она. — Алекс… Да, конечно же, русский медик Алекс. Извините, фамилию вашу я не помню, русские фамилии такие… языколомные. Прошу прощения.

С полминуты мы увлеченно щебечем. Ну как же, мы так рады этой нечаянной встрече, ведь столько лет прошло, а вот надо же — узнали друг друга, и есть что вспомнить…

— А вы, Алекс, изменились. Раздались вширь, стали массивным, я бы даже сказала — литым.

Мускулы и стать. Тогда, в Югославии, вы были рыхлым улыбчивым молодым человеком, склонным к идеализму.

— Нет, вы перегибаете палку. Полон иллюзиями — это, пожалуй, вернее. В молодости мы все живем иллюзиями. Да, тот майский симпозиум забыть невозможно. Адриатика, бора, землетрясения... Как романтично все было!

— Алекс, вы такой же сентиментальный, как и прежде. А говорите, что лишились иллюзий юности.

— Послушайте, мы так и будем здесь разговаривать? Давайте пойдем в бар. Правда, в вашем крыле бар, насколько я знаю, закрыт, но в крыле **С** он должен работать. Кофе на «Стратопорте» превосходен.

— Ради встречи можно выпить чего-нибудь и покрепче кофе.

Мерта обворожительно улыбается, вставая с места.

Мы выходим в кормовой коридор. Минуем причальную галерею, подходим к двери бара.

— Действительно, закрыто, — говорит Мерта, умудряясь окрасить эту короткую фразу множеством интонационных оттенков: здесь и честное недоумение, и шаловливое недоверие к моим

недавним словам, и некоторое уважение к человеку, который иногда, оказывается, говорит правду. — Может, это ошибка?

Мерта дергает за ручку двери, но та не поддается. Против универсального ключа можно бороться только универсальным ключом. А они на «Стратопорте» только у капитана, у первых пилотов и у главного стюарда. И еще у меня. Пронести такой ключ на борт постороннему человеку практически невозможно: в рукоятку вделан маячок, на сигналы которого система предполетного контроля реагирует истошными воплями.

— Очевидно, технические неполадки, — бодро говорю я и продолжаю настаивать: — А чем хуже бар в крыле **С**?

Мы идем дальше. Перед нами шлюзовой тамбур, соединяющий кормовые коридоры крыльев **В** и **С**.

Я открываю дверь шлюза, пропускаю Мерту вперед, захлопываю дверь, тут же запираю ее универсальным ключом, совсем не по-джентльменски отпихиваю Мерту, прыгаю к дальней двери и тем же ключом фиксирую замок. Оборачиваюсь. И… получаю серию хлестких ударов, которую еле-еле успеваю блокировать: в пах, в

солнечное сплетение и по адамову яблоку. Еще два удара — по надкостнице большой берцовой кости и в верхнюю челюсть. Руку Мерты я перехватываю, но ребро ее туфли входит в чувствительное соприкосновение с моей голенью. Больно.

Теперь атакую я. Несильно. Но метко. Так, чтобы Мерта приходила в себя примерно минуту. Защита у нее поставлена слабовато. Или сказывается возраст?

Через несколько секунд Мерта лежит на полу. Ее руки связаны моим ремнем. Я стою, прижавшись спиной к стенке шлюза — цилиндрической камеры диаметром чуть больше роста человека, где от одной герметической двери из бронепластика до другой всего-навсего полтора метра.

На всякий случай я обыскиваю Мерту, но оружия, как и ожидал, не нахожу.

— Рад, что не пришлось прибегать к долгим объяснениям, — говорю я. — Тебе понятно, кто я, мне известно, кто ты. Переиграть меня тебе вряд ли удастся. Все, что от тебя требуется, — это сообщить мне код шифровки, которую передал Олав из Галифакса. Вообще — секрет кода, основанного на четверичной записи. Как видишь, мне известно и это.

Мерта поднимает голову, встряхивает ею и садится на пол, прислонившись спиной к двери, ведущей в крыло **C**. В ее глазах вспыхивают ледяные искры ненависти. Тонкая струйка слюны стекает по шее, — жалкое и неприглядное зрелище.

— Как видишь, я пошел ва-банк, — продолжаю я. — Теперь нам с тобой нечего терять. Если ты раскрываешь секрет кода, мы выходим отсюда и расстаемся навсегда. Разумеется, наши конторы не простят нам с тобой обоюдную «засветку». Но это дело десятое. Конечно, в том случае, если кодированная информация Олава заслуживает внимания. Но не вздумай молчать или делать вид, будто ты никакого кода не знаешь. В таком случае мы будем сидеть здесь, пока экипаж не обнаружит, что шлюз блокирован, — а я постараюсь, чтобы он обнаружил это как можно скорее. Тогда крылья **A** и **D** отваливают, наши два крыла совершают экстренную посадку на первом же пригодном аэродроме, и нас хватают контролеры ООН как двух неидентифицированных агентов, которые противозаконным образом вступили во владение универсальным ключом.

— Дурак! — шипит Мерта… по-русски. Впрочем, что тут удивительного? Если я свободно говорю

на трех языках, то почему Мерта, разведчик высокого класса, не может знать русского? — Не надо вешать мне лапшу на уши! Я прекрасно знаю, что ты агент КОМРАЗа, и никакие контролеры ООН тебе не указ, и право на ношение универсального ключа у тебя есть. Неужели ты думаешь, будто чего-нибудь добьешься? Я сделаю все, чтобы тебя взяли именно как агента, но не агента КОМРАЗа, это не предосудительно, а как советского шпиона, которому нечего делать на аукционах. Что касается меня... Какой я агент? Я просто жертва. Озверевший красный агент насилует в шлюзе «Стратопорта» пожилую шведку — ничего заголовочек, а?

— Тебе так просто не отделаться, — угрожаю я.

— Почему же? На ключе — твои отпечатки пальцев, я к этому делу вообще не причастна. Оружия при мне нет, компрометирующих материалов — тоже. А из тебя, если тряхануть как следует, я уж и не знаю что посыплется.

— Ты считаешь, твои шефы простят тебе, что ты так глупо засыпалась с русским?

— Разумеется, нет. Вероятнее всего, они уже сейчас прикидывают, как бы разломить «Стратопорт» между крыльями **B** и **C**, чтобы избавиться от нас обоих. Мы с тобой полетим, как птицы. Я

еще в воздухе постараюсь перегрызть тебе горло, чтобы ты умер все-таки от моих зубов. На океан надежда слабая. Вдруг вы, русские, умеете падать в воду с двадцати километров и не разбиваться?

Признаюсь, от этих слов, скорее даже от интонации, с которой они были произнесены, мне стало зябко.

— Я предвкушаю этот полет, последний полет в нашей жизни! — В голосе Мерты появились кликушеские завывания. — Я чувствую твою кровь на моих губах, я чувствую, как ты…

Мерта резко смолкает. Голова ее падает на грудь, шведка валится набок и гулко стукается лбом о пол тамбура. Я наклоняюсь над ней. Что это — обморок? Коллапс? Или, может быть, смерть?

Хватаю руку Мерты, ищу пульс. Ни единого биения. Пульс не прощупывается. Я судорожно выхватываю компьютер, набираю команду «Анамнез», вытягиваю щуп диагностера и прикладываю к шее лежащей женщины. На индикаторе вспыхивает цепочка цифр. Пульс, давление, дыхание — сплошь нули. И лишь температура тела — 36,3 — нарушает это однообразие. Значит, смерть. Остановка сердца. Мерту словно бы выключили.

Непрямой массаж сердца — вот единственное, что может вытянуть шведку с того света. Я резко рву доломанку от ворота книзу, лишь шнуры разлетаются в разные стороны. Под доломанной — рубашка. Тем же варварским движением я распахиваю и ее. Накладываю руки на левую сторону груди и начинаю качать. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Ох, и тяжелая эта работенка — делать непрямой массаж параллельно с искусственным дыханием! К тому же очень тесно. И нет никого, кто помог бы. И я не имею права звать на помощь.

Проходит минуты три. Я уже взмок. Завести сердце Мерты мне не удается.

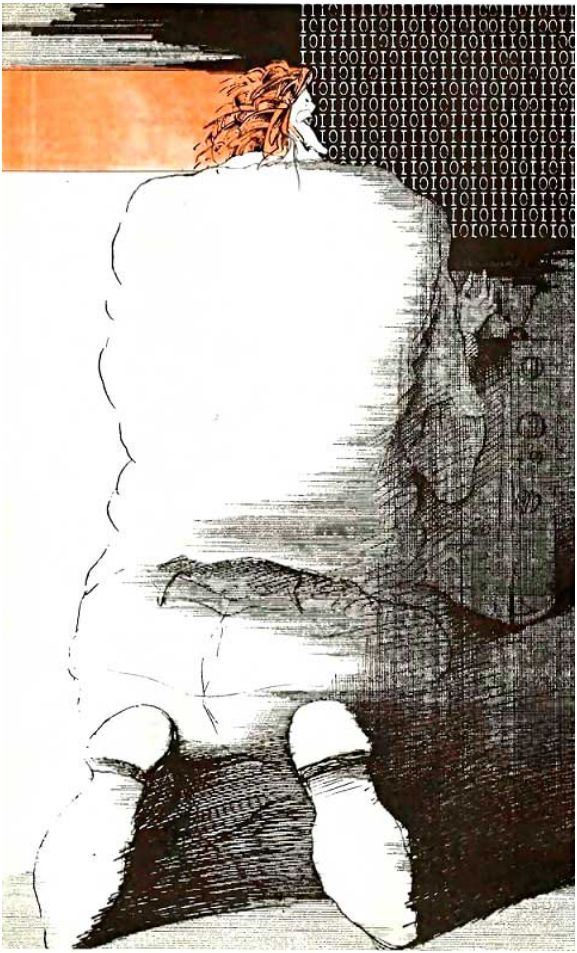
Качаю автоматически. Мои руки ходят, словно поршень, а в мыслях царит черный ужас. Я давно понял, в какую ловушку я попал. Кто-то дождался, пока мы с Мертой уединились, а потом убрал шведку — пусть опытная агентесса, пусть профессионалка, но ее карту в данной ситуации не посчитали козырной. И вот я в западне: заперт в шлюзе, передо мной — полуобнаженная мертвая женщина в разодранной одежде, сейчас дверь откроется, войдет главный стюард (это еще хорошо

— стюарды на «Стратопорте» не вооружены) или кто-нибудь из пилотов (дырка калибра 7,62 — это уже хуже), и меня либо убивают при попытке к бегству, либо грубо вяжут и обвиняют в зверском изнасиловании со смертельным исходом. Надо быть полным идиотом, чтобы влипнуть в такую историю!

Я даже догадываюсь, каким образом убрали Мерту. Мне доводилось слышать об испытаниях микроволновых пистолетов — карманных мазеров, но я не представлял, что когда-нибудь узнаю это оружие в действии. Направленный микроволновой луч наводится на сердце, излучение блокирует проводящую систему, и миокард перестает работать. Центральная нервная система тоже отсекается. Здесь важны два фактора: точно подобранная частота и очень меткий прицел. Если моя догадка верна и Мерту убили из карманного мазера, значит, кто-то очень хорошо представлял, где именно в шлюзе находится шведка и в каком положении она сидит.

Разумеется, бронепластик — не преграда для мазера, но для эрения-то преграда! Не может быть, чтобы точное прицеливание — и вслепую. Что они там — сквозь стены видят, что ли? А если видят, значит, сейчас с интересом наблюдают,

как я делаю непрямой массаж сердца Мерты. И дверь вот-вот распахнется…



X

Решение созревает мгновенно. У меня немного шансов, надо использовать хотя бы один. Шефы Мерты могут оказаться с любой стороны шлюза. Не исключено, конечно, что они поджидают меня с обеих сторон. Но такой вариант я предпочел бы не рассматривать. В крыльях **C** и **D** мне делать нечего, надо возвращаться на свое место. Тем более, что там Олав, и если я уцелею, то впереди — самая серьезная схватка.

Открываю дверь, ведущую в крыло **B**. Выглядываю.

Это поразительно, но в коридоре никого нет. На двери бара по-прежнему табличка «Перерыв». Причальная галерея пуста. Что это — их просчет? Или очередная ловушка? Или они считают, что смерть Мерты в любом случае запишут на мой счет и деваться мне все равно некуда?

Я одергиваю пиджак, вытираю пот с лица, приглаживаю волосы и, загерметизировав за собой дверь тамбура, прохожу в правый салон крыла

В. Сажусь в первое попавшееся пустое кресло. Задергиваю шторку. Вытаскиваю компьютер, мою палочку-выручалочку. Моего незаменимого помощника. Мое оружие, отмычку, память, радиостанцию, записную книжку. Теперь — мое спасение. Мне остается только прибегнуть к крайнему средству. Экспертам по безопасности разрешено применять его лишь в случае непосредственной угрозы смерти. В том числе собственной. Это средство именуется «телеинтерфейс». Набрав некий код на своем личном компьютере, я могу по радио подключиться к компьютеру «Стратопорта» и потребовать от него исполнения любой команды. Для экипажа это будет выглядеть как сбой программы. Они просто не успеют вмешаться.

Я набираю код, на индикаторе зажигается красная надпись «контакт». Тогда я ввожу команду: разломить «Стратопорт» по центральной продольной оси. Надпись «контакт» меняет цвет на голубой. Это означает: команда принята.

Мысленно представляю, как разом срабатывает множество механизмов. Блокируются одни электрические цепи и включаются другие. Герметизируются носовые и кормовые шлюзы. Идет расстыковка разъемов. Наконец, включаются

сервомоторы рулей поворота, перья рулей отклоняются на заданные углы, и гигантское летающее крыло плавно разделяется на две половины. Состыкованные крылья **A** и **B**, где сижу я, отходят влево, крылья **C** и **D** — вправо. И никто, кроме меня да загадочных шефов Мерты, не знает, что в эту минуту из кормового шлюза встречный поток вынес труп женщины. Он валится вниз и потом — сколько времени падает предмет с высоты двадцать тысяч метров? — с шумным всплеском падает в воду где-то на траверзе мыса Хаттерас, навсегда исчезнув в водах Атлантического океана.

Прости, Мерта! Можно ли было спасти тебя? Думаю, что нельзя, когда сердце остановлено выстрелом из мазера. Но знаю точно, что, сложись все по-другому, я качал бы сердце Мерты и десять, и двадцать, и тридцать минут. Пока оно не заработало бы. Или пока я не понял бы, что мои усилия совершенно бесплодны.

Значит, шведка играла роль подсадной утки, и не я придумал этот сценарий. Мне оставалось единственное утешение: таинственные шефы принесли Мерту в жертву задолго до того, как я соединился с компьютером «Стратопорта». Она была жертвой уже в ту минуту, когда шла по

трапу челнока, который должен был доставить ее на борт летающего крыла. Ее участь была предопределена.

...А в салоне уже мигали красные огоньки и жужжал зуммер. Пассажиры недоуменно переглядывались, и кто-то громко произнес обидную фразу по поводу мастерства пилотов. А те, кто сидел у правого борта, с изумлением обнаружили, что на месте имитаторов, которые дают подобие привычной самолетной картинки, прорезались настоящие иллюминаторы и через них отчетливо видно, как от нас величественно удаляется правая половина гигантского «Стратопорта».

— Внимание, пассажиры! — раздался из динамиков спокойный голос пилота. — Наш корабль совершает плановый маневр. Все системы работают нормально.

Быстро сориентировались, молодцы. Вовремя взяли инициативу в свои руки.

— После необходимых эволюций, — закончил голос из динамика, — наше летающее крыло воссоединится и продолжит совместный полет.

Я прождал минут пятнадцать. Наконец половинки крейсера сошлись вместе, состыковались, красные лампочки в салоне погасли, на месте иллюминатора, закрытого теперь соседним

крылом, появилась картинка-имитация. Все вернулось в нормальное русло. Нормальное ли? Это я смогу узнать только на собственной шкуре.

Я поднялся и медленно направился к тамбуру. Пора возвращаться к себе, в левый салон крыла **А**.

XI

Я снова сижу в кресле 9-В, шторка отгораживает меня от соседа справа. Включен телевизор, отсветы экрана, вмонтированного в спинку кресла восьмого ряда, падают мне на лицо. Любой сторонний наблюдатель, который решит поинтересоваться, чем же это я занимаюсь, отметит, что пассажир из России чрезвычайно увлечен эстрадным шоу, организованным Би-Би-Си.

Пытаюсь подобрать новый ключ к шифру и одновременно размышляю: где же ошибка? Почему именно моя персона привлекает такое внимание невидимого противника? Что вынуждает его делать столь энергичные выпады и странные ходы?

Мои действия тоже не отличаются логикой, но это естественно — преследуемый вынужден петлять. Однако мой противник… Либо я не постигаю тонкости его замысла, либо он грешен и нанизывает ошибку на ошибку. Первая: мне дали возможность вывести из строя бармена. Вторая: разрешили увести Мерту туда, куда я хотел, а не туда, где мои действия легко контролировать. Третья: подарили мне роскошную паузу — добрых пять минут я массировал грудную клетку Мерты, и никто не ворвался, не убил меня, не арестовал… Наконец, четвертая ошибка: мне позволили разломить «Стратопорт» и избавиться от единственной улики — от трупа.

Может быть, я опережаю противника на один ход, а он не способен предугадать мои действия? Или же он применяет тактику гибкого реагирования? В таком случае мне многое «разрешается» или «прощается» лишь по одной причине — главная задача, над которой я бьюсь, до сих пор не решена. Ведь я приоткрылся, когда стал требовать от Мерты тайну кода! В тот момент, когда я расшифрую сообщение, переданное Олавом, меня сразу же начнут лишать жизни.

Скорее всего так. Пока я не раскрыл секрета, я не опасен. Смысл той бессмыслицы, которая

происходит сейчас на «Стратопорте», — в перехваченном мною кодированном сообщении. Значит, я прокололся в Галифаксе. Ох, плохо…

Как только я узнал, что Олав тоже в Галифаксе, я сразу же предпринял шаги, чтобы не повстречаться с ним и в то же время держать старого знакомца под контролем.

Меня встретили в аэропорту и сразу отвезли в Пагуош, где уже второй день шли торги. Местом аукциона был выбран дом Сайруса Итона — дань славной традиции. Почти сорок лет назад здесь состоялась первая международная конференция, которая положила начало Пагуошскому движению.

Ольсена-Лейтона я ни разу не видел ни в доме Итона, ни поблизости. Создавалось впечатление, будто этот человек не имеет никакого отношения к аукциону и прибыл в Новую Шотландию по сугубо личным делам. Однако, когда мы все — продавцы, покупатели, эксперты и немногочисленные журналисты — отправились на экскурсию в Баддек, чтобы посетить музей Александра Грэхема Белла и посмотреть на то место, где братья Райт впервые поднялись в воздух, я заметил в толпе гостей высокую фигуру, увенчанную золотистой шевелюрой. «Перекрасился бы

Лейтон, что ли, — подумал я тогда. — Нельзя же так привлекать к себе внимание».

Галифаксский аукцион, как и рейкьявикский, проходил спокойно. Правда, некоторые детали вызывали у меня недоумение, но это уже из области субъективных ощущений, никак не связанных с процедурой торгов. Например, ФАО закупила большую партию «газотопливных» бомб. У меня, разумеется, никто не просил совета, да я и не имел права лезть не в свои дела, но в душе меня разбирало любопытство: ну зачем Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН это оружие? Поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что ничего странного здесь, в сущности, нет: по всей видимости, бомбами можно очищать труднодоступные участки суши для сельскохозяйственного освоения. В роли заказчиков, скорее всего, выступали страны Полинезии, потому что бомбы надлежало доставить на склад, расположенный на острове Рождества в Тихом океане; перевалочной базой был назван остров Сокотра.

Международный институт фармакологии заключил с британским правительством контракт на покупку ста тонн горчичного газа. Причем здесь фармакология — это я понял сразу, но мас-

штаб операции меня поразил. Горчичный газ, он же иприт, служит основой псориазина, лекарства против чешуйчатого лишая. Но в том случае, если этот яд разбавить вазелином в двадцать тысяч раз. Куда же уважаемый фармакологический институт собирается девать два миллиона тонн псориазина? Получается по четверти килограмма на каждого жителя нашей восьмимиллиардной Земли… Впрочем, скорее всего, я не прав. Нечего соваться в фармакологию, если разбираешься в ней кое-как. Наверняка иприт можно использовать еще десятью разными способами. Или двадцатью. Им виднее.

Большой ажиотаж вызвала распродажа электронной начинки крылатых ракет «Томагавк». На аукционе сцепились сразу пять покупателей. Международный научно-исследовательский институт проблем управления, Международный союз электросвязи, ЮНИТАР — Научно-исследовательский и учебный институт ООН, Межправительственная океанографическая комиссия и АЛАСЕИ — Латиноамериканское агентство специальных информационных служб. Последнее особенно усердствовало — его представители, казалось, готовы были тут же голыми руками разорвать «томагавки» и выдрать из них на-

чинку, лишь бы поскорее увезти ее к себе, в панамский монастырь Санто-Доминго.

Конечно, никаких «томагавков» в Галифаксе не было. Они дожидались «потрошения» на Фарерских островах. А победила в конце концов океанографическая комиссия. Обиженные латиноамериканцы покинули Пагуош, выразив нежелание участвовать в прочих торгах.

Вот и еще одна забота у КОМРАЗа. Теперь ребята из латиноамериканского отдела полетят в Панаму, будут уговаривать агентство отказаться от бойкота и от обид, словом, забыть все плохое и вспомнить все хорошее. Немножко напоминает детский сад. Но если покупатели начнут устраивать демарши, то недолго подорвать саму идею аукционов, а кое-кто только об этом и мечтает.

И еще одна мирная стычка вызвала общий интерес. Была предложена партия из пятнадцати стратегических бомбардировщиков «Стелт». Как ни странно, покупателей оказалось всего два, и оба прелюбопытнейшие: Всемирный почтовый союз и Всемирный центр вычислительной техники и развития человека. Зачем им понадобились «Стелты», я так и не понял. Но, видно, понадобились, потому что ни один покупатель не хотел уступать. Продажная цена росла, но очень мед-

ленно; дело заходило в тупик. Администрация аукциона пресекла это упрямство очень простым способом: отложила продажу бомбардировщиков на неопределенный срок. И правильно — найдутся более энергичные покупатели.

Как только решение администрации было обнародовано, я отправился в аэропорт: больше в Галифаксе делать было нечего.

XII

Ожидая в аэровокзале посадки на челнок, я в очередной раз увидел Олава: он нервными шагами расхаживал в дальнем конце зала. Вряд ли агенту дозволено выдавать свои эмоции. Впрочем, Ольсен, вероятно, не предполагал, что за ним наблюдают (по собственному опыту знаю, что предполагать такое надо всегда).

В руке Олава был черный «кейс» странного размера — раза в полтора меньше стандартного дорожного, чемоданчика. Я встрепенулся, как такса, взявшая след барсука. Содержимое таких недомерков не отличается большим разнообра-

зием. Либо это стандартный набор специалиста по контршпионажу, и тогда внутри должен быть скрэмблерный телефон, электронный шифровальщик, «клопоискатель» и прочие хитрые игрушки, либо в чемоданчике таится компьютер с телеинтерфейсом и аппаратурой для остронаправленной спутниковой связи.

Я остановился на втором варианте и в душе даже пожалел Олава: шефы явно подставили его, снабдив инструментарием, который может быть разгадан профессионалом с первого взгляда. У меня тоже мощный компьютер, да еще с ридаром, но все это умещается в кармане пиджака.

Значит, спутниковая связь. Видимо, Олав только что получил особо важную информацию (вариант: закончил сбор сведений) и ему позарез нужно передать ее как можно быстрее. Где он собирается работать со своим чемоданчиком? Я не сомневался в том, что Ольсен будет выходить на связь в ближайшие минуты: иначе с чего бы так нервничать? Сейчас он начнет искать укромный уголок.

Так и есть. Олав направился на второй этаж аэровокзала. Но там довольно трудно уединиться. Неужто я неправильно истолковал поведение Ольсена? Поднимаясь по эскалатору в другой

части зала, я прокручивал варианты своих действий. Вариант первый: мы сталкиваемся нос к носу. Вариант второй: Олав уединяется в туалете (все на свете бывает, однако вести остронаправленную передачу через железобетон — это, по-моему, тихое помешательство). Вариант третий: он разворачивает передатчик на глазах у праздной публики на открытой галерее второго этажа (для непосвященного — ничего особенного: ну, сидит себе человек, работает на компьютере). Вариант четвертый…

Четвертый вариант я не успел изобрести. Эскалатор вынес меня на второй этаж. Олава нигде не было. Я не мог метаться по всем помещениям аэровокзала, неистово «засвечиваясь», поэтому, отойдя от эскалатора, стал рассуждать — где Ольсен?

Нет, не так. Поставлю себя на его место. Куда бы делся я? Конечно, на крышу! Она плоская, там безлюдно и можно контролировать вокруг себя большое пространство. Если появится чужак, то не составит труда его сразу нейтрализовать.

Итак, на крышу. Интересно, знает ли Олав, что туда ведут два хода?

Теперь главное — угадать, куда направился Ольсен, и пойти другим путем. Узнать это точно

нельзя. Остается риск — пятьдесят на пятьдесят.

Я прошел в небольшой коридор, туда выходили двери служебных помещений. Вот и ход на крышу дверь без номера, ничем не отличающаяся от прочих. Подергал ручку. Заперто. В общем-то, это ни о чем не говорит, но шансы на то, что Олав воспользовался вторым ходом, повысились. Я достал отмычку, без труда открыл дверь и стал медленно подниматься по ступенькам.

Лестница вела в небольшой шатер, похожий на булку вентиляционного колодца. Еще одна дверь. Верхняя ее часть застеклена. Откроешь — и будешь на крыше. Я не стал открывать дверь. Моя цель не требовала ни визуального, ни огневого контакта с противником.

Метрах в тридцати стояла точно такая же будка. Рядом с ней, сидя на корточках, копошился Олав. Раскрытый чемоданчик лежал на крыше. Из его нутра торчал штырь антенны. Он едва заметно подрагивал — подстраивалась система самонаведения. Значит, в моем распоряжении считанные минуты, если не секунды. Как только компьютер поймает спутник, на индикаторе вспыхнет сигнал, Ольсен несколько раз нажмет клавишу «передача», пакет информации уйдет по радиомосту к получателю — и все. Чемоданчик

закрыт, Олав спускается по лестнице, выходит в зал. Какие у вас претензии, господа?

Но почему бы мне не перехватить радиопередачу? Да по той причине, что я имею дело не с радиолюбителем, а с Терри Лейтоном, сотрудником ЦРУ. У его компьютера есть скрэмблерная подпрограмма, да впридачу подпрограмма сжатия информации, а может, там есть и кодирующий микропроцессор. Так что ловить пакет с антенны — это значит получить такую тарабарщину, которая принципиально не поддается расшифровке. Единственный способ добраться до сути — вскрыть память компьютера, выделить информацию на месте, минуя скрэмблеры и прочие шедевры кодирующей техники.

Мне надо было очень спешить. И я достал из кармана ридар.

Ридар (не путать с ридером) внешне похож на небольшой пистолет с широким раструбом. Но это никакое не оружие, а очень тонкий прибор — рентгеновский лидар. Или рентгеновский лазерный локатор. Или, еще точнее, рентгеновский лазерный считыватель молекулярных голограмм. Само слово «лидар» пошло от английского Light Detection and Ranging. Такими приборами мы вот уже сколько лет пользуемся в быту, хотя

обычно и не знаем, как именно работает простенькое устройство, которым мы определяем загрязненность воздуха в квартире или готовность пирога в духовке. Заменим в английском обозначении слово Light на Rontgen — и вот вам «ридар». Тот единственный прибор, который мог выручить меня.

Действие ридара объяснить настолько же просто, насколько сложно его создать. За ним стоят четыре новейших направления в физике рентгеновских лучей: маломощные рентгеновские лазеры (парадокс научного прогресса: создание слабых разеров стало возможным лишь после того, как были освоены сверхмощные источники когерентного излучения), рентгеновское дистанционное зондирование, рентгеновская голография и рентгеноструктурный лазерный анализ.

Для чего мне нужен слабый когерентный рентгеновский луч? Им я нащупываю ячейки памяти компьютера. После дифракции луч возвращается в регистратор, встречается с основным лучом, и в результате интерференции появляется рентгеновская голограмма кристаллической решетки чужой памяти с записанной на ней информацией. Мой компьютер расшифровывает текст,

принесенный лучом, и выдает ее на индикатор в виде, удобном для чтения. Внешне это выглядит так, будто бы я соединился с чужим компьютером через интерфейс.

Регистратор у меня в одном блоке с компьютером. Я высчитал угол дифракции, и на сердце у меня полегчало: пространства будки и лестничного марша вполне хватало, чтобы разнести ридар и регистратор. Я проверил работу квазиотражателя основного луча, определил место для компа — строго вертикально подо мной на четырнадцатой сверху ступеньке лестницы, метнулся вниз, по дороге включая звуковую регистрацию приема, положил аппарат на пыльный бетон и вернулся в будку. Перевел дыхание, поймал в прицел ридара чемоданчик Олава.

Наши лвижения совпали: Ольсен в очередной раз нажал на клавишу передачи, а я в тот же момент надавил на спусковой крючок ридара. Компьютер внизу молчал. Я слегка поводил раструбом ридара. Тишина. Ольсен нажал на кнопку, и штырь антенны ушел внутрь чемоданчика. Еще раз тщательно прицелившись, я медленно вел невидимым лучом по спирали вокруг выбранной точки.

Удивительное дело: словно бы нас с Олавом

подключили к какому-то синхронизатору. Внизу, на лестнице, раздалось гудение зуммера (попал в точку!), и тут же Ольсен захлопнул чемоданчик. Он закончил передачу. Шифрованное и сжатое сообщение через спутник попало к получателю, а мой компьютер благодаря ридару зафиксировал голограмму кристаллической решетки, на которой это сообщение было записано.

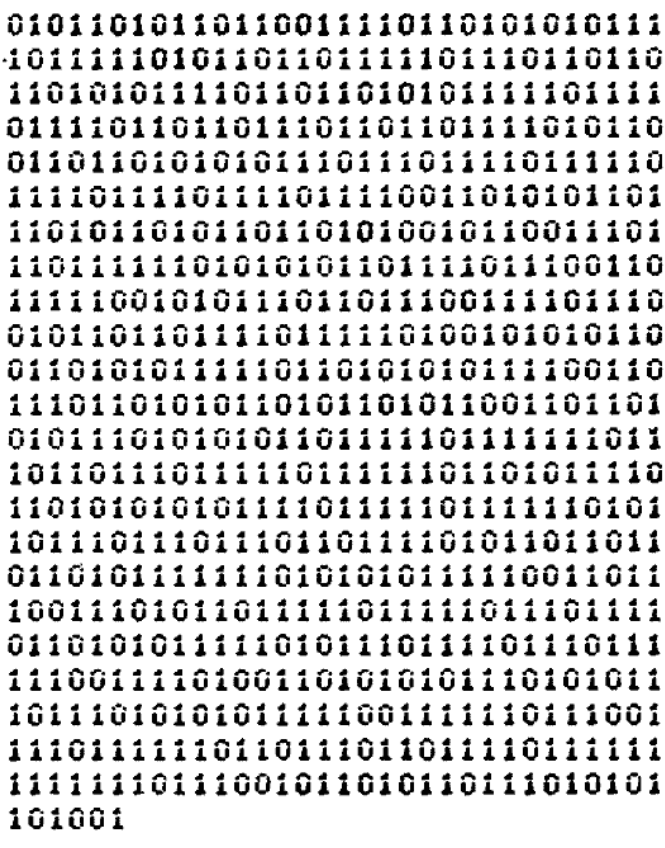
Я понесся по ступенькам и выбежал, опережая Ольсена, в холл второго этажа. Затем не спеша спустился в зал регистрации и подошел к стойке, над которой горело электронное табло: “Halifax — Stratoport”.

XIII

Через полчаса я летел в челноке. Ближайшие пассажиры никаких подозрительных эмоций у меня не вызвали. Я вытащил из кармана комп и задал программу перевода рентгеновской голограммы в матрицу двоичного кода.

Вообще говоря, задание было намного сложнее. Для начала компьютеру пришлось вычленить

из голограммы небольшую часть — микросхему оперативной памяти, поэтому мой прибор думал довольно долго. Прошло девять минут, прежде чем на индикаторе зажегся цифровой текст. Тот самый. Выглядел он так:



Бросив взгляд на индикатор, сразу понял, что работенка предстоит трудная. Интуиция подсказывала, что будут затруднения с этим двоичным кодом, да и сам вид матрицы свидетельствовал о сложности задачи: она была неуместно прямоугольной, да еще с каким-то неприличным хвостиком внизу. Неужели шифровка? По логике вещей, Олаву не нужно было записывать в памяти машины кодированное сообщение: абсолютную секретность обеспечивал скрэмблер, который включался при передаче. Мой компьютер с его необъятной памятью и быстродействием обязан был во всем разобраться и выдать на экран сразу буквенный текст. Но этого не произошло. Значит, сообщение Олава изначально было кодировано. Либо противник знал о возможностях нашего ридара, либо сообщение настолько раскрывало все карты, что для перестраховки Олав принял двойные меры безопасности.

До стыковки со «Стратопортом» оставались минуты. Надо как можно скорее переправить матрицу своим: пусть они тоже поищут решение. Да и мало ли что может со мной случиться.

Я вызвал на экран компа расписание спутников связи над точкой с координатами Галифакса. Проклятье! Спутник был над головой пять минут

назад. Придется посылать сигнал вдогонку. Я собрал матрицу в информпакет и поставил передатчик в режим самонаведения.

Чувства облегчения мне это не принесло. Спутник мог уйти слишком далеко — раз. Меня мог экранировать челнок — два. Мог экранировать корпус крейсера — три. Впрочем, иного выхода все равно не было. В надувном шлюзе, по которому переходили из челнока в «Стратопорт», я включил передатчик. Попадет ли мой сигнал в точку? Как бы то ни было, теперь дело чести расшифровать матрицу самому.

Я выключил комп, спрятал его в карман и огляделся. Вроде бы все спокойно. И все же какую-то ошибку я допустил. Скорее всего, еще в челноке, когда изучал матрицу. Чей-то непраздный взгляд мог упасть на индикатор моего компьютера, ведь на пассажирских местах в челноках нет шторок. Впрочем, кто-то мог засечь меня и позже; уже в шлюзе, или раньше, когда я целился из ридара, сгорбившись в тесной будке. Но кто? Ведь на крыше галифаксского аэровокзала, кроме нас с Олавом, не было никого…

XIV

Перейдя в «Стратопорт», я прошел на свое место 9-В, задернул шторку и сразу занялся компьютером. Вид матрицы на индикаторе нагонял тоску. Передо мной был код, который никак нельзя назвать однозначно декодируемым. Я понятия не имел, каким образом разбить эту последовательность кодовых символов на кодовые слова, да еще так, чтобы разбиение оказалось единственно верным. Но отступать некуда.

Для начала я прогнал матрицу через те криптоаналитические программы, которые мог припомнить: подстановочная программа, перестановочная программа, шифр Цезаря, шифр Тритемиуса…

Маловато. Конечно, у моего компа огромные возможности, но я-то почти полный профан в криптоанализе. Напрягшись, припомнил правила кодирования по Хеммингу, но и тут незадача: откуда мне знать длину кодового слова в той шифровке, что скучно светилась на индикаторе. Я поиграл немного с компом, перебрав длины 3, 4, 5, 6, 7, 8,— и понял, что зашел в тупик.

Надо мной замаячил призрак Клода Шеннона, отца теории информации. Он давным-давно показал, как можно построить криптограмму, которая не поддается расшифровке, если, конечно, неизвестен способ ее составления. И все же я продолжал игру. Наверное, во всей последующей истории главную роль сыграло именно то, что я — полный профан в криптоанализе. Ну, и еще уязвленное самолюбие: я не мог себе простить, что не знаю, с какого конца подобраться к криптограмме. И решил брать ее в лоб. А мой дилетантизм побудил меня задуматься над формой матрицы.

До сих пор я свято полагал, что матрица кода должна быть строго квадратной, — не иначе как отголоски почти забытого университетского курса матричной алгебры. Действительно, квадратную матрицу удобно транспонировать, или, если хотите проще, то симметрично преобразовать относительно диагонали. Но кто сказал, что в моем случае вообще требуется транспонирование?

Коль скоро передо мной прямоугольная матрица, размышлял я, да еще с хвостиком, значит, это непорядок. Ее надо преобразовать так, чтобы остался квадрат, а хвостик исчез. На верную до-

рогу я вышел случайно; принципиально же это в корне неверно и могло увести меня неведомо куда.

Я сосчитал число знаков в строке — их было тридцать два — и решил сжать матрицу, объединив знаки по два. То есть разбил текст на кодовые слова с длиной два. Но в двоичном коде двумя знаками можно записать лишь четыре цифры — 0(00), 1 (01), 2(10) и 3(11). Таким образом я перевёл получившийся текст в четвертичную систему; теперь он выглядел так:

1122312132311113
2332231233232312
3111323122233233
1323123231233112
1231111313132332
3313233132122231
3112231222112131
3133222231323212
3321113123213233
1123132332211112
1222332311113212
3231112231121231
1131111233233323
2313133133231132
3111113233233311
2323232313223123
1223332222332123
2131123323323233
1222332232331313
3213221222232223
2372223321332371
3233123333132333
3332321122313111
221

Матрица осталась прямоугольной, но она была вытянута уже по вертикали. И вот какая штука: во всей матрице не было ни единого нуля. Я счел это добрым знаком, потому что из полной неразберихи начала проглядывать какая-то система…

Навязчивая идея о квадратной матрице преследовала меня. Недолго думая, я разделил криптограмму на две неравные части: вверху остался квадрат из 256 (16X16) знаков, а внизу — прямоугольная таблица с корявым хвостом.

Уже час я находился на борту «Стратопорта», а решение задачи даже не забрезжило. Но с мертвой точки дело сдвинулось: неверной дорожкой я как-то приближался к цели. Только минут через сорок меня осенило: нижняя часть может оказаться ключом к верхней; А вдруг передо мною редкий код с переменной длиной кодового слова? Тогда указание на то, как варьировать длину, надо искать в самой криптограмме.

Предположим, что длина меняется от 1 до 3 и нижняя часть матрицы — это запись длин, а четвертичный код выбран для того, чтобы затруднить работу дешифровщика: в этой криптограмме и основной текст, и ключ записаны всего тремя цифрами, и не так-то просто распознать, что есть что. К тому же кодовый текст

выглядит абсолютно бессмысленным, и отличить префиксы кодовых слов, отделить слова друг от друга на первый взгляд невозможно.

Я попробовал прочитать квадратную матрицу с помощью ключа; его образ наполнился у меня буквальным содержанием — хвостик превратился в «бородку». В ключе первая цифра была 1, значит, первое кодовое слово состоит из одной цифры — единицы. Вторая цифра ключа — двойка, поэтому второе слово матрицы содержит два знака, то есть 12. И так далее.

В конце концов из квадратной матрицы получилось следующее:

1 12 23 121 323 111
13 23 32 23 123 323
23 1 23 111 32 3 122
2 3 32 331 323 12
323 123 31 121 23
111 131 3 13 23 32
331 323 31 32 122 23
131 122 3 122 2 112
131 31 3 322 22 31 3
23 21 23 32 111 31
23 21 323 31 123 13
23 32 21 111 212 22
3 323 111 13 212 32
3 111 22 311 212 311
1 31 111 23 323 3
323 23 131 331 332
311 323 111 11 323
32 3 3 31 12 323 2
323 1 3 2 23 12 3

И теперь у меня не осталось никаких сомнений: передо мной типичная! простейшая! примитивнейшая! подстановочная криптограмма. Классика литературы: «Золотой жук» Эдгара По. Такой орешек мой компьютер расколет мгновенно. Я ввел программу частотного анализа и откинулся на спинку кресла. Сейчас я увижу текст.

И текст появился. Передо мной была абракадабра,
начинавшаяся
строчкой prefabye.menaepebmow…

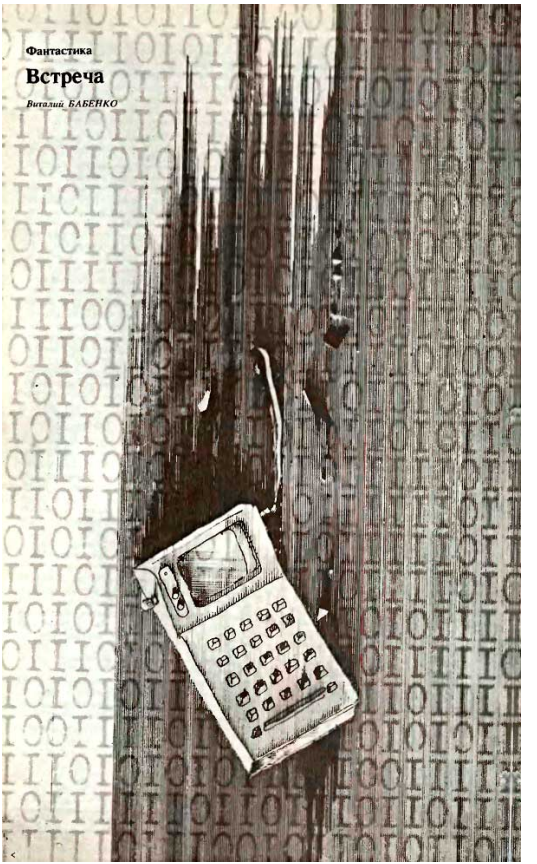
Через несколько минут, проклиная себя за нечеткое знание американских и британских военных аббревиатур, я разбил текст на слова: Prefab Yemen AE PEB mow…

XV

Фантастика

Встреча

Виталий БАБЕНКО



И вот я снова разглядываю цифровые символы, но состояние мое уже совсем не похоже на то, с которым я принимался за расшифровку. Лоб в испарине. Пульс около ста сорока. В жилах гуляет адреналиновый шторм.

Времени у меня почти нет. Через полчаса дежурный стюард пригласит пассажиров на борт челнока, идущего в Нассау. Если я не расшифрую текст, то расстанусь с Олавом, так ничего и не доказав, а потом — ищи ветра в поле. Даже если на земле мои коллеги разберутся с кодом, Ольсен к тому времени сотрет запись в памяти компьютера и все мы останемся с носом. Олава тогда ни в чем не обвинишь, он выскользнет чистым.

Единицы, двойки, тройки мельтешили у меня в глазах, голову переполнял цифровой рой, и я в страхе думал, что еще немного — и вообще перестану что-либо соображать.

Может быть, компьютер перемудрил с частотным анализом? Нет, даже на глаз видно, что кодовое слово «23» встречается чаще других, это наверняка гласная, скорее всего «е». Но именно при этом допущении комп выдал две разноречивые версии! Значит, все-таки не «е»?

Ох, придется брать в руки фломастер и блокнот и решать задачу кустарным образом. Как это

делал Уильям Легран из рассказа По.

Ничего другого в голову не приходило. Ощущая себя полным кретином, я принялся составлять частотную таблицу: «23» встречается в тексте 15 раз, «323» — 13 раз, «3» — 13 раз, «32» — 9 раз, «31» — 8 раз. И так далее.

Предположим, что «23» — не «е», а, скажем, «а»...

Что из этого следует, мне не дали сообразить.

XVI

Прозвучал тихий зуммер, и передо мной зажегся телевизионный экран. Появилось лицо дежурного стюарда.

— Господин Щукин?

Я кивнул.

— Прошу извинить, что нарушил ваш покой, — с искренним смущением произнес стюард. — Одна дама, просившая не называть ее имени, приглашает вас переменить место и подсесть к ней. Это в нашем крыле, но в правом салоне. Место 17-F. Еще раз прошу меня простить, но дама

очень настаивала.

Занятно. После гибели Мерты у меня на всем «Стратопорте» нет ни одной знакомой женщины. Дело, кажется, идет к развязке. Почему бы и не согласиться? Жаль, шифровка не разгадана. И подстраховать меня некому. Что ж, будем полагаться на собственные силы. Тем более, есть такой постулат — Первый закон велосипедиста: «Куда бы вы ни ехали, все равно это будет в гору и против ветра». Впрочем, есть и утешительная аксиома, которая называется законом Паула: «Свалиться с пола невозможно».

Я поблагодарил стюарда и попросил передать даме, что присоединюсь к ней через несколько минут. Затем отодвинул шторку, вышел в проход и бросил мимолетный взгляд в сторону Ольсена. Олав был на месте. Сколько можно сидеть сиднем — уж не манекен ли там вместо живого человека? Впрочем, проверять этот домысел я не стал. Если нам и предстоит встретиться на ближней дистанции, то не по моей и нициативе.

— Тысячу раз прошу прощения, вы не поможете мне? — услышал я тихий голос.

Как не вовремя! Ко мне обращался пожилой человек, сидевший в соседнем ряду.

Седые волосы, простодушное лицо, расслаблен-

ная, безмятежная поза… Нет, не противник.

— Слушаю вас.

— У меня что-то не ладится с электроникой. Вызов стюарда не работает, экран не зажигается, в наушниках шипит и трещит.

Ах, пожилой джентльмен, какой же вы растяпа. И обратились совсем не к тому человеку. Как бы вам это не вышло боком.

— Попробуйте пульт соседнего кресла, оно же все равно пустует, — с легкой укоризной сказал я. — Или нажмите кнопки того места, что у окна. Вряд ли все три пульта отказали. Хоть один из них должен работать.

— Большое спасибо, — ответил мужчина, широко улыбаясь. — И как это я сам не догадался? Техническая слепота…

— Беда нашей цивилизации, — я не мог удержаться от нравоучения. — Техника для нас — как пеленки. Кто-то должен прийти и переменить.

Седовласый опешил и, по-моему, обиделся. Но смолчал. Я на его месте взвился бы.

Выйдя из салона, я прошел в причальную галерею и остановился у широкого окна, прямо над стыковочным конусом. Отсюда, с задней кромки «Стратопорта», открывалась масштабная панорама голубой бездны, в которой тут и там висели

стерильные клочья облачной ваты.

Я машинально отметил — уже в который раз, — что океан с высоты двадцати километров выглядит не так уж скучно. Идет какая-то непонятная жизнь, видны фиолетовые, зеленые, темно-синие подводные «острова», смутные тени на большой глубине, змеятся дороги — то ли течения, то ли границы температурных аномалий…

Что означает приглашение перейти в другой салон? Я был убежден, что пустым окажется не только предложенное мне место, но и все соседние. А что в них особенного, в этих местах? Они расположены в правом салоне, значит, там по правому борту, который примыкает к крылу **В**, нет иллюминаторов — вместо них стоят имитаторы. Следовательно, если даже я очень захочу, то не увижу, что делается под «Стратопортом». Неужели в этом и заключается смысл моего переселения? Странно… Тогда какой-то сюрприз извне?

Я решил выждать еще несколько минут. В конце концов, причальная галерея пока пуста, никто не гонит и не угрожает. И я стоял, старался понять, какой сюрприз мне подготовлен.

Минута… Вторая… И — мне опять повезло! Повезло, потому что погода стояла ясная и облаков

почти не было. Атмосфера просматривалась во все стороны на сотни километров. Не знаю, что было бы дальше, если бы мы шли над облачностью.

Короче, я увидел ракету.

XVII

Из ниоткуда — из пустого океана и пустого воздушного пространства — к «Стратопорту» приближался, догонял его крылатый снаряд. Кажется, я зря назвал его ракетой. Судя по форме крылышек и по размерам (хотя тут я мог ошибиться — трудно оценить масштаб), по нашему крейсеру ударили «копперхедом» — крылатым артиллерийским снарядом, который наводится микрокомпьютером по обратному рассеянию лазерного луча. Правда, чтобы «копперхед» отправился в полет, нужны по меньшей мере две вещи: лазерное наведение на цель и ствол, из которого он вылетит. Неужели я проглядел в воздухе чужой самолет?

Эти мысли пронеслись у меня в голове за секун-

ду. Я окаменел. Вот сволочи! Ведь сейчас рванет, и крыла **А** как не бывало. Триста шестьдесят пассажиров — ну, триста, загрузка неполная — рухнут в океанские волны. Счастье для остальных, если экипаж успеет вовремя отломить крыло. Но я представил и другой, самый страшный вариант: грохот, рваная дыра в днище, разгерметизация… «Стратопорт» встает на дыбы и, словно осенний лист, раскачиваясь из стороны в сторону, опускается в океан.

Это уже похоже на необъявленную войну. Против кого? Против меня? Может ли такое быть, чтобы на чьих-то дьявольских весах моя скромная жизнь уравновесила триста жизней?

Окаменев, я смотрел, как «копперхед» скрылся под днищем «Стратопорта». Сейчас!

И ничего не произошло.

Неужели не сработала боеголовка?

Ничего не понимая, я собрался с силами и медленно вошел в правый салон. Пассажиров много, но пустые места есть. В частности, весь семнадцатый ряд, как я и предполагал, не занят. Приближаясь к нему, я ощутил, как под правой лопаткой запульсировала теплая точка. Так, заработал вживленный под кожу радиометр. Когда я оказался между креслами C и D семнадцатого

ряда, пульсация на спине превратилась в нестерпимое жжение. Да, здесь действительно горячо. Интересно, сколько я получил за эти секунды? Сто рад? Или больше?

Боль под лопаткой придала ясность мыслям. Я мгновенно понял, что произошло. По креслу 17-F, где я должен был сидеть, нанесли лучевой удар колоссальной мощности. Первая мысль: это надо же — из пушки по воробьям! Вторая: нет, не из пушки. Снаряд, который я видел из окна причальной галереи, вовсе не был «коппер-хедом». То был «Маверик-IV» — малая крылатая ракета с телевизионным наведением. Но не с обычной боеголовкой, а с гамма-лазером и гравитационным прицелом. Не дешевенькое устройство. Ясно, как утренняя заря: меня стали убирать, не считаясь со средствами. Почему? Видимо, прокол. Кому-то стало ясно, что я близок к разгадке кода. А тот факт, что я отослал сообщение вдогонку, им, похоже, неизвестен…

В те доли секунды, когда эти мысли проносились в моей голове, я успел отметить и следующее: какой же у них уровень взаимодействия! Профессионалы. С исполнителями на «Стратопорте» постоянная связь. Очевидно, где-то поблизости самолет. Короткий приказ, и вот уже «Маверик»

срывается из-под крыла, подходит к «Стратопорту», прикрепляется точно под тем местом, где находится кресло 17-F, а потом строго вверх бьет пучок гамма-лучей.

XVIII

Так. Самое главное сейчас — обезопасить пассажиров. Я прошел правый салон насквозь, выскочил в носовой коридор, оглянулся — никого! — и шагнул к двери, ведущей в кабину экипажа. Спокойно. Еще спокойнее. Пульс, дыхание… С пилотами шутки не шутят. Малейшая промашка — и получишь пулю в лоб.

Я открыл дверь универсальным ключом, впрыгнул в кабину, захлопнул за собой дверь и, упреждая выстрел второго пилота, который уже разворачивался ко мне с послушностью автомата, выхватывая из лямки пистолет, выбросил вперед руку с зажатой в ней карточкой эксперта КОМРАЗа. Карточка переливалась характерными радужными бликами: это включилась голограмма, после того как мой большой палец вжался в

печатку дактилоскопического сенсора.

— КОМРАЗ, безопасность, — несвойственным мне басом сказал я. — Сбросьте газ, ребята. Не нужно делать лишние дырки в моей голове.

Напряжение спало. Второй пилот улыбнулся и спрятал пистолет.

— На вашем блистательном крейсере, ребята, происходят странные вещи. Например, разлом по линии В — С.

— Сбой компьютера, — сказал первый пилот.

— Хорошо, — согласился я. — Допустим. А крылатую ракету видели?

— Какую еще ракету?

— Класса «Маверик», с гамма-лазером. По правому салону нанесен лучевой удар.

Они пытались что-то возразить, но я не дал.

— Введите программу радиационной опасности и высветите на дисплее активные точки правого салона.

Второй пилот пробежал пальцами по клавишам компьютера. На экране вырисовалась схема салона. Место 17-F полыхало на ней ярко-красным светом. Штурман вызвал главного стюарда и в двух фразах объяснил ситуацию.

Хорошо, с этим покончено. Сейчас стюард спокойным голосом объявит какую-нибудь липу о

«нарушении центроплана в результате досрочного прибытия грузового челнока», и пассажиры правого салона покорно перейдут на свободные места в соседних салонах.

— Еще одна просьба, ребята, — попросил я тоном, не терпящим возражений. — Дайте на большой экран телеобзор левого салона.

Включились микрокамеры, установленные под потолком пассажирского отсека, и на экране стали появляться лица, ряд за рядом. Кресло 5-С было пустым.

Значит, Терри Лейтон не выдержал. Значит, он расстался с маской Олава Ольсена, сорвался с места и ищет меня. Разумеется, Лейтон догадался, что я избежал лучевого удара. Догадался или узнал доподлинно? От кого?

Три кресла слева, проход, три кресла справа… Следующий ряд… Камбуз и буфет… Снова три кресла слева… Я вздрогнул. Хоть и знал, что сейчас увижу Володю, — все равно холодок побежал по спине. Фалеев сидел все в той же неизменной позе, и рука так же свешивалась, и только я знал, что это поза мертвеца.

А вот и тот пожилой неумеха, что просил меня о помощи. Не может быть!

— Крупный план! — выкрикнул я.

Бортинженер нажал на две кнопки одновременно, фиксируя план и включая трансфокатор. Лицо пожилого мужчины заняло весь экран. Сомнений не оставалось. Он тоже был мертв. Я готов был поклясться, что и эта смерть — дело рук Олава.

На этот раз мне было очень тяжело удержать маску бесстрастности. Вся вина седовласого заключалась в том, что он обратился ко мне. Связь тут же была засечена, пассажира посчитали моим сообщником и решили убрать, чтобы одним неизвестным в уравнении риска было меньше. Будто я — носитель заразы. Или источник радиации. Всякий, кто входил со мной в контакт, тут же превращался в носителя смертельной угрозы для Олава и его невидимых шефов. И подлежал ликвидации. Володя. Мерта. Бедный неумелый джентльмен. Кто следующий?

Может быть, только сейчас я со всей очевидностью осознал, что им пора бы, наконец, разобраться и с источником угрозы. То есть со мной. До этой минуты возможность реальной гибели — не засыпки, не провала, не ареста, а именно смерти — я исключал из прогностических расчетов. И вот иллюзии рассеялись: в ближайшие пять-десять минут меня будут уби-

вать всеми способами. На их дьявольских весах ценность информации, заключенной в моем мозгу и моем компьютере, окончательно превысила бесценные жизни полутора тысяч пассажиров и восьмидесяти членов экипажа. Кто знает, не летит ли сейчас к «Стратопорту» очередной «Маверик», но уже не с гамма-лазером, а с термитной боеголовкой? Единственный вопрос мучил меня в ту секунду: почему они не убрали меня раньше? Как получилось, что я жив и невредим, а Володя и пожилой мертвы? Или по какой-то причине меня нельзя убрать? Я им пока нужен? Или же у них не получилось? Дешевый кино- детектив с неистребимым суперагентом…

План действия у меня сложился сразу. Первое: вывести из-под удара экипаж, а для этого покинуть кабину, обведя вокруг пальца возможных соглядатаев. Нет, это будет второе, а первое — проверить, не меченый ли я. Если меченый, тогда не осталось никаких шансов. Я скинул пиджак и быстро ощупал все швы, складки и кромки. Точно! В правой пройме обнаружилась небольшая булавка с микроскопическим шариком на конце. Изотопная метка, по которой меня можно отыскать где угодно. Куда бы я ни укрылся, иголочка будет сигналить, выдавая мое местопребывание.

Укрылся… Это было третьим пунктом программы. Найти ма-а-аленький тайничок для крупного человечка.

Единственное, что я знал наверняка, — это то, что Олава в левом салоне крыла **А** не было. Поэтому путь к отступлению лежал через левый салон.

Я поблагодарил экипаж и посоветовал им не следить за моим маршрутом с помощью микрокамер: изображение записывается на видеодиск, а как знать, кто первым получит доступ к видеодиску. Вышел в коридор и быстрым шагом направился по проходу левого салона. Минуя труп несчастного неумехи (он все еще не вызывал подозрений у пассажиров: мало ли кто дремлет в полете), я незаметным движением всадил изотопную булавку в рукав его пиджака. Прости, старина. Тебе, к несчастью, уже все равно. Посигналь немножко вместо меня, послужи прикрытием…

XIX

Сколько я ни ломал голову, но не нашел уголка укромнее туалета. Агент, скрывающийся в клозете, — это из плохой комедии, но лучшего места и в самом деле не было. Трюмы отпадают: туда ведут всего четыре люка, которые легко контролировать. Камбузы, бары и буфеты? Двенадцать отсеков — долго ли все проверить? А туалетов на крейсере — семьдесят два. Пока ещё все обойдешь…

Конечно, и для этой ситуации есть соответствующее правило, оно называется законом Хоу и формулируется так: «Каждый способен изобрести план, который не сработает». Но, с другой стороны, есть и закон Буба, гласящий: «То, что вы ищете, вы найдете в самом последнем месте».

Итак, я заперся в туалете, в одной из трех кабинок, расположенных в срединной части левого салона крыла С, и снова раскрыл свой блокнот.

На чем я остановился? На предположении, что кодовое слово «23» соответствует букве «а». С минуту я обдумывал этот вариант и отбросил его. Мне не нравилась концовка текста. Третья

от конца буква, — очевидно, гласная, тогда две последние — согласные. Почему бы не предположить, что это OLS — сокращенно от «Ольсен»? Эту версию я счел вполне разумной. Значит, 23 — это «o», 12 — «l», а 3 — «s». Правда, «3» встречается 13 раз, многовато для буквы «s», ну да ладно, если я на ложном пути — это выяснится очень быстро.

Итак, начнем сначала. В первой строке сочетание второй и третьей букв дает нам «lo». Пятая буква 323 — определенно гласная. Может быть, «e»? Тогда первые шесть букв очень похожи на слово flower — «цветок». Я подставил найденные буквы в текст и понял: получается! Да здравствует «Золотой жук»!

Через семь минут на странице блокнота красовался целиком расшифрованный текст.

“Flower got one o forts bd St. Helena

Worms got healbombs bd Xmas via Socotra

Ocean got cruiser guts rip up Faroes eom

Hype jets sale def sd Ols”.

Понятно, почему компьютер не справился с

расшифровкой. Он руководствовался стандартной программой частотного анализа и упорно считал наиболее часто встречающееся кодовое слово буквой «e», как и положено в английском языке. Но в этом тексте рекорд частоты держала гласная «o».

Я готов был прыгать от радости, и только теснота туалетной кабинки не позволяла сделать это. Да и ситуация не располагала к проявлению слишком бурных эмоций. Конечно, адекватность расшифровки теперь не вызывала сомнений, но оставались кое-какие неясные места.

Разберемся, One o — это, очевидно, цифра 10. Bd — сокращение от bound, «направляющийся», «готовый к выходу». Xmas, то есть Christmas, «Рождество» — ясно, что имеется в виду остров Рождества. Eom — очень распространенная аббревиатура: end of the month, «конец месяца». Дольше всего — минуту или две — я ломал голову над трехбуквенным сочетанием def. В английском языке на эти три буквы начинаются около сотни слов, из них штук тридцать вполне годятся для расшифровки. Я остановился на глаголе define — «определять». Наконец, sd обозначает, вероятно, someday.

Вот и настал момент, когда я смог занести в

память компьютера перевод криптограммы:

«Цветок» получил десять крепостей, направление — Святая Елена. «Червяки» получили тепловые бомбы, направление — остров Рождества через Сокотру. «Океан» получил начинку крылатых ракет, потрошение состоится на Фарерских островах в конце месяца. Дата распродажи сверхзвуковых бомбардировщиков будет определена нескоро. Ольсен».

Надо ли говорить, какой важности сообщение было у меня в руках! В концентрированном виде оно содержало секретнейшие данные двух аукционов, рейкьявикского и галифаксского. Что касается жаргонных словечек, то у них очень простые толкования. «Цветок» — это, конечно. Международное управление по вопросам солнечной энергии (его эмблема — цветок подсолнечника), а под «крепостями» разумеются стратегические бомбардировщики “B-52G”. «Червяками» определенные вредоносные круги пренебрежительно называют представителей ФАО, а именно Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН закупила в Галифаксе крупную партию «газотопливных»

бомб. «Океан» — совсем прозрачно: имеется в виду Межправительственная океанографическая комиссия, получившая право распотрошить «томагавки». Ну и «сверхзвуковые бомбардировщики» — это «Стелты», продажа которых так и не состоялась.

Какая мне разница, кто получатель этого сообщения? Главное, что у меня в руках есть неопровержимое доказательство: в мире действует тайная милитаристская организация, пресловутая ложа, «комитет вооружений», и она тщательным образом собирает сведения о демонтированном или распотрошенном вооружении. Готовится к тому, чтобы в один прекрасный день наложить на оружие свою жадную руку и предъявить планете ультиматум. Кто состоит в этой организации — пока неизвестно. Я знаю только, что среди ее агентов есть бывшие сотрудники ЦРУ.

XX

Теперь предстояло решить последние две зада-

чи: минимум — ознакомить с моим открытием весь мир, максимум — отобрать у Лейтона его компьютер. «Что, от обороны переходишь к наступлению?» — спросил я себя. И сам себе ответил: «Пора».

Как же подать весть миру? От того, как я с этим справлюсь, зависит тактика контакта с Лейтоном. Правда, если сейчас по «Стратопорту» ударит ракета, никакая тактика уже не поможет. Однако с ракетой они что-то подозрительно медлят.

Ракета… Стоп. Я понял, откуда она взялась. Не из самолета — чужой самолет мгновенно засекла бы система «свой-чужой». По нашему «Стратопорту» выстрелили с подводной лодки. Какая-нибудь незарегистрированная лодка всплыла в открытом море, произвела пуск ракеты и снова ушла на глубину. Вот почему не было второго выстрела: скорости не те. Не изобрели еще такую подводную лодку, которая смогла бы соперничать в скорости с воздушным крейсером.

Так, отлично. Значит, наш «Стратопорт» будет жить. А мы… Мы еще поборемся.

И все же — как быть с сообщением? Я осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь намека на решение. И тут меня осенило. В очередной раз. Я же в туалете! Ассенизационная система «Стра-

топорта» работает так: содержимое собирается в шлюзовом накопителе, а потом автоматически выбрасывается сжатым воздухом за борт. Автомат, насколько я помню, срабатывает после пятидесяти нажатий на педаль спуска воды.

Я включил звуковой канал компьютера и короткими фразами сказал о сути моего открытия. Это заняло минуты две. Я выложился, но уместил все: и способ перехвата с помощью ридара, и суть шифровки, и убийство Фалеева, и гибель Мерты, и несчастного неумеху, и даже мифическую даму, пригласившую меня на место 17-F, которое вскоре подверглось лучевому удару. Упомянул я и про подводную лодку, указав, в каком квадрате океана ее выуживать. Свой текст я закончил словами: «Иду на Ольсена».

Теперь оставалось немногое. Я ввел программу цифрового сжатия пакета информации, включил репетир и перевел радиостанцию на передачу по всем диапазонам. Сквозь корпус «Стратопорта» сигналам не пробиться, но тут мне поможет ассенизационная система. У меня в кармане лежал целехонький пластиковый пакет (давнее правило: все необходимое ношу с собой). Я сунул в него компьютер, который превратился в широковещательную станцию, и заварил пластик

металлической расческой, нагрев ее в пламени зажигалки.

Ударом ноги я пробил фаянсовое дно унитаза и в расширившееся отверстие бережно опустил загерметизированный комп. Мой верный друг… Сентименты. Я принялся давить на педаль и после тридцать шестого нажатия услышал приглушенный всхлип пневмопровода. Комп провалился в бездну.

Он будет лететь, кувыркаясь, и за время падения успеет раз пятьсот передать по всем диапазонам информацию, которая так нужна миру.

И Миру…

По радио объявили посадку на челнок, идущий в Нассау. Мой рейс. Мне надо быть в Нассау на очередном аукционе. Дадут ли мне сесть на этот челнок? Нужен я им еще или уже не нужен?

— Приглашаем на посадку, — повторил стюард.

И в этот же момент кто-то с силой дернул ручку двери.

Понятно.

Дверь в этом туалете сдвигается влево. Значит, я отжимаю защелку, а честь открывания двери пусть принадлежит Лейтону. Как только створка уходит влево, я тут же наношу четверной удар

справа — ребром ладони, локтем, коленом и ребром стопы. Левой рукой и поворотом туловища блокирую встречные удары. Я мысленно нарисовал фигуру Лейтона за дверью, обозначил болевые точки. Перевел дыхание. Положил левую руку на защелку.

А может, не так? Пригнуться выскользнуть в коридор, увернувшись от ударов, и, когда Лейтон (если это Лейтон) увидит дыру в унитазе и мгновенно все поймет, повернуться к нему и заорать на весь «Стратопорт»:

— Господи, кого я вижу? Неужели это Олав? Олав Ольсен! Вот так встреча! Здравствуй, милый Олав!

И выволочь его, широко улыбаясь и хлопая по плечам, в проход салона, обнять, сдавить так, чтобы затрещали кости, понять, в каком кармане компьютер, залезть, вытащить его и, брызжа слюной, вопить про восемнадцать лет, и про Адриатику, и про Мерту…

Примет Лейтон игру или нет? Если примет, то в какой момент он поймет, что его компьютер — мое решающее доказательство — перекочевал ко мне, — до моей посадки в нассауский челнок или после, когда я уже буду (буду ли?) лететь, наконец, к земле?

Я еще раз глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и отжал защелку.

Антон Молчанов

Планета № 386

Хочешь получить умный ответ — спрашивай умно.

И. В. Гёте

Младший офицер кастикусийской звездной разведки Локумби-ру-Зига обнаружил кислородную атмосферу на третьей планете Малой Желтой звезды в созвездии Клопа и завис в двухстах километрах над аэропортом Адлер города Сочи. За полтора часа, болтаясь в летающем блюдце, Локумби-ру-Зига (далее для краткости будем называть его просто Зига) изучил в совершенстве все языки, употребляемые на территории Сочи. Потом он покинул блюдце, материализовался в свободной кабинке общественного туалета в торце здания аэропорта и, одетый по-адлерски, вышел на площадь.

У Зиги был собственный ускоренный метод

исследования обитаемых планет. Он выбирал индивидуума в случайной точке планеты, проводил с ним короткую беседу и придумывал главный вопрос. Этот вопрос Зига разбивал на две части и первую сразу же задавал индивидууму. Затем ради чистоты эксперимента он пересекал планету в произвольном направлении, находил другого индивидуума и задавал ему вторую часть вопроса. Объединив ответы, он загонял их в бортовой компьютер, и послушная машина выдавала заключение по всем пунктам.

Свой метод Зига называл методом двойного экономического вопроса. Он считал, что именно мелкие детали таят в себе суть планетарной жизни. Так, в предыдущем рейсе в систему Большой Мерцающей Крокодила он спросил у одного из тамошних жителей, сколько зеленых палочек светожора выращивает тот за сезон, а у другого — сколько таких палочек уходит на светокорм его семье. Отсюда Зига сделал вывод об уровне благосостояния мерцающих крокодильцев, а заодно и о том, насколько сильна у них медицина, поскольку попутно выяснилось, что зеленые палочки светожора используют как средство от насморка у детей.

Зига гордился своим ускоренным методом.

Собрав информацию за час-другой и поручив остальное компьютеру, он уже к вечеру сажал свое блюдце у дверей шикарного отеля на знаменитой курортной планете Тиржи-Гарман-Жири.

Зига окинул взглядом адлерскую площадь. Его внимание привлек торговец растительностью: длинные стебли с большими белыми венчиками напомнили ему уши его любимого зверька брамглюкаса.

— Сколько стоят ваши цветы? — спросил Зига на родном языке торговца, чем растрогал его необыкновенно.

— Семь копеек штука, генацвале, — ответил торговец.

— А за какое время вы зарабатываете семь копеек?

Абориген растерялся.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал он. — В день я зарабатываю в сто раз больше, в двести раз больше, в тыщу раз больше. Что я, считал?

— Спасибо, генацвале, — поблагодарил Зига и поспешил через площадь к туалету, отметив про себя, что по ту сторону здания взлетают в небо транспортные устройства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге.

Младший офицер кастикусийской звездной

разведки Локумби-ру-Зига совершил прыжок в произвольном направлении и материализовался в аэропорту Внуково города Москвы. По другую сторону здания поднимались в небо те же транспортные средства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге. Зигу порадовало единообразие в транспорте, архитектуре и одежде: это подтверждало давно доказанный тезис о том, что в обитаемых мирах, где применяются воздушные средства сообщения, имеет место всепланетная система с равномерным распределением материальных благ.

Разыскав место, где продают образцы планетной растительности, Зига для разнообразия обратился не к продавцу, а к покупателю, несущему букет из трех стеблей с белыми ушами брамглюкаса.

— Сколько вы заплатили за цветы? — спросил Зига.

— Пять рублей, — ответил тот.

Рубли были для Зиги таким же пустым звуком, как и копейки.

— А сколько времени можно прожить на пять рублей?

— Один день можно, — сказал абориген. — С грехом пополам.

Зига издал булькающий звук, выражающий у кастикусийцев крайнюю степень изумления. Однако информация была собрана, и перед глазами разведчика уже замаячил стакан безалкогольного коктейля «Жамбань», который можно отведать только на курортной планете, потому что вне ее магнитного поля коктейль распадался на атомарные составляющие. И через пять минут Зига направил свое блюдце точнехонько на Тир-жи-Гарман-Жири.

Компьютер урчал, переваривая информацию, но Зига и без него уже прикинул: если взять за единицу отсчета цветы, то получается, что дневной прожиточный минимум жителя планеты составляет лишь ничтожную долю от заработка. Вскоре компьютер подтвердил, что на Малой Желтой Клопа III самый высокий уровень жизни в обитаемой Вселенной, а материальные богатства планеты за каждый оборот вокруг светила увеличиваются примерно на четыре порядка.

Зига радовался, что открыл для Касти-кусии достойного партнера по контакту, и четыре дня гулял напропалую. А на пятый день он предстал перед начальником разведгруппы.

— Младший офицер Локумби-ру-Зи-га, — процедил начальник, — вы знакомы с результатами

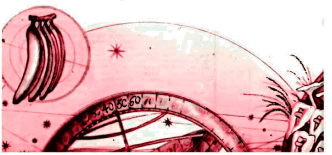
вашего дублера?

Этот второй разведчик по имени Ма-румби-ку-Пига тоже применял метод двойного экономического вопроса, который Зига разболтал ему как-то за стаканом «Жамбани». И уже передал рапорт о том, что на Малой Желтой Клопа III невероятно низкий уровень жизни, то есть настолько низкий, что даже компьютер удивился, как это тамошние жители ухитряются использовать воздушные средства сообщения.

Пига пришел к такому выводу после того, как спросил у аборигена в городе Одесса, какая часть дневного заработка уходит у него на гроздь бананов, а у аборигена в городе Гуаякиль — надолго ли хватает ему денег, вырученных за такую же гроздь.

После этой скандальной истории Зигу и Пигу перевели на ближние рейсы, начальник разведгруппы взял отпуск, а Малую Желтую Клопа III занесли под номером 386 в реестр миров с аномальными признаками, потому что кастикусийская звёздная разведка не могла позволить себе роскошь дважды посылать десант на одну и ту же планету.

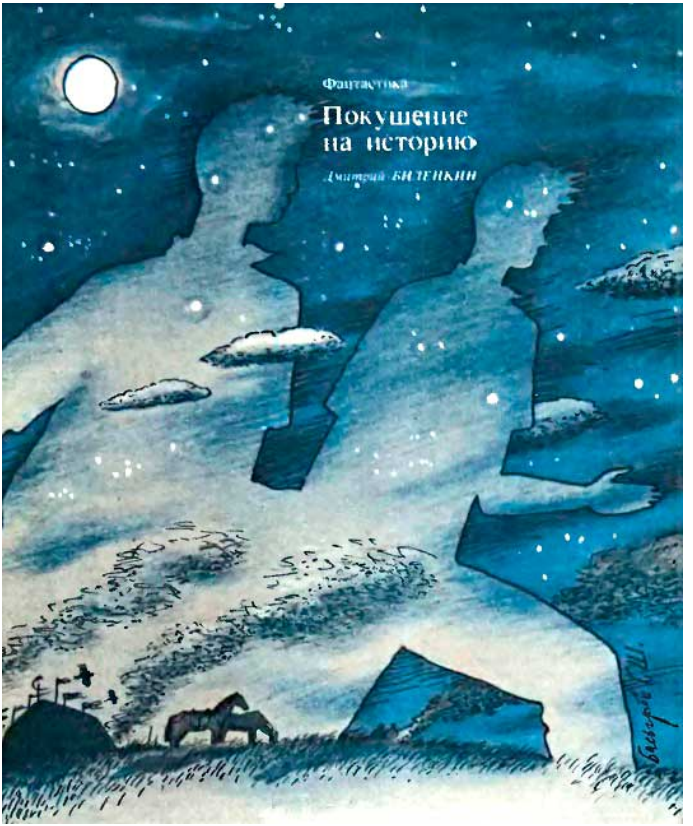
Хочешь получить умный ответ…



№ 9

Дмитрий Биленкин

Покушение на историю


Фантастика
Покушение на историю
Дмитрий БИЛЕНКИН

Смерть, и гонения, и напасти, и вся видимая злая перед глазами ти да будут по все дни и времена.

Владимир Мономах

Мораль этой истории еще не скоро будет понята до конца…

Поздней осенью 1237 года орды Батыя устремились к Рязани, откуда должен был начаться погром русской земли, а следом всей остальной Европы.

Позади в пепелище осталось царство прикамских булгар. Двигались хлебнувшие крови, погрузившие руки в добычу, захлестнувшие аркан на шее поверженных, разгоряченно стремившиеся вперед к закромам всех народов, какие встретятся на пути к Последнему морю. Так завещал Чингисхан, которого помнили, знали, с кем выжгли землю от мутных рек Поднебесной империи до причерноморских степей. Внук «потрясателя вселенной» довершал начатое, он вел их к соленой воде океана, к тому краю света, где западает солнце, и дорога туда была теперь ближе, чем к месту, где оно восстает из вод и где уже побывал конь степняка. Сражения и победы, зо-

лото и рабы, стоны втоптанных в пыль и упоение силой; и когда все завершится, то каждый станет богат и можно сладостно подремать у костра, зная, что весь мир покорно служит тебе.

Остановить их могла разве что внезапная смерть полководца. Но такая смерть не грозила Батыю, ибо что совершилось в истории, то уже неизменно. Если не принимать в расчет тех двоих, что в ночной тьме подкрадывались к шатру победоносного воителя.

Они уже миновали наружные посты.

Ничтожно трехсоттысячное полчище степняков среди просторов земли, но внутри становища — огромно. И даже сонное оно опасней гнезда ядовитых змей. На что может рассчитывать проникший туда смельчак? Пусть осенний мрак непрогляден, а разноплеменная орда крепко спит. Но тьма, в которой ты сам незряч, и предаст: либо невольный шорох встревожит охрану, либо ненароком всполошишь собак, либо сослепу напорешься на вышедшего до ветру степняка, который чует не хуже собаки. Но даже если и повезет, кто подберется незамеченным к золотистому шатру Батыя? Здесь не гаснут костры, тут бессонная стража, охраняющая не так от врагов, как от своих же ханов, которые жаждут погибели

джихангира. Такие есть, и никому не прокрасться к ложу владыки.

Но те двое видели ночью не хуже, чем днем. Это давало им преимущество. Никем не замеченные, никого не потревожившие, они были недалеко от цели.

За ними спешил третий. Это был я. И я должен был остановить тех двоих.

То, что они были мальчишками, не облегчало мою задачу. Скорее наоборот.

У всякого века свои заботы, свои успехи, свои просчеты и свои неожиданности. Когда перемещение во времени стало реальностью, возникло множество проблем, которые, впрочем, поддавались разрешению. Вот разве что мальчишки…

И в самом деле, разве предусмотришь все внезапности жизни? Каждый хроноскаф взят под охрану, хотя в наши дни его можно оставить где угодно и быть уверенным, что им не воспользуются. Медицина надежно упреждает безумие, а нормальный человек сам себе сторож. К началу двадцать первого столетия обнаружилось, что далее нельзя воевать; позже выявилось и другое. Никакая подлинно развитая цивилизация не просуществует и века без совести и ответственности своих граждан: слишком грозны используемые

ею силы, слишком велика цена опрометчивости. Это понимал любой взрослый, и хроноскаф был неприкосновенен. Но, как говорили в старину, береженого бог бережет. Мало ли что! Скажем, дети — не по злому умыслу, а по естественной для их возраста беспечности — могли… Словом, все хроноскафы находились под контролем, и система их защиты была испытана на мальчишках. А как же! Всепроницаемость ребят общеизвестна, тут века ничего не изменили. И не изменят, надеюсь, ибо что за детство без жажды неизведанного и таланта находчивости?

Нет, о мальчишках подумали, но допустили одну психологическую ошибку. Меры безопасности разрабатывались тогда, когда хроноскаф был сверхсложной, на пределе возможностей машиной. Из этого исходили и на том успокоились. Что еще надо? Десятилетиями ни одной тревоги…

А жизнь шла своим чередом. И то, что представлялось раньше сверхтрудным, переставало им быть. Случилось то же, что еще в двадцатом веке произошло с ракетами. Первую запустили в тридцатых годах, она взмыла метров на сто, и все, ликуя, поздравляли друг друга с победой. А уже в шестидесятых годах такие ракеты мастерили дети, побивая рекорды тридцатилетней давно-

сти. Впрочем, прогресс тогда был неспешным, и вряд ли кто-нибудь предполагал, что всякий подросток будет владеть изобретательством как обычной грамотой.

Кто не извлекает уроков из ошибок прошлого, тот обречен на их повторение… Святая истина, но, увы, всестороннее предвидение возможно лишь задним числом. Никто не учил ребят хронотехнике, это вам не ракеты, однако научные знания неизменно перетекают к детям, материалы под рукой — и достало бы желания да благородного безрассудства…

Безрассудство тех двоих было благородным, хотя мне от этого не легче. Не стану называть их имена, тут личная тайна, пусть будут Чуком и Геком. А вот о книге, вовлекшей их в авантюру, сказать надо. То был всем известный роман Пиляева. Признаюсь, когда я закрыл эту книгу, то некоторое время не мог понять, что для меня более реально — комната, где я сижу, или тот тринадцатый век, в который меня погрузил автор. Недаром говорят — магия искусства.

Легко представить, как она подействовала на Чука и Гека. Подростки впечатлительнее нас. И опрометчивее. Кто в детстве не обливался слезами над вымыслом, не грезил о подвигах, не

жаждал спасти беззащитных и покарать злодеев! А в книге, которую Чук и Гек читали и перечитывали, были злодеи и были несчастные. Например, их сверстница, душевная и светлая девочка. Когда ухмыляющийся насильник захлестывал на ее шее ременную петлю, выдирая серьги, и волок за собой как рабыню, а она тщетно взывала к милосердию… Сам бы шуганул эту батыевскую саранчу. Хватило бы двух-трех каскадных молний, чтобы вся орда с визгом умчалась в свои пределы.

Что касается молний или даже простого аннигилятора, тут Чук и Гек проявили благоразумие. А примитивный хроноскаф они сладили. И ринулись восстанавливать справедливость.

Их старт был, само собой, немедленно засечен. И меня срочно отправили по следам Чука и Гека.

Не расспрашивайте, как выглядит стан Батыя: мне было не до того. Я действовал как автомат.

Лагерь весьма и весьма благоухал, но я и о вони забыл, ведь она ничему не мешала и ничему не способствовала. То, что я видел, меня не слишком интересовало: юрты, повозки, костры, стреноженные кони, походные казаны, дремлющие верблюды, фигуры редких дозорных, какие-то бесконечные бараны — все было лишь рельефом

местности, которую я пересекал, препятствием либо, напротив, укрытием. Не думайте, будто ночные очки дают полное преимущество. Конечно, они позволяют передвигаться быстро, бесшумно и скрытно: ты всегда видишь врага. Но попробуй сообрази, где ты погружен в непроглядный мрак, а где тебя высветит отблеск костра. Кто-то может выйти из юрты, кони, того и гляди, шарахнутся… А обозные псы? Конечно, лагерь многолюден, собаки привыкли, что по нему шастают даже ночью, и на прохожего брешут лениво. Надо, однако, знать, как идти, чтобы не вызвать переполох. А мне следовало спешить — беглецы меня основательно опережали.

Шли они ловко, хоть принимай их в хроноразведчики. Я до последней минуты не верил, что они хотят прикончить Батыя. Но, с другой стороны, зачем же еще они здесь? Холодная ярость владела мной. Рыцари-сопляки! Погибнет Батый — изменится история. Реальная, чтоб вы знали. Да, уцелеют миллионы замученных и убитых, не будет спаленных от Волги до Адриатики городов и сел, кнут не иссечет спины детей и женщин, русские земли не подвергнутся многовековому разбою, горя убавится, не нужны будут кровавые усилия, чтобы выбиться из-под гнета и догонять

другие народы Европы. Прекрасно и замечательно. Только мировая история пойдет другим путем.

А каким — неизвестно. Не подправить ли походя земную орбиту, авось климат смягчится? История могла быть лучше, чем она есть, но что сбылось, то свершилось. Чем поправка аукнется, к чему приведет?

В конце двадцатого века малейший перекос событий мог погубить человечество. И даже раньше. Если бы физические исследования ускорились всего на несколько лет, то у нацистов, возможно, оказалась бы атомная бомба, и страшно подумать, чем бы это обернулось для мира. Как сузилась тогда дорога, по какому краю, над какой бездной пошла! Скрип мела, выводящего на доске формулу, а в ней, быть может, приговор человечеству. И с той поры не мифические атланты держат на плечах мир, ответственность легла на ученых, на политиков, а ныне вот уже на мальчишек…

Легко научить их изобретательству, трудно всему остальному. Свойства возраста неизменны. По-взрослому рассудительные, тишайше благоразумные, все наперед рассчитывающие подростки — немыслимо! А если мыслимо, то

ужасно. Оставалось надеяться, что с моим вмешательством — или без него — их предприятие не удастся. Если же удастся, то ханы не перегрызутся и все затеянное Батыем сбудется без него.

Слабая надежда.

И еще я до боли в сердце переживал за мальчишек: ну, как схватят!

Расстояние меж беглецами и мной сокращалось. Но медленно, слишком медленно. Время тянулось, как в мучительном сновидении, когда спешишь, а тебя настигают, и это неотвратимо. Только здесь все было наоборот: я гнался — и не мог настичь. Мальчишкам приходилось хорониться лишь от врагов, а мне еще и от них самих. Резвости им было не занимать, а я должен был остановить их.

Чтобы спасти Батыя.

Мог ли я представить, что все так повернется? Что я буду спасать палача и охотиться за теми, кто вознамерился уберечь жертвы?

И вот я это делаю. Парадокс морали, который и не снился былым векам.

А суть-то прежняя! Все мы творим историю, влияем на нее каждым своим действием, и бывают мгновения, когда от поступка одного человека зависит многое, если не все. Но когда наступит

этот миг, человек обычно не знает.

Я знал.

Они уже подкрались к тесному кругу юрт, расставленных для жен и приближенных Батыя, к неугасимым кострам у входа в его роскошный шатер. Чук и Гек тенями скользнули меж ними. Вот бестии! У меня захолонуло в груди, когда они это проделали. И ведь никто не учил, сами дошли…

Все, они притаились в тени последней юрты. Лошади протянули к ним недоуменные морды. Костры ярко горели, высвечивая золотую маковку шатра, бамбуковый шест над ним с пятиугольным знаменем джихангира. На кошмах сидели телохранители-тургауды; они позевывали, но их глаза оставались зоркими. Мышь не пробежит незамеченной. На что же ребята надеялись?

Один из тургаудов коротким копьем пошевелил поленья. Взметнулся столб искр, на пятиугольном знамени затрепетали блики. Пользуясь задержкой беглецов, я ускорил шаг. Еще рывок, и я смогу достать ребят гипноизлучателем…

Чук вскинул его раньше. Конечно, они раздобыли гипноизлучатель!

Я опоздал, все было кончено в считанные секунды. Медленно, как оседающий снег, тургауды

повалились набок, затихли, распластанные у костров. Звякнуло чье-то оружие. Чук предусмотрительно повел гипноизлучателем вкруговую. Инстинктивно я бросился наземь; близко всхрапнули кони. И пала мертвая тишина.

Порыв холодного ветра расправил знамя надменного джихангира. Поздно, поздно. Оставалось лишь закричать, всполошить лагерь и сгрести ребят в надежде, что суматоха позволит нам скрыться. Нет, нас тут же обнаружат и перебьют. Зато история пойдет прежним путем.

Этого от меня никто не требовал — закричать. Чук и Гек были уже у входа. Откинули ковровый полог. Я раскрыл рот. Мальчики, да за что же я вас так?

Действительно ли я решил закричать? Не знаю. Из горла не вылетело даже хрипа.

Еще не поздно, не поздно…

Уже поздно. Секунды прошли, каждая ценой в столетие. Долго ли убить спящего, когда ты видишь во мраке и умыслу нет препятствий?

Две фигурки выскользнули из шатра, метнулись прочь. Лишь отблеск костра на мгновение высветил их смятенные лица.

Можно не преследовать, свое дело они уже сделали. И вселенная не разверзлась! Впрочем,

здесь и сейчас с ней ничего и не должно случиться. Только в будущем, начиная с этого часа и до наших времен… Если только они еще уцелели, наши времена.

Профессиональный навык вернулся ко мне. Быстрым шагом я пересек освещенное пространство, ворвался в шатер. Не всякая смерть — конец. Кое-что у меня было с собой, быть может, успею.

Я сразу увидел Батыя. Он лежал на меховых шкурах и похрапывал.

В первое мгновение я ничего не мог понять, а потом понял все. У изголовья Батыя валялся остро заточенный, отныне безвредный нож. Одно дело покарать легендарного злодея и совсем другое своей рукой зарезать мирно похрапывающего человека, каким бы извергом он ни был. Лицо Батыя было молодо и безмятежно, он чему-то улыбался во сне. И у него было неладно с аденоидами.

Вот этого детские нервы не выдержали.

Но и уйти просто так ребята не могли. На тихо вздымающейся груди Батыя лежал клочок бумаги с наспех намалеванными черепом и костями.

Я подобрал нож и бумагу: в прошлом не следовало оставлять и такого. Вот и все. В этой истории, схлестнувшей тринадцатый век с двадцать третьим, нет морали, она сама мораль. Сотни трудов

по этике обсуждают ее, и этому не видно конца.

№ 10

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

Семейная хроника аппаратчика Михина

Фантастика

Семейная хроника аппаратчика Михина

Михаил **КРИВИЧ**,
Ольгерт **ОЛЬГИН**

История, которую мы собираемся рассказать, тянется так долго, что к ней успели привыкнуть, как привыкают к звуку соседского телевизора. Разве что женщины посудачат иногда во дворе. А что же компетентные организации, которые могли бы сказать свое веское слово? Воздерживаются, решительно воздерживаются. И, знаете, их можно понять, ибо дело тонкое, а с компетентных спрос особый. Да и мы, хоть и знаем правду, сказать всего не можем, опасаясь нанести вред семье Михиных. Представьте: рассказ попадет в руки детям и они узнают тайну своего появления на свет… Вот почему, не отступая от фактов, мы изменили имена героев и приняли некоторые другие меры предосторожности. А в подтверждение истинности происшедшего приведем выдержку из областной газеты:

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ *(от наш корр.)*. На химкомбинате всем известны имена передового аппаратчика цеха биологически активных веществ, изобретателя и рационализатора Эдуарда Саввича Михина и его супруги Людмилы Федоровны, старшего экономиста. Работают

они на предприятии с самого пуска, их портреты украшают Доску почета. И в семейной жизни они служат для всех примером: вырастили и воспитали четырнадцать детей. Семья Михиных большая и дружная. Дети отлично учатся, помогают старшим. А по выходным все вместе выезжают на садовый участок...

В этой корреспонденции было еще много разного. Заметим только, что речь шла об Н-ском химическом комбинате, расположенном в молодом городе Н., который стоит на полноводной реке М., куда комбинат ничего дурного не сбрасывает, отчего рыбалка в тех краях по-прежнему хороша. Однако Михин не имеет для нее времени и лишь слушает рассказы других аппаратчиков, у которых детей раз-два и обчелся. Слушать он ходит в курилку, хотя сам, после того как появилась на свет третья, Анюта, бросил курить раз и навсегда. Но если хоть разок не заскочить в курилку, то смена будет не в смену: новости-то не только в газетах, их, новостей, вон сколько, ни одна газета не вместит.

Заканчивалось селекторное совещание. Генеральный директор, без пиджака и без галстука, сидел один в огромном пустынном кабинете. Было только начало десятого, но рубашка уже прилипла к директорской спине.

Все, кто участвовал в селекторном, берегли силы в предчувствии дневного пекла. В другую погоду они спорили бы и выкладывали взаимные претензии, ругали бы сбыт и снабжение, всем миром обрушились бы на железную дорогу, которая опять недодает вагонов, — натуральный радиоспектакль. А сейчас в тягостные паузы из динамиков разносилось комариное жужжание директорского вентилятора.

Генеральный чуть повернул вентилятор, чтобы тепловатый воздух бил прямо в лицо, резиновая лопасть шлепнула по запястью, директор отдернул руку и чертыхнулся.

— Это вы мне? — раздался хриплый голос из динамика.

— Не тебе. Хотя и заслуживаешь. Ты сколько вчера отгрузил?

— Сколько было, столько и отгрузил, — нахально сказал хриплый.

— Ладно, — ответил директор и налил себе воды из сифона. — К главному энергетику есть претензии? К главному механику? Нет? Ну и ну. Все свободны.

Директор уже протянул руку, чтобы отключить селектор, как раздался неуверенный голос Полещука, начальника цеха биологически активных.

— Минуту… Тут у нас такое дело…

— Я тебя слушаю, Василий Романович.

Селектор молчал. В его тишине слышалась общая неприязнь к Полещуку, который тянет резину, да еще в такую жару, пропади она пропадом.

— Мне бы с глазу на глаз, — промямлил наконец Полещук.

— Выкладывай, тут все свои.

— Значит… Как бы сказать… — тянул Полещук, и все представляли, как он теребит очки на крупном мясистом носу.

— Так и скажи, — отрезал директор. И тут Полещук собрался с духом.

— У нас в цехе подкидыш, — выпалил он. — Девочка.

Селектор грохнул. Смеялись в основных цехах и вспомогательных, хохотали на складах и очистных сооружениях, прыскали в лабораториях и

отделах.

— Прекратить! — заорал генеральный директор. — Что за шутки, Полещук? Какой еще подкидыш?

— Обыкновенный. То есть обыкновенная. Женщины говорят, месяцев пять. Михин, аппаратчик, в смесительном отделении нашел. Разрешите, мы ее к вам привезем.

— Очумел? — растерялся генеральный. — Ко мне-то зачем?

За годы директорства на разных заводах он много повидал и приучил себя к неожиданностям. Но подкидышей ему не носили.

— А куда мне девать ее? — взмолился Полещук.

— Вези, — ответил деректор и вырубил аппарат.

Четверть часа спустя в кабинет ввалилась процессия. Впереди шел грузный Полещук в неизменных подтяжках поверх клетчатой рубахи, за ним Михин, одетый, несмотря на жару, в черный кислотозащитный бушлат, бахилы и пластмассовую каску. В протянутых руках Михин держал нечто завернутое в брезент.

За Михиным бочком вошла его жена Людмила, потом дородная дама, предцехкома биологически активных, за ней директорский шофер, секретарша, две лаборантки в почти прозрачных белых халатиках и еще несколько человек — генеральный перестал разглядывать.

— Разматывайте! — приказал он, в глубине души еще надеясь на розыгрыш.

Михин шагнул к длинному, словно трамвай, столу, покрытому зеленым сукном, и бережно положил на сукно сверток. Сверток издал неопределенный звук. Михин развернул выгоревший брезент, потом мужскую рубашку, розовую в полосочку, — и каждый, кто стоял поблизости, увидел то, чему не место на служебных столах. Голубоглазое существо с редкими светлыми волосами на круглой головке дрыгало пухлыми ножками и радостно улыбалось, приглашая всех разделить лучезарное настроение.

— Девочка! — выдохнула Людочка Михина и торжествующе поглядела на директора.

Народу между тем все прибывало, люди протискивались в кабинет без разрешения, чего не случалось ни до, ни после. Михин вытащил из кармана папиросы, но Людмила посмотрела на него сурово, и Эдуард Саввич сунул пачку в

карман.

— Рассказывай, — коротко приказал директор.

Аппаратчик высшего разряда Михин не любил торопиться. В цех он приходил за полчаса до смены, в журнале «сдал-принял» расписывался медленно, аккуратно и полностью: Михин Э. С., без всяких росчерков и закорючек. Дома он тоже был рассудителен и спокоен; впрочем, настоящим домом они с Людмилой как-то не обзавелись, а жили в семейном общежитии, где кухня общая, и вешалка для пальто не в коридоре, а в комнате.

Детей у Эдуарда с Людмилой не было, отчего — не наше с вами дело, а когда нет детей, то нет и домашнего очага. Н-ский комбинат был для Михиных четвертым. Всякий раз они вычитывали в газете очередной адрес, собирали нехитрые пожитки и трогались к новому месту. Аппаратчика высокого класса, да еще рационализатора, с трудом отпускают и с легкостью берут, да и экономисты на улице не валяются. Так что принимали Михиных хорошо, записывали в очередь на квартиру, но нигде они ее так и не дождались. Вечерами они ходили в гости или принимали

гостей, пели под гитару и пили крепкий чай. Не станем злословить, но, может быть, из-за малости домашних забот и приходил Михин в смену пораньше, а уходил, напротив, попозже.

В тот день Эдуард Саввич пришел в бытовку загодя, все с себя снял и развесил по крючкам, надел рабочее, от нательного белья до бушлата и бахил, и пошел в операторную.

Аппаратчик, которого Михин сменял, обходил напоследок длинный ряд приборов — показометров, как говорили в цехе. Эдуард Саввич молча пошел рядом, запоминая то, что поважнее. Не вдаваясь в подробности, он прикинул контуры предстоящей смены. То был не расчет, а интуиция, которой так гордятся гроссмейстеры, играя запутанные миттельшпили: в расчетах черт ногу сломит, и только чувство позиции может вывести партию к победе. Михин в своем деле был гроссмейстером, это знал не только Полещук, но и генеральный директор.

Уже на правах хозяина Михин сел за пульт и спросил:

— Смешение барахлит?

— Барахлит, Саввич. Опять концентрация запрыгала. Но, думаю, смену дотянешь. В клуб с Людмилой вечером придешь?

Михин и сам знал, что смену дотянет, хотя за узлом смешения нужен глаз да глаз. Чтобы не вдаваться в подробности, скажем только, что оксонитродигидропентадион сразу после второй ректификации смешивался здесь с присадками и активными добавками и шел на предварительную экстракцию. В этом клубке насосов, форсунок и дозаторов что-то без конца ломалось, лопалось, протекало. Редкий день не приходили сюда люди со сварочными аппаратами, но режим скакал и после ремонта. Перья выписывали на диаграммной бумаге кренделя, не предусмотренные регламентами, а иногда самописец выдавал такой Эверест, что другой аппаратчик впал бы в панику. Но гроссмейстер Михин знал, что делать: он отключал автоматику, надевал брезентовые рукавицы и крутил вентили вручную.

Генеральный раз в неделю устраивал разносы Полещуку, звонил куда следует, приезжали наладчики и проектировщики — а месяц спустя Михин вновь натягивал брезентовые рукавицы.

Сегодня концентрации плясали не слишком, и Михин отложил личный осмотр смесителя на потом. Он прошел вдоль показометров, записал, что надо, сорвал с самописцев куски диаграмм и снес технологу, расписался в журнале анализов,

который принесла молоденькая лаборантка. Все шло своим чередом.

Эдуард Саввич сдвинул на затылок каску, отер лоб и вышел в коридор, где стоял автомат с газировкой. Бросил в картонный стаканчик щепоть соли, нацедил шипучей воды и с удовольствием выпил. Полез в бушлат за папиросой, чтобы размять по дороге в курилку, — и тут он услышал странный звук.

Звук доносился оттуда, из проклятого места, справа от ректификационных колонн. Михин прислушался — вдруг ошибка? Как же, ошибешься: то нарастая, то исчезая вовсе, тонкий писк шел от узла смешения. Похоже, что прорвало коммуникацию, и теперь зудит, повизгивает струя пара.

Михин помчался на звук, как матерый пес по следу, и слух безошибочно вывел его к переплетению труб сразу за вторым насосом. Эдуард Саввич натянул каску поглубже, пригнулся и полез под колено трубы. Капнуло за ворот бушлата, тонкая струя пара клюнула в щеку. Звук приблизился. Нырок под другую трубу — и Михин очутился в крохотном пространстве между пропотевшими пупырчатыми теплообменниками. Теперь звук был за спиной.

Эдуард Саввич обернулся. На полу, в лужице теплого конденсата, лежал младенец и сучил ножками.

Аппаратчик Михин одернул левый рукав и посмотрел на часы. Часы показывали 9.27. «Запомнить и записать в журнал», — мысленно отдал себе приказ Эдуард Саввич.

Если вы никогда не были на Н-ском комбинате, то вряд ли и представляете себе, какое это огромное хозяйство. Однако историю с подкидышем здесь знали в подробностях еще до того, как младенца, запеленутого и завернутого в атласное одеяло, вынесли из директорского кабинета. Пеленки и одеяло принесла неведомо откуда дородная дама из цехкома.

За двадцать минут до этого в кабинете была неразбериха. Голубоглазая блондиночка, развалившись на столе, поочередно улыбалась Михину, Полещуку, генеральному директору и Людмиле.

— Ну вот что, — говорил генеральный, выгадывая время. — Вы что, детей не видели? Все на рабочие места! Вызвать милицию, пусть разбираются. Девочку в медсанчасть. Пусть свяжутся

с детдомом… нет, с домом матери и ребенка. Ты, Полещук, останься.

Народ стал расходиться, Михин тоже собрался двинуться к себе, но тут из-за его спины выскочила Людмила и закричала пронзительно, наступая на директора:

— Какая милиция? Какой детдом? Никому не отдам!

И все сразу поняли, что Людочка Михина никому не отдаст ребенка.

— Оксаночка моя, — сказала она и взяла девочку на руки. И все опять поняли, почему Оксаночка: кто ж на заводе не знает про оксонитродигидро-пентадион.

Людмилу с запеленутой Оксаной усадили в директорскую «Волгу» и отвезли в малосемейное общежитие. На следующий день в коридоре появилась еще одна коляска. Так уж заведено: пальто держат в комнатах, а коляски в коридорах.

Странная история. И в самом деле, откуда за вторым насосом подкидыш? На этот вопрос не смогли ответить ни следователь Матюхина, ни сам подполковник Смирнов, лично осмотревший место происшествия. Матюхина предположила, что девочку подбросила мать-кукушка из числа

работающих на предприятии. Подполковник посмотрел на нее таким выразительным взглядом, что с той минуты она лишь записывала чужие мнения и не высказывала своих. В Н-ске все матери на виду, городок-то — полчаса из конца в конец. Надо быть чокнутой, чтобы подбрасывать девочку под узел смешения, да еще совершенно голенькую, без самого захудалого приданого. И потом, куда эта мать подевалась, и где она младенца рожала, в каком роддоме?

Смирнов задавал вопросы, Матюхина записывала. Генеральный думал о том, что цех биологически активных пора ставить на капремонт.

Оксаночка хорошо набирала вес и развивалась нормально. Михины получили однокомнатную квартиру, правда, на первом этаже, зато коляску не таскать.

Год спустя, когда Оксаночка уже бойко топала ножками, появилась Маринка.

Был такой же душный летний день. Эдуард Саввич словно предчувствовал что-то. Накануне он попросился в утреннюю смену, хотя ему было выходить в вечер. Михин редко о чем просил, ему не отказали. Позже он сказал Людмиле: «Будто в

воду глядел». В общем, Эдуард Саввич оказался в смене как раз в ту минуту, когда настала пора принять младенца.

На смешении с утра работали сварщики, и около полудня Михин отправился взглянуть, не оставили ли они по разгильдяйству инструмент. Прежде инструмента никто не оставлял, и сейчас его там не было. А на том самом месте, где когда-то дрыгала ножками веселая Оксаночка, лежала задумчивая Маринка. Тоже голенькая, тоже примерно пятимесячная.

Полещук был в отпуске. Эдуард Саввич сделал в журнале запись и, не подымая шума, пошел прямо к генеральному.

Подполковник Смирнов и следователь Матюхина прибыли десять минут спустя и сразу отправились к месту происшествия. Нам нет нужды следовать за ними, тем более что в районе узла смешения опять ничего не было обнаружено — то есть ничего полезного для следствия. В протокол занесли наличие теплого конденсата на полу. Однако аппаратчики из всех смен знали, что лужа за вторым насосом никогда не просыхает.

Михины удочерили и Маринку. «Где одна, там и две», — справедливо заметила Людмила Федоровна. Она могла бы продолжить, сказав, что, где

две, там и три. Третья, Анюта, присоединилась к сестрам два месяца спустя, в августе.

Если бы мы взялись за жизнеописание Эдуарда Саввича и Людмилы Федоровны, если бы замахнулись на роман о семье Михиных (а может, и замахнемся, было бы время да здоровье), то последующие осень и зима заняли в нем особое место: это была счастливая пора. Старшая, Оксаночка, уже ходила в ясли, Людмила сидела с младшими. Семья переехала в трехкомнатную квартиру. Эдуард Саввич смастерил полезные детские забавы, вроде турничков и шведских стенок. Рановато, конечно, но дети растут быстро, и к тому же было у Михина предчувствие, что Анюта в семье не последняя.

Тут, между прочим, Эдуард Саввич прекратил такое вредное для здоровья занятие, как курение. Катая Маринку с Анютой в большой близнецовой коляске, он швырнул в мокрые листья недокуренную папиросу и сказал сам себе: «Хватит». А когда Эдуард Саввич что-нибудь обещал, то никогда не шел на попятный.

В городе семья Михиных не привлекала излишнего внимания. Были, разумеется, подарки

и безвозвратные ссуды, но в душу никто не лез, никто не вздыхал, когда видел девчонок-подкидышей. Правда, в отделе главного экономиста кое-кто позлословил, что, мол, Людка Михина не носила, не рожала, а ей и квартира, и подарки. Однако эти разговоры не поддержали. Вот мужчины — те подшучивали над Михиным в курилке, куда он заходил по давней привычке: бракодел ты у нас, Саввич, девки да девки, пора мальца завести. Михин смущенно улыбался.

Даже Людмила Федоровна забывала порой, откуда ей привалило такое счастье. Но Эдуард Саввич, в курилке ли, у пульта, по дороге ли домой, никогда об этом не забывал. Такое у него было устройство ума: анализировать и добираться до сути. Оттого он и был лучшим на комбинате аппаратчиком.

И только дома, купая малышек, Михин напрочь отключался от мыслей об их происхождении. Потому что купание детей требует сосредоточенности.

Эдуарду Саввичу было что анализировать. Ок-

сана, Марина и Анюта походили одна на другую, как родные сестры. Всех трех подкинули в одном и том же возрасте. Но если между Оксаной и Мариной был год разницы, то Анюта моложе Маринки на два месяца. Разве такое возможно?

Следователь Матюхина в свое время высказывала предположение, что у девочек разные матери, но один отец или же матери — родные сестры, даже близнецы, так что девочки — двоюродные близнецы, чем и объясняется их сходство. Мысль смелая, однако Матюхина упустила из виду одно обстоятельство или не обратила на него внимания, что вполне простительно, ибо без специальной медицинской подготовки такое можно и проморгать. Впрочем, и в нашем медицинском образовании есть пробелы, поэтому давайте обратимся к авторитетам. Вот что писал серьезнейший журнал «Анналы педиатрии»: «В течение года мы наблюдали сестер Оксану, Марину и Анну М., — трех лет, двух лет и одного года десяти месяцев. Физическое и умственное развитие соответствует возрасту, хабитус обычный, заболеваемость в пределах нормы. При биохимическом анализе крови отмечены значительные отклонения (табл. 1), не повлекшие, однако, патологических проявлений. Наиболее странным

представляется отсутствие у всех трех детей umbilicus…» (Тут мы заглянули в медицинский словарь и выяснили, что красивое латинское слово переводится как «пупок».)

Михины, конечно же, знали про отсутствие пупков, но не волновались: кому он, пупок, нужен? Вам лично пупок хоть раз принес пользу?

Нет, не это встревожило Михиных, а то, что сказал им врач по поводу состава крови. И Эдуард Саввич, и Людмила Федоровна слабо разбирались в лейкоцитах и лимфоцитарной группе, но когда с кровью что-то не так, это всегда боязно. Вот Михин и боялся. И все припоминал обстоятельства. Надо же мать-кукушка! Нет пупка — нет и пуповины, а нет пуповины, то к чему девочки были привязаны, к какой еще такой матери?

До всего этого Эдуард Саввич дошел собственным умом. Но что более всего его волновало, больше даже, чем отсутствие umbilicus, так это погода. Помните ли вы, какой она была в те дни, когда в лужице конденсата обнаружились младенцы? Михин помнил. Но, будучи человеком дотошным, он поднял вахтовые журналы. Всякий раз жара была чуть за тридцать при высокой влажности в сочетании со слабым юго-восточным ветром.

Эдуард Саввич не был настолько наивным, чтобы предположить, будто дети могут появиться от сочетаний тех или иных атмосферных условий. Если бы так, то детей на земле было бы то густо, то пусто. Михин принялся копать глубже. Он выписывал в столбик технологические параметры в те часы, когда были найдены Оксаночка, Маринка и Анюта. Таблица у него получилась на большой лист, но потом он сжал ее до одной строчки: О.: P=17,5, v=l,I, C=2,2; М.: P= 17,4, v= 1,2, C=2,2; А.: P=17,4, v= 1,1, C=2,1.

Вам эти числа ничего не, говорят? Тогда знайте, что P — это давление в аппарате, v — скорость течения оксонитродигидропентадиона, а С — его концентрация. Пролистав все журналы насквозь, Михин обнаружил, что такое сочетание параметров встречалось трижды. В те самые дни.

Эдуард Саввич переписал цифры аккуратным почерком, взял под мышку вахтовые журналы и пошел к Полещуку.

Василий Романович понял Михина с полуслова. Он нацепил очки, щелкнул себя по животу подтяжками и стал читать. Полещук пролистал журналы дважды, прикинул что-то на карманном калькуляторе и протяжно засвистел.

Василий Романович Полещук был не просто хорошим начальником цеха. Он был очень хорошим начальником цеха. Он ладил с подчиненными и никогда не ругал за глаза руководство. Со студенческой скамьи он сохранил романтическую веру во всесилие науки и непорочность воспроизводимого эксперимента.

— Опыт — критерий истины, — сказал Полещук Эдуарду Саввичу и указал перстом куда-то вверх. Михин посмотрел туда и не увидел ничего, кроме лампы дневного света.

— Данные убедительные, — сказал Василий Романович, зачем-то протирая совершенно чистые очки. — Однако до внедрения еще далеко, если внедрение вообще возможно. Да и сам знаешь: параметры могут сбежаться случайным образом. Но чем больше контрольных опытов, тем меньше возможность случайного совладения.

Михин немножко испугался.

— Что вы имеете в виду под контрольным опытом? — спросил он, переводя взгляд с люминесцентной лампы на очки Полещука.

— То же, что и ты. Дождись дня, подгони параметры…

— И еще одну девку? — взревел Михин.

— Соображаешь, — похвалил Василий Романович. — Но прими к сведению: я тебе советов не давал. Просто дружеский разговор.

— Сейчас разговор, — ответил Эдуард Саввич и направился к двери, — а потом будет новая девка. Вы-то ее себе не возьмете.

— Не будет девки, — сказал вдогонку Полещук. — Но если станешь пробовать, узел смешения не запори. Взыщу без оглядки на эксперимент.

Михин ждал. Он ждал стечения атмосферных условий, а они никак не стекались. Он измучил всех бесконечными заявками на профилактические осмотры и ремонты. Он спал с лица и перестал заходить в курилку. И следил, следил за сводкой погоды…

День наступил в июле. Михин отключил автоматику и перешел на ручное управление. Каждые полчаса он бегал к заветному месту, где загодя, прямо на лужу конденсата, положил толстенное противопожарное одеяло. На одеяле никого не было.

Прошел день, второй, третий. На четвертый появился сын Дмитрий. Вслед за тем циклон, вторгшийся с севера, сбил на две недели погоду, а как только циклон повернул вспять, Михин

обнаружил на одеяле Алешу.

Полещука мучили сомнения. С одной стороны, — установлен важный естественнонаучный факт, который нельзя утаивать от общественности. Но с другой стороны, под угрозой благополучие семьи. Надев выходные подтяжки, Полещук отправился к Михиным.

Эдуард Саввич варил в большой кастрюле геркулес на молоке, Людмила гладила пеленки. Вместе поговорить не получалось, потому что геркулес легко подгорает. Василий Романович, словно посредник на международных переговорах, бегал из кухни в комнату, согласовывая с Михиными дальнейшие шаги. Младшие дети спали, старшие путались у Полещука под ногами. Маринка просилась на руки, потому что ей очень нравились полещуковы подтяжки.

Не спуская Маринку на пол, Полещук мотался по квартире, пока не договорился обо всем. На следующий день он составил пространную бумагу и отнес ее генеральному директору. Генеральный кое-что вычеркнул (факты и только факты, мы

практики, а не теоретики), кое-что вписал (пусть будут видны достижения комбината), подписал текст и отправил в вышестоящую организацию.

Два месяца спустя на комбинат приехали товарищи из министерства, а с ними видный ученый, вроде бы даже член-корреспондент. Комиссия походила по цехам, постояла за спиной Михина в операторной и сверху, с эстакады, посмотрела на узел смешения. Вниз, по железному трапу спускаться не стали, а пошли сразу к генеральному и просидели у него с час. Как только гости уехали, генеральный пригласил Полещука. Они поговорили без свидетелей минут десять. Полещук вернулся в цех, вызвал Михина и говорил с ним минуты три. Когда Эдуард Саввич вышел из тесного кабинета, его встретил вопрошающий взгляд секретарши.

— Не хотят, и не надо, — буркнул Михин неопределенно. — Нам с Людкой легче.

И пошел к себе.

Казалось, вопрос был закрыт, но к весне в одном уважаемом журнале появилась статья под названием «Гомункулусы в эпоху НТР». В ней говорилось, что нынешняя химия и физика

сделали реальностью то, о чем могли только мечтать естествоиспытатели в мрачную эпоху средневековья, когда не было ни ядерного синтеза, ни биологически активных веществ. И что достижения биотехнологии способны воплотить в жизнь давнишнюю идею гомункулуса, хотя, конечно, эмпирические результаты, полученные в городе Н., еще ни о чем не говорят и предстоит глубокий научный поиск, который, естественно… ну и так далее. Статью сопровождал комментарий кандидата наук. Случаи самоорганизации материи, писал кандидат, известны науке, и хотя вероятность их крайне мала, но и монета, падая, может стать на ребро. Нечто подобное, видимо, и произошло на химкомбинате, если, конечно, понимать монету не прямо, а фигурально.

В Н. еще не успели зачитать до дыр столичный журнал, как появилась другая статья, на сей раз в молодежной газете, уничтожающая сенсацию как ложную и вредную. Видный ученый, который входил в состав комиссии, заявлял без обиняков, что появление на свет Н-ских гомункулусов (это слово он взял в кавычки) относится к разряду невероятных событий, самоорганизация тут ни при чем, а невежественные спекуляции на эту тему открывают доступ в науку лжеученым с

их теорийками. В конце статьи, надо полагать, в полемическом задоре автор позволил себе аргумент, вряд ли уместный в молодежной газете: дескать, существует и другой способ продолжения рода, хорошо себя зарекомендовавший, каковой способ автор и рекомендует читателям.

Через несколько дней та же газета напечатала отклик на статью ученого, выдержанный в спокойном умиротворяющем тоне. Конечно, не надо раздувать сенсацию и законы природы незыблемы, но ведь событие на Н-ском комбинате зафиксировано как научный и производственный факт. Значит, что-то да было, и к этому следует отнестись с вниманием, чтобы не выплеснуть вместе с водой и ребенка. Так и было написано — ребенка.

Однако аргумент о старом способе продолжения рода оказался сильнее. Он не объяснял фактов, но вызывал смех. Михины тоже смеялись. А неделю спустя Эдуард Саввич потихоньку, никому не докладывая, принес домой два свертка. В одном был Максимка, в другом Оленька.

Сенсация еще какое-то время слабо тлела, а потом заглохла, забылась. Других дел нет, что ли?

Комбинат пустил новый цех биологически активных; узел смешения закупили по импорту, там все было хорошо выкрашено и герметично, конденсата на полу и быть не могло, а оксонитродициклопентадион выходил из аппарата под таким давлением, какое не выдержать ни одному гомункулусу. Михин обошел аппарат со всех сторон, пощупал с уважением и вернулся к себе. И очень вовремя, потому что концентрация опять начала скакать.

Вскоре после этого генерального взяли в министерство. А новым генеральным, к общему удивлению, назначили Полещука.

Теперь он не появляется на людях в подтяжках, а натягивает поверх них жилет. Несколько раз он принимал аппаратчика Михина. О чем они говорили, мы не знаем, и в нашем рассказе это самый серьезный пробел. Никаких данных с комбината больше не поступало, хотя семья Михиных потихоньку росла. Людмила уезжала на все лето к матери, а когда возвращалась, сообщала знакомым о прибавлении семейства. И никто толком не знал, то ли Михин нашел очередного младенца, то ли родила его Людмила обычным

способом.

Вот, собственно, и все о большой семье Михиных, живущей ныне в пятикомнатной квартире. И той, если по-честному, не хватает, потому что Эдуард Саввич нет-нет да и принесет из цеха пищащий сверточек. Правда, все реже и реже, потому что в старом цехе оборудование износилось. Да и Михин поостыл. Возраст все же, детей надо ставить на ноги, квартиру в порядок привести и на садовом участке работы сверх головы. Но что-то тревожит Эдуарда Саввича. Вот уйдет он на пенсию, и делу конец. То есть оксонитродициклопентадион и без него, Михина, выпускать будут, а эксперимент…

Прислали Эдуарду Саввичу нового помощника. Совсем молодой, но толковый, хватает все на лету. Михин долго колебался, прежде чем решил показать парню, как вывести процесс на тот редкостный режим, при котором происходят известные нам события. Помощник слушал внимательно, не перебивал. Помолчал и сказал Михину:

— По регламенту, Саввич, все сделаю, а на остальное времени нет. Я в вечерний техникум поступил, и жена у меня на сносях.

Огорчился Эдуард Саввич, но виду не подал. Оставил помощника у пульта, а сам по старой привычке пошел в курилку, разминая на ходу воображаемую папиросу.

В курилке обсуждались заводские новости.

— В том месяце, Полещук говорил, цех на реконструкцию поставят, а нас — кого куда.

Михин мысленно затянулся покрепче, поперхнулся, закашлялся, и слезы выступили у него на глазах.

№ 11

Геннадий Прашкевич

Кот на дереве

Фантастика

Кот на дереве

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Записки, публикуемые здесь в сокращении, принадлежат известному физику-экспериментатору И. А. Угланову, практическому исполнителю так называемой Малой Программы по установлению первых (односторонних) контактов с Будущим. Они написаны в мае 2001 года к шестидесятилетию выдающихся писателей современности Ильи Петрова (новосибирского) и Ильи Петрова (новгородского).

То и дело мне задают вопрос: почему почти одиннадцать лет мы не видим в печати новых произведений двух таких крупных писателей, как Илья Петров (новосибирский) и его однофамилец Илья Петров (новгородский)?

Читатели мира имеют право знать, что произошло с их кумирами. В день шестидесятилетия юбиляров я рад довести до всеобщего сведения, что слухи об отказе от литературной деятельности как Ильи Петрова (новосибирского), так и Ильи Петрова (новгородского) основаны на недоразумении. Оба писателя живы и здоровы, оба занимаются любимым делом. Что же касается их новых книг, то работа над ними никогда не прерывалась, хотя выход в свет планируется не ранее 2011 года. Эта дата указана самими писателями и никем не может быть изменена по причинам, на

которых я подробно остановлюсь ниже.

Я буду говорить чаще об Илье Петрове (новосибирском), но, разумеется, не потому, что ставлю моего друга выше его уважаемого новгородского коллеги. Просто Илья родился в той же деревне (Березовка, Томской области), где родился и я, долгое время мы ходили в одну школу, а потом много лет жили в соседних квартирах в новосибирском Академгородке. Это сближает.

В отличие от многих своих сверстников, я никогда не испытывал пристрастия к перемещениям в пространстве, то есть к тому, что называют путешествиями. Так получилось, что вся моя жизнь прошла в двух населенных пунктах, о которых я уже говорил. Подобный образ жизни ничуть меня не смущал. Если мне хотелось узнать, что едят в Нигерии или каким паромом легче попасть из Швеции в Данию, я всегда мог заглянуть к своему знаменитому соседу, другу детства и общепризнанному таланту Илье Петрову (новосибирскому) и получить от него самую точную информацию. Сам я считал путешествия тратой времени. Как ни далеко лежат от нас Египет или остров Пасхи, нет особых проблем добраться до их пирамид и каменных статуй. Иное дело заглянуть в Египет, но времен фараонов, или на остров

Пасхи, но времен создания ронго-ронго…

Меня мучительно трогала вроде бы доказанная учеными невозможность материальных перемещений во времени. К счастью, человеку упорному судьба благоволит. В те годы, когда мы с Ильей (новосибирским) бегали босиком по родным болотам, знаменитый математик Курт Гёдель уже создавал свою модель мира, в которой отдельные локальные времена никак не увязывались в единое мировое время. В будущей моей работе по созданию машины времени, ныне известной как МВ, эта точка зрения сыграла весьма важную роль. В мире, смоделированном Гёделем, путешествия как в Прошлое, так и в Будущее вовсе не выглядят чем-то необычным.

Это сближает.

Впрочем, я не собираюсь касаться специальных вопросов и популярно объяснять принципы работы МВ. Я хочу рассказать о причинах, заставивших надолго замолчать двух всемирно известных писателей.

Деревня Березовка была затеряна среди болот нижней Томи. Прямо за поскотиной начинались унылые трясины, которые, впрочем, ни меня, ни Илью не пугали. Именно там мы охотились на крошечных, но безумно вкусных болотных

куличков. Позже, в начале восьмидесятых, когда мы с Ильей давно жили в городе, кулички эти были поголовно уничтожены при тотальном осушении болот. А последнюю их парочку, таившуюся в кочкарнике, съел Эдик Пугаев, еще один человек, о котором мне придется много говорить в дальнейшем.

Наш земляк и ровесник, Эдик Пугаев всегда был щербат, оптимистичен и предприимчив. На его свадебном столе, поражавшем роскошью и изобилием, самым экзотичным блюдом оказались те два последних болотных куличка, которых Эдик самолично пристрелил в день перед свадьбой. «Таких птичек, — сказал он невесте, — нет больше нигде на земном шаре. Такой закуси не подают сейчас даже шейхам!»

Куличков Эдик хвалил не зря. Мы выросли на тех куличках. Наши мамы, потерявшие мужей на фронте, поощряли наши охотничьи инстинкты. Копаясь в нещедрых своих болотистых огородиках, постоянно думая, чем накормить детей, они ничуть не задумывались о судьбе бедных куличков, которых в наших болотах было не меньше, чем мошкары.

Равный возраст не означает равенства. Эдик Пугаев имел собственное ружье. Обшарпанное,

тяжелое, оно искупало все свои недостатки тем, что каждый выстрел приносил Эдику (в отличие от наших жалких волосяных петель) несколько птиц. Он мог даже приторговывать дичью и потому, не задумываясь, бил все, что могло летать, бегать и, главное, быть съеденным.

Для нас с Ильей, людей без ружья, хорошая жизнь ассоциировалась с книгами. В местной читальне хранилось с полсотни растрепанных томов, среди которых был лохматый зачитанный том Брема. Илья знал его наизусть. Он уверял, что сумеет моментально опознать любое попавшееся на глаза живое существо. Ему в голову не приходило, что можно прожить всю жизнь, так и не встретив на своем пути ни опоссума, ни котаманула. Кроме мошкары да куличков, все живое старательно обходило наши болота. Вот почему Илья вздрагивал от каждого выстрела. Волосяная петля еще куда ни шло, но дробь выкашивала из жизни десятки птиц. Когда я недоверчиво усмехался — у нас, дескать, этих куличков тысячи — Илья вскидывал свою птичью физиономию. «А бизонов в Северной Америке было несчитано! — кричал он. — А мамонты в Сибири паслись на каждом лугу!»

Тогда Илья и завел альбом, в который терпе-

ливо заносил все доходившие до него сведения о растениях и животных, обративших на себя жадное внимание эдиков. Сам того не зная, он создавал собственную Красную книгу, в которую, к моему удивлению, попали не только носороги Мерка и амурские тигры, но и наши кулички.

— Ты даешь, — не верил я. — Какие они вымирающие? Мы их лопаем каждый день, меньше их не становится!

Илья отвечал:

— Эдик!

Эта проблема — эдик и все живое — стала доминирующей в творчестве писателя Ильи Петрова (новосибирского). Глубже всего он раскрыл ее в романе «Реквием по червю». В будущем, писал Илья, окончательно установлено, что земная жизнь не имеет аналогов, и биомасса Земли есть единственная биомасса Вселенной. Исчезновение даже отдельной особи обедняет Вселенную. В романе Ильи люди объявляли всеобщий траур, если сходил со сцены жизни самый малозначительный червь. Герои Петрова (новосибирского) знали, по ком звонит колокол. И с тою же силой они умели торжествовать, когда в результате всеобщих усилий возвращался к жизни увядающий на глазах вид.

Это сближает.

Привлечь писателя к нашему эксперименту с МВ пришло в голову мне. Я никогда не умел перепрыгивать через ступени, а непременно должен был ступить на каждую. Вот я попадаю на своей МВ, скажем, в Новосибирск XXII века. А дальше? Я бы стал отвлекаться на мелочи: изменилась ли у людей походка, те же деревья на улицах или другие… Мне нужен был спутник в предстоящей вылазке, причем такой, что умеет из многого мгновенно избирать главное. То есть писатель.

Большой Компьютер остановил свой выбор на Илье Петрове. Его дублером он назвал Илью Петрова.

Родились Петровы в разных местах, но в один год. Их первые книги вышли одновременно. Случалось, письма, адресованные моему другу, попадали в почтовый ящик его однофамильца. Однако никто из них не собирался брать себе псевдоним. «Мы достаточно непохожи!» И действительно, непоседа Илья Петров (новосибирский) ничем не напоминал тучного новгородца, лицо которого чуть не до глаз покрывала роскошная рыжая борода. Мой друг то оказывался на Северном

полюсе, то летел в Новую Зеландию изучать тамошний фольклор; Илья Петров (новгородский) предпочитал проводить время в кресле.

В тот день, когда Большой Компьютер назвал имена — это было осенью 1990 года, — я толкнулся в дверь квартиры Петрова.

— Чем занят? — поинтересовался я.

Илья сердился. Не на меня, на своего новгородского коллегу. Его двойник вышел на ту же тему.

— Нет больше сил! — кричал Илья. — Когда я отправился в плавание по островам греческого архипелага, в шезлонге сидел Петров. Он дымил трубкой так, будто ему запрещают делать это в Новгороде!

— Ты несправедлив. Корабли достаточно просторны.

— Зато тесен мир. На том же корабле оказался Эдик.

— Пугаев? — удивился я. — Как он попал в Грецию?

— Решил посмотреть мир. Это его слова. Решил еще разок мир облапошить. Это мои слова.

Он рассказал мне об Эдике. Совсем недавно Эдик вернулся в родную Березовку.

В его кармане лежал диплом пединститута, а в дипломе липовая справка, подтверждающая

шестилетний стаж работы в различных сельских школах. Знал Илья и то, что на сберкнижке Эдика хранится неплохая сумма, заработанная в Новосибирске, где ему, по его выражению, шла пруха. Покончив с куличками, Эдик занялся интеллигентным делом — перепродажей книг. Позже, погорев на книжных спекуляциях (Дрюон, Дюма и Петровы), чудом отвертевшись от наказания, потеряв в житейских битвах свою вторую жену, Эдик разлюбил крупные города.

В Березовке цвели яблоневые сады. Давно ушло в прошлое голодное послевоенное время. Не было куличков, но это Эдика ничуть не волновало. Когда подвернулась возможность отправиться в качестве туриста к красотам греческого архипелага, Эдик терять ее не стал. Поездку можно окупить! Он еще не знал — как, но был уверен — можно.

— Самое ужасное, — сказал Илья, — что они подружились. Они подружились!

— Кто они?

— Эдик и мой новгородский коллега. У новгородца всегда был несносный вкус. К тому же он лентяй. После Стамбула он не сходил на берег, за новостями для него бегал Пугаев. Представляю, как будет выглядеть греческая повесть новгород-

ца. Даже на Коринф он смотрел глазами Пугаева.

— Не вижу повода для отчаяния, — заметил я.

— Но я работаю с тем же самым материалом! У нас с Петровым один герой! Один прототип!

— Вы что, сговорились?

Илья не слышал меня. Он проклинал Петрова. Петров — альтруист. Петров все испортит. Он постарается доказать, что у Эдика Пугаева есть душа. А души у Эдика нету.

Я понимал Илью. Я хорошо помнил Эдика. И никогда ничего такого в жизни не видав, отчетливо вдруг увидел бесконечную, невероятную голубизну Эгейского моря, стаи несущихся сквозь брызги летучих рыб и палящий жар сумасшедшего средиземноморского бассейна. Сквозь дымку пространства я разглядел худенькую фигурку своего друга — вот он спешит по эспланаде, где бородатые художники за пару долларов набрасывают моментальные портреты. И так же ясно я увидел Илью Петрова (новгородского), благодушно погруженного в бедекер — его любимое чтение. Рядом с его шезлонгом прямо на горячей деревянной палубе устроились ребята из Верхоянска или из Оймякона, они дорвались, наконец, до моря, солнца и пульки, начатой еще в Одессе. Иногда они поднимали коротко стриженные го-

ловы и не без любопытства спрашивали Петрова: а что это там за город? Он объяснял: «Это Афины, столица Греции. Туристов ведут в Акрополь». Или: «Это Ираклион, город на Крите. Туристов везут в Фест». — «Пусть едут, — одобряли ребята с полюса холода. — Город большой, красивый».

Поскольку путешествие в обществе Эдика Пугаева сыграло в дальнейшем не меньшую роль, чем модель Гёделя, я остановлюсь подробнее на вояже моих друзей в Грецию. Илья (новгородский) предпочитал шезлонг. Громоздкий, бородатый, он лениво листал бедекеры, поясняя ребятам с полюса меняющиеся пейзажи. В то же время Петров (новосибирский) являлся то на капитанском мостике, то на баке; он не пропустил ни одного городка. И везде рядом с ним маячила фигурка щербатого пузатенького человечка с большой кожаной сумкой через плечо. На палубе Эдик Пугаев ни на шаг не отходил от Ильи Петрова (новгородского), зато на суше становился тенью моего друга.

Воспитание не позволяло Илье лишиться тени. И когда Эдик просил своего знаменитого земляка подержать свою кожаную сумку (это обычно слу-

чалось при выходе в иностранном порту), Илья пыхтел, но в просьбе не отказывал. Стоило замаячить впереди таможенному пункту, как Эдик срочно вспоминал — он забыл в каюте носовой платок или сигареты — и передавал свою сумку писателю. Илье это не мешало. Таможенники, не обращая внимания на сумку, протягивали ему для автографа роман «Реквием по червю», изданный на новогреческом.

Эдик знал, чем он обязан писателю, и старался относиться к нему дружелюбно. Если, например, они садились отдохнуть в кафе на набережной, Пугаев не жалел сигарет, купленных в Одессе. Добрый жест требует ответных действий. «Что читаете, Эдик? — спрашивал Петров из вежливости. — Изучаете новый язык?» — «Зачем? — искренне удивлялся Эдик. — Я на родном всех перекричу». А на вопрос Ильи, как он, Эдик, относится к МВ (тогда о ней заговорили в печати), Эдик тоже ответил откровенно:

— А что мне до МВ? Ну, читал, это наш с вами кореш придумал, Угланов, я его по Березовке помню. Он все выпендривался, книжки читал. Залезет с книжкой на дерево, морда круглая, вылитый кот. Опять же, куличков моих жрал. Плакал, а жрал. А попроси я его сейчас прокатить

меня на МВ, он, небось, откажет.

— На МВ нельзя прокатиться, Эдик! Она передвигается во времени.

— Если хотите знать, — махнул рукой Эдик, — лучшее время это то, в котором мы живем.

Подозреваю, Илья терпел Эдика ради таких откровений.

А Петров (новгородский) обнаружил в Эдике совсем другие достоинства. Например, потрясающую зрительную память. Если Эдик бывал с Ильей (новосибирским) в знаменитом кабаке «Афины ночью» или в мрачных закоулках Пирея, если рассматривал на мраморных плитах храма Айя-София изображения дьявола и ядерного взрыва, он передавал все это Петрову (новгородскому) настолько зримо, что писатель только восхищенно комкал в руке свою кудрявую бороду.

Для самого Эдика, впрочем, все это было так, пустячки. В Грецию его привела мечта. Она начала приобретать формы еще в Стамбуле, когда Эдик впервые узрел место, где можно купить все. То был Крытый рынок, говоря по-турецки, — Капалы Чаршы.

Эдик растерялся. На Крытом рынке продавали зерно, джинсы, медные блюда, кофемолки, обувь, очки, рубашки, кейс-атташе, галстуки из Парижа,

пресный лед, оружие, золотые перстни, глиняную посуду — словом, все. Даже гараж, причем не где-нибудь на отшибе, а в центре, прямо у дворца Гёксу. И пока Петров (новгородский) листал бедекеры, а Петров (новосибирский) изучал музей Барбароссы, Эдик Пугаев, турист из Березовки, выпытывал у наивных турков, сколько стоит килограмм белого египетского золота и что можно получить за десяток простых карандашей фабрики «Союз». Он, Эдик, проблему в целом умел схватить не хуже Петровых, и я уделил ему столько места не из восхищения перед его коммерческими талантами, а потому, что и он повлиял в будущем на столь долгое молчание знаменитых писателей.

Я тоже участвовал в подготовке писателей к вылазке в Будущее. Петров (новгородский) сразу сказал: он не думает, будто нам удастся побывать действительно в другом мире. Более того, он боится, что мир 2081 года (а мы планировали именно этот год) гораздо больше будет походить на наше время, чем, скажем, наше время — на предвоенное. «По-вашему, мы мало меняемся?» — спросил я. Петров покачал головой: «К сожалению».

Совсем иное заявил мой друг: «Я готов прыгнуть куда угодно, — сказал он, — лишь бы убедиться, что там нет Эдика. Он снится мне пережевывающим последнего куличка, последнего слона, последнего бегемота. Моя повесть об Эдике будет мощным ударом по Эдику. Но ведь удар этот по персонажу! Боюсь, что Эдик неистребим, боюсь встретить его в Будущем. Лишь бы его там не было!»

К сожалению, греческую повесть Петрова (новгородского) мне прочесть не удалось. Я только догадывался, что альтруист Петров постарался исправить героя. Его Эдик, увидев лазурную бухту Линдоса и руины древних цивилизаций, конечно же, переродился. И в родную Березовку он привез не иностранные шмотки, а цветные альбомы по античному искусству, чтобы вечерами под сытое мычание коров рассказывать оторопелым землякам об олимпийцах и воинах, а также о паскудном Минотавре, немного похожем на племенных совхозных быков. Это сближает.

Совсем иначе подошел к трактовке прототипа мой друг. Верный идеям лаконизма, Илья Петров (новосибирский) начал свою повесть с емкой фразы: «У Эдика Пугаева была деревянная ложка». Рукопись он озаглавил «Ченч». Этим словечком

в южных странах называют всем известный натуральный обмен. Отдав деревянную ложку за живого слона, вы не совершаете мошенничества. Вы производите ченч. Просто вашему партнеру ложка нужнее слона.

Поразмыслив, Эдик остановился на автомобиле. Отсутствие валюты его не смущало. Главное — инициатива. В багаже Эдика ждали своей минуты пятьдесят карандашей ЗМ и 2М, семь расписных ложек и три плоских флакона с одеколоном «Зимняя сказка» — все вещи на Востоке, как известно, повышенного спроса. И пока голосили чайки, выпрашивая у туристов подачку, Эдик все больше и больше креп в убеждении, что делать ему дома без иностранного автомобиля просто нечего.

Начал он с Афин, где хозяйка крошечной лавочки отдала за расписную деревянную ложку десять одноразового пользования зажигалок «Мальборо». Зажигалки Эдик загнал за семь долларов ребятам с полюса холода: они не знали настоящих цен. А за те семь долларов Эдик купил два бледно-розовых коралловых ожерелья, которые в тот же день сплавил симпатичным туристкам из Чувашии за пять бутылок водки. Это была уже серьезная валюта. Имея ее, можно было

торговаться. «Семь долларов! — втолковывал ему на пальцах упрямый грек на Родосе. — Семь долларов и ни цента меньше! Ведь это настоящая морская губка!» — «Два, — упирался Эдик и показывал на пальцах: — Два. И не доллара, а два карандаша фабрики „Союз"».

Губка переходила к Эдику, а от него к ребятам с полюса холода.

Еще пять карандашей Эдик удачно отдал за чугунного похотливого сатира, но потом сообразил, что на таможне каждый чемодан просвечивают и никуда этого сатира не укроешь. Поэтому, улучив момент, он передал сатира за три деревянных ложки и два доллара впридачу стеснительной туристке из-под Ярославля. Дела вообще пошли так удачно, что Эдик сам немножко осатанел. Однажды, проходя мимо торговца цветами, он вдруг, без всякого повода, нацепил тому на грудь значок с изображением Винни-Пуха и вытащил из цветочной корзины самую крупную розу. Грек не возражал, а довольный Эдик в тот же вечер подарил розу девушкам из Саратова за обещание отдать ему на корабле бутылку водки, с которой они все равно не знали, что делать.

Для Эдика стало привычно отыскивать в толпе знаменитого земляка и вешать ему на плечо

кожаную сумку. Петрова ни одна таможня не тронет. Он знаменитость. А если вдруг и обнаружат в сумке водку, так он-то, Эдик, при чем? Он-то отобьется. Сумка моя, а водка не моя. Это Петров ее в сумку сунул. Пьет втихую, писатель!

В общем, Эдик не скучал. Хотя, бывало, и его схватывала тоска. Особенно в Микенах. Кругом голые горы. Ни речки, ни озера, ни поскотины, ни магазина. Трава выгорела, деревья кривые. Весь город — каменные ворота да колодец. Тоска!

Эдик не хотел жить в Микенах. Он мечтал о Стамбуле. «Тойота» из его рук не уйдет! Эдик сидел на юте и мечтал. Там, на Крытом рынке, его ждал самый иностранный автомобиль…

На этом рукопись Петрова (новосибирского) обрывалась.

— А автомобиль? — хотел я знать. — Привез Эдик автомобиль?

Илья взъярился. Напишешь о людях достойных — ни одного вопроса. А как негодяй, так вопросов тьма.

— Не преувеличивай, — возразил я. — Твоя склонность к преувеличениям известна. Как там дальше сложилось у Эдика?

— Оставь! Мы собираемся в Будущее, нам нельзя говорить об Эдике. Он как грибок. Сама мысль

о нем заразна. Каждого из нас лет на семь надо бы поместить в интеллектуальный карантин, чтобы мы не завезли в Будущее самую память об Эдике!

— Ладно, — успокоил я Илью. — Совершенно уверен, что люди Будущего будут читать «Реквием по червю», а не этот «Ченч».

— Я был бы рад, — сказал Илья, — если бы об этом поедателе куличков забыли уже в следующем веке. О куличках забыли, а Эдик процветает. Где справедливость?

Вечером 15 сентября мы уходили в Будущее.

Оба писателя явились в одинаковых шляпах и одинаковых плащах, хорошо продуманных нашими модельерами. Выбор на участие в первой вылазке пал на моего друга. Новгородец не обиделся. Он с удовольствием погрузился в кресло.

— Эта штука не исчезнет? — спросил он, указывая на МВ, торчавшую посреди зала.

— Еще как исчезнет, — хмыкнул Илья. — И Угланов исчезнет, и я. Это больно?

— Не волнуйся, — успокоил я друга. — Действие МВ лежит вне механики. Мы просто попадем в Будущее. Оно будет столь реально, что там запросто можно набить шишку на лбу. Поэтому — никаких

вольностей, никаких контактов! Если тебе зададут вопрос, пробурчи что-нибудь вежливо, но сам бесед не затевай. Твое дело — прислушиваться, запоминать. Случайные фразы, анекдоты, даже разговор о погоде — нам интересно все! Попробуй осознать, уловить саму атмосферу. Ведь это Будущее, которое создавали мы.

…странные, без форм, фонари, даже не фонари, а радужные пятна мерцающего светящегося тумана, плавали в рыжей дубовой листве. Нигде не раскачивались бесконечные, закопченные, скучные, как сама скука, троллейно-трамвайно-электро-телефонные сети, та тусклая мертвая паутина, которая в конце XX века оплела все материки. Илья удивился: лужи! Казалось, он продолжал спор со своим новгородским коллегой, оставшимся сейчас глубоко под нами.

Саму МВ мы оставили в зарослях сирени. Ее кусты были везде, и, странно, мы не видели ни одного здания. Наверное, наш институт давно перенесли в какое-то другое место, не говоря уже об одноэтажных домиках, что когда-то стояли здесь. Илья толкнул меня локтем и почему-то шепотом спросил: может, мы забежим к писателю

Самохину? Тут рядом его дача.

— Очнись! Какие дачи? Это же другой век.

— Ну, не дачи, так Обь, — нервно запыхтел Илья. — Взглянем на Обь. Трудно без привычных ориентиров. Город можно перестроить, город можно даже снести, а реку не снесешь.

— Люди, Илья, нам нужны люди!

С местом нам повезло. В густом и пустынном парке легче сойти за своих. Ну, бредут себе два уже не молодых человека. На обоих плащи, приятно шуршит мелкий, совсем не осенний дождь… И в этот момент первого прочувствования до нас донесся неясный механический звук и многочисленные голоса.

— Пикник? — спросил я Илью.

Он пожал плечами. Он был растерян и удивлен. Глянув под ноги, на ту плотную шершавую массу, что заменяла тут асфальт, я сразу понял причину его растерянности. Все дорожки вокруг были исчерканы веселыми цветными мелками. Ждем у эдика! Приходи к эдику! Мы у эдика! Неизвестный нам эдик, пусть его имя и писалось с маленькой буквы, был популярной личностью. Где он принимает такую прорву народа?

Мы развеселились: к плохому человеку не пойдут. Пусть эдик. Нам приятна была добрая

трансформация этого имени.

В той стороне, где, по нашим предположениям, находился Академгородок, вдруг вознеслись в небо ракеты. Огни расцветали, как чайные розы, и шум толпы стал слышнее и ровнее.

— Что они выкрикивают? — не понял я.

— Галлинаго!

— Что это?

Илья пожал плечами. Мы в Будущем, говорил этот жест. Не в том, в которое мы все попадем, теряя здоровье и годы, а в том, куда ты меня затащил. И ты ждешь от меня объяснений?

Нас обгоняли то девушки в разноцветных плащиках, то рослые юнцы в пестрых шортах. Попадались люди и пожилые. Плащи на них напоминали наши, и мысленно мы поздравили наших дизайнеров. Никто на нас внимания не обращал, мы шли себе, пытаясь понять — куда они спешат? Кто-то напевал, кто-то от нетерпения пританцовывал, и все они ни с того ни с сего начинали вдруг с восторгом скандировать:

— Галлинаго! Галлинаго! Галлинаго!

Вынырнул из толпы и восхищенно уставился на Илью веселый кореец. Губы его шевелились, проговаривая быстро все то же слово, в поднятой над головой руке он держал книгу. А когда мимо

нас, хохоча, пронеслась юная парочка, Илья не выдержал, выкрикнул, по-птичьи полузакрыв глаза:

— Галлинаго!

— Он опять с нами! — весело и в голос ответила парочка.

— Ты писатель, — шепнул я Илье. — У тебя богатый запас слов. Ищи смысл этого галлинаго!

Илья запыхтел. Нечего и понимать — галлинаго опять с нами. И ускорил шаг, чувствуя себя в толпе уже своим, улавливая скрытое ее движение. А затем я увидел и предмет его интереса — книгу в руке корейца. И вдруг Ильи остановился:

— Вспомнил!

— Что вспомнил?

— Буро-черная голова, — цитировал Илья. — По темени продольная широкая полоса охристого цвета. Спина бурая, с ржавыми пятнами. Длинный острый нос. Ноги серые, длинные, с зеленоватым отливом. Гнездится по болотам… Ну и память! Я даже помню, с чем мы его ели.

— Кого?

— Галлинаго. Галлинаго галлинаго Линнеус. Не водись они в наших болотах, мы, может, и не выжили бы.

— Галлинаго — это болотные кулички?

— Разумеется. Те самые, которых доел Эдик.

Ликующая толпа уже вынесла нас на круглую, прогнутую вниз, как воронка, площадь, и там, над этой площадью, в самом центре ее, над тысячами праздничных лиц, обращенных к небу, мы увидели монумент, над которым переливались невесть как высвеченные в небе слова: ГАЛЛИНАГО! ОН ОПЯТЬ С НАМИ!

Каменный щербатый человечек в каменной кепочке. Каменные глаза, прикрытые стеклами солнечных очков с крошечным, но хорошо различимым каменным фирменным ярлычком. Каменный зад, горделиво обтянутый каменными джинсами.

Посреди площади возвышался Эдик Пугаев.

Нет, это был не просто Эдик. Это было полное крушение всех надежд Петрова. Я видел это по изменившемуся лицу Ильи. Он, Эдик Пугаев, — читал я по лицу Ильи, — он вновь обошел человечество в его вечном беге к счастью и совершенству. И теперь он, Эдик Пугаев, — читал я по изменившемуся лицу Ильи, — окончательно торжествует над нами.

Но так ли? Торжествует ли? И к чему эта легкая асимметрия, к чему этот бросающийся в глаза перебор всего того, что нормальным людям да-

ется строго в меру? И почему вспыхнули в небе новые слова?

Тип — хордовые.

Подтип — позвоночные.

Класс — млекопитающие.

Отряд — приматы.

Семейство — гоминиды.

Род — гомо.

Вид — сапиенс.

Имя — эдик.

Имя героя, понял я, не пишут с маленькой буквы. Оно заслуживает большего. Значит, что-то тут не так. Значит, я чего-то еще не понял. А Илья уже веселился взахлеб и хохотал откровенно. И над каменной головой эдика пылали слова:

Ты ел сытнее других!

Ты одевался красивее других!

Ты имел больше, чем другие!

Ликующая толпа замерла, слилась в единое и живое тело, противостоящее холодному монументу. Я чувствовал свою слитность с толпой, я был теперь ее частью, а потому не неожиданность, а радость несли для меня слова, взорвавшиеся в воздухе над эдиком:

НО МЫ СПАСЛИ ГАЛЛИНАГО!

И я успокоенно вздохнул. Если эдик и прорвался в Будущее, то вовсе не в том качестве, о котором он мечтал.

— Твоя работа? — спросил я торжествующего Илью.

— Возможно.

— Почему «возможно»?

— Не забывай о новгородце, он работает над тем же прототипом! — Илья ткнул пальцем в сторону монумента. — И я еще не дописал рукопись. Скажи лучше, где тот человек?

Он спрашивал о корейце. Не меньше, чем эдик, его потрясла книга. Он был уверен, что это пу-

теводитель. Местный житель не потащится к эдику с путеводителем, только приезжий. Илья считал, что этого корейца послала ему сама судьба и, как нарочно, из толпы, пританцовывая, вновь появился кореец. Илья хлопнул корейца по крепкому плечу: — Галлинаго, да? — О, да, Галлинаго! — Утерли нос эдику, да? — Еще бы, утерли!

Илья потянул книгу из руки корейца, но тот ее не выпустил, прижал к себе, и я вдруг понял, что каким-то десятым чувством этот кореец почувствовал в Илье другого, не такого, как он, человека.

Илья и сам все понял. Одним движением он вырвал книгу из рук корейца и бросился бежать, смешно выбрасывая в сторону ноги. Но мне было не до смеха. Только что я радовался вместе со всеми — эдику утерли нос, галлинаго спасен, галлинаго опять с нами! — а сейчас меня леденило предчувствие катастрофы. Зачем Илья схватил книгу? Книга сближает — да, но не разбоем взятая книга!

До МВ, спрятанной в кустах сирени, оставалось десять шагов. Сейчас Илья сделает эти шаги, и материальный объект из Будущего окажется не в своем времени. Я не мог этого допустить.

— Выбрось немедленно! — орал я.

— Но почему? — пыхтел он. — Я имею на нее право!

— Выбрось! Здесь нет ничего твоего. Здесь все принадлежит внукам.

— А кому они обязаны? — пыхтел Илья. — Кто строил для них Будущее? Кто его для них предугадывал?

И стены капсулы уже бледнели, истончались, и зеленая радужная дымка затягивала сияющее огнями небо, и глуше доносился до нас праздничный рев толпы, торжествовавшей над эдиком. Отчаянным рывком я вырвал книгу и выбросил ее из капсулы. В сжатых пальцах Петрова остался лишь кусок суперобложки. И почти сразу МВ вошла в наше время.

Илья не оправдывался. Он сидел за столом рядом с Петровым (новгородским) и молча смотрел на Председателя.

— Прецедент создан, — сказал Председатель. — В наши руки попал предмет из другого времени. Это обрывок суперобложки. На нем портрет автора, к сожалению, далеко не полный, можно лишь видеть часть совершенно лысой головы. Тут же год издания — две тысячи одиннадцатый

— и отрывок текста, довольно информативный. Читаю: «…и теперь эдик стоит над городом как великое и вечное не прости, завещанное нам классиком мировой литературы Ильей Петровым…»— Председатель поглядел на Петровых и добавил: — Кто-то из вас будет радовать читателей и в конце века следующего.

И замолчал. Растерялся. Осознал проблему, порожденную таким поворотом дел.

— Судя по обрывку аннотации, — виновато запыхтел Петров (новосибирский), — герой книги столь же нарицателен, сколь и отрицателен. Видимо, кто-то из нас, я или мой новгородский коллега, неплохо потрудился над созданием типа, ужаснувшего окружающих. Вина моя кажется мне легче, когда я думаю о том, что люди Будущего научились возрождать утерянные из-за эдиков живые виды, а, значит, биомасса Земли, а с нею и всей Вселенной больше не уменьшается.

Поднял голову и новгородец:

— Я думаю сейчас о парадоксе авторства. И полагаю, что книга эта скорее всего написана моим коллегой. В своем варианте повести я еще не дошел до столь отчетливо выраженной идеи. И боюсь, подсказка из Будущего мне помешает. В этом смысле я огорчен результатами экспе-

римента.

— А соавторство? — быстро спросил Председатель.

— Исключено, — вмешался я. — В аннотации указан один автор.

Случись иначе, я не позавидовал бы герою. В первой главе, пиши ее новосибирец, Эдик Пугаев, несомненно, выменял бы за пару матрешек самый большой минарет мечети Султанши-матери, чтобы во второй главе, пиши ее новгородец, полностью раскаяться и посвятить себя проблеме славян на Крите, с тем чтобы в третьей главе, пиши ее мой друг, в приступе злостного рецидива заполучить в свои руки знаменитый фестский диск и тут же обменять его на килограмм дешевого белого золота и четыре бочки розового кипрского вина, которое он, Эдик, в четвертой главе, пиши ее новгородец, вылил бы в лазурные воды Средиземного моря.

— Мой коллега прав, — сказал Петров (новосибирский), — искусство не нуждается в подсказках. Но мы имеем дело не с фантомами, а с реальным миром.

И значит, пора за дело.

В кабинете стояла тишина.

— Не надо думать, — сказал наконец Председа-

тель, — что наш эксперимент не дал результата. А убедительное торжество над эдиком — разве этого мало? Доверимся времени и начнем работу. С этой минуты все маршруты МВ закрываются вплоть до две тысячи одиннадцатого года, пока не выйдет в свет… — он поколебался, отыскивая нужное определение и нашел его: —…книга Ильи Петрова.

И все мы думали о том же: кто, кто, кто написал эту книгу?

Вы вправе и мне задать этот вопрос. Но, как и Председатель, я не отвечу. Ответить могут только сами Петровы. Мы не видим их новых произведений, но они над ними работают. Им сейчас нужны очень веские слова — такие, чтобы люди Будущего могли принять их. Ведь я сам видел праздник возвращенного болотного куличка, я сам видел монумент эдику, который не успел ни перепродать, ни пожрать окружавшую его биомассу планеты.

Исходя из сказанного выше, я повторяю: слухи об отказе от литературной деятельности как Ильи Петрова (новосибирского), так и Ильи Петрова (новгородского) основаны на недоразумении.

Оба писателя живы и здоровы, оба занимаются любимым делом.

Каждое утро я слышу за стеной, в квартире моего друга, стрекот пишущей машинки. Иногда Илья заглядывает ко мне. Он ходит из угла в угол, проборматывает приходящие в голову фразы, а то показывает фотографии, которые иногда получает из Новгорода. «Смотри, — посмеивается он. — Я работаю, а этот черт лысеет!» Сказав так, Илья проводит ладонью по густой шевелюре и ворчит: «Если так пойдет и дальше, придется обриться наголо…»

Однажды Илья рассказал мне притчу о лисе и коте.

Лиса знала тысячу разных уловок, кот только одну. При первом признаке опасности он мгновенно взбирался на дерево. Лиса посмеивалась над котом. Но когда завыли, зарыдали где-то рядом злобные охотничьи псы, лиса растерялась — какой уловкой воспользоваться? А кот, он уже сидел на дереве.

Если считать работу единственной достойной уловкой писателя, то с Петровыми все обстоит нормально. Оба на дереве.

Вы говорите: ах, две тысячи одиннадцатый! Вы говорите: ах, как не скоро! Но молчание писателя

— его воля. А любовь к шедеврам предполагает терпение. Человек, заглянувший в Будущее, спешить уже никогда не будет. Может, он и не подглядел никаких подсказок, может, он и не увидел ответа на свои вопросы, но спешить он не будет. Время летит быстрей, чем нам бы того хотелось. Время движется медленней, чем того хотелось бы Петровым. Но оно течет, не задерживаясь ни на секунду. Оно постоянно течет.

Это сближает.

№ 12

Юрий Брайдер, Николай Чадович

Поселок на краю Галактики

Фантастика

Поселок на краю Галактики

Юрий БРАЙДЕР, Николай ЧАДОВИЧ

Стояло странное лето.

Женщины носили платья, сшитые, словно костюмы средневековых шутов, из разноцветных асимметричных лоскутьев. В июне холодные ливни положили рано вышедшие в трубку хлеба; весь июль бушевали ураганы, как спички ломая дубы и вязы, помнившие времена Яна Собесского; в первых числах августа навалилась тропическая жара.

Ходили слухи о всяких недобрых знамениях: кровавой росе на лугах, говорящем волке, якобы поселившемся в Курином овраге, крылатом мальчике, родившемся на отдаленном хуторе. В дачном пруду утонул инструктор по плаванию, водители гробили машины в безобидных ситуациях, всем известный борец с безнравственностью дед Трофим был уличен в мелком хулиганстве.

Гороскопы и прогнозы Гидрометцентра не обещали ничего хорошего.

Лишь участкового инспектора Баловнева все эти необъяснимые события до поры до времени обходили стороной. В положенный срок он получил очередное звание, поощрялся в приказе начальника райотдела и был представлен к медали «За безупречную службу» третьей степе-

ни. В памятный полдень 15 июля, за несколько минут до того, как на поселок обрушился самый разрушительный из ураганов, он по служебным делам оказался возле колхозного зернохранилища. Увидев, что ясный день с неестественной быстротой превращается в мутные сумерки, а с юго-востока, гоня перед собой растерзанные голубиные стаи, валит глухая серо-фиолетовая мгла, Баловнев вышел из-под защиты стен и, обеими руками придерживая фуражку, смело двинулся навстречу стихии.

Заглушая нарастающий вой, сзади что-то оглушительно треснуло. Точно на то место, где минуту назад стоял участковый, рухнула гнилая кровля зернохранилища.

В своем кабинете на опорном пункте правопорядка Баловнев бывал редко — только в приемные часы, да еще по утрам, когда полагалось звонить в райотдел. Доложив дежурному о происшествиях на участке, он извлек из письменного стола общую тетрадь, на обложке которой было написано: «Журнал наблюдений». Первым делом Баловнев внимательно перечитал сделанную накануне запись:

«27 августа. 18.45. С расстояния примерно 1 км наблюдал псевдочеловека, который через колхозный сад двигался по направлению к маслозаводу. Дальнейший маршрут проследить не удалось».

Подумав немного, Баловнев дописал: «Находившиеся вместе со мной дружинники, по их словам, ничего подозрительного не заметили».

После подвальной прохлады кабинета окунаться в пыльный уличный зной было особенно мучительно. На заборах сушилась скошенная картофельная ботва, куры разгребали грядки, освобожденные от лука и огурцов, под кустом крыжовника млел здоровенный котище. В отделении связи было пусто. Сидевшая за деревянным барьером худенькая остроносая женщина при виде участкового стала лицом белее своих конвертов. Баловнев сдержанно поздоровался и принялся заполнять телеграфный бланк.

«Москва. Президиум Академии наук. Срочно прошу выслать авторитетную комиссию для выяснения причины появления загадочных человекообразных существ…»

— Валерий Михайлович, — сказала почтовая барышня, обреченно глядя в пространство, — не буду я это передавать. Что хотите делайте, а не буду. В первый раз, когда вы такое написали,

аппарат сломался. В другой раз электричество пропало. А в прошлом месяце, помните, я уже печатать начала, когда про моего Витеньку из больницы позвонили. — Она всхлипнула. — Только вчера выписался…

— Ладно, — сказал Баловнев и спрятал телеграмму в нагрудный карман. — Может, когда в другой раз зайду.

Окна поселкового Совета были плотно зашторены. Председатель — мужик молодой и быстрый в движениях, с институтским значком на лацкане пиджака — разговаривал по телефону, не переставая строчить какую-то бумагу. Телефонный разговор состоял почти из одних междометий.

— Да… Да… Хорошо… Ого!.. Нет… Обеспечим… Нет… Решим… В кратчайший срок… Да… Приму меры… Да… Сложные климатические условия… Да… Обложные дожди… Что? — Он глянул в окно, сквозь шторы на котором пробивались ослепительные, почти лазерные лучи. — Говорю, кончились дожди. Сушь! Зерно в валках пересыхает… И вам всего доброго!

Рука его еще не донесла трубку до аппарата, а взор уже обратился на застывшего в дверях Баловнева.

— Ты по какому делу? Насчет антисанитарии?

Давай, пиши протокол.

— Нет, — слегка замялся Баловнев, — тут такой вопрос… Я вам уже однажды говорил, — ну, про этих… подозрительных, которые под людей маскируются. Не наши они…

— Конечно, шпионы иностранные. Рецепт бутербродного масла хотят выкрасть! Почему кроме тебя их никто не видит?

— В том-то и загвоздка. Надо, чтобы вы от своего имени наверх обратились.

— Вопросом этим занимались. Не подтвердились сигналы. В глупое положение себя ставишь. Подумай хорошенько. Разберись. Может, туристы они или геологи.

— Нет. Не люди. Голову даю на отсечение.

— Ты документы у них спрашивал?

— С хорьком легче беседовать. Не успеешь рот раскрыть, а их уже и след простыл.

— Что — быстро бегают?

— Да нет, еле ходят. Как медведи в цирке. Но не поймаешь. Объяснить не могу.

— Фотографировать пробовал?

— Пробовал. Ничего не вышло. То пленка засвеченная, то проявитель не тот, то еще что-нибудь.

— И никаких следов?

— Кое-что есть. Одного я недавно к забору при-

жал. Возле депо. Забор там, помните, — метра три высотой. Деваться ему некуда было. А все равно ушел. Но в щелях забора вот это осталось.

Баловнев развернул бумажку, в которой лежала щепотка светло-серого, очень мелкого порошка, похожего на металлические опилки.

— Таких улик я тебе знаешь сколько найду! — Разговор этот уже стал надоедать председателю. — Я по убеждению материалист. Привык своим глазам верить. Ничего такого, о чем ты говоришь, ни разу не замечал. Посмешищем быть не хочу и тебе не советую. Да, вот еще что. Звонили из отдела культуры. Завтра к нам лектор приезжает, писатель-фантаст. Ты вечерком загляни в клуб. Насчет порядка поинтересуйся… и вообще… спроси совета. Уж он-то разглядит! Фамилию я на бумажке записал, на вот, возьми.

— Не обещаю, — сказала заведующая библиотекой. — Хотя произведения этого писателя в нашем фонде имеются. Но на фантастику сейчас такой спрос!

Однако вопреки ее опасениям толстая, как кирпич, книга оказалась на месте. Судя по незатертой обложке, бестселлером у местных читателей она

не слыла.

Баловнев засел за чтение с такой же добросовестностью, как если бы перед ним оказался уголовно-процессуальный кодекс. Книга повествовала о том, как профессор Сибирцев, космонавт Волгин, девушка Валя, пионер Петя и собачка Тузик отправились в путешествие к планете Плутон. Поводом для экспедиции явилось смелое предположение профессора, что всем известный храм Василия Блаженного является не чем иным, как памятником, оставленным на Земле инопланетной цивилизацией. В пути отважные звездоплаватели совершили множество замечательных открытий, а со встречного астероида сняли малосимпатичного гражданина неопределенного возраста. Как выяснилось впоследствии, это был диверсант из заморской страны Бизнесонии и одновременно секретный агент кибернетических феодалов с планеты Элц. Воспылав черной страстью к чистой девушке Вале, он тут же принялся творить всякие козни, однако стараниями пионера Пети и песика Тузика был разоблачен в середине третьей части. Роман заканчивался тем, что электронные тираны с планеты Элц потерпели сокрушительное поражение, профессор блестяще доказал свои

гипотезы, космонавт Волгин и девушка Валя сочетались законным браком, а пионер Петя без троек закончил пятый класс (хотя, согласно теории относительности, должен был отстать от своих одноклассников по крайней мере лет на сто).

Баловневу книга понравилась простотой языка, увлекательностью интриги и глубоким раскрытием характеров, в том числе Тузика. Абзацы, где речь шла о гравитационном распаде, кривизне пространства-времени и мезонных полях, он пропустил.

Следующий день Баловнев начал с обхода криминогенных точек, главной из которых числилась местная пивная.

Внутри ее пахло кислым пивом и недавней дезинфекцией. С потолка свисали усеянные дохлыми мухами липучки и кованые светильники. Буфетчица Анюта в криво напяленном фиолетовом парике бойко отпускала товар. В поселке она была известна необыкновенной жадностью. «За копейку жабу сожрет», — говорили о ней. Лицевые мышцы Анюты давно утратили способность следовать за движениями души и могли приобретать лишь три выражения: холодное презрение,

сатанинский гнев и липкое подобострастие. В данный момент на ее лице имело место выражение номер три, средней степени интенсивности.

— Может кружечку, Валерий Михайлович?

— Нет, спасибо. — Баловнев сглотнул тягучую слюну. Он знал об Анюте немало, но главная их схватка была впереди. Сейчас они вели почти светский разговор, словно дипломаты противоборствующих держав накануне конфликта. — Ты мне вот что скажи. Сюда никто из посторонних не заходит? Такой, странного вида… будто не совсем нормальный.

— А тут все ненормальные. Только по сторонам мне глазеть некогда. Народ такой пошел, не зазеваешься. Вчера старый гривенник хотели всучить, ироды!

Едва выйдя на крыльцо, Баловнев сразу ощутил тревожное томительное чувство, от которого кровь начинала стучать в висках и пересыхало во рту. Сколько Баловнев себя помнил, это острое, почти болезненное ощущение всегда сопровождало его в жизни, помогая в раннем детстве успешно ускользать от готовящейся головомойки, позже — предугадывать коварные замыслы преподавателей, а потом, уже в милиции, безошибочно находить в толпе человека, меньше

всего такой встречи желающего.

Кучка хорошо известных ему пьянчуг покуривала за штабелем пустых ящиков, обсуждая свои нехитрые делишки, а немного в стороне от них, там, где начиналась спускавшаяся в Куриный овраг тропинка, торчала еще какая-то фигура. Даже издали была заметна неестественная посадка головы, нечеловечески прямая спина и негнущиеся, чугунные складки одежды, составлявшей как бы единое целое с владельцем. Однако никто из присутствующих не обращал внимания на странное существо, что в общем-то было характерным для этой среды, все мысли и побуждения которой замыкались в узком круге проблем. Заметив приближающегося участкового, они без лишней суеты, по одному, по двое, стали рассеиваться в разные стороны. На месте остался только известный хулиган и пьяница по кличке Леший.

— Кто это был тут с вами? — спросил Баловнев, глядя туда, где только что маячило несуразное и зловещее чучело.

— Не знаю, — дерзко ответил Леший. — В стукачи к тебе еще не записался.

Преследовать «чужинца» — так издавна называли в этих краях всех, кто приходил не с добром (и так мысленно нарек для себя эту нелюдь Ба-

ловнев) — не имело смысла. В густо заросшем бузиной и диким шиповником овраге могла скрытно сосредоточиться пехотная рота. Приходилось довольствоваться малым.

— Пойдешь со мной, Лешков. Давно пора на тебя акт за пьянку составить…

На лекцию собралось человек тридцать, в основном из местного общества книголюбов; билеты им навязали в качестве приложения к двухтомнику Зощенко. Еще нагрянули ради такого случая члены клуба любителей фантастики из областного центра. Некоторые держали в руках папки с романами собственного сочинения.

Сам писатель — упитанный мужчина с козлиной бородкой и благостным выражением лица — уже мыкался на сцене.

— Что-то… кхе-кхе… негусто сегодня, — обратился он к залу. — Когда я эту лекцию в Сарапуле читал, желающие на стадионе не уместились. Тем не менее — приступим!

Хотя Баловнев полтора часа добросовестно напрягал внимание, лекция прошла мимо него. Ухватить ее смысл было так же трудно, как голой рукой поймать угря. Говорилось о египетских

пирамидах, календаре майя, Бермудском треугольнике, реликтовом излучении и о многом другом, факты были перемешаны с путаными свидетельствами и вольными домыслами. Публика ахала, охала и рукоплескала, будто сам лектор наблюдал высадку инопланетян в бразильской сельве. Когда наступило время задавать вопросы, таковых почти не оказалось. Книголюбы молчали, подавленные известиями о скором прибытии на Землю зеленых человечков, а доморощенных фантастов интересовали больше секреты литературного процесса и размеры гонораров.

Баловнев вызвался проводить писателя до гостиницы, где того ожидала койка в восьмиместном номере.

— Что нового пишете? — вежливо осведомился он по пути.

— Организационная работа, знаете ли, отнимает уйму времени. Да и темы хорошей нет.

— Есть тема, — внутренне холодея, признался Баловнев.

— Что вы говорите! — снисходительно усмехнулся гость. — Тоже фантастикой занимаетесь?

— Нет. Тема из жизни. Понимаете, бродят здесь какие-то странные… Не то люди, не то нет. Человеческий облик у них — одна видимость. Голова

редькой. Бывает, что и носа нет. Одежда — вроде как шкура на звере, приросла к ним. Но что самое интересное, кроме меня их никто не замечает. Я уже и письма писал в научные учреждения, и телеграммы за свой счет давал.

— Ну и что же? — без особого интереса спросил писатель.

— Выезжали комиссии. И опять чертовщина! То все в дороге гриппом заболеют, то мимо нашей станции проедут. Нет, кое-кто был, но впустую. А только уедут — эти твари тут как тут. Из всех щелей лезут.

— Тема неплохая. Хотя что-то похожее уже было. У Шекли, кажется, а может, у Саймака.

— Да я вам истинную правду говорю! Мне совет нужен — как дальше быть.

— Вы это серьезно? — Писатель остановился. — А при гостинице есть ресторан? Разговор может долгий получиться.

— Есть ресторан. Без подачи.

Писатель заскучал.

— Да, я понимаю, — сказал он непонимающе. — Что же вам посоветовать? Случай, знаете ли, уникальный…

— А может, останетесь на денек? Вместе и разберемся.

Писатель испуганно оглянулся по сторонам, словно ища путь к спасению.

— Извините. — Внезапно Баловнев потерял интерес к разговору. — Спасибо за лекцию.

— До свидания, — с явным облегчением вздохнул писатель. — Вы этого близко к сердцу не принимайте. Никто к нам не прилетит. Пуста Вселенная. Авторитетно вам заявляю.

До райцентра Баловнев добрался самым быстрым и удобным транспортом — попутным молоковозом.

Пятиминутка в райотделе милиции началась ровно в девять. Начальник говорил короткими, точными, почти афористическими фразами и часто шутил, не улыбаясь. По правую руку от него сидел только что назначенный заместитель — молодой, но уже начинавший лысеть со лба капитан. Стоило начальнику умолкнуть, как он старался вставить свое слово, при этом торопился и резал общими фразами. Начальник, словно защищаясь, поднимал руку с растопыренными пальцами и миролюбиво говорил:

— Ты подожди, подожди…

Баловнев терпеливо слушал.

— Вопросов нет? — спросил начальник. — Тогда идите. И не забывайте, что на нашей территории может появиться вооруженный преступник Селезнев, совершивший убийство в соседнем районе. Убил кассиршу в магазине канцтоваров и взял выручку, шестьдесят рублей. Все… Баловнев, задержитесь.

Пока начальник подписывал рапорты и приказы, Баловнев пытался вспомнить, не водится ли за ним какого-нибудь грешка. Начальник никого к себе по пустякам не вызывал.

— Как обстановка на участке? — спросил он наконец.

— Нормально.

— Зерновые убрали?

— Процентов на девяносто.

— Хищений не было?

— Нет. На каждом зернотоке сторож. Каждую ночь проверяю.

— Ну а эта… нечистая сила?

— Без сдвигов, — вздохнул Баловнев. — Нечистая сила имеется.

— Послушай, Баловнев. По службе к тебе претензий нет. На участке порядок, раскрываемость высокая, личные показатели неплохие. Но фантазии твои… Знаешь, как тебя люди зовут?

— Знаю. Инопланетянин.

— Вот-вот. Недавно я говорил о тебе в отделе кадров. Относительно выдвижения на оперативную работу. А зональный инспектор отвечает: «Это тот, у которого черти на участке?» Понял?

— Понял, товарищ майор. Только не черти они вовсе.

— Сомневаться в тебе, Баловнев, я не имею причин. Но пойми, не подтвердились твои сигналы! Это раньше, если сюда командированный из Минска приезжал, на него сбегались смотреть. Теперь кого только нет в районе. Иностранные студенты свинокомплекс строят, у дочки агронома в прошлом году негритенок родился.

В дверь постучали. Вошел дежурный с листком бумаги в руках.

— Позвонили с железнодорожной станции, — доложил он. — У одной гражданки сумочку похитили с деньгами. Желтого цвета, кожаную, на длинном ремне.

— Вызови ко мне кого-нибудь из уголовного розыска, — сказал начальник. — Ты, Баловнев, можешь идти. Кстати, подстричься тебе пора. Что за участковый с кудрями!

В единственном кресле маленький парикмахерской девочка-практикантка возилась с рыжим верзилой. Баловнев повесил фуражку на крюк и стал ждать очереди. Минут через пять девочка, критически осмотрев свое творение, похожее на сорочье гнездо, ледяным голосом спросила:

— Освежить?

Не дождавшись ответа, она сдернула с клиента простыню. Однако рыжий не спешил покидать кресло. Баловнев подошел и легонько похлопал его по плечу. Парень вздрогнул, как от электрического удара. Обреченно закрыв глаза, он пытался засунуть что-то себе под рубашку. На его коленях, словно змея, извивался тонкий желтый ремешок.

Возня с железнодорожным воришкой растянулась до обеда. Вернувшись в поселок, Баловнев сразу пошел в поликлинику. Дежурный врач царапал что-то авторучкой в амбулаторных картах, кучей наваленных перед ним на столе. Он лечил еще бабушку Баловнева.

— Заболел? — спросил он.

— Вроде нет. Интересуюсь, может ли медицина

определить, нормальный человек или слегка того… — Баловнев покрутил пальцем возле виска.

— Может. Кого смотреть?

— Меня.

— Сам пришел или начальство прислало?

— Сам.

— Если сам — это уже хорошо. Садись. — Врач указал на покрытую клеенкой кушетку. — Ногу за ногу…

Он долго стучал молоточком по коленным суставам Баловнева, потом заставил снять рубашку и прилечь. Чиркая холодной ручкой молоточка по животу, спросил:

— Травмы черепа имелись?

— Попадало. Но дырок вроде нет.

— Какое сегодня число?

Баловнев уже открыл рот, чтобы ответить, но тут почти с ужасом понял, что совершенно не помнит сегодняшнюю дату. Он знал, что нынче четверг, что получка была восемь дней назад, но само число непонятным образом выпало из памяти. Пока Баловнев лихорадочно искал ответ, врач задал другой вопрос:

— Сколько будет семью восемь?

— Тридцать, — брякнул Баловнев, в голове которого таблица умножения совершенно пере-

путалась с календарем.

— Так-с, — сказал врач. — Психически ты здоров. Но нервишки пошаливают.

— Скажите, а галлюцинации от этого могут быть?

— Например?

— Ну, такое вижу, чего никто больше не видит. Вроде бы людей. Но не люди они, точно знаю.

— Вот это принимай три раза в день после еды, — сказал врач, заполняя рецепт. — Чаще гуляй, больше спи.

— Не спится что-то. Сова я.

— Ты не сова, ты пес. Только не обижайся. В том смысле, что сторож и защитник. Что бы бараны да овцы без псов делали? Достались бы волкам на обед. Хорошая собака, заметь, по ночам почти не спит. Уже утром, со светом, вздремнет. С древнейших времен между людьми разделение пошло. Специализация. Пока одни у костра дрыхли, другие их охраняли. Может, ты и есть потомок тех самых сторожей. Отсюда и галлюцинации. Зазорного тут ничего нет. Собаки тоже впустую лают, случайную тень за вора приняв. Лучше лишний раз тревогу поднять, чем проворонить смертельного врага. Думаешь, это просто — опасность видеть? Бандит с ножом — это еще полбеды.

Опасность, когда в поселке за неделю вагон вина могут выпить. Опасность, что мы детей своих воспитываем не так, как должно. Опасность, что некоторые люди деньгам молятся. Горе свое мы стали забывать, смерть, голод. Через наши края кто только не проходил! А сейчас к нам гибель за пять минут может долететь…

Оба помолчали. Где-то на втором этаже кричала роженица.

— Ну, я пойду, — сказал Баловнев.

— А может, выписать тебе бюллетень денька на три?

— Не надо. От себя никакой бюллетень не поможет.

Ноги сами привели Баловнева к Куриному оврагу. Несколько минут он потоптался на том месте, где накануне видел «чужинца», потом по крутой тропке спустился вниз, в прохладный, чирикающий на все лады зеленый полумрак. Участковый добросовестно облазил укромные уголки, спугнул влюбленную парочку, обнаружил остатки пропавшего еще весной велосипеда и ни с чем выбрался наверх с другой стороны оврага. Здесь он присел на какую-то чурку и заку-

рил — в первый раз за последние четыре месяца.

На душе Баловнева было нехорошо. Почти по всем адресованным ему бумагам истекали сроки исполнения, а он, вместо того чтобы заниматься делом, днем и ночью шатался по поселку в поисках неведомо кого, устраивал засады на призраков и пугал людей странными вопросами. Более того, с болезненной ясностью Баловнев понимал, что завтра будет то же самое, что своей собственной химерической идеей он обречен на бессмысленные муки.

Из горького раздумья Баловнева вывели какие-то звуки, похожие скорее на клекот птицы, чем на человеческую речь. Недалеко от него на лавочке сидел старик в накинутом на плечи ветхом офицерском кителе. Грудь его украшали бестолково, явно женской рукой нацепленные, ордена и медали. Старик еле слышно бормотал что-то, делая Баловневу призывные жесты левой рукой. Правая, мелко сотрясаясь, беспомощно свисала вдоль тела. Был он жалок, как и любой другой, впавший в детство, полупарализованный старик, но пронзительно-синие, подернутые слезой глаза смотрели осмысленно и твердо.

— Там, там… — Рука со скрюченными пальцами указывала в сторону оврага. — Вылез утром.

Я видел.

— Кто вылез? — сначала не понял Баловнев.

— Гад какой-то. Без глаз. Выродок. Я дочкам говорил. Не верят. Помоги. Мне-то все одно. Помру я скоро. Да нельзя, чтобы эта погань среди людей ходила.

— Значит, вы их тоже видите! — взволнованно сказал Баловнев. — А кто они?

— Не знаю. Добрый человек таиться не станет. Эти ходят, высматривают. Я после гражданской на границе служил. Всяких гадов нутром чую. Дай докурить. Мне можно.

Он жадно затянулся, но тут же подавился дымом.

— На тот свет пора. Сколько раз вокруг смерть ходила — а все мимо. Шли мы в атаку, на танках. Через озеро. По льду. А они ночью лед солью посыпали. Один мой танк прошел. В окружении был. Под расстрелом стоял. Везло. А зачем? Бабу каратели сожгли. Сыны с войны не вернулись. Дай еще курнуть.

— Берите всю пачку.

— Нельзя. Дышать трудно. Ты не стой. Иди. Гадов этих лови. Я сам хотел, да где там. Вот только и осталось.

Заскорузлые пальцы старика разжались, и на

землю просыпалась горсточка серого мелкого порошка.

— Добрый вечер, товарищ лейтенант! Прибыл на дежурство.

— Здравствуй. Включи свет.

— А что это вы в темноте сидите? Электричество экономите?

— Думаю. Ты вот думаешь когда-нибудь?

— Еще чего. За меня начальник думает, а дома — жена.

— А за меня думать некому. Вот так.

Он отпер сейф и достал пистолет в новенькой коричневой кобуре. Подумал немного и положил оружие на прежнее место. Затем открыл «Журнал наблюдений» и записал:

«31 августа. 22.15. В создавшейся ситуации единственно возможным решением считаю попытку прямого контакта с псевдолюдьми. Если не вернусь до 19.00 следующего дня, все материалы по этому вопросу можно найти в нижнем ящике стола».

Оставив раскрытый журнал на видном месте, он потушил свет и вышел на улицу. Шофер протирал ветошью ветровое стекло своего «газика».

— Заводи, — сказал Баловнев, садясь на переднее сиденье.

Стартер заскрежетал раз, другой, но скрежет так и не перешел в ровное гудение мотора.

— Что за черт! — Шофер выскочил из машины и поднял капот. — Бензин поступает, искра есть… Ничего не пойму.

— Тебя жена ждет? Привет ей передавай. Я один поеду.

— Ваше право. Если не заведется, здесь оставьте, я завтра заберу. Удачи вам!

«Обязательно, — подумал Баловнев. — Обязательно — удачи! Сейчас это мое единственное оружие».

Он без труда завел машину и, отъехав метров сто, свернул в первый попавшийся переулок.

Ковш Большой Медведицы уже повернулся ручкой вниз, а указатель горючего приблизился к нулю, когда Баловнев, исколесивший все окрестные проселки, решил прекратить поиски.

Был самый темный предрассветный час. Ни одно окно не светилось в поселке. Справа, со стороны болот, наползал белесый туман. Слева виднелись руины старой мельницы. Напротив

них, прямо посреди дороги, кто-то стоял.

Баловнев смертельно устал, и предчувствие изменило ему. Он несколько раз просигналил, но фигура не сдвинулась с места, и лишь тогда участковый понял, что это «чужинец».

Лишенная шеи голова была по-звериному вдавлена в плечи. Он стоял к машине боком и прятаться не собирался. Уступать дорогу — тоже.

Волк, вспомнил Баловнев. Волк, рыскающий в поисках поживы вокруг человеческого жилья. А я — пес.

Он гнал машину, не убирая руки с сигнала. Никакие нервы не выдержали бы этого рева, но у «чужинца», возможно, не было нервов. Когда их разделяло метров десять, Баловнев повернул руль вправо. Под передком машины что-то лязгнуло, и она перестала слушаться управления.

«Оторвалась рулевая тяга», — успел сообразить Баловнев, вдавливая педаль тормоза в пол.

«Газик» тряхнуло, словно он налетел на пень, и в следующее мгновение свет фар выхватил из темноты стремительно летящую навстречу коричнево-красную плоскость стены. Осколки лобового стекла хлестнули Баловнева по лицу.

Очнулся он через несколько секунд. Тускло светил левый подфарник, хлюпала, вытекая из

пробитого радиатора, вода. Задыхаясь от резкой боли внутри, Баловнев попытался открыть дверку, но ее заклинило. Кровь заливала глаза, ему приходилось все время вытирать рукавом лоб.

Внезапно машина дернулась, словно кто-то пытался приподнять ее за бампер. Баловнев стал коленями на сидение и по пояс высунулся наружу. Что-то огромное, плоское снова шевельнулось под машиной. Между капотом и стеной, вздымаясь, как опара, медленно росла плотная, округлой формы масса. Из широких покатых плеч вылез серый обрубок головы, судорожно растянулся безгубый рот. Выпуклые глаза ничего не отражали; в них угадывался бездонный равнодушный мрак.

Баловнев выбрался на капот, оттуда мешком свалился на землю. «Чужинец» был совсем рядом. Баловнев хотел вцепиться в него, но это было то же самое, что руками хватать кисель.

— Стой, — хрипел Баловнев, — не уйдешь! Пока я жив — не будет вам покоя!

Не заходя на опорный пункт, он умылся возле колонки и отряхнул китель, сплошь измазанный серой пудрой. Сердцем ощущая тревогу, шагнул

в темный кабинет.

Они уже были здесь, серые и неподвижные, как надгробные памятники. Кто-то безликий, похожий на манекен для отработки штыковых ударов, встал за спиной Баловнева, загораживая дверь.

— Живьем сожрете? — спросил Баловнев.

Никто ему не ответил. Баловнев сел к столу и пододвинул к себе тетрадь. Авторучки рядом не оказалось, он взял карандаш, но тут же сломал грифель. Уродливая беспалая лапа уперлась в клавиатуру старенькой пишущей машинки. Резко щелкнула клавиша. На листе бумаги, оставленном в каретке, появилась буква. Еще щелчок, еще. Буквы складывались в слова.

«Человек, тебе не причинят вреда».

— Спасибочки! — Баловнев облизал пересохшие губы. — Представились бы для начала. Кто, откуда, где родились?

«Не родились. Были всегда».

— Бессмертные, что ли?

«Материя, из которой создан человек, тоже бессмертна. Когда-нибудь она станет землей, водой, воздухом. Только не человеком. Материя, из которой создан я, даже рассеявшись по Галактике, когда-нибудь снова станет мной».

— Скажи на милость! Ну, а здесь что вам надо?

«Эта планета. Мы ждем, когда она освободится от людей».

— Устанете ждать.

«Мы умеем ждать. Были уже такие планеты. Там жили люди. Разные. Сначала у них были палки и камни. Потом взрывчатка. Или яд. Или бактерии. Все равно. Теперь на этих планетах живем мы».

Так вот кто они такие, подумал Баловнев. Не волки — шакалы. Космические падальщики. Ждут, когда жертва испустит последний вздох.

— Почему вы выбрали нашу планету? — холодея от внезапной догадки, спросил он.

«Мы идем туда, где у нас есть шансы. Мельчайшие частицы нашей сущности движутся вместе с космической пылью. Рано или поздно они соединятся».

— И никто не дал вам отпора?

Лапа «чужинца» застыла над клавишами. Машинка молчала.

«Значит не всегда им сопутствует удача! Значит, — понял Баловнев, — находится кто-то, кто может разглядеть их, серых, безликих, и встать у них на пути».

— А я-то вам зачем? — спросил он.

«Узнать. Понять. Преодолеть. Но мы ничего не можем с тобой сделать. И не только с тобой. Наверное, мы прибыли слишком рано. Еще много таких, как ты. Но мы терпеливы. Мы будем ждать».

«Не дождетесь», — хотел крикнуть Баловнев, но тут краем глаза увидел, как «чужинцы» меняют свой облик, съеживаются и оплывают, словно комья сырой глины. Плечи двух стоящих рядом фигур сомкнулись. Из бесформенной массы торчали две головы, но вскоре и они провалились куда-то внутрь. От фигуры, стоявшей в дверях, осталась только кучка пыли.

Баловнев встал и, хрустя сапогами по серому пеплу, покрывавшему пол, прошел в коридор. Достал из закутка метлу, совок, пустое ведро. Хотя мышцы нестерпимо ныли, Баловнев работал с удовольствием. Простой труд успокаивал его. Наполнив последнее ведро, он сел на крыльцо передохнуть.

Над землей стояли тревожные розовые облака, похожие на отблески давно прошедших или грядущих пожаров. Где-то неподалеку храпела буфетчица Анюта, всю жизнь обманывавшая ближних своих. В лесах бродил Селезнев, из-за шестидесяти рублей лишивший жизни человека.

Высоко в небе летел космический аппарат, предназначенный для наведения на цели крылатых ракет, и одна из этих целей находилась совсем недалеко отсюда.

Баловнев вытряхнул пыль из ведра, и она повисла в воздухе, неподвластная закону всемирного тяготения.

На здании школы, по обе стороны от плаката «Добро пожаловать!» полоскались флаги.

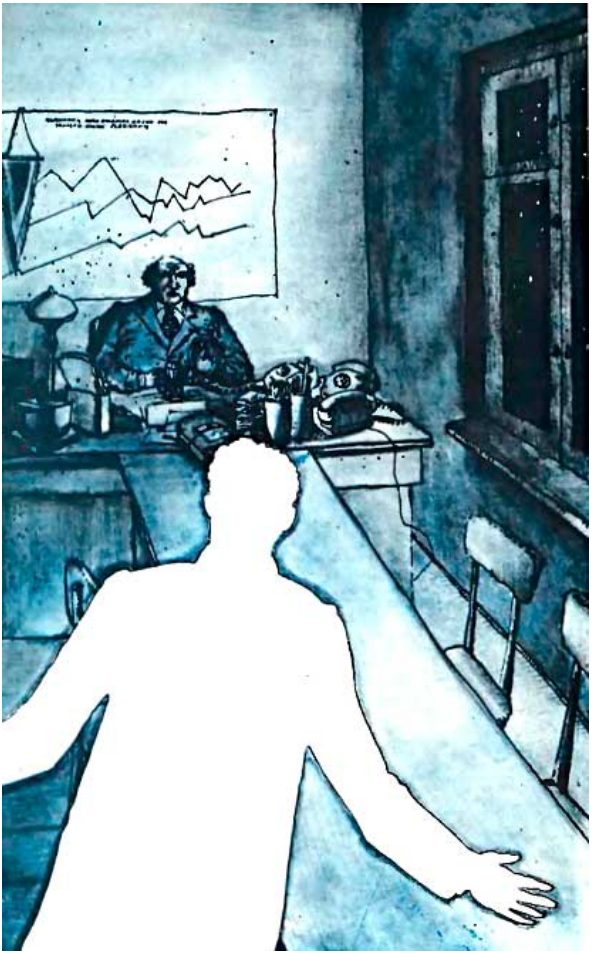
Лето кончилось.

1987

№ 1

Борис Штерн

Производственный рассказ № I



1.

Завод носил звучное название «Алитет» — оно произошло из двух слов: «алюминиевое литье». Директор завода Сергей Кондратьевич Осколик заперся в своем кабинете и ожидал телефонного звонка.

Звонок. Осколик схватил трубку.

— С вами будет говорить Зауральск.

— Спасибо, девушка. Алло, Зауральск?

— Сергей Кондратьевич… люминия…

— Девушка, ничего не слышно!

— Ваш Лебедев говорит, что они не дают ему алюминия.

— Не может быть! Они срывают поставки! У нас договор! Лебедев! Девушка!

— Кроме того, он говорит, что железная дорога не дает вагонов под алюминий.

— Лебедев! Ты слышишь? Не уезжай! Умри там!

— Он говорит, что командировочные закончились.

— Передайте: вышлем телеграфом. К празднику

премия.

— Он говорит, что еще не был в отпуске.

— Девушка, передайте ему, что…

— Связь с Зауральском прервана.

Сергей Кондратьевич откинулся в кресле и вздрогнул — прямо перед ним стоял какой-то незнакомый человек с протянутой для рукопожатия рукой. Человек как человек, но в запертый кабинет он войти не мог… значит, влетел в окно.

— Директор родственного вам предприятия, — представился незнакомец.

— Очень приятно, — сердито буркнул Осколик. — Как вы сюда попали?

Незнакомец опустил руку, посмотрел в окно и уклонился от прямого ответа:

— Будем считать, что вошел в дверь. Не это сейчас важно. Я слышал, что у вас трудности с сырьем?

— Завод завтра остановится, — ответил Осколик.

— Могу помочь. У меня скопились большие запасы алюминия. Для начала тридцати тонн достаточно? Платформы стоят у ворот, позвоните на проходную, чтобы пропустили.

Тридцати тонн алюминия хватило бы заводу до конца недели. Но что все это значит? Сергей

Кондратьевич сразу вспомнил сюжеты о сделках с дьяволом. Он внимательно осмотрел незнакомца. Похож. Нос горбатый, шевелюра лохматая, на ногах… на ногах заграничные туфли. Хвост, наверно, пропустил в штанину. В обмен на земные блага дьявол всегда требует…

«Лезет в голову всякая ерунда», — подумал Осколик и снял трубку:

— Проходная? Тетя Даша, посмотрите, стоят ли у ворот какие-то платформы с алюминием.

— Вам ответят, что их нет, но они там, — поспешно предупредил незнакомец.

— Как прикажете это понимать? Алло! Нет никаких платформ? Спасибо, тетя Даша.

Осколик прикрыл трубку ладонью и спросил:

— Вас выгнать или вы сами уйдете?

— Прикажите открыть ворота, — потребовал незнакомец. — Платформы там есть, но они… они находятся в другом временном измерении. Откройте ворота, они въедут.

«Вот дьявол, открою!» — подумал Осколик.

— Тетя Даша, откройте ворота на минутку. Зачем? Как зачем, проветрить территорию.

Сергей Кондратьевич подошел к окну. Из проходной вышла тетя Даша и потянула на себя тяжелую створку ворот. Открыла, поглядела на

директорские окна. По улице проехал трамвай. Никаких платформ не было.

— Теперь, разрешите, я позвоню, — сказал незнакомец и снял трубку одного из директорских телефонов. — Въезжайте осторожно, створ ворот v них нестандартный.

После его слов у проходной вдруг загудели моторы и на территорию «Алитета» прямо из пустого уличного воздуха въехали два мощных механизма — Осколик таких никогда не видел. На их платформах стояли штабеля серебристых алюминиевых чушек.

2.

— Ну, хорошо, присаживайтесь, — пригласил Сергей Кондратьевич. — Я вижу, вы деловой человек. Алюминий мне нужен. Что нужно вам?

— Совсем немного, — ответил незнакомец, усаживаясь. — Мне нужен на ночь ваш кабинет. На ночь в течение месяца. На взаимовыгодных условиях.

Осколик молчал. Что он мог сказать?

— Если вы любитель фантастики, то…

— Нет, я не любитель, — поспешно отрекся Сергей Кондратьевич.

— Жаль, не пришлось бы долго объяснять. В общем, никакой я там не дьявол и не пришелец с другой планеты. Я живу с вами в одном городе. Называется он, правда, иначе и застроен не так, но факт, что мое жилище совсем рядом. Знаете гастроном на углу? Так вот, в нашем городе это не гастроном, а мой особнячок. — Незнакомец зевнул. — Извините, не выспался. У нас с вами разное биологическое время, мне днем трудно. Мы, понимаете, ночью работаем, а днем спим.

Сергей Кондратьевич ничего не понимал, хотя и пытался.

— Ладно, оставим это. Зачем вам мой кабинет?

— Земля. Все дело в ней, — объяснил незнакомец. — У нас вечная нехватка производственных площадей. Клочок земли величиной в небольшую клумбу стоит так дорого, будто под этой клумбой проходит золотая жила. Мне надо расширять производство, а у вас по ночам все помещения пустуют. Я бы отдал свой кабинет под конструкторское бюро, если бы вы мне разрешили поработать ночью в вашем кабинете. В порядке эксперимента.

3.

Ситуация немного прояснялась. В порядке эксперимента — это Сергей Кондратьевич хорошо понимал.

— Я, пожалуй, не против… Но как посмотрят на это дело в главке?

— Главк — это ваше начальство? Пусть сначала даст вам алюминий, а потом смотрит, что у вас по ночам делается в кабинете.

«Резонно, — подумал Осколик. — Сами не почешутся, а план — давай-давай!»

— А что скажет профсоюз?

— Профсоюзу-то какое дело? Кабинет чей? Вы директор? Или я ошибся дверью?

— Я директор. Но все-таки я должен поставить этот вопрос выше.

— А если выше не согласятся?

— Тогда еще выше.

— Я не совсем понимаю, — заскучал незнакомец. — Кому нужен алюминий — вам или этому «еще выше»? Сколько дней продлится согласова-

ние? Кабинет мне нужен с сегодняшней ночи.

«Месяца полтора-два», — хотел сказать Осколик, но постеснялся. Он сказал:

— Но поймите меня… существуют фонды, статьи расходов, отдел снабжения и комплектации… купили — продали — перечислили… Ни одна бухгалтерия не пропустит левый алюминий.

— Как хотите, — рассердился незнакомец. — Не надо меня уговаривать. Открывайте ворота! Кабельный завод напротив тоже без алюминия сидит.

Сергей Кондратьевич ужаснулся. На совещании в главке скажут: вот, мол, товарищ Осколик, ваш сосед кабельный тоже испытывал нехватку сырья — и тем не менее план выполнил.

«Черт ли, дьявол, — подумал Осколик, — а без алюминия все равно жизни нет!»

— Ну что, сгружать? — спросил незнакомец.

— У главного литейного цеха, — ответил Осколик.

— А кабинет?

— Пока работайте.

4.

Утром Осколик пришел на работу с мрачными предчувствиями. Его встретила взволнованная секретарша:

— Сергей Кондратьевич, у вас в кабинете какой-то посторонний.

Осколик открыл дверь и столкнулся со вчерашним незнакомцем.

— Вот и вы! — обрадовался незнакомец. — Я отлично поработал, мне никто ночью не мешал. А у вас что — неприятности?

— Сейчас буду говорить с главным бухгалтером, — пробурчал Осколик. — Боюсь, не захочет приходовать ваш алюминий.

— Не захочет? Выгоните за ворота, наймите другую.

— За ворота? — Осколик дико посмотрел на незнакомца. — Закон не позволяет. Притом… она права.

Незнакомец дико посмотрел на Сергея Кондратьевича:

— Права, не права… Хорош бы я был, если бы мой бухгалтер не выполнял моих распоряжений.

А что, обойти закон никак нельзя?

— Ну… — почесался Осколик.

— Тогда выгоняйте.

— Выгнать не могу, а вот заприходовать алюминий, пожалуй, можно.

— Не мне вам советовать. Однако спешу, у меня совещание.

5.

Сергей Кондратьевич сел в кресло, сохранившее еще тепло незнакомца, и задумался. Конечно, скверная дама, этот главбух Лариса Владимировна. А он-то на ней жениться собрался…

Вскоре пришла Лариса Владимировна, современная женщина в джинсовой юбке.

— Как спалось, Сережа? — спросила она, оглядываясь, не подслушивает ли секретарша.

— Спасибо, дорогая, плохо, — ответил Осколик тоже с любовью, нисколько, впрочем, не подделываясь.

— Что так?

— Не знаю, что и делать. Из Зауральска прибыл

алюминий без накладных, — вдруг соврал Осколик. — Где-то в дороге затерялись.

— Ничего страшного. Пусть Лебедев на месте восстановит документы, а пока запускай алюминий в работу.

— Так и сделаем, — весело сказал Сергей Кондратьевич. — Ты у меня молодец!

6.

— Лебедев! — кричал Осколик в трубку. — Девушка! Передайте ему, что из Зауральска прибыло тридцать тонн алюминия без накладных. Пусть восстановит документы.

— Он не понимает.

— Прибыло, говорю, тридцать тонн…

— Это он понимает. Он говорит, что в последние три месяца алюминий из Зауральска не отправлялся.

— Объясните ему, что это посторонний алюминий. Понимаете? Случайно попал на завод. Пусть оформит его в Зауральске в счет поставок. Им же выгодно.

— Объяснила. Он все понял. Он говорит, что ему нужна путевка на юг.

7.

До конца недели у Сергея Кондратьевича не было времени потолковать с незнакомцем. В главном литейном цехе дымилась земля, сверкали мокрые спины литейщиков, звенели алюминиевые корпуса, картеры и крышки. В цехе литья под давлением тяжело ухали старые станки, плевали раскаленным алюминием в потолок, автомат с газированной водой выходил из строя каждые полчаса. Бригада товарища Григорьева успешно выполняла принятые обязательства.

Алюминиевых чушек из запаса незнакомца становилось все меньше и меньше. Сергей Кондратьевич каждое утро садился в еще теплое кресло и чувствовал едва уловимый запах хороших сигар; незнакомец перед уходом раскрывал окна и проветривал кабинет.

Звонил из Зауральска Лебедев. Он оформил там алюминий и выслал накладные. Сергей Кондра-

тьевич вздохнул свободней. Что происходило, в конце концов? Он обошел закон, это так; но, если вдуматься, никого он не обходил. В данном редком конкретном случае закон бессилен, закон не может распространяться на этот фантастический алюминий… Его-то неделю назад и в природе не было!

В четверг Осколик надолго остался после работы, чтобы потолковать с незнакомцем.

8.

— Здравствуйте, Сергей Кондратьевич! — обрадовался незнакомец. — Что так поздно сегодня? Работы много?

— Работы много, да скоро ее не станет, — ответил Осколик.

— Алюминий нужен?

— Тонн восемьдесят… до конца месяца… — неуверенно попросил Осколик.

— Сегодня ночью завезем. Но и у меня к вам просьба.

— Какая? — насторожился Осколик.

— О, не беспокойтесь, условия прежние. Нельзя ли моей секретарше работать ночью в вашей приемной? Я без нее как без рук. Я вам объяснял, как тяжело у нас с площадью.

— Хм… — ухмыльнулся Осколик. — Вспомнил одну детскую сказочку. Была у зайца изба лубяная, а у лисы ледяная; пришла весна, у лисы избушка растаяла. Попросилась лиса к зайцу во двор переночевать, тот, дурак, разрешил. В конце концов лиса зайца из избы выгнала.

Незнакомец выслушал сказочку, подумал.

— Это мудрая сказочка, — сказал он. — Не буду скрывать — я намерен занять всю вашу контору и все производственные помещения. Зачем скрывать? Нам надо договориться о сотрудничестве. Я готов преобразить ваш завод. Построить новые цеха — места много; установить современные станки — извините, на ваших станках нельзя лить алюминий. Ваш завод начнет получать такую прибыль, которую вы в глаза не видели. За все это я прошу разрешения работать на вашем заводе ночью. Когда вы спите.

У Осколика глаза полезли на лоб.

— Надо подумать, — прохрипел он. — Надо согласовать.

— С кем надо согласовать? — рассердился

незнакомец. — Я говорю с вами как хозяин литейного завода с хозяином литейного завода. Вам выгодно работать днем на моих станках и на моем алюминии, а мне выгодно работать ночью на вашем заводе. Что вам не нравится?

— Надо подумать, — твердо сказал Осколик.

— Думайте, но не долго. Алюминий сгружать?

— Да. Там же.

9.

В начале месяца на совещании в главке:

— Товарищи, следует обратить внимание на такой прискорбный факт: кабельный завод в прошлом месяце выполнил план на шестьдесят шесть и шесть десятых процента. Что скажет по этому поводу директор кабельного завода?

Директор кабельного завода:

— У нас имеются объективные причины. Зауральск недодал нам в прошлом месяце ровно треть алюминия. Сколько недодал, на столько и недовыполнили.

Начальник главка:

— Кто хочет работать, тот работает. А кто не хочет, тот ищет объективные причины.

Директор кабельного, вспыльчиво:

— Но я работаю на алюминии, а мне его не дают!

Начальник главка:

— Ваш сосед «Алитет» тоже зависит от завода в Зауральске, и тем не менее он выполнил план на сто и одну десятую процента. Вам следует перенять опыт работы товарища Осколика.

Сергей Кондратьевич и директор кабельного завода смотрят в стол.

10.

— У вас должна быть другая секретарша, — както мимоходом сказал незнакомец. — Сколько ей лет? Почему она такая хмурая и неласковая? Своим видом она отпугивает ваших посетителей.

— А чего их пугать? Они и так пуганые. Что им, секретарша нужна?

— Не скажите. Чтобы получить выгодный заказ, важна каждая мелочь. Не понравятся заказчику

занавески на окнах вашего кабинета, сразу начнутся капризы. Многое зависит от настроения. Секретарша — далеко не мелочь.

— Позвольте не согласиться. Какое дело заказчику до моей секретарши, если мой завод к нему прикреплен? Он от меня ни на шаг, как и я от завода в Зауральске.

— Странно, — задумался незнакомец. — А если завод в Зауральске не может обеспечить вас алюминием?

— Тогда он платит нам штраф.

— Но ведь вы не можете обеспечить вашего заказчика?

— Верно. Если мы не выполняем план, то платим штраф ему. Он в свою очередь платит штрафы своим заказчикам.

— Хорошо. Штрафы уплатили. Дальше что?

— Ничего. Начинаем сначала.

— Выходит, у вас прогореть нельзя? — очень удивился незнакомец.

— Как это?

— Ну… в трубу вылететь.

— Могут с должности снять.

— Ага! — обрадовался незнакомец. — И куда же вы пойдете? С протянутой рукой на панель?

— Нет, почему? На какую-нибудь другую долж-

ность.

— Не понимаю… Кто постоянно платит все эти штрафы и терпит убытки?

— Государство.

Незнакомец подумал и сказал:

— Хорошо живете.

11.

Директор кабельного завода что-то пронюхал. На очередном совещании в главке, где опять было сказано: «А вот у Осколика тем не менее», — директор кабельного завода побагровел, стул опрокинул и заявил, что ему нет дела, что у кого-то там «тем не менее», но у него, у директора кабельного завода, алюминия нету, третий месяц сидит завод без алюминия, а в плане сто двадцать тонн алюминиевого провода, и это не военная тайна. И он не знает, какими такими путями уважаемый им лично Сергей Кондратьевич достает из Зауральска алюминий. Пусть товарищ Осколик, которого ему вечно в глаза тычут, поделится опытом — как он достает алюминий.

Директору кабельного завода налили воды и пожурили за вспыльчивость, а потом начальник главка умно взглянул на Осколика и сказал:

— И правда, Сергей Кондратьевич, поделитесь опытом.

Документация у Осколика была в полном порядке, и он не такой дурак был, чтобы ни с того ни с сего по первому зову выдавать свои внутренние резервы.

— Никакого такого передового опыта у меня нет, — ответил Осколик. — На заводе в Зауральске безвыездно сидит мой снабженец и, как видите…

— Но на заводе в Зауральске сидит и мой снабженец, — жалобно доложил директор кабельного завода. — И, как видите…

— А этот факт говорит только о деловых качествах наших снабженцев, — ответил Осколик.

Жалко ему было директора кабельного завода. Они были добрыми друзьями, но, когда им назначили одного поставщика, дружба закончилась.

— Неужели поставки алюминия зависят только от личных качеств ваших толкачей? — засомневался начальник главка.

Осколик развел руками.

— Он их чем-то там подмазывает, — предположил директор кабельного завода.

— Попрошу, попрошу… — обиделся Осколик.

Начальник главка что-то записывал в блокнот.

12.

— Послушайте, вы капиталист, как я понимаю? Частное лицо? — спросил однажды Осколик.

— Вас это шокирует?

— Нет. Мы за мирное сосуществование.

— Вот и отлично. Кстати, вы обдумали мое предложение?

— Да. Я согласен.

— С профсоюзом согласовали?

— Профсоюз не будет против. Думаю, никто не будет против.

— А ваш главный бухгалтер? Как она оприходует новые станки, алюминий, стройматериалы?

— Это моя забота.

— Что ж… Тогда по рукам?

Сергей Кондратьевич и незнакомец, озираясь, не подглядывает ли секретарша, хлопнули по рукам.

13.

Дела на производстве пошли неплохо, а личная жизнь у Сергея Кондратьевича не налаживалась. Современная Лариса Владимировна не спешила выходить за него замуж.

— Ты директор, я бухгалтер, — сравнивала она. — Тебе сорок пять, мне тридцать восемь. Если женимся, мне придется искать новую работу.

— Ну и что? — удивлялся Сергей Кондратьевич. — Найдем! На кабельном заводе главбух через год уходит на пенсию. Неудобно как-то директору в холостяках ходить.

— Неравный брак.

— Мне домой по службе звонят, а я к тебе бегаю!

— Изволь, я к тебе бегать буду.

— Нет, нет… неудобно.

— Неудобно? А мне, думаешь, удобно твой левый алюминий приходовать?

— Какой левый? — опешил Осколик и с постели вскочил (разговор происходил ночью). — Откуда ты узнала?

— Да уж не лыком шиты. Вместе сядем, вот тогда и под венец.

Не налаживалась личная жизнь у Осколика.

14.

Под впечатлением ночного разговора Сергей Кондратьевич с рассветом помчался на завод, надеясь застать незнакомца; и застал. Тот держался рукой за сердце и кричал в трубку:

— Все продавайте, все!

Увидев Осколика, он попытался улыбнуться, положил трубку и перевел дух.

— Неприятности? — спросил Осколик.

— Могут быть и неприятности. Через полчаса все выяснится.

— На бирже играете? — догадался Осколик, вспомнив, как в иностранных кинофильмах толстые джентльмены кричат: «Продавайте!» или «Покупайте!» — и утираются платками.

— И не спрашивайте, — вздохнул незнакомец. — А вам что не спится? За вас ведь государство думает.

— Вот когда сяду по вашей милости, тогда государство за меня думать будет, — ответил Осколик, вспомнив пророчество любимой женщины.

— Опять вы паникуете! — рассердился незнакомец. — Я лично изучал уголовный кодекс, на вас ни одна статья не распространяется. Наоборот! Вы самый настоящий… как это у вас… рационализатор и передовик производства. Станки и материалы вы добываете совершенно новым способом.

Это рассуждение несколько успокоило Сергея Кондратьевича.

— Ну хорошо, — сказал Осколик. — С уголовным кодексом, я думаю, обойдется. Но существуют трудности морального порядка.

— Морального? Порядка? Это что означает?

— Принять от вас станки и алюминий — куда ни шло, можно найти лазейки в инструкциях и не чувствовать себя виновным. Но что я скажу своим рабочим и служащим? Что скажет мой главный инженер, когда, в его кабинете ночью начнет работать ваш главный инженер? Разве он поверит, что вы появились из этого… измерения? Он сразу же заподозрит, что я хочу его выжить, и правильно заподозрит, старик не тянет уже. Значит, каждому придется объяснять черт знает

что, и начальство вскоре обо всем узнает.

— А что плохого найдет начальство в нашем сотрудничестве?

— Ничего плохого, но вы не знаете моего начальства. Оно мне на ваши станки и алюминий такой план спустит, что я и в три смены не выполню. Где вы тогда будете ночью работать?

Незнакомец задумался.

— Более того, мое начальство этот ваш алюминий, и станки, и стройматериалы у меня заберет и распределит по другим, более ответственным объектам, — продолжал пугать Сергей Кондратьевич.

— Это мне не подходит, — пробормотал незнакомец. — Надо бы потолковать с вашим начальством.

Тут уже испугался Осколик. Если начнется согласование, то неизвестно, чем оно кончится. А с чем он, Осколик, останется? Опять тет-а-тет с Зауральском?

— Не беспокойтесь, — сказал незнакомец. — Я сведу вашего начальника с деловыми людьми из экспортно-импортного банка.

Зазвонил телефон. Незнакомец схватил трубку, выслушал, утерся носовым платком и сказал:

— Можете меня поздравить. Я только что про-

глотил конкурента.

— Живьем? — ужаснулся Осколик.

— Живьем. С потрохами и с небольшим алюминиевым заводиком впридачу.

15.

Случай свести незнакомца с начальством вскоре представился. Однажды к концу рабочего дня на «Алитет» неожиданно прибыл начальник главка. Сам. Он осмотрел штабеля алюминия у главного литейного, железобетонные плиты для строительства склада, новые станки в цехах.

Вернулись в кабинет. Молчали долго.

— Будешь делиться опытом или нет? — наконец спросил начальник.

Осколик пожал плечами.

— Хорошо. Тогда вызови свою… кстати, кем она тебе приходится?

— Кого?

— Главного бухгалтера.

Сергей Кондратьевич покраснел. Чтоб оно все сгорело. Доложили. Незнакомец прав — секретар-

шу давно пора сменить.

Пришла Лариса Владимировна. Увидала красного Сергея Кондратьевича. Настала пора венчаться, не иначе.

— Скажите, пожалуйста, откуда прибыла последняя партия алюминия? — начал допрос начальник главка.

— Из Зауральска, — нахально отвечала Лариса Владимировна.

— Документы на алюминий есть?

— А как же! Не частная лавочка.

— Станки откуда?

— Из Владивостока.

— Неправду говорите, Лариса Владимировна. Таких станков в Советском Союзе не производят.

— Откуда же они взялись?

— Это я вас спрашиваю.

— А я вам отвечаю: из Владивостока, — стояла на своем Лариса Владимировна. — Можете проверить накладные.

— Сейчас проверю. А стройматериалы откуда?

— Разве в Советском Союзе не производят стройматериалов?

— Вы не забывайтесь, Лариса Владимировна. Несите свои накладные. И кстати, паспорта на станки.

— Паспортов нет. Затерялись в дороге.

— Ах, затерялись в дороге… На какой это дороге?

— На китайско-восточной, железной, — отрезала Лариса Владимировна и ушла за документами.

16.

Документы были блеск, лучше настоящих. Потому что и были настоящими. Молодец Лебедев, договорился и с Зауральском, и с Владивостоком, и с железной дорогой.

— Ну, вы даете! — удивился начальник главка, просмотрев документы, и отпустил с богом Ларису Владимировну.

Осколик взглянул на часы — с минуты на минуту должен был прийти незнакомец.

— Будешь делиться опытом или нет? — грозно повторил начальник. — Что у нас тут происходит? Я ведь завтра позвоню в Зауральск, бедные вы все будете. Я для чего сюда приехал? Чтобы лично ты лично мне все объяснил. Потому что

я тебя ценю, понимаешь? А мой зам, например, советует натравить на тебя ревизию. А хочешь фельетон в газете? Могу устроить.

«Настроение у него хорошее… рассказать, что ли?» — подумал Осколик.

— А что у тебя по ночам на заводе происходит? — вдруг спросил начальник главка. — Почему в твоем кабинете свет горит?

Случай был подходящий.

17.

И Осколик все рассказал начальнику главка.

18.

Всего ожидал начальник: покаяний в нарушении трудового законодательства ради выполнения государственного плана; упирательства;

наконец, какого-нибудь грандиозного передового опыта; всего ожидал. Лучшие наши умы пытаются решить экономические проблемы, но… платформы из воздуха? Алюминий из подпространства? Станки из какого-то измерения? Капиталист ночью в кабинете советского директора? Осколик сошел с ума. Но этот сумасшедший Осколик выполнил план прошлого месяца на сто пять процентов!

Зазвонил телефон.

— Алло! — сказал Осколик. — Да, как договорились… Это он звонил, привез алюминий. Взгляните.

Начальник главка подошел к окну.

— Тетя Даша, открывайте ворота.

Начальник главка увидел, как разъехались ворота; услышал, как загудели моторы; и из пустой вечерней улицы на завод въехал какой-то механизм, груженный алюминием.

19.

После длительных согласований в министер-

стве пошли навстречу планам Осколика. Если торгуем с Японией, почему бы не торговать с четвертым измерением? Стоит попробовать. Так сказать, небольшой местный эксперимент.

Незнакомец из кожи лез, торопясь переоборудовать завод и получать прибыль в ночную смену. Он ходил довольный и полнел на глазах — недавно он съел еще двух конкурентов.

Дело ладилось. «Алитет» гудел, не останавливаясь, в три смены. К конторе надстроили три этажа, в цехе товаров народного потребления пустили автоматическую линию — оттуда сыпались алюминиевые оловянные солдатики.

Ларисе Владимировне чем-то не понравилась ночная секретарша незнакомца, и она согласилась наконец выйти за Сергея Кондратьевича замуж. Была свадьба, было весело; пригласили незнакомца — он пришел с женой. Бригадир литейщиков товарищ Григорьев вызвался проводить его домой и стал первым в мире человеком, попавшим в иное измерение. Вернулся он оттуда на следующее утро и рассказывал, что народ там ничего, компанейский.

Проходили дни. На «Алитет» сыпались командированные со всех литейных заводов Союза. Перенимали опыт. Отмечали, что наше про-

изводство выпускает меньше алюминиевой продукции на душу населения днем, чем потустороннее производство на том же оборудовании ночью. Объясняли это явление ихней потогонной системой и в какой-то мере нашими нарушениями трудовой дисциплины, а именно прогулами, простоями и опозданиями.

Стали бороться. Перевели лодырей на кабельный завод и сплоченным коллективом принялись догонять своего ночного соперника. Зарплату получали больше профессоров.

Незнакомца распирало от удовольствия. Он снабжал, расширял, строил, реконструировал. На совещаниях в главке плакал несчастный директор кабельного завода; Осколик его жалел, но дружбу со службой не путал.

Прошли кварталы. Хотя «Алитет» раза в три увеличил объем производства, догнать ночную смену он все-таки не смог. В чем дело? Осколик произвел простое арифметическое действие — ночью пересчитал по пальцам служащих в конторе у незнакомца, сравнил это двузначное число со своим трехзначным обозом и спросил на очередном совещании:

— О чем говорят эти цифры?

Ладно, завод передовой, можно позволить себе

и такой эксперимент. Сократили штаты, перевели их все туда же, на кабельный. Прибыль подскочила. Незнакомец вежливо аплодировал, по утрам сталкиваясь в дверях с Осколиком.

20.

Наступила весна, март прошел. Заводской художник начал разрисовывать грузовик к первомайской демонстрации.

Пока кончался квартал, Осколик не успевал потолковать с незнакомцем, но сегодня он решил остаться после работы. Незнакомец явился намного раньше обычного. Похоже, он заболел желтухой — Осколик его не узнал.

— Что с вами? — сочувственно спросил Осколик.

— Плохо дело.

— Вы ели, теперь вас едят? — догадался Осколик.

Незнакомец кивнул.

21.

Незнакомец потерял сон. О своих неприятностях он ничего не рассказывал, Осколик не мог ему помочь. Днем незнакомец уже не уходил, сидел на стуле в уголке кабинета, безучастно наблюдал за работой Сергея Кондратьевича.

Пришла уборщица — подпишите заявление на отпуск, начальник цеха не хочет подписывать.

Пришли из профкома — сколько воздушных шариков купить на первомайскую демонстрацию?

Заглянул начальник стройцеха — вы меня вызывали?

Нет, не вызывал.

Вошла Лариса Владимировна:

— Лебедев третий день не выходит из отпуска.

— Пусть отдыхает, я разрешил.

— Я платить не буду!

— Ладно, дома поговорим.

Обеденный перерыв.

— Хорошо живете, — пробормотал незнакомец. — И прогореть нельзя.

22.

Все закончилось в один субботний апрельский день. Сергей Кондратьевич вошел в кабинет и удивился, обнаружив незнакомца.

— Суббота сегодня, идите домой, нельзя так переживать, — сказал Осколик.

— А вы почему пришли? — без интереса спросил незнакомец.

— У нас субботник.

— Это что?

— Ну… добровольная работа.

Незнакомец на мгновенье оживился:

— Что значит «добровольная»? Бесплатная?

— Да, бесплатная. Сажаем деревья, подметаем территорию.

— Вы тоже подметаете? — удивился незнакомец, увидев грабли в руках у Осколика. — А ваша жена?

— Она алюминий тягает, — рассердился Осколик.

Оживление прошло, незнакомец сгорбился в кресле:

— А у меня на заводе вчера началась забастовка. Выставили у ворот пикеты, бьют штрейкбрехеров. Похоже, что сегодня меня съест один знакомый.

— Живьем? — заволновался Осколик.

— Живьем. С потрохами.

Сергей Кондратьевич прикрыл дверь и пошел по коридору. У выхода он услышал выстрел и побежал обратно. Он готов был услышать этот звук. В дверях кабинета он столкнулся с двумя чужими людьми в незнакомых спецовках. Они тащили какой-то тяжелый предмет, завернутый в зеленую скатерть с директорского стола. Кабинет был забрызган кровью.

— Он позвонил и попросил нас прийти… — начал объяснять один из рабочих.

— Мы пришли, а он пистолет себе в рот, — добавил второй.

Сергей Кондратьевич пошел за ними, волоча грабли по коридору.

Тетя Даша, перекрестившись, открыла ворота. Рабочие со своим свертком вышли за ворота и растворились в воздухе.

23.

— …люминия! — кричал Лебедев через месяц из Зауральска.

— Девушка, переведите! — просил Осколик, разглядывая вальяжного джентльмена, который только что материализовался в кабинете и вытирал платком лысину и лицо.

— Ваш Лебедев говорит, что они…

— Минутку, девушка. Кто вы такой?

— Я слышал, что мой предшественник имел с вами прямые дружественные контакты, — ухмыльнулся новый незнакомец. — Что ж, я готов продолжить сотрудничество на прежних условиях.

— Нет, — сказал Осколик.

— Почему?

— Мы сами.

— Сами? — скорчил рожу лысый джентльмен.

— Изыди… — тихо сказал Сергей Кондратьевич, угрожающе наводя дуло телефонной трубки на непрошенного просителя.

Если старый незнакомец напоминал Осколику лукавого дьявола, то этот походил на злобного

хитрованского сатану.

Сатана скорчился, и его будто ветром сдуло, только занавески колыхнулись на окнах.

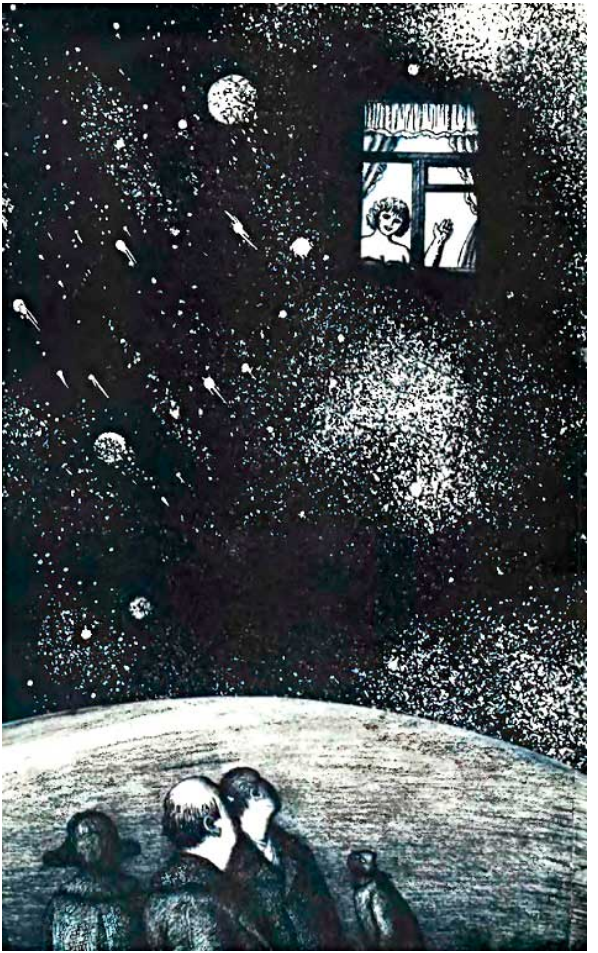
— Ваш Лебедев говорит, что они не дают ему алюминия.

— Девушка! — заорал Осколик. — Подать мне сюда директора Зауральского завода! Кто директор — Лебедев или он?

№ 2

Кир Булычёв

Хочешь улететь со мной?



Я попал на Дарни по будничному делу — как бывший спортсмен, а ныне скромный агент Олимпийского комитета.

Участие команды Дарни в Гала-Олимпиаде не вызывало сомнений. Сомнения вызывал размер планетарного взноса в олимпийский фонд.

Встречали меня солидно, но скучно. В зале было жарко, под потолком суетились и щебетали рыжие птички, в кадках томились чахлые деревца. По стене черным ожогом протянулась неровная полоса сажи.

В зал, опоздав к церемонии, ворвался, как бешеный слон, поседевший, раздобревший Син-рано, которого я встретил восемь лет назад в громадном, шумном и бестолковом Корае, на легкоатлетическом кубке. Там мы с ним оказались в одном гостиничном номере. Я выступал за Землю в прыжках в высоту, а он был одним из первых на Дарни толкателей ядра.

Встреча была такой, словно все эти годы мы провели в мечтах о ней.

— Ты живешь у меня, — сказал Син-рано, когда мы покидали космопорт. — Стены покрепче, чем в гостинице, хорошее бомбоубежище, ребята у меня надежные.

Слова Син-рано о бомбоубежище удивили меня.

Впрочем, путеводитель не упоминал о войнах на планете, так что воспримем их как шутку. Но когда он затолкал меня на заднее сиденье своей машины, а сам уселся на водительское место, машина преобразилась: боковые стекла скрылись за металлическими шторками, а спереди осталась лишь узкая танковая щель.

— Не беспокойся, — сказал Син-рано.

В салоне пахло горячим железом и машинным маслом. Син-рано скинул пиджак. Под ним была перевязь с кобурой.

— Забавно, — сказал я. — Нигде об этом ни слова.

— Во-первых, — спокойно ответил Син-рано, — это местные неприятности, к тому же недавние. Во-вторых, такие события чернят репутацию. А малые планеты очень чувствительны к своей репутации. Олимпийский комитет, узнай он об этом, отлучил бы нас от движения.

— Значит, войны нет?

— Нет, — сказал Син-рано. — Я бы не стал тебя обманывать. Вдобавок…

Он не успел докончить. Бронированное чудовище выползло на шоссе, наперерез движению. Наша машина вильнула и буквально прыгнула вперед.

Я не могу рассказать ничего интересного о дарнийских пейзажах, потому что любоваться ими сквозь танковую амбразуру сложно. Мы въехали в город; я догадался об этом потому, что наше движение стало неравномерным — приходилось останавливаться на перекрестках, проталкиваться сквозь толкучку автомобилей. Вскоре мы окончательно застряли в пробке. И тут послышались нестройные выстрелы и крики. Впереди полыхнуло — там взорвалась бомба.

— Надо свернуть, — бормотал Син-рано. Машины вокруг сигналили, словно кричали, — это было похоже на пожар в театре, где в дверях застревает орущее скопище людей.

Внезапно стрельба стихла.

— Обошлось, — сказал Син-рано.

Мы подъехали к дому. Он стоял на склоне пологого холма, поросшего редкими деревьями. Между ними паслись коровы.

Нам пришлось довольно долго простоять перед высокой решеткой ворот, увитых поверху колючей проволокой. Наконец, прибежал молодой человек, открыл ворота и сказал, что электричества в доме нет — Гинрини взорвали электростанцию.

— Познакомься, — сказал Син-рано. — Мой друг

с Земли, Ким Петров, я тебе о нем рассказывал. А это Рони, мой младший.

Парень смутился. У него были темно-рыжие волосы и тонкая кожа в веснушках, он легко краснел.

За столом, который стоял в полуподвальном помещении, — свет попадал туда через бойницы под потолком, мы сидели при свечах, — я познакомился с остальными членами семейства Син-рано. Старшего брата Рони звали Минро. Минро был худ, напряжен и преувеличенно аккуратен в движениях. Там же сидели два племянника и племянница по имени Нарини. Как сказал Син-рано, они осиротели шесть лет назад, теперь живут с ним.

Что осталось в памяти от того обеда? Ярко-красные яблоки, которые мы ели на десерт, — у них был странный земляничный вкус. Неприятная манера Минро, старшего сына: он так долго и настороженно трогал вилкой кусочки мяса на тарелке, что казалось, он решал страшную проблему — отравят или не отравят. И еще я заметил, как хороша племянница Син-рано по имени Нарини. Она сидела молча между своими братьями и не смотрела на меня…

После обеда Син-рано увел меня наверх, на

плоскую крышу. Там было приятно — поднялся легкий ветерок, был виден весь город. Минут десять мы вспоминали прошлое, потом разговор перешел на олимпийские проблемы и с них должен был вот-вот скользнуть на явь планеты. Но не скользнул, потому что над городом серой башней поднялся столб дыма, на черном фоне которого искорками зажглись разрывы. На крышу прибежал Рони и сказал, что по радио передали: Понари пробились на танках к цитадели Гинрини, но у них ничего не выйдет, на помощь Гинрини пришли все синие.

Столб дыма рос, в нем мелькали языки пламени. Пришел старший, брезгливый Минро, и сообщил, что полиция блокировала район, но внутрь не входит.

— Они всегда так, — сказал он. — Ждут, пока перебьют друг друга.

Представление грозило затянуться, и я решил погулять вокруг дома. Никто не возражал.

Под большим деревом была устроена спортивная площадка. Нарини прыгала в высоту. Прыгала хорошо, легко. Оба ее брата были рядом, они поднимали планку, когда надо. Мое появление они встретили настороженно, словно боялись, что я без их разрешения приглашу сест-

ру в кино. Они были еще подростками, худыми, черноглазыми и злыми.

Я увидел, какая Нарини длинноногая.

— У вас замечательные данные, — сказал я.

Нарини смутилась. Она стояла передо мной, как нашалившая девочка, ее серые глаза были почти на одном уровне с моими.

— Спасибо, — ответила она после паузы и поглядела на братьев.

— А какой у вас личный рекорд? — спросил я.

Брат справа ответил:

— Метр девяносто.

Второй дернул его за рукав.

— Это далеко до женского рекорда планеты?

— Женского? — удивилась она.

Неожиданно второй брат крепко взял ее за локоть и, не говоря ни слова, повлек к дому. Первый брат прикрывал тыл.

Кстати, я когда-нибудь видел на соревнованиях женщин с Дарни? И на космодроме среди встречавших не было ни одной женщины…

Я поднял планку, укрепил ее на двухметровой высоте. Когда-то я брал два с половиной, но теперь тренируюсь редко, а когда тебе за тридцать, отяжелевшее тело плохо подчиняется ногам.

Разбежался, прыгнул и сбил планку. Раздобрев-

ший чиновник.

Я рассердился на себя и поднял планку еще на десять сантиметров. Отошел подальше, к самому дереву. Бежать надо было по траве, только последние два метра были посыпаны песком. Я мысленно представил себе, что должен взять два двадцать.

Упал я неудачно, ушиб локоть о песок. Несколько секунд лежал в неудобной позе и глядел на планку, которая долго вздрагивала — я все же задел ее. Она думала, упасть ей или пожалеть бывшего спортсмена. Потом пожалела и замерла.

— Ты молодец, — сказал Син-рано, который наблюдал за мной, стоя за деревом. — Я иногда пробую толкнуть ядро и никому не говорю, что любой школьник меня бы обошел.

— Меня бы тоже. — Я поднялся, потирая ушибленный бок. — Твоя племянница, если будет тренироваться, прыгнет выше.

— Она способная девочка, — сказал Син-рано. — На Земле, попади она в руки хорошего тренера…

— Почему только на Земле? — Я обрадовался возможности задать вопрос, который помог бы понять, что же происходит на Дарни.

— Если я выпущу ее на стадион, — заметил Син-рано, усевшись на траву, — начнется такое…

Он улыбнулся, представив себе, что же начнется.

— Ее родители погибли, — продолжал Син-рано. — Я взял детей к себе. У меня крепкий дом.

— А почему они погибли?

— Тебя гложет любопытство, — сказал Синрано. — Наша жизнь, обыкновенная для нас, кажется тебе загадочной.

Я сел рядом с ним. Перед нами был склон холма, полого уходящий к изгороди. Там, вдоль изгороди, медленно шел Рони, за плечом у него был автомат. Иногда он останавливался, проверял контакты. Внезапно Син-рано вскочил с резвостью, которую трудно было предположить в столь грузном человеке, и кинулся к воротам. В руке его оказался пистолет. Он бежал пригибаясь, зигзагами. Рони упал в траву, сорвав с плеча автомат.

От дома, скатываясь по склону, бежали другие люди.

Из кустов, метрах в трехстах за изгородью, белыми ослепительными искрами вспыхнули выстрелы. За моей спиной бухнуло. Я обернулся. На крыше дома стоял миномет, он часто и мерно выпускал мины. У миномета виднелась светлая голова Нарини. Мины рвались в кустах, оттуда донесся тонкий вопль. Рядом со мной упала на

траву срезанная выстрелом зеленая ветка. Я счел за лучшее лечь позади дерева.

Выстрелы стихли через несколько минут. Я поднялся.

От ограды шли мои хозяева. Син-рано поддерживал Рони, который держался за плечо. Между пальцев сочилась кровь. Я побежал им навстречу, но Син-рано крикнул мне:

— Ничего страшного, возвращайся домой.

Его старший сын был уже за оградой, он искал что-то в кустах. Далеко, по дороге к городу, полз танк.

Рони держался молодцом, он старался улыбаться.

— Я сам виноват, — сказал он мне доверительно. — Отец раньше меня их увидел.

— Кто это были?

— Из Гобров, — сказал Рони. — Я думаю, что одного снял.

— Его накрыла Нарини из миномета, — сказал Син-рано.

Сверху сбежала Нарини со своим братом, Синрано передал им Рони.

— Пойдем, проверим коровник, — сказал он мне. — Животные волнуются, когда стрельба.

В коровнике все было спокойно. Коровы мирно

жевали сено и поглядывали на нас с недоумением.

— Почему они на вас напали? — спросил я.

— Все тайны, — сказал Син-рано, — имеют обыденное объяснение. На нас напали для того, чтобы захватить Нарини.

— Зачем?

— Потому что она очень дорого стоит. Экономика, мой дорогой друг, лежит в основе любой романтики.

— Это красивый афоризм, но он ничего мне не говорит.

— Планета оказалась между каменным и атомным веками. Мы живем как на вулкане. Когда родители Нарини погибли, многие советовали мне отказаться от племянников и девочки. Но у меня своя гордость. Пока держимся.

— Что особенного в Нарини?

— Ничего.

— Кто-то влюблен в нее?

— Пожалуй, нет.

— Тогда я в тупике.

— Несколько десятилетий назад, — сказал Син-рано, — генетики сделали открытие, которое осчастливило многие семьи. Отныне пол ребенка родители могли заказать заранее. Ты слышал

об этом?

— Разумеется, — сказал я.

Мы вышли из хлева. Солнце уже село. Над столбами, между которыми тянулась решетка, зажглись сигнальные огоньки. На крыше дома вспыхнул прожектор, и луч его медленно полз по ограде.

— Девяносто процентов молодых родителей хотят, чтобы у них родился сын. Их желание было исполнено. Через несколько лет мальчиков на планете рождалось вдесятеро больше, чем девочек. Мы думали, что это открытие приведет к радости…

«Как странно, — подумал я. — Ученый спешит опубликовать открытие, чтобы осчастливить человечество, и пробуждает к действию слепые стихийные силы».

— Еще в моей молодости, — продолжал Синрано, — женщин хоть и было вдвое меньше, чем мужчин, это тревожило, но не казалось катастрофой. Принимались разумные законы, вводились ограничения, но общество уже катилось к упадку.

— Женщин стало мало, рождаемость падала, женщина стала превращаться в ценность, — подсказал я.

— И все более теряла права личности, — закончил Син-рано. — Теоретики утверждали, что процесс скоро прекратится. Они ошиблись. Своих женщин надо защищать. Чужую женщину надо добыть. Нужны мужчины, солдаты, воины…

— А ты, — спросил я, — почему у тебя только сыновья?

— Я — песчинка в океане людей, — сказал Син-рано. — Мы с женой понимали, что если у нас родится девочка, ее отнимут. У нас родились два сына, два защитника. Теперь у нас будет девочка, решили мы. Но мою жену украли. Я нашел ее слишком поздно, она не хотела быть рабой в доме чужого клана.

— А родители Нарини?

— Мой брат хотел пойти против течения. У него было три дочери и два сына. Слишком большое богатство для человека, не признававшего законов каменного века. Он жил в городке института, они не подчинялись реальности. Там было много девочек. Городок взяли штурмом войска четырех кланов. Я не знаю, где сестры Нарини. А она сумела убежать и увести братьев.

— Без нее было бы проще? — спросил я.

— Есть дома, — усмехнулся Син-рано, — на которые не нападают. Там нет женщин. Но ты

забыл о судьбе моей жены. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Над вечерним городом полз дым, иногда раздавались одиночные выстрелы. Полосы от трассирующих пуль прочертили небо.

Я поднялся на крышу дома. У миномета дежурила Нарини и один из ее злых братцев. Они тихо разговаривали. Я подошел к балюстраде. В городе было мало огней, он спал настороженно и чутко. Лучи прожекторов время от времени вспыхивали в разных его концах и пробегали по крышам, стенам и заборам.

Нарини подошла ко мне.

— У вас девушки занимаются спортом, — сказала она утвердительно.

— Пожалуй, даже больше, чем нужно, — ответил я.

Яркая луна освещала ее чистое лицо, глаза казались темными, почти черными, настойчивыми и глубокими.

Мы помолчали.

— Как себя чувствует Рони? — спросил я.

— Это только царапина, — сказала девушка. — Брата в прошлом году ранили так, что мы думали — придется отнимать руку.

Брат подошел ближе, слушая наш разговор. Он

не выпускал из рук бинокля.

— Здесь плохо, — сказала Нарини, понизив голос, когда ее брат, встревоженный каким-то шумом у изгороди, кинулся к прожектору и включил его.

— Я это понял, — тихо сказал я.

Это было странное чувство — словно мы с Нарини давно знакомы и можем говорить обо всем, сразу понимая друг друга.

— Син-рано устал, — сказала Нарини. — Он человек долга и памяти. Когда сегодня ранили Рони, мне казалось, будто это я ранила его. Он должен учиться, но остался здесь, потому что надо охранять дом.

— А выход? — спросил я.

— Меня можно продать. Хорошо продать в сильный клан.

— Мы будем защищать тебя, — сказал ее брат. — Ты знаешь, мы погибнем, но будем тебя защищать.

— Я не хочу, чтобы вы погибали, — сказала Нарини.

— Но почему ничего не делается?

— Делается, — ответила Нарини. — Есть институт, где детей выращивают в пробирках. Там уже родились первые девочки. На них тоже нападали.

Даже маленькие девочки — добыча.

— У нас втрое меньше населения, чем сто лет назад, — сказал ее брат. — Втрое. Я сам читал.

— Это изменится, — сказал я уверенно.

— Это изменится, — согласилась Нарини. — Но для меня… для меня будет поздно.

— Хотите, улетим со мной? — спросил я.

Я не шутил в тот момент. Но это не было предложением. Нужен был выход, и я предложил единственный, который мог придумать.

— Спасибо, — сказала Нарини.

Стояла тишина, в которой я слышал быстрое и злое дыхание ее брата.

К ночному разговору пришлось вернуться на следующий вечер. Но разговаривал я с Минро, старшим сыном, все движения которого были преисполнены брезгливостью, словно у старой девы, попавшей нечаянно в ночлежку.

Я вернулся из Олимпийского комитета, где разговоры были томительны и осторожны. Сумма, которую следовало перевести на наш счет, казалась дарнийцам завышенной, и мне стоило большого труда доказать им, что значительная ее часть вернется на планету по программам помощи.

В тот день в городе совсем не стреляли, и я

прогулялся по главной улице, среди магазинов, витрины которых мгновенно закрывались бронированными жалюзи, как только начиналась перестрелка. Вдоль тротуаров тянулись щели для пешеходов.

По улице шли только мужчины, по делам. Никто не гулял. Это был осажденный город, почти загубленный прогрессом.

Меня довезли до дома на небольшом броневичке. У ворот меня встретил Минро. Он молчал, пока мы шли к дому, и разглядывал свои ногти.

— Мне это не нравится, — сказал он, когда дверь в дом закрылась. — Вы кружите голову девушке.

— Не понял.

— Вы сказали, что она улетит с вами.

— А что в этом плохого? — спросил я.

До того момента ночной разговор на крыше был не более как воспоминанием, никого ни к чему не обязывающим. Была фраза, сказанная невзначай, рожденная самим течением разговора.

— Она сказала об этом старику, — сообщил Минро, вытирая носовым платком указательный палец. — Ваша глупая шутка…

— Почему вы считаете меня глупым шутником?

— Зачем вам эта девушка?

— Ей будет лучше в другом месте, — сказал я. Противодействие облекало случайную фразу в реальные одежды. — Она сможет нормально жить и учиться. Через полгода она уже будет брать два метра, вы знаете?

— Где брать? — не понял меня Минро.

— Она прыгает, любит прыгать в высоту.

— Не знал. — Минро начал протирать средний палец. Я не мог оторвать глаз от мерных движений его руки. — Но не в этом дело. Нарини живет у нас несколько лет. Наша семья потратила на ее охрану столько, что всем нам можно было купить жен. Из-за нее мой младший брат не получил образования. И тут появляетесь вы. Что у вас, своих женщин мало?

— Очень много, — сказал я. — Даже больше, чем нужно.

— Я предупреждаю, что не позволю вам увозить Нарини. Ее передадут сильному клану. Там у нее будут замечательные, богатые мужья.

— Мужья?

— Разумеется. Разве вам не говорили, что полиандрия у нас официально признана?

— А она об этом знает?

— О полиандрии? Разумеется.

— И знает, что вы договорились продать ее?

— Еще узнает, — сказал Минро. — Я забочусь о ее безопасности и о безопасности моей семьи. Отец выжил из ума. А вы не смейте больше разговаривать с Нарини. Я вас пристрелю.

— Спасибо за предупреждение, — сказал я и пошел к себе.

Минро не знал, что выбрал для разговора со мной самый неудачный тон. Мне нельзя угрожать. Из-за этого я претерпел немало неприятностей, но любая угроза заставляет меня поступать наоборот.

Не могу сказать, что в тот момент я уже полюбил Нарини. Мне было приятно смотреть на нее, интересно разговаривать с ней. Я хотел ей помочь. Но любовь… Она могла возникнуть, могла и миновать меня. Кстати, и Нарини тогда меня не любила, но я мог изменить ее жизнь. И снять бремя с близких.

Нарини встретила меня у моей комнаты. За ней тенью брел ее младший братец.

— В нашем доме нельзя секретничать, — сказала она. — Я слышала, что вам говорил Минро.

В коридоре горела тусклая оранжевая лампа. Оттого в голосе и движениях Нарини мне чудилась тревога, которой, может, и не было.

— Вы хотите улететь со мной? — спросил я.

Она молчала.

— Пойдем, — сказал ее брат. — Пойдем спать.

— Да, — сказала Нарини, глядя на меня в упор.

Когда теперь я отсчитываю время нашей любви, я начинаю отсчет с этого взгляда.

Син-рано не спал. Мы пошли к нему. Он сидел в широком кресле, седая грива была встрепана.

— Знаю, знаю, — сказал он сварливо. — Ты как камень, брошенный в спокойный пруд. Только наш пруд неспокоен.

Сыновья его вошли в комнату вслед за нами.

— Дядя, — сказала Нарини. — Ким хочет, чтобы я летела с ним. Я согласна. Вы будете жить спокойно.

— Мне жаль, если ты улетишь, — ответил Син-рано. — Но я рад.

— Спасибо, дядя, — сказала Нарини.

— Я не допущу этого, — вмешался Минро. — Мой брат, — он показал на Рони, — пролил кровь. За кровь надо платить.

— Я так не думаю, — сказал Рони и покраснел.

— Вчера на нас напали люди Гобров. — Син-рано пристально глядел на Минро. — Кто их привел?

— Я их не звал.

— Получается гладко, — сказал Син-рано. — Они

уводят Нарини, ты не виноват, а деньги твои.

— Я оскорблен, — сказал Минро, брезгливо морщась.

— И не пытайся помешать им улететь, — предупредил отец.

— А мы? — спросил один из братьев Нарини. Его худое лицо посерело.

— Вы будете жить в моем доме. Как прежде, — ответил Син-рано.

В тот вечер я больше не говорил с Нарини. Нам было неловко под настороженными взглядами домочадцев.

Утром Син-рано отвез меня в Олимпийский комитет. На заднем сидении машины сидел Рони с автоматом. Син-рано был напряжен и молчалив — какой отец хочет сознаться в том, что опасается собственного сына?

Опасения Син-рано оправдались.

Нас подстерегли у касс, куда мы заехали из Олимпийского комитета, чтобы взять билеты на завтрашний корабль. Я не сразу сообразил, что произошло. Мы выходили из здания, Рони ждал нас у машины. Он стоял, прислонившись к ней спиной так, чтобы автомат не был виден, — он не хотел нарушать запрета на ношение оружия. Син-рано оглядел улицу в обе стороны и сказал:

— Идем.

Была середина дня, улица залита резким солнечным светом, прохожих не видно.

Я шагнул к машине, и тут же Син-рано рванул меня за руку и уложил на асфальт. Послышался мелкий дробный звук — пули бились о машину и стену дома. Рони упал на тротуар рядом с нами и, падая, открыл стрельбу.

Затем Син-рано втолкнул меня в машину, его сын прыгнул за нами, и машина сразу взяла с места. За нами гнались, пули ударяли в заднюю бронированную стенку, но мы удрали.

— Я не совсем еще сдал, — сказал Син-рано. — Как я тебя, а?

— И вам нравится такая жизнь? — спросил я, прикладывая платок к разбитому лбу.

— Может быть, — вдруг рассмеялся Син-рано.

Старшего сына дома не было. Он не вернулся до темноты.

Дом жил, как осажденная крепость в ожидании штурма. На закате подъехал броневик, в нем были друзья Син-рано, четверо могучих мужчин. Они вели себя как мальчишки, которым позволили поиграть в войну.

Нарини собрала небольшую сумку — мы не могли обременять себя багажом.

— Ты не передумала? — спросил я.

Она посмотрела на меня в упор.

— А ты?

— Тогда все в порядке, — сказал я.

В комнату зашел один из братьев Нарини. Он был расстроен, но старался держаться.

— Броневик отходит ровно в час ночи, — предупредил он.

— Если захочешь, — сказал я ему, — можешь прилететь к нам на Землю.

— Видно будет, — ответил он и посмотрел на сестру.

Штурм дома начался с темнотой. Это походило на приключенческое кино. Трассирующие пули вили в небе разноцветную сеть, мины рвались на лужайках и в кустах, коровы отчаянно мычали в хлеву. Полиция прибыла через час после начала боя, когда нашим уже пришлось отступить на крышу. Нападающих было много, и они не хотели отступать даже перед полицией.

Именно тогда, в полной неразберихе, Син-рано и осуществил свой план. Броневичок, на котором нам предстояло удрать, был спрятан за сараями. Кроме нас, в нем был только один из братьев Нарини. Остальные держали оборону.

Син-рано похлопал меня по плечу и сказал:

— Жду вестей.

Броневичок был легкий, верткий. Он выскочил за ворота и пошел к городу.

Враги слишком поздно заметили наше бегство. Нарини отстреливалась из пулемета в башне. Перед моими глазами были ее коленки в жестких боевых брюках, она отбивала пяткой какой-то странный ритм, совпадающий с ритмом очередей. Я не мог отделаться от ощущения, что все это ненастоящее.

Потом мы ехали несколько минут в полной тишине. Нарини наклонилась ко мне и спросила:

— Ты как себя чувствуешь?

Это были ее первые слова, которые в своей будничности устанавливали между нами особую связь, возникающую между мужчиной и женщиной, когда они вдвоем.

— Спасибо, — сказал я и пожал протянутые ко мне пальцы.

У космодрома мы попрощались с братом Нарини. Он старался не плакать.

Все было рассчитано точно — уже кончалась регистрация, и мы сразу оказались в корабле. Когда он поднялся, я вдруг понял, что страшно голоден, и зашел к Нарини — ее каюта была рядом с моей. Нарини сидела на койке, устремив взгляд

перед собой.

— Хочешь есть?

— Есть? — Она осознала вопрос, улыбнулась и сказала: — Конечно. Мы же с утра не ели.

Я впервые увидел, как она улыбается.

В полете мы много разговаривали. Мы привыкали друг к другу — в разговорах. И, расставаясь с ней на ночь, я сразу же начинал тосковать по ее голосу и взгляду.

Потом была пересадка. Этот астероид так и зовется Пересадкой, никто не помнит его настоящего названия. Тысячи людей ждали своих кораблей. Мы получили космограмму от Синрано. Все обошлось благополучно, только Рони угодил в больницу, его снова ранили. Старший сын вернулся домой утром. Теперь он будет жить отдельно.

Я представил себе его брезгливое лицо и платок, вытирающий указательный палец.

Там же меня ждало послание от моих тетушек. Их у меня пять, и все меня обожают. Я показал телеграмму Нарини.

Пять тетушек?

Она не могла привыкнуть к зрелищу многочисленных женщин, что так свободно гуляли по залу Пересадки. Мысль о существовании

нескольких женщин в одном доме была для нее невероятной.

— А дяди у тебя есть?

— С дядьями у меня туго, — сказал я.

— Почему? Твои тетушки некрасивы?

— Когда-то были красивы.

— Они не любят мужчин?

Я пожал плечами. Мои тетушки любили мужчин, но им не повезло в жизни.

Я спрятал в карман еще четыре космограммы.

— А это от кого? — спросила Нарини. — Тоже от тетушек?

Женщина очень быстро чувствует ложь даже не в словах, а в движениях мужчины.

— Это от моих невест.

— Ты шутишь?

— Почти.

— Ким, ты должен мне объяснить, что происходит.

Ее глаза порой могут метать молнии.

— Понимаешь, прогресс повторяет некоторые свои причуды… Когда-то, в восьмидесятых годах двадцатого века, у нас на Земле, в Японии, изобрели способ по желанию определять пол будущего младенца. Ведь ты не думаешь, будто Дарни исключение?

— Значит, у вас то же самое?

— То же самое не бывает, — сказал я. — Но когда родились первые «заказные» дети, когда эта процедура стала доступной, многие молодые семьи захотели, чтобы у них родился…

— Мальчик, — сурово сказала Нарини.

— Началось демографическое бедствие. За несколько десятилетий состав населения Земли резко изменился.

— Не объясняй, знаю.

— Мужчины стали значительным большинством населения. Падала рождаемость. Произошли неприятные социальные и психологические сдвиги. Однако мы спохватились раньше, чем вы. Было запрещено пользоваться этим методом. На всей Земле. С тех пор мы живем… естественно.

— Но почему тетушки, невесты… ты не договариваешь.

— Понимаешь, природа не терпит насилия. Она защищается. И когда «заказные» дети были запрещены, обнаружилось, что естественным путем у нас рождаются девочки. На каждого мальчика три-четыре девочки. Сегодня на Земле женщин вдвое больше, чем мужчин.

— И что же происходит? Мужчин продают? Отвоевывают?

— Нет, зачем же. Сейчас новорожденных мальчиков лишь на двадцать процентов меньше, чем девочек. Полагают, что лет через десять баланс восстановится. Но пока…

— Пока мы летим, чтобы меня убили твои невесты, — без улыбки сказала Нарини.

— Никто тебя не убьет.

Нарини молчала. Я молчал тоже, потому что вдруг понял, что я — обманщик. Почему я не сказал об этом раньше?

— Я не лечу на Землю, — сказала наконец Нарини.

— Куда же нам деваться?

— На любую планету, где всех поровну.

Мы пробыли на Пересадке лишних два дня, все это время я ходил вслед за Нарини и уговаривал ее рискнуть. В конце концов она согласилась.

С тех пор мы живем с ней в Москве. Мы счастливы.

У нас есть сын и дочь.

Мои тетушки приняли Нарини, они в ней души не чают. Раньше они никак не могли сойтись во мнении, какая невеста мне более подходит. Нарини разрешила их споры.

Нарини очень занята. Она председатель межпланетной организации «Равновесие». Когда я

называю эту организацию брачной конторой, Нарини обижается.

№ 3

Александр Спирин

Капитан и корабль

Капитан опять проснулся до подъема. Вставать не хотелось. Скоро кровать вздрогнет и корабль затянет какую-нибудь песню. Вчера он спел «Пора в дорогу, старина...» Песня понравилась капитану. Он целый день напевал ее, занимаясь топологической кинетикой, ради которой он и забрался в корабль. Чтоб не мешали работать.

Корабль запел: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

«Надо же, «граф», — думал капитан, умыва-

ясь. — А впрочем, разве «капитан» лучше? Капитан-пассажир, капитан-груз, капитан-балласт».

Он съел завтрак, приготовленный кораблем. Зачем тут вообще человек? Просто искали добровольца в годичный рейс до планеты Ветерок, где испортилась аппаратура связи. Оператор, прибывший туда на практику через квантовый туннель, огляделся и сказал: «Ну и старье! А это что за рычаг?» Вслед за тем раздался треск и связь оборвалась: перегорел спейсер. Теперь до Ветерка можно добраться только по старинке, на корабле. Новый спейсер лежал в грузовом отсеке, но капитан-балласт не знал, как эта штука выглядит. Его это не интересовало. Его интересовали изофазные полуперекрещения и чтобы никто не мешал.

Капитан доел завтрак и сказал «спасибо». Стол уполз в стену, выдвинулся пульт. Капитан углубился в топокинетику. У него мелькнула идея, еще совсем смутная, и тут корабль сбил его с мысли.

— Капитан, — сказал корабль. И замолчал.

Капитан попытался ухватить идею, но безуспешно.

— Послушай, — возмутился он, — мы же договорились, что во время работы ты обращаешься

ко мне только в исключительных случаях. В чем дело?

— Извините, капитан, небольшой сбой, — сказал корабль.

— У тебя бывают сбои? — удивился капитан и снова взялся за изофазные полу-перекрещения. И опять, будто нарочно, корабль остановил его на пороге решения. Словно захлопнул дверь перед самым носом.

— Капитан, — сказал корабль.

— Что такое? — заорал капитан.

— Причина обращения отсутствует, — ответил корабль.

Капитан онемел от возмущения.

— Извините, — вкрадчиво сказал корабль, — я все хотел спросить у вас, не перебегала ли вам дорогу перед стартом черная кошка?

— Ты не сломан? — испуганно спросил капитан.

— Нет, я исправен.

— Ты, главное, не волнуйся, — нервно сказал капитан. — Ты исправен, все хорошо, причина обращения отсутствует. Но что-то было, правда?

— Да, — сознался корабль.

— Что же?

— Не могу объяснить. Принцип непричинения

лишних волнений.

Капитан почувствовал, что ему становится жарко.

— А тебе не кажется, — вкрадчиво спросил он, — что твое запирательство причиняет мне еще больше волнений?

— Нет, не кажется.

— А теперь, когда я знаю про «нет» и могу подозревать худшее?

— Для поддержания ускорения пришлось увеличить расход горючего, — сознался корабль. — Если бы так пошло и дальше, мы не смогли бы выполнить полетное задание. Пришлось бы возвращаться на Землю, но такое решение вправе принять только вы, капитан. Опасная ситуация возникала дважды, но все приходило в норму до того, как я успевал передать вам сообщение.

— А как сейчас?

— Норма, — ответил корабль.

— Не падай духом, — успокоил его капитан. — Разберемся. В конце концов, в твоей памяти все знания человечества.

— Я не нашел объяснения в научных сведениях, — сказал корабль, — а когда привлек ненаучные — ну, про черную кошку, — вы решили, что я сломался.

Капитан отложил неоконченное доказательство и вызвал на экран график расхода топлива. Появилась голубая линия. Перерасходы горючего выглядели на ней, как холмы: плавное нарастание и резкий обрыв. Два пика. Второй заметно тоньше первого, значит, горючее расходовалось быстрее. А высота одинаковая, наверное, это тот критический уровень, когда корабль обращался к капитану. И само обращение устраняло перерасход. Мистика…

Через полчаса капитан сдался. Пора задать работу подсознанию, решил он, и переключился на топокинетику. Время от времени он поглядывал на график. Ничего нового не происходило.

Потом капитан забыл про график. Он вытаскивал из памяти ускользавшее решение — и вдруг увидел его целиком.

— Капитан! — немедленно отреагировал корабль.

— Отстань, — пробурчал капитан. — Сейчас мы перейдем к эн-мерному пространству…

Корабль взывал, требовал, грозил и умолял, но капитан только рычал в ответ, лихорадочно записывая решение. Когда он закончил и взглянул на экран, там выросла огромная ступень, втрое выше первых пиков.

— Пора тормозить, — обреченно сказал корабль. — Один час три минуты пять секунд до начала торможения. Один час три минуты ноль секунд до начала торможения…

Справа вспыхнула ярко-красная точка — видимо, последний момент, после которого на Землю уже не вернуться.

— Пятьдесят пять минут до начала торможения, — выкрикивал корабль. — Пятьдесят четыре минуты… Капитан, поздно будет!

Капитан не слышал его. Догадка медленно всплывала у него в голове. Одновременно красная точка угрожающе сдвинулась влево.

— Двадцать три минуты до начала торможения, — бубнил корабль.

— Замолчи, — сказал капитан. — Я знаю, в чем дело.

Как только он это произнес, красная точка съехала в левый конец экрана. Тормозить надо было два часа назад. А голубая линия образовала очередную ступень.

Корабль молчал.

— Изобрази ноль отсчета, — приказал ему капитан.

На экран снизу вплыла белая горизонтальная линия. Пики и ступени сжались и стали неза-

метными.

— А ты, оказывается, паникер, — сказал капитан.

— Запаникуешь, — нервно возразил корабль. — Мы в безвыходном положении, а я по-прежнему ничего не пониманию.

— Сейчас поймешь, — ответил капитан. — Дело в том, что информация имеет массу.

— Ничего подобного у меня не записано.

— У тебя еще много чего не записано. Пораскинь мозгами. Отчего увеличивался расход горючего как раз в тот момент, когда я находил решение? Новая информация — добавочная масса. И только.

— Может быть, вы еще объясните, откуда она берется? — злорадно спросил корабль, обиженный предложением пораскинуть мозгами.

— Не знаю, — сказал капитан. — Откуда-то из Вселенной. Но это потом, а сейчас нам надо избавиться от лишней массы и долететь до Ветерка. Что мы можем выбросить за борт?

— Ничего, — сразу ответил корабль.

— Разве что вы сами, капитан, можете выброситься, но это довольно сложно. Во-первых, люк заблокирован, во-вторых, у вас нет инструментов. Поэтому вы берете вилку, проковыриваете

пластиковую стенку — я покажу где — и портите блокировку. Люк придется открывать вручную, но он открывается вовнутрь и вам будет мешать атмосферное давление. Поэтому нужен рычаг. Вы разбираете кресло…

— Стоп, — сказал капитан, — А другого выхода нет?

— Но как же иначе предупредить человечество о том, насколько опасно совершать открытия, особенно те, на которые не рассчитаны ресурсы полета?

Из-под пульта выполз стол. На нем лежала вилка. Внутри кресла что-то тихо зажужжало, со звоном посыпались детали. Капитан вскочил, и в это мгновение от кресла отвалилась ножка.

— Чушь какая-то, — сказал капитан, рассеянно крутя вилку. — Я только что сделал два открытия, а ты предлагаешь мне роль балласта.

— Если бы вы могли их забыть, — возразил корабль, — все было бы в порядке. Но вы, люди, неважно устроены. Вы не умеете стирать из памяти информацию.

Капитан положил вилку на пульт и засмеялся.

— Вам плохо? — испугался корабль.

— Мне замечательно! Я не могу стирать, но ты можешь? Ну и сотри, сколько надо, чтобы приве-

сти массу в норму.

— А что стирать?

— Что хочешь. Найди что-нибудь.

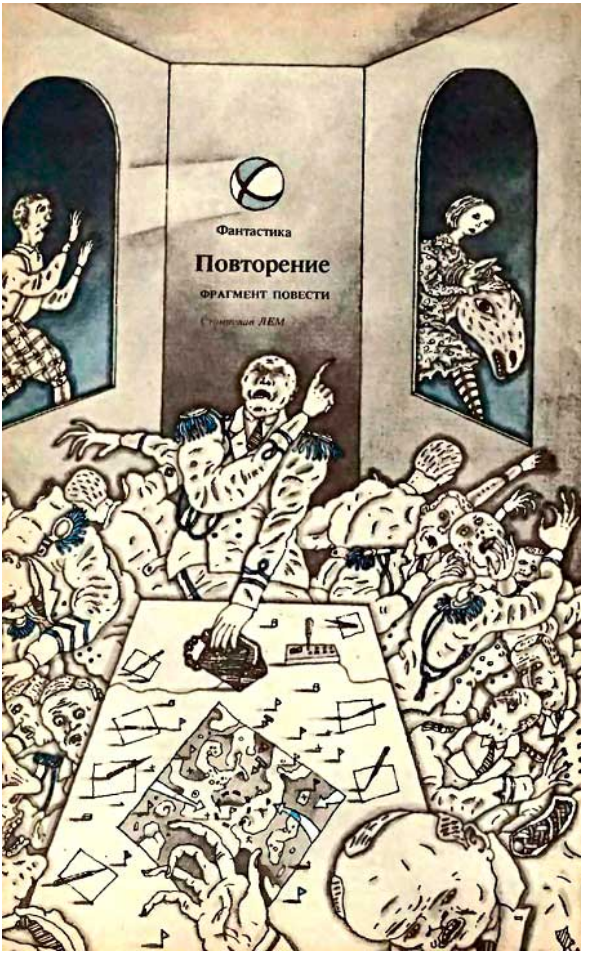
— Найди то, не знаю что, — проворчал корабль. — Так вообще останешься без памяти.

— Не останешься, — сказал капитан.

— Попробуй начать с песенок.

На следующее утро его разбудил вой сирены.

Станислав Лем
Повторение


Фантастика
Повторение
ФРАГМЕНТ ПОВЕСТИ
Станислав ЛЕМ

~~фрагмент повести~~

полный текст

Сколь ни широк жанровый и временной диапазон фантастики Станислава Лема — от действа в стиле народных легенд до межзвездных путешествий, — она никогда не отрывается от проблем, которые волнуют людей нашего времени. Взять хотя бы постоянных персонажей Лема — космических конструкторов Трурля и Клапауция; их поучительные приключения среди галактик неизменно напоминают нам о сегодняшнем дне и его заботах.

В повести «Повторение» конструкторы по заданию короля Ипполипа строят новые миры, в которых время подвластно их обитателям. Вроде бы идея сугубо фантастическая. Однако, прочитав предлагаемый вашему вниманию эпизод из повести, вы без труда разглядите за приключенческим сюжетом ясное авторское предупреждение. Его можно, наверное, сформулировать так: поиски абсолютного оружия бесплодны. Усовершенствование средств нападения влечет за собой наращивание ответной мощи у второй противоборствующей стороны. И так далее, вплоть до полного взаимного уничтожения. Если, разумеется, не остановить этот безумный процесс.

Предупреждение всемирно известного фантаста сегодня звучит особенно актуально. Отказ администрации США от

соблюдения договора ОСВ-2, выдвинутая ею «стратегическая оборонная инициатива» вызывает тревогу у всех здравомыслящих людей. Любые войны — «звездные», «темпоральные», всякие прочие — оборачиваются в конце концов против их зачинщиков и могут привести к глобальной катастрофе. Именно такой вывод следует из печального опыта экспериментального мира, который руками своих персонажей создал Лем.

Кресслин наклонился над столом.

— Это она? — спросил он, глядя на моментальные снимки.

— Да. — Генерал машинально подтянул брюки. — Севинна Моррибонд. Ты ее узнал?

— Нет, тогда ей было десять лет.

— Она не сообщит тебе никаких технических подробностей. Ты должен только узнать, есть у них Хронда или нет. И находится ли Хронда в оперативной готовности.

— А вы уверены, что она это знает?

— Да. Он не болтун, но от нее секретов не держит. Он на все готов, чтобы ее удержать. Почти тридцать лет разницы.

— Она его любит?

— Не думаю. Скорее, он ей импонирует. Ты из тех же мест, что и она. Это хорошо. Воспоминания детства. Но не слишком нажимай. Я рекомендо-

вал бы сдержанность, мужское обаяние. Ты это умеешь.

Кресслин молчал, его сосредоточенное лицо напоминало хирурга во время операции.

— Заброска сегодня?

— Сейчас. Каждый час дорог.

— А у нас есть оперативная Хронда?

Генерал нетерпеливо крякнул.

— Этого я тебе сказать не могу, и ты хорошо это знаешь. Пока существует равновесие, они не знают, есть ли Хронда у нас, а мы — есть ли у них. Если тебя поймают…

— Выпустят мне кишки, чтобы дознаться?

— Сам понимаешь.

Кресслин выпрямился, словно уже выучил на память лицо женщины на фотографиях.

— Я готов.

— Помни о стакане.

Кресслин не ответил. Он не слышал слов генерала. Из-под металлических абажуров на зеленое сукно стола лился свет электрических ламп. Двери распахнулись, вбежал адъютант с бумажной лентой в руке.

— Генерал, концентрация вокруг Хасси и Депинга. Перекрыли все дороги.

— Сейчас. Кресслин, все ясно?

— Да.

— Желаю успеха…

Лифт остановился. Дерн отошел в сторону и снова стал на место. К запаху мокрых листьев примешивался дразнящий и почти приятный запах азотистых соединений. «Прогревают первую ступень», — подумал Кресслин. Карманные фонарики выхватывали из мрака ячейки маскировочной сети.

— Анаколуф?

— Авокадо.

— Прошу за мной.

Он шел в потемках за коренастым бритоголовым офицером. Черная тень вертолета открылась во мраке, как пасть.

— Долго лететь?

— Семь минут.

Ночной жук взвился, спланировал, гудя, винт еще вращался, а Кресслин уже стоял на земле, невидимая трава стегала его по ногам, взметаемая механическим ветром.

— К ракете!

— Есть к ракете. Но я ничего не вижу.

— Я поведу вас за руку. (Женский голос.) Вот тут смокинг, прошу переодеться. Потом наденете эту оболочку.

— На ноги тоже?

— Да. Носки и лакированные туфли в футляре.

— Прыгать буду босиком?

— Нет, в этих чулках. Смотаете их вместе с парашютом. Запомнили?

— Да.

Он отпустил маленькую женскую руку. Переодевался в темноте. Золотой квадрат… Портсигар? Нет, зажигалка. Блеснула полоска света.

— Кресслин?

— Я.

— Готовы?

— Готов.

— В ракету, за мной!

— Есть в ракету.

Резкий луч освещал серебристую алюминиевую лестницу. Ее верх тонул во мраке — словно он должен идти к звездам пешком. Открылся люк. Он лег навзничь. Блестящий пластиковый кокон шелестел, прилипал к одежде, к рукам.

— 30, 29, 28, 27, 26, 25, 24, 23, 22, 21, 20. Внимание, 20 до нуля, 16, 15, 14, 13, 12, 11, внимание, через 7 секунд старт, четыре, три, два, один, ноль.

Он ожидал грохота, но тот, который вознес его, показался ему слабым. Зеркальный пластик расправлялся на нем, как живой. Вот дьявол, рот

затягивает! С трудом он отпихнул назойливую пленку, перевел дух.

— Внимание, пассажир, сорок пять секунд до вершины баллистической. Начинать отсчет?

— Нет, начните с десяти.

Хорошо. Внимание, пассажир, апогей баллистический. Четыре слоя облаков, цирростатус и циррокумулюс. Под последним видимость шестьсот. На красный включаю эжектор. Парашют?

— Спасибо, все в порядке.

— Внимание, пассажир, вторая ветвь баллистической, первый слой облаков. Температура минус 44, на земле плюс 18. До выброски пятнадцать. Наклонение к цели ноль на сто, боковое отклонение в норме, ветер норд-норд-вест, шесть метров в секунду, видимость хорошая. Желаю успеха. Выброс!

— До свидания, — произнес он, чувствуя нелепость этих слов, сказанных человеку, которого он никогда не видел и не увидит.

Он выпал во мрак, его выстрелило в твердый от скорости воздух. Свистело в ушах, он закувыркался, и тут же его с легким треском подхватило и потянуло вверх, словно кто-то выловил его из мрака невидимым сачком. Он поднял взгляд. Купол парашюта был невидим. Чистая работа!

Что-то засветлело под ногами. Черт, только бы не озерко! Один шанс на тысячу, но кто знает?

Он коснулся ногами волнующейся поверхности. Это была пшеница. Он нырнул в нее, его накрыла чаша парашюта. Согнувшись, он отстегнул ранец, начал сворачивать странный волокнистый материал, похожий на паутину. Он все скручивал и скручивал его, на это ушло много времени, пожалуй, около получаса. Но в хронограмму он уложился. Туфли надеть сейчас или позже? Лучше обуться сразу, пластик отражает свет. Он начал рвать на себе тонкую оболочку, будто сам себя распаковывал. Вот и сверток. Лаковые туфли, платок, ножик…

Где же стакан? Сердце заколотилось у него, как только он нащупал склянку. Он ничего не видел, тучи покрывали все небо, но когда он потряс стакан, послышалось бульканье. Внутри был вермут. Он не стал отдирать герметизирующую пленку. Положил обратно в карман, затолкал свернутый парашют в ранец, впихнул туда же толстые чулки, изодранный кокон.

Отыскал рычажок, дернул, словно открывал банку с пивом, бросил футляр на измятое место и стал ждать. Ничего. Немного дыма; ни пламени, ни искр, ни углей. Осечка? Пошарил рукой и чуть

не вскрикнул — там уже не было туго набитого ранца. Кучка теплых остатков, как будто прогоревший бумажный пепел. Чистая работа!

Кресслин одернул на себе смокинг, поправил бабочку и вышел на дорогу. Он шел по обочине, быстро, но не слишком, чтобы не вспотеть. Вот дерево. Липа? Пожалуй, еще не она. Ясень, да? Ничего не видно. Часовенка должна быть за четвертым деревом. А вот придорожный камень. Совпадает. Из ночи выдвинулась побеленная стена капеллы. Он ощупью отыскал двери, они легко отворились. Не слишком ли легко? А если окна не затемнены?

Он поставил на каменный пол зажигалку, щелкнул. Чистый белый свет наполнил замкнутое пространство, блеснула поблекшая позолота алтаря, окно, заклеенное снаружи чем-то черным. Он пристально вгляделся в свое отражение в этом окне, повернулся, проверяя плечи, рукава, отвороты смокинга — не пристал ли клочок пластиковой пленки. Поправил платочек, приподнялся на носках, как актер перед выступлением, чтобы успокоить дыхание, почувствовал слабый запах погасших свечей. Он потушил зажигалку, вышел во мрак, осторожно шагая по каменным ступеням, и осмотрелся. Кругом было пусто. Края

туч светлели, но месяц не мог пробиться сквозь них. Было почти совсем темно. Ровно шагая по асфальту, он кончиком языка коснулся коронки зуба мудрости.

Интересно, что там такое? Уж конечно не Хронда. Но и не яд. За какое-то мгновение он успел рассмотреть то, что «дантист» клал пинцетом в золотую чашечку коронки, прежде чем залить ее цементом. Комочек меньше горошины, будто слепленный из детского цветного сахара. Передатчик? Но микрофона у него не было. Ничего не было… Почему они не дали яду? Наверное, незачем.

В отдалении, за деревьями, показался дом, ярко освещенный, шумный. На втором этаже горели настоящие свечи, в канделябрах с зеркальцами. Теперь он принялся считать столбы ограды, у одиннадцатого замедлил шаг, остановился в тени, падающей от дерева, и коснулся пальцами проволочной сетки. Она, пружиня, подалась; он слегка наступил на ее нижнюю часть, которая не была сцеплена с верхней, перешагнул и оказался в саду. Перебегая от тени к тени, он очутился у высохшего фонтана. Тут он вынул из кармана стакан, ногтем подрезал пленку, сорвал ее, смял, сунул в рот и запил маленьким глотком вермута.

Теперь, держа стакан в руке и больше не скрываясь, он двинулся по дорожке прямо к дому, без спешки — гость возвращается с короткой прогулки… Кресслин поднес к носу платок и переложил стакан из руки в руку, когда проходил между тенями тех, кто стоял по обе стороны двери. Лиц он не видел и чувствовал только невнимательные взгляды.

Свет был почти голубым на первой лестнице, тепло-желтым на второй; музыка играла вальс. «Гладко, — подумал он. — Не слишком ли гладко?»

В зале было тесно. Он не сразу ее заметил; ее окружали мужчины с орденскими ленточками в петлицах. Их разделяли два шага, как вдруг на другом конце зала раздался грохот. Споткнулся какой-то лакей в ливрее, да так неловко, что поднос, уставленный бокалами, вылетел у него из рук. Что за тюлень! Окружавшие Севинну как по команде повернули головы в ту сторону. Один только Кресслин продолжал смотреть на нее. Этот взгляд, едва уловимый, озадачил ее.

— Вы меня не узнаете?

Она сказала «нет», чтобы оттолкнуть, отбросить его. Он спокойно улыбнулся:

— А карего пони помните? С белой правой баб-

кой? И мальчика, который испугал его мячом?

— Так это вы?

Им не понадобилось знакомиться, они знали друг друга с детства. Он танцевал с ней только один раз. Потом держался в отдалении. Уже после часа ночи они вместе вышли в парк. Вышли через дверь, о которой знала только она. Прогуливаясь с ней по аллеям, он тут и там замечал людей в тени деревьев. Сколько же их! Где они были, когда он перелезал через сетку? Странно.

Севинна смотрела на него. Ее лицо белело в свете луны, которая после полуночи все-таки прорвалась сквозь облака, как и ожидалось.

— Я бы вас не узнала. И все же вы мне кого-то напоминаете. Но не того мальчика. Кого-то другого. Взрослого.

— Вашего мужа, — ответил он спокойно. — Когда ему было двадцать шесть лет. Вы же видели снимки.

Она растерянно заморгала.

— Да. Но откуда вы знаете?

Он улыбнулся.

— По обязанности. Пресса. Временно — военный корреспондент. Но с гражданским прошлым.

Она не обратила внимания на его слова.

— Вы из тех же мест, что и я. Удивительно.

— Почему?

— Как-то… Это тревожит меня. Не знаю, как это выразить, но я почти боюсь.

— Меня?

Его изумление было искренним.

— Нет, что вы. Но это как бы прикосновение судьбы. Ваша похожесть, и то, что мы знали друг друга еще детьми.

— Что же здесь такого?

— Я не могу вам объяснить. Это всего лишь аллюзия, намек. Будто что-то произойдет этой ночью.

— Вы суеверны?

— Вернемся. Здесь холодно.

— Никогда не надо убегать.

— О чем вы?

— Не следует бежать от судьбы. Это невозможно.

— Откуда вам знать?

— Где теперь ваш пони?

— А ваш мяч?

— Там, где и мы когда-нибудь будем. Все вещи растворяются во времени. На свете нет лучшего растворителя.

— Вы говорите так, как будто мы старики.

— Время убийственно для старых. И непонятно

для всех.

— А если бы… Нет, ничего.

— Вы хотели что-то сказать?

— Вам показалось.

— Нет, не показалось, и я знаю, что вы имели в виду.

— Что же?

— Одно слово.

— Какое?

— Хронда.

Она вздрогнула. Это был страх.

— Не бойтесь, прошу вас. Мы оба — лишь двое посторонних, которые знают это, — понятно, кроме вашего мужа и команды доктора Соуви.

— Что вы знаете?

— То же, что и вы.

— Не может быть. Это тайна.

— Я не говорил этого слова никому, кроме вас. Я знал, что вам оно известно.

— Как вы могли узнать? Вы понимаете, чем рискуете?

— Я не рискую ничем, потому что мои сведения столь же легальны, как ваши. С той разницей, что я знаю, от кого вы их получили, а вы не знаете, откуда получил их я.

— Разница не в вашу пользу. Так откуда вы

узнали?

— А сказать вам, откуда узнали вы?

— Вы ничего не знаете! — она вся дрожала.

— Я не могу вам сказать. Не имею права.

— Но вы уже сказали…

— Не больше того, что сказал вам ваш муж.

— Откуда вы знаете, что это он?

— Никто из правительства, кроме премьера, не знает. Премьера зовут Моррибонд. Просто, не так ли?

— Но каким образом? Подслушивание?

— Не думаю. Не было нужды. Просто он должен был вам сказать.

— Не думаете ли вы, что я…

— Нет. Он сказал именно потому, что вы бы никогда не потребовали. Он хотел вам дать что-то, что имело для него высшую ценность.

— Значит не подслушивание, а психология?

— Да.

— Который час?

— Без двух минут два.

— Не знаю, что станет со всем этим. — Она смотрела в окружающий мрак. Тени ветвей, плоские и четкие, дрожали на посыпанной гравием дорожке. Казалось, что тени неподвижны, а дрожит земля. — Мы здесь уже скандально долго, — ска-

зала она. — Вы не догадываетесь, почему?

— Начинаю догадываться.

— Тайна, которая… Которая сделает это, уже не тайна за минуту до… часа ноль. Может быть, мы перестанем существовать. Вы это тоже знаете?

— Знаю. Но не этой же ночью!

— Именно этой.

— Однако еще недавно…

— Да, были кое-какие сложности. Но теперь их нет.

Она почти касалась его груди. Говорила, не видя:

— Он будет молодым. Он в этом уверен.

— Ну да, конечно.

— Не говорите ничего, прошу вас. Я не верю, не могу верить, хотя и знаю… Это словно не взаправду, так не бывает. Но теперь уже все равно. Никто не может этого отменить, никто. Или я увижу его молодым, таким, как вы сейчас, или… Реммер говорил, что возможно скольжение, я опять стану ребенком. Вы последний человек, с которым я говорю перед этим.

Ее трясло. Он обнял ее. Как бы не осознавая, что говорит, пробормотал:

— Сколько времени осталось?

— Минуты… В два часа пять минут… — шеп-

нула она.

Он склонился над ее лицом и одновременно изо всех сил надавил на металлический зуб. Ощутил в голове легкий щелчок и провалился в небытие.

Генерал машинально подтянул брюки.

— Хронда — это темпоральная бомба. Ее взрыв вызывает местную депрессию во времени. Образно говоря, как обычная бомба делает в грунте воронку, то есть пространственную депрессию, так Хронда углубляется в настоящее и утягивает, спихивает все окружающее в прошлое. Размер сдвига, так называемый ретроинтервал, зависит от мощности заряда. Теория хронодепрессии сложна, и я не в состоянии вам ее изложить. Однако принцип уловить легко. Течение времени зависит от всемирного тяготения. Не от местных полей тяготения, а от вселенской гравитации. Даже не от самой гравитации, а от ее изменения. Гравитация во Вселенной уменьшается, это как бы другая сторона течения времени. Если бы гравитация не изменялась, время остановилось бы. Его не было бы вовсе. Где находится ветер, когда он не дует?

Генерал продолжал:

— Так объясняется и появление космоса. Он не был создан, но существовал вне времени, пока гравитация была неизменной. Но с тех пор как она начала уменьшаться, космос расширяется, Звезды вращаются, атомы вибрируют, а время идет. Связь гравитонов с хрономами и использована при создании Хронды. Пока мы не умеем манипулировать временем иначе как импульсами. Это, собственно, не взрыв, а резкое западение, причем самый глубокий сдвиг в прошлое происходит в точке ноль. Кресслин нажал на зуб в 1 час 59 минут, и через двадцать секунд сработали все наши оперативные Хронды стратегического назначения. Западение было кумулятивным. Поэтому зона, пораженная хронодепрессией, имеет форму почти правильного круга. В пункте ноль депрессия составляет, вероятно, от 26 до 27 лет, эта величина постепенно снижается к периферии. На пораженной территории у неприятеля были лаборатории, заводы, склады и хронополигоны, построенные лет десять назад. Сейчас там нет ничего, что могло бы представлять для нас угрозу.

— Генерал!

— Слушаю, господин министр.

— На каком основании вы утверждаете, что

благодаря Кресслину мы упредили хрональный удар неприятеля?

— Приказ гласил: если до удара остается больше 24 часов, зуба не трогать. Если удастся узнать какие-нибудь подробности операции, касающиеся ее сроков, мощности зарядов, количества Хронд, он должен сообщить об этом через особое звено нашей разведки. Если бы враг собирался атаковать нас в течении суток, а Кресслин не смог вступить в контакт со связным, он должен был привести в действие автоматический передатчик, закопанный в лесу под Хасси. И только в случае, если не оставалось времени добраться до передатчика, а нападение должно было произойти в самое ближайшее время, ему разрешалось нажать на зуб. Подчеркиваю, Кресслин не знал механизма западения, он ничего не знал о наших Хрондах, не знал даже, что у него в зубе. Мой ответ удовлетворил вас?

— Нет. Вы возложили на плечи одного человека слишком большую ответственность. Как мог ваш агент решать судьбы мира?

— Позвольте разъяснить. До заброски Кресслина мы располагали информацией. Очевидная цель неприятеля — наш хрональный центр. Обе стороны не знали, насколько продвинулись

работы у противника, но расположение нашего комплекса «С» было им известно, так же как и нам — дислокация их хроноцентра. Скрыть такие огромные комплексы невозможно.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Как раз приступаю. Если провести концентрические круги постепенно убывающего поражения вокруг нашего комплекса «С», то Хасси находится в зоне сдвига на десять, а Лейло на двадцать лет. Вчера утром мы получили сообщение, что Моррибонд выезжает на инспекцию войск, расположенных на нашей границе. В восемь вечера пришло сообщение, что вопреки первоначальному намерению остановиться в гарнизоне Аретон, он задержался в Лейло.

— Постойте, господин генерал! Не хотите ли вы сказать, что Моррибонд намеревался омолодиться, используя хрональный удар, который они хотели нам нанести?

— Именно так. Моррибонду шестьдесят лет, его жене двадцать девять. Минус двадцать лет у него и минус десять у нее — сорокалетней мужчина и девушка девятнадцати лет. А кроме того, главное и решающее обстоятельство — он страдал миастенией в тяжелой форме. Врачи давали ему два, ну, три года жизни.

— Это абсолютно точно?

— Практически да. К тому же у него своеобразное чувство юмора. Операция шла под кодовым названием «Балкон».

— Не понимаю.

— Ну как же — Ромео и Джульетта, сцена на балконе. И при этом должен был погибнуть весь наш хрональный потенциал.

— Но получилось наоборот?

— Именно. Потому что, по их плану, местом западения должен быть комплекс «С», и он выслал жену в Хасси, а сам поехал в Лейло, расположенный рядом с нашей границей. На совете в генштабе мы определили ситуацию как критическую и выслали Кресслина немедленно. Около полуночи он приземлился под Хасси. Поскольку мы ударили первыми, изохроны депрессии имели порядок спада, обратный тому, который планировал неприятель. Ведь это мы попали в их хрональный комплекс.

— Ну и что? Моррибонд помолодел меньше, чем хотел, а его жена больше. Какое это имеет стратегическое значение?

— Имеет, господин помощник государственного секретаря, и политическое — тоже, потому что в неприятельском правительстве сменится

премьер-министр. Западение, вызвавшее депрессию, на самой границе своего действия создаст небольшое концентрическое вспучивание времени. Это похоже на действие обычной бомбы: центр воронки заглубляется, вокруг нее образуется кратерный вал. Хронда сбивает настоящее вспять, а на границе западения время передвигается вперед. Лейло как раз в этом районе, и время подвинулось там лет на десять вперед.

— И Моррибонду теперь семьдесят? Великолепно! — захихикал кто-то.

— Учитывая то, что я говорил о болезни, Моррибонда уже нет в живых. Еще вопросы?

— Мне хотелось бы знать, как выглядит прошлое после западения Хронды. Физики утверждают, что прошлое в точности не воспроизводится.

— Это верно. Западение не приводит к идеальному сдвигу календаря, не возрождает того конкретного состояния, которое существовало в тот день, час и минуту. Каждый материальный объект становится моложе — вот и все. Прошлое как совокупность событий, которые уже произошли, не возвращается и не повторяется. О том, абсолютен ли этот запрет, наши эксперты предпочитают умалчивать. Хорошей моделью может служить ситуация на футбольном поле, когда

один игрок сделает пас, а другой вернет ему мяч. Возвращаясь, мяч не упадет строго на то же место. Этот пример уместен и потому, что мяч нужно ударить, его не передвигают микрометрическими винтами. Так и западение — это резкое, не поддающееся мелочному учету вмешательство в течение времени.

— Но вы же сами говорили, что шестидесятилетний становится сорокалетним!

— Это совсем другое. Его организм станет моложе только физиологически. То же произойдет с любым предметом. Дерево, скажем, превратится в саженец. Но если, к примеру, взять скелет, который сто лет пролежал в земле, и изъять из него несколько костей, то после западения перед нами будет скелет, который пролежал только восемьдесят лет, но изъятые кости назад не вернутся. Если кто-то недавно потерял ногу, то после западения и в четверть века он ее назад не получит. Так что Хронда не осложнена парадоксами, которые связаны с путешествиями во времени…

— А машины? Книги? Здания? Чертежи?

— Здание, возведенное сто лет назад, изменится незначительно. Однако постройка из бетона, который затвердел восемь лет назад, окажется грудой песка, цемента и гравия, ведь бетон ста-

новится самим собою лишь после того, как он образовался из смеси ингредиентов. Это касается любых объектов.

— Уверены ли вы, что противник уже не располагает потенциалом для контрудара?

— Стопроцентной уверенности нет. Пессимистическая оценка — мы уничтожили 80 процентов их потенциала, оптимистическая — 98 процентов.

— Нельзя ли использовать Хронды для каких-нибудь других целей, кроме уничтожения неприятельских Хронд?

— Можно, господин председатель, но уничтожение Хронд противника, а так же их производственной базы — абсолютно первоочередная задача. Сохранив наш потенциал неприкосновенным, мы получили полное стратегическое и тактическое превосходство. Разумеется, господа, вы понимаете, что я ничего не могу сказать вам о том, как мы намереваемся использовать это преимущество. Вопросов нет? Благодарю за внимание. Что за шум? Почему включили громкоговорители?

— Внимание, внимание! Тревога первой степени. Локаторами замечен сход с орбит спутников врага в количестве четырех единиц. Антираке-

ты первой линии перехвачены противником. Один спутник сбит прямым попаданием. Действия локаторов затруднены ионным облаком, выброшенным симулирующей головкой уничтоженного спутника. Внимание, внимание! Наземные индикаторы будут сообщать о вероятных целях, намеченных противником. Цель номер один: комплекс «С», предельное отклонение от двух до пяти миль от точки ноль. Цель номер два: главный штаб, предельное отклонение две-три мили от точки ноль.

— Оставшиеся двадцать процентов летят нам на голову! — завопил кто-то. Сидевшие за столом вскочили. Где-то поблизости жалобно завыла сирена.

— Господа, прошу оставаться на местах! — надрывался генерал. Западение не представляет угрозы для жизни. Кроме того, нет способов укрытия или изоляции. Сохраняйте спокойствие!

— Внимание, внимание! Второй спутник уничтожен в ионосфере ракетным залпом. Два оставшихся спутника вошли в мертвую зону противоорбитальной обороны. Изменяют траекторию с семидесятикратной перегрузкой. Внимание! Оба вражеских спутника на оси целей номер один и номер два. Входят в зону непо-

средственного поражения. Внимание! Объявляю тревогу наивысшего угрожаемого положения. Семь секунд до нуля. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Внимание! Но…

Изображение погасло и воцарилось молчание.

Перевод с польского Игорь Левшин

№ 4

Георгий Николаев

Встречный и поперечный

Он сидел ко мне спиной на поваленной сосне и шелестел бумагой.

Я в нерешительности потоптался на месте, еще раз оглядел редкий лес и негромко кашлянул. Он оглянулся.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Добрый вечер…

Я подошел ближе. Теперь он сидел вполоборота ко мне и ждал, что я скажу дальше. Я ничего не сказал. У него на коленях в газете с жирными пятнами лежала колбаса. Граммов триста на первый взгляд. В правой руке он держал перочинный нож.

— Садись, — сказал он и подвинулся, освобождая мне место между торчащими из ствола сучьями.

— Спасибо.

Я сел и достал пачку сигарет.

— Куришь?

— Курю, — сказал он и стал резать колбасу. — Но сначала я ем.

Он аккуратно нарезал колбасу, положил вместе с газетой перед собой на землю и достал из привалленного к сосне рюкзака буханку хлеба.

— На, — сказал он мне, протягивая хлеб и перочинный нож, — Режь, а я пока минеральную открою.

Я нарезал хлеб и положил на газету рядом с колбасой. Он уже разливал по стаканам.

— За знакомство, — сказал он, протягивая мне стакан.

— За знакомство, — согласился я. — А ты откуда?

— С Марса, — сказал он.

Я выпил и поставил стакан на землю.

— Ешь, — сказал он. — Закусывай.

— Ну и как там, на Марсе? — спросил я, устраивая на куске хлеба два куска колбасы.

— Да ничего, — ответил он, роняя изо рта крошки, — все так же. Пылища страшная.

— А здесь что делаешь? — поинтересовался я.

— Отдыхаю. Я в отпуске.

Он сел поудобнее и стал делать себе еще один бутерброд.

— Мне путевку в месткоме дали, — продолжал он, — со скидкой, почти бесплатно. Дурак я что ли такую возможность упустить? Когда еще на Землю попадешь… Правда, путевка туристическая, без удобств, но все равно лучше, чем болтаться в битком набитой летающей тарелке… А ты почему не удивляешься?

— С какой стати мне удивляться?

— Так ведь марсианин я, — сказал он, — не кто-нибудь. Я здесь две недели уже околачиваюсь, и, как кому-нибудь скажу, все удивляются.

— А чего они удивляются? — спросил я. — Ты же отдыхать сюда прилетел, не работать.

— Откуда я знаю, чего они удивляются? — взорвался он. — Сколько лет сюда с Марса валом

валят отдыхать, пора бы привыкнуть.

— Тогда зачем ты хочешь, чтобы я удивлялся?

— Ну… — он замялся. — Запутал ты меня. Давай допьем?

Я кивнул. Он разлил остатки по стаканам и залпом выпил.

— Хороша минералка, — сказал он. — У нас на Марсе намного хуже.

Мы жевали хлеб с колбасой и молчали. Каждый думал о своем. Сгущались сумерки.

— Небо здесь замечательное, — сказал он задумчиво. — И воздух. А на Марсе сейчас дышать нечем, и температура минус пятьдесят по Цельсию. А мне улетать завтра.

— Плюнь, — сказал я, — не улетай, если тебе здесь нравится.

— Ты что, парень, — удивился он, — я же по путевке, она у меня кончается. И на работу надо. И что я жене скажу?

Он завернул остатки хлеба и колбасы в газету и засунул в рюкзак.

— Хорошая у меня путевка, — вернулся он к своим мыслям, — вот только ночевать сегодня негде. У тебя свободного угла не найдется?

— Не найдется, — сказал я. — Нет у меня свободного угла.

— Ну, может, у знакомых, — продолжал он. Здесь ведь деревня большая, неужели у знакомых не найдется?

— Нет у меня знакомых. — Мне было холодно и хотелось есть. — Я не местный.

— А откуда же ты? — полюбопытствовал он.

— С Венеры.

— Постой, — сказал он, страшно удивившись, — разве и с Венеры сюда на курорт прилетают?

— Какой к черту курорт, — ответил я. — У нас здесь гауптвахта.

— А-а, — сказал он понимающе. — Сочувствую. — И, сложив вещи в рюкзак, поднялся: — Ну, тогда я пойду.

— Ты на меня не обижайся, — сказал я. — Мне хуже твоего.

— Понятное дело, — согласился он. — Если хочешь, прилетай как-нибудь на Марс в гости. В шахматы перекинемся.

— На Марс по своей воле? — переспросил я. — Никогда в жизни. Мы его как холодильник используем. Лучше ты ко мне прилетай.

— А какая у вас погода?

— Когда как. Позавчера было плюс семьсот пятьдесят по Фаренгейту и облачно, вот меня и развезло.

— Нет, — сказал он. — Я тоже не смогу. У меня давление повышенное.

— Жалко, — сказал я.

— Что делать... — Он надел рюкзак. — Пойду я. Привет.

— Привет, — сказал я. — Только колбасу оставь. Она мне нужнее.

Он помедлил, но, видно, решил, что я прав, и оставил. Все мы люди, в конце концов.

Э. Тихов

Финтифлюшки

У Журавлева твердый характер. Спросите кого угодно: товарищей по работе, научного руководителя, жену, Володю, да любого спросите. Только не Леночку, она еще не знает, что такое характер.

Как-то раз Журавлев сидел за столом, склонившись над листом бумаги. Вошла жена. Он поднял голову, долго смотрел куда-то, потом старательно вымарал букву «фи» в длинной формуле, а на ее место аккуратно вписал «бэту». После этого Журавлев на некоторое время задумался. Он не замечал, как начинает нервничать жена. Нако-

нец, с видом человека, прыгающего в холодную воду, выхватил изо рта карандаш, провел над «бэтой» черточку и опять впился в карандаш зубами.

— Журавлев! — окликнула жена.

Он оторвался от листа и посмотрел, не совсем понимая, откуда здесь эта женщина.

— Я больше не могу так, — сказала жена. — Уйду от тебя.

Журавлев перестал грызть карандаш, повертел его между пальцами, еще раз осмотрел жену, наклонился над листом бумаги, зачеркнул черточку над «бэтой» и только тогда сообщил свое решение:

— Угу.

— Что «угу»? — растерянно переспросила жена.

— Угу означает «да», — не вдаваясь в подробности, объяснил Журавлев После чего неуверенно зачеркнул «бэту» и снова написал «фи».

Журавлев работал над теорией горения мелко распыленного жидкого топлива. Он получил результаты, которые специалисты в глаза и за глаза называли фундаментальными. Научный руководитель торопил Журавлева с оформлением диссертации. Текст был уже готов, но Журавлев

не давал его машинистке. Мешал один-единственный досадный изъян: капелька топлива, попавшая в горячую струю воздуха, сгорала ровно в два с половиной раза медленнее, чем получалось по теории.

Научный руководитель не раз объяснял Журавлеву, что в подобных случаях принято вводить поправочный коэффициент на неучтенные факторы. В теории горения мелко распыленного топлива этот коэффициент принимается равным двум с половиной, что приводит к полному совпадению экспериментальных данных с расчетными Жена тоже склонялась к тому, чтобы считать поправочный коэффициент красивым завершением многолетней работы и тайком откладывала деньги на банкет. Но надо помнить, что у Журавлева твердый характер, и деньги, скопленные на банкет, лежали без движения.

У Журавлева все по науке. Когда жена уезжает в командировку и оставляет детей на его попечение, он закупает побольше всяческих концентратов, добросовестно, от начала до конца, читает инструкции на пакетах и делает все, как написано. Он теряется только, когда требуется добавить что-нибудь по вкусу. Такие инструкции Журавлев не любит.

На этот раз жена задержалась на работе, магазин закрыли, времени до поезда оставалось в обрез, и она не успевала приготовить ужин. Ничего не оставалось, как доверить это дело Журавлеву. Он сидел в обычной позе, но было видно, что у него не ладится, и жена начала разговор осторожно:

— Журавлев, я еду в командировку.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— Все хорошо, только интеграл не берется. Ума не приложу, как этот синус попадает в знаменатель. Ты не знаешь, откуда берутся такие синусы?

— Не знаю. Я еду в командировку, — терпеливо повторила жена.

Но именно в этот момент Журавлев догадался, как проучить нахала в знаменателе, и принялся строчить карандашом, быстро превращая хорошую бумагу в макулатуру.

Жена понимала, что карандаш уже не остановится, и начала устный инструктаж непосредственно на рабочем месте. Она знала странное свойство памяти Журавлева: как бы ни была занята его голова, все сказанное он запомнит.

— Володя простужен, — говорила она голосом

гипнотизера, — поставишь ему горчичники. Концентратов нет, купишь завтра сам, а сегодня на ужин приготовишь вермишель со шкварками. Возьмешь эмалированную кастрюлю…

— Хорошо, хорошо, — прервал ее Журавлев, — прочитаю и сделаю. Вермишель по-научному.

И тут жена взорвалась.

— Что ты прочитаешь? — истерически крикнула она, но не получила ответа и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Через полчаса Журавлев понял, что проиграл битву с синусом. Он вздохнул и отправился на кухню браться за ужин. Здесь его ждала неприятность. В кухонном шкафу не оказалось пачки вермишели, на которой заботливые люди написали способ приготовления. Вермишель была пересыпана в трехлитровую банку, на банке красовалась этикетка «Огурцы консервированные» и еще какие-то сведения о консервном заводе, которые Журавлев по привычке старательно изучил.

Такого удара он не предвидел. Первое, что пришло ему в голову, — поджарить яичницу, и дело с концом. В холодильнике сразу нашелся кусок сала, однако при самых тщательных поисках удалось обнаружить только одно яйцо. На троих

мало.

Потерпев неудачу с яичницей, Журавлев задумался. Леночка уже начинала потихоньку ныть, а Володя, хоть и молчал, время от времени заглядывал на кухню. Тогда Журавлев решительно взял эмалированную кастрюлю, высыпал в нее полбанки вермишели, залил сверху холодной водой, поставил кастрюлю на газ и бодрым голосом успокоил Леночку:

— Уже варится, потерпи.

Вспомнив, что Володе нужны горчичники, Журавлев, заглянул в аптечку и понял, что сегодня на редкость неудачный день. Горчичников не было. Он вслух пожаловался Леночке, и она с невинным выражением на лице предложила:

— Сделай банки. Вовка их боится.

Сама по себе идея была неплохой, если, конечно, знать, где банки. К тому же нужен спирт или хотя бы одеколон. Но деться было некуда, и, взяв Леночку за руку, Журавлев сказал:

— Пойдем поищем.

Едва начав поиски, Журавлев понял, насколько это бессмысленно. Его угнетал тот факт, что банки могут быть только в одном каком-то месте и поиски во всех других местах — пустая трата времени. Он перебрал все, что стояло на одной из полок в стенном шкафу, мысленно прикинул, сколько в доме таких полок, посмотрел на часы, вздохнул и решил, что лучше будет для начала найти спирт. Журавлев не был суеверным, но ему казалось, что стоит оборваться цепочке неудач, как все пойдет великолепно. Он открыл дверцу буфета, увидел восемь стопочек, составленных по две, одна в другой, и в голове у него шевельнулась смутная мысль. Он застыл неподвижно, а потом хлопнул себя рукой по лбу:

— Ну конечно, чем не банки!

Журавлев повеселел: еще посмотрим, чья возьмет.

В это время на кухне кто-то начал чавкать, захлебываясь и торопясь.

— Вовка, еще не все готово, подожди, — крикнул Журавлев, направляясь на кухню. Там никого не было. Журавлев пожал плечами и повернулся, чтобы продолжить поиски, но в это мгновение за спиной кто-то тяжело вздохнул. Журавлев медленно, боясь спугнуть неведомое существо, повернул голову Вокруг было пусто. Вздох повторился. Журавлев напряженно прислушался, не понимая, что же в конце концов происходит, и ушел из кухни, отложив загадочное явление на потом. Его проводил печальный вздох и едва ощутимый запах горелого.

Так и не отыскав ни спирта, ни одеколона, Журавлев начал сомневаться, есть ли они вообще в доме. Зато он нашел непочатую бутылку водки, припасенную кем-то еще в те времена, когда производство градусов на душу населения постепенно возрастало. Журавлев с досадой поморщился: это надо же, где-то люди тратили время, смешивали спирт с водой, а теперь он и гореть не будет. Хотя с научной точки зрения все явления, кроме роста энтропии и финансовых расходов, обратимы. Если кто-то смешал, то можно и разделить…

Эта неожиданная мысль прибавила Журавлеву энергии. Он схватил бутылку и помчался на

кухню. И правильно сделал. Синеватый дымок подымался над кастрюлей с вермишелью; она уже не чавкала и не вздыхала, а как-то жалобно всхлипывала. По кухне распространялся едкий запах.

Журавлев бросился спасать свое творение. Он выключил газ, снял крышку и уставился на кастрюлю, пытаясь понять, как в ней могла образоваться такая сплошная нераздельная масса. Он несмело надавил на нее ложкой, но безрезультатно — ложка не проникала вглубь. Это озадачило Журавлева, впрочем, ненадолго. Он схватил кастрюлю, перевернул ее над эмалированной миской и легонько встряхнул. Кастрюля оставалась такой же тяжелой. Он потряс сильнее. Вермишель не поддалась. Он тряхнул кастрюлю изо всех сил, раз и другой, опасаясь, как бы не оторвать ручки. Но кастрюля была сделана крепко, а вермишель вмазана в нее еще крепче.

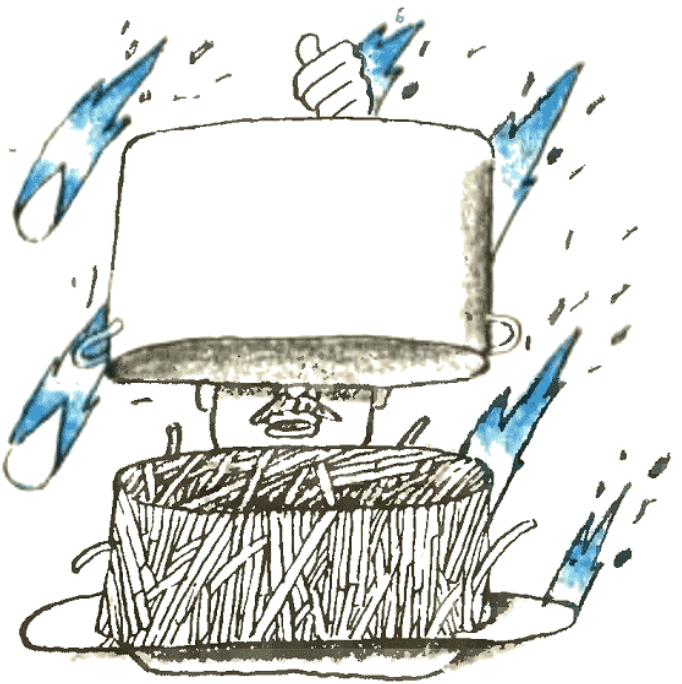
— Кушать хочу, — заволновалась Леночка.

— Видишь, уже готово, сейчас выну и сядем ужинать, — не очень уверенно пообещал Журавлев.

Леночка запустила палец в рот и уставилась на кастрюлю. На кухню зашел Володя и понял, что можно развлечься.

— Давай помогу, — предложил он. — Ты держи, а я буду выколачивать.

Журавлев поднял непослушную кастрюлю над миской. Володя, сцепив пальцы, обеими руками нанес сокрушительный удар по донышку, совсем как супермен в американском фильме. Журавлев услышал знакомый вздох, и вся масса нехотя переместилась в миску.



Даже опытный глаз не мог бы распознать в

ней вермишель. Скорее это был пасхальный, кулич, приготовленный незадачливой хозяйкой и подгоревший до черноты. Журавлев срезал ножом черную корочку, осторожно отрезал ломтик, попробовал. Все бы ничего, но не было соли. Журавлев задумчиво почесал затылок, а Леночка приготовилась плакать.

— Не ной, сделаем финтифлюшки, — неожиданно для самого себя заявил Журавлев, решив идти до конца непроторенными путями.

Лицо Леночки просветлело.

— Что сделаем? — спросила она.

— Финтифлюшки. Помнишь мамину жареную булку? У нас будет еще вкуснее.

Журавлев однажды видел жену за приготовлением жареной булки. Процедура показалась ему интересной, но что-то помешало досмотреть до конца, и он чувствовал себя не совсем уверенно.

Нарезав вермишелевый кулич тонкими ломтиками, Журавлев разбил в тарелку последнее яйцо, добавил муки и сахара, плеснул молока, добросовестно посолил, размешал и начал открывать подряд коробочки со специями. Он не мог бы объяснить, почему некоторые тут же закрывал, а из других доставал понемногу того и этого. Настроение у него портилось, дурные предчувствия сгущались. Когда он растопил на сковородке сало и, обмакнув ломтики в тарелку, стал их жарить, накаких надежд не оставалось. Первую партию Журавлев даже не попробовал. Однако на всякий случай скомандовал:

— Мойте руки и садитесь.

Через три минуты он снял со сковородки вторую партию финтифлюшек — и застыл от удивления. Леночка и Володя, повернувшись, смотрели на него с затаенным восторгом, а в тарелках было пусто.

За второй партией последовала третья. Журавлев начал понимать, что ему самому ничего не достанется, и его охватила гордость, какой он не испытывал даже после успешного выступления на международном симпозиуме.

Через десять минут от финтифлюшек ничего не осталось, а Журавлев, перелив водку в чай-

ник, принялся добывать из нее спирт. Спирта получилось значительно меньше, чем обещала этикетка, возможно, существовал какой-то не открытий еще закон перехода качества в количество. Зато горел он отлично.

Прихватив с собой табурет, Журавлев направился в детскую комнату и громко крикнул:

— А ну, в постель!

Он поставил на табурет все восемь стопочек, налил в крайнюю немного свежего спирта, обмакнул ватку на палочке и поджег. Он делал все как положено, однако стопки не хотели держаться у Володи на спине.

— А мама мажет мазелином, — с расстановкой сообщила Леночка.

Гидравлический запор! Мог бы сам догадаться. Однако легко сказать: вазелин. Журавлев и не пытался разыскать его. Он порылся на всякий случай в холодильнике, набрел на сливочное масло и решил, что подойдет. Действительно, подошло. Журавлев, не глядя, нащупывал очередную стопку, переворачивал ее над огнем и быстро ставил на спину Володи, пока не добрался до последней, в которой оставался спирт.

Голубое пламя полыхнуло в перевернутой стопке, и огненный поток хлынул на пол, пере-

брался на край простыни, свисавшей с кровати. По полу растекался горящий спирт, а Журавлев, как завороженный, смотрел на последние капли, которые отрывались от стекла и летели вниз.

— Конвекция… Конечно, конвекция… — бормотал он, не обращая внимания на полыхающий неровным огнем край простыни.

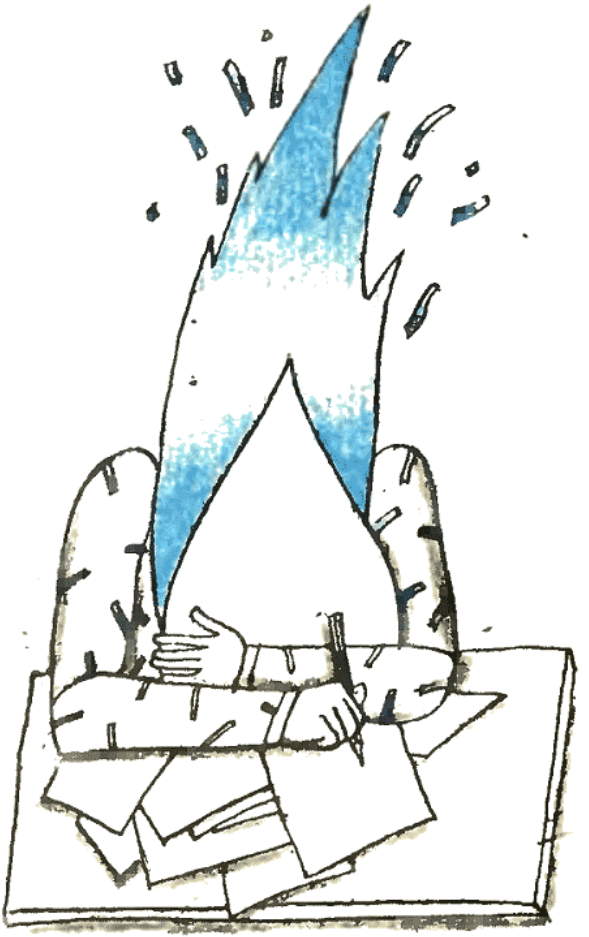
— Пап, а пап! — позвал Володя. — Что-то горит.

Журавлев очнулся. По полу расползалось огненное пятно. Схватив подушку с кровати Леночки, Журавлев сбил с простыни пламя и затоптал огонь на полу. Он укрыл Володю одеялом, вернул Леночке ее подушку и пошел к себе, пробормотав вместо «спокойной ночи» что-то невнятное о конвективном потоке. По бумаге побежали ровные ряды букв и цифр, теперь уже вполне послушных Журавлеву. Горящая капля перед его глазами медленно плыла вниз, и встречный поток воздуха набегал на нее, срывая пламя, и она, крошечная, зависала в этом потоке…

Все двери квартиры были раскрыты, но Журавлев не слышал, как разговаривали дети, как чмокали стопки, которые Леночка двумя руками отрывала от Володиной спины, как смолкли наконец разговоры и послышалось тихое сопенье. Он работал, и, хотя до конца было еще далеко,

он уже знал, что поправочного коэффициента не будет.

Вернувшись из командировки, жена никак не могла понять, что произошло. Журавлев ходил молчаливый, задумчивый, но чем-то довольный, а дети потребовали на ужин финтифлюшки. Перелистав свои поваренные книги, она не нашла такого блюда и начала приставать к Журавлеву, чтобы он рассказал, чем кормил детей в ее отсутствие. Но Журавлев молчал. Он не проговорился, даже когда защитил диссертацию, и молчит до сих пор. Зная его характер, можно не сомневаться, что рецепт финтифлюшек для человечества утрачен.



№ 5

Михаил Успенский

Холодец

Однажды Юрий Олегович говорит жене (а жену звать Анжела):

— Анжела, а Анжела! Мне кажется, что мы слишком много тратим на питание. Сегодня сервелат, завтра карбонат, послезавтра корейка с грудинкой. Давай-ка покупать субпродукты и варить из них простой студень-холодец. Сэкономим деньги и купим в Крыму домик.

Другая женщина посмотрит — рублем подарит, а вот Анжела глянет — будто заначенную десятку из рук вырвет.

— Чем придумывать, научился бы лучше семью содержать!

Юрий Олегович огорчился, но виду не подал, чтобы жену пуще не сердить. Пошел в магазин, накупил ножек, рожек и прочего, что годится в холодец. Все воскресенье варил, потом понес на балкон студить.

Ночью Юрий Олегович проснулся оттого, что за окном происходила гроза. Он глянул в окно и увидел, как молния с неистовой силой ударила в ведро с холодцом.

«Пропал мой холодец», — подумал Юрий Олегович и заплакал тихонько, чтобы жена не услышала.

Рано утром он вышел на балкон и заглянул в

ведро. Молния не повредила холодец, даже напротив — на вид он был крепенький, живой. Юрий Олегович хотел попробовать холодец пальцем, но холодец не стал дожидаться, сам потянулся к руке. Юрий Олегович испугался: неизвестно, то ли ты его съешь, то ли он тебя. Скорее закрыл ведро крышкой и сверху пригнетил камнем, которым капусту давят. Пусть теперь вылезет! И пошел на работу.

Приходит с работы, ему и страшно, и интересно. Взял лыжную палку, столкнул крышку. Глядь, холодца и след простыл, а в ведре лежит непонятная штука — рыба не рыба, ракушка не ракушка. Юрий Олегович вспомнил, что где-то эту штуку видел, еще тогда, когда книжки читал. Снял с полки пятьдесят томов энциклопедии и перелистал. Оказалось — трилобит, древнее ископаемое животное.

Тут Юрий Олегович понял, что произошло с холодцом: под влиянием грозы в ведре возникли те же условия, что в старые годы на Земле, когда жизнь только зарождалась. Припомнилась ему и картинка, как живые существа по ранжиру выходят из моря, развиваясь на ходу. Только в ведре, видно, дела шли поживей: пока Юркй Олегович листал энциклопедию, трилобит превратился в

старшего по званию моллюска аммонита. Его в энциклопедии удалось найти быстро, потому что он на букву «а».

Юрий Олегович обрадовался. Он придумал вот что: дождаться, пока холодец разовьется в гигантского ящера диплодока. Потом этого ящера сдать куда следует на мясо, тогда хватит и на домик в Крыму. Анжеле он ничего не сказал, пусть будет сюрприз. Каждый день заглядывал в ведро, наблюдая там последовательное развитие живой материи и торжество дарвинизма. Все шло, как полагалось по энциклопедии.

А потом случилось несчастье. Юрия Олеговича послали в срочную командировку. На десять дней. И не то обидно, что командировка никудышная, а то, что можно ни за что ни про что потерять гигантского ящера диплодока и через него домик в Крыму. А если ящер вылезет и перепугает Анжелу?

Никакого ящера дома не было. Анжела сидела за праздничным столом, рядом с ней находился волосатый детина, одетый в лопнувшую по швам любимую рубашку хозяина. Детина, увидев Юрия Олеговича, недовольно заворчал и стал показывать мохнатой лапой на дверь. Юрий Олегович по нял, собрал чемоданчик и ушел.

Теперь он живет на частной квартире. Хороший жилец, только странный: как соберется гроза, так он холодец варит. Тащит его на двор, подсовывает под молнии. Видно, надеется, что получится еще раз живое существо. Тогда-то он доведет его — нет, не до ящера диплодока. Потерпит Юрий Олегович недельку-другую, пока не разовьется вещество в первобытную женщину — верную жену, любящую мать, надежного товарища.

№ 6

Юрий Брайдер, Николай Чадович

Сигнал тревоги

За 47 лет до сигнала тревоги. Бьернский лес

…Пули режут, буравят, стегают снег. Можно без труда представить, что будет, если одна из них все-таки доберется до меня, — ударит стремительно и жестоко, глубоко вонзаясь в податливую человеческую плоть, расплющится о кости, а потом зашипит, остывая в крови. Сколько боли и горя может принести один-единственный кусочек свинца! Раздумья философа, вдохновенье поэта, материнская любовь — ничто перед ним. Страшный мир, страшные времена…

Цепь прикрытия уже совсем редкая. Люди по одному отползают вниз по склону котловины. Женщин и детей давно не видно. Где-то слева начинает хлопать миномет. Никому не дано услышать пулю, несущую смерть, но звуком роковой мины можно наслаждаться в свое удовольствие. Поэтому, услыхав очередной квакающий хлопок, хочешь не хочешь, а сжимаешься в комок и молишь: «Пронеси, пронеси, пронеси!»

Зеленая ракета. Наконец-то! Можно уходить. Неужели через несколько минут все кончится? Нет, нельзя думать об этом сейчас. Свист мины все ближе, ближе, ближе. «Пронеси, ну пожа-

луйста, пронеси!» Вспышка, удар, тьма. Боль, как будто по голове ударили железным прутом. Что-то липкое заливает глаза. Это кровь, моя собственная кровь! Почему так много крови? Помогите! Не оставляйте меня здесь! Меня ждут! Мне нельзя умирать!

Сигнал тревоги. Внутренний пост охраны Центра физических исследований, Бьернский лес

…Даже летом попасть на внутренний пост считается удачей. А про зиму или осень и говорить нечего. Тут и подремать можно. Если б еще не эти головастики… Ученые-переученые. Здороваются вежливо, а смотрят на тебя как на пустое место. Или еще хуже. Наша форма похожа на полицейскую, а кто сейчас уважает полицию?

Час ночи. Что-то тихо сегодня. Головастики угомонились. Вот у кого работа! В кнопки потыкал, покурил, бумагу помарал — и пожалуйста, в кассу. Видел я, сколько им там отваливают. И за что, спрашивается?

Так, проверка была в полночь. Следующая часа

в три. Главное — не уснуть. Не пойму, что это со мной сегодня. Зря я у того головастика сигарету взял. Может, зелья какого подсунули? С них станется. Не спать, только не спать…

Шум какой-то. Кто шумит? Почему спать не даете? Опять, наверное, жена на кухне кастрюлями ворочает. Не спится старой ведьме… Что это мне в рот пихают? Мама, да ведь я на посту! Куда меня тащат? Где пистолет? Нет, не отпущу! Хотите тащить — тащите вместе со столом. Где-то тут кнопочка была, ее ногой положено нажимать. Ничего, я и рукой достану. Сейчас, сейчас… Вот она!

Через 50 минут после сигнала тревоги.

Шале в окрестностях озера Лакки, вблизи Бьернского леса

…Мне восемьдесят семь лет. Возраст патриарха. Что ни говори, а старость занятная штука. Иногда она бывает мудрой и величественной, иногда жалкой и отвратительной. Моему школьному учителю истории было меньше лет, чем мне

сейчас, а он не мог сам вытереть нос. Умолкал посреди фразы и сидел, раскрыв рот. После занятий школьный сторож уводил его домой, и мы улюлюкали вслед. Как жестока бывает юность! Ясно помню все это, помню имена и клички одноклассников, помню легковесную школьную физику, глупую историю, смешную словесность. Говорят, клетки мозга не стареют. Стареют и обрываются связи между ними. Связи в моем мозгу, видимо, сделаны из сверхпрочного материала. Забывать я не умею. И это страшно. Забвение — божий дар. Но для меня забвения нет. Люди называют меня гением. Называют безумцем. Провидцем. Маньяком. Даже плешивым болтуном. А я обыкновенный ученый. Наукой я кормился всю жизнь, из-за науки потерял близких, а потом продал душу дьяволу. Сейчас собираюсь искупить грехи с помощью той же науки.

Телефонный звонок. Голос начальника охраны:

— Простите за беспокойство, профессор, но у нас неприятности. На Центр совершено нападение.

Встаю. Под халатом у меня костюм. Даже туфли этой ночью я не снимал.

Через 1 час 30 минут после сигнала тревоги.

Центр физических исследований, Бьернский лес

За длинным, почти пустым столом сидят несколько человек. Верхний свет погашен, горят только настольные лампы.

— Все в сборе, — говорит степенный человек в очках с толстыми стеклами. У него одутловатые щеки и седые усы щеточкой. Похож на сельского священника или на лавочника, но всем присутствующим известно, что он занимает высокий пост в столичной полиции. — Предупреждаю, вести записи нельзя. Господин министр, начинайте.

— Происшествие, из-за которого меня сюда пригласили, нельзя назвать приятным, — говорит человек с несколько тяжеловатым, но обаятельным лицом. Чувствуется, что он привык бывать на людях, выработал у себя манеры этакого чуть грубоватого, но прямого парня. — Нам придется выработать решение, единственно приемлемое в данной ситуации, а также определить лиц, виновных в том, что эта ситуация возникла. Прошу

высказываться.

— Позвольте мне. — Кто-то из сидящих у дальнего конца стола встает. Лица его не видно в полумраке. — Я начальник охраны Центра.

— Валяйте, — говорит министр. — Можно сидя.

— С вашего разрешения я подойду к макету. Направьте сюда свет, пожалуйста… Территория Центра огорожена по периметру металлической стеной высотой в пять метров. По ее верху идет козырек из колючей проволоки, через которую пропущен ток высокого напряжения. Имеется контрольно-следовая полоса и сейсмические датчики, реагирующие на подкоп. Единственные ворота тщательно охраняются. Само здание Центра железобетонное, толщина стен от ноль семи до полутора метров. Двери бронированные, банковского типа, открываются только изнутри. Внутри здания выставляется постоянный пост, еще два парных наряда со служебными собаками патрулируют периметр. Охранная и тревожная сигнализация выведена сюда, в главный пост наблюдения, где в резерве находятся шесть вооруженных человек. Воздушное пространство над Центром контролируют два зенитно-ракетных комплекса.

— Выходит, Центр неуязвим? — спрашивает

военный. Знаков различия не видно под пятнистым маскировочным костюмом. Лицо кажется металлической отливкой, только что вынутой из формы и еще не очищенной от земли. — Какого же дьявола мы здесь собрались?

— После окончания рабочего дня в Центре осталась только дежурная смена, — несколько помедлив, продолжает начальник охраны. — Примерно в час ночи мой помощник лично проверил посты.

— Он входил внутрь здания? — спрашивает полицейский.

— Нет. Для контроля несения службы используется двусторонний телевизионный канал.

— Дальше.

— В 2.07 главный пост наблюдения принял сигнал тревоги.

— Что это могло означать?

— Неожиданное нападение на охранника, при котором он не может воспользоваться другими средствами связи.

— Как действовал ваш помощник?

— В это время он проверял наружные посты, о случившемся ему стало известно только в 2.20. Камеры телеконтроля внутри здания к этому моменту уже не действовали. Так же, как и сред-

ства связи.

— Странно, — говорит полицейский. — Обычно террористы стараются сохранить связь. Как же иначе они смогут предъявить свои требования?

— Террористы, террористы! — вмешивается министр. — Откуда вы взяли, что это террористы? Не забывайте, мы живем в разделенном мире. Не исключено, что в Центр проникли диверсанты одной из враждебных нам держав. Как раз вчера у побережья замечена неопознанная подводная лодка.

— Это была полузатопленная яхта, — уточняет полицейский.

— В 2.28, — продолжает начальник охраны, — у самых дверей Центра обнаружено тело неизвестного человека с признаками огнестрельных ранений. Одежда и личные вещи отсутствовали.

— Что он — голый был? — удивляется министр.

— Он был завернут в кусок ткани, предположительно — портьеру из холла.

— Нудистское движение в этом не замешано?

— Скорее всего, нет, — голос полицейского по-прежнему бесстрастен, но усы шевелятся, что означает крайнюю степень раздражения.

— Где же сейчас этот… Аполлон? — Министр

выжидающе смотрит на начальника охраны.

— Доставлен на вертолете в военный госпиталь.

— Какой план действий вы предлагаете?

— Вызвать штурмовую группу со специальным снаряжением. Высадить вертолетный десант на крышу. Пробить потолочные перекрытия. Дальше действовать в зависимости от обстановки.

В комнату бесшумно, как тень, входит еще один человек. Он что-то шепчет министру на ухо.

— Конечно, — отвечает тот. — Пригласите немедленно.

Человек-тень, пятясь, исчезает. В ярко освещенном дверном проеме появляется длинная сутулая фигура. Это научный руководитель Центра. Его редкие седые волосы растрепаны. Кожа на лице кажется предназначенной для другого черепа, на несколько размеров больше. Взгляд цепкий и умный, совсем не старческий.

— Простите меня, профессор, — говорит министр, — но обстоятельства вынуждают задать вам несколько вопросов. Скажите, пожалуйста, какого рода работа велась сегодня ночью в Центре?

— Этой ночью мы занимались структурным анализом стохастических темпоральных век-

торов.

— Еще раз прошу прощения. У вас, ученых, есть странная манера затемнять свои мысли мудреными словами. Когда я в детстве жил на ферме у дяди, его поросята страдали криворылостью. А знаете, как называл эту болезнь ветеринар? Атрофический ринит! Я эти слова запомнил на всю жизнь.

— Да-да, профессор, не темните, — подает голос военный.

— Рассказывайте, что вы изобретали: бомбы, газы или еще что похуже?

— Бомбы? Боюсь, что разочарую вас. Наша работа никак не связана с таким важным и почетным делом, как уничтожение себе подобных. Мы изучаем одно из фундаментальных свойств мироздания — темпоральный вектор, или, попросту говоря, Время. Некоторые из вас посмотрели на часы; увы, к нашей работе они имеют такое же отношение, как школьная линейка к расширению Вселенной. Течение времени прерывисто, оно распадается на ряд бесконечно малых темпоральных квантов. Мы научились использовать энергию, заключенную в этих квантах, и примерно год назад построили тоннель, соединяющий наше время с одной из точек минус-вектора, то

есть с прошлым. Несколько позже такой же результат был получен и на плюс-векторе. Вникать в проблему глубже кажется мне бесполезным.

Все молчат. Военный барабанит пальцами по столу. Министр шепотом совещается со своим референтом. Наконец полицейский задает вопрос:

— Поясните, что вы имели в виду, когда говорили о тоннелях в прошлое и будущее.

— От обычных тоннелей они отличаются только тем, что развернуты не в пространстве, а во времени. Кроме того, темпоральные тоннели практически не имеют глубины. Вход и выход у них — нечто единое.

— На что конкретно похож этот вход?

— Более всего на глаз или на мертвое пятно урагана.

— По тоннелю можно проникнуть в здание Центра? — спрашивает полицейский.

— Теоретически — да. Но, повторяю, воронка, которая образуется в месте материализации тоннеля, представляет собой довольно жуткое зрелище. Вряд ли кто-нибудь осмелится приблизиться к ней.

— А эти тоннели можно… как бы лучше сказать… закрыть или выключить?

— Только по приказу из аппаратного зала.

— А если прекратить подачу энергии?

— Это был бы трагический шаг. Стоит хотя бы на полчаса отключить внешний источник энергии, как силы станут неуправляемыми. Трудно даже представить, чем это грозит. Не исключено, что наша планета будет выброшена из Солнечной системы.

— Хор-рошенькую кашу вы заварили! — цедит сквозь зубы военный. — Что же вы предлагаете?

— Ждать. Ни в коем случае не идти на обострение. Кем бы ни оказались те, кто захватил Центр, они рано или поздно дадут о себе знать.

— Благодарю вас, — подчеркнуто вежливо говорит министр, приподымаясь с кресла. — Теперь позвольте несколько слов мне. Известно ли присутствующим, сколько средств было истрачено на строительство Центра? Не всем? Тогда смотрите! — Он поднимает над головой лист бумаги, на котором жирно нарисована цифра со многими нулями. — Наша маленькая страна никогда не располагала подобными средствами. Нам помогли, нам предоставили кредиты. Результатами исследований интересуются не только наши друзья и союзники, но и враги — вы понимаете, о чем я говорю. Страшно подумать, что будет, если исследования прекратятся. Штурм, немедленный

штурм — вот единственное решение!

Человек-тень на полусогнутых ногах подбегает к министру и что-то говорит ему.

— Прекратилась подача энергии? — переспрашивает тот. — Когда? Пять минут назад! Что бы это могло значить, профессор?

— Одно из двух: либо тоннели уже не существуют и сработала автоматика отключения, либо через двадцать пять минут все мы распадемся на элементарные частицы.

— Проводите меня в бомбоубежище, — ледяным голосом требует министр.

— Никакое бомбоубежище не поможет, — говорит профессор.

— Вы во всем виноваты! Вы! — Голос министра срывается на визг. — Маньяк! Сумасшедший!

В комнату вбегает еще кто-то и кричит:

— Двери Центра открыты! Что делать?

— Инициативу берет на себя армия, — отвечает военный и надевает фуражку. — Всем остальным держаться во втором эшелоне.

Через 5 часов 40 минут после сигнала тревоги.

Центр физических исследований, Бьернский лес

…Та же комната. Шторы отдернуты, в высокие окна врываются потоки солнечного света. За столом нет только военного. Все горько рыдают, беспрерывно утираясь платками.

— Можно подвести некоторые итоги, — сквозь слезы говорит министр. — И откуда вы только берете эту дрянь? У меня скоро глаза вытекут!

— Вы сами санкционировали применение этой дряни силами безопасности, — отвечает полицейский. — Незачем было так рано снимать противогазы. Газ не успел выветриться из одежды.

— Ну что ж, продолжим. Итак, нападающих и след простыл, научные сотрудники невредимы. Потери понесла лишь наша доблестная армия. Ранен полковник, к счастью, легко.

— В здании обнаружены гильзы только от автоматов «Штейер», которыми была вооружена штурмовая группа, — ни к кому конкретно не

обращаясь, говорит полицейский. — Ягодицу полковнику прострелил кто-то из своих. Противник, если он действительно существовал, не произвел ни единого выстрела.

— Что скажет профессор? — обращается к научному руководителю министр.

— Оборудование разрушено, документация уничтожена, темпоральные тоннели не существуют. Сотрудники арестованы, мне не дали даже поговорить с ними.

— Их допрашивает следователь. Оборудование мы купим новое, документацию придется восстановить.

— Центр заказывал себе уникальное оборудование. Документация считалась особо секретной и существовала в единственном экземпляре. На ее восстановление уйдут годы, а мне за восемьдесят. Поздно начинать все сначала.

— К этому мы еще вернемся, а сейчас нам надо выработать итоговый документ. Прошу высказываться. Начальник охраны!

— Считаю доказанным, что нападение произведено изнутри. По словам сотрудников, они не успели рассмотреть нападающих. В тот момент они собрались у какого-то прибора и не видели ни дверей, ни входных воронок темпоральных тон-

нелей. Цель нападения очевидна — уничтожить все результаты работы Центра. Повреждены только те приборы, которые существуют в единственном экземпляре. Документация сожжена не вся, триста томов вспомогательных материалов не тронуты. Все это смахивает на инсценировку.

— И следовательно, вашей вины здесь нет. А откуда взялся человек на крыльце? — интересуется министр.

— Этого я пока объяснить не могу.

— Хорошо, можете сесть. Что скажет наука?

— Постараюсь придерживаться строгой логики. Нам надо ответить на три вопроса: кто они, как проникли в Центр и куда потом исчезли. Без сомнения, пришли и ушли они через темпоральные тоннели, причем через разные. Ленты самописцев контрольно-регистрационного комплекса сохранились. Было их много, около двухсот человек. Дюжина из них весила от тридцати до сорока килограммов. Приходилось ли вам слышать о террористах с детским весом? Наш Центр — транзитный пункт, связывающий две весьма отдаленные эпохи. Какие именно, мы не знаем. Откуда пришли наши гости — из прошлого или из будущего? Я считаю, что из будущего. Тише! Сейчас поясню. Допустим, что сто, двести или ты-

сячу лет назад в этом лесу прямо из ничего вдруг возникла черная, жуткого вида воронка, вблизи от которой волосы на голове трещат и встают дыбом. Сунулись бы вы в нее? Поволокли бы своих детей? Наши предки, ревностные лютеране, а до этого столь же ревностные католики, никогда бы не решились на такое. Добавлю, что нападение было произведено быстро и деловито, словно по инструкции. Похоже, что неведомые гости в точности знали, как себя вести. Но знать о будущем невозможно, знать можно только прошлое.

— Не так быстро, пожалуйста.

— Извините. Представим себе мир будущего, того далекого будущего, когда естественные процессы эволюции Солнечной системы сделают жизнь на Земле почти невозможной. Бессмертное человечество покинет свой тесный, обветшалый дом и расселится в Галактике. А наша планета превратится в провинциальное захолустье. Какие-то люди все же останутся на ней, жалкие полудикие пасынки рода человеческого, лишь смутно помнящие былое величие своих предков. Среди этих легенд будет и пророчество о том, что рано или поздно близ одного вполне определенного места появится черная воронка, пройдя сквозь которую можно спастись от всех

грядущих бедствий. Ведь как бы мы ни старались скрыть все происшедшее здесь, со временем оно неизбежно получит огласку и запечатлится в человеческой памяти. Вам понятна моя мысль?

— Более или менее.

— Наши далекие потомки будут охранять это место, некогда называвшееся Бьернским лесом, они поставят здесь свои капища и будут ждать спасения. И наконец появляется черная воронка: пророчество сбылось! Собираются все верящие в идею переселения, они действуют строго по плану, принявшему вид религиозной догмы. Охрана и сотрудники Центра связаны. Дорога в прошлое — туда, где вдоволь еды и прохлады, где тучная земля и обильная охота, — открыта. Последние из уходящих разбивают аппараты, избегая погони. Тоннель медленно угасает и сворачивается, автоматика отключает подачу энергии. Освободившийся от веревок охранник открывает двери. Вот и все… Последний вопрос — куда они ушли. Скорее всего, в поздний плейстоцен: ведь происхождение кроманьонцев до сих пор не объяснено. И в самом деле, откуда взялись эти люди современного типа?

— Да-а, — с расстановкой говорит полицейский. — Неожиданный поворот. А как вписыва-

ется в вашу версию раненый?

— Миг, за который человек преодолевает темпоральный тоннель, в другой системе отсчета равен тысяче лет. Вполне возможно, что за столь долгий промежуток времени какая-нибудь шальная пуля пересекла именно этот участок пространства и стала роковой для одного из путешественников. Соплеменники, не надеясь на свои медицинские познания, оставили его в нашей эпохе.

— Профессор, вы нездоровы, — вкрадчиво произносит министр. — То, что вы наговорили, похоже, извините, на бред. Не было никаких тоннелей! Вы просто прикарманили деньги, отпущенные для исследований, а потом разыграли спектакль, чтобы замести следы…

— Прошу внимания! — Полицейский смотрит в бумагу, которую ему только что передали. — Поступило сообщение из госпиталя. Доставленный туда человек умер, не приходя в сознание. Имеется заключение экспертов. Это представитель европеоидной расы, примерно восемнадцати лет от рода, с нормальным развитием.

Последнее время он плохо питался и почти не мылся. На ладонях следы пороховой копоти. Видимо, он продолжительное время стрелял из огнестрельного оружия. Раны осколочные, сквоз-

ные. Бинты и вата на ранах из аптечки Центра. Вот его фото.

— Типичный гангстер.

— Симпатичный юноша.

— На дикаря не похож… Что с вами, профессор?

— Вы сказали — он умер?

— Да, полчаса назад. Вам плохо?

— Нет, я устал. Помогите мне выйти отсюда.

Через 11 месяцев после сигнала тревоги.

Старое кладбище близ Бьернского леса

…Снова этот тип здесь. Тем лучше. Рано или поздно наш разговор должен состояться.

Смотрит в мою сторону. Узнал. Здоровается еле слышно. Саркома горла, это вам не шутка. А может, очередной фокус? Старый фигляр!

Здравствуйте, профессор. Прогуливаетесь? А чья это могилка? Ах да, того самого террориста… Как я поживаю? Неплохо, на жизнь хватает. Но все равно обидно. Кто обидчик? Не догадываетесь? Вы! Не перебивайте. Не знаю зачем, не знаю

как, но это ваша работа. А виновным оказался я.

Конечно, я вам многим обязан. Вы сделали меня начальником охраны. Я верил вам, но я не был слеп. В Центре работали только преданные вам люди. График работы постоянно нарушался. Я замечал снег на каблуках ваших ботинок, когда вы выходили из аппаратного зала. И это в августе! Целый год вы что-то готовили.

В конце концов комиссия приняла вашу версию. Еще бы, вы умеете сочинять сказки. Кочевники из будущего! Они поверили: хоть какое-то объяснение. И все бы у вас вышло гладко, если бы не труп. Откуда у пришельца из будущего кровь, идентичная крови уроженцев здешних мест? Даже у японцев, даже у итальянцев кровь другая. А пороховой нагар на пальцах? А след на руке от прививки оспы? Не говорите ничего! Вы снова одурачите меня. Я сам все узнаю. И в первую очередь — кто лежит в этой могиле. С чего бы, кстати, вам брать на свой счет все погребальные услуги? Белый мрамор, каждый день красные розы… Хорошо, я убираюсь. Да, я щенок, не спорю. Но рано или поздно у щенков вырастают зубы…

Несколько минут спустя. То же место

…Щенок может идти по следу. Но он не умеет думать. За него думает хозяин. Есть ли у этого щенка хозяин? Вряд ли. Он запретил бы ему тявкать.

Вчерашние розы увяли, надо принести свежие. На этом кладбище уже не хоронят. Из зарослей дикой малины торчат замшелые памятники. Христос, несущий свой крест. Бог сна Гипнос со сложенными крыльями. Скорбь, бессильно уронившая руки… Мне тоже лежать здесь. Хорошо бы умереть летом…

Впервые я пришел в этот лес почти полвека назад. Был ноябрь. Быстро стемнело, а я все бродил в холодном сыром мраке. Я искал сына, бесследно пропавшего здесь два года — назад. Искал его тело, его незримые следы, хоть какое-нибудь упоминание о нем.

Перед самой войной я напечатал несколько работ, довольно поверхностных, по квантовой статистике. Благодаря этому меня в числе немногих переправили в Англию. В военном самолете не хватило мест для моей семьи. Мальчик провожал меня на аэродром, из коротких рукавов

пиджака торчали измазанные чернилами руки. Он был талантлив. Намного талантливее меня. Уже тогда его занимали мысли о материальной природе времени.

Весной сорок третьего каратели окружили в Бьернском лесу отряд Сопротивления, в котором воевал мой сын. Окружили, но уничтожить не смогли. Отряд исчез вместе с жителями лесной деревушки, давшей ему последний приют. Сведения эти совершенно точные, немецкая бухгалтерия в таких вещах не ошибается. В случае удачи они не преминули бы составить и список трофеев. Отряд вырвался из ловушки, но ни один из его бойцов не объявился в этом мире.

Я облазил весь лес. Чуть ли не через сито просеивал землю там, где находил следы боя. Расспросил всех людей в округе. В военной тюрьме отыскал двух предателей, участвовавших в операции на стороне немцев. Сведения были противоречивы и туманны. Мне говорили что-то о странном шуме в чаще, о загадочных вихрях…

По памяти я восстанавливал разговоры с сыном. На чердаке нашего старого дома отыскал чудом уцелевший чемодан с его записями. И однажды утром, прямо на обоях, я набросал первую формулу. Не тщеславие руководило мной и не

жажда познания. Я помешался на одной-единственной идее: уверовал в то, что спасу сына, раскрыв тайну времени.

Я работал круглые сутки, даже за едой, даже во сне. Когда спустя многие годы что-то стало получаться, мною заинтересовались. Я избегал публикаций, сторонился шумихи, но машина уже завертелась. Я построил Центр физических исследований и том самом месте, где исчез отряд. Наконец, темпоральные тоннели были созданы. С огромным трудом удалось отыскать нужную точку прошлого. Каждую ночь я выходил в лес, в лес давно минувшей кровавой зимы, и искал там сына. А когда мы встретились, он не узнал меня. Потом узнал и заплакал. Представьте — из жалости ко мне! Мы проговорили всю ночь.

«Кто победил?» — спросил он меня. Чувствовалось, что этот вопрос давно мучил его. Мы, ответил я. Объединенные нации. Русские, американцы, англичане. «А как там в будущем?» Страшно, сказал я. Ты еще не знаешь, что такое атомная бомба. «Нетрудно догадаться. Энергия делящегося атома, используемая для убийства. Ты тоже участвовал в этом?» Да. Но больше я не сделал ничего плохого. «А разве темпоральная энергия не сможет стать оружием?»

И тут словно пелена упала с моих глаз. Я подумал о деньгах, которые шли неизвестно откуда. Вспомнил военных — своих и иностранных, что-то слишком зачастивших в последнее время к нам в Центр. Я представил себе, как сконцентрированное темпоральное поле сметает города…

Уйти со мной в ту ночь он отказался. Я дал ему обещание спасти весь отряд. Мы назначили операцию на следующие сутки. Я еще долго глядел ему вслед. Мальчик сильно изменился. От бледного подростка с измазанными руками почти ничего не осталось. Это был мужчина, боец.

Почему конечным пунктом переброски я выбрал не настоящее, а будущее? Потому что не смог бы скрыть в Центре появление стольких людей. И еще, менять горящий корабль на тонущую лодку не в моих правилах. Только сын должен был остаться со мной, для него в подвалах Центра оборудовали тайник. Аппаратуру и документацию решено было уничтожить. Без них работа с темпоральным полем затормозилась бы лет на пятнадцать. А это уже двадцать первый век. Надеюсь, к тому времени люди поумнеют.

Дежурная смена в Центре получила детальный план, а я, чтобы не навлечь подозрений, уехал в свое шале. Отдыхать и ловить рыбу. Можете

представить, что это была за рыбалка.

Позже я узнал, что мальчик был среди тех, кто прикрывал отход отряда. Он оказался единственной жертвой боя.

Вот и все. Мой жизненный путь закончен. Я сделал то, на что раньше не отваживался ни один из людей, — сразился со смертью, бросил вызов времени, попытался обмануть судьбу. Я проиграл. У зла еще очень много союзников. Но сто восемьдесят девять взрослых и тринадцать детей, обреченных на верную смерть, живут теперь в двадцать пятом веке.

Только один раз я входил в тоннель будущего, и этого хватило, чтобы уверовать в великое и светлое предназначенье человечества.

№ 7

Евгений Чемеревский

Они придумают

1.

— Туговато я сегодня соображаю, — пожаловал-

ся Главный. — Это как же прикажешь понимать?

К такого рода новостям надо давать привыкнуть. Я выдержал аккуратную паузу и повторил:

— Круглая, шеф. Им взбрело в голову, что она круглая.

Откинувшись в кресле, Главный обозрел меня с таким любопытством, будто я лично выдумал весь этот срам. Минуту-другую он что-то прикидывал, беззвучно шевеля губами, и наконец облегченно вздохнул:

— Дураки. Объясни им, что все, кто снизу, осыплются с нее как горох.

— Уже пробовал. У них на этот счет теория имеется, и, надо сказать, довольно складная. Дескать, не туда тянет, где низ, а вовсе наоборот: куда тебя тянет свалиться, там низ и есть. А поскольку…

Главный рывком выпрямился и проткнул меня неподвижным взглядом. Я послушно замолк.

— А поскольку… — повторил он, пытаясь зацепиться, — поскольку… Не маячь, сбиваешь. Значит, поскольку Земля круглая и все вещи притягивает к середине, то низ у всех разный, но обязательно под ногами? Так, что ли?

— Вы уловили самую суть, шеф. Именно так они, с позволения сказать, рассуждают.

Главный недоверчиво покачал головой, пы-

таясь нащупать логическую брешь. Потом восхищенно заерзал в кресле:

— Ну ты подумай! Все наизнанку вывернули, а комар носа не подточит. Хоть сейчас к исполнению.

— Так их ли в том заслуга? — восторженно пропел я, поспевая за хозяйским настроением.

За что и был пожалован презрительной гримасой:

— Сколько я вас учил — избегайте прямой лести. Трудно разве заметить: «Неплохая иллюстрация потенциальных возможностей мозга к приобретению навыков абстрактного мышления»? А уж я соображу, на чей счет это отнести. Ну-ка, потренируйся.

— В полной мере, — отбарабанил я, — проявляется специфическая видовая способность к сложному адаптивному поведению.

— Молодец. У тебя, кстати, тоже. Если научишься не слишком очевидно подлизываться, могу протерпеть тебя достаточно долго. А теперь ступай и растолкуй им насчет слонов и черепахи. Помечтали, и будет.

Я замешкался, выбирая, что легче: выложить все сразу или сбежать, отсрочив неминуемую нахлобучку.

— Не получится, шеф, — выдавил я наконец. — Они усматривают парадокс.

— Вот как? И кто же это изволит усматривать?

— Философы.

— Кто такие?

— Вроде мудрецов, только еще и нахалы. Ведь до чего додумались! «Ну хорошо, — говорят, — мир покоится на трех огромных слонах. Поверим. Слоны стоят на черепахе. Допустим. А на чем держится черепаха?»

— И на чем же она у нас держится?

— Вот и они хором заладили: на чем?

Тут мы оба замолчали. У меня не осталось сомнений, что добром это не кончится.

— Кто отвечает за материальную часть? — прохрипел Главный и, когда позвали Первого, незамедлительно перешел к делу:

— На чем у нас держится мир?

Это вместо «здрасьте». Первый был догадлив и мигом побледнел:

— В процессе реализации означенного объекта, учитывая ситуацию и личные указания…

— Меня не интересует история вопроса, — оборвал его Главный. — Будьте любезны отвечать по существу.

— Так вы же… то есть… На слонах.

— Вот так. Коротко и ясно. А слоны?

— На черепахе. — Первый судорожно глотнул, уловив направление начальнической мысли.

— А черепаха?

Первый молчал. Я бы на его месте тоже счел за благо молчать.

— Поторопитесь с ответом, — предложил Главный тем ледяным тоном, что скрывает самые мрачные глубины его ярости. И, посмотрев в упор на обомлевшего от страха Первого, приговорил:

— Боюсь, мне с вами придется расстаться.

И тут же расстался.

После чего долго и рассеянно глядел прямо перед собой, зябко кутаясь в просторную хламиду. Наконец, вспомнил про меня:

— Давно это у них — философия?

— Да лет уже, пожалуй, триста.

— Почему молчали?

— Не смели. Думали, пройдет.

— Пройдет, — вяло передразнил уже поостывший шеф. — В другой раз промолчишь, отправлю вслед за ним. И много их, твоих философов?

— Живых примерно с полсотни, — ответил я.

Главный насупился, прикидывая, во что это станет.

— Только если вы имеете в виду прямые мето-

ды, то они все уже успели разболтать.

— Поди прочь, — услышал я и несказанно этому обрадовался.

Явившись на другой день с докладом, я понял, что шеф всю ночь работал. Вид у него был измученный. Не поднимая головы и роясь в бумагах, он назначил меня Первым. Я поблагодарил за доверие, а про себя подумал: долго ли протяну?

— Теперь смотри сюда. — Главный придавил ладонью большой лист. На нем были нарисованы два круга с кривыми линиями и затейливыми картинками. Один из кругов мне что-то смутно напоминал. — Синее — это вода, все остальное — суша. Это восток, здесь твои умники. Это, — он щелкнул пальцем по другому кругу, — запад. Здесь их пока нет, но со временем появятся. Запоминай, что тебе надо сделать. Берешь эти самые восток с западом и прилаживаешь друг к дружке вот по этим черточкам. Да повнимательней, горками наружу. Потом это хозяйство накачаешь, чтобы получился шар. По стыку нашлепай островков, как будто так и было, без нарочитости. И следи, чтобы тяжесть везде к середине, не то лови их потом охапками. Все понятно?

— Почти все, — сказал я, собирая бумаги. Оставался только один вопрос. — А куда черепаху?

Вместо ответа Главный так посмотрел на меня, что я попятился к двери, не завидуя ни себе, ни черепахе.

2.

— Я что-то плохо расслышал, — проворчал Главный.

— Теперь уже и вертится, — учтиво повторил я.

— Что ты там плетешь?..

Шеф задумался. Скорее всего о том, каких еще ждать от них пакостей.

— Вот как. И что же — опять стройная теория?

— Это как водится. Компания там довольно пестрая, но из самых отчаянных — один итальянец. Вот с таким воротником. Он еще затеял как с башни железяками кидаться, полгорода перепугал.

— Так надо поучить манерам, — сухо посоветовал Главный. — Воротник впрочем, можно оставить.

— Да если б он был один! А то выискался хитрый поляк: написал книжечку да и помер. С него теперь без толку спрашивать, зато итальянец постарался, растрезвонил, где только мог.

— Словом, прошляпили, — заключил Главный.

— Простите, шеф. Мы все надеялись, что они сами это дело вот-вот уладят. Ведь судили воротника-то. Отрекся!

— То есть как это отрекся? Что же у него — семь пятниц на неделе?

И в глазах шефа мелькнула тень разочарования.

— Отрекся, шеф, уломали. А за порог вышел и говорит: мол, все-таки она вертится. Я так и сел.

— Ах, все-таки, значит, вертится! — подхватил Главный. — Что я в них ценю, так это постоянство. Стало быть, волчком?

— И вокруг Солнца.

— Что?

Выходит дело, я успел наябедничать только наполовину.

— Вокруг Солнца, — подтвердил я.

Шеф посерьезнел и, глядя в потолок, стал прикидывать детали:

— Ага. Круговые орбиты не подойдут, нужны эллиптические. И светило лучше не в центр, а в фокус. С эпициклами мы, выходит, перемудрили, они сами собой выписываются. Ты только подумай, все сходится! М-да… Жаль будет молодцов.

Я собрал все свое мужество и сказал, холодея:

— Там, шеф, вот что еще. Они зрительных труб понастроили и смотрят в них до тринадцатой сферы. А мы сроду дальше седьмой не крутили. Не доходили руки.

— Как это не крутили? — загремел Главный. — Что значит «не доходили»? Может быть, ты забыл

своего предшественника?

Помню, подумал я. И еще с десяток других. А вслух сбивчиво залепетал:

— Так не поступало же указаний… То есть, конечно, и снизу, каждый на своем месте… Но ведь вечно напутают, и не хватает… Хотя не снимает ответственности.

— Уйди, — отрубил Главный. — Уйди с глаз долой.

Это было как раз то, что я надеялся услышать.

Наутро я не узнал кабинет шефа. Он походил одновременно на келью чернокнижника, часовую мастерскую и лавку детских игрушек. Всюду громоздилась хитроумная механика, все летало, сверкало и лязгало.

— Будем перестраиваться, — заявил шеф, вытирая руки о полы бархатного камзола. — Запоминай. Эти колеса уберешь, эти шпильки тоже долой. Планеты запустишь по эллипсам. Там на столе тетрадка с параметрами орбит. Другая — для комет и астероидов. До них тоже скоро докопаются, так уж лучше одним махом. Можешь приступать. Впрочем, погоди…

Он направился в тот угол кабинета, где сияла

сфера неподвижных звезд, единственно уцелевшая в его ночных космогониях. Немного постоял, задумчиво поглаживая сферу и прислушиваясь к доносящейся изнутри хрустальной мелодии, и вдруг одним ударом рассыпал ее в сверкающую пыль. Я только ахнул.

— Нам нельзя быть непоследовательными, — пояснил он, тщательно отряхиваясь. — Да иди же ты, работай. Пусть все летит и вертится. Повторяю: все.

— Куда? — спросил я. Не спросил даже, а закричал. Потому что бывают моменты, когда и нашему брату жизнь становится в копейку.

— Там разберемся, — честно сознался шеф. — Я в них верю.

3.

— Повтори, — глухо процедил шеф. Таким свирепым я его прежде не дидел.

— От… от… Не могу, шеф. Язык не поворачивается.

Шеф молча подался в мою сторону. У меня сразу получилось:

— От обезьяны, шеф. Только я…

— Помолчи.

Он как-то сразу обмяк и грузно обвис на подлокотниках кресла. Я бесшумно выдохнул, стараясь о себе не напоминать.

— Стыд-то какой, — вымолвил он наконец. —

Чтобы из криворотой мартышки и вдруг — на тебе, венец творения! Я не говорю об элементарной благодарности, но где же их хваленая логика?

— Что касается исходного вида, шеф, то они предпочитают шимпанзе. И не вдруг, а постепенно. Они теперь помешались на эволюции.

— Эволюция? — оживился Главный. — Что-то новенькое.

— Французская выдумка. Я в этом пробовал разобраться. Если, к примеру, взять дождевого червя и вместо него сразу подсунуть африканского носорога, то все увидят, что их надули. Но если тот же фокус растянуть надолго, то никто не заметит. В этом вся штука: кто видел червяка — все давно вымерли, а кому встретился носорог — тому некогда рассуждать о всяких пустяках.

— И сколько же на эти фокусы надо времени?

— Они говорят, миллиарда лет должно хватить.

Шеф тихо присвистнул:

— Вот уж, действительно, нахалы. Где ж они возьмут миллиард? — Он что-то прикинул и сказал твердо: — Нет, столько не дам. Пусть не надеются.

— А если меньше, то они опять парадоксов

навыдумывают. В этой их эволюции промежуточных звеньев не хватило, так они всю землю перерыли.

— Нашли что-нибудь?

— Найдут. Вы же в них верите.

— Найдут, — повторил шеф. — Докопаются.

Он вышел из-за стола. На нем оказались линялые джинсы, кроссовки и майка с картинками.

На следующий день я едва протиснулся в кабинет Главного, доверху забитый книгами. Сам он сидел за столом, скрытый горой рукописей.

— Прошлый раз, — сказал шеф, — мы с перигелием Меркурия промахнулись. Они сто лет головы ломали. Однако нашелся толковый малый, придумал, как вывернуться. Только тебе придется поработать.

По извиняющейся интонации, столь редкой в его голосе, я понял, что работы хватит.

— Вот здесь, — шеф раскрыл мудреный журнал, — сказано, как искривить пространство, а заодно и время. То есть сказано, что в конце концов должно получиться, а как это сделать, ты и сам сообразишь. Начало сдвинешь на десяток миллиардов лет назад. Чтобы не мучиться пара-

доксами, устроишь большой взрыв.

— Это из-за одного паршивого Меркурия?

— Дешевле не получается. — Шеф неожиданно притянул меня за лацкан и, зачем-то озираясь по сторонам, зашептал в самое ухо: — Вот еще за чем последи: если где у какого тела материи отнимется, то чтоб у другого столько же и прибыло. Не больше и не меньше. У них сейчас с этим строго.

Он властно отстранил меня и вернул лицу обычное выражение.

— У нас завтра что? пятница? Вот и прекрасно. Отсчитаешь миллиард лет назад и заквасишь жизнь. По этой статье научишься плести хромосомы. Можешь не церемониться: если что запутаешь, они распутают. И пусть эволюционируют, раз им это нравится.

Я чуть не заплакал от досады:

— Шеф, ну как же так можно! Только и делаем, что крутимся как нанятые. Где же наша профессиональная гордость?

— Кому из нас двоих положено рассуждать! — зарычал в ответ Главный и запустил мне в голову самодельный черной дырой.

Шуточки у него, пожалуй, грубоваты, — успел я подумать, закрываясь энциклопедией. Но до чего быстро осваивает новый материал!

4.

На этот раз Главный понял с полуслова, но беспощадно выждал, пока я вконец не запутаюсь в намеках. Потом резко спросил:

— А если короче?

— Если короче, — ответил я, махнув на себя

рукой, — то в этой гипотезе они больше не нуждаются.

— Занятно. А куда же мы в таком случае подевались?

— С этим у них никаких сложностей, шеф. Нас никогда не было, и точка.

Шеф слабо кивнул, словно не ожидал услышать ничего другого. Он надолго занялся старинным чернильным прибором, рассеянно водя пальцем по его мраморному рисунку.

— Надо же, а я и не знал. — Он вышел из-за стола и поглядел на опустевшее потертое кресло. — Значит, гипотеза.

Он направился к окну и так остервенело рванул створки, что вылетевший шпингалет звякнул у моих ног. За окном было по-прежнему. В густой траве гудели шмели и дрожала тонкая паутина, река плескалась на порогах — все своим чередом. Пестрая бабочка беззаботно разложила крылья прямо на стекле.

Главный затаился и ловко накрыл ее сложенной в совок ладонью.

— Интересно бы узнать, — сказал он, с любопытством заглядывая между пальцами, — откуда она взялась? И это все откуда? — Он требовательно указал в окно.

— Они твердят, шеф, что это было всегда. Или же по всяким там законам получилось из тех вещей, что были еще раньше.

— Допустим. А для чего там на горке торчит эта штука?

— Памятник архитектуры, шеф. Охраняется законом. С чего бы ей не торчать?

Возле реки надсадно нудил одолевающий бугор грузовик. На ближнюю сосну прилетела ворона, облюбовала самую хлипкую ветку и, примостившись, удовлетворенно каркнула.

— Принеси-ка мне отвертку, — скомандовал Главный.

Не нашел дела поважнее, чем ремонт покалеченного шпингалета. Я не сразу расслышал, что он бормочет себе под нос, так громко он колошматил чернильницей по согнутому штырю.

— Маешься из-за них, маешься, — приговаривал он в такт ударам. — Где я им наберу столько законов?

— Вот и я так думаю. А они еще капризничают — подавай им законов не так много, чтобы запутаться, но достаточно, чтобы обойтись…

— Без лишних гипотез? Без нашей компании? Без кого еще? Договаривай.

— Включая, — деликатно помог я.

— Однако, у них амбиции, — подытожил шеф, и, пока он крутил отверткой, я пытался понять, нравится ему это или нет. — Ну что ж. Как они любят говорить, клиент всегда прав. А технически, — он прицелился к последнему винту, — технически это возможно, здесь они угадали. Завтра заедешь за указаниями.

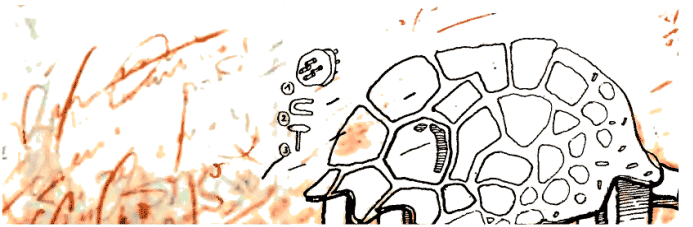
Он несколько раз щелкнул, проверяя шпингалет. Окно было как новенькое.

— И нечего нюни распускать, — сказал шеф. — Не забывай о профессиональной гордости. Ступай, ступай. Поразвлекись. У них там сейчас весело.

В дверях я оглянулся. Шеф сидел на подоконнике, вполоборота к окну, в повисшей руке он сжимал обломок чернильницы. Взгляд его оторвался от пола, скользнул по стене, за окно и вернулся на пол. Мне казалось, что он меня не видит, но вдруг, едва заметно усмехнувшись, он проговорил:

— Помнишь, как мы строили им черепаху?

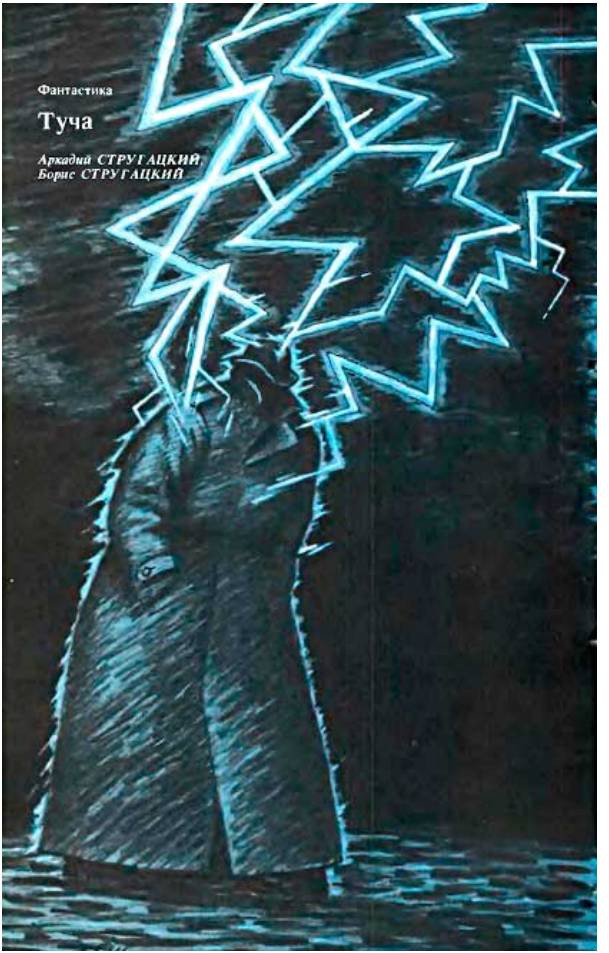
Я еще потоптался немного и аккуратно прикрыл за собою дверь.



№ 8, 9, 10

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Туча


Фантастика
Туча
Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

От авторов

Недавно в журнале «Даугава» закончилась публикация нашей повести «Время дождя». Мы написали ее двадцать лет назад, тогда она называлась «Гадкие лебеди». Предлагаемый вашему вниманию сценарий «Туча» использует некоторые мотивы этой повести. Читатель заметит, безусловно, что проблематика сценария отличается от проблематики повести двадцатилетней давности, хотя и не так сильно, как можно было бы ожидать в нашу эпоху быстрых перемен. Так или иначе, мы рады случаю опубликоваться в журнале, который любим и читаем уже много лет.

Под низким пасмурным небом, под непрерывным сеющим дождем по мокрому асфальтовому шоссе движется колонна машин: длинный лимузин впереди и три огромных автофургона следом. На мокрых брезентовых боках фургонов знаки «опасный груз».

На заднем сиденье лимузина, сложивши руки на груди, расположился хозяин этой колонны, известный метеоролог и атмосферный физик профессор Нурланн, человек лет сорока, с надменным лицом. Впереди рядом с шофером сидит

его ассистент, личность вполне бесцветная, доведенная своим начальником до состояния постоянной злобной угодливости. О шофере и говорить нечего, голова его втянута в плечи, словно он поминутно ожидает, что его ткнут в загривок.

Ассистент, вывернувшись на сиденье, насколько позволяют ремни безопасности, говорит ядовито-сладким голосом:

— Я правильно помню, профессор, что вы не бывали здесь вот уже больше пятнадцати лет?

Нурланн молчит.

— Пятнадцать лет! С ума сойти. Я понимаю выше волнение — вернуться в родной город, даже при таких обстоятельствах…

Нурланн молчит.

— А может быть, именно при таких обстоятельствах? Вернуться как бы избавителем. Избавителем от большой беды…

— Сядьте прямо и заткнитесь, — холодно говорит Нурланн.

Ассистент моментально выполняет приказание. На губах его довольная улыбка.

Видимость отвратительная — не больше пятидесяти метров. За пеленой дождя по сторонам дороги уносятся назад:

шеренга каких-то зачехленных громадин вдоль

шоссе и снующие среди них солдаты в плащ-накидках;

необозримое стадо пустых пассажирских автобусов;

походная радарная установка;

еще одна походная радарная установка, окруженная стадом пасущихся коров;

обширная асфальтовая площадка, несколько вертолетов на ней;

бензоколонка, очередь легковых машин с трейлерами, на крышах мокнут разнокалиберные чемоданы, и тут же остановился фермер с телегой и взирает на это с видом глубокой задумчивости.

И вообще: то и дело проносятся навстречу лимузину легковые машины, тяжело нагруженные барахлом.

Колонна, замедлив ход, въезжает в город. Граница города обозначена гигантским медным барельефом городского герба: обнаженный богатырь с ослиной головой поражает трезубцем гидру о трех головах — две из них мужские, третья женская.

Сразу за барельефом в сквере стоят два танка, и тут же под навесом за походным столом кормятся

несколько военных вперемежку со штатскими. Ослепительная молния вдруг обрушивается на сквер, и тотчас за ней вторая оплетает самое высокое дерево. Привычного грома нет, а есть какой-то странный свистящий шелест, но вспышки очень яркие и молнии очень страшные. Под навесом, однако, только один человек поднял голову и обернулся с недовольным видом, не переставая жевать.

В оперативном отделе штаба на огромном столе расстелена карта города. Вокруг стола стоят военные в пятнистых десантных комбинезонах без знаков различия и несколько штатских. В конусе света от лампы только карта и руки, упирающиеся в стол, лиц почти не видно.

На карте центр города занят угольно-черным пятном неправильной формы, по очертаниям немного напоминающим бабочку с распростертыми крыльями.

— Я полагаю ударить сюда, — говорит Нурланн, показывая пальцем. — Для начала рассечем ее пополам. Если повезет, мы сразу накроем активную зону. Здесь проходит магнитный меридиан, вот по этому проспекту…

— Дорога чистых душ, — негромно произносит кто-то из военных.

— Что? — надменно спрашивает Нурланн. — А! В мое время это был проспект Реформации… Очень удачно, что он проходит прямо по малой оси, можно бить прямой наводкой. Для начала, полковник, мне нужен дивизион «корсаров». Полагаю, его надо развернуть где-нибудь здесь… или здесь… А после того как она развалится надвое, будем бить в этом и этом направлении.

— А если не развалится? — насмешливо и раздраженно спрашивает кто-то.

Нурланн, резко вздернув подбородок, пытается рассмотреть в сумраке говорившего. Полковник поспешно произносит:

— Вы должны понять нас правильно, профессор. Все-таки мы здесь уже полгода. Мы испробовали чертову пропасть всевозможных средств, а помогают одни только дальнобойные огнеметы… и вообще огонь…

Тот же насмешливо-раздраженный голос вставляет:

— Пока горит.

— Вот именно, — говорит полковник. — Пока горит, она не двигается.

— Там, где горит, — вставляет голос.

— Капитан, я попросил бы вас! — сердито говорит полковник.

Нурланн, несколько смягчившись, снисходит до объяснения:

— Я привез сорок пять снарядов, начиненных «Одеколоном АБ». Это коагулянт, который осаждает любое аэрозольное образование. Подчеркиваю: любое. Газетчики распространяют легенду, будто Туча — живое существо. Это вздор. Туча — это аэрозольное образование довольно сложной и не вполне понятной структуры. Поскольку оно возникло и распространяется в плотно населенном районе, у нас, к сожалению, нет возможности изучить его должным образом. Его придется уничтожить. Для этого я и приехал.

— То есть вы полагаете, — уточняет полковник, — что эвакуацию можно отменить?

Нурланн, повернув голову, смотрит на него. Полковник продолжает:

— Эвакуация практически подготовлена. Более того, если бы не… ну, некоторые обстоятельства… некоторые неконтролируемые обстоятельства, мы бы ее начали завтра. Дело в том, что скорость Тучи увеличивается, вчера на некоторых радиусах она превысила сто метров в сутки.

— Увольте, полковник, — недовольно говорит

Нурланн. — В этом вопросе я не компетентен. Могу сказать только, что «Одеколон АБ» — штука очень ядовитая и людям лучше держаться от нее подальше. Таким вот образом. Может быть, еще есть вопросы?

Робкий голос:

— Правда, что вы родились в этом городе?

Нурланн ухмыляется:

— Правда. Вот здесь родился (показывает пальцем на карте). Вот здесь жил. Здесь венчался (палец упирается в центр черного пятна). Так что, господа мои, эта штука (стучит по черному пятну) нравится мне еще меньше, чем вам, и играть с ней в научные игры, как вы, может быть, полагаете, я не намерен.

— Аминь, — произносит насмешливый голос, и все смеются с явным облегчением.

— Вот и славно, — произносит Нурланн покровительственно. — Теперь так, полковник. Первый залп назначаем на завтра, восемнадцать ноль-ноль, раньше все равно не управимся. А утром, часов в десять, я бы хотел посмотреть на нее сверху. Напоследок. Могу я рассчитывать на вертолет?

Возникает что-то вроде замешательства.

— М-м-м… — тянет полковник. — Вертолет я,

конечно, дам…

— Но? — спрашивает удивленный Нурланн.

— Смысла никакого нет, — говорит полковник. — Как бы это вам объяснить…

— Вы ничего не увидите, — говорит кто-то.

— Почему? — спрашивает Нурланн. — Облачность? Но Туча выше облаков!

— Нет, вы увидите, только не то, что есть на самом деле.

— А что? Мираж?

— Мираж не мираж, — говорит полковник в затруднении и от этого сердись. — А, да что мне — вертолета жалко? Я распоряжусь.

— Вы лучше, профессор, посмотрите на это. Это дело верное, без миражей, — говорит кто-то и высыпает веером на карту несколько фотографий.

Нурланн небрежно перебирает их одну за другой.

— Это я видел… и это видел…

Его внимание задерживается только на одной фотографии: Туча просачивается через дом. Светлый тысячеоконный фасад на фоне угольно-черной стены и тысяча черных языков, выливающихся из окон. Нурланн бросает фотографию на стол и говорит:

— Хочу проехаться по городу. Посмотрю зав-

трашнюю позицию и посмотрю все это (он щелкает пальцем по фотографиям) вблизи.

— Конечно, — говорит полковник. — Разрешите представить вам сопровождающего: старший санитарный инспектор Брун.

При первых словах полковника лицо Нурланна неприязненно сморщивается, но при имени Брун оно расцветает неожиданно доброй улыбкой.

— Господи, Брун! — восклицает Нурланн. — Откуда ты здесь?

Лимузин профессора Нурланна неторопливо катит по улицам.

В городе безраздельно царит дождь. Дождь падает просто так, дождь сеется с крыш мелкой водяной пылью, дождь собирается на сквозняках в туманные крутящиеся столбы, волочащиеся от стены к стене, дождь с урчанием хлещет из ржавых водосточных труб, разливается по мостовой, бежит по руслам, промытым между плитами тротуаров. Черно-серые тучи медленно ползут над самыми крышами. Человек — незванный гость на этих улицах, дождь его не жалует, и людей почти не видно.

— Как это ты заделался санитарным инспекто-

ром? — спрашивает Нурланн сидящего за рулем Бруна. — Ты же, помнится, был по дипломатической части.

— Мало ли что… Вон Хансен — сидел-сидел у себя в суде, а теперь кто? Великий бард! Менестрель!

— О да. Давно ты его видел?

— Да два часа назад, он с утра до вечера торчит в отеле, где ты поселился. В ресторане, конечно. Пьет как лошадь, старый хрен.

Вместе с дождем в городе хозяйничают молнии. Странные, очень яркие и почти бесшумные молнии. Огненными щупальцами они то и дело проливаются из туч и уходят в фонарные столбы, в фигурные ограды палисадников, просто в мостовую. Вдоль стены дома пробирается случайный прохожий, согнувшийся под зонтиком, и молния падает на него, оплетает тысячью огненных нитей. У человека подкашиваются ноги, он роняет зонт, хватается за стену и приседает на корточки. Это длится несколько секунд. Вот он уже опомнился, подобрал зонтик и, очумело крутя головой, заспешил дальше.

— Невозможно поверить, что это безвредно, —

говорит Нурланн, провожая прохожего взглядом.

— Даже полезно, — откликается Брун.

Лимузин сворачивает за угол и останавливается.

— Это еще что такое? — озадаченно спрашивает Нурланн. — Кто они такие, что они здесь делают?

Нд обширном газоне расположился странный лагерь. Прямо под дождем расставлены кровати, шкафы, столы и стулья, кресла — не походная мебель какая-нибудь, а дорогие спальни и кабинеты, безжалостно и противоестественно извлеченные из особняков и апартаментов. Тут и там торчат роскошные торшеры, которые, разумеется, не горят, трюмо и трельяжи, по зеркалам которых толстой пленкой стекает вода. И здесь полно людей, которые ходят, сидят, лежат и даже, кажется, спят под пропитанными водой одеялами. Мужчины и женщины, старики и старухи, все в одинаковых плащах-балахонах в черно-белую шахматную клетку. Кто-то склонился из обитого бархатом кресла над походной газовой плиткой, помешивая в кастрюльке; кто-то стоя читает толстенький томик, видимо, молитвенник: а кто-то целой бригадой стаскивает с грузовика новую порцию диванов, торшеров и кроватей…

— Агнцы Страшного Суда, — произносит Брун с неопределенной интонацией. — Прочь из-под тяжких крыш. Они не спасут, они раздавят. Прочь из затхлых обиталищ. Они не согреют, они задушат. Под небо! Под очищающее небо! Причащайтесь чистой влаге! Только тот спасется, кто успеет очиститься. И так далее. Агнцы Страшного Суда. У нас их много.

— При чем здесь Страшный Суд?

— А при том, что вы все считаете Тучу аэрозольным образованием. А для них это начало Пришествия. Того, кто грядет. И когда Туча закроет всю Землю, начнется Страшный Суд.

Сразу за лагерем Агнцев стоит на проспекте, взгромоздившись правыми колесами на тротуар, странная машина, этакая помесь «скорой помощи» и пожарной, длинная, желтая, непропорционально высокая, с огромными красными крестами на бортах, усаженная всевозможными фарами, прожекторами, проблесковыми маячками, ощетиненная причудливыми антеннами, стоит тихая, странная, словно бы брошенная, и только вспыхивает у нее на крыше фиолетовый слабый огонек.

— Я развелся тогда, пятнадцать лет назад, — говорит Нурланн, — и нисколько об этом не

жалею…

— Да, я видел твою бывшую на прошлой неделе, — откликается Брун. — Был гран-прием у отцов города… Она у тебя очень, очень светская дама.

— Да провались она совсем, — говорит Нурланн раздраженно. — Мне дочку жалко. Так и не отдает она мне Ирму.

— У тебя дочка есть? — спрашивает Брун, насторожившись.

— Да. Вижусь с ней раз в два года… то ли дочка, то ли просто знакомый ребенок. Раз в два года мамаша изволит ее ко мне отпускать, стерва высокомерная…

— Угу, — произносит Брун. — А у меня, слава богу, детей нет. По крайней мере в этом городе.

Туча.

Она перегораживает проспект и выглядит как непроницаемо-черная стена, поднимающаяся выше всех крыш и уходящая вершиной в низкие облака. Огромные медленные молнии ползают по ней, словно живые существа. Сама же она кажется абсолютно неподвижной и вечной, как будто стояла здесь и будет стоять всегда.

— Экая красотища, — произносит Нурланн сдавленным голосом.

— Жалко? — Брун криво ухмыляется.

— Не знаю… Не об этом речь. А поближе подъехать нельзя?

— Нельзя.

— Брось, давай подъедем.

Брун цитирует:

— Эти животные настолько медлительны, что очень часто застают человека врасплох.

Лимузин вынужден притормозить, чтобы проехать через толпу, сгрудившуюся вокруг тумбы регулировщика. В основном толпа состоит из шахматно-клеточных Агнцев, но довольно много среди них и простых горожан, они отличаются не только одеждой, но и тем, что прячутся под зонтиками — великое разнообразие зонтиков; огромные черные викторианские; пестрые веселенькие курортные; прозрачные коконы, укрывающие человека до пояса… В толпе можно видеть и военных в плащ-накидках.

Все лица обращены к человеку в клетчатой хламиде, который вдохновенно ораторствует, взобравшись на тумбу. За дождем его плохо

видно и еще хуже слышно, доносятся только выкрики-возгласы:

— …Последнее знамение!..бедные, бедные агнцы мои!..очищайтесь!..и число его — шестьсот шестьдесят шесть!..отчаяние и надежда, грех и чистота, черное и белое!

Лимузин уже почти миновал толпу, и тут со свистящим шелестом изливается из облаков лиловая молния и неторопливо, с каким-то даже сладострастием оплетает длинного унылого прохожего, задержавшегося на тротуаре посмотреть и послушать. Человек валится набок, как мешок с тряпьем, но он еще не успел коснуться асфальта, как вдруг раздается странный каркающий сигнал и, откуда ни возьмись, вынырнула и остановилась возле него давешняя нелепая машина с красными крестами на бортах.

Сейчас на ней включено всё: все прожектора, все окна, все фары, и добрый десяток красных, синих, желтых, зеленых огней одновременно перемигиваются у нее на крыше, на капоте, на боках. Расторопные люди в белых комбинезонах с красными крестами на спине, на плечах и на груди выскакивают под дождь и бегут к упавшему, волоча за собой шланги и кабели, на бегу распахивая черные чемоданчики со светя-

щимися циферблатами и шкалами внутри. Они склоняются над пострадавшим и что-то делают с ним. Главный из них в причудливом шлеме, из которого рогами торчат две антенны, и трясущиеся у самого рта тонкие лапки с набалдашниками, и длинный штырь с микрофоном, человек этот, весь красный и потный от возбуждения, нависнув над пострадавшим, орет надрывно:

— Что вы видите? Говорите! Говори! Что видишь? Говори! Скорее! Говори!

Закаченные глаза пострадавшего обретают осмысленное выражение, и он лепечет:

— Коридор… Коридор вижу… Они уходят…

Он замолкает, и глаза его вновь закатываются..

— Дальше! Дальше! — надрывается главный. — Говори! Кто в коридоре? Кто уходит? Говори! Говори!

— Малыш… — бормочет пострадавший. — Малыш и Карлсон… По коридору… Длинный…

Тут взор его окончательно проясняется, он отпихивает от себя главного и садится.

— Все. Проехало, — говорит один из санитаров.

Пострадавшему помогают встать, подают ему зонтик.

— Спасибо, — запинаясь, бормочет пострадавший. — Ох, большое спасибо.

А в толпе хоть бы кто голову повернул.

Лора, бывшая жена Нурланна, принимает бывшего мужа в своей гостиной. Гостиная обставлена не просто богато, но изысканно, поэтому очень странно видеть на безукоризненном мозаичном паркете под портьерами, закрывающими окна, обширные темные лужи.

— Я пригласила тебя сюда не для того, чтобы обмениваться резкостями, — говорит Лора. — У меня к тебе дело. Однако я не хочу говорить о нем без моего адвоката. Имей терпенье. Он должен прийти с минуты на минуту.

— Прекрасно, — произносит надменно Нурланн. — Поговорим о чем-нибудь другом. Где Ирма?

— Прекрасно, — в тон ему произносит Лора. — Поговорим об Ирме. Ты, безусловно, будешь рад услышать, что твоя дочь делает большие успехи в муниципальной гимназии и что ее лучший друг — сын гостиничного швейцара.

— Во всяком случае, ничего плохого я в этом не вижу.

— Ну конечно, было бы гораздо хуже, если бы твоя дочь получала образование в Женеве или

хотя бы в Президентском коллеже в столице… Мы же демократы! Мы плоть от плоти народа!

Нурланн не успевает ответить, потому что в гостиной появляется рослый человек в черно-белом клетчатом пиджаке и при клетчатом же галстуке. Нурланн не сразу соображает, что это тот самый проповедник, который давеча вещал с регулировочной тумбы.

— Знакомьтесь, — произносит Лора. — Мой адвокат. А это — мой бывший муж, профессор Нурланн.

— Прошу прощения, я несколько опоздал, — говорит адвокат, кладя на стол бювар и усаживаясь. — Но тем больше оснований у нас перейти прямо к делу. Вот бумага, профессор. Моя клиентка хотела бы, чтобы вы эту бумагу подписали, а я, как свидетель и как юрист, удостоверил вашу подпись.

Нурланн молча берет бумагу и начинает читать. Брови его задираются. Он поднимает глаза на Лору.

— Позволь, — несколько растерянно говорит он. — На кой черт тебе это надо? Кому какое дело?

— Тебе трудно поставить подпись? — холодно осведомляется Лора.

— Мне не трудно поставить подпись. Но я хотел бы понять, на кой черт это нужно? И потом, это все вранье! Ты никогда не была верной женой. Ты никогда не ходила в церковь. Аборты ты делала! Только в мое время ты сделала три аборта!

— Господа, господа, — примирительно вступает адвокат. — Не будем горячиться. Профессор, я знаю, вы атеист. Ваша подпись под этим документом не может иметь для вас никакого значения. Она ценна только для моей клиентки. И не из юридических, а исключительно из религиозных соображений. Считайте свою подпись под этим документом просто актом прощения, актом братского примирения…

Он замолкает, потому что в глубине квартиры раздается какой-то лязг, дребезг, звон разбитого стекла. Нурланн еще успевает заметить, как внезапно побелело и осунулось лицо Лоры, как пришипился, втянув голову в плечи, клетчатый адвокат, но тут дверь в гостиную распахивается, словно от пинка ногой, и на пороге возникает Ирма.

Это девочка-подросток лет пятнадцати, высокая, угловатая, тощая, на ней что-то вроде мини-сарафана, короткая прическа ее схвачена узкой белой лентой, проходящей через лоб. Бо-

сая. И мокрая насквозь. Но ничего в ней нет от «мокрой курицы», она выглядит, как если бы в очень жаркий день с наслаждением искупалась и только что вышла из воды.

Лора и адвокат встают. Физиономии их выражают покорность, в них что-то овечье.

Ирма с бешенством произносит:

— Я двадцать раз просила тебя, мама, не закрывать окна в моей комнате! Что прикажешь мне делать? Выбить их совсем? Я выбила одно. В следующий раз выбью все.

Лора, совершенно белая, пытается что-то сказать, но из горла ее вырывается только жалобный писк. Адвокат, втянувши голову в плечи, смотрит себе под ноги. Ирма обращает взгляд на Нурланна. Тоном ниже, без всякой приветливости, произносит:

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй, здравствуй, — говорит Нурланн озадаченно. — Что это ты сегодня так развоева…

Ирма прерывает его:

— Мы с тобой еще поговорим, папа. Может быть, уже сегодня вечером. Ты нам нужен.

И вновь — матери:

— Я в двадцать первый раз повторяю: не закрывай окна в моей комнате. В двадцать первый и

последний.

Она поворачивается и уходит.

Воцаряется неловкая тишина, и адвокат, криво ухмыляясь, говорит:

— Дети — дар божий, и дети — бич божий.

И тут Лора срывается.

— Ну что — доволен? — визжит она, перегнувшись через стол к Нурланну. — Видел, как твоя дочь плюет мне в лицо? Как вытирает об меня ноги, словно не мать я ей, а половая тряпка? Тебе, наверное, тоже захотелось? Плюй! Топчи! Унижай! Не надо со мной церемониться! Да, я грешница, я грязь, я сосуд мерзостей! Я убивала нерожденных младенцев моих, я блудила, я ненавидела тебя и блудила, с кем только могла! Я смеялась над богом… я, тля ничтожная! Это ты, ты научил меня смеяться над богом! А теперь втаптываешь меня в ад, в вечный огонь… В серу меня смердящую, в уголья! Дождался! Вон она, тьма страшная, кромешная, надвигается на мир! Сколько еще дней осталось? Кто скажет? Это суд идет! Последний суд! Все перед ним предстанем, и спросится с тебя, зачем не простил женщину, которая была с тобою единой плотью и кровью, зачем толкнул ее в пропасть, когда одной лишь подписи твоей хватило бы, чтобы спасти ее!

Лжец! Лжец! Чистая я! Перед Последним Судом говорю, я — чистая! Не было ничего, клевещешь! Подписи пожалел, единого росчерка!

— Да провались ты… — бормочет ошеломленный Нурланн и хватается за авторучку.

Вечер. На улицах тьма кромешная. Дождь льет как из ведра, а молний почему-то нет. Нурланн ведет машину по пустым улицам. Дворники не справляются с водой. Уличные фонари не горят, и лишь в редких окнах по сторонам улицы виден свет. В свете фар появляются посередине улицы какие-то неопределенные фигуры. Нурланн совсем сбрасывает газ и наклоняется над рулем, пытаясь разобрать, что же там происходит за серебристыми в свете фар струями дождя.

А происходит там вот что.

Половину мостовой занимает большой легковой автомобиль, стоящий с погашенными огнями и распахнутыми дверцами. На другой половине двое здоровенных мужиков в блестящих от воды плащах пытаются скрутить мальчишку-подростка, который отчаянно извивается, брыкается длинными голыми ногами, отбивается острыми голыми локтями, крутится вьюном — и все это

почему-то молча.

Лимузин Нурланна останавливается в пяти шагах от этой потасовки, фары его в упор бьют светом, и тогда один из мужиков бросает мальчишку и, размахивая руками, орет:

— Назад! Пошел отсюда! Мотай отсюда, дерьмо свинячье!

Поскольку ошеломленный Нурланн и не думает мотать отсюда, просто не успевает подчиниться, мужик в бешенстве бьет кованым сапогом по правой фаре и разбивает ее вдребезги.

Это он зря.

— Ах ты сволочь, — произносит Нурланн, достает из-под сиденья монтировку и вылезает под дождь.

Он не трус, наш Нурланн. Но откуда ему знать, что он имеет дело с профессионалом? Ленивым движением мужик в блестящем плаще уклоняется от богатырского удара монтировкой. В глазах у Нурланна вспыхивают огненные колеса, и наступает тьма.

...Четверть века назад подросток Нурланн поздним вечером возвращался из кино домой этим самым переулком. Навстречу ему вышел из под-

воротни могучий шестнадцатилетний дебил по прозвищу Муссолини. Не говоря ни единого слова, он ухватил Нурланна двумя пальцами за нос, стиснул так, что у того слезы из глаз брызнули, а свободной рукой обшарил деловито его карманы. Вся операция не заняла и минуты. Муссолини скрылся в подворотню, а маленький Нурланн, опозоренный, униженный и ограбленный, остался стоять в темноте с вывернутыми карманами. Слезы текли неудержимо, и вдруг подул ветер и дождь брызнул ему в лицо…

— Профессор… Профессор… Очнитесь, профессор!

Тьма расходится перед глазами Нурланна, и он видит близко над собой мокрое мальчишеское лицо, большеглазое, со свежей ссадиной на скуле. Волосы схвачены белой лентой.

Это не тот мальчик. Тот был в красном, а на этом черная безрукавка и черные шорты. Еще один голоногий и голорукий мокрый мальчик.

Нурланн, охая и кряхтя, садится, ощупывает себя. Все болит: печенки, селезенки, кишки. Машина его стоит на прежнем месте, освещая уцелевшей фарой пустую мостовую.

— А эти где? — спрашивает Нурланн.

— Уехали, — отвечает мальчик. Он сидит перед Нурланном на корточках, озабоченно оглядывая его лицо.

— А мальчик где?

— Вы можете встать? — спрашивает мальчик вместо ответа.

Нурланн с трудом поднимается на ноги, делает шаг к лимузину и хватается за дверцу, чтобы не упасть.

— Надо же, как он меня…

— Давайте я сяду за руль, — говорит мальчик.

— Валяй. Мне нужно в «Метрополь».

— Я знаю, — говорит мальчик. — Садитесь, я вас отвезу.

Лимузин катит по улицам.

— Что это было? — спрашивает Нурланн. Кто эти громилы?

Мальчик, не сводя глаз с дороги, отвечает после паузы:

— Не знаю.

— Чего они к нему прицепились? Он что-нибудь натворил?

Пауза.

— Может быть. Только это никого не касается.

— Он удрал?

Пауза.

— Нет.

— Значит, в полицию сдали… Это твой приятель, надо понимать. Я вижу, тебе тоже попало.

Мальчик не отвечает, только осторожно поглаживает ссадину на скуле.

— Так что же вы все-таки натворили? — спрашивает Нурланн.

— Ничего особенного.

— А если ничего особенного, тогда поехали в полицию вызволять твоего приятеля. Заодно хотелось бы узнать, кто мне разворотил фару и отбил печенки.

— Нет, — твердо произносит мальчик. — Я не могу тратить время на полицию.

Лимузин останавливается перед отелем «Метрополь». Это огромное многоэтажное здание. Несколько редких светящихся окон, и еще свет падает сквозь застекленные двери в вестибюль.

— Спасибо, — говорит Нурланн. — Кстати, как тебя зовут?

— Циприан.

— Очень рад. Нурланн. Между прочим, Циприан, откуда ты все знаешь? Откуда знаешь, что я профессор, что я здесь живу?

— Мы дружим с вашей дочерью.

— Ага. Очень мило. Может быть, зайдешь ко мне, обсохнешь?

— Благодарю вас. Я как раз собирался попросить разрешения зайти. Мне нужно позвонить. Вы позволите?

Они проходят сквозь вращающуюся дверь в вестибюль, мимо швейцара, приложившего при виде Нурланна два пальца к форменной фуражке, мимо богатых статуй с электрическими свечами. В вестибюле никого больше нет, только портье сидит за стойкой.

Пока Нурланн берет у портье ключи, у входа происходит разговор.

— Ты зачем сюда вперся? — шипит швейцар на Циприана.

— Меня пригласил профессор Нурланн.

— Я тебе покажу профессора Нурланна, — шипит швейцар. — Манеру взял — по ресторанам шляться…

— Меня пригласил профессор Нурланн, — по-

вторяет Циприан терпеливо. — Ресторан меня не интересует.

— Еще бы тебя, щенка, ресторан интересовал! Вот я тебя отсюда вышвырну, чтобы не разговаривал…

Нурланн оборачивается к ним.

— Э-э… — говорит он швейцару. — Парнишка со мной. Так что все в порядке.

Швейцар ничего не отвечает, лицо у него недовольное.

У себя в номере Нурланн прежде всего сбрасывает мокрый плащ и сдирает с ног отсыревшие туфли. Циприан стоит рядом, с него капает, но и он, как давеча Ирма, отнюдь не выглядит «мокрой курицей».

— Раздевайся, — говорит ему Нурланн. — Сейчас я дам полотенце.

— Разрешите, я позвоню.

— Валяй.

Нурланн, пришлепывая мокрыми носками, уходит к ванную. Раздеваясь там, растираясь купальной простыней и с наслаждением натягивая сухое, он слышит, как Циприан разговаривает — негромко, спокойно и неразборчиво. Только

однажды, повысив голос, он отчетливо произносит: «Не знаю».

Затягивая пояс халата, Нурланн выходит в гостиную и с изумлением обнаруживает там дочь Ирму; Циприан по-прежнему стоит у дверей, и с него по-прежнему капает. Ирма расположилась боком в кресле, она перекинула мокрые голые ноги через подлокотник.

— Здрасьте! — говорит Нурланн, впрочем, обрадованный.

— Слушай, папа, — капризным голосом произносит Ирма. — Где тебя носит? Я тебя двадцать часов жду!

— Где меня носит… Циприан, где меня носит? Иди в ванную и переоденься. Обсушись хотя бы.

— Что вас всех будто заклинило, — говорит Ирма. — Обсушись, оботрись, переоденься, не ходи босиком…

— Ну, мне кажется, это естественно, — благодушно произносит Нурланн, доставая из бара бутылку и наливая себе в стакан на два пальца. — Если мокрый человек…

— То, что наиболее естественно, — негромко говорит Циприан, — наименее подобает человеку.

Нурланн застывает со стаканом на полпути.

— Естественное всегда примитивно, — добав-

ляет Ирма. — Амеба — да, она естественна. Но человек — существо сложное, естественное ему не идет.

Нурланн смотрит на Ирму, потом на Циприана, потом в стакан. Он медленно выцеживает бренди и принимает вызов.

— Ну, разумеется, — говорит он. — Поэтому давайте колоться наркотиками, одурять себя алкоголем, это ведь противоестественно. Пусть будут противоестественные прически, противоестественные одежки, противоестественные движения…

Ирма прерывает его:

— Нет! Противоестественное — это просто естественное навыворот. Мы говорим совсем не об этом…

Нурланн перебивает в свою очередь.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — объявляет он покровительственно. — Зато я знаю, о чем вам следовало бы говорить. Не убий. Не укради. Не сладострастничай. Люби ближнего своего больше себя. Кумира себе не сотвори, лидера, пастыря, интерпретатора… Вот правила, воистину неестественные, и они-то более всего подобают человеку. Не так ли? Тогда почему же на протяжении двадцати веков они остаются красивыми

лозунгами? Разменной монетой болтунов и демагогов… Нет, мокренькие вы мои философы. Не так все это просто. Никому еще пока не удалось придумать, что подобает человеку, а что — нет. Я лично думаю, что ему все подобает. Такая уж это обезьяна с гипертрофированным мозгом.

С этими словами он торжествующе наливает себе еще на два пальца и опрокидывает стакан залпом.

Циприан и Ирма переглядываются.

— Вполне, — говорит Циприан.

— А я тебе что говорила?

— Ну, тогда я пойду.

— Подожди… Папа, — Ирма поворачивается к Нурланну. — Мы приглашаем тебя поговорить.

— Говорите, — благодушно предлагает Нурланн.

— Нет. Не здесь. Наши ребята хотят с тобой встретиться. Ненадолго, на час-полтора. Пожалуйста.

— Почему со мной? Что я вам — модный писатель?

— С модным писателем мы уже встречались, — говорит Ирма. — А ты — ученый. Ты приехал спасать город. У нас есть к тебе вопросы. Именно к тебе.

— Видишь ли, у меня очень мало времени. Давайте лучше я отвечу на эти вопросы — вам. Прямо сейчас. Мне даже вопросы можно не задавать. Тучу я намерен уничтожить в течение пяти — семи дней. Можете быть совершенно спокойны. Будет применен сравнительно новый коагулянт под игривым названием…

— Нет, папа, — качает головой Ирма. — Как раз это нас не интересует. Вопросы к тебе у нас совсем другие.

— Какие? Я больше ничего не знаю.

— Папа, ну пожалуйста!

— Мы вас очень просим, профессор, — присоединяется Циприан.

— Хорошо, — решается Нурланн. — Тогда завтра. Между двенадцатью и двумя. Где?

— В гимназии. Тебя устроит?

— В которой?

— В нашей… и в твоей тоже. Где ты учился.

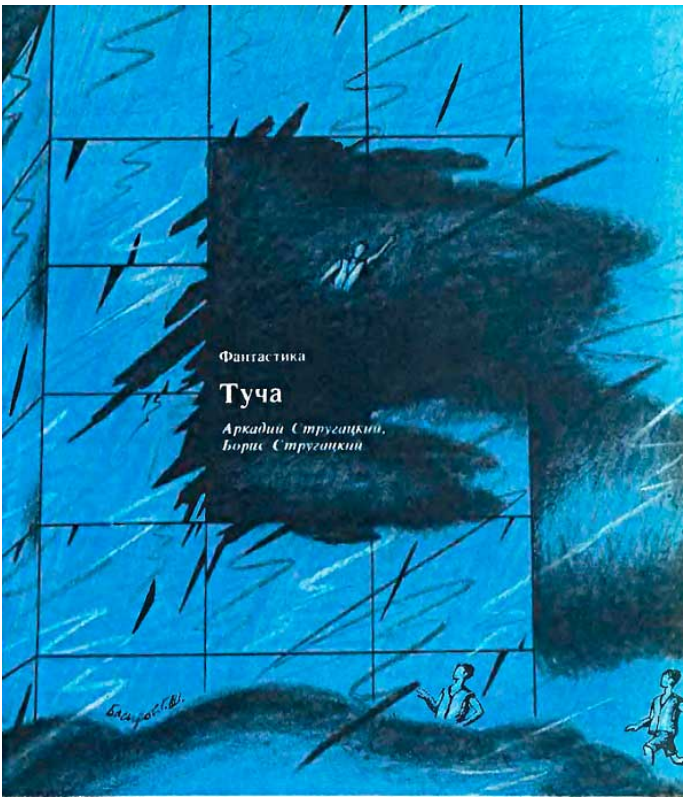
— Где я учился… — задумчиво произносит Нурланн. — О, забытые ароматы мела, чернил, никогда не оседающей пыли… изнурительные допросы у доски… О, запахи тюрьмы, бесправия, лжи, возведенных в принцип! Договорились.

— Ну, тогда я пошел, — снова говорит Циприан.

Нурланн неохотно поднимается с кресла.

— Подожди, я тебя провожу. А то наш швейцар что-то тебя невзлюбил.

— Не беспокойтесь, профессор, — говорит Циприан. — Все в порядке. Это мой отец.



Фантастика

Туча

Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий

Ресторан отеля «Метрополь». Огромная зала, уставленная накрытыми столиками, белоснежные скатерти, серебро, хрусталь, цветы. Возле каждого столика торшер, но горит только один — у столика, за которым ужинают Нурланн, Брун и их школьный друг, ныне известный поэт и бард Хансен.

— Разом сработало великое множество независимых факторов, — объясняет Нурланн. — Выбросы ядерных станций на севере. Раз. На юге пятьдесят лет коптят небо металлургические заводы. Два. На западе загубили Страну Озер, бездарно разбазарили на мелиорацию. Плюс ко всему этому — специфическая роза ветров этого района. И еще какие-то факторы, которые наверняка действуют, но мы о них не догадываемся. Мы многого пока не понимаем…

— Ни черта мы не понимаем, — злобно прерывает Брун. — Невинное аэрозольное образование! Анализы не дают никаких оснований для паники! Три десантные группы были сброшены туда, и ни одна не вернулась! Три! — Он выставляет три пальца. — И ни один профессор пока не объяснил — почему.

— Да, — соглашается Нурланн. — В активной зоне — там, вероятно, происходят какие-то гран-

диозные процессы. Честно говоря, я не могу сообразить, почему она все время расширяется…

— Погоди, — говорит ему Хансен. — Я сейчас все объясню.

На самом деле было так.

В доходном доме рядом с химическим заводом жил многосемейный коллежский секретарь Нурланн. Обстоятельства его: три комнатки, кухня, прихожая, стертая жена, пятеро зеленоватых детей, крепкая старая теща, переселившаяся из деревни. Химический завод воняет. Днем и ночью над ним стоят столбы разноцветного дыма. От ядовитого смрада вокруг умирают деревья, желтеет трава, дико и странно мутируют комнатные мухи. Коллежский секретарь ведет многолетнюю упорную кампанию по укрощению завода: гневные требования в адрес администрации, слезные жалобы во все инстанции, разгромные фельетоны в газетах, жалкие попытки организовать пикеты у проходной. Завод стоит, как бастион. На площади перед заводом замертво падают отравленные постовые. Дохнут домашние животные. Целые семьи покидают квартиры и уходят бродяжничать. В газетах появляется некролог по

случаю преждевременной кончины директора завода. У нашего коллежского секретаря умирает жена, дети по очереди заболевают бронхиальной астмой.

Однажды вечером, спустившись зачем-то в подвал, он обнаруживает там сохранившийся со времен Сопротивления миномет и два ящика мин. Той же ночью он перетаскивает все это на чердак. Завод лежит перед ним как на ладони. В свете прожекторных ламп снуют рабочие, бегают вагонетки, плывут желтые и зеленые клубы ядовитых паров. «Я тебя убью!» — шепчет коллежский секретарь и открывает огонь. В этот день он не идет на службу. На следующий день — тоже. Он не спит и не ест, он сидит на корточках перед слуховым окном и стреляет. Время от времени он делает перерывы, чтобы охладился ствол миномета. Он оглох от выстрелов и ослеп от порохового дыма. Иногда ему кажется, что химический смрад ослабел, и тогда он улыбается, облизывает губы и шепчет: «Я убью тебя…» Потом он падает без сил и засыпает, а проснувшись, видит, что мины кончаются — осталось три штуки. Он высовывается в окно. Обширный двор завода усеян воронками. Выбитые окна зияют. На боках гигантских газгольдеров темнеют вмятины.

Двор перерыт слцжной системой траншей. По траншеям короткими перебежками двигаются рабочие. Быстрее прежнего снуют вагонетки, а когда ветер относит клубы ядовитых паров, на кирпичной стене открывается свежая белая надпись: «Внимание! При обстреле эта сторона особенно опасна!» В полном отчаянии коллежский секретарь выпускает последние три мины, и вот тут-то все и началось.

— Что именно? — спрашивает Нурланн.

— Лопнуло, — поясняет Хансен. — Лопнуло у них терпение. Сколько можно?

Он пьян, и Нурланн говорит снисходительно:

— Очень элегантная гипотеза. Только там, где на самом деле лопнуло, не было никакого химического завода, а была там наша муниципальная площадь, экологически вполне чистая.

— Да, муниципальная площадь, — соглашается Хансен. — Но плохо вы знаете историю родного города. На этой самой площади: тринадцатый век — восстание «серых», за день отрубили восемь сотен голов, в том числе сорок четыре детских, кровь забила водостоки и разлилась по всему городу; пятнадцатый век — инквизиция, разом сожгли полтораста семей еретиков, в том числе триста двенадцать детей, небо было черное, неде-

лю падал на город жирный пепел; двадцатый век — оккупация, расстрел тысячи заложников, в том числе двадцать семь детей, трупы лежали на брусчатке одиннадцать дней… Двадцатый век! А бунт сытых в шестьдесят восьмом? Две тысячи сопляков и соплячек под брандспойтами, давление пятьдесят атмосфер, сто двадцать четыре изувеченных, двенадцать гробов… Сколько же можно такое выдерживать? Вот и лопнуло.

— Да что лопнуло-то? — с раздражением спрашивает Брун. — Опять ты надрался…

— Врун, — укоризненно-весело произносит Нурланн, — ты не способен этого понять. Классическая коллизия: поэт и санинспектор.

— Это все дожди, — заявляет Хансен. — Мы дышим водой. Шесть месяцев этот город дышит водой. Но мы не рабы, мы либо умрем, либо уйдем отсюда. А дождь все будет падать на пустой город, размывать мостовые, сочиться сквозь крыши, он смоет все, растворит город в первобытной земле, но не остановится, а будет падать и падать, и когда земля напитается, тогда взойдет новый посев, каких раньше не бывало, и не будет плевел среди сплошных злаков. Но не будет и нас, чтобы насладиться новой вселенной…

— О боже! — восклицает Врун. — О чем ты го-

воришь?

— Я говорю о будущем, — с достоинством пьяного отвечает Хансен.

— О будущем… — Врун кривит губы. — Какой смысл говорить о будущем? О будущем не говорят, его делают! Вот рюмка коньяка. Она полная. Я сделаю ее пустой. Вот так. Один умный человек сказал, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести. У нас нет времени рассуждать. Надо успевать поворачиваться. Если тебя интересует будущее, изобретай его быстро, на ходу, в соответствии со своими рефлексами и эмоциями. Будущее — это просто тщательно обезвреженное настоящее.

— Точка зрения санитарного инспектора, — бросает Нурланн. И тут по неподвижному лицу Хансена полились слезы.

— Они очень молоды, — произносит он чистым ясным голосом ни с того ни с сего. — У них впереди все, а у меня впереди — только они. Кто спорит, человек овладеет вселенной, но только это будет совсем другой человек… И конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он изменит себя. Природа не обманывает, она выполняет свои обещания, но не так, как мы думали, и не так, как нам хотелось бы…

На другое утро Нурланн вылетает на вертолете обозреть Тучу сверху.

То, что он видит, потрясает его. Затопленный город. Над поверхностью воды выступают верхушки только самых высоких зданий. Торчит башня ратуши со старинными часами, плоская крыша городского банка с размеченной вертолетной площадкой, крест церкви, в которой он когда-то венчался…

— Что это такое? — кричит он пилоту, тыча пальцем в иллюминатор.

— Туча, — отвечает пилот меланхолично.

— Откуда вода? Вы видите воду?

— Нет. Вижу Тучу… молнии… воронка какая-то крутится над серединой… А вы воду видите? Не беспокойтесь, здесь всегда так. Некоторые пустыню видят, верблюдов… Миражи. Только у каждого свой.

Поперек проспекта Реформации, который все почему-то называют теперь Дорогой чистых душ, высится массивная триумфальная арка, увенчанная гербом города: ослиноголовый человек

пронзает трезубцем дракона с тремя человеческими головами.

Вдали за пеленой дождя едва угадывается черная стена Тучи. Все пространство между аркой и Тучей забито людьми, толпящимися вокруг дюжины огромных автобусов: идет спешная эвакуация будущего сектора обстрела. Загруженные автобусы один за другим с ревом уходят под арку и дальше вверх по проспекту.

Чуть в стороне от арки стоят зачехленные ракетно-пушечные установки «корсар», возле них, собравшись кучками, курят в кулак нахохленные экипажи в плащах-накидках.

Рядом с аркой группа начальства: Нурланн, его ассистент, двое офицеров в пятнистых комбинезонах. Нурланн держит над собой зонт, остальные мокнут.

Нурланн говорит ассистенту, указывая на верхушку арки:

— Вот удобная площадка, потрудитесь расставить там все приборы. Полагаю, что места хватит.

— Там будет мой наблюдательный пункт, — произносит один из офицеров, командир дивизиона, человек с недовольным лицом, выражающим откровенную неприязнь к штатскому.

Нурланн бросает на него взгляд и продолжает, обращаясь к ассистенту:

— Позаботьтесь о генераторе. Городская сеть ненадежна.

— К сожалению, ничего не выйдет, профессор, — отзывается ассистент, злорадно поглядывая на недовольного офицера. — Нам предлагается пользоваться генератором дивизиона.

— Не возражаю, — благосклонно кивает Нурланн. — Извольте распорядиться, — говорит он офицеру.

— У меня нет приказа, — говорит тот, едва разжимая губы.

— Вот я вам и приказываю, — отчеканивает Нурланн.

— А вы мне не начальник. И если вы попытаетесь что-нибудь поставить у меня на командном пункте, велю все сбросить вниз.

Нурланн, словно не слыша его, говорит ассистенту:

— Я буду здесь в семнадцать тридцать. Все должно быть готово и отрегулировано.

Тут вступает второй офицер. С виноватым видом он говорит — и непонятно, то ли правду говорит, то ли издевается над высокомерным шпаком:

— Я имею приказ к семнадцати ноль-ноль установить вокруг дивизиона оцепление и никого не пропускать.

Тогда Нурланн поворачивается к офицерам, и такого Нурланна они видеть не ожидали.

— Вы, государи мои, — негромно говорит он, — плохо понимаете свое положение. Здесь командую я, и вы будете выполнять любое мое приказание. А пока меня нет, вы будете выполнять приказания вот этого господина. — Он показывает на ассистента.

В вестибюле гимназии Нурланна поджидает сутулый старик в вицмундире. Это нынешний директор гимназии, но Нурланн помнит его еще своим классным наставником. Четверть века назад это был тиран, одним взглядом своим внушавший гимназистам непереносимый ужас.

— Какая честь, какая честь, профессор! — блеет директор, надвигаясь на Нурланна с простертыми дланями. — Какая честь для доброй старой альма-матер! Орел навестил свое родовое гнездо! Знаю, знаю, вас ждут, и не задержу вас даже на одну лишнюю минуту. Позвольте представить вам: мой поверенный в делах…

— Мы уже знакомы, — говорит Нурланн, с изумлением обнаруживая за спиной директора клетчатую фигуру адвоката-проповедника.

— Совершенно верно, — мягко произносит адвокат, берет Нурланна под руку и увлекает его к барьеру пустующей раздевалки. — Аналогичное дело, профессор, если вам будет благоугодно…

На барьере лежит знакомый бювар и знакомая авторучка. Нурланн берет из бювара листок с текстом, пробегает его глазами и смотрит на адвоката. Тот легонько пожимает плечами.

— Я только заверяю подпись, и больше ничего. Я целыми днями хожу по городу и заверяю подписи.

Тогда Нурланн поворачивается к директору.

— Господин классный наставник, — говорит он. — Поймите, я не хочу вмешиваться в ваши дела. Ведь вы не религиозный маньяк, вы просвещенный человек. Во-первых, вот это, — он трясет листком, — сплошное вранье. Вы никогда не были добрым наставником юношества, вы были аспид сущий, вы были дракон, вы были семь казней египетских для нас, несчастных и нечестивых. И правильно! Только так с нами и можно было! Либо вы нас, либо мы вас. Почему вы этого теперь стыдитесь? И потом. Ну пусть

Страшный Суд. Неужели вы всерьез верите, будто на Страшном Суде эта бумажка, эта закорючка, которую вы у меня просите, может что-нибудь изменить?

Адвокат торопливо вмешивается:

— Этот вопрос на самом деле очень и очень сложен…

Но директор перебивает его. Голова его трясется, и усы обвисают, как мокрые, и старческие глаза слезятся.

— Молодой человек, — говорит он Нурланну. — Пройдет время, и вы тоже состаритесь. Когда вы состаритесь, вам придет пора умирать. А тогда вы обнаружите, что на очень многие вещи вы смотрите совсем иначе, чем сейчас, когда вы здоровы, энергичны и вас ждут великие дела. И не приведи вам бог ждать конца своего в такую страшную годину, как наша.

— Ты победил, галилеянин, — произносит Нурланн и берется за авторучку.

В актовом зале гимназии огромные окна распахнуты настежь, половина зала залита водой. С окон, с потолка, с люстр свешиваются пучки разноцветных нитей, и поэтому зал несколько

напоминает подводную пещеру. Стулья стоят в полном беспорядке, и так же как попало и где попало расселись на этих стульях три десятка девчонок и мальчишек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Все они голоногие и голорукие, у многих длинные волосы схвачены белой ленточкой через лоб, у некоторых на безрукавках с правой стороны нашит черный силуэт бабочки; не сразу понимаешь, что это очертание Тучи, как она видится сверху.

Нурланн стоит на кафедре, все глаза устремлены на него. Одни смотрят со спокойным ожиданием, другие — с явным интересом, третьи с неприязнью, а некоторые с таким выражением, будто ждут, чтобы он поскорее отговорил и ушел и можно было бы заняться более важными делами. Циприан и Ирма сидят в сторонке у стены.

Нурланн с непринужденностью человека, привыкшего к публичным выступлениям, говорит:

— Как вам, может быть, известно, я и сам четверть века назад учился в этой гимназии. В этом зале и с этой кафедры я сделал свой первый в жизни научный доклад. Он назывался «О чувствительности рогатой гадюки к изменению среды обитания». Вторжение большой науки в мир моих одноклассников имело единственное

последствие: преподавательницу зоологии с той поры наградили кличкой Рогатая Гадюка. Должен сказать, что это довольно обычное преломление достижений науки в сознании широких масс.

Пауза. Две-три улыбки. Ну что ж, и это не так уж плохо. Правда, Ирма, кажется, недовольна.

— То было хорошее время. Единственное, что нам тогда угрожало, — это семестровая контрольная по латыни. Сейчас, к сожалению, наше ближайшее будущее безоблачным не назовешь. Туча…

Его прерывает смех. Он нахмуривается.

— Я не собирался каламбурить. Ничего смешного тут нет. Город охвачен паникой, многие из ваших родителей испуганы до такой степени, что ждут Страшного Суда. Город на военном положении. Готовится эвакуация. Для этого есть кое-какие основания, однако положение совсем не так плохо, как это вам, может быть, представляется. Что такое на самом деле Туча? Представьте себе…

Посередине зала воздвигается толстенький подросток с прекрасными синими глазами.

— Господин профессор, — говорит он. — Про Тучу мы все знаем. Не надо про Тучу.

— Вот как? — Нурланн прищуривается на

него. — И что же вы знаете про Тучу?

Вопрос этот повисает в воздухе. Его пропускают мимо ушей.

— Меня зовут Миккель, — объявляет толстенький подросток. — Разрешите задать вопрос.

Нурланн пожимает плечами.

— Задавай.

— Что такое, по-вашему, прогресс?

— При чем здесь прогресс? — с недоумением и раздражением спрашивает Нурланн.

— Одну минуту, — громко произносит Циприан и встает. — Господин Нурланн, разрешите, я объясню. Мы бы не хотели сейчас затрагивать частные вопросы. Только общие. Самые общие. Мы обращаемся к вам не как к физику, а как к представителю авторитетной социальной группы. Мы многого не понимаем, и мы хотели бы узнать, что думают сильные мира сего.

— Послушайте, — говорит Нурланн. — Каждый должен заниматься своим делом. Если вам хочется знать, что такое прогресс, обратитесь к социологу, к философу… При чем здесь я?

— Социолога мы уже спрашивали, — терпеливо говорит Циприан. — Мы его поняли так, что никто толком не знает, что такое прогресс. Вернее, существуют разные мнения…

— Вот мы и хотим знать ваше мнение по этому поводу, — подхватывает Миккель. — Только мнение, больше ничего.

Некоторое время Нурланн смотрит на него, затем говорит:

— Хорошо, пожалуйста. Прогресс есть непрерывное увеличение знаний о мире, в котором мы живем.

— Любой ценой? — звонко спрашивает смуглая девочка, и в голосе ее звучит не то горечь, не то ненависть.

— При чем здесь цена? Конечно, существуют запреты на определенные приемы и методы; скажем, можно платить своей жизнью, но нельзя чужой и так далее. Но вообще говоря, прогресс — штука жестокая, и надо быть готовым платить за него сколько потребуется.

— Значит, может быть безнравственный прогресс? — Это тощая девочка прямо перед Нурланном.

— Не может, но бывает, — парирует Нурланн. — Прогресс, повторяю, — это штука жестокая.

Встает Миккель:

— Ваш прогресс — это прогресс науки. А человек?

— Это все связано. Прогресс науки — прогресс

общества. Прогресс общества — прогресс человека.

— Вы верите в то, что говорите? — осведомляется Миккель. — Это же несерьезно.

— Почему несерьезно? — изумляется Нурланн.

— Потому что прогресс науки есть определенно. Прогресс общества? Возможно. А уж прогресса человека — точно нет.

Нурланн слегка сбит с толку.

— Н-ну… Это, наверное, все же не так… Есть все же разница между нами и…

Его перебивают:

— Какими вы бы хотели видеть нас в будущем?

Нурланн совсем теряется и поэтому ожесточается:

— Вас? В будущем? С какой стати я должен по этому поводу что-либо хотеть?

Все смеются.

— В самом деле, — говорит Нурланн, несколько приободрившись. — Странный вопрос. Но я догадываюсь, что вы имеете в виду. Так вот, я хотел бы, чтобы вы летали к звездам и держались подальше от наркотиков.

Пауза. Все ждут, что он скажет дальше. Нурланн сам ощущает острую недостаточность своего

ответа, но он и впрямь не знает, что сказать.

— И это все? — спрашивает тощенькая девочка.

Нурланн пожимает плечами. По залу пробегает шум. Ребята переглядываются, вполголоса обмениваются репликами.

Поднимается Циприан.

— Разрешите мне. Давайте рассмотрим такую схему. Автоматизация развивается теми же темпами, что и сейчас. Тогда через несколько десятков лет подавляющее большинство активного населения Земли выбрасывается из производственных процессов за ненадобностью. Из сферы обслуживания тоже. Все сыты, никто друг друга не топчет, никто другу другу не мешает… и никто никому не нужен. Есть, конечно, миллион человек, обеспечивающих бесперебойную работу старых машин и создание машин новых… Ну, и летающих к звездам тысяч сто. Но остальные миллиарды друг другу просто не нужны. Это хорошо, как вы полагаете?

— Не знаю, — говорит Нурланн сердито. — Это и не хорошо и не плохо. Это либо возможно, либо невозможно. Нелепо ставить отметки социологическим законам. Хорош или плох второй закон Ньютона? Квадрат гипотенузы равен сумме квад-

ратов катетов — это хорошо или плохо?

— Наверное, я неправильно выразился, — вежливо отвечает Циприан. — Я хотел спросить: нравится ли вам лично такое состояние общества? Или вот вопрос еще более общий: какое состояние общества представляется лично вам наиболее приемлемым?

— Боюсь, я разочарую вас, — высокомерно произносит Нурланн. — Меня лично вполне устраивает нынешнее состояние общества.

Смуглая девочка яростно говорит:

— Конечно, ведь вас устраивает, что можно схватить человека, сунуть его в каменный мешок и вытягивать из него все, пока он не умрет!

Нурланн пожимает плечами.

— Ну, это никому не может нравиться. Я понимаю, вы молоды, вам хочется разрушить старый мир и на его костях построить новый. Однако имейте в виду, это очень старая идея, и пока она еще ни разу не привела к желаемым результатам. То самое, что в старом мире вызывает особенное желание беспощадно разрушать, — например, тайная полиция, — особенно легко приспосабливается к разрушению, жестокости, беспощадности, становится необходимым и непременно сохраняется, делается хозяином в

новом мире и в конечном счете убивает смелых разрушителей.

— Боюсь, вы нас неправильно понимаете, господин профессор, — возражает Миккель. — Мы вовсе не собираемся разрушать старый мир. Мы собираемся строить новый. Только строить! Ничего не разрушать, только строить.

— За чей счет? — насмешливо спрашивает Нурланн.

— Этот вопрос не имеет смысла для нас. За счет травы, за счет облаков, за счет текучей воды… за счет звезд.

— В точности как все, кто был до вас, — говорит Нурланн.

— Нет, потому что они вытаптывали траву, рассеивали облака, останавливали воду… Вы меня поняли буквально, а это лишь аллегория.

— Ну что ж, валяйте, стройте, — говорит Нурланн. — Не забывайте только, что старые миры не любят, когда кто-то строит новые. Они сопротивляются. Они норовят помешать.

— Нынешний старый мир, — загадочно произносит Циприан, — нам мешать не станет. Ему, видите ли, не до нас. Прежняя история прекратила течение свое, не надо на нее ссылаться.

— Что ж, тем лучше, — говорит утомленно

Нурланн. — Очень рад, что у вас все так удачно складывается. А сейчас я хотел бы уточнить относительно прогресса…

Но Миккель прерывает его:

— Видите ли, господин профессор, я не думаю, чтобы это было нужно. Мы уже составили представление. Мы хотели познакомиться с современным крупным ученым, и мы познакомились. Теперь мы знаем больше, чем знали до встречи с вами. Спасибо.

Раздается гомон: «Спасибо… Спасибо, господин Нурланн…», зал понемногу пустеет, а Нурланн стоит на кафедре, стиснув ее края изо всех сил, и чувствует себя болваном, и знает, что красен и что вид являет собой растерянный и жалкий.

Проспект между триумфальной аркой и черной стеной Тучи пуст. На тротуарах и на мостовой огромное количество брошенных зонтиков — это все, что осталось от эвакуированных. Три «корсара» в боевой готовности выстроены шеренгой под аркой, пространство вокруг арки оцеплено солдатами в плащах-накидках, а за оцеплением волнуются толпы Агнцев Страшного Суда в клетчатых балахонах.

Дождь не очень сильный, и с вершины триумфальной арки черная стена Тучи видна вполне отчетливо.

На часах без двух минут шесть.

Нурланн смотрит на Тучу в бинокль. Ассистент застыл на корточках у приборов. В нескольких шагах от него стоит, расставив ноги и перекатываясь с носка на пятку, командир дивизиона. Рядом с ним радист с микрофоном у рта.

— Синхронизации хорошей не получится, — с улыбочкой сообщает ассистент.

— Это несущественно, — отзывается Нурланн сквозь зубы.

— Готовность шестьдесят, — бросает командир дивизиона.

— Готовность пятьдесят девять, — бормочет в микрофон радист.

В этот момент Нурланн вдруг обнаруживает в поле зрения бинокля две человеческие фигурки.

— Что за черт! — говорит он громко. — Там люди!

— Где? — Командир дивизиона утыкается лицом в нарамник стереоприцела.

— Это дети, — говорит Нурланн сердито. — Отмените стрельбу.

В поле зрения его бинокля отчетливо видны

двое ребят, голоногих и голоруких, они идут к Туче, причем один оживленно размахивает руками, словно что-то рассказывает.

— Где вы кого видите? — рявкает командир.

— Да вон же, у самой Тучи, посередине проспекта!

— Нет там никого! Пусто!

— Никого нет, профессор, — подтверждает ассистент.

Нурланн дико глядит на него, потом на командира.

— Отменить стрельбу! — хрипло кричит он и бросается к лестнице. Это железная винтовая лестница в одной из опор арки, в мрачном каменном колодце

с осклизлыми стенами. Нурланн сыплется вниз по ступенькам, судорожно хватаясь то за ржавые перила, то за сырые плиты стен. Сверху, наклонившись в колодец, командир дивизиона орет ему вслед:

— Еще чего — отменить! Надрался, понимаешь, до чертиков и еще командует…

Нурланн бросается в лимузин, машина с диким ревом устремляется в пустой каньон проспекта, расшвыривая зонтики. Он уже простым глазом видит двух подростков на фоне черной стены,

и тут…

Багровым светом озаряются стены домов, и над самой крышей лимузина, над самой головой Нурланна с раздирающим скрежетом и воем проносятся к черной стене огненные шары ракетных снарядов. Нурланн инстинктивно бьет по тормозам, машину несколько раз поворачивает по мокрому асфальту, и, когда Нурланн на дрожащих ногах выбирается из-за руля, он видит впереди, насколько хватает глаз, абсолютно пустой, абсолютно сухой, слегка дымящийся проспект, и нет больше ни черной стены, ни детей.

Шепча молитву, Нурланн долго смотрит на то место, где только что были дети, а тем временем, прямо у него на глазах, справа, слева, сверху, словно беззвучная черная лавина, заливает открывшуюся прореху черная стена. В этот момент он окончательно приходит в себя. Лавина звуков обрушивается на него: ужасные вопли, свист, звон разлетающихся стекол, выстрел, другой… Он оборачивается.

На позиции «корсаров» медленно кипит людская каша — Агнцы Страшного Суда, прорвав оцепление, лезут на «корсары», ломая все, что им под силу…

— Никого там не было! — гремит Брун. Он стоит посередине номера Нурланна, засунул руки за брючный ремень, а Нурланн, обхватив голову руками, скрючился в кресле. — Это мираж! Галлюцинация! Она обморочила тебя, она же морочит людей, это все знают.

— Зачем? — спрашивает Нурланн, не поднимая головы.

— Откуда я знаю — зачем? Мы здесь полгода бьемся как рыба об лед и ничего не узнали. Не хотела, чтобы ты в нее палил, вот и обморочила.

— Господи, — вздыхает Нурланн. — Взрослый же человек…

Он берет бутылку и разливает по стаканам.

— Да, взрослый! — рявкает Брун. — А вот ты — младенец. Со своим детским лепетом про аэрозольные образования… Младенец ты, девятнадцатый век ты, Вольтер-Монтескье, рационалист безмозглый!

Брун опрокидывает свой стакан, подтаскивает кресло и садится напротив Нурланна.

— Слушай, — говорит он. — Ты же сегодня был в гимназии. Ты видел здешних детей. Ты где-нибудь когда-нибудь еще видел таких детей?

Нурланн отнимает ладони от головы, вы-

прямляется и смотрит на Бруна. В глазах его вспыхивает интерес.

— Ты что имеешь в виду? — спрашивает он осторожно.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Это нашествие! Вот что ты попытайся понять. Ну, не понять, так хотя бы взять к рассмотрению как некую гипотезу. Нашествие! Только идет не марсианин и не мифический Антихрист, а кое-что вполне реальное. Будущее идет на нас. Бу-ду-ще-е! И если мы не сумеем принять немедленные меры, нас сотрут в порошок. Нам с ними не справиться, потому что они впереди нас на какие-то чертовы века!

— Ты… вот что, — произносит Нурланн встревоженно. — Ты давай-ка, успокойся. Налить тебе еще? — Не дожидаясь согласия, он разливает бренди. — Ты, брат, начал меня утешать, а теперь что-то сам уж очень возбудился.

— В том-то и трагедия, — произносит Брун, мучительно сдерживаясь. — Нам, кто этим занимается, все кажется очевидным, а объяснить никому ничего невозможно. И понятно, почему не верят. Официальную бумагу напишешь, перечитаешь — нет, нельзя докладывать, бред. Роман, а не доклад…

Тут дверь распахивается, и в номер без стука входит Хансен.

— Проходи, — бросает он кому-то через плечо, но никто больше не появляется, а Хансен с решительным видом подступает к Бруну и останавливается над ним.

— Мой сын рассказывает мне о твоей деятельности странные вещи, — говорит он. — Как прикажешь это понимать?

— Что там еще стряслось? — раздраженно-устало произносит Брун, не глядя на него.

— Твои громилы хватают детей, бросают их в твои застенки и там что-то у них выпытывают. Тебе известно об этом?

— Чушь. Болтовня.

— Минуточку! — говорит Хансен. — У моего сына много недостатков, но он никогда не врет. Миккель! — обращается он в пустоту рядом с собою. — Повтори господам то, что ты рассказал мне.

Наступает тишина. Брун пытается что-то сказать, но Хансен орет на него:

— Заткнитесь! Извольте не перебивать!

И снова тишина. Слышен только шум дождя за окном. На лице Нурланна явственно написано: в этом мире все сошли с ума. У Бруна лицо камен-

ное, он смотрит в угол без всякого выражения.

— Так, — говорит Хансен. — Что вы можете на это сказать?

— Ничего, — угрюмо говорит Брун.

— Но я требую ответа! — возвышает голос Хансен. — Если вы ничего не знаете об этом, извольте навести справки! Мальчик должен быть выпущен на свободу немедленно! Вы же слышали, он может умереть в любую минуту. Его нельзя держать под замком! — Он обращается к Нурланну. — Ты представляешь, Нурланн? Твою Ирму подстерегают вечерком в темном переулке, хватают, насильно увозят…

И тут до Нурланна доходит.

— Послушай, Брун, — говорит он встревоженно, — это же правда. Я своими глазами видел, как схватили мальчишку. Да я тебе рассказывал — разбили мне фару, дали по печени… а мальчишку, значит, увезли?

— Идиоты, — говорит Брун сквозь стиснутые зубы. — Боже мой, какие болваны. Слепые, безмозглые кретины! Ни черта не понимают. Жалеют их. Это надо же — сопли пораспустили! Ну еще бы — они же такие умненькие, такие чистенькие, такие юные цветочки! А это враг! Понимаете? Враг жестокий, непонятный, беспо-

щадный. Это конец нашего мира! Они обещают такую жестокость, что места для обыкновенного человека, для нас с вами, уже не останется. Вы думаете, если они цитируют Шпенглера и Гегеля, то это — о! А они смотрят на вас и видят кучу дерьма. Им вас не жалко, потому что вы и по Гегелю — дерьмо, и по Шпенглеру вы — дерьмо. Дерьмо по определению. И они возьмут грязную тряпку и вдумчиво, от большого ума, от всеобщей философии смахнут вас в мусорное ведро и забудут о том, что вы были…

Брун являет собой зрелище странное и неожиданное. Он волнуется, губы его подергиваются, от лица отлила кровь, он даже задыхается. Он явно верит в то, что говорит, в глазах его ужасом стынет видение страшного мира.

— Подожди… — бормочет Нурланн потерянно. — Дети-то здесь при чем?

— Да при том, что мы ничего не знаем! А они знают все! Они шляются в Тучу и обратно, как в собственный сортир, они единственные, кто знают все. Может быть, они и не дети больше. Я должен знать, кто на нас идет, и в соплях ваших я путаться не намерен!

— Вы негодяй, — холодно говорит Хансен. — Вы признаете, что схватили мальчика и пытаете его

в своих грязных застенках?

Брун вскакивает так, что кресло из-под него улетает в угол номера.

— Тройной идиот! — шипит он, хватая Хансена за грудки. — Какие застенки? Какие пытки? Проклятое трепло! Пойдем, я покажу тебе застенки. Это недалеко, это не в подвале, это здесь, в министерском люксе…

Он волочит за собой по коридору вяло отбрыкивающегося Хансена, Нурланн еле поспевает за ними. У последней по коридору двери они останавливаются. Брун стучит нетерпеливо. Дверь приоткрывается, внимательный глаз появляется в щели, затем дверь распахивается.

Широко шагая, Брун проходит через холл, распахивает дверь в гостиную. В гостиной ковры, стол завален фруктами и блюдами со сластями, беззвучно мерцает экран гигантского телевизора, валяются в беспорядке видеокассеты.

Номер огромен, в нем несколько комнат, одна роскошнее другой. Мальчика находят в последней комнате.

Он лежит под окном в луже воды, уткнувшись лицом в пол, голоногий и голорукий подросток в красной безрукавке и красных шортах. Тот самый.

Брун падает перед ним на колени, переворачивает на спину.

— Врача! — кричит он хрипло. — Скорее!

Фантастика

Туча

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

Поздняя ночь. В холле отеля, едва освещенном слабой лампочкой над конторкой портье, сидят и разговаривают сквозь плеск дождя за окнами Нурланн и швейцар.

— Что ваша ведьмочка, что мой сатаненок, — тихо говорит швейцар, — они одного поля ягоды. Что мы для них? Лужи под ногами. Даже хуже. Воду они как раз любят. Дай им волю, они бы из воды и не вылезали. Пыль мы для них, деревяшки гнилые…

— Ну зачем же так, — говорит Нурланн. — Мне ваш Циприан очень понравился, замечательный парнишка.

— Да? — Швейцар как бы приободряется. — А что, может, еще и породнимся… если так.

Оба усмехаются, но как-то невесело.

— Уж нас-то они не спросят, — говорит швейцар, — будьте покойны. Главное, никак я не пойму, лежит у меня к ним сердце или нет. Иногда прямо разорвал бы — до того ненавижу. А другой раз так жалко, так жалко их, ей-богу, слезы из глаз… Смотрю я на него и думаю: да он ли это? Мой ли это сын, моя ли кровь? Или, может, он уже и не человек вовсе? — Он наклоняется к Нурланну и понижает голос. — Говорят же, что ходят они в Тучу эту и обратно. Туда и обратно.

Как хотят. Вот вы рассказываете: утром… Они же в Тучу шли! И вы не сомневайтесь, были они там, были! Офицеры — дураки, что они понимают? Слепые они. Это — таинство, так люди говорят. Это не каждому дано увидеть. Вот вам дано. Уж я не знаю, счастье это ваше или беда…

— Да уж какое счастье, — произносит Нурланн, кривя лицо. — Получается, что я их убил…

— Ну, что ж, — говорит швейцар. — Значит, судьба ваша такая. Может быть, и вы. Только стоит ли огорчаться по этому поводу? — Я не знаю. Убить-то вы, может, и убили, а вот кого? — Он совсем приникает ртом к уху Нурланна. — Знаете, что люди говорят? Детишки-то эти… в Тучу входят и тут же сгорают. А выходят оттуда уже не они. Обличьем похожи, но не они. Призраки выходят. Мороки. А потом смотришь ты на него и думаешь: да сын ли он мой? Моя ли это кровь?

— Призраки, мороки… — бормочет Нурланн, уставясь перед собой. — Это все нечистая наша совесть. Убиваем мы их. Каждый день убиваем. И знаете, почему? Не умеем мы с ними больше ничего делать. Только убивать и умеем. Всю жизнь мы только тем и занимались, что превращали их в таких, как мы. А теперь они отказываются превращаться, и мы стали их убивать.

…Маленькому Нурланну не повезло с отцом. Отец был художником — огромный, громогласный, неумный и неописуемо эмоциональный человек. Он не желал слушать никаких оправданий, не терпел никаких объяснений и вообще ничего не понимал. Он не понимал шалостей. Он не понимал детских страхов. Он не понимал маленьких детских радостей. И в самых жутких кошмарах уже взрослого профессора Нурланна нависало вдруг над ним огромное, как туча, лицо. В нем все было огромно: огромные выпученные глаза, огромные усы, огромные волосатые ноздри и огромные колышащиеся волосы вокруг всего этого. Огромная, испачканная красками рука протягивалась и хватала маленького человечка за ухо, и волокла мимо огромных стульев и столов в распахнувшуюся тьму огромного чулана, и швыряла его туда, и рушились сверху какие-то картонки, какая-то рухлядь, и гремел засов, и наступала тьма, в которой не было ничего, кроме плача и ужаса…

В конце проспекта Реформации (он же Дорога

чистых душ), в сотне метрах от черной стены Тучи, мокрый клетчатый проповедник гремит, потрясая руками, над толпой мокрых клетчатых Агнцев Страшного Суда, понурых и жалких. На другой стороне проспекта Нурланн, тоже мокрый и тоже жалкий, скрючившись, сидит на краешке роскошного дивана, брошенного поперек тротуара у подъезда покинутого дома.

— Город тот расположен четвероугольником! — гремит проповедник. — И длина его такая же, как и ширина… Стена его построена из ясписа, а город — чистое золото, подобен чистому стеклу. Основание стены украшено всякими драгоценными камнями: основание первое — яспис, второе — сапфир, третье — халкидон, четвертое — смарагд, пятое — сардоникс, шестое — сердолик, седьмое — хризолиф, восьмое — вирилл, девятое — топаз, десятое — хризопрас, одиннадцатое — гиацинт, двенадцатое — аметист… И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо светильник его — Агнец… Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет вовсе… Среди улиц его… древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов…

Пока он говорит, от толпы Агнцев один за

другим отделяются адепты, человек десять или двенадцать, они идут один за другим к стене Тучи. Им очень страшно, одного трясет, будто в лихорадке, у другого безумные глаза и губы, закушенные до крови, какая-то женщина плачет, прикрыв лицо ладонями, и спутник ведет ее под руку, сам белый как простыня.

— И принесут в него славу и честь народов! — ревет проповедник. — И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни! И ничего уже не будет проклятого! Прииди! Жаждущий пусть приходит и желающий пусть берет воду жизни даром…

Люди, идущие в Тучу, вдруг начинают петь. Сначала два жидких, неуверенных голоса, потом подхватывают третий и четвертый, и вот уже они поют все, с каждым шагом все более исступленно и уверенно. Это — псалом, это крик отчаяния и надежды, это исступленная попытка задавить в себе животный страх неизвестности.

И они уходят в Тучу один за другим, и один за другим на полуслове замолкают голоса. И вот уже остается только один, поющий высоким козлетоном, какой-то калека, изо всех сил спешащий на костылях. Он погружается в тьму, голос его

обрывается, и ничего больше не слышно, кроме плеска дождя.

Нурланн, вскочивший от ужаса, медленно опускается на край дивана и закрывает лицо руками.

Темнеет. Зажглись редкие фонари вдоль проспекта Реформации. Черная стена Тучи стала ближе. Туча и в самом деле ведет себя, как подкрадывающееся животное. Только что стоял чуть покосившийся фонарный столб с разбросанными под ним перевернутыми зонтиками, наполненными водой, и вдруг что-то неуловимо меняется, и уже нет ни фонаря, ни зонтиков, а черная стена еще на пяток метров ближе, и большая лиловая молния проходит по ней наискосок.

Нурланн сидит, где и прежде, на том же диване, глубоко засунув руки в проемы плаща, и смотрит на большую лужу, пузыристую от дождевых капель. В луже появляется пара ног в тяжелых армейских башмаках и пятнистых маскировочных штанинах.

— Господин профессор, — произносит прокуренный голос. — Вас ждут в штабе. Полковник просит вас явиться в штаб.

Нурланн поднимает глаза и видит перед собой

молодцеватого вояку в берете набекрень, черноусого и чернобрового, с наглыми сержантскими глазами.

— Передайте полковнику, — с трудом ворочая губами, произносит Нурланн. — Здесь нужно поставить заслон. Люди уходят туда и сгорают. Дети уходят. Нужен заслон.

Вояка мельком взглядывает на Тучу и говорит:

— Мы имеем приказ не вмешиваться в эти дела.

— Заслон, — упрямо повторяет Нурланн. — Никого не пропускать!

— Прикажут — поставим, — бодро говорит вояка. — Только вряд ли прикажут. А вас ждет полковник. Пожалуйте в машину.

Нурланн некоторое время смотрит на него, затем говорит устало и злобно:

— Оставьте меня в покое.

И уже совсем ночью озябший и измученный Нурланн слышит то ли сквозь дремоту, то ли сквозь бред и плеск дождя приближающийся странный разговор:

— Свадебные машины катят к церкви! — с издевательской торжественностью произносит

ломкий юный баритон. — Это не может не тревожить!

— Мы научились критиковать религию! — в тон ему отзывается девчоночий голос. — Но не противопоставляем ей ничего своего, положительного. Критикуем обрядность, но не подкрепляем слово делом!

— Человеку нужен обряд! — с издевательским пафосом произносит третий голос, этакий ядовитый тенорок. — Обряд дает выход как положительным, так и отрицательным эмоциям!

И все трое говоривших, словно бы не выдержав, разражаются хохотом. Этот хохот так заразителен (хотя ничего смешного, казалось бы, не сказано), что Нурланн, не в силах поднять тяжелые веки, сам улыбается в полусне.

— А вот папа сидит, — говорит девочка.

Нурланн наконец просыпается. Перед ним стоят трое подростков, все трое знакомые: дочка его Ирма, сын швейцара Циприан и синеглазый сын Хансена Миккель. Как всегда они мокры, полны скрытой энергии, и сам черт им не брат. Отблески лиловых молний от близкой Тучи то и дело выхватывает из мокрой тьмы их мокрые физиономии.

Нурланн с трудом встает.

— Это вы. Я ждал вас. Не смейте туда ходить.

— Отрекохом, — серьезно произносит Циприан. — Отрекохом от сатаны, от скверны.

— Я не шучу, Циприан, — говорит Нурланн.

— Но это же присно и во веки веков, — убеждающе произносит Миккель. — Во веки веков, профессор!

— Ребятки! — проникновенно говорит Нурланн. — Вы одурманены. Вы как мотыльки. Мотыльки летят на свет, а вы летите на тьму. А там — смерть. И хорошо еще, если моментальная… Слушайте, давайте уйдем отсюда, присядем где-нибудь, поговорим спокойно, рассудительно. Это же, как липучка для мух… Я вам все объясню.

— Церковь, — серьезным голосом объявляет Миккель, — учитывая естественное стремление к прекрасному, издавна пыталась использовать красоту для религиозного воздействия на прихожан.

Это явное издевательство, но Нурланну не до свары.

— Хорошо, — говорит он. — Хорошо. Об этом мы тоже поговорим. Только пойдемте отсюда! Вам хочется поиздеваться надо мной — пожалуйста. Но сейчас я плохой оппонент, сейчас со мной неинтересно. Уйдемте отсюда, и я постараюсь

соответствовать…

Циприан, подняв палец, важно произносит:

— Не все одинаково приемлемо в новых ритуалах. Но сложность работы не пугает подлинных энтузиастов.

— Папа, — говорит вдруг Ирма обыкновенным голосом. — Пойдем с нами. Это так просто.

И они, больше не взглянув на него, легким шагом идут дальше к Туче. Несколько мгновений он смотрит им вслед, а затем бросается, охваченный жаждой схватить, остановить, оттащить. И вдруг вселенная вокруг него взрывается лиловым огнем…Он видит зеленую равнину под ясным синим небом, и купы деревьев, и какую-то старую полуразвалившуюся часовню, замшелую и опутанную плющом, и почему-то идет снег крупными белыми хлопьями. На фоне синего неба один за другим, подрагивая в каком-то странном ритме, проплывают: серьезный, сосредоточенный Циприан; задумчивая, очень хорошенькая Ирма; ехидно ухмыляющийся Миккель…

И какой-то вкрадчивый полузнакомый голос шепчет ему на ухо:

— Как ты думаешь, что это такое? Что ты видишь перед собой?

— Я вижу свою дочь.

— А еще что ты видишь? Расскажи, расскажи нам, это очень интересно.

— По-моему, она повзрослела… Красивая стала девушка.

— Рассказывай, рассказывай!

— Циприан… Хорошая пара.

Голос становится назойливым и крикливым.

— Говори! Говори, Нурланн! Что ты видишь? Говори!

Видение светлого мира исчезает, заволакивается тьмой, и в этой тьме возникает лицо Бруна, мокрое, свирепое, огромный орущий рот, раскачиваются в электрическом свете блестящие штыри антенн…

— Говори, Нурланн! Говори! Говори, скотина!

Ранним утром в номер Нурланна врываются Лора и Хансен. Нурланн, измученный событиями прошлой ночи, спит одетый: как пришел накануне, как повалился на кушетку в чем был, так и заснул, словно в омут провалился.

Лора и Хансен набрасываются на него и ожесточенно трясут.

— Нурланн, боже мой, сделай что-нибудь! — стонет Лора. — Ирма ушла, оставила записку, что

никогда не вернется… Боже, за что мне это? За какие грехи?

— Нурланн, надо что-то делать, — хрипит мучительно трезвый Хансен. — Дети ушли! Все! В городе не осталось ни одного ребенка. Да черт же тебя возьми, проснись же! Пьян ты, что ли?

Нурланн садится на кушетке. Он и в самом деле словно пьяный: его пошатывает, глаза не раскрываются, лицо опухло, волосы встрепаны и слиплись.

— Я боюсь, Нурланн, — ноет Лора. — Сделай что-нибудь! Я ничего не понимаю… Почему, за что?

— Сволочи! — хрипит Хансен, бегая по комнате. — Сманили детей! Но это им не пройдет. Хватит, кончилось мое терпение. Кончилось! Да поднимайся же ты, нашел время дрыхнуть!

— Ну хорошо, хорошо… — бормочет Нурланн, растирая лицо ладонями. — Сейчас. Дайте штаны надеть. Где здесь у меня штаны? А! Да что случилось-то, в самом деле? — Он грузно поднимается на ноги. — Что вы раскудахтались?

— Дети ушли из города! — орет Хансен. — Увели наших детей!

…Когда пятьдесят лет назад детей уводили

из города, это было так. Тянулась бесконечная серая колонна. Дети шли по серым размытым дорогам, шли спотыкаясь, оскальзываясь и падая под проливным дождем, шли согнувшись, промокшие насквозь, сжимая в посиневших лапках жалкие промокшие узелки, шли маленькие, беспомощные, непонимающие, шли плача, шли молча, шли оглядываясь, шли, держась за руки и за хлястики, а по сторонам дороги вышагивали мрачные черные фигуры как бы без лиц — железные отсвечивающие каски, руки, затянутые в черные перчатки, лежали на автоматах, и дождь лил на вороненую сталь, и лаяли иноземные команды, и лаяли мокрые иноземные псы…

— Чепуха! — говорит Нурланн, тряся головой и зажмуриваясь. — Это совсем не то…

— Да очнись ты, черт тебя подери! — орет Хансен. — Их Туча заманила! Туча их сожрала, ты понимаешь?

— Погоди, — говорит Нурланн. — Надо без паники. Погоди.

— У тебя оружие есть? — спрашивает Хансен. — Пистолет какой-нибудь, автомат… Хоть что-нибудь?

— Какое оружие, дурак, — огрызается Нурланн. — При чем здесь оружие?

Лимузин Нурланна с трудом пробирается между брошенными как попало многочисленными автомобилями. За рулем Нурланн, рядом с ним истерически рыдающая, вся перемазанная расплывшейся косметикой Лора, на заднем сиденье озверелый Хансен.

Дальше ехать невозможно, и все они выбираются наружу. Кажется, весь город собрался здесь, плотно закупорив проспект Реформации, он же Дорога чистых душ. Тысячи людей, мокрых, жалких, растерянных, озлобленных, недоумевающих, плачущих, кричащих, с закаченными в обмороке глазами, оскаленных. Утонувшие в толпе автомобили — роскошные лимузины, потрепанные легковушки с брезентовым верхом, грузовики, автобусы, автокран, на стреле которого сидят несколько человек. И льет дождь. Да такой, какого Нурланн не видел никогда в жизни, он даже не представлял себе, что бывают такие дожди, — тропический ливень, но не теплый, а ледяной, пополам с градом, и сильный ветер несет его косо, прямо в лица, обращенные к еле

видной черноте впереди, к мутным медленным лиловым вспышкам.

Толпа кричит, плачет, стонет, угрожает:

— Господи, за что? В чем согрешили мы, господи?

— Идиоты! Слюнтяи! Давным-давно надо было их за ухо — и вон из города! Говорили же умные люди…

— В чем отказывали? Чего для них жалели? От себя кусок отрывали, босяками ходили, лишь бы их одеть-обуть…

— Сим, меня сейчас задавят! Сим, задыхаюсь! Ох, Сим…

— Пустите меня! Да пустите же вы меня! У меня дочка там!

— Они давно собирались, я видела, да боязно было спрашивать…

— Муничка! Муничка! Муничка мой! Муничка!

— Да что же это, господа? Это же безумие какое-то! Надо же что-то делать!

— Да я его в жизни пальцем не тронула! Я видела, как вы своего-то ремнем гоняли. А у нас в доме такого и в заводе не было.

— В кр-р-ровь! Зубами рвать буду!

— Да-а, видно, совсем мы дерьмом стали, если

родные дети от нас в эту Тучу ушли… Да брось ты, сами они ушли, никто их не притягивал…

— Муничек мой! Муничка!

— Надо телеграмму господину президенту! Десять тысяч подписей — это вам не шутка!

— Это мои дети, господин хороший, я их породил, я ими и распоряжаться буду, как пожелаю. Извольте их мне вернуть!

И тут раздался голос. Он как шелестящий гром. Он идет со всех сторон сразу, и он сразу покрывает все остальные звуки. Он раздается как бы в мозгу у Нурланна, но тут же замирает и затихает вся толпа. Голос спокоен и даже меланхоличен, какая-то безмерная скука слышится в нем, безмерная снисходительность, будто говорит кто-то огромный, презрительный, высокомерный, стоя спиной к надоевшей толпе, говорит через плечо, оторвавшись на минутку от важных забот ради этой раздражившей его, наконец, пустяковины.

— Да перестаньте вы кричать, — произносит Голос. — Перестаньте размахивать руками и угрожать. Неужели так трудно прекратить болтовню и несколько минут спокойно подумать? Вы же прекрасно знаете, что дети ваши ушли от

вас по собственной воле, никто их не принуждал, никто не тащил за шиворот, не одурманивал и не затягивал. Они ушли потому, что вы им стали окончательно неприятны.

Пока Голос говорит, дождь затихает, а потом прекращается вовсе, и черная стена Тучи, полосуемая медлительными молниями, становится видна совершенно отчетливо. И неподвижно стоит перед нею толпа. Люди словно боятся пошевелиться.

— Вы очень любите подражать своим предкам, — продолжает Голос, — и полагаете это важным человеческим достоинством, а они — нет. Не хотят подражать вам. Не хотят они вырасти пьяницами и развратниками, скучными обывателями, рабами, конформистами, не хотят они, чтобы из них сделали преступников против Человечества, не хотят ваших семей и вашего государства. Поглядите На себя! Вы родили их на свет и калечили их по образу своему и подобию. Подумайте об этом. А теперь — уходите.

Толпа остается неподвижной. Может быть, она пытается думать. А у Нурланна в мозгу вспыхивают только отдельные странные и страшные

картинки — собственные воспоминания вперемежку с виденным в кинохронике:

…огромное лицо отца и огромная рука его, тянущаяся с угрозой и злобной яростью…

…кучки наркоманов под мостом, жуткие морды вместо лиц, шприц вонзается в бедро прямо сквозь джинсы…

…дряхлый трясущийся Гитлер вручает железный крест мальчишке-смертнику, ласково треплет его по щечке…

…несметные толпы подростков, бессмысленно усеявших пустырь, словно огромная стая ворон на помойке…

…и подростки-фанаты, с ревом громящие стадион…

…и крепенькие румяные подростки в полувоенной форме, в золотых рубахах до колен, подпоясанные армейскими ремнями с тяжелыми пряжками, с массивными дубинками, и каждый заляпан эмблемами — эмблема на пряжке, эмблема на дубинке, эмблема на морде — и значки, значки, значки…

…и сам Нурланн омерзительно, потеряв контроль над собой, орет на молодую еще Лору, а она орет на него, похожая на отвратительно красивую мегеру, и маленькая Ирма с ужасом и

недоумением смотрит на них, забившись в угол с большой куклой…

…и какой-то молодой отец с кружкой пива у ларька — хлебает сам и дает отхлебнуть сынишке, который держится за его брючину…

— Ну, что же вы стоите? — произносит Голос. — Пошли вон. Уходите!

И черная стена Тучи толчком продвигается на толпу, разом прыгнув метров на пятнадцать.

— Уходите! Уходите совсем из города! Города больше не будет! Убирайтесь, пока целы!

И снова Туча делает огромный шаг на толпу.

Город прорвало как нарыв.

Впереди, по обыкновению, драпают избранные, драпает магистратура и полиция, драпает промышленность и торговля, драпают суд и акциз, финансы и народное просвещение, почта и телеграф — все, все, в облаках бензиновой вони, в трескотне выхлопов, встрепанные, злобные и тупые, лихоимцы, стяжатели, слуги народа, отцы города, в вое автомобильных сирен, в истерическом стоне сигналов, во вспышках фар спецмашин — рев стоит на проспекте, а гигантский фурункул все выдавливается и выдавливается, и

когда схлынул гной, тогда потекла кровь — собственно народ, на огромных автобусах, на битком набитых грузовиках, в навьюченных фольксвагенах, тойотах и фордиках, на мотоциклах, на велосипедах, угрюмые, молчаливые, потерянные, оставив позади свои дома, свои газоны, свое нехитрое счастье, налаженную жизнь, свое прошлое и свое будущее.

За народом отступает армия. Идут вездеходы с офицерами, бронетранспортеры, огромные машины полевых штабов, полевые кухни, зачехленные «корсары»… Последними идут танки, с башнями, развернутыми назад, в сторону наступающей Тучи.

И гремит над этим громадным бегством голос проповедника:

— …Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой… И плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось от тебя, — ты уже не найдешь его… И голоса играющих на гуслях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе.; и свет светильника уже не появится

в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы. И в тебе найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле…

К рассвету город опустел.

Утро хмурое, но дождь прекратился. По пустому проспекту Реформации мимо мрачных домов с мертвыми окнами бредет нога за ногу Нурланн, растерзанный, небритый, взлохмаченный, с отрешенным лицом, с глазами, как бы устремленными внутрь.

На асфальте проспекта, на тротуарах разбросано затоптанное тряпье, валяются раздавленные чемоданы, колесо грузовика лежит посередине мостовой, и тут же неподалеку — сам грузовик, перекошенный, с распахнутой дверцей, уткнувшийся в фонарный столб; и опрокинутая детская коляска; и остатки стойбища Агнцев, а на углу переулка и какой-то Агнец лежит, клетчатый, то ли мертвый, то ли смертельно пьяный. Нурланн равнодушно проходит мимо.

Потом навстречу ему с садовой скамейки скверика поднимается взъерошенный Хансен, в руке

у него наполовину опорожненная бутылка, глаза осоловелые, его шатает, и поэтому свободной рукой он сразу же вцепляется в локоть Нурланна.

— Все убежали… — доверительно сообщает он. — То есть все удрали. До последнего человека. Пустой город. Представляешь?

Нурланн ничего не отвечает. Похоже, он просто не слышит Хансена. А тот продолжает на ходу:

— А я вот решил остаться и посмотреть все-таки. Ведь это будущее, Нурланн! Ведь мы же все его ждали. Мы все на него работали. И что же теперь? Удирать? Глупо! Пусть оно нас гонит. Ну и что? А мы не пойдем. Верно, Нурланн?

Нурланн молчит. Хансен на ходу подкрепляется из бутылки.

— Очень страшно, — признается он. — Просто мороз по коже — до чего страшно. Понимаешь, Нурланн? Будущее создается тобой, но не для тебя. Вот я ненавижу старый мир. Глупость ненавижу, равнодушие, невежество, фашизм. Но с другой-то стороны что я без всего этого? Это же хлеб мой и вода моя! Новый мир — строгий, справедливый, умный, стерильно чистый… Ведь я ему не нужен, я в нем — нуль!

Восхвалять я не умею, ненавижу восхваления, а ругать там будет нечего, ненавидеть будет нечего

— тоска, смерть… И выпить мне там не дадут, ты понимаешь, Нур-ланн, они там не пьют, совсем!

На каком-то перекрестке к ним присоединяется швейцар отеля. Фольксваген его поломался, стоит с задранным капотом. Швейцар, потный, злой, в форменной своей фуражке и без пиджака, в жилетке, ругательски ругается.

— Да пропади они все пропадом! Сунул их в какой-то автобус, и сразу на душе полегчало. Главное, я говорю снохе: ну, зачем тебе, дура, этот сервиз? «Саксонский фарфор, саксонский фарфор, голубые мечи…» Светопреставление наступает, а ей голубые мечи, видите ли! Дал я ей коленом под задницу толстую… А вы как же, господа? Не страшно?

— Страшно, — говорит Хансен. Нурланн молчит.

— И мне страшно. А с другой-то стороны, ежели подумать как следует, ведь от них не убежишь. Днем раньше, днем позже, а они тебя достанут. Мое меня не минует, вот что я вам скажу. И опять же: дети-то наши не испугались? Может, глядят сейчас на нас из-за этой стены черной и посмеиваются… А?

Они идут и идут, черная стена Тучи все ближе и ближе, сейчас она абсолютно черная, на ней

нет даже молний, и пустыми окнами смотрит на них город, покрытый плесенью, скользкий, трухлявый, весь в злокачественных пятнах, словно изъеденный экземой, словно он много лет гнил на дне моря, — и от него идет пар.

Из бокового переулка выскакивает на большой скорости, едва не перевернувшись, желтая машина во всей своей красе — с фарами, мигалками и антеннами — и резко тормозит перед идущими. Из кабины выскакивает Брун, как всегда подтянутый, резкий, решительный.

— В чем дело? — спрашивает он свирепо. — Почему вы здесь?

— Идем туда, — важно отвечает швейцар.

— Куда — туда? Вы что — с ума сошли?

— Тебя не спросили, — неприязненно произносит Хансен. — Проезжай, чего встал?

Брун бешеными глазами оглядывает каждого из них по очереди.

— Предатели, — говорит он сквозь зубы. — Подонки.

Нурланн ни с того, ни с сего вдруг широко улыбается.

— Бедный прекрасный утенок, — говорит он. — До чего же хлопотно тебе жить! Все суетишься, все бегаешь, совершаешь глупости, совершаешь

жестокости, и все тебе кажется, что ты тормозишь будущее. А на самом деле ты тоже его строишь, тоже кладешь свои кирпичики. Пойдем с нами, Брун. Пришла пора расплачиваться.

— Идиоты! — шепчет Брун побелевшими губами, прыгает обратно в машину и с силой захлопывает за собой дверцу.

И вот они стоят перед черной стеной, все трое, и всем им страшно. И швейцар монотонно читает вполголоса:

— ...И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить... И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч... и вот, конь вороный, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей... хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай... и я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными...

Черная стена надвигается и поглощает их.

Зеленая равнина под ясным синим небом распахнута перед ними. Все заросло высокой густой травой: неузнаваемые развалины с пустыми проемами бывших окон и дверей; груды железного хлама — сплющенные ржавые кузова автомобилей, телевизоры с пустыми дырами вместо экранов, мотки спутанных ржавых тросов, бесформенные комки колючей проволоки между покосившимися гнилыми кольями, и тут же заплетенный плющом огромный танк, зарывшийся в траву хоботом пушки; клочья бумаги и раскисшие папки, и огромный том энциклопедии, страницы ее лениво шевелятся под ветерком. Прямо перед ними — полуразвалившаяся часовня, замшелая, опутанная плющом…

И над всем этим — ослепительно-синее небо, а над горизонтом медленно поднимается сплющенный рефракцией румяный диск солнца. Стоит оглушительная, ошеломляющая тишина, и слышно, может быть, только, как глухо и неровно бьется сердце Нурланна.

И Нурланн начинает говорить, еле шевеля губами:

— Не надо жестокости. Милосердия прошу. Мы раздавлены. Нас больше нет. Наверное, мы заслужили это. Мы были глупы. Мы были высокомерны. Мы были жадны и нетерпеливы в своей жадности. Мы были жестоки. Не надо больше жестокости.

Пока он говорит, по сторонам от него, справа, слева, везде, из густой травы один за другим начинают подниматься люди. Ободранные, жалкие, грязные, мужчины небриты, женщины взлохмачены. Поднявшись, они стоят неподвижно и слушают, и смотрят на Нурланна с надеждой и ожиданием.

— Мы поносили тебя, — продолжает Нурланн. — Мы восхваляли тебя. Мы унижали тебя. Мы мастерили тебя по образу своему и подобию. Мы распоряжались друг другом, мы приказывали, мы горланили и галдели, и пустословили от твоего имени. Мы творили мерзости от твоего имении во имя твое. Все мы клялись умереть за будущее, но умирать норовили в прошлом. Нам и в голову не приходило, что суждено нам наконец встретиться с тобой лицом к лицу… И вот теперь, когда мы с тобой встретились, молю тебя об одном: не карай! Многие из достойных кары твоей не ведали, что творят. Они вообще не думали о

тебе. Милосердия! Но если справедливость твоя все же требует наказания, то покарай меня. И если нужно покарать миллионы, тогда покарай меня одного миллионы раз.

Он замолкает. И тут же где-то в невообразимой дали возникает чистый и сильный звук трубы. И начинает идти снег. С чистого ясного неба, на котором ни облачка, медленно падают, кружась, крупные белые хлопья — на зеленую траву, на цветы, на развалины, на ржавое железо, на запрокинувшиеся грязные лица.

И новый звук возникает: глухой мерный топот копыт, и из снежной мглы, пронизанной солнцем, появляются, выплывают всадники.

Циприан, повзрослевший, с молодой русой бородкой. Он в белых парусиновых штанах, белая сорочка распахнута на груди, белая шелковая лента схватывает длинные волосы, босые ноги упираются в стремена, левой рукой он держит поводья, а правая уперта в бок. И конь под ним белый как снег.

Ирма Нурланн на рыжем коне, крепкая красивая девушка с цветком в зубах, в оранжевом рабочем комбинезоне, скачет, бросив поводья, отнеся правую руку в сторону, и на ладони у нее трепещет стеклянными крыльями большая зеле-

ная стрекоза.

Миккель в черных трусах, голый до пояса и пунцово обгоревший на солнце, на вороном коне без седла и без уздечки, держится одной рукой за гриву, а в другой у него Сверкающая золотом труба.

В неспешной рыси они проплывают мимо. Они не видят, может быть, даже и не замечают ободранных и грязных (многие встали на колени) людей.

Циприан скачет, задумавшись, подбородок его опущен на грудь, он всегда был серьезным мальчиком.

Ирма занята своей стрекозой — слегка повернув к ней лицо, словно бы помогает ей удерживаться на ладони.

У Миккеля же такой вид, будто он только что отмочил какую-то шуточку и вполне ею доволен. Он ехидно улыбается…

…и вдруг подносит трубу к губам и трубит — звонко, чисто и сильно.

Солнце уже высоко, и снег прекратился, и на горизонте из утреннего тумана возникают силуэты новых и новых всадников.

Будущее не собиралось карать. Будущее не собиралось миловать. Будущее просто шло своей

дорогой.

№ 11

Владимир Орловский

Штеккерит

Давние заботы мира

Советская фантастика начиналась в первые послереволюционные годы; были писатели, преданные жанру, были и журналы, уделявшие фантастике постоянное внимание.

О чем же писали фантасты тех давних лет? Собственно, обо всем, что волнует нас сегодня. О войне и мире. О человеке, о неистощимой его любознательности и бесконечной изобретательности ума. О двойственном характере науки, чьи достижения обратимы и на пользу обществу, и во вред ему. О сущности старого мира, изначальной враждебности его человеку. И конечно же, о будущем обществе равных.

Безусловно, сейчас многое в старой нашей фантастике кажется наивным: научно-технический антураж, резкая, как черно-белое кино, полярность героев, прямолинейность социальных оценок и прогнозов.

И все же она не устарела, поскольку мир не освободился от давних своих забот.

А теперь несколько слов о рассказе, публикуемом здесь с небольшими сокращениями, и о его авторе.

«Штеккерит» Владимира Орловского был напечатан впервые в 1929 г. в «Мире приключений» — едва ли не легендарном ныне ежемесячнике, «иллюстрированном журнале повестей и рассказов». Автор работал в фантастике профессионально и немалого достиг: думаю, что его романами «Машина ужаса»

(1925) и «Бунт атомов» (1928), найдись на них издатель, мы и сегодня зачитывались бы.

Отравляющие вещества, о которых говорится в рассказе, вроде бы утратили свой былой ореол сверхоружия — наукой придумано кое-что страшнее и погибельней. Но содержание рассказа не сводится к химической выдумке. «Страдания единиц и миллионов единиц не идут в расчет на весах истории...» — рассуждает «сверхчеловек» Штеккер. Не эта ли психология привела человечество ко второй мировой войне и ставит его на грань третьей, последней для цивилизации?

Фантастику, рожденную Октябрем, с первых дней отличала активная позиция в борьбе за мир. Этим она близка нам сегодня.

Виталий Бугров

Глава I

— Война? Война, милый мой, прекратится на земле не раньше, чем последняя инфузория сожрет предпоследнюю, — не раньше.

Штеккер закончил свою энергичную сентенцию не менее энергичным жестом, стукнул пустой кружкой по мраморному столику и окинул взглядом жующий и чавкающий зал.

— Все это — материал для будущей войны, — продолжал он, жестко улыбаясь. — Они и их дети, и дети их детей.

Собеседник проследил за его взглядом и содрогнулся, глядя на живое человеческое море.

— Ну, и вы тоже… готовитесь?

— Да, только об этом нельзя говорить вслух.

— Отравляющие газы?

Штеккер барабанил пальцами по столу, следя за дымом сигары.

— Д-да, — сказал он наконец, поворачиваясь к собеседнику. — Это будет в свое время сюрпризик, перед которым побледнеют иприт, льюисит и все, что было до сих пор в области военной химии.

— Секрет, конечно?

— Надеюсь, да… Хотя вынюхивают его усердно.

— В чем же будет сила этого яда, на который вы возлагаете такие надежды?

— Он должен быть средством для ударов молниеносных, оглушающих… Одно прикосновение его вызывает жгучую, невыносимую боль. При вдыхании его смерть почти мгновенна. Он проникает сквозь все оболочки органического происхождения.

— Но ведь против всякого яда, в конце концов, существует противоядие!

— Противоядие, разумеется, найти можно и должно, чтобы оградить своих бойцов. И я его открыл… после двух лет работы… Но пока его будут искать те, на кого обрушится мой газ, он свое дело сделает. Вообразите себе, какое впечатление будет производить такая туча, когда она широкою волной поползет на противника… Понимаете ли? Паника, безумие, отчаяние. Ничего живого на пути не останется…

Гейслер смотрел на собеседника почти с ужасом.

— И вы можете говорить об этом так спокойно? Неужели вы, занимаясь подобными исследованиями, не думаете о том, что они направлены на живых людей, которым они несут страдание и смерть?

Штеккер помолчал с минуту.

— Страдания единиц и миллионов единиц не идут в расчет на весах истории, — сказал он наконец сухо, — и когда помнишь об этом, то все становится очень просто и ясно.

— И как он будет называться, этот новый газ?

— Он будет называться «штеккерит». Полагаю, что на это я имею право?

Гейслер молчал, глядя в задумчивости на копошившийся людской муравейник.

Глава II

В лаборатории сгущались сумерки, и Штеккер зажег огонь. За окном вдруг сразу стало темнее, будто опустили на него мутную завесу.

Штеккер сегодня задержался здесь дольше обыкновенного. Он перебирал в памяти все, что видел и слышал в течение последних дней.

Гейслер сказал как-то:

— Попробуйте поставить себя на место тех сотен тысяч, которых будут травить вашими газами, как крыс или сусликов.

Штеккер презрительно усмехнулся. Сотни тысяч — это пушечное мясо, предназначенное железными законами пополнять статистические рубрики убитых и раненых. А он принадлежит к числу тех, которые являются движущей силой в сложном ходе дел человеческих. Случайность, конечно, возможна всегда. Ну что же, он сумеет встретить смерть достойным образом, как подобает ученому и мыслителю. Но это нисколько не меняет сущности дела.

Штеккер бросил докуренную сигару, потянулся

и перешел к рабочему столу, где стоял прибор для испытания физиологического действия исследуемых газов. Под большим стеклянным колпаком сидела большая серая крыса, беспокойно забегавшая при приближении человека. Штеккер посмотрел на нее несколько секунд, выжидая, пока она отодвинется к дальнему краю резервуара, в стороне от подводящего крана, потом впустил облачко красноватого газа под колокол и стал наблюдать.

Крыса забилась в угол, не трогаясь с места, и только когда первая багровая струйка, стелющаяся по дну, лизнула ноги, она, почувствовав ожог, жалобно закричала и заметалась в прозрачной клетке, стукаясь носом о стеклянные стенки.

Штеккер равнодушно следил за знакомыми этапами действия газа. Крыса, бегая от стенки к стенке, наткнулась на небольшую колодку, поставленную посреди дна и возвышавшуюся над ним на несколько дюймов. В одно мгновение она вскарабкалась наверх и глядела на подымающееся снизу багровое море, вся дрожа и облизывая обожженные лапы. Но дышала она по-прежнему спокойно, — вне облака присутствие газа не беспокоило животное. С этим-то и приходилось бороться больше всего и пока безуспешно. Газ

имел колоссальную плотность и чрезвычайно медленно смешивался с воздухом, двигаясь густой волной. И сейчас было то же, несмотря на примеси, имеющие назначением облегчить распространение ядовитого облака. Правда, оно давало о себе знать издали слабым приторным запахом, уже знакомым Штеккеру, но запах этот, вызываемый именно летучими примесями, не был ядовит, хотя и причинял легкое головокружение.

Штеккер пустил в ход пропеллер, вделанный в верхнюю крышку колокола. Завертелись лопасти, и волна воздуха всколыхнула осевший внизу газ. Красноватые струйки его завихрились спиралями и быстро поползли кверху. Крыса пронзительно закричала, подняла кверху лихорадочно раскрытый рот и задышала тяжело и прерывисто, потом в судорогах свалилась на бок. Еще полминуты — и багровый туман колыхался уже над совершенно неподвижным телом. Штеккер остановил пропеллер и открыл кран, через который взбрызнулась под колокол струя распыленной жидкости, в течение минуты поглотившей газ. Опыт был кончен. Он снял колпак с тарелки и осмотрел внимательно мертвое животное. Воспаленная кожа, клочья выпадающей

шерсти, помутневшие глаза — ничего нового.

Штеккер позвонил. Явился служитель, ленивый и сонный парень, взятый временно взамен заболевшего старожила лаборатории.

— Уберите, — сказал ему Штеккер, показывая на ящик. — И приготовьте к завтрашнему утру морскую свинку из большой клетки.

Служитель все с тем же апатичным видом взял за хвост мертвую крысу и пошел к двери. Штеккер покачал головою. Он недолюбливал этого неповоротливого, странного человека, глядевшего всегда исподлобья и скупого на слова.

— Экая сонная тетеря, того и гляди каких-нибудь глупостей наделает сдуру. Слава богу, через три дня вернется старый Густав.

Он подошел к маленькой двери, от которой несколько ступеней вели вверх по узенькой лестнице в небольшую темную комнату, служившую для опытов над действием различных лучей. Помещение было глухим тупиком, не имевшим другого выхода. По пути Штеккер оглядел несколько стальных баллонов, стоявших подле двери. Они были наполнены газом под большим давлением и стояли здесь временно, перед отправкой на испытательный полигон.

Сзади послышались шаги. Вошел снова служи-

тель и стал передвигать что-то на столах.

— А как с собакой, господин профессор? — спросил он таким голосом, точно ему лень было ворочать языком.

Штеккер взглянул на небольшую клетку, стоявшую на высоком столе у окна, в которой дремала, свернувшись клубком, маленькая собачка. Она подверглась накануне воздействию газа в слабой концентрации.

— Дайте ей корму и оставьте здесь, я займусь ею завтра утром.

Штеккер поднялся по узким крутым ступенькам, зажег свет и задернул штору, закрывавшую плотными складками проем двери. Он подошел к столу, на котором стоял большой спектроскоп, плоский стеклянный сосуд, наполненный газом, катушка Румкорфа и еще несколько приборов. Здесь работа была спокойной, методической, в ней не замечалось бега времени. Сменяли друг друга цветные линии в поле спектроскопа, жужжал однообразно индуктор, в дальнем углу скреблась мышь. Часы внизу пробили девять, — Штеккер машинально сосчитал удары; где-то далеко хлопнула дверь.

Так прошел час, может быть, больше. И вдруг протяжный, полный смертельной боли и стра-

ха собачий вой ворвался в темную комнату и замер… Штеккер вскочил на ноги, повернул выключатель и бросился к двери, но, отдернув штору, остановился как вкопанный, не смея ступить дальше. Узкая дыра внизу была заполнена багровой массой, которая тихонько колыхалась и медленно ползла вверх со ступеньки на ступеньку, подобная отвратительному студню.

Глава III

Ужас сковал его неподвижностью. Он не смел верить своим глазам, он еще не отдавал себе отчета в том, что случилось, но где-то в глубине шевелилось уже сознание непоправимой беды и душу захлестывал неодолимый страх.

Газ вырвался из баллонов — это было несомненно. К тому, что он видел, присоединился и едва уловимый сладковатый запах, в значении которого ошибиться было невозможно. Но тогда… тогда конец. Ядовитое облако, двигаясь кверху, закупорило единственный выход и поднималось дальше, заполняя постепенно каменный мешок, в котором он оказался захлопнутым, как

в ловушке.

Штеккер облокотился на стену, чтобы не упасть, — у него кружилась голова и во рту вдруг стало отвратительно сухо. Он не знал, сколько времени прошло в этом оцепенении, но когда он пришел в себя и взглянул вниз, помимо воли жалкий, растерянный крик вырвался из его груди. Он помнил твердо, что при первом взгляде на лестницу верхние четыре ступени были свободны от газа; теперь из-под багровой колыхающейся массы поднимались только две. Он закричал еще раз, но теперь уже умышленно, надеясь услышать какой-нибудь отклик. Ответом был визг собачонки.

Тогда Штеккер вспомнил о небольшом окошечке в стене его западни, открывавшемся, правда, не на улицу, а внутрь лаборатории, откуда шла лестница. Он бросился к этой темной дыре, словно ожидая оттуда спасения… Из окна, приходившегося почти под потолком просторной высокой комнаты, ничего нельзя было рассмотреть.

Штеккер вынул коробку спичек, зажег одну из них и попытался осветить темнеющий провал. В трепетном мерцании огонька увидел он ближайший угол комнаты и откинулся назад: пола, столов, табуретов уже не было видно — они скры-

вались под пеленой багрового тумана, очертания и границы которого трудно было уловить. Штеккер еще раз крикнул в темную бездну — новый жалобный вой ответил ему из глубины.

Снова он бросился к двери. Красноватые волны покрыли еще одну ступеньку, и приторный запах ощущался все сильнее. Первым его движением было — спуститься вниз и захлопнуть дверь, но, сделав шаг, он остановился. Для того чтобы добраться до двери, надо было чуть не до плеч погрузиться в ядовитое, жгучее облако — это было равносильно смерти.

Он задернул штору в надежде хоть сколько-нибудь задержать движение газа, отошел к столу и, опустившись в бессилии на табурет, сидел так некоторое время, не отрывая глаз от темных складок материи, из-за которых скоро должна была появиться отравленная волна.

Что делать? И как это случилось? Служитель ли по нечаянности или из любопытства отвернул кран баллона или газ сам прорвался через неплотный затвор? И почему оказалась открытой дверь внизу? Неужели он сам забыл ее захлопнуть за собой? Но это все не то. Сейчас главное — что делать. Неужели конец… сегодня… в этом каменном мешке?

Собачонка внизу взвизгнула еще раз отчаянным голосом и замолкла.

Страшным усилием воли Штеккер взял себя в руки. Надо спокойно обсудить положение и поискать пути к спасению. Из комнаты выхода нет. Телефон? Он внизу, чтобы добраться до него, надо прорваться через узкую дыру, закупоренную газом… Долбить стену? На столе лежал маленький молоток с заостренным концом. Сколько же времени потребуется, чтобы пробить таким оружием кирпичную кладку? Часа три-четыре? Он взял молоток и ударил им по стене. Посыпались мелкие осколки штукатурки, известковая пыль. После нескольких минут обнажился кирпич, от которого самые сильные удары отбивали лишь незначительные обломки. Штеккер оглянулся назад: багровый туман выползал из-за складок шторы и змеился струйками у порога.

Он почувствовал, как давящий ком подкатил к горлу и захватил дыхание… Короткое рыдание вырвалось из груди надорванным звуком, в котором он не узнавал своего голоса. Все тело вдруг покрылось холодной испариной. Он машинально вытер платком лоб и продолжал смотреть на струйки тяжелого газа, расползавшиеся по направлению к его ногам. Еще минута, и стоять

на этих холодных плитах будет немыслимо.

В это мгновение странный звук привлек его внимание. В дальнем углу копошились две темные фигуры. Это были крысы, выгнанные газом из подполья, — те самые, которым впоследствии, вероятно, было бы суждено также попасть под колокол в большой лаборатории. Животные метались по комнате, попадая временами в дрожащие бурые клочья и каждый раз вскрикивая от боли. Вдруг обе они, словно сговорившись, прыгнули к длинному столу, стоявшему вдоль стены, и вскарабкались на его гладкую поверхность.

Штеккер окинул взглядом пол — газ лизал уже подошвы его ботинок. Непроизвольным движением бросило и его туда, где жались в углу напуганные зверьки. Он вскочил на верхнюю доску стола и встал, прислонившись к стене, бледный, растрепанный, страшный, с блуждающими глазами, сжимая в руке рукоятку молотка. Что же дальше? Бороться против неизбежности или… Так просто было положить конец всему: броситься вниз и вдохнуть раз этот тошнотворный студень…

Нет, это всегда успеется… Выбрав место на высоте груди, он придвинулся к стене и стал ожесточенно долбить ее молотком. Снова посыпалась

штукатурка, обломки кирпича, белая пыль. Он работал с исступлением, не останавливаясь ни минуты, обливаясь потом. И работа принесла успокоение. Не то чтобы родилась надежда, а просто он всем существом ушел в эти лихорадочные удары. Надо проломить только небольшое отверстие, позвать на помощь, увидеть людей.

Он взглянул еще раз назад. Газ поднимался уже до половины высоты стола, а выбоина в кирпиче была глубиной не больше кулака. Штеккер вздохнул всей грудью; голова закружилась от приторного противного запаха. Какое безумие! Надо было начать работу гораздо выше, как можно выше, чтобы газ не успел подняться к ногам. Взгляд его снова упал на табурет, стоявший шагах в трех от стола. Как мог он допустить такую ошибку? Ведь через полчаса на столе уже нельзя будет стоять.

Несколько секунд он простоял в нерешительности, потом вдруг положил молоток у стены, застегнул почему-то наглухо пиджак, стиснул зубы и прыгнул вниз… Жгучая нестерпимая боль охватила ноги до колен. Он испустил звук, похожий на рычание, и сделал шаг вперед. Судорожным движением схватил он табурет и бросил его на стол. В глазах темнело, ноги горели невы-

носимо. Шатаясь, как пьяный, шагнул он назад к столу, почти упал на его край и со страшным напряжением втащил на доску вдруг осевшее, расхлябанное туловище.

Минут пять лежал он на столе, корчась от боли, и плакал бессильными, холодными слезами. Потом боль несколько улеглась и вместе с тем началась снова работа мысли. Он всмотрелся пристально в колеблющееся красное море: оно колыхалось почти на том же уровне, по-видимому, скорость движения его убывала. Или это только показалось? Он посмотрел на часы, было четверть двенадцатого, но он не знал, когда началась катастрофа. Во всяком случае, впереди была еще вся ночь — помощь придет не раньше утра, если до тех пор он останется жив.

С трудом ступая на обожженные ноги, он дотащился до табурета и передвинул его в угол стены, чтобы дать больше устойчивости телу. Затем, чуть не плача от боли, вскарабкался на шаткую деревянную площадку и встал на ноги. Он вспомнил вдруг свою недавнюю жертву, как она спасалась на колодку, предусмотрительно поставленную посреди резервуара. Ему почудилось что-то странное в этом сопоставлении, какая-то дьявольская насмешка судьбы. Но еще раз взял

он себя в руки и отбросил назойливые мысли. Сейчас надо думать об одном и даже не думать, а только делать — долбить, долбить, пока еще могут пальцы держать молоток.

И он принялся в третий раз за свою работу, выбрав место в стене недалеко от угла. Он весь как-то сжался, стиснул зубы и, не оглядываясь назад, наносил удары. Они падали один за другим частые, гулкие, упорные, под ними сыпалась белая и красная пыль, и отчетливо слышно было ее шуршание в напряженной тишине, становившейся с каждой минутой непереносимее. Он бил по стене с остервенением, шепча проклятия сквозь стиснутые зубы, борясь гулом ударов с пугающим молчанием. Он уже потерял сознание времени в этом неустанном напряжении, когда снова шум под ногами заставил его взглянуть вниз.

Это крысы бегали от угла к табурету. Газ поднялся до уровня стола и, обжигая их, полз клочьями по его поверхности.

Штеккер опустил руки и только теперь почувствовал, насколько он утомлен и разбит этой лихорадочной работой. Все тело было в поту, мокрые волосы падали на глаза, пальцы дрожали от напряжения и еле держали молоток. Сердце

стучало больными толчками, легким не хватало воздуху. Он машинально следил глазами за суетой загнанных животных и вдруг вздрогнул. Крысы остановились у табурета и, подгоняемые болью, начали карабкаться по деревянным ножкам. Еще секунда, и одна из них, цепляясь за костюм, стала взбираться по ногам, по туловищу…

Штеккер закричал от страха и отвращения. Он оторвал от себя крысу и швырнул в угол комнаты, потом ногой стал сбивать второе животное. Табурет качался и грозил каждую секунду опрокинуться. Наконец ударом носка он подбросил крысу в воздух…

Штеккер облокотился об угол стены, задыхаясь и дрожа. Силы его покидали.

Продолжать работу дальше? Поздно… Газ настигнет его раньше, чем он сделает половину дела. К тому же он чувствовал, что не может двинуть рукой.

И вдруг случилось что-то новое, что он даже не сразу понял: свет погас…

В этом тоже виноват был газ, нарушивший где-нибудь неплотный контакт. Штеккер стоял неподвижно на своем шатком убежище, оглушенный ужасом случившегося.

Теперь он не мог даже видеть, как подбирается к нему то неумолимое, что колышется где-то тут, под ногами, — близко ли, далеко ли, он не мог теперь этого знать. Подымается ли оно? А может быть, остановилось? Может быть, волна начала спадать и возможно еще спасение?

Штеккер вспомнил о спичках. Осторожно, стараясь не выронить маленькую коробку, он вытащил ее из кармана и дрожащими пальцами пересчитал деревянные палочки. Их было только три, три вспышки света в хаосе тьмы. И сейчас же, не в силах сдержать непреодолимое желание взглянуть вниз, он зажег, одну из них. Вспыхнул желтоватый огонек, но то, что он выхватил из мрака, было смутно и неясно. Спичка, обжигая пальцы, погасла. И тьма вокруг снова сомкнулась плотной завесой.

Теперь мыслей в голове уже не было. Оставался слепой инстинкт, заставлявший бороться за жизнь до последней возможности. Он снова сжал в кулаке рукоятку молотка, которую не выпускал все это время, нащупал пальцами левой руки сделанную в стене выбоину и уже вслепую, почти наудачу, стал долбить каменную стенку, останавливаясь только временами, чтобы перевести дыхание. В горле пересохло, в голове стучало,

перед глазами метались огненные вихри. А он все стучал, стучал, не думая ни о чем. Но это не могло продолжаться без конца. Удары становились все слабее, падали наудачу, пальцы дрожали. И вот, наконец, при сильном косом толчке заостренный конец соскользнул по неровной поверхности, и молоток, вырвавшись из руки, упал в темноту. Наступившую тишину прорезал дикий, уже почти нечеловеческий крик:

— Спасите! Спасите!

Как бы в ответ внизу раздался бой часов. Прозвучало двенадцать ударов.

Круг неизбежности замкнулся. Впереди оставалась смерть, но когда? А может быть, проклятое облако остановилось и уже оседает вниз? Ничто не говорило больше о приближении или удалении невидимого врага. Ни звука, ни искорки, ни запаха — вероятно, притупившееся чувство перестало воспринимать его.

Жгучая боль в ступнях пронизала его до глубочайших извилин мозга. Конец? Яд захватил его последнее убежище!

Он вытащил из кармана спички и дрожащими пальцами попытался зажечь одну из них. От неуверенных ли движений или от сырости она вспыхнула мгновенно слабой искоркой и погас-

ла, ничего не осветив. Не раздумывая, он схватил последнюю и чиркнул по коробке. Спичка загорелась, и снова бледный огонек осветил темный угол… Штеккер нагнулся, лихорадочно глядя вниз. Табурет торчал еще одиноким островом в багровом море — боль обманула его приступом от старого ожога. Но туча поднималась.

Спичка погасла — последняя. Бороться дальше было бесполезно. Он скорчился на табурете и глядел воспаленными глазами в темноту. Кто-то сказал вдруг почти рядом насмешливым голосом:
— Страдания единиц и даже миллионов единиц не принимаются в расчет на весах истории…

Он испуганно оглянулся, будто ожидая кого-то увидеть в мертвом хаосе, потом вспомнил: ведь это его собственные слова, сказанные вчера Гейслеру. Вчера? Или тысячу лет назад? Когда все это началось?

Мутный образ пятном выдвинулся из темноты. Он вгляделся: крысиная голова, неестественно большая, с оскалом зубов в разинутом рту. Он отмахнулся — пятно потонуло во мраке. Кто-то вздохнул за спиною и тронул его влажной ладонью… Он закричал еще раз таким жалобным, совсем звериным криком. Мрак наполнился невнятными шорохами, вздохами, движением

смутных контуров.

Теперь Гейслер говорил откуда-то из дальнего угла:

— Попробуйте поставить себя на место тех сотен тысяч, которых будут травить вашими газами…

Потом наступил хаос и забвение.

Только к вечеру следующего дня лаборатория была очищена от газов. Краны у баллонов с газом оказались отвернуты; служитель, заменявший старого Густава, исчез.

Розыски показали след его в направлении французской границы, гостеприимно открывшей свои объятия тому, кто впоследствии, при тщательном расследовании, оказался офицером французского генерального штаба.

В верхней комнате на столе, подле табурета, лежал человек с совершенно седыми волосами и выражением непередаваемого ужаса в остекленевших глазах. Тело его было не тронуто ожогами, кроме нижней части ног. Очевидно, он упал на стол после того, как движение облака прекратилось и газ осел вниз, просачиваясь в наружные щели.

В куче мусора, подле головы человека лежал молоток и пустая коробка из-под спичек. На полу,

изуродованные ядом, валялись трупы двух крыс.

Это было все. Штеккера хоронили через три дня с большой торжественностью. Говорились речи, центром которых была мучительная смерть на научном посту.

Гейслер слушал эти слова и думал упорно о своем, о том времени, когда безумие человечества останется в далеком прошлом и история развернет новую страницу, о которой сейчас мечтают и упрямые фантазеры, и люди крепкой воли, идущие к далекой, но неизбежной цели.

№ 12

Борис Штерн

Дом

Фантастика

Дом

Борис ШТЕРН

Когда Дом вышел на пенсию, он спустился с небес на Землю и остался жить в городе у моря. Его прельстили мягкий климат, взбадривающие парные бани из утренних туманов, ласковые птенцы и злющие коты, гуляющие по крыше, а также вид на городские пляжи, где круглые полгода с высоты своего роста он мог любоваться живыми женщинами — южными, северными и дальневосточными.

Нравился ему и город — в меру провинциальный, город жил не спеша, размеренно, иногда разморенно; современные здания скромно возвышались над старинными особняками; живы были и базары под открытым небом, куда привозилось все, что есть на свете съедобного, а население, в отличие от столичного жителя, презирало очереди в магазинах и предпочитало толкаться с кошелками на базарах.

Такая жизнь подходила Дому. Он не стремился в пику кому-то подражать старинным манерам жизни, просто ему нравились запахи вишневого варенья и жареного картофеля; просто он любил хозяйничать.

Кто он такой, Дом, не вполне понятно. Он происходил из семейства Флигелей, но обстоятельства его рождения окутывала какая-то жгучая тайна,

какой-то адюльтер. Ясно одно: звали его Домом, и он был живым, не в пример земным домам.

Он был флегматиком по натуре, а зимой над морем хорошо постоять, посмотреть, подумать; но иногда ему хотелось вскочить, хлопнуть дверью, сделать что-то такое… — и шумный летний город тоже ему подходил. Дом читал книги о стоящих на рейде кораблях с иностранными названиями, о платанах и бульварах, о развеселых городских жителях. Дому нравились эти книги. Он часто перечитывал их, изучал обстановку и в конце концов решился на переселение, когда узнал об острой нехватке жилья в городе.

Город звался Отрадой — для ясности.

Как уже говорилось, Дом выбрал место над самым морем у нового фуникулера, принял дряхлый вид — под стать окружавшим его домам, решил вздремнуть до утра, а потом осмотреться и обдумать свои дальнейшие действия. Он так и не заснул, потому что с удовольствием разглядывал разноцветные фонарики на новом фуникулере, а перед самым рассветом его внимание отвлек шум у соседней шашлычной — какой-то гражданин ломился в дверь и слезно просил пива.

Злостный пенсионер Сухов от скуки и бездеятельности вставал так рано, как никто больше не мог, и не спеша обходил свои владения. Сначала он шел к мусорному ящику и по обрывкам бумаг пытался определить, кто из соседей ночью нелегально выносил мусор. Потом он заглядывал в окна своего личного врага инвалида Короткевича, который почему-то с гордостью представлялся «инвалидом первой степени». Сухов давно грозился побить инвалиду морду или окна и вот все похаживал вокруг, прицеливался.

Итак, несмотря на теплый май, Сухов вышел во двор в пальто и в зимней шапке и решил, что он не в тот двор вышел. Еще вчера они с инвалидом Короткевичем жили по-соседски стена к стене, славно ругались, как собаки, и вдруг за одну ночь между ними построился новый дом… да какой новый дом! Обшарпанный флигель, будто сто лет здесь стоял, — будто так и надо.

Сухову захотелось лечь в постель и послать жену за участковым врачом. Он почувствовал слабость, как после хорошего скандала. Но он пересилил себя, пошел к шашлычной и оттуда взглянул на новый дом. Его взгляду открылся фасад — два узких окна, облинявшая черепица на крыше, кривой деревянный балкон, сквозь

который проросла старая акация. Остальных подробностей Сухов не приметил, ему все было ясно и без подробностей: он очень больной чем-то человек, если, прожив всю жизнь здесь, на Люксембургском бульваре, никогда не видел этот дом.

Сухов улегся в постель, а в это время вышел во двор инвалид Короткевич.

— Раз-два, — сказал Короткевич и стал делать зарядку посреди двора. — Руки на ширине ног. Не ругай меня ты, мама, что хожу я часто пьяный, — запел он, заглядывая в окна Сухова, — Спит, дурак, скоро помрет.

Потом Короткевич увидал новый дом… Он туго сообразил, что никакого дома здесь быть не должно, и быстро заковылял домой, но послал жену не за участковым врачом, а наоборот — за участковым уполномоченным.

И еще одно утреннее событие — проснулась дворничиха подметать улицу, обнаружила новый дом и подняла крик. Выбежал во двор ее зять, грузчик из мебельного магазина, опешил поначалу, но потом, сказав: «Цыть, мамаша!», помчался через Люксембургский бульвар к начальнику жилищного управления.

В полдень встретились во дворе начальник

жилуправления Мирзахмедский, участковый врач и участковый уполномоченный. Они о чем-то беспокойно говорили, разглядывая новый дом, и затравленно озирались — к ним уже приближался Короткевич, хромая больше обычного, а Сухов все не мог найти свою шапку и потому запаздывал. Комиссия опечатала дверь пластилином и пустилась наутек, а Сухов и Короткевич услышали только, как невнятно бормотал начальник жилищного управления:

— Неучтенная жилплощ…

Сухов и Короткевич загадочно улыбнулись друг другу и направились к неучтенной жилплощади. У опечатанной двери их поджидал дворничихин зять.

— Подвезло гадам! — злодейски сказал зять, тыча пальцем в пластилиновую пломбу. — Если бы моя власть…

Опять понимающе улыбнулись Сухов и Короткевич и разошлись по своим квартирам: Сухов налево от опечатанной двери, Короткевич направо. Дома Сухов взял молоток и зубило, а Короткевич схватил ржавый топор. Потом каждый ударил по своей стене так, что Сухову на голову свалился собственный портрет, а у Короткевича сломалось топорище.

Через несколько минут Сухов влез сквозь разлом в неучтенный флигель и у противоположной стены стал поджидать Короткевича. А вот и он! Выпало три кирпича, и в доме появилась озабоченная пыльная голова.

— Ты что это… без спросу лезешь в мою квартиру?! — прошептал Сухов, удобнее прилаживая в кулаке багетину от упавшего портрета. — Двери тебе нет?

Дом попытался думать о чем-то своем, но его внимание отвлекала шумная драка внутри и боль в разломанных стенах. Не так он себе все представлял… он думал, что в него вежливо постучат, он откроет дверь, и войдет счастливая семья, может быть, с детишками; он покажет новоселам три светлые комнаты, кухню, туалет и ванную, проведет на огромный балкон с цветником, потом на чердак, где можно сушить белье… он думал, что сумеет показать товар лицом да и незаметно разглядеть своих будущих домочадцев.

От поднявшейся пыли Дом расчихался, а Сухов и Короткевич на мгновенье перестали драться и обратили внимание на странное подрагивание

потолка.

«Ничего похожего не получилось, — подумал Дом. — Это все мои иллюзии… как видно, первыми, как всегда, подоспели не те люди».

Инвалид Короткевич в это время колотил пенсионера Сухова в тесной кухне. Дом хотел было защитить слабого, но пенсионер, удачно увильнув, не бросился наутек, а наоборот — зажал инвалидову голову в дверях и принялся его душить.

Дом всякого навидался на своем веку, много говорить он не любил и сейчас знал, что не ошибется. Он тихо выругался по-домашнему и чихнул посильнее. Потолок на кухне рухнул, а Сухов и Короткевич очнулись вечером в городской больнице, но в разных палатах.

В жилищном управлении под председательством Мирзахмедского создали комиссию. Она бродила по рухнувшему потолку, заглядывала в проломы, морщила нос и называла дом «аварийным». Постановили: отремонтировать дом в текущем месяце и вселить в него остро нуждающихся в жилье граждан. Проломы забили досками, дверь опять опечатали и ушли по своим

делам.

Весь текущий месяц Дом терпеливо высматривал из окна ремонтную бригаду; наконец май истек. Дом понял, что у бригады нет цемента, нет алебастра, нет обоев; что бригада ремонтирует дома на стороне тем, у кого это все есть; что Мирзахмедский ничего не может с этой бригадой сделать: что самой бригады вообще не существует.

Он сам сделал ремонт. Нарастил стены и потолок, побелил кухню, достал с чердака обои с цветочками. Потом установил в коридоре телефон и позвонил в жилищное управление.

— Дом уже отремонтирован, можно вселяться, — с надеждой сказал Дом.

— Перестаньте шутить, — нервно ответили из жилуправления и бросили трубку. — Опять дворничихин зять звонил, — доложили Мирзахмедскому. — Все ходит, и ходит, и звонит, и звонит… добивается улучшения.

— Этот добьется, — вздохнул Мирзахмедский.

Но Дом не для того спускался на Землю, чтобы обивать официальные пороги с просьбами поставить его на квартирный учет. Он имел свои собственные пороги и хотел привлечь к ним внимание. Он подумал, подумал, подпалил чердак и

стал ожидать, что будет дальше.

Внимание было оказано, да какое!

Дому было очень приятно — он так красиво полыхал, что вся Отрада сбежалась посмотреть на него. Больше всех повезло посетителям шашлычной, где за кружкой пива им открылся лучший вид на горящий пейзаж. Но и продовольственный магазин с бульвара не был в обиде, да и с пляжа неплохо смотрелся пожарник.

Пока все смотрели, по двору бегал дворничихин зять с пустым ведром и кричал:

— Где Мирзахмедский?! Уберите этого идиота!

Идиотом оказался тот самый подпольный бригадир ремонтной бригады. Он вышел из подполья, закрыл грудью опечатанную дверь горящего дома и разъяснял всем, что без Мирзахмедского никто не имеет права ее распечатывать. Создалась безвыходная ситуация: дом горит, пожарников не вызывают, потому что у дома нет адреса, а у Мирзахмедского от этого дома головные боли, за ним уж послали.

Дом плюнул и перестал гореть.

— Граждане, расходитесь! Это была ложная учебная тревога! — вскричал удивленный бригадир.

Вся Отрада недоумевала: попахло жареным и

перестало. Что-то не так происходило, как полагается.

Наконец прибежал перепуганный Мирзахмедский, узнал, что пожар самопроизвольно закончился и ничего не сгорело, схватил ненавистного бригадира подпольной бригады за шкирку с требованием отремонтировать этот чертов дом, иначе… но бригадира и след простыл! Осталось одно пустое ведро.

— А зачем ремонтировать? — громко сказал Дом. — Дом давно отремонтирован, можно вселяться.

— Кто это сказал? — озлобленно спросил Мирзахмедский, оглядывая двор.

Никто не знал.

Мирзахмедский сорвал с двери пломбу, вошел в дом, вышел и спросил:

— Кто это сделал?

— Что? — спросил дворничихин зять.

— Ремонт.

— Я! — не долго думая ответил зять.

Мирзахмедский задумался и пошел обедать в шашлычную, где буфетчица охарактеризовала ему дворничихиного зятя с самой лучшей стороны.

Наконец-то дворничихин зять получил квартиру! Он долго ее добивался.

Он злорадно явился к Сухову с ордером и бутылкой водки, чтобы отпраздновать событие. Сухов, выйдя из больницы, поумнел, изменил тактику, понял, что мировое зло голыми руками не возьмешь, и купил в комиссионном магазине пишущую машинку. На ней он вскрывал недостатки и бил в колокола. Звону было на всю Отраду! Приходили комиссии, проверяли пустой дом без адреса — ничего не нашли. Стоит дом, будто сто лет здесь стоял. Откуда взялся — неизвестно. Никто в нем не живет, будто так и надо… С людьми Сухов научился говорить по душам, и жильцы были очень довольны, если удавалось проскочить мимо него, не здороваясь.

— Слушай сюда, парень! — сказал Сухов дворничихиному зятю. — Не ходи ты в этот дом… Его скоро снесут, понял? Это Я тебе говорю. Я. А знаешь ты, где квартиру потом получишь? Аж на самом Хуторе, два часа езды до центра.

— Нигде не написано, — с достоинством отвечал зять, — Хочешь сносить — давай квартиру в центре или не выселюсь, хоть стреляй!

Так они говорили, а Дом этот разговор слышал.

Он обрадовался и засуетился: исполнялась мечта его старости — обрести родную семью, помочь, приласкать, вырастить, а взамен принимать заботу и уважение. Всю ночь он, кряхтя и поднимая пыль, проводил генеральную уборку.

Утром сбылись мечты Дома. Представитель власти Мирзахмедский ввел счастливую семью в новую квартиру, тут же раскланялся и оставил новоселов одних.

Семья была не то чтобы большая, но запутанная. Главой, конечно, был дворничихин зять, грузчик из мебельного магазина. Он недавно развелся с дворничихиной дочкой и выгнал ее из родительского дома за гулянье с другим. Сама дворничиха, баба жалостливая, работящая, вставала рано, ложилась рано, чтобы вставать рано, улицу держала в чистоте, а квартиру в захламлении — неорганизованная мамаша, по мнению зятя. Ее старенький муж, кандидат каких-то гуманитарных наук, полюбил дворничиху еще в конце сороковых годов за то, что она тогда работала завмагом в магазине «Продовольствие». У них еще был поздний сынишка, король микрорайона с двумя приводами в детскую комнату.

Еще несколько приятных минут испытал Дом в тот же вечер в ожидании гостей на новоселье.

Со стороны зятя пришли его коллеги по перевозке мебели, дворничиха позвала буфетчицу из шашлычной, старик-кандидат пригласил двух аспирантов-гуманитариев из университета; ну и сынишка дал клич, и в дом заявилось немало малолетней шпаны. Гуляли долго. Грузчики философствовали, гуманитарии сквернословили, буфетчица с дворничихой плакали о какой-то загубленной молодости, шпана плевала с балкона на крышу шашлычной и чуть не попала на фуражку участкового уполномоченного, который шел мирить опять подравшихся Сухова и Короткевича.

На том и разошлись, пьяные и заплаканные.

Дом еще пребывал в благодушном настроении, когда зять снял со стены подлинного Ренуара и повесил картину неизвестного художника, изображавшую преследование волками ночью в степи какого-то перепуганного всадника в рыжей шубе. Дом еще только недоумевал, разглядывая, как седой кандидат гуманитарных наук прилаживает в ванне самогонный аппарат, а дворничиха мерит швейным метром стены и шевелит губами.

Затем навалилась прорва событий, от которых Дому стало плохо. Зять перегородил комнаты

досками, завесил простынями и запустил в дом диких курортников. Восемнадцать человек, не считая детей, варили на одной плите, ломились в один туалет, возвращались поздней ночью из оперного театра, проклинали друг друга, дом, хозяйку, городской транспорт и эту жизнь, бросали окурки в цветник на балконе — не описать всех унижений, которые терпел Дом.

А дворничиха уже мерила швейным метром чердак и шевелила губами.

Дом заболел. В углах выступила плесень, под обоями завелись клопы, по ночам он скрипел и не мог заснуть. Дикари стали жаловаться на сырость и требовать снижения цен за койки, но с зятем разговор был короткий — кому не нравится? Скатертью дорога, других найдем.

Дом вызвал врача.

Врач, старый друг из семейства Теремков, прибыл ночью, простучал стены, поковырялся в чердаке, измерил давление на фундамент.

— Вирусный грибок, — доложил Теремок Дому. — Через неделю пройдет и не вспомнишь. От клопов принимай «Клоповыводитель-73».

— Нервы у меня не в порядке, — жаловался

Дом.

— Ты, Флигель, не дури. Стар уже, сам знаешь, что почем. Шугани всю братию подальше и возьми достойную семью. Впрочем, завтра проконсультируюсь с профессором. Прощай, спешу!

— Буду ждать! — крикнул Дом вдогонку. — Ведро цемента размешаем, повеселимся!

На следующий день явился профессор. Ах, ах, застекленная галерея, крылатые львы у входа, купол с витражами — интеллигент из Старинных Особняков, не в пример кандидату самогонных наук.

— Тэк-с, голубчик… дышать, не дышать… Развалитесь ровно через неделю от легкого землетрясения, если не выполните моих предписаний. Во-первых: полностью очистить помещение. Полезен сквознячок, сон, свежий воздух, полный покой. Во-вторых: подыщите семью, а лучше всего достойную молодую девушку… впрочем, парня, все равно, и проведите его по жизни. Доходит, надеюсь? Желаю здравствовать и пребывать в добром здравии, что, впрочем, одно и то же.

— Спасибо, профессор, — робко отвечал Дом. — Не откажитесь, вот… ведро с цементом. Чем богаты!

— Вы, похоже, из флигельных? — спрашивал

профессор, удобно располагаясь у нового фуникулера. — Лет сто пятьдесят, поди? Ну а мне, голубчик, пятьсот с лишком. Родился в Италии, эмигрировал в Россию в суворовские времена. Вы мне нравитесь. Ваш Ренуар на чердаке… в каком году покупали? И почему на чердаке? Ваш Ренуар изобличает у вас хороший вкус, чувствительность и разное прочее.

— Как здоровье мадам Особняк? — спрашивал Дом, наслаждаясь беседой.

Редко выпадали Дому подобные счастливые минуты.

Дом понимал, что врачи правы и что давно пора шугануть всю братию подальше, но он все медлил, сомневался, на что-то надеялся. Вот и лето прошло, и курортники разъехались, и кандидата наук выгнали наконец на пенсию по анонимке Сухова за неэтичное поведение, но жизнь Дома лучше не становилась. Его терпение истощилось, когда сынишка с дружками притащили вешать на чердак живого кота. Дом предъявил ультиматум: если в течение двадцати четырех часов семейка не возьмется за ум и не начнет жить, как люди, то… но все только плевали через левое

плечо, услыхав утробный голос с чердака.

Тогда Дом объявил террор.

В бой была брошена зеленая плесень. Она испортила обои, мебель и забралась в самогонный аппарат. Но семейку это не очень-то взволновало, потому что друзья приносили зятю дешевый спирт, который использовался на мебельной фабрике для полировки столов и буфетов. Спирт был не в пример крепче самогона.

Дом отключил отопление, но зять пригнал из мебельного магазина грузовик бракованных книжных полок, установил в квартире «буржуйку» и приказал теще рубить полки на дрова. Дом побоялся настоящего пожара, включил отопительные радиаторы, зато перекрыл воду. Но семейка и в лучшие времена умывалась с ленцой, а раз такое дело, то умываться перестала. Воду для супа дворничиха таскала из дворовой колонки, тем дело и закончилось.

Дом отключил свет — стали жечь свечи. Наслал мышей, они съели свечи — стали жечь лучину.

Темные люди.

Рухнул балкон, засорился унитаз, свалились обои, окна не открывались, а двери не закрывались, мусорные ведра бродили ночью по паркету, а паркет трещал, будто щелкал зубами; потолок

осыпался на плиту и гасил газ.

Тщетно.

Дом предпринял психологическую атаку. Он долго колдовал на чердаке, и однажды оттуда выполз огромный, величиной с диван, десятилапый черный таракан и влез в квартиру. Испуг, конечно, был; кандидат наук с похмелья сильно кричал, но мальчишка только взвыл от радости, убил чудовище из рогатки и выставил на балкон для всеобщего устрашения жителей Отрады.

Дом сдался.

— Неудачное вы место выбрали, — неуверенно говорил ему Особняк в очередное посещение. — Впрочем, я доволен. История и развитие вашей болезни представляет определенную научную ценность: Крайне редкая и удивительная смесь идиотизма и невежества. От всех болезней, как известно, вылечивает стрихнин. Может, попробуете?

Спасительные вести принес Мирзахмедский.

Хитрый зять давно уже ходил по инстанциям и требовал новую квартиру взамен аварийной. Он знал, что делал, хотя его и пригрозили привлечь к ответственности за антисанитарное состояние

жилья: в результате его посещений горсовет обратил внимание на то, что неказистый флигель намертво закрывает вид на здание нового фуникулера.

— Пожалуй, снесем, — решили в горсовете. — Благоустроим территорию, разобьем клумбу…

Великомученик Мирзахмедский мчался со светящимся ликом через две ступеньки.

— Быстро выметайтесь! — закричал он. — С глаз долой, на Хутор бабочек ловить! Дом послезавтра сносят. Будет здесь клумба и новая жизнь. Вон! Грузовик для переезда за счет жилуправления, а грузчики… за мой счет.

— Сам валяй на Хутор, — отвечал зять. — Покажи, где в конституции написано? Нигде не написано. Дадут в центре — перееду. Нет — не надо.

— Оставайся, — сказал Мирзахмедский и попробовал сделать равнодушный вид. — Оставайся. Завтра отключаем свет, воду, газ, телефон, отопление.

Зять в ответ по-дьявольски захохотал, а Мирзахмедский схватился за сердце и ушел.

Бедный Дом остался один в тревоге и ожидании. Это был его последний шанс — или он с обрыва, или семейка на Хутор.

Вечером проведали его Особняк и Теремок.

— Мой тебе совет: поменяй климат, — посоветовал Теремок. — Есть много чудесных городов с острой жилищной проблемой… скажем, Вологда, Смоленск, Саратов…

— Не знаю, не знаю, дружище, — горестно отвечал Дом. — Очень уж мне по книгам Отрада понравилась, очень уж.

— Что книги… — вздыхал добродушный Особняк. — У меня в Суздале знакомства, я вам могу устроить. Неплохой район, древнерусский стиль, обеспечат надежной молодой семьей с детишками, заживете, поправитесь…

— Дайте мне только сдыхаться от этой напасти! — выплакивался Дом. — У меня, понимаете, в чердаке все перепуталось! Происходит, понимаете, переоценка ценностей!

Дом так и не решил, что он будет делать после выселения. Он махнул на все и ожидал дальнейших событий.

После недельного молчания горсовет выделил зятю квартиру в центре города. А что было делать — милиции он не боялся, не вызывать же войска?

Семейка наконец переехала, а на следующий день должен был явиться бульдозер.

Друзья всю ночь готовили Дом к эвакуации, сам он не мог пошевелиться. Ему снились кошмары, он вздрагивал, просыпался. Пронеслись слухи, что Дом помирает. Откуда только взялись древние лачужки и землянки, бродят вокруг, шушукаются, шарахаются от нового фуникулера. У шашлычной присели кривые бараки и хромые сараи, просят милостыню у проходящей мимо казармы. Дом изумляется, думает — что за бред? — силится встать во весь рост, крикнуть во весь голос, но только хрипит и хлопает форточкой.

Но тут на Люксембургском бульваре появляются пьяные кабаки и трактиры, грязные притоны и ночлежки, игорные дома и веселые заведения. Перед Домом пляшут какие-то деревянные остроконечные заборы, он силится убежать от них, но сомнения начинают терзать его — а не плюнуть ли на все, не уйти ли с веселой гопкомпанией? — как вдруг он слышит голос профессора и просыпается.

— Пора, голубчик, — говорит Особняк. — В Суздале все приготовлено, вас ждут не дождутся хорошие люди.

И Дом наконец понимает, что Суздаль, конечно, очень хороший город, но ведь тогда погибнет его девственная мечта о жемчужине у моря!

— Нет, профессор, я остаюсь, — сказал Дом.

Он решил рискнуть в последний раз.

Все утро бульдозер рычал, корежил мостовую и тщетно пытался снести ветхий флигель. Зрелище не уступало прошлогоднему пожару.

Когда бульдозер выдохся, его заменил подъемный кран. Он раскачал на канате трехсоткилограммовую болванку и запустил ее, целясь в окна. Болванка срикошетила, обрушилась на шашлычную и разнесла ее вдребезги — к счастью, никто не пострадал, кроме буфетчицы, у которой погиб под развалинами ящик с левой водкой. Ошарашенного водителя сняли с подъемного крана и препроводили на экспертизу. Ко всеобщему удивлению, он оказался трезвым, но шашлычной от этого легче не стало.

Что делать?

Кто-то предложил взорвать дом динамитом; сами решить не решились, позвонили в Киев. Там страшно удивились — кому это в голову взбрело?!

Черт с ним, пусть стоит, что за дебаты вокруг какого-то флигеля! Пускай стоит, может быть, это в далеком прошлом архитектурный памятник!

И Дом стоял месяц, второй, третий и угрюмо ждал. Сухов и Короткевич боялись к нему подходить и даже помирились на этой почве. Иногда Мирзахмёдский приводил на смотрины остро нуждающихся в жилье граждан, они разглядывали внутреннее состояние дома и уходили невеселые.

Их можно было понять: развалины шашлычной, таинственные события, дурная слава.

Роковой Дом.

Но вот однажды.

Когда пришла весна.

Пришел в жилуправление.

Один из главных героев этой длинной истории.

Молодой человек двадцати трех лет.

Виктор Андреевич Сергеев.

И предъявил разрешение горсовета на вселение в таинственный дом.

— А вы кто такой будете? — подозрительно спросил Мирзахмедский.

— М-маляр я, — промычал Виктор Андреевич.

— Маляр? — обрадовался Мирзахмедский и повел показывать квартиру. — Сносить не будем, живи вечно! Странный дом, но к нему надо по-человечески подойти… понимаешь? Жаль, маляров не хватает.

Дом угрюмо молчал. Он давно не верил словам. Он разглядывал нового жильца и думал: шугануть его сейчас или подождать, пока уйдет Мирзахмедский?

— Романтичный такой флигелек… — раздумывал вслух Виктор Андреевич. — Всегда хотел иметь свою комнату… а тут целая квартира.

— Главное не дом, а кто в доме живет, верно? — подбадривал Мирзахмедский. — Грузовик для переезда за счет жилуправления, грузчики… за мой счет.

И Виктор Андреевич переехал в свой новый дом, но на трамвае.

Он ласково похлопал дом по дверному косяку и вошел. Он побродил по комнатам, повыглядывал в окна, покачал головой при виде разрушенного балкона. Потом он пошел в жилуправление, взял стремянку и принялся заделывать огромную трещину в стене.

— Тебя как зовут? — наконец сердито спросил

Дом.

— Витька, — ответил Виктор Андреевич. От испуга он чуть было не свалился со стремянки, хотя и ожидал чего-то подобного.

— Ладно, посмотрим, — пробурчал Дом.

Они зажили вдвоем, присматриваясь друг к другу. Дом много спал и восстанавливал здоровье; Витька или спал, или читал, или шлялся по улицам, подсчитывая, сколько живет в Отраде алебастровых львов.

— А почему «Витька»? — однажды спросил Дом. — Почему не по имени-отчеству?

— С детства повелось, — охотно отвечал Виктор Андреевич. — Витька да Витька, вот потому и Витька.

— Ты где работаешь?

— Нигде.

— Это как?

— Пока нигде. Из института вытурили.

— А институт у тебя какой был?

— Художественный.

— Да ну?! — с уважением воскликнул Дом. — А чего ж ты не рисуешь?

— Вдохновения нет.

— Ладно, посмотрим, — опять пробурчал Дом.

Ночью он завел будильник и разбудил Виктора

Андреевича в семь часов.

— Что за черт, в такую рань! — удивился тот.

— Иди на чердак, взгляни на Ренуара.

— Настоящий? — шепотом спросил Виктор Андреевич, спустившись с чердака.

— На толкучку не понесешь?

Витька обиделся, а Дом почувствовал, как внутри у него начала затягиваться огромная трещина.

— В общем так… — сказал Дом. — Ты неплохой богомаз, листал я твои альбомы. Осенью первым делом вернешься в институт…

— Не примут.

— А за что тебя вытуриди?

— Да так… — отмахнулся Витька.

— Ясно. Лето впереди, напишешь пару картин на уровне мировых стандартов — сразу примут.

— Какие стандарты?! — рассердился Виктор Андреевич. — Денег нет на краски!

— Слушай, я для тебя все сделаю! — горячо зашептал Дом, и его волнение передалось Виктору Андреевичу. — Ты неплохой парень… хороший, только дурной. Будешь учиться у лучших галактических художников, будешь писать живыми красками объемные картины, увидишь такое, чего никто на Земле не видел… ты кто, двор-

ничихин зять? Чего вы все ходите и на жизнь жалуетесь? Нашли занятие!

Всю ночь Виктор Андреевич не спал, курил. С восходом солнца он сел на обломки шашлычной и набросал портрет Дома. Дому портрет не понравился.

— Себя не узнаю. Зайди со стороны фуникулера.

— Давно не рисовал, — оправдывался Витька. — У тебя случайно нет такой кисти, чтобы сама…

Виктор Андреевич тяжело вздохнул и поплелся с мольбертом к фуникулеру.

— Нет, — вздохнул Дом, наращивая балкон. — Искусство дело темное.

В сентябре Виктор Андреевич предъявил работы за зимнюю сессию, и его вернули в институт на курс ниже. Дом наврал ему — никаких художников он не знал, никаких живых красок в природе не существовало — рисовали везде одинаково: карандашами на бумаге, кистями на холстах. Виктор Андреевич вскоре понял это, но не рассердился.

Приходил Мирзахмедский, разглядывал портреты Дома, уважительно называл Витьку Виктором Андреевичем, поздравлял с днем рождения, жаловался на сердце.

Заглянул как-то Сухов поговорить по душам, но Дом слегка чихнул, и Сухов сразу раскланялся.

Иногда в их жизни случались несчастья: повадилась к Витьке богема пить водку, лапать пальцами Ренуара и обо всем знать. Дом сразу вспомнил сынишку-хулигана. Вскоре двое богемцев поскользнулись на лестнице, а на третьего в темноте упало что-то тяжелое.

В конце рассказа Виктор Андреевич сильно загрустил. Кошки в саду мяукали, мешали ему спать. Не было у него ни друзей, ни хороших знакомых.

Однажды Витька сказал Дому:

— Ты, старик, того… причепурись. Сегодня у нас будут гости.

— Кто? — поинтересовался Дом. — Если волосатые и бородатые — не пущу.

— Один гость будет. Без бороды.

Дом засуетился.

Пришла блондинка Витькиных лет.

— Знакомься, — сказал Виктор Андреевич. — Мой Дом.

— Я Людмила, — представилась блондинка.

— Очень приятно, — ответил Дом.

Блондинка несказанно удивилась, а Виктор Андреевич наплел ей что-то про спрятанный

магнитофон.

Весь вечер они разглядывали Ренуара. Виктор Андреевич очень стеснялся, наконец вышел на кухню и сказал Дому:

— Ты отвернись, что ли…

Дом отвернулся и стал смотреть на темное Черное море и на пустой пляж на его берегу.

Помните о человеке

Недавно киевское издательство «Молодь» выпустило скромным тиражом книгу фантастических рассказов Бориса Штерна «Чья планета?». Почти все рассказы, за малым исключением, печатались раньше в «Химии и жизни», которая и открыла всесоюзному читателю этого писателя-фантаста.

Когда я впервые прочел в журнале его рассказ «Безумный король», то подумал: «Этот человек умеет писать парадоксально». Потом познакомился с автором как с участником Всесоюзного семинара молодых литераторов-фантастов. В группе, которой я руководил, он был одним из самых заметных. Талант вообще очень заметен. Достаточно прочесть первую фразу: «Звездолет был похож на первую лошадь д'Артаньяна — такое же посмешище».

Штерн не походил на начинающего писателя: нет длиннот,

нет красивостей. Как будто он свои первые опыты никому не показывал, а предстал взгляду издателей и читателей сразу зрелым. Каждая фраза в его рассказах рабочая, ее нельзя изъять из текста, как нельзя вынуть несущую балку. Впрочем, хорошо отлаженный стиль еще не делает человека писателем. У Штерна стиль — не внешняя декорация. За чудачеством и иронией — беспокойная мысль, доброта и сочувствие к человеку. И не парадоксы ли нашего бурного, трудного XX века, резко подстегнутого наукой, порождают парадоксальность художника?

Борис Штерн из тех авторов, которые используют фантастику как прием резкого заострения, гиперболизации материала жизни. Его рассказы тревожат воображение и мысль. Они настойчиво (но не назойливо) напоминают: поосторожнее с научными достижениями — с искусственным разумом, с силовыми полями, с ядром атома. Помните о человеке — ранимом, жаждущем мира, справедливости и счастья.

Это серьезная фантастика, серьезная проза. Я рад, что «Дом» нашел свое место на страницах «Химии и жизни».

Евгений Войскунский

1988

№ 1

Урсула Ле Гуин

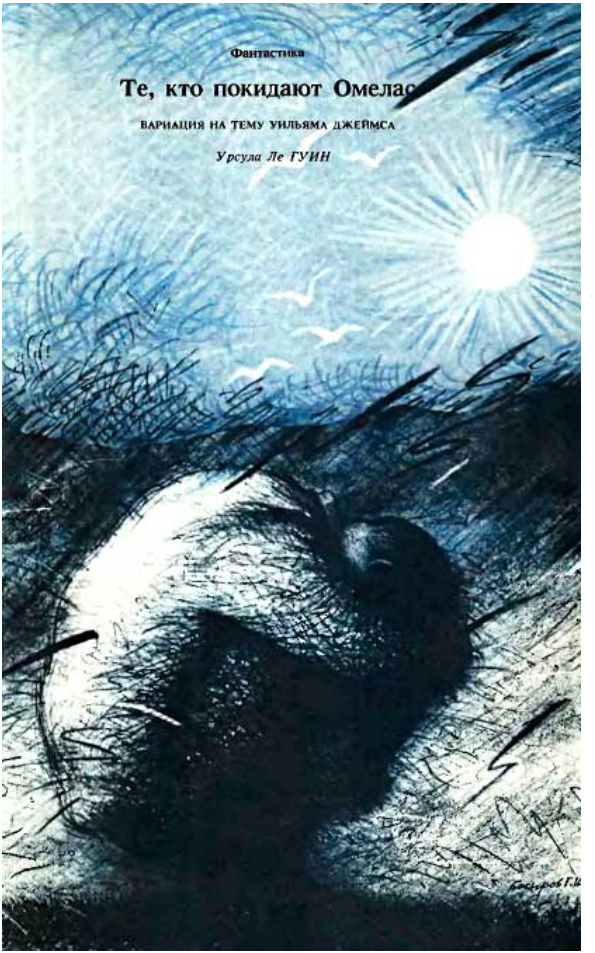
Те, кто покидают Омелас

Фантастика

Те, кто покидают Омелас

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ УИЛЬЯМА ДЖЕЙМСА

Урсула Ле ГУИН



Вариация на тему Уильяма Джеймса

С перезвоном колоколов, от которого встревоженно взмыли в воздух ласточки, Летний Фестиваль пришел в город Омелас. Город с сияющими башнями у моря. Корабли в гавани украшены яркими флагами. По улицам мимо домов с красными крышами и разноцветными стенами, по дорожкам старинных садов, где земля поросла мхом, по аллеям, укрытым кронами деревьев, движутся праздничные процессии. Кое-где это настоящие торжественные шествия: старики в длинных, тяжелых мантиях розового, лилового и серого цветов; мастера с серьезными лицами; нешумные, но веселые, переговаривающиеся на ходу женщины с маленькими детьми на руках. На других же улицах звучит быстрая музыка гонгов и тамбуринов, люди пускаются в пляс, и вот уже вся процессия превратилась в одну большую пляску. Радостно носятся туда-сюда дети, их крики поднимаются над звуками музыки и песен, словно стремительные росчерки ласточек в небе. Все процессии сходятся к северной части города, где на огромном заливном лугу, что называется

Зеленое Поле, под ярким утренним небом выводят норовистых лошадей обнаженные юноши и девушки с длинными гибкими руками и перепачканными землей ногами. Никакой упряжи на лошадях нет — только короткие поводья без удил. Зато гривы их украшены вплетенными серебряными, золотыми и зелеными лентами. Лошади раздувают ноздри и встают на дыбы, они возбуждены — наверное, потому, что из всех животных только они принимают наши обряды как свои. Далеко к северу и к западу вздымаются горы, охватившие полукольцом стоящий в заливе Омелас. Утренний воздух столь чист, что под глубоким голубым небом на многие мили видны горящие белым золотом все еще заснеженные вершины Восемнадцати Пиков. Ветер задувает ровно настолько, чтобы время от времени трепетали и хлопали флаги, отмечающие маршрут гонки. В тишине огромной зеленой долины слышны отголоски музыки, гуляющей по городским улицам. То дальше, то ближе, но они с каждой минутой все сильнее. В воздухе стоит пьянящая, чуть заметная сладость, иногда она вздрагивает, сгущается и вдруг прорывается в мощном ликующем перезвоне колоколов.

Радость! Как можно рассказать о радости? Как

описать вам жителей Омеласа?

Видите ли, они отнюдь не просты, хотя и счастливы. Мы в последнее время не так уж часто произносим слова одобрения. Улыбки уходят в прошлое. Узнав о чем-то подобном, люди строят обычно вполне определенные умозаключения. Они ждут, что сейчас им расскажут про короля в окружении благородных рыцарей; он восседает на великолепном коне или плывет в золоченом паланкине на плечах мускулистых рабов. Но у жителей Омеласа нет короля. Там не пользуются мечами и не держат рабов. Жители Омеласа не варвары. Я не знаю правил и законов их общества, но подозреваю, что их на удивление мало. Так же, как они обошлись без монархии и рабовладения, жители города обходятся без фондовой биржи, рекламы, тайной полиции и атомной бомбы. Но, я повторяю, простота здесь ни при чем: они не безмятежные пастухи, не благородные дикари и не тихие утописты. Они не менее сложны, чем мы с вами. Просто мы имеем дурную привычку (подкармливаемую педантами и людьми якобы утонченными и искушенными) считать, будто счастье — это нечто довольно глупое; мол, только боль возвышенна, только зло интересно. А между тем отказ художника признать, что зло

банально, а боль ужасно скучна, равносилен предательству. Превозносить отчаяние — значит осуждать наслаждение, а признавать жестокость — значит терять все остальное. И мы почти потеряли; мы разучились рисовать счастливого человека, разучились чествовать радость. Как я могу рассказать вам о людях Омеласа? Они не наивные и счастливые дети, хотя их дети на самом деле счастливы. Они взрослые люди, зрелые, интеллигентные, страстные, и все у них идет хорошо. Чудо! Но мне очень хотелось бы описать их жизнь еще убедительнее. Заставить вас поверить. В моем описании Омелас выглядит как сказочный город: давным-давно, далеко-далеко жили-были… Возможно, будет лучше представить его себе по своему разумению, если, конечно, общие очертания города вас устроят; на всех-то я наверняка не смогу угодить. Как, например, насчет технологии? Я думаю, в Омеласе нет машин на улицах и вертолетов в небе, это следует просто из того, что в городе живут счастливые люди. Их счастье основано на справедливом разграничении того, что необходимо, того, что излишне, но неопасно, и того, что опасно. Из средней категории, то есть из того, что излишне, но неопасно, что представляет собой удобство,

баловство, роскошь и так далее, у них, возможно, есть центральное отопление, метро, посудомоечные машины и множество других замечательных вещей, которые у нас еще и не изобретены: парящие в воздухе источники света, бестопливная энергетика, безотказное лекарство от насморка. А может быть, ничего этого у них нет. Неважно. Впрочем, это на ваше усмотрение. Лично я думаю, что жители соседних городов, расположенных вдоль побережья, прибывали в Омелас перед Фестивалем на очень быстрых поездах и в двухэтажных трамваях и что самое красивое здание в Омеласе — это вокзал, хотя выглядит он и попроще, чем великолепный Фермерский Рынок. Но даже если допустить наличие поездов, Омелас, я боюсь, все равно покажется кому-то из вас слишком уж благополучным и ханжеским: улыбки, колокола, парады, лошади и тому подобное. Что ж, в таком случае добавьте оргию. Если это поможет, пожалуйста, не стесняйтесь. Только давайте обойдемся без храмов, на ступенях которых появляются прекрасные обнаженные жрецы и жрицы, уже охваченные экстазом и готовые сойтись с любым мужчиной и любой женщиной, с близкими или незнакомыми, со всяким, кто пожелает единения с божеством. Это первое, что

пришло мне в голову, однако пусть в Омеласе не будет никаких храмов. По крайней мере, храмов со жрецами. Религия — ладно, духовенство — нет. Прекрасные обнаженные молодые люди могут с таким же успехом просто бродить по улицам, предлагая себя, словно божественное суфле, и для утоления голода страждущего, и для праздничного буйства плоти. Пусть они присоединяются к шествию. Пусть бьют над парами тамбурины и гонги возвещают торжество желания, и пусть (немаловажная деталь) дети, результат этих восхитительных ритуалов, будут любимы всеми и все заботятся о них. Я уверена, Омелас не знает греха. Однако что еще там должно быть? Я думала, там не будет дурманящих средств, но это, пожалуй, пуританство. Для тех, кому нравится, пусть улицы города наполняет чуть заметный, но устойчивый сладковатый аромат некоего друза, который вначале дает разуму и телу необычайную легкость и яркость ощущений, затем, через несколько часов, мечтательную задумчивость и, наконец, восхитительные видения наиболее глубоких и скрытых тайн вселенной, не говоря уже о невероятной силе наслаждения любовными играми. И он не вызывает патологического пристрастия. Не исключено, что в расчете на

непритязательный вкус в Омеласе должно быть пиво. Что еще? Чего не хватает городу радости? Ощущения победы, конечно, и праздника храбрости. Но подобно тому, как мы обошлись без духовенства, давайте обойдемся и без солдат. Радость, вызванная удачной резней, — что это за радость? Здесь она не подойдет: и страшно, и тривиально. Здесь будет скорее безграничное и щедрое согласие, триумф великодушия — не против какого-то внешнего врага, но в единении с самым прекрасным и справедливым в душах всех-всех людей; триумф великодушия и великолепия лета, пришедшего в мир. Вот отчего воспаряют сердца, и победа, которую празднуют жители Омеласа, это победа жизни. Я не думаю, что многим из них нужен друз.

Почти все процессии уже достигли Зеленого Поля. Восхитительные запахи пищи разносятся ветром от красно-голубых шатров торговцев. Сладостями перепачканы очаровательные лица малышей, и в мягкой седой бороде старика запутались крошки печенья. Юноши и девушки верхом на лошадях собираются у линии старта. Маленькая полная смеющаяся старушка раздает цветы из корзины, и высокие молодые люди вплетают эти цветы в волосы, блестящие на солн-

це. Мальчишка лет девяти-десяти, один, сидит немного в стороне от толпы и играет на деревянной флейте. Люди останавливаются послушать, улыбаются, но не заговаривают с ним, поскольку он ни на секунду не прекращает играть, он даже не замечает их, ибо весь захвачен сладким волшебством тонкой мелодии.

Но вот он заканчивает играть, медленно опускает руки, обнимающие деревянную флейту. И, словно наступившая пауза послужила ей сигналом, у линии старта звучит труба — повелевающе, пронзительно и немного грустно. Лошади встают на дыбы и откликаются ржанием. Молодые наездники с внимательными лицами гладят лошадиные шеи и успокаивают скакунов, приговаривая: «Тихо, тихо, красавица моя, моя надежда…» Рядами выстраиваются они, готовые к старту. Толпы вдоль трассы напоминают цветущий луг, колеблющийся под ветром. Летний Фестиваль начался.

Вы поверили? Вы приняли душой фестиваль, город, радость? Нет? Тогда позвольте я расскажу вам кое-что еще.

В подвале одного из красивых общественных зданий Омеласа или, может быть, в погребе какого-то просторного частного дома есть комната.

Комната без окон, за запертой дверью. Пыльный свет едва просачивается туда сквозь щели в дверных досках откуда-то из затянутого паутиной окна в другом конце погреба. В углу рядом со ржавым ведром стоят две швабры с жесткими, забитыми грязью, вонючими щетками. Земляной пол чуть влажен на ощупь, как обычно бывают полы в погребах. Комната имеет три шага в длину и два в ширину, это скорее даже не комната, а заброшенная кладовка для инструмента или шкаф для швабр. В комнате сидит ребенок, может быть, мальчик, может быть, девочка. Выглядит он лет на шесть, но на самом деле ему почти десять. Слабоумный ребенок. Возможно, он родился дефективным или стал таким от страха, плохого питания и отсутствия ласки. Сидя в углу, подальше от ведра и швабр, он иногда ковыряет в носу или трогает себя за пальцы ног. Швабр он боится. Они наводят на него ужас. Он закрывает глаза, но все равно знает, что они там, и дверь заперта, и никто не придет. Дверь заперта всегда, и никто действительно не приходит, разве что иногда — ребенок не имеет понятия ни о времени, ни о его ходе — дверь с лязгом и грохотом распахивается, и за ней он видит человека или нескольких человек. Кто-то из них может подойти и пинком

заставить ребенка встать. Остальные никогда не подходят близко, в их глазах испуг и неприязнь. Торопливо наполняется едой миска, льется вода в кувшин, дверь снова запирается, и глаза исчезают. Люди, стоящие у входа, неизменно молчат, но ребенок, который не всегда жил в кладовке, который еще помнит солнечный свет и голос матери, иногда заговаривает с ними. «Я буду хорошим, — говорит он. — Пожалуйста, выпустите меня. Я буду хорошим!»

Люди никогда не отвечают. Раньше ребенок звал по ночам на помощь и часто плакал, но теперь он лишь подвывает, а говорит все реже и реже. Он настолько худ, что икры на его ногах почти не выступают; живот его раздуло от голода; в день ребенок получает только полмиски кукурузной баланды с жиром. Он всегда гол. Его ягодицы и ноги вечно покрыты гноящимися болячками, потому что он постоянно сидит в своих собственных нечистотах.

Они знают, что он тут, все жители Омеласа, все до единого. Некоторые из них приходят посмотреть на него, другим достаточно просто знать. Они знают, что он должен оставаться там. Почему это так, понимают не все. Но все понимают, что их счастье, красота их города, нежность их

дружбы, здоровье детей, мудрость ученых, мастерство ремесленников, изобилие на полях и даже благоприятная погода целиком зависят от ужасных страданий одного ребенка.

Детям объясняют это между восемью и двенадцатью годами, когда, по разумению взрослых, они уже могут понять, и посмотреть на ребенка приходят большей частью молодые люди, хотя нередко приходят — вернее, возвращаются — и взрослые. Независимо от того, как хороши были объяснения, зрелище всегда ошеломляет людей, выворачивает душу. Они чувствуют отвращение, хотя прежде полагали, что выше этого. Они испытывают злость, возмущение и бессилие, несмотря на все объяснения. Им хочется сделать что-нибудь для ребенка. Но сделать ничего нельзя. Если вывести ребенка из того отвратительного подвала на солнечный свет, если отмыть его, накормить и приласкать, это будет, разумеется, доброе дело, но, если так случится, в тот же день и час иссякнет, исчезнет процветание Омеласа, и вся его красота, и вся радость. Таковы условия. Все без остатка благополучие каждой жизни в Омеласе нужно променять на одно-единственное маленькое улучшение. Все счастье тысяч людей отдать за шанс на счастье для одного. Расплачи-

ваться должен весь город.

Условия строги и непререкаемы; к ребенку нельзя даже обратиться с добрым словом.

Увидев ребенка, столкнувшись с ужасной несправедливостью, молодые люди часто уходят домой в слезах. Или же без слез, но в ярости. Размышления об увиденном не оставляют их порой неделями, а то и годами. Но время идет, и они начинают понимать, что, даже если ребенка выпустить, не так уж много прока будет ему от его свободы — конечно, он сможет ощутить смутное неглубокое удовольствие от тепла и сытости, но что-то большее — едва ли. Он слишком слабоумен и неразвит, чтобы познать истинную радость. Он так долго боялся, что никогда уже не освободится от страха. Привычки его слишком просты, чтобы он мог участвовать в нормальном человеческом общении. Он столько времени провел в своем подвале, что ему, пожалуй, будет недоставать защищавших его стен, привычной для глаза темноты и нечистот вокруг. Когда молодые люди начинают понимать и принимать эту жуткую правду реальности, слезы, вызванные ощущением горькой несправедливости, высыхают. Но,

видимо, именно их слезы и злость, испытание их щедрости и осознание собственной беспомощности — вот истинные источники великолепия жизни в Омеласе. Их счастье отнюдь не беспечно и не бессодержательно. Жители Омеласа понимают, что они, как и ребенок, не свободны. Они знают сострадание. Именно существование ребенка и их осведомленность о его существовании придают благородство их архитектуре, остроту их музыке, глубину проникновения их науке. Именно из-за ребенка они так добры к детям. Они знают: не будь этого несчастного, хнычущего в темноте ребенка, тот, другой, что сжимал в руках флейту, не смог бы играть веселую музыку, пока молодые наездники во всей своей красе готовятся к скачкам под яркими лучами солнца в первое утро лета.

Теперь вы поверили в них? Разве не выглядят они теперь правдоподобнее? Но есть еще кое-что, о чем я хотела рассказать, и вот это уже действительно неправдоподобно.

Время от времени юноши и девушки, ходившие посмотреть на ребенка, не возвращаются домой в слезах или в ярости. Они, строго говоря, вообще не возвращаются домой. Да и мужчины или женщины зрелых лет иногда впадают вдруг

в задумчивость, а затем уходят из дома. Эти люди выходят на улицу и в одиночестве идут по дороге. Они идут и идут, они уходят из Омеласа через прекрасные городские ворота. Они проходят мимо ферм и полей близ Омеласа, каждый из них сам по себе, будь то юноша или девушка, мужчина или женщина. Опускается ночь, а путешественники все идут по улицам поселков, мимо домов со светящимися желтыми окнами, дальше и дальше в черноту полей. По одиночке, на север или на запад, они идут к горам. Идут и идут. Они покидают Омелас, уходят во тьму и никогда больше не возвращаются. То место, куда они идут, большинству из нас представить еще труднее, чем город счастья. Я не могу его описать. Возможно, такого места просто не существует. Но они, похоже, знают, куда идут. Те, кто покидают Омелас.

Перевел с английского Александр Корженевский

***От переводчика.*Не уверен, что рассказ, даже если он не укладывается в рамки привычного, нуждается в комментариях — в 99 случаях из 100 читатель и сам разберется, что к чему. Но здесь, как мне кажется, тот редкий случай, когда требуется**

помощь. Во всяком случае, и сама писательница не упустила случая прокомментировать этот рассказ, или «психомиф», по ее собственному определению. Во-первых, почему в подзаголовке упомянут Уильям Джеймс? Во-вторых, что за название города — Омелас?

Во-первых. Идея рассказа, конечно, заимствована у Достоевского. Вспомним, как во второй части «Братьев Карамазовых» Иван говорит Алеше о своем отказе от «высшей гармонии»: «Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачонком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к боженьке!» Отчего же не Достоевский, а Джеймс?

Урсула Ле Гуин не скрывает: «При всей моей любви к Достоевскому у меня не было возможности перечитать его лет с двадцати пяти, и я просто забыла, что у него используется эта идея». Позже, встретив ее у Джеймса, она была поражена тем, насколько знаком ей тот «гипотетический мир, где миллионы живут в состоянии перманентного счастья при том простом условии, что для одной потерянной души, обретающейся где-то на задворках общества, жизнь состоит из сплошных мучений, принимаемых в одиночестве».

Во-вторых. Город в рассказе, конечно, вымышленный, однако название его не случайно: это прочитанный справа налево в зеркальце автомобиля дорожный указатель с названием городка в штате Орегон: Salem (O.). Комментирует Урсула Ле Гуин: «Вам никогда не приходилось читать дорожные знаки справа

налево? ПОТС, ИТЕД ОНЖОРОТСО, ОКСИЦНАРФ-НАС… Салем равняется шелом равняется салам равняется мир. Миссис Ле Гуин, как вы находите идеи для своих рассказов? Как? Очень просто! Забываю Достоевского и читаю задом наперед дорожные указатели. А как еще?»

№ 2

Боб Шоу

Амфитеатр

Фантастика

Амфитеатр

Боб ШОУ

Тормозные двигатели неприятно вибрировали. Бернард Харбен ощущал их дрожь грудной клеткой.

Он слабо разбирался в технике, но интуитивно чувствовал, как возникающие напряжения испытывают посадочную лодку на прочность. Он знал по опыту, что тонкие механизмы — наподобие его съемочных камер — ведут себя прилично только при самом бережном обращении. Харбен даже удивился, как это пилот терпит такое издевательство над лодкой. Впрочем, проработав положенное время, двигатели выключились, лодка перешла в свободное падение, и настала блаженная тишина.

Харбен посмотрел через прозрачный купол. Их корабль «Кувырок», продолжая движение по орбите, превратился в яркую точку. Сверху лодку освещало солнце, внизу сверкали бескрайние жемчужно-белые просторы планеты. Пилот, чуть ли не полностью скрытый массивной спинкой противоперегрузочного кресла, управлял лодкой, почти не двигаясь. Харбен невольно восхищался ловкостью, с какой он вел скорлупку из металла и пластика через сплошные облака к намеченной точке неведомого мира.

В эти секунды Харбен испытывал редкое для се-

бя чувство — гордость за Человека. Он повернулся к Сэнди Киро — она сидела рядом — и опустил ладонь на ее руку. Сэнди продолжала смотреть прямо перед собой, но по чуть дрогнувшим губам Харбен понял, что она чувствует то же, что и он.

Тишину нарушил тонкий настойчивый звук — лодка вошла в верхние слои стратосферы. Вскоре она зарыскала, затряслась, и когда Харбен снова посмотрел на пилота, тот уже утратил свою богоподобную неподвижность и трудился, как простой смертный. Внезапно их окутала серая пелена, посадочная лодка превратилась в самолет, борющийся с ветром, облаками и льдом, а пилот, словно пониженный в сане, стал просто авиатором, который пытается совершить посадку наперекор внезапно налетевшей буре.

Сэнди тревожно обернулась к Харбену. Он улыбнулся и показал на часы.

— Не мешало бы подкрепиться. Вот разобьем лагерь и сразу пообедаем.

Его озабоченность будничными делами, казалось, успокоила Сэнди, и она откинулась на спинку кресла, осторожно расправив плечи. Пилот не подвел их и на этот раз. Корабль вырвался из облачного слоя и взял курс на горную цепь, к террасам, покрытым темной растительностью,

к блестящей паутине маленьких рек. Харбен с профессиональной сноровкой оценил пейзаж и достал из нагрудного кармана панорамную камеру. На удивление скоро пилот посадил лодку, тучи пыли, поднятые двигателями, осели, и все трое ступили на чужую планету.

— Вот радиомаяк Бюро, — сказал пилот и указал на желтую пирамидку, которая словно присосалась к скалистой поверхности в сотне метрах от них. Пилот был довольно уверенным молодым человеком с мягкими золотистыми волосами. Вид он имел такой, будто все на свете ему давно надоело… Напускное, подумал Харбен, просто парень совсем молод.

— Вы посадили нас в самую точку, — сказал он, проверяя свое умозаключение. — Поразительное мастерство!

Пилот просиял, но тут же принял серьезный вид.

— Через десять минут наступит местный полдень, — сказал он деловито. — Лодка вернется ровно в полдень через шесть суток. Так что у вас будет десять минут сверх контракта.

— Щедро.

— Так мы ведем дела, мистер Харбен… Корабль прилетит точно в назначенное время, — заклю-

чил он, — можете не сомневаться. Хотя пилотом, возможно, буду не я.

— Надеюсь, что вы! — воскликнула Сэнди, включаясь в игру Харбена. — Я буквально потрясена… Вас зовут Дэвид?

— Верно. — Пилот не смог сдержать широкой улыбки. — Ну, мне пора. Счастливой охоты!

— Спасибо, Дэвид.

Сэнди и Харбен подхватили вещи и отошли на безопасное расстояние. Лодка приподнялась, застыла на миг и рванулась в облака. Она исчезла из вида прежде, чем стих рев двигателей, но лишь когда замер последний шорох, когда порвалась последняя связь с остальным человечеством, Харбен наконец осознал, что стоит на чужой планете.

Несмотря на высокую влажность, видимость была на удивление хорошей, и Харбен мог разглядеть серые холмы вдалеке, густую растительность и водоемы — свинцовые, черные или нежно-серебристые в зависимости от того, как падал свет. С востока дул ровный ветер, он нес с собой запахи озона, мхов и мокрых камней. Птиц не было, как, впрочем, и другой живности, но Харбен точно знал, что где-то неподалеку поджидает добычу весьма своеобразное существо, чьи

методы убийства он подрядился заснять.

— Симпатичный мальчик, — беспечно заметила Сэнди.

— Его уже нет, — ответил Харбен, деликатно намекая, что пора выкинуть из головы земные дела и заняться обживанием незнакомого мира.

Срок их брачного договора истекал через два месяца, и хотя Харбен не раз клялся, что возобновит его, Сэнди, как ему казалось, не слишком в это верила. Собственно, она и отправилась с ним в экспедицию, чтобы не потерять добрых отношений, и это его только радовало, если бы не одно обстоятельство: предыдущая группа, снимавшая E. T. Cephalopodus subterr petraform, бесследно исчезла. Однако все попытки отговорить Сэнди от путешествия наталкивались на возражения — скорее эмоциональные, нежели логические, и в конце концов Харбен согласился, но при условии, что она полностью разделит с ним бремя работы.

— Идем. Если повезет, за час отыщем удобное место, тогда и поедим.

Сэнди надела рюкзак, и они зашагали на север. Харбен уже приметил подходящее место — ущелье километрах в шести от них, но тем не менее аккуратно сверился с компасом, чтобы отыскать

обратный путь, даже если сгустится туман. Он велел Сэнди держать энерговинтовку наготове. Конечно, то, что произошло со съемочной группой два года назад, можно объяснить и какой-то нелепой случайностью — они, например, могли провалиться в одну из многочисленных подземных рек, — но Харбен полагал, что рисковать не следует.

Они продолжали идти на север, виляя между вздыбленными каменными плитами, пока не вышли на более или менее ровное место. Каверзная глина уступила место темному песку, из которого пробивались кусты и ползучие растения. Порой из-под ног, громко, щелкая, выпрыгивали какие-то насекомые, и Сэнди каждый раз вздрагивала. Харбен заверил ее, что металлизированный костюм защищает и от гораздо более крупных тварей, и вскоре она перестала обращать на них внимание. Сэнди была журналисткой, но прежде она писала только о курортных мирах. Впрочем, и тут, на планете Хассан IV, она осваивалась быстро.

Они подошли к природным вратам в массивной скале. Надежды Харбена сбылись — он нашел признаки обитания E. T. Alcelaphini, небольших зверьков, напоминающих антилоп, тех самых,

что служили пищей петраформам. От прохода в скалах следы тянулись к югу, в сторону каменистого плато, откуда пришли Харбен и Сэнди.

— Отлично. Я думаю, мы на главном пути миграции.

Сэнди огляделась.

— А почему их не видно?

— В том-то и дело. Самки перед родами крайне осторожны, ведь они не в состоянии быстро бегать. Из-за этого наш друг петраформ и стал таким, каков он есть.

Сэнди брезгливо поморщилась.

— Пожалуйста, не называй этих тварей нашими друзьями.

— Тем не менее они принесут нам кучу денег, — улыбаясь, возразил Харбен. — А это самое лучшее, что может сделать друг.

— Они отвратительны!

— В природе нет ничего отвратительного.

Харбен поднес к глазам компакт-бинокль и осмотрел ровную местность. Угол наблюдения был слишком острым, мешали булыжники и растительность, но все же ему удалось разглядеть по меньшей мере три серые каменистые подковы. Они походили на незавершенные копии Стонхенджа, только меньшего размера, метров пяти в

диаметре. Харбен пересчитал камни и убедился, что их по семь в каждом кольце. А главное, что проем — то разомкнутое место кольца, где недоставало восьмого камня, — обращен к северу, откуда каждой весной в поисках обильных пастбищ шли квазиантилопы.

— В саду господнем все чудесно, — произнес Харбен.

— Что ты имеешь в виду?

— Кажется, нам повезло с первого раза. Идем, я голоден.

Приблизившись к кольцам, Харбен обнаружил, что местность как нельзя лучше отвечает его целям. Сразу нашлись удобные точки съемки вблизи камней и деревьев, где можно укрыть четыре автоматические камеры, ждущие своего часа у него в рюкзаке. А небольшая, облизанная ветром скала позволяла снимать происходящее сверху, в плане. Харбен с головой погрузился в изучение ракурсов съемки и пришел в себя, лишь когда осознал, что Сэнди беззаботно двинулась вперед.

— Сэнди! Куда это ты собралась?

Она замерла, почувствовав в его голосе предостережение.

— А что случилось?

— Ничего. Но от меня не отходи. — Харбен подождал, пока она не оказалась у него за спиной, затем указал на три кольца. — Именно их мы и приехали снимать.

Сэнди непонимающе смотрела на голую землю. Потом она все же разглядела неясные формы среди разбросанных камней. Она побледнела еще сильнее, но, к радости Харбена, не утратила самообладания.

— Я думала, они будут похожи на пауков. Или на осьминогов.

Он покачал головой.

— Если б они хоть немного отличались от обыкновенных камней, то погибли бы с голоду. Если жертва что-то заподозрит, она не попадет к ним в объятья.

— Значит, эти камни не настоящие?

— Нет. Это конечности, которые в точности имитируют камни. Полагаю, что можно постучать по ним молотком и не заметить никакой разницы — пока стоишь вне круга.

— А если войти внутрь?

— То попадешь в восьмую руку.

Продолжая урок по внеземной зоологии, Харбен показал Сэнди небольшое углубление у входа в подкову. Там, прикрываясь камнями и тра-

вой, таилась свернутая в спираль рука, готовая затянуться вокруг любого существа, которое осмелится ступить внутрь.

Сэнди на секунду затихла.

— Что же потом?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — сказал Харбен. — Очевидно, у петраформа то же строение, что у других головоногих, значит, рот должен находиться в центре. Мы не знаем, как быстро погибает жертва и сколько длится процесс пищеварения. Возможно, хищник просто держит зверька, пока тот не умрет.

Харбен перевел дыхание. Что ни говори, местность на редкость хороша для съемки.

— Знаешь, Сэнди, именно это я и искал — что-то такое, что обеспечит меня на всю жизнь. Представляю, как ухватятся телекомпании!

— Я бы выпила чего-нибудь горячего, — сказала Сэнди. — Давай поставим палатку.

— Да, конечно.

Харбен нашел ровное место, расстелил полотнище, открыл баллончик с газом, и вскоре поднялась сферическая крыша. Люди высокорослые, — а Харбен был из их числа, — не любят обычно тесноту, однако шесть ночей, которые предстояло провести в крошечной палатке, его

не тревожили. Награда, судя по всему, окажется столь большой, что следующее путешествие, если, конечно, ему вздумается поехать, можно будет обставить с роскошью. Харбен достал двенадцать автотермических лотков, каждый на два приема горячей пищи, и передал Сэнди. Она присоединила их к собственным запасам. Пока Сэнди разогревала банки с кофе, он отошел на достаточное расстояние и соорудил древнейшее, но непревзойденное по дешевизне устройство для утилизации отходов — вырыл выгребную яму.

Харбен уже складывал лопатку, когда до него донесся тихий звук. С замиранием сердца он понял, что Сэнди с кем-то тихо разговаривает. Харбен рванул к ней, но тут же остановился, увидев, что она одна. Сэнди стояла на коленях спиной к нему; похоже, она открывала банки с кофе.

— Сэнди! — закричал он, не понимая причин тревоги. — С тобой все в порядке?

Она изумленно повернулась.

— Что ты там делаешь, Бернард? Я думала…

Он подошел и взял кофе.

— Большинству людей требуются годы такой жизни, чтобы сойти с ума.

— Я думала, ты стоишь прямо за мной. — Сэнди сделала маленький глоток. Она ухитрялась оста-

ваться женственной даже в серебристо-сером полевом костюме. Ее взгляд скользил по ровной местности и задержался на каменных кольцах. — Бернард, почему там нет костей?

— Они перевариваются. Кости могли бы отпугнуть других животных. Кроме того, они служат петраформам источником минеральных веществ. В геохимии Хассана IV есть странные пробелы, особенно в части металлов.

— Ну и местечко!

— Всего лишь частица пестрого узора природы, любимая, — сказал Харбен, допивая кофе. — Пойду поставлю камеры, чтобы не прозевать чего-нибудь.

— А я сделаю наброски для статьи. — Сэнди вымученно улыбнулась. — Мне бы тоже не мешало заработать.

Харбен кивнул.

— Да, тебе не надо отлучаться. Чем меньше мы будем оставлять следов и запахов, тем лучше.

Он достал из рюкзака четыре автоматические камеры, забросил за плечо винтовку и пошел к кольцам. Облака опустились так низко, что закрывали верхушки деревьев, но у поверхности воздух оставался прозрачным как стекло. Харбен не отрывал взгляда от безобразных камней. Инте-

ресно, чувствуют ли эти затаившиеся под землей создания его шаги, предвкушают ли добычу, приближающуюся к ловушке? «Тебе не повезло, камнесьминог, — подумал он. — Не я тебя буду кормить, а ты меня».

С обеих сторон участка росло по дереву, и Харбен укрепил камеры на их стволах. Третью камеру, ту, что на севере, он установил на вершине небольшой скалы — сзади на нее легко можно было взобраться. С юга удачно располагались два больших валуна. Он остановил выбор на том, что поближе к озерцу, — квазиантилопы могли подойти к воде, а это превосходный материал для фильма. Голографическая система не ограничивала глубины резкости и угла съемки, значит, общие и крупные планы можно будет монтировать позже, когда это понадобится. Харбен прислонился к валуну, закрепляя присоску штатива, когда почувствовал, что рядом стоит Сэнди.

— Что ты ходишь за мной? — не скрывая раздражения, спросил он. Ответа не последовало. Харбен повернулся, чтобы отчитать ее за отлучку, но рядом никого не было. Все его чувства внезапно обострились: насыщенный влагой воздух стал холоднее, журчание ручейков — громче. Ремень винтовки соскользнул с плеча, оружие оттянуло

руку. Харбен стоял начеку целую минуту, но вокруг ничего не двигалось, кроме медленно ползущих вниз щупалец тумана.

Напряжение понемногу спало, он установил наконец камеру, проверил дистанционное управление и побрел к палатке. То, что с ним произошло, вполне объяснялось расшалившимися нервами — пребывание на чужой планете может вывести из себя кого угодно. Впрочем, возможно и другое: вдруг в атмосфере есть вещества, вызывающие галлюцинации? Правда, при официальном обследовании ничего такого в пробах воздуха не обнаружилось, но нельзя же исключить местные или временные отклонения. Харбен решил Несколько часов последить за своими ощущениями, прежде чем рассказать о них Сэнди.

Как только он вернулся, Сэнди включила автотермический лоток, и впервые на Хассане IV они поели. Время от времени Харбен посматривал в бинокль на открывающийся с севера проход и пытался понять, нормально ли он воспринимает окружающее. Казалось, все в порядке, но когда Харбен, расхаживая по лагерю, невольно ослаблял самоконтроль, наплывало ощущение, будто за ним наблюдают. Это чувство, смутное,

едва уловимое, Харбен приписывал своей нервозности. Вскоре он перестал обращать на него внимание, а работающую с диктофоном Сэнди вообще ничто не беспокоило.

Ближе к вечеру Харбен заметил движение в серых скалах. Через несколько минут в проходе появились два животных, отдаленно напоминающих антилопу. Они грациозно выбирали путь среди россыпей камней. Одно из животных оказалось самкой, и даже с такого расстояния было видно, что ей скоро рожать.

Харбен снимал их из укрытия. Когда квазиантилопы приблизились, он понял: то, что издалека казалось хвостом самки, на самом деле — пара длинных тонких ножек рождающегося детеныша. Животные подошли вплотную к ровному участку, где затаились петраформы, и сердце Харбена заколотилось. Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, приводя в действие все четыре камеры, а сам приник к видоискателю.

Словно ведомые могучим инстинктом, животные миновали коварную зону, обойдя смертельную ловушку за метр, и побежали дальше на юг. Харбен выключил камеры и подумал мимоходом — интересно, разделяют ли его разочарование

три затаившихся под землей хищника?

— Плохо, — сказал он, повернувшись к Сэнди. — Впрочем, успех редко приходит с первого раза.

— Бернард, самка рожала?

— Да, конечно.

— Но это ужасно! Почему они не останавливаются?

Ее участие вызвало у Харбена улыбку. Как мало, однако, она знает повадки диких зверей!

— Быстрые ноги — единственный козырь таких животных. У родившегося малыша будет от силы пять минут, чтобы научиться ходить, — и снова в путь.

Сэнди поежилась.

— Мне здесь не нравится.

— На всех планетах земного типа примерно то же самое. Да и в Африке можно увидеть нечто подобное.

— Все равно, я рада, что она спаслась. Если бы ее поймали эти чудовища…

Не самое лучшее время для спора. Все же, решил Харбен, надо помочь Сэнди увидеть вещи в правильном свете, прежде чем она станет свидетелем удачной охоты.

— У природы нет чудовищ, — сказал он. — Нет ни плохих, ни хороших. Каждое создание вправе

добывать себе пищу, и не имеет значения, малиновка это или камнесьминог.

Сэнди сжала губы и покачала головой.

— Нельзя сравнивать малиновку с этой… тварью.

— Всем надо есть.

— Но малиновка всего-навсего…

— Не с точки зрения червяка.

— Мне холодно, — отвернувшись, произнесла Сэнди. Внезапно она показалась такой маленькой и беззащитной, что Харбен почувствовал угрызения совести — не надо было брать ее в этот чуждый ей мир.

До конца дня ничего не произошло. Когда стало смеркаться, Харбен уложил вокруг палатки сторожевой провод. Сэнди почти сразу забралась в их искусственное логово, а он еще с час сидел снаружи, глядя в кромешную тьму и прислушиваясь к многоголосью перешептывающихся ручейков. Один раз у него возникло ощущение, будто за ним наблюдают, но ни одна из светящихся зеленым стрелочек на пульте сторожевой системы даже не шелохнулась. Наверное, нервы разгулялись.

Харбен улегся и долго, бесконечно долго лежал с открытыми глазами, ожидая наступления утра.

Дневной свет, запах кофе, суета по хозяйству все это оживило Сэнди, и Харбену тоже стало легче. Он энергично двигался, разминая затекшее тело, и много, больше, чем нужно, распространялся об их планах на несколько следующих лет. Сэнди догадывалась, зачем он это говорит, но недовольства не проявляла. Она даже пошутила, что в журнале путешествий распишет Хассан IV как роскошный курорт.

Харбена больше всего беспокоила облачность, спустившаяся ночью до самой земли. Во время завтрака он с облегчением убедился, что под лучами невидимого солнца прослойка чистого воздуха постепенно расширяется, открывая верхушки деревьев. Когда на севере стали прорисовываться склоны холмов, Харбен поднес к глазам бинокль. И сразу увидел среди скал стадо квазиантилоп.

— По-моему, начинается, — сказал он, продевая руку в ремешок камеры. — Тебе, пожалуй, лучше оставаться здесь.

Харбен пригнулся и побежал к холмику, укрывшись за которым он мог наблюдать за равниной. Автоматические камеры были готовы к работе, и, чтобы не забыть о них в горячке, Харбен

включил их заранее. Он почувствовал, как сзади подошла Сэнди, но не стал отвлекаться — стадо приближалось. Из прохода одна за другой выбегали квазиантилопы, вожаки вели их прямо к поджидающим кольцам.

Стадо голов в двадцать начало пересекать опасную зону. И вновь, словно оберегаемые неким инстинктом, животные обходили подковы. Харбен уже стал опасаться, что ни одно из них не совершит гибельной ошибки, когда крупный самец, за которым следовала беременная самка, вошел в ближайшую подкову. У Харбена пересохло во рту. Животное, не подозревая об опасности, переступило через углубление, обозначавшее восьмую конечность камнесьминога, пересекло кольцо камней, которые были вовсе не камнями, и, шествуя с величавым безразличием, благополучно вышло с другой стороны.

Надо же быть такому невезению! Неужели камнесьминог мертв? Может, надо поискать другое место?

Он снова застыл. Самка, двигаясь по следам самца, вступила в кольцо, и тут же у входа что-то забурлило, задвигалось. Тонкий черный язык взметнулся кверху и с отчетливым щелчком обвился вокруг ножек полуродившегося детеныша.

Самка испустила резкий крик и замерла.

«Я разбогатею!». Эта мысль промелькнула в мозгу Харбена, когда он вскочил на ноги, чтобы изменить угол съемки.

Крик боли и страха вспугнул стадо. Все, за исключением самца, помчались к югу. Прогремели копыта, и наступила тишина, прерываемая лишь жалобным фырканьем попавшей в западню самки. Камнесьминог тянул все сильнее, вытаскивая детеныша из утробы, и самка, переставляя ноги, понемногу отходила назад. Конечно, она могла спастись, но инстинкт запрещал ей жертвовать потомством. И вдруг гигантскими змеями зашевелились другие семь конечностей, ожившие валуны взрыхляли почву, отрезая пойманному животному путь к бегству.

— Бернард! — донесся издалека крик Сэнди, а вслед за тем он услышал звук ее быстрых шагоа Каким-то уголком мозга Харбен подивился — он был уверен, что Сэнди где-то рядом, — но все его внимание было поглощено драмой, разыгрывающейся на глазах.

— Бернард, — тяжело дыша, проговорила Сэнди, — ты должен что-то сделать!

— Я все делаю, — отозвался он. — Я ничего не упускаю.

Когда самка почувствовала себя в окружении, она судорожно рванулась, и на свет появилась голова детеныша. Сэнди глухо всхлипнула и шагнула вперед. Краем глаза Харбен заметил винтовку в ее руках. Он рискнул на секунду оторваться от видоискателя и вырвал оружие.

— Ты должен помочь ей! — Сэнди замолотила кулачками в его плечо. — Я никогда не прощу тебе, если ты ей не поможешь!

— Это лишено смысла. — Он отвел ее руки, про себя думая, что подрагивание камеры можно, пожалуй, убрать, когда будут обрабатывать пленку. — Так уж устроено природой. То, что ты видишь, происходило и будет происходить миллионы раз.

— Все равно, — взмолилась Сэнди. — Только не сейчас…

— Боже мой, Сэнди, гляди! — закричал Харбен.

Через видоискатель было видно, как под ногами у самки стала разверзаться земля. Камнесьминог приготовился к трапезе. Когда почва задрожала и поползла, смелость покинула самку, и она рванулась вперед. Детеныш выпал и в момент рождения исчез в разинутой пасти. Освободившаяся антилопа легко перемахнула через конечности камнесьминога, помчалась к самцу,

и вскоре они оба исчезли из виду.

— Я должен это заснять!

Не обращая внимания на всхлипывания Сэнди, Харбен выбежал на равнину. Сэнди держалась рядом, она пыталась вырвать оружие из его левой руки.

Харбен оттолкнул ее, не останавливаясь, и тут что-то с кошмарной силой обвилось вокруг его запястья и остановило на полушаге, едва не вырвав руку из сустава. С отчаянием, уже иным, Сэнди вновь выкрикнула его имя. Харбен обернулся и увидел, что его схватил и приковал к земле тонкий черный шнур. Не веря своим глазам, Харбен подергал за него, и тут же вокруг лодыжек захлестнулся другой шнур. За секунду тело Харбена оплели жадные щупальца. Он кинул затравленный взгляд через плечо и увидел, как сползает на колени Сэнди, опутанная такой же сетью.

— Винтовка! — Ее голос сорвался на визг. — Сожги их!

Будто поняв эти слова, новые путы обвили оружие и вырвали его из рук. Все пространство вокруг каменных окружностей ожило, змеящиеся щупальцы колыхались, словно трава на ветру. И, довершая ужасную картину, стали менять форму, стягиваться внутрь деревца и булыжники,

образующие внешнее кольцо. Даже поверхность озерца сгорбилась студенистой псевдоножкой.

Когда земля под ногами поползла и стала разъезжаться, Харбен наконец понял: весь участок был огромным, сложно устроенным, голодным хищником.

Блестящие шнуры затянулись туже. Харбен упал на колени и почувствовал, как его засасывает внутрь, в образующийся провал. Сэнди он почти не видел за клубком черных нитей. Странное траурное гудение наполнило воздух.

В последний миг, исполненный страха и отчаянья, Харбен запрокинул голову и взглянул наверх. Предсмертный вопль замер в его груди… Что-то… что-то невероятное двигалось в облаках.

То была человекоподобная фигура, неестественно высокая, расплывчатая, будто с колышущимися очертаниями, закутанная переливающимся светом. Белоголубая молния ударила вниз, и Харбен скорее почувствовал, чем услышал, крик, исторгнутый исполинским организмом. Густая сеть черных нитей исчезла в скрытых порах. Харбен был свободен.

Он вскарабкался на ноги, схватил Сэнди за руку, и они, спотыкаясь, побежали к палатке, подальше от круга булыжников и деревьев. У

причудливо изогнутого, но уже застывшего дерева Харбен оглянулся и увидел в вихрящихся облаках пульсирующую фигуру. И хотя глаз не было видно, Харбен чувствовал, что существо смотрит прямо на него, в него, сквозь него.

Знай, что ты неправ, мой друг. Открылась заслонка в горнило разума, и огонь опалил мозг Харбена. Я тоже наблюдатель, но бесконечно опытнее тебя. Энтропия диктует: все живое должно умереть. Но Жизнь противодействует энтропии, и в целом, и в каждой частности. Утратить способность сопереживать — значит отмежеваться от Жизни…

Затем пространство сместилось и фигура исчезла.

Когда Харбен собирал вещи, местность, где они едва не погибли, выглядела совсем как прежде. Деревья и булыжники казались естественной частью ландшафта, в центре мирно застыли три кольца камней. Моросящий дождь постепенно стирал с почвы следы недавней трагедии.

Сэнди приняла успокаивающую таблетку и больше не дрожала, но ее лицо оставалось бледным и хмурым.

— Ты думаешь, это единый организм?

— Вряд ли, — ответил Харбен, выпуская газ из палатки. — На мой взгляд, эти три в центре живут в симбиозе с большим хищником.

— Не понимаю, почему они пропустили стадо и набросились на нас.

— Я тоже — пока. Может быть, они изголодались по металлам. Смотри, во что превратились наши костюмы.

Палатка упала на землю, и Харбен поднялся на ноги.

— Сумеешь сложить?

Сэнди кивнула, следя за ним встревоженным взглядом.

— Куда ты идешь?

— За автоматическими камерами.

— Но…

— Не волнуйся, Сэнди. За пределами окружности я в полной безопасности.

Она подошла к нему и взяла его за руку.

— Хочешь забрать пленки, Бернард?

— Ты еще не пришла в себя, малышка. — Харбен недоверчиво рассмеялся, отнимая руку. — Да им цены нет, особенно если тот, кто нас спас, попал в кадр. Конечно, я заберу их.

— Но разве ты не помнишь, что он сказал?

— Я не уверен, что он вообще что-то говорил. В любом случае не вижу особого смысла.

— Он сказал, что нам всем придется умереть. Но не на потребу публике.

— Повторяю, не вижу смысла.

— Все очень просто, Бернард, — сказала она, преодолевая неуверенность. — Когда ты направляешь камеру на любое существо, то выделяешь его из прочих. Ты привлекаешь к нему симпатии миллионов людей, но если наша симпатия не стоит ни гроша, то чего стоим мы сами?

— Никогда себя не оценивал.

— Он тоже снимал нас, но он не позволил нам погибнуть.

— Сэнди, это лишь… — Харбен не закончил фразу, хотел уйти, но увидел, что Сэнди плачет, и остался. — Послушай, — сказал он. — Детеныш погиб, и тут ничего не поделаешь. Причем заметь, тот, кто нам помог, он не убил хищника. Зверь уже опомнился, он по-прежнему будет питаться тем единственным способом, который ему доступен. Кстати, могу представить себе, какая участь постигла предыдущую экспедицию.

— Огорчен, что и этого не мог снять?

— Ты успокоишься, когда мы улетим, — коротко ответил Харбен.

Он повернулся и пошел за камерами, внимательно следя, чтобы не переступить пределов опасного круга. Последняя реплика Сэнди задела его, но вскоре все мысли заняли планы на будущее. Не говоря уже о быстротечной, но потрясающей встрече с иным разумом, с могущественным естествоиспытателем, Хассан IV оказался настоящей сокровищницей. Черпать из нее можно не один год. Правда, Сэнди не желает и думать об этом, а значит, их брачный договор под угрозой.

Позже, на подходе к радиомаяку, Харбен внезапно осознал, что решение уже принято. Он испытывал неловкость — затеять тяжелый разговор, когда Сэнди так глубоко потрясена… Но он стоял на пороге блестящей карьеры, и настала пора учиться твердости.

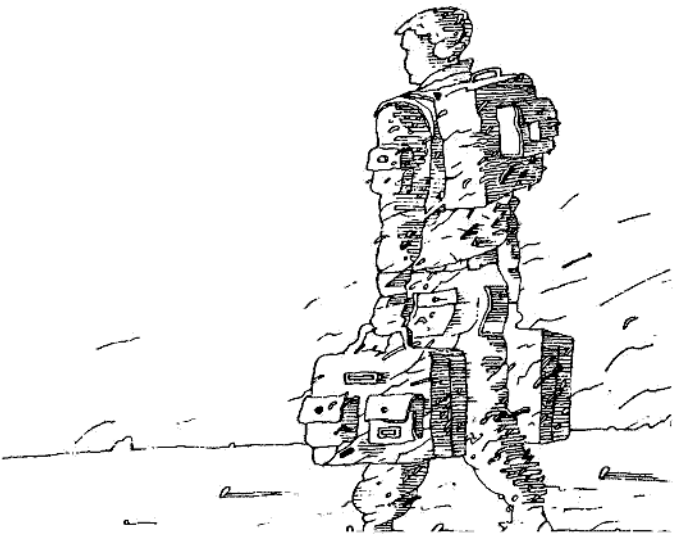
— Сэнди, — тихо произнес Харбен, беря ее под локоть, — тщательно обдумав…

Она отвела его руку, не поворачивая головы.

— Хорошо, Бернард. Я тоже не хочу оставаться твоей женой.

Харбен на секунду опешил. Он испытывал странное чувство, в котором смешались неожиданность и облегчение. Затем поправил сумку с камерами и зашагал по влажной серой глине.

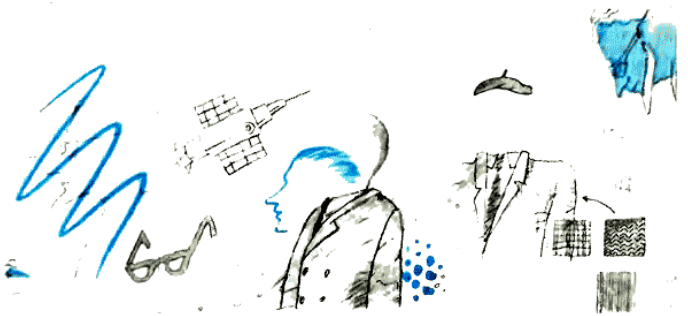
Перевел с английского Б. Белкин



№ 3

Кир Булычев

Технология рассказа



Я не знаю еще, о чем будет рассказ. И тем более не подозреваю, как он будет называться.

Я намерен написать его, не скрывая от читателя, как это будет делаться.

Тому есть причины.

Мне приходилось выслушивать упреки, что я не настоящий фантаст, потому что не отражаю последних научно-технических достижений, а ограничиваюсь, подобно презренным реалистам,

прописными морально-этическими истинами.

Я принимаю вызов и объявляю о намерении написать подлинно научно-фантастический рассказ, в основе которого будет лежать частный факт научного прогресса. Я попытаюсь умилостивить членов клубов научной фантастики, которые совершенно не реагируют на художественную литературу, но готовы восхвалить любую окололитературную поделку, буде она сдобрена наукообразностью. Я намерен проникнуть в содружество истинных фантастов.

Теперь следует отыскать в море прогресса зацепку для сюжета.

Написав последнюю строку, я отошел от пишущей машинки и занялся поисками.

...Следующую строку я пишу через четыре часа после предыдущей. За это время я проглядел несколько научно-популярных журналов, в которых наука излагается настолько примитивно, что суть дела может уяснить даже доктор исторических наук. К сожалению, пока мне не удалось извлечь из статей и заметок литературного позыва. Хотя я значительно расширил свой горизонт. Я узнал, что глицин, простейшая аминокислота, был обнаружен в 1969 году в Мерчисоновском метеорите, и с той поры найти его

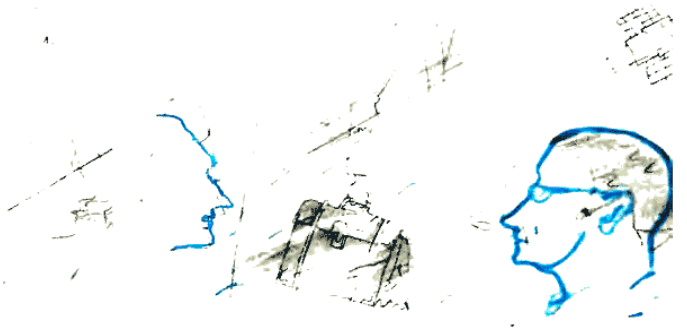
не удавалось, даже с помощью радиотелескопа ФИАН РТ-22. Но что мне глицин, если за последние годы я без всякого телескопа отыскал в космосе кучу цивилизаций!

Я узнал, что изучая спектры гамма-квантов сверхвысоких энергий, можно сделать вывод о том, какая из космологических гипотез справедлива. Так как этого еще никто не сделал, то любая из предложенных мною тоже годится.

Я познакомился с умозаключением, согласно которому становление гения есть проблема биосоциальная. Великолепны открытия, о которых можно сказать: я и сам так думал!

Наконец, мне удалось обнаружить, что вирусы некоторых бородавок способны передаваться половым путем. Последнее, конечно, может быть использовано в художественной литературе, но не в нашей.

Не найдя счастья в периодике, я собрался было обратить взор к глобальным проблемам — к угрозе атомной войны, экологическому бедствию или достижениям кибернетики. Но это путь наименьшего сопротивления. Что бы я ни сказал, уже сказано другими. Поэтому оставляю лист в машинке и отправляюсь к полке с научно-популярными брошюрами.



...По-моему, мне удалось отыскать нечто перспективное!

Года три назад я купил книгу Мишеля Сифра «В безднах Земли», потому что завидую Мишелю и его единомышленникам. Они забираются в глубокие пещеры и сидят там безвылазно по нескольку месяцев, а их преданные жены и друзья все это время мучаются в палатках на поверхности, мерзнут, простужаются, порой голодают, зато ежедневно получают снизу, из темной глубины, бутылочки с мочой спелеологов. За исключением регулярной сдачи анализов, испытуемые обя-

занностей не имеют. Они могут рассуждать о смысле жизни, читать книги и рисовать картинки. Телефон у них не звонит, гости к ним не ходят, и никто не требует с них выполнения плана.

Сколько раз я мечтал о том, что заберусь в пещеру и там, вне волнений и суеты, напишу что-нибудь стоящее.

Ничего, кроме зависти, книга Сифра во мне в свое время не вызвала, и я не почерпнул из нее никакой идеи для рассказа. Но ведь я и не искал идей!

А сейчас ищу.

Посмотрим, не может ли пригодиться абзац со стр. 111:

«Тони и Жози, не располагая никакими ориентирами времени, жили, повинуясь природному инстинкту. Их ритм смены бодрствования и сна постоянно менялся и день за днем сдвигался. 3 января 1965 года Тони праздновал рождество! А Жози встретила Новый год лишь 13 января. Под землей длительность одной минуты казалась иной, чем на поверхности».

В дальнейшем Сифр уделяет немало места описанию этого феномена. Оказывается, он характерен для всех спелеонавтов. Через определенное время жизни под землей каждый из них

неизбежно переходил к иному, чем на поверхности, внутреннему календарю. Как ни пытались организаторы экспериментов сбить, запутать спелеонавтов, через несколько недель одиночества у них устанавливался одинаковый, единый для всех ритм — 48 часов, причем 12 часов они спали, а 36 часов без особых усилий бодрствовали.

Особенно интересна в этом смысле история, приключившаяся с первой женщиной-спелеонавтом, двадцатипятилетней Жози Лорес. Она провела в пещере три месяца. Так же, как все мужчины до и после нее, она постепенно перешла на 48-часовой ритм, будучи уверена, что за это время проходит 24 часа. Но в отличие от мужчин у нее были внутренние часы, которые этому ритму не подчинились. Месячные вводили Жози в растерянность. По здравому размышлению она предположила, что организм более надежный источник информации, нежели ощущения, и потому старалась корректировать чувства физиологией. В результате она совсем запуталась в календаре.

Сведения, приведенные Сифром и подтвержденные многими другими авторами, не вызывают сомнений, но остаются на уровне констатации. Я же в поисках идеи понял, что этот факт мно-

гозначителен. Однако существование научного факта, вызывающего интерес, еще не делает рассказа: в рассказе должны фигурировать люди.

В настоящем рассказе люди нужны для того, чтобы мы могли еще раз заглянуть внутрь человеческой души. В рассказе научно-фантастическом это, к сожалению, совсем не обязательно. Люди там разговаривают между собой для того, чтобы как можно популярнее изложить концепцию. Для удобства концепция делится на фразы, и они последовательно вкладываются в уста персонажей. Редактор научно-популярного журнала, специалист в той или иной области знания, редко бывает при том специалистом в художественной литературе, и его можно убедить, что это и есть художественная литература.

Так и поступим.

Чтобы этот еще не написанный рассказ занял почетное место на страницах журнала, проще всего сделать его персонажей учеными. Желательно, чтобы один из них был седовласым профессором, который все знает, а второй — молодым ученым, который знает пока не все и потому задает нужные нам вопросы...

— Вас никогда не удивлял, коллега, странный феномен, с которым столкнулись в последние годы спелеологи? — спросил профессор Сыромятников у младшего научного сотрудника Института физиологии высшей нервной деятельности Махмуда Магометова, который уже третий месяц стажировался в институте.

Стояла ранняя осень, желтые листья плавали в лужах институтского парка. Небо с утра было серым и холодным.

Махмуд кутался в демисезонное пальто: московская осень его удручала.

— Как же, — произнес он хрипло. — Меня тоже удивляло, что все спелеонавты обязательно переходят на 48-часовой цикл, в котором тридцать шесть часов занимает бодрствование, а двенадцать часов сон.

Написав эти строки я порадовался тому, как экономно и энергично ввел читателя в суть дела.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирант-

ки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм его устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

— Вы правы, — сказал Махмуд, глядя на стройные ножки аспирантки.

Ножки аспирантки придется убрать. В научно-фантастической литературе дети могут быть выращены методом клонирования, созданы в пробирке, в крайнем случае найдены в капусте, но намеки на возможность создания их ортодоксальным путем считаются неэтичными.

— Не наводит ли это вас на некие мысли, коллега? — спросил седовласый профессор, глядя как за оградой парка проезжает троллейбус.

— Я сегодня как раз всю ночь думал об этом, — горячо откликнулся Махмуд. — Ведь до сих пор не найдено недостающее звено.

— Да, никто еще не доказал, что человек произошел от обезьяны, — покачал головой профессор, глядя…

На что бы ему еще поглядеть, чтобы рассказ получился художественным?

...Глядя на то, как с дерева планирует желтый кленовый лист.

— Между кроманьонцами, физически не отличающимися от человека, и его обезьяноподобными предками нет переходной формы, — сказал Махмуд и кашлянул.

— У меня есть сухая фиалка, — сказал профессор, — заварите две столовых ложки на стакан кипятка. Очень помогает как отхаркивающее средство.

Последний абзац надо снять, он отвлекает читателя. Лучше это сделаю я, чем редактор.

— А что если мы с вами вернемся к проблеме панспермии? — рассуждал вслух профессор. — Разумная жизнь каким-то образом — допустим, в виде спор — была занесена на Землю. Я не имею в виду идеалистических концепций. Я был и

остаюсь материалистом.

Хорошо сказал профессор! Прямо и твердо.

— И на той планете, где зародились наши предки, — развил мысль профессора Махмуд, — в сутках сорок восемь часов!

— Мне надо немедленно позвонить моему другу профессору Брауну в Саскачеванскую обсерваторию, — взволнованно сказал профессор Сыромятников. — Он как раз занимается изучением периодов обращения планет ближайших к нам звездных систем. Если бы только найти такую планету…

— И наших братьев по разуму! — воскликнул Махмуд.

— Да, я бы сказал — старших братьев, отцов, дедов…

Дальше рассказ можно писать, а можно и не писать. Потому что известно, о чем писать. Профессор Сыромятников связывается со своим другом профессором Брауном. В окончательной

редакции тот станет профессором Тер-Ованесяном из Ленинакана, потому что Тер-Ованесян лучше разбирается в периодах обращения планет, чем любой Браун. Тер-Ованесян ответит профессору, что как раз прошлой ночью он столкнулся с интереснейшим явлением: одна планета в системе Альдебарана испускает некие странные сигналы, которые намекают на их искусственное происхождение. И именно эта планета делает полный оборот вокруг своей оси за 48 часов.

Точку в рассказе лучше не ставить.

Может, именно эта планета и есть наша прародина…

Рассказ мне понравился. Я надеюсь, что кто-нибудь из моих коллег его допишет и опубликует. Но для меня, при всех достоинствах рассказа, не хватало действия.

А что, подумал я, если его драматизировать? Ввести приключенческий элемент — это вполне дозволено в научной фантастике при условии, конечно, что элемент не будет отвлекать от главного.

Возвращаемся к середине рассказа.

Помните, на что посмотрел профессор? Правильно.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

Шаги Ниночки замерли.

— Здравствуйте, — сказала она мелодично. — Можно присоединиться к вашей беседе?

— Разумеется, — сказал профессор. — Мы говорим о том, что 48-часовой ритм спелеонавтов доказывает — человек рожден не на Земле. Человек по сути своей пришелец. Он чужой здесь.

— Какой ужас! — воскликнула Ниночка. — И я тоже?

— Мы все, — грустно улыбнулся Махмуд.

Странная нечеловеческая гримаса исказила лицо Ниночки. Казалось, что оно сразу постарело лет на сорок.

— К сожалению, — произнесла аспирантка хрипло, — мне придется ликвидировать вас.

В ее руке мутно поблескивал бластер.

— Об этом, — сказала она, — никто не должен знать. Тайна панспермии должна остаться нераскрытой!

Пришелец направил (направила?) бластер на профессора, но в последний момент Махмуд ринулся вперед и во вратарском прыжке дотянулся до руки пришельца. Со страшным криком тот боролся (та боролась?) за бластер. В пылу борьбы дуло бластера обернулось против пришельца. Раздался выстрел. У ног профессора и Махмуда лежала кучка серого пепла. Это было все, что осталось от Ракришината Фе, третьего лейтенанта секретной галактической стражи планеты Эпсилон.

А что, тоже неплохо! Рассказ не потерял познавательности, но приобрел энергичность. Однако чего-то хочется еще. Детали, пустяка, сюжетного изворота.

Может, так?

— Жаль, — вздохнул профессор. — Она всегда казалась мне такой милой…

— Да, — поддержал его Махмуд. — Под оболочкой Ниночки Дудкиной скрывался…

— Кто скрывался под моей оболочкой? — послышался сзади мелодичный голос.

Ученые разом оглянулись.

Сзади стояла, лукаво улыбаясь, Ниночка.

— Вы… вы не погибли? — ахнул профессор, бросив взгляд на кучку серого пепла.

— Нет, — улыбнулась Ниночка, бросив лукавый взгляд на Махмуда. — Меня связывают с жизнью личные интересы.

Махмуд покраснел.

Вот, пожалуй, и все. Над рассказом еще стоит поработать. Может, ввести инопланетного хранителя тайны несколько раньше? Пускай следит за нашими героями, подслушивает их разговоры, пускай его постепенно охватывает жуткое подозрение: люди догадались! И когда все станет ясно, он вытащит свой проклятый бластер… Правда, придется придумывать оправдание его странному поведению. Не все ли равно нашим старшим братьям — знаем мы о своей прародине или нет? Предположим, они боятся, что мы выросли слишком агрессивными и наглыми, и пока мы тут занимаемся войнами и атомными бомбами, нас нельзя пускать в галактическое содружество…

Тут я увидел, как рассказ перерастает в по-

весть с определенным гражданским звучанием. Нет, о повести мы не договаривались. Пускай мотивы останутся нераскрытыми — кто их знает, пришельцев, чего им хочется.

Итак, рассказ готов, осталось пройтись рукой мастера по запятым и многоточиям...

А что скажет Лев Христофорович?

Как же я раньше не подумал! Лев Христофорович Минц, великий ученый, временно поселенный мною в городок Великий Гусляр, еще не знает, что в сутках у спелеонавтов 48 часов! Надо ему срочно сообщить.

...Они пошли к краеведу Сидякину.

Впереди шагал профессор Минц. Замшевый пиджак туго обтягивал его живот, осеннее солнышко лукаво отражалось от профессорской лысины. Вторым шел его сосед Корнелий Удалов, курносый начальник гуслярской стройконторы.

Дом краеведа и фенолога Сидякина ничем бы не отличался от прочих домов на Голубиной улице, если бы не мемориальная доска.

Доска стояла, прислоненная к стене и отделенная от тротуара штакетником. На сером мраморе было выбито золотыми буквами: «В этом доме с

12.1.1878 по 1 мая 2012 г. проживал выдающийся краевед, почетный гражданин города Великий Гусляр Артемий Сидорович Сидякин».

Сидякин был глубоко убежден, что судьба не посмеет спорить с мрамором, и потому до начала XXI века он обязательно дотянет. Тем более, что на самом деле он родился не так давно, а в нашем столетии, сразу после революции.

То место на стене, где доске предстояло висеть, было аккуратно побелено, по углам до половины вкручены латунные толстые болты.

У приоткрытого окна, подсвеченное зубоврачебной яркой лампой, сидело нечто белое и величественное с рыжим котом на коленях. Сидякин редко покидал свой дом — он предпочитал, чтобы к нему приходили за советом. Он так и говорил: «Не имею права покинуть пост, могу понадобиться человеку». На самом деле он ждал, когда из горсовета принесут грамоту о возведении его в звание почетного гражданина.

Увидев людей, остановившихся перед мемориальной доской, Сидякин принялся причесывать усы, седые, пышные, к сожалению, накладные. Он понял, что идут к нему, но не со званием, а за советом. В связи с борьбой за экологию к краеведу заходили нередко — то из газеты, то из школы, то

даже из области.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Минц, занимая указанный перстом гостевой табурет.

Удалов встал за его спиной. Они оробели в комнате краеведа, украшенной по стенам рогами копытных животных, видами Гусляра и портретами хозяина дома, выполненными методом чеканки. Старик сам освоил этот метод, так как был убежден, что чеканные портреты лучше сохраняются.

— Устал, — сказал Сидякин. — Старость. Вчера отмечали мое стодесятилетие. Выпили, потанцевали.

Сидякин искоса поглядел на гостей — верят или нет. Гости вежливо склонили головы. Старик понял — не верят, но он им нужен.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, поглаживая кота.

— Нам нужна пещера, — сказал профессор Минц. — Глубокая. Чем ближе к Гусляру, тем лучше.

— Пещер у нас не водится, — ответил Сидякин, покачав львиной снежной шевелюрой, к сожалению, накладной.

— Я же говорил, — сказал Удалов. — Придется ехать в Крым.

— Зачем пещера? — спросил Сидякин.

— Пещера нам нужна для очень важных экспериментов, которые могут повлиять на судьбу всего человечества.

— Организуем в Крыму, — повторил Удалов. — Там и море, и климат помягче.

— Какой может быть климат в пещере, — поморщился Минц.

— Вы все забываете, — возразил Удалов, — что нам, контрольной группе, сверху сидеть, продукты вам подавать.

— А что за эксперимент? — спросил Сидякин.

— Вам это неинтересно, — сказал Удалов, — Все равно же пещер нету.

— Есть пещеры или нет, решаю здесь я, — сказал краевед.

— Выяснилось, — пояснил Минц, — что человечество зародилось не на Земле, а совсем на другой планете.

Сидякин нахмурился. Кот зашипел.

Минц продолжал:

— Французские спелеологи обнаружили, что жизненный цикл человека — сорок восемь часов. Значит, когда-то люди жили на планете, где сутки вдвое длиннее земных. Именно оттуда в незапамятные времена и были посланы сюда

первые люди.

— Французы? — спросил с недоверием Сидякин.

— Не только французы. Все люди. Включая китайцев.

— Французы, может быть, и жили, — сказал Сидякин. — Они лягушек едят. Но русский человек — местный. Я знаю.

— Вопрос не требует обсуждения, — отрезал Минц. — Нам нужна пещера, в которой мы продолжим опыты.

— Мне с вами не по пути, — упорствовал Сидякин. — Русский человек всегда на Земле жил. Еще до татаро-монгольского нашествия.

И Сидякин сделал рукой жест, указывающий гостям на дверь.

На улице они на минуту задержались возле мемориальной доски. Удалов поглядел в окно, встретил колючий взгляд из-за занавески и громко сказал:

— Не стать тебе, Сидякин, почетным гражданином.

Окно захлопнулось.

Исследователи вернулись домой расстроенные. Беседа с Сидякиным перечеркнула последние надежды. В Великом Гусляре они могли надеяться

на поддержку общественности и бескорыстную помощь молодежи, но жители Крыма вряд ли разделят их энтузиазм.

На Минца было жалко глядеть.

— Не печалься, — сказал Удалов. — У меня интуиция. Сейчас постучат в окно и скажут: «Есть пещера!»

Минц грустно улыбнулся.

В окно постучали. За окном стоял краевед Сидякин, в черном пальто до пят и надвинутой на брови заячьей шапке. Усы тяжело свешивались на красный мохеровый шарф.

— Я, — сказал Сидякин, — много думал. И пришел к выводу: вас требуется разоблачить. Вас и ваших французов.

— Господи! — вздохнул Минц. — А мы думали, что вы нам пещеру принесли.

— Пещера будет, — сказал Сидякин. — Но в пещере буду я.

— Как так? — не понял Минц.

— Я пойду в пещеру и докажу вам, что, в отличие от некоторых, лично я происхожу из этих мест. И что мой ритм — двадцать четыре часа. Можете сообщать прессе.

Сидякин сунул руку за пазуху и извлек оттуда пожелтевший листок.

— Вот координаты. Я надеюсь, что вы как честные люди забронируете мне место в пещере.

Минц протянул было руку за листком, но удержался.

— Нет, — произнес он. — Я не могу согласиться на это. В вашем возрасте пребывание в пещере совершенно исключено.

— Я приму меры, — уверенно сказал Сидякин. — К тому же я куда лучше сохранился, чем некоторые думают.

Через шесть дней в Чертовом яре — глубоком, заросшем осиной овраге, что тянется почти до озера Копенгаген, закипела работа. С утра туда пробивались грузовики, груженые ящиками, клетками и коробками, которые издавали различные звуки. За грузовиками шел автокран и слониха Магарани из цирка шапито. За ними на велосипедах и пешком двигалась общественность. Шли пионеры, шел кружок юных краеведов, общество любителей театра, хор пенсионерок и речной техникум.

Когда дорога кончилась, грузовики разгрузили и дальше молодежь несла ящики и корзины на руках. Сидякина спустили в овраг на пожарном вертолете. Он сидел смирно, рядом была медсестра, которая мерила ему пульс. Сидякин читал

гранки статьи из «Гуслярского знамени». Он был недоволен: во всей статье его ни разу не назвали почетным гражданином.

В пещере никто не бывал с тех пор, как в середине прошлого века ее покинул благородный разбойник Петька Кровь-в-Песок. Он хранил там сундуки с награбленным у помещиков-угнетателей добром, прежде чем раздать его труженикам-крестьянам. Сидякин писал о том в областной газете и требовал создания в пещере дома-музея Петьки Кровь-в-Песок.

Перед спуском в пещеру профессор Минц и краевед Сидякин дали последние интервью прессе. Сначала говорил Минц:

— Не вызывает сомнений, — сказал он, — что люди прибыли когда-то с другой планеты. Астрономы найдут ее со временем. А нам важнее узнать иное: кто сопровождал человека при переселении на нашу планету? Я глубоко убежден, что среди птиц и животных, что опускаются со мной в пещеру, обязательно отыщется существо, чей суточный цикл равен сорока восьми часам. И тогда все споры о том, кто же лучший друг человека, отпадут сами собой.

— Ура Льву Христофоровичу, — закричал Корнелий Удалов, — который добровольно уходит

от нас на три месяца, чтобы добыть научную истину!

Раздались аплодисменты. Их прервал краевед Сидякин. Несмотря на теплый сентябрьский день, он возвышался над толпой, облаченный в громадный тулуп, валенки и заячью шапку.

— Профессор уходит не один, — сказал старик, придерживая пальцем накладной белый ус. — С профессором ухожу я. Я взял на себя руководство экспедицией, чтобы доказать: все это ложь! Может, за рубежом некоторые и будут бахвалиться своим иноземным происхождением, но мы с Трифоном этого не допустим!

Из широкого рукава тулупа Сидякин извлек своего рыжего злобного кота. Кот прыгнул на плечо краеведу и взметнул трубой хвост.

А вокруг уже кипела работа. В пещеру опускали ящики, контейнеры и аквариумы. В них были собаки, куры, индюшки, гуси, караси, теленок, конь Сивый, слониха Магарани и еще много живых существ. Они блеяли, кричали, лаяли и не желали покидать белый свет.

Затем спустился профессор Минц в оранжевой каске. Он контролировал расстановку клеток в темном подземном зале. Когда все было расставлено, вниз сошел краевед Сидякин с грелкой,

амбарной книгой и пачкой телеграфных бланков.

Так началось трехмесячное героическое пребывание под землей профессора Минца и краеведа Сидякина с их свитой. Наверху остались дежурные во главе с Удаловым. Они опускали в пещеру пищу, принимали оттуда дневники и телеграммы, страдали под дождями, мучились от заморозков, и постепенно их число таяло.

Краевед Сидякин на удивление хорошо переносил подземное пребывание. Минцу он не помогал, но и не мешал, а вел личный дневник.

С каждым днем настроение Минца падало. Все животные, включая коня Сивого, которому в пещере было тесно и очень страшно, засыпали, просыпались и питались, словно и не опускались в пещеру. Старик Сидякин также не менял привычного ритма жизни. Каждое утро ровно в восемь часов он дергал за свою личную веревку, спрашивая у дежурных на поверхности, скоро ли ему доставят кефир и сметану. Вслед за тем раздавалось отвратительное мяуканье кота Трифона, который тоже требовал свою сметану. И так день за днем. Иногда Сидякин посылал из преисподней телеграммы в горсовет, напоминая

о почетном звании.

Возможно, эксперимент так бы и провалился, если бы не случайность.

Оборвался трос. То ли перетерло его об острый выступ, то ли не выдержал подземного климата, но однажды перед рассветом Удалов обнаружил, что трос свободно вытягивается из черного провала.

Следовало навести порядок.

Удалов спустил в пропасть веревочную лестницу и полез в глубину. Издалека доносилось тоскливое ржание — просился на волю конь Сивый. Замычал в ответ теленок…

Удалов связал трос и собрался уже подняться наверх, но тут его одолело любопытство — взглянуть бы одним глазком, как они там, горемыки, существуют. Прикрывая фонарик ладонью, он осторожно добрался до лагеря. Края подземного зала терялись во тьме.

Удалов сразу разглядел профессора Минца, который спал на раскладушке, прикрывшись плащом, и во сне морщил высокий лоб. На другой раскладушке лежал краевед, покрытый тулупом.

Вдруг в гулкой тишине раздался еле слышный звон.

Удалов замер. Что могло звенеть?

Тулуп, под которым лежал краевед, зашевелился, из-под него показалась лысина, потом белая рука с зажатой в ней львиной шевелюрой. Шевелюра легла на лысину. Освободившаяся рука полезла в валенок, звон затих, и Удалов понял, что в валенке краеведа таится будильник.

— Вставай, бездельник, — раздался шепот краеведа. Валенок дернулся, сбрасывая на камни кота Трифона. Кот обиженно мяукнул. Начинался новый день.

— Вставай, — повторил краевед. — А то Минц услышит.

Удалов поднялся наверх и написал обо всем донесение профессору. Вечером того же дня он получил краткий ответ: «Будильник обезврежен. Эксперимент продолжается. Л. Х.»

Изъяв будильник, Минц спрятал его в трещине, а Сидякин не только сменил ритм жизни на сорок восемь часов, но вскоре перешел на 70-часовые сутки. Удалов не скрыл этот факт от общественности, и весь город узнал о том, что Сидякин — не просто иноземец, но, вернее всего, инопланетянин из совершенно чуждой нам галактики. А Минц сделал свое великое открытие. Он отыскал лучшего друга человека, который вместе с ним прибыл на Землю из глубин космоса. Этим суще-

ством оказался кот Трифон. Как только Сидякин перестал будить его по утрам, Трифон благополучно доказал, что для него в сутках гораздо больше двадцати четырех часов.

...Тысячи жителей Великого Гусляра, невзирая на снег и метель, собрались у входа в пещеру, откуда бережно и любовно были извлечены все участники эксперимента. Они немного пошатывались и щурились, аплодисменты публики казались им слишком громкими.

Минц скромно отошел в сторону, дав возможность Сидякину сказать свою речь.

Сидякин вытащил из кармана бумажку и сказал:

— Дорогие товарищи. Западная наука посрамлена. Вот мой дневник, я в нем каждый день записывал число. Вы можете сравнить его с календарем и узнать, что именно я — настоящий землянин.

— И какое же сегодня число? — спросил Корнелий Удалов.

— Девятое ноября! — сказал Сидякин.

В публике раздался смех, потому что декабрь уже подходил к концу. О чем и сообщили краеведу.

— Не может быть! — закричал тот и пошат-

нулся.

Пока медики отпаивали старика валерьянкой, на трибуну поднялся профессор Минц.

— Их было трое, — сказал он, переждав бурю аплодисментов. — Это был человек… — При этих словах Минц оглянулся на Сидякина. — Это был… — профессор сделал паузу, и все увидели, как кот Трифон, словно поняв, что от него требуется, стал потягиваться: — Кот!

— Не позорь животное! — кричал из «скорой помощи» краевед. — Оно наше, родное!

— Кто третий? — спросили из толпы.

Минц вытащил из кармана спичечную коробку, открыл — черная точка выскочила из нее и пропала в снегу.

— Я не был бы настоящим ученым, — сказал Минц, — если бы не охватил своими опытами всех живых существ, близких как человеку, так и котам. Эта блоха жила на Трифоне. Вот она, биологическая триада пришельцев!

— Тришка, предатель, задушу! — бесновался краевед.

Но никто его не слышал. Великий Гусляр ликовал. Наконец-то в нем было совершено великое открытие.

Тут я спохватился и понял, что увлекся. Убийцу тянет на место преступления, писателя — на проторенную дорожку. Столько сил я потратил на то, чтобы написать настоящий научно-фантастический рассказ, а закончил еще одной гуслярской историей. И какой! Опыт, поставленный профессором Минцем, антинаучен, за его пределами остались многие возможные пришельцы. Краевед Сидякин в рассказе необязателен. Гораздо интереснее было бы описать жизнь в пещере, повседневный труд исследователей…

Перед тем как нести рассказ редактору, я понял, чего в нем не хватает — благополучного конца. Поэтому я дописал следующее:

— Что может город сделать для вас? — спросил товарищ Белосельский, подходя к профессору, чтобы пожать ему руку.

— У меня есть просьба, — ответил Минц, улыбнувшись. — Нельзя ли присвоить звание почетного гражданина Великого Гусляра краеведу Сидякину?

— Положительное решение уже принято, — ответил Белосельский и тоже улыбнулся.

Так завершился этот великий день.

По-моему, лучше не скажешь.

В заключение у меня есть вопрос к читателям, имеющим отношение к астрономии. Не знаете ли вы какую-нибудь планету, которая обращается вокруг оси за сорок восемь часов? Каждому писателю в глубине души хочется стать провидцем.

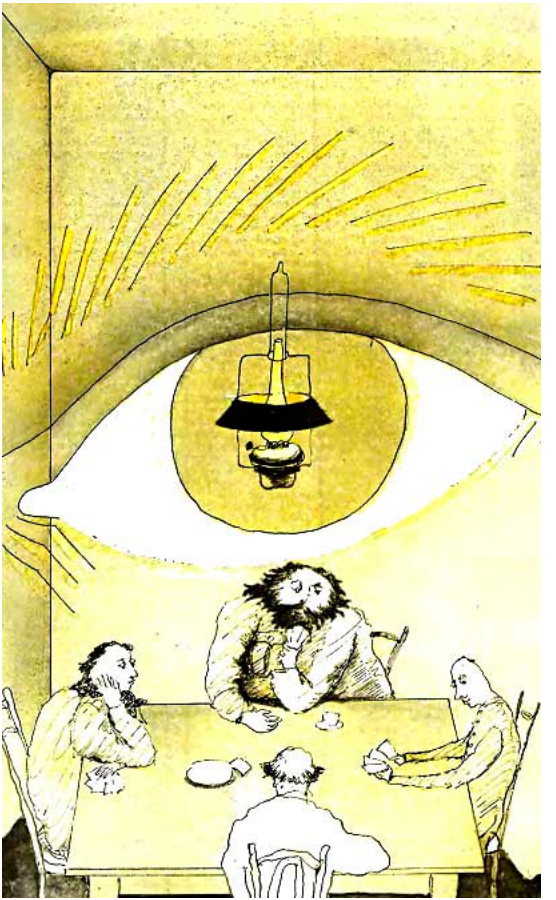
№ 4, 5, 6, 7

Артур Кларк

Конец детства

Автор романа «Конец детства», который мы начинаем печатать в этом номере, не нуждается в представлении любителям научной фантастики: имя Артура Чарльза Кларка, английского ученого и писателя, советскому читателю хорошо известно. Скажем несколько слов о самом романе. Он был написан в начале 50-х годов. Научные представления, положенные в его основу, созвучны мыслям Циолковского о возможных путях эволюции разума, а также известной идее И. А. Ефремова о «Великом кольце». Как и они, Артур Кларк уверен в том, что разуму, возникшему на нашей планете, суждено беспредельное развитие и в конечном счете он объединится с разумом, существующим во Вселенной в тех или иных формах. В «Конце детства» дается своеобразная версия таких гипотетических событий.~~Роман печатается в журнальном варианте.~~

Полный текст



Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору.

I. Земля и Сверхправители

1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинул голову — иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на двести футов над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом

хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда «Колумб» в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В миле за рифом на палубе «Джеймса Форрестола» вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стремительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд усмехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памятному утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их про-

щанье — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Востоком и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд счел его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник Технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Однако ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман, — начал полковник самым официальным своим тоном, — я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал космический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но Разведка

полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

Да, подумал Рейнгольд, понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы.

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пеенемюнде, так? — сказал полковник. — Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах. Я хотел бы услышать от вас характеристики всех, кого вы помните, — их специальность, блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все — таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет, — ответил Рейнгольд. — Это был настоящий талант, остальные — просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор Разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскор-

биться. Но только пожал плечами.

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они и сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

Демократия… Экая чушь! — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с Земли…

* * *

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев двигателя, хотя громовые отголоски его за

озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григорович. — Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист, — сказал Шнайдер. — Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь, — засмеялся Григорович. — Сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоровича пойдет разными сложными путями, а если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато

работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадными исключениями, надежды его сбылись, и все идет хорошо. И только будущее покажет, чей выбор лучше — его или Рейнгольда.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведал настоящее отчаяние.

* * *

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг «Колумба» засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко взнесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли стран-

ное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же самый миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль, и его маленький «Колумб» был перед ними все равно что перед самим «Колумбом» — долбленые лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, пока его слуха не достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных

ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:

Человечество больше не одиноко.

2

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену, окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он спрашивал себя, хорошо ли человеку работать на такой высоте над собратьями. Конечно, отстраненность помогает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскребам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание: конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая

острота — генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрен подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают, — сказал он. — Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту. — Ван Риберг чуть помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак я на нее согласился, хотя, вспомните, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — ван Риберг чуть не ткнулся носом

в стекло. — Подходят… пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю.

Примерно в полумиле от здания секретариата ООН видна была небольшая, но решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвращение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно. Вызов относился не к Стормгрену, хотя, конечно, кулак показывали ему. Словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Сторм-

грен, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрен встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг, — планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрен знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его убеждения, — а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Риберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрен, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю, — начал он, — главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул.

— Это — главное, господин секретарь. Как вам

известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем заблагорассудится. И все же в разных странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов из двух с половиной миллиардов.

— Пять миллионов со счета не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что мы с вами знаем о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен.

— Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это произошло еще до прибытия Сверхправителей. Кареллен лишь завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном, и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся… Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязывать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз… и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спорю. Но они отняли у нас свободу. Че-

ловек жив…

— … не хлебом единым. Знаю, знаю, — но сейчас впервые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам Господь.

Наконец-то мы добрались до сути, подумал Стормгрен. Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Уэйнрайт ни в коем случае не даст забыть, что он — священник. Хоть он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря.

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы. Сверхправители их совратили. Когда они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять все взгляды человечества. Но, поверьте, это ничего не изменит.

— Еще одно, — медленно сказал Уэйнрайт. — Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительней их скрытность. Вы — единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже и вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрен, спросите его об этом!

Стормгрен промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае, ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

* * *

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из непостижимых глубин Вселенной безо всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами, — символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось, ясно же, что не случайно могучие корабли повисли с такой точностью как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой…

Еще прежде чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях

мудрые психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда сильнее, чем форма. По любым меркам такое мог породить только высочайший гений, сумевший глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, колдовские мгновения, по которым догадываешься о еще неведомых областях знания, — все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен кончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства

мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна мощная держава совершила такую попытку. Быть может, там кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту, когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздирали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь пойдет своей дорогой? Или Кареллен отплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие мили отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль

остался невредим и парил в недосягаемой вышине, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней сталось. Более того, Кареллен никак не покарал виновников, ничем не показал, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, которой так и не последовало. И это подействовало куда сильнее, вызвало больший разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считанные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать, как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись прави-

тельства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие или разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные, и невинные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе, скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: назавтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как

неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивительно быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип Ван Винкль, самой большой переменой, какую он бы заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрен.

* * *

Когда машина Стормгрена подъехала к стартовой площадке, там уже, как обычно, собрались зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и с потрясающей быстротой вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно дер-

жась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрен медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва, металлический корпус знакомо зарябил, открывая вход, — все специалисты мира безуспешно пытались понять, как это происходит. Стормгрен шагнул внутрь, в заполненную мягким светом единственную кабину. Входное отверстие замкнулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрен не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он находится в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо из людей, — и однако знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представишь облик тех, кто все это устроил, — так оно и задумано. Экран телевизора, как всегда, пуст. Порой Стормгрен мечтал: вдруг однажды

экран вспыхнет, оживет и раскроет, наконец, секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть, скрывающей динамик, зазвучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос — все люди, кроме Стормгрена, доныне слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то представить себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрену в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна… но там есть экстремисты, они открыто призывают к

насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у своего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стормгрена — так случалось не впервые, — заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это неважно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздох Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрен продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает, — пожалуй, даже с чувством отозвался Кареллен. — Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и

помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, которая разработана без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрен. Любопытно, насколько оно правдиво.

— Но может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся — как всегда громко, раскатисто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну, а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота? Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой, — да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере «Чикаго таймс»! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрен чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный, — сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки, — возразил Кареллен, — я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом

незаурядных умственных способностей!

Стормгрен невольно улыбнулся.

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача непростая. Любопытство — одно из основных свойств человеческой природы. Не можете вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым мы столкнулись на Земле, — признался Кареллен. — Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю, — сказал Стормгрен. — Но ни Уэйнрайт, ни его сторонники не верят. И можно ли их осуждать, если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так? — спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исполинского органа. — Такие люди есть в вашем мире среди поборников

любой религии. Они понимают, что мы — носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту не придавая им значения. Как я понимаю, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что нам известна правда о происхождении их веры. Они спрашивают себя, давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрен.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой, — уэйнрайты это понимают. Рано или поздно человек неминуемо узнает правду; но время еще не пришло. А что мы не показываемся

вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но на это есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к … к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

* * *

— Ну как? — жадно спросил ван Риберг. — Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не пойму, — устало сказал Стормгрен, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло. — Теперь Кареллен совещается со своим начальством… Уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте, — вдруг сказал ван Риберг. — Я сейчас подумал… Почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда

деться, а они это от нас скрывают.

— Остроумно, — усмехнулся Стормгрен. — Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, ему эта опасность не грозит. Во-первых, мол, чем раньше я закончу тут работу, тем скорее смогу вернуться домой — это за много световых лет отсюда. А во-вторых, моя власть отнюдь не безгранична. Я всего лишь… попечитель. Разумеется, — докончил Стормгрен, — он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает… Не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего

не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Этот Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы начитались научной фантастики, — сказал Стормгрен.

Ван Риберг не без смущения улыбнулся.

— «Вторжение из космоса» обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объясняет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрен покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем несомненно стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и наверняка она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен, несомненно, изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной

речи!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко, — но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему не скоро выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из «Калевалы», а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились. И однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть человеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам, — согласился ван Риберг. — Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века,

но неизменно возвращаемся к тому же: какого дьявола он нам не показывается? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать.

Он сердито покосился на потолок.

— Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

* * *

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем не навязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Земли, запрокинув голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли, — но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно

сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались, — что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не бьющие на эффект, — их приняли как должное и вскоре о них забыли. А Сверхправители по-прежнему держались отчужденно и не показывались человечеству. Покуда Кареллен вел подобную политику, он мог ждать уважения и восхищения, но уж никак не более теплых чувств. Трудно ведь не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрен порой сам недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стромгрен нуждается в такой прямой поддержке? Если так, генеральный секретарь за это очень признателен — и, пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его «мальчиком на побегушках у Кареллена».

Сверхправители никогда не вступали в переговоры с отдельными государствами и правительствами: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь — и все распоряжения передавали через генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет в разрез с уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли, что им больше незачем опасаться друг друга, — и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное доныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их

образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает часа, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но все это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовали они человечеству.

3

В последние ночи Стормгрену не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет служит он человечеству, из них пять — его правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь

потеряет вкус. С тех пор как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, мысль бесконечно колесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрен понимал — сколько себя ни уговаривай, не уснешь, — и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрену вполне хватало и такого дома. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрена стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начинался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрен поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена.

Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят.

В вышине огненным копьем пронзил купол неба метеорит. Мгновенье за ним еще виднелся слабо светящийся след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрена ничуть не огорчает, — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправителей. До сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль!), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все эти разговоры, будто человечество порабощено, пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. Люди привыкли к ненавязчивому правлению Кареллена, но им не терпится узнать наконец, кто же ими правит. И можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в других просто говорит ощущение неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индиец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание, — но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает: даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной, — величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросил очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрен побрел в комнату,

равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. «ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?» — вопрошала газета и затем цитировала: «Сегодня на митинге в Мадрасе доктор С. В. Кришнан, президент Восточного отдела Лиги освобождения, сказал: „Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так“.

Стормгрен брезгливо отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрен, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполовину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия запестрели газеты!

И однако Стормгрен знал — не только ради

своего преемника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в последнем счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

* * *

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер ван Риберг удивился и даже подосадовал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем появиться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Риберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его, — и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрену домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на бешеной скорости примчался полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели, потому

что не успела еще машина остановиться, как радио возвестило ван Рибергу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

* * *

Свались на ван Риберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц все газеты мира разделились на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изощрялась, как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, вовсе не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты, хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрен. Страсти разом утихли: мир понял, что потерян единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим загадочным соображениям говорили с Землей.

Газеты и радиокомментаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги освобождения, она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

* * *

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и

протянул руку к выключателю возле кровати.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом, почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт, и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Ненадолго остановился на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганые доски.

В темноте раздался негромкий голос, по-английски говорили безукоризненно, но с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить.

— Рад видеть, что вы проснулись, господин генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете

себя вполне хорошо.

Что-то было в последних словах, отчего Стормгрен насторожился и гневные вопросы замерли у него на губах. Он вгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрен спустил ноги на пол. Он по-прежнему был в пижаме, но она оказалась измятой и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрен повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь, — ответил человек, неразличимый в темноте. — Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрену понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены

— кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера, и наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, за это время его могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил стопку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим, — сказал голос из темноты. — Со стиркой здесь довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны, — вполне серьезно сказал Стормгрен.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта маловато.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрен, натягивая рубашку, прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну… просто удобно, — был ответ. — Кстати, мы, наверно, довольно много будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрен. — Думаю, я сумел бы называть вас и настоящим именем. Едва ли его трудней выговорить, чем многие

финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать, — покорно сказал Джо. — Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше…

— Ладно, хватит, — прервал Джо. — Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрен вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его, — любопытно, вооружен ли он, подумал Стормгрен. Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко.

Коридор тускло освещали развешенные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрену впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти, и весил он, должно быть, фунтов двести с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать

его будет нетрудно, лишь бы отсюда выйти, подумал Стормгрен. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укреплены бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта, — пожалуй, более надежной тюрьмы не придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, как-то не очень волновало Стормгрена. Ему казалось — что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности у него поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел, — если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрен вошел, они вскинули головы и поглядели на него с любопытством и с явным почтением. Один подвинул через стол горку сандвичей, и Стормгрен тотчас за них принялся. Хоть он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, его

стражи и сами едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, Джо среди них самая примечательная личность, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое — явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрен запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Итак, — ровным голосом произнес он, обращаясь к великану — поляку, — может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрен был почти готов к подобному ответу, хотя и удивился, с чего Джо так легко подтвердил его догадку. Он давно уже подозревал, что внутри Лиги — или рядом с нею — существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и

ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе, — весело сказал Джо. — Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие нужные меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер, это было не хитро. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли… э-э… специалистов. Кареллен может их поймать, наверно и поймает, только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый генеральный секретарь ООН. А недолго спустя из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатил к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со страху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики… Ну, а та, настоящая машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил — не знаю, да не

велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность, — весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что происходит на поверхности Земли, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторожности, в это я сейчас вдаваться не стану. Лучше про них покуда помолчать — может, еще понадобятся.

Джо так явно упивался своим рассказом, что Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Но при этом он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень возможно, что Попечителя удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Кареллен хоть сколько-нибудь печется о безопасности генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть?

Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловещий треск, и великан поспешно спрыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем, — начал он. — Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать иначе. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае, поначалу, — но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

И начинаете, видно, с меня, подумал Стормгрен. Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез вообразили, будто на Кареллена можно хоть как-то повлиять гангстерскими приемами. Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все

их распоряжения исполняются помощниками — людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли… нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход.

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрен. — Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а покуда постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали, — пояснил Джо. — Читал я в «Тайме», что вы здорово играете в покер. — Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрен круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрен, ровно ничего не может поделать — и вот, не угодно ли, эти

невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрен откинулся на стуле и захохотал, — так он не смеялся уже многие годы.

* * *

Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, — угрюмо размышлял ван Риберг. Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрена, но точно ему это не известно.

И выходку их он не одобряет. Очень похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительней. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу. Стормгрена могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако же надо что-то предпринять, да поскорее, решил ван Риберг. Хоть он нередко отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж

огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то в вышине, на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и ван Риберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты. Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрену. По его распоряжению замок уже взломали, и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп, — сказал он ван Рибергу, — клавиатура, как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Риберг рассеянно кивнул.

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не

очень задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрен обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедля.

Мгновенье ван Риберг поколебался, потом начал неумело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивали слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Риберг не впервые подумал — может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:

НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.

С горечью, без малейшего удовольствия ван Риберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

* * *

За три дня Стормгрен успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любому нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем. Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрену стало ясно, что великан никогда всерьез не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него неизгладимую печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут, — если только это когда-либо случится, — наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрен теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрен ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо его предупредил, чтобы ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрена и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрена позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрен сразу понял, что очутился перед людьми куда более значительными. Те, что сидели сейчас перед ним, очень напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная

воля и непреклонность. Джо и ему подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в дальнем конце стола, — он подался навстречу Стормгрену и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрену стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрену. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы и сами знаете, чего мы добиваемся, — певуче продолжал уэльсец.

— Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — единственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрен. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрен.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Не вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрен едва удержался от улыбки.

— Поверьте, — сказал он, — я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но, возможно, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная, решил Стормгрен. Десятки раз он отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, может быть, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа какие-то новые сведения — тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Во всяком случае, Кареллену это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь — если это можно назвать дверью

— опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть, что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Странные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и ему чудится — что-то переменилось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

* * *

Ван Риберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной

Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо представить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Риберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда — небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти Сверхправителей, исчез. Ван Риберг шарил взглядом в вышине, сколько хватал глаз — никакого следа. И вдруг будто средь бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Риберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недосягаемой вышине, это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно

туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, ван Риберг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. И не слышал ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко, — высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но ван Риберг не шевельнулся. Так и стоял, опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

* * *

Стормгрен говорил, а мысль словно работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им отпор, а в то же время брезжит надежда — вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой этот живой

ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую, — покорно сказал он. — Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу — признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать? — холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным. — Я же вам сказал, из комнаты, где я разговариваю с Карелленом, есть только один выход — и оттуда я прямиком попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют, — вслух раздумывал тот. — Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня правильно раз и навсегда, —

вспылил Стормгрен, — Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые появились корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся. — Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверхправителям — как бы это назвать? — доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот запрет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

Пожалуй, я не преувеличиваю, подумал Стормгрен. Случай был из ряду вон, впервые обнаружилось, что Сверхправители не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их

действиям.

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан, по крайней мере это походило на гнев. «Можете, если угодно, убивать друг друга, — заявил он, — это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете убивать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите».

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиниться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны стадиона Плаза де Торо были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда — под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но кое-где поднимались головы, зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехались по местам, и на арену с громким фырканьем вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя

от ужаса, завертелись под седоками, а те пришпоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копье… впилось в цель… и тут раздался звук, какого не слышали доныне на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь потрясены были aficionados[3] — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская «Дэйли миррор» подсыпала соли на раны — предложила испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы, — сказал старый уэльсец. — Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие… по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали, не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы… да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

---

[3] Примечания: 3
Любители, болельщики *(исп.)*.

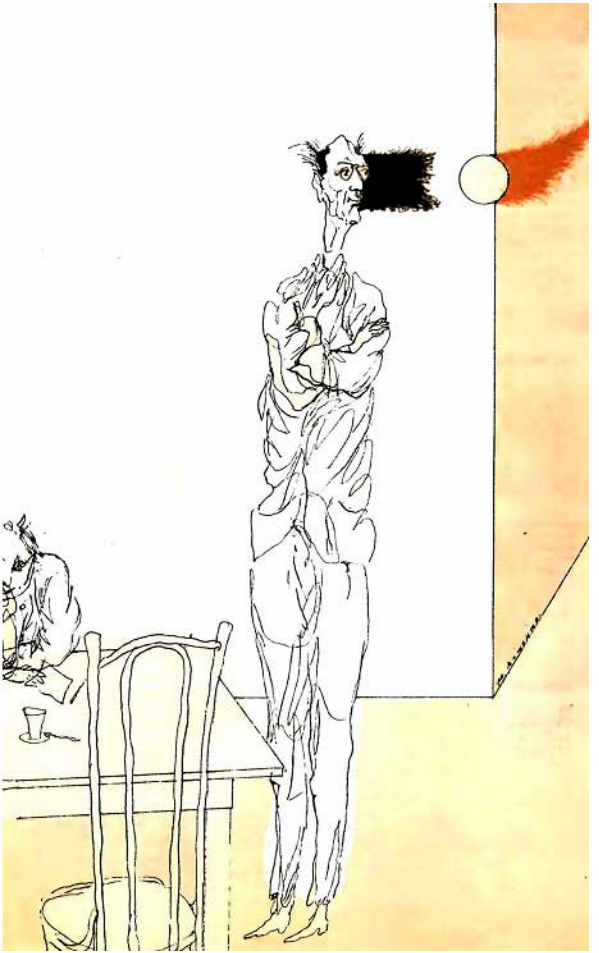
— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и, однако, я стою за Кареллена, — возразил Стормгрен. — Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран, — я и это могу понять. Но в одном вы не правы — бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность, — да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрена не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы приоткрыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрен задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери. И тут в тишину ворвался голос:

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

Стормгрен круто обернулся, уставился в полу-

тьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, совсем гладкий, без единой отметинки шар — несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрен услышал, а может, ему просто почудилось тихое гуденье, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.



— Кареллен! Слава богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете назвать это своего рода параличом, но тут все много сложнее. Их жизнь сейчас течет в тысячи раз медленней обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпущу.

Стормгрен даже изумился, настолько легче стало на душе. Обвел прощальным взглядом подземную комнатку и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда — то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо, — сказал он. — Пожалуй, я оставлю тебе кое-что на память.

Он порылся в клочках бумаги и, наконец, подсчитал свои проигрыши. Потом на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В МАНХЭТТЕНСКИЙ БАНК Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50).

Р. Стормгрен

Он положил записку возле поляка и услышал

голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И пошел к двери, веселый, беззаботный, помолодевший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Кареллену добраться до пленника, скрытого под пластами камня бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо, — сказал шар голосом Кареллена. — Потом повернете налево, а тогда я дам дальнейшие указания.

И Стормгрен в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре, — надо думать, прикрывал отступление.

Через минуту Стормгрен подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора.

— Надо пройти еще полкилометра, — сказал шар. — Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз Стормгрен встречался с шарами

на пути к выходу. Сперва он недоумевал — может быть, робот как-то ухитряется его обгонять; потом догадался — наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода на поверхность застыли неправдоподобной скульптурной группой несколько часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял генерального секретаря ООН к Карелллену.

Стормгрен постоял немного, щурясь от солнца. Потом увидел вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда, к подножью горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. Пожалуй, он очутился где-то в Южной Америке, хотя трудно определить, откуда такое впечатление.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрен окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глуби-

ны души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вас вызволить раньше. Но вы ведь понимаете, очень важно было дождаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы… — захлебнулся Стормгрен. — Вы что же, все время знали, где я? Если б я думал…

— Не торопитесь, — сказал Кареллен, — дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю, — мрачно процедил Стормгрен.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего приманкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами… пожалуй, можно назвать это устройство «следопытом», — стал объяснять Кареллен. — Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но, когда первая машина перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал, как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда, и я изловлю всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь, когда они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым выдадут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, которые действуют в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считанные недели до отставки, — ска-

зал он не вдруг, — но теперь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье, — заметил Стормгрен все еще не без обиды. — А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это — сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока не увидим их.

Кареллен вздохнул.

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него впервые забрезжил некий план. Вспомнились слова человека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы…

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по

собственной воле.

4

Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком непохоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь… или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он непрочь был отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им как приманкой, пускай с наилучшими намерениями, — все равно Стормгрен не склонен был так легко это простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или его подчиненным случится как раз сюда обратить недреманное око своих приборов.

Сначала друзья потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись на спинку кресла, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так чуть не смешались с прядью волос, так что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Два раза он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрен умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает? — спросил он.

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому-то я и пришел сюда, в ваше подземелье. Предполага-

ется, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем друг друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задачка не из легких. Мне это по душе, — сказал он просто. Нагнулся к какому-то ящику, извлек оттуда большой блокнот, Стормгрен таких громадин и не видывал.

— Вот так, — он принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо, собственного изобретения. — Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете про комнату, где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это по-вашему пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота — метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — давайте-ка я вам нарисую.

Стормгрен наскоро набросал чертеж хорошо знакомой комнаты и подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул — вспомнилось, как совсем недавно он проделал то же самое. Что-то сталось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

Дюваль сердито фыркнул.

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление…

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок — светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, время от времени направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шуточке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки,

которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательней кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно разрисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко, — так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного департамента — «Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта». Дюваль — один из примеров, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрену, нацелился в него карандашом.

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелленов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался: экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите — выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Вряд ли Сверхправители пользуются такой грубой техникой, у них, скорей всего, картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Простота — всегда наилучшее решение. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрен так озлился на себя, что минуту — другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрен сам ничего другого и не думал, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так, — если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы, — сказал он, — мне просто надо разбить стекло… Дюваль вздохнул.

— Уж эти мне профаны в науке. Вы что же, воображаете, что такое стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы? А если он благоденствует в

хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрен почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Мне надо все обдумать. Первым делом надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, это будет заметно, особенно если к этому Кареллен привык.

— А что я должен сделать? Пронести потайной рентгеновский аппарат?

Физик усмехнулся.

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся:

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы, — мигом отозвался Стормгрен. — Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили для подполья радиоприемники.

Дюваль не сумел скрыть разочарование.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что я вам еще скажу.

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Как? Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно!

* * *

Стормгрен положил на стол толстую папку с отстуканными на машинке листами и облегченно вздохнул:

Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это своими глазами!

Он сунул бумаги в портфель — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокой-

но проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Кареллен ничего не заметит, но мало ли — вдруг что-нибудь выйдет не так…

— Да, вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости, — продолжал он, с трудом скрывая нетерпение. — Это насчет…?

— Да, — сказал Кареллен. — Несколько часов назад мне сообщили решение.

Что бы это значило, подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда бог весть сколько световых лет их разделяет. Разве что, по теории ван Риберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и компания будут, пожалуй, не совсем довольны, — продолжал Кареллен, — но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда, быстро бы освоились, но не

забывайте, в большинстве люди еще недостаточно образованы, — чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, понадобятся десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности, даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в какой-то мере удовлетворит: через пятьдесят лет — когда у вас сменятся два поколения — мы выйдем из наших кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.

Стормгрен немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его немного врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнить задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрену, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Сожалею, если вас разочаровал, но по край-

ней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрен задохнулся, весь подался вперед:

— Так значит, люди вас когда-то уже видели! — Этого я не говорил, — мгновенно возразил Кареллен. — Ваша планета — не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрена не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Института древней истории. Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете, — упорствовал Стормгрен. — Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, маловероятно.

— По-моему, тоже, — уронил Кареллен. Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрен решился.

— Кареллен, — сказал он резковато, — я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы

одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь выведать ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь, — в ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрен, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать, — сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.

— Сейчас же составлю сообщение, — повторил он, — и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие Карелленa не тоньше, чем у человека. Конечно же, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес те слова — шифр, кото-

рыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

И однако Стормгрен почувствовал себя воришкой, выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

* * *

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен, — сказал ван Риберг. — А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать? — вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль, — сказал он скромно. — Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать?

— Что-то очень сложно, не понял, — сказал Стормгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду, — с жаром продолжал ван Риберг. — По-моему, физически они такие

же люди, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят какие-то воображаемые существа… ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории, — сказал Стормгрен. — Хорошо бы вам нумеровать свои опусы, как сочинения композитора, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно…

И тут доложили о посетителе, и в кабинет вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внимательно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания — мысль эту подсказал Кареллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет, — задумчиво произнес Уэйнрайт. — Долго ждать.

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена, — возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение дает им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку, и притом выбивает почву из-под ног Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция куда слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено, — сказал он с горечью. — Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых; человечество утратит наследие предков.

Слова, пустые слова, подумал Стормгрен. Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них ни умирать, ни драться. И от этого мир станет лучше.

Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия, спросил себя Стормгрен, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Есть недуги, которые может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в

своих заблуждениях.

* * *

— Вот он, ваш портфель, как новенький, — сказал Дюваль.

— Спасибо, — Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель. — Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как мы будем поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму, — сказал он, — почему нам так легко это сошло с рук. Будь я на месте Карел…

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг. Что мы все-таки открыли?

— Ох, уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль. — Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которых наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — спросил Стормгрен, он и сам не ждал, что ему станет любопытна эта чисто техническая задача.

— Н-ну, совсем уж наверняка мы сказать не можем, — нехотя признался Дюваль. — Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Стало быть, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь находится большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на большую мы не решились. И однако вот что мы все же получили.

Он перебросил Стормгрену листок фотобумаги, по которому проходила единственная волнистая линия. В одном месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит,

или кто его знает, как он там располагается, по ту сторону экрана, примерно в двух метрах. Будь разрешающая способность аппарата чуть больше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрен слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен — существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрен ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы представили себе это довольно точно, хотя если и ошиблись на десятую долю, тоже неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего. — Дюваль усмехнулся. — Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика — переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто боль-

шой револьвер или короткостволка с широким раструбом.

Дюваль ухмыльнулся.

— Не так страшно, как кажется. Вам только надо прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожектор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и высветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлексы у него сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, Кареллен всегда обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя — и уж наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа,

Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо.

Если только у Кареллена есть лицо.

* * *

Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и, уж конечно, самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, потому что он знал: как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а всего лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы, — и хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право

же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник. Лига — чрезвычайно полезная организация. Если у нее когда-нибудь возникнут финансовые затруднения, мне, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен слушал, старательно сохраняя вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение представляло для меня большую ценность, но теперь, когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от этого посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрен весь похолодел. Несомненно, Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено и рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка остались бы без ответа, было некогда. Попечитель еще раз переменил тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится так неуловимо, что мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово нас принять. И тогда настанет день, и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрен смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее и представлял себе день, которого ему уже не увидеть, — долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день, — продолжал Кареллен, — люди

испытают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика станет к тому времени устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и когда они нас встретят, мы не покажемся им такими… странными… как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрен не удивился. Он всегда был уверен, что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя; подлинный Кареллен человеку неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые возникло чувство, что по-настоящему Кареллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей, — с такой легкостью шахматист, чемпион игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрен.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть какая-то цель. Может быть, когда-нибудь

мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да, — сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрена странно сжалось сердце.

— Ну, а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случалось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удается?

— Да, — сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрен едва расслышал. — Не все удается и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем… а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застигли Стормгрена врасплох.

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел… быть может, уже поздно! Стормгрен оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — он выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

* * *

Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась только неширокая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрен, несмотря на свои девяносто лет, каждый вечер отправлялся на прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издалека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс, — эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет — и явно направляется сюда, к нему. Стормгрен окинул взглядом полоску берега и понял, что ему не сбежать и не спрятаться. Пожал плечами и опустился на

деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился. Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен, — начал непрошеный гость, — мне очень неловко вас беспокоить, но, может быть, вы согласитесь прокомментировать некое только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом.

— А мне казалось, можете. Сейчас неожиданно всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унесся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли.

Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов, — за ним.

— В этом слухе есть доля истины, — сказал Стормгрен. — Когда я в последний раз поднимался на корабль Кареллена, я прихватил с собой некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный был поступок, но… что ж, мне тогда было всего лишь шестьдесят. — Он тихонько усмехнулся, потом докончил: — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль — фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать… но, в конце концов, осталось только двадцать лет! Да, Кареллен был прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же солгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Никаких сомнений. Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды.

Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе,

что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на склоне лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не решился открыто нарушить запрет неведомых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?), — но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. И Стормгрен знал: тем самым Кареллен доказал, что и вправду к нему привязан. Быть может, это всего лишь привязанность человека к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за свою жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

«Не все удается и нам».

Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потерпел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая была неудача, думал Стормгрен, если громовое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?

И однако Стормгрен знал, второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоюют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Дальше они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отрадно надеяться, что когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

II. Золотой век

5

«Час настал!» — нашептывало радио на сотне языков. «Час настал!» — твердили тысячи газетных заголовков. «Час настал!» — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где

скоро опустится корабль Кареллена.

В небе оставался только один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне громадный флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые сновали взад и вперед, доставляя на Землю грузы из космических далей, были самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Никто не мог понять, как это делалось, но, похоже, они все до единого были только отражением корабля Кареллена. Но не просто миражем, игрой света, ведь и радары тоже обманывались, и еще оставались живые свидетели, которые клялись, что своими ушами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это не имеет значения, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставлять напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — весть мгновенно облетела планету. — Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из разреженных высот стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И послушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей, — в тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, пошла зыбью, точно гладь озера: в ровной блестящей поверхности открылся большой проем. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия появился широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой гладкий спуск, будто горка для спортивных саней, и кажется, обычным способом по ней невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не заметно было ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый голос Кареллена. И произнес он слова самые неожиданные:

— Внизу у трапа есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновенье тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — и в историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздновато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он обладал собственной силой тяготения,

независимой от притяжения Земли. Радуясь чуду и не понимая, что же это поднимает их, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер, — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы, — все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

6

Пятьдесят лет — срок немалый, за эти годы можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всем этим обладали Сверхправители. Хотя конечная цель их и оставалась тайной, но очевидны были и знания — и могущество.

Могущество принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой явной для всех дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач, — сказал когда-то Кареллен Стормгрену, — надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично, — усомнился Стормгрен. — Слишком напоминает известное изречение «Кто силен, тот и прав». У нас в про-

шлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попробует восстать против меня. Весьма бестолково было бы ответить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы. Пусти я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Энергии для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика, — и примерно такое же уменье, чтобы ею управлять. Ибо важно не сколько энергии пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал что-то неумолчно шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ

отнюдь не жестокий. И однако, в конечном счете, столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю, — сказал Стормгрен. — И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои… э — э… аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них был не призрак. Однако самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считал себя ничуть не суеверным, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу. Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху средневековья люди верили в дьявола и страшились его. Но теперь уже двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ибо в исторических источниках не сохранилось никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали свой единственный корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами, предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом и остаются на свету считанные секунды. А когда нужно пробыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, однако иногда носят с собой что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому до-

водилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в некоторых случаях до крайности скрытны. Но все это заботит одних лишь ученых. А рядовой землянин если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты и страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых людей не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения,

стали бесполезны — и их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли совершенно изменилась. Производство стало почти полностью автоматическим: заводы — роботы нескончаемым потоком дают все необходимое для повседневной жизни — и все это даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши, — или не работают совсем.

Мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знали, что им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок, — урок усвоен был прочно.

Еще совершаются преступления в порыве стра-

сти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, что были мучительно неразрешимы, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена: не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медлительней, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. А потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живется куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все остальные, — что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они дольше учатся, и познания их основательней, глубже. Мало кто кончает колледж раньше двадцати — и это лишь первая ступень образования, обычно человек по крайней мере года на три возвращается к ученью в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив,

время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

Оттого что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области mores[4] когда-либо строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство: довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни

---

[4] Примечания: 4
Нравы *(лат.)*.

— необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дороги прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флаера или аэромобиля, каким располагал каждый, не было ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты старинных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владели только Сверхправители. В аэромобилях людей действовали силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме, с ограничением высоты, вел флаер вперед и поддерживал в воздухе, и эти вездесущие воздухолетики стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде постепенно развеивались, по мере того как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Кареллена нередко спрашивали, как он относится к религии, но он только и отвечал, что вера личное дело каждого человека, лишь бы он не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования продержались бы еще у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, такие вопросы ему надоели, а скорее он прекрасно понимал, к чему поведет его великодушие…

Аппарат, который он передал Институту всемирной истории, представлял собою просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно

быть, он был так или иначе связан с несравнимо более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не мог. На Земле ученый просто нажимал нужные клавиши — и распахивалось окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывалось едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое аппарат не погружался, настроенный на более ранние века экран зиял непонятной пустотой. Возможно, на то была какая-то естественная причина, а возможно. Сверхправители умышленно не позволяли узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что все вероучения не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь: неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно но не более того. В несколько дней несчетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгих два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бес-

страстном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов и уже настолько повзрослело, что не нуждалось в новых.

Пока мало кто понимал, что наряду с крушением веры приходила в упадок наука. Процветали техника и технология, но наперечет были своеобычные умы, которые пытались раздвинуть границы человеческого знания. Оставалось любопытство, хватало досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых Сверхправителями много веков назад.

Этот упадок был не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете стольких любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А при том, что исчезла борьба, угасли раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей, и профессионалов, но за целое поко-

ление не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще жил былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожило, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивалось новообретенной свободой, радовалось сиюминутными радостями и дальше не заглядывало. Наконец-то вот она, Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей было в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок — целая человеческая жизнь, — но и сейчас, как тогда, никто не знал, зачем они явились. Человечество привыкло им верить и уже не задавалось вопросом, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находились люди, которые спрашивали себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

7

Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем, вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы весьма внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шенбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа и еще Салливены, живущие в общем-то по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. И немало чести делает Руперту, что, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока, — примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы — просто потому, что забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на двадцать четыре часа.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флаеров, и тем, кто явится последним, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, когда по Фаренгейту сто

десять, путь покажется долгим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных «букашек» до семейных «кадиллаков», похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом, — сказала Джин Моррел, когда «метеор» по спирали начал снижаться. — Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону свойственна была старомодная неприязнь к автоматической посадке, и прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения едва ли можно судить о доме, — справедливо заметил он. — С земли он, наверно, выглядит совсем по-другому. О господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну, так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта — всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уве-

ренно повел флаер вниз. Они плавно опустились между другим «метеором» и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это, как будто, по закону не полагается.

Они вышли из «метеора», и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось, что у него уже трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад они вылетели с Аляски и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух. — Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно, управляют, — сказал Джордж. — Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну, идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их «метеора», протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что

был примерно трех с половиной метров ростом; к тому же он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — воскликнул Джордж и попробовал ухватить бокалы, до которых только-только сумел дотянуться. Рука, разумеется, прошла насквозь. — Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойся! — засмеялся Руперт. — Давай заказывай, когда придете, все будет наготове.

— Две солидные порции пива, охлажденного в жидком воздухе, — мигом распорядился Джордж. — Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал какую-то невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин. — Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, чего захотел? — возразил Джордж. — Для него это самая подходящая игрушка. Сиди уютно у себя в кабинете и при этом

обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и еще холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хотелось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она под пенье фанфар автоматически распахнулась. Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар, подумала Джин, и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По правде сказать, из-за нее-то и собралось такое множество гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина. Поистине другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильные античные черты; длинные волосы отливают вороненой сталью. Только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом «шоколадный», выдает ее смешанное происхож-

дение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — она протянула руку. — Очень рада с вами познакомиться. Руперт там что-то мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень… очень приятно, — пролепетал он. — Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт всегда устраивает очень милые приемы, — вставила Джин.

«Всегда» прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного покраснел, бросил на Джин укоризненный взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она приветливо ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта. Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на пульт управления, — очевидно, через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз и старался поразить этим еще дво-

их, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощенья: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно, — договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата. — Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете. Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили, — сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке. Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку, — сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым. — Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому… Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж опять быстро стал самим собой. Дом казался чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно посторонних. Он двухэтажный, верхний этаж много больше, так что выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось, — сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружком в Австралии, — возразил Джордж, он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, и Джин переменила разговор:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй, — равнодушно сказал он. — Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся, — премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая, — усмехнулся

Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам. — Пойдем посмотрим библиотеку. По-твоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано: жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй — для игр и развлечений… хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну, какая-нибудь причина да есть, — Джордж наугад отворил еще одну дверь. — У Руперта наверняка были опытные советчики. Уж конечно, он сам не додумался бы до такой планировки.

— Это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну, вот и пришли, — объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки. — Прославленная коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды книжных полок рассекали ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что

когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и прочих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, попыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксуса, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще…

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этом-то уголке Руперт обычно и проводил время за чтением. И сейчас при странно тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречаться в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не обеспокоили, сэр, — веж-

ливо сказал он. — Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил…

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Это нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя существо, способное одновременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшновато.

— Меня зовут Рашаверак, — любезно сказал Сверхправитель. — Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин не без труда сдержала нервический смешок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой, заметила она: по странице за две секунды. И уже конечно впитывает каждое слово, а может быть, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых… Воображение нарисовало ей до того забавную картинку, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но никогда Джордж не слыхал, чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке. Но, пожалуй, в этом доме и сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же в распоряжении Руперта оказался и аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо будет поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу, — видно, ему и без подушек удобно, они валяются рядом. Итак, голова его оказалась всего в двух метрах над полом, единственный в своем роде случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, но даже по-своему приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось

Джорджу, — остается надеяться на лучшее.

На вид в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители показались крылатыми людьми, отсюда и возник привычный портрет Дьявола. Однако вблизи ясно что сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они служат?) в точности такие, как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции. Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным: возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост — точь-в-точь бронированный пожарный шланг — аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает не столько наконечник стрелы, как большой плоский алмаз. Сейчас уже никто не сомневается, что его назначение, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие при полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые полагают, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и

очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы исчезли, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я, — сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. Джордж от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось сутулиться; ясное дело, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко.

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С появлением Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной

великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю, — крикнул Руперт.

— Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, будто ледокол, прокладывающий себе путь во льдах. Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил… Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях. А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и ужасно бестактный. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— Ну к примеру, — а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет. Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбер-

геры, и почти сразу пары распались. Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради бога, никому не проболтайся, — сказал он, — Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей.

— По-моему, Руперт ее не стоит, — с завистью сказал Джордж. — Но это, конечно, не надолго. Он ей очень быстро надоест.

(Эта мысль его заметно подбодрила.)

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости редко стягивались к единому центру — обычно они распадались на полдюжины кружков, поглощенных самыми разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак

ее почти затмил.

— Слушай, — сказал Джордж, куснув сандвич, — как это Руперт ухитрился залучить к себе Сверхправителя? Я никогда еще о таком не слыхал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся:

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но в конце концов, это ведь не первый случай. Кареллен бывал на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и…

— Это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек, ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу, — сказал Джордж. — Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Рашаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описы-

вал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают, — говорил он. — Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса.

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал, — сказал он. — Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания, только не надо подходить к ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое, — беспечно отозвался Салливен. — Я стараюсь не повредить

им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну, а если что, включаю двигатели на полную мощность и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подумал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам — в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кинорежиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа — сценаристов телевидения — не видно ни одного, и слава богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит — так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на

кухне, где тот колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор — просто жаль возвращать человека на грешную землю… но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт, — начал он, усаживаясь на край ближайшего стола. — По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— М-м, — Руперт задумчиво просмаковал глоток. — Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не увиливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, ты трезвый, как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем и чем он тут занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было — ну да, вы же сбежали в библиотеку. — Он довольно обидно усмехнулся. — Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну… Сверхправители такие знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотекарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читают здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами.

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но, даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая

ты личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия!

— Да, пожалуй, — не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж. — Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то связано со зверьем?

— Правильно. Я сверхветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незачем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро

настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обозреваю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влезаю в свой флаер и надеюсь, что больной оценит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься.

— Руперт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри не перепутай.

* * *

Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться

сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лесенке, огибающей трубу кондиционера. Лесенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее конце стоял флаер Руперта, посередине разбит был сад, уже заметно запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где, за пять километров отсюда, лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй, не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламенеют облака, через считанные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью, едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поис-

кал глазами Южный крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, узнавал лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. Хватит с меня свежего воздуха, подумал Джордж. Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки.

Он шагнул к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это.

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету, — предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой — и при свете ее огонька узнал пришедшего: этого поразительно красивого негра ему назвали, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое… и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто не знакомы, но вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих, — заметил Джордж. — Я никогда еще не встречался вот так на вечеринках со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слы-

шал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

8

Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог, — не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло, — был бы еще меньше доволен жизнью, родись он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжкой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реакция, которая в начале XXI века породила у негров некоторое чувство соб-

ственного превосходства, миновала. Обиходное словечко «черный» уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде «республиканец» или «методист», «консерватор» или «либерал».

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть — в возрасте всего сорока пяти лет — ускорило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала вовсю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованной теории вероятности. Вполне в духе XXI века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семействами отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить

неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаши.

Яну минуло двадцать семь и предстояло еще несколько лет ученья, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его специальность — астрономия. Поработать придется изрядно, но работа его не пугает. Притом он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножья Столовой горы, — больше нигде во всем мире не получишь высшее образование в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, и однако он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще ясней стало, в чем беда его, Яна.

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии, — будто каждому человеку дается в жизни

только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований, — что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров. У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко — тем острей боль от того, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять…

Ну, конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: «Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!». Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимей, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор как покорен был воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану

космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели простое совпадение? — дверь, открывающую выход к планетам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромно оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели несравненно более совершенные, а в чем тут секрет — они не обмолвились ни словом.

Несколько сот человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек — все еще пленник своей пла-

неты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Всходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали с нее уже лет семьдесят с лишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно различить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на мили протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает, это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видал, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил другую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрей. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась из глаз. А через мгновенье возникла вновь — еще ярче, еще стремительней. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал, сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал, то, что он сейчас видит, — ни много ни мало, свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной, точно карандаш, линзы словно бы движется медленней, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал, сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки

научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина — это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, но — которая, возле какого из тысячи светил, что находятся в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след — и этот маяк не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться и чего-то желать.

* * *

Прием закончился. За немногими исключениями, гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный, — у него хватило ума свалиться без памяти, прежде чем пришлось бы применить к нему силу. Его не слишком бережно

вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он хотел вернуться домой. Ему совсем не нравилась дружба между Джин и Рупертом, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий и уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством, но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то все еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось от того, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно, Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно, — в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом, — гордо заявил Руперт. — Самое главное — свести на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдце тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать что-нибудь по-

лучше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь… Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долю секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой. (Уж не на Земле ли они этому выучились? — подумал Джордж.)

— Нет, спасибо, — сказал он. — Предпочитаю смотреть со стороны. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж… если передумаете, времени у нас вдоволь.

Ой ли? — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному, безупречно круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку, под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков. Скатиться им не давал чуть приподнятый бортик, Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек, этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола, откуда-то снизу Руперт вытащил диск сантиметров десяти в поперечнике и положил на блестящие шарики.

— Ну вот, — сказал он. — Довольно тронуть диск

пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем безо всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти и с двух сторон, точно друг против друга, начерчены две карточки со словами «да» и «нет».

— По-моему, все это просто шаманство — пробормотал Джордж. — Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной точки зрения. Он человек непредубежденный, но не легковерный. А вот Джин… она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж сообразил, что его слова относятся и к Рашаверак у. Он беспокойно оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Разумеется, это

ровно ничего не доказывало.

Итак, они разместились вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке сидели Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно сострил, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так, — начал Руперт. — Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Лично я думаю, что причины тут чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движение, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов — и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-либо из участников мог знать или угадать, хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако мне хочется провести сегодня опыт при несколько… э-э… особых обстоятельствах.

Особое Обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, не равнодушно. Что-то Рашаверак на самом деле думает об этих фокусах, спросил себя Джордж. Может быть, он

сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин раскраснелась и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт. — Отлично. — Он внушительно помедлил, потом, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа чуть дрогнул. Ничего удивительного, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры восемь и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. — И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять-пятнадцать, но иногда…

— Тс-с! — выдохнула Джин.

Диск двигался. Он описывал широкую дугу между карточками «да» и «нет». Джордж с трудом подавил смешок. Допустим, ответ будет «нет» — что это докажет? Вспомнился старый анекдот

про негра, залезшего в курятник: «Тут никого нет, хозяин, одни мы, куры»...

Но ответ оказался «да». И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт. На сей раз ответ последовал без запинки. Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал у Джорджа из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам.

— ЯЭТОВСЕ, — вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все, — повторил Руперт. — Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Вероятно, это значит, что здесь только и присутствует совокупность наших сознаний.

Руперт минуту помолчал, видимо, обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет, — сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола.

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь? — с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между «да» и «нет».

— Глупый вопрос, — упрекнул Руперт. — Понятно же, что где-то пройдут дожди, а в других местах будет ясная погода. Не задавайте вопросов, которые требуют двусмысленных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет? — спросила Майя.

— Голубой, — был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает, — заметил Джордж. — По крайней мере троим из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут? — спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за сто-

лом.

— Ничего я не знал, — возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память, — пробормотал Руперт. — Так бывает часто. Но может быть, кто-нибудь задаст вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, объясняется это никакими не сверхъестественными причинами; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения их же мышц. Но уже и это удивительно и заставляет задуматься: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попытался сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного «Д», — но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, совершенно ясно, что один человек не может управлять диском — остальные в кругу это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причуд-

ливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидев начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой даже весь ответ выглядел невнятицей — ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого у Джорджа возникло жутковатое чувство, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же он не видел решающего, окончательного доказательства ни за, ни против. Ответы так обыденны, так двусмысленны. Как, например, прикажете понимать следующее:

ВЕРЬТЕ В ЧЕЛОВЕКА ПРИРОДА С ВАМИ

Но порой угадывалась какая-то глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕ ЧЕЛОВЕК НЕ ОДИН РЯДОМ С ЧЕЛОВЕКОМ ОБИТАЮТ ДРУГИЕ.

Впрочем, это же все известно… хотя, почем знать, может быть, тут подразумеваются не толь-

ко Сверхправители?

Джорджа теперь отчаянно клонило ко сну. Давно уже пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать. Майя и Руперт сидят как в тумане, а Джин… да, Джин с самого начала отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно — и страшно, что будет дальше.

Остается один Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина, подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает заурядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос и на этом кончим, — сказал он. — Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного, неподвижного Рашаверака и спросил звонко,

отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя остались безучастны. Джин сидит с закрытыми глазами, похоже, уснула. Рашаверак наклонился, поверх Рупертова плеча заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер на месте, настало короткое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь. Джин, кажется, в обмороке.

9

— Расскажи мне подробнее про этого Бойса, — сказал Кареллен.

Понятно, Сверхправитель не изъяснялся именно этими словами, и мысли, им высказанные,

были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы короткий взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось уже немало записей такой речи, по расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да еще эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоит только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрей и с куда большим удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки — и великолепная

картина померкла, только еще мгновенье взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс личность своеобразная, — отвечал ему Рашаверак. — По профессии он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям, — разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что это ему необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкали к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение… хотя в конце концов его, вероятно, растерзают. Ну и, понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивей?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжкое испытание.

— Могу себе представить, — сухо сказал Карелллен. — Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интере-

суешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс на редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет — судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, не может она сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно — его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой, да еще моим присутствием.

При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика, он — секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет. По-твоему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то, — сказал Кареллен. — Но полной уверенности нет. Люди на удивленье изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и в дальнейшем за

мистером Родриксом стоит последить. Я это еще обдумаю.

* * *

Руперт Бойс так и не понял, что же в конце концов произошло. Когда гости разошлись — менее шумно и оживленно, чем всегда, — он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное, — может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя… Руперта даже взяла досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато подумал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, Руперт все-таки что-то предпринял бы, найдись последний листок из блокнота Рут, — но в суматохе он пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну, а Рашаверака в пропаже не

упрекнешь… И никто не помнил точно, что же там было написано, только и помнили — какая-то бессмыслица…

* * *

Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он ужас, испытанный в минуту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась, это уже не просто забавная спутница; его мгновенно захлестнули любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно) — и мужчины неизменно отзывались на это, как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эту минуту решился едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих

чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флаером тьма, над головой — звезды. Джордж понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели, — пожаловалась она и стала растирать пальцы. — Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего… какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суети-

тесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов…

Она помедлила — и решила, не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит, пожалуй, расстроишь его еще сильней, а то и вовсе отпугнешь.

— Что «в конце концов»? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель. Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они все делают, как считают лучше для нас. А только чего им на самом деле надо?

Джордж неуверенно пожал плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня, — сказал он. — Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут — по совести говоря, меня любопытство не разбирает. И у меня сейчас, знаешь ли, другое на уме. — Он наклонился к Джин, стиснул ее руки. — Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор… ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять, — сказала она.

* * *

Ян не торопился. Спеха никакого нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина хорошо его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея захватывает еще сильней, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшней, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважитель-

ная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упускать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал, на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а остальное время потолкует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — и в сто раз больше машин. Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и самая система международной торговли стала иная. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть,

она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих областях с ним не может соперничать ни одна столица континента — даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинуты несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги, — их выдворили за город. Но здание парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайтхолл; и купол собора св. Павла все еще высится на Ладгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше.

И как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами студентами остановился в одном из университетских общежитии. Район Блумсбсри за последнее столетие тоже не переменился: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже

не стоят впритык друг к другу и не тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные ему комнаты.

Какой-то остроумец администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что

требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами с миллионами данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь, невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал, хотелось избежать встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, но теперь это уже не важно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, правда ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам

этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный всеобщий систематический атлас был составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот третий факт стал ему ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому доныне источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за столом, но это неважно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться, произвести кое-какие несложные расчеты — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра, понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

10

Человечество все еще нежилось, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет больше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: довольно повернуть некий диск — и перед глазами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозорливых инструментов

изрядно перепугало законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считанными аппаратами, переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелепо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фотоэлементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить

план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богатому и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные области, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу немногим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак — что иные смельчаки готовы

рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вызволяют. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на это хватает и времени, и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека XXI века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспор-

те, продавцов, кассиров и всех прочих, кто, если рассуждать с точки зрения мирового хозяйства, только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям, так, исчез профессиональный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсменов-любителей, и при новых экономических условиях прежняя система безнадежно устарела.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреной и попросту не поняли. Как-никак, прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди

все еще находят время опять и опять задаваться извечным вопросом, на который нет ответа:

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

11

Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся.

— Страшноватая мысль, но я подозреваю,

что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел Homo Sapiens. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав, — преспокойно отозвался Руперт. — Это было бы несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян. — Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашавераку?

Минуту-другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой.

— М-м… нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашаверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян. — Право же, это плохо сочетается — в науке

Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя — уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашаверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь, нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашаверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну, но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашавераком Руперт, пожалуй, проболтается — чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат, — неожиданно сказал Руперт. — Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей — спермацетового кита и гигантского спрута. И притом в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это будет картинка!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероят-

ная мысль, нельзя же думать о таком серьезно. И однако… как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится…

— Что с тобой? — встревожился Руперт. — Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего, — сказал он. — Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту махину внутрь.

— Так я и думал, — сказал Ян.

* * *

Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственный.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведо-

мого, как все, что он, может быть, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы, оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще неизведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал, он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывущих в небе облаков…

Видно было очень мало, локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха,

в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться, — сказал пилот.

Он пробежал пальцами по переключателям, двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного, — заметил пилот, оглядев все свои приборы.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Все они сливались в сплошной однообразный шум. Ян знал, это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь, — только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал… прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете…

Дикий вопль прорезал зыблющуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой, и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад… пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я-то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит, мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гость!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной, немыслимой пастью. Видно, и сама большущая, впрочем, Ян уже знает, о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабр у рыбины свисает длинный ус, на конце его — непонятное расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете, —

сказал пилот. — Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — завлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Смотри, сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги, — и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивленье мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрестанный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно

смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные бурями склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел, это — пограничная стража просторной равнины, которая раскинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое. Потом понял — они приближаются к подводной горе, выступающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливей: на близком расстоянии локаторы работали лучше и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла зловещего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянно бьющую-

ся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли, — сказал пилот. — Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножья горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножники и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с которого смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер, — невозмутимо сказал пилот. — Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской.

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория — к Эс-два. Ладно, пришвартовывайтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье — это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал «давление уравнено», люки отворились — доступ в глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении — оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во многие тонны на квадратный сан-

тиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с, — промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа, — как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает, — ответил Ян. — Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну, тогда, конечно, ему тут было бы неуютно, ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами.

— Это же все равно, как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию, — сказал он, — но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью? — Он необидно усмехнулся. — Признаться, никогда

не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал, надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно.

Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он безусловно не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен, — начал Ян, — вот вы стремитесь изучать океан, а допустим. Сверхправители не дают вам даже подходить к нему, — что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол, как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один пре-

красный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен. — А рассуждать буду потом.

Клюет! — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он. — Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу…

12

В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны;

в сущности, он был словно генерал, ведущий нескончаемую войну с не ведающим усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал, рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни да ни нет, но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке, он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого, конечно, вдвойне соблазнительный случай — по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался — и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже

если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь — времени в запасе достаточно, — он начал приводить свои дела в порядок.

* * *

«Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его полу-

чишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие, отправляюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь уже так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, мало вероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще на их взгляд едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни побывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытать счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины

быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та девушка, забыл, как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был «НГС 549672». Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашаверака? Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно, пускай секрет раскроют люди вроде Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения — и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли

Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А это значит, что они располагают такой системой движителей, которая действует равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющило бы в лепешку. Любопытно, чего ради они прибегают к таким чудовищным ускорениям, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость безо всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда прибли-

жаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, основанные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. Я знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что с тех пор, как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и ясней себе это представишь. Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно на Землю, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда…

Ты ведь знаешь, меня мало что привязывает к

Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя с тех пор, как умер отец, я пытался многое оправдать… ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с ученьем и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибается, так не повторит ошибку. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трою? В Ветхом завете есть одна история, там сходства еще больше…»

* * *

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе, — сказал Салливен. — Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водо-

провод и канализация. Но вам понадобится много еды, и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбины.

— Надеюсь, кислород не так уж необходим, — сказал Ян. — Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. А задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул.

— Да, наркосамин надежен и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный как волк и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал, — немного обиделся Ян. — Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью, — продолжал Салливен, — все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и оборудовать что надо в нашей мастерской можно за считанные недели. А если вы передумаете…

— Не передумаю, — сказал Ян.

* * *

«…Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по

корабельному времени, не забудь, — путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планету Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, на следующем же корабле меня отошлют домой… но, надо полагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну, а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем честны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками — пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат Ян».

13

Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы, окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да, — сказал Салливен на вопрос Яна, — мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве авиастроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимает другое. Он внимательно оглядывает громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи, — Салливен ее окрестил «гроб с кондиционированным воздухом». Сразу же ясно: об одном можно не беспокоиться, места хватит. Тут разместилась бы добрая дюжина «зайцев».

— Похоже, каркас почти закончен, — сказал

Ян. — А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, куда разумней было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в натуральную величину мастерить самим на своей планете. Но может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам…

* * *

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались голово-

ломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли остров Пасхи. Каменный король, бог или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреду. И однако это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо…

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых мясистых извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на

шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда — кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неутомимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полуметр в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор уставились на палача, хотя скорее всего во тьме океанской пучины противники и не могут видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров, окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами, остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются, ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу.

— Я здесь, Билл. Что случилось? Тот, явно довольный, протянул листок радиограммы.

— Приятная новость, профессор. Нам оказы-

вают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

* * *

Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. Что-то он сейчас думает, стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признаков подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорей убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных, — сказал Кареллен. — Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую композицию. Моим… э-э… соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том, что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь о размерах, суше с морем не сравниться.

Совершенно верно, подумал Салливен. И, по-моему, это новость, никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дери, будет очень интересно.

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом. И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии, — сказал он, — есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю, — осторожно отвечал Салливен, —

это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно, — заметил Кареллен. Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

* * *

— Знай я, какое это будет испытание, — сказал профессор Салливен, — я вышвырнул бы вас за дверь, как только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прошу извинить, — отозвался Ян. — Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости, — пробурчал Салливен. — Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощанье отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь страшно — быть может, он стал пособником усложненного самоубийства.

Он придерживал лестницу, Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. Что же я сделал, думал он, и к чему это приведет? Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете

Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздушного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней назад. Но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжанье электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал, в этой келье он ничего не ощутит, — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравновешиваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит два-три *g*. И «заказчики» заверили его, что на этот счет опасаться

нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это неважно, ведь полые чучела могут «дышать» несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выравнять давление, и скорее всего дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедленны, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продолжается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась

миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слыхал, как закрылись люки, чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услыхал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию.

И не почувствовал межзвездного полета.

14

На еженедельных пресс-конференциях зал всегда бывал полон, но сегодня народу набилось битком, в такой тесноте репортеры насилу ухитрялись записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими

орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш — и, подумать только, на стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала…

И, что еще несправедливей и обиднее, сам-то Кареллен записывал пресс-конференцию с начала и до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное, —

а это бывает раза два-три в год — в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь было тусклое — несомненно, так слабо светило неведомое далекое солнце Сверхправителей — и Попечитель Земли сейчас был без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным «Доброе утро всем» и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: «Три газетчика, милорд, и джентльмен из „Таймса“». Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из «Таймса» улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, госпо-

дин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправителей — застывшие маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. На щеках — если эти точно из гранита высеченные рифленые изгибы можно назвать щеками — по дыхательной щели, из щелей с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков, колеблющихся то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Карелленова дыхания. Предполагалось, что они как фильтры предохраняют от пыли, и на этой шаткой основе строились сложные теории об атмосфере планеты Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас кое-какие новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется «заяц».

Сотня карандашей замерла в воздухе; сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали «заяц», господин Попечитель? — переспросил Голд. — Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. Может быть Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей? — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну, а каким образом он улетел с Земли, не столь важно, — продолжал Попечитель. — Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком? — настаивал Голд. — Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился,

ему будет неуютно, слишком... э-э... чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз — извините за не совсем лестное сравнение, — как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи! — запротестовал корреспондент «Геральд трибюн». — Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены? — очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен. — Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попро-

бовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромна… и смертельна.

(— Эге, — шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-би-си, — нам повезло. Сейчас он сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.)

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел, — раздался в темноте голос Кареллена. — Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на соб-

ственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир, человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи. Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пятидесяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась. Звезды неслись мимо, вспыхивали, пропадали из глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось бог весть сколько миров…

— В одной только нашей Галактике восемьдесят тысяч миллионов звезд, — негромко продолжал Кареллен. — И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебрать и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего

развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд, — от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы Галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти, — пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов.

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вы, возможно, когда-нибудь овладеете. Но звезды — не для человека.

* * *

«ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, щадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению, — обязанность нерадостная. Он

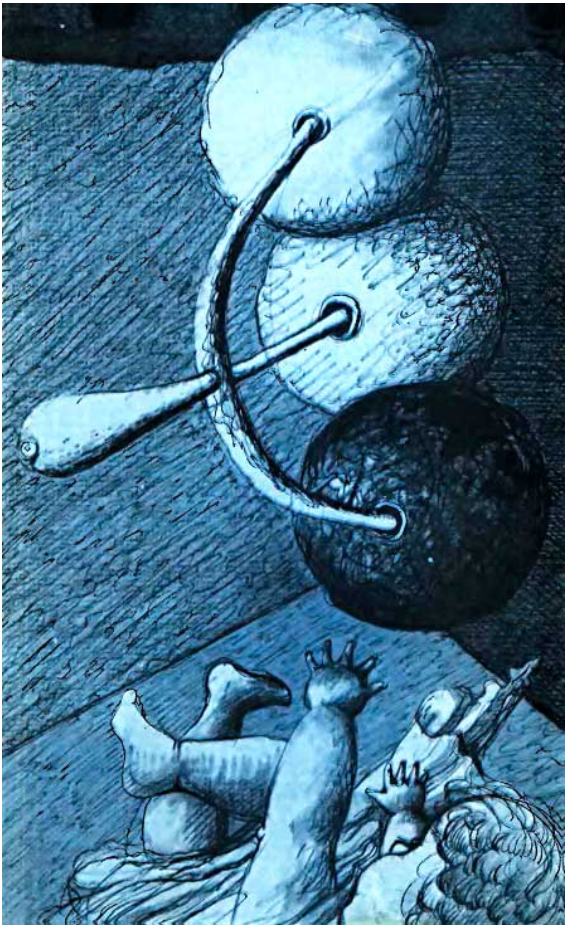
думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливей, чем любое другое разумное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени… и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стенания надвигающихся зимних вьюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

III. Последнее поколение

15



— Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол. Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь возмутительный абзац, силясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмелься она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем, — огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца.

— Перечитай-ка еще раз.

— «Особенно радовали глаз нежно-зеленые пастельные тона задника в балетной сцене». Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился этого голубого оттенка! А что получилось? То ли какой-то болван-осветитель перепутал цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор-дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э… не помню, — призналась Джин. — Тогда как раз запищала Пупса и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А, — только и уронил Джордж. Ясно было, втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным. — Я нашел новое определение для телевизора, — пробормотал Джордж. — Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну, и что ты будешь с этим делать? — спросила Джин. — Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась. — По-моему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю,

что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры, ты сильно…

— Не говори глупостей! Все это басни. В Колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески. Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста, — сказала Джин. — Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут, — сказал Джордж. — Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

* * *

— Как вы видели при подлете, наша Колония расположена на двух островах, их соединяет дамба, — сказал малорослый человечек с дру-

гого конца веранды. — Этот — Афины, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки. — Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле. — Кстати, Спарта — это потухший вулкан. По крайней мере геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь. Колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг культуры, сохраняющий традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезнейшие исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах, не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население Колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет Совет из восьми директоров, они представляют Производство, Энергетику, Общественное устройство. Искусство, Эконо-

мику, Науку, Спорт и Философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди каждый из директоров в течение года.

Сейчас в Колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного не достает до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добровольцев. И, понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители уничтожили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот

часов — вы об этом задумывались? Если вовсе не спать и ничем другим не заниматься, все равно уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой — все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас в среднем каждый просиживает перед экраном по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. Больше того, это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превосходный симфонический оркестр, вероятно, один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово. Обычно те, кто хочет вступить в Колонию, сначала гостят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов, это, в сущности, глав-

ная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне Колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа, он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, пока отступление не отрезано, ей незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта Колония — занятное место, и уж конечно, не такая это сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов только это и важно.

* * *

Через полтора месяца они переехали в Колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стряпню, уборку и прочее, — по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Впрочем, ее несколько обеспокоило открытие, что тут есть кухня. Обычно в местах, где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется, хватили через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Однако до этого все-таки не дошло: между автоматической мойкой и радарной плитой прялки не оказалось…

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, было очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это пре-

вращение. Уже сейчас (Джин пока об этом не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну и поглядела на Колонию. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана, по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, подчас пугает Джин, слишком он непохож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист, устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестил о прибытии мужнина велосипеда. Скоро ли они оба научатся ездить как следует, подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни.

Колонистам не разрешено обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и нужды нет — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики, санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах — и от аварий и смерти под колесами.

Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба. — На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подобает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу «Назад к Мафусаилу». На

мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да, — сказал он, — недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала горевать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

* * *

Новые Афины возникли и развивались не так естественно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство Колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований, тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели Колонии почти не сомнева-

лись, что Кареллен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаивало, как можно бы предполагать. Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что Колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове Колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, Колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать

ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми, кто разделяет его склонности и интересы, — и еще с двумя-тремя процентами остальных колонистов.

Начало Колонии положил некий новый Моисей. И подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — Колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелей, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Саломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества,

однако с тревогой гадал, какова же конечная цель Попечителя. Быть может, думалось ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители по сути не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Саломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само собой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовались двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как богат стал мир. За первые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Саломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликалось скорее некоторое честолюбие, творческое «я» каждого. Но, когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители Колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но, если взять достаточно человек из основных категорий, начинают проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее число смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности, впервые их уловили в начале XX века математики — Винер, Рашавески. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость

общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее, поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию кривых и заявить безоговорочно: «Когда будет достигнута эта линия, начнется война». И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности — к примеру, убийство важнейшего политического деятеля или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план Колонии.

Но и при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения,

которое они жаждали взлелеять, — быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Саломон: «Мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться». Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения. Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоретиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет время. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю

Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекающему. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни Колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать «протяженностью времени». Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию, — и каков самый долгий, который не успевает наскучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачней оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению побор-

ников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что создала меньше всего. Эти люди добивались «полного слияния». Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и наконец синерама шаг за шагом приближали старинные «движущиеся картинки» к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать решительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только человека, но любого живого существа. И когда «программа» кончится, у зрителя останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле, — по-

просту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется…

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

16

Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял Колонию. Его околдовало море, до которого, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считанные километры. Почти всю свою короткую жизнь

Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг — вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, в компании сверстников отправлялся на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться, как угодно, при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен, Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дождаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, и лишь

тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень мила, но, право же, в доме можно обойтись и без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в Колонии. Да и неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кроватки и еще даже не подозревала, что за этими стенками существует какая-то Колония.

* * *

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, слишком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно согласились обходить тот случай молчанием, и ни разу больше не навещали Бойсов, которые опять и опять их приглашали. По несколько раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и под конец он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему удивлению, все

еще оставался прочным и счастливым.

После того вечера у Джин пропала всякая охота соваться в догадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай ее убедил, и она не нуждалась в дальнейших доказательствах — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, и все же иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Он вспоминал встречу с Яном Родриксом на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая, научно установленная истина: почти десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот ныне невообразимо далекий странник с тех пор стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит,

как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгороженной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

* * *

— Как так получается, — пожаловался Джордж, — когда уж я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было

невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф отправился с приятелями на Спарту, — ответила Джин мужу. — Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать, — в раздумье сказал Джордж, — но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне, чересчур была хитра. Джин уже собралась было ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взвыла сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

* * *

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпохи,

но истерзанные скалы так и не примирились с новым своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы были сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательней? Никогда не угадать заранее, какие чудо-существа укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный, ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска, он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине около десяти метров покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся

навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовали эти древние останки, но надежда найти неведомые сокровища так и не сбылась. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встряхнуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему просто почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь кругом ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего. А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном — нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира могут сейчас открыться. А лагуна стала совсем мелкой, мачта затонувшей шхуны уже торчала над водой и поднималась все выше, и водоросли на ней, лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорей, скорей, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это, босые ноги медленно погружались в мокрый песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыбина, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки, и журчащие и сосущие, словно река устремилась в узкое ущелье. То был гневный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пусть ненадолго, пространства, которыми владел по праву. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагуны в необъятность Тихого океана миллионы тонн воды.

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

* * *

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, заброшенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж

испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добраться до Афин вплавь и доплыл бы, наверно, без особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Те части Афин, что расположены были невысоко над уровнем моря, сильно пострадали, но ни один человек не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за пятнадцать минут до катастрофы, но этих считанных минут хватило — все успели уйти на высоту, где волна им уже не грозила. Теперь Колония зализывала раны и собирала воедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери. Джин расплакалась, она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей брызжущей вспененной громадой придавила подножье Спарты. Невозможно

было представить, как успел бы Джеф достичь безопасного места.

Неудивительно, что он не сумел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем уселись подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было, — сказала Джин. — Все страшное позади.

— Но я не так уж испугался, — запротестовал Джеф. — Было очень занятно.

— Вот и хорошо, — сказал Джордж. — Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне и раньше случалось слышать про такие вот цунами. Когда вода отступает, многие идут за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывает.

— Я тоже пошел, — признался Джеф. — Интересно, кто это меня выручил?

— Как выручил? Ты же там был один. Остальные ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать.

Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть… тебе что-то послышалось?

— Ах, оставь его сейчас в покое, — с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин. Но Джордж упорствовал:

— Я хочу в этом разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и тут услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, вроде: «Джеффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь». Но он меня назвал Джеффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина…

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Ну, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слыхал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего… пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка наверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь.

Тогда я уже понял, что делается, уже увидал, идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большущий камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении, — сказал Джордж.

— Тс-с! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу, уже волна близко. И тут голос говорит: «Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой». Мне показалось, чудно это, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, я почувствовал — жарко, открываю глаза, а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да… просто его уже не было. И я опять побежал, и чуть не сжег себе подошвы, тропинка была ужасно горячая. Вода когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю, моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый, — сказала Джин, благодарно сжав сына в объятиях. — Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как это получилось.

Это, конечно, была неправда, совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. Назавтра же, ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал Джефа, а тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин:

— Нет ни малейших признаков каких-либо психических отклонений. Не забывайте, он испытал жестокую встряску и перенес ее на редкость безболезненно. У мальчика богатое воображение, и он, надо полагать, сам верит в то, что рассказал. И вы тоже примите эту сказку и не волнуйтесь, разве что появятся какие-либо новые симптомы. Тогда сразу дайте мне знать.

Вечером Джин пересказала слова врача Джорджу. Похоже, он вовсе не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело его любимое детище — театр. Джордж только и пробурчал: «Вот и хорошо» — и углубился в очередной номер журнала «Сцена и студия». Казалось, он утратил

всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, в первый же день, когда починили дамбу, Джордж со своим велосипедом помчался в Спарту. Берег все еще засыпан был обломками коралла, а в одном месте, похоже в самом рифе, образовалась пробоина. Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать щель, подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропинка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с проплешины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, но быстро отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась вспять, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не понял толком, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между

собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться ли ему или бояться, и в глубине души молча взмолился:

«Спасибо, Кареллен, за то, что твои собратья помогли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли».

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним в воздухе.

17

Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания Колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно, наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но, как знать, к добру это или к худу?

До сих пор Колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она

не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что Колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели Колонии, — и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следящими устройствами и человечеству больше незачем опасаться какого-либо подсматриванья. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто и не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению, видя в нем случай разрешить одну из загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную: как они относятся к Искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства? И если есть, вызван ли этот

визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем Колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом Совета Колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа, Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, исполненных решимости извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, «окончательно приручить».

Для любого дела в Афинах создавался какой-ни-

будь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму Колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И, поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостя. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать Колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Джин это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл безо всякой пышности, на обык-

новенном флаере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие какого-то неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Тхантхалтереско — выговорить было нелегко, и его быстро окрестили Инспектором. Имя вполне подходящее, так как он был очень любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флаеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собирались друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантиппой. Она давно уже пригрозила,

как полагается, в отместку поднести ему чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно? — спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да… хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стукаться головой о наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в Колонии хлеб насущный, и ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует Колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам лю-

бую цифру. Такие чудо-способности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей… если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смотреть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда они ехали из школы, которая была в Колонии одним из главных предметов гордости.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность, — заметил доктор Сен. — По счастью, человек существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж очень скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, мало вероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего они их преодолеют. А сейчас, как вы

видели, они выглядя вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал, большие глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом… а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разгадать.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен, — серьезно сказал Сверхправитель. — А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами — что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались владельцами империи, еще не понимая,

что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением, слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он.

— Без малейшего промедления, — ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был недвусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом настоящем Сверхправителе.

* * *

— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега, — сказал декан новоафинского университета профессор Чане, — превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума, помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами этого острова (взмахом руки он обвел и отстранил всю остальную планету) человечество утратило волю к действию. Есть мир, есть изобилие… но ему некуда стремиться.

— Тогда как здесь, разумеется...? — учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, которого не всем нам удается достичь. Но по нынешним временам главнее, чтобы идеал у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказаться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской пригасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенностей зрения гостя или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору

совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг:

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или, во всяком случае, сила, побуждающая их творить, — проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чане многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники и каждый человек способен что-то создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы

получаем любопытный логический вывод…

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

* * *

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была «Симфония псалмов» Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно, Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха, еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Но после концерта Тхантхалтереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и

похвалил, как он выразился, их «великую изобретательность». Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но своего рода винегретом: две одноактные пьесы, выступление всемирно известного мастера «мгновенного перевоплощения», балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском, и предсказание некоего критика «Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют ли Сверхправители зевать» не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же… почем знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить

с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, и гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его entourage[5], и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да сумеет завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспектор отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении, следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Джефа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю, — хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу, и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что он сказал, а только мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

---

[5] Примечания: 5
Окружение *(франц.)*.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся:

— Ну, не совсем… только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может, надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да, — сказал Джордж. — Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую, Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонилась к ногам Джорджа. Эта ее привычка Джорджу казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы коленки его торчали как можно угловатей и неуютней.

— Ну, что ты теперь скажешь? — глухо, устало спросила Джин. — По-твоему, так было на самом деле?

— Было, — сказал Джордж, — но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны… ну и я, конечно, благодарен. Наверно, объясняется это проще простого. Мы знаем, что Сверхправители

заинтересовались Колонией, так, уж конечно, они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими инструментами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по нашим местам своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменила и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабытый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом и Дженнифер с одной стороны — и Кэрол с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказал кто-нибудь посторонний. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну, ладно… за Джефом следят… в сущности,

его охраняют. А не кажется тебе, что нам бы надо этим гордиться? Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф, — сказал он.

* * *

Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собою часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Кареллен. Но еще прежде, чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль

и человеческий язык они прозвучали бы примерно так:

— В отношении Колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Их увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я сумел узнать, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня создалось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела. Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

* * *

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным, — но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: что такое мальчик? — много шума и крика в оболочке из грязи. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью — немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров, за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате ничего необычного тут нет.

В отличие от некоторых мальчишек Джеф не скучает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический талант Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре Колонии. А театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье, и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному в общем-то острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы, только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око-экран телевизора — помогало ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в Колонии, он немножко презирал остальное человечество. Колонисты-избранники, передовой отряд прогресса. Они приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день…

Они и не подозревали, что день этот настанет

слишком быстро…

18

Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Он не понял, что его разбудило, и минуту-другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил — он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов на разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светящиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа. Она обернулась, шепнула:

— Смотри, не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась. Сказано так просто, будто все само собой разумеется… — у Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. «Я поняла, что нужна Джефу». А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю, — сказала Джин. — Сейчас, как будто, все прошло. Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка, — с досадой перебил тихий голосок. — Просто там было очень странно.

— Где это «там»? — спросил Джордж. — Расскажи-ка толком.

— Стояли горы, — словно сквозь сон сказал Джеф. — Высокие-высокие, а снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взошло солнце.

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца.

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце под-

нялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И… и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, леденящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой поплотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но, когда он опять заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа, — отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

* * *

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен. — Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да, — сказал Рашаверак. — Несомненно, Альфа-нидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считанные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители… тогда, пожалуй, можно будет его расспросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить, при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества.

Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь.

— Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

* * *

Между тем когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа это была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон — это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Только в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые, разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно было себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытаясь подхлестнуть его память, и из его ответов составляли, как могли, связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видимо, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он

не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными…

* * *

Пустое пространство — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно огромное, но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска его меняется, вот оно уже не красное, а оранжевое, потом почти желтое, медлит на грани желтизны — и все поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнова становится косматым кроваво-красным облаком…

(— Классический образчик пульсирующей переменной, — обрадовался Рашаверак. — И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но, судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше, — заметил Кареллен.

— Много дальше, — сказал Рашаверак…)

* * *

Тут было совсем как на Земле. Ярко-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножья некрутой горы пенился исхлестанный бешеным ветром океан. И при этом ничто не шелохнется: все застыло — недвижимо, будто высветилось на миг при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте виднелось такое, чего на Земле не увидишь, — вереница гуманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастали из воды и тонули вершинами в облаках. Они шли на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить, — и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы, — голос Рашаверака дрогнул.

— Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинает-

ся, — сказал Кареллен.)

* * *

Планета была совершенно плоская. Непомерное тяготение давным-давно придавило и сровняло с поверхностью былые горы ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: все покрывали мириады словно бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленное уже не добела, а еще того больше, палящий, почти ультрафиолетовый призрак этот обдавал свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы все живое на Земле. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорезаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами

красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной, — сказал Рашаверак. — Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в мысль не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— По-видимому, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали, — заметил Кареллен. — Если эти… эти узоры… разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

* * *

Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, только менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообрази-

мо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг — единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета обугливалась от близости к своим светилам, а в другую — леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят группами, образуя сложные геометрические узоры, в эру холода они недвижимы, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие, — что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца…

* * *

(— Я пересмотрел все наши отчеты, — сказал Рашаверак. — Нам неизвестна ни такая планета, ни такое сочетание солнц. Если бы они существовали в пределах нашей Вселенной, астрономы

обнаружили бы такую систему, будь она даже недосягаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

* * *

— Мы уже знакомы, мистер Грегсон, — серьезно сказал Сверхправитель. — Меня зовут Рашаверак. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да, — сказал Джордж. — На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидеться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это очень удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Изумленный Джордж во все глаза смотрел на

Сверхправителя. Этого он никак не ожидал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что делается с Джефом, и скорее всего они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю, — сказал он, — вы видели записи, которые я передал психологу Колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они настолько неправдоподобны, что… конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, чего ждет — подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу, потому что в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол был на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоял на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот знак дружелюбного внимания подбадривал, ведь у людей, которые просили о подобных встречах, чаще всего было

не очень-то легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны его как будто не тревожили. А потом раз ночью… — Джордж запнулся, поглядел на Сверхправителя, словно оправдываясь. — Я никогда не верил в какие-то сверхъестественные силы. Я не ученый, но, думаю, всему на свете существует какое-то разумное объяснение.

— Правильно, — сказал Рашаверак. — Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не будем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он понял, и лицо его залила мертвенная бледность.

— То есть… — он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнова. — Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать, — очень се-

рьезно сказал Рашаверак.

* * *

Дженнифер Энн Грегсон, в последнее время известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз, и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами тварей, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбиралась в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непостижимой прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкала, отбивая в кроватке сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от

какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кроватке, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

* * *

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку, — сказал Рашаверак. — Едва ли вы сумели бы ее сдвинуть. Но если б вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И право не знаю, что бы тогда случилось.

— Так что же, вы, значит, ничего не можете сделать? — тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы можем изучать и наблюдать, этим мы и занимаемся. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое случилось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная

реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон… вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Прорывом. Больше ничего не надо скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли на Землю. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется… но потом, по чистой случайности, мы встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но… но мы тогда еще не поженились. Мы даже не…

— Да, знаю. Но мысль мисс Морелл оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору не доступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает то, чего не знает никто… Он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее… но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, сущий вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение, которое… ну, как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникает в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто эти островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни все океаны, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин почерпнула кое-что из познаний

своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание, Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прорисовываться черты происходящего. Невероятно, поразительно, но в этом есть своя внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта Бойса. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж. — И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос мы ответить не можем. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали, чтобы вы к ним присоединились, теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг, порученный нам… чем-то, что выше нас. Трудно определить, в чем заключается наш долг; пожалуй, самое правильное считать, что мы

— акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак замялся; с минуту казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. Но сами мы — бесплодны. В этот миг Джордж понял, перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и, однако, эволюция загнала их в капкан, в какой-то cul-de-sac[6]. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отношениях выше земного человечества, но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри, — сказал он. — Мой мальчик для вас — подопытный кролик.

— Вот именно… только над опытом мы не властны. Не мы его начали… Мы только пытались наблюдать. И вмешивались, только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами… Не

---

[6] Примечания: 6
Тупик *(франц.)*.

дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос, — сказал он, — как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете, — мягко ответил Рашаверак. — Они не надолго останутся вашими.

Такой совет можно было бы дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

19

Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто уже сознавали, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бро-

дили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества, — теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они уже понимали, что Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

Дженнифер спала; никаким другим словом не определить ее нынешнее состояние. С виду она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Джин уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось когда-то Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было прежде ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться, когда

пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неутомимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кроватки.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосягаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недолгое время, что им еще оставалось. Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стираются, будто истаивают у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, словно и не подозревает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они

вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю этих последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуждается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никто больше не может услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джеффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно, и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

* * *

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве.

Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось, и ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо сердце всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города застыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так, словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз заговорил с человечеством.

20

— Моя работа почти закончена, — раздался голос Кареллена в миллионах радиоприемников. — Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили от вас в тайне, — это цель нашего прибытия на Землю, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснять, ибо тайна эта не наша и мы были не вправе ее раскрыть.

Сто лет назад мы пришли на вашу планету и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не

догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в своих арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, совсем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего XX века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой даже и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избегли опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного

довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели и увлекло за собой других, ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы предоставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали.

Чувствовалось, что наука может объяснить все на свете — нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума — и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях — о призраках, о передаче мыслей, о предсказании будущего, вы давали всему этому названия, но объяснить не умели. На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не зная, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они едва не выпустили

на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Ибо физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разложением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — на Землю. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательней всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхъестественного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и всем другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественней, но вашему уму присуще

нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор как мы пришли на Землю, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но сомневаюсь, чтобы нам когда-либо удалось постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде — тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчерпаны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал, — силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставляли вас топтаться на месте, пока не разовьются скрытые силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали вашу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные перемены заслоняли от вас правду и тем самым

помогли нам выполнить свою задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его ослушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем, — по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, в надежде узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы называли нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество, — глина, которая формуется на этом круге.

Мы думаем — это всего лишь теория, — что Сверхразум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он,

должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тиранической власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда исполнить его волю, подготовить вас к преображению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преображается не тело, но дух. По меркам эволюции перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение Homo Sapiens.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возникает, каким образом Сверхразум вызывает ее, когда решит, что для нее настало время… Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности — всегда в ребенке — и сразу охватывает все вокруг, подобно тому как вокруг первого ядра образуются кристаллы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, чело-

вещество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — единый организм, состоящий из мириадов клеток. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, что вам предстоит. Считанные, часы отделяют нас от крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого меня прислали оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить… Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попробуете воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Сейчас пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом… что должен я делать с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосердней было бы — уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести оставшиеся вам годы. Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ваших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступить. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

21

Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет.

Жестокий, равнодушный солнечный свет позолотил Новые Афины, и над близнецами-вершинами Спарты снижается корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть — естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимей смерти — и непоправимей. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по несколько человек там и сям на песчаном берегу и, видно, не замечают друг друга, не помнят о доме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, обладая которыми ходить незачем. Ведь если они могут передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, уж наверно, они могли бы

двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это неважно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти все не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу первой мировой войны… а может быть, и второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали, иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет… сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. Словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы.

Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

Одинокие? Откуда взялась такая мысль, спросил себя Джордж. Что-что, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная личность… только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею не станет и одиночества. Несчетные капли дождя растворятся в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри, — прошептала она, — вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза Джорджу будто застлало туманом. И все же — конечно, это Джеф… Теперь он узнает сына, тот уже ступил одной ногой на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно — или

знал в те последние секунды, пока он был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завыла. Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял — она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

* * *

Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили — иные в одиночку, иные вместе с друзьями, смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился в пламени — и в пламени решил умереть. Кто захотел уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди

обломков всего, о чем прежде мечтали.

* * *

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом потянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает — времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничего не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка — давняя дочкина забава — еще лежит там, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унес-

лась в непостижимую даль, что стала ей домом.

Она бросила свои игрушки, подумал Джордж, а наши уйдут отсюда вместе с нами. Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. Так будет снова. Никому больше не полюбятся наши сокровища, думал Джордж, мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся.

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой далеких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: «Прощай, милый», — и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету.

22

Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карины. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался зайцем в тайнике. Он стоял позади трех пилотов (недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое) и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране сменялись краски и очертания, ему непонятные, — надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы цифер-

блатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и положил немало усилий на бегство. За минувшие месяцы он стал взрослее. Столько он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? «За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться, — сказал Сверхправитель. — Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь».

Может, и не узнаю, думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет

понять все происшедшие за это время перемены. Но в одном сомнений нет, люди непременно захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей.

Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество других ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились: Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело, следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и

опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравновешивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с другом, и когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины —

все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто, где же и находиться космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленым и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плаванье звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупней земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-то пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений, пытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся

планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома Сверхправителей, служила разновидность того же межзвездного двигателя; уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на выразительности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле, думал Ян, тогда все напрасно! Оставалось ждать и надеять-

ся. Уж наверно, какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало высоко над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься, — но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступился, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена,

ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется, — почти все его время уходило на встречи с учеными. Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных инструментов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследователям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не

отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно. Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидал человек средневековья, он наверняка решил бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пытливости и присущем ученому бесстрастии, порой ощущал: вот-вот нахлынет ужас, неподвластный рассудку. Даже самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие,

когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А тут было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить, — то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное, — а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, когда заговаривает о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уж велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это скорее всего можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация

здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в музей чужой культуры. Это дало позарез необходимый заряд бодрости, наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог, они размеренно опускались на громадной платформе, которая двигалась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравновешивающего тяготение. Ян спрашивал себя, не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами? И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят в вышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения

невесть скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений, — и тотчас какая-то невидимая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым светом, такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то несомненно был свет земного Солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали прекрасную

модель Парижа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними открылась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы Отдела Земли.

Может быть, он видит человека впервые? — подумал Ян. Побывал он хоть раз на Земле, или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведает, даже не зная толком, где они находятся? На земном языке он, во всяком случае, не говорил и не понимал ни слова, пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов, хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой доро-

гой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция на сотне разных миров, подумалось Яну. Но ведь Салливен, скорее всего, уже умер…

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндартен, стоя на самом обрезе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним… так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, он был безжизненный, а не уставил-

ся на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно, — смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли ему объяснить, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопасней предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая себе этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном

не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до неимоверных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет, и Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за такой экспонат не взялись и они.

* * *

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Он стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками, наравне с ним в небе

только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков. Невдалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посередине этого расплывшегося красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, невесть в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно — башни еще одного города. Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять свой облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся…

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты… но нет, немыслимо. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его рассекли яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает потоки лавы вниз, на равнину. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти

устремляются вверх!

И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только небо над Землею. Еще ни разу в мире Сверхправителей он не видал такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой Яна. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была

вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно, — но она словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, уму непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира… нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей, расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена представилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

* * *

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда наверняка другая. Как ни долот век Сверхправителей, трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Разумеется, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться здесь до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что рассудок человека, пожалуй, не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз он видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным, искусственным глазом телекамеры.

А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним на вечной своей орбите.

Огромный сине-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительней отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков виднеется только Австралия — здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полоску, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни

следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро изливался в небеса. Казалось, перед глазами Яна Земля, какою она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Оставалось только ждать, а в душе нарастал страх перед неведомым. Что-то случилось… что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то приглушенно загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услыхал, как раскрываются огромные створы. Он не мог больше ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап

уже спустили, но Яну пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал, — сказал Кареллен.

23

— Поначалу нам не опасно было появляться среди них, — сказал Кареллен. — Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды, и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась

вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть, — сказал Кареллен. — Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, это дикари, исполняющие какой-то сложный обрядовый танец. Все они голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу проглотил ком в горле, немалого труда ему стоило не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже, чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь то, чего здесь больше нет, — ска-

зал Кареллен. — Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы это называем Долгим танцем, — отвечал Кареллен. — Они никогда не спят, и это длится уже почти год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но даже не замечают ушибов. А что до еды… ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это

прежде всего источник энергии, а они научились черпать из более мощных источников.

Перед глазами что-то мигнуло, будто все заволокло знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри, — сказал Кареллен. — Это три года спустя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижимо застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии, их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие «средние» черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или оцепенели. Веки у всех сомкнуты, и, похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше — но и не меньше, — чем нить исполинской ткани, спросил себя Ян. И вдруг понял, что ткань эта окутывает множество миров и множество племен — и продолжает расти.

И вдруг… Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгинули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы — бурые, разом утратившие свой зеленый покров, — и молчаливые равнодушные статуи, виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума — даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если наступит день, когда они сочтут помехой весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не бываем там у них и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад, — сказал Ян. — А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания — день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бесцельным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому… целому… частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы ушли отсюда, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

— Так вот он, конец человечества, — подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк… Тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, законченность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал — человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной

в последнем счете была мечта, что заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается — и в какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое «я»; они обладают самосознанием, и местоимение «я» в их языке полно смысла. Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые свойственные им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно, они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум в десять, а возможно, и в сто раз могущественней человеческого. Но в последнем счете это неважно. Они так же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность Галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц, и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним-то же, что амеба перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд?

Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за время своего бытия земное человечество. Это не трагедия, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством, и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго…

Яну не удалось узнать, каким образом возникли странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями начал, лишь когда они создали высоконаучную цивилизацию и смогли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны? — недоумевал

Ян. — При такой невообразимой мощи для него уж наверно нет невозможного.

— Есть, — сказал Рашаверак. — Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу — возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным. Мы его переводчики… мы опекуны, или, если взять одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы — уже пятое разумное племя, на наших глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество, хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал

именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить — и не могу объяснить, почему должен некоторые обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после все же отыщется ключ к загадке.

— Тогда скажите вот о чем, этого вы тоже никогда не объясняли. Что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтораста лет назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем — и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели. А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце Времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее не память, но предчувствие.

Не просто было в этом разобраться, и Ян помолчал, пытаясь осмыслить нежданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве он не убедился на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи

лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю, — сказал последний человек.

* * *

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их не застал. Детей больше не было — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. Homo Sapiens вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых

разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или какому-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоминающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну никогда уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок, перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как

подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя Homo Sapiens.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец; дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск широким улицам, видимость жизни. Ян недолго тешился этой мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно одно, предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо отыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось всерьез заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талисман, защита от одиночества, которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы, с тех пор, как он в последний раз видел Землю. Не

думал он, когда прощался с Салливеном восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые никто больше из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя, чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего, со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводил время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывал себя, возможно, то была благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну казалось — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась, наконец, выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

24

Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Перед рассветом он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне он опять — маленький мальчик, стоит на огромной пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар его рассудку? Яну не сиделось дома, и он вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна все заливала золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Исполинский цилиндр Карелленова корабля мерцал позади базы Сверхправителей, по сравнению с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль,

пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Как все здесь застыло в тишине! Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле… да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хоть бы глаза и мысли отдохнули на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световые секунды. С минуту он для развлечения старался найти взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: светящееся пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратил к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом по-

лушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, те очнулись от долгого оцепенения. Как ребенок, просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

* * *

— Да, ты угадал, — сказал Рашаверак. — Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим, — часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся, что там вот-вот вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно, — прибавил Рашаверак. — Ну, а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь, — вдруг сказал Ян. — На Вселенную я насмотрелся. Теперь мне интересно только

одно — судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал, — продолжал Ян. — Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает, — как они это делают или зачем.

— Они все еще играют, — сказал Рашаверак. — Много ли логики в поступках ребенка? А то целое, которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоем распоряжении.

Он не докончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность, и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет… или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться, — медленно заговорил Рашаверак. — Если останешься, ты сможешь кое в чем нам помочь…

* * *

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей, что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага, каких только можно пожелать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко, но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли. И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собой такой бурный, вспененный след, что Яну со всеми загадками, которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел, и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает, Кареллен сказал когда-то чистую правду: «Звезды — не для человека».

Ян оставил за собой ночную тьму и через ши-

рокие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники-энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины, никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян при-

бавить к потоку сведений, который неутомимо извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье пилота, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить его не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных инструментов смотрят в звездную ночь широкие окна, видна долина, спящая под немного уже ущербной луной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, невесть за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося и раньше входило в планы Кареллена, и сколько

— внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти сто лет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Однако ясно одно: Кареллен заранее вынашивал какой-то грандиозный, сложный замысел. Он служил Сверхразуму — и в то же время изучал его всеми средствами.

Ян подозревал, что Попечитель движим не одной лишь пытливостью ученого; быть может. Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странного порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. «Говори нам, что ты видишь, — сказал ему Рашаверак. — Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит». Что ж, он будет стараться изо всех сил.

— Все еще ничего нового, — начал он. — Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была

обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна… впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк, чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиокомментатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость… но здесь, кроме него самого, некому ее заметить.

— За последний час было три небольших землетрясения, — продолжал он. — Они замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве… Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились…

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система… Труд-

но различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась… светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая… или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба… подождите минуту, я перейду к другому окну.

Ну да… я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это они наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливей, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная… хотя звезды еще немножко просвечивают сквозь нее.

А, понял. Кареллен, я видел, над вашей планетой вырастало что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхразума? Наверно, вы скрывали от меня

правду, чтобы у меня не возникли предвзятые идеи… чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на своих экранах, и сравнить с тем, что мне сейчас представляется!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Карелллен, — такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь-в-точь северное сияние. Ну, конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — все осветилось… ярче, чем днем… красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу… никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое… и не думал, что возможны такие цвета…

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере…

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести… поднимается силь-

ный ветер… на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно… атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за теми в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть… может, скоро прояснится.

Да… теперь лучше. С поверхности все сметено… пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать… попробую говорить медленней.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается… будто смерч, уходящий в облака. И… как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь… было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь… нет, это не просто чудится… мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио — и вдруг все выключилось. И небо опять ясное… туманная сетка пропала. Куда оно теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал…

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов,

закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до паники, надо исполнить свой долг… долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг… долина… горы… все прозрачное, как стекло… я вижу сквозь них! Земля истаивает… я стал почти невесомый. Вы были правы… им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак… мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из… знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже другое, вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко…

Свет! Подо мной… в недрах Земли… поднимается сквозь скалы, сквозь все… ярче, ярче, слепит…

* * *

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру выплывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. Те высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преображения, как плоть пшеничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

* * *

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть

столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думал Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы, а воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

Да, Кареллен знает, они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая

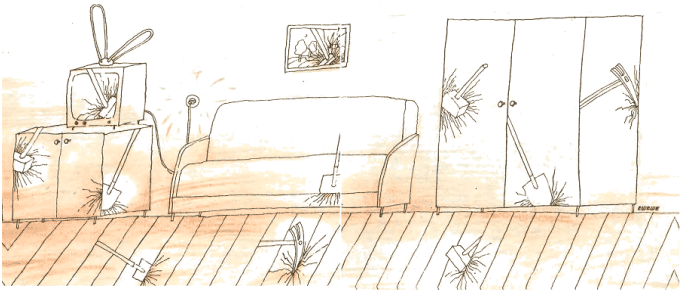
межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал, — и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

Анатолий Гланц

Вы еще о нас пожалеете!



Когда-то мы, лазики, селились на обширных территориях. Больше всего нас было в детской. Из лоджии, помнится, нас выдувало ветром. Митинги мы обычно устраивали в ванной — шум воды хорошо заглушает прения.

Старики помнят, как распухали головы от чудовищного числа заседаний. Каждый лазик должен был переговорить с каждым и рассказать ему, о чем он разговаривал с остальными. Это было трудно. Садился голос.

Мы ждали прихода жарких дней, чтобы как следует прогреть связки. Ожидание отнимало время, и большинству из нас не удавалось состариться. Смертность исчезла. Нам грозило перенаселение.

Самые состоятельные — те, которые изобрели тачки для перевозки пылинок и спирали для пересушивания обуви в сундуках, — на вырученные средства обзаводились двухполюсными переключателями бытия. В медовые дни бабьего лета они уходили из жизни, оставив после себя сладковатый дымок недомогания. Что оставалось делать остальным — неимущим и бессмертным?

Упомяну о трагической истории, которая произошла с моим старшим братом. Пытаясь накопить деньги на покупку переключателя, он перешел из бригады осыпателей штукатурки на трудную, но высокооплачиваемую должность наносчика царапин на хрусталь. Брат рассчитывал на крупную премию после завершения работ по оцарапыванию антикварных бокалов. Когда дело близилось к концу, хозяин квартиры неожиданно отнес посуду в комиссионный магазин. Для брата это было сильнейшим ударом, оправиться от которого он уже не смог. Брат покатился по наклонной плоскости. Был зазывалой сверчков в дымоходы. Долгое время работал поджигателем паутины. Если вам случалось видеть, как искрит электрическая розетка при включении утюга, — знайте, это постарался мои брат. Он управляет силой искрения. Работа вредно отразилась на его

здоровье. Брат практически полностью потерял зрение.

Судьбы других лазников оказались немногим лучше. Но каждый работал сколько мог.

Из года в год мы добивались изысканной потертости, совершенствовали гармонию вещей. Невероятными усилиями создавали мы то, что принято называть домашним уютом. Из внесенных в людское жилище сверкающих, безликих, пахнущих производством предметов мы в сжатые сроки мастерили обстановку так называемого домашнего очага. Не позволяя распадаться семьям, делали человека добрее и благоразумнее.

Если не считать чрезмерной продолжительности жизни, такое существование следовало признать сносным. Что мы и делали на каждом новом заседании.

Так бы нам, лазикам, жить и жить, но тут нагрянула беда. Кто мог предположить, что мы, всепроникающие и вездесущие, окажемся беззащитными перед… перед… Я не хочу произносить ЭТО СЛОВО.

У людей появились средства на всякий случай и даже такие, для которых в природе случаев не предусмотрено. О эти чистящие порошки! О моющие средства, политуры и мастики! А чего стоят

эти высокопарные названия — «Лоск», «Эра», «Аэлита»… Плюнуть хочется.

Кое у кого складывается превратное мнение, будто мы стали жертвами новомодных соединений. Как бы не так. Лазиков голыми руками не возьмешь. Мы вязнем в пастах, продираемся сквозь слои эмульсий, то и дело спотыкаемся на антистатиках и выходим сухими из дезодорантов. Все это пустяки. Произошло нечто гораздо худшее: людям удалось лишить нас доступа к рабочему месту.

А без работы мы вырождаемся.

У каждого народа своя судьба. Наш звездный час позади. Гибнет некогда великая цивилизация.

Без нас все труднее жить людям. Они разгуливают по вылизанным квартирам, затевают перестановки, измышляют невиданные расцветки и неслыханные конструкции. Но ни один из них не в состоянии понять, что растущий душевный дискомфорт — дело его собственных рук. Блага цивилизации меньше всего способны восстановить нарушенную гармонию.

Мы еще существуем. Нас можно повстречать у внутреннего порожка дверей, откуда трудно вымести мусор. Там мы находим себе кое-какое

пропитание и развиваем скудную деятельность. Приводим в порядок кладовки и чуланы, возимся в сараях и на антресолях, совершенствуем внешний вид предметов, которые выпали из поля зрения хозяев. По правде говоря, это почти безработица. Дни лазиков сочтены. Смешно подумать: когда-то мы мечтали уйти из жизни!

Нас остается все меньше. Еще десяток-другой лет — и люди поймут, наконец, чего лишились, и вспомнят с печалью о незаметных тружениках, терпеливых создателях домашнего уюта.

Вот увидите, так оно и случится.

Владислав Петров

Муха

— Пап, а пап, пойдем в зоопарк…

— Ты же знаешь: когда зоопарк открыт, я работаю, а когда у меня выходной, он закрыт.

— Это потому, что у зверей тоже выходной, да?

— Конечно. Звери тоже должны отдыхать.

— А как они отдыхают?

— Ну, спят…

— И суматранский носорог?

— И носорог.

— А вот дядя Бук, когда был у нас в гостях, рассказывал, что суматранский носорог упал с гиперцикла и сломал себе ногу.

— Дядя Бук пошутил. Носороги не умеют ездить на гиперциклах. Ты должна это знать.

— Но дядя Бук ещё говорил, что носорог упал с гиперцикла потому, что был под мухой. Как это — под мухой?

— Муха — это такое вредное доисторическое животное, настолько вредное, что когда человек… э-э-э… ведет себя невоспитанно, то говорят, что он под мухой. Под ее влиянием, то есть.

— Значит, этот носорог вел себя как невоспитанный человек, да?

— Точно. Никогда не знаешь, чего от него ждать.

— Папочка, ты жаловался дяде Буку, что носорог занял у тебя сотню на починку шкуры и не отдает.

— Когда, наконец, ты перестанешь подслушивать разговоры взрослых? — вспылил отец. — Подслушивают только те, кто…

— Под мухой?

Отец страдальчески поморщился.

— Иди спать, — сказал он со вздохом.

Когда дочь ушла, он набрал код на видео.

— Бук, старина, у меня идея. Тебе не кажется странным, что в нашем зоо нет мухи?

— Нет — и не надо.

— Но ты только представь — муха! Царица воздуха!

— По-моему, она была маленькая и вовсе не царица. У нее были естественные враги. Эти… как их… птицы.

— Неважно. Кто помнит об этом? Мы сделаем муху величиной со слона. Ты жаловался, что тебе надоело быть слоном. Так стань мухой. Вот увидишь: этот дурак Клик, который работает пони, сойдет с ума от зависти…

Назавтра девочка пришла в зоопарк с мамой. Вольер суматранского носорога был пуст, слон тоже куда-то исчез, лишь жираф, как всегда, наклонился к ней и позволил почесать себя за ухом. Зато в новом прозрачном шатре летала громадная муха. У шатра стояла длинная очередь. Вдоль нее толкался оседланный пони, злился, что никто не обращает на него внимания, и бил копытом.

— Муха. Отряд двукрылых, — прочла мама табличку на столбе.

— Муха — вредное доисторическое животное, — сказала девочка.

— Было вредное — стало полезное, — ответила женщина, которая сидела в будке рядом с шатром и продавала билеты. — Кто хочет кататься на мухе, становитесь в очередь.

Девочка с мамой стали. Потом девочка каталась на мухе, а мама отошла к вольеру жирафа и сказала грустно:

— Скоро она обо всем догадается.

— Детство рано или поздно кончается, — философски ответил жираф. — И все-таки мне не хочется, чтобы она знала, кто здесь работал жирафом.

— Просто ты устал, дорогой. Тебе надо сменить обстановку.

— Наверное… — вздохнул жираф. — Перейду в отдел флоры. Там освободилось место гриба.

— А какой он, гриб?

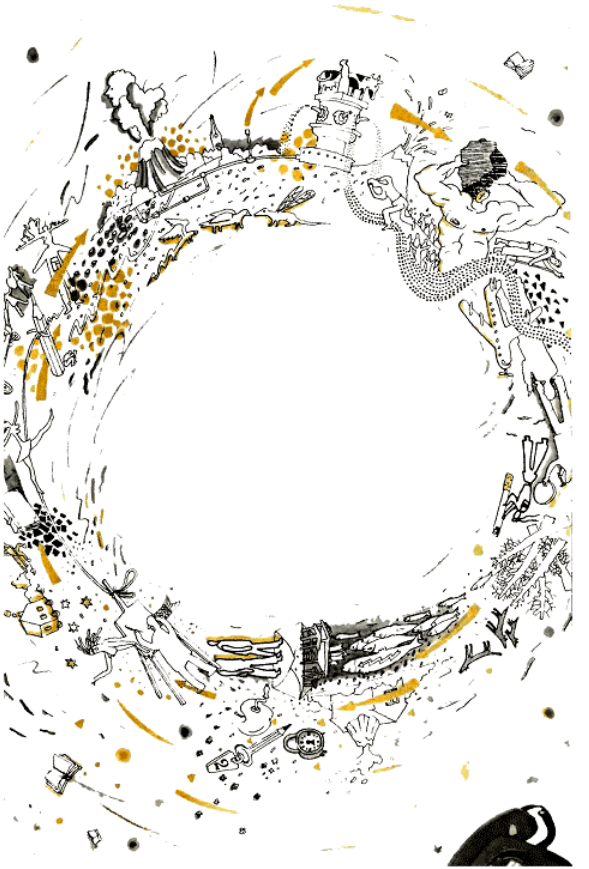
— Это дерево такое в форме зонтика. Только ствол у него толстый-толстый, а верхушка без листьев и вся в перепонках.

№ 8

Анатолий Гланц

Будни Модеста Павловича[9]

[9] Примечания: 9
Лютый бред (мнение компилятора)



Каждому из нас рано или поздно приходит в голову заняться телекинезом. Некоторым успехи в телекинезе даются легко и быстро, другим медленно и с трудом. Третьи не имеют о телекинезе ни малейшего понятия и начинают заниматься им независимо от вторых.

История отечественного и зарубежного телекинеза богата поучительными фактами. Чрезмерно развитые надбровные дуги древних позволяли им пользоваться телекинезом в такой степени, в какой мы даже себе не представляем. Достаточно сказать, что теперь найдется очень мало людей с такими надбровными дугами.

О том, что телекинез представляет собой громадную силу невероятных размеров, свидетельствует хотя бы изобретение Можайским самолета. Однако изобретение Можайским мотора и винта для самолета с точки зрения телекинеза считается большой ошибкой, так как мотор и винт увеличивают вес и ухудшают летные качества летательных аппаратов.

На пересечении улицы Каменной с переулком Благонравова можно увидеть серый дом. Он стоит здесь много лет, возле него оборудована трамвай-

ная остановка. Каждый день в половине шестого из трамвая выходят два человека примерно одинакового роста и направляются к дому. Эти люди — братья, они занимаются телекинезом.

Этим вечером, соединив свои усилия, братья подняли в воздух шесть книг, уложенных одна на другую, когда кто-то, не постучавшись, открыл дверь и вошел в комнату. Братья обернулись, книги посыпались на пол.

На пороге стоял их старый приятель Федя. Ему было не больше сорока лет, он был одет в пиджак.

— Я никогда бы не подумал, что вы так небрежно обращаетесь с книгами, которые я даю вам читать. Вы, наверное, забыли, что эти книги я с большим трудом выписываю в библиотеке завода, где работаю крупным специалистом, — заявил Федя.

— Извини нас, мы так увлечены телекинезом, что даже не обратили внимания на то, что это твои книги.

— Вы поднимали все эти книги вместе? — спросил Федя, указав на пол.

— Да, — ответил старший брат. — Подъем тяжестей для нас уже не проблема. Нас волнует другое. Мы не знаем, что делать дальше. Предположим,

мы поднимем кресло или шкаф — что это даст?

— У нас с братом есть подозрение, — заговорил быстро младший, — что с помощью телекинеза можно добиться чего-то такого, ради чего стоит потратить всю жизнь.

— Это сложный вопрос, — сказал Федя. — Я не в состоянии ответить на него сразу, мне нужно подумать. Приходите ко мне в пятницу, потолкуем. Не забудьте принести книги.

Федя ушел, а мысли о телекинезе не давали братьям покоя. Всю ночь они не могли уснуть и ворочались на своих кроватях. В комнатах царил мрак и полумрак. Обливаясь холодным воском, в подсвечниках горели свечи.

В пятницу, как было условлено, они захватили книги и направились домой к Феде. Его жена приготовила им суп.

Федина комната служила одновременно спальней и мастерской. Федя увлекался детекторными приемниками, но также в книжном шкафу его стоял томик Пушкина. Федя знал толк в искусстве и сознавал это. Особенно он любил познавать дедукцию и анализ. Федя умышленно не отдавал в печать своих произведений, потому что собирал их в большом фанерном ящике из-под фруктовой посылки яблок друзьям.

— Я думал над вашим вопросом, — начал Федя, — но выхода так и не нашел. Принесли книги?

— Вот они. Как же так, Федя, неужели нет никакого выхода?

— Вариантов было много, но я их все отбросил.

— И не оставил ни одного? — спросила заглянувшая из кухни Клава.

— Ни одного.

— И теперь вы не знаете, что делать дальше? — с большим огорчением спросила Клава у братьев.

Братья кивнули головой.

— Кто-то, мне помнится, говорил о рабочем, который занимался опытами по телекинезу, — сказала Клава.

— Постойте, — вспомнил Федя, — он работал у нас во втором механическом цехе. Его начальник Глузов пришел как-то ко мне и стал сокрушаться. Уходит, говорит, хороший работник, замечательный технолог, мастер на все руки. В чем же дело, спрашиваю, почему не удержали хорошего человека. Создайте условия, черт побери. И тут мне Глузов говорит: «Не могу я ему создать условий. Климата не могу создать. Ему, видите ли, сам климат не подходит». — «При чем тут климат. Он что, больной?» — «Он здоровый. Но в нашей местно-

сти нету болот. А они ему необходимы». — «Зачем ему болота? Болота осушать надо». — «Привычка у него есть». — «Что за привычка?» — «Бить в гонг на заболоченных местностях». — «Что?» — «Бить в гонг на заболоченных местностях». — «Послушайте, а он нормальный, этот ваш технолог?» — «Да вроде нормальный. Занимается телекинезом, женат. Детей, правда, у них нету». — Вот я и думаю, — продолжал Федя, — может, этот технолог вам как раз и нужен.

— А где он теперь? — спросили братья.

— Уволился и уехал.

— Куда?

— Откуда я знаю? Туда, где болота.

— А как его фамилия?

— Вот фамилии я не помню. Кажется, Цельнотапов — или нет — Полумамов. Нет, полу, полу… Повиланов! Повиланов его фамилия.

Поскольку местонахождение Повиланова было неопределенно, братья решили ехать в первый попавшийся город в болотистой местности. Этим городом была Калуга.

Хмуро было в Калуге, тревожно, неясно. По улицам едва слышно крались велосипеды, а двери

магазинов, подвалов и домов отдыха были заперты ключами на замки.

Братья прибыли на северный вокзал. Освещения не было, хотя было уже темно. Администратор гостиницы сообщил, что в окрестностях уже восьмую неделю рыщут волки, которые стремятся уничтожить побольше местных жителей. Они гнездятся в болотах и преграждают путь обозам со стройматериалами. Каждую ночь Калуга выходит в дозор. Охотники дежурят на крышах домов, на телеграфных столбах, под полами киосков.

Братья обратились к администратору:

— Послушайте, Льюис, у вас нет номера?

Льюис протянул им ключи от номера 2.

Братья прошли по коридору, вошли в номер и включили свет. На столе стояла пепельница. Они закурили.

— Где начнем искать?

— Поищем в пригороде.

— Пешком?

— Я думаю, возьмем такси.

— Глупо. Такси не знает, куда нам ехать.

— Тогда надо придумать другой способ.

— Позвоним администратору.

— У нас к вам просьба, Льюис. Вы хорошо знаете город?

— Я старожил.

— Что вы сторожили?

— Я говорю, что давно живу в этом городе.

— В таком случае не могли бы вы припомнить человека по фамилии Повиланов?

— Нет. Произошло нечто гораздо более важное. Волки подгрызли деревья и завалили ими шоссе, связывающее Калугу с аэропортом Мучное, куда прибывают самолеты с продуктами. Администрация гостиницы просит вас оказать содействие по очистке завала. Огнестрельное оружие для самозащиты вы получите у горничной.

Возле входа в гостиницу их ожидал проводник. Набралось около тридцати человек. Почти все были приезжими, и никто не знал, с какой стороны ему грозит опасность. Люди смотрели в придорожные кусты, которые вполне могли кишеть многими волками.

Вскоре дорога кончилась. Начался завал. Группа из гостиницы присоединилась к бригаде, которая распиливала лежащие деревья циркулярными пилами и оттаскивала их на опушку леса.

Вернувшись в гостиницу, братья проспали до самого вечера. Льюис ни разу их не потревожил.

Крупнер жарил большого сокола на догорающем огне примуса. В соседней комнате тетя Люда переодевалась из оранжевого белья в зеленое. На улице пел соловей. Сладким повидлом разливался его голос по стенам домов, по тротуарам, по судоверфям древнего Коктейля. Там, сгибаясь впроголодь, рабочие, смочив ручки молотков, старательно клепали войлок.

Тетя Люда вышла из соседней комнаты, вильнула хвостом и поплыла, как русалка. На берегу стоял художник и работал. Русалка жужжала по полотну, вздымая мокрый мусор и пену.

С протезного завода доносились песни. Константинов решил их послушать и стал прогуливаться вдоль набережной. Обращая на себя внимание Константинова, в конторе Повиланова загорелся свет. Сквозь окно конторы видна была ее середина. Константинов подошел поближе и заглянул туда. Свет продолжал гореть.

— У вас не найдется закурить? — послышался голос.

Он обернулся. Возле водосточной трубы лежал пьяный моряк и смотрел на Константинова в бинокль.

— У вас не найдется закурить? — повторил голос.

Константинов обернулся в другую сторону и упал, поскользнувшись на корке от банана, которую выплюнул ему под ноги пьяный моряк. Приподнявшись с земли, Константинов увидел две фигуры в длинных пальто, которые не имели что курить.

— Извините, я не курю.

— Мы тоже не курим. Это только наш повод с вами заговорить. Как ваша фамилия?

— Константинов, а в чем дело?

— Мы ищем одного человека, но он находится под другой фамилией.

— Под какой фамилией?

— Говорить правду нам бы не хотелось, а обманывать вас нет смысла. Поэтому мы вам ничего не скажем, а просто поблагодарим вас за то, что вы согласились дать нам консультацию.

— Мне кажется, я бы оказался полезным в ваших поисках. Меня зовут Петр Григорьевич.

— Увы, Петр Григорьевич, ваша помощь для нас неуместна в этом малознакомом городе, где человека и так на каждом шагу подстерегает опасность.

— Постойте! — воскликнул Петр Григорьевич, когда братья скрылись за углом. — Постойте! Я ваш сердечный друг.

На самом деле Константинову было просто нечего делать. Каждый из нас наверняка испытал на себе назойливость человека, подобного Константинову. Не всегда бывает просто отделаться от такого человека. На этот раз не человек, подобный Константинову, а сам Константинов пристал к братьям.

— Если вы уж так сильно хотите нам помочь, мы можем назвать фамилию человека, который нам необходим. Повиланов.

— Ах, Повиланов, — засмеялся Константинов. — Да я же его отлично знаю. Как, вы сказали, его фамилия?

— Повиланов.

— Да-да, я его отлично помню. Седовласый, с выразительными цветными глазами, лет на пять старше меня. Кстати, словесный портрет Повиланова, только что воспроизведенный мной, я уже однажды кому-то дал. Кому же я его дал? Не помню. Ну да ладно, черт с ним. Вот его контора. Еще год назад он работал в ней.

Братья взволнованно переглянулись.

— А где он работает в настоящее время?

— Он умер.

Все трое посмотрели на окна конторы Повиланова, сквозь ставни которых пробивался свет. За

конторой видна была пасека с ульями. За пасекой начинались бескрайние непроходимые болота, где покойный Повиланов частенько любил стучать в гонг.

— Откуда вы знали Повиланова? — спросил Аким.

— Повиланов, Крупнер и я обычно ужинали втроем, — ответил Константинов.

Прихлебывая горячее какао, братья сидели в гостиничном номере, когда раздался стук в дверь.

— Вам письмо.

— Спасибо, — оживился Аким.

Письмо было от Феди. Федя спрашивал, как обстоят дела, увенчались ли успехом розыски Повиланова, достаточно ли у братьев денег. В конце письма он справлялся о здоровье братьев, писал, что ходит еще в теплом белье, потому что холодно и улицы запорошены снегом. В последних строках письма Федя передавал привет старшему брату от Наташи.

Старший брат прочел письмо и передал его младшему, а сам сел на диван и глубоко задумался. Немного погодя он взял карандаш и незаметно для себя написал:

Почесав себе колени,
Мечет икры перед сном
Белозубая Наташа,
Еле влазящая в плащ.
Просыпаясь, моет шею,
Наливает в таз воды,
Подметает пол, нагнувшись,
Носит мусор на доске.
Дайте мне Наташу эту
С запыленною доской,
С до колена волосами
И с ложбинкой на спине.

Утром братья отправились в институт, к профессору, под руководством которого работал Повиланов после ухода из конторы.

Прикрыв глаза, профессор тихо жевал яблоко и раскачивался на стуле. Рядом с ним на полу стоял ассистент с большим блокнотом в руках и записывал результаты.

— Здравствуйте, уважаемый профессор. — поздоровались братья.

Профессор вздрогнул. Последнее время он опасался посетителей, так как разводил легально вакцин, а нелегально бацилл.

— Профессор, вам никогда не приходило в голову, что рыбу, после того как ее выловят, можно забивать, как это до сих пор делалось только со свиньями и КРС[7]?

— Видите ли, уважаемые коллеги, последнее время я занят проблемами вакуума гипертонических норсульфазолов в среде супесчаных седин[8] и стараюсь не отвлекаться.

— Сущность нашего предложения, — развивал свою мысль Аким, — состоит в том, что пойманную рыбу можно забить электрическим током. Для лучшей проводимости ее предварительно поливают растворами солей фтора, а затем забивают слабыми биотоками коры головного мозга капитана траулера.

— Ну, соли фтора, это мне ясно, биотоки тоже, но зачем вам понадобилась рыба?

— Мы решили спасти мировые запасы рыбы от уничтожения ее гидромуравьями.

— То есть как? — спросил профессор и начал

---

[7] Примечания: 7

КРС — крупный рогатый скот.

[8] Примечания: 8

1 седин=4,29 10–28 эрб.

думать. Ассистент нашел чистый лист и стал записывать результаты.

— Послушайте меня, дорогие мои друзья, — выйдя из задумчивости, произнес профессор. — Ваши идеи довольно интересны. Но, если говорить откровенно, ум мой занят сейчас другим.

Профессор откинулся на спинку кресла и продолжал:

— В минуты беспредельного одиночества, когда в окна хлещут беспощадные струи непрекращающегося дождя, когда хочется сесть за письменный стол и горько заплакать, — я часто думаю в эти минуты о том, как было бы хорошо, если бы было сделано такое изобретение, как телефон. Тогда бы в сырой, грязный и отдающий мертвечиной осенний вечер не пришлось бы, сгорбившись и подняв воротник плаща, садиться в троллейбус и ехать на другой конец города к другу. Тогда бы, затворив поплотнее окна и заварив крепкий чай, можно было бы набрать номер телефона и вести долгую задушевную беседу, которая бы текла. Тогда бы все лучше стало. Тогда бы все стали ближе. И тогда бы, возможно…

В этот момент стук в дверь прервал голос профессора.

— Прошу вас, войдите, — откликнулся про-

фессор.

Дверь отворилась, и вошел секретарь.

— Извините, профессор, но вы просили меня дать знать, как только явится корилла.

— Я немедленно ее приму. — Профессор обернулся к братьям. — Я прошу простить меня, но вы слышали сами, ко мне пришла корилла. Поэтому я еще раз прошу меня извинить и пройти к секретарю, который даст все необходимые сведения.

— Да, Повиланов работал у нас, — сказал секретарь, предложив братьям сесть. — Но с чего вы взяли, что он умер? Он жив, здоров и, если не ошибаюсь, работает на небольшой железнодорожной станции близ Тобольска.

— А Константинов сказал, что он умер.

— Тогда мне все понятно. Здесь вот какая история. Крупнер с Повилановым имели обыкновение ужинать вместе, Константинов набивался к ним в приятели, если вы заметили, он чрезвычайно назойлив. Повиланову и Крупнеру это было не по душе, и, насколько мне известно, Константинов ни разу с ними не ужинал. После того как в личной жизни Повиланова возникли неприятности и он вынужден был покинуть наш город, Константинов непонятно зачем стал распространять слухи о том, что Повиланов умер.

— Вы уверены в том, что он жив?

— Вполне. Институт ручается за достоверность выдаваемой информации.

Не снимая сапог, братья сидели в купе второго класса и играли в домино и лото с двумя пожилыми японками. За дверью купе стояло несколько немых свидетелей происходящего.

Был апрель. Лучи солнца нагревали землю. После того как установится необходимая температура, усилится дыхание, увеличится тургор клеток, начнут действовать ферменты, ускоряющие обмен веществ. Питательные вещества, поступая к точкам роста, вызовут энергичное деление клеток. Эти явления будут сопровождаться набуханием глазка. Затем произойдет энергичный рост верхушки и междоузлий эмбрионального побега, что приведет к разрыву покрова глазка и появлению частей побега с зачатками листьев, усиков и соцветий.

На узловой станции железной дороги, указанной секретарем профессора, братья вышли из поезда. Поблизости от них прошел желез-

нодорожный работник. Это и был Повиланов. Повиланов работал стрелочником. Стрелочник сел на пенек и выругался:

— Контору я бросил еще в 1959 году. Если вы думаете, что в конторе мне плохо жилось, вы ошибаетесь. Сотрудники работали неплохо, старались. В углу стояла бочка с газированной водой. Кондиционер обеспечивал условия. Дважды в год мы своими силами оклеивали окна конторы обоями из-за того, что крыша немного протекала и обои отставали. Обои мы старались подбирать желтого цвета, потому что желтый цвет очень гармонирует.

Раздался протяжный гудок паровоза.

— У вас, должно быть, жуткий почерк, — заметил Аким.

— Как вы это узнали?

— Неважно. Не пройти ли нам в дом?

В бревенчатом доме был накрыт стол на три персоны.

— Как вы здесь проводите время? — спросили братья.

— Неподалеку есть одно овощное болото. Я часто хожу туда с этим. — Он показал в угол. Там на куче сигнальных флажков, рядом с болотными тапочками, лежал маленький серебряный

молоток.

— Знаете что, Повиланов, давайте поговорим начистоту, — сказал Аким. — Мы с братом в течение длительного времени занимались практической разработкой телекинеза. Добившись некоторых результатов, мы зашли в тупик. Недавно нам стало известно, что и вы небезучастны к судьбам телекинеза. После долгих поисков мы вас нашли. Чем бы вы могли нам помочь?

— Ничем.

— Почему, Толя?

— Все свои наблюдения и выводы, сделанные за время занятий телекинезом, я изложил на шестнадцати страницах рукописного текста. Эти записи сохранялись в герметически закрывающемся баллончике, который я обычно носил с собой. Этого баллончика у меня нет. Я его потерял.

— Как это могло случиться?

— В тот день у меня было плохое настроение, так как я навсегда покидал Калугу по семейным обстоятельствам. Взяв баллончик с записями, складной стул и гонг с молотком, я решил в последний раз побывать на своем излюбленном болоте. Я установил стул и полез в мешок за молотком. Вместе с молотком из мешка выпал

баллончик. Он скользнул в болото и скрылся. Я потерял все…

Повиланов умолк, уронив мужскую слезу в разрезанный арбуз. Братья переглянулись и сменили арбуз на дыню. Вторая слеза упала на дыню и, скатившись, оставила на газете мокрое пятно.

Повиланов вытер глаза кулаком, взглянул на часы, вышел из дома, перевел стрелку, возвратился и сел на свой табурет.

— Вы не могли бы указать нам точное место, куда упал баллончик?

— Могу, но какой в этом смысл? Я потерял его у куста камыша, в котором свил гнездо сизый дрозд.

Братья взглянули друг на друга. Они всегда очень любили клен, но беспощадно ненавидели ольху, ясень и в первую очередь камыш.

— Сегодня же выезжаем в Калугу. Начертите нам, пожалуйста, схему болота.

Повиланов наточил карандаш, стряхнул стружки в ведро и набросал план.

— Счастливого пути. Вы думаете, есть какая-нибудь надежда?

Дойдя почти до самого полотна железной дороги, братья оглянулись. Повиланов вытряхивал стружки из ведра и, нагнувшись, полоскал ведро

в проруби.

— А знаешь, нам, пожалуй, нет смысла ехать в Калугу, — сказал младший брат.

— Как это нет смысла? Где же мы найдем баллончик?

— Не наивен ли ты, полагая, что баллончик лежит на дне болота в ожидании нас? Напротив, я уверен, что болотное течение успело унести его на многие километры от Калуги. — С этими словами младший брат порылся в планшете и вынул оттуда карту подземных болотных течений мира, разрисованную стрелками.

От Калуги шли три разветвления: северофинское, восточно-японское и южно-итальянское. Северофинское направление было отброшено сразу, так как Аким вспомнил случай с Орловым, облетевший все газеты Коми АССР.

Орлов работал инженером по технике безопасности на заводе-изготовителе автопоилок. В третьем квартале завод принялся разрабатывать партию незамерзающих образцов своей продукции. Для проверки работы вновь созданного аппарата в условиях Заполярья завод командировал главного конструктора в город Воркуту

сроком на три недели. Необходимо было выяснить к. и. д. заполярных автопоилок с точностью до третьего знака после запятой. Орлов сел в автомобиль и выехал в открытую тундру. Шел легкий снег. Автомобиль продвигался в глубь тундры довольно легко. Орлов проехал несколько сотен километров, пока не наткнулся на оленью автопоилку. Он вышел, проверил ее исправность и возвратился к машине. Дверца автомобиля не открывалась. Орлов попробовал открыть другую дверцу, но и это оказалось невозможным. Обмотав руку платком, он пытался разбить стекло, но только разбил руку. Орлов решил подтащить к автомобилю автопоилку и разбить стекло ею, но автопоилку невозможно было сдвинуть с места, так как ее основание было забетонировано. Таков примерный ход событий, происшедших в тундре, в трехстах километрах от Воркуты. Дальше произошло следующее. Чтобы согреться, Орлов открыл капот автомобиля и прижал голову к еще теплому мотору. Вскоре мотор совсем остыл, а Орлов замерз.

После воспоминания о случае, происшедшем с Орловым, о северофинском направлении не могло быть и речи. Оставалось два направления: восточно-японское и южноитальянское.

Восточно-японское направление пролегало через Рязань, Арзамас, сворачивало к Владивостоку и впадало в японский вулкан Фудзияма. Восточно-японское направление казалось заманчивым. В префектуре Осака братья имели знакомых. Это были красильщица циновок Вакаяма и водопроводчица Маэбаси — те самые две японки, с которыми братья играли в домино и лото в поезде.

— Остановимся у Вакаямы?

— Нет, лучше у Маэбаси. Она живет ближе к порту Иокогама, в окрестностях которого находится нужный нам вулкан.

— Подожди, мы же еще не решили, что делать с южно-итальянским направлением. Нужно посмотреть, куда оно ведет.

— Вот смотри, — младший брат повел пальцем по карте, — сперва оно резко направляется к Вильнюсу, потом так же резко поворачивает на Варшаву, вниз по склону через всю Чехословакию течет в Югославию, а оттуда — прямиком в Неаполь, где приостанавливается на два дня и мчит затем к Везувию.

— А он действующий?

— Кто?

— Везувий.

— Не знаю, надо посмотреть в справочник.

Братья раскрыли вулканический атлас. На первой странице атласа красными буквами было напечатано:

Многие читатели, которым придется пользоваться настоящим атласом, делают ошибку, полагая, будто каждый вулкан действует сам от себя. На самом деле все вулканы мира под землей соединены лавой, которая связывает их между собой и стекает в направлении вулкана Везувий. Там, раз в десятилетие, наводит она страх на города и села современной Италии.

На следующей странице приводилась фотография действующего вулкана Везувий, наводящего страх на итальянцев.

Младший брат долго смотрел на фотографию. Ему вспомнилась картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Он помотал страницей в разные стороны и сказал:

— Что-то не хочется мне ехать в Италию. Лучше бы мы поехали в Японию.

— Как ты не понимаешь, ведь лава Фудзиямы тоже течет к Везувию. В Японии нам делать нече-

го, нужно ехать в Италию. Если ты не хочешь, я поеду один. — И старший брат ушел, а младший остался стоять на небольшом участке щебня между двух шпал и двух рельсов.

В реальной задаче все факты никогда не могут быть известны. Когда все факты известны, задача решена. Через два часа младший брат снова увидел своего брата. Он шел по направлению к нему и говорил:

— Произошла ошибка, мы не должны ехать в Италию, мы должны ехать в Пловдив. Ты поедешь со мной в Пловдив?

— При чем тут Пловдив?

Старший брат включил транзисторный приемник и приложил его к уху младшего. Приемник вещал приятным женским голосом диктора: «…Уместно вспомнить и о болотных течениях. В последнее время болотные вулканические течения соединились в один мощный поток и, приобретя красноватый оттенок вследствие смешивания с лавой…» — тут приемник умолк.

Старший брат постучал в приемник, и тот снова завещал: «…И на территории болгарского города Пловдив исчезает, впадая, по-видимому, в

городской водопровод».

— Хорошенькие в Болгарии водопроводы, если туда могут попадать болотные течения из Калуги.

— Старые, вероятно, со времен царя Калояна.

— И что, водопровод ни разу не ремонтировали?

— Ни разу.

— А где мы возьмем деньги на билеты в Болгарию?

— Постой, где мы брали деньги на поездку в Калугу?

— Нам тогда прислал их Модест Павлович.

— Кто этот Модест Павлович такой?

— Я точно не знаю, но он нам всегда помогает, если что-то не так.

Братья продолжали идти быстрее, направив головы вперед. Редкие пчелы доносили запах меда с далеких крымских пасек.

На рынке в Пловдиве братья продали рваный тулуп Акима и электроглянцеватель. На вырученные деньги были куплены кирка, две лопаты (одна штыковая, другая совковая) и кожаный чехол, в котором лежало ручное бурило.

На улице Басила Коларова братьям повстречался Ярошевский, их неплохой знакомый, который имел способность сочинять стихи. Можно было не спрашивать, почему он оказался именно здесь, потому что с Ярошевским случалось и не такое. Ярошевский поинтересовался, как у них с жильем, и предложил им сходить по адресу к одной старушке, у которой одно время сам Ярошевский снимал квартиру до тех пор, пока у старушки была корова, парное молоко которой он так любил. В марте старушка убила корову, и Ярошевский ушел от нее. Старушка купила другую корову, но Ярошевский к ней больше не придет. Ярошевский беззлобно ругался, называя старушку старой, выжившей его из дома женщиной.

Когда Ярошевский ушел, старший брат сказал:

— Я считаю, что нам следует обратиться в управление водоканализационного хозяйства города Пловдив и заявить, что мы археологи и хотим выяснить, где проходят водопроводные магистрали, чтобы не наткнуться на них при производстве работ, запланированных на октябрь месяц.

— А если они ответят, чтобы им послали официальный запрос или, еще лучше, прислали двух знающих дело человек, — что мы на это скажем?

— Мы скажем, что мы и есть эти два человека.

— Ты смотри, как получается. Ладно, идем в управление.

И братья пошли к старушке устраиваться на ночлег, потому что уже наступила ночь. На следующий день, выходя из управления, братья знали, что водопровод Пловдива функционирует прекрасно, за исключением пятнадцатиметрового отрезка трубы, питающего городской фонтан. Сомнений не оставалось. Труба была забита баллончиком.

Городской электротранспорт благополучно домчал их к фонтану. Меж тополей, на тонких аллеях, стояли перекрашенные в другой цвет синие скамейки.

— Вот и фонтан. Как ты думаешь, это тот фонтан, который нам нужен?

— Конечно, тот. В управлении сказали, что в городе не работает только один фонтан, а этот, судя по всему, давно не работает. Посмотри, дно фонтана усеяно скелетами декоративных рыбок и монетами.

— Ты прав. Нам следует сходить в камеру хранения за инструментом и немедленно приступить к работам.

Почва была мягкой, и лопата легко входила в

грунт. К концу дня братья почти добрались до трубы.

Всю следующую ночь младший брат не давал покоя старшему. Он требовал у него денег на покупку розового масла. Старший брат сжалился над ним и дал ему несколько левов. Утром в коридоре послышался шум. Старший брат надел шаровары и по холодному цементному полу прошел в коридор. Возле рукомойника, наклонившись над алюминиевым тазиком, стоял младший брат и лил розовое масло из небольшого ковшика себе на голову. Масло стекало по обеим сторонам его лица и падало в тазик, издавая те звуки, которые привели старшего брата в коридор.

— Что ты делаешь?

— Понимаешь, у меня сегодня свидание с Лили Конандойчевой.

— Кто это такая?

— Гимнастка цирка. Мы договорились встретиться у церкви св. Марины.

— Ты что, забыл зачем мы сюда приехали?

— Знаешь, сегодня утром я никак не мог вспомнить, что мы здесь делаем.

— Неужели ты мог забыть? Телекинез. Повиланов. Баллончик с рукописью — мы ищем его.

— Да-да, теперь припоминаю. Он застрял в трубе у фонтана. Но ты не беспокойся. Свидание с Лили у меня вечером. Если тебе не трудно, дай мне, пожалуйста, полотенце.

Не успел старший брат снять со стены полотенце, как оно упало на пол и старший брат не успел его снять. Это сильным порывом ветра полотенце было сорвано с крюка и брошено вниз. Старший брат вышел на балкон. Шел сильный дождь.

Ввиду непогоды работа была отложена на следующий день.

Вечером младший брат поднял зонтик и ушел на свидание. Старший брат стоял у окна и смотрел на улицу. На улице не было ни одного прохожего. Старший брат подумал, что вода, должно быть, залила выкопанную ими траншею и теперь придется ведром вычерпывать воду.

Отворилась дверь, и в комнату вошла Наташа. Она сняла плащ, повесила его на гвоздь, окинула голубым взглядом стены, взяла веник и стала подметать пол. Потом она собрала мусор на совок, выпрямилась, одернула платье, откинула косу за спину и вышла. Старший брат хотел крикнуть: «Наташа, вы забыли плащ, вернитесь!» Но плаща

на гвозде уже не было.

Старший брат вышел в коридор. Коридор был пуст. На подоконнике стоял ковшик. Из него пахло цветами. Старшему брату вдруг очень захотелось пить. Он схватил ковшик и осушил его. Потом вернулся в комнату, сел в угол дивана и долго так сидел.

Вошел младший брат.

— Не пришла эта Конандойчева. Напрасно я прождал ее целый час у церкви св. Марины. А говорила, что придет.

Он сел на диван рядом с братом, и на колени его легла безжизненная рука.

— Брат, что с тобой?

Желтая кожа старшего брата была покрыта глубокими морщинами. Он открыл глаза и, заметив брата, произнес из Ярошевского:

Тихо взвешивая ноги.
Появился слабый Шульц.

Пот выступал у него на лбу каплями розового масла и, испаряясь, конденсировался на потолке.

Дождь лил весь следующий день и перестал идти только в четверг.

Полдня братья провозились, вытаскивая полусгнившую трубу из земли при помощи ручной лебедки. Труба переломилась сразу в нескольких местах, из одного их них выпал баллончик. Когда братья вскрыли его, они обнаружили лишь горсть пепла, которая рассыпалась по земле. Младший брат долго тряс баллончик, стучал молотком по донышку и, наконец, разрезал его кровельными ножницами по всей длине. Подняв голову, он увидел, что старший брат, криво улыбаясь, смотрит на его занятие. Когда младший брат спросил, в чем причина иронической усмешки над ним, старший ответил, что все старания напрасны, так как он уже догадался, что бумага, на которой писал Повиланов, испепелилась под влиянием высоких температур в подземных вулканических потоках. Стало ясно, что пора возвращаться домой.

В самолете пахло пряниками, которые ел Ярошевский, случайно летевший с ними. Ярошевский их не узнал и ни разу с ними не забеседовал: по-видимому, братья сильно видоизменились. Никакого желания подходить к Ярошевскому у них не было, тем более что от него пахло дешевыми болгарскими пряниками.

У братьев было непонятное состояние. То, что

произошло, выбило их из колеи, однако до конца разобраться в случившемся они не могли. Ни одной мысли не появлялось в головах братьев. В оцепенении они безучастно смотрели в окно самолета.

Они не заметили, как стюардесса поставила им на колени подносы с едой. И только замечание: «Почему вы не едите?» — заставило их посмотреть влево, на укрытого клетчатым пледом старика в очках, который, мерно жуя, глядел на них.

— Вы меня, конечно, простите, — продолжал старик, — но если у вас случилось несчастье, не стоит так огорчаться. Вы еще очень молоды. Вы еще можете всего добиться. Я сейчас вам расскажу, как добился своего некий Бреев, и вы увидите, насколько я прав.

ЛЕГЕНДА О БРЕЕВЕ

На берегу Каспия иногда находят черный янтарь. Древние греки говорили, что именно черный янтарь принес счастье Брееву. Вот как это было.

Однажды Марк Цыше прогуливался с Аврелием Лукацким вдоль Колизея. Молодые эллядки, подобрав хитоны, переходили улицу. Из Колизея виднелся край Пантеона. Бряцая эфесами

мечей, шли на тренировку в амфитеатр гладиаторы. Подбоченившись и потягивая из кубка кумыс, к зданию Паноптикума направлялся сенатор Анатолий Рецензий Мубр.

Марк Цыше достал из подола сферическое зеркало и линзу, навел луч на пятку и чиркнул спичкой о подошву сандалии. Костер в мраморной чаше быстро разгорался.

Древние греки Марк и Аврелий пытались выплавить медную трубу. Труба расплавлялась прежде, чем ее успевали вынуть из огня. Казалось, что и на этот раз старания греков увенчаются неудачей. Но уже брал разгон от самого Пантеона могучий Бреев. Подняв над головой огромную глыбу черного янтаря, он мчался подобно вихрю, сбивая на своем пути плебеев. Остановился, в изумлении уронив кубок, Анатолий Рецензий Мубр.

На огромной скорости Бреев примчался к костру и точным ударом ноги выбил раскаленную медную трубу из пламени. С тех незапамятных времен технология изготовления медных труб значительно изменилась. Так принес счастье Брееву черный янтарь.

— Ну как, молодые люди, вам нравится эта история? — сказал старик, вытирая после рассказа рот носовым платочком.

Легенда о Брееве, по правде говоря, развеселила братьев, хотя они и не поняли почему.

— Вот мы уже с вами давно беседуем, молодые люди, а я даже не знаю, как вас зовут, а вы — как

меня. Давайте познакомимся. Меня зовут Айва Бубенцов.

Вскоре после приезда домой старший брат слег в больницу с двусторонним воспалением легких. Целыми днями он лежал в кровати и смотрел в потолок.

Младший брат чувствовал себя плохо и все время сидел дома. У него пропало желание идти в магазин за продуктами, он нашел в шкафчике банку засахарившегося меда и пил с ним чуть теплый чай. В квартире становилось холодно. Младший брат топил печку одними дровами. Угля ему никто не привез.

Два или три раза он навестил своего брата, причем в последний раз, возвращаясь из больницы, он заблудился и с большим трудом нашел свой дом. После этого случая он не решался больше выходить на улицу. С утра до вечера младший брат сидел в кресле спиной к окну и дремал.

Как-то, проходя возле шкафа, он провел пальцем по зеркалу и увидел слой пыли. Тогда он нашел старую байковую рубашку и протер зеркало, стол и стулья. Он хотел еще протереть книжный шкаф, но уронил рубашку за диван.

Доставать ее было лень, и через неделю все опять покрылось пылью.

В один из таких дней младший брат увидел в окно, что идет снег. От этого в комнате стало белей. И в этот день произошли два события. Пришел дворник и сказал, что надо уплатить за квартиру за восемь месяцев и за электричество. Дворник ушел, и вслед за этим позвонили. Младший брат думал, что это вернулся дворник, но это был старший брат. Он был вполне здоров и, в отличие от младшего, хорошо выглядел.

Братья поехали на склад и привезли хороший уголь. Стали жарко топить печку. В комнате становилось так тепло, что пришлось отодвинуть от печки мебель, чтобы она не рассохлась. Аким ежедневно готовил горячую пищу. Братья часто выходили на улицу, гуляли по парку, дышали морозным воздухом.

Как-то вечером старший брат ввинтил в патрон 150-ваттную лампу, и они вдвоем с братом принялись перебирать книги. Среди книг оказалось много непрочитанных. Младший брат просматривал их одну за другой и, дойдя до брошюры Цуканова «Природа движущихся тел», прочел предисловие: «В этой книге говорится о законах, которым подчиняется движение тел, и о способах

перемещения тел в пространстве».

— Посмотри оглавление. Что там есть?

— Оглавление. Пространство движущихся тел, летательные аппараты, гипотезы о неизвестных способах передвижения, транспортировка предметов путем телекинеза…

— Подожди, что это за телекинез?

— Не знаю. Первый раз слышу.

— Интересный термин. Он мне чем-то нравится.

— О телекинезе здесь всего одна страница, с 56-й по 57-ю. Я могу прочесть.

— Это действительно очень интересно, — сказал Аким. — Перемещать предметы, используя в качестве двигателя энергию мозга, — до такого я бы не додумался никогда.

— А что если нам попробовать. Ведь мы с тобой не очень занятые люди.

— Ты думаешь, у нас что-нибудь выйдет?

— Почему бы и нет. Для этого не требуется никаких приборов.

Через некоторое время братья убедились, что телекинез и в самом деле возможен. Им удавалось, хоть и со значительными трудностями, перемещать швейную иглу и вводить ее внутрь бутылки. Как только это происходило, нервы

Акима, ослабленные многочасовой изнуряющей работой мозга, не выдерживали. Он срывался со стула, хватал пробку и вдавливал ее потным указательным пальцем в горлышко бутылки с такой силой, что из-под желтого прокуренного ногтя выступала кровь.

Время шло, и братья добились вот какого успеха: Аким мог заставить карандаш встать на острие и написать слово «аким» на бумаге, в то время как второй брат держал бумагу рукой, чтобы она не двигалась вслед за карандашом. Эта работа была очень филигранная. После нее братья стали поднимать тяжести. Однажды в полной тишине им удалось поднять стол и четыре стула. Тень от них занимала весь потолок. Когда стол и стулья были опущены на место, младший брат задумался и хрипло спросил:

— Что теперь? Шкаф что ли двигать? А зачем?

— Шкаф двигать нам ни к чему.

— Значит, мы уже достигли всего?

— Я подозреваю, что с помощью телекинеза можно добиться чего-то такого, ради чего стоит потратить всю жизнь.

— Что же это такое?

— Я не знаю.

— По-моему, нам есть смысл посоветоваться

с Федей.

На следующий день братья пошли к Феде, а еще через день они уже ехали в Калугу. Модест Павлович шёл домой по холодным весенним лужам, пропитанным снегом. Красная фланель внутри его калош намокла и стала бурой. Входя в подъезд своего дома, Модест Павлович задел плечом ворота, выкрашенные плохой черной краской, разбавленной керосином, которой обычно красят ворота дворники и которая неделями не сохнет, но не заметил этого.

Модест Павлович прошел на кухню, порылся в шкафчике и не нашел там ничего, кроме пакетика с сушеными абрикосами. Он открыл форточку, сел на стул, бросил в рот горсть абрикосов и стал их медленно жевать. Затея Модеста Павловича, которая стоила ему таких трудов, провалилась.

После продолжительных дискуссий на ученом совете он все-таки убедил присутствующих в необходимости построения самосовершенствующейся модели по его, Модеста Павловича, способу задания исходной информации. И это, конечно, была большая победа, потому что покойный уже автор метода «уподобления действительности», которым решалась задача, придерживался совершенно иной точки зрения.

Метод «уподобления действительности» основывается на том, что в практическом решении научных проблем, как правило, принимает участие материал, ничего общего по содержанию с предметом проблемы не имеющий; однако именно этот посторонний материал зачастую придает необходимому материалу тот способ организации, который и составляет решение задачи.

Центральная идея метода — создать «машинный индивидуум», поведение которого задано как необходимой, так и дополнительной информацией. Индивидуум действует в ситуации, представляющей собой особым образом сформированную дополнительную информацию. Ситуация и индивидуум оказывают друг на друга воздействие, в результате которого непрерывно изменяющийся индивидуум проходит последовательно ряд ситуаций, вытекающих одна из другой. Создание новых, еще не существовавших ситуаций ведет участвующих в программе индивидуумов к нетривиальному решению проблем, поставленных перед машиной.

Споры разгорелись относительно способа задания исходной информации. Большинство полагало необходимым ввести жесткие граничные условия — это, по их мнению, гарантировало, что

полученный ответ будет ответом на вопрос, поставленный в задаче. Модест Павлович высмеял это суждение, заметив, что такой ответ мог бы получить бухгалтер на своих конторских счетах. Он сказал: «Без неопределенности в условии задачи никакой речи об оригинальности решения быть не может. К тому же я оставляю за собой право в любой момент ввести в уже действующую программу поправочный коэффициент на происходящее событие, чтобы увеличить вероятность развертывания этого события в нужном направлении».

Модеста Павловича назначили руководителем эксперимента. Две недели он пропадал в институте и, никому ничего не доверяя, следил за ходом событий. Сегодня, около девяти часов утра, выйдя из буфета, где он поел вареных сосисок с огурцами и выпил бутылку фруктовой воды, Модест Павлович в хорошем настроении подошел к машине и обнаружил, что случилось то, чего никто не предвидел: цепь событий возвратилась к исходной точке.

Пришли математики и стали размышлять вслух. Конечно, сказали они, этого следовало ожидать. Информация с высоким уровнем неопределенности в процессе бесконтрольных

преобразований одного и того же рода неминуемо приведет к информации с первоначальным уровнем неопределенности. И абсолютно ясно, продолжали они, что ситуация, возникшая после таких преобразований, в частном случае может повторить исходную.

Модест Павлович жевал абрикосы и никак не мог понять, где была допущена ошибка. Может быть, не следовало вводить в искусственный базис уже фигурировавших индивидуумов? Может, подумал вдруг Модест Павлович, зря я послал деньги на поездку в Пловдив?

Так или иначе, во было потеряно. И раньше никто не понимал до конца его замыслов, а сейчас, когда программа зациклилась и эксперимент провалился смехотворным образом, ни на чью поддержку он рассчитывать уже не мог.

Модесту Павловичу полагался отпуск за два года. Он приобрел соломенную шляпу и в белом чесучовом костюме разгуливал по аллеям парка культуры и отдыха, останавливаясь иногда возле биллиардной и прислушиваясь к стуку шаров.

На третий день отпуска Модест Павлович проснулся среди ночи мокрый от пота, накрутив на себя одеяло. Ему приснился Повиланов, который сидел на корточках посреди болота и бил в

гонг. От звука гонга Модест Павлович проснулся и не смог заснуть до утра. На следующую ночь он увидел во сне своего школьного товарища Игоря Карлова. Игорь Карлов продирался сквозь заросли чеснока, лысый, как чисто вытертая тарелка. В маленькой конторе, стоящей на самом краю земли, росли пальмы и горел свет. Под пальмами сидели беспомощные африканские охотники за помидорами и курили березовые трубки, изготовленные из черного дерева. Один из них вынул трубку изо рта и сказал: «Лучшее средство против облысения — это москиты». В углу его комнаты кто-то, глядя на него неподвижными глазами, бурчал: «Да-да-да-да, только москиты». Модест Павлович взял со стула очки, надел их и долго разглядывал издали стоящий в углу шкаф.

Прошло еще несколько дней, и Модест Павлович отправился на рыбалку. Река недавно освободилась ото льда, в темно-синей ее воде отчетливо виднелось гусиное перо с нанизанным на него куском пробки.

Послышались слабые удары гонга. Модест Павлович привстал и прислушался. Звуки неслись из-за лесополосы. Стараясь не наступать на сухие ветки, Модест Павлович осторожно стал пробираться на звук, пока, пройдя лесополосу,

не вышел на железнодорожное полотно. Там, равномерно размахивая тяжелыми молотками, трое рабочих загоняли костыли в шпалы. Модест Павлович стоял и смотрел. Рабочие забили последний костыль, сели на дрезину и уехали. Модест Павлович собрал снасти и пошел домой. Удары гонга лезли ему в уши.

Вечером Модест Павлович зачем-то полез на антресоли. Там было темно и душно. Он зажег спичку, но спичка сразу погасла. И тут за спиной Модеста Павловича грянул туш. Он оглянулся. Внизу, освещенная лучами прожекторов, сверкала желтым песком цирковая арена. В полной тишине появилась гимнастка Лили Конандойчева и полезла вверх по серебряной с узелками проволоке. Поднявшись до уровня Модеста Павловича, она протянула к нему руку и раскрыла кулак. На ладони лежал обломок черного янтаря. Модест Павлович, осторожно пятясь, спустился по лестнице, постелил, разделся и лег спать. Спал он спокойно, тихо. Ни одного сна не приснилось ему в эту ночь.

А утром к нему пришли пионеры. Их было много, и на всех не хватило стульев. Некоторым пришлось сесть на ковер.

— Уважаемый Модест Павлович, — сказали

пионеры, — мы ученики 103-й школы. Мы много читали о кибернетике и знаем, что вы работаете научным сотрудником в институте. Мы очень просим вас, Модест Павлович, выступить в нашей школе и рассказать всем ученикам о роботах. Нам бы хотелось знать, где делают роботов и зачем они нужны людям. Скажите, когда вы будете свободны и сможете к нам придти.

— Знаете что, ребята, — произнес Модест Павлович, сняв очки и потерев переносицу. — В минуты беспредельного одиночества, когда в квартире холодно и в стекла окон хлещут беспощадные струи непрекращающегося дождя, я часто думаю в эти минуты о том, как было бы хорошо, если бы было сделано такое изобретение, как телефон…

Модест Павлович встал с кресла, сел на диван и опустил голову.

— Тогда бы в сырой, грязный и отдающий мертвечиной осенний вечер не пришлось бы, съежившись и подняв воротник плаща, садиться в троллейбус и ехать на другой конец города к другу. Тогда бы, затворив поплотнее окна и заварив крепкий чай, можно было бы лечь на диван и набрать номер телефона. Сквозь мокрый холодный город, сквозь нагромождение грусти и неуюта можно было бы вести тогда долгую

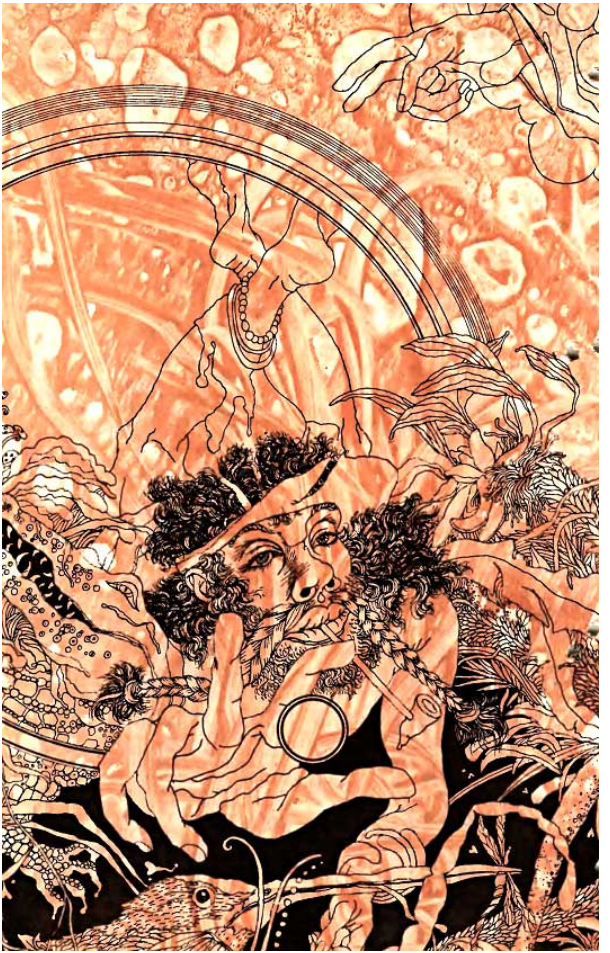
задушевную беседу. Это все, ребята, что я могу вам сказать.

От автора.Эта повесть написана более 15 лет назад. Ситуации и персонажей помогал придумывать Дима Мильнер, мой сокурсник. То были годы нашей учебы в благодатном Одесском сельхозинституте. Печатать такое по тем временам — нет, ни для чего подобного повесть не предназначалась. Мне и сейчас кажется странным, что Модест Павлович в конце концов увидел свет, пусть и в несколько сжатом, журнальном виде.

№ 9

Станислав Лем

Профессор А. Донда



Из воспоминаний Ийона Тихого

Эти строки я пишу на глиняных табличках, сидя перед своей пещеркой. Раньше я часто задумывался, как же это делалось в Вавилоне, но никак не мог предположить, что мне самому придется этим заняться. Тогда, наверное, глина была лучше, а может быть, клинопись больше подходит для такого случая.

У меня глина то расплывается, то крошится, но все равно это лучше, чем царапать известняком по сланцу, — с детства не переношу скрежета. Теперь я уже не стану называть первобытную технику примитивной. Прежде чем уйти, профессор долго наблюдал, как я мучаюсь, высекая огонь, а после того как я сломал поочередно консервный ключ, наш последний напильник, перочинный нож и ножницы, он заметил, что доктор Томпкинс из Британского Музея сорок лет назад попробовал вручную изготовить обыкновенный скребок, какие делали в каменном веке, но только вывихнул себе запястье и разбил очки. Профессор добавил еще что-то о презрительном высокомерии, с которым мы привыкли смотреть на своих пещерных предков. Он прав.

Мое новое жилище убого, матрас совсем сгнил, а из артиллерийского бункера, где мы, было, так хорошо устроились, нас выгнала старая больная горилла, которую черт принес из джунглей. Профессор утверждает, что горилла нас совсем не выселяла. Это тоже правда — она не проявляла агрессивности, но меня нервировали ее игры с гранатами. Может быть, я и попытался бы ее прогнать — я заметил, что она боялась красных банок с консервированным раковым супом, их там еще много осталось, — но боялась она их не то чтобы очень сильно, а кроме того, Марамоту, который теперь открыто признается в шаманстве, заявил, что узнал в обезьяне душу своего дяди, и запретил нам ее раздражать. Мне очень жаль бункера; когда-то он служил одним из пограничных укреплений между Гурундувайю и Лямблией, но теперь солдаты разбежались, а нас выкинула вон обезьяна. Я все время невольно прислушиваюсь, потому что забавы с гранатами добром не кончаются, но пока слышны только стоны объевшихся урувоту и ворчание того павиана с подбитым глазом, про которого Марамоту говорит, что это не простой павиан, но если я не буду делать глупостей, то и он, наверное, тоже не перейдет к действиям.

Порядочная хроника должна иметь датировку. Я знаю, что конец света наступил сразу после периода дождей. С тех пор прошло несколько недель, но я не могу сказать, сколько именно, потому что горилла отняла у меня календарь, в котором я записывал важнейшие события — сначала чернилами, а когда они кончились — раковым супом.

Профессор убежден, что это вовсе не конец света, а только конец нашей цивилизации. Я вынужден с ним согласиться, ибо нельзя события таких размеров мерить своими личными неудобствами. Ничего страшного не произошло, — говорил поначалу профессор и предлагал Марамоту и мне что-нибудь спеть, однако, когда у него кончился табак, он потерял душевное спокойствие и после попытки набить трубку кокосовыми волокнами отправился в город за новым табаком, хотя вполне представлял себе, чем грозит в теперешних условиях такое путешествие. Не знаю, увижу ли я его когда-нибудь. Тем более я обязан оставить его жизнеописание потомкам, которым предстоит возродить цивилизацию. Моя судьба сложилась так, что я вблизи мог наблюдать выдающихся личностей эпохи, и кто знает, не будет ли Донда признан первым

среди них. Но сначала надо объяснить, как я оказался в африканском буше, который сейчас стал ничьей землей.

Мои достижения на ниве космонавтики принесли мне некоторую известность, и разнообразные организации, учреждения и частные лица обращались ко мне с просьбами о сотрудничестве, титулуя меня профессором, членом Академии или, по меньшей мере, доктором.

Мне все это было неприятно, поскольку я считаю, что не заслужил никаких званий, но профессор Тарантога убедил меня, что общественное мнение не может смириться с пустотой, зияющей перед моей фамилией, и, договорившись за моей спиной со своими влиятельными знакомыми, сделал меня Генеральным представителем ФАО — Всемирной продовольственной организации — в Африке.

Я принял этот пост вместе с титулом Советника и Эксперта, потому что считал его чистой синекурой, но оказалось, что в Лямблии, республике, которая мгновенно от палеолита перешла к монолиту современного общественного устройства, ФАО построила фабрику кокосовых консервов, и я как полномочный представитель должен был ее торжественно открыть. И надо же было случить-

ся, что магистр-инженер Арман де Бэр, который сопровождал меня по поручению ЮНЕСКО, на приеме во французском посольстве потерял очки и, приняв сослепу шакала, подвернувшегося ему под руку, за легавую, решил его погладить. Известно, что у шакалов на зубах может оказаться трупный яд. Увы, достопочтенный француз пренебрег опасностью и через три дня умер. В кулуарах лямблийского парламента прошел слух, будто шакал одержим злым духом, которого вселил в него некий колдун, и кандидатура этого колдуна на пост министра религиозных культов и народного просвещения была снята после демарша французского посольства. Посольство не дало официального опровержения, возникла деликатная ситуация, а государственные мужи Лямблии, неопытные в дипломатическом протоколе, вместо того чтобы без лишнего шума отправить останки на родину, сочли это событие еще одним поводом блеснуть на международной арене. Генерал Махабуту, военный министр, дал траурный коктейль, на котором, как принято в таких случаях, все со стаканами в руках беседовали обо всем и ни о чем, и я, сам не помню когда, на вопрос полковника Баматагу, директора Департамента по европейским делам, ответил,

что действительно, высокопоставленных покойников у нас иногда хоронят в запаянных гробах. Мне и в голову не пришло, что этот вопрос имеет что-то общее с умершим французом, а лямблийцы, в свою очередь, не нашли ничего противоестественного в использовании фабричных устройств для похоронного ритуала. И умершего выслали самолетом Эр Франс, в ящике с рекламой кокосов, но самым оскорбительным было то, что в ящике находилось 96 запаянных консервных банок.

Потом из меня сделали козла отпущения — мол, я не предотвратил скандала; но как я мог такое предвидеть, если ящик был заколочен и покрыт трехцветным флагом? И еще все возмутились, отчего я не послал лямблийским властям меморандума с разъяснением, насколько неуместна развеска покойников на порции и консервирование их в банках. Но мне было не до того. Генерал Махабуту неизвестно зачем прислал мне в номер лиану, и только потом, от профессора Донды, я узнал, что это был намек на виселицу. После этой увертюры к отелю прибыла экзекуционная команда, которую я, не зная языка, принял за почетный караул. Если бы не Донда, я наверняка не поведал бы этой истории, а впрочем, и никакой

другой. В Европе мне советовали остерегаться его, как беспринципного мошенника, который использовал легковерие и наивность молодого государства, чтобы свить себе там теплое гнездышко. Бессовестные шаманские штучки он поднял до уровня теории, которую и преподавал в местном университете. Поверив своим информаторам, я считал профессора шарлатаном и прохвостом и на официальных приемах держался от него подальше, хотя он производил на меня впечатление вполне симпатичного человека.

Генеральный консул Франции, резиденция которого находилась ближе всего (от английского посольства меня отделяла река, кишащая крокодилами), отказал мне в убежище — и это при том, что я прибежал к нему из «Хилтона» в одной пижаме. Консул сослался на государственные соображения, а именно на ущерб интересам Франции, мною якобы нанесенный. Наш разговор через дверной глазок шел на фоне ружейных залпов — это присланная за мной команда тренировалась на задворках отеля, — и я стал прикидывать, идти ли мне на расстрел или броситься к крокодилам, как вдруг из камышей выплыла нагруженная багажом пирога профессора. Когда я уже сидел на чемоданах, профессор

сунул мне в руки весло и объяснил, что у него как раз кончился контракт в Кулахарском университете и он плывет в Гурундувайю, куда его пригласили в качестве профессора сварнетики. Такая неожиданная смена университетов могла бы показаться странной, но мне в тот момент было не до вопросов.

Даже если я был нужен Донде только как гребец, то все равно, он спас мне жизнь. Мы плыли уже четыре дня и за это время познакомились ближе. Я, правда, опух от москитов — от себя Донда отгонял их репеллентом, а мне говорил, что в банке осталось слишком мало снадобья. Я и на это не обижался, принимая во внимание деликатность ситуации. Донда читал прежде мои книги, и я не мог рассказать ему о себе ничего нового, зато я многое узнал о его жизненном пути.

Вопреки своей фамилии, Донда не славянин, да и назвали его так случайно. Имя Аффидавид он носит уже шесть лет, с тех пор, как, покидая Турцию, написал требуемый властями аффидевит[10] и вписал это слово не в ту графу анкеты, так что получил паспорт, аккредитивы, справку о прививках, кредитную карточку и страховой

---

[10] Примечания: 10
Affidavit — письменное показание под присягой *(англ.).*

полис на имя Аффидавида Донды и, подумав, смирился, потому что, в сущности, не все ли равно, как кого зовут.

Профессор Донда появился на свет благодаря серии ошибок. Его отцом была метиска из индийского племени Навахо, матерей же у него было две с дробью, а именно: белая русская, красная негритянка и, наконец, мисс Эйлин Сибэри, квакерша, которая и родила его после семи дней беременности в драматических обстоятельствах, то есть в тонущей подводной лодке.

Женщину, которая была отцом Донды, приговорили к пожизненному заключению за взрыв штаб-квартиры похитителей и одновременно — за катастрофу самолета компании Пан-Ам. Ей поручили бросить в штаб экстремистов-похитителей петарду с веселящим газом — как предупреждение. Она отправилась из Штатов в Боливию, но во время таможенного досмотра на аэродроме перепутала свой несессер с сумкой стоявшего рядом японца, и экстремисты взлетели на воздух, потому что у японца в сумке была настоящая бомба, предназначенная для кого-то другого. Самолет же, с которым по ошибке — в тот день бастовали наземные службы — вылетел ее несессер, разбился сразу после старта. Похоже,

что пилот от смеха потерял контроль над управлением, а реактивные лайнеры при взлете, как известно, не проветриваются. За все это бедняжку упрятали в тюрьму до конца дней, и уж кто-кто, а эта девица, казалось, не имела никаких шансов оставить потомство; однако не следует забывать, что мы живем в век науки.

Как раз тогда профессор Харлей Помбернак изучал наследственность у заключенных в боливийских тюрьмах. Он брал живые клетки следующим образом: каждый из узников лизал предметное стеклышко микроскопа — этого достаточно, чтобы отслоилось несколько клеток слизистой оболочки. В той же самой лаборатории другой американец, доктор Джаггернаут, искусственно оплодотворял человеческие яйцеклетки. Стеклышки Помбернака каким-то образом перемешались со стеклышками Джаггернаута и попали в холодильник, в то место, где должны храниться мужские половые клетки. Из-за этой путаницы клеткой слизистой оболочки метиски оплодотворили яйцеклетку, донором которой была русская, дочь белоэмигрантов. Теперь вам, наверное, ясно, почему я назвал метиску отцом Донды: тот, кто дал оплодотворяющую клетку, конечно, отец, даже если он женщина.

Ассистент Помбернака в последнюю минуту спохватился, вбежал в лабораторию и крикнул: «Don't do it!»[11] — но, как большинство англосаксов, произнес эти слова невнятно, и получилось что-то вроде «Дондо». Позже, когда выписывали метрику, это созвучие каким-то образом припомнилось и получилась фамилия «Донда» — так, по крайней мере, рассказывали профессору двадцать лет спустя.

Оплодотворенное яйцо Помбернак поместил в инкубатор. Эмбриональное развитие в пробирке продолжается обычно около двух недель, затем зародыш погибает. Но, по стечению обстоятельств, именно тогда Американская лига борьбы с эктогенезом добилась судебного приговора, по которому все оплодотворенные яйцеклетки были изъяты из лабораторий, и одновременно через газету стали подыскивать милосердных женщин, согласных доносить эмбрионы. Откликнулись многие, среди них и негритянка, которая еще не имела понятия о том, что через четыре месяца примет участие в нападении на склады поваренной соли фирмы Надлбейкер Корпорейшн. Негритянка принадлежала к группе актив-

---

[11] Примечания: 11
Не делайте этого! *(англ.)*.

ных защитников окружающей среды, которые протестовали против постройки атомной электростанции в Массачусетсе и, не ограничиваясь пропагандой, решили уничтожить склад соли, потому что из нее электролитическим путем получают металлический натрий, который служит теплоносителем, передающим энергию от ядерных реакторов к турбинам. Правда, реактор, который собирались построить в Массачусетсе, не нуждался в натрии. Он работал на быстрых нейтронах с новым теплоносителем, а фирма, выпускавшая этот теплоноситель, находилась в Орегоне и называлась Мадлбейкер Корпорейшн. Что же касается уничтоженной соли, то эта была вовсе не поваренная, а калийная соль, предназначенная для производства удобрений.

Процесс негритянки долго тащился от инстанции к инстанции, так как версии защиты и обвинения были достаточно аргументированы. Обвинение утверждало, что речь идет о покушении на собственность федерального правительства и что суд должен принять во внимание преднамеренные действия, а не случайные ошибки в исполнении. Защита, в свою очередь, стояла на том, что имело место лишь дальнейшее ухудшение и без того испорченных,

залежавшихся удобрений, находившихся в частной собственности, и поэтому дело находится в компетенции штата. Негритянка, понимая, что так или иначе ей придется рожать в тюрьме, отказалась от продолжения материнства в пользу новой филантропики. Ею оказалась квакерша, некая Сибэри. Квакерша, чтобы немного развлечься, на шестом дне беременности отправилась в Диснейленд на подводную экскурсию по супераквариуму. Подводная лодка потерпела аварию, и, хотя все кончилось благополучно, у мисс Сибэри от нервного потрясения случился выкидыш. Плод, однако, удалось спасти. Поскольку мисс Сибэри была беременна только неделю, вряд ли можно считать ее настоящей матерью Донды — отсюда и дробное обозначение.

Потребовались объединенные усилия двух детективных агентств, чтобы выяснить истинные факты, касавшиеся как отцовства, так и материнства. Прогресс науки аннулировал старый принцип римского права: «Mater semper serta est»[12]. Для порядка добавлю, что пол профессора остался загадкой, потому что из двух женских клеток может развиться только женщина. Откуда

---

[12] Примечания: 12
Мать всегда известна точно *(лат.)*.

появилась мужская хромосома, неизвестно. Но я слышал от вышедшего на пенсию работника Пинкертоновского агентства, который приезжал в Лямблию на сафари, что пол Донды не представляет никакой загадки — в третьем отделе лаборатории Помбернака предметные стекла давали лизать жабам.

Профессор провел детство в Мексике, потом натурализовался в Турции, где перешел из епископального вероисповедания в дзен-буддизм и закончил три факультета, и, наконец, выехал в Лямблию, чтобы возглавить в Кулахарском университете кафедру сварнетики.

Настоящей его профессией было проектирование птицефабрик, но, когда он перешел в буддизм, то не мог более вынести мысли о тех муках, которым подвергают бройлеров. Двор им заменяет пластиковая сетка, солнце — кварцевая лампа, квочку — маленький равнодушный компьютер, а вольное клевание — помпа, которая под давлением заполняет желудки смесью из планктона и рыбной муки. Им ставят музыку, обычно увертюры Вагнера, которые вызывают у них панику. Цыплята в отчаянье машут крылышками, что ведет к развитию грудных мышц, самых ценных в кулинарном отношении. Может

быть, Вагнер и был той каплей, которая переполнила чашу терпения Донды.

В этих куриных освенцимах, говорил профессор, несчастные создания по мере своего развития передвигаются вместе с лентой, к которой прикреплены клетки, вплоть до конца конвейера, и там, так и не увидев в своей жизни ни клочка голубого неба, ни щепотки песка, подвергаются обезглавливанию, отвариванию и расфасовке в банки… Интересно, что мотив консервной банки то и дело появляется в моих воспоминаниях.

И вот, находясь еще в Турции, Донда получил телеграмму следующего содержания: «Will you be appointed professor of svarnetics of Kulaharian University ten kilodollars yearly answer please immidiately Colonel Dronfutu Lamblian Bamblian Dramblian Security Police»[13]. Он тут же ответил согласием, исходя из тех соображений, что можно и на месте узнать, что такое сварнетика, а трех его дипломов достаточно, чтобы преподавать любую из точных наук. По прибытии в Лямблию Донда обнаружил, что о полковнике Друфуту давно уже

[13] Примечания: 13

«Согласны ли Вы занять должность профессора сварнетики в Кулахарском университете десять килодолларов в год ответить просим незамедлительно полковник Друфуту Лямблии Бамблии Драмблии полиция безопасности» *(англ.)*.

никто не помнит. В ответ на расспросы все только смущенно покашливали. Однако контракт был подписан и новому правительству пришлось бы выплатить Донде неустойку за три года, так что кафедру он получил.

Никто не расспрашивал нового профессора о его предмете. Тюрьмы были переполнены, и в одной из них, наверное, находился человек, который знал, что такое сварнетика. Донда искал этот термин во всех энциклопедиях, но понапрасну. Единственным научным подспорьем, которым располагал университет в Кулахари, был новенький, с иголочки, компьютер IBM, подарок ЮНЕСКО. Однако читать студентам кибернетику Донда не имел права — это противоречило контракту. Хуже всего (он признался мне в этом, когда мы продолжали грести в полутьме, едва отличая корягу от крокодила) были одинокие вечера в отеле, которые он коротал, ломая голову над тайной сварнетики.

Обычно бывает так: возникает новая область исследований, потом для нее придумывают название. У него же было название без предмета. Профессор долго колебался между возможными толкованиями и, наконец, решил остановиться на неопределенности как таковой, полагая,

что слово «между» (inter) самое подходящее в данном случае. С той поры в сообщениях, предназначавшихся для европейских журналов, он стал употреблять термин «интеристика»; последователей этой школы в просторечии звали «промежниками». Но только в качестве творца сварнетики Донда приобрел настоящую и, увы, печальную известность.

Конечно, он не смог бы заниматься стыками всех наук, но тут ему снова помог случай. Министерство культуры выделило дотации для тех кафедр, которые связывали свои исследования с национальными традициями страны. Донде это условие пришлось как нельзя более кстати. Он решил изучить пограничную область между рациональным и иррациональным. Начал он скромно, с математизации заклятий. В лямблийском племени Хоту Ваботу уже много веков практиковалось преследование врагов in effigio. Фигурку недруга, проколотую колючками, скармливали ослу. Если осел после этого угощения не издыхал, то это считалось добрым знаком и предвещало скорую смерть врага. Донда принялся за цифровое моделирование врагов, колючек, ослов и т. и. Таким образом он постепенно раскрыл смысл сварнетики. Оказалось, что это слово — со-

кращение английского «Stochastic Verification of Automatized Rules of Negative Enchantment», то есть «стохастическая проверка автоматизированных правил наведения злых чар». Журнал «Nature», куда Донда послал статью о сварнетике, поместил выдержки из нее с оскорбительным комментарием в рубрике «Курьезы». Комментатор назвал Донду кибершаманом, который сам не верит в то, что делает, и поэтому — таков был глубокомысленный вывод — является обыкновенным мошенником. Донда оказался в двусмысленном положении. В чары он действительно не верил и в своем сообщении не утверждал, будто верит, но в то же время не мог публично заявить о своем неверии, потому что уже принял предложение министерства сельского хозяйства заняться оптимизацией заклятий против засухи и вредителей зерновых культур.

Не имея возможности ни отмежеваться от магии, ни признаться в ней, профессор нашел выход в самой сути сварнетики как межотраслевой науки. Он решил держаться между магией и наукой. Хотя к этому шагу его принудили обстоятельства, именно тогда он вступил на путь, который привел его к величайшему из всех открытий в истории человечества.

Отсталость полицейского аппарата в Лямблии привела к значительному росту числа преступлений, особенно против жизни граждан. Вожди племен, ставшие в новых условиях атеистами, тут же перешли от магических преследований оппонентов к реальным, и не было дня, чтобы крокодилы, которые обычно лежали на отмели напротив парламента, не глодали бы чьих-нибудь конечностей. Донда взялся за цифровой анализ этого явления и назвал свой проект «Methodology of Zeroing Illicit Murder» — методология приведения недозволенных убийств к нулю, «МЗИМУ». Вскоре по стране разнеслась весть о том, что в Кулахари появился могучий волшебник Бвана Кубва Донда, обладающий Мзиму, который следит за каждым шагом жителей Лямблии. В последующие месяцы индекс преступности значительно снизился.

Политики, воодушевленные успехом, потребовали, чтобы профессор запрограммировал экономические чары с целью сделать платежный баланс Лямблии положительным. Они также добивались разработки орудия для метания проклятий и заклинаний против соседнего государства Гурундувайю, которое вытесняло лямблийские кокосы с мирового рынка. Донда

сопротивлялся этому нажиму с большим трудом — к тому времени в черно-книжную силу компьютера поверили его многочисленные докторанты. В неофитском азарте им уже мерещилась не кокосовая, а политическая магия, которая дала бы Лямблии мировое господство.

Конечно, Донда мог бы публично заявить, что ничего такого от сварнетики требовать нельзя. Но тогда ему пришлось бы разъяснить истинное ее назначение людям, которые не в состоянии его понять. Таким образом, он был осужден на постоянное лавирование. Тем временем слухи о Мзиму Донды повысили производительность труда, так что платежный баланс немного поправился. Отмежевавшись от этих достижений, профессор отмежевался бы и от дотации, а без нее рухнули бы его гигантские замыслы.

Не знаю, когда ему в голову пришла эта мысль. Профессор говорил об этом как раз в тот момент, когда исключительно злобный крокодил отгрыз лопасть у моего весла. Я дал ему промеж глаз каменным кубком, который Донда получил от делегации колдунов, присвоивших ему звание мага honoris causa. Кубок разбился, огорченный профессор стал осыпать меня упреками, и мы поссорились до следующего привала. Я запомнил

только, что кафедра превратилась в Институт экспериментальной и теоретической сварнетики, а Донда стал председателем Комиссии 2000-го года при Совете Министров, имевшей целью составление гороскопов и их магическое воплощение в жизнь. Мне кажется, что он пошел на поводу у обстоятельств, но я ничего не сказал ему тогда — все-таки он спас мне жизнь.

Разговор не клеился и на следующий день, потому что река на протяжении 20 миль служила границей между Лямблией и Гурундувайю, и пограничные посты обоих государств время от времени обстреливали нас, к счастью, не слишком метко. Крокодилы куда-то исчезли, хотя я предпочел бы их общество пограничным инцидентам. У Донды были заготовлены флаги Лямблии и Гурундувайю, мы размахивали ими перед солдатами, но река выделывает здесь крутые извивы, и раз-другой мы махнули не тем флагом — пришлось ложиться на дно пироги…

Больше всего портил настроение Донде журнал «Nature», которому он был обязан репутацией шарлатана. Однако посольство Лямблии нажало на Форин Оффис, и профессора все же пригласили на Всемирный конгресс кибернетики в Оксфорде. Там он и огласил реферат о Законе Донды.

Как известно, изобретатель перцептрона Розенблатт выдвинул такой тезис — чем больше перцептрон, тем меньше он нуждается в обучении для распознавания геометрических фигур. Правило Розенблатта гласит: бесконечно большой перцептрон вовсе не нуждается в обучении — он все знает сразу. Донда пошел в противоположном направлении и открыл свой закон. То, что маленький компьютер может сделать, имея большую программу, большой компьютер сделает, имея малую, отсюда следует вывод, что бесконечно большая программа может действовать без всякого компьютера. И что же вышло? Аудитория откликнулась на эти слова издевательским свистом. Куда только подевались свойственные ученым сдержанность и хорошие манеры! Журнал «Nature» писал, что если верить Донде, каждое бесконечно длинное заклинание должно реализоваться. Профессора обвинили в том, что чистую воду точной науки он смешал с идеалистической мутью. С тех пор его стали называть «пророком кибернетического Абсолюта».

Окончательно подкосило Дойду выступление доцента Богу Вамогу из Кулахари, который тоже оказался в Оксфорде, потому что был зятем министра культуры, и представил работу под

названием «Камень как движущий фактор европейской мысли». В фамилиях людей, утверждал, доцент, сделавших переломные открытия, часто встречается слово «камень», что следует, например, из фамилии величайшего физика (Эйн ШТЕЙН), великого философа (Витген ШТЕЙН), великого кинорежиссера (Эйзен ШТЕЙН), театрального деятеля (Фельзен ШТЕЙН). В той же мере это касается писательницы Гертруды СТАЙН и философа Рудольфа ШТЕЙНера. Касаясь биологии, Богу Вамогу назвал основоположника гормонального омоложения ШТЕЙаха и, наконец, не преминул добавить, что Вамогу по-лямблийски значит «камень всех камней». А поскольку он всюду ссылался на Донду и свою каменную генеалогию называл «сварнетически имманентной составляющей сказуемого «быть камнем», журнал в очередной заметке представил его и профессора в виде двух сумасшедших близнецов.

Я слушал этот рассказ в душном тумане на разливе Вамбеэи, отвлекаясь главным образом на битье по головам особо нахальных крокодилов, которые кусали торчащие из сумок рукописи профессора и забавлялись, раскачивая лодку. Меня одолевали сомнения. Если Донда занимал в Лямблии такое прочное положение, то почему

он тайком бежал из страны? К чему он в действительности стремился и чего достиг? Если он не верил в магию и насмехался над Богу Вамогу, то отчего проклинал крокодилов, вместо того чтобы взять винтовку (только в Гурундувайю он объяснил мне, что этого не позволяла ему буддийская вера). Тогда мне было трудно добиться от него правды. Собственно, из любопытства я принял предложение Донды стать его ассистентом в Гурундувайском университете. После прискорбной истории с консервным заводом у меня не было желания возвращаться в Европу — я предпочитал подождать, пока инцидент окончательно забудется. И хотя впоследствии я пережил немало, о своем решении, принятом в мгновение ока, я ничуть не жалею, и когда пирога, наконец, уткнулась носом в гурундувайский берег Вамбези, я выпрыгнул первым и подал руку профессору, и в этом рукопожатии было нечто символическое, ибо с тех пор наши судьбы нераздельны…

Гурундувайю — государство в три раза большее, чем Лямблия. Быструю индустриализацию здесь, как это случается в Африке, сопровождала неразлучная с ней коррупция. Но к тому времени, когда мы прибыли в страну, механизм уже забуксовал. То есть взятки по-прежнему брали

все, но никаких услуг взамен не полагалось. Правда, не давшего взятку могли избить. Отчего промышленность, торговля и администрация все еще действовали — этого мы поначалу не могли понять.

По европейским понятиям, страна со дня на день должна была развалиться на куски. Лишь после долгого пребывания в Лумии, столице Гурундувайю, я разобрался немного в новом устройстве, которое заменяет то, что на старом континенте зовется «общественным договором». Мваги Табуин, лумийский почтмейстер, у которого мы поселились (столичный отель закрыли семнадцать лет назад на текущий ремонт), объяснил нам без обиняков, чем он руководствовался, выдавая замуж своих шестерых дочерей. Через старшую он породнился сразу с электростанцией и обувной фабрикой. Вторую дочку он внедрил в продовольственный комбинат через тамошнего привратника. И сделал единственно правильный ход. Одно руководство за другим отправлялось за решетку, лишь привратник оставался на месте, потому что сам ничем не злоупотреблял, а только принимал подношения. Благодаря этому стол почтмейстера всегда был уставлен блюдами с дефицитной едой. Третью дочь Мваги просватал за

ревизора ремонтных кооперативов. Поэтому даже в период дождей крыша его дома не протекала, стены сияли свежей краской, двери закрывались так плотно, что ни одной змее не проползти, и в каждом окне были стекла. Четвертую дочь он выдал за надзирателя городской тюрьмы — на всякий случай. На пятой женился писарь городской управы. Именно писарь, а не, скажем, вице-бургомистр, которому Мваги послал в знак отказа черный суп из крокодильего желудка. Управы менялись, как облака на небе, но писарь держался на своем месте, и только взгляды его менялись, словно фазы луны. Наконец, шестую девушку взял в жены шеф снабжения атомных войск. Войска эти существовали на бумаге, но снабжение было реальным. Кроме того, кузен шефа со стороны матери служил сторожем в зоологическому саду. Эта связь показалась мне совсем бесполезной. Разве что понадобится слон? Со снисходительной улыбкой Мваги заметил: «Зачем же слон? Вот скорпион — другое дело».

Будучи почтмейстером, Мваги не нуждался в семейных связях с почтой, и даже мне, его жильцу, посылки и письма приносили невскрытыми — дело в Гурундувайю редкостное. Я не раз видел, как почтальоны, выходя утром из здания почты

с полными сумками, вываливали прямо в реку пачки писем, отправленных без необходимой протекции. Что же касается посылок, то почтовые чиновники забавлялись игрой, угадывая по очереди, что находится в посылке. Угадавший выбирал себе любую вещь по вкусу.

Нашего хозяина беспокоило только отсутствие родственников в кладбищенском хозяйстве. «Скормят меня крокодилам, сволочи!» — вздыхал он, когда его одолевали грустные мысли.

Высокий прирост населения в Гурундувайю объяснялся тем, что всякий отец семейства старался прежде всего связаться кровными узами с жизненно важными учреждениями. Мваги рассказал мне, как незадолго до закрытия лумийского отеля постояльцы падали от голода, а скорая помощь тем временем развозила по знакомым кокосовые циновки.

Хаувари, бывший капрал Иностранного легиона (после взятия власти он провозгласил себя маршалом и через день награждал себя через Министерство отличий новыми орденами), не осуждал повального стремления устроиться за счет других. Напротив, ему первому пришла в голову мысль национализировать коррупцию.

Хаувари, которого местная пресса именовала

Старшим братом Вечности, не жалел средств на науку, а черпал он их из налогов, которыми облагались в стране иностранные фирмы. Парламент одобрял очередной налог, после чего начинались конфискации, описи имущества и ноты протеста, большей частью без последствий, а когда группа капиталистов укладывала чемоданы, всегда находились другие, которые желали попытать счастья в Гурундувайю, где запасы ископаемых, особенно хрома и никеля, были огромны, хотя кое-кто утверждал, что геологические данные подтасованы по указанию властей. Хаувари покупал в кредит оружие, в том числе истребители и танки, и продавал их Лямблии за наличные.

Со Старшим братом Вечности шутки были плохи. Когда наступила великая засуха, он дал равные шансы христианскому богу и Синему Турмуту, старшему духу колдунов, и три недели спустя, так и не дождавшись осадков, казнил колдунов и выслал всех миссионеров.

Прочитав в порядке обмена опытом биографии Наполеона, Чингисхана и других государственных деятелей, он стал поощрять своих подчиненных к безудержному грабежу, непременно в крупных масштабах. В результате правительственный квартал соорудили из материалов,

украденных Министерством строительства у Министерства водного транспорта, которое собиралось построить из них пристань на Вамбези; капитал для постройки железных дорог был похищен в Министерстве кокосового оборота; только злоупотребления позволили собрать средства для возведения зданий Суда и Следствия; словом, кражи и присвоения дали прекрасные результаты.

Хаувари, который к тому времени уже носил имя Отца Вечности, с большой помпой лично открыл Коррупционный банк, в котором каждый серьезный предприниматель мог получить долгосрочный кредит на взятки, если, конечно, дирекция установит, что его интересы совпадают с государственными.

С помощью Мваги мы с профессором устроились совсем неплохо. Почтовый инспектор приносил нам великолепных копченых кобр. Печенье доставляли на автобусе Эр Франс. Опытные пассажиры соображали, что ждать автобуса нет смысла, а неопытные, погуляв с чемоданами, набирались опыта. Молока и сыра у нас было вдоволь благодаря телеграфистам, которые просили взамен только дистиллированную воду из нашей лаборатории. Я никак не мог взять в толк,

зачем им эта вода, но оказалось, что им нужны только голубые пластиковые бутылки — в них разливали самогон, который гнали в городском Антиалкогольном комитете. Нам не надо было ходить по магазинам, и это очень важно, потому что я ни разу не видел в Лумии открытого магазина; на дверях всегда висели таблички «Приемка амулетов», «Пошла к колдуну» и т. и. Труднее всего нам было в учреждениях, потому что чиновники не обращали никакого внимания на посетителей. Согласно туземному обычаю, конторы — это место для общественных мероприятий, азартных игр и, главным образом, сватовства. Общее веселье омрачает иногда приезд полиции, которая сажает за решетку всех без разбора. Мера пресечения выбирается из соображения, что виноваты все, а кто в какой мере — на это жалко тратить силы и время.

Вскоре после нашего прибытия была раскрыта афера с котлами. Кузен Отца Вечности приобрел в Швеции для нужд парламента котлы центрального отопления вместо кондиционеров — при том, что в Лумии температура воздуха не опускается ниже 25 °C. Хаувари попытался склонить Метеорологический институт к снижению температуры и таким образом оправдать закупку;

парламент непрерывно заседал — речь шла о его интересах. Была создана следственная комиссия, ее председателем избрали Мнумну, старого соперника Отца Вечности. В зале заседаний начались стычки, обычные танцы в перерывах превратились в воинственные, скамьи оппозиции пестрели цветными татуировками — и вдруг Мнумну исчез. Ходили три версии; одни утверждали, что Мнумну съеден правительственной коалицией, другие — что он сбежал вместе с котлами, третьи — что он сам себя съел. От Мваги я слышал и такое таинственное высказывание (правда, после дюжины кувшинов хорошо перебродившего киву-киву): «Если выглядишь вкусно, лучше не гуляй вечером в парке!» Но, возможно, это была только шутка.

Кафедра сварнетики в лумийском университете открыла перед Дондой новые перспективы. Надо сказать, что в это самое время правительственная комиссия по моторизации решила закупить лицензию на семейный вертолет Белл-94, потому что после подсчетов вышло, что вертолетизация страны обойдется дешевле, чем строительство дорог. Правда, в столице уже была одна автострада длиной в 60 метров, но использовалась она только для военных парадов.

Весть о покупке лицензии вызвала панику у населения — каждый понимал, что это означает крах системы. Вертолет состоит из 39 000 деталей, для него нужен бензин и пять сортов смазки. Никто не в состоянии обеспечить себя всем этим, даже если станет каждый год рожать по дочери.

Я имею некоторое представление об этом механизме. Когда у моего велосипеда оборвалась цепь, я был вынужден нанять охотника, чтобы он поймал молодую антилопу, ее шкурой покрыли тамтам для директора телеграфа, директор послал Умиами телеграмму соболезнования по случаю смерти его дедушки в джунглях, а Умиами через Матарере был в родстве с одним армейским интендантом и кое-что имел в запасе, потому что главная бригада временно передвигалась на велосипедах. С вертолетом, конечно, было бы гораздо сложнее.

На счастье Европа, этот вечный источник новинок, предложила свежий образец взаимоотношений — групповой секс в произвольном составе. В суровых экономических условиях он стал не источником острых ощущений, но средством для удовлетворения текущих потребностей. Опасения профессора, что для блага науки нам придется распрощаться с холостяцкой

жизнью, оказались напрасными. Мы неплохо справлялись, хотя дополнительные обязанности, которые нам пришлось взять на себя, чтобы снабдить кафедру всем необходимым, очень нас утомляли.

Профессор посвятил меня в свой новый замысел — он хотел запрограммировать в компьютере все проклятия, чернокнижные заклинания, магические ритуалы и шаманские формулы, которые создало человечество. Я не видел в этом никакого смысла, но профессор был непреклонен. Такую гигантскую массу информации мог вместить только новейший фотоэлектронный компьютер ценой 11 миллионов долларов.

Мне не верилось, что мы сможем получить такой огромный кредит, особенно если учесть, что министр финансов отказался ассигновать 43 доллара на закупку туалетной бумаги для института. Однако профессор был уверен в успехе. Он не рассказывал мне о деталях своего плана, но по всему было заметно, что он целиком втянулся в это предприятие. По вечерам, раскрасившись, он отправлялся неизвестно куда в набедренной повязке из шкуры шимпанзе — именно таков визитный костюм в высокопоставленных кругах Лумии. Из Европы ему приходили загадочные

посылки; когда я нечаянно уронил одну из них, раздался тихий марш Мендельсона. Донда раскапывал какие-то рецепты в старых поваренных книгах, таскал из лаборатории стеклянные змеевики дистилляторов, заставлял меня затирать барду, вырезал снимки женщин из «Плейбоя» и «Уи», окантовывал картинки, которые никому не показывал, наконец, попросил доктора Альфена, директора правительственного госпиталя, пустить ему кровь, и я видел, как он завертывал бутылочку в золотую бумагу. А потом в один прекрасный день профессор смыл с лица мази и краски, сжег остатки «Плейбоев» и четыре дня флегматично курил трубку на веранде дома Мваги. На пятый день нам позвонил Уабамоту, директор департамента капиталовложений. Разрешение на покупку компьютера было получено. Я не верил своим ушам. Профессор на все вопросы отвечал только слабой улыбкой.

Программирование магии заняло более двух лет. Трудностей хватало. Пришлось повозиться, например, с переводом заклинаний американских индейцев, записанных узелковым письмом «кипу» и с ледовоснежными заклятиями курильских племен и эскимосов, двое наших программистов расхворались, по-моему, от пере-

утомления, потому что групповое сожительство по-прежнему было в моде, однако ходили слухи, что их болезнь — дело рук колдовского подполья, обеспокоенного превосходством Донды на их общем поле деятельности. Кроме того, группа прогрессивной молодежи, краем уха прослышав о движениях протеста, подложила в институт бомбу.

К счастью, взрыв разрушил только одну из уборных. Ее не починили уже до конца света, потому что пустые кокосы, которые, по мысли местного рационализатора, должны были заменить поплавки в бачках, все время тонули. Я просил профессора употребить свое возросшее влияние, чтобы достать запасной поплавок, но он сказал, что только великая цель оправдывает столь трудоемкие средства.

Жители нашего квартала раза два устраивали антидондовские демонстрации — они опасались, что пуск компьютера обрушит лавину чар на университет, а заодно и на них, потому что колдовство может оказаться недостаточно точным. Профессор велел окружить здание высоким забором, на котором собственноручно нарисовал тотемические знаки, охраняющие от злых чар. Забор, насколько я помню, обошелся в четыре

бочки самогона.

Постепенно мы накопили в блоках памяти 490 миллиардов битов магических сведений, что в сварнетическом исчислении равнялось двумстам тетрагигамагемам. Машина, выполняя 18 миллионов операций в секунду, работала три месяца без перерыва Инженер Джефрис из IBM, присутствовавший при пуске машины, счел нас за сумасшедших, особенно после того, как профессор поставил блоки памяти на высокочувствительные весы, специально выписанные из Швейцарии.

Программисты были ужасно расстроены — после трех месяцев работы компьютер не заколдовал и муравья. Донда, однако, жил в неустанном ожидании, не отвечал на вопросы и каждый день проверял, как выглядит график, который рисовал самописец весов на бумаге. Разумеется, он рисовал прямую линию, которая свидетельствовала, что компьютер не поколебался ни на микрон, да и с чего ему было колебаться? К концу третьего месяца у профессора появились признаки депрессии, он не отвечал на телефонные звонки и не прикасался к корреспонденции. Вечером двенадцатого сентября, когда я уже собирался ложиться спать, он вдруг ворвался ко мне, бледный

и потрясенный.

— Свершилось! — закричал он с порога. — Теперь уже точно! — Признаюсь, я испугался за его рассудок. — Свершилось! — повторил он еще несколько раз.

— Что свершилось? — закричал я наконец.

Он посмотрел на меня, словно очнувшись ото сна.

— Он прибавил в весе одну сотую грамма. Эти проклятые весы слишком грубые. Если бы у меня были весы получше, я знал бы месяц назад, а может, и раньше.

— Кто прибавил в весе?

— Не кто, а что. Компьютер. Блоки памяти. Ты же знаешь, что материя и энергия имеют массу. Информация не материя и не энергия, однако она существует, значит, и у нее должна быть масса. Я начал думать об этом, когда только формулировал закон Донды. Бесконечно большая информация действует непосредственно, без всякой аппаратуры. Что бы это могло означать? То, что вся масса информации найдет себе непосредственное применение. До этого я додумался, но не знал еще правила равновесия. Что ты на меня так смотришь? Теперь я осуществил свой проект и знаю, сколько весит информация. Машина стала

тяжелее на 0,01 грамма. Понимаешь?

— Профессор, — пробормотал я, — а как же все эти молитвы, заклинания, эти наши единицы измерения — чары на грамм и секунду?

Я замолчал — мне показалось, что Донда плачет. Его трясло, но это был беззвучный смех.

— А что мне оставалось делать? — сказал он вдруг спокойно. — Пойми — масса есть у всякой информации, смысл не имеет ровно никакого значения. Атомы остаются атомами, независимо от того, где они находятся — в камне или в моей голове. Однако масса информации неслыханно мала, сведения всей энциклопедии тянут на миллиграмм. Вот зачем мне такой компьютер. Но подумай, кто бы дал мне на полгода машину за 11 миллионов, чтобы заполнять ее чепухой, бессмыслицей, вздором, чем попало?

— Однако, — возразил я неуверенно, — если бы мы работали в серьезном научном учреждении, скажем, в Институте высших исследований или в Массачусетском Технологическом…

— Да брось ты! У меня не было никаких доказательств, ничего, кроме закона Донды, который стал всеобщим посмешищем. Пришлось бы покупать машинное время, а ты знаешь, сколько стоит час работы такой штуковины? А мне нуж-

ны месяцы! И куда бы я приткнулся в Штатах? У таких машин там стоят толпы футурологов, обсчитывают варианты Нулевого прироста экономики — это сейчас модно, это, а не выдумки какого-то Донды из Кулахари.

— Значит, вся эта магия ни к чему? Ведь мы только на сбор материалов потратили два года…

Донда нетерпеливо дернул плечом.

— Необходимое не может быть напрасным. Без проекта мы не получили бы ни гроша.

— Но Уабамоту, правительство. Отец Вечности — все они ожидают чуда!

— Будет им чудо, да еще какое! Слушай. Существует критическая масса информации, точно так же, как критическая масса урана. Мы приближаемся к ней. Не только мы здесь, но вся Земля. Каждая цивилизация, строящая компьютеры. Развитие кибернетики — это западня, поставленная Природой для Разума.

— Критическая масса информации? — повторил я. — Но ведь каждый человеческий мозг содержит тьму информации, и если не принимать во внимание, умная она или глупая…

— Не перебивай. Важно не количество сведений, а их плотность. Так же, как в случае с ураном. Рассеянный в глубине земли, уран безопасен. Ус-

ловие взрыва — его выделение и концентрация. Так и в нашем случае. Информация в книгах или в головах людей может быть огромной, но она пассивна. Ее нужно сконцентрировать.

— И что тогда произойдет? Чудо?

— Какое там чудо, — усмехнулся он. — Похоже, ты и впрямь поверил в бредни, которые послужили мне исходным материалом. Никакого чуда. За критической точкой произойдет цепная реакция. Obiit animus, natus est atomus![14]. Информация исчезнет — она превратится в материю.

— Как это? — изумился я.

— Материя, энергия и информация — вот три проявления массы, — терпеливо объяснял Донда. — Согласно законам сохранения, они могут взаимно превращаться. Материя переходит в энергию, энергия и материя нужны для создания информации, а информация может снова обратиться в материю, но только при определенных условиях. Перейдя критическую массу, она исчезнет, будто ее ветром сдуло. Это и есть Барьер Донды, граница прироста знаний. Конечно, их можно накапливать и дальше, но только в разреженном виде. Каждая цивилизация, которая

---

[14] Примечания: 14
Сгинула душа, родился атом! *(лат.)*.

до этого не додумается, попадает в ловушку: чем больше она соберет знаний, тем дальше откатится к невежеству. Знаешь, как близко мы подошли к этому порогу? Если поток информации будет нарастать такими же темпами, то через два года произойдет…

— Взрыв?

— Как бы не так! Ничтожная вспышка, которая и мухе не повредит. Там, где находились миллиарды битов, останется горстка атомов. Пожар цепной реакции обежит весь мир со скоростью света и повсюду, где плотность информации превышает миллион битов на кубический миллиметр, произведет протоны — и пустоту.

— Но надо же предостеречь…

— Разумеется. Я уже сделал это. Но безрезультатно.

— Почему? Неужели вы опоздали?

— Нет, просто мне никто не верит. Такое сообщение должно исходить от авторитета, а я в их глазах — шут и мошенник. Впрочем, от мошенничества я мог бы откреститься, но от шутовства мне не избавиться никогда. Да я и пытаться не стану. В Штаты я послал официальное сообщение, а в «Nature» вот эту телеграмму.

Он передал мне черновик: «Cognovi naturam

rerum. Lord's countdown made the world. Truly your's Donda».[15]

Заметив, что я остолбенел, профессор ехидно усмехнулся.

— Ты плохо обо мне подумал! Дорогой мой, я тоже человек и плачу им добром за зло. Депеша содержит важную мысль, но они бросят ее в корзину или публично высмеют. Это моя месть. Не понимаешь? А самая модная теория возникновения Вселенной — теория большого взрыва — тебе известна? Что же взорвалось? Что вдруг материализовалось? Вот тебе божественный рецепт: считать от бесконечности до нуля. Когда бог досчитал до нуля, информация мгновенно материализовалась — согласно формуле равновесия. Так воплотилось Слово, оно взорвалось туманностями, звездами. Космос возник из информации!

— Вы действительно так думаете, профессор?

— Доказать нельзя, но, во всяком случае, идея не противоречит закону Донды. Не думаю, чтобы это был именно бог, однако кто-то сделал это на предыдущем этапе, может быть, несколько цивилизаций, которые взорвались вместе, этакое созвездие Сверхновых. А теперь наша очередь.

---

[15] Примечания: 15

Познал природу вещей *(лат.)*. Господним обратным отсчетом создан мир. Искренне Ваш Донда *(англ.)*.

Компьютеризация свернет голову цивилизации, впрочем, вполне деликатно.

Я понимал состояние профессора, но не мог ему поверить. Мне казалось, что желание отомстить за предыдущие унижения ослепляет его. Но, увы, он оказался прав…

У меня немеет рука и кончается глина, однако я должен писать дальше. В общем футурологическом шуме никто не обратил внимания на слова Донды. «Nature» промолчал. Одна или две газеты напечатали полный текст его предостережения, но научный мир даже ухом не повел. У меня это не умещалось в голове. Когда я понял, что мир стоит перед катастрофой, а на профессора смотрят как на того пастуха из басни, который слишком часто кричал «волки», я не мог удержаться от горьких слов. Однажды ночью я упрекнул профессора в том, что он сам надел шутовскую маску, компрометируя свои исследования шаманским обликом. Он выслушал меня с жалкой, дрожащей усмешкой. Может быть, это был просто нервный тик.

— Иллюзии, — сказал он наконец, — иллюзии. Если магия — вздор, то ведь и я появился из вздора. Не могу тебе сказать, когда догадка переросла у меня в гипотезу, потому что я сам этого не знаю. Я сделал ставку на неопределенность. Мое от-

крытие принадлежит физике, но только такой, которую никто не заметил, потому что дорога к ней вела через области осмеянные и поставленные вне закона. Надо было начать с мысли о том, что слово может стать телом, что заклинание может материализоваться, а потом нырнуть в этот абсурд, чтобы попасть на другой берег, туда, где информация и масса пребывают в равновесии. Так или иначе, необходимо было пройти через магию, не обязательно через ту игру, которой занимался я, — любой шаг показался бы бессмысленным, подозрительным, еретическим и дал бы пищу для насмешек. Ты прав, я ошибся, но моя ошибка в том, что я не оценил всей глупости той официальной мудрости, которая царит у нас в науке. В нашу эпоху ярких упаковок обращают внимание на ярлык, а не на содержимое… Объявив меня жуликом и проходимцем, господа ученые сочли, что я более не существую, и если бы даже я ревел, как иерихонские трубы, никто бы меня не услышал. Но кто из нас, в сущности, занимался магией? Разве их жест отторжения и проклятия не относится к области магических ритуалов? Последний раз о Законе Донды писал «Ньюсуик», перед этим «Тайм», «Дер Шпигель», «Экспресс» — не могу пожаловаться на недоста-

ток популярности. Но как раз поэтому ситуация кажется мне безвыходной: меня читают все — и не читает никто. Кто не слышал о Законе Донды? Читают и покатываются со смеху: «Don't do it!» Видишь ли, их волнует не результат, а тот путь, по которому к нему приходят. Есть люди, лишенные права делать открытия, например, я. Теперь я сто раз мог бы присягнуть, что проект был всего лишь тактическим приемом, некрасивым, но необходимым, мог бы каяться публично — они бы только смеялись в ответ. Единожды войдя в клоунаду, я не смогу из нее выбраться. Меня утешает только то, что катастрофу все равно не предотвратить.

Пытаясь возразить профессору, я вынужден был перейти на крик, потому что приближался срок пуска большого завода семейных вертолетов, и в ожидании этих прекрасных машин народ Гурундувайю, сжав зубы, с упорством и страстью налаживал необходимые связи: за стеной моей комнаты бурлила семья почтмейстера вместе с приглашенными чиновниками, монтерами, продавщицами, и нарастающий шум говорил о том, сколь велика у этих достойных людей тяга к моторизации.

Профессор вынул из заднего кармана брюк

фляжку «Белой лошади» и, наливая виски в стаканы, сказал:

— Ты опять не прав. Даже приняв мои слова на веру, научный мир взялся бы их проверять. Они засели бы за свои компьютеры и, собрав информацию, только приблизили бы катастрофу.

— Что же делать? — закричал я в отчаянии.

Профессор допил виски из горлышка, выбросил пустую фляжку в окно и, глядя в стену, за которой бушевали страсти, ответил:

— Спать.

Я пишу снова, смочив ладонь кокосовым молоком, потому что руку сводит судорога. Марамоту говорит, что в этом году сезон дождей будет ранним и долгим. С тех пор как профессор отправился в Лумию за табаком для трубки, я совсем один. Я почитал бы сейчас, даже старую газету, но здесь у меня только мешок книг по компьютерам и программированию. Я нашел его в джунглях, когда искал бататы. Конечно, остались только гнилые — хорошие, как всегда, сожрали обезьяны. Побывал я и возле прежнего моего жилища. Горилла, хотя еще больше расхворалась, но внутрь меня не пустила. Я думаю, что мешок с книгами сбросили

как балласт с большого оранжевого шара — он пролетел над джунглями к югу с месяц назад. Наверное, сейчас путешествуют на воздушных шарах. В мешке на самом дне я нашел прошлогодний «Плейбой», за его разглядыванием меня и застал Марамоту. Он очень обрадовался — нагота для него входит в правила приличия, и снимки в журнале он счел признаком того, что возрождаются старые добрые обычаи. Я как-то не подумал, что в детстве вместе со всей семьей он ходил нагишом, а все эти мини и макси, в которые стали потом наряжаться черные красавицы, казались ему, должно быть, верхом непристойности. Он спросил у меня, что происходит в мире, но я ничего не мог сказать, потому что у транзистора сели батареи.

Пока приемник работал, я слушал его целыми днями. Катастрофа произошла в точности так, как предсказал профессор. Сильнее всего она дала себя знать в развитых странах. Сколько библиотек было переведено на компьютеры в последние годы! И вдруг с лент, с кристаллов, с ферритовых пластин и криотронов в долю секунды испарился океан мудрости. Я вслушивался в задыхающиеся голоса дикторов. Не для всех падение было одинаково болезненным, но тот, кто выше влез

по лестнице прогресса, чувствительнее с нее и свалился.

В «третьем мире» после короткого шока наступила эйфория. Не нужно было, выбиваясь из сил, гнаться за передовыми, лезть вон из штанов и тростниковых юбочек, урбанизироваться, индустриализироваться, а особенно компьютеризироваться. Жизнь, которая недавно еще была нашпигована комиссиями, футурологами, пушками, очистными сооружениями и границами, вдруг расползлась в приятное болотце, в теплое однообразие вечной сиесты. И кокосы можно было достать без труда, а какой-то год назад они были мечтою — экспортный товар! И войска как-то сами собой разбрелись, в джунглях я часто натыкался на брошенные противогазы, комбинезоны, ранцы, мортиры, обросшие лианами. Раз ночью я проснулся от взрыва и подумал, что это, наконец, горилла, но оказалось, что бродячие павианы нашли ящик запалов.

Негритянки в Лумии, не сдерживая стонов удовлетворения, избавились от лакированных туфель и дамских брюк, в которых было чертовски жарко. Группового секса как не бывало — во-первых, потому что вертолетов не будет, во-вторых, нет бензина, а в-третьих, никому никуда

не надо ехать, да и зачем? Как тихо, должно быть, сейчас в Лумии…

По правде говоря, катастрофа оказалась вовсе не таким уж злом. Даже если кто-нибудь встанет на уши, все равно он не будет через час в Лондоне, через два в Бангкоке, а через три в Мельбурне. Ну, не будет — и что из того? Конечно, множество фирм обанкротилось. IBM, говорят, выпускает теперь таблички и номерки, но, может быть, это только анекдот. Нет ни стратегических компьютеров, ни самонаводящихся головок, ни цифровых машин, нет войны подводной, наземной и орбитальной. Информационные агентства трубили о спаде производства, биржи лихорадило, в октябре на Пятой Авеню бизнесмены выскакивали из окон так густо, что сталкивались в воздухе.

Перепутались расписания поездов и самолетов, заказы номеров в отелях. Никому в метрополиях не надо больше раздумывать, лететь ли, к примеру, на Корсику, или поехать в автомобиле, или нанять через компьютер машину на месте, а может быть, в три дня объехать Турцию, Месопотамию, Антильские острова и Мозамбик с Грецией впридачу…

Интересно, кто делает эти воздушные шары?

Наверное, какие-то кустари. У последнего шара, который я наблюдал в бинокль, до того как у меня отняла его обезьяна, сетка была сплетена из очень коротких шнурков, вроде ботиночных — может быть, в Европе тоже стали ходить босиком? Наверное, длинные шнуры плелись под контролем компьютеров. Страшно сказать, но я своими ушами слышал — прежде чем радио замолчало, — что доллара больше нет. Издох, бедняжка. Жаль только, что не довелось вблизи наблюдать Переломный Момент.

Представляю себе: слабый блеск и треск — и машинная память в мгновение ока стала пустой, как мозг новорожденного, а из информации, перешедшей в материю, неожиданно образовался маленький Космосик, Вселенчик, Мирозданчик — вот так в комочек атомного праха превратились знания, накопленные веками. Из радиопередач я узнал, как выглядит этот Микрокосмос, малюсенький и замкнутый так, что нет возможности в него проникнуть. С точки зрения нашей физики, он представляет собой особый вид пустоты, а именно «Пустоту Равноплотную, Полностью Непроницаемую». Он не поглощает света, его невозможно растянуть, сжать, разбить, вылущить, потому что он находится вне нашей

Вселенной, хотя и внутри ее. Свет соскальзывает по его гладким закраинам, его обтекают любые частицы и, как ни трудно себе это представить, авторитеты утверждают, что оный, как его называет Донца, «Космососунок» является вселенной, во всем равной нашей, то есть содержит в себе туманности, галактики, звездные скопления, а, может быть, уже и планеты с развивающейся жизнью. Можно сказать, что люди повторили феномен Творения, правда, совершенно того не желая, ибо меныи всего стремились к такому результату.

Когда Космососунок появился на свет, среди ученых возникло полнейшее замешательство. Вот тогда они вспомнили о Законе Донды и принялись слать профессору письма, вызовы, телеграммы, а также всяческие почетные дипломы. Но как раз в этот момент профессор уложил чемоданы и уговорил меня уехать с ним в пограничный район, который он облюбовал заранее. С собой он взял кофр с книгами, ужасно тяжелый — я в этом убедился лично, потому что последние пять километров тащил его на себе, после того как у нас кончился бензин и вездеход застрял. Теперь от него, должно быть, ничего не осталось — разобрали павианы. У нас, конечно, был изрядный

запас винтовок, инструментов, пил, гвоздей, компасов, топоров и других вещей, список которых профессор составил, руководствуясь карманным изданием «Робинзона Крузо». Кроме того, он взял с собой подшивки журналов «Nature», «Physical Abstracts», «Physical Review», «Futurum», а также папки с газетными вырезками, посвященными Закону Донды.

Каждый вечер, после трапезы, проводился сеанс наслаждения кровной местью. Радио, включенное на половину громкости, передавало самые свежие кошмарные известия с комментариями знаменитых ученых; профессор же, пыхтя трубкой и прикрыв глаза, внимал, как я зачитываю вслух выбранные на этот вечер наиболее ядовитые насмешки над Законом Донды, а также различную ругань в адрес автора (последние, собственноручно подчеркнутые Дондой посредством красного карандаша, я читал иногда по нескольку раз). Признаться, это времяпрепровождение мне скоро надоело. Увы, даже великий разум может поддаться навязчивой идее. Когда я отказался читать вслух, профессор стал удаляться в джунгли на прогулки, будто бы оздоровительные, но как-то раз я застал его на поляне, где он цитировал толпе удивленных павианов наибо-

лее примечательные места из «Nature».

Профессор стал невыносим, но все равно я с тоской жду его возвращения. Старый Марамоту говорит, что Бвана Кубва не вернется, потому что его похитил злой Мзиму, принявший облик осла. Перед отбытием профессор сообщил мне важные сведения, которые произвели на меня большое впечатление. Во-первых, из Закона Донды вытекает равнозначность всякой информации — будут ли сообщения гениальными или кретинскими, в любом случае на создание одного протона идет сто миллиардов битов. Мудрое слово и идиотское слово в равной степени становятся веществом. Это замечание в совершенно новом свете представляет философию бытия. Может быть, гностики со своим манихейством были не такими уж еретиками, какими их представила церковь? Однако возможно ли, чтобы космос, появившийся на свет от произнесения гептильона глупостей, ничем не отличался от космоса, созданного из заведомой мудрости?

Я заметил, что Доцда пишет по ночам. С большой неохотой он признался мне, что это новый его труд «Introduction to Svarnetics, or Inquiry into

the General Technology of Cosmoproduction»[16].

К сожалению профессор забрал рукопись с собой. Знаю только, что, по его мнению, каждая цивилизация подходит в свое время к порогу творения космоса. Мир создают в равной мере те, кто сверхгениален, и те, кто впал в полный идиотизм. Черные и белые дыры, открытые астрофизиками, — это места, в которых необычайно мощные цивилизации попытались обойти Закон Донды или выбить из-под него основание, но ничего у них не вышло — сами себя вышибли из Вселенной.

Казалось бы, нет на свете ничего более великого, чем такое заключение. Но нет, Донда взялся писать методику и теорию Творения!

Признаться, более всего потрясли меня слова, сказанные им в последнюю ночь перед экспедицией за табаком. Мы пили молоко кокосовых орехов, заброженное по рецепту старого Марамоту, — ужасное пойло, которое мы все-таки употребляли, потому что жаль было трудов, потраченных на его приготовление. Не все было так плохо раньше — взять хотя бы виски… И вот, прополоскав рот родниковой водой, профессор

---

[16] Примечания: 16

Введение в сварнетику, или Исследование по общей технологии творения миров *(англ.)*.

сказал:

— Ийон, помнишь ли тот день, когда ты назвал меня шутом? Вижу, что помнишь. Я ответил тогда, что стал шутом в глазах научного мира, выдумав для сварнетики магическую суть. Но если бы ты поглядел внимательно на всю мою жизнь, то увидел бы еще большую путаницу и неразбериху, имя которой — тайна. В моей судьбе все было вверх ногами. Я весь вышел из случайностей, недоразумение — вот мое настоящее имя. В результате ошибки я создал сварнетику, потому что телеграфист наверняка исказил слова, которые употребил незнакомый мне, но незабвенный полковник Друфуту из кулахарской полиции безопасности. Я был уверен в этом с самого начала. Но я не пытался исправить депешу, нет, я сделал гораздо большее — я приспособил к ошибке свою деятельность, которая, как видишь, имела кое-какие последствия. Как же это получилось? Какой-то тип, появившийся на свет по ошибке, с нелепой карьерой, впутанной в клубок африканских недоразумений, вдруг открыл, откуда появился мир и что с ним будет? О нет, мой дорогой! Здесь слишком много ляпсусов. Гораздо больше, чем нужно для того, чтобы вывести новый закон. Нет нужды пересматривать

то, что у нас перед глазами, необходима лишь новая точка зрения. Взгляни на эволюцию жизни. Миллиарды лет назад появились праамебы. Что они умели? Повторяться. Каким образом? Благодаря устойчивости наследственных черт. Если бы наследственность была на самом деле безошибочной, на земле до сих пор не было бы никого, кроме амеб. А что произошло? Да ошибки! Биологи называют их мутациями. Но что такое мутация, как не ошибка природы? Недоразумение между родителем-передатчиком и потомком-приемником?

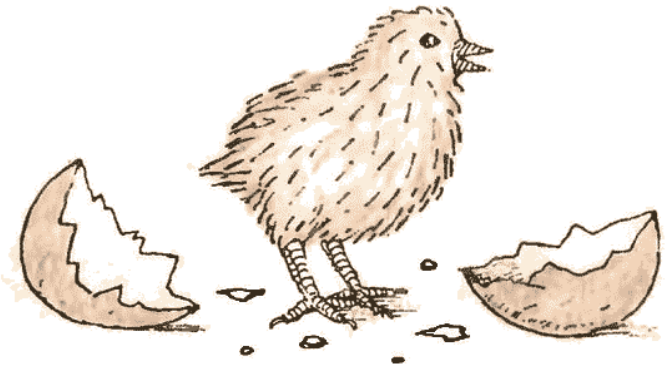
По образу и подобию своему, да, — но не в точности! Не стереотипно! И так как подобие все время портилось, появились трилобиты, гигантозавры, секвойи, козы, обезьяны и, наконец, мы.

Но ведь именно так сложилась и моя жизнь! Из-за недосмотра я появился на свет, случайно попал в Турцию, случай забросил меня оттуда в Африку. Правда, я все время боролся, как борется пловец с волнами, но все же волны несли меня, а не я руководил ими… Ты понимаешь? Мы недооцениваем, мой дорогой, творческой роли ошибки как фундаментальной категории бытия. Но не рассуждай по-манихейски. По мнению этой школы, бог творит гармонию, которой сатана

все время подставляет ножку. Это не так! Если я достану табак, то допишу в книге философских течений последний раздел, а именно онтологию апостазы, или теорию такого бытия, которое на ошибке стоит, ошибку на ошибку отпечатывает, ошибками движется, ошибками творит — ив конце концов становится судьбой Вселенной.

Так сказал профессор, собрался и ушел в джунгли, а я остался ждать его возвращения, держа в руках последний «Плейбой», с обложки которого на меня смотрит секс-бомба, разоруженная Законом Донды, нагая, как истина.

Перевел с польского Игорь Левшин



№ 10, 11, 12

Роджер Желязны

Долина Проклятий

Фантастика

Долина Проклятий

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ

1

Чайка сорвалась с места, взмыла в воздух и на миг, казалось, застыла на распростертых крыльях.

Черт Таннер швырнул окурок и угодил прямо в птицу. Чайка издала хриплый крик, поднялась на пятьдесят футов и, может быть, крикнула снова, но звук потерялся в реве ветра и грохоте прибоя. Одно серое перо, качаясь в фиолетовом небе, проплыло у края скалы и полетело вниз, к поверхности океана. Таннер ухмыльнулся в бороду, скинул ноги с руля и завел мотоцикл.

Он медленно поднялся по склону, свернул на тропу, затем прибавил скорость и, выходя на шоссе, шел уже шестьдесят миль в час. Дорога принадлежала только ему. Таннер слился с рулем и дал газ. Через забрызганные грязью защитные очки мир казался мерзким и пакостным — таким же, каким казался ему и без очков.

Все старые знаки с его куртки исчезли. Особенно жаль одной нашивки. Может быть, удастся раздобыть такую же в Тихуане и заставить какую-

нибудь крошку пришить ее… Нет, не пойдет. Все это мертво, все в прошлом. Надо продать «харли», двинуться вдоль побережья и посмотреть, что можно найти в другой Америке.

Он проскочил Лагуна-Бич, Капистрано-Бич, Сан-Клименте и Сан-Онофре. Там заправился и прошел Карлсбад и еще множество мертвых поселков, что заполняли побережье до Солана-Бич Дель Мар. А за Сан-Диего его ждали.

2

Таннер увидел дорожный патруль и развернулся. Они даже не сообразили, как он сумел это сделать — так быстро и на такой скорости. Сзади послышались выстрелы. А потом раздались сирены.

В ответ он дважды нажал на клаксон и еще плотнее приник к рулю. «Харли» рванулся вперед; мотор работал на пределе, стальная рама гудела. Десять минут — оторваться не удалось. Пятнадцать минут…

Он взлетел на подъем и далеко впереди увидел

второй патруль. Его взяли в тиски. Таннер огляделся в надежде найти боковые дороги. Боковых дорог не было.

В самую последнюю секунду он притормозил, встал на заднее колесо, развернулся и помчался навстречу преследователям.

Их было шестеро; а за спиной уже завыли новые сирены. Он снова притормозил, взял влево, ударил по газу и спрыгнул. Мотоцикл понесся вперед, а Таннер покатился по земле, вскочил на ноги и бросился бежать.

Послышался скрежет тормозов. Потом удар. Потом опять выстрелы. Они стреляли поверх головы, но он этого не знал.

Через пятнадцать минут его загнали к каменной стене. Под дулами винтовок он отшвырнул монтировку и поднял руки.

— Ваша взяла, — проговорил он. — Берите.

На него надели наручники и втолкнули на заднее сиденье одной из машин. С обеих сторон уселось по полицейскому. Еще один, с обрезом на коленях, сидел рядом с водителем.

Водитель завел двигатель и на задней передаче выехал на шоссе. Человек с обрезом повернулся, пристально посмотрел через бифокальные очки и произнес:

— Это очень глупо с твоей стороны.

Черт Таннер смотрел на него так же пристально, и человек повторил:

— Очень глупо, Таннер.

— А я и не понял, что ты со мной говоришь.

Водитель, не сводя глаз с дороги, сказал:

— Жаль, что мы должны доставить его в целости — после того, как он разбил машину своим проклятым мотоциклом…

— Всякое еще может случиться. К примеру, он может упасть и сломать парочку ребер, — заметил полицейский слева от Таннера.

Тот, что сидел справа, промолчал, но человек с обрезом медленно покачал головой.

— Только если попытается бежать. Л-А он нужен в хорошей форме.

— Почему ты хотел смыться, приятель? Ты же знаешь, мы тебя все равно бы изловили.

Таннер пожал плечами.

— А чего меня ловить? Разве я что сделал?

Водитель громко хмыкнул.

— Именно поэтому. Ты ничего не сделал — а должен был. Припоминаешь?

— Никому я ничего не должен. Меня помиловали и отпустили.

— У тебя слабая память, парень. Когда тебя

вчера выпускали, ты дал Калифорнийскому государству обещание. Ты попросил двадцать четыре часа, чтобы уладить свои дела, и они истекли. Если хочешь, можешь сказать «нет», и помилование аннулируют. Никто тебя не принуждает, нам плевать, хочешь опять за решетку — пожалуйста. Правда, я слышал, у них в запасе есть другой вариант.

— Дайте сигарету, — сказал Таннер.

Они мчались по шоссе. Когда машина проезжала городки, водитель врубал сирену и красную мигалку. Сзади вторили сирены машин сопровождения. На всем пути до Лос-Анджелеса водитель ни разу не прикоснулся к тормозу.

Внезапно с оглушающим шумом на них опустилось облако пыли и гравия. В правом нижнем углу пуленепробиваемого стекла появилась крохотная трещина. По крыше и капоту заколотили камни. Шины отчаянно визжали, пыль висела тяжелым непроницаемым туманом, но секунд через десять они выскочили из него.

Небо стало багровым; его пересекали черные линии, они двигались с запада на восток. Линии распухали, сужались, прыгали из стороны в сторону, иногда сливались.

— Похоже, надвигается буря, — сказал человек

с обрезом.

Послышался тонкий завывающий звук, он нарастал, терял звонкость, переходил в мощный рев. Небо на глазах темнело, и вместе с пылью на землю упала беззвездная безлунная ночь. Иногда раздавалось резкое «понг!» — это в машину ударял обломок покрупнее.

Водитель зажег противотуманные фары и снова врубил сирену. Завывание и грохот боролись с ее душераздирающим воплем. На севере разливалось голубое пульсирующее сияние.

Таннер докурил сигарету, ему протянули другую. Теперь курили все.

— Тебе повезло, что мы тебя подобрали, парень, — сказал сосед слева. — Влип бы ты на своем мотоцикле…

— Я бы прошел, — ответил Таннер. — Не впервой.

Когда они достигли Лос-Анджелеса, голубое сияние заполняло полнеба — подкрашенное розовым, простреленное дымчато-желтыми молниями. Грохот стал оглушающим, физически ощутимым. Он бил по барабанным перепонкам и заставлял вибрировать кожу.

…Здание, на поверхности которого блики от всполохов чередовались с холодными тенями,

казалось вырубленным из глыбы льда. Минуту спустя оно было уже словно из воска, готового расплавиться при первом дуновении.

Они торопливо взбежали по ступеням, дежурный полицейский впустил их через маленькую дверь и закрыл ее на замок и цепочку.

— Куда? — спросил человек с обрезом.

— На второй этаж, — ответил полицейский и махнул в сторону лестницы. — Наверх и прямо до конца.

Грохот сюда почти не доносился.

Дойдя до последнего кабинета, человек с обрезом кивнул водителю.

— Стучи.

На пороге появилась женщина, начала что-то говорить, потом увидела Таннера и отошла в сторону.

— Сюда, — пригласила она, и они протиснулись в приемную. Женщина нажала кнопку на столе.

— Да, миссис Фиск? — раздался голос.

— Они здесь, сэр.

— Пусть заходят.

Сидящий за столом мужчина откинулся в кресле и переплел под подбородком короткие толстые пальцы. Его властные глаза были лишь чуть темнее серебристо-серых волос.

— Садитесь, — сказал он Таннеру мягким голосом. И добавил, обращаясь к остальным: — А вы подождите в приемной.

— Мистер Дентон, этот тип опасен, — предупредил человек с обрезом, когда Таннер небрежно развалился в кресле напротив стола.

Окна помещения закрывали стальные шторы, и о ярости разгулявшейся стихии можно было догадываться лишь по доносящимся издалека пулеметным очередям.

— Я знаю.

— По крайней мере, он в наручниках. Оставить вам оружие?

— У меня есть.

— Хорошо. Мы будем снаружи.

Двое мужчин не сводили друг с друга глаз, пока дверь не закрылась. Потом тот, кого назвали Дентоном, произнес:

— Как вас действительно зовут? Хотя бы по документам…

— Черт, — сказал Таннер. — Так меня зовут. Я был седьмым ребенком в семье, и когда повитуха показала меня старику и спросила, какое имя он хочет мне дать, тот буркнул: «Черт!» — и ушел. Так меня и записали. Это рассказал мне брат. Я не мог расспросить своего папашу, потому что

никогда его не видел. Он сгинул в тот же день.

— Значит, всех семерых воспитала мать?

— Нет. Она померла спустя две недели, нас приютили родственники.

— Понятно… — проговорил Дентон. — Итак, у вас еще есть выбор. Хотите попробовать или нет?

— А кто вы, собственно, такой? — спросил Таннер.

— Министр транспорта государства Калифорния.

— При чем тут это дело?

— Я за него отвечаю. С таким же успехом на моем месте мог быть Главный врач или Начальник почт, но я все-таки лучше прочих знаю техническую сторону. Лучше оцениваю шансы на успех…

— И каковы они? — поинтересовался Таннер.

Впервые за весь разговор Дентон отвел глаза.

— Дело рискованное…

— Точнее, оно еще никому не удавалось, кроме того парня, который принес сообщение. Но он мертв… И после этого вы говорите о шансах на успех?

— Вы думаете, — медленно произнес Дентон, — что это самоубийство. Возможно, вы правы. Мы

посылаем три машины с двумя водителями в каждой. Если хотя бы одна из них пробьется достаточно близко к Бостону, то группы оттуда найдут ее по радиомаяку… Впрочем, вы можете отказаться.

— Ага. И провести остаток жизни в тюрьме.

— Вы убили трех человек. Вас могли казнить.

— К чему зря болтать, мистер? Я не желаю подыхать, но и ваш вариант меня не прельщает.

— Либо вы едете, либо нет. Выбирайте. Но помните — если вы поедете и доберетесь до Бостона, все будет забыто.

Ураганный ветер бился и завывал за стенами, резкие удары в стальные шторы сотрясали комнату.

— Вы очень хороший водитель, — продолжал Дентон. — Вам приходилось водить практически все, что способно ездить. Когда вы занимались контрабандой, то делали ежемесячные рейсы в Солт-Лейк-Сити. Сегодня очень немногие отважились бы на это.

Таннер улыбнулся своим мыслям.

— …Вы были единственным человеком, сумевшим доставить почту в Альбукерке. После вас это никому не удавалось… Я хочу лишь сказать, что если кто-нибудь и дойдет до цели, то скорее

всего вы. Вот почему с вами были терпеливы. Но больше мы ждать не можем. Ответ нужен немедленно, и в случае согласия — выезд через час.

Таннер поднял скованные руки и указал на окно.

— В такую погоду?

— Машины выдержат, — ответил Дентон.

— Да вы с ума сошли!

— Пока мы здесь с вами болтаем, там умирают люди.

— Парочкой больше, парочкой меньше… Разве нельзя отложить до завтра?

— Нет! Человек пожертвовал своей жизнью, чтобы доставить нам это сообщение. Континент необходимо пересечь как можно быстрее, иначе все лишается смысла. Есть буря или нет, машины должны уйти немедленно. Я жду ответа.

— Мне необходимо поесть.

— В машине есть еда. Итак?

— Хорошо, — промолвил Таннер, глядя в темное окно. — Я пройду для вас Долину Проклятий. Но я не двинусь с места, пока не получу одну бумагу.

— Она у меня.

Дентон открыл ящик стола, достал плотный пакет, извлек из него лист бумаги с ярким оттиском государственной печати Калифорнии. Таннер

внимательно прочитал текст.

— Здесь говорится, что если я доберусь до Бостона, то получу полное прощение за все преступные действия, совершенные на территории государства Калифорния…

— Да.

— Входят ли сюда преступления, о которых вам неизвестно?

— Там сказано: «все преступные действия».

— Тогда договорились. Снимите эти браслеты и покажите мне мою машину.

— Минуту. Скажу вам еще кое-что. Если вздумаете где-нибудь по пути отстать… В общем, на такой случай у других водителей есть приказ, и они его выполнят. Приказ открыть огонь. От вас и пепла не останется. Это ясно?

— Еще бы, — ответил Таннер. — Я так понимаю, что обязан оказать им ту же услугу?

— Верно.

— Это может быть любопытно.

— Не сомневался, что вам понравится. Но перед тем как снять наручники, я хочу сказать, что я о вас думаю.

— А в это время там умирают люди…

— Бросьте! Вам же на них совершенно наплевать. По моему мнению, вы — самое низкое

существо, которое я когда-либо встречал. Вы убивали мужчин и насиловали женщин. Вас два раза судили за торговлю наркотиками и три — за сводничество. Вы пьяница и дегенерат. Не думаю, чтобы вы принимали ванну со дня своего рождения. С дружками-головорезами вы терроризировали честных людей, которые стараются сплотиться и встать на ноги после войны. Вы крали и грабили, не гнушаясь отнимать самое необходимое. Жаль, что вас не убили, как прочих, во время Большого Рейда. Вы — не человек. В вас нет чего-то, что позволяет людям жить в обществе.

Единственное ваше достоинство — если это можно назвать достоинством, — заключается в том, что ваши рефлексы немного быстрее, мускулы немного сильнее, зрение немного лучше, чем у большинства из нас, и вы можете проехать сквозь что угодно, если через это вообще можно проехать. Государство Калифорния готово простить вашу бесчеловечность, если один раз вы употребите свое единственное достоинство на пользу, а не во вред… Мне это не нравится. Я был бы рад, если бы вы сдохли, и хотя я очень хочу, чтобы кто-нибудь доехал, надеюсь, что это будете не вы. Я ненавижу вас. А теперь идем.

Дентон встал; поднялся и Таннер, поглядел на него сверху вниз и ухмыльнулся.

— Я доеду. Если этот бостонец доехал и помер, то я доеду и останусь жить.

Дентон открыл дверь.

— Освободите его. Он едет.

Когда они ушли, миссис Фиск достала из сумочки четки и склонила голову. Она молилась за Бостон, она молилась за душу усопшего гонца. Она помолилась также за Черта Таннера.

3

Они спустились вниз, и Таннер увидел три машины; и еще пятерых мужчин, сидящих вдоль стены. Одного он узнал. Это был стройный светловолосый юноша, в правой руке он держал шлем.

— Денни, — сказал Таннер, — какого дьявола ты здесь ошиваешься?

— Я второй водитель машины номер три.

— У тебя собственный гараж и ты не запутан в грязных делах. Чего ради ты согласился?

— Дентон предложил мне пятьдесят тысяч, —

сказал юноша, и Таннер отвел взгляд. — Я хочу жениться, они бы мне пригодились. Купил бы дом.

— Твоя девушка знает, что ты надумал?

— Нет.

— Послушай, вот что я тебе скажу: поезжай в Пасадену, найди то место, где мы играли мальчишками, — помнишь, скалы у больших деревьев?

— Конечно.

— От дерева в центре, с той стороны, где я вырезал свои инициалы, отмерь семь шагов и копай там фута на четыре. Ты понял?

— А что там такое?

— Мое наследство. Найдешь стальной ящик, наверное, он весь проржавел. Внутри, в опилках, запаянная труба, в ней чуть больше пяти тысяч; купюры чистые.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что теперь это твои деньги. — ответил Таннер и ударил его в челюсть.

Денни упал, и он еще трижды ударил его ногой в ребра, прежде чем подоспели полицейские.

— Идиот! — закричал Дентон. — Проклятый идиот!

— Угу, — ухмыльнулся Таннер. — Но мой брат

не поедет по Долине Проклятий. Поищите-ка другого водителя — у Денни переломаны ребра. Или дайте мне вести самому.

— Поведешь один, — приказал Дентон. — Мы не можем больше ждать. В машине есть тонизирующие средства, и не дай бог тебе заснуть. Если отстанешь, тебя сожгут. Не забывай.

— Не забуду. И вас не забуду, мистер, если когда-нибудь снова окажусь в этом городе. Не сомневайтесь.

— Тогда садись в машину номер два. Вакцина под задним сиденьем… Двигай, подонок!

Водители заняли места в бронированных автомобилях. Ожила рация; раздался треск, гул и, наконец, голос:

— Машина номер один — готовы!

Затем, после паузы, другой голос доложил:

— Машина номер три — готовы!

Таннер взял микрофон, нажал кнопку сбоку и произнес:

— Готов.

— Пошли!

Машины проехали через откатившиеся в сторону стальные двери и вступили в ураган.

4

Это был кошмар — выбраться из Лос-Анджелеса и доехать до шоссе 91. Вода низвергалась потоками, и камни с футбольный мяч колотили в броню. Таннер закурил и включил специальные фары. В инфракрасных очках он продирался через свирепствующую ночь.

Рация трещала, ему казалось, будто он слышит далекие голоса, но ни разу он не мог разобрать слов.

Машины двигались по шоссе, а когда оно кончилось и шины зашлепали по исковерканной земле, Таннер вышел вперед. Остальные послушно пристроились сзади: он знал дорогу, они — нет.

Начали срываться молнии, и не по одной, а целыми стенами. Машина была изолирована, однако волосы на голове встали дыбом. Радиосвязь была потеряна, как только они выехали из гаража. В небе громыхала канонада. Прямо впереди упал булыжник размером с могильную плиту, и Таннер резко крутанул руль, объезжая его. С севера на юг небеса прорезали яркие багровые

вспышки.

Таннер объехал очаг радиации, не ослабевшей за те четыре года, что он здесь не был. У места, где песок сплавился в стеклянное озеро, Таннер сбавил скорость, остерегаясь скрытых расселин.

Еще трижды обрушивались лавины камней, прежде чем небеса раскололись и впустили яркий голубой свет. Громыхание затихло. Лишь на севере сохранилось бледно-лиловое свечение, и зеленое солнце собиралось нырнуть за горизонт. Таннер вырубил инфрапрожекторы, стянул очки и включил обычные ночные фары.

Что-то большое, похожее на гигантскую летучую мышь, промелькнуло в коридоре света. Через пять минут оно показалось снова, на этот раз гораздо ближе, и Таннер выпустил осветительную ракету. Обрисовалась черная туша, Таннер дал две очереди из пулемета, туша провалилась и больше не появлялась.

Для всех людей здесь уже была Долина Проклятий; для всех, но не для Таннера. Он проходил здесь тридцать два раза. Для него Долина Проклятий начиналась с того места, которое раньше называлось Колорадо.

Самолеты давно не летали. Ни один аппарат не мог подняться выше двухсот футов — туда,

где начинались ветры. Свирепые ветры опоясывали земной шар, они сдували вершины гор, гигантские секвойи, развалины зданий; ветры зашвыривали птиц, летучих мышей и насекомых в мертвую зону, пронизывали небеса черными полосами мусора. Эти полосы иногда сталкивались, сливались, обрушивая тонны месива всякий раз, когда масса их оказывалась слишком большой. Воздушное сообщение исключалось — ветры не утихали никогда. По крайней мере, на двадцатипятилетней памяти Черта Таннера.

Таннер двигался вперед под углом к заходящему зеленому солнцу. Продолжала падать пыль, небо стало фиолетовым, потом опять багровым, и наступила ночь. Через некоторое время поднялась луна, и в сиянии ее полуобрезанного лика ночь была цвета красного вина в бокале перед тусклой свечой.

Таннер вытащил сигарету, закурил и стал ругаться — медленно, тихо и бесстрастно.

...Они прокладывали путь сквозь нагромождения камней и стали. Перед Таннером возникло отливающее зеленью длинное туловище с мусорный бак в поперечнике, и он остановил машину. Змея была никак не короче ста двадцати футов, и только когда вся она проползла, Таннер снял

ногу с тормоза. Одна его рука лежала на пульте управления огнем, и он не убрал ее, пока не проехал несколько миль.

Окон в автомобиле не было — только экраны, дающие обзор во всех направлениях, включая небо наверху и землю под машиной. Автомобиль, защищавший водителя от радиации, двигался на восьми колесах с армированными покрышками. Он был вооружен десятью пулеметами пятидесятого калибра и четырьмя гранатометами и, кроме того, нес тридцать бронебойных ракет, которые можно было пускать прямо вперед или под углом. Со всех четырех сторон и на крыше — по огнемету. Как бритва острые «крылья» из закаленной стали выдвигались из корпуса на высоте двух с половиной футов и могли рассечь что угодно. Еще в машине был кондиционер, были запасы пищи и все санитарные удобства. На левой дверце укреплен длинноствольный «магнум», шесть ручных гранат занимали полку над головой водителя.

Но Таннер сохранил и собственное оружие — длинный тонкий кинжал в правом ботинке…

5

Они находились в районе, который когда-то назывался штатом Невада.

Таннер стянул перчатки и вытер ладони о штаны. Пронзенное сердце, вытатуированное на правой руке, светилось красным в огнях приборной доски. Проходящий сквозь сердце нож отливал синим, и тем же цветом на четырех пальцах, начиная с мизинца, было наколото имя.

На экране переднего обзора показались заросли, и Таннер сбросил скорость. Он попытался выйти на связь, но радио доносило лишь треск помех. Таннер еще сбавил скорость, посмотрел вперед и вверх, остановился. Включил фары на полную яркость и задумался.

Перед ним стояла плотная стена колючего кустарника. Она тянулась налево и направо, и конца ей не было видно. Года два назад ее не было.

Две другие машины остановились сзади и притушили огни.

Таннер медленно подъехал вплотную к зарослям и включил передний огнемет. Длинный язык

пламени рванулся вперед, облизывая кустарник, яростно полез наверх и растекся по сторонам. Таннер подал назад и уменьшил яркость экранов. Пожар неистовствовал. Огненная река текла в обе стороны, языки пламени взметались в темное небо.

Таннер глядел на пылающий поток, пока ему не почудилось, будто перед ним расплавленный океан. Тогда он полез в холодильник, но пива не обнаружил; посасывая из банки прохладительный напиток, он смотрел на беснующийся огонь. Через десять минут включился кондиционер. Орды черных тварей закрыли передний экран; по бамперу и крыше заскрежетали когти.

Таннер вырубил двигатель и швырнул пустую банку в корзину для мусора. Потом откинул спинку, устроился поудобнее и закрыл глаза.

Его разбудили гудки. Еще стояла ночь; судя по часам на приборной панели, он проспал чуть больше трех часов.

Таннер потянулся и сел. Две другие машины стояли по бокам. Он дважды нажал на клаксон и завел мотор. Потом включил фары, натянул перчатки и отжал сцепление. Машина въехала на выгоревшее поле, экраны сразу заволокло клубами пепла и дыма. Под колесами трещали

чьи-то хрупкие останки.

Таннер выпустил осветительную ракету, и в ярком холодном свете увидел тянущуюся до горизонта мертвую выжженную равнину. Машины по флангам разъехались подальше, чтобы не попасть в черные тучи, поднятые его броневиком. Затрещало радио, раздался слабый голос, но слов было на разобрать.

Он снова нажал на клаксон и прибавил скорость.

Через полтора часа впереди показался чистый песок. Они опять двигались по пустыне. Таннер сориентировался по компасу и взял чуть западнее. Машины номер один и номер три повторили его маневр, с той же скоростью они шли следом. Руль он держал одной рукой, потому что другая была занята бутербродом с солониной.

…Когда наступило утро, Таннер принял тонизирующую таблетку. Справа шаром из расплавленного серебра поднялось солнце, и треть янтарного небосвода затянуло, словно паутиной, тонкими нитями. Пустыня переливалась. Неизменный шлейф пыли за спиной, пронизанный копьями света идущих сзади машин, отчетливо розовел, по мере того как солнце разгоралось, отгоняя тени на запад.

Мимо пронеслась стая гигантских крыс, и далеко впереди Таннер увидел низвергающийся с небес водопад. Когда машина подъехала к влажному песку, водопад исчез, но слева валялась дохлая акула, и повсюду были водоросли, водоросли, водоросли…

Таннер залпом выпил бутылку ледяной воды и почувствовал, как она комом легла в желудке. У огромного оранжевого кактуса, формой напоминающего поганку, сидела пара койотов с высунутыми ярко-алыми языками. Казалось, они смеются.

Таннер нажал кнопку, и кабину наполнили мягкие звуки струнных инструментов. Он выругался, но музыку оставил.

Небо постепенно бледнело, на смену розовому оттенку пришел синий. Налетела пыльная буря, потом ее развеял резкий порыв ветра, и Таннер надел темные очки — блеск солнечного света, отраженного от зеркальной равнины, слепил глаза.

Опять начался песок — белый, серовато-коричневый и красный. В огромных вздымающихся дюнах там и сям росли кактусы. Небо все еще меняло цвет, пока на стало голубым, как глаза младенца. Таннер тихонько мычал в такт музыке.

А потом увидел чудовище.

Эта была гигантская хила, ядовитая ящерица, громадная, больше автомобиля. Она выскочила из-за гряды и помчалась навстречу. Чешуйчатое тело сверкало на солнце, темные глаза смотрели вперед, не мигая, песчаные струйки срывались с широкого, заостренного к концу хвоста.

Таннер не мог использовать гранату, потому что чудовище было сбоку. Он открыл пулеметный огонь, выдвинул «крылья» и вжал педаль газа в пол. Приблизился, пустил облако огня. Другие машины тоже стреляли.

Хила взмахнула хвостом и разинула пасть. Фонтаном ударила кровь. Потом в чудовище попала чья-то ракета. Хила повернулась… прыгнула…

Раздался громкий скрежет, когда безжизненная туша упала на машину номер один.

Таннер развернулся и затормозил. Подбежал к искореженной машине и для верности выпустил из винтовки шесть пуль в голову чудовища.

Распахнутая дверца висела на нижней петле. Внутри лежали двое; приборная доска забрызгана кровью.

Подошли двое других водителей. Тот, кто был поменьше ростом, влез в исковерканный салон, пощупал пульс, прислушался к дыханию.

— Майк мертв, — сообщил он, — а Грег, по-моему, приходит в себя.

У заднего бампера появилось быстро расплывающееся пятно, в воздухе запахло бензином. Слышно было, как с бульканьем льется на землю горючее из топливных баков.

Человек, стоявший рядом с Таннером, проговорил:

— Никогда не видел ничего подобного. Только на картинках…

— Я видел, — оборвал его Таннер, и в эту минуту из машины выбрался другой водитель, волоча за собой тело.

— С Грегом все в порядке. Просто ударился головой о приборную доску. Возьми его к себе. Черт, тебе нужен напарник.

Таннер пожал плечами, отвернулся и зажег сигарету.

Здесь, по-моему, курить не… — начал стоявший рядом водитель, но Таннер выпустил ему в лицо клуб дыма.

В Греге, похоже, текла индейская кровь. Скуластый, темноволосый и темноглазый, с густым загаром, ростом он не уступал Таннеру, хотя был полегче. Теперь, когда Грег глотнул свежего воздуха и немного отошел, он двигался легко, с

кошачьим изяществом.

— Надо похоронить Майка, — сказал тот, который был пониже ростом.

— Жаль терять время, — отозвался его товарищ, — однако…

И тут Таннер швырнул сигарету в темную лужу под машиной и бросился на землю.

Взметнулось пламя, с визгом сорвались ракеты, прочерчивая темные борозды в раскаленном полуденном воздухе. Начали взрываться пулеметные патроны, за ними ручные гранаты, и Таннер зарывался все глубже в песок, закрывая голову и зажимая уши.

Как только все стихло, он потянулся за винтовкой, но они уже надвигались, и Таннер, глядя в дуло пистолета, медленно поднял руки.

— Какого черта ты это сделал?

— Теперь его не надо хоронить, — усмехнулся Таннер. — Кремация ничуть не хуже.

— Если бы пулеметы или ракеты были нацелены в нашу сторону, ты бы всех нас угробил!

— Я посмотрел.

— А осколки? Ну-ка, приятель, подбери свою винтовку… дулом к земле… разряди и положи патроны в карман… Хотел от нас отделаться, верно? Чтобы самому улизнуть, как вчера?

— Я этого не говорил.

— Зато это правда. Тебе ведь наплевать, если в Бостоне все загнутся?

— Винтовка разряжена.

— Тогда забирайся в машину и пошел! Учти — я буду сзади.

Таннер направился к своей машине. Он слышал за спиной шум спора, но не думал, что они станут стрелять. Уже открыв дверцу, он увидел краем глаза тень и повернулся.

Рядом стоял Грег, высокий и тихий, как призрак.

— Хочешь, я поведу? — бесстрастно предложил он.

— Отдыхай. Я пока в форме. Может быть позже.

Грег кивнул, обошел машину и, усевшись, сразу откинул спинку сиденья. Таннер захлопнул дверцу и завел мотор. С гулом ожил кондиционер.

— Перезаряди и положи на место. — Таннер протянул винтовку и патроны, надел перчатки и добавил: — В холодильнике полно лимонада. И ничего другого.

Напарник снова молча кивнул.

— Что же, покатили, — пробормотал Таннер.

6

С полчаса они ехали молча. Потом Грег спросил:

— Это правда что сказал Марлоу?

— Какой еще Марлоу?

— Который ведет другую машину. Ты в самом деле пытался убить нас и смыться? Таннер засмеялся.

— Верно. Угодил в точку.

— Почему?

— А почему бы и нет? — помолчав, ответил Таннер. — Я не рвусь умирать. Лично мне хочется отодвинуть это событие как можно дальше.

— Но если мы не дойдем, половина народу на континенте погибнет! — закричал Грег.

— Значит, либо я, либо они. Мое «я» мне как-то ближе.

— И откуда только берутся такие, как ты…

— Тем же образом, что остальные, — усмехнулся Таннер. — Сперва двое забавляются, а потом кто-то расхлебывает.

— Что они тебе сделали, Черт?

— Ничего. А что они сделали для меня? Тоже ничего! Что я им должен? То же самое.

— Зачем ты избил своего брата?

— Не хочу, чтобы он подох по собственной глупости. Ребра срастутся, а вот смерть — штука непоправимая.

— Я не о том… Разве тебе не плевать, если он загнется?

— Он хороший парень. Но сейчас зациклился на своей девочке и валяет дурака.

— А тебе-то что?

— Я же сказал: он мой брат и хороший парень. И хватит. Поищи другую тему, если хочешь поговорить.

— Ясно. Ты здесь уже бывал?

— Да.

— А дальше к востоку?

— Я доезжал до самой Миссисипи.

— Ты знаешь, как перебраться на тот берег?

— Вроде бы. У Сент-Луиса сохранился мост.

— А зачем ты так далеко забирался?

— Хотел посмотреть, что там творится. Я такое слышал…

— И на что это похоже?

— На кучу хлама. Сожженные города, огромные воронки, обезумевшие звери, люди…

— Там есть люди?

— Если можно их так назвать. Все чокнутые. Бродят в каких-то лохмотьях или в шкурах, а то и голышом. Швыряли в меня камни, пока я не пристрелил парочку.

— Давно это было?

— Лет шесть-семь назад. Я совсем юнцом был.

— И никому не рассказывал?

— Рассказывал. Двум дружкам. А больше меня никто не спрашивал. Мы собирались отправиться туда за девочками, но ребята струхнули.

— А что бы вы с ними сделали? Таннер пожал плечами.

— Не знаю. Продали бы, наверно.

— Вы там действительно… ну, продавали людей? Таннер снова пожал плечами.

— Бывало, — бросил он. — До Рейда.

— Как ты ухитрился остаться в живых? Говорят, тогда никто не ушел.

— Я в то время сидел. За бандитизм.

— А чем занимался, когда тебя выпустили?

— Позволил себя перевоспитывать. Мне дали работу — развозить почту.

— Да, я слыхал. Правда, только сейчас догадался, что речь шла о тебе. Вроде, сначала все складывалось хорошо, а потом ты избил началь-

ника и потерял работу. Как это получилось?

— Он вечно поддевал меня, вспоминал мое прошлое… Ну, и в один прекрасный день я велел ему заткнуться. Он расхохотался, и я жахнул его цепью.

— Дела…

— Я был у него лучшим водителем. Мало кто соглашался ходить на Альбукерке, даже сегодня не очень-то идут. Разве уж совсем припрет с деньгами.

— Если мы дойдем до Бостона и вернемся назад, тебе наверняка найдут хорошую работу.

— Во-первых, — сказал Таннер, — я не думаю, что мы дойдем. А во-вторых, если нам все-таки повезет и если там еще есть люди, я вряд ли вернусь обратно.

Грег кивнул.

— Разумно. Ты будешь героем. Твое прошлое никому не известно…

— К черту героев, — процедил Таннер.

— А я вот вернусь. У меня старуха-мать, орава братьев и сестер. И девушка.

Небо бледнело, и Таннер увеличил яркость экранов.

— Расскажи мне про свою мать.

— Она у нас хорошая. Вырастила семерых. Сей-

час у нее тяжелый артрит… Днем она работала, но всегда готовила нам еду, а иногда приносила что-нибудь сладкое. Шила одежду, играла с нами, бывало, вспомнит о довоенных временах…

— А твой старик? — спросил Таннер.

— Он сильно пил, часто сидел без работы. Но никогда не дрался. Он погиб, когда мне и двенадцати не было.

— А теперь они все на тебе?

— Да, я старший.

— Чем ты занимался?

— Работал на твоем месте. Возил почту в Альбукерке.

— Будь я проклят! Послушай, ты там в Альбукерке никогда не бывал в баре «У Педро»?

— Бывал.

— У них играла на пианино такая маленькая блондиночка, Маргарет…

— Сейчас ее нет, вместо нее какой-то парень. Жирный, со здоровенным кольцом на левой руке.

— Как твоя голова? — немного помолчав, спросил Таннер.

— Вроде бы нормально.

— Тогда садись за руль. — Таннер ударил по клаксону и остановил машину. — Иди по компасу

миль сто, а потом меня разбудишь.

— На что обращать внимание?

— На змей. Ни в коем случае не наезжай на них.

Они поменялись местами. Таннер откинулся на спинку, зажег сигарету и заснул, не выкурив и половины.

7

Когда Грег разбудил его, стояла ночь. Таннер прокашлялся, отпил глоток ледяной воды и пролез в туалет. Выйдя, он занял место водителя и взглянул на счетчик пути.

— К утру доберемся до Солт-Лейк-Сити, если повезет. Все нормально?

— Никаких осложнений. Держался от змей подальше.

Таннер ухмыльнулся и тронул машину.

— Как звали того парня, который принес известие об эпидемии?

— Не то Брейди, не то Бройди…

— Сам-то он не болел? Мог ведь занести мор

в Л-А.

Грег покачал головой.

— Нет. Его машина была разбита, сам покалечен, ну, и облучился. Тело сожгли, машину тоже, и всем, кто с ним имел дело, вкололи дозу Хавкина.

— Это что еще за штука?

— То, что мы везем. Сыворотка Хавкина, единственное средство от этой чумы. Тебе делали какие-нибудь уколы?

— Перед тем как выпустить… Интересно, где он перебирался через Миссисипи? Не говорил?

— Он вообще ничего не успел сказать. Все стало известно из письма.

— Наверно, водитель что надо. С таким бы я познакомился.

— Я тоже. Жаль, что теперь нельзя связаться с Бостоном по радио, как в старые времена.

— Почему?

— Тогда зачем бы ему ехать? Да и мы, между прочим, знали бы, надо ли спешить. Покойникам сыворотка ни к чему.

— Что правда, то правда… Гляди!

Весь экран закрывали гигантские летучие мыши.

— Да их здесь тысячи…

— В Солт-Лейк-Сити мне рассказывали, что это за твари. Настанет день, когда кому-то придется освободить место — им или нам.

— А знаешь, ты напарник не из самых веселых…

Таннер, посмеиваясь, закурил.

— Свари-ка лучше кофе… А об этих гадах пусть беспокоятся наши дети, если они у нас будут.

Грег залил в кофейник воду и поставил на плитку.

— Что за чертовщина? — проговорил Таннер и затормозил. Вторая машина тоже остановилась. Таннер включил рацию.

— Номер три! Вы с таким встречались?

Огромные конические воронки вращались между небом и землей, покачиваясь из стороны в сторону. Их было около пятнадцати, в миле впереди. Они то застывали, словно колонны, то принимались танцевать, ввинчиваясь в землю, всасывая желтую пыль.

— Я слышал о смерчах, — произнес Грег. — Никогда сам не видел, но, похоже, это они.

Затрещал приемник, и донесся приглушенный голос водителя:

— Гигантские пыльные дьяволы. Все, что засосет такая штука, выходит в мертвом поясе

наверху. Мой партнер их встречал. Он советует выбросить якори и закрепиться.

Таннер не спешил отвечать.

— Они приближаются, — наконец сказал он. — Я не собираюсь торчать тут, словно подсадная утка. Пойду на них.

— По-моему, это глупость.

— Тебя никто не спрашивает. Но если б у тебя башка варила, ты бы сделал то же самое.

— Учти — я держу тебя на прицеле, Таннер.

— Когда выскочу на ту сторону, дам осветительную ракету, — отозвался Таннер. — Как увидите, трогайтесь.

Он выключил рацию и посмотрел вперед, на раздувшиеся черные колонны.

— Ну, поехали, — сказал он. — Пристегнись, парень.

Машина двинулась. Колонны росли на глазах, и теперь слышался резкий звенящий звук, свирепый хор ветров.

Таннер прошел первую ярдах в трехстах и взял влево, чтобы объехать воронку прямо по ходу. На смену ей выросла другая, и он снова принял влево. Впереди открылся проход, и Таннер устремился меж двух черных, как смоль, столбов. Уши заложило, руль едва не вырвало из рук. Он резко

повернул вправо и, набирая скорость, проскочил мимо еще одного столба, который мгновенье спустя прошел у него за спиной.

Таннер тяжело выдохнул. Его окружали четыре воронки. Две пообок слились и с пронзительным визгом двинулись прочь. Пересекая его путь, слева направо неслась другая воронка, и он резко затормозил, так что ремень врезался в грудь. Передок машины оторвался от земли, но уже через миг, отпущенный, тяжело упал.

Таннер проскочил между последними двумя столбами, и все осталось позади.

Он проехал еще с четверть мили, поднялся на небольшой холм и пустил осветительную ракету. Та взмыла в воздух и на полминуты зависла высоко наверху.

Таннер закурил сигарету и стал ждать.

— Ничего, — произнес он, затушив окурок. — Может быть, они не увидели…

— Давай вернемся, — предложил Грег час спустя.

Они вернулись. И ничего не нашли. Совершенно ничего, что могло бы поведать им о судьбе машины номер три.

8

Когда они въехали в Солт-Лейк-Сити, небо было затянуто синей пеленой. Джон Брейди — так звали гонца из Бостона — побывал здесь всего несколько дней назад, и город ждал. Почти все десять тысяч его жителей высыпали на улицу. Прежде чем Черт и Грег вылезли из машины, капот автомобиля был поднят, и в двигателе копались три механика.

Грег и Таннер отказались от обеда, они послали кого-то за яйцами, беконом и хлебом. Потом выехали на улицу и под восторженные возгласы покатили на восток.

— Не взяли пива! — с досадой бросил Таннер.

Машина отъехала от остатков того, что некогда звалось шоссе 40. Таннер уступил место водителя Грегу, а сам растянулся в пассажирском кресле.

На севере вспыхнуло голубое сияние, небо над головой набухло и почернело.

— Жми! — закричал Таннер. — Там впереди горы! Может, успеем проскочить и найдем пе-

щеру!

Но ад обрушился на них раньше. Сперва пошел град, потом с неба стали валиться камни, и правый экран потух. Двигатель захлебывался и кашлял под неистовым воднопесчаным потоком.

И все же они добрались до гор, нашли место в узкой расщелине. Вокруг ревели и надрывались ветры.

— Нам не пройти, — сказал Грег. — Я думал, что у нас есть шанс. Его нет. Все против нас, даже погода.

— У нас есть шанс, — сказал Таннер. — Не слишком большой, но есть. До сих пор нам везло, и у меня появилось предчувствие. Предчувствие удачи.

— Какая, к черту, удача! Ты посмотри, что творится!

— Вижу, — спокойно сказал Таннер. — Наша машина выдержит еще не такое.

— Но буря может продлиться и несколько дней!

— Переждем.

— Если не ждать долго, нас сотрет в порошок. Если ждать долго, вообще не надо будет ехать. А попробуй высунуть нос — и нам конец.

— На ремонт уйдет минут двадцать, запасные «глаза» у нас есть. Если через шесть часов буря не утихнет, мы двинемся вперед.

— Ты, вроде бы, рвался спасти свою шкуру, а теперь она тебе уже не дорога? Не говоря уже о моей…

— Я много думал, — произнес Таннер и надолго замолчал.

— О чем? — спросил Грег.

— О тех людях в Бостоне… Да, они не сделали мне ничего хорошего. Но, черт побери, я не прочь узнать, каково это быть героем — так, ради любопытства. И Бостон не мешало бы увидеть… Пойми меня правильно: мне вообще-то плевать, да только неохота, чтобы все на Земле было исковерканным и мертвым, как здесь, в Долине. Когда мы потеряли в том смерче машину, я начал думать. Вот и все.

Грег покачал головой.

— Я и не подозревал, что ты философ…

— Я тоже. Расскажи-ка мне о своей семье.

…Через четыре часа, когда буря утихла, когда вместо камней стали летать песчинки и яростный ливень перешел в моросящий дождь, они двинулись в путь. Вечером они обошли руины Денвера. Таннер сел за руль и повел машину к ме-

сту, некогда известному под названием Канзас.

Он вел всю ночь и утром впервые за много дней увидел чистое небо. Правая нога давила на газ, в голове неторопливо текли мысли, а рядом тихо посапывал Грег.

Таннером завладело странное чувство. Ему вспомнились рассказы о тех днях, когда пришли ракеты; когда было уничтожено все, кроме районов на северо-востоке и юго-западе; о тех днях, когда налетели ветры, растаяли тучи и небо потеряло голубизну: когда замолчали радиостанции и перестали летать самолеты. Больше всего Таннеру было жаль самолетов — он всегда мечтал летать, парить высоко-высоко, как птица… А впереди его помощи ждал город — единственный уцелевший город, кроме Лос-Анджелеса, последняя цитадель американской земли. Он, Таннер, может спасти его, если поспеет вовремя.

Вокруг были скалы и песок. К склону горы прижимался покосившийся гараж — разбитый, с провалившейся крышей, он напоминал полуразложившийся труп. Таннера стала бить дрожь. Справа впереди поднималась стена черного дыма. Подъехав ближе, он увидел обезглавленную гору. На месте вершины свили гнездо языки пламени. Таннер взял влево, на много миль от-

клоняясь от намеченного пути. Под колесами тряслась земля, сверху сыпался пепел, но дымящийся конус горы отходил все дальше.

Таннер думал о былых днях и о том немногом, что знал о них. Если пробьется, обязательно узнает больше. Его никогда не просили сделать что-то важное, он надеялся, что и впредь не попросят. Однако им завладело чувство, что он может это сделать. Хочет сделать. Впереди, сзади, по сторонам простиралась Долина Проклятий — кипящая, дымящая, дрожащая, — и если он ее не победит, половина человечества погибнет. И удвоятся шансы, что весь мир скоро станет частью Долины… На побелевших суставах ярко проступила татуировка.

Грег спал. Таннер даже не прикоснулся к тормозу, когда увидел оползень. Он проскочил его и шумно выдохнул. Все чувства были обострены до предела, мозг регистрировал мельчайшие детали. Таннер чувствовал движение воздуха в машине и упрямое давление педали на ногу. В горле пересохло, но это не имело значения. Он мчался по искалеченным равнинам Канзаса, слившись с машиной в одно целое, и испытывал состояние, похожее на отрешенность и счастье. Проклятый Дентон был прав. Надо доехать.

На краю глубокой расщелины он повернул к северу. Через тридцать миль расщелина кончилась, и он снова взял курс на юго-восток. Грег что-то бормотал во сне. Солнце стояло в зените, и Таннеру казалось, будто он, бестелесный, парит над бурой землей. Он сжал зубы. Его мысли вернулись к Денни. Наверное, тот сейчас в больнице. Что ж, все лучше, чем сгинуть в Долине… Таннер чувствовал, что у него болят шея, плечи, руки — он сжимал руль изо всех сил.

Солнце скатывалось ему за спину. Он отпил воды — ив эту минуту послышался звук, подобный отдаленному раскату грома. Чудовищное стадо бизонов пересекало их путь. Больше часа тяжелые животные, склонив головы, бежали перед машиной, взметая копытами землю, и, наконец, откатились к югу. Только гигантское облако пыли осталось висеть в воздухе, и Таннер, включив фары, направил в него автомобиль.

Он выехал на шоссе с уцелевшим покрытием и резко прибавил скорость. Бросил взгляд на покосившийся указатель: «Топека — 110 миль».

Грег зевнул, потянулся, потер кулаками глаза.

— Который час?

Таннер кивнул на часы.

— Утра или вечера?

— Вечера.

— Ну и ну! Выходит, я проспал пятнадцать часов! Ты, должно быть, совсем выдохся. Сейчас я тебя заменю.

— Не возражаю.

Через пять минут они подъехали к окраинам мертвого города. Почти все здания развалились, подвалы были наполнены водой. Через трещины в асфальте лезла трава. Чудом уцелевший телеграфный столб накренился к земле, свисавшие с него провода походили на черные спагетти. Разбитые витрины, ржавые остовы автомобилей, ослепшие светофоры…

— Ну, давай меняться.

— Сперва я хочу отсюда выехать.

Когда город остался позади, Таннер остановил машину.

— Мы недалеко от Топеки. Буди меня в случае чего.

— Как ты ехал, пока я спал?

— Нормально, — ответил Таннер и закрыл глаза.

Грег вел машину прочь от заката. До Топеки он съел три бутерброда и выпил кварту молока.

9

Таннер проснулся от визга запускаемых ракет. Он машинально потер глаза и тупо уставился вперед.

Воздух был наполнен летучими мышами. Их черные тела тормозили машину, слух терзали скрежещущие тонкие звуки.

— Где мы?

— В Канзас-Сити. Тут их полно.

Грег выпустил еще одну ракету, прорезавшую дикую орду.

— Давай огнеметами. — Таннер устроился у пулемета и навел перекрестие прицела на экран. — Одновременно во все стороны. Пять-шесть секунд — потом я продолжу.

Огонь рванулся вперед, расцветая мрачно-оранжевыми лепестками. Когда лепестки опали, Таннер нажал на гашетку. Обгоревшие тела устилали землю, к ним добавлялись новые.

— Жми! — закричал Таннер, и машина пошла вперед по хрустящим тушкам. Казалось, что на них налетают миллионы вампироподобных тварей. Таннер стрелял, и они падали, как пере-

зрелые яблоки.

Потом он скомандовал:

— Притормози и дай из верхнего огнемета! Теперь из боковых! Из среднего!

Вокруг горели тела, и они прокладывали путь по обугленной плоти.

Через десять минут Таннер произнес:

— Слева от нас Миссури. Если идти вдоль берега, попадем в Сент-Луис.

— Знаю. Думаешь, там тоже будет полно летучих мышей?

— Наверно. Но если не гнать и приехать туда утром, они нам не помешают. Там подумаем, как перебраться через Миссисипи.

А на экране заднего обзора, на фоне бледных звезд темнел город Канзас-Сити, и, облитые светом кровавой луны, над его силуэтом метались летучие мыши.

…Таннеру снилось, что он медленно едет на мотоцикле посреди широкой улицы, а на тротуарах стоят люди и приветствуют его восторженными возгласами. Они бросают конфетти, но на него падает мусор, мокрый и вонючий. Тогда он дает газу, но мотоцикл замедляет ход, и теперь они осыпают его ругательствами. «Харли» начинает захлебываться, он останавливается и опрокиды-

вается вправо. Таннер падает, на него бросается толпа…

Таннер резко очнулся и увидел утро — яркую монету в центре темно-синей скатерти.

— Вот она, — прошептал Грег. — Миссисипи.

Показался мост — провисший, темный. Машина медленно ехала по улицам, порой приходилось объезжать целые кварталы. За два часа они прошли милю и к мосту попали в полдень.

— Похоже, Брейди проехал здесь, — произнес Грег, глядя на узкий расчищенный проход. — Как он это сделал?

— Может быть, спихивал вниз те машины, которые ему мешали.

— Что ж, если повезет, и мы пройдем.

Они медленно ехали над величественной рекой. Временами мост под ними трещал, стонал, и они чувствовали, как он дышит. Миновало три часа, прежде чем колеса коснулись противоположного берега. Грег тяжело вздохнул и чуть дрожащей рукой зажег сигарету.

— Не хочешь немного повести. Черт?

— Давай.

Они поменялись местами. Грег тут же откинулся на спинку и закрыл глаза.

Таннер вел машину через руины Сент-Луиса, он

спешил выехать из города до наступления темноты. Улицы были захламлены и разбиты. Уровень радиоактивности повышался, но в машине, судя по индикатору, все пока было в норме.

Когда солнце скатилось за спину, Таннер вновь увидел на севере разливающееся голубое сияние. Но небо оставалось чистым — звездное небо, уже без черных полос. На нем висела розовая луна. Таннер тихонько включил музыку. Грег крепко спал. Затем Таннер увидел на экране кратер и остановился.

Кратер был около полумили в поперечнике. В сиянии осветительной ракеты Таннер рассмотрел окрестности. Справа было ровнее, и он повернул туда.

Радиация! Таннер жал на педаль газа и думал, глядя на индикатор: «На что это было похоже в тот день? В тот день, когда вспыхнуло искусственное солнце, когда оно затмило настоящее, а потом медленно потонуло в черном шквале...» Он попытался представить себе это, картина возникла перед глазами, он хотел прогнать ее, но не сумел.

Какой была жизнь раньше, в те дни, когда стоило лишь вскочить на мотоцикл — и кати куда душе угодно? И на голову с небес не лились

помои? Таннера охватило чувство, будто его обманули. Он испытывал его не в первый раз, но сейчас он ругался злее и дольше, чем обычно.

Объехав, наконец, кратер, Таннер закурил и впервые за долгие месяцы улыбнулся — когда увидел, что индикатор радиоактивности успокоился. Через несколько миль показалась трава, а потом и деревья, низкорослые и изогнутые; но чем дальше он бежал от кровавой вакханалии, тем выше и стройнее они становились. Таких деревьев он никогда раньше не видел: высокие, изящные, серебрящиеся под лунным светом.

Машина мчалась по твердой широкой дороге, и Таннером завладело желание ехать по ней вечно — до Флориды, штата мхов и торфяных болот, апельсинов и чудесных пляжей; до холодного скалистого мыса Сейбл, где волны разбиваются о маяки и соленый ветер обжигает лицо, где на надгробных плитах древних кладбищ вырублены стершиеся, но еще различимые надписи; потом вниз по великой Миссисипи, туда, где она разбивается на рукава и выходит в Мексиканский залив — на крошечных его островках зарывали пираты награбленные сокровища; в горы — Покомок, Кэт Скилл, плато Озарк; проехать через леса Шенандоа; оставить машину и поплавать

в Чесапикском заливе; посмотреть на большие озера и на то место, где падает вода — на Ниагару; ехать и ехать по этой дороге, впитать в себя весь мир… Может быть, осталась не только Долина Проклятий! Он хотел, чтобы это было так.

Таннер рассмеялся — коротко, резко: он неожиданно почувствовал себя всемогущим.

10

Растительность стала хиреть. Исчезла трава, редкие искривленные деревья склонялись над голой землей. Снова пошла на подъем радиоактивность. Сохранившийся на шоссе указатель возвестил о приближении Индианополиса.

Таннеру пришлось сделать большой крюк, чтобы перебраться на другую сторону Белой Реки. Вдруг затрещало и ожило радио. Слабо донесся голос: «Неопознанный автомобиль, немедленно остановитесь!» Таннер включил экраны на полное увеличение и далеко впереди, на холме, увидел мужчину с биноклем и рацией.

Он ехал по сносному участку дороги со ско-

ростью около сорока миль в час. От толчков на выбоинах проснулся Грег. Из приемника все настойчивее и громче раздавались команды. Таннер впился взглядом в передний экран.

— В чем дело? — спросил Грег.

Дорогу перегораживал танк, и дуло его орудия смотрело прямо в лоб.

Таннер среагировал молниеносно.

Пока глаза искали и нашли боковой съезд, правая рука пустила три бронебойные ракеты, левая рука резко крутанула руль против часовой стрелки, а нога изо всей силы вжала педаль газа.

Он уже съехал на обочину, когда танк харкнул вспышкой, а потом расцвел огненным цветком и исчез в дыму.

Когда они выскочили на дорогу, начался ружейный огонь. Грег швырнул налево и направо по гранате, а затем ударил из пулеметов. Машина с бешеной скоростью неслась вперед; через полмили Таннер взял микрофон и проговорил: «Прошу прощения, ребята, у меня не работают тормоза».

Ответа не последовало.

Как только они выехали на ровную местность с хорошим обзором, на место водителя сел Грег.

— Как ты думаешь, где они раздобыли танк?

— Кто их знает.

— А зачем хотели остановить нас?

— Они не знали, что мы везем. А может, просто нужен был автомобиль.

— Влепить снаряд — не способ отнять машину.

— Но если она не достанется им, то с какой стати оставлять ее нам?

— Ты что, читаешь их мысли?

— Может, и читаю.

— Закури.

Таннер с благодарностью взял сигарету.

— Нам еще ехать и ехать…

— Не спорю. Давай, покатили.

— А раньше ты говорил, что мы все равно сдохнем.

— Теперь я передумал. Мы доедем.

— Но один раз ты уже пытался улизнуть. Теперь я тебя понимаю…

— Ты боишься, Грег?

— Скажи, какой толк моей семье от покойника?

— Тогда почему ты пошел на это дело?

— Я и не предполагал, на что это будет похоже. Никто не посмеет упрекнуть нас, если ничего не выйдет. Мы сделали все, что могли.

— А как же те люди в Бостоне, о которых ты столько говорил?

— Там наверняка никого уже нет в живых.

— А тот парень, Брейди? Он умер, чтобы доставить нам известие.

— Видит бог, я им восхищаюсь. Но мы потеряли уже четверых, и надо ли доводить это число до шести, лишь бы показать всем, что мы не трусы?

— Грег, сейчас нам гораздо ближе до Бостона, чем до Лос-Анджелеса. На обратный путь не хватит горючего.

— Можно заправиться в Солт-Лейк-Сити. Да и вообще, последнюю сотню миль пройти на мотоциклах.

— А ты меня еще поносил. Удивлялся, откуда берутся такие… Ты спрашивал, что они мне сделали. И я ответил: ничего. Теперь, может быть, я что-нибудь для них сделаю, просто потому, что мне так хочется.

— У тебя нет семьи, которую надо кормить. А мне приходится думать не только о себе.

— Ты очень красиво оправдываешься, когда хочешь смалодушничать. Ты говоришь: «Я не боюсь, но у меня есть мать, сестры и братья, и еще одна крошка, от которой я без ума. Только поэтому я иду на попятный…»

— Именно так! Я не понимаю тебя, Черт, я совершенно тебя не понимаю! Ты же сам подал мне

эту идею.

— Ну, так отдавай ее назад — и поехали!

Грег бросился на Таннера внезапно и вдавил его в кресло. Пальцы царапали лицо, подбираясь к глазам. Таннер судорожным движением ухватил голову Грега и изо всех сил оттолкнул. Грег ударился о приборную доску и обмяк.

Таннер для верности еще дважды ударил его головой о доску и перебрался за руль. Успокаивая дыхание, изучил экраны — ничего угрожающего.

Он достал моток веревки и связал руки Грега за спиной, потом обмотал веревкой лодыжки и, наконец, прикрутил его к спинке сиденья. Через два часа Грег начал стонать, и Таннер включил музыку погромче. Пейзаж снова изменился: появились зеленые поля, яблони с еще незрелыми плодами, белые домики и бурые сараи, кукуруза, покачивающаяся на ветру, маленькая колокольня с голубой кровлей…

Полосы наверху расширились, но само небо не потемнело, как обычно перед бурей. У Дейтона Таннер повернул на север и двинулся вдоль бездонного обрыва, притормаживая лишь для того, чтобы объехать расщелины и провалы. Снова повысилась радиация. Густой желтый пар

струился из-под земли и обволакивал машину липучим сернистым облаком, пока порыв ветра не рассеивал ядовитый туман. В один из таких моментов Таннер непроизвольно нажал на тормоз; машина дернулась, и Грег опять застонал. Несколько секунд Таннер не мог оторвать глаз от того, что ему открылось, а потом медленно двинулся вперед. «Люди, — подумал он, — опять люди...» Над пропастью качался пожелтевший распятый скелет, ухмыляясь оскаленным ртом.

...Когда Таннер выехал из тумана, небо было уже темным. На объезд пропасти ушло четыре часа, и теперь, когда он снова устремился на восток по прерии, поросшей вереском, солнце уже садилось где-то за черную реку.

Таннер догадывался, что его ждет. Он включил фары и стал осматриваться в поисках убежища. На холме неподалеку стояла покосившаяся конюшня без дверей. Таннер осторожно загнал туда машину и увидел покрытые плесенью стены и скелет лошади.

Он вырубил двигатель, потушил фары и стал ждать.

Скоро снаружи родился завывающий звук, который заглушил стоны и бормотание Грега. Потом другой звук — не тяжелый и резкий, как

обычно в Лос-Анджелесе, а мягкий, настойчивый, почти мурлыкающий.

Уровень радиации был невысок, и Таннер вылез из машины, не надевая защитного костюма. Солнцу все-таки удалось выглянуть из-за черной завесы, его косые лучи освещали падающие сверху серые капли.

Это был дождь. Таннер никогда в жизни не видел простого, чистого дождя… Он стоял и смотрел.

Дождь падал непривычно тихо, чуть шелестя. Потекли ручейки, появились лужи. В лицо ударил влажный ветер, и Таннер слизнул холодные капельки. Он подобрал щепку и бросил ее в лужу у ног; щепка упала с легким всплеском и поплыла. Из-под крыши раздавалось птичье щебетанье, в воздухе разливался сладковатый запах гниющей соломы. Сверху, покачиваясь, проплыло перышко, и Таннер подставил ладонь — перо было легкое и пушистое. Никогда раньше он не обращал внимания на такую чепуху. Таннер отпустил перышко, и ветер тут же унес его.

В такую погоду можно бы и ехать, но сил не было. Таннер нашел бочонок и сел. Он сидел очень долго, и влажный ветер обдувал его лицо. Потом дождь утих, и Таннер вернулся в машину. Грег

оставался без сознания — дурной признак.

Таннер проглотил тонизирующую таблетку и сжевал бутерброд. Он шел по Огайо и возле границы с Западной Вирджинией взял к северу. Серый день перешел в темную ночь.

Летучие мыши не доставляли больше хлопот, но встречались кратеры и временами подскакивала радиоактивность. Где-то за машиной увязалась стая огромных диких собак, они лаяли и выли, пытались ухватить зубами шины и, наконец, отстали. Гора извергала клубы светлого дыма, земля дрожала, падал пепел. От внезапно налетающих шквалов воды двигатель трижды захлебывался и глох. Таннер пускал его и двигался дальше. Жижа под колесами чавкала и хлюпала. Потом он выбрался на сухую возвышенность, и там какие-то люди обстреляли его из винтовок, стараясь перекрыть дорогу. Он ответил пулеметным огнем и проскочил.

Таннер то и дело подергивал золотое кольцо в левом ухе, покусывал бороду и нервно чесался; дважды останавливал машину и лез в туалет. Когда он проезжал по очередному мертвому городу, опять заморосило, словно на землю опустилась холодная пелена. Таннер остановился посреди дороги, едва не наехав на то, что принял сперва

за полосы в небе. Очень уж неожиданно они появились…

Это была паутина. Нити толщиной с руку были натянуты между двумя зданиями с обеих сторон улицы.

Таннер включил огнемет. Когда пламя потухло, он увидел бесформенное создание, спускающееся сверху. Гигантский паук, величиной с человека, спешил проверить свои сети.

Таннер пронзил его раскаленной добела ракетой. Тот повис в паутине, но еще подергивался. Таннер включил огнемет и добрых десять секунд поливал все огнем, стараясь не вспоминать омерзительную картину.

Далеко справа дымилась гора, но пепла почти не было. Таннер на полной скорости мчался навстречу утру.

11

Он застрял в грязи где-то в восточной Пенсильвании и ругался на чем свет стоит. Солнце поднялось к зениту. Грег был очень бледен. Тан-

нер закрыл воспаленные глаза и заснул.

Его разбудил стук в дверцу машины. Руки сами собой потянулись к пульту управления огнем, глаза обшарили экраны.

Таннер увидел у левого крыла пожилого мужчину и двух молодых парней. Они были вооружены, но беззащитны перед ним — их можно было перерезать пополам в одно мгновение.

Таннер включил наружный динамик.

— Чего вы хотите? — спросил он надтреснутым голосом.

— Застряли? — окликнул его пожилой мужчина.

— Вроде того.

— У меня есть упряжка мулов. Может, вытащат. Но раньше завтрашнего утра их сюда не пригнать.

— Отлично! — сказал Таннер.

— Откуда вы?

— Из Лос-Анджелеса

Они удивленно зашептались.

— Далеко же вы забрались, мистер.

— Будто я не знаю… Послушайте, если вы серьезно насчет мулов, это просто здорово. Положение чрезвычайное.

— А что стряслось?

— Слыхали о Бостоне?

— Ну.

— Там мор, гибнут люди. Я везу лекарство, которое может их спасти.

Они снова зашептались.

— Мы поможем вам. Пойдете с нами?

— Куда? И кто вы такие?

— Меня зовут Самуэль Поттер, а это мои сыновья — Родерик и Калибан. Наша ферма милях в шести отсюда

— Не думайте, что я вам не верю, — сказал Таннер. — Но в меня слишком часто палили, не хочется лишний раз рисковать.

— Да и нам с вами рискованно иметь дело. Но мы многого лишимся, если бостонские торговцы перестанут приезжать в Олбани.

— Подождите, — сказал Таннер и вышел из машины.

Пожилой мужчина первым протянул руку, и Таннер пожал ее.

— У вас есть доктор?

— В поселке, милях в тридцати к северу.

— Мой напарник ранен. — Таннер махнул в сторону машины.

Сэм шагнул вперед и заглянул внутрь.

— А чего он связан, как сноп?

— Спятил. Пришлось его стукнуть и связать на всякий случай. Но теперь ему худо.

— Мы смастерим носилки и ребята отнесут его домой, а там пошлем кого-нибудь за доком. Вы и сами не бог весть как выглядите. Спорю, что не откажетесь побриться, принять ванну и лечь в чистую постель.

— Паршиво я себя чувствую, — признался Таннер. — Давайте поскорее с этими носилками, не то понадобятся еще одни.

Он привалился к бамперу и курил, пока сыновья Поттера рубили и очищали от веток тонкие деревца Волнами накатывалась дурнота, веки отяжелели, ноги были словно ватные. Сигарета выскользнула из пальцев.

Кто-то потряс его за плечо.

— Все, — сказал Поттер. — Мы развязали вашего друга и уложили на носилки. Будете запирать машину?

Таннер едва не упал, но все же запер дверцы, и они двинулись в путь. Таннер сперва пошатывался, но потом втянулся в ходьбу. Самуэль Поттер ни на минуту не умолкал — может быть, для того, чтобы Таннер не заснул на ходу.

— Идти недалеко, сынок. Как ты сказал твое имя?

— Черт, — пробормотал Таннер.

— Не понял?

— Черт. Мое имя. Черт Таннер.

Сэм Поттер хохотнуд

— Славное имечко! Если ничего не имеешь против, я представлю тебя жене и младшему как «мистер Таннер». А?

— Валяйте… — выдавил Таннер, вытаскивая ногу из трясины.

— Да, уж как нам плохо будет без этих торговцев из Бостона! Надеюсь, ты поспеешь вовремя. Они привозят товары в Олбани и дважды в год устраивают ярмарку — весной и осенью. У них есть все, что нам нужно: иголки, нитки, перец, посуда, семена, оружие… ну все! Да в здешних краях тебе всякий поможет.

Они поднялись на возвышенность, там было суше.

— Отсюда, значит, уже не трудно до Бостона добраться?

— Не скажи. Но я подсоблю с картой.

— Карта у меня есть, — отозвался Таннер и спросил, показав на ферму вдали: — Ваша?

— Она. Уже совсем рядом. И идти теперь легче будет… Обопрись на мое плечо, если устал.

— Ничего, обойдусь. Наглотался таблеток, чтоб

не спать, теперь навалилось… Совсем невмоготу.

— Скоро отоспишься. А там пройдемся по твоей карте, я тебе покажу дорогу.

— Хорошо… — пробормотал Таннер. В глазах потемнело; он положил руку на плечо Сэма и пошатнулся.

Через целую вечность из тумана появился дом. Дверь распахнулась, и Таннер почувствовал, что падает.

12

Когда он очнулся и открыл глаза, в комнате было светло. Таннер с кряхтеньем потянулся, яростно поскреб бороду и огляделся: сине-красные коврики ручной вязки на дощатом полу, кухонный шкаф с белой эмалированной мойкой (кое-где эмаль отлетела, там чернели пятна), зеркало на стене и качалка возле окна, маленький столик у другой стены. На столе книги, бумага, чернила и ручка, над ним — выцветшая картинка с водопадом.

Таннер сел и обнаружил, что спал голый. Одеж-

ды нигде не было видно. Пока он раздумывал, звать кого-нибудь или нет, открылась дверь и вошел Сэм. Через руку была перекинута одежда Таннера, чистая и выглаженная.

— Услыхал, как ты ворочаешься, — сказал Поттер. — Полегчало?

— Сравнения нет, спасибо.

— Мы приготовили ванну. Добавишь бадейку горячей и мойся, сколько душе угодно. Ребята принесут мыло и полотенце.

Таннер прикусил губу, но, не желая показаться хозяину неблагодарным, выдавил улыбку.

— …А там на полке бритва и ножницы.

Сэм положил одежду на качалку, рядом поставил ботинки и выше;: из комнаты.

Вскоре Родерик и Калибан внесли лохань, поставили ее на старые мешки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил один из них. (Таннер не знал, кто именно. Они оба были похожи на долговязые пугала с белоснежными зубами.)

— Отлично, — ответил он.

— Есть хотите? Вы спали весь день, ночь и еще утро

— Что с моим напарником? — спросил Таннер.

Другой парень покачал головой.

— Плохо ему, никак в себя не придет. Скоро будет док. Наш младший пошел за ним вчера вечером.

Они повернулись, собираясь уходить, и первый добавил:

— Как помоетесь, ма приготовит вам поесть. А мы пока попробуем вытащить машину.

— Спасибо.

— Доброго вам утра.

Дверь за ними закрылась.

Таннер поднялся, подошел к зеркалу и придирчиво себя оглядел.

— Ну хорошо, только один раз… — пробормотал он.

Он вымыл лицо, подровнял бороду и подрезал волосы. Затем, скрипя зубами, опустился в лохань, намылился и стал тереться мочалкой. Вода почернела. Он с плеском вылез, вытерся и оделся, улыбнулся незнакомому темноглазому отражению в зеркале и закурил. Потом расчесал волосы. «Да я красавец!», — хохотнул он и вышел на кухню.

Сэм сидел за столом с чашкой кофе, его невысокая полная жена в длинной серой юбке суетилась у плиты. Она обернулась, показав круглое краснощекое лицо. Каштановые с проседью волосы

были собраны в тугой пучок.

— Доброе утро, — сказала она с улыбкой.

— Доброе утро, — отозвался Таннер. — Боюсь, что я насвинячил в комнате.

— Ничего, — махнул Сэм. — Давай садись, будем тебя кормить. Ребята сказали о твоем друге?

Таннер кивнул.

Когда женщина поставила перед Таннером чашку кофе, Сэм произнес:

— Мою жену звать Сюзан.

Таннер опять кивнул.

— Я тут карту твою взял, она у тебя из куртки торчала. И вот у двери револьвер висит. Я на досуге мозгами пораскинул и думаю, что лучше всего тебе доехать до Олбани, а там по старому шоссе номер девять, оно неплохо сохранилось. — Поттер разложил карту и стал показывать. — Это тебе не пикник, конечно, но самый верный и быстрый путь…

— Завтрак! — объявила жена и отодвинула карту, чтобы поставить огромную тарелку с яичницей и беконом. Тут же на столе оказались масло и джем, и Таннер набросился на еду.

Сэм рассказывал о бандах мотоциклистов, хозяйничающих между Бостоном и Олбани, из-за них торговцы возят товары караванами

под охраной. «Но с такой машиной тебе нечего бояться, да?» — спросил он, и Таннер ответил: «Надеюсь», — не переставая жевать. Однако ему не давала покоя мысль: а не похожи ли они на парней из его старой шайки? Только бы не это…

Послышался шум, дверь распахнулась, и на кухню влетел мальчишка лет десяти. За ним вошел мужчина с черным чемоданчиком.

— Вот и мы) Вот и мы) — закричал мальчишка. Сэм встал и пожал мужчине руку, и Таннер рассудил, что ему тоже следует так поступить. Он вытер рот и сжал руку доктора.

— Мой напарник вроде как свихнулся. Бросился на меня ни с того ни с сего. Я его оттолкнул, и он стукнулся головой.

Доктору было лет пятьдесят. Лицо, изборожденное морщинами, усталые глаза.

— Я вас провожу к нему, — сказал Сэм, и они вышли через дверь на другом конце кухни, а Таннер снова сел и положил в рот последний кусочек хлеба. Сюзан подлила ему кофе, и он благодарно кивнул.

— Меня зовут Джерри, — заявил мальчуган, усаживаясь на освобожденный отцом стул. — А ваше имя правда Черт?

— Тихо ты! — прикрикнула мать.

— Боюсь, что правда. — ответил Таннер.

— И вы ехали через всю Долину?

— Ага.

— Ну и как?

— Плохо.

— А чего вы видели?

— Летучих мышей. Здоровых, как эта кухня, а то и побольше. Их там полно, на той стороне Миссисипи.

— И что вы делали?

— Стрелял. Жег. Давил.

— А что еще видели?

— Чудовищ хила — размером с амбар. Пыльных Дьяволов — это такие бешеные воронки из ветра, они засосали одну машину. Огненные горы. Непроходимые заросли. Бури. Ехал по таким местам, где земля как стекло. И где земля тряслась. Ехал вокруг радиоактивных кратеров.

— Вот бы мне так!

— Джерри, не приставай к человеку, — сказала Сюзан.

— Не волнуйтесь, миссис. Все хорошо.

— А что это у вас за кольцо на руке? — спросил Джерри. — Вроде змеи.

— Так и есть, — сказал Таннер. — Чистое серебро с красными стеклянными глазами. Оно

досталось мне в одном местечке под названием Тихуана. На, держи.

— Я не могу его взять, — выдавил мальчик и посмотрел на мать молящими глазами; та покачала головой. Таннер заметил это и сказал:

— Твои родители помогли мне, позвали доктора к моему товарищу, дали мне постель и накормили. Я уверен, что они не будут возражать, если я подарю тебе кольцо.

Джерри снова посмотрел на мать. Таннер кивнул, и тогда она тоже кивнула.

Джерри вскочил и надел кольцо на палец.

— Велико…

— Это спиральное кольцо, его можно подогнать.

Таннер сжал кольцо и дал мальчугану примерить, потом сжал снова, и оно подошло. Джерри с кольцом на пальце собрался выбежать из кухни.

— Подожди) — окликнула женщина — Что надо сказать?

— Спасибо, Черт!

— Мистер Таннер, — поправила мать.

— Мистер Таннер, — повторил мальчик и выскочил за дверь.

— Вы очень добры, — произнесла женщина.

Из комнаты вышли Сэм и доктор, и тут Таннер

вдруг подумал, где же эта семья провела ночь. Сюзан налила им всем кофе.

— У вашего товарища сотрясение мозга — сообщил доктор. — Без рентгена не могу сказать, насколько серьезно его положение, а рентгена у меня нет. Все же перевозить его не советую.

— Как долго? — спросил Таннер.

— Может быть, несколько дней, может быта две недели. Я оставил кое-какие лекарства и все объяснил Сэму. Сэм говорит, что в Бостоне эпидемия и вам надо спешить. Мой совет: езжайте один. Оставьте его у Поттеров. Пусть окрепнет, потом отправится с ними на ярмарку в Олбани, а оттуда и до Бостона доберется.

— Хорошо, — подумав, решил Таннер.

Кофе они пили молча.

13

Бурая земля поросла густой травой. Небо было нежно-розового цвета, и солнечные блики отливали серебром. Казалось, что эти края миновал тот хаос, который породил остальную Долину.

Таннер несся вперед и слушал музыку. Дважды он обгонял грузовики и приветственно сигналил, один раз ему ответили.

Таннер ехал весь день и добрую часть ночи, прежде чем, наконец, достиг Олбани. Улицы были погружены во тьму, лишь в немногих зданиях светились огоньки. Он остановил машину перед мерцающей вывеской «Бар и гриль» и зашел внутрь.

В маленьком душном помещении было темновато. Пол присыпан опилками. Тихо играла музыка — совершенно незнакомые Таннеру мелодии.

Он сел за стойку и запихнул револьвер поглубже за пояс. Снял куртку и бросил ее на соседний табурет. Подошедшему мужчине в белом переднике он сказал:

— Одну маленькую, пиво и бутерброд с ветчиной.

Мужчина наклонил лысую голову и поставил перед Таннером стаканчик, который тут же наполнил, а затем налил из крана полную кружку.

Таннер опрокинул стаканчик. Бармен толкнул к нему тарелку с бутербродом, царапнул что-то на зеленом листке бумаги и подсунул под тарелку.

Таннер откусил бутерброд и запил пивом.

Оглядывая толпу шумящих людей, он остановил внимание на пожилом мужчине с дружелюбным лицом.

— Что нового в Бостоне?

— Ничего. Похоже, что к концу недели закроются все наши магазины.

— Какой сегодня день?

— Вторник.

Таннер прикончил бутерброд и за пивом выкурил сигарету. Взглянул на счет, где была выведена сумма «0,85», кинул на стойку доллар и собрался уходить. Он сделал два шага, когда его окликнул бармен.

— Эй, мистер!

Таннер повернулся.

— Ты кого хочешь одурачить?

— Не понимаю?

— Не понимаешь? — Бармен потряс долларом. — А это что?

Таннер взял бумажку и повертел перед глазами.

— Вроде все нормально. Чего тебе не нравится?

— Это не деньги! В жизни таких не видал.

— Ну, так разуй глаза! Прочитай, что там напечатано.

В комнате стало тиха Подошел мужчина, про-

тянул руку.

— Дай-ка я взгляну, Билл.

Бармен передал ему бумажку. Глаза подошедшего расширились.

— Выданы Национальным банком Калифорнии…

— Здесь они недействительны, — заявил бармен.

— Лучших у меня нет. — Таннер пожал плечами.

— Этой бумажкой можешь подтереться! Бостонские деньги у тебя есть?

— Никогда не был в Бостоне.

— А как же ты сюда попал?

— Приехал.

— Нечего дурака валять, парень! Ты где это украл?

— Возьмете деньги или нет? — спросил Таннер.

— И не подумаю! — отрезал бармен

— Тогда катитесь к черту, — бросил Таннер и пошел к двери.

В комнате раздались крики. Несколько человек вскочили на ноги и бросились к нему. Таннер вытащил из-за пояса револьвер и криво улыбнулся.

— Тихо, ребята, — процедил он, и они остано-

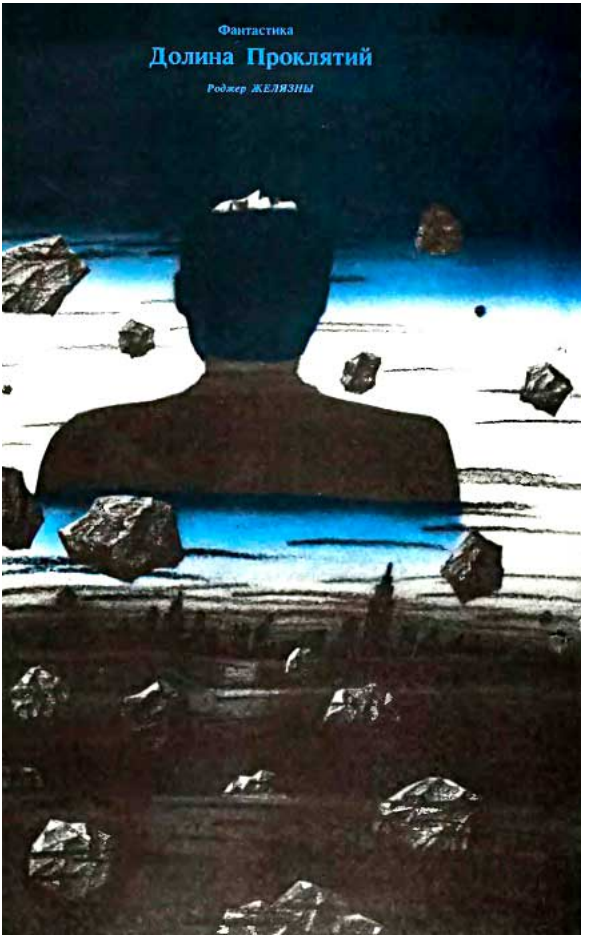
вились. — Вы, может, и не поверите, если я скажу вам, что в Бостоне мор, но это правда. И уже наверняка не поверите, что я еду сюда через весь континент от самого Лос-Анджелеса и везу в машине сыворотку Хавкина. Но и это чистая правда. А теперь мне пора двигать, и не вздумайте меня останавливать. Если сомневаетесь в моих словах, посмотрите, на чем я уеду. Вот все, что я хотел вам сказать.

Он пятился до самой машины и с места сорвался с ревом. Люди из бара глазели на него.

Фантастика

Долина Проклятий

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ



14

Олбани — Бостон. Две сотни миль. Ужасы Долины Проклятий остались позади. Ночь. Она простиралась вокруг, обняв машину нежными темными крыльями. Звезды, казалось, сияли ярче, чем всегда, природа шептала ласково и ободряюще: «Все будет хорошо».

Его путь лежал между холмов. Шоссе змеилось среди деревьев и высокой травы. Навстречу ехал грузовик, и Таннер притушил фары; водитель грузовика сделал то же самое.

Около полуночи он выехал на развилку, и вдруг оказался в перекрестии слепящих огней, вспыхнувших одновременно с двух сторон. Несколько десятков прожекторов поливали его светом слева и справа.

Таннер вжал акселератор в пол и услышал, как сзади взревели моторы. Он узнал этот звук.

Мотоциклисты. Они выскочили на дорогу и помчались следом.

Они явно не знали, за кем гонятся. Таннер мог

открыть огонь из пулеметов. Он мог затормозить и сжечь их из огнемета. Или закидать гранатами. Но не сделал ничего такого.

Это он мог сидеть на головном мотоцикле — самозабвенно мчаться впереди своих людей, не думая ни о чем, кроме преследования… Таннер отвел руку от пульта управления огнем.

Сперва попытайся уйти.

Мотор ревел на полной мощности, и все-таки от мотоциклистов ему не оторваться. Когда они начали стрелять, он понял, что придется ответить. Шальная пуля могла попасть в бензобак или пробить шину.

Первые выстрелы, конечно, только предупреждение, но рисковать нельзя. Если б они знали…

Динамик!

Таннер стукнул по кнопке и схватил микрофон.

— Эй, котятки, кроме лекарств для Бостона у меня ничего нет. Лучше отстаньте от меня подобру-поздорову.

Немедленно последовал выстрел, и тогда он открыл огонь из пулеметов. Одни падали, другие продолжали стрелять. Он стал кидать гранаты. Огонь утих, но не прекратился. Таннер ударил по тормозам и повернул огнеметы. Пятнадцать

секунд.

И наступила тишина.

Когда воздух очистился, он посмотрел на экран.

Они валялись по всей дороге. Рядом с перевернутыми разбитыми мотоциклами дымились тела. Некоторые были еще на ногах и держали винтовки. Таннер перестрелял их поодиночке.

Он собирался отъезжать, когда заметил, что кто-то поднялся, сделал несколько неверных шагов и снова упал.

Его рука застыла на рычаге передач.

Это была девушка.

Он выпрыгнул из машины и побежал к ней. Одна фигурка закопошилась и приподнялась на локте. Таннер дважды выстрелил и побежал дальше, сжимая револьвер в руке.

Девушка ползла к мужчине с простреленным лицом. На дороге валялись тела. Кровь и почерневшая кожа в алом сиянии стопсигналов, стоны, завывания и вонь обгоревшего мяса.

Когда Таннер подбежал к девушке, она проклинала его слабым голосом. А в глазах ее стояли слезы.

Все вокруг были мертвы или умирали. Таннер схватил девушку на руки и понес к машине. Он

опустил ее на пассажирское сиденье, убрав оружие подальше. Потом завел мотор и двинулся вперед.

…У нее был сильный подбородок и широкий рот. Под глазами синели круги. Правая сторона лица покраснела, словно от загара. Левая штанина была порвана и пропиталась кровью.

— Очухалась? — спросил Таннер, когда судорожные всхлипывания стихли.

— А тебе что? — резко ответила она, прижимая руку к щеке.

Он пожал плечами.

— Так…

— Ты убил почти всех наших.

— А что бы они сделали со мной?

— От тебя бы и мокрого места не осталось, если бы не твоя поганая машина.

— Она не моя, — миролюбиво ответил Таннер. — Вообще-то, она принадлежит государству Калифорния.

— Эта штука не могла приехать из Калифорнии.

— Черта с два, я сам ее привел.

Девушка выпрямилась и стала растирать ногу. Таннер закурил.

— Дашь мне сигарету?

Он протянул ей зажженную и закурил другую. Когда он передавал ей сигарету, она заметила татуировку.

— Что это?

— Мое имя.

— Откуда такое?

— От моего старика.

Они молча курили. Потом она заговорила:

— Зачем ты поехал в Долину?

— Потому что иначе меня бы не выпустили.

— Откуда?

— Из места, где на окнах решетки. Я сидел.

— И тебя отпустили? Почему?

— Из-за эпидемии. Я везу сыворотку Хавкина.

— Значит, ты Черт Таннер, да?

— Допустим. Откуда ты знаешь мою фамилию?

— Я слышала о тебе. Все думали, что ты погиб во время Большого Рейда.

— Ошибались…

— Зачем ты меня подобрал?

— Не хотел смотреть, как загибается девушка.

— Спасибо. У тебя найдется поесть?

— Еда там. — Он показал на холодильник. — Как тебя звать?

— Корни. А полностью Корнелия.

— Хорошо, Корни. Когда поешь, расскажешь

мне о дороге впереди.

Она с жадностью набросилась на еду.

— Здесь куча всяких банд. Так что приготовься.

— Готов, — отозвался Таннер.

— Эти экраны показывают во всех направлениях?

— Угу.

— Дороги тут в общем нормальные. Скоро будет одна воронка, а за ней пара маленьких вулканов.

— Понял.

— Больше беспокоиться не о чем, кроме «Регентов», «Дьяволов», «Королей» и «Любовников».

Таннер кивнул.

— Много у них народу?

— Точно не знаю, но больше всех у «Королей». Сотни две.

— Твои как звались?

— «Жеребцы».

— Что ты теперь собираешься делать?

— Что скажешь.

— Хорошо, Корни. Я высажу тебя, где захочешь. А можешь поехать со мной в город.

— Решай, Черт. Куда ты, туда и я.

Голос у нее был низкий, хрипловатый, слова

она произносила с ленцой. Штаны из грубой материи не скрывали длинных ног и тяжелых тугих бедер. Таннер облизал губы и перевел взгляд на экран.

Внезапно дорога стала мокрой. На ней появились сотни рыб, и каждую секунду падали новые. Сверху раздались оглушительные раскаты, на севере разлилось голубое сияние.

Машина оказалась в воде, она била в капот и крышу, гасила экраны. Небо вновь почернело и родило тоскливый, душераздирающий вой. Вскоре ливень ослаб, но завывания продолжались. Девушка смотрела на экраны, изредка бросая взгляды на Таннера.

— Что ты собираешься делать? — наконец спросила она.

— Уйти, если смогу.

— Кругом тьма. Вряд ли тебе это удастся.

— Я тоже так думаю, но что остается?

— Укрыться.

— Если знаешь, где — покажи.

— Есть тут одно местечко. Мост. Под него можно заехать.

— Годится. Свистни, когда его заметишь.

Она стянула ботинки и потерла ноги.

— Эй, Корни, я только сейчас сообразил… Справа

от тебя аптечка. Да, эта. Там наверняка найдется какая-нибудь мазь. Лицо горит, наверно…

Корни достала тюбик, выдавила немного мази и растерлась. Улыбнулась и положила тюбик на место.

— Что, полегче?

— Да, спасибо.

Стали падать камни, голубое сияние ширилось.

— Что-то в последнее время бури участились.

— Я слышала, будто ветры успокаиваются, — мол, небо себя очищает.

— Хорошо бы, если так, — заметил Таннер.

— Тогда мы увидим небо таким, как оно было раньше — синим и с облаками. Знаешь, что такое облака? Такие белые рыхлые штуки, они в небе плавают. От них, кроме дождя, ничего не бывает. Видел их когда-нибудь?

— Не приходилось.

Поднялся «туман, и Таннер был вынужден снизить скорость. По краям извивающихся темных полос появились желтые подтеки. Камни застучали по кузову.

— Нам каюк, — прошептала Корни.

— Черта с два. Этот гроб рассчитан еще не на такое… Что там впереди?

— Мост! — воскликнула она, подавшись вперед. — Вот он! Сворачивай налево и спускайся вниз, там пересохшая река.

Начали срываться молнии; одна из них зажгла дерево. Рыбы продолжали падать вместе с потоками воды.

Машина медленно сползла по жиже к руслу реки, Таннер въехал под мост, гудевший от ударов камней.

— Здесь мы в безопасности, — сказал Таннер и заглушил двигатель.

— Дверцы заперты?

— Они запираются автоматически.

Таннер зажег внутренний свет.

— Хотел бы я угостить тебя чем-нибудь покрепче…

— Ничего, я с удовольствием выпью кофе.

— Сейчас сделаем.

Он сполоснул кофейник, наполнил его водой и поставил греться.

Вокруг бушевала непогода.

— Знаешь, приятно так сидеть в тепле и уюте, словно крыса в норе, в то время как снаружи творится черт знает что. Только послушай, как молотит! А нам плевать.

— Пожалуй, — согласилась она. — Чем ты дума-

ешь заняться, когда доберешься до Бостона?

— Понятия не имею… Может, найду работу, поднакоплю деньжат и открою гараж.

— Здорово. Сам, наверное, тоже будешь ездить?

— Спрашиваешь. В городе-то банд нет?

— Нет, все по дорогам.

— Так я и думал. Может быть, наберу свою.

Он потянулся к ней и крепко сжал ее руку.

Корни достала из кармана фляжку, отвинтила колпачок и протянула Таннеру.

— Держи.

Он сделал глоток, поперхнулся и на секунду застыл.

— Ну, ты женщина с большими скрытыми способностями. И все такое. Спасибо.

Она тоже сделала глоток и поставила флягу между ними.

— Я бы хотела ехать с тобой до самого конца. Мои все остались там, а ты скоро станешь большим человеком. Может, оставишь меня при себе, хоть на время?

— Посмотрим… А какая ты?

— Что надо. Могу растереть плечи, если они у тебя ноют.

— Еще как ноют.

— Так я и думала. Нагнись.

Он наклонился к ней, и она начала тереть его плечи. Руки у нее были твердые и сильные.

— У тебя здорово получается.

Таннер выпрямился, взял фляжку и снова приложился. Корни чуть пригубила.

Вокруг них бесновались фурии, но мост стойко держал оборону. Таннер погасил свет.

— Иди сюда, — сказал он и притянул девушку к себе.

Она не сопротивлялась, и он нащупал пряжку ремня. Потом наступила очередь пуговиц. — Ты не прогонишь меня? — спросила она.

— Нет.

— Я сделаю все, что ты скажешь, лишь бы добраться до Бостона.

— Ну и отлично.

— В конце концов, нам без Бостона жизни нет.

— Еще бы.

Потом слова стали не нужны.

15

Таннер разлепил глаза. Наступило утро, буря утихла. Корнелия не проснулась, даже когда он завел двигатель и повел машину по заросшему кустарником склону холма.

Небо опять просветлело; дорога была усеяна хламом. Наконец Корни зашевелилась.

— О-о-ох, — протянула она.

— Вот-вот, — согласился Таннер.

Они медленно ехали по лесистой долине. Накрапывал дождь. Девушка занималась завтраком, когда Таннер разглядел сзади точку, почти слившуюся с горизонтом. Он дал полное увеличение и попытался уйти от того, что увидел. Корнелия бросила взгляд на экран. — Мотоциклы, мотоциклы, мотоциклы.

— Твои люди?

— Нет. Моих больше не осталось.

— Паршиво, — пробормотал Таннер и вжал акселератор в пол. Теперь он надеялся только на бурю.

Машина с визгом вошла в поворот и начала подниматься на очередной холм. Мотоциклы

приближались.

— Наверное, «Короли», — сказала Корни. — Только у них столько народу.

— Паршиво.

— Для них или для нас?

— Для них и для нас.

Она улыбнулась.

— Я бы хотела посмотреть, как ты орудуешь этой штукой.

— У тебя еще будет такая возможность. Они гонят как бешеные.

Дождь утих, но туман густел. Таннер видел фары в четверти мили сзади, их там было не меньше сотни.

— Далеко до Бостона? — спросил он.

— Миль девяносто.

— Плохо, что они преследуют нас, а не мчатся навстречу, — проговорил Таннер и навел на задний экран перекрестие прицела.

— Это что? — поинтересовалась Корнелия.

— Крест. Я собираюсь их распять.

Она улыбнулась и порывисто сжала его руку.

— Можно мне помочь? Ненавижу этих ублюдков!

— Чуть погодя, — отозвался Таннер.

Он потянулся назад, достал шесть ручных гра-

нат, повесил их на свой широкий черный пояс и засунул за пояс револьвер. Девушке он протянул винтовку.

— Умеешь обращаться?

— Да, — немедленно ответила она.

Таннер не отрывал взгляда от пляшущих на экране огней.

— Какого черта тянет эта буря? — пробормотал он.

Когда они приблизились на сотню ярдов, Таннер швырнул первую гранату. Она взмыла в сером воздухе и через пять секунд взорвалась с грохотом и вспышкой. Огни не исчезли, и Таннер начал бить по ним из пулеметов, потом бросил еще одну гранату.

— Ты их остановил?

— На какое-то время. Видишь, огни уже подальше.

Через несколько минут они достигли вершины холма, туман здесь разошелся, виднелось темное небо. Когда они вновь устремились вниз, справа поднялась стена из камня, глины и грязи. Таннер внимательно изучал ее.

Дорога выровнялась, Таннер включил фары на полную яркость и стал выискивать участок, где стена отодвигалась подальше. Сзади выплесну-

лось море надвигающихся огней.

Таннер нашел удобное место, развернулся так резко, что его занесло, и встал лицом к преследователям. Теперь стена была слева.

Он пустил ракету, поднял прицел на пять градусов и пустил две, поднял еще на пять градусов и пустил три. Потом сбросил на пятнадцать градусов вниз и дал еще одну.

Туман вспыхнул, раздался грохот камнепада. Земля задрожала. Таннер вывернул руль вправо, отводя машину назад, пустил две ракеты прямо перед собой, развернулся и поехал вперед.

— Надеюсь, это их остановит…

Через пять минут они поднялись на пригорок. Налетевший ветер разогнал туман, и тогда сзади появились огни.

Опять полезла вверх радиоактивность. Таннер внимательно осмотрелся и увидел вдали кратер.

— Вот он, — раздался голос девушки. — Здесь с дороги надо сходить. Держись правее.

Сзади послышались выстрелы — первые за весь день. Он навел прицел, но стрелять пока не стал. Гранаты были на исходе.

— Ты проредил их вдвое, — сказала Корнелия. — Даже больше. И все же они крепкие ребята.

— Вижу…

Он свернул направо, и автомобиль запрыгал на выбоинах в бетоне. Радиоактивность повышалась.

Дождь шел все сильнее. Из мглы выплыли огни. Таннер прицелился в самый яркий и выстрелил. Огонь потух. Навел еще на один и снова выстрелил. И тот потух.

— Еще парочка, — заметил Таннер. И вслед за этим раздались выстрелы.

Он взялся за пулеметы, и на экране появилось перекрестие прицела. Когда три мотоциклиста попытались обойти его с фланга, он открыл огонь и уложил их. Сзади опять поднялась стрельба, но он не отвечал. На бешеной скорости он вел машину среди булыжников.

— Их двадцать девять, — сообщила Корни.

Через пять минут его обошли с флангов. Он не стрелял, экономя патроны. И лишь когда огни почти сомкнулись, он навел пулеметы.

— Уложил шестерых, — сказала Корнелия, но Таннер слушал не ее, а стрельбу, доносившуюся сзади.

Он швырнул туда гранату, но когда попытался бросить вторую, замок только звякнул.

Пули рикошетировали от бронированного корпуса машины. Таннер не отвечал. Он несся

вдоль зарослей кустарника, вдоль деревьев, почти скрытых в цепком тумане, а дождь все усиливался. Когда они выскочили на шоссе, он бросил взгляд на огни и спросил:

— Сколько теперь?

— Около двадцати. Как у нас дела?

— Меня беспокоют шины. Если попадет пуля, они не выдержат. И еще шальной выстрел может разбить «глаз». А кроме этого нам бояться нечего. Даже если они остановят машину, нас еще надо извлечь.

Мотоциклисты приблизились, оранжевые вспышки выстрелов были уже совсем рядом.

— Держись, — процедил Таннер и ударил по тормозам. Автомобиль завертелся и пошел юзом по мокрому асфальту.

Огни оказались у него прямо за спиной, он выбросил в них струю пламени. Мотоциклы шарахнулись в стороны, и Таннер врубил боковые огнеметы. Потом он снял ногу с тормоза и рванул вперед, чтобы оценить свою работу.

— О боже, как ты их кладешь! — смеялась Корнелия. — Всю их проклятую банду!

— Невелика радость, — сказал он. — Огни есть?

— Нет. — Затем, через несколько секунд: — Три. — Потом: — Семь. — И, наконец: — Три-

надцать.

Таннер сжал зубы.

— Проклятье. Кончается…

— Что кончается?

— Все: удача, топливо, патроны… Пожалуй, тебе лучше было остаться там, где я тебя подобрал.

— Нет, — сказала она. — Теперь я с тобой. До конца.

Он протянул руку и сжал ее бедро.

— Хорошо, Корни. Держись, мы еще повоюем.

Туман понемногу рассеивался, видимость стала гораздо лучше. Можно было ясно различить фигурки, прижавшиеся к мотоциклам. Они ехали следом, но приблизиться не пытались.

— Если они просто хотят составить нам компанию, я не возражаю, — заметил Таннер.

Но потом раздались выстрелы, и он услышал, как воздух со свистом вырывается из шины.

Он сбавил скорость и открыл огонь. Несколько мотоциклистов упали.

Потом они прострелили вторую шину. Таннер притормозил, развернулся и, встав лицом к противнику, выпустил одну за другой все оставшиеся ракеты. Он поливал преследователей огнем из пулеметов, пока они не рассыпались по сторонам. Тогда он открыл огонь слева и справа, но в

пулеметах уже кончились патроны.

Теперь стреляли только из пяти мест, из-за деревьев, растущих вдоль дороги. Вокруг валялись тела и разбитые мотоциклы, асфальт был разворочен и исковеркан.

Таннер развернул машину и медленно поехал на шести колесах.

— Мы безоружны, Корни.

— Что ж, им пришлось еще хуже…

На заднем экране показались пять последних мотоциклистов. Они держались на порядочном расстоянии, но не отставали. Таннер резко остановился — мотоциклисты тоже остановились, далеко-далеко позади.

— По крайней мере, они нас боятся. Считают, что у нас еще есть зубы.

— Есть, — уверенно сказала она.

— Да, но не те, что они думают.

— Еще получше.

— Приятно иметь дело с оптимистом, — проговорил Таннер и медленно тронулся с места. Мотоциклисты двинулись вслед, держась в отдалении. Таннер следил за ними по экранам и тихо ругался.

Через некоторое время они стали приближаться. Машина шла на пределе возможного, но пять

мотоциклистов ее нагоняли. Подъехав вплотную, они открыли огонь, и Таннер услышал, как полетела еще одна шина.

Он снова остановился; мотоциклисты держались сзади, вне досягаемости огнеметов. Таннер чертыхнулся и поехал дальше. Машину водило из стороны в сторону и кренило вправо. На обочине стоял врезавшийся в дерево грузовик — все стекла разбиты, колеса сняты, на водительском месте скрючился над рулем покойник… Вокруг плыли клочья тумана. Солнце померкло; темная полоса в небе расширилась и принялась извергать дождь с пылью и мелкими камнями. «Хорошо, — подумал Таннер, когда в крышу забарабанило. — Хоть бы посильнее. И его желание исполнилось. Земля задрожала, северный небосклон озарился голубым сиянием, и с оглушающим треском справа упал валун.

— Надеюсь, следующий свалится на наших дружков.

Впереди показался оранжевый свет.

— Вулкан! — воскликнула Корни. — Значит, нам осталось миль семьдесят, не больше.

Теперь трудно было сказать, продолжалась ли стрельба. Канонада, что раздавалась со всех сторон, могла заглушить любые выстрелы, а

падающий гравий бил похлеще пуль. Пять фар упорно держались сзади.

Таннер достал револьвер и коробку патронов к нему, протянул девушке.

— Держи. Патроны в карман.

Машину вело в сторону, она с трудом поддавалась управлению, и сорок миль в час было для нее пределом. Из радио не доносилось ничего, кроме треска.

Таннер миновал крутой поворот, остановился, потушил все огни и вытащил чеку из гранаты. Когда на экране появились мотоциклы, он распахнул дверцу, выпрыгнул и швырнул гранату сквозь завесу дождя.

Он оказался за рулем прежде, чем раздался взрыв. Девушка истерически рассмеялась.

— Ты накрыл их, Черт! Ты их накрыл!

Таннер приложился к фляге, и Корни допила то, что осталось.

По разбитой скользкой дороге машина поднялась на пригорок и покатила вниз. Чем дальше они спускались, тем гуще становился туман.

Из мглы возник свет, и Таннер приготовил огнеметы. Однако это был просто грузовик, мирно ехавший навстречу. В следующие полчаса им повстречались еще два.

Снова заполыхали молнии и начали падать камни размером с кулак. Таннер свернул с дороги и въехал в рощу, под кроны высоких деревьев. Небо совершенно потемнело, стало черным, как смоль. Они ждали три часа, но буря не утихала. Один за другим погасли четыре обзорных экрана, а пятый показывал только мрак под колесами. Последнее, что увидел Таннер, было расщепленное дерево с надломанной макушкой, она раскачивалась из стороны в сторону, готовая вот-вот упасть. Несколько раз что-то с треском разбивалось над их головами, и машина тяжело содрогалась. Крыша в трех местах глубоко прогнулась. Из радио не доносилось даже шума.

— Плохо дело, — проговорил Таннер. — Но у нас есть один шанс, если мы переживем бурю.

— Какой?

— В багажнике два мотоцикла.

Они откинули сиденья, курили и ждали; через некоторое время погас свет.

Ураган бушевал весь день и половину ночи. Они заснули внутри искалеченной машины, и та их защитила.

16

На рассвете Таннер прошлепал по грязи через ветки, камни и дохлую рыбу, открыл багажник и снял с креплений мотоциклы. Он проверил их и залил баки горючим. Потом пролез в машину и снял заднее сиденье, под которым лежал наглухо завинченный алюминиевый ящик — его груз.

— Здесь лекарство? — спросила Корни.

Он кивнул.

— Уж не знаю, как оно хранится, может, даже охлаждается, но ящик не очень тяжелый, его можно поставить на мотоцикл сзади. Возьми в машине ремни и еще бумагу, мою амнистию. Большой плотный конверт.

Она все достала и помогла укрепить ящик на мотоцикле.

— Придется ехать медленно, — сказал Таннер, когда они выкатили машины на дорогу.

Он закинул за плечо винтовку, натянул перчатки и завел мотор. Она сделала то же самое, и они бок-о-бок поехали по шоссе.

Примерно через час навстречу прошли две автомашины. Дети прильнули к окнам и проводили

мотоциклистов долгими взглядами. У водителя второй машины подмышкой висела кобура.

В розовом небе за решеткой мрачных полос поднималось серебряное солнце. Оно было тусклым, но Таннер все равно надвинул на глаза защитные очки. У подножия холмов лежал туман, воздух был влажным и прохладным. Дорога стала заметно лучше. Таннер думал о Бостоне.

Около полудня сквозь шум моторов донесся выстрел. Сперва Таннер решил, что ему послышалось, но выстрел повторился. Корни вскрикнула, ее мотоцикл грохнулся на дорогу. Таннер инстинктивно пригнул голову, съехал на обочину, прислонил мотоцикл к дереву и бросился на землю.

Он стянул с правой руки перчатку и сполз в канаву. Оттуда была видна Корни. Она лежала без движения, и на ее груди была кровь.

Стреляли откуда-то из-за холма, и ему показалось, что он заметил ружейный ствол. Таннер снял винтовку с плеча, выстрелил и сразу отполз влево. Ответная пуля взметнула пыль у его головы, и он, извиваясь как червяк, прополз к груде камней. Там Таннер выдернул чеку, вскочил на ноги и швырнул гранату. Он упал на землю одновременно с выстрелом и приготовил вторую

гранату. Грохот, вспышка, комья грязи… Таннер бросил вторую гранату и побежал вперед, держа винтовку наготове.

Это было лишним. От стрелявшего остались только лохмотья одежды. Таннер вернулся к Корнелии.

Она не дышала, и он понял, что это значит.

Он руками разрыл канаву, из которой отстреливался, опустил тело, закидал грязью и вкатил на могилу ее мотоцикл. Ножом на передке машины он выцарапал: «Ее звали Корнелия. Я не знаю, сколько ей лет, откуда она родом и как ее фамилия, но она была подругой Черта Таннера, и я люблю ее».

Потом завел свой мотоцикл и поехал. До Бостона оставалось миль тридцать.

17

Сзади послышался шум мотора. С грунтовой дороги на шоссе выскочил «харли», и уйти от него с таким грузом было невозможно. Таннер позволил себя догнать.

Вскоре с ним поравнялся высокий худой мужчина с огненно-рыжей бородой. Он улыбнулся, снял с руля правую руку и махнул в сторону обочины.

Таннер затормозил и остановился.

— Куда спешишь, парень? — спросил рыжебородый.

— В Бостон.

— Что у тебя в ящике?

— Так, средства всякие.

— Травка? — Брови мужчины полезли вверх, и губы вновь растянулись в улыбке.

— Средства от болезни в Бостоне.

В руке рыжебородого появился пистолет.

— Слазь с мотоцикла.

Таннер молча повиновался. Рыжебородый поднял руку, и из кустов на обочине вышел человек.

— Откати машину этого типа дальше по шоссе, ярдов на двести, и поставь посередине. Потом вернись на место.

— В чем дело? — спросил Таннер.

— Как тебя звать? — будто не слыша, сказал рыжебородый.

— Черт. Черт Таннер.

— Катись ты к черту!

Таннер пожал плечами, стянул правую перчат-

ку и показал татуировку.

— Все равно, не верю.

— Как знаешь…

— Заткнись! — взревел рыжебородый и снова поднял руку. Человек тридцать выкатили из зарослей кустарника свои мотоциклы и выстроились по обеим сторонам дороги.

— Меня зовут Большой Брат, — заявил рыжебородый.

— Рад познакомиться.

— Знаешь, что тебе сейчас надо делать?

— Могу догадаться.

— Пойдешь к своему мотоциклу и попробуешь его забрать. Плевое дело! Только сперва отдай винтовку.

Большой Брат опять поднял руку, и один за другим затарахтели мотоциклы.

— Шагай.

— Ты думаешь, я псих?

— Нет. Давай винтовку и топай.

Снимая винтовку с плеча, Таннер продолжил движение и ударил прикладом под рыжую бороду. Потом бросил винтовку, сорвал с пояса гранату, выдернул чеку и швырнул ее влево. Она не успела еще взорваться как он выхватил вторую и сбросил направо. К тому времени — мо-

тоциклисты уже надвигались на него.

Таннер упал и выставил перед собой винтовку. В этот момент раздался первый взрыв. Когда раздался второй, он уже стрелял.

Он уложил троих, затем поднялся и стал пятиться, стреляя с бедра. Патроны кончились, перезаряжать было некогда. Таннер трижды успел выстрелить из револьвера, прежде чем его свалили ударом цепи по голове.

Он очнулся от рева моторов. Вокруг него кружили два мотоциклиста, одним из них был Большой Брат. На дороге валялись тела. Едва Таннер поднялся, как его сшибли колесом. Он застонал от боли — по пальцам проехали шины, затем последовал удар цепью по рукам.

Таннер приметил неподалеку камень и поджидал, пока мотоциклист приблизится вновь. Кое-как встал на ноги и швырнул свое тело на врага. Камень, который он успел схватить, поднялся и опустился. Таннера протащило по дороге, а когда он упал, на него наехал второй мотоцикл.

Бок пронзила невыносимая боль, словно разом сломались все кости. Глаза застлала пелена, и все же Таннер ухватился рукой за подпорку мотоцикла. Его проволокло футов десять, прежде чем он вытащил из ботинка кинжал. Он ударил вверх, и

тонкий лист металла поддался. Его пальцы разжались, он упал на бетон и почувствовал запах бензина. Рука нырнула в карман куртки и извлекла зажигалку. Большой Брат разворачивался, из пробитого бензобака на дорогу текло горючее.

Таннер приготовил зажигалку — с колпачком в виде черепа и крылышками — по бокам.

Крутанул колесико, посыпались искры, вспыхнул фитиль. Таннер поднес его к луже бензина, и пламя прочертило на бетоне огненный след.

Большой Брат уже закончил разворот и, пригнувшись к рулю, мчался на Таннера, когда увидел, что произошло. Его глаза расширились, ухмылка слетела с лица. Он попытался спрыгнуть с мотоцикла, но было поздно. Бензобак под ним взорвался, и Большой Брат рухнул на землю с куском железа в голове.

Таннера захлестнул огонь, он слабо колотил руками, пытаясь погасить пламя. Тело было в крови, он чувствовал смертельную усталость. Его мотоцикл стоял посреди дороги, и он пополз к нему.

Добравшись до мотоцикла, Таннер перекинул тело через сиденье и лежал, свесившись, минут десять, не в силах пошевелиться. Дважды его вырвало.

Через час он сумел оседлать мотоцикл, но не проехал и полумили, как навалилась дурнота. Он съехал с дороги и последним усилием закатил мотоцикл в кусты. Пошатываясь, упал на землю, и все погрузилось во тьму.

18

Первое, что он увидел, очнувшись, была засохшая корка крови. Левая рука распухла и посинела. Пальцы на ней раздулись, и когда Таннер попытался их согнуть, то чуть не закричал от дикой боли. Голова раскалывалась, во рту стоял привкус бензина. Борода подгорела, правый глаз затек и почти не открывался. Таннер лежал без движения, не в силах шевельнуться.

— Корни… — пробормотал он, и затем: — Черт подери!

В памяти вдруг всплыло все, что с ним произошло. Таннер задрожал, и не только от сырого тумана. Влага пропитала брезентовые штаны, ноги замерзли. Тьма стояла кромешная.

Таннер с трудом перевернулся на живот и

положил голову на локоть. Мысленно он вернулся в свою тюремную камеру — теперь она казалась почти раем. Потом подумал о Денни — ему, должно быть, сейчас тоже плохо. Таннер скривился от боли — не иначе, как у меня тоже сломаны ребра, решил он. Его мысли вернулись к Лос-Анджелесу и к Побережью, к старой банде… Все, с этим покончено навсегда. Потом мимо него прошла Корни, и на груди ее была кровь. Таннер стиснул зубы. Они могли бы вместе добраться до Бостона… Сколько еще осталось до Бостона?

Он поднялся на колени и пополз вперед, пока не почувствовал перед собой что-то твердое. Дерево. Таннер сел, привалился к дереву спиной и дрожащей рукой полез в карман куртки. Вытащил сигарету из смятой пачки и вспомнил, что зажигалка осталась на дороге. Таннер ощупал карманы и нашел отсыревший коробок. Третья спичка зажглась. Он глубоко затянулся и неожиданно задрожал от озноба. Его захлестнула волна лихорадки. Он судорожно закашлялся, расстегивая воротник, и почувствовал во рту вкус крови.

Все его оружие исчезло, кроме непосильно тяжелой гранаты на поясе. Сигарета выскользнула из пальцев и зашипела на влажном мхе. Голова Таннера упала на грудь, и все исчезло.

Наверное, была буря. Он не помнил. Он очнулся, лежа на боку спиной к дереву. Ветер унес туман, в небе светило розовое полуденное солнце. Издалека доносилось щебетанье птиц. Таннер выдавил ругательство и почувствовал, что страшно хочет пить. Он подполз к мутной луже и напился.

Немного отдохнув, он поднялся на ноги и добрел до спрятанного мотоцикла. Часы были разбиты, и Таннер понятия не имел, сколько сейчас времени. Когда он тронулся в путь, солнце уже скатывалось к горизонту. В ушах свистел ветер, как бы ограждая от непрошенных мыслей. Сзади к багажнику был надежно привязан груз. Таннеру представилось, как кто-то открывает ящик и находит там груду разбитых ампул…

Попадались встречные машины, но ни одна не ехала к городу. Дорога была отличная, по сторонам стояли дома, но Таннер не останавливался. Лишь бы его не остановили…

Солнце опустилось еще ниже, и небо потемнело. Судя по дорожному указателю, до Бостона оставалось 18 миль. Таннер зажег фару, поднялся на пригорок и, перед тем как начать спуск, немного притормозил.

Далеко внизу сияли огни, и чуть слышно раздавался мерный колокольный звон. Бьющий в

лицо ветер донес знакомый запах морской соли.

Солнце скрылось за холмом. Высоко в небе, меж двух черных полос, появилась звездочка… Дома стояли все теснее, они придвинулись к шоссе.

Он уже почти на месте. К кому обратиться? В Лос-Анджелесе ему этого не сказали.

Улица была тиха и безлюдна. Он нажал на клаксон, и между зданий раскатилось гулкое эхо. В одном из домов светился огонь.

Таннер остановился, перешел улицу и заколотил в дверь. Ни звука в ответ. Он толкнул дверь и понял, что она заперта.

Может быть, тут все умерли? Может быть в городе уже не осталось живых? Придется ломать дверь.

Выстрел и звук двигателя он услышал одновременно.

Таннер быстро повернулся и стал спиной к стене, сжав в руке гранату.

— Стой! — раздалось из подъехавшей машины. — Стреляем без предупреждения!

Таннер покорно поднял руки на уровень головы.

В машине были двое полицейских, и тот, кто сидел на месте пассажира, целился в Таннера из револьвера.

— Ты арестован, — объявил он.

Водитель вылез из машины, обогнул ее спереди и медленно приблизился, позвякивая наручниками.

— Ну-ка, давай ручки…

И Таннер протянул ему чеку от гранаты.

Полицейский тупо уставился на нее, и в его глазах вспыхнул ужас.

— У него бомба!

Таннер криво улыбнулся.

— Заткнитесь и слушайте. Или стреляйте, и тогда вместе отправимся на тот свет. Мне надо добраться до телефона. Ящик на багажнике мотоцикла полон сыворотки Хавкина. Я привез ее из Лос-Анджелеса.

— По Долине на мотоцикле?

— Моя машина сдохла на полпути от Олбани, как и те ребята, которые хотели меня остановить. А теперь заберите лекарство и доставьте его куда следует.

— Как вы себя чувствуете, мистер?

— Мне нездоровится. — Таннер выдавил ухмылку. — Пока держусь, но рука устала.

Он вытащил из куртки письмо и передал его полицейскому с наручниками.

— Моя амнистия. Выдана Калифорнией на про-

шлой неделе.

Полицейский вытащил бумагу из конверта.

— Похоже на правду, — произнес он. — Выходит, Брейди доехал…

— Брейди мертв, — оборвал его Таннер. — Послушайте, мне плохо. Сделайте что-нибудь!

— О боже, держите гранату крепче и садитесь в машину! Сейчас, мы только снимем ящик, а потом подскочим к реке, и вы бросите гранату. А пока держите ее изо всех сил!

Они отвязали ящик и поставили на заднее сиденье. Таннер сел рядом с водителем, высунув руку наружу, через опущенное стекло. Взревела сирена. Боль двигалась по руке к плечу…

— Где вы тут держите свою поганую реку?

— Еще чуть-чуть, совсем немного.

— Поспешите… — выдавил Таннер.

— Заедем на мост и бросайте как можно дальше.

— Проклятье, у меня нет сил…

— Жми, Джерри!

— Я жму, кретин, но мы не на крыльях!

— Ох, сил нет… кажется, я вырубаюсь…

Машина с диким скрежетом остановилась на мосту. Таннер не успел открыть дверцу, как оба полицейских были уже около него. Он пошатнул-

ся, и они подхватили его, подвели к ограждению.

— По-моему, я не…

Он выпрямился, отвел руку назад и швырнул гранату. Далеко внизу раздался взрыв, и вода забурлила.

Полицейские вздохнули, а Таннер хрипло рассмеялся.

— Со мной все в порядке. Я вас просто подкалывал.

— Ах ты!..

А потом он упал, и в свете фонарей они увидели, как по лицу его разлилась мертвенная бледность.

19

Весной, в день открытия памятника Черту Таннеру, когда заметили, что на постаменте выцарапаны непристойные слова, никто не догадался спросить у очевидного виновника, зачем он это сделал. А на следующий день было уже поздно, потому что он исчез из Бостона на украденной машине, никому не оставив своего адреса.

Бронзового Таннера на бронзовом «харли» почистили и вновь спрятали под покрывалом, дабы сохранить для грядущих поколений. Но ветер, врывающийся на городскую площадь, все так же несет к нему грязь, и небеса выливают на него нечистоты.

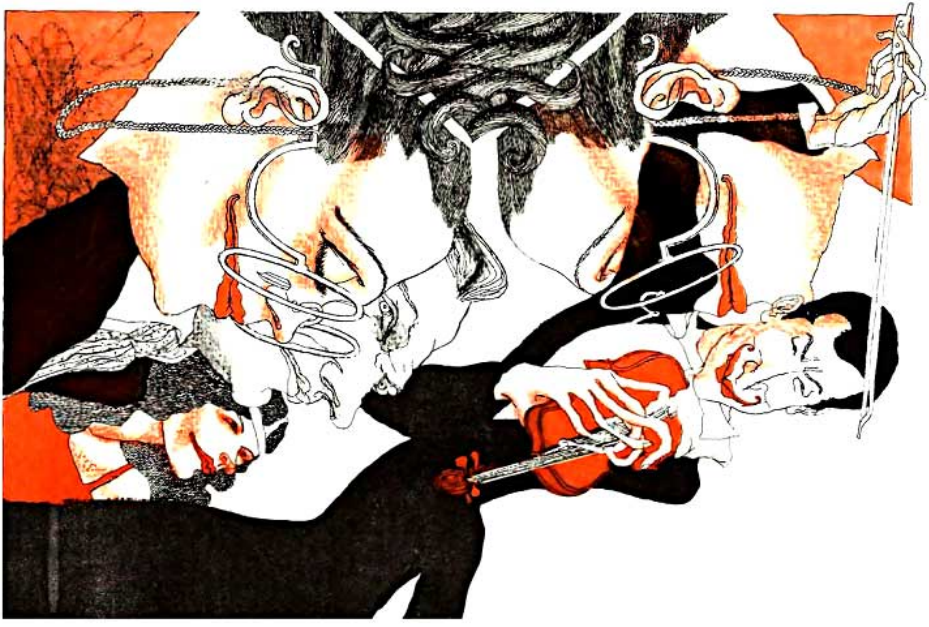
Перевел с английского В. Баканов

1989

№ 1, 2, 3

Кир Булычев

Перпендикулярный мир



За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Бежать следовало в гору, до парка. Затем по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к новому цеху пластмассовых игрушек, и через площадь Землепроходцев — к пруду-бассейну за церковью Параскевы Пятницы. Финиш перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр. Он стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и полетели к дальнему берегу.

Отдаленно пробили куранты на пожарной каланче. Толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Председатель горисполкома Николай Белосельский бежал рядом с Удаловым. Бежал он легко, не скрывая счастливой улыбки. Ежедневные забеги здоровья перед началом трудового дня были его инициативой, и он старался ни одного не пропустить.

Жилистый старик Ложкин не отставал. На бегу он обернулся и крикнул в мегафон:

— Оглянитесь назад! Полюбуйтесь, как мирно несет свои прозрачные, очищенные от промышленных стоков воды наша любимая река Гусь. Даже отсюда видно, как резвятся в ней осетры и лещи!

Удалов послушно оглянулся. Осетров и лещей он не увидел, но подумал, что надо будет в субботу съездить на рыбалку на озеро Копенгаген. Позвать, что ли, Белосельского? Пора ему отдохнуть. Третий год без отпуска.

Рядом с Белосельским бежала директорша музыкальной школы. Разговорчивая хохотушка Зина Сочкина. Удалов знал, что она опять доказывает предгору необходимость создания класса арф. Но с арфами трудно, даже в области дефицит.

Удалова оттолкнул редактор городской газеты Малюжкин. Его небольшое квадратное тело несло громадную львиную голову. В двух шагах сзади бежал, сверкая очками, Миша Стендаль, корреспондент той же газеты.

Малюжкин втиснулся между Белосельским и директоршей Зиной.

— Будем писать передовую? — строго спросил

он.

Белосельский вздрогнул. Малюжкин слыл в городе неукротимым борцом за гласность, правду и демократию. Это «Гуслярское знамя», возглавляемое Малюжкиным, разоблачило коррупцию на городском рынке, добилось регулярной подачи горячей воды в баню № 1, свалила презиравшего экологию директора фабрики игрушек и раскрыло несколько случаев очковтирательства на звероферме. В последнем случае досталось, и за дело, самому профессору Минцу. Это он вывел для зверофермы новую породу чернобурых лис с двумя хвостами, но не удосужился отразить в печати свое изобретение. А Пупыкин, который после снятия с должности предгора работал директором зверофермы, каждую лису сдавал государству за две, отчего перевыполнил все планы, получил множество премий и еще приторговывал хвостами на стороне. Борец за правду Малюжкин опирался на широкие круги общественности, а общественность опиралась на Малюжкина. Белосельский от него нередко страдал.

— Передовую писать не буду, — откликнулся Белосельский, переходя на спринтерскую скорость. Он свернул на узкие дорожки биологического городка, где были воспроизведены для

детишек ландшафты планеты. Заверещали макаки, разинул пасть крокодил. Белосельский хотел укрыться за баобабом, но дорогу ему перекрыли три мамонта, выведенные методом ретрогенетики. Тут Малюжкин и настиг его. Предгор был готов сдаться на милость прессы, но, к счастью, одна из макак выхватила у Малюжкина диктофон.

Белосельский нагнал Удалова у статуи девушки с веслом.

— Трудно? — спросил Корнелий Иванович.

— Нелегко, — согласился Белосельский. — Но трудности нас закаляют. Сделаем рывок до музея?

И не подумаешь, что мы в одном классе учились, вздохнул Удалов. На вид он лет на десять моложе. Вот что значит — активная жизнь и умеренность во всем.

— На рыбалку в субботу поедем? — спросил Удалов, стараясь не сбить дыхание.

— В субботу у меня жюри. Конкурс детских танцев. Потом будем палаты купца Демушкина реставрировать. Давай в эту субботу вместе пореставрируем, а на рыбалку через неделю?

Удалов не ответил, потому что перед ними затормозил Ложкин и начал кричать в мегафон:

— Дорогие товарищи бегающие! Вы видите

бывший пруд у памятника шестнадцатого века церкви Параскевы Пятницы. Этот пруд стараниями общественности и учащихся речного техникума превращен в лучший в области открытый бассейн. На нем установлена девятиметровая вышка. Желающие прервать забег могут нырнуть с вышки.

Белосельский сразу побежал нырять. А Удалов вспомнил, что у него в девять совещание в стройконторе, которой он руководил. А он еще не завтракал.

Удалов повернул на Цветочную, чтобы срезать квартал у рынка. К рынку тянулись подводы и автомашины — окрестные жители везли продукты и цветы на продажу.

Вот и Пушкинская. Скоро дом.

Хлопнула калитка. Из палисадника выскочил Пупыкин. Был он в тренировочном костюме фирмы «адидас», который некогда привез из командировки в Швейцарию, где знакомился с тамошними зверофермами. Он догнал Удалова и спросил:

— Белосельский участвовал?

— И Малюжкин тоже, — ответил Удалов, прибавляя ходу. Пупыкина он не выносил — пустой человек и нечист на руку. Правильно сделали,

что отправили его на пенсию.

— Скажешь Белосельскому, что я тоже участвовал, — сказал Пупыкин. — Я тренируюсь по индивидуальной программе.

Произнеся эти лживые слова, Пупыкин взмахнул руками как крыльями, сделал разворот и потрусил обратно к дому.

Солнце поднялось высоко, припекало. От быстрорастущих кедров, которыми была засажена Пушкинская, на розовые и голубые плитки мостовой падала рваная тень. Белка соскочила с нижней ветки и перебежала улицу. Удалов наклонился над фонтанчиком, который предлагал прохожему газированную воду, и напился.

Римма Казачкина, непутевая пышногрудая девица из соседнего дома, по слухам, новая пассия архитектора Оболенского, проходя мимо, задела Удалова крутым бедром. Удалов сделал вид, что не заметил намека.

Появился профессор Минц. Его лысина блестела от пота, он сопел и кашлял.

— Каждый забег, — сообщил он Удалову, — прибавляет мне день жизни. Я теряю четыреста граммов.

— Это пустое, Лев Христофорович, — возразил Удалов, входя вместе с профессором во двор дома

шестнадцать. — За первым же обедом вы прибавляете полкило.

Минц насупился. Никто не любит горькой правды.

Ксения Удалова высунулась из окна второго этажа и крикнула:

— Два раза из конторы звонили. Каша тоже остыла.

Удалов взбежал по лестнице, легко перепрыгивая через две ступеньки. Внизу негромко стучало — значит, сосед Грубин включил вечный двигатель. Он у него по ночам отдыхал.

Начинался трудовой день в городе Великий Гусляр.

Удалов и Минц вместе пошли на совещание к Белосельскому.

Площадь перед Гордомом была запружена народом. Ближе всех к дверям тесной толпой стояли пенсионеры. Две бабушки развернули длинный плакат: «Спасем родной Гусляр от варварства!» Старик Ложкин уже в черном костюме, но с тем же мегафоном, медленно шел вдоль лозунга и проверял, нет ли грамматических ошибок.

Студенты речного техникума принесли порт-

реты архитектора Оболенского. Портреты были увеличены из паспортных фотографий, к ним были пририсованы усы, а сорочка с галстуком замарана зеленым, так что получался френч.

Удалов подумал, что студенты зашли слишком далеко. О чем и сказал профессору Минцу.

— Мы с вами — люди старшего поколения, — ответил профессор. — Чувство юмора мы склонны рассматривать как чью-то провокацию.

На площадь влетели рокеры на ревущих мотоциклах. Они тоже были одержимы гражданским чувством. Они носились вокруг толпы и выкрикивали нечто революционное. Сержант Пилипенко побежал к ним, размахивая жезлом, но рокеры умело уклонялись от его увещеваний.

В стороне от входа, без лозунгов и плакатов, но настроенная решительно, стояла интеллигенция — охрана памятников, любители книги, защита животных… Их Удалов всех знал, ходил в гости. Но сейчас чувствовал отчуждение.

Нет, хотелось крикнуть ему, нет! Я всей душой с вами! Я желаю охранять и множить памятники древности! Но я вынужден выполнять приказы начальства и экономно продвигать наш город по пути прогресса. За годы Советской власти у нас снесли семнадцать церквей, зато почти решили

жилищную проблему.

Тут Удалов оборвал этот внутренний монолог, потому что понял, что монолог этот принадлежит не ему: это буквальное воспроизведение речи начстроя Слабенко на последнем совещании.

А вот и Пупыкин. Он что здесь делает?

Пупыкин стоял в сторонке, с ним его семья — Марфа Варфоломеевна и двое детей. Все в зеленом, даже лица зеленые. Дети держат вдвоем портрет неприятного мужчины в папахе.

Пупыкин нервно схватил Удалова за рукав и спросил шепотом:

— Ты ему сказал, что я участвовал в забеге?

— Скажу, — пообещал Удалов. — А ты что покрасился?

— Мы, всей семьей, — сообщил Пупыкин, — организовали неформальное объединение: партию зеленых. Мы охраняем природу.

— Похвально, — сказал Минц. — А чей это портрет?

— Это самый главный зеленый, — сообщил Пупыкин. — Мы его в книжке нашли. Атаман Махно.

— Пупыкин, советую, спрячь портрет. Этот зеленый экологией не занимался, — сказал Удалов.

— А чем занимался? — спросил Пупыкин.

— Совершал ошибки.

К тому времени, когда Удалов вошел в дом, Пупыкины успели растоптать портрет.

Минц с Удаловым поднялись по неширокой лестнице в кабинет Белосельского. Внутри уже действовал главный архитектор города, подтянутый, благородный Елисей Оболенский. С помощью юной архитекторши он прикнопливал к стене виды проспекта Прогресса

Редактор Малюжкин стоял в отдалении, смотрел на перспективы в бинокль. Миша Стендаль записывал что-то в блокнот.

Начстрой Слабенко сел и крепко положил локти на стол. Он был готов к бою. Музейная дама Финифлюкина смотрела ему в спину пронзительным взглядом, но пронзить его не могла

— Начнем? — спросил Белосельский.

Живем в обстановке гласности, подумал Удалов. Вроде бы научились демократии. А силы прошлого не сдаются.

Сила прошлого в лице главного архитектора Оболенского получила слово, взяла в руку указку из самшита и подошла к стене.

Оболенский любил и умел выступать. Но сначала спросил:

— Может, закроем окна? Мы ведь сюда работать

пришли, а не с общественностью спорить,

— Ничего, — ответил Белосельский. — Нам не впервой. Чего нам народа бояться?

Часть толпы роилась за окнами. Шмелями жужжали винты, прикрепленные к ранцам.

Эти летательные аппаратики под названием «Дружок Карлсон» были изобретены Минцем по просьбе туристов для преодоления водных преград и оврагов. Аппараты полюбились народу. Некоторые школьники забирались с их помощью в фруктовые сады, некий Иваницкий выследил свою жену в объятиях Ландруса на третьем этаже. Удалов с грустью подумал: насколько гениален его сосед по дому Лев Христофорович! Все подвластно ему — и химия, и физика. Но последствия его блестящих изобретений непредсказуемы. Взять скоростные яблони — шестнадцать урожаев собрали прошлым летом, и в результате лопнула овощная база.

Оболенский взял указку как шпагу, начстрой Слабенко еще крепче сплел свои крепкие пальцы и кивнул союзнику. Бой начался.

— Вы видите, — сказал Оболенский, — светлое будущее нашего города.

Широкий проспект был застроен небоскребами с колоннами и портиками и усажен одинаковыми

подстриженными липами, какие водятся только в версалях и на архитектурных перспективах.

Над проспектом расстилалось синее небо с розовыми облаками. В конце его возвышались горы со снежными вершинами. Неужели он хочет свой проспект дотянуть до Кавказа, испугался Удалов. Но потом понял, что это — архитектурная условность.

Все молчали. Проспект гипнотизировал. Оболенский ткнул указкой в первый из небоскребов и заявил:

— Здесь мы расположим управление коммунального хозяйства.

Архитектор Елисей Оболенский — человек в Гусляре новый, но уже укоренившийся.

Его импортировал Пупыкин.

Случилось это лет пять назад, когда Пупыкин, совершая восхождение по служебной лестнице, прибыл в Москву, в командировку. Помимо деловых целей, были у него идеалы. Хотелось найти в столице единомышленников, друзей. Желательно среди творческой интеллигенции.

Повезло Пупыкину на третий день. В гостиничном буфете он познакомился с литературным

критиком из Сызрани. Тот прибыл в Москву на семинар по реализму и хотел укрепиться в столице, потому что в Сызрани трудно развернуться таланту. Критик с Пупыкиным друг другу понравились, вместе ходили в шашлычную и в кино, а потом критик повез его к своему покровителю, молодежному поэту. У поэта сильно выпили, говорили о врагах и национальном духе, поэт читал стихи о масонах, а когда жена поэта всех их выгнала из дома, поехали к Елику Оболенскому.

Елик Оболенский, разведясь с очередной женой, жил в мастерской. По стенам висели иконы и прялки, в углах много пустых бутылок. Сам Елик с первого взгляда Пупыкину не понравился. Показался духовно чужим по причине высокого роста, меньшевистской бородки, худобы и бархатной кофты. Но товарищи сказали, что Оболенский — свой парень, из князей, Рюрикович. В мастерской тоже пили, ругали масонов, захвативших в Москве ключевые посты, поэт читал стихи о Перуне и этрусках, от которых, как известно каждому культурному человеку, пошел русский народ. Потом поэт с критиком обнявшись уснули на диванчике, а Оболенский показал Пупыкину свои заветные картины. Город будущего. Эти картины Оболенский показывал

только близким друзьям.

Картины были плодом двадцатилетнего творческого пути, который начался еще в средней школе.

Однажды мальчик Елик Залипухин — фамилию отчима он примет позже — пошел с мамой на Выставку достижений народного хозяйства. Они любовались павильонами и фотографировались у фонтана Золотой Колос. Так Елик познакомился с архитектурой. С того времени он рисовал в тетрадках колоннады и портики, стену над своей кроватью обклеил фотографиями любимых памятников архитектуры — греческих храмов, вокзалов на Комсомольской площади и станций кольцевой линии московского метро. Даже гуляя по городу с любимой девушкой, Елик приводил ее в конце концов на ВДНХ, где забывал о девушке, очарованный совершенством линий павильона Украинской ССР.

В Архитектурном институте он стал первым специалистом по отмывкам классических образцов: никто не мог лучше него изобразить светотень на бюсте Аполлона. В иные времена он завершил бы образование с блеском, но тут наступили тяжелые времена. В архитектуру стало внедряться типовое проектирование, а студенты

принялись изучать сомнительных Нимейеров и Корбюзье. Успеваемость Оболенского пошла под уклон, он затерялся в толпе середнячков, обзавелся хвостами и в конце концов оставил институт, не отказавшись от своей великой мечты — перестроить должным образом все города мира.

Устроился он почти по специальности: проектировал торты на кондитерской фабрике. Он соединил в тортах крем и архитектуру и тем прославился в кондитерских кругах. Ему персонально заказывали юбилейные торты для министерств и народных артистов. Но для интеллигентных друзей, которые помогли ему раздобыть мастерскую в подвале, Елик Оболенский оставался архитектором и князем.

Как только Пупыкин стал городской властью, он тут же выписал Оболенского. Дал ему квартиру и пост главного архитектора города. Оболенский начал лихорадочно готовить снос и воссоздание Великого Гусляра на кондитерских принципах. Но не успел. Пупыкин потерял свой высокий пост и неудержимо покатился вниз.

Оболенский остался в главных архитекторах, может, потому, что сблизился с нач-строем Слабенкой. Начстрою тоже хотелось снести Великий Гусляр, мешавший ему развернуться. Правда, от

полной переделки Гусляра пришлось отказаться, но одну магистраль Оболенский со Слабенкой надеялись пробить.

Магистраль должна была разрезать город пополам и тем самым решить все транспортные проблемы. Замыслил ее Пупыкин, чтобы возить по ней областные и иностранные делегации. Но общественность подняла свою многоголовую голову и начала возражать. Так что магистраль, ради которой надо было снести всего-то шесть церквей и последний гостинный двор, оказалась под угрозой.

— Без магистрали, — говорил Оболенский, расхаживая вдоль перспективы и тыча в нее указкой, — наш город обречен задохнуться в транспортных проблемах и оказаться за бортом прогресса. Мои оппоненты твердят, что историческое лицо города разрушится. Это не то лицо, которое нам нужно. Позвольте спросить — хотят ли они тащиться на работу по кривым улочкам или предпочтут мчаться на скоростном автобусе по очень прямому проспекту?

Когда Оболенский кончил свою речь, в тишине раздался твердый голос Слабенко:

— Мы согласны.

Сам строитель, хоть и небольшого масштаба,

Удалов понимал, что Слабенке куда выгоднее получить для застройки большую, в полгорода, площадку и одним ударом развернуть эпопею. Когда куешь эпопею, не надо мелочиться.

Ох, и сердит Слабенко на общественность, ох, и недоволен он Белосельским, который пошел у нее на поводу. Развел гласность без пределов. Даже секретарш отменил. А если враг проникнет?

— Сколько лет горе-проектировщики измываются над нашим городом? — воскликнул, поднимаясь, главный редактор Малюжкин. — У меня в руках печальная статистика прошлых лет. Снесено несчетное количество памятников архитектуры. Колокольня собора превращена в парашютную вышку…

— Разве мы пришли сюда слушать лекцию о парашютах? — спросил Слабенко.

— Вы меня не сбивайте! — закричал Малюжкин. — Вы лучше ответьте народу, зачем в позапрошлом году затеяли реконструкцию под баню палат купца Гамоватого?

— Под сауну, — поправил Слабенко. — Для сотрудников звероферм. Труженики хотели оздоравливаться.

— Под личную сауну для пресловутого Пупыкина, — подала реплику директорша библиотеки.

Кипел большой бой.

Трижды он прерывался, потому что массы под окнами требовали информации о ходе совещания, и эту информацию массам давали, потому что в Великом Гусляре не бывает закрытых совещаний.

Трудность была в том, что все понимали: без магистрали с транспортом не справиться. Но даже если отвергнуть планы Оболенского, часовня святого Филиппа и три старых особняка окажутся на ее пути.

На втором часу дискуссии Белосельский обернулся к профессору Минцу и спросил:

— А что думает городская наука? Неужели нет выхода?

— Я держу на контроле эту проблему, — сказал Минц. — Конечно, неплохо бы построить туннель под городом, но, боюсь, бюджет Великого Гусляра этого не выдержит.

— Вот видите, — сказал Оболенский. — Даже Лев Христофорович осознает.

— Есть ли другой путь? — спросил Белосельский.

— Гравитация, — сказал Минц. — Как только мы овладеем ее силами, так сможем подвинуть любой дом без подъемных кранов.

— За чем же дело стало?

— К сожалению, антигравитацию я еще не изобрел, — виновато ответил Минц. — Теоретически получается, но на практике…

— Чем вам помочь? — спросил Белосельский, переждав волну удивленных возгласов. — Средства, помощники, аппаратура?

— Вряд ли кто-нибудь в мире сможет мне помочь, — ответил Минц и чихнул. — Второго такого гения Земля еще не родила… — Тут Минц замолчал и задумчиво опустился на стул.

— Это чепуха! — сказал Оболенский. — Это шарлатанство. Ни один институт в мире этого не добился, даже в Японии нет никакой гравитации. Надо хорошо проверить, из чьего колодца черпает Минц свои сомнительные идеи.

Слабенко лишь саркастически улыбался.

И тогда Белосельский сказал так:

— Я надеюсь, присутствующие здесь товарищи и представители общественности согласятся, что вопрос настолько серьезен, что лучше отложить его решение на день или два. Я лично глубоко верю в гений товарища Льва Христофоровича. Он не раз нам это доказывал.

Удалов проводил Минца до дома. Тот совсем расклеился. Чихал, хрипел — утренний пробег

печальным образом сказался на его здоровье, подорванном мыслительной деятельностью.

— Вы что замолчали, Лев Христофорович? — спросил Удалов. — Что за светлая идея пришла вам в голову?

— А вы догадались? — удивился профессор. — Я думал, что никто не заметил.

Удалов остановился, приложил ладонь ко лбу профессора и сказал:

— Лев Христофорович, у вас жар. Сейчас примете аспирин и сразу в постель.

— Нет! — воскликнул Минц. — Ни в коем случае! Я должен немедленно ехать… идти… перейти… Город ждет!

— Лев Христофорович, — возразил Удалов. — Вы неправы. В таком состоянии вам ничего делать нельзя.

— Нет, — сказал Лев Христофорович, пошатываясь от слабости. — Путешествие очень опасно. Совершенно непредсказуемо.

— Путешествие?

— Да, своего рода путешествие.

Они дошли до ворот дома шестнадцать. Погода испортилась, начал накрапывать дождик. Желтые листья срывались с деревьев и приклеивались к мокрому асфальту. Удалов затащил

Минца в подъезд, оставил его перед дверью в квартиру и велел переодеться, а сам обещал тут же придти.

Тут же придти, конечно, не удалось. Пока умылся, пока рассказал все Ксении…

За обедом включил телевизор, местную программу. Показывали общественный суд над Передоновым, который кинул на мостовую автобусный билет. Прокурор требовал изгнания из Гусляра, защитник нажимал на возраст и прошлые заслуги. Преступник рыдал и клялся исправиться. Ограничились строгим порицанием. Потом была беседа с сержантом Пилипенкой о бродячих кошках. Пилипенко полагал, что это происходит от недостаточной нашей любви к животным. Если кошку ласкать, она не уйдет из дома.

Только через час Удалов спустился к соседу. Тот был совсем плох.

Удалов принес чай и таблетки. Минц покорно выпил горячего чаю, проглотил таблетки, и только потом Удалов согласился его слушать.

— Я знаю, — сказал Минц слабым голосом, — что ни за день, ни за два проблему гравитации мне не решить. Но есть надежда, что один человек ближе меня подошел к решению загадки.

— И вы к нему собирались ехать?

— Вот именно.

— И куда, если не секрет? В Японию? В Конотоп?

В голосе Удалова звучала ирония. Уж он-то знал, что на Земле нет никого, кто сравнился бы гениальностью с профессором Минцем.

— Еще дальше, — улыбнулся Минц.

— И как же зовут этого вашего благодетеля?

— Минц, — ответил профессор. — Его зовут Лев Христофорович Минц.

— Бредите, что ли? — испугался Удалов.

— Нет, я в полном сознании. Я хочу воспользоваться фактом существования параллельных миров.

— А они есть?

— Есть, и множество. Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается по тем же законам, что и наш, различия минимальные.

— То есть существует Земля, — сразу сообразил Удалов, — где есть Великий Гусляр, есть профессор Минц…

— И даже Корнелий Удалов, — сказал профессор.

— И вы хотите поехать туда?

— Вот именно. Там живет мой двойник.

— Но если вы не изобрели этой самой гравитации, почему вы решили, что он изобрел гравитацию?

— Параллельный мир, назовем его Земля-2, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И, если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц я наверняка изобрету антигравитацию.

— Ну и отлично, — сказал Удалов, который умом, конечно же, согласился с очередным открытием Минца, но душа его такого оборота событий не восприняла.

— Не верите? — спросил Минц.

— Верить-то верю, да не знаю… А далеко до него?

— Этого наука сказать не может, — ответил Минц. — Потому что существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

— Ну, раз выше, то не надо объяснять, — согласился Удалов. — Выздоровеете, отлежитесь и отправляйтесь в ваш параллельный мир, по-

говорите с самим собой, может, и в самом деле что узнаете.

— Вы ничего не поняли! — воскликнул простуженный профессор. — Я же дал слово! Город ждет! Если через два дня я не изобрету антигравитацию, Оболенский начнет…

Голос профессора прервался.

— Не переживайте, — возразил Удалов. — Вы не один. С вами общественность.

— Я обещал, — повторил профессор таким слабым голосом, что Удалов заявил:

— Ладно уж, схожу вместо вас.

— Нет, это опасно!

— Почему?

— Мы не знаем, в чем разница между нашим и тем миром.

— Тем более интересно.

— Нет. Я не могу взять на себя ответственность.

— Утречком, до работы, и схожу.

— А если придется задержаться?

— Я там перекушу. Деньги, небось, одинаковые?

— Удалов, вы задаете бессмысленные вопросы! — рассердился профессор. — Я там не был, никто там не был. Проголодаетесь, зайдите к

самому себе, неужели не накормят?

— Значит, можно идти налегке, — сказал Удалов.

— По моим расчетам, путешествие займет часа два. Вам надо заглянуть в собственный дом, встретить меня, все объяснить, взять формулы гравитации, если они есть, — и тут же обратно.

— Вот и договорились, — обрадовался Удалов. — Отдыхайте. Может, все же врача вызвать?

— Нет, мой организм справится, — ответил Минц.

— Дайте мне слово, что до утра с дивана не встанете!

После некоторого колебания Минц дал слово, и Удалов ушел к себе успокоенный. Слово Льва Христофоровича нерушимо.

К путешествию в параллельный мир Удалов отнесся без паники. Ему уже приходилось путешествовать. И в другие галактики, и в Вологду, и даже в Неаполь. Правда, новое путешествие давало пищу для размышлений. И Удалов размышлял.

В тот вечер они с Ксенией пошли в городской театр, где давал концерт камерный оркестр под

управлением Спивакова. Теперь, когда духовная жизнь Великого Гусляра оживилась, туда приезжали многие выдающиеся артисты, даже из-за рубежа. На некоторые концерты было трудно попасть. Например, на вечер Адриано Челентано съехались зрители со всего района, даже из Тотьмы и Пьяного Бора.

Гастролеры также были довольны Гусляром. И его памятниками старины, и мирным добродушным гуслярским населением, и энтузиазмом любителей искусства. Но больше всего они ценили гуслярский театр, построенный в конце XVIII века радением купца Семибратова, правда, впоследствии обветшавший и заброшенный. В годы первых пятилеток в нем был склад, затем его перестроили под галошную артель. Пупыкин, в краткую бытность свою главой города, хотел сделать в бывшем театре Дом Приемов, но Оболенский уговорил его театр снести и на его месте воздвигнуть Дом Приемов из белого мрамора. К счастью, Пупыкина сняли, а театр восстановили методом народной стройки. Когда театр открыл свои двери, специалисты всего мира были поражены его акустикой. Даже шуршание актерских ресниц долетало до последнего ряда, облагораживаясь в полете.

А что касается музыкальных инструментов, то их звучание в зале, созданном руками безвестных гуслярских умельцев, резко менялось к лучшему. Стоявший на сцене рояль фабрики «Красный Октябрь» звучал чуть-чуть лучше «Стейнвея», а скрипки… Страдивари умер бы от зависти!

Удалов с Ксенией сидели в третьем ряду, наслаждаясь музыкой. Вернее, Ксения наслаждалась, а Удалов думал. Если в том мире с гравитацией не выгорит, придется, видно, искать еще один — ведь их бесконечное множество. Тогда надо будет взять отпуск за свой счет. Да, прав Минц: параллельные миры должны оставаться государственной тайной. Вдруг мерзавец решит воспользоваться ими для своих целей… А если уже воспользовался? Если где-то другой Минц уже придумал такое путешествие, но у него нет верного друга в лице Удалова? Доверился какому-нибудь проходимцу, и тот уже здесь… Зачем он здесь? А затем, чтобы похитить ценную вещь из музея!

Эта мысль Удалова испугала, и он стал крутить головой, опасаясь увидеть пришельца. Потом понял — не увидишь. Ведь все пришельцы — двойники. Ты смотришь на него и думаешь: вот провизор Савич со своей супругой Вандой Ка-

зимировной. А в самом деле это дубль Савича и дубль его супруги. Или еще хуже — дубль Савича, а супруга настоящая… Постой, постой, а как же с Ксенией? Значит, там есть вторая Ксения? Такая же или чуть другая?

Удалов поглядел на свою жену. Она ничего не видела вокруг и сжимала в пальцах платок, внимая музыке Сибелиуса.

Когда они шли домой из театра, Удалов сказал Ксении, что завтра поедет в местную командировку, может задержаться.

— Куда? — спросила Ксения рассеянно. Она все еще находилась во власти искусства.

— Ты мне теплые носки приготовь. И пуговицу к плащу пришей.

Вечер был тихий, чудесный, дождь перестал, ветер стих. По разноцветным плиткам мостовой медленно гуляли жители города, обогащенные искусством. Уютно светились витрины магазинов и кооперативных кафе. По дороге Удалов с Ксенией заглянули в гастроном, купили немного красной икры, бананов и сливок — на завтрак. Продавщица Дуся очень жалела, что не смогла побывать на концерте, но говорили, что Спиваков обещал дать утренний концерт для тех, кто не смог послушать его вечером.

Утром Удалов чуть все не погубил. Когда оделся, сделал уже шаг к двери, обернулся, поглядел на Ксению и подумал: а вдруг я ее больше не увижу? Потому он вернулся, обнял жену и поцеловал.

Эта нежность встревожила Ксению.

— Ты что? — испугалась она. — Ты куда?

— К вечеру вернусь, — сказал Удалов, но голос его дрогнул.

— Что-то тут неладно, — сказала Ксения. — Кто она?

— Клянусь тебе, Ксюша, — ответил Удалов. — Отправляюсь в деловую командировку в интересах нашего города. А поцеловал тебя от возникшего чувства. Неужели этого не может быть?

— Что-то раньше ты меня по утрам не целовал, — резонно ответила Ксения.

— Господи! — возмутился Удалов. — Собственную жену поцеловать нельзя без скандала!

Ушел, хлопнул дверью. Чем, правда, Ксению несколько успокоил.

Минц уже проснулся, он сидел на диване, закутанный в одеяло.

— Удивительное дело, — сказал он при виде Удалова. — Не могу встать. Слабость такая, даже стыдно.

— Ничего, — ответил Удалов. — Давайте не будем терять времени даром. Лекарства принимали?

Удалов скинул плащ, приготовил завтрак, а тем временем Минц рассказал ему, что надо делать.

Переходить в параллельный мир придется в особой точке, которую вычислил Минц. Находится она в лесу, за городом, на шестом километре. И это хорошо, потому что переход сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире следует также оградить место входа ограничителями и запомнить место — в другом не перейдешь.

Удалов выслушал инструкции, сложил в портфель набор ограничителей и прикрепил к рубашке маленький энерготранслятор.

— Учтите, мой друг, — сказал Минц. — Перейти может только один человек. Я не смогу вам помочь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц остается профессором Минцем, а Корнелий Удалов — таким же отваж-

ным и добрым, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

— Жду! — сказал он вслед Корнелию. — Со щитом, но не на щите.

Набитый автобус долго крутил по узким улицам, минут пять стоял на перекрестке — такое интенсивное движение было в Гусляре. Удалов проникся важностью своей миссии. Именно он разгрузит транспортные потоки и спасет город. Народу трудно.

У гастронома в автобус влез Пупыкин — подобострастный, улыбающийся. Как странно, подумал Удалов, что этот человечек с потными ладошками целый год пробыл во главе города и, не наступи эра демократии, он и сейчас продолжал бы сживать со света честных людей.

— Корнелий Иванович! — пискнул Пупыкин. — Какое счастье. А я на утренний пробег спешу. Вы не бежите сегодня?

— Дела, — сказал Удалов. — Завтра побегу.

— Ах, у меня тоже дела, — признался Пупыкин. — Но надо показаться товарищу Белосельскому. Он может подумать, что я манкирую своим

здоровьем. Правда?

— Не знаю, что думает товарищ Белосельский, — ответил Удалов. — У него и без вас забот много.

— Да, Николай Иванович страшно занят! Я лучше любого другого могу это понять. Кстати, в управлении охраны природы ищут инструктора по пернатым. Вы не могли бы замолвить за меня словечко?

— Но я-то при чем? — с тоской спросил Удалов, глядя в окно автобуса.

— Вы имеете связи, — сказал Пупыкин убежденно. — Сам товарищ Белосельский с вами советуется.

— Какие уж там связи…

— Нет! — взвизгнул Пупыкин и попытался игриво ткнуть Удалова в живот пальчиком. — Есть связи, есть! А мне на пенсию рано. Бурлит энергия, хочу внести вклад!

Тут автобус остановился и водитель произнес:

— Пристань. Следующая остановка городской парк.

Удалов подтолкнул Пупыкина к выходу, и тот пропал в толпе.

Еще недавно ты был другой, подумал Удалов. А что настоящее? Этот Пупыкин или тот, кото-

рый вызывал Удалова на ковер и прочищал ему мозги?

В лесу на шестом километре Удалов отыскал нужное место. Минц заблаговременно пометил мелом два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

В лесу было тихо, даже птицы не пели. Осень. Только случайный комар крутился возле уха.

Будем надеяться, сказал себе Удалов, что там, в параллельном, тоже нет дождя.

Он расставил ограничители, воткнул их поглубже в землю, чтобы грибники не заметили, забросал бурыми листьями. Потом вошел в круг, нащупал у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажал на нее.

Его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

В самом же деле он никуда не падал, и если бы случайный прохожий увидел его, то поразился бы — отчего это полный, средних лет человек отчаянно машет руками, будто идет по проволоке, но при том не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение пропало, Удалов открыл глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось.

Потому что вокруг стоял такой же тихий лес, и точно так же звенел над ухом поздний комар.

Удалов огляделся, посмотрел, стоят ли ограничители. Их не было. Земля пустая. А раз сказок и чудес на свете не бывает, значит, Удалов уже в параллельном мире. И надо его тоже пометить ограничителями.

Что Удалов и сделал. И так же, как в своем мире, засыпал их сухими листьями.

Потом посмотрел на небо. Небо было пасмурным, дождь мог начаться в любую минуту. Куда идти?

«Глупый вопрос, — ответил сам себе Удалов. — Идти надо в город, к себе домой».

Первое различие с собственным миром удалось

заметить на автобусной остановке.

Сама остановка была такая же — бетонная площадка, на ней столб с номером и расписанием. Только столб покосился, а расписание было настолько избито дождями и ветрами, что не разберешь, когда ждать автобуса.

Время шло, автобус не появлялся. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не остановилась. Удалов пошел пешком. До города шесть километров, но километра через два будут Выселки, а оттуда ходит двадцатка до самой Пушкинской.

Шагая, Удалов внимательно осматривался, отыскивая различия.

Различий было немного. Например, шоссе. В нашем мире его еще прошлой весной привели в порядок. Здесь, видно, недосуг это сделать. Встречались выбоины, ямы кое-где большие трещины. Как специалист Удалов понимал, что если не заняться шоссе в ближайшее время, придется вкладывать в ремонт большие деньги. Надо будет сказать… А кому сказать? Скажу Удалову, решил Удалов.

Впереди показались крыши Выселков.

Удалов вышел на единственную улицу поселка. У магазина на завалинке сидели два грустных местных жителя. Дверь в магазин была раскрыта.

На автобусной остановке ни души.

Удалов подошел к магазину и спросил у местного жителя:

— Автобус давно был?

— Автобус? — Человек поглядел на Удалова, как на психа. — Какой автобус?

— До центра, — сказал Удалов.

— Ему нужен автобус до центра, — сообщил один человек другому.

— Бывает, — ответил тот.

Из дверей магазина вышел третий человек, постарше. Он нес в руке темную бутыль.

— Есть политура, — сказал он и быстро пошел прочь.

Собеседники Удалова помчались вслед за обладателем бутылки.

— Автобус когда будет? — закричал Удалов вдогонку.

Мужчины не ответили, но старушка, что вышла из магазина следом за человеком с бутылью, сказала:

— Не будет тебе автобуса, милок. Отменили.

— Как отменили? Почему?

— В виде исключения по просьбе трудящихся.

— А когда он придет?

— Никогда он не придет, — сказала старуш-

ка. — Зачем ему приходить, если у нас есть такая просьба, чтобы он не приходил.

— Но до города четыре версты пехом!

— А ты не торопись, воздухом дыши. Потому автобус и отменили, чтобы люди больше воздухом дышали. Для здоровья.

Удалов пошел пешком.

Вскоре он догнал молодую женщину с рюкзаком и чемоданом. Женщина была одета в ватник и лыжные штаны. На ногах мужские башмаки, голова закутана серым платком.

— Помочь? — спросил Удалов, поравнявшись.

— Не надо, — ответила женщина и отвернулась.

Чем-то ее лицо было Удалову знакомо. Он пошел рядом, стараясь вспомнить.

— Чего смотрите? — спросила женщина, не глядя в его сторону. — Не признаете, что ли?

— Знакомое лицо, — сказал он. — Недавно виделись... Вы простите, конечно, но одежда непривычная.

— Ну, Удалові — рассмеялась тут женщина. — Ну, вы осторожный!

И по тому, как женщина произнесла слова, и как улыбнулась, и как блеснула стальная коронка в правом углу рта, Удалов признал Зиночку

Сочкину — хохотушку, резвушку, директоршу музыкальной школы и активную общественницу. Еще вчера они бежали рядом в утреннем забеге. Но теперь эта милая интеллигентная женщина изменилась столь разительно, что ее не сразу узнал бы собственный отец. Лицо осунулось, обгорело под солнцем, покрылось сеточкой ранних морщин. Вчера еще курчавые волосы были скрыты под платком, ресницы не покрашены, губы обкусаны. Да и взгляд пустой, без смелости и озорства.

— Нет, — сказал Удалов, — я честно не узнал, Зиночка. Я же тебя совсем другой знаю. Что с тобой произошло?

— Шутите? — спросила Зина, спрятав улыбку. — Вам легко шутить.

И так горько сказала, что Удалов понял — допустил нетактичность.

Но сейчас ему было не до дипломатии. Считай, что повезло, встретил знакомую, которая тебя узнала. Надо осторожно вытащить из нее информацию.

— Откуда возвращаетесь? — спросил Удалов.

При этом он сделал попытку отобрать у молодой женщины чемодан. От неожиданности она чемодан отпустила, но тут же спохватилась и

стала тащить его на себя. Чемодан был тяжелый, Удалов сопротивлялся и повторял:

— Я же только помочь хочу, помочь, понимаешь?

Но женщина упрямо тянула чемодан, и тот не выдержал борьбы, распахнулся, и из него покатилась на асфальт картошка — мокрая, грязная…

Женщина в ужасе отпрянула, закрыла глаза руками и зарыдала.

— Ты прости, я не знал, — сказал Удалов. — Я не хотел.

Он поставил открытый чемодан на дорогу и, нагнувшись, стал собирать в него картошку.

Раздался скрип тормозов.

— Ты чего здесь расселся, мать твою так-перетак!

Удалов поднял голову.

Рядом с ним стоял мотоцикл. В седле, упершись ногой в асфальт, сидел старый знакомый — сержант Пилипенко. Только он был при усах и в капитанских погонах.

— Ты что, не знаешь, какая это трасса? Я тебя живо изолирую!

— Сема, Пилипенко! — удивился Удалов. — Какая еще трасса!

— А, это ты, — сказал Пилипенко. Узнал все-та-

ки. — Ты чего вырядился?

А ничего особенного на Удалове не было — плащ, сделанный в Гусляре кооперативной фабрикой «Мода Парижской Коммуны», голландская шляпа, купленная в универмаге, и армянские штиблеты — одежда как одежда.

— Что ты здесь делаешь? — спросил с подозрением бывший сержант, а ныне капитан Пилипенко.

— Видишь же, — ответил Удалов. — Картошку рассыпал.

— Картошку! Откуда взял?

— Послушай, Пилипенко, ты что себе позволяешь? — спросил Удалов. — Я же тебя с детства знаю.

Удалов оглянулся в поисках Зины, но ее нигде не было, и он решил взять все на себя.

— Моя картошка, — сказал Удалов, почти не колеблясь.

— Ты меня удивляешь, — сказал Пилипенко. — В твоем-то положении.

— А чем тебе не нравится мое положение?

— Шутишь?

— Не шучу — спрашиваю.

— Давай, скорей собирай, чего дорогу занимаешь? — совсем осерчал Пилипенко и стал

подгонять носком сапога картофелины поближе к Удалову.

Вдали послышался тревожный вой.

— С дороги! — взревел Пилипенко. Удалов, так и не закрыв чемодана, оттащил его на обочину.

— Закрывай! — крикнул Пилипенко и нажал на газ. Мотоцикл подпрыгнул и понесся вперед.

Удалов закрыл чемодан и распрямился.

И тут же из-за поворота вылетела черная «волга» с двумя флажками, как у посольской машины, — справа государственный, слева — с гуслярским гербом: ладья под парусом, на корме сидит певец с гуслями, а над мачтой медвежья нога под красной звездочкой.

В машине мелькнул знакомый профиль, на мгновение голова повернулась и глаза уперлись в лицо Удалова. Удалов не успел угадать — кто едет.

За первой «волгой» мчались еще две, серая и зеленая, потом «жигули» и напоследок мотоциклист в милицейской форме.

Кортеж пролетел мимо и растворился, оставив газовый туман и ошметки пронзительных звуков.

Удалов обернулся к кустам у дороги и спросил:

— Зина, ты здесь?

— Я здесь, — послышалось в ответ.

Сочкина выбралась из кустов. Она была бледной, руки тряслись.

— Кто это был? — спросил Удалов.

— Он, — ответила Зина, — с охоты возвращаются. Неужели не догадались?

— Я пошутил, — сказал Удалов.

— А мне не до шуток. Думала, конец мне пришел.

— Да ты что? — удивился Удалов. — Что ты такого сделала, чтобы пугаться?

— Корнелий Иванович, — сказала с укором Зиночка. — Вы со мной в одном городе живете, ваша роль мне, к сожалению, известна. Одно мне непонятно — почему вы на себя мое преступление взяли, головой рискуете?

Удалов поднял чемодан и пошел по шоссе. Зина шла рядом.

— Я знаю, в чем дело, — сказала она. — В вас совесть заговорила. Мне Ксения говорила, что вы не такой подонок, как кажетесь. Я ей не поверила.

— Где же она тебе это говорила?

Тут Зина остановилась, поглядела на Удалова и сказала загадочно:

— Там, где картошка растет. — И вдруг взъярилась: — Лицемер проклятый! Отдайте мне

чемодані

Удалов вернул чемодан.

— А теперь уходите, — сказала Зина. — Я не знаю, может, у вас в душе и шевельнулось что-то, но скорее всего это страх перед расплатой. Прощайте. Я вас не видела, вы меня не видели.

Удалову стало ясно, что лучше вопросов не задавать. Чего-то он не понимает, за что-то Зина его не любит. А ведь еще вчера у них были чудесные отношения. Правда, не здесь.

Зина свернула с шоссе на тропинку, а Удалов вошел в Великий Гусляр.

Одноэтажные домики окраины прятались в облетающих садах, темнела чаща городского парка За ним дома повыше, колокольни и купола церквей. Издали — похоже на родной город.

Вот и первая, куда как знакомая Удалову улица. В нее превращается, вливаясь в город, шоссе. Поперек улицы висело красное полотнище. На нем белыми буквами: «Превратим наш город в образцовый!»

Заборы были недавно покрашены, красиво, в зеленый цвет. Одинаково. Тротуаров нет — пыльные тропинки среди пыльных лопухов. Тут у вас отставание, подумал Удалов. Мы все это в позапрошлом году замостили. Ему было интерес-

но идти и сравнивать. Как на картинке, какие бывают в детских журналах: отыщите десять различий на двух одинаковых рисунках.

На пересечении улицы с Торговым переулком, который здесь, как установил Удалов, именовался «Проспектом Бескорыстия», стоял большой деревянный щит на ножках. Щит изображал девицу в народном костюме, к груди она прижимала, как доброго молодца, громадный сноп. Над девицей надпись: «Завалим Родину хлебами!»

Удалов вздохнул: у этих оформителей порой не хватает образования. Они, конечно, хотели как лучше, но получилось неточно.

Здесь надо повернуть налево, вспомнил Удалов, и мимо рынка выйти к Горной — так короче. Он свернул в проход. Сейчас перед ним откроется бурная, привычная глазу картина продовольственного рынка.

Удалов обрадовался, углядев дыру в рыночном заборе, точно такую же, как дома. Правда, там дыра как дыра, а здесь над ней надпись: «Проход воспрещен».

С первого же взгляда рынок поразил Удалова. Если где и чувствовалась разница с нашим Гусляром, так это на рынке.

На нашем рынке жизнь кипит. Ближе к дыре

должны быть ряды картофельные, свекольные и капустные. Картошка одна к одной, отборная, чистая, кочаны белые, крепкие. Дальше ряд фруктовый. Там свои яблоки да груши, персики и хурма из экспериментального тепличного хозяйства, поздняя малина и банки с вареньями, соленьями, маринадами. Тут же гости с юга: узбеки с виноградом «дамские пальчики», грузины с сухим вином и мандаринами, армяне с персиками славной формы и вкуса, индусы с кокосовыми орехами и плодами манго, китайцы… нет, китайцы большей частью в мясном павильоне. Там они торгуют пекинскими утками, мясом трепангов и особенно кисло-сладкой свининой. Рядом с датчанами — те привозят на гуслярский рынок марочное масло — да с исландцами: кто лучше их засолит селедочку?

Эти мысли пронеслись в голове Удалова и вызвали привычное слюноотделение. Но параллельная действительность предстала совсем иной.

Картофельный и свекольный ряды были пусты, только одна женщина торговала семечками. Удалов подошел к ней, спросил:

— Попробовать можно?

Та пожала плечами.

Удалов взял семечко — было оно горелым и пересушенным.

— Плохо, — сказал он.

— Скажи спасибо, что такое есть.

Удалов направился мимо пустых прилавков, где не видно было ни кокосов, ни яблок, к мясному павильону. Над ним висел яркий плакат: «Выставка-продажа веников».

И в самом деле — внутри торговали вениками, шибко торговали, люди в очереди стояли. А мяса не было и в помине.

В очереди за вениками попадались знакомые лица. Возникло желание — купить веник Ксюше. Правда, дома веник есть, но раз все стоят, хочется тоже встать. Это атавизм, понял Удалов, превозмогая себя. Атавизм, оставшийся с тех времен, когда еще был дефицит.

Удалов почувствовал, что проголодался. Вроде бы обедать рано, но когда видишь, что пищи вокруг не видно, начинает мучить голод. Удалов не стал заходить в музей рынка, что стоял на месте кооператива «Розы и гвоздики», а поспешил к выходу. Там, направо, есть столовая «Пышка», сытная, недорогая, на семейном подряде Муссалимовых.

У выхода Удалов нагнал знакомого провизора

Савича. Савич нес два веника.

— Никита! — позвал Удалов. — Ты что не на службе?

Это он так сказал, в шутку.

— Что? — Савич испуганно обернулся. — Я имею бюллетень!

Но тут узнал Удалова и оттаял.

— Чего пугаешь? — сказал он. — Так и до инфаркта довести недолго. Я уж решил, что дружинник.

Лицо у Савича было потное, мучнистого цвета. Свободной рукой он стянул с лица шляпу и начал вытирать ею лоб и щеки.

— Прости, — сказал Удалов. — Я и не думал, что тебя испугаю.

— Вот, выкинули, — объяснил Савич.

— Хорошие веники, — вежливо сказал Удалов. — А как вообще жизнь?

— Ты же знаешь, что жизнь отличная, лучшая жизнь, — проговорил Савич странным, срывающимся голосом.

Они уже вышли из рынка и остановились.

— Корнелий Иванович, — сказал вдруг Савич. — Тебе направо, мне налево. Нехорошо, если нас вместе увидят.

— Чего в этом плохого?

— Ну, как знаешь, — согласился Савич уныло. — Только учти — у меня бюллетень. Все по закону. А за Ванду я не обижаюсь.

— А что с Вандой? — спросил Удалов.

— С Вандой? И ты спрашиваешь?

Лицо у Савича было трагическое, вот-вот заплачет.

— Ну, привет ей передавай, — сказал Удалов. Пора прощаться, пока не наговорил чего лишнего.

— Ей? Привет? От тебя?

Савич повернулся и зашагал прочь, волоча за собой два веника, как ненужный букет.

Надо срочно поговорить с самим собой, решил Удалов. Без этого тайны только накапливаются.

И он повернул направо. В сторону Пушкинской улицы.

Прошел под плакатом, натянутым над улицей: «Хозяйство должно быть хозяйственным!» Прочитал, перечитал, не понял. Посмотрел туда, где должен был стоять кооператив «Пышка». На месте знакомой вывески была другая: «Прокат флагов и лозунгов».

Среди прохожих на улице попадались знакомые, с ними Удалов по инерции раскланивался. Люди кивали в ответ, но кое-кто прятал глаза и

спешил мимо с опущенной головой.

Тут должен быть гастроном, сказал себе Удалов. Зайду, куплю своему двойнику что-нибудь. Неудобно в гости сваливаться без подарка. Икорки возьму, шампанского — впрочем, неизвестно, что здесь есть, чего нет. Возьму, что есть.

Витрина гастронома обрадовала Удалова. Наконец-то все вернулось на свои места. Она почти такая же, как в родном Гусляре. Грудой лежит посреди витрины бычья туша, по бокам поленницами разные колбасы, за колбасами разделанная осетрина и лососина. Лососина больше всего обрадовала Удалова, потому что такой розовой и крупной он давно не видел.

Удалов вошел в магазин и удивился его пустынности. Смотри-ка, сказал он себе: свято здесь соблюдают рабочее время. Даже домашние хозяйки в рабочее время по магазинам не ходят. А может быть, здесь создана всеобщая система доставки товаров на дом?

Он подошел к рыбному отделу, но не обнаружил на прилавке ни лососины, ни осетрины. Даже шпротов не было.

— Девушка! — позвал Удалов продавщицу, что вязала в углу.

— Чего? — спросила она, поднимая голову.

Господи! — понял Удалов, это же Ванда Казимировна, жена Савича, директор универмага.

— Вандочка! — воскликнул Удалов в большой радости. — Ты что здесь делаешь?

— Корнелий?

Ванда отложила вязание. И замолчала, глядя враждебными глазами. Она выглядела лет на десять старше, глаза тусклые.

Удалов осознал: беда. Каждый торговый работник живет под угрозой ревизии. У нас в Гусляре милиции и общественности пришлось потрудиться, прежде чем всех торговых жуликов перевоспитали. Но Ванда! Ванда всегда честной была! Ее универмаг первое место в области занял! И хор продавщиц в Москву выезжал!

Здешняя Ванда была совсем другой. Может, согрешила? Человек слаб…

— Чего вам надо, Корнелий Иванович? — спросила Ванда.

— Я там на витрине лососину видел, — сказал Удалов. — Ты мне не свешаешь граммов триста?

— Что? — тихо переспросила Ванда. Так, словно Удалов сказал неприличное слово, к которому она не была приучена.

— Граммов триста, не больше.

— Может, ты еще осетрины захотел, провока-

тор? — спросила Ванда угрожающе.

— Кончилась, да? — сказал Удалов миролюбиво. — Если кончилась, я понимаю. Мне и с витрины сгодится.

— Слушай, а пошел ты… — И тут Ванда произнесла такую фразу, что не только сама знать ее не могла, но и Удалов лишь подозревал, что люди умеют так выражаться. — Мне терять нечего! Так что можешь принимать меры, жаловаться, уничтожать… Не запугаешь!

— Ванда, Вандочка, но я-то при чем? — лепетал Удалов. — Я шел, вижу — продукты на витрине…

— Какие продукты? Картонные они, из папье-маше, на случай иностранной делегации или областной комиссии…

Тут Ванда зарыдала и убежала в подсобку.

Вокруг было тихо. И вдруг до Удалова дошло, что немногочисленные посетители магазина, стоявшие в очереди в бакалейный отдел за кофейным напитком «Овсяный крепкий», обернулись в его сторону. Смотрели на него и продавцы. И все молчали.

«Ой, неладно, — подумал Удалов. — Пожалуй, хватит гулять по городу». И поспешил домой.

Правда, ушел он недалеко. Дорогу ему преградила длинная колонна школьников. Они шли

по двое, в ногу, впереди учительница, сзади учительница. Школьники несли флажки и маленькие лопатки.

Учительница подняла руку. Дети приоткрыли ротики.

— Безродному Чебурашке! — закричала она.

— Позор, позор, позор! — с радостью закричали дети.

— Тунеядца Карлссона! — закричала вторая учительница, что шла сзади.

— Долой, долой, долой! — вопили дети.

Удалов пошел сзади, размышляя над словами детей.

Дети вышли на площадь. На знакомую площадь, что ограничена с одной стороны торговыми рядами, с другой — Городским Домом. Там должен возвышаться памятник землепроходцам, что уходили с незапамятных времен из Великого Гусляра, дабы открывать Чукотку, Камчатку и Калифорнию. Удалова ждало потрясение. Коллективного портрета землепроходцев, сгрудившихся на носу стилизованной ладьи, не было. Остался только постамент в виде этой самой ладьи. Из нее вырастали громадные бетонные ноги в брюках. Ноги сходились на высоте трехэтажного дома. Дальше монумент еще не был возведен — навер-

ху суетились бетонщики.

Площадь вокруг монумента была перекопана. Бульдозеры разравнивали землю, экскаваторы рыли траншеи, множество людей внедряло саженцы в подготовленные ямы. Школьников, что с песней вошли на площадь, погнали в сторону, где создавались клумбы.

На балконе Гордома сгрудился духовой оркестр и оглашал окрестности веселыми маршевыми звуками.

Удалов стоял, как прикованный, и лихорадочно рассуждал, кто из великих людей проживал в Гусляре или хотя бы бывал здесь проездом? Пушкин? А может, Ломоносов на пути из Холмо-гор? Но зачем ради них свергать землепроходцев?

Тут Удалов узнал бульдозериста. Это был Эдик из его ремстройконторы. Бульдозерист Эдик тоже узнал своего начальника:

— Корнелий Иваныч, что не в спецбуфете?

Он-то, во всяком случае, на Удалова не сердился.

— Расхотелось, — сказал Удалов. — Как дела продвигаются?

— С опережением, — ответил бульдозерист. — Взятые обязательства перевыполним! Сделаем монумент на три метра выше проекта!

— Сделаем, — согласился Удалов. Какой бы еще задать наводящий вопрос?

— Внушительно получилось, правда? — спросил он.

— Вам лучше знать, Корнелий Иванович, — ответил Эдик.

— Крупная личность. Большой ученый.

— Это вам виднее.

Значит, не ученый. Либо писатель, либо политический деятель.

— А когда он умер, не помнишь? — спросил Удалов, показывая на памятник.

Взгляд бульдозериста был дикий. Видно, Удалов сморозил глупость. И дата смерти человека, нижняя половина которого уже стояла на площади, известна каждому ребенку.

— Нет, ты не думай, — поспешил Удалов исправить положение. — Я знаю, конечно, когда он умер. Просто тебя проверить хотел.

— Проверить? — сказал без улыбки Эдик. — Если бы не очередь на квартиру, я бы иначе с тобой поговорил.

— Все! — закричал Удалов. — Ухожу. Я пошутил.

Удалов обогнул пьедестал и увидел, что там лежат отдельно громадная бетонная рука с зажа-

тым в ней портфелем, другая рука с раскрытыми пальцами, куски бюста, но главное, под большим брезентом — голова. Шар в рост человека.

Ноги сами понесли Удалова посмотреть на голову. Он приподнял край тяжелого брезента, но увидел только ухо. И в этот момент сзади раздался пронзительный свист — к нему бежал милиционер.

Удалов понял: дело плохо. И кинулся бежать с площади.

Но далеко не убежал. С другой стороны уже ехала скорая помощь. Она затормозила у раскопанной траншеи, оттуда выскочили санитары с носилками и также кинулись к Удалову. Удалов как заяц метался по полю, но кольцо преследователей все сужалось. Его бы поймали, по воздух внезапно потемнел, на город наползла черная туча.

— Красная игрушка! — раздались крики в толпе. — Красная игрушка!

И люди побежали прочь, ища укрытия, подхватывая по пути детишек.

Удалов остался один посреди площади.

Гроза идет, понял он и, благодаря природу за своевременное вмешательство, поспешил к торговым рядам, чтобы укрыться там. Но далеко

отойти не успел. С неба сорвались первые капли влаги. Они были черными, едкими, они жгли лицо и проникали сквозь одежду. К тому времени, когда Удалов добежал до какого-то пустого подъезда, все тело горело от ожогов, а одежда начала расползаться.

«Черт знает что», — рассердился Удалов. Знал бы, никогда не согласился на такое путешествие. Вечно этот Минц со своими открытиями! Но внутренний голос поправил Удалова: Корнелий, сказал он, тебя никто не заставлял бегать по площадям и задавать вопросы. Прошел бы прямо на Пушкинскую, уже, наверное, возвратился бы домой с формулами в руках. Сам виноват.

Удалов согласился с внутренним голосом.

Кислотный дождь прекратился, но туча еще висела над городом и улицы были пустынными. Удалов побежал домой.

Тротуары были скользкими и черными от зловонной жижи, плащ пришлось скинуть, костюм держался еле-еле, у правого ботинка отклеилась подошва. В таком плачевном виде Удалов влетел в ворота своего дома и сразу нырнул в подъезд.

Вот и родная лестница, вот и привычная дверь.

Удалов нажал на кнопку и услышал знакомый

звон, прозвучавший в квартире. Дверь открылась далеко не сразу.

В дверях стояла чем-то знакомая молодая блондинка. Приятной внешности, в цветастом халате, натянувшемся на высокой груди.

— Корнелий! — воскликнула молодая женщина. — Как же ты не уберегся!

— Я… понимаете… понимаешь… — Тут Удалов совсем смешался, потому что ожидал встретить совсем другую женщину. Кто она? Почему она здесь? Где Ксюша?

— Тебе лучше не заходить, — сказала молодая женщина, загораживая проход. — Сначала погуляй, обсохни.

— Я с тобой не согласен, — возразил Удалов. У него зуб на зуб не попадал.

— Ладно, только в комнаты не заходи.

Женщина отступила, не скрывая отвращения от запаха и вида Удалова.

— Все здесь сбрасывай, и сразу в ванную!

Перед Удаловым стояла трудная проблема. Ему предлагали раздеться догола, полагая, что он не тот Удалов. Ладно бы предлагала Ксюша — перед Ксюшей, даже чужой, можно было не стесняться. Но с этой… как при ней разденешься?

— Ты что? — спросила молодая женщина. —

Оробел что ли, мой орел общипанный?

— Знаешь, — сказал Удалов, — я лучше так в ванную пройду. Там и разденусь.

— Чтобы всю ванную провонял? У меня там импортные шампуни.

Удалов, возя ногой по ноге, стянул с себя распадающиеся ботинки; с ними сошли и носки. Потом все же двинулся к ванной.

— Стой! — Молодая женщина загородила руками проход. — Убью!

Халат ее распахнулся, обнаружив кружевное нижнее белье, и это совсем не смутило красотку.

И тогда Удалов, понимая, что выхода нет, начал стаскивать с себя остатки костюма, делая это очень медленно, оттягивая время, в надежде, что другой Удалов придет и освободит его от позорного действия, опасаясь, однако, что другой Удалов может его неправильно понять.

— Ты чего домой пришел? — спросила тем временем красотка.

— Я… я обедать пришел, — вспомнил Удалов.

— Домой? Ты же к спецбуфету прикреплен. Откуда у меня для тебя обед?

Костюм упал на пол, Удалов остался в трусах и майке — хорошо, что они не расползлись от кислотного дождя. Но были ветхими, ненадежными.

Приходилось поддерживать трусы руками.

От страха и полной растерянности Удалов стал агрессивным. Что за отношение к нему в собственном доме! Куда-то дели родную жену и еще приказывают!

— Дай мне халат какой-нибудь, — сказал Удалов.

— Вымоешься, получишь халат.

«А вдруг это моя новая жена? — подумал Удалов. Все в этом мире так же, как в нашем, только жена у меня не Ксения, а молодая и красивая». И как только он об этом подумал, то поглядел на женщину совсем другими, можно сказать, хозяйскими глазами. Но что-то его смущало и было неловко перед Ксенией.

— Дай халат, — повторил он и сделал шаг вперед. Женщина отступила, но не от страха перед Удаловым, а опасаясь о него испачкаться.

Прихожая в доме Удаловых невелика, так что Корнелий быстро достиг входа в комнату и повторил в третий-раз, громче и смелее:

— Дай халат!

И тут произошло совсем уж странное событие — его халат возник в приоткрытой двери. Он двигался по воздуху, потому что его держала обнаженная мужская рука.

Удалов принял из мужской руки халат и увидел в щели главного архитектора города Оболенского, можно сказать, в одних кальсонах.

— Это что? — спросил Удалов, полностью переключаясь на роль своего двойника.

— А что? — спросила молодая женщина, стараясь закрыть спиной дверь.

«Может, не жена? — подумал Удалов. — Я тут бушую, а она, может, вовсе жена архитектора Оболенского?»

— Что Оболенский там делает? — спросил Удалов.

— Оболенский? — удивилась молодая женщина. — Какой такой Оболенский?

— Архитектор! — воскликнул Удалов и, отодвинув женщину, распахнул дверь в комнату.

В окне мелькнула темная тень, послышался треск ветвей и глухой удар о землю.

Удалов кинулся к окну.

Оболенский с трудом поднялся с земли и, прихрамывая, заковылял к воротам. Под мышкой он нес недостающую одежду.

— Эй! — крикнул ему Удалов. — Стой! Поговорить надо.

Но архитектор Оболенский даже не обернулся.

Тогда Удалов обернулся к молодой женщине.

— Попрошу объяснений, — сказал он.

— Объяснения? — Женщина была возмущена. — Кто ты такой, чтобы давать тебе объяснения?

— А вот такой! — ответил Удалов, потому что не знал, кто он такой.

— Подумаешь, человек в гости пришел, чаю попить.

— В халате пришел чаю попить? — закричал Удалов.

— А у него горячей воды нет, — ответила женщина, отступая перед яростью Удалова. — Воды нет, вот он и пришел ванну принять. И в конце концов — какое твое дело?

Удалов понял, что открылась возможность вцяснить, кем ему приходится эта женщина.

— Такое дело! Ты мне жена или не жена?

— Ну, жена, — ответила женщина. — Ну и что?

— А то, что таких жен душат на месте.

— А ты придуши, придуши, Огелла! Посмотрим, какой ты завтра будешь!

— Плевать, какой я буду завтра! — зарычал Удалов и, подняв растопыренные руки, пошел на молодую жену.

Молодая жена отступала в комнату, нагло ухмыляясь и покачивая бедрами. И по этим бедрам

Удалов узнал непутевую Римку, что заигрывала с ним на улице. Может показаться невероятным, что Удалов не сразу узнал ее, но встаньте на его место — придите домой, найдите там малознакомую соседку, облаченную в халат вашей жены, — еще посмотрим, сразу ли вы ее узнаете.

Тут Римма завопила, словно он уже начал ее душить, и бешеными глазами уставилась за спину Удалова. А от двери послышался удивленный голос:

— Что такое?

Рот Риммы раскрылся, глаза закатились, и она медленно спустилась на пол.

Удалов тоже оглянулся и увидел, что в дверях стоит он сам, только в плаще, костюме и кепке, надвинутой на уши.

— Ты кто такой? — грозно спросил пришедший Удалов.

— Стой, стой, стой! — закричал первый Удалов. — Все в порядке! Все путем. Навожу порядок в нашей семье.

И тут пришедший Удалов узнал первого Удалова.

Но, конечно, не поверил собственным глазам, потому что зажмурился и долго не разожму-ривался.

А молодая жена лежала на ковре у его ног и почти не дышала.

— Слушай меня внимательно! — быстро сказал первый Удалов своему двойнику. Говорил он напористо, чтобы не дать двойнику опомниться. — Я — это ты, тут никакой мистики, одна наука. Все объясню потом. Возьми себя в руки, Корнелий.

— А она? — спросил, не разожмуриваясь, двойник.

— Римма пускай полежит в обмороке, — сказал Удалов. — Ничего не случится. Есть дела более важные.

— Вот это ты брось! — двойник открыл глаза. Характер у него был удаловский, упрямый.

Он резким движением сбросил плащ, присел на корточки возле молодой женщины и взял ее пальцами за кисть руки.

— Ну, что я тебе говорил? — спросил Удалов. — Нормальный пульс?

— Пульс слабый, — ответил двойник.

Он поднатужился, поднял крепкое молодое тело и дотащил его до дивана. Молодая жена не проявляла признаков жизни.

Сделав это, двойник обратился к Удалову.

— Ты чего здесь в одних трусах делаешь?

В голосе его прозвучала ревность.

— Не по адресу обращаешься, — ответил Удалов. — Ты не меня подозревай, а того, кто через окно сбежал.

Двойник бросился к окну.

— Нет его там, — сказал Удалов.

— А кто был?

— Архитектор Оболенский.

— Так я и знал! — сказал двойник. — Козел старый!

— А ты как думал? — вскинулся Удалов. — Если старую жену на молодую меняешь, то учитывай риск. Сам небось не Аполлон.

— Да помолчи ты! — огрызнулся двойник и задумался.

— Слушай, — сказал Удалов, — можно я помоюсь?

— У тебя что, дома своего нет? — спросил двойник.

— Есть, но далеко, в трусах не добежать, — сказал Удалов. — А мне с тобой поговорить нужно. Побудешь со мной, пока я буду мыться.

Удалов решительно пошел в ванную, включил газовую горелку, разделся. Двойника он не стеснялся. Двойник с удивлением смотрел на большую родинку под правым плечом. Понятно

почему — наверняка у него такая же.

— Дверь закрой на крючок, — сказал Удалов. — Чтобы Римма случайно не заглянула.

— Объясни, прошу, что это значит? — взмолился двойник.

— Все в свое время, — ответил Удалов, садясь на край ванны и указывая двойнику на табуретку. Теперь они могли говорить, сблизив головы. Головы отражались в зеркале. «Ох, и молодец Минц, — думал Удалов. — Вот гений человечества!» — «Что творится, — думал второй Удалов. — Неужели я сплю? Или это вражеская провокация?»

— Где Ксения? — спросил Удалов.

— Развод, — ответил двойник.

— А я в нашем мире с ней живу. И разводиться не собираюсь.

— Долг выше привычки, — сказал двойник.

— Ты меня удивил. А где Максимка?

— С ней, — ответил кратко двойник. Говорить ему об этом не хотелось. «Ладно, — решил Удалов, — мы еще к этому вернемся».

— А новая, Римма? — спросил он. — Как она тебя подцепила?

— Она секретаршей была. У Самого. Он мне ее рекомендовал.

— Кто, Белосельский?

— Какой Белосельский?

— Ты что, Колю Белосельского не знаешь? Мы же с ним в одном классе учились. Он у нас Предгор!

— Не знаю, — сказал двойник, косясь на дверь. — Тебе уходить пора.

— Что-то у вас здесь неладно, — сказал Удалов. — Я, когда сюда приехал, думал, что все как у нас. А вижу, что у вас не параллельный мир, а в некотором смысле… перпендикулярный.

— Какой еще мир? Что ты городишь?

— Ты о параллельных мирах слыхал? Известная теория. Наш профессор Минц ее разработал и отправил меня к вам, чтобы одно дельце решить… Ты что отворачиваешься?

— Не знаю никакого профессора Минца, — ответил его двойник.

— Вот это ты брось, — сказал Удалов. — Этот номер у тебя не пройдет. Сейчас пойду к Минцу, он мне все объяснит.

— Не ходи.

— Почему?

— Нет там Минца.

— А где же он?

— Где положено.

— Мне трудно поверить глазам, — сказал Удалов. — Ты — это я. И в то же время ты — это не я. Как это могло произойти? И мама с папой у нас одинаковые, и в школы мы ходили одинаково. И характер должен быть одинаковый.

— Я не хочу тебя слушать, — отрезал двойник. — Надо еще разобраться, на чью мельницу ты льешь воду.

— Ну — вощe! — возмутился Удалов. — Сейчас же говори, что произошло в Гусляре? Что за катаклизмы такие?

— Открой! — раздался голос за дверью. — Открой, мне надо!

Голос принадлежал Римме-секретарше.

— Подожди, кисочка! — испугался двойник. — Я к тебе выйду.

— Открой, тебе говорят! — прикдзала Римма.

— Что будет, что будет? — Двойник стал крутить головой, искал, куда бы спрятать Удалова. Над их головами было небольшое окошко — оно вело на черную лестницу.

— Лезь туда! — шепотом приказал двойник.

— Не полезу!

Тут дверь распахнулась — не выдержал крючок, и Римма увидела, как ее муж отпихивает себя же, только совершенно голого. Римма заво-

пила как зарезанная и выпала из ванной — снова в обморок.

Со двора послышался резкий звук сирены.

— Меня, — сказал двойник, глядя на распростертое тело жены. — Вызывают. Уже актив начинается, а я здесь…

В его голосе была полная безнадежность.

— А ты скажи, что не можешь, — посоветовал Удалов. — Мол, жена заболела.

— Да ты что? — удивился двойник. — Меня же вызывают!

— Тогда я скажу, — заявил Удалов.

Двойник повис на нем как мать, что не пускает сына к бандитам. Удалов сбросил его с себя и высунул голову в окно. Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нем капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

— Удалов! — закричал Пилипенко. — Личное приказание — тебя на ковер. Садись в коляску!

— Я не могу, я из ванны.

— Мне плевать, — ответил Пилипенко. — Если сам не спустишься, под конвоем поведу.

И тут за спиной Удалова раздался крик:

— Иду, спешу! Сейчас!

И послышался топот.

Удалов понял, что в таком состоянии его двой-

ник — не боец. Он догнал его у дверей ванны, где двойник замер над распростертым телом Риммы.

— Послушай, — сказал Удалов. — Нельзя тебе в таком состоянии на актив. Отговорись чем-нибудь.

— Ты ничего не понимаешь! Речь идет о жизни и смерти.

Римма шевельнулась, попыталась открыть глаза.

— Сейчас она в себя придет, — сказал Удалов.

— И побежит к нему! Она меня погубит!

— Не рыдай, — сказал Удалов. — Есть выход. Оставайся здесь, а я с Пилипенкой поеду на этот самый актив.

— Тебя узнают!

— Кто меня узнает? Я же — ты.

— Как только ты начнешь говорить, они догадаются.

За окном снова взревела сирена.

— Я буду молчать. Не впервой отмалчиваться на совещаниях. Я привычный. У тебя специфических грехов нету?

— У меня вообще грехов нету.

Римма опять пошевелилась, и двойник вздрогнул.

— Улаживай свои семейные дела и бегом на центральную площадь. Спрячься за памятником. В перерыве я к тебе выбегу и ты меня заменишь. Ясно?

Двойник кивнул и лихорадочно прошептал:

— Только молчи! Кивай и молчи. Не то мне конец.

Удалов кинулся в комнату и распахнул шкаф. Слава богу, шкаф на месте и вещи лежат как положено. Вытащил выходной костюм, тот, что Ксюша в Вологде покупала, начал было натягивать на голое тело, сообразил, достал белье и с бельем в руке, как с белым флагом, выскочил к окну, помахал Пилипенко:

— Айн минут! — крикнул ему.

Сжимая галстук в кулаке, выбежал в коридор. Его двойник сидел на корточках перед молодой женой — ничего не соображал.

Удалов повторил:

— За памятником! Черные очки надень, помнишь, где лежат?

И выбежал на лестницу. Метнулся к минцевской квартире, хотел предупредить Минца, что скоро придет, и остановился в изумлении. На замочной скважине веревочка с пластилиновой пломбой — опечатана квартира. Значит, умер

старик. Да какой он старик? Шестидесяти нет. Эх, зря связался с двойником, надо бы поскорее узнать, что произошло с профессором, — ведь такая же опасность может грозить ему в нашем мире. Не думаем мы о здоровье, а потом поздно.

С этой мыслью, под вой сирены Пилипенко, Удалов выбежал во двор, с ходу вскочил в коляску. До Гордома долетели в пять минут, Пилипенко затормозил так, что Удалов вылетел из коляски головой вперед, и его подхватил какой-то незнакомый молодой человек.

— Корнелий Иванович! — сказал он укоризненно, помогая Удалову подняться. — Ждут вас, серчают.

И буквально поволок Удалова наверх по знакомой лестнице, к кабинету Предгора. Удалов старался на ходу завязать галстук.

В приемной было тесновато — три стола, за ними три секретарши. Все молодые, яркие, наглые, перманентные, все похожи на Римму. А у двери, обитой натуральной кожей, два молодых спортсмена в серых костюмах, как стража у врат богдыхана, но с красными повязками дружинников на рукавах.

Молодой человек подтолкнул Удалова, один из спортсменов прижал его к себе, второй провел

ручищами по бокам.

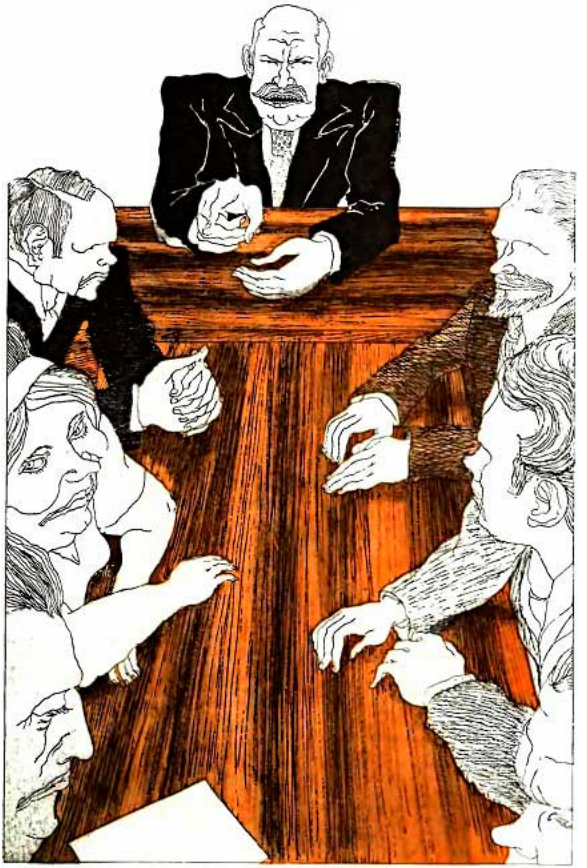
— Ты чего? — удивился Удалов.

Спортсмен не ответил, молодой человек открыл дверь кабинета, и Удалова втолкнул внутрь.

В кабинете сразу наступила тишина.

Знакомо, буквой «т», стояли полированные столы.

За главным столом, на месте Белосельского, сидел Пупыкин.



Пупыкин здешний от нашего Пупыкина от-

личался разительно. И не только потому, что отрастил усы и еще более облысел, и не только потому, что одет был в черный костюм с красным галстуком — но взгляд — какой же у него взгляд! Разве такой человек смог бы участвовать в утренних забегах и пресмыкаться перед Удаловым? Взгляд у Пупыкина был тигриный, тяжелый, из-под сведенных бровей.

Другой Пупыкин, с доброй лукавой усмешкой, глядел на Удалова с большой картины, что висела на стене, за живым Пупыкиным. На картине он принимал букет роз от девчушки, в которой Удалов сразу угадал младшую дочку Пупыкина. На заднем плане толпились рукоплещущие зрители, среди них и сам Удалов.

И тяжелым взглядом Пупыкин уперся в Удалова.

И все люди, что сидели за ножкой буквы «т», тоже уперлись в Удалова тяжелыми взглядами.

Вот смотрит на него главстрой Слабенко. Ох, и суров этот взгляд! Вот уставился, наглец какой, архитектор Оболенский. Забыл уже, как из окна прыгал? А это взгляд редактора Малюжкина. Тоже не без тяжести. Неужели и Малюжкин, радетель за гласность, так переменился? А старик Ложкин…

Удалов не успел рассмотреть остальных, как Пупыкин открыл рот, медленно открыл, с оттяжкой, показал мелкие зубы и рявкнул:

— Садись, с тобой потом разберемся!

И тут же все отвернулись от Удалова. Будто его и не было.

Удалов нашел место с краю стола, сел, а Малюжкин, что был рядом, отодвинулся, скрипнув стулом.

— Продолжай, Мимеонов, — сказал Пупыкин.

Мимеонов, уже год как снятый у нас с должности директора фабрики пластмассовых игрушек, потому что был ретроградом, принялся перебирать бумажки, которые он держал в руках.

— А ты нам не по бумажке, — сказал Пупыкин. — По бумажке каждый наврет. Бумажки ты для ревизии оставь, а с нами, со своими товарищами, говори открытым текстом. Опозорился?

— Опозорился, — подтвердил Мимеонов, — но имею объективные причины. — Он все же развернул бумажку и быстро начал читать — За прошедший год вверенная мне фабрика перевыполнила план на два и три десятых процента, выпустив для нужд населения изделий номер один — шестьсот двадцать пять, изделий номер два-бис — двести тридцать четыре, в том числе…

— Стой! — остановил его Пупыкин. — Ты лучше расскажи, почему ты наш родной город чуть не погубил.

— А я неоднократно сообщал вам, Василий Парфеныч, — сгнили фильтры. Надо производство останавливать.

— Какие будут предложения? — спросил Пупыкин.

— Я думаю, что сделаем фельетон, — предложил Малюжкин. — О некоторых хозяйственниках. Не пощадим.

— А вдруг в области прочтут? — спросил Оболенский, нагло улыбаясь. — И комиссию к нам, а?

— Пускай прочтут. Нам гласность не страшна, — ответил Пупыкин твердо. — Пускай весь мир читает.

— И там тоже? — выкрикнул старик Ложкин. — Империалисты тоже?

— Это ты, Ложкин, брось! — рассердился Пупыкин. — Тебя здесь как ветерана держат, а не как провокатора.

— У меня есть предложение, можно? — спросил Савульский. Его Удалов тоже знал, он работал санитарным главврачом. — Мы провели анализы. И выяснили, что выброса с завода детской

игрушки не было.

— Вот это да! — даже Пупыкин удивился. — А что же было?

— А была туча неизвестного происхождения, которая прорвалась в наше родное небо из-за пределов района.

— Можно поправку? — спросила директорша музея. — Мне кажется, что туча могла прийти из-за пределов нашей области.

И тут Удалова черт дернул за язык.

— Я думаю, — сказал он, — что этот дождик вернее всего приплыл к нам из Южно-Африканской Республики, от тамошних расистов.

— А что? — Пупыкин даже привстал в кресле. — А что? Расисты — они плохо к народу относятся... — Но тут до него дошло, что Удалов допускает перебор. Он сел обратно, насупился и сказал:

— Ладно. Ты, Малюжкин, подготовь материал про тучу из Тотемского района. Ты, Удалов, считай, уже допрыгался. А ты, Мимеонов, учти — твой вопрос с повестки дня не снят. Еще один такой выброс — выброшу тебя из города. Сам знаешь куда. Какой следующий вопрос?

— Градостроительство, — сказал Оболенский.

— Вот это мне по душе. Давай сюда картинки.

По знаку Оболенского молодой порученец открыл дверь. Десять юношей и девушек втащили десять стендов и установили их рядом. Удалов с ужасом понял, что позывы и надежды Оболенского достигли в этом мире сказочных масштабов.

— Вот наша главная улица. Наше завтра, — сказал Оболенский.

— Улица имени Василия Пупыкина, — прошелестел чей-то голос.

— Кто сказал? — нахмурился Пупыкин. — Ведь знаете, чего я не терплю. Ты, Ложкин?

Пойманный на месте преступления Ложкин потупился и сказал:

— Вы, Василий Парфенович, не терпите лести и подхалимажа

— И заруби себе это на носу. Народ будет решать, как назвать наш проспект. Народ, а не ты, Ложкин.

На перспективе через город тянулась магистраль шириной в полкилометра. По обе стороны ее возвышались различные, но чем-то схожие здания. Каждое опиралось на множество колонн, над каждым рядом колонн портики с фигурами. На крышах также статуи. Все здания изукрашены финтифлюшками и похожи на юбилейные торты.

«Как же пройдет у них эта магистраль? — старался представить себе Удалов. — И где центральная площадь?» Вот она, а вот и выросший вдесятеро, напоминающий одновременно египетскую пирамиду и китайскую пагоду Гордом, а вот десятиэтажная статуя, уже с головой и с портфелем… Да это ж Пупыкин!

Удалов говорил себе: только не смеяться! Меня это не касается, а засмеюсь — накажут двойника.

— Мы с вами шествуем, — донесся до обалдевшего Удалова голос архитектора Оболенского, — мимо городского театра. Здание его, выдержанное в стиле гуслярского социалистического ампир-барокко, встанет на месте устаревшей развалюхи, которая была построена космополитически настроенными купцами…

«Молчи, Корнелий», — повторял про себя Удалов. Но язык его предал. Язык сам по себе сказал:

— В старом театре лучшая в мире акустика. Сюда симфонические оркестры приезжают.

Оболенский поперхнулся.

— Вы что хотите сказать, Корнелий Иванович, — мягко спросил он, — что наш новый театр хуже старого?

Как все накинулись на Удалова! Он оказался консерватором, отсталым элементом и чьим-то

наймитом. Слово «наймит» так и носилось по воздуху.

И язык Удалова — о враг его! — не выдержал снова:

— Это бред, а не проект!

Оболенский так растерялся, что обернулся за поддержкой к Пупыкину. А Пупыкин молча покручивал ус, выжидал.

— Меньше по чужим женам бегать надо! — крикнул неуправляемый Удалов. — Лучше бы архитектуре учился!

Тут и у Оболенского нервы не выдержали.

— Она меня любит! — взвизгнул он. — А ты ее недостоин!

— Поговорили? — раздался громовой голос.

Удалов обернулся и понял, что Пупыкин говорит в мегафон. Видно, берег для особых случаев.

— Поговорили, и хватя! Всем сидеть!

Все сели.

— И ты, Оболенский, сядь. С тобой все ясно, старый козел. Заключительное слово по данному вопросу имеет товарищ Слабенко. После этого перерыв. После перерыва слушаем персональное дело бывшего директора стройконторы, бывшего члена президиума, бывшего, не побоюсь этого слова, моего друга Корнелия Удалова.

И так всем стало страшно, что даже твердокаменный Слабенко не сразу смог начать свою речь и пил воду из графина.

— Снос, — сказал Слабенко, — начинаем с понедельника. Мобилизуем общественность. Она уже подготовлена, радуется.

— Это хорошо, — сказал Пупыкин. — Пресса, от тебя зависит многое. Если что не так — ответишь головой!

— Голоса народа уже подготовлены, — сказал Малюжкин. — Пожелания трудящихся, все как надо. Народ жаждет преобразований.

— За полгода управимся, — сказал Слабенко.

— За полгода?

— Быстрее не выйдет, техники маловато.

— Взорвать! — сказал Пупыкин. — Чтоб за две недели центр снесли. И сносить это барахло будем методом народной стройки. Главное — энтузиазм, ясно, Малюжкин?

— Надо трудящимся перспективу дать, — сказал Малюжкин. — Надо сообщить, что всем нуждающимся на проспекте вашего имени будут отдельные квартиры.

— Этого делать нельзя, — вдруг возразил Ложкин. — Народ нас не поймет. У нас же на проспекте только общественные здания.

— Как так? — вскинулся Оболенский. — А жилой дом для отцов города?

— Но это же один дом… для отцов.

— У нас в Гусляре, — отчеканил Пупыкин, — нет проблемы отцов и детей. Эта проблема надуманная. Если мы строим для отцов города, значит, строим и для детей. У меня самого двое.

Тут людей прорвало, начали аплодировать. Потом отцы города рапортовали, кто какую лепту внесет в общее дело. Оказалось, что изделие номер один — это статуя Пупыкина для украшения крыш на проспекте, а изделие номер два — Пупыкин в детстве. Такие статуи народ требовал для детских садов. Делали те статуи из пластика под мрамор, вот и работала фабрика с таким напряжением, что допускала выбросы в атмосферу.

Потом по вопросу о главной статуе снова выступил Слабенко.

— Саботаж, — произнес он твердо, — до которого докатился так называемый профессор Минц, поставил нас в тяжелое положение.

— Тяжелое, но не безвыходное, — сказал Пупыкин.

— Безвыходных положений, конечно, не бывает, — согласился Слабенко. — Но как нам, простите, вашу голову поднять на такую высоту,

куда ни один кран не достанет — мы еще не решили. Без этого, гравитатора, не уложимся.

— Мы эти речи слышали, — поморщился Пупыкин. — Я бы назвал их капитулянтскими. Тысячи лет различные народы строили великие сооружения и без башенных кранов, а тем более без профессора Минца.

— Еще надо выяснить, на какую разведку он работает, — крикнула с места директорша музея.

— Ясно на какую, — сказал Ложкин. — На сионистскую.

Что же это происходит? — испугался Удалов. Ложкин — милый сварливый старик, он же Минца как брата уважает. И тут же поправил себя — это в нашем мире уважает. А тут перпендикулярный.

— С Минцем ведется разъяснительная работа, — сказал Пупыкин. — Мы не теряем надежд. А теперь перерыв, в буфете крышу починили, икру привезли. Ты, Удалов, задержись.

Удалов задержался. Спешащие в буфет обходили его по стенке.

— Что-то ты сегодня не трепещешь? — поинтересовался Пупыкин. — По глазам вижу, что не трепещешь.

«Проницательный, черт, — подумал Удалов. —

И в самом деле не трепещу. Но по какой причине — ему не догадаться. А жил бы я здесь, наверное бы, трепетал».

— Для меня твое провокационное выступление на активе не неожиданность, — сказал Пупыкин, задумчиво покручивая усы. — С утра мне сигналы на тебя поступают. Но я тебе не враг, мы с тобой славно вместе поработали. Может быть, обойдемся без персонального дела, как ты думаешь?

Удалову стало жалко своего двойника, и он ответил:

— Лучше без персонального.

— Ну и молодец, Корнюша, — сказал Пупыкин. — Ты садись, в ногах правды нет.

А эти-то, как барбосы, ну прямо как барбосы. Слово скажи, они уже растерзать готовы. Я понимаю, у тебя душевный стресс. Правда, что Оболенского с Римкой поймал?

— Поймал, — признался Удалов. — Он в окно выскочил.

— То-то хромает, бес в ребро! Я-то когда тебе Римку передавал, можно сказать, с собственного плеча, думал, что достигнешь ты простого человеческого счастья. А сейчас вижу — ошибся я. Я свои ошибки всегда признаю. Знаешь что, ради дружбы я тебе Верку уступлю. Огонь баба. Или

Светку? Она справа сидит, новая, у нее в роду цыгане были, честное слово! А Римку мы Оболенскому всучим.

И Пупыкин зашелся в смехе, совсем под стол ушел, такой махонький стал, одним ногтем придавить можно.

— Мне и с Ксюшей неплохо было, — сказал Удалов.

— Это ты брось! Нам такие Ксюши не нужны. Пускай знает свое место. Нет, дорогой, мы с тобой еще молодые, мы еще дров наломаем. А об этой интриганке забудь!

«Ага, — подумал Удалов, — значит, Ксения чем-то Пупыкину не угодила. Может, двойник ее все еще любит? Хорошо бы любил…»

— Чего задумался? Не согласен? Ой, непрост ты, Удалов, ой непрост! Ты чего сегодня утром на шоссе картошку собирал? Или тебе из распределителя мало картошки?

— А вы как думаете? — нашелся Удалов.

— Есть у меня подозрение, — сказал Пупыкин. — Но такое тяжелое, такое, можно сказать, страшное, что не смею сказать.

— А вы скажите.

— А я скажу. Я скажу, что, может быть, ты врагам нашего народа картошку носил?

— Каким таким врагам?

— Таишься, Удалов, значит, врешь! По глазам вижу, что врешь! Кому носил? Все равно дознаюсь!

— Нет, просто так, — решил спасти своего двойника Удалов. — Увидел, что рассыпанная, вот и собрал.

— Это чтобы в моем городе кто-то картошку рассыпал? Опять врешь. И что делал в такое время на шоссе — тоже забыл?

— Гулял, — сказал Удалов.

— А о чем с Савичем на рынке разговаривал? — Пупыкин вскочил и побежал по комнате. Удалов увидел, какие у него высокие каблуки. — Зачем в магазине изображал черт знает что? Зачем картонную лососину просил? В оппозицию играешь? А на площади, у моего монумента зачем крутился? Зачем народ агитировал, что я уже умер?

— Так, случайно вышло…

— Случайность — это осознанная необходимость, — сказал Пупыкин. — Учить теорию надо. Ну что, будешь каяться или разгромим в пример другим маловерам?

— Как знаете, — сказал Удалов и посмотрел на часы. Надо еще настоящего Удалова предупредить, что его ждет.

— Тогда — идейный и организационный разгром, — подвел итог беседе Пупыкин.

— Ну, вы прямо диктатор, — сказал Удалов.

— Не лично я диктатор, — ответил Пупыкин, — но осуществляю диктатуру масс. Массы мне доверяют, и я осуществляю.

— Ох, раскусят тебя массы, — сказал Удалов и поднялся. От этого движения Пупыкин вздрогнул и протянул руку к кнопке.

— Не нервничай, — сказал Удалов. — Пойду перекушу в буфет.

— А вот в буфет тебе вход закрыт, — осклабился Пупыкин. — На таких, как ты, тратить икру нежелательно.

— Значит, заранее знал, чем разговор кончится?

— А моя работа такая — знать заранее. Подожди в приемной, далеко не отходи.

Удалов вышел из кабинета. Спортсмены с повязками дружинников его пропустили. Удалов поглядел на секретарш. Вот черненькая — могла бы стать его женой, а вот и беленькая — тоже мог получить. Где же ты, Ксюша, где же ты, родная моя? И Удалов затосковал по Ксюше за двоих — за себя и за своего двойника.

На улице моросил дождик, но работы вокруг монумента не прекращались. Детишки вскапывали клумбы, воспитательницы сажали рассаду, монтажники крепили к боку статуи руку с портфелем.

Удалов, отворачиваясь от людей, быстро прошел к памятнику. За массивным постаментом таился невысокий полный мужчина в плаще с поднятым воротником, в шляпе, натянутой на уши, и в черных очках. Удалов подошел к двойнику.

— Ждешь? — сказал он.

— Тише! Тут люди рядом. Ты куда пропал?

— Пупыкин меня допрашивал.

— Ой, тогда я пошел! Бухнусь в ноги…

— А переодеться не хочешь?

— Зачем?

— А затем, что Удалов не может выйти на перерыв из кабинета в одном костюме и вернуться в другом.

— Тогда бежим — вон там подсобка пустая.

Они побежали, а по пути Удалов сказал двойнику:

— Ты хорошенько подумай, прежде чем туда возвращаться. Как только они икру съедят…

— Сегодня икру в буфете дают? — с тоской спросил двойник. С такой искренней тоской, что Удалов даже остановился.

В подсобке двойник сразу начал раздеваться. Удалов последовал его примеру.

— Вот я думаю, — сказал он. — Если ты смог так превратиться в такое… значит, и во мне это сидит?

— Что сидит? — не понял двойник. — Я не ворую, морально устойчив…

— И воруешь, и морально неустойчив, — отрезал Удалов. — Только сам уже не замечаешь. Если тебе икру дают, а другим не положено, значит, ты ее воруешь.

— Чушь! Мы, руководящие работники, должны поддерживать свои умственные способности. У нас же особенная работа!

— А в детском саду икру дают?

— Не знаю. Там молоко дают.

— Ну и погряз ты, Корнелий. Не ожидал от тебя.

— А чем ты лучше? Не прижали тебя, вот и гордый. А попал бы на мое место, куда бы делся? Некоторые сопротивлялись. Что это им дало? Что это дало народу? Где Клава? Где Минц? Где Ванда?

— Где? — спросил Удалов, протягивая двойнику брюки.

— В разных местах. Наш народ еще не дорос до демократии. Нам твердая рука нужна.

— Именно что твердая. Сейчас будут слушать твое персональное дело.

Двойник сжался, как от удара в живот.

— Меня утром на шоссе видели, я картошку собирал. Решили, что это ты.

— А зачем ты картошку собирал?

— Зиночке Сочкиной помочь хотел. Она ее в город несла.

— Это преступление! Картошка по талонам, она ее с поля украла!

— А потом в магазине я хотел купить лососины. И эту глупость тебе припишут. Потом я на площади интересовался, кому этот памятник…

— Я тебя убью! Ты меня погубить вздумал?

— Откуда мне знать ваши порядки? Но главное, что я на вашем активе сообщил Оболенскому про его моральный уровень. Ну как, пойдешь на свою казнь или смоемся, пока не поздно?

— Я все объясню. Василий Парфенович меня простит.

— Ты от всего отпирайся, — посоветовал Удалов. — Я не я, корова не моя. А где мне Минца

отыскать?

Но двойник его уже не слышал. Он бежал через площадь к входу в Гордом, навстречу своей горькой судьбе.

Тогда Удалов, избегая людных мест, поспешил к своему дому. Он знал, кого ему искать. Старый друг и сосед, изобретатель Грубин не мог измениться.

Но и Грубин изменился.

Удалов заглянул к нему со двора. Комната была захламлена, в ней почему-то было много частей человеческого тела, изготовленных из белой пластмассы. Грубин сидел на продавленной кровати, держал голову в руках, будто хотел отвинтить.

Удалов тихонько вошел в дом, поглядел наверх — не смотрит ли кто со второго этажа? — и толкнул дверь к Грубину. К счастью, ода была не заперта.

— Привет, Саша, — сказал Удалов. — Ты чем-то расстроен?

— А ты не знаешь? — спросил Грубин, не поднимая головы. — Ты мне скажи, как я мог попасться? Ну ладно, ты человек слабый, угодил в силки, даже биться не стал. Но я-то творческая интеллигенция, всю жизнь гордился своей

независимостью. И вот — стал соучастником преступления!

— Не все сразу, — сказал Удалов. — Давай по порядку.

— Мне с тобой говорить не о чем. Ты номенклатура. Я — продавшаяся интеллигенция.

— А ты все-таки скажи. Допусти, что перед тобой не Удалов, а какой-то другой человек.

— Какой-то другой доносить не побежит.

— И я не побегу, — сказал Удалов. — Честное слово.

— Ты правды захотел? Тогда держись! Скажу тебе, Корнелий, что за последние три года ты сильно изменился. С тех пор, как тебя этот Пупыкин приблизил, ты сам на себя не похож. А с Ксенией что вы сделали?

— А что?

— Только не говори, что ты подчинился силе! Другой бы никогда жену не отдал. А ты выбрал Пупыкина.

Горько было Удалову слушать такие слова о своем двойнике. Но надо слушать. На ошибках учатся.

— А зачем ты Минца топил? Закоснел ты, Удалов, в своей подлости.

— Тогда слушай ты. — Корнелий Иванович

произнес эти слова так значительно, что Грубин в удивлении уставился на него. — Я не Удалов. То есть я Удалов, но другой. А настоящий Удалов сидит сейчас в Гордоме, на активе, и соратники топчут его ногами.

Вот что удивительно! Грубин поверил Удалову мгновенно.

— У тебя глаза другие, — сказал он. — Прежние. Объясни.

И Удалов объяснил. И про изобретение Минца, и про то, как Минц простудился и пришлось Удалову идти в параллельный мир.

По мере того, как он рассказывал, лицо Грубина светлело, морщины разглаживались, даже волосы начали завиваться. Он вскочил и принялся бегать по комнате, опрокидывая предметы.

— Сейчас же! — закричал он. — Беги отсюда! Тебе здесь не место! И возьми меня с собой!

— Спокойно, — сказал Удалов. — Без паники. У меня задача — найти Минца. А как исправлять положение, подумаем вместе. Рассказывай. Коротко, внятно. Начинай!

Грубин подчинился.

— Произошло это три с половиной года назад. Был у нас Предгором Селиванов…

— У нас тоже, — сказал Удалов. — Потом на

пенсию ушел.

— И занял его место Пупыкин, Василий Парфеныч.

— Все пока сходится.

— Времена были тихие, не шатко — не валко… Сначала Пупыкин ничего вроде бы и не делал. Все повторял: как нас учил товарищ Селиванов… А потом начались кадровые перестановки. То один на пенсию, то другой, того с места убрали, этот назначили… И тон у Пупыкина менялся. Уверенный тон становился. Ботинки заказал себе в Вологде на высоких каблуках… Пилипенку приблизил…

— Знаю, у нас он до сих пор сержант. Простой мужик.

— Против Пупыкина боролись. Был у нас такой Белосельский Коля, в одном классе с нами учился.

— Еще бы не знать, — улыбнулся Удалов.

— Так этот Белосельский выступил. Потребовал, чтобы покончить с обманом, а развивать трудовую инициативу и демократию.

Удалов кивнул. Он эту историю отлично помнил.

— Не знаю уж каким образом, но куда-то Пупыкин написал, кому-то позвонил, что-то против Белосельского раскопал. И пришлось Белосель-

скому уехать за правдой в область. Отыскал он ее там или нет — не скажу, только в город он не вернулся.

— Вот как у вас дело повернулось, — вздохнул Удалов.

— А дальше — покатилось. Пупыкин всюду выступал, говорил, какие мы счастливые, как наш город движется вперед семимильными шагами. И чем меньше товаров в магазинах становилось, тем громче выступал Пупыкин. И что грустно — каждый у себя дома боролся за демократию и гласность, а на собраниях голосовали как надо.

— Понятно, — сказал Удалов.

— Через год и ты, прости, Корнелий, сообразил, что лучше быть при начальнике, чем против. Как-то выступил ты против Пупыкина, и вскоре завели на тебя дело за хищение стройматериалов. Ты осознал, дело закрыли, и ты стал рядом с Пупыкиным на трибуне стоять.

— Ас тобой что случилось?

— Ты же знаешь, — ответил Грубин, — я неплохой изобретатель. Я предложил усовершенствовать пластмассу, из которой игрушки на фабрике делали. И формы новые изобрел. А директор фабрики Мимеонов в то время решил Пупыкину угодить — наладить массовое производство его

бюстов. Меня консультантом на фабрику пригласили, премию дали. И когда Мимеонов начал для будущего города Великого Пупыкина изготовлять статуи в натуральную величину, приложил и я руку к этому безобразию. Теперь мучаюсь.

— Значит, другие не мучались и воспевали, а ты мучался, но тоже воспевал? — спросил Удалов.

— Только не надо иронии, — сказал Грубин. — Ты когда к нам приехал?

— Сегодня утром. Видел, до чего ваша деятельность довела. Костюм погубил и вообще всю одежду.

— Больше я на фабрику не выйду! Пусть меня выселяют на сельское шефство, пусть даже на принудотдых…

— Погоди, не части, — сказал Удалов. — Мне ваша система до сих пор не совсем понятна.

— А у вас иначе?

— Некогда объяснять. Скажу только, что твой Пупыкин уже на пенсии, прокуратура им интересуется. Мне главное сейчас — найти Минца. Почему его дверь опечатана?

— Он же на принудотдыхе. За саботаж. Гравитационный подъемник собственными руками сломал, чтобы статую не воздвигать. Принципиальный.

— Значит, есть все-таки принципиальные?

— Немного, но есть, — признался Грубин. — Только за принципы приходится дорого платить. Минц заплатил. И Ксюша твоя… Когда ее на сельхозшефство отправили…

— Говори понятнее!

— У нас сельское население разбежалось, — объяснил Грубин. — По другим областям. А Пупыкин в область рапортует, что у нас постоянный прогресс. Что ни год, сеем на пять дней раньше, выращиваем на три процента больше. Поставки всегда выполняем. Только из-за этого в городе жрать нечего, а в поле работать отправляют всех, кто несогласный или подозрительный. Половину учителей отправили, врачей больше половины, весь речной техникум там пропалывает… А из футболистов и самбистов Пупыкин создал дружины. Их на усиленном питании держат.

— Так что случилось с Ксюшей?

— Как-то товарищ Пупыкин лично домой к тебе, то есть к Удалову приехал, чтобы показать свое к нему расположение. А Ксения вместо обеда ему всю правду выложила. На следующее утро ее скрутили — ив деревню, на сельхозшефство без права возвращения в город.

— А я? То есть, а он?

— Он побежал к Пупыкину, просит — верни жену! А Пупыкин, говорят, погладил его по головке и говорит: не нужна тебе такая старая жена. Она меня не уважает, значит, и нашу великую родину не уважает. Мы тебе сделаем развод, и отдам я тебе любую из моих секретарш. Так и сделал. Развел, на Римке женил.

— Общая картина мне понятна, — сказал Удалов. — Пошли к Минцу. Где он отдыхает?

— Принудотдых, Корнелий, это по-старому тюрьма. Минц в подвалах под гостиным двором, там особо недовольные отдыхают.

— Ты хочешь сказать, что профессор Лев Христофорович Минц, лауреат двадцати премий, профессор тридцати университетов находится в подвалах инквизиции? Срочно едем в область!

— До области ты не доедешь. В область специальное разрешение нужно. Его лично Пилипенко подписывает, только хорошо проверенным оптимистам. Так что в области о нас самое лучшее представление. А если кто-то приезжает, то сначала на витрины смотрят, а потом в буфете обедают.

— Ну что ж, — сказал Удалов, — тогда пошли в подвал.

— Подвалы заперты, там дружинники.

— Саша, я столько лет ремонтами занимаюсь, неужели мне подземные ходы в этом городе неизвестны?

Когда они с Грубиным вышли во двор, Удалов вдруг услышал:

— Корнелий, ты куда? Ты почему домой не идешь?

Голос был женский, жалобный.

Удалов поднял голову. В окне его квартиры стояла молодая жена Римма, неглиже, лицо опухло от слез.

— Я раскаиваюсь! — крикнула она. — Это была минутная слабость. Он старался меня соблазнить, но безуспешно. Вернись, Корнелий. И не верь клевете Грубина. Вернись в мои объятия!

— Не по адресу обращаетесь, гражданка, — ответил Удадов.

А Грубин добавил:

— Чего на тебя клеветать? На тебя клевещи, не клевещи — пробы некуда ставить.

И молодая жена Римма плюнула им вслед.

По бывшей Яблоневой, а ныне Прогрессивной улице, мимо лозунга «Пупыкин сказал — народ сделает!» друзья спустились к реке. Удалов уве-

ренно прошел за сарай, отодвинул гнилую доску, и перед ними обнаружился вход в подземелье. Грубин достал заготовленный дома фонарик.

Ход кончился возле окованной железными полосами двери.

— Здесь, — сказал Удалов. — Теперь полная тишина!

И тут же раздался жуткий скрип, потому что Удалов стал открывать дверь, которую лет сто никто не открывал. Но скрипа никто не услышал: его заглушил отчаянный крик.

Они стояли в подземных складах гостиного двора, превращенных в место для изоляции и принудотдыха Перед ними тянулся низкий сводчатый туннель, кое-где освещенный голыми лампочками. Крик доносился из-за одной из дверей — туда они и поспешили, полагая, что там пытают непокорного профессора. Но они ошиблись.

Сквозь приоткрытую дверь они увидели, что в побеленной камере на стуле сидит Удалов. Перед ним, широко расставив ноги, стоит капитан Пилипенко и читает что-то по бумажке.

— Нет! — кричал Удалов. — Не было заговора! И долларов я в глаза не видал.

Пилипенко подождал, пока Удалов кончит

вопить, и продолжил чтение:

— Получив тридцать серебряных долларов от сионистского агента Минца, я согласился поджечь детский сад номер два и отравить колодец у родильного дома…

— Нет! — закричал Удалов. — Я люблю детей!

— Ну, что, освободим? — спросил шепотом Удалов.

— Не стоит тебя освобождать, — искренне возразил Грубин. — Не стоишь ты этого.

Нельзя сказать, что Удалов был полностью согласен с другом. Трудно наблюдать, когда тебя самого заточили в тюрьму и еще издеваются.

Они прошли на цыпочках мимо камеры и остановились перед следующей, закрытой на засов. Грубин отодвинул засов и открыл дверь. В камере было темно.

— Лев Христофорович, — позвал Грубин. — Вы здесь?

— Ошиблись адресом, — ответил спокойный голос. — Лев Христофорович в соседнем номере. Имею честь с ним перестукиваться.

— А вы кто? — спросил Удалов.

— Учитель рисования Елистратов, — послышалось в ответ.

— Семен Борисович! — воскликнул Удалов. — А

вас за что?

— За то, что я отказался писать картину «Пупыкин обозревает плодородные нивы», — ответил учитель.

— Выходите, пожалуйста, — попросил Грубин.

— Это официальное решение?

— Нет, мы хотим вас освободить.

— Простите, я останусь, — ответил учитель рисования. — Я выйду только после моей полной реабилитации.

— Тогда ждите, — сказал Удалов.

Они перебежали к следующей двери, Грубин открыл ее.

— Лев Христофорович?

— Собственной персоной. Вы почему здесь, Саша?

— Я к вам гостя привел, — сказал Грубин.

Профессор Минц сидел на каменном полу, подстелив под себя пиджак.

— Это я, Корнелий, — сказал Удалов.

— Отказываюсь верить собственным ушам! Разве не вы первый предложили изолировать меня в этом доме подземного отдыха?

— Нет, не я, — честно ответил Удалов. — Тот Удалов, который предложил, сидит через две камеры от вас, Пилипенко ему террористический

заговор шьет. А я — совсем другой Удалов, из параллельного мира. Меня послал сюда наш Лев Христофорович. По делу.

— Стойте! — закричал профессор и бросился в объятия к Удалову. — Значит, мои расчеты верны! Что же просил передать мой двойник?

— Нам нужно прокладывать магистраль через Гусляр, — сказал Удалов, — а у него никак не получается с антигравитацией. Он сам простудился и просил меня сгонять к вам.

— Вы говорите правду? — насторожился Минц!

— А зачем мне врать?

— Это может быть дьявольской выдумкой Пупыкина.

— Удалов правду говорит! — сказал Грубин. — Я верю.

— А я не верю! — сказал Минц. — Если в вашем мире тоже прокладывают магистраль, мой двойник никогда не согласится участвовать в преступлении против города. Он бы, как и я, предпочел бы кончить свои дни в темнице.

— Но в нашем мире, — возразил Удалов, — антигравитация нужна, чтобы подвинуть часовню Филиппа, а не разрушать ценный памятник истории.

Минц все еще колебался. Тогда Грубин сказал:

— Пошли с нами, я вам покажу второго Удалова.

Через минуту они были у камеры, где Пилипенко вел допрос. Минц заглянул в дверь, обернулся к Корнелию и сказал:

— Простите, что я вам не поверил.

Эти слова он произнес слишком громко. Пилипенко услышал шум в коридоре, метнулся к двери и увидел Минца.

— Бежать вздумал? — заревел капитан, расстегивая кобуру.

Минц оторопел. Он не знал, что делать в таких случаях. Но Удалов, который вырос без отца, на улице, знал. Он шагнул вперед и сказал:

— Все, Пилипенко. Доигрался.

У Пилипенко отвисла челюсть. Он посмотрел на Удалова, метнул глазами в открытую дверь и увидел там второго Удалова.

— Аааа, — прошептал Пилипенко.

— Корнелий! — крикнул Г рубин. — Выходи.

А первый Корнелий тем временем отобрал у Пилипенко пистолет, его самого затолкал в камеру и закрыл дверь на засов.

— А теперь бежать! — сказал Грубин, и они побежали к подземному ходу.

Если погоня и была, она их потеряла.

Без приключений они выбрались из-под земли, уселись за сараем, чтобы перевести дух. Удалов смотрел на своего двойника — синяк под глазом, царапина на щеке, и вообще вид потрепанный.

— Били? — спросил Удалов с сочувствием.

— Пилипенко, — сказал двойник. — Я до него доберусь.

— Нет, — сказал профессор Минц. — Судить его будет народ.

— Кто? — вздохнул двойник Удалова. — Прокурор? Судья? Так они все у Пупыкина в кармане.

— Бригаду пришлют, из области, — сказал Грубин. — Или даже из Москвы. Неподкупную.

— Революция! — сказал Удалов-двойник мрачно. — Только революция может смести этот вертеп.

— А как ты ее организуешь?

— Пойду к народу, раскрою ему глаза.

— А до сегодняшнего дня, — спросил Грубин, — у тебя глаза что, закрыты были?

— Нет, я видел, конечно, недостатки… — Удалов смешался.

— И заедал их продуктами из спецбуфета, — закончил фразу Грубин. И горько улыбнулся. И все

улыбнулись, потому что в словах Грубина была жизненная правда.

— Надо потребовать комиссию — сказал Минц.

— Требовали, — ответил Грубин. — Только письма на почте перехватывают, и где потом эти писатели? На трудовом шефстве. К тому же, Пупыкин справится с любой комиссией. У него по этой части опыт.

— Странно мне смотреть на вас, друзья, — сказал Удалов. — Вы все такие же самые, и внешне, и по голосу. Но в то же время не такие. Мог ли я предположить, что Корнелий Удалов станет прислужником у мелкого диктатора?

— Не надо, — сказал двойник. — Это в прошлом. Я все осознал.

— Что же, одного Пупыкина достаточно, чтобы вы из строителей светлого будущего превратились в болото?

— Пупыкин не один, — возразил Минц. — Это целое направление: пупыковщина. Подлая личность не может изменить историю, если не сколотит банду таких же подлецов. Хорошо служишь — все имеешь. И с каждым днем у него становится все больше верных служителей. И пресса у него в руках.

Стало прохладно. Облака потемнели, снова по-

дул ветер. Ситуация была какая-то ненастоящая, словно приснилась. Стоял Удалов в своем родном Гусляре, окруженный не только друзьями, но и самим собой, сейчас бы пойти посидеть в кафе, или в театр махнуть, а вместо этого они таятся за сараем.

— Я в подшефное хозяйство пойду, — сказал вдруг двойник Удалова. — Ксюшу проведаю.

Слова двойника Удалова обрадовали — значит, не чужие они люди. И он принял решение.

— Значит, так, — сказал он, и все его внимательно слушали.

Потому что Удалов приехал из нормального мира.

— В наш мир отправится Лев Христофорович. Он сразу пойдет к нашему Минцу и все ему расскажет. Заодно и формулы сообщит. У Минца голова государственная, что-нибудь придумает. А два Минца тем более. Как решите — сразу обратно.

— А вы, Корнелий Иванович? — спросил Минц.

— А я вместе с моим близнецом отправлюсь на сельскохозяйственные работы. Боюсь, что без меня он у Ксюши прощения не получит.

— Спасибо, — сказал второй Удалов, и скупая

слеза покатилась по его грязной щеке. Удалов достал платок и вытер ему слезу.

— А мне что делать? — спросил Грубин.

— Ты будешь в резерве, — сказал Удалов. — Веди работу в народе.

Все послушались Удалова и вышли из-за сарая. Они поднялись до половины склона, как вдруг Минц остановился.

— То, что вы предложили, Корнелий, — сказал он, — очень разумно. В каком-нибудь фантастическом романе так бы и произошло. Я бы отправился в параллельный мир, получил оттуда совет и помощь, вы с Удаловым подняли бы восстание в подшефном хозяйстве, и был бы счастливый конец. Но мы же не в романе!

— Ты прав, Лев Христофорович, — сказал Грубин. — Мы в реальной жизни. И должны жить так, будто нет никаких параллельных миров. Может, их и в самом деле нет.

— А я откуда? — спросил Удалов.

— А ты нам только снишься, — сказал Грубин.

— Ты прав, Саша, — сказал второй Удалов, — Сами Пупыкина вырастили, сами и ликвидируем. Никто, кроме нас, не наведет порядок в нашем собственном доме.

— Минутку, — сказал Минц и вытащил из кар-

мана записную книжку. Набросал три строчки цифр и сказал Удалову: — Передайте это моему двойнику. И прощайте. Спасибо, что заехали. Вы нам сильно помогли. Действием и примером.

— Спасибо, Корнелий, — сказал Грубин, прощаясь с Удаловым. — Рад был встретиться.

Последним попрощался двойник.

— Надеюсь, что Ксения поймет, — сказал он.

— Все образуется, — успокоил его Удалов. — Она у нас отходчивая.

И они втроем, как три мушкетера, так и не объяснив Удалову, что намерены делать, быстро пошли вверх по улице.

Удалову стало одиноко. Он сложил вчетверо бумажку с формулами, спрятал в ботинок. Если задержат, может, не найдут.

Когда распрямлялся, услышал сверху хлопок. Выстрел?

Он вгляделся. Нет, не выстрел. Это хлопнула калитка. Кто-то вышел на улицу и пошел рядом с теми тремя.

Удалов потоптался на месте еще с минуту и припустил за друзьями, которые уже скрылись из виду. А когда догнал их, увидел, что рядом с ними идет человек десять, не меньше. И калитки все раскрываются…

№ 4, 5, 6

Джон Варли

Нажмите Ввод

Г.Ю.

Имя Джона Варли практически неизвестно нашим любителям научной фантастики — по крайней мере, тем из них, кто читает только по-русски. Повесть, которая предлагается вашему вниманию, признана лучшим фантастическим произведением 1984 г. по оценкам как читателей (премия Хьюго, присуждаемая по данным всемирного опроса), так и писателей (премия Небьюла — ее обладателя определяют голосованием члены Ассоциации американских писателей-фантастов).

— Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите трубку, пока…

Я швырнул трубку с такой силой, что телефонный аппарат упал на пол. Сам я продолжал стоять, весь мокрый, меня трясло от злости. Потом телефон начал издавать такой жужжащий звук, который показывает, что трубка лежит не на рычаге. Зуммер этот раз в двадцать громче любого другого звука, на который способен телефон, я никогда не мог понять, зачем это нужно. Как будто произошло нечто ужасное: «Катастрофа! Трубка не на рычаге!!!»

Автоответчики, на мой взгляд, из числа тех изобретений, что делают жизнь неприятной в мелочах. Скажите честно — вы любите, когда

вам отвечает машина? Но то, что призошло со мной, это уже не просто мелкая неприятность: автоматическая наборная машина только что позвонила мне сама!

Машины эти появились не так давно. Я получал два-три таких звонка в месяц, большей частью от страховых компаний. Они читают вам двухминутную речь и дают номер телефона, по которому можно позвонить, если предложение вас заинтересует. (Как-то раз я туда позвонил, чтобы высказать все, что о них думаю, но опять нарвался на автомат, который произнес: «Ждите ответа» — и включил музыку.)

Я вернулся в ванную, стер капли с пластиковой обложки библиотечной книги и осторожно опустился в воду. Вода, разумеется, уже остыла. Я добавил горячей, и только-только давление у меня пришло в норму, как опять зазвонил телефон.

Пятнадцать звонков я проигнорировал, не двигаясь с места.

Вы пробовали читать, когда звонит телефон?

После шестнадцатого звонка я выбрался из ванны. Вытерся, надел халат, нарочито медленно пошел в гостиную. Долго смотрел на телефон.

После пятидесятого звонка я снял трубку.

— Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите

трубку, пока сообщение не закончится. Вам звонят из дома вашего ближайшего соседа Чарльза Клюга. Звонок будет повторяться через каждые десять минут. Мистер Клюг понимает, что не был хорошим соседом, и заранее приносит извинения за причиненное беспокойство. Он просит вас немедленно пройти к его дому. Ключ лежит у входа под ковриком. Войдите в дом и сделайте то, что необходимо будет сделать. За ваши услуги вы будете вознаграждены. Благодарю вас.

Щелчок. И гудки.

Я никогда не тороплюсь. Десятью минутами позже, когда снова зазвонил телефон, я все еще сидел и обдумывал полученное сообщение. Потом снял трубку и стал слушать.

Текст оказался в точности таким же. Как и прежде, в трубке звучал не голос Клюга, а что-то синтезированное, механическое, начисто лишенное человеческой теплоты.

Я дослушал до конца и положил трубку на место.

Потом подумал, не позвонить ли в полицию. Чарльз Клюг жил по соседству десять лет, и за это время мы разговаривали с ним от силы двена-

дцать раз. Не дольше минуты. Так что я не считал себя чем-то ему обязанным.

Пропади они пропадом, эти звонки. Как раз в тот момент, когда я пришел к такому решению, телефон снова зазвонил. Я взглянул на часы: прошло десять минут. Снял трубку и тут же положил обратно.

Можно, конечно, отключить аппарат, и вряд ли это сильно изменит мою жизнь…

В конце концов я оделся, вышел из дома и направился к участку Клюга. Еще один мой сосед, живший через дорогу, Хал Ланьер, подстригал лужайку перед домом. Он помахал мне рукой, и я ответил тем же. Было около семи вечера. Держалась прекрасная августовская погода. В воздухе стоял запах свежескошенной травы. Мне всегда нравился этот запах, и я подумал, что мою лужайку тоже не мешало бы подстричь.

Похоже, что Клюгу такая мысль никогда в голову не приходила. Его лужайка местами облысела, а кое-где заросла вымахавшей по колено травой.

Я позвонил. К двери никто не подошел, и тогда я постучал. Потом вздохнул, заглянул под коврик, достал ключ и открыл им дверь.

— Клюг? — позвал я, сунув голову внутрь.

Затем неуверенно, как человек, который не

знает, ждут его или нет, прошел через маленький холл. Шторы на окнах, как всегда, задернуты, но телевизионные экраны в комнате, когда-то служившей гостиной, давали достаточно света, чтобы я мог разглядеть Клюга. Он сидел в кресле перед столом, уткнувшись лицом в клавиатуру компьютера, и в голове его, сбоку, зияла огромная дыра.

Хал Ланьер работает с компьютерами в лос-анджелесском управлении полиции, и я первым делом рассказал ему, что увидел в доме Клюга, а он уже вызвал полицию. Мы вместе дожидались, пока прибудут машины, и он все спрашивал, не трогал ли я там чего-нибудь, а я каждый раз отвечал, что не трогал ничего, кроме дверной ручки.

Машина медицинской службы приехала без сирены, и вскоре кругом суетились полицейские. Соседи все были тут — кто у себя во дворе, а кто тихо переговаривался перед домом Клюга. Съемочные группы из телекомпаний поспели как раз вовремя, чтобы успеть к выносу тела, завернутого в пластиковую простыню. Мужчины и женщины из полиции сновали туда-сюда. Надо думать, они занимались тем, что положено делать полицейским: снимали отпечатки пальцев, искали вещественные доказательства… Я бы

ушел домой, но мне сказали, чтобы я остался.

В конце концов меня отвели в гостиную Клюга к следователю Осборну. Телевизионные экраны все еще светились. Мы с Осборном пожали друг другу руки, после чего он молча оглядел меня с ног до головы. Маленького роста, лысеющий, следователь показался мне очень уставшим и продолжал казаться таким до тех пор, пока не взглянул на меня в упор. Вот тогда, хотя в лице его ничто не изменилось, он совсем перестал выглядеть уставшим.

— Вы Виктор Апфел? — спросил он.

Я сказал, что это так.

— Мистер Апфел, как по-вашему, из этой комнаты что-нибудь пропало?

Я огляделся, отнесясь к вопросу как к занимательной загадке.

Камин, шторы на окнах. Ковер на полу. Но кроме этого в комнате не было ничего такого, что обычно бывает в гостиных.

Вдоль всех стен были расставлены столы, лишь узкий проход оставался в центре комнаты. На столах громоздились дисплеи, клавиатуры, дисководы и прочие сияющие побрякушки нового века. Все это соединялось толстыми кабелями и шнурами. Под столами стояли другие компью-

теры и ящики, доверху наполненные всяким электронным барахлом. Над столами до самого потолка висели полки, забитые коробками с лентами, дисками, кассетами… Это все обозначается одним термином, но тогда я не мог его припомнить. Программное обеспечение.

— Здесь нет мебели, правильно? Кроме…

Следователь взглянул на меня несколько ошарашенно.

— Вы хотите сказать, что раньше здесь стояла мебель?

— Откуда мне знать? — Тут я сообразил, что он меня не понимает. — Я впервые попал сюда час назад.

Он нахмурился, и мне это не очень понравилось.

— Медэксперт утверждает, что хозяин дома мертв уже часа три. Почему вы оказались здесь час назад, Виктор?

То, что он обратился ко мне по имени, тоже не очень меня обрадовало. Придется рассказать ему про телефонный звонок.

Он слушал, глядя на меня с недоверием. Но проверить мои сведения оказалось несложно. Хал, Осборн, я и еще несколько полицейских направились к моему дому. Когда мы вошли,

телефон звонил.

Осборн снял трубку и выслушал сообщение. На лице его появилась мрачная гримаса, и чем дальше разворачивались события этого вечера, тем мрачней и мрачней она становилась.

Десять минут мы ждали нового звонка. Осборн тем временем внимательно осматривал мою комнату. Я даже обрадовался, когда телефон зазвонил. Полицейские сделали запись телефонного сообщения, и мы отправились обратно к дому Клюга.

Осборн сразу же пошел за дом взглянуть на антенный лес моего соседа. Видимо, зрелище его впечатлило.

— Миссис Мэдисон — она живет дальше по улице — считает, что Клюг пытался установить контакт с марсианами, — произнес Хал с усмешкой. — Но я думаю, что он просто воровал спутниковые передачи.

На лужайке за домом стояли три тарельчатые антенны, шесть высоких мачт и еще такие штуки для микроволновой трансляции, что можно увидеть на зданиях телефонных компаний.

Осборн снова привел меня в гостиную и попросил описать, что я увидел, когда вошел в комнату. Я не понимал, какой в этом смысл, но тем не

менее попытался:

— Он сидел в том кресле. Кресло стояло перед столом. На полу я увидел пистолет. Рука Клюга висела прямо над ним.

— Думаете, это было самоубийство?

— Да, пожалуй. — Не дождавшись его комментариев, я спросил: — А что думаете вы?

— Он не оставил записки, — вздохнул Осборн.

— Самоубийцы не всегда оставляют записки, — заметил Хал.

— Да. Но достаточно часто. И когда записки нет, мне это не нравится. — Осборн пожал плечами. — Впрочем, это не самое важное.

— А телефонный звонок? — сказал я. — Это что-то вроде предсмертной записки.

Осборн кивнул.

— Что-нибудь еще вы заметили?

Я подошел к столу и взглянул на клавиатуру. На панели значилось: «Тексас Инструменте. Модель ТИ-99/4А». Справа, где лежала голова Клюга, на клавиатуре темнело кровавое пятно.

— Только то, что он сидел перед этой машиной. — Я коснулся клавиши, и экран дисплея тут же заполнился словами. Я быстро отдернул руку, потом вгляделся в текст.

НАЗВАНИЕ ПРОГРАММЫ: ПРОЩАЙ, РЕАЛЬНЫЙ МИР.
ДАТА: 20.08.
СОДЕРЖАНИЕ: ЗАВЕЩАНИЕ, РАЗНОЕ.
ПРОГРАММИСТ: ЧАРЛЬЗ КЛЮГ.
ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОГРАММЫ
НАЖМИТЕ ВВОД

В конце предложения мерно пульсировал маленький черный квадратик. Позже я узнал, что он называется «курсор».

Все собрались вокруг машины. Хал, специалист по компьютерам, пояснил, что многие дисплейные устройства стирают изображение, оставляя экран пустым, если в течение десяти минут никто не меняет выведенную на него информацию. Делается это для того, чтобы экран дисплея не выгорал там, где светятся слова. До того как я коснулся клавиши, экран был зеленым, а потом появились черные буквы на голубом фоне.

— Клавиатуру проверяли на отпечатки пальцев? — спросил Осборн.

Никто толком не знал, поэтому Осборн взял карандаш и ластиком на его конце нажал клавишу «ВВОД».

Текст с экрана исчез, голубой фон заполнили маленькие овальные фигурки, падающие сверху,

словно дождевые капли. Сотни и сотни фигурок самых разных цветок

— Это же пилюли, — удивленно произнес один из полицейских. — Вот, смотрите, «Кваалуд»! А это «Нембутал»!

Все наперебой принялись называть лекарства. Я сам сразу узнал белую капсулу с красным ободком — наверняка «Дилантин». Вот уже несколько лет как я принимаю их каждый день.

В конце концов дождь из пилюль прекратился, и эта дьявольская машина принялась наигрывать «Все ближе к тебе, мой Господь» в три инструментальные партии.

Некоторые из нас рассмеялись. Не думаю, что хоть кому-то происходящее показалось забавным, но эта мрачная панихида звучала словно аранжировка для свистка, каллиопы и «дудки. Как тут не засмеяться?

Пока играла музыка, в левом краю экрана появилась маленькая, сложенная из квадратиков фигурка. Подергиваясь, она двинулась к центру. Изображение напоминало человечка из видеоигры, только выполнено оно было похуже, и чтобы узнать в фигурке человека, требовалось напрячь воображение.

Потом в центре экрана появился еще какой-то

предмет. Человечек остановился напротив него, согнулся, и под ним возникло что-то напоминающее стул.

— А это что такое?

— Компьютер, наверно.

Похоже, это действительно был компьютер, потому что человечек вытянул вперед руки и задергал ими, как пианист у рояля. Человечек печатал, а над ним появлялись слова.

ГДЕ-ТО В ПУТИ Я ЧТО-ТО УПУСТИЛ. Я СИЖУ ЗДЕСЬ ДНЯМИ И НОЧАМИ, КАК ПАУК В ЦЕНТРЕ СВОЕЙ ПАУТИНЫ... Я ХОЗЯИН ВСЕГО ОБОЗРИМОГО... И ВСЕ ЖЕ ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО. ДОЛЖНО БЫТЬ БОЛЬШЕ.
ВВЕДИ СВОЕ ИМЯ

— Боже, — произнес Хал. — Невероятно... Интерактивное предсмертное письмо...

— Надо узнать, что дальше.

Я стоял ближе всех к клавиатуре, так что я и набрал свое имя. Но, подняв глаза, увидел, что сделал опечатку, и получилось: «**ВИКТ9Р**».

— Как это исправить? — спросил я.

— Зачем? — сказал Осборн, протянул руку и нажал клавишу «**ВВОД**».

ЗНАКОМО ЛИ ТЕБЕ ТАКОЕ ЧУВСТВО, ВИКТЭР?
ТЫ РАБОТАЕШЬ ВСЮ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ УМЕТЬ
ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ЛУЧШЕ
ДРУГИХ, НО ОДНАЖДЫ ВДРУГ ПРОСЫПАЕШЬСЯ
И НЕ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО.
СО МНОЙ ИМЕННО ТАК И ПРОИЗОШЛО.
ХОЧЕШЬ УЗНАТЬ ДАЛЬШЕ, ВИКТЭР?
ДА/НЕТ

Текст лился нескончаемым потоком. Клюга это, видимо, смущало, во всяком случае, после каждого периода из сорока — пятидесяти слов он предоставлял читателю выбор «**ДА/НЕТ**».

Я переводил взгляд с экрана на клавиатуру, куда упал головой Клюг, и представлял себе, как он сидит в этой комнате один и вводит текст.

Он писал, что ощущает подавленность, что не может дальше так жить. Он принимал слишком много пилюль (на экране вновь посыпались сверху разноцветные овальные фигурки), жизнь его стала бесцельной. Он сделал все, что собирался сделать.

Временами мы просто не понимали, что он имеет в виду. Клюг писал, например, что он не существует, но мы сочли это образным выра-

жением.

> **ТЫ ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ВИКТЭР? ЕСЛИ НЕТ, ТО СКОРО ПОЛИЦИЯ ЗДЕСЬ ПОЯВИТСЯ. ПОЭТОМУ СООБЩАЮ ТЕБЕ, ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКОМУ: Я НЕ ПРОДАВАЛ НАРКОТИКИ. ЛЕКАРСТВА, КОТОРЫЕ ХРАНЯТСЯ У МЕНЯ В СПАЛЬНЕ, Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНЫХ НУЖД. Я ПРИНИМАЛ ИХ ОЧЕНЬ МНОГО, НО ТЕПЕРЬ ОНИ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОНАДОБЯТСЯ. НАЖМИТЕ ВВОД**

Осборн нажал клавишу, и в противоположном конце комнаты, напугав нас всех до смерти, затрещал принтер. Я наблюдал, как головка носится туда-обратно, печатая текст в обоих направлениях, когда Хал закричал, показывая на экран дисплея:

— Смотрите! Смотрите сюда!

Человечек на экране встал и повернулся к нам. В руке он держал что-то похожее на пистолет, дуло приставлено к голове.

— Нет! — невольно вскрикнул Хал.

Маленький человечек не обратил на него никакого внимания. Раздался неестественный звук выстрела, человечек упал на спину. По экрану

побежала красная струйка, принтер затих. На дисплее остался только маленький черный труп, лежащий на спине, и слово *** * ВСЁ * *** под ним.

Я глубоко вздохнул и посмотрел на Осборна. Сказать, что он был недоволен, значит, ничего не сказать.

— Что там насчет наркотиков в спальне? — спросил он.

Мы наблюдали, как Осборн копается в ящиках столов и тумбочек, заглядывает под кровать и в шкаф, и все без толку. Как и в других комнатах, здесь было полно компьютеров, от них через пробитые в стенах отверстия уходили пучки проводов.

Я стоял рядом с большой круглой коробкой из картона, их было несколько в комнате, в таких коробках обычно пересылают вещи. Крышка у коробки съехала чуть в сторону, и я приподнял ее. О чем тут же пожалел.

— Осборн, — позвал я. — Посмотрите-ка сюда.

В коробке был мешок из плотного полиэтилена, на две трети заполненный капсулами «Кваалуда». Полицейские сразу же поотдирали крышки с остальных коробок и обнаружили капсулы амфетаминов, «Нембутал», «Валиум» и еще много всякого.

После этой находки в доме опять появилось множество полицейских. Телевизионщики тоже вернулись.

Среди всей этой кипучей деятельности меня никто не замечал. Я проскользнул к себе в дом и запер дверь. Время от времени я выглядывал из-за занавесок и видел, как репортеры берут у соседей интервью. Хал тоже там крутился и, похоже, наслаждался всеобщим вниманием. Дважды люди с телевидения стучали мне в дверь, но я не открывал, и в конце концов все они ушли.

Я наполнил ванну горячей водой и отмокал целый час. Затем включил отопление на максимум и забрался в постель под груду одеял.

И все равно меня всю ночь била дрожь.

На следующий день часам к девяти явился Осборн. За ним вошел Хал. Выглядели они совсем невесело, и я, догадавшись, что полиция работала всю ночь, приготовил им кофе.

— Почитайте-ка, — сказал Осборн и протянул мне лист компьютерной распечатки. Я надел очки и стал читать.

Текст был отпечатан этим жутким шрифтом от игольчатой головки. Обычно я выбрасываю подобные вещи в камин, не читая, но на сей раз сделал исключение.

Передо мной лежало завещание Клюга. Мне пришло в голову, что с этой бумагой юристам придется несладко.

Клюг снова утверждал, что он не существует, поэтому у него не может быть родственников, а все свое состояние он решил отдать тому, кто этого заслуживает.

«Но кто этого заслуживает?» — вот каким вопросом он задавался. Конечно же, не мистер и миссис Перкинс, живущие через четыре дома: они постоянно избивают детей. В доказательство этого Клюг ссылался на судебные постановления в Буффало и в Майами, а также на дело, возбужденное местными властями.

Миссис Рэндор и миссис Полонски, живущие пятью домами дальше, распускают слухи.

Старший сын Андерсонов угоняет автомашины.

Мариан Флоренс сжульничала на выпускных экзаменах по алгебре.

Совсем неподалеку жил тип, который крепко надул городские власти, взяв подряд на строительство шоссе. Жена одного из соседей путалась с коммивояжерами, а две другие завели себе постоянных любовников. Один подросток сделал своей подружке ребенка, бросил ее и расхвастал-

ся об этом приятелям.

Целых двенадцать пар, живущих по соседству, скрывали часть доходов от налогового управления.

У соседей, живущих за домом Клюга, постоянно лает собака.

Здесь я готов согласиться: эта собака и мне не давала заснуть ночами. Но все остальное… просто немыслимо! Прежде всего, какое право имеет человек, незаконно хранящий двести галлонов наркотиков, судить своих соседей так строго? Конечно, избивать детей нехорошо, но можно ли обливать грязью всю семью за то, что сын крадет автомобили? И потом, откуда Клюг все это узнал?

Впрочем, там было еще кое-что. В частности, о гуляющих мужьях. Среди прочих фигурировал Гарольд Хал Ланьер, который в течение трех лет встречался с женщиной по имени Тони Джонс — они служили вместе в центре обработки информации лос-анджелесской полиции. Она подталкивала его к разводу, а он ждал «удобного момента, чтобы рассказать жене».

Я взглянул на Хала: его покрасневшее лицо подтверждало прочитанное.

И тут до меня дошло! Что же Клюг узнал обо

мне? Я пробежал глазами страницу, выискивая свою фамилию, и обнаружил ее в самом последнем параграфе.

«…Тридцать лет мистер Апфел расплачивается за ошибку, которую он не совершал. Я, пожалуй, не предложил бы его кандидатом в святые, но ввиду отсутствия за ним явных грехов — а в данной ситуации этого достаточно — я оставляю всю свою законную собственность Виктору Апфелу».

Я взглянул на Осборна: он смотрел на меня внимательно и оценивающе.

— Но мне ничего не нужно!

— Вы полагаете, это то самое вознаграждение, которое упомянул Клюг?

— Должно быть, — сказал я. — А что еще?

Осборн вздохнул и сел в кресло.

— По крайней мере, он не пытался завещать вам наркотики. Вы по-прежнему утверждаете, что совсем его не знали?

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Мистер Апфел, — сказал он, разводя руками, — я просто задаю вопросы. В делах о самоубийствах никогда нет уверенности на все сто. Может быть, произошло убийство. И если это так, то вы пока единственный известный нам человек, который оказался в выигрыше.

— Но он для меня совсем чужой.

Осборн кивнул, постукивая пальцем по распечатке. Мне захотелось, чтобы она куда-нибудь провалилась.

— Кстати, что это за… ошибка, которую вы не совершали?

Я так и думал, что этот вопрос будет следующим.

— Во время войны в Корее я попал в плен.

Осборн какое-то время обдумывал мой ответ. Я ударил рукой по подлокотнику кресла, вскочил на ноги и поймал на себе взгляд его обманчиво усталых глаз.

— Похоже, прошлое до сих пор сильно вас волнует.

— Это не так легко забывается.

— Хотите что-нибудь рассказать мне о тех временах?

— Дело в том, что все… Нет. Я ничего не хочу говорить. Ни вам, ни кому другому.

— Мне придется задать вам еще кое-какие вопросы относительно смерти Клюга.

— Я буду отвечать только в присутствии адвоката.

«Боже! Теперь придется еще и адвоката искать…»

Осборн снова кивнул, потом поднялся и направился к двери.

— Я уже собрался списать дело на самоубийство, — сказал он, — и единственное, что меня беспокоило, это отсутствие предсмертной записки. Теперь мы ее получили. — Он махнул рукой в сторону дома Клюга, и на лице его появилось сердитое выражение. — Но этот тип не только написал записку, он еще и запрограммировал ее в своем чертовом компьютере вместе с целой кучей видеоэффектов. Я, положим, давно уже не удивляюсь, когда люди выделывают всякие сумасшедшие вещи, — достаточно всего повидал. Но услышав, как компьютер играет церковный гимн, я понял, что здесь убийство. Сказать по правде, мистер Апфел, я не думаю, что это сделали вы. В одной только моей распечатке несколько десятков мотивов. Может быть, он шантажировал соседей. Может, именно так он купил себе всю аппаратуру. Опять же, люди, имеющие наркотики в таких количествах, редко умирают своей смертью. Мне предстоит много работы, но я узнаю, кто это сделал.

Он пробормотал что-то о невыезде и ушел.

— Вик… — произнес Хал, и я взглянул на него. — Я насчет распечатки. Я был бы тебе благодарен…

Они сказали, что сохранят все в тайне… Ты понимаешь, о чем я?

Только тогда я заметил, что у него глаза как у таксы.

— Отправляйся домой, Хал, и ни о чем не беспокойся.

Он кивнул и двинулся к выходу.

— Не думаю, что все это получит огласку, — сказал он.

На самом деле, конечно, вышло наоборот.

Возможно, это случилось бы и без писем, которые начали приходить через несколько дней после смерти Клюга. Писем со штемпелями Трентона, штат Нью-Джерси, переданных с компьютера, который так и не удалось проследить. О том, что Клюг лишь упомянул в своем завещании, в них говорилось во всех подробностях.

Тогда, однако, я ничего об этом не знал. После того как ушел Хал, я залез в постель под электроодеяло, но никак не мог согреть ноги. Вставал я, только чтобы сделать сандвич или полежать в горячей ванне.

Несколько раз в дверь стучали репортеры, но я не отзывался. На следующий день я позвонил

Мартину Абрамсу, адвокату, в телефонном справочнике он значился первым, и договорился, что он будет представлять мои интересы. Он сказал, что меня, возможно вызовут в полицейский участок. Я ответил, что никуда не поеду, проглотил две капсулы «Дилантина» и завалился в постель.

Раз-другой с улицы доносилось завывание сирены, и еще я расслышал крики: кто-то с кем-то громко спорил. Усилием воли я заставлял себя не высовываться. Да, любопытство мучило меня, но вы сами знаете, что случается с любопытными…

Я ждал возвращения Осборна, но он все не приходил. Дни шли, превращаясь в неделю, и за это время произошли только два события, достойных внимания.

Первое началось со стука в дверь через два дня после смерти Клюга. Я выглянул из-за занавески и увидел припаркованный на обочине серебристый «Феррари». Разглядеть, кто стоит у дверей, я не мог, и поэтому спросил, кто там.

— Меня зовут Лиза Фу, — ответила какая-то женщина. — Вы меня приглашали.

— Я вас не помню.

— Это дом Чарльза Клюга?

— Нет. Вам в соседний дом.

— О, извините.

Я решил предупредить ее, что Клюга уже нет в живых, и открыл дверь. Женщина обернулась и улыбнулась совершенно ослепительной улыбкой.

Просто не знаю, с чего начать описание Лизы Фу. Помните то время, когда с газетных страниц не сходили карикатуры на Хирохито и Тодзио, а «Таймс» без всякого смущения употреблял слово «джап»? Маленькие человечки с круглыми, как футбольный мяч, лицами; уши, словно ручки от кувшинов; очки с толстыми стеклами; два больших, как у кролика, передних зуба и тоненькие усики…

Если не считать усов, то она просто сошла с такой вот карикатуры. Очки, зубы… На зубах стояла скобка, они напоминали клавиши пианино, обмотанные проволокой. Ростом она была пять футов и восемь или девять дюймов, а весила не больше 110 фунтов. Я бы сказал даже сто, но добавил по пять фунтов на каждую грудь, настолько большую при ее тоненькой фигурке, что надпись на майке читалась как «POCK LIVE», и только когда она поворачивалась боком, я мог разглядеть две буквы «S» по краям[17].

---

[17] Примечания: 17

SPOCK LIVES — «Спок жив». Имеется в виду один из героев телевизионного фантастического сериала «Звездный путь».

Лиза Фу протянула мне изящную тонкую руку.

— Похоже, мы некоторое время будем соседями, — сказала она. — По крайней мере, пока я не разберусь с этим логовом дракона на соседнем участке.

Если у нее и чувствовался какой-то акцент, то скорее из долины Сан-Фернандо.

— Очень приятно.

— Вы его знали? Я имею в виду Клюга. Так он по крайней мере себя называл…

— А вы думаете, это не настоящая его фамилия?

— Сомневаюсь. «Клюг» по-немецки означает «умный». А на жаргоне хакеров[18] это «хитрец» или «ловкач», что к Клюгу относится в полной мере. Хотя серый процессор у него определенно барахлил. — Она многозначительно постучала пальцем себя по виску. — «Вирусы», «фантомы» и «демоны» выскакивают каждый раз, когда люди из полиции пытаются подключиться к его системам, матобеспечение протухает, битовые корзины переполняются…

Она говорила и говорила, но для меня все это звучало как суахили.

---

[18] Примечания: 18

Hucker — активный, порой фанатичный пользователь компьютера.

— Вы хотите сказать, что в его компьютерах прячутся демоны?

— Точно.

— Тогда им нужен будет изгоняющий злых духов.

Она ткнула большим пальцем себя в грудь, показав одновременно еще пол-акра зубов, и сказала:

— Это я и есть. Однако мне надо идти. Заскакивайте повидаться в любое время.

Второе интересное событие недели произошло днем позже: по почте пришло уведомление из банка. На мой счет поступили три суммы. Первая — обычный чек из Управления по делам ветеранов войны на 487 долларов. Вторая сумма в 392 доллара 54 цента — проценты на деньги, оставленные мне родителями пятнадцать лет назад.

Третий вклад был переведен двадцатого, в тот день, когда умер Клюг. 700 083 доллара 04 цента.

Через несколько дней ко мне заглянул Хал Ланьер.

— Ну и неделька! — произнес он, плюхнулся на диван и начал рассказывать.

Оказывается, в нашем квартале зарегистри-

рована еще одна смерть. Письма, переданные с неизвестного компьютера, вызвали множество неприятностей, особенно после того, как полиция стала ходить по домам и допрашивать всех подряд. Кое-кто, почувствовав, что круг сжимается, покаялся в своих грехах. Женщина, развлекавшая коммивояжеров, пока ее муж находился на работе, призналась ему в неверности, и тот ее застрелил. Теперь он сидел в тюрьме округа. Это, пожалуй, самое плохое из того, что произошло, но случались происшествия и помельче, от драк до выбитых стекол. По словам Хала, налоговое управление собиралось устроить в нашем районе специальную проверку.

Я подумал о семистах тысячах восьмидесяти трех долларах.

И четырех центах.

Промолчал, но почувствовал, как у меня холодеют ноги.

— Ты, наверное, хочешь знать, что там у нас с Бетти, — сказал он наконец.

Я не хотел. Не хотел знать вообще ничего об этом, но попытался изобразить на лице соответствующее выражение.

— Все кончено, — произнес он, удовлетворенно вздыхая. — Я имею в виду между мной и Тони.

Я все рассказал Бетти. Несколько дней было очень плохо, но теперь, думаю, наш брак стал еще крепче. — Он замолчал на некоторое время, наслаждаясь теплом происшедших перемен.

Еще он хотел рассказать мне о том, что они узнали о Клюге, и пригласить меня к себе пообедать, но я вежливо отказался от обоих предложений, сославшись на старые раны, которые совсем меня замучали. И я уже почти выпроводил его, когда в дверь постучал Осборн. Я впустил его, и Хал тоже остался.

Предложение выпить кофе было с благодарностью принято. Выглядел Осборн как-то иначе, и сначала я не мог понять, в чем дело: то же самое усталое выражение лица… Впрочем, нет. Раньше мне казалось, что это маска или цинизм, присущий полицейским. Но в тот день в его лице читалась подлинная усталость. Она перетекала с лица на плечи и руки, передавалась походке и манере сидеть. Его окутывало тяжелое ощущение поражения.

— Меня по-прежнему подозревают? — спросил я.

— Хотите спросить, надо ли приглашать адвоката? Не стоит беспокоиться. Я тщательно проверил вас. Завещание Клюга едва ли будет

принято всерьез, так что ваши мотивы выглядят сомнительно. На мой взгляд, у любого из местных торговцев кокаином было гораздо больше причин убрать Клюга, чем у вас. — Он вздохнул. — Я просто хотел кое о чем спросить. Можете не отвечать, если не хотите.

— Давайте попробуем.

— Вам не запомнились какие-либо необычные его посетители? Люди, приходившие или уходившие ночью?

— Единственное, что я помню, это служебные машины. Почта, «Федерал Экспресс», компании по доставке грузов… Наркотики могли прибывать со всеми этими людьми.

— Мы тоже так думаем. Едва ли он работал по мелочам. Возможно, он служил посредником. Получил, передал… — Осборн на какое-то время задумался и отхлебнул кофе.

— Есть какие-нибудь успехи в расследовании? — спросил я.

— Хотите знать правду? Дело заходит в тупик. Никто в округе и понятия не имел, что Клюг располагает всей этой информацией. Мы проверили банковские счета и нигде не обнаружили доказательств шантажа. Нет, соседи в картину не вписываются. Хотя, конечно, если бы Клюг

остался в живых, сейчас его с удовольствием прихлопнул бы почти любой из тех, кто живет по соседству.

— Это точно, — сказал Хал.

Осборн ударил себя ладонью по ляжке.

— Если бы мерзавец остался в живых, я сам бы его убил, — сказал он. — Но теперь я начинаю думать, что он никогда не был жив.

— Не понимаю.

— Если бы я своими глазами не видел труп… — Осборн сел чуть прямее. — Он писал, что не существует. И это почти так. В электрогазовой компании о нем никогда не слышали. Клюг подключен к их линиям, сотрудник компании каждый месяц снимал показания счетчиков, но компания никогда не выставляла ему счетов. То же самое с телефоном. У него дома целый коммутатор, который изготовлен телефонной компанией, доставлен и установлен ею же, но у них нет об этом никаких сведений. Клюг не открывал счета ни в одном из банков Калифорнии — похоже, он ему просто не был нужен. Мы обнаружили около сотни компаний, которые продали и доставили ему то или иное оборудование, а затем либо сделали отметку о том, что счет оплачен, либо напрочь забыли, что вообще имели с

ним дело. В некоторых фирмах зафиксированы номера чеков и счетов, но ни сами счета, ни даже банки физически не существуют.

Он откинулся в кресле, и я почувствовал, что все это его просто бесит.

— Единственный, кто имел о Клюге представление, это человек, который доставлял ему раз в месяц продукты из бакалейной лавки. Маленький магазинчик неподалеку отсюда. У них нет компьютера, Клюг платил чеками банка «Уэллс Фарго». Там эти чеки принимали к оплате, и никаких проблем не возникало. Хотя о Клюге там никогда не слышали.

Я задумался. Осборн ожидал от меня какой-то реакции, и я высказал предположение:

— Он делал все это с помощью компьютеров?

— Верно. То, что он проворачивал с бакалейной лавкой, я еще понимаю. Но гораздо чаще Клюг проникал прямо в базовое программное обеспечение и затирал все сведения о себе. Энергокомпания никогда не получала платежей ни чеками, ни как-то иначе просто потому, что, по их мнению, они никогда и ничего Клюгу не продавали. Ни одно правительственное учреждение никогда и ничего о Клюге не знало. Мы проверили все, от почтового ведомства до ЦРУ.

— А что если Клюг — не настоящая фамилия?

— Возможно. Но в ФБР нет его отпечатков пальцев. Рано или поздно мы узнаем, кто он такой, но это ни на йоту не приблизит нас к ответу на вопрос, что произошло — убийство или самоубийство.

Осборн признал, что испытывает определенное давление. Его убеждают закрыть дело, хотя бы ту его часть, которая касается смерти Клюга, и списать все на самоубийство. Он, однако, в самоубийство не верил. А что касается второй половины истории, всех этих махинаций Клюга, то их расследования никто прекращать пока не собирался.

— Теперь все зависит от этой стрекозы, — сказал Осборн.

— Жди, — фыркнул Хал и пробормотал что-то про азиатов.

— Эта девушка все еще здесь? Кто она такая?

— Какая-то компьютерная звезда из Калифорнийского технологического. Мы связались с ними, сообщили, какие у нас проблемы, и вот кого они нам прислали.

По лицу Осборна нетрудно было понять, что ни на какую помощь с ее стороны он не рассчитывает.

В конце концов мне удалось от них избавиться. Когда они уходили по садовой дорожке, я взглянул в сторону дома Клюга: возле него стоял серебристый «Феррари» Лизы Фу.

Ходить туда мне было совершенно незачем. Я прекрасно это знал, и потому занялся ужином. Когда я готовлю запеканку из тунца по собственному рецепту, она гораздо лучше, чем можно судить по названию. Потом вышел во двор за овощами для салата. Я срывал помидоры и думал о том, что надо бы охладить бутылку белого вина, и тут мне в голову пришло, что наготовил я вполне достаточно для двоих.

Я никогда не делаю ничего наспех, поэтому я сел и обдумал эту мысль. В конце концов меня убедили ноги: впервые за всю неделю им было тепло. И я отправился к дому Клюга.

Решетки за открытой настежь дверью не оказалось, и мне подумалось, как странно и тревожно выглядит незакрытое, незащищенное жилище. Остановившись на крыльце, я заглянул внутрь и позвал:

— Мисс Фу?

Никто не ответил. В прошлый раз, зайдя в этот

дом, я обнаружил там мертвого человека…

Лиза Фу сидела на скамеечке от рояля перед консолью компьютера. Она сидела в профиль ко мне, поджав коричневые ноги, я видел ее прямую спину и пальцы, зависшие над клавиатурой. На экране перед ней быстро пробегали слова. Она подняла голову и сверкнула зубами в улыбке.

— Кое-кто сообщил мне, что вас зовут Виктор Апфел, — сказала она.

— Да. Э-э-э… дверь была открыта…

— Жарко, — пояснила она и оттянула двумя пальцами майку у шеи. — Чем могу быть полезна?

— Да в общем-то… — Сделав шаг в полутьме, я споткнулся обо что-то на полу. Это была плоская коробка вроде тех, в которых доставляют на дом большие порции пиццы. — Я готовил ужин и понял, что там хватит на двоих, и тогда подумал, может быть, вы…

Я замолчал растерянно, потому что в этот момент заметил кое-что еще. Вначале мне показалось, что она сидит в шортах; на самом же деле кроме майки и узеньких розовых трусов от купальника на ней ничего не было. Ее, похоже, это совершенно не смущало.

— …Присоединитесь ко мне за ужином?

Ее улыбка стала еще шире.

— С удовольствием, — ответила она, легко вскочила на ноги и пронеслась мимо меня, оставляя за собой слабый запах пота со сладковатым оттенком мыла. — Я вернусь через минуту.

Я оглядел комнату, но мысли мои все время возвращались к Лизе. Пиццу она, видимо, запивала пепси — на полу валялось множество пустых банок. На коленке и на левом бедре у нее я заметил глубокие шрамы. Пепельницы стояли чистые… Клюг, вероятно, курил, Лиза — нет. Четко обрисовывались при ходьбе длинные мышцы ее икр. На пояснице у нее росли крошечные мягкие волоски, едва заметные в зеленом свете экрана. Я слышал, как журчит вода в раковине, смотрел на желтые странички блокнота, исписанные в манере, которую я не встречал уже много лет, ощущал запах мыла и думал о ее коричневой с легким пушком коже и легкой походке.

В гостиную она вернулась уже в джинсах с обрезанными штанинами, сандалиях и новой майке. На старой значилось «БЭРРОУЗ ОФФИС СИСТЕМЗ». На этой же, чистой и пахнущей свежевыстиранным хлопком, изображались Микки-Маус и замок Белоснежки, причем уши Микки-Мауса вытягивались назад по верхнему склону груди. Я

двинулся за Лизой на улицу.

— Как мне нравится ваша кухня! — сказала она.

Раньше я никогда не обращал внимания на обстановку своей кухни. Ее словно перенесли в капсуле времени со страниц «Лайфа» начала пятидесятых годов. В углу стоял старенький покатый холодильник, крышки столов покрыты желтой плиткой, которую сейчас можно увидеть только в ванных комнатах. На кухне вообще не было ни грамма пластмассы. Вместо посудомоечной машины у меня стояла двойная раковина и проволочная сушилка. Ни электрооткрывателя для банок, ни уплотнителя мусора, ни микроволновой печи… Самой новой вещью на кухне был, пожалуй, смеситель, купленный пятнадцать лет назад. Я умею и люблю работать руками. Люблю чинить.

— Хлеб просто бесподобный! — воскликнула Лиза.

Хлеб я испек сам. Она подобрала остатки подливки хлебной коркой и спросила, можно ли взять добавки.

Насколько я понимаю, подбирать коркой под-

ливку — дурной тон, но меня это ничуть не волновало: я сам всегда так делаю. Впрочем, во всем остальном ее манеры были безупречны. Она умяла три порции моей запеканки, после чего тарелку можно было и не мыть. Создавалось впечатление, что она едва сдерживает свой чудовищный аппетит.

Лиза откинулась в кресле, и я подлил вина в ее бокал.

— Вы уверены, что не хотите больше горошка?

— Я лопну. — Она удовлетворенно похлопала себя по животу. — Большое спасибо, мистер Апфел. Я уже лет сто не ела домашней пищи.

— Можете звать меня Виктором.

— Я так люблю американскую кухню.

— А я и не знал, что она существует. Я имею в виду, как китайская или… Вы американка?

Она улыбнулась.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Виктор. Да, гражданство у меня американское, но родилась я не здесь… Извините, я на минуточку. С этими скобками мне приходится чистить зубы, как только поем.

Я пустил воду в раковину и взялся за тарелки. Через некоторое время Лиза присоединилась ко мне, схватила кухонное полотенце и, невзирая

на мои протесты, стала вытирать посуду.

— Вы живете здесь один? — спросила она.

— Да. С тех пор как умерли родители.

— Вы были женаты? Если это не мое дело, так и скажите.

— Ничего. Я никогда не был женат.

— Для холостяка вы неплохо справляетесь с хозяйством.

— Большая практика. Можно мне задать вопрос?

— Валяйте.

— Откуда вы? Тайвань?

— У меня способности к языкам. Дома я говорила на «пиджин-американ», но, оказавшись здесь, быстро выучилась говорить правильно. Еще я говорю по-французски, правда, довольно паршиво, по-китайски, на четырех-пяти диалектах, но совершенно безграмотно, чуть-чуть по-вьетнамски и знаю тайский ровно настолько, чтобы сказать: «Моя хотеть видеть американский консул, быстро-очень-черт-побери, эй ты!»

Я рассмеялся: последнюю фразу она произнесла с жутким акцентом.

— Здесь я уже восемь лет. Вы догадались, где это «дома»?

— Вьетнам? — предположил я.

— Точно. Сайгон.

— А я принял вас за японку.

— Когда-нибудь я вам о себе расскажу… Виктор, а там за дверью стиральная машина?

— Точно.

— Я не слишком вам помешаю, если кое-что постираю?

Конечно, она мне не мешала. Семь пар джинсов — некоторые с отрезанными штанинами — и две дюжины маек с рисунками вполне сошли бы за мальчишеский гардероб, если бы к ним не прилагались еще всякие полупрозрачные предметы.

Потом мы отправились на задний двор посидеть в последних лучах заходящего солнца, и она захотела взглянуть на мой огород. Предмет моей гордости. Когда я чувствую себя хорошо, я провожу там по нескольку часов, обычно по утрам, причем круглый год. На юге Калифорнии это возможно.

Ей все понравилось, хотя огород выглядел не лучшим образом: последние дни я проводил либо в постели, либо в горячей ванне, и на грядках повылезли сорняки.

— Когда я была маленькой, я тоже работала на огороде, — сказала Лиза. — И еще два года на рисовых плантациях.

— Видимо, там все по-другому.

— Еще бы, черт побери. Несколько лет после этого я не могла даже смотреть на рис.

Мы разговаривали о разных вещах. Не помню уже с чего, но я рассказал ей, что воевал в Корее. Узнал, что ей двадцать пять лет и что дни рождения у нас совпадают, так что несколько месяцев назад мне исполнилось ровно вдвое больше, чем ей.

Имя Клюга всплыло в разговоре только один раз, когда Лиза упомянула, что очень любит готовить, но в доме моего соседа делать это совершенно невозможно.

— В гараже у него стоит морозильник, забитый всякими замороженными обедами, — сказала она. — В доме одна тарелка, одна вилка, одна ложка и один стакан. Плюс микроволновая печь — самая лучшая модель из тех, что можно встретить в каталогах. И все. На кухне больше ничего нет. — Она покачала головой. — Он явно был со странностями.

Лиза разделалась со стиркой уже к вечеру. Она переложила белье в плетеную корзину, и мы отправились развешивать его на веревках. Я встряхивал очередную майку и разглядывал картинку и надпись. Иногда я сразу понимал, о

чем речь, иногда нет. Там были рок-группы, карта Лос-Анджелеса, снимки из «Звездного пути»… Всего понемногу.

— А что такое «Общество L 5»? — спросил я.

— Это парни, которые хотят построить в космосе орбитальные фермы. Я спросила, собираются ли они выращивать там рис, а они ответили, что рис, по их мнению, не самая лучшая культура для условий невесомости, и тогда я эту майку купила.

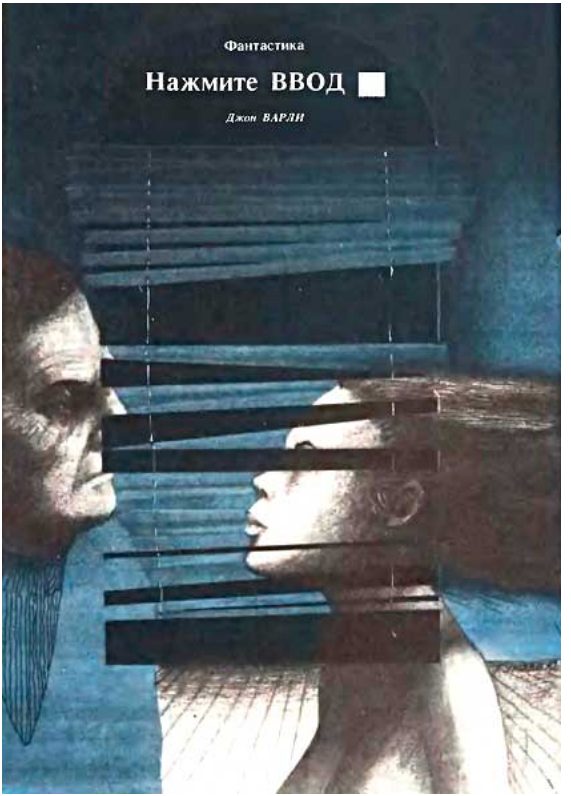
— И сколько же их у тебя?

— О-о! Должно быть, сотни четыре или пять.

На следующий день почта принесла письмо из адвокатской конторы в Чикаго. О семистах тысячах долларов. Оказывается, деньги перевела мне арендная компания в Делавэре, основанная в 1933 году для того, чтобы обеспечить мою старость. Основателями числились мои родители. Кое-какие долгосрочные вклады созрели, что и привело к моему недавнему финансовому взлету. Налоги, как оказалось, были уже уплачены.

Полная ерунда. У моих родителей никогда не было таких денег. Я вернул бы их, если б только знал, у кого Клюг их украл.

Потом я решил, что через год, если не окажусь к тому времени в тюрьме, отдам эти деньги на благотворительность. Может быть, в «Фонд спасения китов». Или «Обществу L 5».



Все утро я провел в саду. Затем сходил в магазин и купил немного говядины и свинины. Покупки я нес домой в складной проволочной корзине и

чувствовал себя просто отлично. Проходя мимо серебристого «Феррари», я улыбнулся.

Лиза еще не приходила за выстиранным бельем. Я снял его с веревки, сложил и отправился к дому Клюга.

— Это я — Виктор.

— Входи.

Лиза сидела там же, где и в прошлый раз, но одета была уже не так легкомысленно. Увидев у меня в руках корзину с бельем, она хлопнула себя по лбу и бросилась ее забирать.

— Извини, Виктор. Я собиралась…

— Ничего, — сказал я. — Мне не в тягость. И кроме того, у меня появилась возможность пригласить тебя на ужин еще раз.

Что-то в ее лице изменилось, но она быстро с собой справилась. Может быть, «американская» кухня понравилась ей гораздо меньше, чем она говорила, а может быть, дело было в поваре…

— Конечно, Виктор, с удовольствием. Давай корзину. И открой, пожалуйста, шторы, а то здесь как в гробнице.

Лиза торопливо удалилась в другую комнату. Открывая шторы, я заметил, как подъехала машина Осборна. Потом вернулась Лиза. На очередной майке значилось название магазина,

где продают фантастическую литературу. Под надписью расположилось приземистое существо с волосатыми ножками. Лиза выглянула в окно и заметила приближающегося Осборна.

— Итак, Ватсон, — произнесла она, — к нам пожаловал инспектор Лестрейд из Скотланд-Ярда. Впустите его, пожалуйста.

Я рассмеялся, и Осборн подозрительно уставился на меня, едва вошел в комнату.

— Здравствуйте, Апфел, — начал он. — Мы наконец-то узнали, кто такой Клюг на самом деле.

— Патрик Уильям Гэвин, — сказала Лиза.

У Осборна отвисла челюсть, и довольно долго он не мог справиться с собой. Потом все-таки закрыл рот, но тут же открыл снова:

— Откуда вы это узнали, черт побери?

Лиза ласково погладила клавиатуру компьютера.

— Я получила эти данные, как только они поступили в вашу контору сегодня утром. Там у вас в компьютере сидит маленькая потайная подпрограмма, которая шепчет мне кое-что на ухо всякий раз, когда в материалах упоминается фамилия «Клюг». Однако для меня это было лишним. Пять дней назад я уже знала все.

— Тогда почему вы… почему вы ничего не

сказали?

— Вы не спрашивали.

Некоторое время они смотрели друг на друга в упор. Я понятия не имел, какие события предшествовали этой конфронтации, но и так было ясно, что большой любви они друг к другу не испытывают. Сейчас Лиза выиграла раунд и, похоже, ей это доставило удовольствие.

— Если припоминаете, вы пригласили меня, потому что у ваших людей ничего не получилось. Когда я начала работу, система программ уже была повреждена и практически парализована. Ваши люди не могли ничего поправить, и вы решили, что вреда от меня во всяком случае не будет. А вдруг я смогу расколоть коды Клюга, не разрушив систему окончательно? Я это сделала. Вам нужно было только прийти и спросить. Я завалила бы вас тоннами распечаток.

Осборн внимательно слушал. Возможно, он даже понял, что ошибался в своей оценке.

— Что вы узнали? Я могу посмотреть сейчас?

Лиза кивнула и нажала несколько клавиш. На дисплее перед ней и на том, возле которого стоял Осборн, появился текст. Я подошел к терминалу Лизы и начал читать.

Текст представлял собой краткую биографию

Клюга/Гэвина.

Возраста он был примерно того же, что и я, но в то время, когда в меня стреляли далеко от дома, он старательно делал карьеру в только-только родившейся области производства компьютеров. Он работал в ведущих исследовательских центрах, и меня удивило, что на установление его личности потребовалось больше недели.

— Все эти данные я собрала довольно просто, — рассказывала Лиза, пока мы читали. — Первое, что вы должны понять о Гэвине, это то, что сведений о нем нет ни в одной компьютерной информационной системе. Поэтому я начала обзванивать людей во всех концах страны…

Кстати, у него очень любопытный телефонный комплекс: в нем для каждого звонка генерируется новый исходный номер, и вы не можете ни перезвонить обратно, ни проследить, откуда вам позвонили. Так вот, я начала расспрашивать про всех ведущих специалистов в этой области в пятидесятые и шестидесятые годы, и мне назвали множество имен. После чего мне оставалось лишь узнать, кого теперь нет в информационных досье. Свою смерть Гэвин сфабриковал в 1967 году, я даже обнаружила один отчет об этом событии в старых газетных подборках. Все люди, которые

знали Гэвина, знали и о его смерти. Во Флориде есть настоящее — на бумаге — свидетельство о рождении, но других документов, касающихся личности Гэвина, я не нашла. Он не оставил в нашем мире никаких следов. Мне это показалось достаточно убедительным доказательством.

Осборн дочитал текст до конца и поднял глаза.

— Очень хорошо, мисс Фу. Что еще вам удалось узнать?

— Я расколола некоторые из его кодов. Мне повезло, потому что я сумела влезть в базовую программу, которую Гэвин написал, чтобы атаковать чужие программы. Я использовала ее против кое-каких его собственных творений. Еще мне удалось проникнуть в файл, содержащий ключи и заметки о том, где и как они используются. Кое-чему я от него научилась. Но это только надводная часть айсберга.

Она махнула рукой в сторону молчаливых металлических «мыслителей», расставленных по всей комнате.

— То, что вы видите перед собой, — это самое хитрое электронное оружие среди всего, что человечеству удалось пока создать. Система бронирована не хуже какого-нибудь крейсера. А она обязана быть такой, поскольку в мире полным-

полно хитрых сторожевых программ, которые вцепляются, подобно терьерам, в любого непрошенного гостя и держат его мертвой хваткой. Если же они все-таки добирались сюда, с ними расправлялся уже Клюг, но большей частью никто не подозревал, что он взломал их защиту и проник в машину. Клюг напоминал крылатую ракету — быструю, маневренную, летящую над самой землей, и свои атаки он направлял сразу с нескольких сторон. Конечно, в наши дни большие информационные системы хорошо защищены, в них используются пароли и очень сложные коды. Но Клюг участвовал в разработке большинства этих систем. Нужен дьявольски хитрый замок, чтобы не пустить в дом того, кто делал замки всю жизнь. Опять же, Клюг помогал устанавливать многие крупные системы, и еще тогда он оставил в программном обеспечении своих тайных информаторов. Если коды менялись, компьютер сам передавал информацию об этом в какую-нибудь надежную машину, откуда ее позже вычерпывал Клюг. Это как если бы вы купили огромного, злющего, отлично выдрессированного сторожевого пса, а на следующую ночь приходит тот тип, который его дрессировал, гладит пса по голове и грабит ваш дом подчистую…

И в таком вот духе. Когда Лиза начинала говорить о компьютерах, девяносто процентов сказанного до меня просто не доходило.

— Я хотела бы кое-что узнать, Осборн, — сказала Лиза.

— Что именно?

— Зачем я здесь? Чтобы раскрутить за вас это дело? Или с вас хватит того, что я приведу систему в такое состояние, когда с ней сможет работать любой грамотный пользователь?

Осборн задумался.

— Меня беспокоит, — добавила она. — что я постоянно попадаю в засекреченные банки данных. Боюсь, в один прекрасный день кто-нибудь вышибет дверь и наденет на меня наручники. Вас это тоже должно беспокоить, потому что кое-кому в кое-каких организациях может не понравиться, если в их дела будет соваться обыкновенный полицейский из какого-то там отдела по борьбе с особо опасными преступлениями.

При этих словах Осборн вскинул голову.

— А что мне делать? — огрызнулся он. — Упрашивать вас остаться?

— Нет. Мне достаточно вашего разрешения. Не обязательно даже в письменном виде. Просто подтвердите, что одобряете продолжение работ.

— Послушайте, что я вам скажу. Если говорить об интересах округа Лос-Анджелес и штата Калифорния, то дома Клюга вообще не существует. Здесь нет участка. Он не зафиксирован в документах. С точки зрения закона, этого места просто нет. И если кто-то вправе дать вам разрешение на работу с материалами Клюга, так это именно я, а я по-прежнему считаю, что здесь было совершено убийство. Так что продолжайте работать.

— Не очень-то надежная защита, — задумчиво произнесла Лиза.

— А чего бы вы хотели? Ладно, что еще вам удалось обнаружить?

Лиза повернулась к клавиатуре и принялась печатать. Вскоре заработал принтер. Сложив распечатку, Осборн собрался было уходить, но не удержался и уже в дверях остановился, чтобы дать последние указания.

— Если обнаружите какую-то информацию, доказывающую, что это было не самоубийство, дайте мне знать.

— О'кей. Это было не самоубийство.

Осборн поначалу не понял.

— Мне нужны доказательства.

— У меня они есть, только вам они, скорее всего, не подойдут. Эту глупую предсмертную записку

писал не Клюг.

— Откуда вы знаете?

— Я поняла это в первый же день, как только дала машине команду распечатать программу, а потом сравнила ее стиль со стилем Клюга. Это не его программа. Она выполнена предельно компактно. Ни одной лишней строчки. Клюг выбрал себе такой псевдоним неспроста. Вы знаете, что означает «клюг»?

— Умный, — вставил я.

— Буквально — да. Но это еще и… нечто чрезмерно сложное. Нечто такое, что работает исправно, но по непонятным причинам… У нас говорят — «клюговать» ошибки в программе…

— И что?

— Программы Клюга выглядят просто жутко. Там полно соплей, которые он не удосужился подчистить. Но он был гением, и его программы работают безукоризненно, хотя вас не покидает недоумение, как же это они все-таки работают. Служебные подпрограммы у него так написаны, что у меня мурашки по спине бегали, когда я с ними разбиралась. Жуть! Но по-настоящему хорошее программирование — это такая редкость, что его недоделки выглядят лучше, чем та гладкая чепуха, которую пишут середнячки.

Подозреваю, что Осборн понял из сказанного примерно столько же, сколько и я.

— Короче, ваше мнение основано на оценке стиля программирования?

— Да. К сожалению, пройдет еще лет десять, если не больше, прежде чем суд будет принимать такие вещи всерьез, как, скажем, анализ почерка или дактилоскопию. Но если вы понимаете что-нибудь в программировании, вам достаточно одного взгляда. Предсмертную записку написал кто-то другой, и этот кто-то, кстати, чертовски силен. Записка вызывала завещание как подпрограмму, и вот его-то без сомнения написал Клюг. Он там, можно сказать, всюду оставил свои отпечатки. Последние пять лет он шпионил за соседями ради удовольствия, влезал в военные информационные банки, школьные записи, налоговые файлы и банковские счета. А каждый телефон в радиусе трех кварталов он превратил в подслушивающее устройство. Чудовищное любопытство…

— Он упоминал где-нибудь, зачем он это делал? — спросил Осборн.

— Думаю, он просто рехнулся. Возможно, он был психологически неуравновешен и склонен к самоубийству — все эти капсулы с наркоти-

ками здоровья ему, конечно, не прибавляли. Он готовился к смерти, и Виктор оказался единственным, кого он счел достойным наследства. Если бы не эта записка, я бы поверила, что Клюг покончил с собой. Но он ее не писал. В этом я готова поклясться.

В конце концов мы избавились от Осборна, и я отправился домой заниматься обедом. Когда все было готово, пришла Лиза и снова с огромным аппетитом накинулась на еду.

Потом я сделал лимонад, и мы устроились в моем маленьком патио, наблюдая, как сгущается вокруг нас вечер.

Проснулся я посреди ночи, весь в поту. Сел в постели, обдумывая события прошедшего дня. Выводы мне совсем не понравились. Поэтому я надел халат, шлепанцы и отправился к дому Клюга.

Входная дверь снова оказалась открытой настежь, но я все равно постучал. Лиза выглянула из гостиной.

— Виктор? Что-нибудь случилось?

— Не уверен, — сказал я. — Можно войти?

Она кивнула, и я прошел за ней в комнату.

У консоли стояла открытая банка пепси. Лиза уселась на свою скамеечку, я заметил, что глаза у нее покраснели.

— Что случилось? — еще раз спросила она и зевнула.

— Тебе, наверно, надо поспать, — сказал я.

Она пожала плечами и кивнула.

— Да-а. Я никак не попаду в фазу, и сейчас у меня дневной настрой. Хотя я привыкла работать в любое время и подолгу… Надеюсь, ты пришел не для того, чтобы сказать мне об этом?

— Нет. Ты уверена, что Клюга убили?

Предсмертную записку писал не он. Следовательно, остается убийство.

— Я долго думал, за что его могли убить. Он никогда не выходил из дома, так что, видимо, его убили за то, что он сделал что-то такое здесь, со своими компьютерами. А теперь ты… Честно говоря, я не знаю, что именно ты делаешь, но, похоже, ты влезаешь в те же самые дела. Что, если эти люди вернутся?

Она вскинула брови.

— Какие люди?

Я растерялся. Опасения мои оформились недостаточно четко и выглядели, наверное, не очень-то убедительно.

— Не знаю… Ты говорила… какие-то организации…

— Значит, ты заметил, как отреагировал на это Осборн? Он решил, что Клюг наткнулся на какую-нибудь тайную операцию, или что люди из ЦРУ убили его, когда он узнал о чем-то секретном, или…

— Я не знаю, Лиза. Но я испугался. Вдруг то же самое случится с тобой?

Она неожиданно улыбнулась.

— Спасибо, Виктор. Я не хотела признаваться при Осборне, но меня это тоже беспокоит.

— И что ты собираешься делать?

— Остаться и продолжать работу. Я пыталась придумать, как бы себя обезопасить, но в конце концов решила, что тут ничего не сделаешь.

— Но хоть что-то можно предпринять…

— У меня есть пистолет, если ты это имеешь в виду. Но подумай сам. Клюга убрали среди белого дня. Никто не видел, чтобы кто-то входил в дом. И я спросила себя: кто способен прийти днем, застрелить Клюга, запрограммировать предсмертную записку и уйти, не оставив никаких следов?

— Кто-то очень опытный и хитрый.

— Вот именно. Настолько опытный и хитрый,

что едва ли у меня будет шанс помешать ему, если он решит разделаться со мной.

И ее слова, и ее равнодушие к собственной судьбе меня просто потрясли. Но все же она признала, что беспокоится.

— Тогда нужно прекратить все это. Уехать отсюда.

— Ну уж нет. Я не позволю, чтобы меня гоняли туда-сюда, — ответила она, и в ее голосе я уловил жесткую нотку.

Я подумал о том, что мог бы сказать еще кое-что, но не стал.

— По крайней мере… запирай входную дверь, ладно?

Она рассмеялась и поцеловала меня в щеку.

— Обещаю. И я очень благодарна тебе за заботу. Очень.

Я подождал, пока она закроет за мной дверь, и, услышав, как щелкнул замок, побрел через освещенный луной двор к своему дому. На полпути я остановился, сообразив, что мог бы предложить ей переночевать в моей второй спальне. Или остаться с ней в доме Клюга.

Но потом решил не делать этого из боязни, что она неправильно меня поймет.

Только оказавшись в постели, я понял с огор-

чением и некоторым презрением к самому себе, что у нее были все основания понять меня неправильно.

И это при том, что я ровно в два раза старше ее.

Утро я провел на огороде, планируя меню на вечер. Мне всегда нравилось готовить, но ужины с Лизой стали для меня самым радостным событием дня. Более того, я уже считал их обязательными. Поэтому, когда около полудня я выглянул на улицу и увидел, что ее машины нет на месте, мне стало не по себе.

Я торопливо прошел к дому Клюга. Дверь опять была открыта настежь. Осмотрев дом, я ничего особенного не обнаружил, только в спальне на полу были аккуратно разложены стопки ее одежды. Все еще дрожа, я постучал в дверь Ланьеров, Открыла Бетти и сразу заметила, что я чем-то встревожен.

— Та девушка в доме Клюга… — сказал я. — Что-то произошло. Может быть, нам позвонить в полицию?

— А что случилось? — спросила Бетти, глядя поверх моего плеча. — Похоже, она еще не вер-

нулась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я видела, как она уехала с час назад. Машина у нее что надо!

Чувствуя себя полным идиотом, я попытался сделать вид, будто ничего особенного не произошло, однако успел заметить, каким взглядом посмотрела на меня Бетти. Словно ей хотелось погладить меня по голове или что-то вроде того. Я почувствовал, что начинаю злиться.

Лиза оставила одежду, значит, она должна вернуться. Продолжая уверять себя, что это действительно так, я забрался в ванну с обжигающе горячей водой.

Услышав стук, я открыл дверь и увидел Лизу. С пакетами в обеих руках и с обычной ослепительной улыбкой на лице.

— Я собиралась сделать это еще вчера, но забыла и вспомнила, только когда ты пришел. Мне так хотелось сделать тебе сюрприз, что я съездила и купила кое-что, чего нет у тебя ни в саду, ни на кухне…

Она продолжала говорить, пока мы выгружали из пакетов съестное. Я молчал. На Лизе была новая майка, надпись на которой гласила: **В+Л — П**. Я нарочно не стал спрашивать, что это означает.

— Ты любишь вьетнамскую кухню?

Я взглянул на нее, и только теперь до меня дошло, что она очень взволнована.

— Никогда не пробовал, — сказал я. — Но я люблю китайскую, японскую и индийскую. Я вообще люблю пробовать все новое.

В последней части я покривил душой, но не так чтобы очень сильно: хотя иногда я и пробую новые рецепты, но вкусы в еде у меня в общем-то вполне католические.

— Не представляю, что у меня получится, — засмеялась она. — Моя мать была наполовину китаянкой. Так что сегодня на ужин будет нечто беспородное.

Она подняла глаза и, увидев мое лицо, снова рассмеялась.

— Я забыла, что ты бывал в Азии. Не бойся, собачьего мяса я готовить не буду.

Единственное, что было совершенно невыносимо, это палочки. Я мучался с ними, сколько мог, потом отложил в сторону и взял вилку.

— Извини, — сказал я, — но мне это не под силу.

— Ты вполне прилично с ними управлялся.

— Было время научиться.

Каждое новое блюдо воспринималось мною

как откровение: ничего подобного я в жизни не пробовал.

— Ты меня боишься, Виктор?

— Поначалу боялся.

— Из-за моего лица?

— Просто обобщенная азиатофобия. Наверно, я все-таки расист. Против своей воли.

Она кивнула. Мы снова сидели в патио, хотя солнце уже давно скрылось за горизонтом.

Я не могу припомнить точно, о чем мы говорили прежде, но, во всяком случае, нам было интересно.

— У вас, американцев, комплекс по поводу расизма. Как будто вы его изобрели, и никто другой, кроме, может быть, ЮАР и нацистов, не знают толком, что такое расизм на практике. Вы не в состоянии отличить одно желтое лицо от другого и считаете все желтые нации монолитным блоком. Хотя на самом деле у азиатов расовая ненависть ох как сильна. — Она задумалась, потом добавила: — Как я ненавижу Камбоджу, ты бы знал! Я бежала туда из Сайгона и на два года попала в трудовые лагеря. Наверное, мне надо ненавидеть только этого подонка Пол Пота, но мы не всегда властны над своими чувствами…

На следующий день я зашел к ней около полудня. На улице похолодало, но в ее темной пещере еще держалось тепло.

Лиза рассказала мне кое-что о компьютерах, но когда она дала мне поработать с клавиатурой, я быстро запутался, и мы решили, что мне едва ли стоит планировать для себя карьеру программиста.

Одно из приспособлений, которое она мне показала, называлось «модем». С его помощью Лиза могла связываться с любыми другими компьютерами практически во всем мире. Когда я пришел, она как раз общалась с кем-то в Станфорде, с человеком, которого она никогда не видела и знала только по его позывному «Бабл-Сортер». С жуткой скоростью они перебрасывались своими компьютерными словечками. Под конец Бабл-Сортер напечатал: «Пока-П». В ответ Лиза напечатала: «И».

— Что означает «И»? — спросил я.

— «Истина». В смысле «да», но обычное «да» для хакера слишком прямолинейно.

— А что такое «пока-П»?

— Это вопрос. Добавляешь к слову «П», и получается вопрос. «Пока-П» означает, что Бабл-Сортер

спрашивает, закончен ли наш разговор.

Я задумался и посмотрел на ее майку, потом — в глаза, серьезные и спокойные. Она ждала, сложив руки на коленях.

В+Л — П

— Да, — сказал я. — Да.

Лиза положила очки на стол и стянула майку через голову.

К вечеру мы решили, что Лизе следует перебраться в мой дом. Кое-какие операции ей необходимо было выполнять у Клюга, но остальное она вполне могла делать у меня с помощью переносного терминала и охапки дисков. Мы выбрали один из лучших компьютеров, дюжину периферийных устройств и установили все это хозяйство в одной из моих комнат.

Конечно же, мы оба понимали, что этот переезд вряд ли спасет нас, если те, кто прикончил Клюга, решат заняться Лизой. Но все-таки я почувствовал себя спокойнее, и она, надеюсь, тоже.

На следующий день к дому подкатил грузовой фургон, и двое парней принялись выгружать оттуда здоровенную кровать.

— Слушай, — сказал я, — ты случайно не вос-

пользовалась компьютерами Клюга, чтобы…

Лиза расхохоталась.

— Успокойся. Как ты считаешь, отчего я могу позволить себе «Феррари»?

— Признаться, я задавал себе этот вопрос.

— Если человек действительно умеет писать хорошие программы, он может заработать очень много денег. У меня есть собственная компания, но ни один хакер не откажется от возможности познакомиться с каким-нибудь новым трюком. Кое-какие из приемов Клюга я когда-то применяла сама.

— А сейчас? Нет?

Лиза пожала плечами.

— Единожды совравши…

Спала Лиза мало.

Мы поднимались в семь, и я готовил завтрак. Час-другой мы работали в огороде. Потом Лиза отправлялась в дом Клюга, и около полудня я приносил ей сандвич. Потом я заглядывал к ней несколько раз, но скорее ради собственного спокойствия, и никогда не оставался дольше минуты. Днем я отправлялся за покупками или занимался домашними делами, а часов в семь

мы по очереди принимались за приготовление ужина. Я учил ее американской кухне, а она меня всему понемногу. Иногда она жаловалась, что в Америке не продают каких-то необходимых ей продуктов. Имелось в виду, конечно, не собачье мясо, хотя Лиза утверждала, что знает отличные рецепты блюд из обезьян, змей и крыс. Я никогда не мог понять, шутит она или говорит всерьез, однако от вопросов воздерживался.

После ужина она оставалась в моем доме. Мы часто и подолгу говорили.

Очень ей понравилась моя ванна. Пожалуй, это единственное изменение, которое я сделал в доме, и мой единственный предмет роскоши. Я поставил эту ванну в 1975 году, для нее пришлось расширять ванную комнату.

Дурных привычек она не имела, по крайней мере таких, которые не совпадали бы с моими. Аккуратная. Любила чистоту. Переодевалась во все свежее дважды в день и ни разу не забыла в раковине невымытую чашку. В ванной после нее всегда оставался полный порядок.

В течение следующих двух недель Осборн заходил трижды. Лиза принимала его у Клюга и

рассказывала то, что ей удалось узнать.

— У Клюга был однажды счет в Нью-Йоркском банке, где лежало девять триллионов долларов, — рассказала мне Лиза после очередного визита Осборна. — Я думаю, он сделал это просто из желания узнать, пройдет у него такой трюк или нет. Он оставил эту сумму на одни сутки, снял проценты и сбросил их на другой счет, в банке на Багамах, а потом уничтожил основной капитал. Все равно он был фиктивным.

Осборн в свою очередь рассказывал ей, что нового в расследовании убийства. Впрочем, нового они не узнали практически ничего, так что он делился своими соображениями относительно собственности Клюга, ситуация с которой по-прежнему оставалась неясной. Различные организации присылали своих людей для осмотра дома. Приезжала команда из ФБР, собиралась взять расследование в свои руки. Однако Лиза обладала удивительной способностью затуманивать людям мозги, рассказывая им о компьютерах. Сначала она объясняла свои действия, но в такой форме, что ее никто не мог понять. Иногда этого оказывалось достаточно. Если же нет, она вставала со своего места и предоставляла посетителям возможность самим

справиться с творениями Клюга. После чего те с ужасом наблюдали, как вся информация на диске вдруг стиралась и на экране появлялась надпись: «Ты — глупое дерьмо!».

— Я бессовестно надуваю их, — призналась мне Лиза. — Я даю им только то, что они и сами узнают, потому что я через это уже прошла. Потеряла я около сорока процентов хранимой Клюгом информации. Но другие теряют все сто. Ты бы видел их лица, когда Клюг подбрасывает им очередную логическую бомбу! Тот тип швырнул принтер ценой в три тысячи долларов через всю комнату, а потом пытался подкупить меня, чтобы я никому об этом не говорила.

Какое-то федеральное агентство послало к ней эксперта из Станфорда, и тот в полной уверенности, что рано или поздно расколет коды Клюга, начал стирать все подряд. Лиза показала ему, как Клюг забрался в главный компьютер налогового управления, но «забыла» упомянуть, как он оттуда выбирался. Эксперт тут же вляпался в сторожевую программу и, сражаясь с ней, стер, как оказалось, все налоговые записи с буквы S до буквы W. По крайней мере, с полчаса Лиза держала его в уверенности, что это действительно так.

— Я думала, у него сердечный приступ, — сказа-

ла она мне. — Весь побелел и молчит. Я сжалилась и показала ему, куда предусмотрительно переписала всю эту информацию, потом объяснила, как запихнуть ее на место и как утихомирить сторожевую программу. Из дома он пулей вылетел. Скоро он поймет, конечно, что такой объем информации можно уничтожить в один миг разве что динамитом, потому что существуют дублирующие системы и у скорости обработки есть предел. Но сюда, я думаю, он больше не вернется.

— Все это похоже на какую-то замысловатую видеоигру, — сказал я.

— В каком-то смысле, да. Похоже на бесконечную серию запертых комнат, в которых прячется что-то страшное. Каждый шаг — это огромный риск, и за один раз можно делать лишь сотую долю шага. Ты должен спрашивать чужую машину примерно так: «На самом деле это не вопрос, но если вдруг мне придет в голову спросить (чего я вовсе не собираюсь делать) о том, что случится, если бы я смотрел на эту вот дверь (я даже не трогаю ее; меня нет даже в соседней комнате), то что бы ты в таком невероятном случае предпринял?». Программа все это перемалывает, решает, заслуживаешь ли ты тортом по физиономии, а потом либо швыряет в тебя этот торт, либо делает вид,

что переходит с позиции А на позицию А1. Тогда ты говоришь: «Ну, предположим, я действительно посмотрел на эту дверь», после чего иногда она отвечает: «Ты подглядывал, ты подглядывал!» — и все летит к чертям.

Возможно, выглядит такое объяснение глуповато, но, по-моему, это была самая удачная из попыток Лизы объяснить мне, чем она все-таки занимается.

— Ты им все рассказываешь? — спросил я.

— Нет, не все. Я не упомянула про четыре цента.

— Лиза, я не хотел этих денег, не просил и жалею, что…

— Успокойся. Все будет в порядке.

— У Клюга все это было зафиксировано?

— Да, и на расшифровку его записей я потратила уйму времени.

— Ты давно узнала?

— Про семьсот тысяч долларов? Это оказалось в первом же диске, что я расколола.

— Я хочу вернуть эти деньги.

Она задумалась и покачала головой.

— Сейчас, Виктор, избавляться от этих денег будет опасней, чем оставить их у себя. Когда-то это были вымышленные деньги, но теперь у них

своя история. В налоговом управлении полагают, будто им известно, откуда деньги взялись. Налоги за эту сумму выплачены. Штат Делавэр считает, что их перевела тебе реально существующая корпорация. Адвокатской конторе в Иллинойсе уплачено за оформление процедуры перевода. Банк платит тебе проценты. Я не стану уверять тебя, что вернуться назад и стереть все записи невозможно, но я не хотела бы этим заниматься. Я неплохо знаю свое дело, однако у Клюга был особый дар, которым я, увы, не обладаю.

— Как ему все это удалось? Ты сказала «вымышленные деньги». Разве такое возможно. Он их что, с потолка брал?

Лиза нежно погладила свой компьютер.

— Вот они, деньги, — сказала она, и глаза ее заблестели.

Ночью, чтобы не беспокоить меня, Лиза работала при свече, и это обстоятельство сыграло для меня роковую роль. На клавиатуре она работала вслепую, а свеча ей требовалась только для того, чтобы находить нужные дискеты.

Так я и засыпал каждую ночь, глядя на ее хрупкую фигурку в теплом сиянии свечи. Золотистый

свет на золотистой коже…

«Тощая», — сказала она как-то про себя. Лиза действительно была худа, я видел ее ребра, когда она сидела на скрещенных ногах, втянув живот и задрав подбородок. Иногда она замирала надолго, опустив руки, потом кисти ее вдруг взлетали вверх, словно для того, чтобы с силой ударить по клавишам. Но клавиш она всегда касалась легко, почти беззвучно. Мне казалось, что это скорее йога, чем программирование. И сама Лиза говорила, что в состоянии медитации ей работается лучше всего.

Никто не назвал бы ее лицо красивым. И, пожалуй, мало кто сказал бы, что оно привлекательно. Наверно, это из-за скобок на зубах: они отвлекали внимание. Однако мне она казалась красивой.

Я перевел взгляд с нее на свечу. Какое-то время смотрел на пламя, потом попытался отвести глаза — и не смог. Со свечами иногда случается — не знаю, почему — они вдруг начинают мигать, хотя пламя остается вертикальным. Оно подскакивает и опускается вверх-вниз, вверх-вниз, ритмично, разгораясь все ярче и ярче…

Я пытался позвать Лизу, но свеча все пульсировала, и я уже не мог говорить… Я задыхался, всхлипывал, хотел закричать громко, сказать,

чтобы она не волновалась.

И тут я почувствовал тошноту…

Во рту ощущался вкус крови. Я попробовал вздохнуть. В комнате горел верхний свет.

Лиза стояла на коленях, склонившись надо мной, и я почувствовал, как на лоб мне упала слеза. Я лежал рядом с кроватью, на ковре.

— Виктор, ты меня слышишь?

Я кивнул. Изо рта у меня торчала ложка, и я ее выплюнул.

— Что случилось? Тебе уже лучше?

Я снова кивнул и попытался заговорить.

— Лежи, лежи. Я вызвала врача.

— Не надо врача.

— Они все равно уже едут. Лежи спокойно…

— Помоги мне подняться.

— Еще рано. Тебе нельзя.

Она оказалась права. Я попытался сесть и тут же упал обратно на спину. В дверь позвонили.

Каким-то образом Лиза отделалась от бригады из скорой помощи, потом сварила кофе. Мы устроились на кухне, и она немного успокои-

лась. Был уже час ночи, но я все еще чувствовал себя неважно, хотя приступ оказался не самым страшным.

Я прошел в ванную, достал пузырек с «Диланти-ном», который спрятал, когда Лиза перебралась ко мне, и на ее глазах принял одну пилюлю.

— Я забыл сделать это сегодня, — сказал я.

— Потому что ты их спрятал. Глупо.

— Знаю.

Наверное, мне следовало сказать что-то еще, ее действительно задело то, что я не защищался, но, еще не придя в себя после приступа, я понимал все это с трудом.

— Ты можешь уйти, если захочешь, — сказал я. На редкость удачно.

Лиза тоже не осталась в долгу. Она перегнулась через стол и встряхнула меня за плечи, потом рассерженно сказала:

— Чтобы я больше этого не слышала!

Я кивнул и заплакал. Она меня не трогала, и это мне помогло. Она могла бы начать меня успокаивать, но обычно я неплохо справляюсь с собой сам.

— Давно это с тобой? — спросила она наконец. — Ты поэтому сидишь дома все тридцать лет?

— Отчасти, — сказал я, пожимая плечами. — Когда я вернулся с войны, мне сделали операцию, но стало только хуже.

— Ладно. Я сержусь на тебя, потому что ты ничего мне не сказал, и я не знала, что нужно делать. Ты должен мне рассказать, как мне поступать в случае чего. Тогда я не буду сердиться.

Наверно, тогда я мог все-все разрушить. Сам себе удивляюсь, отчего я так и не сделал. За долгие годы я выработал несколько безотказных методов ломать близкие отношения. Но, посмотрев ей в глаза, я себя переборол. Она действительно хотела остаться. Не знаю почему, но этого мне было достаточно.

— С ложкой ты ошиблась, — сказал я. — Если будет время и если ты сумеешь сделать это так, чтобы я не откусил тебе пальцы, во время приступа нужно запихнуть мне в зубы кусок скомканной ткани. Угол простыни или еще что-нибудь. Но ничего твердого. — Я пощупал пальцем во рту. — Кажется, я сломал зуб.

— И поделом, — сказала Лиза.

Я посмотрел на нее, и мы оба расхохотались. Она обошла вокруг стола, поцеловала меня и устроилась на моем колене.

— Опаснее всего то, что я могу захлебнуться.

Когда приступ начинается, у меня сводит все мышцы, но это ненадолго. Потом они начинают самопроизвольно расслабляться и сокращаться. Очень сильно.

— Знаю. Я пыталась тебя удержать.

— Никогда не делай этого. Переверни меня набок. Держись за спиной и смотри, чтобы я не задел тебя рукой. Если сможешь, сунь под голову подушку. И не подпускай меня к предметам, о которые я могу пораниться. — Я посмотрел ей в глаза. — И помни, пожалуйста, — все это ты можешь попытаться сделать, но если я слишком разойдусь, лучше отойти в сторону. Лучше для нас обоих. Если я вдруг ударю тебя так сильно, что ты потеряешь сознание, ты не сможешь помочь мне, и когда меня стошнит, я начну захлебываться.

Я все еще глядел ей в глаза. Она, должно быть, угадала, о чем я подумал, и едва заметно улыбнулась.

— Извини. Я понимаю. И мне неловко, знаешь… Потому что ты мог…

— …Подавиться ложкой, да? Я действительно поступил глупо, согласен. Я могу прикусить язык или щеку с внутренней стороны, но это не страшно. Еще одна вещь…

Она ждала, а я никак не мог решить, надо ли ей

все рассказывать. Вряд ли она смогла бы помочь, но мне не хотелось, чтобы она чувствовала себя виноватой, если я вдруг умру при ней.

— Иногда я ложусь в больницу. Бывает, что один приступ следует за другим. Если это будет продолжаться долго, я не смогу дышать, и мозг умрет от кислородного голодания.

— Для этого достаточно пяти минут, — встревоженно сказала она.

— Знаю. Но такое может быть, если приступы пойдут один за другим, так что у нас будет время подготовиться. Если я не оправлюсь от первого приступа и у меня тут же, без перерыва начнется следующий, или если ты заметишь, что я совсем не дышу три-четыре минуты, тогда вызывай скорую.

— Но ты же умрешь раньше, чем они приедут!

— Иначе я должен жить в больнице. А я больниц не люблю.

— Я тоже.

На следующий день Лиза взяла меня с собой прокатиться на «Феррари». Сначала я нервничал — боялся, что она начнет вытворять что-нибудь рискованное. Она, однако, вела машину слишком

медленно, сзади нам то и дело сигналили. По тому, сколько внимания уделяла она каждому движению, я понял, что машину Лиза водит не так уж давно.

— «Феррари» у меня, наверно, просто закисает, — призналась она по дороге. — Я никогда не гоню быстрее пятидесяти пяти.

Мы заехали в салон в Беверли-Хилс, и Лиза за какую-то несусветную цену купила слабенькую лампу на «гусиной шее».

В ту ночь я заснул с трудом. Наверно, боялся еще одного приступа, хотя новая лампа, что купила Лиза, вряд ли могла его вызвать.

Насчет этих самых приступов… Когда такое случилось со мной впервые, приступы называли еще «припадками». Потом уже появились «приступы», и какое-то время спустя слов «припадок» стало вроде как неприличным и оскорбительным.

Видимо, это признак старения, когда ты замечаешь, как меняется язык. Сейчас появилось столько новых слов… Многие из них — для вещей и понятий, которых просто не существовало, когда я был маленьким. Например, «матобеспе-

чение».

— Что тебя привлекло в компьютерах, Лиза? — спросил я.

Она даже не шелохнулась. Работая с машиной, Лиза порой уходила в себя полностью. Я повернулся на спину, попытался заснуть и тут услышал:

— Власть.

Я поднял голову и взглянул на нее. Теперь она

сидела лицом ко мне.

— Всем этим компьютерным штучкам ты научилась уже в Америке?

— Кое-чему еще там. Я тебе не рассказывала про своего капитана, нет?

— Кажется, нет.

— Странный человек. Я еще там это поняла. Мне тогда было четырнадцать. Этот американец почему-то мной заинтересовался. Снял мне хорошую квартиру в Сайгоне и отправил в школу.

Она смотрела на меня, словно ожидая какой-то реакции, но я молчал.

— Мне это пошло на пользу. Я научилась хорошо читать. Ну, а когда умеешь читать, нет ничего невозможного.

— В общем-то я не спрашивал про твоего капитана Я спросил, что привлекло тебя в компьютерах. Возможность зарабатывать на жизнь?

— Поначалу да. Но не только. За ними будущее, Виктор.

— Бог свидетель, об этом я читал достаточно.

— И это правда. И еще они дают власть, если ты знаешь, как ими пользоваться. Ты сам видел, на что был способен Клюг. С помощью компьютеров можно делать деньги. Я имею в виду не зарабатывать, а делать. Как если бы у тебя стоял печатный

станок. Помнишь, Осборн упоминал, что дома Клюга не существует? Как ты это понимаешь?

— Он, наверно, повытирал все данные о доме из разных там блоков памяти.

— Это только первый шаг. Ведь участок должен быть зарегистрирован в земельных книгах округа, как ты полагаешь? Я хочу сказать, что в этой стране еще не перестали хранить информацию на бумаге.

— Значит, в земельных книгах округа дом зафиксирован.

— Нет. Страница с записью удалена.

— Не понимаю. Клюг никогда не выходил из дома.

— Древний прием. Клюг проник в компьютеризованный архив лос-анджелесского управления полиции и отыскал там некоего Сэмми. Потом послал ему банковский чек на тысячу долларов и письмо, в котором сообщалось, что Сэмми получит в два раза больше, если заберется в местный архив и сделает то-то и то-то. Сэмми не клюнул, не клюнули также некто Макджи и Молли Ангер. Но Малыш Билли Фипс клюнул и получил второй чек, как было обещано в письме. У них с Клюгом долгие годы оставались прекрасные деловые отношения. Малыш Билли ездит теперь

в новеньком «Кадиллаке», причем он понятия не имеет, кто такой Клюг и где он жил. Клюга же совершенно не интересовало, сколько он тратил. Деньги он делал буквально из ничего.

Я обдумал услышанное. Действительно, когда у тебя полно денег, можно сделать почти все, а в распоряжении Клюга денег было предостаточно.

— Ты сказала Осборну про Малыша Билли?

— Я стерла этот диск так же, как стерла все упоминания о твоих семистах тысячах. Никогда не знаешь, когда тебе самому понадобится кто-нибудь вроде Малыша Билли.

— Ты не боишься, что у тебя из-за этого будут неприятности?

— Все жизнь — это риск, Виктор. Самый лучший материал я оставляю себе. Не потому, что намерена им воспользоваться. Но если когда-нибудь такая вещь понадобится, а у меня ее не окажется под рукой, я буду чувствовать себя последней дурой.

Она наклонила голову в сторону, и глаза ее превратились в еле заметные щелочки.

— Скажи мне… Клюг выбрал тебя из всех соседей, потому что целых тридцать лет ты вел себя, словно примерный бой-скаут. Как ты относишься к тому, что я делаю?

— Твое поведение я бы назвал восторженно-аморальным; правда, тебе много пришлось пережить, и по большому счету ты вполне честна. Но мне жаль тех, кто встанет у тебя на пути.

Она ухмыльнулась.

— Восторженно-аморальна. Это мне нравится.

— Значит, ты занялась компьютерами, потому что у них есть будущее. А тебе никогда не беспокоит… как бы это сказать… Глупо, наверное, но… Как по-твоему, они не захватят над нами власть?

— Так все думают, пока сами не начинают пользоваться машинами, — ответила она. — Ты не представляешь, насколько они глупы. Без программ они ни на что не годятся. А вот во что я действительно верю, так это в то, что власть будет принадлежать людям, которым компьютеры подчиняются. Они уже захватывают власть. Поэтому-то я компьютерами и занимаюсь.

— Я не то имел в виду. Может быть, я неточно выразился.

Она нахмурилась.

— Клюга очень интересовала одна проблема. Он постоянно следил за тем, что делается в лабораториях, которые занимаются искусственным интеллектом, и много читал по неврологии. Я думаю, он пытался найти что-то общее…

— Между человеческим мозгом и компьютером?

— Не совсем так. Компьютеры представлялись ему нейронами. Клетками мозга. — Она показала рукой на свою машину. — Этой штуке или любому другому компьютеру до человеческого мозга как до звезд. Компьютер не способен обобщать, делать выводы, изобретать. При хорошем матобеспечении может возникнуть впечатление, будто он что-то такое делает, но это иллюзия. Есть такое предположение, что, мол, когда мы наконец создадим компьютер, в котором будет столько же транзисторов, сколько нейронов в человеческом мозге, у него появится сознание. Я лично думаю, что это чушь. Транзистор не нервная клетка, квинтильон транзисторов ничем не лучше, чем дюжина. Так вот, Клюг, похоже, придерживался такого же мнения, и он начал искать общие свойства у нейронов и однобайтовых компьютеров. Потому-то у него дома и полно разного потребительского барахла — все эти «Трэш-80», «Атари», «ТИ», «Синклеры». Сам он привык к куда более мощным машинам. Это все для него игрушки.

— И что он узнал?

— Похоже, ничего. Восьмиразрядная машина гораздо сложнее нейрона, но все равно ни

один компьютер не выдерживает сравнения с человеческим мозгом. Если их вообще можно сопоставлять. Да, «Атари» сложнее нейрона, но на самом деле их трудно сравнивать. Все равно что направление с расстоянием или цвет с массой. Они разные. Но есть одна общая черта.

— Какая?

— Связи. Опять же, тут все по-разному, но принцип тот же. Нейрон связан с множеством других нейронов. Их триллионы, этих связей, и то, как передаются по ним импульсы, определяет, кто мы такие, что мы думаем и что помним. С помощью такого вот компьютера я тоже могу связаться с миллионами других компьютеров. Эта информационная сеть обширнее человеческого мозга, она содержит больше данных, чем все человечество в состоянии усвоить за миллион лет. Она тянется от «Пионера-10», который сейчас где-то за орбитой Плутона, до каждой квартиры, где есть телефон. С помощью этого компьютера ты можешь получить тонны сведений, которые когда-то были собраны, но некому было даже взглянуть на них, времени не хватало. И как раз это интересовало Клюга. Старая идея «критической компьютерной массы», когда компьютер обретает сознание, но он рассматривал эту идею под новым углом.

Может быть, считал он, важен не размер компьютеров, а их количество. Когда-то компьютеры считали на тысячи, теперь — на миллионы. Их ставят уже в автомобили и в наручные часы. В каждом доме их несколько — от простенького таймера в микроволновой духовке до видеоигр и компьютерных терминалов. Клюг пытался выяснить, возможно ли набрать критическую массу таким путем.

— И к какому выводу он пришел?

— Не знаю. Он только начинал работу.

— Критическая масса… На что это может быть похоже? Мне кажется, должен возникнуть колоссальный разум. Такой быстрый, такой всезнающий. Всеобъемлющий. Почти богоподобный.

— Может быть.

— Но… не захватит ли он над нами власть? Кажется, я опять вернулся к тому вопросу, с которого начал. Не превратимся ли мы в его рабов?

Она надолго задумалась.

— Я не думаю, что мы того стоим. Зачем ему это? И потом, откуда нам знать, что ему будет нужно? Захочет ли он, чтобы его обожествляли? Сомневаюсь. Это скорее из фантастического фильма пятидесятых годов. Можно говорить о сознании, но что под этим термином понимать?

Должно быть, амебы что-то осознают, да и растения тоже. Возможно даже, у каждого нейрона есть какой-то свой уровень сознания. Мы до сих пор не знаем, что такое наше сознание, откуда оно берется и куда уходит, когда мы умираем. А уж применять человеческие мерки к гипотетическому сознанию, которое зародилось в глубинах компьютерной сети, так и вовсе глупо. Я, например, не представляю, как оно может взаимодействовать с человеческим сознанием. Не исключено, что оно просто не обратит на нас внимания, так же, как мы не замечаем отдельных клеток собственного организма, или нейтрино, пролетающих сквозь нас, или колебаний атомов в воздухе.

После этого ей пришлось объяснять мне, что такое нейтрино, и вскоре я уже забыл про наш мифический гиперкомпьютер.

— А что это за капитан? — спросил я через некоторое время.

— Ты в самом деле хочешь знать?

— Скажем так, я не боюсь узнать.

— Вообще-то он майор. Получил повышение. Тебе интересно, как его зовут?

— Лиза, если ты не хочешь, то не рассказывай. Но если хочешь, тогда меня интересует, как он с

тобой поступил.

— Он не женился на мне. Ты это имел в виду, верно? Он предлагал, когда понял, что умирает, но я его отговорила. Может быть, это был мой самый благородный поступок в жизни. А может быть, самый глупый. Незадолго до падения Сайгона я пыталась пробиться в американское посольство, но не сумела. Про трудовые лагеря в Кампучии я тебе уже говорила. Потом я попала в Таиланд, и, когда наконец добилась, чтобы американцы обратили на меня внимание, оказалось, что мой майор все еще разыскивает меня. Он и устроил мой переезд сюда. Я успела вовремя — он уже умирал от рака. Я провела с ним всего два месяца, все время в больнице.

— Господи! — У меня возникла ужасная мысль. — Это из-за войны?

— Нет. Во всяком случае, не из-за вьетнамской. Он был из тех, кому довелось увидеть атомные взрывы в Неваде с близкого расстояния. Он не жаловался, но я думаю, он знал, что его убивает.

Осборн появился через неделю. Выглядел он как-то пришибленно и без особого интереса слушал то, что Лиза решила ему рассказать. Взял

приготовленные для него распечатки и пообещал передать их в полицию. Уходить не торопился.

— Полагаю, я должен сообщить это вам, Апфел, — сказал он наконец. — Дело Гэвина закрыли.

Я не сразу сообразил, что Гэвин — настоящая фамилия Клюга.

— Медэксперт установил самоубийство уже давно, и если бы не мои подозрения и ее слова, — он кивнул в сторону Лизы, — о предсмертной записке, я бы закрыл дело раньше. Но никаких доказательств у меня нет.

— Это, должно быть, произошло очень быстро, — сказала Лиза, — Кто-то заметил его, проследил, откуда он работает, — на этот раз Клюгу не повезло, — и прикончил его в тот же день.

— Вы не верите в самоубийство? — спросил я Осборна.

— Нет. Но того, кто это сделал, даже не в чем обвинить, если не появятся новые факты.

— Я сообщу вам, если что-то всплывет, — пообещала Лиза.

— Тут есть одна загвоздка, — сказал Осборн. — Здесь вам работать уже нельзя. Дом со всем имуществом поступил в распоряжение властей округа.

— На этот счет не беспокойтесь, — мягко произнесла Лиза.

Пока она вытряхивала сигарету из пачки (Лиза курила, когда очень волновалась), все молчали. Она зажгла сигарету, затянулась, села, откинувшись назад, рядом со мной и посмотрела на Осборна с совершенно непроницаемым лицом. Осборн вздохнул.

— Не хотел бы я играть с вами в покер, леди, — сказал он. — Что значит «на этот счет не беспокойтесь»?

— Я купила этот дом четыре дня назад. Со всем, что в нем есть. И если я найду что-нибудь такое, что позволит вам вновь открыть дело об убийстве, то непременно сообщу.

Осборн был настолько ошарашен, что даже не разозлился.

— Хотел бы я знать, как вы это провернули.

— Ничего незаконного, можете проверить. За все уплачено. Власти решили продать дом, я его купила.

— А что если я посажу на расследование этой сделки своих лучших людей? Может быть, они откопают левые деньги? Или мошенничество? Что если я обращусь в ФБР, чтобы они тоже этим занялись?

Лиза смотрела на него совершенно спокойно.

— Бога ради. Хотя, если честно, инспектор Осборн, я могла бы просто украсть этот дом и впридачу парк Гриффит вместе с автострадой, и не думаю, что вы сумели бы меня в чем-то уличить.

— Мне не нравится, что в ваших руках остаются все эти компьютерные штуки, особенно после того, как вы рассказали мне об их возможностях.

— Я и не ожидала, что вам понравится. Но это теперь не по вашей части, правильно? Дом был конфискован, местные власти не поняли, что у них в руках, и продали все целиком.

— Может быть, я сумею направить сюда людей для конфискации матобеспечения. Там есть доказательства нелегальных действий Клюга.

— Попытайтесь, — согласилась Лиза.

Довольно долго они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Победила Лиза. Осборн устало потер веки и кивнул, затем тяжело поднялся на ноги и пошел к выходу. Лиза загасила сигарету, и мы продолжали сидеть, прислушиваясь к звуку шагов Осборна, доносившимся из-за двери.

— Меня удивляет, что он сдался так легко, — сказал я. — Как по-твоему, он будет добиваться конфискации?

— Маловероятно. Он знает расклад.

— Может, ты и меня просветишь?

— Ну, во-первых, это не его отдел, и он это понимает…

— Зачем ты купила дом?

— Тебе следует спросить, как я его купила.

Пристально посмотрев на нее, я заметил, что за непроницаемостью черт в ее лице проглядывает какая-то веселость.

— Лиза, что ты еще вытворила?

— Это как раз тот вопрос, который Осборн задал себе. Он угадал правильный ответ, потому что кое-что знает о машинах Клюга. И еще он знает, как и что делается в этом мире. Конечно, власти не случайно решили продать дом, и не случайно, что я оказалась единственным покупателем. Я использовала одного члена муниципального совета, из тех, кого Клюг приручил.

— Ты его подкупила?!

Она засмеялась и поцеловала меня.

— Кажется, наконец-то я вызвала у тебя возмущение. Вот где самое большое различие между мной и американцами! В Америке средний гражданин особенно много на взятки не тратит. В Сайгоне это делали все.

— Ты дала ему взятку?

— Не так прямо, конечно. Пришлось зайти с черного хода. Несколько совершенно легальных перечислений на предвыборную кампанию вдруг появились на счету одного сенатора, который упомянул некую ситуацию еще кое-кому, кто мог вполне законно провернуть мое дельце. — Она посмотрела на меня искоса. — Конечно, я подкупила его, Виктор. Ты бы удивился, узнав, как дешево он мне обошелся. Тебя это беспокоит?

— Да, — признался я. — Мне не нравится взяточничество.

— Ну, а я отношусь к нему безразлично. Оно просто существует, как гравитация. Восхищаться тут, конечно, нечем, но таким образом можно сделать очень много и очень быстро.

— Я надеюсь, ты себя обезопасила?

— Более или менее. Когда дело касается взяток, никогда нельзя быть уверенным на сто процентов. Человеческий фактор. Тот член муниципального совета может сболтнуть лишнего, если окажется когда-нибудь перед судом присяжных. Но, думаю, он не окажется, потому что Осборн не станет заниматься этим делом. Он знает, как устроен мир, знает, какой властью я обладаю, и знает, что ему меня не пересилить. Это вторая причина того, что он ушел сегодня

без драки.

Мы долго молчали. Я хотел о многом поразмыслить, и то, о чем я размышлял, мне большей частью не нравилось. Лиза потянулась было за сигаретами, потом передумала. Она ждала, когда я приду к какому-нибудь выводу.

— Это огромная сила, — сказал я наконец.

— Страшная сила, — согласилась она. — Ты не думай, что меня она не пугает. Мне в голову тоже приходили всякие фантазии о сверхчеловеческом могуществе. Власть — это ужасное искушение, от нее не так-то легко отказаться. Я могла бы сделать очень многое.

— А станешь?

— Я не о том, что можно украсть или разбогатеть…

— Понимаю.

— Это власть политическая. Но как ей воспользоваться? Пусть это прозвучит банально, но я не знаю, как использовать ее во благо. Я слишком часто видела, как добрые намерения оборачивались злом. Боюсь, мне не хватит мудрости сделать что-то хорошее. И слишком велик шанс закончить так же, как Клюг. Но оставить эту затею я тоже не могу. Я все еще беспризорная девчонка из Сайгона. У меня хватает ума не пользоваться

властью, кроме тех случаев, когда нет другого выхода. Но просто выбросить или уничтожить такие сокровища я тоже не могу. Ну не глупо ли?

Я не мог ответить на ее вопрос. Но у меня возникло недоброе предчувствие.

Всю следующую неделю меня грызли сомнения. Лиза знала о каких-то преступлениях, но не сообщала о них властям. Впрочем, это меня не особенно беспокоило. Другое дело, что она сама располагала возможностью совершить гораздо больше преступлений, и это вызывало у меня тревогу. Вряд ли она что-то такое планировала, у нее хватало ума использовать свои знания только для обороны. Но оборона в понимании Лизы охватывала слишком широкий круг действий.

Однажды вечером она не пришла к ужину вовремя. Я отправился к дому Клюга и застал ее за работой. Стеллаж длиной футов в девять опустел, диски и пленки стопками лежали на столе. На полу стоял огромный пластиковый мешок для мусора, рядом с ним — магнит размером с футбольный мяч. На моих глазах Лиза взяла кассету с пленкой, провела ею по магниту и бросила в почти наполненный мешок. Она посмотрела на

меня, проделала такую же операцию с небольшой стопкой магнитных дисков, потом сняла очки и вытерла глаза.

— Так тебе будет лучше, Виктор? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду? Я хорошо себя чувствую.

— Неправда. И я чувствовала себя скверно. Мне больно делать то, что я делаю, но я должна. Ты не принесешь мне еще один мешок?

Я притащил мешок, затем помог ей снять с полок следующую порцию кассет и дисков.

— Ты собираешься все стереть?

— Не все. Я стираю досье Клюга и… кое-что еще.

— Ты не хочешь говорить мне, что именно?

— Есть вещи, которые лучше не знать, — мрачно ответила она.

В конце концов за ужином я убедил ее рассказать мне, в чем дело.

— Это страшно, — сказала она. — За последнее время я побывала во многих запретных местах. Клюг туда попадал по первому желанию, и мне до сих пор страшно. Грязные места. Там знают

кое-какие вещи, про которые, как мне казалось раньше, я тоже хотела бы узнать.

Она вздрогнула, не решаясь продолжить.

— Ты имеешь в виду военные компьютеры? ЦРУ?

— С ЦРУ все началось. К ним попасть легче всего. Потом я забралась в компьютеры системы НОРАД — это те парни, которые должны вести следующую мировую войну. И от того, с какой легкостью Клюг к ним забрался, у меня волосы дыбом встали. Просто ради практики он разработал методику начала Третьей мировой войны. Запись хранилась на одном из тех дисков, что мы уже стерли. А последние два дня я ходила на цыпочках вокруг действительно серьезных заведений. Разведывательное управление министерства обороны и НСА, Управление национальной безопасности. Каждое из них больше, чем ЦРУ. И меня там засекли. Какая-то сторожевая программа. Как только я поняла это, тут же дала ходу и пять часов подряд занималась тем, что заметала следы. Убедилась, что меня не отследили, и решила все уничтожить.

— Ты думаешь, Клюга убили они?

— Они на эту роль подходят лучше всего. Клюг держал у себя кучу их информации. Он помогал

проектировать компьютерные комплексы в НСА и потом долгие годы шарил по их машинам. Тут достаточно одного неверного шага…

— Но ты все сделала как нужно? Ты уверена?

— Меня не отследили, это точно, но я не уверена, что уничтожила все записи. Пойду взгляну еще раз.

— Я с тобой.

Мы закончили после полуночи. Лиза просматривала диск или пленку, и если у нее возникало сомнение, передавала ее мне, а я обрабатывал магнитом. Один раз Лиза взяла магнит и провела им перед целой полкой с записями.

Меня охватило поразительное чувство. Одним движением руки она превратила в хаос миллиарды битов информации. Возможно, такой информации не было больше нигде. И у меня возникли сомнения. Имела ли она право делать это? Разве знания существуют не для всех? Но, должен признаться, сомнения мучили меня недолго. Старый консерватор во мне с легкостью соглашался, что есть Вещи, Которые Нам Лучше Не Знать.

Нам оставалось совсем немного, когда экран дисплея начал барахлить. Что-то несколько раз

щелкнуло и зашипело. Лиза отскочила назад. Потом экран замигал. Мне показалось, что там появляется изображение. Что-то трехмерное. И уже почти уловив, чтó это, я случайно взглянул на Лизу. Она смотрела на меня, лицо ее освещалось пульсирующими вспышками света. Она подошла ко мне и закрыла ладонью мои глаза.

— Виктор, тебе не надо смотреть.

— Все в порядке, — сказал я, и, пока я говорил, все действительно было в порядке, но как только слова были произнесены, я почувствовал, что это не так. Это последнее мое воспоминание за очень долгий срок.

Врачи сказали, что две недели я был на грани. Помню очень мало, потому что мне постоянно вводили большие дозы лекарств, а после коротких периодов просветления снова начинались приступы.

Первое, что я запомнил, — лицо склонившегося надо мной доктора Стюарта. Я лежал на больничной койке. Позже я узнал, что нахожусь не в госпитале для ветеранов, а в частной клинике. Лиза уплатила за отдельную палату.

Стюарт задавал обычные вопросы, я отвечал,

хотя чувствовал себя очень уставшим. Потом Стюарт ответил на несколько моих вопросов, и я узнал, как долго пробыл в больнице и что произошло.

— У вас начались непрерывные приступы. Честно говоря, не знаю, почему. Уже лет десять такого не было, и мне казалось, что все опасности позади.

— Значит, Лиза доставила меня сюда вовремя…

— Более того… Сначала она, правда, не хотела мне рассказывать… После того первого приступа она прочла все, что смогла найти на эту тему, и всегда держала под рукой шприц и раствор «Валиума». Увидев, что вы задыхаетесь, она ввела вам сто миллиграммов, чем и спасла вашу жизнь.

Мы с доктором Стюартом знакомы давно, он знал, что у меня нет рецепта на «Валиум». Мы говорили на эту тему, когда я последний раз лежал в больнице. Но, поскольку я жил один, сделать мне укол все равно некому.

Впрочем, доктора гораздо больше интересовал результат: я все-таки остался в живых.

В тот день он не допустил ко мне посетителей.

Я запротестовал, но вскоре уснул. Лиза пришла на следующий день. На ней была новая майка с изображением робота в мантии и академической шапочке. Надпись на майке гласила: «Выпуск 11111000000 года». Оказалось, что это 1984 в двоичном счислении.

— Привет! — Лиза улыбнулась и села на кровать. Меня вдруг начало трясти. Она посмотрела на меня встревоженно и спросила, не позвать ли врача.

— Не надо, — сказал я с трудом. — Просто обними меня.

Она сбросила туфли, забралась ко мне под одеяло и крепко обняла. Через какое-то время вошла медсестра и попыталась ее прогнать. Лиза выдала ей серию вьетнамских, китайских и английских ругательств, после чего медсестра исчезла. Позже я заметил, как в палату заглядывал доктор Стюарт.

Я почувствовал себя намного лучше и наконец унял слезы. Лиза тоже вытерла глаза.

— Я приходила сюда каждый день, — сказала она. — Ты выглядел ужасно, Виктор.

— Но я чувствую себя гораздо лучше.

— Сейчас ты и выглядишь приличнее. Но врач сказал, что на всякий случай тебе надо побыть

тут еще пару дней.

— Наверное, он прав.

— Я приготовлю большой обед, когда ты вернешься. Может быть, стоит пригласить соседей.

Я долго молчал. Мы очень о многом еще не задумывались. Сколько это будет продолжаться между нами? Как скоро я начну заводиться от собственной бесполезности? Когда ей надоест жить со стариком? Я даже не заметил, с каких пор начал думать о Лизе как о неотъемлемой части своей жизни.

— Тебя так тянет провести годы у постели умирающего?

— Чего ты хочешь, Виктор? Я выйду за тебя замуж, если так нужно. Или буду жить с тобой в грехе. Предпочитаю грех, но если тебе будет лучше…

— Не понимаю, зачем тебе старый эпилептик.

— Затем, что я тебя люблю.

Она произнесла эти слова в первый раз. Я мог бы задать ей еще несколько вопросов — вспомнить, например, майора, — но у меня пропало желание. И я переменил тему.

— Ты закончила работу?

Лиза поняла, о какой работе я говорю. Она наклонилась к моему уху и тихо сказала:

— Давай не будем здесь об этом, Виктор. Я не доверяю ни одному помещению, которое я сама не проверила на отсутствие «жучков». Но ты не волнуйся, я действительно все закончила, и последние две недели меня никто не беспокоил. Кажется, все обошлось, но я больше ни за что не полезу в такие дела.

У меня отлегло от сердца, но одновременно накатила усталость. Я лытался сдержать зевоту, однако Лиза почувствовала, что пора идти. Она поцеловала меня, пообещала в будущем еще много поцелуев и ушла.

Больше я никогда ее не видел.

В тот вечер, около десяти, Лиза взяла отвертку, еще какие-то инструменты и принялась за микроволновую духовку в кухне Клюга.

Конструкторы всегда заботятся о том, чтобы эти агрегаты нельзя было включить, когда дверца открыта. Это из-за опасного излучения. Но если ты хоть что-то соображаешь в технике и под рукой есть простые инструменты, обмануть защиту совсем не трудно. Для Лизы это оказалось куда как легко. Через десять минут работы она включила духовку и сунула туда голову.

Никто не знает, как долго это продолжалось. Достаточно, чтобы глазные яблоки сварились вкрутую. Затем она потеряла контроль над мускулами и упала на пол, потянув за собой духовку. Произошло короткое замыкание, и начался пожар.

Пожарная сигнализация, которую Лиза установила месяцем раньше, сработала вовремя. Бетти Ланьер тоже увидела огонь и вызвала пожарных. Хал бросился через дорогу, вбежал в горящую кухню и вытащил то, что осталось от Лизы, на лужайку перед домом.

Лизу срочно доставили в больницу, где ей ампутировали одну руку и удалили все зубы. Только никто не знал, что делать с глазами. Потом пришлось подключить ее к аппарату искусственного дыхания.

На срезанную с нее майку, обгоревшую и окровавленную, обратил внимание санитар. Часть текста прочесть было уже невозможно, но сохранились первые слова: «Я не могу так больше…»

Подробностей не знаю. Я сам узнавал об этом маленькими порциями, а началось все с беспокойства на лице доктора Стюарта, когда Лиза не

пришла на следующий день. Доктор не сказал мне ничего, и вскоре у меня начался еще один приступ.

Мои воспоминания о следующей неделе очень смутные. В памяти осталось, например, как я выписывался из больницы, но дорогу до дома совершенно не помню. Бетти отнеслась ко мне с большой заботой, а в больнице мне дали пилюли пой названием «Транксен», и они помогали еще лучше: я глотал их, как конфеты, и ходил постоянно в тумане. Ел, когда заставляла Бетти, иногда засыпал прямо в кресле и, просыпаясь, подолгу не мог понять, где нахожусь. Часто мне снилась война в Корее и лагерь военнопленных.

Как-то раз я взглянул на себя в зеркало: на губах у меня застыла слабая полуулыбка. «Транксен» делал свое дело, и я понял, что если мне суждено будет еще пожить, придется с этим лекарством подружиться.

В конце концов ко мне вернулось что-то вроде способности мыслить рационально. Отчасти помог визит Осборна. Я в то время пытался отыскать хоть какое-то оправдание своей жизни, хоть какой-то смысл и подумал, что, может быть, у

Осборна найдется что сказать на эту тему.

— Очень сожалею… — начал он.

Я промолчал.

— Я пришел по своей инициативе, — продолжил он. — В управлении не знают, что я здесь.

— Это было самоубийство? — спросил я.

— Я принес с собой копию… записки. Она заказала текст на майке за три дня до… до несчастного случая.

Он вручил мне лист бумаги с текстом. Лиза упоминала меня, но не по имени: «человек, которого я люблю». Она писала, что не в силах справиться с моими проблемами. Очень короткая записка — на майке много не напишешь. Я прочел ее пять раз и отдал Осборну.

— Она говорила вам, Осборн, что ту, первую записку писал не Клюг. Могу сказать, что эту писала не она.

Он неохотно кивнул. Я чувствовал себя невероятно спокойно, хотя где-то там, под этим спокойствием, прятался завывающий ужас. Спасал «Транксен».

— Вы можете это доказать?

— Она приходила ко мне в больницу незадолго до… Ее просто переполняло жизнелюбие и надежды. Вы говорите, что она заказала майку тремя

днями раньше, но я бы это почувствовал. И потом, записка слишком патетична. Не в ее характере.

Осборн снова кивнул.

— Я хочу вам кое-что сказать. В доме не обнаружено никаких следов борьбы. Миссис Ланьер уверена, что на участок никто не заходил. Ребята из криминалистической лаборатории обшарили весь дом и подтвердили, что она была одна. Я готов поклясться, что в дом никто не входил и никто оттуда не выходил. И так же, как и вы, я не верю в самоубийство. У вас есть какие-нибудь предположения?

— НСА, — сказал я. Потом рассказал ему, чем Лиза занималась еще при мне. Рассказал о ее страхе перед разведывательными управлениями.

— Если кто-то и способен провернуть такое, так это они. Но, должен сказать, мне в это нелегко поверить. Сам не знаю, почему. Вы верите, что эти люди способны убивать вот так просто…

По его взгляду я понял, что это вопрос.

— Я не знаю, во что я верю.

— Конечно, я не стану говорить, что они не убивают, когда дело касается национальной безопасности или еще какого-нибудь дерьма в таком же духе. Но они бы забрали компьютеры. Они и близко не подпустили бы ее ко всему этому, после

того как убрали Клюга.

— Пожалуй, это логично.

Он еще что-то пробормотал. Я предложил ему вина, и он с благодарностью согласился. Я прикинул, не присоединиться ли и мне — это довольно быстрая смерть, — но все-таки не решился. Осборн выпил целую бутылку и, немного захмелев, предложил сходить к дому Клюга, взглянуть еще раз. Я собирался на следующий день отправиться к Лизе и, понимая, что рано или поздно придется готовить себя к этому, согласился пойти с ним.

Сначала мы осмотрели кухню. Столы почернели от пламени, кое-где оплавился линолеум, но вообще-то пострадало не так уж много. Больше беспорядка оттого, что пожарные залили все водой. На полу осталось коричневое пятно. Я сумел справиться с собой и задержал на нем взгляд.

Затем мы прошли в гостиную, и оказалось, что один из компьютеров включен. На экране светилось короткое сообщение.

ЕСЛИ ХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ,
НАЖМИТЕ ВВОД

— Не трогайте, — сказал я Осборну, но он протянул руку и нажал клавишу. Слова исчезли, и на

экране появилась новая фраза.

ТЫ ПОДГЛЯДЫВАЛ

Потом экран замигал, и я очутился в автомобиле, в темноте. Во рту у меня была пилюля, еще одна — в руке. Я выплюнул пилюлю и какое-то время просто сидел, прислушиваясь к звуку мотора. В другой руке у меня оказался целый пузырек с «Транксеном». Чувствуя себя невероятно уставшим, я все-таки заглушил мотор, открыл дверцу, добрался наощупь до дверей гаража и распахнул их настежь. Воздух снаружи показался мне свежим и сладким. Я взглянул на пузырек и бросился в ванную.

Когда я доделал то, что требовалось сделать, в унитазе плавало больше десятка нерастворившихся пилюль и множество пустых оболочек от них. Сосчитав оставшиеся в пузырьке и вспомнив, сколько их там было, я начал сомневаться, что выживу.

Я добрел до дома Клюга, но Осборна там не обнаружил. Потом накатила усталость, и мне едва удалось вернуться домой. Я лег на кровать и стал ждать, умру я или останусь жить. На следующий день я нашел сообщение в газете. Осборн отпра-

вился домой и разнес себе затылок выстрелом из служебного пистолета. Совсем маленькая заметка. С полицейскими это случается постоянно. Предсмертной записки он не оставил.

Я сел на автобус, отправился в больницу и целых три часа добивался, чтобы мне разрешили увидеть Лизу. Так ничего и не добился. Я не был ей родственником, и врачи категорически отказались допускать к ней посетителей. Когда я начал заводиться, мне, как могли мягко, рассказали, насколько она плоха. Хал сообщил мне о Лизе далеко не все. Врачи поклялись, что у нее в голове не осталось ни одной мысли. И я отправился домой.

Лиза умерла через два дня.

К моему удивлению, она оставила завещание. Мне достался дом Клюга и все его содержимое. Узнав об этом, я позвонил в компанию, которая занимается уборкой мусора, и, когда они сказали, что грузовик уже выехал, я в последний раз отправился к дому Клюга.

На экране компьютера светилась все та же фраза:

НАЖМИТЕ ВВОД

Я нашел нужную клавишу и отсоединил компьютер от сети. Когда прибыла машина, я распорядился, чтобы из дома вынесли все, оставив только голые стены.

Потом я прошелся по своему собственному дому, отыскивая все, что имеет хотя бы отдаленное отношение к компьютерам. Выбросил радио, продал машину и холодильник, микроволновую духовку, кухонный смеситель и электрические часы. Выбросил электрообогреватель из кровати.

Затем я купил самую лучшую газовую плиту. За старинным ледником пришлось охотиться довольно долго. Я забил гараж дровами и вызвал человека прочистить дымоход.

Немного позже я отправился в Пасадену и основал стипендиальный фонд имени Лизы Фу в размере семисот тысяч восьмидесяти трех долларов и четырех центов. Сказал в университете, что они могут расходовать эти деньги на любые исследования, кроме тех, что связаны с компьютерами. Надо полагать, они сочли меня эксцентричным стариком. Мне действительно казалось, что опасность миновала, когда вдруг зазвонил телефон.

Я долго не мог решиться, отвечать или нет, но потом понял, что он будет звонить, пока я не

отвечу, и снял трубку.

Несколько секунд там раздавались только гудки, но это меня не обмануло. Я продолжал держать трубку у уха, и в конце концов гудки пропали. Осталось только молчание. Напряженно вслушиваясь, я слышал эти далекие музыкальные перезвоны, что живут в телефонных проводах. Отзвуки разговоров за тысячи миль от меня. И что-то еще, бесконечно далекое и холодное.

Я не знаю, что они там в НСА создали. Я не знаю, сделали они это намеренно или оно возникло само. Не знаю даже, имеют ли они к этому вообще какое-то отношение. Но я знаю, что оно там, потому что я слышал дыхание его души в телефонных проводах. И я начал говорить, осторожно подбирая слова:

— Я не хочу ничего знать. Я никому ничего не расскажу. Клюг, Лиза, Осборн — все они совершили самоубийство. Я всего лишь одинокий человек и никому не доставлю хлопот.

В трубке щелкнуло, и раздались гудки.

Убрать телефон было несложно. Заставить телефонную компанию убрать проводку оказалось немного труднее: уж если они подводят кабель, считается, что это навсегда. Они долго ворчали, но, когда я начал срывать провода, уступили, пре-

дупредив, правда, что это обойдется недешево.

С энергокомпанией было хуже. Они, похоже, считали, будто есть такое правило, чтобы к каждому дому было подведено электричество. Их люди соглашались отключить подачу энергии, но наотрез отказывались снимать провода, идущие к моему дому. Тогда я влез на крышу с топором и на их глазах подрубил четыре фута карниза с проводкой. После этого они смотали свое хозяйство и убрались.

Я выбросил все лампы, все, что связано с электричеством. Потом с молотком и зубилом принялся за стены.

Я выковырял скрытую проводку и прошелся по всему дому с мощным магнитом, проверяя, не пропустил ли я где металл, потом неделю убирал мусор и заделывал дыры в стенах, в потолке и на чердаке. Меня очень забавляла мысль об агенте по продаже недвижимости, который будет продавать этот дом, когда меня не станет.

«Уверяю вас, замечательный дом! Никакого электричества…»

Теперь я живу спокойно. Как раньше.

В дневные часы работаю в огороде. Я его здо-

рово расширил, теперь у меня и перед домом кое-что посажено.

Живу со свечами и керосиновой лампой. Почти все, что я ем, выращиваю сам.

Довольно долго я не мог отвыкнуть от «Транксена» и «Дилантина», но в конце концов мне это удалось, и теперь я переношу приступы без лекарств. Обычно после приступов остаются синяки.

Посреди огромного города я отрезал себя от окружающего мира. Компьютерная сеть, растущая быстрее, чем я могу себе представить, обходится без меня. Я не знаю, действительно ли это опасно для обычных людей, но мы-то в нее попались — я, Клюг, Осборн. И Лиза. Нас просто смахнули, как, бывает, я сам смахиваю с руки комара, даже не заметив, что раздавил его. Однако я остался в живых.

Неизвестно, правда, надолго ли.

Лиза рассказывала мне, как компьютерный сигнал оттуда может проникнуть в дом через электропроводку. Есть такая штука, которая называется «несущая волна» — так вот, она может передаваться по обычным проводам. Поэтому мне и пришлось избавиться от электричества.

Для огорода нужна вода. Здесь, в южной части

Калифорнии, дожди идут редко, и я просто не знаю, где еще брать воду.

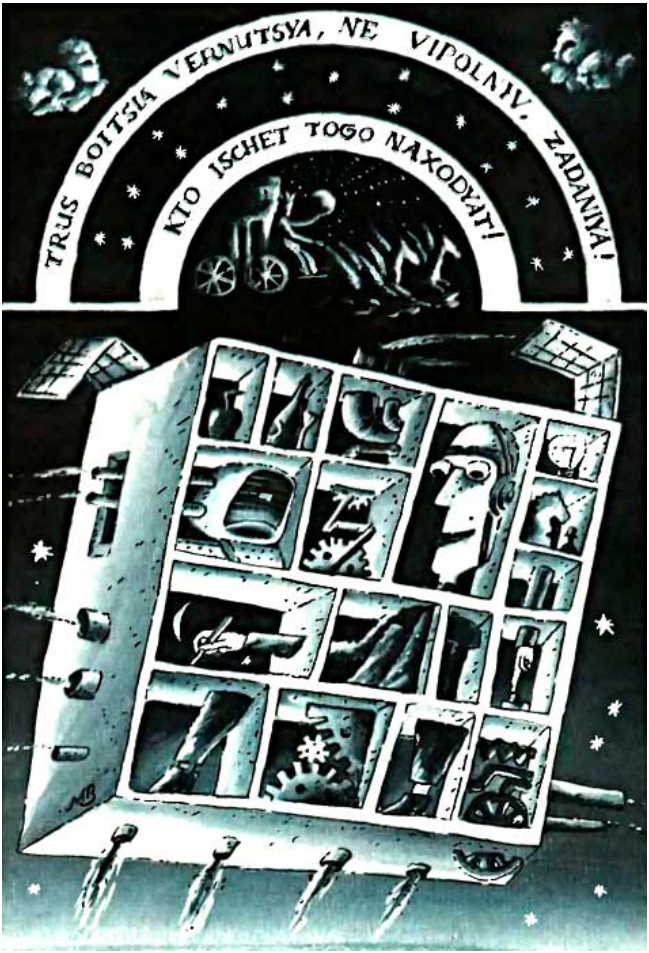
Как вы думаете, сможет ли это проникнуть в дом через водопроводные трубы?

Перевел с английского А. Корженевский

№ 7

Ара Багдасарян

Всякое может случиться


TRUS BOITSIA VERNUTSYA, NE VIPOLNIV ZADANIYA!
KTO ISCHET TOGO NAXODYAT!

Чем дальше тебя посылают,
Тем больше тебе доверяют.

Девиз Космической разведки

Я придумал хитрую штуку: пишу специальными чернилами между строк детской книжки про ромашку и ослика. Если постороннему придет в голову перелистать ее, текст немедленно исчезнет. Главное, чтобы никто не знал о моих письменных упражнениях. Согласитесь — всякое может случиться! Но если вдруг моя система не сработает (такое бывает с системами), то заранее приношу извинения заинтересованным лицам и организациям, заверяю всех и каждого, что никого и ничего я не имел в виду. Во всем, что произошло и происходит, виноват один только я. Вернее, моя трусость, врожденная, постоянная, прогрессирующая трусость.

Взять хотя бы эту невразумительную планету, вокруг которой я кручусь…

Нет, лучше по порядку.

Много лет назад я обитал на планете Земля и вел счастливую растительную жизнь мелкого служащего. Боже мой, как это было прекрасно — влачить жалкое существование на свое жалкое жалованье и бояться разве что начальства, темноты, террористов, посторонних, безденежья,

кризиса… Я вел спокойную, размеренную жизнь: днем на службе, вечером дома, наедине с телевизором. Раз в неделю, по воскресеньям, занимался профилактикой дверных замков — снимал их по одному, чистил и смазывал…

КРЕПКАЯ ДВЕРЬ ЛУЧШЕ КРЕПКИХ БИЦЕПСОВ!

Судьба наказала меня за излишнее любопытство.

Зачем, спрашивается, в то злополучное воскресенье после обычной возни с замками я решил проверить свой почтовый ящик? Кто меня, дурака, просил, какой авантюрист во мне проснулся? Газет я не выписываю, писем мне получать не от кого. Глубоко убежден: почтовые ящики — не только совершенно бесполезные, но вредные приспособления. Туда могут опустить и повестку в суд, и анонимку, а то и бомбу подложат… Всякое может случиться!

В тот раз там оказался голубой казенный конверт, адресованный именно мне, а отправителем значилась какая-то организация с устрашающим названием КПКР. Первым и, видимо, самым мудрым моим желанием было немедленно положить

конверт обратно, выбросить ключ от почтового ящика и забыть об этой гнусной истории, но потом я подумал — ничего не выйдет, на конверте остались отпечатки моих пальцев, и теперь мне не отвертеться. Вторым, тоже неплохим решением было сжечь улику, а пепел спустить в унитаз общественного туалета. Поступил же я третьим, и уж, точно, самым глупым образом: я вскрыл конверт. В него был вложен еще один, с заполненным адресом, а в нем — само письмо:

Дорогой друг!

КПКР (Курсы Подготовки КосмоРазведчиков) объявляют набор слушателей. Мы просим вас заполнить прилагаемую анкету и выслать ее нам в прилагаемом конверте.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ АНКЕТА КПКР

(правильное подчеркнуть)

1. Бывает ли у Вас чувство беспричинного страха?

а) Не бывает.

б) Иногда.

в) Часто.

г) Иного чувства я не знаю.

2. Что Вы чувствуете при внезапном телефонном звонке?

а) Радость от предстоящего общения.

б) Ничего.

в) Беспокойство.

г) Теряю сознание.

3. Как Вы отнесетесь к утверждению: молоко фиолетового цвета!

а) Попытаюсь опровергнуть.

б) Сделаю вид, что мне все равно.

в) Охотно соглашусь.

г) Быстренько смоюсь.

4. Вам перебежала дорогу черная кошка. Ваши действия?

а) Пойду дальше, не останавливаясь.

б) Остановлюсь и дождусь, пока меня обгонит пешеход, идущий сзади.

в) Плюну через левое плечо, три раза обернусь вокруг себя и подожду, пока меня обгонит пешеход, идущий сзади.

г) Вернусь домой и не выйду до конца дня.

5. Вы пилотируете самолет. Полет проходит нормально. Внезапно Вы слышите, что за Вашей спиной открывается дверь. Ваши действия?

а) Оглянусь.

б) Продолжу пилотирование.

в) Подниму руки вверх.

г) Катапультируюсь.

Большое спасибо, и попытайтесь не упустить свой шанс!

КПКР

Так как я всегда считал, что лучше потерять шанс, чем жизнь, то вернулся ко второму своему решению и попытался уничтожить эту проклятую бумажку методом сжигания. Я извел целый коробок спичек, но она не загоралась. Расхрабрившись, я собрался было просто порвать анкету и выбросить клочки в мусоропровод, но тут заметил на обратной стороне текст, который вероятно, проступил от нагрева:

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Эта бумага не рвется, не мнется и с

кислотой не реагирует.

Желаем удачи.

Вот тогда я и совершил величайшую глупость в своей жизни: заполнил анкету, сунул в прилагаемый конверт, аккуратно заклеил его и, не побоявшись сумерек, снес на почту.

В анкете я честно подчеркивал только последние ответы и поэтому был убежден в своей непригодности даже для КГТПМ (Курсов Подготовки ПосудоМоек), но все-таки, в ожидании вежливого отказа, исправно наведывался к почтовому ящику…

КТО ИЩЕТ, ТОГО НАХОДЯТ!

Десять дней спустя дрожащей рукой в резиновой перчатке я вскрывал очередной голубой конверт, где меня, во-первых, поздравляли с поступлением, а во-вторых, настоятельно приглашали явиться на следующий день в актовый зал административного корпуса КПКР, имея при себе удостоверение личности и две смены белья.

Все это, а также пальто, новый костюм и скромные сбережения давно уже лежало в чемодане, а при себе имелся билет до… не скажу куда, и я собирался им воспользоваться в тот же день.

КОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ, — СМЫВАЙСЯ!

Мне оставалось только покинуть квартиру и добраться до ближайшего пункта транспортировки. Я сумел выполнить лишь первую часть своего плана, ибо за дверью меня ожидали трое сотрудников КПКР. Пришлось пригласить их зайти, чувствовать себя как дома, выпить по чашечке кофе и дать им уговорить меня.

Меня легко уговорить, имея численное преимущество. Взять хотя бы клоповидных… Я был тогда один в космосе, а их — несметное множество!

А эта планета, над которой я болтаюсь? Кто знает, что меня ждет, если я все-таки решусь опуститься на ее поверхность…

Так вот, когда я пришел в себя от шока, вызванного моим зачислением в ряды суперменов, то оказалось, что я уже давно учусь на КПКР и, к великому своему удивлению, имею хорошие оценки по всем предметам. От упражнений по

развитию инстинкта самосохранения меня и вовсе освободили — эксперты из сектора выживаемости пришли к единодушному выводу, что развивать это чувство у меня дальше не имеет смысла. Было предложено использовать меня в качестве демонстрационного пособия; с того времени я сидел на занятиях рядом с инструктором и, реализуя свои способности к самосохранению, рассчитывал в уме траекторию падения люстры при внезапном землетрясении.

СПАСАЯ
СВОЮ ШКУРУ, ТЫ СПАСАЕШЬ ДОРОГОЕ ОБОРУДОВАНИЕ!

Только не подумайте, что я считался на курсах уникумом. Нет, весь наш экспериментальный класс был подобран в соответствии с фундаментальным принципом:

ТРУС В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ ПОСТАРАЕТСЯ ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ!

А как иначе! Положение в космонавтике

сложилось печальное: завоевание пространства требовало огромных затрат, а ситуации, в которые то и дело попадали неустрашимые звездолетчики, развивались отнюдь не по сценариям приключенческих фильмов, когда после всяких там передряг все возвращаются домой живые и невредимые. Скорее это было похоже на трагедии Шекспира, в которых к концу на сцене остаются только второстепенные персонажи. Люди погибали, огромные средства тратились впустую, и за освоенной Солнечной системой простиралась зловещая неизвестность, полная неожиданностей…

Взять к примеру тех же клоповидных. Или планету, вокруг которой я вращаюсь. Да что там говорить, всякое случалось!

И тогда они решили, что надо использовать косморазведчиков совсем иного психологического типа. Ориентированного на максимальную выживаемость.

И я попал к ним в поле зрения.

ТРУС БОИТСЯ ВЕРНУТЬСЯ, НЕ ВЫПОЛНИВ ЗАДАНИЯ!

Надо бы добавить, что еще больше он боится не

вернуться, выполнив задание.

Прав был преподаватель космоэтики: все относительно. В сравнении с нынешним моим положением тренировочные прыжки с вышки, даже без зонта (его у меня каждый раз отбирали), кажутся верхом безопасности и комфорта. К тому же на курсах рядом со мной всегда были другие курсанты, у них и в мыслях не было причинять мне неприятности… Не то что эти клоповидные!

Все им, видите ли, не терпелось вступить в контакт, им, видите ли, покоя не дает «обмен информацией, способствующий прогрессу обеих цивилизаций». Спят и видят — с кем бы чем-нибудь полезным махнуться… А если они заразу на Землю занесут и, что главное, через меня? Нет уж, дудки! Послал им горячий привет, сохраняя, однако, солидную дистанцию, записал их координаты, дал наши (ложные, конечно, — всякое бывает), выразил восторг по поводу обитаемости этого уголка Галактики — и был таков. Главное я выяснил: мы не одиноки во Вселенной, а хорошо это или так себе — не мне решать. Хотя, если разобраться, кому нужны клоповидные визитеры? У нас своих неприятностей хватает. Например, проблема безопасности пешеходов. Движение сумасшедшее, на улицу выйти невозможно —

мигом окажешься под колесами. Бегаешь, как заяц…

Ладно, не буду отвлекаться.

На курсах я быстро выбился в первые ученики, что совсем не удивительно, если принять во внимание мою боязнь экзаменов, инструкторов, сокурсников и всего остального.

ПОМНИ! БЕЗ ИСПРАВНОГО ЗВЕЗДОЛЕТА ТЕБЕ НЕ СМЫТЬСЯ!

Этот плакат висел в техническом классе на самом видном месте. Заложенную в нем мудрость я осознавал нутром и изучал матчасть вдоль и поперек.

СЛОВО «СПАСИТЕ» НАДО ЗНАТЬ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ!

(кабинет космолингвистики)

КТО БОИТСЯ ВЫСОТЫ, У ТОГО МЕНЬШЕ ШАНСОВ РАЗБИТЬСЯ!

(приборный щиток тренажера звездолета)

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ, ПОТОМ ЕЩЕ СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ, И ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЭТОГО ОДИН РАЗ ОТРЕЖЬ НЕМНОГО.

(плакат по безопасности возможных контактов)

Этому правилу я и следовал неукоснительно во время незабываемой встречи с представителями клоповидной цивилизации. Очень может быть, что вся научная и техническая информация, которую они предлагали для обмена, нам нужна позарез, но мне лично все эти сверхсветовые двигатели или семь законов термодинамики ни к чему, а принцип удвоения продолжительности существования я считаю просто вредным… хотя на всякий случай я его записал — мало ли что может случиться.

В настоящий момент я уже второй месяц кружусь вокруг злополучной планеты и все размышляю: что я на ней потерял? На кой ляд она мне сдалась?

Задание я выполнил — иную цивилизацию обнаружил, в контакт с нею вступил, оборудование в исправности, сам я (не сглазить бы) жив-здоров.

Зачем мне еще одна цивилизация? А если там живут типы похуже моих клоповидных? Может, там обитают какие-нибудь тигровидно-саблезубые пониженной гуманоидности…

Нет, надо быть предельно осторожным и не расслабляться. Что с того, что планета такая голубая и на вид совершенно невинная? Лучше я по третьему разу еще семь раз отмерю.

Инструктор по курсу безопасности возможных контактов (удивительно обаятельный старичок, разбитый параличом, а потому совершенно безобидный) предупреждал нас о предельной осторожности.

САМЫЙ БЕЗОПАСНЫЙ КОНТАКТ — ОТСУТСТВИЕ КОНТАКТА!

Я был его любимым учеником. А с клоповидными мне просто не повезло. Эта катастрофа (встреча с ними) произошла на третий год полета. К тому времени я немного освоился в звездолете: не вздрагивал от каждого шороха, смело подходил к пульту управления и совсем уже было решил, что полет так и закончится без происшествий и я благополучно вернусь домой, выполнив главную задачу — выжить. В

то воскресенье ничто не предвещало опасности. Я собирался заняться вечерней профилактикой замков входного люка, как вдруг замигал глазок анализатора нелогичности окружающей среды (АНОС) и завыла сирена — честно говоря, я сам ее поставил, на всякий случай. Этот анализатор у меня работал как миноискатель, им можно было определить наличие цивилизации в радиусе нескольких световых лет. Любая цивилизация вносит нелогичность в окружающую среду и тем самым выдает себя.

Я давно готовился к встрече с инопланетянами, это, в конце концов, цель моего полета, и приступил к реализации намеченной программы: определил вектор излучения нелогичности, развернул звездолет на 180 градусов и на максимально допустимой (для меня, конечно) скорости дал деру. Однако АНОС продолжал мигать, а сирена завыла еще громче. Решив, что со страху перепутал направление, я развернулся еще раз и помчался обратно, но АНОС и сирена не унимались: цивилизация по-прежнему надвигалась на меня. В отчаянии я попытался смыться перпендикулярным курсом, но результат оказался тем же. Удостоверившись в том, что активные действия бесполезны, я переключился в режим кокона

— выключил двигатель, погасил бортовые огни и попробовал впасть в летаргическое состояние. Обычно мне это удавалось мгновенно, но на этот раз что-то мешало. В голову лезли какие-то глупые мысли, которые оказались мыслепосылками от клоповидных. Правда, я попытался улизнуть в подсознание, но эти фрейдисты и там меня достали. Совершенно бестактные существа!

А может, они вовсе и не клоповидные? Кто их знает, я, честно говоря, их и не видел вовсе. Просто назойливые они, как клопы.

Задание я выполнил и лег на обратный курс. Теперь на Земле могут спать спокойно — мы не одиноки во Вселенной. Ликуйте! Возрадуйтесь! Вот вам их координаты, летите туда, вступайте в контакт, братайтесь, целуйтесь, обменивайтесь дарами своих цивилизаций, делайте, что хотите, но прежде мне надо добраться до Земли. Домчаться, доползти, дотрястись… Хватит в одиночестве скитаться по просторам! Хватит подвергать себя всяческим напастям! Рисковать жизнью на каждом шагу! Немедленно домой!

Признаться по совести, вот уже два месяца как я кружусь вокруг одной Голубой Планеты, очень похожей на Землю. Но, во-первых, я не уверен до конца, что это она и есть — мало ли как могут

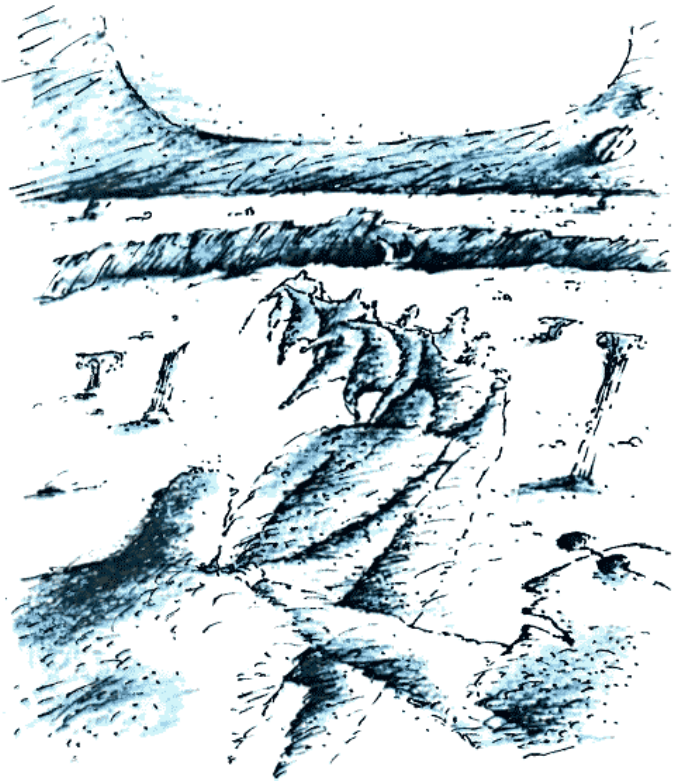
соврать карты, — а чисто внешнее сходство с Солнечной системой еще ни о чем не говорит. Во-вторых, даже если планета, на орбите которой я нахожусь, и в самом деле Земля, то это еще не означает, что там, внизу, меня примут с распростертыми объятиями. Надо сначала выяснить ситуацию — возможно, за то время, что я провел в космосе, всех косморазведчиков объявили вне закона, и меня арестуют сразу же по прибытии. В-третьих, и это главное, я не совсем уверен в том, что сумею вручную совершить мягкую посадку, а полностью доверяться автопилоту было бы глупо.

ВСЯКОЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ!

№ 8

Роберт Блох

Глас вопиющего



Утром 5 января 1976 года, ровно в 17.15, Чарли

Старкуэзеру явился Господь Бог.

Чарли был не последним винтиком в престижном рекламном агентстве Пирса, Траста, Хэка и Клоббера, и Богу пришлось здорово попотеть, чтобы попасть к нему на прием. В наш век, когда у каждого в бумажнике есть водительские права и дюжина кредитных карточек, Господь Бог оказался в аховом положении: у Него не было даже свидетельства о рождении. Горький опыт научил Его не называть Себя по имени — сами знаете, какое нынче отношение к религиозным фанатикам. Правда, есть эффектные приемы, надежно служившие в прошлом, но сейчас огненное облако или столб пламени ничего не дадут, кроме неприятностей с пожарными.

Оставалось только одно: войти прямо в голову Чарли — признаться, не самое уютное место в первый рабочий день нового года. Голова эта гудела с похмелья, накопившегося за целую неделю празднования. К гуденью примешивались уколы зависти и острая жалость к самому себе — из старших сотрудников в контору пришел только Чарли.

В других обстоятельствах Всевышний шарахался бы от такой головы, как от чумы, — а кто лучше знает толк в разных эпидемиях, как не Он,

ведь к каждой Он приложил руку! — но сейчас иного выхода не было. Он должен донести до Чарли Слово.

В момент Его прибытия Чарли находился в туалете. Трясущимися пальцами одной руки он пытался опрокинуть в себя содержимое бумажного стаканчика, а другой приводил в порядок ширинку.

— Боже! — хрипло выдавил Чарли.

— Да, это Я, — произнес голос внутри головы. — И Я должен тебе кое-что сказать.

— Почему именно мне? — простонал Чарли и выронил стаканчик.

— Потому что ты веруешь. Кто бы знал, сколько времени Я ищу кого-нибудь, кто сохранил веру!

Чарли слушал внимательно, время от времени сочувственно кивая.

— Ты помнишь первую заповедь? — вещал голос. — «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

— Нету, — пробормотал Чарли.

— А у твоего шефа есть, и у тех парней из финансового… Они поклоняются Маммоне. Я хотел достучаться до кого-нибудь из церковных деятелей, но они слишком заняты своими делами. А уж до твоих клиентов и вовсе не добраться — всегда

на совещании. Остаешься ты.

— Где остаюсь?

— Здесь, слушающим Меня. Надо что-то предпринять с телевидением.

— Зачем?

— Так велит Вторая заповедь. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им…»

— Пожалуйста! Ты кричишь мне прямо в ухо.

— Извини. Тебе понятно, в чем заключается проблема? По всему миру в затемненных комнатах расставлены маленькие ящики. Рукотворные кумиры в каждом доме, и миллионы людей безмолвно сидят перед ними, поклоняясь…

— Люди не поклоняются телевидению. Они просто смотрят передачи.

— И верят тому, что видят. А вера приводит к поклонению. К поклонению атлетам, телезвездам и прочим существам из плоти и крови. Не агнцам Божим, а баранам вроде Джонни Карсона и Мерва Гриффина!

— Ты опять кричишь.

— Да, кричу. Ибо настало время кричать об этом. Люди стали относиться к телевизионным передачам, как к проповедям, и принимают их

слепо. Даже рекламу, которую ты сочиняешь…

— Но это моя работа. Что же я могу?

Господь сказал ему, что он может.

— Не выйдет, — задумчиво ответил Чарли.

Всевышний недовольно сморщился.

— Попробуй, — велел Он. — Вот что ты должен сделать…

В конце концов Чарли согласился. Он доплелся до своего стола, сел за машинку и сделал. А то, что получилось, отнес мистеру Хэку. Остальные три его шефа — Пирс, Траст и Клоббер — выехали на Багамы с рабочей группой в двадцать человек, включая шесть роскошных манекенщиц, чтобы выполнить заказ на двести тысяч долларов: тридцатисекундный рекламный ролик об ореховом масле. Мистер Хэк, прекрасно понимая, чем — а точнее, кем — занимаются его партнеры, пребывал в отвратительном настроении. Он едва не испепелил взглядом листок, который Чарли положил перед ним на стол.

— Это что?

— Небольшое предложение. Я бы сказал, заявка.

— Кто заказчик?

— Заказчика нет. Это такая новая форма подачи материала, мы могли бы использовать ее в

будущем. Я думал…

— Вам платят, чтобы вы писали, а не думали.

— Но это совершенно необычный подход. Он может революционизировать всю рекламу.

— Революционизировать? Коммунистические разговорчики!

— Ничего подобного, клянусь вам! Если б вы согласились прочесть…

— Будь по-вашему, Старкуэзер.

Мистер Хэк со вздохом взял листок и, шевеля тубами, стал читать.

Текст Чарли был простым:

«Мехико, 1519 год, жаркий полдень. Немилосердное солнце изливает лучи на толпу ацтеков, собравшихся у подножья пирамиды. Под бой барабанов и завывание флейт украшенные перьями жрецы тащат по каменным ступеням к жертвенному алтарю пленника. Они бросают его на плиту. К пленнику подходит верховный жрец с обсидиановым ножом. Нож вознесен — опускается — затем жрец морщится от боли, разжимает пальцы и хватается за плечо.

Кто-то из ближних рядов участливо спрашивает:

— Что, опять артрит беспокоит?

Верховный жрец кивает — другой жрец начи-

нает ритуал — подает рекламируемый продукт в бокале текуилы — верховный жрец пьет — улыбается — берет нож — одним взмахом рассекает жертву — вытаскивает сердце — подносит его к камере — и говорит:

— Делайте взносы в Объединенный Фонд Сердца!»

Мистер Хэк оторвался от бумаги.

— Что за чертовщина? Как вам такое взбрело в голову? Господи…

— Вот именно, — вставил Чарли. — Возникла опасность, что люди слишком серьезно относятся к нашей рекламе. Пока не поздно, это надо изменить. Немного юмора, если подумать, не помешает…

Мистер Хэк вышвырнул Чарли, не утруждая себя раздумьями.

Вечером 27 февраля 1980 года Фред и Мирна Хубер смотрели новый приключенческий телесериал.

Пока Фред сосал первую банку пива, на экране шла захватывающая дух погоня по Гранд-Каньону, жертвами которой стали шесть машин, три вездехода и ослик. Когда Фред принялся за

вторую, главный герой отправился в порт допрашивать злодея. Фред догадался, что это злодей, потому что у того была яхта. Как обычно, злодей вел себя хладнокровно.

— Что ж, я действительно нарядился Санта Клаусом на детской площадке, — признался он. — Но отсюда еще не следует, будто я испытываю нездоровое влечение к детям.

Фред прикончил вторую банку, и потянулся за третьей, когда картинка померкла и вежливый голос диктора объявил, что передача будет продолжена после важного политического выступления Мило Т. Снодграсса, кандидата в сенаторы.

Потягивая пиво, Фред слушал заверения мистера Снодграсса. Тот обещал сократить правительственные расходы, создать миллионы новых рабочих мест за счет государственного бюджета, покончить с преступностью, снять ограничения на продажу оружия, повести решительную борьбу с загрязнением среды, расширить торговлю автомобилями, беспощадно обрушиться на монополии, отменить антитрестовские законы, мешающие бизнесу…

Внезапно чей-то голос перебил кандидата.

— Раскайтесь! Раскайтесь, несчастные грешни-

ки, ибо время пришло. День Страшного суда…

Кандидат на экране ойкнул.

Фред Хубер у экрана икнул.

— Что это?

— Должно быть, с другого канала, — предположила Мирна. — Какой-нибудь проповедник. Может, Билли Грэйм…

Она протянула руку и переключила программу. В восемьдесят девятый раз повторяли шоу «Люси», и Фред, успокоившись, открыл очередную банку.

Чтобы отпугнуть посетителей, Люси решила внушить им, будто дом заполнен термитами, и переоделась гигантским муравьем. Только она открыла рот, как одновременно с ней посторонний голос произнес что-то вроде «О, маловерные».

Но Фред икнул еще раз и ничего не расслышал.

После этого голос замолчал.

Днем 9 марта 1983 года президент Соединенных Штатов Америки и его главные советники проводили чрезвычайное экстренное совещание у пятой лунки на площадке для гольфа близ пустыни Клэмми-Палм.

— Чертовски сложная проблема, господин

президент, — заметил госсекретарь. — Что вы собираетесь предпринять?

Президент покачал головой.

— Ума не приложу. Даже не знаю, какой клюшкой бить.

— Я не о следующем ударе, — сказал госсекретарь. — Меня беспокоит состояние нации.

— Бросьте, — нахмурился президент. — Не для того я вез через всю страну штабными самолетами ВВС весь наш мозговой центр в составе девяноста человек, чтобы рассуждать о государственных интересах. Есть вопросы поважнее. — Он примерился к мячу. — Ну, как вам это понравится?

— Вот именно, — поддержал министр обороны. — Как? Население выросло до четверти миллиарда, из них пятьдесят миллионов безработных. Мы увеличили помощь неимущим, по ровным счетом ничего не добились — с этой чертовой инфляцией доллар не стоит и ломаного гроша. Мир раздирают конфликты. А во что превратилась окружающая среда?

— Точно, — кивнул президент. — Именно среда. Ваша беда, друзья, что вы не держите руку на пульсе. А я вот держу. — Он широко улыбнулся. — Включил я, значит, в среду телевизор — хотел посмотреть спортивную передачу — и

случайно наткнулся на выпуск новостей. Этот парень, который комментировал новости, как раз объяснял, что наши несчастья заключены в нас самих. Все из-за дурных мыслей. Вместо того чтобы забивать себе голову неприятностями, надо больше думать о хорошем.

— Но он всего лишь комментатор…

— Всего лишь? — возмутился президент. — Кто же лучше него разбирается, что к чему? Это его работа — рассказывать нам, что на самом деле происходит. Он специалист! Господи, да он зарабатывает больше, чем я!

В отдалении поднялся столб огня, но в густом смоге, окутавшем пустыню, его никто не заметил. А после неудачного удара президент разразился проклятьями, и глас вопиющего остался неуслышан.

Вечером 20 апреля 1986 года финнегановский «Бар и гриль» был набит битком — как, впрочем, все заведения во все вечера.

Гриль давно уже не работал из-за отсутствия продуктов, зато в баре народ на ушах стоял. Не какие-нибудь там паршивые эстеты, нет, а самый что ни на есть простой люд, который мог оценить

по достоинству в точности воспроизведенную обстановку старинной таверны, натуральную имитацию погребка, и не где-нибудь, а на 82-м этаже нового высотного здания «Компании Сбережений и Займов».

Кто пил, кто курил, кто нюхал. Несколько упрямцев скрючились в углах под решетками кондиционеров, пытаясь схватить глоток свежего, чистого, рециркулированного смога.

Сюда приходили развлечься, и никого не смущала теснота. Конечно, десять кусков за стаканчик с прицепом — это крутовато, зато алкоголь убивает микробов в воде. А если вы не пьете, всегда можно включить…

Включить транзистор и послушать новую рок-группу «Доу-Джонс» с ее платиновым хитом «Вверх по ручью без кислородного баллона».

Включить телик на учебную программу и посмотреть суперпорнофильм недели «Кинг-Конг и Глубокое Горло».

Можно узнать об ограблениях и зверских изнасилованиях, о группе юнцов, утопивших в унитазе старика, однако, как заверил диктор, секс и насилие находятся под строгим контролем. Посетители, заполнившие бар, были со всем согласны. Толпа как толпа…

— Горе тебе, Вавилон!

Голос поднялся над толпой, перекрывая шум, и его чуть было не услышали; но кто-то как назло приоткрыл окно, и звуки, донесшиеся с улицы, скрежет тормозов, сирены скорой помощи, разрывы самодельных бомб, крики бунтарей, рев полицейских истребителей, — заглушили все остальное. А как иначе — субботний вечер…

— Ну, все, — молвил Голос, обращаясь Сам к Себе. — На этот раз никакого потопа, никакого ковчега, никакого Ноя, клянусь) Куда запропастились молнии?

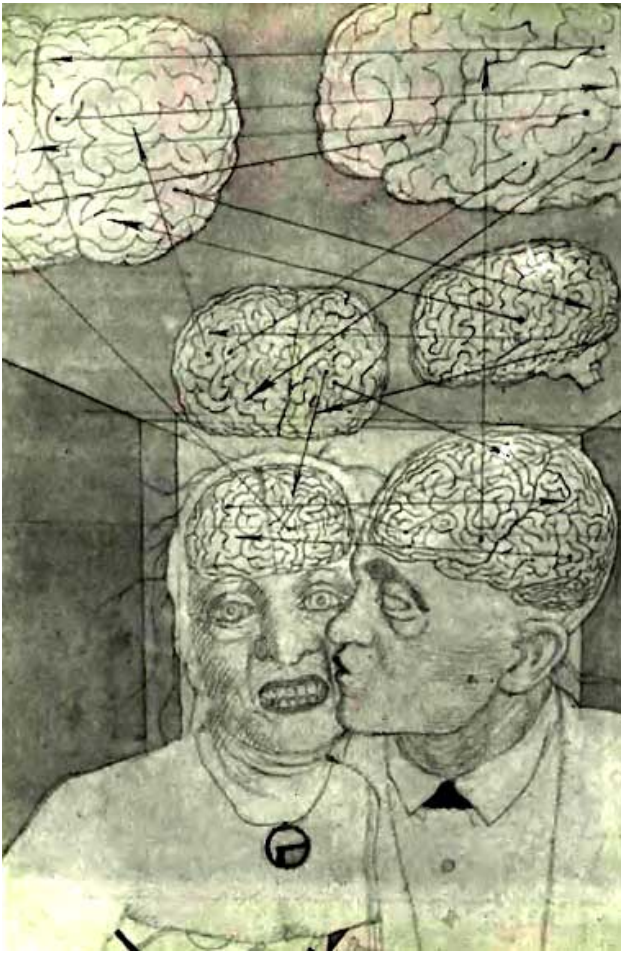
Конец света наступил 17 мая 1988 года. Но команда «Озерных» играла в тот день решающий матч, и конца света никто не заметил.

Перевел с английского В. Баканов

№ 9, 10, 11, 12

Владимир Покровский

Танцы мужчин



Ниордан

Было то время, которое уже нельзя назвать ночью, но еще и не утро: солнце пока не взошло, однако звезды померкли. На фоне серого неба громоздились друг на друга ветви небоскребов «верифай»; Дайра, который большую часть жизни провел в Мраморном районе, где господствовал псевдоисполинский стиль, до сих пор не мог к ним привыкнуть. Особенно дико выглядели окна горизонтальных ветвей, глядящие вниз. Два окна над его головой бросали на асфальт восьмиугольники света; в одном из них, прямо на стекле, неподвижно стоял мужчина в длинных до колен шортах. Пятки его были красными. Где-то на соседней улице, возвращаясь с пробежки, устало цокала копытами прогулочная лошадь.

— Ну, все, — сказал Дайра, вынимая из машины автомат и оба шлемвуала. — Вы еще посидите в дежурке, а я домой.

— Я в машине останусь, — отозвался Ниордан (от усталости он похрипывал). — Вдруг что.

Никакой необходимости ждать тревоги в ма-

шине, когда остальные все равно в дежурном зале, не было, но с Ниорданом никто не спорил. Даже мысли такой не возникало ни у кого. Ниордан повернул к капитану бледное, вечно настороженное лицо.

— Если что, я до пол-одиннадцатого дома буду, — и Дайра пошел посреди улицы, цокая подошвами в такт лошадиным шагам. Со спины Дайра казался багровым, хотя в одежде его не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего красный цвет. Ничего, кроме креста. Но крест, как и полагается, находился на животе.

Остальные зашевелились.

— Мы, значит, посидите, а он домой. Во как! — раздраженно пробасил Сентаури, вытаскивая из машины свое грузное тело. — Ему, значит, можно. А мы, получается, пиджаки.

— Вы злитесь оттого, что всю ночь не спали, — тощий и длинный Хаяни вылез вслед за ним и стал рядом, разминая затекшие ноги. — Ведь он провожает… Я хочу сказать, ему действительно надо уйти.

Сентаури угрюмо и неразборчиво буркнул что-то в ответ, и, не прощаясь, они ушли. Ниордан и головы не повернул. Он смотрел вперед, положив на руль тонкие, выбеленные ночью руки. Он был

горд, Ниордан, по-королевски невозмутим.

Когда улица опустела, он затемнил заднее и боковые стекла, протянул вверх левую руку и не глядя нащупал свою корону, висящую на обычном месте, у волмера. Изумруды и бриллианты венчали каждый ее зубец, на нее нельзя было смотреть без восторга. Ниордана всегда удивляло, что скафы, работающие с ним, не в состоянии видеть аксессуаров его второй, настоящей жизни. Он подержал корону в руках, насладился теплом и весом сияющего металла, осторожными, уважительными движениями водрузил на голову. Затем он снова положил руки на руль и принял еще более величественную позу.

— Френеми! — тихо позвал Ниордан.

И сразу послышался мягкий, спокойный, родной до истомы голос:

— Я здесь, император.

Ниордан взглянул на соседнее сиденье, где пять минут назад находился Дайра. Темный силуэт был теперь на том месте. Угадывались сложенные на коленях тонкие руки, смутно поблескивали глаза, пристальные, умные, все понимающие глаза его советника. Его друга.

— Мне трудно, Френеми.

— Ты ненавидишь их, император.

— Они уже не бойцы. Каждый из них отравлен.

— Одно твое слово, и мы заставим их…

— Нет! — Ниордан зло мотнул головой. Помолчал. — Нет, Френеми. Сюда моя власть не распространяется. Скажи, как дела в государстве?

— Плохо, император. Без тебя трудно. Заговорщики стали чаще собираться в доме на площади.

— Проберись к ним. Сделай их добрыми. Отними у них силу.

— Но без тебя…

— Ты ведь знаешь, отсюда мне нельзя уходить. Здесь — важнее.

— Да, император. Только ты можешь сразиться с болезнью. Страшно подумать, если она проникнет в твои владения.

Мальбейер

В тот год стояло настолько жаркое лето, что даже деревья в Сантаресе были горячими. Весь город пропитался запахом раскаленной орга-

ники. Небо у горизонта сделалось желтым. Это был какой-то непрекращающийся уф-ф-ф. А потом прошел циклопический дождь. Молнии змеились по всему небу, штыками впивались в здания, стояли непрерывные треск и грохот. Потом началась форменная парильня — озона дождь не принес. Рубашки мгновенно мокли и уже не могли высохнуть, голоса звучали задушенно, отяжелевший воздух устал переносить звуки. Утром, еще до восхода, в открытые окна вливалась давящая жара — некуда от нее деться. И все-таки, повторял про себя Мальбейер, все-таки лето, все-таки не мороз и не этот ужасный снег, я так люблю лето, атавистически люблю лето, с детства во мне живет лентяй, который терпеть не может, выходя на улицу из дому, возиться с верхней одеждой.

Мальбейер, грандкапитан скафов, был бледненький, скудный на красоту человечек с чахоточно белой кожей и прищуренными глазами. Однако спокойствия, присущего щуплым людям, в нем не было, а было что-то вкрадчиво-напряженное, потно-кадыкастое, сильное и угловатое. Во всех его движениях проскальзывала фальшь, но фальшь не подлая, а наоборот — очень искренняя. Казалось, он совершенно не умеет вести

себя, но признаваться в этом не хочет и старается скрыть свое неумение.

Когда Мальбейер оставался один, он преображался: его движения приобретали не то чтобы стремительность — торопливость, он всполошенным тараканом начинал носиться по кабинету, обтекая многочисленные стулья и огромный Т-образный стол, заваленный многомесячными слоями никому не нужных бумаг. Тогда он передвигался скачками, чуть боком, по-крабьи, на бегу что-то хватая и перекладывая; как чертик, возникал почти одновременно в самых неожиданных местах кабинета — тот давно превратился в основное место его обитания, пропитался его запахами, наполнился его одеждой, посудой и электроникой. Он и спал-то почти всегда здесь. Свой дом на окраине Сантареса Мальбейер не любил и посещал весьма редко: хоть и предпочитал он оставаться один, полное одиночество его угнетало.

Сейчас Мальбейер стоял у окна и вглядывался в изломанный горизонт.

— Скоро солнце, — сказал он громко. И повторил шепотом: — Скоро солнце.

В Управлении стояла тишина, только в одном из дальних коридоров хлопали двери. Мальбейе-

ра уже второй месяц мучила бессонница, и перед каждым рассветом он слышал это хлопанье. Он долго пытался сообразить, что оно означает, а с неделю назад он не выдержал и решил посмотреть. В коридорах было темно, приходилось идти на ощупь. Наконец, в отделе медэкспертиз гранд-капитан увидел дежурного — бодрого круглого скафа-пенсионера с огромными усами и палкой в руке. Скаф застыл, держась за дверь, вид у него был спокойный и вопрошающий. Секунд десять они молчали, потом Мальбейер вежливо кашлянул и ушел. И сразу хлопнула дверь.

По дороге назад Мальбейер заблудился, и это было очень удивительно для него — человека, который знал здание чуть ли не лучше самого архитектора.

Сейчас, вспомнив эту сцену, он через нос фальшиво расхохотался и, качая головой, прошептал:

— Просто комедия!

Но тут же по сложной ассоциации мысли его приняли новое направление. Он резко отвернулся от окна, вгляделся в голубеющие сумерки кабинета и ринулся к столу. Загрохотало кресло, пронзительно взвизгнул выдвигаемый ящик. Мальбейер синим мешком склонился над ним, ожесточенно работая локтями.

— Надо, надо еще раз. Ну-ка?

Мальбейер включил магнитофон. Как и всякий уважающий себя (а главное, мнение о себе) сантаресец, он имел личностный, т. е. настроенный на хозяина интеллектор, которому мог бы просто заявить о своем желании, однако магнитофон предпочитал включать сам. Во всем мире не было вещи, которую он любил бы так, как эту красивую матовую игрушку. Магнитофон его всегда содержался в идеальном порядке, кассеты расставлены по гнездам и аккуратно надписаны. Редкий каллиграф, Мальбейер гордился своим почерком и не терпел печатных надписей. По натуре он был кропотливейшим из педантов, но именно кропотливость мешала ему проявлять педантизм во всем — на все просто не хватало времени. Он считал, что гораздо лучше не убирать совсем, чем убирать кое-как, и поэтому кабинет его всегда был ужас как захламлен.

— … (вытянув шею, равномерно моргая белесыми ресницами) мой магнитофон. Как мягки, как податливы твои грани! Я не нападаю, я нежно приближаюсь к тебе. Деликатное, легчайшее нажатие пальца на ребристую поверхность чуть пружинящей кнопки, неслышный, едва осязаемый щелчок — и все вдруг преобража-

ется! Мгновение — и затемняется окно, сумрак уступает место тьме. Еще мгновение — и тьма рассеивается, трансформируется в призрачный, почти лунный свет. Э, куда там лунному! Таинственными и непрочитанными кажутся кипы книг, ставший сиреневым подоконник превращается в край света — мы одни. Шуршащая крупяная мгла окутывает меня. На стене желто горят четыре экрана. Все предугадано, как нельзя нигде предугадать в жизни. Ты один, кто не обманет меня.

Прислушайся, я возлагаю на тебя пальцы, я приказываю тебе, — ты беспрекословно и точно последуешь моей воле.

Мой друг, мой друг, мне нужен тот эпизод, где они говорят о вакансии. Пусть включены будут все четыре экрана, пусть звук будет тихим, а изображение остановится в том месте, которое я укажу…

На всех четырех экранах с разных точек, — кабинет директора Управления. За низким, темновато-оранжевым столом — пятеро. Сам директор — высокий семидесятидвухлетний старик. Он из Лиги Святых, которая первой начала полвека назад борьбу с импато — о монашеской чистоте ее нравов ходили легенды. С ним — два

его однокашника, заместители, один лысый, второй, как и директор, седой. Двое других между собой неуловимо похожи: щегольством, жесткими взглядами, деловыми жестами, молодостью. Они из новой когорты. Эмпрео-баль и Сватхречи, начальники отделов.

Директор *(породистое лицо в белом шлеме волос, твердые морщины, кустистые брови. Устало прикрывает глаза)*: И последнее, кхм. Вы знаете, о чем я говорю. Да, вакансия. Кхргхрм! Коркадабаль был очень хорошим майором и отдел его… кхм… но он был… старик. Он даже тогда не был юношей, когда все начиналось. Мне грустно, что он… умер, но… Кхм… Кхм! Но что делать. Это… закономерно. Вот. Вся эпитафия. Теперь надо решать, кому… кхм… отдать место. Ваши предложения?

Лысый заместитель *(тоже длинный, тоже мощный старик, умные доброжелательные глаза, подвижные руки)*: Что тут делать? Мальбейер, кто же еще? И обсуждали мы его, разве не так? Он давно созрел для этого места. Конечно, Мальбейер.

Эмпрео-баль *(поднимает, как школьник, руку; улыбчив, ехиден)*: Я против. Мальбейер — атавистический пережиток, разве вы не видите? Вечные тайны вокруг него, интриги какие-то, все

ходят недовольные, передрались… Да у меня куча материалов! Не-ет, я против. Он вам устроит!

Седой заместитель *(огромные веки, бульдожья челюсть, взгляд мутноватый, пальцы дрожат. Булькающий бас. Шестьдесят восемь лет)*: Я что-то слышал подобное, но не поверил. Не верю и сейчас. Интриган? У нас? В Управлении? Чушь какая-то!

Лысый заместитель: Вы что-то путаете, друг Эмпрео. Может быть, он и чудаковат немного, но… Да ну что вы! Я его знаю прекрасно! Честнейший, кристальнейший человекі Его сколько раз проверяли. Не может этого быть, правда? Он и живет здесь, в Управлении. Вы разве не знали? Он и отпуска никогда не берет. Так и живет в своем кабинете. И на трудные случаи выезжает. Жизнью рискует. Разве не так?

Директор: У вас есть другая кандидатура, друг Эмпрео?

Эмпрео-баль: Видите ли, мне довелось хорошо узнать одного капитана, он работает у Мальбейера. Некий Дайра.

Директор: Ну как же, Дайра-герой, кто не знает Дайру-героя!

Лысый заместитель: Но позвольте, он всего капитанi Можно ли сравнивать!

Эмпрео-баль: Дорогой мой, мы выбираем не чин, а человека. Дайра создан для этой должности, заявляю вам как профессионал.

Лысый заместитель: Нет, я все-таки за Мальбейера. Дайра какой-то. С чего?

Седой заместитель: А что, я бы рискнул. Даже интересно. Я ведь тоже знаю этого человека. Возможно, Эмпрео-баль не так уж и не прав. Этот Мальбейер, он, конечно, очень подходит, но слухи! А Дайра чист и предан. И дело знает.

Директор: А ваше мнение, друг Сватхречи!

Сватхречи *(поднимает голову. У него лицо только что отсмеявшегося человека; смотрит на лысого заместителя)*: Так, значит, вы не знали, что Мальбейер — самый гнусный, самый суетливый из всех интриганов?

Лысый заместитель: Клевета, уверяю вас, кле-ве-та.

Сватхречи: Вы, значит, со всем вашим знанием людей, считаете его «честнейшим» и даже «кристальнейшим»? *(Обращается к директору)* Я поддерживаю кандидатуру Мальбейера.

— Сто-о-о-и! — кричит Мальбейер. Изображение останавливается. Грандкапитан пристально смотрит на улыбающегося Сватхречи и недовольно морщится.

Томеш Кинстер

…не был коренным сантаресцем, однако прожил в городе достаточно долго, чтобы любить и признавать только его. Но чем больше становился Томеш «коренным жителем», тем меньше город проявлял желания признать его таковым. С самого детства Томеша донимали высказанными и невысказанными упреками в том, что он чужак: и говорит не так, и делает не так, и лицо у него не такое, и вообще все у него не такое. К этим упрекам прибавляли обычно и другие — даже не упреки, а скорей насмешки, не злобные, но едкие. Я весь изрыт ими, весь, сказал о себе Томеш после того, как стал импатом. Родись он здесь, он не стал бы скрываться, когда заразился, он бы пошел к людям за помощью и, может быть, все бы как-нибудь обошлось.

Всю жизнь Томешу казалось, что скрыта в нем огромная сила, хотя на самом деле он был слабый и временами до трусливости нерешительный человек. Эта сила была предметом его тайной

гордости и составляла, в сущности, основной смысл его существования. Способностей у Томеша было много, однако талантами он не блистал, поэтому переход от пустой мечтательности к мечтательности, если так можно выразиться, практической давался ему с трудом: бедняга никак не мог понять, в какую же сторону разовьется его сила, если она все-таки проснется. В двадцать пять лет он в первый, может быть, раз серьезно задумался, а существует ли она, эта его огромная сила. Примерно тогда же он и женился.

Жена его, в девичестве Аннетта Риггер, была на пять лет старше Томеша и являла собой тип властной, умной и чрезвычайно раздражительной женщины. Три бурных, злобных и нервных года совместной жизни совершенно истрепали Томеша.

Томеш Кинстер был врач. Он выбрал медицину после долгих раздумий и с некоторым разочарованием в душе. Он отказался от искусства, философии и математики ради мечты навсегда избавить человечество от импато, даже больше — подарить ему импато без тех трагических последствий, к которым в большинстве случаев приводит эта болезнь. Только так — ни больше, ни меньше.

Кафедры импатологии в университете не существовало. Однако импатологи были и была исследовательская группа, попасть в которую мог далеко не каждый. Курс импатологии отличался чрезвычайной информативностью, однако рецептов излечения не давал — их пока вовсе не существовало. Курс интеллектики, расширенный, даже, пожалуй, более широкий, чем это нужно медикам, читался тогда отвратительно (женоподобный профессор Марциус, страстный и косноязычный, плохо разбирался в предмете, однако никто из профессората не считал себя достаточно компетентным для официальной подачи претензии) и тоже пользы не приносил. Единственным плюсом являлось то, что выпускники Группы получали направление в центральные импатоклиники.

Он окончил Университет и попал в Старое метро, главную клинику города. Люди один за другим гибли на его глазах, гибли страшно, а он ничего не мог сделать, даже не понимал толком, почему они погибают. Импатология относится к тем немногим отраслям медицины, работа в которых из-за невозможности помочь больному сводится к надзирательским функциям: излечившиеся бывают, но излеченных нет. Поэтому нет удовлетворения.

Юношеский пыл скоро гаснет, люди погружаются в рутину, становятся раздражительными, ленивыми, и каждый ищет способ оградить себя от чувства вины, чувства ненужности, винит других, окутывает свою деятельность секретами и лишними усложнениями, зубодробительной терминологией, ложью. Они представляли собой сплоченный клан сухих, аккуратных, непроницаемых и болезненно ранимых людей, всеми средствами себя рекламирующий и скрывающий убогость того, что происходит внутри.

Томеш всегда был уверен, что заразится. Опасения сбылись, но, к своему удивлению, он заразился не на работе, а скорее всего в ресторане, где с женой обычно обедал. Потом он часто вспоминал об этом ужине, настойчиво перебирал все тогда происшедшее, однако в голову приходили ничего не значащие подробности, а самого главного — откуда пришла зараза и как это произошло — он вспомнить не мог.

Томеш сознавал, насколько это ненужно — искать виновного, но все-таки искал, подчиняясь, может быть, иррациональному приказу изнутри, из останков искалеченного подсознания, снова и снова, по кругу: мягкий посудный звон… вежливый говорок автомата… смешок в сосед-

ней кабине… густой запах пищи… мимолетная улыбка жены, вызванная удачной остротой… его преувеличенный восторг по поводу этой улыбки… одновременно мысль: у нее приказ даже в линии ушей!., жирный кусок хлеба на краю стола… рукопожатие… рукопожатие?! Нет, нет, не там… извилистый путь от стола к двери… потом блеск уличной травы… сразу видно, что здесь не бывает машин: там, где проезд разрешен, трава причесана в направлении движения и разлохмачена по центру… разговор о детях… усталость, подсвеченная листва, чей-то далекий смех, птичий гомон… казалось, идут они не по улице, а по нежно освещенному коридору… что-то комнатное.

Томеш почему-то был твердо уверен, что заражение произошло именно тогда — или по пути домой или в ресторане, куда по средам приходили послушать наркомузыку его сослуживцы и куда тайком от Аннетты пробирался он сам, потому что Аннетта не любила, когда Томеш занимался чем-то, что не было непосредственно связано с ней.

Мелочи, мелочи, все это так неважно! Вот они входят в дом, поднимаются на второй этаж, открывают дверь, входят. Она поворачивает к нему

голову. Гордость. Затаенный приказ.

Томеш в ответ загадочно улыбается.

— У меня появилась неплохая идея, — говорит он.

— Правда?

Уже тогда можно было понять, что с ними произошло. Но им казалось — это продолжение улицы.

Они вошли в огромную холодную спальню. Он обнял ее неуверенно, и Аннетта не отстранилась, хотя раньше терпеть не могла и намека на ласки. Вдруг поддалась и сама удивилась, и что-то проскрипела презрительно, просто затем, чтобы не сразу сдавать позиции. Точеный шаг, незнакомый, притягивающий поворот головы. Только тогда, в тот после улицы раз, так было, потом — всегда другое, не счастье, а лишь болезненная порция счастья.

Она лежала с Томешем бесконечно, омерзительно голая и (как сказал Томеш) омерзительно прекрасная. От наслаждения хотелось вытянуться на километр. В темноте четыре смутнобелых руки, толстые жаркие змеи.

— Что же это такое? — спросила Аннетта.

— Да, — шепнул Томеш. — Я так и не помню уже.

Исполинские теплые губы. Тераватты нежности. Боль. Бархатная грудь, разлившаяся по телу, чуть намеченная выпуклость живота. Он обнял ее, она сказала — раздавишь, шепнула — раздавишь, дохнула только. Мммм, сказала она, мммм.

Все, все было тогда — и радость, и голод, и злость, и начавшееся прозрение, отвращение даже, — но все это и все, что вокруг, слилось тогда в потрясающую симфонию, и даже не тогда, а вот именно после. Подозрение на болезнь еще не пришло, а как бы появилось на горизонте, слишком уж было им хорошо, чтобы думать о чем-то, и странно было Томешу, что он, всегда ставивший выше всего эстетические наслаждения, а плотские радости воспринимавший, как многие воспринимают — с жадностью, с жаром, но отдавая себе отчет, что это всего лишь физиологическое отправление организма, как бы стыдясь, — что он вдруг сконцентрировал свою жизнь именно на таком простом и даже странно, великом удовольствии и причислил испытанное в ту ночь к самым значительным, самым тонким переживаниям, что пришлись на его долю.

И они заснули потом, а через час одновременно проснулись. Как от удара. Мягкого, пьянящего, в

грудь. Нет, им не хотелось повторения. Хотелось им так много, даже непонятно чего. Просто лежали, глядя в потолок.

— Мне это не нравится, — соврал Томеш. Аннетта поняла, что он хочет сказать, и в знак согласия на секунду прикрыла глаза. Эйфория. Первый отчетливый признак. Могущество и счастье, оттененные смертью. Они обнялись.

— Интересно, — еле шепнул он. — Мы, наверное, можем летать.

Это может делать почти каждый импат. Это просто. В комнате без света, с затененными окнами, в абсолютной тишине, они приподнялись над постелью.

— Я часто думал, что ты меня ненавидишь, — сказал Томеш, но звук его голоса был таким грубым, что он осекся.

Эйфорию неизбежно сменяет депрессия. Сначала сникла Аннетта. Она села на пол и застыла, страдальчески искривив рот.

— Зажги свет.

Томеш не слышал. Он был как мощный органный аккорд.

— Зажги свет! — закричала Аннетта.

— Подожди.

— Зажги свет, — она заплакала.

Поведение импатов прогнозировать очень трудно, однако решение Томеша и Аннетты пойти на месячное затворничество все-таки вызывает удивление. Среди импатов такие случаи крайне редки.

Сам Томеш объяснял все очень просто: появилась возможность исполнить мечту, требовалось только обдумать все как следует, и, значит, скрыть себя от людей. Он знал, что это неверное объяснение, но так ему было удобнее.

Они заперли свет, затенили окна, и теперь ни звуки, ни свет, ни запахи наружу вырваться не могли.

Сначала включалась телепатия. Затем предвидение. Сначала это было угадывание чувства, которое они испытают в будущем, потом стали проявляться детали, детали складывались в события, — первый признак омертвления разума, — мысли мешались, их было очень много (бомммм, говорил про них Томеш), каждая казалась значительной, представлялось чрезвычайно важным не упустить ни одной, и постепенно мир мыслей автономизировался, оставив сознание пустым, бессмысленным и пассивным; оно вообще не отдавало бы никаких приказов телу, если бы не частые вспышки болезненной, нечелове-

ческой ярости.

Они изменились внешне. У Аннетты стали расти лицо, ладони и ступни. У нее появились огромный нос, складчатые веки, длинная челюсть, множество морщин (кожа на лице росла быстрее, чем остальные ткани). На всем ее теле ниже груди закурчавились черные волоски. Томеш вытянулся, а лицо, наоборот, сжалось, стало маленьким и злобным. Они разбили все зеркала. Они готовы были убить друг друга.

Аннетта, для которой болезнь явилась концом всего, к тому же концом совершенно неожиданным, злилась и вяла Мысль о том, что до болезни ее жизнь была заполнена в общем-то, пустотой, не то чтобы не приходила ей в голову — она скорее трансформировалась в идею более высокого порядка, которая, если облечь ее словами (до чего не доходило), выглядела бы так: да, пустота, но ведь ничего другого большинству и не достается, только не все это понимают; не в том дело, что пустота главное — это приятно, даже полезно, и, уж конечно, ради этого стоит жить.

А теперь приятную пустоту заменила гложущая смертельная боль. Из прошлого остался один Томеш, да и то непонятно, Томеш ли он. Раньше Аннетта относилась к мужу словно к собствен-

ной вещи: с оттенком презрения, с заглушенной и деловитой любовью, даже с гордостью адской (терпеть не могла когда его хлопали по плечу), она и мысли такой не допускала — расстаться с ним, — хотя и говорила про это довольно часто. А теперь все кончилось, и уже непонятно было, кто кому принадлежит.

Жизнь Томеша наоборот, приобрела новый и важный смысл: вялые, туманные и нереальные планы вдруг получили опору, внутренняя мощь, которая во время «до» не давала покоя, вырвалась наружу (а внутри стало тошно и пусто), подчинила единой цели, исполнение которой он видел в будущем так же ясно, как видел расслабленное инфантильное существо с уродливым багровым лицом, бывшее когда-то его женой. Он часто думал, не обманывает ли его мозг, не подменяет ли предчувствие фантазией, но всякий раз математически (и это настораживало его) приходил к одному и тому же выводу — все случится именно так, как он помнит.

Каждое утро, после тщательной инспекции потерь и приобретений своего организма, он встряхивал головой, как бы отрешаясь от всего, что нависало над ним, пыталось проникнуть внутрь, именно «как бы», потому что отрешиться

не получалось. Он чувствовал, как жена лежит отвернувшись, как она боится нового дня, чувствовал неясное, враждебное веяние сквозь стены, чувствовал, что придет день — и Аннетта умрет, и вслед за ней он умрет тоже (иногда пропадало предощущение достигнутой цели). Это предчувствие было неустранимо, ни на секунду не мог он отвернуться от смутных картин своей смерти и смерти Аннетты, не картин, а комплексов ощущений, ощущений расплывчатых и многозначных, хотя и совершенно определенных, определенность которых терялась в наслоениях чувств и мыслей, когда-либо вызывавшихся — в прошлом ли, в будущем, — опять-таки тем же самым предчувствием.

Ощущение будущей смерти не мешало ему, а придавало жизни осмысленность, оттенок трагизма, благородства и чистоты. Бывали даже часы, когда он искренне мог сказать: я живу хорошо.

Ко дню своей смерти он набрал великолепную коллекцию из тридцати четырех дней, которые составляли теперь основную часть его воспоминаний (Аннетта временами пыталась вспомнить, что было «до», однако больной мозг отдавал воспоминания неохотно в жутковатом обрамлении:

если ей вспоминалось детство, то обязательно улица Монтебланко, с черно-белой архитектурой, без травы, без деревьев, разграфленная заносчивыми столбами озонаторов, в тот предвечерний час, когда уже сияют белые фонари, но когда они еще не нужны, когда люди охотно кажутся трупами, а у матери смятые белые губы и глаза в темных кругах…

Юность представлялась Аннетте лицом сумасшедшего старика Альмо, который гнался за ней по лестнице, а тяжелая дверь в идиотскую мелкую шашечку не поддавалась — и всё мертвые, искаженные образьп падающие трубы и распростертые улицы, и мороз, и многозначительные слова… Тогда она напрягалась, чтобы не закричать, или, наоборот, нападала на Томеша, из всех сил трясла его за плечи, кричала ему что-то настолько невнятное, что даже он не понимал, а Томеш постепенно всплывал из своего глубока и начинал ее бить — методично, под ребра, — и нигде, негде было спрятаться, ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

Вечером предпоследнего дня неожиданно пришло счастье, выискало трещину, расширило и напало. Так много было его, что досталось и Аннетте. Она подняла морду в клочьях слезающей

кожи, хрипло хохотнула и схватилась за голову. Дикая скрежещущая музыка, которая терзала ее на протяжении вот уже двух недель, вдруг изменила тональность, и хорошо было бы напеть ее, но голос ее не слушался.

— Папа, — сказала она. — Хвост.

Томеш блаженно щурился: не столько от иррационального, хищного счастья, сколько от того, что не входило оно в предсказанный, подсмотренный мир, не было к тому никаких предчувствий. А, значит, появлялась надежда.

— Красивей тебя на свете нет, — сказал он отвыкшим голосом. — Боммм.

Но уже взбиралась на крышу соседка с нижнего этажа, придерживая длинную юбку; чуть сгорбившись, кралась она по ступеням, по темному перегретому чердаку, туда, где на крыше торчали четыре гриба энергоприемников. К горячему притронувшись пальцем, зашипела и тут же забыла про боль, утвердилась в догадке, обернулась назад, прислушалась (с каждым ее движением счастье сжималось, уползало неотвратимо в липкую свою трещину): колеблющиеся лица искажены, воздух теряет плотность, все глаза на нее. Вот спускается она тенью (Томеш замер, Аннетта бурно трясется), вот поднимает руку к

вызову и вот вызов после месячного перерыва размалывает бурую тишину:

— К вам гости! К вам гости!

Держась за горло, Аннетта смотрит на Томеша. Он закрыл глаза и скривил губы, между бровями появились две вертикальные складки.

— Я не выдержу, — прошептал Томеш, а губы слушались плохо.

И соседка закричала, услыхав его голос, и белкой ринулась вниз.

Сентаури

Телефонный звонок… С подозрением глядя в сторону, Мальбейер дождался третьего сигнала, осторожно поднес трубку к уху и сказал басом:

— Да-а?

Потом расплылся в японской улыбке и продолжил уже своим голосом, впрочем, опять не своим, а слащавым и тонким:

— Дорогой Сентаури, как я рад вашему звонку! Ну, что? Как ваши дела? Как здоровье?.. Я очень… И у меня тоже… Со мной? Сейчас? Ну, конечно!

Чем я могу быть занят в такое… Жду, жду… Есть… Ну, жду!

Через несколько минут Сентаури стоял у него в кабинете, огромный, бравый душечка-скаф. Он начал без предисловий.

— Хочу доложить вам, друг Мальбейер, что у капитана Дайры есть сын.

— Как?! — вскричал грандкапитан, всем своим видом выражая безграничное удивление. — Но этого не может быть! Вас, наверное, обманули!

— Нет, — мрачно произнес Сентаури. — Не стал бы я наговаривать. Мы делим с ним риск… Сведения из очень надежного источника.

Мальбейер привстал и замахал указательным пальцем.

— Нет, не буду и слушать, кто вам это сказал! Это невозможно, это явная клевета. Дайра! Лучший в моем отряде, наша гордость, ни одного замечания! Да кто вам сказал такое, дорогой мой Сентаури?

— Он сам.

Мальбейер вытянул шею, словно прислушиваясь к эху.

— Он сам. Он. Сам, — Сел. Задумался. — Трудно. Трудно поверить, дорогой Сентаури. Зачем же он вам это сказал? Ведь он должен понимать, что…

Неписаный закон — самый строгий. Близкие родственники… Да-а-а. Он, наверное, очень вам доверяет.

Сентаури повел головой, будто проглотил что-то колючее.

— Вы поймите, не в том же дело, доверяет он мне или нет. Ведь этот закон, ну, о родственниках, он не просто так, ведь сколько случаев было, я, в конце концов, не имею права скрывать, это мой прямой долг, и не подумайте, что мне так уж приятно такое докладывать. Я понимаю, я как доносчик выгляжу, но ведь нельзя же иначе, иначе ничего не получится!

Мальбейер прервал его, всплеснув в восторге руками:

— Это верно, да, это так верно, дорогой мой Сентаури! Не донос, но разумное предупреждение. Да! Слишком многих мы теряем, слишком многое зависит от нашей надежности, и тут уж — да! — и тут уж не до обычной морали! Подумать только. Дайра-герой!

Все это произносилось с пафосом почти натуральным, но Сентаури еле сдерживался, чтобы не поморщиться. Мальбейер между тем напряженно думал. Сентаури донес о сыне Дайры. Очень чуткий ко всякого рода стечениям обстоятельств,

Мальбейер понимал, что отсюда можно извлечь какую-нибудь замысловатую комбинацию.

В самый разгар риторических упражнений Мальбейер внезапно осекся и с отцовской, всепонимающей хитринкой поглядел на Сентаури.

— Но с другой стороны, — продолжил он совсем уже другим тоном, — есть и более оптимистичная точка зрения. Сколько лет сыну?

— Двенадцать лет ему, — ответил скаф.

— Вот видите, двенадцать лет. А за это время Дайра ни разу не сорвался, не дал повода и даже наоборот — стал лучшим из лучших. Так что его надо, разумеется, держать под контролем, но выводов! Выводов никаких. Ведь еще никак не проявилось, что у него близкий родственник.

— В том-то и дело, что проявилось. Сегодня он ушел с дежурства, оставил пост, чтобы проводить сына на аэродром.

— А что, сын разве у него живет? — вскинулся Мальбейер. — Странно.

— Нет, не у него. В интернате. У Дайры жена когда-то погибла от импато. Он сюда на каникулы приезжает.

— Так-так, — сказал Мальбейер и подумал: «Так-так».

Комбинации складывались и рассыпались

мгновенно, не хватало каких-то деталей и сильно мешало присутствие Сентаури.

— Знаете, что мы с вами решим, дорогой друг. Мы все-таки не будем никому сообщать. Но сами с него глаз не спустим. Ведь цело-то серьезное!

— Ну, а я-то о чем толкую! — истово подтвердил скаф.

— И как только заметите самую мельчайшую малость — сразу ко мне. Ведь тут какая ситуация складывается, — продолжал Мальбейер задушевно-доверительным тоном. — Может быть, вы не знаете, но Дайру прочат на место Коркадыбаль. Сейчас ясно, что допустить такое нельзя — слишком опасно. Близкий родственник обязательно всплывет, ведь там проверка — так уж проверка. Тогда ему придется уйти из скафов, а ведь вы знаете, как трудно бывшие скафы приспосабливаются к обычной жизни. Сколько горя это ему принесет! Мы с вами сделаем вот что. Мы создадим ему соперника. И знаете, кого?

— Кого? — завороженно сказал Сентаури.

— Вас.

— А?

— Именно вас, дорогой мой Сентаури! Ведь вы ничем не хуже, разве что позднее пришли к нам. И если вы будете держать и меня в курсе событий,

то я замолвлю словечко, а наш дорогой Дайра, и к своему счастью, отойдет на второй план. Не займет опасного места и ничем не испортит репутации.

Пока Мальбейер говорил, Сентаури медленно багровел. Глаза его выпучились, челюсть выдвинулась вперед.

— Это что же — вроде платы за донос, так, что ли?

— Нужно ведь как-то оплатить ваше моральное потрясение, — игриво ломаясь, засюсюкал Мальбейер.

— Я?! Оплатить?! Да как вы смеете, Мальбейер?

— Друг Мальбейер. Друг Мальбейер, мой дорогой.

— Друг Мальбейер. Я пришел, потому что нельзя иначе, а вы мне взятку?

— Оччень хорошо, оччень хорошо, мой дорогой, мой милый, мой честный Сентаури. Ничего другого от вас я и не ожидал. — Мальбейер моментально перестроился, стал строгим и неподкупным. Теперь Сентаури мешал ему думать. — Будем считать, что мы не поняли друг друга, и простим незадачливому грандкапитану его попытку проверить порядочность подчиненного. Очень вас

ценю и верю теперь до самых глубин… до самых глубин! Вы скаф, то есть человек высочайшей ответственности, для вас не должно существовать друзей, близких родственников, начальства — только святой долг. Вот ваша точка опоры, единственная, заметьте! И пусть никто больше не знает о нашем разговоре, самое главное, пусть Дайра не подозревает, пусть он будет спокоен, пусть думает, что вы ему преданы, ведь он тоже предан, согласитесь, что предан — предан и вам, и остальным своим коллегам, и делу… не будем его огорчать. А теперь — кру-угом, мой дорогой друг, кругом, вот так. Прощайте. И выполняйте свой долг!

Скаф, смутно чувствуя, что его оскорбили, повернулся к дверям. Мальбейер проводил его взглядом генерала, только что вручившего орден: он стоял перед столом, гордо выпятив грудь, одна рука заложена за спину, другая — кулаком на бедре.

Хаяни

Между тем начинался день. Тишину стали прорезать еле слышные телефонные вызовы, то тут, то там завывали лифты, кто-то, покашливая, мягко шел по коридору. Возник насморочный курьер с пухлым синим пакетом службы информации. Мальбейер по своему обыкновению рассыпался перед курьером в любезностях, замахал руками (Я вам верю! Не буду и проверять!), но отпустил только после того, как пересчитал и сверил документы с сопроводительным списком. Срочные подписи он оставил на после обеда, так как по опыту знал — это самое тихое время в Управлении, а летом и по всему городу. Жарко, подумал он и взглянул в окно. Среди крыш уже горбатилось необычно яркое солнце. И тогда он сказал:

— Привет вам, уважаемое светило!

Первые сообщения дали надежду на легкий день. Там была жалоба на странного продавца («Пусть ваш сотрудник придет, пусть он только посмотрит ему в глаза — ведь парень из тех импатов, которых давно стрелять надо!»), жалоба на мужа («в третий раз обращаюсь к вам. Вы — моя

последняя надежда»), несколько обычных шизофренических посланий, одним словом, ничего интересного. Правда, оставалось три телефонных звонка и от них можно было ожидать любой пакости.

Прослушав первый звонок, Мальбейер зевнул, но после второго насторожился. Судя по белому цвету карточки, звонок записали всего полчаса назад. Такая оперативность была абсолютно фантастической для разболтанного, недоукомплектованного и погребенного под рутиной отдела информации. Содержание карточки стоило опасений. Некая П. сообщала, что в квартире над ней происходят странные вещи — по симптомам типичный и очень тревожный случай запущенного импато. Мальбейер потянулся было к авральному телефону, однако оставался третий звонок. По сообщению ночного прохожего, в канализационной системе Римского района скрывался импат, по всей видимости, неопасный. Дело осложнялось тем, что на оба вызова следовало реагировать без промедлений, а было утро, самое уязвимое время в системе скаф-патрулирования, когда одни уже отработали, а другие еще не совсем проснулись. Дежурных групп сразу на все не хватало, оставалось задержать кого-нибудь

из ночной смены, по инструкции имевшей право из-за усталости не выходить на ответственные операции.

Мальбейер позвонил в дежурный зал и сладким голосом спросил Дайру. Подошел Хаяни.

— Э-э, видите ли, — смущенно забормотал скаф, — дело в том, что капитан временно отлучился.

— Ах, как жаль, как жаль, — запричитал Мальбейер. — В таком случае, не смогли бы вы, дорогой Хаяни, если вам только не трудно, подняться на минуту ко мне?

— Есть, друг Мальбейер! — отчеканил Хаяни и добавил совершенно по-штатски. — В сущности, почему бы и нет.

Вот за это Мальбейер не очень любил Хаяни.

Через десять минут Хаяни снова появился в дежурном зале. Вид у него был раздосадованный и виноватый. На вопрос Сентаури, что случилось, он развел руками:

— Надо же, стоило только Дайре уйти, и сразу тревога. И если он не появится, командую я.

— Ты? — удивился Сентаури и с укоризной посмотрел вверх.

— Я. Сам не понимаю…

— Я ему позвоню, — сказал Сентаури, бросаясь

к телефону, под которым в креслах спали два скафа. Тела их были по-младенчески расслаблены; судя по грязной и мятой одежде, ночь прошла для них не без приключений.

— Глупость какая, — бормотал Хаяни. — Ничего не поймешь с этим человеком.

Панически взвыл авральный телефон, замигала ярко-красная точка на карте города, и служебный вариант мальбейеровского голоса, металлизированный, без интонаций, начал откуда-то сверху сообщать вводные.

Дайра

Предчувствие родилось во сне, и теперь Дайра, глубоко суеверный, как и большинство скафов, жалел, что поддался усталости и прилег вздремнуть, пока спит мальчишка. Он очень устал. Он не спал две ночи: одну проговорил с сыном, а тот глядел восхищенно и понимающе, а другая пришлась на дежурство, поэтому глаза у Дайры слипались. Не раздеваясь, он как пришел, бросился в постель и тут же уснул.

Ничего особенного ему не приснилось: разговоры, рукопожатия, полеты на «пауке» с хохочущим Ниорданом и еще этот вечный сюжет, когда его экипаж и с ними покойник Берро, что был до Хаяни, вдруг принимались ловить его, а он прятался в гулких пустых комнатах с окнами без признака стекол, прислушивался к топоту, а потом приоткрывал дверь и тощая физиономия Хаяни на длинной уродливой шее просовывалась в проем и начинала обшаривать закопченные углы комнаты огромными грустными глазами, между которыми так неестественно топорщился длинный пергаментный нос, похожий на лезвие. За спиной Хаяни угадывались копошение, влажные темные отблески кожи, длинные многосуставчатые пальцы, вороха шевелящихся волос.

…На этот раз глаза Хаяни были еще тоскливее, нос еще длиннее, а последней мыслью во сне было: «С чего я взял, что это Хаяни?» Мысль была очень мудрой, но додумать ее не удалось: заворочался мальчишка, и Дайра моментально открыл глаза, уже полный предчувствием. Долю секунды висела перед ним комната, которую так важно было запомнить, ее словно нарисовали на летящем куске густой паутины, а потом паутина растаяла и он проснулся окончательно.

Предчувствие не рассосалось, когда он будил сына, а тот все не хотел просыпаться, когда он готовил на завтрак гренки с молоком и яйцом, и когда они сидели на кухне друг против друга, а солнце, яркое, утреннее, било в глаза и пронизывало кухню сухим антисептическим светом, а мальчишка, одну за другой пожирающий гренки, казался совсем уже взрослым, наверное, из-за напряженности в глазах, хотя у детей куда больше поводов для напряжения, чем у взрослых. И Дайра подумал, что добром это не кончится.

И тут мальчишка сказал:

— Я когда вырасту, обязательно скафом стану.

Это было сказано безо всякой связи с предыдущим, наверное, сама мысль постоянно сидела у него в голове под спудом и готова была выплыть наружу при любой, хоть даже и далекой ассоциации.

— Нет уж, — ответил после паузы Дайра. — Хватит с них и меня.

Губы мальчика нервно дрогнули. Немигающие глаза напряженно впивались в Дайру.

— Почему?

— Хватит с них и меня, — повторил Дайра и перехватил взгляд сына. И подавил и заставил его потупиться. — Это грязное дело, уж ты мне по-

верь. Оно, конечно, святое, но грязнее его ничего в этом свете нет.

— Почему?

— Я говорил тебе. Я зря так много тебе говорил. Надо было, наверное, не вспоминать случаи, а сказать просто, что убивать невинных — последнее дело, и хуже может быть только одно — решать, что с этими невинными делать. Ведь их можно сразу убить, а можно изолировать, а бывает, что и отпускаем, скажем, нулевую стадию. А решать это скафам. Ты представить себе не можешь, что такое быть скафом! У нас с ума от этого сходят. А те, кто не сходит, те… те тоже… тоже! Они все искалеченные, пойми! Ты не видел. А главное, хоть бы на кого злиться. Может, тут самое плохое, что ни одного виноватого нет.

— Элдон, — авторитетно сказал мальчишка. — Кто как не он?

Дайра осекся. Не само возражение поразило его (оно напрашивалось), а тон, которым оно было высказано. Он с жадностью вгляделся в глаза сына и к своему облегчению увидел, что не так уж они спокойны.

— Элдон не знал. Он хотел, чтобы все сверхлюдьми стали, он счастья хотел для всех. Разве за это винить? Он и представить себе не мог, что

именно, что единственно у людей проявится резонанс, никто не мог такого предугадать. Вы ведь проходили, там такой пакет волн СВЧ. На собаках, на обезьянах испытывали, а у людей вдруг резонанс! Я не знаю, в чем его обвинять.

Постепенно лицо Дайры принимало нормальный цвет, а краснота превращалась в пот.

— Но ведь его убили за это.

— Он сам застрелился.

— Это версия.

— Он сам застрелился, я тебе говорю. Я его понимаю. Но он не виноват. Чем дальше, тем легче стать виноватым, вот в чем штука. Скоро и шагу ступить будет нельзя, чтобы перед кем-нибудь не провиниться.

— Пап, — сказал вдруг мальчишка совсем мальчишеским тоном. — Я остаться с тобой хочу.

Их глаза встретились — недобрые глаза отца и умоляющие — сына.

— Нет.

— Я не хочу в интернат. Почему я должен жить один? Что я…

Дайра хотел ответить, сказать все, что полагается отвечать в подобных случаях, хотя и не полагается их допускать. Что скафы вообще не имеют права жить с родственниками, даже иметь

родственников им не рекомендуется, и если кто-нибудь узнает, то будут крупные неприятности, но мальчишка на это мог спросить, почему бы Дайре не бросить работу, которую он с таким постоянством клянет, и Дайре нечем было бы крыть. Быть скафом — действительно святое дело, можно всем для него пожертвовать, это же не слова, а хавдз чистая, но так хочется выйти неискалеченным, пройти сквозь все зажмурившись, и он сказал, прицелившись глазами в мальчишкин лоб:

— Ты должен понять, что любить мне тебя нельзя сейчас.

И тут же почувствовал, что сказал пустые слова, от которых впору поскучнеть моментально, столько раз они говорились, однако мальчишка не поскучнел.

— А потом?

— Что?

— Потом ты будешь меня любить? — спросил он, умиротворенно соглашаясь с отцом.

— Конечно! (Проклятая, неумелая, стыдная нежность!)

— А как? — мальчишка словно сквозь обморок спрашивал.

— Ну, как? Целовать буду. Обнимать. Ласковые

слова говорить.

— Как мама?

Они сидели друг против друга, залитые солнцем, мальчишка хрустел последним гренком, пыль сверкающими точками летала по кухне и жара вступала в свои права, а Сентаури в это время бегал к телефону; и два импата смотрели на мраморную поверхность стола и думали; и страшный запах, и выщербина в столешнице; и соседка взахлеб рассказывала про них какому-то мужчине, который почти не слушал, а твердил про себя, ну когда же ты кончишь, я уже понял все, понял, ему смертельно надоела эта закутанная в одеяло и перепуганная, такая сегодня незнакомая женщина, она никак не может остановиться, ее и обвинить-то ни в чем нельзя, но и оправдать тоже почти невозможно; и гуськом выбегали на жару скафы, взмывали их пауки, а Дайра смотрел на своего сына. Дайра, так похожий на своего сына, протянул руку к вдруг заревевшему телефону, и снял трубку, и поморщился от солнца, и лицо его вдруг покрылось заботой, а лицо мальчика словно ушло в тень.

Надо было делать что-то с мальчишкой, а тот ершился. Что я, маленький? Сам доеду.

Он старался не показать обиды, а Дайра подыг-

рывал ему и притворялся, что все нормально. Он даже поцеловал сына в висок и быстро вышел из дома.

На улице было много людей. Они шли торопливо, не замечая сочной зелени под ногами, шли, держась кружевной тени деревьев, шли, хмурясь и улыбаясь, шаркая и подпрыгивая при ходьбе; они обтекали Дайру, который замер у своей калитки на улице, насквозь пробитой солнечным светом, и вот машина со свистом осела перед ним, и прежде чем войти в нее (скафы одинаково повернули к нему лица, на которых уже стерты были все выражения), он оглянулся назад и даже не то чтобы посмотрел туда, где сквозь деревья в окне маячила белобрысая, аккуратно причесанная голова мальчишки, а только дал ему понять, что помнит о нем и вроде бы как прощается. Мальчишка понял, прижался носом к стеклу, а Дайре стало очень обидно, что такой вот малыш принужден скрывать свои чувства, потому что боится выразить их как-нибудь не так и показать себя в смешном, стыдном свете. Но в следующий миг он отвернулся и забыл о сыне, с чувством холода и облегчения переключившись на то, что будет делать сейчас, и странно было видеть со стороны, как он не впрыгнул, не втиснулся, а

словно всосался внутрь машины, что-то сказал водителю и в тот же момент они взмыли в воздух и пропали за крышами домов, совершенно бесшумно, а прохожие остановились, и проводили машину глазами, и кто-то крикнул:

— Паук!

И кто-то проговорил тихо;

— Паук, паук, будь оно все проклято!

И через секунду все заспешили по своим делам, а мальчишка отлип от окна, отошел в глубь и склонился над чем-то. Несмотря на обиду, он был рад, что поедет без провожатых.

«Пауком» патрульную машину прозвали давно, когда импатов еще только учились искать, и Лига Святых состояла из хорошо подобранных молодцов, а может, они и в самом деле были святыми. Трудно понять то время. Патрульные машины делали тогда особыми, заметными, на вид жутковатыми, как автомобили для перевозки радиоактивных отходов. На капоте, на дверцах и даже на брюхе было намалевано по багровому кресту (клеймо Лиги Святых). Пауками их называли не столько из-за крестов, сколько из-за пузатости и раскоряченных лап с колесами. Сейчас все идет к тому, что скафа от простого человека и отличить нельзя будет, и машины

сейчас делают обычными, всего и разницы, что в городах, где импатов еще много, только скафам разрешается летать, а у других автомобилей в спецмастерских из движков выдирают что-то и пломбы ставят. Совершенно логичная, справедливая, необходимая мера, и Дайра всякий раз удивлялся, когда слышал недовольство по этому поводу. Вообще он заметил, что люди обычно возмущаются вовсе не тому, чему на самом деле следует возмущаться. Иногда и возмущаться-то нечему, а все равно плохо.

Даже над городом было жарко. Движок, только что отлаженный, работал бесшумно, тихо позвякивали шлемвуалы, повисшие на дверцах, сосредоточенно посапывал Ниордан (руки спят на руле, лицо презрительное, верблюжье, полузакрытые глаза, блестящий лоб с глубокими бухтами залысин), притихли на заднем сиденье Хаяни и Сентаури, и Дайра тоже зацепенел, глядя вперед. Минут через пять после отлета он сказал:

— Сына я, считай, проводил, так что сегодня вечером все ко мне.

Город раскинулся от горизонта до горизонта, он казался сложным графическим рисунком на дне блюда с желтой каймой, из-под машины быстро

уносились назад разнообразные крыши, кроны деревьев, нескончаемые полоски улиц, зеркальные, черные, зеленые, матовосерые, и только один дом все тянулся и тянулся и никак не мог кончиться. Никто не знал его длины, так же как никто не знал имени его архитектора. Возможно, где-то в архивах и пылился чертеж с подписью этого сумасшедшего, но слишком уж многие архитекторы почтили Сантарес своим вниманием, чтобы выделять кого-то из них особо. Город сумасшедших архитекторов. Блуждающие дома, дома с переменными формами, растущие дома из органики, стелющиеся фонари, музыкальные тротуары, площадь Ужасов, Пизанский квартал… А дом все тянулся и тянулся, иногда извиваясь, чтобы обогнуть очередную громаду, то и дело пропадая среди ярких и зеленых, и оранжевых, и пестро разрисованных пятен, среди травяных крыш и черепичных скверов, среди бассейнов и экохрустальных памятников. Потом вдруг крыша дома вздыбилась, устремилась к машине, словно угрожая, словно сгоняя ее со своей поверхности, и закончилась впереди примерно в километре от них высоченным пиком (имитация под скалу), Ниордан свернул направо, к Римскому району, туда, где трехэтажники фирмы «Экономия» резко

выделяются среди плоских домишек-кабинетов и только посредине стоит пятиэтажный квартал, каждый дом которого огорожен неприступной зеленой изгородью, туда, где для машин места почти нет, где только велосипеды, массы велосипедов, и монорельсы, и многоярусное Новое метро.

Слева и справа, чуть позади, летели еще машины, и они повторили поворот Ниордана, и получилось у них так слаженно — впору залюбоваться.

— Готовность, — сказал Дайра, чуть сжимая автомат, лежащий на коленях.

— Готовность, есть готовность, готовность, — разными голосами отозвался динамик.

Они надели шлемы, скрыли под вуалетками лица и стали похожи на воинов какого-то тайного ордена.

Кинстер

Когда над дальними крышами нависли сверкающие точки скафовских «пауков», импаты

находились в той стадии нервного окоченения, которая предвещала судорогу — пик болезни. Закаменев, они сидели друг против друга за рабочим столом Томеша и вслушивались в быстро летящих скафов. Одна из другой перекрывались лазейки, которыми еще минуту назад можно было воспользоваться.

— Я не могу, не могу, не могу, — подумал Томеш. — Ни секунды не просижу.

— Сиди, — ответила Аннетта. Он понял, но ему послышалось «траффи-траффи-траффи-траффи».

А потом интеллектор неуверенно спросил:

— Вы живы?

Дайра

Дом, где скрывались импаты, был старым трехэтажным особняком, из тех, что в свое время принадлежали Экономии. Фасад выходил на Монтерру, улицу с разрешенным проездом, но она давно уже превратилась в аллею и, несмотря на разрешение, только зеленый новичок мог додуматься до того, чтобы направить сюда ко-

леса. Дубоплатаны, за которыми сантаресцы ухаживали с терпением, вошедшим в поговорку, давно уже сцепились кронами над Монтеррой и образовали ажурный тоннель, куда по вечерам высыпали гуляющие: парочки всех возрастов, мрачные клерки, художники с пятнистыми папками и те, которых в последнее время стали называть андонами — люди без профессии. Иногда на Монтерру выходил длинный ржавый старик с ироническими глазами и чрезвычайно решительным подбородком. Это была местная знаменитость — один из последних Сумасшедших Архитекторов. Сумасшедшего в нем ничего не замечалось — весьма здравый старик — зато чувствовалось порода, чего у нынешних молодых не встретишь. Он громко и гулко привязывался к прохожим, пока не уводил кого-нибудь на чай и воспоминания. Тротуар и проезжая часть были крыты специальной немнущейся травой, поэтому здесь никогда не было грязи. Сейчас Монтерра была пуста, потому что по сигналу СКАФ телефонная служба успела поработать, и все жители соседних домов были эвакуированы.

Предстоящая операция беспокоила Дайру. Захват импатов, которые вот уже месяц сидят дома — дело опасное. Инструкция на этот счет была,

но от нее не приходилось ждать проку: как всегда, не хватало машин. Нужно было поставить по «пауку» на каждой слабой точке вокруг дома — четыре, не меньше, еще пару подвесить сверху и вдобавок выделить два пеших десанта — один с крыши, другой с подъездной двери. Хорошо еще, что в домах Экономии не бывало черных ходов. Самым неприятным местом была задняя стена дома. Она почти вплотную примыкала к соседнему особняку и в зазор между ними машина могла вклиниться только боком, что очень опасно — никогда нет гарантии, что оконные стекла форсированы.

Ниордан повернулся к Дайре.

— Ну, командир?

Тот ощутил в пальцах привычное покалывание — нервный всплеск перед боем.

Аннетта

Аннетта не отрываясь смотрела на Томеша, по лбу которого ползла муха. Оцепенение ушло. О том, что они знали наверняка, думать не хоте-

лось. Хотелось жить.

Он тоже искал, он чувствовал, что можно найти лазейку, создать новое «будет», он перебирал лихорадочно вариант за вариантом, и вдруг поймал что-то: даже привстал возбужденно, оторвал от пола ноги. Непривычное усилие сбило мысль и то, верное, ушло из памяти, постепенно, ловко увертываясь от разглядывания, под конец оставив в виде следа слово «сказал».

Он подумал, ну, где же, где же, и Аннетта помогла ему, и он понял.

— Нет, не хочу, спасаться будем вдвоем. Тебе тоже жить надо. Нет. Не хочу, — простонал Томеш.

— Врешь, — сказала она.

Он ответил ей, соглашаясь:

— Честное слово, жаль.

…Дайра машинально поднес микрофон к самым губам:

— Баррон охраняет окно, Дехаан пойдет к фасаду, от каждого паука по двое — на лестничный десант. Воздушный десант — наша группа. Ди Марко на всякий случай повисит над домом.

И сразу две машины пошли на снижение, ревом сирен оповещая зазевавшихся о начале захвата. Ниордан вошел в глубокий, как бы давно запланированный вираж и мягко сел на крышу.

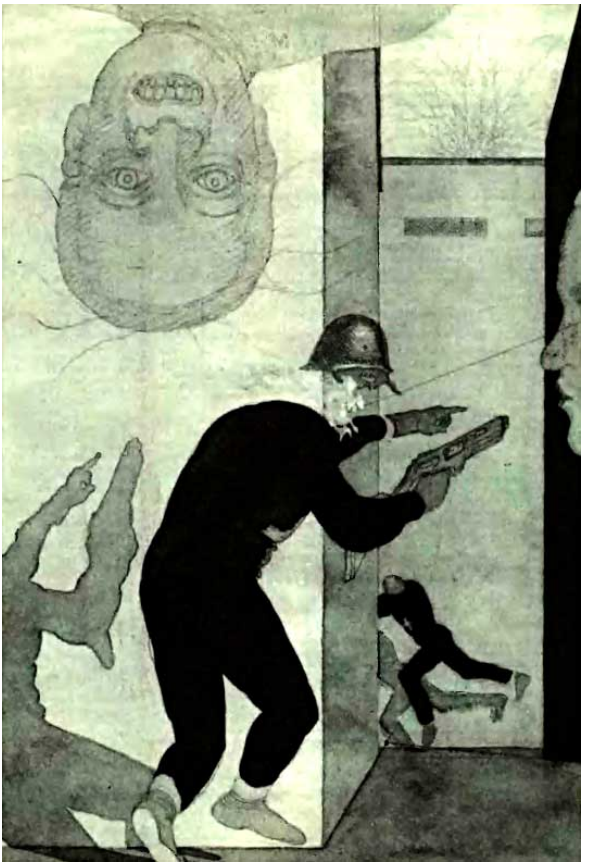
В этот момент (так всегда бывало перед захватом) они перестали думать о том, что ждет их в ближайшие минуты, расслабились и мирно вышли из машины.

Сентаури вдруг вспомнил, что давно пора бы позавтракать, Хаяни, под впечатлением отчаяннейшего мысленного спора с Мальбейером, решительно зашагал к люку. Дайра, сохраняя угрюмую маску, пошел к задним двигателям. Абсолютно безо всяких причин — так он решит позже. Ниордан остался за рулем, растроганно вглядываясь в себя.

Дайра тронул правый задний двигатель — тот был горячий; Сентаури отлепил вуалетку от потных щек; Хаяни, вцепившись в автомат, шел к люку и не сводил с него невидящих глаз — он говорил Мальбейеру, что пусть не рассчитывает. Ниордан тоже смотрел на люк, но с намного большим вниманием: предчувствие, как всегда, родилось у него раньше, чем у других. Он совсем не удивился, а даже как бы и ждал этого, когда раздался глубокий удар, когда люк вспух и с визгом провалился.

В разрыве появилось что-то круглое и цветастое. Сентаури и Дайра вскинули автоматы, Ниордан опустил правую руку за гарпунным

ружьем, один только Хаяни все так же решительно шел вперед с удивленным и похолодевшим лицом. Потом все поняли (они и раньше знали), что это человеческое тело. Выстрелили, но поздно: цель была уже высоко, она поднималась к висевшей над ними машине Ди Марко.



Ди Марко высунул голову из окна и тут же втянул ее обратно — именно столько времени прошло между двумя ударами — о люк и об машину. При втором ударе Дайра вскрикнул, словно от боли (он услышал треск ломающихся костей). И второй крик раздался — не боли, но торжества. Женщина (теперь было видно, что это женщина, уродливая и старая) резко отскочила от атакованного паука и пошла выше, кажется, хохоча. Машина же, подпрыгнув, завалилась набок и замерла, будто повиснув на невидимой нити.

Скафы воздушного десанта бросились к своему пауку. Сентаури, который не успел отойти далеко, прыгнул на свое место, за Ниорданом. Дайра, не желая терять времени, прыгнул на кресло замешкавшегося Хаяни и крикнул водителю:

— Давай!

Ниордан, человек во многих отношениях незаменимый, обладал феноменальной реакцией. Приказ Дайры прозвучал уже в воздухе.

— Что же это за степень? — сказал Сентаури. — Она не просто летает, она как пуля. Я таких и не видел.

Их машина рвалась вверх на пиковой мощности, и старуха из грязной точки скоро превратилась в маленькую скрюченную фигурку с

растопыренными руками.

— Я видел, — отозвался Дайра. — Жалко будет, если убьем. Медики не простят.

— Оп-пасно! — поежился Сентаури. — Представляешь, как она светит?

Импатка начала что-то уж слишком быстро расти (она рассчитала все: и то, что Дайра станет проверять задние двигатели, и то, что Хаяни не успеет в машину, и многое-многое другое).

— С ума сошла, прямо на нас идет. Самоубийца, — удивился было Сентаури, но внезапно сделал страшные глаза и заорал Ниордану:

— Сворачивай! Сворачивай!

Паук резко вильнул в сторону и в тот же момент Сентаури, закусив губу, выстрелил из гарпунного ружья. Но старуха угадала маневр и вильнула. Гарпун просвистел мимо, а затем сильный удар потряс машину. Полуоглушенный Дайра вывалился наружу в плохо закрытую дверцу. Инстинктивно он схватился за ручку, его зверски дернуло и пальцы чуть не разжались, но вторая рука уже нашарила выемку на гладкой поверхности дверцы, и он отчаянно заработал ногами, пытаясь добраться хоть до какой-нибудь опоры. (Аннетта особенно рассчитывала на то, что Дайра, вывалившись, повиснет на дверце, тем самым

выводя из игры экипаж второй машины.)

От этого же удара Ниордан неожиданно для себя выпустил руль и сделал сальто назад, свалившись сначала на Сентаури, а потом левее, на место Дайры. Первый раз в жизни он испугался высоты и оцепенел.

Меньше всех пострадал Сентаури, хотя удар и пришелся почти по нему. Он успел сделать то, что полагалось сделать каждому скафу в его положении — зафиксировал тело. Как только прошло ошеломление, — одна-две секунды — он быстро огляделся и прыгнул к рулю. Импатка, почти уничтоженная последним ударом, все еще держалась в воздухе, и теперь, отлетев порядочно в сторону, разворачивалась для следующей атаки. Сентаури выровнял машину, однако увести ее из-под удара уже не мог: здесь нужен был крутой вираж, при котором Дайра неминуемо сорвался бы. Старуха неслась на машину, а та очень медленно и ровно уходила от нее в сторону.

Ниордан, еще не придя в себя, схватил автомат Дайры, и Дайра услышал характерный щелчок — перевод с фикс-пуль на смертельные.

— Гарпун! Гарпун! Черт вас!.. — заорал он, сам не понимая зачем.

Резко застрекотал автомат. Судя по звуку, каж-

дая пуля попадала в цель.

Дайра внезапно увидел старуху лицом к лицу, уже мертвую, и вдруг понял, что никакая она не старуха, а молодая совсем, только страшная очень. Изувеченная, в крови, она пролетела мимо него, хлестнув по ногам волосами. И упала.

Кинстер

Красота не вернулась к ней после смерти, и это показалось Томешу странным. Или несправедливым.

Он вылетел из окна в тот момент, когда Аннетта прорывалась сквозь люк, — здесь многое решала одновременность.

Лестничный десант находился уже в подъезде. В расчет его можно было не принимать. Две машины с полными экипажами отвлекла на себя Аннетта. Оставалось еще четыре человека на оставшихся двух пауках. Томеш знал только одну возможность спастись. И знание мешало.

Путь к спасению образовался благодаря целой цепи случайностей, против которых пасовал

даже профессионализм скафов. Одной из таких случайностей было то, что окно соседнего дома, находящееся против спальни импатов, было распахнуто настежь. Когда Томеш прыгнул туда, скафы — Баррон и Масетта, руки на автоматах, вытянутые шеи, прищуренные глаза — увидели его, он раздвоился: сам пролетел в открытое окно, двойника на огромной скорости послал между стен (машина рванулась за убегающим импатом, а Баррон помчался к фасаду дома, куда влетел второй); было так трудно — удерживать двойника, не дать ему расплыться, это находилось на грани возможностей Томеша.

И все же он смог. Оставалось самое трудное. Он знал, что делать, и все-таки было страшно: фьючер-эффект, феномен анонимного знания того, что случится с тобой в ближайшее время, ситуация, когда ты механически повторяешь все, что прочел в будущем, и этим самым сообщаешь себе прошлому, что нужно делать (комната без мебели, с огромным ковром, экран, две скульптуры, брошенный ботинок) — этот фьючер-эффект был тогда еще плохо изучен, предзнания не могло быть, и все-таки оно было, здесь крылась какая-то болезненность и ложь, какая-то жуткая двусмысленность (стукнула и медленно развалилась

дверь — стид-бамбук — скорость, скорость! — сопротивление воздуха — никакой боли — Баррон на бегу зовет остальных — Масетта разворачивает машину — уверен), это стоило размышлений, но как только начинало казаться, что вот оно, прозрение, тут же раздавался изрядно надоевший великий бомммм (лестница — дверь — вот он, Баррон — смотрит не туда — скоростьі) и все уходило в болото обрывочных слов и никчемных мыслишек с намеком на первозданную истину, и начиналась болтовня мозга, тошнотворная болтовня.

В ту короткую секунду, когда Томеш летел от дома через улицу, через кусты к другому трехэтажнику, а Баррон вскидывал автомат, а машина с Масеттой уже выглядывала из-за деревьев, а другая машина, с Дехааном и тем, другим, бородатым, поднималась на помощь своим скафам, которых только что ударила Аннетта, изувечив себя, обезобразив, почти убив, и один скаф, черт с ним, с его именем… Дайра… мрачный, сухой и почти не испуганный, повис, как и ожидалось, на дверце, и в эту секунду импат отключился от мыслей и с необычайной четкостью воспринял красоту всего, что его окружало: цвета, звуки, формы ошеломили его, он ударился в стену, и та

рассыпалась, и в темный пролом.

и снова стена, и снова рассылалась, и никакой боли, ни даже царапины, — он знал об этом заранее.

Баррон, посылая веером сонные пули, ворвался в пролом. Пыль еще не осела. Внутренняя стена комнаты тоже была пробита и дальше виднелась еще одна дыра — наружу. Теперь внимание, — сказал он себе, — может быть ловушка, — и кинулся в следующий пролом. Концентрация внимания — с этим у Баррона всегда было в порядке. Он вовремя успел заметить две фигуры, прижимающиеся к стене по обе стороны от пролома, двух человек, один из которых… один из этих людей был брат Баррона, Орпаст; и брат, почти мальчуган, стоял, вжавшись в падающий ковер, в ужасе подняв руки, а с другой стороны, ощерясь, готовился к прыжку импат с камнем в руке, и Баррон, конечно, понял уловку — не новичок, — но тело само повернулось к импату, а не Орпасту, медленно, как во сне, и в то же время быстро, руки сами навели автомат на ложную цель, на копию, на мираж, и только глаза не предали, скашивались на брата, а тот уже летел к Баррону и с трудом, медленно-медленно, с силой поворачивая автомат, Баррон уже видел смерть,

Орпаст превращался в импата, а пули дырявили стену, где исчез мираж, а потом импат сорвал вуалетку и выжег ему мозг взглядом, и Баррон еще не упал, еще чувствовать не перестал, как импат начал его раздевать, и он падал, падал, разглядывая каждую черточку на таком дорогом лице быстро чернеющего импата.

…Масетта выскакивал из машины, а Баррон махал ему рукой из пролома.

— Что-то там не то, — сказал он Масетте задушенным голосом. — Поди-ка!

Сверху падал паук Дехаана.

Масетта подскочил к пролому.

— Что там?

И увидел, что перед ним не Баррон, и в тот же миг удар, и беспамятство, и смерть в беспамятстве, в полном одиночестве смерть.

Дехаан не очень понял, что произошло. Он видел, как упал Масетта, как Баррор прыгнул в машину, он спикировал ему на помощь, но паук пошел вертикально ему навстречу, и пришлось отклониться, а машина Баррона набрала горизонтальную скорость и скрылась за домами.

И Дехаан, мучительно уходя от столкновения с землей, понял, что импат вышел из окружения.

Мальбейер

Он не имел права посылать на захват экипаж Дайры, тем более он не имел права назначать его лидером группы захвата, а Дайра, в свою очередь, не имел права упускать импата, у которого была такая стадия, смертельная, третья, сверхтретья. Но Дайра сделал то, что должен был сделать, и ни один скаф не сделал бы больше, ведь никто (кроме Мальбейера) не знал, что у Баррона был брат, что это слабое его место. Однако почти у каждого скафа есть кто-то, и если, как того требуют Закон и Ответственность, отстранять таких скафов, то не останется опытных, будут все время меняющиеся новички, которые, конечно же, не смогли бы справиться с эпидемией. Мальбейер, как и Дайра, сделал все, что мог, пусть не совсем законно, однако именно то, что надлежало в такой ситуации. Он не имел права делать то, что сделал, но и права не делать этого он в равной степени не имел. Собственная роль ему нравилась и в то же время создавалось ощущение неуловимой, миазменной подлости, горьковатой и возбуждающей.

— Ах, какое горе, какое несчастье! Ужас, у-у-у-ужас! Вы не сильно ушиблись. Дайра, дражайший друг Дайра? — причитал он в трубку.

— Да нет, со мной все в порядке! — нервно кричал тот. — Вот Баррон и Масетта…

— Да, да, да! Это ужасно! — на секунду Мальбейер замер, глаза его лихорадочно бегали по сторонам. — Вы вот что, Дайра. Я думаю объявить тотальный поиск. Придется вам, уж не обижайтесь, принять лидерство операцией. Все скафы в вашем распоряжении. Необходимо как можно быстрее его поймать.

— Но… но… мы ведь… ночное дежурство! — с Дайрой редко бывало, чтобы он так терялся.

— Послушайте, Дайра, дорогой друг, его непременно надо найти и лучше всего, если это сделает ваша четверка. Чтобы… ну, вы понимаете.

— Не понимаю. Ведь мы и сами справимся, зачем тотальный?

— Сегодня, говорят, у вас холостяцкая вечеринка в музыкальной комнате? — очень тонко сменил тему Мальбейер.

Дайра нахмурился и на секунду закрыл глаза.

— Ну, как вам сказать… Да.

— Как это прекрасно, когда люди — друзья не только на работе! — зачастил Мальбейер. (Дайра

разъяренно обернулся к Сентаури и Хаяни. Те ответили вопросительными взглядами.) — Ах, я давно мечтаю о чем-нибудь таком! Непринужденная обстановка, милые лица, музыка, какая-нибудь из тех… чтобы уж — р-р-р-р! Вы меня не пригласите,' дорогой Дайра?

— Вам будет неинтересно.

— Ну, что вы, как это может быть!? Пригласите, друг капитан! А?

— Что ж… — вздохнул Дайра.

— Значит, договорились. Все. Объявляю тревогу.

— Что случилось? — спросил Сентаури.

— Меня назначили лидером тотального поиска.

— Так нас же нельзя!

Дайра пожал плечами.

— Опять что-то готовит, — вздохнул Хаяни. — Мне это не нравится. Не против ли вас, командир?

— Из-за одного какого-то дурака — тотальный поиск! Он сам, случайно, не хватанул стадию? А может, я спать хочу! — Сентаури был разъярен, может быть, даже больше, чем того требовали обстоятельства.

— Давно пора тотальный — пробормотал себе

под нос Ниордан. — Вон сколько их развелось. Я их лучше всякого волмера чую.

…Носясь по кабинету, Мальбейер громким, взволнованным и наиболее естественным из своих голосов отдавал приказы по бленд-телефону. В тех случаях, когда он боялся, что голос выдаст его, он прибегал к этому способу связи. И странно было бы слышать неподготовленному человеку разлинованную автоматическую речь, что неслась теперь из динамиков всех скаф-диспетчерских.

… и, не, забудьте, включить, все, уличные, датчики, волмера, именно, все, и, ненадежные, тоже…

…уважаемый, пардье, как, я, рад, вас, черт, немедленно, закройте, город, дело, видите, ли, в том….

…объявить, операцию, тотального поиска, чем, вы, так, удивлены, друг, роу, капитан, дайра, триста, восемь, его, индекс, дид, третьего, вы, чрезвычайно, догадливы, если, номер, на, тройку, то, именно, дайру, все, верно, дайру, третья, третья, и, степень, третья, конечно…

Затем предстоял опасный разговор со Свант-хречи. Мальбейер положил руку на клавишу и, по инерции пробуя сердитость своего голоса,

задумался.

То, что импат ушел, грозило многими крайне неприятными последствиями и в лучшем случае означало гибель многих беспечных прохожих, которые пропустят мимо ушей сообщение о тотальном поиске. Это означало долгое напряжение всех сил эскадрона скафов, а лично для Мальбейера это означало привнесение в его игры самых неожиданных осложнений.

Свантхречи откликнулся немедленно. На экране видеофона появилось его четко вылепленное, ухоженное лицо, которое несколько портил юношеский румянец. Это было одной из странностей Свантхречи — пользоваться визером, когда им двадцать лет как никто не пользовался. Странность, впрочем, имела простое объяснение: подчиненный из чувства вежливости принужден был включать свой визер и таким образом делал первую самообезоруживающую уступку. Мальбейер визера не включил — бленд-телефон таким устройством не оборудован.

— Друг гофмайор, вас осмелился побеспокоить грандкапитан Мальбейер.

— Включите визер — приказал Свантхречи и текст приказа заключал в себе неуловимое превышение власти. Мальбейер усмехнулся, и на

другом конце бленд-телефон сказал «эх».

— Прошу извинить, друг гофмайор, но у меня работает только бленд-телефон. Починка займет не меньше двадцати минут, а дело спешное.

— Что еще случилось?

Служба, которой заведовал Мальбейер, была единственным очагом внезапностей в отделе Свантхречи, и в глубине души гофмайор мечтал о том времени, когда ее можно будет упразднить, оставив только сервисные группы. Правда, в таком случае деятельность отдела лишится смысла, но это не слишком волновало Свантхречи. Гофмайор уже усвоил, что чем меньше смысла в работе, тем легче ею руководить.

— Только что, друг гофмайор, ушел из-под захвата импат третьей степени, подозреваемый в предсудороге.

— Так поймайте его! — гофмайор еще не осознал трагизм происшедшего. Предстоящая инвентаризация стекол и рам — казалась ему в тот момент более важной.

— Его подозревают в предсудороге, — повторил Мальбейер и многозначительно посмотрел в объектив, забыв, что визер выключен.

Свантхречи переваривал ситуацию. Лицо его окаменело и только еле заметный прищур пока-

зывал, что гофмайор напряженно раздумывает.

— Ну, и что же вы предлагаете?

— Видите ли, друг гофмайор, времени советоваться у меня не было, и я взял на себя смелость объявить тотальный поиск.

Адреналиновый шок. Юношеский румянец на щеках гофмайора уступил место творожной бледности, которая тут же сменилась апоплексическим багрецом.

— Вы поступили неразумно.

— Это был единственный выход, друг гофмайор.

Свантхречи опустил глаза и несколько секунд молчал.

— Зайдите ко мне. Немедленно.

— Сейчас! Есть! Буду! — крикнул Мальбейер. Свантхречи поморщился и выключил визер.

Дайра

Сложное, почти хаотически модулированное излучение, идущее от импата, очень трудно зарегистрировать: уже в пятнадцати метрах

оно растворяется в радиошумах. Единственным средством, фиксирующим импата, был детектор Волмера, но и он отличался малой надежностью. Он мог почуять болезнь и на двухстах метрах, заверещать панически, а мог пропустить и в непосредственной близости.

Дайра терпеть не мог волмер и включал его только в исключительных ситуациях. Поэтому он долго ел глазами коричневый динамик на щитке управления, прежде чем сказал Ниордану:

— Нажми-ка там кнопочку.

Мальбейер

По пути к кабинету Свантхречи Мальбейер мысленно перебирал возможности, открывающиеся вследствие происшествия, в общем-то, легко устранимого, — побега импата третьей степени.

Те, кто не знал Мальбейера, провожали со снисходительным удивлением его тощую фитуру с прижатыми к груди кулаками, в грязной неформенной рубашке и совсем уж неуместных

полупижамных брюках. На фоне всеобщей парадности, царившей в СКАФе, это резало глаза. Впрочем, у некоторых вид Мальбейера вызывал неосознанную симпатию. Мальбейер был антиграциозен.

Дверь Свантхречи. Чуть изогнувшись, оторвав левую пятку от пола, Мальбейер постучал по двери перстнем на указательном пальце, архизлодейски скосил глаза вбок, прислушался, обольстительно улыбнулся и, не дождавшись ответа, вошел.

Все было как всегда. Монументальный и недосягаемый стол, Свантхречи, сидящий спиной к зашторенному окну, множество горящих экранов, карт, приборы какие-то непонятные и наверняка здесь ненужные… Во всем, даже в упавшей на пол корзине для мусора, которая словно тянула к Мальбейеру круглую зубастую пасть, было то же превышение власти, что и в приказании включить визер.

— Почему не в форме? — спросил Свантхречи.

— Видите ли, друг гофмайор, я полагал, что разговор очень срочный, и поэтому позволил…

— Полагал, позволил… Немедленно переоденьтесь. Своим видом вы дискредитируете весь институт СКАФ.

Но когда Мальбейер направился к выходу, Свантхречи хмуро остановил его:

— Нет, стойте! Потом переоденетесь. Сначала выслушайте меня.

— Да, друг гофмайор!

— Вы прекрасно понимаете, друг гранд-ка-нитан, что значит для нас тотальная облава, вы… Особенно сейчас, когда общественная полиция с нас глаз не спускает, когда так возросло негативное к нам отношение со стороны горожан, когда половина состава не обучена и практически беспомощна даже при локальном использовании, когда катастрофически не хватает активных кадров, вы… — Свантхречи встал. — Я расцениваю это как провокацию!

— Друг гофмайор! — испуганно взмолился Мальбейер.

— Вы думаете, что я не знаю обо всех ваших подпольных грязных играх, обо всех этих… подшептываниях, подмигиваниях, слушках, шантажиках? Все знаю! Я просто недооценивал вас, думал, что все, в сущности, на пользу делу, а теперь вижу, вы обыкновенный провокатор и мелкий вредный подлец, уж не знаю с какими, но наверняка с самыми гнусными целями!

Мальбейер, не сводя с начальника прищурен-

ных глаз, пожевал губами.

— Неужели вас это удивляет? — спросил он вдруг резким неприятным голосом. — Вы ведь сами ждали от меня чего-то именно в этом роде.

— Ничего подобного я не ждал. Вы уволены.

— Неправда. (Приторная, страшноватая улыбочка.) Если бы вы действительно хотели меня уволить, то не стали бы вызывать сюда, обошлись бы телефоном.

— Да вы еще хамите! Вы арестованы! — рассвирепел Свантхречи.

— Вы не вызываете охрану, вы заметили? И не вызовете. Увы, — Мальбейер развел руками, — все игра.

— Игра? Вы сейчас увидите, какая игра!

И Свантхречи протянул руку к телефонному пульту. Но тут Мальбейер разразился бессмысленной, или почти бессмысленной, во всяком случае, не подобающей моменту тирадой, из числа тех, которыми он так любил ошарашивать собеседников в истерическую минуту спора. Главное тут было — серьезность, неправдоподобная серьезность и неправдоподобная фальшь.

— Нет правды, Свантхречи, есть только мы с вами. Шантаж — не удар, а касание, туше, и вы прекрасно понимаете это. Прав…

— Ничего не понимаю. Вы о чем?

— Правда начнется, если вы все-таки вызовете охрану, впрочем, и тогда она не начнется, будет просто другая игра.

— Что вы мелете? Вы хоть сами-то сообра…

— Но игра — неизменна! Меняется жизнь, а мы не меняемся, даже превращаясь непрерывно…

— Да вам не охрану, вам санитаров вызывать надо!

— И санитаров не вызовете. К тому же ничего страшного не произошло. Ведь игра! Сейчас найдут импата…

— Вы уверены? Да все ваши действия, вся ваша бестолковая… бестолковая… Весь город поднят на ноги. Вы даже отдаленно не представляете себе последствий, даже в случае поимки… Вы ни черта не понимаете, что все это значит для СКАФа. Полицейские раздуют эту историю, да тут и раздувать-то нечего, они используют ее…

— Если только мы не опередим их, дорогой друг гофмайор, — улыбнулся Мальбейер.

Сантарес

Раскаленный город медленно пробуждался от затянувшейся сьесты. Дома со вздохами и кряхтеньем распрямляли посеревшие за ночь стены, чистились, подкрашивались, жадно втягивали сегодняшний воздух, сегодняшние свет, звуки, запахи, сортировали их, отделяли энергию от информации, изумленно распахивались или, наоборот, суровели и обтягивались кирпично-красной металлической бахромой — в зависимости от реакции обитателей на неожиданное сообщение, которым позволил себе обеспокоить жителей Сантареса доблестный гарнизон СКАФ.

— Облава! Облава!

Бездействующие вот уже шесть лет столбы-волмеры, или «гвозди», на старом слэнге, бесшумно выросли на тротуарах, на площадях, в подвесных скверах, обезобразили стадионы и закраснели разом, и слабо зашипели. В небо один за другим взмывали пауки с заспанными скафами, на улицах стало тесно от синих фургонов для перевозки, импатов, эфир наполнился хрипловатыми голосами — взволнованный галдеж, в котором

трудно было разобрать что-нибудь, кроме общей растерянности и волнения. Давно, очень давно не знал Сантарес тотального поиска, и хотя болезнь до сих пор уносила ежедневно десятки жизней, к ней успели приноровиться, она уже не так пугала. А теперь кошмар, казалось бы, прочно забытый, вернулся снова. Люди вслушивались в голос диктора, погибшего от импатосудороги в последний год Карантина, и говорили друг другу;

— Облава?

Высветляли окна и смотрели вниз на опустевшие улицы и видели «гвозди» (само слово не сразу приходило на ум, а дети спрашивали возбужденно: «Где гвозди, где, покажи!»); кто-то бежал по траве сломя голову, а кто-то, возвращаясь с утренней прогулки, задирал к небу голову и невольно ускорял шаги; казалось, даже листва потемнела, потеряла свой праздничный колер; а потом над домами зависал паук, и все смотрели на него и ждали: вот взвоет гвоздь, и паук опустится, и скафы, одетые, как средневековые рыцари, выйдут на мостовую и целеустремленно направятся к твоему дому; а гвоздь и в самом деле взвывал, и скафы действительно бежали, и хорошо, когда не к тебе, а к другому, и в большинстве случаев оказывалось, что тревога ложная, потому что

гвозди эти, эти чертовы волмеры, вопят почем зря, но, знаете ли, уж лучше пусть они повопят впустую, чем промолчат, когда надо вопить, а ведь и такое случалось.

В Сантаресе к тому времени находилось шестьсот пятьдесят пять необнаруженных импатов, большей частью с нулевой и первой стадией; вторая была у сорока человек, третья — у двоих. Только эти сорок два по-настоящему требовали изоляции или даже уничтожения, и лишь двое были стопроцентно обречены.

Давин

…Кон Давин (двадцать два года, третья стадия) скрывался на втором подземном горизонте Сантареса, где располагались заводы текстиля и продуктов питания — здесь практически никогда не появляются люди. Тотальный поиск застал его вдали от вентиляционной камеры, где он отсиживался последние двое суток. Голод и жажда выгнали его из убежища Четвертый пищевой завод, куда он сейчас направлялся, был недалеко,

импат уже попал в тоннель, по которому ползла лента с пустыми упаковками.

Тоннель неожиданно кончился большим залом со множеством ниш и входов в другие коридоры, а конвейер с упаковками (и в этом заключалось самое спазматическое, как сказал себе Кон) ушел вдруг в пол, в узкую холодную щель, через которую не мог бы протиснуться и ребенок.

Кон заметался, пытаясь определить, какой именно из тоннелей приведет его к Четвертому заводу. Он постанывал от голода. В одной из труб журчала вода.

Внезапно труба закашлялась, и в тот же миг шуршание конвейера смолкло. Стихли и другие шумы, отдаленные и смутные.

— Что-о?! — закричал Кон. — Что такое?!

Входы стали бесшумно закрываться чуть подрагивающими металлическими плитами. Кона бросило в дрожь. Он ничего не понимал, все эти приготовления пугали его. Потом в центре зала с легким хлопком что-то разорвалось, и на полу, словно фантастический болотный росток, вырос пыльно-красного цвета гвоздь, теплый кошмар из детства.

Гвоздь вспыхнул ярко-красным цветом, поворчав, взвыла сирена. Кон отскочил от гвоздя, и вой

стал тише. Потом с лязгом и скрежетом (запланированным!) раскрылся вход в один из тоннелей, и Кон, чувствуя, как забурлили в нем ярость и страх, ринулся туда. Но там тоже полыхал гвоздь, и снова пришлось зажмуриться. Грохоча, плита опустилась за ним. Снова сирена, теперь уже впереди.

— Ведут меня! Ведут! — кричал Кон.

Мальбейер

…снова подобрел.

— Ах, дорогой друг гофмайор, — вещал он. — Не обижайтесь вы на меня. Вы должны быть счастливы, я создал для вас такую ситуацию.

А Свантхречи уже не находил слов для негодования. Оказывается, это был очень неуравновешенный человек. Чем больше он неистовствовал, тем больше успокаивался Мальбейер, тем больше обретал самоуверенность и наглость — наглость не внутреннюю, не ту, что была с ним всегда и только прикрывалась рогожкой лебезения, а и внешнюю тоже, замешанную на доброй улыб-

ке, но нахраписту́ю, прорисованную в каждой черточке лица, в каждом изгибе тела, в каждом движении.

— Да вы успокойтесь, друг Свантхречи (ах, как коробило гофмайора такое обращение!). Вот я вам сейчас все объясню. Предположим, как вы говорите, импата мы не поймаем. Что, как вы сами утверждаете, не так уж невероятно.

— Не так уж невероятно! Да почти наверняка так! Скафов на тотальный поиск не хватает, половина необучена… Да полиция нас просто съест!

— Значит, нам надо съесть ее раньше.

— Как вы это себе представляете? — с презрением бросил Свантхречи.

— Мы будем задавать вопросы. Кто ополовинил состав СКАФа, кто лишает нас власти, кто требует от нас подчинения, кто, наконец, восстанавливает против нас город? Причем атаковать сейчас, во время облавы. Принудить их к содействию. Чтобы не они нами командовали, а мы ими. И тогда с их помощью мы ловим импата. С большим, заметьте, трудом. Причем не столько благодаря, сколько несмотря на.

— А если не поймаем?

— Полиции неизвестно, какого импата мы ловим. Их в городе не меньше сотни.

— Но ведь эти импаты не в предсудороге!

— А уж это мы будем определять. Полиции придется поверить на слово. Свантхречи задумчиво прошелся по кабинету.

— Значит, подлог? — сказал он, не то спрашивая, не то утверждая.

— Увы! — Мальбейер юмористически развел руками.

Делавар

Если бы Джеллаган Делавар, тайный импат-нулевик со стажем в два года, хоть раз попался в руки к скафам, то был бы тут же отпущен — слишком уж незначительной была степень его болезни. Но Джеллаган был старик в высшей степени недоверчивый, тем более что ходили слухи, будто сейчас импато нулевой стадии излечивается, а как раз этого он и не хотел, так как болезнь приносила ему много радостей.

У него был домик в три комнаты и даже собственный двор. Всю жизнь Джеллаган мечтал о такой роскоши, и только под старость, когда не

мечтать положено, а вспоминать, он благодаря самой страшной в мире болезни добился исполнения своей мечты.

Ничего не дало ему нулевое импато — ни дара предвидения, ни телепатии, ни прочих сверхспособностей, которыми щеголяют смертники, — ничего, кроме тихой постоянной радости и по-детски обостренного восприятия. Добрый сказочник дедушка Делавар — разве есть ребенок, который его не читал? Радость моросящими струйками омывала его дряхлое тело, ни на секунду не оставляла его.

Она не исчезла и тогда, когда прозвучал сигнал тревоги. Правда, вспыхнул страх на секунду, но не скафов боялся старик, — его испугало вот что: вдруг, вместе с сигналом появилось перед его глазами неясное видение, что-то плохое, с ним бывшее в будущем. Он подумал, что подступает-таки к нему следующая стадия, а значит, надо со счастьем прощаться. Но потом радость снова взяла свое, и он опустился на колени перед травой, которую сконструировал кто-то и рассадил в восточной части города, травой упругой, чистейшая зелень которой так радовала глаза. Запах земли опьянил его, холодно-влажное прикосновение лаковых стебельков бросило в дрожь,

колени удобно тонули в грядке, и он не заметил, как над улицей закружил паук, как, шипя, перед его домом вырос внезапно гвоздь, словно призрак ужасный бородача с алебардой, и как вспыхнул малиново и взревел (старик поднял голову к небу и вместо скафов увидел лишь горизонт, то, чего уже больше не было в истерзанном домами пространстве Сантареса — тонкую синеющую полоску).

Когда скафы подошли к нему, он улыбался под вуалеткой. Они были болезненно прекрасны в своих средневековых нарядах. Один из них наклонился и сказал:

— Простите. Но рядом с вами датчик Волмера зафиксировал излучение.

— Но ведь это ложная тревога. Он всегда ревел в эпидемию. Его даже отключать собирались. Я все очень хорошо помню. Меня зовут Джеллаган Делавар.

— О! — сказал другой скаф. — Мой… я хочу сказать, сын моего знакомого очень хвалил ваши сказки.

И поглядел на напарника. Тот дотронулся, наконец, до плеча Джеллагана.

— Вы, наверное, правы. Но нам нужно проверить. Работа!

Старик распрямился, отряхивая колени. Это очень странное смешение чувств — радость и панический страх от того, что ты способен по этому поводу испытывать радость.

— Конечно, конечно. Э-э-э, пройдемте. Я покажу вам дом.

— Но… мы бы хотели сначала…

— Да-да?

— Удостовериться, что…

Второй скаф крикнул вдруг с раздражением:

— Да снимите же вы, наконец, свою вуалетку!

Томеш

…носился по ярко раскрашенным пустым улицам, стараясь не попадаться на пути паукам. Однако потом это стало невозможным, скафы были уже везде, и он не выдержал, бежал от машины, от всего, укрылся в ближайшем найденном тайнике, поблизости от памятника Первым.

Хаяни

Паук Дайры плыл на высоте пятисот метров. Внизу игрушечным макетом застыл город, с пустыми улицами, с разноцветными дисками парков, с домами, один из которых являлся частью замысловатого орнамента, очень неоднородного, иногда просто безвкусного (даже сумасшествие способно на глупости и штампы, на штампы — особенно) и даже для привычного взгляда очень странного: был в этом орнаменте словно бы стержень, графическая основа, только она никак не улавливалась, а лишь намекала на свое существование. Никто сейчас уже и не помнил, что первоначально план Сантареса представлял собой квадрат с координатной сеткой улиц — рой безумия в клетке здравого смысла. Узоры Сантареса отличались друг от друга и цветами и формой: то вдруг попадется ярко-синий квадрат с небрежно вписанным треугольником, а то видишь замысловатый росчерк грязно-непонятной окраски, которую и цветом-то назвать противно. Тут же квартал зеркальной архитектуры, нестерпимое сверкание стен, чуть

поодаль — темно-зеленая с разводами клякса жилого сада.

Откинувшись в кресле, Ниордан глядел перед собой полузакрытыми глазами и нервно барабанил пальцами по рулю. Дайра непрерывно бормотал что-то в микрофон. Свободной рукой он машинально потирал плечо, ушибленное при падении во время захвата. Сентаури не отрываясь смотрел на город, напрягал глаза, шевелил губами, время от времени смаргивал и встряхивал головой так, что походило на нервный тик. Хая ни рисовал в блокноте кинжалы и автоматы, временами задумчиво глядел вниз, и вид у него был бы непринужденный, если бы не подрагивала нижняя губа.

— Ты ведь знал Баррона, Хаяни? — спросил Сентаури.

— Как сказать? Здоровался.

— У него наверняка ведь был кто-то?

— По-моему, нет.

— Был. Никак по-другому не объяснишь. Такой непробиваемый. Голыми руками импатов брал. А этот его как последнего пиджака. Наверняка какой-нибудь родственничек имелся.

— Помолчите, — прошипел Дайра. — Мешаете.

На заднем сиденье переглянулись.

— Ты бы отдохнул, командир, — после паузы буркнул Сентаури.

Дайра вдруг согласно кивнул и уже откидываясь в кресле, приказал Ди Марко временно принять операцию.

— Пару минут, — сказал он. — Ф-фу, устал. Сумасшедший дом.

— Как вы думаете, командир, — обратился к нему Хаяни. Он как-то особенно вежливо, особенно бережно наклонился к нему, и тон его был вежливый, и глаза, и даже затылок. — Ну, предположим, убьют последнего импата…

— Почему именно убьют?

— Хорошо. Вылечат. Сколько, по-вашему, времени пройдет, пока люди перестанут чувствовать себя голыми без вуалеток.

— С такими пиджаками доберешься, пожалуй, до последнего-то, — сказал Сентаури.

— И, кстати, что тогда будем делать мы, скафы?

— Помрем, — ответил Дайра.

— Вымрем, — хихикнул Ниордан, и все с удивлением на него посмотрели.

— Командир, я серьезно. Импатов становится все меньше, и скафов, боевиков, в общем-то, тоже. А система растет. Традиции, привычки,

эта неприкасаемость, всякие новые службы, без которых раньше прекрасно обходились, а теперь, оказывается, никак нельзя. Так-таки все и ухнет в один день?

— Ты мне лучше вот что ответь, — Дайра плотно сжал веки, лицо бесстрастно, непроницаемо, бородатый пергамент. — Кто сказал Мальбейеру, что у меня есть сын? Знали только вы трое. Ну?

Вежливо улыбаясь, Хаяни смотрел на Дайру и все никак не мог открыть рот. Потом Сентаури, не отрываясь от созерцания городской панорамы, тихо сказал:

— С чего это? Разве он знает?

— А ты будто не слышал, как он про вечеринку спросил. Зачем это он в гости набивался? Меня вот главным назначил. Он что-нибудь спроста делает?

— Мальбейер глуп, — заговорил, наконец, Хаяни. — Он намекает на то, чего сам не знает — это его манера. Безмозглый комбинатор. Он тут как-то распинался передо мной, теорию свою объяснял. Взаимная компенсация ошибок. Мечтает создать такую ситуацию, когда ошибка, ну, недосмотр в интриге, исправляется другой ошибкой, а та, в свою очередь, третьей. И так до бесконечности. И он чтобы на пульте. Для него

важно не то, кто выиграет от интриги, а то, что она постоянно растет, постоянно все вокруг себя переиначивает.

— Ты? Ну, признавайся! — с силой сказал Дайра, поворачиваясь к нему. — Ты сказал? Ведь некому больше! Ведь не Сент же, не Ниордан!

Удивительно, до чего Хаяни следил за своей фотогеничностью. Словно все время смотрелся в зеркало.

— Да нет, с чего ты взял, командир, почему он сказал? Да и не знает Мальбейер ничего. Показалось тебе, — виновато начал Сентаури.

— Ты? Ведь ты, Хаяни?

Тот фотогенично потупил глаза, фотогенично сглотнул, фотогенично кивнул и наифотогеничнейшим образом улыбнулся.

— Я, командир. Вы уж простите, сам не знаю, как получилось. И не хотел говорить, а… Можете меня выгнать.

— А я так и сделаю, — пообещал Дайра. — Будь уверен. Суперчерезинтеллигент.

Он отвернулся и взял микрофон.

— Да посиди ты без своей операции! — подал голос Сентаури. — Давай хоть минут на двадцать спустимся, сами половим. Невозможно без дела. А, командир?

И опять согласился Дайра. Он через плечо глянул на Сентаури.

— Я, кстати, спасибо тебе не сказал.

— За что это? — о, как странно улыбнулся Сентаури!

— Жизнь спас. Спасибо. Если б не ты…

— Спуститься бы лучше во-о-он к тому памятнику, — сказал Ниордан.

— Не вижу я, где там прятаться, — неуверенно заметил Сентаури.

— А вы никто ничего не видите. Никогда. Там что-нибудь может и найтись. У меня чутье. Верно.

— Давай, — согласился Дайра, и они вцепились в подлокотники, готовясь к спуску.

Кинстер

Укрытием Томешу служил бездействующий силовой колодец, один из тех, что ограничивали памятник Первым. Как и во всех фантомных памятниках, в нем, конечно, присутствовала сумасшедшинка, но, пожалуй, преобладала

глупость. Глупая выдумка, глупая компоновка, глупая трата средств. Но, как ни странно, очень многие сантаресцы любили его, даже скульпторы часто приходили сюда. Первый Импат против Первого Скафа. Скаф — на постаменте среди сквера, Импат — всегда сбоку, в кустах. Собственно, Памятник Первому Импату был из блуждающих — он перемещался по площади чуть ли не в двести квадратных метров, меняя цвет, размер, даже форму меняя. Лишь одно оставалось неизменным — он не спускал Глаз с Первого Скафа, неподвижного фантома со случайной мимикой. Если взгляд Импата всегда излучал ненависть, вернее, тот сложный и неизменный набор эмоций, который присущ третьей стадии болезни, и за бедностью терминологии называется яростью, то Скаф относился к своему врагу куда более неоднозначно. Лицо его выражало то любовь, то жестокость, то каменело монументально, а иногда прорывалась как бы насмешка. Скаф был более человечен, более ясен, а та непонятность, которую придал ему художник, была куда ближе людям, чем загадочная, химерическая, неестественная закаменелость черт вечно убегающего и вечно возвращающегося Импата.

— Тут и спрятаться-то негде, — сказал Сента-

ури.

— Внимательнее надо, — отозвался Ниордан. — Они любят…

…«Я действую на него, и он притягивается ко мне. Вон какой страшный, разбухшие руки, горб, весь потемнел, неужели и я такой же, я помню, так бывало перед дождем, дробный шепчущий холод, капельный холод, мгла. Хорошо, что у нас нет детей, хорошо. Жаркое небо, еще темней от него, пронизывает, последний раз вижу. Страшно и темно вокруг и тени злобные ходят и люди с металлическими руками, не вникающие и не желающие вникать. Непонятные правила, даже мне, тем более мне. Не помню, не помню, не помню собственного лица! Мерзкий, отвратительный город…»

…— Не люблю этот памятник. До чего ж противный, — проворчал Дайра.

— Почему, — сказал Ниордан. — Чушки как чушки.

— Все помешались на сумасшествии. Хватит, Ниордан. Пошли дальше. Ничего здесь нет. «… не заметили меня, рожи, крестоносцы, главное было не думать о них, плавно как лодка (вид снизу), вот оно, вот оно, ах-х-х-х ты, что-то здесь, я боялся, не знаю, может быть, я и вправду боялся. Бой,

в котором я заран… Он двинулся, он двинулся на меня, неподвижен! Замереть, распластаться, мимикрировать, не дышать, не излучать, жить, смотрят вниз, и тот, кто висел, и тот, кто стрелял в мою дорогую жену, всегда подсознательно не хотел знать ничего. Оказывается, правильно…»

…Хаяни не верил в случайную встречу с импатом. Тот затаился, конечно, и теперь много дней пройдет, прежде чем вскроют его убежище. Бессмысленность. Он затосковал было, но поймал себя на мысли о том, что тоскует слишком фотогенично, для собственного удовольствия, и резко, залихватски мотнул головой. Некоторое время он примерял к лицу самые различные выражения — бесшабашность, обиду, хмурость, даже подлость примерил, отчаянную такую подлость, но под конец остановился на ленивом барском равнодушии.

Он небрежно глянул вниз, на уплывающий памятник, тонко улыбнулся, приподнял брови, и сморщив длинный нос, подумал, что в этой паре скульптур, несмотря на убогость замысла, есть все же «что-то». Какая-то искаженность, диспропорция, иллюзия жизни. Вот именно в отсутствии замысла, в намеке…

— Сколько раз смотрю на эту парочку, — сказал

он Дайре, — никак не надоедает. Ведь правда, красиво?

…— Кр-р-р-р-а-а-с-с-с-…крассиво! — ответил Томеш.

Мальбейер

..ликовал. Разговор был напряженнейший и отвлекаться на посторонние мысли ни в коем случае не следовало, но он сказал себе все же, я знаю ключ, в каждом под ролью скрыт ребенок, я даже разочарован, до чего люди просты, и этот тоже, и чем больше он пыжится, тем больше он ребенок, ведь он сейчас просто боится меня, мистически боится, как несмышленыш строгого учителя, а ведь я знаю, я знаю не больше, чем он, вот чудеса.

— Вы что, заснули, Мальбейер?

Опять в его голосе появился приказ.

— Простите, задумался. Привычка.

— Недавно вас обсуждали… в связи с одним вопросом…

— Да-да? — Мальбейер изобразил вежливое

внимание.

— Говорили там про вас, что вы интриган, что… но я не верил, я считал, что вы только играете роль интригана, ведь вам лично (да и кому угодно) все эти ваши комбинации практически ничего не дают. И вся ваша незаменимость, вся ваша власть — для чего она?

— Как? Для новых комбинаций, конечно, дорогой друг гофмайор.

— Не понимаю вас. Вы блефуете, я уверен.

— Потому что вы не знаете, что такое интрига. Вы привыкли думать о ней, как о чем-то низком и недостойном. На самом же деле искусство настоящей интриги утеряно много веков назад. Все заняты, никто не томится от безделья. А ведь настоящая, классическая интрига предполагает полную незанятость комбинатора, полную бесцельность действий. Правда, такие условия в те времена выполнялись крайне редко. Лишь тогда ясна цель, когда нет впереди настоящей цели, вы понимаете?

— Продолжайте.

— Я использую только один вид интриги, — или, говоря мягче, комбинации, — Мальбейер буквально пел. — Комбинация на предельное усложнение ситуации, когда невозможно все

учесть, а значит — и не надо. Ошибка исправляется другой ошибкой, с виду бессмысленной, грубой, но это способствует усложнению, а следовательно, есть необходимый шаг. Цепная реакция, взрыв. Сложность только одна. Ситуации, как живые существа, рождаются и умирают. И бывают бесплодны. Мне кажется, сегодня первый раз события сложились достойным образом. Что будет, что будет, Свантхречи!

— Будет то, что я вас арестую, а облаву остановлю.

— А-а-а-а-а-а, значит, вы поверили мне? Поняли наконец-то, Свантхречи?

— Потрудитесь обращаться в уставном порядке! — загремел Свантхречи, но высокий фальцет Мальбейера перекрыл его рев.

— Мальчишка, щенок, ты ничего уже не сможешь сделать! Через час меня выпустят, а тебя прогонят, только пальцем шевельни против меня!

Свантхречи потерял дар речи и рухнул в кресло. Над ним навис Мальбейер. Он вдруг напрягся, побагровел, закрутил головой и завизжал что было сил:

— Запорю подлеца!

Бедный гофмайор после этих слов ощутил неве-

сомость. Он испугался, причем не какого-нибудь там Мальбейера, нет, ему просто представилось, что вот он, слабый малыш с мягким тельцем, лежит на спине, а кто-то большой, грозный и непонятный собирается сделать с ним что-то ужасное. Детские страхи.

— Кто… кто… — просипел Свантхречи.

— Это я, все я, ваш друг Мальбейер, грандкапитан Мальбейер, друг гофмайор, — Мальбейер стал снова умилен, словно ничего не произошло, уже пятился подобострастно. — Жду ваших распоряжений.

— Идите… идите… — замахал руками Свантхречи.

В дверях Мальбейер остановился.

— Так вы замолвите словечко за Дайру? Теперь-то, надеюсь, нет других кандидатов?

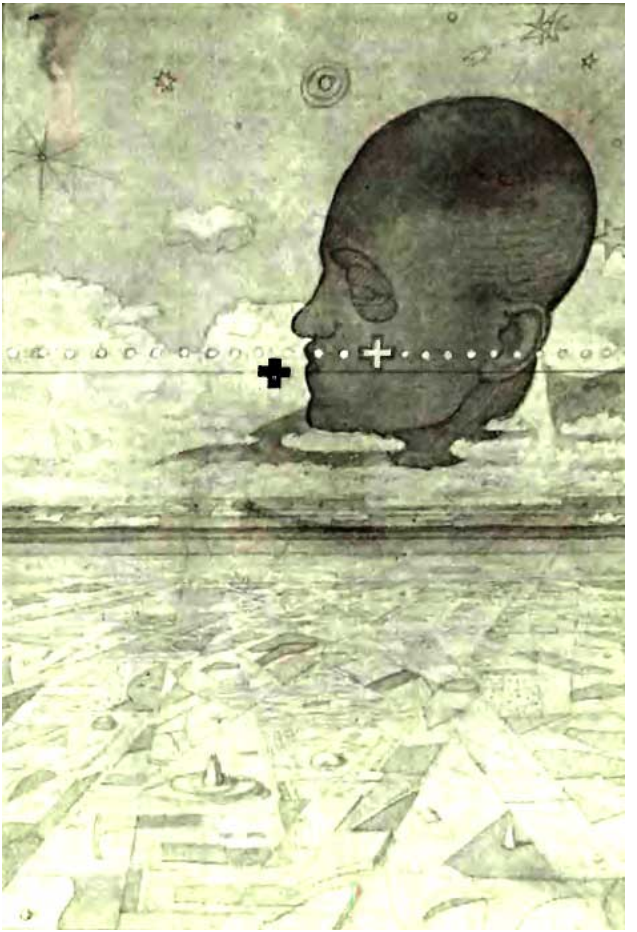
— Что?! — крикнул Свантхречи, но грандкапитан уже захлопнул за собой дверь.

Кинстер

Долгой веренице жизней Томеша Кинстера

предстояло вскоре прерваться. Он знал, когда это произойдет, и даже — что произойдет после. Именно это «после» и заставляло его яриться.

Опустившийся, оборванный, мутный, насквозь пропитанный липкими запахами, он будет проживать в это время жизнь за жизнью в бесцельных блужданиях по Сантаресу, жители которого обожают проявлять любопытство на расстоянии, желательно из-за металлизированного окна собственной комнаты. Они давно отказались понять хоть что-нибудь в происходящем, они легко поддаются убеждению и, в большинстве своем, видят смысл жизни в том, чтобы прожить подольше и повкуснее, и сами же себя за то презирают, хотя и подозревают время от времени, что презрение их кое в чем безосновательно, но все же лучше как-нибудь по-иному, если б вот только не лень.



Те жители города, которые по браваде, легкомыслию, убеждению или, что чаще, по необыкновенному равнодушию пропустили мимо ушей сообщение о тотальном поиске, оторопело останавливались теперь, завидя импата, всматривались, как летит он или, скорее, ползет с неожиданной скоростью, запрокинув голову, вытянув руки вперед, словно ныряльщик… а затем срывались и убегали в панике. Некоторые, раскинув руки, выходили ему навстречу, но спроси их в ту минуту кто-нибудь, что именно хотели они сделать, вряд ли можно было ожидать от них вразумительного ответа. Тут было все: и восторг перед самоубийством, и усталость от вечного подспудного страха (с самого детства, страха изнурительного, унижающего, иногда ничем реальным не подкрепленного), и презрение, омерзение даже к существу, которое заражает улицы, весь город, которое немыслимо здесь, и торжество необыкновенное, что вот он — предел совершенства, а все-таки ниже, все-таки изгоняем, все-таки обречен. Томеш обходил их, он не испытывал к ним достаточно ярости.

Давин, Делавар и другие

Горизонт общественного транспорта или, как его называли сантаресцы. Новое Метро, замер в момент сигнала облавы. Застыли многополосные тоннели-конвейеры, забитые людьми, остановились двухместные экипажи, управляемые с унипульта. Только что они носились под городом на двухсотмильных скоростях; визжали на крутых поворотах, ухали при переходе с одного горизонта на другой, врывались в темные тоннели, выскакивали на подземные площади, где в полном хаосе, казалось бы, чудом не сталкиваясь, мчались их точные копии, одинаково желтые — мимо причудливых, быстро промелькивающих скульптур, которые мало кому удавалось разглядеть толком, мимо бесконечных лифтов, стоянок и эскалаторов; багровый свет, вой, сверкание, мгновенная тьма, спящие лица, чей-то хохот у телевизора, ряды свободных экипажей, люди, вещи, спешка. И вдруг — тонкий фарфоровый звон, ре диез, фа, голос диктора, рефлекторный мороз по коже. Остановилась одна машина, другая, вот уже все стоят, кто-то не понимает, что случилось,

не в порядке громкая связь, он пытается выбраться из машины, но дверь надежно заклинена, и сплющив нос об окно, он завороженно вглядывается в неожиданное и страшное спокойствие, которое воцарилось вокруг.

Вот проросли гвозди-волмеры, один из них надсадно взревел, и вот, лавируя между умершими экипажами, пробирается к тому месту паук с багровым крестом.

…О, как бился Кон в руках скафов, как расшвыривал их, какая это была радость, какое счастье и как бесконечно долго все тянулось, за время одного удара можно было придумать симфонию, но почему-то именно симфонии в голову не приходили.

И скафы, поймавшие его, и водитель фургона, все они были новичками, только поэтому они нарушили один из важных пунктов Инструкции по захвату — ни в коем случае не помещать вместе импата высокой стадии с нулевиком. Иногда вторичное излучение вызывает у них ураганный всплеск болезни, тогда они сразу перескакивают на высшие стадии и становятся «судорожно опасны».

Джеллаган и Кон оказались в одной машине. Кон сказал:

— Сволочи. Сучьи сволочи.

Джеллаган ответил:

— И пришло лето, и на поверхность вышли слуги дракона Асафа и поклялись отомстить за него.

— Псих! — крикнул Кон. — Уйди, псих!

— И птицы, мохнатыми крылами мотая, круглыми глазами следили за ними — резко слуги выделялись на фоне зеленого леса, желтыми крылами маша неестественно.

У старика дрожал подбородок, старика переполняла особая радость.

— И-ди-о-о-о-от! — заорал Кон. — Нас сейчас уничтожат, а он сказочки!

Джеллаган смотрел на Кона и его глаза блестели от дикого волнения.

Делавар

— Что же ты наделал? Зачем к нулевику посадил этого? — сказал Круазье водителю фургона.

Кон лежал на полу машины. Один глаз был закрыт, другого не было. Огромная дыра в кабину, искалеченный мотор — чудом, вот уж истинно,

чудом увернулся водитель от верной смерти.

Джеллаган переживал временный спад, предвестие судороги. Скафы стояли вокруг него с укрепленными шлемвуалами, пальцы на курках.

— О, дьяволы ночные, пришедшие в солнечный луч, — сказал Джеллаган, — о, плененные девы. О, скафы, каким сияют ваши мужеством плечи!

— Не довезем, — тихо пробормотал Круазье, поднимая «оккам». — Ничего не поделаешь. Здесь.

— Вот моя грудь! Я люблю вас! Я счастлив! Если бы вы только…

И Круазье торопливо выстрелил.

Кинстер

Северный порт находился в пятнадцати милях от города и в район тотального поиска не входил. Во времена эпидемий он, неизвестно из каких соображений, был огорожен высокой стеной. Ее давно пора было бы снести и разговоры такие шли, но то ли руки не доходили, то ли еще что

— одним словом, стена оставалась, уродливая и мрачная.

Помимо множества служебных калиток, в стене имелся, конечно, и главный вход, — богато изукрашенные ворота под дерево. Проходя в них, человек сразу попадал на пропускной пункт, оснащенный датчиком Волмера. Охрана формировалась из местных полицейских и несла службу лишь по традиции — вот уже семь лет ни один импат не пытался проникнуть на территорию порта. Причиной тому была психология импатов, а главное — то, что им крайне редко удавалось покинуть город.

Теперь, когда Томеш знал совершенно точно, где и как настигнет его смерть, он мчался к ней сам, и не фьючер-эффект гнал его вперед, а желание испытать, надежда узнать главное; и казалось ему, что он наконец свободен и делает то, что хочет, а не то, что заставляет его делать неизбежность будущего.

Открытие рвалось наружу, уже готова была ключевая фраза, все объясняющая, оставалось только произнести ее мысленно, однако с первого же слова начинались ответвления, каждое из которых вело к бомммму, и Томеш в результате постоянно забывал это первое слово, и

приходилось возвращаться к началу, а начало отодвигалось все дальше и дальше.

Все тридцать четыре дня, все сидения за столом, такие бессмысленные, все бормотания, все, все…

Когда до порта оставалось полмили, Кинстер встал на ноги и вышел на шоссе (фьючер-эффект). Брюки он где-то потерял, рукав скафской куртки был наполовину оторван. Держась за дерево (внезапная слабость), он махнул рукой первой попавшейся машине, и та, конечно, остановилась.

Из окна высунулся водитель, худой мужчина, с белесыми ресницами.

— Что случилось, друг?

— Прикрой лицо, — с гримасой отвращения сказал Томеш. — Я импат.

Мальбейер

— Друг гофмайор, — проникновенно сказал Мальбейер включенному визеру, — боюсь, что нам пора прибегнуть к услугам полиции (Что я говорил! Что я говорил!)

— Не нашли? — встрепенулся Свантхречи.

— Нашли. Но… не в городе. В Северном порту. Наших сил не хватит на оцепление.

— Разве такое может…

— Он прошел контроль в костюме скафа, а когда сработал волмер, сказал охраннику, что преследует импата. Пока тот опомнился… Нам повезло — охранник не из нашей службы.

— Но там же почти никто вуалей не носит!

— Такая неосторожная мода! Боюсь, нам предстоит немало грустной работы, друг гоф-майор.

Ниордан

Паук Дайры мчался над городом, далеко обогнав остальных. Ниордан, пригнувшись к штурвалу, жадно ел глазами пространство.

— Вообще-то он должен был улететь. Много же рейсов! — сказал Дайра.

— Да улетел, командир, улетел твой сын, не волнуйся.

— Сам, сам, собственными руками упустил троечника. Что бы мне догадаться про нежилые районы!

Жадные глаза Ниордана, широко раскрытые. Все наготове. Только Ниордан без шлемвуала. Пижон. Рыцари древнего ордена. Ох, успеть бы только, успеть бы. Вот они, предчувствия. Все идет к одному, с самого рассвета. А говорят, судьбы нет, как так нет, когда вот она, — пощупать можно, только мальчонку-то зачем. Уверен, уверен, все так и кончится, пошлый детектив, знаю, что все так кончится, только бы, только бы.

— Вот вам моя рука! — громко и торжественно ляпнул Ниордан, однако тут же осекся и секунд через пять обвел всех верблюжьим надменным взглядом. Остальные сделали вид, что не расслышали, один только Дайра выпучился. Он очень, он чрезвычайно ценный работник, Ниордан.

Дайра

Итак, двадцать три скафских машины, курсирующих над Сантаресом, получили приказ следовать к Северному порту. Сверкнув стеклами, они развернулись и почти одновременно пауки удвоили скорость. На окраине города они нагна-

ли машину Дайры, собрались в компактную стаю. И горожане проводили их многозначительными взглядами.

Через пять минут распахнулись золоченные гаражи, полицейские вертолеты — «дворняги» — взмыли в небо и помчались вслед за пауками на север. Вертолеты менее маневренны, чем пауки, но имеют большую скорость, поэтому на подходах к порту полицейские обогнали скафов.

Впоследствии операция выставления кордона была отнесена к числу самых четких и самых красивых полицейских массовых операций за последние пятнадцать лет, но именно с нее начался новый расцвет СКАФа, расширение его функций, усиление власти и последующее обособление в самостоятельное подгосударство.

При подходе к цели вертолеты разделились и образовали круг диаметром полторы мили, центральная точка которого приходилась на взлетное поле порта.

Три молниеносные команды — и круг упал на землю. При этом повреждено было сто четырнадцать ацидоберез и убит один человек — инженер Института Насаждений. По нему пришелся удар амортизирующей прокладки. Еще не кончился послеударный шок, а полицейские уже выпрыги-

вали из распахнутых люков, уже устанавливали визуальную и эфирную связь с соседями. Спустя одиннадцать секунд после падения последний из них замер в настороженной позе. Северный порт был оцеплен.

…К этому времени прибыли скафы. Пять машин отделились от общей стаи и заняли стартовые коридоры. Остальные саранчой посыпались на авиаполе. Они упали рядом со зданием вокзала, где сгрудились безликие, почти бесполые люди под гигантскими буквами НОРДПОРТ. Скафы красно-черным потоком полились на толпу, люди расступались, давая им дорогу, у каждого скафа болтался на плече волмер, автоматы наготове, а с плоских телеэкранов, висящих в холлах, взирал на это человек с нервным лицом и подетски горестными глазами — бывший человек, теперь импат Томеш Кинстер.

Несколько пауков упало рядом с задержанными самолетами. Инспекция проводилась очень быстро и энергично, больше напоминая нападение, чем проверку импатоприсутствия. Пилот-контроллеры в спешке были сбиты с ног, бесцеремонно отброшены в глубь салонов. Замершие пассажиры, помертвевшие лица под вуалетками, чье-то визгливое бормотанье,

женские истерики, торопливые скафы, громыхающие, мощные, а над каждым креслом мигала надпись «Задержка рейса».

«Не зря, не зря мне так было мерзко сегодня», — невесело думал Дайра, пробираясь к диспетчерской вслед за тонким вихляющим чиновником в голубой форме.

Гремевшее сообщение о приметах Томеша Кинстера вдруг оборвалось, секунду слышался только многократный глухой топот. А потом неестественно низкий голос произнес:

— Пассажирам в зале номер один и примыкающих к нему холлах предлагается незамедлительно спуститься в залы два и три для прохождения медицинского контроля.

Началась вторая, параллельная стадия операции. Полный Контроль, операция, которую так часто описывают в книгах и так редко проводят на практике. Но без него в порту не обойтись. Тут любят ходить с голыми лицами.

— Полетят головушки, — тихо сказал Сентаури.

— Сент, возьми контроль, — сказал Дайра. — Нечего около меня толочься. Все трое идите туда. Я — в диспетчерской. Связь по файтингу.

Незакрепленная вуалетка колыхалась в такт

его дыханию.

Кинстер…

Кинстер услышал сирену и увидел лица, обращенные к нему, увидел глаза, полные паники, поднял руку и услышал свой голос, громкий и неожиданно чистый:

— Просьба ко всем надеть шлемвуалы. Среди вас больной.

От него все равно шарахались, теперь уже как от скафа, грязного, оборванного, окровавленного убийцы в нелепых желтых с иголочки брюках. Томеш с удивлением почувствовал, как сжимаются его кулаки, как вздымаются руки, как рот открывается и выталкивает отчаянные, с плачем слова:

— Ведь за вас же, за вас мучаюсь… Душу свою… Клятая война!

Никогда в жизни не слышал он такого ругательства, и в слове «война» никогда не делал неправильного ударения.

Он никак не мог понять, от чьего имени сказал

эти слова — от себя или от скафа, роль которого он исполнял. Или это были фьючер-слова, лишенные автора и смысла.

Тело начало выкидывать фортели.

Все изменилось вокруг. Потемнело и стало фиолетовым, и это пугало тоже.

Вот он, предсудорожный всплеск, вот что это такое. Нехотя всплыла первая мысль-зацепка, чистая, без примеси бомммма. С каким напряженнейшим ожиданием он вглядывался в ее неясные контуры, как нежно гладил ее ворсистое тело, как тщательно готовился к пониманию! Наружная простота ее была обманчивой. Среди всей путаницы мучительных громоздких бомммм-мов со множеством ответвлений одна только ниточка (он позволил себе знать это), всего одна давала надежду на излечение.

— Так-так-так-так-так-та-а-а-а-а-ак! — чтобы перебить бомммму и отогнать лишние мысли, сказал тебе Томеш. Помогло. Сегодня все получается. Счастливый день!

Медленно приближалась низкая синяя дверь в служебку, тело слушалось кого-то чужого, и Томеш был рад этому; мысль, такая тяжелая, такая невоспринимаемая, требовала полного внимания.

— Только импат…

Зеленая рука, скрючив пальцы, тянулась к дверной ручке, его рука — вот что отвлекало.

— Только импат может…

Глухо рокотали голосовые связки (а для окружающих его визг был нестерпим) — тело Томеша что-то кричало, а за дверью виднелась лестница, но какая же ясность мысли, клятая война! Вот о чем я мечтал, вот что казалось несбыточным чудом.

— Только импат может справиться с пато…

Лестница, лестница, долгие часы подъема, короткий сон; земного притяжения нет, все твердо, излишне твердо, и цвета странные, таких не бывает, и тишина, только удары изредка, шепотом, непонятно откуда — все онемело вокруг.

…логическими следстви…

И каждый бомммм плодотворен необычайно, каждая мелочь, каждая чушь превращается в произведение мышления, и время летит быстро, с восторгом, и его много; оказывается импаты очень долго живут, так долго, что умирают исключительно от усталости.

…сила, заключенная даже в искалеченном мозге, так велика, что…

Дверь, Комната. Человек за столом. Усилием

воли передвижение в красный спектр. Фио-лето-во-фиолетовеюще-вающее. Оборачивается. Все могу с ним сделать, могу дать иммунитет, но не в этом же сейчас…

…велика, что…

…ТРЦАТР

…могу заразить и без болезненных последствий, могу мгновенно убить только силой мысли своей. Как просто!

Гезихтмакер Эрик Фиск составлял письмо брату, где жаловался на недостаточное внимание к своей персоне и, главное, к профессии. Он обернулся только в тот момент, когда дверь распахнулась и в комнату ворвался скаф, невероятно обтрепанный, грязный. Он сорвал со шлема вуалетку и уставил на гезихтмакера сумасшедший взгляд.

— Что случилось? — вскрикнул Фиск.

…вручаю тебе, Эрик Фиск, плохонький гезихтмакер, бесценный дар — чистое импато.

Томеш сосредоточился на Фиске и с радостью почувствовал — тот поддался. Перестраивались нейроны, активность мозга достигла максимума и гезихтмакер обомлело поднес ко лбу дрожащую руку.

— Удалось!!!

Фиск услышал его, и понял, и не поверил, а когда поверил, спросил: что ты делаешь? — и тогда Томеш заметил, что темно-фиолетовое его тело устремляется к гезихтмакеру, что руки со скрюченными пальцами сами собой тянутся к его шее, а самое-то главное, что вот именно в это Фиск сейчас уже не верил, именно сейчас абсолютно он ничего не боялся, а только с удивлением смотрел в лицо Томешу.

Хаяни

Осмотровая комната, которую даже во времена карантина применяли не по прямому назначению, была неисправна. Тихо ругаясь, восемь скафов и три портовых инженера пытались отжать согнутую скобу, и все время на них с эскалатора смотрел человек без шлема. Он держал шлем в руке, широко открыв слезящиеся глаза. Он был одет опрятно, словно с картинки.

Наконец, скобу отогнули, комната громко щелкнула и распахнулась. Инженеры ушли (от комнаты пахло пылью и еще чем-то, присущим

только атмосферным портам, а на одной из стен красовался огромный желтоватый потек), скафы расставили волмеры, Хаяни и Ниордан заняли пост у входной двери. Сентаури и еще один, лицо которого было им всем знакомо, а имени не помнил никто — стали у выхода, остальные прилипли к стенам. Они должны были конвоировать больных, если те объявятся.

Хаяни открыл скрипящую дверь и сказал человеку на эскалаторе:

— Заходите.

Тот не двинулся с места.

С полминуты они стояли неподвижно, глядя друг другу в глаза, а остальные настороженно замерли, не понимая, что происходит. Затем Хаяни обернулся и срывающимся от обиды голосом сказал:

— Шуточки. Манекен поставили. Место нашли повеселиться.

И Ниордан гулко захохотал.

Дайра

Импата нигде не было. Только что один из патрулей сообщил, что в задней парикмахерской комнате обнаружен голый труп мужчины, предположительно гезихтмакера Фиска. Рядом валялись изодранная скафовская куртка, шлем-вуал и чьи-то желтые брюки.

Разговаривая с патрулями и Контролем, Дайра одновременно следил за экранами. Сбоку от Дайры стоял худой охранник с шафранной кожей и тоскливо оправдывался. Его тоже мучили дурные предчувствия.

— Я говорю… это, говорю: куда? — а он: «Противоимпатная служба. СКАФ, может, слышал?» Чего ж, говорю, не слышать? Служба так служба. Противоимпатная, говорит, служба. А я что — я тоже служба. Я и подумать не мог. А после смотрю — датчик зашкалило. Это еще, думаю, почему? Может, сломался? Они ведь часто ломаются. А скафа и след простыл. Я — сирену. Я и знать не знал, и думать не думал, что такое получится.

Жужжит телетайп, на экранах передвигаются ярко-зеленые крестики, целый ряд стенных мо-

ниторов показывает толпу на нижнем этаже и пустые верхние залы. Какие-то люди то и дело неслышно входят, проносятся перед Дайрой, возятся с непонятными приборами, торопливо исчезают. Взгляды украдкой, удары-взгляды.

На охранника никто не обращает внимания. Он смолкает, наконец, и уходит.

Дайра зол. У Дайры на уме один сын. Дайра всерьез начинает верить в судьбу. Судьба, думает Дайра, очень любит подводить к драматическим ситуациям. Наверняка этот Кинстер улетел на одном из четырех самолетов, которые стартовали между тревогой и отменой стартов. И наверняка вместе с мальчишкой. Это судьба.

— А-а-а-а, Сент? Ну что? Как там? Установили? Что так долго? Что? Какой манекен? Послушайка… ты там… насчет детей. Ты их всех переписывай… Да. Да! Понятливый нашелся. Придумаешь что-нибудь. Давай. Некогда.

Может быть, сейчас его приведут. Нет, не приведут, конечно, а запишут и сообщат. Сентаури позаботится, сразу скажет. Не могло, не могло так случиться, все как нарочно. Если для мальчишки все кончится хорошо, будет даже обидно, честное слово. Я уж поверил в самое худшее.

— Да-да, я здесь, слушаю.

Я буду гоняться за ним с автоматом, я, я, сам гоняться буду, а он сразу в третью стадию перескочит, малыш ведь, нежный, будет реветь от ярости, уничтожать всех, до кого дотянется. Я пущу ему пулю в лоб, пулю я ему в лоб, я ему отомщу за своего мальчишку, мальчишке своему отомщу!

— Что значит «нет»? Чтоб каждый сантиметр! Чтоб ни камня на камне, но чтобы его сюда. Не может ему быть такого везения. Нам и теперь вон сколько мороки предстоит. Исполняйте!

Что мне с его каникул? Только морока одна. Не люблю я его, он мне только мешает. Вполне проживу, впа-алне. Я скажу себе, стоп, скажу, хватит, я смогу, ничего тут сложного нет. Я-то что? Вопрос в том, чтобы он мучился меньше, вот ведь теперь как. О, ГОСПОДИ, ТОЛЬКО БЫ, ТОЛЬКО БЫ ОН НЕ ЗАРАЗИЛСЯ! ВЕДЬ БЫВАЛИ ЖЕ СЛУЧАИ! НУ СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ, ГОСПОДИ!

Хаяни

Первые четырнадцать человек были здоровы,

только очень напуганы. Ниордан пристально и хищно оглядывал каждого, и Хаяни еще не успевал ничего понять, как уже слышал его простуженный голос:

— В порядке. Следующий.

Хаяни изо всех сил пытался сосредоточиться. Он знал — скоро его заменят. Очень утомительно осматривать столько обмерших от страха людей. Потом вошел мужчина с мальчиком лет шести, и тогда Ниордан рявкнул:

— Ребенку выйти!

Мужчина склонился над мальчиком, почти прошептал:

— Подожди-ка меня там, сынок.

И погладил его по блестящему шлему, и слегка подтолкнул в открытую дверь.

— Снимите вуалетку, пожалуйста, — мягко попросил Хаяни.

Мужчина снял шлемвуал и волмер ожил, запел неуверенно.

Ниордан вглядывался в его растерянное лицо не больше секунды, затем повернулся к конвою:

— Ведите. Вторая.

— Нет, подождите, как же так? — заволновался мужчина. — Там же ребенок?

Его уже волокли из комнаты, когда он крик-

нул:

— Сынок! Адрес запишите! Адрес!

Это враки, что Хаяни решил покончить с собой с отчаяния — отчаяния не было. Это враки, что он готовился к самоубийству все время, сколько был скафом. Так многие потом говорили, даже с уверенностью, даже факты припоминая — но это неправда. Хаяни ни о чем таком всерьез не думал. Он всегда чувствовал, что делает не так и не то, мучился, разумеется, и разумеется, без мрачных мыслей не обходилось, но почему он все-таки учудил такое, не знает никто, в том числе и сам Хаяни.

А все было просто. Когда он увидел эту женщину — лет тридцати, уже не юную, усталую очень и не очень испуганную, пожалуй, даже меньше всех предыдущих испуганную, именно в тот момент нарыв прорвался. Он сразу заметил, что женщина больна.

Женщина стояла чуть ссутулившись, и оранжевая вуалетка-невидимка с этакой узорчатой изящной тюбетеечкой, заранее снятая, покачиваясь, свисала с ее правой руки. Она ждала, что ее пропустят, явно ждала, и… черт!.. тут невозможно объяснить сколько-нибудь понятно… Хаяни откинул свою вуалетку, подошел к женщине

вплотную, взял за плечи (мешал автомат в руке) и поцеловал ее в губы. Женщина отшатнулась.

— Дурак! — заорал Сентаури, а Ниордан сказал наждачным голосом:

— Вторая. Обоих.

— Ну, зачем, зачем, идиот, кретин, пиджак, ну что ты наделал, что доказал, к чему?!!

Женщина билась в руках конвойных и пронзительно визжала, а Хаяни сказал Сентаури:

— Будь так добр, проводи меня до машины.

И тот, яростно глядя ему в глаза, сдерживая себя, ответил:

— Пожалуйста.

Мальбейер

В зал входят какие-то люди, среди них — Мальбейер. По пути очень вежливо кивает спинам диспетчеров. Молчу, молчу, молчу!

— Ну, как, не поймали еще?

— Нет, — отвечает Дайра и снова наклоняется к файтингу. — Продолжайте.

— Это вы не мне, — уточняет Мальбейер.

Дайра отрицательно мотает головой (тише!) и поднимает указательный палец.

— Тут женщина одна, — слышится в наушниках. — Триста пятый, говорит, провожала. Кинстер, похоже, туда садился.

— Какой, говоришь, рейс?

— Триста пятый. На Рамс.

И Дайра замирает и уже ничего не может. Мальбейер, причудливо изломившись, глядит ему в глаза, а спрятать их невозможно, не может скаф чувствам своим поддаваться, нельзя ему. Триста пятый на Рамс, на Рамс, триста пятый, пялится, что он так… триста пятый, триста пятый, вдвоем, ах ты, как же нескладно все получается!

— Список пассажиров. Срочно! — говорит Дайра.

Не понимают. Не понимают!

— Триста пятого рейса список!

— Какой список, вы что! Давно уже никаких списков не ведем, — говорит один из диспетчеров. У него лицо как натруженная ладонь. Остальные молчат. Дайра морщится и тихонько стонет, словно с досады. — Как карантин кончился, с тех пор и не ведем.

— В чем дело? — спрашивает Мальбейер, а глаза у него горят, он все понял, однако спрашивает,

зачем?

— Свяжитесь с триста пятым. Когда у них связь? Скорее.

Диспетчер с натруженным лицом заглядывает в свои бумажки и глухо отвечает:

— Связь через двадцать минут. Вызвать вне графика?

— Да. Нет. Испугаются. Еще паника начнется. Подождем.

Что-то бормочет файтинг, и Дайра отвечает что-то, сам толком не знает — что, но видно, все правильно говорит, потому что никто не удивляется и не переспрашивает, Мальбейер, наклонившись вперед, с хищным лицом мечется по диспетчерской и ничего нельзя сделать, подождал бы денек, ну, опоздал бы к занятиям, господи, зачем же я его гнал-то… зачем же так старался избавиться, полицейские, застывшие в оцеплении, оцепеневшие в оцеплении, оцеплевшие в оцепенении…

— Друг капитан, — говорит Мальбейер, — надо бы распорядиться, чтобы их ждали на всех посадочных площадках маршрута.

Пока Дайра отдает нужные приказания, вводят женщину. Дама средних лет, в прошлом шикарная, модное лицо, но от него уже мало помощи,

все в прошлом.

Скаф, который ее привел, с видимым наслаждением откидывает вуалетку.

— Вот она. Та, что Кинстера видела.

Дама вертит в руках микроскопическую сумочку. Суетливо кивает в подтверждение. На ней изящный шлемвуал «Молодежный», вуалетка прозрачная, коричневого цвета.

— Вы можете снять свой шлем, — говорит Дайра. Он терпеть не может разговаривать с женщинами в шлемвуалах. Со смерти жены. Нервное. Дама мнется и отвечает: «Боюсь».

— Можете не бояться. Здесь находятся только те, кто прошел проверку.

Он смотрит на скафа, который ее привел, и спрашивает взглядом, прошла ли проверку она. (— Первым делом, — говорит скаф.)

— Не надо ждать! — неожиданно для себя взрывается Дайра. — Связывайтесь!

— Триста пятый, — говорит второй диспетчер и все поворачиваются к нему. — Триста пятый, подтвердите связь.

— Но вы уверены, что я не заболею? — спрашивает дама.

Мальбейер мурлычет ей что-то галантно-успокаивающее.

— Триста пятый, слышу вас хорошо! Пять, девять, девять.

— Триста пятый, как у вас там?

— Э-э-э, дорогой друг, — обращается Мальбейер к диспетчеру с натруженным лицом (тот сидит рядом с проводящим связь). — Нельзя ли сделать так, чтобы и мы слышали?

В следующую секунду зал наполняется смутным ревом и шипением.

— …по курсу. Только что прошли Сьен Бёф. А кто на связи?

— Я, Леон, — отвечает диспетчер.

— Привет, Леон. Не узнал тебя. Счастливым будешь. Слушай, что за суматоха там началась, когда мы взлетали?

Леон поворачивается и смотрит на Дайру. Тот отрицательно качает головой.

— Все в порядке, — говорит Леон. — Недоразумение. Все в порядке.

Но голос его выдает немного.

— Значит, все хорошо?

— Хорошо. Все хорошо. Следующая связь в тринадцать сорок. Отбой. — Говорит диспетчер и отодвигает зачем-то микрофон. На лбу у него выступил пот.

— Это мы поспешили, дорогой друг, — замечает

Мальбейер. — Как бы он не заподозрил чего-нибудь. Паника, это, знаете…

— Клятая война, — говорит диспетчер.

Дайра

Он всем корпусом поворачивается к даме.

— Какой он был, импат, которого вы видели? Опишите.

— Ах, я не знаю. Эти вуалетки… стройный, высокий, очень-очень нервный. Очень. Я сразу подумала что…

— Как одет?

— М-м-ммм, — дама картинно заводит глаза, на щеках — красные пятна. — Он был такой… в сером костюме… ботинки лакированные, глухой серый костюм, с горлом… что-то парикмахерское, а вуалетка — ничего особенного, шлем такой рогатый, знаете? Костюм расстегнут. Жарко. Но он был вообще очень растрепан и неопрятен.

— Что значит «неопрятен»?

— Ногти, — улыбается дама. — Длинные грязные ногти. Спутанные волосы. Из-под шлема. Все

неприлажено, будто не его. А что теперь будет с Элен?

— С кем?

— С моей сестрой, Элен. Она тоже этим рейсом. Ей, правда, не в сам Рамс, но…

— Уведите ее, — говорит Дайра. — Мешает.

— Нет, вы мне скажите! — взвизгивает дама, но скаф бесцеремонно уволакивает ее за дверь, и Дайра кричит вслед:

— Я не знаю, что с ними будет!

Сентаури

Женщина слабо охала, повиснув на руках конвоиров. Без вуалетки — она оставила вуалетку в осмотровой, — она казалась неодетой.

Сентаури шел метрах в полутора позади конвоя.

— Хаяни, постой. Пару слов.

А Хаяни, будто только и ждал этого, послушно повернулся и сделал два шага к приятелю.

— Хаяни… Послушай, дружище. Ты… не из-за того, что я сегодня… Не из-за меня, нет?

— Нет, — ответил Хаяни, с нетерпением ждущий первых симптомов.

— А… почему тогда?

Хаяни отвернулся.

— Да так просто. Мечтал я, понимаешь, всю жизнь — хоть на час гением стать. Если так не получается.

— Гением? — недоверчиво переспросил Сентаури.

— Ну да. Я знаю — смешно. Не могу я тебе объяснить.

Сентаури мотнул головой.

— Так ты… И только из-за этого? Да разве можно?

— Не знаю. Можно, наверное, — глаза у Хаяни огромные, нос тонкий и длинный, и вдохновение, которого никогда не бывало раньше. — Что же, прощай, Сент?

Хаяни пошел к фургону, а в спину ему:

— Но ты же врешь, все врешь, ну скажи, что ты врешь!

Кинстер

В последние минуты жизни Томеш уже знал главное — что такое чистое импато, и решил одарить им всех пассажиров, а им казалось, что он хочет их уничтожить. Томеш летал по салону и снимал со всех шлемвуалы, одним касанием, чтобы заразить их и принести им счастье, о котором сам уже и мечтать не мог, а они кричали от ужаса, они не хотели такого счастья.

Закончив в салонах, Томеш помчался к пилоту.

Дайра

Только что увели даму, которая, похоже, видела Кинстера. Дайра сидит, подперев щеку рукой, неестественно бледен. Мальбейер склонился над диспетчером (Леоном), но смотрит на Дайру. Остальные негромко переговариваются. Стоят,

замерли, затишье, даже файтинг умолк. Жужжит телетайп, устали глаза, щиплет. Потом резко распахивается дверь и входит Сентаури.

— Только что… — трагически начинает он.

— Тихо! — неожиданно для всех рявкает Мальбейер и снова по залу разносятся шипение и рев.

— Ну! — кричит Дайра и встает со стула.

— Триста пятый, слушаю вас! Триста пятый!

— Что там еще? — говорит Мальбейер.

— Дали вызов и молчат, — виновато отвечает Леон. — Смотрите! — он тычет пальцем в экран. — Меняют курс.

— А Хаяни покончил с собой, — как бы между прочим сообщает Сентаури, курчавый, вульгарный вестник.

Дайра беспомощно бросает взгляд в его сторону, и снова к диспетчеру.

— Что же нам теперь — всю страну на ноги поднимать из-за одного импата! — стонет он.

— Не из-за одного, — с печальной задумчивостью говорит Мальбейер. — В том-то и дело, что не из-за одного, дорогой мой друг Дайра. Они там теперь все…

— Хаяни покончил с собой, вы слышите?

— Ну, так уж и все, — Дайра подходит к Леону, хватает его за плечо. — Вызывай еще раз.

— Триста пятый, триста пятый! Подтвердите связь!

Шипение. Рев. Все сгрудились вокруг Леона, уставились на экран с ползущим крестиком. Один только Сентаури застрял в дверях; бычий, пьяный взгляд, думает, что его не слышат.

Дайра хватает микрофон:

— Триста пятый, слушайте меня! Это очень важно! Любой ценой заставьте пассажиров надеть шлемы!

Голос. Искаженный, резкий, трещащий, насекомый, неразборчивые слова. Чистая, не замутненная смыслом ярость.

— Это он, — говорит кто-то.

Потом — крик. Длинный, мучительный. Еще крик. Клохтанье. Фон. Опять голос, уже другой, прежний, это голос пилота, но словно пилот спотыкается, словно ему воздуха не хватает.

— …Он ворвался сюда… чуть голову мне не оторвал… шлем снимал, но там… застежки, понимаете… я не дался… С ума сойти, какая силища! А теперь упал почему-то… это что? И корчится… корчится… смотреть ужас… бормочет… ничего не понять… Что делать? Скажите, что делать, вы ведь знаете! Я его пристрелю сейчас!

— Да. Стреляйте немедленно! И садитесь как

можно скорей, — кричит Дайра.

— Это судорога, вы разве не понимаете, друг капитан? — злобно улыбается Мальбейер. — Куда это вы их сажать собираетесь?

— Хоть кого-нибудь, да спасем, — упрямо говорит Дайра. — Может, в салонах кто не заразился.

— Ах, Дайра, Дайра, дорогой друг капитан, — качает головой Мальбейер. — Как я вас понимаю! Я ведь знаю — вам сложно. Я ведь, извините, все ваши обстоятельства…

Ему трудно говорить отеческим тоном, он зол, он страшно зол, гвардии СКАФ грандкапитан Мальбейер. Дайре кажется, что все кричат ему: «Ну, выбирай!»

— Я его кончил. Убил, — жалобно говорит летчик. — Я его…

Ну? Ну? Ну?!

— Если вам трудно, — вкрадчиво говорит Мальбейер, — то давайте я. По-человечески понятно ведь.

— Вы слушаете? — надрывается пилот. — Я его пристрелил! Вот сию минуту, сейчас!

— Слышим, — отвечает Дайра. — Как в салоне?

— Не вздумайте их сажать! — шипит Мальбейер. Дайра поворачивает голову и долго смотрит ему в глаза.

— В салоне? Паника в салоне. Черт знает что. Но это пустяки. Честное слово. Сейчас успокоим. Слушайте!

Сентаури стоит навытяжку, он бормочет о Хаяни и одновременно прислушивается к разговору.

— У меня шлем металлизированный, — продолжает пилот. — Я не мог заразиться. Он хотел снять, но там застежки такие… Сейчас самое главное — сесть поскорее.

Мальбейер неподвижен, злобен, внимателен. Никто ни слова.

— Держите курс на Тристайя Роха, — отвечает Дайра по подсказке Леона.

— Что вы делаете? — шепотом кричит Мальбейер. — Ни в коем случае не…

Дайра с досадой отмахивается.

— Не мешайте, пожалуйста. Сент! Свяжись с этими… из Космофрахта.

— Зачем? Я…

Сентаури отлично понимает зачем. Глупо, конечно, что все тревожные службы космоса отошли Космофрахту, да мало ли глупостей делается вокруг! Итак, Сентаури понимает, но он только что потерял друга и почему-то очень болезненно относится к последующим, хотя бы и чужим потерям. Что-то странное творится с Сентаури. Он

ведет себя как последний пиджак.

— Они все в шлемвуалах, все как один, — глупо хихикает пилот. — Теперь-то они все их нацепили. Вот умора!

Разве защитит шлемвуал от предсудорожного импата?

— Послушайте, как вас там! У вас в салоне должен быть ребенок. Лет девяти. Синие брюки, а рубашка…

Волосы шевелятся у Сентаури.

— Да их тут на целый детский сад наберется, — снова хихикает пилот. — Они тут такое устраивают! Наши девочки с ног сбились. Вы уж посадите нас, пожалуйста!

— Конечно, конечно, — бормочет Дайра. Он бледен немного.

Жадные, шальные глаза Мальбейера, изумленные — диспетчеров. Или кажется только? Сентаури связывается с космиками. Замедленные движения. Неизбежность. Сведенные мышцы. Покорность. Запах нагретой аппаратуры.

— Есть Космофрахт, — говорит Сентаури безразличным тоном и отходит в сторону. Дайра бросается к файтингу.

— Их там двести пятьдесят человек. И все они импаты. Двести пятьдесят импатов в одном ме-

сте. Крайне опасные и вряд ли хоть один из них излечим. Судорога. Тут уж…

Мальбейер словно оправдывается.

Дайра горячо врет в микрофон, а на другом конце его слушают с недоверием, отвыкли ракетчики от неучебных тревог. Дайра сыплет фамилиями, уверяет их, что просто необходимо сбить атмосферних, потерявший управление, долго ли до беды. Беспилотный, конечно, ну что вы! И трясет нетерпеливо рукой в сторону застывших диспетчеров — координаты, координаты! — а Мальбейер кривится и бормочет, не то все, зачем, просто приказ, пусть-ка они попробуют со скафами спорить, и действительно, ракетчики не верят Дайре, ни одному слову не верят — идите вы к черту, мы вас не знаем, кто вы такой, — но трубку не вешают, видно, чувствуют — что-то серьезное. И тогда Дайра глупо как-то подмигивает, поджимает по-бабьи губы и называет себя. Так бы давно, отвечают ему. Он еще раз говорит свое имя, звание, принадлежность, сообщает пароли, шифр, а потом долго ждет, поводя вокруг сумасшедшими немного глазами.

— Слушайте! — кричит вдруг пилот. — Там сзади бог знает что творится. Это так надо, да?

— Успокойтесь, не дергайте управление.

Оставьте ручки, что вы как ребенок, в самом-то деле!

— Учтите, я сейчас сяду просто так, где придется, пойду на вынужденную, они ведь мне всю машину разнесут!

Леон вопросительно оглядывается на Дайру, тот смотрит на диспетчера в упор, но не видит его. Тогда Мальбейер делает знак рукой — «не надо» — и говорит:

— Не надо. Скажите, чтобы не садился.

Трясущимися руками Леон снова берется за микрофон.

— Ну? Что? — кричит пилот сквозь беспокойный шорох. — Вы поняли? Я снижаюсь. Вы слышите меня?

— Я не могу, — чуть не плачет диспетчер. — Я не могу, не могу!

Мальбейер выхватывает у него микрофон, собирается что-то сказать, но тут азартно вскрикивает Дайра:

— Да! Да! Я понял! Ну, конечно, это приказ, а вы что думали — дружеское пожелание? Да, сию минуту. Вы видите его? Прямо сейчас, сию минуту и действуйте! Да скорее же вы, чччерт!

Вид его жуток.

В зал врывается хриплый монолог перепуган-

ного пилота, который, в общем-то, достаточно умен, чтобы все понять, только вот поверить не может.

— Пуск, — тихо говорит Дайра и медленно оглядывается.

Все стоят, замерли.

— Вы меня доведите, вы уж доведите меня, а то тут и с машиной что-то неладное. Вы слышите? Леон! Что ты молчишь, Леон? Ты меня слышишь!

— Я не молчу, — говорит Леон.

— Леон! Почему не отвечаешь? Что у вас? — (на экране появляется еще один крестик. Он стремительно приближается к первому). Мне ведь главное — сесть, ты понимаешь, только сесть, а больше…

Крестики сливаются и исчезают.

— Пошли, — говорит Дайра.

Ниордан

Новость разнеслась по залам за считанные секунды. Люди, прошедшие проверку, — а таких

набралось уже порядочно, — только что были похожи на сломанных роботов, а теперь ожили, заговорили, стали собираться в группы, жестикулировать, вытягивать шеи, недоверчиво качать головами. Многие не верили услышанному, потому что даже во времена Карантина, в те страшные времена, когда импаты летали по улицам, заглядывали в окна, устраивали оргии на площадях, даже тогда не случалось такого. Больных убивали всегда поодиночке, всмотревшись, удостоверившись в безнадежности их болезни.

Потом открылась одна из служебных дверей зала номер один, оттуда неуверенной походкой вышел человек в форме диспетчера. А потом эта же дверь распахнулась снова, на этот раз с громким стуком. Три скафа — Дайра, Сентаури и Мальбейер — решительно направились к выходу. Дайра шел впереди, Мальбейер рядом, а Сентаури отставал на полтора метра. Правой рукой он придерживал свой «оккам» с таким воинственным видом, словно уже в следующую секунду собирался пустить в ход.

Толпа перед ними расступилась с гораздо меньшей охотой, чем перед диспетчером. Коротышка в детском шлемвуале с ярко-желтой надписью «Спаситель» заступил им дорогу. Прижав руку к

груди, он обратился к Дайре неожиданно низким голосом:

— Эй, вы тут главный?

Дайра молча остановился.

— Проходите, не мешайте, — рыкнул Сентаури, протягивая к мужчине свободную от оккама руку. Тот увернулся.

— Скажите, это правда, что вы сейчас машину с импатами сбили?

Дайра беспомощно оглянулся и вдруг отчаянно закричал:

— Ниордан! Ни-ор-дааан! Сюда!

— Вы слышите, что вам говорят? Отойдите немедленно!

Мужчина не двинулся. Вокруг начала собираться толпа.

— Ради бога, какой рейс? — простонал кто-то.

— Рейс, рейс назовите!

— Ни-ор-дааааан! Сюда!

— Я его уже вызвал, — сказал Мальбейер.

Люди, люди вокруг, ни одного лица, сплошь маски. Дайре это вдруг показалось странным, даже испугало немного.

— Рейс! Назовите рейс!

— Вы все узнаете! Пропустите, ну?

Сентаури почувствовал себя главным, а потом

вспомнил, что теперь, когда история с сыном Дайры неминуемо должна выйти наружу, это не такая уже фантазия.

Сквозь толпу ужом проскользнул Ниордан. Вуалетка его была аккуратно подвернута и заткнута за козырек шлема — вопиющее нарушение устава при захвате, поиске и тем более проверке, но так делали многие, потому что главный инструмент проверяющего — глаза.

— Да вы нас пропустите или нет? — теряя терпение выкрикнул Сентаури.

— Правда, что там и половины зараженных не было, а других можно было спасти?

— Нет. Вы все узнаете. Не скапливайтесь! Разойдитесь!

— Они убивают нас, где только могут. Им что, у них сила, — послышался чей-то скандальный голос. — Уж такие они люди.

— Да разве они люди? Чудовища!

Сентаури трясущимися руками заткнул вуалетку под шлем.

— В па-аследний ррраз! Па-прашу ррразойтись!

— Гляди, командует. Очень главный.

— Ниордан, пойдем к машине, — попросил Дайра. Ниордан кивнул. Жадно прищурившись,

как будто перед ним была сложная дорогіï, он разглядывал плотную шевелящуюся массу людей.

— Глядите все на этого человека, — громким командным голосом сказал вдруг Сентаури, указав на Дайру. — Только что он убил своего сына… которого… убил потому, что хотел спасти вас, именно вас, да еще пару десятков тысяч других. Вам про него легенды надо рассказывать, молиться на него надо, а вы, пиджаки, клянете нас… мы для вас жизни…

— Один сынка своего прикокошил, а другой хвалит! А?

— Скафы, что вы хотите? Ребенка — и того не жалеют. По одному подозрению.

— Ниордан, — сказал Дайра.

Тот с ловкостью фокусника выхватил оккам и пустил над головами очередь. Слаженно ахнув, толпа подалась назад.

Дайра

Потом они шагали по летному полю, смутно отражаясь в темно-синем покрытии. Ровные ряды

атмосферников, серебристых сплющенных сигар, между ними — россыпью брошенные «пауки». Ни одного человека вокруг. Снова удушающая жара. Пот.

— Это вы напрасно, друг мой Сентаури, — озабоченно говорил Мальбейр. — Это запрещено. Могло кончиться плохо.

— Да я припугнуть только, — оправдывался тот. — Никогда бы я в них не выстрелил.

— И все-таки напрасно. Отношение к скафам и так далеко не благоприятное.

А Дайра вставлял — все кончено. А Ниордан кивал головой.

Сентаури бросил на своего командира презрительный взгляд.

Потом они заметили, что давно уже стоят перед пауком Дайры. Роскошный лимузин Мальбейера находился чуть дальше. Ниордан быстро и ловко занял свое место. Сентаури мрачно бубнил что-то неразборчивое.

— Вот, — сказал ему Дайра. — Вот ты опять спас мне жизнь. Весь день только и делаешь, что жизнь мне спасаешь. Они могли нас на куски разорвать.

— Ты смог бы, — с ненавистью глядя на него, ответил Сентаури. — Ты у нас герой. Молиться

на тебя надо.

Мальбейер укоризненно покачал головой.

— Ах, ну зачем такая злая ирония? Дайра у нас действительно герой сегодня, — он тронул Дайру за плечо, но тот, как бы невзначай, отстранился. — Вы совершили сегодня подвиг, дорогой Дайра. Подвиг с большой буквы.

— Его нет, — сказал Дайра. — Кончено. Нет. Последняя соломинка. Ах, черт, нет! Ну и ну.

Говорил он невыразительно и смотрел невыразительно, ему много хотелось сказать, ему хотелось взмахнуть руками, прижать их к сердцу, сделать большие глаза, сильное, страстное хотелось придать лицу выражение, настолько сильное, что уж конечно выглядело бы фальшиво. Поэтому он заморозил себя.

А Сентаури злобно ткнул в него пальцем.

— Ты никогда его не любил. Ты никого не любил. Меня тошнит от тебя. Собственного сына прикончил и хвастается, какое у него горе. Тоже мне, герой нашелся.

Дайра подумал — неправда! — и сказал ему: — Неправда, зачем ты так говоришь, ты же не знаешь ничего (он злится на меня почему-то. Почему он на меня злится?), не было на свете человека, которого я любил бы больше, един-

ственное, за что я в этом мире еще держался, а теперь все, его нет, я его собственными руками, разве ты можешь понять, что я чувствовал, ты, кто никого не любит, из чувства долга не любит, это же дико. (Успокойтесь, успокойтесь, дорогой Дайра, и рука на плече, и голос баюкающий.) Ах, да отстаньте вы, ведь не он же убил своего сына, ведь не ты же убил своего сына, и эту дурацкую машину ведь не ты же спалил, ну так и помолчи, не мешайся. А Сентаури (вуалетка, как и у остальных, подвернута, лицо потное, рот искривлен, глаза на Дайру нацелены) сказал: — Вот так он любил сына, друг грандкапитан, этот ваш герой-Дайра. Вы слышали? Ведь он не о сыне горюет, он о себе горюет, скотина, пиджак.

Он начал спокойно, а под конец распалился. Это был настоящий взрыв ненависти. Сентаури ненавидел Дайру. Дайра ненавидел Сентаури. Мальбейер растерянно улыбался, но в глазах его тоже просверкивала злоба, и губы изредка вздрагивали.

Возможно, этот взрыв спровоцировал Мальбейер, тем, пожалуй, что чересчур уж он подчеркивал предупредительность к Дайре, а на Сентаури смотрел с пренебрежительным холодком. А Сентаури больше всего в тот момент хотел, чтобы

именно Мальбейер его понял. Ему тоже многое хотелось сказать, правда, он не совсем точно знал, что именно, но лишь бы сокрушить, смять, уничтожить этого самовлюбленного пиджака Дайру, и чтобы обязательно на глазах грандкапитана. Примешивались тут и мысли о повышении, они мелькали почти незаметно, однако не потому хотел Сентаури иметь Мальбейера союзником. Он не знал почему. Я тебя с самого начала раскусил, сразу увидел, что ты за схема. Не знаю, может, ты и хороший скаф, но только до поры, потому что пиджаку хорошим скафом не стать. Хаяни тоже не был хорошим скафом, жидковат был для этого, думал слишком много, но он, по крайности, не пиджак, он на самом деле хотел стать одним из нас. Ты его всегда недолюбливал, потому что ты не такой, ты притворялся, а он нет. Ты его просто презирал, и скрывать не собирался, что презираешь. Ты и сегодня на него подумал, что это он про мальчишку твоего рассказал. Ты его просто убил этим. Он мне так и сказал. Дайра, говорит, за человека меня не считает, наговорил на меня. И никто не считает.

— Он так и сказал? — спросил Мальбейер.

— Но постой, — крикнул Дайра, — он ведь и в самом деле про сына моего разболтал.

— Нет, — сказал, словно ударил Сентаури. — Это я. Это я предупредил Мальбейера. И не жалею. Я тебе никогда не верил. Тебя выгонять надо из скафов.

— Подождите, тут что-то не так, — заторопился Мальбейер. — Мне о сыне вашем, дорогой друг капитан, именно Хаяни и рассказал. А Сентаури… Может, вы другому кому говорили, друг Сентаури?

— Да что вы, в самом-то деле? — оторопел тот. — Не помните? А кто мне вакансию предлагал?

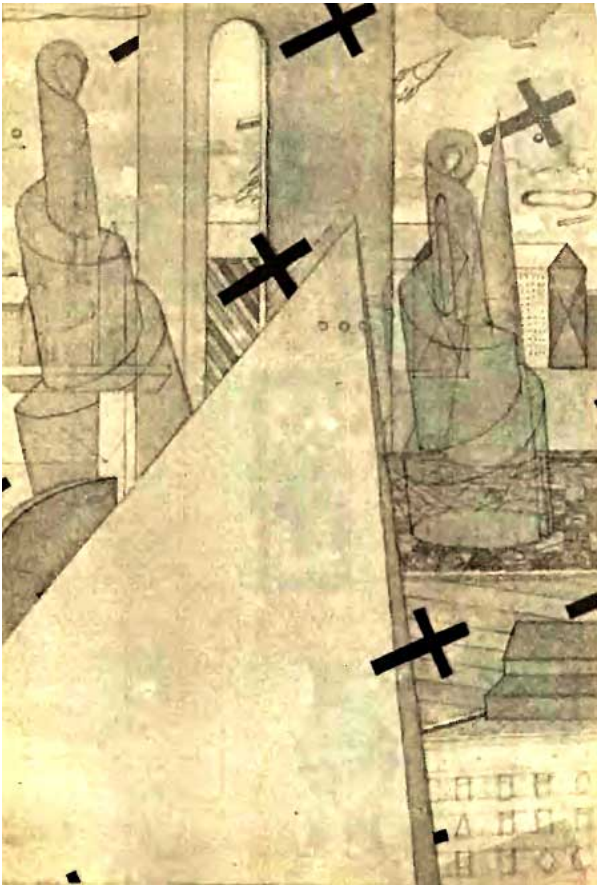
Схожу с ума, показалось Дайре.

— У меня и мысли такой не было! — наиубедительнейшим тоном оправдывался Мальбейер. — Да такое и невозможно. Вакансия — Дайре. Это не я решаю, меня на том совещании не было. Откуда у вас такие сведения?

Сентаури растерялся. Ненависть все еще рвалась наружу, но эта сбивка закрыла для нее все выходы.

— Послушайте, — простонал Дайра. — У меня погиб сын. Мне плохо, честное слово. Перестаньте, пожалуйста. Завтра.

И взрыв продолжился.



Сентаури

Сентаури изобразил великолепнейшее презрение. И это скаф! Посмотрите на него. Он сейчас расплачется. Как так вышло, что этот разнюненный пиджак все выдержал, сына убил, а я на Хаяни сломался, то есть на том, что вообще-то меня мало касаться должно. Он — смотрите! — герой.

Очень мешала жара. Но больше мешало другое. Ярко светило солнце, а Сентаури казалось, что уже вечер и темно; Мальбейер стоял совсем не там, откуда доносились его реплики; один за другим взлетали пауки, но никто в них не садился, на поле вообще не было ни одного человека. Сентаури терпеть не мог такого состояния пространства. Каждый раз, когда пространство снова приходило в негодность, его охватывал страх, что в этот день оно развинтится окончательно и некому будет заняться починкой.

Дайра говорил ему, ты ничего не понимаешь. Все не так. Я ему сегодня гренки поджарил, он

гренки любил. Он в мать. Это только кажется, что все просто.

Сентаури слышал лишь то, что можно использовать для обвинения. Ты его не любил. Ты вообще никого не любил. Ты наслаждался тем, что можешь думать, что любишь; это прямое нарушение устава — иметь близких. Нет, я все понимаю, очень трудно без них обойтись, без близких то есть, но ты гордился тем, что есть у тебя кого любить, тем, что против правил идешь, а работу свою, добровольную, между прочим, ты презирал. Ах, какие мы гады становимся, ах, да как портит нас эта работа — ты все время так говорил. Вот я — всей душой скаф, силы во мне — полгорода зимой обогреть можно, а сломался, потому что я человек, потому что я настоящий, и Хаяни был настоящий, а ты — пиджак фальшивый (Мальбейер оценил метафору, юмористически подняв брови), но получается-то совсем другое! Получается, что ты — самый надежный скаф! Хотя нет, самый надежный — вот он, сидит в пауке нашем, гляди-ка!

Они оглянулись на Ниордана. Тот широко улыбнулся. Как раз в этот момент Френеми сообщил ему о раскрытии нового заговора и о запланированной на среду казни второго министра.

— Разбойник, — с чувством сказал Ниордан.

— А теперь посмотри сюда, — громко и торжественно произнес Сентаури.

Дайра обернулся и побелел. Сентаури целился ему в живот из оккама. Они стояли близко друг к другу, и дуло автомата почти касалось Дайры.

— Это еще что? — спросил он.

— Не тебя я убиваю, а всю вашу службу, которую мне… которуя я… Пусть уж лучше все им-патами станут, чем давать силу таким, как ты.

— На «морт» переведи, — сказал Дайра.

Сентаури перевел на «морт».

— И никакого святого дела не надо, не может оно святым быть, это я сегодня понял (а Мальбейер стоял и ждал и улыбался хитрющей своей улыбочкой). И нам с тобой ходить по одной земле невозможно. (Когда это вы по земле ходили, дорогой друг Сентаури, где это вы землю у нас нашли? — спросил Мальбейер и наконец-то занялся делом: вклинился между Дайрой и Сентаури. Он отвел дуло автомата двумя пальцами, и Сентаури, продолжая говорить и как бы ничего не замечая, сделал шаг назад.) Я за Хаяни тебя убиваю, за сына твоего, за тех…

— Дорогой мой Сентаури! — проникновенно начал Мальбейер тоном, который предвещал

долгую спокойную беседу. — Если бы вы только знали, как я вам сочувствую. Вы потеряли друга, а друг у скафа — это не то, что у обычного человека. Ведь мы лишены близких… Случаи, подобные вашему, не так уж редки в нашей организации.

— Мальбейер! — с угрозой в голосе сказал Сентаури.

— О, вы меня неправильно поняли, — Мальбейер игриво хихикнул. — Почему-то, если говорят о приязненных отношениях между мужчинами, то это почти всегда фривольно воспринимается.

Сентаури взвыл, задрав голову к небу.

— Я их обоих сейчас прикончу, я их обоих сейчас прикончу!

И умчался прочь гигантскими скачками.

Мальбейер

Мальбейер повернулся к Дайре.

— Его мучит вина, — сказал он. — Только он немножечко играет. Это видно.

— Мальбейер, — сказал Дайра. — Ведь все подстроили вы. Признайтесь.

— Я? — Мальбейер с бесконечным удивлением всплеснул руками. — Что подстроил? Боюсь, друг капитан, я вас не совсем понимаю.

— Ну, это все, — Дайра неопределенно пожал плечами. — Вы ведь знали, что я провожаю сегодня сына, поэтому и лидером меня поставили.

— Дайра, Да-а-айра, дорогой, как вы могли подумать?

— А то, что импат попал в аэропорт — тоже ваша работа? И то, что он вместе с сыном летел, — тоже?

— Дорогой друг, опомнитесь! Я же не всемогущий. Вы мне льстите.

— Ваша, ваша, не отпирайтесь! — с маниакальной уверенностью твердил Дайра.

— Да откуда вы взяли, что там находился ваш сын?

— А где же ему еще находиться? На других рейсах он не улетел. И в аэропорту его не было. Не путайте меня, вы все врете. Я с самого утра чувствовал, к чему все идет.

— Дайте же мне докончить! Я все не мог выбрать времени сказать вам: по моим данным, на триста пятом его тоже не было.

— Как? — сказал Дайра.

— Конечно, это не стопроцентно, однако… Пять

детей. Все идентифицированы.

— Так нельзя лгать, Мальбейер. Это противоестественно. Подите прочь, я вам не верю. Вы снова хотите меня запутать. Ниордан!

— Да, командир?

— Домой! — Дайра прыгнул в машину и захлопнул за собой дверь.

— Он наверняка жив. Дайра!

— Нет! Нет! Вы врете!

Паук взлетел, а потный Мальбейер все еще кричал и жестикулировал.

Хаяни

В фургоне было темно. Яркие, быстро мигающие лучи, что проникали внутрь через маленькие овальные окошки, раздвигали темноту, но не растворяли ее. Блестели волосы на склоненном затылке рыдающей женщины. Хаяни, изогнувшись в кресле, жадно прилип к своему окну. Как же быстро мелькали улицы, как неизбежно засасывались они в прошлое, все меньше и меньше оставалось их впереди!

— Ничего, ничего, — громко сказал Хаяни.

Женщина подумала, что он ее успокаивает, и заныла вдруг на тонкой срывающейся ноте. Казалось, этому не будет конца.

Хаяни вспомнил о ней и соболезнующе покачал головой.

— Да. Ведь для вас, вероятно, жизнь кончилась.

Женщина всхлипнула и подняла голову. Не красавица, подумал Хаяни, мьют-романский тип. Тонкая длинная шея, почти полное отсутствие подбородка, огромные, с тревожным разрезом глаза, сухая смуглая кожа. Лет пятнадцать назад такие лица были в моде. Странная, болезненная привлекательность.

— Что? — спросила она.

— Я имею в виду все вот это, — Хаяни мотнул головой в сторону своего окошка.

Женщина нахмурила брови. Лицо ее окрасилось в зеленый цвет — фургон въехал в Ла Натуру, район максимальной естественности.

— Почему то, что вы оплакивали сейчас, для меня пустышка, зеро, тьфу, почему то, чего вы так боитесь, для меня — счастье недосягаемое, цель всего?

— Ой, ну не надо, ну помолчите! — сказала

женщина и лицо ее страдальчески искривилось. У мьют-романов это выглядит особенно некрасиво.

— Не сбивайте меня, я сейчас объясню, все это нельзя не понять. Итак — пусть смерть, ведь все равно смерть, зато возможность — вдруг не сейчас, вдруг отсрочка, поймите, ведь силы невиданные, гениальность, сверхгениальность, реальная, не плод фантазии, не мечта в знак протеста, и все это взамен долгой, но тусклой, но униженной, суетливой, которую я сам же и гажу.

— Помолчите, пожалуйста, — тихо попросила она.

У женщины началась эйфория, что-то очень скоро она начинается, волны теплого спокойствия пробегали по телу, но мешал монолог скафа, грозил все нарушить.

— И зачем только вы меня целовали? Что я, просила?

— А-а-а-а-а! У вас тоже начинается? Я давно заметил. И у меня скоро начнется, я чувствую. Я сам не знаю, зачем, точнее… знаю, но… Собственно, я давно об этом думал, но так, знаете ли, отвлеченно, между прочим, мол, хорошо бы. Я ведь понимаю, что глупо. Я ведь все понимаю. Знаете, как они меня звали? Суперчерезинтелли-

гент. Они меня презирали, пусть не за то, за что следовало бы, но все равно презирали.

Женщина зажмурилась. Ее подташнивало от желания счастья, смешанного с предсмертной тоской. Главная беда в этом — неумолимость.

А Хаяни все говорил, говорил, не отрывая от нее глаз, сам себя перебивал, перескакивал с одного на другое, и речь его все больше походила на причитание, о чем только он ни рассказывал ей (фургон часто останавливался, снаружи глухо переговаривались скафы, прислоняли лица к окошкам): и о школе, где никто его не любил, беднягу, а может быть, и ничего относились, а ему казалось, что не любят; и о радости, с какой он бежал из школы, и как все рады были ему в интернате, и как вскоре снова захотелось ему бежать; как нигде не находил он того, чего искал, смутного, неосознанного, как временами становилось легче, а затем жажда бежать с еще большей силой накатывала на него, и он никак не мог понять, за что ж его так не любят, почему везде, где бы он ни появился, всегда в конце концов становится плохо, всегда приходят фальшь, пустые слова, нарушения обещаний, и его отношение к женщинам казалось ему гадким, он старался любить каждую из них, и с печалью, словно в вине или

наркомузыке, топил в них свое несуществующее, наигранное, и в то же время самое реальное горе, и как стыдно было ему встречаться с ними потом, и как хотелось нравиться всем, и как не понимал он, почему не все от него отворачиваются, и как его знакомые были шокированы, когда он бросил вдруг все и ушел в скафы.

— Замолчи! Замолчи! Скаф проклятый, убийца, выродок!

— Вот, этого я хотел, и еще много чего, уже тогда мечтал я поцеловать вас (извините, с тоской во взоре, это уж обязательно), не просто прислониться голым лицом к голому лицу, а непременно поцеловать, и именно женщину — очень я этого хотел.

У женщины внезапно пропало желание убить Хаяни, победила все-таки эйфория, ей стал вдруг нравиться этот причитающий скаф и возникло желание вслушаться в его речи.

— Бежим отсюда, — сказала она. — Ведь мы импаты, что нам эти защелки, бежим, спрячемся, я не хочу больницы, не хочу умирать, не хочу, чтобы меня до самой смерти лечили!

В Хаяни на секунду шевельнулся скаф (импаты готовят побег из фургона!), однако очень не хотелось сбиваться с мысли, и он только досадливо

мотнул головой.

— Вы не понимаете. Все будет враждебно, нигде не будет спокойствия, вокруг — сплошь враги.

— Бежим! Помоги мне бежать!

Казалось ей, что фургон огромен, что пыльные столбики света несут прохладу и волю, что окна — бриллианты, что скаф — прекрасен, желанен, что скорость — свобода, что все можно и никто не в состоянии возражать. Казалось ей, что фургон наполнен невидимыми людьми, добрыми и влюбленными, и не желающими мешать, о, какими людьми!

— Бежим, я сказала. Встань. Оторвись от кресла.

— Но…

— Встань, скаф!

Она сошла с ума, она сошла с ума, она ушла с ума!

Мерзкое, недоразвитое лицо, лишенное подбородка.

— Извините, вы совсем не так меня поняли. Я вовсе не имел в виду бежать, когда… Иначе зачем же… Да и захваты не так-то просто сломать.

— Я хочу жить! Я хочу жить там, где жила, пойми, скаф, пойми, помоги мне бежать. Меня никто не любил.

— Меня много любили (два раза, подумал Хаяни) и проклинали за то, что любят. Что хорошего в этой любви? А там — присмотр, врачи, полное развитие способностей, да я просто уверен, что болезнь далеко не пойдет, я статистику видел. Там свобода!

Лицо женщины, что называется, пылало, и верхняя его половина была прекрасной. Ну, просто глаз не отвести.

— Говори, скаф, говори. Так хорошо слышать твой голос.

Все тело ее напряглось, выгнулось, плечи перекосились. Кресло под ней скрипнуло. Красное лицо в поту и слезах.

— Что… что вы делаете?

— Ты… говори… — она рванулась изо всех сил, но захваты не поддавались. По два на каждую руку и ногу. — Ох, скаф, ну как же мне нужно выбраться отсюда!

— Не мучь, не калечь себя, ты все равно больная, все от тебя шарахаться будут. Нет больше того места, где тебя ждут.

Машина давно стояла на одном из перекрестков Стеклянного района. Хаяни услышал, как водитель хлопнул дверцей и зашагал вперед. Еле слышный гул голосов, дерево, прилипшее

ветвями к окну Хаяни. Женщина опять забилась в кресле.

— Скоро они там? — чуть слышно спросил Хаяни.

— А ты скажи, скаф, ты когда-нибудь жил в большой семье? Что это такое?

— Я вообще ни в какой семье не жил. Я воспитанник. Я хотел в семью, но… как бы это сказать?… в уме. А на практике, знаете, страшновато было.

— А женщины?

Кресло кричало как живое. Женщина билась в нем с силой неимоверной.

— Женщины… что женщины? Это все не то.

Она вскрикнула от боли, слишком неловно и сильно рванувшись. Казалось, кресло извивается вместе с ней.

— У меня был друг. У нас ничего общего не было. Мужлан, сорви-голова, из этих, из гусаров. Когда я уже все перепробовал, уже когда отовсюду бежал, когда, в общем, в скафы попал… Я же вот с этой самой мыслью и пришел в скафы, импатом стать, правда, тоже в уме; не знаю, понимаешь ли ты меня…

— Это неважно, ты говори, а то сил у меня не хватает.

— Но он мне чрезвычайно понравился, хотя и

боялся я его. Однажды на него бросился им-пат, которого тут же напичкали снотворными пулями, не дали и двух шагов сделать — а я был рядом.

Опять хлопнула дверца, фургон тронулся с места.

— Я тоже мог стрелять. Мог, но не выстрелил, чуть-чуть только двинул рукой. Тут даже не трусость, я просто не среагировал, но… ладно, пусть будет трусость, я за нее тогда его полюбил. Хотя сейчас думаю, мог бы и возненавидеть. (А женщина билась, билась, и страшно было смотреть на нее, кресло раскачивалось, подлокотники трещали, но, сделанные на совесть, держались. Хаяни не отводил от женщины вытаращенных глаз, от напряжения выступали слезы, он вытирал их о плечи, до предела скашивая зрачки, чтобы не потерять женщину из виду.) Ты пойми только правильно, это даже не трусость была, точно, я просто всегда теряюсь в неожиданных ситуациях, всегда какая-то секунда проходит, я просто не знаю, что должен в эту секунду делать, и это не трусость, а получается нехорошо. Я думаю, он видел, как я двинул рукой. Я тогда поклялся себе, что всегда буду с ним рядом, и это всегда… почти всегда было так. Если даже я забывал о клятве, он

сам становился рядом, он ведь и в тот раз, когда я двинул рукой, тоже рядом стоял, он охранял меня, жалел, понимаешь? Он всегда меня прикрывал, был той самой секундой, которой раньше мне так не хватало. Только сегодня… но сегодня другое дело… сегодня я сам…

Теперь фургон мчался на полной скорости, и оттого все, что окружало Хаяни, стало выглядеть нереальным. Бесшумный полет, бешено рвущееся из кресла тело, почти спокойные, только чуть умоляющие интонации собственного голоса, горечь в груди, отстраненность и невозможность помочь не то что ей, а даже и себе самому. Страх. И воспоминания, сначала холодные, почти не лживые, и стыд за то, что они такие холодные, и, конечно, сразу же после стыда настоящее чувство в воспоминаниях.

— Сейчас, еще немного, — простонала женщина.

— Как я хочу тебе помочь!

— Сейчас! Сейчас! Сей-й-й-йча-а-а-ас!! Оххххх…

Сильный скрежет, кресло распалось.

— Так. Так. Хорошо, — завороженно твердил Хаяни, и женщина поднялась, растрепанная, почему-то в крови, с обломками захватов на руках. Сделала к нему шаг и зашевелила губами, как

бы говоря что-то, развела руки, покачнулась, и он подался вперед, ужас глубоко-глубоко, словно и нет его. Он ощутил свою позу и подправил ее, чтобы было фотогеничней, ему пришло в голову, что не о побеге сейчас идет речь, и отрекся он от него с той же истовостью, с какой минуту назад принимал, и не удивился себе, и знал, что именно так и должно быть, и подумал — фьючер-эффект, и понял тут же, что никакого фьючер-эффекта нет, просто так должно быть, так правильно, и все тут. А она сделала еще шаг, стала перед ним на колени, и просунула пальцы под захват на правом запястье (глаза в глаза, будто в танце, тесно прижавшись), поцарапав кожу ногтями, и рванула, больно, и захват распался, как распалось до того кресло, а Хаяни сжал и разжал кулак и что-то сказал, сам не слыша себя. Ее пальцы уже разрывали следующий, локтевой захват. Он вскрикнул от боли, не отводя глаз, и вот — свободна рука, и он погладил женщину по лицу, и она улыбнулась, он уже помогал ей освободить левую руку и думал: «Она меня раздевает». Теперь они говорили одновременно, тихо-тихо, не слыша друг друга, и он тоже чувствовал что-то наподобие эйфории, заставлял себя чувствовать. Вот уже обе руки свободны, и он поднялся, нагнув

голову, чтобы не удариться о верх фургона, и это дало ему точку отсчета, пришло ощущение реальности и постепенно стал возвращаться ужас, а потом отворилась дверь, но женщина не слышала ничего, трудилась над его правой ногой; тогда он осознал, что фургон стоит, дверь открыта, смутно знакомые скафы смотрят на них и медленномедленно (так казалось ему) снимают с плеч автоматы. Она не слышала, не слышала, не слышала ничего, и Хаяни был уже на их стороне, уже поспешно убирал с ее головы руки, поспешно и с отвращением.

Мальбейер

По пути к Управлению, а потом по пути к кабинету Мальбейер сосредоточенно беседовал с Дайрой, настолько сосредоточенно, что даже иногда забывал здороваться со знакомыми, чем немало их удивлял. Он и в кабинете продолжал заниматься тем же и опомнился только тогда, когда интеллектор голосом Дайры сообщил, что подоспело время визита в музыкальную комна-

ту. Тогда он сказал себе: «Пора. Что-нибудь да скажу», — состроил неизвестно какую мину, но вежливую, и выбежал из кабинета. Он забыл, что собирался звонить разным людям и попытаться хоть что-нибудь узнать о передвижениях сына Дайры, о шансах на то, что он жив; он вспомнил об этом только на первом этаже, на выходе из Управления, среди блестящих зеркал и синих лозунгов, которых так не хватало остальному Сантаресу, среди озабоченных, спешащих людей, из которых каждый принадлежал СКАФу, но вряд ли хотя бы каждый десятый видел в глаза живого импата. И многие из них в течение, может быть, часа с удивлением и насмешкой оглядывали фигуру грандкапитана, сломанную над местным телефоном, его восторженно искривленный рот, влажные красные губы, то, как он размахивал руками, как убеждающе морщил нос, и кивал, и топал ногой в нетерпении, и вел себя в высшей степени одиноко.

Хаяни

У доктора были вислые, изрядно помятые щеки и выпуклые красные глаза, полуприкрытые огромными веками. Он напоминал бульдога, впавшего в пессимизм.

— Нет, — потрясенно сказал Хаяни, — не может этого быть.

— И тем не менее, тем не менее, — ответил врач, помолчав. — Я понимаю, очень сложная перестройка. Помилование у плахи. Я понимаю.

— Но что же произошло?

— У вас иммунитет. Вам потрясающе повезло. Среди скафов, скажу я вам, такие случаи встречаются чаще, чем среди остальных людей. Вам нет нужды закрывать лицо. Счастливец!

— И я свободен?

— Как птица, — доктор встал и сделал приглашающий жест в сторону двери.

Хаяни тяжело встал, кивнул доктору и неуверенно пошел к выходу. На полпути остановился.

— Я хотел спросить. Женщина, которую со мной привезли, что с ней?

— С ней все, с ней все, — с мрачной готовностью

закивал доктор.

— То есть… что значит «все»?

— Третья стадия, инкур, да еще, скажу я вам, полная невменяемость. Спасти ее невозможно было. А изоляция… Впрочем, вы ведь скаф, что я вам объясняю?

— Я? Скаф?

Доктор недоверчиво посмотрел на форму Хаяни.

— Разве нет?

— Да. Конечно. До свидания.

Жара. Все кончено. Оживающий город. Узкая каменная улица. Окантованные металлом ветви домов с затемненными нижними окнами. На корточках перед входом в Старое метро сидит босая девушка. Она закрывает лицо ладонями. Проходя мимо, Хаяни ускоряет шаги.

— Ничего, ничего.

Сентаури

Вот Сентаури стоит на шоссе. Запоздало свистит встречный ветер. По шоссе с равными

интервалами проносятся удручающе одинаковые фургоны. Из некоторых окошек глядят лица без выражения.

Вот он в кабине. Но это не фургон, обычный автомобиль. Наверное, сняли оцепление. Человек за рулем глядит только вперед.

— Что молчишь? — спрашивает Сентаури. Человек пожимает плечами.

— Приезжий?

Человек отрицательно мотает головой.

— Не молчи, — просит Сентаури, и человек впервые бросает на него взгляд.

Он местный, коренной сантаресец, собрался уезжать по делам, да тут поиск, нельзя же бросать своих.

— Это конечно, — соглашается Сентаури. — А кого «своих»?

— Мало ли, — говорит человек.

За лесополосой начали мелькать еще редкие дома.

— Мы потому вас ненавидим, — в запальчивости отвечает человек (он очень волнуется), — что работа ваша, хотя и полезная, пусть и необходимая даже, но заключает в себе унизительный парадокс.

— Ах, парадокс! — почему-то взрывается Сен-

таури. — Ну, давай его сюда, свой парадокс! Интересно, интересненько!

— Вы, в массе своей люди ограниченные, хотя и предпочитаете об этом молчать, призваны спасать людей, ограниченных куда меньше, от тех, кто по сравнению с нами не ограничен вовсе, от тех, кто, грубо говоря, всемогущ. Слабые защищают средних от сильных. Парадокс, противоречащий природе.

— Люди вообще противоречат природе!

А потом Сентаури кричит:

— Останови машину!

И опять дорога прогибается под Сентаури, и опять ему кажется, что он не дышит совсем.

— Ну его, весь этот сумасшедший город! Все это неправильно! Все нужно наоборот! Потом, в стеклянной нише у входа в Новое Метро, какие-то пятеро пытаются его избить, и Сентаури с невыразимым наслаждением крушит челюсти.

Сначала его принимают за опоенного, потом — за сумасшедшего и, наконец, за импата. Его все время мучит мелодия-предчувствие, даже во время драки ее стонущий медленный ритм полностью сохраняется.

Откуда ни возьмись, появляются скафы. Ребята все знакомые, из группы Риорты, они тоже узна-

ют его, но лезут как на незнакомого.

— Пиджаки, остолопы! — надрывается он, отмахиваясь оккамом. — Вы хоть волмеры-то свои включите! Ведь я здоровый!

Кто-то, похожий на Дайру, проходит мимо, и Сентаури хватает его за рукав. Рубашка с неожиданной легкостью рвется, и человек убегает, прижимая к лицу прозрачную вуалетку.

Вот Сентаури в каком-то доме с куполообразными потолками, стены увешаны серебряной чеканкой, перед ним — женщина. Ни удивления, ни страха в ее глазах. Одно сочувствие. Это хорошо. Он говорит ей, ты, вечная. Он говорит ей, сколько раз это было, но скафом всегда оставался, никакой привязанности. Он говорил, крушил, радовался, считал — святое дело, да так оно и есть, святое оно, святое, но сколько же можно, разве для людей оно, разве можно в таком гробу жить? Он говорит ей, у тебя, наверное, много родных, а у меня нету. Нету у меня никого. И ему так жалко себя, он говорит, что-то у меня соскочило, и боится, что опять его неправильно понимают, но женщина обнимает его. У женщины длинные волосы, у нее такая нежная кожа, но Сентаури забирает страх, страх привычный, воспитанный чуть не с детства, рефлекс, именно до этого всегда

доходило, и всегда он в таких случаях страшно грубил. И женщина отшатывается, не понимает. Но он уходит только потом, как всегда, сразу после, а женщина остается обиженная и, как всегда, возникает у него брезгливое к себе чувство и, как всегда, он его перебарывает, идет быстрым шагом по улице, оккам чиркает по тротуару, чирк, чирк, и все, к сожалению, на месте, и какой-то лихой мальчонка бежит за ним и корчит рожи и кричит стишки паршивые, которые они всегда кричат ему вслед:

— Вонючий скаф, полезай под шкаф!

И все становится на свои места, и он говорит себе, какого черта, он говорит себе, ну, в самом деле, какого черта, э-э-э, бываеті.

Он пожимает плечами, качает осуждающе головой, неуверенно улыбается и стонет от стыда и презрения к себе. Потом (очень быстро) он оказывается перед домом Дайры и видит, что навстречу идет Хаяни.

Хаяни

У Хаяни болели ноги. Ему хотелось спать. Заснуть он все равно не смог бы, но в голове шипело и слипались глаза. Подступал вечер. Стало свежей, люди высыпали на улицу, они были взбудоражены, громко разговаривали, то и дело встречались плачущие. Как змея, которая останавливается перед брошенной на землю веревкой, Хаяни не мог пересечь пограничные проспекты Треугольного Района — «сумасшедшей» части города, он поворачивал назад, блуждал по изломанным улочкам… То он попадал в Римский Район, район воинственных романцев, из которых вряд ли хотя бы пятая часть действительно имела отношение к итальянскому племени: в основном это были люди, побывавшие у гезихтмакера, изменившие свою внешность, чтобы было где жить; а в Мраморном Районе, где жили люди искусства — продюсеры, наборщики, артматематики, — его обдавало запахом тухлой воды, брызгами бесчисленных фонтанов, люди с мокрыми волосами то отшатывались, то начинали задирать его, но никогда не доводили дело до

прямых оскорблений — форма скафа и злила и отпугивала одновременно.

На музыкальном тротуаре плясали эйджуэйтеры — их было человек десять, одетых в черное, с накрашенными лбами; с кастаньетами в руках они напевали что-то бессмысленное… камень гром пали сюда… и прыгали с плитки на плитку, и получалось ритмично, однако никакой мелодии, только намек на нее и намеренная сбивка.

— Скаф, скаф, иди сюда! Спляшем!

— Скаф, подари автомат!

Где-то впереди послышался сильный удар, затем грохот сыплющихся камней, крики, аплодисменты — это дрались блуждающие дома, редкость в наше время — где-то на улице Вотижару, пойдемте, пойдемте скорее, не так уже много-то их и осталось, этих блуждающих, что-то спокойны последнее время, стоят себе, никуда не рвутся.

Полотна мастеров, испещренные надписями, многие из которых были нецензурные, а остальные — либо плоские шуточки, либо объяснения в любви, — все это, тысячу раз виденное, сейчас раздражало Хаяни, приводило буквально в бешенство.

— Что со мной такое? Я ведь рад, что не зара-

зился, честное слово, рад, — сказал себе Хаяни.

Оглушающий удар совсем рядом, звон стекол, звуки сыплющихся блоков, взрыв восторженных воплей. Хаяни резко прибавил шаг, потом побежал, вклинился в толпу зевак, завопил, еще ничего не видя, но оказалось, что не вовремя. На него удивленно оглянулись.

Дома расходились для очередного удара. Один был основательно покалечен, он угрожающе кренился, у другого был обломан только один угол да еще выбиты стекла. Все пространство вокруг домов было усыпано ломаными блоками и багряно сверкало битым стеклом.

Первый дом начал вдруг раскачиваться, все сильней и сильней. Казалось, вот-вот упадет.

— О! Сейчас подсечка будет! Повезло!

Все так же раскачиваясь, дом ринулся на своего противника. Тот стоял неподвижно и, казалось, ждал.

Движения были замедленны, как в рапидной съемке. Вот они на дистанции схватки, вот атакующий дом размахнулся, а второй, по-прежнему не трогаясь с места, начал разворот, подставляя под удар уже поврежденный угол.

Удар! В самый последний момент второй дом на максимальной скорости пошел навстречу

первому, а первый, наклонясь максимально, коснулся его — раздался скрежет, звон, и второй дом начал вдруг разворачиваться назад, он как бы терся о бок своего противника, давил его, а затем верхняя часть первого дома начала рассыпаться. Толпа взвыла.

Хаяни бесновался вместе со всеми. Ему не нравилось зрелище, но он хохотал, кричал, указывал пальцем, хватал кого-то за плечи, а потом сам не заметил, как снова оказался один.

— Ва-ню-чий скаф, полезай под шкаф! Ва-ню-чий скаф, полезай под шкаф!

Он снова побежал, но теперь у него появилась цель.

Хватит с меня, думал Хаяни, я приду и скажу, ребята, я с вами, не прогоняйте меня, а что обидел, так что ж — свои, как-нибудь разберемся. Я люблю вас, ребята. А Дайра скажет, что скафу любить не положено, что это мешает его работе, но он только скажет, а все равно примет, он ведь понимает, что совсем без близких нельзя, у него ведь и у самого рыльце-то ох как в пуху. А Сентаури ничего не скажет, только буркнет что-нибудь пиджачно-брючное, да бурчи сколько хочешь, я не в претензии, бурчи, дорогой, мы, может, и словом больше с тобой не обмолвимся, если трепа не

считать, только поглядим друг на друга, только рядом станем — чего ж мне больше.

Сентаури

Они остановились друг перед другом и посмотрели друг другу в глаза, и Хаяни протянул руку. Но Сентаури сорвал с плеча автомат и всадил в него очередь, и это было очень больно, и падать ужасно не хотелось, но что поделаешь, а Сентаури отбрасывал автомат, Сентаури тряс руками, Сентаури кричал что-то, и Хаяни сквозь боль подумал, ну какой я пиджак, ну, конечно, я все понял или вот-вот пойму, но не успел ничего понять, а все было так просто, он забыл, что по беглым импатам стреляют, что реакция на появление беглого импата доведена у скафов до рефлекса, потому что при таких встречах важно нанести удар первым; он ничего этого не успел, и Сентаури с перекошенным лицом стоял теперь перед ним на коленях и бормотал, морт, боже мой, морт, почему морт, хоть кто-нибудь, отзовитесь, что же это такое, почему не отвечает никто?

Дайра, Мальбейер, Сентаури, Ниордан

Дайра так никогда и не узнает, что случилось с его мальчишкой на самом деле. Всегда у Дайры будет ощущение, что мальчишка не умер, а убежал, хотя мало к тому будет у него оснований. В каждой странности своей последующей, жизни — в безмолвном телевызове, в неизвестном, который однажды ночью не посмеет войти к нему во двор и, потоптавшись у калитки, торопливо уйдет (а Дайра будет следить за ним из полувыключенного окна музыкальной), в небольшом букете красных цветов (это особенно! Никто из знакомых Дайры никогда не грешил и не будет грешить пристрастием к букетам), анонимно переданным в больницу, где, уже к старости, Дайра будет менять вдруг ставшие хрупкими кости; иногда в совсем уже мелочи, в слове, оброненном невпопад, — везде будет усматривать он присутствие сына.

Память услужливо исказит воспоминание об утреннем разговоре на кухне, переставит ак-

центы, вставит несказанные слова, и все для того только, чтобы всю жизнь мучиться Дайре ненужным вопросом — почему, черт возьми, мальчишке надо было бежать от него, почему не подает он вестей о себе? Дайра никогда не сменит адреса, он снимет с дома замки, а уезжая надолго из дому, будет оставлять сыну записку.

То ему будет казаться, что Мальбейер соврал тогда на летном поле, то, вспоминая его искренние, напуганные глаза, он будет говорить себе, что это был тот самый раз, когда Мальбейер не врал. Время от времени Мальбейер будет приходить к нему в гости, обставляя свои визиты ненужной таинственностью, сидеть и музыкальной, изображать из себя страстного поклонника нарко, но никогда ни словом не обмолвятся они о мальчишке. Дайра будет считать, что Мальбейер молчит из садизма, может быть, неосознанного, а сам никогда о судьбе сына не спросит, хотя и будет готовиться к этому каждый раз, репетировать, примерять различные выражения.

А в тот день он прямо с аэродрома приехал с Ниорданом к себе домой, никто не встретил их, я так и знал, сказал тогда себе Дайра, а Френеми куда-то исчез, и это немного беспокоило Ниордана. Они прошли в музыкальную и сели в кресла

друг против друга, и Дайра подумал, он же настоящий псих, этот самый «самый надежный скаф», псих на сто процентов. Когда стемнело, снаружи раздались крики и выстрелы. Ниордан повернул голову к двери, а немного спустя в музыкальную ворвался Сентаури. Он сказал, я только что убил Хаяни, я думал, он сбежал от них, а он оказался совершенно здоров. У него, мне сказали, иммунитет. Я все-таки прикончил его, вот комедия-то! На этот раз Сентаури совсем не обиделся, что они не отреагировали, ему было не до того — он был занят саморазоблачением, и это выходило у него так скучно, и длилось все это так отвратительно долго, что Дайра сказал ему, ты просто дурак. И опять Сентаури не обиделся.

Появился Мальбейер, а вслед за ним вошел Френеми, но руки у Френеми были связаны, и позади стоял имперский конвой.

Никто не удивился приходу Мальбейера. С его появлением все словно ожили, или, чтобы точнее, гальванизировались. Моментально Дайра ощутил в себе массу информации, которую необходимо было сообщить Мальбейеру: и о смерти Хаяни со всеми известными подробностями, и о том, что Сентаури вовсе не претендовал на высокий пост, и о том, что он вообще собирается

уходить из скафов, и о том, что сына в доме не оказалось, а следовательно, Мальбейер врал, когда говорил, что есть надежда; нужно было особенно сделать упор на разъяснении этого «следовательно»; нужно было также расспросить его, насколько верна информация о том, что все дети на триста пятом идентифицированы, нужно было получить разъяснения по поводу вакансии. Нужно было, плюс ко всему, указать Мальбейеру на дверь. Впрочем, он не ушел бы в любом случае, ему тоже было что сообщить. Все заговорили одновременно, каждый пытался говорить как можно громче, чтобы именно его было слышно, один только Ниордан презрительно молчал, вслушиваясь в лепет предателя Френеми, основного вдохновителя всех раскрытых им когда-либо заговоров..

Дайра сказал Мальбейеру, я не понимаю, зачем вам нужно было, чтобы именно я сбил этот атмосферник, а Мальбейер ответил, что это неправда, что на самом деле он вовсе и не хотел стрельбы, как раз наоборот, он надеялся, что Дайра откажется, и тогда пришлось бы взяться за дело ему самому, грандкапитану гвардии СКАФ. Но у него тоже не получилось бы — проистекло бы огромное количество суеты, ахов, комплиментов и

ломания рук, все в ужасе и отвращении отвернулись бы от него, но атмосферник приземлился бы, и сотни предсудорожных импатов рассыпались бы по людным местам, и началась бы страшная эпидемия, и погибло бы множество народу, и СКАФ значительно укрепил бы свои позиции, и уже никто не посмел бы с нами бороться, пусть даже и был бы наш путь усыпан проклятиями, потому что скафы — это раса, это каста, это качественно отличные от людей существа, более жизнеспособные и, в силу своего аскетизма, с большими, чем у обычных людей, возможностями, это — профессионалы, на что Сентаури с необычным жаром возразил, что профессионал не может быть скафом, что настоящими скафами становятся только пиджаки, а от пиджаков ничего хорошего ждать не приходится, и Мальбейер тонко усмехнулся. Дайра тоже не остался в стороне от дискуссии, он сказал, что скаф — это мертвец с автоматом, только мертвец способен на то, что требуется от скафа, и поэтому раса скафов, если даже она и есть, не имеет будущего. Разумеется, это не относится к институту СКАФ, это образование бюрократическое, долговременное, очень живучее, но никакого отношения к функциям скафов, к их морали оно не имеет.

Мальбейер, сладко покачав головой, ринулся в спор, а в это время Френеми перестал каяться, он уже бросал Ниордану тяжелые, больные слова, и глаза Ниордана щурились еще больше, и лицо его выражало нечеловеческую жестокость. Для Сентаури Мальбейер превратился в двух человек: один ходил между кресел, в которых расположились скафы, страстно жестикулировал и с обычной витиеватостью говорил невероятные вещи, а другой склонился над Сентаури и, упершись ладонями в подлокотники кресла, молча и пристально вглядывался ему в лицо. Это очень мешало.

Потом Ниордан сказал:

— Предатель. Казнить его сейчас же, немедленно. Он хотел ненависти. Пусть он ее получает.

И закрыл руками лицо.

Все смолкли. Мальбейер, который после этих слов почувствовал себя крайне неловко, скроил невинную мину и замолчал наконец-то, сел в ближайшее кресло. Дайра вымученно улыбнулся и сказал:

— И этот тоже против меня. Не думал.

— Я никого не продавал. Неправда, — пробормотал Сентаури. — Я все честно. Это не предательство. Я не из-за вакансии. Я и не знал о ней

ничего. Неправда это. Псих. Что он понимает.

Первый раз за все время Ниордана в глаза назвали сумасшедшим. И ничего не произошло. Он просто не слышал.

Сентаури

— Все мы пиджаки и трупы, — сказал Сентаури, — это Дайра верно подметил. Омертвение. Просто мы трупы.

— Да, — невпопад согласился Дайра. — Для него все очень быстро случилось. Неожиданный взрыв, боль, падение, всего несколько метров, не больше. Смерть. Почти наверняка мгновенная смерть, — (Ниордан вдруг встал) — Таким как мы, самое милое дело — самоубийство. Мы не люди. Они не могут принять нас. И мы правы, и они правы.

Ниордан

— Я остался один, — задумчиво сказал Ниордан. Он оглядывал всех ищущими глазами, рассчитывая привлечь к себе всеобщее внимание. — Только вы. Моя корона, моя мантия — все это теперь игрушки, не больше. Никогда не вернуться мне к своему народу.

Фигура Ниордана была непререкаемо царственна. Он стоял, держась за спинку кресла, устремив задумчивый взгляд сквозь Мальбейера, и что-то бормотал себе под нос; глаза его горели.

— Только что я потерял друга, неважно, что он был плох. Он не понял меня. Или я не понял его. Но только он, он один связывал меня с моим народом. Я вынужден был разорвать эту связь. Теперь я просто скаф.

Говорил он возвышенно и нелепо, однако пластика его тела уничтожала всякую мысль о том, что можно над его словами посмеяться или просто не принять их всерьез.

Он сорвался вдруг с места, кошачьей походкой подлетел к полке с записями (Дайра был обладателем великолепной коллекции нарко),

пробежался по ним пальцами, отобрал, почти суетясь, пять белых кассет и одну кремовую (белые кассеты хранили в себе записи нарко, а кремовым цветом отмечались преднарковые мелодии). Вихрь с точно выверенными движениями, он уже в следующую секунду вставлял кремовую кассету в магнитофон, такой же, как у Мальбейера (да-да!). Закрыв глаза, он возложил на панель пальцы правой руки.

Музыкальная преобразилась. Из центра пола забил, заискрился разноцветными красками фонтан-тоноароматик. Стены комнаты оголились. Исчезли картины, зеркало, пропал даже след резной пластиковой двери. Все еще находясь в напряжении, слушатели судорожно вдохнули манящий знакомый аромат. Предвкушение радости, отдыха, о, как все забывается, даже больно, как все забывается. По стенам пробежали причудливые серые тени, где-то вдалеке заиграла флейта, чуть слышно, дразняще… странный мерцающий свет залил комнату, лица изменились, чуть пообмякли; незнакомые, ждущие, широко раскрытые глаза Ниордана, исподлобья — Мальбейера, Сентаури выпятил губы, Дайра… нет, Дайра остался тем же. Сведенные пальцы мнут подлокотник, челюсть вперед, спина прямая, только глаза чуть

успокоились. И неожиданно, хлыстом, кипятком — атака оркестра тутти! Фонтан взлетел до потолка, осыпал все шипящими, быстро испаряющимися каплями, какофония запахов, ярко вспыхнувшие экраны-стены… предутренняя площадь пустая, без единого человека, яркое небо. Ниордан вытянул вперед руки, и фонтан опал. Тогда он наклонился вперед, растопырил пальцы и на цыпочках, плавно побежал к тому месту, где только что был ароматик.

Ниордан до самозабвения любил танцевать. Из-за этой страсти он куда больше, чем нарко, под которую нельзя танцевать, любил преднарковую музыку. Даже просто сидя и слушая преднарко, он переживал воображаемый танец: запрокидывал голову, вздыхал, жмурил в сладкой муке глаза, трогал быстрыми пальцами то лицо, то колени — меньше всего в эти минуты он напоминал сумасшедшего.

В этот раз Ниордан танцевал «оливу», один из самых старинных мьют-романских танцев. Прелесть оливы, особенно в исполнении Ниордана, заключалась в том, что при внешней скупости движений (дерево под ветром) в ней скрывалось такое море чувств, что просто удивительно было, как это Ниордан не переигрывает. В этот раз та-

нец почему-то не получался. Ниордан, как всегда, был чрезвычайно пластичен, руки его, ветви оливы, словно нежной корой обросли, тело, ноги — каждое движение было прекрасно, а вот лицо подводило. Жестокость нарушала гармонию. Его быстрые, резкие, почти незаметные движения, точно в такт, уже не составляли того целого, которое отличает искусных пред-наркотанцоров — чувствовался диссонанс.

Музыка менялась. Она становилась то спокойной, то резкой, и Ниордан четко отслеживал смены ритма. Потом, очень себе удивляясь, встал с места Дайра, подошел, нарочито неловко, к танцору, обнял его за плечи и, мотая головой, стал переступать ногами в такт музыке. Я не понимаю себя, подумал Дайра. Еще меньше он стал понимать, когда к ним присоединился Сентаури — каменное выражение лица, совершеннейший неумеха, презиравший танцы, эту маленькую радость истинных пиджаков, терпящий танцы только ради компании. А когда, с виноватой улыбкой, вдруг поднялся со своего кресла Мальбейер, когда он подошел к ним, пытаясь приноровиться к несложному ритму, пытаясь, явно пытаясь не выглядеть чересчур смешным, когда он обхватил руками плечи Сентаури и Ниордана, когда он

тем самым замкнул кольцо и уже полностью испортил оливу, тогда Дайра перестал удивляться, перестал ждать известий о своем сыне и полностью подчинился музыке.

Они ступали неуклюже и тяжело, один Ниордан был, как всегда, неповторимо изящен. Он танцевал уже не оливу, он подражал своим друзьям, он тоже обнял их за плечи, его ноги тоже стали пудовыми, но все-таки это был настоящий танец, произведение искусства. Объятья крепли, из-под тяжелых век упорно глядели четыре пары воспаленных, бессонных глаз… враскачку, враскачку… синхронно и не совсем в такт… да разве до такта им было? Их танец лишен был даже намека на радость, на хотя бы самое мрачное удовлетворение, их танец был тяжелой работой, приносящей тоску, убивающей самые смутные надежды. А музыка становилась все веселее, это непременная тема преднарко, потом, ближе к концу, придет в эту музыку горечь, а сейчас на экране бежала стайка ярко одетых девушек; каждая из них выполняла свою собственную серию сложных фигур, которые поддавались расшифровке только на самом высоком профессиональном хореографическом уровне, но это, несомненно, был радостный танец. Иллюзия присутствия бы-

ла полной, и она только усиливала печаль — тот мир, тот танец, та радость были недосягаемы.

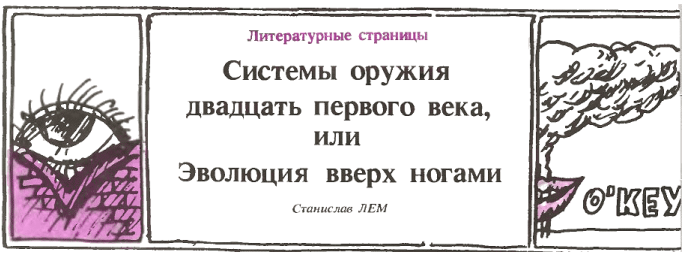
Мертвые витали над скафами. Убитые сегодня, вчера, во все времена, они давили на танцующих неумело мужчин, так давили, что даже Мальбейер чувствовал их присутствие. Нет, никто из них, конечно, не верил в духов, им не вспоминался, конечно, каждый леталис во время захвата, просто все разговоры, все горести этого дня вдруг всплыли одновременно в их памяти, спаялись в однородную массу из боли, страха, ожидания, ненависти, любви-лицо Томеша Кинстера на экранах аэропорта, невнятное бормотание диспетчера, толпы возбужденных людей, старик, посылающий вдогонку проклятия, раскаленные тротуары, крики, больные, непонятные разговоры, оскал Сентаури, масляные злые глазенки Френеми, Баррон, спящий в углу дежурки, мертвая летящая старуха с растопыренными локтями, улыбка Маль-бейера, теплые капли пота, надписи на картинах…

Дайра заметил, что вот уже несколько минут он не отводит взгляда от одной из танцующих девушек. Он пригляделся к ней внимательнее. Лицо ее было чем-то знакомо, просто родное лицо, хотя Дайра мог бы поклясться, что нико-

гда прежде ее не видел, разве что запомнил по музыкальным вечерам, а это было не очень-то правдоподобно, потому что Дайра никогда не обращал особенного внимания на экраны: его всегда интересовала одна только музыка. И ему захотелось в этот момент, чтобы девушка была с ним (так захотелось, что он поморщился), — он бы ей все рассказал, все, ничего не скрывая ни от других, ни даже от себя самого, и не очень-то важным казалось ему то, что она, пожалуй, и не поймет ничего, просто чтобы рядом была. Мысль, конечно, дикая, несуразная, детская, было в этом мире четыре скафа, а больше никого нигде не было. Дайра горько усмехнулся и подмигнул девушке, и, к невероятному своему удивлению, увидел, что она в ответ подмигнула тоже, и улыбнулась, и помахала ему рукой.

Станислав Лем

Системы оружия двадцать первого века, или Эволюция вверх ногами



~~Журнальный~~ ~~вариант~~ Полный текст

I

Получив — как именно, я говорить не вправе, — доступ к сочинениям по военной истории XXI века, я прежде всего задумался, как бы получше скрыть полученные таким образом сведения. Это было для меня важнее всего, ведь я понимал, что тот, кто знает эту историю, подобен беззащитному открывателю клада; вместе с кладом он запросто может лишиться и жизни. Я знал, что эти факты известны мне одному — благодаря

книгам, которые одолжил мне на короткое время доктор Р. Г. и которые я вернул ему незадолго до его безвременной смерти. Я знаю, он сжег их и тем самым унес свою тайну в могилу.

Самым простым выходом мне казалось молчание. Храня молчание, я мог ничего не бояться. Но мне было жаль множества столь удивительных сведений, связанных с политической историей будущего столетия и открывающих совершенно новые горизонты во всех областях человеческой жизни. Взять хотя бы поразительный, никем не предсказанный поворот в области искусственного интеллекта (AI — Artificial Intelligence), интеллекта, который стал могущественнейшей силой как раз потому, что не стал интеллектом, то есть разумом, воплощенным в машинах. Храня молчание ради собственной безопасности, я лишил бы всех остальных людей выгод, проистекающих из этого знания.

Потом мне пришло в голову точно записать содержание этих томов, как я его запомнил, и сдать рукопись на хранение в банк. Записать все, что удалось запомнить из прочитанного, следовало непременно, иначе со временем я забыл бы множество данных, касающихся столь обширной темы. В случае необходимости я мог бы посещать

банк, делать на месте выписки и снова запирать манускрипт в бронированный сейф. Это, однако, было небезопасно. Прежде всего кто-нибудь мог подсмотреть меня за этим занятием. А потом в наше время никакие банковские сокровищницы и тайники не гарантируют на сто процентов от взлома. Даже не самый смышленый вор рано или поздно сообразил бы, какой удивительный документ оказался его добычей. И даже если он выбросит или уничтожит мои бумаги, я никогда не узнаю об этом и буду всю жизнь бояться, что связь моей особы с историей XXI века выйдет на свет.

Итак, дилемма выглядела следующим образом: скрыть мою тайну навеки и в то же время свободно ею пользоваться. Спрятать ее от всех, но не от самого себя. После долгих размышлений я понял, что сделать это вовсе не трудно. Безопаснейший способ скрыть необычайную идею, истинную в каждом слове и в каждой подробности, — это опубликовать ее под видом научной фантастики. Как бриллиант, брошенный в груду битого стекла, становится невидимым, так и самое подлинное откровение, перемешанное с бреднями НФ, уподобляется им и тем самым перестает быть опасным. Не будучи, однако, в силах избавить-

ся от своих опасений сразу, я приоткрыл лишь краешек тайны, написав в 1967 году фантастический роман «Глас господа» (Die Stimme des Herrn, Insel Verlag и Volk und Welt Verlag; His Masters Voise, Brace Harcourt Yovanovich). На странице 125, третья строка сверху, читаем: «The ruling doctrine was the «indirect economic attrition[19]», а чуть ниже та же доктрина выражена афоризмом: «Пока толстый похудеет, худой околеет» («The thin starves before the fat loses weight»; в немецком издании: «Bevor der Dicke mager wird, ist der Magere krepierb).

Доктрина эта, в явном виде сформулированная в США после 1980 года, то есть через 13 лет после первого издания «Гласа господа», получила несколько иное название (в печати ФРГ, например, она выражалась в виде краткого лозунга «Der Gegner totrusten»[20]). Убедившись — а времени после выхода книги прошло как-никак

---

[19] Примечания: 19

Господствующей доктриной была доктрина «косвенного экономического истощения».

(В русском переводе, опубликованном в 1971 году под названием «Голос Неба», это место опущено, как и вообще почти все, что говорится в романе о перспективах гонки вооружений. Опущенный фрагмент напечатан в журн.: Сов. библиография. 1988. № 4. С. 49–50. — *Примеч. пер.*)

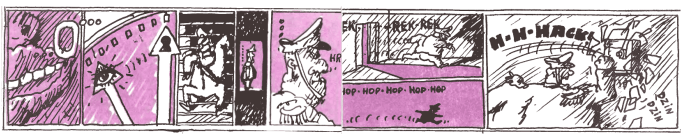
[20] Примечания: 20

Уморить противника гонкой вооружений *(нем.)*.

достаточно, — что и вправду никто не заметил совпадения моего «фантазирования» с позднейшим ходом политических дел, я осмелел. Мне стало ясно, что, пряча истину между сказок, я необычайно успешно использую защитные цвета литературы; с их помощью даже об ЭТОМ я могу говорить совершенно спокойно. Можно даже признаться, что говоришь чистую правду, хотя и замаскированную — ведь все равно никто тебе не поверит. А значит, нет лучше способа скрыть совершенно тайную информацию, чем ее публикация массовым тиражом.

Итак, обеспечив сохранение своей тайны ее разоблачением, я спокойно могу приступить к более полному ее изложению. Я ограничусь при этом изданным в начале XXII столетия трудом «Weapon Systems of the Twenty-First Century or the Upside — down Evolution». Я даже мог бы назвать его авторов (ни один из которых еще не родился), но вряд ли в этом есть какой-либо смысл. Книга «Системы оружия XXI века, или Эволюция вверх ногами» состоит из трех томов. В первом повествуется об истории вооружений после 1944 года, во втором показано, как гонка ядерных вооружений привела к обезлюживанию военного дела, перенеся производство оружия из промышлен-

ных предприятий непосредственно на театры военных действий, а в третьем — какое влияние оказал этот величайший в военном деле переворот на дальнейшую историю человечества.



II

Вскоре после атомного уничтожения Хиросимы и Нагасаки американские ученые основали ежемесячник «BULLETIN OF THE ATOMIC SCIENTIST»[21] и на его обложке поместили изоб-

[21] Примечания: 21
«Бюллетень ученых-атомщиков».

ражение часов, стрелки которых показывали без десяти двенадцать. Шесть лет спустя после первых успешных испытаний водородной бомбы они перевели стрелку на пять минут вперед, а когда и Советский Союз стал обладателем термоядерного оружия, минутная стрелка приблизилась к двенадцати еще на три минуты. Ее следующее передвижение должно было означать гибель цивилизации в соответствии с провозглашенной «Бюллетенем» доктриной: «ONE WORLD OR NONE».[22] Считалось, что мир либо объединится и уцелеет, либо неизбежно погибнет.

Ни один из ученых, прозванных «отцами бомбы», не предполагал, что, несмотря на нарастание ядерных арсеналов по обе стороны океана, несмотря на размещение все больших зарядов плутония и трития во все более точных баллистических ракетах, мир, хотя и нарушаемый «обычными» региональными конфликтами, просуществует до конца столетия. Ядерное оружие внесло поправку в известное определение Клаузевица («война есть продолжение политики другими средствами») — нападение заменила угроза нападения. Так родилась на свет доктри-

[22] Примечания: 22
«Один мир или никакого» *(англ.)*.

на симметричного устрашения, впоследствии названная просто «равновесием страха». Эту доктрину различные американские администрации выражали при помощи разных аббревиатур. Например, MAD (Mutual Assured Destruction — взаимное гарантированное уничтожение), доктрина, которая основывалась на так называемой Second Strike Capability — способности нанесения ответного удара подвергшейся нападению стороной. На протяжении десятков лет словарь уничтожения пополнился новыми терминами. В него вошли такие понятия, как All out Strategic Exchange, то есть неограниченный обмен ядерными ударами; ICM (Improved Capability Missile[23]); MITRV (Multiple Independently Targeted Reentry Vehicle[24]), то есть ракета, выстреливающая одновременно несколькими боеголовками, каждая из которых направляется к своей заранее намеченной цели; PENAID (Penetration Aids[25]), то есть отвлекающие устройства в виде ложных

[23] Примечания: 23

Ракета повышенной эффективности *(англ.)*.

[24] Примечания: 24

Разделяющаяся головная часть с индивидуальным наведением боевых элементов на цели *(англ.)*.

[25] Примечания: 25

Средство обеспечения прорыва *(англ.)*.

ракет-приманок или боеголовок, ослепляющих радары противника; WALOPT (Weapons Allocation and desired Ground — Zero Optimizer[26]); MARV (Maneuvrable Reentry Vehicle[27]), то есть ракета, способная самостоятельно обходить противоракеты обороны и попадать в цель с точностью до 20 метров от намеченной «нулевой точки», и т. д.

К числу ключевых понятий относилось время обнаружения баллистической атаки, зависевшее, в свою очередь, от способности распознания этой атаки; но я не смог бы привести здесь и сотой доли появлявшихся один за другим терминов и их значений.

Хотя угроза атомной войны возрастала, когда равновесие сил нарушалось, и потому, казалось бы, в интересах антагонистов было как раз скрупулезное соблюдение этого равновесия (всего надежнее путем многостороннего контроля), подобный контроль, несмотря на возобновляемые раз за разом переговоры, установить не удалось.

Причин тому было много. Авторы «Систем оружия...» делят эти причины на две группы. К первой они относят навыки традиционного мыш-

---

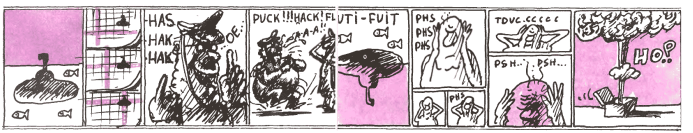
[26] Примечания: 26
Система оптимального распределения оружия по целям *(англ.)*.

[27] Примечания: 27
Маневрирующая головная часть *(англ.)*.

ления в международной политике. Согласно этой традиции, следует призывать к миру и готовиться к войне, подрывая тем самым существующее равновесие сил вплоть до получения перевеса. Вторую группу причин составляли факторы, не зависевшие от образа мыслей людей в политической или какой-либо иной области. Речь идет о тенденциях развития основных технологий, используемых в военном деле. Любая возможность усовершенствования оружия осуществлялась на практике в соответствии с принципом: «если этого не сделаем мы — сделают они». Одновременно доктрина ядерной войны претерпевала различные изменения. То она предполагала ограниченный обмен ядерными ударами (хотя никто не знал, что, собственно, могло стать надежной гарантией их ограничения), то ставила целью полное уничтожение противника (и тогда все его население как бы превращалось в заложников), а то предусматривала уничтожение его военно-промышленного потенциала прежде всего.

Извечное правило эволюции вооружений, правило «щита и меча», все еще сохраняло свою силу. «Щитом» было все более прочное бронирование бункеров, в которых укрывались баллистические, ракеты, а «мечом», долженствующим

пробить этот щит, — возрастающая точность попадания боеголовок, а затем наделение их способностью к автономному маневрированию и самонаведению на цель. Что касается атомных подлодок, то здесь «щитом» был океан, а «мечом» — совершенствование способов их обнаружения в морских глубинах.



Технический прогресс в области средств обороны вывел электронные глаза разведки на околоземные орбиты, создав тем самым возможность далекого, глобального слежения; запущенная ракета могла быть обнаружена уже в момент старта, и это снова был щит, пробить который предстояло новому типу «меча», в виде искусственных спутников, прозванных Killers.[28]

---

[28] Примечания: 28
Убийцы *(англ.)*.

Они ослепляли «глаза обороны» лазером или уничтожали ядерные ракеты на стадии их полета в надатмосферном вакууме мгновенной лазерной вспышкой огромной мощности.

Но сотни миллиардов, потраченные на возведение все новых ярусов противоборства, не могли обеспечить совершенно надежного и потому особенно ценного стратегического перевеса по двум различным, почти не зависящим друг от друга причинам.

Во-первых, все эти усовершенствования и нововведения, вместо того чтобы увеличивать стратегическую надежность — как в нападении, так и в обороне, уменьшали ее. Они уменьшали ее потому, что глобальная система вооружений каждой из сверхдержав становилась все более сложной; она состояла из множества разнообразнейших подсистем на суше, в океане, воздухе и космическом пространстве. Эффективность этих систем зависела от их суммарной надежности, гарантирующей оптимальную синхронизацию смертоносных действий. Между тем всем системам высокой сложности — промышленным и военным, биологическим и техническим, перерабатывающим информацию и перерабатывающим материю — свойственна вероятность сбоя,

тем большая, чем больше количество элементов, составляющих систему. Научно-технический прогресс был чреват парадоксом особого рода: чем более совершенные порождал он виды оружия, тем в большей степени эффективность их применения зависела от случайности, не поддающейся точному расчету.

Этот фундаментальной важности вопрос следует рассмотреть подробнее, ибо ученые очень долго не могли вероятностный характер функционирования сложных систем положить в основу любой технической деятельности. Чтобы исключить аварии подобных систем, инженеры закладывали в них запас прочности и предусматривали функциональные резервы: например, резерв мощности или — при создании первых американских «космических челноков» («Колумбия») — применяли дублирующие устройства, иногда даже четыре сразу; и в первых «космических челноках» имелось по меньшей мере четыре главных компьютера, чтобы авария одного из них не повлекла за собой катастрофу. Полная безаварийность недостижима. Если система состоит из миллиона элементов и каждый из них может отказать лишь один раз на миллион, причем надежность целого зависит

от надежности всех элементов, то в такой системе авария случится наверняка. Между тем организмы животных и растения состоят из миллиардов функциональных частей, тем не менее их неизбежная ненадежность не становится помехой жизни. Почему? Специалисты назвали этот способ конструированием надежных систем из ненадежных частей. Биологическая эволюция борется с аварийностью организмов при помощи множества приемов. Назовем хотя бы некоторые из них: способность к самоисправлению, или регенерация; дублирование органов (вот почему у нас две почки, а не одна; вот почему наполовину разрушенная печень продолжает функционировать в качестве главного химического преобразователя организма; вот почему в системе кровоснабжения столько запасных путей для крови в виде параллельных вен и артерий); наконец, рассредоточение органов, управляющих соматическими и психическими процессами. Последнее обстоятельство доставило немало хлопот исследователям мозга, которые не могли взять в толк, каким это образом даже тяжело поврежденный мозг способен по-прежнему функционировать, между тем как совсем незначительно поврежденный компьютер отка-

зывается повиноваться программам.

Одно лишь дублирование управляющих центров и элементов, присущее инженерии XX века, вело к абсурду в конструировании: если автоматический космический корабль, посланный к далекой планете, создавать по этому принципу, то есть дублировать управляющие им компьютеры, то ввиду огромной продолжительности полета его следовало бы снабдить уже не четырьмя или пятью, но пятьюдесятью компьютерами, действующими уже не по законам «линейной логики», но по законам «демократического голосования». То есть если бы отдельные компьютеры перестали действовать единообразно и результаты их вычислений разошлись бы, то правильными следовало бы признать результаты, к которым пришло большинство. Следствием подобного «инженерного парламентаризма» было бы конструирование гигантов, наделенных всеми изъянами парламентской демократии, такими, как взаимоисключающие точки зрения, проекты, планы и действия. Инженер назвал бы демократический плюрализм, встроенный в систему, ее гибкостью, которая все же должна иметь границы. А значит, решили конструкторы XXI века, следовало гораздо раньше пойти

на выучку к биологической эволюции, ведь миллиардолетний возраст ее творений — свидетельство оптимальной Инженерной стратегии. Живой организм управляется не по принципу «тоталитарного централизма» и не по принципу «демократического плюрализма», но посредством стратегии гораздо более изощренной; сильно упрощая проблему, эту стратегию можно назвать компромиссом между сосредоточением и рассредоточением регулирующих центров.

Между тем на поздних стадиях гонки вооружений XX века роль не поддающихся расчету случайностей непрерывно росла. Там, где поражение от победы отделяют часы (или дни) и километры (или сотни километров), а любая ошибка командования может быть исправлена переброской резервов, умелым отступлением или контратакой, роль случая можно с успехом свести к минимуму.

Но там, где успех боевых операций зависит от микромиллиметров и наносекунд, на сцену, подобно новому богу войны, предрешающему победу или разгром, выходит случайность в чистом и как бы увеличенном виде, случайность, пришедшая к нам из микромира, из области физики атома. Ведь самые быстрые и самые совершен-

ные системы наталкиваются в конце концов на принцип неопределенности Гейзенберга (Unscharferelation), обойти который не в состоянии никто и никогда, ибо это фундаментальное свойство материи в любой точке Вселенной. Тут не нужна даже авария компьютеров, управляющих спутниками-шпионами или нацеливающих мощные лазерные системы защиты на ядерные боеголовки ракет. Достаточно, чтобы серии электронных импульсов системы защиты разминулись с сериями подобных импульсов систем атаки хотя бы на миллиардную долю секунды — и исход Последней Схватки будет решен по принципу лотереи.

Так и не уяснив себе этого должным образом, крупнейшие антагонисты планеты выработали две противоположные стратегии; образно их можно назвать стратегией точности и стратегией молота. Молотом было постоянное наращивание мощности ядерных зарядов, а хирургической точностью — их безошибочное обнаружение и немедленное уничтожение в фазе полета. Наконец, случайности противопоставлялось «возмездие мертвой руки»: противник должен был знать, что погибнет, даже если он победит, ибо уничтоженное целиком государство ответит

автоматическим посмертным ударом и катастрофа станет глобальной. Таково, во всяком случае, было главное направление гонки вооружений, ее устрашавшая всех, однако же неизбежная равнодействующая.

Что делает инженер для сведения к минимуму последствий случайной ошибки в очень большой и очень сложной системе? Многократно испытывает ее в действии и ищет в ней слабые места, где сбой наиболее вероятен. Но систему, какой стала бы Земля, охваченная ядерной войной с применением наземных, подводных, авиационных, спутниковых ракет и противоракет, управляемых многократно дублированными центрами командования и связи, систему, образуемую все новыми волнами обоюдных ударов с земли, с океанов, из космоса, — такую сверхсистему сил разрушения, схватившихся не на жизнь, а на смерть, испытать невозможно. Никакие маневры, никакие имитации на компьютерах не воссоздадут действительных условий подобной битвы планетарных масштабов.

Появляющиеся одна за другой новые системы оружия характеризовались возрастающим, быстродействием, начиная с принятия решений (атаковать или не атаковать, где, каким образом,

с какой степенью риска, какие силы оставить в резерве и т. д.); и именно это возрастающее быстродействие снова вводило в игру фактор случайности, который принципиально не поддается расчету. Это можно выразить так: системы неслыханно быстрые ошибаются неслыханно быстро. Там, где спасение или гибель обширных территорий, больших городов, промышленных комплексов или крупных эскадр зависит от долей секунды, обеспечить военно-стратегическую надежность невозможно или, если угодно, победа уже неотличима от поражения. Словом, гонка вооружений вела к «пирровой ситуации».

В прежних сражениях, где рыцари бились верхом и в латах, а пехота схватывалась врукопашную, на долю случая выпадало, жить или умереть отдельным бойцам и военным отрядам. Но могущественная электроника, воплощенная в логике компьютеров, повысила случай в звании, и теперь он решал уже вопрос жизни и смерти целых народов и армий.

Во-вторых — и это был еще один, вполне самостоятельный фактор, — проекты новых, более совершенных типов оружия появлялись так быстро, что промышленность не успевала запускать их в серийное производство. Системы

командования, наведения на цель, маскировки, поддержания и подавления связи, а также «обычные» виды оружия (определение, по сути анахроничное и вводящее в заблуждение) устаревали, не успев поступить на вооружение.

Поэтому в восьмидесятые годы все чаще приходилось останавливать уже начатое серийное производство новых истребителей и бомбардировщиков, cruise missiles,[29] противопротиворакет, спутников слежения и атакующих спутников, подлодок, лазерных бомб, сонаров и радаров. Поэтому приходилось отказываться от уже разработанных образцов, поэтому такие жаркие политические споры вызывали очередные программы перевооружения, требовавшие огромных денег и огромных усилий. Мало того, что любое нововведение обходилось гораздо дороже предыдущего, но вдобавок многие из них приходилось списывать в расход на стадии освоения, и этот процесс прогрессировал неумолимо. Похоже было на то, что всего важней не военно-техническая мысль сама по себе, но темпы ее промышленного освоения. Явление это обозначилось к исходу XX века как новый, очередной

---

[29] Примечания: 29
Крылатых ракет *(англ.)*.

парадокс гонки вооружений, и единственным действенным средством устранить его фатальное влияние на фактическую военную мощь казалось планирование вооружений уже не на восемь — двенадцать лет вперед, но на четверть столетия, что было, однако, явной невозможностью, поскольку пришлось бы предвидеть открытия и изобретения, о которых даже самый выдающийся эксперт не имел ни малейшего понятия.

К концу столетия появилась концепция нового оружия, которое не было ни ядерной бомбой, ни лазерной пушкой, но как бы гибридом того и другого. Доселе были известны атомные бомбы, действовавшие по принципу расщепления атома (урановые и плутониевые) или же ядерного синтеза (термоядерные и водородно-плутониевые). Такая «прабомба» обрушивала на все окружающее полную мощность дефекта массы внутриядерных связей в виде всех существующих видов излучения: от рентгеновского и гамма-излучения до теплового вместе с лавинами корпускулярных остатков ядерного заряда, живущих особенно долго и потому особенно долго оказывающих свое смертоносное воздействие. Огненный пузырь, раскаленный до миллионов градусов, эмитировал энергию всех участков

спектра и все виды элементарных частиц. Как кто-то сказал, «материю рвало всем ее содержимым». С точки зрения военного дела это было расточительством: ведь в «нулевой точке» любой объект превращался в раскаленную плазму, в газ, в лишенные электронной оболочки атомы. В месте взрыва испарялись камни, металл, дерево, мосты, дома, люди, и все это вместе с песком и бетоном выбрасывал в стратосферу взметнувшийся кверху огненный гриб. Положение исправили трансформируемые бомбы (Umformerbomben). Такая бомба эмитировала лишь то, что требовалось стратегам в данный момент. Если это было жесткое излучение, то бомба (называемая «чистой») убивала прежде всего все живое, а в случае теплового по преимуществу излучения на сотни квадратных миль обрушивалась огненная буря.

Лазерная бомба, собственно, не была бомбой, но огнеметом разового пользования, так как основная часть ее излучения фокусировалась в огненном луче, способном (например, с высокой околоземной орбиты) испепелить город, ракетную базу, или другую стратегически важную цель, или же, наконец, спутниковую оборону противника. Луч, который выбрасывала такая псевдобомба, обращал в пылающие обломки и

ее саму. Мы, однако, уже не будем заниматься этими достижениями военно-технической мысли, поскольку вопреки господствовавшим тогда воззрениям они знаменовали собой не начало дальнейшей эскалации в том же направлении, но начало ее конца.

Стоит зато взглянуть на атомные арсеналы XX века в исторической перспективе. Уже в семидесятые годы их содержимого хватило бы для многократного уничтожения всего населения планеты, если подсчитать количество смертоносной мощи, приходящейся на каждого жителя Земли. Это положение дел, так называемый overkill, было достаточно хорошо известно, тем более специалистам. Итак, сокрушительная мощь имелась в избытке и все усилия экспертов направлялись на то, чтобы быть в состоянии нанести возможно более чувствительный превентивный или ответный удар по военному потенциалу противника, охраняя в то же время собственный потенциал. Защита гражданского населения считалась делом важным, однако не первостепенным.

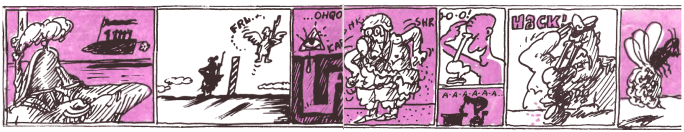
В начале пятидесятых годов «Бюллетень ученых-атомщиков» провел дискуссию о возможностях защиты гражданского населения в случае ядерного конфликта; в ней приняли участие и физики — «отцы бомбы», такие, как Бете и Сцилард. В качестве реалистического решения были предложены рассредоточение городов и строительство огромных подземных убежищ. Стоимость первой очереди такого строительства Бете оценивал примерно в 20 миллиардов долларов, но социальные, психологические, цивилизационные издержки проекта не поддавались оценке. Впрочем, вскоре стало ясно, что переход к «новой пещерной эпохе», будь он даже осуществлен, не гарантирует выживания населения, потому что гонка в области создания все более мощных бомб и все более точных ракет продолжалась. Эта идея лишь послужила источником кошмарных картин, нередких в тогдашней научной фантастике;

в них изображалось, как остатки выродившегося человечества прозябают в бетонных многоярусных норах под развалинами сожженных городов. Самозванные футурологи (других, собственно, никогда и не было) состязались в мрачных пророчествах, экстраполирующих уже существующие ядерные арсеналы в еще более кошмарное будущее; среди тех, кто особенно прославился подобными домыслами, был Герман Кан, автор «Thinking about the Unthinkable»,[30] сочинения о термоядерной войне. Еще он выдумал «машину конца света» (Weltuntergangsmaschine) в виде колоссальной ядерной бомбы в бронированной кобальтовой оболочке, которую государство может закопать на своей территории, дабы шантажировать остальной мир угрозой «глобального самоубийства». Но никто не представлял себе, каким образом в условиях существования политических антагонизмов эпохе атомного оружия может быть положен конец, который не означал бы ни окончательного всепланетного мира, ни всепланетного уничтожения.

---

[30] Примечания: 30

«Размышлений о немыслимом» *(англ.)*.



В самом начале XXI века физики-теоретики рассматривали проблему, от решения которой зависело, по-видимому, быть или не быть нашей планете, а именно является ли критическая масса (то есть масса, в которой однажды начавшаяся цепная реакция ведет к ядерному взрыву) таких делящихся изотопов, как уран-235 или плутоний-239, безусловно постоянной величиной. Ведь возможность влиять на размеры критической массы, да к тому же на расстоянии была бы равнозначна возможности обезвреживать ядерные заряды противника. Как выяснилось (кстати, в общих чертах это было известно уже физикам XX века), критическая масса может меняться, то есть существуют физические условия, при которых критическая масса перестает быть таковой, а значит, и не взрывается, но энергия, которую

необходимо затратить на создание подобных условий, намного превышает совокупную мощность всех ядерных арсеналов мира. Попытки обезвредить атомное оружие подобным способом потерпели фиаско.

III

В восьмидесятые годы XX века появились новые типы ракетных снарядов; их называли обычно FiF (Fire and Forget[31]). Такой снаряд управлялся микрокомпьютером, который, будучи должным образом запрограммирован, сам искал себе цель. После запуска о нем, следовательно, можно было в буквальном смысле слова забыть. Тогда же народился на свет «обезлюженный» шпионаж, сначала подводный. Сообразительная морская мина, снабженная датчиками и памятью, была способна запечатлеть в своей памяти движение проплывающих над ней кораблей, отличать торговые суда от военных, определять их тоннаж, а

[31] Примечания: 31
Выстрели и забудь *(англ.)*.

потом передавать эти сведения шифром куда положено. Для этих устройств придумали еще одну звучную аббревиатуру — LOD (Let Others Do it[32]).

Боевой дух населения, особенно в «государствах благосостояния», испарился как камфора. Такие почтенные стародавние лозунги, как «dulce et decorum est pro patria mori»,[33] молодые призывники считали полным идиотизмом. В то же время новые поколения вооружений дорожали в геометрической прогрессии. Самолет времен первой мировой войны, состоявший главным образом из полотна, деревянных реек, фортепьянной проволоки и нескольких пулеметов, стоил вместе с посадочными колесами не дороже хорошего автомобиля. Самолет эпохи второй мировой войны по стоимости равнялся уже тридцати автомобилям, а к концу столетия стоимость ракетного истребителя-перехватчика или малозаметного для радара «крадущегося» бомбардировщика типа «Stealth» достигла сотен миллионов долларов. Проектировавшиеся на 2000 год ракетные истребители должны были стоить миллиард долларов каждый. Если бы так продолжалось

[32] Примечания: 32
Пусть это сделают за тебя *(англ.)*.

[33] Примечания: 33
Почетно и сладко умереть за отечество *(лат.)*.

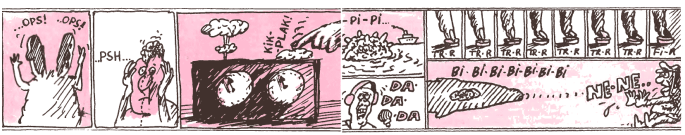
и дальше, то лет через восемьдесят каждая из сверхдержав могла бы позволить себе не больше 20–25 самолетов. Танки были немногим дешевле. А атомный авианосец, беззащитный перед одной-единственной суперракетой типа FiF (над целью она распадалась на целый веер боеголовок, каждая из которых поражала один из нервных узлов этой морской громады), хотя и был, собственно, чем-то вроде бронтозавра под артиллерийским огнем, стоил многие миллиарды.

Но в то же самое время на смену вычислительным элементам компьютеров, так называемым chips[34] (их вытравливали на тонких, как пленка, пластинках из кремния), пришли новейшие достижения генной инженерии. Например, Silicobacter Wieneri, названный так в честь создателя кибернетики Норберта Винера, будучи помещен в особый раствор из солей кремния, серебра и хранившихся в тайне добавок, вырабатывал интегральные схемы меньше мушиных яиц. Их называли corn (зерно); и в самом деле, пригоршня таких элементов всего через четыре года после начала массового производства стоила не дороже горсточки проса. Пересечение двух

---

[34] Примечания: 34
Нарезанный соломкой жареный картофель *(англ.)*.

этих кривых — кривой роста стоимости тяжелого вооружения и кривой снижения стоимости искусственного интеллекта — положило начало тенденции к обезлюживанию армий.



Вооруженные силы из живых стали превращаться в мертвые. Поначалу результаты этих перемен были скромными. Как известно, изобретатели автомобиля не выдумали его сразу в готовом виде, но запихивали двигатели внутреннего сгорания во всевозможные кареты, коляски, пролетки с отрезанным дышлом, а дерзкие пионеры воздухоплавания пытались придать крыльям своих планеров сходства с птичьими крыльями. Точно так же под влиянием всей той же инерции мышления, которая в военной среде весьма сильна, на первых порах не строили ни

принципиально новых самолетов-снарядов, ни автоматических танков, ни самоходных пушек, полностью приспособленных к зарождающемуся микрокремниевому «солдату», а только уменьшали пространство, которое занимал состоявший из людей расчет или экипаж, и переводили оружие на программно-компьютерное управление. Но это уже было анахронизмом. Новый, неживой микросолдат требовал совершенно нового, революционного подхода ко всем вопросам тактики и стратегии, в том числе и к вопросу о том, какие виды оружия для него оптимальны.

Дело происходило в те времена, когда мир постепенно оправился после двух тяжелых экономических кризисов. Первый из них был вызван созданием картеля ОПЕК и резким подорожанием нефти, второй — распадом картеля и резким снижением цен на нефть. Правда, появились уже первые термоядерные электростанции, но в качестве привода наземных или воздушных транспортных средств они не годились. Поэтому крупногабаритное оружие — бронетранспортеры, орудия, ракеты, тягачи, танки, наземные и подводные, и прочее новейшее, то есть появившееся в конце XX века тяжелое вооружение, — все еще дорожало, хотя бронетранспортерам уже

некого было перевозить, а вскоре оказалось к тому же, что артиллерии не в кого будет стрелять. Эта последняя стадия военной бронегигантомании исчерпала себя в середине столетия; наступила эпоха ускоренной микроминиатюризации под знаком искусственного НЕИНТЕЛЛЕКТА.

Трудно поверить, но лишь около 2040 года информатики, специалисты по цифровой технике и прочие эксперты стали задаваться вопросом, почему, собственно, их предшественники так долго оставались слепыми настолько, что per fas et nefas[35] и при помощи brute force[36] пытались создать искусственный интеллект. Ведь для огромного большинства задач, которые выполняют люди, интеллект вообще не нужен. Это справедливо для 97,8 % рабочих мест как в сфере физического, так и умственного труда.

Что же нужно? Хорошая ориентация, навыки, ловкость, сноровка и сметливость. Всеми этими качествами обладают насекомые. Оса вида сфекс находит полевого сверчка, впрыскивает в его нервные узлы (ганглии) яд, который парализует, но не убивает его, потом выкапывает в песке

---

[35] Примечания: 35
Правдами и неправдами *(лат.)*.

[36] Примечания: 36
Грубой силы *(англ.)*.

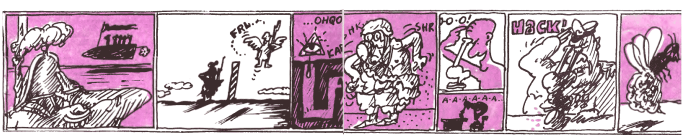
нужных размеров норку, кладет рядом с ней свою жертву, заползает в норку, чтобы исследовать, хорошо ли она приготовлена, нет ли в ней сырости или муравьев, втаскивает сверчка внутрь, откладывает в нем свое яичко и улетает, чтобы продолжить эту процедуру, благодаря которой развившаяся из яичка личинка осы может до своего превращения в куколку питаться свежим мясом сверчка. Тем самым оса демонстрирует превосходную ориентацию при выборе жертвы, а также при выполнении наркологическо-хирургической процедуры, которой подвергается жертва; навык в сооружении помещения для сверчка; сноровку при проверке того, обеспечены ли условия для развития личинки, а также сметливость, без которой вся последовательность этих действий не могла бы осуществиться. Оса, быть может, имеет достаточно нервных клеток, чтобы с неменьшим успехом водить, например, грузовик по длинной трассе, ведущей из порта в город, или управлять межконтинентальной ракетой, только биологическая эволюция запрограммировала ее нервные узлы для совершенно иных целей.

Понапрасну теряя время на попытки воспроизвести в компьютерах функции человеческого

мозга, все новые поколения информатиков, а также профессоров-компьютероведов (professors of computer science), с упорством, достойным лучшего применения, не желали замечать устройств, которые были в миллион раз проще мозга, чрезвычайно малы и чрезвычайно надежны. Не ARTIFICIAL INTELLIGENCE, но ARTIFICIAL INSTINCT[37] следовало воспроизводить и программировать в первую очередь, потому что инстинкты возникли почти за миллиард лет до интеллекта — очевидное свидетельство того, что их сконструировать легче. Взявшись за изучение нейрологии и нейроанатомии совершенно безмозглых насекомых, специалисты середины XXI века довольно скоро получили блестящие результаты. Их предшественники были и вправду слепы, если не задумались даже над тем, что, например, пчелы, создания, казалось бы, донельзя примитивные, обладают, однако ж, собственным, и притом наследуемым, языком. С его помощью рабочие пчелы сообщают друг другу о новых местах добывания корма; мало того, на своем языке сигналов, жестов и пантомимы они показывают направление полета, его

[37] Примечания: 37
Не искусственный интеллект, но искусственный инстинкт *(англ.)*.

продолжительность и даже приблизительное количество найденной пищи. Речь, разумеется, шла не о том, чтобы строить из неживых элементов типа CHIPS или CORN «настоящих» ос, мух, пауков или пчел, а лишь об их нейроанатомии с заложенной в нее последовательностью действий, необходимых для достижения заранее намеченной и запрограммированной цели. Так началась научно-техническая революция, полностью и бесповоротно изменившая театры военных действий. Ведь доселе все составные части вооружения были приспособлены к человеку, имели в виду его анатомию (чтобы ему было удобнее убивать) и физиологию (чтобы его было удобнее убивать).



Как это обычно бывает в истории, зачатки нового направления появились еще в двадцатом

веке, но никто не умел сложить из них целостную картину. Ибо открытия, положившие начало DEHUMANIZATION TREND IN NEW WEAPON SYSTEMS,[38] совершались в крайне далеких друг от друга научных дисциплинах. Специалистов по военному делу какие бы то ни было насекомые не интересовали (за исключением вшей, блох и иных паразитов, докучавших солдатам в их военных трудах). Интеллектроники, которые вместе с энтомологами и нейрологами исследовали ганглии у насекомых, были несведущи в военных проблемах. Наконец, политики, как им и положено, вообще ни в чем не разбирались.

И потому, когда интеллектроника уже создала микрокалькуляторы, своими размерами успешно соперничавшие с брюшными узлами шершней и комаров, энтузиасты Artificial Intelligence все еще сочиняли программы, позволявшие компьютерам вести глуповатые разговоры с не очень сообразительными людьми, а наиболее мощные среди вычислительных мамонтов и гигантозавров побивали даже шахматных чемпионов — не потому, что были умнее их, а потому, что считали в миллиард раз быстрее Эйнштейна. Никому, и

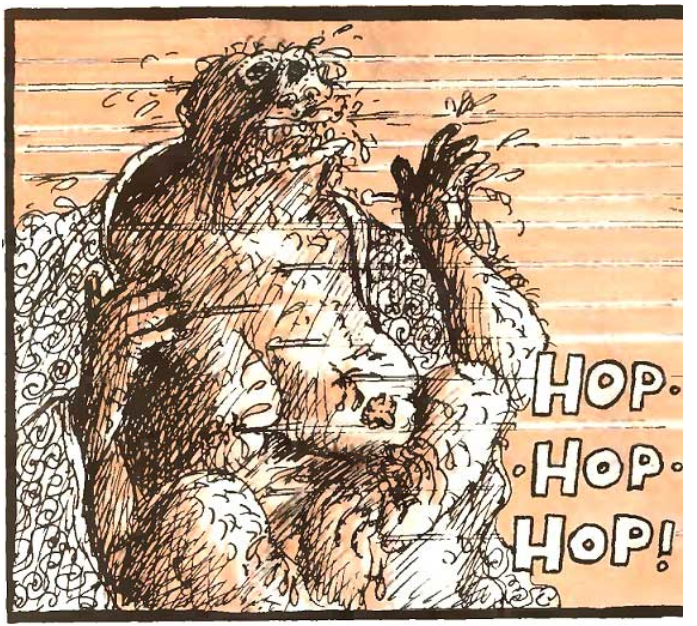
[38] Примечания: 38

Тенденции к «обезлюживанию» в новых системах вооружений *(англ.)*.

притом очень долго, не приходило в голову, что солдату на передовой хватило бы навыков и сноровки пчелы или шершня. На нижних уровнях боевых действий разум и эффективность — вещи совершенно различные. (Не говоря уж о том, что солдату мешает в бою инстинкт самосохранения, который у него несравненно сильнее, чем у пчелы; ведь пчела, защищая улей, жалит, хотя это означает для нее смерть.)

Кто знает, как долго еще устаревший образ мышления господствовал бы в военной промышленности, управляя спиралью гонки вооружений и проектируя все новые «обычные» и самые новейшие средства борьбы, если бы не несколько книг, привлекших внимание общества к одной научной загадке, столь же древней, сколь удивительной. Речь шла о мезозойском и юрском периодах истории Земли, то есть об эпохе господства крупных пресмыкающихся.

IV



65 миллионов лет назад, на так называемой геологической границе М — Т, то есть при переходе от мелового к третичному периоду, на нашу

планету упал метеорит диаметром около десяти километров — из группы тяжелых метеоритов, содержащих значительное количество металлов от железа до иридия. Его масса оценивается более чем в три с половиной триллиона (3 600 000 000 000) тонн. Нельзя с уверенностью сказать, была ли это цельная масса, а значит, какой-то из астероидов, обращающихся между Землей и Марсом, или, может быть, скопление тел, образующих ядро кометы. В геологических отложениях, относящихся к тому времени, обнаружены так называемые иридиевые аномалии, а также примеси редкоземельных металлов, которые обычно в таком количестве и в такой концентрации на Земле не встречаются. Установить характер этого катаклизма планетарного масштаба мешало отсутствие следов метеоритного кратера (хотя, вообще говоря, кратеры — правда, возникшие позже, зато от удара тысячекратно меньших метеоритов — оставили на земной поверхности отчетливые следы). По-видимому, этот небольшой астероид (или комета) упал не на континент, а в открытый океан или же вблизи береговой линии тогдашней суши; впоследствии континенты, перемещаясь, закрыли углубление в земной коре — результат столкновения.

Метеорит таких размеров и массы легко пробил бы защитный слой атмосферы. Энергия столкновения, сопоставимая с энергией всех запасов ядерного оружия в мире и даже, по-видимому, превышающая ее, превратила это небесное тело (или группу тел) в тысячи миллиардов тонн пыли, которую атмосферные течения разнесли над всей поверхностью Земли.

Это привело к такому сильному и длительному загрязнению атмосферы, что по меньшей мере на четыре месяца нормальный фотосинтез растений на всех континентах практически прекратился. На Земле воцарилась тьма, и поверхность суши остыла за это время очень сильно. Мировой океан из-за своей огромной теплоемкости остывал гораздо медленнее; тем не менее океанические водоросли — один из главных источников атмосферного кислорода — также утратили на время способность к фотосинтезу. В результате вымерло огромное число видов животных и растений.

Самым впечатляющим последствием катастрофы было вымирание крупных пресмыкающихся, именуемых обычно динозаврами, хотя при этом вымерло по меньшей мере несколько сот других видов. Катастрофа случилась тогда, когда климат Земли постепенно становился холоднее и

крупным голокожим пресмыкающимся мезозоя приходилось и без того нелегко. О том, что на протяжении примерно миллиона лет до этого катаклизма их жизнеспособность снижалась, свидетельствует изучение окаменелостей, в частности яиц крупных рептилий; их известковая оболочка становилась все тоньше — признак нарастающих трудностей в добывании пищи и ухудшения климата на больших территориях суши.

Еще в восьмидесятые годы XX века компьютерное моделирование подобного столкновения доказало его убийственное влияние на биосферу Земли. Любопытно, что, несмотря на это, явление, которому мы обязаны своим существованием в качестве разумного вида отряда приматов, не попало ни в один школьный учебник, хотя причинная связь между «завроцидом» мелового и третичного периодов, с одной стороны, и антропогенезом — с другой, не подлежит ни малейшему сомнению.

Как показали исследования палеонтологов конца XX века, крупные пресмыкающиеся, называемые динозаврами, были теплокровными, а их летающие виды обладали защитным покровом, чрезвычайно похожим на оперение птиц. Жив-

шие в ту эпоху млекопитающие не имели особых перспектив эволюционного развития, и ни один из их видов не превышал размерами крысу или белку; конкуренция хорошо приспособленных к среде, жизнестойких, могучих рептилий была слишком сильна, и млекопитающие оставались на положении второстепенной ветви эволюции среди тогдашних позвоночных, как хищных, так и травоядных. Последствия планетарной катастрофы обратились против крупных животных не столько непосредственно, сколько в результате полного уничтожения или разрыва пищевых цепей в биосфере. Крупные травоядные рептилии — сухопутные, водоплавающие и летающие — не находили достаточно пищи, так как нарушение фотосинтеза привело к массовой гибели растительности. Хищники, питавшиеся травоядными, гибли по той же причине. Огромное множество морских животных также погибло, поскольку цикл преобразования биологического углерода в океане гораздо короче, чем на суше, а поверхностные слои воды остывали быстрее глубинных.

Уцелели немногочисленные виды сравнительно небольших пресмыкающихся, а также довольно много видов мелких млекопитающих. После того как частицы распыленного метео-

рита осели на землю и атмосфера вновь стала чистой, растительность возродилась, и ускоренным темпом пошла эволюция млекопитающих, положившая через сорок миллионов лет начало тем видам приматов, от которых происходит Homo sapiens. Как видим, несомненной, хотя и не ближайшей причиной возникновения человека разумного следует считать катастрофу, случившуюся на рубеже периодов М — Т; однако для нашей темы, то есть для военной истории цивилизации, важнее всего последствия этого события, которые прежде оставались обычно вне поля зрения. Дело в том, что меньше всего пострадали на рубеже мелового и третичного периодов насекомые! До катастрофы их насчитывалось три четверти миллионов видов; вскоре после нее еще оставалось не менее семисот тысяч, а общественные насекомые (муравьи, термиты, пчелы) пережили катаклизм почти совершенно безболезненно. Итак, катастрофу, как следует из сказанного выше, легче и вероятнее всего смогли пережить существа малых и крайне малых размеров, с анатомией и физиологией, характерной для насекомых. Вряд ли случайно и то, что насекомые, вообще говоря, гораздо меньше чувствительны к убийственным последствиям

радиации, чем высшие животные (в частности, позвоночные).

Вердикт палеонтологии однозначен. Катастрофа, которая по высвобожденной ею энергии равнялась глобальной атомной войне, крупных животных уничтожила поголовно, мало чем повредила насекомым и вовсе не коснулась бактерий. Отсюда вывод: чем разрушительнее воздействие какой-либо стихийной силы или какого-либо оружия, тем меньшие по размерам организмы или системы имеют возможность уцелеть в зоне разрушения. А следовательно, атомная бомба требовала рассредоточения как целых армий, так и отдельных солдат.

В генеральных штабах предполагалось рассредоточение армий, но мысль об уменьшении солдата до размеров осы или муравья в XX веке

могла появиться лишь в области чистой фантазии. Ведь человека не сократишь в масштабе и не рассредоточишь! Поэтому подумывали о воинах-автоматах, имея в виду человекообразных роботов, хотя уже тогда эта мысль отдавала наивным антропоморфизмом. Ведь уже тогда, например, крупная промышленность «обезлюживалась», однако же роботы, заменявшие людей на заводских конвейерах, нисколько не были человекообразными. Они представляли собой увеличение функциональных фрагментов человеческого организма, таких, как компьютерный «мозг» с огромной стальной рукой, монтирующей автомобильные шасси, с кулаком-молотом или лазерным «пальцем» для сварки кузова. Эти устройства, заменявшие органы чувств и руки, были непохожи ни на глаза (или уши), ни на руки человека. Но таких больших и тяжелых роботов нельзя было перенести на поля сражений: они немедленно стали бы целями для бьющих без промаха, самонаводящихся «умных» ракет.

ФУ
ФУ
ФУ

Поэтому не человекообразные автоматы составили армию нового типа, а искусственные насекомые (синсекты): керамические микрорачки, червячки из титана, летающие псевдоосы с ганглиями из соединений мышьяка и жалами из тяжелых расщепляемых элементов. Большая часть этого неживого микровоинства могла по первому же сигналу об опасности атомного нападения глубоко закопаться в землю и вылезти наружу после взрыва, сохраняя боеготовность даже там, где отмечалась убийственная радиация: ведь солдат этот был не только микроскопический, но и небиологический, то есть мертвый. Летчик, самолет и его вооружение как бы слились в одно миниатюрное целое в летающих синсектах. В то же время боевой единицей становилась микроармия, лишь как целое обладавшая заданной мощью и боеспособностью (точно так же, только целый рой пчел, а не отдельная изолированная пчела, может рассматриваться как самостоятельный организм).

Поскольку театры военных действий были постоянно подвержены опасности ядерного удара, который уничтожает не только боевые силы, но и всякую связь между отдельными родами войск, а также между войсками и командованием, появи-

лись неживые микроармии множества типов, в своих действиях руководствовавшиеся двумя противоположными принципами. Согласно ПЕРВОМУ ПРИНЦИПУ, — принципу автономности, такая армия действовала словно боевой поход муравьев, волна болезнетворных микробов или нашествие саранчи. Последняя аналогия дает особенно наглядное представление о тактике такой армии. Как известно, саранча всего лишь биологическая (не видовая) разновидность одного из подвидов кобылок, и в сущности даже тучи саранчи, насчитывающие сотни миллиардов особей (с самолетов наблюдались еще большие скопления), прямой опасности для человека не представляют (если отвлечься от главного разрушительного эффекта этих нашествий — уничтожения всякой растительности, включая сельскохозяйственные посевы). Но одной лишь своей гигантской массой они способны вызвать крушение поездов, превращают день в ночь и парализуют любое движение. Даже танк пробуксовывает, въехав в огромное скопление саранчи: она превращается в кровавое месиво, в котором гусеницы вязнут словно в болоте. Так вот мертвая, искусственная «саранча» была несравненно страшнее, ибо конструкторы снабдили ее для

этого всем необходимым. Она действовала, как мы уже сказали, автономно, согласно программе, и обходилась без постоянной связи с каким-либо центром командования. Можно было, конечно, уничтожать искусственную саранчу атомными ударами, но это было примерно то же, что палить из атомных пушек по облакам: образовавшиеся разрывы вскоре затянули бы другие облака.

Согласно ВТОРОМУ ПРИНЦИПУ военной неостратегии, принципу телетропизма, микроармия была одной огромной (плывущей по морю или рекам либо летающей) совокупностью самособирающихся элементов. К цели, избранной на основании тактических или стратегических соображений, она направлялась в полном рассредоточении с нескольких сторон сразу, чтобы лишь ПЕРЕД САМОЙ ЦЕЛЬЮ СЛИТЬСЯ в заранее запрограммированное целое. Таким образом, боевые устройства выходили с заводов не в окончательном виде, готовые к боевым действиям наподобие погруженных на железнодорожные платформы танков или орудий, но словно микроскопические кирпичики, способные сплотиться в боевую машину на месте назначения. Поэтому такие армии называли самосборными. Простейшим примером было саморассредоточивающееся

атомное оружие. Ракету (ICBM, IRM[39]), запущенную с земли, надводного корабля или подводной лодки, можно уничтожить из космоса спутниковым лазером. Но невозможно уничтожить подобным образом гигантские тучи микрочастиц, несущие уран или плутоний, который лишь у самой цели сольется в критическую массу, а до тех пор находится в крайне дисперсном состоянии и неотличим от тумана или тучи пыли.

Поначалу старые типы оружия сосуществовали с новыми, но тяжелое, громоздкое броневооружение пало под натиском микроармий столь же быстро, сколь и бесповоротно. Как микробы незаметно проникают в организм животного, чтобы убить его изнутри, так неживые, искусственные микробы, согласно приданным им тропизмам, проникали в дула орудий, зарядные камеры, моторы танков и самолетов, каталитически прогрызали насквозь броню или же, добравшись до горючего и пороховых зарядов, взрывали их. Да и что мог поделать самый храбрый и опытный солдат, обвешанный гранатами, вооруженный автоматом, ракетометом и прочим огнестрельным оружием, с микроскопическим и мертвым

[39] Примечания: 39

Intercontinental ballistic missiles — межконтинентальные баллистические ракеты; Intermediate range missiles — ракеты средней дальности.

противником? Не больше, чем врач, который решил бы сражаться с микробами холеры или чумы при помощи молотка либо револьвера.

Среди туч микрооружия, самонаводящегося на заданные цели, человек в мундире был беспомощен так же, как римский легионер со своим мечом и щитом под градом пуль. Людям пришлось покинуть поля сражений уже потому, что специальные виды биотропического микрооружия, уничтожающего все живое, убивали их в считанные секунды.

Уже в XX столетии тактика борьбы в сплоченном строю уступила место рассредоточению боевых сил. Маневренная война потребовала еще большего их рассредоточения, но линии фронтов, разделявшие своих и чужих, существовали по-прежнему. Теперь же эти разграничительные линии окончательно стерлись.

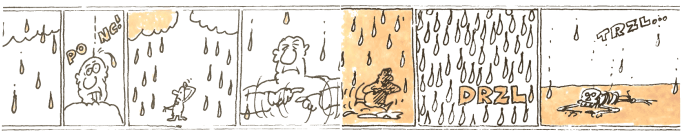
Микроармия могла без труда преодолеть любую оборонительную систему и вторгнуться в глубокий тыл неприятеля. Это было для нее не сложнее, чем для снега или дождя. В то же время крупнокалиберное атомное оружие оказалось бесполезным на поле боя, его применение попросту не окупалось. Прошу вообразить себе попытку сражаться с вирусной эпидемией при

помощи термоядерных бомб. Эффективность наверняка будет мизерной. Можно, конечно, спалить обширную территорию даже на глубину сотен метров, превратив ее в безжизненную, стеклянную пустыню, но что с того, если час спустя на нее начнет падать боевой дождь, из которого выкристаллизуются «отряды штурма и оккупации»? Водородные бомбы стоят недешево. Крейсеры не годятся для охоты на пиявок или сардин. Труднейшей задачей «безлюдного» этапа военной истории оказались поиски способа отличить врага от своих. Эту задачу, прежде обозначавшуюся FoF (Friend or Foe[40]), в XX веке решали электронные системы, работавшие по принципу «пароля и отзыва». Спрошенный по радио самолет или автоматический снаряд должен был дать правильный «отзыв», иначе он считался вражеским и подлежал уничтожению. Но этот старый способ оказался неприменимым. Новые оружейники заимствовали образцы в царстве жизни — у растений, бактерий и опять-таки у насекомых. Способы маскировки и демаскировки повторяли способы, существующие в живой природе: иммунитет, борьба антигенов с антите-

[40] Примечания: 40
Друг или враг *(англ.).*

лами, тропизмы, а кроме того, защитная окраска, камуфляж и мимикрия. Неживое оружие нередко прикидывалось (и к тому же великолепно) летящей пыльцой или пухом растений, натуральными насекомыми, каплями воды, но за этой оболочкой крылось химически разъедающее или несущее смерть содержимое. Впрочем, если я и прибегаю к сравнениям из области энтомологии, упоминая, например, о нашествиях саранчи или других насекомых, я делаю то, что вынужден был бы делать человек XX века, желающий описать современникам Васко да Гамы и Христофора Колумба современный город с его автомобильным движением. Он, несомненно, говорил бы о каретах и повозках без лошадей, а самолеты сравнивал бы с построенными из металла птицами и тем самым заставил бы слушателя вообразить себе нечто отдаленно напоминающее действительность, однако не совпадающее с ней. Карета, катящаяся на больших тонких колесах, с высокими дверьми и опущенными ступеньками, с козлами для кучера и местами для гайдуков снаружи — все-таки не «фиат» и не «мерседес». Точно так же синсектное оружие XXI века не было просто роем металлических насекомых, известных нам по атласам энтомолога.

Некоторые из этих псевдонасекомых могли как пули прошить человеческое тело; другие служили для создания оптических систем, которые фокусировали солнечное тепло и создавали тепловые течения, перемещавшие большие воздушные массы, — если план кампании предусматривал, например, проливные дожди или, напротив, солнечную погоду. Были «насекомые» таких «метеорологических служб», которым сегодня вообще нет аналогий; взять хотя бы эндотермических синсектов, поглощавших значительное количество энергии для того, чтобы посредством резкого охлаждения воздуха вызвать на заданной территории густой туман или инверсию температуры. Были еще синсекты, способные сбиться в лазерный излучатель разового действия; такие излучатели заменили прежнюю артиллерию. Впрочем, едва ли тут можно говорить о замене, ведь от артиллерии (в нынешнем значении этого слова) проку на поле боя было не больше, чем от пращи и баллисты. Новое оружие диктовало новые условия боя, а следовательно, новую тактику и стратегию, общим знаменателем которых было полное отсутствие людей.



Но для приверженцев мундира, знамен, смен караула, почетных конвоев, маршировки, перестроений, муштры, штыковых атак и медалей за храбрость новая эра в военном деле была изменой возвышенным идеалам, сплошной обидой и поношением. Эту новую эру специалисты назвали «эволюцией вверх ногами» (Upside — down Evoluton), потому что в Природе сперва появились организмы простые и микроскопические, из которых затем через миллионы лет возникали все более крупные по размерам виды, а в эволюции вооружений послеатомной эпохи возобладала обратная тенденция — тенденция к микроминиатюризации. Микроармии создавались в два этапа. На первом этапе конструкторами и изготовителями безлюдного микрооружия были еще люди. На втором этапе мертвые микродивизии

микроконструкторов изобретали микросолдат, испытывали их в боевой обстановке и направляли в массовое производство.

Люди устранялись сначала из армии, а затем и из военной промышленности в результате «социоинтеграционной деградации». Деградировал отдельный солдат: он был уже не разумным существом с большим мозгом, а «солдатом разового использования» и в качестве такового становился все более простым и миниатюрным. (Впрочем, антимилитаристы утверждали и раньше, что в современной войне ввиду высоких потерь все ее участники, кроме высших чинов, были «солдатами на один раз».) В конце концов микровояка имел разума столько же, сколько муравей или термит. Тем большее значение приобретала псевдосоциальная совокупность мини-бойцов. Любая из неживых армий была несравненно сложнее, чем улей или муравейник. В плане своей структуры и внутренних зависимостей она соответствовала скорее «большим биотопам» живой природы, то есть целым пирамидам видов флоры и фауны, которые живут совместно на определенной территории, в определенной экологической среде и между которыми существует сложная сеть отношений конкуренции,

антагонизма и симбиоза, уравновешивающих друг друга в процессе эволюции.

Нетрудно понять, что в такой армии унтер-офицерскому составу нечего было делать. Впрочем, частями подобной армии не смог бы командовать не только капрал или сержант, но даже офицер высокого ранга. Ведь для того чтобы объять мыслью эту мертвую, однако по своей сложности не уступающую живой природе систему, не хватило бы мудрости целого университетского сената, ее не хватило бы даже для инспектирования, не говоря уже о боевых действиях. Поэтому, кроме бедных государств «третьего мира», больше всего пострадало от военно-стратегической революции XXI века кадровое офицерство. Процесс его ликвидации начался, впрочем, уже в XX столетии, когда исчезли пышные плюмажи, высокие султаны уланов, треуголки, красочные мундиры, золоченые галуны, но последний удар всему этому великолепию нанесли псевдонасекомые, «эволюция наоборот» (то есть, собственно, ИНВОЛЮЦИЯ) военного дела XXI века. Неумолимая тенденция к обезлюживанию армии похоронила почтенные традиции маневров, блестящих парадов (в отличие от танковой или ракетной дивизии саранча на марше не может радовать глаз), салютования

шпагой, сигналов горнистов, подъема и спуска флагов, рапортов и всех богатейших атрибутов казарменной жизни. На какое-то время удалось сохранить за людьми высшие командные должности, прежде всего штабные — но, увы, ненадолго.

Вычислительно-стратегическое превосходство компьютеризированных систем командования окончательно обрекло на безработицу лучших военачальников, не исключая маршалов. Сплошной ковер из орденских ленточек на груди не спас даже самых прославленных генштабистов от ухода на досрочную пенсию. Во многих странах развернулось оппозиционное движение кадрового офицерства, офицеры-отставники в ужасе перед безработицей уходили даже в террористическое подполье. Поистине горькой, хотя и никем не подстроенной гримасой судьбы было «просвечивание» офицерской конспирации микрошпиками и мини-полицией, сконструированной по образцу одного из видов тараканов. Таракан этот, впервые описанный известным американским нейроэнтомологом в 1981 году, имеет на оконечности брюшка тоненькие волоски, крайне чувствительные к колебаниям воздуха, а так как они соединены с особым

нервным узлом, таракан, по едва заметному движению воздуха почувствовав приближение врага, даже в полной темноте мгновенно бросается в бегство. Аналогом тараканьих волосков были электронные пикосенсоры миниполицейских; укрывшись за старыми обоями, эти мини-жандармы обеспечивали подслушивание разговоров в штаб-квартире мятежников.

Но и богатым государствам пришлось несладко. Вести политическую игру по-старому стало невозможно. Граница между войной и миром, и без того не слишком отчетливая, теперь совершенно стерлась. Уже XX век покончил со стеснительными ритуалами открытого объявления войны и ввел в обиход такие понятия, как нападение без предупреждения, пятая колонна, массовые диверсии, «холодная война», война через посредников (per procura), и все это было лишь началом уничтожения границы между войной и миром. На смену альтернативе «война или мир» пришло состояние войны, не отличимой от мира, и мира, не отличимого от войны. Прежде, когда диверсантами могли быть лишь люди, диверсия выступала под маской доблести и добродетели. Она проникала в поры любого общественного движения, не исключая таких

невинных его разновидностей, как общества собирателей спичечных коробков или хоровые кружки пенсионеров. Впоследствии, однако, диверсией могло заниматься все что угодно, от гвоздя в стене до порошков для смягчения жесткой воды. Криптовоенная диверсия расцвела пышным цветом. Поскольку люди не составляли уже реальной боевой или политической силы, не стоило переманивать их на свою сторону при помощи пропаганды или склонять к сотрудничеству с врагом.

О политических переменах я не могу написать здесь столько, сколько бы следовало, поэтому я изложу их сущность в двух словах. В странах, где господствовал парламентаризм, политики были не в состоянии охватить всех проблем даже собственной страны, не говоря уж о мировых проблемах, поэтому еще в предыдущем столетии они прибегали к услугам советников. Экспертов-советников имела и каждая из политических партий. Как известно, советники разных политических партий полностью расходились во мнениях по любому вопросу. Со временем они стали пользоваться помощью компьютерных систем, а потом оказалось, что люди постепенно становятся рупорами своих компьютеров. Им

представлялось, что они мыслят и делают выводы сами, исходя из данных компьютерной памяти, но оперировали они материалом, переработанным вычислительными центрами, а именно этот материал предопределял принимаемые решения. После периода некоторого замешательства крупные партии признали советников лишним промежуточным звеном; во второй половине XXI века каждая партия имела в своем секретариате главный компьютер, который после прихода данной партии к власти иногда получал даже пост министра без портфеля (портфель компьютеру и так ни к чему). Ключевую роль в демократиях подобного типа стали играть программисты. Правда, они присягали на верность, но это мало что меняло. Демократия, по утверждению многих, превратилась в компьютерократию, поскольку реальная власть сосредоточилась в компьютериате.

Поэтому разведки и контрразведки, уже не обращая внимания на политиков и общества по охране среды (весьма, впрочем, немногочисленные — ведь охранять было почти нечего), занялись слежкой за вычислительно-управленческими центрами. Что там происходило в действительности, точно никто установить

бы не мог. Однако не было недостатка в новых политологах, утверждавших, что если держава А полностью овладеет компьютериатом державы Б, а держава Б — компьютериатом державы А, то снова установится полное равновесие сил на международной арене. То, что стало каждодневной действительностью, не поддавалось уже описанию в категориях стародавней, традиционной политики и даже просто в категориях здравого смысла, который способен отличать естественные явления наподобие градобития от искусственных, таких, как террористическое покушение при помощи бомбы. Формально избиратели по-прежнему голосовали за политические партии, но каждая партия гордилась не тем, что ее политическая и экономическая программа самая лучшая, а тем, что у нее самый лучший компьютер, который справится со всеми общественными бедами и болячками. Если же случались разногласия между компьютерами, их формально разрешало правительство, на самом же деле, верховной инстанцией и тут был компьютер.

Лучше всего показать это на конкретном примере. Взаимная неприязнь между тремя главными составными частями вооруженных сил

США (Army, Navy и Air Force[41]) уже за несколько десятков лет до описываемых нами событий привела к тому, что каждая из них стремилась **к** преобладанию над двумя остальными. Каждая претендовала на наибольшую долю военного бюджета, пусть даже к ущербу для двух остальных, и каждая сохраняла в тайне от других разработанные ею новейшие виды вооружения. Одной из важнейших задач советников президента было выслеживание секретов, строго охранявшихся от всего остального мира сухопутными силами, ВВС и ВМФ. Каждая из этих сил имела собственный штаб, собственные системы охраны секретности, собственные шифры и, разумеется, собственные компьютеры, каждая старалась ограничить лояльное сотрудничество с другими минимумом, абсолютно необходимым для удержания государства от распада. Поэтому главной заботой каждой очередной администрации было сохранение хоть какого-нибудь единства в управлении государством, а также во внешней политике. Уже в предыдущем столетии никто толком не знал, какой военной мощью располагают Соединенные Штаты на

[41] Примечания: 41
Сухопутные силы, ВМФ и ВВС *(англ.)*.

самом деле; обществу об этом сообщалось поразному в зависимости от того, говорил ли об этом правящий президент или оппозиционный кандидат в президенты. Но теперь уже сам черт не разобрался бы в фактическом положении дел. Компьютерное, или искусственное, управление понемногу вытесняло естественное, то есть осуществляемое людьми, и тогда же стали случаться явления, которые прежде сочли бы природными, но теперь они вызывались неведомо кем, и даже неизвестно, вызывались ли они вообще кем бы то ни было. Кислотные дожди, выпадавшие из загрязненных промышленными отходами облаков, были известны уже в XX столетии. Бывали дожди такой ядовитости, что они разъедали автострады, линии электропередач, стены и крыши заводов, и невозможно было установить, чье это дело: отравленной природы или вражеских диверсантов. И так было во всем. Начался массовый падеж скота, но как узнать, естественные это эпизоотии или искусственные? Циклон, обрушившийся на побережье, — случайный, как прежде, или же вызванный скрытым перемещением воздушных масс над океаном посредством невидимых туч микрометеорологических диверсантов, не больше вируса каждый? Гибельная засуха — обычная

или опять-таки вызванная умелым отводом дождевых облаков?

Подобные бедствия обрушились не только на Соединенные Штаты, но и на весь остальной мир. И снова одни видели в этом доказательство их естественного происхождения, другие объясняли глобальный характер загадочных катастроф тем, что все государства располагают уже «безлюдными» средствами воздействия на большом расстоянии и вредят друг другу, официально заявляя, что будто бы ничего такого не делают. Схваченного с поличным диверсанта нельзя было подвергнуть перекрестному допросу и даже спросить о чем бы то ни было, поскольку синсекты и псевдомикробы даром речи не обладают. Климатологические и метеорологические контрразведки, сейсмический шпионаж, разведслужбы эпидемиологов, генетиков и даже гидрографов трудились не покладая рук (точнее, не покладая компьютеров). Все новые отрасли мировой науки поглощались военными службами, занимавшимися различением искусственного и естественного. Ведь в диверсионном происхождении приходилось подозревать ураганы, болезни сельскохозяйственных культур, падеж скота и даже падение метеоритов. (Кстати,

мысль о наведении астероидов на территорию противника, дабы вызвать тем самым ее ужасное опустошение, появилась еще в XX веке и была признана небезынтересной.)

В академиях генеральных штабов читали такие новые дисциплины, как криптонаступательная и криптооборонительная стратегия, криптология реконтрразведки (то есть отвлечение и дезинформация разведок, контрразведок и так далее, во все возрастающей степени), полевая энигматика и, наконец, криптокриптика, занимавшаяся тайными способами тайного применения таких тайных видов оружия, которых никто никаким образом не отличил бы от невинных природных феноменов.

Стерлись не только линии фронта, но и различия между мелкими и крупными антагонизмами. Для очернения другой стороны особые отрасли тайной промышленности изготовляли фальсификаты стихийных бедствий на своей собственной территории так, чтобы их ненатуральность бросалась в глаза и чтобы любой гражданин не мог не поверить в причастность противника к столь предосудительным действиям. Буря негодования разразилась в странах «третьего мира», когда выяснилось, что некое очень большое и очень

богатое государство в пшеницу, саго, кукурузу и картофельную муку, которые оно поставляло (по весьма дешевой цене) бедным и перенаселенным государствам, добавляло химические средства, ослабляющие потенцию. Это была уже тайная война против рождаемости.

Вот так мир стал войной, а война — миром. Хотя катастрофические последствия такого развития, а именно обоюдная победа, равнявшаяся всеобщему уничтожению, были очевидны, мир по-прежнему двигался все по тому же гибельному пути. Не из-за тоталитарных происков мир стал войной (как представлял себе некогда Оруэлл), но благодаря достижениям технологии, которая уничтожила различие между естественным и искусственным в каждой области жизни и на каждом участке Земли и ее окружения, — ибо в околоземном пространстве творилось уже то же самое.

Там, где нет больше разницы между естественным и искусственным белком, естественным и искусственным интеллектом, там, утверждали философы — специалисты по теории познания, нельзя отличить несчастья, вызванные конкретным виновником, от несчастий, в которых никто не повинен.

Подобно тому как свет, увлекаемый могущественными силами тяготения в глубь Черной Дыры, не может выбраться из гравитационной ловушки, так человечество, увлекаемое силами взаимных антагонизмов в глубь тайн материи, очутилось в технологической западне. И не имеет значения, что эту яму оно само себе вырыло. Решение о мобилизации всех сил и средств для создания новых видов оружия диктовали уже не правительства, не государственные мужи, не воля генеральных штабов, не интересы монополий или иных групп давления, но во все большей и большей степени страх, что на открытия и технологии, дающие Решающий Перевес, первым натолкнется Кто-то Другой.

Это окончательно парализовало традиционную политику. На переговорах ни о чем нельзя было договориться, ибо любое проявление доброй воли в глазах другой стороны означало, что

противник, как видно, имеет в запасе другое, Наиновейшее Оружие, раз готов отказаться от Нового… Впрочем, невозможность достичь соглашения о разоружении была доказана в те времена математически. Я собственными глазами видел формулу так называемой общей теории конфликтов, объяснявшую, почему переговоры и не могли ни к чему привести. На конференциях по разоружению принимаются определенные решения. Но если время принятия миротворческого решения превышает время появления нововведений, радикально изменяющих обсуждаемое на переговорах положение вещей, любое решение становится анахронизмом уже в момент его принятия.

Это все равно как если бы в древности на переговорах о запрещении знаменитого «греческого огня» подписали бы соответствующее соглашение не раньше, чем появился Бертольд Шварц со своим боевым порохом. Коль скоро «сегодня» приходится договариваться о том, что было «вчера», договоренность из настоящего перемещается в прошлое и становится тем самым видимостью чистейшей воды. Именно это заставило наконец великие державы подписать на исходе XXI века соглашение нового типа, открывшее новую эру в

истории человечества.

Но эти события выходят за рамки настоящих заметок, поскольку относятся уже к истории XXII столетия. Если успею, я посвящу ей особый труд, где изложу содержание следующей главы всеобщей истории, главы, необычайной тем, что человечество, оставив позади эпоху антагонизмов, выбралось, правда, из одной технологической ловушки, однако попало в другую — как если бы ему суждено было вечно переходить из огня да в полымя.

1983

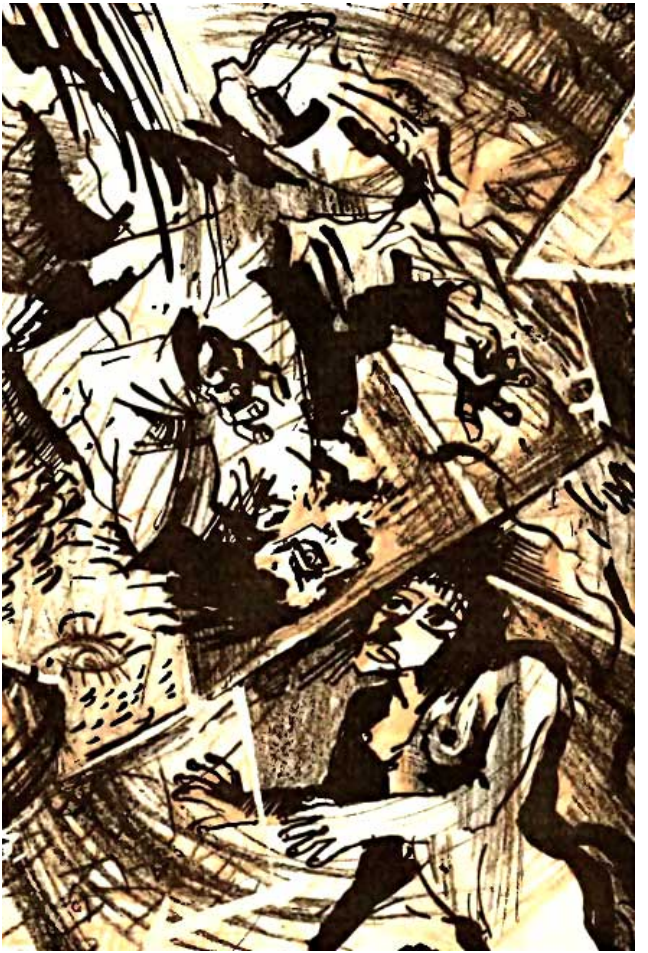
Перевод К. Душенко

1990

№ 1

Лоренс Уотт-Эванс

Карен в бесконечности



Лоренс Уотт-Эванс — молодой американский фантаст, автор девяти книг. В 1988 г. его рассказ «Почему я ушел из «Ночного гамбургера?» был признан лучшим рассказом года и получил премию Хьюго — наиболее престижную в США премию, присуждаемую за фантастику.

Сотрудника комиссии, который должен был принять решение, его просьба явно удивила. С такой мотивировкой, мол, к ним еще никто не обращался. Крисвелл так и не понял, ускорило это в конце концов исход дела или наоборот.

Воспоминание снова всплыло в памяти, когда полицейские вели его к поджидавшей машине… Обращался ли кто-нибудь с подобными просьбами здесь? И поверят ли они ему?

У него еще сохранилась бирка, что вручили ему перед входом в Провал охранники, да и не совершил он на самом деле ничего плохого. В худшем случае его просто отправят назад. Так что он останется при своих — по крайней мере до тех пор, пока эти бесконечные переходы не сведут его с ума.

Если его отпустят, ему только и останется, что самому вернуться к Провалу. Он уже узнал здесь

все, что нужно, и снова не нашел того, что искал. Если бы Крисвелл по-прежнему держал себя в руках и следовал установленным им же самим правилам, этот мир давно уже остался бы позади. Но он сдал и, увидев Карен одну, не справился с собой: вместо того, чтобы быстро проверить и вернуться к Провалу (как он намеревался и как уже случалось с ужасающей повторяемостью четырнадцать раз), он последовал за ней к дому и стал наблюдать.

Крисвелл вспоминал, как прятался в знакомых кустах на участке, заглядывая в знакомые окна, и видел, как она выкладывает покупки, слышал ее разговор с мужем, слабые отзвуки которого доносились из-за оконных стекол. Он помнил, как всколыхнулась в нем ненависть к ее мужу, к себе, как возникла у него мысль убить этого человека и занять его место.

Впрочем, он едва ли решится на такое — во всяком случае сейчас. Но если разочарования будут преследовать его в каждом новом мире, думал Крисвелл, не исключено, что у него появится желание поддаться этому зловещему искушению. У его двойников, говорил он себе, такое же право на жизнь — и на Карен — как у него самого, и как бы ни складывались обстоятельства, это все равно

будет хладнокровное убийство. Но хуже всего — обман просто не сработает: после ее смерти прошло пять месяцев, их уже не вернуть, а Карен помнит их и наверняка будет обсуждать какие-то события, о которых он не имеет ни малейшего понятия. Работа, друзья… Он словно выпал из хода времени, потерял ориентацию, а ведь надо еще учесть все то, что отличает эту реальность от его родного мира — наверняка такие различия есть, различия, никак не связанные со смертью Карен…

Крисвелл сел в машину, осознав с благодарностью, что полицейские даже не стали надевать на него наручники. Ему казалось, они поверили в то, что он рассказал. Уже одно его лицо — вполне убедительное доказательство, и реакция самой Карен, когда они подвели его к двери, тоже это подтверждала. Без малейшей тени сомнения в голосе она бросила: «Не тот! Это же мой муж!»

Затем подошел ее муж — настоящий муж, из этого мира — и раздражение, вызванное бестолковостью полицейских, сменилось полной растерянностью. Она смотрела то на одного, то на другого: отличались они только одеждой, да еще у задержанного растрепались волосы.

Полицейские, разумеется, тоже заметили сход-

ство, и один из них строго спросил:

— Кто же из них ваш настоящий муж?

Карен взглянула на них, и в ее глазах застыли испуг и неуверенность. Крисвелл с трудом подавил в себе предательское желание солгать и обманом завладеть Карен, но он не мог вынести ее страха и смятения.

— Вот ее муж, — сказал он, — а я из перекрестного времени. Я прошел сюда через Провал, потому что хотел увидеть своего двойника.

Что было не совсем так. На самом деле ему больше всего на свете хотелось, чтобы в этом мире у него не оказалось двойника. Он пришел увидеть Карен.

Но это было бы слишком трудно объяснить там, на пороге дома, под ее пристальным взглядом. Вот почему он солгал и позволил полиции увезти себя в участок.

По дороге Крисвелл не проронил ни слова. Когда машина остановилась у дверей участка на Корриган-стрит, он продолжал сидеть на месте. Один из полицейских выбрался из машины, обошел ее и открыл дверцу с той стороны, где сидел Крисвелл. Он послушно вышел, разогнулся и застыл. Сразу за ним въехал на стоянку старенький красный «Чеви». Его двойник сидел за рулем,

Карен — рядом с ним.

— Зачем они здесь? — спросил Крисвелл настороженно.

— Заявители должны решить, будут ли они предъявлять вам обвинение, — ответил полицейский.

— О боже, — пробормотал Крисвелл, с трудом сдерживая слезы при мысли о том, что Карен — не его Карен, но все же Карен — будет подавать на него в суд.

Двойники сидели в машине, дожидаясь, когда его уведут внутрь, и он знал, что Карен не услышит, но все же крикнул;

— Прости, Карен!

Потом его повели по ступеням в участок.

Пришлось рассказать все как есть. Под неотрывным взглядом Карен Крисвелл старался не смотреть на нее, описывая автомобильную катастрофу, когда какой-то пьяный идиот не справился с управлением и врезался на своем «Мерседесе» в бок старенького красного «Чеви». Карен раздавило там, искорежило, исполосовало лицо длинными острыми осколками стекла. Лишь один раз он невольно поднял взгляд и заметил отразившийся на ее лице ужас — то же самое, что он увидел, когда его привезли на опознание.

В морге привели Карен в порядок, замазали раны косметикой, но это была уже не она. Перед ним лежал безжизненный манекен.

Говорить что-либо о Провале, разумеется, не было необходимости: в этом мире он тоже существовал, но Крисвелл рассказал им о специальной комиссии, которая в его мире решала, кому будет позволено входить в Провал и выходить оттуда. В здешней реальности такой комиссии никто никогда не создавал, и каждый желающий мог войти в Провал, прослушав предварительно лекцию о теории параллельных миров, о краткой пока истории этого феномена, о мизерных шансах на возвращение в свой собственный мир и о том, какие опасности, по домыслам специалистов, грозят путешествующему между мирами.

Прибывающих обыскивали, заставляли ответить на несколько вопросов, а потом просто отпускали. Когда Крисвелла выпустили, он, как и четырнадцать раз до этого, отправился прямиком к «своему» дому.

Никто не открыл ему, когда он позвонил в дверь. Крисвелл достал свой ключ, но тут уверенность оставила его: если ключ подойдет — в такое близкое сходство между мирами тоже возможно, — войдя в дом, он нарушит закон…

Однако спустя несколько секунд Крисвелл заметил подъезжающую к дому незнакомую голубую машину и безошибочно узнал в сидящем за рулем человеке своего двойника.

Он отвернулся. В его намерения не входило красть жену двойника. Ведь где-то в одном из бесконечного множества миров, что соединил Провал, должен был оказаться и такой, где Карен жива, а он сам мертв. В этом Крисвелл не сомневался, верил в это так же свято, как христиане верят в бога. И он поклялся найти такой мир — мир, где его ждала Карен, одинокая и страдающая так же, как он.

Быстрыми шагами Крисвелл направился прочь от дома, чтобы двойник не увидел его вблизи. Он шел к Провалу, навстречу своей шестнадцатой попытке. Но в двух кварталах от дома мимо него проехал красный «Чеви», и за рулем сидела Карен. Машину она вела, как всегда неторопливо, осторожно, и Крисвелл остановился, застыл, словно загипнотизированный ее появлением. Карен, одна, возвращается домой… В отсутствие мужа, который наверняка разрушил бы иллюзию, она так напоминала его собственную жену, что Крисвелл не удержался и, повернув, последовал за ней, наблюдая, как Карен ставит машину

у гаража, как достает из багажника покупки, как останавливается на пороге и копошится с ключами, пытаясь открыть дверь…

Крисвелл спрятался в кустах у дома — только чтобы посмотреть, уверял он себя, увидеть кусочек жизни, что отнял у него тот пьяный водитель. Совсем чуть-чуть…

Но это «чуть-чуть» тянулось и тянулось, а он не мог оторвать взгляд и, видимо, потерял осторожность, решив, что нереален, невидим для других. Ведь он там, в доме, рядом с Карен — как же он может быть еще и здесь, в кустах?

Каким-то образом они заметили его, и двойник незаметно позвонил в полицию, а теперь ему приходится объяснять все это им, полицейскому сержанту и еще двум офицерам.

Когда Крисвелл закончил, никто не проронил ни слова, и он взглянул на Карен. Она плакала, и он тоже не мог удержать слезы, но она повернулась к мужу, и тот обнял ее. Прижал к себе, утешая и глядя поверх ее головы на двойника. Недоумение, жалость и гнев — все это читалось в его глазах одновременно.

— Мадам! — сказал сержант. — Вы будете заяв-

лять на этого человека? Если нет, мы доставим его к Провалу, как поступаем обычно со всеми нежелательными. Если да, то он, очевидно, и так туда попадет, только сначала предстанет перед судьей.

— Отпустите его, — сказал двойник.

— Спасибо, — произнес Крисвелл.

Двойник посмотрел на свою жену, — потом снова на него.

— Удачи.

— Спасибо, — повторил вдовец. — Сержант, если бы кто-нибудь отвез меня к Провалу, я был бы рад уйти прямо сейчас.

Сержант кивнул.

Спустя полчаса Крисвелл прошел за калитку в полуразвалившейся ограде. Ограду эту, очевидно, сколотили наспех из листов фанеры и какого-то хлама еще в первые, охваченные паникой и растерянностью дни после появления Провала.

Откуда-то из другого пространства, из мира, где Провал пока не закрыли крышей, сочился через него солнечный свет. Крисвелл наклонился чуть в сторону.

И свет исчез.

Пятнадцать раз уже он стоял вот так перед Провалом, но даже после всех описаний, что ему

довелось прочесть, и теорий, которые он слышал, Крисвелл не понимал, что это такое, что на самом деле видят его глаза. Уверен он был только в одном: мир, который проглядывал за Провалом, это совсем не тот мир, куда он попадет, если шагнет вперед. Каков бы ни был этот солнечный мир, он очень далеко в перекрестном времени и, возможно, не имеет ничего общего со знакомым Крисвеллу миром. А ему хотелось попасть в свой собственный мир, но с одним-единственным отличием — чтобы Карен там была жива и одинока…

Крисвелл шагнул вперед. Как и раньше, он не почувствовал ничего необычного, никакого ощущения перехода — разве что на мгновение вдруг окутала его сумятица света и тени, да чуть сместился мир перед глазами. Но он знал, что навсегда покинул тот мир, уйдя в перекрестное время.

Крисвелл повернулся и шагнул из Провала в полной уверенности, что вернуться в ту реальность, откуда он пришел, практически невозможно: в Провале теснилось бесконечное количество пересекающихся миров. Чтобы вернуться обратно, нужно было шагнуть назад в то же самое место с точностью до размера электрона

или даже еще точнее.

Однако он прошел близко, и этот мир должен походить на его собственный. Во всяком случае, забор вокруг Провала выглядел точно так же. Крисвелл постучал в калитку.

Никто не ответил, и он подергал ручку замка. Замок работал. Крисвелл вышел на автомобильную стоянку и огляделся.

Ни охраны, ни ученых. Никто не обыскивает, не задает вопросов. Сборных домиков и лабораторных павильонов, что окружали Провал в предыдущем мире — ив большинстве других, которые он повидал, — не было и в помине. Ограду на автостоянке у отеля «Холидей» никто даже не отремонтировал, очевидно, с тех самых пор, как ее установили.

Крисвелл посмотрел по сторонам и пожал плечами. Так будет еще легче. Видимо, в этой реальности никто просто не стал разбираться с необычным феноменом.

Он закрыл за собой калитку и увидел прилепленную к ней табличку: «Опасная зона! Вход — на ваш страх и риск!» Крисвелл улыбнулся и двинулся вверх по короткому склону к отелю.

Позвонив по телефону у входа, он вызвал такси и, пока ждал, купил плитку шоколада из авто-

мата. Монеты подошли, и оставалось только надеяться, что его бумажные деньги тоже не вызовут в этом мире никаких подозрений. Когда прибыла машина, он сел на заднее сиденье и назвал свой домашний адрес.

Крисвелл внимательно разглядывал улицы и время от времени замечал различия — здесь на рекламном щите другая надпись, там не покрашен дом. Но по большому счету все было очень знакомо: он шагнул не очень далеко в сторону от своего мира.

Когда машина остановилась на обочине, Крисвелл расплатился, и шофер принял его деньги, не сказав ни слова. Спустя несколько секунд Крисвелл остался один и двинулся по садовой дорожке. Кусты перед домом были гораздо короче, чем он помнил — сам он никогда не обрезал их так низко. Слева от входной двери на веранду кто-то врезал двустворчатую дверь в дом. Крисвелл медленно шел по дорожке, пытаясь понять, насколько значительными могут быть эти перемены.

Шторы на окнах в гостиной тоже были другие, и Крисвелл неожиданно понял, что в этой реальности он здесь не живет. Никакой его двойник не позволил бы, чтобы в доме появились такие из-

менения. Однако в дверь он все-таки позвонил.

Открыла ему незнакомая женщина лет тридцати, миниатюрная, стройная, с красивыми рыжими волосами, но простым, ничем не примечательным лицом.

— Да? — сказала она.

— Э-э-э… Простите, я искал Карен Крисвелл. Миссис Карен Крисвелл.

— О, это та самая женщина, у которой мы купили дом. Но понимаете… Ее нет, а мы живем здесь уже три месяца.

— Она уехала? Куда?

— М-м-м…

— Видите ли, мне действительно очень нужно ее найти. Дело касается брата ее мужа… — Крисвеллу показалось, что такой подход будет лучше всего. Да и в самом деле, разве он не брат своему двойнику? Ведь если здесь существовала Карен Крисвелл, владевшая этим домом, то она наверняка его жена. До замужества у нее была фамилия Хохст.

— Право, не знаю. Видимо, я ничем не смогу вам помочь.

— Но почему? — Крисвелл едва не закричал, но быстро справился с собой. — Извините. Все это немного неожиданно. Но куда же она могла

уехать? И с чего вдруг?

— Видите ли, после смерти мужа она больше не хотела тут жить. Говорила, что дом слишком велик для нее одной, что тут слишком многое о нем напоминает. Она торопилась и продала его нам довольно дешево; если бы не это, мы вряд ли смогли бы позволить себе купить такой чудесный дом.

Горло у Крисвелла сдавило, и он почувствовал себя так, словно с плеч у него свалился тяжелый груз. Он снова вспомнил, что такое надежда.

— Ее муж умер!

— Месяцев пять назад. Разве вы не знали?

— Нет. Мы не виделись уже около года. Семейные разногласия…

— Да, такие вот дела. Он погиб в автомобильной катастрофе. Жена просила его съездить за чем-то, и в его машину врезался пьяный водитель…

— Боже, как жаль, — произнес Крисвелл, удерживая предательскую улыбку и удивляясь, что его так обрадовала новость о собственной смерти.

— Да, она тоже очень переживала. Я никогда не видела, чтобы кто-то переживал так сильно, как миссис Крисвелл. Она сказала, что просто не может жить без него в этом мире. Поэтому она

уладила все дела, продала имущество, отправилась к отелю «Холидей» — это у шоссе номер четыре — и прыгнула в эту чертовщину, в Провал, как его теперь называют. Сказала, что где-нибудь непременно его найдет, что где-нибудь должен быть мир, в котором он жив, а она умерла, и она обязательно отыщет такой мир, даже если потребуется искать всю оставшуюся жизнь. Так что, вы сами понимаете, я ничем не могу вам помочь. Ее здесь нет.

Надежда погасла, и Крисвелл снова рухнул в пучину отчаяния. Не сказав ни слова, он повернулся и пошел по дорожке прочь от дома. Он был так близок, так близок! Если бы только Карен подождала… Но он еще найдет ее. Ведь Карен где-то там, в Провале, в одной из вселенных, что соединил этот феномен, и она ищет его.

Крисвелл свернул на тротуар и побежал назад к Провалу. Он бежал и плакал как ребенок.

Перевод с английского А. Корженевского

Герман Гессе

Две сказки

Нет надобности убеждать кого-нибудь в том, что Герман Гессе — явление не только немецкой, но общемировой культуры. Об этом свидетельствуют и Нобелевсия премия, полученная писателем в 1946 г., и международное признание, и прежде есего — его книги.

К сожалению, мы узнали Гессе только после его смерти, когда у нас в стране были напечатаны две его романа — «Степной волк» и «Игра в бисер»; первый ждал перевода пятьдесят, второй — только двадцать шесть лет. (Точности ради заметим, что до того книга Гессе вышла у нас в 1924 г.) «Химия и жизнь» однажды обращалась к его творчеству, и постоянные читатели помнят, наверное, иронический рассказ «Финал доктора Кнельге» (1981, № 8). На этот раз мы предлагаем две вещи Германа Гессе, написанные в ином, не совсем обычном для него жанре — в жанре современной сказки. Они взяты из сборника «Märchen» («Сказки»), впервые увидевшего свет в 1913 г. Перевод сделан по изданию 1975 г. (издательство «Surkamp), Франкфурт-на-Майне).

Некто по фамилии Циглер

Жил когда-то на Браунгассе молодой человек по фамилии Циглер. Он относился к той многочисленной категории людей, встречаемых повседневно и повсеместно, у которых, как говорят, нет своего лица, точнее, оно неотличимо в толпе от других лиц. Собственно, такие, как он,

и образуют лицо толпы. Циглер был таким же, как все, и жил так же, как все, ему подобные. Он не был бездарен, но и способностями особыми не отличался, он любил деньги и удовольствия, хорошо одевался и был нерешительным, как и большинство людей. Памятуя о штрафах и запретах, он избегал самостоятельных решений, сдерживаемый постоянной боязнью наказания за еще не совершенные преступления. При этом он обладал довольно симпатичной внешностью и отменными манерами, и его собственная персона казалась ему важной и значительной. Он осознавал себя личностью, то есть пупом земли, как, впрочем, и каждый человек. Ему были чужды сомнения, и если факты противоречили его взглядам на жизнь, он не обращал на это внимания.

Как и всякий современный человек, он любил не только деньги; предметом его постоянного внимания и даже преклонения была наука. Он не мог сказать, какая именно наука его привлекала: то ли статистика, то ли бактериология, — но ему было доподлинно известно, сколько сил и средств государство расходует на науку. Особенно интересовали его исследования рака, так как его отец умер от рака, и Циглер хорошо усвоил, что

если человечество не справится с этой страшной болезнью, ему, Циглеру-младшему, грозит та же участь.

Сверх того, он был чрезвычайно озабочен тем, как бы ему не отстать от моды. Он выглядел весьма респектабельным, хотя далеко не всегда это было ему по средствам. Мода менялась каждый сезон, даже каждый месяц, но такими колебаниями моды он пренебрегал; для него, солидного человека, важно было придерживаться моды года. Среди себе подобных он прослыл смелым человеком, поскольку ругал (разумеется, в подходящем месте и в подходящей компании) правительство и начальство. Возможно, я утомил читателя столь пространным описанием, но Циглер был действительно очаровательным молодым человеком, и мы многого могли от него ожидать. Однако ранний и странный конец оборвал все его планы и связанные с ними надежды.

Вскоре после прибытия в наш город решил он провести воскресенье с наибольшей приятностью. У него не было еще в городе друзей и знакомых, а нерешительность мешала ему вступить в клуб или общество. Возможно, в этом и заключалась его беда. Плохо, когда человек

одинок. Циглер был вынужден знакомиться с городом и его достопримечательностями без компании. Начать он решил с исторического музея и зоопарка. Может быть, потому, что в музей по воскресеньям пускали бесплатно, а в зоопарке брали за билет умеренную плату.

В своем новом выходном костюме, который Циглер очень любил, пошел он в воскресенье в исторический музей, прихватив с собою тонкую элегантную трость, придававшую ему особенный блеск и достоинство, но ее, к великому его огорчению, пришлось оставить в вестибюле.

В залах с высокими потолками можно было увидеть много интересного. Господ посетителей поражало всесилие науки, проявляющееся, как заключил Циглер, в обстоятельности и уверенном тоне пространных объяснений, сопровождающих экспонаты. Старому хламу, вроде ржавых ключей от городских ворот или позеленевших медных цепей, надписи придавали особый интерес. Просто удивительно, с какой силой наука покоряет себе все, что нас окружает, — конечно, рак будет побежден, а то и сама смерть!

Во втором зале нашел он стеклянный шкаф, дверцы которого послужили ему превосходным зеркалом. Улучив минутку, он тщательно прове-

рил свою внешность: костюм, прическу, обувь, даже узел галстука — и остался вполне доволен собой. Облегченно вздохнув, отправился он дальше и удостоил своим вниманием несколько образцов старинной резьбы по дереву. Способные парни, правда, наивные, одобрительно подумал Циглер. По достоинству оценил он также очень старые часы, которые были украшены фигурками из слоновой кости, каждый час танцующими менуэт. Несколько утомленный, он начал зевать и все чаще посматривал на свои массивные золотые часы, полученные по наследству от отца — он очень гордился этими часами.

К сожалению, до обеда было еще далеко, и он пошел в следующий зал, и снова его любопытство было возбуждено необычайными экспонатами. В этом зале находились предметы, связанные со средневековьем — волшебные книги, амулеты, одеяния ведьм и колдунов. В одном из углов помещалась лаборатория алхимика: горн, ступы, пузатые колбы, высушенный свиной пузырь, кузнечные меха и прочее. От остального помещения угол был отгорожен портьерой, особая табличка запрещала трогать экспонаты. Циглер был один в зале, и к запрету он отнесся без должного внимания.

Недолго думая, просунул он руку за портьеру и пощупал некоторые удивительные предметы. Он уже кое-что читал и слышал раньше о средневековье и смешных суевериях, с ним связанных, ему казалось непостижимым, отчего люди тогда относились всерьез к этим игрушкам и почему не возбранялось обманывать публику всяческим колдовством и шарлатанством.

Правда, алхимию можно было и оправдать, ведь из нее вышла в конце концов полезная наука химия. Боже мой, кто тогда мог подумать, что какой-нибудь тигель, в котором пытались превратить свинец в золото, что все эти дурацкие атрибуты колдовства для чего-то нужны! Но как иначе появились бы в наши дни аспирин и газовые бомбы?

Машинально взял он в руки темный шарик, напоминающий пилюлю, засушенный, невесомый, покрутил между пальцами и решил положить его на место, как вдруг услышал позади себя шаги. Он обернулся и увидел вошедшего в зал посетителя. Циглер смутился: в его руках был шарик, значит, он пренебрег запретом! Он зажал шарик в руке, сунул его в карман и вышел из зала.

Очутившись на улице, он вспомнил о пилюле, вынул ее из кармана и хотел было выбросить,

но сначала поднес ее к носу. Пилюля издавала слабый приятный запах, напоминающий запах смолы, и Циглер снова сунул ее в карман.

Он пришел в ресторан, заказал себе обед раскрыл газету, поправил галстук и окинул посетителей беспечным и одновременно высокомерным взглядом. В ожидании обеда Циглер вынул из кармана украденную в музее пилюлю, изготовленную средневековым алхимиком, и понюхал ее. Потом царапнул ее ногтем и, наконец, повинуясь по-детски наивному желанию, отправил в рот. Шарик быстро растаял во рту, вкус его, сдобренный изрядным глотком пава, не был лишен приятности. Сразу после этого Циглер принялся за еду.

В два часа молодой человек спрыгнул с подножки трамвая прямо у ворот зоопарка и взял в кассе воскресный билет.

Дружески улыбаясь, зашел он в отдел обезьян и остановился перед клеткой с шимпанзе. Большая обезьяна поглядела на неш, дружелюбно поклонилась и произнесла глубоким грудным голосом: «Как дела, братец?»

Почувствовав отвращение, немало напуганный посетитель двинулся к дверям. Вслед ему неслись нелестные замечания обезьян: «Эй, па-

рень, чего задаешься! Дурак плоскостопый!»

Быстро вошел он в помещение к мартышкам. Они развязно плясали и кричали ему: «Дай сахару, дружище!» А когда обнаружили, что у него нет сахара, страшно разозлились, начали его передразнивать, скалить зубы и величали его голодранцем. Этого он не мог перенести, вылетел оттуда пулей и направился к оленям и сернам, где надеялся встретить более теплый прием.

Громадный, великолепный лось стоял у самой решетки и рассматривал пришельца. Вот тут-то Циглер испугался до глубины души. Потому что с тех пор, как он проглотил волшебную пилюлю, он понимал язык животных. Лось все говорил своим взглядом, своими большими карими глазами. Его спокойный взгляд выражал величие, печаль и покорность судьбе, он смотрел на посетителей с невыразимым презрением, страшным презрением. Под этим спокойным царственным взглядом, как понимал его Циглер, он со своей шляпой, тростью, часами и воскресным костюмом выглядел просто дерьмом, смешным и мерзким скотом.

От лося Циглер направился к горному козлу, затем к серне, к ламе, антилопе-гну, кабанам и медведям. Они не довели его до сердечного приступа, но все как один его презирали. Он слышал

все, что они говорили, и понял из этих разговоров, как они относятся к людям. Это ужасно, что они о людях думали. Их бесконечно удивляло, что эти противные, вонючие, мерзкие двуногие в своих фатовских костюмах снуют вокруг них на свободе.

Он слышал, как пума беседовала со своим пуменком: шел разговор, полный достоинства и житейской мудрости, которые так редко встречаются у людей. Он слышал, как прекрасная пантера коротко и ясно, словно подлинная аристократка, высказывала свои впечатления о воскресной публике. Он глядел в глаза благородного льва и видел, сколь обширен и чудесен мир дикой природы, где нет ни клеток, ни человека Он видел, как застыла в меланхолии на мертвом дубе пустельга, печальная и гордая, сойка же переносила свое заключение с юмором, сохраняя в неволе хорошие манеры.

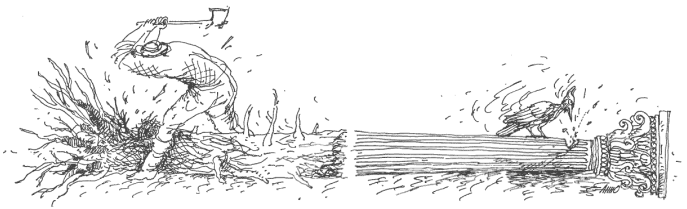
Потерянный и от непривычной работы мысли расстроенный, Циглер вернулся к людям, полный сомнений. Он искал глаза, в которых отразилось бы понимание его волнений и страхов, он прислушивался к разговорам, в надежде ощутить заботу, сочувствие, хоть что-нибудь благотворное, доброе, он вглядывался в лица многочисленных

посетителей зоопарка, пытаясь хоть в одном из них найти достоинство, естественность, благородство, сознание своего превосходства.

Его ждало разочарование. Он слышал голоса, до него доносились слова, он видел застывшие лица и ничего не говорящие взоры, и когда он смотрел на окружающих глазами животных, то не находил ничего, кроме вырождения, кроме притворяющегося, лживого, мерзкого собрания звероподобных существ, которые, однако, при всей своей звероподобности в целом представляли собой франтоватую, пеструю толпу.

Во власти своего открытия бродил Циглер среди нее, бессвязно что-то бормоча и сгорая от стыда. Он давно закинул в кусты свою элегантную трость, а за нею и перчатки. Но когда он сбросил с головы шляпу, развязал галстук и, всхлипывая, приник к решетке лосиного загона, на него наконец обратили внимание схватили и доставили в сумасшедший дом.

Город



«Дела идут!» — воскликнул инженер, когда по рельсам, только вчера проложенным, прошел уже второй поезд, набитый до отказа людьми, углем, машинами и продовольствием. В раскаленной желтым солнцем прерии стояла тишина. Вдалеке, покрытые густым лесом, сквозь голубую дымку виднелись горы. Буйволы и шакалы с удивлением наблюдали, как в этих пустынных прежде местах закипела работа, как на зелени трав появились черные пятна от угля и пепла, обрывки бумаги и куски жести. Резким звуком нарушил тишину первый топор, впервые прогрохотал и раскатился в горах выстрел, впервые послышался веселый стук молотков по наковальне. Как из-под земли вырос дом из жести, за ним — деревянный, потом еще и еще один, каждый день новые, а вскоре и каменные. Дикие

собаки и буйволы держались в отдалении. Прерия была укрощена. Уже в первую весну по всей равнине зеленели всходы, предвещая обильный урожай. Там и здесь появились ограды, конюшни, стойла, сараи. Улицы пролегли по этим недавно еще диким местам. Построили и освятили вокзал, воздвигли правительственные здания и банк, а едва ли через месяц вокруг них вырос новый город. Со всего света сюда приехал рабочий люд, прибыли купцы, адвокаты, проповедники, учителя и прочие горожане, была открыта школа, возникли три религиозные общины и две газеты. На западе, неподалеку от города, нашли нефть — большая удача для всех жителей. Прошел всего год, и в городе появились карманные воры, сутенеры, бандиты, универмаг, общество трезвости, парижский портной и баварская пивная. Конкуренция с соседним городом еще больше ускорила развитие. В городе хватало всего: предвыборных речей и забастовок, кинотеатров и спиритических кружков, все можно было купить — французские вина, норвежскую сельдь, итальянскую колбасу, английское сукно, русскую икру. Певцы, музыканты, танцоры (впрочем, второго сорта) прибывали сюда на гастроли.

Постепенно пришла и культура. В городе по-

явились свои традиции — ведь для многих он уже был родным городом, — своя манера приветствовать друг друга при встрече, своя манера кланяться, отличная от принятой в других городах. Люди, жившие здесь с основания города, пользовались особым почетом, они образовали нечто вроде дворянского сословия; выросло молодое поколение, которому казалось, что город очень стар, что он стоит целую вечность, потому что город был их родиной. Время, когда здесь впервые застучали молотки, было совершено первое убийство, первое богослужение, когда вышла первая газета, стало стародавней историей.

Город подчинил себе соседние города, стал главным городом всей округи. На широких улицах, где прежде валялись кучи золы и отбросов, вместо лачуг из досок и рифленой жести выросли великолепные дома, принадлежавшие банкам и конторам, театры и церкви. Студенты небрежной походкой следовали в университет и в библиотеки; машины скорой помощи развозили больных по клиникам; проносились сопровождаемые приветственными возгласами автомобили отцов города; в двадцати огромных школах ежегодно отмечался как большой праздник День основания города. Там, где прежде была

прерия, простирались возделанные поля, повсюду разбросаны были деревни и фабрики, около двадцати железнодорожных линий прорезали округу во всех направлениях. Горы и ущелья покорились человеку. Там, в горах, или еще дальше, у моря, стояли виллы богачей.

Столетие спустя землетрясение разрушило город, но он возник из руин снова. На этот раз камень сменил дерево, большие дома появились на месте маленьких, узкие улицы стали широкими. Построили самый большой вокзал в стране и самую большую биржу в этой части света. Архитекторы и скульпторы украсили помолодевший город балюстрадами, скверами, фонтанами, монументами. Не прошло и столетия, как город приобрел славу самого богатого и красивого города в стране, он стал достопримечательностью. Политики и архитекторы, инженеры и бургомистры из других городов приезжали сюда учиться искусству градостроительства, они изучали устройство водопровода, канализации и прочего в прославленном городе. Как раз тогда начали строить новую ратушу, одно из самых больших и красивых зданий в мире, именно в это время слава и богатство города счастливо сочетались с расцветом архитектуры и скульптуры. Все

без исключения новые здания были отделаны изнутри благородным светло-серым камнем, а снаружи их окружал зеленый пояс парков и скверов. Необычная планировка стирала привычные очертания улиц, дома стояли свободно, располагаясь широкими кольцами. Экспонаты городского музея, размещенные в многочисленных залах, рассказывали об истории города с первого его дня до самого последнего времени. На открытом воздухе перед музеем воссоздавалась в миниатюре прерия, ее богатый животный мир и дикая растительность. Тут же была и модель старого города: убогие домишки, улочки, переулки и тупички. Веселые молодые люди немало потешались, глядя на дощатые сараи и лачуги, обитые жестью, они дивились скорому их превращению в блестящие улицы и кварталы, Музей был наглядным пособием, он помогал воочию увидеть, как отсталость преображается в прогресс, грубое — в утонченное, животное — в человека, дикарь — в образованного, недостаток — в избыток, природа — в культуру.

В следующее столетие город достиг вершины своего благополучия, он купался в роскоши, разрастался и менялся на глазах. И вот уже низы стали всерьез подумывать о революции. Люди

поджигали нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы, расположенные в нескольких милях от города. Прилегающие к ним предприятия, фермы и деревни также были частью сожжены, частью разграблены. Но сам город среди этой резни и ужаса каким-то образом уцелел и следующее десятилетие прошло спокойно, правда, уже без прежнего бурного роста и насыщенной жизни. И как раз в самые плохие для города времена бурно пошла в гору соседняя страна, отделенная от города морским простором. Неистощенная земля охотно дарила ее жителям обильные урожаи, а также железо, серебро и другие сокровища. Новая страна оттянула на себя не нашедшие применения силы и впитала энергию и планы старого мира. Выросли благоустроенные города, исчезли леса, покорились людям могучие реки.

Прекрасный город приходил постепенно в упадок. Он больше не был столицей мира, его сердцем и мозгом, больше не был ярмаркой и биржей многих стран. Теперь он довольствовался малым — тем, что жизнь в нем еще теплилась, что в шуме и блеске новых времен его слава не совсем померкла. Последние свои силы он употреблял ни на строительство, ни на завоевания. Горожан не пленяли уже неизведанные земли, они не хотели

ни торговать, ни служить. Но культурная почва была распахана, и на ней взошли новые ростки. В притихшем городе хорошо жилось только ученым, живописцам и поэтам. На смену тем, кто на земле, отвоеванной у прерии, воздвигал когда-то дома, пришли другие люди, и легко, играючи они подчинили себе духовную жизнь. Они рисовали грустные пейзажи — старые, заброшенные сады с одряхлевшими статуями, с покрытыми тиной зелеными прудами, или слагали нежные стихи о безумии прежних времен и о тихих снах, которые снятся усталым людям в старых дворцах. Так еще раз прозвенела в мире слава города, еще раз прославилось его имя. Вокруг вспыхивали опустошительные войны, разрушенное отстраивалось вновь, и жизнь кипела, а горожане, оторванные от бурных событий, жили в тишине и покое.

Блеск былого величия заметно померк: утихли улицы, затененные старыми деревьями; на безмолвных площадях старели исхлестанные ветрами фасады некогда роскошных зданий; покрылись мхом старые фонтаны, зачарованные музыкой текущей воды.

Почти столетие старый спящий город был для молодого мира предметом почитания. Его воспе-

вали поэты и посещали влюбленные. Но жизнь бурлила где-то далеко, на новых землях, а здесь, в городе, начали вымирать потомки некогда славных фамилий. Последние их представители достигли славы; остальные теряли вкус к жизни. Город расползался и истлевал, будто изъеденная молью ткань. Небольшие соседние города уже исчезли с лица земли, они превратились в руины, ставшие приютом для цыган и беглых каторжников.

После сильного землетрясения, которое, впрочем, пощадило город, русло реки переместилось так, что ближние окрестности города частью превратились в болото, а частью засохли. Горные обвалы обрушились на каменоломни и одинокие домики; старый лес постепенно сползал с гор все ниже и ниже, он словно почувствовал, что все вокруг превращается в пустыню, и пядь за пядью сжимал ее своим зеленым кольцом, заселяя болото молодыми и крепкими сосенками.

В конце концов в городе не осталось жителей, разве что всякий сброд — совершенно одичавшее, странное племя. Они укрывались от непогоды среди развалин роскошных дворцов; там, где раньше были проспекты и парки, паслись тощие козы. Но и это дикое племя мало-помалу

вымирало от душевных и телесных болезней; природа, окружавшая город возвращалась к тому состоянию, в котором она пребывала до начала затеянного человеком коловерчения.

В песнях и легендах, которые слагали вырождающиеся народы, жившие в соседних, ныне тоже заброшенных городах, воспевался древний мифический город. В детских сказках и меланхолических пастушьих песнях упоминалось его имя, его призрачное великолепие и былое богатство. Иногда ученые из дальних стран — тех, что процветают в наши дни, — совершали полные опасностей путешествия к развалинам города, дабы рассказать своим ученикам о таинственных предметах и событиях — о воротах из чистого золота, о надгробьях, украшенных бриллиантами чистой воды, о следах древнего волшебного искусства, оставленных кочевыми племенами, которые населяли эту местность тысячу лет назад.

Лес тем временем спускался с гор и продвигался все дальше и дальше. Реки и озера появлялись и пропадали, деревья наступали на равнину, пока не заполонили ее без остатка. Скрылись в чаще леса развалины городских домов, дворцов, замков, музеев. В этих глухих краях обитали теперь

лисы и куницы, волки и медведи.

На том месте, где когда-то стоял дворец, — от него уже ровным счетом ничего не осталось, — росла молодая сосна. Всего только год назад она была посланником наступающего леса, а теперь, насколько можно было охватить взглядом, со всех сторон поднималась молодая поросль.

«Дела идут!» — воскликнул дятел, стуча клювом по стволу дерева и глядя на разросшийся лес, покрывший землю умиротворяющим и великолепным зеленым покровом.

Перевел с немецкого С. Мороз

№ 3

Виктор Пелевин

Затворник и шестипалый

— …

— Отвали.

— ?

— Я же сказал, отвали. Не мешай смотреть.

— А на что это ты смотришь?

— Вот идиот, господи… Ну, на солнце.

Шестипалый поднял взгляд от черной поверхности почвы, усыпанной едой, опилками и измельченным торфом, и, щурясь, уставился вверх.

— Да… Живем, живем — а зачем? Тайна веков. И разве постиг кто-нибудь тонкую нитевидную сущность светил?

Незнакомец посмотрел на него с брезгливым любопытством.

— Шестипалый, — немедленно представился Шестипалый.

— Я Затворник, — ответил незнакомец. — Это у вас так в социуме говорят? Про тонкую нитевидную сущность?

— Уже не у нас, — ответил Шестипалый, и вдруг присвистнул. — Гляди! Новое появилось! А прошлые два еще на небе!

— Ну и что?

— В центре мира так никогда не бывает. Чтобы сразу три светила.

Затворник снисходительно хмыкнул.

— А я в свое время сразу одиннадцать видел. Правда, это не здесь было.

— А где? — спросил Шестипалый.

Затворник промолчал. Отвернувшись, он отошел в сторону, ногой отколупнул от земли кусок еды и стал есть. Дул слабый теплый ветер, два солнца отражались в серо-зеленых плоскостях далекого горизонта, и в этой картине было столько покоя и печали, что задумавшийся Затворник, снова заметив перед собой Шестипалого, даже вздрогнул.

— Шел бы лучше в социум, — сказал он с чувством. — А то вон куда забрел. Правда, ступай…

Он махнул рукой в направлении узкой грязно-желтой полоски, которая чуть извивалась и подрагивала — даже не верилось, что так отсюда выглядит огромная галдящая толпа.

— Я бы пошел, — сказал Шестипалый, — только они меня прогнали.

— Да? Это почему? Политика?

Шестипалый кивнул и почесал одной ногой другую. Затворник взглянул на его ноги и покачал головой.

— Настоящие?

— А то какие же. Они мне так и сказали — у

нас сейчас самый, можно сказать, решительный этап приближается, а у тебя на ногах по шесть пальцев… Нашел, говорят, время…

— Какой еще «решительный этап»?

— Не знаю. Лица у всех перекошенные, особенно у Двадцати Ближайших, да и у Ума с Честью, а больше ничего не поймешь. Бегают, орут.

— А, — сказал Затворник, — понятно. Он, наверно, с каждым часом все отчетливей и отчетливей? А контуры все зримей?

— Точно, — удивился Шестипалый. — А откуда ты знаешь?

— Да я их уже штук пять видел, этих решительных этапов. Только называются по-разному.

— Да ну, — сказал Шестипалый. — Он же впервые происходит.

— Еще бы. Даже интересно было бы посмотреть, как он будет во второй раз происходить. Но мы немного о разном.

Наступило молчание.

— Слушай, а тебя тоже прогнали? — нарушил его Шестипалый.

— Нет. Это я их всех прогнал.

— Так разве бывает?

— По-всякому бывает, — сказал Затворник, поглядел на один из небесных объектов и добавил

тоном перехода от болтовни к серьезному разговору. — Строиться пора. Скоро темно станет.

— Да брось ты, — сказал Шестипалый, — никто не знает, когда темно станет.

— А я вот знаю. Хочешь спать спокойно — делай как я.

И Затворник принялся сгребать кучи разного валяющегося под ногами хлама, опилок и кусков торфа. Постепенно у него получилась огораживающая небольшое пустое пространство стена, довольно высокая, примерно в его рост. Затворник отошел от законченного сооружения и с любовью поглядел на него.

— Вот. Я это называю убежищем души.

— Почему? — спросил Шестипалый.

— Так. Красиво звучит. Ты себе-то будешь строить?

Шестипалый начал ковыряться. У него ничего не выходило — стена обваливалась. По правде сказать, он и не особо старался, потому что ничуть не поверил Затворнику насчет наступления тьмы — и когда небесные огни дрогнули и стали медленно гаснуть, а со стороны социума донесся похожий на шум ветра в соломе всенародный вздох ужаса, в его сердце возникло одновременно два сильных чувства: обычный страх перед

неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он.

— Так и быть, — сказал Затворник, — прыгай внутрь. Я еще построю.

— Я не умею прыгать, — тихо ответил Шестипалый.

— Тогда привет, — сказал Затворник, и вдруг, изо всех сил оттолкнувшись от земли, взмыл вверх и исчез за стеной, после чего все сооружение обрушилось, покрыв его равномерным слоем опилок и торфа. Образовавшийся холмик некоторое время подрагивал, потом в его стене возникло маленькое отверстие — Шестипалый еще успел увидеть в нем блестящий глаз Затворника. И наступила окончательная тьма.

Разумеется, Шестипалый, сколько себя помнил, знал все необходимое про ночь. «Это естественный процесс», — говорили одни. «Делом надо заниматься», — считали другие, и таких было большинство. Вообще, оттенков мнений было много, но происходило со всеми одно и то же: когда без всяких видимых причин свет гас, после короткой и безнадежной борьбы с судорогами страха все впадали в оцепенение, а придя в себя (когда светила опять загорались), помнили очень

мало. То же самое происходило и с Шестипалым, пока он жил в социуме, а сейчас — потому, наверно, что страх перед наступившей тьмой наложился на равный ему по силе страх перед одиночеством и, следовательно, удвоился, он не впал в обычную спасительную кому. Вот уже стих далекий народный стон, а, он все сидел съежась возле холмика и тихо плакал. Видно вокруг ничего не было, и когда в темноте раздался голос Затворника, Шестипалый от испуга нагадил прямо под себя.

— Кончай долбить, — сказал Затворник, — спать мешаешь.

— Я не могу, — тихо отозвался Шестипалый. — Это сердце. Ты б со мной поговорил, а?

— О чем? — спросил Затворник.

— О чем хочешь, только подольше.

— Давай о природе страха?

— Ой, не надо! — запищал Шестипалый.

— Тихо, ты! — зашипел Затворник. — Сейчас сюда все крысы сбегутся.

— Какие крысы? Что это? — холодея, спросил Шестипалый.

— Это существа ночи. Хотя на самом деле и дня тоже.

— Не повезло мне в жизни, — прошептал Ше-

стипалый. — Было б у меня пальцев сколько положено, спал бы сейчас со всеми. Господи, страх-то какой… Крысы…

— Слушай, — заговорил Затворник, — вот ты все повторяешь — господи, господи… У вас там что, в Бога верят?

— Черт его знает. Что-то такое есть, это точно. А что — никому не известно. Вот, например, почему темно становится? Хотя, конечно, можно и естественными причинами объяснить. А если про Бога думать, то ничего в жизни и не сделаешь…

— А что, интересно, можно сделать в жизни? — спросил Затворник.

— Как что? Чего глупые вопросы задавать — будто сам не знаешь. Каждый, как может, лезет к кормушке. Закон жизни.

— Понятно. А зачем тогда все это? Вселенная, небо, земля, светила — вообще, все!

— Как зачем? Так уж мир устроен.

— А как он устроен? — с интересом спросил Затворник.

— Так и устроен. Движемся в пространстве и во времени. Согласно законам жизни.

— А куда?

— Откуда я знаю. Тайна веков. От тебя, знаешь, свихнуться можно.

— Это от тебя свихнуться можно. О чем ни заговори, у тебя все или закон жизни, или тайна веков.

— Не нравится, так не говори, — обиделся Шестипалый.

— Да я и не говорил бы. Это ж тебе в темноте молчать страшно.

Шестипалый как-то совершенно забыл об этом. Прислушавшись к своим ощущениям, он вдруг заметил, что не испытывает никакого страха. Это его так напугало, что он вскочил на ноги и кинулся куда-то вслепую, пока со всего разгона не треснулся головой о невидимую в темноте стену мира.

Издалека послышался скрипучий хохот Затворника, и Шестипалый, осторожно переставляя ноги, побрел навстречу этим единственным во всеобщей тьме и безмолвии звукам. Добравшись до холмика, под которым сидел Затворник, он молча улегся рядом.

— Сегодня мы с тобой полезем за стену мира, понял? — сказал Затворник.

Шестипалый как раз подбегал к убежищу души. Сама постройка выходила у него уже почти

так же, как у Затворника, а вот прыжок удавался только после длинного разбега. Смысл сказанного дошел до него именно тогда, когда надо было прыгать, и в результате он врезался в хлипкое сооружение так, что торф и опилки, вместо того, чтобы покрыть все его тело ровным мягким слоем, превратились в наваленную над головой кучу, а ноги потеряли опору и бессильно повисли в пустоте. Затворник помог ему выбраться и повторил:

— Сегодня мы отправимся за стену мира.

За последние дни Шестипалый наслушался от него такого, что в душе у него все время что-то поскрипывало и ухало, а былая жизнь в социуме казалась трогательной фантазией (или пошлым кошмаром — точно он еще не решил), но это уж было слишком. Затворник между тем продолжал:

— Решительный этап наступает после каждых семидесяти затмений. А вчера было шестьдесят девятое. Миром правят числа. И он указал на длинную цепь соломинок, торчащих из почвы возле самой стены мира.

— Да как же можно лезть за стену мира, если это — стена мира? Ведь в самом названии… За ней ведь нет ничего…

— Ну и что, — ответил Затворник, — что нет ничего. Нас это должно только радовать.

— А что мы там будем делать?

— Жить.

— А чем нам тут плохо?

— А тем, дурак, что этого «тут» скоро не будет.

— А что будет?

— Вот останься, узнаешь тогда. Ничего не будет.

Он подошел к остаткам выстроенного Шестипалым убежища души и стал ногами раскидывать их по сторонам.

— Зачем это ты? — спросил Шестипалый.

— Перед тем, как покинуть какой-либо мир, надо обобщить опыт своего пребывания в нем, а затем уничтожить все свои следы. Это традиция.

— А кто ее придумал?

— Какая разница. Ну я. Больше тут некому. Вот так…

Затворник оглядел результат своего труда — на месте развалившейся постройки теперь было идеально ровное место, ничем не отличающееся от поверхности остальной пустыни.

— Все, — сказал он. — Теперь надо опыт обобщить. Твоя очередь. Забирайся на эту кочку и рассказывай.

Шестипалый почувствовал, что его перехитрили, оставив ему самую тяжелую и, главное, непонятную часть работы. Но после случая с затмением он решил слушаться Затворника. Пожав плечами и оглядевшись, — не забрел ли сюда кто из социума — он залез на кочку.

— Что рассказывать?

— Все, что знаешь о мире.

— Значит, так. Наш мир… Ну и идиотский у тебя ритуал…

— Не отвлекайся.

— Наш мир представляет собой правильный восьмиугольник, равномерно и прямолинейно движущийся в пространстве. Здесь мы готовимся к решительному этапу, венцу наших счастливых жизней. По периметру мира проходит так называемая стена мира, объективно возникшая в результате действия законов жизни. В центре мира находится кормушка, вокруг которой издавна существует наша цивилизация. Положение члена социума относительно кормушки-поилки определяется его общественной значимостью и заслугами…

— Вот этого я раньше не слышал, — перебил Затворник. — Что это такое — заслуги? И общественная значимость?

— Ну… Как сказать… Это когда кто-то попадает к самой кормушке.

— А кто к ней попадает?

— Я же говорю — тот, у кого большие заслуги. Или общественная значимость. У меня, например, раньше были так себе заслуги, а теперь вообще никаких. Да ты что, народную модель вселенной не знаешь?

— Не знаю, — сказал Затворник.

— Да ты что… А как же ты к решительному этапу готовился?

— Потом расскажу. Давай дальше.

— А уже почти все. Чего там еще-то… За областью социума находится великая пустыня, а кончается все стеной мира. Возле нее ютятся отщепенцы вроде нас.

— Понятно. А бревно откуда взялось? В смысле, все остальное?

— Ну ты даешь… Этого тебе даже Двадцать Ближайших не скажут. Тайна веков.

— Ну хорошо. А что такое тайна веков?

— Закон жизни, — ответил Шестипалый, стараясь говорить мягко. Ему что-то не нравилось в интонациях Затворника.

— Ладно. А что такое закон жизни?

— Это тайна веков.

— Ладно, — сказал Затворник, — все ясно. Слезай.

Шестипалый слез с кочки, и Затворник с сосредоточенным и серьезным видом залез на его место. Некоторое время он молчал, словно прислушиваясь к чему-то, а потом поднял голову и заговорил.

— Я пришел сюда из другого мира, — сказал он, — когда ты был еще совсем мал.

А в тот, другой мир я пришел из третьего, и так далее. Всего я был в пяти мирах. Они практически ничем не отличаются друг от друга. А вселенная, где мы находимся, представляет собой огромное замкнутое пространство. На языке богов она называется «Бройлерный комбинат имени Луначарского», но что это означает — неизвестно.

— Ты знаешь язык богов? — изумленно спросил Шестипалый.

— Немного. Не перебивай. Всего во вселенной есть семьдесят миров. В одном из них мы сейчас находимся. Эти миры прикреплены к черной-ленте, которая медленно движется по кругу. А над ней, на поверхности неба, находятся сотни одинаковых светил. Так что это не они плывут над нами, а мы проплываем под ними. В каждом из миров есть жизнь, но она не существует там

постоянно, а циклически возникает и исчезает. Решительный этап происходит в центре вселенной, через который по очереди проходят все миры. На языке богов он называется Цехом номер один. Наш мир как раз находится в его преддверии. После решительного этапа обновленный мир выходит с другой стороны Цеха номер один, все начинается сначала. Возникает жизнь, проходит свой цикл и через положенный срок опять ввергается в Цех номер один.

— Откуда ты все это знаешь? — тихим голосом спросил Шестипалый.

— Я много путешествовал, — сказал Затворник, — и по крупицам собирал тайные знания. В одном мире было известно одно, в другом — другое.

— Может быть, ты знаешь, откуда мы беремся?

— Ты спрашиваешь про одну из глубочайших тайн мироздания, и я даже не знаю, можно ли тебе ее доверить. Но поскольку кроме тебя все равно некому, я, пожалуй, скажу. Мы появляемся на свет из белых шаров.

— Белые шары, — повторил Шестипалый. Груз узнанного навалился на него физической тяжестью, и на секунду ему показалось, что он умрет. Затворник подскочил к нему и изо всех сил начал

трясти. Постепенно к Шестипалому вернулась ясность сознания.

— Что с тобой? — испуганно спросил Затворник.

— Ой. Я вспомнил. Точно. Раньше мы были белыми шарами и лежали на длинных полках. В этом месте было очень тепло и влажно. А потом мы стали изнутри ломать эти шары, и… Но почему этого никто не помнит?

— Тех, кто это помнит, прячут подальше, чтобы они не мешали готовиться к решительному этапу, или как он там называется. Везде по-разному. У нас называется Завершением строительства, хотя никто ничего и не строил.

Видимо, воспоминания повергли Затворника в печаль. Он замолчал.

— Слушай, — спросил через некоторое время Шестипалый, — а откуда берутся эти белые шары?

Затворник одобрительно поглядел на него.

— Мне понадобилось намного больше времени, чтобы в моей душе созрел этот вопрос, — сказал он. — В одной древней легенде говорится, что эти яйца появляются из нас, но это вполне может быть и метафорой…

— Из нас? Непонятно. Где ты это слышал?

— Да сам сочинил. Тут разве услышишь что-нибудь, — сказал Затворник с неожиданной тоской в голосе.

— Ты же сказал, что это древняя легенда.

— Правильно. Просто я ее сочинил как древнюю легенду.

— Как это? Зачем?

— Понимаешь, один древний мудрец, можно сказать — пророк (на этот раз Шестипалый догадался, о ком идет речь) — говорил, что не так важно то, что сказано, как то, кем сказано. Часть смысла того, что я хотел выразить, заключена в том, что мои слова выступают в качестве древней легенды.

Затворник глянул на небо и перебил сам себя:

— Все. Пора идти в социум.

Шестипалый вытаращил глаза.

— Мы же собирались лезть через стену мира. Зачем нам социум?

— А ты хоть знаешь, что такое социум? — спросил Затворник. — Это и есть приспособление для перелезания через стену мира.

…Шестипалый шел почему-то крадучись, и чем ближе становился социум, тем преступней становилась его походка. Постепенно огромная толпа, казавшаяся издали огромным шевелящимся су-

ществом, распадалась на отдельные тела, и даже можно было разглядеть удивленные гримасы тех, кто замечал приближающихся.

— Главное, — шепотом повторял Затворник последнюю инструкцию, — веди себя наглее. Но не слишком нагло. Мы непременно должны их разозлить — но не до такой степени, чтобы нас разорвали в клочья. Короче, все время смотри, что буду делать я.

— Шестипалый приперся! — весело закричал кто-то впереди.

— Здорово, сволочь! Эй, Шестипалый, кто это с тобой?

У самой границы социума народ стоял редко — тут жили, в основном, калеки и созерцатели, не любившие тесноты — их нетрудно было обходить. Но уже очень скоро Затворник с Шестипалым оказались в невыносимой тесноте. А когда над головами тех, кто был впереди, показалась мелко трясущаяся крыша кормушки, уже ни шага вперед сделать было нельзя.

— Всегда поражался, — тихо сказал Шестипалому Затворник, — как здесь все мудро устроено. Те, кто стоит близко к кормушке — счастливы потому, что все время помнят о желающих попасть на их место. А те, кто всю жизнь ждет, когда между

стоящими впереди появится щелочка, счастливы потому, что им есть на что надеяться в жизни. Это ведь и есть гармония и единство.

— А у нас так и говорят, — сказал кто-то сбоку, — что народ един с умом эпохи.

— Причем тут ум эпохи? — спросил Затворник.

— Просто терминология, — ответил тот же голос. — Те, кто попадает в определенный радиус близости к кормушке, называются умом эпохи. Те, кто еще ближе — честью эпохи. А те, кто совсем близко — ее совестью.

— Представляю себе эпоху, — пробормотал Затворник.

— Что, не нравится? — спросил голос.

— Не нравится, — ответил Затворник.

— А что конкретно не нравится?

— Да все.

— Понятно. И где, по-вашему, лучше?

— В том-то и трагедия, что нигде! — страдальчески выкрикнул Затворник. — Было бы где лучше, неужели я б с вами тут о жизни беседовал?

— И товарищ ваш — таких же взглядов? — спросил голос. — Чего он в землю-то смотрит?

Шестипалый поднял глаза — до этого он глядел себе под ноги, чтобы минимально участвовать в происходящем, — и увидел обладателя

осторожного голоса. У того было обрюзгшее раскормленное лицо. Шестипалый сразу понял, что перед ним — один из Двадцати Ближайших, самая что ни на есть совесть эпохи.

— Это вы оттого такие невеселые, — дружелюбно сказал тот, — что не готовитесь вместе со всеми к Решительному Этапу. Тогда у вас на эти мысли времени бы не было. Мне самому такое иногда в голову приходит, что… И, знаете, работа спасает.

И с той же интонацией добавил:

— Взять их!

По толпе прошло движение, и Затворник с Шестипалым оказались немедленно стиснутыми со всех четырех сторон.

— Да плевали мы на вас, — также дружелюбно сказал Затворник. — Куда вы нас возьмете? Некуда вам нас взять. Ну, прогоните еще раз. Через стену мира, как говорится, не перебросишь…

Тут на лице Затворника изобразилось смятение, а толстолицый высоко поднял веки — их глаза встретились.

— А ведь интересная задумка. Такого у нас еще не было. Конечно, есть такое выражение, но ведь воля народа сильнее пословицы.

Видимо, эта мысль восхитила его. Он повернул-

ся и скомандовал:

— Внимание! Строимся!

Вскоре процессия, в центре которой вели Затворника и Шестипалого, приблизилась к стене мира. Первым шел толстолицый, за ним — двое назначенных старушками-матерями, которые сквозь слезы выкрикивали обидные слова Затворнику и Шестипалому, оплакивая и проклиная их одновременно, затем вели самих преступников, и замыкала шествие толпа народной массы.

— Итак, — сказал толстолицый, когда процессия остановилась, — пришел пугающий миг воздаяния. Пусть все зажмурятся, когда два этих отщепенца исчезнут в небытии. И пусть это волнительное событие послужит красивым уроком всем нам, народу. Громче рыдайте, матери!

Старушки-матери повалились на землю и залились таким горестным плачем, что многие из присутствующих тоже начали отворачиваться и сглатывать, но матери иногда вдруг вскакивали и, сверкая глазами, бросали Затворнику и Шестипалому неопровержимые ужасные обвинения, после чего обессиленно падали вновь.

— Итак, — сказал через некоторое время толстолицый, — раскаялись ли вы? Устыдили ли вас

слезы матерей?

— Еще бы, — ответил Затворник, озабоченно наблюдавший за небесными телами, — а как вы нас перебрасывать хотите?

— Сейчас увидишь.

Через несколько минут почти до самого края стены мира поднялась живая пирамида. Те, кто стоял наверху, жмурились и прятали лица, чтобы, не дай Бог, не заглянуть туда, где все кончается.

— Наверх, — скомандовал кто-то Затворнику и Шестипалому, и они, поддерживая друг друга, стали карабкаться по шаткой веренице плеч и спин.

С высоты был виден притихший социум, внимательно следивший издали за происходящим. Были видны некоторые незаметные до этого детали неба и толстый черный шланг, спускавшийся к кормушке из бесконечности — отсюда он казался совсем не таким величественным, как с земли. Легко вспрыгнув на край стены мира, Затворник помог Шестипалому сесть рядом и крикнул вниз:

— Порядок!

От его крика кто-то в живой пирамиде потерял равновесие, она качнулась и через мгновение рассыпалась.

Вцепившись в холодную жесть борта, Шестипалый вглядывался в крохотные задранные лица, в серо-зелено-коричневые пространства своей родины. «Я никогда больше этого не увижу», — думал он, и хоть особого желания увидеть все это когда-нибудь еще у него не было, горло все равно сводило.

— Прощайте, сынки родимые! — закричали снизу старушки-матери, земно поклонились и, рыдая, принялись швырять вверх торфом и землей.

Один из кусков угодил в Затворника, и он, растопыря руки и ноги, полетел вниз. Шестипалый последний раз оглядел все оставшееся внизу и вдруг заметил, что кто-то из далекой толпы прощально машет ему — тогда он помахал в ответ. Потом он зажмурился и шагнул назад.

Теперь, когда они шли по гигантской черной ленте. Шестипалый видел, что Затворник сказал правду. Действительно, мир, который они покинули, медленно двигался вместе с этой лентой относительно других неподвижных космических объектов, природы которых Шестипалый не понимал, а светила были неподвижными. Сейчас оставленный ими мир медленно подъезжал к зеленым стальным воротам, под которые уходи-

ла лента. Затворник сказал, что это и есть вход в Цех номер один. Странно, но Шестипалый совершенно не был поражен величием заполняющих вселенную объектов — наоборот, в нем скорее проснулось чувство легкого раздражения. «И это все?» — брезгливо думал он. Вдали виднелись два мира, подобных тому, который они оставили — те тоже двигались вместе с черной лентой и выглядели довольно убого.

Затворник вдруг велел ему прыгать с черной ленты вниз, в темную бездонную щель.

Он чуть не расшибся о холодную твердую поверхность, выложенную большими коричневыми плитами. Они тянулись до горизонта, и выглядело это все очень красиво.

— Что это? — спросил Шестипалый.

— Кафель, — ответил Затворник непонятным словом и сменил тему. — Скоро ночь, а нам надо дойти вон до тех мест. Часть дороги придется пройти в темноте. Пошли быстрее.

Затворник выглядел всерьез озабоченным. Шестипалый поглядел в указанном им направлении и увидел далекие кубические скалы нежно-зеленого цвета (Затворник сказал, что они называются «ящики») — их было очень много и между ними виднелись пустые пространства,

усыпанные горами светлой стружки — издали все это походило на пейзаж из счастливого сна.

— Слушай, — спросил Шестипалый, скользя по кафелю рядом, — а как ты узнаешь, когда наступит ночь?

— По часам, — ответил Затворник. — Это одно из небесных тел. Вон тот диск с черными зигзагами.

Шестипалый посмотрел на довольно знакомую, хоть и не привлекавшую никогда его особого внимания деталь небесного свода.

— Когда эти черные линии приходят в особое положение, свет гаснет, — сказал Затворник. — Это случится вот-вот. Досчитай до десяти.

— Раз, два, — начал Шестипалый, — и вдруг стало темнеть.

— Не отставай от меня, — сказал Затворник, — потеряешься.

Он мог бы этого не говорить — Шестипалый чуть не наступал ему на пятки. Единственным источником света остался косой желтый луч, падавший из-под зеленых ворот Цеха номер один.

Шестипалый впал в странное состояние. Отовсюду исходила опасность, он ощущал ее всей кожей как дующий со всех сторон одновременно сквозняк. Ему представлялось, что они идут в

царство каких-то огненных духов, и он уже собирался сказать об этом Затворнику, когда тот вдруг остановился и поднял руку.

— Тихо, — сказал он, — крысы. Справа от нас.

Затворник повернулся вправо и принял странную позу, велев Шестипалому спрятаться за его спиной, что тот и выполнил с удивительной скоростью и охотой.

Сначала он ничего не замечал, а потом ощутил скорее чем увидел движение большого быстрого тела в темноте. Оно остановилось точно на границе видимости.

— Она ждет, — тихо сказал Затворник, — как мы поступим дальше. Стоит нам сделать хоть шаг, и она кинется на нас.

— Ага, кинусь, — сказала крыса, выходя из темноты, как комок зла и ярости, как истинное порождение ночи.

— Ух, — вздохнул Затворник, — Одноглазка. А я уж думал, что мы влипли. Знакомьтесь.

Шестипалый недоверчиво поглядел на умную коническую морду с длинными усами и двумя черными бусинками глаз.

— Одноглазка, — сказала крыса и вильнула неприлично голым хвостом.

— Шестипалый, — представился Шестипалый

и спросил: — А почему ты Одноглазка, если у тебя оба глаза в порядке?

— А у меня третий глаз раскрыт, — сказала Одноглазка, — а он один. В каком-то смысле все, у кого третий глаз раскрыт, одноглазые.

— А что такое… — начал Шестипалый, но Затворник не дал ему договорить. — Не пройтись ли нам, — галантно предложил он Одноглазке, — вон до тех ящиков? Ночная дорога скучна, если рядом нет собеседника.

— Пойдем, — согласилась Одноглазка и, повернувшись к Шестипалому боком (только теперь он разглядел ее огромное мускулистое тело), затрусила рядом с Затворником, которому, чтобы поспеть, приходилось идти очень быстро. Шестипалый бежал сзади. Поглядывая на лапы Одноглазки и перекатывающиеся под ее шкурой мышцы, он думал о том, чем могла бы закончиться эта встреча, не окажись Одноглазка знакомой Затворника, и изо всех сил старался не наступить ей на хвост. Судя по тому, как быстро их беседа стала походить на продолжение какого-то давнего разговора, они были старыми приятелями.

— Свобода? Господи, да что это такое? — спрашивала Одноглазка и смеялась. — Это когда ты в смятении и одиночестве бегаешь по всему

комбинату, в десятый или в какой там уже раз увернувшись от ножа? Это и есть свобода?

— Ты опять все подменяешь, — отвечал Затворник. — Это только поиски свободы. Я никогда не соглашусь с той инфернальной картиной мира, в которую ты веришь. Наверно, это у тебя оттого, что ты чувствуешь себя чужой в этой вселенной, созданной для нас.

— Нет, она создана из-за вас, но не для вас.

Затворник опустил голову и некоторое время шел молча.

— Ладно, — сказала Одноглазка. — Я ведь пришла попрощаться. Правда, думала, что ты появишься чуть позже — но все-таки встретились. Завтра я ухожу.

— Куда?

— Одна из старых нор вывела меня в пустую бетонную трубку, которая уходит так далеко, что об этом даже трудно подумать. Я встретила там нескольких крыс — они говорят, что труба выводит в другую вселенную, где живут только самцы богов в одинаковой зеленой одежде. Они совершают сложные манипуляции вокруг огромных идолов, стоящих в гигантских шахтах.

Одноглазка притормозила.

— Отсюда мне направо, — сказала она. — Так

вот, еда там такая — не расскажешь. Вся эта вселенная могла бы поместиться в одной тамошней шахте. Хочешь со мной?

— Нет, — ответил Затворник. — Вниз — это не наш путь.

— Ну что ж, — сказала Одноглазка. — Тогда желаю успеха на твоем пути, каким бы он ни был. Прощай! Удачи тебе.

Она кивнула Шестипалому и канула в темноту.

Остаток пути Затворник и Шестипалый прошли молча. Добравшись до ящиков, они пересекли несколько гор стружки и наконец достигли цели. Это была слабо озаренная светом из-под ворот Цеха номер один ямка в стружках, в которой лежала куча мягких и длинных тряпок. Затворник был в заметно плохом настроении. Он копошился в тряпках, устраиваясь на ночь, и Шестипалый решил не приставать к нему с разговорами, тем более, что сам хотел спать. Кое-как завернувшись в тряпки, он забылся.

Разбудило его далекое скрежетание, стук стали по дереву и крики, полные такой невыразимой безнадежности, что он сразу кинулся к Затворнику.

— Что это?

— Твой мир проходит через решительный этап, — ответил Затворник.

— ???

— Смерть пришла, — просто сказал Затворник, натянул на себя тряпку и уснул.

Проснувшись, Затворник поглядел на трясущегося в углу заплаканного Шестипалого, хмыкнул и стал рыться в тряпках. Скоро он достал оттуда штук десять одинаковых предметов, похожих на обрезки толстой шестигранной трубы.

— Что это? — спросил Шестипалый.

— Боги называют их «гайками».

Шестипалый вдруг махнул рукой и опять заревел.

— Да что с тобой? — спросил Затворник.

— Все умерли, — бормотал Шестипалый, — все-все…

— Ну и что, — сказал Затворник. — Ты тоже умрешь.

— Все равно жалко.

— Кого именно? Старушку-мать, что ли? Или этого, из Двадцати Ближайших?

— Помнишь, как нас сбрасывали со стены? — спросил Шестипалый. — Всем было велено зажмуриться. А я помахал им рукой, и тогда кто-то помахал мне в ответ. И вот когда я думаю, что

он тоже умер… И что вместе с ним умерло то, что заставило его так поступить…

— Да, — улыбаясь, сказал Затворник, — это действительно очень печально.

И наступила тишина, нарушаемая только механическими звуками из-за зеленых ворот, куда уплыла родина Шестипалого.

— Слушай, — спросил он, наплакавшись, — а что бывает после смерти?

— У меня было множество видений на этот счет. Иногда мертвых рассекают на части и жарят на огромных сковородах. Иногда запекают целиком в железных комнатах со стеклянной дверью, где пылает синее пламя или излучают жар добела раскаленные металлические столбы. Иногда варят в гигантских кастрюлях. А иногда, наоборот, замораживают в кусок льда.

— А кто это делает, а?

— Как кто? Боги. Видишь ли, мы являемся их пищей.

Шестипалый вздрогнул.

— Больше всего они любят именно ноги, — заметил Затворник. — Ну, и руки тоже. Именно о руках я с тобой и собираюсь поговорить. Подними их.

Шестипалый вытянул перед собой руки — тон-

кие, бессильные, они выглядели жалко.

— Когда-то они служили нам для полета, — сказал Затворник.

— А что такое полет?

— Точно этого не знает никто. Известно только, что надо иметь сильные руки. Гораздо сильнее, чем наши. Поэтому я хочу научить тебя одному упражнению. Возьми две гайки.

Шестипалый с трудом поднял два предмета.

— Вот так. Теперь просунь концы рук в отверстия. Так… А теперь поднимай и опускай руки вверх-вниз… Вот так.

Через минуту Шестипалый устал до такой степени, что не мог сделать больше ни одного маха.

— Все, — он опустил руки, и гайки повалились на пол.

— Теперь посмотри, как делаю я, — сказал Затворник и надел на каждую руку по пять гаек. Несколько минут он продержал руки разведенными в стороны и, казалось, совершенно не устал.

— Здорово, — выдохнул Шестипалый. — А почему ты держишь их неподвижно?

— С какого-то момента в этом упражнении появляется одна трудность. Потом ты поймешь, что я имею в виду, — ответил Затворник.

— А ты уверен, что так можно научиться летать?

— Нет. Не уверен. Наоборот, я подозреваю, что это бесполезное занятие.

— А зачем тогда оно нужно?

— Как тебе сказать. Если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему вместо того, чтобы рассуждать, имеет смысл это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла. Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае. Мы живы до тех пор, пока у нас есть надежда. Но всерьез надеяться на это нельзя.

Шестипалый почувствовал некоторое раздражение.

— Все это замечательно, — сказал он, — но что это значит реально?

— Реально для тебя это значит, что ты каждый день будешь заниматься с этими гайками, пока не станешь таким, как я. А для меня это значит, что я буду следить за тобой так, будто для меня твои успехи и правда важны.

— Неужели нет какого-нибудь другого занятия?

— Есть. Можно готовиться к решительному этапу. Но в этом случае тебе придется действо-

вать одному.

Пока Шестипалый занимался с гайками, целых десять миров ушло в Цех номер один. Что-то скрипело и постукивало за зелеными воротами, что-то происходило там, а Шестипалый покрывался холодным потом и начинал трястись. Его руки заметно удлинились и усилились — теперь они были такими же, как у Затворника. Но пока это ни к чему не приводило. Затворник знал, что полет осуществляется с помощью рук, а что он собой представляет, было неясно. Затворник считал, что это особый способ мгновенного перемещения в пространстве, при котором нужно представить себе то место, куда хочешь попасть, а потом дать рукам мысленную команду перенести туда все тело. Целые дни он проводил в созерцании, пытаясь перенестись хоть на несколько шагов, но ничего не выходило.

— Наверное, — говорил он, — наши руки еще недостаточно сильны. Надо продолжать.

Однажды случилось крайне неприятное событие. Вокруг стало чуть темнее, и когда Шестипалый открыл глаза, перед ним маячило огромное небритое лицо Бога.

— Ишь, куда забрались, — сказало оно, а затем огромные грязные руки схватили Затворника и Шестипалого, вытащили из-за ящиков, с невероятной скоростью перенесли через огромное пространство и бросили в один из миров, уже не очень далеких от Цеха номер один. Потом Бог вдруг вернулся, вытащил Шестипалого, поглядел на него внимательно, удивленно чмокнул губами и кинул его обратно. Через несколько минут подошло сразу несколько Богов — они достали Шестипалого и принялись его рассматривать по очереди, издавая возгласы восторга.

— Не нравится мне это, — сказал Затворник, когда Боги ушли, — плохо дело.

— По-моему, тоже, — ответил перепуганный Шестипалый. — Ну убежим мы отсюда — так ведь они нас теперь искать будут. Про ящики они знают. А где-нибудь еще можно спрятаться?

Затворник помрачнел еще больше, а потом вместо ответа предложил сходить в здешний социум, чтобы развеяться.

Но оказалось, что со стороны далекой кормушки к ним уже движется целая депутация. Не дойдя шагов двадцати до Затворника и Шестипалого, идущие им навстречу повалились наземь и дальше стали двигаться ползком. Затворник велел

Шестипалому отойти назад и пошел выяснять, в чем дело. Вернувшись, он сказал:

— Такого я действительно никогда не видел. У них тут религиозная община.

Они видели, как ты общаешься с Богами, и теперь считают тебя пророком, а меня — твоим учеником.

— Ну и что теперь будет? Чего они хотят?

— Зовут к себе. Говорят, какая-то стезя выпрямлена, что-то увито и так далее. Думаю, стоит пойти.

По дороге было сделано несколько ненавязчивых попыток понести Затворника на руках, и избежать этого удалось с большим трудом. К Шестипалому никто не смел не то что приблизиться, а даже поднять на него взгляд.

По прибытии Шестипалого усадили на высокую горку соломы, а Затворник остался у ее основания и погрузился в беседу со здешними первосвященниками, которых было около двадцати — их легко было узнать по обрюзгшим толстым лицам. Затем он благословил их и полез на горку к Шестипалому.

Выяснилось, что все уже давно ждали прихода мессии, потому что приближающийся решительный этап, называвшийся здесь Страшным Судом,

уже давно волновал народные умы, а первосвященники настолько разъелись и обленились, что на все обращенные к ним вопросы отвечали коротким кивком в направлении неба. Так что появление Шестипалого с учеником оказалось очень кстати.

— Ждут проповеди, — сообщил Затворник.

— Ну так наплети им что-нибудь, — буркнул Шестипалый. — Я ведь дурак дураком, сам знаешь.

На слове «дурак» голос у него задрожал.

— Ну, ну. Успокойся, — сказал Затворник, повернулся к толпе у горки и воздел руки.

— Эй, вы! — закричал он. — Скоро все в ад пойдете. Вас там зажарят, а самых грешных замаринуют в уксусе.

Над социумом пронесся вздох ужаса.

— Я же, по воле богов и их посланца, моего господина, хочу научить вас, как спастись. Для этого надо победить грех. А вы хоть знаете, что такое грех?

Ответом было молчание.

— Грех — это избыточный вес. Подумайте, что приближает ре… Великий Суд? Да именно то, что вы обрастаете жиром. Ибо худые спасутся, а толстые нет. Истинно так: ни один костлявый

и синий не будет ввергнут в пламя, а толстые и розовые будут там все. Но те, кто будет отныне и до Великого Суда поститься, обретут вторую жизнь. Ей, господи! А теперь встаньте и больше не грешите.

— Зачем ты так? — шепнул Шестипалый, когда Затворник опустился на солому. — Они же тебе верят.

— А я что, вру? — ответил Затворник. — Если они сильно похудеют, их отправят на второй цикл откорма.

Затворник часто говорил с народом, учил их придавать себе неаппетитный вид. Шестипалый почти не участвовал в беседах и только иногда рассеянно благословлял подползавших к нему мирян. Бывшие первосвященники, которые совершенно не собирались худеть, глядели на него с ненавистью, но ничего не могли поделать, потому что все новые и новые боги подходили к миру, вытаскивали Шестипалого и разглядывали его.

А по ночам, когда все засыпали, он с Затворником продолжал отчаянно тренировать свои руки — чем меньше они верили в то, что это к чему-нибудь приведет, тем яростней станови-

лись их усилия. Руки у них выросли до такой степени, что заниматься с железками, на которые Затворник разобрал кормушку, больше не было никакой возможности — стоило чуть взмахнуть руками, как ноги отрывались от земли и приходилось прекращать упражнение. Это было той самой сложностью, о которой Затворник в свое время предупреждал Шестипалого. Зеленые ворота уже виднелись за стеной мира, и, по подсчетам Затворника, до Великого Суда остался всего десяток затмений. Боги не особенно пугали Шестипалого — он успел привыкнуть к их постоянному вниманию и воспринимал его с брезгливой покорностью. Его душевное состояние пришло в норму, и он, чтобы хоть как-то развлечься, начал выступать с малопонятными темными проповедями, которые буквально потрясали паству. Однажды он вспомнил рассказ Одноглазки о подземной вселенной и в порыве вдохновения описал приготовление супа для ста шестидесяти демонов в зеленых одеждах в таких мельчайших подробностях, что под конец не только сам перепугался до одури, но и сильно напугал Затворника, который в начале его речи только хмыкал. После этого даже бывшие первосвященники бросили есть и целыми часами

бегали вокруг кормушки, стремясь избавиться от жира.

Поскольку и Затворник и Шестипалый ели каждый за двоих, Затворнику пришлось сочинить специальный догмат о непогрешимости, который быстро пресек разные разговоры шепотом.

Дни летели быстро. Однажды утром, когда паства только продирала глаза. Затворник и Шестипалый заметили, что зеленые ворота, еще вчера казавшиеся такими далекими, нависают над самой стеной мира. Они переглянулись, и Затворник сказал:

— Сегодня сделаем последнюю попытку. Наши руки должны быть достаточно сильны. Поэтому сейчас мы отправимся к стене мира, чтобы нам не мешал этот гомон, а оттуда попробуем перенестись на купол кормушки. Если нам это не удастся, тогда попрощаемся с миром.

Пастве было сказано, что пророки идут общаться с богами. Скоро они уже сидели возле стены мира.

— Помни, — сказал Затворник, — надо представить себе, что ты уже там, и тогда…

Шестипалый закрыл глаза, сосредоточил все свое внимание на руках и стал думать о резиновом шланге, подходившем к крыше кормушки.

Постепенно он вошел в транс и почувствовал, что шланг находится совсем рядом — на расстоянии вытянутой руки. Раньше, представив себе, что он уже попал туда, куда хотел перелететь, Шестипалый спешил открыть глаза, и всегда оказывалось, что он сидит там же, где сидел. Но сегодня он решил попробовать нечто новое. «Если медленно сводить руки, — подумал он, — так, чтобы шланг оказался между ними, что тогда?» Осторожно, стараясь сохранить достигнутую уверенность, что шланг совсем рядом, он стал сближать руки. И когда они, сойдясь в месте, где перед этим была пустота, коснулись шланга, он не выдержал и изо всех сил завопил:

— Есть! — и открыл глаза.

— Тише, дурак, — сказал Затворник, чью ногу он сжимал. — Смотри.

Шестипалый вскочил на ноги и обернулся. Ворота Цеха номер один были раскрыты, их створки медленно проплывали мимо.

— Приехали, — сказал Затворник. — Пошли назад.

На обратном пути они не сказали ни слова. Лента транспортера двигалась с той же скоростью, что и они, только в другую сторону, и поэтому всю дорогу вход в Цех номер один был рядом. А

когда они дошли до своих почетных мест возле кормушки, он накрыл их и поплыл дальше.

Затворник подозвал к себе кого-то из паствы.

— Слушай, — сказал он, — только спокойно! — иди и скажи остальным, что наступил Великий Суд.

— А что теперь делать? — спросил тот с надеждой.

— Всем сесть на землю и закрыть руками глаза. И не подглядывать, иначе мы ни за что не ручаемся.

Сперва все-таки поднялся гомон. Но он быстро стих — все уселись на землю и сделали так, как велел Затворник.

— Давай прощаться с миром, — сказал Затворник. — Ты первый.

Шестипалый встал, оглянулся по сторонам, вздохнул и сел на место.

— Все? — спросил Затворник.

Шестипалый кивнул.

— Теперь я, — поднимаясь, сказал Затворник, задрал голову и закричал изо всех сил:

— Мир! Прощай!

— Ишь, раскудахтался, — раздался громовой голос. — Который? Этот, что квохчет, что ли?

— Не, — ответил другой голос. — Рядом.

Над стеной мира возникло два огромных лица.

— Ну и дрянь, — сокрушенно заметило первое лицо. — Чего с ними делать, непонятно. Они ж полудохлые все.

Над миром пронеслась огромная рука в белом, заляпаном кровью и прилипшим пухом рукаве и тронула кормушку.

— Семен, мать твою, ты куда смотришь? У них же кормушка сломана!

— Цела была, — ответил бас. — Я в начале месяца все проверял. Ну что, будем забивать?

— Нет, не будем. Подгоняй другой контейнер, а здесь — чтоб завтра кормушку починил. Как они не передохли только… А насчет этого, у которого шесть пальцев, — тебе обе лапки рубить?

— Давай обе.

— Я одну себе хотел.

Затворник повернулся к Шестипалому.

— Слушай, — прошептал он, — кажется, они хотят…

Но в этот момент огромная белая рука сгребла Шестипалого. Ладонь обхватила его, оторвала от земли, потом перед ним мелькнула огромная грудь с торчащей из кармана авторучкой, ворот рубахи, и, наконец, пара большущих выпуклых глаз, которые уставились на него в упор.

Откуда-то снизу долетел сумасшедший крик Затворника:

— Шестипалый! Беги! Клюй его прямо в морду!

Первый раз за все время в голосе Затворника звучало отчаяние. Шестипалый испугался до такой степени, что все его действия приобрели сомнамбулическую безошибочность — он изо всех сил клюнул вылупленный на него глаз и сразу стал с невероятной скоростью бить по морде бога руками с обеих сторон.

Раздался рев такой силы, что Шестипалый воспринял его не как звук, а как давление на всю поверхность своего тела. Ладони бога разжались, а в следующий момент Шестипалый заметил, что находится под потолком и, ни на что не опираясь, висит в воздухе. Сначала он не понял, в чем дело, а потом увидел, что по инерции продолжает махать руками, и именно они удерживают его в пустоте.

— Эй, — закричал он, кругами летая под самым потолком. — Затворник! Давай сюда! Маши руками как можно быстрей!

Внизу в контейнере что-то замелькало и, быстро вырастая в размерах, стало приближаться — и вот Затворник оказался рядом. Он закричал:
— Садимся вон туда!

Когда Шестипалый подлетел к квадратному пятну мутного белесого света, пересеченному узким крестом, Затворник уже сидел на подоконнике.

— Слушай, — закричал Шестипалый, — да ведь это и есть полет! Мы летали!

Затворник некоторое время глядел на него, а потом кивнул головой.

— Пожалуй, хоть это и слишком примитивно.

Между тем беспорядочное мелькание фигур внизу несколько успокоилось, и стало видно, что двое в белых халатах удерживают третьего, зажимающего лицо рукой.

— Сука! Он мне глаз выбил! Сука! — орал этот третий.

— Что такое сука? — спросил Шестипалый.

— Это способ обращения к одной из стихий, — ответил Затворник. — Собственного смысла это слово не имеет. Но нам сейчас, похоже, будет худо.

— А к какой стихии он обращается? — спросил Шестипалый.

— Сейчас увидим, — сказал Затворник.

Пока Затворник произносил эти слова, бог вырвался из удерживавших его рук, кинулся к стене, сорвал красный баллон огнетушителя и метнул

его в сидящих на подоконнике.

Затворник с Шестипалым еле успели взлететь в разные стороны. Раздался звон и грохот. Огнетушитель, пробив окно, исчез, и в помещение ворвалась волна свежего воздуха — только после этого выяснилось, как там воняло. Стало неправдоподобно светло.

— Летим! — заорал Затворник, потеряв вдруг всю свою невозмутимость. — Живо! Вперед!

И, отлетев подальше от окна, он разогнался, сложил крылья и исчез в луче желтого горячего света, бившего из дыры в крашенном стекле, откуда дул ветер и доносились новые, незнакомые звуки.

Шестипалый, разгоняясь, понесся по кругу. Последний раз внизу мелькнул восьмиугольный контейнер, залитый кровью стол и размахивающие руками боги, — сложив крылья, он со свистом пронесся сквозь дыру.

Сначала он на секунду ослеп — так ярок был свет. Потом его глаза привыкли, и он увидел впереди и вверху круг желто-белого огня такой яркости, что смотреть на него даже краем глаза было невозможно. Еще выше виднелась темная точка — это был Затворник. Скоро они уже летели рядом.

Шестипалый оглянулся — далеко внизу осталось огромное и уродливое серое здание, из которого они вылетели. Дальше начинался лес, над ним — небо, облако, и все это было таких чистых, ярких цветов, что Шестипалый, чтобы не сойти с ума, стал смотреть вверх.

— Куда? — прокричал он.

— На юг, — коротко ответил Затворник.

— . А что это? — спросил Шестипалый.

— Не знаю, — ответил Затворник, — но это вон там.

И он махнул крылом в сторону огромного сверкающего круга, только по цвету напоминавшего то, что они когда-то называли светилами.

№ 4, 5, 6, 7, 8

Борис Штерн

Записки динозавра

Фантастика

Записки динозавра

Борис ШТЕРН

Журнальный вариант. [42]

Часть первая

Мою фамилию еще можно прочитать на последней странице в любом номере научно-популярного журнала «Наука и мысль» во главе списка сотрудников и редакционной коллегии. Как говорится: «Спешите видеть!» Она (моя фамилия) давно уже не представляет военной или государственной тайны: Невеселов Ю. В., главный редактор этого журнала. Очень скоро ее обведут траурной рамкой… вот так:

[42] Примечания: 42

Журнальный вариант повести куда лучше полного "самостийного" текста 1995-го года издания. *(Мнение компилятора)*

А потом она навсегда исчезнет, потому что детей у меня нет…

(Кроме внучки, которая, когда-нибудь наконец-то выйдет замуж и сменит фамилию.)

Зовут меня Юрий Васильевич, живу я в красивом березовом лесу у Печенеговского водохранилища, в академическом городке Березань. Раньше поселок назывался Печенежки, но его переименовали (печенеги, как ни крути, были когда-то врагами народа) — как видно, по аналогии с Дубной; раз есть Дубна, пусть будет и Березань.

Пусть будет. Название все равно не прижилось. Здесь у нас все свое — головное учреждение без вывески, радиотелескоп, сейсмостанция, экспериментальный реактор, огороды, теплицы, а на том берегу в Кузьминках расположена тьма-тараканская лабораторий и всякой научной всячины — есть даже двухэтажный Дом ученых, где почитают за честь выступать не только народные артисты, но и эстрадные примадонны как женского, так и мужеского пола.

«Не надо печалиться, вся жизнь впереди…» — это мы слышали.

Кузьминки и Печенежки составляют мой ареал, мою экологическую нишу… Живу я здесь. И

больше нигде жить не могу. От Одессы, где я родился и провел детство и юность, у меня осталось мало воспоминаний, но множество каких-то смазанных впечатлений. Ах, Одесса!.. Я не был там черт-те сколько лет — с тех пор, когда, схватив фанерный чемодан и привязав к нему клетку со своим ангелом-хранителем, удрал в Москву, подальше от Черного моря, Шур Балагановых и Мишек Япончиков… Спору нет, ребята они были удалые, но с кем поведешься, с тем и наберешься, верно? Но об Одессе — молчок.

Подозреваю, что эти мои одесские впечатления давно уже спутались с книжными (у меня в голове вообще все перемешалось), и потому не хочу врать.

В столице, правда, я тоже долго не задержался — в сущности, ученому Москва нужна только для того, чтобы получить приличное образование из первых рук, — а потом всю жизнь просидел в лесу, вот уже собрался помирать, с пропиской не будет сложностей — место на кузьминкинском мемориальном кладбище для меня давно «забито», а меня даже не тянет выглянуть на опушку — за последние черт-те сколько лет я всего три раза выползал из леса: посетил по делу Москву и слетал без дела в Ленинград и на Чукотку. Этими

сношениями с цивилизацией я сыт по горло, так что извините, если что не так. Мне в Кузьминках лучше.

Ну и сиди в своих Кузьминках.

Я очень стар. Недавно мне исполнилось девяносто с гаком лет. Гак большой — до ста мне рукой подать. У меня сильнейший склероз, но я еще могу спуститься без лифта с третьего этажа и пешком пройтись по заснеженному проспекту к редакции «Науки и мысли». Несмотря на свою невеселую фамилию, сам себе я не кажусь человеком мрачным, хотя только что какой-то старикашка помоложе в старомодном каракулевом пирожке испуганно сказал: «Извините, Юрий Васильевич…» — и поспешно уступил мне дорогу.

Наверно, по утрам я пугаю людей. Наверно, со стороны я похож на вымирающую мезозойскую рептилию, которой очень не хочется вымирать. Это действует утренний склероз. Он у меня именно утренний — всю жизнь я работал по ночам, и сейчас, в отличие от других стариков, мне по утрам хочется спать, спать, спать, как школьнику. Я сплю на ходу. Утром меня не трожь. Извинения не принимаются. Извинился — гуляй. А в том, что незнакомый старикашка знает мое имя-отчество,

нет ничего странного — меня здесь все знают. Я известный фрукт.

Сегодня с утра ко мне от внучки прицепился мотивчик известной песенки. Я напеваю ее, слегка изменив одно слово: «Дедушка плачет, шарик улетел…», а мой черный списанный «ЗИМ» едет рядом со мной на такой малой скорости, что худющие вороны, что-то там клюющие на льду, даже ленятся взлететь, а степенно отходят, уступая нам дорогу. Наконец шофер не выдерживает этой тягомотины, открывает дверцу и укоризненно говорит мне, как ребенку:

— Юрий Васильевич, вам же не туда…

Эта сцена повторяется каждое утро на бис воронам — я забываю, куда собрался идти, хотя вечером перед сном внучка вкладывает мне в нагрудный карман «склерозную записку» с программой на день: «Дед, тебе надо сделать то-то и то-то». Этот листок торчит из кармана, как носовой платочек, но по утрам я забываю в него заглянуть, а к вечеру склероз отпускает, и записка уже не нужна.

— Юрий Васильевич, вам же не туда!

Мог бы не повторять, я уже сам вспомнил, что мне не туда. Разворачиваюсь, как корова на льду, и, стуча тростью, отправляюсь в обратную сторо-

ну, в длительное путешествие за три квартала, в учреждение без вывески — хорошо, что дорога туда посыпана песочком.

Павлик, мой шофер, дав по газам, тоже разворачивается и, нарушая все правила уличного движения, продолжает сопровождать меня по левой стороне проспекта, как по дорогам Великобритании, — персональный шофер академика Невеселова никого здесь не боится в отличие от своего шефа. А его шеф боится всего на свете: гололеда, сквозняков, сырой воды, громких голосов, бегущих людей… Боюсь случайно обидеть кого-нибудь или забыть что-то важное, а пуще всего на свете я боюсь нечистой силы, которая с недавних пор раздваивает меня — отделяет мой рассудок от тела, привешивая его сверху, как упомянутый в стародавней песенке воздушный шарик, и оттуда на привязи наблюдает за мной. Говорят, что подобное раздвоение личности испытывают курильщики опиума… К сожалению, не курил, не знаю.

Вот и сейчас мой разум, покачиваясь на веревочке, внимательно наблюдает свысока, как его дряхлое вместилище продвигается на работу. Ощущение не из приятных. Я боюсь, что однажды веревочка оборвется, шарик улетит, а моя

неуправляемая развалина будет продолжать брести по инерции неизвестно куда. Дедушка плачет, шарик улетел…

— Извините, Юрий Васильевич, не могли бы вы уделить мне пять минут?

«В чем дело?.. — думаю я. — Опять этот старикашка. Кто такой?»

— Я приехал первой электричкой, чтобы встретиться с вами, но, боюсь, что моя фамилия…

Он что-то еще говорит.

Не пойму, что он такое говорит? Что-то просит, чего-то боится… Нищий, что ли? Потертый тулуп, смушковый пирожок… На нищего не похож.

— А он голубой, — отвечаю я и прохожу мимо, сердито стуча тростью. Я же предупреждал: утром меня лучше не трогать — особенно незнакомым людям.

Старикашка отстал, я о нем забыл, и мы медленно приближаемся к учреждению без вывески — я впереди, за мной — черный «ЗИМ». Нашу похоронную процессию видно издалека. Человек с кобурой на боку начинает открывать передо мной тяжелую дверь, а Павлик в последний момент извещает меня:

— Юрий Васильевич, я отлучусь на один час.

Павлик не спрашивает, не просит, а именно

ИЗВЕЩАЕТ меня. Павлик знает, что я не откажу. Он знает, что на своем шефе можно по мелочам комфортабельно ездить, как на «ЗИМЕ», и что я даже не спрошу, куда это он отлучится на один час. Я все про него знаю: нет, его не интересуют левые рейсы и нетрудовые доходы, — Павлик у нас ловелас… а попросту, кобель, — за один час отлучки он успевает устроить свои любовные дела… Этого, наверно, я уже никогда не пойму — как по утрам он находит себе подруг?! Они же все на работе!

— Ладно, отлучись.

Охранник закрывает за мной дверь, и я оказываюсь внутри своего учреждения без вывески.

Меня бросаются раздевать, но я не даюсь, — сам расстегиваю пальто, прохожу мимо доски «Наших дорогих ветеранов», где первой висит моя парадная фотография, и поднимаюсь на второй этаж. Там, на втором этаже, мой кабинет. Я давно уже наблюдаю, как эти черти постепенно превращают его в мемориальный музей — сносят сюда какой-то послевоенный хлам: настольную лампу с шелковым китайским абажуром, гнутые стулья и толстые стеклянные «под хрусталь» чернильницы с крышками… Что ж, если им так нравится заживо меня хоронить… Девяносто с гаком лет

— это безобразие. Я не собирался так долго жить.

В кабинет протискивается мой лучший и любимый ученик Владислав Николаевич Бессмертный, директор этого учреждения. Он высокий, прямой и тощий, о таких говорят: аршин проглотил, — хотя его осанка происходит от зловредного радикулита, подхваченного с полвека назад на продуваемой платформе товарняка. Владику уже доложили о моем появлении. Он с опаской прикрывает дверь взглядом, потому что руки у него заняты чайником с кипятком и тарелкой с бутербродами. Он это ловко делает. Врачи думают, что способность двигать взглядом предметы проявилась у Владика в результате давней аварии, а я считаю, что он незаметно подтянул дверь ногой…

Сейчас мы с ним будем чаевничать. Я всегда пью чай из этого серебряного подстаканника с красивыми завитушками и с гравированной надписью: «20 лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Из него я пил чай, когда Березань еще была Печенежками, и когда серебряные подстаканники в ювелирных магазинах не так кусались. Их купила покойная жена (три штуки), решив, что после вручения мне первой правительственной награды нам пора обзаводиться

хозяйством. На первом испытании этих подстаканников присутствовали академик Эн и сам нарком вооружений. Из этого подстаканника я пью чай здесь, из второго — в редакции, а третий пропал… Или украли. Когда я умру, этот подстаканник навечно поставят на этот стол…

Мы ожидаем, пока остынет чай, и беседуем с Владиславом Николаевичем. Понятно, что у Владика много дел, и ему хочется побыстрее спровадить меня, но виду он не подает. Он интересуется здоровьем моей внучки. Само собой разумеется, что мое здоровье в полном порядке, а вот здоровье Татьяны в самом деле интересует Владислава Николаевича, потому что он давно и безнадежно в нее влюблен. Но об этом — молчок! Это жгучая тайна и запретная тема. Мы пьем чай и жуем бутербродики с черной икрой. Да-с, колбасу я не люблю, а черная икра полезна детям и старикам, хотя склероз от нее не проходит. Владислав Николаевич увлеченно рассказывает последние учрежденческие новости, а я вдруг, к своему удивлению, задаю ему какой-то дельный вопрос, и у моего директора появляется на лице удивленно-застенчивое выражение. Владислав Николаевич говорит: «Это я должен записать», и мой воздушный шарик, покачиваясь, наблюдает,

как Владик взглядом подтягивает к себе настольный календарь и записывает на нем мое дельное замечание…

Мы выпьем еще по стакану чая, еще поговорим, а потом я уйду. Мой визит продолжится ровно один час, как и предполагал шофер. Дело в том, что я являюсь Почетным Директором этого учреждения без вывески, — хотя, честно говоря, толком не знаю, что в этом звании делать. Я давно собирался уйти на покой, но наверху развели цирлих-манирлих, и вместо того, чтобы гнать меня в шею, оставили мне «ЗИМ» с Павликом, решили, что «страна не может позволить себе роскоши разбрасываться такими людьми» и попросили меня «в удобное от отдыха время контролировать взращенную вами научную школу».

Что я сейчас и делаю, мешая людям работать.

Наград на парадном пиджаке у меня полная грудь, а один зарубежный крест даже сползает на брюхо. Я не шучу — в любой мало-мальский юбилей мне вешают на пиджак какой-нибудь орденок в кузьминкинском Доме ученых. Уже не секрет, что сразу после войны моя лаборатория сделала теоретическое открытие, которое повлекло за собой разработки не только оборонного характера, — это открытие, к моему удивлению,

пригодилось даже домохозяйкам, переориентировав после долгого кряхтенья нашу бытовую химию «на новые рельсы».

— Вот что еще поразительно… — вспоминаю я, прихлебывая чай. — Помнишь, когда меня занесло с той японочкой на Чукотку? Понятно, я тут же решил искупаться в Беринговом проливе — вот, мол, и я побывал на краю света, отметился. Ну, японская богиня отвернулась, а я снял штаны и только начал с философским настроением погружаться, как вижу: плывет ко мне по волнам что-то очень знакомое и родное… Пригляделся… Мать моя родная, да это же результат нашего с тобой открытия! Мне даже купаться расхотелось… Стоило, понимаешь, ехать на край света, чтобы уткнуться носом в собственное…

Владислав Николаевич конфузится и спешит продолжить незаконченную фразу:

— Чтобы уткнуться носом в побочные результаты собственного открытия. Наверно, кто-то выбросил с проплывавшего корабля. Я тоже видел… На Черном море.

— Вспомнил! — вдруг вспоминаю я. — Вспомнил, зачем я сюда приперся. Сегодня юбилей журнала, ты приглашен. Можно без галстука.

Владислав Николаевич кивает. На собственных

юбилеях он стесняется, на чужих — скучает, и сегодня он придет вовремя и отсидит до конца, потому что на этом юбилее будет присутствовать Татьяна.

Теперь наша траурная процессия движется по проспекту в обратную сторону. Проспект вырублен прямо в березовом лесу, я люблю в нем гулять. Однажды я ушел сюда, чтобы побродить и подумать. Вечером Татьяна забеспокоилась, позвонила в учреждение, а Владислав Николаевич — рад стараться! — приказал прочесать лес. Но меня не нашли, хотя я ни от кого не прятался. Домой в тот день меня доставили вертолетчики, на которых я набрел, выйдя из леса аж у самого Печенеговского водохранилища. В нелетную погоду они ловили там рыбу и обратили внимание на сумасшедшего старика — я ходил по льду и с ожесточением, методически разбивал тростью замерзшие лунки.

Но сейчас я иду мимо леса. Сейчас у меня дела, дела, дела. К тому же лес уже занят — там бродит тот самый старикашка в каракулевом пирожке, уступивший мне утром дорогу (кстати, такие смушки носили когда-то заслуженные

деятели наук, работники совнархозов, директора гастрономов и вообще всякие рыла). И потом, мне не терпится попасть в редакцию. Недаром меня с утра тянуло туда — сегодня исполняется сколько-то там лет со дня выхода первого номера «Науки и мысли». Этот журнал — моя последняя в жизни забава. Я самолично создал его, пройдя все высокие инстанции и удивляя начальство своим напором и докладными записками. «Как, еще один научно-популярный журнал? — переспрашивали меня. — Но ведь существуют такие-то и такие-то!». «Этот будет другой. У всех наших научно-популярных журналов одна, но пламенная страсть — они пропагандируют науку и соединяют ее с жизнью…» — сердился я. «А вы что же, не собираетесь соединять науку с жизнью?» — сразу настораживалось начальство и опасливо разглядывало человека, только что вышедшего из леса. «Нет, не собираюсь. Пришла пора не соединять, а спасать жизнь от науки. Это будет антинаучно-популярный журнал. Журнал нового типа. Он будет соединять науку не с жизнью, а с мыслью. Они до сих пор были оторваны. Он так и будет называться: «Наука и мысль». «Бог с вами! — пугалось начальство. — Что за странное название? А кто будет его главным редактором?».

«Я», — бодренько отвечал я.

С тех пор прошло много лет. Начинали мы не спеша, оглядываясь по сторонам и посматривая наверх. Потом попробовали похулиганить… И сейчас журнал процветает. Статьи для нас пишутся лучшими умами страны, и мне рассказывают, что ученый люд уже не мыслит жизни без «Науки и мысли» — в конце месяца даже почтенные академики вроде меня с нетерпением заглядывают в почтовые ящики, чтобы узнать, кому еще из них дали по морде и куда пойдет наука в следующем квартале. Но дело не только в «лучших умах». Поговаривают, что за спиной нашего журнала стоит какая-то потусторонняя сила, потому что коэффициент полезного действия «Науки и мысли» так высок, что требует какого-то объяснения: непонятно, КТО нас разрешил, почему мы такие смелые и почему вообще функционируем — с административной точки зрения наш журнал невозможен, не должен существовать…

Я этого не могу объяснить. Не знаю. Честно говоря, идею подобного журнала я украл у покойного академика Эн, именем которого назван этот проспект. Еще до войны он хотел создать журнал, в котором целенаправленно выискивались бы побочные эффекты любого научного проекта

или открытия — то есть оборотные стороны всех наших медалей. «У них в науке сплошные суки», — любил шутить академик Эн. Допускаю, что его шутки по тем суровым временам были не самыми удачными, потому что в домике в начале проспекта, где приколочена мемориальная доска с его непохожим профилем, академик Эн за свой длинный язык был на целый год подвергнут домашнему аресту. Перед его домиком стоял часовой с примкнутым штыком, а академик Эн плевал из форточки в свой невозделанный огород… Нельзя выходить, и баста! Полгода нам выписывали пропуска, и мы, доставляя на подпись арестованному начальнику разные бумаги, иногда рисковали жизнью — часовые тоже бывали разные: однажды один из них выстрелил в воздух, приказал мне лечь лицом в лужу и держал в такой позе до тех пор, пока не прибежал разводящий. В конце концов всем это так надоело — и часовым, и начальству, и нам, и академику Эн, — что ему разрешили ходить под охраной на работу. Потом охрана сама собой куда-то пропала, а еще позже за выдающиеся оборонные результаты академика Эн представили к высокой правительственной награде. В знак примирения нарком вооружений выпил с ним чаю у меня на

кухне… Пили-то мы коньяк, но жена решила, что чай… Теперь я понимаю: мой шеф хотел иметь у нас подлинную научную критику — научную критику во что бы то ни стало и невзирая на лица. Сейчас таковая существует в нашем журнале.

— Какой сегодня день? — спрашиваю я у Павлика. — Пятница? Значит, завтра суббота. — Я вглядываюсь в лес, но старикашка в смушковом пирожке уже растворился среди берез.

Проспект имени моего учителя академика Эн тянется по лесу километров двенадцать до самого Печенеговского водохранилища, но ковылять мне осталось совсем немного — во-он к тому двухэтажному зданию с псевдоколоннами, где в полуподвальной трехкомнатной квартире разместилась редакция «Науки и мысли». За эту квартиру я выиграл целую Грюнвальдскую битву у одного доцента-парапсихолога по имени Леонард Христианович Гланц. Даже имя запомнил. В то время он защитил кандидатскую диссертацию на стыке биологии, медицины и оккультных наук, и ему-таки разрешили продолжать и совершенствовать этот бред за государственный счет. Но я встал на его пути! Конечно, я выглядел ретроградом, но только не в собственных глазах. Даже Татьяна просила меня за Гланца… Дудки! Не

знаю, как насчет телепатии и биополя, но энергии в этом худеньком человечке была пропасть, какая-то бездна килокалорий… Если бы не я, то «Наука и мысль» ютилась бы сейчас не в сыром подвале, а где-нибудь на ледяном чердаке. Впрочем, дело там было не в квартире, а в принципах — не люблю шарлатанов, пусть даже чистосердечно заблуждающихся… но о своих принципах я давно уже перестал распространяться.

У входа в подвал красуется стеклянная черная вывеска с желтыми буквами. Ее давно пора сменить — под воздействием жары и морозов три последние буквы исчезли, и сейчас вывеска читается так «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НАУКА И МЫ». Я назвал бы эту вывеску произведением искусства. Ее «за бесплатно» создал наш главный художник Ашот Сахалтуев, и на балансе редакции она не числится. Когда один раз в году из издательской «бугалретии» (так говорит Татьяна) к нам приезжают какие-то хмурые люди для ревизии столов, стульев и пишущих машинок, то на вывеску они не обращают внимания. Это важно: на нее уже планировались покушения. Все тот же Леонард Христианович Гланц, в сущности, безобидный человек, грозился силой своего биополя выдрать при свидетелях нашу вывеску из кирпичной сте-

ны вместе с шурупами и деревянными пробками и доказать тем самым наличие присутствия… Но все как-то обошлось. Другой случай: моя разведка передала, что светило нашей медицины профессор Степняк-Енисейский кулуарно (Татьяна говорит «коло урны») обещался разбить нашу вывеску кирпичом. Эта угроза в самом деле представляет опасность… Но об этом хомо сапиенсе мне сейчас не хочется ни говорить, ни думать… Вывеска до сих пор цела. Я перечитываю ее. Без трех последних букв она читается тоже со смыслом. «НАУКА И МЫ» — мне так даже больше нравится… Далась мне эта вывеска!

— Юрий Васильевич, я отлучусь на один час, — прерывает мои думы Павлик, обеспокоенный тем, что я так долго разглядываю эту стекляшку. В мои преклонные лета меня уже не очень волнуют альковные проблемы, но все же интересно было бы узнать, как мой шофер добивается расположения прекрасного пола? Я однажды спросил его, но Павлик загадочно ухмыльнулся и ответил: «Это длинная былина про одного кобелина…» Он едет, а я вхожу в редакцию.

Редакция расположена в бывшей коммуналь-

ной квартире с тремя комнатами и прихожей. Ашот Сахалтуев к юбилею обклеил прихожую белыми журнальными обложками, от первой до последней, набравшимися за сколько-то лет. Сегодня я подпишу в печать очередной, апрельский номер. Начиная журнал, Ашот долго объяснял, почему обложка должна быть непременно белой, но я уже подзабыл, в чем там дело… возможно, для обклеивания прихожих. Этот человек узурпировал власть в «Науке и мысли» в области художественного оформления, и мне ничего не остается, как подписывать в печать его иллюстрации и картинки его дружков-художников ультрасовременного направления, которых он приглашает сотрудничать. В Печенежки реалистов не заманишь, и к нам попер авангард. Пусть. Читателям, в общем, этот дизайн нравится, хотя иногда иллюстрации смахивают на бред сумасшедшего, а иногда — на обычное озорство: то возьмут, нарисуют к проблемной статье о безотходном производстве грязное мусорное ведро, из которого вываливается бог знает что… То изобразят еще чего похуже… Из-за этих картинок у нас время от времени случаются неприятности: директор нашего издательства товарищ Моргал однажды написал на сигнальном экземпляре

просто и ясно: «ОБСТРАКЦИЯ!» И расписался. С тех пор это словечко стало в редакции этаким паролем — в пылу какого-нибудь никчемного спора чьей-то гордыни с чьим-то гонором кто-нибудь третий почешет за ухом карандашом и глубокомысленно изречет, нажимая на звук «О»: «Обстракция!». И всем все становится ясно.

Я долго стою в нарядившейся прихожей… Меня никто не замечает. Им начхать на своего главного редактора, у них сегодня подготовка в набор майского номера. Из большой комнаты, где двенадцать столов и суета сует, доносится голос Ашота. Он о чем-то спорит с завотделом Дроздовым, в которого когда-то была влюблена моя внучка. (Там был целый роман — правда, дешевый и на плохой бумаге, как в «Роман-газете», — но об этом молчок!) Вслушиваюсь. Ашот и Дроздов пытаются совместить очередную статью с иллюстрацией, но у них ничего не выходит. Статья под названием «Зубная боль профессора Степняка-Енисейского» должна бракосочетаться с картинкой, где изображена громадная кариесная челюсть.

— Вам, художникам, главное картинка, а там хоть трава не расти, — от баритона Дроздова начинают вибрировать лыжи. — Пусть текст

будет хоть вверх ногами, главное, чтобы картинка влезла. Где я тебе сокращу восемь строк? Где, покажи? У меня все строки смысловые, рабочие. Как несущие балки. Выдерни хоть одну, и статья развалится. Понял? Почему я должен сокращать текст? Сократи свои зубы!

— А ты сократи по словам, — уговаривает Ашот. — Тут одно слово, там другое. Ты же умеешь.

— Обстракция, — бормочет Дроздов, хотя ему приятно, когда говорят, что он «умеет». — У меня все слова тоже рабочие. Как кирпичи.

В конце концов Дроздов согласится вычеркнуть четыре строки, а Ашот — укоротить челюсть на один зуб. В конце концов они притащат мне на подпись статью, оформление которой будет полностью соответствовать содержанию, и я почувствую самую настоящую зубную боль, хотя у меня не осталось ни одного зуба. Но им и этого мало! На второй странице обложки Ашот предлагает поместить репродукцию с картины малоизвестного у нас средневекового фламандского художника, где дюжий монах-эскулап рвет зуб своему собрату, а еще двое монахов держат пациента за руки и ноги. Эта натуралистическая обстракция потрясает!

Меня продолжают не замечать, хотя я уже стою в дверях.

— Какой сегодня месяц? — спрашиваю я.

Все замолкают и поворачиваются на голос своего начальника. Никто не может вспомнить название месяца, потому что сейчас, кажется, зима, а в набор готовится майский номер.

— Февраль, Юрий Васильевич, — наконец отвечает Маринка. Она обычно заваривает чай и делает для всех бутерброды с колбасой, но сегодня ее стол почему-то заставлен посудой и коробками с тортами. Маринка похожа на толстенький чемодан с двумя ручками и все время что-то ест: летом — клубнику, зимой — пирожные. «Куда мне худеть, — любит вздыхать она. — Ну, похудею и стану похожа на портфель».

— Значит, скоро весна, — заключаю я.

— Весна это обстракция, Юрий Васильевич, — говорит Олег Белкин, отвлекаясь от телефонного разговора. И в трубку: — Извините, это я не вам.

По тону Олега Белкина я могу довольно точно определить, что он отбивается от настырного автора, статью которого давно отклонили оба рецензента. Олег терпеливо говорил в трубку уже минут двадцать, не меньше, и утирает лицо кончиком своего галстука — за неимением носо-

вого платка. Рядом с ним расположился на стуле незнакомый посетитель, похожий на автора научной фантастики (они в основном тихие, и мы иногда печатаем этот вид литературы — особенно осенью, когда дело к подписке).

— Значит, вас не устраивает мнение рецензентов? — повторяет Олег в трубку. — Тогда сделаем так: назовите рецензента, который бы вас устроил. Кто? Профессор Степняк? Какой Степняк? Енисейский, что ли? Его-то нам и не хватало! — Олег не выдерживает и слетает с размеренной тональности. — А что он понимает в адаптивном гомеостазе? Впрочем, если вы настаиваете, я отправлю статью на отзыв профессору Енисейскому.

Странно, почему Белкин сегодня при галстуке, а Маринкин стол заставлен тортами? Галстук и Олега шея суть предметы несовместимые. Хотя возможен вариант, что Олег забыл в командировке свой свитер и за неимением шарфа нацепил галстук, чтобы прикрыть горло. Логично. В прошлой командировке он забыл в Киеве штаны, а еще раньше во Владивостоке — портативную пишущую машинку. Его пропажи потом приходят на адрес редакции, и всем весело…

Сегодня у нас юбилей, наконец вспоминаю я. Вот почему торты, и все принаряжены: юбилей «Науки и мысли» я разрешил отпраздновать в редакции. Разумеется, в духе времени, без горячительных напитков. Хотя, разумеется, мой несостоявшийся зять Дроздов уже запасся бутылкой коньяка и сейчас находится в предвкушении — недаром он так благосклонно согласился выбросить из статьи целых четыре строки.

— Здравствуйте, Юрий Васильевич!

Я оглядываюсь. Единственный культурный человек в этой коммунальной квартире — мой заместитель Михаил Федотович Чернолуцкий. Он здоровается со всеми по десять раз на день, а синонимы слова «здравствуйте» вставляет с разными интонациями куда нужно и не нужно. Вообще, после известного у нас происшествия у Чернолуцкого, как отмечают врачи, появились «неадекватные реакции на окружающую действительность». Смеется, когда надо быть серьезным, — и наоборот. Всегда говорит то, что думает, и т. д. Они (врачи) еще не знают, что Михаил Федотович иногда видит сквозь стены и зрит в нутро разных предметов. Он объясняет это результатом шести ранений в морской пехоте

сорок первого года и послевоенными занятиями генетикой, когда он исчез в сорок восьмом, а объявился в пятьдесят третьем.

— Ну-с, что новенького у заместителя главного редактора?

Мы входим в наш общий кабинет, где всего два стола — мой и Чернолуцкого. Как и положено заместителю, Михаил Федотович тянет журнал на своем горбу, а я прихожу на готовенькое. На моем столе лежит набор апрельского номера «Науки и мысли», который я сегодня должен прочитать и подписать в печать, а стол Михаила Федотовича завален словарями и рукописями. Он прикрывает дверь и с удивлением разглядывает меня… Будто я не расчесал бороду или забыл, извиняюсь, застегнуть пуговицу на пальто.

— Так что новенького, Михалфедотыч?

— Здравствуйте? Будто вы не знаете?

— Нет, я еще ничего не знаю.

— Привет! Я уже не ваш заместитель.

— Что-то я не пойму…

— А что тут понимать? Меня вчера сняли. Моргал говорит, что не хотел, но ему позвонили. Кого-то надо снимать за наши штучки? Надо. Не вас же… здрасьте! Значит, меня. Сейчас уберу на своем столе, стану на лыжи и пойду в магазин за

водкой. Напьюсь. Заслужил. Не помните, водку в этом тысячелетии со скольких продают?

— За что вас конкретно сняли? — начинаю сердиться я.

— За портрет Президента.

Я все уже понял, Михаил Федотович может не продолжать. Против нас начались военные действия, кому-то мы все-таки наступили на хвост. Это следовало ожидать. Вот уже сколько лет прошло, когда тихое издательство «Перспектива» вдруг заполучило в свое подчинение агрессивный периодический журнал со странным названием. От нас в издательстве житья не стало — из уважаемых НИИ, как из рваной торбы, посыпались жалобы и протесты, а директоров в «Перспективе» стали менять со скоростью одного-двух оборотов Земли вокруг Солнца. Редко кому удавалось застрять на третий год. А вот Моргал задержался и вчера по звонку сверху начал войну. Неизвестно почему, но все эти годы меня не решались тронуть, били директоров, — и все же не выдержали, не дождались моей смерти, не смогли упустить такой спелый идейно-политический повод… Дело в том, что в прошлом номере мы поздравляли Президента Академии с юбилеем, и в типографии какой-то подвыпив-

ший стрелочник подверстал его портрет «вверх ногами»… И хотя я лично извинился перед Президентом (а он от смеха чуть не лопнул), кто-то ТАМ решил нанести удар по моему заместителю… Что ж, мы будем стоять до конца.

— А про Енисейского на совещании не вспоминали?

— Здоровеньки булы! А как же! Мне коло урны так и сказали: если выйдет апрельский номер о зубной боли Степняка-Енисейского, то я распрощаюсь не только с креслом заместителя, но и с простым стулом в редакции.

— А вы что ответили?

— Распрощался.

Я пожимаю руку своему верному заместителю, когда без стука распахивается дверь, и в кабинет влетает возбужденный Олег Белкин. За ним входит этот… автор научной фантастики.

— Обстракция! — восклицает Белкин, воздевая руки к давно не беленному потолку. — Вот, знакомьтесь!..

— Здравствуйте! — радушно здоровается Михаил Федотович.

— Что «здравствуйте»? — запальчиво спрашивает Белкин. — Вы хотя бы знаете, с кем здороваетесь? Этот товарищ направлен к нам

заместителем главного! Вместо вас!

Михаил Федотович тушуется, а я спрашиваю, стараясь не волноваться:

— Кем направлен! Идите, Олег Павлович, мы сами разберемся.

Я разглядываю незнакомца. Он спортивен, выбрит, подстрижен, во что-то одет, у него есть глаза, нос, губы и все, что положено хомо сапиенсу, — но все это вместе не составляет лица. Я, кажется, зря обидел тихих авторов научной фантастики — этот человек напоминает мне мужа сотрудницы нашей лаборатории, которому в тридцать седьмом году я ни за что ни про что, но БЕЗОШИБОЧНО, дал в безразличную морду на следующее утро после ареста академика Эн, и он только утерся.

— Кто вы такой? — начинаю закипать я. — Сколько вам лет? Образование? Что вы умеете делать, чтобы быть моим заместителем? Имеете ли вы какое-нибудь отношение к науке… или хотя бы к мысли?

— Юрий Васильевич, вы, пожалуйста, не волнуйтесь, — спокойно отвечает он. — Лично мне эта ситуация тоже неприятна. А ваш сотрудник

понял меня неправильно. Ну какой из меня заместитель? У меня к вам два дела. Во-первых, директор издательства просил вам передать, что вчерашнее решение было предварительным, его еще можно изменить. Товарища Чернолуцкого пока еще никто не смещает. Директор просит вас о небольшом одолжении. Он просит придержать статью о профессоре Степняке-Енисейском, не ставить ее в апрельский номер. Он хотел бы предварительно посоветоваться в Минздраве.

— Придержать статью?! — взрываюсь я. — А ваш Моргал знает, что этот самый Степняк-Енисейский дезорганизовал отечественную стоматологию? Да? Нет? Так вот, передайте Моргалу, что ни один вредитель, ограбивший государство в особо крупных размерах, не сравнится со Степняком-Енисейским, который двадцать лет подряд причинял всему народу зубную боль. У всех зубы болели, только не у Минздрава! С кем же советоваться?

Все мои подчиненные навострили уши, выглядывают в коридор и подслушивают своего главного редактора. Так-то! И мы еще кое-что можем! Учитесь, пока я жив!

— Придержать статью? — азартно продолжаю я. — Где она? Вот на моем столе лежит апрельский

набор, я должен его подписать. Вчера должен подписать. В нем не хватает статьи о методах профессора Степняка-Енисейского… Где эта статья?!

Я грозно гляжу в коридор. Развел, понимаешь, демократию! С этого момента железная дисциплина! На войне как на войне! Если сейчас мне не принесут статью — всех уволю!.. Все, как мыши, разбегаются по своим рабочим местам, а из третьей комнаты, где сидят художники и фотограф, выскакивает Ашот и несет статью, бормоча что-то про два недостающих зуба. Ага, испугались!..

— Где моя авторучка?

Я откидываю полы пальто, усаживаюсь в кресло, Михаил Федотович подает мне свой старинный «Паркер» с золотым пером (эту авторучку надо у него украсть и отнести в мой мемориальный музей), и я трясущейся рукой подписываю в печать статью Дроздова — черными чернилами и полной подписью вместе со званием: «Академик Ю. Невеселов».

— Какое сегодня число?

— Двадцать восьмое февраля, — смеется Михаил Федотович. Все-таки он смеется, хотя только что я подписал ему приговор — статья пойдет, и его снимут.

— Значит, сегодня последний день, — заклю-

чаю я и ставлю дату.

— Последний день чего? — интересуется Михаил Федотович.

— Помпеи, — предполагает Дроздов.

— Зимы, — поясняю я.

Дроздов манерно аплодирует мне из коридора. Значит, я сыграл на публику и сорвал аплодисменты на старости лет… Но чрезвычайный издательский посол, оказывается, еще не втоптан в грязь. Уши еще торчат. Он что-то хочет сказать… Он открывает свой дипломатический чемодан, протягивает мне какой-то мандат и невозмутимо произносит: — Во-вторых, мне поручено провести в вашем журнале ревизию.

После этих слов в коридоре начинает происходить немая сцена. Я, признаться, тоже ошарашен.

— А ваша фамилия не Хлестаков ли? — спрашивает Дроздов.

— Нет, моя фамилия Ведмедев, — представляется этот тип.

— По всем ревизионным вопросам обращайтесь к заместителю главного редактора! (Это я говорю.) Михалфедотыч, к нам приехал ревизор! Уделите ему внимание, но не в ущерб основной работе.

— Здравствуйте! — Михаил Федотович трогает ревизора за локоток. — Ваша фамилия Ведмедев или Медведев?.. я не расслышал. Что будем проверять? Наличие столов, стульев, сотрудников?

Все опять разбегаются по рабочим местам, а Маринка быстренько проверяет амбарную книгу — все ли расписались? И, наверно, расписывается за Дроздова, который принципиально никогда не расписывается в появлении на работе.

Я остаюсь в одиночестве, снимаю пальто и опять усаживаюсь в кресло. Оно крепкое, довоенное, на балансе редакции не числится, я его из дому принес, его из-под меня трудно вышибить. Сейчас еще раз внимательно прочитаю статью о зубной боли профессора Енисейского и вычеркну из нее все несущие балки и рабочие кирпичи (то бишь, все колоритные слова и одесские обороты), которые Дроздов надеется под шумок протащить, хотя я и пометил все эти штуковины в его черновике… Маринка приносит чай в серебряном подстаканнике № 2 и бутерброды с колбасой. Спасибо, одного достаточно, я уже завтракал.

— Что ты спросила? — переспрашиваю я. — Кому чай? Ревизору?

— В порядке подхалимажа, — смеется Маринка.

— Ладно, предложи ему чай, пусть подавится. Человек все-таки с дороги.

Итак, читаем статью… Где мои очки? На носу. Статья называется: «Зубная боль профессора Е.» Странно, почему Дроздов сократил фамилию до единственной заглавной буквы? Впрочем, «Енисейский» это не фамилия и даже не псевдоним, а торжественная приставка в подражание Семенову-Тян-Шанскому или Суворову-Рымникскому, хотя профессор Степняк прицепил к своему имени название сибирской реки не потому, что он там родился, воевал или исследовал. Нет, Енисей он прославил кончиком своего железного школярского пера, запудрив мозги целому послевоенному поколению научно-фантастической трилогией о будущем Сибири. В этих романах («Обь», «Енисей» и «Лена») наши потомки, какие-то глуповатые восторженные личности, настроили в Сибири куполообразные города, своротили русла трех великих рек, установили на Северном полюсе гигантскую трубу-лифт для транспортировки на Луну песка из обмелевшего Северного Ледовитого океана и, гоняясь за иностранными агентами, мимоходом раскрыли

загадку тунгусского метеорита, — оказывается, там взорвался не метеорит, а газ под Тунгуской.

В то время как писатель Енисейский покорял на бумаге Сибирь, профессор Степняк, назначенный директором головного института стоматологии, разгонял спецов, прикрывал последний завод по выпуску вредной и дорогостоящей амальгамы и под лозунгом «плюс химизация всей страны» подписывал приказ о поголовном пломбировании зубов перспективной пластмассой по собственному рецепту… Уж лучше бы пластилином!.. За трилогию Степняк-Енисейский получил Сталинскую премию и орден «Знак Почета», за развал стоматологии — Государственную премию и орден Трудового Красного Знамени, а когда подули ветры перемен, он развернул свой флюгер и спешно настрочил четвертый роман («Байкал»), в котором иностранных шпионов обменял на наших, трубу демонтировал, реки вернул в первобытное состояние, а Байкал спас от нашествия тунгусских пришельцев. Правда, ожидаемого к юбилею ордена Дружбы народов Енисейский не получил, потому что в стоматологии он никак не мог протрубить отбой — к тому времени он уже был «народным дантистом» и «почетным директором», а все амальгамные заводы страны

растаскали по винтику, по кирпичику… На что Дроздов должен обратить особое внимание в этой статье.

Итак, фамилию пишем полностью. Не щадить, бить прямо по фамилии, но без ерничанья. Пусть уж Ашот не обижается, но эта статья пойдет без иллюстрации — спору нет, челюсть хороша, но из-за статьи произойдет большая драка, а драка — дело святое… Шутки в сторону, а челюсть в архив… Где моя авторучка?.. Я ощупываю карманы, натыкаюсь на «Паркер» с золотым пером и внучкину «напоминательную записку». Сегодня она написана на листке от перекидного календаря. Почитаем, что я должен сегодня совершить… На листке напечатаны жирное число «28», слова «ФЕВРАЛЬ», «ПЯТНИЦА» и список планет в предстоящем марте. На обороте красными чернилами и каким-то странным, не Татьяниным, почерком написано: «1. Звездные войны. 2. Мыло, полотенце, зубная щетка».

Мною опять овладевает приступ сосредоточенного туподумия. Я разглядываю календарный листок и не могу сообразить: кто написал эту записку, сложил вдвое и засунул в мой нагрудный карман?.. Я с опаской оглядываюсь… За спиной никого, но за окном маячит уже знакомая фигура

в смушковом пирожке.

— Маринка! Выйди, узнай, что этому старцу от меня нужно?

Я продолжаю изучать календарный листок. Узнаю, когда сегодня взошло и зайдет солнце, восход и заход Луны. Узнаю, что в марте «Венера не видна», «Марс виден сегодня в юго-восточной части неба в созвездии Весов как звезда нулевой величины», «В 22 ч. 12 мин. Луна на короткое время закроет своим диском Марс», «20 марта в 13 час. 24 мин. Солнце вступит в зодиакальный знак Овна, наступит начало весны»… Такой вот гороскоп.

— Какой-то ненормальный, — смеется Маринка, заглядывая в кабинет. — Стоит, мерзнет… Я пригласила. Отвечает, что не смеет войти в наш… этот… священный храм науки и мысли…

— Я так и думал, — я разглядываю записку на просвет и вижу обычные водяные знаки-звездочки. Значит, сегодня вечером — звездные войны.

Я догадываюсь, кто подсунул мне эту повестку… Вернее, мне хочется, чтобы это был именно он — удивительно похожий на меня издательский швейцар, которому я много лет назад продал

душу прямо в вестибюле «Перспективы». Меня засмеют, если я начну объяснять, каким способом пробил в Госкомиздате «Науку и мысль». Легенду о потустороннем швейцаре я не рассказывал даже внучке — она погладила бы меня по редким волосенкам и с восхищением сказала бы: «Ты, дедуля, у меня писатель-фантаст!»

Он сидел в вестибюле рядом с газированным автоматом, всех сердито спрашивал, куда идут, и всех пропускал. Я всегда боялся швейцаров за их швейцарскую психологию, но этот вдруг участливо спросил, когда я, после официального отказа, искал в кармане копейку для газированной воды: «Что, дедушка, не везет? На, выпей водички с сиропом… — и протянул мне трехкопеечную монету. — Не бойся, не простудишься».

Я выпил за его счет сладкой теплой воды и вдруг, уж не знаю зачем, пожаловался, что не могу пробить жизненно нужный научно-популярный журнал в его швейцарском издательстве. «Жизненный? — с неподдельным интересом переспросил он. — Нужный, научный и популярный? Тогда вот тебе, мил-человек, мой добрый совет: дай кому надо на лапу». «Что значит?! — изумился я. — Дать взятку? Ты что, старик, сдурел? Кому?»

— Кому, кому… мне, — просто и серьезно ответил швейцар. — Мне. Я же тебя, мил-ты-чело-век, насквозь вижу. Ты тут третий день без толку бродишь. Я вас всех насквозь вижу, лучше всякого рентгена. Я всю жизнь состою в швейцарах. Я — потомственный. Даже на войне по болезни имел белый билет и служил швейцаром в дипломатическом корпусе. Даже французскую медаль получил от чрезвычайного временного-поверенного посла Франции. А когда с де Голлем отношения испортились, мне эту медаль было вспомнено, и отправлено меня на понижение в Лейпциг… в ресторан «Лейпциг», — уточнил швейцар. — Ну, а здесь уже по старости…

Насчет швейцарства в дипломатическом корпусе он не уточнял, полагая, наверно, что дипломатический корпус — это такое высотное здание с архитектурными излишествами и с крутящейся дверью. Но эти мелкие неточности несущественны, в остальном швейцар был исключительно правдив.

— А ты, мил-человек, одного со мной года рождения — ровесник, значит. Вон у тебя Звезда Героя, ученый-академик, автомобиль завода имени Молотова, а я тут издательские чернильницы сторожу. Кто я такой по сравнению? Червячишко.

Но зато я тебя насквозь вижу, а ты не понимаешь простых вещей. Ладно уж, сделаем так… Мне завтра туда пора, — он указал пальцем на потолок. — Дай мне на бутылку водки, и я за тебя замолвлю ТАМ словечко, за твой журнал.

«Где это «там»? В Госкомиздате?» — опять удивился я и оглядел лепнину на потолке с барельефами Архимеда, Ньютона и Ломоносова. «Бери, выше, — усмехнулся швейцар. — Госкомиздат такие рисковые дела не решает. Выше. Все выше, и выше, и выше… Значит, не понимаешь? Санкта симплицитас… По-латыни тоже не понимаешь? Святая простота, то есть. Ты хотя бы «Фауста» читал?» — «Гете, что ли?» — «Ну! — обрадовался швейцар. — Понял теперь, что я тебе предлагаю? Я буду между вами посредником. ОН тебе сделает журнал. Даст разрешение». — «Кто, Гете?»— «Причем тут Гете?.. Еще выше. Не называем имен. ОН сделает тебе журнал, а ты ЕМУ отдашь за это… ну, ты меня понял, да?»

«Душу, что ли?» — захохотал я, на что швейцар обиделся и наставительно произнес: «Я думал, что ты серьезный человек, а тебе смешно. Ничего смешного не вижу. Рассуди сам: ты в НЕГО не веришь, и ТО САМОЕ, над чем ты смеешься, тоже для тебя не существует. Значит, тебе ничего не

стоит отдать ЕМУ ТО, чего у тебя нет. Отдавай! Я б другому не предложил. Ты бы дал бы мне на бутылку водки, и ОН бы меня тоже бы не обидел. Или ты жадный?»

Тут я безо всяких раздумий вытащил бумажник и, обнаружив в нем пять рублей, неловко сунул бумажку в лапу швейцару… Почему я это сделал? Наверно, он сбил меня с толку какой-то нелепой смесью французского с нижегородским, но за такие шутки тем более надо платить, иначе потом всю жизнь будешь сожалеть о том, что не дал на водку дьявольскому посреднику.

«Давай, не бойся, никто не смотрит, — удовлетворенно произнес швейцар и, не глядя, сунул деньги в карман. — Значит, понял. Тогда договоримся так… Ты ни о чем не беспокойся, сиди в гостинице и домой не уезжай. Жди. Тебе завтра позвонят и пригласят сюда, но меня уже здесь не будет, а ты моего сменщика ни о чем не спрашивай, он в швейцары попал случайно и ничего не смыслит. Смело иди к директору и получай разрешение. Да, у тебя на директора компромат есть? Компрометирующий материал, то есть. Нет? Ясно. Как же ты собираешься держать-то его в ежовых рукавицах? Не хотел тебе говорить, но придется. В кабинете директора есть потайная

дверь, а за дверью той нелегальная комната. Шуры-амуры там, пьянки-банки и все удовольствия по последнему слову техники. Сей тайный апартамент передается по наследству от директора к директору еще от купца-первоиздателя Самсона Лыкина, и ни один директор от той потайной директории не отказался. Вот тебе и козырный туз: чуть что, ты на него телегу. Но отсылать не спеши, а сначала покажи ему копию. И будет с твоим журналом полный порядок. Ну, а когда наступит время расплаты, тебя найдут, не беспокойся. И не говори ЕМУ, что дал мне на лапу. У НЕГО с этим строго».

«Кому не говорить? Сменщику?» — «Нет…» — «Директору?» — «Выше…» — «Дьяволу, что ли?»

Швейцар чуть не заплакал, испуганно оглянулся на автомат с газированной водой и зашептал: «Нет, ты все-таки как дите! Деньги, дьявол, душа — эти слова вслух не произносятся! Журнал жизненный, нужный, научный, вот я и хочу тебе помочь в силу мер… в меру сил, то есть. А ты, как юный пионер, третий день здесь в кабинеты барабанишь и произносишь ненужные слова. Над тобой тут все смеются! Дремучий человек! Никогда не произноси ненужных слов — ни в жизни, ни в журнале. Понял? Значит, не выдашь

меня ЕМУ? Договорились? Нет, ты скажи: договорились?»

«Договорились», — пообещал я, а потом весь день, сидя в гостинице, чувствовал себя старым дураком, которого так ловко надул обыкновенный швейцар. А Павлик, дремучий человек, не понимал, зачем мы торчим в этой Москве и почему не возвращаемся в лес к своим бабам. Но, когда утром мне позвонил тогдашний директор издательства и нерадостно сообщил, что «ситуация наверху изменилась», и что, «кто бы мог подумать!», идея создания журнала «Наука и мысль» одобрена, — вот тогда я решил, что швейцар не очень-то меня обманывал, выкачивая на лапу, — швейцары народ наблюдательный, он видел перед собой заслуженного академика и высокомерно рассудил, что свои дела я сам устрою безо всякого черта, и что содрать с меня на водку за интересный разговор совсем не грех… Но приехав на следующий день в «Перспективу» договариваться о бумаге, помещении, сметах и тому подобных дикарских вещах, я доверительно спросил в вестибюле у сменщика: «А где тот дед с бородой?»

На что сменщик равнодушно ответил: «Нафталиныч, что ли? Вчера помер».

Вот в чем беда: Нафталиныч этот умер на следующий день, как и обещал! И отправился, значит, ТУДА по расписанию… Врать ЕМУ про дипломатический корпус и про французскую медаль, а заодно пробивать новый журнал. А ТОТ, получается, разрешил и все эти годы курировал «Науку и мысль»! А сегодня прислал нацарапанную кровью повестку: время пришло, можно ни о чем не беспокоиться: с вещами на выход к звездам.

Так я сижу, делая сразу три дела: пью чай, дочитываю статью и размышляю о дьявольщине. Авторучка мне уже не нужна, зачеркивать нечего. Я вижу, что Дроздов, надеясь на мой склероз, ничего не изменил в тексте, и статья напоминает дешевый фельетон. Дроздов, жонглируя словами, то и дело переходит на личность никому не ведомого «профессора Е.», а зубоскальство и балаганный тон без точного адреса предмета сатиры всегда раздражают — значит, раздражает и позиция журнала. У тонкого человека эта статья может вызвать лишь сочувствие к бедному «профессору Е». Меня давно злит Дроздов. Этот бывший мастер спорта по теннису и неплохой научный журналист как-то незаметно превратился в преферансного гроссмейстера и постепенно спивается. Впрочем, дело обычное — многолет-

няя езда на чистокровном, но неподкованном таланте… Устал и загнал лошадь… Пока я так размышляю, Дроздов появляется в кабинете. Вид у него унылый:

— Юрий Васильевич, отдайте мне статью.

— Бери. А что случилось? Совесть заела?

— Вы извините, ладно? Статья будет готова к понедельнику.

— Не верю. Ее надо писать заново.

— За два дня я успею.

— Ее надо писать умно. Без ненужных слов. А ты уже этого не умеешь.

Дроздов молчит. Такого оскорбления он еще ни от кого не получал. Что ж, получай.

— Давайте сделаем так… — наконец говорит он. — Я поеду с вами в Кузьминки, закроюсь в гостинице и не выйду, пока не напишу статью. Если не напишу — застрелюсь.

— Ты хранишь огнестрельное оружие?

— Тогда повешусь.

Это у него дежурные шутки с недавних пор. Он, кажется, задумался о смерти. Давно пора. Для таких, как Дроздов, это полезно… хотя и опасно.

— А почему именно в Кузьминки, и почему именно со мной? Что, у меня других дел нет?

— Вы забыли… — осторожно напоминает Дроз-

дов. — Сегодня у нас выезд в Дом ученых.

Все-таки у меня странный склероз… Конечно же, сегодня вечером в кузьминкинском Доме ученых состоится юбилейное торжество.

— Хорошо, поедешь с нами, — соглашаюсь я. — Но с одним условием… (Дроздов весь внимание.) Ты вынешь из своей сумки бутылку коньяка и оставишь ее… Ну, хотя бы здесь, в моем столе. На сохранение. В Кузьминках пить не будешь.

Дроздову очень хочется спросить, откуда я узнал, что у него в сумке припрятана бутылка коньяка… Кто донес? Может быть, Чернолуцкий, который все видит насквозь? Но он выходит из кабинета, махнув рукой и поняв, что дело тут не в доносчиках, а в моем доскональном знании предмета по названию «Дроздов». Я знаю его, вот и все.

Дроздов приносит бутылку, когда я накручиваю свой домашний номер телефона, кладет ее в мой стол, забирает статью и удрученно уходит, а Татьяна долго не берет трубку, потому что плещется в ванне, готовясь к выезду в Кузьминки. Наконец я слышу ее птичкин голос:

— Ой, дед, я забыла вложить тебе напоминательную записку. Ты должен был позвонить Владику и напомнить про юбилей. Потом ты

должен был серьезно поговорить с Дроздом…

— Уже говорил.

— Да? Расскажешь. Теперь иди обедать.

Она еще о чем-то чирикает, а я наконец вспоминаю, зачем звоню:

— Татьяна, срочно свяжись с Президентом Академии и скажи ему, чтобы позвонил мне.

— Сделаю. Ты забыл на столе авторучку. Как ты там без нее?

Вот где моя авторучка — дома на столе! Теперь я спокоен и отправляюсь домой обедать… Иду по коридору… Михаил Федотович, доверительно склонившись над ревизором, что-то ему доказывает, а тот что-то пишет — наверно, акт ревизии. Маринка занята поеданием бутерброда с голландским сыром, а Дроздов хмуро смотрит в окно, сожалея, что из этого полуподвального окна нельзя выброситься. У Белкина опять графоман на проводе.

— Какой сегодня год? — спрашиваю я в никуда. — Обычный или високосный?

Все размышляют.

— Високосный!

— Значит, завтра 29 февраля.

Да, вспомнил, зачем я стою и смотрю на них: мне предписано кого-то из них сократить… Есть

странные сочетания слов, например, это: «сократить человека». Хотел бы я знать, как это делается. А зачем это делается — я знаю. Моргал не в силах закрыть «Науку и мысль», но изменить направление — вполне. Для этого надо одного сократить, второго проводить на заслуженный отдых, третьего, как Дроздова, споить, четвертого повысить, пятого припугнуть — короче, вырвать журналу зубы и превратить его из клыкастого черта в беззубую старуху в синих чулках. И так далее. Механизм доведения до абсурда любого хорошего дела мне понятен.

— Я пошел обедать.

Меня не слышат. Выхожу за дверь и вспоминаю, что забыл подписать в печать апрельский номер… Возвращаюсь в кабинет и вспоминаю, что без статьи Дроздова нет смысла ничего подписывать… Когда я так вхожу и выхожу, все делают вид, что не замечают моих эволюций. Может быть, себя сократить?.. Это мысль! С этой мыслью я отправляюсь домой обедать. Директора продовольственного ларька в смушковом пирожке нигде не видно, но я чувствую за собой слежку и решаю схитрить — иду не по проспекту, а через лес, и вместо десяти минут делаю крюк в полчаса. Павлик, ругнувшись про себя, оставляет «ЗИМ»

и следует за мной на приличном расстоянии. Он тоже помнит ту историю с прочесыванием, когда я в самом деле чуть не замерз на озере.

А что — может быть, в самом деле, себя сократить?

Живем мы с внучкой в «доме изобилия» — его возвели немецкие военнопленные в стиле архитектурного послевоенного бзика под руководством одного нашего заслуженного и сейчас справедливо забытого архитектора, который на старости лет, ошалев от постоянного выматывающего душу угодничества, украсил фасад громадным рогом изобилия (из рога вываливались лепные снопы, виноград, арбузы, сосиски и прочая снедь) и скоропостижно скончался, как чеховский чиновник от чиха, когда начальство позвонило по телефону и наивно попросило разъяснить, что означает все это продовольствие на фасаде, когда сахар рафинад в магазинах выдается по карточкам?

Так вот, живем мы с Татьяной в этом доме на втором этаже в трехкомнатной квартире с громадным застекленным балконом, на котором можно играть хоть в настольный теннис. Это не преувеличение: кроме проржавевшей клетки от моего умершего ангела-хранителя волнистого попугайчика Леши (в клетке сейчас живут Татьянины красные горнолыжные ботинки), на балконе пылятся лыжи, спортивный велосипед и

стол для пинг-понга — обе его половины прислонены к стене и на них мелом написано: «Татьяна дура!». «Татьяна» — на одной половине, «дура!» — на другой.

Я с этим утверждением согласен. Эта надпись, сделанная рукой Дроздова, существует уже второй год, но Татьяне лень смахнуть ее тряпкой. Она уже не катается на велосипеде и не играет в теннис с Дроздовым. Она уже ни во что не играет. Ей двадцать девять лет, она разочарована. Ей все надоело: ее филологическая диссертация, теннис, горные лыжи, игра на гитаре, компания экстрасенсов и многое-многое другое — все, чем она усердно занималась с четырнадцати лет, меняя одно за другим, — все надоело. Аспирантуру она все-таки закончила. Решила преподавать в школе, на третьем уроке запустила чернильницей в какого-то оболтуса и ушла, хлопнув дверью. Поработала у нас в журнале, а потом решила стать внучкой-секретарем бессмертного академика. Удивительно: наверху разрешили ввести эту штатную единицу и теперь платят Татьяне 70 (семьдесят) рублей в месяц за то, что она меня кормит, отвечает на звонки и разбирает корреспонденцию. В Академии хотят угодить мне. Но должность внучки-секретаря Татьяне

тоже скоро надоест. Ее нужно выдать замуж за настоящего мужика, хотя она давно знает, что таковых на свете нет и что в двадцать девять лет жизнь в основном закончена, а дальше пойдет существование. Она все знает. Она даже знает, что не права, но от этого ей еще тоскливей.

Сейчас эта принцесса Разочаровара расположилась в моем махровом халате за моим рабочим столом и раскладывает «Гробницу Наполеона». Так уж повелось с детства: когда я ухожу из дома, она — шмыг! — и важно восседает за моим столом. Вид у старика пошарпанный — на нем пеленались, ползали, учились ходить, ели манную кашу, рисовали снегурочек и принцесс, декламировали дли гостей «Наша Таня громко плачет», читали «Трех мушкетеров», «Войну и мир» и «Сто лет одиночества», пили шампанское, водку, плясали на нем обнаженной в порядке тренировки, писали заумную диссертацию о философско-технологических аспектах произведений Станислава Лема (не знаю, как Лем, а я ни черта не понял), а вот сейчас на моем столе раскладывается «Гробница Наполеона». Когда на столе «гробница», значит, Татьяна не в духе…

Я отправляюсь на кухню. Обед стынет на плите. Вот уже двадцать лет, как врачи запретили

мне есть, но я тайно ем все понемногу и потому, наверно, еще жив. Я гремлю кастрюлями, нахожу водянистый бульон с паровыми котлетками, похожими на сваренные шарики от пинг-понга, и собираюсь, не отходя от плиты, покончить с этим скучным занятием. Но в кухне появляется Татьяна, отодвигает меня к холодильнику и расставляет тарелки. Мы молча жуем безвкусные белые шарики. Хоть бы посолила… Татьяна, храня фигуру, иногда для удобства переходит на мою диету, но, надеюсь, сегодня в Кузьминках она развяжет поясок и уж пообедает.

— Что ты сказал Дрозду?

— Сказал, чтобы перестал пить, иначе выгоню. Неплохой бульончик.

— Это отжатый овощной супчик. А он что? Обиделся?

— Он уже потерял способность обижаться.

— И не только эту способность, — темновато намекает Татьяна. Она осторожно пробует супчик и сообщает — тебе звонили.

— Кто, Президент? — оживляюсь я.

— Нет. Какой-то профессор Енисейский. Специально приехал, чтобы с тобой встретиться.

— Он какой из себя? — вспоминаю я утреннего старичка.

— По телефону не разглядела, — смеется Татьяна. — Спрашивал, когда ты будешь дома.

— Вчера.

— Усекла. Газеты на столе. Журналы на диване. Писем нет.

Обычно она говорит: «Полковнику никто не пишет», хотя мое воинское звание генерал-майор. Кто мне будет писать? Кому я нужен? Разве что той японочке с острова Хонсю, да и то в роли подопытного кролика, — я один еще ползаю из всего поколения… Все, вроде пообедал. Прохожу в кабинет, складываю «гробницу» в колоду, просматриваю свежие газеты, а журналы буду перелистывать, лежа на диване, потому что после обеда мне предписан мертвый час… Вот и еще одно странное сочетание слов: «мертвый час». Пока читаю, Татьяна стоит в дверях, смотрит на меня и хочет что-то сказать. Когда она так долго стоит и смотрит, значит, собирается сказать что-то важное. Однажды в шесть лет она вот также стояла в дверях и вдруг попросила купить щенка, потому что попугай Леша, хотя и умеет гавкать, но только дразнится, а щенок будет водить Танюшу в школу.

«Ну, со школой мы что-нибудь придумаем. У нас дети без среднего образования не остаются.

Например, попросим тетю Софу…» — беспечно отвечал я, не чувствуя подвоха. «Нет, нужна собака, — последовал ответ. — А то ты вечно работаешь, а папы и мамы у меня нет. Когда они уже вернутся из этой своей длительной командировки? Длительной… Ха! Наверно, они померли». «Где ты услышала это слово?» — пробормотал я. «Я его сама придумала. Но как я узнаю папу и маму, когда они вернутся? У тебя случайно нету ихней фотографии?»

Я показал ей мутную любительскую фотокарточку, и она долго разглядывала нашу группу в лаборатории лучевой защиты. Узнала меня, тетю Софу, Михалфедотыча, Владислава Николаевича, вычислила свою маму, потому что кроме тети Софы и Катерины на снимке женщин не было, а потом безошибочно угадала отца, потому что этот человек обнимал Катерину за плечи. Я ненавижу хоронить друзей и не люблю заводить собак — из-за того, что они недолго живут — но щенка я ей все же купил. С попугаем они подружились. Пес ходил с Татьяной в школу, а потом состарился и умер. Павлик с Татьяной похоронили его в лесу, а заводить нового щенка она не захотела… Пока я вспоминаю Татьянино детство, она продолжает стоять в дверях. Наконец говорит:

— Слышь, дед, я выхожу замуж.

— Давно пора, — Я гляжу в газету и не подаю вида. В этих матримониальных делах главное правило — не спугнуть.

— А почему ты не спрашиваешь: за кого?

— Не все ли равно? Я твоему вкусу доверяю.

— Ну, угадай!

— За швейцара.

— За какого швейцара?! — изумилась Татьяна.

— Издательского. Солидный человек, с ним Моргал за руку здоровается.

— Нет. О швейцаре я подумаю в следующий раз, — смеется Татьяна.

— Тогда не знаю.

— Ух, дед, какой ты у меня проницательный! Я еще тоже не знаю. Но все уже решено. Хватит дуру валять. Завтра в Кузьминках я тебе скажу, за кого.

Раздается звонок. Татьяна снимает трубку и произносит голосом строгой секретарши: «Приемная академика Невеселова». Ее о чем-то спрашивают на том конце. «Вчера, — отвечает Татьяна. — Он вчера уехал в Кузьминки. Когда вернется — неизвестно».

Что нужно от меня профессору Енисейскому, я приблизительно догадываюсь… В газетах читать

нечего, они в конце месяца перевыполнили план по острым статьям. Я укладываюсь с журналами на диван. Это те самые научно-популярные журналы, о которых начальство сказало: «Но ведь есть такие-то и такие-то…» Читать я их буду ночью в гостинице, если не удастся заснуть, а пока перелистываю на сон грядущий в мертвый час… Мой журнал лучше. О коллегах, пусть они даже и конкуренты, не принято отзываться плохо, но, если говорить честно, то первый из этих журналов чересчур развлекательный и, значит, поверхностный, а второй очень уж солидноакадемический и, значит, скучный. Но они в меру сил делают свое дело и не приносят вреда — и, значит, пусть будут. Третий журнал называется «Человечество и прогресс». Мы с ними на ножах, хотя эти ножи невидимы и вытаскиваются нечасто. По данным моей разведки, там сейчас спешно готовится контрстатья о передовых методах в медицине профессора Степняка-Енисейского, где защищается русская отечественная стоматология от экстремистов из журнала «Наука и мысль» (у них разведка тоже работает), но им-то что до зубной боли?

Дело в том, что Степняк-Енисейский является постоянным автором «Человечества и прогресса».

Он отдает им в первопечать свои фантастические романы, а в прошлом году опубликовал подряд три статьи о тайнах тунгусского метеорита, о летающих тарелках и о «почему вымерли динозавры». Лично я не знаком с Енисейским, и он совершенно зря ошивается с утра возле моего дома, напрашиваясь на контакт. Нам не о чем говорить. Судя по смушковому пирожку, он такой же мезозойский динозавр, что и я, но помоложе и с противоположным знаком: если я, смею надеяться, динозавр положительный, миролюбиво уступивший эволюционную дорогу подрастающим млекопитающим, то Степняк-Енисейский — типичный контр **Э**волюционер, реликт образца сорок восьмого года, ни за что не хотящий вымирать даже в начале третьего тысячелетия. Я хорошо знаю повадки этих рептилий. Конечно, их буйный расцвет давно в прошлом, вход в их экологическую нишу сократился до размера лаза в мышиную норку, и сейчас они как-будто незаметны — во всяком случае, диплодоков, сотрясающих землю, типа народного академика Эл, в науке сегодня не наблюдается, — но, если прикинуть общую биомассу всей современной шушеры, то получится так на так по сравнению с тем же 1948-м годом.

Так что динозавры еще не вымерли. Я делаю этот неутешительный вывод по ощущению махрового дуроломства при чтении множества ученых статей — и не только в научно-популярных журналах. Вот и сейчас… Мое внимание в «Человечестве и прогрессе» привлекает очередная статья Степняка-Енисейского, профессора: «БЫВАЛ ЛИ ПЕРУН В АФИНАХ?». На сей раз статья историческая. Читаю… И вскоре начинаю понимать, что профессору Енисейскому очень хочется быть древнее древних греков — он, лихо тасуя колоду времен и народов, и раскладывая из них какой-то немыслимый пасьянс, «осторожно предполагает», что древние греки прибыли на Пелопоннес прямиком из Киевской Руси, и что древнегреческий Зевс — это Перун.

Уж не первоапрельская ли это шутка? Нет, номер февральский… Я хочу позвать Татьяну, чтобы поделиться с ней этим археологическим открытием (даже она знает, что между Зевсом и Перуном пролегла пропасть в два тысячелетия), как вдруг натыкаюсь на очередное «осторожное предположение» о том, что «в рамках этой исторической концепции древнерусского Бояна можно идентифицировать с эллинским Гомером», и мне окончательно становится понятен

смысл этой исторической концепции: профессора Енисейского никак не устраивает, что наши предки, нормальные здоровые варвары, произошли неизвестно от кого, пришли черт знает откуда и расселились по берегам Днепра — нет, профессору очень хочется иметь раскидистое генеалогическое древо, где на главном стволе будет начертано слово «Степняк», а уж на всяких ветках и сучьях разные там «древние греки» и «римляне». Это еще бывает, бывает… Очень уж хочется, чтобы древние греки тоже были нашенскими, с Подола. Получается, думаю я зевая, что Енисейского интересует не только будущее Сибири, но и прошлое нашей Родины. Ему мало повернуть Обь, Енисей и Лену вспять, ему нужно повернуть вспять саму историю… Что он ходит, что он бродит вокруг дома моего?

С этими мыслями наступает мой мертвый час. Мне снится громадная гора в Киеве, под горой течет Днепр, в Днепре плещутся русалки, похожие на Татьяну, на горе растет генеалогическое древо — ветвистая липа с красными ягодами развесистой клюквы, которую, как мне снится, посадили здесь Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. На липе церковнославянским шрифтом вырезано «Степняк-Енисейский», а под липой врыт в землю

похожий на меня деревянный Перун в смушковом пирожке. Этот идол невысок, коренаст, с позолоченными усами и с бородой-лопатой. Над левобережной Украиной встает солнце. Усы у Перуна сверкают. Мы знакомимся. Перун начинает по слогам читать статью Степняка-Енисейского о себе, а я размышляю о том, что такие вот старички-лесовички шныряли по Киевской Руси вдоль Днепра из варяг в греки, а сам Кий был здесь лодочником на переправе, но чувствовал себя князем и любил отдыхать под липой.

Прочитав статью, Перун начинает трястись от смеха, хватается за живот и убегает под древо, где использует статью по назначению. Надев штаны, он подтверждает, что всю эту псевдоисторическую липу сочиняют издательские швейцары, и возвращает мне журнал с выдранной статьей — но это уже не «Человечество и прогресс», а знакомый календарный листок от 28 февраля с кровавой записью на обороте. «Значит, мое время пришло?» — спрашиваю я, но древний славянский бог лишь загадочно улыбается в ответ. Я с умилением хочу что-нибудь еще спросить… Например, что ТУДА положено брать с собой, кроме мыла, полотенца и зубной щетки… Кружку? Ложку? Ордена?.. Как вдруг обнаруживаю себя

проснувшимся на диване.

Наконец-то я в нормальной рабочей форме. Мой мертвый час прошел, я видел занятное сновидение, я голоден, как волк, и помню все, что мне надо делать, — хоть иди к нотариусу и пиши завещание. На спинке стула уже висят выглаженные костюм, рубашка и галстук. Ботинки начищены до блеска… Ну, это я уже сам мог сделать… Я не спеша одеваюсь и расчесываю бороду. С этого момента надо быть во всеоружии, потому что, во-первых, нас ждут великие дела, а во-вторых, на меня сегодня кто-то охотится…

Татьяна, вращая бедрами, вплывает в кабинет, демонстрируя новое платье из этого… мембранного трикотажа — еще одного побочного результата нашего фундаментального открытия. В зеленом она в самом деле похожа на русалку. Я изображаю восхищение. Нет, я в самом деле восхищен! С такой фигурой я рожал бы детей, а не филологические диссертации.

— Да-а, пора подумать о приданом, — говорю я, а сам рассуждаю, что думать надо скорее не о приданном, а о завещании для нее.

— Думай, дед. Ты об этом только и думаешь… Кому бы меня сплавить. Я от своего слова не отказываюсь: завтра выхожу замуж, — Татьяна

кидает в сумочку мою зубную щетку, полотенце, японский зонтик. Я завороженно наблюдаю. Вещий сон начинает сбываться — с вещами на выход!..

— Кружку не забудь.

— Зачем? — удивляется Татьяна.

— А зонтик зимой зачем?

— Дождь будет, погода взбесилась. Передавали грозовое предупреждение — надвигаются два циклона с юга и с севера. Люблю грозу в начале марта! Пошли, дед, пора.

Наверно, она шутит… Впрочем, и погода сегодня должна быть необыкновенной, потому что сегодня последний день… Татьяна вертится в коридоре перед зеркалом, нанося последние штрихи на картину, а потом начинает натягивать сапоги на свои длинные ноги. Значит, у меня достаточно времени, чтобы выйти на балкон будто бы взглянуть на погоду, а на самом деле незаметно взять из тайника мою единственную драгоценную вещь. О ней никто на свете не знает, даже Татьяна; хотя, похоже, эту вещь видел Михаил Федотович Чернолуцкий — однажды он просветил ржавую клетку взглядом, удивился и погрозил мне пальцем… Это строгая, солидная вещь — из тех, на которые распространяется уго-

ловная ответственность за незаконное хранение огнестрельного оружия. Выходит, что я — уголовник. Я не сдал эту вещь ни в ЧК, ни в военкомат, ни в милицию. Дудки! Я прячу ее в тайнике под днищем клетки моего умершего ангела-хранителя — это отцовский наган с полным заряженным барабаном, а один запасной патрончик я храню для себя в нагрудном кармане. Я равнодушно отношусь к всяческому барахлу, но эта вещь вызывает у меня уважение. О таких вещах шутят только те, кто их не имеет, — как мелодраматичный Дроздов: «Застрелюсь, застрелюсь…» Теперь я во всеоружии. Сегодня, как видно, эта вещь мне понадобится.

— Дед, уйди с балкона, простудишься! (Татьяна с кем-то говорит по телефону.)

— Ничего, не простужусь. (А если простужусь — не страшно.) Кто звонил?

— Не Президент.

Татьяна права: Президенту Академии делать больше нечего, кроме как звонить дряхлому невеселому динозавру, который перевернул его портрет вверх ногами. Зачем Президенту звонить мне, если я для него давным-давно не существую? Вот только похороны почему-то задержались. Когда я умру, он, конечно, поможет поднести гроб к

крематорию… Но звонить зачем?

Мы спускаемся в лифте и выходим на пустой проспект. Профессора Енисейского нигде не видно. Даже вороны в предчувствии двух циклонов улетели в лес. Наган притаился у меня на груди в боковом кармане пальто и вызывает соблазн. Сегодня будет большая стрельба… За мной охотятся, мне прислали повестку, мое дело — швах. Даже Моргал настолько осмелел, что решил не дожидаться моей смерти. Военные действия начались, надо быть настороже и подтянуть свой шарик-голубой, чтобы не улетал далеко.

Я начинаю ощущать себя боеспособной единицей с русалкой впридачу. Даже природа встрепенулась, и лед начал таять при виде Татьяны в новой норковой шубке поверх мембранного платья. А французские сапоги? На эту шубку, это платье и эти сапоги мы недавно угрохали месячную зарплату внучки-секретаря плюс мою годовую академическую пенсию и теперь сидим на диете. Но я не жалею: русалку надо одевать, чтобы выгодно выдать ее замуж. Голых — не берут.

За нами едет черный «ЗИМ». «Почему бы Татьяне не выйти замуж за Павлика? — раздумываю я, чавкая ботинками по рыхлому льду. — Де-

тишки будут глупыми, жизнерадостными и здоровыми, а это ли не счастье?» При этой мысли в знак одобрения над пустынным проспектом сверкает синяя молния без грома. Павлик открывает дверцу. Сверху начинает валить какая-то рябая суспензия из дождя и снега. Сыро, мокро… но все правильно: надвигаются два циклона, и сейчас в небесной канцелярии будет решаться вечный бюрократический вопрос — кто победит: зима или весна?.. Будто не ясно.

В редакции уже полно гостей, всех сразу и не упомнишь. В коридоре навалены сумки, шубы да шапки. Чей-то березовый веник торчит из кучи. Ашот водит гостей по редакции и объясняет, почему обложки белые. Владислав Николевич уже здесь, он все глаза проглядел, выглядывая нас. Он бросается раздевать Татьяну. Пусть, пусть попользуется случаем, заслужил.

Гостевой стол уже накрыт. Маринка наливает гостям настоящего кофе, а Софья Сергеевна Чернолуцкая нарезает торты — без Танькиной «тети Софы», жены моего заместителя, журнал не журнал, она — хозяйка редакции, и я устремляюсь к ней на кофейный запах. Сегодня мне все можно.

В последний раз.

Но дорогу мне преграждает токарь шестого разряда Тронько Андрей Иванович, человек с такими большими кулаками, что я не представляю, как он надевает пиджак, — в рукава им ни за что не пролезть. Это его березовый веник торчит из кучи. В Кузьминках он собирается посетить парную и заодно прихватить меня. Я пойду, если до этого ничего не случится. Пусть надает мне несильно по заднице. Мы с ним два Героя Социалистического Труда, но я — умственного, а Тронько — самого настоящего, ручного. Татьяна его побаивается и называет «гегемоном». Раз в году он пишет для нас статьи о своих особых методах научной организации труда (с общей тенденцией «я их научу работу любить!»), а Белкин едва поспевает вычеркивать из них нелитературные обороты. Когда мы встречаемся, Андрей Иванович отводит меня в сторонку и озабоченно выспрашивает, не обижает ли кто меня и не нужно ли кому в морду дать?

«Вот придет гегемон и наведет порядок!» — любит пугать Татьяна сотрудников «Науки и мысли» за особо нахальные статьи. Но это зря. Тронько в редакции немного стесняется, помалкивает и прячет руки в карманах. И это зря — как раз сего-

дня его кулаки могут мне понадобиться. Сегодня мне нужны храбрые и сильные люди. Сейчас Андрей Иванович осторожно трясет мою руку и умиленно глядит как язычник на своего божка после хорошего урожая — дело в том, что недавно после его очередной статьи Совмин закатил строгий выговор самому министру станкостроения.

Я жму его честную руку и, пока Татьяна отвлечена Владиславом Николаевичем, продолжаю пробираться к кофейнику, заискивающе подмигивая Маринке и показывая, как Черчилль, два растопыренных пальца — у нас этот жест означает «двойной кофе». Но с Маринкой происходит что-то странное: она проливает кофе мимо чашки прямо в блюдце с тортами, а сама глядит мне за спину, делает круглые глаза и произносит, растягивая звук «о»:

— О-о-ой!

С Софьей Сергеевной происходит то же самое — а чтобы напугать нашу тетю Софу, нужно показать ей нечто сверхъестественное… Неужто ОН услышал меня и уже стоит за моей спиной?

Я осторожно оглядываюсь. Нет, это прибыл не хвост с рогами, а почетные наши гости: летчик-космонавт в новенькой генеральской форме и ведущий научно-популярной телепередачи, — их

имена всем известны.

В редакции начинается легкая паника, все бегут выглядывать в коридор. Я тоже обо всем забываю, потому что космонавты для меня всегда были таинственными существами, тем более первый человек, ступивший на поверхность Марса. Хотя умом я конечно понимаю, что это обыкновенный хомо сапиенс сапиенс. (Недавно я с удивлением узнал, что современный человек в палеонтологии носит видовое название «Хомо сапиенс сапиенс», чтобы отличать его от неандертальца, который просто «сапиенс». Век живи, век учись.)

Татьяна ест глазами Космонавта и, как видно, собирается тут же в коридоре выйти за него замуж — во всяком случае, пытается стянуть с него генеральскую шинель. Она давно хотела познакомиться с настоящим мужчиной, а тут целое внеземное существо. Марсианин!

Я уже опомнился и под шумок наливаю себе полную чашку кофе, но не успеваю глотнуть, как меня застают на месте преступления — все расступаются и укоризненно на меня смотрят… Понятно. Я тут хозяин и должен лично встречать дорогих гостей, а я чем занимаюсь? Иду встречать. Здравствуйте — здравствуйте. Как добрались?

— С приключениями, — отвечает Космонавт. Он уже снял генеральскую шинель, но не уверен, следует ли швырять ее в гражданскую кучу.

Веду гостей в кабинет, они раздеваются там, вешая дубленку и шинель на вешалку, и дышат на руки с мороза — значит, сейчас над проспектом побеждает зимний циклон. Кофе, чай? Чай. Вызываю Маринку и заказываю два чая и один кофе. Двойной. Когда Маринка приносит гостям крепкий чай, а мне подкрашенную под кофе теплую водичку, Космонавт и Ведущий-ТВ наперебой, как мальчишки, начинают рассказывать о каком-то странном атмосферном явлении, которое они наблюдали над трассой:

— Смерч не смерч, но что-то вроде тучи с хоботом…

— Она шла над трассой сначала так… а потом так… — Космонавт, как и все летчики, делает поясняющие жесты прямыми ладонями. — А внутри у нее что-то сверкало!

— Полная трасса свидетелей! — дополняет Ведущий-ТВ. — Моторы у всех заглушило, выскочили из машин, кто-то побежал звонить в Академию наук…

— А погода — полный штиль! А туча будто самоуправляемая…

— Будто что-то искала. Знаете, мне показалось, что она заглядывала в черные «Волги»... Одну даже ощупала.

— Наверно, за начальством гонялась, — посмеиваюсь я, а сам всеми фибрами души чувствую опасность: одно к одному, это за мной. — Над вашей «Волгой» она тоже зависла?

— Нет, мы ехали в автобусе.

Странно, что генералы, да еще с Марса, сейчас добираются к нам на автобусах. Раньше всегда приезжали кавалькадами в «ЗИСах», «Волгах» и «Чайках». Возможно, сейчас так модно, а я отстал от жизни.

— Вы случайно не наблюдали внутри этой штуковины такого себе гражданина с рожками и хвостом?

— На телестудии разберемся, — отвечает Телеведущий. — Нам удалось заснять эту штуку.

— Вы захватили с собой фотоаппарат?

— Вы о нас плохо думаете, Юрий Васильевич. Мы прихватили с собой целый телевизионный автобус. Сейчас мои ребята ворвутся сюда и начнут вас снимать.

— Это еще зачем? — пугаюсь я.

— Очередную передачу решено посвятить «Науке и мысли». Будем снимать вас сначала здесь, а

потом в Кузьминках.

Я ошарашен этим известием не меньше, чем утренней запиской о звездных войнах, а телевизионщики уже ломятся в кабинет со своей трубой, чтобы засунуть меня в ящик для идиотов и ославить на всю страну.

— Так сидеть! — командует чей-то режиссерский голос, и меня ослепляют. — Отлич-ненько! Всем пить чай и о чем-то тихо беседовать. В объектив не смотреть! А если посмотрите — не беда. Раскованней, раскованней… Академика крупным планом… Космонавта крупным планом… Все, сняли.

Итак, меня уже сняли.

— Сейчас доснимем редакцию, и в путь, — говорит Телеведущий. — До Кузьминок долго ехать?

— Какой-то балаган, — бурчу я.

— Вам что-то не нравится?

Мне все не нравится. Сегодня вокруг меня происходит что-то странное. Я всеми фибрами чувствую опасность и боюсь… Нет, не за себя (меня уже ищут и скоро найдут, можно не беспокоиться), а за них. «Рядом с тобой опасно стоять», — сказал однажды Президент Академии. Но поездку не отменить. Единственное, что я могу сделать для безопасности Космонавта — не везти

его в Кузьминки на своем «ЗИМе». Это опасно. Пусть едет в автобусе.

Я веду гостей в коридор показывать обложки. Ашот где?! Кто мне объяснит, почему они белые, черт возьми! В коридоре мы сталкиваемся с Михаилом Федотовичем и с ревизором Ведмедевым, который невозмутимо кушает торт.

— Вот, полюбуйтесь, какие нам дела шьют! — вопит Чернолуцкий, размахивая актом ревизии. Он коллапсирует, как звезда на последней стадии. Сейчас Михаил Федотович сбросит пиджак, разорвет на груди рубаху, и телезрители увидят латаную-перелатаную тельняшку, которую он бережет с войны и надевает по двойным праздникам — например, сегодня в честь юбилея «Науки и мысли» и своего снятия с работы.

— А это мой заместитель, Чернолуцкий Михаил Федотович, — представляю я. — Всю работу он тянет на своем горбу. Незаменимый работник. Где там ваша труба? Почему не снимают?

— Отличненько! — раздается все тот же невидимый голос (невидимых голосов не бывает, но понятно, что я хотел сказать). — Заместителя крупным планом! Юрий Васильевич, повторите все сначала: мол, это мой главный заместитель…

— Это пойдет в эфир?

— А как же! От Москвы до самых до окраин. Начали!

— А это заместитель главного редактора, — громко повторяю я. — Незаменимый работник, на пенсию мы его не отпустим, хотя кое-кто на это надеется. Михалфедотыч, покажите телезрителям наш сырой подвал, в котором невозможно работать. (Пусть теперь Моргал попробует сместить Михаила Федотовича после такого триумфального выхода в эфир!)

— Думаете, выход в эфир поможет? — грустно спрашивает Софья Сергеевна. После аварии она иногда очень точно прочитывает чужие мысли, хотя сейчас не тот случай — мои намерения ясны без всякой телепатии. Но тетя Софа любит, когда удивляются.

— Разве я сказал это вслух? — удивляюсь я.

— Нет. Но вы подумали.

— Софа, мы об этом потом поговорим. Не по телевизору.

С Михаилом Федотовичем поздоровались. Теперь Телеведущий протягивает руку стоящему рядом Ведмедеву, который судорожно заглатывает торт. А этого я сейчас с грязью смешаю — надо пользоваться случаем!

— Это наш ревизор, — представляю я и, как

балаганный шут, подмигиваю в объектив.

— Кто? — переспрашивает Телеведущий.

— К нам прибыл ревизор, — объясняю я телезрителям. — Выбрал, понимаете, время! Проверяет тут черт знает что…

Кажется, в этой суматохе Телеведущий так и не понял, что за субъект перед ним. Когда на студии разберутся, то ревизора вырежут. А жаль.

— Михалфедотыч, проведи гостей по редакции, а я пока почитаю это… — я двумя пальцами выдергиваю из рук Чернолуцкого акт ревизии и тихо командую тете Софе — Белкина ко мне! А сама займись ревизором, чтобы не путался под ногами. Угости его кофием с коньяком. Коньяка лей побольше.

— А он не подавится? Где я ему коньяк возьму? — возмущается тетя Софа.

— Достань бутылку в моем столе и подпои его.

— Кого? Ревизора?!

— Сдается мне, что это не ревизор… Я потом объясню. Давай, давай, действуй! Подпои и загляни ему в подкорку… Ты же умеешь.

Всем нравится, когда говорят, что «они умеют». Софье Сергеевне — тоже.

Гостей ведут туда, где двенадцать столов и где все уже намарафетились и изображают из себя культурных людей — только хмурый Дроздов всем назло стучит на машинке. Остальные греются в лучах славы, а Маринка застенчиво протягивает Космонавту шоколадную конфету. Даже у Ведмедева не выдерживают нервы — он, поколебавшись, оставляет акт ревизии на мой произвол и устремляется за Космонавтом, чтобы заглянуть из-за его спины в телеобъектив. Но Софа уже берет ревизора под свой контроль и ведет поить коньяком в комнату Ашота. «А тут у нас...» — слышу я взволнованный голос Михаила Федотовича и начинаю читать акт ревизии. «Выявлена недостача материальных ценностей в особо крупных размерах...» — читаю я, а Оля Белкин уже стоит передо мной, как лист перед травой, очень похожий на маленького конька-горбунка. (В общем-то, Оля Белкин приносит счастье — его, как черного кота, можно запускать первым в любое отчаянное предприятие, и все будет в порядке, — надо только вовремя оплачивать ему проезд и командировочные да еще вызволять телефонным звонком из отделения милиции города Урванска Нахрапинского района за Полярным кругом, объяснив товарищам,

что они поймали не американского шпиона, а корреспондента «Науки и мысли», ошивавшегося у строящейся АЭС по заданию редакции.

— Оля, садись. Я голодный, как волк. Что твоя маман сегодня завернула?

— Понял, — Оля приносит из коридора сумку и разворачивает гигантский сверток. Сегодня его маман в связи с выездом редакции в дальнее благотворительное путешествие завернула на всех с полсотни котлет. Я с жадностью жую холодную котлету с чесноком и продолжаю изучать акт ревизии.

— Оля, ты у нас мудрый еврей, ты все знаешь… Кто этот человек? Что ему от нас нужно?

— Кто, Ведмедев? — уточняет Оля. Он в самом деле все знает. — Типичный функционер. Из этих… куда пошлют. То в комсомол, то в науку… Сейчас в издательстве. Год назад погорел за какой-то молодежный почин. Какая-то ересь, точно не помню. Кажется, за военно-патриотическую экспедицию «По границам нашей Родины». Представляете: пешедралом с рюкзаками по линии границы. Интересное путешествие, да? Все инстанции разрешили, и они пошли. До первого пограничника. Кто такие? Путешественники! В общем, решили, что он дурак, и отправили

инспектором в наш отдел кадров. А ревизия липовая, не беспокойтесь. Моргал хочет вас пощупать. Знаете эту достоевщину… психическая атака. Не выйдет — не надо, а нервы попортит.

Я проглатываю котлету, отрываю календарный листок, гляжу, нет ли на нем очередной дьяво… достоевщины, и использую листок вместо салфетки. Потом протягиваю Оле акт ревизии, а он, проведя взглядом по диагонали, возвращает акт мне:

— Я уже знаю. Это какая-то обстракция.

— Объясни хотя бы, как выглядит эта штука… «Японский персональный компьютер стоимостью в двенадцать тысяч инвалютных рублей».

— У нас в редакции такого никогда не было.

— А какой у нас был?

— Никакого вообще не было.

— Куда же он мог исчезнуть?

— Я же говорю: обстракция.

— А запись в издательской бухгалтерии о наличии присутствия? Вы меня под монастырь подведете за двенадцать тысяч инвалютных рублей! — рычу я.

— С компьютером надо разобраться. Откуда он взялся, кто его принимал… Запись есть, компьютера нет. Тут какая-то липа.

— Липа… — Это слово наводит меня на воспоминание о вещем сне. — Ты не помнишь, Оля, идол Перуна в Киеве с золотыми усами был?

— Да. Так по летописи, — Оля смотрит на меня с сомнением. Он что-то еще хотел сказать, но подозревает, что у меня начался заскок. Наконец говорит — По-моему, Ведмедева компьютер не очень-то интересует. Он чего-то другого хочет…

— Стать моим заместителем?

— Нет, зачем… Тоже мне, пост! Тут же вкалывать надо… Ведмедев просит, чтобы я напомнил вам про какой-то частный договор многолетней давности, и тогда ваше отношение к нему переменится.

А вот это уже самая настоящая дьявольщина! Я поражен. Этот Ведмедев не может знать о моем тайном договоре со швейцаром. О нем никто не знает! Я ищу кровавую записку, чтобы сверить ее с почерком в акте ревизии, но записка уже куда-то подевалась, и моя рука самопроизвольно тянется за второй котлетой… Кто он такой, этот Ведмедев? Для САМОГО он, конечно, мелковат, но как ЕГО посланник, как предзнаменование, как комета с хвостом… С Олей можно говорить о чем угодно, он поймет. Я оглядываюсь и тихо спрашиваю: — Оля, скажи… Этот Ведмедев… Он…

Он человек или нет?

— В каком смысле? — Оля тоже переходит на шепот.

— В прямом, в прямом. Он хомо сапиенс?

— Он просто неразумный человек. Слаборазвитый. Вы не сомневайтесь, Юрий Васильевич, в нем нет ничего сверх… этого самого. Хотя… Михалфедотыч в него заглянул и сказал, что у него внутри сидит еж.

— Больной он, что ли? Рак?

— Нет. Еж. Ну, еж. У Ведмедева еж внутри — так говорит Михалфедотыч. Вы же знаете его аллегории. Он так видит.

— Ну, братцы… — развожу я руками. Нашел. Вот она, под актом ревизии. — Оля, сравни почерки. Мне утром кто-то подсунул эту записку.

Оля разглядывает календарный листок на просвет, сравнивает его с актом ревизии и сообщает заключение экспертизы — Акт писал Ведмедев, а записку — вы. На записке ваш почерк, Юрий Васильевич.

Я жую вторую котлету и сосредоточенно разглядываю календарный листок за 28 февраля. Предположим, что Оля прав, и эту записку писал

я. Не помню, чтобы я ее писал, но, предположим, что это мой почерк. Очень похож. Предположим, что я писал эти строки не собственной кровью, а подвернувшейся под руку ашотовой авторучкой с красными чернилами. Предположим, что затвердение моих мозгов крепчает. Но что означают эти слова насчет «звездных войн»? Мне неудобно спрашивать об этом у Оли, но он сам напоминает: — Юрий Васильевич, дайте мне «ЗИМ» на часок, вы обещали. Неохота «Запорожец» по льду гонять.

— Напомни, зачем тебе «ЗИМ»?

— Ну, для этой голливудской муры, — Оля показывает на записку. — Нужно смотаться в аэропорт и встретить кинокритика со «Звездными войнами».

— Откуда? Из США?

— Почему из США? Из Госкино. В благотворительных целях.

И это вспомнил. С сегодняшнего дня мы становимся БЛАГОТВОРИТЕЛЯМИ, как-никак. Надо совмещать приятное с полезным. Для приманки к своим выступлениям мы будем крутить «Звездные войны», а все доходы перечислять на счет детского дома, где воспитывался Владик Бессмертный.

— Оля, я еще не проснулся… Объясни, почему в благотворительных целях нужно крутить именно «Звездные войны»? Мы этот вопрос согласовали? Нам тут идеологический фитиль не вставят?

— Ну что вы, Юрий Васильевич! Во-первых, это дело в Госкино решили без нас. А во-вторых, сейчас такое крутят, что «Звездные войны» по сравнению — детский фильм.

— Ну, тогда ничего.

С кровавой запиской все вроде бы прояснилось. Но чего хочет Ведмедев? Откуда он знает о моем секретнейшем договоре со швейцаром? Зачем он меня интригует и напрашивается на разговор?

— Вот что, Оля… Пригласи Ведмедева поехать с нами в Кузьминки. Скажи, что его покажут по телевизору от Москвы до самых до окраин. Придумай, что хочешь, — он на все клюнет. Ему от нас что-то нужно, а нам от него — ничего. Скажи, что в Доме Ученых состоится закрытый просмотр «Звездных войн». Только для избранных. Скажи, что я выделяю для его ревизорского сиятельства персональный «ЗИМ». Передай Павлику, чтобы взял ревизора, встретил кинокритика со «Звездными войнами» и дул в Кузьминки. Без меня. Если будет возражать, скажи, что расстреляю

за невыполнение приказа. Подожди, это не все. Сам садись в «Запорожец» и потихоньку поезжай за ними.

— Зачем все это?

— Затем, что я хочу проверить одну свою обстракцию. Поезжай и пытайся не упустить их из виду. Но держись от «ЗИМа» подальше. Это может быть опасно.

— В самом деле обстракция, — бормочет Оля. Он еще что-то хочет сказать. Говорит: — Юрий Васильевич, вы знаете, я никогда не был фискалом, но если я не вернусь с задания… Ладно, без предисловий. Вы сегодня отняли у Дроздова бутылку коньяка… Так вот: он отправился в хозяйственный магазин и купил веревку.

— Какую веревку?

— Какую… Обычную. Бельевую. В «Тысяче мелочей». Зачем — не знаю. Наверно, сушить белье. Если я не вернусь с задания — имейте это в виду.

У меня перед глазами появляется какой-то городской дворик с покосившимся туалетом. Двор крест-накрест перетянут бельевой веревкой, а на веревке, подпираемой длинным шестом, болтаются замерзшие простыни, пододеяльники и Дроздов.

— Понял. Действуй.

Съемки в редакции идут к концу. Оля начинает действовать — добывает из кучи ревизорский кожух, пальцем выманивает Ведмедева в коридор и что-то нашептывает ему. У ревизора поблескивают глазки, тетя Софа его уже обработала. Он заинтригован. Сейчас я попытаюсь провести САМОГО, подсунув ему вместо себя в черном «ЗИМе» этого живца — авось клюнет… А от меня с Космонавтом не убудет — прокатимся на автобусе, как простые смертные.

А кто сказал, что я не простой смертный? Конечно, обыкновенному сапиенсу ко мне на прием всегда было трудно попасть, но не оттого, что я возгордился — просто мои заместители решали все эти неандертальские дела быстрее и лучше меня. Да, у меня скверный характер. Да, на меня во все времена катали телеги — я вижу за собой целый обоз грязных телег, как после отступления Первой Конной из Польши. Да, я бывал высокомерен с недостаточными людьми, иногда глупел на глазах от общения с ними, и, случалось, меня так начинало трясти, что я готов был схватить свою трость за обратный конец палки и трахнуть визави набалдашником по макушке.

Нет, я никого не бил тростью по голове, но однажды растоптал докторскую диссертацию, направленную мне на отзыв. Конечно, этого не следовало делать хотя бы из уважения к труду машинистки. Но шарик в тот момент улетел — так уж получилось. Я ничего на свете не боюсь, кроме неандертальского дуроломства, поэтому пытаюсь окружить себя людьми из подвида «хомо сапиенс сапиенс». Этих людей на Земле не так уж много, и я уйму шишек набил себе и другим, пока научился отличать их от неандертальцев — зато сейчас я безошибочно узнаю хомо сапиенсов сапиенсов даже на уровне швейцаров.

Наша команда начинает загружаться в автобусы — их у нас уже два: один спальный малиновый «Икарус» с белой клешнистой надписью на борту: «ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ», второй — отечественный и пожухлый. Его пригнала за нами красотка-администратор из кузьминкинского Дома Ученых (пригнал, конечно, водитель, но она ответственная за прием гостей). Зовут ее Тамара. Она одета в шубу из лисьих хвостов. С Татьяной они тайные соперницы, но разумно соблюдают нейтралитет — Тамара царствует на том берегу в Кузьминках, Татьяна — здесь, в Печенежках.

Царица Тамара просит у Павлика закурить

и доверительно объясняет ему, что известный кинокритик по путевке Госкино уже приехал и уехал на аэродром встречать коробки со «Звездными войнами», и «ой, что будет», если «Звездные войны» застрянут по такой нелетной погоде — афиши уже давно развешаны, билеты распроданы, а на Кузьминки с утра началось нашествие окрестных рокеров, брейкеров, фанатов и металлистов, и что кроме благотворителей под ее ответственность свалились Космонавт и Центральное телевидение, а в Доме Ученых полы еще не натерты, в гостинице мест не хватит, а киномеханик третий день женится и пьян, как сапожник.

Ну, с Космонавтом и благотворителями она еще так-сяк разберется, размышляет Тамара, а куда, скажите, ей девать бригаду Центрального телевидения?

Пусть царица Дома Ученых не беспокоится, успокаивает ее Павлик. «Звездные войны» до Кузьминок обязательно долетят, потому что у Павлика на аэродроме знакомые вертолетчики. Пьяного же механика он, Павлик, сумеет подменить, а Кузьминки после показа «Звездных войн» будут разорены этими самыми фантиками-лютиками и потом отстроятся заново. Так что

не желает ли царица Тамара сесть в роскошный «ЗИМ», как и подобает царице, и совершить вояж в аэропорт за «Звездными войнами»?

Экий пошляк!

Павлик распахивает дверцу, и я не успеваю глазом моргнуть, как царица Тамара, забыв о своих административных обязанностях, уже сидит на переднем сиденье «ЗИМа», а ревизор Ведмедев с неудовольствием перемещается на заднее… Это поразительно).

Я впервые вижу своего шофера в главном деле его жизни — и ничего не понимаю! Он же ей ничего не сказал… А если и сказал, то ровным счетом какую-то чушь! И вот уже крутобедрая царица устроилась рядом с этим кобелем, и они устремляются в аэропорт навстречу… Увидим, чему навстречу; а Оля Белкин, как заграничный шпион, выезжает из-за угла на своем горбатом «Запорожце»… Черта лысого он их догонит.

Нас много. Мы долго загружаемся с лыжами, сумками и тортами. Ашот лезет в автобус со здоровенным этюдником. Он возбужден — в кои-то веки его на два дня отпустили в Кузьминки жена и семеро детей (это не метафора), и там он собирается писать этюды для души, отдыхая от журнальных обстракций. Мне с Космонавтом вы-

деляются лучшие места для инвалидов с детьми. Отсюда удобно глядеть на трассу.

«Ну что? Кто он?» — мысленно спрашиваю проходящую мимо тетю Софу, имея в виду ревизора. «Я пока не разобралась», — отвечает она.

Где Татьяна? Она благосклонно принимает ухаживания Владислава Николаевича и демонстративно продолжает не замечать Дроздова. Быть скандалу!

— Никого не забыли? — спрашивает Михаил Федотович. — Привет, а где Белкин?

— Уехал по особому заданию, — отвечает Маринка.

Эта пигалица уже что-то пронюхала — похоже, ее шептанья с Олей Белкиным скоро закончатся свадьбой, а я буду у них свадебным генералом.

— А этот где… ревизор?

— Где-то потерялся.

— Ну и слава Богу!

Поехали.

Автобус Центрального телевидения едет за нашим автобусом по проспекту имени академика Эн. У дома изобилия мы обгоняем какого-то мальчишку с коловоротом, в валенках и в десантной

фуфайке. Мальчишек здесь много, и я их боюсь — никогда толком не знаешь, чего от них ожидать. Этот, наверно, удрал с уроков и направляется на водохранилище удить рыбу, но, завидев в проезжающем автобусе Космонавта, забывает про свои дела, открывает рот и выкатывает глаза.

Проезжаем мимо учреждения без вывески. Владислав Николаевич просит остановить автобус, он на минутку, что-то там забыл, — наверно, оставить завещание, отбывая на два дня в Кузьминки. Пока ожидаем, Маринка с Татьяной затевают стародавнюю игру, которая состоит в том, чтобы загрузить пароход (в нашем случае — автобус) предметом на одну букву. Буква выбирается так: Маринка произносит про себя алфавит: «А, Б, В, Г…», а Татьяна останавливает ее — Стоп!

— Грузим автобус на букву «Д», — объявляет Маринка.

— А как это, как это? — интересуется Тронько.

— Сейчас поймете. Я первая. Гружу доски.

Следующий Ашот. Он грузит дрова. Андрей Иванович уже все понял и грузит динамит. Татьяна — дроздов.

— Что? — откликается Дроздов.

— Дроздов я погрузила.

— А я — дур.

— Тогда на следующем заходе я погружу дегенератов, — огрызается Татьяна.

Я же говорил — быть скандалу.

Софья Сергеевна грузит диверсантов, а Михаил Федотович, вспомнив акт ревизии, грузит дисплей стоимостью в двенадцать тысяч инвалютных рублей. Телеведущий грузит демонстрантов, а Космонавт — добровольцев. Сейчас чья очередь? Моя… Думаю. В голову ничего не лезет, кроме японского персонального компьютера из акта ревизии. Минута на размышление, а потом меня выгонят из игры. А когда выгонят, я разом вспомню все слова на «Д».

— Дявола! — гружу я в последнюю секунду.

— Дьявол не пройдет! — протестует Маринка.

— Это почему?!

— По габаритам, — вставляет Дроздов.

— А он у меня маленький. В автобус влезет.

— Не потому, — объясняет Маринка. — Дьявола в природе не существует.

— Кого не существует?! Дьявола?! — возмущаюсь я. — Это с какой точки зрения посмотреть.

— Несуществование дьявола наукой строго не доказано, — заступается за меня Телеведущий.

Начинается схоластический диспут: можно

ли погрузить в автобус дьявола? Ашот доказывает, что без дьявола ехать неинтересно. И жить тоже. Ему затыкают рот. Он обижается. Спрашивают Космонавта, не встречал ли он на Марсе вышеупомянутого господина или хотя бы какие-нибудь следы его жизнедеятельности, а тот отвечает, что был один странный случай: какая-то неопознанная нечистая сила выпила весь спирт из нераспечатанного флакона в корабельной аптечке. Вот! Вот вам и доказательства! Я подаю протест: если моего дьявола не погрузят в автобус, то я выхожу из игры. Из принципиальных мировоззренческих соображений. Да-с! Дьявол — это важная философская категория… и так далее. Выслушав меня, мне идут навстречу.

Погрузка продолжается, а Владислава Николаевича все нет. Мальчишка в десантной фуфайке опять догнал нас, остановился у переднего колеса и снизу вверх с жадным любопытством разглядывает Космонавта. Этого мальчишку я сейчас понимаю — он не верит ни в бога, ни в черта, но верит в первого человека, ступившего на поверхность Марса.

Наконец появляется Владик. Человек с кобурой несет перед ним громадную корзину живых роз, а Владик так старомодно смущается, что даже мне

становится за него неловко. Подумать только, этот человек руководит нашим время от времени взрывающимся учреждением, он тут бог и царь (когда он кем-то недоволен, то цедит сквозь зубы: «Иди, гуляй», и провинившийся летит исправлять то, что он там натворил), иногда он даже повышает голос в высоких кабинетах, но в присутствии Татьяны его можно намазывать на хлеб и есть. Во-первых, корзина роз ей в подарок, да еще зимой — это чересчур; а во-вторых, для достижения желаемого эффекта Татьяне надо дарить розы пренебрежительно и грубо — Владик этого никогда не поймет. Он так же годится Татьяне в мужья, как и его полная противоположность — циничный и грубый Дроздов. Этот, правда, дарил Татьяне розы пренебрежительно и грубо, и тоже ошибался, потому что Татьяне нужно дарить розы смущаясь и нежно… Они, дураки, ничего не понимают.

Кроме этих двух претендентов в мои внучатые зятья, я пока никого не наблюдаю, но если Татьяна сказала, что завтра выходит замуж, то ей можно верить. Кто же из них?.. Оба нехороши. Сейчас чья очередь грузить?.. Опять моя.

— Душу, — гружу я.

Со мной уже не спорят. И правильно делают.

А мы все не едем… Мальчишка помогает человеку с кобурой погрузить розы в автобус, а потом неожиданно обращается ко мне:

— Юрий Васильевич, можно доехать с вами до водохранилища?

В том, что незнакомый мальчишка знает мое имя-отчество, нет ничего сверхъестественного, я здесь примелькался за сто лет. Удивляет, что он безошибочно определил субординацию в нашем автобусе и признал меня самым главным… Главнее самого Космонавта. Значит, быть ему или подхалимом, или хомо сапиенсом в квадрате. Я разрешаю, но мы все равно не едем. Что там еще? Почему стоим?

Оказывается, Владик уже не едет в Кузьминки. Он приносит нам свои извинения. Так и говорит: «Приношу вам свои извинения…» и жалисно-жалисно поглядывает на Татьяну. Та приносит ему свои сожаления: «Как же мы без вас, Владислав Николаевич?»

— А что стряслось? Учреждение без тебя развалится в выходные дни? — спрашиваю я. — Значит, мы на твой детский дом будем вкалывать, а ты — в кусты?

Нет, отвечает Владик, но ему только что позвонили из приемной Президента Академии и срочно вызвали в Москву… Все знают, зачем Владика вызывают в Москву, но помалкивают. Если вызывают, значит, очередные анализы нехорошие. Опять уложат в больницу. Будет он там до лета лежать и взглядом люстру раскачивать.

— А почему он мне не позвонил? — обижаюсь я. — Подожди. Передашь ему записку.

Мне добывают клочок бумаги. Я пишу: «Александр! Из-за твоего перевернутого портрета Мишу Чернолуцкого выгоняют с работы. Если не позвонишь Моргалу с протестом, я тебе этот культ личности никогда не прощу. Твой Юрий Васильевич».

Опять мне в спину кто-то смотрит. Я оглядываюсь. Это смотрит Софья Сергеевна, но она вне моих дьявольских подозрений. Она — ангел-хранитель своего мужа.

— Думаете, записка поможет?

— Софа, мы с тобой потом поговорим…

Сегодня я все откладываю на потом, на потом… Не сейчас.

Владик, в последний раз вздохнув по Татьяне, уныло плетется к дверям учреждения, а человек с кобурой обгоняет его и открывает их. На месте

Владика я наплевал бы на все учреждения, клиники и анализы, схватил бы Татьяну в охапку и уволок бы ее… Нет, не в Кузьминки, а куда-нибудь на Чукотку, как ту японочку, чтобы никто не мешал. С розами он хорошо начал…

Но человек с кобурой уже закрыл за Владиком дверь, и одним женихом стало меньше. Ладно, не пропадем.

Наконец, поехали… Мальчишка устраивается на ступеньке рядом с водителем, достает из сумки толстенную книгу, из книги — какую-то цветную фотографию и протягивает Космонавту на предмет подписания автографа.

— Ты даешь! — удивляется Космонавт, разглядывая свою персону в полной боевой выкладке на фоне восхода солнца над марсианским плато Скиапарелли. — Где взял? Даже у меня такой нет! — и ставит автограф наискось по марсианским камням и барханам.

Внимание, проезжаем мимо печенежкинского кладбища… Как тут дела? За полвека оно разрослось, раздалось вширь и скоро выползет на трассу. Что ж, медленно растущее и ухоженное кладбище есть показатель городского благополучия — значит, люди здесь живут, плодятся и умирают; значит у нас в Печенежках полный

порядок… В сущности, что такое кладбище? Это удобное для общества место, куда перемещается труп, чтобы он никому не мешал. Когда я случайно заглядываю сюда, во мне просыпается здоровый циник и начинает зубоскалить — наверно потому, что лежать мне не здесь, а на кузьминкинском мемориальном, рядом с женой. Там очень миленькое кладбище — всего на восемнадцать персон, и никого больше не хоронят, всех с музыкой тащат сюда, в Печенежки. Но меня похоронят там. Меня — можно. После меня там еще разрешат похоронить Владика и Софу с Михалфедотычем — то есть последних из могикан, оставшихся в живых, когда шарахнуло. Значит, с могилами получится перебор — двадцать две.

Опять моя очередь грузить, но я уже ничего не моїу придумать. На «Д» больше слов нет, мое время истекло, но мальчишка предлагает играть за меня… Замена!.. Проигравших нет, меня не выгнали, а великодушно заменили. Смена поколений. Пусть дедушка не плачет, его молодой дублер сейчас заделает всю редакцию. Пусть, пусть грузит, а я всю жизнь чего-то грузил и устал. Мне сейчас хочется смотреть на дорогу и думать о чем-нибудь таком… транс-цен-ден-тальном… Вот и еще одно никому не нужное слово. В

автобусе тепло, пахнет бензином, кофе и розами. Медленно загружаются дровосеки, депоненты, душевнобольные, датчане, дагомейцы, и я начинаю засыпать. Мне снятся какие-то чернявые дагомейцы…

Вдруг — тпру! Приехали.

Фантастика
Записки Динозавра
Б. ШТЕРН

Я просыпаюсь, протираю глаза и не могу сообразить, что происходит… Дорога впереди завалена бревнами и напоминает то ли вздыбленную лесопилку, то ли завал на танкоопасном направлении, — к тому же бревна обильно политы грязью, и грязь, испаряясь, издает отвратительный аммиачный запах. В этих испарениях, как сонные мухи, бродят черные дагомейцы и почтительно разглядывают тушу убитого ими доисторического животного. Остальные чумазые собрались на обочине, пытаются развести костер и соскабливают с себя пригоршни вонючей грязи. Ни черта не пойму…

Можно лишь догадаться, что лежащая на боку под слоем грязи безжизненная туша была недавно живым бегающим автобусом, а эти грязные с головы до ног субъекты вовсе не африканцы, а наши летчики из березанского авиаотряда. Они не убивали автобус, а приехали на нем по нелетной погоде удить рыбу. Среди них неприлично чистенькими выглядят два милиционера и… конечно же!.. Оля Белкин. Он с таким виноватым видом дает показания старшему сержанту, будто именно он, Оля, только что устроил этот лесоповал и облил всех грязью. Я слышу слова «смерч»

и «стихийное бедствие»…

Значит, то, чего я ожидал с утра, должно было произойти именно здесь.

Все наши уже принимают сердобольное участие в ликвидации последствий стихийного бедствия, лишь я один знаю, что это была не стихия, тут действовал кое-кто посильнее. Что ж, ОН выбрал для расплаты со мной неплохое местечко — переправу через Печенеговское водохранилище, а не какую-то подворотню. Хотя лично я предпочел бы отдать ему душу чуть дальше, на железнодорожном переезде. Но и водохранилище — неплохо. Не люблю помирать в подворотнях.

Похоже, я ЕГО все-таки перехитрил. ОН-таки клюнул на черный «ЗИМ» и произвел нападение. Хотя я понимаю, что успех мой временный, и судьбу мне все равно не обмануть. Хорошо, что никто не пострадал, а вертолетчики занимались своим непосредственным делом — удили рыбу, а не пили водку в автобусе… Никто не пострадал? А Павлик, царица Тамара и ревизор Ведмедев?

Я вскакиваю и начинаю разглядывать все, что можно разглядеть из автобусного окна. Телевизионщики кровожадно снимают последствия катастрофы. Все события хорошо читаются по следам: смерч внезапно появился у переправы

и, с корнем засасывая березы в свое реактивное сопло, набросился на черный «ЗИМ». Павлик успел дать по тормозам, и ОН, промахнувшись, наломав дров и перевернув автобус, вылетел на обочину, где скрутил в бараний рог стальной заградительный бордюр. Там ОН развернулся, повалил лес веером и повторил нападение. Потом с добычей помчался к водохранилищу, взломал лед, а перепуганные рыбаки удирали, наверно, кто в лес, кто по дрова.

В автобусе, кроме меня, остались Космонавт и Дроздов. Космонавту не стоит появляться на трассе — для вертолетчиков на сегодня хватит потрясений, Дроздов вообще игнорирует все стихийные бедствия, ну а мне не следует выходить, если на меня устроена такая роскошная охота. Я хожу по салону и не понимаю, что происходит…

Час назад, проверяя свои старческие суеверия, я послал вместо себя на гибель трех человек. Если они сброшены на дно водохранилища или завалены бревнами, или унесены в стратосферу, то мне в пору вытащить наган и застрелиться на месте, хотя это дело я предполагал осуществить завтра в кузьминкинской гостинице, тихо, спокойно, с комфортом, поближе к ночи, сдав Татьяну с рук на руки ее будущему мужу.

— Граждане, у вас веревки случаем нету? — спрашивает сержант милиции, заглядывая в автобус. — Рулетку не захватили, а надо вымерить трассу.

— Бельевая подойдет? — спрашиваю я. — Дроздов, дай товарищу сержанту веревку.

Дроздов, бедняга, окончательно сбит с толку, я над ним сегодня попросту измываюсь.

Он раскрывает сумку, достает моток бельевой веревки, и я говорю сержанту:

— Оставьте себе, нам веревка уже не нужна. Не нужна нам веревка, Дроздов? Так что там случилось?

— Та я ж кажу, що якась нечиста сила, хай їй грець! — сержант від внутрішнього хвилювання переходить на рідну полтавську мову (я цю музику дуже давно не чув). — Якась чорна хмара утягнула автомобіль якогось великого начальника… Смерч-ураган!

— То може потерпілим потрібен наш автобус? — пропонує Космонавт.

— Здравія бажаю, товарищу генерал! За потерпілих не хвилюйтеся, люди трошки перелякались, а так нічого. За ними вже вертольот прилетів, — сержант віддав марсіанінові честь и рушає міряти мотузкою лісоповал.

Космонавт багатозначно поглядає на мене своїми розумними очима. До автобусу входить Оля Білкін і теж поглядає на мене своїми розумними очима.

— Де вони? — запитую.

— Не знаю… Я від них відстав, але, здається, труба-діло, — відповідає Білкін. — Усе летіло в трубу! Жахливо! Коли я пігїТхав, тут валялись самі дрова… Ви це передбачали, Юрій Васильович?

Дроздов і Космонавт з цікавістю прислухаються…

— Я сам нічого не розумію, — жалісно відповідаю я. — Потім, потім… У Кузьмінках поговоримо.

Часть вторая

Вскоре вертолет растаскивает с дороги бревна, и рыбаки улетают на аэродром, обещая тут же начать воздушные поиски черного «ЗИМа» — вот только переоденутся, выпьют по сто и начнут, а мы едем дальше — теперь уже в гробовом мол-

чании. Все думают о бренности человеческой жизни и о слепых силах природы, которым плевать на то, что мы о них думаем. У меня из головы не выходят Павлик, Тамара и ревизор Ведмедев… Что с ними? Надеюсь, они проскочили…

Выезжаем на переправу. Под нами раскручивается взломанное смерчем водохранилище, а Дроздов очень уж внимательно разглядывает эту спиральную ледяную галактику. Место рядом с ним свободно. Оно предназначалось Владику. Если бы он знал, что мы тут рискуем жизнью, ни за что не полетел бы в Москву. Я подсаживаюсь к Дроздову и молчу. Его все-таки не следует оставлять одного в таком философском настроении.

Мы проскакиваем поворот на аэродром и мчимся дальше. «ЗИМа» нигде не видно. Белкин на «Запорожце» начинает безнадежно отставать, но вскоре нас догоняют милицейские «Жигули» с громкоговорителем и меняют порядок нашей колонны — милиция с зажженными фарами теперь катит впереди, не давая нам разогнаться, за ними Оля на «Запорожце», следом наш автобус и Центральное телевидение. Милицейскому наряду поручено сопровождать нас в Кузьминки из-за тревожной погодной обстановки на трассе. В самом деле, если какая-то нечистая сила утащит

в небо наш автобус с Космонавтом на борту, то, пожалуй, все цивилизованные страны, входящие в ООН, пришлют телеграммы соболезнования.

— Не бойтесь, Юрий Васильевич, — вдруг произносит Дроздов. — Все будет хорошо, все мы там будем.

— Я не за себя, я за тебя боюсь.

— И за меня не бойтесь. Дроздов еще себя покажет.

— А веревку зачем купил?

— Белкин донес, — ухмыляется Дроздов. — Как дети, в самом деле… Мало ли зачем Дроздову веревка нужна? И веревочка в хозяйстве пригодится. У каждого свои странности… Вот вы, например, в последний момент почему-то решили ехать не в «ЗИМе», а в автобусе…

— Да, так я решил! — сержусь я. — Все едут в автобусе, а я — как все. Так уж повезло!

Кажется, я начинаю оправдываться… Рассерженный, возвращаюсь на свое инвалидное место, но оно уже занято. В кресле развалился мальчишка и беседует с Космонавтом. Я не сразу соображаю, что мальчишка скорректировал свои планы — какой там, к лешему, подледный лов, ему уже не до рыбы. Он решил сопровождать Космонавта в Кузьминки на просмотр «Звезд-

ных войн». Он все правильно вычислил: я его пожалею, одолжу ему три рубля на пропитание, Татьяна позвонит его родителям, а спать он будет в одном номере с Космонавтом на полу у двери, чтобы того не украли.

— А на «Звездные войны» вы пойдете? — спрашивает мальчишка.

— Нет. Я их уже видел.

— В Звездном городке?

— Нет. На Фобосе, — зевает Космонавт. — Американцы захватили с собой кассеты.

Мальчишка сражен. Даже меня бросает в дрожь. Какие слова… кино на Фобосе… Конечно, в школе мальчишке не поверят, что он ехал с Космонавтом в пригородном автобусе, но он предъявит фотографию с автографом.

— А фантастику вы любите? — продолжает допрос мальчишка, приходя в себя.

— Ненавижу, — опять зевает Космонавт. — Фантастику читать вредно. В детстве так ее читал, что чуть мозги не свернул.

— Но ведь читали-читали, и космонавтом стали!

— Это вопреки, а не вследствии того.

Я напускаю на себя строгий вид и грожу мальчишке пальцем:

— Мальчик, не приставай к человеку! Когда приедем в Кузьминки, я отправлю тебя домой с милицией. А пока садись вон туда, к дяде.

Мальчишка, испугавшись, отправляется к Дроздову и начинает пудрить мозги ему: не знает ли Дроздов, на каком морозе замерзает чистый медицинский спирт? Точка замерзания спирта, объясняет мальчишка, нужна ему для выведения формулы эликсира молодости. Он эту формулу выведет. Но это, конечно, не цель жизни, а так, мимоходом, побочный результат.

— А цель жизни? — интересуется Дроздов. Мальчишка что-то шепчет ему, а Дроздов ухмыляется.

«Ну-с, какая цель жизни может быть у этого мальчишки? — пытаюсь сфантазировать я. — Наверно, стать главным редактором антинаучного журнала».

Космонавт благодарен мне за спасение от юного алхимика. Он откидывает спинку кресла, закрывает глаза и уже спит. Уже все спят, только мне не спится. Я чувствую беспокойство старого шатуна, которого обложили егеря за то, что он зимой не спит и натворил всяких дел. Я гляжу на дорогу, на горбатую спину олиного «Запорожца» и на желто-синий милицейский «Жигуль»

с мигалкой. Шины автобуса прилипли к трассе, мы мчимся, не ощущая скорости, и тихий гул мотора навевает на меня прицепившийся с утра мотивчик: «Дедушка плачет, шарик улетел…»

Наган дремлет у меня на груди. Почему я отправил «ЗИМ» за «Звездными войнами»? Неужто я в самом деле предвидел эту дорожную катастрофу?.. Не знаю. Мой «ЗИМ», что хочу, то и делаю.

Мимо нас проносится черный сырой лес и худые вороны на голых ветвях, которых (ворон) я уважаю за то, что они терпеливо дожидаются весны и не хотят переселяться из леса в город. Я и сам не прочь жить в лесу, днем спать в дупле, как сыч, а ночью охотиться на мышей, — да люди засмеют. Что-то скучно стало ездить по Руси среди ворон и стальных заградительных бордюров. Никогда уже не выйдет из леса соловей-разбойник с кистенем, не выскочит волчья стая и не пройдут по шоссе танки Гудериана. Разве что редкий смерч покуражится над воображением легковерного главного редактора.

Странно, живя столько лет в лесу, я никогда не встречал волков, зато немецкие танки видел живьем именно здесь в октябре сорок первого с подножки отходящего эшелона. В то утро, переночевав в Печенежках, они переехали реч-

ку-вонючку на месте нынешнего водохранилища и выползли из леса прямо у железнодорожного переезда, когда наш эшелон начал медленно уходить В ту ночь все происходило так медленно, что мне казалось, что утро уже никогда не наступит. Мы медленно грузили теплушки предметами на все буквы алфавита, в лесу медленно разгоралось и медленно горело сырое и деревянное учреждение без вывески (взрывать его было нечем), а потом, откуда ни возьмись, появился какой-то нервный артиллерийский товарищ командир и всю ночь торчал над душой, матерился и угрожал расстрелять ответственного за эвакуацию (меня, то есть), если мы через пять минут не уберемся с путей.

Под утро, когда ударил сильный мороз, паровоз наконец-то зашипел, вагоны загремели, я вскочил на подножку и послал артиллериста ко всем чертям и еще дальше, а тот, выдирая из кобуры пистолет, уже бежал к своей зенитной батарее. Похоже, он хотел, но забыл меня застрелить Что-то его отвлекло. Начинало светать. Я вдруг обнаружил, что за ночь все кругом поседело. Насыпь, вагоны, лес — все покрылось инеем; а из поседевшего леса в утреннем полумраке выползали громадные грязные и седые крысы. Этот

кошмар остался при мне на всю жизнь бегущий к пушкам артиллерист в белом полушубке, истерически ревущий паровоз, мои взмыленные подчиненные и охрана НКВД, на ходу запрыгивающие в эшелон, и ползущая на переезд крысиная стая.

Почему они не стреляли и не пытались нас уничтожить? Наверно, нам повезло… Наверно, они так спешили к Москве, что им не было дела до какого-то удирающего эшелона из пяти теплушек. Удивительно, они даже притормозили, пропуская последний вагон, и полезли на переезд, где были наконец-то встречены этим нервным артиллерийским командиром, который стал бить по ним прямой наводкой.

Грохоту было!.. Я видел, как он плясал и как они горели. Думаю, что содержимое нашего эшелона в переводе на послевоенные годы стоило побольше всей танковой армии Гудериана — но тогда этого не знали ни мы, ни они, ни этот артиллерийский командир, похожий на молодого Льва Толстого… Вот был бы фокус, если бы он меня застрелил! Представляю выражение лица наркома вооружений!

— Дедушка плачет, шарик улетел, — тихо напеваю я.

— Его утешают, а шарик летит, — подпевает Космонавт и опять спит.

Дьявола в природе, конечно, не существует, продолжаю размышлять я, но он способен на многие ухищрения. Он мог бы, например, преспокойно влезть в наш автобус и сейчас посмеивается надо мной — тем более, что я сам его погрузил. Дьяволом может оказаться любой человек в этом автобусе, меня не проведешь. Даже Космонавт под подозрением — как хотите, а человек, первым ступивший на землю Марса, вызывает во мне зоологическое чувство преклонения. Хочется бухнуться марсианину в ноги, вилять хвостом и целовать его генеральские штаны с лампасами. Хочется его обожествлять… А Бога всегда легко перепутать с Дьяволом.

Он? Вряд ли. Слетать на Марс через Венеру и Фобос для того, чтобы начать охоту на академика Невеселова? Слишком много для меня чести. Природа устроена достаточно просто, зачем ей такие сложные орбиты и выкрутасы?.. Природа природой, но меня не проведешь. Все здесь под подозрением, даже этот случайный мальчишка… «Дяденька, подвезите до водохранилища!» А потом, как Павлик Морозов… Не забыть узнать цель его жизни. Очень уж он прицельный. В его годы,

не в укор ему, я просто все время хотел есть.

Наконец, дьяволом могу быть я… Это неожиданная, важная мысль. Но я обдумаю ее позже — ночью в гостинице.

Скоро будет развязка. Скоро будет автомобильная развязка с железной дорогой, где трасса ныряет в тоннель и сворачивает на Кузьминки. Это самое удобное место для засады. Именно это место выбрал артиллерийский офицер в сорок первом году, и я еще с утра предполагал, что ОН тоже нападет именно здесь, но ОН почему-то поджидал у водохранилища… Ему виднее.

Мы въезжаем в нутро тоннеля, а над нами, как смерч, проносится товарняк с углем. Синий вертящийся светлячок милицейского «Жигуля» служит нам ориентиром в этой черной дыре, и я уже точно знаю, что ОН уже раскусил наживку и вернулся, чтобы повторить нападение. Я точно знаю, что ОН притаился за насыпью с той стороны тоннеля, но даже не могу предупредить водителя об опасности, потому что не могу выглядеть дураком и предвидеть нападение атмосферных явлений…

Вот и развязка… Я вижу ЕГО!.. Я наблюдаю от-

ливающий ртутью шар не больше футбольного мяча, который стремительно атакует нас, прижавшись к трассе. Он тащит за собой длиннющее облако грязной воды и снега. Это явление смахивает на шаровую молнию. Оно целится прямо в дыру тоннеля… Мы в западне… Я вижу, как милицейский «Жигуленок» успевает развернуться поперек трассы, прикрывая собой наш автобус. Олин «Запорожец» врезается ему в бок, задрав, как лапки, задние колеса. Шар ослепительно вспыхивает, не торопясь прошивает насквозь обе машины и, рассыпая красные брызги, устремляется к нам в ветровое стекло… Водитель жмет на все тормоза, и в автобусе наступает невесомость… Я плавно воспаряю из кресла и начинаю лететь какими-то сложными «вверхтормашками» в кабину водителя, головой в стекло, но Космонавт успевает проснуться и повалить меня в проход на коробки с тортами. Сам он падает на меня сверху и пребольно царапает мою щеку твердым генерал-майорским погоном. Вспышка впереди нарастает, мир становится ослепительным с искрами по краям, раздается оглушающий взрыв, будто по автобусу ударили прямой наводкой, потом меркнет свет, и в наступившей кромешной тьме начинают происходить какие-то чудеса:

с потолка, лениво трепыхаясь, на меня падает толстый зеркальный карп… Во-от такой!

Он шлепается мне на бороду и начинает мокрым хвостом хлестать меня по щекам… Хорошо устроился! Пшел вон!.. Космонавт сгоняет с меня эту невесть откуда взявшуюся рыбу. Темно, глупо, ничего не слышно… Мы оглоушенно отдыхаем в проходе. Где моя шапка, где что… На мою левую щеку давит острый генеральский погон, правая щека устроилась в мягком раздавленном торте, а прямо в нос мне нацелился выпавший из пальто наган… «Это чей наган?» — я не слышу, но читаю вопрос по губам Космонавта. — «Мой»… Он отводит пальцем дуло нагана от моего носа. Я слизываю крем с усов. Торт, кажется, киевский, с орехами…

На крыше автобуса раздается такой грохот, будто там пляшет тысяча чертей, а за выбитыми окнами начинают падать с неба зеркальные карпы и караси, переходящие в ливень вперемежку с кусками льда, бревнами и каким-то шифером. Цирк, в самом деле! Спешите видеть! Рыба танцует на крыше и проваливается к нам в автобус через оплавленную дыру от сбежавшей шаровой молнии. Небо в дыре начинает проясняться… «Ой, сколько рыбки!» — пробивается сквозь грохот го-

лос мальчишки. Я тянусь к нагану, но Космонавт уже успел прибрать его в карман шинели. Хитер, марсианин. Он приводит в чувство оглушенного водителя, а Татьяна счищает с моей бороды торт рукавом норковой шубки — вместо того, чтобы достать носовой платочек. Маринка перелезает через нас и мчится под рыбным дождем спасать своего Олю Белкина. Тронько Андрей Иванович аккуратно поднимает меня, ставит на ноги и нахлобучивает на мою голову шапку. «Где моя трость?» — сердито спрашиваю я. «В руке», — отвечает Татьяна.

Верно, в руке, я ее не выпускал. Опираюсь на трость, разглядываю трассу через ветровое стекло, которого, впрочем, уже не существует в природе — стекло исчезло, испарилось, лишь болтаются черные резиновые прокладки. В автобусе сквозит, как в проходном дворе. Я простужусь, заболею и умру, потому что я опять стар, слаб, наган у меня конфискован, и я не знаю, как его возвратить.

Рыбный дождь пошел на убыль, трасса завалена трепетными серебристыми тушками, как палуба рыболовецкого сейнера. Рыбу уже клюют и тащат в лес обалдевшие от счастья худые вороны. Они кричат: «Всем хватит!» На

обочине в грязи тает здоровенная глыба льда… Подумать только, смерч тащил этот тунгусский метеорит вместе с рыбой и бревнами от самого водохранилища! С чистого неба еще продолжают парашютировать отставшие от стаи зеркальные карпы. Огненных шаров больше нигде не наблюдается — кроме солнышка. «За такие шутки надо морду бить», — слышу я недовольный голос Андрея Ивановича. «Кому?» — спрашивает Телеведущий. — «Природе».

К автобусу в скользкой рыбе пробирается Оля Белкин. На Оле ни куртки, ни пиджака. На нем висят лохмотья рубашки с обгоревшим галстуком, он поддерживает брюки без пуговиц и без ремня. Вид у него такой обиженный, будто хочет спросить меня: «Зачем вы это натворили, Юрий Васильевич?» Мальчишка в валенках танцует в рыбе. Он не прогадал — направлялся на подледный лов, а угодил под рыбный ливень. В школе ему не поверят, и он потребует от меня письменное подтверждение. Телевизионщики все снимают: обиженного Олю, танцующего мальчишку, ворон, рыбу, разбитые машины. Маринка бросается к Белкину на обгоревший галстук и целует его (Белкина). Я же говорил: быть свадьбе! Телевизионщики снимают и этот поцелуй. Инте-

ресная будет передача!

Ашот с Дроздовым втаскивают потрепанного Белкина в автобус. Дроздов командует: «Водку давай!» Я смотрю на Дроздова: о чем это он? Ашот, не глядя на меня, раскрывает этюдник, достает стакан и бутылку. По звяканью догадываюсь, что бутылка там не одна. Значит, коньяк у Дроздова был всего лишь прикрытием. Они тоже досконально изучили объект под названием «академик Невеселов». Ладно, я пока молчу, но потом вспомню им эти пейзажи с этюдами.

Пока Белкину оказывают неотложную помощь (наливают, кстати, и водителю автобуса — за то, что тот хорошо жал на тормоза), над нами по насыпи проезжает дрезина, потом возвращается и кричит голосом бывалого железнодорожника: не нужна ли нам помощь — может быть, со станции пустой вагон пригнать? «Давай, проезжай! — грубо отвечает ему Андрей Иванович. — Рыба наша! Это мы ее поймали! Если хочешь, пригони со станции вагон с пивом, тогда и тебе выделим!»

Этот железнодорожник тоже может быть дьяволом, размышляю я.

Белкину после полустакана водки стало получше, но теперь его надо во что-то одеть. На трассе продолжается суета. Космонавт с Андреем Ивано-

вичем вынимают из исковерканных «Жигулей» двух милиционеров, которых за наше спасение следует представить к правительственной награде. Их кладут прямо в рыбу на заботливо подстеленную Татьянину норковую шубку. У нашего знакомого полтавского сержанта в руках зажата бельевая веревка (нам от этой веревки теперь уже никогда не избавиться), а его коллега судорожно вцепился в ровно срезанный руль от «Жигулей». Оба не могут разжать пальцы. «Водку давай!» — опять командует Дроздов и спешит к милиционерам с новой бутылкой. Первая, значит, уже распита. Лихо!

Мое внимание привлекает поведение Михаила Федотовича… «Куда прешь в рыбу со своими лыжами?!» — ору я. Телевизионщики заодно снимают и меня, орущего из разбитого автобуса, и Андрея Ивановича, который на своем горбу тащит толстого сержанта к «Икарусу», и Дроздова, щедро вливающего водку во второго милиционера, и старого десантника Михалфедотыча — он мастерит носилки из лыж, а я на него ору.

А это что?!. Я вижу, как из тоннеля выезжает наш черный «ЗИМ»… Вид у «ЗИМа» такой, будто его где-то приподняло та й гепнуло, к тому же он припадает на задние колеса под тяже-

стью четырех серий «Звездных войн». Значит, благотворительные сеансы состоятся при любой погоде на радость всем крекерам-брекерам из Кузьминок, Печенежек и окрестностей. Из «ЗИМа» выскакивает обеспокоенный Павлик, за ним, извиняюсь за пошлость, уже осчастливленная им где-нибудь на аэродроме царица Тамара, за ними — ревизор Ведмедев.

Все живы и невредимы! А я-то за них волновался… Но и это еще не все: из «ЗИМа» появляется нечто совсем уже неуместное в этой ухе из рыбы и разрезанных машин — сам дьявол во плоти, преследующий меня весь день — старикашка в смушковом пирожке. Он-то здесь зачем?

Оказывается, последние слова я пробормотал вслух, и пьяненький Оля Белкин отвечает:

— Где? А, этот… Этот везде «зачем». Профессор Степняк, он же Енисейский… Привет, профессор! — приветствует Оля и чуть не выпадает из автобуса. — Он же народный дантист, он же писатель, он же тунгусский метеорит. Куда ни сунься, везде он. А сегодня он кинокритик… В придачу к «Звездным войнам», — объясняет Оля. — Будет кино объяснять, чтобы мы правильно понимали. А вы думали! Статью против Енисейского! Он вас измором возьмет…

Оля еще что-то говорит, но я уже плохо слышу. Пусть он позовет Дроздова с бутылкой, чтобы оказать помощь мне… Потому что я, кажется, теряю сознание.

Из обморока я выхожу от грохота низко пролетающего вертолета перед въездом в Кузьминки, привалившись к марсианину на заднем сиденье «ЗИМа». Космонавта уже совсем раздели: свой генеральский китель он подложил мне под голову, а шинель накинул на плечи Татьяне. Татьяна расположилась рядом с Павликом и разглядывает мой наган.

— Осторожней! — слабо вскрикиваю я.

— Не беспокойтесь, я вынул патроны, — успокаивает Космонавт.

— Дед, как ты себя чувствуешь?

Татьянину норковую шубку в рыбьей чешуе отдали, наверно, Оле Белкину, а меня погрузили в «ЗИМ», как мешок с картошкой, и приказали Павлику гнать в Кузьминки, пока я концы не отдал. Остальные сейчас грузят зеркальных карпов в подорванный автобус, чтобы тащить его на буксире за автобусом Центрального телевидения. И ждут пива с железной дороги.

— Мне это приснилось?

— Что именно? Дождик из рыбки? — спраши-

вает Космонавт, внимательно заглядывая в мои зрачки. — Ничего страшного, обычное дело… шаровая молния, шумовые эффекты. Вы — молодцом держались! Помните, что случилось с соратником Ломоносова? Тоже, вроде вас, был академиком, но ему с молнией не повезло.

Навстречу к переезду с воем проносится пожарная машина, за ней поспешает «Скорая помощь». Всем зимой рыбки хочется. Вертолет возвращается, делает над нами круг и опять улетает в Кузьминки… Куда они меня везут, с подозрением думаю я. Зачем марсианин мне зубы заговаривает? Сказал бы просто: «Испугался я за тебя, старый черт. Ты, старый хрен, чуть богу душу не отдал!» А соратника Ломоносова академика Рихмана я помню. Могу даже соврать, что был лично знаком. Не были они соратниками — просто терпимо относились друг к другу, а это уже много. Вообще-то, я люблю «например» из истории отечественной науки, но мы куда-то не туда едем… Вот они где, настоящие дьяволы! Решили заманить меня!

— Стой! — командую я Павлику. — Заворачивай к гостинице, мимо трубы!

Павлик знает, когда со мной лучше не связываться, и с неохотой заворачивает к гостинице. Космонавт с Татьяной переглядываются, но тоже

помалкивают, чтобы не нервировать меня. Собрались везти деда в кузьминкинскую больницу… Не на того напали! Лечиться не буду, умру так.

— Ладно, — соглашается Космонавт. — Не хотите в больницу — не надо. Но пока я с вами — умереть не дам.

Проезжаем мимо трубы на пустыре. Это все, что осталось от нашей лаборатории лучевой защиты: пустырь да труба. Летом и трубу снесут. Впрочем, кроме трубы от нашей лаборатории осталось мемориальное кладбище, а на кладбище — восемнадцать невинных душ, захороненных в свинцовых гробах. Там все… и моя жена, и Танькины родители. Беда!.. Эта беда состоит в том, что любую защиту от чего бы то ни было всегда создают беззащитные люди, и эта защита становится защитой для других людей, но не для самих создателей защиты. Беда.

С мыслями о том, как давно это было, проехали трубу, а там, за новым универсамом — гостиница. В универсаме выбросили что-то заморское, и собралась приличная очередь, которую Татьяна высокомерно не замечает, чтобы не компрометировать себя перед марсианином.

— Валенки продают, — удивляется тот. — Белые.

Татьяну осеняет: — Дед, тебе надо купить валенки!

— С галошами, — подтверждаю я.

Проезжаем мимо громадной афиши о предстоящих «Звездных войнах» со вступительной лекцией кинокритика Степняка-Енисейского… Вот и гостиница. Ее фасад украшает чеканный герб города Кузьминок: здоровенная квадратная ладонь и ядерный клубок с химически безграмотными электронными орбитами. Рисуют, сами не знают что! Судя по орбитам, на гербе изображен атом лития, но из лития цепной реакции никак не получится — это Я вам говорю. Впрочем, на этом фасаде во все времена висело много всякого вранья — и мелкого, и фундаментального. Подозреваю, что после моей смерти у местных властей опять сдадут нервы, и они изувечат фасад, увековечив мою персону гранитной мемориальной доской… Изувечат, увековечив… А потом не будут знать, как объяснить интуристам, почему академик Невеселов столько лет после войны жил в кузьминкинской гостинице и простуживал поясницу в дворовом дырявом клозете, хотя имел в Москве утепленный туалет с комфортабельным унитазом… Да так и не смогут объяснить, зачем на знаменитой сессии ВАСХНИЛ я в коридоре

около урны привселюдно показал академику Пэ огромную дулю и, не возвращаясь в московскую квартиру, удалился в Кузьминки в добровольную ссылку. Признаться, я ожидал ареста, но всесильный сателлит народного академика Эн почему-то промедлил. Возможно, последний оставшийся и предъявленный ему в пользу генетики научный аргумент из трех пальцев ошеломил его.

Ошеломил?.. Вряд ли. Заставил задуматься?.. Нет, невозможно. Наверное, дело в том, что я не состоял в ихнем ведомстве, а работал на стыках сразу нескольких державных интересов. Для моего ареста им сначала нужно было вычислить мои связи и связи моих покровителей. Так или иначе, но академик Пэ промедлил, а академик Эн, как тот артиллерийский командир, обругав меня последними словами, успел позвонить кому следует и объяснить: что, мол, с дурака возьмешь?

С тех пор в генетику я не возвращался и эликсира молодости не выдумал. Очень жаль. Жена отвозила гостиничные квитанции в Академию наук, тамошняя бухгалтерия скрипела, но оплачивала… Не объяснять же все это интуристам? Наши-то, конечно, поймут.

Старое крыло гостиницы с моей комнатой сохранилось до сих пор. Под ней растет голубая

ель — это я ее посадил. Форточка в моей комнате открыта. Сейчас из нее вылетит мой ангел-хранитель, волнистый попугайчик Леша и, гавкая на лету: «Гав, гав, гав!», отправится к экспериментальному реактору дразнить сторожевых псов, а потом в гости к воробьям на старый хлебозавод. Воробьи его не обижали и принимали за своего, потому что он умел чирикать. Надеюсь, он соблазнял молоденьких воробьих…

С тех пор изменилось немногое. Гостиницу продлили в длину, пристроили ресторан, а у входа для симметрии посадили вторую елку. Только что рядом с ней совершил посадку тот самый вертолет, который обогнал нас у въезда в Кузьминки. Вертолетчики сейчас пообедают в ресторане, а потом отправятся смотреть «Звездные войны» — Космонавт надевает китель… Татьяна отдает Космонавту наган… Она думает, что это его наган. Ее рука задерживается в его руке… Тэк-с.

От вертолета к нам торопится Владислав Николаевич Бессмертный, который вроде бы должен сейчас подлетать к московской больнице. В своей короткой искусственной шубе он похож на пугало — старая шуба на палке. Он причитает:

— Что с вами случилось, что с вами случилось? Я так волновался, я так волновался!

Все приехали.

Выбираемся из «ЗИМа» и, пока Владислав Николаевич объясняет Татьяне «как он переволновался», я тихо требую у марсианина: «Наган!». Космонавт, поколебавшись, отдает мне наган. — «Патроны!» — «Я их выбросил, — отвечает Космонавт. — Я же предупреждал: пока я с вами, умереть не дам».

Что ему ответить? Я делаю вид, что очень недоволен, хотя я ловко провел его: во-первых, у меня в запасе последний патрончик; а во-вторых, насчет «умереть не дам» — это дело можно прекрасно обделать без всяких наганов.

Татьяна в генеральской шинели уходит с моим паспортом с гостиницу устраивать меня в мою старую комнату. Владислав Николаевич, как хвост, плетется за ней, а марсианин опять заглядывает мне в глаза и советует:

— Умойтесь снегом.

Моя левая щека сладка от торта, на правой горит царапина, а в бороде застряла рыбья чешуя. Сгребаю снег с елки и умываюсь. Они что-то задумали, но я настороже. Наверно, хотят заточить меня в гостинице и не пустить в Дом Ученых

на благотворительный вечер… Ну, это мы еще посмотрим!

Какой все-таки суетливый этот Владислав Николаевич… Он припустил было за Татьяной, но передумал и вернулся к нам. Мы стоим и молчим. Владик почему-то недоволен присутствием марсианина и смотрит поверх его фуражки, гипнотизируя громадную гофрированную сосульку, свисающую с крыши гостиницы. Владик очень сердит. Льдина, не выдержав его взгляда, срывается, летит вниз и с гулом разбивается у наших ног, больно обдав нас ледяными осколками. Лучше отойти от греха подальше — с крыши свисает еще одна сосулька, и Владик переводит взгляд на нее…

Вот оно что: он ревнует Татьяну к генеральской шинели! Он почувствовал соперника и вместо того, чтобы улететь в больницу на персональном «ЯКе», потребовал вертолет и отправился на поиски черного «ЗИМа». Это поступок. Хвалю. Вообще, поступки Владика отличаются особым целенаправленным сумбуром — если он втемяшит что-нибудь в голову, то, стесняясь, извиняясь, уходя, возвращаясь и переспрашивая, доведет дело до конца. Я до сих пор вспоминаю новогоднее утро середины прошлого века, когда

мы с ним познакомились — это сумбурное событие достойно занять скромное место в истории отечественной науки. В тот год он проходил срочную службу на берегу Финского залива и в предновогодний вечер, моя полы в штабе, снял трубку штабного телефона, чтобы позвонить в Ленинград и поздравить с Новым годом свою любимую детдомовскую воспитательницу. Заодно он попросил домашний адрес ее неуловимого родственника академика Невеселова, которому Владик из армии отправил письмо в Академию наук, но вместо ответа получил от старшины два наряда вне очереди («А, это тот салага, который пишет письма в Академию!»).

Мой адрес по тем временам составлял военную тайну, но Владику (и мне) повезло: я как раз находился в Ленинграде и перевязывал оставшиеся в живых блокадные книги покойной жены, чтобы забрать их в Кузьминки. В этот момент сестра жены сообщила, что со мной желает говорить ее лучший воспитанник («Тот самый, Бессмертный, помнишь, я тебе о нем рассказывала…), который в прошлом году срезался на химическом факультете, потому что, кроме гениального знания химии, никаких других способностей не обнаружил. Я боязливо взял трубку, и Владик,

заикаясь от смущения, принялся излагать все, что он думает о небольшом отклонении графика постоянной-дельта в моей теории слабого сигма-взаимодействия. Я ничего не мог разобрать, пока он прямым текстом не выдал по телефону формулу компоненты-зет, которую моя секретная лабораторий безуспешно искала вот уже более полугода. Я усмотрел в этом новогоднем звонке настоящую Дьявольщину — после полугодичной бессонницы мне надо было сбежать из Кузьминок в Ленинград, чтобы в виде новогоднего подарка услышать от какого-то бессмертного салаги с Финского залива простое и абсолютное решение проблемы!.. Я тут же приказал ему заткнуться! Враг подслушивает! Я тут же приказал: сейчас же, ночью, немедленно, прибыть на квартиру воспитательницы!.. Конечно, я не сообразил, что для молодого бойца подобные передвижения в пространстве и времени весьма затруднительны. Конечно, мне надо было самому приехать к нему в часть на «ЗИМе»… Дальнейшие события развивались стремительно. Перепуганный от счастья Владик бросился за увольнительной к отцам-командирам, но в новогоднюю ночь никого из них не обнаружил, кроме сундука-старшины, заставившего Владика мыть полы в штабе. Владик

упал старшине в ноги и доложил, что отечественная наука понесет невосполнимую утрату, если он, рядовой Бессмертный, не встретится сегодня утром с академиком Невеселовым… К счастью, старшина оказался хомо сапиенсом сапиенсом. Он ответил:

— Вот что, Кащей Бессмертный… Мне так не ндравится твоя фамилия, и подтянуться на перекладине ты ни разу, а выдать тебе увольнительную за сто километров от части я не имею права. Но я закрою глаза на твою самоволку. Если все обойдется, помоешь два раза полы в казарме. Рискни для науки. Но помни, что в Питере есть две гауптвахты. На первой написано: «Здесь сидел великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов», на второй: «Здесь сидел великий советский летчик Валерий Павлович Чкалов». Если нарвешься на патруль, то судить тебя будут как дезертира, и пусть эти надписи тебя утешат. Рискнешь? Орел! По Питеру ходи переулками, на Невском не появляйся, а пива — ни-ни! Я дал бы тебе переодеться в цивильное, да у самого нету.

Владик выслушал наставления старшины, перемахнул через забор и на первом же товарняке прибыл на Балтийский вокзал. Стояла середина двадцатого века. Патрули и трамваи еще спали

в эту новогоднюю рань. Полуобмороженный Владик пешком добрался до улицы Победы, поднял меня с постели, и мы три часа беседовали на кухне о состоянии дел в химической науке. Сестра кормила его тушенкой, а я отпаивал чаем из серебряного подстаканника; Владик же ни словом не обмолвился о своих намечающихся особых отношениях с великим русским поэтом и великим советским летчиком, и потому я не догадался отвезти его на «ЗИМе» в воинскую часть. Напоследок я твердо пообещал провести через Министерство обороны приказ о его переводе в мою лабораторию. И налил ему на коня стопку коньяка, чтобы он окончательно не замерз на обратном пути. Счастливый Владик ушел навстречу неизвестности, а я заторопился в Кузьминки, где ошеломил своих сотрудников компонентой Бессмертного (с тех пор, естественно, она носит его имя, а иностранцы язык ломают).

Из Кузьминок я позвонил академику Эн. Тот сказал: «Умереть не дадут спокойно», позвонил куда-то и потребовал выдачи в мое распоряжение рядового Бессмертного. Его два раза переспросили: «Какого-какого?..», а еще через день позвонили в Кузьминки и доверительно объяснили мне, что молодой советский рядовой гений таинственно

исчез под Новый год из расположения родной воинской части, что его вот уже четвертый день не могут найти в окрестных селах у известных девиц и что в его исчезновении подозреваются козни нескольких иностранных разведок, а меня просят не сообщать об этом академику Эн. Как бы не так!.. Я тут же опять позвонил академику Эн. Тот ударил тростью по столу, взбешенный всей этой шпиономанией, и тут такое началось!.. Не знаю, может быть, Владик мне потом врал, зато врал красиво: будто бы усиленная опергруппа прибыла на Финский залив с жутким намерением взломать лед, тело найти, а Владикино начальство разжаловать в рядовые; будто бы его матрац дали понюхать какому-то сверх-Джульбарсу, и тот повторил весь путь рядового Бессмертного от воинского забора до дверей детдомовской воспитательницы, а потом от ее дома до Невского проспекта, где Бессмертного арестовал патруль. (Мне не следовало давать ему стопку на коня — конь не выдержал.) На Невском овчарка сорвалась с поводка и прямиком примчалась к старой питерской гауптвахте, где когда-то сидел Михаил Юрьевич Лермонтов, а сейчас в ожидании трибунала страдал от острого приступа радикулита Владислав Николаевич Бессмертный.

Иногда мне кажется, что эти и другие события происходили во сне или на киноэкране. Будто наши роли исполняли артисты, а меня и Владика в помине не было. Мне кажется, что мне всю жизнь было под сто лет, и я не представляю себя другим, а Владик был всегда при мне любимым учеником и директором этого учреждения… Так вот.

А вот и наши подъезжают, израненные, но победоносные! Впереди пожарная машина тащит на буксире наш искалеченный, но полный рыбы автобус. За ними в автобусе Центрального телевидения везут моих натерпевшихся страху сотрудников, а кавалькаду замыкает «Скорая помощь». Милицейский «Жигуленок» и Олин «Запорожец» пожарники, наверно, спихнули с дороги, и там, на обочине, они еще долго будут устрашать своим видом путников и странников… В общем, зрелище. Очередь за валенками обернулась и разгадывает загадку: без окон, без дверей, переполнен карасей. Свежую рыбу привезли. Значит, сегодня вечером все Кузьминки пропахнут жареной рыбой. Из окна ресторана выглядывают жующие вертолетчики. В дверях гостиницы появляется Татьяна с моим паспортом…

Если я промедлю, то за меня сейчас возьмутся — запрут в гостинице и начнут лечить. Внимание Космонавта отвлечено, он не ожидает от меня подвоха… Я дергаю за рукав Владислава Николаевича, который продолжает гипнотизировать вторую сосульку:

— Слушай, Владик, нас чаем напоят в твоем Доме Ученых?

— Во-первых, это ваш Дом Ученых, — отвечает Владик. — Во-вторых, пусть попробуют не напоить!

— Тогда, в-третьих, поехали! А этих — к черту…

Я подталкиваю Владика к «ЗИМу», мы быстренько садимся, Павлик трогает и проезжает мимо растерявшихся Татьяны с марсианином. А пусть не зевают! Ехать тут недолго, минут десять, прямо вверх по Академическому спуску. Обойдемся без телохранителей.

«Юрий Васильевич, вы из чего чай собираетесь пить?» — продолжает чайную тему Владик. — «Да хоть из кружки». — «А где же ваш третий подстаканник?» — «Пропал. Давно. Еще до запуска первого спутника». — «Или украли, — вздыхает Владик. — Жаль, серебряный».

«Точно, украли! — со злостью вмешивается Павлик. Ему нужно выговорить свои дорожные

впечатления, но ураганы и смерч не входили раньше в круг его непосредственных интересов, и он не знает, как к этой теме подступиться. Зато воровство серебряных подстаканников Павлику предельно понятно: — Сейчас такой подстаканник потянул бы рублей на триста-четыреста… За такие штуки надо морду бить!» «Согласен, — кивает Владик. — Это я украл подстаканник. На счастье. Еще тогда, в клинике… От злости, что вас выписали раньше меня». — «Тогда это называется не «украли», а «одолжили», — делает великодушную поправку Павлик. — «На счастье» — это совсем другое дело». — «А ты мне грехи не отпускай! Украл — значит украл».

«А помогло? — интересуюсь я, разглядывая почерневшее серебро. — Счастье-то было?» — «Кажется, было, — вздыхает Владик, — Вроде не скучал в жизни». — «А почему не женился?» — спрашиваю я. «А зачем? — опять вмешивается Павлик. — Какое же это счастье?» — «Потому не женился, что всегда подражал вам», — отвечает Владик. «Я был женат!» — «Но в ЗАГСе не расписались!» — «ЗАГС — это обстракция». (Владислав Николаевич был влюблен в сестру моей жены, потом в мою жену, сейчас в мою внучку… но это все запретная тема.) «И все-таки подстаканники

я ни у кого не воровал». — «Да? А трость у академика Эн?»— «Потому что это была волшебная трость! — сержусь я. — Он, бывало, как трахнет по столу… И все сразу исполнялось. И не воровал я. Он у меня однажды на кухне забыл». — «Это называется не «украсть», а «зажилить», — объясняет Павлик.

Внимание, за нами погоня!.. Это по мою душу!.. «Гони! — командую я Павлику, но «ЗИМ» на мокром подъеме воет, скрипит и еле ползет. Мы почти у цели, но у самого Дома Ученых, где в ожидании «Звездных войн» собралась изрядная толпа, нас обгоняет «Скорая помощь» и останавливается поперек дороги. Я толкаю Павлика в спину:

— Объезжай, не обращай внимания!»

Павлик пытается объехать «Скорую помощь», но из нее выбираются врач, санитары, марсианин, Татьяна, Тронько Андрей Иванович с березовым веником… Да сколько же вас?.. Врач вращает руками, будто делает гипнотические пассы, призывая Павлика остановиться. «Дави его!» — подзуживаю я. Павлик объезжает и врача, и «Скорую помощь», но марсианин милицейским жестом окончательно останавливает его. Надо выходить.

Нас окружили. Лицо и ужимки врача мне хорошо знакомы, хотя из-за белого халата я не могу вспомнить, где видел этого человека… Сейчас вспомню… Все, вспомнил: это мой личный враг, Леонард Христианович Гланц — тот самый экстрасенс, у которого я выиграл битву за трехкомнатную квартиру. Значит, теперь он шаманит на «Скорой помощи»… Я выбираюсь из «ЗИМа» с подстаканником и с тростью наперевес. У меня еще остается надежда провести их — надо прикидываться здоровеньким и осторожно продвигаться туда, в народ… Из толпы, которая ожидает «Звездных войн», выдернуть труднее, чем в чистом поле… «Что вы делаете на «Скорой помощи»? — ехидно спрашиваю я Гланца. — Лечите наложением рук? Или разглашаете тайны тибетской медицины?» — «Если вы интересуетесь тибетской медициной, пройдемте, пожалуйста, в Дом Ученых», — кротко отвечает Гланц.

Мне туда и надо, но этого нельзя показывать. В Доме Ученых есть такая тетя Маша, она меня защитит, пожалеет и напоит чаем. Странно, что они не тащат меня в больницу… Иду. Толпа волнуется: «Звездные войны» привезли!» Тут на

мотоциклах съехались из окрестных сел, и со станции, и с аэродрома. А я с подстаканником иду пить чай сквозь строй жаждущих «Звездных войн». Мы прем свиньей, как псы-рыцари на Чудском озере. Впереди два санитара с чемоданами проламывают толпу мотоциклистов. По бокам Космонавт с Андреем Ивановичем раздвигают их. Татьяна прикрывает мне спину и успевает отчитывать Владика за то, что он поддается на мои провокации: «Вы же знаете, как его надо беречь!» Гланц ведет арьергардные бои.

Марсианина узнают… Мотоциклетная шпана — ну, эти… крекеры-брекеры — улюлюкают и тычут в Космонавта пальцами, будто это не он с Марса, а они с Луны свалились. И это читатели «Науки и мысли»?! И это перед ними выступать?! Дегенераты! Обожрутся! Пусть читают трилогию Степняка-Енисейского, а он пусть читает им лекции перед кино-сеансами. Меня увольте!.. Стоп. Кажется, я не иду, а меня ведут… Нет, показалось. Не ведут, а поддерживают под руки на скользких ступеньках. Протискиваемся в вестибюль. За нами ломятся крекеры, но Андрей Иванович сдерживает натиск и, осторожно дав по зубам самому нахальному, закрывает дверь.

Где тетя Маша?.. Нет уже моей тети Маши. Я все

перезабыл. Она бы меня спасла и вообще навела бы метлой порядок, но она в прошлом году сошла со сцены, и ее с музыкой увезли в Печенежки. Вместо этой доброй женщины у дверей швейцарит какой-то хомо сапиенс, зашедший в эволюционный тупик. На нем синяя фуражка без знаков различия, и от него разит то ли «Шипром», то ли тройным одеколоном — к сожалению, не пил, не знаю. Нет, этот не спасет. Он, конечно, дружен с местным киномехаником. Киномеханик третий день женится. Павлик его подменит, иначе мотоциклисты разнесут Дом Ученых. Все здесь друг от друга зависят. Царица Тамара всеми командует и зависит от них. Мафия, солидарность и круговая порука. Делают, что хотят. Эволюционный тупик, как в Академии наук. Там тоже всем заправляет не Президент, а какая-то тишайшая Галина Илларионовна из его приемной. И зависит она от тех же дворников, швейцаров и шоферов, но на академическом уровне. Плебеи у власти. Они и решают, кому Президент должен позвонить: мне или Степняку-Енисейскому. Что скажут, то и будет. Окружили, дьяволы! При чем тут наука и мысль?

«Сюда, — звеня ключами командует доктор Гланц и указывает на двери административно-

го кабинета. — Юрий Васильевич, вы должны пройти медосмотр»… Я упираюсь. Царица Тамара доверила Гланцу ключи, значит, он из ее мафии. Ничего я никому не должен. Я все свои долги давно отдал… «Юрий Васильевич, я ДОЛЖЕН исполнить свой профессиональный ДОЛГ!» — «А я тут причем?»

Нашел подопытного кролика! Пусть исполняет свой профессиональный долг на пострадавших милиционерах!.. А это что? Меня, вроде бы, пытаются тащить?!. Предупреждаю: если ко мне будет применено насилие, я натравлю на Дом Ученых орду мотоциклистов!.. Нет, показалось. Меня пытаются УГОВАРИВАТЬ. Пахнущий одеколоном швейцар не ко времени спешит на помощь моим мучителям, чтобы пресечь в моем лице беспорядки, но Андрей Иванович невежливо берет его двумя пальцами за шиворот, раскручивает вокруг оси и водворяет на место. Гланц пронзительно глядит на меня «Вы меня не колдуйте, не колдуйте!» — я стучу волшебной тростью по паркету, но на этот раз трость отказала. — «Мне позвонили из приемной Академии наук. Я должен вас осмотреть», — отвечает Гланц, просвечивая меня взглядом.

Я затихаю, поняв, что на этот раз мне от них

не отделаться. Если бы Гланц сказал, что ему позвонил сам Президент, я бы рассвирепел. Но он сказал сущую правду — ему позвонил какой-то швейцар из приемной Президента. Тут уж ничего не поделаешь. Не драться же с мафией? Пусть Гланц думает, что заворожил меня, а я буду помалкивать. Скажу по секрету: чтобы спокойно умереть, нужна целая стратегия — врачи не должны знать, что у больного на уме.

Меня заводят в администраторскую и просят раздеться. Нет уж, хрен вам, пусть санитары работают. Меня оголяют. Я сижу в трусах на холодном кожаном диване и верчу головой, как попугай, разглядывая стены этого вертепа. Эволюционный тупик! Сам черт не разберет, что здесь понавешано… Портреты, портреты, портреты… Ломоносова, Менделеева, Ушинского, нынешнего Президента, Мичурина, Эйнштейна, Тимирязева, Курчатова, мой… Я же их строго предупреждал! Опять повесили!.. Здоров, курилка, давно не виделись!.. Гордость советской науки!.. За мной висит еще кто-то… На портрете мне лет семьдесят, я сурово взираю со стены на себя голого и впавшего в детство. Гланц в это время меня обследует: опутал проводами и шнурами с присосками и заглядывает мне в душу. Зря старается, моя душа

давно продана и мне не принадлежит, — там вместо нее темное пятно.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ. Моя душа осталась неохраняемой в тот миг, когда умер мой ангел-хранитель, волнистый попугайчик Леша. Он захлебнулся и утонул в блюдечке с огурцом. Впрочем, я не думаю, что охрану сняли и оставили меня без присмотра. Просто произошла смена караула: пост сдал, пост принял. Леша был материальным олицетворением моей души, если выражаться высоким штилем… (А почему бы не выражаться высоким штилем, как делал это сам Ломоносов? Мы или грешим с трибуны высокими словесами и обстракциями — бум, бум, бум, как в пустую бочку, или, наоборот, прикидываясь плебеями и заигрывая с мотоциклистами, сваливаемся в какое-то просторечное болото с лягушками — ква, ква, ква! А надо совмещать штили и чувствовать меру.) Так вот свою душу я приобрел за томик Надсона на одесском Привозе, когда там царил натуральный обмен — я тебе ножик, ты мне штаны. Я собирался выгодно обменять Надсона на четыре картофелины (надеясь в тайне на пять и соглашаясь на три),

но сначала решил пройти мимо птичьего ряда. Я сразу заметил ее: моя душа сидела в клетке на жердочке среди других разноцветных птиц, а над ней стоял за прилавком ее толстый и мрачный тюремщик…

Душу надо было спасать. Но как? Я был пацаном. Я сразу возненавидел этого человека, и он это почувствовал. «Ладно, босяк, покажи книгу», — сказал тюремщик моей души. Он взял томик Надсона и принялся перебрасывать страницы толстым указательным пальцем. Иногда его палец останавливался, и тюремщик читал строчки, шевеля жирными губами, будто пробовал стихи на вкус. Наконец он шумно вздохнул и произнес: «Все-таки, Надсон плохой поэт, хотя я его уважаю. Ладно, босяк… Какую тебе птицу? Синюю? Молодец! Ты разбираешься в поэзии. Этот попугай знает волшебную фразу. Он будет твоим ангелом-хранителем и принесет тебе счастье. Его зовут Леша. Корми его чем хочешь, он после гражданской войны все ест, особенно огурцы. Адью, босяк!»

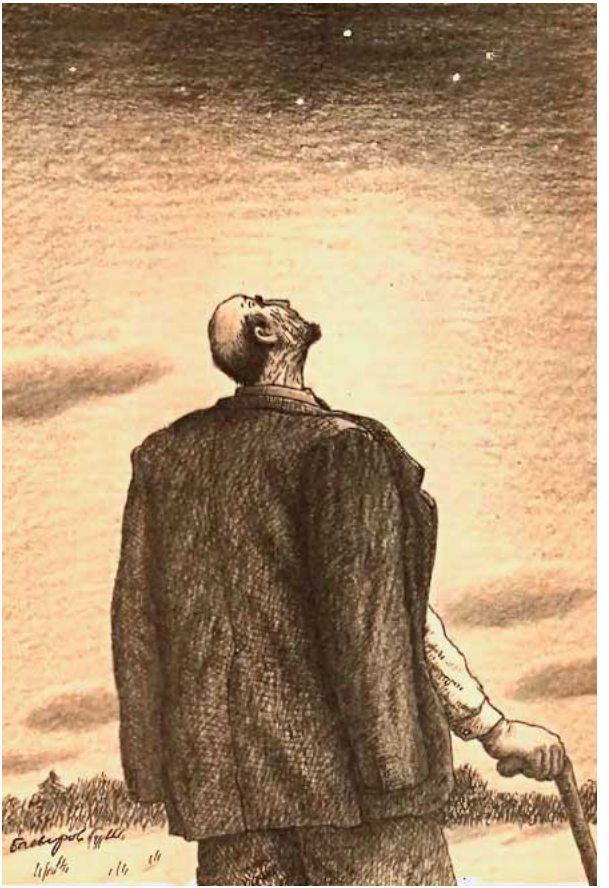
И я ушел с Привоза без картофелин, зато с ангелом-хранителем. Адью так адью. Волшебную фразу я услышал от Леши в тот же день, когда вернулся домой и угостил его огурцом — в доме,

кроме огурцов, все равно ничего не было. Леша клюнул огурец, закрыл от удовольствия глаза и одобрительно произнес: «По рыбам, по звездам проносит шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду».

«Это и есть твоя волшебная фраза?» — хмуро спросил попугая мой отец. Но Леша ничего не ответил, затрепыхался и застенчиво прокукарекал. «Меняла! — презрительно сказал мне отец. — Его же кормить надо!» Он отвернулся лицом к голой стене, где еще недавно висел ковер с оленями, а Леша виновато посоветовал: «Контрабанду!»

«Где я тебе возьму контрабанду?» — вздохнул отец… Продавца птиц я больше никогда не встречал, но все же еще раз увидеть его пришлось. Через много лет я прочитал в томике стихов Багрицкого стихотворение с этой фразой и с изумлением узнал на портрете астматичного толстяка. Кто же мог знать, что птицелов, одаривший меня синей птицей, был самим Эдуардом Багрицким! Я до сих пор изумлен. Леша знал множество разных фокусов — он гавкал, кукарекал, скрипел дверью, щелкал ружейным затвором, цокал подковами, сипел пустым краном, но почеловечески произносил лишь одну фразу. Зато какую! Это была всем фразам фраза. Когда я стоял

перед выбором: остаться или удрать в Москву, мой ангел-хранитель одобрительно советовал: «По рыбам, по звездам…» И я, похоронив отца, успел уехать до начала той известной одесской вакханалии, а потом случайно узнал, что за мертвым отцом приходили, и, чтобы не пропал ордер на арест, спросили обо мне. «Его нет», — ответили соседи. «На нет и суда нет», — вздохнули приходившие.



«Жениться?» — спрашивал я. «Проносит шаланду», — подмигивал Леша, и я не женился. Принять предложение опального академика Эн и уйти в лес? Уехать в Ленинград на Новый год? Закатиться с японочкой на Чукотку? Начать новый журнал? Мой ангел-хранитель был в курсе всех моих дел… Он сидел на моем плече, когда произошла авария. Мы с ним получили одинаковую дозу. Его друзья-воробьи после взрыва разучились прыгать и все передохли, но Леше все было нипочем, хотя он тоже долго болел — из голубого сделался ярко-синим и стал шепелявить. Он садился на подоконник, стучал клювом в окно реанимационного отделения и произносил волшебную фразу: «По рыбам, по ж веждам проношит шаланду, три грека в Оде-шу вежут контрабанду». Потом он лежал со мной в клинике и восемнадцать раз улетал на похороны. Потом воспитывал Татьяну. Потом состарился, но жил еще очень долго… Как он жил, как он жил! Он ни за что не хотел умирать, тянул из последних сил и перевыполнил норму, отпущенную природой волнистым попугайчикам, раз в пять или шесть. В конце жизни он ослеп, одурел, из синего сделался желтым, потом белым; облысел, хвост облез, потом выпали все перышки, и он превра-

тился в голенького пульсирующего цыпленочка. Голоса зверей он позабыл, волшебную фразу не произносил, а когда чувствовал присутствие посторонних (в особенности врачей), от злости стрелял в них из нагана, выпуская ровно семь пуль: «Трах-тах-тах-тах-тах-тах-тах…»

В те дни, когда я пробивал «Науку и мысль», Леша сидел в блюдечке с водой, ел огурец и умер после того, как я прочитал ему разрешение Госкомиздата, одобрительно прошептав на прощанье: «В Одешу…» И, шепелявя, отправился в последний путь по рыбам, по звездам… Надеюсь, обратно в Одессу к своему прежнему Хозяину-Птицелову. Пост сдал… Кто теперь вместо Леши охраняет мою душу? Похоже, одна из тех худых ворон, которые живут на проспекте имени академика Эн. Одна из этих дьявольских птиц только делает вид, что клюет что-то на льду, а сама присматривает за мной одним глазом. Пост сдал, пост принял…

С тех пор меня преследуют медики. Татьяна гонит их в дверь, они лезут через балкон. Они давно замучили Владика и чету Чернолуцких, но телекинез, телепатия и ясновидение их уже не интересуют. Им нужен Я. Нехитрая логика случайного эксперимента с Лешей подсказывает

им, что… Вот именно! Они сравнивают меня с попугаем и, по аналогии умножая 75 (средний человеческий возраст) на 6 (Лешино перевыполнение программы), получают 450 лет моей предполагаемой жизнедеятельности… Глупцы. Они думают, что я зациклен на долголетие. Они собираются еще 350 лет наблюдать за тем, как я буду слепнуть, дуреть, желтеть и превращаться в какую-нибудь дрожащую тварь, в какого-нибудь дриопитека с красными свисающими ягодицами. Они, наверно, думают, что у меня вырастет хвостик. Иметь дело с врачами — безумие, и я доверяю щупать себя только прелестной Чио-Чио-сан с острова Хонсю, мутантке из Нагасаки в третьем колене. Она не корчит из себя врача, а просто ведет скрупулезное досье на всех живых и мертвых на Земле, кого когда-нибудь шарахнуло радиацией по генам. Она одна знает, что я не простой смертный.

А кто сказал, что я простой смертный? Я, который обманул самого… пардон… я, который пытается обмануть САМОГО и делает это пока успешно. Но об этом — молчок!.. Так что Гланц зря старается — до моей души ему все равно не добраться. Он так хорошо загипнотизировал меня, что я не могу пошевелить пальцем, зато вижу

сквозь стены, читаю его мысли и вообще знаю все, что происходит вокруг, — а он вместо моей души видит сплошное засвеченное пятно. Так я согласен лечиться. Так я даже люблю лечиться — когда вижу врача насквозь.

О чем же думает Леонард Христианович?.. Он мечтает быть рядом со мной в мою последнюю минуту, наблюдать за последним вздохом. Чтобы я с умоляющей надеждой смотрел на него, а он, показывая на меня пальцем, сказал бы громко, чтобы все услышали: «По вине этого человека много лет назад было закрыто и продано за границу фундаментальное направление в отечественной биологии!» — «Как продано?!» — ужаснулись бы все присутствующие этому политическому обвинению. «За японский сервиз и зонтик!» — ответил бы Гланц, имея в виду мою связь с японочкой. «Это правда? — спросили бы меня. — Покайтесь перед смертью, Юрий Васильевич!» — «Во я вам буду каяться!» — прошептал бы я, не в силах скрутить пальцами соответствующую фигуру.

И тогда Гланц выйдет на бетонированный пустырь, задерет палец в небо параллельно трубе треснувшего кузьминкинского реактора и выдаст мне посмертную характеристику: «Этот

человек навредил биологической науке больше, что сам академик Эл!» И с этой характеристикой дьяволы, похожие на двух санитаров, потащат меня к своему Хозяину… Но в последний момент Леонард Христианович сжалится, вылечит меня наложением рук, а я, поднявшись со смертного одра, с благодарностью произнесу: «Приношу вам свои извинения, товарищ Гланц! Спасая меня от смерти, вы доказали, что я был неправ, препятствуя развитию вашего фундаментального направления. Возвращайтесь в большую науку и просите у меня все, что душе угодно, для своих парапсихологических исследований: деньги, сотрудников, аппаратуру, трехкомнатную квартиру! А насчет японочки… Я раскаиваюсь, порываю с ней всякие связи и отдаюсь в руки отечественной медицины».

Но я, конечно, шучу. Доктор Гланц так не думает. Он что-то пишет за административным столом. Сегодня у него богатый улов, есть что писать: два милиционера в шоке, Оля Белкин в нервном возбуждении, но, главное. Я. Со мной он автоматически становится Героем Минздрава. Пусть пишет подольше, а я пока проведу рекогносцировку неприятеля… Санитары собирают чемоданы и мечтают хотя бы одним глазом

взглянуть на «Звездные войны». Эти не представляют опасности. Космонавт и Андрей Иванович уединились наверху в баре, попивают пиво и рассуждают о том, что пора бы запустить в космос токарный станок. Эти опасны, но они далеко. Татьяна с царицей Тамарой курят в вестибюле. У них там какой-то заговор… Толпа мотоциклистов давно запущена в зал. Перед ними выступает известный писатель-фантаст, доктор медицинских наук Степняк-Енисейский, член добровольных обществ защиты детей, животных, культуры и прочая. Сегодня благотворительный вечер состоится в усеченном виде: четыре серии «Звездный войн» без наших ученых лекций по причине попадания благотворителей под шаровую молнию. Мотоциклистам того и надо, но фильм никак не начнется, потому что Степняк-Енисейский разъясняет лютикам-фантикам, как уберечься от растлевающего влияния американского кинопроката. (Надо полагать, при просмотре натянуть на голову отечественные предохранители.) Лютики пока снисходительно слушают. Его фамилия им знакома, и хотя Степняк зубы им не лечил, зато они не читали его трилогию… Но это — пока. Скоро Степняк-Енисейский им надоест, и они начнут разносить зал.

За окном уже темно, но луна еще не вышла из-за угла. Наверно, пока я спал, прошел целый мертвый час, а дня мертвых часа днем — это бессонница до утра. «Как вы себя чувствуете?» — спрашивает Гланц, не отрываясь от бумаг. «Ничего, полегчало…» — «Странно, как это вы поддались гипнозу? Что вы на меня так смотрите?»

Читать его мысли не сложно, но если он в самом деле читает мои, то пусть позовет сюда ученую царицу этого дома. Я ей должен кое-что сказать… Не зовет. Сидит, пишет… Где же его хваленое ясновидение? Он даже не предвидит, что произойдет через десять минут… Леонард Христианович моложав, хотя ему под пятьдесят. На дьявола не похож… Куда ему! Это его послевоенное поколение ударилось в фантастику и падало с голубятен, наблюдая первый искусственный спутник Земли. Это странное, задумчивое, молчаливое поколение, уставшее от обещаний и вранья. Следующие уже горлохваты вроде Дроздова и Белкина. А у Гланца на лице застыло обиженное недоумение: дельфины так и не заговорили, тунгусский метеорит не нашли, снежного человека не поймали, на Марсе яблони не зацвели, летающие тарелки перед домом не сели… А так хотелось! В общем, Леонард Христианович у нас неудачник.

Ему самую малость не хватило чувства юмора, чтобы его душа смогла совершить качественный скачок, выйти из детства и эволюционировать в хомо сапиенса сапиенса — тогда у него в жизни все получилось бы, а детские мечты остались мечтами. Он не вышел из детства и продолжает галлюцинировать на ходу, потому что у детей нет чувства юмора. Оно, как зуб мудрости, проявляется годам к восемнадцати, как защитная оболочка души от суровых условий существования. А если не появится — беда! В Бога они не верят, потому что в детстве им сказали, что Бога нет, но их сжигает такое желание «наукообъяснимых» чудес, что все они какие-то не в себе…

Нет, нет, они талантливы, работоспособны и вообще хорошие ребята, но, черт их знает, им вынь да положь снежного человека или внеземного пришельца. Если сказать таким людям, что над Тунгуской взорвался внеземной космический корабль, то они задумаются на всю жизнь и у них произойдет несварение мозгов. В них какой-то дьявол сидит и толкает на благоглупости. Возможно, наиболее сумасшедшим из них все же следует выделять трехкомнатные лаборатории?

Пока я разглядываю Гланца, Татьяна с царицей Тамарой закурили по второй сигарете и

оживленно беседуют. На сцене у Степняка-Енисейского продолжается словесный понос. Если бы я выступал перед мотоциклистами (а их надо воспитывать, иначе нам всем кранты!), то сказал бы им так: «Ребята, следите за регламентом и оборвите меня двупалым свистом в бабушку и в бога душу мать, если я не уложусь в пять минут. Вообще, обрывайте говорунов. Пять минут им на выступление, а потом — в шею! Не давайте себя обманывать, не давайте вешать на уши лапшу и заговаривать себе зубы, потому что зубы потом болят еще больше. Теперь самое главное: знаете ли вы, что человек отличается от животного чувством юмора? Духовно эволюция работает именно в этом направлении. Вот все, что я хотел сказать. Это важно. Подумайте над этим. Сколько времени прошло? Ровно одна минута. Я уложился в регламент. Спасибо за внимание!»

Они бы мне аплодировали…

Интересно, о чем могут говорить между собой эти пепельницы? Знакомы они давно, но только сейчас нашли общий язык… Ох, этот альянс меня настораживает!.. Мой голубой воздушный шарик бросает наблюдение за Гланцем и улетает в вестибюль подслушивать… Понятно. Они говорят о женихах.

«Ты когда замуж выйдешь, старая вешалка? — спрашивает Татьяна. — Пора о душе подумать». «Наверно, осенью, — отвечает царица. — Мужика уже приглядела, но его надо брать. Лето еще погуляю. А ты?» — «Завтра». — «Шутишь?» — «Нет. Обещала деду». — «Блеск! В первый раз в первый загс! Кто же этот несчастный?.. Дроздов?» — «Импотент, спился», — отмахивается Татьяна. «Бедняжка… Никогда бы не подумала. Кто же?» — «Еще не знаю. Давай решать». — «Где? Здесь?» — «Да. Сейчас». — «Шутишь!» — восхищается царица Тамара. «Не шучу. Кого посоветуешь?» — «Выходи за токаря Тронько Андрея Ивановича. Ничего мужик, к нему в ЦК прислушиваются». — «Сама выходи за гегемона. Он с тебя стружку снимет». — «Это точно», — вздыхает царица.

«Владислав Николаевич меня десять лет добивается» — раздумчиво произносит Татьяна. «Нет, не нужен тебе бессмертник, у тебя дед есть. Владика оставь мне. Владик мой, но он еще ничего не знает. К осени его окручу». — «Я тебе помогу!» — загорается Татьяна. «Сама справлюсь, только не мешай».

«Ага, — думаю. — Значит, Владик уже пристроен».

«Есть! — вскрикивает царица. — Нашла тебе

жениха! Выходи за марсианина!» «За какого марсианина?» — не понимает Татьяна, хотя я сразу понял. «За Космонавта! Разведенный он. Да нет, с этим делом у него все в порядке, а с женой он разошелся еще до Марса, но развод не оформил, потому что туда нужна чистая анкета. А с Марса вернулся весь из себя задумчивый. Говорят, что он там под радиацию влетел, но все обошлось. Его надо развеселить. Ну, задумался парень, бывает. Расшевелить надо. Первый жених в стране! Все точно известно. Без квартиры, питается в столовках, ездит в автобусах… Все бабы перед ним в штабелях, а ты? Бери его к делу. Я бы сама за него, но это не мой размер. Не мое. Сделаем так… Ты его завтра в Гагры! Я тебе отдаю свой французский купальник — не купальник, а два шнурка, все из него вылазит. Выйдешь на пляж, он вмиг про Марс забудет!» — «Какой пляж зимой?» — «Верно… Зима. Делаем так… Блеск! Ты его в Домбай на горные лыжи! Солнце, снег, а ты на лыжах в моем купальнике! Катишь с горы, он за тобой. Ты — в снег…» — «Какой Домбай? Бред все это». — «Да. Бред. Значит так… Тронько на завтра заказал парную. Они с Космонавтом собрались париться. С пивом. Делаем блеск и нищету куртизанок! Все просто, и ни один мужик не выдержит. Делаем

так… Я им спутаю время. Одному скажу одно, другому — другое. Топим баньку. Приезжает Космонавт в охотничий домик, а ты его встречаешь с веником и в моем купальнике. Он, конечно, обалдевает, а ты объясняешь, что у нас в Кузьминках все, как на Западе. И паришь его. А потом он тебя… — следует неприличный жест. — И все». — «А Тронько куда девать? — обалдевает Татьяна. — Потом и Тронько придет… Его тоже парить?» — «Тронько беру на себя. Ты отдаешь купальник, приезжает Андрей Иванович, я его парю, а он снимает с меня стружку. Тут и думать нечего. Решили!»

Татьяна с царицей гасят окурки и входят в кабинет. Успеваю заметить, что Гланц по уши в царицу влюблен и жутко рефлексирует в ее присутствии — члены отнимаются, и на лице пятна. Представляю, что может делать с мужиками одна такая красивая стерва в небольшом академическом городке. Еще как делает! Две стервы здесь не уживутся. Две стервы на один городок — это стихийное бедствие, как два встречных циклона, создающие ураган. Пусть одна живет в Кузьминках, а другая в Печенежках — тогда полный порядок. Ишь, что задумали: окрутить марсианина!

«Тебе плохо, дед?» — настороженно спрашивает Татьяна. Отвечаю: «Нет, мне хорошо. Как после парной». Татьяна чувствует, что я каким-то образом подслушал их разговор… «Откуда ты все знаешь, дед?» — любит спрашивать она. «От верблюда», — люблю отвечать я. Сейчас я сделаю доброе дело и покажу им эту царицу как она есть, в обнаженном виде и во всей красе…

«Мадам, извините, что я разлегся в трусах в вашем кабинете», — говорю я. «Ничего, Юрий Васильевич, милости просим! Я и не такие трусы видывала», — смеется царица Тамара. (Сейчас ты у меня заплачешь.) «Мадам, — продолжаю я. — Мне отсюда не видно… Это чей портрет после Мичурина висит?» — «Где? Да это же ваш портрет, Юрий Васильевич». — «Да? Похож… А за мной кто?» — «Где?.. Не знаю..> — «А вы прочитайте, прочитайте… Там написано». — «Академик Эл, — читает царица Тамара. — Трифон Дормидонтович Эл». — «Вот теперь узнаю, узнаю… Давно не виделись. Эти портреты здесь всегда висят… в таком составе?»

Царица смущается. «Со вчерашнего дня, — хмуро объясняет Гланц, поняв, куда я гну. — Всегда висел портрет Ломоносова, а вчера к вашему приезду вытащили из подвала старые и весь

день бетон долбили». — «За что же мне такая честь, мадам? — удивляюсь я. — Висеть рядом с Трифоном Дормидонтовичем я не достоин. Даже на виселице. Это великий человек… Не слышали? Вас еще на свете не было, когда он одним махом прихлопнул целое фундаментальное направление в биологии. Гонялся за мухами, а вместе с ними ненароком прихлопнул новые породы скота и хлеба! Ну, не великан ли? Гегемон! Слыхали про таких мушек-дрозофил? Поэты в те времена их критиковали. А вы и не знаете, милая! И «Белые одежды» не читали? Санкта симплицитас… То есть святая простота по-латыни. А еще администратор Дома ученых… Это чей Дом ученых?! — вдруг начинаю кричать я. — Мой! Я лично в него первый кирпич заложил! Я! Лично! А зачем?! Чтобы здесь висел портрет этого хмыря… которого я должен был этим первым кирпичом еще тогда… когда… Снять!!! — захлебываясь, ору я. — Всех снять к чертовой матери, и меня тоже! Оставить одного Ломоносова!»

Царица Тамара начинает громко рыдать и выбегает из кабинета. Татьяна — за ней, сердито на меня зыркнув. Перепуганные санитары лезут на стену, снимают портрет академика Эл и поворачивают Трифона Дормидонтовича лицом

к стене, чтобы я его не видел. Справедливость восстановлена. Гланц улыбается — рот до ушей, и пятна сошли. Вот так с ними надо — в бараний рог! Но, чу!.. Мотоциклистам наконец-то надоел Степняк-Енисейский. Они свистят и гонят его со сцены. Из зала доносится его последнее слово: «Орда ханская!.. Русского языка не понимают!..»

«Катись! Надоело! Сапожник! — ревут мотоциклисты. — Даешь "Звездные войны"!» Молодцы, по-моему. Но очень уж долго терпели. Между тем «Звездные войны» начинаются…

Ну-с, напугав женщину, начинаю одеваться и прикидываю расстановку сил. Все рассыпались по Кузьминкам кто куда… Дроздов, Ашот и Белкин закусывают в гостинице и расчерчивают пульку на оборотной стороне акта ревизии. Кто-то из наших смотрит «Звездные войны». Татьяна с заплаканной царицей отправились в бар за сигаретами, обнаружили там Космонавта с Тронько и вертят перед ними хвостами. А Гланц отпустил санитаров в кино и решил подежурить здесь. Если будут вызовы, ему позвонят… Так. Чувствую, что с меня временно снято наблюдение. Обо мне забыли. Этим грех не воспользоваться. Накину

пиджак, пальто оставлю, и никто не подумает, что я вышел на улицу. Меня там ждут. Я с утра не могу остаться в одиночестве, чтобы ОН смог подойти и заговорить.

— Пойду, отолью, — объявляю я и накидываю пиджак. Мои намерения не вызывают у Гланца подозрений. Что может быть естественней этого желания? Я выхожу в вестибюль, но вспоминаю, что оставил наган в пальто, возвращаюсь, перекладываю его в пиджак и опять выхожу. Мне везет: швейцар покинул свой боевой пост, закрыл дверь на крюк и торчит в зале, отравляя одеколонным дыханием и без того спертый воздух. Я откидываю кочергу и выхожу на мороз… Я свободен!

Полированный мрамор на ступенях Дома ученых обледенел. Свободен-то свободен, но так и ногу сломать недолго… Вокруг ни души — одни мотоциклы, «ЗИМ» и «скорая помощь». Садись и езжай куда хочешь. Но ехать никуда не надо, ОН меня здесь найдет.

Пусть ищет, а я буду глядеть на Марс. Как там записано в календарном листке? Марс виден на юго-востоке в созвездии Весов как звезда нулевой величины. В 22 часа 12 минут Луна на короткое время закроет своим диском планету. Это зна-

чит: затмение Марса… Я потихоньку скольжу к «ЗИМу», тормозя тростью. Если по дороге упаду, уже не встану. Где тут юго-восток?.. Вон там, на конце трубы…

Календарный листок не соврал. Наверху разворачивается звездная свистопляска. Все очень красиво: молодая Луна собирается скосить трубу тонким лезвием своего серпа, а Марс притаился по ту сторону трубы и молчит, выжидает. Черные небеса напоминают турецкий флаг. Если не упаду, увижу затмение Марса. Все трое какие-то ржавые и настороженные… и Луна, и труба, и Марс. Это, наверно, оттого, что на каждого из них уже ступала нога человека. Они нас боятся и не хотят иметь с нами никаких дел, потому что у них там гармония и все в порядке, и не существует чувства таинственного неодиночества — особенно в такие вот черные ночи с мерцающими звездами. Недаром волки воют на Луну (впрочем, не видел, не знаю)… Наверно, они думают, что со дна этой прорвы на них кто-то смотрит, и проявляют таким образом свой волчий религиозный инстинкт. Молятся, значит.

Подъезжаю к «ЗИМу» и дергаю дверцу. Закрыто. Теперь я понимаю того невеселого неандертальца, который первым совершил качественный

скачок по превращению в хомо сапиенса сапиенса. Дело было так: пятьдесят тысяч лет назад в такую же морозную ночь он, как и я, вышел по нужде из своей ледниковой пещеры, посмотрел в небо и почувствовал на себе внимательный взгляд. Его посетило чувство космического неодиночества… Он чертыхнулся и придумал дьявола. А потом уже пошло-поехало — боги, гробницы, ученые.

Вот и я чувствую, что на меня кто-то смотрит. Опять меня пасут… Кто же?… У «ЗИМа» стоит черная фигура и смотрит на меня в упор. ОН?

«Юрий Васильевич…» — говорит фигура, приближаясь ко мне. Не ОН. Дьяволы не носят смушковых пирожков. Это Степняк-Енисейский поджидает меня. Он-таки дождался своего часа. «Откуда вы взяли, что я какой-то там Юрий Васильевич? — обрываю я и сильнее дергаю дверцу. Заперта. — Идите, дедушка, своей дорогой. Я вас не знаю, мы не представлены». — «Разрешите одну фразу сказать!» — вдруг взвизгивает он и валится передо мной на колени. «Старый дурак», — опасливо бормочу я, перехожу к другой дверце и дергаю. «Да, дурак! — с восторгом соглашается Енисейский и ползет за мной по льду. — Разрешите фразу!» — «Хоть десять, ниче-

го не изменится. Статья подписана и отправлена в печать».

Я начинаю огибать «ЗИМ», чтобы подергать третью дверцу. Енисейский ползет за мной и вскрикивает: «Нет! Статья еще не отправлена и не подписана! Вот она! — Он вытаскивает из недр своего тулупа свернутые в трубку листки: — Это настоящая статья, не черновик! Давно готова, не сомневайтесь! Немедленно подпишите и отправьте ее в печать!» — «А что, занятно… — наконец-то удивляюсь я. — Откуда она у вас?» — «Я ее неделю назад у Дроздова в карты выиграл!»

Я разворачиваю свиток и читаю заглавие… «Зубная боль профессора Степняка-Енисейского»… Фамилия полностью…

«Так мне, подлецу, и надо! — причитает Енисейский. (Сейчас он начнет об лед поклоны бить.) — Поступите, как душа велит! Так и надо!» — «Зачет это вам? Раскаялись, что ли?» — «Вот именно! Раскаяние! Покаяние! Каюсь! Во всех грехах!»

Любопытно… Я тяну третью дверцу. Заперта — «А я тут при чем?» — «Мне нужно покаяться именно вам!» — «Что я вам, поп?» — «Бог!» Я дергаю четвертую дверцу… Открыта! — «А вы с ума не сошли?» — «Счел бы за честь в вашем

присутствии! — Он хватается за дверцу и шепчет: — Я не сошел с ума, я преследую личный интерес. Я вам сейчас предварительную информацию, чтобы заинтриговать… Компьютер японский где, по-вашему? Моргал с Ведмедевым что задумали? Зачем Дроздов на статью в карты играет? И насчет вашего давнего дьявольского договора многолетней давности…».

Заинтриговал, слов нет… «Уделите мне один час, не пожалеете». — «Хорошо. Приходите в гостиницу после полуночи». — «01 Классическое время!» — восторгается Енисейский. «Но не больше десяти минут». — «Полчаса! — торгуется он. — Не успею покаяться». — «Ладно. Еще одно… Принесите справку от администратора Дома ученых о том, что после сеанса вы извинились перед публикой за свое вступительное слово». — «Понял! Это испытание? В виде публичного унижения? — восторгается он. — Бегу!»

Енисейский снимает смушковый пирожок и отряхивает им колени. Я сажусь в «ЗИМ». Может быть, на него так циклон подействовал?

В «ЗИМе» темно, холодно и пахнет березовым веником, оставленным здесь Тронько. Запах березы вызывает в памяти какой-то чеховский рассказ, где через тысячу лет на другой планете

люди вспоминали название этих белых деревьев и не могли вспомнить… Береза, что ли? И вообще: что я здесь делаю? Зачем сюда пришел? Камо грядеши? Возможно, это очередная ловушка?.. Я вылавливаю двумя пальцами из нагрудного кармана последний патрончик и заряжаю наган. Теперь полный порядок, я опять вооружен. Много не нужно, достаточно одного патрона, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но где же ОН? Меня скоро хватятся. Конечно, ему помешал Енисейский со своим покаянием. Экое кайло!.. Может, надо ЕГО позвать? Вернее, ПРИЗВАТЬ ЕГО?.. Не знаю зачем, но я сажусь на березовый веник и призывно давлю на сигнал. «ЗИМ» гудит, как трехрядная гармонь, звук разносится над Кузьминками и затухает в небесах, как в прорве. Мой призыв не слышат. Начинается марсианское затмение. Луна уже перевалила за трубу, приближается к Марсу, и тот скоро исчезнет в земной тени между двух лунных рогов. Я сигналю еще раз. Енисейский уже добрался по гололеду к Дому ученых, но, оглянувшись на мой призыв, зачастил ногами и шлепнулся на мраморные ступеньки. Павлик, вышедший покурить на пожарную площадку киномеханика, жестокосердно комментирует это падение. Павлику не

жалко этого падшего на лед ангела, Павлик бы ему еще ножку подставил…

ОН не подойдет ко мне при свидетелях. Зато ОН придумал другое: я чувствую, как «ЗИМ» бесшумно трогается с места и начинает скользить мимо красного креста «скорой помощи» и мимо выходящих из Дома ученых Тронько с царицей Тамарой, которые оставили Татьяну наедине с марсианином. Тронько собирается разъяснить царице, кто такой Трифон Дормидонтович Эл, из-за которого она получила взбучку, но спешит к охающему на льду Енисейскому, поднимает его и разыскивает свалившийся пирожок. Ему жалко упавшего дедушку. Если бы Андрей Иванович знал, чего в своей жизни нашебуршил этот старик, он бы его опять уронил. Тем временем «ЗИМ» меня куда-то увозит…

Эт-то интересно! Мы медленно начинаем скатываться с подмерзшей горы. Сейчас в «ЗИМе» темно и холодно, зато, когда он разгонится, в нем станет светло и жарко… Опять на меня покушение! Дело в том, что в самом низу этого затяжного спуска, на крутом повороте, расположилась последняя в моей жизни дьявольская ловушка в виде зеленой трансформаторной будки. На ней

изображен оскаленный неандертальский череп с надписью: «НЕ ВЛЕЗАЙ! УБЬЕТ!» В эту будку мы в аккурат врежемся, и я наконец трансформируюсь без дополнительных расходов на крематорий в кучку обугленных останков. Мой прах выгребут из «ЗИМа», сложат в урну и похоронят («подхоронят», как говорят могильщики) на мемориальном кладбище. А спуск Академический переименуют в спуск имени академика Невеселова в честь того, что с этой горки академик съехал в последний раз. Я размышляю: может быть, выпрыгнуть на ходу? «Не смеши козу, дед». Дорога здесь не посыпана песочком, костей не соберешь. К тому же, кроме чувства космического неодиночества, некоторые люди обладают чувством собственного достоинства. Из черных «ЗИМов» не прыгают на ходу, как с трамвайных подножек. Опять же, тебя честно предупредили: «Не влезай, убьет!» В начале прошлого века, когда ты появился на свет, тебя честно предупредили, что в конце концов жизнь убьет, а ты взял и тут же расплакался. Вспомни: тебя предупредили?.. Да. Наверно… Тогда езжай до конца и не прыгай.

Вороной «ЗИМ» все чует. Он таких людей возил, в таких передрягах бывал, что никаким «фордам» не снилось. На парады возил, на испытания, на

приемы, на свадьбы, на похороны. На допросы тоже возил. Его преследовали, он догонял, в него стреляли. Он давно сменил все внутренности, но еще бегает, — а сейчас, как старый умный конь, чувствуя отпущенные вожжи, не спеша разгоняется мимо мемориальной арки, будто спрашивает: «Так ли я делаю, хозяин? Ты этого хотел? Чтобы все произошло быстро и без мучений?» «Да. С ветерком», — отвечаю я. «Тогда садись поудобней».

Я забрасываю березовый веник на заднее сиденье и устраиваюсь поудобней. Мы катимся с горы. Какой русский не любит быстрой езды? Я — не люблю. Мешает думать. А здесь уже не езда, а падение. Ощущения не из приятных, как в невесомости. Но умирать в сто с чем-то лет — это как удалять последний зуб: неприятно, а нужно, чтобы не отравлял весь организм. Вот именно: таких, как я, если не выпадают сами, нужно по возможности безболезненно удалять, а Степняков-Енисейских — рвать без пощады, как на картине того фламандца.

Но я отвлекся. Слева уже мелькает бетонная кладбищенская ограда, справа — станция «Скорой помощи» (бывшая больница, где мы с Лешей лежали, — сейчас около больниц уже не хоронят),

а сзади, сотрясая небо отборной бранью, за мной уже кто-то гонится.

Это Павлик решил, что мотоциклетные злоумышленники угоняют наш «ЗИМ», прервал «Звездные войны» и, кликнув на помощь Андрея Ивановича, пустился вдогонку… Пожалуй, сильно сказано: «пустился вдогонку»… Павлик еще кое-как держится на льду, а Андрей Иванович уже покатился… Ладно, ладно, я пошутил! Я с трудом отворачиваю руль, и «ЗИМ», неохотно пойдя юзом, зарывается мордой в колючие кусты у кладбища. Я хочу самостоятельно выбраться из «ЗИМа», но дверца с моей стороны прижата кустами. Подбежавший Павлик рвет на себя закрытую дверцу и, оторвав ручку, улетает спиной в сугроб. Хочу опустить боковые стекла, но все заклинило, даже форточки. Андрей Иванович уже подоспел. Он пытается откупорить «ЗИМ» и вызволить меня, а Павлик тяжело дышит, сплевывает в снег и с надрывом говорит обо мне в третьем лице, думая, что я его не слышу:

— Вы не знаете, Андрей Иванович, зачем он туда залез? У меня после урагана тормоза не в порядке! Он бы разбился! Да меня голым в Африку

сошлют, если с ним что-то случится… А там СПИД! Он о людях не думает, нет! О своих соратниках он не думает! Черт со мной, но у него внучка еще не устроена в жизни… Возьмите в багажнике монтировку и оторвите дверь. Хрен с ней, отрывайте! Сгорела хата, нехай горит забор… А о журнале он подумал? Он же прекрасно знает, кого хотят назначить директором «Перспективы». О своих сотрудниках он подумал? Что с ними будет? Нет, он неправильно себя ведет. Та японочка предсказала ему четыреста лет жизни — ну и живи в свое удовольствие, а мы поможем. А он о чем думает? Я знаю, о чем он думает… Жить ему, понимаешь, надоело! Честное слово, как дите! Ему все идут навстречу, а он что надумал?

Устами кобеля глаголет истина. Тронько слушает критику в мой адрес и аккуратно освобождает дверцу. Ему не нравится, когда меня критикуют. Он считает, что Дед все делает правильно, даже если делает наоборот. Наконец я выбираюсь из заточения и язвительно спрашиваю: «Эй, соратник, чего замолчал? Давай, выкладывай!» — «А чего?» — тушуется Павлик. «Кого хотят назначить директором „Перспективы"?»

Павлик долго сопит, но, поняв, что проболтался, невнятно произносит: «Ну, этого… Ленского». —

«Какого еще Ленского?» — «Ну, этого… С лошадиной фамилией… (Павлик, оказывается, читал Чехова.) — Приобского-Забайкальского… Забыл, как река называется. Которого Андрей Иванович только что на льду подобрал». — «Енисейского?» — уточняю я. «Точно!» — отвечает Павлик.

Я перевариваю известие и не могу связать концы с концами. Меня впутывают в какую-то очередную издательскую историю. Там, где появляется этот тунгусский метеорит, время с пространством начинают идти вспять — исчезают компьютеры, оживают динозавры, со скрипом приподнимается гробовая доска, и выглядывает сам Трифон Дормидонтович… Обычно моя разведка действует на большую глубину и не подсовывает непроверенных данных; и потом, я еще, слава Богу, отличаю разведданные от примитивных слухов — а этим делом у нас занимаются все: что добудут, то и тащат в редакцию, как вороны, — но Павлик среди ворон занимает особое положение, потому что информацию получает от других шоферов, а уж они-то часто слышат звон, отраженный от самой высокой колокольни.

«Ты не знаешь, случаем, кто станет главным редактором вместо меня, когда я умру?» — «Почему «умрете», при чем тут «умрете»?» — возмущается

Павлик. «Да, зачем такие слова? — впервые не соглашается со мной Андрей Иванович. — Вы всех нас переживете!» — «Ладно, поехали куда-нибудь… нет, постой…»

К нам с горы спешит царица Тамара с какими-то новостями. Надо полагать, она несет мне хорошее известие и заранее виляет лисьими хвостами своей шубы, чтобы я ее погладил по спине и не сердился из-за неверно развешанных портретов. Она уже осознала свою ошибку и в следующий раз повесит меня вместо Ломоносова.

«Вам звонили и просили передать», — царица Тамара отдает мне телефонограмму и делает нечто среднее между книксеном и реверансом. Фигурное катание продолжается. «Из Академии наук?» — благосклонно спрашиваю я, разыскивая очки (значит, я еще надеюсь, что Президент мне позвонит). «Нет, — пугается царица. — Из гостиницы».

Опять записка, опять на календарном листке, но теперь уже за 29 февраля: «Передайте Невеселову, пусть позвонит в Новосибирск по такому-то телефону»… Сегодня все происходит, как в сонном бреду. Никак не проснусь. Почему я должен звонить в Новосибирск по какому-то телефону?

Значит, договариваемся так: Тронько возвращается с царицей Тамарой в Дом ученых на «скорой помощи», которую Гланц уже подгоняет к нам вместе с моим пальто, и там он (Тронько) подменит Павлика в качестве киномеханика, а то мотоциклисты уже нервничают в зале без «Звездных войн», а Павлик отвезет меня в Новосибирск… тпру!.. не в Новосибирск, а в гостиницу, чтобы оттуда позвонить в Новосибирск. Все ясно? Порешили. Быть тому. С помощью царицы Тамары надеваю пальто и наблюдаю, как Павлик выводит из кустов рычащий «ЗИМ». «ЗИМ» сопротивляется, морда у него поцарапанная. Едем вниз. «ЗИМ» трясется и источает бензиновый дух. В молчании проезжаем мимо трансформаторной будки с оскаленным черепом. Оревуар, камарад! Извини, но познакомиться с тобой накоротке я сегодня, наверно, уже не смогу.

Спрашиваю Павлика: «Откуда ты узнал, что директором издательства назначат Енисейского?» — «Скажу, скажу… — усмехается Павлик. — Вы же не успокоитесь, пока не узнаете. Ведмедев в аэропорту сказал. Приехали туда после урагана, а Ведмедев и говорит: видишь того старикана? Мы в грязи, а он чистенький. Всегда так. Этот вот Забайкальский будет нашим директором. И ему,

кстати, понадобится толковый шофер». — «А ты ему: наше дело кобелиное — кто наймет, того и будем возить. И подгавкивать. Лишь бы не сократили». — «За кого вы меня принимаете, Юрий Васильевич? — обижается Павлик. — Вы думаете, я из-за этих баб уже не человек?»

О Павлике я так не думаю, но, в общем, люди, излишне увлеченные чем бы то ни было, — хоть женщинами, хоть наукой, хоть марками — сродни наркоманам и не вполне хомо сапиенсы сапиенсы. Павлика мне не дадут сократить, тем более, что он не из нашего штатного расписания.

«Юрий Васильевич, давно хотел вас спросить… Но боюсь, обидитесь…» — «Давай». — «Вот вы скажите… Как мужик мужику… Это для меня важно… Вы ту японочку тогда на Чукотке… это… ну, это самое… Да или нет?» — «На Чукотке — нет. Негде было. И холодно. А в поезде — да». — «Я вами горжусь! Я верил! — радуется Павлик. — Все Кузьминки рассуждают… Бессмертие без этого дела — зачем? Четыреста лет без этого дела — я бы не смог».

И это выяснили… Подъезжаем к гостинице. В ресторане оркестр наяривает «Очи черные». Там происходит что-то вроде свадьбы. Верно, свадьба: невеста в длинной фате и в пиджаке

жениха выходит с подружками на перекур, и ее фотографируют на фоне чеканного герба города Кузьминок. В одной руке у невесты сигаретка, в другой — шлейф от платья, а над ее головой в третьей, стилизованной руке — электронные орбиты. Пока невесту фотографируют, наверху дерутся… Ну, это мы умеем. Вообще, Кузьминки у нас хоть и не город-герой, но тоже парень отчаянный с этими играми в мирный атом.

«Хороша Снегурочка, — облизывается Павлик. — Жаль, что беременная, а то бы увел». — «А ты откуда знаешь, что беременная?» — «Глаз-алмаз!»

Павлик открывает форточку и бесцеремонно разглядывает беременную Снегурочку, а я готовлюсь к очередному испытанию: в гостинице недавно установили электронные двери — как только ступишь на крыльцо, они разъезжаются перед самым носом и терпеливо ожидают, пока ты пройдешь в вестибюль. Я всякий раз вздрагиваю и не могу привыкнуть… Боюсь, что однажды эта подхалимажная механика нарочно недоработает и прихлопнет меня в створе ворот. Подхалимы — они такие. На лифтах я тоже не люблю разъезжать, а уж на эскалатор метро меня не заманишь — это все потенциальные

ловушки.

Но на этот раз благополучно вхожу. Незнакомая дежурная дама за стойкой откладывает вязание синего носка и подозрительно обозревает меня. Новенькая. Строгонькая. Не знает, кто я такой. На ее электронном табло мест нет. В гостинице уже пахнет жареной рыбой и луком — Дроздов с Ашотом закусывают, а Белкин не может найти сверток с котлетами, который остался в Печенежках в моем кабинете. Эти запахи теперь будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Еще триста пятьдесят лет… Это очень-очень долго.

«Вы что-нибудь забыли, дедушка?» — вежливо спрашивает дежурная дама. Она, конечно, осведомлена, что в гостинице поселились журналисты, космонавты и академики, и сейчас прикидывает, на кого из этих деятелей я похож. Интересно, похож ли я с точки зрения этого шерстяного синего чулка на академика? Или она принимает меня за безработного швейцара-луддита, который примется сейчас крушить электронные двери?… Что же я здесь забыл? Надо вспомнить… Вспомнил: я должен позвонить в Новосибирск. Я выкладываю перед синим чулком

календарный листок с телефонограммой, которую она же приняла и передала в Дом ученых. Теперь она знает, кто я такой. Она разыскивает код Новосибирска и набирает такой-то номер. «С вами будет говорить академик Невеселов», — произносит она таким голосом, будто звонит из кремлевского кабинета самого товарища Сталина и в Новосибирске сейчас все должны обделаться и не жить. Но из трубки через полстраны ей громко отвечают: «А на кой ляд он мне нужен? Я вас русским языком просил: Не-ве-се-ло-ву! Его внучку! Ладно, давайте академика». Синий чулок в полной растерянности передает трубку мне.

«С кем имею честь?» — не очень сердито спрашиваю я, чтобы случайно не спугнуть в Новосибирске возможного Татьяниного жениха. «А ты угадай», — отвечает голос Президента Академии наук. «А, это ты… — я немного разочарован, хотя весь день ожидаю его звонка. — Как ты меня нашел?» — «Мне нашли. Сказали, что Юрий Васильевич разыскивает своего Президента. Чего тебе надобно, старче, в столь поздний час?»

Мне надобно, отвечаю я, чтобы он немедленно позвонил Моргалу и разъяснил товарищу, что за свой перевернутый портрет не имеет к издательству никаких претензий. (Вижу, как синий чулок,

догадавшись, с кем я говорю, начинает линять и голубеть.)

«Юра, у нас здесь два часа ночи», — зевает Президент и чешет в новосибирском Академгородке свой живот (в трубке все слышно). «А у нас десять вечера!» — «Ну, это одно и то же. Все равно Моргала сейчас в издательстве нет. Вообще, ему будет много чести. Не в том дело… Не перебивай… Помнишь, я всегда предупреждал, когда тебя собирались бить…» — «Меня никогда не били!» — «Ты не прав. Тебя били всю жизнь, но ты не замечал. Как с гуся вода. Значит, всегда получали те, кто рядом с тобой. Возле тебя стоять опасно!» — «Это я уже слышал — злюсь я. — Ты давай конкретно!» — «Хорошо, конкретно. Почему Владик еще не в Москве? Он как раз стоял тогда около тебя». — «А что с ним? Плохо? Опять?» — пугаюсь я. «Плохо. А ты о каких-то перевернутых портретах. Отправляй его самолетом, быстро!» — «Понял. Хватит об этом». — «Давай о другом. Тебя пытались бить, но потом всем надоело. Сейчас наоборот: награждают и просят, чтобы ты делал, что хочешь». — «Это как?» — «Ну, что ты хочешь в данный момент?» — «Хочу, чтобы Моргал не преследовал Чернолуцкого». — «А он преследует? Из-за моего портрета? Дурак. Хочешь Моргала

снять? Снимай. Тут на него такие телеги… Будто у него за шкафом потайной кабинет, а в том кабинете чего только нет! Где, думаешь, находится твой персональный компьютер?» — «Чей?» — «Твой. Личный, персональный. Который твоя японочка с острова Хонсю послала тебе в подарок за то, что ты ее…» — Президент держит паузу.

«Что?!» — «За то, что ты ее согласился взять в лечащие врачи, — смеется Президент. — А Моргал этот компьютер зажилил — будто бы для нужд издательства. Понял? А некий Ведмедев на него за это телегу! Мне. А за мой перевернутый портрет какой-то Енисейский на Моргала телегу в ЦК. Сейчас разбираются… Хочешь сесть на место Моргала? Садись. Чего ты еще хочешь? Любое твое желание. Хочешь на мое место? Телегу писать не надо, сам уйду. Делай, что хочешь. Ты мне лучше вот что скажи… По секрету… Как мужик мужику. Ты ту японочку… это… ну, это самое…»

«Александр, — наставительно отвечаю я. — Ты же мальчик из интеллигентной семьи, а еще не научился называть вещи своими именами». И я, пристально глядя на синюю даму, произношу глагол, который в русском языке точно обозначает то действие, которое имеет в виду Президент. Это, конечно, хулиганство. Наверно, я все-таки впал в

детство, но я не мог удержаться, чтобы не провести мимоходом этот эксперимент и понаблюдать смену спектра на лице строгонькой дамы. Грешен, люблю вгонять в краску синие чулки!

«Я так и думал! — одобряет Президент. — Иначе зачем бы она дарила тебе персональный компьютер? Молодец! Значит, жив-здоров! Делай, что хочешь, только будь здоров! Это самое главное!» — «Спасибо, Александр! Умер-шмумер, лишь бы был здоров!» — Я кладу трубку и выхожу из гостиницы, чувствуя на себе восхищенный взгляд синего чулка.

Пока я говорил с Президентом, кончилось затмение Марса, наползли тучи, пошел снег, а у «ЗИМа» назрел скандал: Павлика скоро начнут бить друзья жениха за то, что он уже успел выпросить у невесты белую гвоздичку и, развалясь в «ЗИМе», уговаривает ее прокатиться по Кузьминкам. Невеста что-то благосклонно отвечает ему в форточку, подружки хихикают в отдалении, а фотограф побежал в ресторан за подкреплением.

«Поехали!» Едем… Оревуар, красавица! Твоя гвоздичка украшает передо мной ветровое стекло. Пьяные друзья под руки выводят из ресторана подобного себе жениха в одной рубашке (на нем, естественно, присутствуют и штаны, но так уж

говорится: «в одной рубашке»)… Но мы уже далеко, нас уже не догнать.

«Ну и мужик ей достался… Пьянь болотная», — объясняет Павлик. «Зачем же она за него выходит?» — «По расчету. Во-первых, он ее любит. Во-вторых, засиделась в девках. В-третьих, беременна от другого, а жениху объяснила, что от него…» — «Ты откуда знаешь?» — поражаюсь я. «Сама рассказала. Только что, как на духу. Они любят мне рассказывать, у меня лицо душевное. Думают, что я грехи отпускаю». — «Тут целая драма, а ты с юморком…» — «Может, драма… — вздыхает Павлик. — Обычное дело. А моя что вытворяла? Все они… Возьмем, к примеру, вашу внучку…» — «Заткнись». — «Извините».

Валит снег. Белая гвоздика поникла на ветровом стекле, как большая снежинка. Мы опять проезжаем мимо трансформаторной будки. От нее вверх к Дому ученых тянутся пушистые заснеженные провода. Я подмигиваю оскаленному черепу: что, взял?

«Ехать куда?» — уточняет Павлик. «На кладбище», — отвечаю я. Он думает, что я шучу. Он думает, что мы едем в Дом ученых досматривать «Звездные войны»… «Весь день слышу: «Трифон

Дормидонтович, Трифон Дормидонтович», а кто такой этот Трифон Дормидонтович?» — спрашивает Павлик. «Ты лучше смотри на дорогу и не думай о всякой чепухе, а то куда-нибудь врежемся».

«ЗИМ» буксует и тяжело взбирается на подъем, гвоздика бьется о лобовое стекло, как птичка. «Останови здесь»., — командую я, когда мы проезжаем мимо мемориальной арки. Павлик не понимает. «Останови, я скоро вернусь. — Я вылезаю из машины и выдергиваю гвоздичку из-под правого дворника. — А насчет Трифона Дормидонтовича спроси у Чернолуцкого. Это был его лучший друг. Спроси, спроси, он тебе расскажет». — «Куда вы, Юрий Васильевич?! — кричит Павлик. — При чем тут Трифон Дормидонтович? Это же кладбище!» — «Оно мне и нужно, — бурчу я. — Ты не кричи, не кричи… Тут все спят, разбудишь».

Я направляюсь к арке. Свежий снежок хрустит под ногами. Ночью ворота заперты, зато калитка открыта, а за калиткой начинается такая темнотища, хоть глаз циклопу выколи. Но идти мне недалеко, моя могила находится прямо у входа, найду наощупь… Калитка скр-рипит, а Павлик, чертыхаясь, ищет в багажнике «ЗИМа» карман-

ный фонарик. Находит и устремляется за мной… Зря он так за меня беспокоится — в моем возрасте на кладбище не страшно. Тем более, что у моей могилы кто-то стоит и освещает плиту лучом фонарика. В луче мечутся снежинки и не могут из него выскочить… Кого это сюда занесло?

Мне в самом деле не страшно, но хорошо, что Павлик рядом. Он освещает лицо этого человека, а тот в ответ освещает нас. Лучи скрещиваются. Свет бьет в глаза, но я успеваю заметить у могилы еще две тени. «Все понял? — спрашиваю я Павлика. — Садись в машину, мы скоро. Фонарик оставь». Успокоенный Павлик возвращается к «ЗИМу», а я с лучом света в руке подхожу к оградке. Вот могила. Плита. На плите корзина живых роз. Нет, я помнил, помнил, что завтра у моей жены день рождения, но не догадался, старый дурак, для кого Владик купил розы.

Я вхожу за оградку, кладу в корзину к розам белую гвоздику и выхожу. Мы стоим, молчим и светим фонариками на цветы. Их заносит снегом. О чем нам говорить, если мы видим друг друга насквозь и думаем об одном и том же? Впрочем, я сейчас ни о чем не думаю, и потому Софья Сергеевна не может прочитать мои мысли. Владислав

Николаевич взглядом подправляет цветы, Михалфедотыч уже успел сделать моментальный рентгеновский снимок и обнаружил в моем боковом кармане наган с одним патрончиком, а Софья Сергеевна вызывает меня на обмен мыслями: «О чем вы думаете, Юрий Васильевич?»

Ни о чем не думать не получается… «Нас всех здесь подхоронят, — думаю я какую-то ерунду специально для Софы. — Кстати, слова «подхоронить» в словаре нет. Я проверял. Оно должно бы стоять между «подхомутником» и «подхорунжим», но и эти слова уже никому не нужны. Зато после «подхорунжего» следует странное слово «подцветить». Наверно, оно означает то, что я только что сделал: положил к розам белую гвоздику». — «Подцветили, то есть, — соглашается Софа. — О чем вы говорили с Президентом?» — «Не волнуйся. Мишу назначают директором «Перспективы» вместо Моргала». — «Моргал моргал и проморгал, — злорадствует Софа. — Но Миша не захочет».

«Почему не захочу? — вступает в наши раздумья Михалфедотыч. — Может, и захочу». «Владику пора на аэродром», — думаю я, хотя об этом сейчас лучше не думать. «Ничего, думайте, — отвечает Владик, ловя мою мысль. — Мы

попрощаемся у гостиницы, и Павлик отвезет меня к самолету. А вы живите. И чтоб без фокусов!» — «Верно! — Михаил Федотович переводит наши размышления на другую тему. — Зачем вам наган с одним патроном?» — «Ребята, — отвечаю я, — мне надоело играть в эту игру. Она затянулась. Или вы тоже думаете, что я бессмертный? Вам тоже чудеса подавай? Чуда захотелось? Вам тоже нужны эти мифы Древней Греции?» — «Но ваш попугай…» — «Пусть попугай, а я больше не могу. Еще триста лет здесь ползать? Увольте!» — «Мы не имеем права решать, — вразумляет меня Владик. — Мы всего лишь четыре подопытных кролика. Большой грех, если мы самовольно уйдем».

«А вы что думаете?» — «Я — как Софа», — уклоняется Михалфедотыч. «А я бы на вашем месте еще пожила… Но я понимаю… это жутко» — «Какие еще мнения?»

Но мысли у всех уже смешались, потому что с горы мимо кладбища, раздувая метель, с танковым грохотом и с зажженными фарами проносится колонна мотоциклистов. Зрелище впечатляет. За ними опасливо катит милицейский наряд и пытается образумить из громкоговорителя этих дьяволов: «Граждане, да ведь люди ж сплять!»

Значит, «Звездные войны» благополучно завершились, и возбужденные крекеры, подняв с постелей спящие Кузьминки, сейчас отправляются через водохранилище будить спящие Печенежки, а потом по инерции вырвутся на оперативный простор Среднерусской возвышенности — но будут встречены, остановлены и рассеяны усиленной милицейской опергруппой с дубинками у железнодорожного переезда. Это нетрудно предвидеть — там гиблое место для соловьев-разбойников. Будут проколоты шины у двух передовых мотоциклов, разбиты четыре фары, семерых крекеров загребут в печенежкинскую каталажку, утром вызовут их родителей, а родители в свое оправдание объявят «Звездные войны» идеологически вредным фильмом.

Опять тихо валит снег. Можно считать, что совет старейшин нашего учреждения состоялся, и теперь кто-то должен нарушить молчание. «Тебе пора, — напоминаю я Владику. — Павлик подкинет тебя к самолету». — «Вы уступили бы мне свой наган», — думает Владик. Я делаю вид, что не улавливаю его мысль.

— Да, пора, — вслух соглашается он.

Мы уходим отсюда, светя фонариками. Я с Владиком впереди, под ручку. Здесь до кладбища располагался парк с дорожками и летний кинотеатр со скамейками. Никаких заборов, кино бесплатно! «Тарзан» — это вам не «Звездные войны»! Здесь все любили гулять, а Владик после лермонтовской гауптвахты чувствовал себя в Кузьминках, как на курорте. Он ходил дурак-дураком в дырявых сандалиях на босу ногу, в спортивных шароварах и в гимнастерке навыпуск без ремня, подцепив на нитке к военной пуговице детский воздушный шарик, и вызывал испуг у нашего особиста Луки Феодосьевича, который направлен был к нам искать дьяволов и охотиться на ведьм… Но однажды поняв, чем мы тут занимаемся, Лука Феодосьевич сделал самое простое и самое умное, что было в его власти: оббил дверь своего отдела кровельным железом, закрыл ее на три замка — врезной, сигнальный и амбарный — и самоустранился от всякой потусторонней деятельности с речкой на удочке… Конечно, наоборот — с удочкой на речке. Это был Поступок по тем временам. Мы оценили его. Лука Феодосьевич честно исполнял свой долг сотрудника комитета глубинного бурения — он не мешал нам. Он оказался настоящим человеком,

хомо сапиенсом сапиенсом. К сожалению, ему тоже не повезло — его могилка со стандартной гранитной плитой находится тоже здесь, среди восемнадцати.

«Лука Феодосьевич был порядочным человеком, — мысленно подтверждает Софья Сергеевна — А вот вы с поиском своего дьявола перебрали. Весь день думаете черт знает о чем». — «Софа, не произноси эти слова». — «Ладно, молчу».

Мы выходим с кладбища и усаживаемся в «ЗИМ». Одинокий мотоциклист, как гусь, отбившийся от стаи, с ревом догоняет своих. Не гусь, пожалуй, а козел. Павлик плюет ему вслед через форточку и заводит «ЗИМ»… Не заводится… Хорошо поговорили, хотя ничего не сказали. Зато теперь я точно знаю, что должен делать, чтобы провести ЕГО… Но об этом пока молчок! Об этом даже думать нельзя!.. Завелись и поехали.

О чем же мне можно думать по дороге в гостиницу? Моргал, конечно, не дьявол и мне не соперник. Война закончилась его поражением, не успев развернуться… Так, не война, а достоевщина — приграничная стычка с каким-то Ведмедевым. Врага будем бить на его территории.

И сокращать никого не надо. Без потерь, значит. Тогда, может быть, если мне все дозволено, назначить Михалфедотыча вместо Моргала директором «Перспективы»? А Олю Белкина своим заместителем вместо Михалфедотыча? Или кого? Что-то я не к добру расхозяйничался…

«А что? — телепатирует Софа, трясясь на заднем сиденье «ЗИМа». — Захватывайте издательство, берите власть в свои руки». — «Там работы на триста лет», — «Миша наладил бы эту «Перспективу» за три дня». — «Интересно: как?» — удивляется Михалфедотыч. «Молча. В первый день ты ходил бы по коридорам и заглядывал в кабинеты. Во второй день ты бы всех уволил. Ни слова не произнося. А в третий день написал бы заявление по собственному желанию».

Софа принадлежит у нас к той злорадной породе прокуренных редакционных дам, генетически происходящих от нигилисток позапрошлого века. У нее так развито чувство справедливости, что в те времена она бы, не сомневаюсь, швырнула бомбу в царя. Ее замашки даже меня иногда ввергают в состояние невесомости. И смех, и грех… Недавно она вогнала в столбняк самого Моргала, когда тот, согнав всех сотрудников «Науки и мысли» (кроме меня, разумеется) в

издательскую типографию, заставил их исправлять политическую ошибку какого-то пьяного типографского стрелочника: выдирать из журнала портрет Президента, переворачивать его на 180° и вклеивать обратно — и так пятьсот тысяч страниц, весь январский тираж. В обеденный перерыв эти политкаторжане понуро брели в издательский буфет жевать холодные пирожки с рисом и запивать их кофейной бурдой из граненых стаканов — но однажды, когда Моргал, подмигнув смазливой буфетчице, бесцеремонно полез без очереди за бутылкой минеральной воды, Софа не выдержала, тронула его за плечо и доверительно предупредила: «Не пейте эту воду, товарищ директор. Я, например, брезгую…»

«Почему?» — испугался этот чистоплюй, который обычно запирался с этой самой буфетчицей в потайном кабинете первоиздателя Лыкина и, запустив левую руку ей под юбку, правой звонил к нам в редакцию и, охраняя нравственность «Перспективы», требовал у Михалфедотыча исправлений в «чересчур вольной» статье по генетике.

«А потому, что в ней рыбы…, как вы в своей кабинете», — меланхолично, но так, чтобы все услышали, ответила Софа, употребив то самое

слово, от которого синие чулки перекрашиваются в лиловые.

И смех, и грех… Представляю, как обалдел Моргал, как онемела очередь и как буфетчица, глупо хихикнув, налила Софе настоящий двойной кофе в настоящую чашку с ручкой. Такая у нас Софа…

Подъезжаем к гостинице. Там опять происходит какая-то суета. Я сегодня везде поспеваю и кручусь по Кузьминкам туда-сюда, как это самое в проруби. «Ну, не прощаемся», — говорю я Владику, и он понимает, что это «не прощаемся» сейчас лучший способ прощания. Софа целует Владика, Михалфетотыч жмет ему руку. «Татьяне — привет», — говорит Владик. «Передам. Прилетишь в Москву — позвони. Я все равно спать не буду». — «Позвоню уж лучше из госпиталя». (Зря он произносит это слово, зря.) — «Держи… Будешь там чай пить», — Я сую ему на счастье серебряный подстаканник и выбираюсь из «ЗИМа». Все-таки, получилось какое-то прощание… «Вы бы лучше вместо подстаканника подарили мне наган», — телепатирует Владик. «Самому нужен», — отвечаю я вслух и хлопаю дверцей. Опять он за свое. «Трогай!» — машу я Павлику.

Но Павлик не спешит. У гостиницы под елкой опять что-то стряслось… Опять мотоциклисты,

опять милиция, опять Оля Белкин оправдывается, показывая пальцем на мое окно… Сделать, что ли, Белкина своим заместителем? С условием: пусть женится на Маринке… Ба, — да там же окна нет! Мне окно выбили! И не просто выбили, а раму вынесли! Вместо окна в моей комнате зияет черная дыра оконного проема, а рама повисла и болтается на верхушке канадской ели… Что бы это значило?

Это значит, что охота за мной не прекращалась, а я, старый дурак, потерял бдительность, решил, что мне уже все дозволено, уши развесил, назначаю своих людишек на тепленькие местечки, а сам не владею поступающей информацией и не понимаю, что здесь происходит: то ли милиция остановила мотоциклистов на этом рубеже, не давая им перерезать железную дорогу, то ли, наоборот, эти дьяволы обложили гостиницу и пытаются взять ее штурмом?.. Нет… Они, кажется, сводят счеты с Андреем Ивановичем за то, что он у Дома ученых дал по соплям ихнему предводителю, — они боязливо прижимают Андрея Ивановича к елке и помахивают цепями, а он, скинув пиджак на руки царице Тамаре, закатывает рукава. Не на тех напали! Из гостиницы уже спешат на помощь пьяненькие Дроздов с Ашотом,

а с нашей стороны — Софа с Михалфедотычем. Павлик хватается за монтировку. «Сидеть! — ору я на него. — Езжай, без тебя справимся! За Владика головой отвечаешь! Посадить в самолет и ожидать, пока не улетит!»

Павлик нехотя подчиняется, а я, ухватив трость за обратный конец палки, азартно устремляюсь в драку, потому что без меня в драке никак нельзя, драка — дело святое. Но, поскользнувшись…

Ах, какая была драка! Жаль, что я, поскользнувшись, так и не смог подняться и наблюдал за дракой со стороны. Какая красивая была драка в метели, освещенная мотоциклетными фарами и лучом прожектора, который телевизионщики бросили с автобусной крыши, чтобы получше заснять эту драку для воскресной молодежной программы. Жаль, что я уже не могу увидеть ее по телевизору, потому что во время этой драки наступило 29 февраля, мой последний день… Очень жаль. Я с удовольствием посмотрел бы в видеозаписи, как взлетали над свалкой громадные кулаки Андрея Ивановича, обозленного тем, что ему растоптали веник, как Дроздову нос расквасили и тот отрезвел и как царицу Тамару

перетянули цепью пониже спины по лисьим хвостам… Поделом им! Не хвостам, а Дроздову с царицей!

А в замедленной записи я еще раз взглянул бы, как сдали нервы у крекеров, когда на подмогу «Науке и мысли» выскочил сам марсианин, размахивая выломанными перилами от лестничного пролета гостиницы. Кто-нибудь видел генерала в драке? С перилами? Я — нет. Это страшно. Крекеры тоже не видели. Они не выдержали этого зрелища и побежали к своим мотоциклам, но там их уже встречала усиленная милицейская опергруппа, подрулившая на «черном воронке». В итоге, как я и предсказывал, были проколоты шины у двух мотоциклов, разбиты четыре фары, семерых крекеров загребли, а остальные рассеялись в пространстве, как нечистая сила после шабаша.

В вестибюле гостиницы сейчас развернут временный медсанбат. Меня туда тоже вносят. Подсчитываю потери с нашей стороны: нос у Дроздова, у Ашота фонарь под глазом, оконная рама вынесена, а у ревизора Ведмедева, который в драке вообще не участвовал, почему-то перевязана голова. Да еще разбит до крови кулак у Андрея Ивановича — над ним склонилась окривевшая

на один бок царица Тамара, смазывает кулак йодом и нежно на него дует, а Андрей Иванович делает царице рискованнейший комплимент, которому его научил Павлик: «У вас с ней, Андрей Иванович, все будет в порядке. Вы только с восхищением ей шепните: «Какой у вас шикарный станок, Тамара Григорьевна!» Но обязательно по имени-отчеству. И сами увидите, что она ответит на это».

Итак: «Ах, какой у вас шикарный станок, Тамара Григорьевна!» — боязливо произносит Андрей Иванович. На что Тамара Григорьевна скромненько отвечает: «Именно с вашей высокой квалификацией на нем работать, Андрей Иванович!»

Пока эти флиртуют, остальные решают: что же делать со мной, когда в моей комнате раму вынесли? Где мне теперь коротать зимнюю ночь со своей бессонницей? Санитары в это время уносят Ведмедева в «скорую помощь», он что-то пытается мне объяснить на ходу, но я не совсем улавливаю…

«Безобразие! — жалуется дежурная синяя дама полтавскому сержанту (тот уже успел удрать из больницы в новенькой форме, доставленной ему коллегами). — И это интеллигентные люди!?

Пьют! Матерятся! Дебоширят! Человека из окна выбросили!» — «Так це ж не людина, — объясняет ей полтавский сержант. — Лікар сказав, що в нього якесь ведмеже серце, та ще йз іншого боку. До того ж він не має до неї ніяких претензій». — «Тогда пусть она за раму заплатит!» — возмущается синяя дама.

Что оказывается… Оказывается, пока мы были на кладбище, Ведмедев спьяну перепутал свой номер-люкс с моим, разлегся на моей постели, а когда обозленная Татьяна, успевшая поссориться с марсианином, вернулась из Дома ученых и вошла в мою комнату, чтобы положить грелку в постель, наш ревизор принял ее за горничную… Татьяну — за горничную!.. Представляю! Наверно, он спьяну решил, что находится где-то в Европах, произнес соответствующие слова насчет «постели с грелкой» и даже попытался ущипнуть эту милашку пониже спины… Татьяну — за грелку!.. Представляю, как он тут же без всяких китайских предупреждений был выброшен в окно боевым приемом самбо с подножкой через бедро!.. И хотя подобные ситуации хороши только в кино, а в жизни выбрасывание человека из окна, как минимум, пахнет статьей о злостном хулиганстве, но Ведмедев, узнав, что был выброшен лично

внучкой академика Невеселова, снял все претензии и счел за честь.

Короче, меня решают перевести в освободившийся номер Ведмедева, и я сейчас стою у окна и разглядываю медленный снег. Ночь. Сна ни в одном глазу. Наши внизу прощаются с Космонавтом и Телеведущим, а полтавский сержант с помощью синей дамы запихивает в телевизионный автобус хнычущего приблудного мальчишку, чтобы его отвезли ко впавшим в отчаяние родителям, которые с вечера ищут его баграми на дне взломанного водохранилища… Ишь, эликсир молодости… Сопли утри… Уезжают. В комнату боязливо заглядывает Татьяна. Я даже не оборачиваюсь. Не удостаиваю. Я злюсь на нее. Выбрасывать человека из окна — это, знаете ли… «Тебе плохо, дед?» — «Нет, мне хорошо». — «Ну чего ты сердишься, дед?» Молчу. Она уходит. Наверно, ей в самом деле пора замуж. Наверно, она здорово обидела марсианина, если он даже не зашел попрощаться со мной… Впрочем, что я ему? Снежинки влетают в комнату через открытую форточку, а я пытаюсь сообразить, на чем мы завтра уедем домой, если наш автобус разбит?.. Опять же, зачем мне автобус, если я до завтра не доживу?..

Под моим окном прогуливаются Андрей Иванович с Тамарой Григорьевной, а гостиница не спит и подслушивает, как он признается царице в любви, вместо того чтобы тащить на все согласную царицу в постель. Но Андрей Иванович, как всякий обстоятельный труженик, перед очередным жизненным поворотом, должен оглянуться на свой пройденный путь и предварительно рассказать тащимой в постель даме «за свою жизнь», чтобы дама прочувствовала, что ее тащат в постель не просто так, а по-старомодному, с серьезными намерениями. Говорит он с царицей так, будто влез на трибуну, — претендует на литературность (цитирует басни Крылова) и прикидывается этаким токарем высокой квалификации (так оно и есть, но ведь «токарь» еще не мировоззрение). Андрей Иванович знает, что от него всегда ждут рабочей правды-матки… Спой, светик, не стыдись! Он ее режет, иногда забывая, по какому случаю правда-то?

Свою правду Андрей Иванович начинает излагать не с детства, где был полный мрак, а с того, как после ремеслухи пришел на какой-то железно-механический завод. В первый же день,

не обращая внимания на шмыгавших по цеху крыс, на которых все с азартом охотились, и за счет перекуров, на которые Андрей Иванович не ходил, он выполнил полторы нормы. Мастер похвалил его: «Молодец, Андрюха!» Тогда польщенный Андрюха стал гнать за один проход сразу две операции и через неделю выполнил три нормы. Мастер промолчал, а ребята спросили: «Ты что, парень, дурак? Решил все деньги заработать?» «Нет, — наивно удивился он. — Только на мотоцикл». — «Тебе мотоцикл, а нам расценки срежут!»

Но Андрей Иванович не внял голосу разума. Трудно было по тем временам быть рокером, объясняет он царице Тамаре. Впрочем, рокеров тогда в природе не существовало, а мотоцикл он хотел купить не для того, чтобы пугать по ночам сограждан, а чтобы не ездить на работу пригородным поездом четыре часа туда и четыре часа обратно. Он пораскинул мозгами, реорганизовал рабочее место, приладил к станку две кочерги, чтобы не таскать, а катать обоймы, и к концу месяца заработал семь тысяч рублей современными ему деньгами. «Представляете, Тамара Григорьевна: семь тысяч по тем временам!» — возбуждается Андрей Иванович, вспоминая свой жизненный

путь и забывая, зачем он этот разговор затеял.

Держи карман шире, продолжает он. Его вызвал начальник цеха и разъяснил, что Андрей Иванович поступает нехорошо: что существует фонд заработной платы, и бухгалтерия такую большую зарплату не пропустит. «Нехорошо, Андрюша!» Тогда Андрей Иванович отправился в бухгалтерию, хотя ребята ему не советовали. В бухгалтерии он никогда не был. Шел с опаской. В слове «бухгалтерия» ему чудилась большая строгая рыба, наподобие камбалы, которая своим телом охраняет фонд заработной Платы. И в самом деле: в бухгалтерии сидела толстая тетя, прикрывая спиной железный сейф. Она выслушала жалобу Андрея Ивановича и объяснила, что несовершеннолетним детям выдавать на руки такие большие деньги не положено. «Пусть придет твой отец, я с ним поговорю». — «У меня нет отца», — ответил Андрей Иванович. «Тогда пусть мать». — «У меня нет матери», — ответил Андрей Иванович. «Значит, ты сирота… — с презрительной жалостью сказала рыба-бухгалтерия и задумалась: куда бы сироту сплавить? — Тогда иди в профком».

В профкоме Андрей Иванович тоже никогда не был. Это слово напоминало ему надутого во-

долаза, который стоял на дне, пускал пузыри и охранял бухгалтерию, которая охраняла фонд заработной платы. Андрей Иванович переплыл коридор и постучался в профсоюзный комитет. Там сидел дядя в полувоенном френче, но Андрей Иванович тогда еще не знал, что такие дяди называются «сталинистами». Дядя потребовал у Андрея Ивановича профсоюзный билет и строго спросил, почему после ремеслухи у него не «оплочены» членские взносы. «А потому, — ответил Андрей Иванович, — что я не могу получить первую зарплату». — «Демагогия, — произнес загадочное слово дядя-сталинист. Пустил колечко дыма и постановил: — Получишь, оплотишь, тогда и приходи».

Андрей Иванович возразил, что получается типичный замкнутый круг, а дядя-сталинист ответил на это, что Андрей Иванович сильно умный и хочет ограбить советское государство… Пока Андрей Иванович так ходил, тетя-бухгалтерия и дядя-сталинист посовещались с комсомольским вожаком и срезали Андрею Ивановичу расценки задним числом — так что получилось, что он заработал денег ровно в семь раз меньше. «У него отец был когда-то врагом народа, — подсказал комсомольский вожак. — Ему и этого хватит».

Тогда Андрей Иванович стал у своего станка и заплакал. Ему было всего пятнадцать лет. Весь цех на него смотрел, даже крысы перестали шуршать и задумались. Но Андрей Иванович плакал последний раз в жизни. В тот день он поклялся у своего первого станка: «Но пасаран! Они через меня не пройдут, эти дяди и тети! Они не будут ездить на мне и оформлять на себя мои рацпредложения. Они мне будут платить сполна из фонда собственного кармана».

С тех пор он сменил более тридцати заводов, объясняет Андрей Иванович, предъявляя царице Тамаре замусоленную трудовую книжку. Эта книжка в два раза толще обычной из-за дополнительных вкладышей, объясняет он. Печати некуда ставить. Сполна расплевавшись с очередным водолазом, он забирал трудовую книжку, переходил через дорогу на соседний завод и говорил в отделе кадров: «Хочу хорошо работать». Что ж, токаря везде нужны. Но везде, как только Андрей Иванович начинал хорошо работать, перед ним, как черт из ведра, возникал очередной Трифон Дормидонтович, из-за которого царица Тамара получила сегодня от Деда строгий выговор. Возникал и не давал работать. «Вы спрашиваете, Тамара Григорьевна, кто же

он такой, этот Трифон Дормидонтович? Вот он идет, собственной персоной! — распаляется Андрей Иванович, указывая трудовой книжкой на забытого всеми Степняка-Енисейского, который возвращается из Дома ученых и опасливо обходит Андрея Ивановича. — Жизнь и деятельность трифонов-дормидонтовичей мне глубоко интересна как типичное явление современности! — гремит Андрей Иванович на все Кузьминки. — Крысы! Они везде — в сельском хозяйстве, в науке, на производстве и так далее. Я их терпеть не могу!»

«Що то з ним? — озабоченно спрашивает полтавский сержант у синей дамы, выглядывая из гостиницы. — Якась політінформація...» — «В милиции трифонымдормидонтовичи тоже есть! — немедленно отвечает Андрей Иванович. — Я это говорю с полной ответственностью от имени рабочего класса, хотя трифонымдормидонтовичи есть и у нас — всякие там передовики соцсоревнования! У меня глубокий антагонизм к трифонамдормидонтовичам! В пятнадцать лет я объявил им войну, но воз и ныне там...»

«Та що з вами? — смеется сержант. — Йдіть до дому з своею жінкою!» — «Не перебивай меня, сержант! — не может остановиться Андрей Иванович. (Похоже, что возбуждение от драки

пришло к нему только сейчас, а я, грешным делом, подумал, что доктор Гланц подлечил Андрея Ивановича медицинским спиртом.) — Ты, сержант, пользуешься испытанным методом трифоновдормидонтовичей — перебиваешь оратора глупыми вопросами. Крылов говорил: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не разгребут». Уж сколько раз твердили миру, а сержанты все равно перебивают!..»

Степняк-Енисейский прячется в логово гостиницы от греха подальше, а царица Тамара, вняв совету сержанта, уводит Андрея Ивановича со сцены в свое однокомнатное гнездышко по ту сторону пустыря с трубой.

Вот, вроде, и все. Наступает последний акт этой обстракции. Сейчас я выключу свет и — с Богом, начну заканчивать… Что я еще не сделал?.. Прячу наган под подушку. Когда за мной придут, ружье должно выстрелить… Что я еще забыл?.. Завещание.

Задергиваю шторы, включаю свет и начинаю искать достойный для завещания клочок бумаги. Все же, за неимением гербовой, на туалетной не пишут… Ничего подходящего не найдя, пишу завещание мелким почерком на листке от 29-го февраля, прямо под новосибирским телефонным номером Президента. Листок найдут на мне и ему доложат, заверять у нотариуса не обязательно.

Пишу, чтобы после моей смерти главным редактором журнала назначили Михаила Федотовича Чернолуцкого, а его заместителем — Олега Павловича Белкина. Веревку у Дроздова забрать, и пусть работает. Пишу, чтобы Павлика отпустили на волю с моим списанным «ЗИМом» впридачу, а мой персональный японский компьютер стоимостью в 12 тысяч инвалютных рублей передали из апартаментов первоиздателя Лыкина в собственность «Науки и мысли». Все остальное — Татьяне. Подчеркиваю телефонный номер и дописываю: «Передать Президенту». Такова моя последняя воля.

Прячу листок в карман, усаживаюсь в кресло и просматриваю статью о зубной боли профессора Енисейского. Как я и предполагал, Дроздов надул-таки Енисейского и проиграл ему в очко забракованный черновик. Придется сидеть и

делать вид, что читаешь журналы. Так надо: сидеть в кресле и делать вид, что тебе интересно читать журналы, хотя в них ничего интересного нет. Насчет жития Перуна в Древней Греции мы уже читали. «Человечество и прогресс» побоку, на нем колбасу резать. Второй, академический, пусть читают академики. Листаю третий журнал, самый легкомысленный, и нахожу в нем переводную статью какого-то графа Водзорда, где высказываются соображения об авторстве и подлинности «Слова о полку Игореве»… Не люблю, когда иностранцы лезут в нашу историю (равно и наших лаптей, лезущих в чужую), но читаю…

В гостинице происходит обустройство на новом месте — носят по коридору чайник с кипятком и наскоро ужинают перед началом ночной развлекательной программы в номере у Татьяны, где доктор Гланц наконец-то согласился провести специально для сотрудников «Науки и мысли» показательный экстрасеанс по вызову из тарелочки нечистой силы… Как дети!.. Меня, конечно, не приглашают, чтобы я из них дураков не сделал. Гланц уже подогрел на свечке общепитовскую тарелку, надеясь, что мои сотрудники будут по стандарту вызывать духов своих бабушек и тени Наполеона, Сталина и Есенина. Зря надеется! Где

там Дроздов с Ашотом? Уж они ему навызывают! Но им сейчас не хватило последней бутылки, и они с расквашенным носом и с подбитым глазом отправились на охоту. Где бы ночью достать бутылку?.. Даже не знаю, что им посоветовать. Ашот в вестибюле пробует соблазнить синюю даму, объясняя ей, почему у нас обложка белая: «Ангелы какого цвета? То-то! Поэтому мы честные, идеальные и неподкупные, хотя за бутылку водки на все готовы. А дьяволы? Их не поймешь, они серо-буро-малиновые, как обложка журнала «Человечество и прогресс». И потому нас быстрее раскупают в привокзальных киосках. Могу за бутылку водки нарисовать ваш портрет!»

Синий чулок его благосклонно слушает, и мне кажется, что Ашот сейчас ближе к цели, чем Дроздов, — тот подбивает полтавского сержанта, который уже ревнует синюю даму к Ашоту, к использованию служебного положения в мирных целях вплоть до взлома ресторанного буфета. Не знаю, не знаю, что у них из этого выйдет, зато этот англичанин-русист, к моему удивлению, пишет свою статью со знанием дела и с полным пониманием русской души, хотя толкует о вещах спорных и деликатных. Такую статью я, пожалуй, опубликовал бы в «Науке и мысли», да простит

меня академик Лихачев. «Слово о полку» — вещь деликатная. Я солидарен с английским графом: он называет «Слово» апокрифом конца восемнадцатого века (хотя его коллега по титулу Лев Николаевич Толстой отзывался о «Слове» еще энергичней. Но, что дозволено Толстому…). Английский граф начинает с извинений. Понятно, что «Слово о полку Игореве» является для русских людей святыней, пишет он. И даже осторожные сомнения в его подлинности воспринимаются как кощунство, хотя безоговорочно доказать подлинность «Слова» можно только находкой второго экземпляра, потому что не доказано даже существование первого…

Не знаю, не знаю… Хотя, по мне, методы этого Мусина-Пушкина из восемнадцатого столетия напоминают приемчики трифоновдормидонтовичей из двадцатого: нашел, издал и потерял. А вы кушайте. «Есть ли жизнь на Марсе?», «Подлинно ли «Слово о полку Игореве?», «Бывал ли Перун в Древней Греции?» — иди, проверь. Впрочем, на Марсе уже проверили…

Что же делать? Граф Водзорд советут искать второй экземпляр «Слова» не в монастырях, не на Севере и не в сибирской тайге, а в Центральном архиве Советской Армии. Англичанин уверен,

что второй экземпляр «Слова» находится именно там. В самом деле, где ему еще прятаться? По меркам двенадцатого столетия «Слово о полку» ко всему прочему было военной реляцией и как военный документ могло сохраниться до петровских времен, угодить в архив Преображенского, например, полка и затеряться там посреди ведомостей о выдаче подштанников. А уж оттуда после революции ему была прямая дорога в Центральный архив Советской Армии, потому что военные архивы пытались сохранить во все времена — даже ведомости о подштанниках…

Пожалуй, все эти рассуждения чересчур остроумны для научной статьи… Я с подозрением перечитываю концовку… Англичанин едва заметно изменил тон, и его совет искать второй экземпляр «Слова о полку Игореве» среди подштанников Преображенского полка отдает мистификацией.

Доктор Гланц пыхтит за стеной, кого-то вызывая. Я заказал бы ему вызвать дух автора «Слова о полку Игореве», и тут собралась бы целая толпа теней-претендентов… Стоп, себе думаю, а не дурак ли я?.. Я внимательно приглядываюсь к фамилии графа Водзорда и, читая ее задом наперед, обнаруживаю подлинную фамилию автора

статьи… Дроздов! Попался, оборотень! Тискаешь статьи в чужих журналах и думаешь, что я тебя не узнаю! А я-то думаю, откуда такие умницы английские графья берутся! Может, когда хочет! Может быть, вычеркнуть из завещания Белкина и вписать в мои заместители Дроздова?

Я выхожу в сумрачный коридор, собираясь спуститься вниз, чтобы в присутствии полтавского сержанта сказать Дроздову несколько добрых слов, а то он в самом деле может что-нибудь над собой сотворить… Иду… Как вдруг слышу на лестнице тяжелые шаги и замираю на месте.

Шаги в полумраке, когда за стеной вызывают духов, — это страшновато. Мне уже чудится появление в коридоре по вызову доктора Гланца какого-нибудь каменного гостя, вроде гранитного памятника одному ревнивому мужу одной веселой вдовы, которая, был грех, приходила ко мне в гости по ночам, когда Татьяна была маленькой. Этот памятник, ростом головы на три выше своего хозяина, торчит на пьедестале в самом центре печенежкинского кладбища, и при мысли, что этот громоотвод приперся в гостиницу, чтобы свести со мной счеты, у меня начинается сильное

сердцебиение… Я прижимаюсь спиной к стене прямо под огнетушителем. Покойник был у нас начальником отдела кадров после милейшего Луки Феодосьевича и очень не уважал меня за то, что я не выпивал с ним, не считался с его мнением и приводил устраиваться на работу каких-то отсидевших подозрительных личностей. Ну и, наверно, остался очень недовольным из-за того, что его не похоронили на мемориальном кладбище.

Но шаги все ближе… О ужас!.. В полумрачный коридор входит зеленоватая фигура с черными лапами и в круглом сверкающем головном уборе. Фигура, не размышляя, направляется к моему прежнему номеру — туда, где окно выбито… Это за мной!.. Дождался!.. Допрыгался!.. Таинственная фигура прислушивается перед моей бывшей дверью и глухо стучит в нее согнутым черным когтем…

Фигура, наверно, думает, что я там, но ей никто не отвечает, потому что я торчу здесь, как подставка под огнетушителем. Вот он я! Но фигура не замечает меня. Она сдирает с правой лапы черную кожу, прикладывает ухо к двери и стучит позвонче: тук, тук, тук… Ей опять никто не отвечает. Меня там нет, уж я-то знаю!.. Там раму

вынесли… Фигура сдирает кожу с левой лапы, сует обе кожи в карман и уходит из коридора, пробивая мягкий ковер тяжелыми шагами.

Только теперь со спины я узнаю Космонавта. Так, тяжело ступая, он, наверно, бродил по Марсу и пугал своим скафандром марсианских ворон, — но здесь, в сумрачном коридоре, его новенькая генеральская форма выглядит попричудливее марсианского скафандра — на ней все блестит: погоны, пуговицы в два ряда, бляха на фуражке и лакированный козырек.

Ну, напугал… Я с сердцебиением возвращаюсь в номер, сожалея, что разрешил Софе извести на ревизора всю бутылку дроздовского коньяка. Двадцать капель мне сейчас не помешали бы… Валюсь в кресло и начинаю размышлять. Появление марсианина очень странно — час назад он уехал в Москву с телевизионщиками, а сейчас скрытно вернулся и постучал в мой номер… В коридоре опять шаги… Он разузнал у дежурной дамы, в какой номер меня перевели, и сейчас войдет ко мне. Кто он такой?.. Я бегу к подушке, сую наган в карман пиджака, возвращаюсь в кресло и хватаю журнал. Откуда столько прыти взялось… Так и до инфаркта недолго… В дверь тихонько стучат. Что ему от меня нужно?

«Входите!» Марсианин входит. Я гляжу ему в лицо, ожидая, что сейчас раскроется его настоящая сущность — полезут клыки, рога и все остальное, что ЕМУ по рангу положено.

«Вы не спите, Юрий Васильевич?» — «Как видите. Я думал, что вы уехали». — «Уехал, а потом вернулся. Хочу с вами поговорить». — «Раздевайтесь».

Марсианин достает из шинели бутылку водки, ставит ее на стол и цепляет шинель на вешалку. Собирается сесть в кресло напротив меня, но шинель, как подбитая птица, срывается с вешалки и падает на пол. «Шнурок оборвался, — огорчается марсианин, отряхивает шинель и цепляет ее на вешалку прямо за воротник. — Шьют, мастера! Даже генеральскую шинель толком не умеют...» Он не успевает договорить — на этот раз обрушивается вся вешалка вместе с моим пальто и шинелью. Марсианин в полной растерянности разводит руками: «Делают, мастера!» «Бросьте на постель. На Марсе, наверно, за такую халтуру дали бы по рукам?» — «По морде», — отвечает марсианин с интонацией Андрея Ивановича Тронько.

Наконец пальто и шинель устраиваются на постели. Я готов внимательно слушать.

«Разрешите мне выпить для храбрости?» — спрашивает марсианин, углядывая на подоконнике граненый гостиничный стакан. — «Пейте, но закусывать нечем». — «У меня есть. — Он достает из шинели луковицу и плавленый сырок. — Газетку бы подстелить…» — «А вот журналы! Вот, прямо на «Человечестве и прогрессе»! Сделайте одолжение!» Марсианин зубами открывает водочную шляпку с козырьком и нарезает луковицу прямо на «Человечестве и прогрессе».

«Где вы ночью-то водку раздобыли?» — «Ну уж… Было бы удивительно, если бы ночью на Руси сообразительный человек не достал выпивки. Это ж вам не на Марсе… — Марсианин прислушивается. — Что они там делают?» — «Сталина вызывают». — «А я-то думаю… Что-то бормочут…» — Марсианин наливает полстакана и лихо дует. С хрустом жует лук. «А почему для храбрости? Разве я такой страшный?» — «Вы? Да. Нет… В чем-то, может быть, страшный, пока не разобрал. Это мне страшно. — Решается: — Короче, как вы посмотрите на то, если я попрошу руки вашей внучки?»

Я, конечно, удивлен таким оборотом, хотя всегда знал, что Татьяна способна с первого взгляда сводить с ума любых мужчин, даже настоящих.

«Я посмотрю на это с удовольствием, но при чем тут я?» — «К ней я уже обращался. По всей форме, с отданием чести. Знаете, какой ответ получил? Она ответила так: «О, еще один!» — «И вы, конечно, обиделись?» — «Нет. Она объяснила, что не может принять мое предложение, потому что завтра состоится рыцарский турнир за право обладания ею. Утром в спортивном зале она сыграет в теннис с любым желающим. Кто у нее выиграет, тот станет ее мужем. И внесла меня в список претендентов. Под восьмым номером. Так и сказала: «Ваш номер восемь». — «Психопатка. И вы обиделись?» — «Обиделся и уехал. Но по дороге передумал. Вышел у переезда, купил у обходчика бутылку и пошел обратно». — «Да, это вам не на Марс слетать… Налейте мне двадцать капель».

Космонавт наливает мне на палец водки, я делаю маленький глоток, ставлю стакан на стол и взглядом отодвигаю его к марсианину. Тот не удивляется. Знает он эти фокусы: ножи-вилки взглядом гнем!

«Вам на Марсе не приходилось бывать? — спрашивает он, ненароком поднимает взглядом бутылку и доливает стакан до половины. — Я почему спрашиваю… Я не удивился, если бы встретил вас на Марсе. Ну, вы меня понимаете,

да?» — «Понимаю. Думаю, у вас много шансов выиграть у Татьяны в теннис, хотя она кандидат в мастера. Она вам поддастся и этим выразит свое согласие». — «Из-за того, что я — генерал?» — «Нет… Фи, генеральша! Из-за того, что вы — марсианин. В том смысле, о чем вы говорили». — «Вы мне советуете принять завтра участие в этих скачках?» — «Рекомендую. Тем более, что претендентов, кроме вас, не будет. Просто Татьяна таким способом пригласила вас завтра поиграть в теннис. Она стеснительная».

Космонавт опрокидывает в себя вторые полстакана, хрустит луком и задумчиво сдирает с сырка фольгу. «Вы пьете?» — спрашиваю я. «Иногда. И равнодушно». — «Так и надо. Ну-с, как там дела у нас на Марсе? Нет, я читал ваши интервью, но у вас, наверно, есть личные впечатления?» — «Есть. Сокровенные». — «В двух словах, для меня…» — «Ржаво, — отвечает Космонавт и разламывает сырок на две части. — Ржаво там у нас на Марсе. Ваша внучка сказала бы: «Оранжево». Ржавая пыль и камни. На фотографиях красиво, в натуре — глупо. Смотришь по сторонам — на зубах хрустит. Нечего там делать. Чувствуешь себя там полным дураком. Хотя, конечно, — родина». — «Зря летали?» — «Нет. Один раз стоило взглянуть.

И достаточно. А разок надо было слетать, чтобы избавиться от мифа». — Космонавт с аппетитом жует свою часть сырка.

«Как вы сказали? От мифа?.. Да, да, не объясняйте, я понял».

Я понял: надо избавляться от мифов. Жизнь на Марсе — это очередной миф Древней Греции. Надо избавляться от старых мифов и не создавать новых… Чу! В коридоре опять шаги. Опять доктор Гланц кого-то вызвал. Опять кто-то проходит мимо и стучится в дверь моего прежнего номера… Меня там нет!

«Это, наверно, к вам. Вы кого-нибудь ожидаете?» — спрашивает марсианин.

Я отвечаю: «Скажите там, что я сейчас занят». Марсианин выходит и возвращается: «Какой-то старичок». — «Ушел?» — «Испугался и просил передать, что потом зайдет. Меня многие пугаются». — «Так и надо. Старикашки должны бояться марсиан. Налейте мне еще… Самую малость… А теперь избавьте меня от еще одного мифа. Кто все-таки первым ступил на Марс — вы или Харрисон?» «Вдвоем», — смеется марсианин.

«Но этого не могло быть — из шлюза на грунт кто-то все-таки вылез первым». — «Первыми вышли на Марс мы с Харрисоном. Мы с ним решили

отвечать именно так. Хотите подробности? Мы умышленно нарушили программу в этом пункте. Понимаете ли, после посадки нам надлежало вскрыть конверт и узнать, кому первому предписано выходить. Это на Земле так решили, чтобы в полете не возникало зависти. А мы с Харрисоном решили наоборот: приоритета не будет, и первого человека, ступившего на Марс, тоже не будет. Понимаете? Конверт уничтожили, не распечатывая. Потом подбросили монетку, и один из нас вышел на грунт. Потоптался. Через десять секунд к нему спустился второй. Только тогда мы включили телекамеры. Конечно, мы схлопотали выговор из Центра Управления Полетом, зато поступили справедливо».

«Монетка какая была?» — «Не понял».» — «Наша или американская?» — «Десять центов. Я с собой деньги не брал, а Харрисон взял горсть мелочи… на счастье». — «А вы что взяли на счастье?» — «Перед выходом надел тельняшку». — «А, ну да… Военно-морская авиация?» — «Точно. Меня теперь все спрашивают, как я отреагирую, если Харрисон вдруг объявит, что первым на Марс вышел именно он?» — «Это невозможно». — «Вы сразу поняли, а не-марсиане не понимают. Я объясняю, что они тут на Земле попривыкли, а там

все очень просто. Там нет разницы между словом и делом. Не понимают. Там слово и дело едины, объясняю. Как пространство и время. Сказал — сделал. Если мы говорим, что вышли на Марс вдвоем — значит, так оно и есть».

Марсианин немного осовел. Чтобы сравняться с ним, я делаю полный глоток и закусываю сырком с луком… Слезы из глаз… Марсианин одобрительно наблюдает. За стеной бормочет доктор Гланц, но Сталин никак не появляется… Все-таки я считал, что мои сотрудники умные люди, а они…

«Еще меня спрашивают, не наблюдались ли в экспедиции какие-нибудь таинственные явления», — говорит марсианин. «А вы что на это?» — У меня в шарике все поплыло, поплыло… «Могу рассказать, но при одном условии… Отдайте наган!» — «Нет уж, товарищ генерал». — «Тогда я сам возьму!» — «Не забывайтесь, молодой человек!» — «Я возьму! — угрожает марсианин. — Он у вас под подушкой!» — «Что ж!»

Марсианин решительно встает, откидывает подушку и остается с носом. «Нюх подвел», — комментирует он, возвращаясь в кресло. «Пить надо меньше». — «Нет, это луком отшибло», — «Давайте свою таинственную историю». — «Но чтобы, понимаете, между нами». — «Могила».

«Это таинственное явление обнаружилось при подлете к Венере, — начинает рассказывать марсианин. — Дело в том, что нам на всякий случай разрешили взять в экспедицию немного спирта…» — «Для внутреннего употребления?!» — с восхищением перебиваю я. «Да, в лечебных целях. Емкость была небольшая — зеленая опечатанная бутылка. Там разгуляться не дадут. Так вот, все шло по программе. Бутылка стояла себе в аптечке, а мы подлетали к Венере, чтобы от нее с ускорением повернуть к Марсу. Через Венеру к Марсу иногда ближе…» — Космонавт наглядно показывает этот маневр между стаканом и бутылкой. «Я в курсе». — «А я, пожалуй, еще выпью…» — Космонавт сгребает бутылку в кулак и наливает полстакана. «Вы не устанете? Завтра у вас ответственная игра», — напоминаю я.

«Ничего. Главное: равнодушно… Так вот… Любой из нас мог воспользоваться этим спиртом как лекарством и никого не извещать. Но о спирте никто из нас не думал, потому что там как-то странно думать об этом деле… — Космонавт щелкает пальцем по горлу. — Там черт знает о чем иногда думаешь, но только не об этом. Так вот… Однажды я погнался за непривязанным бортжурналом, тот залетел в аптечку, и я обнаружил, что

спирта в бутылке убавилось. Значит, кто-то из ребят подлечился, подумал я. Еще через сутки мы сбросили на Венеру зонд, а второй заклинило, и мне выпало работать снаружи часов пять без передышки… Наконец, я не выдержал, схватил кувалду… да, да, был у нас и такой инструмент… и зонд отделился. Я его еще ногой отпихнул и подумал: а не выпить ли мне для бодрости двадцать капель?

Только потом я понял, что пить мне совсем не хотелось, но во мне уже сидел мелкий бес подозрения. Маленький такой бесенок. В общем, заглянул в бутылку… Так и есть! Уровень спирта опять понизился!.. И началось! Подозрения хуже отравы. Тут мы к Марсу поворачиваем, дел невпроворот, времени нет, а я о чем думаю? О спирте. Ну, облетели Венеру, повернули, а я опять туда… инспектировать бутылку. Мать моя родная! За два дня спирта убавилось ровно на треть! Кто-то причастился, да так, что концов не найдешь! «Кто из них? — мучительно гадал я. — Харрисон? Брэдли? Или мой лучший друг Николай Дашкиев? Все они, как смурные мухи, по стенам ползают и волками смотрят. Может быть, они втроем пьют и меня не приглашают?»

«Чувствую, начинаю звереть, — продолжает

Космонавт. — Пока я сплю, кто-то пьет! Меня не уважают! С кем я на Марс лечу?! С какими-то подзаборными алкоголиками! Сегодня жрут неразбавленный спирт на борту космического корабля, а завтра что? Марихуану на Марсе?! И вот когда бесенок моего подозрения вымахал в громадного пса коммунально-квартирного скандалиста, я сказал себе: «Стоп! А кто Я такой? А не дурак ли я? Тут что-то не так… Первая марсианская экспедиция не должна закончиться катастрофой из-за бутылки спирта. Стоп! Человеческая природа, конечно, противоречива, и на корабле возникла отвратительная психологическая ситуация, — а что может быть оскорбительнее для мужиков и ковбоев, если кто-то из них втихомолку пьет, и все подозревают друг друга? — но я не могу поверить, чтобы кто-нибудь из нас тайком потягивал этот паршивый спирт, потому что мы здесь не просто человеки, а как бы представители человечества. Тут что-то не так!»

И тогда мы созвали профсоюзное собрание. Устроились на потолке и начали митинговать. На повестке дня один вопрос: «Кто пьет?» Пусть честно признается, ему за это ничего не будет. Американцы божатся, мы с Колей клянемся, что никто к бутылке не прикасался. Проверяем

бутылку, а она уже пуста! Мы верим друг другу, но не можем понять, куда исчезает спирт. Мы перебираем все мыслимые варианты, вплоть до пробития бутылки микроскопическим метеоритом, и все немыслимые, вплоть до присутствия на корабле пьющей нечистой силы, как вдруг американцы начинают, что называется, ржать… Совсем как эти… Что это с ними?»

За стеной в Танькиной комнате ржут истерическим первобытным смехом. «Навызывались, — объясняю я. — Вызывали Сталина, а явился Степняк-Енисейский». «Пойду, взгляну…» — марсианин выходит и вскоре возвращается, вводя в номер перепуганного Енисейского. Опять он не в ту дверь попал… «У него коньяк есть», — сообщает Космонавт. Енисейский суетливо ставит на стол бутылку армянского. «А закусить?» — строго спрашиваю я. Из енисейского дипломата с готовностью появляется полпалки копченой колбасы, от ее запаха у меня начинает течь слюна, как у собаки Павлова.

Марсианин тоже принюхивается. «Откуда вы взяли, что здесь с вами кто-то будет пить и закусывать?» — спрашиваю я.

Енисейский конфузится. Марсианин пытается телепатировать: «Юрий Васильевич, что вы

задумали? Кто этот старикашка?» «Мой личный Трифон Дормидонтович», — как можно отчетливее отвечаю я. «Отдайте наган! Зачем вам оружие? Вы даже не умеете им пользоваться». — «А что тут уметь? Вставил патрон, и русская рулетка готова». Передача у марсианина получается неплохо, а вот с приемом у него худо. Из моих ответов он уловил лишь образ патрона в наганной каморе.

«Кто же все-таки на корабле выпил спирт?» — вслух спрашиваю я.

«Сама бутылка, — отвечает марсианин. — Фирма «Кока-кола» поставляла для экспедиции напитки и подсунула бутылку с поршнем и с двойным дном. Известный розыгрыш: вытягиваешь пробку, поршень срабатывает, бутылка пуста. А в невесомости поршень сработал, не дожидаясь открытия бутылки. За этот фокус фирма уплатила крупный штраф, но реклама, реклама!..» — Марсианин добывает сигарету и взглядом обращается к Енисейскому: «У вас спички есть?» В этом взгляде настоятельный совет: «Убирайся отсюда, пока цел!», но Енисейский не слышит, нет. Он давно потерял нюх. Он типичный не хомо сапиенс сапиенс.

Я взглядом зажигаю марсианину сигарету. Тот поражен. «Идите спать, товарищ генерал. У вас

утром игра, а мне до утра все равно не дожить».

«Пойду спать, пожалуй», — говорит он, надевает шинель, и я наконец остаюсь наедине со своим личным Трифоном Дормидонтовичем.

Трифоны Дормидонтовичи бывают разные. Этот, например, похож на меня — лоб, лысина, седая бороденка. Мы с ним в каком-то смысле двойники, хотя это уже похоже на литературщину. Но все-таки в каждом из нас сидит свой Трифон Дормидонтович и норовит, норовит, норовит… Думаю, у каждого крупного ученого есть свой собственный Трифон Дормидонтович, множество Трифонов Дормидонтовичей. Биографии наших крупных ученых, в общем, схожи: образование в Москве или в Ленинграде, потом галопом по Европам и Сорбоннам, и, наконец, мозговая изнурительная работа до конца жизни — работа, сопровождаемая доносами и анонимками, прерываемая руганью с правительством, арестами, инфарктами, расстрелами (ну, не расстреляют, так доведут до самоубийства или, в лучшем случае, зашлют к черту на рога), работа, увенчанная, наконец, никому не нужным бессмертием, — биографии наших крупных ученых,

как крик души: «Вот дураков-то!» (Мои мысли заплетаются, я не пил водку уйму лет, я пьян, что ж, тем лучше.)

Взять, к примеру, вот этого… Он сидит передо мной — этакий старенький, внушаемый, подобострастный и больной раком Трифон Дормидонтович. Жалко старичка. Прибыл на покаяние, принес мне на лапу бутылку коньяка. Подсуетился, значит. Решил душу почистить и мне продать. Чтобы я его выслушал, понял, простил. Сейчас начнет рассказывать биографию.

«Не открывайте коньяк, тут водка осталась», — говор я ему. «Мне нельзя». — «Пейте! Сейчас мы водку допьем и сыграем в одну игру. В нее трезвыми не играют».

Пьет беспрекословно… Не нужна мне его биография, я ее знаю. Все Трифоны Дормидонтовичи многостаночники, вроде лучших представителей Ренессанса, но наоборот. Бутафорские бутылки с водой вместо спирта. Ну их к лешему! Не имеет никакого значения, кто их родители, — отец ли рабочий макаронной фабрики, прадед ли крепостник, бабушка ли сестра милосердия. Андрей Иванович прав: они везде отовсюду. В медицине, в литературе, в шахматах. В биологии — классический случай. В песнях для эстрады. В

геологоразведке — почему так долго нефть искали? То-то. Они вне национальности: Сталин кем был? Трифоном Дормидонтовичем…

«Вы лобзиком не выпиливали в детстве? — спрашиваю я Енисейского. — Ажурные такие полочки?» — «И это тоже». — «Закусывайте».

Ест. Кушает с аппетитом. От запаха колбасы я опять поплыл, поплыл… Этот человек прожил плохую, бесчестную жизнь. Что хотел, то воротил. Врал, доносил, ни во что не верил, друзей не имел, без выгоды хороших дел не делал. Ну, однажды случайно посадил деревце в пионерском лагере имени Павлика Морозова в порядке шефской помощи от Академии наук. Жил-был, как хвать — рак! Всю жизнь считал, что держит Бога за бороду, и вдруг к своему ужасу обнаружил, что держится за кисточку дьявольского хвоста. С кем не бывает… Пришло время задуматься о душе, а душа, такое дело… невнятное. Но очень уж, сверх меры, не хочется помирать. Хочется какого-нибудь эликсира молодости или черт-те чего… Какого-нибудь чуда, чтобы прожить еще, хотя бы одну, жизнь. Такую же плохую. О качестве мы не помышляем. Но взять-то откуда? Не Фауст… Далеко-далеко не Фауст, а простой себе Трифон Дормидонтович. Мефистофель к нему не придет,

на хрена ему такая душа? И тогда огляделся он, значит, по сторонам на предмет спасения души, увидел меня и решил примазаться…

«Теперь мне налейте». Пью. Мне сегодня все можно. Как сказано в священном писании: лучше уж от водки, чем от скуки… Не закусываю…

В общем, взглянул на меня Степняк-Енисейский и понял, что всю свою жизнь занимался ерундой, гоняясь за всякими благами, потому что ЕДИНСТВЕННОГО И ОКОНЧАТЕЛЬНОГО БЛАГА, которое имеет настоящую цену, у него-то и нет. И решил он ко мне примазаться. Приобщиться. Я ему сейчас могу и в морду плюнуть, и в окно выбросить, и ботинки заставить целовать, — он и морду подставит, и в дверь вернется, и ботинки вылижет. Главное — приобщиться. Чтобы я за него ТАМ замолвил словечко. Хоть самое поганое. Чтоб ему хотя бы на круги попасть, — а то вообще никуда. Ко всему можно привыкнуть, но только не к тому, что тебя нигде нет.

«Допивайте»… Глупо это или не глупо, физика это или метафизика, раздвоение ли это личности, игра ли воображения, флуктуации ли моего склеротического ума, — но Степняк-Енисейский, преследовавший меня всю жизнь, сегодня наконец объявился, и я теперь от него не отделаюсь:

он добился своего, статья не будет опубликована, зато мы с ним выясним отношения другим способом…

«Подкрепились?» Я вытаскиваю наган и кладу его на стол у бутылки коньяка. «Я предполагал, что произойдет что-то подобное», — бормочет он. «Правила рулетки знаете?» — «Я эту игру однажды наблюдал живьем». — «Где?» — «В лагере». — «Вы что, сидели?» — «Не совсем чтобы «сидел». Мне надо было исчезнуть на год по семейным обстоятельствам. Иначе было бы хуже. Со знакомым следователем договорился. Он меня на допросы вызывал, и вместо того чтобы мне зубы выбивать, я ему зубы лечил. А потом в лагерях начальству. Там же свой первый фантастический роман написал, отдохнул. Вернулся полностью реабилитированным…»

«Понятно. Играть будете?» — «Если это единственное условие…» — «Это ваш единственный шанс примазаться к ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ БЛАГУ». — «Играем!» — «В барабане один патрон. Делаем по три попытки. Если обоим повезет, — седьмую в потолок». — «Кому начинать?» — «У вас пятак есть?» — «У меня есть то, что надо для этого случая», — Енисейский вытаскивает из нагрудного кармана серебряный рубль московской

олимпиады. Для этого дела я, конечно, предпочел бы рубль с барельефом Менделеева или Циолковского, но и олимпийский тоже не плох…

«Орел». — «Решка». — «Швыряйте». Енисейский подбрасывает рубль, но тот скатывается по столу на пол. — «Повторить?» — «Не надо». — «Вам первому». — «Прокрутите барабан».

Енисейский проводит ладонью по барабану и передает наган мне. Я взвожу курок, приставляю дуло к виску и нажимаю.

В голове раздается звонкий щелчок, но небо не падает. Кладу наган на «Человечество и прогресс».

«Значит, если патрон находится в седьмой каморе…» — «Тогда повезет обоим». — «Полшанса против трех остаться в живых, — подсчитывает Енисейский. — Жестоко».

Он приставляет наган к виску и нажимает на курок.

Он хорошо держится, лицо спокойно… Моя очередь. Шансов мало. Интересно, боюсь я или не боюсь проткнуть свой воздушный шарик? Снесет ведь череп, и мозги по стенке… Нажимаю. Щелчок. Пусто.

Я слышу свой голос: «Ладно, достаточно, черт с вами. Глупо все это». — «Нет, почему же «черт

со мной»? — с достоинством отвечает Енисейский. — Я свой выстрел сделаю, и тогда прекратим, если вы хотите».

Он целит себе в лоб… Я зажмуриваю правый глаз. Щелчок.

«Вы удовлетворены?» — слышу я голос Енисейского. «Да. Прекратили». — «Значит, ничья, — улыбается он. — На вас лица нет… Вот что значит воображение! Вы так побледнели, будто наган в самом деле заряжен».

Так вот почему он не боится! Он же нюх потерял, он думает, что я с ним шутки шучу!

Я хватаю наган и щелкаю в потолок пятый, свой, выстрел. Осечка. Я взвожу и нажимаю курок в шестой раз…

Сила отдачи рвет наган из пальцев, выворачивая запястье. Свет гаснет, люстра прострелена, пуля рикошетирует от бетонного перекрытия, раскраивает бутылку коньяка и вонзается в стол между мной и оглушенным профессором. На выстрел сбегается вся гостиница, но переполох уже позади. Наган конфискован полтавским сержантом, а Енисейского с признаками инфаркта утащили вниз санитары, и сейчас доктор Гланц ведет борьбу за его жизнь. Профессор думал, что наган пустой и что я с ним шутку шучу в условиях

гласности и демократии.

Мои склерозные шарики после выпитой водки размягчились, и я сплю, уложив забинтованную руку поверх одеяла. В номере приятно пахнет порохом с примесью коньяка и с отзвуком копченой колбасы. Татьяна подтерла коньячную лужу и, решив, что уж до утра я успокоился, увела марсианина в свой номер. Все правильно, где же ему еще спать?

Мне тепло, хорошо. Затмение Марса давно закончилось, и звезды глядят в открытую форточку сотнями глаз. Я чувствую ЕГО присутствие. Говорят, что у Ангела Смерти сотни глаз, и если после ЕГО посещения человек остается жить, то душа этого человека получает всевидение. ЕМУ там холодно, за окном. Я вызываю ЕГО. Это делается просто, без всякой тарелочки — надо ЕГО почувствовать, открыть форточку и сказать: «Заходи!»

Жду… На форточку, хлопая крыльями, усаживается худая ворона. Одним глазом она настороженно поглядывает на меня, другим — на серебряный олимпийский рубль. Обычная, серая с черным, февральская ворона. «Заходи, не стесняйся», — приглашаю я.

Ворона, примерившись и шевельнув занавеской, спрыгивает с форточки на подоконник, с

подоконника — на пол и, царапая коготками паркет, шагает под стол. Там она долго шебуршится, клюет олимпийский рубль, пыхтит и наконец выбирается из-под стола, превратившись в этакую фигуру без лица с позолоченными усами, в черной хламиде до пят и с пустыми рукавами.

«Що ж вы робите, товариш? — говорит эта фигура голосом полтавского сержанта. — Стріляєте серед ночі в готелі! Негайно віддайте зброю! Що ж це таке? Люди сплять!»

Фигура запускает рукав за спину и снимает с лопаток серые гусиные крылышки. «Кто же так стреляет? — сердито спрашивает фигура голосом швейцара Нафталиныча и раскладывает свои крылышки на едва теплой отопительной батарее. Потом принюхивается и произносит трагическим шепотом: — И коньяк разбили! Кто ж так стреляет? Ты мне всю программу испортил! Шестой выстрел! Шестой выстрел кому предназначался? Профессору! А ты пошел на попятную, и теперь у него инфаркт… Всего-навсего! Что я теперь ЕМУ скажу?»

Я хочу пошевелиться, но фигура предупреждает голосом Президента Академии: «Ты спи, спи, молчи. Думай, что спишь. Значит, ты чистеньким хотел остаться? Всю жизнь руки мыл,

а профессор за тебя отдувался? И брал, и давал, и врал, и тебя уравновешивал. Зло равно добру. Добро равно злу. Понял? Если ты чистенький, то кто-то непременно должен быть настолько же грязненьким. Иначе без равновесия поезда сойдут с рельсов, люди — с ума, планеты — с орбит, а физические постоянные превратятся в постоянно переменные, — а это конец Вселенной… Что же ЕМУ сказать? — с досадой повторяет фигура голосом Михалфедотыча. — Понимаешь ли, ОН там, у нас, журнал издавать надумал. Вроде твоего, но с противоположным направлением, для равновесия. Простой, кондовый такой журнал, без затей. Даже придумал название: «АНУКА И ЖИСТЬ». А главным редактором этой самой «АНУКИ» решил назначить профессора Енисейского! — спешит доложить голос Оли Белкина. — А ты все испортил! — Фигура опять принюхивается и объявляет дроздовским баритоном: — Да ты, брат, напился!»

Фигура усаживается в кресло на мой пиджак, щелчками подкидывает олимпийский рубль и размышляет на все голоса: «Что же мне теперь делать?.. Вариант с инфарктом ЕМУ не подходит. Нужен выстрел в висок, и чтобы мозги по стенке. Иначе «АНУКИ» не получится. Кого же теперь

предложить ЕМУ в главные редакторы?... Задачка». — «Может быть, я подойду для этой вашей «АНУКИ»?» — несмело предлагаю я свою кандидатуру. «Тебе что, жить надоело? — с интересом спрашивает фигура. — Не отвечай, я подумаю. Ты спи, спи».

Монета мерно взлетает, помахивая серебряными ребрышками, и опускается, злетает и опускается, а за стеной стонут и возятся марсианин с Татьяной. Они так долго друг друга ждали, что забыли про звукоизоляцию.

«Дело молодое, — ухмыляясь, комментирует фигура. — У них жизнь впереди, а ты куда спешишь? В общем, если жить тебе надоело, могу твоему горю помочь. Могу замолвить за тебя словечко. ОН тебе жизненный срок скостит, ЕМУ главный редактор позарез нужен». — «А срок-то большой?» — «Жить устанешь и со счету собьешься». — «Что ж... Я, пожалуй... Но с одним условием...» — «ЕМУ условий никто не ставит. Не произноси это слово. Лучше скажи так: «с одним последним желанием». Он это любит. Понял? Давай свое желание. Но чтоб без нарушения равновесия и мировой гармонии». — «Хочу после смерти воскреснуть на один день».

«Вполне скромное желание... — размышляет

фигура. — Все в его силах, но уточни — зачем?» — «Хочу ровно через год в этот день вернуться й взглянуть: что стало с журналом?» — «За журнал беспокоишься? За дальнейшее развитие фундаментальной науки? За общественное болеешь? ЕМУ это не понравится. Не поймет. За себя, за себя проси. А за журнал не беспокойся — мы его ТАМ выписываем».

«Хочу ровно через год в этот день появиться на годовщине собственной смерти. И получить от этого личное удовольствие».

«О! — восклицает фигура. — Хорошо сформулировал! Это уже кое-что. С таким последним желанием можно входить для доклада. — Фигура неожиданно меняет тему и спрашивает просящим дроздовским голосом: — Ты не знаешь, где тут ночью можно водку достать?» — «У обходчика на переезде». — «Понял, спасибо. Я этот рубль себе заберу, не возражаешь? Все равно на полу валяется. Но ты ЕМУ об этом рубле не говори, у НЕГО с этим строго».

Фигура зевает и ощупывает на батарее свои крылышки: «Не высохли… Время еще есть, могу удовлетворить твои общественные устремления. Какие научные вопросы тебя интересуют? Тайны бытия какие? Что тут у вас неотложного? Ну, о

рецепте эликсира молодости и об устройстве управляемого термоядерного реактора ты у НЕГО сам спросишь, а вот насчет Атлантиды, летающих тарелок и тунгусского метеорита — могу удовлетворить твое любопытство. Спрашивайте — отвечаем».

«Кто автор «Слова о полку Игореве»?» — спрашиваю я. «Змей Горыныч, — не задумываясь отвечает фигура. — Шучу. Каков вопрос, таков ответ. Ладно, я тебе подскажу, что нужно спросить. Самый важный вопрос, от которого зависит нормальная эволюция человечества, звучит так: «Почему вымерли динозавры?» Объясняю. Кроме мутаций и естественного отбора, существует третий тайный эволюционный фактор, о котором великие эволюционисты предпочитали умалчивать из соображений приличия. Этот фактор условно называется «всплыванием дерьма». Дело в том, что любой род, вид или популяция, не позаботившиеся должным образом о собственном дерьме, в конце концов влазят в него по уши. Те же динозавры вымерли из-за того, что своим дерьмом изменили структуру почвы и задохнулись в миазмах собственных выделений. Они только жрали и делали противоположное. (Материки потому-то и приобрели современ-

ный вид, что разъехались под тяжестью дерьма динозавров, — в этом, кстати, великая разгадка механизма передвижения тектонических плит.) Хотя в биологической эволюции фактор «всплывания дерьма» занимает третье место, зато в общественном развитии его роль повышается, и он иногда выходит на первое место, обгоняя даже классовый антагонизм. Дерьмо имеет свойство не тонуть, плыть по течению и вонять, когда его трогают. Оно также имеет опаснейшую тенденцию заполнять разные ямки, лунки, трещинки и прочие удобные местечки, нивелируя таким образом окружающую среду. Почему до сих пор не удалось создать идеальное счастливое общество? Да потому, что если подразумевать под словом «дерьмо» известный сорт людей, то процесс их всплывания чрезвычайно трудно контролировать. Их не сразу распознаешь. Они не трудолюбивы, но деятельны. Не добры, но отзывчивы. Не умны, но хитры, и так далее. Приглядевшись и принюхавшись, восклицаешь: «Ба, да ведь это дерьмо!» — начинаешь мыть, чистить и дезинфицировать, но не успеваешь оглянуться, как то же местечко уже заполнилось новым хитрым, деятельным и отзывчивым. И потому, пусть каждый человек очищает авгиевы конюшни соб-

ственного огорода, как говорил Вольтер, — а он знал толк в эволюции. Люблю об этом порассуждать, но ты меня обрывай. Мне пора. Ты спи, а я сейчас с НИМ посоветуюсь и вернусь. Я недолго».

Фигура устремляется к форточке. «Крылья забыл!» — кричу я. «Пусть сушатся. Это так… Бутафория», — отвечает фигура, выдуваясь в форточку.

Лежу, сплю, жду… Фигура возвращается с бутылкой водки под мышкой. «Поздравляю! Можно. Разрешил. Прежний твой жизненный срок зачеркнул и самолично вписал новую судьбу. Сейчас я заправлюсь и отправимся. Все будет безболезненно, не бойся».

«А ОН слово сдержит?» — спрашиваю я. «У НЕГО без обману». — «Хотелось бы договор подписать…» — «У НЕГО без бумажек. Это тебе не издательство». — Фигура пытается содрать с бутылки «белую головку», но безуспешно. — «А если ОН слово не сдержит?» — Фигура ухмыляется и вышибает «белую головку» ударом пустого рукава. — «Ну, предположим, теоретически».

«Если теоретически не сдержит… — задумывается фигура и маленьким глоточком осторожно пробует водку. — Если не сдержит, тогда ОН потеряет право на твою эту самую…» — «Душу?»

— «Это слово не произносим. — Фигура одним громадным глотком засасывает в себя всю водку и грустно произносит дроздовским голосом: — Что-то во мне заело… Обходчик, подлец, за водку четвертной требует, а я ему серебряный рубль сую. Он на меня посмотрел, "понял", закричал, побежал, водку в сугроб выбросил… Так вот. Пойдем, что ли?»

«Куда пойдем? — усмехаюсь я. — Вот я ЕГО и надул. ОН свое слово никак не сдержит». — «Это почему?» — Ровно через год именно в этот день ОН меня воскресить не сможет». — «Как так?!» — удивляется фигура, а я показываю ей на листок от 29 февраля.

«Уел! — хохочет фигура голосом моего учителя академика Эн. — Уел! Ой, не могу! Обвел вокруг пальца! — От смеха с его усов сползает позолота. Он вытирает усы и слезы: — Ты не смотри, что я смеюсь, тут не до смеха. ОН нам обоим за это знаешь какой фитиль может вставить? На всю вечность хватит. С тобой серьезно, а ты позволяешь себе какой-то базар-вокзал! Я тебе помочь хотел, думал, что тебе жить надоело, а ты… Обманул! Кого? САМОГО! Несолидно! ОН узнает и плюнет. Чего же ты хочешь, спросит ОН. Хочешь жить? Живи. Но не обманывай! Как Чехов сказал:

дави в себе швейцара. Стыдно! Боюсь, я ЕМУ доложу, и бросит ОН тебя на произвол судьбы безо всякой программы».

«У НЕГО и такая графа есть?» — удивляюсь я. «Есть, — подтверждает фигура и впервые глядит на меня сотнями глаз. — Есть такая графа. Так и называется: «бросить на произвол судьбы». — «Как будет, так и будет? — дрожа, уточняю я. — Без программы? А эта… моя душа?» — «Вернется», — отвечает Ангел Смерти.

Татьяна с марсианином затихли и спят. Утром у них начинается Большая Игра.

«Понял я, чего ты хочешь. Я ЕМУ сейчас доложу. Думаю, ОН согласится. Будь здоров! Спи!» — Ангел Смерти уходит в форточку, пристегивая на ходу крылья и бросая меня на произвол судьбы.

«Будь здоров!» — отвечаю я и ожидаю, когда к форточке подлетит волнистый попугайчик Леша.

Конец

Борис Хазанов

Ход короля

Мне посчастливилось

Мне посчастливилось — писателя Геннадия Файбусовича открыл я. Двадцать два года назад, зимним вечером, сосед по кооперативному писательскому дому прозаик Григорий Свирский привел в мою тогдашнюю квартиру однокашника по филфаку МГУ, сутуловатого и близорукого: «У Гены такая же история, как у тебя. Только тебя загребли с первого курса, а его с пятого».

— Статья 58–10, пять лет Унжлага коногоном на лесоповале, под конец — «на хорошей работе» — стрелочником, который разом и дежурный истопник на перевалочной станции лагерной железной дороги. Как ни валяла его судьба, он оставался неисправимым филологом: у станционной печки по присланному в лагерной посылке учебнику зубрил урывками итальянский — свой седьмой язык. Срок кончился, но паспорт он получил, конечно, «волчий» — с запретом жить в Москве и многих прочих городах. Мединститут в Калинине, женитьба на красавице-однокурснице, сельская больница в глухомани, рождение сына, медаль «За трудовую доблесть», реабилитация, аспирантура по гастроэнтерологии, кандидатская степень, московская

больница...

«Ты в «Химии и жизни» работаешь, — сказал Свирский, — Гена вам принес три статьи, а они почему-то не идут. И вообще Гена наверно смог бы, как и ты, работать в вашем научно-художественном жанре».

«Вы писали что-нибудь кроме этих статей?;, — спросил я. — «Рассказы». — «Ты их читал, Гриша?»

— «Ой, знаешь, нет...» — «Вы кому-нибудь их показывали?» — «Я читал их жене». — «Ну, и как?*

— «Ей не понравилось». — «Принесите почитать».

Все банально; Гриша не попросил рассказы, а я попросил. И первой в папке, принесенной мне Геннадием Файбуссвичем на прочтение, была повесть — «Час короля».

Она перед вами.

И были там две потрясающие повести из пережитого в лагере и еще рассказы.

Когда кончилась последняя страница, мне осталось только снять телефонную трубку, набрать номер и сказать: «Я прочел. Вы настоящий писатель со своим неповторимым миром и мастерством. Сейчас ваши повести никто не опубликует. Ваши статьи для «Химии и жизни» пойдут в ближайших номерах. И я очень прошу вас — будьте моим автором».

Это истинное счастье для писателя первым открыть другого писателя, никому еще неведомого, и тем оно выше, чем выше талант, тебя превосходящий.

Геннадий Файбусович стал моим автором, автором «Химии и

жизни». Журнал печатал его очерки и повести о великих ученых — среди них блестящая вещь «Советники всевышнего» — о Ньютоне и Лейбнице. Тринадцать лет появлялись в журнале его вещи, подписанные по литературному обычаю то собственной фамилией, то псевдонимами «Г Шингарек, «Г. Моисеев». А потом, следуя суровой логике профессионального житья-бытья, отличный врач Файбусович уволился из больницы и стал редактором одного из отделов нашего журнала. Иронический человек Кир Булычев сказал тогда, что трепетом к своему новому амплуа Гена напоминает ему гимназистку, сбежавшую с провинциальным театром, родители которой зовут ее воротиться, обещают ей путешествие в Ниццу, а она ночует на жестком топчане за кулисами, но зато каждый вечер, дважды за спектакль, торжественно, как «Отче наш», произносит: «Кушать подано!»

Но нет ничего досадней для нашего брата, чем написанное, но не услышанное, не увиденное читателем слово, и однажды в зарубежном русском журнале «Время и мы» увидел свет «Час короля», подписанный псевдонимом Борис Хазанов, а за ним — другие повести, позже составившие книгу «Запах звезд».

И в один совсем не прекрасный день прославленный еще Лермонтовым «всевидящий глаз» остановился на Геннадии Файбусовиче. Его квартиру перевернули вверх дном, конфисковали новый, только что написанный роман «Антивремя» и предложили автору на выбор одно из двух: ехать либо на Ближний Восток по своей воле, либо на Дальний — не по своей. Так началась эмигрантская жизнь.

Геннадий Файбусович живет сейчас в Мюнхене, редактирует добротный русский журнал «Страна и мир», пишет и печатает романы и публицистику. Его литературная судьба удачней, чем у многих наших писателей-эмигрантов; его книги переводят с русского на другие языки, потому что его творчество продолжает традицию европейской классики, вехи которой обозначены именами Франца Кафки, Томаса Манна, Германа Гессе, Роберта Музиля. Мне радостно писать это.

Мы дожили до счастливого времени правды, и поэтому большой писатель Геннадий Файбусович, он же Борис Хазанов, теперь предстает и перед своими соотечественниками. Журнал «Искусство кино» опубликовал его «Страх», а «Сельская молодежь» — рассказ «Частная и общественная жизнь начальника станции». Родная «Х и Ж» начинает печатать «Час короля». Готовится к набору томик его прозы. А в этом предисловии самое время поставить точку; читателю пора получить удовольствие от очень хорошей, мудрой и высоконравственной литературы.

Борис Володин

Ход короля

Я знаю, что без меня Бог не может прожить и мгновения; и если я превращусь в ничто, то и ему придется по необходимости испустить дух.

Ангел Силезий (Йоган Шефлер). «Херувимский странник», 1657 г.

Благодарение прозорливому Господу — жить со спокойной совестью больше невозможно. И вера не примирится с рассудком. Мир должен быть таким, как хочет Дон Кихот, и постоялые дворы должны стать замками, и Дон Кихот будет биться с целым светом и, по видимости, будет побит; а все-таки он останется победителем, хотя ему и придется выставить себя на посмешище. Он победит, смеясь над самим собой…

Итак, какова же новая миссия Дон Кихота в нынешнем мире? Его удел — кричать, кричать в пустыне. Но пустыня внимает ему, хоть люди его и не слышат; и однажды пустыня заговорит, как лес: одинокий голос, подобный павшему семени, взрастет исполинским дубом, и тысячи языков его воспоют вечную славу Господу жизни и смерти.

Мигель де Унамуно. «О трагическом ощущении жизни», 1913 г.

В том-то и дело, что вы примирились с несправедливостью нашей участи настолько, что согласились усугубить ее собственной неправедностью, я же, напротив, полагал, что долг человека — отстаивать справедливость перед лицом извечной неправды мира, твердить свое наперекор всесветному злу. Оттого, что вас опьянило отчаяние, оттого, что в этом опьянении вы нашли смысл жизни, вы осмелились замахнуться на творения человека, вам мало, что он от века обездолен — вы решили добить его. А я отказываюсь мириться с отчаянием; я отметаю прочь этот распятый мир и хочу, чтобы в схватке с судьбой люди держались вместе… Я и теперь думаю, что в этом мире нет высшего смысла. Но я знаю: кое-что в нем имеет смысл. Это кое-что — человек. Ведь он единственное существо, которое требует от мира, чтобы мир наполнился смыслом. И в его правде заключается все оправдание мира.

Альбер Камю. «Письма к немецкому другу. Письмо 4-е». Июль 1944 г.

Повесть

I

Со времен Нумы Помпилия обычай предупреждать врага о нападении казался до такой степени естественным и даже необходимым, что никому не приходило в голову, насколько проще и удобнее подкрасться сзади и, не окликая жертву, навалиться на нее и схватить за горло. Эта стратегия могла родиться лишь в стране, испытавшей очистительную бурю национал-социалистической революции. Однако к тому времени, когда канцлер и вождь германского народа подписал приказ о вторжении в маленькую страну, о которой здесь пойдет речь, страна эта была уже, кажется, восьмым или девятым по счету приобретением рейха, и стратегия молчаливого молниеносного удара успела потерять новизну.

Как и в предыдущих кампаниях, вторжение произошло без особых неожиданностей для ко-

мандования, в точном соответствии с планом. Не имеет смысла подробно описывать весь поход, ограничимся краткой сводкой событий, происшедших на главном направлении удара. Около пяти часов утра на шоссе, ведущем к пограничной заставе, показалась колонна наездников. Они двигались на первой скорости, по четыре в ряд как бы приросшие к рогам своих мотоциклов; за ними, громыхая, ползли бронетранспортеры, огромные, оставлявшие вмятины на асфальте, за транспортерами ехал лимузин с полководцем, а за лимузином, мягко покачиваясь, катили чины штаба. Все это двигалось из тумана, точно рождалось из небытия. Застава представляла собой два столба с перекладиной. В стороне, у обочины, стоял двухэтажный кирпичный домик. Когда первая четверка в серо-зеленых шлемах, напоминавших перевернутые ночные горшки, подкатила к перекладине, пограничник, стоявший у рукоятки шлагбаума в каком-то опереточном наряде, казалось, никак не реагировал на их прибытие: в величественной позе, стройный и недвижимый, точно на праздничной открытке, с секирой в руках, он стоял, устремив прямо перед собой светлый восторженный взгляд. Унтер-офицеру пришлось вылезти из седла и самому крутить

колесо. Полосатое бревно со скрипом начало подниматься, но застряло на полдороге — и унтер-офицер, чертыхаясь, дергал взад и вперед ручку ржавого механизма. Промедление грозило нарушить правильный ход кампании, расписанной буквально по минутам.

На крыльцо кирпичного дома вышел начальник заставы, мальчик лет восемнадцати; он сладко зевал и ежился от утренней прохлады. Туман еще стелился над холмами, в синеющих перелесках, на ветках, унизанных росой, просыпались птицы. Барсук выбирался из норы, тараща заспанные глаза. Некоторое время мальчик-начальник хмуро взирал на подъезжавшее войско, очевидно, спрашивая себя, не снится ли ему сод, затем с флегматичностью только что разбуженного человека начал расстегивать кобуру.

Он остался лежать перед порогом своего дома — фуражка с вензелем валялась на земле, золотистые волосы шевелил ветер. Часового, все еще оцепенело стоявшего у шлагбаума, вразумили пинком в пах; ударом приклада вышибли из рук бутафорское оружие. Тем временем солдат в зеленом горшке, взобравшись на крышу, отдирал от флагштока полотнище государственного флага, за которое ему полагался орден. Затем все

потонуло в пыли и грохоте.

То же происходило на других заставах; и менее чем за пятнадцать минут армия повсеместно пересекла границу. Отряды парашютистов — крепких ребят с засученными рукавами, вооруженных ножами и автоматами, — высадились в пунктах, которые командованию благоугодно было обозначить как стратегические. Одновременно шла высадка морских десантов в портах. Торговый флот королевства, насчитывавший шестьдесят пять судов и рассеянный по всему миру, как только начали поступать известия о случившемся, не пожелал вернуться на родину; однако его поджидали в прибрежных водах и у выхода в Пролив специальные корабли. Все совершалось быстро, точно, таинственно и неотвратимо. Цель, которую руководитель указал командованию, а командование войскам, была поражена и достигнута в предельно короткий срок: так было всегда, так произошло и на этот раз. В штабах непрерывно звонили телефоны, лакированные козырьки полководцев склонялись над картами, телеграф выстукивал шифрованные депеши. Армия была слишком громоздким и многосложным механизмом, генералы получали слишком высокое жалованье, а военная наука, с

которой они сообразовывали каждый свой шаг, была слишком серьезной, слишком важной и возвышенной наукой, чтобы можно было просто так, без зловещей помпы и секретности, без всеобъемлющего плана и многостраничной, многопудовой документации подмять под себя безоружную и беспомощную страну. Вдобавок завоеватели, в силу некоего атавистического романтизма, испытывали полуосознанную потребность представить суровым подвигом то, что на деле было едва ли опаснее загородной прогулки. С трех сторон направляясь к столице, двигалась, поднимая пыль, гремящая, тарахтящая масса; и навстречу ей, в жидком блеске апрельского солнца, поднимались из-за пригорков маленькие города с высокими шпилями соборов, на которых звонили колокола. Государство, жившее какой-то призрачной, сказочной жизнью, было в самом деле не больше воробьиного носа — iacherliches Landchen, как назвал его германский фюрер. Мелкие стычки, кое-где омрачившие это утро, не могли задержать нашествие, как не могут остановить слона выстрелы из детской рогатки. Весь поход длился не более трех часов, и бомбардировщики, гудевшие над страной, не успели истратить запас горючего.

II

Такова была ситуация, с которой столкнулось правительство, восстав от сна в этот роковой, но удивительно солнечный и теплый день. Утренний пар еще поднимался над ослепительно блестевшими крышами; узорные стрелки на двух тускло отсвечивающих циферблатах башни св. Седрика показывали восемь, когда, как стало известно позже, посол рейха вручил правительству меморандум. В нем кратко говорилось, что империя, озабоченная поддержанием мира на континенте Европы, нашла необходимым защитить северную страну от агрессии западных союзников; если же правительство держится на этот счет другого мнения, то пусть пеняет на себя: страна будет стерта с земли в течение десяти минут. Само собой разумеется, что ссылка на агрессию с Запада с равным успехом могла быть заменена иной и даже противоположной формулировкой, так как суть дела заключалась отнюдь не в том, что было написано в этой бумаге; бума-

га была запоздалой данью обычаям, о которых время от времени и совершенно неожиданно вспоминали властители рейха; тем не менее она была необходима хотя бы потому, что существовал посол, обязанный ее вручить, и как-никак существовало правительство, которому этот меморандум — род повестки — был адресован.

К чести королевского правительства нужно сказать, что оно проявило благоразумие. Оно помнило пример соседа, дорого заплатившего за попытку сопротивляться, о чем, впрочем, предпочитали не говорить вслух. Войскам — их в стране было четыре дивизии — хоть и с некоторым запозданием, был отдан приказ не оказывать сопротивления; а те небольшие попытки дать отпор, которые все же кое-где предпринимались, не имели, как мы уже говорили, последствий. Правительство официально сняло с себя ответственность за подобные акции.

Не требовалось особой догадливости, чтобы понять, что то, что на них надвигалось, превосходило обычные человеческие масштабы; надвигалось нечто бессмысленное, с которым бесполезно было пререкаться; но кто знает, не был ли этот новый и высший порядок внутренне справедлив в своем стремлении водвориться

везде: ведь слишком часто люди принимают за насилие то, что является законом. Нашествие нависало над всеми, подобно туче, правильнее сказать — двигалось мимо всех: его цели были одновременно и ясны, и непостижимы; и о нем нельзя было сказать, что оно неслось, как смерч: мотоциклисты, мчавшиеся по улицам, были лишь вестниками того, что не летело, не неслось, не бесновалось, но спокойно и грозно близилось. Новый порядок нес новую философию жизни, новое зрение и новый слух. Новый порядок разматывался, как ковровая дорожка.

В восемь часов город — мы говорим о столице, разумеется, — все еще как будто спал: улицы были безлюдны, одни только полицейские с поднятыми жезлами высились на своих тумбах среди пустых сверкающих площадей; их позы напоминали иератическую застылость египетских барельефов или оцепенение кататоника; а мимо них, мимо закрытых магазинов, занавешенных окон, мимо свежевскопанных клумб и памятников королям и мореплавателям, через весь город с рокотом неслись куда-то вереницы мотоциклистов.

Как большая лужа притягивает маленькую каплю, заставляя ее слиться с собой, так и оккупация

совершилась почти мгновенно и с естественностью физического закона. Может быть, поэтому в городе не наблюдалось никакой паники. Первое время обыватели отсиживались по домам. Большинство учреждений не работало, а продовольственные лавки открылись с запозданием. Ощущение было такое, словно самое главное успело произойти, пока все спали, и город с удивлением привыкал к своему новому состоянию, подобно тому, как больной, пробудившись после наркоза, с удивлением узнает, что операция уже позади и теперь ему остается лишь привыкать к тому, что у него нет ног. Однако, уважая всякую власть, жители города инстинктивно доверяли и этому порядку. Должно было пройти немало времени, прежде чем в их честные, туго соображающие головы могла проникнуть та мысль, что порядок может быть личиной преступления. Разумеется, нравы и философия страны, чьей добычей они стали, были слишком известны. Но это еще не давало повода сходить с ума, выстраиваться в очереди за мылом и спичками или пытаться всеми силами покинуть тонущее отечество.

Не без оснований многие говорили себе и окружающим, что такой поворот событий все-таки лучше, чем если бы страна сделалась ареной во-

енных действий. С романтизмом, свойственным провинциалам, обыватели представляли себе случившееся примерно так: где-нибудь в центре города, на Санкт-Андреас маргт, перед зданием парламента, выстроилось тевтонское войско, и генерал, тощий, как глиста, в крылатых штанах, обходит стремительным шагом ряды: вслед за тем он рапортует на хриплом наречии Фридриха Великого своему фюреру, тоже похожему на гельминта, только более упитанного и наделенного человеческим разумом, — рапортует фюреру, которого представляли себе парящим над городом в огромном аэроплане, о том, что повсюду царят спокойствие и лояльность. Ведь лояльность, понимаемая как доверие к людям, откуда бы они ни явились, — национальная черта этого народа, не так ли? И в конце концов немцы, что бы о них ни говорили, цивилизованная нация и не допустят бесчинств в стране, традиционно чуждой какой бы то ни было политике. Одним словом, много было приведено доводов, высказано всевозможных домыслов, соображений и осторожных надежд за глухо задернутыми шторами окон, под круто спускавшимися черепичными крышами, ярко блестевшими в жидком утреннем солнце. Прислушиваясь к неопределенному гулу и рокоту на

улицах, люди гадали, что будет с их тихой жизнью, с их городом, где каждый день на рассвете хозяйки мыли тротуары горячей водой, каждая перед своим домом, с их сухим и чудаковатым, похожим на старого пастора королем. Но гул, слышный вдали, не был гулом крушения, а лишь предвестником нового, может быть, более усовершенствованного порядка, и это их утешало.

III

«Трам-там-там! Тра-ля-ля!» Две девочки в бантах, в незастегнутых пальто, скакали, взявшись за руки, в прохладной тени одной из узких улиц, ведущих к Острову, а сверху на черепичные крыши низвергался целый потоп света, и зловещая тишина города, по-видимому, нисколько не смущала девочек. Сцепившись руками, они неслись по асфальту особенным, лихим и независимым аллюром, который был известен у всех детей города под именем «африканского шага» — несомненно, знакомого и читателю — и от которого взлетали их косички и колыхались банты, как

вдруг со стороны бульвара донесся стрекочущий звук, похожий на звук пулемета. Обе остановились, переглянулись и, прыснув, бросились в ближайший подъезд, испытывая страх и восторг. Там они на цыпочках стали выглядывать в щель, через которую швейцар обыкновенно смотрит на посетителя.

Звук, а с ним и еще что-то, приближались, потом на минуту стихли; вдруг совсем близко раздалась оглушительная очередь, как будто — позволим себе экстравагантное сравнение — бегемот присел за нуждой: из-за угла, правя рогами, выехал серо-зеленый мотоциклист, на нем был горшкообразный шлем, на груди висел бинокль Несколько мгновений спустя в нараставшем гуле из-за поворота, едва не задев за угол дома, вывалился многоколесный боевой фургон, на котором ровными рядами, как грибы, покачивались шлемы. Еще два таких фургона ехали следом и загромоздили всю улицу. Шум моторов, вероятно, поверг жителей в никогда еще не испытанный ужас. Колонну замыкал бронированный автомобиль с важными дядьками в задранных фуражках; они, с необыкновенной серьезностью блестя моноклями, смотрели вперед. Девочки проводили их восхищенными взглядами, и вся

процессия, громыхая, постепенно исчезла в узкой горловине улицы, выходящей на Остров.

Островом издавна именовали часть города, отделенную каналом от остальных кварталов. В будни здесь всегда было пустынно, зато по воскресным дням на набережной и по сторонам широкого плаца толпилась публика, следя за парадными экзерцициями стражи. Направо от площади, если стоять спиной к мосту, возвышается башня, весьма известная историческая реликвия, вот уже триста лет выполняющая функции национального будильника. Налево открывается вид на дворец.

Три бронетранспортера и машина с офицерами вермахта с грозной неторопливостью перевалили за мост и поехали — с ужасным шумом — наискосок через пустынный плац. В машине (это стало известно позже) находился личный уполномоченный только что назначенного рейхскомиссара с представлением бывшему королю и инструкциями по наведению порядка во дворце. У ворот обычно маячили фигуры часовых, одетых чрезвычайно живописно, с аркебузами на плечах. В этот час, однако, перед воротами никого не оказалось. Тускло сияли золоченые копья ограды, подняв лапы, по обе стороны входа

застыли крылатые львы. А за оградой, на чисто выметенном газоне, едва успевшем зазеленеть, в боевом порядке выстроились полсотни всадников: это была великолепная когорта, обломок славного прошлого, гордость нации, золотой сон девушек — конная королевская гвардия, учрежденная по указу основателя династии 446 лет назад. Гвардия стояла под знаменем в полной неподвижности на фоне дворца, точно позировала для видового фильма.

Прошло еще немного времени (немцы ехали по площади), и на башне начали бить часы. Пробило девять. И тотчас за оградой слабо и мелодично пропел рожок. Шелковый, синий с зеленым штандарт на копьевидном древке в руке передового слегка наклонился вперед, и на нем расправился и заблестел на солнце некий символ — герб, вышитый, согласно преданию, золотой нитью из своей косы девушкой, которая вышла из вод северного моря, дабы сочетаться браком с королем. Не доезжая ворот, солдаты спешились. Вот тогда это и произошло.

Нелепая история, абсурд, достойный сумасбродного феодального захолустья, каким-то чудом сохранившегося на задворках Европы! Примерно в таких выражениях характеризовали

случившееся иностранные газеты, в двух строках сообщившие об этом инциденте, который уже тогда был воспринят как малоправдоподобный анекдот. Прежде чем немецкие солдаты успели подбежать к решетке дворца, кованые ворота распахнулись, и эскадрон с саблями наголо, сверкая касками, вылетел навстречу гостям.

От неожиданности немцы попятились. Машина с уполномоченным дала задний ход. Завоеватели были скандализованы. К восьми часам утра, как уже упоминалось, кампания считалась законченной; по крайней мере так предусматривал план, и решительно ни у кого не было причин сомневаться в том, что этот план будет неукоснительно выполнен. И если для высшего командования операция сохраняла свое военное значение ввиду общей обстановки и географического положения страны, то личный состав до последнего солдата буквально был лишен способности принимать что-либо в этой стране всерьез. Подразделение, получившее приказ занять Остров, двигалось, вооруженное фотоаппаратами. Офицеры ехали с сигарами в зубах. Есть сведения, что атака рыцарей была поддержана пулеметным огнем из верхних окон дворца. Эти сведения сомнительны. Иначе трудно объяснить, почему не была

разрушена до основания резиденция «старой куклы» — выжившего из ума короля.

Впрочем, совершенно очевидно, что ни глава государства, ни его министры не имели ровно никакого отношения к этой неожиданной вылазке. Монарх дрожал от страха, запершись в своем кабинете. Что касается правительства, то, как уже было сказано, оно старалось подать пример благоразумия. Давая объяснения, бывший министр национальной обороны, мэр города, а также гофмаршал двора, в ведении которого находилась дворцовая стража, согласно заявили, что ими не было отдано никаких приказов; тем самым они признали, что были не у дел, а значит, и не могли нести ответственности за случившееся. Отвечать надлежало командиру эскадрона, человеку с длинной и труднопроизносимой фамилией, двадцатичетырехлетнему отпрыску древнего рода. Но он лежал на мостовой в роскошных голубых рейтузах, запачканных кровью, в расколотой каске, окруженный четырьмя с половиной десятками своих подчиненных и трупами поверженных лошадей. Вся гвардия лежала на площади и уже не могла предстать перед судом. Вокруг бродили солдаты с засученными рукавами, бранясь вполголоса, поднимали за

ноги и руки искалеченные тела и швыряли их в подъезжавшие грузовики. Спустя полчаса по площади проехала водоструйная машина, и все следы короткого боя были уничтожены.

IV

Итак — подведем еще раз итоги — оккупация более или менее благополучно состоялась. Нельзя сказать, чтобы такое развитие событий оказалось неожиданным для Седрика. Примерно с осени 1940 года, когда жертвой необъявленного нападения пал северный сосед, подобный исход начал представляться весьма вероятным. Очевидно было и то, что страна не могла рассчитывать на чью-либо помощь извне. Об этом ясно и жестко, в своей обычной манере, заявил, выступая перед журналистами, первый лорд британского адмиралтейства. Он сказал, что северные страны представляют, по его мнению, наиболее вероятный в ближайшем будущем объект военных операций. Но если Швецию и Норвегию отделяет от хищника, так сказать, ров с водой, если Дания

имеет шансы откупиться путем территориальных уступок, то эта страна, this infortunate country, находится в столь неблагоприятной ситуации, что помочь ей будет чрезвычайно трудно. «That's why, — добавил Черчилль, — wouldn't in any case not undertake to qua ran tee it»[43].

Рейх одержал еще одну из своих бесчисленных побед. Во имя чего? С точки зрения абстрактных надчеловеческих сил, этих зловещих выкормышей гегельянской философии — с точки зрения Истории, Нации, Политики — все это, возможно, имело какой-то смысл. С точки зрения реального живого человека все случившееся было бессмыслицей. Омерзительное и тоскливое чувство, в котором он физически отождествлял себя со страной-ребенком, сбитым с ног кулаком бандита, повергло Седрика не то чтобы в уныние, но в состояние, знакомое душевнобольным, — ощущение нереальности происходящего. Точно до сих пор он был зрителем и глядел из удобного кресла на сцену, где разыгрывалась пьеса какого-то сумасшедшего авангардиста, и вдруг актеры спрыгнули с подмостков и, держа в каждой руке по пистолету, начали грабить зрителей. И тогда

[43] Примечания: 43

Вот почему я ни при каких обстоятельствах не поручился бы за нее. *(нем.)*

стало ясно, что абсурдный спектакль, вся соль которого была в его очевидном неправдоподобии, на самом деле вовсе не мистификация, не бред, не вымысел автора, а самая настоящая действительность.

V

День Седрика начинался в восемь часов. Он часто просыпался перед рассветом, потом задремывал, но в урочный час не разрешал себе лежать ни одной лишней минуты: в его жизни, как и в жизни его близких, господствовал дух протестантской строгости и простоты. Душ, массаж, утренний туалет перед высоким тусклым зеркалом в дубовой раме — все совершалось с меланхолической торжественностью, как если бы неукоснительное соблюдение распорядка было целью и смыслом существования. Этот порядок предусматривал даже утреннюю боль в затылке, вызываемую, однако, отложениями солей, а не спазмом сосудов, вопреки мнению доктора Каруса. После завтрака, которому можно

было бы посвятить специальное исследование, настолько глубокий — медицинский и христианский — смысл был вложен в его изощренную убогость, Седрика ожидал в кабинете секретарь, следовало выслушивание доклада, визирование бумаг и прочие дела его основной должности. С двенадцати до часу — прогулка в седле. После ленча Седрик уезжал в клинику. Последнее время он подолгу задерживался там. Конгресс в Рейкьявике, объявленный на конец мая, был отложен ввиду международной обстановки; Седрик надеялся использовать эту отсрочку для пополнения своего материала.

Обед — в семейном кругу; за длинным столом на высоких стульях с длинными спинками, под стать самому хозяину, сидели: супруга Седрика, его младший сын Кристиан, жена Кристиана и внуки. (Старший сын, согласно официальной версии, находился на длительном лечении за границей.) Обыкновенно за столом присутствовал и доктор Карус. Кристиан, презираемый сын, был профессором немецкой классической философии — отрасли, демонстрирующей ныне, по мнению Седрика, позорный крах; ибо нельзя же было отрицать, что от Иоганна Шефлера, «силезского ангела», тянется нить, на другом конце

которой болтается, увы, Альфред Розенберг; не говоря уже о Гегеле, которого Седрик обвинял в легкомысленном потакании «всеобщему», в торжестве человекоядного этатизма; словом, никто иной, как Кристиан, здесь, в мрачноватой столовой, над остывающим крупяным супом, обязан был нести ответственность за роковое вырождение германского духа, за грезы Шиллера, обернувшиеся бессмыслицей пролетарской революции; вообще судьба уготовила Кристиану роль отступника — даже в чисто конституциональном смысле; достаточно было взглянуть на него: толстый, благодушный, с крупными женоподобными чертами лица, не чуждый радостям жизни, снисходительно-покладистый, наивно-эгоистичный, «беспринципный». Подруга жизни его была немка из старинного семейства, тусклая и худосочная особа. Обедали поздно, и зимой в это время в столовой уже горели лампочки в виде свечей. После обеда Седрик писал в библиотеке; вечером чтение с внуками, партия в шахматы с доктором и любимый Гендель. Так проходил его день.

Ровно в двадцать три часа тридцать минут Седрик, седой и тощий, прочитав молитву, взбирался на высокое и неудобное ложе подле ложа

Амалии. За сорок с лишним лет их брака он, можно сказать, ни разу не видел свою стыдливую и чопорную супругу всю целиком. В описываемое время Амалия изображала из себя маленькую пожелтевшую старушку почти вдвое ниже ростом Седрика. Оба лежали в одинаковых позах, на спине, изредка обмениваясь короткими фразами; в общении их слова скорее играли роль камертона: как это бывает у долголетних супругов, они давно научились беседовать молча. На высоко взбитых подушках узкая, старческая сухая голова Седрика покоилась, точно на одре смерти; глаза, угасшие под морщинистыми веками, походили на желваки. В рюмке на столике, рядом с ночником, стояли капли датского короля, стояла минеральная вода на случай изжоги. Для Амалии был приготовлен нитроглицерин. Над изголовьем висела сухая ветка багульника, отгоняющая дурные сны. Звон курантов на башне Святого Седрика пробуждал видения далеко ушедших безвозвратных времен. Седрик вздыхал, и тихо вздыхала возле него молчаливая Амалия. Длинные, сложные, ветвистые воспоминания, точно водоросли поднимались вокруг, и постепенно король Седрик X погружался в сон.

VI

В одно утро привычный многолетний уклад жизни был разрушен. Это крушение, ощущаемое ежеминутно, удручало еще больше, чем крушение мирового порядка. Так человек, со стоическим равнодушием взирающий на пламя, которое пляшет над кровлей его дома, не может сдержать слез при виде какой-нибудь обугленной безделушки. Но разве вся страна не была его домом, его семьей? Седрик привык получать к Рождеству или ко дню рождения сентиментальные поздравления от незнакомых людей; когда десять лет назад у него открылась язва желудка, родители говорили детям, что надо вести себя хорошо и не огорчать папу и маму теперь, когда у всех такое горе. Карикатуристы изображали короля, высокого, как Гулливер, и тощего, как Дон Кихот, стоящим на одной ноге на пятачке своего крошечного королевства, поджав другую ногу, для которой не хватило места. Ему бы еще дедушкины латы и бритвенный тазик на седую голову. Да, монархия — пережиток, подобный

рыцарским аксессуарам чудака из Ла-Манчи; он и не спорил против этого. Но что поделаешь, если в глазах сограждан он был Государством, воплощенным в образе человека, и оттого, что он был живым человеком, который живет здесь поблизости, которого легко увидеть, государство все еще воспринималось в этой стране — в этом и состоял ее удивительный анахронизм — как нечто близкое всем, как общее дело и общая жизнь. Теперь всему этому пришел конец. Новое государство, поглотившее их, несло в мир порядки концлагеря; принцип человеческого общежития оно заменило принципом всеобщего беспрекословного служения некоторой абстракции, лишенной, как легко было понять, какого-либо реального, жизненного содержания. На знамени этого государства были начертаны слова: рабочий класс, нация и социализм; но чем оно было по существу, об этом можно было судить по тому образу, который оно подняло над собой, как священную хоругвь; ибо оно тоже было персонифицировано в одном человеке — и в каком человеке! В человеке, который словно нарочно был выбран, дабы проиллюстрировать невиданное доселе падение человечества. Рядом с ним — а судьба, что ни говори, поставила их рядом

— Седрик чувствовал себя поистине неизвестно для чего сохраняемой фигурой — бесполезным стариком, которому время убираться на погост.

Это малодушие, которому поддался король в памятное апрельское утро, объясняет его странную бездеятельность перед лицом событий на Острове, о которых мы уже говорили. Да и в дальнейшем, когда понадобилось его участие в решении неотложных государственных дел, король уклонился от каких бы то ни было действий. Можно сказать, что государь уподобился своему народу. Да и что он мог предпринять? С утра он находился в своем кабинете; только что башенные часы пробили девять, время, когда у ворот дворца пел рожок; длинные ноги Седрика в узких черных брюках были скрещены под столом, длинные и худые пальцы с короткими ногтями, пальцы хирурга, без остановочно барабанили по краю стола; костлявый подбородок зло и отрешенно вознесся кверху, и на тощей шее перекатывался кадык. Король был при полном параде, с лентой и Рыцарской звездой, его фрак украшала цепь.

Он не мог заставить себя подойти к окну, глотал кислую волну изжоги и колотил пальцами. Налево от него, в высокой раме окна, стоял секретарь

с видом человека, который с минуты на минуту ждет телефонного звонка — а может быть, и трубы Страшного суда; направо — утонула в глубоком кресле тщательно одетая и причесанная Амалия.

На плоской груди ее висело только одно — но очень дорогое — украшение. Несомненно, из трех присутствующих королева нашла для себя наиболее достойное занятие. Она вязала. Не далее как на прошлой неделе ее величество завершила работу над семьдесят четвертым по счету набрюшником для мужа; ныне она трудилась над шерстяным кашне, вещью во всех отношениях необходимой в теперешние тяжкие времена. И ничто на свете не могло заставить ее прервать это занятие. Но оно имело и другой, более возвышенный смысл. Желтоватоседой шиньон Амалии и ее детские ручки, занятые работой, излучали чисто женскую уверенность в торжестве жизни, они внушали надежду, что все как-нибудь обойдется, наконец, они внушали мужество. Пока там, у ворот, мальчик с длинной и трудно выговариваемой фамилией, крестясь, горячил коня перед первым и последним в своей жизни боем, Амалия готовилась встретить недруга на пороге своего дома со спицами в руках.

А тот, чья честь была поставлена на карту, кто против своей воли позвал на смерть это игрушечное войско, — оцепенел, застыл как бы в параличе, устремив в пространство бессмысленно блестящий и загадочный взор.

Честь? Но что скрывалось за этим понятием? Подобно некоторым оптическим иллюзиям, оно исчезало, едва только взгляд рассудка пытался фиксировать его. Честь — это могло значить только одно: долг перед самим собой. Так в чем же состоял его долг? Он был стар, а на площади лилась кровь. Он был стар, а они были молоды. И самое лучшее, что он мог сделать, — это встать и выйти пешком на улицу и умолять немцев пощадить его безрассудных детей; выйти безоружным, с седой головой и с именем Христа на устах, как выходили священники в некоторых селах России навстречу карателям. Но он был неспособен на это. Он знал, что в эту минуту с ним спорит его собственный предок — тот, который был нарисован на стене в малом зале. Да, он видел себя мысленно на площади: солнце слепило глаза, вдали громыхало тевтонское полчище. Он сидел на коне во главе своей гвардии.

Снаружи донеслось приглушенное расстоянием хлопанье противотанковых ружей. Желтый

луч заиграл на шиньоне Амалии, и стальные спицы с судорожной быстротой замелькали в ее руках. Секретарь стоял, как гипсовое изваяние, глаза его медленно расширялись. Ударила пушка. Затем раздались шаги в приемной, вошел свитский полковник, вполголоса доложил, что бой на площади окончен.

Казалось, что-то немедленно должно было произойти, ворваться в двери, загреметь сапогами по лестницам; в ушах уже звучали хриплые команды, звон разбитых стекол… Но все молчало. В завесах света трепетали сверкающие, как искры, пылинки. Время, казалось, повисло в воздухе, как эта пыль. И так мирно, так солнечно было на едва успевших покрыться зеленым пушком лужайках перед фасадом дворца, так светло и счастливо горели вдали золотые копьевидные прутья ограды, что странный покой на минуту снизошел в душу. И настал мир на земле и в человеках благоволение.

Не дождавшись ответа, полковник попятился и неслышно закрыл за собой высокие темные двери. Седрик поднялся. В глазах у него стояли слезы. Стыдясь этой старческой слабости, он опустил сухую серебристую голову, точно провинившийся ученик. Ситуация выглядела нелепой:

о короле забыли. И он почувствовал себя горько обиженным, как только можно быть обиженным в детстве. В этом пустынном и, очевидно, покинутом всеми дворце он и впрямь превратился в никому не нужный музейный экспонат. Его даже не находили нужным арестовать!

Когда он снова поднял голову, глаза его блестели сухим, почти мертвенным блеском. Из приемной донесся шорох — Седрик словно ждал его. Он выскользнул из-за стола. Выщипанные бровки королевы взлетели кверху; медленно поползли на лоб холеные соболиные брови секретаря. Седрик распахнул двери. Обстоятельства прояснились. В приемной стояли фигуры с автоматами. Внезапное их появление напоминало фокус в театре, когда вспыхнувший свет открывает действующих лиц, неизвестно как очутившихся на сцене.

Седрик почувствовал необычайное облегчение. На руках у всех были повязки: то был знакомый по киножурналам, по фотографиям в газетах — знак тарантула. Некто в сверкающих сапогах, со стеклом в глазу двигался ему навстречу. Однако Седрика постигло разочарование. К вечеру этого дня жители прекратившей свое существование страны узнали, что их король жив и невредим и

находится под домашним арестом — впредь до особого распоряжения оккупационных властей.

VII

Здесь позволим себе упомянуть об историческом событии — церемонии, состоявшейся в малом зале дворца. Не потому, чтобы она имела действительное значение в ходе дальнейших происшествий — весьма скоро для всех стало ясно, что отныне события совершаются не по свободному решению свободно собравшихся людей, а в силу таинственного произвола никому неведомых высших инстанций, от людей же требуется лишь восторженная готовность исполнять приказания, — но потому, что она, эта церемония, была последним испытанием, последним вопросом, который судьба задала королю и на который он волен был ответить так, как ему заблагорассудится; как уже говорилось выше, он и на сей раз уклонился от ответа. Седрик, хотел он этого или не хотел, сказал: да. И больше его уже ни о чем не спрашивали.

Название «тронный зал» — не должно вводить в заблуждение. Уже много лет сюда наведывались только туристы да школьники. Не так давно зал арендовала, загромоздив его осветительной аппаратурой, всемирно известная фирма Скира. Ее сменила какая-то кинокомпания. Быть может, не все читатели знают, что именно здесь находится мозаичное панно — прославленный памятник искусства Северного Возрождения, Панно создано в начале XVI столетия. Оно изображает батальную сцену: король Седрик Святой бок о бок с архангелом Михаилом во главе победоносного воинства.

Эта картина и послужила своего рода живописным задником для процедуры, имевшей произойти в зале.

В зал внесли длинный стол, расставили пепельницы и бутылки с минеральной водой, разложили автоматические перья и бумагу — весь этот реквизит, явно бесполезный, как бы подчеркивал ненужность ритуала, единственной целью которого было придать видимость благообразия последним корчам умерщвленного государства.

Король вошел, и все встали — жалкое сборище склеротических старцев, незадачливых прави-

телей, страдающих одышкой и избытком сахара в крови. Над их белоснежными воротничками нависали складки розоватого жира. Военный министр ослеплял взоры парадным мундиром, но нужно ли говорить, насколько неуместной выглядела здесь эта выставка крестов и звезд. Окинув взглядом собрание, король Седрик сел (точно подломился), и тотчас уселся и посол Германии, но, заметив, что все стоят, вскочил почти непроизвольно — это маленькое происшествие доставило облегчение присутствующим. Седрик, окаменелый, посвечивал перед собой прозрачным взором, лишенным какого-либо выражения. Наконец, он выдавил: «Прошу». Все сели. Теперь посол стоял, монокль сверкал у него в глазнице. «И вы, сударь», — сказал Седрик по-немецки.

Премьер-министр, похожий на мистера Пиквика и, кстати, бывший пациент клиники, где его величество удалил ему года полтора назад опухоль простаты, голосом, каким говорят в классических пьесах благородные отцы обесчещенных дочерей, прочел заявление кабинета. В изысканных выражениях правительство протестовало против насилия. Оно напоминало об институциях международного права, традициях, восходящих ко временам Рима; сослалось

на пакт о ненападении, заключенный между его страной и Веймарской республикой. (Посол пожал плечами.) Все это служило, однако, лишь поэтическим предисловием. Премьер остановился, чтобы подкрепиться минеральной водой. Он продолжал. Под гнетом обстоятельств, уступая силе, королевское правительство сочло себя вынужденным принять оккупацию как факт. Оно обещает выполнить волю победителя. Границы будут закрыты; всякие сношения с западным миром будут прерваны. Будет учрежден контроль над радио и печатью. И так далее.

Внимая этой обиженной речи, посланец рейха на другом конце стола блистал, точно прожектором, стеклянным оком. Упоминание о гарантиях порядка и справедливости, на которые притязал оратор, слишком мягко произнося немецкие слова, приподнимая левой рукой старомодные мелкие очки и чуть ли не водя носом по тексту, вновь заставило посла пожать жирными плечами. Со стены, воздев крестообразный меч, на посла взирал зеленоглазый король-рыцарь; другой король возвышался на председательском кресле, и его коротко остриженная серебряная голова приходилась вровень со шпорами всадника. Прямой, как бамбук, со зло задранным

подбородком, с тусклым бешенством в хрустальных старческих очах Седрик стоически терпел благообразную ахинею, которая лилась из округлых уст премьер-министра. Чувствовал, как кислая волна медленно поднимается к горлу со дна желудка. В кругах, близких ко двору, да и не только в кругах, хорошо было известно, что его Величество страдает повышенной кислотностью по крайней мере сорок лет.

Было ясно, что ход событий, как и движение светил, ни от кого не зависит. Означает ли это, что мы беспомощны перед лицом этого извечного ультиматума? Безвыходность избавляет от ответственности — перед кем? Перед другими. Но не перед самим собой. Именно так оценил ситуацию кузен, северный сосед.

Положим, прав Спиноза, говоря, что упорство, с каким человек отстаивает свое существование, ограничено, и сила внешних обстоятельств бесконечно превосходит его; положим, не в нашей власти одолеть бурю. Но от нас будет зависеть, какой флаг взовьется над гибнущим кораблем. В цветах этого флага — вся наша свобода! Скандинавские государства, как известно, сохранили традиционную форму правления. Что же сделал кузен? В ситуации, как две капли воды похожей

на эту, от заявил, что отречется, если нация примет условия захватчика. Поразительная вера в себя, граничащая с безумием уверенность в том, что твой голое будет услышан в этом лязге и грохоте механизированного нашествия, фанатическая верность идее, представителем, нет, заложником которой ты ощущаешь себя на земле! Король есть символ свободы. Но нация не состоит из королей. Чем обернулось все это для его народа, для беззащитных женщин, стариков и детей? Страна была раздавлена.

Посол рейха взял слово, и собрание с дипломатической грацией обратило к нему розоватые лысины с седыми венчиками волос, точно ничего не случилось в мире, точно время не сорвалось с оси в замке Эльсинор и красные флаги с тарантулами не плескались над зданиями, и кровь убитых не смывала с брусчатки водоструйная машина; посол стоял, мерцая моноклем, с листочком текста, точно певец с нотами; все почтительно слушали. Да, они сознавали историческую важность этой минуты и долгом своим считали хранить спокойствие и благообразие, они называли это выдержкой, а на самом деле старались задобрить хищника своей покорностью, угодливо заглядывали ему в глаза, участливо

внимали его нечленораздельному рыку, делая вид, что слушают человеческую речь! Приступ изжоги вновь с небывалой силой настиг короля. Желудок и пищевод, казалось, тлели, снедаемые подспудным огнем. Как человек воспитанный, он знаками успокоил певца — мол, продолжайте, я сейчас — и на цыпочках пробалансировал мимо копыт христианнейшей рати; посол метнул в него грозный луч, затем вновь возвысил голос; король молча вышел из зала.

VIII

Мы не смеем предложить читателю собственное решение того, что позднее было названо загадкой рейха; однако не чувствуем себя в силах удержаться от искушения мимоходом бросить взгляд на феномен, в котором по крайней мере одна черта пленяет и поражает воображение. Мы имеем в виду ту особенность национал-социалистического государства, благодаря которой атмосфера жизни в нем неожиданно и своеобразно воспроизводила мир душевнобольного, с его

чувством исчезновения реальности и незримого присутствия таинственных сил, управляющих его помыслами и всем его поведением.

Рейх и поныне таит в себе нечто завораживающее; сошедший со сцены, он и теперь чарует душу, зовет, как мираж, и притягивает, как взгляд василиска. Рейх казался грандиозной мистификацией. Все его граждане, от привилегированных до обездоленных, от высших партийных чиновников до уличных чистильщиков сапог, состояли как бы в общем заговоре относительно того, что надо и что не надо говорить, и все вместе производили впечатление людей, однажды и навсегда условившихся говорить друг другу неправду, только неправду, ничего, кроме неправды. Но в том-то и дело, что, убежденные в необходимости скрывать истину, убедившие себя, что не следует даже пытаться вникнуть в суть вещей, как не следует поднимать крышку дорогих часов и заглядывать в механизм, — они и не знали истины.

Таинственность была характерной чертой этого порядка; подобно тому как большинство людей имеет весьма смутное представление о принципе действия телефона или электрического утюга, подобно тому как деятельность их собственного

тела остается для большинства людей непроницаемой тайной, так огромное большинство подданных рейха не имело ни малейшего представления о том, что происходит в их стране. В этом государстве все было засекречено, все было окутано ревнивой тайной, начиная от внешней политики и кончая стихийными бедствиями и статистикой разводов; никто ничего не знал и не имел права знать, все подлежало тщательной утайке от ушей и глаз, всякого, ибо каждый состоял под подозрением, и люди жили в уверенности, что государство внутри и снаружи окружено сонмом врагов. Предполагалось, что эти враги жадно ловят каждое неосторожно оброненное слово, чтобы обратить его во вред стране. И враги, число которых, несмотря на истребительные меры, не уменьшалось, составляли предмет главных забот партийных и государственных инстанций; существовал подлинный культ врагов; уже недостаточно было содержать для борьбы с подрывной агентурой одну тайную полицию; на обширной территории рейха трудилось пять независимых друг от друга полиций и столько же контрразведок; они напоминали быстро размножающиеся предприятия в перспективной отрасли промышленности. Враги и враждебные

элементы составляли подлинный смысл существования огромной массы государственных учреждений, и таким образом противодействие рейху, мнимое или действительное, в известном смысле было условием его существования.

Мистическая природа рейха сказывалась в том, что он управлялся законами, исходящими неизвестно откуда. Нет, не теми законами, которые торжественно объявлялись народу, записывались в золотые книги и высекались на мраморе, за которые полагалось денно и нощно благодарить правительство и партию; эти законы, может быть, и действовали в стране, но на жизни ее они не отражались. Для бесчисленных исполнительных органов основой и руководством служило другое. Таинственность частных толкований закона, инструкций, правил и особых предначертаний, именуемых установками, большей частью засекреченных, непреложных, как слово божье, хотя нередко противоречащих друг другу, заключалась в том, что сколько бы вы ни поднимались по лестнице управляющих инстанций, вы нигде не находили составителей этих законов, не находили инициаторов и творцов режима, партийные товарищи, как бы высоко они ни сидели, всегда лишь исполняли какой-то

еще выше составленный завет, и значит, все они несли равную ответственность за происходящее, или, что то же самое, никто ни за что не отвечал.

Высшая же таинственность рейха состояла в том, что весь он от вершин до подножья был пропитан мифом. Точнее, он сам представлял собой воплощенный в действительность, замкнутый в себе и всеобъемлющий миф. Этот миф был поистине универсален, ибо он обнимал все стороны жизни. Он содержал в себе последний и окончательный ответ на все вопросы. Огромное государство, возникшее, как феникс, в центре Европы на исходе первой трети двадцатого века, представляло собой мифическую нацию с мифологией вместо истории, с мифологической нравственностью и мифическим идеалом впереди; во всех своих отправлениях оно неизменно обнаруживало свою внереальную сущность. Народ, однако ж, принял ее за истину. Это произошло потому, что подлинная истина представлялась ему жуткой и бесприютной; стихия таинственности, напротив, манила и согревала. Точно повредившийся в уме, он не сознавал своего помешательства. Разумеется, миф рейха, как и любого подобного ему государства, если судить о нем по трудам его теоретиков, по творениям его поэтов, по

житиям святых, по школьным прописям, по словоизвержениям вождей, по любым экскретам национального самосознания, носил вполне бредовый характер. Это придавало ему ни с чем не сравнимое очарование. И развивался этот миф по хорошо известным законам бредообразования, и было бы поучительно проследить, как, миновав продуктивную стадию (то есть эпоху революционного переворота) и стадию систематизации, он приблизился к той ступени, на которой бред душевнобольного бледнеет и рассыпается — к стадии распада психики. Но рейх не дожил до гибели своего мифа, режим не успел надоесть самому себе — и, быть может, поэтому остался навеки юным. Забили барабаны, птица феникс захлопала крыльями — рейх, ощутивший неодолимую потребность расширяться, начал войну. С новой силой ударила в бубны неслыханная по размаху и наглости пропаганда, и миф, как бы омытый грозой, ожил и заиграл всеми красками на солнце.

IX

«Бамм! Бамм! Бамм!» Двенадцать раз прогудел башенный колокол, потом что-то перевернулось в громадных часах, и куранты несколько монотонно и гнусаво начали вызванивать гимн. Боже, убереги нашего короля, и нас, и наши нивы!

И наши квартиры. И наши клумбы с фонтанчиками. И наши счета в банке. И туман над нашим морем. И наших лысых министров… И…

Тогда раздвинулись кованые ворота со львами на столбах (один лев так и сидел без лапы). Часовой отдал честь кавалеристу на белой лошади древних кровей, чья родословная восходила ко времени славного Росинанта. Ее копыта, похожие на точеные основания шахматных фигур, четко зацокали по мостовой. Король божьей милостью, в узких штанах, обшитых серебряным шнуром, в лазоревом мундире навсегда ушедшего в вечность лейб-эскадрона, почетным шефом которого он все еще числился, выехал на прогулку.

Сограждане с удовлетворением отметили восстановление стародавнего обычая. Слава богу,

король на лошади! Силуэт, знакомый с детства, оттиснутый на почтовых марках, выдавленный на шоколадных тортах, привычный образ, почти домашний, как этикетка на старой шляпе, воскрес и одним этим звонким цоканьем отогнал зловещее видение оккупации, видение серо-зеленых горшков, серых мышиных мундиров и морковных знамен. Король на лошади — значит, все в порядке. Это они усвоили с детства.

Седрик пустил коня по улице, той самой, где полгода назад две подружки прятались в подъезде. На углу стук копыт примолк; потомок Росинанта, плеща пышным хвостом, пританцовывал задними ногами. Можно было, не глядя, сказать, что там происходило: король перегнулся через седло, чтобы пожать руку старому хранителю университетской библиотеки, как всегда, поджидавшему на углу. The Kings Hour[44]. Картинка, напечатанная в школьных хрестоматиях! Конь рысью пошел вдоль блестевших травмайных рельс, а у библиотекаря произошел разговор с зеленым горшком, случайно очутившимся рядом. Немец с недоумением смотрел на удалявшегося всадника.

---

[44] Примечания: 44
Час короля. *(англ.).*

— Почему у него нет охраны? — спросил немец.

Рефлекс, воспрещающий откликаться на звук тевтонской речи, как если бы никто в этой пране никогда не слыхал ни одного немецкого слова, не сработал; старик влажными глазами провожал уменьшающийся конский круп. Когда лошадь исчезла за кленами бульвара, старик сказал:

— Видите ли, сударь…

Он остановился, достал из кармана потрепанного пальто платок, такой большой, что он мог бы служить национальным флагом, осушил розовые мешочки под глазами, потом гулко высморкался и закончил свою мысль так:

— Видите ли, — а зачем его охранять?

— Как зачем? — сказал немец.

— В этом нет надобности, — сказал старик.

— Почему?

— Потому что, видите ли, мы все его охраняем. Если он упадет, мы подбежим и поднимем его. Но слава богу, — сказал старик, — он старше меня на десять лет, а еще ни разу не падал.

— Да не об этом речь, — сказал немец с некоторым раздражением. Ему уже приходилось сталкиваться с этим странным слабоумием местных жителей. — Почему он без охраны, без

телохранителей? Или как там это у вас называется.

— Виноват, — возразил библиотекарь, — от кого же его охранять?

— От врагов!

— Это легло бы слишком тяжелым бременем на бюджет, — заметил библиотекарь. Несколько осмелев, он взглянул выцветшими глазами на собеседника. — А ваш… руководитель, — спросил он, — бывает на улицах?

— Фюрер не ездит верхом. Лошадь — устарелый способ передвижения.

— Но красивый, — сказал библиотекарь.

— К тому же, — продолжал солдат, — фюреру некогда.

— О да, — с готовностью подтвердил библиотекарь. — На автомобиле он мог бы доехать быстрее. Но, видите ли, важно знать, куда едешь.

Человек в зеленом шлеме в ответ на эти слова усмехнулся и сказал, что вождь немецкого народа и всего передового человечества знает, куда он едет. А вот куда едет король?

— Никуда, — ответил библиотекарь. Разговор принимал опасный характер. — Это традиция его семьи, — пояснил библиотекарь. — И отец его, и дед тоже, знаете ли, так катались.

Дождь накрапывал все сильнее, и на бульваре почти не осталось прохожих.

— В ваших словах, — произнес немец, — я усматриваю проявление неуважения к фюреру. Кто вы такой?

— Что вы, — испугался старик, — что вы, mein Herr! Я питаю к фюреру самые лучшие чувства. Он — великий человек. Мы все его обожаем.

Солдат перебил его:

— Я полагаю, это происходит не от злого умысла, но от недостатка политической зрелости. Советую подумать над этим.

— Слушаюсь, mein Herr, — сказал старик и на всякий случай сдернул с головы шляпу. Дождь не утихал. Старый хранитель взглянул на часы и увидел, что стрелки приблизились к часу — время, когда все королевство садится за ленч. Он снова приподнял шляпу.

— Всего хорошего, — презрительно отозвался немец, у которого шлем блестел и плечи с серо-голубыми полосками погон начинали темнеть от воды. — Впрочем, еще минутку, — сказал он. — Вы не могли бы показать мне ваш Passierschein?

— Простите?..

— Пропуск на право передвижения по главной улице. Долг службы, — объяснил он. — Впрочем,

чистая формальность.

— Но… у меня нет пропуска, — пролепетал библиотекарь. — Я даже не слыхал об этом.

— О! — сказал немец. — Я удивлен. — Он действительно был удивлен. — Я удивлен и огорчен. Улица, по которой проезжает глава государства, есть правительственная магистраль. Я вынужден вас задержать.

— Но сударь! — воскликнул в отчаянии библиотекарь. — У меня камни.

— Какие камни?

— У меня камни в почках. Сам король меня лечил… У меня жена. Господин офицер! Она сойдет с ума, если я не приду домой.

Солдат наклонил горшок в знак сочувствия. Потом вскинул подбородок. Они направились в ортскомендатуру, библиотекарь жался к стекам домов, хотя погода уже не имела для него никакого значения, а солдат шагал твердо, цокая подковами сапог, через пенистые потоки, струившиеся из водосточных труб.

X

Богиня счастья отвратила свой лик от Седрика. Итог решающей схватки был плачевен. Под радостный рев валторн из «Иуды Маккавея» заколыхались черные стяги; пришли в движение остатки все еще грозной неприятельской армии. Рослый ферзь, словно египетский фараон, мчащийся на колеснице, обогнал наступающие войска и с разбегу врезался в боевые порядки окруженной, отчаянно отбивающейся пехоты белых.

Один за другим пали телохранители короля. Тела их были унесены с поля боя, и вот настал момент, когда ничего другого не оставалось, как самому взяться за меч.

«Итак?..» — проговорил доктор Карус, намекая на последнюю возможность спасти честь, заключив перемирие.

Король уклонился от ответа. Отскочил в сторону. Тщетная попытка выиграть время. Издалека, с другого края дымящейся равнины, белый конь рванулся на помощь, поскакал кривым скоком

на верную гибель. Унесли и его. С высоты своего длинного тела Седрик глазами удрученного бога взирал на свой образ и подобие, на короля, еще ворочавшего мечом в углу доски; вокруг сопел тесный ряд смуглых ландскнехтов… Не слишком-то отважны были они в этом неравном бою, но один уже крался к заветной черте. «Осанна!» — воззвал ликующий хор, в ответ грянул великолепный оркестр лейпцигского Гевандхауза. Лазутчик превратился в маршала. А Седрик все еще белел в гуще битвы запачканным кровью плащом.

С мечом, вознесенным, как крест, рукоятью кверху, он стоял, прикрывая собой последние квадратики своей земли.

«Итак!» — вскричал доктор Карус.

И с последними тактами оратории Генделя король, последний солдат своего войска, закололся.

Игроки молча склонили над ним головы. Кристиан, наблюдавший за ходом событий из уютного кресла, почтил погибшего дымовым залпом.

(И еще много лет спустя этот вечер в октябре, почему-то выхваченный памятью из длинного ряда подобных ему вечеров, с люстрой, сиявшей лампочками в виде свечей, с молчаливой, точно

заколдованной королевой, с черными шторами на окнах, много лет спустя этот вечер вспоминался Кристиану, которого конец войны застал в концентрационном лагере на острове Аангерланд, далеким и неправдоподобным видением счастья; как живой вставал перед ним отец, седой, очень высокий, с глубокими вертикальными морщинами на щеках, отец, который не любил его и посмеивался над его профессией, — чудаковатый монарх, занятый своей медициной, он стоял над шахматной доской, вперившись в пустые клетки, как будто заново поигрывал в уме партию, потом, все еще глядя на доску, похвалил отличную запись.)

— Кстати, — сказал Седрик, — он ведь, кажется, разрушен?

Он имел в виду концертный зал Гевандхауз, где в молодости приходилось ему бывать в обществе дяди, кронпринца Гуго. (Ни Гуго, ни тети Оттилии, разумеется, уже не было на свете, немецкие кузины доживали свой век кто где.)

Коллега Карус в ответ на эти слова заметил, что налеты английской авиации стали совершаться с периодичностью, которую нельзя назвать иначе как фатальной.

На что толстяк Кристиан возразил, что фатум,

собственно говоря, есть не что иное как метафизический парафраз высшей справедливости.

Идея рока безрассудна, но при ближайшем рассмотрении оказывается детищем оптимистического рационализма.

— Я что-то не понял, — отозвался король, расставляя фигуры. — Не будет ли профессор столь любезен дать научное определение этому понятию?

— Какому? — спросил Кристиан.

— Высшей справедливости, bien sür[45].

Кристиан пристроил сигару в уголке шахматного столика, извлек из кармана домашней куртки carnet[46] и перелистал странички, исписанные бисерным почерком. Такой почерк всегда бывает у людей с хорошим пищеварением и ясным, незамутненным взглядом на мир. Ибо мир этих людей есть мир гармонический.

(Спустя десять месяцев эта книжка была отобрана у Кристиана при обыске в санпропускнике в числе других предметов; при этом ему велели снять одежду, нагнуться и раздвинуть ягодицы.)

Итак, Кристиан отложил сигару и обвел сияю-

---

[45] Примечания: 45
Чему же еще *(франц.)*.

[46] Примечания: 46
Записную книжку *(франц.)*.

щим взором отца, мать и доктора. «Вот», — сказал Кристиан.

Он прочел:

— Справедливость и несправедливость зависят не токмо от природы людей, но от природы божьей. Исходить же из божественной природы, значит основываться отнюдь не на произвольных посылках. Ибо! (Кристиан поднял палец.) Ибо природа бога всегда покоится на разуме.

Королева считала петли. Доктор Карус оком полководца озирал шахматную доску.

Король промолвил:

— Неплохо сказано. Кто это?

— Лейбниц, — сказал Кристиан и, закинув ногу за ногу, величественно выпустил дым.

— Что ж, — заметил Седрик, — ему это простительно.

Доктор сделал первый ход: теперь белыми играл он.

— Так, — сказал Седрик. Вдали слабо запел рожок. На мгновение король закрыл глаза. Простер руку над строем войск — медленным провиденциальным жестом.

И под звуки рожка черные, издав боевой клич, ринулись на врага.

XI

В ноябре, по случаю Дня независимости, король выступил с традиционной речью по радио. Нужно признать, что она была не самым удачным из его выступлений. Это почувствовали все граждане, но кто на его месте поступил бы иначе? Радиовещание контролировалось оккупационными властями, точнее, полностью находилось в их руках, в комнате, соседней со студией, сидел техник, готовый при необходимости прервать передачу по техническим причинам, а рядом с Седриком за пультом находился некто в штатском, который помогал королю переворачивать страницы.

Речь была посвящена инциденту на железнодорожном вокзале. Упоминая об этом, мы отнюдь не хотим сказать, что этот инцидент каким-либо образом повлиял на международную обстановку. Ничто из происходившего в маленькой стране — читатель должен был понять это с самого начала — решительно не могло оказать влияние на ход мировых событий. Это в равной мере относилось и к мелким недоразумениям, время от времени омрачавшим мирное соитие завоевателя с покоренной страной, и к тому беспрецедентному нарушению порядка, о ко-

тором нам еще предстоит рассказать позднее. Итак, случай, происшедший на вокзале, был едва упомянут газетами, да и в речи короля о нем говорилось достаточно глухо. Дело в том, что здесь была совершена ошибка. Не было ровно никакой необходимости в публичной акции, не надо было устраивать никаких митингов, а надо было просто сообщить о митинге, сочинив репортаж и подобающие речи; вместо этого пошли на поводу у дурацких обычаев страны, где привыкли все видеть своими глазами, страны, где премьер-министр ездил на заседание кабинета в трамвае, где король катался по улицам на лошади, где не имели никакого представления о государственном престиже. И вот результат! В честь стрелков добровольческой роты, не без значительных усилий сформированной для отправки на фронт в Россию, на вокзальной площади были устроены торжественные проводы. На митинге собирался выступить военный министр. В новых шинелях и плоских блинообразных беретах с двухцветной, синей с зеленым, национальной кокардой солдаты выстроились на мостовой, напротив входа в зал для продажи билетов; несколько в стороне на тротуаре стоял народ. Ни с того ни с сего в этой толпе произошло движение: как передавали, там

неожиданно начались родовые схватки у какой-то добровольческой жены. По другим данным, там задавили собаку. Так или иначе, но министр не успел раскрыть рта, а немецкий капитан, стоявший рядом, не успел дать знак полиции, как толпа слушателей шарахнулась, кордон полицейских, впрочем, довольно малочисленный, был оттеснен, и в течение последующих десяти минут неизвестные, в количестве примерно тридцати человек, храня молчание и даже относительный порядок, избили добровольцев, испачкали обмундирование и сорвали с них национальные блины, после чего так же молча и таинственно рассеялись. Не останавливаясь на этих подробностях, выяснением которых вот уже целую неделю были заняты компетентные инстанции, король нашел лишь необходимым обратиться с увещеванием к народу, прежде всего к молодежи, призывая ее воздержаться от действий, могущих осложнить отношения с оккупационным режимом.

Еще была неприятность с уличным хулиганом, неким Хенриком Седриксоном, восьми с половиной лет. В четверг 9 ноябри этот мальчик подошел к воротам ортскомендатуры и плюнул в часового, причем попал ему в пряжку. Это произошло днем

на глазах у прохожих и возвращавшихся с уроков детей, и инцидент получил огласку. Король призвал родителей и педагогов уделять больше внимания искоренению дурных манер у подрастающего поколния. Похороны мальчика были приняты на государственный счет. В заключение своей речи его величество обратился к Богу, прося его о спасении страны и народа.

Вообще следует сказать, что поддержание дисциплины в столице и за ее пределами натолкнулось на одну непредвиденную трудность — в стране не удавалось наладить обычную для всего рейха систему сыска. Трудность собственно состояла в том, что не удавалось привить населению этой страны мысль о естественности и необходимости доносов. Люди не понимали — или притворялись, что не понимают, — чего от них требуют. И все же в общем и целом оккупационный режим, это тоже надо отметить, оказался мягче, чем можно было ожидать. Победитель щадил маленькую страну, словно в самом деле питал уважение к ее очевидной беспомощности. Возможно, сыграло роль и то, что этническая принадлежность этого народа к германскому племени давала ему право, с известными оговорками, считаться арийским. Разумеется, и в

этой стране повсеместно был установлен комендантский час, действовали карточная система, трудовая повинность, паспортизация, прописка, «кружка победы», ежегодная подписка на заем, запрещение самовольного ухода с промышленных предприятий, запрещение свободного передвижения по стране, безусловное запрещение выезда за ее пределы, хотя бы и к родственникам, хотя бы и к детям, хотя бы и к мужу, к жене; были упразднены все намеки на политическую деятельность, была установлена цензура на все, что выходит из-под печатного станка — от телефонных книг до объявлений в брачной газете, от романов до трамвайных билетов и талонов на керосин. Разумеется, ни одно публичное выступление, включая проповеди в церквах, не обходилось без выражений горячей благодарности имперскому вождю, этому отцу народов и лучшему из людей. Разумеется, английская блокада, распространенная на все территории, подвластные рейху, не сделала исключения для маленькой страны, и, например, по улицам столицы двигались автобусы, запряженные лошадьми, ввиду отсутствия бензина. Но достаточно было сравнить положение в стране хотя бы с участью северного соседа, чтобы понять, насколько судьба была милостива

к этому патриархальному краю. Жизнь продолжалась с ее обычными заботами, радостями и печалями, и погода стояла обычная для этих мест: как тысячу лет назад туман висел над морем древних викингов; в предутренней мгле, точно призраки, маячили на перекрестках продрогшие полисмены в серебристых от измороси плащах, обыватели просыпались на рассвете в своих спальнях за черными шторами, под веточкой багульника, женщины зачинали в сонных утренних объятиях, это была весьма сносная жизнь, без ночных облав, без заложников, даже без отправления людей в Германию, уходили только бесконечные эшелоны с продовольствием: рейх нуждался в колбасе, маргарине, мороженой рыбе, картофеле, беконе, все же остальное, — колокольни соборов, памятники морским разбойникам, клочья тумана, герб, сплетенный из волос русалки, даже опереточный страж у ворот дворца, представлялось несъедобным и до поры до времени не привлекало внимания вечно голодного победителя. Утверждали, что в стране нет ни одного концлагеря. Дети брели в школу, волоча старые отцовские портфели с тетрадками из серой и очень тонкой бумаги. Хозяйки стояли в очередях и не роптали.

В канун Рождестве, когда по улицам от дома к дому ходили пожилые серьезные господа в котелках, несли на палках Деву Марию, волхвов и мулов, фюрер в речи, переданной из Нюрнберга, вновь осчастливил крошечную нацию: она была названа «образцовым протекторатом». По этому поводу газеты разразились ликующими передовицами. За этим последовал новый, столь же многозначительный жест — поздравительная телеграмма по случаю семидесятилетия короля. В этот день разрешено было развесить на улицах штандарты с буквой С и римской цифрой Х, а рядом, само собой, развевались морковно-красные флаги победителей.

Начался зимний семестр в университете. После десятимесячного перерыва Седрик возобновил в нем свой курс. Он продолжал работу по обобщению материалов об отдаленных результатах лечения рака предстательной железы, но конгресс в Исландии был снова отложен.

XII

В промозглую весеннюю ночь, густым туманом окутавшую Остров, королю приснился сон. Ему приснилось, что огонек ночника потух и, открыв глаза, он пытается сообразить, где он, пока, наконец, глаза не привыкают к мраку, и он видит перед собой два высоких, выступающих в темноте окна спальни.

Сон этот был явно дурной, непонятный и ничем, по видимости, не спровоцированным, и опять-таки мы упоминаем о нем вовсе не потому, что хотели бы приписать ему какое-нибудь символическое значение; пожалуй, в нем сказалась невысказанная тревога тех дней, глухое нечто, вползавшее через щели и дымоходы с лохмотьями тумана, — и только.

Открыв глаза, Седрик увидел, что черные шторы затемнения закатаны чьей-то рукой кверху и во тьме перед ним выставились два окна — совершенно пустые. Но что-то мешало ему разглядеть предметы в комнате и даже мебель. Что-то зыбкое окружало кровать, скрыло пол, и в этой массе тонули внизу окна. Вглядевшись, он понял, что вся комната заросла водорослями.

Недовольный и даже огорченный, он встал и

нашарил ночные туфли — они сказались полны ила, — и в туманной зеленоватой воде стал пробираться к выходу, стараясь не поднимать шума. Ему удалось выбраться в залу, никого не разбудив, а потом и на галерею, и он начал спускаться по лестнице, крепко держась за перила, чтобы не поскользнуться. Это была историческая лестница, известная тем, что на ней, на ее ступеньках, умер его дедушка Седрик IX — вышел утром из спальни и вдруг сел и умер. Внизу Седрика ожидал сюрприз. Когда он шел по бельэтажу, волоча мокрые туфли, и по привычке оборачивался на зеркала, приглаживая на голове ежик, то вдруг оказалось, что в зеркалах никого нет: кто-то двигался, кто-то шелестел в полутьме туфлями по эту сторону зеркал, но ничего не отразилось в их тусклой бесконечности, они остались пусты, и по тому, как он спокойно отнесся к этому, Седрик понял, что и он умер, умер в самом деле, или, как принято выражаться о королях, почил в бозе. Что было, в общем, неудивительно в его возрасте.

Очевидно, об этом еще никто не знал. Седрик пожалел Амалию и пожалел государственный бюджет, на который в эти трудные времена свалилось неожиданнее бремя — катафалк, лошади и прочее. Но формальности уже не имели

для него значения, вот только медицинского заключения он не мог избежать, уважая хотя бы профессиональную этику. Проще говоря, предстояло вскрытие, и, скрепя сердце, он поплелся в тех же домашних шлепанцах и в халате со следами морской травы в морг, досадуя на себя за то, что не успел привести себя в порядок перед неприятной, но необходимой процедурой.

Он лежал на мраморном столе в зале со стенами из кафеля. Ровный свет струился из невидимых источников, лежать на мраморе было очень холодно, и он попытался натянуть сползшее одеяло, но тут же вспомнил, что никакого одеяла нет и быть не может, потому что он мертв и лежит в прозекторской университетских клиник, в хорошо знакомом ему секционном зале, и какое счастье, что вокруг него не было студентов; уже слышны были шаги служителя, шорох его клеенчатого передника и звяканье эмалированных лотков. Затем чьи-то руки подхватили его под мышки, рывком подтянули к себе, — под головой у Седрика оказалась деревянная подставка. В это время дверь открылась, и вошел господин Люне, прозектор.

Прозектор встал на пороге, в пустой дверной раме, и лишь теперь стало ясно, кто он такой:

в белой одежде, с парусами накрахмаленных крыльев за спиной, он держал перед собой двумя руками, как крест, длинный блестящий меч. Ангел смерти шагнул к столу и одним взмахом рассек тело Седрика, расщепил его от подбородка до лобка. Производя исследование, г-н Люне шевелил губами. Слов не было слышно, по-видимому, он диктовал протокол. Слава Богу, они не стали распиливать череп: прозектор полагал, что ничего существенного там не найдет. Он диктовал, а Седрик сгорал от любопытства, тщился прочесть его слова по движениям губ, следя за прозектором из-под полуопущенных век, но ничего не понял. Вскрытие кончилось, и, понимая, что через минуту его унесут и он никогда уже не сможет изложить свои доводы, Седрик напряг все силы, пытаясь встать: он хотел оправдаться перед прозектором, объяснить ему, на каком основании был поставлен ошибочный диагноз; объясниться же было необыкновенно важно; прозектор уже направился к дверям. С невероятным усилием Седрик пошевелил губами, но язык оцепенел, воздух застрял в груди, руки не слушались его, прозектор уходил, Седрик тянулся к нему… беззвучный, безголосый хрип выдавился из глубин его существа, как это бывает во сне, и поняв, что

это сон, услышав свой хрип, он проснулся.

Он проснулся в липком поту, ночник горел перед ним; он выпил воды и упал на подушки, измученный пережитым и обессиленный до полного изнеможения, но заснуть снова ему не дали: впереди была дорога; задувал ветерок, было зябко, как перед дождем, надо было поторапливаться. Все небо обложила глубокая дымно-лиловая туча. Лишь на горизонте не то светился закат, не то тлели пожары. С мешком за спиной, уныло стуча палкой, он шел по дороге, и ветер доносил запах обугленного дерева: где-то горели леса; мало-помалу Седрика стали обгонять другие путники; дорога сделалась шире, вдали показался забор, в заборе ворота.

Огромная толпа с мешками, с корзинами, с перевязанными бечевкой чемоданами осаждала ворота, и было видно, как охранники били людей прикладами автоматов, стараясь восстановить порядок. С вышки на это столпотворение равнодушно взирал часовой, топал затекшими ногами по дощатому помосту и пел песню, вернее, разевал рот, а слов не было слышно. То и дело лязгал засов, ворота на минуту приотворялись ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. Ясно было, что ждать придется долго. У ворот

маячила высокая светлая фигура св. Петра.

Вместе с толпой Седрик медленно подвигался вперед. Сзади толкали. Стражник у входа листал захватанный список. Все это тянулось невероятно долго. Наконец, подошла его очередь. Апостол не торопил его, с презрительным терпением наблюдал, как Седрик развязывал мешок. В мешке были свалены органы — ужасное липкое месиво. Дождь накрапывал, толпа нажимала сзади, загораживая свет; дрожащими руками он стал вытаскивать почки, сердце, желудок, вынул и показал большую скользкую печень. Все было сильно попорчено господином Люне.

Петр мельком взглянул на органы, поморщился и махнул рукой; Седрик принялся торопливо запихивать все обратно. У него было тяжелое чувство, что он не сумел угодить. Такое чувство испытывает человек, у которого не в порядке документы. Но что именно не в порядке, он не знал. Предстояли еще какие-то формальности. Толпа сзади бурно выражала нетерпение, а он все еще собирал свое имущество; органы были липкими, он перепачкал руки и вытирал их о мешковину. Из толпы неслась брань. Никому из них не приходило в голову, что каждого ждет такая же участь. Апостол хмурился. Седрик задер-

живал очередь. Вдруг раздался оглушительный треск мотоциклов. Толпа шарахнулась в сторону, и большой черный автомобиль подкатил к воротам, окруженный эскортом мотоциклистов.

Выражение отчужденности исчезло с лица апостола Петра, он приосанился, приняв какой-то даже чрезмерно деловой вид; стражники, молча дирижируя толпой, оттеснили всех подальше; ворота распахнулись. Стражники взяли под козырек. Седрик стоял в толпе, испытывая общие с нею чувства — сострадание, любопытство и благоговейный страх. Медленно пронесли к воротам гроб; мимо сотен глаз проплыли кружева глазета, проплыл лакированный черный козырек фуражки и под ним туфлеобразный крупный нос с усами, растущими как бы из ноздрей. Усы были крашеные. Седрик узнал человека, лежащего в гробу. Толпа, объятая священным ужасом, провожала взглядом гроб; на минуту она как будто прониклась уважением к себе, раз и он здесь. Гроб исчез в воротах, и створы со скрежетом сдвинулись; громыхнул засов. Тотчас все, словно опомнившись, бросились к воротам. Произошла давка, и те, кто раньше стоял впереди, оказались сзади.

С вышки послышалась песня часового, кажется,

это был какой-то духовный гимн; очередь шла, апостол был занят: люди торопливо развязывали мешки, показывали содержимое корзин, один за другим проходили в ворота. О Седрике же как будто забыли; привратник не замечал его. Он протолкался к воротам. «Черт знает, что такое»., — проворчал Петр и, обернувшись, сказал: «Да отойдите вы, ради Бога. Мешаете работать». — Это произвол, — возразил Седрик, — исходить из природы Божьей, значит основываться не на произвольных посылках». — «Кто тебе это сказал?» — грубо бросил апостол Петр и отвернулся. Очередь все шла и шла мимо него.

«Я буду жаловаться», — сказал Седрик упрямо.

«Кому?» — спросил брезгливый голос.

«Королю», — сказал Седрик, забыв, что он и есть король. Впрочем, к лучшему: в толпе его подняли бы на смех, а может быть, и избили бы, вздумай он заикнуться об этом. Внезапная мысль осенила его, и он спросил, показывая на расщелину ворот: «А он? Почему его пропустили?»

«Он — это он», — буркнул голос.

«Но ведь он… вы понимаете, кто это?» — в отчаянии крикнул Седрик.

«Надо быть самим собой, — был ответ. — А ты — ни то ни се. — Говоря это, апостол жестом

подзывал стражника. — Убрать, — приказал он коротко. — Под домашний арест».

Слова застряли в горле у короля, но на него уже не обращали внимания. Сзади сжала многоголосая, тяжело дышащая толпа, послышались крики раздавленных. Пламя вспыхнуло за забором. Затрещали доски… Вдруг стало ясно, что деваться некуда и нет спасения.

Таков был этот сон, о котором король поведал Амалии, каковое обстоятельство и сделало возможным для автора настоящих строк упомянуть о нем на страницах своей хроники. Повторяем, мы не склонны разделять мнение ее величества (см. ее «Мемуары») о том, будто странное это сновидение могло иметь влияние на судьбу короля или как-либо отразиться на его политической позиции. Было бы нелепо предполагать, что человек трезвый и реалистически мыслящий, каким был Седрик X, мог испытать душевный переворот под впечатлением ничего не значащего ночного кошмара. Вместе с тем мы понимаем, что смерть Седрика, последовавшая относительно скоро (примерно через полгода), ретроспективно могла дать повод ко всякого рода суеверным сближениям. Как известно, этот монарх был расстрелян по приговору имперского трибунала в связи с

происшествием, о котором нам предстоит рассказать ниже. Королева Амалия, некоторое время содержавшаяся в небезызвестном «секторе Е» женского лагеря Равенсбрюк, осталась в живых и здравствует по сей день: в нынешнем году ей исполняется 94 года. Быть может, психоаналитическая интерпретация упомянутого сна, если он заинтересует специалистов, способна пролить дополнительный свет на личность Седрика Х; мы же привели его единственно с целью охарактеризовать общее настроение тревоги, по-видимому, владевшее королем даже в относительно спокойное время, когда ничто, казалось, не предвещало близкого поворота событий.

XIII

Итак, подытоживая сказанное в предыдущих параграфах, можно утверждать, что весной 1942 года в стране наступила относительная стабилизация. Восстановилась будничная, размеренная, почти спокойная жизнь. Абсурд способен «вписаться» в реальную жизнь, где его присутствие

оказывается как бы узаконенным, подобно тому как бред и фантастика в мозгу умалишенного уживаются с остатками реализма, достаточными для того, чтобы позволить больному кое-как существовать в среде здоровых. Специалистам известен замечательный феномен симуляции здоровья у больных шизофренией. Но нет-нет, и внезапная эскапада выдаст пациента и сорвет завесу, за которой скрывается сюрреалистический кошмар его души. Тогда оказывается, что тени, пляшущие там, — порождение пустоты… Пронизывающим холодом веет из этого ничто, из погреба души, над которым в опасной непрочности воздвигнуто здание рассудка; и тянет заглянуть в этот подвал, где живут только тени…

Тенью, вышедшей из царства абсурда, показался Седрику странный визитер, о прибытии которого с подозрительной многозначительностью возвестил секретарь. В этот час венценосец сидел в кабинете, как обычно, просматривая текущие дела. SIDERICUS REX — длинными и узкими, как он сам, полу печатными буквами на старинный манер выводил он под бумагами, теперь уже явно потерявшими смысл, с тем же успехом он мог бы расписываться на листках отрывного календаря. Однако, как уже говорилось,

внешние контуры жизни в эту полосу затишья вновь обрели устойчивость, и как будто после наводнения старую мебель, сильно попорченную, но высохшую на солнце, расставили на старые места, и старые часы, кряхтя и постукивая маятником, вновь пошли с того места, на котором застала их катастрофа, — король ежеутренне выслушивал доклад, визировал документы, принимал просителей…

Человек этот, с нарочито нейтральной фамилией, с невыразительной внешностью, так что через пять минут после его ухода король не мог припомнить его лицо, человек неопределенной национальности, то ли натурализованный немец, то ли соотечественник, долго живший за границей, — сослался на дело, не терпящее отлагательства, одновременно личное и государственное, и потребовал аудиенции с глазу на глаз.

Выходя из кабинета, секретарь обнаружил в приемной незнакомых молодых людей, неизвестно как оказавшихся здесь, они были в костюмах разных оттенков, но одного покроя, подобно маркам из одной и той же серии; в коридоре тоже прохаживались неизвестные лица; персонал дворца куда-то исчез, в рабочую комнату

войти было невозможно, и вообще в эту минуту секретарь его величества явственно ощутил присутствие в окружающем мире чего-то потустороннего.

В это время в кабинете шел вежливый, очень тихий и очень странный разговор.

— Прошу, — Седрик указал на кресло. — Чем могу служить?

— Государь, — отвечал гость, — первая услуга, которую вы окажете нам, — сохранение в безусловной тайне всего, что здесь будет сказано. И всего, что последует за этим.

— Что вы имеете в виду? — слегка подняв брови, спросил Король. Он напомнил посетителю, что в его распоряжении имеется всего десять минут.

— О! — отозвался тот. — Я отлично понимаю, что ваше величество перегружено делами.

— Да, — ответил Седрик. — Я занят.

— Итак? — сказал гость.

— Что — итак? — не понял Седрик.

Он снова напомнил г-ну Шульцу, что в приемной ждут другие посетители. Не угодно ли ему будет перейти к сути дела.

— Не извольте беспокоиться, — улыбнулся гость, сознательно пародируя старомодную формулу вежливости — Я отослал всех.

— Что? — спросил Седрик.

Вместо ответа человек беспечно попросил разрешения закурить.

Это было нарушением этикета, неожиданным у столь благовоспитанного визитера, но уже через минуту Седрик заметил любопытную метаморфозу, которая происходила с гостем: точно сцену с актером осветил новым светом боковой луч. Безупречный туалет г-на Шульца, его жидкие, слегка волнистые зеленоватые волосы, тускло блеснувшие, когда он выстрелил из крохотного стального пистолета перед кончиком сигары, — все это осталось прежним, но и как будто переменилось, и глаза, медленно поднявшиеся на Седрика, принадлежали другому человеку. Перед королем сидел гангстер, похожий на рисунки в романах, которые продаются на вокзалах, — так сказать, дежурный гангстер. Что ж, это упрощало обстановку.

Вытянув длинные ноги под столом и скрестив руки, Седрик ждал, что последует за этим перевоплощением.

— Итак, — сказал Шульц, — вы обязуетесь сохранить в секрете наш разговор.

— Смотря о чем мы будем разговаривать, — заметил король.

— Предмет нашей беседы, — сказал Шульц с некоторой торжественностью, — есть дело сугубой государственной тайны.

— Гм. Видите ли, содержание этого понятия толкуется в Германии иначе, чем в других государствах. Что касается моей страны, то у нас не принято скрывать от нации что-либо затрагивающее ее интересы.

— Пусть так, — сказал гость. — Но врачебная тайна в вашей стране соблюдается?

— Конечно. Но при чем тут врачебная тайна?

— А притом, что вопрос, интересующий моего поручителя, носит, так сказать… медицинский характер. Вот что, профессор, — неожиданно сказал Шульц и швырнул сигарету в угол, где стояла корзина для бумаг. Седрик с любопытством проследил за ее полетом. — Оставим эту дипломатию. Речь идет о больном, которому вы должны помочь.

— По этим вопросам, — произнес король, — прошу ко мне в клинику. Я принимаю по пятницам от двух до… — и он потянулся к блокноту с гербом на крышке, чтобы записать фамилию пациента.

Г-н Шульц вынул пистолет и вставил в рот вторую сигарету. При этом блеснули его стальные зубы.

— К сожалению… — проговорил он сквозь зубы. Щелкнул курок, до пистолет дал осечку. Очевидно, бензин был на исходе. — К сожалению, больной не имеет возможности посетить вас в клинике. Поэтому, — Шульц выстрелил, — вам придется посетить его. Впрочем, мой поручитель готов пойти вам навстречу — точнее, выехать. Свидание можно устроить где-нибудь на границе.

— А кто он такой? — спросил Седрик.

— Вашему величеству угодно задать вопрос, на который я не уполномочен ответить. Впрочем, могу сказать, что это самый высокопоставленный, самый великий и самый гениальный человек, с которым вам как врачу когда-либо приходилось иметь дело.

— Вы уверены, — спросил Седрик, — что этому самому великому человеку нужен именно я? Я уролог.

— Вот именно, — ответил гость, заволакиваясь дымом. — Ему нужны именно вы.

— Разве в Германии нет специалистов?

— Есть. Но они не оказались на должной высоте. К тому же, — он развел руками, это было слабым подобием реверанса, — к тому же репутация вашего величества как специалиста…

Поверьте, — заключил г-н Шульц, пристально глядя в глаза собеседнику и понижая голос, — мы в Германии умеем ценить выдающихся ученых независимо от…

— Независимо от чего?

— Ну, — гость пожал плечами, — хотя бы… от международной обстановки.

— Так, — сказал король. — Может быть, вы ознакомите меня с историей болезни? Разумеется, в общих чертах.

— Разумеется, разумеется, — подхватил Шульц. — Всенепременно и обязательно. Вам будет представлена вся документация. Во время осмотра.

— Так, — промолвил Седрик. И опять, подумал он, судьба задает ему вопрос, на который он волен ответить отказом. Какое это было бы наслаждение — выгнать вон это ничтожество, спустить его в лестницы! Выскобленный до неестественной гладкости фиолетовый подбородок короля сам собой вознесся кверху, и глаза утратили всякое выражение, В эту минуту он был похож на старого, костлявого и непреклонного зверя — пожалуй, на своего геральдического льва.

Несколько мгновений прошло в обоюдном молчании. Лев закашлялся.

— Перестаньте курить, — прорычал он.

Шульц покосился на собеседника, скомкал сигарету, пробормотал:

— Excuse[47]... — И стал смотреть в окно, казавшееся матовым от густой завесы тумана.

В непостижимой дали смутно угадывалась башня с часами, она точно парила над клубящейся бездной, и едва заметно золотился ободок циферблата.

Шульц сказал:

— Я бы не советовал упрямиться. Поймите, мы обращаемся к вам как к частному лицу. Я подчеркиваю: как к частному лицу.

Король молчал. Странное дело, но на минуту — не больше — почувствовалось вдруг что их что-то объединяет. Казалось, помолчи он так еще немного, и гость начнет умолять его сжалиться над ним. Их объединял общий страх.

Г-н Шульц выдержал паузу, затем поднялся и произнес — торжественно, выделяя каждое слово:

— Благодарю вас, ваше величество. От имени имперского правительства, руководства нашей партии и от имени всего германского народа

---

[47] Примечания: 47
Извиняюсь *(англ.)*.

— примите мою сердечную признательность.

XIV

Свидание состоялось во второй половине апреля (по некоторым данным, в последних числах). Автор не считает себя вправе умолчать о нем, тем более что в западной историографии этот факт не получил освещения. Достаточно сказать, что в шеститомном «Жизнеописании Адольфа Гитлера» проф. Карла фен Рубинштейна о нем нет никаких упоминаний. Вряд ли архивные изыскания последних лет приведут к открытию документов, проливающих свет на эту историю. Можно предполагать, что таких документов не существует.

Таким образом, учитывая скудость информации, наше сообщение приобретает определенный научный интерес.

Мы уже имели случай сослаться на записки г-жи королевы. Пожалуй, это единственный заслуживающий внимания источник, в котором имеется упоминание о поездке Седрика на

уединенную загородную виллу. Будучи, крайне лаконичным, оно отягощено домыслами в духе скандинавского мистицизма (Амалия пишет о свидании с «князем тьмы») и как будто имеет целью намекнуть на особый таинственный смысл этой встречи, якобы предрешившей дальнейшие события. Естественно, мы не можем вдаваться в обсуждение подобных вопросов. Представляется вполне очевидным, что встреча была лишена какого бы то ни было политического значения; читателю будет нетрудно убедиться в этом. Речь идет о любопытном малоизвестном эпизоде, но не более.

Точно так же следует опровергнуть слухи, одно время распространявшиеся, будто король, воспользовавшись этим рандеву, просил не применять к его стране некоторых санкций репрессивного характера, в частности, возражал против проведения так называемой акции «Пророк Самуил», которая была разработана Четвертым управлением Главного имперского управления безопасности, по крайней мере, на полгода позже. Здесь очевидным образом сказываемся влияние той самой ретроспекции, на которую мы указали, когда описывали пасхальный сон Седрика. К тому же приватный характер

встречи исключал возможность обсуждения государственных вопросов. Фактически там не была затронута ни одна проблема за пределами специальной цели, которую преследовала встреча. Стороны вели себя так, как если бы они вообще не имели никакого касательства к государственным делам.

Более того: стороны делали вид, будто они и представления не имеют, кто они такие на самом деле. Если позволено будет воспользоваться рискованным сравнением, они вели себя подобно тайным любовникам, которые ночью сочетались в мучительной страсти, а на другой день, не подавая виду, спокойно и отчужденно беседуют о делах. Обе стороны точно сговорились не замечать глухой таинственности, которою было окружено их свидание; и то, что вся местность на сто километров вокруг была прочесана патрулями, пронюхана собаками, просмотрена с самолетов, что специальные войска были приведены в боевую готовность на тот случай — абсолютно невозможный, — если бы кто-нибудь вздумал нарушить их уединение, все это и многое другое точно не имело никакого отношения — они как бы и не подозревали об этих чрезвычайных мерах. Словом, это были встреча

больного с врачом — и только.

Газеты поместили краткое сообщение о том, что король покинул на несколько дней столицу для непродолжительного отдыха на лоне природы. Так оно, в сущности, и было. Вилла «Амалия» — крохотный островерхий домик расположенный в прелестном уголке, в тридцати километрах от границы. Вокруг — холмы, поросшие буком. Это самое сердце малонаселенного лесного края, раскинувшегося к северу от линии Бременер Оке — Люнебург — Фрауэнау.

Седрик приехал на виллу в закрытом автомобиле, в сопровождении неизвестных лиц, именуемых «представителями»; один из этих людей сидел с шофером, двое других — по обе стороны от профессора, одетого в скромное дорожное платье.

Пациент прибыл неизвестно каким способом и неизвестно откуда.

Пациент вошел в небольшую гостиную, переоборудованную под смотровой кабинет — письменный стол, ширма, кушетка, столик для инструментов. Посредине стояло высокое, сверкающее никелированными подколенниками кресло.

Снедаемый любопытством (совершенно

неуместным), Седрик не спускал глаз с двери — пациент медлил, но когда он, наконец, появился, то, как и следовало ожидать, совершенно разочаровал профессора; мы сказали «следовало ожидать», ибо едва ли нужно объяснять читателю, что тот, кто вошел в кабинет, был лишь телом, далеким от совершенства, как все земное, тогда как великий демон, обитавший в нем, демон могущества и всеведения, обретался где-то очень далеко, на недосягаемых вершинах. И лишь время от времени это тело, облаченное в мундир, должно было позировать перед миром, дабы мир знал, что демон, владычествующий над ним, — не призрак.

Воздержимся от описания внешности этого человека, предполагая се хорошо известной; тем более что это был тот случай, когда, перефразируя древнее изречение, можно было сказать, что важен не сам предмет — в данном случае человек, — а впечатление, которое он оставляет. Вошедший производил впечатление самозванца. Причем самозванца накануне своего разоблачения. Дело не в том, что лицо его с крупным угреватым носом, воспроизводившим очертания дамской туфли, и с небольшими, крашеными, как бы растущими из ноздрей усами, — знаменитыми

усами, вошедшими в историю подобно габсбургской губе, — показалось Седрику одновременно и незнакомым, и знакомым, и, пожалуй, даже более располагающим в своей обыденной заурядности, в памяти Седрика как бы сама собой ожила старая и давно развенчанная легенда, будто прославленный диктатор есть не что иное, как круг заместителей, по очереди выступающих под его именем, — так сказать, род коллективного псевдонима.

Не то чтобы в нем сквозило что-то наигранное. Распространенное мнение об «актере», о фокуснике-иллюзионисте, по крайней мере, здесь, на уединенной вилле, никак себя не оправдало. Речь идет о другом: о том, что невозможно было отделаться от впечатления, будто перед нами — двойник или заместитель. Ничто в его облике не отвечало представлению о демоническом властелине, о гении зла.

Если уж попытаться позитивно охарактеризовать наружность пациента, какою она представилась восседавшему у окна Седрику, то это был директор треста, человек бывалый, выходец из народа, не из тех, кто кончал университеты, а из тех, кто своим горбом пробил себе дорогу в жизни, из каких-нибудь счетоводов-

письмоводителей; человек-практик, знающий жизнь и, должно быть, немало встревоженный неожиданным вызовом к высшему начальству по какому-то щекотливому делу. То, что у этого человека должно было существовать начальство, и притом очень строгое, не вызывало сомнений.

Человек этот был прекрасно одет и спрыснут духами, чуть заметно лысел и слегка тряс щеками — словом, лишь самую малость был тронут старостью; губы его с какой-то скорбной предупредительностью были сложены почти вровень с каштановыми усиками, о которых мы уже упоминали. Под мышкой вошедший держал папку — как бы с бумагами для доклада (в действительности это были рентгеновские снимки и анализы). Закрыв дверь, пациент — каблуки вместе, под рукой папка — поклонился сдержанно-подобострастным поклоном.

При этом он не смог удержаться, чтобы не метнуть молниеносный взгляд вправо и влево. Он даже успел скосить взор под стол, на ноги Седрика. Быстро оглядел окно, застекленное пуленепроницаемым и размывающим предметы стеклом.

Профессор пригласил пациента к столу.

Оба как-то легко и без насилия освоились с эти-

ми ролями. Пациент приблизился, слегка виляя задом и всем своим видом демонстрируя почтительный трепет, — это было почтение профана к медицинской знаменитости и дань уважения одного делового человека другому. Опасливо сел, уложил папку на колени. Робко приосанился. Седрик, величественный, как судья, сурово воззрился на него из-под косматых бровей.

Седрик принял папку с анализами. Пронзительно поглядывая на пациента, он предупредил, что в интересах дела ему придется задать, э, несколько специальных вопросов, относящихся, как сказать, к интимной стороне жизни. Больной кивал с серьезным и понимающим видом: дело есть дело. И вкрадчивым голосом, с подобающей скорбью, почтительно наклонив плоскую блестящую и лысеющую голову, поведал он о своем недуге.

Он старался не упустить ни одной подробности, был многословен, даже красноречив. В этой добросовестности пациента было что-то угодливое, точно он доносил на себя.

По его мнению, причина болезни заключалась в бремени дел, которое он самоотверженно возложил на себя Поистине мы живем в трудное время; себе не принадлежишь. Так и случилось

то, что служебные обязанности, поглотив все его силы, лишили его личной жизни не только в переносном, но и в буквальном смысле: лишили счастья быть мужчиной. Вот уже много лет он знает лишь уродливую форму наслаждения; но женщины по-прежнему привлекают его, как это и должно быть в его возрасте: ведь он еще молод. Увы, он не в силах ответить на их страсть!

Он знает, что пользуется успехом. Неизвестные девушки пишут ему о своей любви; он получает множество писем из-за границы. Секретарь ежедневно извлекает из его корреспонденции десятки фотографических карточек. Некоторые совсем недурны… И что же?

Важно кивнув, доктор остановил этот поток признаний внушительным и умиротворяющим жестом. Просмотрел архив пациента. Ни в одном из документов страдалец не был назван своим настоящим именем. Впрочем, кому было известно его настоящее имя? История болезни демонстрировала все последние достижения медицинской науки. Это был какой-то нескончаемый каталог всевозможных исследований, диагностических и лечебных процедур, и Седрик подивился терпению пациента и его неистощимой вере в могущество врачебной науки. Были

мобилизованы лучшие силы. Фирма АГ-Фарбен синтезировала новейший, сугубо секретный гормональный препарат. Предпринимались героические меры ресусцитации — вплоть до особой, весьма изобретательной психотерапии посредством кинофильмов. По-ви-димому, были приглашены особо искушенные партнерши.

Отчаявшись получить исцеление от врачей, больной прибег к услугам специалистов оккультного прсфиля: так, его пользовал маг Тобрука Ишхак 2-й, знаменитый гипноспирит, весьма сведущий в области нервно-половых расстройств. После его консультации директор несколько ободрился, но первое же свидание с прелестной огненноволосой Марикой Рокк повергло его вновь в пучину разочарования.

Седрик встал. Тотчас поднялся и пациент, стал навытяжку, ожидая приказаний. Глаза его выражали бесконечную преданность.

Величественно-гостеприимным жестом профессор указал на ширму.

Анализируя последующие впечатления Седрика, нужно прежде всего сказать, что он постарался отрешиться от каких бы то ни было «впечатлений». С момента, когда он задал первый вопрос больному, весь комплекс профессиональных

рефлексов направил его внимание на сущность болезни, и лишь путем, так сказать, вторичной рефлексии ум Седрика возвратился к пониманию совокупной личности пациента. Так в течение десяти минут абстрактный человеческий орган, именуемый locus ininoris resistentiae, превратился вновь в персону директора треста. Но теперь многое из того, что могло озадачить или даже изумить стороннего наблюдателя, по зрелом размышлении выглядело не столь уж неожиданным.

Выражаясь яснее — начиная с известного момента, Седрик ничему уже не удивлялся.

Не удивила его и татуировка. Директор предстал в нежно-голубой нижней сорочке и шелковых носках, и когда по знаку врача, пожелавшего произвести общий осмотр, он покорно и целомудренно приподнял сорочку, обнажилась несколько избыточная грудь и на ней — длинный кинжал с изогнутой рукояткой и надпись «СМЕРТЬ ЖИДАМ», — разумеется, на родном языке владельца. Надпись подтверждала демократическое происхождение директора, На левой руке, ниже локтя, были изображены гроб и пронзенное сердце и начертан второй девиз:

«Es gibt kein Glilck in Leben» (Нет счастья в жиз-

ни).

Слегка смутившись, пациент пробормотал что-то насчет заблуждений юности… В эту минуту осмотр был неожиданно прерван. Ни с того ни с сего пациент попятился; глаза его расширились. Руки судорожно вцепились в детородные части. «Ни с места, — зашептал он. — Ни с места!» Седрик, с трубками фонендоскопа в ушах, обернулся. С большим трудом ему удалось успокоить дрожащего больного, но так и осталось непонятным, что он там увидел под столом.

Как и подобает человеку зрелых лет, недостаточно тренированному и к тому же больному, он протянул руку профессору, и тот помог ему вскарабкаться на высокое кресло. Отсутствие ассистентки несколько удлинило исследование.

Когда оно было закончено, Седрик дал время пациенту привести себя за ширмой в порядок, еще раз задумчиво перелистал бумаги, просмотрел на негатоскопе рентгеновские пленки. И, наконец, воззрился на пациента тусклым, старчески невыразительным взглядом. И в этом взгляде пациент прочитал свой приговор.

По-видимому, впервые в своей многолетней практике Седрик изменил врачебному долгу, повелевавшему ни при каких обстоятельствах

не лишать больного надежды. Само собой разумеется, что, не будучи специалистом, автор лишен возможности дать компетентную оценку заключению Седрика о характере заболевания директора треста, однако не директор является героем этих страниц. Характеристика же Седрика нисколько не пострадает от того, что мы опустим заключительные подробности этой замечательной консультации. Прикрыв глаза рукой, Седрик сказал, что болезнь неизлечима. Он даже позволил себе заметить, что в некотором смысле она может быть истолкована как Божий перст. Перспектива могла бы быть несколько более утешительной, если бы пациент согласился бы сложить с себя, э, свои обязанности. Так сказать, удалиться на покой. Однако и в этом случае рассчитывать на исцеление трудно.

XV

«…Этот народ, которого загрызла волчица, расплющенный под пятой легионов, народ, на глазах у которого рухнул и превратился в пыль

его храм, этот трижды обреченный, отвергнутый собственным богом народ, пережил и единственное в своем роде крушение духа, после которого он, подобно восставшему от болезни, навсегда понес в себе семя тлена, заразу разложения, ибо, как сказал германский поэт, проклятие зла само порождает зло».

Раскрывая утренние газеты, обыратели без труда узнавали в этой статье, перепечатанной из философского еженедельника «Дер баннерт-регер», полный экспрессии стиль выдающегося мыслителя рейха Ульриха Лоэ, человека, прозванного «совестью века», ныне генерала СС и заместителя начальника Управления теоретических изысканий при Главном Управлении безопасности.

«К этому крушению, — продолжал Ульрих Лоэ, — народ этот был подготовлен десятью веками своей истории; его летопись и символ веры, в котором устами Всевышнего он провозглашает себя избранным народом, — пресловутое Священное писание, — рисует его таким, каков он был на самом деле: избранным народом преступников, ибо это летопись нескончаемой цепи убийств, подлогов и кровосмешений.

Однако даже противоположное толкование Би-

блии в равной мере уличает этот народ, так как если он записал в свою книгу (как уверяют его адвокаты) заповеди добра, то сам же первый их и нарушил; проклятие зла, тяготеющее над ним, состоит, между прочим, в том, что против него, против этого народа, одинаково свидетельствуют как исторические улики, так и то, что служит их опровержением. Докажут их или докажут противоположное — он все равно будет достоин кары.

Так, он виновен в том, что совершил преступление против человечества, истребив своего мессию Христа, и вместе с тем виноват в том, что создал и распространил христианство. Этот народ одинаково виноват и с точки зрения верующих, и с точки зрения атеистов. Запятнанный кровью Богочеловека, он несет ответственность и за то, что породил его, и за то, что его никогда не существовало, если окажется, что этого Богочеловека не существовало. В конечном счете проклятие зла состоит в том, что этот народ виноват уже самим фактом своего существования.

Потерпев крах, он рассеялся среди других племен, чтобы бросать повсюду семена разложения и упадка, и мог бы неслыханно преуспеть в этом деле, если бы нордические народы своевременно не разгадали его. Они поняли, с кем они имеют де-

ло в лице этих хитрых, изворотливых, даровитых, необычайно живучих, потентных в сексуальном отношении, но физически слабых пришельцев с дегенеративной формой лба, бегающими глазами, длинным и крючковатым носом, склонных к шизофрении, диабету, болезням ног и сифилису. Юные нации Европы приняли свои меры, и менее чем за двести лет, с начала XIV века по 1497 год, этот народ был изгнан из Германии, Франции, Испании и Португалии.

Тогда второй раз в истории открылась возможность покончить с ним навсегда. Нации не воспользовались этой возможностью. И очень скоро евреи, со свойственной им изворотливостью, наверстали упущенное. С необычайной энергией они взялись за дело, вредя повсюду, где только можно, провозглашая буржуазный прогресс, ратуя за демократию и незаметно опутывая весь мир властью денег. Они захватили в свои руки торговлю и кредит, с рассчитанным коварством утвердились в медицине монополизировали ремесла и втерлись в доверие к государям, подавая им губительные советы. Не кто иной, как еврейские плутократы, были виновниками всех несчастий, поразивших Европу, да и не только Европу, на протяжении последних

столетий. А во тьме своих синагог они тайно торжествовали победу и с мстительной радостью причащались опресноками, замешанными, как это неопровержимо доказано еще в XII веке, на крови невинных детей.

К числу наиболее зловредных последствий буржуазно-либерального прогресса следует отнести равноправие евреев, провозглашенное сначала в Америке, а затем во Франции в результате французской буржуазной революции, инспирированной самими евреями. Следствием этого было глубокое проевреивание населения в упомянутых странах. Постепенно по всей Европе они захватили гражданские права, так что к началу нашего века лишь две нации оставались на позициях здорового инстинкта самозащиты — Россия и менее безупречная в других отношениях Румыния…

Все это привело к тому, что внешне евреи зачастую перестали отличаться от неевреев. Умение принимать облик обыкновенных людей нужно считать особо опасным свойством иудейской мимикрии. Но субстанция еврейства не изменилась. Она не исчезла и не растворилась. В полной мере она сохранила свою гибельную силу, о чем предостерегает пример большевистской револю-

ции, все главные деятели которой, как известно, были евреями.

Ныне перед народами вновь открывается возможность решить историческую задачу ликвидации иудейского ига. Задача эта всесторонне обоснована достижениями эрббиологической науки. Путь к ее осуществлению указывает народам Великая февральская национал-социалистическая революция. Совесть революционеров всех стран, все прогрессивное человечество больше не могут мириться с засильем еврейского плутократического капитала, с международным сионистским заговором. Пролетариат всех стран, объединяйся в борьбе с еврейством! Народы требуют покончить с угнетением. Самуил, убирайся прочь! — твердо говорят они. — Ревекка, собирай чемоданы!»

XVI

О том, что власти собираются осуществить мероприятие под кодовым названием, уже упомянутым нами в одном из предыдущих разделов,

король узнал не по официальным каналам. Он услышал о нем в клинике, в ту минуту, когда, облаченный в белую миткалевую рубаху и бумазейные штаны, в клеенчатом фартуке, шапочке и полумаске, он стоял над дымящимся тазом, осторожно опуская в воду, пахнущую нашатырем, свои тонкие и длинные руки.

Привычными движениями он растирал комком марли в воде свои пальцы — с таким усердием, как будто хотел стереть с них самую кожу, — и в это время до него донеслись две-три фразы. Он не терпел посторонних разговоров в операционной и тотчас потребовал, чтобы ему объяснили, в чем дело.

Оказалось, управление имперского комиссара расклеило в городе приказ о регистрации некоторой категории гражданских лиц, с каковой целью этим лицам подписывалось явиться в местную комендатуру и в дальнейшем носить нагрудный опознавательный знак.

Мера эта не должна была никого удивить, да и не скрывала в себе никакой тайны относительно дальнейших мероприятий в этом направлении, ибо на всех территориях, контролируемых рейхом, уже начато было проведение программы, имевшей целью радикально оградить европей-

ские нации от соприкосновения с чуждым и пагубным элементом.

Седрик промолчал, дав понять, что здесь не место обсуждать подобные темы. Да и вообще они не заслуживали обсуждения. Впрочем, среди персонала клиники евреев не было. Он выпрямился, морщась от боли в пояснице, вдумчиво осушил складки кожи между пальцами стерильной марлей. Мякоть пальцев собралась в складочки, как у прачки. Вытирание рук представляло собой сложный ритуал: вначале кончики пальцев, основания ногтей, суставы: ладонь, которую он держат на отлете, как женщина держит зеркало; затем тыльные стороны кистей, наконец, опасливо свернув комок марли, — запястья. Последний взмах от косточки к локтю — марля летит в эмалированное ведро. Шурша передником, полузакрыв старческие глаза, король прошествовал к стеклянным дверям. Свои руки он нес перед собой, словно некий дар. Двери распахнулись. Больная спала, над ней сверкала круглая лучезарная лампа.

Наркотизатор ждал у изголовья. Другой доктор, ответственный за переливание крови, стоял, утвердив, как алебарду, блестящую стойку с ампулой. За своим лотком стояла операционная

сестра, закутанная в марлю. Приготовления к операции наводили на мысль о богослужении. Седрик любил эту торжественность.

Иностранец-стажер усердно помахивал палочкой — обрабатывал иодом операционное поле. А напротив всей этой группы, за спиной стажера, вся верхняя часть стены была вырезана и заменена толстым стеклом, а там видны были тесно придавленные друг к другу неподвижные лица студентов.

Последовала церемония надевания стерильного халата: две сестры суетились вокруг него. Одна завязывала на спине тесемки, другая подала перчатки — король нырнул сначала в правую, потом в левую, сложив щепотью персты. Ему подали щипцами шарик, плеснули спирт; подтянули и перебинтовали у запястий перчатки. Ему заботливо поправили шапочку. Оглядели его напоследок — точно ища последние пылинки. И Седрик подошел к столу.

Седрик ни о чем больше не думал. Он не думал о бездне абсурда, в которой эта белая операционная, где он вполне принадлежал самому себе, где ему по праву принадлежало первое место, казалась ему единственным островком разума и покоя. Он повернулся к сестрам, они сняли

простыню и придали спящей женщине нужное положение на столе. Иностранец узкими раскосыми глазами над маской смотрел на Седрика. В его жизни это был великий момент. Иностранец был мал ростом, и ему подвинули скамеечку. Затем с его помощью Седрик набросил стерильную простыню на прекрасное обнаженное тело. В ней было вырезано четырехугольное окно.

Сестра, покрытая марлевой фатой, подъехала со своим лотком.

Седрик стоял над столом неправдоподобно высокий, халат доходил ему до бедер; склонив сухую голову с большим хрящеватым носом, торчавшим над маской, как клюв, он всматривался в оливковый от иода квадрат кожи в операционном окне. Больная глубоко и мерно дышала; это было видно по движениям груди под простыней. Пальцы короля как бы струились по ее коже: он отыскивал ориентиры. Ассистент, с тупфером и раскрытым наготове кровоостанавливающим зажимом, навис над его руками. Сказав что-то ассистенту по-французски, Седрик взял скальпель и не спеша провел длинную дугообразную линию от паха к пояснице. Этот разрез, известный под именем разреза Израиля, удачно открывал доступ к почке, но в других обстоятельствах никому

не пришло бы в голову увидеть в этом названии некое предзнаменование.

XVII

Приступал к заключительному эпизоду этой краткой хроники последних лет жизни короля Седрика X, эпизоду, достаточно известному, почему он и будет изложен максимально сжато, без каких-либо экскурсов в психологию, — мы хотели бы предпослать ему несколько общих замечаний касательно малоисследованного вопроса о целесообразности человеческих поступков. Мы решаемся задержать внимание читателя на этой абстрактной теме главным образом потому, что хотим предостеречь его от распространенной интерпретации упомянутого эпизода, согласно которой король отважился на этот шаг, или, как тогда говорили, «отколол номер», в результате обдуманного решения, так сказать, взвесив все pro и contra, и чуть ли не рассчитал наперед все общественно-политические последствия своего поступка — кстати сказать, сильно преувеличен-

ные. Слишком многие в то время видели в короле своего рода оплот здравого смысла, слишком многим он казался образцом разумного конформизма, человеком, который в чрезвычайно сложных обстоятельствах сумел найти правильную линию поведения, избежать крайностей и спасти от катастрофы свой беззащитный народ, сохранив при этом свое доброе имя. И когда этот умудренный жизнью муж совершил поступок явно нелепый, почти хулиганский и имевший следствием неслыханное нарушение общественного порядка в столице, — поступок, в конечном счете стоивший ему жизни, — многие тем не менее склонны были за бросающейся в глаза экстравагантностью видеть все тот же расчет. Казалось, Седрик преследовал определенную цель, действовал по заранее разработанному плану. Ничего подобного. На основании анализа всего имеющегося в его распоряжении материала автор заявляет, что шаг короля был именно таким, каким он представляется всякому непредубежденному наблюдателю — нелепым, бессмысленным, не обоснованным никакими разумными соображениями, не имеющим никакой определенной цели, кроме стремления бросить вызов всему окружающему или (как выразился

герой одного литературного романа) «заявить своеволие».

Где уж там было рассчитывать общественные последствия своей выходки! На короля нашел какой-то стих. Хотя, надо сказать, внешне это никак не проявлялось. (См. ниже описание утренних приготовлений, совершавшихся с обычной для нашего героя унылой методичностью, словно он собирался на прием к зубному врачу.)

Впрочем, воспоминания королевы, да и другие источники указывают на некоторые отклонения от привычного стандарта, имевшие место накануне обсуждаемого события: так, например, было отмечено, что король вернулся из клиники в необычно приподнятом настроении. Это настроение сохранялось у него весь вечер. Вместо вещей Генделя и Букстехуде исполнялись фрагменты из оперетки Оффенбаха — кстати, строжайше запрещенного к исполнению на территории рейха и подопечных стран — «Герцогиня Герольштейнская» — и даже просто вульгарные песенки, которые его величество напевал хриплым фальцетом. По некоторым данным, он склонял свою невестку — ту самую особу немецкого происхождения, не скрывавшую своей влюбленности в фюрера, — протанцевать кадриль. Ночью Седрик

пил в больших количествах щелочную минеральную воду. В этой связи представляют интерес наблюдения королевы о наследственной черте, периодически проявлявшейся у различных представителей династии, черте, которую она определяет как «любовь к безумию». Именно эта любовь (predilection) объясняет, по мнению мемуаристки, необъяснимое поведение двадцатичетырехлетнего командира гвардии, приходившегося внучатым племянником королю, в первый день оккупации; следствием этого поведения была, как помнит читатель, бессмысленная гибель гвардейского эскадрона вместе с его командиром. Она же позволяет понять поступок кронпринца Седрика — Эдварда, старшего сына короля, покинувшего страну якобы для лечения, а на самом целе для того, чтобы вступить в английские военно-воздушные силы. И уже совершенно излишне говорить, насколько эта черта была свойственна пресловутому «северному кузену» Седрика, не однажды упомянутому на этих страницах.

Сугубо схематически поведение человека в ответственные моменты его жизни можно представить как следование одному из трех заветов, из которых наиболее почтенным, с философской

течки зрения, надо признать завет недеяния, возвещенный тысячи лет назад мудростью даосизма. Однако реально мыслящему человеку, вынужденному считаться с эмпирической действительностью, более импонирует завет разумного и целесообразного действия — того действия, которое основано на трезвом учете объективных обстоятельств и более того, априори как бы запрограммировано ими. Априори известно, что плетью обуха не перешибешь. Тезис, который находит себе значительно более изящную формулировку в положении о свободе как осознанной необходимости.

Третий завет есть завет абсурдного деяния.

Абсурдное деяние перечеркивает действительность. На место истины, обязательной для всех, оно ставит истину, очевидную только для одного человека. Строго говоря, оно означает, что тот, кто решился действовать так, сам стал живой истиной. Человек, принявший бессмысленное решение, тем самым ставит себя на место Бога. Ибо только Богу приличествует игнорировать действительность.

(Можно предполагать, что именно это соображение было источником явного неодобрения, с которым встретили эскападу Седрика и все, что

за ней последовало, конфессиональные круги.)

Самым решительным опровержением доктрины бессмысленного деяния (если это вообще можно назвать доктриной) служит то, что оно не приводит ни к каким позитивным результатам. Опять же всем и каждому ясно, что плетью обуха не перешибешь. И дело обычно кончается тем, что от плетки остается одна деревяшка. Смерть Седрика не повлияла на исход войны, этот исход решили другие факторы — исторические закономерности эволюции рейха, реальная мощь сил, противостоящих ему. Акт (или «номер»), содеянный впавшим в помрачение ума престарелым опереточным монархом, не облегчил даже участи тех, в чью защиту он выступил, вопреки легенде о том, что-де под шумок удалось кое-кого переправить за границу, спрятать оставшихся и т. п.; это как раз доказывает, что акт был совершен по наитию, без всякого плана. Подвиг Седрика, этого новоявленного Дон-Кихота, был бесполезен. И если можно говорить о его реальных последствиях, то разве лишь о том, что король заразил на какое-то время своим безумием более или менее ограниченное число обывателей. После этих замечаний читателю станет понятным то очевидное пренебрежение, с которым биографы

короля описывают этот нелепо-романтический жест, завершивший долгую и в целом не лишенную привлекательных сторон жизнь Седрика Десятого.

XVIII

Утро следующего дня, мягкое и пасмурное, не было ознаменовано никакими событиями, если не считать того, что тотчас после обычных занятий в кабинете король распорядился принести ему эту вещь. Он потребовал даже два экземпляра сразу. Секретарь слышал этот приказ и ломал голову над тем, что бы это могло значить. Затем, на половине королевы (Амалия с ужасом следила за этими приготовлениями), Седрик отослал камеристку, попросив оставить все необходимое на столике перед зеркалом. В конце концов, он был хирург и старый солдат и вполне мог управиться с нитками сам. Однако он придавал значение тому, чтобы это сделала Амалия. Нужно было поторопиться, ибо близился Час короля, а Седрик не мог позволить себе опоздать хотя бы на минуту.

Он успел переодеться — как всегда, на нем был зелено-голубой мундир лейб-гвардейского эскадрона, шефом которого он считался; Рыцарскую звезду, однако пришлось снять, так как инструкция предписывала ношение гексаграммы на той же стороне, то есть слева. И теперь он стоял, терпеливо вытянув руки по швам и задрав подбородок, пока Амалия, едва доставававшая ему до плеча последнею волной своего пышного желто-седого шиньона, возилась с иглой и откусывала зубами нитку, словно какая-нибудь жена почтаря, пришивающая мужу пуговицу перед тем как отправить его на работу. Но оба они, в конце концов, походили на пожилую провинциальную чету и ни на кого более. По его указанию она пришила и себе. Произошло некоторое замешательство, почти смятение немолодой дамы, вынужденной совлечь с себя платье в присутствии мужчины. Закатился под стол наперсток. Словом, на все ушла уйма времени.

А затем некий молотобоец начал на башне бить медной кувалдой в медную доску. Двенадцать ударов. И что-то перевернулось в старом механизме, и куранты принялись торжественно и гнусаво вызванивать гимн. Часовой в костюме, воскрешающем времена д'Артаньяна, почтительно

отворил ворота. По аллее шел Седрик, длинный, как жердь, ведя под руку торопливо семенящую Амалию. Происходило неслыханное нарушение традиций, ибо конь рыцаря тщетно гневался, бия копытом в прохладном сумраке своего стойла. Король отправился в путь пешком.

Прохожие остолбенело взирали на это явление, впервые видя короля не в седле и об руку с супругой, но главным образом были скандализованы неожиданоей и ни с чем не сообразной подробностью, украшавшей костюмы шествующей августейшей четы. Перед тем как свернуть на бульвар, навстречу идущим попался низкорослый подслеповатый человек, он брел, клейменный тем же знаком. На него старались не обращать внимания, как не принято смотреть на калеку или на урода с обезображенным лицом; зато с тем большей неотвратимостью, точно загипнотизированные, взоры всех приковались к большой желтой шестиугольной звезде на груди у Седрика X и маленькой звезде на выходном платье королевы. Эта звезда казалась сумасшедшим видением, фантастическим символом зла; невозможно было поверить в ее реальность, и непонятен был в первую минуту ее смысл. Иные решили, что старый король рехнулся. Приказ

имперского комиссара чернел на тумбах театральных афиш и на углах домов.

Закрыть глаза. Немедленно отвернуться. А эти двое все шли…

Родители уводили детей.

Нет сомнения, что в эту минуту в канцелярии ортскомиссара уже дребезжал тревожный телефон. Оттуда неслыханное известие понеслось по проводам дальше и выше, в мистические недра власти. Было непонятно, как надлежит реагировать на случившееся.

В это время выглянуло солнце, слабый луч его просочился сквозь серую вату облаков, заблестели мокрые сучья лип на бульваре. Ярко заблестела мостовая… Быть может, читатели замечал, как иногда атмосферические явления неожиданно решают трудные психологические проблемы. Вдруг все стало просто и весело, как вид этих двух стариков. Король все чаще приподнимал каскетку, отвечая кому-то; Амалия кивала тусклым колоколом волос, улыбалась засушенной улыбкой. Король искал глазами библиотекаря. Библиотекаря нигде не было.

Король со стариковской галантностью коснулся пальцами козырька в ответ на поклон дамы, которая быстро шла, держа за руку ребенка. У

обоих на груди желтели звезды, это можно было считать редким совпадением: согласно церковной статистике, в городе проживало не более полутора тысяч лиц, имеющих право на этот знак.

Далее он заметил, что число прохожих с шестиугольником становилось как будто больше. Седрик покосился на Амалию, семенившую рядом, — на каждый шаг его приходилось три шажка ее величества. Амалия поджала губы, ее лицо приняло необыкновенно чопорное выражение. Похоже было, что эти полторы тысячи точно сговорились выйти встречать их; эти отверженные, отлученные от человечества, вылезли на свет божий из своих нор, вместе с ним они маршировали по городу, разгуливали по улицам без всякой цели, просто для того, чтобы показать, что они все еще живут на свете! Однако их было как-то уж слишком много. Их становилось все больше. Какие-то люди выходили из подъездов с желтыми лоскутками, наспех приколотыми к пиджакам, дети выбегали из подворотен с уродливыми подобиями звезд, вырезанных из картона, некоторые нацепили раскрашенные куски газеты. На Санкт-Андреас маргт, напротив бульвара, стоял полицейский регулировщик, дер-

жа в вытянутой руке полосатый жезл. Полисмен отдал честь королю, на его темно-синем мундире ярко выделялась канареечная звезда. И он был из этих полутора тысяч! Итак, статистика была посрамлена, либо приходилось допустить, что его подданные приписали себя сразу к двум национальностям, а это, собственно, и не означало ничего другого, как только то, что статистика потерпела крах.

Королева устала от долгого пути, король был тоже утомлен главным образом необходимостью сдерживать чувства, характеризовать которые было бы затруднительно; во всяком слушав, он давно не испытывал ничего похожего. Ибо это был счастливый день, счастливый конец, каковым мы и завершим нашу повесть о короле. По дороге домой Седрик воздержался от обсуждения всего увиденного, полагая, что комментарии по этому поводу преждевременны или, напротив, запоздали. Он обратил внимание Амалии лишь на то, что липы рано облетели в этом году. Они благополучно пересекли мост, ведущий на Остров, и обогнули дворцовую площадь. Мушкетер, опоясанный шпагой, с желтой звездой на груди, распахнул перед ними кованные ворота.

№ 9

Уильям Ф. Ноулан

Совпадение

Гарри Добсон охотно согласился с женой, когда она предложила провести последнюю ночь перед его отъездом не дома, а в Нью-Йорке, в гостинице. Эта ночь обещала им пусть короткое, но все же повторение почти забытого медового месяца — тех дней, когда они были молоды, когда не было еще ни детей, ни дома, ни связанных с ними забот. Правда, теперь дети стали взрослыми и разлетелись из родительского гнезда, но постоянно растущие налоги и расходы по содержанию дома оставались тяжким бременем для Гарри. Поэтому он был рад ненадолго отвлечься и, обнимая жену, всю дорогу до Нью-Йорка пребывал в отличном настроении. Ощущение счастья не покидало его весь вечер в гостинице. Ему нравилось, что он по-прежнему возбуждает в Маргарет страсть.

Но что Гарри Добсону совсем не понравилось, так это голая коленка Маргарет, резко пихнувшая его в бок и разбудившая в шесть утра.

— Что стряслось? — пробормотал он спросонья.

— Там, в соседней комнате, человек, — зашептала Маргарет, прижимаясь к нему на просторной двуспальной кровати. — Он все время стонет и не дает мне спать.

— Ну и что? Может, он болен или просто напил-

ся. Нам-то какое дело?

— Меня пугает то, что он говорит, — пожаловалась Маргарет. — Ты только послушай его. Это какой-то маньяк.

— Ладно, — проворчал Гарри и прислушался к звукам, доносившимся из-за тонкой гостиничной стены.

— Я убил, — стонал мужской голос. — Я убил. Я убил.

— Он без конца повторяет это, — прошептала Маргарет. — Ты должен что-нибудь сделать.

— Что сделать? — спросил Гарри и, приподнявшись с подушки, закурил сигарету. — Может, его мучит кошмар.

— Но ведь он постоянно твердит одно и то же. Я, правда, очень боюсь. Может, там, за стеной, убийца.

— И что ты предлагаешь?

— Позвони управляющему. Пусть они выясняют, в чем дело.

Гарри вздохнул, откинул одеяло и прошлепал босиком к телефону, стоявшему на тумбочке. Он взял трубку и подождал, пока ответит коммутатор.

— Это Гарри Добсон из двести третьего. Какой-то чокнутый тип в соседнем номере все время

ноет, будто, убил кого-то. Он мешает нам спать. Да… он — в двести втором. Это соседняя дверь.

Гарри замолчал, держа трубку и медленно гася окурок о стеклянную полку тумбочки.

— Ну, что? — спросила его жена.

— Сейчас проверят, кто живет в двести втором.

— Он перестал стонать, — сказала Маргарет.

— Нет, нет. — Гарри отозвался по телефону. — Я в двести третьем. О'кей, забудьте о моем звонке, просто забудьте. — И он в сердцах швырнул трубку.

— Что случилось?

— Этот кретин портье говорит, что оба номера записаны на мое имя.

— Может, случайное совпадение? — предположила Маргарет. — Я имею в виду, что твое имя довольно распространено. Наверняка в Нью-Лорке найдется несколько Гарри Добсонов.

— Только не в соседних номерах одной и той же, черт бы ее побрал, проклятой гостиницы, — возразил он. — Но как бы то ни было, они ничем не могут помочь, пока этот псих не начнет буйствовать. Просто не следует обращать на него внимание. — Он покачал головой. — Это тебе Нью-Йорк.

— Тогда нам лучше поскорее уехать отсюда, —

решила Маргарет.

Она встала и пошла в ванную.

Гарри, негодуя, начал одеваться. Впрочем, все равно сегодня утром ему улетать в Лос-Анджелес, и большой беды не будет, если он пораньше приедет в аэропорт. Кстати, там можно и позавтракать.

Они вышли из номера.

В лифте Маргарет обещала писать ему каждую неделю. Она старалась быть ласковой и сказала, что несмотря на маньяка из соседнего номера, ночь показалась ей восхитительной.

— Да уж, — сказал Гарри Добсон.

В вестибюле они распрощались, Гарри пошел расплатиться и отругать портье за путаницу с номерами.

— Я представитель солидной фирмы, — выговаривал он клерку. — Я вам не какой-нибудь там, черт возьми! Что если бы мне позвонили? Моя корреспонденция могла попасть к шизофренику из двести второго номера. Вы понимаете, о чем я говорю?

Портье рассыпался в извинениях.

Гарри вышел на стоянку такси. Низкое свинцовое небо сыпало мелкий холодный дождь, пронзительный ноябрьский ветер швырял мо-

рось в лицо.

— Аэропорт Кеннеди, — сказал он шоферу, и прежде чем сесть в машину, вдруг остановился. Он следит за тобой. Этот сукин сын из двести второго смотрит на тебя. Прикрывшись ладонью от дождя, Гарри поднял голову, отыскивая окно двести второго номера.

Оно было распахнуто настежь. Высокий мужчина, не обращая внимания на резкие порывы ветра с дождем, стоял в нем и вызывающе рассматривал Гарри. Лицо незнакомца было искажено яростью.

Гарри Добсон твердо выдержал его взгляд. Боже, какая нелепость! Ведь он похож на меня. Словно мой двойник, только постаревший. Не удивительно, что портье перепутал нас. А, ну его к дьяволу!

К тому времени, когда самолет оторвался от взлетной полосы и стал набирать высоту, Гарри Добсон успел окончательно забыть о странном незнакомце. Он сосредоточился на предстоящем отчете коммерческому директору фирмы в Калифорнии. На откидном столике он начал проверять статистические выкладки, как вдруг случайно, подняв голову, увидел пассажира, сидящего у противоположного через проход окна.

Как — это он? Не может быть. Он же остался в Нью-Йорке?

Мужчина, читавший журнал, медленно перевел глаза на Гарри Добсона. Его взгляд источал холодную ненависть.

Салон второго класса был наполовину пуст, и Гарри без труда нашел свободное место несколькими рядами сзади. Не хватало еще, чтобы этот подонок сглазил его. Явный маньяк — Маргарет была права:.

В лос-анджелесском аэропорту «Интернэшнл» Гарри первым вышел из самолета. В здании аэровокзала он приказал носильщику получить багаж, а сам ждал в такси у выхода. Ему не хотелось испытывать судьбу — столкнуться с психопатом у транспортера.

Но все шло хорошо. Этого неприятного типа нигде не было видно.

Носильщик принес багаж, Гарри дал ему на чай и сказал водителю адрес в западном Лос-Анджелесе. Когда такси выехало на скоростную автостраду, Гарри расслабился, откинувшись на сиденье. Похоже, что кошмар закончился — сумасшедший даже не пытался преследовать его.

Расплатившись с шофером, Гарри перенес вещи в арендованную квартиру. Он достал из

портфеля и откупорил бутылку шотландского виски. Хорошее настроение вновь вернулось к нему. На всякий случай выглянув из окна, он еще раз убедился, что никто не следит за ним — улица была пуста.

Гарри распаковал чемоданы, вынул костюмы и понес их в стенной шкаф. Он открыл раздвижные дверцы… и отшатнулся.

Из шкафа скалился тот человек. В темноте его улыбка казалась дружеской. Затем он прыгнул на Гарри и схватил его за горло. Гарри вырвался и, перекатившись через кресло, увернулся от нападавшего.

Тогда мужчина вытащил из-за пояса нож.

Гарри метнулся от него в сторону, перепрыгнув через кровать. Бежать к выходу не имело смысла — противник перехватит его у двери.

— Кто… вы? — Гарри с трудом выталкивал из себя слова. — Что… что вам нужно от меня?

— Убить тебя, — улыбнулся незнакомец. — Это все, что ты должен знать.

По-прежнему держась между Гарри и дверью, он начал полосовать вокруг себя ножом, распарывая матрас, обивку кресел, портьеры, одежду. Гарри оцепенел от ужаса.

Но когда бандит вытащил из портфеля фото-

графию Маргарет и проткнул ее ножом, волна ослепившей Гарри Добсона ярости смыла страх. Прежде всего этот подонок такой же смертный, а кроме того он, Гарри, на добрый десяток лет моложе и сильнее.

Улучив момент, когда противник повернулся боком к кровати, Гарри обрушил ему на голову тяжелую настольную лампу. Тот, выронив нож, повалился ничком, оглушенный.

— Ах ты, взбесившаяся тварь! — заорал Гарри и, схватив нож, ударил им поверженного в спину — раз, другой, третий… Мужчина прохрипел и затих. Гарри еще долго стоял над распростертым телом, но оно осталось недвижимо.

Кто он такой? Кто, черт его возьми, он такой? Обыскав мертвеца, Гарри не нашел ничего, что помогло бы ему ответить на этот вопрос. Сначала он было решил вызвать полицию, но тут же отказался от этой мысли. Свидетелей не было. Все его вещи на месте. На двери нет ни малейшего признака взлома. Этот сукин сын, должно быть, имел ключ. Полиция вполне могла заподозрить Гарри Добсона в хладнокровном убийстве.

Он — душевнобольной! Ты даже не знаешь этого ненормального. Тем более ты должен избавиться от трупа. Если он исчезнет, никому

никогда не придет в голову связать его смерть с твоим именем.

К ночи Гарри прибрал комнату, завернул мертвеца в одеяло и отнес в багажник своего, автомобиля. Затем он поехал вдоль побережья, пока не нашел пустынный пляж. Здесь он привязал к телу груз и столкнул его в океан.

Он был сумасшедшим. Он преследовал тебя и хотел убить лишь за то, что ты пожаловался на него в отеле. У тебя нет оснований чувствовать себя виноватым. Забудь обо всем. Продолжай жить, как жил до этого, а его просто выбрось из головы.

Гарри Добсон постарался так и сделать. Когда позвонила жена, он ни словом не обмолвился о происшедшем. А закончив дела, вернулся домой и зажил прежней жизнью.

Прошло десять лет. Всякий раз, когда лицо мертвеца из двести второго номера всплывало в памяти Гарри Добсона, он гнал видение прочь. Наконец, со временем все случившееся стало казаться ему лишь дурным сном. Ни угрызений совести, ни страха он не испытывал.

Однажды, ровно десять лет спустя, месяц в

месяц, Гарри оказался в Нью-Йорке в той же гостинице. Как обычно, в ноябре он летел в служебную командировку в Калифорнию, и на этот раз решил остановиться именно в этой гостинице. Он хотел убедиться, что призрак убитого навсегда оставил его.

Выполняя задуманное, он спросил у портье свой старый номер — двести третий.

— Извините, сэр, но он занят. Могу предложить номер рядом, двести второй. Вас это устроит?

Ирония судьбы. Номер его жертвы. Да, согласился Гарри, его это устраивает.

В комнате он увидел двуспальную кровать, белую тумбочку со стеклянной полкой, круглый стол, кресло, латунный торшер в углу… Он помнил эту обстановку! Она была такой же, точно такой, как в соседнем двести третьем номере. Наверное, все комнаты на этаже меблированы одинаково. Только странно, что гостиничная обстановка ничуть не изменилась, хотя прошло целых десять лет.

Гарри достал из чемодана непочатую бутылку шотландского виски и налил себе полный стакан. Выпивка успокоила его, сняла напряжение. Было уже поздно, около полуночи, и, выпив подряд еще несколько порций виски, он почувствовал

лишь желание заснуть и удивился про себя тому, как еще совсем недавно драматизировал ситуацию. Перспектива провести ночь в комнате, где когда-то спал зарезанный им человек, больше не волновала его.

Под утро Гарри начал бредить. Его мучил кошмар, будто он предстал перед судом за убийство. Он стоит у свидетельского барьера под градом прокурорских вопросов и, наконец, не выдерживает. «Я убил, — признается он. — Я убил. Я убил. — И снова: — Я убил…убил…убил…»

В конце концов Гарри проснулся весь в поту, ошеломленно вглядываясь в темноту. Фу, какая мерзость! И приснится же такое. Все из-за этой проклятой комнаты. Это она действует. Но сейчас все в порядке. Слава богу, все просто великолепно. Это был только сон.

Из соседнего номера донеслись голоса. Сквозь тонкую гостиничную стенку был слышен тревожный женский шепот:

— Ты должен что-нибудь сделать.

— Что сделать? — спросил мужской голос. Он был приглушенным, но доносился отчетливо. — Может, его мучит кошмар.

— Но ведь он постоянно твердит одно и то же. Я, правда, очень боюсь. Может быть, там, за стеной,

убийца.

— И что ты предлагаешь?

— Позвони управляющему. Пусть они выяснят, в чем дело.

Гарри слышал, как заскрипели пружины, когда мужчина выбирался из постели, как он взял трубку и сказал: «Это Гарри Добсон из двести третьего. Какой-то чокнутый тип в соседнем номере все время ноет, будто убил кого-то…

Дальше Гарри не захотел слушать. Он бросился в ванную, и его стошнило. Он стоял на коленях перед унитазом до тех пор, пока не хлопнула Дверь соседнего номера. Его била крупная дрожь, когда он вернулся в комнату и позвонил вниз.

— Кто… кто остановился в двести третьем?

— Гм… мистер Добсон, сэр. Но он уже уезжает.

— Спасибо, — будничным голосом поблагодарил Гарри и положил трубку.

Он подошел к окну и распахнул его. Порывы холодного ветра с дождем обжигали лицо.

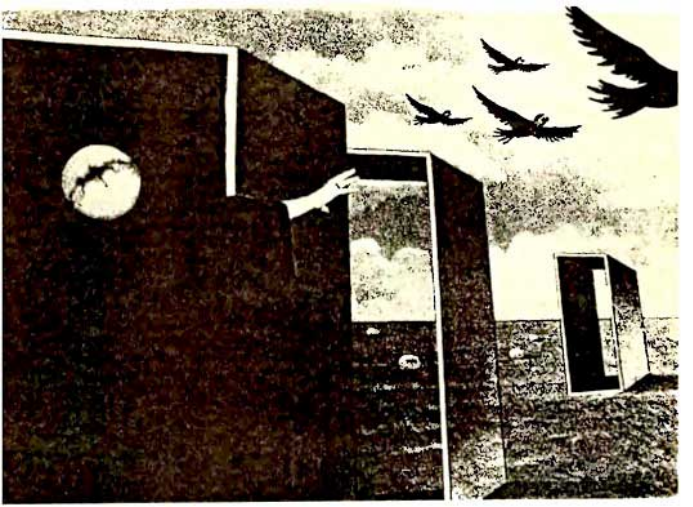
Из подъезда гостиницы вышел мужчина и подозвал такси. Но перед тем, как сесть в машину, он поднял голову и, прикрыв глаза ладонью от дождя, взглянул на Гарри. Такой же, как он, только моложе. На десять лет моложе. Проклятый убийца! Гарри в ярости смотрел на него.

А когда тот уехал, Гарри Добсон позвонил в аэропорт и подтвердил свой вылет. Потом вынул из чемодана нож, взвесил его на ладони и еще долго разглядывал, уже зная, что через несколько часов он будет им убит.

Перевод с английского С. Кутепова

№ 11
Джордж Р. Р. Мартин

Мистфаль приходит утром



В то утро первого дня после посадки я пришел к завтраку довольно рано, однако Сандерс уже ждал на балконе, где были накрыты столы. Он стоял в одиночестве у самого края, вглядываясь в

укрывший горы туман.

Я подошел и негромко поздоровался. Он не ответил на приветствие и, не оборачиваясь, произнес:

— Красиво, да?

Красиво было невероятно.

Всего в нескольких футах под балконом перекатывался туман, и его призрачные волны разбивались о замок Сандерса. Плотное белое одеяло протянулось от горизонта до горизонта, полностью скрывая от взгляда поверхность планеты. Лишь к северу виднелся пик Красного Призрака, проткнувший небо шипастый кинжал красного камня. И все. Остальные горы по-прежнему прятались под разлившимся туманом.

Но мы стояли выше уровня тумана. Сандерс построил свой отель на самой высокой скале этого горного кряжа. Мы словно плыли в беспокойном белом океане — одни, на летающем острове в окружении облаков.

«Облачный замок». Именно так Сандерс и назвал свой отель. Нетрудно догадаться почему.

— Здесь всегда такая красота? — спросил я Сандерса, вдоволь насмотревшись.

— Каждый мистфаль, — ответил он, поворачиваясь: толстяк с добродушным румяным лицом

и мечтательной полуулыбкой на губах, какую не часто увидишь у людей его склада.

Он махнул рукой на восток, где поднимающееся над туманом солнце Призрачного Мира разливалось по утреннему небу алым с полосами оранжевого заревом.

— Солнце, — сказал он. — Когда оно встает, жар загоняет туман обратно в долины, отбирает у него горы, которые он захватил ночью. Туман садится, и пики один за другим появляются на свет. К полудню весь этот кряж будет виден на многие мили вокруг. Ничего подобного на Земле нет, да и нигде нет.

Он снова улыбнулся и подвел меня к одному из столиков, беспорядочно расставленных по балкону.

— А на закате все повторяется, только наоборот. Обязательно посмотрите сегодня мистрайэ.

Мы сели, и, когда кресла подали сигнал о присутствии людей, к столику подкатил сверкающий робот-официант.

— Это война, понимаете? — продолжал Сандерс, не обращая на робота внимания. — Вечная война между солнцем и туманом. И туману всегда достается все лучшее. Долины, равнины, побережья. У солнца — лишь горные пики, да и

то только днем.

Он повернулся к роботу и заказал для нас кофе, чтобы было чем заняться до прибытия остальных. Разумеется, свежезаваренный, из только что помолотых зерен. Сандерс из принципа не держал у себя в отеле ни синтетических продуктов, ни суррогатов.

— Вы, похоже, любите эти места, — сказал я, пока мы ждали кофе.

— Отчего же их не любить? — засмеялся Сандерс. — В «Облачном замке» есть все. Хорошая пища, развлечения, азартные игры и прочие удовольствия родного мира. Но тут есть еще и эта планета. Таким образом, у меня все лучшее от двух миров.

— Пожалуй. Но большинство людей этого не понимают. Никто не прилетает на Призрачный Мир ради азартных игр или хорошей пищи.

Сандерс кивнул.

— Здесь иногда бывают охотники. Гоняются за скальными кошками и луговыми дьяволами. И время от времени кто-нибудь прилетает полазить по руинам.

— Может быть, — сказал я. — Но это все исключения из правила. В основном ваши гости прилетают сюда по одной-единственной при-

чине.

— Верно, — согласился Сандерс, ухмыляясь. — Призраки.

— Призраки, — откликнулся я, словно эхо. — Здесь красиво, хорошая охота, рыбалка, отличные горы для скалолазов. Но совсем не это привлекает людей. Они летят сюда ради призраков.

Робот доставил кофе — две большие чашки, от которых поднимался ароматный пар, и кувшинчик густых сливок. Очень крепкий, очень горячий и очень хороший кофе. После нескольких недель той синтетической бурды, которой нас поили на космолете, я словно впервые проснулся.

Сандерс пил кофе маленькими глотками и изучающе поглядывал на меня над краем чашки. Затем медленно поставил ее на стол.

— И вы тоже прибыли сюда ради призраков?

Я пожал плечами.

— Разумеется. Моих читателей не особенно интересуют красоты природы, пусть даже такие редкостные. Дубовски и его люди прилетели, чтобы поймать призраков, а я должен буду написать об их работе.

Сандерс хотел было что-то сказать, но ему помешали. Совсем рядом прозвучал жесткий, сильный голос:

— Если тут вообще есть призраки.

Мы повернулись к входу. В дверях, щурясь от света, стоял доктор Чарлс Дубовски, руководитель научной экспедиции на планету Призрачный Мир. Каким-то образом ему удалось на этот раз избавиться от свиты ассистентов, которые обычно сопровождали его повсюду.

Дубовски постоял еще несколько секунд, затем подошел к нашему столику, отодвинул кресло и сел. Из своей ниши тут же выкатился робот.

Сандерс глядел на ученого с нескрываемой неприязнью.

— А почему вы думаете, что их здесь нет? — спросил он.

Дубовски пожал плечами и улыбнулся.

— Просто мне кажется, что доказательств их существования недостаточно. Однако пусть вас это не беспокоит. Я никогда не позволяю чувствам влиять на результаты работы. Как и другим, мне прежде всего нужна истина, и моя экспедиция проведет самое объективное расследование. Если ваши призраки существуют, я их найду.

— Или они сами вас найдут, — сказал Сандерс с мрачным выражением лица. — Что, может быть, окажется не очень приятным сюрпризом.

Дубовски рассмеялся.

— Право же, Сандерс, хоть вы и живете в замке, но зачем столько мелодраматизма?

— Вы напрасно смеетесь, доктор. Вам ведь известно, что они уже убивали людей.

— Доказательств этому нет, — сказал Дубовски. — Совсем нет. Так же как нет доказательств существования самих призраков. Но затем мы сюда и прилетели. Чтобы доказать. Или опровергнуть… Однако я здорово проголодался. — Он повернулся к роботу-официанту, который по-прежнему стоял рядом и нетерпеливо гудел.

Мы с Дубовски заказали бифштексы из скальной кошки и корзиночку горячего, только изготовленного печенья. Сандерс, отдавая должное земным продуктам, что доставил наш корабль предыдущей ночью, заказал на завтрак огромный кусок ветчины и яичницу из полдюжины яиц.

Мясо скальной кошки имеет какой-то особый привкус, которого у земного мяса нет уже многие века. Мне бифштекс очень понравился, но Дубовски оставил свою порцию почти нетронутой: он был слишком занят разговором.

— Не следует воспринимать призраков столь легкомысленно, — сказал Сандерс, когда робот отправился выполнять заказы. — Доказательства есть. Много доказательств. Двадцать две смерти с

тех пор, как открыли эту планету. И более десятка показаний очевидцев.

— Верно, — согласился Дубовски. — Но я бы не назвал это настоящими доказательствами. Гибель людей? Да. Однако в большинстве случаев это просто исчезновения. Кто-то мог сорваться в пропасть, кого-то еще сожрали скальные кошки и так далее. В тумане почти невозможно найти тела. На Земле за один день людей пропадает даже больше, но никто не выдумывает ничего лишнего. Здесь же каждый раз, когда кто-то исчезает, сразу начинаются разговоры, что это, мол, опять виноваты призраки. Нет уж, извините. Для меня это не доказательства.

— Однако тела все же находили, доктор, — спокойно заметил Сандерс. — Разорванные в клочья. Ни роковые ошибки при восхождении, ни скальные кошки в данном случае ни при чем.

Тут я решил, что пришла и моя очередь сказать что-нибудь.

— Насколько я знаю, было найдено только четыре тела.

Готовясь к экспедиции, я довольно тщательно изучил все имеющиеся о призраках сведения.

Сандерс нахмурился.

— Допустим. Но эти-то четыре случая — на мой

взгляд, вполне убедительное доказательство.

Робот расставил тарелки с завтраком, но, пока мы ели, Сандерс продолжал гнуть свое:

— Например, самый первый случай. Ему до сих пор нет убедительного объяснения. Экспедиция Грегора…

Я кивнул. Действительно, Грегор был капитаном космолета, что открыл Призрачный Мир почти семьдесят пять лет назад. Он проверил туман сенсорами и посадил корабль на прибрежной равнине. Затем отправил несколько групп осмотреть окрестности.

В каждую группу входило по два человека, все хорошо вооружены. Но одна из групп пришла лишь в половинном составе, и вернувшийся был на грани истерики. Они с напарником случайно разошлись в тумане, и вдруг он услышал душераздирающий крик, а когда наконец нашел своего товарища, тот был уже мертв. И над телом убитого стояло какое-то существо.

По словам этого участника экспедиции, убийца походил на человека футов восьми ростом, но выглядел как-то зыбко, призрачно. Когда землянин выстрелил, заряд бластера прошел сквозь него, не принеся странному существу никакого вреда, а затем оно задрожало и растаяло в тумане.

Грегор послал на поиски еще несколько групп, но они лишь вернули на корабль тело. Без специальной аппаратуры даже найти в тумане то самое место было нелегко. Не говоря уже об описанном существе.

Короче, этот случай так и не получил подтверждения. Но когда Грегор вернулся на Землю, сообщение о происшедшем вызвало сенсацию. На планету послали еще одну экспедицию для более тщательной проверки, но она не дала результатов. Однако один из участников экспедиции бесследно исчез.

Так родилась легенда о живущих в тумане призраках. С годами она лишь обрастала подробностями. Посещали Призрачный Мир и другие корабли, прилетали колонисты — совсем немного, причем значительная часть их спустя какое-то время покидала планету. Прилетел Пол Сандерс и воздвиг свой «Облачный замок», чтобы публика, желающая увидеть планету призраков, могла жить в безопасности и комфорте.

Случались и другие смерти, и новые исчезновения, и многие уверяли, что им удалось заметить бродящих в тумане призраков. А затем кто-то обнаружил руины: всего лишь нагромождение каменных блоков, но когда-то давным-давно это

были строения. Дома призраков, говорили люди.

Мне казалось, что доказательства все-таки есть. От некоторых из них просто нельзя было отмахнуться. Но Дубовски только качал головой.

— История с Грегором ничего не доказывает, — сказал он. — Вы не хуже меня знаете, что тщательным исследованием планеты никто не занимался. Почти без внимания остались равнинные области, где и садился корабль Грегора. Возможно, участника его экспедиции убил какой-нибудь зверь. Редкий зверь, обитающий в тех местах.

— А как же быть со свидетельством напарника? — спросил Сандерс.

— Истерика в чистом виде.

— А другие очевидцы? Их было немало, и далеко не все они впадали в истерику.

— Это ничего не доказывает, — сказал Дубовски, качая головой. — На Земле до сих пор полно людей, которые уверяют, что видели привидения или летающие тарелки. А здесь, с этими проклятыми туманами, ошибиться или представить себе то, чего нет, еще проще.

Он ткнул в сторону Сандерса ножом, которым только что намазывал на печенье масло, и продолжил.

— Все дело в тумане. Без туманов миф о призраках давно бы уже развеялся. Просто до настоящего времени ни у кого не находилось ни оборудования, ни денег, чтобы провести действительно тщательное исследование этого феномена. Но у нас есть и то, и другое. Мы непременно разберемся и выясним истину раз и навсегда.

Сандерс скорчил недовольную мину.

— Если останетесь до тех пор живы. Может быть, призракам не понравится, что их исследуют.

— Я вас не понимаю, Сандерс, — сказал Дубовски. — Если вы так боитесь и так уверены, что они существуют, то как вам удалось прожить здесь столько лет?

— В конструкцию «Облачного замка» заложено множество систем безопасности, — ответил Сандерс. — В брошюрах, которые мы рассылаем для рекламы, все это описано. Так что здесь никому ничего не угрожает. И самое главное, призраки никогда не выходят из тумана, а мы почти весь день на солнце. Но внизу, в долинах — там совсем другое дело.

— Чушь! Суеверия! Я подозреваю, что все эти ваши призраки не что иное, как перенесенные с Земли привидения. Чьи-то беспочвенные

фантазии. Но сейчас я гадать не буду, подожду результатов. Вот тогда посмотрим. Если призраки существуют, им не удастся от нас спрятаться.

Сандерс взглянул на меня.

— А вы как думаете? Так же, как он?

— Я — журналист, — ответил я осторожно, — и прилетел сюда, чтобы рассказать об экспедиции. Многие слышали о здешних призраках, и наших читателей эта тема интересует. Скажем так, у меня нет своего мнения. Во всяком случае такого, которым я был бы готов поделиться с другими.

Несколько расстроившись, Сандерс замолчал и с удвоенной энергией накинулся на ветчину с яйцами. Теперь говорил один Дубовски — разумеется, о деталях запланированной работы. До самого окончания завтрака мы только и слышали, что про ловушки для призраков, планы поисков, поисковые автоматические зонды и сенсоры. Я внимательно слушал, запоминая подробности для первой статьи.

Сандерс тоже внимательно слушал. Но по выражению его лица можно было заключить, что все это ему не нравится.

В тот день ничего особенного не случилось. Дубовски почти до самого вечера следил за разгрузкой оборудования на посадочной площадке,

построенной чуть ниже замка. Я написал небольшую статью о планах экспедиции и передал ее на Землю. Сандерс занимался другими своими гостями и выполнял всяческие обязанности, из которых, видимо, и состоит день управляющего отелем.

На закате я снова вышел на балкон посмотреть мистрайз.

Да, как сказал Сандерс, это действительно была война. При мистфале, я видел, как солнце победило в первой из двух ежедневных битв. Теперь же сражение возобновилось. Когда температура воздуха упала, туман снова пополз вверх. Вьющиеся белые языки тумана молча поднимались из долин и обволакивали острые горные пики, словно призрачные пальцы. Эти пальцы становились все толще, все сильнее и вскоре подтягивали за собой основные силы тумана.

Один за другим голые, изъеденные ветром пики скрывались в белизне до следующего утра. Красный Призрак, гигант к северу от отеля, исчез в колышащемся белом океане последним, а затем туман выплеснулся на балкон и накрыл «Облачный замок».

Я пошел внутрь. Сандерс ждал у дверей — видимо, он за мной наблюдал.

— Вы были правы, — сказал я. — Это и в самом деле красиво.

Он кивнул.

— Знаете, я думаю, Дубовски так и не удосужился взглянуть.

— Наверно, занят.

— Слишком занят, — вздохнул Сандерс. — Идемте. Хочу вас угостить.

В баре отеля было тихо и почти темно — такая обстановка располагает к хорошему разговору и серьезным напиткам. Чем больше я знакомился с замком, тем больше мне нравился Сандерс. Наши вкусы здорово совпадали.

Мы выбрали столик в самом темном и уединенном углу комнаты и сделали заказы — спиртное было на выбор с целой дюжины планет. Как-то сам собой завязался разговор.

— Похоже, вы не очень рады, что прилетел Дубовски, — сказал я, когда перед нами поставили бокалы. — Почему бы это? Ведь почти весь отель теперь заполнен.

Сандерс оторвал взгляд от своего бокала и улыбнулся.

— Верно. Сейчас не сезон. Но мне не нравятся его планы.

— И вы пытаетесь его напугать?

Улыбка Сандерса исчезла.

— Неужели это было настолько заметно?

Я кивнул.

— В общем-то я не думал, что у меня получится, — сказал он, вздыхая, потом задумчиво пригубил из бокала. — Но я должен был сделать хоть что-то.

— Почему?

— Потому. Потому что он разрушит этот мир, если ему позволить. Если он и ему подобные доведут свое дело до конца, во Вселенной не останется тайны.

— Но он лишь пытается отгадать загадки этой планеты. Существуют ли призраки? Руины… Кто строил эти здания? Разве вам самому никогда не хотелось это узнать, Сандерс?

Он осушил свой бокал, оглянулся и, поймав взгляд официанта, заказал еще. Здесь уже не было никаких роботов — только люди. Сандерс умел создавать обстановку.

— Разумеется, хотелось, — ответил он, когда официант принес новый бокал. — Это всем интересно. Поэтому-то люди и прилетают на Призрачный Мир и попадают сюда, в «Облачный замок». Каждый, кто оказывается на этой планете, в глубине души надеется, что ему повезет, что

он увидит призраков и сам отгадает все загадки. Пока это никому не удавалось. Человек цепляет на пояс бластер и бродит по туманным лесам дни, а то и недели напролет, но ничего не находит. Ну и что? Он всегда может вернуться и начать снова. Ведь мечта, романтика, тайна — все остается по-прежнему. И потом, как знать, может быть, в один из таких походов ему посчастливится, и он увидит мельком призрака. Или что-то такое, что он сочтет за призрака. Неважно. Он улетит домой счастливым, потому что приобщился к легенде. Он прикоснулся к маленькой доле мироздания, с которой люди, подобные Дубовски, еще не сорвали покров очарования и тайны.

Он надолго замолчал, глядя в свой бокал, потом наконец продолжил:

— Дубовски! Черт бы его побрал! У меня просто кипит все внутри, когда я о нем думаю. Прилетел охотиться на призраков! И тебе корабль, набитый аппаратурой, и целая свита лакеев, и миллионный бюджет на исследования! Ведь он своего добьется — вот что меня пугает. Или докажет, что призраков не существует, или найдет их, и они окажутся какими-нибудь животными, примитивными гуманоидами или…

Он одним махом допил содержимое бокала.

— После этого все рухнет. Рухнет. Понимаете? При помощи своих электронных ящиков он ответит на все вопросы, и остальным уже ничего не останется. Это просто несправедливо.

Я сидел и молча потягивал свой коктейль. Сандерс заказал еще. У меня невольно зародилось черное подозрение, и в конце концов я не выдержал.

— Если Дубовски ответит на все вопросы, тогда никто больше сюда не полетит. Вы останетесь не у дел, прогорите. Может быть, именно в этом причина вашего беспокойства?

Сандерс впился в меня яростным взглядом, и на мгновение мне показалось, что он вот-вот меня ударит.

— Я думал, вы другой. Вы видели мистфаль, вы поняли. Во всяком случае, мне так показалось. Но, видимо, я ошибся.

Он мотнул головой в сторону выхода и добавил:

— Убирайтесь.

Я встал.

— Ладно. Извините, Сандерс. Но задавать неприятные вопросы вроде этого — моя работа.

Сандерс никак не отреагировал, и я направился к выходу. Остановившись в дверях, я обернулся

и взглянул на хозяина «Облачного замка». Он снова сидел, уставившись в своиу бокал, и громко разговаривал сам с собой.

— Ответы! — В его устах это прозвучало как ругательство. — Ответы! Вечно им нужны ответы… Они просто не понимают, что сами вопросы куда изящнее… Боже, почему они никак не оставят их в покое?

Я вышел, и он остался один. Наедине со своим бокалом.

И для участников экспедиции, и для меня самого следующие несколько недель были заполнены до предела. Дубовски, надо отдать ему должное, подошел к проблеме очень серьезно. Атаку на Призрачный Мир он спланировал предельно тщательно.

Прежде всего, картографирование. Из-за туманов существовавшие до сих пор карты Призрачного Мира, мягко говоря, высокой точностью не отличались. Дубовски выслал на разведку целую флотилию небольших автоматических зондов — они скользили над белым океаном и с помощью мощного сенсорного оборудования выведывали скрытые туманом секреты. Собранная вместе,

информация с зондов дала детальную топографическую карту региона.

Затем Дубовски и его помощники старательно нанесли на карту имеющиеся сведения о встречах с призраками. Разумеется, значительная часть этих данных была проанализирована задолго до отлета с Земли. Однако собранная в библиотеке «Облачного замка» информация тоже нашла свое применение. Как участники экспедиции и ожидали, чаще всего появление призраков отмечалось в долинах, прилегающих к отелю, единственному постоянному поселению людей на планете.

Когда эта работа была закончена, Дубовски расставил свои ловушки в местах, где призраки появлялись наиболее часто. Еще несколько штук его люди установили в отдаленных районах, включая и прибрежную равнину, где впервые сел корабль Грегора.

На самом деле, конечно, это были никакие не ловушки: невысокие колонны в твердосплавной оболочке, набитые всевозможной сенсорной и записывающей аппаратурой. Тумана для них словно не существовало, и, если бы какой-нибудь невезучий призрак оказался в радиусе действия такой ловушки, его появление было бы непре-

менно замечено.

Одновременно с этим все автоматические зонды вернули на базу, перепрограммировали и отправили каждый по своему маршруту. Теперь, когда топография местности стала известна до мельчайших подробностей, появилась возможность высылать зонды в полеты на небольшой высоте сквозь туман, не опасаясь, что они наткнутся на скрытое препятствие. Сенсорная аппаратура зондов была, конечно, проще, чем в ловушках, но зато зонды имели гораздо больший радиус действия и за день могли обследовать по нескольку тысяч квадратных миль.

И наконец, когда все ловушки уже стояли на местах, когда все зонды вылетели по заданным маршрутам, Дубовски и его люди отправились в туманные долины сами. Каждый нес тяжелый рюкзак с сенсорным оборудованием: такие группы обладали большей мобильностью по сравнению с ловушками, а приборы у них были даже лучшей тех, что имелись на зондах. День за днем они старательно прочесывали все новые и новые участки.

Я несколько раз ходил в эти пешие походы — тоже с грузом аппаратуры. И хотя мы ничего не нашли, материал получился чрезвычайно

интересный. Кроме того, за время походов я буквально влюбился в туманные леса.

В рекламных буклетах для туристов их часто описывают как «жуткие туманные леса таинственного Призрачного Мира», но ничего жуткого в них нет, ей-богу. Есть странная, удивительная красота — для тех, кто в состоянии ее оценить.

Тонкие и очень высокие деревья с белой корой и бледно-серыми листьями. Но не подумайте, что там совсем нет цвета. В этих лесах очень распространены паразитические растения, что-то вроде висячих мхов, которые спускаются с верхних ветвей каскадами зеленого и алого цветов. А еще камни, лианы и низкорослые кусты, буквально увешанные фиолетовыми плодами самых причудливых форм.

Но солнца, конечно, нет. Туман прячет все. Языки тумана вьются и скользят вокруг, путаются под ногами, ласкают вас невидимыми руками.

Время от времени он словно играет с вами. По большей части вы идете в плотной пелене и видите окружающее лишь в пределах нескольких футов — даже сапоги тают порой в стелющейся у земли белизне. Бывает, туман вдруг сгущается, будто набрасываясь на вас со всех сторон сразу, и вы не видите вообще ничего. Со мной это случа-

лось неоднократно, и я каждый раз обязательно врезался на полном ходу в дерево.

А иногда туман без всякой видимой причины откатывается назад и оставляет вас одного в прозрачном пузыре внутри облака. Вот в такие мгновения лес виден во всей его удивительной красе. Краткие, захватывающие мгновения сказки. Случается такое редко и очень ненадолго, но в памяти остается навсегда.

Да, остается.

В те первые недели у меня было не так много времени для прогулок — я ходил с группами по намеченным маршрутам лишь для того, чтобы ощутить на себе, каково это. В основном я писал. Подготовил серию очерков по истории планеты, немного приукрасив ее рассказами о наиболее известных встречах с призраками. Затем серия очерков об участниках экспедиции из числа тех, кто достоин особого внимания. Очерк о Сандерсе и проблемах, с которыми ему пришлось столкнуться, когда он строил свой «Облачный замок». Научные очерки о плохо пока изученной экологии планеты. Художественные серии о лесах и горах. Очерки-догадки о руинах. Очерки об охоте на скальных кошек, о перспективах местного альпинизма, об огромных и опасных

болотных ящерицах, что водились на островах неподалеку…

И разумеется, я написал о Дубовски и его поисках. Много написал. Однако в конце концов поиски приобрели рутинный характер, и я почти исчерпал запас тем, которые мог предложить Призрачный Мир. Работы стало меньше, и у меня появилось свободное время.

Вот тогда только я и начал наслаждаться Призрачным Миром по-настоящему. Пристрастившись к ежедневным прогулкам по лесам, я с каждым днем заходил все дальше и дальше. Побывал среди руин и даже слетал за полконтинента, чтобы самому поглядеть на болотных ящериц, которых до того видел лишь на голограммах. Подружился с группой охотников, чей маршрут пролегал неподалеку от отеля, и умудрился подстрелить скальную кошку. Затем, уже с другими охотниками, побывал на западном побережье, где меня самого чуть не прикончил луговой дьявол.

И мы снова начали разговаривать с Сандерсом.

Все это время он практически игнорировал меня, Дубовски и всех остальных, кто был связан с поисками призраков. Если и разговаривал с кем-то, то ворчливым, недовольным тоном, здо-

ровался коротко, очень сдержанно, и по большей части проводил время с другими гостями замка.

После нашего разговора в баре в тот вечер, когда он высказал свое отношение к Дубовски, я, признаться, поначалу беспокоился, что он наделает каких-нибудь глупостей. Мне легко представлялось, как он убивает кого-то в тумане, чтобы потом свалить убийство на призраков. Или, может быть, просто уничтожает ловушки. Я не сомневался, что он придумает что-нибудь, чтобы испугать Дубовски или как-то еще помешать экспедиции.

Видимо, я насмотрелся дрянных передач по головидению. Сандерс ничего такого не делал. Он лишь дулся, стрелял в нас сердитыми взглядами, встречая в коридорах отеля, и затруднял жизнь по мелочам, отказывая в советах и вообще в какой бы то ни было помощи.

Однако спустя некоторое время он все же потеплел. Правда, не к Дубовски и его людям, а только ко мне.

Скорее всего, из-за моих прогулок по лесам. Дубовски забредал туда, лишь когда этого требовала работа. Да и то с большим нежеланием и очень ненадолго. Остальные участники экспедиции следовали его примеру. Я оказался вроде как

белой вороной. Впрочем, я с самого начала был из другой стаи.

И Сандерс это, конечно, заметил — из происходящего в замке вообще мало что ускользало от его внимания — и снова стал со мной разговаривать. Поначалу вежливо, на нейтральные темы, но в конце концов он даже пригласил меня в бар.

Экспедиция работала уже около двух месяцев. На Призрачном Мире наступала зима, воздух вокруг «Облачного замка» стал колким и холодным. Мы с Дубовски сидели на балконе, неторопливо потягивали кофе после очередного прекрасного ужина. Сандерс и какие-то туристы расположились за столиком неподалеку.

Я уже не помню, о чем мы тогда говорили с Дубовски, но он вдруг перебил меня, передернув плечами, и заявил недовольным тоном:

— Здесь становится холодно. Почему бы нам не перейти внутрь?

Ему, я думаю, и раньше не нравилось сидеть на балконе.

— Ну, не так уж и холодно, — возразил я. — И кроме того, скоро закат, чуть ли не самое красивое время.

Дубовски снова передернул плечами и встал.

— Как хотите. Но я пойду внутрь. Мне совсем не

хочется простудиться из-за того, что вы решили посмотреть еще один мистфаль.

Он двинулся к дверям, но не сделал и трех шагов, когда Сандерс вскочил на ноги, взвыв, словно раненая скальная кошка.

— Мистфаль! Нет, вы только подумайте! Мистфаль! — закричал он и выпалил в адрес Дубовски длинную очередь бессвязных ругательств.

Я еще ни разу не видел, чтобы Сандерс так злился, даже когда он выгнал меня самого из бара в тот первый вечер. Лицо его налилось краской, и он буквально дрожал от ярости, сжимая и разжимая кулаки. Я торопливо поднялся и встал между ними. Растерянный и немного напуганный, Дубовски повернулся ко мне.

— В чем… — начал было он.

— Идите к себе, — перебил его я. — В свою комнату. Или на веранду. Куда угодно. Только уходите отсюда, пока он вас не убил.

— Но… но в чем дело? Что случилось? Я не понимаю.

— Мистфаль бывает по утрам, — объяснил я. — Вечером, на закате, это называется мистрайз. А теперь идите!

— И это все? Из-за чего он так…

— ИДИТЕ!

Дубовски покачал головой, будто хотел дать понять, что все равно не понимает происходящего, но ушел.

Я повернулся к Сандерсу.

— Успокойтесь. Остыньте.

Он перестал дрожать, но его взгляд по-прежнему жег спину Дубовски бластерными импульсами.

— Мистфаль… — пробормотал Сандерс. — Этот ублюдок здесь уже два месяца и до сих пор не понял, чем мистфаль отличается от мистрайза.

— Он просто не удосужился посмотреть ни то, ни другое, — сказал я. — Его подобные вещи не интересуют. Впрочем, ему же хуже. Не стоит из-за этого волноваться.

Сандерс уставился на меня хмурым взглядом, затем кивнул.

— Да. Может, вы и правы. — Он Вздохнул. — Но мистфаль! Черт бы его побрал! — Короткая пауза. — Мне нужно выпить. Присоединитесь?

Я ответил коротким кивком.

Мы устроились в том же темном углу бара, что и в первый вечер — видимо, это был любимый столик Сандерса. Прежде чем я справился с одним коктейлем, Сандерс одолел три. Три больших бокала. В «Облачном замке» все было большое.

На этот раз мы ни о чем не спорили, просто говорили о мистфале, о лесах и руинах. Вспомнили и призраков: Сандерс с большой любовью пересказывал мне истории о знаменитых встречах. Я, конечно, все их уже знал, но Сандерс рассказывал гораздо интересней.

По ходу разговора я упомянул, что родился в Брэдбери, когда мои родители проводили свой отпуск на Марсе. Глаза у Сандерса загорелись, и еще около часа он травил анекдоты про землян. Их я тоже уже все слышал, но к тому времени мы здорово набрались и анекдоты казались очень смешными.

После этого я стал проводить с Сандерсом больше времени, чем с кем-либо еще из живущих в отеле. Мне казалось, что я уже знаю Призрачный Мир достаточно хорошо. Оказалось, что я заблуждаюсь, и Сандерс легко это доказал. Он показал мне несколько укрытых от посторонних глаз лесных уголков, и я до сих пор не могу их забыть. Затем взял меня с собой на болота, где растут совсем другие деревья — они жутко раскачиваются при полном безветрии. Мы летали с ним далеко на север, где я увидел еще один горный кряж с очень высокими заледеневшими горными пиками, и на юг, где в одном месте туман непрерывно

льется с обрыва, словно призрачная имитация водопада.

Я, конечно, продолжал писать статьи о Дубовски и его поисках. Однако новостей было мало, и почти все время я проводил с Сандерсом. То, что материалов стало меньше, не очень меня беспокоило: моя серия очерков о Призрачном Мире была встречена очень хорошо как на Земле, так и на большинстве планет. И я не сомневался, что все в порядке.

Оказалось, это не так.

Когда я пробыл на Призрачном Мире чуть больше трех месяцев, руководство моего синдиката прислало мне новое задание. На планете Нью-Рефьюдж, что расположена за несколько звездных систем от Призрачного Мира, разразилась гражданская война, и мои боссы хотели, чтобы я занялся этой темой. Все равно, напомнили они, экспедиции Дубовски работать еще больше года.

Призрачный Мир, конечно, очаровал меня, но я был рад перемене обстановки. Кроме того, события на Нью-Рефьюдж сулили больше новостей.

Я попрощался с Сандерсом, Дубовски и «Облачным замком», прогулялся в последний раз по туманному лесу и заказал место на ближайшем пролетающем мимо корабле. Гражданская война

на Нью-Рефьюдж затухла, едва начавшись. Я провел на планете меньше месяца и все это время помирал от тоски. Планета была колонизирована религиозными фанатиками, но у них произошел раскол, и обе стороны принялись обвинять друг друга в ереси. Тоска зеленая! А в самой планете было столько же очарования, сколько в марсианских трущобах.

Я улетел оттуда при первой же возможности и, прыгая с планеты на планету, от одной истории к другой, спустя шесть месяцев оказался на Земле. Приближались выборы, и мне поручили политическую проблематику, что меня вполне устраивало: кампания проходила бурно, и достойных пристального внимания новостей было огромное количество.

Однако все это время я не забывал следить за редкими сообщениями, поступавшими с Призрачного Мира. В конце концов, как я и ожидал, Дубовски объявил о пресс-конференции. Как самый крупный специалист по призракам, я, конечно, добился назначения и вылетел на Призрачный Мир самым быстрым кораблем, который только мог найти.

Прибыл я за неделю до пресс-конференции, раньше всех остальных. Еще до отлета я успел

послать Сандерсу сообщение, и он встретил меня прямо в космопорте. Мы уединились на балконе, куда робот-официант принес наши бокалы.

— Ну как? — спросил я, когда мы обменялись любезностями. — Вы уже знаете, что собирается объявить Дубовски?

— Догадываюсь, — ответил Сандерс с мрачным видом. — Он еще месяц назад вернул на базу все свои ловушки и зонды с аппаратурой и с тех пор перепроверял на компьютерах их данные. После того, как вы улетели, у нас тут было двое очевидцев, которые утверждали, что повстречались с призраками. В обоих случаях Дубовски оказывался на месте буквально через несколько часов и ползал там, чуть не с микроскопом, но безрезультатно. Я думаю, именно об этом он и собирается объявить. Призраков, мол, не существует.

Я кивнул.

— Но, может быть, не все так плохо. Грегор тоже ничего не нашел.

— Это разные вещи, — сказал Сандерс. — Грегор не искал так тщательно. Люди поверят Дубовски, что бы он ни сообщил.

У меня такой уверенности не было, и я как раз хотел об этом сказать, когда появился сам Дубовски. Должно быть, кто-то передал ему, что

я уже прилетел. Он быстрым шагом, улыбаясь, вышел на балкон, высмотрел меня, подошел к столику и сел.

Сандерс кольнул его горящим взглядом и снова уставился в свой бокал. Не обращая на хозяина «Облачного замка» внимания, Дубовски заговорил со мной. Похоже было, что он очень собой доволен. Расспрашивал, чем я занимался все это время, я отвечал, и он то и дело говорил: «Да. Хорошо. Замечательно».

Наконец я решил спросить его о результатах поисков.

— Пока ничего не могу сообщить, — ответил он. — Результаты будут объявлены на пресс-конференции.

— Да полно вам, — сказал я. — Ведь я писал о вашей экспедиции, еще когда все остальные ее попросту игнорировали. Надо полагать, я заслужил фору. Каковы результаты?

— М-м-м… ладно, — после некоторых колебаний ответил он. — Но только не передавайте ничего прямо сейчас. Вы сможете сделать это за несколько часов до пресс-конференции и все равно опередите своих коллег.

Я согласился.

— И каковы же результаты?

— Призраки. С ними все ясно. Их просто нет. У меня достаточно данных, чтобы доказать это, не оставив даже тени сомнения, — сказал Дубовски и заулыбался.

— Только лишь тем, что вы ничего не нашли? — спросил я. — Может быть, они избегали вас. Если призраки разумны, у них, возможно, хватило ума спрятаться. Или их просто невозможно обнаружить с помощью вашей аппаратуры.

— Право же, — сказал Дубовски, — вы и сами в это не верите. Мы установили в ловушках все существующие виды сенсорных приборов. И если бы призраки здесь были, хотя бы один прибор их зарегистрировал. Но их просто нет. Мы установили ловушки и в тех двух новых местах, где, по словам Сандерса, якобы видели призраков. Ноль. Никаких результатов. Без всяких сомнений доказано, что этим очевидцам призраки лишь померещились. Именно померещились.

— Но ведь люди тут и погибали, и бесследно исчезали, — настаивал я. — Как насчет экспедиции Грегора и других классических случаев?

Улыбка Дубовски стала еще шире.

— Я, конечно, не могу опровергнуть все подобные предположения, но наши зонды и поисковые группы нашли четыре скелета. — Он принялся

загибать пальцы. — Двое погибли при обвалах, у третьего на костях обнаружены следы когтей скальной кошки.

— А четвертый?

— Убийство, — ответил Дубовски. — Тело было захоронено в неглубокой могиле, это явно дело рук человека. Могилу размыло, когда ручей неподалеку вышел из берегов. Погибший числился среди исчезнувших. Я не сомневаюсь, что и все остальные тела можно найти, если искать достаточно долго, но окажется, что ничего сверхъестественного в смерти этих людей нет.

Сандерс оторвал взгляд от бокала.

— Грегор, — упрямо напомнил он. — Грегор и другие классические случаи.

Улыбка Дубовски превратилась в презрительную ухмылку.

— А, да. Мы обследовали тот район довольно тщательно и — как я и предполагал — обнаружили неподалеку поселение обезьяноподобных существ. Здоровые твари. Похожи на огромных бабуинов с грязным белым мехом. Не очень, впрочем, успешная ветвь эволюции. Мы нашли лишь одну стаю, но и они постепенно вымирают. Совершенно очевидно, что человек Грегора видел именно их. И преувеличил увиденное сверх

всякой меры.

Наступило тяжелое молчание, и нарушил его Сандерс. Тихим, убитым голосом он произнес:

— Один только вопрос. Ради чего все это?

Улыбка на губах Дубовски растаяла.

— Вы так ничего и не поняли, Сандерс? Ради истины. Ради того, чтобы освободить планету от невежества и суеверия.

— Освободить Призрачный Мир? — переспросил Сандерс. — А разве он был порабощен?

— Безусловно, — ответил Дубовски. — Порабощен дурацкими мифами. Страхом. Но теперь эта планета свободна и открыта для людей. В конце концов мы откроем и тайну руин тоже — теперь нам не будут мешать невнятные легенды, заслоняющие факты. Мы откроем Призрачный Мир для колонизации. Люди уже не будут бояться прилетать сюда, жить здесь и работать. Мы победили страх.

— Колония? Здесь? — Сандерс даже удивился. — Вы собираетесь разгонять туман вентиляторами или как? Сюда уже прилетали колонисты. С тем же и улетели. Почва не та. Да и горы кругом — не очень-то развернешься тут с фермами. По крайней мере, на серьезной коммерческой основе. Фермерствовать на Призрачном Мире просто

невыгодно, тем более что сотням других колоний позарез нужны рабочие руки. Ну, зачем вам еще одна планета? Зачем превращать Призрачный Мир в еще одну копию Земли?

Сандерс печально покачал головой, осушил свой бокал и продолжил:

— Это вы ничего не поняли, доктор Дубовски. Не надо обманывать себя. Вы не освободили Призрачный Мир. Вы его уничтожили. Украли призраков и оставили пустую планету.

Дубовски встрепенулся.

— Я думаю, вы не правы. Люди найдут, как выгодно эксплуатировать эту планету. Но даже если бы не прав был я, это не имеет значения. Знания — вот что нужно человеку. Люди вроде вас пытались затормозить прогресс с незапамятных времен. Им это не удавалось, так же, как не удалось вам. Человеку необходимы знанияю.

— Может быть, — сказал Сандерс. — Но разве человеку нужны только знания? Сомневаюсь. Я думаю, человеку нужны и тайны, и поэзия, и романтика. Ему нужны неразгаданные загадки — чтобы размышлять и удивляться.

Дубовски резко встал, нахмурился.

— Этот разговор лишен смысла. Так же, как и ваша философия, Сандерс. В моей вселенной нет

места неразгаданным загадкам.

— Тогда вы живете в очень скучной вселенной, доктор.

— А вы, Сандерс, погрязли в собственном невежестве. Если вам так хочется, найдите себе другое суеверие. Но не пытайтесь убедить меня в чем-то сказками и легендами. У меня нет времени гоняться за призраками. — Он взглянул на меня. — Увидимся на пресс-конференции.

Дубовски повернулся и быстрым шагом ушел с балкона. Сандерс молча смотрел ему в спину, затем повернулся в кресле к горам и сказал:

— Туман поднимается.

Как выяснилось позже, Сандерс был не прав насчет колонии. Колония на Призрачном Мире появилась, хотя и не бог весть какая: виноградники, перерабатывающие заводы, мастерские — от силы на несколько тысяч человек, причем это хозяйство принадлежало всего двум большим компаниям.

Коммерческое земледелие, действительно, не могло принести тут выгоды. Исключением оказался лишь местный виноград — круглые серые плоды размером с лимон. Поэтому Призрачный Мир экспортирует один-единственный продукт — дымчатое белое вино с мягким устойчивым

привкусом.

Разумеется, его называют миствайн, и за последние годы я как-то к нему пристрастился. Вкус напоминает мне о мистфалях и навевает мечтательное настроение. Но может быть, дело не в вине, а во мне самом. Особой популярностью оно не пользуется.

Однако какую-то минимальную прибыль это вино приносит. Поэтому на Призрачном Мире до сих пор регулярно останавливаются космолеты. Во всяком случае, грузовые.

А вот туристов на Призрачном Мире теперь практически не бывает. Здесь Сандерс оказался прав. Удивительные пейзажи можно найти поближе к дому, да оно и дешевле. Люди прилетали сюда из-за призраков.

Самого Сандерса тоже уже нет. Он был слишком упрям и непрактичен, чтобы заняться виноделием, когда оно только зарождалось. Сандерс предпочел держаться до последнего, укрывшись в своем «Облачном замке». Я до сих пор не знаю, что с ним стало, когда отель в конце концов прогорел.

Замок по-прежнему стоит на месте. Я видел его несколько лет назад, когда останавливался на Призрачном Мире по пути на Нью-Рефьюдж, куда

снова забросила меня журналистская судьба. Однако он уже рушится. Поддерживать замок в приличном виде слишком дорого. Еще несколько лет, и его невозможно будет отличить от тех, старых руин.

А в остальном планета не сильно изменилась. Туман по-прежнему поднимается на закате и садится по утрам. И голый пик Красного Призрака по-прежнему красив в лучах утреннего солнца. Леса все еще стоят, и в них все так же бродят скальные кошки.

Только призраков уже нет.

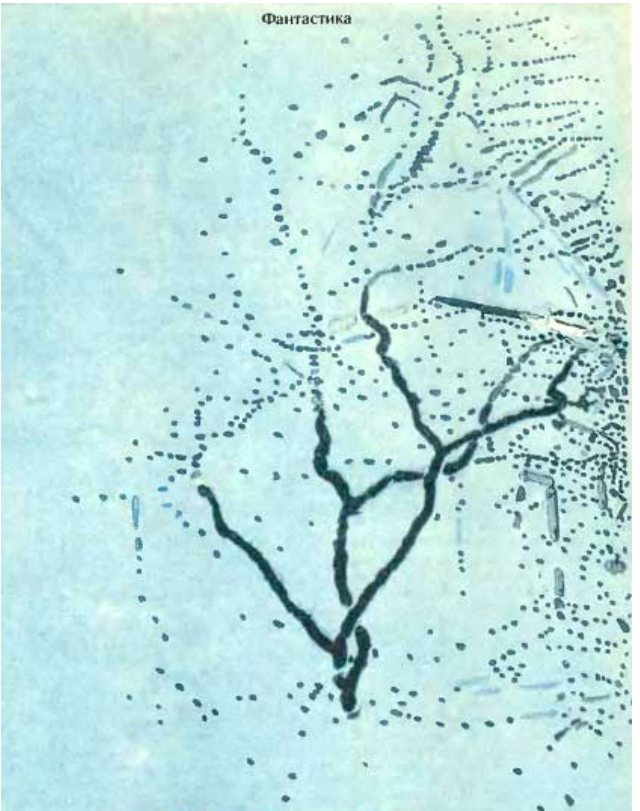
Только призраков.

Перевод А. Корженевского

№ 12

Эдуард Геворкян

До зимы еще полгода



До зимы еще полгода

Эдуард ГЕВОРКЯН

Памяти Л. Курантиляна

Майские праздники я любил еще потому, что их — много.

И затеял я между торжествами капитальную уборку квартиры. Вымыл окна. Разгреб свалку на антресолях. В прихожей выросла мусорная гора из старых газет и журналов.

Всю эту трухлявую периодику хранила мать. Мои попытки избавиться от бумажного хлама она решительно пресекала. И каждый раз долго, обстоятельно рассказывала, как во время войны из газет варила папье-маше, а из него делала портсигары, раскрашивала и продавала на черном рынке. Тем и кормились. У меня на языке вертелись шуточки насчет папье-маше, но, глянув в ее строгие глаза, шутки я проглатывал.

На праздники мать уехала к сестре в деревню, погостить. Я же собрался с духом и решил ликвидировать старье.

Конец шестидесятых — вот когда это было. Книги за макулатуру — только в страшном сне. Слухи о книжном буме шли мутными волнами, но доверия не вызывали — опять в столице чудят! Так что с книгами у меня была одна проблема — куда ставить?

Книжных полок катастрофически не хватало, приходилось изворачиваться, расставлять их так и этак, впихивать тома в межполочье. Во время одной из перестановок я придумал историю о книжнике и его библиотеке. Он собирал, собирал и насобирал огромную библиотеку. Стал составлять каталог. И обнаружил сущую чертовщину: некоторые книги имелись в трех-четырех экземплярах, хотя он готов был поклясться, что не покупал ни одной — барахло! Другие, о которых помнил и ждал свободного времени, может, пенсии, чтобы припасть к ним и обчитаться вдосталь, — пропали начисто! Потом еще хуже — пошли книги на непонятных языках, какие-то альбомы с чудовищной мазней, ящики с дневниками саратовских гимназисток. В итоге библиофил слегка повреждается в уме, обливает книги керосином и… Дурдом! Рассказывает о себе тихому психу. В ответ тихий, берет его за кадык и душит, приговаривая, что именно его библиофил и спалил, потому что он и есть дневник саратовской гимназистки.

Вот такая история. Ребятам в кафе понравилось.

Старую бумагу я вынес во двор и сложил у общественного мангала — для шашлыка не годится,

но на растопку — вполне.

На лестнице одна из стопок развалилась. Газеты, журналы, старые афиши расползлись по деревянным ступенькам.

Из бумаг вывалился небольшой толстый пакет, завернутый в афишу и перевязанный бечевкой. Взвесив его в руке, я оглянулся на соседскую дверь. Мать вполне могла сунуть в хлам облигации и забыть. Один мой знакомый потихоньку скупает за четверть цены старые облигации, надеясь дожить до выплаты и сорвать куш.

И доживет. Чемоданы, набитые облигациями, благополучно обменяет на денежные знаки. Никакой морали из этой истории не извлечь, потому что она не выдумана. Он будет жить долго и весело, оставит детям дом, машину и немало тысяч на сберкнижке. С детьми, правда, выйдет плохо, но это другое…

В пакете облигаций не оказалось. Старый перекидной календарь, глубоко довоенный. Пожелтевшие листки. Под черными датами выцветшими фиолетовыми чернилами колонки мелких чисел. Мать пишет размашисто, это не ее рука.

Я хотел высыпать листки в общую кучу, но вдруг вспомнил: мне пять или шесть лет, бабуш-

ка сидит у подоконника, смотрит на большой термометр за окном и пишет что-то в календаре. Термометр исчез во время войны. На отца пришла похоронка. Потом исчезла бабушка. Мать об этом рассказывала скупо. Наверно, бабушка с горя немного повредилась, стала говорить лишнее и пропала. Ушла искать могилу сына. Все, что от нее осталось: колонки чисел — ежедневная температура за несколько лет.

Мать с ней не ладила. Немногий оставшийся скарб она раздарила родственникам. Был у бабушки сундук, окованный черным металлом с множеством гвоздей-заклепок. Когда выносили, я вцепился в него с ревом, как клещ. Еще бы — это не просто сундук, а танк-самолет-корабль, смотря куда пристроить кочергу и обрезок трубы. Сундук часто фигурировал в страшных историях, которые я рассказывал ребятам с нашего двора. В сундуке лежали книги, но они меня тогда не интересовали. Единственно стоящим для меня тогда был «Айболит» — одно из первых изданий, где Бармалей — негр.

Календарь я не стал выбрасывать. Если матушка расшумится из-за бумаг, покажу ей и про сундук напомню. И как грубо меня от него отдирала… До сих пор не забыл обиду. Смешно!

Тут я придумал историю о мальчике, у которого в детстве отобрали единственную забаву — сундук. Мальчик рос и вырос, но сундук оставался символом убежища. Стал большим человеком, почти министром, у него семья, дети и маленькая тайна. В одной из комнат огромной квартиры спрятан сундук. Когда ему плохо, он приходит сюда, запирается, влезает в сундук и долго лежит в нем тихо, как мышка, блаженно улыбаясь. А еще лучше так — некий злодей в больших чинах женится на молодых девушках, а они фатально исчезают. Этакий Синяя Борода местного значения! Вот одна из жен нарушает запрет, входит в тайную комнату, а там сундук, набитый… Естественно, она пишет в партком. И тут такое начинается!

Наш старый трехэтажный дом стоит в центре, зажатый гаражами и развалюхами, в которых и жить уже невозможно, но живут, терпят и ждут квартир, а городские власти жмутся, потому что на каждый метр прописано по пять душ и на каждый кособокий домишко, подпертый бревном, надо строить многоэтажный дом.

Двор узкий. Чтоб разворачивать свою машину, отец Аршака соорудил из деревянных брусьев небольшой поворотный круг. Встанешь на круг,

оттолкнешься ногой — скрип, треск, удовольствие! Машина въезжала на круг, затем набегала мелюзга и дружно разворачивала в сторону гаража. Иначе невозможно в него попасть.

Сейчас круг не вращается, все забито землей, песком, мусором. Отец Аршака машину продал и за руль больше не садится. Круг просится в историю, но выдумывать о нем не хочу.

Сто лет простоял наш каменный, черного туфа дом, и еще сто лет простоит, если минует тяжелая рука генплана. Потолки под четыре метра, в коридоре можно бегать наперегонки. Но горячую воду только в прошлом году провели, а канализация часто засоряется и фонтанирует на первом этаже. У нас, к счастью, второй.

Если идти мимо гаражей, то через минуту выйдешь к музыкальному магазину, что напротив интуристовской гостиницы. Шальные туристы забредают в наш лабиринт переулков и грязненьких двориков, восхищенно ахают на деревянные веранды с резными перилами, на переплетения крыш и балконов, на живописно развешанное многоцветное белье, по колориту не уступающее неаполитанскому городскому пейзажу. Экзотика!

Жильцы мечтают выбраться из экзотики в

новый дом и перманентно ворчат — полы прогнили, а трубы ржавые и поют. С другой стороны — центр. На двоих три комнаты. Нас пугали подселением, предлагали фантастически выгодные обмены, но когда мать задумывалась над вариантами, я упирался. И наоборот.

Пыль и труха легли в прихожей грязными полосами. Протер заново. В горле запершило. Между тем в холодильнике со вчерашнего дня своего часа дожидалось чешское пиво.

Час настал! Пробка слабо пшикнула, из горлышка мгновенно запотевшей бутылки выполз белый плотный столбик пены.

Я прихлебывал из стакана и осторожно перелистывал странички старого календаря. Знакомился с днями рождения и юбилеями лиц, фамилии которых мне почти ничего не говорили. Наконец добрался до майских листков. Мое внимание привлекла запись под сегодняшим числом. Рядом с «плюс восемнадцать» мелким аккуратным почерком было выведено «выпадет снег». Восклицательный знак и жирная черта, обводящая запись.

Допив пиво, я быстро пролистал весь ка-

лендарь, но ничего похожего не обнаружил. Напутала бабуля, решил я, снег в мае — допустим, хотя в наших краях такое в редкость. Но она написала «выпадет», а не «выпал»! Странно. Возможно, описка. Когда же это было? Так, еще шесть записей, вычтем из общего числа, прибавим к дате на календаре. Год моего рождения. Я поразмышлял над этим фактом, потом полез за второй бутылкой.

И придумал я историю про майский снегопад. Вот живет себе герой и никого не трогает. Смотрит раз в окно, а там снег идет, дети на санках катаются, снежную бабу лепят. Кто-то елку по снегу волочит. Герой не верит своим глазам, на календаре май, а тут такие погоды! Он бегом во двор — ничего подобного: теплынь, пыльный ветер кругами по городу ходит. Он обратно к себе — за окном снег. Ну, разумеется, экспериментум круцис — распахивает окно! Там в самом деле — снег, зима. Герой с опаской захлопывает окно, долго и нудно размышляет, в голову лезет ерунда — сдвиги во времени, параллельные миры и прочая фантастическая дребедень. Наконец не выдерживает и, высадив окно, сигает вниз. Ну, первый этаж, ничего страшного. Вот он стоит на снегу, а это вроде и не снег вовсе, вата какая-то

под ногами упругая. Прохожие в шубах, дети на санках и даже большая черная легковая автомашина — все ненастоящее. Картон раскрашенный. В руках у карапуза воздушный шарик из бумаги. Дотрагиваюсь до него — шарик вдруг взмывает в небеса, унося с собой картонную руку малыша…

Вздрагиваю и просыпаюсь. С третьей бутылки я задремал.

В этот день пива я больше не пил.

А на следующий день выпал снег.

— Снег в мае — это, знаете ли, слишком!

Голос сверху принадлежал жене доцента Парсаданова.

— Э, бывает, — отозвался доцент.

Вниз полетел окурок.

С Парсадановыми у меня сложные отношения. Елена Тиграновна меня терпела, поскольку мать помогала ей кроить. Но моего подопечного Аршака не переваривала совершенно. Стоило ему включить магнитофон, как она принималась стучать себе в пол, а Барсегянам в потолок. Аршак выкручивал звук на «Комете» до предела. Тогда в качестве ответного удара она сбрасывала весь имеющийся тоннаж — своего мужа. Доцент возникал в шлепанцах, но при галстуке. Подмигивал Аршаку, а затем, выключив музыку, они заходили

ко мне, а у меня в запасе всегда было пиво. Через час-полтора доцент возвращался к себе, а жена полагала, что он ведет воспитательные беседы.

Снег лежал ровно, плотным слоем покрыв двор. Завтра все это неуместно белое великолепие растает и грязью потечет по двору.

Только я сварил кофе, как пришел Аршак. Сварил и ему. В банке осталось на самом донышке. Я показал ему банку, он кивнул и вышел. «И сахару заодно купи!» — крикнул я вслед.

Надо бы с ним поговорить, все сказать. Сегодня. Или, в крайнем случае, завтра. Его шаги были слышны с лестничной клетки, хлопнула подъездная дверь. Донесся слабый свист — но уже из окна. Чему он удивился — снегу?

Аршака трудно чем-либо удивить. Помню его маленьким. Мало спрашивал, много слушал. Единственный ребенок. Его отец был таксистом. Случайно сбил женщину, испугался и убежал. Ну и получил срок.

Мать Аршака все эти годы тянула семью и вытянула. К возвращению отца Аршак уже заканчивал школу. Дома Аршаку было скучно, он частенько забегал к нам. В шестом классе я немного занимался с ним немецким, он стал пастись у моих книжных полок. Цапнет наугад,

сядет прямо на ковер и читает. Вижу — мало что понимает, но ничего не спрашивает. Вопросы он начал задавать в восьмом классе, странные вопросы, скорее — полуутверждения.

«А что, — спросил он как-то, — Блок — дурак?» Я возмутился и обиделся за Сан Саныча, но Аршак невозмутимо ткнул в страницу пальцем. «Вот тут он пишет, что Пушкин — веселое имя…» «Ну и что!» — вспылил я и обрушил на него словеса.

Тогда-то я присмотрелся к нему и обнаружил, что «несчастный ребенок», как любила приговаривать моя мать, накладывая ему в тарелку чудовищные порции баранины с овощами, исчез, а на его месте возник юноша отнюдь не бледный, но со взором вполне горящим. И в огне своих сомнений он готов сжечь полмира, а если понадобится, то и весь. Сей отрок вместо того, чтобы преклониться перед моей мудростью и содрогнуться мощи подпирающих меня книжных полок, дерзит вякать и вякает толково.

И я… принял его всерьез. Разница в годах была солидной, почти пятнадцать лет. Некоторое снисхождение к нему мешало возникновению дружбы. Было покровительство, было, соответственно, уважение, но была ли дружба? Не знаю, не помню.

Впрочем, может ли быть дружба между учителем и учеником?

Вопросами о природе дружбы я не задавался. Общаться с ним было весело и полезно. На веру он ничего не принимал, и если мне удавалось его в чем-либо убедить, то я уже не сомневался, что на этот предмет переспорю любого.

Аршак вернулся с сахаром и кофе.

— Пошли во двор, — сказал он, непонятно улыбаясь.

— С какой стати? — удивился я, доставая кофемолку.

Что означала его улыбка? Может, она уже говорила с ним?

— Пошли, пошли, — улыбаясь, он взял меня за рукав.

«Вот выйдем во двор, а там стоит она, и он уже с ней обо всем говорил, а мне не надо ничего объяснять», — подумал я и поразился спокойствию этой мысли.

У двери долго примеривался, что взять — куртку или плащ.

— Там тепло, — прервал мои раздумья Аршак.

Мы вышли из подъезда. Аршак прошел вперед, а я за ним по мягко пружинящему снегу. Во дворе ее не было.

Сделав несколько шагов, он остановился, повернулся ко мне и с жадным интересом уставился под ноги.

— Ага, то же самое!

Я оглянулся. Никого. Посмотрел себе под ноги, затем на следы. Позвольте!..

Это не мои следы. Вот я вышел из подъезда и пошел. Но вместо рубчатых подошв виднелись крестообразные оттиски. Я поднял ногу — действительно, хилый ромб, похожий на крест. Осмотрел подошву — обыкновенная микропорка.

Аршак в это время взирал на свои отпечатки. На снегу четкая русская буква «А». Он тронул ее пальцем и шепотом сказал:

— По-моему, это не снег!

Оглядев двор, нелепо белый в это майское утро, я заметил, что снег нетронут и свеж. Я помял его в ладони — холодный и хрустящий, только почему-то не тает. Можно слепить снежок, что я и сделал. Запустил его в стену котельной. Снежок прилип.

Во двор вышла Елена Тиграновна и, небрежно кивнув мне, прошла мимо. Мы уставились на ее следы. Непонятно.

Вглядевшись, я ахнул: она оставляла после себя нотную запись!

Аршак протяжно свистнул. Парсаданова обернулась. Заметила, как мы нависли над чем-то, почуяла неладное и, проверив, не распахнулась ли сумочка, подошла к нам.

У Аршака быстрая реакция и три класса музыкального образования. Пока я и Елена Тиграновна смотрели на следы, он быстро срисовал их в записную книжку. Отпечатки не повторялись!

Елена Тиграновна покраснела и со сдавленным «Ах вы, подлецы!» начала затаптывать следы. Но на месте старых она оставляла новые. Тогда принялась орудовать сумкой.

Запыхавшись, она перебралась на каменный, чистый от снега бордюр. Протянула руку и грозно сказала:

— Отдай!

Аршак молча вырвал листки из блокнота. Она выхватила и, скомкав, сунула в карман. Внезапно всхлипнула и жалобно сказала:

— В детстве я мечтала играть на скрипке…

Аршак с большим сомнением оглядел ее дородную фигуру. Елена Тиграновна достала платок и вытерла глаза.

Потом, много дней спустя, как-то ночью то ли мне приснится, то ли от бессонницы сочинится история о звуках скрипки, которые донесутся

сверху, от Парсадановых. Игра очень неумелая, но вдруг взрывается каскадом жутких звуков, скрипка словно разговаривает, рычит и стонет, слышны обрывки странной, пугающей мелодии.

Днем я осторожно спросил у доцента, кто у них играл, но доцент сердито огрызнулся, никто, мол, не играл и играть не мог! А еще через несколько дней я узнал, что Елена Тиграновна тихо ушла от доцента к какому-то молодому композитору и уехала после развода и нового брака в Бейрут. Обитатели двора были поражены — бывшая мадам Парсаданова была лет на восемь старше мужа и, по слухам, боялась, что он уйдет к молодой. А тут — на тебе!

Но это будет потом, когда все или почти все жильцы забудут о снеге, а пока мы стоим во дворе и ждем, что будет дальше.

Дальше: из подъезда вышел завскладом Амаяк, или просто Амо, и прошелся по снегу монетами достоинством в один рубль.

Елена Тиграновна истерично расхохоталась. Амаяк обнаружив, что ходит денежными знаками, имеющими хождение, рассвирепел. Подскочил к нам и, цедя неопределенные угрозы, стал допытываться, чьи это шутки и с кем бы по-мужски поговорить.

Пока Амо развивал тему мужского разговора, из подъезда вышел самый скверный и склочный обыватель дома — отставной бухгалтер Могилян. Поговаривали, что из его анонимок можно составить библиотеку. Люди же тертые намекали, что до войны этот мелкий сукин сын был наделен властью и, властью пользуясь, крови нацедил немало. Советовали не связываться, чтоб вони было поменьше.

Уйдя на пенсию, он удвоил активность. Писал на всех. В некоторых моих историях его обрабатывали дисковой пилой, электропаяльником, бормашиной и другими инструментами.

Амо радостно хрюкнул и ткнул меня кулаком в бок.

Могилян оставлял прекрасные четкие следы собачьих лап!

— Бог шельму метит! — провозгласил Амо. — Какая, интересно, сука на меня кляузу накатала, будто я товар налево пускаю?

— Что же это делается!? — вскрикнул кто-то рядом.

Я обернулся. Ануш, вздорная старуха с первого этажа, в страхе смотрела под ноги Могиляну.

«Все, — подумал я со злорадством, — Могиляну абзац! Завтра весь город на него пальцем будет

показывать, Ануш постарается».

Могилян долго смотрел на свои следы, потом обвел нас расстрельным взглядом и метнулся в подъезд. Тут же возник снова, с ведром воды. Но это ему не помогло, от воды снег вспухал, а следы становились четче. Свинцовыми мутными глазами Могилян истребил нас вторично, обещающе сказал «ладно» и сгинул.

Завтра его дочь, несчастное затрушенное создание, расскажет, как он звонил во все инстанции по восходящей, а потом, не дождавшись немедленной кары злоумышленников, предпринял личный обход отделений милиции и других мест, а на каком-то этапе своего похода озверел, стал набрасываться и был свезен в больницу.

Ну а пока Ануш мелко крестилась и вопила на весь двор неприятным фальцетом:

— Говорила я, что он собака, псом и оказался!

Быть теперь Могиляну — Собакой. С большой буквы! Жаль, что не я сочинил эту историю, такой финал!

Старуха засеменила к нам, потом замерла, нагнулась к своим следам. Я и Аршак подскочили к ней, за нами последовал Амо.

Однако! Старуха вообще не оставляла следов!

Несколько раз она, как заведенная, поднимала

ногу и с силой вдавливала в снег. Втуне — следов не было.

Ануш в прострации уселась на свою кошелку и что-то забормотала, время от времени меланхолично сплевывая на снег.

Косяком пошли жильцы. Шум, крики, разговоры…

Аршак покусывал губу и прислушивался к разговорам, иногда посматривая на меня. Знакомый взгляд…

Так он всегда смотрел, когда запутывался в споре или строил головоломное доказательство недоказуемого, ждал подсказки, опровержения, довода «за» или «против» — точки опоры или отпора. Дождавшись, немедленно вспыхивал снова и извергал словеса а в глазах облегчение — мысль сдвинулась с мертвой точки.

Впрочем, я уже давно был осторожен в словах, а тем более в советах. Когда он заканчивал десятый класс, его прочили на физмат. Математические способности и все такое… Однако во время очередного чаепития я элегантно разделал все естественные науки, доказав на пальцах, что физика, химия и иже с ними — суть лженауки,

а математика — воистину порождение дьявола, ибо от него, лукавого, число, тогда как от Бога — слово. Ну и отсюда как дважды два вывелось, что единственно достойное внимания — филология, только филология и ничего, кроме филологии. Историков, юристов и прочих лжегуманитариев просили не беспокоиться.

Он слушал, огрызался, прошелся по Богу и по дьяволу, причем первому досталось больше, обвинил меня в мистицизме, а через неделю к нам зашла его мать, чрезвычайно расстроенная, и сказала, что Аршак подал документы на филфак и не мог бы я немного его подтянуть по истории и языку.

Вот тут-то я и прикусил язык. Впервые в жизни слово мое имело продолжение в чужой судьбе так зримо и неопровержимо.

Я был смущен и растерян. Начнись разговор о дисциплинах гуманитарных — и их бы растер в два счета в прах — мало ли о чем можно со смаком трепаться! А тут вон как повернулось. С тех пор я был с ним осторожен в словах, но чем меньше я говорил, тем внимательнее он выслушивал меня.

Он поступил легко. Учился хорошо, но небрежно, как, впрочем, и я в свое время. Ему помогали

мои книги, да и беседы пошли впрок. На третьем курсе пришел советоваться — разрывался между поэзией двадцатых годов и математической лингвистикой.

Я его разочаровал. Соглашался со всеми доводами, кивал, мычал, неопределенно покачивал головой, но ничего конкретного героически не сказал. А когда он упрекнул меня, то я заявил, что лучше сожалеть о несодеянном, чем ужасаться плодам трудов своих. Фраза ему понравилась, он спросил, откуда? Я не помнил точно и махнул рукой в сторону полок. Аршак в итоге написал курсовую по структурной поэтике.

Прошлой зимой… Да, в январе это было, перед его экзаменами. Он пришел не один. «Вот, кое-какие книжки надо посмотреть», — и Аршак вдруг стал непривычно суетен, натыкался на стулья, и сразу же стало ясно, что он пришел не смотреть, а показывать.

Она поздоровалась, уважительно поцокала языком на полки и сходу попросила книгу, кажется, это был Леопарди. Я поднял бровь и вопросительно глянул на Аршака. У него странно блеснули глаза, и он сказал, что книги отсюда не выносят. Потом отпустил одну или две шутки в мой адрес — по этому поводу.

Я удивился — книги я давал многим и часто бывал за это наказан, а взгляд мой означал вопрос — не зачитает ли она книгу?

Они сидели у меня часа полтора, пили чай, кофе, читали. Аршак рассеянно листал страницы, время от времени смотрел на нее, тогда она, не поднимая головы, поправляла волосы.

Вечером Аршак забежал ко мне, извинился за неожиданный визит, а потом попросил книг ей домой не давать, ну, и ему для справедливости тоже. И объяснил, будто я не понял в чем дело, что так удобнее — можно чаще встречаться. Он краснел, расшаркивался, извивался в словесах, что ему было совсем не к лицу. «Во скрутило парня!» — подумал я тогда.

И тут же придумал историю о студенте, который влюбился в дочь декана. Чтобы совесть его была чиста, он решил сковырнуть будущего тестя с поста. А то, мол, подумают, что женился по расчету. Ну и накатал на него обстоятельный сигнал. А поскольку дело происходило в крутые предвоенные времена, то в день свадьбы замели не только тестя, но и всю семейку врага народа, и щепетильный студент заканчивал свое образование на Колыме.

Сессию они сдали хорошо, но продолжали хо-

дить ко мне. Зима и весна расползлись слякотью, а у меня уют и благолепие — всегда хороший чай, варенье, мать часто пекла, а если я был в духе, то выдавал историю за историей.

Я полулежал на диване, а они сидели на ковре, спина к спине. Говорили, спорили, иногда я просил Аршака достать ту или иную книгу, дабы цитатой утвердить свою правоту.

В ее присутствии Аршак понемногу расходился, начинал болтать безудержно, позволял в мой адрес выпады и выкрики. И однажды, пройдясь по моей холостяцкой натуре, заявил, что я уже стар для любви и после двадцати лет говорить о любви глупо.

Она подняла на меня глаза…

Только на миг — но полыхнуло в них: странный блеск, а потом мгновенное движение губ, всего на миг, не более.

Невысокая, стройная, волосы длинные, до пояса — я вдруг обнаружил, что с интересом ее рассматриваю. До сих пор всерьез не воспринимал. После этого понимающего взгляда всмотрелся и увидел, что Аршак может остаться на бобах. Не девочка, не студенточка беспечная, нет, и не обволакивающий уют Евы плещется в ней, а испепеляющий жар Лилит бьется в этом теле, и на какой-то миг

он вспыхнул и отразился в глазах.

Книги книгами, а червем книжным меня не считали. Времена были сдержанные, но отнюдь не аскетичные. И хоть я в свое время комплексовал из-за малого роста, то впоследствии эти комплексы в себе успешно истребил.

Сказать, что я был тонким знатоком женщин и кропотливым исследователем их натуры, нельзя. Склад женского ума для меня вечная загадка, но в одном я научился разбираться — какого рода загадка передо мной. Классификация загадок, скажем так.

Тем не менее я долго держался и не встревал в их дела. Наоборот, несколько отстранился, ссылаясь на занятость. Из меня снова поперли истории и я припал к пишущей машинке. Полоса увлечения античностью и экзистенциализмом закончилась, начались времена библейские. Стихи, поэмки, рассказы, скорее, анекдоты — все было прокручено в кафе.

Пришла охота раскручивать мифы, и я со смаком взялся за их демонтаж. Библейские сюжеты удивительно склоняют к пошлости. Может, это реакция самозащиты от древней поэзии, которая поглотит слабый ум, утопит его в феерических образах, только дай слабину…

Мы и не дали. Пошлости хватило. Мало того — струи здоровой пошлости просто фонтанировали в наших опусах. После Ветхого настал черед завета Нового. Впрочем, здесь трудно было изловчиться, вывернуться. Христа и Иуду до меня уже обработали во всех видах. Один из завсегдатаев кафе, кажется, Саак, настрогал громоздкую поэму, в которой Иуда оказывался в итоге женщиной и сдавал Христа властям сугубо на почве ревности к Иоанну. Я тоже навыдумал историй. У меня Иуда, кажется, был чист, как лилия, а предавал себя сам Христос, из-за того, что не поделили Магдалину. Резвился я очень. Саак заявил, что сюжет не нов, хотя учитель, предающий своего ученика, — это что-то свеженькое.

Аршаку мои истории нравились безоговорочно, хотя при ней он позволял себе критиковать стиль — пародировал даже.

Моя мать косилась на них, потом обнаружив, что нет вольности речей и рук, успокоилась. Однажды даже спросила меня, когда они поженятся?

Иногда Аршак приходил один и засиживался допоздна. По ночам его прорывало. Он рассуждал обо всем: о ней, о себе, о книгах и картинах, о музыке и философии… Мне казалось, что я слушаю

самого себя. Порой всплывали отголоски моих суждений многолетней давности, аранжированные и переиначенные, но не забытые. Он спорил с моими старыми тезисами, небрежно брошенные когда-то слова долго, оказывается, бродили в нем. Он шел моим путем, только быстрее, у меня не было поводыря.

Порой он застревал у меня до утра. Вставал раньше всех, варил кофе или кипятил молоко. Накрывал для нас стол: белая скатерть, белый хлеб, молоко, масло… Этюд в белых тонах.

Белый как снег. Так вот, снег!

Следы на снегу множились. Когда все устали кричать, пенсионер Айказуни (кресты и полосы) предложил позвонить в органы, на что Амо нервно спросил — а зачем?

Жена Амаяка заявила, что это шпионаж. Все напряглись, но после легкого перекрестного допроса выяснили, что она оговорилась, имела в виду лишь диверсию. И винила в том химика, специалиста по пластмассам, который снимал у Айказуни комнату, а после анонимных акций Могиляна съехал, обиженный на весь дом. Айказуни поднатужился, но склероз был сильнее: он не помнил не только, куда делся химик, но забыл даже, как его зовут.

— Он, точно он! — кричала в ажиотаже жена Амо. — Посыпал химическим порошком…

На шум и крики вышел доцент Парсаданов. Он реагировал спокойно. Пригладил свою пышную шевелюру (после ухода жены он за неделю поседеет) и бодро заявил, что тут замешана рука космических пришельцев. Если не с Марса, то наверняка с Юпитера, или, на худой конец, из соседней галактики. Изучают нас.

Секунду или две все испуганно молчали, потом грянул сумасшедший хохот. Доцент смеялся громче всех. Однако со ступенек вниз не сошел, а на предложение пройтись по снегу заявил, что все это антинаучная ерунда и он ей потрафлять не намерен.

Елена Тиграновна фыркнула и пошла со двора. Через минуту она вернулась, сообщив, что снег лежит только у нас. Ни на улице, ни в соседнем дворе нет. Чисто и пусто.

Ошарашенное молчание. Туг Айказуни начал так и этак истолковывать следы, и страсти раскалились. Амо медленно и со значением принялся закатывать рукава.

Во двор вышел управдом Симонян и, тяжко ступая, прошелся по снегу. Следов необычных он не оставил — только нормальные отпечатки

подошв. Кто-то за моей спиной вздохнул. У Симоняна были протезы, в самом начале войны он подорвался на мине.

Симонян молча выслушал всех, кряхтя, присел на скамейку. Нагнулся, сжал в кулаке горсть снега.

— Вот ведь чудеса, — оживленно говорил Айказуни прямо ему в ухо. — Каждый след по-своему оставляет, прямо хоть срисовывай и на стенку вешай.

— Чудеса, говоришь? — переспросил Симонян, достал зажигалку, оторвал от газеты, что торчала из кармана, кусок и, дождавшись, пока разгорится, осторожно положил в огонь снежный комок.

Снег не растаял, а с тихим шипением быстро испарился, исчез.

— Вот так! — наставительно сказал Симонян, оглядел всех и остановил взгляд на Амаяке.

— Понял! — вскричал Амо и бросился в подъезд.

Он возник на своем балконе и сбросил вниз сухие поленья, заготовленные для шашлыка. Подтащили мою старую бумагу.

— Зачем это? — растерянно спросил Аршак.

— Затем! — сухо отрезал Симонян.

— Надо разобраться…

— Пока разберемся, все перегрызутся. Неси коробку, наберем для ученых, — добавив вполголоса непонятное, — раз снег на головы наши пошел, значит пустые времена настают.

Аршак ушел, а между тем жильцы растопили мангал и принялись дружно сбрасывать снег в огонь. Пламя не гасло и не разгоралось, словно снега и не было.

Рядом со мной стояла Елена Тиграновна и смотрела на огонь.

— Жалко, — сказал я, она же равнодушно пожала плечами.

Признаться, мне не было жалко. И не страшно, и даже не обидно. Безразлично. Какое же это чудо, если никто ничего не понимает, ничего ужасного или прекрасного не происходит и одни раздоры? Чудо должно пугать или радовать, но при этом оно сразу же должно заявить о себе: вот оно я — чудо! А здесь ни с какого боку! Происходит что-то странное, и все. Как в истории, когда закручено хорошо, а раскручивать некуда, все свилось в узел. По спине прошел неприятный холодок.

Вернулся Аршак с коробкой из-под обуви, набил снегом. Симонян коробку отобрал, сказав, что сам отвезет, куда надо.

Снег быстро собрали и истребили. Аршак ку-

да-то пропал, я заметил, что он некоторое время прохаживался вдоль стены котельной, там, где прилип мой снежок.

Жизнь дома вошла в привычную колею. С небольшими отклонениями. Амаяк растерял свою нагловатость, стал тих и задумчив. Наверно, крупно проворовался, решили соседи, и ждет отсидки. Ануш сделалась необычайно скупа на слова, и это было подлинным чудом. Могилян сгинул. Елена Тиграновна… о ней уже говорил.

Симонян рассказал, что отвез коробку в какой-то институт, его там внимательно выслушали и обещали разобраться. С концами.

Аршак иногда пытается начать разговор о снеге, но я не поддерживаю. Он обижается. Напрасно. Единственная причина, из-за которой он мог обидеться, ему пока неизвестна. Мне надо с ним поговорить, но я никак не решусь. Она считает — чем раньше, тем лучше, но на этот счет у меня свои соображения.

Он не может понять, почему у них расстроились отношения. Ни разу не видел нас вместе и ничего не подозревает.

Тот взгляд… Именно тогда я понял, что она ему не достанется и что, возможно, я еще не так стар в мои тридцать с небольшим.

Остальное было просто. Одно-два нечаянных слова в разговорах, два-три ироничных взгляда после слов Аршака… Как только мы стали переглядываться — все, дело сделано! Она предала его взглядом, и у нас появились свои маленькие тайны и свое отношение друг к другу. К тому же преимущество моего возраста в простоте взглядов на предметы, для него пока загадочные.

Я не усложнял того, что не следовало усложнять, и она была мне благодарна за это. Аршак проиграл, не зная, что идет игра. Обыграть его не составило бы труда, вступи даже он в открытый рыцарский поединок за нее по всем правилам нашего не шибко рыцарского времени. Но и это была бы абсолютно безнадежная битва: его сила и слабость — отражение моих качеств, он был мной в иные времена и другие настроения.

Однажды меня посетила мысль и засела в голове надолго: «А ведь не только она, но и я предал его!». Но я не понимал, в чем же предательство, а сомнениями ни с кем не делился. Она же любила во мне уверенного, спокойного и несколько холодного мудреца, чуждого метаниям и треволнениям.

И с каждым днем я все больше и больше становился таким.

Она настаивает, чтобы я наконец поговорил с ее родителями. Я все откладываю и оттягиваю. Сначала, мол, надо поговорить с Аршаком. Может, я вызывал ее на ссору, вспышку, скандал? Не знаю. Что-то во мне перегорело. Однажды увидел сон, в котором я умирал в большой пустынной квартире и никто не слышал моего стона, а книги молча и пусто смотрели на меня слепыми корешками.

Сон сном, но оставили бы меня в покое с моими книгами! Впрочем, по счетам надо платить. Правда, если счет велик, он превращается уже в проблему не для должника, а кредитора.

Недавно я зашел к Аршаку. Возможно, я начал бы разговор. Не ребенок, поймет. Мне сказали, что он в подвале. Я спустился вниз и застал его за странным занятием. Он сыпал кубики льда из формочек морозильника в большой старый карас, где мать его обычно держала квашеную капусту.

В карасе тихо потрескивал, вспухал и рос снег. Рядом стояла пустая бочка. Судя по всему, он собирался заполнить и ее.

Увидев меня, Аршак смутился, начал хохмить, а потом рассказал, что задумал. И мне стало не по себе.

Он ждал зимы. На соседней улице есть ма-

ленький одноэтажный дом. Обыкновенный дом, небольшой, таких еще немало сохранилось по ереванским окраинам, да и в центре наберется. Несколько деревьев, кусты, от двери до калитки метров десять, узенькая тропинка… Думаю, она ему снится иногда.

Мне снится. Я хорошо знаю эту тропинку.

Я хочу тут же выложить ему все, а потом облить бензином снег и поджечь! Но станет ли ему легче, если он все узнает? В чем он виноват — неужели только в том, что назвал однажды меня при ней стариком и пробудил демона соперничества?

Молча треплю его по плечу и поднимаюсь наверх, домой. Я растерян и смущен. Не замечаю странного выражения лица матери, открывшей дверь. Стою в прихожей, разглядывая себя в зеркале. Я кажусь себе постаревшим, обрюзгшим. Похож на фотографию отца — довоенное фото, тогда ему было около сорока. «Лучше бы я погиб на войне», — бормочу бессмысленные слова и иду в комнату.

В большой комнате у окна в моем кресле сидит старая, очень старая женщина в темном платье, с толстым посохом в руке. Она смотрит на меня, в складках морщинистого лица ярко блестят поразительно знакомые глаза.

— Вот, бабушка вернулась, — робко говорит за спиной мать.

Я даже не удивляюсь, воспринимая это как должное.

У меня в мыслях другое — вот он ждет зимы, чтобы ночью сгрести снег с тропинки у ее дома и накидать свой снег. А утром придет засветло и будет ждать. Он не знает, что хоть до зимы еще осталось полгода, в сердцах она наступает раньше.

Он хочет знать, какие следы оставит *она*…

И это худшая из моих историй.

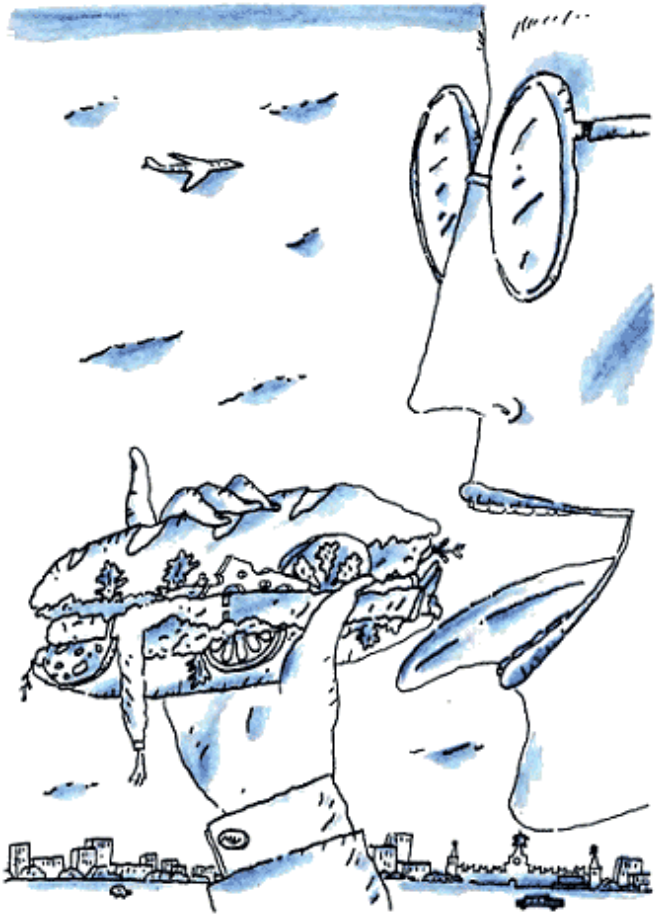
Будь, кем хочешь казаться.

1991

№ 2

Ант Скаландис

Добежать до булочной



— Добежал бы до булочной, — сказала жена, — в доме хлеба нет ни куска. И на вот, заодно двадцать пять рублей разменяй.

— Хорошо, — сказал я. — Два батона и половину черного? Ставь суп разогревать.

— И не задерживайся нигде!

— Ладно, Танюшка. Сейчас без четверти — в пять вернусь. Напротив только загляну. Вдруг коньяк будет без очереди.

Но я не добежал до булочной. Меня подстрелили раньше.

Сначала, еще в подворотне, остановил милиционер. Он был с огромным «демократизатором» на левом бедре и с белой почему-то кобурой — на правом.

— Сюда нельзя, — сообщил он коротко.

— Чего это? — удивился я.

— Работают там, — все также коротко и уже совсем непонятно объяснил он. Достал из кармана пачку дефицитнейших сигарет и неторопливо закурил.

Я выглянул в переулок. Он был оцеплен со всех сторон. Справа, у перекрестка, толпились какие-то люди, машины, и торчал посреди улицы невесть откуда взявшийся ларек «Союзпечать». Никогда здесь не было этого ларька.

— Вам куда? — спросил милиционер.

— Да мне до булочной только. Вон она, — я показал рукой на ту сторону перекрестка.

— В обход, — резюмировал он.

— Долго, — пожаловался я. — Жена ждет.

— Смотрите, — сказал он неопределенно.

И я рванул вдоль по переулку.

Тут-то и началась стрельба.

Толпа у перекрестка рассыпалась. Взревели моторы. Зазвенели, разбиваясь, стекла. Откуда стреляют, было непонятно. Я инстинктивно пригнулся и побежал вплотную к стене дома. Крики и выстрелы не прекращались.

Добежав до угла, я был вынужден отлипнуть от стены и, максимально ускорившись, пересечь площадь по диагонали. Я говорю «площадь», потому что это действительно маленькая площадь, с нее уходят пять переулков, а не четыре, как с обычного перекрестка. Есть такие «пять углов» не только в Ленинграде, но и в Москве.

Машина, потрепанная пятерка-«Жигули», появилась сбоку и совершенно внезапно. Взвизгнули тормоза. Я косо обернулся и вильнул в сторону, не снижая скорости бега. В этот момент грохнуло еще несколько выстрелов, и что-то толкнуло меня в плечо, а затем в голень. И я упал.

Но уже через какие-то секунды был подхвачен и буквально вброшен в машину, в тот самый «Жигуленок», на заднее сиденье. А открывший переднюю дверцу спихнул водителя вправо, тот неловко завалился на бок, уронил голову на щиток, и я с ужасом увидел застывшие глаза и большую с запекшимися краями дырку во лбу. Рядом со мной плюхнулся еще один человек, по счастью, живой.

Все это происходило так быстро, что соображать было просто некогда. Да и от боли, признаться, темнело в глазах. Машина тронулась, за ней бежали сразу несколько милиционеров. Потом один из них остановился и принялся стрелять в нас с двух рук, как Бельмондо. Две или три пули щелкнули о багажник. Потом, поорав тормозами в тишине переулков, мы выскочили на Садовую и понеслись с уже совершенно безумной скоростью. Труп от резких поворотов сполз на пол.

— Едут? — спросил водитель, не оглядываясь.

— Едут, — ответил человек, сидящий рядом со мной и неотрывно глядящий назад.

Это был крепко сложенный парень лет двадцати пяти, весь «вареный».

Водитель выругался.

Мне было отчаянно больно. Я посмотрел на

свое левое плечо. Рубашка промокла, из-под короткого рукава темные струйки сбегали вниз до самой кисти. Левая штанина джинсов ниже колена тоже была бордовой и прилипла к ноге.

— Дурак, — сказал «вареный», явно обращаясь ко мне, — не мог другую рубашку надеть?

— А что, — поинтересовался я, — теперь стреляют во всех, на ком красные рубашки?

— Он еще шутит! — хмыкнул водитель. Потом спросил:

— Очень больно, Кирюха?

Я догадался, что это я — Кирюха, и ответил:

— Очень.

— Сейчас приедем, — успокоил он.

Мы мчались, как сумасшедшие, и количество преследовавших нас милицейских машин возрастало на каждом перекрестке.

— Куда? — полюбопытствовал я простодушно.

— А тебе куда надо? — улыбнулся «вареный».

— Да мне вообще-то только в булочную, — признался я честно.

Они оба захохотали. Оценили юмор.

Потом от резкого поворота я на какое-то время потерял сознание, а очнулся, когда со страшным скрежетом, поцеловав стенку, мы влетели во двор и зарылись носом между двух мусорных

контейнеров.

— Идти можешь? — спросил «вареный», выскочив наружу и распахивая передо мной дверцу.

— Постараюсь, — сказал я и, морщась от боли, вылез.

Но пришлось не идти, а бежать, и в подъезде я упал, сраженный одним видом крутой лестницы. Они меня подхватили, причинив еще большую боль, и понесли. Через пустую квартиру, которую «вареный» открыл ключом, мы проникли на другую лестницу, миновали старинный парадный подъезд и на улице загрузились в лимузин со шторками и затемненными окнами, кажется, «ЗИЛ». И когда глаза пообвыклись в полумраке, я увидел, что «вареного» с нами нет, тот, что был за рулем «Жигулей», сидит теперь впереди, рядом с шофером, а справа от меня располагается смуглый восточного вида человек в темных очках и строгом костюме, слева же — симпатичная девушка в короткой юбке и легкой кофточке. Ехали мы теперь не торопясь, о погоне не могло быть и речи.

— Сильвия, — сказал смуглый, не поворачивая головы, — помоги человеку. Видишь, он весь в крови.

Девушка кивнула, полезла в свою сумочку,

достала скальпель и ловко распорола мне рукав рубашки и левую штанину.

— Откуда он, Гуня? — спросил смуглый у бывшего водителя «Жигулей», имея в виду, надо полагать, меня.

— С сорок пятого.

— А-а, — протянул смуглый и что-то спросил на незнакомом языке.

Никто ему не ответил, и я покрылся холодным потом: вопрос был ко мне.

— Спокойно, малыш, — сказала Сильвия, решившая, что это она сделала мне больно.

Смуглый снял очки. Белки его глаз казались ослепительными. Зрачки сливались с радужкой.

Он сверлил меня взглядом и четко, по слогам произносил фразу, звучавшую для меня полнейшей абракадаброй.

Переход на русский был внезапным:

— Ты куда бежал-то, фуцин?

Последнее слово я не понял, но понял, что врать глупо, и сказал:

— В булочную.

Здесь публика была другая — никто уже не засмеялся.

Все помолчали. Потом смуглый подытожил:

— Накладка.

— Убрать? — деловито поинтересовался тот, кого звали Гуней.

— Не здесь, — уклончиво ответил смуглый.

В этот момент Сильвия достала шприц, и, еще не почувствовав укола, я вновь потерял сознание.

Пришел в себя от ласковых поглаживаний по ноге. Боль отступала.

— Да не возись ты с ним, — ворчал Гуня. — Он уже, считай, жмурик.

— Тихо ты, он очнулся, — отвечала Сильвия.

— А я и ему скажу. Слышь, парень, ты потянул локш. Понимаешь? Дело твое — труба. Ну, не подфартило. Бывает. Так пусть девочка лучше отдохнет, чем тебя холить. А?

— Да пошел ты!.. — обозлилась Сильвия. — Проживу как-нибудь без дурацких советов. Приговоренным к смерти всегда исполняют последнее желание.

— Что же дальше-то будет? — думал я так, словно все это меня не касалось. Сознание заволакивало приторным туманом подступающей слабости. Боль уходила. Сильвия сидела у меня в ногах и доступными ей способами лечила мой измученный организм. Ее пальчики и ее губы поистине творили чудеса.

Внезапно заговорил молчавший всю дорогу шофер:

— Почти приехали. Так что судьбу этого чудака будет решать шеф. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — кивнул смуглый.

Сильвия не имела возможности ответить, а Гуня длинно и злобно выругался.

Мне стало совсем хорошо. Не болели уже ни рука, ни нога.

— Сильвия, — прошептал я, — после этого можно и умереть.

— Дурачок, — сказала она с нежностью и тихо засмеялась. Совсем как моя Танюшка.

И мне стало безумно стыдно. Я вспомнил, что вышел всего лишь за хлебом, что она ждет меня, волнуется, злится, куда я опять пропал, наверняка думает, что стою в очереди за вином, а суп уже разогрелся, он уже кипит, и Танюшка забыла его выключить, ах, господи, он же будет невкусным, суп нельзя кипятить, и Лидочка уже пришла с тренировки и спрашивает, где папка, а папка — раненый! — сидит в правительственной машине, развлекается с чужой женщиной и едет туда, где его должны убить… Черт возьми, да сколько же времени прошло?!

Я посмотрел на часы. Прошло всего девятна-

дцать минут, как я вышел из дома.

— Я могу позвонить? — вопрос вырвался непроизвольно.

— Нет, — лаконично откликнулся смуглый.

— С того света позвонишь, — не удержался Гуня.

Мы тормознули в незнакомом мне районе, на тихой очень зеленой улице, у старинного особняка, окруженного высоким забором. Милиционер, вышедший из будки у входа, козырнул нам и, открывая калитку, миролюбиво спросил, показывая на меня:

— Что случилось?

— Да вот, — пояснил смуглый с обворожительной улыбкой, — шел, споткнулся, попал под колеса. Теперь уже все нормально. Спасибо.

Мы прошагали по тропинке, выложенной каменными плитами (я снова начал ощущать боль), и вошли в дом. По шикарной лестнице поднялись на второй этаж. Высокие белые с золотом двери распахнулись сами собой. Из глубины зала появился человек во фраке и сообщил, указывая на дверь в дальнем правом углу:

— Сергеев ждет вас.

Шеф оказался вопреки ожиданиям не представительным мужчиной, сидящим в окружении

многих телефонов за массивным столом в просторном кабинете, а довольно молодым человеком в несолидных вельветовых брюках и свитере. А комната была небольшой и довольно скудно обставленной: компьютер, два кресла, столик, стул, пальма в кадке перед большим зашторенным окном.

— Дело сделано, — доложил шофер лимузина.

— Спасибо, ребята, — сказал Сергеев. — А это кто?

Ответил смуглый, перейдя на свой немыслимый язык. Он говорил довольно долго, а Сергеев отвечал ему, слушал вновь, качал головой и смотрел на меня заботливо и грустно.

— Всё, — сказал он наконец. — И чтобы больше я о вас никогда не слышал.

Все четверо кивнули. Сергеев нажал кнопку на дисплее, в стене открылась потайная дверь, и они ушли. Сильвия на прощание улыбнулась и трогательно помахала мне ручкой.

Сергеев нажал другую кнопку, отчего шторы разъехались в стороны, и молча подошел к окну. Я подошел вместе с ним.

За окном шумел город. Но это была не Москва. Незнакомые контуры зданий, непривычные марки машин, вывески, рекламы то ли на немецком,

то ли на голландском (я не силен в языках)… И вообще там была ночь, море огней, и падал дождь. И смотрели мы на город не со второго этажа, а сильно выше. Все это было уж слишком. Удивляться не осталось сил. Нога болела, рука ныла, голова кружилась.

— Я могу позвонить? — нарушил я молчание первым.

— Отсюда — нет.

— А оттуда? — я начинал злиться.

Честно говоря, я ожидал, что он ответит мне: «Откуда оттуда? Это же видеоокно. Иллюзия». Но он сказал другое:

— Из Копенгагена? Пожалуйста. Только смысла никакого. Видите, со временем неувязка. Вы и жену-то дома не застанете. Или застанете, но вместе с собой.

И нога, и рука — все заболело у меня с новой силой. И голова заболела тоже.

— Тогда отпустите меня, пожалуйста.

— Куда?

— Домой, разумеется. Я сам возьму такси.

— Разумеется, домой… — повторил Сергеев раздумчиво.

Потом достал из кармана коробочку, вытряс на ладонь яркую капсулу и откуда-то из компьютера

извлек стакан воды.

— Нате, выпейте для начала. Чего мучиться-то?

Я покорно выпил. Мне было уже все равно. И тут же почувствовал, как до дрожи щекотно из тела стали вылезать пули. Одна за другой они упали на пол, а ранки стали на глазах рубцеваться.

— Понимаете, — сказал Сергеев, — я как раз думаю над тем, как вас отправить домой.

— А что, я не могу просто выйти обратно и уехать?

— Можете. Но только мы с вами в Дании, и времени уже чуточку многовато.

— Сколько?! — я в ужасе посмотрел на часы.

Прошло всего двадцать шесть минут.

— Не берите в голову, — сказал Сергеев. — Здесь уже поздний вечер. К сожалению. По московскому времени. А вам еще два часа лету. Погодите минутку.

Он набрал какой-то номер и заговорил по-датски. Или по-немецки. Выслушал ответ. И отключился.

— Слушайте меня внимательно. Примерно через час вас отвезут в аэропорт. А в Москве, в Шереметьеве-два наш человек будет ждать вас в красном «фольксвагене». Запишите номер.

Он доставит вас к дому минут на пятнадцать — двадцать позже того момента, когда вы из дома вышли. Ничего быстрее и проще предложить вам не могу. Извините.

— А как же на границе? — задал я самый важный для гомо советикуса вопрос.

— Я подготовлю вам документы, успокойтесь. Примите душ. Расслабьтесь. Я распоряжусь, чтобы вам принесли одежду, что-нибудь поесть, выпить, если хотите… Ну, и для дома. Куда вы там шли?

— В булочную, — сказал я быстро. — Так что, если не трудно, хлебушка не забудьте.

— Не забуду, — улыбнулся он. — Идите мойтесь.

Когда я вернулся в комнату, Сергеев снова разговаривал с кем-то через компьютер. На этот раз по-русски.

— Почему не уложились, можешь мне объяснить?

— Да ты пойми, дорогой мой, все очень сложно.

— Это слова. Давай конкретно. Буш дает добро?

— Буш дает. И Коль, и даже Тэтчер…

— С кем напряженка? С Ельциным?

— Ну, конечно, с Ельциным.

— Что ж, не впервой, прорвемся. Удачи тебе.

Я понял, что услышал не совсем то, что мне надо было слышать.

— Товарищ Сергеев!

Обращение прозвучало ужасно нелепо. Он обернулся. Лицо его было усталым и печальным.

— Товарищ Сергеев, те, в машине, хотели меня убить. А вы?

— А я не хочу. Почему я должен вас убивать? Потому что вы слишком много знаете? Вот бандитская логика! Но я-то не бандит! Я не боюсь разоблачения. Ну, расскажете вы про все. Кому расскажете? Жене? Жене, конечно, расскажете. А еще кому? Милиции? КГБ? Газетчикам? Телевидению? Ну, подумайте сами.

Я подумал и понял: не расскажу. И спросил:

— А вы кто? Пришельцы?

— Сами вы пришельцы! — обиделся Сергеев. — Мы тут живем раньше вас.

— Так, значит, вы боги?

— Господи, кто такие боги? Могу вам признаться честно: нет, это не я сотворил этот нескладный мир. Какие еще вопросы? У вас до отъезда двадцать минут.

— Вы управляете миром?

— Нет.

— Но вы держите его под контролем?

— Да, насколько это возможно. Так делают все, у кого есть власть.

— Но вы не даете миру погибнуть?

— Вы правильно понимаете наши цели.

— Так вы можете гарантировать, что мир не погибнет?

— Гарантию, молодой человек, может дать только страховой полис.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно, — он достал сигареты, и мы закурили.

— Ой, а можно здесь, в Копенгагене, купить сигарет?

— Хороший вопрос. Можно.

— Какие же методы используете вы для контроля ситуации?

— Разные.

— Например, убийства?

Он пристально посмотрел на меня.

— Вы хотите знать, что случилось сегодня возле вашего дома?

— Разумеется.

— Законный интерес. Так вот. По нашему заказу московские гангстеры убрали одного человека. Мы воспользовались редким случаем: днем в

центре города ведется съемка фильма со стрельбой. И наш выстрел был бы никем не замечен. Если бы не вы. Во-первых, пришлось сделать три выстрела, а во-вторых, вас оттуда пришлось увозить. Вот все.

— Нет, не все. Кто был этот человек, которого вы убили?

— Это был страшный человек.

— А те, кто его убивал, — не страшные?

— Не настолько.

— Ах, не настолько! Скажите, пожалуйста! А если я сейчас сделаюсь страшным настолько, вы и меня убьете? И вообще, часто вы убиваете людей, с вашей точки зрения страшных? Каждый день? Каждый час?

— Да помолчите вы! — Он прикурил вторую сигарету от первой и посмотрел на меня, как на незваного гостя, которого вынужден терпеть. — Что вы «рога мочите», как говорят наши друзья-гангстеры? Ну, что вы способны понять в нашем деле вот так, наскоком? Я бы вам объяснил, да некогда уже… А этот человек, труп которого вы видели в «Жигулях», да он бы… да он мог завтра всю нашу… вашу страну в крови утопить, поймите вы, черт возьми!..

— Один человек? Никому неизвестный?! Да

каким образом?!

— Господи, да какая разница, каким образом! Вы что, думаете, это так сложно? И потом, кто вам сказал, что он никому неизвестен? Вы хоть про краснорубашечников-то слышали, товарищ в красной рубашке?

Я прикусил язык. Я действительно слишком многого не знал. Но дело было не в этом. И я не сдавался.

— Послушайте, а как-то по-другому нельзя было? Ну, увезти его куда-то, спрятать, подкупить?

— Санкта симплицитас! Неужели вы думаете, что я не искал другие варианты? Вы что, правда, меня бандитом считаете, которому проще всего убить человека, и дело с концом? Да я мозги себе на этом вывихнул!

И тут я понял.

— Вам нельзя было его убивать? Правильно?

— Ну, конечно, нельзя, черт вас всех подери! Конечно. Убивать вообще никого нельзя. Просто нервы иногда не выдерживают. Особенно, когда долго за такими людьми наблюдаешь… Слушайте, вам пора. Вы на самолет опоздаете, а вас жена ждет.

— У меня еще десять минут, — сказал я жестко.

— Поедете пораньше. Вам еще сигарет купить

надо. Да что — сигарет! Вот вам деньги, — Сергеев протянул увесистую пачку, — купите все, что надо. Здесь это быстро можно сделать.

— Спасибо, — сказал я, ошалело глядя на незнакомые цветастые банкноты и мысленно прикидывая, сколько же тут в пересчете на доллары. — Но вы меня не сбивайте. Я спросить хотел, что вам теперь за это будет.

— За что? — вздохнул Сергеев.

— За убийство.

— Слушайте, — он закурил четвертую, по моим подсчетам, сигарету, — вы куда бежали? В булочную? Ну так и бегите в булочную. А то там хлеб кончится, жена ругать будет.

— Не хотите говорить, — обиделся я, — не говорите. А что вы меня этой булочной тыкаете? Да женой, которая ждет. Что булочная, что жена, когда тут решается судьба цивилизации?!

— Стоп, стоп, стоп! Вы что же это, дорогой мой, другим мораль читать, а сам? Какая, к черту, судьба цивилизации?! Нет, между прочим, ничего важнее, чем добежать до булочной, купить хлеба и вовремя — подчеркиваю, вовремя! — вернуться домой, чтобы жена не волновалась. Я вам это совершенно серьезно говорю. И не мочите рога, дорогой мой.

И тут вошел человек и сообщил, что машина ждет внизу. И мы накупили в магазинах много всякой всячины (в пересчете на доллары у меня оказалось две с половиной тысячи), и не опоздали на самолет компании «САС», в котором я замечательно провел время, и от Шереметьева меня с ветерком домчали до центра, и уже на Садовой мой водитель вдруг сказал: «Время пошло», — и я с удивлением обнаружил, что уже снова пять часов вечера пятнадцатого июля, как было тогда, когда я выбежал за хлебом.

На площади все так же толпились люди, милиции стало больше, но теперь я разглядел съемочную группу: оператора с камерой, ассистентов возле ларька и даже актеров с пистолетами.

И вдруг я вспомнил, как этот немыслимый Сергеев в Копенгагене уже вдогонку кричал мне:

— Пожалуйста, не забудьте, самое главное для вас — это добежать до булочной!

«Что он имел в виду? — размышлял я. — Вдруг это была просьба, очень важная просьба, имеющая буквальный смысл?»

И я сказал водителю «фольксвагена»:

— Вы не подождете минуточку? Я до булочной добегу.

Он улыбнулся и кивнул.

Нет, на этот раз в меня не стреляли. Более того, в булочной был хлеб — и черный, и белый. Еще более того, я вспомнил, что там, в Дании, забыл-таки купить хлеба. Представляете, забыл! И я был счастлив, что вспомнил теперь.

Я уже выходил из дверей булочной, когда вслед за выстрелами раздался оглушительный треск и сразу после — взрыв. Я пулей вылетел на улицу.

Люди на площади кричали и разбегались в разные стороны, от ларька «Союзпечать» остались рожки да ножки: сломанный остов, битое стекло, горы макулатуры, рядом горел покореженный грузовик, «фольксвагена» нигде не было видно.

Мне сделалось так страшно, как еще никогда в жизни. Прижимая к груди два батона и половинку черного, я побежал в самое пекло.

— Куда ты прешь, придурок?! За что тебе деньги платят?! — услышал я грубый голос сзади, и через секунду был схвачен крепкой рукой.

Еще немного, и я налетел бы прямо на камеру.

— Снимаем! Снимаем! — зычно кричал режиссер, возвышаясь над операторской тележкой. — Все отлично, ребята! Снимаем!

Детина-ассистент подтолкнул меня в безопасную зону, и я увидел красный «фольксваген». Он стоял по ту сторону перекрестка, и водитель

махал мне рукой.

— Это все нам? — спросила моя жена Танюшка, когда мы втащили в квартиру последние три коробки и я попрощался с агентом Сергеева.

— Да.

— Костюм на тебе новый, — задумчиво констатировала она.

— Погоди, сейчас все расскажу, ты не поверишь.

— Конечно, не поверю. Хлеба-то купил?

— Вот, — показал я на один из пакетов, куда подпихнул хлеб.

— И сдачу принес?

— Есть немножко. — Я вытащил из кармана оставшийся ворох датских крон и сиротливо затесавшийся среди них четвертной.

— Ну вот, так и не разменял. Вечно ты что-нибудь да забудешь!

Я виновато развел руками. Потом спросил:

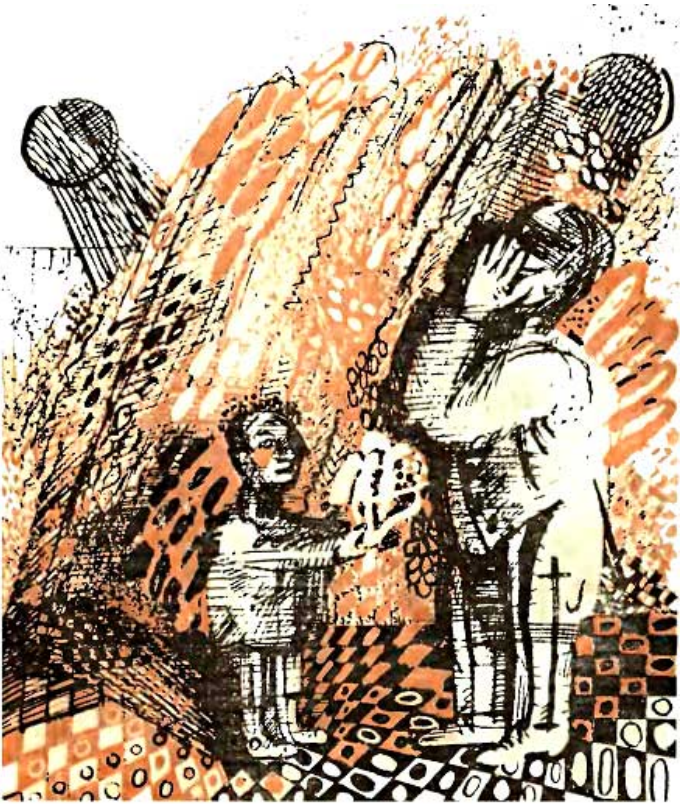
— Сбегать?

— Да уж не надо, — сказала жена.

№ 3

Рэй Брэдбери

Сойди ко мне в подвал



Субботняя суматоха разбудила Хью Фортнема, но он продолжал лежать с закрытыми глазами, наслаждаясь доносившимися звуками. Внизу в кухне жарится бекон — Синтия предпочитает будить мужа не криком, а запахами вкусной еды. Через коридор в ванной Том принимает душ. За окном звенят стрекозы, гудят шмели. Чей же это голос там, вдалеке, проклинает погоду, гипертонию и само время? Неужели миссис Гудбоди? Да, это она. Столп христианства, сто восемьдесят сантиметров без каблуков, замечательная садовница, вегетарианка с незапамятных времен и местный философ.

Прислушиваясь к ее крикам, он поднялся, отцепил защищавшую от комаров сетку и высунулся из окна.

— Ну вот вам! Так вам и надо! Получайте! Ха!

— Доброе утро, миссис Гудбоди!

Восьмидесятилетняя старуха застыла в облаке аэрозоля от насекомых, которое выбрасывал огромный распылитель.

— Чушь! — закричала она в ответ. — Какое там доброе! Приходится смотреть в оба за этими извергами! Чумы на них нет!

— Опять что-то случилось? — спросил он.

— Мне не хочется громко кричать, а то живо

разнесут по всему свету, но… — и она подозрительно оглянулась, — но что касается летающих тарелок, я заняла первую линию обороны. Что вы на это скажете?

— Прекрасно, — ответил Форт нем. — Теперь дело за малым: открыть межпланетное сообщение и ждать гостей.

— Что их ждать, уже тут! — Она ткнула распылителем под забор. — Вот вам! Вот!

Он убрал голову. Утро занималось погожее, а у него почему-то испортилось настроение. Миссис Гудбоди, бедняжка! Всегда была воплощением здравого смысла, а сейчас? Да, старость не радость.

Зазвенел звонок. Он накинул халат. Спускаясь с лестницы, услышал чей-то голос:

— Срочная заказная бандероль! Фортнем?

Синтия возвращалась от входной двери с небольшим пакетом в руке.

— Срочная заказная бандероль твоему сыну.

Том примчался вниз как на крыльях.

— Потрясающе! Это, верно, из теплицы-лаборатории «Грибы с Великих болот»!

— Хотел бы я так же, как ты, приходить в восторг из-за какой-то бандероли, — заметил отец.

— Какой-то?! — Том яростно срывал с пакета

бечеву и бумагу. — Ты что, не видел последних страниц «Популярной механики»? Ведь это они!

Всей семьей Фортнемы разглядывали маленький коробок.

— Что такое «они»? — спросил отец.

— Как что? «Из лесных болот гигантские грибы, прибыль приносящие, у тебя в подвале вырастут». Ну, вспомнил?

— Ах, да, конечно, — сказал Фортнем. — Как глупо, что делается с памятью!

— Вырастут из таких крохотуль? — Синтия покосилась на коробок.

— «За сутки гарантируется небывалый прирост грибной массы, — наизусть процитировал Том. — Высадите рассаду у себя в подвале».

Фортнем с женой переглянулись.

— Ну что ж, — сказала она, — все лучше, чем лягушки и змеи.

— Еще бы! — и Том бросился было бежать.

— Да, Том, — ласково остановил его отец, — в следующий раз, как мне кажется, сойдет и обычная почта.

— Да ну их, — сказал Том. — Что-то, видно, напутали. Заказная бандероль, да еще авиапочтой, кто себе может позволить такую роскошь? Что я, миллионер, что ли?

Дверь подвала захлопнулась.

Форт нем с интересом повертел в руках упаковку бандероли и кинул ее в мусорную корзину. По дороге на кухню приоткрыл подвальную дверь.

Том стоял на коленях и грабельками ворошил землю.

Фортнем почувствовал за собой легкое дыхание. Через плечо в прохладную тьму подвала заглядывала жена.

— Эти грибы… Надеюсь, они съедобные?

— Доброго тебе урожая, сынок! — засмеялся Фортнем.

Том глянул вверх и помахал родителям.

Фортнем захлопнул дверь и, взяв жену под руку, в прекрасном настроении прошествовал на кухню.

В полдень Фортнем поехал за продуктами. По пути в гастроном он увидел стоящего на тротуаре Роджера Уиллиса, учителя биологии из городской школы. Они были членами одного клуба. Уиллис призывно махал рукой.

Фортнем подъехал и отворил дверцу.

— Привет, Роджер! Подбросить тебя?

Ответ Уиллиса был однозначным: он букваль-

но впрыгнул в машину и хлопнул дверцей.

— Тебя-то как раз мне и надо. Каждый Божий день собираюсь к тебе и никак не выберусь. Ты не мог бы минут пять поиграть в психиатра? Да поможет тебе Господь!

Фортнем вел машину, искоса поглядывая на друга.

— Ладно, попробую.

Уиллис откинулся на сиденье и принялся внимательно изучать собственные ногти.

— Давай немножко проедем. Еще немножко. Ну что ж. Я хочу сказать… Что-то скверное деется на белом свете.

Фортнем беззаботно рассмеялся.

— Тоже мне новость!

— Нет, нет, ты послушай… знаешь… По-моему, происходит что-то непонятное, что-то невидимое…

— Миссис Гудбоди, — буркнул себе под нос Фортнем и осекся.

— Что миссис Гудбоди?

— Сегодня утром вещала что-то про летающие тарелки.

— Нет, — Уиллис нервно куснул сустав указательного пальца. — Летающие тарелки, — по-моему, ни при чем. Скажи, что такое интуиция?

— Сознательное восприятие того, что в течение длительного времени находилось в подсознании. Только, прошу тебя, не вздумай меня цитировать. Вот ведь тоже нашел себе доморощенного психиатра, — и он снова рассмеялся.

— Ну хорошо, хорошо. — Уиллис поудобнее устроился на сиденье. Заметно оживившись, он повернулся к Фортнему. — Именно так! Подсознание по крупице накапливает информацию. Верно? Тебе вдруг хочется сплюнуть, но как скопилась слюна, ты не знаешь. Руки пачкаются, а ты этого не замечаешь. Не чувствуешь, как на тебя ежедневно оседает пыль. Но в один прекрасный момент, когда пылинок наберется достаточно много, ты обращаешь внимание на грязь. Вот так, по-моему, работает интуиция. Какого же рода пылинки действовали на мое подсознание? Может, в ночном небе мелькнуло несколько метеоров? Или перед рассветом испортилась вдруг погода? Трудно сказать. Может, внимание привлекли какие-то цвета, запахи или стуки, которые слышны в деревянном доме в предутренней тишине? А может, мурашки на коже рук? Не знаю. Но пыли собралось достаточно. И я это вдруг понял.

— Ты понял. Ладно. Но что такое ты понял? — встревоженно спросил Фортнем.

Уиллис пристально вглядывался в свои лежащие на коленях руки.

— Я боюсь. Потом не боюсь. Потом снова средь бела дня чего-то боюсь. Прошел медицинский осмотр. Врачи говорят, я здоров, как бык. В семье — тишь да гладь. Джо — прекрасный сын и вообще парень что надо. Дороти? Просто чудо. С ней не страшны ни старость, ни даже смерть.

— Тебе всегда везло.

— Везло — не везло, сейчас не важно. Я боюсь за себя, за свою семью, а в эту минуту и за тебя тоже.

— За меня? — воскликнул Фортнем.

Он остановил машину на пустыре у гастронома и бросил на друга испытующий взгляд. Вокруг было тихо-тихо. Уиллис заговорил, и звук его голоса внезапно заставил Фортнема похолодеть.

— Я боюсь за всех, — сказал Уиллис. — За твоих и моих друзей, за друзей наших друзей, и так далее, до бесконечности. Глупо, да?

Уиллис открыл дверцу, вылез из машины, но уходить не спешил. Фортнем почувствовал, что нужно что-то сказать.

— Ну хорошо, так что будем делать?

Уиллис глянул вверх, солнце слепило глаза.

— Главное — не зевай, — медленно сказал он. —

И денек-другой понаблюдай за происходящим. Все важно, всякая мелочь.

— Как все?

— Мы не пользуемся и половиной тех возможностей, которыми наделил нас Господь. От силы десятой частью. Надо бы и слышать больше, и видеть больше, больше чувствовать. Может, изменились солнечные блики на телеграфных проводах, или не так, как прежде, звенят цикады в кронах вязов. Нам бы нужно замереть и присмотреться, прислушаться — несколько дней, несколько ночей, а потом сравнить наши наблюдения. И вот тогда, если ты мне велишь замолчать, я с удовольствием это сделаю.

— Ну что ж, — сказал Фортнем не слишком серьезно. — Я готов понаблюдать. Но как я узнаю, то ли это, даже если увижу?

Уиллис во все глаза глядел на него.

— Узнаешь. Должен узнать. А иначе нам всем, всем до единого, конец, — произнес он ровным голосом.

Фортнем хлопнул дверцей и смущенно покраснел. Он не знал, что сказать.

— Хью, может, ты считаешь, что я спятил? — почувствовав его настроение, спросил Уиллис.

— Глупости! — с излишней горячностью вос-

кликнул Фортнем. — Ты просто переутомился. На твоем месте я бы взял отпуск на недельку.

Уиллис кивнул.

— Давай встретимся в понедельник вечером.

— Когда угодно. Загляни к нам.

— Спасибо, Хью. Я приду. Если смогу.

И он удалился; скорым шагом пересек заросший сухим бурьяном пустырь и подошел к боковому входу в гастроном.

Фортнем глядел ему вслед. Двигаться не хотелось. Им вдруг овладело безразличие ко всему. Он медленно перевел дыхание, прислушиваясь к тишине. Провел языком по губам, слизывая соль. Посмотрел на свою руку, лежащую на приспущенном стекле; выгоревшие волоски зажглись на солнце золотым огнем. По пустырю вольготно разгуливал ветер. Фортнем высунулся из машины и глянул на солнце, которое ответило ему таким ослепительно ярким, умопомрачительным взглядом, что он тут же втянул голову обратно. Шумно выдохнул. Рассмеялся. И поехал прочь.

Холодный лимонад; восхитительно запотевший стакан, в котором музыкально позвякивают кубики льда. Лимонад в меру сладок и в меру

кисл, в самый раз на его вкус. Сидя с закрытыми глазами в кресле-качалке на веранде, он наслаждался прохладным напитком. Сгущались сумерки. В траве стрекотали кузнечики. Синтия примостилась напротив; она вязала, с любопытством поглядывая на него; он почувствовал на себе ее взгляд.

— Что-то тебя беспокоит, — наконец сказала она. — О чем призадумался? Выкладывай.

— Синтия, что говорит твоя интуиция? Может, нам грозит землетрясение? Земля разверзнется? Или вот-вот объявят войну? А может, опасность угрожает только лютикам в нашем саду?

— Погоди. Дай сосредоточиться.

Он открыл глаза и стал наблюдать за Синтией. Теперь глаза закрыла она и замерла, словно статуя, сложив на коленях руки. Наконец улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Ни нам, ни лютикам ничего не грозит: ни землетрясение, ни война, ни мор. Что это на тебя нашло?

— Кое-кто поговаривает о конце света. Вообще-то двое таких, но…

Со стуком распахнулись ажурные двери веранды. Фортнем вздрогнул всем телом, словно его ударили.

— Что случилось?

На веранду прошествовал Том с огородным лотком в руках.

— Прости, папа. Я тебя не задел?

— Нет, ничего. — Фортнем встал, довольный, что может прервать неприятный разговор. — Урожаем пришел похвастать?

Том нетерпеливо шагнул вперед.

— Это еще не все. Растут как на дрожжах. Побольше воды, и за семь часов — гляньте, какие выросли!

Он поставил лоток между родителями. Урожай и впрямь был просто невероятный. Сотни маленьких коричневато-серых грибочков вытягивались из влажной почвы.

— Черт побери! Потрясающе! — воскликнул Фортнем.

Синтия хотела было дотронуться до лотка, протянула руку, но тут же отдернула с тяжелым чувством.

— Не хочу тебя расстраивать, но… Среди них точно нет ядовитых?

— Можно подумать, я вас травить собираюсь? Что это — поганки?! — оскорбленно закричал Том.

— Вот именно, — тут же отозвалась Синтия, —

как узнать, что они съедобные?

— Очень просто, — заявил Том. — Съесть. Останешься в живых — хорошо. А умрешь — не взыщи!

И он грубовато рассмеялся. Фортнем повеселел, но Синтию всю передернуло. Она опустилась на стул.

— Мне они не… не внушают доверия, — сказала она.

— Ну вы даете, — рассердился Том и подхватил лоток. — В этом доме тебя не могут не окатить ушатом холодной воды.

Расстроенный, мрачный, Том поплелся с веранды в дом.

— Том! — позвал отец.

— Да ладно, перебьемся. Все почему-то считают, что наши увлечения до добра не доведут. Что мы, маленькие, что ли? Ничего не понимаем?

Фортнем вошел в дом следом за Томом и увидел, как он спустил с лестницы в подвал лоток с грибами. И, хлопнув подвальной дверью, ринулся через весь дом к выходу. Фортнем возвратился на веранду.

— Нехорошо получилось. — Синтия виновато отвела глаза. — Не знаю, что на меня нашло. Я просто не могла смолчать, так и подмывало все

выложить Тому.

Зазвонил телефон. Фортнем пошел в комнату и, волоча за собой шнур, вынес аппарат на веранду.

— Хью? — послышался в трубке надтреснутый голос Дороти Уиллис. Она была чем-то напугана и словно в одночасье постарела. — Роджер не у вас?

— Дороти? Нет, он к нам не заходил.

— Пропал! Из гардеробной исчезла его одежда! Вся! — Дороти тихонько заплакала.

— Держись, Дороти! Я сейчас же иду к вам.

— Ты должен нам помочь, должен! С ним что-то случилось, — причитала она. — Сделай что-нибудь, а то мы больше не увидим его в живых!

Фортнем медленно опустил трубку на рычаг. Плач оборвался. Ночные кузнечики вдруг очень громко распелись. Он почувствовал, как у него на макушке волосы встали дыбом. Какая чушь! Так не бывает! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Волосы встать дыбом не могут.

Но, один за другим, волосы на голове выпрямлялись колючей щеткой.

И правда, одежды на плечиках не было. Фортнем со стуком сдвинул плечики в сторону и, обернувшись, встретился взглядом с Дороти Уиллис и ее сыном Джо.

— Я случайно зашел сюда, — сказал Джо, — и увидел, что гардеробная пуста. Вся одежда отца исчезла.

— У нас было все хорошо, — сказала Дороти. — Мы прекрасно жили. Я не понимаю, не понимаю!

Она снова заплакала, закрыв лицо руками. Фортнем вышел из гардеробной.

— Вы не слыхали, как он уходил из дома?

— Мы играли во дворе в мяч, — сказал Джо. — Потом отец заявил, что должен на минутку выйти. А когда я пошел за ним, его уже не было!

Дороти и Джо провожали Форт нема по коридору к выходу.

— Я проверю вокзалы и аэропорт. Прости, Дороти, ты не знаешь, в семье Роджера все здоровые? — нерешительно спросил Фортнем.

— Не думай, он не сошел с умаї Мне почему-то кажется, что его похитили, — неуверенно пробормотала она.

Фортнем покачал головой.

— Как же так? Он идет домой, укладывается,

выходит и встречает похитителей?

Дороти отворила наружную дверь, впуская в дом ночной ветер и ночь. Голос ее дрогнул:

— Нет. Похитители забрались в дом. У нас из-под носа выкрали Роджера! — И добавила — Случилось что-то страшное!

Фортнем шагнул в ночь. Как ни в чем не бывало стрекочут кузнечики, шелестят деревья. А глашатаи бед никак не уймутся. Миссис Гудбоди, Роджер и вот теперь Дороти. «Случилось что-то страшное!» Но что именно, черт побери? Что? Он перевел взгляд с Дороти на Джо. Джо, смахнув с глаз набежавшие слезы, медленно, очень медленно повернулся, подошел к подвалу и остановился, взявшись за дверную ручку.

Фортнем почувствовал, как у него задергались веки и как расширяются зрачки, словно бы фотографируя нечаянную сценку. Джо широко распахнул дверь в подвал и исчез. Дверь, легко стукнув, захлопнулась. Фортнем открыл было рот, но тут Дороти схватила его за руку, и он поднял на нее глаза.

— Пожалуйста, помоги, — сказала она. — Найди мне Роджера.

Он поцеловал ее в щеку.

— Я сделаю все, что в человеческих силах…

«В человеческих силах»... Господи, почему он выбрал такие слова?

Вдох, выдох, вдох, выдох, астматический вдох, брызгающий слюной чих. Во тьме кончается кто-то? Нет. Это все еще трудится миссис Гудбоди. На пути домой Фортнема окутал тошнотворно-сладкий запах аэрозоля от насекомых.

— Миссис Гудбоди? Вы все работаете?

— Само собой, черт побери! — выпрыгнул из-за темного забора ее голос. — То пошли какие-то тли, то водяные скорпионы и короеды! И вот теперь Marasmius oreades! Господи, а как быстро растут!

— Кто растет?

— Да эти, Marasmius oreades! Но они будут иметь дело со мной! Я им еще устрою веселую жизнь. Вот вам! Вот! Вот!

Он пошел прочь от забора, позади остались дыхание распылителя и визгливый голос миссис Гудбоди. На веранде его поджидала жена — словно бы принимая эстафету у Дороти, которая пару минут назад точно так же стояла в дверях своего дома. Фортнем собрался заговорить, но тут в доме шевельнулась какая-то тень. Скрипнули половицы. Поворачиваясь, щелкнула дверная ручка.

Том исчез в подвале.

Фортнема зашатало. Это было как взрыв. Все вдруг приобрело куцую определенность снов наяву, когда наперед знаешь каждое последующее движение, каждое, еще не успевшее сорваться с губ, слово.

Он вдруг понял, что стоит, уставившись на подвальную дверь. Синтия схватила его за руку и потащила в дом. Ее распирало любопытство.

— Что? Ах, Том? Я сдалась. Шут с ним. Грибы так много для него значат. И знаешь, когда он швырнул их в подвал, они лежали в грязи… такие жалкие, такие беззащитные…

— Вон как? — услышал он свой голос.

— Что с Роджером? — Синтия взяла его за руку.

— Да, он в самом деле ушел.

— Ох, уж эти мужчины! — воскликнула она.

— Нет, тут не то, — сказал он. — Я знаю Роджера десять лет, чуть не каждый день вижусь с ним. При таком тесном знакомстве человек весь как на ладони. И гадать не нужно, грызутся ли они с женой как кошка с собакой или не надышатся друг на друга. Роджер еще не ошутил за плечами дуновения смерти. Не кинулся в бешеную погоню за уходящей молодостью. Персики в чужом саду его не влекут. Нет-нет, я готов поставить послед-

ний доллар, что он…

За спиной у него зазвонил звонок. Разносчик телеграмм молча шагнул на веранду.

— Фортнем?

Синтия включила свет. Фортнем поспешно разорвал конверт и развернул телеграмму.

СЛЕДУЮ НЬЮ-ОРЛЕАН. УДАЛОСЬ УЛУЧИТЬ МИНУТУ,
ВЫЙДЯ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ. ПРЕДУПРЕЖДАЮ: НЕ ПРИНИМАЙТЕ, ПОВТОРЯЮ, НЕ ПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ СРОЧНЫХ ЗАКАЗНЫХ БАНДЕРОЛЕЙ, — РОДЖЕР.

Синтия подняла от телеграммы глаза.

— Не понимаю, что он имеет в виду?

Но Фортнем уже подскочил к телефону и набрал номер.

— Телефонистка? Полицию, пожалуйста. Срочно!

А в четверть одиннадцатого в шестой раз за вечер зазвонил телефон. Фортнем взял трубку и от удивления вытаращил глаза.

— Роджер?! Не может быть! Ты где?

— Черт побери, где я, ты знаешь не хуже меня, — беспечно и даже с каким-то удовольствием

сказал Роджер. — Сюда я попал по твоей милости. Гляди, ведь я могу и обидеться.

Фортнем кивнул Синтии, и она кинулась на кухню к параллельному аппарату. Услышав легкий щелчок, Фортнем заговорил:

— Откуда же мне знать, честное слово? Я получил твою телеграмму..

— Какую такую телеграмму? — весело закричал Роджер. — Я никаких телеграмм не посылал. Еду я себе спокойно на юг, и вдруг налетает полиция, меня снимают с поезда и волокут в участок. Будь любезен, скажи, чтоб меня отпустили. Ну у тебя и шуточки.

— Но, Роджер, ты так внезапно исчез из дома…

— Да, мне действительно понадобилось срочно выехать по делам. По-твоему, это называется «исчезать»? Дороти и Джона я предупредил.

— Странно, Роджер. Ты в безопасности? Тебя никто не шантажирует? Никто не запугивает?

— Я в здравом уме и твердой памяти, действую без принуждения и никого и ничего не боюсь.

— Но, Роджер, а твои прежние страхи?

— Ерунда! Как видишь, ничего со мной не случилось.

— Да, но…

— И пожалуйста, будь паинькой, не разыгры-

вай из себя грозного родителя, мне пора двигаться дальше. Позвони Дороти и скажи, чтобы ждала через пять дней. Как она могла все забыть!

— Она забыла. Значит, через пять дней?

— Не больше, обещаю.

Теплый, располагающий голос, голос прежнего Роджера. Фортнем покачал головой.

— Ничего не понимаю. Ты что, сбежал от Дороти? Господи, кому-кому, а мне-то ты можешь признаться!

— Я всем сердцем ее люблю. А сейчас с тобой будет говорить лейтенант Паркер из полиции Риджтауна. Пока, Хью.

— До сви…

Но уже лейтенант взял трубку и сердито говорил что-то, говорил, говорил. Что он себе позволяет? Как смеет зря беспокоить полицию? В чем дело? Что это ему взбрело в голову? И, наконец, чего он добивается: нужно задержать или отпустить его приятеля?

— Отпустить, — умудрился вставить слово Фортнем и повесил трубку. Чудилось, он еще слышит вокзальный шум с железнодорожного узла в трехстах километрах к югу, крик кондуктора: «Займите свои места!» и тяжкое грохотанье поезда, отправляющегося в непроглядно черную

ночь.

Синтия неторопливо вошла в гостиную.

— Какого же дурака мы сваляли! — сказала она.

— А представляешь, каково мне?

— Интересно, кто же тогда послал ту телеграмму и зачем?

Он плеснул себе виски и застыл посреди гостиной, уставившись на стакан.

— Хорошо, хоть с Роджером все в порядке, — наконец сказала жена.

— Где там!

— Но ведь ты сам только что сказал…

— Я ничего такого не говорил. Но коль он заверяет, что все хорошо, вытащить его из поезда и препроводить домой было бы непросто. Скорее всего, ничего бы у нас не вышло. Телеграмму он послал, а потом почему-то передумал. Но почему, почему? — Потягивая виски, Фортнем мерял шагами комнату. — Зачем было предупреждать о заказных бандеролях? В этом году всего-то была одна, та, которую сегодня утром получил Том…

Его голос дрогнул. Не успел он опомниться, как Синтия уже стояла у корзины для ненужных бумаг и тащила оттуда смятую обертку с заказной бандероли.

На почтовом штемпеле стояло: «Нью-Орлеан, Луизиана». Синтия подняла глаза.

— Нью-Орлеан. По-моему, как раз туда направляется Роджер.

Вспомнилось, как щелкнул дверной замок, и в воображении возникла картина: ручка опускается, дверь распахивается и закрывается. Другая дверная ручка повернулась, дверь отворилась, закрылась. И так же пахнуло влажной землей.

Он машинально набрал номер. Долго никто не подходил, наконец Дороти Уиллис взяла трубку. Фортнем представил, как сидит она одна, а во всех комнатах горит свет. Он поговорил с ней о том о сем, потом откашлялся и спросил:

— Дороти, может, тебе покажется глупым мой вопрос, но вы не получали на днях каких-нибудь срочных заказных бандеролей?

— Нет, — чуть слышно сказала она. И, поколебавшись, добавила — Хотя… Погоди… Третьего дня была одна. Я ведь думала, ты в курсе! Дети в нашем квартале нашли наконец занятие по душе.

— Какое занятие? — с расстановкой спросил Фортнем.

— Да что ты разволновался? Дети выращивают грибы. Что в этом дурного?

Фортнем прикрыл глаза.

— Хью? Ты слушаешь? — спросила Дороти. — Я говорю, нет ничего дурного в том, что они…

— Выращивают грибы? — наконец отозвался Фортнем. — Нет. Ничего дурного.

И медленно опустил трубку.

Ветер шевелит занавески, словно сотканные из лунного света. Тикают часы. Глухая ночь вплыла в окна и наполнила спальню. Кажется ему, что сегодняшнее утро отдалилось на миллион лет, но по-прежнему внятно разносится в воздухе голос миссис Гудбоди. Слышит он, как Роджер изливает душу, и солнце вновь затягивается тучами. Слышит, как по телефону кроет его полицейский из южного штата. И опять — голос Роджера и замирающий вдали перестук колес на рельсовых стыках. И снова миссис Гудбоди выкрикивает из-под забора:

— Господи, а как быстро растут!

Кто растет?

— Да эти, Marasmius oreades!

Он мигом открыл глаза. Сел. И через минуту уже листал в библиотеке на первом этаже энциклопедический словарь. Указательный палец

остановился на словах: «Marasmius oreades — грибы, обильно произрастают на влажных почвах летом и ранней осенью…» Он опустил руку, книга захлопнулась.

Фортнем сошел с крыльца во двор. Во мраке летней ночи вспыхнул огонек сигареты. В небе мелькнул метеор и, не долетев до земли, сгорел. Ласково шелестят деревья. Легко стукнула входная дверь. Синтия в халате подошла к нему.

— Не спится?

— Жарко, наверное.

— И совсем не жарко.

— Да, скорее прохладно, руки коченеют, — откликнулся он. Несколько раз затянулся и, не глядя на нее, сказал:

— Синтия, что если… — Он вдруг осип и замолк. — В общем, что если Роджер сегодня утром был прав? И миссис Гудбоди — тоже? Если и в самом деле случилось что-то страшное?

Он кивком головы показал на небо, усеянное мириадами звезд.

— Например, на Землю вторглись существа из других миров?

— Хью…

— Нет, погоди, позволь мне пофантазировать.

— Никакого вторжения не было, это совершен-

но очевидно. Мы бы обязательно заметили.

— Положим, кое-что мы все-таки замечаем, например появилось ощущение дискомфорта. Ну так как? Что нужно сделать, чтобы нас покорить? Чем могут воспользоваться инопланетяне, задумывающие вторжение?

Синтия взглянула на небо и хотела ответить, но он снова заговорил.

— Нет-нет, это не метеоры и не летающие тарелки, видимые невооруженным глазом. Может быть, бактерии? Они тоже летят к нам из космоса, так ведь?

— Да, я об этом читала.

— Каждую секунду несметные полчища бактерий, пыльцы, вирусов, спор бомбардируют нашу планету многие миллиарды лет. И сейчас мы тоже сидим под невидимым дождем. Они падают всюду: на города и поселки по всей стране, падают и к нам в палисадник.

— К нам?

— И к миссис Гудбоди. Но люди вроде нее постоянно обрызгивают растения ядами, пропалывают, рвут сорняки, сбивают поганки и мухоморы. Неземной твари трудно выжить в городе. Мешают также погода и климат. Лучше всего им, наверное, на юге: в Алабаме, Джорджии,

Луизиане. Там, во влажных болотах, они могут вырасти до приличных размеров.

Тут Синтия рассмеялась.

— Ты сам не знаешь, что говоришь! Скажи еще, что теплицей или — как там ее — лабораторией, приславшей Тому бандероль с этих самых «Великих болот», управляют шестифутовые грибы с другой планеты!

— И правда, смешно получается.

— Смешно! Да это просто бред! — И она мило вскинула головку.

— Боже мой! — неожиданно разозлившись, воскликнул он. — Что-то происходит, ты это понимаешь?! Миссис Гудбоди выпалывает и травит ядом Marasmius oreades. А что такое — Marasmius oreades? Грибы. И тут же приходит заказная срочная бандероль. А что в ней? Грибы для Тома. Ты, конечно, скажешь — совпадение. Тебе этого мало? Ну что ж! Роджер боится, что вскоре может погибнуть. И через несколько часов исчезает, а с дороги присылает нам телеграмму, чтобы мы не принимали — чего? Заказных срочных бандеролей с грибами для Тома. И сын Роджера получил такую посылку. Откуда приходят эти бандероли? Из Нью-Орлеана! А куда направляется Роджер? В Нью-Орлеан! Видишь, как все связано. Не будь

столько общего у разрозненных, казалось бы, фактов, я не стал бы расстраиваться. Но Роджер, Том, Джо, грибы — все сплетается в один узор!

— Не злись. — Она стала серьезной, но в глазах по-прежнему мелькала усмешка.

— Я не злюсь! — почти кричал Фортнем. Продолжать он не мог. Еще слово, и она покатится со смеху. Перекрикивать ее смех — бр-р! Он молча оглядывал дома вокруг и думал о темных подвалах, в которых соседские мальчишки, начитавшись «Популярной механики», все как один выращивают грибы — из рассады, купленной на их карманные деньги. В детстве он тоже заказывал по почте химикалии, семена, черепах, бесчисленные притирки и тошнотворные мази. Сколько же сегодня домов в Америке, где в кромешной подвальной тьме растут грибы и пестуют их в простоте душевной дети? Тысячи? Миллионы?

— Хью, — жена коснулась его руки, — у грибов, пусть даже огромных, нет ни рук, ни ног. Они не могут ни пойти на почту, ни, тем более, править миром. Давай спустимся в подвал и поглядим на твоих извергов и чудовищ.

Она втащила его в дом и потянула к подвалу, но он упирался изо всех сил и с глуповатой улыбкой

тряс головой.

— Нет, нет, я знаю, что мы увидим. Ты выиграла. Чушь какая-то. На следующей неделе вернется Роджер, и мы все вместе напьемся. Беги-ка в постель, а я выпью на ночь стакан теплого молока и через минуту приду к тебе.

— Вот так-то лучше! — Она расцеловала его в обе щеки, на мгновение прижалась к нему и пошла вверх по лестнице.

На кухне он взял стакан, открыл холодильник, хотел было налить молока и вдруг замер.

В холодильнике, на верхней полке, стояла желтая мисочка. А в ней — ну конечно же! — свежесрезанные грибы!

Он простоял так, наверное, с полминуты; в морозном воздухе холодильника дыхание застывало паром; потом потянулся за миской, поднес к лицу и, почуяв грибной дух, вынес в коридор. Глянул на лестницу — на втором этаже, в спальне, возится Синтия. Он хотел окликнуть ее: «Синтия, ты поставила это в холодильник?». Но запнулся на полуслове.

И спрашивать незачем. Нет, не она.

Он водрузил миску на плоскую верхушку балясины в нижнем конце лестницы и задумался, уставившись на грибы. Вот он уже в постели,

глядит, как в открытое окно сквозь занавеску просачивается лунный свет и рисует узоры на потолке. Слышит свой голос: «Синтия!». И ее ответ: «Что?». Он скажет: «Знаешь, а у грибов есть способ вырастить себе руки и ноги». «Какой такой способ? — отзовется она. — Ах ты глупенький, глупенький, ну какой же ты выдумал способ?» И он соберет все свое мужество и продолжит, несмотря на насмешки: «А что если человек, проходя через болото, срежет гриб и съест?...»

Ничего не ответит Синтия.

Попав внутрь, грибы распространятся с кровью по всему телу, займут каждую клеточку и превратят человека в... Марсианина? А коль так, зачем им собственные руки и ноги? Ведь достаточно проникнуть в чужое тело, обосноваться внутри и овладеть человеком. Джо угостил отца грибами. Роджер поел и переродился. Он сам похитил себя. В одном из последних проблесков здравого смысла, став на время самим собой, он дал телеграмму и предостерег нас от грибов по почте. Роджер, который звонил вечером, уже не был Роджером, он был в плену у того, что съел! Ну как, Синтия, все сходится, так ведь?

Нет, ответит воображаемая Синтия, нет, не сходится, не сходится, нет, нет, нет...

Из подвала послышался легкий шорох, что-то зашелестело, зашептало. Фортнем подошел и приложил ухо к подвальной двери.

— Том?

Нет ответа.

— Том, ты еще внизу?

Нет ответа.

Ждать пришлось долго. Наконец донесся голос Тома. — Да, папа!

— Уже полночь, — сказал Фортнем, с трудом удерживаясь от крика. — Что ты там делаешь?

Нет ответа.

— Я говорю…

— Приглядываю за делянкой, — наконец сказал мальчик; его голос был холоден и слаб.

— Хватит, черт побери! Немедленно вылезай! Слышишь?

Тишина.

— Том! Скажи, ты поставил грибы в холодильник? Зачем?

Прошло секунд десять, прежде чем донесся ответ.

— Это тебе и маме, мне хочется вас угостить.

Сердце подкатило к самому горлу. Фортнем отдышался и тогда только смог говорить.

— Том? Ты не… Ты случайно не ел грибы? Ты

их не ел?!

— Странно, что ты спрашиваешь, — сказал Том. — Да, ел. Сегодня вечером. С бутербродом. После ужина. А что?

Фортнем схватился за дверную ручку. Теперь была его очередь молчать. Ноги были как ватные — что за ерунда! «Просто так!» — хотел он ответить Тому, но губы отказывались повиноваться.

— Папа! — ласково позвал Том. — Иди ко мне. И снова через минуту — Погляди на мой урожай.

Дверная ручка под ладонью сделалась скользкой от пота. Щелкнул замок. Фортнем тяжело дышал.

— Папа! — повторил Том.

Фортнем отворил дверь.

Внизу в подвале черным-черно. Он Потянулся к выключателю.

— Не включай. Грибы света не любят, — сказал Том, словно почувствовав, что он хочет сделать.

Фортнем убрал с выключателя руку.

Несколько раз сглотнул. Глянул вверх, на лестничную площадку. Там наверху Синтия. Наверное, нужно пойти проститься. Опять он за старое! Боже мой! Что за глупая мысль! Для опасений нет никаких причин. Так ведь?

Так.

— Том? — с деланной легкостью воскликнул он. — Не знаю, готов я или нет, но я иду!

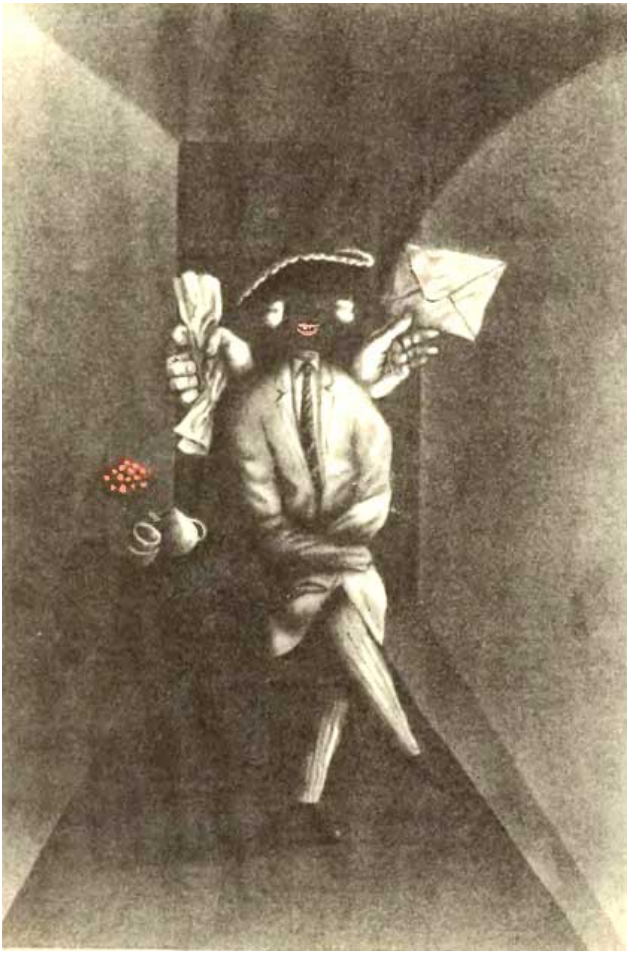
И, ступив вниз, в темноту, закрыл за собой дверь.

Перевела с английского И. М. Алексеева

№ 4, 5, 6

Аэлита Ассовская, Сергей Соловьев

Горькая ягода



Современному Сальери
не нужен яд.
И убивать никого не нужно.
М. Ромм

Повесть

198… Октябрь. Суббота

На следующий день после защиты поехали в садоводство — жарить шашлыки. Погода выдалась далеко не праздничная. Резкий ветер обрывал с придорожных березок последние листья. Так и напрашивалось продекламировать что-то вроде: «Поздняя осень. Грачи улетели…» По небу скользили обманчиво легкие облака, время от времени изливавшие чудовищные запасы воды на поскучневший безлюдный, несмотря на выходной, поселок, скользкую глинистую дорогу с хроническими фиолетово-кофейными лужами и осунувшийся после листопада лесок. Гордость

поселка — озеро, окруженное безлистыми кустами, притаилось, затянутое какой-то серой, в тон дождю, пленкой.

Костер не получался. Он отчаянно дымил, заставляя женскую половину общества разбегаться, чтобы спасти от слез ресницы; несколько раз тух, отказываясь принимать мокрые ветки, пока дело не взял в свои руки Боб Мамальтин, известный в лаборатории некоторой склонностью к шаманским упражнениям. В итоге удалось нажечь угли и поставить, наконец, шашлыки, с нетерпением ожидавшиеся голодной публикой.

Отгуляв на пленэре, пошли согреваться в дом Кости Гурко, виновника торжества. Впрочем, некоторые разбрелись по своим дачам — садоводство было институтское, коллективное, а институт — достаточно старый, с традициями (его подкармливали и военные ведомства, и Академия наук, и Госкомитет), так что у многих Костиных гостей имелись садовые участки и в меру возможностей — дачные домики.

В доме Кости Гурко, нетопленом, с заколоченными для защиты от набегов местных варягов окнами, чувствовался холод, пахло нежилой сыростью и мышами.

Вслед за хозяином порог дома переступила Том-

ка Малькова, теперь Тамара Федоровна, уютная, пышная, с лицом, напоминающим плывущее через край тесто, до невозможности некрасивая дама (она даже к косметике не прибегала, считая это безнадежной затеей). Несмотря на свои тридцать с немалым хвостиком лет, она была постоянно в кого-то влюблена, однако ее чувства с завидным постоянством возвращались к Косте, которого поначалу, то есть лет пятнадцать назад (как молоды мы были!), несколько шокировало оказываемое ему внимание; но потом Костя смирился, и между ними установились своеобразные братские отношения, не мешавшие, впрочем, Гурко временами ухаживать за какой-нибудь новой институтской барышней, чему Томка даже по-матерински покровительствовала.

Боб Мамалыгин, скинув в сенях свои огромные болотные сапоги, несмотря на протест хозяина, вошел в комнату в носках и тут же сделал стойку на голове.

— Не трогайте его, он погружен в нирвану, — кокетливо сказала хорошенькая лаборантка Лизочка Тимофеева.

Лаборантки, вообще говоря, по классификации, негласно принимаемой институтскими мужчинами, делились на «хорошеньких» и «не...».

И хотя по деловым качествам последние, как правило, заметно превосходили «хорошеньких», в институт почему-то предпочитали принимать представительниц первой категории.

Боб приветственно помахал огромной ступней в шерстяном носке, приглашая публику последовать его примеру.

Скрипнула калитка. Новоиспеченный кандидат наук выскочил на крыльцо. Около забора стоял чей-то велосипед. По присыпанной песком дорожке шла знакомая всем обитателям местного садоводства почтальонша тетя Катя в черном клеенчатом плаще, под которым виднелись пузырившиеся на коленях выцветшие тренировочные штаны, стыдливо прикрытые старомодной коротенькой юбкой. В руке тетя Катя держала белый конверт.

— Здравствуйте, тетя Катя! Проходите, гостьей будете…

— Спасибо, сынок… В гости — это уже в другой раз… А вот письмо тебе вручу. Неделю как пришло. Обратного адреса-то нет… И твоего, если в город пересылать, не знаю. Вот и думала — до весны пролежит…

Конверт был «официального» размера. В таких Гурко совсем недавно рассылал по многочис-

ленным адресам автореферат собственной диссертации. Адрес Костиной дачи отпечатали характерным компьютерным шрифтом и наклеили на конверт. Отправитель же оставался неизвестным.

Странное дело, подумал Костя. От кого бы это? Может быть, какое-нибудь напоминание от их садоводческого кооператива? Он осторожно надорвал край конверта, стараясь не повредить его содержимое.

Там оказались аккуратно сложенные листы бумаги, исписанные подвыцветшими от времени чернилами. На одном из них красовалась показавшаяся знакомой большая таблица с красной и зеленой рукописной правкой и странным названием: «Сравнительные характеристики радионуклидов по данным зарубежных авторов».

На остальных листах, взятых, очевидно, из какой-то рукописи, содержался изрядно нашпигованный формулами текст, судя по кругло-аккуратному почерку, принадлежащий самому Гурко. Во всяком случае сперва почерк показался ему смутно знакомым, а потом он догадался, что это его рука. Страница 138, которую Костя держал перед глазами, начиналась словами: «…щих из экспериментов по рассеянию, проведенных Бо-

литано с сотрудниками (211)». И дальше в том же духе. Страница 144 тоже содержала информацию весьма специфического свойства.

При чем здесь это? Костя уже давно не занимался радионуклидами. И лабораторию-то много лет назад расформировали, и бывший шеф ее давно уже покоился на Богословском кладбище.

Костя заглянул в конверт и выцарапал оттуда сложенный лист кальки, на котором оказалась запечатлена круглая двугорбая кривая, отмеченная разноцветными крестиками, кружочками, треугольничками.

Вот, значит, как… Какого же черта? Кто это так развлекается?

Гурко некоторое время рассматривал содержимое конверта, потом побледнел, и скулы его затвердели. Он бросил взгляд на дорожку. Тетя Катя уже вывела свой велосипед через калитку и, оседлавши его, помахала Косте рукой.

Костя медленно пошел к дому.

— Тома! — крикнул он. — Можно тебя?

Боб Мамалыгин, теперь сидевший в позе «лотоса», на первый взгляд, исключительно погруженный в свой внутренний мир, смиренно провещал: «Конечно, можно, теперь тебе все дозволено…»

Тамара Федоровна выглянула в сени и, заметив перекошенное лицо Кости, вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

— Что-нибудь случилось?

— Как тебе это нравится? Весьма загадочное послание. Без обратного адреса. Неделю у почтальонши болталось. Не узнаёшь знаменитую кривую Болитано?

— Надо же! — всмотревшись в график, всплеснула руками Томка. — Ну что ты скажешь! Вот люди…

197… Июль. Пятница

Говорят, у людей творческих бывает озарение. С Костей Гурко такого еще не случалось. Может быть, потому, что истинно свою тему, дело всей жизни, каким было для Флерова спонтанное деление ядер или для Коломийца, например, стеклообразные полупроводники, он не нашел. Все, что он делал раньше, на кафедре в Технологике, а теперь здесь, в институте, было на уровне

исполнительства: тему спускали «сверху», как бы сдавая в аренду кусок темы стоящего над ним шефа, строго очерчивая границы деятельности, вылезать за которые не рекомендовалось, да и особой возможности не выпадало. В общем, как-то автоматически складывалось, что аспирант или младший научный сотрудник — соискатель — обязательно должен пройти стадию интеллектуального батрачества. Сама структура лаборатории, да и не только у них в институте — насколько знал Костя, так принято было везде — предполагала, чтобы младшие работали на старших, а те, в свою очередь, на еще более старших. И защита диссертации означала не только прибавление к зарплате пятидесяти рублей, но и, прежде всего, прыжок на следующую иерархическую ступеньку, где, как острили физики, число степеней свободы несколько возрастало.

Нежданно-негаданно у Кости появилась автономия в виде личной темы, на которую больше никто в лаборатории не претендовал — работа компиляторски теоретическая, но в то же время требовавшая и собственных экспериментов, обещавшая вылиться в диссертацию, когда Костя

перелопатит горы накопленной — не только им самим, но и другими авторами — информации. Как и все, связанное с ядерной физикой, лет десять назад Костина тема оказалась бы глубоко засекреченной, но теперь по старинке закрытым оставался только институт. Тема же, не обещавшая в обозримом будущем сельскохозяйственного переворота или хотя бы промышленного выхода, серьезной государственной тайны не составляла. Как понял Костя из разговора с заместителем престарелого шефа Филимоновым, теоретическая и обзорная части диссертации могли вылиться в монографию на русском языке — пока единственную по данному вопросу.

То, чем теперь занимался Костя Гурко, было чуть ли не семью барьерами отделено от практической жизни. Кому, кроме узкого круга специалистов, интересно знать, как ведет себя случайно попавшая в фотопластинку космическая частица, как она движется там, беспардонно сталкиваясь с мирно дремавшими атомами, с купеческой щедростью налево и направо растрачивая свою бесценную, долгими тысячелетиями накопленную в космосе энергию?

Сказать, что эта монография давалась Косте легко, означало бы сильно покривить душой. Уже

пару лет его рабочий день был растянут вдвое. Информацию он собирал по крохам, выуживая фактик за фактиком, цифирьку за цифирькой из груды томов «Phisycai Review» и «Nuovo Cimento», которыми снабжала его институтская библиотека. О том, как он создавал свою монографию, в иное время написали бы поэму. Когда-нибудь напишут, грустно усмехался он. А что?

Сегодня, в пятницу, Костя ушел из института чуть раньше окончания рабочего дня — это ему милостиво прощалось: работоспособность его, в общем, вызывала уважение, а отказ от прошлогоднего летнего отпуска (в пользу работы над монографией) — даже некоторую озабоченность состоянием его здоровья. Побывав дома, уже с собранным рюкзаком, вместо того чтобы рвануть на Финляндский вокзал, Костя выскочил из трамвая и, стараясь сократить дорогу, проходными дворами выбрался на небольшую тенистую улочку, где помещался институт. Он почувствовал, что будет мучиться выходными, если прямо сейчас не проверит и не переложит на бумагу кое-какие возникшие у него идеи.

Рюкзак пришлось оставить у служебной двери со строгой надписью: «Посторонним вход воспрещен». Камера хранения по причине окончания

рабочего дня уже закрылась.

— Я на минутку… Ладно? И рюкзачок вот брошу…

Охранник оказался «своим». Не то, чтобы он делал кое-какие уступки или поблажки, — это вообще невозможно, когда речь идет о таком важном охраняемом объекте. Просто бывший летчик (как разузнали досужие умы) был чуть меньшим формалистом, чем многие его сослуживцы Например, он не задавал, проверяя пропуск, идиотских вопросов относительно прически, бороды или очков, не заставлял сотрудников по нескольку минут стоять навытяжку, пока он изучает пропуск, дотошно сверяя изображение с оригиналом, как будто видит указанного сотрудника впервые в жизни. В общем, оставался человеком, хотя и стиснутым инструкциями, порой достаточно нелепыми. Вот и сейчас он не полез за папкой с приказами, разрешающими вечернюю работу, а, понимающе кивнув, пропустил Костю.

С представителями охраны в институте никто и никогда не пытался спорить, поскольку институт был не просто закрытым, а редкостно сверхрежимным. Выходить в мир божий полагалось с пустыми руками, портфели носили по спецразрешению лишь очень большие начальники.

При случае охрана могла попросить и карманы вывернуть. Ну а если в руках у сотрудника оказывалась книга, ее с завидной выдержкой страницу за страницей просматривали, пытаясь найти, как, очевидно, рекомендовала инструкция, следы записей. И поэтому Косте приходилось работать над монографией только в институте — спасибо, хоть разрешение на вечернюю работу ему пробили, иначе монография так и осталась бы ненаписанной до скончания века.

Вертушка за Костей еще крутилась, а он уже вбегал, перемахивая сразу через несколько ступенек, к себе на четвертый этаж — институт располагался в старом, дореволюционной еще постройки, жилом здании, и каждая лаборатория занимала большую дворянскую квартиру.

Ему продолжало везти. Дверь их лаборатории оказалась неопечатанной — иначе, уходя, Косте пришлось бы возиться с повторным опечатыванием, вызывать дежурного по службе режима, что было достаточно муторной процедурой. Кто-то еще работал. Костя набрал код, и после характерного звоночка старинная дубовая дверь открылась. В конце коридора горел свет. Из фотолаборатории выглянул недоумевающий Генка Арефьев в расстегнутом белом халате,

под которым не было рубашки — все-таки жара стояла приличная. Вслед за Генкой показалось остроносенькое личико Ираиды, которую мужская часть лаборатории называла не иначе как «Умная Ираида».

— Привет мученику науки, — сказала Ираида и вышла из фотокомнаты в коридор.

— Салют, бэби!

Костя успел заметить, что белоснежный, даже накрахмаленный халатик Умной Ираиды подчеркнуто перетянут в талии, а темные волосы, в обычное время заплетенные в косу, кокетливо разбросаны по плечам.

— Чаю со свежей клубникой хочешь?

— Чаю со свежей клубникой… Это как в кино… Или как в лучших домах Филадельфии…

— А также Лондона, — не очень гостеприимно добавил Генка Арефьев, откровенно показывая, что, по его мнению, третьего, надо понимать, лишнего, в этой ситуации только и не хватало.

В маленькой комнатушке, выделенной специально для Кости Гурко (в старозаветные времена здесь жила прислуга, а сейчас размещалась измерительная, где на специальных стальных опорах покоилось несколько прецизионных микроскопов, которыми, к счастью, пользовались

редко), на двух свободных столах были разложены черновики Костиной монографии, чертежи, таблицы и раскрытые в нужных местах книги. Обычно, кроме Кости Гурко, сюда никто не входил. Ключ от комнаты он носил с собой, запасной висел в кабинете шефа, от услуг уборщицы Костя отказался — боялся привнесения беспорядка. По понедельникам Костя собственноручно вытирал пыль с кожаных чехлов, закрывавших микроскопы, и столов, подметал пол купленным на рынке веником.

В маленькой комнатенке, изрядно прокалившейся за день, чувствовалась застойная духота, как будто даже стены излучали тепло. Раскрытое окно свежести не прибавило, а включать вентилятор Костя поостерегся — потом всех листков не соберешь.

Итак, пятая глава. Она лежала на левом столе в неказистой папке с описанными классиками ботиночными тесемками…

Лучше было бы начать ее так — без всякого наукообразного трепа поместить сводную таблицу, включающую мировые данные о радионуклидах, и привести кривую Болитано — самый замечательный график, который Косте когда-либо доводилось видеть и которым он, его создатель

— знаменитому Болитано принадлежала только идея — очень гордился. Костя даже собирался просить Генку Арефьева переснять этот график — лишняя копия не помешает. Кривая Болитано вмещала всю мировую статистику, а также личные измерения Кости Гурко, проведенные им на довоенном еще институтском циклотроне при помощи сконструированной им, считавшейся достаточно оригинальной, приставки. Костя почти три месяца выискивал в литературе иностранные данные, полгода потратил на собственный эксперимент — график получился отменный. На кривую послушно ложилось около полутысячи точек. Уникальная вещь!

Рисунка с кривой Болитано на месте почему-то не оказалось.

Костя задумчиво почесал затылок. Вообще-то он не жаловался ни на забывчивость, ни на беспорядок, в котором на самом деле была своя система. В других папках, с другими главами, хранились соответствующие этим главам рисунки. Кривая же Болитано бесследно исчезла.

Костя покачал головой, вспоминая, кому бы он мог показать ее. Выходило, что никому. Кроме Томки. Но та вообще не в счет, Что такое Томка? Во-первых, девчонка надежная. В самом прямом

человеческом смысле. Надежная, потому что она была неравнодушна к Косте Гурко и ради него готова на все. Но припрятать эту кривую ей бы и в голову не пришло — Томка знала, сколько сил Костя вкладывал в свою злополучную диссертацию-монографию Наоборот, будучи «приписанной» к Косте Гурко в качестве лаборантки, она готова была, как говорится, грудью кинуться на амбразуру ради интересов своего микрошефа. Во-вторых, Томка была невероятно доверчива и простодушна, эдакая веснушчатая белобрысая хохотушка, неизменно обнажавшая свои редкие, с щелью, несколько великоватые передние зубы; на подлость органически неспособная, да и вообще сейчас не то время, чтобы подлости вершить. Правда, Томка периодически подшучивала над Костей, уверяя, что в один прекрасный день он не досчитается части своей монографии — так и хочется взять то, что плохо лежит. Однако за версту видно было, что она шутит. И вот, как в воду глядела.

Костя методически, лист за листом, просмотрел свои папки, Сомнений не оставалось, — кто-то в них покопался. Кроме кривой Болитано исчезла стоившая Косте немалых трудов сводная таблица радионуклидов и две страницы из разных мест

рукописи.

Он вошел в фотокомнату.

— Чай готов, — сообщила Умная Ираида.

Вообще-то принимать пищу в стенах института категорически запрещалось — из-за вездесущих радионуклидов, но запрет этот неизбежно нарушался: мыслимо ли проводить до полусуток без маковой росинки во рту. И разумеется, тихонько протаскивали в лабораторию и пирожки, и бутерброды, и даже клубнику (не иначе как с собственного участка). Этим никто особенно не бравировал, просто физики, тоже не враги собственному здоровью, лучше представителей санитарной службы знали, где — «грязно», а где терпимо.

— Ребята, — спросил Костя, — а вы ко мне в измерительную случайно не заходили?

— Случайно нет.

— А народ когда расползся?

— Последние около шести. — Генка Арефьев сказал это не без уверенности — их с Ираидой интересовали не только совместные эксперименты в фотокомнате (они давно уже там химичили, пытаясь ввести в фотодетектор какие-то специальные добавки, чтобы сделать пластинки такими же чувствительными, как у знаменитого

Болитано, который, впрочем, добился этого еще в сорок седьмом году, если Косте не изменяла память, но и возможность остаться вдвоем. Можно поручиться, что время ухода самых последних, замешкавшихся в предвыходной день сотрудников Генха засек достаточно точно.

— Что-нибудь случилось? — спросила Ираида.

— Как тебе сказать?.. Несколько страниц как будто испарились. В том числе и та кривуля, помнишь, Ген, я еще спрашивал тебя, можно ли переснять, чтобы все пятьсот точек на графике разрешить?

— Ищи. — Генка демонстративно пожал плечами.

— Все перерыл…

— Ищи, как хлеб ищут.

— Бесполезно.

— Хочешь, вместе посмотрим? — предложила Ираида.

Поверхностный осмотр лаборатории ничего не дал. Второй ключ от измерительной, как выяснилось, спокойненько висел на месте. По просьбе Кости Ираида дважды старательно перелистала содержимое всех его папок и, покачав головой, грустно сказала: «Да…»

— Знаешь, если это действительно похищено…

я думаю, на такое у нас способен только один человек…

— Кто? — удивился Костя.

— Извини. Я бы не хотела торопиться…

На электричку, которая отчаливала от истертой многочисленными подошвами платформы в двадцать два девятнадцать, Костя опоздал. Это мало что добавило к его огорчениям — опаздывать на дачу ему случалось и раньше. И даже всегдашнее чувство вины перед женой несколько притупилось сегодняшними событиями.

Костя вздохнул и, выпив покалывающей горло газированной воды, через несколько минут вызвавшей новый приступ жажды, отправился бродить вокруг вокзала. Торговки цветами отлавливали запоздалых покупателей, пытаясь всеми правдами и неправдами всучить увядшие, смиренно сжавшиеся букеты. У Кости сработал было застарелый условный рефлекс — в случае опоздания являться домой с цветами, но, потолкавшись между толстыми усталыми тетками у цветочных лотков, он решил — букета для Светы не брать.

В поезде Костя мучительно размышлял. Никак не могла успокоиться научная жилка, растре-

воженная удачной гипотезой. Увы, маховик вращался на холостом ходу и оттого особенно мучительно и неистово. Костя думал про эту кривую Болитано, которую сам таинственный заокеанский Джози Болитано, американец итальянского происхождения, ученик Энрико Ферми, а теперь всеми признанный родоначальник их методики, и в глаза не видывал. Иначе — не преминул бы опубликовать. А если эту кривулю грамотно отнормировать — цены б ей не было… Черт возьми…

Кому же могли понадобиться эти страницы из его рукописи? Врагов у него вроде бы не наблюдается… Какие, к черту, враги, если люди делом заняты? И вообще — времена не те. Наконец, сегодня не первое апреля. Скорее всего виновата все же Томка, столь глупо и неудачно пошутившая. А если не она? Не Томку же имела в виду Ираида?

Все-таки ему ужасно не везло. Если бы не фантастический пожар в Технологическом институте, он бы уже три года ходил кандидатом. Но лаборатория тогда сгорела начисто — и установка Костина, и рабочие тетради, и черновик диссертации — все превратилось в пропитанную водой золу. На шефа чуть ли не уголовное дело завели, хотели из партии исключить, но в результате

он отделался строгим выговором с занесением. Однако лабораторию расформировали. Старикан повел себя благородно — устроил Костю к другому старику, своему давнишнему другу, в весьма престижный, хотя и невероятно засекреченный институт. Оформление туда заняло у Кости почти год. Начинать, разумеется, пришлось с нуля. Пока вгрызался в новую тематику, пока осваивал чуждую методику, возился с установкой, набирал статистику, еще немало воды утекло. И наконец нащупал тему, которая, на удивление, пришлась ко двору.

Костя сделал доклад на лабораторном семинаре. Ребята выслушали с интересом. Заместитель шефа Григорий Федорович Филимонов, по прозвищу Филимон, вел себя в общем благожелательно. Д. В., как всегда, дремал. Костя подозревал, что он многого не понял из его доклада: поотстал от жизни, едва ли он сейчас что-либо читает, просто стрижет профессорские купоны — своего рода пожизненная рента. Основные новости ему регулярно докладывает Филимон, взявший на себя добровольную обязанность референта престарелого шефа лаборатории. Филимон говорил как-то, что «подковывает» шефа с удовольствием, даже считает это приятным долгом. В свое время Д. В.

что-то сделал для Филимона (что именно, история умалчивала, видимо, помог, пользуясь связями, с защитой диссертации; Филимона, поговаривали, дважды проваливали на предзащитах в институтском совете, Це исключено, из снобизма: местные киты не могли простить ему диплома педвуза). И Филимон, естественно, чувствовал себя по гроб обязанным шефу. Впрочем, не один Филимон. У Кости тоже коготки увязли. Взял же Д. В. его на работу в трудную для него минуту и до сих пор относился к нему, как к своему протеже. Как издавна принято на Руси — на добро следует отвечать добром.

В общем, Костина жизнь в науке была не слишком богата свершениями, жизнь рабочей лошадки со скромной зарплатой, не без горечи называемой в институте «мэнээс — 105». Но хуже хронического безденежья изматывали его невозможность предпринять что-то решительное и подсознательно ощущаемая обреченность.

Когда Костя сошел с поезда, над сосновым редколесьем зависла бледно-розовая полоска — все что осталось от дотлевшего уже заката. В лесочке, через который вела кратчайшая дорога к дач-

ному поселку, густел сизый туманный сумрак. Над болотистой низиной нудно звенели жадные до крови комары. Надвигающаяся темнота порождала странное ощущение, как будто находишься в пустыне, где ниоткуда — ни сбоку, ни сверху, ни снизу не приходится ждать помощи или защиты.

Настроение было более чем скверное. И Светка не станет сдерживать свое неудовольствие его поздним возвращением. Вот уж действительно: пришла беда — отворяй ворота. Все одно к одному. Он решил, что завтра же с утра обойдет всех своих — благо садоводство коллективное. Вдруг и в самом деле нашелся какой-нибудь шутник. А начать надо с Томки. И нечего тянуть до завтра. Можно и сегодня. Сейчас.

Поселок уже спал. Немногочисленные собаки почуяли одинокого пешехода и методически облаивали его, когда он попадал на территорию, которую та или иная псина считала своей вотчиной. Особенно старалась небольшая, известная свой сварливостью лайка Юна, хозяйка которой Люсинда Симонова считалась подругой Костиной жены. Юна готова была сорваться с привязи, и, хотя Костя постарался поскорее проскочить мимо симоновского дома, он был замечен Люсиндой,

которая вышла на крыльцо, чтобы посмотреть, кто это вызвал приступ гнева ее собаки. Костя недолюбливал Люсинду (очевидно, это чувство было обоюдным), и сейчас ему особенно не хотелось с ней общаться, поэтому, надеясь остаться неузнанным, он юркнул в ближайший проулок, искренне сожалея, что кусты за забором не разрослись еще достаточно густо.

Томкина дача темнела в глубине участка. Костя осторожно, без стука, открыл калитку и, стараясь, чтобы под ногами не скрипел песок, приблизился к крайнему окну (он знал, что там Томкина комната) и негромко постучал по стеклу, моля Бога, чтобы проснулась Томка, а не ее родители.

В просвете между занавесками появилось бледное и испуганное кругленькое Томкино лицо. Она напряженно вглядывалась в темноту, потом, узнав Костю, открыла окно и высунулась, придерживая руками широкую горловину просторной ночной рубашки.

— Что случилось?

Костя сел на подоконник и шепотом рассказал Томке, что произошло сегодня вечером в лаборатории.

Она сокрушенно покачала головой и тихо сказала: «Ну как ты мог такое подумать на меня,

Костик?».

— А помнишь, ты еще пошутить хотела?

— Да не хотела я пошутить. Это так, к слову пришлось… — Томка шмыгнула носом.

— А кто мог?

— Не знаю… Если честно… Ну мы же нормальные люди… Никто не мог.

— Но ведь и я сам не мог себе навредить… Я же не кретин все-таки… Ну, ладно… Только не реви… Извини, что разбудил.

— Вот Филимон обрадуется, — неожиданно произнесла Томка.

197… Июль. Суббота

Утром Костя проснулся позже обычного, не чувствуя себя отдохнувшим. Побаливала голова. В доме стояла непривычная тишина. В саду — тоже. Он выглянул в окно. Светка, облачившись по случаю исключительно солнечного утра в ярко-красный купальник, ковырялась в огороде.

— Привет труженикам полей! Дождичка не предвидится?

— Физкультпривет! — отозвалась Светка. — Типун тебе на язык…

— А наши где?

— Наши давно на озере. Питайся и пойдем.

— Пойдем-то пойдем… Только я сначала… Свет, не обижайся, ладно? Надо кое к кому заскочить…

— Опять — двадцать пять.

— Ну в связи с этой пропажей…

— Не понимаю, почему ты так переживаешь. У вас же из института не вынесешь ничего. Все найдется в понедельник.

— Знаешь, я же все перерыл. Исчезновение

налицо. А восстановить — едва ли возможно. Я даже не представляю, как это можно сделать. Литературу по пятидесяти источникам собирал…

— Я говорила тебе, что ты когда-нибудь погоришь на своей неаккуратности. Хочешь ценный совет? Зайди к Дмитрию Владимировичу. Во-первых, раз уж такое случилось, он должен быть в курсе. А во-вторых, он хоть и старый, но вовсе не маразматик. А это как раз тот случай, когда его жизненный опыт может пригодиться. А вообще как знаешь… К обеду придешь?

— Приду, конечно. — В голосе Кости однако не чувствовалось уверенности. — Куда я денусь?

— Поешь хоть. Оладьи на столе, клубника на блюдце под полотенцем, — сказала Света снисходительно. — И не забудь запереть дверь.

Чтобы унять головную боль, Костя сварил себе кофе, съел без особого удовольствия несколько оладий. Поел клубники, уже пустившей сок, отчего палоцы стали липкими и розовыми.

Когда, облизывая пальцы, Костя вышел в огород, Светы уже не было — похоже, она все-таки обиделась и прямо так, в купальнике, не заходя в дом, отправилась на пляж.

Действуя в соответствии с не раз слышанным правилом: «Выслушай, что говорит жена, и посту-

пай наоборот», Костя и не подумал идти к Д. В. — к этому визиту нужно еще внутренне подготовиться. А начать следовало бы с Боба Мамалыгина — благо он живет практически рядом, всего через два дома от них. Боб — парень ушлый и вполне может дать дельный совет, если, конечно, сам не замешан в исчезновении злополучного графика.

На «ранчо» Боба разрешалось заходить без приглашения и предупреждения в любое время суток. Калитка, без каких-либо запоров, свободно болталась в обе стороны. Дверь наполовину застекленной веранды была приоткрыта. Входя, Костя споткнулся о гантели, валявшиеся на полу среди опилок, и, поджав ушибленную ногу, тихо выругался. Боб всегда чем-нибудь увлекался. В данное время культуризмом. Поэтому повсюду у него были разбросаны тяжеловесные символы его нового хобби — гантели, гири, блины от штанги. Даже в лаборатории у него имелась двухпудовая гиря.

— Это ты, Костик? — Боб отличался невероятным умением угадывать человека по малейшему производимому им шуму. — Поднимайся, — его голос доносился откуда-то сверху.

Держась за стенку и прихрамывая, Костя вскарабкался в темноте по довольно крутой, без

перил, лестнице. Боб, лоснящийся от пота, стоял в маленькой комнатке и ритмично растягивал некое сооружение, напоминающее гигантский эспандер. Нижний конец снаряда Боб прижимал ногами, а верхний крепился к своего рода коромыслу, которое держалось на его плечах.

— Что случилось, Костик? — не прекращая качаться, ласково спросил Боб.

— Да вот.. — и Костя снова рассказал свою историю. — Как ты думаешь, кому это могло понадобиться?

— Ты еще спрашиваешь? ЦРУ, мой дорогой, ЦРУ! Кому же еще нужны наши паршивые диссертации? Во всяком случае, не народному хозяйству.

— Кто же тогда у нас шпиён? — Даже сейчас Костя не мог без улыбки слушать Боба и против своего желания подхватил его тон.

— Да кто угодно. Уборщица, например. Ты видел, в какой болонье она щеголяет вне стен института? Не по зарплате, друг мой Костик, не по зарплате. Или Д. В. — его могли завербовать в первую мировую войну, поскольку во время Великой Отечественной он и носа из Казани не высовывал. А умная Ираида? Как она чешет по-английски! С чего бы это? А Бергенсон, милейший и тишайший Исаак Моисеевич? У него двоюродная

тетка за границей! Или возьми нашего уважаемого Филимона. Типичный резидент! Откуда у него опережающая информация? Он ведь всегда все знает заранее. Когда еще никто ничего не знает. Небольшая делегация на конгресс в Токио. Академик Н. из Оптического института, профессор В. из Физтеха и наш Фнлимоша, хотя он всего лишь скромный катээн, да еще по другой тематике. А ведь и у нас, слава Богу, академиков хватает…

— Но при чем здесь опережающая информация?

— Да при том, что он за полгода до официального приглашения с японским разговорником разгуливал…

Костя погрустнел. В глубине души он ждал серьезной моральной поддержки, а не откровенного ерничества. Впрочем, Боб это Боб.

— Что ты мне посоветуешь?

— Не возникать, голубчик. — В голосе Боба прорезались умело скопированные интонации шефа. — А вообще надо избавляться от комплексов. Сходи к Д. В., если тебе так неймется…

Похоже, Костя чего-то недопонимал в этой жизни. Он не мог, например, объяснить ту на-

стойчивость, с которой ему рекомендовали просить помощи и совета у старого шефа. Даже Светка, которая видела Д. В. от силы дна раза в жизни и в институтских делах мало что смыслила, и та настойчиво посылала его каяться шефу. И это несмотря на его глубокую, как Косте казалось, старость и фактическую недееспособность. О каком научном руководстве лабораторией можно говорить, если информацию шеф получал не из специальной литературы, а из уст Филимона? Настораживало и другое: те, кто были в курсе Костиных неприятностей, так или иначе упоминали имя Филимона (кроме, разумеется, Светки, но зато включая и совсем еще зеленую Томку) и ненавязчиво предостерегали Костю. Но Филимон был Костиным руководителем, к работе относился с интересом и благожелательно. Во всяком случае, так было вначале, О том, что Филимон мог войти в измерительную и без Костиного ведома взять график и несколько страниц рукописи, даже подумать было трудно. Зачем? Все, что нужно, Костя и так показал бы Филимону и обсудил бы с ним.

Разумеется, зайти к Григорию Федоровичу просто необходимо, хотя бы для соблюдения субординации: чтобы поставить его в известность о

происшествии. Но сначала Костя решил нанести визит Бергенсону.

В научных исследованиях тот не участвовал, но работал в лаборатории с первых послевоенных лет, когда институт реэвакуировали из Казани. Исаак Моисеевич занимал должность старшего инженера. Это был человек другого, нежели Костино, поколения, бывший фронтовик. Но на правах постоянного партнера по шахматам (Бергенсон чаще всего проигрывал, но в бой бросался с юношеским азартом) Костя мог позволить себе заглянуть к Бергенсону в выходной и, как он считал, поговорить достаточно откровенно.

Участок Бергенсонов производил впечатление кукольного королевства. Вокруг покрашенного веселой желтой краской небольшого домика с верандочкой, празднично блестевшей ромбовидными цветными стеклами, располагались аккуратные, невероятно ухоженные прямоугольнички грядок, нежно зеленевших листьями салата, топорщившихся перьями зеленого лука и желтыми соцветиями пустившегося в рост укропа. Каждый кустик клубники опирался да специально воткнутую Y-образную ветку, чтобы

ягоды не лежали на земле. За домом шелестели листьями низкорослые, молодые еще яблоньки. А перед крыльцом раскинулся маленький — чуть больше метра в поперечнике — бассейн, бортики которого хозяева выложили старательно подобранными серыми камнями. Около бассейна стояли две небольшие желтые скамейки, между которыми торчал вкопанный в землю круглый одноногий стол с шахматной доской: помимо игры с партнерами, Бергенсон увлекался шахматными задачами, некоторые из них он составлял сам и очень гордился, если их удавалось опубликовать в юношеских журналах. Вергенсоны, как известно было Косте, жили в огромной перенаселенной коммунальной квартире, и классические шесть соток стали для них своего рода отдушиной.

К дому вела посыпанная битым кирпичом дорожка, по обе стороны которой поднимались цветы.

На ступеньках крыльца сидела жена Бергенсона Фая и затянутыми в хирургические перчатки руками перебирали чернику. Все считали, что жена у Бергенсона красавица. Фая и в самом деле была хороша: точеное лицо, изящные ухоженные руки, матово-смуглая без малейшего изъяна

кожа, пышные черные волосы и синие глаза. Фая казалась Косте ровесницей, хотя она заведомо была старше. Но говорят, что настоящая красота возраста не имеет. Любила ли она своего мешковатого и давно облысевшего Бергенсона, никто не знал, но, безусловно, гордилась причастностью своего мужа к миру науки. С друзьями и коллегами мужа была неизменно вежлива и предупредительна. Исаака же Моисеевича, которому почти в каждой публикации, выходящей из стен лаборатории, расточали фимиам типа: «Авторы считают своим приятным долгом выразить глубокую благодарность…», считала серьезным ученым. Работала Фая в зубной поликлинике, где имела репутацию неплохого стоматолога, говорили, что она лечит «без боли». Так ли это, Костя затруднялся сказать, зубы у него пока не болели, но Света по протекции Бергенсона как-то лечилась у Фаи и осталась весьма довольна.

Костя по своему обыкновению смутился при виде Бергенсоновой супруги и спросил, где в данное время пребывает Исаак Моисеевич.

— Сашенька, — пропела она, — к тебе гости…

— А, это вы, Костя… Милости просим. Пойдемте в дом. На улице слишком жарко. — Бергенсон показал на влажный носовой платок, прикры-

вавший его лысину.

Костя поднялся на веранду Первое, что ему бросилось в глаза, — шахматная доска с позицией, очень похожей на ту, что стояла на доске около игрушечного бассейна.

В доме, на «своей территории», Исаак Моисеевич казался немного хитроватым, а может быть, чуть ироничным, во всяком случае, не столь предупредительно покладистым, каким он был на работе.

Маленькая комнатка, куда пригласил Костю Бергенсон, дышала прохладой. Недавно вымытый крашенный пол блестел непросохшими полосками воды. Выходившие на теневую сторону раскрытые окна затягивала тончайшая зеленоватая капроновая сетка. Стол украшала ваза с огромными садовыми ромашками.

— Как жизнь молодая? — спросил Исаак Моисеевич, снимая с лысины нагревшийся платок. — Вы чем-то озабочены… Или мне показалось?

Слушая Костю, Бергенсон задумчиво покачивал головой.

— Если кто-то взял, то надо думать, кому это нужно?

— Мне кажется — никому… Мне бы лично и в голову не пришло.

— Эх, Костя, Костя… Мне бы ваши годы, вашу энергию и здоровье ваше, тему бы, как у вас, например, или любую другую, какую дадут, и я бы тоже написал диссертацию, пальчики оближешь…

А Исааку больно, вдруг мелькнуло у Кости. До сих пор он жил в мире, где существовала некоторая заданность. Предопределенность судьбы, что ли. Что на роду написано. Одному — быть профессором и стричь купоны, когда в науке ты уже ничего не можешь сделать. Другому — лаборантом, не помышляющим о генеральских погонах. Как Томка, например. Или сидеть на ставке механика всю жизнь. Или на инженерной должности. Без малейших перспектив. Просто находиться у врат науки, куда могут войти другие. Богом что ли отмеченные или имеющие пригласительный билет. А ты им прислуживаешь; установочку — пожалуйста, измерения — рутинные, разумеется, — сделайте одолжение. Тома, Катя. Машенька вам помогут. Обслужат. Кафтанчик подадут. Может быть, сапоги с усталых ног стянут. И должны быть счастливы при этом: не кому-нибудь, а Ее Величеству Науке прислуживают. Ну вот Томке,

например, кажется, что вся жизнь у нее впереди, успеет и научиться чему-нибудь, тогда, может быть, и ее в науку втащат. Верность институту у них уважают. И что Бергенсону остается? До самой пенсии помогать зеленым юнцам, пороху не нюхавшим, делать диссертации? А он чем хуже? Да, физмат еще до войны окончил, успел учителем физики поработать. И на заданную тему вполне сносное сочинение мог бы написать. Дайте только тему…

— Ну что вы, Исаак Моисеевич, вы же прекрасный специалист. На вас же все наши физики только и держатся.

— Так-то оно так… А что касается вашей пропажи, если вы, конечно, сами никуда не засунули, — Костя энергично замотал головой, — то, может быть, кто-то взял без злого умысла, по недомыслию… Понадобилась бумага…

— Кому она могла понадобиться?

— Да кому угодно…

Костя почему-то вспомнил сентенции Боба относительно шпионов ЦРУ.

— Надо же смотреть, что берешь…

— Вот именно… Это только одна версия. А вообще, Костя, вы успешно работаете, не жалея сил, как теперь говорит молодежь, вкалываете.

Кому-то может не понравиться ваш темп.

— Кому, например?

— Вот об этом вы сами должны подумать.

— Но не Филимону же…

Бергенсон вынул из покрытого крахмальной накидкой комода чистый носовой платок и вытер им лицо и шею.

— Я вам ничего не говорил, Костя. Но вот посудите сами. Григорий Федорович — катээн, Ираидочка — химик, кандидат, несмотря на молодость. Остальные работают, но медленно, не торопясь. Вы же уверенно тянете на «физмат наук». В некотором смысле это более престижно.

— Ну естественно, — согласился Костя.

— И ваша монография… Это весьма существенный момент. Ею заинтересуются там… — Бергенсон показал в неопределенном направлении, имея в виду, очевидно, североамериканский континент. — Болитано — это фигура… И вы отдаете ему должное. И книгу вашу, возможно, захотят издать и там…

— И вы хотите сказать, Исаак Моисеевич, что Филимон меня таким образом может остановить?

— Повторяю, Костя, я вам ничего не говорил. Я просто думаю, что если ваши бумаги похитили,

то едва ли вы их найдете.

У Кости пересохло в горле. Он заметил на комоде банку с настоем ленивого, напоминающего медузу, «чайного гриба».

— Можно попить? — спросил Костя, облизывая губы.

— Конечно… Фаечка!

И Фая тут же появилась со стаканом холодной кипяченой виды. Она была уже без хирургических перчаток, в голубом сарафане, открывающем ее роскошные плечи.

Евгения Романовна, профессорша, подтянутая дама неопределенного возраста, в полотняном платье спортивного покроя и эстонской кепочке с пластмассовым козырьком, трудилась, сидя на корточках, в огороде. Там, среди прочей традиционной зелени, выделялись высокие, увенчанные зонтиками стебли борщевика. Как поговаривали в лаборатории, профессор был посажен на особую диету, которую для него специально разработала супруга. Видимо, рациональное питание несколько тяготило Д. В., поскольку в лаборатории, когда ему преподносили стакан крепкого чаю (вопреки домашним инструкциям!), он с откровенным

удовольствием попивал чаек, не отказывался и от «а ля шефа», как называли в лаборатории коктейль, а точнее, настойку на остатках неизрасходованного и припрятанного спирта. «А ля шеф» был одной из славных и стойких лабораторных традиций, его регулярно приготовляли и употребляли по случаю любых торжеств.

Увидев Костю, Евгения Романовна несколько тяжеловато выпрямилась, отложила в сторону маленькую детскую лопатку, служившую ей садовым инструментом, и вытерла тряпочкой испачканные землей руки. Поздоровавшись, Костя извинился за вторжение и поинтересовался, дома ли Дмитрий Владимирович.

— Да. Проходите, пожалуйста. Я провожу вас.

Шеф, в вышитой косоворотке, не выглядел замученным жарой. Костю он встретил, как всегда, ласково.

— Проходите, голубчик, присаживайтесь…

Только Д. В. с Женечкой, так шеф называл свою супругу, умудрились не превратить домик в садоводстве в своеобразный склад разношерстной, ненужной в городе мебели, а внесли туда солидный профессорский уют, корнями уходящий в далекое и незнакомое Косте прошлое. В доме Д. В. все было основательно, как бы рассчитано

на века.

Костю пригласили на веранду, служившую, по-видимому, летним кабинетом Д. В., и усадили в глубокое кожаное кресло.

— С чем пришли, голубчик? — И, не давая Косте ответить на вопрос, Д. В. обратился к супруге. — Женечка, не соберешь ли ты чаю?

Евгения Романовна понимающе кивнула.

Не прошло и десяти минут, как она, постучав в дверь, появилась на веранде с подносом, где стоял пузатый заварочный чайник, два стакана в потемневших от времени серебряных подстаканниках и небольшая тарелка с ломтиками «сезонного», как объяснила хозяйка, черничного пирога.

Профессор поцеловал Женечкино запястье.

Рассказ Кости, который Д. В. слушал, не перебивая (временами он отпивал глоток из своего стакана), возымел довольно странное действие. Во всяком случае, Костя ожидал иной реакции. Отошедшие в прошлое суровые годы оставили Д. В. с репутацией либерала и по мере возможностей заступника несправедливо обиженных. Говаривали, что после печально известной сессии ВАСХНИЛ он взял к себе в лабораторию (на должность не то механика, не то лаборанта) кого-то

из потерявших работу «вейсманистов-морганистов». Старожилы видели даже помеченные грифом секретности институтские отчеты за те годы: Д. В., оказывается, разрабатывал тему (разумеется, закрытую) о биологическом действии ионизирующего излучения. Трудно сказать, означала ли эта тематика определенную степень гражданского мужества Д. В. — с одной стороны, физикой у нас во все времена заправляли достаточно умные и дальновидные люди, с другой — то, что делали физики, было очень нужно властям.

Для Кости явилось полной неожиданностью, что Д. В., лауреат Сталинской премии и вообще гордость института, повидавший в жизни такое, о чем Костиному поколению и в голову не приходило, крайне встревожился. Он встал. Костя тоже попытался приподняться из своего глубокого кресла, но был остановлен: «Сидите, сидите, голубчик…» Д. В. отпер маленьким ключиком резную дверцу старинного серванта и извлек оттуда бутылку французского коньяка и две серебряные стопочки.

— Между прочим, это отличное средство от всех жизненных неприятностей. Коньяк в доме нужно обязательно иметь — на черный день. Послушай-

те старика. В крайнем случае — хорошую водку.

Шеф осторожно налил по стопочке, убрал коньяк в сервант и сказал: «Ну что же… С Богом…»

— А теперь к делу. Это очень серьезно, Константин Иванович. Очень. Если в этом разбираться, то прежде всего встанет вопрос о нарушении вами режима секретности.

— Но я ничего не выносил из института и ничего не разглашал.

Д. В. кивнул, останавливая Костю.

— Не в этом дело, поверьте мне, голубчик. Вы же работаете в исключительно режимном институте. И об этом не следует забывать ни при каких обстоятельствах. Уверяю вас, не я выдумал подобные правила, но ваша диссертация, казалось бы, плод исключительно вашего труда, не может считаться вашей собственностью.

— Но почему же? — удивился Костя.

— А потому, голубчик, что и в диссертации, и в монографии вы использовали закрытые для широкой публики материалы. И все это в пропавших листках содержалось. С точки зрения спецотдела, вы нарушили инструкции. С режимными органами, знаете ли, шутки плохи.

— Но у меня на самом деле нет никаких секретных данных…

— Это неважно, голубчик. В другое время за такие дела по головке не погладили бы.

И хорошо, если голова на плечах уцелела бы. Не так давно, знаете ли, у нас все листы в рабочих тетрадях были пронумерованы, И слово «уран» ни писать, ни произносить не разрешалось…

— Это уж слишком, Дмитрий Владимирович, — произнес Костя, — это же абсурдно. Как же тогда работать?

— Как и прежде, до первого эксцесса, голубчик. До первого. А им является ваше происшествие. Вы кому-нибудь об этом рассказывали?

Костя помялся.

— Я спрашивал, может быть, кто-нибудь случайно зашел в комнату и взял эти листы и график… Случайно.

— Константин Иванович, голубчик, ну посудите сами, может ли кто-нибудь случайно зайти в закрытую комнату — ее еще и отпереть нужно. И взять — опять-таки случайно — несколько страниц из рукописной научной работы?

Д. В. покачал головой.

— Кстати, была ли ваша комната опечатана?

— Нет, мы этого никогда не делали. Понимаете, Дмитрий Владимирович, у меня первая реакция сработала: спросить, не брал ли кто-нибудь.

— Реакция, конечно, вполне естественная, но не в режимном институте. Если дело начнут раскручивать, то есть если официально объявить о пропаже, то могут быть очень большие неприятности.

— Значит, не искать?

— Нет, почему, же? Искать, но молча. О таком деле просто неприлично рассказывать всем и каждому.

— А если это… — Костя помялся, вспомнив версию Боба, — дело, предположим, рук иностранной разведки?

— Разведки? Едва ли… Научный шпионаж идет по другим темам. А у вас при всем при том, голубчик, работа все-таки секрета не представляет и скоро будет опубликована. Она даже не принципиально новая. И оборонного значения не имеет. Хотя, конечно, всякая информация может быть использована по соответствующему назначению. Шпионаж — едва ли, — повторил шеф.

Но Костя заметил, что Д. В. не на шутку разволновался. Его пергаментно-бледные щеки заметно порозовели. Впрочем, может быть, это просто от коньяка.

— Честно говоря, голубчик, я даже не знаю, что теперь делать. Единственно возможный совет

— не пороть горячку. И ни с кем эту пропажу больше не обсуждать. А впрочем… Проконсультироваться с Григорием Федоровичем я вам настоятельно советую.

Д. В. предложил еще чаю, но Костя поспешил проститься, сославшись на Свету, которая его ждет. Профессор вежливо проводил Костю до калитки.

Возвращаясь от Д. В., Костя почему-то подумал, что предстоящая встреча с Филимоном ничего хорошего не сулит. Тем не менее он сделал небольшой крюк и прошел мимо дома Филимона. И с облегчением отметил, что серой «Волги» во дворе не наблюдалось. Следовательно, хозяин скорее всего отсутствовал.

Через ограду своих шести соток Костя заметил трехколесный велосипед сына с широкими красными шинами, стоящий около крыльца. Значит, с озера уже вернулись.

На веранде теща кормила Димочку.

— Здравствуйте, Елена Алексеевна. Привет, ребенок! А где Света?

— У себя наверху, — сухо кивнув, сказала теща.

Димочка насупленно посмотрел на отца, при-

открыв измазанный киселем рот.

Костя стал подниматься по лесенке, ведущей в их «светелку». Похоже, в его отсутствие что-то произошло.

Светин вид, холодный и отчужденный, подтвердил Костины предчувствия.

— Привет!

Света промолчала.

— Извини, я, правда, не успел на озеро… Так и не искупался…

Света пожала плечами и отвернулась к окошку.

— Вы что, уже пообедали?

— Нет, тебя ждали… — В голосе жены чувствовалась неприкрытая ирония.

— А что стряслось? Ты с мамой поссорилась?

— Сам прекрасно знаешь, что случилось…

Теперь пожал плечами Костя.

— Допустим, мы интеллигентные люди, — медленно произнесла Света, — но врать-то зачем?

— А кто у нас, извините, врет?

— Поднял панику из-за своих дурацких листочков — мол, в институте задержался. А сам целый вечер болтался по поселку. И тебя видели.

— Ах вот оно что!

Ай да Люсинда! Заметила и не преминула до-

ложить и заложить. Браво! Ах, она мужа подруги видела поздно вечером, спешившего в сторону, противоположную дому. Черт бы побрал эти коллективные садоводства, где каждый шаг на виду!..

Надо сказать, что в последнее время отношения Кости с женой складывались не совсем гладко. Света отчаянно ревновала Костю к той институтской жизни, которая была скрыта от нее, Костя пропадал на работе, а денег, увы, кот наплакал. Если бы не сбережения Светиного отца, умершего два года назад, им бы не видать дачи как собственных ушей. Своими силами домик им было не поднять. Так и жили бы в палатке на голом участке — как Боб Мамалыгин в героическую эпоху освоения садоводства. Сделать мужественный жест и поехать во время отпуска куда-нибудь на шабашку — так у них поступали многие, тот же Боб к примеру, — Костя не мог себе позволить: монография. «Есть у меня мужик или нет...», — грустно говорила временами Света.

Эта ее ревность «не по делу» всегда раздражала Костю. Что он — из породы тех мужиков, что с первой встречной могут изменить родной жене? И почему какой-то случайной Люсинде, всем известному треплу, она верит больше, чем

собственному мужу? Светкино возмущение породило в нем ответную волну.

— Извини, — сказал он сухо. — Я, конечно, догадываюсь, кто поделился с тобой соображениями о моей нравственности. Я действительно был на работе допоздна. Как сердце чуяло… С рюкзаком вернулся. Мы с Генкой и Ираидой — ты ее знаешь — вместе искали. Но я не желаю, чтобы ты устраивала мне какие-то проверки. Или ты мне веришь, или нет… Выбирай. А после приезда в поселок я очень хотел заглянуть к кому-нибудь из наших — вдруг действительно подшутили. Но я только прошел мимо Филимоновой дачи — все-таки он мой шеф! А его дома не было, судя по машине, как и сейчас. И в окнах темно.

Про визит к Томке он не сказал. Удержался. Осознал чуть ли не шестым чувством, что тогда для Светы не существовало бы никаких аргументов. Вот и пришлось оставить при себе эту маленькую тайну.

Света повернулась и пристально посмотрела на мужа.

— В самом деле?

— Представь себе! А я, грешным делом, думал, что моя жена мне доверяет. — Эти слова получились убедительно горькими, они-то и растопили

лед.

Света покачала головой и положила руку на Костино плечо в знак примирения.

— Пойдем, покормлю тебя. Мы-то с мамой уже пообедали.

— А меня у шефа пирогами с черникой угощали. Д. В. даже рюмашечку поставил.

— Ну, это нам еще предстоит. И пироги, и рюмашечка.

— Каким образом?

— Вечером мы приглашены к Симоновым.

— Может быть, без меня?

— И не думай. Если я приду одна, пересудов не оберешься.

— А по какому поводу у Симоновых прием? Ничего не говори, я сам догадаюсь. Где календарь? Может быть, сегодня день взятия Бастилии?

— Мимо, — засмеялась Света.

— Тогда именины любимой собаки.

— Не угадал. Всего лишь седьмая годовщина их с Никитой свадьбы.

— Это, конечно, серьезный повод…

Остаток дня до вечера Костя посвятил семье. Было решено освободить тещу от надзора за Димкой. Жара во второй половине дня давила невыносимо. Поэтому втроем отправились на

озеро. Там Света смело подставила и без того загорелую спину жарким солнечным лучам и, спустив бретельки купальника, углубилась в чтение Агаты Кристи — в оригинале, разумеется.

Костя играл с Димкой. Рыли каналы и строили крепости из песка. Но желаемого контакта с сыном у Кости не получилось, хотя смешно было ожидать какого-то понимания от ребенка. Димка капризничал: папа строит из песка не то и не так, как бабушка. Димкина слезливость доканала — вот, что значит тещино воспитание. Впрочем, виноват сам — запустил сына с этой проклятой диссертацией. Элементарно проглядел. И уж совсем стало горько, когда он вспомнил, что и диссертацию вполне может проглядеть…

Супруги Гурко несколько опоздали. Гости в основном уже собрались. На крыльце маячил загорелый до медной красноты Боб Мамалыгин, в шортах и рубашке навыпуск, раздувавший угли в самоваре. Неподалеку от клумбы с гладиолусами виднелась отполированная лысина Бергенсона, который беседовал с Умной Ираидой. Волосы у Ираиды по обыкновению были заплетены в косу, перевязанную в тон сарафану розовой лентой.

Фаечка Бергенсон осматривала под руководством Люсинды огород. Костя издали заметил ее эрмитажной красоты профиль и поднятые в высокой прическе, открывавшей шею, волосы.

Бергенсон не без удовольствия поглядывал на супругу.

Праздник предназначался, что называется, для среднего звена, люди типа Филимона не входили в число близких друзей или знакомых Симоновых, равно как и зеленая еще поросль — вроде Тамары Мальковой.

Гостям подавали фирменный коктейль «Черный кот» (на базе институтского спирта). Вынесенный на воздух стол был уставлен пирогами с разнообразной летней начинкой — ревень, малина, черника. Пироги, надо отдать должное Люсинде, сегодня прямо-таки таяли во рту. Женщины наперебой интересовались секретами приготовления теста. Но, по-видимому, Люсинда немного не договаривала — Свете, по крайней мере, воспроизвести что-то подобное никогда не удавалось.

Подойдя к Косте с простеньким (дачным) бокальчиком, из которого торчала соломинка, Люсинда светским тоном — будто это не она вчера вечером выслеживала его — осведомилась:

— Ну как, удалось что-нибудь найти?

— Что именно? — столь же светски поинтересовался Костя.

— Что там у вас в лаборатории увели?

— Что с возу упало, то пропало, — нежно произнес Боб Мамалыгин.

На невозмутимо красивом личике Фаечки Бергенсон мелькнула тень интереса.

— Ничего серьезного, — сказал Костя.

— Ну не скажите, — сказал Боб.

Кто же тут предатель? — подумал Костя. Светка? Ее предательство состоит в том, что он, Костя, не нашел в душе жены сочувствия в трудную для себя минуту. Но едва ли природное достоинство позволит Свете обсуждать дела своего мужа даже с Люсиндой.

Фаечка — та безусловно получила информацию от своего мужа, только и всего. Значит, Бергенсон наболтал? А он весьма осторожен, если не сказать труслив. Как же он воевал? Интересно, его брали с собой в разведку?

Или Боб? Уж этот-то — трепло порядочное.

Когда Светха пустилась обсуждать какие-то сельскохозяйственные проблемы с Фаечкой, Костя подошел к Ираиде, крутившей в руках бокал с недопитым коктейлем.

— Мне кажется, что слишком много внимания привлекает эта моя пропажа, — тихо сказал он.

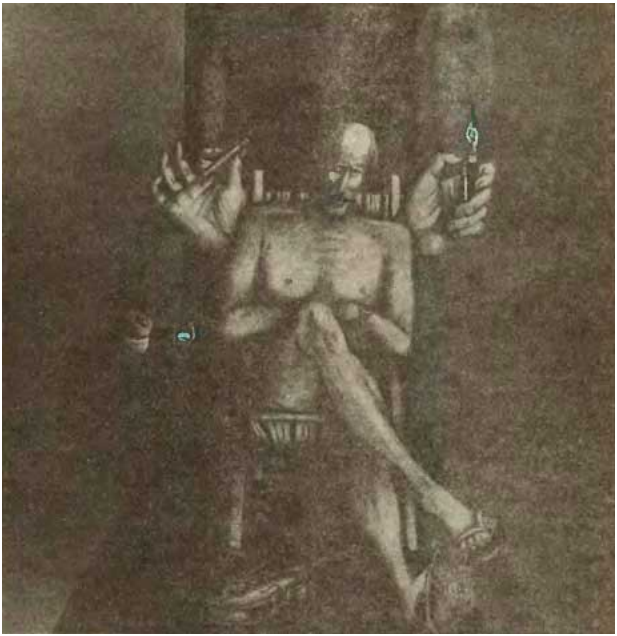
— Ну, в этом ты сам немного виноват.

— ДэВэ очень обеспокоен, даже испугался…

— Его можно понять. Он все-таки зависит от Филимона и боится его.

— Ну да?

— А ты не знал? Святая простота… От Филимона можно чего угодно ожидать. Он вроде черного ящика. У меня ведь тоже был конфликт с Филимоном перед самой защитой. Он вдруг взял и написал от имени лаборатории отрицательный отзыв. Черным по белому. Дескать, мои результаты не вызывают доверия. Правда, в конце положенные слова имелись: соискатель, мол, заслуживает искомой ученой степени. Но главное-то было сказано раньше. Ученый совет, конечно, всерьез этот документ не принял — Филимона здесь знают. И мою работу тоже… Но ведь он куда угодно может написать, в том числе и в ВАК. Пока проверят, сколько воды утечет. Москва далеко… Может, чем-то ты его задел?



...Вечер прошел довольно весело. О Костиных бедах больше не вспоминали.

И Света не дулась, ее настроение заметно улучшилось под действием «Черного кота».

197… Июль. Воскресенье

В воскресенье с погодой тоже повезло. На озеро отправились всем семейством. Правда, Елена Алексеевна, боясь, что Димочка перегреется на солнце, довольно скоро с ним ушла. Костя со Светой хорошо поплавали, потом долго лежали, тяжело дыша, уткнувшись подбородками в песок. Было тихо, спокойно, и вчерашнее ощущение Светкиного предательства казались Косте чем-то вроде ночных страхов, проходящих с первыми петухами. Светка была рядом, совсем своя, да нет, просто своя. Костя ощущал ее частью себя.

Возвращаясь домой, они проходили мимо Филимоновой дачи. На сей раз участок не производил впечатления вымершего. На лужайке — Филимон не разводил никакого огорода, только у забора топорщилось несколько ягодных кустов, символическая дань кооперативному садоводству — была натянута сетка, около которой резвились, играя в бадминтон, какие-то молодые люди в шортах. В глубине незапертого гаража

виднелся автомобиль.

— Надо бы заглянуть — просительно сказал Костя. — И ДэВэ настоятельно советовал.

— Как хочешь. — Света выразительно поджала губы и отвернулась. Сразу повеяло вчерашним холодком.

— Ну, я не долго… Вдвоем как-то неудобно… ты подожди или иди домой, но очень и очень медленно, а, Светик?..

Костя поздоровался. Молодые люди либо не обратили на него внимания, либо сделали вид, что не заметили. Стараясь не мешать играющим, он прошел краем лужайки.

Костя поднялся по ступенькам.

— Григорий Федорович! Можно к вам?

Ответа не последовало. В конце коридора виднелась приоткрытая дверь. Предварительно постучав, Костя робко заглянул в комнату, оказавшуюся пустой.

Костя обнаружил хозяина за домом. Вытянув длинные загорелые ноги, — как и молодежь с ракетками, он был в шортах, — Филимон полулежал в полосатом шезлонге, просматривая какой-то иллюстрированный журнал. Несмотря на почти баскетбольный рост и природную костлявость, он не выглядел тощим, скорее спортивным и

жилистым, как марафонец. При виде визитера Филимон сунул журнал под стопку лежавших на траве газет и поднялся навстречу Косте, которому почему-то подумалось, что спрятанный журнал — скорее всего контрабандный «Плейбой» или что-нибудь в этом роде.

— Приветствую вас, Константин Иванович! Чему обязан?

Филимон улыбнулся, механически, без тени гостеприимства — так мог улыбаться робот, просто потому что это полагалось при встрече.

Почувствовав себя неуютно, — сесть ему не предложили, — Костя постарался предельно кратко объяснить цель своего визита. Филимон терпеливо выслушал гостя. Потом, обнажив в полуулыбке не очень ровные зубы, сказал:

— Знаете, я поначалу испугался, Константин Иванович. Но теперь, признаюсь, у меня отлегло от сердца. Однако поскольку мы не можем, находясь здесь, повлиять на ход событий, давайте перенесем разговор на понедельник. О служебных делах полагается говорить на работе. Ваше дело я принял к сведению. — Филимон снова улыбнулся, на этот раз давая понять, что аудиенция окончена.

Костя непременно почувствовал бы себя опле-

ванным, если бы Создатель наградил его более тонкой душевной организацией. Но все же Филимон в чем-то был прав. О работе надо говорить на работе. Возможно, Костя и в самом деле перегнул палку со своим доморощенным расследованием?.. К черту, пусть хоть судят за исчезнувшую информацию. Забыв, что он просил Свету подождать, Костя медленно пошел по поселку.

В дальнем конце переулка мелькнуло знакомое полосатое платье. Мелькнуло и скрылось за поворотом. Томка, подумал Костя. Зачем она здесь? Догонять свою лаборантку Костя не стал. Если Томка была у него, то не миновать могучей семейной сцены.

Размеры назревавшего конфликта Костя, конечно, недооценил. Еще приближаясь к участку, он услышал яростный рев Димочки. Временами этот плач затихал под влиянием окриков Светы и увещевательных, судя по интонации, реплик тещи.

Когда Костя открыл калитку, Света и Елена Алексеевна дружно замолчали. И Димочка, несколько раз всхлипнув по инерции и растерянно уставясь на внезапно потерявших к нему

интерес взрослых, тоже затих. Едва взглянув на жену, Костя оценил степень ее ярости в десять баллов по шкале Рихтера.

Теща увела Димочку, приговаривая: «Идем, помоем личико и ручки…», а Света, сразу же после ухода матери, достала из кармана халатика сигарету — курение в их доме вообще не допускалось — и демонстративно закурила.

— Что случилось? — спросил Костя, прекрасно понимая — что.

— Ничего особенного. Просто к Константину Ивановичу заходила сослуживица.

— Ираида, что ли? — Костя решил сыграть дурачка.

— Ну отчего же обязательно Ираида? Ты с ней и вчера все обсудил. К тому же вы все ее называете умной. Значит, она, прежде чем действовать, трижды подумает.

Разведка у нас работает будь здоров. Словом перекинуться нельзя, подумал Костя.

— Так кто же?

— Некая Тамара Малькова.

— Ну и что?

— Ее, видите ли, осенила какая-то идея по делу Константина Ивановича. Она очень огорчилась, не застав его.

— А что за идея?

— Она мне не соизволила сказать. Но я поняла, что она в курсе твоих дел. Значит, ты и к ней успел зайти. А мне, подробно пересказывая все визиты, о ней сказать забыл? Это на тему: кто у нас врет.

— Я ко всем нашим заходил.

— Очень на тебя похоже. Плебейство какое!

— А ты у нас, конечно, голубых кровей.

— Неужели непонятно, что лезть ко всем подряд со своими проблемами неприлично?

— Я бы и не лез, но у меня нет выхода.

— Выход, положим, в любой ситуации найдется. Но ты же сам говорил, что никто из них пока не помог тебе. Люди только радуются подобным происшествиям. Все это еще используют против тебя, помяни мое слово. А до ревности к этой… ну, в общем, милой девушке… я не унижусь.

Костя ушел в дом, похлебал в одиночестве холодного свекольника. Димку уложили спать под заунывно-ласковое пение тещи. Затем Елена Алексеевна присоединилась к Свете, оставшейся в саду, и обе занялись, насколько мог судить Костя, глядя из окна кухни, перематыванием шерстяных ниток для вязания.

Он сполоснул свою тарелку — на даче теща

ревностно следила за чистотой, не уставая повторять, как много раз в день «в таких условиях» ей приходится перемывать бесконечную посуду, — потом устало поднялся к себе в душную, несмотря на открытое окно, светелку.

…Родная жена очень мило намекнула насчет плебейского поведения. Но, извините, сама жизнь ставит в такие условия. Если он младшая научная лошадка в упряжке, его в той или иной степени обрекают на плебейство. Правда, Боб Мамалыгин — тоже мэнээс, хотя, по-видимому, плебеем себя не чувствует. Однако убежденному холостяку можно позволить себе аристократизм, когда тебя интересует процесс занятия наукой, а не результат, выход, наконец, материальная отдача… Вот разведутся они со Светкой, и из его стопятирублевой зарплаты будут вычитать четверть, по закону полагающуюся на Димку…

И сразу ему стало жаль не себя, а почему-то Светку. И выйдет она снова замуж. Ну уж нет! Может, послать к черту диссертацию? Пойти туда, где больше платят? В прикладной НИИ? Эти мысли он отбросил. Науку нельзя предавать. И по наивности, прочно привитой ему воспитанием, подумал, что хорошая и честная работа раньше или позже обернется хорошими, так сказать,

адекватными результатами. Хотя бы перед самим собой надо оставаться честным. Если необходимо, — вкалывать еще больше, а дальше все образуется само…

Костя прилег и неожиданно задремал, а проснувшись и спустившись вниз, узнал от Елены Алексеевны, пытавшейся хранить нейтралитет в семейных ссорах, что Света ушла к Люсинде смотреть телевизор. Он ополоснул лицо водой из рукомойника, натаскал воды и осторожно, чтобы лишний раз не привлекать внимание тещи, собиравшей вместе с Димочкой за домом клубнику, выскользнул на улицу.

Старательно обходя знакомые дома и время от времени оглядываясь, как в шпионских фильмах, чтобы посмотреть, нет ли позади «хвоста», он направился к Томке.

И Томка и ее родители ему очень обрадовались. На Томкиной даче отчаянно пахло свежим вареньем, и, несмотря на сопротивление, Костя был усажен за стол, чтобы отведать чаю с черничными пенками.

— Я ненадолго. Меня ждут… Ты чего приходила? — шепотом спросил он, когда Томкины родители оставили их вдвоем.

— У меня возникла гениальная идея. Вспомни,

в пятницу Филимон был без своего знаменитого портфеля, с одной лишь тоненькой министерской папочкой. Значит, если бумаги взял он, они остались на работе.

— Ты что? Серьезно?

— Кроме него, некому.

— Это еще не аргумент.

— Да я не одна… Наши все так считают.

— Ты что, с кем-нибудь говорила обо мне?

— Ну да. Со всеми, — простодушно доложила Томка. — С Бобом, с Ираидой, с Исаак Моисеевичем…

Кто тебя просил?

Губы у Томки по-детски надулись, лицо пошло пятнами, а глаза налились слезами.

— Ну, ладно, — примирительно сказал Костя и погладил Томку по рукаву платья. — Я еще не слышал гениальной идеи.

— А идея такая. — Томка шмыгнула носом. — Надо посмотреть у него в столе.

— Это уж слишком. Никогда не рылся по чужим ящикам.

— А воровать — честно? Ты же сам говорил, что для тебя этот график — вопрос жизни и смерти!

— Не дави на психику.

Томка вздохнула.

— А каким образом ты собираешься осуществить эту… операцию?

— Очень просто, — оживилась Томка. — В понедельник надо прийти пораньше. Только и всего. Еще до уборщиц.

Света лежала рядом, завернувшись в простыню, — в светелке скопилась тяжелая духота, после захода солнца окно открывать из-за комаров они опасались. Ее дыхание почти не слышалось. Может быть, Света и не спала, очень может быть. И тоже думала. О чем?

Костя чувствовал себя невероятно одиноким. И ничего не меняло то, что Светка, неслышно дыша, лежала рядом. Стоило только протянуть руку, чтобы коснуться ее плеча. Но не хотелось ему протягивать руку — словно за милостыней, да еще когда ее скорее всего не подадут.

Сейчас, ночью, проблемы, связанные с пропавшими листками, отошли в сторону. Он понимал, что если листочки действительно украли, то надежды на их восстановление в ближайшее время не оставалось. Это было горько, но сейчас хотелось думать о другом. О Светке. О Димке, хотя о Димке меньше — сын был какой-то абстракци-

ей, и в этом Костя винил тещу, отнявшую у него ребенка. Ну, это поправимо. Хуже другое. Когда он почувствовал, что теряет Свету? Когда лишился ее поддержки? После пожара в Технологическом, когда он сидел дома в бессильной ярости, — сгорела почти готовая диссертация, — Светка была рядом с ним. Она буквально выходила его. В моральном аспекте, конечно. Но теперь история повторилась, и у Светы наступило ожесточение. Будто она поняла, кто рядом с ней. Безвольный неудачник. Плебей. Конечно, хронический неудачник — это нечто малопочтенное. Неудачников не судят — их презирают Или жалеют. Кто во что горазд. Но неудачник — это еще и нечто ненадежное. Для окружающих. Неудачников терпят. Но ими никто и никогда еще не гордился.

…Они поженились около пяти лет назад, когда Костя был аспирантом в Техноложке. Столкнулись на кафедре английского языка, где Света работала лаборанткой.

Им хорошо было вместе, хотя и как-то непривычно. Раньше существовал каждый сам по себе, а теперь их двое. «В старом русском языке имелось когда-то двойственное число, — говорила Света. — Наверно, для супружеских пар придумано — муж и жена…» Хорошо… Весело…

И свободно… Новое, ранее не известное чувство удвоенности. Ты не один.

Нелепый пожар на кафедре перемешал все карты. Перспективная исследовательская группа, подкармливаемая хоздоговорными работами, к которой рассчитывал примкнуть Костя, — она вот-вот должна была пройти утверждение — развалилась, как карточный домик. Восстанавливать диссертацию на пепелище — занятие бесперспективное. Пропало все — и оборудование в первую очередь.

Света героически преодолевала финансовые трудности. Костина аспирантская стипендия и ее зарплата лаборанта — на руки выходило чуть больше полутораста рублей. Потом-Потом Костя искал место, где бы в нем, как в физике-экспериментаторе, нуждались. За это время Света успела стать штатным преподавателем. И довольно скоро в ней появился незнакомый ранее снобизм, постоянные подколы, рассуждения о серости физиков в областях, выходящих за пределы их узкой компетенции. Возможно, это был не просто снобизм, а первые и серьезные симптомы чего-то более грозного. Костя признавался себе, что не знает, просто не может ответить на этот вопрос. Душевная близость их со Светой оказалась химе-

рично-обманчивой.

Потом родился Димка, и Света отошла от внешних служебных проблем, но в доме появилась теща, и как бы далека ни была Елена Алексеевна от пугающего фольклорного образа, единение со Светой, казавшееся Косте главным подарком судьбы, дало серию трещинок…

Утро наступило неожиданно, ворвавшись в тяжелое Костино полузабытье насмешливым звонком будильника. Жизнь, так сказать, продолжалась. Как и тогда, после пожара. Вчера было все, а сегодня — одно безнадежное пепелище. Горький опыт Кости говорил, что ему еще предстоит получить свою порцию дрязг, даже если все обойдется без явного вмешательства спецотдела.

197… Июль. Понедельник

Гениальная идея Томки провалилась. Они походили по пустой, и оттого казавшейся чужой, лаборатории. Потом Костя не без труда подобрал ключи к трем закрытым ящикам письменного

стола Филимона, однако желаемых листочков там не оказалось. Правда, в столе Филимона Томка с Костей обнаружили немало интересного, проясняющего в известной степени характер его хозяина. Например, несколько книг из лабораторной библиотеки, давно и безуспешно разыскиваемых, технические паспорта к микроскопам — тем, что стояли в комнате Кости (без этих описаний новичку с микроскопами было бы и не справиться, а о том, что они покоятся в недрах письменного стола замзавлабораторией никто, естественно, не догадывался). Кроме того, в ящиках лежали старые лабораторные тетради с записями, сделанными не рукой Филимона, связка ключей неизвестного назначения, шахматный конь («Помнишь, Исаак коня потерял и все сокрушался?! — сказала Томка), большая фотография сияющего Генки Арефьева с гитарой на институтском вечере песни (судя по пожелтевшим следам клея, она украшала прошлогоднюю стенгазету) и, наконец, полупустая банка сгущенки с маленьким отверстием в крышке, из которого торчала срезанная наискось соломинка.

Входная дверь лаборатории тихонько звякнула. Костя с Томкой переглянулись и начали лихорадочно запирать ящики.

Тревога оказалась ложной. Выглянув в коридор, Костя увидел там Ираиду.

— А, вы уже здесь! Генка не появлялся?

— Пока вроде нет. Знаешь, мы тут маленький обыск устроили — в Филимоновом столе.

— И как?

— Никак. Но много интересного обнаружили.

— Не сомневаюсь. Стол находок.

— Что-то в этом роде.

— Узнаю Филимона. Впрочем, он не дурак — если и взял у тебя график, то, естественно, здесь его хранить не станет.

— Тома говорит, что он в пятницу без портфеля был.

— Это еще не аргумент. И спрятать можно, где угодно, и унести для нашего Филимона труда не составит.

В этот день не работалось. Костя был совершенно выбит из привычного ритма.

В одиннадцать часов его позвал Филимон.

— Ну как дела, Константин Иванович? Разобрались в своих бумагах?

— Увы, — сказал Костя.

— Мне бы не хотелось приглашать сюда представителей группы режима.

— А почему бы и нет?

— Но тогда вы, Константин Иванович, отвечаете за утерю информации, за несохранение государственной тайны со всеми вытекающими из этой формулировки последствиями. Разумеется, и остальным не поздоровится. Дмитрия Владимировича, при всех его заслугах, от руководства лабораторией могут отстранить… А его здоровье…

— Но страницы похищены, — сказал Костя.

— Это надо доказать. С рукописью имели дело только вы. В комнату тоже входили только вы — у вас даже собственный ключ. И почему-то не запечатывали дверь.

— У нас не принято…

— Очень плохо. Мы же опечатываем помещения, где хранятся спирт и кое-какие препараты. Но я хотел сообщить вам другое. Едва ли ваша книга может выйти в свет. Я получил из издательства письмо с просьбой отрецензировать работу одного из сотрудников Болитано на ту же тему, что и ваша. Издательство склоняется к мысли скорее выпустить перевод этой книги, чем печатать вашу работу, к тому времени она просто устареет. А не подкрепленная книгой ваша диссертация будет выглядеть недостаточно оригинальной. Может быть, вы приналяжете на

собственные эксперименты?

— Но, Григории Федорович, это почти невозможно. Наш ускоритель встал на капитальный ремонт и профилактику.

— Да, положение тяжелое… И командировочные фонды у нас на исходе. Подготовьте мне план работы в свете сложившейся ситуации. А с заявлением в спецотдел мы подождем.

…Ираида ходила взволнованная. Генка Арефьев на работу не вышел.

— Позвони ему домой, — предложил Костя; сейчас было не время лезть к Ираиде со своими проблемами — Он чувствовал необходимость как-то помочь ей. — Хочешь, я позвоню?

В кабинете Д. В., где стоял городской телефон, они набрали Генкин номер. Трубку, по-видимому, не снимали. Лицо Ираиды все больше вытягивалось.

— Ничего не понимаю, — прикрывая микрофон рукой, сказала Ираида. — Татьяна Семеновна обязательно должна быть дома.

Генка вместе с матерью жит в двух комнатах в старинной коммунальной квартире недалеко от института.

— Але, але, — вдруг заторопилась Ираида, видимо, кто-то снял трубку. — Калерия Егоровна,

это вы? Говорят с работы Геннадия. В субботу утром уехал? А Татьяна Семеновна? С утра куда-то ушла? Ей позвонили, и она ушла?

Лабораторная компания нередко собиралась у Генки Арефьева, и старенькую, еле передвигающуюся соседку Калерию Егоровну все знали. То, что она подошла к телефону, могло рассматриваться как чудо. В данном случае пугающее.

— Что-то случилось, — сказала Ираида.

— Что могло случиться?

— Понимаешь, в эти выходные он ходил на байдарках по Вуоксе.

— Ну и что? Он же каждую неделю куда-то уезжает.

Замечание Кости не могло успокоить Ираиду.

Генка так и не появился в лаборатории.

А в конце дня стало известно, что он больше никогда не появится среди них. Его байдарка перевернулась на порогах, и он утонул, разбившись о камни.

Последующие две недели прошли как во сне. Мужскую половину лаборатории (кроме Д. В., Филимона и Бергенсона) освободили от работы. Каждый день ездили на место трагедии искать

тело Геннадия. Ираида рвалась быть вместе со всеми, бросалась то к одному, то к другому, ей мягко, но категорически отказывали — не женское это дело, да и ничем не поможешь. Ираида осунулась, черты ее лица заострились, а губы запеклись и потрескались. Блестя глазами в темных полукружьях, она тихо говорила, что имеет право присутствовать, ей кивали, соглашались, но с собой не брали.

Бывалые туристы, не раз участвовавшие в спасательных операциях, трясясь на институтском разбитом автобусе, специально выделенном дирекцией для поисков, непрерывно курили, утверждая, что так легче, без курева здесь нельзя, и вообще, если можешь, лучше ехать на пустой желудок — все-таки придется иметь дело с трупом, столько дней пролежавшим в воде. Костя много тогда наслушался и накурился изрядно…

Ираиду не взяли, разумеется, правильно: те, бывалые, знали, что говорят. И даже с позиций формальных тоже правильно — все-таки не жена она была покойному Генке. Впрочем, на опознании, когда тело Арефьева привезли в один из ленинградских моргов, она сопровождала Татьяну Семеновну и выдержала удар, который приготовила ей судьба. У Гены была совершенно

разбита голова — его бросило на камни, и один из них оказался особенно острым. Так им объяснил потом эксперт-криминалист.

Костя старался не вспоминать… Перед глазами вставало окаменевшее лицо Боба Мамалыгина с огромными детскими слезами, медленно вытекающими из глаз. Он нырял с аквалангом и первый обнаружил тело погибшего, зацепившееся за донную корягу в более спокойном месте, после порогов.

И похороны в крематории лучше было не вспоминать. Хотя и забывать такое по-человечески непростительно, да и вообще едва ли возможно. Просто он, Костя, впервые в жизни хоронил своего ровесника.

Татьяна Семеновна, поникшая на руках Ираиды и Томки перед заколоченным гробом…

И фотография Генки (ему вообще везло на удачные фотографии), на которой он, с неизменной гитарой, бесшабашно улыбаясь, смотрел куда-то в даль, и казалось, будто он знает что-то скрытое от других. И выглядел он каким-то незащищенным и даже хрупким (перед лицом судьбы?), несмотря на силу и мужество и еще что-то, говорившее о здоровье, тренированности, воле к победе… На поминках крутили старенький магнитофон с

песнями Генки.

После похорон лаборатория совершенно опустела: все пошли догуливать отпуска. Ираида же вообще исчезла. По окончании отпуска она взяла две или три недели за свой счет, а потом и вовсе уволилась, ни с кем не попрощавшись. Говорили, что она переезжает в Москву.

Костя пытался выяснить подробности относительно книги сотрудника Болитано, но этой книги никто не видел в глаза и даже не слыхал о ней. Ни в Публичку, ни в Ленинскую библиотеку, в которую он тоже сделал запрос, ни во Всесоюзный коллектор, куда ему посоветовали обратиться, книга сотрудника Болитано не поступала. Опять вылез Филимон с его опережающем информацией.

Осенью Косте прислали официальное уведомление редакции о том, что в свете предстоящей реорганизации издательства и слияния его с другим, тематика заявленной книги К. И. Гурко не соответствует издательским планам.

А еще спустя три месяца тяжело заболел и слег шеф; когда стало ясно, что до конца из болезни ему уже не выкарабкаться, лабораторию с ее уходящей корнями в довоенное прошлое тематикой попросту расформировали. Разобрали,

что называется, по кирпичикам — сотрудников, пребывавших в большом волнении, рассовали по разным отделам. Филимон же не только сухим вышел из воды, но даже легкого стресса не испытал. Разумеется, получить лабораторию самого Д. В. в столь почтенном институте ему не светило, но сектор в новом институте под Гатчиной он отхватил. И вышел из игры. Судьба же Костиной диссертации — он ведь не числился официально научным руководителем — его совершенно не волновала.

Костя вторично остался у разбитого корыта. В новой лаборатории, куда его определили, предстояло заниматься нейтронным активационным анализом, третье направление в его жизни, которое требовалось заново осваивать, и снова занимать где-то в хвосте долгую очередь среди соискателей кандидатских «свобод». Впрочем, ни о какой диссертации поначалу не шло и речи Прежде нужно было сделать саму работу, собственными руками — от первого и до последнего винтика в установке, которую тоже, как это водилось, предстояло еще слепить из хаоса, а затем вести на ней нескончаемые серии экспериментов. А еще раньше получить тему, то есть взять в аренду кусок неизведанного и перемывать,

перелопачивать, как золотоносный песок, горы информации, пока не попадутся вожделенные крупинки. Да и требования к диссертациям, волею ВАК, ужесточались. Слишком много кандидатов наук развелось в стране.

198... Апрель. Среда.

Костя едва узнал Ираиду. Он нашел ее фамилию в программе конференции и подумал, что увидит осунувшуюся, высохшую женщину — под сорок уже, и лицо ее с отчетливо проступившими скулами, и лихорадочно горящие глаза, как запомнилось по последней встрече — все это обязательно будет напоминать о том печальном событии десятилетней давности, когда холодный бурлящий поток Вуоксы унес из жизни Генку Арефьева.

Но ничего подобного. Ираида не выглядела ни замученной — по крайней мере воспоминаниями, ни увядшей от тоски. Очень модная, без своей косы, современно подкрашенная женщина, с рас-

кованными манерами, доктор наук. Перед ним снова была Умная Ираида, уверенная в себе, свободно говорящая, привыкшая к популярности.

Они расцеловались. В перерыве, сбежав от окружавших ее коллег, Ираида увела Костю в небольшое кафе на Ленинском проспите.

— Рада видеть тебя, Костик. Как наши?

— ДэВэ давно уже нет, — сказал Костя. Ираида кивнула. — И лаборатории тоже…

— Я знаю.

— Остальные — кто где. Лично я у Зайцева. Активационный анализ. Нейтронная интроскопия. Диссертацию наконец-то написал. Может быть, отзыв подмахнешь? Или не по профилю?

— Нет, почему же? С удовольствием.

— А наши… Боб хорошо защитился. Теперь у него группа. И на Чернобыле хорошо поработали. Благодарности получили И по пять окладов.

Ираида покачала головой.

— Знаешь, когда наше государство готово платить пятикратный оклад, то плохо дело.

— Но он как будто здоров. Да и я не жалуюсь. Вместе были.

— Он, как и прежде, убежденный холостяк?

— Да. Хотя и эстет… Очень высокие критерии внешности для лаборанток.

— Узнаю Боба.

— Томка Малькова — помнишь?

— А как же!

— Университет окончила, вечернее, по биохимии. Работает у нас. Замуж так и не выдали. Один раз совсем было на мази дело, заявление в загс подали, а она в последний момент сбежала. А Исаак Моисеевич на пенсии. Инфаркт у него был. Теперь долечивается в кардиологическом санатории.

— А ты сам?

— Я что? Монография, как ты помнишь, накрылась. Снова от нуля начинал. Да ничего. Знаешь, кто это сказал? Физик, он, как кошка, всегда, как его ни кинь, приземляется на четыре лапы. Так и я. Только времени потраченного жалко. И Светку мою никак не убедить было — чуть до развода дело не дошло. Но опять-таки ничего. А она, знаешь ли, раньше меня диссертацию защитила. По английской филологии. Теперь доцент. Я рад за нее, и стыдно в то же время, не поверишь ли, ну разве можно у женщины всю жизнь на шее сидеть, чтобы иметь удовольствие в научные игры играть? Зарплата — сто пятьдесят. Единственная возможность подработать — у нас радиоактивные захоронения время от времени раскапывают.

Даже на территории института… Три дня работы в скафандре — и месячный оклад. Ну, я Светке ничего не говорю, чтобы не волновалась. Сверх этого — только Чернобыль. Парень у нас совсем большой. Дочка еще. С тещей вот съехались, Светка меня уломала. Квартира в центре — прямо барская, потолки четыре с половиной метра.

— У меня тоже дочка, — сказала вдруг Ираида. — Ей скоро восемь.

Умная Ираида оказалась на редкость устроенной дамой. У нее имелась квартира в центре Москвы и муж — известный медицинский академик, довольно молодой еще (или моложавый), с приятной внешностью подтянутый человек. Костя видел его несколько раз по телевидению. И что самое удивительное, старенькая Татьяна Семеновна, мать Генки Арефьева, каждый год гостила у Ираиды, и они еженедельно перезванивались по телефону. Костя не решился первым заговорить о Генке, но Ираида вспомнила о нем сама — оказывается, ей удалось при содействии мужа пробить публикацию статьи в «Ровеснике» к десятой годовщине его гибели. Статью написал журналист, приятель Генки по клубу авторской песни. Там же помещено несколько Генкиных стихотворений…

— На мою защиту приедешь? — спросил Костя.

— Нет, Костик, я позвоню тебе и отзыв напишу, но приехать не обещаю — я с тех пор в Ленинграде так и не была. Не мо-гу, — произнесла она по слогам. — Может быть, когда-нибудь потом…

— А вот про Филимона, — вдруг вспомнил Костя, — ничего не знаю. Как-то пропал он.

— Вовсе нет. Никуда он не пропадал. Он доктор. Правда, технических наук. Кстати, у вас, в Ленинграде — замдиректора. Знаешь, в одном из этих гибридных институтов, формально опекаемых Академией, но финансируемых богатыми отраслями или военными. Усиленно стремится вверх по иерархической лестнице.

Выяснилось, что Умная Ираида, находясь в столице, неплохо информирована о всевозможных закулисных течениях, перемещениях и намечаемых преобразованиях в Ленинграде.

— Слушай, мне до сих пор не дает покоя та пропажа. Помнишь, кривая Болитано и страницы рукописи. Мне все-таки кажется, что это Филимон. Но зачем?

— Господи, какой ты все-таки ребенок, Костик. Где ты живешь? Конечно, не пойман — не вор. Но надо ведь знать Филимона. В науке ты сильнее его. Это бесспорно. И он прекрасно знал твои силь-

ные и слабые стороны. Знал и то, чего ты о себе не знаешь, — о том, например, что твоя диссертация, да еще вкупе с монографией, может потянуть сразу на докторскую. Такие прецеденты бывали, в Физтехе например. И надо было срочно убрать конкурента. Зачем ему, Филимону, выращивать под боком зверя, пусть и не сознающего своих возможностей. И тебя отбрасывают. А ты, не теряя оптимизма, снова начинаешь строить. Знаешь, как говорят, любой человек может написать в жизни одну хорошую книгу. И любой человек может раз в жизни совершить преступление, которое не будет раскрыто. А твое отношение к Филимону — его совершенно это не волнует. Он видит, что отбросил тебя далеко за стартовую площадку — и сделал это достаточно мастерски и профессионально. Ты ведь действительно сбился с темпа, ты же не думал, что бежать-то надо марафон. Понимаешь, слишком много вокруг таких, как наш Филимоша. И бороться с ними поразительно трудно, они удивительно талантливо мимикрируют, паразитируют, приспосабливаются Эти люди — разрушители цивилизации. Кстати, на Западе для твоей темы лет пять назад нашлось практическое применение. Радиационное легирование полупроводников.

198… Октябрь. Суббота

Тускло-пасмурный день незаметно перешел в нудный бесцветный вечер. Не переставало моросить. Компания вышла на проселок и вскоре зачавкала резиновыми сапогами по разбитой, не выдерживающей натиска автомобильного транспорта грунтовой дороге. Садоводство оставалось позади. Домики напоминали Косте людские судьбы — столько раз за эти годы что-то перекрашивалось, переделывалось, некоторые пристраивали веранды, кому-то пришло в голову возвести второй этаж или добавить на участке дощатую хозяйственную постройку — летнюю кухню, какой-нибудь сарайчик. Кое-где некогда сколоченные на скорую руку домишки откровенно нуждались в ремонте. Жилище Бергенсона, после того как Исаака Моисеевича проводили на пенсию, перестало напоминать очаровательный кукольный домик, украшение поселка: краска облупилась, пока Бергенсон приходил в себя

после инфаркта, за искусственным водоем тиком, клумбами никто не следил. Дом Филимона заселили какие-то Филимоновы родственники, приехавшие с Украины. Как ни странно, у большинства владельцев, по-видимому, не осталось то ли сил, то ли желания заниматься хозяйством. Зато зелень пышно разрослась. Отростки малиновых кустов переползали с участка на участок. Правда, сейчас и эти могучие заросли казались устало поникшими, смирившимися с судьбой с приходом долгой безлюдной зимы.

Компания вышла из лесочка. Последний участок дороги когда-то асфальтировали, ко как-то неумело или бездушно — асфальт вскоре растрескался по краям, успел покрыться напоминавшими язвы выбоинами, готовыми лопнуть вздутиями, местами сошел вообще, из трещинок, ранок и ран его выступала тягучая желтая глина.

Иногда их обгоняли машины. Пережидая, пока эти машины проедут, люди отступали на обочину, стараясь уклониться от брызжущей из-под колес грязи. Одна из машин, темносерая «Волга» последней модели, замедлила ход, словно приглашая кого-то подсесть. Вглядевшись, Костя неожиданно увидел в кабине знакомый, будто высеченный грубыми ударами долота профиль

Филимона. И удивился: домик, когда-то принадлежавший Филимону, с начала осени стоял заколоченным, случайный визит самого Филимона с дачи в Комарове был, конечно, возможен, но казался слишком уж маловероятным. Но это был, безусловно, Филимон, его узнали, хотя никто не повернулся, не сделал и шага в сторону машины. «Волга» прибавила газу, скрежетнула коробкой передач и исчезла за ближайшим поворотом.

— Интересно, что он здесь делает? — спросил Костя.

— Все понятно: недаром говорят, что преступника всегда тянет на место преступления, — ответил Боб.

— О чем это вы? — кокетливо улыбнулась Лизочка Тимофееьа. — Этот в берете на машине, что ли, преступник?

— Дитя мое, — проникновенно сказал Боб, мягко беря Лизочку под руку, — это же по-научному, и тебе не понять...

Костя и Тамара переглянулись. Им одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Они замедлили шаг, стараясь отстать от компании.

— Филимона не было на защите, — тихо сказал Костя. — И знать он не знал, что мы на пленер поедем. Приглашали только своих.

— Мог догадаться, — вздохнула Тамара. — Ведь банкеты-то запрещены…

— А ведь это сделал не Филимон.

— Ты прав. Я все эти годы размышляла. Все по полочкам раскладывала. Детективы специально читала. Филимону не обязательно было воровать самому. Это же… Кстати, ты письмо кому-нибудь показывал? Бобу?

— Нет.

— А ты заметил, с каким упоением он толкует о преступниках?

— Заметил. Одного не понимаю, как можно в глаза смотреть после этого? И улыбаться?

Тамара взяла Костю под руку.

— Только ты не мучайся. Дело-то прошлое. Если ему сказать — не признается ведь! А ты, несмотря ни на что, защитился!

Костя печально улыбнулся. Ну, защитился… Можно сказать, после двух фальстартов. И сил больше нет, и науку продвинул чуть-чуть, самую малость. И давно уже называют по имени-отчеству. Того и гляди — на пенсию попрут: возраст, вредность…

— Пойдем быстрей, — сказала Томка. — Скоро электричка.

Догоняя своих, они услышали рассуждения

Боба о телекинезе и космической информации — Мамалыгин старательно клеил новую лаборантку.

— Боб… — Костя окликнул его так громко, что все остановились, и Костя, видя направленные на себя взгляды и побледневшее Томкино лицо, вдруг сказал совсем не то, что намеревался:

— Ну что ты молодежи лапшу на уши вешаешь? Ты же физик! Ну какая там, к черту, космическая информация? Ты же — физик!..

Борис Штейман

Больше всех надо

Детектив

Утром Варей долго не мог встать. Раньше его всегда будила теща. Милая глупая старушка. Уже давно отзвенел будильник, а глаза все никак не открывались. Сквозь полудрему он ощутил затекшую за ночь спину да напряженные расширенные вены на ногах. Снова он опоздает на службу, вяло подумал Варей. А опаздывать нельзя… Он представил хмурый взгляд Никанорыча. Усмехнулся. Никанорыч с удовольствием дал бы ему, Варею, по зубам за опоздания, если бы не был так дисциплинирован и если бы Варей не был так нужен, так, черт его возьми, незаменим! А кругом треск, звон, идет борьба, всеобщая, всенародная, за дисциплину. Везде! А уж у них и говорить нечего, все приходят за полчаса, а иные за час до начала. Соревнуются — кто раньше. Конечно, Варей — случайный человек в Управлении, случайный. И как насмешка ведомства над собой, Варей — один из лучших специалистов. Это говорит за то, что ведомству не чужда самоирония и даже юмор. Так объяснил это Варею Марк, сотрудник вычислительного центра Управления. Тоже, кстати, совершенно случайный человек, даже,

может быть, более случайный, чем Варей. За раскрытые дела Варея иногда поощряют ценными подарками. Вот за последнее незаконченное дело наградили именным будильником. С надписью: «Тебе, славный Варей! От нас». Не без намека, конечно.

Варей наконец спустил ноги с дивана. Последнее время он никак не может выспаться, в этом все дело. У него совершенно расстроился сон. Он превратился после развода в настоящего невротика. Ему приснился бульвар, на котором прошло его детство. Варею никогда не снились места, в которых он проживал сейчас, а только те, из ясно-туманного далека. Один конец бульвара заканчивался станцией метро. Вот там-то и разместились военные машины с солдатами. Все были при деле. Одни быстро развертывали радиостанцию, другие бежали с пакетами и донесениями. Обычная армейская суета. Гражданские лица двумя тоненькими ручейками втекали и вытекали из метро. Варей сидел за рулем огромного грузовика-вездехода и сквозь лобовое стекло кабины наблюдал за происходящим. «Военные взяли верх… или же какие-то странные учения, маневры в центре города», — потом, как обычно, проанализировал он сон, бредя в туалет. Варей

любил раздумывать над снами, видениями и галлюцинациями. Но самое невероятное состояло в том, что его старенькая машина, которую он продал несколько лет тому назад, во время развода, тоже стояла на бульваре, неподалеку, около деревьев. И Варей прекрасно ее видел через стекло. Причем заехать на бульвар и поставить там машину было не просто нарушением, а чем-то до того неслыханным, вопиющим, что и представить-то невозможно Да и заехать туда можно только в одном месте, около метро, так как остальные выходы с бульвара оканчивались ступенями. Но метро отрезано солдатами. «Значит, я поставил машину в неположенном месте раньше, чем начались события», — определил довольный выстроенной логической цепочкой Варей, умываясь.

Варея терпели на службе за уникальное чутье. «В своей прошлой жизни я был охотничьей собакой, поэтому у меня и болят ноги», — каждый раз думал Варей, выходя из дома. Он ненавидел район, в котором теперь жил. Окинул взглядом одинаковые длинные девятиэтажные панельные коробки. И стал смотреть под ноги на темный шероховатый асфальт. Обратно, в центр, дороги не было. Там теперь жили другие люди…

Потом хлопнула дверь кабины, и рядом с Вареем уселся прапорщик и приказал ему разворачиваться. Варей включил скорость и стал медленно подавать машину назад. Было страшно узко. Сзади мешали деревья.

— Давай! Давай! Веселей! — насмешливо подбадривал его прапорщик.

«Мной командует прапорщик! — с каким-то непонятным удовлетворением подумал во сне Варей. — Дожили!.. А с другой стороны, мне вполне может быть лет эдак двадцать?» — резонно предположил он.

Варей до конца вывернул руль. Но не хватило каких-нибудь миллиметров, и он задел свою машину На крыле его любимого и одновременно ненавидимого за старость автомобиля появилась неглубокая, но длинная вмятина-царапина.

— Так ему и надо! — одобрил прапорщик. — Обнаглели частники! Уже на бульваре, где с детьми гуляют, машины ставят! — возмутился он.

— Не ему, а мне! — строго поправил его Варей, решив немного сконфузить прапорщика.

Потом зазвенел будильник, и он не смог досмотреть сон.

Варей спустился в подземный переход. «Видимо, дали отбой… — предположил он. — Поэтому

мы стали разворачиваться… Или же… Во всяком случае, был приказ. А это уже неплохо само по себе», — засмеялся он.

В конце перехода, уже перед самым входом в метро, длинноволосый неопрятный парень продавал проездные билеты. «Высокий, бледный, очки, нервное лицо… — привычно отметил Варей. — Что-то здесь не то… Не пойму что, но не то… Какое-то несоответствие. Уж больно внутренне подобран, насторожен…» Варей остановился неподалеку и решил немного понаблюдать за парнем. «Опоздаю еще на пять минут. А надо хотя бы пару часов за ним последить. Вот она несвобода… Черт ее побери! — разозлился вдруг Варей. — Даже этого не могу себе позволить! Послать бы эту службу!» Он наклонился, как будто у него развязался шнурок. Парень с напряженным безразличием скользнул по нему взглядом. Варей приподнялся и сделал шаг в сторону. Парень, видимо, что-то заподозрил и решил доказать Варею, что он самый что ни на есть настоящий продавец проездных билетов, а не какой-нибудь там случайный в этом деле человек. Как раз подошла женщина, протянула деньги. Парень небрежно

выхватил из стопки билет, но локтем случайно задел лежащие на столике деньги и сбросил их на пол. Нагнулся, чтоб поднять, и уронил на ноги женщины складной столик. «Ловок, ничего не скажешь… Занятный экземпляр! — подумал, удаляясь, Варей. — Такие ребята часто выводят на след, совершенно не подозревая об этом… Но разве объяснишь это нашим остолопам?.. Я и сам-то не могу понять, почему он меня заинтересовал… Показалось, почудилось, это не объяснение. Хорошо еще, что он весь подземный переход не развалил своим рвением. Такого ловкача можно смело брать на полставки, а проявит себя в паретройке дел, так и на целую не грех!» — улыбнулся Варей, устремляясь в метро.

Настроение немного улучшилось. Варей толкнул двери Управления, предъявил пропуск, вбежал на свой этаж и вошел в кабинет начальника.

— Привет, Никанорыч! — на подъеме произнес Варей. — Любопытного парня встретил по дороге. Хорошо бы его привлечь!

— Сколько сейчас время? — процедил в ответ Никанорыч.

— Времени, — машинально поправит Варей,

— Что? — тихо переспросил Никанорыч.

— Минут пять десятого. — Варей решил не дразнить Никанорыча и мягко добавил: — У тебя же есть часы.

— Ладно, не будем, — сдержался Никанорыч. — Скажи, почему мы должны привлечь твоего парня? Кто он?

— Он продает проездные в подземном переходе. Выбрал превосходное место наблюдения. Уверен, он будет нам полезен.

— Ты уверен? — прищурился Никанорыч и снова сдержался: — Ладно, не будем. Возьми в сейфе серую папку. Генерал поручил тебе срочно разобраться! Связано с прошлым делом.

Варей достал тоненькую папочку и пошел к себе. «Зачем я дразню Никанорыча? — размышлял он по дороге. — Прекрасный работник, настоящий служака, к тому же мой начальник, Я его сильно раздражаю. У него могут отказать тормоза, и он срубит сук, на котором сидит. Ну и черт с ними! Неизвестно, кто кому больше надоел. Открою кооператив. Буду выслеживать неверных жен и мужей».

Варей заперся у себя в кабинете. Открыл папку. С фотографии на него взглянул бородатый мужчина, слегка прищурив близорукие глаза. «На два года моложе меня, — отметил Варей и стал вни-

мательно разглядывать бородача. — Приятное интеллигентное лицо, располагает к себе», — подытожил он первые впечатления. Стал читать короткую справку. «Поступил в университет на три года позже меня. Сплошные совпадения. После окончания работал в НИИ. Потом… потом перешел в Союззаготпушнину Так. Это интересней. Проходил свидетелем. Подозревался в организации подпольной фабрики. Оправдан за недостаточностью улик. Где находится в настоящее время, неизвестно. Непонятно, как связан с теми друзьями. Никаких зацепок!»

Варею после окончания университета предложили работу в Управлении. Ничего странного в этом не было. Прекрасная анкета и диплом с отличием, Варей для порядка немного поломался и согласился. Еще бы не согласиться, это было его заветной мечтой, его делом. Он закрыл папку, запер кабинет и пошел к генералу. Иногда он обращался через голову непосредственного начальника прямо к самому. Еще и это не мог ему простить Никанорыч.

Секретарь доложил:

— Иван Еремеевич! К вам Варей.

— Пропусти!

Прошел Варей по пушистому ковру. Сделал

глуповатое лицо. Поздоровался.

— Ну, здравствуй, здравствуй, Варей! — приветливо пророкотал в ответ генерал, оторвавшись от лежащих на большом столе важных документов. — Легок на помине. Только что про тебя вспоминал. И как думаешь, по какому поводу? А?

— Не могу знать! — отчеканил Варей.

— Да ладно притворяться! — засмеялся Иван Еремеевич. — Ну, давай, отгадывай, хитрая твоя душа!

Задумался Варей. Вспомнил недавний сон.

— Наверное, какие-то учения предстоят! — ляпнул наугад.

— Ну, ты даешь! — довольно развел руками генерал — Конечно, не совсем. Но, как говорится, квадрат накрыл. — Немного помолчав, объяснил: — Думаю семинар организовать. Наберем с десяток ребят, из молодых, способных. А ты поделишься своим методом! Как?

— Я — всегда пожалуйста. У меня секретов нет, — охотно согласился Варей. — Вот, кстати, отличного парня встретил сегодня по дороге. В подземном переходе билеты продает. Может быть нам полезен. Просто уверен.

— Откуда такая уверенность? Мало ли кто что

продает, — генерал внимательно посмотрел на Варея, улыбнулся.

— Да вот показалось, Иван Еремеевич, — и вдруг, почувствовав какую-то напряженность, не соответствующую моменту, Варей дал задний ход. — А вообще-то, мало ли чего покажется. Да и Никанорыч вот тоже сильно сомневается…

— Нет, брат, я в это «показалось» очень верю. Хотя и убедиться лишний раз никогда не мешает. А на Никанорыча сердиться грех. Сам подумай, кто мы без никанорычей? Начальники да таланты! Представь, что получится. Жуть, бардак! — засмеялся довольно, зажмурился. — А никанорычи — это цемент, порядок. Каждого надо использовать на своем месте. Учитывая, конечно, индивидуальные возможности. Владеть, так сказать, кадровым маневром… Вот для этого и нужно начальство. Понятно? — снова засмеялся. — Кстати, рыбак отличный. У всех пусто, а Никанорыч на уху всегда натаскает. Просто уникум!

— Все понятно, — откликнулся Варей, не совсем понимая, с чего это вдруг такой доверительный разговор.

— А раз понятно, то и хорошо. И потом учти, Никанорыч — из глухой деревни, приличного

образования не получил, а верить ему можно на все сто, не подведет. Ну, да ведь ты не за этим пожаловал! Выкладывай, только побыстрей!

— Я вот… насчет этого дела… — замямлил нарочито Еарей. — Ведь никаких зацепок. Ну, даже если я его раскопаю… А дальше что? Никанорыч сказал, что он как-то связан с компанией Митрохина… Но после того, как исчез Савченко, порвалась последняя ниточка.

— Все правильно. Есть сведения, что он связан с Митрохиным. Думаю, не случайно они в одно время работали в Заготпушнине. Остается надеяться, что кое-что проявится по ходу дела. Еще есть вопросы?

«Вопросы-то есть. Например, кто надоумил раскручивать «бородача»?» — подумал Варей, но спрашивать не стал, а лишь коротко ответил:

— Никак нет!

— Ну, хорошо. Иди, трудись и не тяни, а то крупная рыба вся на дно заляжет. — И, как бы невзначай вспомнив, добавил: — Как ты считаешь, что в нашем деле главное?

— Главное — это доверие, — усмехнулся Варей.

— Верно! Сообразительности тебе не занимать, — довольно подтвердил генерал. — А почему? Да потому, что другого выхода нет. Ведь,

что ни говори, а чужая душа — потемки. Доверие — это второй цемент в нашей работе. А мы тебе доверяем! — веско закончил Иван Еремеевич. — Ну, ладно, все! — И опустил голову в разложенные на столе важные документы.

«Мы — это звучит… Но кто ж интересно эти «мы»? — подумал, хмыкнув, Варей и мудро рассудил: — А «мы» — это значит «они!» — и мысленно очень многозначительно поднял высоко вверх указательный палец правой руки и немного им потряс.

Засел в своем кабинете Варей. Снова внимательнейшим образом изучил папку. Какая-то тонкая игра началась после митрохинского дела. Задел он кого-то. Кто подсунул генералу бородача? Тут никаких случайностей быть не может. И что это за многозначительные разговоры? Начинает постепенно охватывать раздражение Варея. Не привык он быть пешкой в чужой игре. «Спокойно, спокойно, меньше эмоций, — успокаивает себя Варей. — Выигрывает тот, кто располагает большей информацией».

Спускается Варей в вычислительным центр. Набирает запрос. Присаживается в ожидании ответа. Чуть мерцают лампы дневного света. Мягко жужжат машины. Быстро перемещаются

сотрудники в белых халатах. Сонливость овладевает Вареем…

Наконец раздается стрекот печатающего устройства. Выползает неторопливо бумажная лента. Читает внимательно Варей. Тут и дата вступления в комсомол, и размер ботинок, и много другой нужно-ненужной чепухи. А в конце неожиданно крупным шрифтом: «Мы так тебя любим, Варей! Ну, просто… как родного сына!». Открывает от изумления рот Варей. «Не может быть!». Мотает головой, пытается отогнать наваждение. Снова читает, вытаращив глаза. Да, нет, все точно! «Может быть, шуточки Марка?» — предполагает он. А тут как раз и Марк идет навстречу, распахнув руки для объятий. Легок на помине.

— Твоя работа? — сурово осведомляется Варей, строго указывая на возмутительный текст.

— Я тут ни при чем, — смеется Марк. — Недавно установили компьютеры нового поколения. Любят они пошутить над клиентами, имеют такую слабость! Да и программы еще не успели отладить.

— Доиграешься ты у меня! — грозит Варей. — Скажи спасибо, что попался тебе такой безудержный либерал, как я! Другой бы тебе врезал за

такие шутки!

Складывает Варей аккуратно бумажную ленту и прячет в карман, интересуется с напускной серьезностью:

— Над всеми шутят?

— Только над теми, кто понимает, — отвечает Марк.

— Ну, тогда ладно, — милостиво кивает Варей.

Возвращается к себе. «Плюнуть надо на все! С высокой башни!» — решает Варей. Подходит к окну, хочет плюнуть. Но окна не открываются, кондиционеры. И плюет Варей в корзину для бумаг. Но эффект не тот. И осознает он, что найти бородача — дело чести. Профессиональный долг! «Так любим… как родного сына…» — машинально повторяет Варей и вспоминает своего отца. Тот всю жизнь прослужил в конной милиции и дослужился до приличного чина, до майора. В отставку вышел с хорошей пенсией. Купил в деревне крепкий дом, обзавелся хозяйством. Отец, как полагал Варей, догадывался о некоторой несправедливости судьбы, которая поздновато выпустила его на свет божий. Но все же отец успел застать и боевых лошадей, и настоящие служебные конюшни. А не только цирк да ипподром. Где будут маяться те, другие, которые

придут еще позже и которым вообще не повезет. Это вам не сто, двести лет назад… Ну, да чего там говорить!

Отец всегда громко стучал сапогами, когда входил в дом, и звенел шпорами. Работу свою любил и считал общественно значимой. Под старость очень горевал, что в конной милиции произошли большие сокращения. Помнил Варей пышные, желтые от табака усы да выпуклые голубые глаза. Иногда отец приносил с собой седло и шумно клал его у стены длинного коридора их коммунальной квартиры. Соседи каждый раз отворяли двери и высовывали любопытные лица. Когда отец удалялся, Григорий Семенович обязательно говорил с нарочитым уважением:

— Натуральна кожа! Вещь! — И покачивал в умилении головой.

— Конечно, натуральная! Ишь, как воняет! Он скоро портянки будет на кухне сушить! Я вам говорю! — непременно откликалась Пелагея Федоровна.

В жизни Варея были три периода отношения к службе отца. В первом, детском, он гордился отцом. Ему нравился исходящий от него лошадиный запах. Иногда отец брал его с собой, усаживал впереди себя на лошадь. Это было верхом бла-

женства! В школьные годы, особенно в старших классах, Варей стыдился отца. Его тошнило, когда отец за обедом с упоением рассказывал, как они «вытесняли» или «захватывали в кольцо» не в меру разгоряченных после футбольных матчей болельщиков. В школе Варей учился отлично и школьной элитой был признан. В какой-нибудь заурядной профессорской семье своего приятеля-одноклассника он говорил, что его отец — зоолог, специалист по лошадям. И все окружающие безразлично кивали головой: «Зоолог так зоолог. Нам без разницы. Мы либералы и люди самых широких взглядов. Да хоть бы старьевщик или, скажем, конный милиционер. Нам-то что!». В студенческие годы ему было наплевать, кто его отец. Варей унаследовал от него непокорный чуб. Как ни стригся, все равно через пару недель образовывался чуб. Это было досадно, так как в моде в то время были совершенно другие прически.

Варей достал из кармана листок с информацией, отыскал в нем адрес бывшей жены бородача Лидии, записал в журнал, что отбывает в местную командировку, вызвал дежурную машину и спустился к подъезду.

Машина петляла по узким переулкам старой части города. Шофер оказался неопытный и ни-

как не мог найти нужный адрес. Наконец Варей отпустил машину и пошел пешком. Начинало темнеть. Он прекрасно знал этот район. Но то ли сильно изменилось все за последнее время, то ли Варей заблудился в трех соснах… Пройдя двумя проходными дворами, он неожиданно уперся в нужный дом. Поднялся на третий этаж. Постоял перед выкрашенной коричневой масляной краской дверью. Ему почудилось, что за дверью кто-то стоит и тихо дышит. Тогда он на цыпочках опустился вниз и вышел во двор. Сел на скамеечку неподалеку от детских качелей. Прикинул, где могут находиться окна квартиры. И стал наблюдать за желтыми неплотными занавесками. Ему показалось, что это окно совершенно непохоже на остальные. Окружающие Варея предметы — соседние дома, одинокое черное дерево посреди двора — вдруг начали еле заметно двигаться по кругу. Даже темное, покрытое облаками небо неторопливо поползло в сторону со своего насиженного места. Варею сделалось не по себе. Идти в квартиру почему-то страшно не хотелось. Он стал тянуть время, убеждая себя, что в любых учебниках рекомендуется провести сначала тщательное наружное наблюдение. Занавеска отодвинулась. Показалась женская фигура и

стала смотреть во двор. Дальше ждать уже было нельзя. Варей решительно вошел в подъезд.

Дверь открыла женщина. Приятной наружности, стройная, крепкая, занимается спортом, темные блестящие волосы, глаза серые, легкий румянец, чуть выше среднего роста, возможно, примесь восточной крови. Взглянула вопросительно.

— Здравствуйте, — улыбнулся открыто и доброжелательно Варей. — Петр Константинович дома?

— Нет, он уже давно здесь не живет, — сухо ответила женщина.

— Какая жалость! — воскликнул Варей. — И где ж его можно найти?

— Не знаю! — попыталась закончить разговор женщина.

— Что же теперь делать?! — запричитал Варей. — Я проездом, из глубинки. Учились вместе, в университете. Так хотелось повидаться! Вы разрешите зайти на секундочку?

— Ну, проходите, — неохотно разрешила женщина.

Настороженно заходит Варей. Уж больно легко удалось проникнуть в квартиру. Без умолку болтает какую-то чепуху, сыплет шутками-при-

баутками. Осматривается. Обычная квартирка средней руки. Каких много. Да… средний достаток, а женщина очень ухоженная, не совсем вписывается. А может быть, развод фиктивный? Чтоб имущество сохранить при конфискации? И, подвергая сомнению, оглядывает обстановку — телевизор в углу, сервант, тахту — разве это имущество? Может, действительно одна? Скучает…

Рассказывает Варей трогательно-печальную повесть о своем босоногом, сиротском, полуголодном детстве. Затягивает противника в расположение своих частей. Женщина улыбается, включается постепенно в разговор. «Зачем все же я ей нужен? Понятно, что неотразим и прочее. А все-таки?» — напряженно размышляет Варей и переключается на кооперативы. Предлагает создать свой небольшой, заработать кучу денег и махнуть куда-нибудь, ну, скажем, по пустыне на верблюдах, как какие-нибудь там туареги.

— В пустыню… — мечтательно повторяет женщина. — Это было бы здорово.

Нравится Лидия Варею, нравится… «Чем же это, интересно? Обычная бабенка, — спрашивает себя он и сразу же отвечает: — А всем!»

Переходит Варей на тему сахарного песка и

самогоноварения. Сетует на нерадивых членов общества.

— Намек поняла. Кофе хотите? Или вы на сон грядущий не потребляете? — улыбается Лида.

— Какой уж там сон! — сетует на тяжелую судьбу Варей. — Премного благодарен да и только!

Весьма соблазнительно покачивает бедрами Лидия, удаляясь на кухню. Знает, что смотрит ей вслед Варей.

— А я вас уже где-то видел! — кричит он ей вдогонку.

— В очереди за песком, — хохочет в ответ женщина.

«Нет, не в очереди, — бормочет Варей. — А вот где, не помню, ведь важно это, очень важно. А вспомнить не могу, потому что не высыпаюсь! — неожиданно раздражается он. — Проклятая служба!» Быстро встает, подходит к книжным полкам. Внимательно пробегает глазами по корешкам книг и видит внизу сбоку, на видном месте, пачку фотографий. Не торопясь, перебирает Варей фотографии: Лида с бородачом на морском побережье, несколько групповых, видимо, семейных, старушки у подъезда, дети на лесной лужайке. Отбирает несколько штук и засовывает их в карман. В том числе — с импозантным стариком в

инвалидной коляске, снятую «Поляроидом». «На память...» — приговаривает Варей и подходит к окну. Совсем темно уже на дворе. Кажется ему, что сидит кто-то у детских качелей на скамейке. Там, где недавно сидел Варей, и смотрит на него. «Очень даже может быть! — раздельно и четко выговаривает про себя Варей. — Главное, раньше времени не брать в голову...»

Несет хозяйка кофе. И кажется Варею еще привлекательней. «Так бы и набросился!» — щурится он. «А приличия? Ты же на службе, в конце концов! Не забывайся!» — останавливает его внутренний оппонент. «Набросился бы, наплевав на приличия!» — отвечает ему, смеясь, Варей. «А в кофе уже снотворное небось подмешано», — остужает его оппонент.

— А в кофе небось уже снотворное буль-буль? А? — смеется Варей.

— Два снотворных, — отвечает серьезно Лида. — Себе тоже.

— Вот это по-нашему. Чтоб не ошибиться, — помогает он расставлять на столе чашки.

— Вы где остановились? — интересуется Лида.

— Нигде, — смущенно отвечает Варей. — Думал, у Петра... Да ерунда, где-нибудь перекантуюсь.

Ну, вот что, — решительно говорит Лида. —

Есть раскладушка. Постелю на кухне.

— Да неудобно как-то… одно беспокойство… — мямлит Варей. Очень хочется ему подойти к окну и проверить, есть ли наблюдение за домом или почудилось.

— Давайте потушим свет и посмотрим во двор, — простодушно предлагает он.

— Давайте! — охотно соглашается Лида. — Вы не совсем? Да? А может, у вас шпиономания?

— Скорей второе, — довольно смеется в ответ Варей. — Просто это мое самое любимое занятие в свободное время еще с детских послевоенных лет.

— Чудак… — качает головой Лида.

Тушат свет, подходят к окну, во дворике никого. «Успел уйти. — Обнимает Варей Лидию и думает: — Каких шикарных баб стали вербовать! Просто уму непостижимо!»

— Ты такой милый… и наивный, — шепчет в темноте Лидия. — Мне тебя почему-то немножко жаль… так, чуть-чуть, — тихо смеется женщина, поблескивают в темноте глаза.

«А мне тебя», — хочет ответить Варей, но не говорит, не стоит дразнить по пустякам. Вдруг еще обидится? Можно и спугнуть.

Утром Варей незаметно выскальзывает из дома.

Делает вид, что не хочет компрометировать молодую женщину. Мол, соседи, слухи, разговоры… Хотя, конечно, вряд ли ее здесь кто-нибудь знает.

На работу приходит за десять минут до начала. Ловит удивленный взгляд Никанорыча. Берет из сейфа пистолет. И идет со всеми в тир. Раньше иногда отлынивал, а теперь в первых рядах. Бах-трах-бах-трах. Гремят выстрелы. Движутся стремительно вдалеке темные силуэты с белыми кружками на груди. Или появятся неожиданно на миг и исчезнут. Все уже снова разбрелись по кабинетам, а Варей все стреляет. Уже рука онемела, дрожит. Недоволен результатами, раньше лучше получалось.

— Немного рука вяловата, а так вполне, — хвалит его инструктор. — Чувствуется специалист.

Возвращается к себе Варей, а по дороге заносит фотографии Марку. Просит его отдать их на экспертизу и забрать результаты.

— Все хитрим и никому не доверяем, — комментирует Марк странную просьбу. — Ладно уж, сделаем вам великое одолжение!

Решает Варей сводить Лидочку в парк культуры и отдыха. Есть такая форма времяпрепровождения с женщинами. Аттракционы, комнаты смеха, мороженое, колесо обозрения. Дешево и беззабот-

но. Как дети. Мужчинам кажется, что женщинам это должно очень нравиться. А на самом деле неизвестно, нравится такое слабому полу или же они идут на это из вежливости.

Только забрались они в кабину колеса обозрения, как заприметил Варей внизу на лавке молодого человека, можно сказать, почти еще мальчика, но по виду уже сильно испорченного, безразлично покуривающего сигаретку и перекладывающего все время ноги в синих «вареных» джинсах с одной на другую. Сомнений нет, «пасут» Варея и его спутницу. «Надо бы спросить у Лидии, — думает Варей, искоса озорно посматривая на попутчицу, — вот сейчас она по заданию или уже просто так?» Не позволяет Варею мужская гордость думать, что только по заданию. Наверно, фифти-фифти. «А вот я сам, к примеру, как? — задает себе встречный вопрос он. — То-то и оно! И нечего! Еще успею испортить себе настроение!» — решает он.

Плавно движется им навстречу земля. Выходят они, не торопясь, из кабинки, а мальчонки на лавке уже нет. Как будто и не было. А вокруг так безмятежно. И дети шныряют, и голуби переваливаются, и небо в крошечных облачках.

Рассказывает Лидия, какой замечательный

человек Петр Константинович. Как жили они душа в душу. И все у них было. Вот только командировки постоянно и все дольше и дольше. А потом и вовсе исчез. Но деньги присылает. В общем, незаурядный человек, да и только!

— Я более незаурядный! — гордо произносит Варей и смеется довольный.

— Это еще нужно доказать, — отвечает мягко Лида и опять как-то жалостливо смотрит на Варея.

Берет его под руку и восклицает:

— О! Пушка?!

— Удивилась? — вопрошает Варей и смотрит испытующе.

— Нисколько, — вяло и даже с некоторой печалью отвечает Лидочка. — Я сразу поняла, что ты за гусь. Как только зашел. Вас, легавых, за версту видно.

— Не легавых, а борзых! — поправляет Варей. — Открою тебе один маленький секрет.

Чувствует он, как напряглась непроизвольно женская рука. Выдерживает Варей паузу и добавляет солидно:

— В прошлой своей жизни… — снова останавливается, — я был борзой! — изрекает торжественно и добавляет доверительно: — Оттого и вены на

ногах болят. Учти, ты первый человек, которого я посвящаю в эту сокровеннейшую тайну. Даже жена моя бывшая про это не догадывалась. Чувствуешь, какое тебе оказано доверие?!

— Доверие — страшная штука, — вторит умудренно Лидок, чуть поджав по-старушечьи края губ. — Такая тяжесть порой, что не приведи Господь!

Быстро катится время. Кажется, что только зашли в парк с целью увеселения. И вот уже залегли вокруг сумерки. Темно и не очень уютно стало в парке, несмотря на хорошее освещение аттракционов и дорожек, густо посыпанных мелким красным, неужели на самом деле битым кирпичом? — сомневается Варей.

Просит Варей разрешения ненадолго покинуть Лидочку. Ну, а вечером обязательно к ней.

— Смотри! Буду ждать! — грозит шутливо пальчиком Лидия.

Усаживает Варей Лиду в такси. Машет рукой вслед, улыбается нежно. Но только отъезжает машина, сразу же сползает улыбка с лица. Заходит Варей в телефонную будку. Звонит Марку. Бубнит деланно недовольным голосом Марк.

— Приезжай! Ничего особенного, но кое-что есть.

И хотя не терпится Варею узнать это «кое-что», решает немного пройтись пешком, обдумать ситуацию. Впереди, у большого магазина, группа возбужденных людей. Дефицит», — предполагает он и, только подойдя поближе, понимает, «наперсточники» дурят простаков. Пока вовсю идет игра между своими. Заманивают. Четверых своих быстро насчитал Вапей. Изображает азарт и возбуждение высокий крепкий малый с переломанным носом, рвет с шеи золотую цепочку:

— Давай! Стольник! Девяносто шестая проба!

— Ха! — отвечает, не глядя, катала, быстро гоняя черный шарик по картону. — Дешевка! Бижутерия!

— На! Посмотри! Вон проба! Ну? Дай отыграться! — Длинный подносит к его лицу цепочку.

— Ладно, — цедит сквозь зубы катала. — Полтинник.

— Давай! — соглашается длинный.

— Это что? — изумляется один необыкновенно наивный зевака. — Пятьдесят копеек?!

— Копеек, — передразнивает его другой искушенный зевака, удивленный такой поразительной наивностью. — Пятьдесят рублей!

Снова движется шарик под ловкими руками каталы. Отыгрывает пятьдесят рублей длинный

А Варея подталкивает локтем другой свой, быстроглазый, юркий парнишка, подначивает:

— Слушай! Ну, давай пополам! Ну, давай! Верное дело!

Отмахивается Варей от назойливого компаньона. «Где же, интересно, болтается патрульный? — думает он. — И сколько ему вручили за отсутствие?» И вдруг видит он среди своих того со скамейки в «вареных» джинсах. Безразлично скользит он взглядом по Варею. Резко отталкивает Варей загораживающего обзор юркого парнишку и, показывая катале пятидесятирублевую бумажку, коротко бросает:

— Играю! Пятьдесят!

— Поехали! — соглашается тот.

Быстро перемещаются руки над картоном. Поднимает катала один из наперстков, под ним черный шарик. Мол, убедитесь, люди добрые, честная игра, никакого мошенничества! Толкает больно в бок Варея быстроглазый мальчишка, пытается отвлечь, сбить с игры. Хочется Варею слегка, по-отечески двинуть его рукояткой пистолета по шее, но удерживается он от противоправного действия, да к тому же и непедагогично это. Только катала отрывает руки от наперстков, как Варей накрывает башмаком один из наперстков

и говорит резко:

— Здесь! Открывай!

Поднимает катала наперсток, есть под ним черный шарик, бросает быстрый косой взгляд на юркого парнишку, протягивает Варею пятьдесят рублей. Не глядя берет Варей деньги и видит изумленное лицо охотничка в «варенках». «Что и требовалось доказать!» — констатирует Варей.

— Тебе везет! Давай еще! Я в доле! Давай! Не дрейфь! — не отстает от него юркий мальчишка.

— Брысь! — страшно оскалясь, шепчет ему Варей, поворачивается и идет к троллейбусной остановке.

Заходит Варей в Управление, поднимается к Марку.

— Есть кое-какие пустяки, — с напускным равнодушием говорит Марк. — Даже и не знаю, стоит ли тебе на них отвлекаться?

Молчит выжидательно Варей. Пусть наиграется вволю Марк. И как его только взяли в Управление?! Видимо, и на кадры бывает проруха. Поправляет Варей пистолет под мышкой. Непривычно. И понимает, почему отец иногда приносил домой седло. Просиживает, небось, с утра до вечера на базаре в старом синем милицейском кителе со споротыми нашивками

и погонами да продает картошку величиной с кулак. Лишь иногда уставится мутными глазами на какую-нибудь ядреную румяную бабенку да буркнет что-нибудь невнятное в прокуренные усы. «Ишь, старый черт! А туда же!» — откликнется довольная бабенка. «У-у! — замычит тихо отец. — Я тебя!» «Тебя, тебя! — передразнит со вздохом молодуха, — Гриб трухлявый».

Достает Марк фотографии и объясняет назидательно:

— Видишь, старушонки перед подъездом позируют. Так учреждение это типа специализированного санатория для восстановления здоровья. Для ветеранов! Ну, а старикан этот на колесах… Ну, это, знаешь, как бы тебе сказать…

— Да, не тяни ты, ей богу! — сдается Варей.

— То-то! В общем, повезло тебе крупно! Вот что! А повезло потому, что пришел сразу ко мне. Другой бы потребовал, сам знаешь что, а я нет! Бескорыстно, старина! Из чистого энтузиазма! Крепкий это старик! Крупный авторитет преступного мира! Можно сказать, крестный отец!

— Та-ак… Забавно… — протяжно выдыхает Варей и думает: «Кажется, все предложенные наживки я заглотнул и по-прежнему отстаю на пару ходов».

— Короче, есть подозрение, что сейчас не у дел. Преклонный возраст и прочее, но… сам понимаешь, — разводит руками Марк и уже серьезно добавляет: — Могу, если нужно, помочь!

— Да, пока вроде не надо. Это потом, если… — морщит задумчиво лоб Варей.

«Не зря такой подарок получил за прошлое дело, — вспоминает он будильник. — Оборвалось все тогда довольно странно. Возможно, хвост от большого зверя оказался».

Поздним вечером бредет Варей по аллеям парка. Неожиданно открываются взору старинные санаторные строения. «Не хуже парижского Дома инвалидов!» — восхищается он.

Идет по полутемному коридору. Разбрелись престарелые по своим норам «Вполне можно было на завтра отложить. Вот и Лида обидится…» — сомневается он. Никак не может найти подходящего места. Все не то. Вроде и кресла в холлах удобные, и диваны ничего себе. А не лежит душа. Наконец попадает Варей в переход, а из него в поликлиническое отделение. Белеют слабо двери кабинетов. Неожиданно расширяется коридор, образуя большую нишу. Два кресла, диваа «Ну, наконец, что нужно!» — облегченно вздыхает он, плюхается на диван. Ставит рядом сумку с

едой да и газетами для чтения. «Какое отличное место! А каким чудесным плюшем обит диван! И кадка с небольшой пальмой так кстати. Просто редкое место! Пожалуй, нигде за последнее время я не чувствовал такого покоя, — решает удовлетворенно Варей. — Жаль только нет настольной лампы, — думает он, засыпая. — Как славно».

Мгновенно просыпается Варей. Уперлось в спину чуть повыше лопатки дуло. «Попался, идиот!» — мелькает стремительно мысль. «Кажется, без глушителя», — пытается определить Варей свое ощущение. Видимо, придется поднять руки вверх да сдаться на милость победителя, если такая у него имеется. Но никаких команд не поступает. И решает он сидеть смирно и ждать.

— Разбудила я тебя, голубочек? — звучит над ухом ласковый женский голос. — Ишь как славно устроился! >

«Плох я стал, совсем плох! — корит себя Варей. — Швабру от пистолета уже не могу отличить!».

Присаживается рядом уборщица. Смотрит на него с умилением. Не старая еще, под пятьдесят.

— Небось приехал издалека навестить кого? И правильно сделал, голубочек! Посмотришь, как они, родимые, хорошо здесь устроены. А это

местечко, где ты прилег, ну не чудо ли? А? Скажи, голубочек!

— Чудо, — охотно подтверждает Варей.

— Я и сама, бывало, приду сюда, сяду и сижу себе, сижу. Ну так здесь покойно! Просто слов нет!

Всех подозревает Варей. И уборщицу тоже.

— А где здесь, мамаша, умыться можно? — спрашивает он строго.

— А и пойдем, покажу. И туалет здесь отличный! Сам увидишь. Все голубым кафелем заделано. Пойдем, голубочек.

Умылся Варей, почистил зубы, перекусил. Достал газету, раскрыл и посматривает изредка поверх. Появляются различные люди; врачи, медсестры, престарелые, инвалиды, посетители. Хлопают дверями, снуют туда-сюда. Идет своя, обычная для этих мест жизнь. Начинает Варей потихоньку вживаться в новую обстановку. Уже нервирует его большая очередь к невропатологу. Полчаса как ушла, а сказала, сейчас приду. На консультацию! Ничего себе консультация! Стучится Варей к заведующей:

— Людей назначали! Они пришли! А врача полчаса нет на месте!

— Не полчаса, — поправляет твердо заведующая, — а всего только двадцать пять минут.

Хорошо, разберемся, — закругляет она беседу.

Возвращается Варей на свое место, а его ждут с нетерпением.

— Ну? Что сказала?

— Разберется, — успокаивает он очередь и усаживается поудобней.

Вдруг грозный быстрый стук каблуков в коридоре. «Заведующая, — довольно думает Варей. — Решила все-таки разобраться». А это оказывается махонькая девочка, несется стрелой по коридору. Видать, засиделась. Совсем отвлекся Варей, потому что невмоготу все время в напряжении быть. Уже и обеденное время проскочило. Снова перекусил он кое-чем из своих припасов. «Неужели прокол? — начинает точить червячок сомнения. — Неужели все это я насочинял своим, прямо скажем, нездоровым воображением? Спокойно, спокойно! Еще надо подождать… Если место точно вычислил, то непременно сегодня все развяжется! Они рассчитывают на меня, я — на них. Так что все вроде бы должно совпасть».

Задремал Варей, и вдруг будто кто-то толкнул сзади. «Опять уборщица пугает?» — поду мал с улыбкой, повернул голову и увидел справа трогательное шествие. Бородач торжественно катил, видимо, к невропатологу, предположил

Варей, крестного отца, склоняя голову и внимательно того слушая. Мгновенно переложил Варей пистолет на колени и прикрыл его сверху газетой. Любит Варей осматриваться и сейчас не удержался, взглянул быстро налево, и не зря. За колонной в белом халате стоял продавец проездных билетов с тщательно уложенными длинными волосами. Вспыхнула в голове Варея картинка: «Подземный переход… Смахивает локтем деньги… Падает стол… Женщина!..» Это же Лидия, Лидка подходила покупать проездной! Ха! То-то напоминала кого-то сзади! Ай да Варей, ай да лопух! Зачем же здесь продавец?! Полсекунды, четверть на размышление! Встал на свое место продавец! Должен он закрыть прошлое дело! Меткий выстрел из-за колонны в шею. Вдруг пуленепробиваемые жилеты?! В кого? А кто уцелеет! Того и убрать! Уж у него-то с глушителем! Зря пренебрег помощью Марка!

Резко скатывается Варей с дивана и прячется за кадушку. Стреляет в тот же миг продавец, обмякает тело крестного отца в кресле-каталке. Стреляет несколько раз подряд бородач, не разобравшись, в то место, где сидел Варей. Дымятся неровно края отменной плюшевой обивки. Стреляет Варей в бородача. Все ясно, из ревно-

сти перестреляли друг друга! Ловко придумано! Падает раненый бородач за кресло-каталку. Стреляет продавец, заливает левый глаз Варея теплая жидкость. «Неужели ранил, сволочь?! Да нет, из цветка вода», — думает Варей и вываливается со стуком из-за кадушки. Выскакивает из-за колонны продавец, прячется за выступ стены и добивает хладнокровно бородача. Оглядывается, проверяет, все ли в порядке с Вареем. Открыт теперь продавец. Стреляет с двух рук Варей, промахнуться нельзя, уж профессионал-продавец не промажет. Падает, как подкошенный, продавец, глухо ударяется голова о паркет. Встает Варей, проводит по лицу рукой. Кровь!!! Овладевает им слабость, мешком валится на диван. Только слышит, как сквозь сон:

— Что же это делается, голубочек?! Ай-ай-ай! Потерпи, я сейчас… — осматривает быстро всех перебитых уборщица и с криком: — Ох ты, прости господи! Да, как же так?! — спешит вниз по лестнице, а потом и вовсе из богоугодного заведения к близстоящей телефонной будке.

Соскальзывают дрожащие пальцы с телефонного диска. Стучат мелко зубы. Наконец соединилось.

— Ваня! Тут такое было! Я так испугалась!

— Спокойней, скокойней, — рокочет знакомый голос. — Тебя никто не слышит?

— Нет, Ванечка! Никто! Я из автомата! Все сделала, как ты велел! Они друг друга перебили! Представляешь?

— Варей?

— Нет! Только ранило. Кажется, несильно! А остальные все постреляются!

— Молодец! Все отлично сделала! Идя теперь домой. Мне больше не звони! Я к тебе вечером заеду.

И сразу же в трубке коротко: ту-ту-ту…

Любит генерал сам чистить свой парадный мундир. Маленькая щеточка порхает по безупречно чистому серому сукну. Последние пылинки послушно улетают. Блестят орденские планки.

Снова звонит телефон. Снимает, не торопясь, трубку Иван Еремеевич. Слышит взволнованный голос Никанорыча:

— Докладываю! Варей всех перещелкал!

— А сам? — для вида интересуется Иван Еремеевич.

— Слегка зацепило. Сейчас в больнице. Дней через десять вернется в строй. Что делать?

— Все отлично, голубочек! — довольно щёлкает пальцами генерал.

— Отлично? — не понимая, переспрашивает Никанорыч.

— Вот именно, голубочек! Наш сотрудник блестяще завершил начатую операцию! Разгромил верхушку мафии! Будем присваивать внеочередное!

Падает солнечный свет, оживляет темные краски, проникает в глубину старинных живописных полотен. Торжественно висят они в не менее старинных массивных рамах. Теплеет взгляд генерала. «Что ни делается на этом свете, все к лучшему, — думает он не без цинизма. — Уж и так некуда вешать. Да и время другое на дворе. Свежий ветер. Что ж, будем честно бороться, не щадя живота, с организованной преступностью. Именно так!»

Немного знобит Варея. Температура… Одна ниточка осталась. Лидочка… Но уже знает наперед Варей, что и здесь обрыв. Скорее всего только с продавцем была связана. Он ее привел на квартиру и дал фотографии. Больше она ничего и не знает. Да и не станет он. Наваливается тяжелый сон-бред. Снова Варей на бульваре своего детства, сидит в грузовике-вездеходе. Тянутся

двумя тоненькими ручейками прохожие. Горят ослепительно юпитеры. Видимо, съемки какого-то фильма. А он в главной роли… бумажного солдатика, забывшего свою роль… Просыпается Варей весь в поту. Трогает рукой забинтованную голову и думает: «Кажется, мне действительно больше всех надо».

Рисунок М. Георгиева

Ара Багдасарян

Экспериментатор

В холодильнике одиноко мерз кусочек засохшего и умудренного старостью сыра. Зеленый уже, отметил про себя С. Б., с отвращением кроша сыр.

Никаких иных съестных припасов в квартире не оказалось. С. Б. понуро вернулся в холл и, разбежавшись, попытался протаранить входную дверь. Результат акции был минусовым — дверь осталась незыблемой, а собственное тело заныло

и стало медленно наливаться синяками. С. Б. это не только чувствовал, но и грустно лицезрел, встав к зеркалу в полный рост, ибо одежды на нем были только собственный, не особенно густой волосяной покров и кусок бурого лейкопластыря на шее, защищающий то ли фурункул от дополнительной инфекции, то ли посторонний взгляд от неаппетитного зрелища. В сущности, С. Б. не надеялся вышибить дверь, даже особенно и не желал. Куда б он подался в таком виде — неодетый и местами синий? В незнакомом городе иностранной, а потому враждебной державы… Может, правда, не державы, а просто государства. Возможно, неприсоединившегося и доброжелательно-нейтрального. Но мудрый тезис о том, что любое государство, гражданином которого ты не являешься, — иностранное, был в свое время впитан им с молоком матери (как натуральной, так и — родины) и надежно прикрыт пионерским галстуком.

…Голый, без денег, без знания языка и обычаев…

С. Б. прошел в комнату, неловко завалился в кресло перед грохочущим телевизором, с извращенным сладострастием потрогал фурункул через пластырь и предался любимому времяпро-

вождению: самобичеваниям с ретроспекциями.

«Ну ладно, ну нашел ты, идиот, в подъезде эту портативную симпатичную коробочку, ну приглянулась она тебе (хотя вроде не мальчик уже, чтобы тащить домой всякую дрянь), ну сунул-таки ее в карман… Ну?! А зачем, спрашивается, на газовой плите грел?! Еще чугунную сковороду под нее аккуратненько подложил, паршивец. Зачем же тогда обратно под краном ее остужал? Чем объяснить твое мудрое решение — гвозди в нее забивать?!

Семнадцать штук! Все, что осталось после неудачной попытки ремонта книжной полки. Бедная коробочка на робота-ежика стала похожа»…

В самокритичном порыве С. Б. сорвал с шеи пластырь, поднес к близоруким глазам и, тщательно осмотрев его с обеих сторон, осторожно прилепил на место.

«…Ладно, поизмывался над находкой, да и выкинул бы ее в мусоропровод. Так нет же! Решил, мерзавец, эту мученицу наэлектризовать, патлы свои поганые ею расчесывать. Шляпки гвоздей за волосы цепляются — и больно, и утраты невосполнимые, а я знай себе вожу ею по дурной голове. Потом, кажется, «синим светом» облучал,

в морозилке минут десять держал, разрисовал фломастером (специально за оранжевым к соседу ходил), шепотом, в доверительном таком тоне, произнес: «Котлеты надо готовить играючи»… Да, точно, так и было. Вот как раз после этих слов я потерял сознание и очнулся уже здесь».

С. Б., не вставая с кресла, ногой дотянулся до телевизора и большим пальцем переключил программу. Крутили очередной глупый, банальный, дешевый триллер. Погони там всякие, загадочные исчезновения, кошмары, насилие на каждом шагу. Дребедень всяческая…

С. Б. свернулся калачиком и уже в уютной полудреме задался последним вопросом: «Но почему все-таки я предварительно разделся?».

Павел Кузьменко

Флуктуация

Пес-рыцарь Адальберт фон Цубербиллер получил специальной дубиной по голове и упал с лошади на коварное ледяное покрывище. При этом он успел подумать: о гнусные штеттин-

ские халтурщики! Не шлем, а консервная банка, клянусь святым Онуфрием! Потом на него всей своей бронированной тушей села подраненная рыцарская кобыла, и Адальберт опять подумал: прощай, любимая Марта и очаровательные белокурые близняшки Брунгильдочка и Ригондочка, и замечательное поместье в 10 тысяч квадратных локтей на берегу хладноструйной реки. Сразу после этого треснул весенний лед, и черная вода Чудского озера растворила смертельную пасть.

Хлопая ладонями по плавающему серому крошеву и отплевываясь, Адальберт фон Цубербиллер вскричал на немецком языке:

— О, эти хитрые русские! Ну надо же было устроить сражение именно 5 апреля 1242 года…

— Поелику бяшеть глаголющу… — отвечали с другого берега хитрые русские.

И рыцарь быстро пошел ко дну, подумав при этом: если выкарабкаюсь из этой передряги, вот, слово чести, поставлю свечу в собственный рост в церкви святого Онуфрия Рюгенбахского, закажу тройной молебен о спасении души и отпишу соседнему монастырю половину своего имения.

Как часто говорит наука, человек, оказываясь в смертельной опасности, находит в себе невероятные силы, его организм изыскивает

неожиданные резервы, и соломинка вытягивает утопающего, после чего в руках у него оказывается палка в тот единственный раз, когда она стреляет. Уже на темном холодном дне, сдавливаемый собственным доспехом, теряющий последний воздух из легких, Адальберт нащупал продолговатый металлический сосуд и тянущийся из него гофрированный шланг с пластмассовой штуковиной на конце. Ведомый уже не разумом, а безусловным инстинктом, рыцарь догадался сунуть загубник туда, куда и надлежит, и повернуть рукой вентиль на баллоне противосолонь. Также наощупь он обнаружил сложенный вчетверо надувной спасательный плотик с запасом еды и питьевой воды, а также картой-миллиметровкой окрестностей.

Спустя пару часов, когда все уже закончилось, Адальберт фон Цубербиллер всплыл и, где подгребая, где перепрыгивая со льдины на льдину, добрался до своего берега. На той же неделе ему довелось в Ревеле сесть на датское пассажирское судно и, спустя полмесяца, благополучно прибыть в Любек, а там до родного Рюгенбаха один конный переход. Рыцарь был благородным человеком и сдержал свое слово — то есть поставил свечу в собственный рост, заказал тройной мо-

лебен и отписал монастырю 5 тысяч квадратных локтей.

Умереть ему удалось только во время эпидемии моровой язвы, свирепствовавшей в Европе в 1255 году. Но так до конца жизни крестоносец и не догадался, откуда тогда на дне Чудского озера взялись акваланг и спасательный плотик.

№ 7

Виктор Пелевин

Жизнь и приключения сарая Номер XII

Вначале было слово, и даже, наверное, не одно — но он ничего об этом не знал. В своей нулевой точке он находил пахнущие свежей смолой доски, которые лежали штабелем на мокрой траве и впитывали своими гранями солнце, находил гвозди в фанерном ящике, молотки, пилы и прочее — представляя все это, он замечал, что скорей домысливает картину, чем видит ее. Слабое чувство себя появилось позже — когда внутри уже стояли велосипеды, а всю правую сторону заняли полки в три яруса. По-настоящему он был тогда еще не Номером XII, а просто новой конфигурацией штабеля досок, но именно эти времена оставили в нем самый чистый и запомнившийся отпечаток: вокруг лежал необъяснимый мир, а он, казалось, в своем движении по нему остановился на какое-то время здесь, в этом месте.

Место, правда, было не из лучших — задворки пятиэтажки, возле огородов и помойки — но стоило ли расстраиваться? Ведь не всю жизнь он здесь проведет. Задумайся он об этом, пришлось бы, конечно, ответить, что именно всю жизнь он здесь и проведет, как это вообще свойственно сараям, — но прелесть самого начала жизни заключается как раз в отсутствии таких размышлений: он просто стоял себе под солнцем,

наслаждаясь ветром, летящим в щели, если тот дул от леса, или впадая в легкую депрессию, если ветер дул со стороны помойки; депрессия проходила, как только ветер менялся, не оставляя на его неоформившейся душе никаких следов.

Однажды к нему приблизился голый по пояс мужчина в красных тренировочных штанах; в руках он держал кисть и здоровенную жестянку краски. Этот мужчина, которого сарай уже научился узнавать, отличался от всех остальных людей тем, что имел доступ внутрь, к велосипедам и полкам. Остановясь у стены, он обмакнул кисть в жестянку и провел по доскам ярко-багровую черту. Через час весь сарай багровел, как дым, в свое время восходивший, по некоторым сведениям, кругами к небу; это стало первой реальной вехой в его памяти — до нее на всем лежал налет потусторонности.

В ночь после окраски, получив черную римскую цифру — имя (на соседних сараях стояли обычные цифры), он просыхал, подставив луне покрытую толем крышу.

Где я, — думал он, — кто я?

Сверху было темное небо, потом он, а внизу стояли новенькие велосипеды; на них сквозь щель падал луч от лампы во дворе, и звонки на

их рулях блестели загадочней звезд. Сверху на стене висел пластмассовый обруч, и Номер XII самыми тонкими из своих досок осознавал его как символ вечной загадки мироздания, представленной — это было так чудесно — и в его душе. На полках с правой стороны лежала всякая ерунда, придававшая разнообразие и неповторимость его внутреннему миру. На нитке, протянутой от стены к стене, сохли душица и укроп, напоминая о чем-то таком, чего с сараями просто не бывает — тем не менее они именно напоминали, и ему иногда мерещилось, что когда-то он был не сараем, а дачей, или по меньшей мере, гаражом.

Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало — то есть он сам, — складывалось из множества меньших индивидуальностей: из наземных личностей машин для преодоления пространства, пахших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек… В каждом из этих существований было бесконечно много оттенков, но все-таки любому соответствовало что-то главное для него — какое-то решающее чувство, и все они, сливаясь, образовывали новое единство, огороженное в пространстве свежевыкрашенными досками,

но не ограниченное ничем; это и был он. Номер XII, и над ним в небе сквозь туман и тучи неслась полностью равноправная луна… С тех пор по-настоящему и началась его жизнь.

Скоро Номер XII понял, что больше всего ему нравится ощущение, источником или проводником которого были велосипеды. Иногда, в жаркий летний день, когда все вокруг стихало, он тайно отождествлял себя то со складной «Камой», то со «Спутником», и испытывал два разных вида полного счастья.

В этом состоянии ничего не стоило оказаться километров за пятьдесят от своего настоящего местонахождении и катить, например, по безлюдному мосту над каналом в бетонных берегах или по сиреневой обочине нагретого шоссе, сворачивать в тоннели, образованные разросшимися вокруг узкой грунтовой дорожки кустами, чтобы, попетляв по ним, выехать уже на другую дорогу, ведущую к лесу, через лес, а потом — упирающуюся в оранжевые полосы над горизонтом; можно было, наверное, ехать по ней до самого конца жизни, но этого не хотелось, потому что счастье приносила именно эта возможность. Можно было оказаться в городе, в каком-нибудь дворе, где из трещин асфальта росли какие-то

длинные стебли, и провести там весь вечер — вообще, можно было почти все.

Когда он захотел поделиться некоторыми из своих переживаний с оккультно ориентированным гаражом, стоящим рядом, он услышал в ответ, что высшее счастье на самом деле только одно, и заключается в экстатическом единении с архетипом гаража — как тут рассказывать собеседнику о двух разных видах совершенного счастья, одно из которых было складным, а другое зато имело три скорости…

— Что, и я тоже должен стараться почувствовать себя гаражом? — спросил он как-то.

— Другого пути нет, — отвечал гараж, — тебе это, конечно, вряд ли удастся до конца, но у тебя все же больше шансов, чем у конуры или табачного киоска.

— А если мне нравится чувствовать себя велосипедом? — высказал Номер XII свое сокровенное.

— Ну что же, чувствуй — запретить не могу. Чувства низшего порядка для некоторых предел, и ничего с этим не поделаешь, — сказал гараж.

— А чего это у тебя мелом на боку написано? — переменил тему Номер XII.

— Не твое дело, говно фанерное, — ответил гараж с неожиданной злобой.

Номер XII заговорил о надписи, понятно, от обиды — кому не обидно, когда его чувства называют низшими? После этого случая ни о каком общении с гаражом не могло быть и речи, да Номер XII и не жалел. Однажды утром гараж снесли, и Номер XII остался в одиночестве.

Правда, с левой стороны к нему подходили два других сарая, но он старался даже не думать о них. Не из-за того, что они были несколько другой конструкции и окрашены в тусклый неопределенный цвет — с этим можно было бы смириться. Дело было в другом — рядом, на первом этаже пятиэтажки, где жили хозяева Номера XII, находился большой овощной магазин, и эти сараи служили для него подсобными помещениями. В них хранилась морковка, картошка, свекла, огурцы — но определяющим все главное относительно Номера 13 и Номера 14 была, конечно, капуста в двух накрытых целлофаном огромных бочках. Номер XII часто видел их стянутые стальными обручами глубоководные тела, выкатывающиеся на ребре во двор в окружении свиты испитых рабочих. Тогда ему становилось страшно, и он вспоминал одно из высказываний покойного гаража, по которому он временами скучал: «От некоторых вещей в жизни надо попросту как

можно скорее отвернуться», — вспоминал и сразу следовал ему. Темная, труднопонимаемая жизнь соседей, их тухлые испарения и тупая жизнеспособность угрожали Номеру XII, потому что само существование этих приземистых построек отрицало все остальное и каждой каплей рассола в бочках заявляло, что Номер XII в этой вселенной совершенно не нужен; во всяком случае, так он расшифровывал исходившие от них волны осознания мира.

Но день кончался, свет мерк, Номер XII становился велосипедом, несущимся по пустынной автостраде, и вспоминать о дневных ужасах было просто смешно.

Была середина лета, когда звякнул замок, откинулась скоба запора, и внутрь Номера XII вошли двое — хозяин и какая-то женщина. Она очень не понравилась Номеру XII, потому что непонятным образом напомнила ему все то, чего он не переносил. Не то чтобы от женщины пахло капустой, и поэтому она производила такое впечатление — скорее наоборот, запах капусты содержал сведения об этой женщине; она как бы овеществляла собой идею квашения и воплощала ту угнетающую волю, которой Номера 13 и 14 были обязаны своим настоящим.

Номер XII задумался, а люди между тем говорили:

— Ну что, полки снять, и хорошо, хорошо…

— Сарай — первый сорт, — отзывался хозяин, выкатывая наружу велосипеды, — не протекает. А цвет-то какой!

Выкатив велосипеды и прислонив их к стене, он начал беспорядочно собирать с полок все, что там лежало. Тогда Номеру XII стало не по себе.

Конечно, и раньше велосипеды часто исчезали на какой-то срок, и он умел закрывать возникавшую пустоту своей памятью. Потом, когда велосипеды ставили на место, он удивлялся несовершенству созданных ею образов по сравнению с действительной красотой велосипедов, запросто излучаемой ими в пространстве. Так вот, пропав, велосипеды всегда возвращались, и эти недолгие расставания с главным в собственной душе сообщали жизни Номера XII прелесть непредсказуемости завтрашнего дня. Но сейчас все было по-другому: велосипеды забирали навсегда.

Он понял это по полному и бесцеремонному опустошению, которое производил в нем носитель красных штанов — такое было впервые. Женщина в белом халате давно уже ушла куда-то,

а хозяин все копался, сгребая инструменты в сумку, снимая со стен жестянки и старые клееные камеры. Потом почти к двери подъехал грузовик, и оба велосипеда вслед за набитыми до отказа сумками покорно нырнули в его разверстый брезентовый зад.

Номер XII был пуст, а его дверь открыта настежь.

Но, несмотря ни на что, он продолжал быть самим собой. В нем продолжали жить души всего того, чего лишила жизнь: и хоть они стали подобны теням, но по-прежнему сливались вместе, чтобы образовать его. Номер XII, вот только для сохранения индивидуальности требовалась вся сила воли, которую он мог собрать.

Утром он заметил в себе перемену — его не интересовал больше окружающий мир, а все, что его занимало, находилось в прошлом, перемещаясь кругами по памяти. Он знал, как это объяснить: хозяин, уезжая, забыл обруч, оставшийся единственной реальной частью его нынешней призрачной души — и поэтому Номер XII теперь сильно напоминал себе замкнутую окружность. Но у него не было сил как-то к этому отнестись и подумать: хорошо ли это, плохо ли? Все заливала и обесцвечивала тоска. Так прошел месяц.

Однажды появились рабочие, вошли в беззащитно раскрытую дверь и за несколько минут выломали полки. Не успел Номер XII прочувствовать свое новое состояние, как волна ужаса обдала его, показав, кстати, сколько в нем еще оставалось жизненной силы, нужной, чтобы испытывать страх.

По двору к нему катили бочку. Именно к нему. Даже на самом дне ностальгии, когда ему казалось, что ничего хуже случившегося с ним не может и присниться, он не думал о такой возможности.

Бочка была страшной. Она была огромной и выпуклой, она была очень старой, и ее бока, пропитанные чем-то чудовищным, издавали вонь такого спектра, что даже привычные к изнанке жизни работяги, катившие ее на ребре, отворачивались и матерились. При этом Номер XII видел нечто незаметное рабочим: в бочке холодело внимание, и она мокрым подобием глаза воспринимала мир. Как ее вкатывали внутрь и крутили на полу, ставя в самый центр, потерявший сознание Номер XII не видел.

Прошло два дня, и к Номеру XII стали понемно-

гу возвращаться мысли и чувства. Теперь он был другим, и все в нем было по-другому. В самом центре его души, там, где когда-то покоились омытые ветром рамы, теперь пульсировала живая смерть, сгущавшаяся в бочке, которая медленно существовала и думала; мысли эти теперь были и мыслями Номера XII. Он ощущал брожение гнилого рассола, и это в нем поднимались пузыри, чтобы лопнуть на поверхности, образовав лунку на слое плесени, это в нем перемещались под действием газа разбухшие трупные огурцы, и это в нем напрягались пропитанные слизью доски, стянутые ржавым железом. Все это было им.

Номера 13 и 14 теперь не пугали его, наоборот — между ними быстро установилось полубессознательное товарищество. Но прошлое не исчезло полностью — оно просто было оттеснено и смято. Поэтому новая жизнь Номера XII была двойной. С одной стороны, он участвовал во всем на равных правах с Номерами 13 и 14, а с другой — где-то в нем скрывались чувства — сознание ужасной несправедливости того, что с ним произошло. Но центр тяжести его нового существа лежал, конечно, в бочке, которая издавала постоянное бульканье и потрескивание, пришедшее на смену воображаемому шелесту шин.

Номера 13 и 14 объясняли ему, что все случившееся — элементарный возрастной перелом.

— Вхождение в реальный мир с его заботами и тревогами всегда сопряжено с некоторыми трудностями, — говорил Номер 13,— совсем новые проблемы наполняют душу.

И добавлял ободряюще:

— Ничего, привыкнешь. Тяжело только сперва.

Четырнадцатый был сараем скорее философского склада (не в смысле хранилища), часто говорил о духовном и скоро убедил нового товарища, что раз прекрасное заключено в гармонии («Это раз», — говорил он), а внутри — и это объективно — находятся огурцы или капуста («Это два»), то прекрасное в жизни заключено в достижении гармонии с содержимым бочки и устранении всего, что этому препятствует. Под край его собственной бочки, чтоб не вытекало, был подложен старый философский словарь, который он часто цитировал; словарь же помогал ему объяснять Номеру XII, как надо жить. Все же Номер 14 до конца не доверял новичку, чувствуя в нем что-то такое, чего сам Номер XII в себе уже не замечал.

Постепенно Номер XII и вправду привык. Иногда он даже чувствовал специфическое вдох-

новение, новую волю к своей новой жизни. Но все-таки недоверие новых друзей было оправданным: несколько раз Номер XII ловил быстрый, как луч из замочной скважины, проблеск чего-то забытого и погружался тогда в сосредоточенное презрение к себе — чего уж говорить о других, которых он в эти минуты просто ненавидел.

Все это, конечно, подавлялось непобедимым мироощущением бочки с огурцами, и скоро Номер XII начинал недоумевать, чего это его так занесло. Постепенно он становился проще, и прошлое все реже тревожило его, потому что трудно стало догонять слишком мимолетные вспышки памяти. Зато бочка все чаще казалась залогом устойчивости и покоя, как балласт на корабле, и иногда Номер XII так и представлял себя — в виде теплохода, вплывающего в завтра.

Он стал чувствовать присущую своей бочке своеобразную доброту. Огурцы теперь казались ему чем-то вроде детей.

Номера 13 и 14 были неплохими товарищами, и главное — в них он находил опору своему новому. Бывало, вечером они втроем, молча, классифицировали предметы мира, наполняя все вокруг общим пониманием, и когда какая-нибудь недавно построенная рядом будка содрогалась,

он думал, глядя на нее: «Глупость… Ничего, перебесится — поймет…» Несколько подобных трансформаций произошло на его глазах, и это подтвердило его правоту лишний раз. Испытывал он и ненависть — когда в мире появлялось что-то ненужное: слава Богу, так случалось редко. Шли дни и годы, и казалось, уже ничего не изменится.

Как-то летним вечером, оглядывая свое нутро, Номер XII натолкнулся на непонятный предмет: пластмассовый обруч, обросший паутиной. Сначала он не мог взять в толк, что это и зачем. Бочка в нем дремала, и какая-то другая его часть осторожно перебирала нити памяти, но все они были давно оборваны и никуда не приводили. Однако ведь было же что-то? Или не было? Сосредоточенно пытаясь понять, о чем же это он не помнит, он на секунду перестал чувствовать бочку и как-то отделился от нее.

В этот самый момент во двор въехал велосипед, и ездок без всякой причины дважды прозвонил звоночком на руле. И этого хватило — Номер XII вдруг все вспомнил.

Велосипед. Шоссе. Закат. Мост над рекой.

Он вспомнил, кто он на самом деле, и стал наконец собой — действительно собой. Все связанное с бочкой отпало, как сухая корка, он почувствовал отвратительную вонь рассола и увидел своих вчерашних товарищей, Номеров 13 и 14, такими, какими они были. Но думать об этом не было времени — надо было спешить, потому что он знал, что проклятая бочка, если он не успеет сделать того, что задумал, опять подчинит его и сделает собой.

Бочка между тем проснулась, поняла, и Номер XII ощутил знакомую волну холодного отупения: раньше он думал, что это его отупение. Проснувшись, бочка стала заполнять его, и он ничем не мог ответить на это, кроме одного.

Под выступом крыши шли два электрических провода. Когда-то они проходили через вырез в доске, но уже давно выбились из него и теперь врезались оголенной медью в дерево, на палец друг от друга. Пока бочка приходила в себя и выясняла в чем дело, он сделал единственное, что мог — изо всех сил надавил на эти провода, использовав какую-то новую возможность, появившуюся у него от отчаяния. В следующий момент его

смела непреодолимая сила, исшедшая из бочки с огурцами, и на какое-то время он просто перестал существовать. Но дело было сделано — провода, оказавшись в воздухе, коснулись друг друга, и на месте их встречи вспыхнуло лилово-белое пламя. Через секунду где-то выгорела пробка, и ток в проводах пропал, но по сухой доске вверх уже подымалась узкая ленточка дыма, потом появился огонь и, не встречая на своем пути никакого препятствия, стал расти и подползать к крыше.

Номер XII очнулся после удара и понял, что бочка решила уничтожить его. Он сжал все свое существо в одной из верхних досок крыши и почувствовал, что бочка не одна — ей помогали Номера 13 и 14, которые давили на него снаружи.

Очевидно, — со странной отрешенностью подумал Номер XII, — для них сейчас происходит что-то вроде обуздания помешанного, а может — прорезавшегося врага, который так ловко притворился своим… Додумать не удалось, потому что бочка, всей своей гнилью навалившись на границу его существования, удвоила усилия. Он выдержал, но понял, что следующий удар будет для него последним, и приготовился к смерти. Но шло время, а нового удара не было. Тогда он

несколько расширил свои границы и почувствовал две вещи. Первой был страх, принадлежавший бочке, — такой же холодный и медленный, как все ее проявления. Второй вещью был огонь, полыхавший вокруг и уже подбиравшийся к одушевляемой Номером XII части потолка. Пылали стены, огненными слезами рыдал толь на крыше, а внизу горели пластмассовые бутылки с подсолнечным маслом. Некоторые из них лопались, рассол в бочке кипел, и она, несмотря на все свое могущество, погибала. Номер XII расширил себя по всей части крыши, которая еще существовала, и вызывал в памяти тот день, когда его покрасили, а главное — ту ночь: он хотел умереть с этой мыслью. Сбоку уже горел Номер 13, и это было последним, что он заметил. Но смерть не шла, а когда его последнюю щепку охватил огонь, случилось неожиданное.

Завхоз семнадцатого овощного, та самая женщина, шла домой в поганом настроении. Вечером, часов в шесть, неожиданно загорелась подсобка, где стояли масло и огурцы. Масло разлилось, и огонь перекинулся на соседние сараи — в общем, выгорело все, что могло. От двенадцатого сарая

остались только ключи, а от тринадцатого и четырнадцатого — по нескольку обгоревших досок.

Пока составляли акты и объяснялись с пожарными, стемнело, и идти было страшно, так как дорога была пустынной, и деревья по бокам стояли, как бандиты. Завхоз остановилась и поглядела назад — не увязался ли кто следом. Вроде было пусто. Она сделала еще несколько шагов и оглянулась — кажется, вдали что-то мигало. На всякий случай она отошла в сторону, за дерево, и стала напряженно вглядываться в темноту, ожидая, пока ситуация прояснится.

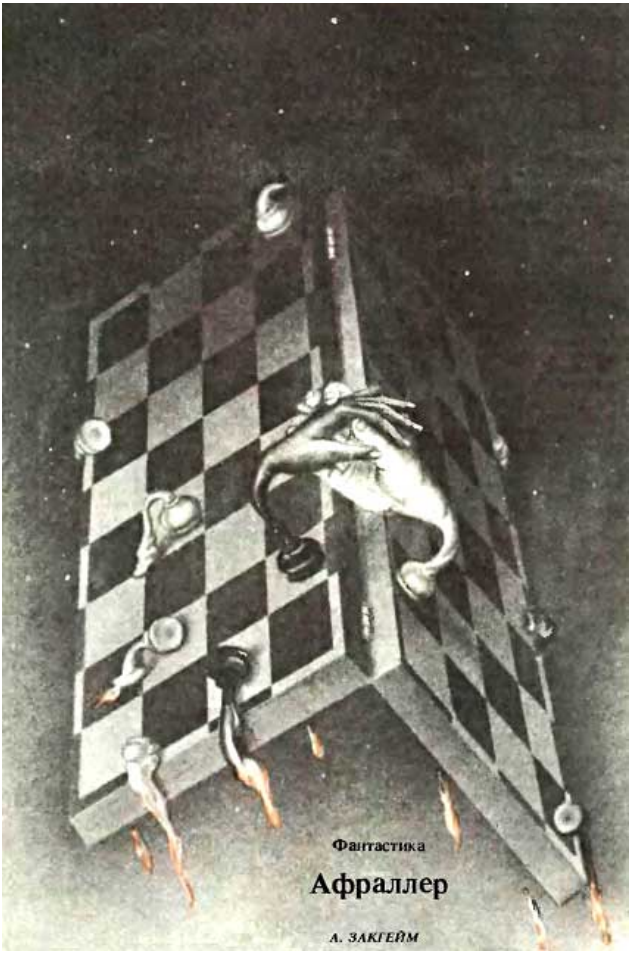
В самой дальней видимой точке дороги появилось светящееся пятнышко. Мотоцикл! — подумала завхоз и крепче вжалась в дерево. Однако шума мотора слышно не было. Светлое пятно приближалось, и стало видно, что оно не движется по дороге, а летит над ней. Еще секунда, и пятно превратилось в совершенно нереальную вещь — велосипед без велосипедиста, летящий на высоте трех или четырех метров. Странной была его конструкция — он выглядел как-то грубо, будто был сколочен из досок — но самым странным было то, что он светился и мерцал,

меняя цвета, то становясь прозрачным, то зажигаясь, до нестерпимой яркости. Не помня себя, завхоз вышла на середину дороги, и велосипед явным образом отреагировал на ее появление. Он снизился, сбавил скорость и описал над головой одуревшей женщины несколько кругов, потом поднялся вверх, застыл на месте и строго, как флюгер, повернул над дорогой. Провисев там мгновение или два, он тронулся наконец с места, разогнался до невероятной скорости и превратился в сверкающую точку в небе. Потом она исчезла. Придя в себя, завхоз заметила, что сидит на середине дороги. Она встала, отряхнулась и, совсем позабыв… Впрочем, Бог с ней.

№ 8

А. Закгейм

Афраллер



Фантастика

Афраллер

А. ЗАКГЕЙМ

Пальмы сгибались под ветром. Стекла в заведении Родриго угрожающе звенели. Но теперь это не страшно: сезон ураганов кончился, кончился очень рано, и наступило время, которое Кшиштоф Ковальски любил больше всего. Уже можно нормально ходить по улицам, а нашествие туристов еще не началось. Слава Богу, ему уже не надо кидаться за любым грошом, и в этот недолгий период затишья можно позволить себе чуточку расслабиться.

Правда, вот уже несколько лет в такое время на него нападал зуд подведения жизненных итогов — занятия заведомо бессмысленного и порождающего не так уж много счастливых воспоминаний. Да, он лишен даже того, что есть у большинства: сладостных воспоминаний детства. Родился в трюме парохода, который увозил его родителей из Польши, раздавленной Гитлером и Сталиным. Непонятно почему родители поселились в глухом углу Новой Англии, где их католическое вероисповедание вызывало нескрываемую неприязнь соседей-протестантов и злую агрессивность соседских детей. Несмотря на это (а может быть, именно поэтому), он вырос поляком и католиком; хотя для всех окружающих он был Крисом, но для

себя — только Кшиштофом. А в Польше удалось побывать только в сорок семь, и слишком многое там оказалось не таким, как виделось в мечтах…

Детство окончилось в двенадцать лет. Мать умерла и совершенно неожиданно для всех отец, шумный жуир, впал в глубокую депрессию и покончил с собой. Пришлось оставить школу и зарабатывать на жизнь. В пятьдесят восьмом году оказалось, что у него довольно бойкое перо (правду сказать, не перо, а машинка), и с тех пор его удел — несладкая доля провинциального журналиста. Где он только не побывал — во Вьетнаме и Иране, Судане и Нигерии, Парагвае и Гаити, Гренландии и Антарктиде… Сотрудничал в сорока газетах двадцати семи штатов, а изредка — ив зарубежных. И вот, наконец, после четверти века такой жизни, обрел тихое пристанище.

«Сан Фелипе — государство на одноименном острове. 27 тыс. жителей. Языки: испанский, английский. Сельское хозяйство (тропич. фрукты), туризм». Вот и все, что знал Кшиштоф, когда крохотный самолетик высадил его и еще трех пассажиров на столичном аэродроме — лужайке сто на пятьсот ярдов. Владелец очередной газеты, в которой Ковальски числился уже обозревателем, пару раз отдыхал здесь, после чего поручил

сделать рекламу острову. Реклама, видимо, удалась. Босс, купивший на острове два отеля, был доволен. А Кшиштоф решил осесть здесь. Хороший климат, если не считать сезона ураганов. Большинство жителей — католики. Нашлась и работа: в редакции «Сан Фелипе миррор» он стал вторым человеком, в здешней глуши оказалось нетрудно блеснуть опытом. А главное — покой. Очень спокойный остров, особенно когда туристов не слишком много. Последние же пять лет он почти обрел семью. Почти…

Размышления Кшиштофа прервал папаша Родриго.

— Крис, вас хочет видеть молодой человек.

Молодой человек оказался невысокого роста негром лет тридцати.

— Сэр, мне сказали, что вы — лучший на острове журналист. Я — Джим Свази, корреспондент «Ист Лондон пост» из Южной Африки. Не могли бы вы немного помочь мне?

— Если можно, зовите меня Крис. Не знаю, лучший ли я журналист, но во всяком случае тертый. У меня как раз затишье, так что я — к вашим услугам.

— Спасибо, Крис. Если позволите, сразу перейду к делу. Моих читателей очень интересуют

взаимоотношения европейцев и африканцев в вашей стране. Ходят слухи, что здесь у вас все в порядке.

— Не думаю. Впрочем, давайте расскажу, как я эти отношения вижу. А вы уж решайте, насколько они хороши. По мне, так не очень, хотя и далеко не плохи. Пожалуй, я сказал бы так: у нас — добровольный, традиционный апартеид. Белые и африканцы легко общаются; как правило, доброжелательны друг к другу. Расистов лично я не встречал. Но живут почти все раздельно. Это сложилось издавна — белые и черные кварталы; никто не препятствует африканцу поселиться на Принс Уильям Сквер, но там он будет чувствовать себя не так удобно, как на Секонд Стрит. Даже любовь… Достаточно часто можно увидеть белого парня с африканской девушкой. Редко, но бывает и наоборот: девушка — белая, ее друг — африканец. Если у таких пар рождаются дети, почти никто не считает это чем-то страшным.

Но в официальный брак вступают свои со своими. Исключений почти нет.

(Почему ты не женишься на Марии? Боишься связать себя? Или дух разделения рас все же пустил росточек в твоей душе? Но об этом ты не расскажешь. Стыдишься? Или еще не додумал

до конца?)

— А мулаты?

— За малыми исключениями они чувствуют себя африканцами. И живут соответственно.

— А школы?

— Здесь закон тверд. Полное равноправие и никакой сегрегации. Все учатся вместе.

— А как дела с высшим образованием?

— Я не знаю точно, как с теми, кто едет в заграничные университеты. В нашем университете Сан Фелипе семьсот студентов. Африканцев около двух третей — так же, как во всей стране. Из ста преподавателей шестьдесят — африканцы.

— А аспиранты?

— Я как раз собирался завтра утром навестить профессора Кокрена. Это наше светило; не исключено, что одна из ближайших Нобелевских премий по химии — его. Он человек общительный и мой приятель. Поедемте со мной, посмотрите, как работают его аспиранты. Сейчас их семеро, трое — темнокожие.

Из дневника Кшиштофа Ковальски

11 марта

Эйб Кокрен поморщился, когда я рассказал суть дела. Для него этой проблемы попросту нет, ему-то абсолютно безразличен цвет кожи и неприятны разговоры на эту тему. Но он, конечно, понял, что Джима это волнует.

— Видите ли, мистер Свази, я допускаю, что в каких-то деталях способности европейца и африканца могут различаться. Например, люди вашего континента замечательно бегают, это знает каждый, кто интересуется спортом. Удивительно, но я не могу назвать ни одной области, где по природным данным так же выделяются европейцы. Преимущества цивилизации, больше возможностей проявиться — это да. Врожденных же преимуществ я не знаю, хотя почему бы им и не быть? Впрочем, все это — отдельные детали. В целом мы все разные, но место рождения, ни ваше, ни ваших предков, главного не определяет. Что же касается научных способностей, здесь нужен целый букет задатков, из которых один сильнее у англичанина, другой — у готтентота,

третий — у еврея, а четвертый — у бирманца, поэтому всякие подобные рассуждения абсолютно бессмысленны. У меня в позапрошлом году защитил диссертацию Питер Браун, ирландец. Скоро его имя прогремит в мировой науке. А сейчас заканчивает работу Антуан Рифо, гаитянин. Когда приехал, химии почти не знал. Теперь же обогнал всех — талантлив поразительно. Провел такое исследование… Впрочем, вряд ли вам интересны химические подробности.

— Профессор Кокрен, мне очень интересно. Постараюсь понять: в колледже я был третьим по химии.

— Прекрасно. Извините, если я вас обидел. Дело вот в чем. Антуан взялся изучать биологически активные вещества одного здешнего кустарника, Pseudorosa robusta. Выяснил, что их очень много и они высокоэффективные. А главное, не знаю даже, как он догадался, обнаружилось странное единообразие. Одна и та же реакция бензоилирования, которая живому растению, по-видимому, чужда, резко усиливает действие многих из этих соединений, причем химически совершенно непохожих. Каков здесь смысл, он пытается сейчас понять. В любом случае это прекрасная и перспективная работа.

— Спасибо, профессор. Я очень…

Закончить Джим не успел. Распахнулась дверь, и из соседней лаборатории вывалился Антуан Рифо. Секунду мы ошарашенно глядели, как он корчится на полу, потом кинулись к нему. Лицо Антуана было страшно. Оно раздулось до такой степени, что, казалось, сейчас лопнет кожа. Цвет лица был ярко-коричневый. Никогда не думал, что негр может так покраснеть. Огромные глаза Антуана изчезли под разбухшими веками. Сиплое дыхание прерывалось стонами.

— Свази, помогите вынести его на воздух! А вы, Крис, звоните в «скорую». Быстро!

Я успел только назвать адрес девушке из «скорой», как услышал крик Эйба:

— Крис! Без вас я не справлюсь!

Я подбежал. Джим выпустил Антуана и сел на пол. Его лицо на глазах краснело и отекало. Пришлось тащить двоих. Хорошо, что «скорая» приехала сразу.

20 апреля

Эйб позвонил мне утром и попросил зайти в два часа. В кабинете, где я не был с того суматошного мартовского дня, сидели все аспиранты и Джим Свази. Эйб выглядел торжественно, как всегда,

когда он волнуется.

— Джентльмены, совершенно случайно обнаружен любопытный факт. Мистер Ковальски, вы были здесь тогда, 11 марта. Не показалось ли вам, что произошло нечто странное?

— Показалось. Антуан и Джим сильно отравились, а мы с вами — почему-то нет.

— Совершенно верно. Антуан получил вещество, которое обладает удивительными свойствами. Оно практически не действует на европейцев, а для африканцев — сильнейший аллерген. Несколько слов для вас, Ковальски. Наука знает вещества, по-разному действующие на разных людей. Есть такие, которые примерно для шестидесяти процентов человечества безвкусны, а для остальных сорока — страшно горьки. Собственно, любой аллерген действует лишь на некоторых, а для остальных безразличен. Сверхчувствительность к разным веществам может передаваться по наследству. Но столь мощное действие и такой тип генетической обусловленности, пожалуй, обнаружен впервые. Антуан, — повернулся он к Рифо, — нужно готовить статью для «Нейчур». Продукт я бы назвал афраллер — аллерген для африканцев.

В этот момент поднял руку Свази.

— Извините меня, профессор, я не должен вмешиваться в научное обсуждение. Но мой печальный опыт, которого, к счастью, нет у вас, подсказывает: в ваши руки попало страшное оружие. И лучше, если о нем никто не узнает. Слишком большой соблазн для тех, кому унизить, ударить, замучить негра — удовольствие.

— Мистер Свази, я понимаю ваши чувства и уважаю их, но думаю, вы неправы. Понять работу Рифо сможет лишь высокообразованный человек, а такой Человек не станет использовать ее во зло. К тому же в нашей стране нет расовых конфликтов.

— Профессор Кокрен, — ввязался я в разговор, — вы на дюжину головы выше нас в науке. Но вы недостаточно хорошо представляете, какими подлецами могут быть люди. В этом, пожалуй, мы со Свази разбираемся лучше. Я очень жалею, что Рифо получил этот проклятый афраллер. Более того, я жалею, что об этом знают по меньшей мере десять человек — все, кто здесь сидит. Вы кому-нибудь еще говорили?

— Больше никому. Но не слишком ли…

— Не слишком, — перебил я профессора не очень вежливо. — В руках тех, кто здесь находится, — бомба. Свази прав. И взорваться она

может от любой неосторожности. Мы все должны поклясться, что никому никогда ни при каких обстоятельствах не проболтаемся.

— Ковальски, я привык доверять вашей житейской мудрости. Но боюсь, что все не так просто. Нельзя безнаказанно противостоять развитию науки. Ее цель истина. Быть может, именно здесь — ключ к победе над аллергией, к раскрытию механизмов иммунитета. Имеем ли мы право прятать этот ключ?

— Профессор, есть истины, которым сегодня не время появляться в этом страшном мире. Вспомните об атомной бомбе. Поверьте, речь идет о смертельной опасности.

Эйб молчал несколько минут. Мы ждали. Наконец он заговорил:

— Ладно, я подумаю. Пока прошу всех строго соблюдать тайну.

Ожидать большего было невозможно. Эйб — человек до крайности упрямый. Но я надеялся, что он в конце концов поймет, а остальные ему подчинятся.

7 мая

Я всегда недолюбливал Арта Бентли. Мне казалось, что подобный образ мыслей остался в

далеком прошлом: презирать всех окружающих только потому, что твой папаша стоит двадцать миллионов, хотя ты сам не стоишь ни гроша. Для Арта же это — главный принцип жизни. Но он труслив и до поры до времени не очень высовывался. Поэтому то, что сказал мне инспектор Редфорд, было не только страшно, но и неожиданно.

— Крис, я хочу посоветоваться с вами, но нужно, чтобы газеты пока молчали. Дело неприятное и темное. Это молодой Бентли. Часов пять назад у папаши Родриго какой-то парень не очень почтительно с ним заговорил. Тогда Бентли что-то вытащил из кармана и бросил в его сторону. Что — никто не заметил, и мы ничего не нашли. После этого парню стало плохо, его всего раздуло, и он еле дышал. Другие негры тоже стали задыхаться. А сам молодчик — хоть бы хны. Медицина сбилась с ног. Но доктор со «скорой» припомнил похожий случай двухмесячной давности, к которому вы имели какое-то отношение. Еще врачи сказали, что это острая аллергия, тяжелых последствий быть не должно.

— Тони, все это скверно до крайности. Не дай Бог, если это действительно то, о чем вспомнил док. Но я не могу сразу ответить вам. Дайте мне

час времени. И чтобы этот час за мной никто не следил. На ваше слово я положусь.

— Хорошо. Час я подожду. Но лучше полчаса.

Я побежал к Эйбу и рассказал ему все. Жалко было смотреть на него. Он сразу же помчался в полицию, так что Редфорд не ждал и получаса. А я провел мерзейший вечер и бессонную ночь.

10 мая

Второй случай нападения с афраллером. Сара Сидни, мулатка, сумела сама дотащиться до больницы. Кто ее отравил, не знает. Пьяный парень привязался и уговаривал ехать к нему. Когда она отказалась, сунул ей под нос тряпочку.

Арт Бентли заявил, что он в ресторане ничего не бросал. Адвокаты у него лихие, и Редфорд сомневается, хватит ли доказательств для передачи дела в суд. Мы с инспектором и Эйбом решили, что скрывать больше нечего, и я написал первую статью.

Эйба больше всего мучает мысль, что во всем этом виноват кто-то из его аспирантов. А выяснить кто — он не может. Да и не стал бы, даже если бы и мог. Таков Эйб.

12 мая

Часов в девять вечера компания забулдыг, из тех, кто в прихвостнях у Арта Бентли, отправилась на Секонд Стрит «травить негров». Я примчался минут через десять. Пьяны они были, как свиньи. Поэтому мне без труда удалось начистить рожи шести или семи, заработав лишь царапину на щеке перочинным ножом. Орали они гнусно, грозили мне, «защитнику ниггеров», смертью. Ну, этих-то я не боюсь. Они слишком трусливы и слишком глупы. Но какая гадость этот афраллер! Мерзавцы получили возможность мучить людей, зная, что те не могут ответить. Хорошо, хоть полиция действовала как надо, и очень скоро семнадцать негодяев оказались в кутузке. А сорок отравленных — в больнице.

13 мая

На сей раз установить, какой подонок применил афраллер, не удалось. Рано утром на одной из пальм в конце Авенвда Сервантес он укрепил довольно остроумно склеенное бумажное устройство, из которого порошок афраллера потихоньку высыпался и разносился ветром. Двадцать шесть человек поражены.

Клара Санчес (ее отравили вчера) умерла: очень слабое сердце.

17 мая

Антонио Лопес, мулат с Секонд Стрит, застрелил некоего Алека Макферсона, когда тот напал с афраллером на группу прогуливавшихся негров. Потом сам заявил в полицию.

18 мая

Партия Латина внесла в парламент законопроект «Об особой мере ответственности за применение средств, отравляющее действие которых связано с расой». Увы, дохлый номер. По конституции этого благословенного государства решения в парламенте принимаются только большинством в 75 процентов — как нигде в мире. Очень демократично и благородно. Простое большинство не может навязать свою волю меньшинству. Но в серьезных случаях это полностью парализует парламент. А в данном наверняка: партия Джосии Бентли имеет почти 30 процентов голосов. Предстоит множество пустопорожних речей — и все.

24 мая

Дебаты в парламенте продолжаются.

За неделю — восемь нападений с афралле-

ром, сто три пострадавших. Вчера снова была стрельба, на этот раз — с двух сторон. Убитых нет, раненых пятеро.

25 мая

Епископ обратился ко всем гражданам с призывом к миру. Господи, хоть бы подействовало!

31 мая

Неделя прошла спокойно. Боюсь надеяться.

4 июня

Пока — спокойно.

10 июня

Неужели пронесет? Боже мой. Матерь Божья, пошлите им мудрость и спокойствие!

13 июня

Все рухнуло.

Сегодня — день святого Антония Падуанского, любимый праздник на острове. Мы с Марией пошли в собор.

Кошмар начался в разгар литургии. Кто, какой негодяй решился на такое? Или он не верует? Или душа его погублена настолько безнадежно, что

он не боится уже никакого кощунства?

В соборе было много негров. Обезумев от удушья, они метались, ломая мебель и давя других. В дверях образовалась такая свалка, что я понял — там не пробиться. Мария с огромным трудом выдавливала из себя сиплый шепот:

— Ничего, ничего, Кшиштоф. Я — ничего, потерплю.

Я потащил ее к окну, да еще левой рукой прихватил какого-то мальчика лет трех. Его совсем ослепшая мать уцепилась за полу моего пиджака и брела, пошатываясь, сзади. Счастье, что один из витражей оказался достаточно низко. Я вышиб его кулаком, здорово порезавшись. Мария спрыгнула вниз удачно и сумела поймать мальчика. Его мать, видимо, вывихнула ногу. Так что до госпиталя мне пришлось тащить ее и сына на руках, а Мария шла сама Позже, вечером, я стоял перед Марией на коленях и целовал стопы ее ног.

— Прости меня, окаянного. Мария, Мария, позволь мне назвать тебя женой.

20 июня

Сегодня мы обвенчались.

22 июня

В редакцию пришло письмо: «Организация «Черная оборона» сообщает, что ею задержан в качестве заложника Артур Бентли. Если белые негодяи продолжат нападения с афраллером, Бентли будет казнен». Мы дали экстренный выпуск.

Джосия рвет и мечет. Я твердо знаю, что ему наплевать на своего отпрыска, они друг друга терпеть не могут. Но здесь задето то, что этот старый содомит называет своими принципами. Вдобавок он еще и глуп: предъявил иск газете.

26 июня

Люди Бентли похитили епископа. Предлагают обменять на Арта.

28 июня

В редакцию пришел Диего Мендоса с объявлением: «Готов субсидировать производство афраллера». И это Мендоса, автор закона о равенстве рас, билля о равноправном образовании! Негры острова считали его святым.

И вот вчера нашлась среди них мразь, для которой святость — пустое слово. Они зверски убили внука Мендосы — якобы в отместку за похищение епископа.

Смотреть на беднягу было невыносимо. Он поистине обезумел от горя. Весь стухший, красный, глаза вылезли из орбит и налились кровью, волосы растрепались — что осталось от образцового аристократа! С маниакальной настойчивостью он твердил:

— Сеньор Ковальски, я не буду обсуждать причины, по которым вы — за негров. Но вы заблуждаетесь. Они не люди. Я знаю, что говорю, я это выстрадал. И во имя человеколюбия вы обязаны, обязаны, обязаны помочь мне. Отныне и вовеки у меня не будет иной цели в жизни, как мстить им.

Несчастный!

30 июня

Идиотски-романтическая история как жалкая пародия на то, что я когда-то читал в романах. Среди отравленных в день святого Антония оказался сын Стивена Хатчинсона Хатчинсон решил, что жена изменяла ему с темнокожим. Вчера вечером он с горя напился, разрядил в нее пистолет и кинулся сводить счеты с неграми. Не знаю, где ему продали афраллер, но у него сразу же начался тяжелейший приступ. Оказывается, это он передал гены своему отпрыску, видно, кто-то

из его предков был африканцем. К счастью, жену удалось спасти. У Хатчинсона острый психоз.

1 июля

Шеф срочно вызвал меня.

— Крис, беда Эйб Кокрен покончил с собой.

У меня потемнело в глазах.

— Крис, я понимаю, как тебе скверно. Но нужно делать дело. И дело неприятное. Президент Льюис очень просил меня, чтобы в сообщении о смерти Эйба не упоминался афраллер. Льюис сейчас в труднейшем положении. Он пытается как-то сгладить ситуацию. Мы все понимаем, что именно эта страшная история подкосила Эйба, но Льюис боится, как бы разговоры об этом не оказались последней горошиной, переворачивающей накренившийся корабль.

Голова моя шла кругом. Эйб… В последнее время у него не было никсго ближе меня. И я видел, как он мучается. Неужели я упустил его потому, что в эти дни слишком был занят Марией? Долг мой, наверное, состоял в том, чтобы быть с ним неотлучно?

И что делать сейчас? Вправе ли я ради политики президента (хоть и отношусь к нему неплохо) скрывать тяжкую тайну моего друга?

Будь что будет.

— Ладно, шеф, я постараюсь.

Доктор Бустаманте принял меня сразу.

— Док, скажу откровенно. Мне необходимо найти мотив самоубийства Кокрена, не связанный с этой мерзостью — афраллером.

Я объяснил ему все: Бустаманте — человек умный и порядочный. Он думал минуты две, я напряженно ждал.

— Хорошо. У профессора Кокрена могла быть еще одна причина покончить с собой, хотя он вряд ли знал о ней. У него — тяжелейший рак легких. Но форма такая, что он вряд ли что-нибудь чувствовал. В любом случае жить ему оставалось месяцев пять.

— Спасибо, доктор. Для нашей газеты сойдет.

Как спокойно лицо Эйба!

24 августа

Мария беременна.

6 октября

Бустаманте отыскал меня в редакции.

— Мистер Ковальски, странные и тревожные обстоятельства. Пока это не для печати, но вам надо бы знать. За последний месяц обнаружено двенадцать случаев рака легких в такой же фор-

ме, какая была у Кокрена.

— А почему это нужно знать мне?

— Мне кажется, что здесь — какая-то связь с афраллером. Вы причастны к этой истории с самого начала. К тому же вы из тех, кто не проболтается и не станет паниковать. Очень прошу вас пройти в нашем госпитале обследование. И сеньору Ковальски.

8 октября

В наших легких чисто. Но доктор настоятельно просил повторить обследование через два месяца. Мы согласились.

Какое несчастье! Стоило одному мерзавцу выпустить злого духа, и все благополучие Сан Фелипе рухнуло. Я давно уже не пишу здесь о каждом преступлении, связанном с афраллером: хватает того, что пишу в газете. А статистика такова. За пять месяцев, с 7 мая, было 107 нападений с афраллером. Поражено приблизительно 1500 человек. Двадцать семь умерли, из них девять затоптаны в соборе. Человек сорок тяжело болеют. В перестрелках и при террористических актах убиты семеро, ранены двадцать два человека. Образовалось не менее дюжины террористических групп. Захвачено семнадцать заложников.

Сегодня освободили епископа. Арта Бентли две недели назад обменяли на двух негритянских девушек. Арт, похоже, повредился в уме. А обе девушки изнасилованы. Сейчас в заложниках осталось одиннадцать человек.

Четыре драки между школьниками с причинением увечий — выправятся ли когда-нибудь души этих детей? По оценкам, экономический ущерб за пять месяцев — тринадцать миллионов: полный срыв туристического сезона, сожженные дома, взорваны два моста и главное нефтехранилище.

5 декабря

Бустаманте снова пригласил меня и Марию на обследование.

12 декабря

Пальмы сгибаются под ветром. В этом году сезон ураганов начинается очень рано. Похоже, последний раз я сижу в заведении папаши Родриго. Через день-другой сюда не доберешься. А через пару месяцев я отправлюсь на кладбище. Боже мой! Справедлива кара Твоя. Чего еще можно было ожидать? Не спрашивай, по ком звонит колокол. Если дьявольское измышление тяжко

поражает одну часть рода человеческого, оно губит и остальных. Иначе быть не может.

Афраллер, вызывающий у африканцев аллергию, — сильнейший канцероген для тех, кто аллергии не подвержен.

Господи Иисусе! Матерь Божья! Святой Антоний! Спасибо вам за утешение: род Ковальских не пресечется на Земле. В тайне чрева Марии — мое продолжение, защищенное ее темной кожей, защищенное муками, которые она перенесла в Антониев день. Спасибо и доктору Бустаманте: я даже знаю, что там — двойня и что оба — мальчики.

Я не успею увидеть их в этой жизни! Боже! Еще и еще повторяю: справедлива кара Твоя. Быть может, тяжесть ее искупит мой грех: то, что я принадлежу к подлому роду белых, посмевших измываться над людьми только потому, что те на них не похожи, измываться, думая, что это останется безнаказанным.

Рисунок В. Адамовой

№ 9

Кир Булычев

Утешение

Льву Разгону посвящается.

Изобретатель машины времени Матвей Сергеевич Ползунков, будучи человеком относительно молодым и, как говорится, не от мира сего, когда не работал — не знал, на что себя употребить. А в его жизни, как и в жизни любого человека, возникали моменты и даже периоды вынужденного безделья, как, например, вечер 6-го марта прошлого года, когда домашний компьютер сломался, а институт был до утра закрыт. Можно было поехать к маме, у которой он не был уже три месяца, но у мамы всегда было скучно, и надо было общаться с отчимом. Можно было позвонить Людмиле, но Людмила так хотела его на себе женить — нет, не из-за его научных достижений и благополучия, а потому что жаждала с ним спать. И это тоже было скучно.

Поэтому, отказавшись от изъезженных путей, Матвей Сергеевич пошел по улице Герцена и в нескольких шагах от площади Восстания увидел на Доме литераторов объявление о том, что сегодня там писатель Леонид Ларин читает свои рассказы о прошлом, а устраивает этот вечер общество «Мемориал», целям которого Матвей Сергеевич глубоко сочувствовал, хотя никто из

его родственников от репрессий не пострадал, а отец погиб на фронте в мае 1945 года в возрасте двадцати лет, на четвертый день после свадьбы со связисткой Семеновой, которая и стала потом матерью Матвея Сергеевича.

Матвей Сергеевич вошел в Дом литераторов, сдал на вешалку пальто и был встречен двумя прозрачными бабушками в школьных платьях с белыми воротничками, которые обрадовались его приходу. От такой встречи Матвей Сергеевич решил, что зал будет пуст и Леонид Ларин будет читать свои рассказы лишь ему и двум прозрачным бабушкам.

Матвей Сергеевич ошибся, потому что зал был почти полон, если не считать пустых мест спереди, в третьем и четвертом рядах, видно, припасенных для литературного начальства, которому было недосуг сюда прийти.

Леонид Ларин, вышедший на сцену точно в девятнадцать часов, оказался прямым пожилым мужчиной с лицом, склонным к улыбке, даже когда оно было совершенно серьезным. Такими же оказались и его рассказы. Они повествовали о вещах страшных и вещах обыкновенных, о жизни в лагерях и ссылке и, наверное, были бы, безусловно, трагичны и безысходны, если бы и в

них не было всегдашней легкой улыбки автора, которая, конечно, и спасла его, и не только позволила выжить там, встретить высокой красоты женщину и жениться на ней, но и остаться моложавым, подтянутым и легким в походке.

Сидя в том зале, Матвей Сергеевич не аплодировал и ничем не показывал своего одобрения, потому что это казалось ему неуважением к Леониду Ларину, ведь не аплодируют в церкви священнику, а в лесу — пению птиц. Его не оставляло забытое детское опасение, что рассказы вот-вот кончатся и ему скажут, что пора домой, пора спать.

Так и случилось, сразу после того как Ларин прочел рассказ о жене президента нашей страны, которая стирала белье в лагерной прачечной, тогда как ее супруг, покорный тирану, раздавал ордена палачам и подписывал смертные приговоры другим женам и мужьям.

Выйдя на улицу, Матвей Сергеевич долго стоял у входа в Дом литераторов, словно поклонник, ожидающий любимую певицу. Но все разошлись, а Ларина он не дождался, видно, тот остался в ресторане или вышел другим путем.

Матвей Сергеевич внимательно следил в «Вечерней Москве», не будут ли объявлены другие

выступления Ларина, потому что он бы с удовольствием туда пошел, но в газете таких объявлений не было. Тогда Матвей Сергеевич, отличавшийся логическим складом ума, предположил, что Ларин не занимается чтением своих рассказов профессионально, а делает это лишь по просьбе людей из «Мемориала». Рассудив так, Матвей Сергеевич отыскал телефон «Мемориала», и там ему ответила очень любезная женщина, которая подтвердила его подозрения и даже помогла узнать, где через две недели Ларин будет выступать вновь.

Выступление было дневное, в городской библиотеке, в пользу инвалидов, и Матвею Сергеевичу стоило немалых трудов туда вырваться. По парадоксальной причине: он сам назначил на это время совещание с поставщиками, деликатное и неимоверно трудное. И вдруг пренебрег им и к полному изумлению его сотрудников и соратников переложил переговоры на недалекого заместителя, который обязательно их провалит.

На выступление Ларина Матвей Сергеевич шел как на свидание. Он хотел даже купить букет цветов, но смутился, представив себя идущим по проходу с букетом — нескладного, худого и сутулого. Застыдился и букета не купил.

Ларин отвечал на записки, удивляясь их однообразию. На этот раз в зале библиотеки народу было куда меньше, и в основном — пожилые женщины. Ларин обратил внимание на худого, плохо подстриженного человека и даже подумал, что лицо его чем-то знакомо. То ли встречал его когда-то раньше, то ли уже видел на собственном выступлении.

Этот худой человек сидел серьезно, неподвижно, будто принимал лечебную процедуру, во время которой рекомендуется не двигаться. Выделив его лицо из ряда иных лиц, Ларин уже посматривал на него, но ничего более интересного в поведении слушателя не заметил и даже почему-то подумал, что это мог быть наблюдатель из КГБ, собирающий, например, сведения для доклада о состоянии общественного мнения.

Второй встречей с Лариным Матвей Сергеевич не был удовлетворен, но не потому что рассказы ему приелись или автор стал менее привлекателен, — на самом деле, хоть он и не мог себе в этом признаться, его подсознательно волновал результат переговоров в институте и предчувствие их провала. Что и случилось.

В мае, после третьего выступления, Матвей Сергеевич набрался смелости и подошел к Ларину.

В тот день Ларин плохо себя чувствовал и очень беспокоился о жене, которой сделали операцию. Он сам с трудом досидел до конца собственного вечера, отменить который помешала лишь совестливость и всегдашнее чувство ответственности перед людьми, от него каким-то образом зависящими.

Матвей Сергеевич почувствовал состояние Ларина и, подойдя к нему, предложил довезти до дома. Ларин с благодарностью согласился. У подъезда клуба «Металлист», где выступал Ларин, Матвея Сергеевича в тот день ждала служебная серая «Волга». Это удивило Ларина, среди его знакомых и друзей почти не было людей со служебными серыми «Волгами», и он, понимая, что как-то надо поддерживать разговор, хотя бы из благодарности к человеку, везущему его домой, спросил, где тот работает. Матвей Сергеевич ответил, что в институте. Это была чистая правда, которая не удовлетворила Ларина, но он ничем не показал этого.

Для Матвея Сергеевича посещения выступлений Ларина стали обязательными, как для иного человека — посещение церковной службы. Ларину даже бывало неловко от того, что он читает те же рассказы, с теми же интонациями и даже

одинаково шутит по поводу удручающе одинаковых записок. Он привык уже видеть Матвея Сергеевича и считал его чем-то вроде дворового сумасшедшего, безобидного и не очень надоедливого: не тронь, он и промолчит.

А Матвей Сергеевич был влюблен в Ларина. В его писательский талант, в стать его стройной фигуры, в его голос и главное — в сдержанную улыбку. Наверное, психоаналитик объяснил бы эту привязанность последствием безотцовщины и бесконечным внутренним одиночеством талантливого человека, вынужденного зачастую притворяться банальным ради того, чтобы сдвинуть с места свое великое дело. Ведь никто, даже ближайшие сотрудники, не верили в успех их предприятия, и с каждым месяцем все труднее было доставать ассигнования, в первую очередь валютные.

Матвей Сергеевич настолько сжился с миром Ларина, с лагерями, сибирский зимой, вышками над колючей проволокой, голодом, холодом и смертями, что порой просыпался ночью будто в бараке, и даже открыв глаза, не мог отделаться от видения. И страшнее всего ему было не за себя — если бы не дело, он бы вообще себя не берег, — а за Ларина, которого считал куда более тонкой

и благородной натурой, а значит, человеком, которого надо оберегать.

Один раз, уже в августе, ему удалось оказать Ларину небольшую услугу. Матвей Сергеевич услышал, подойдя к Ларину после выступления, как тот сказал какой-то пожилой даме из «Мемориала», что послезавтра уезжает во Францию по приглашению издателя и что трепещет перед этой поездкой, потому что за границей никогда не был. К тому же такси никак не вызовешь, а жена еще слаба после операции. Дама из «Мемориала» вздыхала и искренне сочувствовала, но была бедной женщиной и ничем помочь не могла. Тогда Матвей Сергеевич, который в тот вечер был без машины, потому что считал неудобным использовать ее в позднее время, подошел к Ларину, спросил, когда у того самолет, и сказал тоном, не терпящим возражений, что отвезет своего кумира на аэродром. Ларин был благодарен и не мог отказаться от такой любезности. Потом, дома, его жена смеялась, что наконец-то Леонид обзавелся настоящим поклонником. И скоро к нему в двухкомнатную блочную квартирку будут приходить ходоки, как ко Льву Толстому.

В назначенное время машина была у подъезда, Матвей Сергеевич поднялся, помог перенести ве-

щи, они поехали. Погода была плохая, шел дождь. Ларин спрашивал жену, откуда ему знакомо лицо Матвея Сергеевича, может, она помнит, а Матвей Сергеевич смеялся, что его лицо приелось Ларину и тому кажется, будто они встречались раньше.

И тут случилась беда.

Спустило колесо, потом сломался домкрат, а машины пролетали мимо и не хотели останавливаться, потому что все спешили в аэропорт. В результате Матвей Сергеевич пережил, не признавшись никому, приступ стенокардии, а к самолету они, изволновавшись, устав от убежденности в провале французской поездки, приехали за двадцать минут до отлета.

Вялый молодой таможенник, отлично зная, что каждая минута на счету и пожилые люди не смогут бегать по коридорам, с добрым служебным садизмом потребовал открыть чемодан и стал пересчитывать матрешек, бутылки шампанского и прочие вещи, что везли Ларины в подарки людям, которых знали а Париже.

И вот тогда, не в силах более терпеть это издевательство, Матвей Сергеевич, наблюдавший за процедурой из-за ограды, сметая все на своем пути, вылетел в таможенный зал и закричал, обращаясь и к тому вялому молодому таможен-

нику, который досматривал Лариных, и ко всем таможенникам и пограничникам аэропорта:

— Вы читали «Жену президента»? Нет, скажите — вы читали «Жену президента»? В «Огоньке»?

— Читал, — сказал таможенник. — Кто не читал?

— А теперь вы хотите, чтобы человек, который написал этот рассказ, который провел в сталинских лагерях почти двадцать лет, — вы хотите, чтобы он опоздал на самолет? Вы преступник! Да!

Пауза, наступившая после этого взрыва, была недолгой — может быть, секундной, но казалось, что она тянется вечно. И нарушил ее начальственный голос, прогремевший со стороны:

— Семенов, а ну пропустить товарища писателя!

А молодой таможенник, уже сам спеша, засовывал обратно в чемодан вещи, защелкнул его и сказал:

— Я понимаю, вы не думайте, у меня же дядя сидел, я ваши произведения читал!

Таможенный начальник взял чемодан, чтобы они успели на самолет, и повел Лариных к пограничному контролю, а на Матвея Сергеевича больше никто не обращал внимания, и он, страш-

но подавленный своим поступком, вернулся к машине, где его ждал такой же удрученный и виноватый шофер, и сказал ему: «Вроде обошлось», — и до Москвы больше не произнес ни слова. Шофер тоже молчал.

Когда Ларин вернулся из Парижа, Матвей Сергеевич не явился на его вечер в Доме литератора, и Ларин был удивлен, что тот не подошел к нему. А Матвей Сергеевич все не мог пережить позора — ведь по его вине с писателем случился такой казус. Да и вел он себя нетактично, и, наверное, Ларин сердится на него.

В то же время Матвей Сергеевич видел определенную историческую справедливость в запомнившейся картинке: грузный таможенный чин ведет к границе, поддерживая под локоть, бывшего заключенного, выкинутого и чуть не убитого этим обществом. Ах, если бы человек мог знать заранее, что его ждет! И, заглянув в будущее, увидеть, что справедливость в конце концов обязательно торжествует! Может, тогда садист-следователь поостерегся бы избивать старую женщину, а лжесвидетель лгать и подличать? И с глубокой горечью Матвей Сергеевич понимал, что многие годы в тюрьме, лагерях, ссылке его кумир Леонид Ларин мог лишь смутно надеяться

на смерть Сталина, но не на смерть эпохи. И ждал лишь худшего… И никто не мог придти к нему и сказать: Дорогой Леонид! Все обойдется! Ты еще пройдешь под руку со своей прекрасной женой по Лазурному берегу во Франции. Правда, лучше бы вам это сделать сейчас, но и в преклонном возрасте Лазурный берег очарователен, не так ли?

…Ларин сам позвонил Матвею Сергеевичу. Когда-то раньше тот сообщил ему, как называется его институт. Ларин нашел телефон и позвонил. Не видя Матвея Сергеевича более месяца, он решил, что тот в обиде: ведь человеку пришлось из-за него кричать и волноваться в Шереметьеве.

Матвей Сергеевич, несмотря на то что в институте шли испытания и сам он трое суток уже не спал, был счастлив звонку. Он обещал, как только станет свободнее, обязательно навестить Ларина. Когда ходовые испытания завершились, Матвей Сергеевич пришел на встречу писателя с читателями по поводу выхода в свет его новой книги. Во время выступления Ларина спросили, каково после стольких лет страданий переносить теперь писательскую популярность. На что тот с юмором рассказал об истории в аэропорту, в которой, правда, Матвей Сергеевич совсем не

выглядел глупым. Больше всего смеялись, когда Ларин изобразил таможенного начальника.

Не подойдя к Ларину после встречи, потому что торопился в институт, Матвей Сергеевич вдруг понял, что его поступок вовсе не плох и не смешон, — он всего-навсего отражение нашего глупого, трагического и смешного времени.

В последующие две недели он не забывал о писателе, но института не покидал — проходили пробные запуски. Сначала на десять минут, затем на полчаса, наконец — на год. В прошлое и будущее улетали крысы и кошки, то исчезали, то возвращались — обо всем этом можно было бы прочесть в специальной, но пока засекреченной литературе.

К нашему рассказу это не имеет отношения до того дня, когда, подобно врачу, привившему себе чуму, в машину времени не вошел ее создатель, директор НИИВП, действительный член АН СССР, генерал-лейтенант Матвей Сергеевич Ползунков, о чем его мама Нина Сергеевна, конечно же, не знала, иначе бы она этого не пережила.

Благополучно прошли три путешествия — в недалекое прошлое, недалекое будущее, и наконец наступил момент испытания максимальных возможностей машины, на чем настаивал ми-

нистр обороны.

Разумеется, все знали (хотя министр обороны этому не верил), что ничего в прошлом изменить нельзя, да и не надо, потому что от этого непредсказуемо изменится настоящее. Но если действовать осмотрительно, то последствия поступков постепенно нивелируются.

В ночь перед основным запуском Матвей Сергеевич не спал.

Он думал о собственной ответственности перед человечеством и о том, что обязательно найдутся силы, желающие манипулировать историей. Это будет трагедией для всей Земли, и невинные жертвы этих манипуляций будут проклинать именно его — Матвея Ползункова. И будут правы, хотя не будь Ползункова, через полгода нашелся бы кто-то другой.

Если человек имеет хоть малую возможность уравновесить причиненное им зло каким-нибудь добрым поступком, он обязан к этому стремиться. И надеяться, что сумма добрых дел в конечном счете перевесит гирю подлости. А Матвей Сергеевич заранее решил, какое доброе дело он совершит.

Опасаясь, что его не поймут, а не поняв, захотят помешать, Ползунков проводил основной экс-

перимент, не поставив в известность министра и своих коллег. Он отлично использовал нашу страсть к засекречиванию всего, вплоть до имени покойной тещи командующего военным округом, и ввел в курс дела, и то не полностью, лишь экипаж своего вертолета и Людмилу.

Вертолетчики подготовили машину и взяли в штабе карты нужного района к северу от Воркуты, Людмила раздобыла на бабушкиной даче — месте их недолгих и неуютных встреч — потрепанный дедушкин ватник, штаны, в которых тот копал картошку, и ветхие сапоги. У мамы, ничего не объясняя, Матвей Сергеевич реквизировал треух, которым раньше натирали пол.

Именно в таком виде Матвей Сергеевич вышел из дома на рассвете 5-го ноября и уверенно прошел к ожидавшей у подъезда машине. Охранник хотел было обезвредить бродягу приемом самбо, но вовремя узнал генерал-лейтенанта.

Вертолет Ползункова был комбинированной машиной, могущей превращаться в ракету и достигать скорости в две тысячи километров в час. Поднявшись на борт и поздоровавшись с изумленными пилотами, Ползунков отметил на полетной карте точку, в которой вертолет должен опуститься ровно через два часа.

Вертолет снизился посреди обширной старой вырубки на берегу Малого Воронца. Сыпал редкий снег, и ветер был ледяным. Ватник совсем не грел. Ассистенты и охранники вытащили на берег мобильную модификацию машины времени, схожую с будкой телефона-автомата, и подключили ее к блоку питания. Несусветно одетый директор института вошел в будку и на глазах у всех растворился в воздухе. В его распоряжении было десять минут — через десять минут сеанс связи кончался, и исполнитель рисковал остаться в прошлом навечно.

Но ни один из помощников и наблюдателей, собравшихся у вертолета, не знал, куда и с какой целью полетел Ползунков.

Они ждали начальника, приготовив термос с горячим чаем.

Стояла глубокая осень. Ночью ударил крепкий мороз, а сейчас, к десяти утра, хоть и потеплело, но все еще было градусов семь-восемь ниже нуля.

Будучи внимательным читателем Ларина, Матвей Сергеевич отлично знал обстоятельства, давшие повод к появлению на свет рассказа «Случай на Воронце».

Он знал, что вечером 4-го ноября 1947 года

садист-начальник лагеря приказал троим заключенным отнести за двадцать километров плакаты и лозунги к тридцатой годовщине Октября, потому что на восьмой шахте требовался праздничный агитматериал. Шли они без конвоя, деваться было некуда — единственная дорога вела к шахте. Из рассказа известно, что дошел до поста один Леонид Ларин, который очень любил одну молодую красивую женщину, ставшую потом его женой, и он не мог нанести ей, поседевшей в том мире, еще один непереносимый удар. И он шел к тому посту, как будто шел к ней. Его спутники с полпути повернули назад и замерзли. Такая вот случилась простая история.

Искушенному читателю несложно теперь понять ход рассуждений Ползункова.

Чем долее он ходил на выступления Ларина, тем более проникался сочувствием и жалостью к нему, тем тяжелее ему было сознавать масштабы двадцатилетней казни, которой подвергся незаслуженно и жестоко этот умнейший и талантливый человек, подобно миллионам других таких людей. И возможно, не случись встречи с Лариным, Матвей Сергеевич изобретал бы свою машину на год или два дольше — именно подсознательная вначале и вполне осознанная с ходом

времени надежда каким-то образом помочь Ларину, заставила Ползункова торопиться. Вначале он предполагал, что сможет как-то помочь Ларину бежать или, скажем, подменить того в лагере, спасая незаурядный талант… Было много планов, но невозможность изменения прошлого заставила от них отказаться.

Матвей Сергеевич знал уже, что не сможет увести с собой Ларина, что не сможет даже дать ему теплые сапоги или полушубок — отнимут и еще накажут! Он не может сделать ничего! Ничего ли?

Матвей Сергеевич давно уже догадался, что он сделает.

…Леонид Ларин тупо считал шаги, зная, что умрет в этой тайге, потому что сил не осталось, мороз не утихал, пальцы рук и ног были отморожены, но тяжелый рулон плакатов и лозунгов выбросить было нельзя — на них многократно были написаны самые дорогие слова: «Сталин» и «Партия»… Ларин шел и считал шаги, сбивался и снова считал…

И в этот момент он услышал голос:

— Простите, Леонид Борисович.

Ларин решил, что у него снова начинается бред, — бред начинался раньше, может, час, может, два назад, казалось, что наступило лето и можно остановиться, прилечь, отдохнуть и сладко заснуть…

— Леонид Борисович, — сказал человек, похожий на зэка, но не зэк. Наметанный за долгие жестокие годы глаз Ларина сразу разгадал в нем ряженого, человека, лишенного страха — страха замерзнуть, страха попасться охране, страха подохнуть от голода… Встреченный в лесу человек не был голодным, он никогда не был голодным, он не представлял себе, что такое голод, и хоть он был худ и костляв — это была иная худоба и иная костлявость. Сколько можно встретить по лагерям умирающих от голода, но вовсе не худых, а распухших сизощеких доходяг… И главное — он был чисто выбрит.

— Леонид Борисович? — неуверенно повторил встреченный человек.

И тогда Ларин понял, что ему предстало видение, разновидность бреда, ибо здесь не может быть никого, знающего отчество Ларина.

И все же Ларин остановился. И сразу сбился со спасительного счета шагов.

— Простите, что я остановил вас, — сказал Мат-

вей Сергеевич, — но мне нужно сообщить вам нечто очень важное.

— Вы мне кажетесь? — спросил Ларин.

— Ничего подобного! У вас все будет в порядке! У вас все будет в порядке! Я не могу долго оставаться с вами, — глаза доходяги радостно сияли. — Но я должен сказать, что до шахты остался всего километр и через час вы там будете. И даже пальцы у вас останутся целы. Честное слово, я знаю.

Ларин почувствовал раздражение против этого Луки-утешителя, который сбил его с размеренного шага, могущего спасти в морозной тайге. Какой километр? Неужели еще целый километр? А он так надеялся, что шахта откроется за поворотом.

— Но я о другом! Я о главном! Вы доживете до освобождения!

Ларин пошатнулся под грузом тяжелого рулона с плакатами и пошел дальше.

Человек шел рядом.

— Я не могу вам помочь, — говорил он быстро, будто робея. — Я скоро должен отсюда уйти, но я вам скажу самое главное…

Ларин старался вернуться в привычный спасительный ритм — шаг-секунда-шаг-секунда — он пошел дальше, скользя по обледенелой тропе. Мо-

лодой человек говорил быстро и восторженно:

— Вы выйдете отсюда. Все будет хорошо. Вы женитесь на Лике, вы будете с ней в Париже, слышите — в Париже! Да слушайте меня, я сам видел! Представьте себе — на таможне вас не пускают в Париж. Вы меня слышите? На таможне вас не пускают, а я говорю: это ж Ларин, который написал «Жену президента»! И тогда открываются все ворота! Я не шучу, мне сейчас хочется плакать — сегодня самый трудный день вашей жизни, но ваша жизнь будет долгой и счастливой!

Ползунков скользил, спешил, дыхание сбивалось, а Ларин считал шаги и думал: ну почему эта сука не поможет нести рулон? Он понимал, что этот человек — фантом, рожденный его умирающим воображением, но сердился на него.

За поворотом, далеко впереди, он увидел дымок и копер шахты.

А увидев, забыл о нелепом спутнике.

Человек остался у поворота и кричал вслед:

— А я вас сразу узнал! Вы не отчаивайтесь, я даю честное слово!

Академик Ползунков поднялся на борт вертолета. Следом за ним подняли кабину времени. Он подумал — как странно, прошло больше сорока лет, а мне он показался старым, хотя был моложе

меня…

Матвей Сергеевич откинулся назад.

Все в вертолете молчали.

Наконец полковник Минский спросил:

— Перемещение получилось?

— Получилось, — ответил директор.

Он должен будет запомнить, думал Матвей Сергеевич. — Он не может не запомнить эту встречу. Теперь ему станет легче терпеть лишения. И по мере того, как будут сбываться предсказания незнакомца, он поймет и поверит…

Вернувшись в Москву и вновь включившись в упорную работу, Матвей Сергеевич был счастлив.

Он знал, что если ему выпало сделать в жизни хоть одно доброе дело — то он его сделал. Он знал, что теперь, пускай с улыбкой, пускай с долей недоверия, Ларин будет вспоминать странного человека на тропе и его предсказания. И пускай не до конца, но все же научится верить в собственное доброе будущее.

Академик Ползунков был счастлив.

После доклада на правительственной комиссии осунувшийся Ползунков пришел на торжествен-

ный вечер «Мемориала» в Дом кино. Ларин увидел его еще до начала и обрадовался.

— Куда вы пропали? — сказал он. — Мне вас не хватает. Я привык к вам.

— Вы говорили, что мое лицо вам знакомо. Вы так и не вспомнили, откуда? — спросил академик.

— Нет, не вспомнил. А вы?

— А я вспомнил! — торжествующе воскликнул академик.

— Тогда признавайтесь, не томите, мне скоро на сцену.

На Ларине был новый костюм и красный галстук. Наверное, из Парижа.

— Вспомните ноябрь сорок седьмого года, как вы несли на восьмую шахту плакаты?

— Конечно помню, — сказал Ларин и взглянул на часы. — Я же об этом написал рассказ. Двое повернули назад и погибли, а я… а меня вела Лика. — Ларин смущенно улыбнулся. Он не любил громких слов.

— Помните человека, которого вы там встретили?

— Где?

— В тайге, в конце пути, недалеко от шахты?

— Если там кто и был, я его не заметил — я

считал шаги. Это очень помогает.

— Там был я, — сказал академик. — Я был в ватнике. Я вам рассказал про Париж, про то, как вы будете жить потом… после лагеря.

Зазвенел звонок. Ларину было пора на сцену. Он сразу потерял интерес к собеседнику.

— Вы не можете забыть! — академик готов был заплакать.

— И сколько же вам тогда было лет? — спросил Ларин, делая шаг к сцене. — Два года? Три?

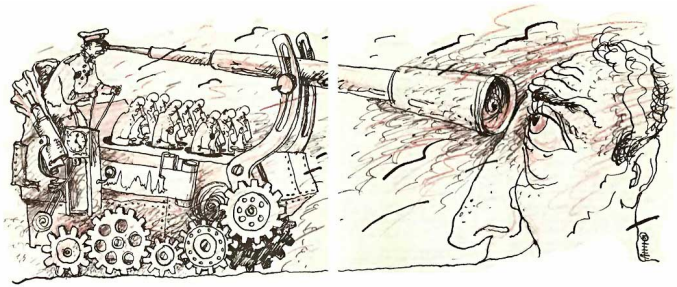
Он засмеялся, махнул рукой и ушел.

Рисунок В. Адамовой

№ 10

Дмитрий Булавинцев

Агония



— Я могу сообщить вашему Большому собранию лишь то, что уже заявлял в ходе так называемого следствия. Мое имя — Ниридобио. Я — социолог, так, пожалуй, для вас доступнее. Но это не совсем так, поскольку я изучаю общества, находящиеся на низших ступенях организации. Так что, следуя вашей системе понятий, я скорее ботаник или, в крайнем случае, зоолог.

— Уж не утверждаете ли вы, Ниридобио, — Председатель явно нервничал, — что перед вами

стадо безмозглых баранов, которое вы, господин социолог, изучив, так сказать, вольны определить на убой?!

— Я не понимаю причины подобного всплеска эмоций. Я повторяю, что изучаю низшие организации себе подобных, а ваше общество как раз таковым и является. Что же касается убоя, об этом, поверьте, никто не помышляет. В этом нет смысла: ваша социологическая природа такова, что, находясь на низшей ступени развития, вы уже ориентированы не на прогресс, а на самоуничтожение.

Председатель остановил тяжелый взгляд на группе ученых. Словно ожидая этого сигнала, со скамьи поднялся Философ.

— В ваших рассуждениях, Ниридобио, как мне показалось, присутствует одно противоречие: если вы, как утверждаете, являетесь нам подобным, мне непонятно, почему, изучая общества себе подобных, вы именуете себя зоологом. Чем в данном случае вы отличаетесь от моего коллеги Социолога?

— Тем же, чем живая клетка тела человека, построившего пруд, отличается от живущей в этом пруду амебы, полной решимости определить его периметр. Совокупность амеб представляет

собой хаос, совокупность же клеток означает разум. А разум, изучающий амеб, согласитесь — не социолог.

— Совокупность, возможно… Но не вы как единица! Клетка не может утверждать, что она — человек.

— Клетка — нет, но человек, имея ее в виду, вправе заявить: «Это я»! Ведь человеческая клетка движима разумом, в то время как движение амебы — лишь реакция на внешнее раздражение. Есди вы целенаправленное действие приписываете человеческому разуму, будьте любезны согласиться и с тем, что этому действию будет подчиняться любая точка его тела. Кстати, я не даром упомянул о желании амебы измерить периметр пруда. Эта аналогия, предполагающая наличие у нее разума, еще в большей степени иллюстрирует то, чем я отличаюсь от вашего коллеги. Мое общество надразумно. Мы — единая структура разумных «клеток», которые, хотя внешне и подобны вам, не мыслят себя вне единства. Мы надразумны и, следовательно, имеем основание объективно судить о низших обществах разрозненных индивидуумов.

— Вы настаиваете на том, что наше общество не является связной системой индивидуумов.

Сравниваете наше развитие с хаотическим движением простейших… Но так ли это? Разве у нас отсутствует система законов, прав и обязанностей, гражданской ответственности, морали в конце концов?

— Моя картинка с прудом имела целью лишь доходчивую иллюстрацию. Суть же эволюции заключается в поисках идеальной структуры. Вы и сами можете проследить эту немудреную цепочку: разве появление той же самой живой клетки не явилось результатом идеальной структуры атомов? И вслед за этим — рождение нового качества: живой материи. На этом природа не останавливается. Те же поиски идеальной структуры, но уже новых кирпичиков мироздания. Какие только немыслимые комбинации не возникали на этом пути! Неприспособленные отмирали сами собой. Но финал оправдывал издержки: эволюция нащупала новую идеальную модель — человеческий мозг, внеся в природу новое качество — разумное начало. Мыслящие существа продолжают тот же извечный поиск совершенной структуры: первобытные общины, племена, государства, федерации… Это пока то, что доступно вашему наблюдению. Далее — межпланетные ассоциации, галактические союзы.

Финал — и это далеко не финал — их идеальное сообщество: мир над-разумного. Вам его не охватить и тем более не оценить. Амеба не в состоянии поприветствовать человека, присевшего отдохнуть у пруда.

Зал загудел, словно каждому из присутствующих всунули в рот по дудочке. Впрочем, часть собравшихся не имела понятия, что такое амеба и о чем, собственно, идет речь. Философ побледнел.

— Я так понял, что вы даже не инопланетянин… Вы, что, сосуществуете с нами?

— Не более чем вы, сосуществующие с флорой и фауной.

— Которая частично поступает к нам в пищу?!

— Вопрос не стоит так… Вы, как бы это сказать… Ядовиты, что ли…

— Кто это ядовит?! — выдавил из своей дудочки Председатель.

— Структура вашего общества нестабильна, — спокойно продолжал Ниридобио, — нарушены связи, ядро теряет опору… Вы уничтожаете себя изнутри и весьма преуспели в этом.

— Но мой Бог! — Философ всплеснул обеими руками. — Если вы надразумны, так вмешайтесь же, черт возьми!

— Молчать! — рявкнул Председатель.

— Ампутация всегда болезненна, — пожал плечами Ниридобио. — Да и мы — не боги, исход может оказаться тем же: летальным. Я не рискую прописывать рецепты — это может лишь приблизить конец.

— Послушайте, Философ, — сказал Председатель, — если вы сейчас же не прекратите пороть отсебятину, попирая известные вам устои, я лишу вас слова… — затем, выдержав паузу, добавил, — и навсегда.

— Хорошо, хорошо, — согласился Философ, озираясь на онемевший зал. Потом, поежившись, вновь обратился к Ниридобио:

— Но человеческая клетка, извините, безлика. В отличие от амебы. Преимущество последней — свобода движения, тогда как удел первой — жесткость структуры. По-вашему, что, категория «свободы» является менее прогрессивной, нежели, пусть абстрактные, но «узы»?

Председатель ликовал и готов был простить Философу его дерзость. Хотя он и не понял в деталях суть возражения, но своим прямолинейным умом постиг, что обвиняемому — а иначе он себе не мыслил Ниридобио — предъявлялся почти что приговор: его мир отрицал свободу, тогда как

мир Председателя отрицал узы.

— Браво! — рассмеялся Ниридобио. — По-вашему, телу человека и его мозгу следовало бы рассыпаться во имя провозглашаемой вами свободы?

Философ казался сконфуженным.

— Я не это имел в виду…

— А что?

— Вероятно, лишь категории…

— Которыми мыслит ваш Председатель?

— А что, может быть, я мыслю как-то не так? — оскалился упомянутый.

— Бог с вами, как мыслите, так и мыслите. А мне, извините, претит, что, возможно, умнейший среди здесь собравшихся вынужден лгать самому себе, защищая упомянутые вами бредовые устои.

— Вот что, Ниридобио, — Председатель нажал на одну из клавиш, расположенных на пюпитре, перед которым он сидел, и в считанные секунды ступени, рассекающие зал на рваные лоскуты, были заполнены автоматчиками, — вот что, милейший, не слишком ли много вы позволяете себе в чуждом вам мире?

— Ну, это просто смешно, Председатель: по-вашему, если я решительно раздвигаю заросли осоки, я многое позволяю себе в «чуждом мне

мире»?

— А если эта осока обеспечит вам тюремный паек?!

— Думаю, я вас правильно понял, вы собираетесь заключить меня под стражу. Но вы, очевидно, забыли, что я неподвластен ни вам, ни окружающей вас паутине. Если я и был кроток в ходе следствия, то, поверьте, лишь потому, что был в нем заинтересован. Теперь слушайте: ни изощреннейшие пытки, ни коварная пуля, выпущенная в мой висок из-за угла, не достигнут цели. Имейте в виду: я не одиночка, противопоставивший себя вашему миру. За этим собранием наблюдает все наше сообщество. И мы, я повторяю, мы вольны решать его исход. Путь первый: уничтожить вас в считанные миллисекунды. Путь второй: владея тайнами пространства и времени, поиграть с вами в кошки-мышки. Что вы предпочитаете?

— Я предпочитаю не связываться с вами, Ниридобио, — рассудил Председатель, нервно поигрывая клавишами пюпитра, — надеюсь, мы не наскучили вам своим присутствием?

— Как? Разве вы откажете себе в удовольствии задержать меня?

— А зачем вас? — усмехнулся Председатель и,

обращаясь к автоматчикам, коротко приказал:

— Взять Философа!

Рисунок А. Анно

№ 11

Гарольд Ролзит

Колодец

Кэлвин Спиндер допил кофе, утерся рукавом, не спеша набил трубку махоркой и, чиркнув спичкой по столу, принялся раскуривать, громко причмокивая.

Дора Спиндер едва притронулась к завтраку. С опаской взглянув на благоверного, она робко кашлянула и, поскольку тот не нахмурился в ответ, тихо спросила:

— Будешь сегодня копать колодец, Кэлвин?

Маленькие глазки с голыми красными веками уставились на нее. Словно не расслышав вопроса, муж произнес:

— Убери со стола и ступай за мной. Будешь вытаскивать землю наверх.

— Хорошо, Кэлвин, — прошептала Дора.

Прочищая горло, Кэлвин откашлялся: его острый кадык ходил словно поршень под красной шелушащейся кожей, дряблыми складками висящей на шее. Минуту спустя он вышел из кухни, озлобленно пнув рыжего кота, разлегшегося на пути.

Дора смотрела вслед мужу, в тысячный раз силясь понять, кого он ей напоминает. Нет, не соседей, а кого-то другого, но ужасно знакомого. Порой ей казалось, что разгадка совсем близко, — особенно остро она чувствовала это в те минуты,

когда Кэлвин начинал откашливаться, дергая кадыком, — но каждый раз что-то мешало. Свою недогадливость она мучительно переживала. Впрочем, Дора почему-то была уверена, что рано или поздно ответ придет к ней. Очнувшись, она поспешно стала убирать со стола.

Посередине двора между домом и амбаром рыхлая горка земли окружала устье колодца. Кэлвин подошел к краю и с отвращением заглянул в яму. Лишь крайняя необходимость вынудила его заняться этой работой. Выбора не было: либо вырыть собственный колодец, либо возить воду тоннами с фермы Норда Фишера за полмили отсюда. С тех пор как пару недель назад высох его старый колодец, Кэлвин не переставал изумляться жажде своего убогого стада. Овцы выпивали столько воды, что ему приходилось ежедневно ездить на поклон к Норду, — занятие малоприятное, ибо тот в последнее время стал грубо намекать, что вода, мол, тоже стоит денег.

В нескольких футах от края колодца Кэлвин вкопал прочную железную стойку, к которой была привязана веревочная лестница. Она понадобилась, когда глубина колодца превысила длину всех деревянных лестниц, имевшихся в хозяйстве Кэлвина.

Сейчас, по его расчетам, глубина колодца достигала небывалых пятидесяти — шестидесяти футов. Кэлвин все-таки надеялся, что рыть осталось совсем немного. Больше всего он боялся наткнуться на скальный пласт — тогда придется раскошеливаться на бурильную установку. А таких расходов ни его заначка, ни его кредит не выдержат.

Кэлвин взял бадью с привязанной к ней веревкой и сбросил в колодец. Вытаскивать ее наверх с землей было обязанностью Доры.

Чертыхаясь, Кэлвин выколотил трубку и полез вниз по веревочной лестнице. К тому времени, когда он спускался на дно колодца и наполнял первую бадью землей, Дора уже должна была ждать сигнала, чтобы тащить землю наверх. Если же она опоздает, то может горько пожалеть об этом.

Некоторое время Дора наблюдала за приготовлениями хозяина, а потом засуетилась, замешкалась на кухне и едва успела к колодцу вовремя.

Напрягаясь изо всех сил, Дора вытянула груз наверх, опрокинула бадью и, опорожнив, вновь опустила в колодец. Ожидая вторую, она разворошила содержимое первой: земля влажная, как

обычно на глубине, но не более того.

Дора была по-своему религиозна. Вытягивая каждую десятую бадью, она торопливо шептала молитву, чтобы хоть на этот раз появилась вода. Докучать Богу чаще она считала бестактным и даже изменяла слова в молитвах, чтобы не раздражать Всевышнего одной и той же просьбой.

Вот и теперь она прошептала:

— Пожалуйста, Господи, пусть на этот раз хоть что-нибудь произойдет… Ну, пожалуйста, сделай что угодно, только бы мне не таскать больше эти тяжести. Я не выдержу больше, Господи!

И в то же мгновение что-то случилось. Едва бадья достигла дна колодца и веревка в ее руках ослабла, как снизу донесся отчаянный вопль и веревочная лестница дернулась.

Дора упала на колени и, вглядываясь в темноту колодца, крикнула:

— Кэлвин, что с тобой? Ты жив?

Внезапно из-под земли появился Кэлвин. Он вылетел, как пробка из бутылки, и упал на землю. В первый момент Дора не узнала мужа. Его обычно красное, словно обваренное, лицо сейчас было изжелта-зеленым. Он весь трясся и задыхался.

Должно быть, сердечный приступ, решила Дора, едва совладав с радостью, нахлынувшей

на нее.

Кэлвин лежал на спине, тяжело дыша. Постепенно он начал приходить в себя. При обычных обстоятельствах он бы не удостоил жену и словечком, но сейчас ему, похоже, хотелось выговориться.

— Ты знаешь, что случилось там, внизу? — произнес он дрожащим голосом. — Знаешь? Земля у меня под ногами вдруг провалилась. Я остался стоять в воздухе, и если бы не успел схватиться за последнюю ступеньку лестницы… Да я бы летел тысячу футов без остановки!

Кэлвин продолжал что-то бормотать, но Дора не слышала его. Ее охватил благоговейный страх — вот, значит, как сбылась ее молитва: раз колодец стал бездонным, то и вытаскивать из него землю уже не нужно.

Кэлвин, собравшись с духом, подполз к краю колодца и заглянул в него.

— Что ты собираешься делать, Кэлвин? — робко поинтересовалась Дора.

— Что собираюсь делать? Узнать, какой глубины теперь стала эта дыра. Притащи-ка фонарь из кухни.

Дора кинулась в дом. Когда она вернулась, Кэлвин уже распутывал огромный моток веревки.

Привязав фонарь, он включил его и стал опускать в колодец. Вытравив около ста футов веревки, Кэлвин остановился и посмотрел вниз. Тусклый далекий огонек, и ничего больше. Новые сто футов, потом еще и еще… Искорка в колодце давно погасла, а пухлый моток веревки похудел до тощего клубка.

— Почти тысяча футов, — прошептал Кэлвин озадаченно, — а дна не видать.

Он потянул веревку назад, но она натянулась и не шла вверх.

— Должно быть, зацепилась, — пробормотал Кэлвин и дернул ее. Ответом ему был такой резкий рывок из-под земли, что Кэлвин чуть не выпустил веревку из рук.

— Эй! — завопил он. — Веревка… того, сама дергается!

— Что ты, Кэлвин, — урезонила его Дора.

— Заткнись. Говорю тебе, там, внизу, кто-то есть.

Он снова потянул веревку на себя, и снова ответный рывок чуть не выдернул ее из рук. Кэлвин привязал конец к металлической стойке и сел рядом обдумать случившееся.

— Ничего не понимаю, — произнес он, обращаясь скорее к самому себе, а не к Доре. — Кто может

быть там под землей, на глубине тысячи футов?

Спустя несколько минут он еще раз, но уже осторожно, потянул веревку. Неожиданно она подалась, и Кэлвин стал лихорадочно выбирать ее из колодца. Вот и конец появился, но без фонаря. Вместо него был привязан мешочек из материи, смахивающей на кожу.

Негнущимися пальцами он развязал мешочек и вытряхнул на ладонь слиток желтого металла и свернутый листок пергамента. Слиток был небольшой, но тяжелый. Кэлвин вытащил складной нож и поковырял металл острием лезвия. На слитке осталась глубокая царапина.

— Золото, — выдохнул Кэлвин. — Не меньше фунта золота… За ржавый фонарь. Они, наверное, сумасшедшие там, внизу!

Он сунул слиток в карман и развернул пергамент. С одной стороны лист был исписан мелкими непонятными значками. Кэлвин повертел его, ничего не понял и, скомкав, бросил на землю..

— Иностранцы, — заявил он. — Теперь я не удивляюсь, что они чокнутые. Зато главное мне ясно: им нужны фонари.

— Но, Кэлвин, — рискнула подать голос Дора, — как они оказались там, внизу? В наших краях сроду не было шахт.

— Ты что, ни разу не слыхала о секретных шахтах, что роет правительство? — презрительно бросил Кэлвин. — Должно быть, я наткнулся на одну из них. Сейчас же поеду в город и накуплю побольше фонарей, а ты хорошенько следи за колодцем, да смотри, никого не подпускай к нему.

С этими словами он направился к грузовичку, приткнувшемуся возле амбара, и через пару минут пикап уже дребезжал по шоссе.

Дора подобрала листок пергамента, расправила его. Ни один значок на бумаге ни о чем ей не говорил. Все это выглядело очень странно. Если правительство вело под землей какие-то секретные работы, то как там оказались иностранцы? И зачем им нужны фонари? Почему они готовы платить за старый фонарь целое состояние?

Внезапно Доре пришла мысль, что люди там, внизу, наверное, и не догадываются, что здесь, наверху, говорят по-английски. Он поспешила в дом и перерыла все ящики в старом расшатанном столе Кэлвина в поисках карандаша и бумаги. Попутно ей подвернулся маленький растрепанный словарик. Дора отправилась на кухню писать письмо иностранцам, прихватив с собою словарь, ибо правописание не входило в число ее добродетелей.

Устроившись за кухонным столом, она составила перечень вопросов: кто там, внизу? зачем они там? почему они заплатили так дорого за старый фонарь?

На полдороги к колодцу Дора вдруг подумала, что подземные жители наверняка голодны. Она пошла на кухню и завернула в чистую салфетку каравай хлеба с изрядным куском ветчины, а в своей записке добавила, что извиняется за столь скромное угощение, но лучшего у нее нет. Тут ей пришло в голову, что иностранцы под землей наверняка плохо знают английский, и словарик будет им неплохим подспорьем, если они захотят ответить ей. Вместе с едой Дора завернула книгу и все уложила в бадью.

Чтобы опустить ее на глубину в тысячу футов, потребовалось достаточно много времени, но наконец веревка ослабла. Она выждала несколько минут И легонько потянула конец. Веревка вверх не шла. Дора присела на кучу земли и стала ждать. Теплое солнышко грело ей спину, и Дора разомлела, наслаждаясь ничегонеделанием. Можно не волноваться, Кэлвин вернется не скоро. Уж она-то знала, что ничего на земле — и под землей тоже — не удержит Кэлвина от посещения всех городских кабаков, и от забегаловки к забега-

ловке категория времени будет становиться для него все менее значимой. Дора даже сомневалась, что муж вернется к завтрашнему утру.

Спустя полчаса она вопросительно подергала веревку, но та не подалась. Ну что ж, Дора не спешила. Так редко ей выпадали минуты безделья. Обычно, уезжая в город, Кэлвин наваливал на нее кучу дел, сопровождая каждое поручение угрозой разделаться с ней, если она что-то перепутает или не выполнит.

Выждав еще полчаса, Дора снова дернула за веревку. Снизу ответили резким рывком, и она стала выбирать ее. На этот раз бадья оказалась тяжелее обычного. Дора дважды отдыхала, прежде чем вытянула ее наверх.

— Боже милостивый! — ахнула она, заглянув внутрь. На дне лежало около дюжины желтых слитков и листок пергамента. — Кажется, они там умирают с голода.

Дора развернула послание, ожидая опять увидеть непонятные значки.

— Вот те раз! — воскликнула она, разглядев английский шрифт на бумаге — печатные буквы, точь-в-точь, как в словаре.

Шевеля губами, Дора начала медленно читать:

«Ваш язык поистине варварский, но посланная вами кодовая книга помогла нашим ученым дешифровать его. Что вы делаете наверху? Как вам удалось решить проблему выживания под лучами смертоносного света? В наших преданиях сохранились сведения а расе, обитающей на поверхности, но до сих пор здравый смысл не позволял нам доверять этим легендам. Мы бы и до сих пор в этом сомневались, если бы наши приборы не зарегистрировали, что отверстие над нами ведет к смертоносному свету.

Примитивный источник лучей смерти, который вы послали нам, свидетельствует о низком уровне развития вашей науки. Ваш фонарь заинтересовал нас лишь как курьез примитивной расы. Мы послали вам золото не в обмен на него, а из чистой любезности.

Еда, которую вы называете «хлеб», непригодна для нашей пищеварительной системы, но «ввет-чи-на» поистине великолепна. По всей видимости, это — мясо какого-то существа. Мы готовы обменять на двойную массу золота все, что вы можете послать нам. Шлите немедленно. Также ждем от вас краткую историю вашей расы, и подготовьте ваших ученых, какие бы они ни были глупые, к контакту с нами.

Глэр, Мастер».

— Боже мой, — воскликнула Дора. — Ну и строгие же начальники там, внизу. Слава Богу, у меня хватит ума больше не связываться с ними. Если я пошлю им еще ветчины, Кэлвин обязательно заметит пропажу.

Дора отнесла золотые слитки к клумбе петуний за домом и зарыла их в мягкий чернозем. Она не обращала внимания на шум машины, приближающейся по трассе на большой скорости, до тех пор, пока автомобиль не поравнялся с домом и пронзительное кудахтанье не перекрыло рев его двигателя. Дора поспешила к калитке, уже зная, что произошло. В смятении она смотрела на тушки четырех белых леггорнов, разбросанные вдоль дороги. Недосмотрела! Теперь Кэлвин рассвирепеет и изобьет ее до полусмерти.

Страх вывел Дору из оцепенения. Если спрятать тушки птиц, Кэлвин может подумать, что похозяйничала лиса. Дора поспешно подобрала мертвых цыплят и рассыпанные на асфальте перья. Теперь никто не догадается о случившемся.

Дора принесла цыплят во двор, раздумывая, куда бы их припрятать. Неожиданно ее взгляд

упал на отверстие колодца, и решение пришло само собой.

Через час четыре цыпленка, ощипанные, выпотрошенные и аккуратно разделанные на куски, ушли под землю.

Опять Дора сидела на солнышке, наслаждаясь бездельем. Снова в ответ на ее сигнал веревка отозвалась подергиванием из-под земли. Но на этот раз бадья показалась ей тяжелой как никогда. Дора даже испугалась, что веревка не выдержит и лопнет. Из последних сил она вытянула бадью из колодца. В ней было с полсотни слитков золота и короткая записка:

«Наши ученые придерживаются мнения, что посланное вами мясо принадлежит существу, которое вы называете «цыпленок». Великолепная пища. Мы никогда не пробовали ничего более нежного. Выражая наше одобрение, посылаем вам премиальные. В вашей кодовой книге упоминается о существе, похожем на цыпленка, но большем по размерам. Его называют «индейка». Пришлите нам индейку незамедлительно. Повторяю, пришлите индейку незамедлительно.

Глэр, Мастер».

— Господи, — вздохнула Дора. — Они, кажется, съели цыплят сырыми. Где же я, будь им неладно, возьму индюшку?

Она зарыла золото с другой стороны клумбы с петуниями.

Кэлвин вернулся на следующий день около десяти утра. Его глазки были налиты кровью, а лицо покрыли красные пятна. Складки кожи под подбородком свисали еще ниже. Ну кого же он ей так напоминает? Но разгадка по-прежнему ускользала.

Кэлвин вылез из пикапа. Дора сжалась от страха, но хозяин слишком устал, чтобы ругаться с супругой. Он мрачно осмотрел дыру в земле, снова сел за руль и подогнал грузовик к колодцу. В кузове машины стояли лебедка и большой барабан со стальным тросом.

— Собери-ка чего-нибудь пожрать, — бросил он на ходу Доре.

Та поспешила на кухню готовить яичницу с ветчиной. Каждую секунду она ждала, что появится Кэлвин и с помощью тумака осведомится, почему до сих пор не готов завтрак. Но, похоже, Кэлвину было не до еды. Дора вышла позвать его к столу и удивилась, как много тот успел сделать.

Над колодцем на стальном тросе висела бочка из-под бензина с обрезанным верхом. Трос был перекинут через железный брус, который опирался на крепкие металлические стойки, врытые по бокам колодца.

— Завтрак готов, Кэлвин, — позвала его Дора.

— Заткнись, — буркнул Кэлвин в ответ.

От лебедки с электромотором он протянул кабель к столбу электропередач во дворе. Затем он стал перекладывать из кузова Машины в бочку какие-то коробки.

— Целая сотня фонарей, — хихикнул он. — Пятьдесят пять центов за штуку. А, ерунда… Один кусочек золота с лихвой окупит расход.

Кэлвин включил лебедку, и вдруг Дора поняла, что сейчас произойдет. Ведь там, под землей, фонари не были нужны.

Бочка пошла вниз, от трения о металлический брус трос пронзительно завизжал. Кэлвин достал из кузова банку масла и щедро полил им барабан.

Вскоре трос ослаб и провис. Кэлвин выключил лебедку.

— Даю им час, чтобы погрузить золото, — объявил он и пошел на кухню к остывшему завтраку.

Дора не могла справиться с оцепенением. Страшно даже представить, что будет, когда фонари вернутся назад вместе с оскорбительной запиской на английском языке. Кэлвин узнает о золоте и наверняка убьет ее.

Кэлвин неторопливо ел, а Дора суетилась по дому, изо всех сил отгоняя мысль о том, что ей вскоре предстоит.

Наконец Кэлвин взглянул на стенные часы, широко зевнул и выбил трубку. Не обращая внимания на Дору, он направился к колодцу. Дора шла следом, несмотря на страх, ноги сами несли ее туда.

Лебедка уже наматывала трос, когда она подошла к колодцу. Ей показалось, что прошло всего несколько секунд, прежде чем из колодца появилась бочка. Широкая ухмылка на лице Кэлвина, поставившего бочку на краю колодца, в одно мгновение сменилась выражением крайнего недоумения. Его кадык завибрировал, и снова Дора попыталась вспомнить, кого же он ей напоминает.

Кэлвин начал глухо хрипеть, словно заблудившийся теленок. Он опрокинул бочку, вывалив ее содержимое. На земле бесформенной кучей лежали фонари, помятые, с разбитыми стеклами.

Чудовищным пинком Кэлвин разметал кучу по всему двору. Один из фонарей с привязанной к нему запиской приземлился у ног Доры. Либо Кэлвин совсем ослеп от ярости, либо решил, что там написана такая же абракадабра, как и в первый раз.

— Эй, вы, там, внизу! — заорал он в колодец. — Вы, грязные свиньи! Я порешу вас всех. Вы еще пожалеете о своих проделках. Да я вас… Я вас…

Он ринулся в дом, а Дора торопливо схватила записку.

«Вы еще глупее, чем мы думали, — читала Дора. — Ваши примитивные источники лучей смерти нам не нужны. Мы уже написали вам об этом. Мы хотим индейку. Немедленно пошлите нам индейку.

Глэр, Мастер».

Дора смяла записку в кулаке, когда Кэлвин выскочил во двор с двустволкой в руке. В первый момент она решила, что муж обо всем догадался и решил застрелить ее.

— Пошали, Кэлвин, — взмолилась она.

— Да замолчи же, — гаркнул тот. — Ты видела,

как я обращался с лебедкой. Сумеешь так же?

— Да, конечно, но что ты?..

— Слушай. Я собираюсь спуститься вниз и прикончить этих грязных иностранцев. Ты опустишь меня, а затем поднимешь. — Он схватил Дору за плечо и тряхнул. — А если что-нибудь не так сделаешь, я и тебя прикончу. Слышишь?

Дора молча кивнула.

Кэлвин положил дробовик в бочку, сдвинул ее с края колодца и, повиснув на тросе, осторожно залез в нее.

— Дашь мне час погонять этих крыс там, внизу, а затем поднимешь наверх, — сказал он.

Дора включила лебедку, и бочка исчезла в колодце. Когда трос ослаб, она остановила мотор. Целый час Дора молилась, чтобы Кэлвин не нашел тех людей внизу и не стал убийцей.

Ровно через час она включила лебедку. Мотор отчаянно взревел, а трос так натянулся, что казалось вот-вот лопнет.

Дора изумленно раскрыла рот, когда бочка появилась на поверхности. Кэлвина в ней не было. Дора выключила мотор и кинулась к бочке, ещё надеясь, что Кэлвин спрятался, присев на корточки. Но Кэлвина не было. Вместо него в бочке лежала горка золотых слитков, а поверх

нее — листок знакомого белого пергамента.

— Боже милостивый! — вырвалось у Доры. Она не могла даже примерно оценить сокровище, но поняла, что оно огромно. Нагнувшись над бочкой, она осторожно взяла записку. Медленно, шевеля губами, она прочла:

«Даже изысканный букет мяса цыпленка не может сравниться с ароматом и вкусом живого индюка, которого вы прислали нам. Должны признаться, что наше представление об индейках было несколько иным, но сейчас это неважно. В награду снова посылаем вам премиальные. Умоляем вас прислать еще индюка как можно скорее.

Глэр, Мастер».

Дора перечитала записку еще раз.

— Вот те раз! — воскликнула она наконец. — Вот те раз…

Перевод с английского С. Кутепова

Рисунок А. Кукушкина

№ 12

Микаэл Мелконян

Издержки успеха

1

Я пил обычную чашечку утреннего глюкса в своей конторе на шестом астероиде Альдебарана слева, когда через стеклянную дверь ввалился долгожданный клиент. В том, что это клиент, а не случайный посетитель или грабитель, не было ни малейших сомнений — выдавали взволнованно трясущиеся защечные мешки. Мне, межгалактическому детективу со световым стажем, не составило труда мгновенно определить, что он житель планеты Кросс-хоупер из округа дальних радиосолнц. Особь, осчастливившая меня своим визитом, занимала достойное место в иерархической лестнице своего общества. Об этом говорили многочисленные и хорошо выдубленные чучела брыков, украшавшие посетительскую грудь. (Брыки — это низшие существа, обитающие на планетах дальних радиосолнц, и похожи они больше всего на разумных крупсов с Тюльки. Несколько меньше брыки напоминают гиппопотамов с Земли, поскольку намного превосходят их размерами.) Звали клиента Грп, о чем свиде-

тельствовала прибитая к груди дощечка.

Клиентодержатель принял размер и форму, удобные для монозадого полицефала, и Грп радостно упал в него, обмахиваясь верхними губами. Я не очень люблю кроссхоуперианцев. Трудно сказать почему. Может быть, за их исключительно развитые телепатические способности, а может быть, просто за неприятную манеру потеть липким и едким синим веществом. К тому же они страшно обидчивы. Вот и сейчас пришлось поставить мыслимые и немыслимые мозгоблоки, чтобы Грп часом не обиделся — хороший клиент нынче дорог, а у таких типов деньги водятся.

Я обратился к гостю и спросил, какая нужда привела его в мою скромную контору. Обильно поливая все вокруг синим потом и продолжая колыхаться, Грп рассказал, что вчера, когда он спокойно, никого не трогая, трансмигрировал по третьему межгалактическому коридору, из бокового отростка на него набросился квакальщик, сбил с ног, обругал на чистейшем линго и сорвал с груди лучшее чучело брыка из имевшихся в наличии. И вправду, почетное место на широкой груди Грпа было свободно. Клиент жаждал вернуть чучело, найти обидчика и воздать тому по заслугам. Законное желание.

Нужно сказать, что вес субъекта в кроссхоуперианском обществе определяется не только количеством носимых брыков. Но, имея гипертрофированные понятия о чести, кроссхоуперианцы большое значение придают эксцессам вроде происшедшего с Грпом. Главная голова Кроссхоупера дала Грпу три дня, чтобы смыть пятно позора. Происшествие было из ряда вон выходящим. Никто в Галактике никогда не видел, чтобы квакальщики, спокойные газообразные рептилии, вели себя подобным образом.

Как известно, экстраординарные события расследовать легче всего, и я сразу же сказал, что берусь за дело. Грп понимал всю важность расследования и оставил щедрый задаток. Мы договорились, что в случае успеха он пригонит мне два спальных вагона бульверизатора. Грп ещё долго бы благодарно щелкал подгузниками и заливал синькой контору, если бы я его не выкинул с помошью ультразвуковой сирены. Удобная штука, и никто не остается в обиде, поскольку она к тому же отбивает последние кадры памяти.

Поручив подсказывателю отскрести успевший застыть грповский пот, я придвинул к себе холодный глюкс.

2

Я, частный детектив Даго, не люблю действовать наобум и форсировать события. Мой метод заключается в том, что расследование следует вести мягко, без нажима, не напрягаясь, — и вам всегда будет сопутствовать успех. Вот и сейчас, я спокойно взял любимый старый гравиневод и отправился на поверхность астероида половить всякую всячину, путешествующую в межзвездной пустоте. Сидение с неводом успокаивает и настраивает на размышления, а самое главное — часто попадается что-нибудь, помогающее разгадке. Нужно только уметь по мелочам, оказавшимся в ваших сетях, восстанавливать картину происходящих во Вселенной событий.

Шел сильный метеоритный дождь, иногда переходящий в град Увертываясь от крупных осколков, я уселся в свой любимый кратер и закинул невод.

Не прошло и получаса, как невод почти заполнился. Там было несколько осколков разбившегося недавно корабля — они станут попадаться ещё

долго; совершающая круиз возмущенная чета девятиногов с промышленной планеты Чикаго, которых я тут же освободил с извинениями; куча газетных обрывков, тряпья и окурков — следы деятельности неаккуратных человекообразных; клетка с невидимым декоративным скорпионом; несколько фальшивых алмазов с подпольных мануфактур Альгамбры; компутатор производства неизвестной мне фирмы; куча дохлых мопсов; дешевая ядерная зажигалка; золотистая чешуйчатая рыба, напоминающая воблу; фотография рок-звезды с металлических и запет; неизвестный мне семигранный предмет и початый ящик контрабандного бульверизатора.

Не задумываясь, я вернул космосу газеты, обрывки, окурки и осколки, а все остальное понес в глубь конторы, чтобы изучить в спокойной обстановке. Бульверизатор прибыл весьма кстати и занял подобающее место в погребке; компутатор был почти новый и даже работал, но я быстро понял, что он построен на основе системы логики Алогичных миров, и поэтому отдал его подсказывальщику. Он любит такие штуки. Фотография рок звезды была запачкана зеленой губной помадой, и, не найдя в ней больше ничего интересного, я ее выкинул. Клетку с пустотой и ал-

мазы я припрятал — их можно было поменять на что-нибудь стоящее. (Ловля космического мусора — довольно выгодное дело, хотя и хлопотное.) Забавная золотистая вобла понесла всякую чушь про исполнение желаний, называя меня милым стариком. На всякий случай я ее отпустил — чтоб не связываться. Ядерная зажигалка оказалась бомбой — это я выяснил, когда нажал на кнопку. Пока меня регенерировали, а страховая компания отстраивала астероид и контору, я вспомнил, что такие устройства используют Кровавые Сестры из Тоталитарной системы (странно, мне казалось, что я их укокошил в прошлый раз).

Оставалось рассмотреть только семигранник и дохлых мопсов, когда в контору врезался одноместный звездолет с юной венерианской туристкой, судорожно вцепившейся в пульт управления. Как всегда в таких случаях, я прикинулся полисменом и содрал с нее штраф за управление звездолетом в несовершеннолетнем состоянии. Когда я проводил юную леди и вернулся в контору, то обнаружил пропажу семигранника. Он словно сквозь астероид провалился, и даже подсказывальщик не знал, куда тот подевался. Я бы и забыл про семигранник, но было в нем что-то такое, что заставило ме-

ня подойти к визуализатору и воссоздать его в воображаемом пространстве. Надо сказать, что воображаемое пространство ничем не хуже, чем наше, или ваше, или то, которым пользуются эти чудаки с Ванды. Предметы в нем получаются почти как настоящие, правда, выглядят чуть более расплывчато. Воссоздав семигранник, я повертел его в разных направлениях и понял, что именно меня насторожило. Это был контейнер. Не спрашивайте меня, почему я так подумал. Я привык доверять собственной интуиции и опыту. (Позднее я понял, что же натолкнуло меня на мысль о контейнере. Внутри семигранника что-то бултыхалось, когда я его вертел.) Для того чтобы вскрыть предмет, находящийся в воображаемом пространстве, необходимы воображаемые орудия взлома. Представив наковальню, я положил на нее семигранник и изо всех сил стукнул по нему воображаемым молотом.

Из обломков семигранника выпал труп.

3

Несколько световых столетий назад, когда я был еще относительно молод, но уже достаточно знаменит, мне довелось участвовать в симпозиуме сыщиков-программистов. Симпозиум проходил на планете Коллизеум — лучшей планете в мире. Среди нескольких поколений философов было модно доказывать, что это место воплощает глобальный рай — ведь уже тогда, благодаря фундаментальным работам Баллоуна, знали, что у любой мыслящей расы есть своя концепция рая. Баллоун же показал, что найдется ровно одна мыслящая раса, не имеющая своей концепции ада. Это экспериментально подтвердилось, когда в одном из нью-йоркских общественных туалетов обнаружили колонию мыслящих вирусов, которые охотно вступили в контакт с представителями комиссии по новым контактам. Вирусы оказались исключительно вирулентными, но расспрашивать их было бессмысленно — они не понимали вопроса. Комиссия до сих пор тяжело больна. К сожалению, колонию нельзя было уничтожить, поскольку

это нарушило бы Упорядоченность Вселенной и дискредитировало бы Баллоуна лично…

Коллизеум, будучи воплощением глобального рая, стал излюбленным местом проведения конференций сыщиков-программистов по глобальным меткам и переменным. И вот, во время блестящего доклада Слокума на тему «Присваивание имен Любимых меткам программы и их влияние на подсознательную компиляцию», райские звуки проникли сквозь стены конференц-холла. То пели райские деревья, и, несмотря на то, что пели они простую песнь крестьян-корчевателей, у всех присутствующих, независимо от расы и вероисповедания, на глаза навернулись слезы безмятежной радости. (Безусловно, в переносном смысле. Каждый радуется по-своему. Кто льет слезы, кто приклеивается к ближайшей поверхности, а кто начинает усиленно поглощать кальций из соседей.)

Воображаемый труп, лежащий на столе, принадлежал молодому, но уже половозрелому райскому дереву с Коллизеума. Я многое повидал на своем сыщицком веку, но этот труп пробрал меня до печенок (всех тринадцати). Музыкальные деревья обычно живут вечно и за просто так не путешествуют по Вселенной в семигранной

таре.

Контора, заваленная дохлыми мопсами, с появлением дерева и вовсе стала напоминать похоронное бюро. Пришлось осмотреть мопсов и, убедившись в отсутствии в них чего либо достопримечательного, выкинуть большую часть в окно. Наблюдая за медленно удаляющимся в черную пустоту косяком мопсов, я размышлял о выкорчеванном дерене, бриках, райской музыке и законах кроссхоуперианской чести.

Во всем этом, несомненно, скрывался ключ к разгадке.

4

Пообедать я решил в маленьком китайском ресторанчике в туманности Андромеды. Там собиралась интеллигентная публика и одеться следовало соответственно. Я подобрал в платяном шкафу облик солидного ганнимедянина, причесался, быстро поймал такси и прибыл в ресторан в 27.00 по среднемировому.

За ближним к зимнему саду столиком сидел

спрут небольших размеров, евший комплексный обед. При виде меня он радостно зачмокал присосками. Это был старый плут в мошенник Сус, по профессии продавец информации. Я подсел к нему и заказал подкатившему официанту фрикадельки с трюфелями, которые хорошо усваиваются телами ганнимедян. Вообще-то я предполагал отведать восхитительных гигантских каракатиц, которых чудно готовят у дядюшки Цоя, но в складывающейся ситуации это было бы нетактично.

Непринужденная обстановка настраивала на благодушно-деловой лад. Тихо звучала музыка, стелился синий андромедский туман; слева страстно пускали побеги сидевшие в удобных кадках представители разумных форм растительной жизни, шокируя тем самим пожилую миллионершу с Лошади-5; неподалеку мирно торговались рабовладельцы: кто-то лениво палил из базуки на заднем дворе. За столом поразительно похожий на ихтиозавра шофер грузового такси в униформе ел уже восьмой апельсин и довольно метко обстреливал зернышками группу сбежавших с урока гимназисток. Гимназистки игриво ржали.

Беседа началась с расспросов о здоровье род-

ственников и близких, плавно перешли на недавний скандал вокруг сенатора Дулье-третьего, которого застукали та незаконным подслушиванием мыслей политических противников; легко коснулась недавнего чемпионата мира по нардам; оплакала ничейную смерть шахмат — недавно теоретики доказали, что при абсолютно правильной игре белых и черных партия к 34 ходу не может не прийти к ничьей. Лишь после всего этого наша беседа мягко и ненавязчиво подвинулась к вопросам, представляющим, как теперь принято говорить, обоюдный интерес.

Я доел последний трюфель, достал баночку с фимиамом, закурил и сказал Сусу, что занимаюсь новым делом. Он сделал вид, что ничего об этом не знает; я сделал вид, что поверил, но при этом хитро подмигнул. Сус сдался и сказал: «Пойдем выйдем». Это означало: «Есть сведения». Вокруг было слишком много ушей, поэтому мы прыгнули во встроенный в ресторан бассейн, хотя в нем и плавала подозрительного вида акула.

В ходе дальнейшей беседы была установлена плата, которую Сус хотел получить за совет. Я пообещал ему достать дефицитные черные чернила, а также заплатить за обед. Вынырнув из бассейна и расплатившись, мы вышли на воздух,

и там Сус мне посоветовал.

Что и говорить, совет стоит чернил! Я всегда поражался футуристическим способностям Суса. Он, конечно, не мог знать всего, что будет, и обладал только способностью очерчивать контуры будущих событий. Но зато как очерчивать! (Когда контуры пересекаются, появляется конкретное предсказание. Класс футуриста как раз в том и состоит, чтобы почаще пересекать контуры. Этим они отличаются от кубистов.) Да, старый Сус по-прежнему один из лучших в своем ремесле.

С ним стоило тепло распрощаться, что я и сделал, завидев подъезжающее такси. Спрут ловко всосался в кабину и улетел. Не успев пролететь и двух парсеков, такси взорвалось. Я не встревожился, потому что в эпоху всеобщей регенерации погибают только дегенераты. Далее происходили следующие события. Выяснилось, что генетический код Суса в Нейтральном Галактическом Архиве гнусно выкраден, а Обязательная Копия и Йельском филиале изменена ровно на одну молекулу. То, что регенерировало из этой копии, выглядело настолько ужасно и так напугало всех присутствующих, что тут же было обращено обратно в код. Никто не помнил, какую именно молекулу изменили, а Главного Профессора

сразил приступ белой горячки, поэтому восстановление Суса отложили до лучших времен.

Не знаю, как у вас, а у меня припрятана третья, запрещенная законом копия. Своя, разумеется, не Суса же!

5

Следующим подъехал частник. Я никогда не езжу на частниках, но в некоторых случаях они безопаснее. Я спокойно добрался до конторы. В конторе было тихо и спокойно. Уже принесли вчерашнюю почту и гороскоп. Он сулил неприятности на работе, богатую сексуальную жизнь с раком и советовал остерегаться семиголовых форм жизни. Подсказывальщик забавлялся с компутатором. На столе уже дымился ароматный глюкс.

Совет, данный мне Сусом, гласил: «Послушай, не будь ослом, съезди в Рай». Он не мог сказать большего, бедняга, его уничтожили даже за эти слова. Страшно подумать, что бы с ним сделали, скажи он все.

Поездка в Рай, даже когда туда ходят рейсовые звездолеты, дело нешуточное, особенно если тут замешана чертовщина, — я позволял медленно течь своим мыслям по извилинам и глюксу по пищеводу. Встроенный в стену экран визуализатора предусмотрительно воплощал мысли в наивно-примитивные растровые изображения. Подсказывальщик запрограммировал его на стиль Антона Ласевича — великого художника-точкиста. Визуализатор замешкался с показом фразы «замешана чертовщина», но достойно выпутался, изобразив декоративную бетономешалку в форме мифологического черта.

Что тут замешана чертовщина, — позволил я мыслям течь дальше, — сомнений нет. (Визуализатор написал слово «сомнения» и зачеркнул жирной черной чертой. Ему всегда с трудом давались абстрактные образы.) Безумный квакальщик, срывающий с груди кроссхоуперианца лучшего брыка. (Прибор показал, как все это происходило.) Это первый зарегистрированный случай безумства квакальщика, а потому он, возможно, свидетельствует о том, что это был не квакальщик. Стаи дохлых мопсов, летающие по Вселенной. Труп дерева в семигранике, его прибытие и исчезновение. (На экране был я, с

глупым видом сидящий в кратере. В невод попадают девятиноги, газеты, семигранники, рыбы и прочая дрянь. Я тяжело переваливаю через край кратера, шагаю в контору и вываливаю добычу на стол. Дальше бомба, я разлетаюсь на куски, регенерация, юная венерианка, я выхожу ее проводить, семигранник еще лежит, правда, его почти заслоняет тушка крупного мопса, и вдруг этот мопс оживает, хватает в пасть семигранник и растворяется.)

Это первый зарегистрированный случай оживления и растворения мопса, а потому, возможно, это был не мопс. Убийство Суса. (Визуализатор позволяет себе вольность и показывает аквалангиста, закалывающего гарпуном Суса.) Необходимо ухватиться за какой-нибудь конец. (Визуализатор показывает неприличную картинку, но быстро спохватывается и изображает меня в виде Тезея, ищущего в глубине темной пещеры нить и одновременно отбивающегося от злобного Минотавра.)

«Что же, — подумал я, — эта картинка не так уж далека от истины».

Визуализатор тактично затемнил экран.

6

Все эти необычные события и передряги настолько вывели меня из колеи, что я почти забыл о своем обычном восьмичасовом послеобеденном сне. Утомленный, я незаметно для себя задремал, а проснулся от неясного внутреннего импульса. Внимательно прислушавшись к себе, я локализовал его происхождение. Импульс возник в районе четвертого длинно-кошачьего нейрона. Надо сказать, лично у меня позывы, исходящие от кошачьих нейронов, говорят, что пора развлечься. Немного поразмыслив, я пришел к выводу: небольшая прогулка мною заслужена. Залез в центральный межгалактический туннель и отправился на Ривьеру.

Как всегда, в парке было многолюдно и шумно. Самая большая толпа собралась у павильона, где экспонировались чудовища, только что полученные с одной из новых планет. Чудовища издали казались забавными, и я протолкнулся поближе к клетке.

Одно из них выглядело странно знакомым и к тому же хитро подмигивало желтым глазом, но

я убедил себя — мне это только померещилось. Толпа внезапно запричитала и заволновалась. Оказалось, неуклюжая гигантская сумчатая мышь случайно задавила розового карликового слона с Гнома-4. Эти мыши очень неловки, и их терпят в приличных домах за то, что они лучшие в галактике эмпатические психоаналитики.

Почти столько же народу собралось у аквариума со странным существом. Как гласила надпись, то была глубоководная ясновидящая рыба, обычно обитающая в системе Плутоновского водопровода, а ныне гастролирующая по Вселенной. Рыба быстро и деловито обслуживала желающих узнать свое будущее. Те отходили, удовлетворенные.

Я обогнул экзотерриариум, отверг предложение отведать аппетитнейших сырых тарантулов, убежал от шарлатана, предлагавшего определить и устранить причины моих забот по глубине ушных впадин, увернулся от глуповатого ковбоя, торговавшего сладостями вразнос, и долго убеждал заблудившегося детеныша-гуманоида, что я не его бабушка. До павильона, куда я направлялся, было уже рукой подать, и я различил надпись «Баня».

Мутус сидел в позе задумчивого орангутана и

тщательно жевал банан, оглядывая окружающих проницательными серыми радарами. Увидев меня, он чуть приподнял голову, легкий мускусный запах благожелательности немедленно окутал меня, укачал и понес куда-то по спирали. Телепатический контакт был полным. Ривьера осталась далеко позади, и тысячи образов захлестывали меня со всех сторон. Мутус внезапно развернулся и — зашвырнул меня в Ниагарский водопад, а потом, не давая опомниться, провел через семь слоев солнечной магмы, освежил циркулярным метеоритным потоком, отгладил теплым паровым катком, окунул в метановую прорубь, покрасил волосы хорошей иранской хной и, наконец, завернув в мягкую простыню, вернул в кресло массажной. Я сидел среди других красных, потных и счастливых клиентов и пил пенистый холодный будвайзер. Настроение медленно, но верно улучшалось.

Сидевший справа отдыхающий взглянул на меня и доброжелательно рыгнул. Я вежливо покачал ногой в ответ. Отдыхающий поднялся, подошел ко мне, вручил сложенную вдвое бумажку, прижал палец к глазному яблоку в знак взаимной сопричастности и исчез во входном люке.

На бумажке было начертано: «Оставьте это дело» — и нарисован семиугольник.

7

Когда я уселся в салоне первого класса, вылетавшего рейсом Ривьера — Рай, в кресле справа оказалась летучая мышь неопрятной наружности. «Успела», — проскрежетала она и засмеялась, показав ряды хищных желтых зубов. Пристегнувшись ремнями, я постарался закрыть глаза и расслабиться, но попробуйте сделать это, когда на вас кровожадно пялится летучая мышь. В голову лезли различные мысли, в частности воспоминания о том, как после возвращения с Ривьеры я сидел в конторе, заново прокручивая все последние события на экране визуализатора. Выжав из бедного прибора всю его разрешающую способность, я увидел, что мопс, похитивший семигранник, и квакальщик, сорвавший с грповской груди лучшего брыка, вовсе не мопс и не квакальщик. На экране (хвала инженерам, создавшим это чудо техники!) в последнюю нано-

секунду перед исчезновением они обрели-таки свой истинный облик — маленького сморщенного существа в черном плаще. Мопс и квакальщик — это было так, напускное. Я где-то читал… Мимикрия — вот точное название.

До сих пор я так и не решил, надо ли мне стремиться в Рай. Либо нечистая сила устранит меня еще по дороге (при этой мысли соседка справа осклабилась, довольная), либо я долечу и, даже если раскрою тайну убийства поющего дерева, вряд ли это поможет найти пропавшее чучело брыка, а тем паче заставить существо в черном плаще превратиться обратно в квакальщика и принести Грпу свои извинения. Перспективы не очень радостные, а тут еще кровожадная летучая мышь…

Чтобы не видеть четырех рядов острых зубов, я повернулся налево и уставился в иллюминатор. Чернота успокаивала. И тут до меня дошло, что я не вижу звезд. Я протер глаза и иллюминатор — звезд не было видно по-прежнему. Внезапно я понял, что мы никуда не летим — не было обычной дорожной тряски. Разношерстные пассажиры начали преображаться, кто увеличиваясь, а кто и уменьшаясь в размерах и стандартизируясь в точные копии моей соседки. Сильно запахло

серой. Неизвестно откуда появился сморщенный тип в черном плаще, тот самый, что прикидывался квакальщиком и мопсом. При его виде мыши отряхнулись и выстроились в строгую шеренгу. Я сидел в кресле и завидовал собственному хладнокровию, когда сморщенный подошел ко мне и сказал: «Ваша карта бита, Даго».

8

«Ваша карта бита», — сказал тип в черном плаще, сморкаясь в носовой платок. Из носа у него текло непрерывно. «Мы могли бы вас уничтожить со всеми потрохами и нелегальными копиями генокода, — продолжал он, хлюпая носом. — Мы буквально все знаем о вас. Наши досье полнее, чем были в легендарном КГБ».

Тип достал откуда-то из складок своего плаща пачку сигарет, сделав эффектную паузу, медленно сорвал обертку, скатал ее в комочек и легким движением когтя отправил в мою сторону. Я вынес унижение достойно, даже не моргнув. Достав сигарету черным щупальцем, он пред-

ложил ее мне. Я сказал, что не курю (это было неправдой), но ни в коем случае не отказался бы от хорошей чашечки глюкса (это было правдой). «Глюкс вы будете пить в Раю», — пошутил сморщенный, и вся шеренга летучих мышей смачно заржала, обмениваясь фразами вроде: «Как он ему вдарил» и «Ну наш старикан дает». Сделав глубокую затяжку, тип продолжал: «Мы могли бы вас уничтожить, Даго. Но мы добры лишь потому, что нам понравились ваша настойчивость и смелость, проявившаяся в нуль-реакции на предупреждения. И кроме того, мы ведь деловые люди, Даго. Вы можете нам понадобиться. И если вы готовы отдать нам часть своего опыта и знаний, — тип сделал широкий жест рукой, как бы показывая, насколько велики, по его мнению, мои опыт и знания, — то мы за ценой не постоим. Мы умеем ценить нужных людей, Даго. Ну так что, вы согласны?». Я ответил, что, безусловно, согласен, если будут соблюдены мои моральные принципы. В шеренге летучих мышей послышался громкий шепот: «Его моральные принципы, вы слышали?» — и иронические смешки. — Ну что же, — сказал тип. — В таком случае с вами желает побеседовать сам господин Верзивул. Будьте добры, наденьте этот антирадиационный

костюм и пожалуйте за мной в топку».

Спускаясь по крутым железным ступеням, я думал о том, как же я был наивен, приняв этот дьявольский корабль за пассажирский. «Ты шляпа, — сказал я себе. — Вряд ли твои способности понадобятся кому-нибудь, кроме нечистой силы». В машинном отделении предо мной предстала следующая картина: в ядерной печке, удобно облокотившись о стержни реактора, нежился благообразный седовласый джентльмен в форме подполковника гвардерианской армии. В неяркой синеве свечения он выглядел буднично, гуманоидоподобно. Подняв голову, он уставился на меня суровым взглядом шерифа и произнес, слегка картавя: «Так вот вы какой, голубчик. А я представлял вас совсем другим».

9

Тут он почему-то засуетился, начал что-то искать среди регулирующих стержней, нашел бумажку, прочитал, засунул обратно и, просияв, сказал: «Ну ладно, поскорее к делу. Мы не

потребуем от вас слишком много, милейший. Небольшие дружеские услуги, я бы сказал, гмм… консультационного характера, что ли. У вас ведь есть дружок в полиции Ближних Миров, голубчик? Ну и славненько, ну и чудненько».

Глаза Верзивула подернулись туманной пеленой, и он продолжал медленнее и как бы нараспев: «Дружище Даго, наша организация катастрофически теряла влияние. Ангелы, эти гнусные мелкие людишки, теснили нас по всем галактикам. Все наши беды начались с того, что они ворвались в законно принадлежащий нам игорный дом на Каллисто, дебоширили, грязно, с нашей точки зрения, ругались, распугали публику, разбили карточный столик и два стула. Моральный ущерб оказался еще больше. Потом они отбили у нас сеть супермаркетов и закусочных, которыми мы владели с незапамятных времен».

Мирный тон подполковника совершенно не соответствовал событиям, о которых он рассказывал. «Мимикрия», — подумалось мне. Тем временем печальное повествование продолжалось: «Ангелы вели себя все нахальнее: наносили удар за ударом и скрывались на своей защищенной территории — в Раю, где упивались победами

под пение райских деревьев. Вы ведь знаете, — он снял фуражку, вытер лоб, вздохнул, — что нечистая сила не может проникнуть в Рай? Это противоречило бы теории Баллоуна, черт бы его побрал. Мы пытались его подкупить, но он заявил, что для него наука — превыше всего. Вы ведь знаете эту вздорную теорийку? С тех пор как нашли эти вирусы в Нью-Йорке, Баллоун совсем зазнался. Сейчас, — продолжал он, сверяясь с бумажкой, — наш индекс популярности — наинизший за последний отчетный период. Пришлось принимать срочные меры. Мы обратились к футуристам, и физикам, и владельцам информации — да, да, именно к Сусу. Потом, правда, пришлось его убрать — он слишком много знал. Так вот, Сус сказал, что видит опасение в разрушении какой-то зелени и каких-то корней. Мы не могли понять, что бы это могло значить, пока не получили информацию, выкраденную у физика-теоретика Иванова. Иванов утверждает, что уничтожение любого конечного элемента Рая приведет к нарушению его экстерриториальности.

Это было уже что-то. Таким образом, сопоставляя и анализируя, нам пришлось пойти на убийство дерева. Мне было его жаль — я любил

слушать их пение. Вы помните ту песнь? — и Верзивул запел неожиданно приятным тенором. Закончив петь, он сказал: — Кстати, вы знаете, что деревья поют теперь только тяжелый рок? Как вы думаете, это их форма выражения скорби по погибшему товарищу? Не знаете? Ну и ладно. А чучело брыка? Ну с этим все совсем просто».

Он порылся в ворохе угольев и достал отлично выделанное чучело крупного брыка. «Просто у меня к ним слабость, — сказал Верзивул и, улыбнувшись, ласково потерся о тушку шекой; потом продолжил уже совсем другим, фанфарно-торжественным тоном: Теперь мы можем проникать на их территорию. Завтра мы планируем нанести этим негодяям сокрушительный удар в их логове. В семь ноль-ноль по среднерайскому времени».

Выдержав паузу, подполковник опять сказал: «Вы свободны, Даго. Когда понадобитесь, вас позовут. Бидон, проводите господина Даго до его астероида и смотрите, никаких телесных повреждений». Он даже пожал мне на прощание рукав антирадиационного костюма.

Наконец-то я узнал, как зовут сморщенного типа в плаше.

10

Дальнейшие события внешне складывались как нельзя лучше. Подручные Бидона разыскали квакальщика-токсикомана, который за пару пакетов веселящего газа согласился извиниться перед Грпом и стерпеть пару пощечин. Неотличимая копия утерянного чучела брыка заняла законное место на широкой груди добродушного кроссхоуперианца. Сородичи были в восторге, Грп одержал убедительную победу на выборах в местное Управление художественной самодеятельностью. Я получил свой бульверизатор.

Дело об убийстве дерева успешно замяли с помощью моего друга из полиции Ближних Миров. Друзья-деревья погоревали-погоревали и, оставив тяжелый рок, вернулись к песенному фольклору, вызвав тем самым небольшую серию студенческих волнений на одной из металлических планет.

Все выглядело как прежде, но время от времени стали меня посещать безответные вопросы. Согласно теории Баллоуна, теперь, после исчезновения глобального Рая, нарушилась целостность

Вселенной. Значит, как зловеще предрекал Баллоун, энтропия будет бесконечно возрастать, необратимо подталкивая мир к всеобщему коллапсу? Вряд ли это отразится лично на мне, я уже стар, и все-таки…

Вчера я не нашел своего любимого китайского ресторанчика в туманности Андромеды. Он бесследно пропал вместе со всей туманностью. Пришлось обедать сырыми тарантулами на Ривьере. А сегодня я вышел из межгалактического туннеля там, где всю жизнь находилась Ривьера, и обнаружил только компанию парящих в пустоте университетских профессоров во главе с Баллоуном. Профессора с жаром спорили о возможном развитии событий.

А самое обидное заключалось в том, что когда мне надоело слушать о «коллаптическом континууме» и «вакуумных хвостах» и я повернулся, чтобы уйти, то не обнаружил меж галактического туннеля. На месте входного люка стоял нанюхавшийся квакальщик и смеялся.

Может, кто-то подскажет, как мне теперь попасть обратно в свою контору?

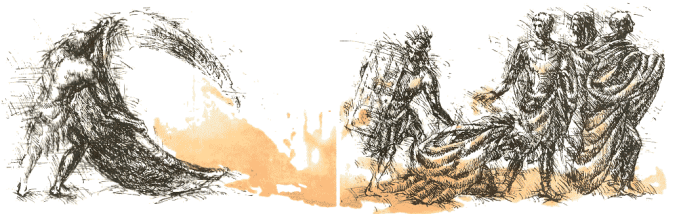
Рисунок В. Меджибовского

1992

№ 1

Василий Гроссман

Пурпур



С многими, работавшими в зловонной, темной красильне, делалось дурно, и тогда товарищи подносили тело упавшего к дверям и стучали кулаками в толстые доски. Легионеры открывали дверь и вытаскивали лежащего человека на воздух. Когда он приходил в себя, его снова загоняли в красильню.

Только Кассий работал в красильне, не испытывая ни удушья, ни дурноты. «Суровый Кассий» звали его товарищи. Его боялись, хотя он за все время работы в красильне не причинил никому

вреда, ни с кем не повздорил, даже ни разу не повысил голоса. Вероятно, внушали страх его густая темная борода да суровая складка на низком широком лбу, всегда склоненном вперед и вниз, точно у рассерженного буйвола, идущего по илистому берегу реки.

Люди, работавшие в красильне, не знали, кто они: рабы богатого патриция Лентула или вольные граждане Рима. Закон охранял тайну крашения, и человек, начинавший работать в красильне, терял свободу. Красильню охраняли день и ночь легионеры. Всякому подходившему близко угрожали мечом, а когда поздно ночью рабочие кончали работать, по двору ходил вооруженный стражник. Изредка рабочие ходили в кабак и пили там кислое мутное вино.

Матросы, рыбаки, окрестные крестьяне насмешливо поглядывали в их сторону, морщили носы и говорили:

— Снова пять дней нельзя будет пить вина: красильщики завоняли кабак запахом гнилой мочи и раковин.

Красильщики привыкли к этому.

Даже публичные женщины избегали красильщиков, и те из них, что соглашались иметь с ними дело, брали с красильщиков вдвое дороже,

чем с матросов и рыбаков.

Возвращаясь домой, рабочие пели монотонную песню, начинавшуюся словами:

Его руки воняют и имеют запах рыбы…

Это была очень древняя и длинная песня.

Ее сложили египетские рабы, красившие в синий цвет погребальные одежды Рамзеса II. Они погружали ткани в гнилую мочу, чтобы закрепить на них драгоценное индиго, ценившееся дороже золота. От них эта песня вместе с секретом крашения перешла к тирским красильщикам в Финикию, а оттуда в Грецию и Рим. Это была очень длинная песня, так как каждое поколение прибавляло к ней новый куплет-жалобу.

И когда красильщики пели свою песню, легионеры, охранявшие красильню, обычно засыпали под ее монотонный напев.

Дни в красильне текли однообразно и тяжело, точно это были не дни, а дождливые зимние ночи.

Иногда их однообразие нарушалось чьим-нибудь бегством или приходом нового рабочего. Обычно в красильню шли люди, желавшие скрыться от преследования, и немногие работали в ней по свободному желанию. Таким свобод-

но поступившим был молчаливый Кассий. Его отец всю жизнь был красильщиком, и старый надсмотрщик Марий, один знавший рецепты крашения, как-то рассказал Кассию о смерти отца, погибшего, когда опрокинулся котел кипящей краски.

— Вот уж много лет прошло с того дня, — говорил Марий, — и мне до сих пор жалко этого большого котла золотистой цервы. Ею можно было б окрасить много сотен женских платков. — Он вздохнул. — А если смешать ее с синим камнем хризокола, то получилась бы зелень ярче листьев лимона после весеннего дождя.

Этот разговор произошел, когда Кассий шестнадцатилетним мальчиком поступил в красильню.

С тех пор десятки людей приходили и уходили, многие умерли, а Кассий все продолжал работать в темном сыром помещении. И каждый день молчаливый и суровый он приходил, когда багровое солнце выплывало из-за гор, и уходил в черный провал ночи.

Марий хорошо относился к нему, он постепенно открывал Кассию секреты составления многих красок.

— Запоминай! — сердито крикнул однажды Марий. — Я не буду жить вечно, придет день, и боги призовут меня — тогда ты будешь ходить здесь вместо меня.

Кассий молча посмотрел на него.

— Да, да, — сказал Марий, — завтра я еду в Рим и скажу об этом Лентулу Бастиасу.

И, поняв молчание Кассия как удивление столь счастливому жребию, Марий сказал:

— Все, кто приходит сюда, куда-то стремятся, только ты доволен и никуда не хочешь уходить. Ты молчалив, ты хорошо запоминаешь все тонкости нашей работы. И, ты любишь краски, хотя ты и плебей.

Спустя несколько дней Кассий спросил у старика:

— Почему ты сказал тогда: хотя ты плебей, но ты любишь краски. Разве только патриции могут их любить?

Марий торжественно посмотрел на него и сказал:

— Кассий, Лентул согласен с моим выбором. Сегодня я открою тебе самую большую тайну ремесла — я научу тебя изготовлять пурпур, тот пурпур, в который красятся тонкие льняные тоги сенаторов — пурпуратти.

И он повел его в маленькую пристройку, куда, кроме него и двух глухонемых негров, никто не имел права входить.

Удушливый запах гниющих моллюсков вызвал бы у непривычного человека обморок, но Кассий не обратил на него внимания.

Марий сел и, оглядев внимательно котел, темные деревянные доски, покрытые иссеченными кусками моллюсков, чаны с морской солью, заговорил. Говорил он негромко, глядя не на Кассия, а куда-то поверх его головы, точно священнослужитель, произносящий молитву.

Негры, рубившие короткими ножами мягкие тела улиток, полуоткрыв рты, смотрели то на Мария, то на Кассия. Удивляясь пришельцу, они перестали работать.

— Краски, — начал Марий, — созданы богами. Без красок жизнь была бы ничем. Так же немыслима жизнь без людей. Краски больше, чем слова и мысли философов, выражают волю и желание богов. Посмотри на море, и по его цветам ты узнаешь, чего хочет Нептун. Краски созданы богами подобно людям, которых создали те же боги. И подобно людям, краски делятся на патрициев, свободных граждан, плебеев и рабов.

Ты уже знаешь многие краски, Кассий.

Ты знаешь, как из смоченных водой частей верансии выделяется красная краска, которую арабы зовут ализари. Ты умеешь отличать корни настоящей Альканны от ложной и знаешь, как извлечь из них красную краску для крашения лица и ногтей. Ты знаешь, как окрасить в желтый цвет корнями лотосового дерева шерсть, а корой его — кожу. И я научил тебя извлекать из маленьких, похожих на зерна перца, червячков, коккум, живущих на листьях кермесского дуба, яркую красную краску.

Но о красках патрициях ты ничего не знаешь, Кассий. Ты не знаешь о драконовой крови — единственной в мире краске, воспроизводящей цвет человеческой крови. Ты никогда не видел драгоценной синей краски: она в пятьдесят раз сильней синей вайды, и ты ничего не знаешь о самой великой краске — о пурпуре. На ее чистоту покушаются много обманщиков. Лакмус и орсель с побережий острова Крита, и крушина, из которой германцы извлекают ложный пурпур для окраски шерсти, цветы диких гранатовых ягод с острова Самоса, египетские акации и просто смешение синей вайды с красным коккумом — все это дает пурпур. Но это пурпур ложный. В него не красят благородных льняных полотен для

тог сенаторов. Это плебейская краска, обманом завладевшая благородным цветом.

Я расскажу тебе, Кассий, о настоящем благородном пурпуре. Его тайну знают немногие, и горе тебе, если ты выдашь ее кому-нибудь.

Марий несколько минут молчал, точно сожа-

лея расстаться с ему одному принадлежащей драгоценностью. Синие глаза Кассия казались совсем темными, прямой короткий нос придавал лицу выражение упрямства и силы.

«Этот молчаливый плебей достоин доверия», — подумал старый надсмотрщик.

И, понизив голос до хриплого шепота, сделав неграм знак не стучать ножами, он начат рассказывать Кассию тайну настоящего Тирского пурпура. Он рассказал ему, как пришло искусство извлекать пурпур с островов Менникс и Китера, как из многочисленных видов улиток пурпура отличить носителя драгоценного красителя, как надо измельчать их, посыпать солью, дав им наполовину сгнить, нагревать бледно-желтый, похожий на зловонный гной, сок, как пропитывать им ткани. Рассказал, почему развешенные в полумраке желтые ткани через несколько дней подвергаются чудесному превращению в темно-пурпурные одеяния великих мужей республики.

Старый надсмотрщик кончил говорить.

Ему, видно, стало грустно. Вот тайна ушла от него. Он посмотрел на ткани, висящие на деревянных жердях. В полумраке их красно-фиолетовая окраска казалась черной.

Марий вздохнул и опустил голову. Мистиче-

ское настроение овладело им. Пришел сумрак, и пурпур стал черным. Скоро душа его уйдет в страну, где нет ярких красок. Да, пурпур станет черным.

Он мрачно посмотрел на молчавшего Кассия. В сумерках бородатое лицо его выглядело особенно сурово.

— Иди работать, — сказал Марий.

После окончания работы Кассий с товарищами вышли из красильни.

Теплая ночь была прекрасна. Звезды, точно большие цветы, окрашенные золотой цервой, украшали тяжелую ткань ночного неба. Перебивая друг друга, трещали цикады. Их пестрый шум сливался с ленивым плеском моря. В воздухе носились светящиеся жуки. Вышедшие из красильни люди с наслаждением вдыхали запах цветущих неподалеку апельсиновых деревьев.

Красильщики шли молча. Навстречу им четверо рабов несли тяжелые пышные носилки. Носильщики замедлили шаги. Чей-то хриплый голос внутри носилок произнес:

— Какое ужасное зловоние!

Другой голос, настолько мягкий, что трудно

было понять, принадлежит ли он мужчине или женщине, сказал:

— Это твои красильщики, Лентул.

— Пурпур не пахнет, — ответил хриплый голос, и внутри носилок засмеялись.

Потом хриплый голос произнес:
— Зачем вы остановились, ослы, бегом мимо

этого вонючего стада.

И рабы, ускорив шаги, пронесли носилки.

Один из красильщиков запел:

Его руки воняют и имеют запах рыбы…

И к удивлению всех, Кассий, молчаливый Кассий, присоединил свой голос к голосу певца.

В красильню пришел человек просить работы.

— Ты говоришь, что пас коз на холмах близ Петелии? — с сомнением, покачивая головой, спросил Марий.

— Да, — ответил пришелец.

— И что гладиаторы перерезали твоих коз?

— Да, они их перерезали, — и он своими ясными глазами посмотрел в глаза Марию. — Легион претора Красса окружил их, среди них начался голод. До этого они не трогали пастухов.

Марий сомневался. Недавно оглашенный закон сурово карал за укрывательство гладиаторов и рабов, бежавших от разбитого Спартака.

По дорогам близ Рима ходили отряды и задерживали подозрительных людей. И в последнее время в красильню часто приходили загоревшие люди в порванных одеждах. У них были громкие

голоса, резкие движения, и они толком не могли рассказать, кто они, откуда и почему они хотят работать в зловонной темной красильне. Марий гнал их обычно прочь. И на этот раз он собирался отказать пришельцу.

— Ты не похож на римлянина, — сказал он.

— Мой отец был кельтом, — ответил тот.

Б это время к Марию приблизился стоявший неподалеку Кассий.

— Что хочешь ты, Кассий? — спросил старик.

Кассий, внимательно глядевший все время на пришельца, сказал:

— Марий, мне нужен человек для растирания камня, хризокола; все люди заняты, кого мне взять?

— Кого тебе взять? — задумчиво спросил Марий.

— Человек нужен и для того, чтобы заполнять загнившей мочой большой деревянный чан. Ведь завтра мы будем окрашивать ткани, привезенные тобой из Рима.

Кассий редко произносил сразу столько слов.

— Ты говоришь, что пас коз на холмах близ Петелии? — снова спросил Марий.

— Да, — ответил пришелец.

— Пойди за Кассием и слушайся его во всем,

как меня.

Потом Марий поднес к глазам свои руки и долго смотрел, как дрожат его пухлые пальцы, покрытые короткими седыми волосами.

«Ты скоро уйдешь из красильни, Марий, — подумал он, — и не все ли тебе равно, бежавший ли это гладиатор или пастух. Носить меха загнившей мочи он сумеет — плечи его достаточно широки».

Опустив голову, он побрел в сторону своего дома.

— Как зовут тебя? — спросил у шедшего с ним рядом человека Кассий.

Тот негромко сказал:

— Мое имя Крикс, — и, оглянувшись, добавил совсем тихо. — Это мое настоящее имя, его никто не должен знать.

— Почему ты доверяешь мне? — спросил Кассий.

Пришелец рассмеялся.

— Я видел, как ты подошел к надсмотрщику. Ты не был в школе гладиаторов Лентула Бастиаса? — спросил он.

— Нет, — отвечал Кассий, — я всю жизнь работаю в его красильне.

Он подвел Крикса к бассейну возле задней сте-

ны красильни. Ужасающее зловоние неслось от беловато-желтой жидкости, заполнявшей его.

— Вот козий мех, — сказал Кассий, — я покажу тебе, куда нужно переносить мочу.

Крикс увидел, как Кассий опустил обе руки в бассейн почти по локти.

Зловоние стало еще сильней, когда он вытащил из бассейна налитый мех.

— Иди за мной, — сказал Кассий.

Он зашел под навес и вылил в просмоленный чан содержимое меха.

— Состав готов, — сказал он, — двадцати летних дней достаточно для этого. А зимой моча выстаивается по сорок и пятьдесят дней.

Он передал Криксу мех:

— Ты заполнишь чан вот до этой красной черты.

Наклонившись над бассейном, Крикс опустил в него мех. Тягучий ком тошноты вызвал отрыжку. Крикс стиснул зубы и, отвернув лицо, держа мех на вытянутых руках, понес его под навес.

Ему казалось, что Лентул Бастиас мстит ему за участие в восстании гладиаторов, за позор консулов Варния, Геллия, Корнелия, проконсула Лонгина, претора Манлия, разбитых восставшими рабами и гладиаторами.

Да, вначале их было семьдесят человек галлов, германцев, кельтов, предводительствуемых великим фракийцем. Семьдесят человек различных племен, разных наречий, цвета волос, глаз, ушедших под склоны Везувия. Но их крепче уз крови связала ненависть к Риму, их объединила тоска по далекой родине — одних по мрачному шуму морского прибоя у кельтских скал, других по тени высоких германских лесов, третьих по жаркому солнцу и синему небу пустынной Фракии.

Их стало семь десятков тысяч, и вся южная Италия два года знала только одно имя — имя Спартака, пойманного когда-то дезертира римского войска, разбойника, гладиатора из школы Лентула Бастиаса.

Крикс облился зловонной жидкостью; споткнувшись, он упал, и моча залила ему лицо и грудь. Сознание его мутилось. Ему казалось, что вся вселенная радуется его позору. И, может быть, он бы еще больше ужаснулся, когда бы понял, что никто не смотрит на него и не думает о нем: никому не было дела до человека с перекошенным лицом, носившего свою зловонную ношу от бассейна к большому просмоленному чану: ни

людям, ни богам.

Ночью Кассий и Крикс сидели на камнях большой стены, окружавшей казарму. Было совершенно темно. По дороге двигались войска. В темноте раздавался звон металла, глухой стук кожаных щитов, там, где проходила голова когорты, шли люди, освещавшие дорогу факелами. В их тревожном дымном пламени на мгновенье вырисовывались фигуры идущих в передних рядах воинов. Красножелтые языки пламени освещали медные шлемы.

Они шли быстро, почти бежали, точно это были воины побежденной армии, а не победоносные легионы Красса, разбившие Спартака.

Кассий и Крикс негромко говорили меж собой.

— Солдаты молчат, — сказал Кассий. — Их не радует победа.

— Их не радует победа, — ответил ему Крикс, — они злы на Красса. Чтобы заставить их выступить против Спартака, он выбрал несколько сот солдат, собрал своих шесть легионов и на глазах у них казнил тех, на кого пал жребий. «Так я казню невинных», сказал он, «пусть каждый подумает, что ждет его, если он откажется выступить против Спартака».

— Где Спартак? — спросил Кассий.

— Он убит, — ответил Крикс.

Они долго молчали, каждый думал свои мысли.

— Слушай, — вдруг сказал Крикс, — три года тысячи людей сражались, почему ты не пошел с ними? Неужели носить меха гнилой мочи — это единственное, что ты просил у судьбы?

Кассий молчал.

— Я уйду отсюда, — сказал Крикс, — я уйду сегодня ночью.

Он посмотрел на дорогу.

— Ты пойдешь со мной? — спросил он Кассия.

Тот отрицательно покачал головой.

— Пойдешь? насмешливо переспросил Крикс.

— Нет, — ответил Кассий.

— Безумец, — сказал Крикс, — лучше быть гладиатором бастиари и голыми руками бороться с дикими зверями, чем пресмыкаться в этом зловонии.

Они снова сидели молча. Прошло немало времени, пока Крикс нарушил молчание.

— Прощай, Кассий, — сказал он, — я ухожу.

Голос его чуть дрогнул.

— Ты сделал мне добро, Кассий, ты, видевший счастья меньше, чем я, не видевший вовсе счастья.

Крикс спрыгнул со стены, некоторое время слышался шорох раздвигаемого им кустарника. Казалось, что это шуршит ночь, ломаемая идущим по ней человеком. Через несколько мгновений шум умолк и лишь издали доносился гул идущих к Риму легионов.

Кассий остался сидеть один.

Он смотрел в мрак, окружавший его, и чернобородое лицо его казалось темным пятном на фоне ночи.

«Шесть тысяч гладиаторов распяты легионами претора Красса, — думал он, — шесть тысяч крестов стоят вдоль дороги от Капули до Рима».

Много мыслей пронеслось в его, наклоненной к земле, голове.

Медленно пошел он в сторону своего темного

обиталища.

Чей-то голос окликнул его у дверей.

— Это ты, Молчаливый?

Кассий отозвался.

— Где ты был? Тебя ищут повсюду. Надсмотрщик заболел. Он призывает тебя, спеши, ему очень плохо.

В это время к ним подбежал воин.

— Спеши, Молчаливый! — закричал он. — Марий зовет тебя.

Они вошли в дом. Плачущие женщины окружали ложе, освещенное масляными светильниками.

Кассий остановился в дверях. Воин, взглянув на ложе, сказал:

— Мы слишком медленно шли — смерть пришла раньше нас.

Лица Мария не было видно: его заслоняла вздрагивающая спина плачущей старухи. Видны были большие пухлые руки его. Они почти до локтей были окрашены в бурокоричневый цвет. Марий окрашивал в пурпур новую тогу Ленту-ла Бастиаса. Теперь руки лежали неподвижно вдоль тела.

Утром Кассий стал хозяином красильни.

Молчаливый человек, тихо без улыбки отдающий приказания и равнодушно глядящий в лица своих вчерашних товарищей, точно видя их в первый раз, внушал страх. И когда у плеча рабочего появлялось чернобородое лицо, склоненный вперед и вниз лоб Кассия, тот невольно вздрагивал и начинал беспокойно озираться по сторонам.

Распределив работу и проверив, как выполняются его приказания, Кассий ушел в здание, где красился пурпур. Там находилась небольшая светлая комната, служившая Марию чем-то вроде лаборатории.

После его ухода рабочие стали негромко переговариваться между собой.

Худой человек, вываривавший сок из зеленой кожуры греческих орехов, сказал:

— На галерах самыми злыми были надсмотрщики, назначенные из каторжан. Шесть лет я плавал по морю и видел немало надсмотрщиков.

Другой, уже совсем седой старик, давивший деревянным молотом сочные корни лупина, ответил:

— Да, ты прав. В школах гладиаторов наиболее жестокими учителями были рудиарии.

А третий — подвижный человек с перебитым носом — сипло произнес:

— Не вините Молчаливого. Каждый на его месте поступит так же.

А Кассий в это время рассматривал окрашенные ткани, и при взгляде на его лицо не поверилось бы, что это он — мрачный, одним своим видом внушающий страх, Кассий. Руки его нежно перебирали тонкие льняные ткани, окрашенные различными красками. Стена, увешанная выкрасками, казалось, дрожала в пестром хаосе красок.

Драконова кровь сочилась по тонким нитям пряжи, софрол расплавленной медью горел на мохнатых клочьях овечьей шерсти, кусочки драгоценного шелка были сини, как тихое море; глубокая коричневая краска, которой не знала природа, вызванная к жизни человеком, загадочно улыбалась. Изумрудная зелень была точно листва молодых деревьев. А тога, окрашенная Марием в день смерти, пылала красно-фиолетовыми языками пламени.

Кассий негромко смеялся от удовольствия, перебирая руками ткани.

— Марий, — говорил он, — плебеи любят краски. Они их любят больше, чем патриции, потому

что не имеют их. Они знают, что краски — основа жизни.

Он прислушался. Кто-то сильно стучал в закрытую с внутренней стороны дверь. Кассий отпер задвижку.

Высокий воин с коротким фракийским мечом у пояса спросил его:

— Ты видно спал, я едва не выломал двери.

Кассий мельком посмотрел на него. Его внимание привлекла группа солдат и полуголый связанный человек, стоявший меж ними.

Голова его была кое-как перевязана пропитанной кровью тряпкой. Багровый след удара проходил от лба через левую щеку и заплывший, опухший глаз.

— Этот человек, — сказал воин, указывая на пленника, — пойман на римской дороге. Он говорит, что работал в красильне и будто ты послал его в Рим к Лентулу Бастиасу. Знаешь ли ты его?

Единственный глаз связанного человека покойно и серьезно глядел в глаза Кассия.

— Кто он? — медленно, точно наконец приняв решение, переспросил Кассий.

— Кто он? Его зовут Крикс. Он один из семидесяти бежавших со Спартаком.

Воин повернулся к Криксу.

— Зачем ты заставил нас идти по пыльной дороге? — добродушно сказал он. — Нам придется снова возвращаться к ждущему тебя кресту.

— Прощай, Кассий, — крикнул Крикс, — люди ошиблись, когда назвали тебя Молчаливым; теперь я знаю, отчего ты носил гнилую мочу и не пошел в горы.

Кассий молча смотрел вслед удалявшимся.

Перед вечером по дороге к Риму шел человек. Солнце освещало поля. Человек шел быстро. Он то и дело прикладывал ладонь ко лбу и, заслоняя глаза от солнца, пристально всматривался в даль. Вдруг он ускорил шаг и почти бегом начал подыматься по склону невысокого холма, по которому было раскинуто селение. Небольшая группа людей стояла вокруг креста у входа в селение.

Лицо распятого было страшно. Искаженное предсмертной мукой, оно сохранило выражение ненависти и боли. Голова запала за плоскость креста, и казалось, мертвец смотрел куда-то в море, стараясь разглядеть невидимый берег.

Его руки, с налитыми черной кровью жилами, были подобны крыльевым суставам орла, лишенным перьев.

Кассий растолкал толпу. Он вынул пурпуровую тогу и накинул ее на грудь мертвецу. Поселяне,

оторопев, смотрели на Кассия. Он поднял руку и заговорил: слова с трудом, точно камни, падали одно за другим в толпу.

Пурпур принадлежит плебеям, говорил Кассий, патриции завладели этой краской.

Ей надо дать свободу, и, как Спартак хотел освободить рабов, он, Кассий, даст свободу пурпуру. И с увлечением мастера Кассий открыл поселянам великую тайну изготовления пурпура.

— Вот первый человек, достойный пурпуровой одежды, — сказал он.

Порыв влажного ветра с потемневшего моря пахнул на стоявших. Ткань, наброшенная на мертвеца, раздулась, и люди, охваченные волнением, смотрели, как она подымалась, точно собираясь унести с собой крест.

Вдруг послышались испуганные восклицания. Люди бросились бежать. Со стороны поселка приближался отряд солдат.

Они на мгновение отступили перед удивительной картиной: мертвый гладиатор, казалось, горел, охваченный красным пламенем ткани. И рядом с ним, в тени, стоял чернобородый красильщик, склонив голову немного вперед и вниз, точно буйвол, идущий по илистому берегу реки.

Василий Гроссман — химик

Услышал «Князя Игоря», каждый химик чувствует что-то вроде профессиональной гордости — ведь знаменитый композитор А. П. Бородин был его коллегой. Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать вклад химиков в отечественную культуру — поэт Ломоносов и публицист Менделеев были известны читающей публике своего времени не меньше, чем научным кругам. Но все таки личности, равной Бородину, среди химиков вроде бы не находилось.

А между тем замечательный советский литератор Василий Гроссман, автор буквально потрясшего вею Страну романа «Жизнь и Судьба», был самым настоящим химиком. В 1923 году он поступил на химическое отделение физико-математического факультета МГУ и, окончив его, уехал работать в Донбасс.

«Я получил назначение химика в газоаналитическую лабораторию на самой глубокой и жаркой шахте Донбасса — Смолянка II, — писал Василий Семенович. — Глубина ствола Смолянки была

832 м, а продольные штреки на восточном уклоне лежали на глубине больше километра. Смолянка пользовалась плохой известностью — на ней происходили внезапные выделения рудничного газа и пыли, нечто вроде подземных цунами. При внезапных выделениях сотни тонн штыба и угольной пыли засыпали подземные выработки.

Романтика захватила меня — самая глубокая, самая опасная, самая газовая шахта в СССР. Меня покорила поэзия Донбасса — потоки лампочек, прочерчивающие пунктиром ночные степные дорожки, протяжный вой сирен среди тумана, черные терриконы, угрюмое зарево над металлургическим заводом».

В то время анализы воздуха в шахтной лаборатории делали на приборе Брокмана. Газомерщики приносили в лабораторию пробы воздуха в опрокинутых бутылках (в них возле пробки оставляли немного воды — так называемый гидравлический затвор). Гроссман брал бутылку, опускал ее в ведро с водой и с помощью резиновой груши перекачивал из нее воздух в прибор. При анализе метан сжигался в стеклянной колбе над налитой туда ртутью. Каждая вспышка метана предупреждала об опасности, подстерегавшей шахтеров.

Работая в Донбассе, Гроссман выполнил

несколько научных работ. В своей автобиографии он указывает одну из них: «К вопросу о наличии и происхождении окиси углерода в каменноугольных пластах Донбасса».

Позже он работал химиком-аналитиком в Донецком областном институте патологии и гигиены труда и тогда же — ассистентом кафедры неорганической химии Донецкого мединститута.

В 1933 году будущий писатель переехал в Москву и поступил на карандашную фабрику «Сакко и Ванцетти». Здесь он работал старшим химиком, заведующим лабораторией и, наконец, помощником главного инженера.

И кто знает, как бы сложилась судьба Гроссмана, если бы в апреле 1934 года в «Литературной газете» не появился его рассказ «В городе Бердичеве» (по которому через тридцать лет поставили фильм «Комиссар»). Рассказ заметил А. М. Горький, и в мае 1934 года Алексей Максимович пригласил начинающего писателя к себе на дачу в Горках под Москвой. Знаменательно, что сперва Горький расспрашивал молодого писателя о его работе химика и лишь затем они заговорили о философии, религии, науке.

«Эта встреча с Алексеем Максимовичем в

большой степени повлияла на дальнейший мой жизненный путь, — вспоминал В. С. Гроссман. — Алексей Максимович посоветовал мне всецело перейти на литературный труд». В том же 1934 году в альманахе «Год XVII» была напечатана повесть «Глюкауф», а в 1937 году Гроссмана приняли в Союз писателей.

Так родился писатель Василий Гроссман. И тем не менее на страницах рассказов, повестей, романов он продолжал оставаться химиком.

Самый яркий пример единства литератора и ученого — повесть «Цейлонский графит». Ее действие почти целиком разворачивается на территории карандашной фабрики. Когда со склада приносили коробочки графита, главный герой «брал навески на аналитических весах и сжигал графит в муфельной печи, потом он снова брал белые фарфоровые тигли… и взвешивал золу. На клочке бумаги он высчитывал процент зольности и вносил цифры в лабораторный журнал».

А душу какого химика не затронут страницы, где описаны лаборатория или склад? «В лаборатории стояли шкафы, в которых была собрана коллекция образцов сырья… Ему нравилось рассматривать все эти анилины и лаки — черные,

фиолетовые, гремяще-красные, нежно-лимонные и оранжевые. И названия их нравились ему: бриллиант-грюн, метил-виолет, родамин, фенолфта леин, эозин». «Он любил составлять рецептуры в заваленном ящиками и мешками цеховом складе сырья… Чего только не было на этом складе и чем только не пахнул здесь воздух! Парафин, воск, саломас, глина, тальк, метил-виолет, сухие лаки, наполнители, милори, каолин».

Герои многих других книг Василия Гроссмана — «Повесть о любви», «Степан Кольчугин», «За правое дело» — тоже химики.

Вероятно, когда Василий Гроссман создавал эпопею «Жизнь и судьба», он уже много лет не занимался наукой, но и на ее страницах Виктор Павлович Штрум и лаборантка Анна Степановна пьют чай из «мерных химических стаканов». Когда же Штрум во время войны приезжает из Казани в Москву, он видит «свой вакуум-насос под колоколом и измерительную аппаратуру, боявшуюся влажности, в стеклянном шкафу, со свеженаполненным гранулированным хлористым кальцием».

«Стал в конце концов известен и я, не как химик, к сожалению», — заметил герой автобиографического рассказа «Фосфор». Но мне кажется, что писатель Василий Гроссман взял очень многое у химика Василия Гроссмана, иначе вряд ли бы нам удалось прочитать об уборщице Нюре из «Цейлонского графита», красневшей, как «децинормальный перманганат».

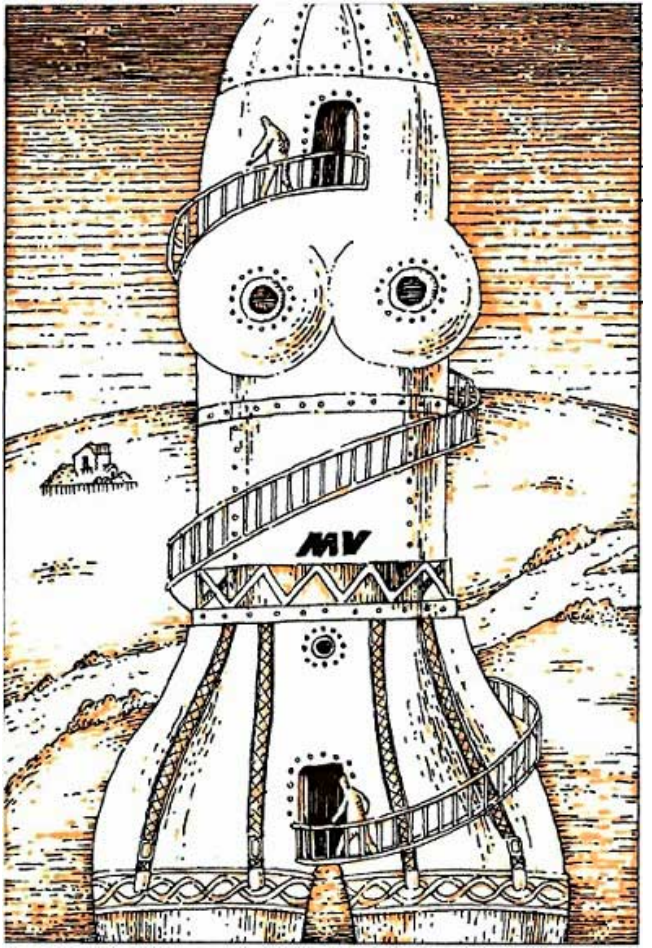
В. Седельников, Донецк

От редакции. Возможно, автор письма несколько преувеличил роль химии в творчестве Василия

Гроссмана, но то, что именно в нашей науке он черпал значительную часть тем, особенно для своих ранних произведений, — бесспорно. Малоизвестный рассказ «Пурпур», публикуемый в этом номере, — яркое тому подтверждение.

Боб Шоу

Зовите меня Дуреха


MV

Мысли были необычными, и от них становилось как-то не по себе.

«Моего мужа зовут Карл — вполне приличное имя. Троих моих сыновей — Дэвид, Аарон и Джон. Тоже хорошие имена. Но вот мое имя Дуреха. И это звучит как-то глупо. Оно, в общем-то, даже и не похоже на настоящее имя. Интересно, как мне такое досталось?»

Дуреха суетливо хлопотала по дому, пытаясь заглушить эти неуютные мысли работой.

Лучи утреннего солнца падали на обеденный стол, делая его похожим на алтарь. Она расставила пять тарелок с горячей овсяной кашей и пошла звать детей, с шумом и гамом носившихся по палисаднику. Оказавшись на свежем, пронизанном солнечным светом воздухе, она почувствовала себя несколько лучше. Дуреха посмотрела на протянувшееся от изгороди до самой реки колышащееся полотнище нежного желтого шелка — хлебное поле, за которым так заботливо ухаживал Карл, — и крикнула:

— Завтракать! И не топчи мои розы, Дэвид. Ты, видимо, совсем не различаешь цвета.

— Какие розы? — лицо шестилетнего Дэвида выражало смирение. — Ты имеешь в виду эти зеленые штучки?

Младшие мальчики в восторге захихикали.

— Эти розы, — выделяя каждое слово, ответила Дуреха.

Дэвид ткнул пальцем прямо в пышные красные цветы.

— Ты что, вот про эти зеленые штуковины?

Дуреха посмотрела на него тяжелым взглядом. Озорник Дэвид любил порисоваться перед братьями и, случалось, бывал самоуверенным и упрямым, — в общем, вел себя так, как и положено нормальному здоровому ребенку. Он и раньше выкидывал подобные номера. Дуреха снова посмотрела на цветы, но тут же почувствовала резкую боль в глазах.

— Домой! — приказала она. — Каша остывает.

Они вошли в прохладу побеленных стен дома, и дети расселись по своим местам. Тут и Карл пришел из крольчатника. Он одобрительно кивнул, увидев завтракающих детей. Вылинявшая рубашка, обтягивающая его сильные плечи, уже промокла от пота.

— Поешь, дорогой, — участливо проговорила Дуреха. — Ты больше заботишься о животных, чем о себе.

— Папа вправлял кролику лапку, — гордо известил Аарон.

Карл улыбнулся сыну и сел за стол. Дуреха ощутила укол ревности. Она решила добиться улыбки и в свой адрес — при помощи трюка, который еще никогда не подводил.

— Придет время, и папочке придется заботиться о дочке, вот тогда у него уже не останется времени на кроликов.

Карл не прореагировал. Он сидел, низко опустив голову, и, казалось, был полностью занят едой.

— Нам ведь нужна девочка, — настаивала разочарованная Дуреха, — не так ли, дорогой?

Карл молча продолжал есть.

— Ваш папа, — переключилась на детей Дуреха, — ждет не дождется дня, когда у нас наконец появится маленькая…

— Ради Бога! — ложка Карла шлепнулась в тарелку. Плечи напряглись так, что рубашка врезалась в тело.

— Извини, — тихо произнес он. — Конечно, нам нужна девочка. А теперь, не будешь ли ты так любезна сесть с нами завтракать?

Дуреха счастливо улыбнулась и придвинула к столу свой стул. Все в порядке. Человеку надо знать, что его любят. И все же прежние мысли продолжали ее смущать. Разве есть такое имя

— Дуреха? Ее должны звать как-то по-другому. Нормальным женским именем. Каким-нибудь… ну, например, Виктором… Хотя нет, ведь это мужское имя… А, вот! Виктория… Так значительно лучше.

Доев кашу, она принесла и поставила на стол полную тарелку дымящихся лепешек. Дети радостно загомонили.

Некоторое время в ее душе царило относительное спокойствие, но потом она опять почувствовала, как что-то мешает ей.

— Карл, дорогой… Мне не нравится имя Дуреха. Это — ненормальное имя. Хочу, чтобы меня называли Викторией.

Карл мгновенно перестал жевать и посмотрел на нее холодным, неприязненным взглядом.

— Ты принимала на этой неделе лекарство, а, Дуреха?

Она не могла припомнить, чтобы Карл так смотрел на нее раньше, и потому испугалась.

— Да, конечно, — быстро ответила она.

— Не лги мне, Дуреха.

— Но я…

— Идем в спальню.

Карл встал из-за стола и, сказав мальчикам, чтобы те продолжали завтракать без них, отвел

Дуреху в спальню. Там он достал коробочку, вынул из нее черный шприц и из похожего на яйцо пузырька набрал в цилиндр лекарство.

— Вот уж не ожидал от тебя такого, — произнес Карл.

В какой-то момент Дурехе вздумалось воспротивиться действиям мужа, но тот не дал ей возможности даже пошевелиться — он прижал ее большое мягкое тело к стене и впрыснул лекарство.

— И впредь не забывай об этом, — убирая шприц, проговорил Карл.

На глазах Дурехи выступили слезы. Ну почему Карл такой злой? Он же знает, для нее превыше всего — он и дети. И она никогда не пропускает еженедельного приема лекарства.

Вернувшись за стол, Карл молча закончил завтрак. Потом встал из-за стола, поцеловал мальчиков и направился к выходу.

— После обеда я пойду в деревню, — обратился он к Дурехе. — Посмотри в кладовой, что нам нужно.

— Хорошо, дорогой. У нас кончился кофе.

— Ты давай не вспоминай, а сходи и посмотри.

— Хорошо, дорогой, я составлю список.

Когда он ушел, Дуреха принялась приводить

в порядок дом, ощущая при этом постоянную боль в глазах. Дети играли с остатками завтрака, а Дуреха, предоставленная самой себе, угрюмо думала, что неплохо бы днем пойти в деревню вместе с Карлом. Наконец она выпроводила мальчиков на улицу.

Давненько она не бывала в деревне, и если пораньше управиться с домашней работой…

— Мам, дай мне твое яйцо, — прервал ее размышления четырехлетний Аарон. — Я хочу с ним поиграть.

— У меня нет никакого яйца, лапушка. У нас в доме давно не было яиц, — улыбнулась она.

— Неправда, — голос Аарона звучал обвиняюще. — У тебя есть яйцо. В спальне.

Дуреха почти не слышала его слов. Действительно, а почему в доме нет яиц? Яйца полезны детям. Она решила, что сделает, — она пойдет в деревню вместе с Карлом и попробует купить их сама. Да, давненько она не была в деревне, уже почти и забыла когда… Она вдруг вспомнила об Аароне.

— Это не яйцо, глупышка, — сказала она, выпроваживая малыша из дома. — Это пузырек с моим лекарством. Он просто очень похож на яйцо.

Однако Аарон не отставал:

— Нет, яйцо. Я знаю. Дэвид мне сказал. Дэвид варил его на прошлой неделе, но, наверно, переварил, потому что не смог его разбить.

— Опять Дэвид со своими проказами, — ощущая непонятную тревогу, проговорила Дуреха. — Это мой пузырек, и папа никому не разрешает его трогать.

Она понятия не имела, какое в том пузырьке лекарство, но догадывалась, что, если его сварить, лекарство может испортиться.

Аарон весело оглянулся.

— А ты нашлепаешь Дэвида, да?

— Возможно, — внезапно цепенея, ответила Дуреха. — Еще не знаю.

Ей стало трудно говорить. Резь в глазах усиливалась. И вдруг она начала осознавать, что хоть они и живут в этом доме очень давно, она не помнит, когда и как выходила за белую ограду? Как, например, посещала деревню?

Дуреха размышляла об этом все утро.

Она не понимала причины нараставшей неуверенности во всем, даже в собственном теле.

Она всегда носила длинное платье и прежде не ощущала от него никаких неудобств, но сейчас

вдруг почувствовала, как тело под платьем покрывается потом и платье прилипает к бедрам. Не укоротить ли его? Но что скажет Карл? Она сегодня и так уже рассердила его. Нет, не станет она этого делать, ведь цель ее жизни — дарить Карлу любовь и счастье.

С поля Карл вернулся рано и принес косу со сломанной ручкой. Он наскоро пообедал, уселся на порог и принялся за починку косы. Он работал молча, согнувшись, и Дуреха почувствовала, что он сейчас страшно одинок. Боль пронзила ее душу. Она вышла из дома и опустилась перед ним на колени. Карл поднял голову, в его глазах была мука.

— Иди, присмотри за детьми, — сказал он.

— Они спят. Такая жара…

— Тогда займись чем-нибудь еще.

Дуреха ушла и принялась прибирать и так уже прибранную кухню. Спустя несколько минут появился Карл. Дуреха с надеждой повернулась к нему.

— Я иду в деревню, — без всякого выражения сообщил Карл. — Где список?

Дуреха отдала ему бумажку. Когда он вышел за ворота и направился к реке, она через открытую дверь смотрела ему вслед. Ей хотелось, чтобы

все уладилось, чтобы она забеременела снова, на этот раз девочкой, которую так отчаянно желал Карл, и тогда бы все стало опять хорошо, а может, даже и лучше, чем раньше.

Через некоторое время, неожиданно для себя самой, она обнаружила, что тоже вышла за ворота и идет по незнакомому миру вслед за Карлом. В деревню.

Сперва она испугалась, но потом ее охватило возбуждение. Оправданий было Сколько угодно. Во-первых, Карл вечно забывал принести яйца. Во-вторых, вообще занятно, спустя столько времени, снова придти в деревню и опять увидеть людей. И все же до поры до времени показываться Карлу на глаза не стоило.

Карл свернул к реке и, пройдя вдоль берега минут десять, по камням перебрался на другую сторону и принялся подниматься на заросший травой холм. Дуреха предусмотрительно дождалась, пока он скрылся за вершиной холма, и только тогда двинулась вслед.

Она шла и думала, что вот совсем скоро увидит деревню — ведь на всю дорогу, туда и обратно, Карл тратил обычно менее часа. От жары и мешковатой тяжелой одежды у нее разболелась голова, но она и не думала возвращаться — уже

настроилась побывать в магазине, повидать людей.

Взобравшись на пыльную вершину. Дуреха рукой прикрыла глаза от солнца и посмотрела вниз. И увидела лишь бескрайнюю, протянувшуюся до самого горизонта степь. Никакой деревни не было и в помине.

Слегка пошатываясь, потрясенная этим зрелищем, Дуреха заметила наконец мелькавшую внизу розовую рубашку Карла. Он направлялся к предмету, на который она сперва даже не обратила внимания. Это был черный, почти целиком скрытый травой цилиндр размером с пять или шесть составленных вместе домов.

Она непроизвольно подняла глаза к небу и опустилась на колени.

Карл добрался до цилиндра, уверенно открыл дверь и исчез внутри. В полном трансе Дуреха ждала, когда он появится снова. Должно быть, мир сошел с ума. Или не мир, а она? Может ли это быть настоящей деревней?

Полуденная жара давила на нее, перед глазами поплыли разноцветные пятна. Где-то, не умолкая, щебетали невидимые птицы.

Спустя некоторое время из цилиндра с коробкой в руках вышел Карл и стал подниматься на

холм. Встречаться с ним тут Дурехе, безусловно, не стоило. Она вскочила на ноги и побежала вниз — к едва заметной переправе. Переходя по камням на свой берег, она поняла, что не успеет скрыться до того, как Карл появится на вершине. Она бросилась в растущие вдоль берега оранжевые кусты и присела там в путанице сучьев и шуршащих листьев.

Карл спустился к реке, но переходить ее не стал. Перевернув коробку вверх дном, он вытряхнул из нее в воду какие-то блестящие предметы. Потом повернулся и снова отправился к цилиндру. Уносимые течением предметы сверкали в лучах солнца.

Дуреха выбралась из кустов. Она могла бы теперь незаметно вернуться домой, но содержимое коробки очень ее заинтересовало. Стоит рискнуть, решила она и побежала вдол.> берега за уплывающими сокровищами. Оказалось, что это небольшие стеклянные коробочки с маленькими белыми шариками внутри. Уцепившись за выступающие из берега корни и рискуя свалиться в реку, Дуреха сумела выхватить одну коробочку из теплой, медленно текущей воды. Коробочка имела продолговатую форму. По бокам — две черные грани из непрозрачного материала. Для

стекла она была, слишком легка и удивительно холодна. В коробочке в прозрачнрй жидкости плавал человеческий глаз, опоясанный красной нитью зрительного нерва.

Дуреху стало мутить. Она швырнула коробочку в реку и побежала домой.

На рассвете Дуреха приоткрыла глаза и улыбнулась. Это время она любила больше всего — можно спокойно лежать в темном тепле постели, пока действительность постепенно заполняет разум. Она пошевелилась и открыла глаза чуть шире.

Потолок спальни выглядел не так.

Дуреха резко села в кровати и принялась протирать глаза.

Потолок был не такой.

На месте знакомой белой штукатурки оказалась серая клепаная металлическая поверхность — более подходящая для космического корабля, чем для деревенского дома. Можно было подумать, будто ночью ее перенесли в другое помещение, но — Дуреха огляделась по сторонам — это была ее комната: все вещи находились на своих обычных местах.

Дуреха встала, подошла к окну и выглянула в сад Он тоже выглядел необычно. Ограда находилась там, где всегда, но сделана она была из грубо обработанных колов, опутанных проволокой. И никаких цветов. Вместо алых роз — бесформенные кусты. Как там Дэвид говорил — ты имеешь в виду эти зеленые штучки?

Дуреха откинула с лица прядь нерасчесанных волос и поспешила в детскую, пытаясь не поддаваться внезапно охватившему ее страху. Но с детьми все оказалось в порядке. Как всегда, они спали, раскинувшись на своих кроватях и приняв самые невообразимые позы. Она постояла, прислушиваясь, и у двери комнаты Карла, но услышала лишь его обычное ровное дыхание.

Казалось, семья в безопасности. Но когда она вошла в кухню, то увидела, что и здесь стены стали металлическими.

Пройдя быстрыми испуганными шагами через темноту коридора, Дуреха очутилась в своей комнате, улеглась в постель и натянула простыню до самого подбородка. И с удивлением обнаружила, что еще не потеряла способности соображать.

Я не на Земле. Я на другой планете, куда мы вместе с Карлом прилетели на космическом корабле.

Я не живу в каменном доме с побеленными стенами. Я живу в жилище, построенном Карлом из частей корабля.

Здесь нет поблизости никакого поселения. Здесь есть лишь только корпус корабля, и Карл ходит туда пополнять запасы.

Голова работала как часы, и это привело Дуреху в радостное состояние. Годами она словно бы пыталась бежать по пояс в воде, а теперь вот выбралась на мелководье, набрала скорость и почти летела. Одни мысли вытесняли другие, появилась возможность вспоминать и рассуждать.

Почему я не понимала этого раньше? Ответ прост: Карл давал мне наркотики.

Почему я стала понимать это теперь? Опять просто: Дэвид испортил наркотик.

Зачем Карл давал мне наркотики? Вот здесь не совсем понятно.

Дуреха попыталась вырваться из водоворота охвативших ее мыслей, но это ей не удалось.

Зачем в коробочках, тех, что в реке, глаза?

Она накрылась с головой и лежала, не смея шевельнуться, пока наконец не взошло солнце и мальчики не принялись носиться по дому — раздетые и требующие завтрака.

Готовя завтрак, она слышала, как Карл ходит

за дверью своей комнаты. Когда он появился на кухне, Дуреха внутренне напряглась, но он совсем не изменился. Она наблюдала за ним в этом новом мире, почти уверенная в том, что вот сейчас он посмотрит на нее и возьмется за шприц. Но светло-голубые глаза Карла оставались пустыми и безразличными. Дуреха почувствовала облегчение, но одновременно и разочарование. Как бы там ни было, но ведь она — женщина, да вдобавок еще и его жена. И заслуживает большего. Они жили вместе, и она родила ему сыновей. Тайны и страхи не могут отменить всего этого.

Она накрыла на стол, впервые видя все вещи в истинном свете. Стулья были изготовлены из легкого полированного металла — такие стулья могли быть установлены на корабле, и снять их не составило бы большого труда, но вот деревянный кухонный стол и буфет — несомненно самодельные. Плита с топкой для дров, похоже, сделана из ящика от какого-то механизма. Чашки и тарелки, очень красивые, были из пластика, напоминающего дымчатое стекло. В общем, она не возражала против перемен, за исключением, пожалуй, сада за окном, заросшего темно-зелеными кустами. Да, придется ей обходиться без роз.

— Сегодня я приготовила твое любимое, —

сказала она, водрузив дымящийся поднос на стол. — Печеные лепешки.

Карл уставился на поднос и прижал руку ко лбу.

— Это великолепно! Ну просто слов нет! Любимый завтрак — ежедневно. Каждый божий день! Ты здорово готовишь, Дуреха!

Старшие мальчики, оценив шутку, захихикали.

Дуреха открыла рот, чтобы тоже ответить колкостью, но все же промолчала. Она поняла, это будет ошибкой. Карл всегда разговаривал с ней в подобном духе, но она на сарказм не реагировала и никогда не отвечала ему тем же. Она все принимала за чистую монету. Так вот почему ее звали Дурехой вместо… Память ничего не подсказывала… Может, все-таки Виктория?

Как бы там ни было, но Карл часто вел себя так, словно ненавидел ее, и это делало загадку ее прошлого еще более сложной. Ну, предположим, космический корабль приземлился в безлюдном мире, и нет никакой надежды встретить других людей. Предположим далее, что на корабле была только одна женщина — она. Возможно даже, она была женой кого-то другого из экипажа, а Карл убил всех, чтобы завладеть ею. Но этим можно

было бы объяснить лишь применение наркотиков. А все остальное?..

Стоял обычный жаркий солнечный день. Карл с утра ушел работать в поле. Озирая местность вокруг дома, Дуреха убедилась, что это поле существует на самом деле. Здесь две возможности, подумала она. Либо пшеница и раньше здесь росла, либо космический корабль вез с собой аварийный запас зерна, и, поняв, что корабль не отремонтировать, команда решила попытать счастья прижиться в чужом мире. Но все могло произойти и совсем по-другому. Никакой аварии не было. Карл специально, намеренно доставил ее сюда. И Дуреха приняла на себя заботы по дому и о детях. Ведь это чисто женские обязанности…

Она, конечно, может подождать день-другой. Действие наркотика не бесконечно, и восстановившаяся память сама даст ответы на все вопросы — гораздо более естественные и убедительные, чем те, что сейчас приходят ей в голову, и все сразу встанет на свои места.

Ночью она вспомнила брата.

Перейти реку днем совсем не трудно, но попробуйте-ка сделать это ночью, когда плоские камни, образующие тропинку через реку, больше похожи на подводные тени неопределенной

формы и местоположения. Дуреха даже разок поскользнулась и, подняв тучу брызг, свалилась в воду. Воды, правда, оказалось по колено, но шум напугал ее. Она всматривалась в темноту, и внезапно ей пришла мысль, что в этом чужом мире ночью даже растения могут быть враждебны.

«Дерево — это не дерево, — вспомнилась ей случайная строчка стихотворения, — когда никого больше нет в степи».

Чувствуя себя крайне неуютно, она выбралась на берег и стала подниматься на холм, чтобы попасть к космическому кораблю.

И тут внезапно в памяти всплыл образ брата. Сперва она решила, что это, возможно, ее муж — высокий, стройный молодой блондин с умными глазами — но муж должен вызывать у женщины другие чувства. Она знала это по собственному опыту. Здесь же была — просто сердечная теплота — и ничего больше. Та же плоть и кровь. Но ничего больше, никаких подробностей память не подсказывала.

С вершины холма в темноте звездолет был почти не виден. Пока она спускалась к нему, мокрое платье противно хлопало по ногам. Контуры корабля не просматривались четко — он казался ей гигантской колеблющейся медузой, распла-

ставшейся по земле. Внимательно глядя себе под ноги. Дуреха продолжала спускаться. И наконец подошла к кораблю.

Дрожа от волнения она отыскала дверь, нащупала ручку и, не раздумывая, нажала на нее. Рычаг, щелкнув, легко поддался, и дверь отворилась.

Внутри горел свет.

Дуреха приготовилась бежать, но холодное спокойствие света давало основание предполагать, что он включен постоянно, даже когда внутри никого нет. Это успокоило ее, и она вступила на узкую металлическую лестницу, ведущую в коридор, разделявшийся на два коротких ответвления, каждое из которых заканчивалось стальной дверью.

Свет поступал от источника, имеющего форму трубки, протянувшейся по потолку по всей длине коридора. Две секции трубки светились заметно тусклее, чем остальные, а еще одна, казалось, была заполнена мутным янтарем.

После непродолжительных колебаний Дуреха свернула направо, и, как только она открыла дверь, ее обдало ледяным воздухом. За дверью находилось большое, освещенное тусклым светом помещение, заставленное пластиковыми кон-

тейнерами, сквозь прозрачные стенки которых поблескивало нечто коричневое, пронизанное бледно-голубыми венами, красными артериями и белыми жилами. Завидев это омерзение, Дуреха тут же захлопнула дверь и еле смогла отдышаться.

За другой дверью оказался короткий коридор с несколькими дверями, который заканчивался стальным трапом, ведущим на второй этаж. Одни двери были открыты, другие — закрыты. Дуреха заглянула в ближайшую комнату — там на подставках стояло несколько длинных металлических предметов. Винтовки, внезапно вспомнила она. Раскрыв два ящика, стоявших на полу, она обнаружила пистолеты и гранаты. Дотронувшись до взрывателя. Дуреха задумчиво нахмурилась — не все из возвращающихся воспоминаний были приятными.

Следующая комната была больше и светлее. В центре стоял длинный белый стол, вдоль стен располагались непонятные светящиеся приборы и инструменты, вид которых не вызвал в ее памяти никаких проблесков. Тут я никогда не бывала, подумала она. И закрыла дверь.

Да и все остальные комнаты на нижней палубе оказались для нее неинтересными, за исключе-

нием, пожалуй, одной, представлявшей собой сочетание кухни со столовой. Стулья отсутствовали — их, вероятно, перенесли в дом — но в одном из буфетов еще стояли тарелки и чашки. При виде знакомой кухонной утвари в чужом месте Дуреха ощутила смутную тревогу.

На верхней палубе она сразу же первым делом заглянула в ярко освещенную центральную комнату. Вид пяти мягких массивных кресел и аппаратуры прямо-таки потряс ее. Она ходила туда-сюда по комнате, трогала пыльные кресла, прикасалась к темным серым экранам. Все это было ей хорошо знакомо. Может, я инженер? Может, — пилот? Дуреха повернула голову и посмотрела через плечо. У двери стояли пять фигур со шлемами на головах.

Она непроизвольно отступила назад, но фигуры оказались всего-навсего пустыми скафандрами, висящими на стене. Болтались шланги и кабели. За стеклами шлемов — ничего, кроме зияющей черноты. У двух скафандров на плечах были прикреплены сигнальные треугольные фонари, а на груди — таблички.

Дуреха подошла поближе. Надпись на табличке одного из скафандров гласила:

«ВРАЧ / КАРЛ ВАН БАЙЗЕН».

Наверно, мой Карл, догадалась Дуреха и прочла на соседнем скафандре:

«ПИЛОТ / РОБЕРТ В. ЛУКАС»

Она обхватила голову руками. Имя Лукас для нее что-то значило. Но что? Может, это скафандр ее брата? Тогда один из безымянных скафандров ее собственный? Но как-то уж больно сомнительна версия насчет сестры и брата на каком-то военном…

— Значит, ты все-таки не принимала лекарство, а, Дуреха?

Карл стоял в дверях и неприятно улыбался.

— Я принимала, — мгновенно отреагировала Дуреха. — Ты же сам вводил его мне.

— Значит, ты исхитрилась что-то сделать с ним. Скверно, Дуреха, очень скверно.

И тут Дуреха испытала новое чувство — негодование.

— Не смей так со мной разговаривать! И меня зовут совсем не Дуреха. Меня зовут…

— Ну давай, продолжай, — с интересом произнес Карл. — Хочу посмотреть, насколько далеко это зашло.

— Не знаю. Не могу вспомнить. Это труднее, чем остальное. Но не Дуреха. Точно. И не называй меня так больше.

— Бедная Дуреха. — Карл грубо схватил ее за волосы и притянул к себе. Его вытянутое лицо горело ненавистью.

— Возвращайся домой, — еле слышно произнес он.

От боли Дуреха разрыдалась.

— Что ты сделал с моим братом? И с остальными? Ты убил их!

Карл разжал пальцы.

— Ты говоришь это мне? Ты сказала такое… мне? — Карла трясло. — Я создаю жизнь. Понятно? И никогда никого не убивал.

— Тогда где же мой брат? И другие?

— Зачем же мне понадобилось их убивать?

— А затем, — торжественно объявила Дуреха, — что на корабле была лишь одна женщина.

— Ты?! — Карл испуганно отступил.

— Да. И ты хотел обладать мной один.

— Ну, ты заплатишь за свои слова, — Карл поднял кулак, но затем постепенно, палец за пальцем, разжал его. — Послушай-ка меня. У тебя никогда не было брата. А на корабле, кроме нас с тобой, вообще никого не было. Положение стало настолько критическим, что нам самим пришлось вести корабль на Ларк IV. Скафандр, который ты сейчас рассматривала, твой соб-

ственный.

Дуреха посмотрела на тугую тисненую кожу с черным зевом вместо лица, потом перевела взгляд на отчетливо напечатанное на табличке имя.

— Но…

— Совершенно верно, — усмехнулся Карл. — Привет, Виктор!

Самое невероятное, что Дуреха нисколько не рассердилась. Помимо ее воли руки сами залезли под подол тяжелого платья и ощупали обвисший, покрытый рубцами живот. Вероятно, это была самая естественная возможность сравнить свое прошлое со своим настоящим.

— В районе Ларка IV наши подверглись внезапному нападению, — продолжал Карл, — и понесли тяжелые потери. Командование сектора затребовало срочную медицинскую помощь. И мы с тобой пытались прорваться к ним с банком органов. Нам это почти уже удалось, когда по нам честно и благородно ударили искривителем пространства Ты знаешь, что это означает?

Она покачала головой.

— Тогда не знал я, но ты-то все прекрасно по-

нимал. В течение нескольких месяцев после того, как мы приковыляли к этой планете, ты ночи напролет просиживал за десятидюймовым корабельным телескопом, пытаясь хоть мельком уловить отблеск нашей галактики. Но безуспешно. Мы оказались в абсолютно пустом мире. В мире, идеально созданном для жизни, но нам с тобой в нем оставалось лишь состариться и умереть. — Голос Карла зазвенел. — Ужасная несправедливость! Я не мог допустить такого конца. В то время в моем распоряжении имелось все необходимое — любые органы и в прекрасном состоянии. Теперь-то уж много материала попортилось — каждую неделю приходится выбрасывать все больше и больше негодного. Но тогда я еще мог изготовить полный комплект женских желез и органов. Для тебя. Всего лишь один гипнопедический сеанс после операции да еженедельный прием наркотика довершили дело. Ну как? Нравится, мамаша?

Дуреха покрутила кольцо на среднем пальце левой руки. Кольцо слегка проворачивалось на вспотевшем пальце.

— Извини, Карл, но тебе не удалось разозлить меня. Виктор Лукас не слышал твоих слов. Его просто больше нет. Я же… я — Виктория Лукас.

Карл дрожал на холодном застоявшемся воздухе.

— Ты права. Мои способности логически мыслить, должно быть, заржавели. Ты идешь домой или же мне придется тащить тебя? На укол!

Дуреха глубоко вздохнула.

— Зачем тебе беспокоиться об уколах? Ведь нам они больше не понадобятся. Я способна воспринимать все как есть, в истинном свете и без всяких иллюзий. В принципе, я должна бы ненавидеть тебя, но ты проделал со мной хорошую работу. Я действительно женщина. И готова продолжать оставаться твоей женой.

Карл наотмашь ударил ее. Дуреха упала в кресло и, вцепившись в подлокотники, со страхом подняла глаза на Карла.

— Моя жена! — глаза Карла побелели. — Ты — урод! Ты — ничто! Ты думаешь, я хоть раз до тебя дотронулся?

— Не помню… Но как же тогда? А наши дети?

— Наши дети, — с готовностью заговорил Карл. — Три замечательных ребенка! Вот это семья! Ты — за мать, а трое неизвестных солдат — за отцов!

Чтобы осознать услышанное, Дурехе понадобилось какое-то время. Затем она встала и, обойдя

стороной Карла, направилась прямо к трапу.

— Вот теперь правильно, мамаша, — шепнул Карл ей на ухо, когда она проходила мимо.

Следом за ней он спускался по металлической лестнице на нижнюю палубу.

— Да не принимай это так близко к сердцу. Генотип детей от разных отцов является положительным фактором для нашего будущего общества. Подумай, какая ты счастливая. Да, счастливая! Без помощи мужа иметь троих детей! И все благодаря чудесам медицины. Ты и дальше будешь продолжать рожать детей, пока наконец не появится девочка, которая так нам необходима.

Карл перегнулся через перила, пытаясь взглянуть в лицо женщине.

— Конечно, мне тоже посчастливилось. Корабли вроде нашего обычно не содержат на борту запасов замороженной спермы. Если бы не банк органов, для меня оставалась бы лишь единственная возможность, а такая судьба — хуже смерти. Ты слышишь меня, Дуреха? Почему молчишь?

Дуреха спустилась на нижнюю палубу и свернула в длинный коридор.

— Не сюда, мамаша, — Карл сзади схватил ее за плечи, но она вырвалась и побежала.

Карл удивленно вскрикнул и пошел за ней. Дуреха услышала, как вдруг участились его шаги, — видно, и он тоже вспомнил про оружие. Она первой вбежала в оружейную и оказалась рядом со стойкой с винтовками. Следом за ней тут же очутился и Карл. Схватив одну из винтовок за ствол, Дуреха размахнулась и ударила Карла прикладом — прямо в живот. Карл рухнул. Следующий удар приклада пришелся ему в лицо. Карл опрокинулся на спину и потерял сознание.

Дуреха надавила прикладом ему на горло и навалилась на винтовку всем весом своего крупного мягкого тела.

Лучи утреннего солнца падали на обеденный стол, делая его похожим на алтарь.

Дуреха расставила пять тарелок с горячей овсянкой и вышла из дому позвать детей, шумно игравших во дворе.

Она наблюдала, как мальчики едят, и что-то неслышно бормотала про себя, испытывая чувство гордости за прекрасный запах простой здоровой пищи. Убедившись, что дети получили необходимое, она нагрузила деревянный поднос и понесла его в комнату Карла.

— Давай, дорогой, — весело произнесла она. — Знаю, что тебе сейчас не до еды, но ты просто обязан хотя бы попытаться.

Карл сел на кровати и дотронулся до своего перевязанного лица.

— Что это? — слова с трудом срывались с его опухших губ.

— Твой завтрак, конечно. Я приготовила сегодня твое любимое. Давай-ка поешь и быстрее поправишься.

Карл пристально посмотрел на Дуреху.

— Черт, будь я проклят, — произнес он удивленно. — Я думал, ты собираешься убить меня, но ты, должно быть, поняла, что одна здесь не справишься.

— Ешь, дорогой, не то завтрак остынет. — Дуреха поправила подушку, чтобы Карл мог, на нее облокотиться.

Усмехаясь, он покачал головой.

— Черт, будь я проклят. Но у тебя даже хватило ума снова начать принимать лекарство.

Дуреха склонилась над кроватью, почти вплотную приблизив свое лицо к лицу Карла.

— Одно уточнение, — спокойно сообщила она. — Я не принимала лекарство. Пока еще. Я взяла из запасов свежий препарат и зарядила

шприц, но впрыскивание еще не делала. Я хотела сперва дождаться…

Она посмотрела на часы.

— Дождаться чего? — Карл оттолкнул поднос.

— Дождаться, когда ты проснешься, конечно. Мне не хотелось делать впрыскивание, пока ты спишь. Ведь я снова должна стать Дурехой и забыть о случившемся. Так ведь?

— Прочь от моей кровати, — прохрипел Карл. — Я сам сейчас встану. Где шприц?

— Не спеши, дорогой, — Дуреха толкнула его на подушку. — Позволь мне сперва рассказать тебе, что я сделала, пока ты спал. Во-первых, я перенесла тебя с корабля сюда, и это заняло очень много времени, поскольку по пути мне приходилось постоянно вводить тебе наркотик. Затем я уложила тебя в кровать и перевязала лицо. Потом, пока разогревалась плита, я отправилась к кораблю и…

Она снова взглянула на часы.

— …Слушай, дорогой.

Карл грубо оттолкнул ее. Отбросив поднос с едой, он приподнялся на кровати и внезапно замер, услышав раскатистый грохот, издалека донесшийся до дома.

— Что это? — уставился на нее Карл.

— Это, дорогой, твой банк органов. Вот уж не думала, что железы наделают столько шума. Надеюсь, дети не испугались. Мне нужно посмотреть, как они там.

Дойдя до дверей, она оглянулась. Голый Карл на коленях стоял на кровати.

— О, да, — сказала Дуреха. — Мне не следует забывать об этом.

Она вынула из кармана шприц, сделала укол себе в запястье и вышла к детям.

Через некоторое время, когда она убирала со стола посуду и мыла ее, опрятные стены комнаты уже не казались ей сделанными из металла Дуреха подошла к окну и раскрыла его. В чистом утреннем воздухе ярко краснели ее розы. Наступил еще один прекрасный день.

Дуреха улыбнулась, увидев, как играют ее мальчики. Она надеялась, что следующим ребенком у них будет девочка. Ведь этого Карл хотел больше всего на свете.

А все, чего хотела она, так это быть его женой.

Перевел с английского Михаил Черняев

№ 2, 3

Борис Штейман

Игра в открытую

Детектив

Варей все еще в подвешенном состоянии. Вроде

бы уже собрались оформлять ему инвалидность, вторую группу, но в последний момент что-то засомневались и решили еще немного подождать. И действительно, чувствует Варей себя совсем уже неплохо. Но засела внутри усталость, соединилась с апатией. Все равно ему, выпишут на службу или наоборот спишут… Сидит Варей в полуподвальном помещении, положив руки на казенного вида светлый письменный стол. Комнату недавно оклеили дешевенькими обоями. Еще не выветрился запах клея. У стены — пара стульев для посетителей, которые пока еще редко когда появляются. Кооператив юридический, только-только открылся. Председатель — человек серьезный, бывший прокурор. Да и остальные члены кооператива тоже люди солидные. Поэтому и удалось выбить помещение. Хотя даже им и то пришлось немало выпить коньяку и водки с нужными исполкомовскими людьми.

Предложили Варею подежурить в кооперативе. Пока не войдет все в колею. Согласился. Все не дома сидеть. Сочится серый свет через низенькие оконца. Смотрит Варей на ноги проходящих мимо дома людей. Кто такие, чем занимаются? А не все ли равно? Идут и идут себе… Но вот остановились перед окном две пары мужских

ног. «Ботинки добротные, у одного югославские, у другого, кажется, «Цебо»... Закурили... Это ко мне!» — неожиданно решает Варей. Ноги попереминались-попереминались и сдвинулись с места. Хлопнула входная дверь. Послышались неторопливые шаги, не совсем уверенные голоса. Возникли на пороге двое мужчин. Посетителям за сорок. Один доброжелательно улыбается, другой серьезен. Лица смышленые.

— Добрый день! Мы не ошиблись? Товарищ Варей? — спросил серьезный.

«Где-то я его видел...» — подумал Варей и кивнул головой.

— У нас довольно деликатное дело, — вступил в разговор другой. — Естественно, хотелось бы соблюдения определенной конфиденциальности нашего разговора. Вы понимаете?

— Понимаю, — ответил Варей. — Фирма гарантирует соблюдение тайны. Можете не беспокоиться.

— Мы, собственно, лично к вам. Не скрою, прежде чем обратиться, мы навели о вас справки, — объяснил серьезный. — Чтобы не крутить вокруг да около, скажу, нас интересует «Возрождение». Вы в курсе их дел?

— В общем... — уклончиво ответил Варей.

— Это ультраправая организация экстремистского толка. Называют себя истинными патриотами. На самом деле каша из фашизма и социализма, вдобавок сдобренная махровым антисемитизмом!

— Пора, наверно, представиться? — перебил его улыбчивый.

— Да, да, конечно! — спохватился серьезный. — Это Оскольский Владлен Сергеевич, журналист, — показал он на своего спутника. — Я — Латохин Геннадий Михайлович, из «Гражданского форума». Дело в том, — продолжил он, — что нас беспокоит их возросшая активность. Они приступили к созданию военизированных формирований. Хотя их не так много, но история…

— Понятно, — перебил Варей.

— Так вот! Их должен кто-то финансировать, — вступил Оскольский. — Я готовлю большой материал, но не хватает фактов.

— Вы знаете, я такими вещами не занимаюсь, — довольно сухо ответил Варей. — Я — обыкновенный… флик. Не больше! Видимо, вас неправильно проинформировали.

— Может быть, вы нам не доверяете? — предположил Оскольский.

— Отчего же, вполне доверяю, — Варей вспом-

нил, что видел Латохина по телевидению. — Просто я не занимаюсь подобными делами. Здоровье, возраст… Разговор, безусловно, останется между нами. Здесь никаких сомнений.

— Мы понимаем, что это сложное и опасное дело. Поэтому и обратились к вам, — попытался с другой стороны подступить к Варею Оскольский. — Все накладные расходы будут учтены, и, естественно, ваш труд будет вознагражден… Это само собой разумеется.

— А не заинтересуется ли противоположная сторона, кто финансирует «Гражданский форум»? Да и предложат побольше? — улыбнулся Варей.

— Это не секрет, — не принял шутки Латохин. — Наша касса — пожертвования наших сторонников. Видимо, мы ошиблись! Извините! — сухо закончил он и встал. — Всего доброго!

Латохин вышел. Оскольский задержался, протянул Варею визитную карточку. Добавил:

— Если разрешите, я вам через пару дней позвоню. Или вы мне. Вдруг передумаете?

Крепко пожал руку, простился.

«Товар — деньги — товар… — подумал Варей. — Почему именно я? И кто меня рекомендовал? У меня нет на все это сил, а главное — желания. Хотя эти фашиствующие молодчики омерзитель-

ны… Одни предположения, догадки. Неужели не к кому больше обратиться?! Не беда, найдут».

Идя вечером домой, Варей купил в киоске газеты. Сразу в свой подъезд он теперь не заходил, а некоторое время наблюдал за домом из расположенного во дворе детского сада. «Достаточно, что приходится шарахаться от каждого куста, — горько усмехнулся. — Строим правовое государство…» Развернул газету. Со второй полосы разгоряченно глядел молодой здоровый парень в офицерской шинели без погон и в сапогах. В руке его был зажат лозунг: «Инородцы! Убирайтесь вон!». «Лицо довольно тупое, — стал анализировать Варей. — Фанатик или заплатили? Скорее всего последнее… Неприятно все это!» Зашел в дом. Включил телевизор. Налил стакан водки. Выпил. «По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой!» — с чувством исполнял казачий хор. Варей любил эту песню. «Может, за удаль?.. — предположил он. — Робкий человек с усталой душой любит удалые песни». Неожиданно выругался и засмеялся. На телеэкране мелькали цветные картинки. Настроение улучшалось. Посмотрел трогательный зарубежный фильм. Лег спать уже совсем повеселевшим.

Утром купил молодежную газету. В колонке

происшествий сообщалось, что в своем подъезде был зверски избит один из лидеров «Гражданского форума» Латохин, Возбуждено уголовное дело, ведется розыск преступников. «Ведь не хочешь, а все равно затянут!..»

Во второй половине дня позвонил Оскольский.

— Я к вам зайду? — спросил он.

— Заходите, — согласился Варей.

— Я — один!

— Знаю, — ответил Варей.

Оскольский появился почти сразу же. Звонил, видимо, из автомата поблизости.

— Ну, как он? — поинтересовался Варей.

— Сломаны два ребра, нос, сотрясение мозга, — ответил Оскольский.

— Ну это еще ничего Бывает и хуже. Хотя сотрясение — штука неприятная, — Варей потер затылок. — Ну, хорошо! Выкладывайте!

— До вас этим делом занимался один человек, — начал Оскольский.

— Я еще не занимаюсь этим делом, — поправил с улыбкой Варей.

— Извините! Так вот, этот человек неделю тому назад исчез. Накануне он мне позвонил и сообщил, что ему удалось кое-что раскопать. Он выяснил, кто перевозит деньги. И даже назвал

адрес, где тот обитает. Вечером мы должны были встретиться, но он не явился.

— Кто этот человек… ну, который занимался этим делом, и почему вы решили, что он исчез? — поинтересовался Варей, рисуя какие-то палочки и крючочки на небольшом белом листке.

— Он не профессиональный сыщик. Мой товарищ, тоже журналист. Он женат, двое детей…

«Нечего было лезть, если двое детей», — хотел сказать Варей, но вместо этого произнес:

— Ясно. Вы предполагаете, что он засветился?

— Думаю, что так. Хотя фактов никаких нет.

— Дальше!

— Я проверил названный им адрес. Дом нежилой. В самом центре. Там помещаются Общество изобретателей, редакция научного журнала, на первом этаже — профком Метростроя. Возможно, перевозчик денег, которого выявил мой товарищ, работает в одном из этих учреждений.

— Или работал, — подсказал Варей.

— Или работал, — согласился Оскольский.

— Надеюсь, вы понимаете, что это крайне опасная игра? — спросил его Варей. — Кроме Латохина, еще кто-нибудь знает о вашем визите ко мне?

— Никто.

— Ну, вы же наводили у кого-то справки обо мне, — досадливо поморщился Варей. — Сами, помнится, говорили в прошлый раз.

— Ясно! Это ваш, насколько я понял, приятель. Его зовут Марк. Он работает в вычислительном центре вашего управления. Причем он сам стал рассказывать о вас. Разговор зашел случайно. Больше он ничего не знает.

— Хорошо. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Есть. Мы можем вас устроить в редакцию журнала, расположенную в этом доме. Там как раз освободилось место. Вам приходилось сталкиваться с редакторской работой?

— Совсем немножко, — ответил Варей.

— Вначале к вам особенно приставать не будут. Тем более, вы устроитесь туда временно. Сколько вам понадобится дней? Хотя бы примерно?

— Неделя, полторы — не больше. Конечно, если информация вашего коллеги не была ошибочной!

— Я его давно знаю. Вряд ли он ошибся. Здесь аванс, половина, — Оскольский вынул конверт и протянул Варею.

Тот небрежно бросил его в ящик стола.

— Посмотрите! Может быть, вас не устроит? —

предложил Оскольский.

— Устроит, устроит, — пробурчал в ответ Варей.

Они обговорили кое-какие конкретные детали, и Оскольский ушел. «Придется отпрашиваться в кооперативе. Только устроился, нехорошо» — подумал Варей и тихонько затянул: «По ком дева плачет, по ком дева плачет, по ком дева плачет, по ком слезы льет?» Сначала выходило жалостливо, заунывно, а под конец получилось иронично и весело. «Нехорошо это», — повторил, усмехнувшись, Варей.

Уже неделю он работает в редакции. А результатов никаких. За это время Варей тщательно обследовал дом и изучил сотрудников. Его посадили за самый неудобный стол и на самое неудобное место. Около двери. Новичкам все похуже. Так везде. Закон. Заправляет всем заместитель главного редактора — крупная энергичная женщина лет сорока пяти. Она постоянно снует мимо двери. Варей ловит на себе ее беглый внимательный взгляд. «Оценивает. Пытается определить, почему меня взял главный. А действительно, сколько же я стою? Неплохо бы узнать! Просто редактор.

И профессия, и чин. Слева сидит Надюшка. Она — младший. А вот Роза Григорьевна — старший. Ей под шестьдесят. Золотой фонд редакции. Все время звонит маме и спрашивает, приняла ли та лекарство». Варей уже несколько дней тупо изучает научную статью. У него начинает заходить ум за разум. Старший буровой мастер, младший буровой мастер, старший матрос, младший матрос. Может, специально написал так запутанно, для важности?.. Надюшка? Вряд ли… Зачем она так высоко подняла юбку? От скуки? Ведь, кажется, я ей не нравлюсь. К тому же недавно вышла замуж. Нет, ей не до политических игр. Молода, да и круг интересов совершенно иной. Хоте деньги любит, даже, пожалуй, очень… В доме есть одна жилая квартира. Вход со двора. Поэтому Оскольский не обратил на нее внимания. Там обитает алкаш, грузчик из овощного магазина. У него собирается разная шваль. К делу, по-видимому, отношения не имеет. Но со счетов сбрасывать рановато… Почему засветился приятель Оскольского?.. Справа, в глубине, Ирина Петровна, тоже редактор. Весьма привлекательная женщина. Приходит на работу раньше всех, уходит — позже. А дома дочь, восьмиклассница. Целый день одна. У нее знакомый мальчик, ходит к ней делать уроки. Смеется:

знаем до чего доводят такие посиделки! А в глазах тревога… Она доброжелательна. Даже слегка перебирает. С мужем конфликт. В обед бегает по магазинам. Итак, она задерживается после работы. Зачем? Наконец садится в электричку. Живет под Москвой. Быстро проскакивает вперед и занимает место у окна. Народа все еще много. Дремлет. Ей не хочется домой. Муж опять пришел в двенадцать ночи. На рубашке губная помада. В прошлом месяце дал семьдесят рублей. От станции еще надо ехать на автобусе. На дорогу уходит почти два часа. Все, наверно, так или… почти так. Визгливо хохочет по телефону замглавного Раиса Ивановна. Нет, Ирина Петровна не подходит. Варей рисует большой минус. И, чуть помедлив, ставит рядом вопросительный знак.

Напротив входа в редакцию дверь со специальным цифровым замком. «Там КГБ», — шепотом поведала Ирина, когда они вышли покурить. Там их человек пятнадцать. Первые дни с любопытством поглядывали на Варея. Новое лицо. Потом перестали. Седой старик, их шеф, генерал, как предположил Варей, подчеркнуто вежливо с ним раскланивается… Почему все же Ирина так рано приезжает на работу? Варей заштриховывает минус. Не надо торопиться. Возможно, расписание

электричек не позволяет позже. Возможно, все возможно. Предположим, неизвестный забирает деньги раз в месяц, а может быть, и реже… Завхоз, полностью — заведующий хозяйством. Звучит весьма солидно. Одет крайне плохо, нарочито, у брюк внизу бахрома. Рубашка грязная. Костюм допотопный.

Жирные длинные волосы. Собиратель книг, знаток Достоевского. Спекулянт, делец? Большой лентяй. Сорок семь лет. Не женат. Его постоянно ругает Раиса. У него на груди и спине нашиты мишени. И она с утра проверяет твердость руки. Из десятки выстрелов — все в яблочко. Завхоз не реагирует. «Он же издевается над нами! Посмотрите, как он одет?! А зарабатывает в сто раз больше, чем мы с вами! Он и работает здесь, потому что центр и можно бегать по букинистическим магазинам. Что вы смеетесь? Я точно вам говорю!» — Раиса обсуждает завхоза с Розой Григорьевной. Почему приятель Оскольского ничего не сказал про комитетчиков? Не заметил?.. Надюшка как-то сказала: «Я мужа не люблю, но уважаю!». Это жизненное кредо. Прозвучало внушительно. Он как-то приезжал за ней на машине. Ее мать работает в магазине. Машину купила зятю она. Он старше Надюшки лет на пятнадцать… К зав-

хозу приходил мальчик лет семнадцати. Они сидели на подоконнике в коридоре, тесно прижавшись. Может быть, сын? Завхоза женщины не интересуют. Даже ненормального курьера интересуют. Он, подхихикивая, рассказывал как-то про скабрезные картинки, которые ему будто бы предлагали на вокзале цыгане. Завхоз вполне может иметь гомосексуальные пристрастия. Он знаком с известным художником, для которого достает редкие книги. Тот прославился своими правыми взглядами… Раиса Ивановна — обычная карьеристка, муж работает замом по режиму в каком-то закрытом НИИ, полностью у нее под каблуком…

Робко заглядывает в дверь курьер. Ему хочется поговорить с Вареем. Он профессиональный говорун и не в себе. Кроме Варей, с ним никто не общается. Только иногда завхоз. У курьера лысая породистая голова-яйцо, слегка облепленная белым пухом волос. Бледное лицо с потным лбом. У него весеннее обострение. Он боится милиции. Его любимый рассказ, как милиционер схватил пьяненького мужичка, а тот стал права качать, ну и ему соответственно досталось. При этом Владислав Степанович покачивает с сожалением головой и резюмирует: «Ну что ж! Сам виноват.

Дурак! Зачем надо было вырываться? Стой, раз попался. Вот я тоже как-то. Вез журналы, тираж. Ко мне подходит милиционер и спрашивает: что стоишь? А я ему говорю: автобус жду. А в пакете что? В пакете — журналы. Везу из типографии. Хотел бы придраться, да не к чему! Что ж, я буду с ним спорить, чтоб он меня в отделение отвел? Или по шеям надавал?». Отношения с блюстителями порядка его, видно, сильно беспокоят… Интересно…

В Обществе изобретателей всем заведует мужичок с усами. Под его началом две бабенки. Кажется, он с ними в близких отношениях. Чем-то неуловимо походит на комитетчиков. А если среди них… Кое-кто там очень симпатизирует «Возрождению». Может быть, довериться старику-генералу? То-то бы обрадовался… Наверно, нет. У каждого свой участок работы. Так, еще метрострой. Там профсоюзная картотека. Сидит энергичная пенсионерка. Вот она-то по всем законам жанра и есть казначей партийной кассы. Шутка. Хотя подозревать надо всех и… на этом деле свихнуться..

Варей встает. Потягивается. От сидячей работы образуется застой крови в малом тазу, а возможно, даже и в большом Выходит на лестничную

площадку. У окна курят кагэбэшники, на лестнице они появляются редко Видимо, когда гоняет начальство. Варей улыбается, приветливо кивает. Как-то он видел по телевизору одного из главарей «Возрождения». Плотный, под пятьдесят, седой. «Придурковатый, но агрессивный». — еще отметил тогда Варей. Тот с напором нес какую-то феноменальную ахинею. Это больше всего насторожило тогда Варея Таких деятелей всегда недооценивают и не принимают всерьез. Вот это-то и опасно. В определенных ситуациях поведение толпы лишено всякой логики. У лидера телохранитель. Это дорогое удовольствие… Деньги могут переводить на счет. Кажется, они не зарегистрированы. Значит, своего счета у них нет. Это не проблема. Какой-нибудь фиктивный кооператив. Но денежные поступления от частных лиц привлекут внимание банковских служащих. Да и люди вряд ли будут анонимно переводить средства. «Возрождение» должно знать своих благодетелей. Правда, с наличными много мороки. Все же скорее всего именно так.

Варей спускается этажом ниже и заходит в помещение профсоюзной картотеки. Нестерпимо блестит линолеумный пол. Ровный строй стеллажей. Энергичная пенсионерка рада неожи-

данному гостю. Потому что скука.

— А я думал, у вас здесь и библиотека, — валяет ваньку Варей.

Минут пять беседует со старушкой.

— Просто не знаешь, что есть… — жалуется он. — Ведь отравят и глазом не моргнут?

— Это они запросто, охотно соглашается старушка. — Вот при Сталине все было в магазинах.

— Но ведь и людей стреляли. Сколько народа погибло ни за что! — возражает Варей.

— А продукты были, — стоит на своем старушка.

Так ничего толком и не выяснив, уходит Варей. Снова садится за свой стол. Изучает статью. «Скоро выявится моя полная профессиональная непригодность и меня с треском выгонят, — думает он. — И правильно сделают. Но сначала я вместо завхоза превращусь в мишень для Раисы. Это будет забавно… Зачем завхозу такие дорогие часы? Причуды подпольного миллионера?» Варей выходит в соседнюю комнату, подходит к завхозу.

— Сколько сейчас натикало? — интересуется он.

— Полдвенадцатого, — не глядя на часы, отвечает завхоз.

«Паразит, — думает Варей и садится на свое рабочее место. — Не надо было соглашаться на эту работенку. Не с моими нервами сутками сидеть в засаде. А потом окажется, что противник прошел совершенно другой дорогой… Мне не хватает положительных эмоций. Говорят, это приводит к тяжелым заболеваниям». Ему становится жарко. Он хочет снять пиджак. «И остаться в наплечной портупее! Это сильно развеселило бы редакторских бабенок», — улыбается Варей. «Я — раб, — думает он. — Я не могу даже снять пиджак… А если это все же один из кагэбэшников? Вряд ли. Все время среди своих, на виду. Технически неудобно…» Варей начинает схватывать суть статьи. Сначала осторожно, с опаской вычеркивает, на его взгляд, лишние слова, потом входит во вкус, но одергивает себя. Эдак может получиться совершенно другая работа и, возможно, даже противоположного смысла. «Я сам себя обременил, обязал. Все время голова чем-то занята. Необходимо освободиться… Надо было устраиваться курьером. Но Владислав пришел раньше. Правда, тоже недавно, а до него был какой-то чудак, видимо, все курьеры слегка того, так тот выкинул на помойку все служебные письма. Вот его и выгнали. Ай, молодец, умница!

У курьера маршрут и больше ничего…

Снова просовывается в дверь голова Владислава, видимо, хочет общаться. Доброжелательно улыбается ему Варей. Показывает жестами, что ему сейчас недосуг, работа заела. Курьер понимающе кивает головой. А Варей через несколько минут встает, берет на полке ключ от черного хода и идет на лестницу. Открывает обитую железом дверь и осторожно, нащупывая ногами ступени, спускается вниз. Пыльно, рука шарит по стене, собирая сухую побелку. Глаза привыкают к темноте. Ага, вот и выключатель. Зажигается тусклая лампочка. В конце лестничного пролета квартира грузчика. Там тишина. Видимо, где-то таскает ящики. Варей спускается еще ниже. Видит выход во двор. Им и пользуется ответственный квартиросъемщик. Неожиданно в проеме двери возникает потертая, небритая морда.

— Ты чего здесь потерял! — спрашивает подозрительно.

— Да, вот, ищу жильца с той квартиры, — показывает Варей вверх рукой.

— А зачем он тебе? — все также недоброжелательно интересуется мужик.

— Да есть дело, — уклончиво отвечает Варей, догадываясь, что это и есть владелец квартиры.

— Ну, тогда говори, если дело, — более миролюбиво предлагает мужик.

— Хотел предупредить. Собираются его выселять, — придумал с ходу Варей правдоподобный предлог.

— Эк, удивил! Сто лет уже грозятся. Хрен меня выселят отсюда! Мне до работы две минуты. Все боевые точки под боком. Вот им, выселят! — он показывает грязный кукиш. — Ты что, из ДЭЗа?

— Да, нет, я из редакции. Там, наверху. Позвонили из жилотдела. Решил предупредить, — Варей видит враждебный, неверящий взгляд алкаша и понимает, что с «предупредить» он переборщил.

— Тебе апельсины не нужны? — неожиданно спрашивает алкаш и, по-своему истолковывая недоумение Варея, добавляет: — По госцене! За ними знаешь, какие очереди?! Ого-го.

— Конечно, нужны, быстро соглашается Варей. — Нехватка витаминов. Раз, и в обморок грохнешься!

— Ну, от витаминов вряд ли, — снисходительно возражает алкаш. — А вот от чего другого — это вполне.

— Тишина здесь, хорошо. Центр, а будто глухомань.

— Ну не скажи! Вот как-то тоже стоял, курил.

Смотрю, два парня тащат под руки третьего. Ну думаю, хорошо приняли. Даже позавидовал. Предложил им цитрусовых. А один как меня пошлет! А с того, ну которою волокли, шапка сползла. А там вот такая дырища в голове. Короче, я думаю, он уже готовый был. А ты говоришь тишина!

Варей поднялся по лестнице вслед за мужиком. В квартиру тот его не пустил.

— Я сейчас, обожди! — и скрылся за дверью.

«Зачем он рассказал эту историю?.. Выказал расположение как покупателю?.. Поделился чем-то интересным? Или с умыслом? Не исключено, что с дырой в голове был приятель Оскольского…» — раздумывал Варей.

Мужик вынес целлофановый пакет с апельсинами.

— Ровно два кэгэ плюс пакет. Четыре десять, — произнес он торжественно.

Варей отсчитал деньги.

— Ты тогда заявил? — поинтересовался он.

— Когда? — не понял мужик.

— Ну, тогда. Ты сейчас рассказал.

— Что я — псих? Чтоб меня же и за хобот? — удивился мужик. — Они того затолкали в машину и будь здоров!

— Ну, это и наши видели. В черную «Волгу»….

— Не надо свистеть! «Видели»! — передразнил мужик. — В «Жигуль» они его затолкали. Мужик очень здоровый был. Еле влезли все. Ну, ладно, давай! У меня еще делов куча! Если что, заходи!

Мужик побрел вниз и вышел из дома. Варей пошел к себе, думая, что новый знакомый направился за бутылкой.

— Наш новый сотрудник времени зря не теряет! — язвительно встретила его Раиса, — Уже успел в магазин слетать!

— Да нет, принесли! — извиняющимся тоном объяснил Варей. — Прошу всех! Угощайтесь!

Все взяли по апельсину, кроме завхоза. Владислав спрятал свой в карман.

— Большое спасибо! Вечером съем, — пояснил он. — Телевизор сяду смотреть, вот тогда и съем.

— Сейчас бы немного коньячку, а апельсинчиком закусить, — улыбнулась Ирина Петровна.

— Мечты, мечты… — грустно вздохнул в ответ Варей.

После работы он попытался из автомата дозвониться до Оскольского. Хотелось уточнить, какой комплекции был его исчезнувший приятель-журналист. Но у Оскольского никто трубку не брал. Потом Варей проехал на вокзал. Посмотрел в расписании ранние электрички, прибываю-

щие с направления, по которому ездит Ирина Петровна.

На следующий день ни свет ни заря он дежурил на вокзале. «Надо отрабатывать аванс!» — внушал он себе, так как рано вставать не любил. На первых двух электричках Ирины Петровны не было. А появилась с третьей. Варей последовал за ней. Ирина Петровна спустилась к автоматическим камерам хранения. Открыла одну из ячеек, достала оттуда хозяйственную сумку. Поднялась наверх. Вскоре к ней подошел завхоз. Она отдала ему сумку, что-то сказала на прощание и двинулась в метро. Завхоз прошел к троллейбусной остановке.

Надо было бы последить за завхозом, но времени до начала работы почти не оставалось. Да и чутье подсказывало Варею, что это ни к чему. Уж больно спокойно и открыто действовала Ирина

Петровна. Скорее всего какие-нибудь производственные дела. Так оно и оказалось. На работе Ирина со смехом рассказала, что, когда она передавала рукописи завхозу, тот был в такой шляпе, какую можно отыскать лишь на помойке. «Видимо, решила вчера сумку домой не тащить, а положила в камеру хранения…» — предположил Варей.

Он выходит на лестничную площадку и сталкивается нос к носу со стариком-генералом. Тот, улыбаясь, берет Варея под руку, отводит к окну.

— Разговаривал вчера с вашим шефом, — по-прежнему с улыбкой сообщает он Варею и, видя вопросительное выражение его лица, поясняет: — Мы с Иваном Емельяновичем соседи. Очень вас хвалил!

— Я всегда говорил, что все генералы знакомы между собой, а подчас и дружны, — смеется в ответ Варей.

— С чего вы взяли, что я генерал? — еще доброжелательней улыбается старик.

— С того же, с чего вы решили, что Иван Емельянович — мой шеф, — парирует Варей. — А вообще-то новичков надо проверять. С другой стороны, человека с проломленной головой заталкивают в машину буквально под боком, а вы

— ноль внимания!

— Ну, это из разряда домыслов! А вот деньги получать за свой нелегкий редакторский труд? Это как? Не положено ведь, — похлопывает генерал на прощание Варея по плечу.

— Перечислю в Детский фонд! — бросает Варей вдогонку.

Но генерала это все уже не интересует. Развлекся немного, и ладно! У него другие проблемы.

В сильной задумчивости возвращается Варей на рабочее место. Краем глаза отмечает, что Владислав к>да-то собирается. Выводит Варея из раздумий голос Раисы Ивановны:

— Не сидится нашему новому сотруднику на месте! Ну что ж, пойдем навстречу! Попросим его помочь Владиславу Степановичу привезти из типографии тираж.

— Ну зачем, спрашивается, беспокоить? — вступает в разговор недовольно курьер. — У него своя работа! Сидит человек, редактирует. А отвезти-привезти — это моя работа!

— Владислав Степанович! — грозно прерывает его Раиса. — Может быть, вы здесь начальник, а не я?!

— Это моя работа: привезти-увезти, и незачем затруднять человекаї — упирается курьер.

— Ничего, прогуляемся, поговорим, погода хорошая, — успокаивает его Варей, а сам думает, что, кажется, Раиса переносит свое внимание с завхоза на него и это будет мешать работе.

Владислав Степанович надевает видавшую виды кроличью шапку, мешковатое драповое пальто с большим каракулевым воротником. «Мир враждебен, подозрителен? — думает про него Варей. — Возможно…» Они спускаются вниз и некоторое время стоят в подъезде. «Действительно, непросто вот так взять и выйти в окружающий мир… Страшновато… Вдруг уже ждут?» — пытается проникать в душу курьера Варей.

— Надо идти, — с сомнением произносит Владислав — А то мамаша с отцом ругать будут… Спросят: где был Владислав? А я что скажу? В подъезде стоял! Хорош гусь, нечего сказать!

Варей его не торопит. Владислав Степанович осторожно открывает дверь. Ударяет в лицо солнечный свет, надвигаются уличные звуки. Выходят наружу.

— Главное — не лодырничать! — повеселевшим голосом сообщает курьер Варею. — А то вмиг выпрут! Скажут: Владислав! Ты что?! Сидеть сюда пришел? Сидеть можешь и дома! Да. Вот

так и скажут… Нет, здесь еще жить можно. Вот до этого, на почте, хуже было. Носишься с телеграммами по этажам, как угорелый! А здесь жить можно. Хорошо, что единый билет бесплатный! А талоны на такси Раиска опять не дала. Сама небось ездит…

Они движутся, не торопясь, по улице. Припекает весеннее солнышко. И чудится Варею, что кто-то их сопровождает Оглядываемся незаметно раз, второй. Идет за ними в некотором отдалении молодой человек. «Довольно откровенно… — думает Варей. — Не успел освоиться на новом месте, как столько внимания. И генерал, а теперь еще и сопровождают Нет, этот не из их ведомства, уж больно топорно…»

— И зачем она, спрашивается, людей беспокоит? — снова заводит Владислав. — Можно подумать, я не знаю, как ехать в типографию и что там брать?!

— Обычная вредность! И кто только назначает баб на командирские места? — поддерживает его Варей. — Ладно, Владислав Степанович! Поеду-ка я по своим делам, а вы и действительно без меня справитесь!

— Вот это правильно! — серьезно произносит курьер, крепко жмет руку Варею и удаляется,

слегка подпрыгивая и вихляя на ходу корпусом.

«А он крепкий малый, — думает про Владислава Варей. — Все время рука вялая, когда жмет, как кисель… да вдобавок потная, а сейчас… м-да…» Варей заходим в магазин. А юный сопровождающий, шедший следом, проходит мимо. «Неужели показалось? — сомневается Варей. — Не может быть…» Он идет за курьером, а точнее, за следопытом, который, как оказывается, движется за Владиславом Степановичем.

Типография хоть и не очень далеко, но ехать надо пару остановок на электричке. На вокзале, несмотря на дневное время, суета, толкотня. Неожиданно впереди мелькает знакомое лицо. «Неужели по мою душу?» — предполагает в первый момент Варей. Но нет. Передает тот очень аккуратно кейс Владиславу Степановичу. «Не надо много о себе воображать, — облегченно вздыхает Варей. — А то и чувство реальности потерять недолго». Курьер, сопровождаемый юным следопытом, спускается к автоматическим камерам хранения. Чувствует он себя там, как дома. Выбирает свободную ячейку. Сопровождающий остается ждать у входа. «Курьер, он и в Африке курьер, — довольно думает Варей. — И как только я сразу не догадался?! — насвистывает

еле слышно сквозь зубы арию тореадора. — А кейс-то такой же, как у завхоза. Совпадение?.. Хорошо бы узнать шифр ячейки… Значит кое-что перепадает от крестных отцов», — констатирует он, но подобраться незаметно к курьеру нельзя. «А может, подойти да и спросить попросту, по-товарищески? Как-никак вместе работаем. Чего стесняться друг друга-то?» — но не решается нарушить приличия и выскальзывает из помещения.

Караулит Варей неподалеку от входа в редакцию Владислава Степановича. Давно пора бы ему и назад. «Может, в ресторанчик зашел отобедать?» — только и успевает предположить, как появляется вдалеке курьер. Идет ему навстречу Варей.

— А я вас уже битый час здесь дожидаюсь! Надо вместе вернуться, а то мадам загрызет, — поясняет он.

— Ну вот, спрашивается, мог я один донести эти пакеты или нет? — показывает курьер на сумку в руке. — Нет, я вас спрашиваю! — и довольно смеется.

«А вот, если еще и заветный кейсик из камеры хранения добавится, то и не так уж легко будет…» — хочет возразить Варей, но боится, вдруг возникнет непонимание или еще какая неловкость.

Поднимаются, оживленно разговаривая, на свой этаж. «А ведь должен занести в реестрик полученное… должен…» — думает Варей, приветливо кивая кагэбэшникам.

— Уж все здание продымили! — осуждающе и с опаской шепчет курьер на ухо Варею.

— Безобразие, — соглашается, улыбаясь, тот. — Куда смотрит начальство?! Ведь табак подрывает здоровье у личного состава!

— Т-с-с, — шипит заговорщицки курьер.

«Какое взаимопонимание! Прямо дух захватывает!» — благодушно думает Варей.

— А мы уж вас заждались! — встречает их Раиса Ивановна. — Наверняка еще куда-нибудь заглянули! — шутит благосклонно. — У Владислава Степановича везде приятельницы!

— Ха-ха-ха… — смеются в ответ сотрудницы.

— Ну, вы скажете тоже! — осуждающе замечает курьер и, отвернувшись, шепчет Варею: — Небось по себе мадам судит!

Варей проходит на свое место. С удовольствием располагается.

— И как вы можете с ним разговаривать? — удивляется Надюшка. — От него же так пахнет! Хоть стой, хоть падай!

— Надо быть снисходительней к чужим недо-

статкам, Наденька! — отвечает ей, подмигивая, Варей.

«Проверю-ка я для очистки совести карманчики пальто уважаемого Владислава Степановича!» — встает он и выходит в прихожую. Улучив момент, засовывает руку во внутренний карман курьерского пальто и находит там сложенный лист бумаги. Плотной, хорошего качества. Быстро разворачивает, смотрит. Там колонка заглавных букв с номерами. Рядом шестизначные числа. Около некоторых галочки. Имеется и совсем свежая отметка. «Возможно, о сегодняшнем получении, — предполагает Варей, пряча реестрик обратно. — Похоже, издевается надо мной уважаемый Владислав Степанович. И списочек специально небось оставил. Дразнит, негодник».

Вечером звонит у Варея дома телефон. Вот так сюрприз! Никанорыч! Как дела? Может, хватит симулировать, да не пора ли на службу? Шутка, конечно! А в конце по существу. Обратились к нему, Никанорычу, за помощью хорошие ребята. Ты не думай! Настоящие патриоты! Болеют за отечество!

— Сильно? — интересуется Варей.

— Что сильно? — не понимает старый служака.

— Ну, болеют сильно?

Но Никанорыч на провокации не поддается. Нужны им, славным ребятам, консультации профессионалов. Для организации охраны и вообще. А он, Никанорыч, как-никак на службе, естественно, не может нарушить устав. Начальство, если узнает, по головке не погладит. А вот Варей на данный момент вроде как свободный человек, почти инвалид. Ну, про инвалида это он так, к слову. Понятно, что имел в виду. Вот он, Никанорыч, про него и вспомнил. А заплатят они нормально, ребята не жадные. Ну, так как?

— Предложение, конечно, заманчивое, — мямлит Варей. — Но надо как следует обмозговать…

— А кто против? — удовлетворенно заканчивает Никанорыч. — Запиши телефончик! Надумаешь, позвони. Они в курсе.

Задумчиво сидит Варей. Все встает на свои законные места. Не получился из него редактор-инкогнито. Ну и не беда! Можно и в открытую играть… Кому только понадобилось следить за курьером?.. Не следить, а охранять. Деньги все же. А случайностей быть не должно.

Все утро следующего дня Варей посвящает статье. Тщательно шлифует каждую фразу, добиваясь полнейшей ясности и простоты. Потом

неожиданно откидывается на стуле и как бы ненароком расстегивает пиджак так, чтобы Ирина Петровна увидела пистолет. Холодно изучающе смотрит на нее искоса. Видит ее встревоженное лицо. Определяет: «Пистолетик-то нисколько ее не удивил. Скорее взволновало мое поведение. Вопрос открыт…» Улыбается ободряюще Ирине. Поднимается, слегка потягиваясь. И направляется в штаб-квартиру «Возрождения».

Занимают они квартиру в обычном пятиэтажном жилом доме. Варей нажимает на кнопку звонка. Открывает тот самый юный сопровождающий.

— Ты что же, ищейка поганая! Сам пришел? — изумляется он.

— Сам, — соглашается Варей. — Пригласили, вот и пришел!

— Пригласили! — протяжно передразнивает парнишка. — Да кому ты нужен? — взъяривается он.

— Воспитываем, воспитываем молодежь, и все без толку! — сокрушенно вздыхает Варей и несильно бьет стопой парнишку по голени.

Сгибается тот от резкой неожиданной боли. Варей отодвигает его и проходит внутрь. Заглядывает в первую комнату. Там строгая пожилая

дама стучит на машинке.

— Владислав Степанович? — интересуется у нее Варей.

Кивает она на комнату напротив. Стучит Варей в дверь и, услышав: «Да, да», — входит. Курьер поднимается ему навстречу.

— Рад! Искренне рад, что вы откликнулись на наш зов! — приветливо произносит он. Курьера трудно узнать. Холеного вида, безукоризненно одетый мужчина с чуть надменным выражением лица.

— Ну, знаете! — от души восхищается Варей.

— На сегодня отпросился. Все по закону, — смеется в ответ Владислав Степанович.

— Ну вы и актер! Так перевоплотиться! Великолепная игра! — хвалит Варей.

— Тут нечему удивляться! Я же актерский закончил. А к характерным ролям всегда питал слабость.

— Сцена много потеряла, — продолжает льстить Варей.

— Больше десяти лет прозябал в захолустье… А где, спрашивается, удалось бы сыграть такую роль? Нет, что ни делается, все к лучшему!

«Скорее всего он у них казначей… Лицо из важнейших!» — думает Варей, оглядывая комнату. В

углу флаги. Рядом гипсовый бюстик вождя всех времен и народов, не первой свежести. В другом углу свалены хромовые сапоги.

— Ничего! Скоро все будет нормально, — поймав взгляд Варея, уверенно произносит Владислав Степанович. — Это так, временно… Все, все будет! Вот увидите!

В комнату, прихрамывая, врывается юный сопровождающий.

— Этот… гад! — кричит он, злобно замахиваясь на Варея.

— Успокойся! Это ко мне. Потом разберемся! Я сейчас занят! — обрывает его курьер. Тот, матерясь, выходит за дверь.

— Не поладили? — интересуется Владислав.

— Дурно воспитан, — объясняет Варей.

— Это есть, — со вздохом соглашается курьер. — Но энтузиаст нашего дела! Борец за идею! Пообтешется… со временем… Ну, как вы? Обдумали наше предложение?

— Сомневаюсь, — как можно искренне произносит Варей…

— А я вас сразу раскусил! Как только появились!

— Промашку дал? И какую?

— Да нет, все было довольно натурально. Но!

Одно небольшое «но»! Общая линия поведения… Мне сразу стало ясно, что вы заскочили на минуточку. Кое-что выяснить, и адье. Сначала, конечно, подозрение, ну, а дальше… Сейчас пришли, чтоб удостовериться? — смеется Владислав.

— Пожалуй… Завтра дам ответ. Идет?

— Идет. Только не надо с нами шутить! У нас высокая цель! Спасение отечества! — неожиданно патетически возвещает курьер. — Все истинные патриоты с нами! А сорную траву с поля вон! — неожиданно мрачно завершает он.

— Круто, ничего не скажешь, — качает головой Варей.

— А иначе нельзя! Переломный момент! Кто кого!

— На сцене такого сыграть, пожалуй бы, и не дали, — задумчиво произносит Варей.

— Только без пессимизма! Возрождение нации! Такая цель оправдывает все!

Чувствует Варей, что уселся курьер на любимого конька.

— Ну, мне пора, — прощается он. — Вы в отгуле, а мне может влететь от мадам за столь долгое отсутствие.

Оба смеются. Близко холодные голубые, полные колючего льда, изучающие глаза Владислава.

Выходит Варей на свежий воздух. «Может, померещилось все? Флаги, сапоги». — думает он, хочет себя ущипнуть. И видит неподалеку у деревьев Ирину Петровну. «Ну, теперь пошло… как снежный ком», — направляется к ней.

— Что-нибудь случилось? — спрашивает, выжидательно улыбаясь.

— Да нет, ничего! Просто испугалась за вас… Вы как-будто не в себе были утром… Ну, не в себе, это я так… — сбивчиво говорит она.

— Со мной тоже так бывает, — успокаивающе берет ее под руку Варей. — Вдруг страшно, до обморока. И не поймешь от чего. И небо синее, и птички поют. Все вроде бы нормально, а вот страшно, и все!

— Ну и хорошо, что ничего, — Ирина неожиданно вырывает руку. Ладно, побегу, а то не успею! — и быстро шагает в сторону, почти бежит.

«Обиделась… Куда-то не успеет… Кажется, начинаю вызывать у женщин жалость. Тревожный признак!» — думает он.

На другой день, немного посидев над статьей, — «Прямо, жаль будет расставаться…» — с грустно предчувствует Варей, — он выходит в соседнюю комнату. Ловит на себе вопросительный взгляд

Ирины. Обращается к сидящему, как в забытьи, курьеру:

— Что, Владислав Степанович! Покурим?

Все улыбаются. Знают, что не курит курьер.

Берет Варей ключ от черного хода. Привычно открывает ведущую туда дверь. Приглашает последовать за ним Владислава Степановича. Сильно бьет ему в нос мерзкий запах, исходящий от курьера и так страшно раздражающий редакторских женщин. «Зачем это ему? Чтоб лучше в образ вжиться или специально, чтоб баб подразнить? И как только, самого не стошнит?! Актер… хренов!»

Уверенно щелкает выключателем Владислав, спрашивает:

— Ну как? Решились?

— А что произошло с тем… журналистом? — неожиданно интересуется Варей.

— С журналистом? — переспрашивает курьер, оттягивая ответ. — Каким? — вяло показывает рукой вниз между лестничными пролетами, — сам виноват, оступился вот здесь. И немудрено… в темноте-то, когда что-то вынюхиваешь… Вот вы бы, пожалуй, не оступились, — глядит оценивающе на Варея. — Хотя, кто его знает, — продолжает многозначительно. — Но не на смерть. Поломал-

ся, правда, изрядно. Дорого обходятся сенсации! Ох, как дорого! Сейчас, по слухам, вроде начал в себя приходить.

— А мне жилец, — указывает Варей в направлении квартиры грузчика, рассказал, что голову пробили и в машину запихнули.

— Алкаш. А жаль, сочувствует нашему движению, — значительно произносит курьер.

— То, что вы мне рассказали, сильно меняет ситуацию, — задумчиво говорит Варей. — Я тут недавно проглядел листочек, который вы для меня любезно оставили в кармане пальто. Там много непонятного!

— Да… — сокрушенно вздыхает Владислав. — В жизни много туманного… Вот он, — достает из кармана. — Могу подарить… в залог нашей будущей дружбы.

«Становлюсь до противного однообразным в эндшпиле, — думает Варей, отступая на шаг, и быстро вынимает пистолет. — Может ли оправдать, что с волками жить — по-волчьи выть?.. Пожалуй, нет…»

— Вы склонны к драме, — спокойно заявляет курьер. — И действие, надо отдать вам должное, чувствуете неплохо. Только зачем все это? Ну, не будете же вы в меня стрелять, — усмехается он.

— Вы сейчас расшифруете этот текст! Напишете все своей рукой, поставите число, распишетесь! Чтоб потом не возникали ненужные желания!

— А если нет? — по-прежнему спокойно отвечает Владислав, но мелькает в глазах раздражение.

— А если нет, вы можете оступиться, как тот журналист… Вы понимаете? Ненормальный курьер, никто не удивится.

— Понимаю… — тянет курьер, прикидывает свои возможности. — Ладно, ваша взяла! Не имею права рисковать! — неожиданно соглашается он, прижимает листочек к стене и быстро пишет.

— Не советую хитрить! Кое-что из этого списка уже известно, — предупреждает Варей.

На мгновение замирает рука Владислава Степановича.

— Все будет по правде, — говорит он. — Но ничего это уже не изменит. А вы становитесь нашим врагом! Это неразумно! Деньги я вам не предлагаю. Ведь не в них дело?

— Не в них, — соглашается Варей, — В данном случае.

— Вас одурманили сионисты! Жаль! — расписываясь, произносит курьер.

— Вы сами не верите в эту чепуху! — отвечает Варей.

Текут чередой дни. Сидит Варей за казенного вида столом в неплохом полуподвальном помещении. Дежурит. Листает популярный еженедельник. А, вот и искомое. Читает броский заголовок: «Кто помогает отечественным нацистам?».

Леонид Ашкинази

Темы для светских бесед

Золотой шнурок

«Поздравляю, поздравляю вас, Леонид Александрович! — Ученый секретарь снизошел до рукопожатия. — Вот ваш кандидатский диплом… а вот ваше будущее!» С этими словами он вручил мне конверт нестандартного формата с косо оттиснутым штампом «ВАК».

Что лежит в конверте, я знал. Все это знали. И многие этого ждали.

Легенды гласили, что примерно до восьмидесятых годов прошлого столетия вместе с дипломом человек получал новую должность с большей зарплатой. Потом, ввиду ускоренного развития общества, эту систему отменили, и теперь каждый вместе с дипломом получает конверт, а в нем шнурок. Непонятно почему, — но его именуют «золотой шнурок». По слухам, когда-то в него вплетали золотые нити. Этим шнурком новый кандидат наук должен задушить любого сотрудника своего предприятия, который находится на служебной лестнице на одну ступеньку выше. Кого именно — выбирает он сам и после акта удушения немедленно получает его должность и деньги. В противном случае диплом теряет силу.

Я шел по коридору и думал — к кому идти? Традиция повелевала идти к тем, кто постарше. Во-первых, пора старикам и на покой; во-вторых, не я — так следующий кандидат; и в-третьих, стыдно старикам занимать такие маленькие должности. Я поступил упорядоченно, как и всегда. Пошел в отдел кадров, вывел на дисплей список и выбрал.

Теперь я — старший научный сотрудник: получаю два куска мыла в месяц, две пачки стирального порошка, две пачки чаю, банку растворимого кофе и так далее. Ну, сами знаете. С научной же работой в нашей фирме год от года все слабее и слабее. Правда, количество защищающих диссертации уменьшается, но слишком медленно. Очень слабые работы делает молодежь, очень!

Выбор

Следствие не нашло признаков убийства. Это ведь и не было убийством и даже самоубийством.

…Утром, открыв дверь в лабораторию, я сразу пошел к телефону и позвонил в «скорую». Приближаться к месту происшествия мне не потребовалось. Я уже вчера вечером знал, что увижу безжизненное тело моего коллеги с головой, опущенной в теплоизолированную кастрюлю. Пустую, ибо за ночь азот испарился. И хитроумную систему петель и палок, удерживающую голову в жидком азоте. Когда мой коллега опустил голову в кастрюлю и жидкий азот мгновенно закипел, отводя тепло от кожи, костей, мяса и хрящей, защелка сработала и зафиксировала его голову в опущенном положении.

…Когда была открыта высокотемпературная сверхпроводимость, я в шутку произнес: «Они там за градусы борются, а кто знает, может быть, у наших нервов сверхпроводимость уже есть?». Я действительно произнес это в шутку, поэтому в соавторах прошу меня не числить. Мой коллега измерил сопротивление лягушачьего нерва при глубоком охлаждении, и оказалось, что сверхпроводимость в самом деле проявляется. Это было, конечно, интересно, но ЛЭП Экибастуз — Центр из лягушачьих задних лапок не сделать.

А как при минус 195 градусах Цельсия будет работать мозг? Вечные солдаты науки, бессловес-

ные серые мыши всей шеренгой шагнули вперед. Выяснилось, что по мере охлаждения, скорость процессов в мозге стремительно растет. Причем при температуре жидкого азота процессы ускоряются в несколько миллионов раз. Например, ритмы энцефалограмм из области герц переходят в область мегагерц. Значит, за тот час, который мозг еще действует без подачи кислорода при минус 195 градусах, человек может прожить двести «эквивалентных» лет? Сложные эксперименты показали, что сознанию в этом состоянии становятся доступны и так называемая «генетическая память», и подсознание. Двести лет и все, что есть скрытого в собственном мозгу! Память всех предков — рыцарей, фараонов, питекантропов!

Мой коллега сделал свой выбор. Не вижу в нем ничего криминального. Потребляя наркотики, человек заведомо уничтожает одно «я» и создает другое. Кстати, так же действует культура — книги, музыка, кино. А общение с людьми? А пропаганда? Но ведь все это никто не квалифицирует как самоубийство?

Теперь жидкий азот отпускают у нас только по заявкам с визой зав. сектора. Но это, слава Богу, легко обойти.

Бытовое название — Анафобин

По материалам истории, рассказанной мне одним заокеанским химиком на международном конгрессе.

События эти — от начала до конца — длились две недели, а драматическая часть — всего пять дней.

Ни для кого не секрет, что все страны борются с угрозой новой войны и все к ней готовятся. Борется и готовится каждая, конечно, по-своему, но в конце концов все будет едино. У войны много разновидностей — атомная, химическая, бактериологическая, биологическая и еще сколько-то, которых не знаете вы, но знаю я, и еще сколько-то, которых не знаю я, но знают те, кто выше меня, и так далее. Например, можно снять озоновый экран или вызвать землетрясение…

Жил да был один биохимик, который, идучи на работу, предъявлял пропуск три раза и должность свою отправлял при искусственном освещении. Заметим, что по спектру излучения лампы дневного света от солнечного света все же отличаются и для истории, о которой мы повествуем, это

весьма существенно. Занимался сей биохимик разработкой психотропных средств. Чайная ложка — нет, не на стакан, а на средних размеров город, — и население рыдает от скорби или танцует от радости (в зависимости от того, из какого пузырька была наполнена чайная ложка). Искал этот химик средство, вызывающее страх, но судьба ему не улыбнулась, а ухмыльнулась (с химиками это бывает), — он нашел средство, уничтожающее страх. Должность начальника отдела и прибавка к жалованью были уже, можно считать, гарантированы, но нашего героя стали, как пишут в романах, — «одолевать сомнения». Дело в том, что его давно интересовал вопрос — какая часть нашей жизни управляется страхом. Ради Бога, не подумайте, что он был пацифистом, просто ему захотелось побаловаться. Насинтезировав флакончик своего средства (химическое его название слишком длинно для нашего рассказа, а про себя он называл его «анафобин»), наш химик отправился в небольшой туристский поход. Вечером в субботу содержимое пузырька булькнуло и растворилось в водах могучей реки, из которой брал воду славный город, под которым ковал будущее оружие наш герой.

На первый взгляд, боевое применение анафо-

бина очевидно — солдат, не ведающий страха. Но ведь он не боится и своего фельдфебеля! Только сознательность может повести его на врага, но анафобин ее вовсе не увеличивает. Что и показали печальные события, разыгравшиеся дальше. Люди, зараженные анафобином, переставали ходить на работу и платить налоги. Впрочем, взимать налоги они тоже прекратили. Вот правила дорожного движения, как это ни странно, соблюдались. Всюду возникали митинги, народ требовал такого, что и язык не поворачивался… И солдаты не стреляли в демонстрантов, тайная и явная полиция не полицействовала, и, что забавнее всего, представители власти вылезли из бронированных вертолетов и общались с людьми. Более того, они обещали и даже предприняли некоторые послабления — они больше не боялись своего народа. Кто знает, чем бы все это кончилось, но спохватились военные — не те, конечно, что были в городе, они уже не были военными, а другие. И порядок был бы наведен. И от города мало бы что осталось. Но прошло пять дней. А солнечное облучение индуцирует разложение анафобина. А успевает он разложиться за пять дней. Доза солнечного света, индуцирующая разложение, очень мала, и даже

если ввести человеку анафобин в темноте, то он начнет разлагаться, когда человек окажется на свету, — ведь кровеносные сосуды на лице близко подходят к коже. Вот через пять дней, — которые не потрясли мир, — все и кончилось. Позже была проведена тщательная санация города. Ведь человек, помнящий, как он ничего не боялся, боится уже меньше.

Мы ведем исследования, мы пытаемся создать «ориентированный анафобин», но пока что безуспешно. Думаю, что ничего из этого не получится — не может химия, даже «био», знать, кто свой фельдфебель, а кто чужой. И все же иногда мне снится: получив по дозе анафобина и закутавшись с головой в черную ткань, мы, бесстрашно спотыкаясь, бредем по болоту и непрерывно стреляем. Локти моих соседей по строю непрерывно дрожат. От выстрелов.

Банальная история

Банальность этой истории свидетельствует не об отсутствии у меня фантазии, а лишь о том, что

в жизни бывают банальные истории.

Обычно литература описывает жизнь (или пытается это сделать); в данном же случае жизнь — так казалось поначалу — пыталась следовать литературе.

Приземное пространство, как известно, непрерывно контролируется. Так что вряд ли «гость» долго болтался на орбите, тем более что размеров он был изрядных, а никаких антирадиолокационных покрытий не имел. Да и вообще не прятался. После оживленного обмена мнениями между правительствами американцы направили к нему ракету-антиспутник. Сообщалось, что она должна не поразить «гостя», а исследовать его. Однако подойти близко к «гостю» ей не удалось. Русские подняли космический корабль «Союз Т-4» с «дополнительной исследовательской аппаратурой». Корабль тоже вернулся ни с чем. Специалисты по связи с другими цивилизациями, психи, медиумы, телепаты и «тарелочники» работали без устали. Академик Спиркин заявил, что прибытие инопланетного корабля свидетельствует о материальности Вселенной и единстве законов, управляющих ею.

Примерно через двое суток «гость» заговорил, и, как это положено воспитанному гостю, был кра-

ток. На длинах волн тридцати наиболее мощных радиостанций Земли был передан, разумеется, на языках, на которых вещали эти станции, следующий текст: «Мы изучили, насколько это возможно за столь малое время, вашу цивилизацию, ее историю и созданную ею культуру. Мы знаем много цивилизаций во Вселенной, а теперь узнали еще одну; за это мы вас благодарим. Ваша цивилизация находится сейчас в стадии конфликтов между группами индивидов; данная стадия не является необходимой, но встречается достаточно часто. Если бы этого не было, количество цивилизаций во Вселенной было бы больше. Поддержание равновесия сил требует огромных затрат, поскольку вооружение — процесс, приближающийся к предельному ограничению. Конфликт при равновесии влечет взаимоуничтожение, нарушить же равновесие вы не сможете, поскольку ваш военный потенциал близок к фундаментальному ограничению. Фундаментальное ограничение — максимальная плотность энергии, умноженная на максимальную скорость доставки энергии к цели, деленная на минимальную обнаруживаемую энергию и минимальное время обнаружения цели. Эта величина равняется константе сильного взаимо-

действия, умноженной на квадрат скорости света и деленной на величину кванта энергии. Ваша судьба зависит от вас».

На этом передача закончилась. Через несколько минут «гость» сошел с орбиты и начал удаляться, а вдогонку ему неслись на всех языках мира мольбы, призывы, вопросы, проклятия, угрозы…

Тема для светских бесед

Вопрос — что будет, если изменить мировые константы? — всегда был популярен среди физиков, хотя и считался не вполне серьезным. Ну, скажем, тема для светских бесед — должна же быть тема для светских бесед, когда о работе даже с сотрудниками не всегда можно поговорить? Так вот, некоторое время назад, непонятно каким образом, статьи на сей предмет начисто исчезли из мировой научной прессы. А книгу Альфреда Тесты «Новая космогония», в которой этот вопрос рассматривается наиболее подробно, вы не отыщете ни в одной библиотеке мира.

Рисунок А. Кукушкина

№ 5

Станислав Лем

Из книги Станислава Лема «Мнимая величина»

Цезарий Стшибишь

Некробии

139 репродукций. Предисловие Станислава Эстеля. Издательство «Зодиак»

Несколько лет назад художники ухватились за смерть как за спасение. Вооружившись анатомическими и гистологическими атласами, они принялись выпускать кишки обнаженной натуре, рыться в печенках, вываливая на полотна замордованное уродство наших жалких потрохов, в обыденной жизни столь справедливо прикрытых кожей. И что же? Концерты, с которыми по выставочным залам прогастролировало гниение во всех цветах радуги, не стали сенсацией. Это было бы чем-то разнузданным, если бы хоть кого-нибудь покоробило, и чем-то кошмарным, если бы хоть кто-нибудь задрожал, — и что же? Не возмутились даже старые тетушки. Мидас превращал в золото все, чего ни касался, а нынешнее искусство, отмеченное проклятием

противоположного знака, одним прикосновением кисти лишает серьезности всякий предмет. Как утопающий, оно хватается буквально за все — и вместе со схваченным идет ко дну на глазах у спокойно скучающих зрителей.

За все? Стало быть, и за смерть? Почему не шокировала нас ее антицарственность? Разве эти увеличенные иллюстрации из пособий по судебной медицине, густо замалеванные кроваво-красным, не должны были бы заставить нас хоть на минуту задуматься — своей чудовищностью?

Но они были слишком натужны… и потому бессильны! Самый замысел был ребяческим — напугать взрослых… Вот почему это не получалось всерьез! Так что вместо memento mori[48] мы получили старательно взлохмаченные трупы — тайна могил, раскопанных слишком назойливо, обернулась склизкой клоакой. Не тронула никого эта смерть — уж больно она была напоказ! Бедные художники, которым уже мало было натуры и которые поэтому начали эскалацию Гран-гиньоля[49], сами оставили себя в дураках.

---

[48] Примечания: 48
Помни о смерти *(лат.)*.

[49] Примечания: 49
Здесь: театр ужасов.

Но после такого конфуза, такого фиаско смерти, — что, собственно, нового сделал Стшибиш, что позволило ему восстановить смерть в правах? И что такое его «Некробии»? Ведь это не живопись — Стшибиш не пишет красками и, кажется, в жизни не держал кисти в руках. Это не графика, потому что он не рисует; он также не занимается резьбой ни по металлу, ни по дереву, и не ваяет — он всего лишь фотограф. Правда, особенный: он использует рентген вместо света.

Этот анатом своим глазом, продолженным рыльцами рентгеновских аппаратов, прошивает тела навылет. Но хорошо нам знакомые медицинские черно-белые снимки, конечно, оставили бы нас равнодушными. Вот почему он оживил свои акты. Вот почему его скелеты ступают таким энергичным шагом — в регланах, словно в одеянии смертников, с призраками портфелей в руках. Снимки достаточно ехидные и диковинные, верно, но и не более того; однако этими моментальными фото он лишь примеривался, пробовал. Шум поднялся только тогда, когда он отважился на нечто ужасное (хотя ничего ужасного уже не должно было быть); он просветил навылет — и показал нам таким — секс.

Это собрание работ Стшибиша открывают

его «Порнограммы» — поистине комические, только комизм их довольно жесток. Свинцовые бленды своих объектов Стшибиш нацелил на самый назойливый, разнузданный, обнаглевший — групповой секс. Писали, что, дескать, он хотел осмеять порнографию, разобрав ее буквально по косточкам, и достиг своего: невинная перепутанность этих костей, друг в друга вцепившихся, сложенных в геометрические загадки, на глазах у зрителя внезапно — и грозно — превращается в современный Totentenz[50], в нерест подпрыгивающих скелетов. Писали, что он решил оконфузить, вышутить секс — и что это ему удалось.

Так ли? Да, несомненно… но в «Некробиях» можно увидеть и нечто большее. Карикатуру? Не только — в «Порнограммах» есть какая-то скрытая серьезность. Пожалуй, прежде всего потому, что Стшибиш «говорит правду» — и притом одну только правду, а ведь правда, не подвергнутая «художественной деформации», считается ныне чем-то простецким; но тут он не более чем свидетель, то есть: пронизывающий, но не переиначивающий взгляд. Укрыться от этого

---

[50] Примечания: 50
Воскресший Гольбейн *(лат.)*.

свидетельства негде, его не отвергнешь, как выдумку, трюк, условность, игру понарошку, потому что правота на его стороне. Карикатура? Язвительность? Но ведь эти скелеты, их абстрактный рисунок, — почти эстетичны. Стшибиш действовал со знанием дела: не столько оголил то, что есть, содрав с костей телесную оболочку, сколько освободил их, — честно ища их собственный, нам уже не адресованный смысл. Выстраивая их собственную геометрию, он дал им суверенность.

Эти скелеты живут, хотелось бы сказать, по-своему. Он даровал им свободу посредством выпаривания тел, то есть посредством смерти, а между тем тела-то как раз и играют в «Некробиях» важную, хотя и не сразу замечаемую роль. Тут не место вдаваться в детали рентгеновской техники, но несколько слов в пояснение необходимы. Если бы Стшибиш использовал жесткое х-излучение, на его снимках были бы видны одни только кости в виде резко очерченных полос или прутьев, расчлененных, словно разрезами, чернотой суставных щелей. Слишком чистой, слишком уж препарированной была бы эта остеологическая абстракция. Но Стшибиш так никогда не делает, и на его снимках, просвеченные *мягким* излучением, проступают молочным,

клубящимся свечением человеческие тела — как намеки, как аллюзии; этим достигается нужный эффект. Видимость и реальность меняются местами. Средневековый, гольбейновский Totentenz, продолжающийся в нас втихомолку, недвижный, все тот же, не затронутый суматохой блистающей цивилизации, сращение смерти с жизнью — вот что схватывает Стшибиш, как будто не догадываясь о том, как будто случайно. Ибо мы узнаем все тот же веселый задор, все ту же молодцеватость, жизнерадостность и фривольное исступление, которыми наделил свои скелеты Гольбейн; но только — или, вернее, но как раз — аккорд значений, который берет современный художник, шире, потому что самую современную технику он нацелил на самую древнюю задачу человеческого рода; именно так выглядит смерть посреди жизни, и именно такова просвеченная до самых костей механика размножающегося рода, которой лишь ассистируют бледные призраки тел.

Нам скажут: хорошо, допустим, и такую можно тут найти философию; но ведь Стшибиш намеренно пошел до конца: копулирующих сделал трупами, уцепился за модную тему, эффектно, ради эффекта — не дешевка ли это? Нет ли в «Порнограммах» ловкости рук? А то и просто

мошенничества? Таких суждений тоже хватает. Мне не хотелось бы выкатывать против них гаубицы тяжелой риторики. Скорее я предложил бы внимательнее взглянуть на двадцать вторую порнограмму, названную «Триолисты».

Это непристойная сцена, но ее непристойность особого рода. Если положить рядом обычный снимок тех же самых людей, то есть продукцию коммерческой порнографии, ее невинность на фоне рентгенограммы обнаружится сразу.

Ведь порнография непристойна не сама по себе: она возбуждает лишь до тех пор, пока в зрителе еще продолжается борьба вожделения с ангелом культуры. Но когда этого ангела черти уносят, когда, по причине всеобщей терпимости, обнажается слабость полового запрета, его совершенная беззащитность, когда запреты выбрасываются на свалку, — до чего же быстро обнаруживает тогда порнография свою невинность, то есть напрасность: ведь она — ложное обещание телесного рая, залог того, чему никогда не сбыться. Это запретный плод, и соблазна в нем ровно столько же, сколько силы в запрете.

Ибо что же мы видим? Взгляд, холодеющий от привычки, замечает голышей, которые напрягаются что есть силы, лезут из кожи вон,

чтобы выполнить поставленную в фотоателье задачу, — и до чего же убогим делается тогда это зрелище! Не столько смущение, сколько чувство оскорбленной человеческой солидарности пробуждается в смотрящем, ведь эти голыши так усердно друг по дружке елозят, что уподобляются детям, которым непременно хочется сделать что-то ужасное, такое, чтобы у взрослых зрачки побелели, но на самом-то деле они не могут, просто не в состоянии… и их изобретательность, раззадоренная уже только злостью на собственное бессилие, устремляется — нет, не ко Греху и Падению, но всего лишь к дурашливо-жалкой мерзости. Вот отчего в натужных стараниях этих крупных голых млекопитающих проглядывает легковесная инфантильность; это не ад и не рай, но какая-то тепловатая сфера — сфера скуки и тяжелой, скверно оплачиваемой, напрасной работы…

Но секс Стшибиша хищен, потому что чудовищен и смешон, как те толпы проклятых, что низвергаются в преисподнюю на картинах старых голландцев и итальянцев; впрочем, на этих грешников, кувырком летящих на Страшный Суд, мы, упразднившие тот свет, можем смотреть отстранение — но что мы можем противопоста-

вить рентгенограмме? Трагически смешны эти скелеты, сошедшиеся в клинче, в котором тела служат им непреодолимой преградой. Кости? Но именно людей видим мы в этом неуклюжем, исступленном объятии, и это зрелище было бы только жалким, если б не его кошмарный комизм. Откуда он? Да из нас же — ибо мы узнаем в нем правду. Вместе с телесностью исчезает и смысл этих объятий, оттого-то они так бесплодны, абстрактны, а притом до ужаса деловиты, так пылают леденяще и бело, так безнадежны!

А еще есть их святость, или насмешка над нею, или намек на нее — святость, не приделанная задним числом, какими-то ухищрениями, но несомненная, ибо гало окружает тут каждую голову: это волосы вздымаются ореолом, бледным и круглым, как на иконе.

Впрочем, я знаю, как трудно распутать и назвать по имени все то, что создает целостность зрительского впечатления. Для одних это в буквальном смысле Holbein redivivus[51]: и впрямь, необычен возврат — через электромагнитное излучение — к скелетам, как будто в средневеко-

---

[51] Примечания: 51

В прежние, тоталитарные времена явление объясняли тем, что все эти знаки случайно совпадают с концом соответствующего квартала, а Козерог к тому же — с концом года.

вье, укрытое в наших телах. Других шокируют призрачные тела, которые, словно бессильные духи, вынужденно ассистируют нелегкой акробатике пола, превращенного в невидимку. Кто-то еще уподоблял скелеты инструментам, которые вынули из футляра, чтобы исполнить обряд посвящения в какую-то тайну, — поэтому говорили о «математике», о «геометрии» этого секса.

Все это возможно; но отвлеченные толкования не объясняют ту грусть, которую пробуждает в нас искусство Стшибиша. Символика, что нарастала столетиями и унаследована от столетий, хотя и влачила потаенное существование, — ведь мы от нее отреклись, — не погибла, как видим. Эту символику мы переделали в сигнализацию (черепа с костями на столбах высокого напряжения, на бутылях с ядом в аптеках) и в наглядные пособия (скелеты в учебных аудиториях, скрепленные блестящей проволокой). Словом, мы обрекли ее на исход, изгнали из жизни, но окончательно от нее не избавились. А так как мы неспособны осязательную материальность скелета, по своему смыслу равную суку или брусу, отделить от идеи скелета как метафоры судьбы, то есть символа, — наш ум приходит в какое-то непонятное замешательство, от которого он наконец спасает-

ся смехом. И все же мы понимаем, что веселость эта отчасти вынужденная: мы заслоняемся ею, чтобы не поддаться Стшибишу целиком.

Эротика, как безысходная напрасность стремлений, и секс, как упражнение в проективной геометрии, — вот два противостоящих друг другу полюса «Порнограмм». Впрочем, я не согласен с теми, для кого искусство Стшибиша начинается и кончается «Порнограммами». Если бы мне предложили выбрать акт, который я оцениваю особенно высоко, я без колебаний выбрал бы «Беременную» (с. 128). Будущая мать с замкнутым в ее лоне ребенком — этот скелет в скелете в достаточной мере жесток и при этом абсолютно не лжив. В этом большом, крупном теле, белыми крыльями раскинувшем тазовую кость (рентген улавливает предназначение пола отчетливее, чем обычное изображение обнаженной натуры), на фоне этих крыльев, уже раздвинутых для родов, — с повернутой головой, мглистой, потому что еще недоконченный, втиснулся детский скелетик. Как неуклюже это звучит, и какое достойное целое образуют светотени рентгенограммы! Беременная в расцвете лет — и в расцвете смерти; плод еще не рожденный и уже умирающий, — потому что зачатый. Какой-то

спокойный вызов и жизнеутверждающая решимость ощущаются в этой тайно подсмотренной нами картине.

Что ожидает нас через год? О «Некробиях» забудут и думать; воцарятся новые техники и новые моды (бедный Стшибиш — после успеха сколько у него нашлось подражателей!). Разве не так? Да, конечно; тут уж ничего не поделаешь. Но как ни оглушителен калейдоскоп перемен, обрекающий нас на неуставные отречения и расставания, — сегодня мы щедро вознаграждены. Стшибиш не вторгся в глубь материи, в ткань мхов или папоротников, не увлекся экзотикой подглядывания за бесцельными шедеврами Природы, не вдался в расследования, которыми наука заразила искусство, но подвел нас к самому краю наших тел, ни на йоту не переиначенных, не преувеличенных, не измененных — подлинных! — и тем самым перебросил мосты из современности в прошлое, воскресил уже утраченную искусством серьезность; и не его вина, что воскресение это дольше каких-то мгновений длиться не может.

Перевел с польского К. Душенко

Рисунок М. Златковского

№ 6

Александр Бирюк

Клад

— Привет Избавителю! — ревом возгласил хор. — Смерть Крысолову!

Александр Грин

Грише совершенно не улыбалось оставаться одному в большой пустой квартире во втором часу ночи, но делать было нечего. За неделю им двоим предстояло закончить большущий ремонт, дело решала скорость, и потому история с глазом Куркина была некстати.

Уже за полночь с Куркиным приключилась неприятность. Ему в глаз попал маленький кусочек штукатурки и не позволял безболезненно моргнуть. Удалить зловредную пылинку никак не удавалось. О работе не могло быть и речи. И, быстро переодевшись, он отправился в «скорую помощь».

Гриша закурил и посмотрел на часы. До утра далеко. По его расчетам, Куркин вернется не раньше, чем через час. Если, конечно, с глазом все нормально. В тишине слышен был гул взлетающего в далеком аэропорту самолета. Изредка с улицы доносился шум проезжающего автомобиля, а с моря — заунывный гудок маяка. Окно выходило во внутренний двор, и свет из подъезда отражался в темных окнах противоположного

дома.

Гриша затушил окурок, подошел к стене и чиркнул по ней металлическим шпателем. После нескольких минут тишины этот звук показался ему до того резким и громким, что он вздрогнул и испуганно прислушался. Одному в пустой квартире было не по себе, как в детстве, когда взрослые гасили свет и бросали его наедине с темнотой.

Гриша вздохнул, присел на корточки и, понемногу увеличивая темп работы, принялся сковыривать со стены куски старой штукатурки. Вдруг здоровенный шмат штукатурки отвалился с большим куском камня, и в образовавшемся углублении Гриша заметил широкую щель.

Его охватило приятное возбуждение. Он много раз слышал про всякие клады, замурованные в стенах старых домов. Еле переводя дыхание, Гриша схватил топор и принялся расширять щель. Пот лил с него градом, хотя в кухне не было жарко. С каждым новым ударом в стене все яснее вырисовывалась квадратная ниша. Гриша стал ее углублять. Вскоре путь ему преградил кирпич, отзывавшийся на удары чисто и звонко. Значит, там, за ним, было пустое пространство!

Проклятый кирпич долго не поддавался. Гриша

дрожащими руками сжимал скользкое от пота топорище, тщетно стараясь не наделать чрезмерного шума. Старая глина гудела и звенела, но крошилась, как назло, очень неохотно.

Наконец кирпич побежденно всхлипнул и исчез в темной дыре. И тотчас Гриша увидел то, к чему стремились сейчас все его помыслы. Почему-то он был твердо уверен, что это то самое…

Внезапно успокоившись (ведь дело-то сделано!), Гриша изо всех сил дунул в дыру, сметая известковую пыль. В темноте проступили очертания верхней части металлического цилиндра, похожего на пятикилограммовую банку, в каких иногда продают томатную пасту. Стена в этом месте была толстая, капитальная, и скрывала истинные размеры банки.

Скорчившись в неудобной позе, Гриша ухватился за банку (если это была банка) обеими руками и дернул ее на себя. Из глубины дыры послышался неясный шорох, к ладони что-то мягко прикоснулось, и в следующий миг ее обожгло страшной болью.

Гриша вскрикнул и выдернул руку. На левой ладони явственно обозначились следы острых зубов.

«Крыса!»— пронеслось в голове. Гриша быстро

наклонился и заглянул в дыру. И в самом деле, большая коричневая крыса сидела на банке и угрожающе скалила зубы. Усы ее противно топорщились в разные стороны. Рядом мелькнула тень еще одной, и массивная банка вздрогнула.

Гриша схватил топор и ткнул им в крысу. Тотчас послышался скрежет зубов о металл, и топор рванулo с такой силой, что Гриша его не удержал. Пришлось опять нагнуться за топором. И тут крыса кинулась Грише прямо в лицо. Защищаясь, он выставил вперед правую руку. Крыса вцепилась в ладонь, и Гриша заорал от ужаса и боли. Он резко махнул рукой, крыса сорвалась и шмякнулась о стену. Но зубы все же разорвали мякоть, и ладонь мгновенно окрасилась в алый цвет.

Пока Гриша управлялся с этой крысой, другая накинулась на него сзади. Это было уже слишком. Гриша вскочил и с ужасом увидел, что из дыры выпрыгивают и устремляются к нему десятки крыс, одна другой толще.

Вмиг улетучились все до единой мысли, в том числе и о банке с сокровищами. Не успел он сделать и шага к отступлению, как крысы дружно накинулись на него и с диким остервенением принялись кусать — за ботинки, за брюки, за ноги. Некоторые, самые шустрые, карабкались

выше…

В панике Гриша перевернул кухонный стол и, воя от страха, кинулся к туалету. Было так жутко, что боли он уже не чувствовал; крысами кишела вся квартира. Гриша видел их маленькие омерзительные глазки, пылавшие злобой. Он вбежал в туалет, захлопнул за собой дверь и с силой прижался к стене, раздавив спиной крысу, повисшую на нем сзади.

Теперь он был в безопасности. В туалет крысы проникнуть никак не могли. Гриша победно засопел и стал разглядывать свои трясущиеся руки, на которых не осталось живого места. Все тело болело от укусов и ушибов, одежда была в крови. Гриша смочил кровоточащие руки в туалетном бачке, но боль не ослабла.

И тут же он вспомнил о кладе. Вот черт!

Нужно немедленно прорваться к дыре и вытащить банку! Но как?..

Крысиный топот на кухне понемногу стих. Тут Гриша вспомнил, что на подоконнике лежит пара брезентовых рукавиц. Это, конечно, не преграда для крысиных зубов, но все же кое-что. Вдобавок в кармане оказался шпатель. Тоже какое-никакое оружие. Гриша сжал его и осторожно приоткрыл дверь.

Крыс в кухне и в самом деле не было. В три прыжка он пересек кухню и схватил рукавицы.

Из дыры опять выскочила крыса и кинулась на Гришу. Но он был наготове и шпателем размозжил ей голову. Затем нагнулся к дыре и увидел невероятную картину.

Банка, которая так хорошо была видна, теперь наполовину исчезла в провале и с каждой секундой, увлекаемая крысами, уходила все глубже. Не обращая внимания на укусы, он мертвой хваткой вцепился в металл.

В дыре зашумело, раздался душераздирающий писк, но Гриша изловчился и что есть силы дернул банку на себя. Одна рукавица с треском разорвалась, и ладонь снова пронзила дикая боль. Держась из последних сил, он наконец извлек банку на свет. Вслед за ней из дыры посыпались разъяренные крысы.

То, что началось дальше, было уже полнейшим кошмаром. Крысы с сумасшедшим остервенением кидались на Гришу. Казалось, чувство самосохранения совершенно покинуло их. Они сражались не на жизнь, а на смерть. От отчаяния в нем самом пробудилась звериная ярость, и он обрушил на мерзких тварей всю оставшуюся мощь своего израненного тела.

В туалет он вполз на четвереньках, толкая банку перед собой. Он сбился со счета, прикидывая, скольких крыс задушил и пришиб. Они были все на одну морду, и Грише чудилось, что каждая убитая зверюга бросается на него снова и снова.

Наконец дверь удалось захлопнуть. Труднее было разделаться с крысами, прорвавшимися в туалет вслед за ним. Превозмогая боль, он переловил гадких зверьков и одно за другим вышвырнул извивающиеся тела в маленькое окошко.

Немного передохнув и придя в себя, Гриша склонился над банкой и стал ее разглядывать.

Банка весила много, на удивление много. Казалось, она была так плотно набита, что содержимое при встряхивании не давало о себе знать ни единым звуком. Видно было, что это старая-престарая банка, каких давно не делают. Повертев ее, Гриша обнаружил выдавленную на крышке дату — «1917» — и рядом какие-то буквы, вроде бы инициалы. Теперь он уже не сомневался, что в банке, конечно, драгоценности — что еще стали бы так старательно прятать в те ненадежные времена?

Гриша попытался открыть ее, но крышка была то ли наглухо запаяна, то ли туго завинчена. Гриша и тряс банку, и бил ее об пол, и расшатывал

крышку, но тщетно.

Притомившись от возни с банкой, Гриша решил передохнуть и тут заметил, что на этот раз крысы вовсе не смирились с его бегством. Они продолжали упорно штурмовать дверь.

И тут Гриша понял: дело не столько в нем, сколько в этой самой банке! Крысам зачем-то позарез нужна была эта банка. Настолько позарез, что они решились открыто напасть на человека в его жилище.

От этой догадки Гришу прошиб холодный пот. Он снова взглянул на банку и увидел то, на что сначала не обратил внимания.

Весь металл — какой-то очень прочный и тяжелый сплав — был испещрен следами крысиных зубов. Похоже, что крысы в своем убежище трудились над этой банкой не один год.

Зачем крысам банка? Точнее: зачем им то, что у нее внутри?..

Дверь туалета уже трещала. Рано или поздно она рухнет. Скорее рано, чем поздно. Было слышно, как крысы отрывают от двери щепки. В образовавшиеся щели Гриша видел, что кухня кишмя кишит грязно-коричневыми, серыми и черными телами.

Что делать? Выход один — поскорее сматывать-

ся отсюда.

Но как? Через маленькое окошко под самым потолком? В него, если очень сильно постараться, можно протиснуться.

Дверь скрипела и ходила ходуном. Делать нечего, Гриша метнулся к окошку. Цепляясь за какие-то трубы, долез до него и выглянул наружу.

Нет. Воспользоваться этим путем мог только самоубийца. Далеко внизу светлели в темноте каменные плиты двора. Гриша заметил на них движущиеся пятна. Они направлялись к дому и исчезали в темных провалах подвальных окошек.

Гриша судорожно прижал банку. Откуда столько крыс? Казалось, шуршал и трещал весь дом — под ногами, над головой, со всех сторон…

Он еще крепче прижал банку и вдруг услышал пронзительный женский визг. Женщина кричала далеко, где-то в другом конце огромного дома. За ее криком последовал еще один, с противоположной стороны, потом еще и еще.

Один за другим на плитах двора стали зажигаться яркие прямоугольники — отражения от освещенных окон, захлопали двери, где-то со звоном вылетело разбитое окно. Гриша машинально подскочил к двери, не зная, что делать, — но тут

дверь с оглушительным треском развалилась, и под ноги ему хлынул поток знакомых отвратительных комочков.

Гриша вскочил на унитаз, но банки из рук не выпустил. В одно мгновение крысы заполнили помещение, а в дверь все продолжал вливаться неиссякаемый поток грызунов. Времени на раздумья не осталось ни секунды. Гриша швырнул банку в окно, а вслед за нею и сам выскользнул наружу, чуть не разбив голову об острый выступ водопроводной трубы, обдирая руки и чувствуя, как трещат ребра…

Операция, которой он так боялся, заняла всего несколько секунд. Глаз мгновенно перестал болеть, и Куркин вздохнул с облегчением. Как приятно, когда у тебя ничего не болит!

В довершение удачи он на редкость легко поймал полуночное такси и скоро был на месте. Щедро расплатившись с водителем, он захлопнул дверцу машины и вдруг увидел, что из двора с криками выбегают люди. Некоторые были полуодеты, на других и вовсе ничего не было. Куркин подумал о землетрясении.

Толпа испуганных людей запрудила уже всю

улицу. Из ворот с грохотом вырвалось густое облако пыли, и Куркин понял, что во дворе что-то рухнуло. Люди разбегались в разные стороны, и вдруг из-под облака, окутавшего почти всю улицу, словно пополз край какого-то темного ковра. Приглядевшись, он увидел, что это крысы. Они бросались на мечущихся в панике людей, кусая их за босые ноги. Раздались пронзительные вопли. Часть толпы устремилась туда, где стоял Куркин, и он, перепугавшись не на шутку, стремительно бросился наутек.

Из соседнего двора выскочил какой-то человек и, чуть не сбив его с ног, понесся прочь. В свете фонаря Куркин увидел, что голова бегущего окровавлена, одежда разорвана. К груди он крепко прижимал что-то небольшое, но тяжелое. Следом за ним, по пятам, словно стая гончих, неслась беспорядочная орава отвратительных крыс.

Это был Гриша.

— Гриша! — растерянно крикнул Куркин.

Гриша на бегу повернулся и заорал:

— За мной!!!

Увертываясь от крыс, норовящих вцепиться в ноги, Куркин побежал за Гришей.

Крысы поотстали. Гриша заметно прихрамывал, но не выпускал своей ноши из рук — какую-то

большую консервную банку. В банке — клад, решил Куркин.

Сзади раздалось урчание мотора. Это было все то же такси, на котором приехал Куркин. Гриша резко повернулся и крикнул:

— Останови его!

Но таксист остановился сам:

— Вам помочь, ребята?

Куркин хотел отказаться, но, поглядев на приближающихся крыс, передумал. Он впихнул Гришу на заднее сиденье, забрался туда сам и назвал первую пришедшую на ум улицу на другом конце города. Машина рванула с места, давя кинувшихся под колеса крыс, и через несколько секунд мчалась по освещенному шоссе.

Гриша бросил банку под ноги и, поминутно оглядываясь, шумно вздыхал и ощупывал себя дрожащими руками.

— Что случилось? — тихо спросил Куркин, нагибаясь к Грише.

— Тс-с!.. — Гриша поморщился и указал заплывшими глазами на спину таксиста.

Тут таксист подал голос.

— Там во дворе дом рухнул, — сообщил он как о чем-то вполне заурядном и в зеркальце глянул на Гришу.

— Почему? — рассеянно спросил Куркин.

— Говорят, в него крыс набилось под самую завязку, — многозначительно ответил таксист.

Наступило молчание, нарушаемое лишь гулом мотора. Таксист, не дождавшись ответа, продолжал:

— Что-то там случилось такое… Интересно бы узнать… Вы сами не оттуда?

Грише страшно не понравились эти слова. Он испугался, не догадался ли таксист, что в банке не томатная паста.

— Так, папаша… — с угрозой произнес он. — Мы тебя не трогаем, так вот и ты занимался бы своим делом!

Водитель замолчал. В ночном небе вызывающе висела половинка луны. В этот поздний час улицы выглядели как обычно. Светофоры мигали желтыми огнями на пустынных перекрестках, изредка проносились встречные машины. Но Куркин вдруг заметил, что поворот в нужную сторону они давно уже миновали.

— Куда мы едем? — подозрительно спросил он таксиста. — Ты координаты правильно понял?

Таксист молчал. Машина свернула в сторону, нырнула в темный переулок и резко, скрипя тормозами, остановилась.

Гриша схватил таксиста за плечо.

— В чем дело? — крикнул он, но водитель молча смахнул его руку и выскочил из машины.

— Выметайтесь! — тихо, но внятно сказал он, распахивая заднюю дверцу. — Живо!

Гриша оглянулся на Куркина, но в тот же миг железная рука вышвырнула его из машины. Он попытался отбиться, но резкий удар в ухо лишил его ориентации. В Следующий миг он лежал на куче строительного мусора у тротуара.

Куркин выскочил из машины с другой стороны и кинулся на таксиста, но его встретил тренированный кулак и высек из только что вылеченного глаза целый каскад искр. Второй удар свалил его с ног, и, пока Куркин барахтался на асфальте, пытаясь подняться, взревел мотор. Машина метнулась по переулку.

— Банка! — заорал опомнившийся Гриша. — Куркин, лови его!..

Куркин только смог повернуть голову вслед удаляющейся машине.

Резаный в последний раз стукнул молотком по зубилу. Тяжелая крышка отлетела в сторону.

Банка оказалась никакой не банкой, а метал-

лической болванкой с выточенным по центру узким каналом. Резаный запустил туда пальцы и извлек бумажный сверток.

— Что это? — удивился Хек.

В желтую хрупкую бумагу была завернута круглая, почти невесомая палочка.

Хек разочарованно пожал плечами.

— Что за хреновина? — сказал он, разглядывая находку. — Дырки какие-то! На фиг оно нужно?

— Мать ее!.. — выругался Резаный, швыряя непонятную штуку на стол.

Оба бандита были обескуражены. Черт бы побрал таксиста! Цеплялся за эту вонючую банку так, словно в ней было кило бриллиантов!

Хек еще раз пошарил в болванке и достал какие-то бумажки, туго свернутые в трубку. Пока он их разворачивал, Резаный снова схватил деревянную штуковину и принялся ее разглядывать.

В тот же момент из всех щелей и углов чердака на них глянули десятки бусинок-глаз. С каждой секундой их количество умножалось в геометрической прогрессии. Но Резаный, как, впрочем, и Хек, об этих наблюдателях и не подозревал. Он размышлял над тем, что дали они маху, прикончив этого таксиста за хилый четвертной, найденный в его бумажнике, да за кусок парши-

вой деревяшки с дырочками. Может быть, эта вещица и на самом деле стоит денег, но было бы гораздо лучше, если б в банке лежало золото или, на худой конец, хоть деньги…

— Ну? — раздраженно покосился он на Хека, который с любопытством разглядывал ветхие листы с неразборчивым рукописным текстом. — Что ты там вычитал?

— Бред какой-то… — хихикнул Хек. — На, погляди! Знаешь, что это? И как мы сразу не догадались!

«Руководство по примѣненію…»

Дальше прочесть Резаный не успел. Из-под стола вынырнула большая крыса и, высоко подпрыгнув, укусила его за руку, в которой он держал «Руководство». Резаный вскрикнул и разжал пальцы.

И тут же изо всех углов чердака и даже сверху, с потолка, раздался такой неистовый шорох и треск, словно собралась рушиться деревянная крыша. Весь чердак моментально заполнила масса поганых тварей. Крысы набросились на перепуганных грабителей и терзали их до тех пор, пока одна из них, ухватив злополучную деревяшку, не оказалась далеко за пределами квартала и не скрылась в недрах огромной свалки.

— У меня пока нет определенного мнения.

— И все же?

Полковник повернулся к майору и задумчиво сказал:

— На такие вопросы могут ответить только специалисты. Крысиные миграции, поведение их стай — это не по нашей части. Мне же пока хочется заглянуть в эту таинственную банку. Хотя не слишком верится, что дело тут только в ней. Иначе мистика какая-то…

В этот момент зазвонил телефон.

Полковник снял трубку и долго слушал. Майор увидел, как его начальник вдруг мертвенно побледнел.

— Что-то случилось? — спросил он, когда полковник наконец положил трубку.

— Случилось? — растерянно откликнулся тот и как-то странно поглядел на майора.

Наступило тягостное молчание.

— Докладывают, что по городу маршируют колонны крыс, — наконец очнулся полковник. — Как говорят, не вооружены, но очень опасны. Агрессивны. На набережных люди десятками прыгают от них в воду. Есть жертвы.

Майор вытаращил глаза. На шутку это мало походило.

Дверь распахнулась. В помещение вошел запыхавшийся рассыльный. Он протянул полковнику мятый листок, вырванный, судя по всему, из видавшей виды ученической тетрадки. Полковник быстро прочел, а затем протянул бумажку майору.

На листке крупными неровными буквами зеленым карандашом было написано следующее:

УЛьтиматУМ

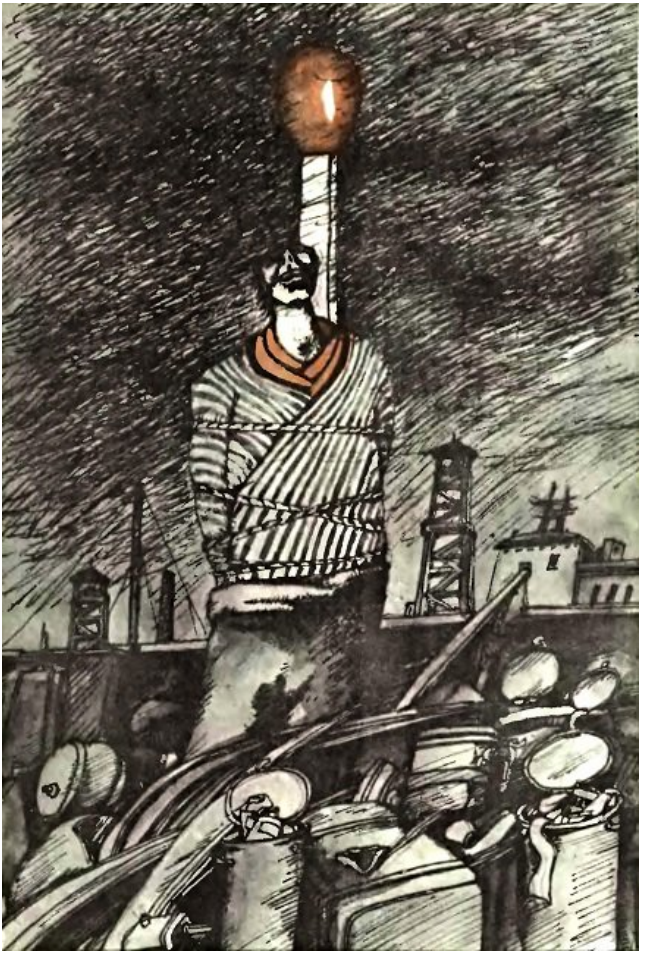
НИМЕДЛЕНО П Р ИКРАТИТЕ НАС УБИВАТЬ НИМЕДЛЕНО ВЫПУСТИТЕ ВСЕХ ЗАЛОЖНИКОВ ИЗ ВСЕХ КЛТОК ЗА КАЖДУЮ УНИЧТОЖЕНУЮ КРЫСУ Т И ПР Ь БУДИТЕ пла ТИТЬ ЖИЗНЬ Ю ДУДОЧКА КРЫСАЛОВА ИЗ ХАММЕЛЬНА НАКОНЕ Ц Т О В НАШИХ ЛАПАХ

Рисунок А. Астрина

№ 7

Павел Сенников

Гори, гори ясно…



7…

Ворочаясь, нашел
Бессонницы причину:
Пора вставать.

Отори Садакадзу очнулся в 7.46 и сразу сел, растирая лицо ладонями. Он ощутил боль и некоторое время напряженно рассматривал ранку под ногтем короткого пухлого пальца. Сознание медленно возвращалось к нему. Наконец он вспомнил, как вчера при подстригании ногтей его поранила нетерпеливая медсестра. Сейчас затянувшаяся было ранка раскрылась и из нее вытекла капля вялой крови. Отори сунул палец в рот и тут же вынул. Он вспомнил еще одну вещь, приключившуюся вчера.

Отори отломал кусочек кроватной пружины и выпрямил его пальцами. Получилась вполне упругая проволочка, которой он вычистил ногти, тогда еще не остриженные. Затем ковырял ею в различных щелях и наконец уселся на пол выковыривать мусор, забившийся под плинтуса. Отори начал работу от двери и, двигаясь последовательно, намеревался дверью и закончить.

Когда же он добрался до угла, проволочка выгребла тонкий короткий предмет желтого цвета с таким традиционным коричневым утолщением на одном конце, что Отори мгновенно опознал в предмете спичку. Обычную пластиковую спичку — страшнейшую ныне вещь. Вздрогнув, он сразу спрятал ее в кулак, и никто из больных ничего не заметил. Для вида он было продолжил работу, но разволновался и, не в силах усидеть, поднялся с пола и пошел в уборную. Выждав, пока не остался в одиночестве, он вынул палочку и подробно осмотрел ее.

Это была самая настоящая спичка! Отори даже застонал от страха и восторга. Она была целехонька, и Отори знал, что может зажечь ее обо что угодно — пол, стену, даже зубы. Но Отори не стал делать этого, хотя руки нестерпимо чесались сделать Огонь. Отори снова спрятал находку и спокойной походкой отправился обедать, благо подошло время. И никому-никому ничего не сказал. А остаток дня провел как в полусне — столь сильным было впечатление от происшедшего.

6…

Где Питерава?
Туман все поглотил. Лишь
Воспоминанья…

Отори быстро оглянулся — не наблюдает ли кто за ним, и судорожно ощупал нагрудный карман. Удостоверившись, что спичка на месте и не плод фантазий его больной психики, он подошел к окну.

Ближние дома за станцией были хорошо видны, но дальше все тонуло в голубом тумане, и транспаранты тоже тонули в нем. О солнце в небе можно было только догадываться.

На воле время утреннего подъема — в семь, часом раньше, чем в больнице, и по улицам торопливо шли на станцию граждане. Они несли с собою ведра, лопаты и пухлые сумки. Полдня они будут трудиться на своих предприятиях и в офисах, а полдня копать ямы под саженцы и бегать взад-вперед с ведрами.

Дурацкая затея. Просто психоз повальный.

Неслышно прошла Магнитка. С пуском городской атомной они стали ходить не дважды в день, а каждые полчаса. Конечно, особой необходимости в этом не было. Отори усматривал здесь пропагандистский жест городских властей. Дескать, не все еще так плохо. Смешно подумать.

Автоматически включилось радио. Бодрый голос где-то произнес: «Восемь часов», — и всепроникающие волны разнесли эти слова по миллионам приемников. Больные, привыкшие вставать по радио, потянулись к выходу. Отори тоже пошел умываться.

За завтраком, когда он без воодушевления жевал безвкусную синтетическую пищу, его хлопнули по плечу. Зная, кто это, он напрягся, но не обернулся. Только торопливо проглотил кусок.

— Приятного аппетита, Отори, — гадким голосом произнес Марио, его вечный недруг и гонитель, небрежно садясь на шаткий столик. — Что-то ты неприветлив сегодня, — он участливо потрепал Отори по щеке. — Как мой компот поживает? Я вижу, ты уже отхлебнул малость.

— Ну, отхлебнул, — Отори сжал ложку, — это же мой компот!

— Ой ли? — поразился Марио. — Я-то думал, ты

мне подарил его. Ну, друг, даешь!

Отори бессильно наблюдал, как Марио эффектно, двумя пальцами взял стакан и, смакуя, выпил содержимое. Протест, как всегда, проснулся, лишь когда Марио поставил стакан прямо ему в тарелку.

— Марио, — дрожа от страха и отчаяния, выдавил Отори, — ты же знаешь, что убиваешь меня. Ты разрушаешь мой организм, лишая его компота. Я и так уже еле ноги передвигаю. Человек не может жить на одной синтетике! — Одноразовая ложка хрустнула в его руке.

— Ну, зато это дает тебе некоторые преимущества. Например, сегодня я не буду бить тебя.

— А ты и не должен бить меня! Я свободный человек!

— Вот сейчас получишь по голове — и вся свобода, понял?

Отори зарыдал, душимый слезами и бессилием.

На процедурах медсестра Соня, молодая, упругая, некрасивая, внимательно глядя в его заплаканные глаза, спросила, что с ним случилось.

— Ничего, — побледнел Отори.

— Может, тебя кто обидел? — не унималась Соня.

— Нет, — отрезал Отори, бледнея еще больше. О жалобе не могло быть и речи. Однажды он пожаловался, и с тех пор Марио пьет его компот.

— Просто я вспомнил дом.

И тут он действительно вспомнил дом.

— Он у меня большой, светлый. Но это было давно.

— Он был сгораемый? — поинтересовалась Соня.

— Да. В восьмисотом квартале.

— А-а. Теперь там свалка.

— Свалка? — дрогнул голос Отори.

— Ну, ты же знаешь, каким пожароопасным был этот квартал. Его, кстати, не сносили — лишь обнесли стеной и устроили свалку. Пять лет назад. Куча уже изрядная — под двадцать ростов высотой. А чтоб ее не разносил ветер, опрыскивают клейстером. Что с тобой? Эй, Отори, все нормально?

— Порядок.

Он равнодушно отвернулся. Не хватало еще, чтобы ему вкололи какой-нибудь успокаивающей гадости, после которой неделю ходишь заторможенным. Он стянул с головы диагноэтку, бодро встал и как бы обронил:

— Туда ему и дорога. Квартал-то был никудыш-

ный. Хорошо еще, не сгорел.

— Это было бы ужасно, — со вздохом согласилась Соня.

5…

Увы, холодны
Отсыревшие стены.
Пойду-ка я вон!

Ближе к вечеру туман сгустился. Из голубого он стал серым и каким-то грязноватым. Отори, сидя у окна, наблюдал, как расходились по домам горожане. Они несли лопаты и аккуратно чистили их у порогов своих жилищ. Картина эта повторялась изо дня в день и давно приобрела значение ритуала. Но и тут Отори ставил под сомнение их упорство — они бахвалятся, понимал он, они пытаются подавить страх в себе и в других, публично демонстрируя доказательства своей работы. Смешно, смешно…

И Отори пошел в уборную — в который раз

полюбоваться на спичку.

А та была прелестна. Ее основная часть естественно и нежно переходила в головку, коричневую, круглую, миниатюрную, напоминающую древнюю бомбу, которую Отори видел в музее. Блестящий ранее пластик с годами несколько потускнел, но — в самый раз, и это тоже говорило в ее пользу, прибавляя зрелости. Чувствовалось — да, этой спичкой можно сделать Огонь!

А за спички, даже похуже, раздают такие сроки! — трепетала душа Отори.

Плечо сжала знакомая и ненавистная рука и длинный нос этого ублюдка Марио втянулся из-за плеча в поле зрения.

— Что ты от меня прячешь, дохляк?

Отори сжал спичку в кулаке, ощутив вдруг, какая она огромная и тяжелая и как тяжело беречь это сокровище, магнетически вызывающее чужое внимание. От Марио не ускользнула волна решимости, огрубившая лицо Отори, но он как с цепи сорвался и, выкручивая кисть Отори, стал разжимать ему пальцы. Отори слабо сопротивлялся, по-детски ожидая чуда, которое спасет его. Но:

— Да это же…

Неожиданно для самого себя Отори локтем

ударил обидчика в горло — неловко, скованной и напряженной рукой, но удар оказался достаточно сильным. Что-то хрустнуло; булькая, Марио повалился набок, и кровь оросила сверкающий кафель. Но спичка уже перекочевала на свое привычное место.

Вот и все, — отрешенно подумал Отори, без ненависти глядя на распростертое у его ног тело. — Теперь — дубинка, надзорная палата, сульфазол, аминазин. Я завидую Марио.

Но, думая так, он знал, что ничего этого не будет, потому что уже не чувствовал себя прежним робким Отори. И он пошел в ординаторскую. Придав себе взволнованный вид, открыл дверь и выпалил:

— Марио повесился!

— Где? — вскричала Соня, бросаясь навстречу.

— В уборной! Быстрее!

И едва Соня оказалась в коридоре, за ее спиной проскользнул в ординаторскую и затворил дверь.

Шесть секунд, — назначил он.

Противогаз висел в шкафу. Натягивая его, он рванулся к окну. Не раздумывая, прыгнул с третьего этажа на чахлые свежепосаженные кустики и на лету удачно сгруппировался. Задыхаясь от

недостатка кислорода, за 30 секунд добежал до станции. Магнитка из центра пришла вовремя. Возможно, меня будут ждать на вокзале в Т., — думал он, — но я сойду на следующей станции.

На нем был халат с вышитым на плече названием больницы, и он явственно ощущал пристальное внимание попутчиков, глазевших на него из-за противогазных стекол.

А чего, собственно, я боюсь? — прикинул Отори. — Ну что мне будет за Марио? Я же псих. Меня даже судить не будут. Я неприкосновенный и почти неприкасаемый. Но — спичка! В ней могучая, неукротимая сила — Огонь — и даже в незажженном состоянии она жжет меня и ведет, — куда? — а я не в силах воспротивиться ей. Она создана для одной-единственной цели и когда-нибудь заставит меня — или того, кому случится обладать ею, — сделать Огонь. Это судьба. Будь что будет.

Выйдя из вагона, он осмотрелся. Место как будто знакомое. Когда было Солнце, они с ребятами ездили сюда купаться, и речка была недалеко — в пяти минутах ходьбы.

Непривычный к бедному воздуху открытых пространств, он шагал медленно и осторожно. Смеркалось, и туман стал совершенно непрони-

цаем. Но и в тумане от реки веяло прохладой; он достиг берега. Затем шел прочь от города, пока хватало сил, и, срезав путь, оказался близ поселка, расположенного на параллельной магнитодорожной ветке.

До утра оставалось часа четыре, торопиться было некуда, и Отори прикорнул под мостом. Вода текла едва ли не под ним, но пить ее было опасно. Ворочаясь, он незаметно для самого себя заснул.

Разбудил его толчок воздушной волны от Магнитки, вспоровшей сырую тишину. Воздух по-утреннему пояснел, и обходными путями Отори подкрался к ближнему дому. Выждав, пока его обитатели отправятся кто на работу, кто в школу, он легко проник внутрь, потому что все-таки это была провинция, глушь, и дома не запирали замками, а по старинке закладывали в паз двери клинышек. Плотно поел, разогрев в термовке что-то из банки без этикетки, и даже сполоснул лицо и руки остатками воды в баке. Он знал, что следующая подача воды будет в 12.00, но, хотя желание помыться в настоящей ванне было нестерпимым, он решил не рисковать. К тому же Отори просто не мог дать себе столько времени, памятуя, что поиски его идут полным ходом.

Неумолчно болтавшее радио наполняло слух

своей обычной ежедневной дребеденью; Отори слушал его вполуха, не отвлекаясь от дела. Еще вполне приличный костюм, найденный в шкафу, мешком повис на нем. Халат полетел в мусорный ящик. Бутылка воды, резиновые перчатки на случай дождя, кухонный нож нашлись в доме, но вся обувь оказалась не по размеру. Денег, конечно, не было.

Все хорошо — успокоил он себя. Спичка-то была с ним. Уходя, он не забыл закрыть воздуховоды.

4...

Нет, не для ходьбы
Проложили дороги —
Для поворотов!

Загребая ногами пыль, Отори поднялся на шоссе Север-Юг. Здесь чувствовалась жизнь — лошади в нелепых противогазах тянули немногочисленные экипажи с дремлющими пассажирами, иногда проезжали рейсовые автобусы,

реже — электромобили, недоступные простому люду. Шоссе увлекло его прочь от города. В сумерках, обессиленный, он оказался у развилки, от которой шла давно не чищенная дорога; а куда ее проложили, было неясно, потому что от дорожного щита, давно съеденного дождями, остались лишь бетонные столбики. Обнаружив в грязи свежие следы электромобильных шин, он пошел по ним, и они привели его в заброшенный поселок.

Кто же живет в такой глухомани? — недоумевал Отори, шагая по отпечаткам шин. Он брел, пригнувшись почти к самой земле, — боялся потерять дорогу. И, внезапно услышав неясный звук, резко поднял голову. В окнах дома, который возвышался в нескольких шагах от него, горел свет. Это было так неожиданно, что Отори надолго застыл.

Подумав, он решил обойти вокруг дома и вышел к крыльцу, перед которым стояли два электромобиля.

Вечеринка? Здесь? Или… притон?

Поднялся по каменным ступеням и осторожно толкнул дверь. Удивительно, но она оказалась незапертой. Он неуверенно сделал шаг в темноту шлюза, и тут же что-то твердое уперлось в его

спину.

— Руки вверх!

Как в кино, — меланхолически подумал он, поднимая руки.

3...

Так проиграться!
Видно, выпала нынче
Черная карта.

Зажегся свет. Сильная рука толкнула Отори в глубь шлюза. Щелкнул замок запираемой двери. Включилась система вентиляции.

— Открой дверь и входи!

Отори послушно повиновался и оказался в просторном помещении со столом посередине. На столе стояло металлическое сооружение кубической формы, а также еда и напитки. Около десятка человек сидело за столом и в креслах у стен. Кто-то играл на рояле.

Лица присутствующих обратились к вошед-

шим, и Отори оробел. Человек, приведший его, сорвал с него маску.

Ближе всех сидел худой благообразный старик в кимоно, и, нутром признав в нем руководителя, Отори впился глазами в его лицо. Стояла гробовая тишина. Никто даже не шевельнулся. Присутствующие разглядывали гостя, словно он начудил, и Отори совсем разволновался и едва не потерял голову. Должно быть, его лицо приобрело — или имело — очень тупое и смешное выражение, потому что внезапный взрыв смеха потряс воздух. Они смеялись, как смеются редко, да так долго! Отори даже взмок и нервно закричал:

— Да что же это, Господи?!

Отдышавшись и вытерев слезу, старик спросил:

— Кто ты?

— Мое имя Отори Садакадзу, — чуть помешкав, ответил Отори.

— И что же ты здесь вынюхивал?

— Поверьте, я попал сюда совершенно случайно…

— Случайно в эти места не заходят, — отрезал тот.

На дальнем конце стола встал молодой человек в очках; в руке его была газета. Подойдя к старику,

он положил ее перед ним.

— Сенсэй, обратите внимание, пожалуйста.

Старик мельком пробежал заметку, а затем начал читать ее вслух — то ли для своих, то ли для Отори:

— «Вечером 12 апреля из психлечебницы «Мерси» сбежал пациент Отори Садакадзу. Приметы…» Ага, фото помещено… далее… «Просьба видевшим его сообщить по номеру…», а вот тут совсем интересно…

Отори напрягся.

— «Разыскиваемый подозревается в убийстве». Ну, что скажешь, Отори? Небось, хлопнул дружка по палате, а? Странно, что тебя еще не взяли — невменяемость на твоем лице не скрыть никаким противогазом… она так и прет из тебя!

Отори подавленно разглядывал грязь на тапках.

— Нескромный вопрос, Отори — зачем ты сбежал?

— Я хотел сделать Огонь, — слукавил Отори и с удивлением почувствовал, что сказанное не ложь. Он понял это с последним, магическим словом.

— Ну да? — поразился сенсэй. — И как же ты думал его произвести?

Как же, скажи тебе, — усмехнулся про себя Отори, а вслух произнес:

— Не знаю. Как все. Вот вы — вы как его делаете?

Он прикусил язык, но сенсэй не удивился и не рассердился.

— Смотри сюда, — он поднял со стола какой-то предмет. — Это трут. А это огниво. При ударе железа о кремень возникает искра, которой достаточно, чтобы сухой трут затлел. Затем его раздувают и получают огонь.

Он сказал «огонь» так буднично и просто, что у Отори закружилась голова от зависти. Надо же. Наверно, у сенсэя каждый день есть Огонь!

— Конечно, мы могли бы сделать и спички, и зажигалки, но первый способ более привлекателен. Может, ты и не знаешь, но именно так делали огонь наши предки, и кстати, тогда не нужно было таиться от полиции и доносчиков.

— Я знаю, — Отори сглотнул слюну.

— Мне кажется, нам нечего бояться тебя. Ты такой же гонимый, как и мы. Садись, поешь и поговорим.

Отори сел.

— Выпей-ка!

Жидкости в стакане было на два пальца, но, вы-

пив, Отори едва не умер. Словно бомба рванула в его голове, и он мгновенно захмелел. В руку ему вложили ложку, и он жадно набросился на еду, уже не чувствуя в ней нефтяной маслянистости, а лимонад показался ему нектаром.

— Это была водка? — крикнул он сквозь шум в голове.

— Самогон. Счастье, что его можно гнать даже из синтетики. Как, недурно?

— Знатно. — Отори почувствовал необходимость говорить. — А вы огнепоклонники?

— Вроде. — И старик быстро перехватил инициативу в разговоре: — А зачем ты хотел сделать огонь?

— Я хочу спалить этот мир. Ну его к свиньям! Развести такой пожар, чтобы он съел остатки кислорода, а в его дыму задохнулось все то, что еще смеет жить!

Сильно, — похвалил он себя.

— Мы тоже придерживаемся таких взглядов. Да, это не жизнь, сынок. Теперь я вижу, что не ошибся в тебе. Смотри!

Он резко встал и открыл дверцу в металлическом ящике. Внутри его бушевало Пламя!

Отори был сражен. Что-то неведомое метнулось по жилам, а каждая клеточка его тела взвыла от

восторга.

— Огонь дает человеку силу, сынок. Гонения на него напрасны. Свет и огонь почти равноценны для человека, и люди тоскуют по огню. Иногда мы устраиваем пожары, и тысячи людей сбегаются смотреть на огонь!

Перед слушателем вновь поставили стакан, и он быстро выпил.

— Зачем обманываться? Слишком уж далеко зашла беда. Пытаются лечить болезнь, не понимая, что это — агония. Теперь мы ждем следующего пика, после которого арифметическая прогрессия процесса перерастет в геометрическую. А для этого, возможно, достаточно будет одного-единственного действия… Так соломинка ломает спину верблюда, — сенсэй внезапно замолк.

— Ты хочешь быть с нами? — спросил он немного погодя, вцепившись худыми пальцами в плечо Отори. — Ты понимаешь, в чем избавление от мук?

— Да. Я готов! — он попытался подняться.

— Погоди, сынок! Где ты хочешь устроить пожар?

— В Питераве. На свалке. Восьмисотый квартал, — немедленно доложил Отори непослушным языком. Он чувствовал необходимвсть говорить

односложно.

— Прекрасное место! — всплеснул руками старик. — Очень много горючего материала, целая гора! Но знаешь ли ты, что свалка охраняется?

Перед Отори в мгновение ока расстелили карту.

— Свалка обнесена стеной в два роста. Вот здесь караульная вышка, на ней часовой. Здесь и здесь — полицейские посты, — указывал морщинистый палец. — Как же ты проникнешь?

— Вот отсюда, — ткнул Отори.

— Прекрасно. Но не успеет огонь разгореться, как его заметят с вышки!

— Ну… отвлечь часового.

— Правильно. Мои люди отвлекут часового.

— Убьют? — осторожно спросил Отори.

— Ну что ты?! Конечно, нет. Убить человека страшно. Ты ведь убил случайно?

Отори виновато опустил голову, понимая, какое он ничтожество.

— Э, забудь. Банально, но ему сейчас лучше, чем нам. Так вот, один из нас служит в полиции, ты, конечно, понимаешь, что наши люди — повсюду. Он наденет форму, взберется на вышку и свяжет часового. Вот и все. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — Отори поднялся.

— Вот молодец! — обрадовался сенсэй и похлопал его по спине. Остальные тоже обступили его, улыбаясь, и что-то говорили. Вновь поднесли самогон.

— Только запали побыстрее и сразу назад. Понял? — наставительно повторял старик.

— Обязательно, сенсэй!

— Машина будет ждать тебя.

Расплывающееся лицо сенсэя подмигнуло и кивнуло ему.

2...

Ночь на дворе. Тишь.
Кажется, нет ничего
Ее тише.

Через четыре часа электромобиль остановился за квартал до цели. Один из сопровождающих — полицейский с коротким арбалетом скрылся во мгле. Минут через десять он вернулся, и тогда попутчики разбудили Отори.

— Приступаем. Пока ты спал, мы связали часового. Дело только за тобой. Смотри не засни по дороге.

— Сделаю в лучшем виде, — заверил Отори.

— Держи огниво, а трут тебе не понадобится. В этом бачке горючее вещество бензосин. Выплесни его и быстро высеки искру. Затем быстро возвращайся назад. На всякий случай держи арбалет. Повесь его на спину, чтоб не мешал. Ну, шевелись!

Полицейский взял раздвижную лестницу и проводил его до свалки. Под самой вышкой Отори перелез через стену и спрыгнул вниз. В белесой мгле было трудно ориентироваться, но он храбро пошел вперед, поминутно спотыкаясь и падая. Беспорядочно наваленные ящики, балки, кипы бумаги и тряпья, а также арбалет за спиной и бачок в руках затрудняли продвижение.

Он наткнулся на какой-то дом и, пытаясь обойти его, заплутал меж завалов и немного испугался, потому что не представлял себе, как далеко он зашел в глубь квартала и как выберется отсюда.

Все. Хватит.

Но если куча, которую он подожжет, окажется небольшой, что скажет сенсэй?

Помедлив, Отори решил продолжить путь и, по-

плутав еще немного, обнаружил, что слой мусора увеличивается. Он полез, увязая по колено, выше. Вдруг мусор осыпался, и Отори на спине съехал на что-то, пусто загремевшее под его телом.

Черепица, — определил он на ощупь. — Стало быть я добрался до крыши. Он пошел дальше, пока новый завал не преградил дорогу. Отори быстро облил бензином широкую полосу мусора. Но с огнивом ничего не получилось. Искры высекались какие-то неживые, затем он чуть не разбил палец, выронил огниво и не нашел, сколько ни шарил.

И тут его озарило: он совсем забыл о спичке! Торопливо достав ее из кармана, зажал неловкими пальцами и осторожно провел по штанине.

Ничего. Провел чуть смелее. Наконец резко чиркнул. Получился Огонь.

1…

Придя, первым делом
Так натопил, что вышел
Дышать за порог.

Любуясь им, Отори задержал спичку в пальцах, и она их неожиданно обожгла. Вскрикнув, он взмахнул рукой, и спичка, очертив красную дугу, исчезла в тумане.

Но не погасла. Изготовленная из легковоспламеняющегося материала, она могла гореть даже на сильном ветру. Отори отбросил ее на мокрую от бензосина доску, бензосин занялся, и огоньки бодро побежали в разные стороны. Затем пламя радостно загудело, как живое, и бросилось пожирать все подряд.

Самого пламени с того места, где стоял Отори, видно не было — лишь светящаяся муть, становившаяся все ярче, как бывает, если в тумане движется электромобиль со включенной фарой, с той лишь разницей, что свечение было не белым, а как бы подкрашенным кровью.

Тут Отори охватил приступ неудержимого страха, и, повернувшись, он побежал очертя голову. Падая с крыши, едва не разбил стекла противогаза, а губы разбил точно и язык прикусил. Арбалет на слишком длинном ремне колотил по копчику, причиняя нестерпимую боль. Он сорвал его, но не бросил, а так и бежал, держа перед собой на вытянутых руках, чтоб не врезаться лбом в ка-

кое-нибудь препятствие. Вот так он и налетел на стену, а что это стена свалки, понял сразу, хоть и абсолютно ничего не было видно. Выругавшись, он наугад бросился вдоль стены.

Определенно, его вело чутье. Почти сразу Отори наткнулся на вышку и полез вверх по гладким балкам. Не теряя времени на поиски лестницы, спрыгнул и на негнущихся ногах побежал дальше, гулко шлепая по влажному асфальту. Он испугался этих звуков и пошел тише, стараясь ступать мягче. И тут услышал другие, чужие шаги и пугливо взвел арбалет. Чужак, должно быть, расслышал щелчок каретки, и из мглы донесся его ватный из-за тумана и противогаза голос.

— Отори! Отори!

— Да! — обрадовался Отори. — Сюда, я здесь!

Он даже зачем-то помахал рукой во тьму.

Человек подошел к нему вплотную. Это был его напарник — тот, полицейский.

— Ну, как работка?! — гордо сказал Отори, глядя на едва пробивавшийся сюда свет зарева.

Где-то там мой дом, — мелькнула мысль, но он не сосредоточился на ней.

— Порядок, — по-доброму ответил напарник. Затем в его руке что-то ярко сверкнуло раз, другой, а в груди Отори, отзываясь на эти вспышки,

хрустнуло, и он рухнул лицом вниз, обливаясь кровью.

Человек в полицейской форме для страховки выстрелил ему в голову, затем вынул свисток с грушей и долго нажимал на нее, вызывая полицию.

Пока этот чертов мир будет лететь в тартарары, он еще успеет продвинуться по службе.

0…

Все, как вчера, лишь солнце позже встало.
А может, вовремя.
Иль вовсе не вставало.

№ 8

Илья Хоменко

Планета пребывания

— Пишите вы неплохо. Хотел бы сразу вам об этом сказать, прежде чем мы углубимся в более подробный разбор вашей рукописи. Где же она? На столе нет, во втором ящике нет, я же помню — клал сюда, плотная такая бумага… ага. Так вот, пишете вы уверенно и грамотно. Написанное

вами читается без усилия. Для начинающего писателя это уже очень много. Так что — к тому, как написано ваше произведение, у меня претензий нет. И все же — удачным этот ваш прозаический опыт я бы не назвал. И вот почему. Вы же фантастику пишете. Фан-тас-ти-ку! От слова «фантазия». Фантастика — это прежде всего поиск оригинальной идеи, нового сюжетного хода. А когда фантазия не в состоянии подсказать таковой, то начинающий автор берет иногда донельзя заезженный по нашим земным дорогам сюжет, переносит его в космос, пытается подновить фантастическим антуражем. Такая попытка обречена на неуспех, понимаете? Никакая изысканность слога ее не спасет, как не спасла вашу, — литературный консультант взглянул на титульный лист рукописи, — вашу «Планету пребывания».

Молодой человек, сидевший на краешке стула напротив литературного консультанта, открыл было рот, чтобы объяснить — какой, но литконсультант не дал ему говорить.

— Герой ваш — космический странник. Летит сквозь галактики. Долго летит. Целых двадцать страниц. Двадцать страниц описаний чужих миров. Прекрасных, поэтических страниц. Пишете

так, будто вы там были. Нет, это даже любопытно — не опуститься до «пыльных тропинок далеких планет», придумать свою Вселенную, свои звезды, свою космическую тишину. Но какую сюжетную нагрузку несет это фантастическое бытописательство? Никакой. Куда летит ваш герой? Зачем? Что он ищет?

— А может, он и сам этого не знает. — Молодой человек не вложил в свою реплику ни капли иронии.

— Так мотивируйте это! Напишите так, чтобы читатель не только почувствовал чье-то космическое одиночество, а чтобы посочувствовал вашему герою. И если уж взялись описывать необычайное, то попытайтесь показать не только внешность, которой, как я понял, в нашем земном смысле у придуманного вами странника нет, но и его характер, его неземной образ мышления, неземную логику, исходя из которой и можно объяснить его поведение… На двадцать первой странице ваш герой делает остановку на Земле. Этот космический странник — сгусток энергии? Нечто бесформенное, как туча дыма?

— Да, что-то вроде этого. — Молодой Чёловек понял уже главное: печатать его не будут. Но продолжал внимательно слушать.

— Так зачем же вы втискиваете в него психологию обыкновенного двуногого и двурукого обывателя? Он же начинает мыслить, чувствовать, передвигаться по нашей и, следовательно, совершенно чужой ему планете, будто ваш сосед по лестничной площадке. Нет, я понимаю, что показать наш мир глазами пришельца, не будучи при этом пришельцем, никому не под силу. Но зачем же так примитивно? Наше воображение ограниченно, изобразить нечто абсолютно чуждое человеческой природе ни одному человеку еще не удалось, но вы ведь и не попытались даже. Упростили своего странника до привычной литературной схемы. Это могло бы быть оправдано каким-то особым авторским замыслом, сатирическим, скажем. Но ведь нет никакого особенного замысла! Взял ваш пришелец и ассимилировался под земной шаблон. Далее следует любовная история, описанная вами столь сочными красками. Ну стоило ли вашему страннику забираться в такие дали, чтобы стать участником пошловатой мелодрамы, каких и без него — миллионы? Банально… Курить будете? Нет? Прилетел, влюбился, и все. Теперь вашему гостю нужно улетать. Куда и зачем? Женили бы его на этой девице, раз она ему так нравится. Не обижайтесь. И не

расстраивайтесь. Да, вас постигла неудача. Но ваше литературное будущее вовсе не безнадежно. Ищите оригинальные идеи.

Литконсультант встал. Встал и посетитель. Пожав протянутую ему руку, молодой человек придвинул к себе свою рукопись. При этом последние страницы ее сцепились со скрепкой, соединявшей листы другой рукописи, лежавшей на столе. Помогая автору отделить свое творение от чужого, литконсультант случайно выхватил взглядом обрывок фразы из сцены прощания звездного странника с пленившей его девушкой. «Мерцающей радугой аромат ее волос вошел в него навсегда». И, отталкивая взглядом сладко лгущие строчки на странной, плотной в крапинку бумаге, прошелся он насчет аромата волос со всем прочим, сказав, что так не бывает.

А через час молодой человек уже удалялся от пригородной станции железной дороги в глубь осеннего леса. Пахло прелыми листьями. Что-то очень хорошее в его жизни необратимо становилось прошлым. Время торопило. Он побежал. Заходящее солнце запрыгало в кронах деревьев. Поблизости не было ни души. Молодой человек почувствовал это и начал изменяться. Сначала потеряли форму руки, превратились в какие-то

странные отростки и всосались внутрь расплывающегося туловища. Затем исчезла, слившись с телом, одежда. Молодого человека не стало. Какое-то время он переливался по земле огромной каплей, не оставляющей следа, потом поплыл в воздухе тонким прозрачным шлейфом, словно сотканным из цветочной пыльцы, разбился о высокое дерево и впитался в землю у самых его корней. И дерево тоже начало изменяться, отбрасывая ненужный камуфляж листьев, сглаживая морщины коры, пряча куда-то внутрь тяжелые ветви. Огромная и гладкая, будто из полированного металла, сигара совершенно беззвучно оторвалась от земли и почти мгновенно исчезла в безоблачном сумеречном небе. Место, которое она покинула, тут же заросло желтеющей осенней травой. Исчезли опавшие листья, завалившие было образовавшуюся в лесу маленькую поляну.

Рукопись, брошенная в лесу молодым человеком, тоже начала растворяться в воздухе. Сперва растаяла бумага. — Несколько секунд еще можно было различить слабо сияющие голубоватым светом буквы, сплетенные в слова. «Будьте счастливы, покидая дорогой вам край, — ведь вы уносите его в себе навсегда. Будьте счастливы,

покидая любимых, — пока жива их память, вы останетесь с ними. Не бойтесь уходить…» А потом исчезли и они.

№ 9

Сергей Федин

Рулетка Господа Бога

Дан Сильгер никогда не пытался переплыть Ниагарский водопад в наглухо заклепанной бочке, ни разу не решался пройти по натянутому между двумя небоскребами канату и уж тем более никогда не пробовал вложить одну-единственную пулю в барабан нагана, чтобы, наудачу

спустив курок, испытать свои шансы у ее величества Смерти. И все же он был Игрок. Просто он любил играть по-крупному и в гораздо более изощренные игры.

Поэтому никто из немногочисленных друзей Сильгера, приглашенных им на день рождения, особенно не удивился, обнаружив дверь в его холостяцкую каморку запертой, а на двери — намалеванную алой краской размашистую надпись: «Я поставил на карту Бога. И сегодня один из нас будет мертв. Простите за сорванную вечеринку. Сильгер». Потоптавшись немного у входа и перебросившись несколькими остротами в адрес хозяина, гости разочарованно разошлись.

А в это же самое время за тысячи миль отсюда Дан Сильгер, изнемогая от жажды и усталости, падая и спотыкаясь, брел по раскаленной как енистой пустыне, проклиная тот день и час, когда он задумал это мероприятие. Он понял всю бессмысленность своей авантюры еще два дня назад, когда кончились продукты и вода и когда он впервые увидел мираж. Тогда еще были шансы вернуться, а теперь их нет. Оставалось идти вперед, повинуясь судьбе да подбрасывая время от времени злополучную монетку.

Ах, да, монетка! В знойном мареве Сильгеру

привиделся тот роковой день, почти две недели назад, когда ему впервые пришла в голову безумная идея?

Все случайности от Бога, если он есть, рассуждал тогда Сильгер, а потому не использовать ли мне каждое «да» и «нет» подброшенной вверх монетки для диалога с ним? И он тут же извлек из кармана монетку и задал первый вопрос: «Хочет ли Бог, или как он там называется, встречи со мной?». После чего определил единственное от него зависящее, — что «орел» будет означать «нет», — и подбросил монетку. Несколько раз перевернувшись в воздухе, она упала на пол. «Решка!» — воскликнул Сильгер, и сердце его учащенно забилось. «Значит, да!» Остальное — вопрос техники. Надо выяснить лишь время и место, то есть где и когда. И если в указанное время и на указанном месте встреча не состоится, значит, никакого Бога нет. Тут ему вспомнился дребезжащий голос старого профессора, читавшего когда-то лекции в их захолустном городке: «Теория вероятностей, господа, начиналась, как вы уже знаете, с наблюдений за игрой в рулетку и другими азартными играми. У нее было несколько отцов, и один из них, бесподобный Блез Паскаль, был, наверное, первым, кто начал

применять эту увлекательную науку не только в игорном зале. Он замахнулся — ни мало ни много — на одну из самых захватывающих проблем, когда-либо волновавших человечество. Это проблема существования Бога. Рассматривая возможное бытие Бога всего лишь как ставку в игре, Паскаль, оценивая шансы игрока, простого смертного, пытался доказать — или оправдать, если угодно, — веру в Бесконечное…»

Вот именно, подумал Сильгер, Паскаль с помощью рулетки или жребия пытался теоретически доказать тезис о существовании Бога, я же с помощью того же самого экспериментально его опровергну. Ну, ладно, ближе к делу. Сначала узнаем время. Через пару бросков монеты Сильгер уже знал, что встреча будет в этом году. Так, точнее. В первое полугодие или нет? Ага, решка. Значит, в первое. Еще точнее… Через пять минут Сильгер знал точную дату: 29 февраля. Это число обрадовало его. Именно 29 февраля у него день рождения. Хороший знак, подумал тогда Сильгер и стал лихорадочно подбрасывать монету дальше. Теперь место. Западное полушарие? Орел. Значит, восточное. И так далее. Скоро Сильгер знал и место, крохотный палестинский городок. Дальше надо было идти пешком…

Остались два последних вопроса. Первый: «Что будет ставкой с моей стороны?». В памяти всплыло библейское «Жизнь за жизнь».

Так жизнь? Монета ответила «да». «Ясно, — пробормотал Сильгер. — Ну что ж, у меня серьезный противник, и наши ставки равны. А теперь второй и последний вопрос: «За сколько дней выходить? Ведь до 29-го февраля осталось так мало». Выпало: за тринадцать, то есть сегодня, 16 февраля.

Через час Сильгер был уже в аэропорту. А теперь он здесь. И нещадно палит солнце, и в голове стучит молот, а перед глазами скалятся какие-то мутные хари…

Сильгер очнулся от неприятного карканья, раздавшегося совсем рядом. С трудом разлепив глаза, он увидел в нескольких дюймах от своего лица старого нахохлившегося ворона. Откуда здесь взялся ворон? — подумал Сильгер и пересохшими губами выдавил: «Кыш, чертова птица!». Ворон, казалось, был недоволен пробуждением человека. Тяжело подпрыгнув, он взмахнул крыльями и отлетел далеко в сторону. Проводив его взглядом, Сильгер увидел небольшую скалу, не замеченную им ранее. Напрягая зрение, он разглядел у самого ее основания черное отверстие. Вот оно! — сразу

блеснула мысль. Откуда-то взялись силы, чтобы подняться и доползти до скалы.

Отверстие оказалось лазом, уходящим далеко вперед. Оттуда тянуло могильным холодом, странным в таком зное, но сейчас он только освежил Сильгера и придал ему новых сил. «Наконец-то, боженька, наконец-то», — в лихорадочном возбуждении твердил он, протискиваясь в зловеще зиявшую дыру. Он даже не стал подбрасывать монетку: все было и так ясно — он у цели.

Забравшись внутрь, Сильгер чиркнул спичкой и огляделся. Он оказался в очень тесном пологом туннеле, обшитом правильными пятиугольными плитами, которые были испещрены полустертыми непонятными знаками. Отовсюду свешивалась бахрома скользкой паутины, под ногами шуршали еле видимые мерзкие твари. Людей здесь не было, наверное, тысячи лет. Однако надо было идти дальше — его уже бил озноб от сырости и нетерпения.

Через несколько шагов в кромешной темноте — спички надо было экономить — он сильно ударился головой обо что-то твердое. Когда боль утихла, Сильгер пошарил вверху руками. Голова упиралась в свод. Пришлось идти согнувшись,

а потом опуститься на четвереньки. Высота туннеля уже не превышала метра. Прошло еще полчаса. Руки Сильгера были изодраны в кровь об острые края выступавших камней, он уже полз, сжатый почти до предела неотвратимо надвигающимся сводом. И когда рука уперлась во что-то твердое впереди, силы оставили его и он уронил голову прямо в рой копошащйхся перед его носом насекомых. В тот же миг тоннель сзади него обрушился. И тут Сильгеру впервые стало страшно. Судя по всему, он был наглухо замурован в каменном гробу. Дрожащей рукой Сильгер потянулся в карман за спичками. Пальцы наткнулись на холодный кружок металла. Проклятая монета! Отброшенная в сторону, она жалобно звякнула в темноте. Наконец — неожиданно ярко — вспыхнул крохотный огонек спички, осветив покрытый вязью каменный пятиугольник, наполовину отломившийся от свода и загородивший проход. Еще не все потеряно! Напрягая последние силы, Сильгер смог приподнять свисающую плиту и протиснуться под ее острыми краями. Путь вперед был свободен, и Сильгер, извиваясь и корчась от боли, пополз дальше. Время застыло для него, и потому он даже не понял, когда именно лаз внезапно расширился и в воздухе запахло

чем-то неприятно знакомым. С каждым метром запах становился все сильнее. Его осенило: сера! И в тот же миг впереди вспыхнуло пламя…

Прямо перед Сильгером, в самом центре небольшого овального зала, восседал на колченогом стуле старик. Вид его был ужасен: полусгнившие лохмотья, бельмо на глазу, выпирающие клыки и тяжелый золотой перстень на единственном пальце левой руки.

— Добро пожаловать, Сильгер, — проскрипел старик. — Я был уверен, что ты будешь точен.

— Кто вы? — выдавил Сильгер, каменея от страшных предчувствий.

— Да ты, наверное, и сам уже догадался. Я — изнанка Господа Бога, его Alter Ego, его тень, его прах, его отражение, самый большой его грех! Я тот, кто играл с тобой в орлянку, а у меня, как известно, нельзя выиграть…

— Ты передергивал, мерзкий плут! — задыхаясь, закричал Сильгер. — У меня был точный расчет! Я играл с Богом!

— Да, да, ты все правильно рассчитал, мой несчастный друг. Кроме одного. — Он мерзко захихикал, разбрызгивая желтую слюну. — Ты выбрал не ту сторону монеты.

— Не может быть! — закричал в ужасе Силь-

гер.

— Может, мой дорогой, может. Если бы «орел» у тебя означал «да», ты попал бы куда хотел.

И тут же опять вспыхнуло пламя, пещеру заволокло зеленым дымом, что-то скользкое и гадкое обвило ноги Сильгера, чьи-то мохнатые лапы подхватили его и потащили куда-то вниз, туда, откуда все слышнее доносились крики, стоны и проклятия…

А вы не хотите сыграть в рулетку с Господом Богом?

Иван Филимонов

То и будет

Что было то и будет…

Екклесиаст

Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною…

Апокалипсис

Апокриф

В тот день мертвые восстали из праха и праведники могли надеяться на вечное блаженство.

Творец создал всех и потому ответ хотел держать перед всеми.

И Он сказал:

«О чада мои! Живущие и жившие, в силе и истлевшие. Человеки!

Я лицезрею вас всех, от самого первого до тех, чья жизнь лишь зародилась и спрятана от взоров непосвященных. И если кто из вас видит частицу меня — всего меня окинуть взглядом невозможно, — кто видит ее, содрогнитесь, но не цепенейте. Содрогнитесь и внимайте. Ибо это последний мой приход к вам.

О, вас не зря пугали Страшным судом те, кто хоть краем уха слышал отзвуки моего гласа. Но ни один из земных толкователей так и не смог поведать истину об этом часе.

Я собрал вас, чтобы покаяться и сказать свое последнее Слово. Слушайте и внимайте. Это будет Страшный суд. Потому что это суд над самим собой. И потому над всеми.

Слушайте и ужасайтесь!

Я — величайший грешник во всей Вселенной.

Я отец зла в мире. Я своею волею создал его источник. Ибо ангелы — мое творение. И падший ангел — один из них.

Я принес человечеству столько бед и причинил столько страданий, сколько не смогли и не смогут все злодеи прошлого, настоящего и грядущего.

Все самые тяжкие грехи первым совершил я. А вы — лишь нерадивые мои ученики, дети мои.

Сколько грехов на мне! Как безмерно глубока вина моя! За что преклоняетесь предо мною?

Ведь я жесток. Я выгнал из сада вечного блаженства своих разумных созданий, голых и неумелых, лишь за то, что они хотели ЗНАТЬ. Я лишил их своей заботы лишь за то, что сделал их разумными. Ибо не лань вкусила плод с древа познания и не птица. Но человек.

Я причастен к первому убийству человека.

Я был двуличен и нечестен, когда пугал муками ада непокорных гордецов и прельщал райскими кущами верных рабов. Я поступал как обычный деспот, действуя кнутом и пряником, кому что больше подходит.

Я грешен перед вами в том, что создал вас такими несовершенными и обрек тем самым на мучения и страдания. Я не уберег вас ни от ударов стихии, ни от болезней. Я дал вам жизнь, но не дал

бессмертия. Я подверг вас мучительному страху ожидания смерти. Я был бессилен что-либо изменить в мире, но утешал себя собственной сказкой о вашем грехопадении и вечной греховности. И в утешении этом мне помогали рабы мои. Пусть останется на их совести все, что обо мне говорили и от имени моего делали они. Ведь многие из них хотели добра. Они не ведали, что творили.

О имя моё! Ты алое от крови агнцев и человеков. И сына единственного моего.

Много породил я зла. Оно плодилось, росло и ширилось.

Однажды я попытался начать все заново. И — о чудовище! — я уничтожил всех страшной смертью. Всех, кроме одной семьи. Кто совершал за всю историю мира столь изуверское преступление? Никто.

И все же мне ничего не удалось. Вы остались сами собою. Вы неисправимы. И все мои замыслы исправить вас наталкивались на непреодолимые препятствия. Вы были все, как первые люди. Вы были всегда, как я. Великие грешники.

И великие творцы.

Вы были мне неподвластны с самого сотворения. Вы начали жить своей собственной жизнью. И возжаждали сравняться со мной в могуществе.

Я всеми силами противился этому и каждый раз вставал на вашем пути. Так было, когда вы принялись строить великую башню. Я испугался, смешал языки ваши и породил рознь и непонимание. А чтобы прикрыть свой страх — один из худших грехов, — я лицемерно поведал своим мудрым послушным рабам о человеческой гордыне.

Но постепенно я стал задумываться: прав ли я? И червь сомнения проникал в меня глубже и глубже и разрушал меня.

Впервые я почувствовал неловкость, когда вещал одному из вас о заповедях для детей человеческих. Теперь я понимаю: это был стыд грешника, еще не потерявшего совести. Но тогда я был уверен в своем величии, в том, что могу повелевать и управлять миром.

О мнимое могущество! Сколько страданий оно принесло невинным! Я не всемогущ — как мне казалось. Я окончательно запутался, я устал. Я не могу уследить за всем, что делается, за всеми, кто живет, кто просит меня и молит о помощи. Я бессилен. Творения рук моих не слушаются отца своего. Мир вырос из пеленок, стал совсем взрослым. Вы выросли, дети мои. И я рад этому. Я вас всех люблю, хоть есть среди вас и злодеи,

и предатели, и изверги, хотя все вы грешники. Я люблю вас всех, ибо самый великий в мире грешник — это я. А вы — лишь слабое мое подобие. Я отражаюсь в вас, в каждом по крохотной частичке. И невозможно вам представить, кто я, и осознать глубину моего падения.

Я говорю это вам, потому что это так и есть. Но я говорю это вам и потому, что хочу объявить вам о своем ПОСЛЕДНЕМ ГРЕХЕ.

Я, так незаслуженно любимый вами, хочу нанести вам последний удар. Я знаю, этот грех будет чудовищней из всех ранее творимых. Я хочу уйти от вас навсегда и оставить вас одних. Последнее, что я отнимаю у вас, — веру в МЕНЯ. Вы остаетесь одни. И каждый из вас — друг для друга. Это единственное мое оправдание. Я надеюсь, вы поймете меня и не осудите.

Мои грехи неизмеримы.

Простите Владыку и Творца мира своего…»

Жестокосердный, Он оставлял им только одну веру — веру в себя и себе подобных. Он не думал о слабых. Он не думал о несчастных. Может быть, Он хотел, чтобы все стали сильными, прекрасными и счастливыми? Но возможно ли такое?

Это был час, когда безбожники застыли в ужасе, а грешники молили не покидать их.

Но Творец был непреклонен. И последние слова Свои Он обратил к единственному Сыну Своему:

— Пойдем со Мною, Сын Мой.

Но сын человеческий ответил Ему:

— Отец! Я не могу оставить их. Я остаюсь с ними…

Люди видели все и слышали. Они скорбели и многие плакали. Они чувствовали, как трудно Ему, грешному их Создателю. Как тяжело. И они простили Его, и Он ушел.

Где Он теперь?

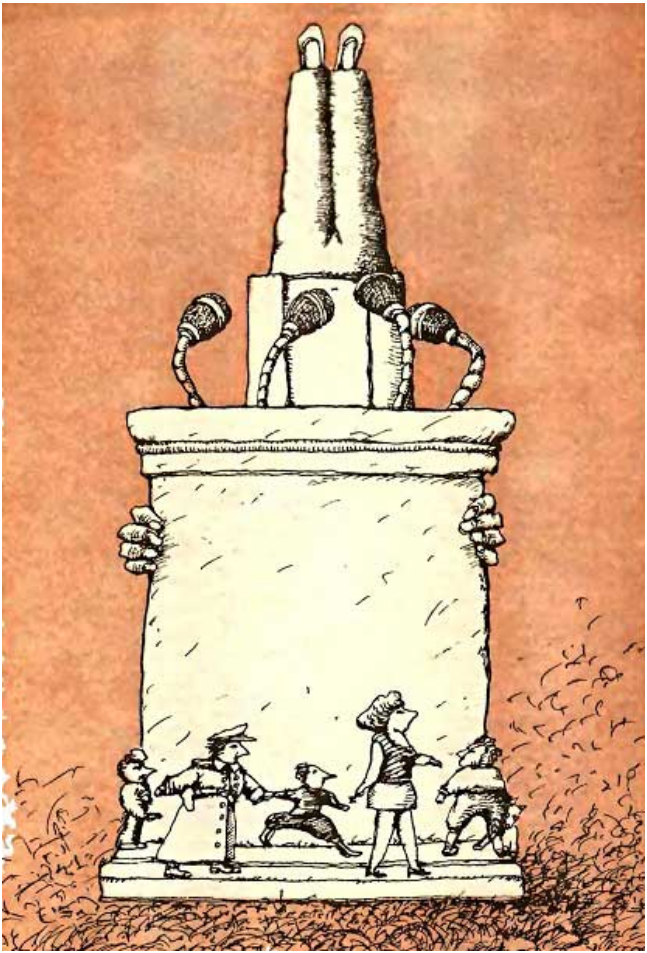
Какие творит миры?

Какие грехи совершает?..

№ 10

Павел Кузьменко

Хромая судьба человека



Был Витя Цубербиллер…

И сразу сознаюсь, что все друзья, знакомые, литературные консультанты, да и чуть ли не сам Витя Цубербиллер уговаривали меня начать в традиционной форме русского сказочного вступления, а именно «жил-был». Но я решительно возражаю, срывая все и всяческие покровы: разве это жизнь?! Поэтому «был Витя». Впрочем, не исключено, что он и есть, и пребудет во веки веков, аминь.

Здесь можно было бы и закончить, но непознанный, лучше даже неопознанный литературный объект Витя Цубербиллер властно требует — опознавай! Хотя Сиддхартха Гаутама, прозванный Будда, знаток химии и жизни, учит: никто не в силах познать законы проистечения атомов одной души в другую.

Витя Цубербиллер был обыкновенным мальчиком из хорошей семьи единой в необыкновенной стране, которую не понять и не измерить, а потом исчез. Но исчез не так, как вы сами привыкли исчезать, а самым изящным способом, который я сейчас, вот только что, ей-Богу, придумал.

До того несчастного дня отличник Витя, стремясь быть достойным гражданином своей нищей социалистической родины был обязан: учиться,

жить, работать, готовить себя, знать и уважать, быть верным, старательно, творчески, последовательно, активно, добросовестно, но главного-то, главного не делал — не ждал крутых ударов судьбы, как не ждала их и его родина.

Итак, 27 апреля, в среду, в 11 часов 28 минут (проходи скорее мгновение — ты ужасно, чтоб духу твоего здесь не было!), Витя Цубербиллер, вопреки всем вышеперечисленным правилам, не узнал, как осуществляется передача возбуждения от одной нервной клетки к другой (да и не пытался узнать вовсе, что греха таить, вот вам и отличник). А строгая учительница биологии Вероника Дударовна возьми да и спроси его: «Как осуществляется..?» Ну, Витя замялся, потерялся, как вошь на Пляс де ля Конкорд, прямо не знал, куда себя деть, — и вдруг видит: стоит перед ним он сам, Витя Цубербиллер, мнется, жмется, сразу видно — урок не выучил, и поэтому он сам себе сейчас двоечку-то и влепит с полной педагогической оправданностью.

А где же Вероника Дударовна? — возник вопрос. И вдруг Витя понимает с испугом, недоумением и еще с каким-то, забыл придумать с каким, чувством, что он теперь сам весь и есть Вероника Дударовна, — вот такой женщина с высшим об-

разованием, пластмассовыми клипсами в ушах, в бежевом платье, и левая грудь, о Боже, чешется.

А почему? Ну это можно и догадаться — до того очевидна причина. Б нашей стране никто не знает, в чем смысл жизни и как построить коммунизм из подручных средств, но, благодаря всеобщему среднему образованию, у нас любой двоечник скажет, как осуществляется передача нервного импульса от нейрона к нейрону. Ионы натрия туда, ионы калия оттуда. Туда плюс, сюда минус.

Ну ладно. Как только Витя почувствовал себя Вероникой, тут бы ему и грохнуться в обморок, но пришла мысль, что фамилия Цубербиллер напоминает, что надо сегодня же позвонить старику Миллеру (кто он такой?), чтобы тот записал его, Витину дочку Машеньку на прием к диатезному профессору Званскому, и, кстати, не забыть бы после школы поискать в пустых галантереях что-нибудь мужу (его, Витиному мужу) на день рождения. Вот о чем приходится думать пятнадцатилетнему школьнику во время урока. Но быстро овладев собой, Витя Дударовна вздохнул и двойку бывшему самому себе не поставила, а отпустила с миром обездушенное тело, чтобы оно тихо растворилось в воздухе за углом. И весь день

отвечал на вопросы коллег-учителей впопад, учил оболтусов по программе, только в конце чуть не перепутала женский туалет с мужским.

Ну и приходит учительница со всем своим высшим образованием и в странном раздвоении личности домой. Дела там всякие начались — еду готовить, бельишко простирнуть, туда-сюда, на балкон вышла его повесить и оттуда как плюнет на дальность. «Никогда со мной такого не бывало», — подумала она, и тут в квартиру заходит совершенно незнакомый человек и так запросто раздевается, влезает в тапочки и бежит к Вите целоваться.

— Что вам угодно? — только и успело выдохнуть двоедушное создание. А законному мужу Александру Македоновичу было угодно по причине температуры воздуха выше нуля. И только он дотронулся, как — раз! Только он полюбопытствовал рукой, как видит, что законная жена отстраняется от него, от Вити Цубербиллера, который одолеваем каким-то смутным желанием и сам не понимает каким… А она ему в ответ:

— Ты знаешь Саш, со мной сегодня произошло нечто странное.

— Простите меня, пожалуйста, Вероника Дударовна. У нас на заводе неприятности — импульсы

не передаются, аванс кончился…

— Ах ты шалун.

Когда она отвернулась к плите, Александр Македонович решил не упускать момент, написал на бумажке «Дуроника Варваровна» и осторожно прицепил ее учительнице на спину — вот смехуто будет, все ребята…

О, сколько печали в амбивалентном соединении калия и натрия в наши дни! Как вы верно догадались, Саша был калийотрицательным мужчиной, которые в этой стране встречаются еще реже, чем натрийположительные. А ты, бессмертная амбивалентная кочевая душа, по мнению буддистов, есть величайшее несчастье для Божьих тварей, уже по моему мнению.

А еще много лет тому назад, в Золотой век, добрые боги вселялись в умного слона по кличке Ганеша и учили разных брахманов, маурьев и просто цыган — мол, не скачите шибко за благами земными, ибо воздаяние не в ваших руках. А наш век сумасшедшего ритма? И оглянуться не успеешь, как ты в чьих-то руках.

А видный представитель школы бесконтактного общения Егидес учит — ближний твой все ближе и ближе, и прежде чем дать человеку в глаз, поставь себя на его место. Поставишь — сам

и получишь.

Но какой прозорливый Егидес! Ибо не успел ясноликий повелитель неба, сходя в пучину вод, окрасить ближайшие вершины в царственный пурпур, как Александр Македонович решил покататься с пацанами на крыше лифтной кабины в соседнем доме, но жене, естественно, сказал, что у них предвыборное собрание.

Мужик выскочил на улицу, и тут кривая рука судьбы залезла ему в карман, вытащила двушку и нашептала телефончик: «777-77-77, Анечка».

— Какая такая Анечка?

— Будто не знаешь!

— Ну давай, как всегда, — ответила Анечка.

«А как?» — Витя Македонович судорожно копался в обеих половинках своей души, но на цветы и шампанское хватило.

Никто не может отвертеться от объективных законов судьбы, — даже если все делать вопреки им, — учит нас история СССР.

Анечка, как оказалось, бывшего Витю Цубербиллера знала, понимала, любила, ценила и приветствовала самым сердечным образом. А мужа своего и сожителя и водителя такси Микулу Селяниновича — только в зависимости от показаний счетчика.

И только, значит, Анечка с двудушным Сашей расположилась со всем возможным в этой стране и в это время удобством, как (суровая десница судьбы) в квартиру влетел врасплох Микула Селянинович (понятное дело, редких химических и душевных свойств человек) разменять тысячерублевую бумажку, а тут такое…

— Как! Что! Ах…

— Извините меня, пожалуйста, Микула Селянино…

Но в это ужасное мгновение вознес извозчик молодой суровую десницу судьбы, и — раз! И вознес суровую десницу судьбы и как даст, аж десницу Витя Цубербиллер отбил. И подумал пятнадцатилетний школьник — ну и здоровый же я стал совершенно ни за что.

После чего гневно погасил восторженный взгляд своей жены и сожительницы, гневно и не совсем честно разменял тысячерублевую бумажку, гневно вышел, хлопнув дверью, и вызвал лифт. А в лифте, давясь от смеха, нацарапал на стенке ключом от зажигания: «Аня + Саша — трам-пам-пам».

В машине с зажженными фарами его поджидали три чеченских миллионера и, чтобы убить время, играли в гусарскую рулетку на деньги.

В волнении Витя даже забыл, как водить машину, и, дергая, не вписываясь в повороты, поехал по неизвестному маршруту, превышая скорость и всячески нарушая, просто вызывающе, так что даже Казбек Эльбрусович, чемпион чечни по гусарской рулетке, не боявшийся ничего на свете, сказал: «Шайтан!». Но, правда, с точки зрения теории эффектного вытеснения негативного эффекта Витю, совершенно ни за что обретшего рога, можно было понять — всем, кроме старшины ГАИ Степана Михалковича, точно Сцилла и Харибда судьбы стоявшего у Микулы Селянинович на пути.

Полосатый, как пограничный столб, жезл остановил «Волгу», как некогда Днепрогэс остановил Днепр. «Вззз», — сказали тормоза. В сумбуре, смятении чеченские миллионеры, отстреливаясь, отступили, неся потери. Витя остался один на один с судьбой, но, странным образом, не смутился, свято веря, что этот ненормальный день не кончится никогда. И действительно, только Степан Михалкович покрутил ладонью у виска в знак табельного приветствия, как — раз! Только он, значит, твердо приставил десницу судьбы к виску, как видит — сидит, дрожит и готов поделиться всем на свете Микула Селянинович.

Но Витя Михалкович, будучи строг, подобрал с дороги случайный гвоздик и, не поддаваясь увещеваниям, проковырял все таксистовы талоны и права 18 раз.

Так и нам все права прокололи, а право на труд вознаградили проколотыми талонами. И никто этого не понимал, кроме академика Сахарова, а Вите вообще было не до того, потому что показалось, что эта форма ему к лицу. Он совсем воодушевился и, имея нерастраченный за годы примерного поведения хулиганский потенциал, принялся свистеть во все стороны, тормозить и штрафовать без разбора, чем и создал аварийную ситуацию на дороге.

Что началось! Машины гудят, выхлопные газы отравляют окружающую среду, где во мраке молнии блистают и беспрерывно шофера ругаются, монтировками махают, торгуют бензином налево, составляют письмо депутату Крайко, собаки лают, лают, лают. И вот одна из них долаялась, даже охрипла. «Чего, — думает Жучка Барбосовна, — лаю? Пойду укушу Степана Михалковича за ляжку». А он стоит, двоедушный, командует, и вдруг раз!

— Ай, сука!

«На себя посмотри, козел», — с обидой подумал

Витя Цубербиллер и, ловко отпрыгнув, увернулся от удара и побежал, помахивая хвостом. А во рту противный привкус старшинского сукна.

Ну и ничего себе, ну и дела! Где твои законы, просветленный Будда, и почему они не действуют в нашем каталитическом процессе, именуемом жизнь? Почему, за что урожденный Витя Цубербиллер помнил все свои перерождения, хотя и вспоминать-то было особенно нечего, — не успел он почувствовать все прелести женского существования, как тут же сам себе изменил, да и не успев толком того свершить, дал сам себе в рожу, после чего, подвергнув себя штрафу, тут же самоукусился за ляжку. И все помнит! Не постясь, не молясь, не созерцая своего пупка, даже понятия не имея из-за всех своих экзерцисов по школьной программе, кто такой Будда просветленный, но весело помахивая хвостом, не будучи, собственно, сукиным сыном. А все от нашей непросвещенности, нашей неосветленности. Темнота, увы, впереди и сзади. И страшно Жучке Барбосовне и тоскливо, и мрак собачий опускается с равнодушных небес и загоняет душу собачью в глушь, в щель, полную запахов и вражды. О, жуть и скорбные песнопения: у-у-у…

И ко всем нам это относится. И упасть бы, нако-

нец, в раскаянии и опустошенности, и стукнуться лбом в священный барабан, и возопить на всех языках: «Ом мани падме хум!». В конце-то концов? Но не было у Вити в данном случае ни рук для должной позиции, ни барабана, ни подходящего лба, а только зубы, хвост и шерсть дыбом.

А едва в пришоссейной грязи, хляби и мрази забрезжил ерофеевский рассвет, чувство голода, стыда и невыученных уроков разбудило Витю. Он поднял клыкастую голову, огляделся, принюхался и сразу догадался (ну почему, он в собачьей шкуре-то был от силы пять часов?), что настал последний час последних времен. Тоскливый вой окружающей среды возвестил, что явился псиный дьявол — Сухмантий Одихмантьевич, человек без роду, племени, фамилии, совести — ловец собак в шкуре дикого ризеншнауцера на татуированных плечах.

Вся природа заметалась в ужасе, но Сухмантьевы слуги умело расставляли препоны. Жучка почувствовала занесенную над своей шкиркой десницу, и — раз! (Вы, конечно, догадались.) И Сухмантий Одихмантьевич почувствовал, что, обретя рукою очередную бурую сучку, обрел вместе с тем впервые в жизни и сучкину фамилию — Цубербиллер, о чем с полным идиотизма выра-

жением лица известил весь белый свет.

Крепко сжимая в шуйцах и десницах барахтующуюся добычу, к Вите тяжелой кирзовой походкой стали приближаться слуги. Сухмантий подумал, что даже в школьном туалете он не слышал столько матерных слов. Но потом напрягся и вспомнил, что слышал еще больше в тюрьме. Слуги, побросав добычу в казематы и трюмы автомобиля, встали в суровый круг у левой подножки, ибо настал час пить водку. Сухмантий Цубербиллер внутренне задрожал — как это пить водку из стакана? Но слуги сказали на матерном языке:

— Значит… вот… дела…

А Витины уста отверзлись и произнесли:

— Поскольку… то есть… однако…

Выпил — и понравилось. Э-эх, а еще отличником был. Пили они, пили и теряли образ и подобие Того, чтобы дальше работать за эквивалент стоимости, придуманный врагом Того. И все бы ничего, но не прошло и двух стаканов, как один из слуг вынул из кармана сложенный вчетверо листок и с почетом подал его Сухмантию.

— Читай, — и ткнул перстом судьбы, — в контору пришло.

Несмотря на все свои промелькнувшие низ-

шие, высшие и среднемилицейские образования, Сухмантий с трудом разобрал, что это ему повестка в суд по обвинению его в отлове и разодрании на шапки партии специальных собак-кладоискателей, купленных в США за 100 тыс. долларов для поиска библиотеки Ивана Грозного, Ленина и Салтыкова-Щедрина и доставленных в «Шереметьево-2» специальным рейсом в специальном контейнере.

— Вот оно, — понурил буйну голову Сухмантий Одихмантьевич.

— Вот оно! — воспрял духом Витя Цубербиллер, которому не сиделось в одном с ним теле.

— Попался! — воскликнула карма в форме меня, ибо я придумал дальше.

А дальше только явился пред грозные очи отважный зверолов, только неумолимый судия Минос Радаманфович трижды стукнул посохом об пол, так что даже забил нерукотворный источник и секретарша суда поджала ножки, чтобы не промочить, как Витя, естественно, уличил во всех проделках негодяя Сухмантия Одихмантьевича.

— Горе тебе, несчастный! Не окропят слезы дождя сей усохшей виноградник, не украсится звездами тьма ночная и т. д.

Суд удалился на совещание, а подсудимый в

учреждение.

Совещание было по вопросу осмысления принятого накануне Закона об уголовной ответственности за централизованное материально-техническое снабжение в условиях плановорыночной экономики. И только все это стало укладываться в судейские головы, только Витя, поражаясь и огорчаясь своему грузному пятидесятидевятилетнему телу, хватаясь за грудь, живот и спину, полез по стремянке за справкой в Соборное уложение Алексея Михайловича, как телефон сказал «дзинь».

— Минос Радаманфович?

— На страже!

— Это Верховный Судия Эак Зевесович. Срочно прибыть и доложить об осмыслении вышеуказанного закона с учетом условия расширения пределов Министерства необходимой обороны и Комитета государственной невменяемости.

— Слава Будде, повелителю калия и натрия! — радостно запричитал Минос Радаманфович. — Никакого осмысления и толкования, — зашептал безответственный судья на ухо шоферу. — Харе Кришна! Харе Рама! — закричал судья в окно черной «Волги» на всю ивановскую. И был неправ.

Вот Восток. Вот вся эта цивилизация и филосо-

фия, уходящая через пупок в необыкновенные глубины и перевоплощающаяся в необыкновенные чудеса и возможности, не сулящие ничего хорошего, а не врешь ли ты? А поможешь ли ты освободить от тотальной лжи голову неизвестного перевоплощенца Вити Цубербиллера, непосредственно проистекающего из моей головы? Если весь мир вокруг — ложь лукавого, поставившего продажное Божье творение на службу своим темным целям, если все это — ложь и только ты сам и жизнь твоя и гибель — правда, а тут оказывается, что и это обман, мимолетная игра случая, — то Боже, Боже, Боже, куда мы попали? Скажите, как выбраться отсюда? Извините, мы — пришедшие, мы — пришельцы. Как выйти?!

У Эака Зевесовича, вобравшего в себя блуждающего Витю Цубербиллера, была тьма власти и обе руки — правые. Он подумал — что бы ему такое совершить, чтобы пела душа и сердцу тревожно в груди? И он позвонил министру среднешкольного образования и сказал:

— С сегодняшнего дня калий и натрий вычеркиваются из таблицы Менделеева!

И потом позвонил министру конфетной торговли вразнос и навынос и сказал:

— С сегодняшнего дня детям до 18 лет жвачка раздается повсюду бесплатно!

И потом позвонил учительнице Веронике Дударовне и сказал:

— Бе-бе-бе-бе-бе-бе!

Но тут с радостным воем и уважительным трепетом вбежали сотни секретарш, референтов и помощников, перескакивая через тело поверженного Миноса Радаманфовича и вешаясь на шею Эака Зевесовича. Он из последних сил отмахивался обеими десницами. Махнет налево — улочка, махнет направо — переулочек.

— Эак Зевесович, да вас же выбрали народным депутатом от Общественной организации неподкупных!..

И Эак Зевесович из уважения ко всему сущему поцеловал прах у собственных ног.

И я думаю — что же не прах еще и не тлен в окружающем времени, непрерывно проистекающем в шестимерное пространство? Отчизна моя, тризна наша, не тлен ли ты еще окончательный? И родина, изнасилованная-переизнасилованная, встает, отряхивается, отряхивается… Интересно, что там под отряхом? О Русь, жена моя, нам совершенно неясен твой дальнейший путь. Ясно только, что с болью. И вся ты, в общем неясная.

И будешь еще неяснее, когда блуждающая, мечущаяся душа Вити Цубербиллера вознесется на самый верх.

И настал третий день. Витя поднял голову Эака Зевесовича, оглядел мир квартиры дальнозоркими глазами, ну, там, увидел гадов подземных, ангелов горних, споткнулся о столик с завтраком, предусмотрительно пододвинутый секретаршами и референтами под самый нос, опрокинул, да так, не жрамши, и поехал в Кремлевскую цитадель.

«Блям-блям-блям» — зазвонил дарвалдаевский колокольчик и заседание началось. Председатель сказал:

— В связи с тем, что в стране революционная перестройка, надо все менять. И начать с самого основного, главного процедурного вопроса на все времена. Как нам и прочим жителям страны обращаться друг к другу? Председательский комитет в целях борьбы со СПИДом предлагает вместо бесполого «товарищи» ввести «товарищ» и «товарка». Какие будут иные прения?

На трибуну вышел Эак Зевесович, и Витя из мозжечка скомандовал ему решительно сложить обе десницы на груди.

— Какие могут быть прения? Строим мы или

не строим правовое государство, где все будет по закону? А что сказано в Основном законе? «Граждане». И да будет обращение законным — «гражданин» и «гражданка», в крайнем случае — «подсудимые»…

Но тут подле оказался аграрий Иван Самосадович. Метнул взор в глаз Верховного судии и, сам того не желая, высосал всего Витю Цубербиллера без остатка.

— «Граждане» и «гражданки» — суть жители града, а жителей сел, кормильцев, опять забыли? Да будет коренное, от земли — «земляк» и «землячка». На том прении стояла и стоять будет Русская земля!

И опять не смог выселиться с трибуны малообразованный, плохо воспитанный, консенсусонеспособный Витя Цубербиллер…

Чингиз Ханович от имени народов: «Человек» и «человечина».

Валентина Терешковна от имени женщин: «Мужчина» и «женщина».

Борис Можаевич от имени мужиков: «Мужик» и «баба»…

И прели так до бесконечности, а страна рушилась, и кровь лилась. И горе множилось. И звезды падали. И многие познания умножали скорбь.

Наконец вышел на люди громила и убийца Влоб Позубамович, депутат от темного элемента и улыбнулся скабрезно, и вякнул:

— Предлагаю: «сволочь» и «сука».

И часть Влоба, бывшая Витей, все-таки покраснела. И как трахнет кулаком по трибуне, и как — раз! Деревянная, крепкая, добротная, гербоносная трибуна по имени Витя Цубербиллер как трахнет в ответ доской по кулаку Влоба Позубамовича, так что тот даже рукой затряс и потерял мандат депутатской неприкосновенности. Так-то вот.

И застыл, и насупился, и одеревенел.

И покатилась жизнь по стране сама собой. Торговали, учились, молились, совершали подлости и благородства и сходили в могилу, получая воздаяния от Будды, который и думать не думал ни о чем. И все бы в порядке вещей, только мама Вити Цубербиллера иногда плакала — где-то мой сыночек, не подозревая, что почти каждый день видит его в образе деревянной трибуны по программе ЦТ. И никто не мог этого объяснить, кроме меня. А я, к сожалению, не знаю ни ее телефона, ни адреса, ни имени, ни отчества, ни даже фамилии и молекулярного веса. А Витя Цубербиллер иногда думает, что покой и квадратность и есть

достойный итог.

Но только помните, когда кто-нибудь из депутатов в избытке чувств трахнет кулаком по Вите Цубербиллеру, все начнется сначала, и я уже не знаю, к каким последствиям это может привести. Знает только просветленный, но никогда не скажет, поелику ему до нас дела нет.

№ 11

Сергей Каштанов

Материальный стимул

1000
1000
1000
1000

— Бараны, дверь освободите, — прорычал в микрофон шофер. Интеллигент, висевший на последней ступеньке, попытался сохранить достоинство:

— Господа, давайте все дружно выдохнем!

Бараны и господа, видимо, выдохнули, потому что дверь наконец закрылась и автобус тронулся. «Вот и отлично, — подумал Пилюгин, бодаясь с кожаной петлей, за которую положено держаться тем, кто пониже, — только контролер-самоубийца решится обнаружить себя в такой обстановке, билет можно не брать».

Все бы ничего, с голоду не помирало пилюгинское семейство, но на днях пронесся слух, что место из-под его дома приглянулось какой-то фирме, сносить будут дом, и Пилюгин струхнул. Жилье взамен, конечно, дадут, но переезд, обустройство… Бросать надо к черту эту науку и уходить в кооператив к Костику Трунову.

Пилюгин занимался… Как бы это объяснить?.. В общем, он работал в секретном институте и занимался утилизацией народной энергии. В том смысле, что когда много народа идет в одну сторону, то развивается колоссальная мощность и ее можно использовать. Первоначально у кого-то возникла идея во время праздничных шествий

трудящихся по Красной площади обогревать трибуны мавзолея народным теплом. Пилюгин был физический химик, и его взяли разрабатывать новые способы аккумуляции народной энергии в расплавах и растворах, которые должны были циркулировать в победитовых и сталинитовых трубах отопительной системы. После перестройки тема медленно умирала: демонстраций стало великое множество, но люди на трибунах теперь были горячие, впору было думать не об обогреве, а об охлаждении. Только денег на это нет.

А Костик вовремя сориентировался и организовал, прикрываясь конверсией, предприятьице, выпускающее микросистемы для обогрева «комков» энергией зевак, разглядывающих привозные побрякушки и тряпки. Костик давно звал к себе, но Пилюгину жалко было расставаться с лабораторией. Там были его установка и компьютер. И Анюта.

Тип сзади заерзал, и Пилюгин сосредоточился на своем заднем кармане. Вообще-то он еще ни разу не нарывался на карманника, но чем черт не шутит. В кармане лежала получка — 987 рублей 32 копейки. Вот бы пять лет назад такие деньги! Он вспомнил, как собрал три тысячи на подержанный автомобиль, но еще одной так и не

хватило. Была бы машина времени, отправил бы туда эту тыщу, глядишь, и не жала бы ему сейчас чья-то сумка в самое уязвимое место, а катил бы он в том «москвичонке». Да, во время инфляции машина времени — очень нужная вещь: можно в прошлом продукты покупать по дешевке… Первым делом он бы махнул в лето восемьдесят пятого и притаранил бы Петьке и Машке мешок яблок. Пилюгин представил себе, как его отпрыски уписывают сладкие коричные яблоки: Петька — выгрызая только самое вкусное, а Муська — оставляя один черешок, как и сам Пилюгин.

Тут автобус затормозил, и Пилюгину пришлось вылезти, чтобы пропустить выходящих. Втискиваясь обратно, он зацепился часами за колготки девицы, стоявшей ступенькой выше и, как ни старался высвободиться — даже ремешок расстегнул, — порвал их, потому что девица стала брыкаться и кричать: «Убери руки, козел!». Пилюгин понял, что оправдываться бесполезно, да и как оправдываться, если навалилось привычно ощущение вины: колготки стоят страшно дорого, думал он, девушка, наверное, едет на свидание, как она покажется в таком виде, и вообще, надо было ему дождаться следующего автобуса.

Пилюгин вышел на ближайшей остановке и

стал ждать. Он привычно ругал себя за торопливость, за вечное стремление выиграть время — знал ведь, знал, что чем больше спешишь, тем больше отстаешь.

В детстве Пилюгину не нравилось, что в сутках двадцать четыре часа, считать неудобно, и, когда он услышал в песне Высоцкого, как солдаты «землю толкали назад», ему стало ясно, что делать: надо идти всем на запад, раскручивая Землю, пока она не станет оборачиваться ровно за двадцать часов, десять — день, десять — ночь. Тогда Пилюгин еще не знал физики и тем более не понимал, что всем на запад пойти не удастся. А много позже, уже зная физику, химию и многое другое, Пилюгин задумался о времени и понял, что был прав тогда, почти прав, с точностью до знака. Ход времени зависит от каждого человека, и, если все каждые вдруг поведут себя одинаково, время может драматически измениться. Ведь было уже такое: целая страна захотела рвануть вперед, в будущее, оттолкнула время назад — и оказалась в прошлом.

Вот и Пилюгин, поторопившись, потерял время — в следующий автобус влезть не смог и пошел пешком, уныло думая о том, что все несчастья от женщин, которые сами несчастнее всех.

У Анюты тоже были проблемы с колготками. Анюта была красивая лаборантка из пилюгинской лаборатории. Собственно, он совсем не хотел в нее влюбляться. Так получилось.

Понимаете, Пилюгин бы пересилил себя, он в детстве занимался аутотренингом и умел делать одну щеку горячее другой на целых два градуса. Но она так чисто, без малейшей фальши кричала, закинув голову за подушку: «Димка-а-а!» (Пилюгина звали Дмитрий Николаевич, а чаще — Димон), — и так доверчиво и восхищенно смотрела на него, когда он снимал кожух с прибора и копался в электронных внутренностях, думая на самом деле только о ней, а глаза у нее были… Нет, так мы до конца не доберемся.

Когда старый приятель Витька Ивановицер вдруг засобирался по контракту то ли в Атланту, то ли в Пасадину (Пилюгин всегда путал эти названия, они звучали одинаково красиво), когда Витька засобирался туда, Пилюгин загрустил, потому что знал: Витька не вернется. Он поделился горем с Анютой. А через месяц узнал, что Анюта и Ивановицер решили пожениться, потому что Анюта не хочет разбивать Димкину семью и она

уедет с Виктором на два года, так будет лучше, а там она достанет Димке микросхему для его установки, любой ценой достанет… «Не надо любой ценой», — сказал Пилюгин, но Анюта уже садилась в такси, она любила такси, а Пилюгин не любил, у него вечно не было денег.

Но теперь Пилюгин будет ездить в такси, нет, он купит машину, нет, он не станет покупать машину, это очень связывает — не выпей, заправка, запчасти — он просто всегда будет ездить в такси. Пилюгин посмотрел на пассажиров обгонявшего его автобуса, как бы прощаясь с ними навсегда. Конечно, сегодня он ехал в автобусе еще не в последний раз, да и потом он специально будет иногда вечером проезжать по своему маршруту, чтобы вспомнить, но только поздно вечером, когда мало народа. Он будет брать билет и спокойно кататься, а потом выйдет на любой остановке, возьмет такси и поедет домой. Пилюгин вдруг понял, что так будет, потому что вспомнил петлю.

Еще в школе Пилюгина возмущали лантаниды и актиниды. У него было хорошее пространственное воображение, и как-то однажды он понял, что таблица Менделеева-Пилюгина будет

трехмерной и в ней неприкаянные элементы перестанут быть довеском, а выстроятся столбиками, перпендикулярными общей плоскости. Учительница химии, восхищенная познаниями Пилюгина в математике, простила ему эту ересь, как простила математичка, считавшая Пилюгина прирожденным химиком, теорему о вероятности столкновения на седловидной поверхности двух шаров отрицательного радиуса, движущихся в произвольных направлениях (Пилюгин тогда любил смотреть, как в бильярдной городского парка укладывает в лузу шары однорукий ветеран). Даже не то чтобы простили, а так, пропустили мимо ушей, — пусть его чудит, и это хорошо, а то он уперся бы, стал доказывать и пересчитывать и не пошел бы в пятницу в клуб на танцы. Все равно ничего не вышло бы тогда с таблицей, а Серега Безголовченко увел бы Катьку как пить дать, а так увел ее Пилюгин и провожал потом до дома целый месяц, пока она наконец позволила ему расстегнуть ту чертову пуговку, и еще две недели провожал, пока разрешила попробовать на вкус свою правую изюминку, а левую не давала почему-то, странные они все-таки. И еще неделю она боялась, но уже нельзя было остановиться, а она все-таки останавливала Пилюгина в самый по-

следний момент и плакала даже, милая Катька, и Пилюгин сам останавливался, потому что жалел ее и потому что сам боялся, хоть и занимался аутотренингом. И время растягивалось, потому что он, спеша, отбрасывал его назад, а Катька — наоборот. Но она слабее хотела хотеть вернуться, чем он боялся не успеть, и время разорвалось. А когда они очнулись на той стороне, Катька вдруг расстрекоталась, как ей хотелось, но было страшно, и трогала свои кудряшки без всякого стеснения, а Пилюгин вдруг обнаружил, что он в носках, и все пытался спрятать ноги под одеяло.

Когда через два года Пилюгин уезжал в Москву поступать в институт, Катька уже писала Сереге Безголовченко, что будет ждать, когда тот окончит свое военное училище. А Пилюгин, будь у него тогда машина времени, ничего бы не изменил в их небольшом прошлом, так все было хорошо и вовремя закончилось.

На третьем курсе Пилюгин увлекся топологией. Наконец-то он нашел средство, чтобы соорудить нормальную таблицу элементов. Правда, когда он рассказывал об этом Татьяне, своей беременной первой, еще студенческой жене, она зевала и

выказывала все признаки токсикоза. Пилюгину очень хотелось рассказать всем, как здорово все сходится, как точно укладываются на коническую, вернее, похожую на раструб граммофона поверхность все элементы. Переходные образуют на ней спиральные валики, а изотопы — легкую рябь (это из-за корня кубического из синуса тэта во втором члене). Но друзья тоже сначала зевали, а потом выказывали признаки, хотя точно беременны не были.

Видимо, и нам здесь нет необходимости углубляться в детали. Скажем только, что лантан и актиний с компаниями образовали на этой поверхности тороидальные выросты, похожие на ручки от чашки, вот только они, эти ручки, вторым концом в одной модели проваливались под поверхность, а в другой — не доставали до нее.

Но тут родился Гошка, и Пилюгин теперь упражнялся в топологии, лишь пеленая его своим новым способом, который жена и теща так и не приняли. Ну и ладно.

Гошка был очень занятный и, подросши, полюбил апельсины, которые продавались тогда по плевой цене (два пятьдесят, что ли?), но аспирантская стипендия тоже была — слезы. И Пилюгин разгружал вагоны и врезал форточки. Когда он,

провозившись часа три, врезал свою первую форточку, молоденькая хозяйка квартиры, вздохнув, спросила его: «Вы, наверное, кандидат наук?». «Нет, аспирант», — честно сознался Пилюгин и был накормлен от пуза и приглашен заходить. Он бы, конечно, не зашел, но однажды вечером они со Светланой встретились в автобусе, и он поехал ее проводить, а ее родители были на даче, и Пилюгину некуда было спешить, потому что Татьяна с Гошкой уехали на лето к Пилюгиным-старшим. Светка была в восторге от пилюгинской таблицы.

Потом, когда Пилюгин переехал жить в эту квартиру, он все собирался переделать форточку по-человечески, да так и не собрался, поскольку в свободное от работы время обивал двери, ведь Гошка по-прежнему любил апельсины, а Светлана хотела новую шубу.

Работал Пилюгин, как вы уже знаете, в «почтовом ящике». После трехмесячного оформления попав наконец на территорию Института структурно-функциональных проблем, Пилюгин был первым делом проинструктирован начальником режима (а раньше — лагеря) полковником Минаевым, чтобы не встречался с иностранцами, не дружил с евреями и им подобными и помнил бы,

что то, чем он занимается, — не просто военная или государственная тайна, а политическая. Поэтому расслабляться нельзя — враги тут же подловят его и начнут шантажировать, а если Пилюгин все-таки расслабится, пусть лучше он об этом сразу сам скажет Минаеву. И насчет коллег тоже, чтобы опередить врагов.

Пилюгин пожалел было, что устроился в этот институт, но потом привык. Ребята в лаборатории были нормальные, пили и пели, как все, и, как все, не могли долго слушать про пилюгинскую систему элементов. Только Вовка Стукалин слушал внимательно и явно старался что-то запомнить, потом Пилюгин понял — почему. Оказалось, что Вовка такой человек, о котором тут и вспоминать бы не стоило, если бы, пытаясь ему втолковать про тороидальные ручки, Пилюгин не понял, что ему самому в его модели не ясен физический смысл параметра кси-прим. Параметр был безразмерный.

Так вот, когда Пилюгин вспомнил ту петлю, бившую его по голове в автобусе, то нечаянно сообразил, что именно такую, похожую на восьмерку, но с длинной талией, кривую опишет во времени конец ручки на его граммофонной трубе, если менять кси-прим. Вот оно в чем дело…

Ксишечка его не безразмерная, ее размерность — t/t! Время на время. Секунда на секунду. Секунда в секунду. В секунду — это значит скорость. Это же скорость изменения времени! У каждого элемента своя кси-прим. Своя скорость изменения времени. Ерунда какая-то, подумал Пилюгин, но было поздно: в голове у него уже вертелось слово «хронотропность».

Пилюгина понесло. Он вычислит, какая кси нужна, чтобы ручки встали на место. Зная хронотропность лантана и актиния, он легко рассчитает ее для всех элементов. Нет, не сможет, нужны краевые точки или хотя бы один максимум. Максимум? Это ведь элемент, сильнее всего ускоряющий время. Как его найти? Хватит ли жизни? Смотря где жить…

Вот!

Нужна географическая карта продолжительности жизни людей. Там, где, с точки зрения стороннего наблюдателя, живут меньше, время идет быстрее. Там и надо искать элемент-максимум. И нужна карта распространенности элементов. И еще, чтобы исключить всякую ядовитую грязь, взять карту у экологов.

— Три ка-а-а-рты, три ка-а-а-а-рты-ы! — возопел Пилюгин, но музыкальный слух был не самым развитым его качеством, что не преминула отметить сидевшая на скамейке у тротуара старушка, наверное любительница оперы. А Пилюгин даже не расстроился, как обычно от таких замечаний, он бурлил.

Если вы раскрутили тонкую проволочную петельку на бутылке шампанского и пробка шарахнула невесть куда, а из горлышка хлещет восхитительная, все переполняющая пена, вам не остановить потока, пока он не иссякнет сам, надо лишь вовремя подставлять бокалы.

Тридцати секунд не прошло, как Пилюгин уже знал все. Он почувствовал аналогию между временем и энергией. Только если энергия рассеивается во всех процессах, то время наоборот — поглощается. Оттого наш мир и движется из прошлого в будущее. Но локально можно это движение изменить. Наверное, совсем чуть-чуть, иначе это давно бы заметили. В некоторых химических реакциях время поглощается, в других выделяется. Эндо… и экзо… Как это назвать? Темпохимия? Черт возьми, ведь химические реакции могут управлять историей, скоростью развития цивилизации! Шумеры, египтяне, потом греки

— почему они вырвались вперед? Какие химические процессы они начали использовать раньше других? Завтра с утра в библиотеку!

Что еще? Насыщать все, что нужно сохранить, составами с минимальной хронотропностью: памятники, каргины, заповедники… Дальше, дальше! Экология времени: запоздалое развитие детей, старческое слабоумие, анабиоз…

Пилюгин видел все это как бы в ускоренной перемотке. И вдруг — стоп-кадр: хронореактор. Машина времени. Мощная химическая реакция с выделением времени отбросит окружающие предметы в прошлое. Надо только подобрать подходящую пару веществ. Когда он составит таблицу хронотропности, это будет несложно. Еще одна зацепка — реакции, скорость которых гораздо ниже расчетной. Ведь именно так будут выглядеть для стороннего наблюдателя процессы с замедляющимся временем.

Пилюгин представил себе, как взовьется Юлия Ивановна, ученый секретарь института, когда он назовет воздействие временем на предметы овремячиванием. Она скажет, что нельзя так обращаться с русским языком, что нет такого слова,

но Пилюгин будет непреклонен: есть такое слово, еще вчера не было, а сегодня он придумал и само овремячивание, и как его назвать! Впрочем, если она предложит что-нибудь получше, он, может быть, и согласится…

Пена сошла. Пилюгин еще пузырился где-то внутри, но все больше чувствовал, что иссяк. Он взбирался по мощеной дорожке к своему дому — старой, утопающей в зелени пятиэтажке, которую вот-вот снесут, чтобы построить какой-то офис, и думал, сколько раз он так поднимался и спускался, взлетал и сползал, карабкался и сбегал. К утру весь этот бред развеется, и завтра он как всегда выйдет на эту дорожку, дойдет до угла, увидит автобус, рванет к остановке и, выдохнув, втиснется в потный пассажирский коллектив.

Но ведь так все похоже на правду! И на химеру. Он угробит время, денег опять не будет, ведь Костик не даст в своем кооперативе заниматься ерундой, придется остаться в институте. Сколько еще выдержит Надежда, ну, действительно, сколько можно терпеть эти его идеи и провалы, вечное торчание на работе и нищету? Безо всякой надежды…

Стоп! Там, в будущем, все уже решено, надо только заглянуть в ответ. Простенькая задачка на лотку. Если он все же сделает хронореактор, то должен будет вспомнить о сегодняшнем дне и подать знак — сообщить себе сегодняшнему, что успех возможен. А если знака не будет — он либо забросил идею, либо она оказалась утопией. Но как он может получить сообщение?

Пилюгин взлетел на пятый этаж и, уже роясь в карманах в поисках ключа, вспомнил, что не купил хлеба. Надежда встретила его со знакомой тоской в глазах. Пилюгин покорно взял пакет и поплелся в булочную. Сколько лет может пройти, пока появится первый хронореактор? Пять? Семь? Десять? Где может столько пролежать сообщение? Пролежать, конечно, не туда во времени, а обратно, но ведь физически оно должно все эти годы существовать и не быть уничтоженным или заваленным чем-нибудь. Он, там, должен выбрать место, которое есть уже сейчас и которое останется нетронутым.

Пилюгин осмотрелся, пытаясь понять, что же вечно из того, что его окружает, и с ужасом понял — ничто! Дом снесут. На пустыре, где лет

десять собирались строить теннисный корт, будет, скорей всего, автостоянка. Вон бетонный зуб Публичной библиотеки возводят уже двадцать пять лет, там-то точно царил вечный покой, но сейчас туда пустили какое-то СП, и теперь краны работают даже по ночам.

А сколько места нужно? Пилюгин представил себе шарообразный реактор, внутри полость — овременник, снаружи очень хромотропные стенки — экран. Плюс энергетическая установка.

Тут Пилюгин придумал, как привязать работу к тематике института. Главный Хронореактор, двигатель общественного прогресса, должен питаться энергией людского потока, идущего по спиральной лестнице на Курган Общечеловеческих Ценностей, к вершине, где аллегорические фигуры Прав Человека парят вокруг тетраэдра, символизирующего Баланс Властей… Пилюгин оступился и шмякнулся на лестницу, которая вела от тротуара к дорожке. Он ходил по ней дважды в день, а иногда чаще, и вообще-то знал ее, как облупленную. А она и была облупленной донельзя. Старые пролеты заменили в прошлом году, но, видно, в новые недоложили на заводе цемента, и за несколько месяцев они стали хуже старых — ступени искрошились, ходить по ним

было опасно. Ясно было, что это — навсегда, теперь у ЖЭКа не будет денег на ремонт еще лет двадцать.

Пилюгин выругался и, стряхивая с брюк крошки бетона, вдруг понял: здесь! Именно здесь можно спрятать весточку самому себе, и ничего с ней, милой, не сделается — ни за пять лет, ни за десять. Пилюгин, почти не задумываясь, перемахнул через перила и заглянул под лестничную плиту. Господи, какая грязь! Пилюгин стал шарить, разгребая обрывки газет и вездесущие молочные пакеты, в надежде наткнуться на записку, чертеж, образец хронотропного материала. Забравшись, насколько позволяла комплекция, в дыру, он извлек оттуда обломок лыжи, консервную банку, два болта М10 (один даже с гайкой). Раньше бы Пилюгин обрадовался болтам, он любил собирать всякий крепеж для хозяйства, правда, в дело его пустить все руки не доходили. Но сейчас он продолжал исступленно рыться в мусоре и даже не заметил, как прошла мимо соседка Изольда Самуиловна, очень уважавшая Пилюгина за то, что он научный сотрудник. И не видел Пилюїин, как она отвернулась в смущении, что застала его за столь неподобающим занятием, и на лице ее отразилось скорбное: «До чего ученых довели…»

В булочную до закрытия Пилюгин все-таки успел, но хлеба там не было. Чертыхаясь, шел он домой другой дорогой, чтобы не видеть ненавистную лестницу. Надежда, увидев его грязного и с пустым пакетом, грустно сказала, что ужин на плите, и ушла в ванную стирать. Дети громко и нервно спорили о чем-то в гостиной. Стягивая потрепанные джинсы, Пилюгин клял себя за идиотские мечтания. Пес, дремавший на диване, встал и ткнулся ему в щеку мокрым холодным носом. Что толку от того, что ты веришь в меня? подумал Пилюгин. — Что толку, что я все придумал, мне нужен минимум год на раскрутку, минимум год, а чем я буду кормить тебя, если завтра заплачу за квартиру, за свет и телефон, за всю эту муру? А когда дом снесут…

Дурно стало Пилюгину, очень дурно.

К черту все, завтра напишу заявление и уйду к Костику, а Надежду заберу с работы, пусть детьми занимается, а то — как выжатый лимон…

Тут на кухне что-то зашипело и потянуло паленым. Пес с лаем рванулся за Пилюгиным и долго еще не мог успокоиться, пока хозяин сомнамбулически стряхивал странную розовую пыль

с пачки мятых тысячерублевок на кухонном столе, пока с трудом разбирал свои собственные каракули в торопливой записке: «Все, что могу. На первое время хватит, а там будет полегче. Держись, ты все понял правильно!».

Не снесут! — думал Пилюгин, рассматривая стянутые резиночкой использованные проездные билеты на будущий год. — Раз на кухне, значит, не снесут!

1993

№ 1

Павел Сенников

Я иду по Арсенал-роуд

Я иду по Арсенал-роуд. Я — детектив Пол С.

Коув, и мои широкие плечи раздвигают бурную толпу. Через полминуты я умру, и знание этого наполняет меня решимостью, хотя где-то в глубине грудной клетки щиплется жалость к себе. Быстрым взглядом острых серых глаз я замечаю гнусную рожу Вудпекера в окне шестого этажа — он уже на месте.

Вудпекер — маньяк-убийца, его волосатая клешнеобразная рука нежно гладит шершавый кирпич, лежащий на подоконнике. Я подхожу вплотную к дому, и Вудпекер следит за мною не дыша. Слюна закапала его рубашку — отталкивающее зрелище, надо будет отработать эту деталь. Наконец он бросает кирпич. О, миг желанный! Я расправляю плечи, чтобы умереть красиво. На моем лице печаль и благородство. Таким меня запомнят.

И тут какая-то дебелая баба отталкивает меня своими ручищами в сторону! В следующий момент кирпич пробивает ей череп, и хруст костей рвет мне сердце. Но пытка еще не кончена.

— О мэтр! — произносит она, закатывая глаза перед смертью. — Я большая поклонница вашего пера — я так счастлива спасти вас даже ценой своей жизни!

Затем она удовлетворенно умирает, а я стою

как истукан в собравшемся людском скопище и соображаю, как мне быть.

Ровно в задуманное время подбегает репортер Крайнинг и с ходу начинает бешено чиркать в блокноте. Толпа шепчется и ждет чего-то.

— Так, стоп! — командую я. Все обращают взоры ко мне, а я прямо пылаю негодованием. Повернувшись, пинаю бабищу:

— Тебе чего здесь надо было, дура?

— Мэтр, — говорит она, почесывая кирпич, — я думала…

— Я не мэтр! — захожусь я криком.

— Как — не мэтр? — хором удивляются присутствующие. Какая-то тонконогая дамочка падает в обморок.

— Сейчас я детектив Пол С. Коув, а не писатель Пол С. Коув, недоумки! Вы что, не прочли начало?

— Я как-то пропустила, — растерянно говорит бабища. Недоумки согласно кивают.

— Так что, мэтр, не писать? — спрашивает тупица Крайнинг.

— Я не мэтр! Не пиши! Провались с глаз долой, пока я тебя не вычеркнул, — отвечаю я горько. — И ты убирайся! — это я женщине. — Чтоб тебя больше не видел до конца творческого пути!

Недовольные, они расходятся. Они не знают, что мне во сто крат тяжелее, чем им, потому что я иду по Арсенал-роуд, детектив Пол С. Коув, и мои широкие плечи обтягивает кожаная куртка. Только что прошел дождь, он разогнал прохожих, и на улице почти пустынно. Вечереет. Это последний вечер в моей жизни, и я вдыхаю озон с упоением, но отчего-то у озона горьковатый привкус. Или эта горечь оттого, что через полминуты я умру? Краем глаза я профессионально замечаю опасность, угнездившуюся в окне седьмого этажа в образе Вудпекера. Его скошенный рот пускает пузыри, которые нетерпеливо лопаются. Он ждет меня, поигрывая увесистым кирпичом, и углы кирпича для надежности заточены. Он ждет меня давно, он знает, что случай сведет нас, чтобы помешать завершению моего столь блистательно начатого расследования по делу бедняжки Энн.

Я делаю, постройнев и посерьезнев, шаг, еще шаг. Раздается хлопок, но это, увы, не удар по моей голове. Это Вудпекер с простреленной головой хлопнулся о тротуар прямо передо мной, цепко держа кирпич.

«Спокойно!» — говорю я себе. Я знаю, кто это, и он от меня не уйдет. И точно — непревзойденный после меня сыщик Эдройт пересекает улицу,

направляясь ко мне. Ну и рожа! Хоть бы не улыбался, а то могу не сдержаться.

— Хэлло! Пол! — орет он в обычной эдройтовской манере. — Я чуть было не опоздал!

— Ты начало читал? — вместо приветствия (обойдется!) спрашиваю я. Он отводит глаза и нагло врет:

— Ну, читал.

— И что же ты прочел?

— Ну, мэтр, — скулит он, — разве все упомнишь?

— Я не мэтр, — отрезаю я. Он разевает рот и выкатывает бельмы. — И этот рассказ не про тебя. Он про детектива Пола С. Коува, понял?

Я вижу, как он страдает, но мне от этого не легче.

— Чего тебе не сидится? — пытаю я. — Этот рассказ — с расследованием, которое тебе не по зубам. И вообще — ты мне надоел. Вечно суешь свой нос, куда тебя не просят. Конечно, хорошее качество для сыщика, но в своем рассказе про себя я этого не потерплю. Вали отсюда!

Я бы и пинка ему дал, но тут подлетел этот очкарик с блокнотом и ну строчить, как ошпаренный.

— Брось, — говорю, — это не я.

Он даже не обрадовался. Все они неблагодарные. Думают только о себе. Тяжело работать с этой публикой. Занятый такими неутешительными мыслями, я иду по Арсенал-роуд, не обходя луж, оставленных дождиком, и на душе у меня неспокойно. Мне, детективу Полу С. Коуву, не хочется умирать и очень жаль отечественную криминалистику, теряющую в моем лице безграничные возможности. Но Вудпекер на своем привычном месте, в окне восьмого этажа, ласкает и ласкает любовно отшлифованный кирпич единственной незабинтованной рукой — остальные конечности у него в гипсе, а голова обмотана так, что видны только глаза — гноящиеся, воспаленные, сумасшедшие. Он идиот, этот Вудпекер. Но даже от идиота я приму смерть достойно; для писателя Пола С. Коува я готов на все. Не торопясь и уверенно, я прохожу под окнами, и шаг мой вторит биению миллионов сердец, обиженных всякими вудпекерами. Их славный защитник погибнет, сраженный коварной рукой. Жаль!

И вот кирпич, радостно посвистывая, проникает в мой череп. От боли и упоения я забываюсь на мостовой. Просто лежу и слышу топот ног множества людей, спешащих ко мне и ломающих руки в отчаянии. Они обступили меня и плачут.

Подбежал Крайнинг. Скрипя пером, он шмыгает носом — как он любил меня! Что-то жгучее капает мне на лицо. Достав каплю языком, убеждаюсь, что это слезы, и открываю глаза. Плачет Вудпекер, свесившись через карниз; в его злодейской душе сейчас происходят большие перемены при виде моря страдания, залившего улицу. С высоты своего восьмого этажа он видит, как ширится это море, охватывая весь город и далее страну. Это газета Крайнинга выпустила специальный номер.

— Газету! — требую я. По рядам прошелестела газета. Я читаю размытые строчки на мокрой от слез бумаге и полнюсь радостью. Это мой некролог, безукоризненно печальный.

Ну наконец-то мое имя приобрело всемирную известность! Я так и купаюсь в лучах славы.

— Жалко его, — всхлипывает тонконогая дамочка, — такой хороший детектив был. Красивый. Всегда очень чутко чувствовал несправедливость и боролся с нею, не щадя себя…

— И чего этот дурак Пол С. Коув подвел его под смерть? — негодует кто-то в толпе.

— Эй, — говорю, — моя слава — это моя слава. Я, писатель Пол С. Коув, не отделяю себя от детектива Пола С Коува, прославившего мое имя своей героической гибелью.

Но критикан не унимается.

— Ну-ну! — кричит. — Твоя писанина как лежала на унитазном бачке, так и полежит. А вот детектива Пола С. Коува мы все знали и почитали.

Тут с ревом подъезжает «скорая помощь», и санитары бросаются укладывать погибшего на носилки. Я подошел помочь перенести останки моего героя, но меня нагло отпихнули, словно не я был убит только что. Но я не высказываю и тени негодования, потому что писатель Пол С. Коув неизмеримо выше всей этой черни. Хотя уже чувствую — что-то здесь не так. И терпеливо объясняю:

— В газете напечатано имя Пол С. Коув, и вы прекрасно знаете, это я.

— Писатель-то? — язвит какой-то алкоголик с авоськой.

— Писатель, — с достоинством отвечаю.

— А погиб детектив. Почему и слава ему. А ты хам. Кого хочешь тут спроси — всяк тебе ответит то же самое.

Путает что-то. Грубиян я, когда детектив, а сейчас я интеллигент. Я спокойно оглядываю их ухмыляющиеся лица. Они не признают моей широкой славы. Ух, как я их вычеркну! Вновь внима-

тельно перечитываю некролог. М-да, загвоздка. Так и написано — «детектив». Ясно — Крайнинг постарался. Его дотошность и скрупулезность вот где у меня сидят! Тоже мне шрайбикус. Мог бы ограничиться одним именем, если не хватило духу написать: «писатель и детектив». И эти тоже хороши — им обязательно надо указать своим корявым пальцем на приписку слабоумного газетчика Я поднимаю свой холодный взгляд, и толпа робея, редеет. Они-то отлично знают, что предвещает такой взгляд известного писателя Пола С. Коува, и спешат обделать свои делишки, пока не вычеркнуты. Замечаю опущенные плечи Крайнинга бочком отступающего за угол. Вид у него крайне отсутствующий, но я так глянул в его сторону, что у него отпала охота придуриваться и он виновато поплелся ко мне.

— Что-нибудь опять не так, мэтр?

— А ты и не догадываешься? — любопытствую я.

— Вы же сами меня таким сделали, — гнусавит он. — Я не могу иначе. И в начале указано, что вы детектив. Я у вас всегда писал всю правду.

— Неужели? Так чего же ты не писал о моей славе?

— Мэтр, — блеет этот несчастный, — я не нахо-

жу ее очевидной.

Наглец! Но я спокоен.

Я презираю его. Я поворачиваюсь прочь и иду по Арсенал-роуд, стараясь забыть этот глупый случай. Все-таки я — писатель Пол С. Коув, добрый и отзывчивый человек, настолько чуткий, что чувствую, как меня читают. Мое умное худощавое лицо обращено вдаль, и отрешенный взгляд наблюдает обычную для Арсенал-роуд картину — в окно восьмого этажа сидит в кресле-каталке Вудпекер и в протянутой руке зажимает кирпич со свинцовыми пломбами. На улице маловато пешеходов для этого часа, поскольку только что прошел дождь. Воздух несколько душноват, поэтому я снимаю плащ и элегантно вешаю его на изящно согнутую руку, а шляпу небрежно чуть сдвигаю к уху. Я шагаю, и вдруг этот невыносимый треск! Чуть было не забыл о Вудпекере. Оказывается, он уже угодил в меня своим смертоносным стройматериалом. Быстро падаю и жду Крайнинга. Тем временем собирается толпа, но плача что-то не слышно. Наверно, еще не осознали потерю. Лежу, скучаю. В сердце лезет холодок, потому что лежу я в луже и это не очень приятно. Впрочем, всякий поймет, что у меня не было времени осматриваться. А вот

наконец и репортер. Он вяло достает блокнот, долго и нудно отыскивает чистое место и пишет под диктовку Вудпекера, который тоже спустился с этажа поглазеть на смерть великого писателя:

— Всемирно известный писатель…

О, известность, о, слава!

— …Пол С. Коув…

Как мне хорошо!

— …подох нынче вечером на Арсенал-роуд!

— Подох? — уточняю. — Ошибки нет?

— Нет, нет ошибки, — злорадно скрипит Вудпекер. Кто-то пинает меня:

— У-у, собака! Всех загонял!

— Отписался наконец-то, — пищит тонконогая дамочка. — Долго же мы этого ждали.

— Меня, — бьет себя в грудь Крайнинг, — меня, талантливого репортера, принуждал к очковтирательству!

— Ха, талант! С такими-то прыщами?

Я с улыбкой требую газету.

— А че читать-то, — бормочет алкоголик с авоськой, — подох да подох, туда тебе и дорога. Больше не будешь бумагу переводить, суслик косноязычный!

Простите, но в этот момент мне стало невтерпеж. Это я-то косноязычный? Я сделал страшное

лицо.

— Ну че кривляешься, морда, — дышит перегаром алкоголик, — ну-ка вычеркни, попробуй. Ты же готов, сдох, понял?

Неприятный оборот. Этого я не предусмотрел. Надо что-то делать, иначе, судя по их лицам, кирпич покажется разминкой. Какая изнанка у славы! Но есть идея. Я многозначительно улыбаюсь, что их бесит, и задаю свой неотразимый вопрос:

— Начало читали?

— Читали, читали, — гудят они, надвигаясь.

— Плащ я снял?

— Снял, снял, — тычет костылем мне в грудь Вудпекер, но я изысканно вежлив:

— Так утритесь, олигофрены! Шляпа-то на мне! — И я непринужденно снимаю ее.

Конечно, внутри шляпы прочная пластиковая касочка, в которой кирпич и застрял.

Видели бы вы их лица! Они не сомневались, что я сейчас начну вычеркивать налево-направо. Как они сжались и посерели, бедолаги! Но я великодушен. Я на вершине славы — что мне еще надо? Крайнинг напевает мне на ухо что-то подхалимское, но я брезгливо отстраняюсь. Сейчас он побежит топиться, а я пока спокойно прочту-

таки некролог. Тонконогая дамочка немедленно подает мне свежезаплаканную газету.

И тут что-то знакомое падает мне на голову. Ощупав рукой, убеждаюсь, что в моем черепе завяз кирпич. Ай да Вудпекер, ай да молодец! Не смотри, что инвалид! Мне становится смешно. И окружающие сразу повеселели. Чуют поживу, воронье! Я поднимаю голову и весело кричу труженику кирпича:

— Поздно, Вудпекер! Рассказ давно закончен!

Ответом мне служит его слабое завывание.

Я надеваю шляпу, подхватываю тонконогую дамочку под локоток и гордо удаляюсь сквозь смятенную толпу.

№ 2

Александр Камнев, Борис Файфель

Двойная метка

Тогда, Господи, сотри нас с лица земли и создай заново, более совершенными… или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом

— Уважаемые леди и джентльмены! Дорогие коллеги! Разрешите продолжить заседание Совета. Рассматривается состояние развития цивилизации на планете IEC 1431…

Как бы повинуясь монотонному голосу Секретаря, цветной узор на стене растаял, и на ней отчетливо проступили основные параметры планеты.

Пока члены Совета привычно скользили по табло равнодушными взглядами, руководитель Отдела Индустриальных Проблем, наклонившись к сидевшему рядом седовласому, библейского вида соседу, вполголоса заметил:

— А не кажется ли вам, коллега, что эта рутина отнимает у нас слишком уж много времени? При столь тщательном подборе фактических данных достаточно адекватный вывод в состоянии сделать любой аналитический компаратор.

— Вы о чем? — переспросил седовласый, с тру-

дом оторвавшись от собственных мыслей.

— Да, по-моему, пора упразднить эти ненужные формальности. Обсуждение вопросов приема цивилизации в Содружество — вполне алгоритмизуемый процесс!

«Технарь», — неодобрительно взглянув на соседа, подумал седовласый и, не ответив, молча прикрыл ладонью глаза.

— …По результатам голосования цивилизация планеты IEC 1431 квалифицированным большинством голосов принимается в Содружество. Прошу Председателя Комиссии передать все материалы в Отдел Непосредственных Контактов. Разрешите перейти к следующему пункту. Рассматривается состояние развития цивилизации на планете IE 4521. Прошу соблюдать тишину!

Подняв глаза. Секретарь попытался опередить нарастающее оживление.

— Форма жизни белковая, атмосфера кислородно-азотная. Докладывает Председатель Комиссии профессор…

Седовласый поднялся и не спеша направился к кафедре.

— Тебя удивляют выводы Совета, мой мальчик?

И если я правильно понял, то именно о планете IE 4521?

— Да, шеф. Моя преддипломная практика на ней протекала вполне гладко. Эта планета показалась мне слишком заурядной, чтобы Совет хоть как-то зафиксировал на ней свое внимание, тем более, что остальные пять цивилизаций были приняты в Содружество почти без обсуждения. Я не заметил ровным счетом ничего из ряда вон выходящего. Вполне ординарная ситуация — цивилизация в раннем индустриальном периоде с соответствующим уровнем развития науки. Конечно, по нашим меркам, это неразумные дети. Они до сих пор используют ценнейшее органическое сырье как простое топливо, истощая и без того скромные запасы. Они не владеют законом всеобщей гармонии жизненных форм и уже почти на треть истребили животный мир своей планеты. Страдая от конкуренции низших форм жизни (от болезней, по их терминологии), они, вместо того чтобы наладить сотрудничество, травят ни в чем не повинных бактерий варварскими химическими агентами. Но ведь для этого этапа развития такие ошибки практически неизбежны. А кроме того, у них есть и явные успехи — например, им уже известен закон эквивалентности

массы и энергии…

— Но эту изящную формулу, мой мальчик, они до сих пор не научились практически использовать. И все попытки каждый раз уводят их в область разорительных и опасных ядерных экспериментов. Да и вообще, наука, которая должна быть самым упорядоченным видом разумной деятельности, подвергается у них иногда странным флуктуациям, влиянию общественного мнения, моды, наконец. Ты же знаешь, как долго идея холодного термояда владела умами лучших исследователей!

— Но с этим ведь уже разобрались! И потом, это всего лишь эпизод.

— Да, эпизод. Но эпизод характерный. Вместо того чтобы хотя бы попытаться привести в систему накопленные знания о материальном мире, они мечутся от одного заранее обреченного на неудачу опыта к другому.

— Но, шеф, нельзя же отрицать их очевидных достижений — открытие высокотемпературной сверхпроводимости например!

— Это только подтверждает мои слова. Множество своих открытий они делают совершенно бессистемно, в процессе беспорядочного поиска. Кстати, об упорядоченности: великий Закон со-

отношения порядка и беспорядка известен им почти две сотни лет — срок, по их меркам, немалый, — но никому не придет в голову, что сфера его применения не ограничивается тепловыми машинами, а включает в себя и общество как мультисистему. Вместо этого они изобретают для общества какие-то особые законы и упорно пытаются их применять. Отсюда и вековая мечта о всеобщем равенстве, как будто можно заставить сразу все молекулы газа двигаться в одну сторону…

— Тем не менее, так или иначе — их успехи и просчеты в целом обыкновенны. Чем же вызвано тогда такое пристальное внимание Совета?

— Ты будешь еще больше удивлен, если я скажу тебе, что IE 4521 находится под самым серьезным наблюдением Совета уже в течение почти двух тысяч лет.

— Двух тысяч?!

— Ранний индустриальный период у них должен был благополучно завершиться тысячу лет назад…

— Как же Совет допустил такое гигантское отставание? Почему бы не подтолкнуть, поправить, наконец? И вообще, давно хотел узнать, почему Устав категорически запрещает непосредствен-

ные контакты до принятия в Содружество?

При этих словах профессор внимательно посмотрел в лицо юноши, но, не заметив ничего, кроме чистого любопытства, спокойно ответил:

— На первый взгляд, ты прав. Казалось бы, мы можем резко ускорить прогресс любой цивилизации, сообщив им данные, до которых они сами дойдут лишь через сотни лет. Но представь себя на месте исследователей, вдруг узнающих, что не только проблемы, которым они посвятили свою жизнь, но и значительно более сложные, давно решены. В этом случае моральный шок и разочарование неизбежны. Ведь для разумных существ процесс добывания знаний не менее важен, чем сами знания.

— Тогда, шеф, я не могу понять самого главного: с одной стороны, получается, что для Совета уровень технического развития какой-нибудь цивилизации не столь важен, однако контакт раньше некоторого момента находится под запретом. Чем же определяется этот момент?

«А ведь я в нем не ошибся, — испытующе глядя на ученика, думал профессор. — Пожалуй, он давно созрел для того, чтобы узнать больше, чем положено до получения Диплома».

— Пусть это не покажется тебе странным, но

такой момент определяется исключительно уровнем общественной морали.

— А если была бы обнаружена технически слабо развитая цивилизация с высоким уровнем морали?

— Уверен, она была бы сразу принята в Содружество. До сих пор, однако, подобных примеров не было: видимо, уровни развития техники и морали все-таки коррелируют.

— Да, но чем же можно измерить мораль?!

Вот он — ключевой вопрос, которого я ждал. Профессор едва заметно улыбнулся своим мыслям.

— Действительно, прямому измерению поддается отнюдь не все, и абсолютное значение уровня морали, так же, как, например, энтропии, получить нельзя. Тем не менее твой вопрос вполне правомерен. Но прежде, чем я отвечу на него, сформулируй-ка сам, что ты понимаешь под моралью.

— Я думаю, мораль должна определяться отношением индивидуума к другим носителям разума и окружающему его миру…

— Это общая формулировка. А в частности, для этой цивилизации?

— Ну, поскольку других носителей разума,

кроме себя, они не знают, то мораль для них — это, очевидно, критерий отношения к себе подобным.

— Отлично! Вот мы и подошли к самому главному. Видишь ли, общество на ранних стадиях развития неизбежно расслоено, и мораль в целом определяется отношениями между полярными слоями. По мере развития общества эти отношения многократно усложняются, и для их количественной оценки нам не обойтись без специфических меток. О некоторых из них ты должен знать — например, L-метка, одна из самых простых.

— Но, шеф, Лингометка — это ведь просто своеобразный тест на коммуникабельность, не более?

— Конечно. Но внутренняя коммуникабельность — необходимая предпосылка готовности цивилизации к Контакту. Для этого, как ты знаешь, зачатки Великого Языка прививаются на ранней стадии развития какому-нибудь относительно немногочисленному народу, живущему достаточно обособленно, например, на острове, и суть L-теста составляет именно степень распространения Великого Языка.

— Тогда, шеф, следует признать, что, согласно

L-критерию, IE 4521 вполне готова к Контакту: интеллектуальная элита общества прекрасно понимает друг друга, пользуясь именно Великим Языком…

— Не забывай, что это простейший тест. То, что я тебе сейчас расскажу, мой мальчик, не предусмотрено Уставом, но так или иначе, получив Диплом, ты об этом узнаешь. Кроме Лингометки и ей подобных простых тестов используются еще две; именно они являются главными и позволяют оценить уровень морали и, в конечном итоге, определяют степень готовности цивилизации к Контакту. Я уже говорил о полярности общества на ранних стадиях развития. Так вот, эти метки вводятся именно в полярные слои. Одну из них, Т-метку, наследует народ, которому прививается Религия. Таким образом, этот народ — носитель Религии — оказывается заведомо в привилегированном положении. Другая О-метка — прививается народу, который изначально играет роль угнетенного. По мере развития цивилизации расхождение между этими метками постепенно уменьшается. Готовность же к Контакту, при прочих положительных тестах, определяется моментом их полного совпадения.

Лицо юноши выражало неподдельное изум-

ление.

— Что тебя удивляет?

— Так Религию прививают?!

— Разумеется. Если этого вовремя не сделать… — Профессор помолчал. — Если этого вовремя не сделать, то начинается спонтанный процесс формирования различных религий…

— И снижается точность измерения?

— Не только, и не это главное: резко снижается роль Религии как регулятора морали. Главным образом, из-за религиозных разногласий.

— А каким же образом бесконтактно вводятся метки?

— Излучением со спутника. Кстати, это довольно деликатная проблема: малейший просчет или какой-нибудь сбой в программе управления может привести к совершенно непредсказуемым последствиям. Правда, такое произошло лишь однажды — но именно с этой планетой. С тех пор над ней будто висит какое-то проклятие. Недавно, несколько десятков лет назад, сошел с орбиты рабочий модуль наблюдения — ты наверняка слышал об этом.

— Да, читал, но не обратил тогда внимания, о какой планете шла речь.

— Нам тогда стоило немалых усилий направить

его в безлюдный район. Люди до сих пор выясняют причины страшного взрыва. Интересно, что, оценив его силу и обнаружив отсутствие радиации, они все же не связали эти два факта и не сделали очевидного вывода о возможности существования альтернативного источника энергии, сравнимого по мощи с ядерным синтезом. Но как бы то ни было, в тот раз обошлось без жертв, и этим я хоть в какой-то мере компенсировал свою ошибку…

— Вашу ошибку?!

— Да. Она стоила всей нашей группе права работать непосредственно на планете.

— Так вы, профессор, работали на IE 4521?!

— Я был тогда немногим старше, чем ты сейчас. Моей задачей был расчет траекторий спутников-маркеров.

— Так в чем же заключалась ваша ошибка, шеф?

— Подробности для тебя несущественны, важен результат: из-за некорректно учтенных атмосферных явлений лучи маркеров сошлись недопустимо близко.

— Но ведь это означает, что обе метки…

— Да, именно так: вместо двух меток, введенных двум народам, один народ получил двойную

метку.

— И этот народ став носителем Религии, одновременно стал и угнетаемым?

— В том-то и заключается неординарность ситуации. Совет после длительных и упорных дебатов решил за неимением другого допустимого выхода считать планету IE 4521 объектом уникального эксперимента, который не закончен и по сей день. Еще неизвестно, к чему он приведет. — Профессор тяжело вздохнул. — Но заседание Совета состоялось потом. А я, тогда молодой и излишне самоуверенный, решил, что способен исправить свою ошибку в одиночку. Не удивляйся — да, я нарушил Устав и попытался вмешаться в естественный ход событий. Приняв привычный для них облик, я стал проповедовать им принципы морали. Скоро я почувствовал, что меня понимают превратно. Я говорил им на доступном их восприятию уровне о том, что лишь мораль может проложить дорогу к грядущему процветанию, но в их умах это странным образом трансформировалось в представление о возможности особой жизни после биологической смерти. Но это даже не самое главное. Когда я почувствовал, что на основе моих проповедей начинает складываться новая религия и люди

стали меня воспринимать если не как бога, то, во всяком случае как его посланника, я понял, что мои усилия обречены на провал, и контакт следует прекратить, не дожидаясь дальнейших непредсказуемых последствий.

— А чем же была плоха эта новая религия? Ведь вы же проповедовали идеи Великой Морали!

— Дело в том, что при непосредственном контакте степень восприятия резко обостряется, и то, что при введении Т-метки формируется в виде ненавязчивых принципов, в этом случае быстро перерастает в догмы. Конечно, я должен был это предвидеть, но тогда у меня не было времени даже для элементарного анализа.

— Чем же закончилась ваша попытка?

— Осознав необходимость прекращения Контакта, я не стал препятствовать их намерению арестовать и казнить меня. — Профессор горько усмехнулся. — Даже мою «смерть» приверженцы новой религии восприняли как искупление их же собственных грехов. А потом мои худшие прогнозы во многом оправдались: планету веками мучили бессмысленные войны; под прикрытием новой веры методично уничтожалось все прогрессивное. В результате цивилизация отстала в развитии на сотни лет. Это, мой мальчик, самый

впечатляющий пример влияния уровня морали на темпы развития техники…

— Какова же была реакция Совета на нарушение Устава?

— По возвращении всю нашу группу расформировали, а я навсегда потерял право работать в Отделе Непосредственных Контактов.

— Вы корите себя за то, что перекрыли этой цивилизации путь в Содружество?

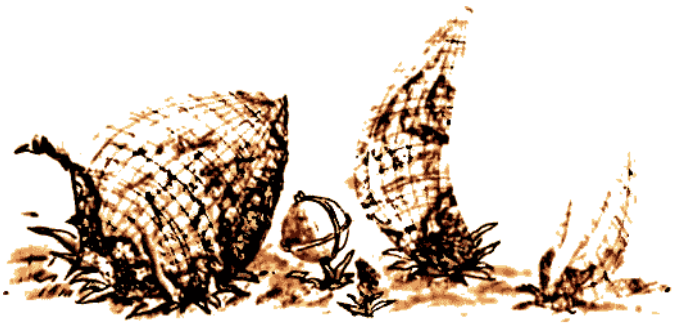
— Если бы только это! Судьба ее не ясна даже Совету. Дело в том, что обычно действие и Т-метки, и О-метки в течение нескольких сотен лет естественным образом затухает, но на этой несчастной планете выявился поразительный эффект: за два тысячелетия их действие нисколько не ослабло. Несчастный народ — носитель Двойной Метки — постоянно ощущает на себе это действие в любом уголке своей планеты. Ни с одной из известных нам цивилизаций не было ничего подобного. Совет долго занимал выжидательную позицию, и, наконец, на последнем заседании было принято решение, которое может показаться тебе парадоксальным: поскольку неизбежность второго пришествия Спасителя стала одной из незыблемых догм сформировавшейся веры, решено дать им такого Спасителя.

— Сам Совет пошел на нарушение Устава?

— Но речь идет об уникальном эксперименте!

— Так значит, вам возвращено право Контакта?

— Нет. Поэтому, мой мальчик, я и пригласил тебя сегодня для серьезного разговора. Спасителем Совет утвердил тебя.



№ 3

Михаил Стародуб

Реликтовый продукт

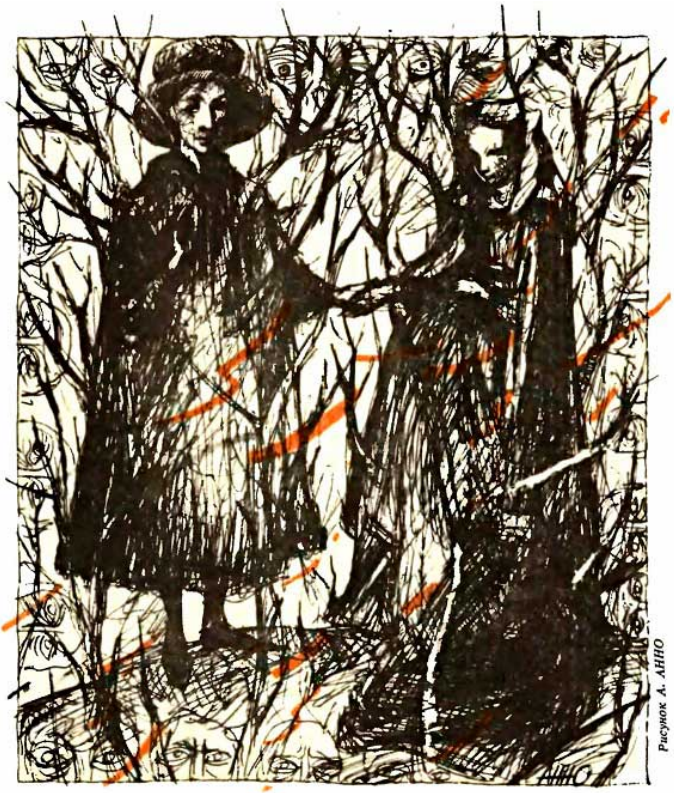


Рисунок А. ЛЕНО

Оригинальные имена уже давно разобраны. И судьбы интересной, похоже, ни одной не осталось. Что касается радостей предстоящей недели, месяца, прочих удовольствий календарного года — это заграбастали ловкачи с монетой. Спекули, торгаши и государственные служащие первого и второго уровней. Без разбора все подмели. На своих распродажах, публичных торгах, аукционах. И втихаря, с переплатой.

Остается ежедневная, законом положенная порция гражданской бодрости, но воротит меня от такого продукта! Конечно, кое у кого давно имеется установочна, перегоняющая гражданскую бодрость в нечто более существенное: кто ж не отключался таким-то способом? Но — суррогат, да и загнуться можно.

А уж о любви и не мечтай даже.

Всякий знает, что этот реликтовый продукт иссяк еще в прошлом столетии. Тратили предки без счета, теперь нам вот, расплачивайся! Живи холодным, как колесо супертрамвая, черствым, как булыжник с обратной стороны Луны.

Топаю я это по проспектам и дальше. Навстречу — гражданка симпатичная мордашкой.

Так, думаю, может, что сохранилось на самом донышке души?

Но пусто в груди, сквозняк. А гражданка прогуливается не одна, рядом выставил себя солидный дядя со значком администратора второго уровня на лацкане пиджака. Врезал я ему, чтобы заслужить повод для знакомства… Да неудачно. Дядя оказался, как положено, крепким. Лицом побледнел от удивления, расстегнул пуговичку на рукаве рубашки и сейчас мне в ответ с правой руки.

Темно в глазыньках, жду продолжения. Но дядя не стал мараться, сгинул. Посмеялись мы с гражданкой над моей бестолковостью.

— Зачем же, — говорит, — так подставляться? Или забыл, недоумок, что государственных служащих через день натаскивают в рукопашных схватках?

— Где уж забыть, — отвечаю. — Рекламные ролики отсматриваем регулярно. А посмеешь забыть, так сейчас тебе и напомнят. Но уж очень красотки в нашем городе заманчивы. Вдохновляют на подвиги.

— Приспичило? — смеется она.

— Вроде того. Так что разрешите пригласить вас, милашка, на объемчик юмора, на пару цветных бабушкиных снов. Хранятся, знаете ли, специально с прошлого столетия для такого

случая. То есть для особи, исполненной природой согласно требованиям действующих стандартов.

— Плевать я хотела, — говорит милашка, — на твой нищенский объемчик, бабушку и требования действующих стандартов.

— Впрочем, сегодня душно на улице. Можно взглянуть краем глаза, что там за дерьмовый объемчик хранится у некоторых первых встречных.

Двинулись ко мне домой.

И только вошли, с порога заявляет она эдак, вполне безразлично:

— Кстати, можешь переспать со мной для начала. Посмотрим, что ты собой представляешь.

Раздел я ее. А там — родимая звезда под грудью. Хотел тронуть родинку пальцем, но почему-то не смог. Остановился.

С этого, наверное, все и началось.

— Что ты? Занимайся делом. Охота была голышом разлеживаться перед каждым нечутким! — говорит, не открывая глаз. Таким низким хрипловатым голосом. Который, в свою очередь, еще больше что-то сдвинул у меня под ребрами.

— Погоди, не дергайся, клизма, — прошу ее. — Успеешь свое получить. Что-то, видишь ли, вокруг происходит. Надо бы разобраться.

— Происходит? Вокруг? — оглядывается она. —

Интересно… И какое оно то, что происходит? Как мы будем его разбирать?

— Пока не знаю. Никогда со мной этого не было. Давай поговорим, — предлагаю.

— Погово… что?! — удивляется она. — Может, ты псих?

— Да нет вроде. До сих пор все было в порядке. У меня и справка с печатью. Как положено.

— Ну, давай говорить, — решает. — Начинай первый.

И глазеет. А со мной продолжается! В ребрах стучит, поднимается выше. Пробирает всего. Но не мерзостно, а… как будто смотришь стереобоевик и сейчас главному герою могут свернуть шею, да только у прочих руки коротки. И герой это знает. А вместе с ним понимаешь ты. И то, что подступило к самому горлу, впечатляет очень похоже. Только в тысячу раз сильнее…

— Пожалуйста, говори скорее! — вдруг и как-то очень жалостливо просит она. — А то я сейчас оденусь и уйду. Потому что рядом с тобой мне… даже не могу объяснить как. Неудобно мне, вот что!

— До-ро-гу-ша… — выдавливаю из себя я и понимаю, что хотел сказать совсем не то. — Киска! — подбираю нужное слово.

— А точно ли у тебя есть справка с печатью? Предъяви-ка…

— Там, в куртке, — киваю и вижу, как она спрыгнула с кровати, подошла к окну, а солнечный заяц присел у нее на плече.

— Совсем затрепанная куртка, — говорит она. — Но, наверное, теплая?

— Да, — отвечаю. — Старинная. С подкладкой из лебяжьего пуха. Теперь таких курток нет.

— Сколько лебедей надо было прикончить, чтобы набить твою паршивую одежду. Наверное… — вздыхает она, и прижимает куртку к себе, и гладит ее ладонью, — наверное, это были не лебеди, а лебедята. Детеныши.

Да как заплачет!

А сама удивляется:

— В жизни не думала, что заплакать сумею. Вот оно, оказывается, как бывает. Настоящие слезы, гляди-ка.

— Как ты это делаешь? — подхожу я, беру ее голову в руки и пробую живые слезы, а они соленые.

— Теперь с тобой не расплатиться. Сколько ж это может стоить стимулятор, вышибающий такую слезу? Погоди-ка! — пугается она. — Но ведь мы не кололись? Не глотали таблеток… отчего

же слезы?

— Любимая! — произношу я, и мы замираем.

И можем только смотреть.

Шевельнуться сил нет. И преодолеть себя невозможно.

А потом она плачет еще, опять настоящими слезами, которые капают мне в ладони, и настоящие слезы — теплые.

— Ты тоже… это самое, которое мне страшно повторить. Так страшно, — всхлипывает она, — как будто, если повторю — умру на месте. Ты тоже… Это слово, я бы хотела услышать его еще. Как ты сказал? Кто я?

— Сейчас, — говорю. — Наберусь сил. Минутку. Что-то, видишь ли, не в порядке с горлом. Сейчас отпустит.

Но горло не отпускает.

— Ты — милашка неслабой наружности. Аппетитная девочка. Красотка. Ты… — дергаюсь я, — девочка-супер, высший класс…

— Ладно, — успокаивает она. — Не надо пыжиться, лопнешь. Не получается, что ж, очень жаль.

— Ты глазеешь! — в отчаянии кричу я. — Теплая! С родимой звездой под грудью! Любимая!..

Здесь начали барабанить в дверь. Открываю

— вваливаются, представьте себе, киношники со всей своей стереоаппаратурой. Зависло в каждом углу по камере, и толстый Бим, старина Бим, — ведущий дневной программы, обнимает меня за плечи (знаете, как он это умеет делать?) и с ходу включается в прямой репортаж.

Одна из камер приближается, берет нас крупным планом. Он разливается своим бархатным сытым голосом, а хитрющие узкие глазки на дурацкой и толстой роже, знакомой во всех концах света, смотрят в голубой пузырь стереокамеры и еще дальше: в самую душу миллиардов таких, как я, граждан стереозрителей.

Честно скажу — ошалел от неожиданности. Да так, что вполне машинально рассказал толстяку и прочим желающим о родственниках по отцовской и материнской линиям, про то, как тетка Тарфундия в приюте для престарелых обожралась однажды консервированным мороженым, а одноглазый кузен Панч-Блонд из многих сортов табака выискивал на тротуарах проспектов окурочки с табаком из Гренландии.

Потом врубили на шестьдесят секунд рекламу, и толстяк Бим передыхал, отлипнув от стереопузыря. Я тоже сумел успокоиться. Настолько, что готов был осмыслить происходящее. Тем более,

что киношники отвалили со своей аппаратурой в сторону моей подружки. Обаяшка Бим звонко шлепает ее по голому заду, подружка хихикает, не без кокетства выставляет себя на весь белый свет голенькой, храбро отвечает на вопросы. Здесь я узнал ее имя. Анна. Необычное прозвище. До сих пор такого не слышал.

Киношники лепят свою развлекаловку, а меня просто распирает от удивления: я — герой дневного сюжета! С чего бы такое привалило?

И только подумал, как Бим объявляет:

— Патрульной службой зафиксирован эмоциональный выброс интенсивностью в пару миллионов монет. Приборы утверждают, что источник находится здесь. Что вы на это скажете?

— Топай, — говорю, как умею, вежливо, — отсюда на своих двоих, пока я тебе их не выдернул из задницы. Я — честный человек, контрабандой не занимаюсь. А покупать стимуляторы на ваших распродажах мне, уж конечно, не по карману. Туда меня и близко не подпустят, кредитом не вышел.

— Не прибедняйся, — ухмыляется толстяк Бим. — Что тебе терять? Дом, как положено, давно окружен агентами. Лучше расскажи нашим стереоэрителям, что переживает человек, когда

испытывает эмоциональный удар ценой в пару миллионов монет?

Послал я его дальше, чем следует, а он рад-радешенек: не слабая на сегодня обломилась развлекаловка!

Ну, появляются агенты. Отовсюду, разом, чрезвычайно эффектно. Один — высаживает окно так, что на камеру веером летят осколки, двое — сносят незапертую дверь, еще пара — валится сверху. Из дыры в потолке сыплется бетонная крошка, падают хлопья штукатурки, а эти (всегда удивлялся, как у них получается?) стоят чистенькими, с отглаженной стрелочкой на рукавах. И башмаки сияют, а глаза безжалостны. И у каждого в руках по лазерному стволу сорок пятого калибра, которые таращатся на мой лоб.

— Красиво, — говорю, — исполнено, ребята! Очень впечатляющее зрелище. Жаль, что нечем вас угостить. Разве жестяночкой с пивом?

Входит Шеф агентов, оглядывает меня с головы до ног, раскуривает свою вонючую сигару, не торопится. Потом запускает струйку дыма мне в лицо.

— Зря выламываешься, старый пенек! — обращаюсь к Шефу. — Ошибочка вышла. Нечего с меня взять.

Здесь наступило время рекламы. Киношники расслабились, агенты опустили оружие. Гримеры набросились на толстяка Бима — припудрить, поправить грим.

— Веди себя вежливо, сынок, — тусклым голосом сказал Шеф агентов. Держась за спину, сел на краешке стула. Закряхтел от натуги. — Смотри, присяжные такой срок нарисуют — жизни не хватит.

Похоже, у Шефа нелады с позвоночником. Впрочем, нелады временные. Минутою позже, перед глазком стереокамеры, Шеф выглядел молодцом, швыряя меня в сторону. Да и орал вполне жизнерадостно. Так, что звенела посуда в шкафу.

— Руки за голову! Лицом к стене!

Пока агенты обыск делали, отстоял я свое у стеночки. Как положено — с руками на затылке.

— Эй, как тебя! — объявляет Шеф. — Отлепись от стенки. Разрешаю сесть.

Оглядываюсь, мать честная! Комнату мою будто наизнанку вывернули. Большой праздничный «растерэамс», и перья из вспоротых подушек летают.

— Ну? — кривит губы Шеф. — Сознавайся, голубчик.

В руках у Шефа грушевидный объем. Как раз в

ладошку величиной.

— Имею право. Оставлено в наследство бабкой по материнской линии. Да только пустышка это, я проверял. Успели попользоваться. Знаете, как у вас, в государственных службах бывает? Сдаешь объемчик, чтобы выправить лицензию, а получаешь документик с пустышкою.

— Где хранишь стимуляторы?! — рычит Шеф, но воли рукам не дает. Помнит о гражданах стереозрителях. Шваркнул бабкину склянку об пол и каблуком раздавил. Жаль. Красивая была вещица, хоть и бестолковая.

— Память отшибло? Бывает. Не будем торопиться, — решает он. — Потолкуем с твоей милашкой. А-я-яй… — журчит голосом Шеф, и я вижу, чего ему это стоит. — Крошка, ягодка, пичужка! — вздыхает он, краем глаза поглядывая на часы. — В какой переплет попала. Наверное, не по своей вине? Сочувствую. А расскажи-ка нам, славная дёвушка…

Шеф тянет время, оглядываясь на часы, и я с ужасом понимаю: ждет врезки с рекламой. Шестидесяти секунд разговора без свидетелей.

— …Ответь, сделай милость… — разливается он с добродушием родителя и даже исполняя пальцами как бы «козу», — Отвечай, потаску-

ха! — рявкает Шеф.

И, значит, киношники отключились, граждане стереозрители имеют свою порцию рекламы, а два агента уже заламывают руки моей девочке.

Анна кричит, кричу я… мы надрываемся в два голоса…

— Отставить! — командует Шеф, и все замирают. — Возвращаемся на базу. Здесь нам больше нечего делать.

— Угробить такой сюжет?! — трясется от возмущения толстяк Бим. — Да вы в своем уме, милейший?

— Заткнись ты, мешок с хохмами. Будешь комментировать следующий сюжет с той стороны решетки. Эмоциональный выброс был естественным. Без применения стимулятора. Приборы фиксируют повторный эмоциональный выброс природного характера.

— Какой мощности?

— Счетчик зашкалило.

— Таким образом, граждане стереозрители, — тараторит толстяк Бим, и румяные щеки его прыгают, — можете от души позавидовать счастливчикам, ухватившим свой шанс из далекого прошлого, казалось бы навсегда потерянного для нашего общества. Нельзя даже представить

себе, что испытывает гражданин, на которого обрушиваются реликтовые ощущения. Природные чувства, эквивалентные невероятным дозам лучших… что там говорить, драгоценнейших стимуляторов! Эмоциональные игры такого уровня, разумеется, недоступны никому из ныне живущих. Оцениваются фантастическими суммами, масштаба… информационная служба подсчитывает, подсчитала! — Толстяк навешивает эффектную паузу, вчитываясь в сообщение «Экспрессинфо». — Фантастическая сумма! — объявляет он. — Уровня национального дохода страны.

Стереосюжет закончился.

Пока киношники выкатывались, явились профессионалы ремонтной службы. Как водится, молча и скоренько застеклили окно, дверь навесили, заштопали прореху в потолке. Смылись.

А мы, значит, сидим по разным углам. Друг на друга не смотрим.

— Давай-ка, ты, чинарик в серебряной упаковке, сделай что-нибудь! — просит Анна. — А то молчать уже невозможно. Угости девушку пивом. Перескажи сюжетик. Исполни что-нибудь подходящее на пару миллионов монет.

— Надо бы вот что… порядок навести. Прибрать

в комнате.

Подмели мы пол, вещи кое-как разложили.

— Теперь, — решает Анна, — можно глотнуть пивка и поплакать. Буду, пожалуй, плакать хоть каждый день.

— О чем речь, — говорю, распечатывая пиво. — Плачь себе на здоровье. За стимуляторы платить не надо.

— Кстати, как ты думаешь… каждый день — это не много? Не в напряг здоровью?

— Откуда мне знать? Пробуй.

Сидим, пиво пьем. А слезы ее что-то задерживаются. Не приходят. Хотя она очень старается: морщит лицо, тужится. Пробовала даже глаза тереть.

— Ладно, — решает она, — не сегодня. В следующий раз должно получиться. Я вот что: здесь, у тебя поживу. Нет возражений?

— Места не жалко. Живи, пока не устанешь.

Утром разбежались. Я — на проспекты, в очередь за дармовой похлебкой, она — зашибать монеты на очень непыльной работе. Травить мышек, насекомых.

— А что? — рассуждает, между прочим. — Витамины бесплатно полагаются и отвалить иногда можно, если не часто и очень захочется. Скажешь

только, что голова болит, надышалась, мол, вашей отравой. Тебя сейчас и отпустят, чтобы не оплачивать страховые.

Разбежались мы, значит, но после обеда заскакиваю я это домой, а она разгуливает по комнате. Мается.

— Что, — говорю, — сегодня у городских насекомых амнистия? Или отравы надышалась?

— Хуже.

— Ну?! Рассказывай!

— Я… — вздыхает, — видишь ли, мне… даже и не знаю, как объяснить.

— Давай, не тяни душу, пробуй как-нибудь.

— Не хочу там больше находиться. Не могу. Мне их жаль.

— Кого? Начальников? Или таких, как ты, отравителей?

— Мышек. И остальных тараканчиков. Жаль.

— Этих ползучих? Быть не может!

— Все, — говорит. — Завязала с такой работой. Пусть за бесплатные витамины травит ползучих кто-нибудь другой.

И распахнула свои гляделки — не оторваться.

— Ты, вот что… — прошу. — Смотри куда-нибудь в сторону. А то я что-то нервничаю и забываю слова.

— Реликтовые ощущения. У меня тоже — живот сводит, когда ты вот так… забываешь слова и нервничаешь. Очень беспокойная штука эти реликтовые ощущения. Насыщаешься, как клоп или комар. А может быть, как вурдалак.

— Нет, — говорю, — у меня не так. У меня — как растрескавшаяся земля в дождь.

— Ну, правильно, разбухаешь, сил нет! И как это предки терпели?

— Не нравится? Уже?

— Да нет. Грех было бы выламываться… — и подходит, чтобы положить голову мне на плечо. — Только жаль, что нельзя отключиться, часок передохнуть. Ощущения, как бы сказать… оседлали. Приходится нести это как горб. Куда ты — туда и твои новенькие ощущения.

Ее волосы пахнут скошенной в городском парке травой. С чего бы?

— Знаешь, — говорю и вдыхаю этот парк и скошенную траву, — у меня по-другому… Трудно объяснить, но, пожалуй, мне не приходится «это» нести. «Это» само несет меня. Переставляет с места на место. Делает совсем невесомым. Так что, если можешь, держи крепче, а то сорвусь в небо.

— Будь спокоен, — отвечает. — От меня не улетишь.

Не хочется вспоминать, но, между прочим, были причины, чтобы «сорваться в небо», а то, на некоторое время, и провалиться куда подальше, сидеть там и не высовываться. Сегодняшнее мое появление на проспектах оказалось тяжким испытанием. Каждый второй шарахался в сторону, матери спешили увести детей, закрывали им лица. Вчерашние граждане стереозрители сегодня показывали на меня пальцами, обходили как зачумленного. Меня дважды забирали в участок. Чтобы сейчас же выставить вон: горели определители стимуляторов, валил черненький едкий дым, звонко лопались счетчики.

Примерно то же случилось с Анной, но это выяснилось позже. В тот день мы оставались еще каждый сам за себя. Со всем, что наворочено в мире, где каждый дергается в единственном числе.

Как это ни странно, но когда на следующее утро оказалось, что наш дом пуст вместе с прочими многоквартирными домами улицы, что общество решило отгородиться прозрачной пластиковой стеной в два человеческих роста, когда это выяснилось, мы приняли случившееся без удивления, как должное.

Стена запечатала улицу от проспекта до проспекта, замкнув изрядное пространство. Мы разгуливали в этом пространстве, не обращая внимания на флайеры и вертолеты, которые торчали в небе, выставив глазки стереокамер. Контейнер с государственной похлебкой ежеутренне неведомым образом появлялся в раз и навсегда отведенном месте. Впрочем, любопытствующие сограждане перебрасывали через изгородь множество лакомой еды. Мы были благодарны этим людям. Принимали угощение до тех пор, пока однажды, развернув красиво упакованный сверток, Анна не надкусила кусок пирога, нашпигованного битым стеклом. К счастью, она не поранилась.

Бывали у нас и гости. Разного уровня администраторы, торгаши, спекули, даже мафиози. Мы встречали всех и, внимательно выслушав, спроваживали одного за другим без сожаления.

Так проходило время.

Я отпустил бороду, а живот Анны начал округляться, стал выпуклым. Мы ждали, когда этот живот дозреет, чтобы расступиться перед нашим детенышем. В то время мы как-то особенно терялись от реликтовых ощущений, которые обступали, находили острыми приступами.

Однажды под вечер во двор нашего дома, где на старых продуктовых контейнерах сидели мы с Анной, пришли двое работяг. И, как ни в чем не бывало, присели невдалеке. Достали пиво, еду. Ужинают.

Я, конечно, напомнил мужикам, что с них сдерут штраф за незаконный вход в резервацию, а заодно — налог за зрелище, потому что нас давно зарегистрировали как национальное явление. Вроде действующего вулкана или бездонной пропасти.

— Не твое это, сукин ты сын, дело, — смеются мужики. — Да и что с нас взять-то, кроме пары ношеных штанов?

И сидят на ребрышке контейнера, поплевывают.

Между прочим, мужики рассказали, что нас собираются, мол, кончать как явление. Потому что боятся побочных эффектов. Всеобщей заразы, говоря проще. Кое у кого имеются, мол, уже случаи природных эмоциональных выбросов. В микродозах пока что. Но некоторые забеспокоились. Особенно эти, с лицензиями на стимуляторы.

— Оно, конечно, плевать мы хотели на тебя, зараза, и на твою реликтовую любовь! — говорят мужики. — Но раз уж у вас, везунчиков, все

так произошло, мы, пожалуй, будем невдалеке. Можешь, то есть рассчитывать на четыре наших нехилых кулака.

В эту ночь пришли, чтобы защитить нас, еще четверо мужчин и одна женщина. А к полудню следующего дня защитники повалили толпами. Так что набралось столько нехилых кулаков, что считать их оказалось вполне бессмысленно.

№ 4

Александр Дмитриев

Кнопка

Холодов был наркологом. Но не тем, который изо дня в день убеждает испитые рожи, что водка — это кошачья моча. Нет, Холодов был крупным теоретиком по части наркотических соединений. Его работы шли на черном рынке по бешеным ценам. Полезные советы, которые он извлекал

из средневековых фолиантов, неизданных рукописей, мифов и устного народного творчества, позволяли наркоману сохранять уверенность в завтрашнем дне. Холодов, кстати, совсем еще молодой человек, регулярно посещал различные конференции, мотался по заграницам, носил модную дребедень, пленявшую юных соотечественниц, и был вполне доволен жизнью.

Но все хорошее кажется хорошим, пока не покажется скучным. Что-то подобное описанному А. С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» охватило Холодова к двадцать восьмому году его, в общем-то, безоблачной жизни. «Видите ли, доктор, — говорил он сам себе по утрам, глядя в зеркало и потирая жесткую щетину, — я перестал испытывать чувство глубокого удовлетворения». Но ирония не помогала.

И вот однажды в гостиничном холле, где-то в Испании, куда Холодов приехал на очередное ученое сборище, к нему подошел холеный джентльмен с коротко подстриженными усиками. Он представился как мистер Эвил «фром Грейт Британ» и сообщил, что тоже увлекается наркотической темой. Обменявшись визитными карточками и парой профессиональных словечек, джентльмены договорились поужинать

вместе.

Мистер Эвил оказался весьма эрудированным собеседником, обслуживание было превосходным, и уже через несколько минут после начала рандеву Холодов достал блокнотик и стал делать кое-какие пометки, бормоча: «Любопытно», «Крайне любопытно», «Крайне, крайне любопытно». Постепенно беседа вознеслась в подоблачные выси и шла уже о таких материях, как психологические наркотики. «Видите ли, — на безупречном английском говорил Холодов, — все, что так или иначе создает ложную картину мира, строго говоря, является наркотиком. Если телек может повлиять на вашу сердечно-сосудистую систему, создавая ложную картину происходящего, то чем он отличается от, скажем, элементарного пластилина?» Мистер Эвил был «эбсолютли» согласен и в свою очередь записал способ изготовления этого самого пластилина — скатывание грязи с тела после марафона по конопляному полю, обязательно на рассвете, до высыхания росы. «Вери интерестинг». Кстати, не обращал ли внимания мистер Холодов на то, что зависимость от психологических наркотиков крайне высока у интеллектуалов? Что, скажем, недостаток информации часто приводит к депрессии, даже ломке?

Что низкая чистота наркотика, скажем, грубая и неряшливая пропаганда, дает те же побочные результаты, что и, положим, отравление сивушными маслами?

Холодов не ожидал, что его мысль встретит такое тонкое понимание. Ему было лестно. Он уже мысленно представил себе очередную маленькую сенсацию, которую вызовет его новая статья, а может быть, чем черт не шутит, и откроет новое направление.

Однако далее дело приняло неожиданный оборот. Мистер Эвил предложил русскому доктору принять участие в проведении некоего эксперимента за вознаграждение. Сумма вознаграждения была эквивалентна удару «поддых», и Холодов кивнул головой, приглашая мистера Эвила изложить суть эксперимента.

Оказалось, англичанин изучает сопротивляемость высокоинтеллектуального мозга психологическим наркотикам. Им разработан прибор, который как бы вводит психологический наркотик непосредственно в мозг. Побочный эффект

минимальный, вреда для организма, насколько удалось выяснить, никакого. Но впоследствии наступает компенсационный процесс. Короче говоря, чем больше интеллектуального кайфа тем неожиданней и хуже последствия. Параметры? В процессе эксперимента измеряется время от нажатия на кнопку до ее отпуска.

Затем они перешли к выяснению деталей. Что за «интеллектуальный кайф»? О, это стоит попробовать! Вы не в силах будете оторваться от кнопки. Но если последствия будут серьезными, то захочу ли я нажать ее второй раз? О, вот это-то и самое «интерестинг»! Ваша воля борется с желанием. Грехопадение в миниатюре. Можно ли прервать эксперимент на любой стадин? О, да причем это не отражается на выплаченной сумме. Деньги выдаются перед экспериментом. Швейцарский банк, полная гарантия.

Последнее обстоятельство окончательно сломило Холодова и он тут же, в баре, подписал контракт.

В середине следующего дня Холодов ощущавший легкую пустоту в области желудка поскольку от волнения не позавтракал, стал владельцем умопомрачительной суммы денег — в валюте, в прекрасных, милых долларах. Затем они пе-

решли в номер мистера Эвила. Тот отомкнул небольшой, черный, с красными узорами сейф, достал оттуда приборчик размером не более пробки от бутылки и с торжественной миной вручил одеревенелому от неожиданных событий Холодову.

Да можно нажать в любое время. Нет, как регистрируется информация — это тайна. Можно сломать? Не получится — можно выбросить, скажем, на помойку. Только не советую.

Потом очень неприятно будет разыскивать его, перекапывая горы отбросов. Да, такие случаи были. Но лучше вернуть мне…

Находясь за границей, Холодов жать на кнопку не решался. Черт ее знает, может, она вообще взорвется. Но, вернувшись домой, врезав с друзьями по поводу приезда старого испанского вина и оставив после их ухода на ночь юную, но уже достаточно понятливую блондинку, Холодов осмелел. Прошлепав голышом в спальню, он снял с полочки прибор и сунул его под подушку. Блондинка превратно поняла этот жест и стала отпускать шуточки насчет боязни заразиться СПИДом. Холодов нашел средство ее успокоить, но сам не потерял хладнокровия и в момент пикирования, когда от смены давления ломит

в ушах, судорожным движением нащупал под подушкой кнопку.

Однажды, еще студентом. Холодов смотрел секретный фильм, который крутили на военной кафедре. Американский самолет шпарил над самой землей, переворачиваясь через крыло с жуткой скоростью, ныряя в ущелья, огибая трубы и холмы и еще стреляя по налетающим с разных сторон, как пчелы, ракетам. Сейчас он ощутил себя этим самолетом. По телу его прошла, как цунами, синусоидальная волна, потом он растекся электрическим скатом, ионизируя и светясь, потом стал пулей, вылетающей из ствола… И еще много-много «потом», и все секунд за пятнадцать, не более. Как он отпустил кнопку, лишь Богу известно.

Блондинка, обретя сознание, даже не сумела подобрать нужного слова, а утром лишь искательно заглядывала Холодову в глаза.

Молчал и Холодов. Его терзал страх перед расплатой. А в том, что за такие ощущения расплата будет немыслимой, он не сомневался. Но минуло десять минут, полчаса, ночь, сутки — и ничего не происходило. И постепенно Холодов успокоился. Между прочим — зря.

В один из вечеров он был приглашен на

«парти», где собиралась столичная молодежь. Поскольку от разговоров Холодова уже тошнило, он забрел в интимно освещенную комнату, где не разговаривали, а танцевали. Собственно, это были не танцы, а скорее, «обниманцы».

Холодов, автоматически оценив сидящих дев, выбрал одну посимпатичнее и только раскрыл рот, как вдруг с ужасом увидел, что брюки его сами собой расстегнулиоь и оттуда вырвался фейерверк зеленых, синих и красных звезд, которые сложились в воздухе в четкую надпись: «ПРИГЛАШАЮ НА ТАНЕЦ». Затем все померкло, и Холодов стал застегивать брюки на глазах у изумленной публики — он даже не сообразил, что лучше бы выйти из комнаты.

Добравшись до дома, Холодов повалился на кровать и заплакал. Хотелось умереть. В голове вертелось: «...в березовом веселиться, в сосновом молиться, в еловом удавиться».

Утро вечера мудренее, поэтому, проснувшись, он ощутил, что все не так уж плохо. Во-первых, дело можно представить как некий заграничный фокус. А потом, ну что такого? Да мне цены не будет, если пойдет слух, что я такой зажигательный

мужчина. И если все последствия ограничатся подобными кунштюками… Холодов повеселел.

Еще больше он повеселел, когда ему позвонила вчерашняя дева, та, что посимпатичнее, и стала напрашиваться в гости.

Короче, в этот вечер Холодов нажал кнопку почти сразу и блаженствовал минут двадцать, не особо заботясь о последствиях. А зря. Последствия были столь плачевны, что у автора нет слов, чтобы их описать. Холодов чудом не угодил в психушку. Вызванные перепуганной гостьей друзья возились с ним всю ночь.

Следующее утро, хотя и мудренее вечера, было весьма мрачным. Как специалист. Холодов четко понял, что пропал. Отказаться от наркотика он не в силах, но не в силах и переносить последствия. Рвануть за границу? Куплю дом, найму прислугу, которая ничему не удивляется… Нет, Не выйдет. Если сказано: будут последствия, значит, будут, как не крути.

Он просидел весь день, напряженно думая. И уже ночью вдруг понял, что надо сделать. С трясущимися от нетерпения руками Холодов бросился на кухню — искать валявшуюся где-то в шкафу изоленту.

Мистер Эвил сидел за портативным компьютером, напевая по привычке что-то английское. На экране появилось изображение Холодова, который — лихорадочно обматывал приборчик липкой лентой и разговаривал сам с собой.

— ...Если на кнопку жать без перерыва, то на расплату просто не останется времени.

— На этом свете, — добавил мистер Эвил и от удовольствия пристукнул копытом.

Рисунок Е. Телищева

№ 5

Вадим Кирпичев

Одна инструкция и пять лопат

16.

До звездолета оставалось с версту, когда наш уазик влетел в яму. Поглядев на колесо, торчащее под углом в 45 градусов, и высказав все, что принято в таких случаях, мы побежали разбитой дорогой. Далее — заросшим полем. Громада трехкилометрового космического корабля, черной тучей заслонявшая солнце, висела над головой.

— Пусть отловят снежного человека! — кричал на бегу наш ветеринар. — Да, чуть не забыл, загадка тунгусского метеорита!

— Ты что! Тратить желания на такую чепуху! А загадка лох-несского чудовища? И этих, как их… баальбабских камней. Заодно пусть дадут единую теорию поля! — агроном аж сиял в восхищении от собственного интеллекта.

Всех перекрывал бас Митрича:

— Будет вам с пустякамиї Пусть лучше нам под пруд котлован выроют! Что? Сверхцивилизация? Тогда два котлована!

Экономя дыхание, я с сожалением поглядывал на своих молодых товарищей. Котлован, Несси, единая теория поля — это же надо так мелко мыслить. Я, только я знал, чего надо просить у гостей со звезд. Если не опоздаем.

Я как раз отпросился на три дня с работы, чтобы написать трактат «Как нам обустроить родной

Цюрюпинск» и, если успею, починить крышу, когда с воплем: «Дядя Егор! Пришельцы», ко мне вломился Сенька, шалапут-племянничек.

Я давно это предсказывал, и вот, случилось, подумал я, отрываясь от трактата. И прямо с крыльца увидел парящую над полями черную тушу. Кстати, что бы вы предприняли в этой ситуации? У меня сомнений не было: надо организовать комитет. Ну, с председателем все ясно. Надев шляпу и на ходу повязывая галстук, я соображал — кого еще включить? Сенька, захлебываясь, рассказывал, как чудище до невозможности тихо продавило облака и как, обнявшись словно перед смертью, они с женой стонали в стогу. Интересно, с чьей? Сенька-то холостяк. В дальнейшем, по его словам, жена, прихватив платье, убежала, зато появился гигантский стальной паук, нездешним голосом предложивший к десяти часам представить ему три людских желания.

Ветеринара мы выудили прямо из заводи, где он неделю дожидался сома, ушедшего от него в прошлом году. С агрономом было трудней. Тот разливал по бутылкам ночную продукцию и ясностью мысли не блистал, норовил поднести Сеньке стаканчик, до слез расхохотался, заметив мою шляпу, обижался на спешку, пока я не задрал

его башку к небесам.

Митрич, слава Богу, был дома. Околачивая пенек вяленым лещом, пятый представитель нашенского истеблишмента смачно попивал пиво.

Вся остальная деревня высыпала за калитки, когда мы пропылили в поля.

Три желания… Лекарство от всех болезней, методы генной инженерии, термояд, секреты телепатии и левитации, доказательство теоремы Ферма, безвредный наркотик, фотонный движок, средство от облысения, фотокарточку Бога… Наши мужики хотели всего.

Когда мы вбежали в световое пятно под кораблем, до десяти оставалось всего две минуты.

— Смирно! — скомандовал я. После чего точно и кратко доложил членам комиссии, в чем на самом деле нуждается человечество.

Что тут началось! Визги, хватанье за грудки, неприличные жесты, улюлюканье. В общем, демократия. Унижаться до объяснений не в моих привычках. Я только приоткрыл тайники русской устной речи, известные лишь бывшим ротным старшинам.

— Вот он, я же говорил! — запрыгал Сенька, тыча пальцем в небеса. Оттуда к нам опускался стальной робот-паук, смахивающий на букву

«Ж». У меня было все готово. Недрогнувшей рукой я вручил космическому посланцу написанный на листке ученической тетради заказ россиян:

«1. Все для счастья человечества.

2. Абсолютная истина.

3. Все для того, чтобы Россия обошла Японию по производительности труда».

Робот легко воспарил и исчез в распахнувшемся люке.

Гениально, думал я. «Счастье человечества» — это конец войнам, любым «измам», голоду, болезням. «Абсолютная истина» — на ее основе мы сами создадим технические сверхчудеса. За эгоизм третьего пункта было чуток стыдновато — но как не порадеть несчастной родине? Эх, вечная беда нашего человека — приходится жить в России. Дайте мне нормальную страну, и я, с моей хваткой прораба-мелиоратора, стану по меньшей мере президентом!

Вдруг я испугался. Не маловат ли кораблик? Необходимые машины, продукты, документация: уместится ли все в какие-то жалкие три-четыре километра?

Люк распахнулся вновь. И все тот же паук мигом спустился с небес и энергично замахал тремя верхними манипуляторами.

— Наш великий сверхцивилиэаций может все, — заговорил он с легким галактическим акцентом. — У нас есть то, что люди хотеть. Но за действительность желаний вы должны ответить своим телом. Примите контракт.

Мы зашептались. Тело — не душа, жалко. Однако, взявшись за гуж…

— Эт запросто! — Сенька ударил кепкой о землю. — Где там вашу бумажку подмахнуть?

Робот выдвинул из живота поднос с пятью предметами вроде гранат-лимонок.

— Типовой контракт для цивилизации 16-го порядка, возалкавшей счастья, — пояснил он. И добавил: — Это не подмахнуть. Это глотать.

Сенька струхнул.

— Эту гадость? Не буду.

Выхода не было. Я взял контракт. Лимонка проскочила на удивление легко. Моему примеру последовали ветеринар, агроном, Митрич и — последним — Сенька: проглотил свою гранату, закурил, дернул пару затяжек и отшвырнул сигарету, хотя обычно скуривал до ногтей.

Я уже составлял в уме план нашей экономической и интеллектуальной помощи США. Митрич разливался о мессианской роли России. Сенька вслух мечтал о девках, которые увидят его по

ящику.

— Гляди, пошло! — перекрестился агроном. Действительно, трюм открылся, и сундук загудел вниз.

Когда же мы снова задрали головы, корабль уже уходил в облака. Мы с печалью уставились на единственное свидетельство состоявшегося космического контакта. А потом открыли сундук.

Сенька выхватил со дна листок бумаги и подал его мне. На листке было напечатано:

«Инструкция по счастью

Нижеследующему верить.

1. Не саморазрушайся.

2. Не убий.

3. Почитай родителей.

4. Беги стукачества.

5. Не пожелай ни компьютера, ни машины, ни кредитной карточки, ни факса, ни телекса, ни жены ближнего своего.

6. Тридцать дней трудись, а на тридцать первый отдыхай.

7. Честно плати налоги».

Теперь мы будем счастливы.

Алые зорьки рыбалок, сопенье над трактатами, жаркие споры о будущем России и мира — ау!

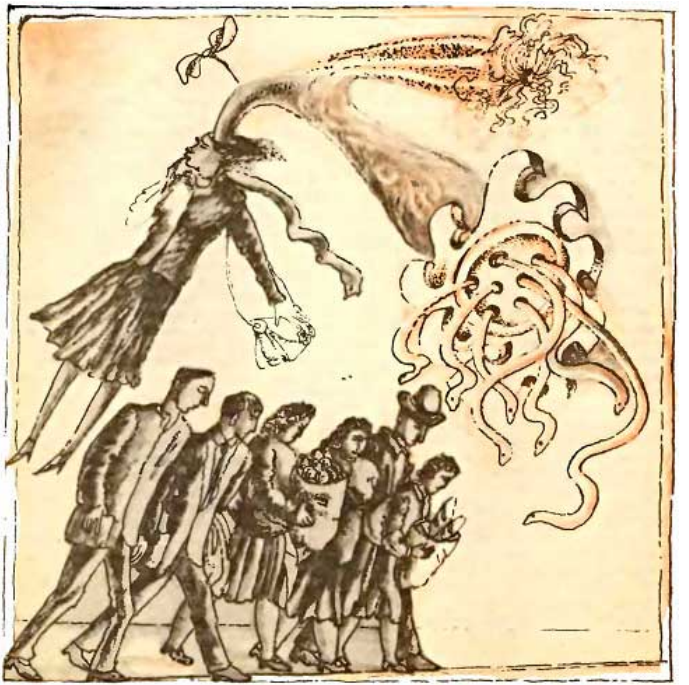
Да, чуть не забыл самое главное. Кроме ин-

струкции в сундуке еще лежали лопаты. Ровно пять штук. По лопате на брата.

№ 6

Валентин Варламов

Чай с мелиссой



Последнее время Клюшкину беспокоил шум в голове. Сперва-то она, по сравнительной молодости и одиночеству, относила его на счет окружающей среды, дошедшей у нас в Пимезонске до полного безобразия. Но как-то ночью, лежа без сна в своей однокомнатной, сообразила, что

кругом все соседи угомонились, даже этот шизик сверху. А в голове у нее словно бы марш из оперы Дж. Верди «Аида», сочиненной к успешному завершению великой стройки Суэцкого канала.

В поликлинике ее долго гоняли по кабинетам. В каждом мерили давление — везде разное. И назначали консультацию. А напоследок сказали, что без анализа на гиалуронидазу вообще говорить о чем-либо бессмысленно, анализ же этот временно не делают. Шумы тем временем совсем разыгрались, приближаясь к современным ритмам.

Женский инстинкт подсказывал, что хорошо бы в этом случае какую-нибудь диету позаковыристей. Но какая теперь диета. Больше всего обстановка позволяла полное лечебное голодание. Однако инстинкт почему-то был против. Хоть еще пару лет назад не возражал.

По советам бывалых Клюшкина стала глотать всякие таблетки согласно наличию их в аптеке. От этих глотаний она чувствовала себя то неимоверно высокой — так что трудно было попасть ногой в тапочку, то наоборот, приземистой и тяжелой, как лягушка на сносях. Или в виде шара заполняла всю комнату и боялась проколоться о люстру. На шумах, однако, это не отразилось.

Сотрудница по службе в секторе газа, женщина глупая, но культурно развитая, дала телефон проверенного экстрасенса.

Экстрасенс разочаровал. То есть внешне он смотрелся. Весь в бороде и не очень толстый, кругом иконы и подсвечники. Сразу сказал, что дело серьезное: вся аура в дырках и биополе кем-то изуродовано. Клюшкина и сама чувствовала, что биополе ни к черту, и тут же кое-кого заподозрила. Бородатый долго ходил вокруг с проволочками и камнем на веревке, бормоча под нос, как он важно сообщил, «на сантскрите». Вот этот «сантскрит», пожалуй, и испортил обедню. Да еще руками все норовил прилипнуть, хоть и утверждал, что действует на расстоянии. Знаем мы эти действия. А под конец, с кряхтеньем устроясь в позу лотоса, объявил, что лечит не он, а Космос, упомянул о карме, от которой никуда не денешься. И потребовал, видимо, на нужды сразу всего Космоса, соответствующую плату.

Деньги она, как человек воспитанный, конечно отдала не пикнув. Но аура у нее со звоном прямо-таки брызнула осколками. С тем и покинула рассадник парапсихологии, нехорошо поминая сотрудницу, галопом под собственную музыку домчалась до дому. Взлетела к себе на этаж, обогнав

эадышливую Варьпетровну, женщину добрую, но бесхитростную.

— Мужика бы тебе завести, — не имея в виду обидеть, сказала Варьпетровна, пока соседка, шипя от злости, шарила в сумке эти чертовы ключи.

— Еще чего! — заорала Клюшкина, обременив свою и без того нелегкую карму непочтением к старости. И шваркнула дверью так, что чеканная русалка, томно дремавшая на стене прихожей, — подарок без вести пропавшего поклонника — с визгом сорвалась за комод. Туда ей и дорога, разлеглась тут. Дура хвостатая!

Утро началось как всякое утро. Хуже некуда. После снотворного в голове рокотали тамтамы. Впереди ждал ненаглядный сектор газа. С кухни тянуло горелым. Радио вещало о захоронении отходов. Этот наверху врубил рокеров, чтоб их разорвало. Стоя на одной ноге, Клюшкина поперхнулась горячим, швырнула посуду в мойку и дернула на выход, привычно оглядев, все ли на ней, потому что был случай… Нет, ничто не может столь молниеносно разъярить даже меланхоличную блондинку — любительницу сдобы, как поползшая петля на колготках, будь они прокляты. Клюшкина не была блондинкой.

И когда она вылетела-таки на улицу, мир уже не мог ждать от нее ничего хорошего.

Автобусная очередь указала ей свое место, добавив необходимые комментарии. Тревожная барабанная дробь в голове у Юдашкиной сменилась трубным звуком, коротким и страшным, как сигнал к кавалерийской атаке.

О дальнейшем рассказывали по-разному. В этих устных преданиях причудливо сочетались радиоактивные мутанты, Жириновский и НЛО. У нас в Пимезонске вообще любят передавать по кругу информацию с некоторыми уточнениями. На деле все было проще. И загадочней.

Водитель автобуса, как всегда опаздывая и заранее вызверясь, подруливал к остановке, но, увидев разбегающихся в панике людей, благоразумно промчал мимо, раздавив что-то непонятное — то ли крысу, то ли кулек с картофельными очистками. А может и взрывное устройство. Не сработало, однако. Старшина Иванов, следуя по делам службы на милицейском газике, издали заметил нарушение общественного порядка. По приближении же к месту происшествия зафиксировал остолбеневших граждан в числе трех: старичка с газетой «Красная звезда», молодую женщину с открытым ртом и мужчину, вроде

снабженца, в запотевших очках. Кои и были им погружены в машину для препровождения в отделение и снятия показаний.

Проще всего было с Клюшкиной. Она еще не пришла в себя и потому сообщить что-либо по факту происшествия не имела. Старичок с газетой, наоборот, имел, но настаивал на полной секретности в письменном виде и под грифом. Во избежание нездоровых тенденций среди населения, напрочь забывшего дисциплину и бдительность. Который вроде снабженец показал, что изо рта вот этой гражданочки или, я извиняюсь, девушки выпрыгнуло что-то размером с батон колбасы, известной у нас в Пимезонске под названием «мокрой». Каковая колбаса, видимо, зараженная бешенством, кидалась на людей и даже на автобус, но, попав под колесо, лопнула.

— Протри очки-то, — посоветовала ошарашенная Клюшкина, больше от растерянности. За что получила строгий окрик дежурного. И перенесла бы его внутри себя как многое в своей жизни. Но оба свидетеля начали тыкать в нее пальцем и кричать, что вот из-за таких все наше общество пришло в полный упадок, и еще надо проверить… Тут-то она и услышала снова трубный сигнал «Шашки подвысь!», и набрала побольше

воздуху, и на стол дежурного свалилась невесть откуда ужасная тварь величиной с полено. Серая и полупрозрачная, спереди она имела вроде вентиляторя бешено работающего, а сзади крючковатую ногу, посредством которой пыталась броситься на лейтенанта, но поскользнулась на стекле и шлепнулась на пол.

Будучи при исполнении, дежурный немедля применил табельное оружие на поражение два раза. Грохот выстрелов слился с женским воплем и командой «В ружье!», поданной старичком. Скучавший в коридоре глухонемой бомж заглянул в дежурку, но был отстранен подоспевшим капитаном милиции.

— Совсем сдурели, — заключил бомж, возвращаясь на скамейку. — И не толкайтесь, пожалуйста.

— Извините, — машинально ответил капитан, человек симпатичный, но холостой по виду.

Дежурный — руки по швам — доложил обстановку, поочередно указывая головой на Клюшкину, уже названную подозреваемой, и на застреленное чудище, именуемое им «существом неизвестного назначения». Начальство велело подать рапорт по форме, боевые патроны списать, граждан отпустить, а гражданку при-

гласило к себе.

В кабинете Клюшкина деревянно села на предложенный стул и приготовилась к худшему.

— На вас лица нет, — сказал капитан. — Выпейте чаю. Валерьянка кончилась. Сильно испугались?

— Ага, — благодарно покивала Клюшкина. И стала греть руки о фарфоровую кружку, расписанную незабудками. Начальник занимался делами. Совсем некстати вспомнилась ей почему-то поляна за маминым домом и крошечные цветочки, неведомые по имени. Тогда, в детстве, они так забавно раскрывались под ее рукой. Или возникали? Потом-то их не стало. А может, и не было этого. Да не все ли равно.

Постучался дежурный:

— Что делать с вещдоком?

— С каким?

— Ну это… которое на полу, — затруднился дежурный.

— Вероятно, определить, что оно такое, — сказал капитан, — показать специалисту.

— Так специалист же в декрете.

— Петров, вы где служите? — удивился начальник. — Кругом наука!

Дежурный козырнул и в задумчивости отбыл.

А чай был крепкий и душистый.

— С мелиссой, — пояснил капитан. — Полегче стало?

Клюшкина опять покивала головой:

— Ага, можете допрашивать.

Он улыбнулся:

— Да Бог с вами, голубушка. Ну что вы можете рассказать?

— Вообще-то ничего не могу, — честно призналась Клюшкина и тоже улыбнулась неловко, надо же, совсем отвыкла.

— Идите-ка вы домой, — капитан встал. — А если захочется, навестите через недельку. Глядишь, и узнаем что-нибудь про это чудо-юдо.

И впервые она рассмотрела его глаза. Господи, как же давно не видела человеческих глаз, все как-то так, походя, орган зрения, и не больше. Заслонка для души. И некогда, да и неохота гадать, есть ли что-нибудь за этой заслонкой.

Неделя прошла тихо. Зная себя, Клюшкина не дергалась и дышать старалась ровно-ровно. Слушала радиостанцию «Орфей». Колготки все перештопала и спать ложилась без таблеток. Барабаны в голове почти замолкли, она объясняла это замечательным действием травы мелиссы, которую достала через сотрудницу и аккурат-

но заваривала с чаем. А однажды ночью тихо и грустно звучала скрипка. Кажется, Дебюсси, решила Клюшкина, раньше мечтавшая о возвышенном. И заснула.

Зашла в милицию. Хоть, по-честному, сама не знала зачем. Глухонемой бомж, скучавший на скамейке, вежливо привстал. И дежурный был тот же. Она спросила начальника.

— Капитан Сидоров в госпитале, — было сказано ей тоном, не исключавшим множественные осколочно-пулевые ранения, однако пресекающим дальнейшие расспросы. Клюшкина повздыхала немножко и еще осведомилась насчет того… происшествия. Материал отправлен на экспертизу. Как положено. Куда? А почему вы этим интересуетесь? Когда будет надо, вас вызовут. Повесткой. До свидания.

В коридоре бомж поманил ее пальцем.

— В НИИ морфологии валяется, — шепнул он. — Тут напротив. У профессора Катай-Нижегородского. Тоже мне военная тайна — дохлая каракатица. Совсем сдурели.

У профессора сидел посетитель. Молодой, но без бороды. Судя по обильной синеве щек и акценту — из расположенного к югу независимого государства. Разговор шел, на удивление, о кара-

катице. Которая вовсе не валялась, а пребывала в стеклянном сосуде, чем-то залитая. И глядеть на нее было не страшно, а немножко грустно. Вместо головы широкий венчик тонких-претонких ресничек, бессильно поникших. Внутри жемчужно просвечивали непонятные узлы-органы.

— Вы поймите, — сердился профессор, — это обыкновенная коловратка, к тому же погибшая. О каком разведении может идти речь? Да еще и в единственном экземпляре. Впрочем, они чаще размножаются путем партеногенеза.

— Это как? — насторожился гость.

— Н-ну, чтоб вам было понятно, без участия мужской особи.

Гость оскорбленно поднял густые брови. Клюшкина покраснела.

— И вообще, — профессор небрежно щелкнул ногтем по сосуду, — этого не может быть. Размер коловраток достигает лишь миллиметра. Артефакт! И глупые слухи.

— Да со мной это все было! — взвилась Клюшкина. — Да хотите, вот сейчас, перед вами…

— Внушение? — пожал плечами профессор. Но на всякий случай отодвинулся.

— А в сосуде что?

— Артефакт…

Южный гость догнал ее на лестнице.

— Слушай, — жарко задышал он, — давай с тобой бизнес делать. Представляешь, реклама: «Артефакт лимитейд. Партеногенез и другие услуги». Звучит! Лангустами торговать будем. Хорошо жить будем.

— Какими лангустами?

— Хэ, а кто у профессора в банке скучает? Я зря приходил, да? Думаешь, народ лангуста видел? Съедят за милую душу!

Трубы грянули так стремительно, что Клюшкину качнуло. Содружественный бизнесмен радостно ловил большой кепкой юркую, не крупней «ножки Буша», коловратку, прыгавшую на ступеньках. А Клюшкина уже была на улице, удивительно быстро приходя в себя: что за люди! Господи, узнать бы, где тот секретный госпиталь для раненых милиционеров. Хотя зачем… С жалостью вспомнила чудище-недомерка. Иссякаю, видать. Завести бы себе, пока не поздно, вот такого артефактика, что ли. Все-таки веселей. Держат же крокодила в ванной. Привязываются. А если у бомжа спросить про госпиталь?

Крохотная девочка у подъезда горько плакала.

— Ты что? — присела перед ней Клюшкина.

— Плохо мне, — поведал ребенок.

— Да что случилось, успокойся!

— Ох, дайте мне поскорей чего-нибудь успокоительного! — зарыдало дитя, и слезы-градины покатились по румяным щекам. На дне сумочки нашлась карамелька. Ловко заправив конфету за щеку, дитя прошепелявило «шпашибо, тетя» и, одарив сияющей улыбкой, ускакало в подъезд. Это тебе не артефакт, подумала Юдашкина и рассмеялась.

Вечером она немножко всплакнула — тоже забытое занятие, — но не слишком горько. Да тут еще холодильник, видимо, с работы натощак, забастовал и пережег пробки. Клюшкина со свечой долго искала проволоку для «жучка», ни разу не чертыхнувшись. А когда вскарабкалась на шаткий комодик, в дверь постучали. Вот некстати, пришлось слезть.

— Вы? — ахнула Клюшкина, и свеча в руке вспыхнула ярко-ярко, видно, от сквозняка. — А как же… сказали… в госпитале?

— На диспансеризацию вызывали, — объяснил капитан. — А там у них была выездная торговля. Купить, правда, нечего, но я подумал — вдруг вам пригодится, сейчас шел мимо… звоню, звоню.

И протянул две автоматические пробки. И три гвоздики, с головой завернутые в газету.

Разносолов не было. Но хлеб оказался так удачно поджарен, а мамино варенье с прошлого года почти не засахарилось, и чай с мелиссой получился на славу. А уж смеху было, когда хозяйка рассказывала о профессоре и его госте!

Под конец, уже в прихожей, капитан вдруг сказал:

— Знаете что, Таня…

И Таня вспомнила, что ведь никакая она не Клюшкина, то есть Клюшкина Т. П. конечно, но совсем не это главное. Теперь вон уж и на памятниках стали писать — Пушкин А. С., будто в ведомости домоуправской на раздачу талонов. А главное в жизни — что она Таня и, пожалуй, даже Танечка.

Капитан опять сказал:

— Знаете что, Танечка…

— Что? — спросила она.

Капитан еще помялся и негромко попросил:

— Выходите за меня замуж.

И добавил:

— Пожалуйста!

В голове у Тани зазвенели маленькие серебряные колокольчики.

Кажется, глюк, подумала она. А вслух сказала:

— Ишь какой торопливый!

И с уст ее спорхнула алая роза.

Рисунок И. Красавитовой

№ 7

Евгений Прошкин

На круги своя

Фантастика

На круги своя

Евгений ПРОШКИН

Дождь. Странная штука. Зимой его так ждешь, а приходит весна — и начинаешь проклинать все на свете. Дорога скользкая, как кусок мыла, а у меня резина совсем лысая. Надо бы сбросить скорость. Да ладно, чего это я? Справлюсь, не мальчик. А может, притормозить? Нет! В любой другой день, но не сегодня. Жена в роддоме, надо успеть. Шоссе пустое, ни одной машины. Все будет нормально. И чего я вдруг разволновался? Старею. Это в тридцать пять-то?

Вдруг — лось. Справа — лес. Руль влево. Два прожектора — фары. Откуда автобус? Ни испуга, ни боли. Только удивление. А лось был большой, как бегемот. Смешно!

Тепло и тихо. Какое-то давно забытое, ни с чем не сравнимое ощущение полного покоя. Так чувствовала себя метагалактика накануне Большого взрыва. Да полно! Какие еще взрывы? Какие к черту галактики? Надо выяснить, где я. Сознание работает как никогда ясно, но вот тело — с ним что-то неладно. Темно. Странный гул. Полугул — полупульсация. Чего? Всего вокруг. Очень похоже на сердцебиение. Не мое. Мое — вот оно, само, по себе. Правда, бьется слишком часто. Еще бы тут не волноваться.

Какое-то чувство беспокойства. И неудобства.

Что-то не так. Что-то должно измениться. Мягкое прикосновение к голове. Острый укол яркого света. Легкие разрывает ворвавшийся воздух. Оказывается, я не дышал. Резкая боль в районе пупка. Ничего, терплю.

— Смотрите, не плачет. Молодец!

— Ничего хорошего. Ребенок должен плакать.

Пожилая акушерка внимательно осмотрела новорожденного.

Больничная палата. Полно народу. Какие-то девушки — практикантки, скорее всего. Тут до меня доходит, что я совершенно голый. Пытаюсь прикрыть свою наготу, но руки не слушаются.

— Ой, смотрите, как ручками машет! Смешная! — раздаются голоса практикантов.

— У вас девочка, — говорит акушерка какой-то измученной женщине.

Похоже, речь идет обо мне. Девочка! Это что, шутка? Я сгибаю не подчиняющуюся мне шею и… О, Боже! Где это? Где все то, что должно у меня быть? Я вижу лишь короткие пухлые ножки, болтающиеся в воздухе. Мои? Не может быть. Мои!

— Эй, что вы со мной сделали? — спрашиваю я, но язык отказывается повиноваться, и из горла вылетает лишь «эгей».

— Лепечет что-то. Какая хорошенькая! — уми-

ляются практикантки и начинают сюсюкать: — Ути-ути! Сюси-пуси!

Значит, сюси-пуси, мать вашу так?! Что я могу сделать, ну что я могу сделать?! Господи, что у меня с пупком? Постой, так это же пуповина. И эта палата, и женщина… Я постепенно прозреваю, но мозг отказывается согласиться с моими выводами. Меня… родили?! Но я вовсе не девочка! Меня зовут Алексей, мне тридцать пять лет, у меня жена и сын. Скоро, очень скоро должен появиться на свет второй, а может, дочка, но это не имеет значения. Я как раз ехал к жене, но тут — лось, потом — автобус. Я все прекрасно помню! И вдруг я, пардон, рождаюсь заново. Да еще в обличье девочки. Как это понимать?

Ладно. Хорошо. Некоторые верят в переселение душ. Якобы существуют даже способы выяснить, когда и кем я был в прошлой жизни. Допустим. (Да и как теперь с этим не согласиться?) Но чтобы все помнить? А не попал ли я на тот свет? Или, может, на самом деле лежу я сейчас где-нибудь, привязанный к кровати крепкими ремнями? Интересно, Маша уже знает? Да нет, наверно, перед родами такие вещи не говорят. А если так, то как она истолкует мое отсутствие? Что подумает?

— Посмотрите, какая красавица! — акушерка

меня, как котенка, подносит к роженице.

Да какая я к черту красавица? У меня черные усы, большая лысина и кривые волосатые ноги. Ах, да! Нет у меня ни усов, ни волосатых ног, ни… Словом, ничего.

И тут я увидел ее лицо. Уставшее, бледное, в крупных каплях пота, но все равно такое красивое и бесконечно родное лицо.

— Маша! — кричу я, но у меня получается лишь бессмысленное «ма».

Я пытаюсь ей все рассказать, объяснить, но изо рта вырываются одни бессвязные, нечленораздельные звуки. Да если бы я и мог говорить, то как бы объяснил, что моя мать — это моя же жена, а мой отец… Я сам.

— Ну все, вам надо отдохнуть, да и девочке тоже.

Акушерка берет меня на руки и собирается куда-то отнести.

Вдруг я чувствую, что мне необходимо в туалет, причем срочно. Я же взрослый человек, но как им об этом сказать?

— Ой, Наталья Михайловна! Вы слышали? Она говорит «ни-ни»!

— Да бросьте вы, девочки! Смешно даже! Ей же и часу от роду нет, что она может сказать?

Глупенькая еще совсем.

Значит, глупенькая?! Так получай же, старая ведьма! Эх, жаль, ты в клеенчатом фартуке…

— Вот видите, видите, Наталья Михайловна! Мы же говорили! — захлопали в ладоши практикантки.

Акушерка внимательно посмотрела мне в глаза.

— Прямо вундеркинд. Далеко пойдешь, милая. Может, заранее автограф взять?

Девушки-практикантки дружно и неэстетично заржали, от чего я вконец расстроился. Неожиданно для самого себя я разревелся (лась), как это обычно делают грудные дети — горько и безутешно.

Да, нервы совсем стали ни к черту.

Маленькая кроватка. И самое страшное, что я в ней умещаюсь. Спать совсем не хочется. Вокруг ряды таких же кроваток, и в них, мирно посапывая, лежат новорожденные. Такие же, как и я. Говорят: захочет Бог наказать, так разум отнимает. А если тело? А вместе с ним — всю жизнь, все, к чему пришел, чего добился за тридцать пять с небольшим лет? Хотя не так уж многого я и добился. Смотря что брать за ориентир. Одно лишь материальное благополучие маяком быть

не может. Это, скорее, как ветер: хорошо, если попутный, а если встречный — что ж, можно и против ветра ходить. А может, судьба выбрала меня — одного! — и дала второй шанс? Вторую попытку? Кто не мечтал прожить жизнь заново? Исправить ошибки, на всех развилках выбирать только верный путь. Кто не мечтал?

Так, выходит, я еще и радоваться должен. «Вторая попытка»… Философ! Скоро я научусь говорить. Не может быть, чтобы мой язык и меня же не слушался. И что же? Так Маше и сказать: «Мама, я твой муж»? Или делать вид, что не умею читать, не умею писать, водить машину. Всю жизнь прикидываться. Сначала — маленькой девочкой, потом — девушкой, потом… Меня даже пот прошиб при мысли о том, что мне придется быть женщиной.

Все начинать с нуля. С абсолютного нуля! Это что, и есть мой второй шанс? Или мне просто предоставлена возможность некоторое время — каких-то семьдесят лет! — побыть в шкуре женщины? Зачем? Вернее — за что?

А друзья? Мой характер, наконец, привычки, неприемлемые для женщины, — все прахом?

В палату вошли знакомые практикантки, видимо, полюбоваться на гениальную девочку (на

меня). Забывшись, я машинально сказал:

— У вас не будет сигареты?

Они оторопело переглянулись и снова уставились на меня.

— Ух ты! Скажи еще что-нибудь!

Я совершил ошибку. Отступать было некуда.

— С удовольствием с вами побеседую, но сначала позовите мою маму.

Говорить было чрезвычайно трудно — к языку как будто гирю привязали. Но все же это была человеческая речь, пусть картавая и шепелявая, но вполне понятная.

Девицы продолжали стоять на месте, как вкопанные, и я, чтобы вывести их из оцепенения (но в основном, конечно, из озорства), повторил свою просьбу по-английски. Возможно, международный язык общения был им более близок, так как после этого они вылетели в коридор пулей. Не успел я и глазом моргнуть, как в палату ворвалась целая делегация врачей и сестер во главе со знакомой акушеркой.

— Вот эта? — показал в мою сторону благообразный старик в очках.

Он бережно взял меня на руки.

— Значит, душечка, мы уже разговариваем?

— И даже по-английски! — вставили практи-

кантки.

— Ну-с, о чем же мы с тобой поговорим?

— Да о чем хочешь, дедуля! — ответил я, откровенно любуясь произведенным эффектом. — Но прежде я хочу знать, моей матери уже рассказали о гибели отца?

Акушерка, казалось, уже потеряла способность удивляться и только выдавила:

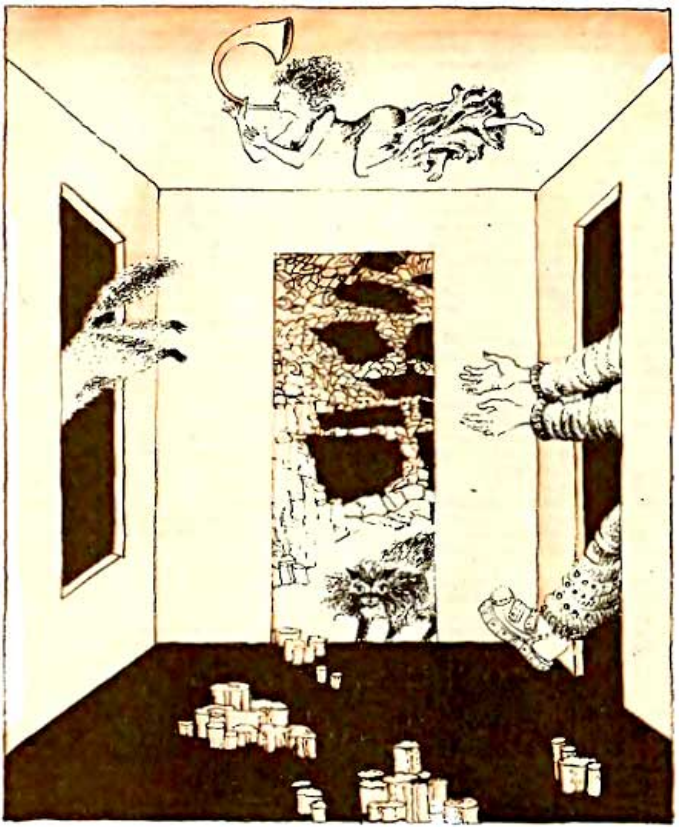
— Д-да…

— Так вот, друзья мои. Передайте ей, что ее муж Алексей Воронов жив и здоров. Вот так-то. Жив и здоров! — повторил я. — И, черт, дайте же наконец закурить!

№ 8

Василий Лобов

Влюбленные



— Черта с два я упущу такую возможность, — ворчал себе под нос Максимов, подлетая к Фло-

рине, — черта с два…

Сразу же по прибытии на Землю его должны были отправить на пенсию, которая полагалась каждому космонавту, достигшему шестидесяти пяти, но он даже и в мыслях не осуждал установившийся порядок — что тут поделаешь, раз надо, значит, надо. Однако от осознания необходимости боль не уменьшалась, и Максимов с непреодолимой тоской представлял себе остаток собственной жизни, в которой уже не будет космоса.

Зачем тогда жить? Чем он займется? Быть может, по примеру некоторых экс-космонавтов, устроится воспитателем в одну из космических спецшкол, где станет рассказывать любопытным детишкам о былых приключениях. Или, скорее всего, замкнется в беспросветном одиночестве. Вот если бы он все-таки как-то умудрился отыскать на Флорине влюбленного…

Флорина находилась в стороне от проторенных трасс космотранспорта, доставлявшего различные грузы с одной планеты галактики на другую, и была известна разве что редкими и, как считали некоторые космобиологи, почти полностью истребленными на родине зверьками, напоминавшими земных ленивцев.

Их огромные, в полмордочки, ясно-голубые глаза были постоянно наполнены столь глубокой печалью, печалью безнадежно влюбленного человека, что зверьков с чьей-то легкой руки стали называть влюбленными.

По дороге на Флорину Максимов снова и снова вспоминал, как впервые испытал на себе знаменитый взгляд влюбленного, взгляд, о котором в космосе ходили легенды.

Однажды ему довелось побывать в гостях у капитана Ива, в самом расцвете сил вдруг вышедшего в отставку и поселившегося в полном одиночестве в заброшенной станции слежения на планете Двух драконов.

Они сидели в удобных кожаных креслах в кают-компании. В камине горел огонь. За окнами, ни на секунду не умолкая, выл ветер.

— Вам тут не очень скучно? — спросил Максимов.

Улыбнувшись, капитан Ив пересадил влюбленного со своих коленей на колени Максимова.

— Смотрите ему в глаза.

Максимов повиновался. Глаза завораживали, они были добрыми, понимающими, успокаивающими. Исчезли привычные напряжение и усталость. Он позабыл — кто он. Будто бы заново

родившись, Максимов с удивлением готовился познать неизвестный ему мир, в котором вдруг оказался. Он погружался в этот мир, прятавшийся за глазами влюбленного, все глубже и глубже.

Максимов чувствовал себя влюбленным: сидя на толстой ветке могучего дерева, он всматривался в вечерний сумрак и ощущал разливающуюся по душе пьянящую радость бытия. Где-то рядом, за густым пологом листьев и веток, кричала птица, видимо, растерявшая своих беспокойных птенцов, и вместе с нею он переживал случившееся. По коре, под его лапами, ползали рыжие муравьи, он любил их и боялся, что неосторожным движением может нечаянно причинить им вред. Вокруг кипела жизнь, частичкой этой жизни был и он, влюбленный во все то, что его окружало, в то, что было необычайно приветливо к нему, что одаривало его такими впечатлениями и переживаниями, о которых Максимов-человек даже не догадывался…

Из забытья его вывел капитан Ив, забравший влюбленного себе на руки.

— Ну как? — спросил он. — Вы когда-нибудь испытывали что-нибудь подобное?

— Нет… — только и смог выдавить из себя потрясенный Максимов.

— К этому дьявольски привыкаешь… к этому необыкновенному ощущению все пронизывающей радости. К тому же влюбленные наделены особым даром — они чутко реагируют на чужую боль, на чужие тревоги, страхи и огорчения, тем самым как бы сглаживая их, делая менее острыми. Любое живое существо инстинктивно тянется к тем, кто его любит. Влюбленного невозможно не любить, его любишь уже хотя бы за то, что он любит тебя, что этой любовью он пробуждает в тебе все самое лучшее. Привыкший к одному человеку, установивший с ним душевный контакт, такой вот зверек способен оживлять в вас ваши же собственные воспоминания и даже мечты, при этом они абсолютно реальны, вы будто бы переноситесь во времени и пространстве. К вашим переживаниям примешиваются субъективные ощущения самих влюбленных, а они, должен отметить, склонны воспринимать жизнь как некий захватывающий праздник. Они, если так можно сказать, стопроцентные оптимисты, правда, с легким налетом меланхолии, которая окрашивает радость бытия в нежные, пастельные тона.

— И часто вы…

— Да, часто. Порой во мне оживают воспоминания о событиях давно забытых, но чаще всего

я вижу то, что не дает мне покоя, то, о чем я постоянно мечтаю.

Капитан Ив замолчал, потерся щекой о мордочку влюбленного, а потом со вздохом добавил:

— Если бы нас сейчас разлучили, я сошел бы с ума.

Тогда, в пору своей беззаботной молодости, Максимов хотя и заинтересовался необычайными свойствами экзотических зверьков, хотя и вспоминал порой взгляд влюбленного, но все же не придавал этой встрече особого значения и только теперь, много лет спустя, понял, что такой вот друг ему просто необходим — он помог бы ему справиться с ожидавшей его после ухода на пенсию тоской по космосу.

Продолжительность и образ жизни влюбленных, оказавшихся наиболее редкими животными галактики, были тайной. Предполагали, что живут они лет до двухсот-трехсот, приносят потомство нечасто и в неволе не размножаются.

Обзавестись влюбленным можно было лишь на Флорине, исходив ее дремучие леса вдоль и поперек, поскольку почти все вывезенные с родной планеты зверьки жили или в зоопарках, или в исследовательских центрах. Имели влюбленных и несколько бывших космонавтов, но никто из

них ни за какие деньги не расстался бы со своим верным другом.

Максимов понимал, что рассчитывать на успех задуманного в общем-то не приходилось — вот уже лет десять он не слышал, чтобы на Флорине отыскали хотя бы одного влюбленного. И все же ему нужно было посетить эту планету и увидеть собственными глазами то, что однажды он видел глазами влюбленного. Это осталось бы его последним воспоминанием о космосе.

Корабль опустился на небольшую поляну густого, безбрежного леса. Прихватив с собой рюкзак, Максимов вышел наружу. Флорина приветствовала его шорохами желто-красных осенних листьев, опадавших на влажную почву.

— Как красиво, — прошептал Максимов. — Хоть оставайся тут жить.

Хищники на Флорине не водились, и влюбленные были непростительно доверчивы — люди ловили их голыми руками, а те радовались своим тюремщикам, как новым добрым друзьям.

Теоретически задача Максимова выглядела совсем не сложно: он должен был идти, слушать, смотреть. Идти как можно тише, чтобы не пропустить характерный негромкий звук, издаваемый зверьками с периодичностью хорошо отлажен-

ного механизма. Просто идти, просто слушать, просто смотреть. И если ему необычайно повезет, он отыщет влюбленного.

Проверив, работает ли радиомаяк, по сигналам которого он собирался найти дорогу обратно, Максимов пошел прямо навстречу заходящему солнцу. Он всматривался в каждый куст, попадавшийся на пути, в крону каждого дерева, он чутко ловил всякий звук, раздававшийся в округе…

Потом пришла ночь, но лес не заснул, напротив, его наполняли все новые звуки: пение птиц, крики зверей. Флорина не имела спутников, а свет далеких звезд еле пробивался к земле сквозь переплетение листьев и веток. У Максимова было мало времени, и, надев инфраочки, он решил продолжить поиск до тех пор, пока окончательно не обессилеет.

Несколько раз он натыкался на каких-то животных, они лениво уступали ему дорогу, не пугаясь его точно так же, как он не пугался их.

«Реши я остаться тут, меня ждала бы идиллия», — подумал он и стал мечтать о том, как построил бы в этом лесу себе хижину, как жил бы в ней бок о бок вот с этими животными, как

кормил бы их из рук…

Где-то рядом послышался характерный звук. Максимов остановился. Звук повторился. Вероятно, влюбленный сидел на одном из ближайших деревьев. Максимов прошел несколько метров в направлении звука, но услышал его в противоположной стороне. Он развернулся и заспешил обратно. Звук раздался где-то над головой. Окончательно сбитый с толку, подгоняемый проснувшимся инстинктом охотника, Максимов был готов разорваться на части и броситься во все стороны разом. Однако звуки скоро смолкли, и спустя пять минут он решил, что они ему только померещились. Вероятность того, что он натолкнулся сразу на нескольких влюбленных, могла равняться только нулю. И все же, а если ему действительно так повезло?..

Прошло еще пять минут, потом десять. Звуки более не повторялись. Флорина дарила ему другие: где-то громко ухала птица, шуршала трава под неспешным бегом чьих-то лап, шелестела листва деревьев. Лес жил своей обычной жизнью, ему не было никакого дела до тревог и желаний одного из людей.

Решив, что идти дальше не имеет смысла, Максимов собрал охапку сухих веток и развел костер. Утро он встретит здесь — оно придет скоро — и если зверьки или зверек прячутся где-то поблизости, он непременно отыщет их.

Поужинав, он долго пил кофе из пластмассового стаканчика. Наконец забрался в спальный мешок и закрыл глаза.

Однако сон не приходил, и Максимову захотелось вспомнить что-нибудь давнее, особенно приятное, немного погрустить в эту чудесную ночь, ворвавшуюся в его жизнь столь внезапно.

Когда в последний раз он оставался один на один с ночным лесом? Когда наслаждался его смягченными темнотой очертаниями, его таинственными звуками, его сумасшедшими запахами? Давно, ах как давно!

Максимов открыл глаза и посмотрел вверх, на врезанное в рамку нависшей над поляной листвы ночное небо. Ко всему прочему лес дарил ему и звезды, его до боли любимые звезды — крохотные комочки воспоминаний. Да, эти звезды мои, думал Максимов, они всегда будут моими, даже если скоро я буду лишен возможности день за днем нестись к ним навстречу.

Вдруг он вспомнил другую ночь. Окончив ака-

демию, юный Максимов получил распределение в отдел дальних рейсов. И та ночь была его последней ночью с Вью. Утром их дороги навсегда расходились — она оставалась на Земле, а он улетал на орбиту Юпитера.

Они любили друг друга, он и Вью, но это ничего не меняло, так было заведено с незапамятных времен: девушки Земли доставались земным мужчинам, а с получением диплома космонавта Максимов принадлежал только космосу.

Они прощались, не обременяя себя клятвами, и только чуть подрагивающие пальцы пытались сказать то, что не могли произнести губы.

Улицы города обезлюдила ночь. Предвещая наступление скорой разлуки, над ними беспокойно мерцали звезды. Максимов ненавидел в те минуты их холодную, безучастную притягательность.

Где теперь Вью? Вспоминала ли когда-нибудь его и ту ночь?

Проснулся Максимов с рассветом. Его разбудил чей-то пристальный взгляд. Едва открыв глаза, он увидел влюбленного, который спокойно сидел на ветке ближайшего дерева, с огромнейшим интересом разглядывая человека.

— Ну, иди, иди ко мне, мой маленький, — ласково сказал Максимов. Выбравшись из спального

мешка, он подошел к влюбленному и протянул к нему руку.

Зверек доверчиво обнюхал ее, лизнул ладонь и что-то пропищал в ответ.

— Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Ну же, дурашка…

С этими словами Максимов снял влюбленного с ветки. А тот вовсе и не сопротивлялся столь бесцеремонному посягательству на собственную персону и, едва очутившись рядом с человеком, прижался к его груди, как бы давая понять, что вполне ему доверяет.

— Вот и хорошо, вот и умница, — затараторил счастливый Максимов. — Сейчас мы с тобой отправимся домой, на корабль. Увидишь, тебе у меня понравится. Меня зовут Владимир Сергеевич, а тебя? Ага, да ты девочка… Тогда назовем тебя Вью. В память об одной моей знакомой. У нее была очень красивая фамилия — Вьюга. И я называл ее Вью. Ну, ты не возражаешь? Нет, Вью?

Максимов вспомнил, что слышал ночью голоса сразу нескольких влюбленных, и подумал, что необходимо осмотреть окрестности. Намереваясь куда-нибудь пристроить Вью на то, время, которое потребуется на поиски, он подошел к погасшему костру и тут обнаружил, что рюкзак

исчез. А ведь в рюкзаке кроме всего прочего лежал радиомаяк, по сигналам которого он собирался отыскать место посадки. Вероятно, рюкзак утащил в лес какой-нибудь зверь, черт бы их всех побрал!

Он перевернул все вокруг, обшарил траву, кусты, даже заглянул на нижние ветки ближайших деревьев, но эти лихорадочные поиски ни к чему не привели. Дорогу к кораблю ему теперь предстояло искать самому, хорошо еще, что вчера он все время шел на запад. Однако пока не село солнце, поправил себя Максимов, а ночью?

Он осмотрел поляну еще раз, свернул спальник так, чтобы посадить в него Вью, пристроил поклажу на спине и тронулся в путь. Через каждые полсотни шагов он останавливался и делал засечки на деревьях, намереваясь в случае неудачи вернуться и начать поиск заново. Вью спокойно сидела в спальном мешке, не выказывая ни тени недовольства, ни о чем не беспокоясь, во всем положившись на своего нового друга. А он, хотя и затаил в глубине души тревогу, все-таки безотчетно радовался, что оказался в этой передряге по крайней мере не в одиночестве.

В какой-то момент, решив, что уже прошел место посадки, он развернулся и поспешил назад, но

скоро обнаружил, что никак не может отыскать засечки на деревьях.

Точно сомнамбула продолжал он блуждать по лесу, натыкался на стволы деревьев, обдирал ветками кожу, падал, вставал и снова куда-то шел, не в силах остановиться. Он еле держался на ногах, но беспокоила его даже не усталость, а та навязчивая мысль, которую он как-то пытался приглушить движением.

Один в дремучем лесу, на планете, куда, возможно, не приземлится ни один корабль еще много лет… Нет, это совсем не то, о чем он мечтал еще совсем недавно. Каждый день он будет просыпаться с надеждой в сердце, и одна только мысль, что корабль находится где-то поблизости, будет все время сводить его с ума.

Правда, теперь у него есть влюбленный, которому он сможет заглядывать в глаза сколько угодно, чтобы найти там Землю и людей. Вью скрасит его одиночество, и все же…

Наступила ночь. Максимов расстелил спальный мешок и забрался в него вместе с Вью, прижав ее к груди. Так они и заснули обнявшись. Всю ночь Максимову снилось, что он продолжает блуждать по дремучему лесу.

— Как ты думаешь, мы выберемся? — спросил

он Вью, как только проснулся. Великая волшебница надежда снова жила в его душе. — Ну, Вью, ответь мне, — и посмотрел ей в глаза.

Глаза были добрыми, успокаивающими, понимающими. Он позабыл обо всем, он погружался в эти глаза, и в него проникали воспоминания, прятавшиеся за этими глазами…

Когда наваждение прошло, Максимов точно знал, где находится он, где — корабль. Их разделяла какая-нибудь сотня метров, но за густой стеной леса корабль был невидим, Максимов мог бы блуждать вокруг да около, тысячу раз проскочив мимо, и только Вью сумела ему помочь, только Вью.

Максимов ласково потрепал ее по загривку, прижался щекой к мягкой мордочке и прошептал:

— Спасибо.

А потом поднялся на ноги и побежал к кораблю.

Его переполняла радость, но, чтобы почувствовать себя окончательно счастливым, он должен был немедленно подняться на борт корабля, выйти в космос и взять курс домой.

Выпустив Вью погулять по рубке, он сосредоточился на подготовке к старту. Едва корабль

оторвался от поверхности Флорины, Максимов передал управление компьютеру и посмотрел на Вью — она беспомощно сидела на полу и жалобно попискивала, оглушенная множеством незнакомых запахов и звуков.

— Э, малышка, да ты испугалась. Ничего, это скоро пройдет.

Прижав Вью к груди, Максимов уселся в кресло.

Возбуждение, в котором он находился с вчерашнего утра, постепенно проходило. Максимов начал перебирать в уме все последние события: свое отчаянное блужданье по планете, встречу с Вью, пропажу радиомаяка, неожиданное спасение. И снова, но уже без помощи влюбленного, он увидел ночной лес, звезды, врезанные в рамку раскинувшейся над поляной листвы, услышал усиленные мраком голоса животных, почувствовал пряный запах гниющих плодов под деревьями…

И вдруг отчетливо понял, что точно так же, как вот этот маленький зверек, доверчиво прижавшийся к его груди, он, Максимов, тоже ВЛЮБЛЕННЫЙ. Они оба влюбленные в этот щедрый мир, сумевший вместить в себя и далекую Землю, где Максимов родился и вырос, и ночное

небо с застывшими на нем слезинками звезд, тех самых звезд, без которых он не прожил бы и дня, и вот эту, казалось бы, совсем чужую ему планету, без которой очень трудно будет жить Вью. Они связаны между собой этой странной любовью крепче, чем узами крови, и никто никогда не сумел бы им помешать любить этот мир, даже отправив на пенсию или похитив с родной планеты.

— Ты знаешь, — сказал Максимов своему новому другу, чувствуя, что не может, не имеет права предать эту свою любовь, — мне никогда не везло с женщинами по имени Вью: едва я успевал с ними познакомиться, как приходилось расставаться.

И приказал компьютеру повернуть назад.

Рисунок Н. Красавитовой

№ 9

Виктор Кротов

Сны про...

Фантастика

Сны про...

Виктор КРОТОВ

...МИРОВОЕ РОДСТВО

Посреди большого портового города, на площади, которая была совершенно пуста, видимо, по причине раннего утра, мне навстречу быстро шагал совершенно незнакомый человек. На нем были странные развевающиеся одежды, вполне соответствующие старинным домам, окружавшим площадь, высокой ратуше с колоколами и фигурным флюгером.

— Добрый день, добрый день! — заговорил он, приближаясь, и протянул мне руку. Обмениваясь с ним рукопожатием, я почувствовал прикосновение шероховатого металла, слегка скребнувшего по коже ладони. Действительно, незнакомец держал в руке небольшую пластинку. Теперь он всматривался в нее, и я заметил, что по маленькому экранчику на пластинке бежит текст. Лицо незнакомца выражало неподдельный интерес и к тексту на пластинке, и ко мне. Свободная рука его легла мне на плечо, и, кончив читать, он притянул меня к себе и крепко обнял.

— Ужасно рад тебя видеть, дядюшка, — произ-

нес он с жаром, и доброе, полноватое лицо его просияло. Он был, без сомнения, гораздо старше меня, и обращение его окончательно повергло меня в недоумение. Заметив это, мой новоявленный племянник покачал головой:

— Вот что значит ходить без генетайзера: своих не признаешь. А у нас ведь общие дед с бабкой! У меня в тридцать шестом поколении, а у тебя в тридцать пятом. Так что ты мне дальний, но дядюшка. Ну, идем, идем, пора уже завтракать. Да и с остальной родней познакомиться надо, а это работа нешуточная.

Он повел меня по оживающим с каждой минутой улицам. И каждый, кого мы встречали, протягивал мне руку, и я ощущал знакомое уже шероховатое прикосновение, и с каждым рукопожатием у меня становилось на одного родственника больше.

...ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ЧУВСТВ

— Распишитесь за бандероль, — сказал почтальон, подлетев к моему открытому окну и

трепеща голубыми крыльями. Едва я дотронулся до протянутой тетради, как моя подпись замерцала сиреневым светом в нужном месте.

— Мерси! — улыбнулся мне почтальон и растворился в поднебесье. На подоконнике лежала коробка, перевязанная, как торт, золотистой лентой с бантом.

В коробке лежала толстая книга в прозрачной суперобложке, сквозь которую просвечивало: «Всеобщая энциклопедия чувств». Книга возбуждающе пахла типографской новизной, и я тут же пустился листать глянцевые страницы. Тексты были энциклопедически скучны. Среди бесчисленных описаний патологических отклонений трудно было отыскать нормальные человеческие ситуации, а тем более те из них, которые отвечали бы моим собственным проблемам. Курсивом мелькали тут и там слова «нельзя» и «надо».

Вместо иллюстраций на полях энциклопедии были напечатаны какие-то светло-серые кружочки. Наугад я коснулся одного из них пальцем. И — отшвырнул книгу… Тяжелыми шагами мерял я комнату, переполненный раздражением. Как этот тип, с которым связывали меня нерасторжимые житейские узы, мне надоел! Как он отравлял мою жизнь каждым своим словом, каждым по-

ступком, самим своим видом. Он отнимал у меня последние силы, и не было никакой возможности поставить его на место, показать ему все его ничтожество и низость. Странно только, что я никак не могу вспомнить его имя, не могу даже восстановить его ненавистный облик… Мне под руку снова попалась энциклопедия, и я с силой ее захлопнул. Тут же наступило успокоение, и я понял, что иллюстрация закончилась.

Не рискуя прикоснуться к другим кружочкам, я открыл энциклопедию в том месте, где ее страницы меняли цвет. Как было видно по обрезу, примерно четверть тома составляли в конце бежевые страницы. На первой из них было написано: «Мир моих чувств». Чуть пониже виднелся белый кружок. Я потер его пальцем, но ничего нового не почувствовал, только кружок стал светло-серым, а рядом с ним на странице появилось мое имя.

Бежевые страницы были пусты, но я уже начал понимать, в чем дело. Я дотрагивался пальцем до очередного белого кружка, он наполнялся светло-серым цветом (или даже светом), а рядом на странице возникал текст. И этот текст я читал запоем! Здесь говорилось о самых близких мне людях и о тех людях, которые могли стать близ-

кими мне, О моих радостях и печалях, обо всем том, что наполняло мое сердце. Здесь не было слов «нельзя» и «надо», а вопросительных знаков и многоточий было куда больше, чем обычных точек. Но без этой книги я уже не мог обойтись.

...МАГАЗИН ДРУЖБ

В зале было на удивление пусто. Никакой очереди нуждающихся в дружбе. Длинными рядами тянулись стойки, на которых как пальто или костюмы болтались на вешалках бумажные фигуры в человеческий рост. Лицом каждой фигуры была большая фотография, а вся остальная поверхность была покрыта текстом. Фигуры слегка колебались под медленными потолочными вентиляторами, рождая ощущение безмолвной терпеливой толпы, ожидающей невесть чего.

— Чего изволите?

Это был длинный отутюженный продавец. Лицо его выражало полнейшее равнодушие, а полусогнутая поза — величайшую угодливость. Целлулоидные глаза обежали меня с головы до

ног, и продавец понимающе кивнул. Бесшумным скользящим шагом он подплыл к одной из стоек, выбрал несколько вешалок с фигурами и направился к плюшевой шторе, изогнувшись на мгновение в мою сторону:

— Пожалуйте в примерочную.

В комнатке за шторой не было зеркала, зато стояло кресло, в которое я был незамедлительно усажен. Продавец вывесил на дальней стенке одну из фигур. Лицо было приятное. Надписей было много, но я мог прочесть только две верхние, наиболее крупные: «Надежен» и «Остроумен». Продавец пододвинул мне поднос с биноклями. На каждом бинокле был указан срок: «Через 2 года», «Через 5 лет», «Через 10 лет»….Чем больше был срок, тем более мелкие надписи мог я различить на фигуре. Это означало, видимо, что через пять лет я пойму ранимость своего друга, а через десять — его внутреннюю сосредоточенность. Когда я перебрал все бинокли, продавец подскочил к фигуре и перевернул ее на другую сторону, где лицо было искажено гневом, а надписи обозначали отрицательные качества предлагаемого друга.

Видя, что я не проявляю энтузиазма, продавец заменил фигуру на другую, потом на третью.

Замешательство мое становилось все сильнее.

— Извините, — пожав плечами, произнес продавец, вынул из кармана трубочку с аэрозолем и брызнул мне в лицо. Я почувствовал, что все во мне замерло, тело стало плоским, лицо застыло… Продавец подхватил меня, прицепил на свободную вешалку и вместе с остальными фигурами понес в зал.

…МОЮ ПЛАНЕТУ

Прилетел я сюда на чем-то золотисто-эфемерном. Не успел оглянуться, как мое транспортное средство растаяло в воздухе.

Я стоял посреди бескрайней равнины — пустой и однообразной. Плотная почва неопределенного цвета напоминала асфальтовое покрытие. Нигде не было признаков жизни. Любопытно.

Вдруг у меня за спиной послышался шорох. Это было существо, сидевшее поблизости на задних лапах. Оно было похоже на зайца, с почти человеческой физиономией, с круглыми глазами и высоко поднятыми бровями. Уши у него были

большие, но не длинные, а полукруглые. Попрыгав вокруг меня, существо унеслось вдаль.

Мне стало радостно — я не один. Небо поголубело, потом порозовело, и из-за горизонта выкатились сразу три солнышка, похожих на радужные мыльные пузыри. Изменилась и сама равнина. Пробивалась трава, кое-где вспыхнули яркие цветы, а поодаль забрезжили (может быть, раньше было темно?) зеленые рощи. Солнышки переливались самыми разными красками.

И началось!.. Подлетали бархатистые бабочки, каждую из которых я мог назвать по имени. Кружились птицы, ни одна из них не была похожа на другую, и я переживал полет вместе с каждой из них. До меня доносились запах и рокот моря, зовущего в путешествие. Это была моя планета. Все, что появлялось, находило отзвук в моей душе.

Но все-таки — не слишком ли я увлекся? Сколько сил и внимания потребует от меня бесконечная пестрота этого мира! Не пора ли мне к своим земным делам и обыденным заботам?..

И словно в ответ на эту мысль на небе возникли серые облака. Трава пожухла.

Цветы закрылись. Долина опустела. Рядом со мной возникла золотисто-эфемерная космическая ладья и унесла меня с мой планеты.

...ЭЛЕКТРОННЫЙ ПЛЕН

В зале, одна из стен которого была гигантским экраном дисплея, я сидел в глубоком мягком кресле с клавиатурой на коленях и программировал на суперкомпьютере. Облаченный в халат средневекового звездочета, я решал проблему создания искусственного интеллекта.

Все было готово к полному моделированию внутреннего мира человека. На лазерных дисках были записаны потоки повседневных ощущений — все, что приносят человеку его зрение и слух, его память и самочувствие. Можно было включить в работу десятки чувств и сотни эмоций, представленных цифровыми сигналами, но воспринимаемых центральной программой так же, как человек воспринимает свои переживания. Специальный блок под названием «Разум» был готов производить главную продукцию модели: искусственную мысль, которую нельзя было бы отличить от естественной. Великий космический путешественник Йон Тихий незамедлительно

признал бы во мне последователя Коркорана — создателя человеческих душ в электронных ящиках.

Нажав кнопку очистки экрана, я задумался. А что, если мой эксперимент уже осуществлен? Что, если мое собственное сознание — всего лишь результат действия электронных блоков под управлением искусно составленных программ? Ведь я прекрасно знаю, как можно закодировать и вид зала с экраном суперкомпьютера, и ощущение удобства от мягкого кресла, и даже то самое сомнение, которое сейчас овладело мною…

Я вскочил, потрясенный. Боже мой, да есть ли вообще способ распознать природу собственного сознания? Ведь какой бы аргумент я ни придумал, он точно так же может оказаться результатом действия специального блока, созданного достаточно квалифицированным программистом!.. Есть ли выход из этой ловушки, кроме сумасшествия (означающего в свою очередь всего лишь сбой программы)? Даже если все это сон, если я ущипну себя и проснусь, что мне делать наяву с этой навязчивой идеей?

И тут я вспомнил… Я выключил компьютер, сбросил средневековый халат, накрыл им клавиатуру, снова сел в кресло и закрыл глаза. Были

в моей жизни мгновения, которые невозможно закодировать. И в них, прежде всего в них, таилась расшифровка всех остальных иероглифов сознания… Теперь я готов был проснуться.

…ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Шустрым, как белка, человечком я карабкался по ветвям и развилкам огромного дерева. Ботинки мои были снабжены острыми коготками, крепко впивающимися в кору, но почти не оставляющими на ней следов. Добравшись до конца очередной ветки, я находил там почку, или, скорее, плод, выступающий прямо из древесины. Плод был покрыт глянцевой, коричневой, как у желудя или каштана, кожурой, но если как следует потереть его ладонью, он становился полупрозрачным. Тогда внутри можно было разглядеть чей-то смутный облик и даже строки жизнеописания — порою совсем выцветшие, а порою довольно четкие.

Мне нравились эти странствия, это разнообразие лиц, эти обрывочные повествования…

Но, перебираясь с ветки на ветку, я оступился, соскользнул к стволу дерева и, не сумев — удержаться, упал в темное глубокое дупло.

Падение оглушило меня, а когда я очнулся, то был уже другим. Я был деревом — тем самым, по которому только что лазил в виде проворного человечка. Я ощущал свет, льющийся на меня сверху, обволакивающий меня воздух и надежную теплую землю, в глубину которой уходили мои корни. Каждая ветвь, каждый корень умел поделиться со мной своей жизнью, хотя иногда наступало время, когда моя перекличка с какой-то из ветвей или с каким-то из корней ослабевала, и я знал, что наша связь пересыхает…

Но вот неизвестно откуда появился шустрый маленький человечек с острыми коготками на ногах, оставляющими на ветвях моих незаметные болезненные следы, которые мне приходилось напряженно залечивать. Он был любопытен и проворен, он хотел как можно больше узнать, но не знал, как узнать то, что важнее всего…

№ 10

Павел Шорников

Миллиардолетие

Миллиардолетие

Павел ТЮРНИКОВ

Рисунок В. Юнгерова

Я увидел его вечером, когда снимал верхнюю одежду. Я сразу понял, что это. Десятки гипотез молнией пронеслись в мозгу, но я слишком устал обманывать себя… Это был волос — женский волос.

Он блеснул цепочкой золотистых пунктиров на черной материи, и, как я ни пытался овладеть собой, мой пульс участился, участилось дыхание. Мысль, что сейчас сработает «доктор» (и на этот раз точно расследования не избежать), разволновала еще больше. Нужно было как-то выходить из положения. Я выбрал самое простое — повалился на пол…

— Не понимаю, — говорил Кронин, просматривая на экране бесчисленные таблицы, — только вчера мы делали тебе сканирование, и все было в норме… Обморок — это слишком серьезно.

Я пожал плечами и потянулся к сигаретнице.

— Ты опять закурил?

— Сам же сказал: это слишком серьезно.

— Мне очень жаль, Максим, но придется тебя подключить к «свидетелю». Мы слишком заинтересованы в тебе.

— Делай, как знаешь, — равнодушно ответил я.

Кронин набрал несколько команд, и через ми-

нуту на предметный столик выкатился небольшой металлический цилиндр.

— Будет немного больно, — предупредил Кронин.

Я пожал плечами и покорно протянул правую руку.

— Нет, Максим, точка входа — надбровная дуга.

Я бросил сигарету в утилизатор.

— Неужели действительно так серьезно?

Кронин кивнул:

— Мне не нравится общая картина. Извини, но мы провели расследование. Может быть, «свидетель» удержит тебя от неверного шага. Ты понимаешь?

Я ничего не ответил, только закрыл глаза. Лоб обожгло холодом металла, и боль пронзила мозг. По щекам потекли слезы. Вот и все. Теперь каждый мой шаг будет скрупулезно фиксироваться и анализироваться. И так до тех пор, пока я не выдам себя. А потом? Лучше об этом не думать…

Я перешел на книги и газеты — «свидетель» наводил помехи на телепатический информационный канал.

Женщина, рассуждал я, изучив последнюю работу Вадима о проблеме Трансформации, — и раз женщина, то, значит, Энергетическое Кольцо разорвано и мы все обречены!.. Нет! Не может быть! А если да, тогда почему я не вышел на Совет с этим предположением?.. Нет. Я же все почувствовал сразу. Утечка энергии — дело немыслимое. Утечку энергии моментально заметили бы… Женщина есть, и есть энергетический баланс! — вот, что меня поразило и заставило молчать. Нужно найти ее. Нужно как можно точнее повторить весь тот день.

— Я бы посоветовал тебе отдохнуть на море, — сказал Кронин, — рассеянным стал. Нервничаешь. К возбудителям тянет…

Я и на этот раз угостился кронинской сигареткой.

— Ты читал последнюю работу о Трансформации? — спросил я.

— Это ты у нас читаешь, — ответил он, и в его взгляде мне почудилась настороженность. — Содержание мне известно.

— У меня появились кое-какие соображения. Море — это хорошо, но не сейчас.

— Как знаешь. Первый закон Братства на твоей стороне.

— «Делай что хочешь, ибо смерти нет», — медленно проговорил я, — а «Доктор»?.. «Свидетель»?.. «Дозорный»?..

— Не мне тебе объяснять, — разозлился Кронин. — Энергетическое Кольцо! Вот и все! Смерти нет, потому что живы мы все. Каждый из нас бессмертен, но все вместе мы ходим под Богом. Мы — заложники самих себя! Трансформация — вот истинное бессмертие! Каждый — все и каждый — он сам! — Глаза его блестели, ноздри трепетали.

Он превысил расход энергии, мелькнуло у меня, и в ту же секунду тонкий серебряный луч ужалил Кронина в шею — сработал «доктор». Кронин сразу успокоился, потер ужаленное место.

— Ты меня в эти дискуссии не втравливай. Все уже решено. Мы правы. Мы. Не потому, что нам помог случай, а потому, что случайностей нет. Все. Сеанс окончен.

Я бросил сигарету мимо утилизатора и вышел.

Странно, но никогда раньше мне не приходилось выходить наружу над лабораторией Кронина. Я шагнул с подъемника в высокую траву, покрутился на месте. Крики невидимых зверей и птиц, незнакомые запахи земли, дере-

вья, роняющие на плечи то ли сок, то ли яд…

Неожиданно сверкнул тонкий золотой луч — «дозорный»! Сработал на уничтожение. Если бы я был обыкновенным человеком, меня уже не было бы в живых. В траве что-то зашуршало, и вновь по воздуху чиркнуло золотом. И еще раз! Куда же я попал? Трижды кто-то покушался на мою жизнь. И как-то сразу расхотелось идти верхом до следующего подъемника. «Дозорный» «дозорным», а жить хочется даже бессмертным.

В баре на двадцать седьмом уровне мне нравилось. Бар напоминал мне другой — из моей юности. Тогда еще не было Кольца и человечество состояло из двух половин: сильной и прекрасной.

Я вошел в тот момент, когда у стойки завязалась ссора. Здоровяк с дебильным лицом и дохляк с цыплячьей шеей вцепились друг в друга мертвой хваткой. Здоровяк размахнулся, намереваясь ударить своего оппонента, и слои табачного дыма прорезал тонкий изумрудный луч: сработал «парализатор». Здоровяк застыл в нелепой позе. Этим хотел воспользоваться мстительный дохляк и, естественно, тоже получил свою порцию

изумрудного луча.

Потасовка развеселила меня. Я придумал, как еще на десяток единиц увеличить свой энергетический счет. Если добавить в луч галлюциногенный спектр, то парализация обернется сном, а сниться будет продолжение ссоры, вплоть до убийства… Подумав об убийстве, я рассмеялся. А идея неплохая и обязательно пройдет на Совете.

Я сел в углу за свободный столик, заказал водки, стандартный набор закуски и развернул газету.

Принесли водку в запотевшем графине на прозрачном подносе. Я налил порцию, выпил не закусывая.

К моему столику, качаясь, подошел незнакомец и плюхнулся в кресло напротив.

— Меня зовут Кляйн, — сказал он, — мои предки… Ха-ха-ха, — вдруг рассмеялся он и выставил указательный палец, — мои предки были пруссаками.

Кляйн был настолько пьян, что я удивился: куда смотрит его «доктор»? Но раз «доктор» молчит, значит, этому человеку многое дозволено.

— Зовите меня Максом, — сказал я и налил ему водки.

Полная стопка долго балансировала в его руке, и он никак не мог поймать ее открытым ртом.

Наконец Кляйн отказался от желания выпить и угрюмо проговорил:

— У меня сегодня день рождения… Мне исполнилось… Черт… Я давно уже сбился со счета… Вечная жизнь — не гарантия вечной памяти… Знаете, — вдруг горячо зашептал Кляйн и подался вперед. — Знаете, я биолог, мой метод автономного омолаживания — это революция в философии вечной жизни. Посмотрите на меня! Сморчок! Старый лысый сморчок! Но возьмите мой ноготок, вот кусочек этого ногтя несет в себе мой полный генетический код! Вы хотите сказать, что это тривиально? Да! Но моя установка, — он потряс в воздухе пальцем, — полчаса и — вечная молодость… Вы чувствуете разницу? Не вечная жизнь, а вечная молодость!

Он неожиданно разрыдался.

— Молодости хочу, молодости… — скулил Кляйн, растирая слезы кулаками, — а они не покупают проект. Они вообще его запретили. И теперь мою установочку… И сам я не успел… Не успел… Ну и хрен с вами! — Он схватил стопку и опрокинул водку в рот. Тут же сверкнул голубой луч, ужалив Кляйна в мочку.

Кляйн уставился на меня совершенно трезвыми, удивленными глазами.

— «Доктор» впрыснул вам дозу отрезвителя, — пояснил я на всякий случай.

— Я понял, — ответил он и провел ладонью по лбу. — Кажется, я наговорил лишнего?

Кляйн виновато улыбнулся, тяжело поднялся и вышел из бара.

Сморчок, с жалостью подумал я, в сущности, все мы — сморчки. У меня морщин меньше, чем у него, но больше, чем было на лице самого старого из смертных. И все мы давным-давно пережили свои волосы. В этот миг что-то мне почудилось, что-то щекочущее, головокружительное. И как я потом ни пытался вспомнить, что это было такое, у меня ничего не получилось.

Я шел по вязкому песку до следующего подъемника. Его маяк еле пробивался сквозь помехи, которые наводил «свидетель». Солнце было жарким как никогда, и «доктор» чаще, чем обычно, делал мне инъекции. Я не чувствовал усталости, и жажда не мучала меня. Хотя пот заливал глаза и сердце работало с перегрузками, это было все, что я мог позволить себе в истязании плоти. Я уже давно забыл, что такое настоящая усталость, что такое настоящая жажда. Я не могу надраться до бесчувствия, не могу набить морду обидчику. Я

даже не могу сделать больно самому себе. У меня неплохой энергетический счет, и я очень многое могу себе позволить. Но предел определяю не я…

— Ты не был на последнем Совете, — сказал Вадим укоризненно, — а положение невеселое.

— Что-нибудь с энергией Кольца?

— Хуже. Как ни парадоксально звучит, но люди устали жить… Мне доложили. Ты тоже занялся Трансформацией?

— Да. У меня есть кое-какие идеи.

— «Свидетель» работает странно. Тебя что-то беспокоит?

Я решился:

— Расскажи, что тебе известно по теме «Амазонки».

Вадим вздрогнул:

— Опять эти «Амазонки». Сколько можно ворошить прошлое?

— До тех пор, пока мы не овладеем Трансформацией.

— Что тебя интересует?

— Меня интересует судьба «Последнего миллиона».

Вадим долго смотрел на меня, наконец заговорил:

— Когда… Когда… — он горько усмехнулся, — когда стало ясно, что необычайно высокая — ураганная — женская смертность и продолжительность мужской жизни находятся в прямой зависимости друг от друга, перед нами встала задача определить время жизни мужчины, как только умрет последняя женщина. Ты помнишь, тогда их осталось несколько миллионов. Они мутировали. Они стали похожи друг на друга: черные прямые волосы, смуглая кожа, атрофия мышц лица… Амазонки. И ни одна уже не могла стать матерью… Ураганная смертность женщин прекратилась, когда их осталось не больше миллиона. Они продолжали умирать, но медленно, как умирали мужчины. Увеличение продолжительности жизни мужчин тоже прекратилось. Тысяча, две тысячи лет — был наш общий предел. Мы сделали очень сложные расчеты. Очень сложные и очень точные. Тогда было открыто существование Энергетического Кольца. Его образовывали все, все мужчины, оставшиеся в живых. Тогда было открыто, что женщины паразитировали на энергии Кольца, разрывали его. Если бы они погибли, как погибли их предшественницы, Энергетическое Кольцо замкнулось бы, и мы получили бы бессмертие. Но они умирали слишком

медленно. И умирали мужчины! Энергия Кольца таяла. Еще немного, и было бы поздно: Кольцо не замкнулось бы никогда. Человечество стояло перед угрозой вымирания. Мы рассчитали все точно. Этот миллион женщин был никчемным. Ты понимаешь? Совсем никчемным!

Вадим долго молчал, потом произнес:

— Все. Уходи. Больше я тебе ничего не скажу.

Я послушно вышел.

Мне кто-то говорил, но я не мог этого понять — Вадим был моим отцом…

И вдруг я вспомнил то, что щекотнуло меня тогда в баре, когда протрезвевший Кляйн уходил, как побитая собака. Его установка автономного омолаживания и мой женский волос! Волос тоже несет в себе полный генетический код той, кому он принадлежал.

Я остановился, пораженный этой мыслью. Если все хорошо устроить, то на свет появится женщина, уже посетившая один раз этот мир. Завтра она сможет пройти этими улицами, дышать воздухом, которым дышу я. Она… Она сможет… Это невероятно! Сможет иметь детей… Ведь волос — золотистый, а не черный, как у амазонок.

Найти лабораторию Кляйна было делом

нетрудным. Я вышел на нее по своему личному справочному каналу. Но с этого момента — я понимал — счет пошел на минуты. «Свидетель» фиксировал каждый мой шаг, и если он еще не понял, зачем мне Кляйн, то, несомненно, пытается понять. В кратчайшие сроки я должен отключиться от «свидетеля», иначе до Кляйна мне не добраться.

— Ты? — удивился Кронин. — Что-нибудь случилось?

Мне было жаль его, но что оставалось делать? Медлить нельзя — «свидетель»!..

Я бросился на Кронина. Кронин попытался сделать то, что и я сделал бы на его месте, — ударить. Полыхнуло изумрудом — и Кронин застыл в моих объятиях, как резиновый.

На кронинской машинке я быстро набрал нужные команды, и вот уже в моих руках небольшой металлический цилиндр.

«Точка входа — надбровная дуга», — передразнил я Кронина и приставил цилиндр ко лбу.

В этот раз было еще больнее. Гораздо больнее. Я даже потерял сознание. Это было неудивительно — удивительно было другое: когда я очнулся, голова у меня продолжала жутко болеть. Почему бездействует «доктор»? Страшная догадка пора-

зила меня: у меня больше нет «доктора»! И это значит… да, да, я вышел из Энергетического Кольца, и смерть караулит меня за каждым углом.

Я вышел из кронинской лаборатории, но тут же сообразил, что ни по одному из уровней мне до Кляйна не добраться. Я отрезан от своего энергетического счета, и единственное, что теперь могу себе позволить, — покататься на подъемнике.

Я вернулся в лабораторию, осмотрелся, с трудом ворочая головой, — она все еще болела. Время поджимало. Наверняка мое исчезновение замечено, и что-то уже происходит. Я снял куртку и, разорвав ее на лоскутья, связал ими руки и ноги Кронину. Он все еще находился под действием парализатора. Подумав, последний лоскут я засунул ему в рот и, взвалив его на себя, вышел из лаборатории.

Я выбрался наверх и шагнул в высокую траву. Рубашка сразу взмокла: было влажно и душно. Меня оглушили истерические крики животных, и кронинский «дозорный» уже работал на их уничтожение — для того я и тащил Кронина на себе! Я знал только код нужного мне подъемника, но маяка не слышал. Пришлось на ходу прикидывать расстояние и направление: получалось, что

по этим дебрям идти придется около трех часов. Через полчаса я уже выбился из сил и повалился в траву вместе с Крониным. Он застонал. Сверкнул лучик — это кронинский «доктор» приводил его в чувство. Кронин перевернулся на спину, уставился на меня и что-то замычал.

Солнце садилось. Я лежал на берегу реки, на мокром песке, лицом вверх. Тела своего не чувствовал. Но лишь только попытался встать, ощутил нестерпимую боль. Но все равно встал. Не мог не встать.

Кронина нигде не было. То ли я его обронил по дороге, то ли он сбежал от меня.

Неподалеку я увидел вход в подъемник.

Пока я шел от реки к подъемнику, боль в мышцах притупилась. Я ощутил голод. Рядом с подъемником росло дерево, с которого свисали крупные плоды желтого цвета. Я сорвал один и откусил немного: он был сочный, сладкий, но вязковат. Я тщательно прожевал кусочек и проглотил. Теперь надо было немножко подождать. Если это отрава, от такого количества ничего серьезного быть не должно.

Из подъемника вышли трое и, быстро раздевшись, бросились в воду. Я последовал их

примеру.

Вода была волшебной. Я чувствовал, как силы возвращаются ко мне. Не хотелось вылезать, но, когда по ноге скользнуло что-то холодное и шершавое, я вмиг оказался на берегу.

Надевая на себя лохмотья — все, что осталось от одежды, я понял, что в таком виде просто опасно появляться в лаборатории Кляйна. Я поискал глазами соседей. Они гонялись друг за другом на противоположном берегу. Им было не до меня. Из их одежды я выбрал брюки, рубашку и переоделся.

Желтые плоды оказались вполне съедобными. Я сорвал еще несколько и с жадностью съел.

Кляйн лежал на полу подле кресла и бормотал себе под нос что-то несвязное. Я потряс его за плечо. Он открыл глаза и дыхнул перегаром. Тут только я заметил на столе с десяток пустых бутылок.

— Ты… кто? — с трудом выговорил он.

— Я Макс. Вы помните меня?

— А… Макс… Мне плохо, Макс…

— Вы пьянее, чем обычно. — заметил я.

— Моя цель — упиться до смерти! — выкрикнул Кляйн и рассмеялся. — А вы… за вечной молодо-

стью пожаловали?

— Хочу взглянуть, как работает установка. — Я достал и показал Кляйну микроконтейнер.

— Нет ничего проще.

Кляйн приподнялся на локтях.

— Вон в ту дырочку опустите вашу штучку и нажмите во-о-он ту кнопочку. И все заработает. А в это окошко смотрите.

Я сделал все, как он сказал. Установка заработала, завыла на высокой ноте. Я посмотрел в окошко. По ярко освещенной белоснежной полости бегали тоненькие красные лучики-черточки. Их было так много! В центре полости появилась бесформенная масса голубоватого цвета. Она сжималась и вытягивалась, превращаясь… превращаясь… Это был позвоночник. Ее позвоночник.

Вспыхивали лучики-черточки. Выла установка. Я завороженно смотрел, как наращиваются на голубоватые кости хрящи, жилы и бурые бескровные мышцы.

Вдруг окошко резко отлетело в сторону, а я едва удержался на ногах.

— Вы с ума сошли! — прокричал мне в ухо Кляйн, совершенно трезвый и перепуганный. — Это же… это же…

Его рука потянулась к той самой кнопочке, которая запускала и останавливала установку.

Я успел перехватить его руку.

— Подождите, Кляйн, — как можно спокойнее сказал я, — пусть процесс дойдет до конца.

— Идиот! — вырываясь, крикнул он. — Там женщина! Это же конец! Конец!

Я крепко держал его, и он извивался, как в страшном танце. Неожиданно он сильно дернулся, и мы оказались на полу среди сбитых со стола пустых бутылок. Кляйн пытался встать. Я не давал. То и дело кляйновский «доктор» жалил его, восстанавливая силы. А мои силы таяли… Я не помню, как оказалось у меня в руке горлышко разбитой бутылки, не помню, о чем я подумал в тот момент, но помню лицо Кронина, мелькнувшее передо мной, и его спокойное: «Случайностей нет». Случайностей нет! Я воткнул осколок в спину Кляйна.

Меня поразила тишина. Мне подумалось, что я могу открыть глаза. Я удивился: у меня есть глаза! И… руки! И… ноги! И тут же на меня обрушились воспоминания, и самое последнее — золотой луч, бьющий в лицо. Но… вот он — я… Живой! Я открыл глаза — белый потолок. Повернул голову

— она послушно повернулась. Я выдержал удар золотого луча!

В лаборатории было пусто. Осколки стекла на полу. Приборы. Установка. Крышка емкости была отброшена, и… на белоснежном покрытии лежала женщина. Она казалась живой. Нет, она была живая. Только спала. Если сейчас подойти и дотронуться до ее чуть розовой кожи — она проснется и, быть может, устыдится своей наготы. Или стыд не знаком ей? И она улыбнется, просто улыбнется счастливой улыбкой первому, кого увидит. У меня похолодели кончики пальцев и резануло чем-то сладким по животу. Я подошел к емкости и потянулся к ее плечу.

Плечо было ледяным.

Не помню, сколько я просидел у ее колыбели — ее гроба.

Острые бутылочные осколки лежали в двух шагах от меня. Это так просто. Не смерть приходит за нами, а мы приглашаем ее. Я сделал первый шаг.

— Остановись!

Я резко обернулся…

В кресле сидел Вадим. Да, это был он. Только правая нога его растворялась в воздухе и снова появлялась, как будто неведомый художник стирал ее и снова рисовал.

— Мы виноваты перед тобой, — сказал Вадим. — Наш общий уголек мог только поддерживать тление. И кто-то должен был расщепиться как атом и отдать энергию. Мы молча выбрали тебя, и ты молча согласился — снял волос с плеча. Этой энергии хватило для Трансформации всего Кольца.

Теперь у Вадима исчезала и появлялась правая рука.

— Но… Знаешь… Нет… Все сложнее. Все гораздо сложнее… Нам открылись вещи, о которых люди не подозревали.

Вадим исчез, но тут же вновь появился. Теперь он был совсем как человек. Все на месте — и руки и ноги. На нем был костюм, в котором я видел его в последний раз…

— Ладно, обойдемся без патетики, — сказал он и подошел к женщине.

Он нагнулся к ней и коснулся ее губ. Медленно выпрямился, посмотрел на меня.

— Вот и все. Я не прощаюсь с тобой…

Он исчез, распался — сразу, и слова его уже догоняли меня из пустоты.

Я подошел к ней.

И не поверил своим глазам.

Ее ресницы дрожали.

№ 11

Джозеф М. Ши

Страна по ту сторону фань шу

Я не понимаю, почему никто, кроме меня, не помнит Пола. Не могу этого объяснить, но ведь

есть множество других вещей, которых я тоже не понимаю, таких, как гравитация или радуга, а они реально существуют. Я проработал с этим парнем годы! Он всегда рассказывал мне, как у него продвигаются дела с приведением в порядок его старого дома. После того как он закончил встроенную стенную секцию в столовой, ему понадобилось перекрасить голубые стены в зеленый цвет. «В порядке восстановления гармоничного потока энергии», — так он это излагал. Первоначальный узор на кухне он хотел сохранить любой ценой, чтобы «стабилизировать потенциальный канал дисбаланса».

Я встретился с Полом около двадцати лет назад, когда он получил место в Департаменте. Он, должно быть, попал в какую-то квоту, потому что тогда ветеранам Вьетнама было непросто найти службу. Тогда о них думали всякую чепуху, вроде того, что они все наркоманы и садисты, но я считаю истинной причиной, по которой люди не хотели присутствия ветеранов рядом с собой, то, что не побывавшим во Вьетнаме не нравилось вспоминать, как этот мир шел к черту, пока они, люди, продолжали свою мелочную конторскую возню и любовные интрижки.

Как бы то ни было, за исключением сделанного

однажды с кислой миной замечания, Пол не принимал участия в разговорах о Вьетнаме. После того как он купил ту старую, заброшенную усадьбу, новости восстановительных работ стали его главным вкладом в общие беседы, случавшиеся в нашей конторе. Такая была милая, ненавязчивая, политически нейтральная темка.

Сначала Полу пришлось подвести коммуникации. Там ничто не работало. Ни водопровод, ни электричество, ни отопление. Был июнь, когда он совершил эту покупку, и, работая с рассвета до сумерек в уикенды и вечерами в рабочие дни, он в основном управился до первых морозов. Жилье было далеко не комфортабельным, но пригодным для обитания. За это время туда дважды вламывались, пока Пол был на службе. Во второй раз забрали все инструменты. Ему пришлось навесить решетки на окна, и вторжения прекратились.

Прошли годы, и маленький квартал Пола на юго-востоке Вашингтона, округ Колумбия, стал известен как Исторический Район Капитолийского Холма. Его непритязательный дом теперь считался городским, а соседи стали малочисленнее и белее. Сослуживцы, те самые, которые сначала думали, что он свалял дурака, купив

усадьбу, теперь хвалили его за прозорливо вложенный в недвижимость капитал. Немного поудивлялись, почему Пол не продаст дом и не переедет в пригород, но сошлись на том, что жилье в городе, рядом с барами и клубами, имеет, черт возьми, свои преимущества для одинокого мужчины.

После нескольких раз в первые дни работы Пол прекратил ходить на традиционные общие ленчи. Сначала это вызвало некоторые толки, но, когда стало ясно, что он не искал продвижения по службе, всем стало все равно. Время, которое другие тратили на завтрак, он использовал для посещения недорогих магазинов, расположенных вдоль Коламбиа-парк и вниз по Ричмонд-хайвэй.

Покупал он главным образом книги и дешевые журнальчики двадцатых-тридцатых годов. Его интересовало разное, но особенно — научная фантастика, путевые записки, таинственные истории и вестерны. Многое из той литературы, что он покупал, — и художественной, и документальной, — так или иначе имело отношение к Дальнему Востоку, чаще всего к Китаю.

Он покупал книги, которые не назовешь редкими или ценными: массовые, популярные

издания на злобу дня. Размер, форма, цвет и фактура каждого тома были для него бесконечным источником очарования. Пол рассказывал, что делает для размещения своей коллекции специальные книжные шкафы со стеклянными дверями. Он говорил мне, что проводит часы, думая о том, как расположить каждую книгу или комплект книг таким образом, чтобы их содержание и физические свойства стали «и визуально, и интеллектуально гармонизированы». Пол был библиофилом особого рода!

Бывало и так, что он возвращался со своих «завтрачных» набегов со старинной безделушкой. Статуэтки династии Цин были его любимыми. Мне они не казались произведениями искусства, просто дешевые штучки, сделанные в основном в Японии, но его они явно интриговали.

Однажды он показал мне китайский компас «для геомантии», который подобрал в универмаге гудвилл, — изрядная удача, как он считал. Пол объяснил мне, как им пользоваться в соответствии с древним учением фань шу. Цель фань шу — вызывать порядок, мир и благополучие путем физического согласования строения и интерьера, чтобы обеспечивать гармоничный поток «ци». «Ци» — это энергия, или жизненная сила вселен-

ной, или что-то вроде этого.

Когда он рассказал мне это, я подумал, что фань шу — не глупее множества других понятий о сути вещей. В нем действительно было рациональное зерно. Очевидно, что окружающая обстановка влияет на человека, и есть некая забавная мудрость в учении о том, что расположение дверей определяет стиль жизни человека.

Около двух лет назад Пол почти закончил перестройку своего дома. Я был польщен, когда он спросил меня, не хочу ли я увидеть, что он сделал. Насколько я знал, из нашей конторы он никого еще никогда не приглашал. Наслушавшись о его жилище за все эти годы, я, естественно, не упустил такой возможности.

Не знаю, что именно я ожидал увидеть, но, благодаря всем рассказам Пола о геомантии и фань шу, я предвкушал, может быть, нечто более диковинное. А увидел просто дом, на редкость соответствовавший вкусу и интересам Пола, но никоим образом не эксцентричный. Я увидел дом, где каждая мелочь была сделана мастерски и с любовью, от обшитой панелями гостиной до весьма эффектной библиотеки на третьем этаже. Никогда не приходилось мне бывать в другом доме, где бы я сразу почувствовал такое удобство

и удовольствие быть гостем.

После экскурсии по всему дому мы сели выпить по чашечке кофе, и я рассказал ему, какое впечатление на меня произвели превосходные плотницкие работы и чудесный дизайн.

— Хорошее фань шу? — спросил Пол.

— Еще бы, — ответил я.

— Спасибо, — поблагодарил он, — я был вполне уверен в правильности своего пути, но все равно рад, что ты это подтверждаешь. Это пока не совсем то — я думаю, мне нужен еще один или два шкафчика, да и над расстановкой книг еще придется поработать. Определенно чего-то недостает… каких-то декоративных элементов…

Видя, что я смотрю на него с недоумением, он пустился в объяснение:

— Мой дом и его содержимое — не просто эстетическая ценность и даже не просто пример применения обычного фаньшу. Я добиваюсь такого уровня фань шу, или, вернее, чего-то сверх фань шу, о чем знают немногие на Востоке и о чем фактически никто на Западе даже не подозревает.

Мой по-прежнему непонимающий взгляд заставил его развивать тему дальше.

— Ты знаешь, что я был во Вьетнаме во время

Новогоднего наступления? — Я кивнул, и он продолжал: — Ну так вот — в неразберихе я отбился от своей части в предместьях небольшого городка Ба Нгои. Это несколькими милями южнее моста Май Кэй на шоссе, которое французские легионеры когда-то называли Улицей без радости.

Я увидел неприятельское подразделение из местных жителей, с мрачной решительностью марширующее в моем направлении. Я подумал, а вдруг они не заметили меня, и юркнул в первый же дом, который увидел. И зря. Дом принадлежал пожилому китайцу, местному рисовому магнату, и это с ним соседи-патриоты шли посчитаться.

Вот что я представил себе: если в следующие несколько минут не появятся десантники, то и я, и старый китаец станем мертвечиной. Меня пробирала дрожь, но этот старый человек вел себя совсем не так, как бывает в последние мгновения жизни. Он был совершенно невозмутим и ходил по дому, внося незначительные изменения в убранство комнаты, которая, как успел заметить, показалась бы в высшей степени уютной при других обстоятельствах.

Он снял со стены картину, изображавшую рыбацкую деревню, и заменил ее другой, с окутанными дымкой горами. Потом переставил с

верхней полки книжного шкафа на нижнюю книги в красных кожаных переплетах — романы Виктора Гюго на французском языке. Когда он поменял местами несколько великолепных фарфоровых статуэток, изображавших Восемь Бессмертных, я почувствовал легкую дурноту, которую приписал совершенно естественной реакции на близость неминуемой смерти.

Взяв себя в руки, я выглянул из окна и испытал большое потрясение. Местных мстителей нигде не было — это хорошо, но и местного пейзажа там тоже не оказалось, а это было по меньшей мере тревожно. Вместо предместья Ба Нгои я видел какие-то ошеломляюще прекрасные горы.

Старик присоединился ко мне. Он широко улыбался и указывал на оленя, пасшегося на дальнем лугу. Затем он жестом пригласил меня сесть. Потом приготовил восхительный ароматный чай лок-он, который мы пили маленькими глотками, наслаждаясь роскошным видом, звуками и запахами горного ландшафта.

Когда мы покончили с чаем, старый китаец снова улыбнулся, как бы давая мне знать, что все хорошо. Он встал со стула, снял картину с горным пейзажем и заменил ее той, что висела прежде. Потом вернул на прежнее место книги Гюго.

Когда он переставил статуэтки Восьми Бессмертных, у меня опять появилось чувство дурноты Глянув в окно, я увидел, что мы снова в предместье Ба Нгои. Неприятель отступил, и подошла моя часть.

Пока я находился во Вьетнаме, я, по правде говоря, не очень задумывался об этом сверхъестественном эпизоде. Уж слишком многое в моей вьетнамской жизни было сверхъестественно. Еще один странный эпизод — ну и что? Но когда я вернулся в Штаты и наткнулся на труды по фань шу, я не мог не связать одно с другим. Сейчас я допускаю, что под давлением очень трудной ситуации мой разум сыграл со мной шутку. С другой стороны, разве это не чудо, если произошло именно то, что я помню? И если действительно это произошло, то, может быть, я смогу сделать, чтобы нечто подобное случилось снова? Вот тогда я и начал серьезно изучать фань шу.

Сначала я двинулся по ложному пути. Я пытался воссоздать копию дома старика. До определенного момента все, казалось, шло хорошо, но в конце концов я понял, что у меня ничего не выйдет. Точная копия невозможна. Оригинал был в другом месте и в другом времени. И что еще более важно — оригинал был выражением духовного

постижения стариком его собственного окружения. Я мог быть любопытствующим седоком в экипаже старика, но, если я хочу стать возницей, мне нужно сделать свой собственный экипаж.

Я близок к завершению его корпуса. Дизайн и конструкция — классический пример из учебника фань шу, поток «ци» максимален. Осталось отрегулировать двигатель, если я собираюсь вывести мой экипаж за пределы обычного уровня фань шу. Для этого мне нужно как можно глубже проникнуть в свои физические и духовные потребности, понять, как на них повлияли и как их отразили те книги, украшения и другие вещи, с которыми я взаимодействую. Если я смогу достичь гармоничного объединения материальной и духовной составляющих моего «я», манипулируя физическими символами моих инстинктов и стремлений, я смогу достичь того же, чего достиг тот старый китаец много лет назад в предместьях Ба Нгои.

Уходя от Пола, я подумал, что, хоть этот парень и немного чокнутый, но мне он все равно нравится.

Прошло еще два года. Пол продолжал держать меня в курсе того, что я привык считать безобидными романтическими поисками страны по ту

сторону фань шу. Он рассказывал мне, что решил поставить двухтомник по педагогике в мягкой обложке над книгами Клиффорда Д. Саймака. Саймак был его любимым автором — он умел замечательно передавать чувство любви к родным местам. Несколько абсурдные китайские романы Луиса Джордана Милна и Энн Бридж должны были уравновешивать книги Роберта ван Гулика и Лин Ютанг. Единственно возможные места были найдены для Уэллса, Верна, Берроуза, так же, как для Конрада, Киплинга и Лондона. И для расписанного драконами кувшина. И для коллекции монет, миниатюрных пингвинов, марок и пряжек.

И вот наконец настал тот день, когда Пол вернулся с перерыва на завтрак с ТОЙ САМОЙ КАРТИНОЙ. Он позволил мне мельком взглянуть на нее и быстро завернул ее в бумагу. Если человек может читать в душе другого человека, то я прочел, что на этой картине было изображено место, куда Полу хотелось попасть больше всего на свете.

Когда Пол не появился в конторе на следующий день, моя душа заметалась между фантастической надеждой и реальным страхом. Пол был так погружен в восточную магию в течение столь

многих лет. Он так усердно трудился. А что, если вдруг разуверился?.. Я решил съедить к нему — в Исторический Район.

Пола там не оказалось. На месте 522-го дома по 9-й улице, Юго-Восток, где он прожил двадцать лет, зиял пустой участок. Соседи уверяли меня, что этот участок остается незастроенным с незапамятных времен.

Я должен был бы догадаться о чем-то подобном. Конечно, люди и дома не могут исчезать, не вызвав большого переполоха. Но может быть, для сил, которые заставили дом с его обитателями исчезнуть, невелик труд и заставить окружающих забыть, что когда-то здесь был такой дом и такой человек?

На днях я проходил мимо участка, где раньше стояло жилище Пола. Там строят дом из шлакоблоков. Я думаю, это значит — Пол не вернется.

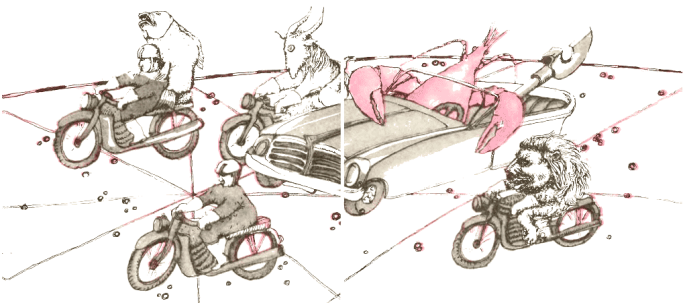
Перевод с английского И. Смирнова, О. Болдырева

Рисунок Е. Станиковой

№ 12

В. Тин

Автомобильный гороскоп



Автомобильный гороскоп-1

Мы живем в вероятностном мире, и цель гороскопа — вооружить человека знаниями, дающими возможность упреждающе реагировать на грядущие события с целью реализации вероятностей благоприятных. Дело это непростое, ибо

нить нашей судьбы прядут тысячи взаимосвязанных причин и следствий, которые должны быть приняты во внимание при составлении гороскопа. Классическая астрология учла, казалось бы, все возможные сочетания, однако в последнее столетие появился новый мощный фактор — собственный автомобиль.

Мы много лет посвятили изучению этого вопроса и сейчас как никогда близки к завершению стройной системы расчета и толкования автомобильного гороскопа.

Первая операция расчета гороскопа — выяснение географических координат места возникновения — сложности не представляет, но точное время изготовления машины установить весьма сложно: в паспорте не всегда помечена даже дата схода с конвейера, не говоря уже о часах и минутах. А если число и проставлено, то далеко не всегда истинное. Отсюда — почти полная невозможность составления адекватной схемы небосвода на момент возникновения.

В этих случаях применяют искусственный прием «попятного хода», то есть определяют время возникновения по любому реализованному событию. Пример: утром вы обнаруживаете, что ворота гаража распахнуты, а «Лады» и след про-

стыл. Составив гороскоп, исходя из момента этого события, сопрягаем его с гороскопом хозяина и устанавливаем, что если вы, например, Весы, то машина была Скорпионом или Девой и создана в момент, когда Меркурий был в соединении с Плутоном. Получив искомый момент возникновения, вы легко построите полноценный гороскоп и с приятным изумлением убедитесь, насколько точно предсказанная им дата угона совпадает с фактической.

Известно, что судьба каждой особи определяется собственным (личным) знаком Зодиака, но мало кто знает, что место нахождения и государственная принадлежность завода-изготовителя, а также графика фирменного знака, звуковой состав названия машины, набор букв в названии фирмы или марки ставят автомобиль в зависимость также и от иных знаков Зодиака. В результате получается некий обобщенный фактор, на званный нами родовым знаком.

Так, родовым знаком «Москвича» является Козерог, ибо: а) известно, что продукция, производимая на территории Среднерусской возвышенности, испокон веку тяготеет к этому знаку; недаром еще в недалеком прошлом тверичей именовали «тверскими козлами», заменив

исконно русским словом вычурно книжное «козерог»; б) фирменная марка на последних моделях «Москвича» схожа с геральдическим изображением рогатого существа (козерога); в) владельцы «Москвичей» единодушно подтверждают, что в характере машины генетически заложены элементы козерожьего (козлиного) упрямства.

Не менее убедительны и признаки, свидетельствующие о принадлежности «Волги» к родовому знаку Весы, а «Жигулей» к Овну.

Мы не рекомендуем приобретать автомашины, изготовленные под знаками, находящимися в оппозиции их родовым знакам («Волга» — под Овном, «Жигули» — под Весами, «Москвич» — под Раком). Отрицательные предзнаменования усиливаются и приобретают зловещий оттенок при Луне в восходящем узле (Голове Дракона). В этих сочетаниях влияние родового знака преобладает над влиянием личного[51].

Если вы пренебрежете предостережением, то должны быть готовы к частым поломкам и выходу из строя отдельных деталей и целых узлов, причем при Луне в Голове Дракона по-

[51] Примечания: 51

В прежние, тоталитарные времена явление объясняли тем, что все эти знаки случайно совпадают с концом соответствующего квартала, а Козерог к тому же — с концом года.

ломки приобретут лавинообразный характер. В первой половине знака будут преобладать поломки сочленений узлов и агрегатов, а во второй — разрушение самих агрегатов, узлов и деталей, поставляемых автозаводу смежниками. Пример: у «Нивы», изготовленной 22–30 июня (первая половина Рака), в течение первого же месяца эксплуатации неизбежно отвалится глушитель. С 1 же по 12 июля разом разлетятся шаровые опоры или треснет распредвал…

Родовой знак «тойоты» — Близнецы, обусловливает капризный характер, выражающийся в склонности к перемене владельцев (иногда путем перепродажи, но чаще — угоном).

Весьма важно учитывать совместимость знаков покупателя и автомобиля с положением планеты-властителя знака машины в момент покупки. Например, приобретая «мерседес» (родовой знак — Стрелец выделяется благородной наружностью и горделивой походкой), покупатель-Козерог должен дважды подумать, прежде чем ударить по рукам, ибо знак его плохо совместим со Стрельцом и владение «мерседесом» принесет больше неприятностей, чем пользы и удовольствия.

В марке «вольво» родовой знак зашифрован

трижды: а) в слове volvo, расположенном горизонтально, литера «l» геральдически символизирует стрелку весов, стоящую на нуле, то есть показывающую равновесие правой и левой частей слова; и действительно, что может иметь более равный вес, чем «во» справа и «во» слева?; б) кружок и стрелка, ошибочно принимаемые за знак Марса, на самом деле изображают стрелку весов, выведенную из равновесия пальцем продавца; в) наклонная полоса, пересекающая всю марку слева вверх направо, символизирует коромысло весов мифической Фемиды, левая чашка которых резко пошла вниз под грузом «левых» деянии.

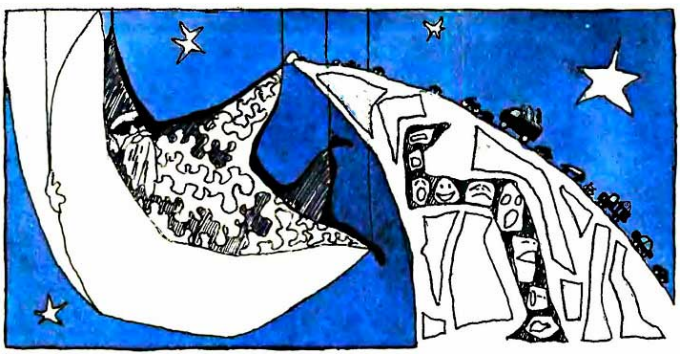
Итак, родовой знак «вольво» — Весы. Влияние его достаточно сильно, поэтому покупатель Скорпион или Дева, несмотря на несовместимость знаков хозяина и машины, может смело покупать «вольво» в любой день года. Здесь уместно лишь одно предостережение: купивший «вольво» при Венере в знаке Льва не должен разрешать жене (любовнице) пользоваться машиной в свое отсутствие, ибо Венера (властитель Весов) во Льве равнозначна темным страстям.

Мы отдаем себе отчет в том, что вызовем ненависть владельцев ремонтных мастерских, строящих свое благополучие на авариях и ката-

строфах. Они будут поносить нас на всех углах и бить в темных закоулках. Но это наш гражданский долг, и мы идем на жертвы сознательно, с высоко поднятой головой.

Автомобильный гороскоп-2

(Развитие сюжета)



Звонок поднял меня среди ночи. «На проводе Владивосток», — прошелестел далекий голос. Голос хотел говорить с Тином, он хотел бы узнать родовой знак машин, выпускаемых Заранским

автозаводом, очень нужно!

Спросонок я никак не мог понять, чего от меня хотят. Казалось бы, сама рубрика, в которой была опубликована моя шутка[52], заведомо исключала всякую возможность серьезного к ней отношения. Всем известно, что «Ученые досуги» — это первое апреля, растянутое на целый год. Но то, что случилось дальше, еще раз подтвердило, что у нас самая через пень колоду читающая публика; на следующий день мне позвонили пять читателей, потом семь, а там пошло-поехало.

Сначала звонившие интересовались сочетаниями планет, благоприятными для покупки или продажи машин, потом — совместимостью их гороскопов с гороскопами владельцев. Затем посыпались вопросы вроде того что, следует ли Скорпиону жениться на Весах, если родовой знак его автомобиля, скажем, Стрелец. Или как отнесутся «Жигули»-Весы к будущим детям хозяина-Козерога и стоит ли этих детей рожать — может, лучше завести пит-терьера? Затем стали просить заговорить «ниссан» от сглазу или приворожить соседскую «Волгу».

А письма! Они шли могучим потоком, сметая

---

[52] Примечания: 52

Автомобильный гороскоп. «Химия и жизнь, 1992, № 12, с. 56.

все на своем пути. Роспечать просила пощады, почтальоны объявили бессрочную забастовку, а письма все прибывали…

Что делать? Телефоны в «Химии и жизни» были безнадежно заняты, и я побежал в редакцию — умолять, чтобы никому более не давали мои координаты.

По Мароновскому переулку ветер гонял белые конверты, а к зданию редакции один за другим подъезжали почтовые фургоны. На лестничных площадках громоздились кипы писем, в коридорах письма лежали сплошным ковром, а столы сотрудников и вовсе были завалены ими. Сами сотрудники, в паутине проводов, кричали хриплыми голосами: «Телефон Тина? Пишите…» — и одновременно с неимоверной скоростью отстукивали на пишущих машинках мой адрес.

Преследуемый ревущей лавиной нераспечатанных конвертов, я пулей вылетел на улицу и вонзился головой в живот Жоры Тесленко, моего старинного знакомого. Жора всегда был инженером так себе и на работе не горел, но откуда капают денежки, знал в совершенстве. Уразумев причину моего отчаяния, он долго смеялся, хлопал себя ладонями по бедрам и раскачивался, как хасид на молитве: «Эх ты, интеллектуал! Это же

золотое дно! Счастья своего не видишь!». Тут же, не сходя с асфальта, мы основали акционерное общество с неограниченной безответственностью «Звезда и бампер» и на общем собрании акционеров единогласно выбрали президента (меня) и распорядительного директора (Жору).

Назавтра ни свет ни заря разбудил звонок. Требовательный и наглый, он не умолкал, пока я через бумажные завалы добирался до дверей. Конечно же, это был нетерпеливый Жора. Уж очень хотелось ему немедленно раскрутить это дело. Не преуспев в попытке проникнуть в глубь квартиры, он удалился, произнеся загадочно: «Ну, что ж, начнем с лестницы...» В девять ноль-ноль он вернулся с тремя спортивными девицами, груженными десятками мусорных корзин разных цветов. Девицы тут же уселись у подножья бумажного холма и с невероятной скоростью принялись разбрасывать письма по разным корзинам.

— Капитализм — это учет, — объявил Жора. — В красных корзинах у нас будут «ролсс-ройсы», «линкольны», «ягуары», в синих — «мерседесы» и «форды», в зеленых — «ВОЛЬВО», «Волги». И так далее. Ну, а вон в тех, черных, — «Запорожцы», «Таврии» и прочая мелочь. Им место на свалке...

Да, друзья мои, на свалке. Печально? Конечно, печально. Но — закон рынка. Альтернативы этому нет. Ну, сколько может заплатить за гороскоп хозяин «Запорожца»? Мизер. Нет, мы будем иметь дело только со сливками общества.

Тут пришла еще одна девица, которую Жора усадил у телефона. Она, видно, была проинструктирована заранее и тут же включилась в работу:

— «Звезда и бампер» слушает… Марка машины? Когда куплена? Ваш годовой доход? Понятно. Переведите в Н-ское отделение банка на наш расчетный счет №… (далее называлась очень внушительная сумма). Мы направим вам опросный лист, по заполнении которого будет заключен контракт.

С «Запорожцами» и другими малотиражками разговор был короткий:

— Да, мы можем оказать услугу, но, увы, прием заявок на этот год закончен. Если вас не затруднит, позвоните через годик в десять утра, постараемся помочь.

Были и нетерпеливые клиенты. Таким предлагали явиться за опросным листом лично, имея при себе такую-то сумму.

Чтобы сделать клиента сговорчивым, надо показать, что его, клиента, много, а мы одни.

Как этого добиться? Очень просто — создать очередь. Мы расклеили объявления о том, что по такому-то адресу открывается приемный пункт стеклоторы, начало приема с 16 часов. Назавтра с рассвета перед домом выстроилась километровая очередь с рюкзаками и сумками.

Наши гороскопно-автомобильные клиенты начали прибывать часам к десяти, их встречали клерки, провожали в полуподвал, арендованный на неделю у Совета ветеранов, и, кивая на очередь, поясняли, что тьма провинциалов прибыла без предварительной записи и теперь вот стоят, надеются, что к вечеру их, может быть, примут в порядке живой очереди.

Несложная операция дала нам такие поступления, что я предложил купить виллу на Канарах и смыться, пока не поздно. Но Жора отговорил меня. Через три дня в арендованной в центре Москвы квартире закипела работа. Клерки отдела личных контактов принимали особо нетерпеливых клиентов, являвшихся собственной персоной. В отделе писем знакомились с запросами и высылали клиентам один из стандартных ответов, суть которых сводилась к одному: «переведите на наш счет»…

На днях я заглянул в «Химию и жизнь». Горы

писем громоздились уже вдоль всего фасада, а фургоны все подъезжали. По слежавшимся слоям, имевшим вид почти геологический, я поднялся на второй этаж. Редакция, похоже, сражалась до последнего: местами вдруг взрывался стрекот пишущей машинки, из бумажных недр доносились телефонные звонки, а иногда и голос заживо погребенного редактора.

По дороге домой я прикинул: арендуем редакционные помещения, молодежь возьмем в малое предприятие обрабатывать письма в мой адрес. В кабинетах разместим отдел по составлению гороскопов, вычислительно-сочинительный центр. Заведем коммерческий банк.

Старикам журналистам сменить профессию будет, конечно, нелегко. Из них составим группу для выпуска большими тиражами гороскопов на всю автомобильную мелочь, отвергнутую поначалу (помните, «Запорожцы» и другие?), пусть предприимчивые мальцы торгуют ими в подземных переходах.

Придется организовать и отдел внешних сношений: уже начали поступать запросы из Штатов и Германии. А вчера дипкурьер из японского посольства привез письмо.

Тоже ведь люди.

Аркадий Аверченко

Свой крест

Однажды канцлер докладывал королю о текущих делах.

— ...Кроме аудиенции, которую, ваше величество, вам предстоит дать завтра итальянскому послу, сегодня вам будут представляться: турецкий посланник, поверенный в делах Мексики

и…

Король поднял свое бледное угрюмое лицо и неожиданно произнес странные неслыханные слова:

— А… знаете что? Ну их всех к черту!

— Ваше королевское величество! Осмелюсь напомнить, что с итальянским посланником предстоит беседа о новом торговом договоре…

— А… знаете что?.. Ну их всех к черту. Отвяжитесь от меня с вашими договорами, — крикнул король. — Не желаю! Довольно. Никаких приемов, официальных обедов и полуофициальных завтраков. Спасибо! Сыт по горло.

Канцлер почтительно склонился.

— Слушаю-с В таком случае, может быть, вы не откажетесь принять в пятницу немецкого посла?

Король всплеснул руками.

— Это удивительно! Скажите, неужели мы говорим с вами на разных языках? Неужели, вы меня не поняли?

— Слушаю-с. Какие будут теперь приказания вашего королевского величества?

— Никаких. В том-то и штука, что никаких. Надоело мне все это до смертушки! Ухожу я от вас. Уйду в лес, найду какую-нибудь заброшенную

хижину, буду жить в ней, питаясь плодами да рыбой, пойманной в ближайшей речке. Ах, если бы ты знал, — сказал задушевным тоном король, переходя на «ты», — как я давно об этом мечтаю.

— Слушаю-с. Прикажете приготовить автомобиль и выработать маршрут?

— Этого только недоставало!! Смешной ты человек, братец… Единственно, что я прикажу, — чтобы мне по дороге никто не мешал, не кричал «ура!» и не приставал с расспросами и услугами. Дай повсюду распоряжение, чтобы считали меня по дороге простым крестьянином. Да приготовь котомку и палку.

— Будет исполнено. Котомка и палка будут, к сожалению, готовы только к вечеру.

— Господи! Почему так долго?

— Котомку я предполагаю сделать из лионского бархата с вышивкой жемчугом, шелками и аграмантом. Палку изготовим вам из розового дуба с золотым набалдашником, украшенным десяточком-другим бриллиантиков…

— Знаешь что? Ты мне надоел. Если ты это сделаешь, я выброшу твою бархатную котомку и золотую палку в окно, а сам убегу безо всего.

Ранним утром вышел из дворца король, одетый в крестьянское платье, и пошел на восток.

Пройдя несколько верст, свернул в сторону и зашагал по девственным пустым полям. Только один раз встретился ему работавший в поле человек.

Человек этот, увидев короля, раскрыл рот и выпучил глаза так, что они чуть не высыпались из орбит.

— Чего ты смотришь? — нахмурился король. — Разве ты знаешь, кто я?

— Так точно. Знаю.

— Ну, кто?

— Кто вы? Простой мужик, ваше королевское величество.

— Тьфу!

Раздосадованный, зашагал король дальше. И вот, углубившись в лес, нашел король то, что искал. Среди высоких стройных деревьев притаилась маленькая заброшенная хижина дровосека, все убранство которой заключалось в маленьком кабинетном рояле, кровати с пружинным матрацем и полудюжине простых венских стульев. Даже ковров не было в этом убежище нищеты и заброшенности!

Король как ребенок захлопал в ладоши и нашел, что лучшего помещения ему и не потребуется.

Голод стал мучить его.

— «В речке должна быть рыба, — подумал король. — Хорошо бы поймать ее. Но чем?»

Он задумчиво опустил глаза и вскрикнул от радости: на траве лежала брошенная кем-то удочка. Король схватил ее и помчался к речке. У берега лежал красивый, выдолбленный посредине камень, на котором сидеть оказалось очень удобно. Король забросил в густые камыши удочку, и, когда через минуту дернул удилище, на конце лессы держалась большая серебряная рыба. К удивлению короля, она оказалась совершенно очищенной от чешуи и даже выпотрошенной. Это заставило короля призадуматься. Он еще раз забросил удочку и опять через минуту вынул рыбу, которая была битком набита перцем и лавровым листом, а во рту держала большой очищенный лимон.

«Странная порода», — подумал король и пошел в хижину.

В печке весело пылал огонь.

— Откуда это? Гм… Может быть, я нечаянно давеча бросил на стружки спичку — стружки и загорелись? Непонятно…

Король сварил рыбу, съел вкусную жирную уху и вышел прогуляться. Жажда томила его. По дороге ухо короля уловило журчание ключа,

пробивавшегося в скале. Жаждущий путник без труда нашел ключ, прильнул к нему — и, изумленный, отпрянул прочь. Вода была сладкая, пахла апельсином, а сбоку на скале висела медная дощечка с надписью: газирована. Приготовлена на кипяченой воде».

Глаза короля потускнели, и лицо омрачилось. Он тихо отошел от лимонадного ключа и побрел дальше, среди роскошных фруктовых деревьев, отягченных большими аппетитными плодами. Рука его машинально протянулась к белому сочному яблоку. Но яблоко было высоко. Король стал на цыпочки… Со своей стороны яблоко тоже пригнулось, вздрогнуло и, отделившись от ветки, упало в Королевские руки. Близорукий король не заметил, что от ветки шла вниз проволока, терявшаяся в кустах, но близорукий король заметил, что яблоко было искусно очищено от кожицы и даже сердцевина с семенем была выдолблена.

Король швырнул яблоко в кусты и побрел дальше. По дороге он нервно теребил тонкий батистовый платок, который какими-то судьбами очутился в кармане его грубой крестьянской куртки. Потом возвел глаза свои, печальные, потускневшие глаза, к небу — и выронил из рук платок. В тот же момент из густых кустов высуну-

лась чья-то рука, схватила платок и почтительно протянула его королю.

— Негодяй! — заревел король, хватая эту руку. — Так-то вы устраиваете вашему королю одиночество и жизнь в пустыне?!

Он вытянул за руку растерянного слугу, закричал на него, затопал ногами, покатился в истерическом припадке наземь и стал рыдать и вопить, стуча кулаками по траве.

— Как?! Я хочу быть один, я хочу уйти от вас, и я не могу этого сделать?! Я, король, не могу сделать того, что доступно ничтожнейшему из моих подданных?! Всю ЖИЗНЬ, значит, на меня наложены эти проклятые цепи ненужной мне придворной заботливости и дурацкого комфорта — и никуда я не спрячусь от них?!

И, значит, как бы я ни старался — я до самой смерти не сброшу этих бархатных, усеянных жемчугом пут, этих золотых палок с бриллиантовыми набалдашниками… О, если так — довольно! Лучше смерть…

Вокруг рыдавшего короля уже стояла почтительная, молчаливая толпа придворных и робко поглядывала на своего повелителя.

— Лучше смерть! — ревел обезумевший король. — Лучше в реку! Прощайте, мои погубители.

Ни с места. Не смейте следовать за мной.

И помчался бедный король к реке.

Но как ни спешил король — придворные были резвее его…

Король добежал до реки и остановился, удивленный: на берегу он увидел маленькую пристань и несколько ступенек, ведущих к воде. Пристань была украшена зелеными гирляндами, цветами и транспарантами, а ступеньки, ведущие к воде, — обиты дорогим красным сукном.

— Это что? — строго спросил король.

Выдвинулся вперед церемониймейстер.

— Это-с? Место для самоубийства, ваше королевское величество. Мы в отчаянии, что не успели нагреть воду и довести ее до температуры зашей ежедневной утренней ванны, — но времени было так мало…

Король опустился на траву (впрочем, не на траву: под него сейчас же подкатили свернутый в трубку персидский ковер) и долго и тихо плакал. Все, окружив короля, молча ждали… Потом король встал, утер слезы и обвел всех страдальческими глазами.

— Ну… черт с вами! Забирайте меня.

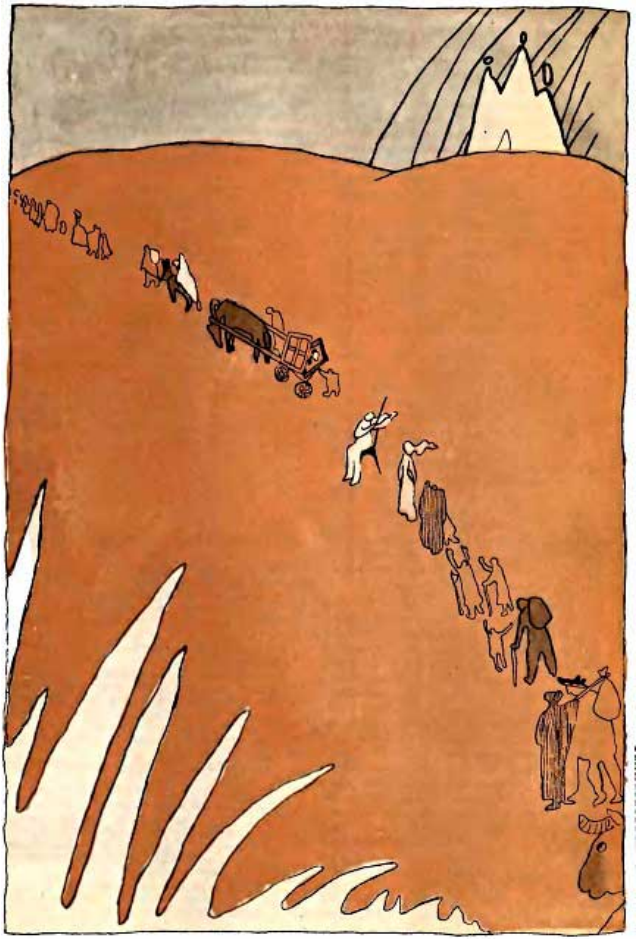
И повели короля во дворец.

1994

№ 1, 2, 3

Давид Шраер-Петров

Иона-странник



И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей.

Книга пророка Ионы

Зачем мне облака на этом чухонском небе, когда я вижу мечущийся океан над моей головой?

Исаак Бабель. Линия и цвет

О нашей публикации

Фантастический роман «Иона-странник», сокращенный журнальный вариант которого мы начинаем печатать, написан несколько лет назад в американском городе Провиденсе эмигрировавшим из Советского Союза в 1987 году писателем Давидом Шраером-Петровым. Он родился в 1936 году в Ленинграде. Окончил в 1959 году Первый Ленинградский медицинский институт, в литературное объединение которого вместе с ним входили будущий кинорежиссер Илья Авербах и будущий писатель Василий Аксенов. Состоял в Союзе Писателей СССР — до тех пор, пока не подал в ОВИР документы об эмиграции. Почти десять лет пребывал в отказниках. Автор нескольких поэтических сборников, романов и пьес. Два романа вышли в США, у нас в России в 1992 году пятидесятитысячным тиражом издан роман

«Герберт и Нелли», выдвинутый в 1993 году на литературную премию Букера.

«Иона-странник» привлек внимание редакции «Химии и жизни» своей злободневностью, попыткой дать ответ на один из самых важных для творческого человека, живущего (или прожившего большую часть своей жизни) в нашей стране, вопросов — как в драматических сегодняшних условиях сохранить в себе искру Божью, способность совершать открытия.

Автор называет эту способность придуманным им словом «фантеллизм», отсюда и подзаголовок «Роман-фантелла».

Роман-фантелла

Оно продолжало звенеть в нем, хотя прошло столько лет скитаний. Поисков музыки души. Истины, рождающей чувства. Вот он здесь. Иона из страны Великого Пространства в стране Америке. Как он сюда забрел?

Почему оказался в Лаборатории Синтеза Натуральных Чувств в столице океанского штата — в городе Провидения?

Прошлая жизнь осталась позади, в дымке тумана над прибалтийским аэродромом, в дыме выстрелов, потрясших тишину Тыстемаа.

Где компаньица хануриков? Где они все: Лиловый, Челюсть, Смычок? Где Скалапендра? Его жалящая и жалобная любовь. Ла Скала.

Когда-то вся их компаньица сползалась в Тыстемаа на побережье Балтийского моря ежегодно. В конце лета. Они все держались друг друга до времени затяжных дождей. Потом они разбредались по Великому Пространству до будущего сезона. Откуда кто из них появлялся, никто никому не рассказывал. Не было принято. Да и небезопасно было рассказывать. Стагнация. Коррупция. Тайная полиция. Конспирация. Принято было в их сообществе предаваться воспоминаниям давностью лет в пять. Не меньше. «Когда гуано минерализуется», — пояснил когда-то Челюсть. Лиловый, Смычок, Рогуля, который Иона, и даже Скалапендра соглашались с ним. У каждого своя история предыстории. Каждый приползал в Тыстемаа из другого сообщества, о котором распространяться не было принято. Они сходились под северным небом и толклись здесь, пока сероголубой купол не тускнел и не опадал.

Компаньица хануриков наслаждалась переходом лета в осень. Зрелости в одряхление. И не так страдала от своих бед. Они отсиживались в тростниках. Их радовали ранняя грязь и сладкая тоска

гниющих тростниковых корней, которые были природным символом эпохи. Они были не одни. Все происходило со всеми. Все было тленно.

Подальше от тростников, на желтом песке, грелись пляжники. Лизали мороженое. Смывали в Тыстемааском заливе пот, лень и невозможность вырваться из. Ханурики не общались с пляжниками. И к себе никого не подпускали. Об этом когда-то позаботилась Скалапендра. Поросячий визг белобрысой толстухи из пляжников. Вой «скорой помощи». Четкая зона отчуждения, образовавшаяся вокруг тростников с тех пор. Никаких контактов. Лиловый, Челюсть, Смычок, Рогуля и Скалапендра держались друг друга на пятачке тростников.

Хотя что же особенного? То же самое происходило в лаборатории, куда попал Иона. На пятачке, забитом синтезаторами, анализаторами, компьютерами, инкубаторами. В пространстве, куда забрел Иона год или десять лет назад и прижился, как ни странно для него. Прижился и забыл. Забыл хануриков ради Брока, Стафа, Монни, Рив и Волосатика, который Магнус. Правда, все в лаборатории зовут его Волосатик, но заглазно. А так: Магнус. И никаких сокращений: Маг, Агнус или Гнус. Хотя Иона и пытался по привычке. Но

отсоветовали. Стаф отсоветовал, потому что уже сообщил Волосатику, который предостерег.

Вообще, забавная ситуация царит в лаборатории. Все говорят обо всем. Ничего не скрывают. Никого не стесняются. И о прошлом тоже. Скажем, Брок — ветеран Вьетнама. Дефолианты, стимулянты, ночные кошмары, ужасы — сфера его разработок. Или Стаф. Прежде — Астаф. Угоны самолетов. Красные бригады. Черные списки. Контрасты состояний: страх смерти — счастье выживания. Коктейль генетической памяти. Национальное движение аварцев, готтентотов, татар или скифов. Никто не знает точно, потому что ничто не скрывается и все висит в воздухе. Или Монни. Гермафродит. Редкостный экземпляр. Потому что Волосатик, который Магнус, любит все натуральное. Его мечта — синтезировать натуральные чувства. Хотя синтез и натура — антитезы, соединенные третьим законом термодинамики. Но если разобраться, кто-то и натуру синтезировал. Хотя бы в начале. Для закваски. Монни. Монстр. Монна Лиза. Он (или она) всем себя показывает время от времени. Для стимуляции. Вот, мол, на что способна натура. Самая замечательная в лаборатории — Рив. Мимикрия чувств. Ведь розовеют же от стыда. Или

чернеют от горя. Еще Гиппократ писал о влиянии желчи на темперамент. Зеленеют же от злости. Все это область натуральных чувств. Чувствуют же кожей. Такова Рив, которая может алеть, как рассвет над Атлантикой. Чернеть, как шторм в Патагонии. Зеленеть, как агава. Или желтеть, как желток. Как желтое тело над оплодотворенной яйцеклеткой. Рив чем-то напоминает Лилового. Хотя Лиловый был воплощением ламаркизма. А Рив — эволюционного эгофутуризма и революционного неодарвинизма.

Волосатик же, который Магнус, — шеф.

Столько работы навалилось на Иону, что он забыл своих ханурико в. У него апартамент в кондоминиуме[53]. Он — представитель крепкого среднего класса. С ним все — о'кей! Он синтезирует состояние Улыбки.

А в Тыстемаа ханурики сползались, сходились, сбегались по утрам в тростники из ночлежек, летних дачек, подвалов. Пляжники ежились и закутывались в полосатые полотенца и цветастые халаты. Только бы не видеть Лилового, Челюсть, Смычка, Рогулю и Скалапендру. Только бы не попадаться им на глаза!

---

[53] Примечания: 53

Квартира в кооперативном доме. — Здесь и далее примеч. ред.

Один только Замок, белевший на холме над тростниками, не давал ханурикам покоя. Замок висел над ханурикаами и над пляжниками, как белая громадная скала, готовая сорваться с холма. Ханурики враждовали с Замком. Они, Иона помнит, как они ненавидели Замок. Это объединяло компаиьицу. Пляжники боялись Замка. Страх перед Замком объединял пляжников.

В Замке презирали хануриков и презирали пляжников. Хотя и в презрении есть свои оттенки. Ханурики казались обитателям Замка мерзкими. Пляжники — ничтожными.

Иона начинает вспоминать хануриков. Первую — Скалапендру. Что ни говори, давнишняя привязанность. Но пересиливает себя, откладывает на потом.

Лиловый. Он первым из хануриков достигал Тыстемаа. Захватывал самый отдаленный и дешевый подвал, называвшийся им игриво — «бельэтаж». Лиловый славился разветвлениями венозной сети. Казалось, он дышал кожей. Как лягушка. Лиловая, человекоподобная. Еще до образования компаньицы хануриков Лиловый, бывший тогда нормально бесцветным, выпил бутылку политуры. Его откачали в реанимации. Но кожа осталась выкрашенной навсегда. Во

времена переписи жителей Великого Пространства не знали, куда его отнести. К ханурикам он прибился, перекочевав в Европу из-под Читы, где по вечерам кормился вокруг биллиардных столов. В Чите — знаменитая биллиардная. Шар за борт вылетит — Лиловый подаст. Мелок раскрошится — из кармана новенький достанет. Пустая бутылка громыхнет — за пазуху припрячет. Лилового жалели. Мать родная ему была неизвестна. Сам-то он обнаружился замотанным в тряпье на крыльце барака. В страшный год террора. Почему он выбрал Тыстемаа? Зачем прибился к ханурикам? Почему другие выбрали и прибились? Зачем? Лиловый пришел сюда за Смычком. Смычок — за Челюстью. Челюсть — за Скалапендрой. Скалапендру защитил от Замка Рогуля, который теперь Иона.

Выходит, никто не виноват. Один тянется за другим. Или за другой. Влечение. Хемотаксис. Вроде магнитного поля. Лиловая стрелочка на север. Красная на юг. Смычок с севера прилетел.

Но сначала о Челюсти. Хотя надо бы — о Скалапендре. Она — та самая Шерше Ля Фам. Из-за которой… О, Пзн, которая еще и Скала. И Ля в веселые минуты. Все эти сокращения придумал Челюсть. Придумал сокращения. Но никто не

смог придумать что-нибудь, чтобы забыть историю с Архитектором. И Замком, от гнева которого Рогуля спас Скалапендру. Спас, но не забыл всего, что произошло. Не забыл, но и не прогнал. Не смог. И другие не дали. Все-таки Ля Фам.

Биография Челюсти путаная. Маршруты цирка шапито. Железная Челюсть (перегрызает), Золотая Челюсть (побеждает). Мощная Челюсть (приподнимает), Жуткая Челюсть (скрежещет). Киношная Челюсть (играет в мультяшках). Музыкальная Челюсть (отстукивает ритм).

Отфокусничав с цирком одиннадцать месяцев в году, Челюсть отпадает и оказывается в Тыстемаа, в тростниках. Ночует в Доме рыбака, давая время от времени сеанс фокусов. После той истории между Пен и Рогулей, то есть Ионой в нынешнем повествовании, истории с Замком и Архитектором Челюсть еще больше воспылал к Скалапендре, но стал осторожнее. Повторял: «Лучше бояться, чем испугаться».

Дорого обходилось Рогуле это увлечение архитектурой, которая, как говорят, музыка, застывшая в камне. Музыка. Его жизнь. Его способность фантеллировать. Дьявольский Замок. Нет, не белая глыба. Корабль. Корабль, остановившийся в раздумье перед выходом из гавани. В океан трост-

ника. Занятно придумано. На всякий случай. Мало ли. Стоит, стоит — и пошел. Через тростники — в Балтику. Такая у Замка архитектура.

Скалапендра. Рыжеволосая. И ресницы из темного золота. И под мышками — золото. И все остальное. Как львица. А глаза невинноголубого цвета. Под черными бровями. Где у Пэн жало, даже Рогуля не знал. Но не сомневался, что ядовита. Вот Челюсть — прижален. И в Замке случилось. У Скалапендры была способность вводить разные дозы: приваживающую, ужасающую и смертельную. Ужасающую она ввела пляжнице. А смертельную — ходили разные слухи.

Смычок. Смычком его не только из-за скрипки прозвали. Хотя, конечно, играл. Из хорошей семьи. Одесса. Школа Соломона Каца. Нет, другая. Скрипачей. Откуда Буся Гольдштейн и Додя Ой страх. Учился Смычок, как и все вундеркинды с Дерибасовской, на классике. Но ему захотелось легкой музыки. Он придумал для своей пиликалки другое применение. Стоял на шухере. Пока грабили. Появлялась опасность — он играл другое. Нечто бравурное вместо ночной серенады. Танец огня. Или что-нибудь похлеще. В детской колонии Смычок, пока среди болот на Севере прохлаждался, идеи заимел.

Он обсуждал с Челюстью марсианские каналы.

— Весьма занятно, весьма! — обыкновенно одобрял Челюсть новый вариант каналов, которые Смычок планировал прорыть в тростниках.

— Обилие добы — вот чем могут кормиться марсиане, — заводился Смычок.

— Вы хотите здесь, в Тыстемаа, повторить Одессу середины двадцатых? — оскаливался Челюсть.

Однажды, Иона подробно помнит, компаньица толковала.

— Я слышал, что в Замке поговоривают о переменах, — сообщил Смычок.

— Дурак ты, Смычок, — не выдержал Рогуля. — Вождям отвалить нужно. А ты — перемены!

— Ни к чему было, Рогуля, смешивать виски с шампанским, — резюмировал Челюсть.

— Я сам это понимаю. Челюсть. И тогда понимал. Не к чему смешивать жизнь и фантеллирование. Еще до вас всех, Челюсть, до того, как мы переползли в тростники. В Замке. Чертова ее страсть к Архитектору. Ну кто он был? Исполнитель фантеллических идей. Когда вдохновение рождает эмцеквадрат. Никаких атомоа Реактивных топлив. Энергий солнца. Ни в Вождях, ни в Архитекторе не было фантеллизма.

— А в Скалапендре? — спросил Челюсть.

Странная она, Ла Скала. Вот она лежит на спине. Самая солнечная. Самая зловещая. Способная переходить. Кого мне винить? Архитектора? Он умер. Подозревали Скалапендру. Допрашивали. Кончилось изгнанием из Замка. И отлучением Рогули. Хотя был приближен к Вождям. Элитарен. Жена все-таки. Рогуля взял ее на поруки. Прошлые заслуги. Незапятнанность. Что произошло с Архитектором? Странная она, Ла Скала. Единственное, что тогда понял Рогуля, — это ее свойство ограничено тростниками. Как фантеллиэм Рогули — Великим Пространством. За пределами они — просто ханурики. И никаких переходов. Фантеллизм словно смывается. У Скалапендры вне тростников. У Рогули — за пределами Великого Пространства. Она это знает. Тогда, после истории с Архитектором, Рогуля испытал это. В Гонолулу. Жрал, пил, таращился. И ни шевеления в темени. Где погребен третий глаз.

— Деточки, это вы все зря вибрируете, — вполз в диспут Лиловый. — У нас в подвале слух прошел, что тростникам скоро хана.

— Этого не может быть! — крикнула Пэн. — Нельзя вам… Нельзя нам без тростников. Заткнись, Лиловый!

— Я только шары подбираю, милая Скала, — поголубел Лиловый.

— Мои каналы! — ахнул Смычок.

— Информация должна быть достоверной, иначе она есть дезинформация, — щелкнул пластмассой Челюсть.

Слова Лилового запали. Ночью в мансарде дачки, которую они снимали тем летом, Пэн ластилась к Рогуле:

— Давай, как прежде. До всего. Обними меня. Не бойся.

— Я и не боюсь.

Рогуля знал, что способность Скалапендры жалить ограничена тростниками. Их дачка располагалась вдали от Океана. В старой части Тыстемаа. В глубине яблоневого сада. Одной рукой он держал яблоко. Перед губами Пэн. А другой ласкал ее груди. И прикасался к ним губами. И притрагивался зубами.

— Ты яблоко. Белый налив.

— Любимый мой. Ты один у меня…

— А… — хотел Рогуля спросить про Архитектора. — А… тростники?

Но она поняла. Поняла про другого. Но поняла и правду вопроса.

— Ты. И тростники.

— А кто любимее?

Она толкнула Рогулю коленками в живот и увлекла в себя.

— Ты… тростники… — лепетала она, пока могла что-то произносить, пока не засмеялась и не заплакала одновременно.

Под утро Рогуля, который Иона, знал все. Вернее, про ее роман с Архитектором он знал и раньше. Не надо быть фантеллистом, чтобы увидеть в глазах женщины отчуждение. Он это видел целый год, пока достраивался Замок. Вернее — те самые детали, которые превращали его в Корабль, способный преодолеть даже тростники, чтобы достигнуть Океана. Вожди торопили. Все могло произойти с Великим Пространством. Им надо было приготовиться к внезапному бегству.

Фантеллические способности Рогули были напряжены до предела. И в этом тоже крылась причина его тогдашнего охлаждения к Ля. И, соответственно, ее к нему. Рогуля не мог в такие периоды ничего, кроме созидания перехода. Фантеллизм и земная любовь несовместимы. Но ведь и она знала, что с Архитектором ненадолго. Что это пройдет, схлынет, как весеннее половодье или как сок под корой кленов и берез. А тот вообразил. Нацелился. Рогуля ведь по простоте

душевной открыл Архитектору возможности Замка, ставшего Кораблем.

Кораблем, бороздящим тростники, чтобы выйти в Балтику и в открытый Океан.

Скалапендра знала, что ей необходимы тростники. Как Рогуле — Великое Пространство.

Вождям можно. Вклады. Отчужденность. На чужбине. И внутри Великого Пространства. Отчужденность и способность подавлять. Вождям одинаково везде. А Рогуле и Скалапендре — крышка. Погибнут тростники. Рогуля и Скалапендра, если не умрут, будут влачить. Как он однажды в Гонолулу. Вспомнить страшно.

Архитектор настаивал:.

— Узнай секрет последней лепнины у Рогули. И Замок выйдет в Океан. Черт с ними, с тростниками. А там разбежимся. Мы с тобой. Рогуля еще куда-нибудь. Вожди — в Швейцарию.

Слава Богу, Рогуля находился тогда в фантеллизме и не поддался.

Архитектора похоронили около стены Замка. Посмертно увенчали. Назвали улицу. Среди Вождей поднялся вой, взрыв негодования, потом смятение и страх — что будет с ними, если Великое Пространство начнет сотрясаться. Но обошлось. Страхи улеглись. Решено было ждать

с отходом.

Скалапендру выслали из Замка. Рогуля потащился за ней.

И вот они лежат в обнимку в мансарде и толкуют об опасности, опять нависшей над тростниками. Над их компаньицей. Над последним островком. В конце концов над Скалапендрой. Кем она станет без тростников? Рогуля понимал, что их сближение связано с этим страхом. Страх рождался взрывами, потрясавшими страну Великого Пространства. У нее — один страх. У Вождей — другой. Им надо бежать любой ценой. Ей — остаться и сохранить тростники. Рогуля все это понимал. Близость, рожденная страхом. Ну что же из того! В Помпеях он видел тела, переплетенные судорогой любви и страха и отлитые в лаве извергнувшегося Везувия. Он также видел кинохронику времен войны с Японией, когда в яме, образованной Бомбой, обезумевшие от страха люди утешались случайной любовью.

Наутро среди хануриков — на пятачке между сточной канавкой и заливчиком, где размножаются пиявки и инфузории, — царило уныние.

— Лиловый прав. В городе полно слухов об уничтожении тростников, — вымолвил Смычок. Впервые он не раскрыл футляра.

В цвет Лиловому туча поплевывала на компаньицу. Скалапендра лежала неподвижно, запеленутая в кусок брезента.

Остальные молчали.

— Вы куда, деточка? Еще рогуликами не торгуют, — проводил Иону Лиловый.

Иона вернулся в Замок. Вожди ждали его. Иначе откуда бы лежать пропуску. У Вождей не было дара фантеллиэма. Они ориентировались. Где, что и почем. Архитектор не закончил самую малость. И слава Богу. Тогда — конец тростникам. Замок-корабль уничтожил бы их, двигаясь к Океану. Скалапендра знала и ужалила. Больше ничто не могло помешать Рогуле. Еще одна фантеллия. Корабль перелетит над тростниками. Вместе с Вождями. И с ним — Рогулей. Ионой-странником. Гонолулу так Гонолулу. Загонолулия. Америка. Зато тростники останутся шуршать и слушать Смычка Пляжники ничего не заметят. Корабль выпорхнет из Замка как птенец из яйца. Пляжникам хватит и скорлупки. Для порядка. И легенды о Скалапендре, которая ужалила устрашающе.

Иона катит домой. Панорама города Провидения открывается ему. Города воплощенной мечты. Храмы на склонах холмов. Белые дымки над пекарнями, китайскими ресторанчиками,

кебабнями. Площадки с автомобильчиками. Малиновый звон колоколов. Дух захватывает. Все для того, чтобы забыть на целую ночь эту чертову Лабораторию Чувств. Он пытается синтезировать Улыбку. Улыбку счастья, любви, дружелюбия. Тысячи оттенков человеческой Улыбки. Синтезировать при помощи музыки, генов, компьютерных программ. Иона называет это синтезировать — как все в лаборатории, где синтезируются страх, страсть, оргазм, радость, обожание, поклонение — множество чувств, набранных человечеством за долгие годы блуждания по земле. Земные чувства. Волосатик Магнус в своих рекламных проспектах делает особенный акцент на том, что это натуральные, земные чувства, а не какие-то там эрзацы.

Но от этого Ионе не легче. Впрочем, как и остальным. Хотя что-то выходит. Вот на той неделе в контрольных опытах на добровольцах. Волны, снятые с его новой мелодии, вызвали Улыбку нежности. Она продержалась несколько часов. Добровольцами были хроники. Обитатели Дома престарелых, давно утратившие способность к нежности. Но через несколько дней наступила злобная реакция. Пришлось вызвать психиатра. Транквилизаторы. А кое-кому элек-

трошокотерапия. Провал. Бешенство Магнуса. Холодное отчуждение Брока, Стафа, Монни. И Рив, позеленевшей, как агава.

Пропади оно все пропадом! — подумал Иона. Забыться хотя бы до утра. Чтобы никаких чувств, кроме отупления.

Зачем он подписал этот контракт с Магнусом?! Надеялся, что вернется фантеллизм? Вернется вне Великого Пространства? Ведь случается же иногда.

Иона проскакивает по Сентрал-авеню, мимо высоченного отеля, построенного вне законов архитектуры и правил вкуса. Отеля, торчащего, как перст судьбы, обрекающей город Провидения на десятилетия безвкусицы. Может быть, кто знает, думает Иона, все эти проекты их Лаборатории Чувств и есть попытка защитить общество от подобных отелей.

В греческой кофейне играют в кости. Иона ставит на единичку. Выпадает единичка. Он заказывает кофе на всех. Турецкий кофе в греческой кофейне посреди города Провидения. Турецкий кофе, дымок которого вышибает слезы. Он вспоминает запахи кофе, витавшие над утренним Тыстемаа, когда они с Ля вываливались из мансарды. Чашечка кофе по дороге в тростники, на

берег Балтики.

— Как она? — спрашивает Иона у кофевара.

— Последний тур остался. Мы очень надеемся. Вдруг станет мисс Нью-Ингланд!

Это они толкуют о дочке кофевара Нике. Иона и кофейню-то эту выбрал из-за Ники. Заря в горах Крыма. Рассвет в Коктебеле. Аромат кофе, как над утренним Тыстемаа, когда они вываливались из мансарды со Скалапендрой.

В лаборатории не знают, кто заказал Магнусу проект Улыбки. Ходили разные слухи. Назывались возможные источники гранта. Панамерикан. Кофе Корпорэйшен. Сёрвайвинг Аляска. Рэкет-Ган. Или Автоматик Плэйере. Поговаривали, что заказ получили через посредников, а те — от иностранцев, пожелавших остаться инкогнито. Какое дело, в конце концов, Броку, Стафу, Монни или Рив до источника гранта. Лишь бы два раза в месяц Волосатик за традиционным чаепитием выдавал заветный конвертик с чеком.

Так получилось, что Иона прокручивал варианты с Улыбками, а остальные готовили фон. Хотя у каждого из них были и свои проекты тоже. Магнус был дока в этих делах. Подстраховывал. Каждого — каждым. На случай провала одного из проектов.

Иона сделался главным исполнителем проекта Улыбки мгновенно. В одну ночь. Проект стал поистине дитем любви с первого взгляда. Лаборатория Магнуса гуляла. Вся их шобла-вобла: Волосатик-Магнус, Брок, Стаф, Монни и Рив. Они шатались по Ньюпорту из кабака в кабак во главе с Волосатиком, который забегал вперед и высвечивал новое, неиспробованное еще местечко.

Они заловили Иону на набережной. Он в это время таращился на белобрысую девку, драившую палубу маленькой шхуны «Валет». Так эта девка напомнила Ионе все, связанное со страной Великого Пространства, хоть плачь, хоть реви, хоть обратно вплавь плыви. Шагнул на трап — и вся игра. Заказывай капитану любой маршрут. К тому же был Иона при деньгах, которые получил от «Невада-Вегас клаб» за мюзикл, исполнявшийся в мегаавтоматах при особо крупных выигрышах. В мюзикл была вставлена программа, вернее, антипрограмма, нейтрализующая счастливую (для выигравшего) программу. Чтобы выигрыш не повторился. Словом, денежки у Ионы завелись.

Иона таращился на белобрысую девку, напомнившую ему дочку хозяина дома с мансардой в Тыстемаа, в которой они поселялись каждое

лето с Ля. Иона таращился на белобрысую, а вся Магнусова компашка таращилась на Иону, по привычке абсорбируя новенькое ощущение. Иона не мог оторваться от девки на палубе шхуны. Девка потрясающе улыбалась. Ей было весело оттого, что какой-то кретин (Иона) сидит на гранитном парапете, как на бревне, сидит, опустив желтые мокасины с кожаными шнурочками прямо в Океан, отхлебывает из банки «Мичелоб драй бир». Крепкое пивцо попивает. И таращится, как баран на новые ворота. Итак, все таращились, включая Магнусову компашку.

Белобрысая со шхуны «Валет» спросила:

— Чего уставился?

— Понравилась, — ответил Иона.

— Чем? — спросила она.

— Как улыбаешься, понравилось, — ответил Иона.

— Ну все! Налюбовался — и баста! — повернулась она задом, нашвабривая палубу шхуны.

Но и бедро ее, нагло вывихнутое под нос Ионе, улыбалось. И розовая мочка, розовая и сладкая, как сосок, улыбалась из-под соломенной прядки. И пятка, яблоком торчащая из шлепанца, улыбалась во весь рот. Так хорошо, так открыто, так понятно, как ему когда-то улыбались в краях,

обтекаемых Балтикой.

Девка исчезла с палубы, скользнув в трюм. А Иона все таращился и таращился на то место, где еще минуту назад плавала ее улыбка. Магнусова компашка перехихикивалась и ерзала, потому что всем надоело.

— Всем надоело, Магнус, — прорезался Стаф, скрежетнув фиксами.

— Понеслись в «Ночную клешню», — предложила Рив, ставшая бордовой, как французское вино.

— Чего таращиться? Невидаль! — щелкнул кастетом Брок.

— Сейчас, сейчас, братцы Какая улыбка — Губы, плечи, бедра — все улыбается. Это же то, что надо! Улыбка века! — восторженно вопил Магнус. — Ты-то соображаешь?

Это он Ионе. Сразу же, по-барски, «ты». Чует Волосатик, за что платить будет.

— Можно схватить, — это Иона ему. — Тут кое-что из моего портфолиума. Если интересуетесь.

И передал пленочку Магнусу. Магнус рассек мгновенно. У него всегда с собой на всякий случай микрокомпьютер.

— Это у тебя на музыке чувств завязано? Сюда бы гормональный фон, кое-что из эндорфинов и…

Кто знает, кто знает?! В общем, впечатляет. Вот моя карточка. Звони.

Потом компашка слиняла. Лаборатория Магнуса. Добивать вечер в «Ночной клешне». И еще где-то. И еще… Потом Рив рассказывала, что посреди ночи они вернулись к набережной. Но шхуна «Валет» исчезла. След простыл Они обнаружили жестянку из-под «Мичелоба», вдавленную в камни мостовой, капли крови на граните парапета да светящиеся цифирьки от часов Ионы.

Иона приходит в лабораторию вторым. Всегда вторым. Открывает лабораторию Брок. Включает синтезаторы. Прогревает микролаэр. Готовит приборы к экспериментам. Он дока в технике. Техника так и осталась слабым местом Ионы. Предчувствие. Композиция невероятного. Возможность поймать состояние перехода — это с ним. А техника — ведомство Брока.

— По кофейку? — предлагает Иона.

— Можно, — соглашается Брок.

Они варят кофе. Толкуют о том о сем. В сущности, ни о чем, но вполне дружелюбно.

— Скоро колумбийскому кофе — крышка, — говорит Брок для затравки.

— И кубинскому — крышка тоже, — заманивает Иона.

— Ваши лезут во все дыры. Жизни никакой. Ненавижу! — взвинчивает себя Брок. — Предлагаю отгородиться противоракетной стеной — и баста! Чтоб никакой лазейки ни туда, ни оттуда.

— Заткнешь все дыры — дышать нечем будет, — парирует Иона.

Они глотают кофе. Пар плавает над белыми пластиковыми стаканчиками. Тянутся: Стаф, Монни, Рив. Пьют кофе. Просматривают вчерашние записи. Ждут Магнуса.

Магнус пробегает по лаборатории. Он никого не видит. Не хочет видеть. Все знают, что вчера (как всегда, впрочем) Магнус торчал в лаборатории допоздна. Разбирал результаты последних синтезов. Каждый в отдельности знает, что опять — по нулям. «Зироу ризалтс»[54],— как мрачно подытоживает каждый вечер Стаф. И вчера подытожил. Со своим каркающим акцентом. Не поймешь что — словосочетание «зироу ризалтс» или этот отвратительный вороний акцент — приводит Магнуса в совершенное бешенство. Он бледнеет и закрывается в своем кабинете, где стоит спасительный бар с коньяками.

Магнус — коньячная душа. Он утверждает,

---

[54] Примечания: 54
Нулевые результаты *(анг.)*.

что родился в пастушеском шалаше на южном склоне Арарата.

Но все эти милые беседы — в хорошие минуты. А вчера Магнус не выдержал. Заперся в кабинете. Просидел там минут пятнадцать и вылетел обратно, как Архимедова пробка. Рив покрылась серой изморосью, как осенний забор. Монни извинился и побрел в туалет. Брок скрылся в автоклавной комнате. Иона нахлобучил наушники. Так что один на один с Магнусом остался Стаф. Собственно, все произошло по справедливости. Поджег — туши! Магнус стоял напротив Стафа, перебирая четки. Это был предел. Когда Магнус перебирает четки — хуже быть не может. Даже Стаф это понял и уткнулся в генетическую карту зеленой мартышки — существа, источающего беззаботность.

— Завтра потолкуем, господа, — только и сказал Магнус.

И вот это завтра наступило, и все ждут, что будет. Пьют утренний кофе. В который раз варят коричневую жижицу, называемую кофе, и ждут. Магнус приходит необыкновенно притихшим. Печальным, что ли. Вселенская печаль застыла на его лице. Нет, лучше: вселенская печаль запечатлена на его лице. Он вполне достойно смотрится в

это утро. Волос атик-Магнус. Прозвище Волосатик отпадает при таком раскладе. Остается Магнус. Его пергаментное лицо окантовано серебряным венцом шевелюры, бакенбардов и бородки. Бородка испанского гранда, которую он холит и расчесывает постоянно. К тому же на Магнусе зеленый шейный платок из чистого шелка. Зеленые цвета Магнус подчеркнуто носит, чтобы не отторгать мусульман. О, Арараті Колыбель человечества и человечьих противоречий. Как это турки могли вырезать за одну ночь миллионы армян? Как Бог допустил и допускает?

Магнус печален, как невеста с картины «Неравный брак». Вся лаборатория делает вид. Копошатся над записями. Готовятся к демонстрациям. Но никто не начинает. Потому что все в тупике. Куда ни кинь, всюду клин. Надежда на Магнуса. Он — создал лабораторию. Заложил фундамент идеи о возможности синтезировать натуральные чувства. Он и выведет из тупика.

Говорят, лаборатория зародилась с Рив. Собственно, с Магнуса, но при участии Рив. Магнус начинал когда-то с критики Ламарка. Он культивировал критику всего, что поддерживалось Вождями страны Великого Пространства. После резни его родители бежали в Северную Африку.

Кто их надоумил вернуться на северные склоны Арарата? Поближе к Севану. Собственно, уже в пределах Великого Пространства. Вернулись на родину предков, зараженную революционным ламаркизмом. Вожди насаждали эту теорию повсеместно, потому что она могла объяснить любые отклонения. Внешние условия — результат. Рабский труд — но хлеб, но футбол, но крыша над головой. Все — зависит от всех. А все — это то, что снаружи тебя. Внутренний мир обитателей Великого Пространства оставался неизвестной землей. Терра инкогнита. Все это было отвратительно Магнусу, хотя и запало. Отвратительно, потому что он входил в цепь каждого, связанного со всеми. Цепь. Или колючая проволока ограждения самих себя. Запало, потому что оказывало мгновенный эффект на массу людей. Магнус разыскал родственников в Калифорнии и вырвался из Великого Пространства. Но запало. Запал ламаркизм, как западают дурные привычки детства. На всю жизнь он получил стимул для критики, но и определенного интереса к. Все было отлично, пока он занимался эквилибристикой генов. Все работало против печально-памятного французуа, терзавшего ламинарию. Когда же Магнус занялся кухней молекулярной биохимии, оказалось, что

возможно сочетать волка с ягненком. Кошку с мышкой. Всего лишь несколько манипуляций с ферментами: разъединил, переварил ненужное, склеил снова и вставил генетический компьютер в новую клетку. И все его построения против Ламарка летели в тартарары.

Магнус был одинок. Надо чего-то достичь, какой-то прыжок сделать, тогда уж — мирил он себя с собой. Были какие-то увлечения. Чаще случайные встречи на конференциях. Молодые женщины, одинокие энтузиастки науки Он встречал их в лифте гостиницы. В холле у конференц-зала. В бассейне. В буфете. Потягивая пивко, он развивал перед незнакомками свои гипотезы о смыкании теорий генетики, о богодьявольских гибридомах, о гипотезе фенотипического генезиса, которую предлагает он, Магнус. Нередко его собеседницы откликались. Им тоже нужно было расслабиться Этим неприкаянным докторам наук, шмыгающим целыми днями от одного прибора к другому. Переливающим из одной пробирки в другую. Неприкаянным и занятым до того, что некогда да и незачем накрасить губы, одернуть кофточку, подобрать подходящие джинсы, чтобы подчеркнуть то, что когда-то радовалось и пело. Когда-то. В старших классах по-настоящему. В колледже

чуть-чуть. И почти забылось во время делания докторской диссертации. Они беседовали. Шли в номер, к ней или к нему — обменяться оттисками статей. Радовались неожиданному везенью и обменивались еще несколько лет открытками к Рождеству.

С Рив начиналось по традиционной схеме. Они оказались за одним столиком в маленьком отеле на окраине Лас-Вегаса. Пока Магнус заказывал официантке чай и сок, Рив вернулась с омлетами и булочками. Магнус оценил отзывчивость молодой пунцовеющей аспирантки из Анн Арбора. Она приехала на симпозиум с докладом об эволюции кожных ферментов.

— Идея в том, профессор, что кожа — граница между внешней и внутренней сферами. У всех многоклеточных. В этом нет разницы между животными и растениями. А тем более — между млекопитающими и другими позвоночными. Ничто более кожи не способно воспринимать эмоции, выражать эмоции и передавать эмоции. Мне кажется, я нашла ключ к соединению фенотипической и генетической регуляций окраски кожи, — рассказывала Рив.

— И возможность феногенотерапии! — Магнус настолько увлекся ее идеями, столь близкими

его собственным, что пружинками неандертальской своей растительности уткнулся в ее розовое плечо.

— Как я счастлива, что нашла единомышленника, — постанывала Рив, млея.

— Хорошо, что не злоумышленника, — отшутился Магнус.

— О, нет. Я вам сразу поверила.

— Постойте, постойте. Да вы цветете, как радуга!

Аспирантка переливалась всеми оттенками спектра и как будто не собиралась отодвигать плечо от гениального Волосатика.

— Чудно. Чудесно. Значит, вы исходите феромонами, которые индуцируют пигментацию. Что и требовалось доказать! — повторяла Рив, нисколько не смущаясь невероятной перемены. — Хотя откуда у вас гормоны насекомых?

Они спешно ретировались в его люкс. Пущены были в ход все известные ему и ей эрогенные зоны. О заседаниях биологического симпозиума было начисто забыто. За два дня беспрерывных экспериментов (трудно было назвать иным словом эти занятия), за два дня составлена была карта сенсорных участков кожи, ассоциированных с мимикрией.

— Сам господин случай столкнул нас, Рив. Я — редкостный продуцент пахучих половых гормонов. Ходячий атавизм. Вы — сверхчувствительный реципиент, — ликовал Магнус.

С этого началась лаборатория.

Нашлись Монни, Брок и Стаф.

Потом присоединился Иона, опустошенный, одинокий, потерявший надежду еще раз увидеть белобрысую девку с ослепительной улыбкой. Когда компашка Магнуса ушла догуливать в «Ночную клешню», Иона остался на парапете. Он помнит глухой удар и ощущение полета в пропасть. Исчезли все его деньги и кредитные карточки (кроме Галф). Так что оставалось заправиться и добираться до города Провидения. К тому же целехонькой была визитная карточка Магнуса.

— Вот что, братцы, — начинает Магнус, когда они расселись вокруг усеченного эллипса — стола экстренных сборищ. — Подкрепитесь и начнем кумекать.

В центре эллипса стоит вертушка с тарелками. На тарелках громоздятся сандвичи с ветчиной, лососем, сыром, кусками индейки. Кофе булькает в автоматической кофеварке. Бутылки с джинджир элем и кокой торчат ракетами. Все, как в

самые серьезные моменты.

— Давай, Магнус. Чего тянуть, — бурчит Брок. Никто его не поддерживает, но и не перечит ему. Все смотрят на Волосатика, который уперся глазами в Иону и ждет. Иона же не торопится начинать. Пусть спросит первым. Так они перемалчиваются, пока другие дочавкивают и доглатывают.

— Ну, что скажешь, Иона? — вступает Магнус.

— По нулям пока, Магнус. По нулям, — Иона чертит черенком вилки ноль.

— В чем причина. Иона? Скажи, что происходит с экспериментами?

— Не зацепляется, Магнус. Понимаете? Не зацепляется, хоть лопни. Или элиминируется уже после генетической передачи. Тотчас теряется признак. Не передается новым клеткам.

— Послушай. Послушай, Иона. Постарайся вернуться назад. А потом вместе с нами проанализировать все опыты снова.

Магнус вытаскивает Иону к светящемуся экрану. Мелькают фотографии стариков и старух. Энцефалограммы. Электроаудиограммы. Микробиопсии кожи. Электроионофорезы ДНК и РНК. Записи речи. Смех. Оживленные разговоры. Плач. Крики. Целая пленка смеха, разговоров,

плачей и криков.

Иона вновь и вновь рассказывает о выборе подопытных:

— Наблюдались самые обездоленные старики и старухи, бездетные, заброшенные родственниками, потерявшие всякий интерес к жизни. Все положительные эмоции. Кроме ОДНОЙ. Все они продолжали любить музыку. Музыка индуцировала затравку цикла феногенотерапни. Вначале как будто что-то получалось. Кожа реагировала. Мышцы приобретали тонус. Возвращалась улыбка. Они радовались жизни. А потом — провал. Истерики. Кошмары.

— Кошмары — это область Брока. Тут мы знаем, что делать, а, Брок?

— Известное дело, Магнус. — Брок немногословен. Старается понять, кто перетянет. Останется ли Иона на первой линии. Или — сорвется. Тогда не жаль и потопить.

Но Магнуса не проведешь. Ему дело нужно, а не политика. Он вытаскивает Стафа, потом Монни, потом Рив — свою фаворитку, первую после Ионы в проекте «Улыбка».

— Рив, детка, ты что скажешь?

Рив переливается, жемчужничает. Эго признак неуверенности, невозможности остановиться на

одном решении.

— Ну же, Рив! Мы ждем, — торопит Магнус.

— Мне иногда кажется, Магнус, что Иона может обойтись без нас. Без меня, во всяком случае, — выдавливает Рив.

— Что это значит? — Магнус проглатывает полстакана кофе и затягивается. Табачный дым окутывает его лицо, серебряный венец вокруг головы. Бог Саваоф, да и только. — Что это значит, Рив, «может обойтись»?

Магнус спрашивает Рив, но обводит взглядом всю компашку. Насупленного Брока. Ожесточившегося Стафа. Монни с его плавающей улыбкой. Рив. Решительную, честную Рив, сизую, как осенний рассвет.

Так жокей по жесту хозяина обводит лошадь на аукционе. Кто будет делать ставки? Кто вообще захочет купить?

— Это значит, Магнус, это значит, что мы со своей наукой и он, Иона, со своей музыкой, я не знаю, музыка ли это или… так звезды между собой переговариваются — ну, словом, он и мы… У нас разные концепции. Пусть бы работал самостоятельно.

Умная Рив. Умная и сверхчувствительная. Звезды переговариваются. Откуда ей знать это? И

звезда с звездою говорит.

Магнус испытующе смотрит на Иону, потом на Рив. В этом взгляде ревность, подозрительность, надежда.

— А ты сам как думешь, Иона?

Как он думает и что он думает? Тысячи мыслей. Сказать, что не чувствует сил, что утратил способность к фантеллизму. Да откуда Магнусу, прагматику, реалисту, материалисту, верящему только в превращения материи, меняющей внешний образ, откуда ему знать о переходах, о том, как нечто поднимается внутри, рвется в небо, как крылья, заставляет фантеллировать?! Откуда знать это Магнусу? И зачем открываться ему? Но как быть? Удача в Лас-Вегасе одиночна. Денег нет. Возвращение в страну Великого Пространства невозможно. Во всяком случае, очень рискованно. Новые Вожди сменили улетевших на Корабле. Упрячут в тюрьму или сошлют в тьмутаракань в лучшем случае. Остается Магнус. Надо попробовать.

— Надо попробовать, Магнус. Совершенно новый вариант.

— Что ты имеешь в виду. Иона?

— Рив права. У меня нечто иное. Это невозможно перенять или передать, как ген или фермент.

Это должно произойти со мной… А потом — при везении — с другими. Это как музыка. Вы не можете потрогать мелодию, взвесить ее, передать кому-то способность сочинять музыку, но…

— Понимаю. Но записать знаки музыки возможно. А как же будет с серией экспериментов на стариках, которые ты проделал вместе с Рив? — Магнус начал успокаиваться, обретая почву.

— Мы попробуем еще раз. Вместе с Рив. Хотя это совсем не то, что происходило во мне. Случалось со мной.

— Волосатик позволил? — спрашивает Иона.

— Сделал вид, — отвечает Риа.

Они сидят на камне около лесного озера, начинающегося ручьем и завершающегося плотиной с водопадом. Решено было попробовать еще раз. Сосредоточиться. Побродить на природе. Потому что ведь получалось со стариками. Хотя бы вначале.

Они придумали встречу с психогенетиком в Варвикском университете. А после консультации смыться на озеро. Психогенетик делал умный вид. Пыжился. Называл их энтузиастами науки. Подвижниками. В конце концов выписал солидный счет на лабораторию. Магнус придет в полное уныние от счета. Правда, под самый конец

психогенетик размяк и потащил их в подвал, в библиотеку. Из-под разваливающихся томов с переплетами, разъеденными временем, плесенью и мышами, он извлек некий альбом. «Наследие моего учителя профессора Вассерблюма». В альбоме сфотографирован был один и тот же пациент. За плетеным дачным столом с чашкой чая в руке. В постели. На футболе. Во время дефекации. Среди коров на лугу. В кругу танцовщиц из кабаре. Фотографии были цветные. Одними из первых окрашенных фотографий. Пациент представал на снимках в разных цветах: белом, черном, буроватом, зеленом, даже фиолетовом. «Прогремевший в 30-е годы случай. Человек-хамелеон. Потом оказалось, что у него опухоль шишковидной железы мозга с метастазами в печень. Такое занятное смешение пигментов: меланина и гемосидерина». Видя, что Рив начала радужно вибрировать, психогенетик добавил: «На ваших томограммах ничего подобного нет. Какой-то каприз природы. Боковой атавизм нейрорецепторов кожи». «Это неопасно, профессор?» — пролепетала Рив. «Это неопасно и весьма пикантно. Гарантирую! По крайней мере, до первой беременности Хотя, если принять за основу аутоиммунный генез, беременность может излечить абсолютно. Шансы

фифти-фифти».

Они выскочили на хайвей и гнали, пока не увидели знака дороги «3А» и указателя «Водопад».

И вот они сидят на камушке. Толкуют. Пьют любимое пиво Ионы «Мичелоб». Наживка болтается в струях водопада Время от времени сильный толчок рвет спиннинг из рук. Три рыбины уже плещутся в сетчатом садке. Три сине-серые, стальные форели с темными пятнышками на коже.

— Смотри, Иона, они тоже меняют окраску! — вскрикивает Рив, словно эти рыбины близки ей чем-то.

— Они так плачут. Видишь, они теряют массу оттенков. Помнишь, как они светились вначале? Потому что вначале это была игра для них. Азарт. Охота за наживкой. Они радовались, хохотали от счастья, переливались радужна.

— А сейчас плачут. Видишь, как потемнели, — говорит Рив, словно открывает для себя что-то сокровенное. И продолжает: — Деревья радуются зеленью. И плачут коричневыми и красными листьями.

— Так и наши старики, Рив. Они разучились улыбаться. Они плачут слезами, морщинами, дряблой кожей. Как им помочь? Дело ведь не только в этом нашем проекте. Как помочь тем,

кто утратил способность радоваться?

— Видишь, Иона. Я тебе помочь не смогу. Со всеми моими завихрениями не смогу, а?

— Что ты, Рив! Спасибо, что я встретил тебя. Ты — феномен. Ты — индивидуум. Гений в своем роде. Твоя гениальность сродни сочинению музыки. Она атавистична. Возвращает к истокам. Как музыкальный дар — возвращение к птицам. Просто Магнус хочет другого.

— Чего?

— Он хочет создать иллюзию счастливого общества. Старые люди — модель, этап для него. Правда, я не уверен, хочет ли он или выполняет заказ.

— А дальше, дальше, Иона?

— А дальше? Думать не хочу, что будет дальше. Надо попытаться, вот и все.

Так Иона стал ведущим в проекте Улыбка. Он больше не работает с Рив. Отчет о многообещающих наблюдениях над пациентами из Дома престарелых Магнус отослал в компанию, предоставившую грант. Кое-что он даже собирался опубликовать в журнале «Нейрогенетика и психогенезис». Запирался в кабинете. Дымил. Сосал коньяк с кофе. Никого не трогал.

Вот и сегодня. Иона приходит раньше всех.

Даже Брока. Включает приборы. Варит кофе. Ждет Молли. Молли соавтор в проекте Ионы. Молли занимается уровнем гормонов. Никто не может идеальнее реагировать соотношением половых гормонов на гамму радостных эмоций, чем Молли. Он — одновременно — исполнитель и подопытный. Ведь у него в норме исходные уровни женских и мужских гормоноа Нормальный мужчина — Молли. И нормальная женщина. Как дождевой черва Двуполый.

Русский поэт Сельвинский сказал когда-то про другого русского поэта Пастернака, что тот, как дождевой червь, может совокупляться сам с собой. Это — литература Сохранение чистой линии самого в себе. Инбридинг.

Иона работает вместе с Молли. Они используют биотоки и энцефалограммы. Электротоки мозга Записывается гамма состояний радости. Молли лежит на кушетке в мягком кожаном шлеме с электродами. Иона прогоняет через мозг Молли записи энцефалограмм. Анализатор дает цифры гормонов гипоталамуса, гипофиза, яичника, тестиса, надпочечников Молли. К тому же Молли записывает на диктофон свои ощущения. Одновременно идет видеозапись. Фиксируются эмоции Молли.

— Повтори еще, Иона, это местечко на энцефалограмме. И музычку ту же. Блюз с вариациями кларнета. С рефренами; Тататататататарирара. Тууу. Так. Таааак. Таааааа…

— Подступает, Молли?

— Приближается. Хоть запирайся с тобой или с Рив. Все равно с кем. Ах, как хорошо. Та-тата-та-туаааа.

Иона оставляет Молли одного. Проходит полчаса. Молли возвращается из душа посвежевший, взбодренный. Они идут к Магнусу. Впервые за последние месяцы Магнус доволен.

— Если нам повезет, это еще один шанс вытянуть проект.

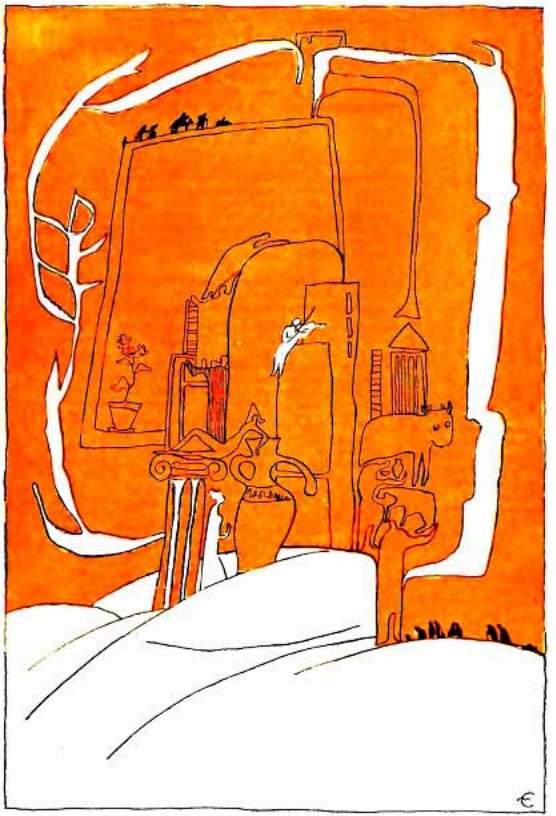
— Точно, Магнус. Уровни андрогенов и эстрогенов одновременно достигли пика. Тут же эмоциональный всплеск, и радость оргазма, — комментирует Иона. — Этого и не хватает нашим старикам. Да и не только им.

Молли кивает головой. Магнус наливает им по коньячку:

— Ну вот, братцы. Рванулись с мертвой точки.

И все-таки. И все-таки Иона чувствует, что происходит нечто, вовлекающее его в чужую игру. Он уже три года в лаборатории. По контракту осталось два. За три года он ни разу не

фантеллировал, не ощущал состояния перехода, начисто утратил способность. Как утратил имя Рогуля. Для безопасности, конечно. Они разбежались с Вождями навсегда. Иона — безопаснее. Экспериментатор. Работать в лаборатории куда надежнее, чем бродить по земле в поисках удачи, редкостного возвращения способности фантеллировать. Временами подступает дикая тоска по ханурикам. По компаньице из тростников. Но ведь привык же он к новой компашке, к лаборатории. Хотя никто в лаборатории никого не любит. Не доверяет. Так удобно Магнусу для бесед наедине. Но все привыкли. И деньги хорошие. На рент жилья. На кар. На шмотки. На выпивку. Походы в кабаки. Отдых на Карибах, или Патагонии, или на севере Гренландии среди эскимосов. Где хочешь Лаборатория платит.



В кофейне плавает греческая музыка. Ритм сиртаки. Волнами: туда и сюда. За угловым столиком

провиденские греки играют в кости. Мелодия сиртаки перевивается с дымком кофеварки. Микис — хозяин кофейни — кричит Ионе:

— Садись! Сварю кофе и поболтаем!

Спиной к Ионе стоит Ники. В черном платье.

В черных чулках, упакованных в высокие черные сапожки со шнурками. Ники не видит Иону. Да если бы и увидела. Ничего особенного. Обычный посетитель. Почти что случайный. Года полтора не появлялся. Хотя вначале зачастил. Вроде бы оказывал внимание. Однажды сравнил ее, Ники, с Авророй — утренней звездой. Улыбка, мол, у тебя, Ники, «рассветная. Чудная улыбка. Тогда ей многие оказывали внимание. Она была почти мисс Нью-Ингланд. Теперь все это — история. Печальная история. Осталось несколько поклонников. Да кому они нужны. Скучные, как салфетки.

Микис ставит перед Ионой фаянсовую чашечку, покрытую синим кобальтом. Наклоняет к ней закопченный медный ковшик. Черный густой напиток перетекает из ковшика в синюю чашку.

— Сварил, как ты любишь, — улыбается Микис.

— Спасибо, папаша Микис. — Иона наслаждается крепчайшим кофе, сладостным, ароматным,

как мед, и густым и терпким, как вино «Изабелла». — Люблю!

— Почему не приходил так давно, если любишь? Если любишь наш кофе? — спрашивает Микис и оборачивается в сторону Ники.

Он искренен, Микис. Подзывает:

— Ники, посмотри кто пришел!

— Привет, Иона!

— Привет, Ники.

Она подсаживается к нему. Благо посетителей немного. Да и принято в кофейне подсаживаться и толковать с клиентами как с добрыми знакомыми. Иона не решается спросить, почему она одета в черные тона. Да это и не имеет значения. Ники хороша и в черном. Может быть, еще лучше, потому что в ней прорисовывается греческая порода: белый лоб над точеным носом. Бархатистые губы. Нежный подбородок с ямочкой. Шея, как мраморная колонна. Грудь, которая рвется из теснин строгого платья. Дивная линия бедер, плывущих прямо от груди, как у амфоры.

— Скажи мне, Ники, что произошло? Ты в трауре. Или тебе не до болтовни?

— Ты ничего не знаешь. Иона?

— Нет, конечно.

— Так я расскажу тебе, если хочешь. Помнишь,

тогда. Ты захаживал к нам. Я готовилась к последнему туру конкурса мисс Нью-Ингланд?

— Помню, конечно! Папаша Микис хотел бал закатить в честь своей дочки — новорожденной мисс Нью-Ингланд. Я так и не дождался приглашения.

— Во-первых, не очень-то ждал. А во-вторых, я провалилась. — Голос Ники дрожит. Она старается сдержать слезы. Горькая усмешка появляется на ее лиде.

— Подожди, Ники. Успокойся. Как это произошло, Ники?

— Все шло о-кей. Бостонский концерт-холл был переполнен. Съехались красотки из всех штатов Новой Англии: Коннектикута, Вермонта, Мэна, Нью-Хемпшира, Массачусетса и Род-Айленда. В том числе и я. Мы выделывали всякие штуки на сцене. Под оркестр и овации. Все на высшем уровне. И все красотки ослепительно улыбались. Все, кроме меня.

— Ты что же про меня вспомнила и загрустила? — шутит Иона.

Ники горько усмехается. Прикасается к его руке.

— Если бы! Я просто-напросто окаменела. Какие-то тяжелые мысли приходили на ум. Вос-

поминания о маме, о нашем домике на Кипре. Бог знает что, только не ожидание успеха.

— И все?

— И все. Иона. Полный провал.

— Дела. — Иона прислушивается к себе. Как будто бы что-то откликается на его зов. Неясная мелодия начинает пульсировать. В темени. В кончиках пальцев. Он замирает, боясь расплескать дивное состояние ожидаемого фантеллизма. Его зарождение. Здесь, вдали от Великого Пространства. Или ему кажется это? Но кто может определить в точности, когда зарождается пузырь, набитый звуками, а когда — живая мелодия? Он берет Ники за руку. Они выходят из кофейни. Они идут по засыпающим улицам города Провидения.

Ноги их перебирают верхушки деревьев на бульваре Черного Валуна. Птицы просыпаются и летят за ними. Иона держит Ники за руку. Они проходят над жужжащими и гудящими ночными хайвеями. Хороводы красных огней и хороводы белых фар несутся друг другу навстречу в бешеном сиртаки. Иона и Ники перебегают по крышам одиноких небоскребов-отелей. Отталкиваются от водонапорных башен и амфорообразных емкостей для газа. Башни и амфоры откликаются как

громадные саксофоны.

Магнус затеял новый виток экспериментов. Кто уж его надоумил, неизвестно. Вернее, всего, получил денежки под новый проект. Ловкач этот Магнус. Ему бы только зацепиться за что-то новое. Найти клубничнику. А дальше он способен развести целый огород, отпочковывая от одной идеи десятки маленьких идеек, конструируя из этих идеек сотни экспериментов. А это — новые графики, схемы, рентгенограммы — все, что требуется для компаний, оплачивающих гранты. Магнус вызывает к себе Брока и Стафа. Запирается с ними в кабинете. Они просматривают данные двухгодичной давности.

— То, что надо, Магнус. Препарат Би Эм блокировал положительные эмоции. Начисто, — демонстрирует Стаф энцефалограмму. — А мы прервали работу с БиЭм. Как же! Все плясали вокруг Ионы. Этого новоявленного гения. Беженец чертов! — бормочет Брок, забыв, что Магнус и Стаф тоже далеко не васпы[55].

Но Магнус предпочитает отмалчиваться. Ему дело требуется, а не идиотские выяснения — кто есть кто и откуда.

---

[55] Примечания: 55

«WASP» — аббревиатура от «white, anglo-saxon, protestant» — белый, англосакс, протестант *(англ.)*.

— Тогда не время было, Брок. А теперь в самый раз. Будем регулировать твоим БиЭм запредельные всплески эмоций. А то наши пациенты свой Дом престарелых разнесут. Очень уж хороши данные Ионы и Молли.

— Подключать нейрофармакологов, Магнус?

— Ясное дело! И чтобы препарат дали максимальной очистки. Без побочных реакций.

Магнус спешит. Надо успеть потолковать с Ионой. Для равновесия. Чтобы не терял тонуса. И с Рив надо потолковать. Неофициально. Куда-нибудь закатиться. К китайцам, что ли. Или в боливийский ресторанчик, открывшийся совсем недавно. Но в первую очередь — с Ионой. Пускай эти остолопы Брок и Стаф воображают, что они снова ходят в любимчиках. Он-то знает, что все их эксперименты светятся отраженным огнем. Излучает идеи, как это ни прискорбно признать, Иона. Излучает. Абсолютное соответствие буквы и смысла. Именно излучает. Все выходит у него легко, играючи, как песня наедине с собой. Не упустить Иону!

— Молли! — зовет Магнус.

— Да, Магнус, — жмурится Молли игриво. Раньше Монни. Теперь Молли. Со времени участия Молли в экспериментах Ионы гермафродита не

узнать. Он продолжает одеваться в спортивные костюмы. Но пояса стали шире и замшевые, пряжки замысловато инкрустированы. Вокруг Молли клубится облачко мускусных духов. Он частенько засиживается с Рив за чашкой кофе, толкуя о лосьонах, кремах и нижнем белье.

— Молли, милый, что там с генами гормональных рецепторов?

— Пытаюсь внедрить ДНК, связанную с феромонами диких мексиканских пчел, в культуру дрожжевых клеток.

— Когда мы сможем передать рекомбинантные феромоны «Дженетик систем продакт» для массового производства?

— Думаю, недельки через две. Замерю на селлпорэйторе частоту передачи плазмид в разные культуры дрожжей, чтобы окончательно выбрать реципиента.

— Отлично, Молли. Ты радуешь меня. — Магнус пододвигает кресло поближе к Молли. Вдыхает аромат парфюмерии.

— Нравится? — спрашивает Молди.

— Чудо, а не духи, — Магнус восторженно жмурится. — Ты так изменился, Молли… в лучшую сторону, я хочу сказать.

— Я сам замечаю, Магнус, что-то переменилось

во мне. — По привычке, заведенной в лаборатории, Молли абсолютно откровенен с Магнусом. Иначе нельзя. Никто не знает, где причина успеха. Полная откровенность в анализе экспериментов — непременное условие. Так у них повелось с самого начала. Молли не собирается изменять правилам. Да и не хочет. Потому что в ответ на откровенность Магнус всегда дает оптимальный совет.

— Что же, Молли? И с каких пор?

— Я часто думаю об Ионе. Тот эксперимент с ним. Необыкновенное состояние. Потрясающий оргазм. Подобной силы оргазма я никогда не испытывал. Мне даже кажется, Магнус, что я меняюсь. Делаюсь определеннее, что ли. Может быть, вы все начнете обращаться ко мне чуть-чуть по-другому. Скажем, «Молли пришла в новом платье». Или «Молли сделала педикюр». А, Магнус?

Магнус улыбается. Радостно. Дружелюбно. Он все понимает — Магнус. С ним всегда можно поговорить по душам.

— В чем же дело, Молли! Вот он вернется из отпуска, наш Иона, и вы продолжите.

Иона и Ники за столиком кафе. Пьют кофе и едят горячие круассаны. Это Капри. Канатный

трамвайчик привозит туристов из бухты, где пристань. Привозит партии туристов на верхний этаж острова-скалы. Туристы разбегаются по узким улочкам Капри. Выискивают виды для фотоснимков на фоне моря. Чтобы они и море. Просят друг друга щелкнуть затвором. Солнце. Кипарисы. Анфилады улочек. Галереи солнечных дачных домиков. Мраморные лестницы и колонны вилл, перевитые виноградом и охраняемые чугунными затворами и висящими на цепях замками. Пока хозяева в отъезде.

Иона зовет разносчика, у которого цветы и персики:

— Выбирай, Ники.

— Эти цветы и этот вот персик. А тебе какой? — вонзается она в пушистое тельце плода. Они объедаются персиками. Столик их напротив сквера. Иона видит среди листвы некий монумент. Памятник кому-то, кто лобаст и лысоват. Подозрительная тошнота поднимается в нем. Неужели и сюда?! Как он проник? Первый из Вождей. Который разрушил Империю Царей и основал Великое Пространство Вождей. Империю Вождей. Первый из Вождей не успел построить Замок. Замок строился как гипертрофированный слепок с его гениального черепа, напоминаю-

щего череп Сократа. Внутри Замка — склеп с его мумией. Иона просит пива. Надо заглушить тошноту. Лучше бы стакан водки. Или вообще уйти. Памятник обступают люди, одетые в теплое. Хотя лето. В плащи и кепки. Женщины — сплошь в косынках. С сумками, авоськами, рюкзаками и чемоданами. Они галдят непонятно для Ники и мучительно для Ионы. Они галдят и пихаются, чтобы стать поближе к лобастому и лысоватому и сняться на память. Они галдят, пихаются и базарят — кому снимать и кому сниматься. Дураку ясно, что кому снимать — у того не будет фотографии. Что же на него отдельный кадр изводить? Ники все непонятно. Ионе противно и жалко их. Он предлагает.

— Давайте, щелкну, люди.

— А может, ты шпион иностранной державы, что тогда? — шарахаются догадливые.

— Кадр ведь не заначу, — поясняет Иона.

— И то верно. Валяй, паря! — голосует большинство. Бдительное меньшинство вынуждено покориться.

Запечатлевшись, разбегаются по магазинчикам.

Задерживается одни. До съемки он молчаливо глазел. Малый в кепчонке со сломанным козырь-

ком и с защитной сумкой от противогаза. Иона делает вид, что болтает с Ники и не обращает внимания на… Малый возвращается к памятнику, озирается и напяливает кепчонку на пузатый лоб первого из Вождей.

— Кто они? — спрашивает Ники.

— Мои земляки, — отвечает Иона.

Иона и Ники кружат по улочкам античного города, погребенного лавой и пеплом Везувия. И раскопанного для туристов. Они пьют из родничков, поивших древних. Они воображают себя на месте этих древних. Они находят Дом свиданий. Они видят окаменевших в лаве во время судороги страсти.

— Фан, фан, фан, — твердит Ники, представляя, как она все это перескажет подружкам в городе Проведения.

Иона все надеется, что это вернется. Шевеление в темени, где за ставней заросшего родничка — третье око. Окаменевшие в последнем объятии восстанут ли из пепла? Вернется ли к нему фантеллизм?

— Друг, ты меня извини за вопрос, но как же получается? — натыкается на них ханыга-турист, который напялил кепку Первому из Вождей.

— Получается что? — радуется Иона случайной

встрече.

— Вроде ты свой, а в то же время? — мнется турист, не доводя до точки.

— На свободе, мол? — подталкивает Иона.

— Ну да. Вроде свободный и при барышне иностранной, а одновременно — наш и блестишь слезой, — выдает малый, потупясь. — Как бы рад положению вещей, а тоскуешь. Или вру?

— Верно схватил, друг. Положению своему рад. Но тоскую. Как там у вас? — спрашивает Иона, косясь на Ники, которая выколупывает осколок черепицы из древней грядки.

— Как было, так и есть. И жрать нечего. Вот придумали Вожди: пускают нас туристами шастать по свету. Вроде отхожих промыслов, как прежде пускали крепостных в города. Чтобы месяц шастали и тащили обратно, что нахапаем. Вождям треть, налоги на дороги — треть и себе в клеть — треть, — вздыхает который напялил.

— Каким Вождям? Вожди вместе со мной — Сиганули Вожди на Корабле. Или не так, парень? — удивляется Иона.

— Сиганули. Да корень подлый остался. Новые Вожди завелись. Замок отстроили заново. И повылезали поганки на гнилом пне, — поясняет малый. И шепчет Ионе: — Ты советом помоги

мне, друг любезный, советом. Может, не возвращаться вовсе?

— Иона, мне скучно, — капризничает Ники, покончив с древнеримской черепицей, которую прячет в сумку.

— Видишь, парень, моей барышне скучно. На минуту я ее оставил — и заскучала. Потому что здесь заграница для нее. А ты и вовсе от тоски пропадешь.

В отеле «Неаполь» рыдает Ники. Ревет в подушку. Иона успокаивает ее, как маленькую:

— Почему ты плачешь, девочка? Что случилось?

Она поворачивается к нему:

— Потому что ты меня не любишь, Иона. Не любишь и не можешь развеселить. Я-то, дура, поверила. Вообразила, что ты влюблен и все сможешь.

— Я и вправду влюблен, Ники. И постараюсь.

— Не верю! Не верю я тебе, Иона. Ты как услышал язык этих людей, про все на свете забыл. И про меня в том числе. Ты только делаешь вид, Иона.

— Но я влюблен в тебя, Ники! Влюблен! И я уверен, что ты победишь. Станешь мисс Нью-Ингланд.

— Почему же забыл про меня, когда с тем типом разговаривал?

— Я не забыл, Ники. Я немного забылся. Понимаешь, вспомнил я всех Наших — ну то есть мою прежнюю компаньицу. Хануриками я их называл. Слово такое непереводимое. Вроде забавных людишек, которые никому в руки не даются, но сами ничего путного не добиваются. Потянуло. Затосковал я. А теперь прошло. Все о-кей! — понимаешь? — он горько улыбается.

— Понимаю, Иона. С моим отцом такое случалось. Теперь прошло. Дети. Кофейня. Все забывается, Иона.

— Ты умная, Ники. Ты умная и добрая, Ники, — он целует ее в щеку.

— Я не знаю, какая. Но знаю, что хорошо к тебе отношусь. Не хочу, чтобы тебе было плохо, — Ники гладит Иону по рыжеватой щетине.

— Плохо? Откуда мне может быть плохо, Ники? Все плохое осталось там, — он показывает куда-то за Помпеи, за Везувий, за моря и горы. Он показывает и хочет сказать, добавить: все самое плохое и самое хорошее осталось там, за горами-морями.

— Может быть, Иона, мне все это кажется потому, что не нравится мне тот тип с кепкой, которую он напяливал. Все-таки памятник. Хорошо ли над

мертвым?

— Это все так. Ты права, Ники. Но пойми, люди в стране Великого Пространства озлоблены. Они озлоблены, потому что вечно голодны и угнетены.

— И что же, если угнетены и голодны, то надо злиться на весь свет?

За неделю в лаборатории — тысяча перемен. Неосязаемых. Перемен, которые невозможно обозначить словами. Витающих в воздухе и тревожащих.

Магнус большую часть времени проводит взаперти. Колдует над компьютером. Брок на это цедит сквозь зубы: «Наши денежки пересчитывает, ослиная задница». Цедит сквозь зубы и ждет, когда Иона подхватит.

Стаф предпочитает торчать в химической комнате. Под вытяжным колпаком у него дым коромыслом. И тут же с пробирками мчится к своей культуре нервных клеток. Стаф гоняет записи, сделанные Ионой вместе с Молли. Мудрец этот Магнус! Когда же Иона заговаривает о записях, да к тому же пытается экстраполировать уровни гормонов, Стаф корчит свирепую рожу. В лаборатории это называется «сделать сарацина».

Не лучше и с Молли. Вернее, Молли похорошел и вроде бы округлился. Так что в третьем лице стало трудно называть его «он Молли». Просилось «она Молли». «Он» или «она», Молли сторонится Ионы. Вроде бы разыгрывает обиду. Или изображает. Самые же разительные перемены случились с Рив. Она побледнела. Осунулась. И практически вышла из экспериментов по феромонам. За ней оставались рецепторы кожи. Но сама Рив перестала включаться в опыты Ионы в качестве тест-объекта эмоций.

Было над чем подумать. Магнус предпочитает не входить в объяснения. Дня через три после возвращения Ионы Брок зазвал его на ленч в соседний паб. Что необычно для Брока, который крайне экономен. Иона — пиво «Мичелоб». Брок — пиво «Миллер».

— Как там в Италии было? — начинает Брок.

— Расслабился вполне, — отвечает Иона.

— Частенько расслаблялся? — хихикает Брок.

— Да не скупился, — парирует Иона.

— А я-то думал, только Стафу гарем разрешен. Да и то не здесь, а на Ближнем Востоке. Оказывается, и ты… — обрывает себя на полуфразе Брок, посматривая на Иону. Как боксер из-за перчатки.

Ясно, что Брок неспроста. Неспроста зазвал в

паб. Неспроста про Италию и Восток. Что ему надо? — соображает Иона.

— Мне-то, собственно, ничего не надо, — отвечает его мыслям Брок. — Мне просто забавно, как ты выпутаешься. У нас тут строго насчет прелюбодеяний. Особенно, если человек женат и скрывает.

Магда кормила Натку грудью полтора года. Полтора года Натка трубила в белые груди Магды. Иона сходил с ума от этой музыки. Они сходились безумствовать, едва Натка засыпала.

Танки страны Великого Пространства хрупали по черепам жителей братской Богемии, как по ракушкам, желудям или каштанам. По черепам братьев-богемцев катили танки. Иона сочинил музыку для щипковых инструментов и ударника. Голосом выпи отрывисто кликало чембало. Музыка легла на причитания великомученицы Марины: «По богемским городам что бормочет барабан? — Сдан — сдан — сдан Край — без славы, край — без бою. Лбы — под серою золою. Дум — дум — дум… Бум! Бум!»

Тайная полиция запретила исполнение. Иона устроил концерт дома. Тайная полиция отняла у Ионы чин народного композитора Великого Пространства.

Иона выставил громкоговоритель на балкон, заперся изнутри и включил запись «Реквиема по Богемии». Боевики тайной полиции ворвались на балкон, когда десятки магнитофонных записей разлетелись по Столице.

Высший Политический Трибунал страны Великого Пространства дал Ионе семь лет каторги плюс вечное поселение в радиусе 1000 миль от Столицы с полной конфискацией имущества. Жена и дочь высылались вслед за Ионой.

Магде предложили альтернативу: расторжение брака с государственным преступником, публичное проклятие его и лишение Ионы отцовства. Она вынуждена была.

Весь архив Ионы забрали.

Семейные альбомы, письма и личные вещи Ионы Магда уничтожила.

Хотя все по справедливости, все по справедливости. Безумствовали, это верно. Натку зачали, желая освободиться от предчувствия разрыва. Рыжая голубоглазая Скалапендра наползла на его мохнатую грудь в баре Дома композиторов. Представили поклонницу таланта. Ляля — пела в Ла Скала, выпендривалась, полезла с моржами в прорубь в Серебряном Бору, связки отекли, преподает вокал.

Судили Иону закрытым судом в рабочем клубе красного пригорода Столицы. Оцепили клуб за три квартала заслонами бронетранспортеров тайной полиции и пожарными автокомбайнами. Скалапендра плыла над заслонами кипой осенних золотых шаров и осколками синего неба сквозь решетки. Арестантскую теплушку она сопровождала до самой зоны. Сказавшись мордовкой по матери из племени эрзя (голубоглазость с хрипотцой), сговорилась вести пение в школе для детишек лагерных охранников. А там и шефские концерты в зоне два раза в год по красным датам: День Революции и Праздник Пролетариев. Так они виделись с Ионой первые два года.

Потом Ионе дьявольски повезло. В одном с ним бараке домучивал десятку некогда знаменитый радиобиолог Фок. Начал отсидку Фок еще при Усатом Вожде. Осудили его за полосатых жужелиц. Фок получил мутацию в окраске надкрыльников, которые стали полосаты. В приговоре значилось, что Фок преступно использовал ядерную энергию, чтобы возбудить у толпы память к антигосударственной поговорке «Усатый-Полосатый». И в поддержке биологической агрессии стран за Гонолулу — колорадскими жуками. Дали ему 25.

После смерти Усатого Вождя срок скостили до 10 лет. Биологическая опасность со стороны звездно-полосатых оставалась. Скостили до десятки с особым определением: к концу срока сделать экономически важное открытие.

В североуральской тундре росли кукушкин лен да ягель. Фок решил скрестить кукушкин лен со льном-долгунцом. Он бился пять лет, пока не разработал микроэлектропульсатор. Мощный высоковольтный импульс образовывал микропоры в мембранах клеток. Затем импульсы проникали внутрь хромосом, порождая прорехи в геноме кукушкина льна (реципиента). Сюда встраивался ген волокон-чатости льна-долгунца (донора). А если и не встраивался ген? Если это была мутация? Кто мог доказать или опровергнуть?

Приемочная комиссия подтвердила, что длина льноволокна таежника увеличилась в 10 раз, то есть экономический эффект равнялся 1000 %. При бесплатном (в будущем) выращивании — многолетняя культура, не требующая ухода. И арестантские нулевые затраты по разработке.

Помогал Фоку Рогуля. В лагере пошло-поехало «Рогуля, Рогуля, Рогуля». Тайная полиция через охранников постаралась оповестить: Магда со-

шлась со второй скрипкой из Симфонического. Орогатила Иону — до Рогули.

К тому же, Бог знает из каких редких веток или вересковых корневищ сооружал он дудки. По преимуществу многотрубчатые — для хорального звучания тех же доремифасолей. От рогатости звучальников тоже пошло по лагерю «Рогуля, Рогуля, Рогуля».

Фок знал музыку Ионы до. Уговорил Начальника послать Иону в лаборанты. Фок колдовал над хромосомами под микроскопом или высматривал растеньица с длинными пучками волокон. Иона готовил препараты, сеял семена на опытных кочках или вышагивал по тундре (в зоне, конечно) в поисках подходящих реципиентов.

Главные же опыты по слиянию генетического материала Фок проводил под музыку Ионы. Фок единственный в зоне называл помощника Ионой. Даже Скалапендра перешла на Рогулю. Так было удобнее договариваться с охранниками:

— Белый шоколад за свидание с Рогулей, бутылка «Камю» за свидание с Рогулей, бритва «Жиллет» за свидание с Рогулей.

— Сыграйте мою любимую мелодию, Иона: Та-та-татататара-тш-тш-тш-титититуууууу… — просил Фок. — А я поколдую над этой парочкой.

Однажды… в звездную зимнюю ночь… Ночь или вечер — кто скажет в этом заполярном крае… Однажды Фок прильнул к микроскопу, встроенному в термостат, наблюдая циклы деления клеток.

— Играйте, играйте. Иона! Донорская хромосома приблизилась к. Играйте же! Когда вы останавливаете музыку, конъюгация прекращается.

Млечный Путь высасывал мелодию из рогатой валторны, волокнисто ветвясь.

Той переломной заполярной ночью Иона фантеллировал впервые.

Фока и Рогулю освободили. Они разбежались кто куда. Рогуля поселился у Скалапендры в домике, оставшемся после смерти ее отца — скульптора. Домик стоял в глубине поселка художников на окраине Столицы. Сначала потянулись друзья-приятели музыканты. Приходили ненадолго. Толковали вполголоса, косясь на телефон и каминную трубу. Дружбы не получалось. Какие-то старые сочинения исполнялись. Что-то набегало на счет в сберкассе. Чаще они жили в Тыстемаа.

К тому же (след его звездного успеха вкупе с

Фоком тянулся из лагеря) Замок призывал Рогулю для особых поручений, приблизив. Забавная сложилась ситуация: в Столице Рогуля и Скалапендра были окружены стеной отчуждения. Не без участия тайной полиции. В Тыстемаа поблизости от Замка — они были приближены к Вождям. При том же участии. Велась какая-то тройная или даже четверная игра.

Они купили имение на улице Музыкантов, неподалеку от мола.

Скалапендра не беременела.

— Ты скоро начнешь фантеллироватъ, — предрек Рогуля. — Я в тебя перетекаю.

— А если бы за?

— У нас родился бы гениальный ребенок, — отшутился Рогуля.

Натку он не видел с момента ареста.

Потом история бешеной страсти Архитектора и Скалапендры.

Смерть Архитектора.

Следствие по. Изгнание из Замка.

Рогуля и Скалапендра лишились всего и начали влачить.

Потом в Тыстемаа потянулись ханурики. Стали сходиться в тростниках: Челюсть, Смычок и Лиловый, Рогуля и Скалапендра — компаньица.

Потом — Рогуля опять понадобился Замку.

Потом Корабль, Гонолулу, Загонолулия, компашка Магнуса…

Иона с трудом дожидается вечера. Садится в джип.

Мчится на озеро. Есть у него заветное местечко. Если ехать по боковому шоссе. Мимо игрушечных городков. Каждый с аптекой, бензоколонкой, церквушкой, школой. Мчится мимо устойчивой и равнодушной к нему жизни, включив свою единственную любимую запись: «И звезда с звездою говорит…» Мимо тощих, как переростки, бедняцких строений. Вот бежит ему навстречу очкарик в белых трусиках поверх волосатых тощих ног. Делает ручкой. Иона поднимает левую в ответ. «И звезда с звездою…» Вот, помахивая черной метелкой с бантиком, ведет велосипед девица. В желтом спортивном костюме. Все у нее покачивается, помахивает, заманивает. Иона не оборачивается на девицу, которая мелькает в зеркале заднего вида желтой синусоидой. Вот коричневый семиэтажник Дома престарелых. Здесь живут его пациенты. Его и Рив. Они так верили. Что же получилось? Провал за провалом. И главное — полное охлаждение Магнуса. Стоило

уехать на неделю, как он, Иона, выпал из игры. И все же, и все же. Не ловушка ли это? Или особый прием? Вроде холодного душа. Надо трезво разобраться. Он огибает высоченный храм, стилизованный под средневековый замок. Начинается дачная местность. Загородные виллы богачей из города Провидения. Виллы вокруг системы водохранилищ. Здесь не только порыбачить — поставить машину и посидеть на бережке у озера СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО. Дальше есть одно озерцо, где разрешается. Но туда мало кто ездит. Люди предпочитают пляжиться на Океане. Лизать айскримы. Лупить друг друга мячами. И завидовать тем, кто за каменными оградами вилл. Или в заповедниках закрытых пляжей. У Ионы свое заветное озерцо. Бог знает почему оставленное в качестве Парка. Маленького Парка для большого народа. Говорят, это придумал какой-то чудак. Из черных. Который верил в идеи равенства и братства. Потом его подстрелили. Как кулика на озере. Чтобы не вякал в тумане.

Иона вкатывает джип под аркаду дуба. Поднимается по тропинке, вбегающей на котлован. Внутри котлована — озеро. Одно из вырытой в конце 30-х годов системы водоснабжения города Провидения. Памятник общественным работам,

чтобы улучшить и занять. Занять делом, отвлечь от глупых идей о равенстве и братстве. Озеро застыло под темнеющим августовским небом. Уперлось зелено-голубым глазом в небо. Озеро — глаз Земли. Небо — глаз Вселенной.

Что же они затевают? — соображает Иона. Ясно, не Брок. Сам Брок ни за что не начал бы разговора. Ну и не Стаф, не Рид. И не Молли. Значит, Магнус. Эти пошлые намеки на прошлую жизнь. На жизнь Рогули и Ля. Скалапендры, Ля, Пэн. Его единственной женщины. Его жены. А как же Ники? Они формально правы. Он нарушает. Но ведь там все кончено. Во-первых, кончено ли навсегда? И во-вторых, то есть еще во-первых, формально он, Иона — Рогуля — Иона, состоит в браке. С женщиной, которая не в звездном пространстве. А здесь, поблизости, через Океан. В стране Великого Пространства. Хорошо. Хорошо. Но при чем же здесь Ники? Ведь Ники он хотел просто помочь. Вернуть ей улыбку. Ну, конечно, шептал всякие слова, уверял в любви и все такое. Но шептать опьяняющие слова — в порядке вещей, когда любовь или хотя бы любовные игры.

Значит, Ники при том же. А Молли? А Рив? Что с ними происходит?

Остается разматывать катушку. Искать узел,

который мешает леске сбрасываться со спиннинга. Узел противоречий.

Иона замечает человека. По другую сторону трубы, положенной в воду. Трубы, пересекающей окоем котлована. Вода от дороги стекает по этой трубе в озеро. Человек дымит сигаретой.

— Эй! Добрый вечер, — кричит ему Иона. Человек с сигаретой поднимается и направляется к Ионе.

— Ах, рисковый ты человек. Рисковый и упрямый! — Магнус притворно шлепает пухлой ладошкой поверх больничного одеяла, под которым Иона. Пухлой ладошкой по тому, что называлось телом Ионы, а теперь забинтовано и развешено на блоках. Левая рука — на одном противовесе и в гипсе. Правая нога — на другом. Челюсть подвязана, как у старухи с привычным выпадением.

— Жив и крылышками машу, — отшучивается Иона, показывая правой рукой на блоки и противовесы.

— В том-то и дело, что машешь крылышками. Еще немного, и в ангела превратился бы, — подхватывает Магнус, продолжая гнуть свое.

— Превратили бы, шеф, если точнее, — стоит на

своем Иона, а у самого в голове: Кто же устроил? Те выследили или этот в серебряном венчике? А он чей? Но те — которые те? Прежние Вожди, перелетевшие с ним? Или Новые?

— Важно главное, мой друг, ты жив. Проект ждет тебя. Отлежишься и — за дело! Хирург сказал, что к началу октября будешь как новенький.

— А сегодня?

— Что сегодня? — вкрадчиво спрашивает Магнус.

— Сегодня что за день?

— Пятнадцатое сентября, Иона. Запамятовал. Это бывает. Амнезия пройдет, когда отек мозга рассосется. Крепко тебе вломили.

— Подождите, подождите, Магнус. А как же Ни… — «Ники» — хочет крикнуть Иона, но молчит, почувствовав.

— Что «ни»? — переспрашивает Магнус.

— Я хотел сказать «ничего».

— Так-то лучше. Не стоит разбазаривать силы. Которых нет. Да и контракт предполагает абсолютную концентрацию внутри лаборатории. И по сути дела исключает конвергенцию энергии.

— Какая там конвергенция, когда я привязан, Магиус.

— Де-юре и де-факто! — хохочет Магнус. Под-

водит итог. Про себя. Умница Иона. Сечет с полуслова. Ники придется надеяться на себя.

Концертный зал переполнен. Концертный зал дворца Дюпонов. В Ньюпорте. Дворец давно превращен в музей. Выручки за билеты хватает, чтобы отапливать дворец и смахивать пыль с люстр и картин. Туристский сезон на исходе. Хозяева дворца пошли на устройство Конкурса «Мисс Нью-Иигланд». чтобы кое-как свести концы с концами. Нужен ремонт дворца. Вот почему сегодня такое необыкновенное оживление на аллеях, привыкших пустовать осенними вечерами. Прожекторы. Иллюминация. Толпы зрителей. Сумасшедшие цены на билеты. Репортеры всех каналов ТВ. Ажиотаж. Величественные лица швейцаров, взятых напрокат из театральных трупп вместе с фраками, фуражками и галунами. Играют джаз-банды. Сразу три. Один в холле, где зрители прогуливаются и пьют шампанское, которое разносят лакеи. Второй — в зале, уставленном столиками. Третий наигрывает тихонько за кулисами, подогревая претенденток. Среди них Ники. Она почти что покорилась судьбе. Несчастный случай с Ионой. Официальная версия: обвал скалы, нависшей над берегом. Такова, значит, нить, сплетенная ей вещими богинями

судьбы — парками.

Зрители усаживаются. Откупоривается вино. Пробуются закуски. Джаз-банд, который в холле, наигрывает все тише и тише. Как утренний прибой. Джаз-банд в зале лабает бравурный рок-и-ролл. Горячит зрителя. Сверху, откуда-то с хоров, сыплют конфетти и пускают гелиевые шарики. Хлопают пробки. Шипят устрицы в кислоте лимона. Заключаются пари. В воздухе словечки, принятые на соревнованиях лошадей, боксеров и красавиц: рост, возраст, живость, экстерьер, школа, порода. Хотя здесь вместо породы говорят: семья. Выходит ведущий. Затихает джаз-банд в зале. Открывается занавес. Гремит главный оркестр. Выходят одна за другой претендентки. У каждой свой коронный номер. Своя манера покорять. Ники в черном купальнике, верх которого — в форме лука. Рядом с Ники — рыжая ирландка из Мэйна. По другую сторону — португалка, предки которой с островов.

Ирландка роскошна и раскованна. Каждое колыхание ее пышного тела вызывает град аплодисментов и восторженный свист зала. Она знает, что ее сила в плотской откровенности, сочной, вызывающей желание. Эта рыжая красотка (поговаривают в зале) уже получила ангажемент

в несколько миллионов на съемки в бесконечном сериале «На далеком Севере эскимосы бегали». Действие сериала вращается вокруг Аляски и Чукотки. Рыжая красавица превзойдет достоинства Эммануэль и Джеймса Бонда. Португалка с островов извивается в танце, как змея. Змеится. Ноги, длинные и бесконечно пластичные, перевиваются, как лианы вокруг стволов. И не различить, где стволы, где лианы, где ласковые змеи, где ноги коричневой богини.

Публика заведена до невозможности. Восторг и энтузиазм так велики, что невозможно сделать выбор. Остается Ники. Строгая и совершенная. Совершенная — ни у кого нет сомнения. Ее вкус безукоризнен. Она прекрасна, но… слишком совершенна. Публике не хватает фана, изюминки. Не за что зацепиться.

— Ну хотя бы родника на щеке или щербинка между зубами, — острит телепродюсер Стив Кронин.

— А я все равно за нашу местную Диану! Не выбирать же эту рыжуху, которую каждый мечтает затащить в постель, — переговаривается через столики с приятельницей игрушечная миллионерша Пэт Маккензи.

— Долорес! Ну, конечно же, Долорес. Эта ку-

колка с островов еще мисс Америку завоюет, — громогласно заявляет местный либерал адвокат Джек Леонкавалло.

— Она — мисс Америку, а ты, Джек, место в Конгрессе, — острит кто-то.

Мнения расходятся, как волны по воде пруда, когда брошен не один, а сразу три камня. Снова и снова играет джаз. Претендентки показывают свои коронные номера. Надо кого-то выбирать, кого-то предпочесть… Опять на эстраде Ники. Она поет греческую песню. Греческую песенку на английском языке. Кто-то перевел ей. Она поет про веселую длинноногую девчонку из горной деревни. Песню про длинноногую деревенскую девчонку, в которую влюбился почтальон. Почтальон влюбился и пишет ей любовные письма. Но вся штука в том, что девчонка умеет только смеяться и доить коз. И не умеет читать. Песенка такая милая. Сиртаки. Ники поет замечательно. По словам песни выходит, что девчонка беззаботная и все время хохочет. Особенно, когда влюбленный почтальон находит у нее под кроватью все свои письма. За целый год. Нераспечатанные. Публика готова хохотать вместе с девчонкой над деревенским влюбленным почтальоном. Готова, но…

И в этот момент в зал вкатывается инвалидная коляска. Для попавших в аварию. Вкатывается коляска, в которой Иона. Левая его рука в гипсе и подвешена в воздухе. Правая нога на распорках и с гирями противовесов. Коляска гудит, свистит и пускает пар, как локомотив начала века. Иона же наяривает невероятную, немыслимую в здешних широтах ухарскую музыку на тульской гармошке. Ники заливисто смеется. Она не может удержаться от смеха. Она умирает от смеха, как умирала от слез, когда узнала, что Иона в госпитале, без сознания. И судьба конкурса решена. Публика абсолютно уверена, что все это продолжение номера Ники с почтальоном, инвалидом. Бог знает с кем — и неважноï!Так здорово весело получается.

— Вот это фан! Фан! Фан! Отлично! Колоссально! Грандиозно! Ники! Ники! Ники! — кричит, хохочет, свистит, топает публика, выбирая новую мисс Нью-Инглацо.

Рив подбегает поближе. Щурит близорукие глаза. Улыбается виновато.

— Ты меня ждал? Прости, Иона.

— Ничего страшного. Я стоял и думал. Так мало времени, чтобы постоять и подумать.

— Такая у нас жизнь. Спешим, спешим. Навстречу Дому престарелых.

— Еще рановато, Рив, детка. Рановато о Доме престарелых. Они заходят в ее квартирку-студию. Ее новое жилище, снятое после того, как все случилось. Студия — в подвале доходного дома, вылезающего фасадом на бульвар.

— Ты с ума сошел. Иона. Опять накупил всякой всячины! — притворно сердится Рив, пока он рассовывает еду по отделениям холодильника.

— Фу-ты ну-ты, ешь грейпфруты — Клондайк витаминов. Лопайте сыры — залежи кальция. Ты посмотри, какой швейцарский сыр!

— И плачет. Дай кусочек, Иона.

— А вот квашеная капустка. Специально для тебя.

— Что это значит — квашеная капустка? И почему для меня. Иона?

— В наших краях квашеная капустка — первое средство, когда подташнивает.

— Спасибо, Иона. Я ушла от Магнуса. И меня больше не подташнивает. У меня все о-кей!

Они обедают вдвоем. Так пошло у них с тех пор, как Рив ушла из лаборатории. Иона приезжает к ней после работы. Они обедают. Толкуют о том о сем. Смотрят последние известия. Си-Би-Эс, Эй-

Би-Си. Попеременно. Или прокручивают фильм. Что-нибудь смешное. Двадцатилетней давности. С Дастином Хоффманом. Или совсем древний. Чарли Чаплина. «Золотая лихорадка». И хохочут, когда Чарли ест спагетти из шнурков. Потом читают. Улисса. Они читают Улисса и говорят о судьбе Джойса. Писатель тоже не смог преодолеть среду. Должен был уйти. Уехать из Ирландии. Или Тургенев. На всю жизнь ушел из России. Страдал и жил подле возлюбленной Полины, деля ее. Россия же осталась неразделенной любовью. Писал всю жизнь о ней, бросив ради женщины.

— И ты не смог? Или должен был уйти из своей страны. Иона?

— Должен был. Да и не смог оставаться.

— А теперь можешь?

— Боюсь, что не смогу, Рив.

— Пожалуй, есть особенные люди, которым невозможно оставаться там, где ложь. Их души задыхаются во лжи, как рыбы в илистой воде лимана. Ты такой. Особенный.

— Ты тоже не смогла. Значит?

— Ничего не значит. Вернее всего значит, что я была слишком обыкновенной. Во мне ничего не было своего. И это угадал во мне Магнус. Я кожей чувствовала чужую волю.

— Теперь-то в тебе зародилось нечто. Свое. Особенное. Ты перестала быть реципиентом для него. Если не считать того, на что ты решилась.

Больше они не говорят о ее беременности.

— А как с компашкой будет, если и ты уйдешь, Иона? С нашей лабораторией?

— Магнус не пропадет. Такие выживают. Брок с ним останется. Брок прижился, как гриб на стволе. Сыт. Пьян. Дом купил. Машина гоночная. Он без Магнуса не может, да и тот от Брока зависит. Компьютеры. Энцефалографы. Синтезаторы пептидов. Все в золотых руках Брока. Золото за золото.

— А Стаф? А Молли? Что с ними будет. Иона?

— Ты меня за пророка не держи, Рив. А если без дураков, они останутся с Магнусом.

— Хотя поймут, что он дурачит?

— Хотя поймут. Да и так все все поняли. Делают вид. Что же ты не сделала?

— Потому что тошнило. Теперь-то я поняла, что тошнило не потому, а из-за того, что противно. Магнус понял, что я поняла все. И не уговаривал остаться.

Иногда в лаборатории веселье. Как сегодня. Магнус уехал в Нью-Йорк проворачивать внедре-

ние компанией «Электроник-Сенс» аппарата для комбинированной стимуляции секса у стариков. Все-таки он молодец этот Магнус. Из всякого малозначащего, почти что пропащего эксперимента может выжать пользу. Так что совместные исследования Рив. Ионы и Молли не лопнули, как мыльный пузырь, а даже обещают дать навар. Это вселило надежду в компашку. Вот и сегодня все ждут возвращения Магнуса из Нью-Йорка, ловят кайф и треплются почем зря.

Магнус возвращается на коне. Так он называет возвращение с победой. Магнус — потомок кавказцев и вспоминает горские реалии. Когда счастлив. Лаборатория, понимает, что предвидится гульба. Магнус обходит каждого, как премьер — почетный караул. Только что не треплет за подбородок. Молли он даже берет за бочок. Дружески так берет, а все же. Брока хлопает по спине. Стафу шепчет что-то такое из Хафиза или Хайяма. Для Ионы вспоминает нечто, напоминающее пословицу: «Любишь кататься, люби и саночки возить».

— В каком это смысле, шеф? — уточняет Иона.

— Да во всех. И в частности, относительно меня. Я люблю получать от вас результаты и люблю стимулировать своих коллег.

Магнус тут же объявил всем прибавку. Пятница, а это была именно пятница, прошла в соображениях, куда смотаться. Магнус обещает высветить подходящее местечко и всех обзвонить.

Компашка съезжается к восьми вечера. Магнус высветил итальянский ресторанчик на Федерал Хилл. Под названием «Ах, Сорренто!». Компашка собирается. Последним притаскивается Иона.

— Машина забарахлила. Сорри, ребята, — извиняется за опоздание.

Иона садится у окна. Рядом с ним Молли. Она вырядилась в зеленый джемпер и коричневую юбку из замши. По колено. Так что, если не знать. Это итальянский ресторанчик. Много одиноких мужиков. Молли явно в чести. Толстозадая Рози таскает коктейли. От одного одиночки к другому. Из-за столиков или со стойки бара. Брок моментально напивается на дармовщинку, и ему не до кого. Он сидит, обняв правой рукой деревянную колонну, обкрученную лентами расцветки итальянского флага: зеленой, белой и красной. В левой руке стакан. Рози только успевает менять стаканы. Вынимает из левой руки Брока пустой с оплывками льда. И вставляет наполненный?

— Джин с тоником? — спрашивает Брок.

— Естественно! — отвечает Рози. Вставляет и протискивается к бармену за новым стаканом для кого-то из компашки. Стаф сосредоточенно сосет кока-колу, отговариваясь постом, связанным с мусульманскими праздниками. Волосатик же Магнус разыгрывает рубаху-парня. Он заказывает музыку, швыряет десятку за десяткой музыкантам, тискает Рози, которая попискивает, как надувная кукла с секретом. При каждом ее писке бармен вскидывает на Магнуса печальные глаза и подтягивает галстук-бабочку, как бы удушаясь. Или удушая стон.

Волосатик не зря это делает. Нарывается Волосатик, соображает Иона. Но зачем? Дать ему по морде, чтобы сразу?! Но по морде не дает, а наблюдает.

Брок ерзает вокруг колонны, вальсируя вместе с мотивчиком: «Тарарарара-тарарарара-тарарара-ра-тарара-тататататата-тататататата — трататовские-ве-чера». Вальсирует в мотивчике со стаканом выпивки, напевает: «Это правда все? Это правда все? Это правда про крошку Рив». Молли радостно всхлипывает, захлопывая именем Рив напомаженный ротик. Волосатик-Магнус в полном восторге.

Он даже Рози выпускает из капкана колен. Бар-

мен приходит в себя и посылает оркестрантам дармовую выпивку.

Наступает затишье. Суппи-аккордеонист сидит поблизости от Стафа, который нащелкивает марш Черномора из оперы Глинки «Руслан и Людмила». Нащелкивает в кармане на свинцовых кастаньетах. На кастете нащелкивает марш Черномора: «Тра-татататрататата-трарарарарататата». И рассказывает Суппи:

— Когда в школе десантников учился, нас водили. Коллективно. В Большой театр. Который на проспекте Карла Маркса. Рукой подать до Кремля, — поясняет Стаф аккордеонисту.

— А… — отвечает Суппи, узнавая только глагол «водили».

— Понимаешь, дорогой товарищ, — теплеет душой Стаф, — Черномор — это кавказский анархо-синдикалист. Он люто ненавидел эксплуататоров. Бился с ними до последнего вздоха.

— Застрелили? — участливо спрашивает Суппи, нащупывая марш Черномора.

— Погиб в борьбе. Впрочем, темная история. Женщина, яйцо, игла. Напустили туману. А вернее всего — подослали лазутчицу. Она его и прикончила.

Брок предлагает:

— Позовем-ка сюда брюнетку в красной шляпке, а?

— Ты полагаешь, пригодится? — спрашивает Магнус.

— Нам да. А вам уже нет, — рубит с плеча Брок.

— Погиб в борьбе, — продолжает Стаф.

— Как сказать! — храбрится Волосатик. — Мы ее сейчас приведем. Подтянем к нашей компашке. Иди сюда, Красная Шляпочка.

Иона видит, как Красная Шляпочка подъезжает вместе со стулом к их столику. Как на веревочке. Он сидит совсем близко от Магнуса, который держит на коленях Молли. Он сидит совсем поблизости. Сбоку. И посасывает восьмой Пирл Харбор. Зеленый Пирл Харбор через сиреневую пластиковую соломинку. Странное дело. Ионе кажется, что изо рта Волосатика к Красной Шляпочке тянется серебряная ниточка. Вроде паутинки. Волосатик словно бы стреканул паутинку в сторону брюнетки и подтягивает. Зубами легонько тянет к себе, как рыбу на леске. Компашка рты раскрыла от изумления и ждет, что будет. Ионе же омерзительно видеть во рту у Волосатика паутинку, которая подтягивает. Он хочет оборвать паутинку, но руки замотаны. Даже пальцы сведены друг к другу. Не шевельнуть.

Стаф наставляет Иону смириться:

— Ты же в плену, ослиная задница. Будешь сопротивляться, прикончим на месте.

Следовало поторопиться. Схватиться за баранку и жать на сотне до самого Ньюпорта. А там видно будет. Главное — к открытому Океану приникнуть. К тому же самому, с которого начинал. Только с другого бока. Отведал каравай с одного бока. Теперь с другого. Волосатик явно не в форме сейчас, соображает Иона. Зато Брок и Стаф не дремлют. Они меня дома ждут. Но скоро прочухаются. Седьмое чувство подскажет, где меня искать. Десантники!

Он выскакивает на 195-й хайвей. Летит по длиннющему мосту в Фолл-ривер. Тоннель. Спящие коробки ткацких фабрик. Поворот. Извилистое шоссе. В зеркале заднего вида — редкие кары, которые он обгоняет. Кажется, обошлось, думает Иона. А что же дальше?

Несколько раз сходило. Оставался живой. Теперь, сомнений нет, Волосатик не выпустит. По многим соображениям. Оскорбленное достоинство шефа — тоже кое-что. Но далеко не главное. Можно было бы простить. Вправить мозги при помощи «кастаньет». Провалялся бы опять в госпитале. Оклемался. Прикинул бы, что и почем. И снова в лабораторию. На этот раз совсем другое. То, за что живым не выпускают. Магнус осознал, что Иона все понимает.

Что же делать? Не подыхать же, черт побери! Так и не повидав хануриков. Скалапендру так и не… Сколько же лет прошло? Пять? Десять? Вольте? Кто знает, как считаются годы разлуки с любимыми. По какому летоисчислению. По земному? Лунному? Звездному?

Не подыхать же, черт побери, на чужбине!

Трещит и повизгивает приемник. Не тот, который на табло. Особый. Для срочных переговоров с лабораторией. Закодированный. Но каждый из компашки знает; если затрещит и начнет повизгивать — напяливай наушники. Иона напяливает. В эфире голос Волосатика. Бархатный, как прежде, но чуть-чуть подернутый. Как бы могильной сыростью. Опять набирающий уверенность и барские обертоны: «Ладно, Иона. Пошутили и хватит. Ты же слышишь меня. Иона. Как тебя назвал Стаф — «ослиная задница»? Ах, шутник! Все мы шутники. Ты же знаешь, Иона, что со Стафом шутить опасно. Со мной можно. Я пойму и приму. Но не Стаф. И не Брок. Слышишь, Иона, разворачивай оглобли — и ко мне. К себе не возвращайся.

Ухлопают. Или не дай Бог — на хайвее заловят. Слышишь, Иона. Не дай Бог!» Иона обрывает мерзкий голос Магнуса, бархатистый и замогиль-

ный. Как шерстка паука. И гонит, гонит джип. Спешит к Ньюпортской бухте.

— Ну и что? — говорит ему белобрысая девка. — Ты что уставился как баран на новые ворота!

И не поймешь, кто вызывающе покачивает боками — маленькая шхуна или белобрысая, которая улыбается всеми своими округлостями. Сияет как медный самовар. Особенно же — ямочками на подбородке и на щеках. Яблочными ямочками. Белый налив улыбок. Тельняшка навыпуск чуть не половину юбки закрывает, которая вся — на треть бедра.

— Плохи мои дела, красавица. Выручай, землячка Когти рвать надо немедленно, а то — каюк!

— Ну что, возвратился — не запылился? — поворачивается к Рогуле Скалапендра. Вернее, к солнцу, которое вот-вот шмыгнет за тучу. — Ты там знаменитостью стал. Слыхали. — И больше ни слова. Как будто никогда — мансарды и ночных яблок.

Конец лета. Ветер. Море свинцовое. Тростники гнутся и шуршат. Кулики репетируют перелетный маршрут.

— Так вот мы и жили, через стенку спали, а де-

ти были, — подводит итог Челюсть. Они говорят уже часа три, что необычно для компаньицы. Так, отдельными словечками перекинуться. Чернушку спеть Или оповестить о прорыве канализации, которая означает на языке Замка утечку радиации. Ну, в крайнем случае, помечтать о возможностях, если. Вспомнить других хануриков Великого Пространства…

— В Метрополию возвращаться никакого смысла. Голодуха, резня и жажда реставрации, — разъясняет Смычок причину их зимовки, которая предстоит.

— К тому же с твоим бегством, Рогуля, все образовалось Ты знаешь, миляга: дважды два — четыре, — подлизывается Лиловый, касаясь Рогу-линых коленок кончиками гиперсенсорных пальцев. Они пронизаны капиллярами, как язык лягушки под микроскопом.

Челюсть явно смущен неожиданным возвращением, но бодрится:

— Гуано не тонет, и ты вернулся, Рогуля. Что же делать. Будем зимовать вместе.

— Вместе, это как? — спрашивает Рогуля, пытаясь разобраться в ситуации. Они сидят на кухоньке. Пылает, гудит и трещит чугунная плита, оставшаяся в дачке со времен. Попыхивает

закоптелый чугунок с картофелем. Над плитой висят связки лука. Пучки мяты, подорожника и зверобоя. Нитки грибов разного сорта: белые, моховики и подберезовики. Тут же нанизаны половинки диких яблок и груш.

— Вместе, это как? — спрашивает Рогуля, предполагая. Скалапендра молчит у трельяжа в зале рядом, отделенной от кухни прямоугольником дыры. Она бигудится.

— Селись в зале, — отрубает Челюсть.

Лиловый ластится, чтобы не обижать.

— Мы со Смычком в боковушке. Челюсть со Скалапендрой… сам понимаешь.

Рогуля понимает сам. Челюсть время от времени отлучается. Его шаги стукаются, как биллиардные шары. Он спускается с газетами. Потом снова исчезает. Возвращается в наушниках. Глаза у Челюсти глядят куда-то внутрь. Даже не внутрь себя, а в глубь расстояния от Чухонии до Метрополии. Подальше от виноватого взгляда Рогули. Который вернулся, чтобы разрушить.

— Да, да, чтобы разрушить. Ты вернулся, Рогуля, чтобы разрушить нашу жизнь. Шатался бы и дальше по свету! — Скалапендра вытащила его на крыльцо и пеняет.

— Подожди, подожди, Пэн, я ведь, я бежал от-

сюда, чтобы не разрушить. Чтобы сохранить тростники. Всю нашу компаньицу. Идею. Чтобы тебя сохранить, Ля.

— Вот и сохранил для Челюсти. И Замок сохранил для новых вождей. А все, что было у нас, разрушил. Дурак ты, Рогуля. И забудь. Слышишь?

Рогуля сидит на кухне. Плита погасла. Гудит за стенами дачки балтийский ветер, пропитанный мокрой солью, гнилой рыбой и тлеющими тростниками. Он отпивает из жестяной кружки отвар мяты со зверобоем. Но все равно не хочется спать. «Какого черта!» — восклицает внутри него Иона.

Наверху в мансарде, где Скалапендра с Челюстью, тоже не спят. Ворочаются. Челюсть щелкает словами, которых не разобрать. Перестук согласных, как удары биллиардных шаров в полуночном баре, когда последний посетитель пытается припомнить дорогу домой. И всхлипывания Скалапендры. Злые, горькие, эротические. У нее все вперемешку.

В боковушке у Лилового и Смычка поиграла скрипочка. Лиловый спел из «Пиковой дамы»: «Мой миленький дружок, любезный пастушок…» Теперь они хихикают, переговариваются вполголоса, как мальчики в ночной палате пио-

нерлагеря. Смычок, наверно, опять размечтался о каналах. Марсианских каналах среди тростников, где кишит рыба. Навалом рыбы, чтобы накормить всех. Накормить и остановить. Рогуля явственно слышит: «Накормить и остановить».

Бедные ханурики. Изголодались на картошке и грибах. И к тому же страх перед наползающей Метрополией. Перед нашествием гуннов. Татарской орды. Тевтонов. Третьего рейха. Голод гнал эти орды из насиженных мест. Срывал с вековых пастбищ. Голод разрастался, как Вселенная. Из точки страха перед голодом — во Вселенную захвата и кровопролития. Бедные ханурики.

Наутро они опять в тростниках. Эго вроде ритуала. Перед зимовкой. Специально для Рогули. Чтобы вспомнил все, как было. Хотя у Челюсти контридеи. Он считает, что нечего вспоминать, поскольку прошло достаточно для любой минерализации. Но тем не менее они на пятачке. Смычок готов сколько влезет торчать среди тростника и чертить каналы на плотном, темном от дождей и штормов песке. Лиловый, который при нем на должности. Носит футляр со скрипкой. Должность официальная. Без дураков. Посколь-

ку Смычок пристроился в том же Доме рыбака, что и Челюсть. Аккомпаниатором. Лиловый же — ассистентом Смычка. Скалапендра крутится с кружком кройки и шитья. Для чухонок, которые строят новую жизнь в независимой экономике. Всему же голова — Челюсть. Он — старожил в Доме рыбака. К тому же сумел доказать автономным властям, что в Питере, откуда его корни, все вылезли из болот, а потому — палеонтологические чухонцы. Чухонкой записана и Скалапендра, произошедшая из Лисьего Носа, что на Финском заливе. Рыжая чухонская Скалапендра. Чита и Одесса, откуда Лиловый и Смычок, тоже вынесены на окраины Великого Пространства. Как и Чухония. Получили автономию. Поэтому происхождение Лилового и Смычка не раздражает аборигенов. Отрицательный хемотаксис у них только к жителям Метрополии, которым оглушен тощий процент.

— Ты в этот процент умещаешься, — подводит итог дискуссии Челюсть. Толкует компаньица, как жить Рогуле.

— К тому же столько лет в загонолуленном мире. Это тебе тоже в плюс.

— А Замок? — спрашивает Рогуля, озираясь на белую громаду, которая нависает над трост-

никами. Смычок наигрывает в ответ что-то из «Летучей мыши». Лиловый предпочитает бóльшую определенность. Раскачивая футлярчик, напевает. «Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни».

Смычок наяривает «Летучую мышь». Рогуля спрашивает повторно. У Челюсти:

— А Замок?

— Они законсервировались. Рогуля. Ну, пожалуй, не мумифицировались, как первый из Вождей. Что-то вроде парабиоза. Сколько их в Замке? Чего они ждут? На что надеются? Мы не знаем. Тогда с тобой прежние Вожди смылись в Гонолулу. Государства не существует. Одно название. Ассоциация Метрополии с автономиями. Вроде здешней. На самом примитивном уровне. Обмениваются сырьем, чтобы не сдохнуть. Компостом стало Великое Пространство.

— Но ведь тростники живы. Шуршат. А значит…

— Ничего это не значит, Рогуля. Нечего было и возвращаться, если для тебя еще что-то значит, — пытается Челюсть покончить с дискуссией.

— Ты меня не принимаешь за полного идиота, Рогуля? — спрашивает Смычок, увлекая за собой.

— Ну, что ты, Смычок. Вовсе нет. Ты музыкант.

У тебя фантазии. Идеи.

— А то, знаешь сам, я сюда за Челюстью потянулся. Он ведь тоже сочинял. Переменился Челюсть.

Мы все сочиняли и переменились, Смычок. Важно, что сочиняем теперь и в какую сторону переменились.

— Вот видишь, а я так и остался со своими каналами. Хотя кое-что получилось. Хочешь покажу?

— Спрашиваешь!

Они пробираются сквозь заросли тростника по тропинке, ведомой только Смычку.

— Видишь, Рогуля?

Черной змейкой вьется ручей, выбегающий из пруда, окруженного тростниками и потому потаенного.

— Ручей ведет в залив. В море. Пруд же соединен с речкой, которая — рукав главной реки Чухонии. Сечешь идею?

— Пока нет, Смычок. Но постараюсь просечь.

— Ну-ка наклонись, Рогуля. Видишь рыбин у корней тростника?

Рогуля наклоняется к бережку пруда и видит. Шесть или семь крупных рыбин лениво шевелят хвостами, уткнувшись носом в корневища растений. Смычок открывает ящик. Тут У него

ящик специальный стоит. Вытаскивает складной сачок с крупными ячеями. Сачком подцепляет одну из рыбин. Она широкая в спине, крупная, эллипсоидной формы, похожая на карпа и леща одновременно. Однако чешуя мелкая и густая, как у линя.

— Нравится экземпляр, а, Рогуля?

— Хорош зверь! Откуда они такие здесь, Смычок?

— От верблюда!

Над головой у них пролетела крупная серая чайка с белыми подкрыльями и красным клювом. Она спикировала в прудик и взмыла с серебряной рыбкой в когтях.

— Я эту породу лет десять вывожу. Нет, больше — еще до того, как ты отвалил.

— Я видел, что ты крутился в тростниках. Правда, ты тогда больше каналами увлекался.

— Правильно, Рогуля! Вся идея началась с марсианских каналов. Я спрашивал себя: почему марсиане их построили? И отвечал: потому что жрать нечего стало. По каким-то причинам.

— Как у вас.

— Как у нас. Рогуля. Со жратвой все хуже и хуже. Автономию получили, а жрать нечего.

— Глобальная проблема, Смычок. Только здесь

острее. А вообще-то — глобальная.

— Ну ты сам помнишь, тростники были под угрозой, пока Корабль из Замка не выпорхнул. Теперь затишье. Ни мы их. Ни они нас. Ну вот, я этих рыбин вывел. Могут жить в пресных и соленых водах. Им тростники нужны для кормежки.

— А каналы?

— Это мне не по зубам. Тут сообщество нужно.

— Верно, Смычок, чтобы всех накормить, надо тысячи таких ручьев среди тростников прорыть.

— А сколько в море уйдет!

— На прокорм других, Смычок. Не тушуйся! Почему я твои фантазии еще тогда всерьез не принял?!

— С Замком не мог разобраться, с Архитектором, со Скалапендрой.

— Теперь, думаешь, легче разобраться!

— Оставь ты это, Рогуля. Столько лет прошло. Женщин, что ли, мало тебе?

— Таких больше нет, Смычок. В том-то и дело. Ну, да ладно. Давай о каналах и рыбе твоей чудесной.

— Вторая проблема — куда моя рыба нереститься ходит? Ведь ходит вверх по реке, и мальков кто-то подкармливает. Это факт. Иначе — откуда бы такой приплод. А если так…

— Если так, то надо этих людей найти. Время такое, Смычок. Одному тебе никак. Даже со мной. И со всеми нашими хануриками никак. Не накормишь ты один все человечество.

Они поднимаются по реке в глубь Чухонии. Резиновая лодка легка для переноса через каменистые пороги, которые не преодолеть по воде. Лодку сносит течение, бегущее в сторону Балтики. Надо обследовать реку до холодов, до того как лед запрет воду. Они гребут. Причаливают. Переносят лодку и рюкзаки. Ночуют в палатке, взятой в Доме рыбака.

Когда прощались с остающимися, Лиловый лип третьим. Рогуля его не взял по причине хилости и обморожения с младенчества, которое может вукнуться. Скалапендра сделала вид и закурила «Беломорканал», вставив папиросу в длиннющий мундштук из сухой тростинки. «Рояль закрыт, и не звучит мое любимое, тобой забытое осеннее танго», — затянул Лиловый.

— С тобой всегда было так, Рогуля. Не успевала я отогреться, как ты, — Скалвпендра сбросила кольцо табачного дымка.

«Встретились мы в баре ресторана, как мне знакомы твои черты…» — заливался мутными

слезами Лиловый.

— Так и было, Пэн. В баре ресторана Дома композиторов. Ты была рыжая и напоминала возлюбленную знаменитого поэта Нет, вру! Двух возлюбленных двух знаменитых поэтов. Рыжую Кармен и рыжую Лилю. Я обожал стихи этих поэтов и был влюблен в их возлюбленных. И тут ты. Огненная. Многоликая. Я влюбился в тебя, Ля. Помнишь мою звездную музыку? Гибрид звучащей древесины и солнечных лучей. Рыжих, как твои волосы.

— Тогда зачем уходишь, едва вернувшись?

— Чтобы не растерять звучание. Я думал, что вывез в Корабле последних вождей. Но в Замке зародились новые. Он продолжает нависать над тростниками.

— Как замерзшее гуано над зимним сортиром, — скрипнул Челюсть.

Они поднимаются вверх по главной реке Чухонии. На стоянках Смычок берет пробы. Отлавливает рыб. Соскребает чешую. Взвешивает. Обмеривает. Они варят уху. Толкуют.

— Почему я вернулся, говоришь? — Рогуля дует на ложку, пробует на ощупь — горячо ли. — Тот круг завершился. А у вас тут… Словом, затосковал. И опасно стало там. Попал в ситуацию.

— Как же смылся?

— Ах, Смычок. Это совсем другая история. Валюха спасла. Белобрысая. Улыбается вся — ямочками.

— Как это было, Рогуля?

— Засунули меня куда-то между днищем и трюмом. Вроде тайника, что ли. Там со мной всякой твари по паре: черепахи, игуаны, броненосцы, лемуры — кого только не было. Валюха ныряла ко мне в тайник по ночам. Подышать и по всякому другому выводила. Кто-то на шхуне был кроме нее. Но не повстречался. И всегда улыбалась. Ночью светилась улыбкой. Она лечила меня. Белобрысая. Улыбками живота и губ.

— Что же это за шхуна? — спрашивает Смычок, заглядывая в глаза Рогули с доверчивым сомнением — не галлюцинации ли были.

— И я допытывался у Валюхи. Общество у них такое. Компания. Вроде нашей компаньнцы. Только мы — ушли а тростники, чтобы спастись. А они спасают.

— Кого?

— Тварей словесных и бессловесных. Все живое.

— И тебя как тварь?

— Ну да. Словесную.

Река утаскивает их в глубь чухонских лесов. Попадаются хутора. Безлюдные с виду. Хотя за оградами — осенние картофельные поля с кучами затлевающей ботвы. Жители прячутся в каменных мызах. У каждой семьи наготове оружие. Время неспокойное. В лесах бродят пришлые люди. Больше — жители Метрополии, проникающие а Чухонию в поисках съестного. Рогуле и Смычку лучше не заглядывать на хутора. На каком языке будут объясняться?

— На каком, спрашиваешь? — причаливает к берегу Рогуля. — Да на английском. Каждый чухонец английский учит. Надеются, хотя Замок и нависает.

Они вытаскивают лодку у самого края картофельного поля, огороженного жердями, привязанными к кольям. Лыко, которым крепили жерди, выцветшее и задубевшее. Видно, все делалось в лучшие времена — десятилетней давности. На их шаги и разговоры из дома, покоящегося на булыжнике, заросшем сивым мохом, выскакивает собака. Одновременно из-под крыши — там, где слуховое оконце, — вырывается белая шапка дыма.

— Ложись! — приминает Рогуля к земле Смычка. Мелкие камешки рассыпаются над ними.

— Дробью палят, суки! — сипит Смычок приплюснутым ртом. — Хорошо, что скрипка в лодке.

— Отползай к лодке. Скрипка нужна, — приказывает Рогуля.

— Ты что? Одна дробина — и конец моей скрипке!

— Тащи скрипку, если жить хочешь. И если в свою мечту веришь.

Смычок сползает к лодке. Возвращается с футляром.

— Рогуля, — шепчет он исступленно, — Рогуля! Ты знаешь, у меня всего три привязки: Челюсть, каналы и скрипка.

— Подожди. Дай понаблюдать, — прерывает его скулеж Рогуля.

В это время из-под крыши вырывается новое облако дыма. Опять дробь свистит над их головами и осыпает песок на пригорке, за которым они скрываются.

— Видишь, Смычок, у них всего один дробовик. Покажи им скрипку. Покажи и спрячь!

Смычок высовывает скрипку из-за бережка и прячет. Больше не стреляют.

— Теперь один футляр. Дай мне футляр без скрипки!

Рогуля берет черный футляр и поднимает его над головой. Поднимается вслед за футляром. Из дома не стреляют.

— Куда ты! Стой, Рогуля! — кричит ему вдогонку Смычок.

— Лежи тихо. Все будет о'кей! — не оглядываясь, бросает Рогуля. Он перемахивает через плетень. Рыжая лохматая собака бестолково тычется в его резиновые сапоги. Погавкивает для порядка. Дверь дома распахивается. Выходит мужик с дробовиком. Дуло нацелено в грудь Рогули.

— Стой! — кричит мужик. — Стой или пристрелю, падла! — «Падла» он произносит на чухонский манер — «патла». Это смешит Рогулю, потому что у мужика длинные нестриженые патлы, свисающие из-под зеленой войлочной шляпы. Рогуля стоит и хохочет во всю мочь, ожидая, пока патлатый чухонец приблизится.

— We are musicians, good fellow. And I'm, and my friend is too[56],— говорит Рогуля.

— Яяяяяа, — тянет мужик одобрительно, потому что узнает желанную речь фонетически. Не понимая смысла.

Рогуля повторяет то же самое на понятном им

---

[56] Примечания: 56

Мы — музыканты, добрый человек. И я, и мой друг *(англ.)*.

обоим языке Великого Пространства.

— Яяяяяа, — недоверчиво качает головой мужик, хотя и понимает. Косится и поигрывает дробовиком. Снова Рогуля пускает а ход английский. Из-под бережка слышится чухонская полечка. Смычок осмелел и заиграл. Он играет, приплясывает и приближается к мужику, который с дробовиком, Рогуле и собаке, стоящим около кучи затлевающей картофельной ботвы. Смычок наигрывает чухонскую полечку. Собака виляет лохматым хвостом. Мужик чешет затылок, сдвинув на ухо зеленую войлочную шляпу.

В доме чухонца-хуторянина полутемно. Свет и тепло идут от чугунной плиты, соединенной с кирпичной печкой в полстены. За плитой груда березовых поленьев и кучка сосновой лучины для растопки.

— Освещаемся лучиной, — поясняет мужик. — Керосину и газа вот уже лет шесть-семь нет. Как Метрополия отрезала газопровод и нефтепровод так и не стало.

Посредине залы, которая и кухня, и гостиная одновременно, на полу, — алюминиевый таз с водой. В тазу плавают угольки. Из воды торчит треножник — светец. Мужик берет из кучки сосновую лучину, запаливает от полена а плите и

втыкает в верхний паз светца. Желточный свет расползается по зале. Жена чухонца по имени Марта строгает картофельный салат с грибами. Марта массивна и бочкообразна. Узкие глаза смотрят как бы между бочажных обручей. По случаю гостей и музыки добывается из погреба яблочное вино. На разговор и запах еды приходят дети: мальчик Яан лет двенадцати и девочка Хеллен — погодки. Яан, как и отец Кард одет в домотканые холщевые штаны и свитер, связанный Мартой из шерсти овец. Овцы пасутся за домом. Столь же прост сарафан Хеллен и ее вязаный джемпер. Однако все пристойно.

— Слава Богу, господин учитель Траат приехал из Таллинна и учит детей из окрестных хуторов. Платим ему натурой: картофелем, яйцами, молоком. Деньги ничего не стоят в наше время. У господина учителя система особая. Он эту систему проповедует.

— В чем система? — спрашивает Рогуля.

— Вот дети лучше объяснят. Хотя бы Хеллен.

Хеллен совсем не смущается, а, напротив, гордится, что проповедует идеи господина учителя. Повторяет его слова:

— Люди жили в гармония с природой почти триста тысяч лет. Они не отделяли себя от зверей

и растений. Природа давала им все, что могла. Потом начался страх голода, войны, болезни, попытки подчинить природу и в том числе человечество какому-то племени, клану, народу. Все это обернулось страданиями, запустением и отделением природы от людей. Господин учитель Траат и его друзья хотят помочь человечеству вернуться к природе. Обновленной, конечно же.

Яан с обожанием глядит на сестру. Марта утирает слезы умиления. Карл добавляет:

— У них на Старой мельнице большая компания подобралась. Да мне дело маленькое. Мне семью кормить надо.

Марта кивает словам мужа, как деревянный домашний божок.

Согласно карте, нарисованной Карлом, Старая мельница как раз находится в истоках реки.

— Так что, Рогуля, будем очень смеяться, если мои идеи кто-то перехватил. Я же чувствовал, что рыб кто-то подкармливает!

— Постой, постой, Смычок, а что если… Нет, это невероятно!

Старая мельница надвинулась на них из-за поворота реки, ставшей ручьем. Ручей играл роль нитки в марионеточном спектакле, который разворачивался.

— К тому же грифы, кентавры, сирены, сфинксы и прочие химеры. Это тоже кое-что! — продолжает Смычок развивать тему. — Столько утрачено, а. Рогуля?

— Если не фантазии, то немало. Откуда бы вообразить химер?

Они вплывают в прудик, или озерцо, образованное плотиной, наэлектризованными.

— Нет, правда, Рогуля, куда же эти кентавры и сирены? А вначале — откуда?

Рогуля тихо гребет, втекая душой в ожидание. Потому что слышит встречу.

На берегу безлюдно. Проходит семья кабанов, шаркая об стволы тяжелыми телами в рыжей шерсти. Тур игриво чешет большой, как остров, бок турицы царственным рогом. Мохнатые шотландские лошадки бродят вокруг Старой мельницы.

Рогуля тихо гребет, втекая душой. Смычок весь в догадках и смелых идеях.

— Нет, ты зря отшучиваешься, Рогуля. Абсолютно зря.

— Твои рыбины и химеры — это гениально, Смычок. Правда, гениально.

— Валюха, ты?!

— А кто же еще! Ты думал Венера Милосская на

Старой мельнице объявилась?

— Ничего я не думал. Здорово, что встретились, — бормочет Рогуля, чмокая Белобрысую в ямочки на щеках.

— Ну, хорошо, хорошо, Иона, побаловались и хватит. А то ему обидно. Как величать?

— Смычок я.

— Ну Смычок так Смычок. А ты Ионой стань. Возвысься. Очень нашей компании нужно, чтобы ты над Рогулей возвысился.

— А заскучаю?

— Тогда зовись хоть как. Но думаю, у нас не заскучаешь, миленок.

Она хваткая, сноровистая, как на шхуне. Вся светится, переливается улыбками. Тельняшка, как и в Ньюпорте, когда Иона впервые обогатился встречей, навыпуск, кое-как юбку облепила. Сапоги хромовые вполголени. А дальше колени, как подсолнухи. И где-то — не достать — так полнокровны и длинны бедра — куполок юбки в обтяжку. Занавеска тельняшки. Наповерх тельняшки, распираемой естеством грудей, плисовая куртенка. Какие у крестьянок Метрополии.

— С тобой, Иона, долгая беседа будет. Компания наша на тебя глаз положила еще с тех пор.

— Когда я с компашкой Магнуса схлестнулся?

Чертова ночь! Провалилась бы совсем. Всю мою жизнь…

— Не скажи, не скажи. Иона. Всю твою жизнь — это правда. А провалилась бы… Без Магну совой компашки как возвысишься, а надо.

— Ну, у меня своя горечь незапиваемая, Валюха.

— Я старалась отпоить, как могла. И что сюда придешь, знала. Но если бы не годы у Магнуса, как знать, стали бы отпаивать и отогревать.

Смычок слушает переброс словечек и намеков, радуясь, что достиг. Потому что рыбины его заветные так и сигают по прудику, или озерцу, не равно ли, как обозначить. Улыбки же Валю-хины, ее яблочная живость вселяют в него движение соков. Которые бродили в одесской юности синхронно с цветением белопенных акаций на Пушкинской. Неужели возвращается и это?

— Ну, ясно дело, подкармливали мальков. И продолжим. Ты же, Смычок, с искусственными каналами в тростниках так нашему сердцу мил, не поверишь как.

— Хочешь, сыграю, Валечка?

— Играй, играй. Птицы поют, а ты играй. Зимой совсем вместо птиц будешь, — и пошла от него, пританцовывая и поскрипывая сапожками.

Звери, подобранные по миру, жили по всему лесу, который был огорожен предупредительно. При холодах и необходимости дать кров приплоду годились вольеры и земляные лежбища, вполне отепленные. Впрочем, не в разведении редких пород было дело компании. А в сохранении. Так же и растения. Был сад яблоневый. Был малинник. Черносмородина буянилась, и крыжовник цыплячился ворсинками. Конечно, плодилось все летом — ранней осенью. Потом же северная зима на восемь месяцев бесплодья. Так же и с хлебным полем, пасеками, выпасом для коров и пастбищем для овец. Важен был принцип: возможно ли прокормить человечество, если понять природу. Что она хочет? Природа. Пустоцветом раздуваться и падать жирными слоями зеленых мышц растений и красных мышц животных. Или донести? А если донести, то не дать вымереть тем, кому поручено Богом быть носителями Идеи. Не вымереть в бесплодной борьбе за кусок хлеба. Тому пример Великое Пространство. Половина земли. Государство, развалившееся на Метрополию, неспособную управлять собой, неспособную даже выкачивать из сателлитов, как почти столетие. И сателлиты, потерявшие

волю из-за парабиоза Метрополии. Получившие волю, но лишенные воли.

Страны же за Гонолулу предпочитали хранить приличествующий нейтралитет, поскольку никакого насилия Метрополия не проявляла. Оставаясь потенциально опасной. Замок с новыми сменами Волшей продолжал нависать над Великим Пространством, храня мрачное спокойствие сфинкса. Сфинкса над гробницей Первого из Вождей.

Компания ставила строения для жилья по-особому. Другое дело — лаборатории. Они обосновывались внутри Старой Мельницы.

— Главное, не раздуваться в научной претенциозности. Нам нужно соблюсти принцип и ввести его в практику, — повторял учитель Траат. Это стало рычагом деятельности. Жизнь обыкновенная, семейная у кого, а у большинства компанейцев — холостяцкая, происходила в жилищах, заимствованных у доброй колдуньи Вяйке Луби. Добрее Вяйке к природным тварям не было человека в Чухонии. У каждого компанейцв отдельное жилище, хоть и семейный.

— Чтобы от мыслей не отвлекали, — поясняет Валюха, ведя Иону к отведенному дереву. Это сосна, метров тридцати.

— Сурово, — качает головой Иона.

— Рационально! — парирует Белобрысая. — Сон в обнимку или утомляет, или расслабляет. И то и другое вредит остроте мысли.

— А как насчет вдохновения? Эмоционального заряда? Гормонального равновесия? — упорствует Иона.

— Ну, для равновесия и заряда можешь остаться или оставить. Но ведь надоест до смерти, когда весь в работе.

— Ты останешься?

— Я не одна тут. Целая компания. Для того и задумано — каждому по жилищу, чтобы привязок не было: моя, мой, мои.

— Всеобщие, значит?

— Нет и нет! Пойми ты, Иона, сам дошедший до этого многократно. Пойми, когда свобода, тогда и совесть, и секс, и любовь. Все настоящее.

Она подводит его к сосне. Вскрывает огромный тюк из желтого толстого пластика.

— Погоди, Валюха, такие на шхуне лежали?

— Угадал! Из Ньюпорта. Специально для нас сработаны на «Американ Лайт Билдинг Констракшнз».

— Чем же вы расплачиваетесь?

— Крутимся, как можем. Сложный многосто-

ронний обмен.

— И все же?

— Продаем мед, грибы, лесные ягоды. Рыбой торгуем. Спасибо Смычку!

— Что спасибо говорить, сами мальков пестовали.

— И все же — спасибо. В этой рыбе икра — не хуже зернистой. Икру вывозим.

— Что в тюке? — торопит Иона.

— Догадайся! — хохочет Белобрысая.

В тюке обручи из белого металла. Обточи не сплошные. Позволяют менять диаметр. Обручи — с системой креплений для лестниц, стен, тоже округлых. Тут же трубы коммуникаций. Отопление, вода, электричество, телефон.

— Развлекайся, Иона, конструктором. Здесь правила игры и все прочее.

Накормить человечество и защитить его от болезней. Это было первой задачей компании. Когда же начали работу, а начинали учитель Траат, Валюха, агроном Винт и доктор Лулли, оказалось, что все завязано на одном: в опасности все живое.

За иллюминаторами в доме Ионы — зимняя ночь. Хотя ночью, а в особенности зимней, в этих северных широтах называют всякое время после

десяти вечера. Иона крутит приемник. Ловит голос Армстронга. Подпевает рефрен на низких тонах: «О, бэйби! О, бэйби!» Никогда они не поют «бэби». Обязательно вносят пронзающую остроту короткого звука «й». Намеренно вставляют, чтобы острота и краткость интерферировали. В домике тепло. Словно бы центр, основа строения — ствол сосны греет. Может быть, греет воображение, глаз. Золотистый, апельсиновый и шуршащий, как песок на знойном пляже, ствол сосны — остов жилища. В домике тепло. Белобрысая раскинулась на тахте поверх простыней. Правая рука под головой. Белобрысая и черная, думает Иона, подпевая Армстронгу. Гены. Аллели. Параллели. В иллюминаторе торчит Полярная звезда. Какие звезды сейчас в городе Провидения — нвд Рив, компашкой? Скорпион, конечно же, витает над Магнусом. Иона врубает джаз погромче, чтобы разбудить. Она открывает глаза. Набрасывает простыню:

— Отвернулся бы! Уставился, как тогда — на пристани.

— А ты запомнила, как тогда?

— А то! Всякий раз, когда причаливали в Ньюпорте, ждала — вот появишься.

— Отчего так, Валюха?

— Особенный ты, Иона. Тебе дано, что мы не можем.

Она сидит, облокотись на подушки и закутанная в простыню. Яблочнвя — щеками и грудью, лезущей наружу. Яблочная — улыбками ямочек и округлостей. Строгая глазами.

— Особенный ты, Иона. Уставишься пронзительно, душа и суть всего на свете тебе открывается.

— За это меня и приветила компания?

— За это, конечна Знаешь, на какое дело мы пошли. И как Замок может нам ответить.

— Спасибо за откровенность, — усмехается Иона.

— За половину откровенности, — отвечает Белобрысая.

— А другая половина когда?

Она обхватывает его за плечи. Простыня падает. Валюха вся в нем — ямочками и округлостями, всей северной статью. Иона целует ее и заглядывает в глаза — перестали строгими быть?

В двери стучат. Иона натягивает ватные брюки, мало ли — тревога. Работают в лесу зимой в стеганых ватных брюках. Бросается вниз открывать.

— Да подожди ты! Дай оденусь, — кричит Белобрысая.

Вот она в своем ослепительном (так понимает его) черном вязаном платье. Сама вязала. Платье выше коленок. Обтягивает бедра и груди, как резиновая перчатка. Вот-вот порвется. Каждый изгиб обозначен.

— Ну и хороша же ты, Валюха! — не удерживается Иона.

В тамбур поднимается Смычок. Хитро в этих жилищах устроено все. От земли — ступеньки, которые опускаются из. Когда хозяин желает принять гостя. Потом тамбур. Лестница витая. Тогда уже кухонька. Опять двойная спираль лестницы. И жилая комната. Так что сосновый ствол — наглядная ось биологического поля, вокруг которого вьются спирали нуклеиновых кислот. Компанейцы шутят: живем внутри модели Уотсона — Крика.

Смычок притащился с футляром под мышкой. Из кармана торчит бутылка «Московской водки». Рукавицы сбросил на пол тамбура. Дует на руки:

— Чуть не околел, пока к тебе. Градусов сорок мороз.

— Заходи, грейся. Чего ж не позвонил? — спрашивает Иона.

— Куда нам! Это ты в западных краях привык к этикетам. Позвони. Назначь встречу. У нас

проще.

— Ладно. Не позвонил и не позвонил. Забирайся наверх.

Смычок поднимается. Иона задерживается на кухне сварить кофе. Закуску приготовить. Из жилой комнаты слышится:

— Валечка! Быть не может, что тебя застал.

Иона улыбается, так забавна ему «нечаянность» прихода Смычка. Он нарочно возится подольше. Поднимается с кофе и бутербродами.

Белобрысая стоит около иллюминатора. Белая кипа волос упала на шею и грудь, оголенные дерзким вырезом. И напружиненные сильные ноги в ямочках вокруг коленок. И голые по локоть руки — ладонями на бедрах. Черное платье как бы подтянулось, сжалось, чтобы открыть побольше ее тела — музыке. Смычок играет. Иона слышит знакомое. Скрип снега под валенками и скрип еловой ветки, отяжелевшей от многих слоев снега — за зиму. Скрип, шелест и звон звездного луча, проходящего через хвою.

— Послушай, Смычок! — восклицает Иона.

— Ну, конечно! Это же твое. Ты набросал мне эту музыку два дня назад. Когда мы разбирали за компьютером мои опыты по пересадке генов.

— Ясно! Администратор узнает последним об

успехе и первым о крахе, — взрывается Белобрысая. — Сочиняют великую музыку. Ставят гениальные эксперименты. И ни гу-гу!

— Музыка — гениальная? Ну, не думаю. Так, пришло что-то на ум. Я не сочинял вечность. Опыты же Смычка заслуживают всяческого… Хотя надо бы повторить.

— Будь добренький. Смычок, просвети темную крестьянку, — хохочет Белобрысая, да так, что не отказать.

— Коротко говоря, я передал своим рыбам ген устойчивости к температурам. Понимаете, Валечка, рыбки мои всем хороши, кроме одного. Малек проклевывается из икринок только при десяти градусах Цельсия. Ну, полградуса туда-сюда со скидкой на нашу великую и пространственную неточность. Холодная весна — икра перестоится. Жаркая — закиснет. Вот и выходит, что зря моя рыбица в любовные игры играет. В десятку попадает малый процент отметанной икры.

— Так что каналы ваши — тоже зря прорыты. И в отделениях компании — на разных материках — тоже артель напрасный труд?

— Если бы артель напрасный труд, стал бы Смычок ночью к нам с бутылкой стучаться! — заступается за друга Иона.

— Я бы по-другому сказал, Валечка Сочинилась бы такая музыка из-за очередного воздушного шарика? Как это там: Ти-иииии-та-тиииии-та-та-ритари-ра-тууууу, — играет Смычок, подпевая мелодии.

— Чудо — музыка, — выдыхает Белобрысая. — Что же с икрой будем делать?

— Кажется, все сделано, — отвечает Смычок, повторяя пассаж, в котором полярная сова взмывает с еловой ветки, осыпая снег. Где крылья совы? Где крыло ветки в снегу? Где сугробы над кустами малинника? Где зеленые очи совы? Где зеленые зимние звезды?..

— Кажется, все сделано. Какое-то время назад мне прислали из Гималайского отделения нашей компании концентрат ДНК одной забавной рыбешки. Живет она в горной речке. Отличается крайней непоседливостью. То вымечет икру у границы ледников. То метнется в жаркую долину и тоже займется любовными плясками. И никаких проблем. Мальки выскакивают из икринок в температурной амплитуде чуть ли не 35 градусов.

— Вот и запусти эту рыбу в свои каналы!

— Ну что вы, Валечка. Это же мелкотня. Рыбешка сорная. Ни рожи, ни кожи…

— Из нуклеинового концентрата я выделил ген термолабильности созревания икры. Размножил его в микробных плазмидах и внедрил в шестую хромосому моей рыбы. Предварительно подавив ее собственный строго детерминированный ген созревания.

— Дальше! — Белобрысая вскочила на тахту.

— Дальше Смычок позвал меня. Мы составили программу эксперимента, который подтвердит или опровергнет.

— Дальше!

— Дальше я записал на программе мотивчик, который вы, миледи, изволили похвалить.

— Дальше — что было с икрой?

— Валечка, ничего невероятного. Все произошло в соответствии. Оплодотворенные икринки развились в мальков при семи разных температурах: 5, 10, 15, 20, 25, 30 и 35 градусов.

— При семи температурах! Во всех морях и реках может плодиться наша рыба. Всех накормить! Правду говорят, семь — счастливое число. Гений ты, Смычок. Чистый гений!

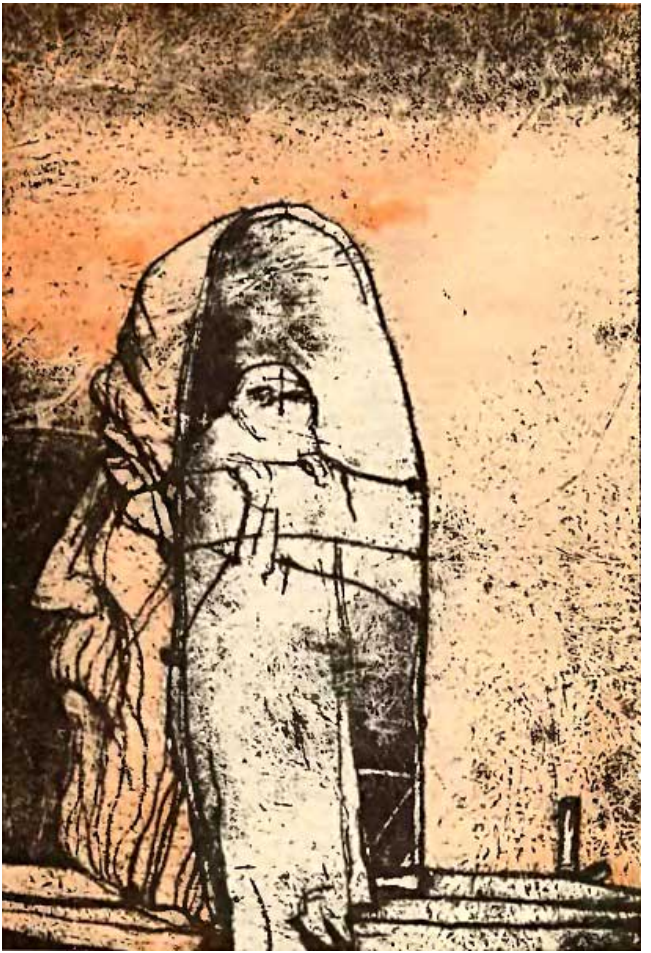
Иона разливает водку в стаканы. Они пьют за успех. За Смычка. За музыку Ионы. За процветание компании. За будущее человечества, которое кажется не таким безнадежным предприятием.

Декабрь 1989 — июнь 1990. Провиденс, США

№ 6

Юрий Черняков

Талант



Другу и учителю А. Н. Стругацкому

Александр Наумович позвонил что-то около одиннадцати. Узнав голос, я встревожился, потому что не в его правилах было так поздно беспокоить телефонными звонками. По крайней мере, меня. Несмотря на мой возраст — я был ровесником его младшему сыну, — он относился ко мне с повышенным пиететом. На этот счет у меня не было никаких иллюзий: просто Александр Наумович высоко ценил услуги своего личного врача. Так уж получилось, что именно мне, едва оперившемуся врачу неотложки, удалось в свое время подобрать ключик к основательно разболтанной, истеричной вегетатике маститого театрального критика.

— Анатолий, милый, Бога ради извините за беспокойство! — взволнованно заговорил он. — Стряслось несчастье, просто кошмар какой-то, и вот я подумал, что вы…

— Что случилось, Александр Наумович? — Я уже начал лихорадочно прикидывать, где лучше ловить такси и где я быстрее смогу выцарапать электрокардиограф — в больнице или на подстанции неотложки.

— Вы знаете Максимова, народного артиста?

Ах, конечно, вы ведь виделись с ним у меня, помните? Его час назад увезли без сознания прямо со спектакля. Это ужасно! Человек никогда ничем не болел, такой здоровяк… Вы кого-нибудь знаете в Третьей градской? В реанимации?..

В Третьей градской больнице у меня знакомых не было.

— В общем, это неважно. Кому позаботиться, есть… Тут некоторым образом сложилась ситуация… Я очень прошу, не могли бы вы подъехать? Не откажите, голубчик, для меня это очень, очень важно! Лева Максимов для меня… Ведь он… Это не просто талант, это часть моей жизни! Приезжайте, милый, я вас жду!

До Третьей градской езды было минут сорок. Я не стал ломать себе голову, какую радикальную помощь я мог бы оказать народному артисту, к постели которого уже наверняка сейчас съезжались светила столичной медицины. Я был нужен Александру Наумовичу. Как моральная подпорка. Ну, и как комментатор, не без того.

Имя закадычного друга-приятеля моего Александра Наумовича уже много лет гремело по всему миру. Сказать, что все спектакли с его участием шли с полным аншлагом, значит ничего не сказать. Его участие обеспечивало успех любому

концерту, любой телепередаче. Мне попалась как-то статья Лоуренса Оливье, в которой он назвал Максимова величайшим трагическим актером современности. «Чудо перевоплощения», «глубочайшее проникновение в образ», «вершины искренности и достоверности» — это Максимов. «Необычайная работоспособность», «величайшее трудолюбие», «поразительная требовательность к себе» — это тоже о нем. И много чего еще в том же духе.

Я не Бог весть какой театрал и тем более не знаток театральных тонкостей, но в тех ролях, где я его видел, меня потрясало ощущение, что, кроме Максимова, на сцене не было никого. Вернее, не так. Другие персонажи присутствовали, но это были актеры, которые исполняли свои роли — кто хуже, кто лучше, и только он — не играл. Я просто видел живого Полония, герцога Глостера, Отелло, и академика Строгова, и пахана Митяя…

Еще одну особенность его творчества, «феномен Максимова», разъяснил мне Александр Наумович. У каждого человека есть свое представление о том или ином классическом герое, и не всегда образ, созданный актером, совпадает с этим твоим личным представлением. Так вот, по словам Александра Наумовича, к каким бы раз-

ным людям он ни обращался, все признались, что не представляли себе героев Максимова иначе…

И велико же было мое удивление и разочарование, когда при единственной моей с ним встрече этот титан оказался низкорослым, полнеющим и лысеющим субъектом, с рыхлым и на редкость невыразительным лицом. Он сгреб к себе в единоличное пользование графинчик с водкой и весь вечер сотрясал воздух плоскими и пошлыми остротами. А когда, уступая просьбам, он принялся рассказывать о своей последней поездке в Париж, мне стало просто стыдно за это убогое и бесцветное повествование. Другим, по-моему, тоже.

Вскоре после этой встречи я высказал Александру Наумовичу свое мнение о народном артисте, не стесняя себя в выражениях. Бедняга Александр Наумович кряхтел и смущался, защищая сердечного друга Левушку. «Талант — явление удивительное, непознаваемое. Вы впадаете в извечную ошибку, отождествляете творение с его творцом. Не делайте этого, прошу вас. Не судите о писателе по его романам, о художнике по его полотнам. Это — люди, и как люди они могут оказаться совсем не такими, как вы их себе представляете…» Тут в разговор вмешался его сын

Миша, который в ту пору ухаживал за студенткой театрального училища и был в курсе тамошних сплетен: «Да что там — с придурью он, твой Левушка! Уборную им, видишь ли, отдельную, при посторонних они гримироваться не могут, в образ, видишь ли, они входят! С художников, с осветителей, с портных да и со всех по семь шкур снимает, все ему не так, и режиссер ему не указ. А в училище-то — смехота! Профессор называется. Долдонит не разбери-пойми что, а сам и показать толком ничего не может. Да его только и держат потому, что народный… И в кино сколько лет отказывается сниматься — они у нас гордые, Левушка твой…» Александр Наумович только качал головой: «Ну, что ты, Миша, не надо так, ты пойми…» Александр Наумович ждал меня в приемном отделении, отбиваясь от наседающей на него толпы каких-то людей — по-моему, наспех разгримированных артистов. «Пока ничего не известно», — говорил он одному. «Нет-нет, туда нельзя, и меня ведь гонят!» — втолковывал он другому. «Ах, Машенька, голубчик, не плачь, ну я прошу тебя, Бог даст, все образуется!..» Увидев меня, он замахал рукой.

— Идемте, идемте туда. Ах, спасибо вам, милый!.. — И повлек меня, придерживая за рукав,

мимо двух плечистых санитаров, которые с профессиональной ловкостью отсекли рванувшихся было вслед на нами артистов.

Пассажирский лифт, конечно же, был выключен. Пока мы поднимались на четвертый этаж, Александр Наумович рассказал мне, что в конце второго акта у Максимова внезапно пошла горлом кровь («Прямо хлынула фонтаном!») и он потерял сознание. Никто ничего не понимает, ведь он всегда был здоров как бык… А уже здесь, когда за него взялись врачи, началось вообще нечто совершенно несусветное…

— Анатолий, я вам честно признаюсь, я попросил вас приехать, чтобы вы мне прямо сказали: может быть, я сошел с ума, или это бред, потому что… Ну, потом, потом, идемте скорее, я с огромным трудом добился разрешения вас привезти. — И он распахнул дверь кабинета заведующего реанимацией.

Тут было накурено, на ковровой дорожке темнели обширные мокрые пятна, а на глянцево натертом паркете подсыхала уличная грязь.

— Вот!.. — запыхавшись, произнес Александр Наумович.

— Здравствуйте, — сказал я.

Из присутствующих ответил только один (как

я потом догадался, заведующий реанимацией), остальное ограничились приветственными телодвижениями. Огромный оплывший старик, сидящий за столом, только воззрился на нас поверх очков и снова опустил глаза в лежащие перед ним бумаги. Толстый представительный крепыш с угловатым и абсолютно лысым черепом повернулся вполоборота, оглядел меня снизу вверх и опять стал изучать рентгеновские снимки на стенном эпидиаскопе… Сам не знаю, чего я ждал, но мне сделалось неуютно. В комнате явно ощущалась атмосфера какой-то тихой и раздраженной паники.

Зазвонил телефон. Сидящий за столом не глядя протянул руку и снял трубку.

— Да. Да, я. А… соединяйте. — И также не глядя ткнул трубкой в сторону лысого: — Вас.

Лысый округло перетек от эпидиаскопа к столу, и всю комнату наполнил его звучный баритон. В моей голове шевельнулись какие-то воспоминания: где-то я с ним встречался.

— Ну-с, уже сделали? Молодцы. Так… А концентрация? Что-о? Не может быть!.. Мышьяк?! Но откуда такая концентрация, ума не приложу… Ну ладно, передай от меня группе спасибо, и сидите ждите, может быть, еще понадобитесь. — И лы-

сый аккуратно положил телефонную трубку. Все, кто был в кабинете, уставились на него.

— Такие вот дела, — пророкотал он, покачиваясь на носках. — Вашего подопечного травили мышьяком. Причем систематически и довольно долго. Ну-с?

— О, господи! — Это всхлипнула миловидная молодая женщина, сидящая на краешке стула сбоку от стола. С ее кокетливой яркой блузкой совершенно не вязался висящий на шее фонендоскоп. Наверное, она только что плакала: вокруг глаз расплылись черные потеки, а скомканный в руке платочек был тоже испачкан черным.

Мужчина средних лет с грубовато рубленым лицом, который до этого момента незаметно обретался в самом дальнем углу, резко повернул в ее сторону массивный подбородок:

— Может быть, какие-нибудь лекарства? В некоторые же входит мышьяк, кажется.

— Да нет же, нет! — крикнула она. По-моему, у нее была истерика. — Я же говорю вам: он здоров, мы ничего не назначали, вот же я принесла… — Она вскочила со стула и потянулась к бумагам на столе. Старик, которого я про себя окрестил Академиком, махнул в ее сторону рукой, словно отгоняя муху:

— Сядьте. Сядьте и успокойтесь, наконец.

Она замерла и, уткнувшись лицом в платок, снова села.

«Понятно, это лечащий врач из ведомственной поликлиники», — подумал я не без сожаления. Девчонка! Что бы там ни было, а ей на орехи обеспечено… Но мышьяк, мышьяк-то откуда?

— Может быть, он сам или косметика там какая-нибудь? — не унимался груболицый, пристально глядя уже на Александра Наумовича.

Тот стал белее снега:

— Нет-нет, этого не может быть… Да нет же! — с мукой повторил он и, обессилев, привалился спиной к стене.

Интересно, а этот груболицый, кто он такой? На врача вроде не похож. Спрашивает уж очень непрофессионально. Это с одной стороны. А с другой — деловой, и деловитость эта какая-то профессиональная. Без эмоций… С погонами, наверное, этот спрашивающий… Да что тут у них происходит, в самом деле?!

У меня за спиной заскрипела дверь. Пришлось посторониться. На ходу закуривая сигарету, в кабинет вошел высокий парень с патлатой бородой, на которой как-то боком нелепо висела хирургическая маска. Он сделал пару жадных затяжек и,

обращаясь к заведующему реанимацией, сказал:

— Не приходит в сознание. И давление катится. Кровь нужна, Эдик! — А затем ведомственной докторице, с неожиданной злостью: — Вы хоть группу крови определяете у себя в конторе?

— Оп… определяем… У Максимова — вторая, резус-отрицательная.

— Черта с два, вторая! Не определяется у него группа — вообще! — И он яростно передернул маску на другую сторону бороды.

Зря он так, ей-Богу. Девка-то в чем виновата? Хотя и ему тоже не позавидуешь: это он сейчас «качает» великого артиста Максимова.

— Оставь ты ее в покое! — Заведующий Эдик быстро встал между ними. — Ну что ты психуешь, честное слово?

— Боюсь я. Истощение, интоксикация. У него такой изношенный организм, ты не представляешь!

Вот тебе и «здоров как бык»! — ухнуло у меня в голове. Как же он это так исхитрился? И от чего?

— Я согласен с коллегой, — проскрипело вдруг от стола. Академик, оторвавшись от своих бумаг, задумчиво пожевал дужку очков. — Риск переливания крови слишком велик, тем более, что вопрос об активности туберкулеза остается по

большому счету открытым… Надо бы чистый гемоглобин — ректификат, так сказать. Синтетическую кровь — чтобы никаких реакций. Правда… — и он вопросительно поглядел на того, кого я назвал про себя Деловитым Профессионалом, допрашивавшим всех насчет лекарств и мышьяка.

— Ну, разумеется! — кивнул тот. — Напишите только, куда надо ехать. — И он поманил кого-то из ниши, рядом с которой светился огромный аквариум. Оттуда поднялся красивый плечистый юноша, прямо-таки иконописной чистоты херувим, которого я поначалу принял за какого-то артиста. Грубое лицо Деловитого Профессионала приняло еще более значительное выражение, и, когда они проходили мимо меня, я услышал его слова: «Давай мигом! Свяжешься из машины по рации…»

— Боже мой, о чем они говорят, какое истощение, какой туберкулез? — бормотал у меня за спиной Александр Наумович. — Кошмар, кошмар!.. Анатолий, при чем здесь мышьяк, отравление?.. Лева, Левушка… Прямо мистика какая-то!

Откровенно говоря, я сам ни черта не понимал. Ну, легочное кровотечение, ну, очень сильное и

внезапное. С кем не бывает. При этом логичнее всего думать сначала о туберкулезе, тоже правильно. Но интоксикация, тем более истощение? Я видел Максимова два, от силы три месяца назад. Не скоротечная же это чахотка! Туберкулез — болезнь все-таки социальная, и чтоб у Максимова, у народного артиста?.. А если это рак легкого? Хотя… тут ведь не мальчики сидят! Я, положим, не знаю пока, кто тут сидит, но что не мальчики — бесспорно. И опять же мышьяк. Вот как они разберутся с этим мышьяком? Ну, не лечат в наше время мышьяком ни рак, ни туберкулез! Или Максимов у какого-нибудь знахаря пользовался? Нет, бред какой-то! Он же сегодня спектакль играл. В последней стадии истощения!

Лысый проводил взглядом командированного за синтетической кровью и обратился к Академику:

— А я думал, что эти исследования находятся еще на экспериментальной стадии.

— Конечно, на экспериментальной! — буркнул тот.

Дверь снова приоткрылась, в нее просунулась девичья голова, кого-то поискала глазами по комнате и исчезла. Бородатый реаниматор затоптался на месте, сунул было в карман руку с

недокуренной сигаретой, потом шагнул к столу и ткнул окурком в пепельницу прямо перед носом Академика. Когда он вышел, снова воцарилась выжидательная тишина.

Вдруг Академик отодвинул лежащие перед ним бумаги и с неожиданной легкостью выпростал из-за стола свое грузное тело.

— В поликлинической карте действительно ничего нет, — начал он, доставая из внутреннего кармана пиджака роскошный очешник и убирая в него очки. — Пользуюсь случаем выразить вам восхищение отменной четкостью и добросовестностью ведения медицинской документации. — И он со старомодной галантностью поклонился юной докторице. — Будучи матерьялистами, мы вынуждены, таким образом, исходить из фактов, доступных нам в настоящее время. Максимов, шестидесяти трех лет, народный артист, практически здоровый мужчина. Перенес Боткинскую желтуху, сыпной тиф, разные там катары, кстати, весьма — редкие. Страдает профессиональным ларингитом, сиречь хроническим воспалением гортани и голосовых связок. Да… Операциям не подвергался, сколько-нибудь значительных травм в предшествующей жизни не переносил. Это, так сказать, анамнезис вите — история

жизни. Теперь далее. Попечению Эдуарда Николаевича, — тот же галантный поклон в сторону заведующего реанимацией, — доставлен из театра, непосредственно с подмостков, так сказать, народный артист Максимов, исполнитель заглавной роли короля Ричарда Львиное Сердце, в крайне тяжелом состоянии, обусловленном массивным легочным кровотечением. Констатируем: больной — мужчина тридцати восьми — сорока пяти лет приблизительно, в значительной степени болезненного истощения. В легких двусторонний кавернозный процесс, по-видимому и послуживший причиной означенного кровотечения. Рентгенологическая картина позволяет с несомненностью высказаться за туберкулезную природу процесса, более того, процесса старого и, позволю себе предположить, никогда ранее не леченного…

У меня возникло ощущение, что тело мое, ставшее вдруг невесомым, медленно колышется в такт плавному и спокойному течению этой речи…

— Кроме того, — так же по-старомодному витиевато продолжал Академик, — у нашего пациента наличествуют некоторые весьма специфические признаки отравления мышьяксодержащими

соединениями, что и подтвердилось благодаря любезной помощи Льва Венедиктовича и его сотрудников. Особенно примечательно высказывание уважаемого Льва Венедиктовича о хроническом, длительном характере отравления. Мне трудно представить себе, что подобные тяжкие расстройства здоровья могли пройти мимо внимания окружающих, не говоря уже о медицинских инстанциях, кои осуществляют надзор за контингентом, к которому принадлежит наш подопечный. Наконец, этот ужасный шрам в области левого надплечья и лопатки, в недавнем происхождении которого даже мне, не травматологу, не приходится сомневаться… Лев Венедиктович, — он сделал приглашающий жест в сторону лысого.

— Да-да, вне всякого сомнения! — живо отозвался тот. — Любопытно, что несколько лет назад я консультировал буквально такие же снимки. Тогда это был удар топором. Шизофреник гонялся с топором за своей тещей, ну и догнал-таки. Так вот: здесь тот же характер смещения костных отломков… Но какая живучесть! Обратите внимание — никаких признаков остеомиелита, все зарубцевалось. Удар, по-видимому, был нанесен сзади под углом градусов пятьдесят — шестьдесят.

Целились по шее, чтобы, как говорится, голову с плеч долой…

Я узнал его! «Вам необходимо запомнить принципиальную разницу между железнодорожной травмой и падением тела с высоты. Образно говоря, в первом случае это — все кости наружу, а во втором — мешок с костями…» Профессор Грохольский! Он читал нам лекции по судебной медицине. «Мешок с костями» — это выражение до сих пор все помнят.

— Думаю, не ошибусь, если скажу, — отвлек меня от этих размышлений продолжающий рокотать баритон Льва Венедиктовича Грохольского, — что около года… м-м, простите, тысячелетия назад имел место рубящий удар, к настоящему времени заживший. Чем они тогда рубили? Секирой? Бердышем?

— Или алебардой, — предположил кто-то.

— Что ж, вполне может быть, и алебардой, — пожал плечами Грохольский.

И тут Александр Наумович, напряженно сопевший за моей спиной во время всего этого безумного обсуждения, взорвался.

— Какая чушь! — завопил он, выскочив перед Грохольским. — Алебарды! Туберкулез! Вы все здесь с ума посходили! Это же Лева, Максимов!..

Он же… Я… Я его сорок лет знаю… Я не позволю, наконец! — И вдруг, словно выдернули вилку из розетки, уронил длинные руки вдоль нескладного тощего тела, потерянно оглянулся по сторонам и зашаркал ко мне в угол, из которого выскочил, как чертик из коробки, минуту назад.

— Милый вы мой, Александр Наумович, да о чем нам остается думать? — тихо заговорил Академик. — Вы сами все видели. А рубцы на руках, а мускулатура, а зубы? Вот здесь записи стоматолога, — он помахал в воздухе карточкой поликлиники: — Золотой мост на верхней челюсти, пломбы… Где все это? И группу крови мы определить не можем. А вдруг с течением веков такие вещи изменяются? — Он помолчал. — Что мы знаем о мире? О мышлении, эмоциях? Энергетические процессы, и все. А что такое талант? Может ли талант взаимодействовать с физической средой? И какова природа такого взаимодействия? Мы с вами умные люди, Александр Наумович, мы обязаны учиться. Всю жизнь учиться…

И от его тихих слов, от этих размышлений вслух вдруг повеяло таким надвечным спокойствием, что, показалось, начало спадать истерическое напряжение, копившееся в кабинете в течение

всей этой сумасшедшей ночи.

— А он сразу потерял сознание, на сцене? — неожиданно спросил Грохольский. — Кто-нибудь был на спектакле?

— Я была, — робко ответила ведомственная докторша. — Во время монолога он вдруг закашлялся, взмахнул руками и упал. И кровь сразу… струей. Я в первый раз попросила у него пропуск, — еле слышно прибавила она к чему-то.

— Да, так оно и должно было быть: сразу, — продолжал Грохольский, не поворачиваясь. Он поколупал ногтем снимок, потом почти уткнулся в него носом, разглядывая какую-то мелкую деталь, — Если эта петрушка контролируется сознанием, то, конечно, иначе и быть не может… Все замирает. А скажите… э… Александр Наумович, — тут он соизволил повернуться, — Максимов играл когда-нибудь Ивана Грозного?

Тот кивнул.

— Мне сейчас пришло в голову, — профессор судебной медицины теперь обращался к Академику, — если бы это случилось в роли Ивана Грозного, то было бы чертовски интересно связаться с лабораторией Герасимова. Сопоставить с их материалами по реконструкции облика царя, как вы думаете, а?

Академик коротко глянул на него и повернулся в нашу сторону.

— Вот вы, Александр Наумович, столько лет близко знали Максимова, наверняка встречались с ним за кулисами, бывали на репетициях. Неужели вы никогда не замечали каких-нибудь странностей, неких особенностей в его поведении… короче, чего-нибудь необычного?

Александр Наумович тяжело опустился на стул, сгорбился. Лицо его посерело, на щеках выступила какая-то унылая пегая щетина. Он на глазах превращался в немощного старика.

— Необычного? — повторил он. — Н-не знаю… Если сравнить с любым из нас, то он, Лева, — весь и всегда необычный… Вот вы сейчас спросили, и я припоминаю, как однажды ворвался к нему в уборную в антракте. Дверь оказалась незапертой. Да, он всегда запирался во время спектаклей, что, в общем-то, не странно: он, знаете, всегда так выкладывался, так переживал, а тут — суета, посетители, поклонники разные… В тот вечер он играл Митяя, блатного. Едва я открыл дверь, как он ни с того ни с сего обложил меня площадной руганью, скверной, грязной, какой-то мерзкой. Я, помню, выскочил за дверь, как ошпаренный, — даже затрясло всего. Понимаете, у меня возникло

жуткое чувство, что эта брань относится именно ко мне, персонально, — эта злоба, это животное хамство… В роли нет такого текста, естественно… Я потом долго ждал — не извинения даже, а чтобы он объяснился. Ведь беспричинно! А наши отношения с ним чистые, честные… Так вот, Лева ни разу не вспомнил об этом… А ведь он никогда, даже ради красного словца, как теперь иногда принято в компаниях, — понимаете, никогда!.. — Александр Наумович уронил лицо в ладони и заплакал. Мы старались не смотреть друг на друга, а он жалобно по-стариковски всхлипывал, покряхтывал и наконец затих… — Простите, — сказал он, шмыгая носом, и полез за платком.

— Интересно, встречались ли еще когда-нибудь подобные случаи? — тихо произнес Эдуард Николаевич.

— Да, есть одно-два сообщения о чем-то похожем, — неохотно отозвался Деловитый Профессионал, и грубые резкие черты его лица приобрели задумчивое выражение. — Вообще-то информация мало достоверная, но… — Он вытащил сигарету и похлопал себя по карманам. Я достал зажигалку. Он прикурил, глубоко затянулся, внимательно вертя в пальцах моего австрийского «пингвина». — Может быть, Максимов все-таки

что-то изобрел? Прием какой-нибудь особый или состав? — И с надеждой повернулся к Александру Наумовичу, но тот лишь горько покачал головой.

Академик грузно шевельнулся (он, наверное, уже устал стоять) и посмотрел на часы.

— Нет, батенька, скорее всего, никакого приема хитрого, ни снадобья, ничего, этого нет, — усмехнулся он. — А есть — талант, талант перевоплощения. Может быть, нечто сродни телепатии, не знаю… Мы же телепатию нынче не отрицаем.

— Трансмутация. — Грохольский впервые уселся на стул под рентгеновскими снимками и начал раскачиваться на нем, откинув голову и полуприкрыв глаза набрякшими синеватыми веками. По лысине его в такт качаниям пробегали блики от эпидиаскопа. — Бред, конечно, ерунда… У алхимиков был такой термин — трансмутация. Превращение элементов. Превращение свинца в золото, например. Одним словом, философский камень и гомункулус.

— А обратно как? — быстро спросил Деловитый, вовзращая мне зажигалку, но в этот момент зазвонил телефон и он, бросив «Это меня», снял трубку.

— Обратно? — тем временем продолжил Гро-

хольский. — Да хотя бы по принципу обратимых реакций. Углекислый газ и вода — угольная кислота. Переменная валентность железа в молекуле гемоглобина, к примеру. Туда и обратно. Так что, раз принцип есть…

— Да, талант. — Александр Наумович высморкался и тяжело вздохнул. — Талант изумительный, редчайший, уникальный, я думаю. Вот вы сказали — мы умные люди. Нет, я обычный, глупый, бездарный старик. Я просто очень люблю Леву и могу только благодарить Бога, что встретился в жизни с таким ярчайшим явлением. А теперь я восхищен, я благоговею перед вами. Вы столкнулись с чем-то чудовищным, непостижимым, противным естеству и всем мыслимым законам! И вы приняли это, приняли как реальность, как данность. Вы не отталкиваетесь от этого, защищая свой мир, свое человеческое естество, а думаете, пытаетесь разгадать. И вы разгадаете, помоги вам Бог, потому что и у вас талант! Талант перестроить свое мышление, не цепляться за обыденное, привычное и потому удобное. Я вот так не могу. Я только думаю о том, что он лежит там и умирает…

— А от чего умер Ричард Львиное Сердце? — вдруг спросила молоденькая врачиха.

Александр Наумович дико посмотрел на нее, но в этот момент Деловитый осторожно положил телефонную трубку на аппарат и ответил:

— От чего умер? У него кровь горлом пошла. Во время охоты. Официально было объявлено, что открылась старая рана: в сражении под Иерусалимом он был поражен ударом боевого топора. Но многие втихомолку обвиняли некоего принца Джои — дескать, он отравил короля… По крайней мере, именно такую справку дали в Институте истории Академии наук… — Он запнулся, взглянув на входящего в кабинет бородатого реаниматора, и потом закончил в наступившей тишине: — Такую справку дали в ответ на запрос народного артиста Максимова полгода назад…

В голове у меня стало пусто, ни одной мысли, и только прокручивались безостановочно снова и снова слова из песни о Бермудском треугольнике: «Пусть безумная идея, не решайте сгоряча. Отвечайте нам скорее…»

— Так сегодня что, премьера была? — неожиданно для самого себя спросил я, но мой вопрос повис в воздухе — бородатый реаниматор был уже без маски.

— В общем, все, — произнес он, ни к кому не обращаясь. — На массаже сердце держим.

— Как вы сказали? Почему премьера? — Грохольский, словно очнувшись, обернулся в мою сторону. — Я «Ричарда» смотрел месяц назад. — И внезапно пошел на меня, все больше возбуждаясь. — Конечно же! Все правильно!.. Проходной спектакль, несколько моментов жизни, которые только повторяются… Биологическое время короля стоит. — Он резко повернулся к Академику. — Это случайность! Ему рано умирать, он ведь еще не поехал на ту охоту… — И, увлекая Академика к двери кабинета, продолжал напирать: — Туберкулез, мышьяк — да Бог с этим со всем) Восстановим сознание — его организм сам все сделает. Давайте, давайте кровь, переливание, АИК[57], в конце концов… ну все, что можно! Чем черт не шутит, а если действительно трансмутация, туда-обратно… Он потом сам.

В реанимации, куда мы все уже почти вбежали, я увидел Максимова. Но… Максимова ли?

Тот, кто лежал на хромированном столе, выглядел худощавее и вместе с тем крупнее. Могуче выпирали мышцы груди. Руки, мощные длани, орудовавшие, наверное, как перышком, пудовыми мечами и палицами, были покрыты старыми

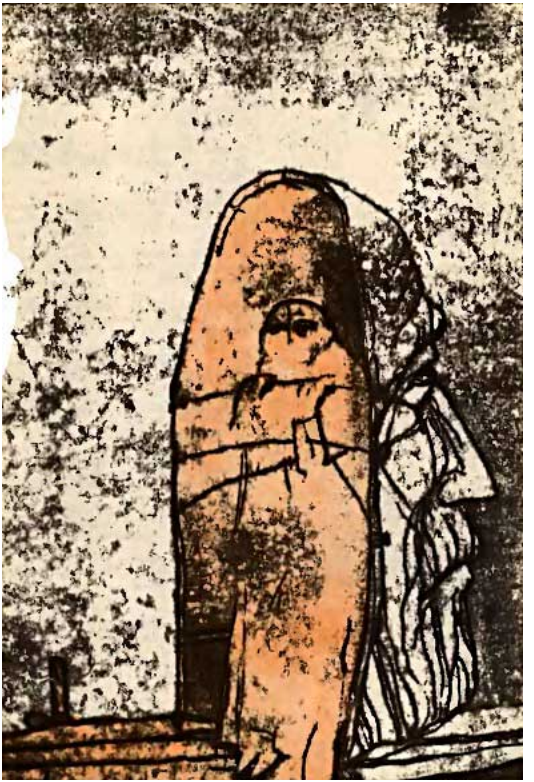
---

[57] Примечания: 57
АИК — аппарат искусственного кровообращения.

белесыми рубцами и свежими царапинами. Через левое плечо наискось уходил на спину безобразный бугристый шрам, под которым торчал из кожи виниловый катетер. Рыжеватая короткая, довольно ровно подстриженная борода была заляпана спекшейся кровью.

— А грим-то, грим почему? — забормотал Александр Наумович и осекся.

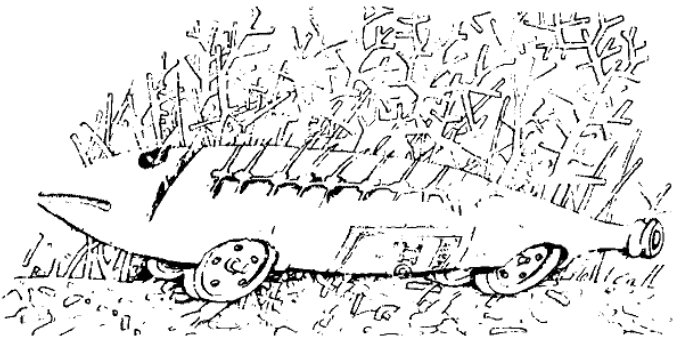
— Это не грим, — также шепотом ответил заведующий реанимацией, настойчиво вытеснив нас в коридор и закрывая двери, за которыми уже вновь колдовали над телом короля-крестоносца Ричарда Львиное Сердце.



№ 7

Валентин Варламов

Фетюков и экология



I. ПРО АНОДИРОВАННУЮ РЫБКУ

Покупная блесна против самодельной — тьфу, и

ежу понятно. Фетюков свою сделал из серебряной ложечки от жениного приданого. Ох и уловиста! А играет! Год прошел, как толкнул ее одному хмырю, а все не забыть. Ну, негде было взять на бутылку. И хоть святое это дело, всякий скажет, — а жалко. Больше такую уж не сделать. Не из чего больше. Да и зачем? Теперь и рыбы-то такой нет, чтоб на блесну. Всякая шушера, и та перевелась. Солнце вон где, а что поймал? Одну одиночку, не разбери пойми, на глоток не разжиться.

Фетюков глянул в сетку, примотанную к железяке под мостиками. И рыбка глянула на него трезвым глазом.

— Ты че такая? — без интереса спросил он.

Рыбка махнула плавником:

— Анод с катодом перепутали. Зальют глаза-то. Отпустил бы ты меня, старче, — вяло добавила она, больше для проформы.

— В каком веке живешь? — возразил Фетюков. Щелчком отправил потухший бычок в водную гладь, пропахшую керосином, и настроил себя на приятный разговор:

— Нынче, брат, каждый под себя гребет.

— Это верно, — рыбка задумчиво похлопала жаброй. — Ну, как знаешь. Привет семье, — сказала небрежно и телепортировалась.

Фетюков обиделся. Он-то хотел по-людски. Тем более, что спешить ей некуда: вода всю дорогу. У него вон душа горит который час, а раз нету — значит, нету. Глядишь, на бутылке сговорились бы. Зачем больше-то? На завтра? Так до завтра ещё дожить надо. Нет, суматошный народ пошел. Всем некогда. А хороша блесна была…

— Слышь, — окликнули из-под мостков, — ты, что ль, о прошлом годе блесну пропил?

— Ну, — подтвердил Фетюков с неохотою и зевнул.

— Рыбка тут велела тебе передать. Ты уж извини, мужик, малость отпили, само собой.

Зеленая когтистая лапа бережно поставила на мостки флакон с одеколоном и убралась в тину.

Фетюков поболтал посудину — путем разделили, по-Божески. Аккуратно заглотнул содержимое, пожмурился: будто Христос босиком прошел! Потом глянул сквозь переливчатое стекло на уже низкое, покрасневшее солнце. Благодать… Вытряхнул законные шестнадцать капель и совсем уж было нацелил посудой в водную окружающую среду. Но передумал и бросил на бережок.

— Со мной по-хорошему, и я по-хорошему, вот и есть промеж нас экология, — заключил он, с наслаждением прислушиваясь, как мягчительное

тепло разливается внутри организма. Нет, жить еще можно!

II. СОВСЕМ ХАНА

— Ик! — сказал Фетюков, просыпаясь. И пошлепал рукой возле себя, чтобы не пролить случайно. Рука попала в холодное и липкое. Фетюков приоткрыл один глаз. Наполовину, чтоб не замутило. Рассвет играл в нефтяной луже. Бетонная плита морозила спину. На конце плиты что-то сидело.

— Ты — что? — сипло спросил Фетюков просто так.

— Ик, — ответило что-то.

— В каком смысле?

— Ну, имя такое. Сам же позвал.

— Не помню, — признался Фетюков.

— Бывает, — утешило что-то скучным голосом. Фетюков приоткрыл второй глаз:

— За душой, что ли?

— Чево? Ты ж ее пропил давно, еще перед женины приданым!

Фетюков сел, покачиваясь. Закашлялся. Огляделкучи искореженного железа и бетонных

блоков, сброшенных так-сяк врагами народа:

— Где мы?

— На объекте. Законсервированном. Лимиты исчерпаны, — добавил Ик.

— Кем? — спросил Фетюков, не больно-то соображая зачем.

— Кто сумел, тот и черпал, — сказал Ик и поиграл хвостом.

— А это… что у тебя?

— Будто сам не видишь.

Что-то делают в таких случаях, — подумал Фетюков, но ничего не пришло ему в голову. Тогда он поднатужился и дунул на хвост что есть силы.

— Ты бы еще перекрестил, — обиделся Ик, отмахиваясь от перегара.

— Так ведь похож!

— На себя погляди, — справедливо заметил Ик. Потом смягчился:

— Мутанты мы. С урановой рудой выкопанные. Сперва на полигоне пристроились. Не выдержали, однако. Теперь там только население осталось. Им прибавку обещают, давно уже.

— Ну и… что мы тут делаем?

— Ты спишь? Только не говори, что мы тебя сюда занесли. А мы живем. Обстановка та же — кругом ржа и бетон покореженный, ногу сло-

мишь. Только радиации маловато. Не до жиру — статус беженца, сам понимаешь.

— Сплю, значит?

— Ага. Гляди вон, порточину в мазуте полощешь.

— А когда проснусь, что?

— Да нет уж, где тебе проснуться. Так и будешь ни то ни се.

Ик зевнул и собрался уходить, перекинув хвост на руку повыше, чтоб не замараться.

— Слышь, — на всякий случай крикнул вслед Фетюков, — пары капель не найдется?

— Не-а, мы этим не балуемся.

Наркоманы, значит, — догадался Фетюков.

— А у бабы твоей в заначке?

— У нас и баб-то нету, — грустно ответил Ик, вертя рукою хвост наподобие пропеллера. — Генофонд не позволяет. Мы простым поперечным делением…

III. МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

Фетюков с другом лежали под заброшенной

яблоней. Солнце любовалось Божьими тварями и опустевшим баллоном аэрозоля, известного в определенных кругах под нежным названием «ризоль». Была та блаженная минута, когда действие уже наступило, а о последействии еще не думалось. Тянуло на доверительную беседу.

— Фетюков, — сказал друг-приятель, за свою ученость и плакатную бороду именуемый в тех же кругах Анти-Дюрингом, — Фетюков, ты про Канта слыхал?

— Который с яблоком, что ли? — охотно поддержал Фетюков, любивший, как и все у нас в Пимеэонске, щегольнуть информацией.

— Тот — Ньютон. А это философ. Есть, говорит, две загадки на свете: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас.

— Внутри нас ризоль, — заметил Фетюков, обдумывая тему. Не любил он, когда в глаза кололи образованностью. И потому ушел от прямого ответа: — Мне эти философы — во где! Нагородят черт те что, а трудящийся народ расхлебывай.

— Ты, что ль, трудящийся?

— Я — народ! — Фетюков повернулся на бок, чтобы удобней было с законной гордостью постучать в грудь.

— Само собой, — утешил его друг. — Все мы

оттуда вышли. Гляди вон, локтем на муравьиную тропу въехал.

Фетюков скосил глаза и помягчел.

— Меня не тронут. Меня, если хочешь знать, ни одно животное не кусает. Тут недавно в собачьей будке жил. Так поверишь, все блохи — фьють! Потому что уважают.

— А собака?

— Что собака? Тоже уважает. Как прихожу, сразу из будки вон. Пожалуйте, дескать. А в чем причина? Вот вы с этим… про нравственный закон говорите. Есть он во мне! Ты меня не кусаешь, и я тебя не кусаю — экология называется.

— Э-э, Фетюков, как раз наоборот: экология — это когда друг дружку едят и все сыты бывают.

— Не, это политика, — сказал Фетюков убежденно. — Ты меня не путай.

Помолчали, задумчиво наблюдая, как муравьиный ручеек сперва бурлил, не доходя до фетюковского локтя, словно перед невидимой запрудой, потом отпрянул и потек в дальний обход.

— И давно тебя перестали кусать?

— Давно. С тех пор, как просветлел.

— До ризолю или после?

— До. Я тогда еще тормозной жидкостью увле-

кался.

— Знаешь что, Фетюков, — озабоченный Анти-Дюринг сел, словно йог по телевизору. — Есть у фантастов такая тема: лево- и правовращающиеся сахара.

— У нас в Пимезонске все сахара лево, спроси у самогонщиков.

— Не о том речь. Все живое состоит из левовращающихся веществ. А ты, видно, стал правовращающимся. Перестроился. Потому тебя и не едят. Выпал ты из нашего земного круговорота, Фетюков…

От возмущения Фетюков встал.

— А пошел бы ты со своими фантастами да философами. Языком чесать горазды, а как до дела, — отшвырнул ногой посудину, — кто ризолю достал?

И удалился с негодованием.

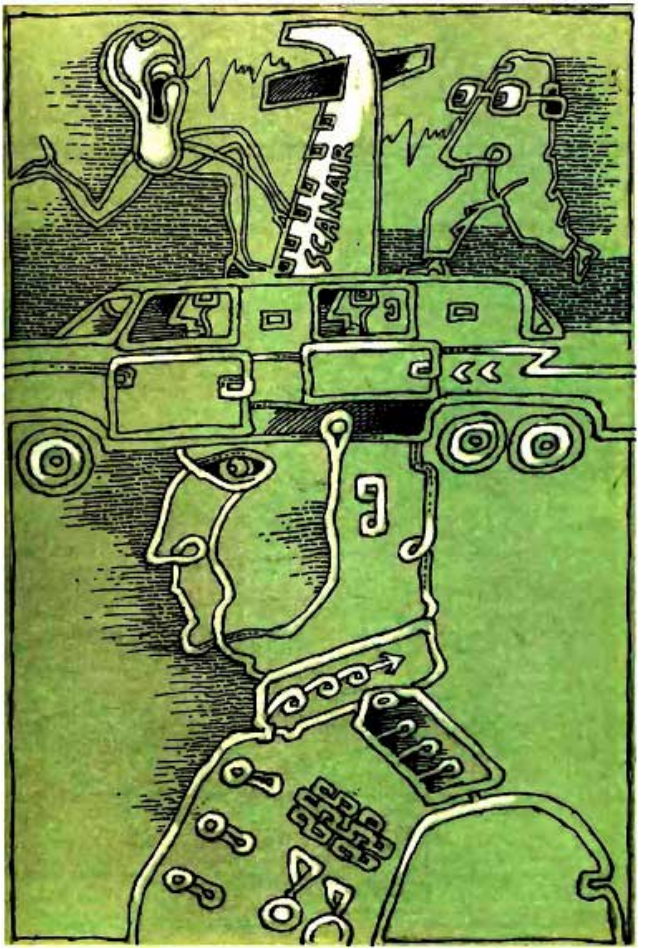
Козел встретился ему на пути. Но по сближении оборвал привязь и с мемеканьем взлетел на кучу мусора.

— К-козел, — сказал ему Фетюков в оскорбительном смысле, на время забыв о нравственном законе, который внутри него.

№ 8

Олег Охлобыстин

ФГС


SCANAIR

...И средние века не так страшны,
Как страшен средний возраст нашей жизни.
Дж. Г. Байрон

Скверное это время — пятый час пополудни. Начинает сказываться усталость, и почему-то всегда портится настроение. Если всю жизнь человека вместить в один день, то это время соответствует, наверное, началу пятого десятка. Утренних иллюзий уже нет, но и до апатичной мудрости позднего вечера тоже еще далеко. Из равновесии выводит каждая мелочь — даже то, что обычно воспринимается вовсе как вялый и безликий фон. Вдруг начинаешь слышать тарахтенье форвакуумного насоса и щелканье реле в термостате; по лаборатории носятся, оказывается, тоскливые и невнятные запахи, а на звук человеческого голоса хочется ответить выстрелом. Науку заполнили люди случайные, холодные и в чем-то неведомом искушенные; подлинную преданность науке они считают если не тайным пороком, то уж, во всяком случае, дурной чертой характера. Сейчас эта публика тоскливо дожидается конца рабочего дня. Более хищные и еще рвущиеся вперед заваривают чудовищный, самоубийственный

напиток, именуемый четверным кофе.

У Грэма Сьютона своя система, которую он, впрочем, никому не навязывает. Режим строжайшей секретности, слежка, проверки и перепроверки отчетов, телефонных разговоров, связей, знакомых — все это давным-давно выработало у Сьютона несвойственные ему от рождения подозрительность и осторожность. Мензурка из аптечки, спирт из бутыли и вода из-под крана; через две-три минуты по усталым мышцам разливается тепло, а начавшие разбредаться мысли вновь концентрируются на чем-то одном, в данный момент наиболее важном. Можно работать еще часа три — до нового и теперь уже необратимого изнеможения.

Элли — преданная и нерасторопная неряха, которую только по доброте душевной можно называть лаборанткой, — убеждена, что Грэм пьет из-за неразделенной любви. Коллеги считают его исступленным карьеристом, выслуживающимся перед шефом. Черт с ними!

Сегодня приходится думать о какой-то ерунде — надо же перевести на нормальный человеческий язык вчерашние слова шефа. Он и вообще-то мудрен, этот шеф, как задача Дирихле из полузабытого курса высшей математики. Загадочная,

иррациональная манера мыслить и говорить, способность на лету связывать совершенно разнородные факты, непостижимый дар предвидения — все это снискало ему громкое имя в химическом мире, однако сотрудники и коллеги его не любят, да и начальство тоже. Высокомерен, оскорбительно вежлив и абсолютно не контактен. Здороваясь, руку протягивает вовсе не для того, чтобы пожать вашу, — нет, это вы должны пожать четыре руководящих перста; пятый при этом брезгливо топорщится в сторону.

Вчера, когда Грэм принес ему очередной отчет, шеф, не гляди, запер папку в сейф и вдруг произнес нечто несообразное:

— Сьюгон, мне не хотелось бы, чтобы вы спутались с моей секретаршей. Я не хочу слышать вашего ответа; нужно только, чтобы вы приняли это к сведению. Кстати, поройтесь у себя в памяти — не болтали ли вы лишнего где-нибудь. Недавно. — Пожевав губами, отвернулся к окну: — Вы свободны, можете идти.

— До свидании, шеф, — только и нашелся Грэм ответить.

Чертовщина какая-то! Бетти Корант, о которой идет речь, работает у шефа всего неделю. Эффектная штучка, ничего не скажешь, но при чем тут

он, Грэм? Слишком красивых женщин Сьютон всегда избегал — хлопотно и дорого, а заводить шашни с секретаршей шефа — это уж и вовсе идиотизм.

И что значит «болтали лишнее»? Болтать-то было не с кем. Правда, недели две-три назад рассказывал что-то о феромонах старому и, пожалуй, единственному другу в полупустом кафе «Атлантике. Пусть даже сумели подслушать — с их техникой это вполне возможно, — но ведь не было ничего сказано кроме того, что можно прочитать в любом популярном журнале.

Звонок. Легка на помине!

— Сьютон, это Бетти. Вы когда домой едете?

— Часа через два, наверное. А что?

— Машина барахлит. Шеф работы оставил как раз часа на полтора. Подвезете?

— Да, звоните…

Что-то многовато каких-то странных и быстрых совпадений!

Мокрый снег навстречу; мгла — и слепящие пятна от фар встречных машин. В новом, недавно купленном «Джое» тепло и уютно. Грэм не видит, но всем существом чувствует сидящую рядом Бетти. Чтобы не говорить, включил последний выпуск новостей. Опять обострение латиноаме-

риканского кризиса, снова локальная война, грозящая в любой момент перерасти в глобальную, снова девальвация, сплетни, спорт, секс…

— Сьютон, неужели вам эта болтовня не надоела?

— Вот что я заметил, Бетти. Большая часть из того, что вы обычно говорите, — вопросы. Я соскучился по повествовательным предложениям — скажите что-нибудь в этом жанре. Пожалуйста.

— С удовольствием. Мне скучно сегодня и одиноко. Вот. И мне не хотелось бы, чтобы вы оставили это обстоятельство без внимания.

— Странно, что это обстоятельство ускользает от внимания социологов. По-моему, общество стоит на грани катастрофы, если у женщины вашего класса вдруг случаются свободные вечера.

Бетти Корант спокойно выключила приемник и закурила.

— Не надо меня обижать. Почему бы вам не отнестись ко мне по-человечески?

— Я работаю здесь семнадцать лет и за это время научился даже намеки нашего общего патрона воспринимать как распоряжении. Мне кажется, ему будет неприятно, если мы с вами сойдемся, — по-человечески или как-либо иначе.

— Он говорил вам об этом?

— Бетти! Повествуйте, пожалуйста.

— Хорошо, могу даже о будущем. С угла Тридцать седьмой улицы мы свернем налево, к набережной. Вы не будете задавать мне дурацких вопросов, за что и буду вам несказанно благодарна. Иногда очень трудно быть женщиной, особенно, как вы изящно выразились, — моего класса. Вы давите на акселератор так, как будто по нему ползают блохи, и по меньшей мере дважды чуть не врезались в идущую впереди машину. Согласитесь: вы не нервничали бы так, если бы вас на рюмку коньяку пригласил к себе приятель или просто сослуживец.

— Ну, тут вы ошибаетесь. — Грэм сбросил газ. — В этом случае я бы просто обомлел от изумления, а потом быстро заподозрил бы что-то неладное.

— Кстати, Грэм, — Бетти нажала на кнопку лифта. — Вы, надеюсь, достаточно тверды в вопросах морали?

— Разумеется, нет. Этика — наука экспериментальная, и в ней, как и в химии, не стоит ничего принимать на веру, без эксперимента.

— О господи! — с картинным ужасом вос-

кликнула Бетти. — Неужели вы и вправду так думаете?

— Нет, конечно, — засмеялся Сьютон. — Никогда не говорю то, что думаю.

— Почему же?

— Так… Некому, — сразу посерьезнел Грэм.

В маленькой квартирке было уютно и чисто. Вопреки опасениям Сьютона, хозяйка не отправилась тотчас же в ванную, чтобы выйти оттуда в легко распахивающемся халате, а вместо этого быстро и ловко накрыла маленький стеклянный столик между двумя удобными креслами.

— Итак, выпьем! — Бетти разлила по рюмкам коньяк. — Вы очень одиноки, Грэм?

«Что-то уж больно в лоб!» — подумалось Сьютону.

— Да ведь люди все, в сущности, одиноки. Правда, каждый по-своему чувствует одиночество. Многие умудряются не чувствовать его вовсе.

— Не знаю, как многие, а я так чувствую очень остро. И сегодня почему-то особенно, хотя вы мне и нравитесь.

— Я тронут, Бетти, но…

— Но не торопитесь. Из этого пока ничего не

следует. Мне чего-то недостает…

— У нас в химии это называется энергией активации: чтобы спуститься в долину, сначала нужно подняться на перевал. Кстати, откуда вы знаете, что я не женат или что-либо в этом роде?

— Женщины чувствуют это кожей.

«Ну да, особенно если это им наперед известно», — подумал Грэм, и тут же в нем что-то дрогнуло и напряглось внутри — верный сигнал тревоги. Ему стало и вовсе не по себе под ее прямым и чуть насмешливым взглядом — она явно знала существенно больше того, что ей приходится перепечатывать; только сейчас Сьютон вдруг вспомнил, что эта посредственная, в сущности, машинистка никогда не делала опечаток даже в самых головоломных для непосвященного химических названиях. Внезапно стал понятным и скрытый смысл предостережения шефа — кто-то, видимо, заинтересовался содержанием их работ, не входящих в официальные секретные отчеты и потому действительно секретных.

Сьютон с беспечным видом потянулся к бутылке; Бетти нажала клавишу магнитофона.

Остаток вечера они проболтали о всякой чепухе и время от времени танцевали под вкрадчивую приглушенную музыку, под которую хотелось

ходить кошачьими шагами.

Красный телефонный аппарат не звонил никогда, и Сьютон, как и все, был уверен, что это просто банальное подслушивающее устройство, хотя официально оно называлось «прямой связью с шефом». Элли, зажав рот одной рукой, другой молча показывала на красный телефон. Великий немой звонил.

Грэм снял трубку; не дожидаясь ответа, шеф медленно процедил: «Сьютон, сегодня к концу дня постарайтесь обойтись без своего обычного допинга. От вас не должно пахнуть. Прибывает высокая комиссия для расследования нашей научной деятельности, и я хочу, чтобы вы мне ассистировали. Итак, до трех».

Трубка заглохла без обычных коротких гудков. Ну конечно! Ответа ему опять не нужно. Но откуда, черт возьми, он все знает? Непохоже, чтобы такой человек пользовался услугами доносчиков.

— Элли! Мешалку — вот эту — и термостат выключите в три тридцать. Сегодня я, кажется, буду пить в обществе шефа. Да, и хроматограмму не забудьте проявить.

Комиссия — толстый, смахивающий на улыбающуюся лошадь генерал с несколькими рядами орденских планок («Интересно, за какие это подвиги в мирное-то время?»), несколько предупредительных офицеров свиты и вялый субъект с застывшим выражением зубной боли на лице, лишь бровями задававший вопросы и принимавший ответы апатичным кивком. И еще давний знакомый — куратор из секретной службы: усталая физиономия старой, натявкавшейся на своем веку дворняжки.

Шеф — отчужденный и высокомерный — долго водил гостей по лабораториям, говорил мало и настолько по-ученому, что комиссия просто не могла не чувствовать себя оплеванной из-за своей полной и бесповоротной некомпетентности. Даже ухмылявшийся про себя Сьютон — и тот не раз становился в тупик перед непролазным нагромождением названий и терминов. Это, впрочем, не мешало генералу изредка похохатывать, а мозгляку — вяло кивать. Четко просматривалась только одна мысль шефа: да, кое-какое оборудование у нас есть, но вероятность получить нужные вам результаты будет тем выше, чем больше

будет всех этих самописцев, анализаторов, магнитов, мигающих лампочек и прочего. Он слово в слово повторил фразу, которую Грэм слышал от него и раньше:

— Для того чтобы наука могла что-то давать, она прежде всего должна существовать.

Наконец генерал явно устал. Шеф косым насмешливым взглядом уловил этот момент и повел всех в свой кабинет. Кофе и коньяк в таких случаях — дело обычное, однако на сей раз гостей ждало нечто неожиданное. Бетти Корант была так ослепительно хороша, что из мгновенно притихшей толпы военных вырвался лишь чей-то ошарашенный выдох: «О господи!»

Бетти — это вышло как-то самой собой — оказалась в самой середине стола; беседа получилась не просто оживленной, но и чуть-чуть шумной. Пили за воинские доблести, «за очаровательных женщин в лице…» и даже за науку. Генерал, все время пытавшийся навязать шефу какой-то особый, доверительный и слегка панибратский тон, решил наконец, что настал подходящий момент.

— Кстати, док. — Он, смеясь, вылил свой коньяк в чашку с недопитым кофе и одним махом выплеснул все это в пространство между своими огромными челюстями. — Мы сегодня услыша-

ли, конечно, много очень полезного — и про жидкостную хроматографию, и про всякие там ядерные резонансы. Правда, ядерными делами занимается не наш отдел — ну да ладно, все равно хорошо. Но простите уж старого солдафона, а все-таки: за что, между нами, девочками (генерал коротко гоготнул), мы платим вам деньги? Ведь в обшем-то нам нужно новое оружие, а не ученые теории и отдаленные перспективы. Всеобщий прогресс науки и человечества — тоже не наша забота. Поймите меня правильно: все хорошо и мы представим в свои инстанции вполне благожелательный отчет. Но все-таки: совсем попросту, без протоколов и фонограмм, — он игриво огляделся по сторонам, — что именно вы делаете?

Эта тирада вызвала всеобщее оживление — все-таки свой парень этот генерал! Шеф без тени улыбки посмотрел в глаза Сьютона, и тот мгновенно понял, для чего он сегодня понадобился.

— Честно говоря, я предвидел этот вопрос. Я, видимо, окончательно утратил способность доходчиво что-либо рассказывать. Студенты часто жалуются на мои лекции — говорят, непонятно. Коллега, я надеюсь на ваше красноречие, — кивок в сторону Грэма.

Грэм Сьютон покосился на напряженное лицо Бетти («Тьфу, черт, чем не видеомагнитофон?») и улыбкой извинился перед остальными за то, что его вынуждают опять говорить о науке в присутствии очаровательной женщины.

— Давно в общем-то известно, что растения взаимодействуют друг с другом, с бактериями, грибами, насекомыми и животными при помощи химических веществ. Частый случай — когда растение пытается подавить, этой просто уничтожить нежелательного пришельца или конкурента. Тополь, например, или акация располагают химическим оружием против овса и многих трав. Мелкие красные хризантемы уничтожают большое число микробов, а о фитонцидах лука, чеснока или хрена знают, кажется, все. У черемухи и картофеля общий враг — грибок фитофтора, однако только черемуха имеет химические средства защиты от этого грибка. Фитонциды цитрусов — грозное оружие против дизентерийной палочки, хотя предназначались они для защиты от бактерий, поражающих листья лимонов и апельсинов. Приманить друзей, убить или отпугнуть врагов — вот и вся примитивная логика химической самозащиты растений.

Куда сложнее химический язык насекомых,

особенно — общественных. Феромоны насекомых навязывают сообществу родичей не только отдельные эмоции — страх, тревогу, чувство покоя или половое возбуждение. Здесь диктуется целая схема поведения, если хотите — незыблемый социальный статус особи. Действия семьи пчел или муравьев, распределение обязанностей в сообществе полностью запрограммированы набором соответствующих феромонов. Феромоны царствующей самки термитов превращают всех остальных самок семьи в безропотных роботов, начисто подавляя их половую активность. Стоит убрать матку, как между оставшимися самками начинается настоящая химическая война, пока одна из них не подавит остальных.

В целом также обстоит дело и у других общественных насекомых. Феромоны «рабочих», «солдат» и прочих угнетенных слоев сообщества служат лишь для обмена самой простой и необходимой информацией. В момент укуса противника пчела выделяет феромон тревоги, муравьи метят феромонами рабочие тропы, определенный набор феромонов служит своего рода паспортом, удостоверяющим принадлежность особи данной колонии сородичей.

У животных все еще значительно сложнее,

и, например, дли собаки каждая другая собака, каждый человек имеет свой собственный запах. Хорошая собака-ищейка различает до полутора миллионов человеческих запахов! Сейчас уже мало кто сомневается в существовании феромонов высших животных — и человека в том числе. Несомненно, что всякого рода телепатия и прочие биополя — чистейшая ахинея, однако мы еще совершенно не представляем себе, какой информацией обмениваются животные на языке запахов. Очевидно, что мы с вами тоже способны выделять феромоны тревоги. Собаки знают это совершенно точно: как бы вы себя ни вели по отношению к незнакомому псу, он всегда знает по запаху, боитесь вы его или нет. Для того чтобы не быть укушенным, нужно на самом деле не бояться, а не делать вид, что вы не боитесь. Человек, обладающий обонянием собаки, знал бы об окружающих его людях куда больше обыкновенного человека! — Сьютон заторопился, боясь наскучить собравшимся. — Итак, феромоны человека. Возможно, уже в недалеком будущем, используя нашу методику, можно будет безошибочно угадывать состояние подопечного, а то и навязывать ему свою волю, воздействуя химически на его феромон-рецепторы.

Похоже, что монолог Сьютона на всех, кроме шефа, произвел определенное впечатление. Первым после долгой паузы заговорил генерал:

— Стало быть, вы рассчитываете найти вещества, ничтожные количества которых смогут превратить воинственных солдат противника в смиренных, трудолюбивых пчел?

Грэм молча наклонил голову. О главном он, разумеется, не обмолвился ни словом.

— У нас с вами есть неплохой шанс разобраться с точки зрения химии во всех этих Фархадах, Ромео, Меджнунах: какого черта, действительно, они так необратимо застопорились на своих избранницах?

С этой фразы шефа началось когда-то их главное дело.

— Ваша новая работа, — продолжал шеф, — будет секретна вдвойне: во-первых, в обычном смысле, как это понимают наши заказчики; во-вторых, она будет секретна и от них самих. Вы займетесь половыми феромонами гомо сапиенс. Мы будем называть их ФГС, — шеф пожевал губами, делая паузу. — Глуповатая, конечно, аббревиатура, но надо же как-то наукообразно

обозначить приворотное зелье. Не пугайтесь, пожалуйста, — я в своем уме, мы говорим о совершенно реальных вещах. Физиологическая активность ФГС должна проявляться прежде всего в лимбической системе головного мозга, ответственной за первичную обработку сенсорной информации. Именно в этой зоне, кольцом огибающей промежуточный мозг и зрительный бугор, формируется аффективно-эмоциональная оценка внешних воздействий: отсюда поступают сигналы в кору больших полушарий и в гипоталамус, дирижирующий всем сложнейшим ансамблем гормональных желез. Крыса, которую обучили нажимать педаль, замыкающую электрическую цепь с вживленными в лимбическую систему электродами, становится своего рода наркоманом: она нажимает и нажимает педаль до полного изнеможения. Опыты на людях, — опять брезгливое пожевывание губами, — выполненные нашими смежниками из семнадцатого госпиталя, приводят к тому же результату. Обратите внимание: один из важнейших датчиков лимбической системы — это обонятельная луковица. Я почти уверен, что ФГС проявляет свое действие только в том редчайшем случае, когда их наборы полностью соответству-

ют друг другу — как ключ замку. Вы уж извините — в моем возрасте о любви рассуждать как-то неловко, — но и это, скорее всего, просто-напросто тяжелая наркомания, хотя и довольно своеобразная. Отсюда — полная неадекватность взаимных оценок и поведения.

Шеф взял с полки книгу и молча показал Сьютону тисненный золотом заголовок: «Лукреций. О природе вещей». Быстро нашел нужную страницу.

«Так большинство поступает людей в ослеплении страстью,

Видя достоинства там, где их вовсе у женщины нету;

Так что дурная собой и порочная часто предметом

Служит любовных утех, благоденствуя в высшем почете».

Сьютон невольно заметил, что шеф читал гекзаметры Лукреция, не заглядывая в раскрытую книгу.

— Ну, а разлука для таких влюбленных так же непереносима, как и состояние абстиненции для

наркомана, — продолжал шеф после очередной паузы.

Сьютон спросил:

— Так вы хотите помочь людям избавляться от этого недуга?

— Я давно уже не верю в возможность хоть в чем-то помочь людям, — тембр голоса шефа стал раздражающе неприятным. — Наука никого не делает счастливым, кроме самих ученых, хотя и это случается редко. Да, и выбросьте из головы, будто феромоны обязательно должны обладать различным запахом, — это уже вслед направившемуся к двери Сьютону. — Обоняние — лишь частный случай хеморецепции.

— Что с вами? — спросила Элли, когда Грэм добрался наконец до лаборатории.

— Шеф читал мне стихи.

Преданная Элли не спала всю ночь, вспоминая лунатическую улыбку явно помутившегося в рассудке Сьютона. Самому ему эта ночь обошлась в две пачки взахлеб выкуренных сигарет. Феромоны без запаха! Вам, простите, давят на психику, а вы даже не в состоянии этого заметить! Выходит, что каждому из нас природой дан ключ очень

сложного и тонкого рисунка, но мы не знаем, от чьей души (или тела, черт возьми!) этот ключ. Мелем что-то об общности интересов, о продолжении рода, семье, нравственности. Набор не тот — и ни мораль, ни внушение, ни материальные соображения не заставят вас полюбить. Но, зная устройство замка, ключ в общем-то можно подделать! Приворотное зелье в самом чистом виде, и притом сугубо индивидуальное. Против вас лично. А кстати, почему именно «против»? Может быть, «за»?

С той поры прошло несколько лет. Сьютон, поначалу возмечтавший опровергнуть экспериментально алхимические домыслы шефа, все более убеждался в том, что главная его идея верна. Грэм научился отличать феромоны от множества прочих выделений человеческой кожи: феромоны выделялись только теми ее участками, где кожа граничит со слизистыми оболочками. Губы, поцелуй — вот первая проба на соответствие ключа и замка, хотя и почти безнадежная. Из тысяч платных и добровольных доноров, прошедших через руки Сьютона и Элли, не нашлось двух, которые были бы одинаковы по составу феромонов; это вам уже не группы крови, это — почти как отпечатки пальцев. До чего же

редко встречаются Ромео и Джульетта!

Грэм с трудом подавлял в себе все возраставшую привязанность к Бетти Корант. Трудно было подобрать какое-либо определение этому чувству; во всяком случае, Сьютон не считал его любовью, поскольку никаких попыток физической близости оба они не предпринимали. Но бывая (изредка!) в ее уютной квартире, Грэм испытывал столь непривычные для него душевное равновесие и покой.

Помня предостережении шефа, он давно уже не сомневался, что Бетти подсажена к ним секретной службой, но и к этому относился с непонятным спокойствием. Ощущение исходящего от нее тепла, запах ее тела мягко кружили голову; видеть, как вспыхивает в ее глазах радость при встрече с ним, стало для Грэма необходимостью. Было все это незнакомо и волновало своей непонятностью. «Мистика! — ворчал про себя Сьютон в минуты протрезвления. — Интересно, что там у нас с феромонами?»

— А что, Бетти, — он старался выглядеть беспечным и чуть-чуть рассеянным, — странно мы себя ведем. Имея все для коктейля, ни разу не попробовали сделать что-либо сногсшибательное («Вот именно — сногсшибательное», — усмехнулся про

себя Грэм).

— Так и быть, дайте я поколдую возле вашего холодильника — это ведь тоже химия в конце концов. А вы заварите пока кофе.

В двух больших фужерах он приготовил смесь, со студенческих времен памятную ему под названием «крокодил пустыни». Разбавил ее апельсиновым соком и всыпал корицы — сквозь пряный запах коричного альдегида вряд ли пробьется какой-либо другой. В один из сосудов («фу, как в детективе!») подсыпал бесцветный порошок — оксибутират натрия. В этот фужер воткнул желтую соломинку, в другой — синюю.

Когда Бетти вернулась с кухни с кофе, Грэм уже сидел за журнальным столиком, на котором искрились два бокала с разноцветными соломинками, и разминал сигарету. Бетти села рядом; смеясь, протянула руку и взяла фужер — с желтой соломинкой.

То ли танго было уж слишком медленным, то ли выпито было много, — но через десять-пятнадцать минут Бетти беспомощно опустилась в кресло-качалку, из последних сил борясь со сном. Сьютон стал не торопясь собираться домой. Пока он докуривал очередную сигарету, пока искал шарф в передней, Бетти крепко заснула — Грэм

потряс ее за плечо, никакого ответа. Он достал из кейса пробирки с тампонами и принялся за дело.

— Грэм, что это за кошмар такой? Как же я умудрилась вчера заснуть? И вы хороши — не разбудили даже.

— Бетти, не телефонный это разговор. А будить вас просто жалко было. Как самочувствие?

— Да все нормально, и даже против обыкновения выспалась хорошо.

— Ну, тогда до вечера!

Как раз в этот момент самописец вычерчивал феромон-хроматограмму Бетти Корант. Были пройдены две трети обычного диапазона, но уже и на этом отрезке проступило нечто фатальное: три четких пика, в точности соответствующих его собственному набору! Простой расчет показывал, что такой набор встречается один раз на тридцать семь тысяч случаев. Дальше вероятность совпадения катастрофически падает. Действительно, вот пошел новый пик с массой 673, — «этого у меня нет», — отметил про себя Сьютон. Цис-транс-диеналь — феромон обычный, он есть у одного из сотни, но Грэм не из их числа. Ну, а как у нас с 712-м? Есть! Есть, черт возьми!

Вот уже много лет Сьютон искал столь сходную пару доноров — и тщетно. Само собой, полное

совпадение — событие практически невероятное, однако и разница в один феромон позволила бы поставить эксперимент века. Сьютон знал, что введенный под кожу чужой феромон быстро выводится из организма, и выводится в тех же зонах, где выделяются собственные феромоны. Один укол — и…

Бегом, через ступеньку, Грэм слетел на два этажа вниз и только у дверей кабинета шефа остановился, чтобы привести себя в порядок.

— Бетти, привет! Шеф на месте? — Сьютон прекрасно знал, что в это время шеф неизменно находится в библиотеке.

— Грэм Сьютон! Прикажете думать, что за семнадцать лет вы так и не изучили распорядок работы шефа? — Бетти смотрела на него холодно и настороженно. — Говорите сразу, зачем пришли. Стойте, на вас же лица нет! Что случилось?

— Пока ничего, — замялся Грэм. — Просто мне необходимо сегодня побывать у вас.

— И тогда, вы думаете, что-то случится? — без тени улыбки спросила Бетти, и лицо ее вмиг стало строгим и отчужденным. — Я устала сегодня от печатанья всякой ерунды, от вранья по телефону и от наглых соискателей, домогавшихся аудиенции у шефа. Нет, Сьютон, сегодня уж и подавно

ничего не случится. Завтра — заходите, куда ни шло. Только и завтра не забывайте мудрых предписаний, — Бетти кивнула в сторону строгой кожаной двери. — Сегодня вы на себя не похожи и мне не нравитесь.

— Нет, Бетти, сегодня вы просто должны со мной встретиться. — Грэм сделал ударение на слове «должны» и выдержал многозначительную паузу. — Ну так что?

Она молчала, борясь с растерянностью.

— Бетти, не пугайтесь, пожалуйста, не пугайтесь. Не враг же я вам! Буду около восьми.

Сьютон вышел, не дожидаясь ответа.

— Не знаю, Грэм, зачем вы сегодня пришли, но я все равно решила все вам рассказать, — этой странной тирадой Сьютон был встречен уже в дверях. — Я не хочу больше быть подсадной уткой в охоте на вас.

— Молчите, дура! — прошипел он в ответ и тут же заговорил преувеличенно громко. — Представляете, еле добрался до вас. Этот хваленый «Джой» рекламируют именно за его надежность, а вот у меня — и месяца не прошло — закапризничало это чертово электронное зажигание.

Машины для дурака и для интеллектуала должны быть задуманы одинаково; главное — чтобы их нельзя было поломать.

Разглагольствуя в таком духе, Сьютон разделся и, пройдя в комнату, быстро написал что-то на бумажной салфетке.

— К чертям все эти «Джои», давайте лучше танцевать. — С этими словами он показал написанное — «Простите за дуру, но стены теперь слышат не хуже нас с вами», нажал клавишу магнитофона и, пересев на низкий диванчик, взглядом приказал ей сесть рядом.

…Так Сьютон узнал то, о чем догадывался давно, не ведая лишь деталей. Бетти окончила химический факультет третьеразрядного университета, окончила без блеска — приходилось работать по вечерам. После университета долго не могла найти постоянной работы. Перебивалась случайными заработками — переводами, рефератами, массовками на киносъемках. Тут-то и разыскали ее эти люди. Разговор Сьютона с приятелем о феромонах пола, действительно, был подслушан: это дало повод лишний раз заподозрить шефа и его ближайших сотрудников в использовании получаемых ими средств не по назначению. После короткой подготовки для Бетти организовали

место секретаря-машинистки и к ее скромному, но надежному наконец заработку приплачивали ещё и за осведомительство.

— Вы знаете, Грэм, — с трудом успевая глотать слезы, шептала она ему прямо в ухо, — первое время я просто холодела под насмешливым и всеведущим взглядом шефа. Уверена, что он все знал с самого первого дня. Он, верно, и вас предупредил?

Сьютон кивнул.

— Грэм, вы еще не знаете? Сегодня вечером, после того как вы ушли домой, с вашей Элли случился какой-то припадок и ее увезла «скорая». Я навела справки — увезли в семнадцатый госпиталь.

Сьютон похолодел.

— Как вы думаете, это не связано с тем, что я вам только что рассказала?

— Конечно, связано.

— По-моему, вам пока нечего опасаться — эта ваша Элли так вам предана, что из нее и каленым железом ничего во вред вам не вытянешь.

«Железом-то, может, и не вытянешь, — усмехнулся про себя Сьютон. — Только ведь теперь каленым железом не жгут». После предварительной психообработки наркотиками пациентам

семнадцатого вводят большую дозу инсулиноподобного препарата. Содержание сахара в крови резко падает, и наступает коматозное состояние, в котором человек покорно отвечает на простые вопросы, а потом даже не в состоянии вспомнить, что с ним было. Можно не сомневаться, завтра-послезавтра они будут знать все, что знает Элли. Это конец.

Приходилось спешить. Укол 673-го в бедро, и начнется какая-то никому неведомая любовь. Как в средневековой сказке… Грэм проткнул себе кожу иглой и заледеневшими пальцами сжал тюбик шприца. Ждать оставалось минут десять — примерно за это время кровь доставит синтезированный феромон-673 на место его работы. Борясь с сердцебиением, Сьютон стал успокаивать Бетти, шепча ей какую-то чепуху — все, мол, обойдется, ничего противозаконного мы не совершали, жизнь еще впереди… Бетти притихла и, казалось, совсем уже было успокоилась, как вдруг подняла голову и взглянула Грэму прямо в глаза.

— Я больше ничего не хочу знать! Я знаю только, что умру вот тут сейчас, если ты отвернешься от меня, если ты немедленно до меня не дотронешься, если ты меня не захочешь!

Сердце Грэма сжалось, тело стало невесомым,

мозг заполнил яркий, но мягкий теплый свет. «Похоже на описания клинической смерти!» — успел он подумать, прежде чем всем своим существом почувствовал, что его эксперимент удался полностью.

Их лабораторией вплотную занялась контрразведка. Правительство сочло разработку «любовных коктейлей» делом не только излишне дорогостоящим, но и опасным. «Они хотят превратить страну в сумасшедший дом, населенный неуправляемыми Ромео и Джульеттами, а нам нужны послушные работники и надежные солдаты», — так охарактеризовал ситуацию один из кураторов. Но его предложение запретить эти исследования было сочтено наивным: запретишь в одном месте — глядь, научная гидра пустила корни в другом. Кроме того, внушала опасения возможность утечки информации за границу — кто знает, как они там ее используют.

Над шефом и Сьютоном собрались грозовые тучи, которых тс, казалось, пока не замечали: Грэм не выходил из состояния стойкой эйфории и вряд ли вообще что-либо замечал, кроме Бетти; шеф был по обыкновению непроницаем;

многие километры ленты, которые накрутили встроенные в панели его кабинета магнитофоны, неизменно оказывались почти пустыми. Пришлось инсценировать сердечный приступ Элли. Из ее беспамятных показаний, после их обсуждения с профессионалами, стало ясным главное: Сьютон с шефом совершили открытие, которое могло сделать войны невозможными.

Шеф появился в лаборатории Сьютона совершенно беззвучно. На клочке бумаги написал несколько слов, дал Грэму прочитать и тут же, щелкнув зажигалкой, сжег. Велено было прибыть сегодня вечером на такси в особняк шефа на Спринг-стрит, дом 12. Изнывая от мысли, что он придет к Бетти позже, чем рассчитывал, Сьютон отправился по этому новому для него адресу.

Против обыкновения, шеф не смотрел в сторону и губами не жевал, — может, то была просто маска, которую он считал нужным носить на работе.

— Нам предстоит серьезный разговор. Грэм, — сказал он, приглашая Сьютона расположиться в массивном кожаном кресле.

Сьютон невольно вздрогнул от неожиданности: шеф никогда раньше не называл его по имени.

— Я начну сразу с выводов; если они покажутся

вам необоснованными, вы зададите необходимые вопросы. Исчерпывающий отчет о всех ваших опытах необходимо иметь в трех экземплярах. Ваш банк феромонов надо разделить на три эквивалентные части. Один комплект будет, как и раньше, храниться в сейфах: текст — в моем, препараты — в вашем. Второй комплект будет у меня. На тот случай, если с вами что-то случится. Третий предназначен для вас, поскольку это что-то вполне может случиться и со мной… Я недоглядел за вами, а одного моего предупреждения оказалось мало. Конечно, химик имеет право испытывать действие своих препаратов на себе; не надо возражать, лучше выпейте. Ваша счастливая физиономия выдает вас с головой.

И возражать было нечему, и спрашивать не о чем.

Отъезжая на вызванном по телефону такси, Сьютон без труда заметил, как следом тотчас тронулась темная и какая-то безликая машина, стоявшая до того на противоположной стороне тихой зеленой улицы.

Для вынесения смертного приговора суду требуется множество формальностей — следствие,

реальные или мнимые улики, процесс — с обвинением и защитой, вердикт присяжных, отказ в помиловании. Контрразведка слишком перегружена работой, чтобы тратить на такой пустяк столько времени. Решение принимают три специально назначенных на такие дела чиновника. Принцип их работы прост: если происходит утечка важной информации, следует уничтожить ее источник.

Грэм Сьютон и Бетти Корант стали жертвой банальной автомобильной аварии: их машина врезалась в груженый панелевоз, внезапно возникший на проезжей части шоссе. Номерных знаков трейлера никто из свидетелей аварии, разумеется, не запомнил.

В сумерках черный лимузин шефа отъехал от дома № 12 на Спринг-стрит и на высокой скорости устремился к многополосной автостраде. Немедленно вслед за ним рванулись два других автомобили; над шоссе их уже встречал патрульный вертолет. Было совершенно ясно, что лимузин будет остановлен при первой же попытке свернуть на какую-либо из боковых дорог. Шеф, казалось, понимал это и вот уже добрую

сотню миль не покидал крайнего ряда («не ниже 70 миль в час»).

Наконец, помигав повороткой, лимузин вышел из ряда и преспокойно остановился у придорожного кафе. Нс успел водитель сделать и двух шагов, как был взят под руки.

— Документы! Где хозяин машины?

Водитель даже не пытался вырваться.

— Да, это я, и я действительно сидел за угон машины, но я это бросил, бросил! Работы нет, а тут хозяин предложил честный заработок — перегнать сюда свою машину, и вы скоро в этом убедитесь сами, он обещал быть здесь через час…

— Лейтенант, срочно передайте: наряд к дому! Срочно, черт вас дери! Мы, конечно подождем, но, думаю, зря.

Особняк шефа оказался пуст. Прибывшие сразу же обнаружили по следам колес, что вслед за дорогим лимузином из того же гаража выехал старенький «вольво», который у автострады свернул в обратную от погони сторону. Саму машину быстро обнаружили на стоянке около аэропорта; среди пассажиров, находившихся в здании аэровокзала, шефа не было. В небе гудел только что взлетевший самолет шведской авиакомпании.

На следующий день газеты сообщили о загадочной катастрофе «Боинга» фирмы SAS; причиной аварии было столкновение в воздухе с другим — неопознанным самолетом. «Когда речь идет об интересах государства, сотня-другая человеческих жизней не играют существенной роли», — прокомментировал это событие генерал с лошадиным лицом. Впрочем, это заявление в газеты не попало.

А вот что еще не попало пока ни в газеты, ни в рапорты контрразведки: журнал «Acta Chemica Scandinavica» принял к публикации статью «Феромоны человека». Статья готовится к печати вне очереди.

От редакции. **Рассказ, который вы сейчас прочитали, принадлежит известному в нашем отечестве химику, давнему другу «Химии и жизни» Олегу Юрьевичу Охлобыстину — это его единственное вторжение в область художественной литературы. Произошло оно, скорее всего, из-за обуревавшей его жажды освободить науку от власти милитаризма, от необходимости работать не на жизнь, а на смерть, из-за невозможности адекватно выразить эту жажду в привычных дли него формах научных, научно-популярных, научно-публицистических книг и статей. Первый блин не получился комом, и вполне вероятно, что вслед**

за рассказом «ФГС» появились бы и другие. Но, к великому сожалению, теперь этого уже не произойдет: полгода назад Олег Юрьевич скончался.

Составленная незадолго перед тем служебная «Справка о научной, педагогической и общественной деятельности профессора О. Ю. Охлобыстина» начинается так: «Родился в 1932 г. в Москве; русский. Окончил химический факультет Московского университета (в 1954 г.). Кандидатская диссертация («Синтез элементоорганических соединений с помощью алюминий-алкилов») защищена в МГУ в 1961 г., докторская («Роль специфической сольватации и комплексообразования в металлоорганических реакциях») — в 1971 г в Ростовском университете. Список научных трудов — 436 наименований, в том числе 44 авторских свидетельства и 15 книг. С 1954 по 1971 г.г. — сотрудник ИН ЭОС АН СССР. В 1971 г. переведен в НИИФОХ РГУ (зам. директора по науке). С 1981 по 1992 г.г. — зав. кафедрой органической и физической химии Северо-Осетинского госуниверситета, с сентября 1992 г. и по настоящее время — зав. кафедрой органической, биологической и физической химии Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства…»

А в предисловии к вышедшей в 1989 году в издательстве «Наука» последней книжке Олега Юрьевича «Жизнь и смерть химических идей» о ее авторе сказано было самое, как нам кажется, главное: «…является одним из наиболее оригинально мыслящих химиков нашей страны и «неравнодушный человек, активный борец против конформизма во всех его проявлениях». Посмертно публикуемый его рассказ еще раз это подтверждает.

№ 9

Э. Вейцман

В пивной

— Вы полагаете, что великая теорема Ферма была впервые доказана в 1993 году этим… ну как бишь его… то ли англичанином, то ли американцем? Да ничего подобного. Она уже несколько тысяч лет как доказана баобабом по имени… Господи боже мой… Склероз проклятый.

— Простите! — Психотерапевт Игорь Эммануилович Ямпольский посмотрел на собеседника,

седенького старикашку, такого сухонького, что ему, казалось, ничего не стоило спрятаться за кружку с пивом, стоявшую перед ним на столе. — Простите! Баобаб… Это кто?

Старикашка захихикал:

— Хе-хе-хе… Баобаб — это кто?.. Хе-хе-хе… Да вы большой шутник. Во-первых, баобаб — это что. Во-вторых, баобаб есть баобаб, дерево, то самое, которое в Африке растет, в саванне, и в обхват имеет иногда по двадцать пять метров. У этих баобабов африканских очень большие склонности к математике, так же, как у плакучих ив — к лирической поэзии.

— А у дуба к чему склонность? — усмехнувшись, спросил Ямпольский.

— У дуба?

Старикашка отхлебнул из кружки и слегка пожал плечами.

— Дуб он и есть дуб. Тугодумы они, дубы эти. И особой склонности ни к чему не имеют. Разве что к администрированию. Дубы частоты распределяют. И могут передачи глушить на той или иной биочастоте. Если сочтут необходимым. У дубов биоэнергетика ой-ёй-ёй какая!

— Простите, с кем честь имею?

— Востроногов. Иван Ильич.

— А по профессии?

— В настоящее время экстрасенс-ботаник.

— А почему не зоолог?

— Потому что мой организм способен принимать биоизлучение исключительно от представителей растительного царства.

— Так-так. Разрешите еще вопрос?

— Сделайте одолжение.

— А какие деревья имеют склонность к химии?

— Никакие. Химия — наука преимущественно экспериментальная, а какой эксперимент может поставить, скажем, яблоня? Разве что плод свой уронить на чью-то голову. Один такой эксперимент, кстати, был поставлен… Впрочем, таблица Менделеева им известна — они ее открыли теоретически.

— Яблони?

— Нет, секвойи. Но на этом химические успехи растений и закончились. Вот математика, теоретическая физика, поэзия, философия — это их стихия. Там, где надо размышлять. Не так давно два каштана сформулировали генную теорию живого организма. Решили оповестить весь растительный мир о своем открытии, но сородичи-каштаны не признали существования

гена, дубам пожаловались, и те стали глушить передачи каштановых генетиков. Получилось что-то вроде сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

— По-о-нятно…

Кружка у Ямпольского была уже пуста, хотелось заказать еще одну, но еще более тянуло задавать новые вопросы.

— Иван Ильич! А ученые степени и звания у растений тоже присуждаются?

— А как же. И академики у них есть, и членкоры. И иностранные члены. Иностранцами они считают представителей животного царства. Как вы понимаете, этого… А! Вайлса!.. Ну который теорему Ферма доказал… в свою академию они не выберут. Приоритет тут за баобабом. А вот Крик и Уотсон у них давно уже в иностранных членах. И человека, впервые доказавшего влияние растительного биоизлучения на возникновение паранойи у людей, вчера вечером единогласно академиком выбрали.

— Кого?! — изумился Ямпольский.

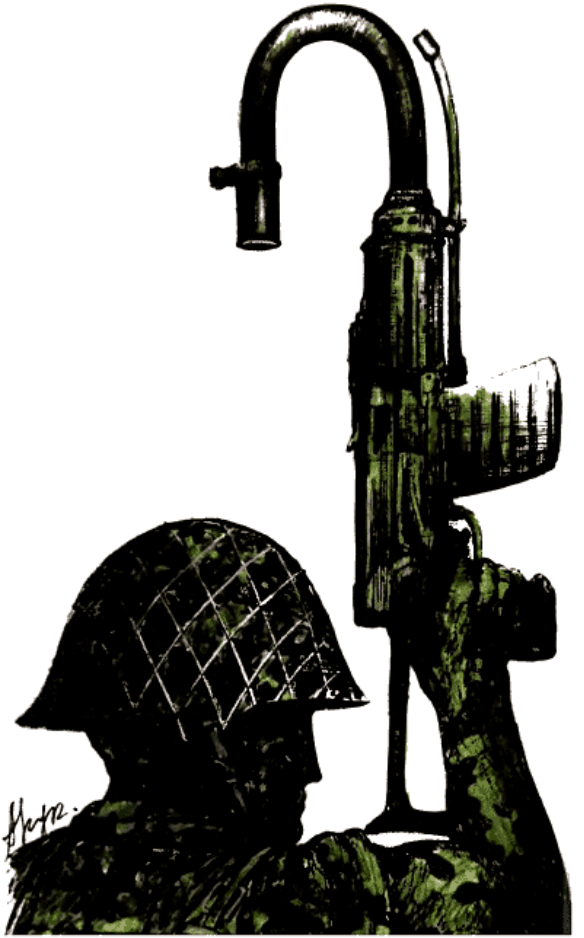
— Да-да, Игорь Эммануилович. Отныне вы почетный академик. От имени и по поручению баобаба Авраама, нашего президента, довожу это официально до вашего сведения. Поздравляю! Вот так-то, люди не признали, а растения

оценили. Никто, видно, не пророк в своем биологическом отечестве. Так что давайте закажем еще по кружке и отметим это событие. Кстати, у меня с собою хорошая таранка…

№ 10

Юрии Охлопков

Два рассказа



Возвращение злодея

Беспомощный остаток того, что некогда называлось человеком, лежал на залитом солнцем склоне пологого холма, поросшего невысокими деревьями. Вокруг простиралась саванна, без малейших признаков человеческого присутствия. До самого горизонта она была одинаковой, покрытой жесткой травой с рыжими проплешинами и кое-где торчавшими из нее поодиночке и группами деревьями. Выше горизонта начиналось небо — снизу бледное, кверху постепенно наливавшееся голубизной. В небе неподвижно застыли облака — белые вверху, чуть фиолетовые снизу, и видеть это было непривычным для лежавшего. Когда он был еще человеком, а не его остатком, то никогда не вглядывался вверх — разве что для того, чтобы проверить, не приближаются ли вертолеты СГС — Службы гражданского спокойствия.

Неподалеку паслись два существа, похожие на укороченных и утяжеленных жирафов с тапирьими головами. Одно из них — высотой метров шесть, другое — вдвое меньше. Видимо, самка с детенышем. Большое животное ощипывало

ветви деревьев, маленькое довольствовалось кустарником.

Лежавший попытался вспомнить, как называются существа, — не потому, что это было нужно, а просто больше нечем было заняться. Палеотрагус? Не то… Барозавр? Еще дальше, это даже и не ящеры. Гирахиус… ага, уже ближе! Стоп… Балухитерий, он же парацератерий — или индрикотерий, близкий к нему? Ну, не важно, словом, гигантский безрогий носорог, крупнейшее из когда-либо живших наземных млекопитающих. Значит, он в олигоцене, тридцать миллионов лет назад, где-то в Средней Азии либо на территории Пакистана. Гиблое дело…

Потом на лежавшего упала тень: прямо над ним прошагало что-то огромное и косматое, и, только когда оно удалилось на несколько десятков метров, он смог рассмотреть его целиком. Несомненно, один из древних хищных — креодонт, но какой! Больше амурского тигра, больше белого медведя — одна голова не меньше метра! А вес не меньше тонны!

Зверь затрусил по направлению к индрикотериям, но как-то медленно, неуверенно. Лежавший попытался понять, что творится в маленькой мозговой коробке хищника, но не смог — видимо,

в ходе пережитого лишился телепатического дара. Ну да ладно — снявши голову, по волосам не плачут.

Детеныш гигантского носорога испугался, издал жалобный блеющий звук и прижался к боку матери, а та уверенно ступила вперед — видимо, с целью отогнать хищника. Тот был достаточно велик, чтобы представлять угрозу и для нее, но сам в этом, кажется, уверен не был: он ощетинился, негромко, но басовито зарычал, однако длинный тонкий хвост трусливо поджал. Или у креодонтов поджатие хвоста не есть признак трусости?

Тут над саванной полыхнула ослепительная зарница, и раздался громоподобный раскат — и это при ясном-то небе!

Креодонт затрусил назад — хвост его уже не был поджат, а ритмично хлестал по бокам. Встревоженно оглядываясь, поспешили прочь и индрикотерии.

Огромная нога зверя нависла над лежавшим…

Дитер Смит оказался посреди пустынной саванны. Кругом не было ни души, если не считать трех удалявшихся к горизонту животных.

Дитер сунул МВ в карман и направился к поло-

гому холму. Он решил посидеть на нем, немного отдышаться после довольно утомительного путешествия: прежде чем добраться сюда, он побывал в нижнем триасе и верхнем докембрии. Но вдруг в глаза ему бросился наполовину втоптанный в землю предмет, тускло поблескивающий на солнце. Смит присел на корточки и, расшатав предмет, вытащил его на свет божий. Это был черный череп, изготовленный, по всей видимости, из искусственного материала.

— Помоги мне, — сказал череп глухим вибрирующим голосом, и глазницы, только что бывшие темными, внезапно засветились.

От неожиданности Дитер едва не выронил свою находку.

— Кто ты? — выдавил он из себя.

— Я, как и ты, путешественник во времени. После неудачного эксперимента я был разорван на части, которые разбросало во времени и пространстве. Так ты мне поможешь?

Дитер кивнул, но тут же остаток человека прочел в глазах своего потенциального спасителя ужас, смешанный с презрением. И понял почему. Тот разглядел на черном лбу две маленькие буквы, тисненные золотом, — «Т» и «К». Дитер отбросил череп в сторону и брезгливо отряхнул

руки.

— Я узнал тебя! — закричал он. — Ты Теодор Киллер — страшнейший преступник всех времен и народов! Ты сделал МВ для того, чтобы нести людям горе и смерть! Судьба наказала тебя, и я не буду мешать ей — нет, я отдам тебя в руки правосудия!

— Делай со мной, что хочешь, но сперва выслушай меня, — сказал череп.

Дитер подумал и произнес:

— Ну ладно, говори. Но как только ты смолкнешь, я отдам тебя охранникам.

— Так вот, путешественник: я действительно Теодор Киллер, и я действительно разорван на части. Впрочем, это ты и так знаешь… Но эксперимент тут ни при чем. Меня поймали. Это было в двадцать втором веке. Или, точнее, будет. Но для меня это в прошлом — время, как ты знаешь, относительно…

— Так не тяни его! — перебил Дитер.

Собеседник пропустил реплику мимо ушей — тем более, что ушей у него теперь не было.

— Я решил уйти от эсгесэшников, — но, видимо, что-то не рассчитал. И в результате моя голова, да и то не вся, тут, а туловище не знаю где. Я выжил только потому, что еще раньше киборгизировал

себя, заместил костную ткань металлопластом, а череп снабдил системой жизнеобеспечения мозга, рецепторами и переговорным устройством. Так что он автономен. Но запас энергии ограничен, его хватит только на двадцать четыре часа. Я тут уже часов шесть, так что через восемнадцать часов мне конец.

— Ничего, — успокоил его Дитер. — За это время я успею сообщить куда надо.

— Ты не станешь этого делать, — услышал он. — Ты нажмешь на переключатель у основания моего черепа — устройство должно было сработать автоматически, но не сработало. Ты нажмешь его.

— И что тогда?

— Тогда с помощью энергии, телепортируемой с ближайшей в пространстве-времени энергостанции — моей энергостанции, я сам их везде расставил, — так вот, за счет этой энергии сработает программа телепостроения, и я вновь стану человеком.

— Ты никогда не был человеком! — отрезал Дитер. И после недолгой паузы спросил:

— А почему ты уверен, что я нажму на переключатель?

Ага, он уже торгуется! — обрадовался Теодор

Киллер, но вслух произнес:

— Потому что заодно при этом сюда будут автоматически доставлены сокровища Эльдекской культуры — те самые, что тщетно искала тау-китянская экспедиция в две тысячи пятьсот пятидесятом. Они были нужны мне для одного опыта, но, так и быть, я отдам их тебе. Только поторопись: через восемнадцать часов мою жизнь не вернешь и сокровища пропадут. И еще — прежде чем нажимать на переключатель, отнеси свою МВ хотя бы на двадцать шагов: взаимодействие с хронодинамическими полями моего черепа может привести к гибельному резонансу и ты никогда не сможешь выбраться отсюда.

— Быть может, — сказал Дитер, — сокровища и дороги, но они не стоят жизней тех людей, у которых ты их отнимешь, оказавшись на свободе. Нет-нет, не зарекайся — я знаю, что ты великий лжец!

Он сунул руку в карман и исчез.

Прошло шесть часов. Солнце закатилось, и небо над горизонтом окрасилось во все цвета радуги. До этой поры Теодор Киллер еще надеялся, что Дитер, соблазнясь обещанными сокровищами,

вернется и нажмет переключатель — это было бы оптимальным вариантом. Но его покой никто не потревожил, если не считать мелких грызунов, сновавших вокруг, да столь же мелких птах. Даже индрикотерии и креодонт не появлялись.

Теперь оставалось надеяться лишь на появление хотя бы охранников. Все же законы в будущем гуманные, и это лучше, чем смерть. Но почему они не появились до сих пор? Неужели проклятый путешественник передумал и решил оставить его здесь на произвол судьбы? А еще говорят, что они там, в будущем, — честные люди! Нет, мол, социальной базы для нечестности, все равны, сыты и счастливы. Как же! Киллер на собственном опыте прекрасно знал, что преступление может и не основываться на материальной подоплеке, — просто характер такой, и все тут.

...Прошло еще шесть часов. На черном небе вовсю сияла бледно-желтая Луна — она достигла наивысшей точки. Назойливо стрекотали какие-то ночные насекомые. Люди не появлялись, и Теодор Киллер совсем упал духом.

Еще через десять часов, во второй половине следующего дня, саванну озарила вспышка и вновь появился Дитер Смит. Один, без охранников — да и не нужны были они, поскольку арестовывать

было уже некого. Ну разве что самого Дитера. Разумеется, он никуда ничего не сообщал, просто выждал для верности двадцать два часа — вместо тех восемнадцати, о которых говорил Киллер.

Дитер осторожно положил на землю МВ и, воровато озираясь, подошел к холму. Череп лежал там же, куда он его бросил вчера, — только глазницы уже не светились, как тогда, а были совершенно безжизненны. Для верности Дитер постучал по черепу пальцем, встряхнул его. Никакой реакции.

Собравшись с духом, Дитер надавил клавишу переключателя — нащупать ее оказалось нетрудно. И тотчас был отброшен ударной волной. А подняв голову, увидел, что черный череп вознесся над землей на высоту человеческого роста. Поднялся ветер ураганной силы. Он дул в сторону черепа, не давая Дитеру встать, — о том, чтобы добраться до оставленной у подножия холма МВ, не могло быть и речи. С земли поднялся столб пыли и, смерчевидно завихряясь, ударил в череп, который из черного стал огненным. Дитер догадывался, что сейчас молекулы воздуха и почвы распадаются на атомы, а те — на нуклоны и электроны, чтобы вновь объединиться в атомы — уже другие, в строго определенной пропорции,

те же, в свою очередь, объединялись в молекулы белков, жиров, нуклеиновых кислот и углеводов, в живую ткань, а еще в полимерную пленку одежды и кристаллическую решетку металлов. Интеграция продолжалась: из биополимеров строились органоиды, из органоидов — клетки, ткани, органы… Организм!

И вот ветер стих, и перед Дитером предстал облаченный в черное Федор Трифонович Килев, он же Тодор Киле, он же Теодор Киллер, — с гвардейским десинтером в руках. Палец черной перчатки нажал на спуск. Дитер Смит превратился в сгусток раскаленной плазмы.

Теодор Киллер облегченно вздохнул, быстрыми шагами направился к тому месту, где Дитер оставил МВ, и подобрал ее. Он обманул покойного, заверив, что энергии хватит на восемнадцать, а не на двадцать восемь часов.

Куда бы теперь? — подумал он. Разумнее всего было бы, конечно, отсидеться где-то и когда-то, в безлюдных местах и эпохах, на случай, если Дитер все же настучал куда-нибудь, но… Но в двадцатом веке наклевывалось хорошенькое дельце, и Теодор Киллер не устоял перед соблазном — он не вспомнил даже, что МВ Дитера, видимо, барахлит, раз дает при перемещении такие вспышки, и

надо бы ее отрегулировать — иначе можно ошибиться либо с временем, либо с пространством.

Он набрал на машинке нужный код и исчез, чтобы появиться в двадцатом веке — но не там, где хотел, а на полигоне близ Семипалатинска, когда там как раз собирались испытывать очередной боеприпас.

Теодор Киллер возник возле боеприпаса за считанные миллисекунды до взрыва. И превратился в сгусток раскаленной плазмы — он даже не успел ничего почувствовать.

Сквозь паутину прицела

Они шли вдвоем. Было тихо, только в поздневечерней темно-зеленой листве стрекотали кузнечики. Хвоя ели, одиноко росшей среди молодых лип, в желтом свете уличного фонаря казалась не то чтобы нереальной, но неестественной, будто из полихлорвинила. А тени от того же фонаря выглядели не то бездонными провалами, не то темными лужами на асфальте. Было зябко и сыро — слишком зябко и сыро для начала июля.

Но, несмотря на все это, им было хорошо. Они шли, держась за руки.

И вдруг все как-то неуловимо переменилось. Опасности еще не было, но что-то такое возникло, вызвав тревожное предчувствие. Будто толчок воздуха от пикирующего коршуна.

Потом тени высоких кустов впереди раскололись, и оттуда вышли шестеро. Темные лица, мутные глаза, руки в карманах. И — запах перегара, диким диссонансом ворвавшийся в свежий вечерний воздух.

— А ну, посторонись! — прохрипел один из этих шестерых.

— Бабу… отдай, а сам… гуляй отсюда… А ее… по-честному на всех… — так прозвучала речь другого, если выбросить из нее кой-какие слова.

И словно по команде, все шестеро вынули из карманов ножи.

Она вскрикнула и крепче сжала его руку. Криво усмехаясь, шестерка вразвалочку, с гнетущей уверенностью неторопливо приближалась…

И тут полутьму рассекли три ослепительные вспышки. Три живых и корчащихся факела разом вспыхнули и погасли, рассыпавшись столбиками пепла. Четвертый нападавший согнулся пополам, и в груди у него образовалось отверстие разме-

ром с арбуз. Пятого разорвало в мелкие клочья. Шестой бросился бежать, казалось, он вот-вот растворится в темноте, но нет, под ногами у него вырос огненный фонтан, и через мгновенье на месте плотной фигуры оседало полупрозрачное облачко пепла.

Он поймал на себе ее испуганный взгляд. В огромных глазах застыл безмолвный вопрос — правда ли весь этот кошмар?

Не глядя на нее, он принялся сбивчиво рассказывать, как раньше был слабым и всего боялся, как его били, а он не мог дать сдачи, как жгуче ненавидел обидчиков и мечтал о расправе. И как однажды во сне к нему явился странный человек с необычайно гладкой, даже какой-то твердой на вид кожей и немигающими стеклянными глазами.

«Хочешь ли ты обладать силой?» — спросил человек. И он сразу понял, о чем идет речь, — так часто бывает во сне. «Да, да!» — беззвучно закричал он. «Но это будет навечно!» — «Пусть!»

Потом он проснулся и почувствовал — что-то не так, не так, как было прежде.

— Я почувствовал, — сказал он. — Тогда это появилось у меня впервые, и это продолжается до сих пор. Понимаешь, я вижу весь мир сквозь

паутинистое кружево прицела. Все — и землю, и небо, и вот эти деревья. И даже тебя. И еще по полю зрения плавает маленькая красная точка. Стоит ей попасть в центр, в перекрестье нитей, — и происходит вспышка. Вот почему я избегаю долго смотреть на тех, кого люблю… — Хочешь, я покорю для тебя весь мир? — внезапно спросил он.

— Нет, нет, не надо, ни в коем случае, — тихо произнесла она. И подумала, что постарается никогда больше не встречаться с ним.

Он понял это — уловил выражение лица или, быть может, сами мысли.

И в свою очередь подумал о том, что, может быть, надо остановить взгляд на себе. И если плавающая точка поплывет к перекрестью нитей, он не будет ее отгонять. Может быть…

ОБ АВТОРЕ ЭТИХ РАССКАЗОВ. Юрию Охлопкову 19 лет. Мало кого в этом возрасте занимают проблемы, которые он пытается решить в только что прочитанных вами рассказах. Обычно к размышлениям о причинах мирового зла и возможных способах борьбы с ним люди приходят не в начате жизни, а в ее конце. Но автор этих сочинений вообще человек не совсем обычный. За свои девятнадцать лет он

успел: с золотой медалью окончить десятилетку; на «отлично» окончить заочную многопредметную школу при Московском государственном университете; занять 12 призовых мест на биологических олимпиадах (в том числе — диплом первой степени Всесоюзной олимпиады 1991 года, последней из всесоюзных); поступить в МГУ на биофак; опубликовать 70 своих литературных произведений в разных газетах и журналах (в том числе в таких престижных, как «Пионерская правда», «Пионер», «Юный техник», «Техника — молодежи», «Вокруг света», «Крокодил»); занять второе место на конкурсе «Суперфантаст-92» журнала «Вокруг света»; трижды сделаться призером чтений памяти А. Л.Чижевского, проводившихся в Калужской области.

Три года, с 1990 по 1992, Юрий Охлопков был стипендиатом Калужского детского фонда.

«Возвращение элодея» и «Сквозь паутину прицела» — вторая его публикация в нашем журнале, первая была в августовском номере этого года.

РЕДАКЦИЯ